ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архіепископа Константинопольскаго,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.
Св. Іоаннъ Златоустъ.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ

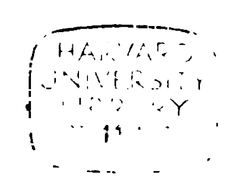
ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи.
1902.

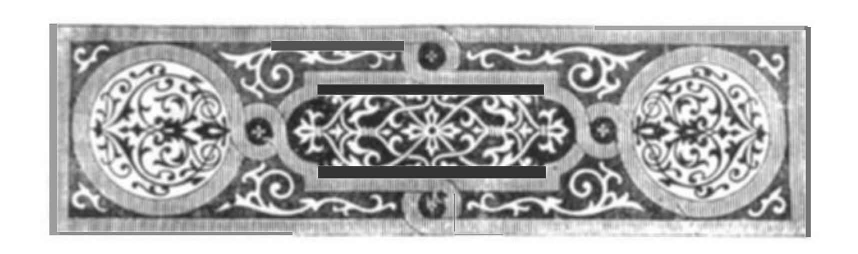
Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 4 октября 1901 года.

Сергій, Епископъ Ямбургскій, ректоръ Академіи.



Reprinted by
JUH

Типографія А. П. Лопухина. Телѣжная ул. д. № 5.



СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО.

БЕСѢДЫ

НА ЕВАНГЕЛІЕ СВЯТАГО АПОСТОЛА

ІОАННА БОГОСЛОВА.

БЕСѢДА I.

ЗРИТЕЛИ подвиговъ тѣлесной борьбы, какъ скоро узнаютъ, что 24
пришелъ откуда-нибудь мужественный и уже увѣнчанный
борецъ, всѣ стекаются, чтобы видѣть его ратоборство, искусство,
силу. Тогда видишь, какъ на зрѣлищѣ, наполненномъ безчи-
сленнымъ множествомъ народа, всѣ направляютъ чувственные 25
и мысленные взоры, чтобы ничего тутъ не оставить безъ внима-
нія. Если потомъ прибудетъ какой-нибудь замѣчательный музыкантъ, то опять тѣ же самые люди наполняютъ зрѣлище, и, оставивъ все, что было у нихъ въ рукахъ, иногда даже нужное какое-нибудь и настоятельное дѣло, сидятъ на возвышеніи, и съ большимъ вниманіемъ слушаютъ пѣніе и музыку, испытывая ихъ благозвучіе. Такъ обыкновенно дѣлаетъ простой народъ. А свѣдущіе въ словесныхъ наукахъ тоже самое дѣлаютъ въ отношеніи къ софистамъ. И у тѣхъ есть свои зрѣлища и слушатели, рукоплесканія и приговоры, и строгія испытанія рѣчей. Если же зрители борцевъ, зрители и вмѣстѣ слушатели риторовъ и музыкантовъ сидятъ

на зрѣлищѣ съ такимъ вниманіемъ, то сколько усердія и вниманія по справедливости должны вы оказывать, когда не пѣвецъ какой-нибудь и не софистъ выходитъ на подвигъ, но когда вѣщаетъ мужъ съ небесъ, и издаетъ гласъ сильнѣе грома? Своимъ гласомъ Онъ объялъ и наполнилъ всю вселенную, не потому, чтобы вопіялъ слишкомъ громко, но потому, что двигалъ языкъ силою божественной благодати. И то удивительно, что такой сильный голосъ нисколько не грубъ или непріятенъ, но пріятнѣе и вожделѣннѣе всякаго музыкальнаго созвучія, способенъ даже увлекать, и, сверхъ всего этого, онъ совершенно святъ, достоинъ трепетнаго благоговѣнія, преисполненъ столь великими тайнами и доставляетъ столько благъ, что принимающіе и сохраняющіе ихъ со тщаніемъ и ревностію уже какъ бы перестаютъ быть людьми и не остаются на землѣ, но, становясь выше всего житейскаго и присоединяясь къ лику ангельскому, живутъ на землѣ, какъ бы на небѣ. Сынъ грома, возлюбленный (ученикъ) Христовъ, столпъ церквей, сущихъ по вселенной, тотъ, кто имѣетъ ключи неба, кто испилъ чашу Христову и крещеніемъ Его крестился, кто съ дерзновеніемъ возлегъ на перси Господни,—вотъ онъ нынѣ приходитъ къ намъ не съ тѣмъ, чтобы представить какое-нибудь вымышленное зрѣлище или прикрывать себя личиною (не въ такомъ родѣ онъ и говорить будетъ); не восходитъ онъ на возвышенное мѣсто, не ударяетъ ногою подъ музыку, не украшается позлащенною одеждою. Онъ входитъ въ одеждѣ, имѣющей красоту безъискусственную; онъ является намъ облеченный во Христа, обувъ красныя ноги свои въ уготованіе благовѣствованія мира; поясъ—не на персяхъ, но на чреслахъ, не изъ кожи пурпурнаго цвѣта, не золотомъ покрытый сверху, но сотканный и составленный изъ самой истины. Таковъ онъ нынѣ является намъ, безъ всякаго лицепріятія; нѣтъ у него ни притворства, ни вымысловъ, ни басней, но съ открытою главою онъ возвѣщаетъ открытую истину. Будучи самъ по себѣ такимъ, онъ не иное внушаетъ и слушателямъ своимъ видомъ, взорами, голосомъ. Онъ не имѣетъ нужды въ какихъ-нибудь орудіяхъ для вѣщанія, какъ напр. въ цитрѣ, или лирѣ, или въ чемъ-нибудь подобномъ; но все совершаетъ своимъ языкомъ, издавая голосъ пріятнѣе и гораздо полезнѣе всякой игры на цитрѣ и (всякой) музыки. Мѣстомъ дѣйствія служитъ для него все небо; зрѣлищемъ—вселенная; зри-
26 телями и слушателями—всѣ ангелы и изъ людей тѣ, которые подобны ангеламъ, или желаютъ такими сдѣлаться. Только такіе могутъ отчетливо постигать это благозвучіе, обнаруживать его и въ дѣлахъ (своихъ) и быть такими слушателями, какимъ надобно

быть. Всѣ другіе, какъ малыя дѣти, хотя и слушаютъ, но не разумѣютъ того, что слушаютъ, а увлекаются только удовольствіями и дѣтскими играми. Такъ всѣ люди веселые, роскошные, живущіе для богатства, для почести и чрева, хотя и слушаютъ иногда, что (имъ) говорятъ, но на дѣлѣ не показываютъ ничего великаго и возвышеннаго, потому что однажды навсегда прилѣпились къ бренію и праху. Апостола этого окружаютъ горнія силы, дивясь благообразію души его, разуму и красотѣ его добродѣтели, которою онъ привлекъ (къ себѣ) и самого Христа и получилъ благодать духовную. Настроивъ свою душу подобно благозвучной, украшенной драгоцѣнными камнями и имѣющей златыя струны лирѣ, онъ достигъ того, что чрезъ нее Духомъ возгласилъ нѣчто великое и возвышенное.

2. Итакъ, будемъ внимать не рыбарю, не сыну Зеведеову, но тому, кто вѣдаетъ глубины Божія, то есть, Духу, движущему эту лиру. Онъ ничего человѣческаго не будетъ говорить намъ, но все, что ни скажетъ, будетъ изъ глубины Духа, изъ тѣхъ таинъ, которыхъ даже и ангелы не знали прежде, нежели онѣ совершились. И ангелы вмѣстѣ съ нами чрезъ гласъ Іоанна и чрезъ насъ научились тому, что мы познали. Это открылъ другой апостолъ, когда сказалъ: *да скажется нынѣ началомъ и властемъ церковію многоразличная премудрость Божія* (Еф. III, 10). Итакъ, если и начала, и власти, и херувимы, и серафимы познали это чрезъ Церковь, то очевидно, что и они съ великимъ тщаніемъ занимались этимъ поученіемъ. Такимъ образомъ мы и тѣмъ уже не мало почтены, что ангелы вмѣстѣ съ нами научились тому, чего прежде не знали. А что (они узнали) и чрезъ насъ, объ этомъ пока не буду говорить. Итакъ, окажемъ и мы съ своей стороны безмолвное благоговѣніе, не нынѣ только и не на тотъ только день, когда слушаемъ, но въ продолженіе всей (своей) жизни, потому что слушать его всегда хорошо. Если намъ желательно знать, что дѣлается въ чертогахъ царскихъ, какъ напр., что дѣлаетъ или предпринимаетъ царь касательно своихъ подданныхъ, хотя часто это нисколько не относится къ намъ, то не гораздо ли болѣе вожделѣнно слышать, что изрекъ Богъ, и особенно, когда все это насъ касается? А все это апостолъ (Іоаннъ) съ точностію скажетъ намъ, какъ другъ самого (небеснаго) Царя, или, лучше, какъ такой мужъ, который имѣетъ въ себѣ Его самого говорящаго, и отъ Него слышалъ все, что Онъ— отъ Своего Отца. *Васъ рекохъ други*, говорилъ Онъ, *яко вся, яже слышахъ отъ Отца моего, сказахъ вамъ* (Іоан. XV, 15). Итакъ, подобно тому, какъ если бы мы вдругъ увидѣли кого-нибудь сходящаго свыше, съ высоты неба, и обѣщающаго сказать намъ въ точности,

что тамъ (происходитъ), и конечно всѣ стеклись бы къ нему, подобно тому поступимъ и нынѣ. Именно съ неба собесѣдуетъ съ нами этотъ мужъ. Онъ не отъ міра, какъ говоритъ и самъ
27 Христосъ: *вы нѣсте отъ міра сего* (Іоан. XV, 19). Въ немъ вѣщаетъ Утѣшитель вездѣсущій и съ такою же точностію вѣдущій *Божія*, съ какою душа человѣческая знаетъ въ себѣ *свое*,—Духъ святости, Духъ правый, владычественный, руководящій на небеса, дающій другія очи, способныя видѣть будущее, какъ настоящее, и сподобляющій насъ еще во плоти созерцать то, что есть на небесахъ. Итакъ, будемъ оказывать ему безмолвное вниманіе въ продолженіе всей нашей жизни. Никто пусть не остается здѣсь лѣнивымъ, сонливымъ, нечистымъ. Переселимся къ небесамъ, потому что онъ вѣщаетъ только тамъ, и только тѣмъ, которые тамъ обитаютъ. А если будемъ оставаться на землѣ, то не получимъ отсюда никакой важной пользы. Слова Іоанна не относятся къ тѣмъ, которые не хотятъ отстать отъ жизни скотской, точно такъ же, какъ и его не касаются здѣшнія дѣла. Громъ поражаетъ наши души, имѣя и незначительный звукъ, а его голосъ не устрашаетъ никого изъ вѣрныхъ; напротивъ, еще освобождаетъ отъ страха и смущенія душевнаго, и поражаетъ только демоновъ и тѣхъ, которые имъ работаютъ. Итакъ, чтобы намъ видѣть, какъ онъ ихъ поражаетъ, сохранимъ безмолвіе, какъ внѣшнее, такъ и внутреннее, особенное внутреннее. Какая въ самомъ дѣлѣ польза, когда уста безмолвствуютъ, а душа возмущается и имѣетъ въ себѣ сильную бурю? Я ищу безмолвія въ душѣ, въ помыслахъ, такъ какъ и внимательнаго требую слуха. Да не увлекаетъ же насъ страсть къ богатству, ни любовь къ славѣ, ни сила гнѣва, ни волненіе другихъ страстей. Невозможно слуху неочищенному уразумѣть какъ должно высоту изреченныхъ глаголовъ, уразумѣть, или познать, какъ слѣдуетъ, силу этихъ страшныхъ и неизреченныхъ таинъ и всякое добро, заключающееся въ этихъ божественныхъ изреченіяхъ. Если нельзя хорошо изучить игры на свирѣли и цитрѣ, не устремивъ къ тому всего ума, то какъ возможно выразумѣть таинственный гласъ слушателю, сидящему съ безпечною душею?

3. Такъ и Христосъ научаетъ: *не дадите святая псомъ, ни пометайте бисеръ предъ свиніями* (Матѳ. VII, 6). Бисеромъ онъ называлъ эти самыя реченія [1]), хотя они гораздо драгоцѣннѣе бисера, и называлъ только потому, что у насъ нѣтъ ничего цѣннѣе этой вещи. Потому и сладость слова Писаніе часто имѣетъ обычай сравнивать съ медомъ, не потому, чтобы такова только

[1]) Т. е. Евангеліе.

была ея мѣра, но потому, что у насъ нѣтъ ничего другого слаще меда. А что оно несравненно превосходитъ и драгоцѣнность камней и сладость всякаго меда, послушай, какъ пророкъ говоритъ о немъ, показывая его превосходство. *Вожделѣнна*, говоритъ онъ, *паче злата и камене честна многа, и слаждша паче меда и сота* (Пс. xviii, 11). Но это только для здоровыхъ,—почему и присовокупилъ пророкъ: *ибо рабъ твой хранитъ я* (ст. 12). И опять въ другомъ мѣстѣ, назвавъ ихъ сладкими, присовокупилъ: *гортани моему. Коль сладка*, говоритъ онъ, *гортани моему словеса твоя* (Пс. cxviii, 113). И еще, выражая ихъ превосходство, говоритъ: *паче меда и сота устомъ моимъ*,—потому что онъ имѣлъ крѣпкое здравіе душевное. Такъ и мы не будемъ приступать къ нимъ въ болѣзни, но, уврачевавъ сперва душу, примемъ эту пищу. Для того я такъ много и говорю предварительно, еще не касаясь самыхъ изреченій Евангелія, чтобы каждый освободился отъ всякаго вида болѣзни, и такимъ образомъ какъ бы взошелъ на самое небо, взошелъ чистымъ, отложивъ гнѣвъ, заботы, житейскія тревоги и всѣ иныя страсти. Не очистивъ такимъ обра- 28
зомъ предварительно души, невозможно получить отсюда никакой важной пользы. И никто не говори мнѣ, что мало времени до будущаго собранія. Не только въ пять дней, но въ одну минуту можно перемѣнить всю свою жизнь. Скажи мнѣ, есть ли что хуже разбойника и человѣкоубійцы? Не крайняя ли это степень зла? И однакожъ разбойникъ вдругъ взошелъ на высоту добродѣтели и перешелъ въ самый рай, не имѣя для этого нужды ни во многихъ дняхъ, ни даже въ половинѣ одного дня; довольно было для этого одной минуты. Слѣдовательно можно вдругъ перемѣниться и сдѣлаться златымъ, вмѣсто бреннаго. Такъ какъ добродѣтель и порокъ происходятъ не отъ природы, то и перемѣна легка и не подвержена никакому насилію. *Аще хощете и послушаете Мене*, говоритъ Богъ, *благая земли снѣсте* (Ис. i, 19). Видишь ли, что нужно одно только хотѣніе? Но хотѣніе—не обыкновенное, общее многимъ, а тщательное. Я знаю, что нынѣ всѣ желаютъ воспарить на небо; но надобно доказать это желаніе въ самыхъ дѣлахъ. И купецъ, желая обогатиться, не останавливаетъ своего желанія только на одной мысли, но снаряжаетъ корабль, собираетъ корабельщиковъ, приглашаетъ кормчаго, снабжаетъ судно всѣмъ, что нужно, беретъ въ заемъ золото, переплываетъ море, отправляется въ чужую землю, претерпѣваетъ множество опасностей и все прочее дѣлаетъ, что извѣстно мореплавателямъ. Такъ и мы должны доказывать свое желаніе. И мы вѣдь совершаемъ плаваніе, не изъ (одной) земли въ (другую) землю, но отъ земли къ небу. Содѣ-

лаемъ же умъ нашъ способнымъ къ управленію, такъ, чтобы онъ возносилъ насъ горѣ, а корабельщиковъ сдѣлаемъ послушными ему; снарядимъ крѣпкій корабль, котораго не могли бы потопить злоключенія и скорби житейскія, который не воздымался бы духомъ надменія, но былъ легокъ и скоръ въ плаваніи. Если мы устроимъ такимъ образомъ корабль, кормчаго и корабельщиковъ, то будемъ плавать благополучно, и преклонимъ къ себѣ истиннаго кормчаго—Сына Божія, Который не допуститъ наше судно погрузиться (въ бездну), но, хотя бы дули тысячи вѣтровъ, Онъ и вѣтрамъ запретитъ и морю, и вмѣсто бури сотворитъ великую тишину.

4. Приготовивъ себя такимъ образомъ, приходите въ слѣдующее собраніе, если только вамъ желательно услышать что-нибудь полезное и сохранить слово въ душѣ своей. Никто да не будетъ подобенъ проходной стезѣ (Лук. VIII, 5, 12), никто да не будетъ камнемъ, никто—полнымъ терній. Содѣлаемъ себя какъ бы повоздѣланными нивами. Тогда и мы, если увидимъ въ васъ землю чистую, будемъ съ ревностію бросать сѣмена; если же—грубую и каменистую, то простите намъ, если не захотимъ напрасно трудиться. А если, оставивъ сѣяніе, начнемъ исторгать тернія, то опять будетъ неблагоразумно бросать сѣмена въ невоздѣланную землю. Наслаждающемуся такимъ слушаніемъ не должно пріобщаться трапезы бѣсовской: *кое общеніе правдѣ къ беззаконію?* Ты стоялъ здѣсь, слушая Іоанна и чрезъ него внимая ученію Духа, и послѣ этого идешь слушать блудныхъ женщинъ, произносящихъ рѣчи постыдныя, а еще постыднѣйшія дѣла представляющихъ на зрѣлищѣ, также изнѣженныхъ юношей, которые взаимно другъ друга бьютъ и бьются. Какъ же ты можешь вполнѣ очиститься, оскверняемый такою грязью? Но для чего изображать по частямъ весь срамъ, какой тамъ бываетъ. Все тамъ—смѣхъ,
29 все—стыдъ; тамъ—ругательство, насмѣшки, выходки; все—развратъ, все пагуба. Вотъ я напередъ объ этомъ говорю и объявляю всѣмъ вамъ. Никто изъ наслаждавшихся здѣшнею трапезою да не растлѣваетъ души своей тѣми пагубными зрѣлищами. Все, что тамъ ни говорится и ни дѣлается, есть сатанинская гордыня. Знаете вы, сподобившіеся таинства (крещенія), какіе между нами положены обѣты, или лучше сказать, въ какой завѣтъ вы вступили со Христомъ, когда Онъ сподоблялъ васъ Своихъ таинствъ? Что вы предъ Нимъ говорили? Что вы сказали ему о гордынѣ сатанинской? Какъ вы, съ отреченіемъ отъ сатаны и ангеловъ его, отреклись и отъ всей гордыни его, и обѣщали болѣе уже не уклоняться къ ней? Итакъ, не мало нужно заботиться, чтобы не забывать столь великихъ обѣтовъ,

и не дѣлать себя недостойнымъ такихъ таинствъ. Не видишь ли, какъ при царскомъ дворѣ призываются къ участію въ совѣтѣ царскомъ и включаются въ число друзей царевыхъ только люди, ни въ чемъ не преткнувшіеся и достоуважаемые? Къ намъ пришелъ посланникъ съ неба, посланный отъ самого Бога для того, чтобы сказать намъ о нѣкоторыхъ необходимыхъ предметахъ. А вы, оставивъ слушать то, что онъ хочетъ намъ передать и для чего уполномоченъ къ намъ, сидите, слушая лицедѣевъ. Какихъ достойно это молній, какихъ громовъ! Но какъ не должно пріобщаться трапезѣ бѣсовской, такъ не должно принимать участія и въ слушаніи бѣсовскомъ, въ нечистой одеждѣ приходить къ свѣтлой трапезѣ, обильной столь многими благами,—трапезѣ, которую уготовалъ самъ Богъ. Такова ея сила, что она вдругъ можетъ вознести на самое небо, если только мы будемъ внимать съ чистымъ сердцемъ. Итакъ, неприлично тому, кто часто оглашается божественными словами, оставаться въ настоящемъ низкомъ состояніи, но необходимо тотчасъ воспарить, возлетѣть въ самую горнюю страну, и насладиться сокровищами безчисленныхъ благъ, которыя да сподобимся получить всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому со Отцемъ и со Святымъ Духомъ слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА II.

Въ началѣ бѣ Слово (I, 1).

Если бы Іоаннъ хотѣлъ самъ съ нами бесѣдовать, или гово- 29
рить намъ что-либо свое, отъ себя, то нужно было бы сказать о родѣ его, объ отечествѣ, о воспитаніи. Но такъ какъ не онъ, а самъ Богъ чрезъ него вѣщаетъ роду человѣческому, то изслѣдовать это представляется мнѣ излишнимъ и неумѣстнымъ. Впрочемъ, можетъ быть, это и неизлишне и даже весьма нужно. Когда узнаешь, кто онъ былъ, откуда и отъ кого происходилъ, и каковъ былъ самъ по себѣ, потомъ услышишь его гласъ и все его любомудріе,—тогда ясно увидишь и то, что Евангеліе было не собственнымъ его произведеніемъ, но дѣломъ божественной силы, которая дѣйствовала въ душѣ его. Итакъ—какое же было его отечество? Отечества у него не было почти никакого; онъ происходилъ изъ бѣднаго селенія, изъ страны самой въ то время презрѣнной, которая не имѣла въ себѣ ничего хо-

рошаго. Книжники въ униженіе Галилеи говорили: *испытай и виждь, яко отъ Галилеи пророкъ не приходитъ* (Іоан. VII, 52). Унижаетъ ее и истинный израильтянинъ, говоря: *отъ Назарета можетъ ли что добро быти* (Іоан. I, 46)? Будучи изъ такой страны, Іоаннъ не происходилъ и изъ какого-нибудь замѣчательнаго въ ней мѣста, и не былъ тамъ извѣстенъ по своему имени. Отецъ его былъ бѣдный рыбарь, до того бѣдный, что и дѣтей своихъ приготовлялъ къ тому же ремеслу. А вы знаете, что ни одинъ ремесленникъ не захочетъ добровольно сдѣлать своего сына наслѣдникомъ собственнаго ремесла, если только не будетъ принужденъ къ тому крайнею бѣдностію, особенно, если ремесло его низко. Но нѣтъ бѣднѣе, нѣтъ презрѣннѣе, невѣжественнѣе рыбарей; впрочемъ и между ними одни выше, а другіе ниже. Апостолъ и въ этомъ отношеніи занималъ самую послѣднюю степень. Онъ и не въ морѣ ловилъ рыбу, а трудился въ одномъ небольшомъ озерѣ. И вотъ, когда онъ тамъ находился вмѣстѣ съ отцемъ и Іаковомъ братомъ своимъ, и чинилъ съ ними прорванныя сѣти, что также показывало крайнюю бѣдность, — призвалъ его Христосъ. А что касается до внѣшняго образованія, то и отсюда уже можно заключать, что онъ былъ вовсе необразованъ. Притомъ свидѣтельствуетъ (объ этомъ) и Лука, когда пишетъ, что онъ былъ человѣкъ не только простой, но и безграмотный. И это должно быть такъ; кто былъ такъ бѣденъ, не являлся среди народа, никогда не обращался съ значительными людьми, но былъ занятъ только рыболовствомъ, а если иногда и встрѣчался съ кѣмъ-нибудь, то бесѣдовалъ развѣ съ покупщиками рыбы и поварами, тотъ могъ ли сдѣлаться чѣмъ-нибудь лучше неразумныхъ животныхъ? Какъ было ему не подражать безгласію самихъ рыбъ? И вотъ этотъ-то рыбарь, вращавшійся около озеръ, сѣтей и рыбъ, родомъ изъ Виѳсаиды галилейской, сынъ бѣднаго рыбаря, и бѣднаго до крайняго убожества, человѣкъ простой и притомъ на послѣдней степени простоты, не изучавшій наукъ ни прежде, ни послѣ соединенія со Христомъ, — вѣщаетъ къ намъ. Узнаемъ же, о чемъ онъ съ нами бесѣдуетъ. Не о томъ ли, что на поляхъ? Или — что въ рѣкахъ? Не о торговлѣ ли рыбою? Иной, можетъ быть, и ожидалъ бы услышать это отъ рыбаря. Но не бойтесь; ничего подобнаго мы не услышимъ. А услышимъ о томъ, что на небесахъ и чего прежде его еще никто не зналъ. Онъ приноситъ къ намъ столь возвышенные догматы, столь превосходныя правила жизни и такую мудрость, какія возможны только для вѣщающаго изъ самыхъ глубинъ Духа, и вѣщаетъ такъ, какъ только-что пришедшій съ самыхъ небесъ. Еще болѣе, и изъ живущихъ на небѣ, какъ я

и прежде говорилъ, не всѣ могли бы это знать. Скажи же мнѣ, свойственно ли это рыбарю? Или хотя бы ритору, или софисту, или философу, или вообще всякому, изучившему внѣшнюю мудрость? Нѣтъ; обыкновенному человѣческому духу невозможно любомудрствовать такъ о вышнемъ безсмертномъ и блаженномъ Существѣ, о ближайшихъ къ нему силахъ, о безсмертіи и безконечной жизни, о естествѣ тѣлъ смертныхъ, но впослѣдствіи имѣющихъ содѣлаться безсмертными, о будущемъ судѣ и наказаніи, о предстоящихъ отчетахъ въ словахъ и дѣлахъ, въ мысляхъ и чувствахъ, также — знать, что такое человѣкъ, и что — міръ, что такое человѣкъ по существу, и что такое — кажущійся человѣкомъ, но не таковой на самомъ дѣлѣ, что такое порокъ, и что—добродѣтель.

2. Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ были изслѣдуемы учениками Платона и Пиѳагора; а о прочихъ философахъ не стоитъ даже и упоминать намъ, — до такой степени всѣ они стали смѣшны. Именно они болѣе другихъ пользовались у эллиновъ уваженіемъ и считались главами этой науки. Они же, между 31
прочимъ, написали нѣчто и относительно жизни гражданской и законовъ. Однакожъ и они къ стыду своему оказались во всемъ смѣшнѣе дѣтей. Они вводили общихъ для всѣхъ женъ; извращали самую жизнь; повреждали честность брака; узаконяли и многое другое, столько же достойное смѣха, и такимъ образомъ провели всю свою жизнь. Что же касается до души, то они оставили ученіе о ней самое постыдное; говорили, что души человѣческія дѣлаются мухами, комарами, деревьями; утверждали, что самъ Богъ есть душа, и вымышляли многія другія нелѣпости. И не это одно достойно порицанія, а также обширное у нихъ море умозаключеній. Какъ бы въ морѣ носимые туда и сюда, они никогда не останавливались на одномъ предметѣ, потому что обо всемъ говорили на основаніи невѣрныхъ и нетвердыхъ умствованій. Но не таковъ этотъ рыбарь; онъ все изрекаетъ съ точностію, и, какъ бы стоя на камнѣ, никуда не совращается. Онъ удостоился проникнуть самыя недоступныя тайны и, имѣя въ себѣ глаголющаго самого Господа, не подвергся никакимъ человѣческимъ слабостямъ. А тѣ философы, какъ люди, которые даже во снѣ не удостоились войти въ царскіе чертоги, но внѣ ихъ на площади оставались въ толпѣ народа, и только по собственнымъ соображеніямъ гадали о невидимыхъ предметахъ, — тѣ впадали въ великія заблужденія, когда хотѣли разсуждать о неизреченныхъ предметахъ, и, какъ слѣпые и пьяные, даже въ самыхъ заблужденіяхъ препирались другъ съ другомъ, и не только противорѣчили другъ другу, но нерѣдко

и сами себѣ, непрестанно перемѣняя свои мнѣнія объ однихъ и тѣхъ же предметахъ. А этотъ неученый, простой житель Виѳсаиды, сынъ Зеведея (хотя бы тысячу разъ эллины насмѣхались надъ грубостію этихъ названій, я тѣмъ не менѣе и даже тѣмъ съ большею смѣлостію буду произносить ихъ, такъ какъ чѣмъ болѣе этотъ народъ представляется имъ грубымъ и чуждымъ эллинскаго образованія, тѣмъ болѣе славнымъ является наше ученіе. Когда человѣкъ необразованный и некнижный возвѣщаетъ то, чего никогда и никто изъ людей на землѣ не зналъ, и не только возвѣщаетъ, но и убѣждаетъ, тогда, если бы только и вѣщалъ онъ, то и это уже было бы великимъ чудомъ; а если нынѣ, сверхъ того, представляется еще другое, важнѣйшее доказательство богодухновенности его глаголовъ, — именно, что онъ всѣхъ своихъ слушателей во всякое время убѣждаетъ,—то кто не подивится обитающей въ немъ силѣ? И это, какъ я уже сказалъ, служитъ величайшимъ свидѣтельствомъ того, что онъ не самъ отъ себя учитъ), — итакъ этотъ-то необразованный человѣкъ написаннымъ отъ него Евангеліемъ объялъ всю вселенную, а тѣломъ пребывалъ въ Азіи, гдѣ въ древности любомудрствовали всѣ, принадлежавшіе къ эллинскимъ школамъ. Тамъ онъ былъ страшенъ для демоновъ, сіяя среди враговъ, уничтожая ихъ мракъ и разрушая твердыни демонскія. Душею же своею онъ переселился въ иную страну, достойную совершившаго такія дѣла. Произведенія эллиновъ всѣ истребились и исчезли; а его дѣянія съ каждымъ днемъ становятся болѣе и болѣе славными. Съ того времени, какъ явился онъ и съ нимъ прочіе рыбари, съ того времени ученіе Платона и Пиѳагора, которое прежде почиталось господствующимъ, умолкло, такъ что (нынѣ) многіе даже и по имени ихъ не знаютъ, хотя Платонъ, какъ говорятъ, и съ царями бесѣдовалъ, по ихъ приглашенію, имѣлъ много
32 единомышленниковъ, и плавалъ въ Сицилію. А Пиѳагоръ, по прибытіи въ великую Элладу, показалъ здѣсь много разныхъ родовъ чародѣйства. Вѣдь разговаривать съ волами (говорятъ, что онъ и это дѣлалъ) было не иное что, какъ дѣло волшебства. И это въ особенности очевидно изъ того, что, бесѣдуя такимъ образомъ съ неразумными, онъ не только не приносилъ никакой пользы человѣчеству, но еще весьма много вредилъ ему. Природа человѣческая конечно способнѣе къ изученію философіи; но онъ, какъ говорятъ, при помощи волхвованія бесѣдовалъ съ орлами и волами. Онъ не дѣлалъ природы неразумной разумною (это и невозможно для человѣка), а волхвованіемъ только обманывалъ неразумныхъ. Оставивъ учить людей чему-нибудь полезному, онъ внушалъ имъ, что все равно — ѣсть бобы или

головы своихъ родителей, а своихъ послѣдователей увѣрялъ, что душа учителя ихъ иногда бывала деревомъ, иногда — дѣвицею, иногда—рыбою. Итакъ, не по справедливости ли все это уничтожено и исчезло совершенно? По справедливости,—вполнѣ основательно. Но не таково ученіе этого простого и некнижнаго человѣка. Напротивъ и сиріане, и египтяне, и индійцы, и персы, и эѳіопы, и множество другихъ народовъ, будучи людьми невѣжественными, научились любомудрствовать, когда переложили на свой собственный языкъ преподанное имъ ученіе.

3. Итакъ, не напрасно я сказалъ, что для него вся вселенная была мѣстомъ зрѣлища. Онъ не оставлялъ подобныхъ себѣ по естеству, и не трудился напрасно надъ природою безсловесныхъ, что было дѣломъ излишняго честолюбія и крайняго безумія. Онъ, будучи чистымъ и отъ этой страсти, какъ и отъ другихъ, только о томъ одномъ старался, чтобы вся вселенная научилась чему-нибудь полезному, могущему возвести ее отъ земли на небо. Поэтому онъ и не прикрывалъ своего ученія, какимъ нибудь мракомъ и тьмою, какъ тѣ философы дѣлали, закрывая неясностію ученія, какъ бы нѣкоторою завѣсою, зло, заключавшееся въ сущности его. Его догматы яснѣе солнечныхъ лучей, и потому доступны для всѣхъ людей по вселенной. Приходившимъ къ нему онъ не повелѣвалъ, подобно тому (Пиѳагору), молчать въ продолженіе пяти лѣтъ; не такъ училъ, какъ бы сидѣли предъ нимъ безчувственные камни, не баснословилъ, все опредѣляя числами. Но, отвергши всю эту сатанинскую мерзость и гибель, сообщилъ такую удобо- 33
понятность своимъ словамъ, что все, сказанное имъ, ясно не только для мужей и людей разумныхъ, но и для женщинъ и юношей. Онъ былъ увѣренъ, что ученіе его истинно и полезно для всѣхъ, кто будетъ слушать,—и это свидѣтельствуютъ всѣ послѣдующія времена. Онъ привлекъ къ себѣ всю вселенную, освободилъ жизнь нашу отъ всякаго чуждаго вымысла, послѣ того, какъ мы услышали его проповѣдь. Поэтому-то мы, слушающіе его, пожелали бы лучше лишиться жизни, нежели догматовъ, которые онъ преподалъ намъ. А отсюда, какъ и отовсюду, очевидно, что въ ученіи его нѣтъ ничего человѣческаго, но что наставленія, дошедшія до насъ чрезъ эту божественную душу, божественны и небесны. Мы не найдемъ у него ни шума словъ, ни напыщенности въ рѣчи, ни излишняго и безполезнаго украшенія и сочетанія именъ и словъ (да это чуждо и всякаго любомудрія); но увидимъ непреоборимую, божественную силу, правыхъ догматовъ непобѣдимую крѣпость, сочетаніе безчисленныхъ благъ. Искусственность была бы излишня въ

проповѣди Евангелія; она свойственна софистамъ, лучше же сказать—и не софистамъ, а неразумнымъ дѣтямъ, такъ что и самъ ихъ философъ (Платонъ) представляетъ своего учителя
33 весьма стыдящимся этого искусства, и говорящимъ своимъ судьямъ, что они услышатъ отъ него рѣчи, произносимыя просто и какъ случится, не изукрашенныя словами и не испещренныя именами и выраженіями,—потому что, говорилъ онъ, неприлично мнѣ было бы, достопочтенные мужи, въ такомъ возрастѣ составлять дѣтскія рѣчи, и съ ними приходить къ вамъ. Но посмотри, какой смѣхъ! Чего, по описанію этого философа, учитель его избѣгалъ, какъ дѣла дѣтскаго, того самъ онъ болѣе всего домогался. Такъ-то во всѣхъ случаяхъ водились они однимъ честолюбіемъ! А въ Платонѣ ничего нѣтъ удивительнаго, кромѣ этого одного. Подобно тому, какъ, открывъ гробы, отвнѣ повапленные, ты увидишь, что они наполнены тлѣніемъ и зловоніемъ и сгнившими костями, подобно этому и въ мнѣніяхъ этого философа, если обнажишь ихъ отъ прикрасъ въ выраженіи, увидишь много мерзости, особенно когда онъ философствуетъ о душѣ, безъ мѣры и превознося ее и унижая. Діавольская это хитрость—ни въ чемъ не соблюдать умѣренности, но, увлекая въ противоположныя крайности, вводить въ заблужденіе. Иногда онъ говоритъ, что душа причастна божескому существу; а иногда, возвысивъ ее такъ неумѣренно и такъ нечестиво, оскорбляетъ ее другою крайностію, вводя ее въ свиней и ословъ, и въ другія животныя, еще хуже. Но объ этомъ довольно, или лучше сказать—и то уже чрезъ мѣру. Если бы можно было научиться отъ нихъ чему-нибудь полезному, то слѣдовало бы и болѣе ими заняться. А такъ какъ нужно было только обнаружить ихъ постыдныя и смѣшныя стороны, то и это сказано нами болѣе надлежащаго. Итакъ, оставивъ ихъ басни, приступимъ къ нашимъ догматамъ, свыше принесеннымъ къ намъ въ устахъ этого рыбаря, и ничего человѣческаго не имѣющимъ. Станемъ же разсматривать его изреченія, и, къ чему призывали мы васъ вначалѣ, то есть, чтобы вы тщательно внимали словамъ нашимъ, тоже самое напоминаемъ вамъ и теперь. Итакъ, чѣмъ же начинаетъ евангелистъ свое сказаніе? *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу.* Видишь ли ты въ этомъ изреченіи все его дерзновеніе и силу? Какъ онъ вѣщаетъ, нисколько не колеблясь, не ограничиваясь догадками, но все говоря положительно? Свойство учителя—не колебаться въ томъ, что самъ онъ говоритъ. А если бы кто, желая наставлять другихъ, нуждался въ человѣкѣ, который бы могъ поддерживать его самого, то по справедливости ему слѣдовало бы занимать мѣсто не учителя, а учениковъ.

Если же скажетъ кто-нибудь: почему евангелистъ, оставивъ первую Причину, тотчасъ началъ бесѣдовать съ нами о второй? то говорить о *первомъ* и *второмъ* мы отказываемся. Божество выше числа и послѣдовательности временъ: поэтому и отрекаемся говорить такъ, но исповѣдуемъ Отца самосущаго, и Сына отъ Отца рожденнаго.

4. Такъ, скажешь ты; но почему же (евангелистъ), оставивъ Отца, говоритъ о Сынѣ? Потому, что Отецъ былъ всѣми признаваемъ, хотя и не какъ Отецъ, а какъ Богъ; но Единороднаго не знали. Поэтому-то и справедливо евангелистъ поспѣшилъ тотчасъ, въ самомъ началѣ, предложить познаніе о Немъ для тѣхъ, которые не вѣдали Его. Впрочемъ и объ Отцѣ онъ не умолчалъ въ этихъ же словахъ. Обрати вниманіе на духовный смыслъ ихъ. Зналъ онъ, что люди *искони* и прежде всего признавали и чтили Бога. Поэтому сперва и говоритъ (о бытіи Сына): *въ началѣ*, а потомъ далѣе называетъ Его и Богомъ, но 34
не такъ, какъ Платонъ, который одного называлъ умомъ, а другого душею. Это чуждо божественнаго и безсмертнаго естества. Оно не имѣетъ ничего общаго съ нами, но весьма далеко отъ общенія съ тварію,—разумѣю по существу, а не по дѣйствіямъ. Поэтому-то евангелистъ и называлъ Его Словомъ. Имѣя намѣреніе вразумить (людей), что это Слово есть Единородный Сынъ Божій, евангелистъ, чтобы кто-нибудь не предположилъ здѣсь страстнаго рожденія, предварительно наименованіемъ Сына Словомъ уничтожаетъ всякое злое подозрѣніе, показывая и то, что Онъ есть отъ Отца Сынъ, и то, что Онъ (рожденъ) безстрастно. Видишь ли, какъ я сказалъ, что въ словахъ о Сынѣ онъ не умолчалъ и объ Отцѣ? Если же этихъ объясненій недостаточно для совершеннаго уразумѣнія этого предмета, не удивляйся: у насъ теперь рѣчь о Богѣ, о Которомъ невозможно достойнымъ образомъ ни говорить, ни мыслить. Поэтому и евангелистъ нигдѣ не употребляетъ выраженія: существо,—такъ какъ и невозможно сказать, что̀ есть Богъ по Своему существу,—но вездѣ показываетъ намъ Его только изъ Его дѣйствій. Такъ видимъ, что это Слово немного послѣ называется у него свѣтомъ, и опять свѣтъ этотъ именуется жизнью. Впрочемъ, не по этой одной причинѣ онъ такъ называлъ Его; но, во-первыхъ, по этой причинѣ, а во-вторыхъ, потому, что Слово имѣло возвѣстить намъ объ Отцѣ. *Вся, елика слышахъ отъ Отца*, сказано, *возвѣстихъ вамъ* (Іоан. xv, 15). Называетъ же Его вмѣстѣ и свѣтомъ и жизнью потому, что Онъ даровалъ намъ свѣтъ вѣдѣнія, а отсюда—жизнь. Вообще же нѣтъ ни одного такого имени, нѣтъ такихъ ни двухъ, ни трехъ и болѣе именъ, которыя были бы

достаточны для выраженія того, что касается Божества. По крайней мѣрѣ желательно, чтобы хотя многими (именами), хотя и не вполнѣ ясно, можно было изобразить Его свойства. Не просто же евангелистъ назвалъ Его Словомъ, а съ прибавленіемъ члена (ὁ), отличая Его и этимъ отъ всѣхъ другихъ (существъ). Видишь ли, какъ не напрасно я сказалъ, что этотъ евангелистъ вѣщаетъ намъ съ небесъ? Смотри, куда онъ тотчасъ, въ самомъ началѣ, воспаривъ, возвелъ душу и умъ своихъ слушателей. Поставивъ ее выше всего чувственнаго, выше земли, выше моря, выше неба, онъ возводитъ ее превыше самихъ ангеловъ, горнихъ херувимовъ и серафимовъ, выше престоловъ, началъ, властей и вообще убѣждаетъ ее вознестись выше всего сотвореннаго. Что же? Ужели, возведши на такую высоту, онъ могъ остановить насъ здѣсь? Никакъ. Но подобно тому, какъ если бы человѣка, стоящаго на берегу моря, и обозрѣвающаго города, берега и пристани, привелъ кто-нибудь на самую середину моря и тѣмъ конечно удалилъ бы его отъ прежнихъ предметовъ, однакожъ ни на чемъ не могъ бы остановить взора его, а только ввелъ бы его въ неизмѣримое пространство зрѣнія, такъ и евангелистъ, возведши насъ выше всякой твари, устремивъ насъ къ вѣчности, ей предшествовавшей, оставляетъ взоръ нашъ носиться, не давая ему достигнуть въ высотѣ какого-либо конца,— такъ какъ тамъ и нѣтъ конца. Разумъ, восходя къ началу, испытываетъ, какое это начало. Потомъ, встрѣчая: *бѣ*, всегда предваряющее его мысль, не находитъ, гдѣ бы ему остановить свой помыслъ, но, напрягая взоръ и не имѣя возможности ничѣмъ его ограничить, утруждается и опять возвращается долу. Выраженіе: *въ началѣ бѣ* означаетъ не что иное, какъ бытіе присносущное и безпредѣльное. Видишь ли истинное любомудріе и догматы божественные,—не такіе, какъ у эллиновъ, предполагающихъ времена и признающихъ однихъ боговъ старшими, другихъ
35 младшими? Ничего подобнаго нѣтъ у насъ. Если Богъ *есть*, какъ и дѣйствительно *есть*, то ничего нѣтъ прежде Его. Если Онъ—Творецъ всего, то Онъ—первѣе всего. Если онъ—Владыка и Господь всего, то все—послѣ Него, и твари и вѣки. Хотѣлъ я дойти и до другихъ разсужденій, но, можетъ быть, утомилась (ваша) мысль. Поэтому, предложивъ еще нѣкоторыя наставленія, которыя могутъ быть полезны вамъ для разумѣнія какъ уже предложенныхъ бесѣдъ, такъ и будущихъ впослѣдствіи, я замолкну. Какія же это наставленія? Знаю, что многіе утомляются отъ продолжительности бесѣдъ. Но это бываетъ тогда, когда душа обременена многими житейскими попеченіями. Какъ зрѣніе, когда оно чисто и ясно, бываетъ остро и не утомляется, легко

разсматривая мельчайшіе предметы, но какъ скоро какая-нибудь дурная влага стекаетъ съ головы (на лицо), или снизу поднимается дымъ или паръ, то предъ зрачкомъ образуется какъ будто густое облако, которое не позволяетъ ясно видѣть и самыхъ большихъ предметовъ, такъ обыкновенно бываетъ и въ душѣ. Когда она очищена и не имѣетъ въ себѣ никакой возмутительной страсти, тогда она зорко видитъ то, на что ей взирать должно. Когда же она, будучи помрачена страстями, погубитъ свою доблесть, тогда неспособна дѣлается ни къ чему высокому, скоро утомляется и падаетъ, склоняется ко сну и лѣности, опускаетъ изъ виду то, что могло бы способствовать ей къ добродѣтели и жизни добродѣтельной, и не обращается къ ней съ ревностью.

5. Итакъ, чтобы и съ вами этого не случилось (я же не перестану внушать вамъ это), укрѣпите духъ вашъ, чтобы не услышать вамъ тѣхъ же словъ, какія сказаны были Павломъ вѣрующимъ евреямъ. И для нихъ, говорилъ онъ, *многое* было *слово и неудобь сказаемое глаголати* (Евр. v, 11),—не потому, чтобы таково оно было по существу своему, но *понеже*, говоритъ онъ, *вы немощни бысте слухи*. Больной и немощной обыкновенно утруждается такъ же краткимъ, какъ и продолжительнымъ словомъ, и предметы ясные и удобопонятные считаетъ трудно постигаемыми. Но здѣсь да не будетъ ничего такого; но пусть каждый внимаетъ ученію, отложивъ всякое житейское попеченіе. Когда слушателемъ овладѣваетъ пристрастіе къ богатству, то невозможно, чтобы его занимало подобнымъ образомъ и желаніе слушать поученія, потому что душа, сама въ себѣ единая, не можетъ вмѣщать въ себѣ многихъ желаній, но одно желаніе подавляется другимъ, и душа, такимъ образомъ, какъ бы разрываемая, дѣлается еще слабѣе. Между тѣмъ, если какое-либо желаніе преобладаетъ, то уже все обращаетъ въ свою пользу. Такъ обыкновенно случается и съ дѣтьми. Когда кто имѣетъ у себя только одно дитя, то крайне любитъ этого одного; когда же сдѣлается отцомъ многихъ дѣтей, то и расположенность его къ нимъ, раздѣлившись, становится слабѣе. Если же такъ бываетъ тамъ, гдѣ господствуетъ естественное влеченіе и сила, и гдѣ любимые предметы сродны между собою, то что сказать о произвольномъ расположеніи и увлеченіи, и особенно, когда виды любви прямо противоположны одинъ другому? А любовь къ богатству противна любви къ поученіямъ. Входя сюда, мы входимъ на небо, не по мѣсту, разумѣю, но (по душевному) расположенію. Вѣдь можно и находясь на землѣ стоять на небѣ, созерцать тамошніе предметы и слушать исходящіе оттуда глаголы. Итакъ,

никто не приноси на небо ничего земного. Никто, стоя здѣсь, не озабочивайся дѣлами домашними. Отсюда бы надлежало переносить въ домъ и на торжище пользу, здѣсь пріобрѣтенную,
36 и сохранять ее тамъ, а не это мѣсто наполнять попеченіями, свойственными дому и торжищу. Для того-то мы и приступаемъ къ учительской каѳедрѣ, чтобы здѣсь очищать скверны, отвнѣ къ намъ привходящія. Если же и среди этого малаго поученія мы хотимъ растлѣваться посторонними рѣчами или дѣлами, то лучше бы и не начинать. Пусть же никто въ церкви не печется о дѣлахъ домашнихъ; напротивъ, пусть и въ домѣ размышляетъ о предметахъ церковнаго ученія. Пусть они будутъ для насъ предпочтительнѣе всего, такъ какъ они относятся къ душѣ, а тѣ (домашнія дѣла) къ тѣлу; лучше же сказать — и душѣ и тѣлу полезны здѣшнія поученія. Поэтому пусть будутъ они дѣломъ главнымъ, а все прочее дѣломъ мимоходнымъ. Они принадлежатъ и настоящей жизни и будущей, а дѣла внѣшнія—ни той, ни другой, если не располагаются по правиламъ, основаннымъ на первыхъ. Здѣсь единственно можно научиться не только тому, чѣмъ будемъ мы послѣ этой жизни и какъ тогда будемъ жить, но и тому, какъ управить жизнь настоящую. Этотъ домъ есть духовная лѣчебница, устроенная для того, чтобы въ ней врачевали мы тѣ раны, которыя получаемъ отвнѣ (въ мірѣ), а не для того, чтобы выходить отсюда съ новыми ранами. Если же мы не станемъ внимать тому, что глаголетъ намъ Духъ Святый, то не только не очистимъ прежнихъ ранъ, но еще и другія получимъ. Будемъ же со всѣмъ тщаніемъ внимать этой книгѣ, теперь предъ нами раскрываемой. Впослѣдствіи не много потребно будетъ труда (для ея изученія), если тщательно мы узнаемъ ея начальныя и основныя изреченія, но, потрудившись немного вначалѣ, будемъ потомъ въ состояніи, по слову Павла, *и иныхъ научити*. Апостолъ Іоаннъ весьма возвышенъ, обиленъ многими догматами, и о нихъ бесѣдуетъ болѣе, нежели о чемъ-нибудь другомъ. Будемъ при томъ слушать не мимоходомъ. Для того-то мы и изъясняемъ (евангеліе) по немногу, чтобы для васъ все было удобопонятно, и чтобы ничто не выходило изъ памяти. Убоимся же сдѣлаться виновными предъ тѣмъ голосомъ, который сказалъ: *аще не бихъ пришелъ и глаголалъ имъ, грѣха не быша имѣли* (Іоан. XV, 22). Какое мы будемъ имѣть преимущество предъ тѣми, которые вовсе не слышали (евангелія), если и послѣ слушанія уйдемъ домой, ничего не имѣя, а только удивляясь произнесеннымъ словамъ? Дайте намъ сѣять на добрую землю; дайте для того, чтобы еще болѣе побудить насъ (къ сѣянію). Если кто имѣетъ въ себѣ терніе, пусть воспламенитъ огонь Духа; кто

имѣетъ сердце грубое и упорное, пусть сдѣлаетъ его мягкимъ и
удобопреклоннымъ, пользуясь тѣмъ же огнемъ. Если кто, нахо-
дясь при пути, попирается всякими помыслами, пусть входитъ
во внутреннѣйшія чувства и не сообщается съ тѣми, которые
хотятъ войти туда на расхищеніе, и тогда мы увидимъ нивы
ваши тучными. Если такимъ образомъ мы будемъ о себѣ забо-
титься, и съ трудолюбіемъ прилежать къ этому духовному собе-
сѣдованію, то хотя и не вдругъ, по крайней мѣрѣ мало-по-малу,
отрѣшимся отъ всего житейскаго. Будемъ внимательны, чтобы
не было и о насъ сказано: *яко аспида глуха уши ихъ* (Пс. LVII, 5). 37
Скажи мнѣ, чѣмъ различается отъ звѣря такой слушатель?
Напротивъ, не безсловеснѣе ли всякаго безсловеснаго тотъ, кто
остается невнимательнымъ, когда говоритъ Богъ? Если быть
человѣкомъ—въ томъ состоитъ, чтобы благоугождать Богу, то
не хотящій даже слышать о томъ, какъ это исполнить, что есть
иное, какъ не звѣрь? Подумай же, какъ велико это зло, если
тогда, какъ Христосъ желаетъ сдѣлать насъ изъ людей равно-
ангельными, мы сами себя превращаемъ изъ людей въ звѣрей!
Быть рабомъ чрева, быть одержиму страстію къ богатству, гнѣ-
ваться, терзать, попирать ногами другихъ,—свойственно не лю-
дямъ, а звѣрямъ. Впрочемъ, каждый звѣрь имѣетъ, такъ сказать,
свою особенную страсть, и притомъ по природѣ, а человѣкъ,
свергшій съ себя власть разума, отторгшійся отъ жизни по Богѣ,
предаетъ себя всѣмъ страстямъ, и дѣлается уже не звѣремъ только,
но какимъ-то чудовищемъ разновиднымъ и разнохарактернымъ,
и въ самой природѣ своей уже не находитъ для себя извине-
нія. Всякое зло происходитъ отъ произволенія и свободныхъ намѣ-
реній. Но да не будетъ, чтобы когда либо помыслить это о церкви 38
Христовой! О васъ мы думаемъ лучше, и имѣемъ надежду спа-
сенія. Но чѣмъ болѣе мы увѣрены въ этомъ, тѣмъ болѣе не
оставимъ предохранительныхъ внушеній, чтобы, взошедши на
самый верхъ добродѣтелей, достигнуть намъ съ вами обѣтован-
ныхъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и че-
ловѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго
и съ Которымъ Отцу и Св. Духу слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА III.

Въ началѣ бѣ Слово (Іоан. I, 1).

1. Излишне было бы теперь убѣждать васъ къ внимательному 37
слушанію. Вы уже поспѣшили показать это на самомъ дѣлѣ.
Это стеченіе, это стояніе съ напряженнымъ вниманіемъ, эта по-

спѣшность—оттѣсняя другъ друга, занять ближайшее мѣсто, откуда внятнѣе для васъ былъ бы слышенъ нашъ голосъ, нежеланіе выйти отсюда, не смотря на тѣсноту, пока не окончится это духовное зрѣлище, рукоплесканія и возгласы одобренія, все свидѣтельствуетъ о вашей душевной теплотѣ и усердіи къ слушанію. Потому-то и излишне увѣщевать васъ къ слушанію, а нужно только внушить вамъ, чтобы вы и всегда сохраняли въ себѣ такое усердіе, и не только бы здѣсь его показывали, но чтобы, и дома находясь, мужъ съ женою, отецъ съ дѣтьми бесѣдовали объ этомъ; пусть одни передаютъ другимъ и спрашиваютъ другъ друга, и пусть всѣ оказываютъ взаимно такую добрую помощь. Никто не говори мнѣ, что намъ не нужно заниматься этимъ съ дѣтьми. Не только этимъ должно заниматься, но объ этомъ только одномъ и надобно бы вамъ заботиться. Однакожъ, ради немощи вашей, я уже не говорю этого; я и не отвожу дѣтей отъ постороннихъ занятій, такъ же какъ и васъ не отвлекаю отъ общественныхъ дѣлъ. Я считаю только справедливымъ, чтобы изъ семи дней одинъ посвященъ былъ общему нашему Господу. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это несообразно—рабамъ своимъ приказывать, чтобы они все время служили намъ, а намъ самимъ не удѣлить и малѣйшаго времени для Господа, и притомъ тогда, какъ наше служеніе не приноситъ Ему ничего (потому что Богъ ни въ чемъ не нуждается) и только намъ же самимъ обращается въ пользу! Когда вы водите дѣтей на зрѣлища, то не находите препятствія къ этому ни въ наукахъ, ни въ другомъ чемъ-нибудь. А когда надобно собрать и получить какую-нибудь духовную пользу, вы это дѣло называете бездѣльемъ. Какъ же вы не прогнѣваете Бога, когда во всемъ другомъ упражняете своихъ дѣтей и на то находите время, а занимать ихъ дѣломъ Божіимъ считаете тягостнымъ и неблаговременнымъ для дѣтей?

Нѣтъ, не такъ, братіе! Этотъ-то возрастъ преимущественно и нуждается въ такихъ урокахъ. Возрастъ нѣжный,—онъ скоро усвояетъ себѣ то, что ему говорятъ, и какъ печать на воскѣ, въ душѣ дѣтей отпечатлѣвается то, что они слышатъ. А между тѣмъ и жизнь ихъ тогда уже начинаетъ склоняться или къ пороку или къ добродѣтели. Потому, если въ самомъ началѣ, и, такъ сказать, въ преддверіи отклонить ихъ отъ порока, и направить ихъ на лучшій путь, то на будущее время это уже
38 обратится имъ въ навыкъ и какъ бы въ природу, и они уже не такъ удобно по своей волѣ будутъ уклоняться къ худшему, потому что навыкъ будетъ привлекать ихъ къ дѣламъ добрымъ. Тогда и для насъ они будутъ достопочтеннѣе самихъ стари-

ковъ, и для гражданскихъ дѣлъ они будутъ полезнѣе, обнаруживая въ юности свойства старцевъ. Невозможно, какъ я и прежде говорилъ, чтобы наслаждающіеся такимъ слушаніемъ (евангелія) и внимающіе такому апостолу отходили отсюда, не получивъ какого-либо истиннаго, великаго блага, будетъ ли участникомъ въ этой трапезѣ мужъ, или жена, или юноша. Если мы, пріучая звѣрей къ нашимъ словамъ, такимъ образомъ укрощаемъ ихъ, то не гораздо ли болѣе чрезъ это духовное ученіе мы можемъ исправлять людей, когда тамъ и здѣсь есть великое различіе и между врачествами и между врачуемыми? Вѣдь и грубость въ насъ не такова, какъ въ звѣряхъ: у нихъ она зависитъ отъ природы, а у насъ отъ воли; да и сила словъ не одинакова: тамъ она происходитъ отъ человѣческой мысли, а здѣсь—отъ силы и благодати Духа. Итакъ, кто отчаивается въ себѣ самомъ, тотъ пусть помыслитъ объ укрощенныхъ звѣряхъ—и онъ никогда не впадетъ въ отчаяніе. Пусть всегда приходитъ онъ въ эту лѣчебницу; пусть постоянно слушаетъ законы Духа и, возвращаясь домой, слышанное записываетъ въ своемъ умѣ. Такимъ образомъ онъ будетъ въ доброй надеждѣ и въ безопасности, на самомъ дѣлѣ чувствуя успѣхъ. И діаволъ, какъ скоро увидитъ, что въ душѣ написанъ законъ Божій, а сердце сдѣлалось скрижалями этого закона, уже не будетъ болѣе приступать. Гдѣ будутъ царскія письмена, не на столѣ мѣдномъ начертанныя, но въ боголюбивомъ сердцѣ Духомъ Святымъ напечатлѣнныя, и благодатію блистающія,—туда онъ не сможетъ даже и заглянуть, а далеко отбѣжитъ. Для него и для помысловъ, отъ него влагаемыхъ, ничто такъ не страшно, какъ мысль, занятая предметами божественными, душа, постоянно прилежащая къ этому источнику. Такую-то не можетъ ни опечалить что-либо въ настоящемъ, хотя бы то было и непріятное, ни надмить что-либо благопріятное; но, среди бурь и волненій, она будетъ наслаждаться тишиною.

2. Да и не отъ природы вещей происходитъ наше смущеніе, а отъ немощи нашего духа. Если бы мы подвергались этому страданію вслѣдствіе обстоятельствъ, то всѣ люди должны были бы испытывать его, потому что всѣ мы плывемъ по одному и тому же морю, на которомъ невозможно миновать волнъ и бурь. Если же есть люди, которые остаются внѣ бури и волненій моря, то очевидно, что бурю производятъ не обстоятельства, но состояніе нашего духа. Слѣдовательно, если мы настроимъ душу такъ, чтобы она все легко переносила, то не будетъ для насъ ни бури, | ни потопленія, а будетъ всегда благопріятная тишина. Но я не знаю, какъ, предположивъ себѣ ни- 39

чего такого не говорить, я такъ увлекся этимъ поученіемъ. Простите мнѣ это многословіе. Я боюсь, и очень боюсь, чтобы не ослабѣло въ васъ теперешнее усердіе. Если бы я увѣренъ былъ въ этомъ, то не сталъ бы теперь говорить вамъ ничего такого. Усердіе можетъ облегчить для васъ всякое дѣло. Время однакоже заняться предстоящимъ сегодня, чтобы вы не утомленные выступили на поприще. Предстоятъ же намъ подвиги противъ враговъ истины, противъ такихъ, которые все придумываютъ къ тому, чтобы уничтожить славу Сына Божія, лучше же сказать—свою собственную. Слава Сына Божія всегда пребываетъ такою, какова она есть, нисколько не уменьшаясь отъ злохульнаго языка; но тѣ, которые стараются уничтожить Того, кому, по словамъ ихъ, они поклоняются [1]), покрываютъ лица свои безчестіемъ, а душу подвергаютъ казни. Итакъ, что же они говорятъ, когда мы такъ разсуждаемъ? Говорятъ, что изреченіе—*въ началѣ бѣ Слово* еще не доказываетъ прямо вѣчности (Сына), потому что тоже сказано и о небѣ и о землѣ (Быт. I, 1). О, безстыдство и нечестіе! Я бесѣдую съ тобою о Богѣ, а ты мнѣ указываешь на землю и людей, происшедшихъ отъ земли. Такимъ образомъ, если Христосъ называется Сыномъ Божіимъ и Богомъ, также и человѣкъ называется Сыномъ Божіимъ и Богомъ (какъ напримѣръ: *азъ рѣхъ: бози есте и сынове Вышняго вси*—Пс. LXXXI, 5), ужели поэтому ты будешь состязаться съ Единороднымъ о сыновствѣ, и скажешь, что въ этомъ отношеніи Онъ не имѣетъ никакого преимущества предъ тобой? Никакъ, говоришь ты. Однакожъ ты это дѣлаешь, хотя и не выражаешь на словахъ. Какимъ образомъ? Ты утверждаешь, что и ты участвуешь въ усыновленіи по благодати, и Онъ—тоже. Если ты говоришь, что Онъ есть Сынъ не по естеству, то этимъ выражаешь не иное, а именно то, что Онъ—Сынъ по благодати. Впрочемъ разсмотримъ и свидѣтельства, какія приводятъ намъ. Сказано: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю: земля же бѣ невидима и неустроена* (Быт. I, 1). Также: *бѣ человѣкъ отъ Армаѳемъ Сифы* (1 Цар. I, 1). Вотъ свидѣтельства, которыя они считаютъ сильными! И дѣйствительно это сильно, но—для доказательства утверждаемой нами правоты догматовъ; а для поддержанія хулы (еретиковъ) ничего не можетъ быть слабѣе этихъ доказательствъ. Скажи, что общаго имѣютъ слова—*сотвори* и *бѣ*? Или что общаго у Бога съ человѣкомъ? Для чего ты смѣшиваешь

[1]) Св. Златоустъ разумѣетъ аріанъ, которые признавали Сына Божія существомъ достопоклоняемымъ, только не совѣчнымъ и не единосущнымъ Отцу.

то, что не терпитъ смѣшенія, сливаешь раздѣльное, и горнее дѣлаешь дольнимъ? Здѣсь слово: *бѣ* не одно, само по себѣ, означаетъ вѣчность, а въ соединеніи съ другими выраженіями: *въ началѣ бѣ* и: *Слово бѣ*. Подобно тому, какъ выраженіе: *сый*, когда говорится о человѣкѣ, показываетъ только настоящее время, а когда о Богѣ, то означаетъ вѣчность, такъ и выраженіе: *бѣ*, когда говорится о нашемъ естествѣ, означаетъ прошедшее для насъ время, и именно извѣстный предѣлъ времени, а когда—о Богѣ, то выражаетъ вѣчность. Итакъ, слыша *о землѣ* и *человѣкѣ*, не слѣдуетъ предполагать о нихъ ничего болѣе того, что свойственно природѣ сотворенной. Все сотворенное, что бы то ни было, произошло во времени, или въ извѣстномъ предѣлѣ его. А Сынъ Божій выше не только всякаго времени, но и всѣхъ вѣковъ. Онъ есть Творецъ ихъ и Создатель. *Имъ же*, сказано, *и вѣки сотвори* (Евр. 1, 2). Творецъ же, конечно, существуетъ прежде своихъ твореній. Но такъ какъ нѣкоторые до такой степени безчувственны, что и послѣ этого думаютъ нѣчто высокое о своемъ достоинствѣ, то слово Божіе выраженіями: *сотвори* и *человѣкъ бѣ* предваряетъ такую мысль слушателей и уничтожаетъ всякое безстыдство. Все сотворенное, какъ земля, такъ и небо, сотво- 40
рено во времени, имѣетъ временное начало и безначальнаго въ нихъ нѣтъ ничего, потому что все (въ извѣстное время) получило бытіе. Итакъ, когда ты услышишь выраженія — *сотвори землю* и *человѣкъ бѣ*, то излишне будешь суесловить, сплетая только безполезную болтовню. Но я скажу еще нѣчто большее. Что же это? То, что если бы и о землѣ сказано было—*въ началѣ бѣ земля*, и о человѣкѣ—*въ началѣ бѣ человѣкъ*, то и въ такомъ случаѣ мы не должны были бы предполагать о нихъ ничего болѣе того, что намъ извѣстно о нихъ нынѣ. Уже одно напередъ стоящее имя *земли* и *человѣка*, что бы потомъ объ нихъ ни говорилось, не позволяетъ уму воображать о нихъ что-нибудь больше того, что нынѣ мы знаемъ; такъ же какъ и наоборотъ выраженіе: *Слово*, хотя бы что-нибудь маловажное сказано было о Немъ, само по себѣ не позволяетъ думать при этомъ ничего низкаго и ничтожнаго. А о землѣ далѣе говорится: *земля же бѣ невидима и неустроена*. Такимъ образомъ, сказавъ, что Богъ сотворилъ землю и положилъ ей свойственный предѣлъ, бытописатель безопасно уже повѣствуетъ о ней дальнѣйшее, зная, что никто не будетъ столько безсмысленъ, чтобы почитать землю безначальною и несотворенною. Имя *земли* и выраженіе—*сотвори* достаточны для того, чтобы убѣдить самаго несмысленнаго человѣка, что земля не вѣчна и не безначальна, но принадлежитъ къ числу вещей, происшедшихъ во времени.

3. Кромѣ того, выраженіе: *бѣ*, когда употребляется о землѣ и человѣкѣ, означаетъ не просто бытіе, но въ отношеніи къ человѣку—происхожденіе его изъ извѣстной страны, а въ отношеніи къ землѣ — качество ея бытія. Такъ Моисей не сказалъ просто: *земля же бѣ*, и потомъ умолкъ, но показалъ, въ какомъ состояніи она была и послѣ своего происхожденія, т. е., она была *невидима и неустроена*, еще покрыта водами и смѣшана съ ними. И объ Елканѣ не сказано только, что былъ человѣкъ, но въ поясненіе присовокуплено, откуда онъ былъ: *отъ Армаѳемъ Сифы*. Но о Словѣ (говорится) не такъ. Стыжусь я и сличать между собою такіе предметы! Если мы запрещаемъ дѣлать сравненіе между людьми, какъ скоро сравниваемые весьма различны между собою по достоинствамъ, хотя существо ихъ одно, то тамъ, гдѣ столь безпредѣльное разстояніе и по существу, и по всему прочему, не крайнее ли безуміе -- дѣлать такія сличенія? Но да будетъ милостивъ къ намъ Тотъ, Кто хулится ими! Не мы открыли надобность въ такихъ разсужденіяхъ, но намъ подаютъ къ нимъ поводъ тѣ, которые вооружаются противъ собственнаго спасенія.

Итакъ, что же я говорю? То, что выраженіе: *бѣ*, въ отношеніи къ Слову, означаетъ, во-первыхъ, вѣчность Его бытія: *въ началѣ*, сказано, *бѣ Слово*. А во-вторыхъ, то же *бѣ* показываетъ, что Слово было у кого-либо. Такъ какъ Богу по преимуществу свойственно бытіе вѣчное и безначальное, то прежде всего это и выражено. Потомъ, чтобы кто-нибудь, слыша — *въ началѣ бѣ Слово*, не призналъ Его и нерожденнымъ, такая мысль предупреждается тѣмъ, что прежде замѣчанія, что́ было Слово, сказано, что оно *бѣ къ Богу*. А чтобы кто-либо не почелъ Его словомъ только произносимымъ или только мысленнымъ, для этого прибавленіемъ члена (ὁ), какъ я уже прежде сказалъ, и другимъ выраженіемъ (*къ Богу*) устранена и такая мысль. Не сказано: *бѣ въ Богѣ*, но: *бѣ къ Богу*, чѣмъ означается вѣчность Его по ѵпостаси. Далѣе, еще яснѣе открывается это въ присовокупленіи, что *Богъ бѣ Слово*. Но это Слово сотворенное, скажетъ кто-либо? Если такъ, то что же препятствовало сказать, что въ началѣ сотворилъ Богъ Слово? Такъ Моисей, повѣствуя о землѣ, не сказалъ: *въ началѣ бѣ земля*,
41 но сказалъ, что (Богъ) сотворилъ ее, и тогда уже она *бѣ*. Что же, говорю, препятствовало и Іоанну подобнымъ образомъ сказать, что въ началѣ *сотвори Богъ Слово?* Вѣдь если въ разсужденіи земли Моисей опасался, какъ бы не назвалъ ее кто-нибудь несотворенною, то гораздо болѣе Іоанну слѣдовало бы страшиться этого относительно Сына (Божія), если бы Онъ былъ сотворенъ. Міръ, будучи видимъ, самъ по себѣ проповѣдуетъ Творца: *небеса*,

сказано, *повѣдаютъ славу Божію* (Пс. xviii, 1). Но Сынъ невидимъ и притомъ несравненно и безпредѣльно выше твари. Итакъ, если здѣсь, гдѣ не нужно было для насъ ни слова, ни ученія, чтобы признать міръ сотвореннымъ, пророкъ однакожъ ясно и прежде всего даетъ намъ это видѣть,—то гораздо болѣе Іоанну нужно было бы сказать это о Сынѣ, если бы Онъ былъ сотворенъ. Такъ, скажутъ; однакожъ Петръ высказалъ это ясно и опредѣленно? Гдѣ же и когда? Тогда, когда, бесѣдуя съ іудеями, говорилъ: *яко Господа Его и Христа Богъ сотворилъ есть* (Дѣян. ii, 36). А почему же ты не присовокупляешь и дальнѣйшихъ словъ, именно: *сего Іисуса, его же вы распясте*? Или не знаешь, что одни изреченія относятся къ нетлѣнному естеству, а другія къ воплощенію? Иначе, если все вообще будешь разумѣть о Божествѣ, то придешь къ заключенію, что Божество и страданіямъ подвержено. Если же оно не причастно страданіямъ, то и не сотворено. Если бы кровь истекла изъ самаго божескаго и неизреченнаго естества, и оно, вмѣсто плоти, было пронзено и разсѣчено гвоздями на крестѣ, то хитрословіе твое въ этомъ случаѣ имѣло бы основаніе. Но какъ и самъ діаволъ не сталъ бы такимъ образомъ богохульствовать, то для чего же ты притворно принимаешь на себя такое непростительное невѣдѣніе, которымъ и демоны не прикрывали себя? Притомъ же слова: *Господь и Христосъ* относятся не къ существу, но къ достоинству. Первое означаетъ власть, а второе — помазаніе. Итакъ, что же ты скажешь о Сынѣ Божіемъ? Если бы Онъ и былъ сотворенъ, по вашему мудрованію,— эти изреченія не имѣли бы мѣста. Нельзя представить себѣ, что Онъ сперва былъ сотворенъ, а потомъ Богъ поставилъ Его (Господомъ и Христомъ). Онъ неотъемлемое имѣетъ начальство, и имѣетъ его по самому естеству и существу Своему. Будучи спрошенъ, Царь ли Онъ есть, отвѣчалъ: *азъ на сіе родихся* (Іоан. xviii, 57). А Петръ говоритъ здѣсь о Немъ, какъ о поставленномъ (въ Господа и Христа), и—это относится у него только къ воплощенію.

4. Что удивляешься, если Петръ говоритъ это? И Павелъ, бесѣдуя съ аѳинянами, называетъ Его только мужемъ, говоря такъ: *о мужѣ, его же предустави, вѣру подая всѣмъ, воскресивъ его отъ мертвыхъ* (Дѣян. xvii, 31). Ничего не говоритъ онъ здѣсь ни объ *образѣ Божіемъ*, ни о *равенствѣ* Его (со Отцемъ), ни о томъ, что Онъ есть *сіяніе славы Его*. Такъ и слѣдовало. Тогда еще не время было для такого ученія, а желательно было, чтобы они прежде приняли, что Онъ — человѣкъ и что воскресъ. Такъ дѣлалъ и самъ Христосъ; а отъ Него и Павелъ научившись, такимъ же образомъ устроялъ дѣла своей проповѣди. Не вдругъ Хри-

стосъ открылъ намъ Свое божество, но сперва былъ почитаемъ только за пророка и Христа, — какъ бы простого человѣка; уже впослѣдствіи изъ дѣлъ и словъ Своихъ явился тѣмъ, чѣмъ былъ. Потому-то и Петръ вначалѣ употребляетъ такой же образъ рѣчи. Это была первая всенародная проповѣдь его къ іудеямъ. И такъ
42 какъ они еще не въ состояніи были ясно познать божество Его, то апостолъ обращаетъ къ нимъ слово о воплощеніи, чтобы слухъ ихъ, пріобученный этимъ словомъ, предрасположенъ былъ и къ прочему ученію. Если захочетъ кто прочитать всю проповѣдь апостола отъ начала, для того весьма ясно будетъ то, что я говорю. Апостолъ Петръ также и мужемъ называетъ Его, и пространно разсуждаетъ о Его страданіи, воскресеніи и рожденіи по плоти. И Павелъ, когда говоритъ: *бывшемъ отъ сѣмене Давидова по плоти* (Рим. I, 3), не иное что внушаетъ намъ, а именно то, что слово: *сотвори* употреблено въ отношеніи къ воплощенію, какъ и мы исповѣдуемъ. Напротивъ, сынъ громовъ говоритъ намъ нынѣ о бытіи неизреченномъ и предвѣчномъ; потому, оставивъ слово — *сотвори*, Онъ поставилъ: *бѣ*; тогда какъ, если бы Сынъ Божій былъ созданъ, это-то особенно и нужно было бы съ точностію показать. Если Павелъ опасался, какъ бы кто-нибудь изъ неразумныхъ не предположилъ, что Сынъ больше Отца, и что Родившій нѣкогда покорится Ему, почему и говорилъ въ посланіи къ коринѳянамъ: *внегда же рещи, яко вся покорена суть ему, явѣ, яко развѣ покоршаго Ему вся* (1 Кор. XV, 27), — хотя кто могъ бы подумать, что Отецъ когда-нибудь подчинится Сыну, наравнѣ со всѣми тварями?—если Павелъ опасался такихъ безразсудныхъ мнѣній, и потому сказалъ: *развѣ покоршаго Ему вся*, то гораздо болѣе надлежало Іоанну, если бы Сынъ Божій былъ сотворенъ, опасаться, чтобы кто-нибудь не призналъ Его несотвореннымъ, и это-то прежде всего надлежало ему изъяснить. Но теперь, такъ какъ Сынъ рожденъ, то и справедливо ни Іоаннъ, ни другой какой-либо апостолъ, или пророкъ, не сказали, что Онъ сотворенъ. Да и самъ Единородный не преминулъ бы сказать объ этомъ, если бы это было такъ. Тотъ, кто по снисхожденію такъ смиренно говорилъ о Себѣ, тѣмъ болѣе не умолчалъ бы объ этомъ. Я считаю не невѣроятнымъ, что Онъ скорѣе умолчалъ бы о Своемъ величіи, которое имѣлъ, нежели, не имѣя его, оставилъ бы безъ замѣчанія, что Онъ не имѣетъ этого величія. То было благовидное побужденіе къ умолчанію — желаніе научить людей смиренномудрію, и поэтому Онъ умалчивалъ о томъ, что великаго принадлежитъ Ему А здѣсь ты не можешь указать никакого справедливаго предлога къ умолчанію. Если бы Онъ былъ созданъ, для чего было бы Ему умалчивать

о Своемъ происхожденіи, когда Онъ не упоминалъ о многомъ такомъ, что дѣйствительно принадлежало Ему? Тотъ, кто для наученія смиренномудрію часто говорилъ о Себѣ уничиженно, и приписывалъ Себѣ то, что на самомъ дѣлѣ не свойственно Ему, Тотъ, говорю, если бы былъ созданъ, гораздо болѣе не преминулъ бы сказать объ этомъ. Или ты не видишь, какъ Онъ самъ все съ тою цѣлію, чтобы никто не признавалъ Его *нерожденнымъ*, и говоритъ и дѣлаетъ, даже говоритъ о Себѣ повидимому несообразно съ Своимъ достоинствомъ и существомъ, и нисходитъ до смиренія пророка? Изреченіе: *яко же слышу, сужду*, также: *Онъ ми рече, что реку, и что возглаголю* (Іоан. v, 30; xii, 49) и тому подобныя свойственны только пророкамъ. Итакъ, если, желая отстранить такое предположеніе, Онъ не обинуясь говорилъ о Себѣ столь смиренныя слова, то тѣмъ болѣе Онъ говорилъ бы подобнымъ образомъ, если бы былъ созданъ, чтобы кто-нибудь не призналъ Его несозданнымъ,—напр.: „не думайте, что Я рожденъ отъ Отца; Я сотворенъ, а не рожденъ, и—не одного съ Нимъ существа". Но Онъ дѣлаетъ все напротивъ. Онъ употребляетъ такія выраженія, которыя невольно, даже не желающихъ того, заставляютъ принять противное мнѣніе. Такъ, Онъ говоритъ: *яко азъ въ Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. xiv, 10); также: *толико время съ вами есмь, и не позналъ еси Мене, Филиппе; видѣвый Мене видѣ Отца* (ст. 9); или: *да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца* 48
(Іоан. v, 23); *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихже хощетъ, живитъ* (ст. 21); *Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (ст. 17); *якоже знаетъ Мя Отецъ, и Азъ знаю Отца; Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. x, 15, 30). Вездѣ употребляя выраженіе: *якоже* и: *тако*, показываетъ, что Онъ *едино* съ Отцемъ и что имѣетъ нераздѣльное съ Нимъ существо. А силу власти Своей Онъ обнаруживаетъ какъ въ этихъ же изреченіяхъ, такъ и во многихъ другихъ,—такъ, напр., когда говоритъ: *молчи, престани; хощу, очистися; тебѣ глаголю, бѣсе глухій и нѣмый, изыди изъ него;* также: *слышасте, яко речено бысть древнимъ: не убіеши; Азъ же глаголю вамъ: яко гнѣваяйся на брата своего всуе, повиненъ есть* (Мар. iv, 39; Матѳ. viii, 3; Мар. ix, 55). И все другое подобное, что Онъ законополагаетъ и чудотворитъ, достаточно доказываетъ власть Его; а лучше сказать, и самая малѣйшая часть того можетъ вразумить и убѣдить людей, не совсѣмъ безчувственныхъ.

5. Но таковъ духъ тщеславія, что оно ослѣпляетъ разумъ увлекаемыхъ имъ людей, даже въ отношеніи къ самымъ очевиднымъ предметамъ, побуждаетъ противорѣчить даже признаннымъ истинамъ; а другихъ, и очень хорошо разумѣющихъ истину и увѣренныхъ въ ней, заставляетъ лицемѣрно противостоять ей.

Такъ было и съ іудеями. Не по невѣдѣнію отвергали они Сына Божія, а для того, чтобы получить честь отъ народа. *Вѣроваша*, сказано, *въ Него, но бояхуся, да не изъ сонмищъ изгнани будутъ* (Іоан. XII, 42), и изъ угожденія другимъ жертвовали собственнымъ спасеніемъ. Да и невозможно, невозможно тому, кто такъ раболѣпствуетъ временной славѣ, получить славу отъ Бога. Поэтому-то Христосъ и укорялъ іудеевъ, говоря: *како можете вѣровати, славу отъ человѣкъ пріемлюще, и яже отъ Бога, не ищуще* (Іоан. V, 44)? Это какое-то сильное упоеніе; объятый этою страстію, человѣкъ дѣлается неисправимъ. Она, отторгая отъ небесъ душу своихъ плѣнниковъ, пригвождаетъ ее къ землѣ, не позволяетъ ей воззрѣть къ свѣту истинному, побуждаетъ постоянно вращаться въ типѣ, приставляя къ нимъ владыкъ, столь сильныхъ, что они владѣютъ ими, даже ничего не приказывая. Тотъ, кто болитъ этою болѣзнію, хотя бы никто не приказывалъ ему, добровольно дѣлаетъ все, чѣмъ только думаетъ угодить своимъ владыкамъ. Для нихъ онъ одѣвается и въ одежды нарядныя, и украшаетъ лице, заботясь въ этомъ случаѣ не о себѣ, но объ угожденіи другимъ, и выводитъ съ собой на площадь провожатыхъ, чтобы заслужить отъ другихъ удивленіе, и все, что ни дѣлаетъ, предпринимаетъ единственно для угожденія другимъ. Итакъ, есть ли болѣзнь душевная тягостнѣе этой? Человѣкъ нерѣдко бросается въ бездну, чтобы только другіе удивлялись ему. Приведенныя слова Христовы достаточно показываютъ всю мучительную силу этой страсти: но можно еще познать ее и изъ слѣдующаго.
44 Если ты захочешь спросить кого-нибудь изъ гражданъ, дѣлающихъ большія издержки, для чего они тратятъ столько золота, и что значатъ такіе расходы, то ни о чемъ другомъ отъ нихъ не услышишь, такъ только объ угожденіи толпѣ. Если же ты опять спросишь ихъ: что же такое толпа?—они отвѣтятъ: это есть нѣчто шумное, многомятежное, большею частію глупое, безъ цѣли носящееся туда и сюда, подобно волнамъ моря, составляемое часто изъ разнообразныхъ и противоположныхъ мнѣній. Кто имѣетъ у себя такого владыку, не будетъ ли тотъ жалокъ болѣе всякаго другого? Впрочемъ, когда мірскіе люди прилѣпляются къ нему, это еще не такъ опасно, хотя дѣйствительно опасно. Но когда тѣ, которые говорятъ, что отреклись отъ міра, страдаютъ тою же или еще тягчайшею болѣзнію, то это крайне опасно. У мірскихъ только трата денегъ, а здѣсь опасность касается души. Когда правую вѣру мѣняютъ на славу и, чтобы прославиться самимъ, уничижаютъ Бога,—скажи мнѣ, не составляетъ ли это высшей степени безсмыслія и безумія?

Другія страсти, хотя заключаютъ въ себѣ большой вредъ,

но по крайней мѣрѣ приносятъ и нѣкоторое удовольствіе, хотя и временное и короткое. Такъ корыстолюбецъ, винолюбецъ, женолюбецъ, имѣютъ нѣкоторое удовольствіе, хотя и непродолжительное; но обладаемые страстію тщеславія всегда живутъ жизнію горькою, лишенною всякаго удовольствія. Они не достигаютъ того, что такъ любятъ, разумѣю—славы народной; а хотя повидимому и пользуются ею, на самомъ же дѣлѣ не наслаждаются, потому что это вовсе и не слава. Потому и самая страсть эта называется не славою, а тщеславіемъ. И справедливо всѣ древніе называли это тщеславіемъ. Она тщетна и не имѣетъ въ себѣ ничего блистательнаго и славнаго. Какъ личины кажутся (снаружи) свѣтлыми и пріятными, а внутри пусты, поэтому, хотя и представляются благообразнѣе тѣлесныхъ (естественныхъ) лицъ, однакожъ никогда еще и ни въ комъ ни возбуждали любви къ себѣ, точно такъ, или еще болѣе, слава у толпы прикрываетъ собою эту неудобоизлѣчимую и мучительную страсть. Она имѣетъ только снаружи видъ свѣтлый, а внутри не только пуста, но и полна безчестія и жестокаго мученія. Откуда же, скажешь, рождается эта безумная и не приносящая никакого удовольствія страсть? Ни откуда болѣе, какъ только отъ души низкой и ничтожной. Человѣкъ, увлекаемый славою, неспособенъ мыслить что-либо великое и благородное; онъ необходимо становится постыднымъ, низкимъ, безчестнымъ, ничтожнымъ. Кто ничего не дѣлаетъ для добродѣтели, а только одно имѣетъ въ виду—чтобы понравиться людямъ, не стоющимъ никакого вниманія, во всякомъ случаѣ слѣдуетъ погрѣшительному, блуждающему ихъ мнѣнію, тотъ можетъ ли стоить чего-нибудь? Замѣть же: если бы кто спросилъ его: какъ ты самъ думаешь о толпѣ?—безъ сомнѣнія, онъ сказалъ бы, что считаетъ толпу невѣжественною и бездѣльною. Что же? Захотѣлъ ли бы ты сдѣлаться подобнымъ этой толпѣ? Если бы и объ этомъ опять кто-нибудь спросилъ его, то я не думаю, чтобы онъ пожелалъ сдѣлаться такимъ же. Итакъ не крайне ли смѣшно искать славы у тѣхъ, кому самъ 45
никогда не захотѣлъ бы сдѣлаться подобнымъ?

6. Если же ты скажешь, что въ толпѣ много людей, и что они составляютъ одно, то поэтому-то особенно и надобно ее презирать. Если каждый изъ толпы самъ по себѣ достоинъ презрѣнія, то, когда такихъ много, они заслуживаютъ еще большаго презрѣнія. Глупость каждаго изъ нихъ, когда они собраны вмѣстѣ, становится еще большею, увеличиваясь отъ многочисленности. Поэтому каждаго изъ нихъ порознь конечно можно бы исправить, если бы кто взялъ на себя это дѣло, но не легко было бы исправить всѣхъ ихъ вмѣстѣ,—оттого, что безуміе ихъ

въ такомъ случаѣ увеличивается; они водятся обычаями животныхъ, во всякомъ случаѣ, слѣдуя одинъ за другимъ во мнѣніяхъ. Итакъ, скажите мнѣ: въ такой ли толпѣ будете вы искать славы? Нѣтъ, прошу и молю. Эта страсть все извратила; она породила любостяжаніе, зависть, клеветы, навѣты. Она вооружаетъ и ожесточаетъ людей, не потерпѣвшихъ никакой обиды, противъ тѣхъ, которые никакой обиды не сдѣлали. Подверженный этой болѣзни не знаетъ дружбы, не помнитъ пріязни, нисколько не хочетъ никого уважить; напротивъ, все доброе извергши изъ души, непостоянный, неспособный къ любви, противъ всѣхъ вооружается. Сила гнѣва, хотя и она мучительна и несносна, не постоянно однакожъ возмущаетъ духъ, а только въ то время, когда его раздражаютъ другіе. Напротивъ, страсть тщеславія—всегда, и нѣтъ, такъ сказать, времени, въ которое она могла бы оставить, потому что разумъ не препятствуетъ ей и не укрощаетъ ея; она всегда остается, и не только побуждаетъ ко грѣхамъ, но, если бы мы успѣли сдѣлать что-нибудь и доброе, она похищаетъ добро изъ рукъ. А бываетъ такъ, что она не допускаетъ и начать добраго дѣла. И если Павелъ лихоиманіе называетъ *идолослуженіемъ* (Еф. v, 5), то какъ, по справедливости, назвать матерь его (лихоиманія), корень и источникъ, то есть тщеславіе? Нельзя найти и названія, достойнаго этого зла!

Итакъ, воспрянемъ, возлюбленные, отложимъ эту порочную одежду, разорвемъ, разсѣчемъ ее, сдѣлаемся когда-нибудь свободны истинною свободою, и усвоимъ себѣ чувства достоинства, даннаго намъ отъ Бога. Пренебрежемъ славой у толпы. Нѣтъ ничего столь смѣшного и унизительнаго, какъ эта страсть; ничто столько не преисполнено стыда и безславія. Всякій можетъ видѣть, что желаніе славы во многихъ отношеніяхъ есть безславіе, и что истинная слава состоитъ въ томъ, чтобы презирать славу, считать ее за ничто, а все дѣлать и говорить только въ угож-
46 деніе Богу. Такимъ образомъ сможемъ мы и награду получить отъ Того, Кто видитъ всѣ наши дѣла въ точности, если только будемъ довольствоваться этимъ однимъ зрителемъ ихъ. Да и какая нужда намъ въ другихъ глазахъ, когда видитъ наши дѣла именно Тотъ, Кто будетъ и судитъ ихъ? Какъ это несообразно: рабъ, что ни дѣлаетъ, все дѣлаетъ въ угожденіе господину, не ищетъ ничего болѣе, какъ только его вниманія, не хочетъ привлекать на свои дѣла ничьихъ чужихъ взоровъ, хотя бы зрителями тутъ были и важные люди, но только то одно имѣетъ въ виду, чтобы видѣлъ его господинъ; а мы, имѣя столь великаго надъ собою Господа, ищемъ другихъ зрителей, которые не могутъ принести намъ никакой пользы, а могутъ только,

своими взглядами, повредить намъ и сдѣлать всякій трудъ нашъ напраснымъ. Да не будетъ этого, умоляю васъ! Но отъ кого мы имѣемъ получить награды, Того будемъ признавать и зрителемъ и прославителемъ нашихъ дѣлъ. Не будемъ ни въ чемъ полагаться на глаза человѣческіе. А если бы мы захотѣли достигнуть славы и между людьми, то получимъ ее тогда, когда будемъ искать единой славы отъ Бога. Сказано: *прославляющихъ Меня прославлю* (1 Цар. II, 30). И какъ богатствомъ мы тогда особенно обилуемъ, когда презираемъ его и ищемъ богатства только отъ Бога (потому что сказано: *ищите прежде царствія Божія и сія вся приложатся вамъ*,—Матѳ. VI, 33), такъ—и въ отношеніи къ славѣ. Когда уже безопасны будутъ для насъ и богатство и слава, тогда Богъ и подастъ намъ ихъ въ изобиліи. Но этотъ даръ бываетъ безопасенъ тогда, когда не овладѣваетъ нами, не покоряетъ насъ себѣ, не обладаетъ нами, какъ рабами, но остается въ нашей власти, какъ у господъ и свободныхъ. Для того-то Богъ и не позволяетъ намъ любить богатство и славу, чтобы они не овладѣвали нами. А когда мы достигнемъ такого совершенства, то Онъ и подастъ намъ ихъ съ великою щедростію. Кто, скажи мнѣ, славнѣе Павла, который говоритъ: *не ищемъ отъ человѣкъ славы, ни отъ васъ, ни отъ инѣхъ* (1 Сол. II, 6)? Кто счастливѣе ничего не имѣющаго и всѣмъ владѣющаго? Когда мы, какъ я выше сказалъ, не будемъ покоряться владычеству ихъ (богатства и славы), тогда и будемъ ими обладать, тогда ихъ и получимъ. Итакъ, если мы желаемъ получить славу, будемъ бѣгать славы. Такимъ образомъ, исполнивъ законы Божіи, сможемъ мы получить и здѣшнія и обѣтованныя блага, благодатію Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IV.

Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу (Іоан. I, 1).

1. Дѣтей, только еще начинающихъ учиться, учители не под- 45
вергаютъ сряду многимъ трудамъ, да и въ одинъ разъ немного занимаютъ ихъ науками, а понемногу, и притомъ одно и то же часто повторяютъ имъ, чтобы удобнѣе вложить свои уроки въ ихъ умъ, и чтобы дѣти, наскучивъ въ самомъ началѣ множествомъ (уроковъ) и трудностію ихъ для своей памяти, не сдѣлались оттого неспособнѣе къ усвоенію преподаваемаго, потому что отъ трудности можетъ произойти въ нихъ и нѣкоторое раз-

слабленіе. Такимъ же образомъ желая устроить и свои поученія и облегчить трудъ для васъ, я понемногу беру съ этой бо-
46 жественной трапезы и передаю душамъ вашимъ. Поэтому я снова коснусь тѣхъ же словъ Евангелія, не такъ, чтобы опять говорить одно и то же, а чтобы только присовокупить къ сказанному остальное. Итакъ, возведемъ же слово къ началу. *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу.* Когда всѣ прочіе евангелисты начинали съ воплощенія (Матѳей говоритъ: *книга родства Іисуса Христа сына Давидова;* Лука вначалѣ повѣствуетъ намъ о Маріи; и Маркъ подобнымъ же образомъ излагаетъ сначала повѣствованіе о Крестителѣ), для чего Іоаннъ только вкратцѣ коснулся этого премета, притомъ уже послѣ тѣхъ первыхъ словъ, сказавъ: *и Слово плоть бысть* (ст. 14), а все прочее,—Его зачатіе, рожденіе, воспитаніе, возрастаніе минуя, вдругъ возвѣщаетъ намъ о Его вѣч-
47 номъ рожденіи? Какая тому причина, я и скажу вамъ теперь. Такъ какъ прочіе евангелисты большею частью повѣствовали о человѣческомъ естествѣ Сына Божія, то должно было опасаться, чтобы поэтому самому кто-нибудь изъ людей, пресмыкающихся по землѣ, не остановился только на этихъ однихъ догматахъ, что и случилось съ Павломъ Самосатскимъ [1]). Итакъ, возводя склонныхъ къ паденію людей отъ такого пресмыканія по землѣ и привлекая къ небу, Іоаннъ справедливо начинаетъ свое повѣствованіе свыше, отъ бытія предвѣчнаго. Тогда какъ Матѳей приступилъ къ повѣствованію, начавъ отъ Ирода царя, Лука—отъ Тиверія Кесаря, Маркъ—отъ крещенія Іоаннова, — евангелистъ Іоаннъ, оставивъ все это, восходитъ выше всякаго времени и вѣка, и тамъ устремляетъ умъ своихъ слушателей къ одному: *въ началѣ бѣ,* и не позволяя уму нигдѣ остановиться, не полагаетъ ему предѣла, какъ тѣ (евангелисты)—Ирода, Тиверія и Іоанна. Но вмѣстѣ съ этимъ достойно удивленія и то, что какъ Іоаннъ, устремившись къ возвышеннѣйшему слову, не оставилъ однакожъ безъ вниманія и воплощенія, такъ и они съ особеннымъ тщаніемъ повѣствуя о воплощеніи, не умолчали также и о предвѣчномъ бытіи. И этому такъ быть должно, потому что одинъ Духъ двигалъ души всѣхъ ихъ; а потому они и показали совершенное единомысліе въ своемъ повѣствованіи. Ты же, возлюбленный, когда слышишь *о Словѣ,* никогда не терпи тѣхъ, которые называютъ Его твореніемъ, равно какъ и тѣхъ, которые почитаютъ Его простымъ словомъ. Много есть словъ божественныхъ, которыми дѣйствуютъ и ангелы, но ни одно изъ этихъ словъ не есть само Божество, а все это только пророчество и

[1]) Павелъ Самосатскій, епископъ антіохійскій, еретикъ III-го вѣка.

Божіе повелѣніе. Такъ обыкновенно называетъ Писаніе законы Божіи, повелѣнія и пророчества. Поэтому, и говоря объ ангелахъ, оно присовокупляетъ: *сильные крѣпостію, творящіи слово Его* (Пс. сп, 21). Напротивъ это Слово (о которомъ говоритъ евангелистъ Іоаннъ) есть ѵпостасное Существо, безстрастно происшедшее отъ самого Отца. Это именно, какъ я и прежде сказалъ, (евангелистъ) изобразилъ самымъ наименованіемъ *Слова*. Потому какъ изреченіе: *въ началѣ бѣ Слово* означаетъ вѣчность, такъ и выраженіе: *сей бѣ искони къ Богу* показываетъ Его совѣчность (съ Отцемъ). А чтобы ты, услышавъ: *въ началѣ бѣ Слово*, и признавъ его вѣчнымъ, не подумалъ однакожъ, что жизнь Отца на нѣкоторое разстояніе, то есть на большое число вѣковъ, предшествуетъ (жизни Сына), и такимъ образомъ чтобы ты не положилъ начала Единородному, (евангелистъ) присовокупляетъ: *искони бѣ къ Богу*, т. е. Онъ также вѣченъ, какъ самъ Отецъ. Отецъ никогда не былъ безъ Слова; но всегда былъ *Богъ* (Слово) *у Бога* (Отца), въ собственной однакожъ ѵпостаси. Но какъ же, скажешь ты, евангелистъ говоритъ, что Слово *въ мірѣ бѣ*, если Оно было дѣйствительно у Бога? Подлинно, оно и у Бога было, и въ мірѣ было: никакимъ мѣстомъ не ограничивается какъ Отецъ, такъ и Сынъ. Если *величію Его нѣсть конца, и разуму Его нѣсть числа* (Пс. CXLVI, 5), то ясно, что существо Его не имѣетъ никакого временнаго начала. Ты слышалъ, что *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*? Что ты думаешь объ этомъ началѣ? Безъ сомнѣнія то, что небо и земля произошли прежде всѣхъ видимыхъ твореній. Такъ когда слышишь о Единородномъ, что Онъ *въ началѣ бѣ*, разумѣй бытіе Его прежде всего мыслимаго и прежде вѣковъ. Если же кто скажетъ: какъ возможно Сыну не быть по времени послѣ Отца? происшедшій отъ кого-либо необходимо долженъ быть послѣ того, отъ кого произошелъ,—отвѣчаемъ, что таковы только человѣческія разсужденія, и тотъ, кто предлагаетъ такой вопросъ, будетъ пожалуй давать еще болѣе нелѣпые вопросы. Но этого не должно 48
бы допускать даже до слуха. У насъ нынѣ слово о Богѣ, а не о естествѣ человѣческомъ, подчиненномъ порядку и необходимости подобныхъ умствованій. Впрочемъ, для совершеннаго удовлетворенія людей болѣе слабыхъ, будемъ и на это отвѣчать.

2. Скажи мнѣ: сіяніе солнца изъ самаго ли естества солнечнаго истекаетъ, или изъ чего иного? Всякій, имѣющій неповрежденныя чувства, необходимо признаетъ, что сіяніе происходитъ отъ самаго естества солнца. Но, хотя сіяніе исходитъ отъ самаго солнца, однакожъ мы никогда не можемъ сказать, что оно существуетъ послѣ солнечнаго естества, потому что и солнце никогда не является безъ сіянія. Итакъ, если и въ видимыхъ и

чувственныхъ тѣлахъ то, что происходитъ отъ чего-нибудь другого, не всегда послѣ того существуетъ, отъ чего происходитъ, то почему ты не вѣришь этому въ разсужденіи невидимаго и неизреченнаго естества? И здѣсь тоже самое, только такъ, какъ сообразно это вѣчному существу. Поэтому и Павелъ назвалъ Сына сіяніемъ славы Отчей (Евр. I, 3), изображая этимъ и то, что Онъ рождается отъ Отца, и то, что Сынъ совѣчепъ Отцу. Скажи же мнѣ: всѣ вѣка и всякое пространство времени не чрезъ Сына ли произошли? И это необходимо долженъ признать всякій, кто не потерялъ еще ума. Итакъ, нѣтъ никакого разстоянія (времени) между Отцемъ и Сыномъ; а если нѣтъ, то Сынъ не послѣ Отца существуетъ, но совѣченъ Ему. Выраженія: *прежде* и: *послѣ* обозначаютъ понятія времени. Безъ вѣка или времени никто не могъ бы и представить себѣ такихъ понятій. А Богъ выше временъ и вѣковъ. Если же, не смотря на то, ты будешь утверждать, что Сынъ получилъ начало, то смотри, какъ бы чрезъ такія умозаключенія не дошелъ ты до необходимости и самого Отца подвести подъ какое-либо начало, подъ начало хотя первѣйшее, но все же—начало. Скажи мнѣ: приписывая Сыну какой бы то ни было предѣлъ или начало, и отъ этого начала восходя еще выше, не говоришь ли ты, что Отецъ существуетъ прежде Сына? Очевидно такъ. Скажи же далѣе: насколько прежде Отецъ существуетъ? Малое или великое разстояніе здѣсь ты укажешь, во всякомъ случаѣ ты подведешь Отца подъ начало. Очевидно, что, назвавъ это разстояніе великимъ или малымъ, ты будешь такимъ образомъ измѣрять его, но измѣрять нельзя, если съ той и другой стороны нѣтъ начала. Итакъ, для этого, сколько отъ тебя зависитъ, ты даешь начало и Отцу; и слѣдовательно, по вашему разсужденію, не будетъ уже безначальнымъ и Отецъ. Видишь ли, какъ истинно сказанное Спасителемъ, и какъ слово Его вездѣ являетъ свою силу? Какое это слово? *Иже не чтитъ Сына, не чтитъ и Отца* (Іоан. V, 23). Знаю, что для многихъ сказанное непонятно; потому мы во многихъ случаяхъ и остерегаемся вдаваться въ подобныя умозаключенія, такъ какъ простой народъ не можетъ слѣдить за ними, а если бы и сталъ слѣдить,—не удерживаетъ изъ нихъ ничего съ твердостію и точностію. *Помышленія бо смертныхъ боязлива и погрѣшительна умышленія ихъ* (Прем. IX, 14). Между тѣмъ я охотно спросилъ бы противниковъ нашихъ и о томъ, что значитъ сказанное у пророка: *прежде Мене не бысть инъ Богъ, и по Мнѣ не будетъ* (Ис. XLIII, 10). Если Сынъ послѣ Отца существуетъ, то какъ же сказано: *и по мнѣ не будетъ*? Или уже вы будете отвергать и самое существо Единороднаго? А необходимо или наконецъ на это дерзнуть,

или допустить единое Божество въ собственной ѵпостаси Отца и Сына. Также, какимъ образомъ истинно то, что *вся тѣмъ быша*? Если былъ вѣкъ прежде Его, то какимъ образомъ существовавшее прежде Него могло бы произойдти чрезъ Него? Видите ли, до какой дерзости доводитъ ихъ умствованіе, послѣ того, какъ однажды поколебали они истину? Почему же не сказалъ евангелистъ, что Сынъ произошелъ *изъ не сущаю* [1]), какъ изъясняетъ это Павелъ о всѣхъ тваряхъ, говоря: *нарицая не сущая, яко сущая* (Рим. IV, 17), а говоритъ: *въ началѣ бѣ*? Послѣднее же 49
выраженіе противуположно первому. Но оно весьма справедливо: Богъ не происходитъ ни отъ чего и не имѣетъ ничего первѣе Себя. Скажи же мнѣ еще: не признаешь ли ты, что Творецъ несравненно превосходнѣе своихъ тварей? Но, если бы Онъ былъ подобенъ имъ — тѣмъ, что происходилъ бы изъ несущаго, то гдѣ же было бы Его несравненное превосходство? А что значитъ изреченіе: *Азъ первый, и Азъ по сихъ, и прежде Мене не бысть инъ Богъ* (Исх. XLI, 4)? Если Сынъ не одного и того же существа съ Отцемъ, то Онъ есть иной Богъ; если Онъ не совѣченъ (Отцу), то послѣ Него; и если произошелъ не изъ существа Его, то очевидно—сотворенъ. Если же возразятъ, что это сказано для отличія (Бога) отъ идоловъ, то не должны ли согласиться, что здѣсь для отличія отъ идоловъ говорится о единомъ истинномъ Богѣ? А если это въ самомъ дѣлѣ сказано для отличія отъ идоловъ, то какъ же ты изъяснишь все это изреченіе: *по Мнѣ не будетъ инъ Богъ*? Не Сына отвергая, говоритъ такъ слово Божіе, а выражая только то, что кромѣ Бога (истиннаго) нѣтъ бога—идольскаго; но не то, что нѣтъ Сына. Хорошо, скажетъ кто-либо, но не должно ли поэтому и слова: *прежде Мене не бысть инъ Богъ* понимать такъ, что не было бога идольскаго, что слѣдовательно Сынъ былъ прежде Отца? Но какой демонъ могъ бы сказать это? Я думаю, что и самъ діаволъ не скажетъ этого. Съ другой стороны, если Сынъ не совѣченъ Отцу, то почему ты называешь бытіе Его безпредѣльнымъ? Если Онъ имѣетъ начало исперва, то хотя бы Онъ былъ безсмертенъ, Онъ не можетъ еще быть безпредѣльнымъ. Безпредѣльное должно быть безъ предѣловъ съ той и другой стороны. Изъясняя это, и Павелъ говоритъ: *ни начала днемъ, ни животу конца имѣя* (Евр. VII, 3), и такимъ образомъ выражаетъ и безначальность и безконечность, т. е., какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи Онъ не имѣетъ предѣла; какъ нѣтъ конца, такъ нѣтъ и начала.

8. Далѣе: какимъ образомъ, если Сынъ есть *животъ*, могло

---

[1]) Такъ говорили аріане о Сынѣ Божіемъ.

быть когда-нибудь время, въ которое Онъ не былъ [1])? Если Онъ есть *животъ*, какъ Онъ и дѣйствительно есть, то всѣ согласятся, что жизнь должна существовать всегда, быть безначальною и безконечною. Если же было время, когда Его не было, то какимъ бы образомъ Онъ былъ жизнію другихъ существъ, не будучи нѣкогда самъ жизнію? Но какъ же, скажетъ кто-либо, евангелистъ Іоаннъ самъ полагаетъ Ему начало, когда говоритъ: *въ началѣ бѣ*. А для чего, я скажу, ты обратилъ вниманіе на выраженія: *въ началѣ*, и: *бѣ*, а не помыслишь объ изреченіи—*Слово бѣ*? Что же? Когда пророкъ говоритъ объ Отцѣ: *отъ вѣка и до вѣка ты еси* (Пс. LXXXIX, 3), то ужели Онъ такимъ выраженіемъ полагаетъ Ему предѣлы? Никакъ: онъ выражаетъ вѣчность. Такъ разсуждай и здѣсь. Евангелистъ, говоря такъ о Сынѣ, не полагаетъ Ему предѣла. Онъ и не сказалъ о Сынѣ: имѣлъ начало, но—*въ началѣ бѣ*, чрезъ это *бѣ* внушая мысль о безначальномъ бытіи Сына. Но вотъ, скажетъ еще кто-либо, объ Отцѣ сказано съ приложеніемъ члена (ὁ), а о Сынѣ—безъ члена [2]). Что же? Когда апостолъ говоритъ: *великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа*, и также: *сый надъ всѣми Богъ*, то вотъ здѣсь онъ упоминаетъ о Сынѣ безъ члена. Но онъ дѣлаетъ это и въ отношеніи къ Отцу. Въ посланіи къ Филиппійцамъ онъ такъ говоритъ: *иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу* [3]) (II, 6). Также въ посланіи къ Римлянамъ: *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа* (Римл. I, 7). А съ другой стороны и излишне было прибавлять здѣсь членъ, потому что выше онъ былъ часто прилагаемъ къ слову: *Богъ*. Какъ объ
50 Отцѣ говоря, евангелистъ выражаетъ: *Духъ есть Богъ* (Іоан. IV, 24), и мы не отвергаемъ безтѣлесности въ Богѣ потому, что къ слову *Духъ* не приложено члена, такъ и здѣсь, хотя при выраженіи о Сынѣ не употреблено члена, однакожъ Сынъ поэтому не есть Богъ меньшій. Почему такъ? Потому что, повторяя слова: *Богъ* и: *Богъ*, евангелистъ не показываетъ намъ никакого раздѣленія въ Божествѣ; а даже напротивъ, сказавъ прежде—*Богъ бѣ Слово*, онъ, чтобы кто-нибудь не почелъ божество Сына меньшимъ, тотчасъ присовокупляетъ и доказательство истиннаго Его божества, приписываетъ Ему вѣчность: *сей бѣ*, говоритъ, *искони къ Богу*,

---

[1]) Здѣсь св. Златоустъ имѣетъ въ виду выраженіе аріанъ о Сынѣ Божіемъ: ἦν ὅτε οὐκ ἦν—было, когда Его не было.

[2]) Въ подлинномъ текстѣ Евангелія: καὶ ὁ Λόγος ἦν πρὸς τὸν Θεὸν καὶ Θεὸς ἦν ὁ Λόγος. Первое: πρὸς τὸν Θεὸν относится къ Отцу; а послѣднее: Θεὸς—къ Сыну. Аріане и аномеи отсюда дѣлали возраженіе, что Сынъ не имѣетъ единаго божескаго естества съ Отцемъ.

[3]) Здѣсь имя Бога двукратно повторяется безъ члена.

и—творческую силу: *вся тѣмъ быша и безъ него ничтоже бысть, еже бысть*. Это самое и Отецъ вездѣ чрезъ пророковъ поставляетъ преимущественнымъ доказательствомъ своего (божескаго) существа. И пророки часто употребляютъ этотъ видъ доказательства, и не просто только, но и вооружаясь противъ чествованія идоловъ. *Бози*, сказано, *иже небо и землю не сотвориша, да погибнутъ* (Іер. x, 11). И въ другомъ мѣстѣ: *Азъ рукою моею простроxъ небо* (Ис. xlv, 12); и во всякомъ случаѣ Онъ представляетъ это, какъ признакъ божественности. Но евангелистъ не довольствуется и этими изреченіями, а называетъ еще Его *животомъ* и *свѣтомъ*. Итакъ, если Онъ всегда былъ съ Отцемъ, если самъ все произвелъ, устроилъ и содержитъ (это выражается словомъ—*животъ*), если Онъ все просвѣщаетъ, то кто столько безуменъ, что скажетъ, будто евангелистъ хотѣлъ въ этихъ изреченіяхъ показать меньшую степень божества Его, тогда какъ ими-то особенно и можно доказать равенство и нераздѣльность Его (съ Отцемъ)? Не будемъ же смѣшивать твари съ Творцемъ, чтобы и намъ не услышать словъ: *почтоша и послужиша твари, паче Творца* (Рим. I, 25). Хотя и говорятъ нѣкоторые, что это сказано о небесахъ, но, говоря о нихъ, слово Божіе совершенно запрещаетъ служеніе всякой вообще твари, какъ дѣло языческое.

4. Да не подвергнемъ же себя этой клятвѣ! Для того и пришелъ (на землю) Сынъ Божій, чтобы освободить насъ отъ этого служенія. Для того Онъ принялъ зракъ раба, чтобы избавить насъ отъ этого рабства. Для того и подвергъ Себя оплеванію, заушенію, для того претерпѣлъ поносную смерть. Не сдѣлаемъ же всего этого безплоднымъ (для насъ), не будемъ возвращаться на прежнее, лучше же сказать—еще гораздо тягчайшее нечестіе. Не все равно—твари служить, и самого Творца низводить до ничтожества твари, сколько по крайней мѣрѣ это зависитъ отъ насъ, такъ какъ самъ Онъ пребываетъ всегда такимъ, каковъ есть, по сказанному: *ты же тойжде еси, и лѣта твоя не оскудѣютъ* (Пс. CI, 28). Будемъ же прославлять Его, по преданію Отцевъ; будемъ прославлять Его и вѣрою и дѣлами. Нѣтъ никакой пользы для нашего спасенія отъ правыхъ догматовъ, когда наша жизнь развращена. Потому направимъ ее къ благоугожденію Богу, удаляя себя отъ всякой нечистоты, несправедливости, любостяжанія, какъ странники и пришельцы, и чуждые (всему) здѣшнему. А если кто имѣетъ много денегъ и стяжанія, пусть пользуется ими, какъ странникъ, который спустя немного времени волею или неволею долженъ оставить ихъ. Если кто терпитъ обиду отъ кого-нибудь, пусть не вѣчно гнѣвается, а лучше пусть не гнѣвается и временно. Апостолъ не

позволяетъ намъ продолжать гнѣва болѣе одного дня. *Солнце*,
говоритъ онъ, *да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ* (Еф. IV, 26). И справедливо: надобно желать, чтобы и въ такое короткое время не
случилось ничего непріятнаго. А если еще и ночь застигнетъ
51 насъ (во гнѣвѣ), то дѣло будетъ для насъ еще хуже, потому что
отъ одного воспоминанія о немъ возродится въ насъ безмѣрный огонь, и мы на свободѣ съ большимъ огорченіемъ для себя будемъ размышлять о немъ. Поэтому-то прежде, нежели къ погибели нашей настанетъ покой ночи и мы возжемъ къ себѣ сильнѣйшій огонь, апостолъ и повелѣваетъ предупреждать и отвращать опасность. Страсть гнѣва сильна, сильнѣе всякаго пламени; потому и нужно съ большою поспѣшностію предупреждать силу огня и не допускать его до воспламененія. А болѣзнь эта бываетъ причиною многихъ золъ. Она ниспровергаетъ цѣлые домы, разрываетъ давнее содружество, въ короткое и скорое время производитъ самые неутѣшительные случаи. *Устремленіе бо ярости его*, сказано, *паденіе ему* (Сир. I, 22). Итакъ не оставимъ этого звѣря безъ обузданія, но набросимъ на него со всѣхъ сторонъ крѣпкую узду—страхъ будущаго суда. Если тебя оскорбитъ другъ, или огорчитъ кто-нибудь изъ ближнихъ—помысли тогда о согрѣшеніяхъ своихъ противъ Бога и о томъ, что своею кротостію въ отношеніи къ нимъ ты умилостивишь для себя болѣе и тотъ (будущій) судъ,—сказано: *оставите, и оставится вамъ* (Лук. VI, 37),—и гнѣвъ тотчасъ отбѣжитъ (отъ тебя). При этомъ обрати вниманіе также и на то, когда ты, будучи приведенъ въ ярость, удерживалъ себя, и когда былъ увлеченъ страстію; сравни то и другое время,—получишь и отсюда значительное исправленіе. Скажи мнѣ: когда ты хвалишь себя, тогда ли, когда былъ побѣжденъ (гнѣвомъ), или тогда, когда побѣдилъ? Не тогда ли именно (когда увлекаемся гнѣвомъ) мы наиболѣе обвиняемъ себя и стыдимся, хотя бы и никто насъ не обличалъ, и приходимъ къ раскаянію въ своихъ словахъ и дѣлахъ? А когда преодолѣваемъ гнѣвъ, не торжествуемъ ли тогда и не хвалимся ли, какъ побѣдители? Побѣда надъ гнѣвомъ состоитъ не въ томъ, чтобы воздавать за обиду тѣмъ же (это не побѣда, а совершенное пораженіе), но—въ томъ, чтобы съ кротостію переносить оскорбленія и поношенія. Не дѣлать, а терпѣть зло,—вотъ истинное преимущество. Поэтому не говори во гнѣвѣ: „вотъ и я возстану, вотъ и я нападу на него". Не сопротивляйся и тѣмъ, которые убѣждаютъ тебя укротить гнѣвъ, не говори: „не потерплю, чтобы такой-то насмѣялся надо мной". Да онъ никогда и не насмѣется надъ тобой, развѣ—когда ты самъ на него вооружишься. А если онъ и тогда посмѣется надъ тобой, то развѣ только въ безуміи

сдѣлаетъ это. Ты же, побѣждая, не ищи славы у безумныхъ, но признавай достаточнымъ для себя имѣть славу у людей разумныхъ. Но для чего я вывожу тебя на малое и ничтожное зрѣлище, составленное изъ людей? Воззри тотчасъ къ Богу, и Онъ тебя восхвалитъ. А тому, кто отъ Него прославляется, не должно искать чести отъ людей. Честь людская нерѣдко находится въ зависимости и отъ пріязни людей, и отъ вражды, и во всякомъ случаѣ не приноситъ никакой пользы. Напротивъ, судъ Божій чуждъ такого нестроенія и приноситъ прославляемому отъ Бога великую пользу. Итакъ къ этой-то славѣ и будемъ стремиться.

5. Хочешь ли узнать, какое великое зло—гнѣвъ? Стань на площади, когда тамъ ссорятся другіе. Въ себѣ самомъ тебѣ нельзя такъ видѣть это безобразіе, потому что разумъ во гнѣвѣ помрачается и сознаніе теряется, какъ у пьяныхъ. Но когда ты очистишься отъ этой страсти, тогда наблюдай въ другихъ себя самого, такъ какъ въ это время у тебя разсудокъ не поврежденъ. Итакъ, смотри вотъ на окружающую толпу, а среди ея на безчинствующихъ въ раздраженіи людей, подобно бѣснующимся. Когда ярость, возгорѣвшись въ груди, востанетъ и ожесточится, тогда 52
огнемъ дышатъ уста, огонь испускаютъ глаза, все лице вздувается, руки безпорядочно протягиваются, смѣшно прыгаютъ ноги и наскакиваютъ на удерживающихъ. Ничѣмъ не отличаются раздраженные отъ сумасшедшихъ, все дѣлая безъ сознанія, и даже не отличаются отъ дикихъ ословъ, когда тѣ бьютъ и кусаютъ другъ друга. Поистинѣ, безобразенъ человѣкъ раздраженный. Потомъ, когда послѣ этого столь смѣшного зрѣлища, они возвратятся домой и придутъ въ себя самихъ, то возъимѣютъ еще большую скорбь и страхъ, представляя себѣ, кто присутствовалъ при ихъ ссорѣ. Какъ безумные, прежде не видя присутствующихъ, потомъ, когда приходятъ въ сознаніе, разсуждаютъ, друзья ли были зрителями ихъ, или враги и непріятели. Равно боятся они тѣхъ и другихъ: первыхъ—потому, что они будутъ укорять ихъ и увеличатъ стыдъ; а вторыхъ—потому, что они будутъ радоваться о ихъ посрамленіи. А если имъ случилось еще нанести другъ другу раны, тогда тягчайшій бываетъ страхъ, чтобы не случилось чего-нибудь еще хуже съ раненнымъ, чтобы напримѣръ болѣзнь отъ ранъ не принесла ему смерти, или чтобы поднявшаяся неисцѣлимая опухоль не подвергла его жизнь опасности. „И что мнѣ была за надобность ссориться? Что за брань и ссоры? Пропадай они совсѣмъ". И вотъ они проклинаютъ всѣ тѣ случайныя обстоятельства, которыя послужили поводомъ къ ссорѣ. А глупѣйшіе изъ нихъ обвиняютъ въ происшествіи и лукавыхъ демоновъ и злой часъ.

Но не отъ злого часа это происходитъ, потому что и не бываетъ никогда злого часа, и не отъ злого демона это происходитъ, а отъ злобы увлеченныхъ гнѣвомъ. Они-то сами и демоновъ привлекаютъ и всякое зло на себя наводятъ. Но сердце, скажетъ кто-нибудь, отъ оскорбленій возмущается и терзается. Знаю это и я. Поэтому-то и превозношу тѣхъ, которые укрощаютъ этого ужаснаго звѣря. Если желаемъ, то можемъ отразить отъ себя эту страсть. Почему мы не подвергаемся этой страсти, когда укоряютъ насъ начальствующіе? Не потому ли, что въ насъ (при этомъ случаѣ) возникаетъ страхъ, равносильный этой страсти, который поражаетъ насъ и не допускаетъ даже зародиться въ насъ гнѣву? Почему и рабы, получая отъ насъ тысячи укоризнъ, все это переносятъ въ молчаніи? Но потому ли, что и на нихъ наложены тѣ же узы? Такъ и ты помысли о страхѣ Божіемъ, о томъ, что самъ Богъ тогда уничижаетъ тебя, повелѣвая тебѣ молчать, и ты все будешь переносить кротко. Скажи нападающему на тебя: что я могу тебѣ сдѣлать? Нѣкто иной удерживаетъ мою руку и языкъ мой. И эта мысль побудитъ и тебя и его къ благоразумію. Иногда изъ-за людей мы терпимъ даже несносныя обиды, и говоримъ оскорбителямъ нашимъ: не ты, а такой-то оскорбилъ меня. Къ Богу ли не будемъ имѣть даже и такого благоговѣнія? Какое же будетъ для насъ оправданіе? Итакъ, скажемъ нашей душѣ: Богъ насъ уничижаетъ нынѣ,—Богъ, удерживающій наши руки; не будемъ же храбриться, и да не будетъ для насъ Богъ менѣе людей досточтимъ. Вы ужасаетесь этихъ словъ? Но я желаю, чтобы вы страшились не словъ только, но и дѣлъ. Богъ повелѣлъ намъ не только терпѣть, когда насъ заушаютъ, но и быть готовыми переносить что-нибудь и хуже того. А мы напротивъ съ такимъ усиліемъ сопротивляемся, что не только не бываемъ готовы на злостраданія, но и стараемся мстить за себя, а часто даже первые поднимаемъ неправедныя руки; считаемъ себя униженными, если не воздадимъ тѣмъ же.
53 Странно, что мы считаемъ себя побѣдителями, тогда какъ терпимъ крайнее пораженіе и бываемъ повержены долу; получая безчисленные удары отъ діавола, думаемъ, что мы его преодолѣваемъ. Итакъ познаемъ, прошу васъ, этотъ родъ побѣды, и будемъ побѣждать такимъ образомъ. Злострадать значитъ быть увѣнчаннымъ. Если мы хотимъ быть прославлены отъ Бога, будемъ соблюдать не обычаи мірскихъ подвиговъ, а законъ, данный отъ Бога для подвиговъ духовныхъ; будемъ все переносить съ долготерпѣніемъ. Такимъ образомъ мы побѣдимъ и препирающихся съ нами, и все, что есть въ мірѣ этомъ, и обѣтованныя блага получимъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего

Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Св. Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА V.

Вся тѣмъ быша, и безъ него ничтоже бысть, еже бысть (Іоан. I, 3).

1. Моисей, въ началѣ бытописанія ветхаго завѣта, повѣствуетъ 53
намъ о предметахъ чувственныхъ и подробно исчисляетъ ихъ. Сказавъ: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, онъ потомъ присовокупляетъ, что произошелъ свѣтъ, твердь [1]), естество звѣздъ, всякаго рода животныя и все прочее; не будемъ останавливаться на каждомъ твореніи, чтобы не медлить. А евангелистъ Іоаннъ, все заключивъ въ одномъ изреченіи, обнимаетъ имъ и все видимое, и то, что выше видимаго. Оставляя то, что извѣстно его слушателямъ, а возводя мысль къ предметамъ болѣе возвышеннымъ и обнимая все творчество — вообще, онъ говоритъ не о твореніяхъ, но о Создателѣ, Который и произвелъ все изъ небытія въ бытіе. Такимъ образомъ Моисей касается только меньшей части созданія (такъ какъ ничего не сказалъ намъ о силахъ невидимыхъ), и тѣмъ ограничился. А евангелистъ, поспѣшая взойти къ самому Творцу, справедливо все прочее минуетъ, и сказанное, равно и умолчанное Моисеемъ заключаетъ въ одно краткое изреченіе: *вся тѣмъ быша*. Но чтобы ты не подумалъ, что онъ говоритъ только о томъ, что сказано и Моисеемъ, присовокупляетъ: *и безъ него ничтоже бысть, еже бысть*, т. е. ничто сотворенное, видимое или умомъ созерцаемое, не получило бытія иначе, какъ силою Сына. Послѣ слова: *ничтоже* мы не будемъ ставить точки, какъ дѣлаютъ еретики. Они, желая доказать, что Духъ Св. есть тварь, читаютъ такъ: *еже бысть, въ томъ животъ бѣ* (ст. 4). Но въ такомъ чтеніи нѣтъ смысла. И во-первыхъ, здѣсь не кстати было упоминать о Духѣ; а если евангелистъ и хотѣлъ упомянуть, то для чего употребилъ такое неясное выраженіе о Немъ? Да и откуда видно, что это сказано о Духѣ? А иначе мы, на основаніи такого изложенія словъ, можемъ заключить, что не Духъ, а Сынъ произошелъ чрезъ себя самого. Но остановитесь на этомъ изреченіи, чтобы оно не миновало васъ. Станемъ читать такъ, какъ они; такимъ образомъ нелѣпость для насъ будетъ еще очевиднѣе: *еже бысть, въ томъ животъ бѣ*. Они говорятъ, что здѣсь *животомъ* названъ Духъ. Но, какъ видно, этотъ самый *животъ* есть вмѣстѣ и *свѣтъ*, потому что евангелистъ при-

---

[1]) Въ подлинномъ у св. Златоуста: δεύτερος οὐρανός—второе небо.

совокупляетъ: *и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ* (ст. 4). Итакъ, по ихъ мнѣнію, *и свѣтъ человѣкомъ* у евангелиста означаетъ Духа. Что же? Когда евангелистъ продолжаетъ: *бысть человѣкъ посланъ отъ Бога, да свидѣтельствуетъ о свѣтѣ* (ст. 6, 7), — они уже необходимо дол-
54 жны допустить, что и здѣсь говорится о Духѣ. Кто выше названъ Словомъ, тотъ послѣ именуется и Богомъ, животомъ и свѣтомъ. Животъ, говоритъ евангелистъ, было Слово и этотъ же самый животъ былъ свѣтомъ. Итакъ, если Слово было *животъ* и Слово же *плоть бысть*, то и животъ *плоть бысть*,— и мы видѣли славу его, славу, какъ единороднаго отъ Отца. Слѣдовательно, какъ скоро они говорятъ, что здѣсь *животомъ* названъ Духъ, смотри, какія выходятъ отсюда нелѣпости: выходитъ, что не Сынъ воплотился, а Духъ, и что Духъ есть единородный Сынъ. А если не такъ, то, избѣгая этой нелѣпости, они при своемъ чтеніи могутъ впасть въ нелѣпость еще большую. Если они согласятся, что здѣсь сказано о Сынѣ, между тѣмъ не поставятъ нашихъ знаковъ препинанія и не станутъ читать такъ, какъ мы, то должны будутъ говорить, что Сынъ произошелъ самъ отъ себя,— потому что если Слово есть *животъ*, а *еже бысть, въ томъ животъ бѣ*, то, вслѣдствіе ихъ чтенія, Слово произошло отъ себя и чрезъ себя. Далѣе евангелистъ между прочимъ прибавляетъ: *и видѣхомъ славу Его, славу яко единороднаго отъ Отца*. Вотъ, по ихъ чтенію, и Духъ Святый становится единороднымъ Сыномъ, потому что все это повѣствованіе относится къ одному и тому же лицу. Видите ли, какъ извращается мысль, когда уклоняется отъ истины, и сколько происходитъ отсюда нелѣпостей? Итакъ, что же? Развѣ Духъ не есть свѣтъ, скажешь ты? Конечно—свѣтъ; но здѣсь сказано не о Немъ. Такъ Богъ называется духомъ, т. е. безтѣлеснымъ; но вѣдь не вездѣ же, гдѣ говорится о духѣ, разумѣется Богъ. И что удивляешься, если мы это говоримъ объ Отцѣ? Мы и объ Утѣшителѣ не станемъ утверждать, что, гдѣ только говорится о духѣ, тамъ непремѣнно разумѣется Утѣшитель. Хотя это и есть наиболѣе отличительное Его имя, но не вездѣ, гдѣ встрѣчается слово: *духъ*, надобно разумѣть Утѣшителя. Также и Христосъ называется *Божія сила и Божія премудрость*; но не вездѣ, гдѣ говорится о силѣ и премудрости Божіей, разумѣется Христосъ. Такъ и здѣсь: хотя и Духъ просвѣщаетъ, но теперь евангелистъ говоритъ не о Духѣ. Впрочемъ, когда мы и доводимъ ихъ до такихъ нелѣпостей, они, снова усиливаясь противостоять истинѣ и все еще держась своего чтенія: *еже бысть, въ томъ животъ бѣ*, объясняютъ это такъ, что все сотворенное было—жизнь. Что же? И казнь содомлянъ, и потопъ, и геенна, и тому подобное все это—жизнь? Но мы, говорятъ они, разумѣемъ

созданіе. Но и то, что нами теперь указано, конечно относится къ созданію. Однакожъ, чтобы вполнѣ изобличить ихъ, спросимъ ихъ: скажи мнѣ, дерево—жизнь? Камень—жизнь? Эти бездушные 55
и неподвижные предметы — жизнь? Да и человѣкъ — жизнь совершенная? Кто это скажетъ? Человѣкъ — не самобытная жизнь, а только существо, причастное жизни.

2. Но посмотри и здѣсь, какія опять нелѣпости. Станемъ выводить заключенія тѣмъ же порядкомъ, чтобы дознать все безсмысліе. Такимъ образомъ они приписываютъ Духу то, что никогда нисколько Ему не приличествуетъ. А начавъ съ этого, они уже людямъ приписываютъ то, что по ихъ мнѣнію дѣйствительно сказано о Духѣ. Разсмотримъ еще это чтеніе. Тварь тутъ называется жизнію; слѣдовательно она есть и свѣтъ, и о ней-то свидѣтельствовать приходилъ Іоаннъ. Отчего же и самъ онъ—не свѣтъ? Сказано: *не бѣ той свѣтъ*. Но вѣдь онъ принадлежалъ къ числу тварей? Почему же онъ—не свѣтъ? Какимъ образомъ *въ мірѣ бѣ и міръ тѣмъ бысть*? Тварь ли была въ твари и тварь произошла чрезъ тварь? Какъ же *міръ его не позна*? Тварь не познала твари? *Елицы же пріяша его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти* (ст. 12). Но довольно уже смѣха; я предоставляю вамъ самимъ прослѣдовать всѣ эти чудовищныя мысли, чтобы не подумали, будто я говорилъ это просто для забавы, и чтобы не тратить попустому времени. Если тѣ слова сказаны не о Духѣ (какъ и дѣйствительно не сказаны и какъ я уже показалъ), не сказаны и о твари, а несмотря на то, они все еще держатся своего чтенія, то наконецъ отсюда должно выйти еще нелѣпѣйшее слѣдствіе,—что, какъ мы уже прежде сказали, Сынъ произошелъ самъ чрезъ Себя. Если *свѣтъ истинный* есть Сынъ, а свѣтъ этотъ есть и *животъ*, и животъ былъ въ Немъ самомъ, то по ихъ чтенію такое заключеніе необходимо. Итакъ, оставимъ его и обратимся къ надлежащему чтенію и изъясненію. Какое же правильное чтеніе? Словами: *еже бысть* надобно закончить предъидущую мысль, а затѣмъ начать слѣдующія слова: *въ томъ животъ бѣ*. Слова эти значатъ тоже, что и предъидущія: *безъ него ничтоже бысть, еже бысть*. Изъ всего, говоритъ, что только существуетъ, ничто не произошло безъ Него. Видишь ли, какъ этимъ краткимъ прибавленіемъ евангелистъ устраняетъ всѣ могущія представиться несообразности? Сказавъ: *безъ него ничтоже бысть* и присовокупивъ: *еже бысть*, онъ такимъ образомъ обнялъ всѣ твари, даже и умопостигаемыя, и исключилъ изъ нихъ Св. Духа. Такое прибавленіе и нужно было, чтобы на его слова: *вся тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть* кто-либо не сказалъ: „если все произошло чрезъ Него, то чрезъ Него же произошелъ и

Духъ". Я, говоритъ онъ, сказалъ, что все, что ни сотворено, чрезъ Него произошло, невидимое ли то, или безтѣлесное, или небесное. Поэтому-то не просто я сказалъ: *все*, а—*все, еже бысть*, то есть все сотворенное. Но Духъ не сотворенъ. Видишь ли, какъ точно ученіе? Евангелистъ только упомянулъ о сотвореніи видимыхъ тварей, такъ какъ объ этомъ уже прежде училъ Моисей; евангелистъ уже наставленныхъ въ этомъ предметѣ людей возводитъ къ высшимъ созданіямъ, т. е. безтѣлеснымъ и невидимымъ, и вовсе исключаетъ изъ числа ихъ Святаго Духа. Подобнымъ образомъ говорилъ и Павелъ, вдохновенный благодатію: *яко тѣмъ создана быша всяческая* (Колос. I, 16). Вотъ и здѣсь опять такая же точность, потому что тотъ же Духъ управлялъ и душею Павла. И вотъ, чтобы кто не исключилъ чего-

56 либо сотвореннаго изъ созданія Божія,—такъ какъ есть твари невидимыя,—а съ другой стороны, чтобы не включилъ кто въ ихъ число Утѣшителя, Павелъ, минуя твари чувственныя и всѣмъ извѣстныя, исчисляетъ созданія небесныя и говоритъ: *аще престоли, аще господствія, аще начала, аще власти* (Колос. I, 16). Частица: *аще*, поставленная предъ каждымъ словомъ, выражаетъ не другое что, какъ и тѣ слова: *вся тѣмъ быша и безъ него ничтоже бысть, еже бысть*. А если тебѣ кажется, что выраженіе: *тѣмъ* [1]) какъ бы уменьшаетъ Его достоинство, то послушай, что говоритъ Павелъ: *въ началѣ ты, Господи, землю основалъ еси, и дѣла руку твоею суть небеса* (Евр. I, 10). Такимъ образомъ что́ сказано у пророка (Псал. CI, 26) объ Отцѣ, какъ Создателѣ, то Павелъ говоритъ о Сынѣ, изображая Его не иначе, какъ Творца, а не такъ, какъ бы Онъ имѣлъ значеніе существа только служебнаго. А если здѣсь сказано: *тѣмъ* (чрезъ Него), то это такъ выражено для того только, чтобы кто-нибудь не сталъ почитать Сына нерожденнымъ. Но что въ отношеніи къ созданію Ему принадлежитъ достоинство, нисколько не меньшее Отца, объ этомъ послушай Его самого: *яко же Отецъ*, говоритъ Онъ, *воскрешаетъ мертвыя и живитъ, такожде и Сынъ ихже хощетъ живитъ* (Іоан. V, 21). Итакъ, если и въ ветхомъ завѣтѣ сказано о Сынѣ: *въ началѣ ты, Господи, землю основалъ еси*, то Его достоинство, какъ Создателя, очевидно. Если же ты скажешь, что пророкъ говорилъ эти слова собственно объ Отцѣ, а Павелъ только приписалъ Сыну сказанное объ Отцѣ, то и такимъ образомъ выходитъ тоже самое. Да Павелъ и не рѣшился бы приписать этого Сыну, если бы не былъ совершенно увѣренъ въ равночестности(Отца и Сына). Было бы крайне дерзновенно принадлежащее естеству, ни съ

---

[1]) Въ греч. текстѣ Евангелія сказано: δι' αὐτοῦ, чрезъ Него.

чѣмъ несравнимому, относить къ естеству меньшему и подчиненному.

3. Но Сынъ не меньше и не ниже Отца по существу. Поэтому Павелъ дерзнулъ сказать о Немъ не только вышеуказанныя слова, но еще и нѣчто другое. Выраженіе: *изъ него*, которое ты признаешь исключительно достойнымъ одного Отца, Павелъ употребляетъ и о Сынѣ, говоря такъ: *изъ него же все тѣло составы и союзы подаемо и снемлемо, раститъ возращеніе Божіе* (Колос. II, 19). Но не довольствуется онъ и этимъ; а и съ другой стороны заключаютъ вамъ уста, прилагая выраженіе: *имже* [1]) къ Отцу,— выраженіе, которое по твоимъ словамъ означаетъ меньшее достоинство: *вѣренъ Богъ*, говоритъ онъ, *имже звани бысте во общеніе Сына Его* (1 Кор. I, 9). Также: *волею его*. И еще: *яко изъ того, и тѣмъ, и въ немъ всяческая* (Рим. XI, 36). Но не только о Сынѣ говорится: *изъ того*, но и о Духѣ. Такъ ангелъ сказалъ Іосифу: *не убойся пріяти Маріамъ жены твоея: рождшееся бо въ ней отъ Духа есть свята*. Равнымъ образомъ и выраженіе: *о немъ*, относящееся къ Духу, пророкъ не отказывается приложить и къ Богу (Отцу), говоря такъ: *о Бозѣ сотворимъ силу* (Пс. LIX, 14). И Павелъ говорилъ: *моляся, аще убо когда поспѣшенъ буду волею Божіею пріити къ вамъ* (Рим. I, 10); и ко Христу относитъ тоже выраженіе: *о Христѣ Іисусѣ*. Такихъ выраженій, безразлично употребляемыхъ, мы можемъ много и часто находить въ Писаніи, чего не могло бы быть, если бы повсюду не предполагалось одно и тоже существо. Не думай также, что въ словахъ: *вся тѣмъ быша* говорится здѣсь о чудесахъ: о нихъ повѣствовали прочіе евангелисты. А Іоаннъ послѣ этихъ словъ присовокупляетъ: *въ мірѣ бѣ и* 57
міръ тѣмъ бысть (ст. 10),—міръ, а не Духъ, потому что Онъ не есть твореніе, а выше всякой твари. Но поспѣшимъ далѣе. Сказавъ о созданіи: *вся тѣмъ быша, и безъ него ничтоже бысть, еже бысть*, Іоаннъ прилагаетъ къ тому и ученіе о промыслѣ въ слѣдующихъ словахъ: *въ томъ животъ бѣ*. А присовокупилъ эти слова: *въ томъ животъ бѣ*—для того, чтобы никто не сомнѣвался, какимъ образомъ все чрезъ Него произошло. Какъ въ бездонномъ источникѣ сколько ни черпай воды, не уменьшишь источника, такъ и творческая сила Единороднаго, сколько бы ни было создано или произведено ею, нисколько отъ того не уменьшается. Или лучше я употреблю болѣе свойственное этой силѣ сравненіе, именно назову ее свѣтомъ, какъ и самъ евангелистъ говоритъ далѣе: *и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ*. Какъ свѣтъ, хотя бы освѣщалъ неисчислимое множество предметовъ, нисколько от-

[1]) Греч. δι' οὗ.

того не уменьшается въ своей свѣтлости, такъ въ Богѣ, и прежде и послѣ сотворенія: сила нисколько не оскудѣваетъ, ни мало не умаляется и не ослабѣваетъ отъ многочисленности творенія; но, хотя бы надлежало произойти еще тысячѣ такихъ міровъ, хотя бы и безконечному множеству ихъ, Его сила довлѣетъ на всѣхъ, чтобы не только произвести ихъ, но и сохранить послѣ созданія. Наименованіе *жизни*, употребленное здѣсь, относится не только къ созданію, но и къ промышленію о сохраненіи созданнаго. Кромѣ того, говоря о жизни, евангелистъ полагаетъ основаніе ученію о воскресеніи и предначинаетъ то дивное благовѣстіе, что, съ пришествіемъ къ намъ жизни, разрушена держава смерти, что по озареніи насъ свѣтомъ, ужъ нѣтъ тьмы, а всегда пребываетъ въ насъ жизнь, и смерть уже не можетъ преодолѣвать ее. Итакъ вполнѣ можно сказать и о Сынѣ то, что сказано объ Отцѣ: *о немъ живемъ и движемся и есмы* (Дѣян. XVII, 25). Это и Павелъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: *яко тѣмъ создана быша всяческая, и всяческая въ немъ состоятся* (Колос. I, 16, 17). Поэтому Сынъ называется и корнемъ и основаніемъ.

Но, когда слышишь, что *въ томъ животъ бѣ*, не представляй Его себѣ сложнымъ, потому что впослѣдствіи Онъ говоритъ и объ Отцѣ: *якоже Отецъ иматъ животъ въ себѣ, тако даде и Сынови животъ имѣти* (Іоан. V, 26). Ты не скажешь по этому поводу объ Отцѣ, что Онъ сложенъ; не говори же и о Сынѣ. Въ другомъ мѣстѣ сказано, что *Богъ есть свѣтъ* (1 Іоан. I, 5), также — что *онъ живетъ во свѣтѣ неприступнѣмъ* (1 Тим. VI, 12). Но все это говорится не для того, чтобы дать намъ понятіе о сложности, а чтобы мало-по-малу возвести насъ на высоту догматовъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ для народа не легко было понять, какимъ образомъ Онъ имѣетъ жизнь самъ въ Себѣ, то онъ и говорилъ сначала о томъ, что не такъ высоко, а потомъ, научивъ ихъ, уже возводитъ къ болѣе возвышеннымъ истинамъ. Тотъ, кто сказалъ, что Ему (Отецъ) *даде животъ имѣти*, самъ потомъ говоритъ: *Азъ есмь жизнь*, и еще: *Азъ есмь свѣтъ*. А какой это свѣтъ? Свѣтъ не чувственный, а духовный, просвѣщающій душу. Такъ какъ Христосъ говорилъ: *никтоже можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ привлечетъ его* (Іоан. VI, 44), то евангелистъ, предваряя эти слова, и сказалъ, что Онъ есть тотъ, который просвѣщаетъ, чтобы ты, услыша что-либо подобное объ Отцѣ, не приписалъ того только одному Отцу, но и Сыну, — *ибо вся*, говоритъ
58 Онъ, *елика иматъ Отецъ мой, моя суть* (Іоан. XVI, 15). Итакъ, евангелистъ сперва поучаетъ насъ о созданіи, потомъ говоритъ и о духовныхъ благахъ, дарованныхъ намъ съ пришествіемъ Спасителя, и означаетъ ихъ однимъ словомъ: *животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ*. Не сказалъ: *бѣ свѣтъ* іудеямъ, но — всѣмъ людямъ, потому

что не іудеи только, а и язычники получили познаніе о Немъ, и свѣтъ этотъ прилагается въ общеніе всѣмъ. Но почему евангелистъ не присоединилъ сюда и ангеловъ, а сказалъ только о людяхъ? Потому, что у евангелиста теперь слово о родѣ человѣческомъ, и потому, что Спаситель къ нему пришелъ благовѣствовать благая. *И свѣтъ во тмѣ свѣтится* (ст. 5). Тьмою здѣсь называетъ и смерть и заблужденіе. Свѣтъ чувственный сіяетъ не во тьмѣ, а когда нѣтъ тьмы; но проповѣдь евангельская свѣтила среди мрака заблужденія, все облегавшаго, и разсѣевала его. Свѣтъ этотъ проникъ и въ самую смерть и побѣдилъ ее, такъ что уже одержимыхъ смертію избавилъ отъ нея. Итакъ, поелику ни смерть, ни заблужденіе не преодолѣли этого свѣта, но онъ всюду блистаетъ и свѣтитъ собственною силою, то евангелистъ и говоритъ: *и тма его не объятъ*. Да онъ и неодолимъ и не любитъ обитать въ душахъ, не желающихъ просвѣщенія.

4. Но, если онъ не всѣхъ объемлетъ, ты не долженъ этимъ смущаться. Богъ приближается къ намъ не съ принужденіемъ, не противъ нашей воли, но по нашему желанію и благорасположенію. Не заключай дверей для этого свѣта — и получишь много наслажденія. А приходитъ къ намъ этотъ свѣтъ посредствомъ вѣры и, пришедши, въ обиліи просвѣщаетъ того, кто пріемлетъ его. И если ты представишь ему чистую жизнь, онъ постоянно будетъ обитать въ тебѣ. *Любяй Мя, заповѣди моя соблюдетъ*, говоритъ Спаситель, *и пріидемъ къ нему* (Я и Отецъ мой) *и обитель у него сотворимъ* (Іоан. XIV, 24). Какъ никто не можетъ пользоваться свѣтомъ солнечнымъ, не открывая глазъ, такъ никто не можетъ участвовать въ этомъ просвѣщеніи, не отверзая вполнѣ очей души и не изощривъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. А какъ это можно сдѣлать? Очищая душу отъ всякой страсти. Грѣхъ есть тьма и тьма глубокая; и это видно изъ того, что онъ совершается безразсудно и тайно. *Всякъ бо, дѣлаяй злая, ненавидитъ свѣта и не приходитъ къ свѣту* (Іоан. III, 20). *А бываемая отай срамно есть и глаголати* (Еф. V, 12). Какъ во тьмѣ мы не распознаемъ ни друга, ни врага и вовсе не узнаемъ свойства вещей, такъ — и въ грѣхѣ. Человѣкъ любостяжательный не отличаетъ друга отъ врага; завистникъ и на человѣка самаго благорасположеннаго къ нему смотритъ, какъ на врага; навѣтникъ одинаково вооруженъ противъ всѣхъ,—словомъ: всякъ, дѣлающій грѣхъ, ничѣмъ не отличается отъ людей, упивающихся и бѣснующихся, въ томъ отношеніи, что не распознаетъ свойства предметовъ. И какъ ночью на наши глаза — все равно: дерево ли, или свинецъ, желѣзо, серебро, или золото, или драгоцѣнный камень, потому что для различенія этихъ предметовъ недостаетъ свѣта, такъ чело-

вѣкъ, ведущій нечистую жизнь, не постигаетъ ни доблести цѣло-
59 мудрія, ни красоты любомудрія. Вѣдь во тьмѣ, какъ я сказалъ, и драгоцѣнные камни не обнаруживаютъ своей красоты, не сами по себѣ, но по незнанію тѣхъ, кто смотритъ. Но не эта одна бѣда постигаетъ насъ, когда мы живемъ во грѣхахъ; мы живемъ тогда еще и въ постоянномъ страхѣ. Какъ находящіеся въ пути въ безлунную ночь чувствуютъ страхъ, хотя бы и ничего страшнаго не было, такъ и грѣшники не могутъ имѣть дерзновенія, хотя бы и никто не обличалъ ихъ; но, чувствуя угрызенія совѣсти, они всего боятся, все подозрѣваютъ, все на нихъ наводитъ страхъ и ужасъ, на все озираются съ боязнію, всего трепещутъ. Будемъ же убѣгать такой мучительной жизни. А за такою мукою еще послѣдуетъ смерть, смерть безсмертная; тогда не будетъ и конца наказанію. Здѣсь же ничѣмъ не отличаются отъ умопомѣшанныхъ тѣ, которые, какъ бы во снѣ, представляютъ себѣ вещи небывалыя. Такъ воображаютъ себя богатыми, не будучи богатыми; думаютъ раскошествовать, не имѣя никакого удовольствія; и не прежде они узнаютъ, какъ должно, такое заблужденіе, пока не освободятся отъ умопомѣшательства, или пока не отрясутъ съ себя сна. Поэтому-то Павелъ заповѣдуетъ всѣмъ трезвиться и бодрствовать; тоже повелѣваетъ и Христосъ. Кто трезвится и бодрствуетъ, тотъ, хотя бы увлекся грѣхомъ, немедленно отражаетъ его; а кто спитъ или безумствуетъ, тотъ и не чувствуетъ, какую власть имѣетъ надъ нимъ грѣхъ. Не будемъ же спать. Теперь не ночь, а день; потому *якоже во дни, благообразно да ходимъ* (Рим. XIII, 13). Ничего нѣтъ постыднѣе грѣха. Въ этомъ отношеніи не такъ худо въ наготѣ ходить, какъ во грѣхахъ и преступленіяхъ. Нагота еще не такое преступленіе,— нерѣдко она происходитъ и отъ нищеты; но ничего нѣтъ по-
60 стыднѣе и презрѣннѣе грѣха. Представимъ себѣ тѣхъ, которыхъ ведутъ въ судилище за кражу и подлогъ: какой срамъ и смѣхъ покрываетъ ихъ, какъ людей безстыдныхъ, лживыхъ и наглыхъ! Намъ непріятно и тяжко терпѣть, чтобы верхняя одежда была надѣта на насъ небрежно или навыворотъ; даже когда и на другихъ увидимъ это, то исправляемъ; а когда всѣ мы и ближніе наши ходимъ на головахъ, то не замѣчаемъ этого. Скажи мнѣ, что можетъ быть постыднѣе, какъ мужчинѣ входить къ распутной женщинѣ? Кто заслуживаетъ болѣе осмѣянія, чѣмъ человѣкъ сварливый, склонный къ злословію и завистливый? Отчего же все это кажется не такъ стыдно, какъ ходить въ наготѣ? Только отъ привычки. Этого никто никогда не дозволялъ себѣ по доброй волѣ; а на грѣхи осмѣливаются всегда всѣ, безъ всякаго страха. Конечно, если бы кто вошелъ въ сонмъ ангеловъ, въ которомъ

никогда ничего такого не бывало, то увидѣлъ бы, какъ это достойно посмѣянія. Но что я говорю о сонмѣ ангеловъ? Если бы кто въ царскихъ чертогахъ, введши блудницу, воспользовался ею, или упился виномъ, или дозволилъ себѣ другой какой-либо безчестный поступокъ, такой подвергся бы самому строгому наказанію. Если же въ царскихъ чертогахъ не терпимы подобныя дерзости, тѣмъ болѣе мы должны подвергнуться крайнему наказанію, если осмѣливаемся на такія дѣла въ присутствіи Царя вездѣсущаго и всевидящаго. Поэтому, умоляю, покажемъ въ образѣ жизни нашей скромность и чистоту. Мы имѣемъ Царя, Который непрестанно зритъ всѣ дѣла наши. А чтобы насъ озарялъ всегда въ обиліи высшій свѣтъ, будемъ привлекать къ себѣ его лучъ. Тогда мы будемъ наслаждаться и настоящими и будущими благами, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VI.

Бысть человѣкъ посланъ отъ Бога, имя ему Іоаннъ (Іоан. I, 6).

Евангелистъ, вначалѣ сказавъ намъ о Богѣ Словѣ то, что 59
было особенно нужно, далѣе послѣдовательно и по порядку переходитъ къ соименному съ нимъ проповѣднику Слова, Іоанну. А ты, слыша, что онъ посланъ былъ отъ Бога, не принимай его словъ за человѣческія. Все онъ вѣщалъ не отъ себя, но отъ Пославшаго его. Поэтому называется онъ и ангеломъ (вѣстникомъ), такъ какъ дѣло вѣстника— ничего не говорить отъ себя. Слово: *бысть* означаетъ здѣсь не происхожденіе его, а именно его посланіе. *Бысть посланъ отъ Бога*, то есть, его Богъ послалъ. Какъ же говорятъ, что слова: *во образѣ Божіи сый* (Фил. II, 6) не выражаютъ равенства Сына со Отцемъ, потому что (къ слову: *Богъ*) не приложенъ членъ (ὁ)? Вотъ и здѣсь [1]) совсѣмъ нѣтъ члена. Между тѣмъ, развѣ здѣсь рѣчь не объ Отцѣ? А что сказать о словахъ пророка: *се азъ послю ангела моего предъ лицемъ твоимъ, иже уготовитъ путь твой* (Малах. III, 1)? Слова: *мой* и *твой* указываютъ на два лица. *Сей пріиде во свидѣтельство, да свидѣтельствуетъ о свѣтѣ* (Іоан. I, 7). Что же, скажетъ кто-нибудь, рабъ свидѣтельствуетъ о Господѣ? Но не будешь ли ты еще болѣе

[1]) Въ словахъ: *бысть человѣкъ посланъ отъ Бога*

изумляться и недоумѣвать, когда увидишь, что Господь не только получаетъ свидѣтельство отъ раба, но и приходитъ къ нему и
60 вмѣстѣ съ іудеями принимаетъ крещеніе отъ него? Однакожъ не смущаться и колебаться мыслію, а изумляться должно Его неизглаголанной благости. Если же кто остается въ недоумѣніи и смущеніи, то Господь и ему скажетъ тоже, что сказалъ Іоанну: *остави нынѣ, тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (Матѳ. ш, 15). А кто и послѣ этого сталъ бы смущаться, тому Онъ скажетъ тоже, что сказалъ іудеямъ: *не отъ человѣка свидѣтельство пріемлю* (Іоан. v, 34). Но если Онъ не имѣетъ нужды въ такомъ свидѣтельствѣ, для чего же посланъ былъ отъ Бога Іоаннъ? Не для того, что онъ имѣлъ нужду въ его свидѣтельствѣ (говорить это было бы крайнимъ богохульствомъ). А для чего? Это изъясняетъ намъ евангелистъ, когда говоритъ: *да вси вѣру имутъ ему*[1]) (тамъ же, I, 7). А если самъ Христосъ говоритъ: *не отъ человѣка свидѣтельство пріемлю*, то да не подумаютъ несмысленные, что Онъ самъ Себѣ противорѣчитъ, говоря здѣсь такъ, а въ другомъ мѣстѣ — такъ: *инъ есть свидѣтельствуяй о Мнѣ и вѣмъ, яко истинно есть свидѣтельство его* (Іоан. v, 30). Въ послѣднемъ случаѣ онъ разумѣлъ Іоанна, а сказавъ: *не отъ человѣка свидѣтельство пріемлю*, онъ тотчасъ присовокупляетъ и объясненіе своимъ словамъ,
61 именно: *сія глаголю, да вы спасени будете* (v, 34). Какъ бы такъ онъ говорилъ: „Я Богъ и истинный Сынъ Божій, единаго (со Отцемъ) безсмертнаго и блаженнаго существа, и потому не имѣю нужды ни въ какомъ свидѣтелѣ. Хотя бы и никто не хотѣлъ свидѣтельствовать о Мнѣ, Я оттого въ своемъ естествѣ нисколько не унижаюсь. А такъ какъ спасеніе людей есть предметъ Моего попеченія, то Я снизошелъ до такого самоуничиженія, что и человѣку предоставляю свидѣтельствовать о Мнѣ“ А отъ этого, по немощи іудеевъ, тѣмъ легче и доступнѣе для нихъ могла быть вѣра въ Него. Потому Онъ какъ облекся плотію, чтобы, явившись людямъ въ Своемъ божествѣ безъ покрова, не погубить всѣхъ ихъ, такъ и проповѣдникомъ о Себѣ послалъ человѣка, чтобы слушатели того времени, слыша сродный себѣ голосъ, тѣмъ легче послѣдовали Ему. А что Сынъ Божій не имѣлъ никакой нужды въ свидѣтельствѣ Іоанна, для доказательства довольно было бы Ему только явить Себя такимъ, каковъ Онъ есть по Своему существу, и поразить всѣхъ ужасомъ. Но Онъ этого не сдѣлалъ, потому что, какъ я уже сказалъ, Онъ всѣхъ такимъ образомъ уничтожилъ бы, такъ какъ никто не былъ бы въ со-

---

[1]) Въ греч. у св. Златоуста: ἵνα πάντες πιστεύσωσι δι' αὐτοῦ, т. е. да вси увѣруютъ *чрезъ него* (Іоанна).

стояніи вынести приражеиія этого неприступнаго свѣта. Поэтому-то, говорю, Онъ и плотію облекается и свидѣтельство о Себѣ поручаетъ одному изъ сорабовъ нашихъ, все устрояя ко спасенію людей и имѣя въ виду не Свое только достоинство, но и благопріемлемость и пользу Своихъ слушателей. Это Онъ выразилъ и самъ, когда сказалъ: *сія глаголю, да вы спасени будете.* И евангелистъ, повторяя изреченіе Господа, послѣ словъ: *да свидѣтельствуетъ о свѣтѣ,* присовокупляетъ: *да вси вѣру имутъ ему.* Какъ бы такъ онъ говорилъ: не думай, что Іоаннъ Креститель пришелъ свидѣтельствовать для того, чтобы придать достовѣрность ученію Господа; нѣтъ; а для того, чтобы единоплеменники его увѣровали чрезъ него Что евангелистъ именно спѣшилъ предотвратить такую мысль, это видно изъ послѣдующихъ словъ, которые онъ присовокупляетъ: *не бѣ той свѣтъ* (ст. 8). А если бы онъ прибавилъ это не для устраненія такой мысли, тогда это было бы только излишнимъ распространеніемъ словъ и скорѣе было бы тождесловіе, чѣмъ изъясненіе ученія. Въ самомъ дѣлѣ, сказавъ, что Іоаннъ посланъ былъ, *да свидѣтельствуетъ о свѣтѣ,* для чего 62
еще онъ говоритъ: *не бѣ той свѣтъ?* Не безъ цѣли и не напрасно. У насъ обыкновенно свидѣтельствующій бываетъ больше того, о комъ свидѣтельствуетъ, и нерѣдко признается болѣе достойнымъ довѣрія. Поэтому-то, чтобы кто не подумалъ того же и объ Іоаннѣ, евангелистъ тотчасъ, съ самаго же начала, уничтожаетъ эту мысль и, исторгая ее съ корнемъ, показываетъ, кто этотъ свидѣтельствующій, и кто Тотъ, о Комъ онъ свидѣтельствуетъ, и какое различіе находится между тѣмъ и другимъ. Сдѣлавъ это и показавъ несравнимое превосходство послѣдняго предъ первымъ, евангелистъ уже безъ опасенія переходитъ къ послѣдующему сказанію; и если что нелѣпаго было въ мысляхъ людей неразумныхъ все то тщательно устранивъ, онъ уже безъ всякаго затрудненія и безпрепятственно приступаетъ къ продолженію слова. Итакъ, будемъ молиться, чтобы, при откровеніи такихъ высокихъ истинъ, при ученіи правомъ, и жизнь наша была чиста и поведеніе безукоризненно, такъ какъ не приноситъ намъ пользы ученіе, когда у насъ нѣтъ добрыхъ дѣлъ. Если бы мы имѣли и всецѣлую вѣру и разумѣніе Писаній, но если мы не будемъ имѣть добраго направленія въ жизни, то ничто не спасетъ насъ отъ геенскаго огня и пламени неугасимаго въ вѣчности. Какъ люди, дѣлающіе добрыя дѣла, воскреснутъ въ жизнь вѣчную, такъ люди, дерзающіе на дѣла злыя, воскреснутъ для наказанія вѣчнаго и безконечнаго. Поэтому все попеченіе приложимъ къ тому, чтобы въ худыхъ дѣлахъ не погубить плодовъ правой вѣры, но по доброй жизни съ дерзновеніемъ созерцать

Христа,--а выше этого блаженства ничего не можетъ быть,—чего и да сможемъ достигнуть, дѣлая все во славу Бога, Которому слава, съ Единороднымъ Сыномъ и Св. Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VII.

Бѣ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ (Іоан. I, 9).

61 1. Мы питаемъ васъ, чада возлюбленныя, ученіемъ Писаній только по частямъ, и не все вдругъ излагаемъ, для того, чтобы вы легче могли сохранить предлагаемое вамъ. Кто, при построеніи дома, прежде, чѣмъ скрѣплены первые камни, кладетъ на нихъ другіе, тотъ возводитъ стѣну некрѣпкую и удоборазрушимую. А кто выжидаетъ, пока одни камни скрѣпятся известью, и потомъ уже мало-по-малу прибавляетъ къ нимъ другіе, тотъ строитъ зданіе прочное, немаловременное, неразрушимое, крѣпкое. Такимъ строителямъ будемъ подражать и мы и подобнымъ образомъ станемъ созидать ваши души. Я опасаюсь, чтобы, пока первыя основанія еще не утверждены, приложеніе дальнѣйшаго ученія не повредило и начаткамъ, такъ какъ разумъ еще не довольно силенъ, чтобы удержать все. Что же сегодня прочитано намъ? *Бѣ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго*
62 *въ міръ*. Евангелистъ, говоря выше объ Іоаннѣ, замѣтилъ, что онъ пришелъ, *да свидѣтельствуетъ о свѣтѣ*, и что именно въ то время онъ для этого былъ посланъ. А чтобы, слыша это, ктонибудь, по поводу недавняго явленія свидѣтеля, не возъимѣлъ подобнаго подозрѣнія и касательно самаго свидѣтельствуемаго лица, евангелистъ возводитъ мысль выше и устремляетъ ее къ бытію безначальному, никогда нескончаемому и непрестающему. Но какъ можетъ, скажешь ты, имѣть такое бытіе Тотъ, Кто есть *Сынъ*? Мы говоримъ о Богѣ, а ты спрашиваешь, какъ это возможно? И ты не страшишься и не ужасаешься? Если бы кто спросилъ тебя, какимъ образомъ наши души, а потомъ и тѣла будутъ жить вѣчно, ты, конечно, посмѣялся бы надъ такимъ вопросомъ, потому что не уму человѣческому извѣдывать такіе предметы, а его долгъ только вѣрить, да и не испытывать того, что сказано, такъ какъ достаточнымъ доказательствомъ сказаннаго служитъ для него могущество Того, Кто изрекъ это. И ты спрашиваешь у насъ, какъ это возможно, когда мы говоримъ, что безначаленъ Тотъ, Кто создалъ души и тѣла, и безконечно
63 превосходитъ всякое созданіе? Кто въ полномъ разсудкѣ и въ

здравомъ умѣ станетъ говорить это? Ты слышалъ, что *бѣ свѣтъ истинный*. Зачѣмъ же понапрасну усиливаешься обнять своимъ умомъ эту жизнь безконечную? Это невозможно. Для чего изслѣдываешь неизслѣдимое? Для чего испытуешь непостижимое? Для чего извѣдываешь недовѣдомое? Разсмотри самый источникъ солнечныхъ лучей. Ты не можешь этого сдѣлать, однакожъ ты въ этомъ случаѣ не досадуешь и не скорбишь о своемъ безсиліи. Отчего же ты такъ смѣлъ и опрометчивъ въ предметахъ гораздо важнѣйшихъ? Сынъ громовъ, Іоаннъ, возглашающій чрезъ духовную трубу, услышавъ отъ Духа, что *бѣ свѣтъ*, ничего больше и не испытывалъ. А ты, не имѣя его благодати, разсуждая только по своимъ слабымъ умозаключеніямъ,— ты усиливаешься переступить даже за черту его вѣдѣнія? За это ты не сможешь достигнуть и мѣры его вѣдѣнія. Таково-то коварство діавола: довѣрившихся ему онъ выводитъ за предѣлы, положенные для насъ Богомъ, какъ будто бы мы могли имѣть гораздо болѣе (знанія). А обольстивъ насъ такими надеждами и лишивъ благодати Божіей, онъ не только ничего болѣе не сообщаетъ намъ (да и какъ онъ, діаволъ, можетъ это?), но и не допускаетъ возвратиться въ прежніе предѣлы, въ которыхъ мы были безопасны, а всюду заставляетъ насъ блуждать и нигдѣ не даетъ остановиться. Такимъ образомъ онъ и первозданнаго человѣка довелъ до изгнанія изъ рая. Надѣливъ его надеждою бо́льшаго вѣдѣнія и почести, діаволъ лишилъ его и того, чѣмъ онъ прежде спокойно пользовался. Человѣкъ не только не содѣлался равнымъ Богу, какъ обѣщалъ ему діаволъ, но и подпалъ подъ иго смерти; не только чрезъ вкушеніе отъ древа не получилъ ничего болѣе, но въ надеждѣ бо́льшаго вѣдѣнія утратилъ не мало и прежняго знанія. Онъ сталъ стыдиться своей наготы и скрывать ее, тогда какъ до обольщенія онъ былъ выше подобнаго стыда. Даже то, что онъ сталъ видѣть свою наготу и почувствовалъ нужду въ прикрытіи себя одеждою,— эти и другія еще большія скорби были слѣдствіями обольщенія. Чтобы не потерпѣть и намъ того же, будемъ повиноваться Богу и пребывать въ Его заповѣдяхъ, ничего болѣе не испытуя; иначе мы лишимся уже и дарованныхъ намъ благъ, какъ наказаны и эти (еретики). Они, какъ скоро стали изыскивать начало жизни безначальной, лишились и того, что могли имѣть. Не нашли они и того, чего искали; да это и невозможно. А между тѣмъ отъ правой вѣры въ Единороднаго они отпали. Но мы не будемъ преступать предѣловъ вѣчныхъ, которые положили отцы наши, а во всемъ будемъ слѣдовать законамъ Духа и, слыша, что *бѣ свѣтъ истинный*, ничего больше не будемъ изслѣдовать; да и не-

возможно никому простираться далѣе этого изреченія. Если бы Богъ рождалъ подобно человѣку, то необходимо было бы какое-либо раздѣленіе между рождающимъ и рождаемымъ. Но какъ это рожденіе неизреченное и только Богу свойственное, то оставь обыкновенныя понятія: *прежде* и *послѣ*. Это—выраженіе времени, а Сынъ есть творецъ и всѣхъ вѣковъ.

2. Слѣдовательно, говорятъ иные, Богъ не отецъ (Сыну), а братъ. Но, скажи мнѣ, какая нужда (въ подобномъ заключеніи)? Если бы мы говорили, что Отецъ и Сынъ имѣютъ бытіе раздѣленное въ своемъ началѣ, то можетъ быть ты имѣлъ бы право
61 говорить такъ. Но мы избѣгаемъ такого нечестія и говоримъ, что Отецъ и безначаленъ, и нерожденъ, а Сынъ безначаленъ, но рожденъ отъ Отца. Какая же надобность изъ такого ученія выводить такое нечестивое заключеніе? Никакой нѣтъ надобности. Сынъ есть отблескъ [1]). А отблескъ представляется нераздѣльно съ тѣмъ естествомъ, котораго есть отблескъ. Поэтому-то и Павелъ такъ назвалъ (Сына) (Евр. I, 3), чтобы мы не предполагали никакого раздѣленія между Отцемъ и Сыномъ. Вотъ что выражается этимъ наименованіемъ. Такимъ подобіемъ апостолъ исправляетъ нелѣпыя мысли, приходящія въ голову людямъ безсмысленнымъ. Слыша объ отблескѣ, говоритъ апостолъ, не думай, что Сынъ не имѣетъ собственной ипостаси. Мысль такая нечестива и свойственна безумію савелліанъ и маркелліанъ. Мы учимъ не такъ; а говоримъ, что Онъ имѣетъ Свою собственную ипостась. Поэтому, назвавъ Его отблескомъ, апостолъ присовокупляетъ, что Онъ есть и *образъ ѵпостаси Его* (Отца) (Евр. I, 3), чтобы тѣмъ выразить и собственную Его ипостась и единосущіе съ Тѣмъ, Котораго есть образъ. Нѣтъ, какъ я уже говорилъ, одного какого-либо достаточнаго выраженія, чтобы передать людямъ все это ученіе о Богѣ. Желательно, по крайней мѣрѣ, совокупивъ нѣсколько выраженій, изъ каждаго извлечь то, что приличествуетъ. Такимъ образомъ мы можемъ воздать достойное славословіе Богу,—достойное говорю то-есть, по нашимъ силамъ. А если бы кто думалъ, что можетъ говорить достойно о самомъ существѣ божескомъ, и усиливался доказать, что знаетъ Бога, какъ Богъ знаетъ самого себя, тотъ-то именно и не имѣлъ бы никакого познанія о Богѣ. Зная это, будемъ твердо держаться того, что предали намъ *иже исперва самовидцы и слуги бывшіи Словесе*, и больше ничего не будемъ испытывать. Двѣ опасности угрожаютъ страждущимъ этою болѣзнію: одна та, что они напрасно трудятся, отыскивая то, чего нельзя найти; другая—что прогнѣвляютъ Бога, усили-

[1]) ἀπαύγασμα.

ваясь преступить предѣлы, Имъ положенные. А какой это возбуждаетъ гнѣвъ въ Богѣ, нѣтъ нужды говорить вамъ, потому что вамъ всѣмъ это извѣстно. Итакъ, удаляясь отъ сумасбродства еретиковъ, будемъ съ трепетомъ внимать Его словамъ, чтобы Онъ всегда охранялъ насъ. *На кого воззрю*, говоритъ Онъ, *токмо на кроткаго и смиреннаго, молчаливаго, и трепещущаго словесъ моихъ* (Ис. LXVI, 2)? Итакъ, оставивъ это гибельное любопытство, станемъ лучше сокрушаться сердцемъ, будемъ оплакивать грѣхи свои, какъ заповѣдалъ намъ Христосъ. Станемъ скорбѣть о своихъ преступленіяхъ, возобновимъ тщательно въ памяти все, на что мы отваживались въ прошедшее время, и все то постараемся совершенно загладить. Къ этому Богъ открылъ намъ много путей. *Глаголи ты*, говоритъ Онъ, *беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. XLIII, 26). И въ другомъ мѣстѣ: *рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое, и Ты оставилъ еси нечестіе сердца моего* (Пс. XXXI, 5). Такъ, частое воспоминаніе грѣховъ и обвиненіе себя въ нихъ не мало способствуетъ къ уменьшенію великости ихъ. Есть и другой путь, еще болѣе вѣрный, когда мы не помнимъ зла ни на комъ, кто согрѣшилъ противъ насъ, когда прощаемъ всякому сдѣланные противъ насъ проступки. Хочешь ли знать еще третій путь? Послушай, что говоритъ Даніилъ: *сего ради грѣхи твоя милостинями искупи и неправды твоя щедротами убогихъ* (Дан. IV, 24). Есть и еще, кромѣ этого, путь—частое упражненіе въ молитвахъ, постоянное прилежаніе въ моленіяхъ къ Богу. Приноситъ намъ не мало утѣшенія и оставленія грѣховъ также и постъ, когда соединяется съ любовію къ ближнимъ; онъ угашаетъ и силу гнѣва Божія. *Огнь горящій угаситъ вода и милостынями очищаются грѣхи* (Сир. III, 30). Итакъ, будемъ ходить по всѣмъ этимъ путямъ. Если будемъ всегда держаться ихъ и на нихъ обращать свое вниманіе, то не только очистимъ прошедшія преступленія, но и на будущее время весьма много пріобрѣтемъ
для себя пользы,—не дадимъ діаволу возможности напа- 66
дать на насъ, да и сами не впадемъ въ безпечность житейскую, въ это гибельное любопытство. Діаволъ между прочимъ и до этого доводитъ, и потомъ до этихъ безразсудныхъ изысканій и вредныхъ словопреній, какъ скоро замѣчаетъ, что люди предаются праздности и недѣятельности, вовсе не заботясь о добродѣтельной жизни. Но мы заградимъ ему этотъ проходъ, будемъ бодрствовать, трезвиться, чтобы, послѣ краткаго времени небольшихъ трудовъ, достигнуть въ безконечные вѣки безсмертныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VIII.

Бѣ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ (Іоан. I, 9).

65 Ничто не препятствуетъ намъ и сегодня снова коснуться этихъ словъ, потому что въ прошедшій разъ изложеніе догматовъ не дозволило намъ прослѣдить вполнѣ все прочитанное. Гдѣ же тѣ, которые говорятъ, что Сынъ не есть истинный Богъ? Здѣсь Онъ называется *истиннымъ свѣтомъ*, а въ другомъ мѣстѣ самою *истиною* и самою *жизнію*. Впрочемъ эти послѣднія слова мы яснѣе изслѣдуемъ, когда дойдемъ до нихъ; а теперь надобно вашей любви сказать о свѣтѣ. Если онъ ***просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ***, то отчего столько людей остаются не просвѣщенными? Оттого конечно, что не всѣ познали вѣру Христову. Какъ же онъ ***просвѣщаетъ всякаго человѣка***? Смотря по пріемлемости каждаго. Если нѣкоторые, по своей волѣ смеживъ очи ума, не хотятъ принять лучей этого свѣта, то омраченіе ихъ происходитъ не отъ естества самаго свѣта, а отъ злобы этихъ людей, добровольно лишающихъ себя дара. Благодать изливается на всѣхъ; она не чужда ни іудея, ни эллина, ни варвара, ни скиѳа, ни свободнаго, ни раба, ни мужа, ни жены, ни старца, ни юноши; ко всѣмъ одинаково близка и всѣхъ равночестно призываетъ. Но тѣ, которые не хотятъ воспользоваться этимъ даромъ, тѣ по справедливости самимъ себѣ должны приписывать такое ослѣпленіе. Если тогда, какъ входъ открытъ для всѣхъ и никто не преграждаетъ его, нѣкоторые по произвольному ожесточенію остаются внѣ, то они гибнутъ не отъ чего-либо другого, а отъ собственной порочности. ***Въ мірѣ бѣ*** (ст. 10),—но не какъ современный міру; нѣтъ. Поэтому (евангелистъ) и присовокупляетъ: ***и міръ тѣмъ бысть*** (ст. 10). Чрезъ это онъ опять возводитъ тебя къ предвѣчному бытію Единороднаго. Кто слышитъ, что все есть созданіе Его, тотъ хотя бы былъ вовсе безчувственъ, хотя бы былъ врагъ и противникъ славы Божіей, во всякомъ случаѣ волею или неволею принужденъ будетъ признать, что творецъ существуетъ прежде твореній. Потому-то я всегда и дивлюсь безумію Павла Самосатскаго,—какъ онъ дерзалъ противорѣчить столь очевидной истинѣ и самъ себя добровольно низринулъ въ бездну. Онъ заблуждался не по невѣдѣнію, а очень хорошо понимая дѣло,
66 подвергся одной участи съ іудеями. Какъ іудеи, имѣя въ виду судъ людей, оставили здравую вѣру и, хотя знали, что Іисусъ есть Единородный Сынъ Божій, но, ради своихъ начальниковъ, не исповѣдывали, чтобы не быть изгнанными изъ синагоги, такъ

и Павелъ Самосатскій, какъ говорятъ, изъ угожденія какой-то женщинѣ, отрекся отъ своего спасенія. Подлинно, страшно, страшно преобладаніе тщеславія; оно можетъ ослѣпить очи и мудрыхъ людей, если они не станутъ бодрствовать. Если это можетъ сдѣлать мздоимство, тѣмъ больше страсть тщеславія, гораздо сильнѣйшая. Поэтому-то и говорилъ Христосъ іудеямъ: *како вы можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы, яже отъ единаго Бога, не ищете* (Іоан. v, 44)? *И міръ Его не позна.* Евангелистъ называетъ здѣсь міромъ множество людей растлѣнныхъ, преданныхъ земнымъ дѣламъ, толпу, мятежный и безсмысленный народъ. Но други Божіи и всѣ дивные мужи познавали Христа еще прежде Его явленія во плоти. Именно о праотцѣ самъ Христосъ сказалъ: *Авраамъ отецъ вашъ радъ бы былъ, дабы видѣлъ день мой: и видѣ и возрадовася* (Іоан. VIII, 56). И о Давидѣ въ обличеніе іудеевъ Онъ говорилъ: *како убо Давидъ духомъ Господа Его нарицаетъ, глаголя: рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене* (Матѳ. XXII, 43, 44). Много разъ, препираясь съ ними, Онъ упоминаетъ и о Моисеѣ (Матѳ. v, 46); а о прочихъ пророкахъ— апостолъ. А что всѣ пророки, начиная отъ Самуила, познавали Христа и задолго предвозвѣщали пришествіе Его, объ этомъ говоритъ апостолъ Петръ: *и вси пророцы отъ Самуила и иже по сихъ, елицы глаголаша, такожде предвозвѣстиша дни сія* (Дѣян. III, 24). Іакову и отцу его, какъ и дѣду его, являлся самъ Богъ, бесѣдовалъ съ ними, обѣщая даровать имъ многія и великія блага, что и исполнилъ на самомъ дѣлѣ. Какъ же, скажешь ты, Онъ самъ говорилъ: *мнози пророцы восхотѣша видѣти, яже вы видите, и не видѣша: и слышати, яже слышате, и не слышаша* (Лук. x, 24)? Какъ же они знали Его? Конечно знали; и я попытаюсь доказать это изъ тѣхъ же самыхъ словъ, изъ которыхъ нѣкоторые заключаютъ, будто бы пророки не имѣли познанія объ Іисусѣ Христѣ. Онъ говоритъ: *мнози восхотѣша видѣти, яже вы видите*; значитъ, они знали, что Онъ придетъ къ людямъ и совершитъ дѣла, которыя и дѣйствительно совершилъ. А если бы не знали 67
этого, то и не восхотѣли бы видѣть, потому что никто не можетъ желать того, чего совсѣмъ не знаетъ. Слѣдовательно они знали Сына Божія, знали и то, что Онъ придетъ къ людямъ. Но чтожъ это такое, чего они не видѣли и не слышали? То, что нынѣ вы видите и слышите. Пророки, хотя слышали гласъ Его и самого Его видѣли, однакожъ—не во плоти, не въ томъ видѣ, въ какомъ Онъ обращался съ людьми и открыто бесѣдовалъ съ ними. На это и самъ Онъ ясно указываетъ,—говоритъ не просто: они желали *Меня видѣть*, а какъ? Желали *видѣть, что вы видите*; не сказалъ также: желали *Меня слышать*, но: *что вы слышите.*

Такимъ образомъ, хотя они и не видѣли Его явленія во плоти, однакожъ знали, что оно будетъ, и его желали. Они вѣровали во Христа, хотя и не видѣли Его во плоти. Если же язычники, думая укорить насъ, спросятъ: что же дѣлалъ Христосъ прежде, когда еще не промышлялъ о родѣ человѣческомъ? почему Онъ, оставивъ насъ на столь долгое время безъ попеченія, уже въ послѣднее время пришелъ устроить наше спасеніе?—мы скажемъ, что Онъ еще и прежде того времени былъ въ мірѣ, предустроялъ дѣла и вѣдомъ былъ всѣмъ достойнымъ. А если вы скажете, что Онъ былъ невѣдомъ, потому что не всѣ тогда знали Его, а только люди избранные и добродѣтельные, то на такомъ основаніи вы пожалуй допустите, что Онъ и въ настоящее время не имѣетъ поклоненія отъ людей, потому что и нынѣ еще не всѣ знаютъ Его. Но какъ въ настоящее время никто не можетъ отрицать, что есть люди знающіе Его,—потому только, что есть люди не знающіе Его,—такъ нельзя сомнѣваться въ томъ и по отношенію къ прежнимъ временамъ, потому что многіе, или лучше сказать, всѣ избранные и дивные мужи знали Его.

2. Но если бы кто спросилъ: почему тогда не всѣ вѣровали въ Него и не всѣ почитали Его, а только одни праведные?—то спрошу и я: отчего и въ настоящее время не всѣ знаютъ Его? Да что говорить о Христѣ? Отчего какъ прежде, такъ и нынѣ не всѣ знаютъ и Отца Его? Нѣкоторые говорятъ, что все (въ мірѣ) носится самодвижно; другіе попеченіе о всемъ приписываютъ демонамъ; а есть и такіе, которые, кромѣ истиннаго Бога, измыслили для себя какого-то другого; изъ нихъ иные богохульствуютъ, утверждая, будто есть какая-то противная Богу сила, и еще думаютъ, что законы Божіи принадлежатъ какому-то злому духу Что же? Ужели потому, что нѣкоторые отвергаютъ Бога, и мы будемъ говорить тоже, или согласимся, что Онъ золъ, такъ какъ нѣкоторые высказываютъ и это богохульство? Прочь это безразсудство и это крайнее безуміе! Если бы мы стали повѣрять догматы судомъ этихъ безумныхъ людей, то и насъ самихъ ничто не удержало бы отъ крайняго безумія. Конечно никто не скажетъ, что солнце вредно для глазъ, потому что есть больные глазами; напротивъ, оно свѣтоносно по суду людей здоровыхъ. Никто также не скажетъ, что медъ горекъ, потому что онъ кажется такимъ на вкусъ больныхъ. Итакъ не по примѣру ли больныхъ нѣкоторые утверждаютъ, что или нѣтъ Бога, или что Онъ золъ, что иногда Онъ промышляетъ, а иногда вовсе не дѣлаетъ этого? И кто скажетъ, что они люди здоровые? Напротивъ, это—люди не изступленные ли, безумные и крайне помѣшанные? *Міръ его не позна*, сказано; однакожъ тѣ,

которыхъ недостоинъ былъ міръ, познали Его. Сказавъ же о непознавшихъ Его, евангелистъ вкратцѣ излагаетъ и причину 68
этого невѣдѣнія; говоритъ не просто: никто не позналъ Его, но: ***міръ Его не позна***, т. е. люди, преданные одному міру и только о мірскомъ помышляющіе. Такъ обыкновенно называлъ ихъ и Христосъ, какъ, напр., когда говорилъ: ***Отче праведный, и міръ Тебе не позна*** (Іоан. XVII, 25). Но міръ, какъ мы сказали, не позналъ не только Сына, но и Отца, потому что ничто не приводитъ въ такое разстройство разсудокъ, какъ привязанность къ предметамъ временнымъ. Зная это, удаляйтесь, сколько возможно, отъ міра и воздерживайтесь отъ дѣлъ плотскихъ; отъ нихъ происходитъ потеря не въ случайныхъ, а въ самыхъ высшихъ благахъ. Человѣкъ, слишкомъ занятый дѣлами настоящей жизни, не можетъ надлежащимъ образомъ усвоить предметовъ небесныхъ; но по необходимости, заботясь о тѣхъ, лишается этихъ. ***Не можете***, сказано, ***Богу работати и мамонѣ*** (Лук. XVI, 13). Послѣдуя одному, по необходимости надобно оставить другого. И объ этомъ гласитъ самый опытъ. Тѣ, которые смѣются надъ страстію къ богатству, тѣ-то наиболѣе и любятъ Бога, какъ должно. Напротивъ тѣ, которые высоко цѣнятъ богатство, какъ первое благо, слабѣйшую имѣютъ любовь къ Богу. Душа, будучи однажды плѣнена любостяжаніемъ, уже не можетъ легко и удобно удерживаться, чтобы не сдѣлать, или не сказать чего-либо такого, что прогнѣвляетъ Бога, такъ какъ она дѣлается уже рабою другого господина, и притомъ такого, который повелѣваетъ ей все противное Богу

Итакъ, воспряните и пробудитесь и, размысливъ о томъ, какого Господина мы рабы, возлюбимъ только Его власть; возрыдаемъ и оплачемъ прежнее время, въ которое мы работали мамонѣ; свергнемъ однажды навсегда ея тяжкое, несносное иго и будемъ постоянно носить иго Христово, легкое и отрадное; Христосъ же не повелѣваетъ ничего такого, что внушаетъ мамона. Она повелѣваетъ быть врагами всѣмъ; а Христосъ—напротивъ: миловать и любить. Она, привязавъ насъ къ праху и пыли (таково—золото), не даетъ нисколько, даже ночью, вздохнуть свободно; а Христосъ освобождаетъ насъ отъ этой излишней и неразумной заботы, повелѣваетъ собрать сокровища на небесахъ, не неправдою въ отношеніи къ другимъ, а собственною правдою. Мамона, послѣ столькихъ трудовъ и скорбей, не можетъ даже остаться съ нами, когда мы ***тамъ*** будемъ терпѣть наказанія и злострадать за исполненіе ея внушеній; она даже увеличитъ для насъ пламя; а Христосъ, даже когда повелѣваетъ дать ближнему чашу холодной воды, не попуститъ насъ

и за то лишится награды и возмездія, но воздастъ съ великою
щедростію. Итакъ не крайне ли безразсудно—пренебрегать столь
кроткое и столь великими благами изобилующее владычество, и
работать властителю неблагодарному и непризнательному, кото-
рый ни здѣсь, ни тамъ не можетъ никакой пользы принести по-
слѣдующимъ и повинующимся ему? Но не то одно худо, и не
то одно вредно, что онъ не можетъ избавить преданныхъ казни:
а и то еще, что онъ, какъ я сказалъ, подвергаетъ безчислен-
ному множеству золъ людей, покоряющихся ему. Весьма многіе
изъ тѣхъ, которые будутъ наказаны, будутъ терпѣть наказаніе
именно за то, что служили деньгамъ, любили золото и не по-
69 могали нуждающимся. Чтобы не терпѣть и намъ того же, бу-
демъ расточать (свои сокровища), отдавая ихъ бѣднымъ; осво-
бождать свою душу и отъ здѣшнихъ зловредныхъ попеченій и
отъ будущихъ, за то уготованныхъ, мученій. Приготовимъ себѣ
70 оправданіе на небесахъ; вмѣсто стяжаній земныхъ, соберемъ со-
кровища неистощаемыя, сокровища, которыя могутъ сопутство-
вать намъ на небо, могутъ защитить насъ въ опасности и уми-
лостивить тогда Судію. Да будетъ же ко всѣмъ намъ Его бла-
говоленіе и нынѣ и въ тотъ день, и да насладимся съ великимъ
дерзновеніемъ благъ, какія уготованы на небесахъ любящимъ
Его, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса
Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, нынѣ и
присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IX.

Во своя пріиде, и свои Его не пріяша (Іоан. I, 11).

69 Если вы помните прежнія наши размышленія, то мы съ бóльшею охотою будемъ продолжать назиданіе, получая отсюда и для себя много пользы. Какъ скоро вы запомнили прочитанное, то и для васъ вразумительнѣе будетъ слово наше, и отъ насъ не много потребуется труда,—потому что вы, при своей любознательности, можете уже глубже вникать въ дальнѣйшее ученіе. Ктó всегда теряетъ (изъ памяти) то, что ему преподано, тотъ всегда будетъ нуждаться въ учителѣ и никогда не узнаетъ ничего. А кто все принятое хранитъ и къ тому прилагаетъ дальнѣйшія (наставленія), тотъ скоро изъ ученика можетъ сдѣлаться учителемъ и будетъ полезенъ не для себя только, но и для другихъ. Я надѣюсь, что именно таково будетъ предстоящее собраніе, и заключаю это изъ такой великой его ревности къ слушанію.

Потому въ душахъ вашихъ, какъ въ надежномъ хранилищѣ, мы положимъ сребро Господа и, сколько поможетъ благодать Духа, изъяснимъ предложенное намъ сегодня чтеніе. Евангелистъ, говоря о прежнихъ временахъ, сказалъ: *міръ Его не позна;* далѣе, обращая рѣчь ко временамъ самой проповѣди, онъ говоритъ: *во своя пріиде, и свои Его не пріяша. Своими* онъ здѣсь называетъ іудеевъ, какъ народъ особый, или всѣхъ людей, какъ происшедшихъ отъ этого народа. И какъ выше, болѣзнуя о неразуміи многихъ людей и пристыжая общій духъ (времени), онъ говорилъ, что не позналъ Создателя міръ, чрезъ Него происшедшій, такъ и здѣсь, негодуя на неблагодарность іудеевъ и многихъ другихъ, онъ произноситъ еще болѣе тяжкое осужденіе, говоря: *свои Его не пріяша,* тогда какъ Онъ къ нимъ-то и приходилъ. Но не одинъ евангелистъ, а и пророки съ удивленіемъ говорили тоже самое, наконецъ и Павелъ, изумленный тѣмъ же. Такъ взывали пророки, говоря отъ лица І. Христа: *людіе, ихже не вѣдѣхъ, работаша Ми, въ слухъ уха послушаша Мя: сынове чуждіи солгаша Ми, сынове чуждіи обетшаша и охромоша отъ стезь своихъ* (Пс. XVII, 44—46). И въ другомъ мѣстѣ: *имже не возвѣстися о немъ, узрятъ и, иже не слышаша, уразумѣютъ* (Ис. LII, 15). Также: *обрѣтохся не ищущимъ Мене, явленъ быхъ не вопрошающимъ о Мнѣ* (LXV, 1). А Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ говорилъ: *что убо? Егоже искаше Исраиль, сего не получи: избраніе же получи* (Рим. XI, 7). И въ другомъ мѣстѣ: *что убо речемъ? Яко языцы, не гонящіи правду, постигоша правду. Исраиль же, гоня законъ правды, въ законъ правды не постиже* (Рим. IX, 30, 31). Поистинѣ, достойно удивленія то, какъ іудеи, воспитанные на книгахъ пророческихъ, каждый день слушавшіе Моисея, который весьма многое говоритъ о пришествіи Христовомъ, равно и другихъ, послѣ него бывшихъ про- 70
роковъ, наконецъ видѣвшіе и самого Христа, Который каждый день творилъ для нихъ чудеса, съ ними только и бесѣдовалъ, и какъ ученикамъ еще не дозволялъ *ходить на путь языковъ,* или входить въ какой-либо городъ самарянскій, такъ и самъ этого не дѣлалъ и часто говорилъ, что Онъ посланъ къ овцамъ погибшимъ дому Израилева,—какъ, говорю, іудеи, получивъ столько знаменій, слыша каждый день пророковъ и самого Христа съ Его постоянными внушеніями, до того ослѣпили и оглушили сами себя, что уже ничто не могло привести ихъ къ вѣрѣ во Христа.

Между тѣмъ язычники, не имѣя у себя ничего такого, никогда не слышавъ божественныхъ вѣщаній, даже, такъ сказать, и во снѣ всегда занимались только бреднями людей умопомѣшанныхъ (такова языческая философія), перечитывали пусто-

словія поэтовъ, привязаны были къ деревамъ и камнямъ и не знали ничего здраваго и полезнаго ни въ вѣрованіяхъ, ни въ правилахъ жизни; а жизнь ихъ была еще болѣе нечиста и преступна, чѣмъ ученіе. Да и могло ли быть иначе, когда они видѣли, что ихъ боги находятъ удовольствіе во всякомъ порокѣ, что они чествуются срамными словами и еще болѣе срамными дѣлами и это принимаютъ, какъ празднество и почесть; кромѣ того чествуются и гнусными убійствами и умерщвленіемъ дѣтей,— и въ этомъ люди подражали богамъ же. Но, несмотря на то, что они ниспали до такой глубины зла, вдругъ, какъ бы какою машиною, поднялись на высоту и явились намъ, блистая съ самаго верха небесъ. Какъ же это и отчего произошло? Послушай, что говоритъ объ этомъ Павелъ. Блаженный апостолъ, тщательно изслѣдывая эти обстоятельства, не оставилъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не нашелъ причины и не изъяснилъ ее всѣмъ. Какая же это причина? И отчего была у іудеевъ такая слѣпота? Послушай, что говоритъ объ этомъ онъ самъ, тотъ, которому ввѣрено было это домостроительство. Что же онъ говоритъ въ разрѣшеніе такого недоразумѣнія многихъ? *Неразумѣюще*, говоритъ онъ, *Божія правды, и свою правду ищуще поставити, правдѣ Божіей не повинушася* (Рим. x, 3). Вотъ за что они подверглись такому несчастію. И въ другомъ мѣстѣ, тоже самое излагая иначе, апостолъ говоритъ: *что убо речемъ? Яко языцы, не гонящіи правду, постигоша правду, правду же, яже отъ вѣры. Исраиль же, гоня законъ правды, въ законъ правды не постиже. Чесо ради? Зане не отъ вѣры. Преткнушася бо о камень претыканія* (Рим. ix, 30—32). Это значитъ, что невѣріе іудеевъ было для нихъ причиною золъ, а невѣріе
71 происходило отъ надменности. Сначала они имѣли больше, нежели язычники, именно: получили законъ, имѣли познаніе о Богѣ и прочее, о чемъ говоритъ Павелъ. Но по пришествіи Христа, какъ скоро увидѣли, что какъ они, такъ и язычники по вѣрѣ равночестно призываются ко спасенію и что въ дѣлѣ вѣры обрѣзанный не имѣетъ никакого преимущества предъ обращеннымъ изъ язычниковъ,—тогда отъ гордости они перешли къ зависти и не стерпѣли великаго и неизреченнаго человѣколюбія Господа. А это произошло въ нихъ не отъ чего-либо другого, какъ отъ высокомѣрія, злости и человѣконенавистничества.

2. Какой же вредъ вамъ, безсмысленнѣйшіе изъ людей, принесло это попеченіе (Господа), оказанное другимъ? Развѣ уменьшились ваши блага оттого, что другіе получили участіе въ нихъ? Но поистинѣ злость слѣпа и ничего справедливаго не можетъ скоро понять. Терзаясь мыслію, что и другіе будутъ имѣть участіе въ тѣхъ же правахъ, они обратили мечъ на са-

михъ себя и лишили сами себя человѣколюбія Божія. Но такъ требовала справедливость. Сказано: *друже, не обижу тебе, хощу же и имъ дати, якоже тебѣ* (Мѳ. xx, 13, 15). Но они не стоятъ и этихъ словъ. Наемникъ (упоминаемый въ евангеліи), хотя и досадовалъ, по крайней мѣрѣ могъ указать на свои труды въ продолженіе цѣлаго дня, на тяготу, зной и потъ; они же что могли бы сказать? Ничего такого; въ нихъ была только безпечность, невоздержность и множество пороковъ, въ которыхъ постоянно обличали ихъ всѣ пророки и которыми они, такъ же какъ и язычники, оскорбляли Бога. На это указывая, Павелъ и говорилъ: *нѣсть разнствія* между іудеемъ и эллиномъ. *Вси бо согрѣшиша, и лишени суть славы Божія: оправдаеми туне благодатію Его* (Рим. III, 22—24). Но этотъ предметъ съ пользою и весьма мудро излагаетъ апостолъ въ цѣлой главѣ посланія. А предъ тѣмъ онъ еще показываетъ, что іудеи даже бóльшаго достойны наказанія: *елицы бо въ законѣ согрѣшиша*, говоритъ онъ, *закономъ судъ пріимутъ* (Рим. II, 12), т. е. судъ болѣе строгій, такъ какъ, кромѣ природы, они имѣютъ обвинителемъ и законъ. Да и не поэтому только, а и потому, что они были причиною хуленія Бога между язычниками. *Васъ ради*, сказано, *имя мое хулится во языцѣхъ* (Ис. LII, 5, ср. Рим. II, 22). Это особенно раздражало ихъ, такъ что и увѣровавшимъ отъ обрѣзанія казалось страннымъ это обстоятельство; потому-то они и обвиняли Петра, когда онъ возвратился къ нимъ изъ Кесаріи, за то, что онъ входилъ въ общеніе съ людьми необрѣзанными и ѣлъ вмѣстѣ съ ними; да и послѣ того, какъ поняли предопредѣленіе Божіе, они еще дивились, какъ дары Духа Святаго излились и на язычниковъ, этимъ изумленіемъ выражая то, что они никогда не ожидали такой странности. Итакъ зная, что это особенно уязвляло ихъ, апостолъ все направляетъ къ тому, чтобы уничтожить ихъ гордость и подавить ихъ слишкомъ надменное высокомѣріе. И смотри, какъ это онъ дѣлаетъ: послѣ разсужденія о язычникахъ, показавъ, что они не имѣютъ никакого ни въ чемъ оправданія, ни надежды на спасеніе, тщательно обличивъ также и превратное ихъ ученіе и нечистоту ихъ жизни, онъ переноситъ свое слово на іудеевъ. Повторивъ все, сказанное о нихъ пророкомъ,—что они и преступны, и коварны, и лукавы, и что всѣ вообще не- 72
потребны, и ни одинъ изъ нихъ не взыскуетъ Бога, но всѣ уклонились, и тому подобное, — апостолъ присовокупляетъ: *вѣмы же, яко елика законъ глаголетъ, сущимъ въ законѣ глаголетъ: да всяка уста заградятся, и повиненъ будетъ весь міръ Богови. Вси бо согрѣшиша и лишени суть славы Божія* (Рим. III, 19, 23). Что же ты превозносишься, іудей? Что о себѣ много думаешь? Твои уста заграж-

дены, твоя самоувѣренность уничтожена, и ты вмѣстѣ со всѣмъ міромъ подлежишь суду и, подобно другимъ, имѣешь нужду въ оправданіи туне. Итакъ, хотя бы ты былъ правъ по закону и имѣлъ много дерзновенія предъ Богомъ, тебѣ не надлежало завидовать тѣмъ, которые могли быть помилованы и спасены человѣколюбіемъ Божіимъ. Крайне худо огорчаться благополучіемъ другихъ, и особенно, когда оно не соединено съ ущербомъ для тебя. Если бы спасеніе другихъ вредило твоему благополучію,—ты имѣлъ бы основаніе огорчаться,—хотя и это несвойственно человѣку, научившемуся любомудрствовать. Но если ни казни другихъ не умножаютъ для тебя наградъ, ни благополучіе не уменьшаетъ ихъ, то для чего ты самъ себя терзаешь, потому только, что другой спасается туне? Не надлежало тебѣ, какъ я сказалъ, раздражаться тѣмъ, что и язычникамъ благодатію даровано спасеніе, хотя бы ты самъ былъ изъ людей достойныхъ одобренія. Но когда ты, будучи въ томъ же повиненъ (какъ и язычникъ) предъ Господомъ, и навлекши на себя гнѣвъ Его, еще досадуешь на чужое благополучіе и думаешь о себѣ такъ много, какъ будто ты одинъ имѣешь право на общеніе благодати, то ты подлежишь болѣе, чѣмъ всѣ другіе, тяжкимъ мученіямъ, не за зависть только и надменность, а и за крайнее безразсудство. Ты возрастилъ въ себѣ корень всѣхъ золъ — высокомѣріе. Поэтому и одинъ мудрый сказалъ: *начало грѣха гордыня* (Сирах. x, 15), т. е. корень, источникъ, мать. Такъ чрезъ нее и первозданный человѣкъ лишился блаженнаго состоянія; чрезъ нее и обольстившій его діаволъ ниспалъ съ высоты своего достоинства. Это гнусное существо, узнавъ, что грѣхъ этотъ можетъ низвергнуть и съ самихъ небесъ, избрало этотъ путь, чтобы лишить Адама столь великой чести. Надмивъ его обѣщаніемъ равенства съ Богомъ, онъ такимъ образомъ ниспровергъ и низринулъ его въ самую глубину ада. Подлинно, ничто такъ не отчуждаетъ отъ человѣколюбія Божія и не подвергаетъ огню геенскому, какъ преобладаніе высокомѣрія. Когда оно въ насъ есть, то вся наша жизнь дѣлается нечистою, хотя бы мы подвизались въ цѣломудріи, дѣвствѣ, постничествѣ, молитвахъ, милостынѣ и другихъ добродѣтеляхъ. *Нечистъ*, сказано, *предъ* Господомъ *всякъ высокосердный* (Прит. xvi, 5). Итакъ, если хотимъ быть чистыми и свободными отъ наказанія, уготованнаго діаволу, обуздаемъ въ себѣ надменность духа, отсѣчемъ высокомѣріе. А что гордые необходимо подвергнутся одному наказанію (съ діаволомъ),—послушай, что говоритъ объ этомъ Павелъ: *не новокрещенну, да не разгордѣвся въ судъ впадетъ* и въ сѣть *діавола* (1 Тим. ш, 6). Что значитъ: *въ судъ?* Значитъ: въ то же осужденіе.

въ то же наказаніе. Какъ же избѣжать этой бѣды? Избѣжимъ, 73
если будемъ размышлять о своей природѣ, о множествѣ согрѣшеній, о великости будущихъ мученій, о томъ, что все, кажущееся здѣсь блистательнымъ, временно, ничѣмъ не лучше травы и увядаетъ скорѣе весеннихъ цвѣтовъ. Если часто будемъ возбуждать въ себѣ такія мысли и приводить себѣ на память людей совершившихъ великіе подвиги, то діаволъ не сможетъ легко надменить насъ, сколько бы ни усиливался, не сможетъ даже запнуть насъ на первыхъ шагахъ. Богъ же, Богъ смиренныхъ, 74
благій и милосердный, самъ да дастъ вамъ и намъ сердце сокрушенное и смиренное. Такимъ образомъ мы будемъ въ состояніи легко совершить и все прочее во славу Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу и Святому Духу во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА X.

Во своя пріиде, и свои Его не пріяша (Іоан. I, 11).

1. Богъ, Человѣколюбецъ и Благодѣтель, все творитъ и все 73
устрояетъ такъ, возлюбленные, чтобы мы блистали добродѣтелію. И желая, чтобы мы были благочестны, Онъ безъ всякаго насилія и принужденія, а только убѣжденіемъ и благотвореніями, всѣхъ желающихъ того призываетъ и привлекаетъ къ Себѣ. Потому, когда пришелъ Онъ, одни приняли Его, а другіе не приняли. Онъ никого не хочетъ имѣть Своимъ рабомъ противъ воли или по принужденію; а хочетъ, чтобы всѣ свободно и добровольно служили Ему и познавали сладость служенія Ему. Люди, имѣя нужду въ услуженіи рабовъ, связываютъ ихъ закономъ рабства и противъ воли ихъ; а Богъ, не имѣя нужды ни въ чемъ, никакихъ, подобныхъ нашимъ, потребностей, все творитъ только ради нашего спасенія и въ этомъ дѣлаетъ насъ самимъ себѣ господами. Потому и не желающихъ Онъ не подвергаетъ никакому насилію, или принужденію; Онъ имѣетъ въ виду только нашу пользу. А противъ воли быть увлечену на служеніе — все равно, что и совсѣмъ не служить. Почему же, скажешь ты, Онъ наказываетъ не желающихъ повиноваться Ему? Зачѣмъ угрожаетъ геенною не слушающимъ повелѣній Его? Это потому, что, будучи попремногу благъ, Онъ имѣетъ великое попеченіе о насъ даже и тогда, какъ мы не повинуемся Ему, не отступаетъ и тогда, какъ мы удаляемся и бѣгаемъ отъ Него. И какъ мы уклонились отъ первоначальнаго пути благотворенія, то есть не вос-

хотѣли идти путемъ убѣжденія и благополучія, то Онъ повелъ насъ другимъ путемъ — наказаній и мукъ, — путемъ, конечно, весьма тяжкимъ, но неизбѣжнымъ. Когда первый путь пренебрегается, тогда по необходимости надобно идти другимъ. И законодатели полагаютъ многія и жестокія наказанія преступникамъ; однакожъ за то мы не осуждаемъ ихъ, а напротивъ, еще и болѣе уважаемъ ихъ за постановленія о наказаніяхъ, такъ какъ, не имѣя ни въ чемъ никакой надобности съ нашей стороны, часто даже не зная, кто впослѣдствіи будетъ пользоваться помощію ихъ постановленій, заботятся о благоустройствѣ нашей жизни тѣмъ, что добродѣтельнымъ людямъ воздаютъ честь, а людей порочныхъ, нарушающихъ спокойствіе, укрощаютъ наказаніями. Если же мы такихъ законодателей почитаемъ и любимъ, то не гораздо ли болѣе должны благоговѣть предъ Богомъ и любить Его за столь великое попеченіе о насъ? И различіе между попечительностію тѣхъ и промысломъ Божіимъ о насъ—безпредѣльно. Подлинно, богатство благости Его неизреченно и превышаетъ всякое разумѣніе. Замѣть же: Онъ *во своя пріиде*, не по собственной какой-либо нуждѣ (потому что, какъ я сказалъ, Божество ни въ чемъ
74 не нуждается), а для благотворенія своимъ. Не смотря на то, *свои* не приняли, но отвергли Того, Кто пришелъ къ нимъ для ихъ же пользы; мало того: изгнавъ Его изъ виноградника, убили (Лук. xx, 10). И при всемъ томъ Онъ не преградилъ для нихъ покаянія, но далъ имъ возможность, только бы сами захотѣли, и послѣ того беззаконія, очистить всѣ согрѣшенія свои вѣрою въ Него и сравняться съ тѣми, которые ничего такого не сдѣлали и болѣе другихъ Ему любезны. А что я говорю это не безъ основанія и не въ шутку, ясное также свидѣтельство даютъ всѣ обстоятельства блаженнаго Павла. Онъ гналъ Христа, уже послѣ распятія Его, и свидѣтеля Его Стефана убилъ руками другихъ многихъ; но, когда раскаялся, осудилъ въ себѣ прежніе грѣхи, прибѣгъ къ Тому, Кого гналъ, Тотъ тотчасъ сопричислилъ его къ Своимъ друзьямъ и притомъ первѣйшимъ, поставилъ его — гонителя, хулителя и оскорбителя — проповѣдникомъ и учителемъ всей вселенной. Онъ и самъ не стыдился проповѣдывать объ этомъ, восхищенный человѣколюбіемъ Божіимъ, и въ писаніяхъ своихъ, какъ бы на столпѣ, изобразивъ прежнія свои дерзости, обнаружилъ ихъ предъ всѣми, считая за лучшее выставить на позоръ предъ всѣми прежнюю свою жизнь, чтобы тѣмъ яснѣе показать величіе дара Божія, нежели скрыть неизреченное и неисповѣдимое человѣколюбіе Господа, не желая обнаружить предъ всѣми собственное заблужденіе. Съ этою цѣлію онъ то тамъ, то здѣсь упоминаетъ о гоненіяхъ, навѣтахъ и ополченіяхъ своихъ противъ Церкви; въ одномъ

мѣстѣ говоритъ: *нѣсмь достоинъ нарещися апостолъ, зане гонихъ Церковь Божію* (1 Кор. xv, 9); въ другомъ: *яко Христосъ Іисусъ пріиде въ міръ грѣшники спасти, отъ нихже первый есмь азъ* (1 Тим. I, 15); въ третьемъ: *слышасте мое житіе иногда въ жидовствѣ, яко по премногу гонихъ Церковь Божію и разрушахъ ю* (Галат. I, 13).

2. Такимъ образомъ Павелъ, какъ бы въ нѣкоторое воздаяніе Христу за долготерпѣніе къ нему, показывая, кого, какого враждебнаго и непріязненнаго человѣка (Господь) спасъ, съ великимъ дерзновеніемъ возвѣщаетъ о той брани, которую онъ вначалѣ со всею ревностію воздвигалъ противъ Христа. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ внушаетъ благія надежды и тѣмъ, которые отчаиваются въ себѣ самихъ. Христосъ, говоритъ онъ, для того и помиловалъ его, чтобы въ немъ первомъ показать все долготерпѣніе и преизобильное богатство благости Своей, въ примѣръ тѣмъ, которые послѣ того могли увѣровать въ Него для жизни вѣчной, хотя бы и ихъ грѣхи превышали всякую надежду прощенія. На это именно указывая, и евангелистъ говоритъ: *во своя пріиде, и свои Его не пріяша*. Откуда пришелъ все наполняющій и вездѣ сущій? Какое мѣсто лишилъ Своего присутствія Тотъ, Кто въ рукѣ Своей держитъ все и надъ всѣмъ владычествуетъ? Никакого мѣста Онъ не оставилъ (какъ это возможно?). А соверши- 75
лось это по Его снисхожденію къ намъ. Такъ какъ Онъ, будучи въ мірѣ, не казался находящимся въ мірѣ, потому что невѣдомъ былъ, напослѣдокъ же явилъ Себя, благоволивъ облечься въ нашу плоть, то это самое явленіе и снисхожденіе Его евангелистъ и называетъ пришествіемъ. Достойно удивленія, что ученикъ не стыдится униженія своего Учителя, но смѣло описываетъ нанесенное Ему оскорбленіе: и это—не маловажное доказательство его правдолюбиваго духа. Впрочемъ, если стыдиться, то надобно стыдиться за тѣхъ, которые нанесли, а не за Того, Кто претерпѣлъ оскорбленіе. Онъ тѣмъ еще болѣе прославился, что и послѣ такого оскорбленія такъ промышляетъ о Своихъ оскорбителяхъ; а они предъ всѣми оказались неблагодарными и презрѣнными, потому что отвергли, какъ врага и непріятеля, Того, Кто пришелъ къ нимъ съ такими благами. Да и не тѣмъ только они повредили себѣ, но и тѣмъ, что не получили того, чего достигли принявшіе Его. А что получили послѣдніе? *Елицы пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти* (ст. 12). Но для чего же ты, блаженный, не сказываешь намъ и о наказаніи тѣхъ, которые не приняли Его, а говоришь только, что они *свои* были и *во своя* Пришедшаго не приняли? А что они за это потерпятъ, какому наказанію подвергнутся, того ты не присовокупилъ. Можетъ быть чрезъ это ты болѣе устрашилъ бы ихъ и угрозою смягчилъ бы

грубость ихъ надменности. Для чего же ты умолчалъ объ этомъ? Но какое же другое, говоритъ евангелистъ, наказаніе могло бы быть болѣе того, что они, имѣя возможность сдѣлаться чадами Божіими, не дѣлаются таковыми, но добровольно лишаютъ сами себя такого благородства и чести? Впрочемъ, наказаніе ихъ не ограничится тѣмъ только, что они не получатъ никакого блага; ихъ постигнетъ еще огонь неугасающій, что впослѣдствіи яснѣе открываетъ евангелистъ. Теперь же онъ говоритъ о неизреченныхъ благахъ, дарованныхъ принявшимъ Господа, и вкратцѣ изображаетъ эти блага слѣдующими словами: *елицы же пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти*. Хотя бы то были рабы или свободные, эллины или варвары, или скиѳы, хотя бы немудрые или мудрые, жены или мужи, дѣти или старцы, незнатные или знатные, богатые или бѣдные, начальники или простолюдины, всѣ, говоритъ евангелистъ, удостоены одной почести. Вѣра и благодать Духа, устранивъ неравенство мірскихъ достоинствъ, всѣмъ имъ сообщила одинъ видъ, на всѣхъ напечатлѣла одинъ образъ—царскій. Что можетъ сравниться съ такимъ человѣколюбіемъ? Единородный Сынъ Божій не возгнушался сопричислить къ лику чадъ—и мытарей, и волхвовъ, и рабовъ, и самыхъ неважныхъ людей, многихъ еще съ поврежденными членами тѣла и со множествомъ недостатковъ. Такова сила вѣры въ Него, таково величіе благодати! Какъ огонь, проникши въ землю, въ которой есть металлъ, тотчасъ изъ нея производитъ
76 золото, такъ, и еще лучше, крещеніе дѣлаетъ омываемыхъ имъ изъ бренныхъ золотыми, когда Духъ, на подобіе огня, проникаетъ въ наши души и, попаляя въ нихъ *образъ перстнаго*, износитъ, какъ бы изъ горнила, *образъ небеснаго*, образъ новый, свѣтлый, блестящій. Но для чего евангелистъ не сказалъ: *сотворилъ* ихъ чадами Божіими, а говоритъ: *даде имъ область чадомъ Божіимъ быти*? Чтобы показать, какъ много нужно заботливости для сохраненія во всю жизнь въ чистотѣ и неповрежденіи того образа усыновленія, который напечатлѣнъ въ насъ при крещеніи; а вмѣстѣ—чтобы показать и то, что такой власти никто не можетъ отнять у насъ, если напередъ сами себя не лишимъ ея. Если получающіе отъ людей въ какихъ-либо домахъ полномочіе имѣютъ почти такую же силу, какую и тѣ, которые имъ дали его, то тѣмъ болѣе мы, получивъ отъ Бога такую почесть, если только не сдѣлаемъ ничего недостойнаго этой власти, будемъ всѣхъ сильнѣе, потому что всѣхъ выше и совершеннѣе Тотъ, Кто сообщилъ намъ такое достоинство. Еще и то хочетъ показать (евангелистъ), что благодать не иначе приходитъ, какъ только къ тѣмъ, которые сами желаютъ и заботятся о пріобрѣтеніи ея. Та-

кимъ-то людямъ принадлежитъ область—содѣлываться чадами. А если сами люди предварительно не возъимѣютъ желанія, то и даръ не приходитъ, и благодать въ нихъ ничего не производитъ.

3. Итакъ евангелистъ, повсюду отвергая принужденіе и показывая свободу воли и самостоятельность человѣка, тоже самое высказалъ и теперь. И въ этихъ самыхъ таинахъ одно принадлежитъ Богу—даровать благодать, а другое человѣку—показать вѣру. Но затѣмъ требуется отъ человѣка еще много заботливости: для сохраненія чистоты, для насъ недовольно только креститься и увѣровать; но, если мы желаемъ пріобрѣсти совершенную свѣтлость, то должны вести достойную того жизнь. А это Богъ предоставилъ намъ самимъ. Таинственное возрожденіе и очищеніе наше отъ всѣхъ прежнихъ грѣховъ совершается въ крещеніи; но пребыть въ послѣдующее время чистыми и не допускать къ себѣ снова никакой скверны—это зависитъ отъ нашей воли и заботливости. Потому-то (евангелистъ) напоминаетъ намъ и о самомъ способѣ (духовнаго) рожденія и, чрезъ сравненіе его съ рожденіемъ плотскимъ, показываетъ его превосходство, говоря: *иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася* (ст. 13). И это онъ сказалъ для того, чтобы мы, познавъ ничтожество и уничиженіе нашего перваго рожденія отъ крови и похоти плотскія, постигнувъ напротивъ важность и достоинство второго рожденія по благодати, возъимѣли высокое о немъ понятіе, понятіе, достойное этого дара отъ Того, Кто рождаетъ насъ такимъ образомъ, и затѣмъ со своей стороны показывали великое о немъ попеченіе. Мы должны не мало опасаться, чтобы, послѣдующимъ нерадѣніемъ и пороками осквернивъ это прекрасное одѣяніе, не быть намъ изверженными изъ брачнаго чертога, подобно пяти юродивымъ дѣвамъ, или подобно тому, кто не имѣлъ брачной одежды. И этотъ человѣкъ былъ также въ числѣ гостей, и былъ приглашенъ; но какъ, и послѣ приглашенія и такой почести, оказалъ неуваженіе къ пригласившему его, то—послушай, какой подвергается участи, бѣдственной и многихъ слезъ достойной. Пришедши для того, чтобы участвовать въ свѣтломъ пирѣ, онъ не только изгоняется съ пира, но, связанный по рукамъ и ногамъ, отводится въ тьму кромѣшнюю, гдѣ предается вѣчному и непрестанному плачу и скрежету зубовъ. Итакъ, возлюбленные, не будемъ 77
считать одну вѣру достаточною для спасенія. Если мы не представимъ чистой жизни, но явимся въ одеждахъ, неприличныхъ блаженному нашему званію, то ничто не спасетъ и насъ отъ такихъ же страданій, какимъ подвергся тотъ несчастный. Въ

самомъ дѣлѣ, не странно ли, что когда самъ Богъ и Царь не гнушается простыми, незнатными и ничего нестоющими людьми, но съ распутій приводитъ ихъ за Свою трапезу, мы показываемъ въ себѣ такую безчувственность, что и въ такой чести не дѣлаемся лучшими, но и по призваніи остаемся въ томъ же злѣ, и такимъ образомъ попираемъ неизреченное человѣколюбіе Призвавшаго? Онъ не для того призвалъ насъ къ этому духовному и страшному общенію таинствъ, чтобы мы приступали къ нимъ съ прежними злодѣяніями, а для того, чтобы, совлекшись постыдныхъ одеждъ, облеклись въ такія, какія приличны угощаемымъ въ царскихъ чертогахъ. Если же мы не хотимъ поступать достойно такого призванія, то это зависитъ отъ насъ, а не отъ Того, Кто такъ почтилъ насъ. Не Онъ изгоняетъ насъ изъ див-
78 наго сонма званныхъ, но мы сами себя изгоняемъ. Онъ все съ Своей стороны сдѣлалъ: устроилъ брачный пиръ, приготовилъ трапезу, послалъ пригласителей, принялъ пришедшихъ и всякую другую честь оказалъ; но мы своими нечистыми одеждами, то есть, грѣховными дѣлами нанесли оскорбленіе Ему и присутствующимъ на брачномъ пирѣ и всему браку, и потому справедливо мы изгоняемся. Такимъ образомъ уважая брачный пиръ и званныхъ, Царь изгоняетъ отсюда дерзкихъ и безстыдныхъ. А если бы Онъ оставилъ одѣтыхъ въ такія одежды, то чрезъ это самъ оказалъ бы неуваженіе и къ другимъ званнымъ. Но не дай Богъ никому, ни намъ, никому-либо изъ другихъ людей испытать такой гнѣвъ Призвавшаго. Для того и написано это, прежде чѣмъ сбудется, чтобы, вразумленные угрозами Писанія, мы не довели себя на дѣлѣ до такого безчестія и наказанія, но, довольствуясь уже только такими словами (Писанія), всѣ явились на тотъ зовъ въ свѣтлой одеждѣ, которую и да получимъ всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XI.

И Слово плоть бысть, и вселися въ ны (Іоан. I, 14).

77 1. Одного у всѣхъ васъ хочу просить утѣшенія, прежде нежели приступлю къ изъясненію изреченій евангельскихъ; но только не отвергните просьбы. Не тяжкаго чего-нибудь и труднаго прошу отъ васъ; да и не мнѣ только пріемлющему полезно будетъ это одолженіе, но и вамъ оказывающимъ его, и можетъ быть для васъ еще гораздо полезнѣе? Что же это такое, о

чемъ хочу просить васъ? Пусть каждый изъ васъ тотъ отдѣлъ изъ евангелія, который будетъ читаемъ въ первый день по субботѣ, или въ самую субботу, среди васъ (въ церкви), возьметъ предъ этими днями въ руки и дома внимательно прочитываетъ, многократно со тщаніемъ просматриваетъ содержаніе его и хорошо вникаетъ въ него; пусть отмѣчаетъ, что́ тамъ ясно и что́ неясно, что́ есть повидимому противорѣчащаго, хотя на самомъ дѣлѣ не таково; и все обсудивъ, такимъ образомъ собирайтесь сюда къ слушанію (бесѣдъ). Не малая будетъ польза отъ такого усердія и вамъ и намъ: намъ немного потребно будетъ труда—объяснять вамъ силу изреченій, когда вашъ умъ уже предварительно усвоитъ себѣ понятіе о нихъ; а вы такимъ способомъ болѣе изощритесь и будете понятливѣе въ слушаніи, не только къ собственному вашему назиданію, но и къ наученію другихъ. Теперь же, такъ какъ многіе изъ приходящихъ сюда слушать по необходимости должны вникать одновременно во все — и въ самыя изреченія и въ наши на нихъ объясненія, то, хотя бы мы употребили на это цѣлый годъ, не получатъ они большой пользы. Да и возможно ли это, когда они мимоходомъ и только здѣсь, на краткое время, занимаются поученіями? А если кто будетъ ссылаться на дѣла и заботы, на недосугъ при множествѣ занятій общественныхъ и частныхъ, то, во-первыхъ, это-то самое и служитъ къ немалому ихъ осужденію, что они заняты такимъ множествомъ дѣлъ, и такъ совершенно связаны житейскими попеченіями, что не имѣютъ даже немного свободнаго времени для занятій болѣе, чѣмъ всякія другія, необходимыхъ; во-вторыхъ, это только отговорка и 78
предлогъ, въ чемъ обличаютъ ихъ и пріятельскія сходбища, и препровожденіе времени на зрѣлищахъ, и стеченіе на конныя состязанія, на которыхъ часто проводятъ цѣлые дни, и однако никто въ такихъ случаяхъ не жалуется на множество дѣлъ. Итакъ, въ дѣлахъ маловажныхъ вы никогда не отказываетесь никакими предлогами и можете найти много свободнаго времени; а когда надобно внимать слову Божію, то это кажется вамъ столь излишнимъ и незначительнымъ дѣломъ, что будто бы не стоитъ употреблять на это и малаго свободнаго времени. Достойны ли такъ думающіе люди даже дышать, или смотрѣть на это солнце? Есть у такихъ нерадивыхъ людей и другой предлогъ, еще болѣе неосновательный, будто бы они не пріобрѣли и не имѣютъ книгъ Св. Писанія. Но въ отношеніи къ богатымъ смѣшно было бы распространяться намъ о такомъ предлогѣ; а бѣдныхъ, которые, я думаю, по большей части пользуются имъ, желалъ бы я спросить, не всѣ ли орудія ремесла, какимъ каж-

дый изъ нихъ занимается, есть у нихъ, сколько нужно, и въ исправности, хотя бы угнетала ихъ крайняя бѣдность? Какъ же не нелѣпо—тамъ не отговариваться бѣдностію, но употреблять всѣ усилія, чтобы ни въ чемъ не нуждаться; а гдѣ можно пріобрѣсти столь великую пользу, здѣсь жаловаться на недосугъ и убожество? Впрочемъ, хотя бы дѣйствительно нѣкоторые были такъ бѣдны, все же изъ непрерывно здѣсь бывающаго чтенія могли бы узнать сколько-нибудь содержаніе божественныхъ Писаній. Если же это кажется вамъ невозможнымъ, то не безъ причины такъ кажется. Многіе не съ большимъ усердіемъ приходятъ слушать чтеніе Писаній, но, исполнивъ это только какъ долгъ урочнаго времени, тотчасъ возвращаются домой; а если нѣкоторые и остаются, то бываютъ нисколько не лучше удалившихся, присутствуя здѣсь съ нами только тѣломъ. Но, чтобы намъ не слишкомъ обременить васъ обличеніями и не потерять всего времени въ упрекахъ, приступимъ къ изреченіямъ евангельскимъ: время наконецъ обратить слово на предлежащіе пред-
79 меты. Только будьте внимательны, чтобы ничто сказанное не было потеряно для васъ. *И Слово плоть бысть*, говоритъ евангелистъ, *и вселися въ ны* (Іоан. I, 14). Сказавъ, что принявшіе Слово родились отъ Бога и содѣлались чадами Божіими, предлагаетъ причину и основаніе такой неизреченной почести. Причина та, что само Слово содѣлалось плотію и Господь воспринялъ на Себя образъ раба. Будучи истиннымъ Сыномъ Божіимъ, Онъ содѣлался сыномъ человѣческимъ, чтобы сыновъ человѣческихъ содѣлать чадами Божіими. Высокое въ общеніи съ уничиженнымъ нисколько не теряетъ собственнаго достоинства, а уничиженное возвышается чрезъ то изъ своего уничиженія. Такъ это совершилось и во Христѣ. Онъ чрезъ такое снисхожденіе нисколько не унизилъ собственнаго естества, а насъ, сѣдящихъ всегда во мракѣ и уничиженіи, возвелъ къ неизреченной славѣ. Такъ царь, когда внимательно и благосклонно бесѣдуетъ съ бѣднымъ и нищимъ, то нисколько не стыдитъ себя самого, а бѣднаго дѣлаетъ чрезъ то для всѣхъ лицемъ замѣтнымъ и почетнымъ. Если же въ отношеніи къ преходящему достоинству человѣческому общеніе съ низшимъ нисколько не вредитъ высшему, то тѣмъ болѣе по отношенію къ тому нетлѣнному и блаженному Существу, которое не имѣетъ въ себѣ ничего преходящаго, ни прибывающаго, ни убывающаго, но обладаетъ всѣми совершенствами неизмѣнно и вѣчно. Итакъ, когда ты слышишь, что *Слово плоть бысть*, то не смущайся и не колеблись. Не самое существо Его измѣнилось въ плоть (это и помыслить нечестиво); а пребывая тѣмъ, что есть, оно такимъ образомъ приняло образъ раба.

2. Для чего же (евангелистъ) употребилъ слово: *бысть*? Для
того, чтобы заградить уста еретиковъ. Есть такіе, которые говорятъ, будто все, что касается воплощенія, есть только воображеніе, обманъ чувствъ, предположеніе; поэтому евангелистъ, желая совершенно уничтожить ихъ хулу, и употребилъ выраженіе:
бысть, намѣреваясь этимъ показать не измѣненіе существа, нѣтъ,
а воспріятіе истинной плоти. Какъ въ словахъ: *Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва* (Галат. ш, 13),
Писаніе не то говоритъ, будто существо Его, оставивъ собственную славу, превратилось въ клятву (этого не подумали бы и
демоны, и совершенно безумные и лишенные естественнаго смысла
люди: такъ нечестива и вмѣстѣ безумна эта мысль!), — какъ не
это говоритъ Писаніе, а то, что Онъ, принявъ на Себя изреченную противъ насъ клятву, не оставилъ насъ болѣе быть подъ
клятвою,—такъ и здѣсь сказано, что Слово плоть *бысть*,—не измѣнивъ своего существа въ плоть, но только принявъ ее, такъ
что существо осталось неприкосновеннымъ. Если же скажутъ,
что Богъ, какъ всемогущій, могъ перемѣниться и въ плоть, на
это мы отвѣтимъ, что Богъ не иначе все можетъ, какъ пребывая
Богомъ; а если бы Онъ допустилъ въ Себѣ измѣненіе, и притомъ
измѣненіе на худшее, то какъ же былъ бы Онъ и Богомъ? Измѣниться совершенно несвойственно нетлѣнному Существу.
Потому и пророкъ сказалъ: *вся яко риза обетшаютъ, и яко одежду свіеши я, и измѣнятся. Ты же тойжде еси и лѣта твоя не оскудѣютъ*
(Псал. сі, 27). Существо это выше всякаго измѣненія. Нѣтъ ничего
превосходнѣе Его, чего бы оно могло достигать преуспѣваніемъ.
Что я говорю: превосходнѣе? Нѣтъ ничего равнаго, или сколько- 80
нибудь близкаго. Слѣдовательно, если бы Богъ измѣнялся, то
претерпѣвалъ бы измѣненіе къ худшему. Но тогда онъ не былъ бы
и Богомъ. Но да обратится хула на главу говорящихъ ее. А что
слово: *бысть* сказано для того, чтобы ты не принялъ воплощенія
за вымыслъ, замѣть это изъ послѣдующаго, какъ (евангелистъ)
объясняетъ свое выраженіе и опровергаетъ нечестивую мысль.
Онъ присовокупляетъ: *и вселися въ ны*, — какъ бы говоря: ничего
несообразнаго не подозрѣвай въ словѣ: *бысть*. Я говорю не объ
измѣненіи этого неизмѣняемаго Существа, а о вселеніи и обитаніи Его (среди насъ). Обитающее не одно и то же съ обиталищемъ, а есть нѣчто другое; одно вселяется въ другомъ; иначе
не было бы и вселенія,— потому что ничто не вселяется въ самомъ себѣ. Иное я говорю въ отношеніи къ естеству. Чрезъ
соединеніе и общеніе Богъ Слово и плоть суть одно, не въ
томъ смыслѣ, что произошло какое-либо смѣшеніе или уничтоженіе естествъ, а въ томъ, что образовалось нѣкоторое неизре-

ченное и невыразимое ихъ единеніе. А какъ это сдѣлалось, не спрашивай; это произошло, какъ Онъ самъ знаетъ. Но какое же это обиталище, въ которомъ Онъ вселился? Послушай, что̀ пророкъ говоритъ: *возставлю скинію Давидову падшую* (Амос. IX, 11). Пало, подлинно пало неисцѣльнымъ паденіемъ естество наше и имѣло нужду въ этой единой державной десницѣ. Да и не могло оно возстать, если бы Создавшій его вначалѣ не простеръ къ нему десницы и не обновилъ его свыше чрезъ возрожденіе водою и духомъ. И замѣть то, что есть страшнаго и неизреченнаго въ этомъ таинствѣ: Онъ навсегда обитаетъ въ этой скиніи [1]). Онъ облекся нашею плотію не съ тѣмъ, чтобы опять оставить ее, но чтобы всегда имѣть ее съ Собою. А если бы не такъ, то Онъ не удостоилъ бы ее царскаго престола и, нося ее, не былъ бы поклоняемъ отъ всего горняго воинства ангеловъ, архангеловъ, престоловъ, господствъ, началъ и властей. Какое слово, какой умъ можетъ представить столь великую почесть, оказанную роду нашему, поистинѣ сверхъестественную и дивную? Какой ангелъ? Какой архангелъ? Никто никогда, ни изъ небесныхъ, ни изъ земныхъ. Таковы дѣла Божіи, такъ велики и вышеестественны Его благодѣянія, что не только языкъ человѣческій, но и ангельская сила не можетъ вполнѣ высказать ихъ. Потому и мы заключимъ слово молчаніемъ, напомнивъ только вамъ—воздавать столь великому Благодѣтелю нашему воздаяніемъ, отъ котораго вся польза опять къ намъ же обратится. Это воздаяніе въ томъ состоитъ, чтобы мы имѣли ревностное попеченіе о душѣ нашей. И то есть дѣло Его человѣколюбія, что Онъ, не нуждаясь самъ ни въ комъ изъ насъ, принимаетъ за воздаяніе Себѣ, когда мы печемся о собственной своей душѣ. Потому крайне безумно и достойно безчисленныхъ наказаній— удостоившись столь великой почести, не воздавать съ своей стороны по силамъ, и притомъ когда польза отъ того переходитъ опять къ намъ же и когда уготованы намъ за то безчисленныя блага. Воздадимъ же за все это славу человѣколюбцу Богу, не словами только, но гораздо болѣе дѣлами, чтобы получить намъ и будущія блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) Т. е. во плоти человѣческой.

БЕСѢДА XII.

И видѣхомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины (Іоан. I, 14).

1. Сказанное нами вчера, можетъ быть, показалось вамъ болѣе 81
чѣмъ слѣдуетъ стѣснительнымъ и тяжкимъ, такъ какъ мы произнесли слово укорительное и далеко простерли обличеніе многихъ въ нерадѣніи. Но если бы мы дѣлали это только съ намѣреніемъ—оскорбить васъ, то, можетъ быть, справедливо каждый изъ васъ негодовалъ бы. А какъ мы пренебрегали пріятность въ словахъ, имѣя въ виду пользу вашу, то, хотя бы вы и не хотѣли принять нашего попеченія о васъ, вы должны по крайней мѣрѣ простить такой любви нашей. Мы и очень опасались, чтобы, при нашемъ стараніи, вы съ своей стороны, не желая показать такого же усердія къ слушанію, не подверглись тѣмъ болѣе тяжкому отвѣту за послѣдствія. Поэтому мы и вынуждаемся непрестанно возбуждать васъ и воздвигать отъ сна, чтобы ничто изъ сказаннаго не было для васъ потеряно. Только такимъ образомъ можете вы въ настоящемъ вѣкѣ жить съ дерзновеніемъ и въ будущій день предстать престолу Христову. Но такъ какъ мы вчера уже довольно тронули васъ, то приступимъ теперь прямо къ самымъ изреченіямъ евангелія. *И видѣхомъ*, говоритъ Писаніе, *славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца* (ст. 14). Евангелистъ, сказавъ, что мы сдѣлались чадами Божіими, и показавъ, что это произошло не иначе, какъ чрезъ воплощеніе Слова, теперь представляетъ и другую отъ того пользу. Что же это такое? *Видѣхомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца.* Мы не могли бы видѣть, если бы Онъ не явился намъ въ воспринятой Имъ плоти. Если у Моисея, имѣвшаго одинаковое съ нами естество, люди тогдашняго времени не могли видѣть лица, потому только, что оно было прославлено, и праведникъ даже имѣлъ нужду въ покрывалѣ, чтобы прикрыть величіе славы и чтобы видъ пророка казался имъ тихимъ и спокойнымъ, то какъ мы, бренные и земнородные, могли бы созерцать чистое Божество, которое неприступно и для самихъ горнихъ силъ? Для того-то Онъ и вселился среди насъ, чтобы мы могли безопасно приступать къ Нему, бесѣдовать и обращаться съ Нимъ.

Что же значитъ: *славу яко Единороднаго отъ Отца*? Такъ какъ многіе и изъ пророковъ прославились, напримѣръ, тотъ же Моисей, Илія и Елисей, изъ которыхъ одинъ былъ вознесенъ на огненной колесницѣ, а другой обыкновеннымъ образомъ взятъ отсюда; послѣ нихъ прославились: Даніилъ, три отрока, и мно-

гіе другіе, которые и чудеса творили; да и ангелы, являвшіеся людямъ, открывали взиравшимъ на нихъ лучезарный свѣтъ собственнаго естества; и не ангелы только, но и херувимы являлись пророку съ великою славою,—также и серафимы; поэтому-то евангелистъ, отводя насъ отъ всѣхъ этихъ существъ, отвлекая мысль нашу отъ твари и славы подобныхъ намъ рабовъ, возводитъ насъ къ самому верху совершенствъ. Не пророка, говоритъ онъ, не ангела, не архангела, не другихъ высшихъ силъ и не не иного какого-либо сотвореннаго существа, если еще есть
82 какое-либо иное, но самого Владыки, самого Царя, самого истиннаго Единороднаго Сына, самого общаго всѣхъ насъ Господа мы видѣли славу. Выраженіе: *яко* — означаетъ здѣсь не уподобленіе и не сравненіе, а подтвержденіе и неподлежащее сомнѣнію опредѣленіе; какъ бы такъ сказалъ евангелистъ: мы видѣли славу, какую подобаетъ и свойственно имѣть единородному и истинному Сыну Царя всѣхъ Бога. Такъ и обыкновенно бываетъ, и я не откажусь подтвердить слова свои общимъ обычаемъ,—потому что не для красоты рѣчи и не для стройности слова намъ теперь нужно говорить, но единственно для вашей пользы. Поэтому ничто не препятствуетъ намъ подтвердить свои мысли и обычаемъ многихъ? Какой же этотъ обычай многихъ? Многіе, увидѣвъ царя преукрашеннаго, блистающаго со всѣхъ сторонъ драгоцѣнными камнями, потомъ, когда разсказываютъ другимъ объ этой красотѣ, великолѣпіи, славѣ, описываютъ, сколько могутъ, цвѣтъ багряницы, величину камней, бѣлизну коней, золотую упряжь, блистающія покрывала; но какъ, пересказавъ это и прочее, все еще не могутъ изобразить словомъ всего блеска, и прибавляютъ тотчасъ такія слова: да что много говорить? словомъ сказать: *какъ царь*—и этимъ выраженіемъ: *какъ* хотятъ показать не то, что только подобенъ царю тотъ, о комъ они говорятъ, но то, что это истинный царь,—такъ и евангелистъ употребилъ выраженіе: *якоже*, желая изобразить высочайшее и несравненное превосходство славы (Сына Божія). Всѣ другіе, и ангелы, и архангелы, и пророки, дѣлали все только по повелѣнію (Божію), а Онъ со властію, свойственною Царю и Господу. Потому-то и народъ дивился, что Онъ училъ, какъ власть имѣющій.

2. Итакъ, являлись, какъ я сказалъ, и ангелы на землѣ съ великою славою, напримѣръ—Даніилу, Давиду, Моисею, но они дѣлали все какъ слуги, повинующіеся своему Господу; а Христосъ явился, какъ Владыка и Вседержитель, хотя и въ смиренномъ и уничиженномъ видѣ. Впрочемъ, и въ этомъ видѣ тварь познала своего Господа. Какимъ образомъ? Звѣзда, явившаяся на небѣ, привела волхвовъ поклониться Ему; многочис-

ленный ликъ ангеловъ, отвсюду собравшихся, окружалъ и воспѣвалъ Его; явились внезапно и другіе проповѣдники; всѣ, встрѣчая другъ друга, возвѣщали это неизреченное таинство, ангелы — пастырямъ, пастыри — жителямъ города, Гавріилъ — Маріи и Елисаветѣ, Симеонъ и Анна приходившимъ въ храмъ. Да и не только мужи и жены окрылялись радостію, но и младенецъ, еще не исшедшій на свѣтъ изъ утробы матери,—я разумѣю жителя пустыни, соименнаго этому евангелисту,—взыгралъ во чревѣ матери, и всѣ оживлялись надеждами на будущее. Такъ было тотчасъ при Его рожденіи; а когда Онъ болѣе открылъ Себя, тогда опять произошли другія чудеса, еще больше прежнихъ. Уже не звѣзда и небо, не ангелы и архангелы, не Гав-
ріилъ и Михаилъ, но самъ Отецъ свыше съ небесъ возвѣстилъ 33
о Немъ, и вмѣстѣ съ гласомъ Отца Утѣшитель явился надъ Нимъ и пребылъ на Немъ. Поэтому справедливо сказалъ евангелистъ: *видѣхомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца*. Впрочемъ, и не поэтому только сказалъ такъ, а и потому, что за этимъ послѣдовало. Уже не пастыри только, не вдовствующія жены, не престарѣлые мужи возвѣстили намъ, но и самое существо дѣлъ громче всякой трубы провозглашало о Немъ, и такимъ образомъ произошло то, что молва о дѣлахъ Его скоро была и здѣсь услышана. *И изыде*, говоритъ Писаніе, *по всей Сиріи слухъ Его* (Мате. IV, 24) и всѣмъ открылъ Его; все отовсюду возвѣщало, что самъ Царь сошелъ съ небесъ. Бѣсы отовсюду убѣгали и удалялись, діаволъ посрамленный отступалъ, самая смерть сначала понемногу устрашалась, а потомъ и совершенно упразднялась, всякаго рода болѣзни были исцѣляемы, мертвые оставляли гробы, демоны—бѣсновавшихся, болѣзни—немощныхъ. Видѣлись дѣла чудныя и дивныя, которыя поистинѣ пророки желали видѣть, но не видѣли. Зрѣніе возстановлялось; и то вожделѣнное зрѣлище, которое всѣ желали бы видѣть,—какъ Богъ сотворилъ Адама изъ земли,—и это зрѣлище Христосъ показалъ всѣмъ, хотя въ маломъ видѣ, но по отношенію къ лучшимъ частямъ тѣла. Разслабленные и распавшіеся члены укрѣплялись и соединялись одинъ съ другимъ, омертвѣвшія руки получали движеніе, разслабленныя ноги внезапно вскакивали, загражденныя глухотою уши отверзались, и громкимъ голосомъ восклицалъ языкъ, связанный дотолѣ нѣмотою. Какъ искусный художникъ возстановляетъ зданіе, развалившееся отъ времени, такъ Онъ—общее естество человѣческое: отторгнутыя части восполнялъ, распавшіяся и расторгнутыя—соединялъ, а совершенно отпавшія—возстановлялъ. Что же сказать о возстановленіи души, которое гораздо удивительнѣе исцѣленія тѣлес-

наго? Важно здравіе тѣлесное, но гораздо важнѣе здравіе душевное, и тѣмъ важнѣе, чѣмъ душа превосходнѣе тѣла; да и не потому только, но и потому, что тѣлесная природа слѣдуетъ направленію, какимъ хочетъ вести ее Создатель, и нисколько не противится, а душа, будучи властна сама въ себѣ и имѣя свободу въ дѣйствіяхъ, не всегда повинуется Богу, и именно въ томъ, чего не хочетъ. Онъ не желаетъ противъ воли ея и насильно дѣлать ее непорочною и добродѣтельною; да это не было бы и добродѣтелію; ее надобно убѣждать—свободно и добровольно сдѣлаться такою; а это гораздо труднѣе врачеванія тѣлеснаго. Но Онъ совершилъ и это и отогналъ всякій родъ зла. И какъ врачуя тѣла, Онъ возстановлялъ ихъ не только къ здравію, но и къ совершеннѣйшему благосостоянію, такъ и души не только освобождалъ отъ крайней грѣховности, но и возводилъ на самый верхъ добродѣтели. Такъ мытарь дѣлался апостоломъ; гонитель, хулитель и досадитель являлся проповѣдникомъ вселенной; волхвы становились учителями іудеевъ; разбойникъ оказывался жителемъ рая; блудница славилась великою вѣрою; жена хананеянка и жена самарянка — одна, будучи также блудницею, принимала на себя проповѣдь между соплеменни-
84 ками и, увлекши цѣлый городъ, привела его ко Христу, а другая вѣрою и терпѣніемъ достигла изгнанія злого бѣса изъ души своей дочери. Еще другіе, гораздо худшіе этихъ, скоро присоединились къ числу учениковъ. Все внезапно измѣнялось въ своемъ видѣ: недуги тѣлесные, болѣзни душевныя прелагались въ здравіе и совершеннѣйшую добродѣтель; и притомъ не два или три человѣка, не пять или десять, не двадцать или только сто, но цѣлые города и народы обращались съ великою быстротою. А кто можетъ изобразить мудрость правилъ, совершенство небесныхъ законовъ, благоустройство равноангельской жизни? Онъ ввелъ между нами такой образъ жизни, такіе положилъ для насъ законы, такіе установилъ нравы, что усвояющіе ихъ скоро содѣлываются ангелами и подобными Богу, сколько это возможно по силамъ нашимъ, хотя бы сами по себѣ они были хуже всѣхъ людей.

3. Приводя всѣ эти чудеса,—чудеса въ тѣлахъ, чудеса въ душахъ, чудеса въ стихіяхъ,—заповѣди, неизреченные, высшіе самыхъ небесъ дары, законы, благоустройство, силу убѣжденія, обѣтованія въ будущемъ, наконецъ страданія Его,—евангелистъ изрекъ эти чудныя и исполненныя высокаго ученія слова: *видѣхомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины*. Мы не чудесамъ Его только дивимся, но и страданіямъ,—тому, какъ Онъ былъ пригвожденъ ко кресту, бичуемъ,

заушаемъ, подвергаемъ оплеванію; какъ терпѣлъ удары по главѣ отъ тѣхъ самыхъ, которые были Имъ облагодѣтельствованы. Такъ, и объ этомъ обо всемъ, что кажется унизительнымъ, достойно сказать то же изреченіе, какъ и самъ евангелистъ называетъ все это славою. Дѣйствительно, все это было не только дѣломъ промышленія и любви, но и неизреченной силы. Тогда-то и смерть упразднялась, и клятва разрушалась, и бѣсы были посрамлены, и торжество надъ ними открывалось, и рукописаніе грѣховъ нашихъ было пригвождаемо ко кресту. Но тогда какъ эти чудеса совершались невидимо, были и другія—видимыя, которыя показывали, что Онъ есть истинно единородный Сынъ Божій и Господь всей твари. Когда блаженное тѣло Его еще висѣло на крестѣ, солнце сокрыло лучи свои, земля поколебалась и вся покрылась мракомъ, гробы отверзлись, нѣдра земли сотряслись и великій сонмъ умершихъ возсталъ и пришелъ въ городъ (Іерусалимъ). Потомъ, когда камни приставлены были къ дверямъ гроба Его, еще и печати приложены, Онъ, умершій, распятый, пригвожденный, возсталъ и, исполнивъ одиннадцать учениковъ Своихъ нѣкоторой непобѣдимой и божественной силы, послалъ ихъ ко всѣмъ людямъ, по всей вселенной—врачевать ихъ общее естество, исправлять образъ жизни, распространять по всей землѣ познаніе небеснаго ученія, разрушать силу бѣсовскую, открывать великія и неизреченныя блага, благовѣстить намъ безсмертіе души и вѣчную жизнь тѣла, награды, превышающія всякій умъ и никогда не могущія окончиться. Итакъ, блаженный евангелистъ, представляя себѣ все это и большее чѣмъ это, что онъ самъ зналъ, но не рѣшался написать (потому что и міръ не вмѣстилъ бы того, какъ онъ самъ говоритъ: ***яже аще бы по***
единому писана быша, ни самому мню всему міру вмѣстити пише- 85
мыхъ книгъ,—Іоан. XXI, 25),—все это, говорю, представляя, онъ воскликнулъ: ***и видѣхомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца, исполнъ благодати и истины***. А тѣмъ, которые удостоились видѣть и слышать столь великія чудеса и получили столь великій даръ, надлежитъ показать и жизнь достойную ученія, чтобы сподобиться и будущихъ благъ. Для того и пришелъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, чтобы не только здѣсь мы видѣли славу Его, но и въ будущемъ вѣкѣ. Потому Онъ и говорилъ: ***хощу, да идѣже есмь Азъ, и тіи будутъ со Мною, да видятъ славу Мою*** (Іоан. XVII, 24). Если же здѣшняя слава Его была столь блистательна и величественна, то что сказать о той Его славѣ? Она откроется уже не на тлѣнной землѣ, не предъ существами, облеченными въ смертныя тѣла, каковы мы теперь, но въ твореніи нетлѣнномъ и безсмертномъ, и съ такимъ величіемъ, ка-

кого невозможно изобразить никакимъ словомъ. О, блаженны, трижды блаженны и безпредѣльно блаженны тѣ, которые удостоятся созерцать эту славу! О ней говоритъ пророкъ: *да возмется нечестивый, да не видитъ славы Господни* (Ис. xxvi, 10). Но да не будетъ того, чтобы кто-либо изъ насъ былъ отверженъ и не удостоился нѣкогда зрѣть ее! А если мы не будемъ наслаждаться ею, то и объ насъ справедливо будетъ сказать: лучше было бы, если бы мы и не родились. Для чего же мы живемъ? Для чего дышемъ? Для чего существуемъ, если не достигнемъ такого созерцанія, если никому изъ насъ не дозволено будетъ зрѣть тогда нашего Господа? Если не видящіе свѣта солнечнаго
86 проводятъ жизнь горше всякой смерти, то какъ должны страдать тѣ, которые лишатся того свѣта? Здѣсь въ этомъ лишеніи только и состоитъ несчастіе, а тамъ—не въ этомъ только; впрочемъ, если бы и эта только была бѣда, то и въ такомъ случаѣ наказаніе было бы не равно, но будущее тѣмъ тяжелѣе настоящаго, чѣмъ то Солнце несравненно превосходнѣе здѣшняго; а кромѣ того надобно ожидать еще и другой казни. Кто не удостоится видѣть того свѣта, тотъ не только вверженъ будетъ во тьму, но и горѣть будетъ въ огнѣ непрерывномъ, истаевать въ немъ, скрежетать зубами и терпѣть другія безчисленныя страданія. Итакъ, не будемъ нерадивы о себѣ самихъ, и за кратковременное нерадѣніе и безпечность не подвергнемъ себя вѣчному наказанію; но будемъ бодрствовать и трезвиться, будемъ все дѣлать и устроять такъ, чтобы удостоиться того (вѣчнаго) наслажденія и избавиться отъ рѣки огненной, протекающей съ великимъ шумомъ предъ страшнымъ судилищемъ. А кто однажды впадетъ въ нее, тотъ долженъ будетъ остаться тамъ навсегда, и уже никто не избавитъ его отъ мученія — ни отецъ, ни мать, ни братъ. Объ этомъ вопіютъ и пророки: одинъ говоритъ: *братъ не избавитъ, избавитъ ли человѣкъ* (Пс. xlviii, 8)? А Іезекіилъ говоритъ еще болѣе: *и аще будутъ Ное, и Даніилъ, и Іовъ, ни сынове, ни дщери ихъ спасутся* (Іез. xiv, 14—16). Одна только тамъ защита — защита дѣлами; а кто не имѣетъ ея, тому никакимъ другимъ средствомъ спастись невозможно. Итакъ, все это непрестанно имѣя въ виду и размышляя, очистимъ жизнь нашу и сдѣлаемъ ее свѣтлою, чтобы съ дерзновеніемъ узрѣть Господа и достигнуть обѣтованныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIII.

Іоаннъ свидѣтельствуетъ о Немъ, и воззва глаголя: Сей бѣ, егоже рѣхъ, иже по мнѣ грядый, предо мною бысть, яко первѣе мене бѣ (Іоан. I, 15).

1. Не вотще ли мы течемъ и труждаемся? Не на камняхъ ли 85
сѣемъ, или не при пути ль и въ терніяхъ, сверхъ чаянія нашего, падаютъ сѣмена? Я сильно безпокоюсь и боюсь, чтобы земледѣліе не осталось для насъ безплоднымъ, — не потому впрочемъ, чтобъ я самъ могъ потерпѣть ущербъ въ наградѣ за этотъ трудъ. Дѣло учителей не таково, какъ — земледѣльцевъ. Земледѣлецъ, часто послѣ годичныхъ работъ, послѣ такого изнуренія и пота, — если земля не принесетъ ничего, стоющаго трудовъ, — не можетъ ни у кого другого найти какого-либо утѣшенія за свои труды, а со стыдомъ и скорбію возвращается съ поля домой, къ женѣ и дѣтямъ, не имѣя права ни отъ кого требовать воздаянія за продолжительные труды. Но съ нами ничего такого не можетъ случиться. Пусть воздѣлываемая земля не приноситъ никакого плода; если только мы съ своей стороны приложимъ весь трудъ, Господь земли и нашъ Господь не допуститъ насъ остаться съ пустыми надеждами, но даруетъ возмездіе. *Кійждо*, сказано, *свою мзду пріиметъ по своему труду* (1 Кор. III, 8), а не по исходу дѣлъ. А что это такъ, послушай: *и ты*, сказано, *сыне человѣчь, засвидѣтельствуй людямъ симъ, не услышатъ ли, не уразумѣютъ ли*
(Іезек. II, 5, 6). И чрезъ того же Іезекіиля можно узнать вотъ 86
что: если стражъ предвозвѣстилъ, чего должно убѣгать и что избирать, то онъ избавилъ душу свою, хотя бы и никто не слушалъ его [1]). Тѣмъ не менѣе, имѣя это сильное утѣшеніе, увѣренные въ воздаяніи за труды наши, мы, когда въ дѣлѣ вашего спасенія не видимъ успѣха, чувствуемъ себя ничѣмъ не лучше тѣхъ земледѣльцевъ, которые стенаютъ, проливаютъ слезы и отъ стыда скрываются. Здѣсь — соучастіе учителя, здѣсь — попечительность отца. Такъ Моисей, хотя могъ избавиться отъ неблагодарныхъ къ нему іудеевъ и сдѣлаться еще болѣе славнымъ родоначальникомъ другого и гораздо болѣе многочисленнаго народа (*остави мя,* сказалъ ему Богъ, *и потреблю ихъ и сотворю тя въ языкъ великъ,* — Исх. XXII, 10, — такъ какъ Моисей былъ мужъ святой, рабъ Божій, другъ, близкій и вѣрный Богу), но онъ и

[1]) Здѣсь св. Златоустъ излагаетъ только мысль, содержащуюся въ книгѣ прор. Іезекіиля (III, 19) не приводя буквально словъ его.

слышать не могъ такихъ словъ, а желалъ лучше погибнуть съ людьми, однажды ему ввѣренными, нежели быть спасеннымъ безъ нихъ и получить достоинство болѣе важное. Таковъ долженъ быть водитель душъ. Странно было бы, если бы кто, имѣя худыхъ дѣтей, желалъ лучше назваться отцемъ другихъ, а не тѣхъ, которыя отъ него родились; такъ странно было бы, если бы и мы стали постоянно перемѣнять врученныхъ намъ учениковъ однихъ на другихъ, присвоять себѣ начальство то надъ тѣми, то надъ другими. и не имѣть ни къ кому искренняго расположенія. Впрочемъ, относительно васъ да не будетъ никогда такихъ подозрѣній. Мы убѣждены, что вы преизбыточе-
87 ствуете въ вѣрѣ въ Господа нашего Іисуса Христа, въ любви другъ къ другу и ко всѣмъ. А это мы говоримъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы возбудить васъ къ усиленію вашей ревности и къ пріумноженію, болѣе и болѣе, добродѣтели въ вашей жизни. Такимъ образомъ вы сможете проникнуть умомъ до самой глубины предложеннаго у насъ ученія, если т. е. нечистота грѣховная не будетъ помрачать очей разума и не повредитъ его зоркости и остроты. Итакъ, что же предложено у насъ сегодня? *Іоаннъ свидѣтельствуетъ о Немъ и воззва глаголя: Сей бѣ, егоже рѣхъ, иже по мнѣ грядый, предо мною бысть: яко первѣе мене бѣ.* Многократно евангелистъ, и выше и ниже, обращается къ Іоанну и во многихъ мѣстахъ представляетъ его свидѣтельство. Но это онъ дѣлаетъ не напрасно, а очень разумно. Такъ какъ всѣ іудеи имѣли великое уваженіе къ этому мужу (Іосифъ приписываетъ даже его смерти войну и доказываетъ, что изъ-за него столичный нѣкогда городъ пересталъ быть городомъ, и вообще много говоритъ въ похвалу ему), то евангелистъ, желая именемъ его пристыдить іудеевъ, часто припоминаетъ имъ свидѣтельство Предтечи. Другіе евангелисты упоминаютъ о древнѣйшихъ пророкахъ, и при каждомъ обстоятельствѣ въ жизни Его (Христа) отсылаютъ къ нимъ слушателя. Такъ, когда Онъ рождается, евангелистъ говоритъ: *сіе же все бысть, да сбудется реченное* Исаіемъ *пророкомъ глаголющимъ: се дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ сына* (Матѳ. I, 22, 23). Когда Онъ подвергается злымъ умысламъ и повсюду отыскивается съ такою тщательностію, что и незрѣлый возрастъ избивается Иродомъ, — они приводятъ Іеремію, который говоритъ: *гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть, плачь и рыданіе и вопль многъ: Рахиль плачущися чадъ своихъ* (Матѳ. II, 18; ср. Іер. XXXI, 15). Когда Онъ опять возвращается изъ Египта, — они припоминаютъ Осію, который также говоритъ: *отъ Египта воззвахъ сына моего* (Матѳ. II, 15; ср. Ос. XI, 13). Такъ другіе евангелисты дѣлаютъ и во всѣхъ случаяхъ. А этотъ евангелистъ (Іоаннъ), болѣе воз-

вышеннымъ, чѣмъ другіе, гласомъ проповѣдающій, представляетъ яснѣйшія и ближайшія свидѣтельства, и приводитъ не только отшедшихъ и умершихъ, но и современнаго свидѣтеля, который указывалъ уже на пришедшаго (Господа) и крестилъ Его, — не съ тѣмъ приводитъ, чтобы свидѣтельствомъ раба придать болѣе достовѣрности словамъ Владыки, но снисходя къ немощи слушателей, потому что подобно тому какъ, если бы Господь не принялъ вида раба, то не былъ бы легко принятъ, такъ, если бы гласомъ раба не предрасположилъ къ себѣ слуха сорабовъ, то многіе изъ іудеевъ не приняли бы Его слова.

2. Притомъ здѣсь устроялось и нѣчто другое, достойное удивленія. Кто говоритъ о себѣ самомъ что-либо великое, тотъ дѣлаетъ собственное свидѣтельство подозрительнымъ и нерѣдко такимъ образомъ возстановляетъ противъ себя многихъ изъ слушателей; поэтому-то приходитъ свидѣтельствовать о немъ другой. Съ другой стороны, большинство обыкновенно стекается на голосъ болѣе привычный и сродный, такъ какъ знаетъ его болѣе, чѣмъ какой-либо другой. Потому-то гласъ съ неба и былъ только однажды или дважды, а голосъ Іоанна — часто и много. Тѣ, которые стояли выше немощей народа, отрѣшились 88
отъ всего чувственнаго, только они и могли слышать гласъ свыше и не слишкомъ нуждались въ голосѣ человѣческомъ, такъ какъ во всемъ повиновались вышнему гласу и имъ водились. Но которые еще обращались долу, были покрыты многими завѣсами, — тѣ имѣли нужду въ голосѣ низшемъ. Такъ самъ Іоаннъ, уже вполнѣ отрѣшившись отъ всего чувственнаго, не нуждался въ наставленіи отъ людей, а получалъ наученіе съ небесъ. *Пославый мя крестити водою*, говоритъ онъ, *той мнѣ рече: надъ негоже узриши Духа Божія сходяща, той есть* (Іоан. I, 33). Между тѣмъ іудеи, будучи еще дѣтьми и не въ силахъ подняться до такой высоты, имѣли учителемъ человѣка, который однакожъ не свое имъ говорилъ, а возвѣщалъ вышнія откровенія. Итакъ, что же говоритъ (евангелистъ)? *Іоаннъ свидѣтельствуетъ о Немъ, и воззва глаголя*. Что значитъ: *воззва*? Значитъ: проповѣдуетъ смѣло, свободно, безъ всякой боязни. А что проповѣдуетъ? О чемъ свидѣтельствуетъ и взываетъ? *Сей бѣ*, говоритъ, *егоже рѣхъ, иже по мнѣ грядый, предо мною бысть: яко первѣе мене бѣ*. Свидѣтельство нѣсколько прикровенное и еще не очень возвышенное. Онъ не говоритъ: сей есть Сынъ Божій единородный; а что? *Сей бѣ, егоже рѣхъ, иже по мнѣ грядый, предо мною бысть: яко первѣе мене бѣ*. Какъ птицы выучиваютъ птенцовъ своихъ летать не вдругъ и не въ одинъ день вполнѣ, а сперва выводятъ ихъ только изъ гнѣзда, потомъ, давъ имъ отдыхъ, продол-

жають далѣе полетъ ихъ, на другой день прибавляютъ еще больше, и такимъ образомъ непримѣтно, мало-по-малу поднимаютъ ихъ на надлежащую высоту, — подобнымъ образомъ и блаженный Іоаннъ не вдругъ возводитъ іудеевъ къ горнему, но мало-по-малу учитъ ихъ воспарять отъ земли, говоря, что Христосъ былъ выше его (Предтечи). И то уже было не мало, чтобы слушатели могли повѣрить, что мужъ, еще не явившійся къ нимъ и еще не сотворившій чудесъ, превосходитъ Іоанна, мужа столь дивнаго и славнаго, къ которому стекались всѣ и котораго почитали ангеломъ. А между тѣмъ Іоаннъ-то и старался утвердить въ мысляхъ слушателей, что свидѣтельствуемый больше свидѣтельствующаго, пришедшій послѣ больше пришедшаго прежде, еще не видѣнный больше извѣстнаго и прославившагося. И посмотри, какъ разумно онъ произноситъ свидѣтельство. Онъ указываетъ не только явившагося, но еще прежде Его явленія проповѣдуетъ о Немъ. Такой именно смыслъ имѣютъ его слова: *Сей есть, егоже рѣхъ,* — какъ и Матѳей повѣствуетъ, что всѣмъ, приходившимъ къ нему (Іоанну) онъ говорилъ: ***азъ убо крещаю вы водою въ покаяніе: грядый же по мнѣ крѣплій мене есть, емуже нѣсмь достоинъ разрѣшити ремень сапогу его*** (Матѳ. ш, 11). Но для чего онъ такъ дѣлалъ еще прежде явленія (Господа)? Чтобы свидѣтельство самого явившагося тѣмъ удобнѣе могло быть принято, когда мысль слушателей уже приготовлена была къ тому словами Іоанна, и чтобы не повредилъ этому свидѣтельству видъ Его уничиженный. Вѣдь если бы іудеи увидѣли самого Христа,
89 не слыхавъ предварительно ничего о Христѣ и не получивъ этого чуднаго и великаго свидѣтельства о Немъ въ словахъ Іоанна, то убогій видъ Христа тотчасъ бы сталъ въ противорѣчіе съ величіемъ Его словъ. А Онъ облекся въ такой смиренный и для всѣхъ обычный видъ, что и самарянскія жены, и блудницы, и мытари съ большою свободою осмѣливались подходить къ Нему и вступали въ бесѣду съ Нимъ.

3. Итакъ, сказалъ я, если бы іудеи въ одно время и услышали бесѣду и увидѣли самого (Христа), то можетъ быть посмѣялись бы свидѣтельству Іоанна. Но какъ они уже много слышали о Христѣ, прежде Его явленія, и тѣмъ, что было говорено о Немъ, было возбуждено ихъ вниманіе, то съ ними случилось противное: они уже не отвергли ученіе, судя по виду Того, о Комъ свидѣтельствовалъ Іоаннъ, но, вѣря уже сказанному, признали Его славнымъ еще болѣе Іоанна. Выраженіе: ***грядый по мнѣ*** значитъ: имѣющій проповѣдать послѣ меня, а не имѣющій быть послѣ меня. Это обозначается и у Матѳея словами: ***по мнѣ грядетъ мужъ*** (Матѳ. ш, 11), относящимися не къ рожденію Его

отъ Маріи, но къ пришествію на проповѣдь. Если бы говорено было о рожденіи, то сказано было бы не: *грядетъ*, а: *пришелъ*, — потому что Христосъ уже родился въ то время, какъ Іоаннъ говорилъ это. А что значитъ: *предо мною бысть*? Что онъ славнѣе, досточтимѣе меня. „Не думайте, что я больше Его, потому только что я прежде Его пришелъ проповѣдать; я гораздо меньше Его и такъ меньше, что не достоинъ быть въ числѣ рабовъ Его". Такимъ образомъ слова: *предо мною бысть* означаютъ то же, что выражаетъ иначе Матѳей, говоря: *недостоинъ разрѣшити ремень сапогу его*. А что слова: *предо мною бысть* сказаны не о происхожденіи Его, очевидно изъ прибавленія. Если бы Іоаннъ хотѣлъ сказать о происхожденіи, то прибавленіе: *яко первѣе мене бѣ*—было бы излишнимъ. Да и кто столько глупъ и безсмысленъ, что не пойметъ, что прежде его бывшій есть первѣе его? Если же въ этомъ изреченіи разумѣется предвѣчное бытіе, то оно значитъ не другое что-либо, какъ и слова: *по мнѣ грядый, предо мною бысть*. Но въ такомъ случаѣ это было бы сказано неразсудительно и напрасно была бы приложена такая причина. Если бы онъ это хотѣлъ показать, то ему надлежало бы сказать: *по мнѣ грядый первѣе мене бѣ, яко предо мною бысть*. Кто произошелъ прежде, о томъ, по этой причинѣ, справедливо можно сказать, что онъ первѣе другого; а если одинъ только первѣе другого, это еще не причина, что тотъ произошелъ прежде этого. А что мы теперь говоримъ, то имѣетъ свое твердое основаніе. Вы всѣ, конечно, знаете, что мысли неясныя имѣютъ всегда нужду въ доказательствахъ, а не мысли ясныя. Если бы рѣчь была о существованіи, то не было бы непонятно, что прежде происшедшій и долженъ быть первымъ; но такъ какъ Іоаннъ говоритъ о достоинствѣ, то справедливо и занимается рѣшеніемъ представляющагося недоумѣнія. И вѣроятно многіе недоумѣвали, отчего и на какомъ основаніи пришедшій послѣ сталъ напереди, т. е. оказался болѣе досточтимымъ? На такой вопросъ онъ немедленно представляетъ причину; а причина та, что Христосъ по бытію первѣе его (Іоанна). „Не по какому-либо преуспѣянію, говоритъ онъ, Христосъ меня, прежде его пришедшаго, оставилъ позади себя и самъ сталъ напреди: Онъ первѣе меня, хотя и послѣ меня приходитъ".

Но, скажешь ты, если это говорено было о явленіи (Христа) людямъ и о послѣдующемъ прославленіи Его между ними, то какимъ образомъ о томъ, что еще не пришло къ концу, онъ говоритъ какъ уже о бывшемъ? Онъ не сказалъ: *будетъ*, но: *бысть* [1]). Но это у древнихъ пророковъ было въ обычаѣ, чтобы

[1]) γέγονε.

т. е. о будущихъ событіяхъ говоритъ такъ, какъ бы уже о совер-
90 шившихся. Такъ Исаія, говоря объ умерщвленіи Его, не сказалъ, что Онъ какъ овча на заколеніе веденъ будетъ,—въ будущемъ времени,—но: *яко овча на заколеніе ведеся* (Ис. LIII, 7). Онъ въ то время еще не воплотился; а пророкъ говоритъ о будущемъ событіи, какъ уже сбывшемся. И Давидъ, назнаменуя крестъ, не сказалъ: „ископаютъ руцѣ мои и нози мои“, но: *ископаша руцѣ мои и нозѣ мои*. И: *раздѣлиша ризы моя, и о одежди моей меташа жребій* (Пс. XXI, 17, 19). Говоря и о предателѣ, который еще не родился, онъ такъ выражается: *ядый хлѣбы моя возвеличи на мя запинаніе* (Пс. XL, 10). Подобнымъ образомъ онъ говоритъ и о томъ, что произошло на крестѣ: *даша въ снѣдь мою желчь и въ жажду мою напоиша мя оцта* (Пс. LXVIII, 22).

4. Хотите ли, чтобы мы продолжали дальше, или довольно и этого? Я такъ думаю. Правда, мы этого участка не разработали по всей ширинѣ его, зато проникли въ глубину его; а въ этомъ труда не меньше; притомъ же мы и опасаемся, чтобы, задержавъ васъ свыше мѣры, не ослабить въ васъ ревности. Итакъ окончимъ слово надлежащимъ образомъ. А какимъ надлежащимъ образомъ? Славословіемъ, подобающимъ Богу. Но Богу подобаетъ славословіе не на словахъ только, а гораздо болѣе на самыхъ дѣлахъ. *Тако да просвѣтится*, сказано, *свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Матѳ. V, 16). И подлинно, возлюбленный, нѣтъ ничего свѣтоноснѣе добраго образа жизни. Выражая это, и говоритъ одинъ изъ мудрыхъ: *путіе праведныхъ подобнѣ свѣту свѣтятся* (Притч. IV, 18). Они не только свѣтятъ самимъ тѣмъ, которые возжигаютъ свѣтъ въ дѣлахъ своихъ, но и руководятъ на правый путь ближнихъ ихъ. Возліемъ же елей въ эти свѣтильники, чтобы огонь поднялся выше и чтобы свѣтъ явился въ изобиліи. Елей этотъ имѣетъ не только нынѣ много силы, но, когда еще жертвы были въ употребленіи, онъ много превосходилъ силу ихъ. *Милости* (ἔλεον), сказано, *хощу, а не жертвы* (Ос. VI, 6; ср. Матѳ. IX, 13 [1]): и совершенно справедливо. Тотъ жертвенникъ — бездушный; а этотъ — одушевленный [2]). Тамъ все, положенное на жертвенникѣ, дѣлается добычею огня, обращается въ пепелъ, разрѣшается въ золу и пыль, и дымъ разсѣивается въ воздухѣ; здѣсь нѣтъ ничего такого, и плоды здѣсь другіе. Это показываетъ и Павелъ. Говоря о богатствѣ любви къ бѣднымъ у ко-

[1]) Греч. слова ἔλαιον елей и ἔλεος милость, по ихъ подобозвучію, св. Златоустъ употребляетъ здѣсь одно вмѣсто другого.

[2]) То есть сердце доброе, милостивое.

ринѳянъ, онъ писалъ: *яко работа служенія сего не токмо есть исполняющая лишенія святыхъ, но и избыточествующая многими благодареньми Богови.* И потомъ: *славяще Бога, о покореніи исповѣданія вашего въ благовѣствованіи Христовѣ, и о простотѣ сообщенія къ нимъ и ко всѣмъ, и о тѣхъ молитвѣ о васъ, возжелѣвающихъ васъ* (2 Кор. IX, 12—14). Видишь ли, какая любовь къ бѣднымъ разрѣшается въ благодареніе и хвалу Богу, въ усердныя молитвы и въ пламеннѣйшую любовь получившихъ благодѣяніе? Будемъ же, возлюбленные, приносить жертвы, будемъ приносить на этихъ жертвенникахъ каждый день. Жертвы эти важнѣе и молитвъ и постовъ и многихъ другихъ дѣлъ, только бы были (приносимы) отъ прибытка праведнаго и такихъ же трудовъ, и чисты отъ всякаго любостяжанія, хищенія и насилія. Такія-то приношенія пріемлетъ Богъ, а другія — противоположныя—отвергаетъ и ненавидитъ.
Онъ не хочетъ, чтобы мы Его чтили жертвами чужихъ несчастій. 91
Такія жертвы нечисты и непотребны и скорѣе прогнѣвали бы, чѣмъ умилостивили Бога. Поэтому должно прилагать все стараніе къ тому, чтобы подъ видомъ служенія не оскорбить Того, кого мы хотимъ почтить. Если Каинъ, принесши (Богу) худшее, что у него было, и въ этомъ не оказавъ неправды никому другому, подвергся крайнему наказанію, то не понесемъ ли мы наказанія еще болѣе тяжкаго, когда принесемъ что-либо отъ хищенія и любостяжанія? Поэтому Богъ и явилъ намъ этотъ видъ заповѣди [1]), чтобы мы миловали, а не истязали сорабовъ. А кто беретъ принадлежащее другимъ и передаетъ еще другому, тотъ не милуетъ, а обижаетъ и оказываетъ крайнюю несправедливость. Какъ камень не производитъ изъ себя елея, такъ и жестокосер-
діе—человѣколюбія. Милостыня, имѣющая такой корень, еще не 92
есть милосердіе. Поэтому я убѣждаю васъ — обращать вниманіе не на то только, чтобы подавать нуждающимся, а и на то, чтобы это подаяніе не было хищеніемъ у другихъ, такъ какъ *единому молящуся, а другому проклинающу, коего гласъ услышитъ Владыка* (Сирах. XXXIV, 24)? Если мы такъ тщательно будемъ вести себя, то, по благодати Божіей, сможемъ сподобиться и отъ Бога великаго человѣколюбія, помилованія и прощенія во всемъ, въ чемъ согрѣшили въ продолженіе этого долгаго времени, — и избѣжать рѣки огненной, отъ которой да будемъ исхищены всѣ мы и достигнемъ царства небеснаго, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) Разумѣется изреченіе: *милости хощу, а не жертвы.*

БЕСѢДА XIV.

И отъ исполненія Его мы вси пріяхомъ, и благодать возблагодать (Іоан. I, 16).

91 1. Недавно мы говорили, что Іоаннъ,—разрѣшая недоумѣніе тѣхъ, которые стали бы сами съ собою разсуждать, почему Христосъ, пришедши на проповѣдь послѣ Іоанна, сталъ первѣе и славнѣе его, — присовокупляетъ: *яко первѣе мене бѣ*. Это — одна причина. Но евангелистъ представляетъ и другую, которая нынѣ высказана (въ евангеліи). Какую же? *Отъ исполненія Его*, говоритъ онъ, *мы вси пріяхомъ, и благодать возблагодать*. Затѣмъ приводитъ еще иную причину. Какую? *Яко законъ Моисеомъ данъ бысть: благодать же и истина Іисусъ Христомъ бысть* (ст. 17). Но что же значатъ, скажешь ты, слова: *и отъ исполненія Его мы вси пріяхомъ*? Къ этому и надобно теперь обратить слово. У Него, говоритъ евангелистъ, не заимствованный даръ; но Онъ есть самый источникъ, самый корень всѣхъ благъ, — самосущая жизнь, самобытный свѣтъ, самосовершенная истина. Онъ не удерживаетъ обилія благъ въ Себѣ самомъ, но изливаетъ его на всѣхъ другихъ, и изливая, съ лихвой Самъ пребываетъ всегда полнымъ; ущедряя другихъ, Самъ ни въ чемъ не умаляется; всегда источая и всѣмъ сообщая эти блага, остается въ томъ же совершенствѣ. А что имѣю я въ себѣ (говоритъ Іоаннъ), это заимствованное, такъ какъ я получилъ отъ другого, — это нѣчто малое изъ всего и какъ бы скудная капля предъ невыразимой пучиной и безбрежнымъ моремъ. Лучше же сказать, — и это подобіе не можетъ изобразить того, что мы усиливаемся высказать. Отдѣли отъ моря каплю, — и море тѣмъ самымъ уменьшится, хотя уменьшеніе и не замѣтно. Но о томъ источникѣ нельзя этого сказать: сколько бы ни исчерпывали его, онъ нисколько не уменьшается. Итакъ, нужно перейти къ нѣкоторому другому подобію: и оно, конечно, будетъ слабо и не можетъ изъяснить намъ того, чего мы доискиваемся, но по крайней мѣрѣ ближе перваго приведетъ насъ къ предположенной мысли. Представимъ себѣ источникъ огня, — и вотъ отъ него возжигается тысяча, двѣ, три и больше свѣтильниковъ. Не остается ли огонь въ одной и той же полнотѣ и послѣ того, какъ сообщитъ свою силу столь многимъ свѣтиль-
92 никамъ? Это извѣстно каждому. Если же въ тѣлахъ дѣлимыхъ и чрезъ отнятіе (частицъ) уменьшаемыхъ находится нѣчто такое, что, и послѣ сообщенія своихъ силъ другимъ тѣламъ, нисколько не уменьшается, то гораздо въ высшей степени это должно быть въ силѣ безтѣлесной и безсмертной. Если воспринимаемое

здѣсь [1]) есть и сущность и тѣло, и дѣлится и не дѣлится, то когда рѣчь идетъ о силѣ, и притомъ силѣ, исходящей отъ безтѣлесной сущности, гораздо болѣе несомнѣнно то, что она не подвержена ничему такому.

Потому-то и говоритъ Іоаннъ: *и отъ исполненія Его мы вси пріяхомъ*,—и свое свидѣтельство соединяетъ со свидѣтельствомъ Крестителя. Слова: *и отъ исполненія Его мы вси пріяхомъ* принадлежатъ не Предтечѣ, а ученику (Христову). Слова же эти значатъ вотъ что: не думайте, что мы, какъ люди, много времени обращавшіеся съ Нимъ и раздѣлявшіе съ Нимъ трапезу, свидѣтельствуемъ только изъ благодарности. Вотъ и Іоаннъ, человѣкъ, даже не видѣвшій Его прежде и не обращавшійся съ Нимъ, а видѣвшій его вмѣстѣ съ другими только въ то время, когда крестилъ, — и онъ воззвалъ: *первѣе мене бѣ*, сказавъ этимъ все. Между тѣмъ всѣ мы — двѣнадцать, триста, пятьсотъ, три, пять тысячъ и десятки тысячъ іудеевъ, все вообще множество вѣрующихъ и тогдашняго, и настоящаго, и будущаго времени отъ исполненія Его получили. Что же получили? *Благодать возблагадать*. Какую же благодать вмѣсто какой благодати [2])? Новую вмѣсто древней. Подобно тому, какъ была правда и правда (*по правдѣ законнѣй*, сказано, *бывъ непороченъ*,—Фил. III, 6),—вѣра и вѣра (*отъ вѣры въ вѣру*,—Рим. I, 17), — усыновленіе и усыновленіе (*ихже всыновленіе*, сказано—Рим. IX, 4), — слава и слава (*аще бо престающее, славою много паче пребывающее въ славѣ*,—2 Кор. III, 11), законъ и законъ (*законъ*, сказано, *духа жизни свободи мя*,—Рим. VIII, 2),—служеніе и служеніе (*ихже служеніе*, сказано,—2 Кор. III, 7, 8—и въ другомъ мѣстѣ: *духомъ Богу служа*,—Фил. III, 5),—завѣтъ и завѣтъ (*и завѣщаю имъ завѣтъ новъ, не по завѣту, егоже завѣщахъ отцемъ ихъ*,— Іер. XXXI, 31), — освященіе и освященіе, крещеніе и крещеніе, жертва и жертва, храмъ и храмъ, обрѣзаніе и обрѣзаніе, — 93
такъ есть благодать и благодать. Но здѣсь одно — образцы, а другое — истина; и то и другое есть только нѣчто соименное, а не однозначущее И на снимкахъ и на изображеніяхъ называется человѣкомъ написанный и черными красками и бѣлыми, точно также, какъ и имѣющій свой естественный цвѣтъ. И статуи, будетъ ли статуя золотая или глиняная, равно называются статуями. Но иное — образъ, а иное — истина.

2. Итакъ, по сходству именъ не заключай о тожествѣ вещей, такъ же какъ и о разности ихъ. Если былъ образъ, то онъ не

---

[1]) Т. е. въ огнѣ.

[2]) Св. Златоустъ передаетъ здѣсь буквально слова евангелиста: χάρις ἀντὶ (букв. *вмѣсто*) χάριτος.

былъ чуждъ истины, только если онъ заключалъ въ себѣ тѣнь, то былъ ниже истины. Какое же различіе между всѣми указанными понятіями? Хотите ли, мы займемся истолкованіемъ одного или двухъ высказанныхъ понятій? Такимъ образомъ будутъ понятны для васъ и прочія,—и всѣ мы увидимъ, что одни изъ нихъ были уроками для дѣтей, а другія для людей возмужавшихъ и крѣпкихъ; что одни были законоположены только для людей, другія какъ бы для ангеловъ. Съ чего же намъ начать? Хотите ли, съ самаго усыновленія? Итакъ, какое различіе между усыновленіемъ ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ? То было честію на словахъ, а это на самомъ дѣлѣ. О томъ сказано: *азъ рѣхъ, бози есте и сынове Вышняго вси* (Пс. LXXXI, 6); объ этомъ: *отъ Бога родишася* (ст. 13). Какъ и какимъ образомъ? *Банею пакибытія и обновленія Духа Святаго.* Тѣ, и съ именемъ сыновъ, имѣли въ себѣ духа работы,—почтены были этимъ названіемъ, оставаясь рабами; мы, содѣлавшись свободными, получили эту почесть не по имени только, а на самомъ дѣлѣ. На это указывая, Павелъ говорилъ: *не пріясте бо духа работы паки въ боязнь: но пріясте духа сыноположенія, о немже вопіемъ: Авва Отче* (Рим. VIII, 15). Какъ рожденные свыше и, такъ сказать, возсозданные, мы потому и названы сынами. А если бы кто хотѣлъ дознать образъ освященія ветхозавѣтный и новозавѣтный, то опять и здѣсь увидитъ много разности. Древніе назывались этимъ именемъ (святыхъ), когда не служили идоламъ, не творили блуда, не прелюбодѣйствовали; а мы дѣлаемся святыми не только чрезъ воздержаніе отъ тѣхъ (пороковъ), но и чрезъ пріобрѣтеніе высшихъ совершенствъ. И сначала мы получаемъ этотъ даръ отъ самаго наитія Св. Духа; а потомъ и чрезъ собственную жизнь, которая гораздо выше іудейской. А что эти слова—не самохвальство, послушай, что сказано тѣмъ: не волхвуйте, не очищайте чадъ своихъ, такъ какъ вы народъ святой (Втор. XVIII, 10, 13). Такимъ образомъ у нихъ святость состояла въ удаленіи отъ обычаевъ языческихъ; а у насъ не такъ, но *да будетъ свята*, сказано, *и тѣломъ и духомъ* (1 Кор. VII, 34). *Миръ имѣйте и святыню со всѣми, ихже кромѣ никто же узритъ Господа* (Евр. XII, 14). И: *творяще святыню въ страсѣ Божіи* (2 Кор. VII, 1). Слово: *святой* не о всѣхъ, къ кому прилагается, выражаетъ одну и ту же мысль. Называется святымъ и Богъ, но не такъ, какъ мы. Смотри, что говоритъ про-
94 рокъ, услышавъ гласъ, исходящій отъ серафимовъ: *о, окаянный азъ, яко человѣкъ сый, и нечисты устнѣ имый, посредѣ людей, нечистыя устнѣ имущихъ, азъ живу* (Ис. VI, 5),—а пророкъ былъ святъ и чистъ. Но если судить о святости нашей по образцу горней, то

мы оказываемся нечистыми. Святы и ангелы и архангелы, святы также серафимы и херувимы; но есть опять разность въ святости между нами и высшими силами. Я могъ бы прослѣдить и всѣ прочія понятія, но вижу, что слово становится слишкомъ продолжительнымъ. Поэтому, оставивъ дальнѣйшее изслѣдованіе, мы предоставляемъ вамъ самимъ разсудить объ остальныхъ предметахъ: вы можете дома, сличивъ ихъ, понять различіе между ними, и подобнымъ образомъ прослѣдить все прочее. *Даждь*, сказано, *премудрому вину, и премудрѣйшій будетъ* (Прит. IX, 9). Такимъ образомъ начатое нами окончите вы. А намъ нужно возвратиться къ прежнему порядку слова.

Сказавъ: *отъ исполненія Его мы вси пріяхомъ*, евангелистъ присовокупляетъ: *благодать возблагодать*,—и тѣмъ показываетъ, что и іудеи спасаются благодатію. „Не ради умноженія вашего, говоритъ (Богъ), но ради отцевъ вашихъ Я избралъ васъ". А если они избраны Богомъ не за свои заслуги, то явно, что получили эту почесть по благодати. Да и мы всѣ спасены благодатію,—только не такъ, какъ они, не въ той же, а гораздо важнѣйшей и возвышеннѣйшей степени. Такимъ образомъ и благодать у насъ не такова. Намъ даровано не только оставленіе грѣховъ (это у насъ обще съ ними: *вси бо согрѣшиша*,—Рим. III, 23), но и оправданіе, и освященіе, и усыновленіе, и благодать Духа, несравненно болѣе свѣтоносная и изобильная. Чрезъ эту благодать мы содѣлались любезными Богу уже не какъ рабы, но какъ сыны и други. Потому и сказано: *благодать возблагодать*. И подзаконное домостроительство было дѣломъ благодати, да и самое происхожденіе наше изъ небытія; не за какія-либо предшествующія заслуги мы получили это воздаяніе,—какъ это могло быть, когда насъ совсѣмъ и не было?—но такъ было потому, что Богъ во всякомъ случаѣ предваряетъ насъ Своими благодѣяніями. И не только наше происхожденіе изъ небытія, но и немедленное, послѣ происхожденія, наученіе тому, что должно дѣлать и чего не дѣлать, вложеніе закона этого въ самую природу нашу, внѣдреніе въ насъ неподкупнаго судилища совѣсти—все это есть дѣло величайшей благодати и неизреченнаго человѣколюбія. Дѣло благодати также—послѣ поврежденія этого закона возобновленіе его чрезъ законъ писанный. Преступившимъ заповѣдь, однажды данную, слѣдовало бы подвергнуться наказаніямъ и мученіямъ. Но этого не сдѣлано; а (послѣдовало) снова исправленіе и даровано прощеніе не по праву, но по милости и благодати. А что—по милости и благодати, объ этомъ послушай, какъ говоритъ Давидъ: *творяй милостыни Господь, и судьбу всѣмъ обидимымъ. Сказа пути своя Моисеови, сыномъ*

Исраилевымъ хотѣнія своя (Пс. сп, 6, 7). И въ другомъ мѣстѣ: *благъ и правъ Господь, сего ради законоположитъ согрѣшающимъ на пути* (Пс. xxiv, 8).

95 3. Итакъ полученіе закона есть дѣло милости, сострадагія и благодати. Поэтому евангелистъ, сказавъ: *благодать возблагодать*, еще сильнѣе доказываетъ величіе даровъ, когда присовокупляетъ слѣдующія слова: *яко законъ Моисеомъ данъ бысть, благодать же и истина Іисусъ Христомъ бысть*. Видите ли, какъ Іоаннъ Креститель и ученикъ (Христовъ) мало-по-малу и незамѣтно возводятъ слушателей къ самому возвышенному разумѣнію, приготовивъ ихъ къ тому сначала болѣе простыми мыслями. Креститель, сравнивъ съ собою Того, Кто безъ сравненія превосходитъ всѣхъ, такимъ образомъ показываетъ Его превосходство, и для того говоритъ: *иже предо Мною бысть*, и потомъ присовокупляетъ: *яко первѣе мене бѣ*. А евангелистъ выражаетъ гораздо больше того (Крестителя), впрочемъ все еще ниже достоинства Сына единороднаго; евангелистъ дѣлаетъ сравненіе не съ Іоанномъ, но съ тѣмъ, кто былъ въ большемъ уваженіи у іудеевъ, разумѣю Моисея. *Яко законъ*, говоритъ, *Моисеомъ данъ бысть, благодать же и истина Іисусъ Христомъ бысть*. Но замѣть благоразуміе. Онъ сличаетъ не лица, а дѣла. А какъ скоро показано превосходство дѣлъ одного предъ другимъ, то и неблагодарные по необходимости должны были принять такое ученіе и внушеніе о Христѣ. Когда свидѣтельствуютъ самыя дѣла — такія, въ которыхъ нимало нельзя подозрѣвать ни пристрастія, ни вражды къ кому бы то ни было, то представляется доказательство неопровержимое и для людей неблагомыслящихъ. Дѣла эти оказываются такими, какъ расположили ихъ сами виновники. Поэтому-то свидѣтельство такихъ дѣлъ есть самое несомнѣнное. Посмотри также, какое, доступное даже для людей слабыхъ, евангелистъ дѣлаетъ сравненіе. Онъ не изображаетъ на словахъ превосходства (благодати предъ закономъ), а только въ самыхъ наименованіяхъ показываетъ различіе ихъ, противопоставляя *закону — благодать и истину*, и словамъ: *данъ бысть* — слово: *бысть*. А различіе большое между тѣмъ и другимъ. *Данъ бысть* — это выраженіе относится къ служителю, принявшему законъ отъ другого и предавшему тѣмъ, кому повелѣно было дать; а: *бысть* благодать и истина — это изображаетъ Царя, властію своею отпускающаго всѣ согрѣшенія и раздающаго Свои дары. Поэтому (Господь) говорилъ: *отпущаются тебѣ грѣси*. Также: *но да увѣсте, яко власть имать Сынъ человѣческій на земли отпущати грѣхи, глагола разслабленному: востани и возми одръ твой, и иди въ домъ твой* (Марк. п, 9, 10). Видишь ли, какъ благодать чрезъ Него происходитъ? Замѣть

тоже и касательно истины. На благодать указываетъ и то обстоятельство, и событіе съ разбойникомъ, и даръ крещенія, и благодать Духа, чрезъ Него подаваемая, и многое другое. А истину мы уразумѣемъ яснѣе, если изучимъ образы. Домостроительство, имѣвшее совершиться въ новомъ завѣтѣ, предварительно предначертали образы, какъ прообразованія; а Христосъ, съ пришествіемъ Своимъ, совершилъ его. Итакъ, разсмотримъ вкратцѣ нѣкоторые образы, — прослѣдить всѣ образы въ настоящее время и не возможно. Вы же, изучивъ нѣкоторые, которые я представлю, по нимъ уразумѣсте и прочіе. Итакъ, хотите ли начнемъ съ самыхъ страданій? Что говоритъ прообразованіе? „Возьмите овча по домамъ и принесите въ жертву, какъ повелѣлъ и законоположилъ Господь“ (Исх. хп). Но Христосъ не такъ сдѣлалъ; Онъ не повелѣваетъ этого, а самъ становится какъ овча, принося Отцу Себя самого въ жертву и приношеніе.

4. Посмотри еще, какъ образъ данъ былъ чрезъ Моисея, а 96
истина совершилась чрезъ Іисуса Христа. Во время нападенія амаликитянъ на евреевъ на горѣ Синайской были распростерты руки Моисея, и поддерживаемы Аарономъ и Оромъ, которые стояли по ту и по другую сторону; а Христосъ самъ собою держалъ свои руки распростертыя на крестѣ. Видишь ли, какъ данъ былъ образъ и какъ совершилась истина? Также законъ говорилъ: *проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всемъ, написанномъ въ книзѣ сей* (Втор. xxvii, 26). А что говоритъ благодать? *Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы* (Матѳ. xi, 28). И Павелъ: *Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва* (Гал. ш, 13). Итакъ, получивъ столь великую благодать и истину, не сдѣлаемся, вслѣдствіе самой великости дара, безпечны. Чѣмъ большей мы удостоены почести, тѣмъ болѣе должны быть и добродѣтельны. Кто, будучи немного облагодѣтельствованъ, немного оказываетъ и ревности въ себѣ, тотъ не столь великаго заслуживаетъ и осужденія; но кто, будучи возведенъ на самую высшую степень почести, обнаруживаетъ въ себѣ свойства низкія и дѣла унизительныя, тотъ заслужитъ гораздо большее наказаніе. Но не дай Богъ—когда-либо предполагать это въ васъ. Мы уповаемъ, о Господѣ, что вы воспарили душами вашими къ небесамъ, отрѣшились отъ земли и, будучи въ мірѣ, не преданы страстямъ міра. Однакожъ и при такой увѣренности, мы не перестаемъ почасту внушать вамъ одно и тоже. Въ тѣлесной борьбѣ всѣ зрители также убѣждаютъ (бойцевъ) не падать, не лежать простертыми ницъ, но быть бодрыми и держаться на ногахъ; но тѣхъ, которые, не смотря на увѣщанія, не могутъ встать, однажды навсегда лишаютъ побѣды, и, какъ

неспособныхъ къ подвигамъ, съ презрѣніемъ оставляютъ въ такомъ положеніи. Но здѣсь можно ожидать чего-нибудь хорошаго не только отъ васъ, бодрствующихъ, но и отъ падшихъ, если только они захотятъ исправиться. Для того-то мы и дѣлаемъ все, и умоляемъ, и докучаемъ, и укоряемъ, и хвалимъ, чтобы устроить ваше спасеніе. И вы потому не досадуйте на наши частыя увѣщанія къ жизни добропорядочной. Мы говоримъ, не какъ осуждающіе ваше нерадѣніе, но какъ имѣющіе самыя добрыя о васъ надежды. Притомъ, что доселѣ было сказано и впредь будетъ сказано, то касается не васъ только, а и насъ говорящихъ. И мы сами имѣемъ нужду въ такомъ же назиданіи, и хотя сами говоримъ, но ничто не препятствуетъ обратить тѣ же рѣчи и къ намъ. Слово, встрѣтивъ виновнаго въ грѣхахъ, исправляетъ его; не причастнаго грѣху и свободнаго отъ него отводитъ отъ него еще далѣе. Вѣдь и мы не чисты отъ согрѣшеній. Итакъ врачеваніе одно для всѣхъ, и пособія врачебныя предлагаются всѣмъ. Но излѣченіе не одно у всѣхъ, а соразмѣряется съ произволеніемъ пользующихся имъ. Потому кто пользуется врачествомъ, какъ должно, тотъ получаетъ облегченіе отъ врачеванія; а кто врачества не прилагаетъ къ ранѣ, тотъ усиливаетъ въ себѣ зло и обращаетъ его къ самымъ несчастнымъ послѣдствіямъ. Итакъ, не будемъ досадовать, когда насъ врачуютъ, но лучше будемъ радоваться, хотя бы способъ ученія причинялъ намъ горькія скорби,—потому что впослѣдствіи онъ принесетъ самый сладкій плодъ. Все будемъ дѣлать такъ, чтобы чистыми отъ ранъ и язвъ, нанесенныхъ душѣ уязвленіемъ грѣха, перейти
97 намъ въ вѣкъ будущій, чтобы сподобиться лицезрѣнія Христа
и быть преданными не жестокимъ и мстительнымъ силамъ, а
тѣмъ, которыя могутъ ввести насъ въ наслѣдіе небесное, угото-
98 ванное любящимъ Его,—что и да получимъ всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XV.

Бога никтоже видѣ нигдѣже: Единородный Сынъ, сый въ лонѣ отчи, той исповѣда (Іоан. I, 18).

97 1. Богъ хочетъ, чтобы мы не просто слушали имена и слова, находящіяся въ Писаніи, но—съ разумѣніемъ. Поэтому блаженный Давидъ многіе изъ своихъ псалмовъ надписалъ такъ: *въ разумъ*, и говорилъ: *открый очи мои и уразумѣю чудеса отъ закона*

твоего (Пс. cxxiii, 18). Послѣ него сынъ его, заступившій его мѣсто, учитъ, что мудрости должно искать, какъ серебра, пріобрѣтать ее больше, чѣмъ золота. А Господь внушалъ іудеямъ испытывать Писанія и тѣмъ насъ еще болѣе побуждаетъ къ изслѣдованію. Онъ не въ томъ смыслѣ говорилъ это, чтобы, только прочитавъ, можно было съ перваго раза понять Писаніе. Никто, конечно, не станетъ испытывать того, что находится вблизи и подъ рукою, а испытываютъ то, что остается въ тѣни и можетъ открыться только послѣ долгаго изысканія. Для того-то Писаніе называется и сокровищемъ сокровеннымъ, чтобы побудить насъ къ испытанію его. А это внушается намъ для того, чтобы приступали къ словамъ Писанія не просто, какъ случилось, но съ большою осмотрительностію, потому что кто станетъ слушать, что читается въ немъ, безъ разсужденія и все принимать буквально такъ, какъ сказано, тотъ можетъ предполагать много нелѣпаго о Богѣ. Онъ пожалуй допуститъ, что Богъ есть и человѣкъ и что Онъ состоитъ изъ мѣди, что онъ и гнѣвливъ и яростенъ, и много другихъ еще болѣе худыхъ мыслей. Если же кто будетъ вникать въ глубину смысла, то избѣжитъ всякой такой нелѣпости. Вотъ и въ чтеніи, нынѣ намъ предложенномъ, говорится, что Богъ имѣетъ лоно, а это свойственно тѣламъ; но никто не будетъ столько глупъ, чтобы безтѣлеснаго почитать тѣломъ. Чтобы все это понять въ смыслѣ духовномъ, какъ должно, изслѣдуемъ это мѣсто подробнѣе. *Бога никтоже видѣ нигдѣже.* Какимъ путемъ евангелистъ пришелъ къ этому? Показавъ великое преимущество даровъ Христовыхъ — такое, что неизмѣримое разстояніе находится между этими дарами и сообщенными чрезъ Моисея, онъ хочетъ потомъ высказать и достаточную причину такой между ними разности. Моисей, какъ рабъ, былъ служителемъ дѣлъ низшихъ; а Христосъ, какъ Владыка и Царь и Сынъ Царя, принесъ намъ несравненно высшіе дары, сосуществуя всегда со Отцемъ и видя Его непрестанно. Потому-то евангелистъ и присовокупилъ: *Бога никтоже видѣ нигдѣже.* Что же мы скажемъ на слова велегласнѣйшаго Исаіи: *видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ* (Ис. vi, 1)? Что скажемъ на свидѣтельство самого Іоанна о томъ, что Исаія сказалъ это тогда, когда видѣлъ славу Его (Іоан. xii, 41)? Что скажемъ на слова Іезекіиля? И онъ вѣдь видѣлъ Бога, сѣдящаго на херувимахъ. Что — на слова Даніила? И онъ говоритъ: *и ветхій денми сѣдѣ* (Дан. vii, 9). Что также — на слова Моисея: *яви ми славу твою, да разумно вижду Тя* (Исх. xxxiii, 13)? А Іаковъ и прозваніе получилъ отъ этого, т. е. былъ названъ Израилемъ, а Израиль значитъ: *видящій* 98
Бога. Видѣли Его и другіе. Итакъ, почему же Іоаннъ сказалъ:

Бога никтоже видѣ нигдѣже? Онъ показываетъ, что все то было дѣломъ снисхожденія, а не видѣніемъ самаго существа божественнаго. Если бы они видѣли самое существо, то видѣли бы его не различнымъ образомъ. Оно просто, необразно, несложно, неописанно; не сидитъ, не стоитъ, не ходитъ. Все это свойственно только тѣламъ. Но какъ Богъ существуетъ, это знаетъ Онъ одинъ и это возвѣстилъ самъ Богъ Отецъ чрезъ одного пророка: *азъ*, говоритъ, *видѣнія умножихъ и въ рукахъ пророческихъ уподобихся* (Ос. XII, 10), то есть, Я снизошелъ, явился, но не тѣмъ, что Я есмь. А какъ Сынъ Его имѣлъ явиться намъ въ дѣйствительной плоти, то Онъ изначала приготовлялъ людей къ созерцанію существа Божія, сколько имъ возможно было видѣть. Но что Богъ есть самъ въ себѣ, того не видѣли не только пророки, но и ангелы и архангелы; и если бы ты спросилъ ихъ объ этомъ, то въ отвѣтъ не слышалъ бы ничего о существѣ, а только пѣніе: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе* (Лук. II, 14). Если бы ты пожелалъ узнать о томъ что-либо отъ херувимовъ, или серафимовъ, то услышалъ бы таинственную трисвятую пѣснь и что исполнь *небо и земля славы его* (Ис. VI, 2). А если бы ты обратился съ вопросомъ къ силамъ еще высшимъ, то ничего не узналъ бы, кромѣ того, что у нихъ одно дѣло — хвалить Бога. *Хвалите Его*, сказано, *вся силы Его* (Пс. CXLVIII, 2). Итакъ, самого (Бога Отца) видитъ только Сынъ и Духъ Святый. Да и какъ созданное существо, каково бы оно ни было, можетъ видѣть Несозданнаго! Если мы не можемъ ясно видѣть какую бы то ни было безтѣлесную силу, даже сотворенную, — а этому много оказалось примѣровъ по отношенію къ ангеламъ, — то тѣмъ болѣе мы не можемъ видѣть существа безтѣлеснаго и не созданнаго. Поэтому и Павелъ говоритъ: *Его же никтоже видѣлъ есть отъ человѣкъ, ниже видѣти можетъ* (1 Тим. VI, 16). Но не принадлежитъ ли это преимущество только одному Отцу, а не Сыну? Нѣтъ — и Сыну также. А что принадлежитъ это и Сыну, послушай Павла, который показываетъ это и говоритъ: *иже есть образъ Бога невидимаго* (Колос. I, 15). А какъ образъ невидимаго, Онъ и самъ невидимъ; иначе не былъ бы и образомъ. Если же (Павелъ) въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *Богъ явися во плоти* (1 Тим. III, 16), — ты не удивляйся; это явленіе совершилось во плоти, а не по существу. Но что и Онъ невидимъ, не только для людей, а и для высшихъ силъ, показываетъ также Павелъ. Сказавъ: *явися во плоти*, онъ присовокупляетъ: *показася ангеломъ*.

2. Такимъ образомъ Онъ показался ангеламъ тогда, когда облекся плотію; а прежде того они также не видѣли Его, потому что и для нихъ существо было не видимо. Какъ же, скажете,

самъ Христосъ сказалъ: *да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ: яко ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца моего небеснаго* (Матѳ. XVIII, 10)? Что же? Неужели Богъ и лице 99
имѣетъ и небесами ограничивается? Но никто не будетъ до такой степени лишенъ ума, чтобъ утверждать это. Въ какомъ же смыслѣ это сказано? Въ томъ же, въ какомъ сказано: *блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ* (Матѳ. V, 8). Говорится здѣсь о видѣніи, намъ возможномъ, о видѣніи умомъ и мыслію о Богѣ. Такимъ образомъ и объ ангелахъ можно сказать, что они по своему чистому и бодрственному естеству всегда не что другое созерцаютъ, а только Бога. Потому-то и самъ (Господь) также говоритъ: *ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ* (Матѳ. XI, 27). Что же? Неужели всѣ мы находимся въ невѣдѣніи о Немъ? Нѣтъ; только никто не знаетъ (Отца) такъ, какъ Сынъ. А какъ и прежде многіе видѣли Его, въ доступной для нихъ мѣрѣ видѣнія, существа же божескаго не видѣлъ никто, такъ и нынѣ всѣ мы знаемъ Бога, но каковъ Онъ въ существѣ своемъ, того не знаетъ никто, — только одинъ Рожденный отъ Него. Знаніемъ Онъ здѣсь называетъ точное созерцаніе и постиженіе, и притомъ такое, какое имѣетъ Отецъ о Сынѣ. *Якоже знаетъ Мя Отецъ*, говоритъ Онъ, *и Азъ знаю Отца* (Іоан. X, 15).

Смотри же, съ какою полнотою выражаетъ это евангелистъ. Сказавъ: *Бога никтоже видѣ нигдѣже*, онъ не говоритъ потомъ, что *Сынъ, видящій Его, исповѣда*, но представляетъ нѣчто другое, что еще полнѣе видѣнія, именно: *сый въ лонѣ Отчи*, — такъ какъ пребываніе въ лонѣ гораздо болѣе означаетъ, нежели видѣніе. Кто просто — видитъ, тотъ имѣетъ еще не совсѣмъ точное познаніе о видимомъ предметѣ; а кто пребываетъ въ лонѣ, тотъ имѣетъ полное вѣдѣніе. Итакъ, если Отца никто не знаетъ, кромѣ Сына, то ты, слыша это, не подумай, что, хотя Сынъ знаетъ Отца совершеннѣе, чѣмъ всѣ другіе, но не знаетъ, каковъ Онъ есть въ себѣ; и вотъ для этого-то евангелистъ и говоритъ, что Сынъ пребываетъ въ лонѣ Отца; а самъ Христосъ вѣщаетъ, что знаетъ Отца столько же, сколько Отецъ Сына. Итакъ, кто сталъ бы противорѣчить, того спроси: знаетъ ли Отецъ Сына? И онъ, если только не сошелъ съ ума, конечно, отвѣтитъ: да. Затѣмъ опять мы спросимъ: имѣетъ ли Отецъ вѣдѣніе о Сынѣ полное и видитъ ли ясно, что есть Сынъ? Конечно противникъ согласится и на это. А отсюда ты выведи и полное знаніе Сына объ Отцѣ. Самъ (Сынъ) сказалъ: *якоже знаетъ Мя Отецъ, и Азъ знаю Отца* (Іоан. VI, 46); и въ другомъ мѣстѣ: *не яко Отца видѣлъ есть кто, токмо сый отъ Бога*. Поэтому, какъ я сказалъ, евангелистъ и упомянулъ о лонѣ, однимъ этимъ словомъ изъясняя

намъ все: сродство и единство существа, нераздѣльное вѣдѣніе и равенство власти. А иначе и Отецъ не могъ бы имѣть въ лонѣ Своемъ какое-либо иное существо, да и Сынъ, если бы былъ рабомъ и однимъ изъ многихъ, не дерзнулъ бы пребывать въ лонѣ Владыки; это свойственно только истинному Сыну, обладающему великимъ дерзновеніемъ предъ Родителемъ и имѣющему въ себѣ нисколько не меньше (Его). Хочешь ли дознать вѣчность Сына? Послушай, что говоритъ Моисей объ Отцѣ. Спросивъ о томъ, что сказать въ отвѣтъ египтянамъ, если
100 они спросятъ, кто послалъ его, онъ получилъ повелѣніе сказать: *Сый посла мя* (Исх. III, 14). Слово: *Сый* означаетъ бытіе постоянное, бытіе безначальное, бытіе въ истинномъ и собственномъ смыслѣ. То же означаетъ и выраженіе: *въ началѣ бѣ*, изображая бытіе постоянное. И это выраженіе употребляетъ здѣсь Іоаннъ именно для того, чтобы показать, что Сынъ существуетъ въ лонѣ Отца безначально и вѣчно. А чтобы ты, по общности наименованія, не заключилъ, что Онъ одинъ изъ тѣхъ, которые содѣлались сынами по благодати, для того здѣсь приложенъ членъ (ὁ), который и отличаетъ Его отъ сыновъ по благодати. Если же для тебя этого не достаточно, и ты все еще склоняешься долу, то выслушай наименованіе, болѣе свойственное Сыну: *единородный*. А если ты и послѣ этого смотришь книзу, то я не откажусь употребить о Богѣ и человѣческое выраженіе, — разумѣю лоно, только бы ты не представлялъ себѣ ничего уничиженнаго. Видишь ли человѣколюбіе и промышленіе Владыки? Богъ допускаетъ о Себѣ слова недостойныя, чтобы по крайней мѣрѣ такимъ образомъ ты открылъ глаза и помыслилъ что-либо великое и высокое, — и ты все еще остаешься долу? Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, для чего здѣсь упоминается лоно, понятіе грубое и плотское? Для того ли, чтобъ мы представляли себѣ Бога тѣломъ? Нѣтъ, вовсе нѣтъ, говоришь ты; для чего же? Если оно не изображаетъ ни истинности Сына, ни того, что Богъ не есть тѣло, то конечно изреченіе это брошено напрасно и безъ всякой нужды. Такъ для чего же? Я не перестану спрашивать тебя объ этомъ. Не явно ли — для того, чтобы посредствомъ его мы поняли именно то, что Онъ есть истинно Сынъ единородный и совѣченъ Отцу? *Той исповѣда*, — сказано. Что Онъ исповѣдалъ? Что *Бога никтоже видѣ нигдѣже*? Что Богъ единъ? Но это (говорили) и пророки, часто взывалъ и Моисей: *Господь Богъ твой, Господь единъ есть* (Второз. VI, 4); и Исаія: *прежде Мене не бысть инъ Богъ, и по Мнѣ нѣсть* (Ис. XLIII, 10).

3. А что же еще мы узнаемъ отъ Сына, какъ сущаго въ нѣдрахъ отчихъ? Что узнаемъ отъ Единороднаго? Во-первыхъ, что

это самое составляетъ Его дѣйственную силу. Потомъ, мы получили болѣе ясное ученіе и познаніе о томъ, что Богъ есть Духъ и что покланяющіеся Ему должны покланяться духомъ и истиною; еще же и то, что Бога видѣть невозможно, что Его не знаетъ никто, кромѣ Сына, и что Онъ есть Отецъ истиннаго Единороднаго; также и все прочее, что объ Немъ повѣствуется. Самое же слово: *исповѣда* выражаетъ ученіе яснѣйшее и очевиднѣйшее, которое Онъ передалъ не однимъ іудеямъ, а и всей вселенной, и которое самъ исполнилъ. Пророкамъ внимали не всѣ даже іудеи, а Единородному Сыну Божію покорилась и увѣровала вся вселенная. Итакъ, исповѣданіе означаетъ здѣсь особенную ясность ученія. Потому-то называется и Словомъ и Ангеломъ великаго совѣта. Если же мы удостоены высшаго и совершеннѣйшаго ученія, послѣ того какъ Богъ въ послѣдніе дни возглаголалъ намъ уже не только чрезъ пророковъ, но и чрезъ Единороднаго Сына, то и мы должны показать жизнь болѣе возвышенную и достойную такой почести. Какъ Онъ снизошелъ къ намъ до того, что восхотѣлъ бесѣдовать съ нами не чрезъ рабовъ, а самъ непосредственно, то несообразно было бы съ нашей стороны не показать въ себѣ ничего лучше прежнихъ временъ. Іудеи имѣли учителемъ Моисея, а мы самого Владыку
Моисея. Итакъ покажемъ любомудріе, достойное этой почести, и 101
не будемъ имѣть ничего общаго съ землею. Онъ для того и принесъ намъ ученіе свыше, съ небесъ, чтобы вознести туда нашу мысль, чтобы мы сдѣлались, по мѣрѣ силъ своихъ, подражателями своего Учителя. А какъ намъ, скажешь, сдѣлаться подражателями Христу? Дѣлая все для общаго блага и не ища своего. И *Христосъ*, сказано, *не себѣ угоди, но, якоже есть писано, поношенія поносящихъ ти нападоша на мя* (Рим. xv, 3). Никто пусть не ищетъ своего. А пусть, ища своего, всякій имѣетъ въ виду ближнихъ; что — наше, то — и ихъ. Мы одно тѣло и члены и части другъ друга (Рим. xii, 5). Не будемъ же въ отношеніи другъ къ другу, какъ раздѣленные. Пусть никто не говоритъ: такой-то мнѣ не другъ, не родственникъ, не сосѣдъ; у меня нѣтъ ничего общаго съ нимъ: какъ мнѣ приступить къ нему? Какъ начать разговоръ? Если онъ и не родственникъ, не другъ тебѣ,—все же онъ человѣкъ, одного съ тобою естества, имѣетъ одного Владыку, сорабъ, сожитель, — такъ какъ живетъ въ одномъ съ тобою мірѣ. А если еще содержитъ одну вѣру, то вотъ онъ и членъ твой. Какая дружба можетъ произвести такое единеніе, какъ сродство вѣры? Мы должны показывать не такую близость, не такое имѣть общеніе между собою, какъ друзья съ друзьями, а какъ члены съ членами. Другого высшаго дру-

жества и общенія, чѣмъ это, не найдетъ никто никогда. Ты такъ же не можешь говорить: откуда у меня близость и связь съ такимъ-то, какъ не можешь сказать этого о своемъ братѣ, потому что это было бы смѣшно. *Вси бо во едино тѣло крестихомся*,—
102 сказано (1 Кор. xɪɪ, 13). Для чего *во едино тѣло?* Для того, чтобы не раздѣляться, но взаимнымъ согласіемъ и дружествомъ сохранять связь всего тѣла. Итакъ, не будемъ презирать другъ друга, чтобы не пренебречь самихъ себя,—потому что сказано: *никтоже когда плоть свою возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю* (Еф. v, 29). Для этого Богъ далъ намъ одинъ домъ — міръ этотъ; раздѣлилъ все поровну: одно для всѣхъ возжегъ солнце, распростеръ одинъ кровъ — небо; устроилъ одну трапезу — землю; далъ и другую трапезу, которая гораздо важнѣе этой, но также одну: соучастники таинствъ знаютъ, что я говорю; даровалъ всѣмъ одинъ духовный образъ рожденія; у всѣхъ насъ одно отечество на небесахъ; всѣ піемъ изъ одной и той же чаши. Ни богатому Онъ не далъ ничего больше и драгоцѣннѣе, ни бѣдному ничего меньше и малоцѣннѣе; но всѣхъ равно призвалъ, и какъ плотскія, такъ и духовныя (блага) равно сообщилъ. Отчего же такое неравенство въ жизни? Отъ любостяжанія и высокомѣрія богатыхъ. Но, братія, да не будетъ впредь этого. Такъ какъ у насъ есть нѣчто общее и необходимѣйшее, что соединяетъ насъ во едино, то не будемъ раздѣляться изъ-за дѣлъ земныхъ и ничтожныхъ, — разумѣю богатство, бѣдность, плотское родство, вражду, дружество. Все это тѣнь, еще ничтожнѣе и тѣни для тѣхъ, которые соединяются узами высшей любви. Будемъ же сохранять эти узы неразрывными, — и никакой злой духъ не сможетъ проникнуть въ насъ, чтобы разрушить такое единеніе. Итакъ, да будетъ оно во всѣхъ насъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVI.

И сіе есть свидѣтельство Іоанново, егда послаша жидове отъ Іерусалима іереевъ и левитовъ, да вопросятъ его: ты кто еси (Іоан. ɪ, 19)?

101 Опасная страсть, возлюбленный, — зависть; опасная и гибельная для самихъ завидующихъ, а не для тѣхъ, которымъ завидуютъ. Она прежде всего имъ самимъ причиняетъ вредъ и

гибель, какъ какая-нибудь смертоносная отрава, внѣдрившаяся въ души ихъ. А если она когда-либо вредитъ и тѣмъ, которымъ завидуютъ, то это вредъ малый и незначительный, и еще доставляетъ имъ пользу, гораздо болѣе важную, чѣмъ потеря. И такъ бываетъ не съ завистью только, а и со всѣми другими страстями: не тотъ, кто терпитъ зло, а тотъ, кто дѣлаетъ зло, получаетъ вредъ. Иначе, если бы это было не такъ, Павелъ не внушалъ бы своимъ ученикамъ — лучше терпѣть несправедливость, чѣмъ дѣлать ее, говоря: *почто не паче обидими есте? Почто не паче лишени бываете* (1 Кор. vi, 7)? Онъ хорошо зналъ, что гибель всюду слѣдуетъ не за тѣмъ, кто терпитъ зло, а за тѣмъ, кто дѣлаетъ зло. Все это говорю я по поводу зависти іудеевъ. Люди стекавшіеся изъ городовъ къ Іоанну и, въ покаяніи о своихъ грѣхахъ, получившіе крещеніе, — тѣ самые, послѣ крещенія, какъ бы передумавъ снова, посылаютъ спросить его: *ты кто еси*? Подлинно порожденія ехиднъ, змѣи, если еще не хуже ихъ. Родъ лукавый, прелюбодѣйный и развращенный, ты уже послѣ крещенія извѣдываешь и любопытствуешь узнать о Крестителѣ? Можетъ ли быть что-нибудь глупѣе этой глупости? Какъ же вы приходили къ нему? Какъ исповѣдывали свои грѣхи? Какъ спѣ- 102
шили креститься отъ него? Какъ вопрошали его о томъ, что должно дѣлать? Итакъ, все это дѣлалось у васъ безразсудно, безъ сознанія причины и основанія на то? Впрочемъ ничего такого не сказалъ блаженный Іоаннъ, не возопилъ, не сталъ ихъ укорять; но отвѣчалъ со всею снисходительностію. А для чего онъ такъ поступилъ, — стóитъ узнать, чтобы всѣмъ было явно и очевидно злодѣйство іудеевъ. Іоаннъ часто свидѣтельствовалъ предъ іудеями о Христѣ и, когда крестилъ, нерѣдко напоминалъ о Немъ приходящимъ и говорилъ: *азъ убо крещаю вы водою: грядый же по мнѣ, крѣплій мене есть: той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ* (Матѳ. iii, 11). Но они въ отношеніи къ Іоанну показали человѣческую слабость: имѣя въ виду славу мірскую и взирая на внѣшность, они думали, что недостойно Іоанна подчинять себя Христу. Іоанна возвышало многое въ ихъ глазахъ: во-первыхъ, именитое и знатное происхожденіе, потому что онъ былъ сынъ первосвященника; во-вторыхъ, строгость жизни и презрѣніе всего человѣческаго, потому что онъ, пренебрегая и одеждою, и домомъ, и самою пищею, проводилъ предъ тѣмъ все время въ пустынѣ. Во Христѣ все было напротивъ, происхожденіе уничиженное, что іудеи часто и выставляли на видъ, говоря: *не сей ли есть тектоновъ сынъ? Не мати ли его нарицается Маріамъ, и братія его Іаковъ и Іосій* (Матѳ. xiii, 55)? А мнимое Его отечество было 103
въ такомъ безславіи, что и Наѳанаилъ говорилъ: *отъ Назарета мо-*

жеть ли что добро быти (Іоан. і, 46)? Образъ жизни былъ у Него обыкновенный, одежды ничѣмъ не отличавшіяся отъ другихъ; кожаннаго пояса Онъ не носилъ, власяницы не имѣлъ, меда и акридовъ не ѣлъ; онъ жилъ, какъ и всѣ, присутствовалъ въ собраніяхъ людей порочныхъ и мытарей, только чтобы привлечь ихъ. Іудеи, не понимая этого, поносили Его, какъ и самъ Онъ говоритъ: *пріиде Сынъ человѣческій ядый и піяй, и глаголютъ: се человѣкъ ядца и винопійца, мытаремъ другъ и грѣшникамъ* (Матѳ, хі, 19). И вотъ какъ Іоаннъ часто отсылалъ ихъ отъ себя къ Тому, кто, по ихъ мнѣнію, былъ ниже его, то они, стыдясь и досадуя на на это и желая лучше имѣть учителемъ Іоанна, открыто не осмѣливались этого высказать; а отправляютъ къ нему посольство, надѣясь лестію расположить его къ тому, чтобы онъ объявилъ себя Христомъ. И не какихъ-либо презрѣнныхъ людей они посылаютъ къ нему, какъ ко Христу, когда, желая схватить Его, послали слугъ, потомъ иродіанъ и имъ подобныхъ людей; но священниковъ и левитовъ, да и священниковъ именно изъ Іерусалима, т. е. почетнѣйшихъ (евангелистъ не безъ причины замѣтилъ это). Посылаютъ же затѣмъ, чтобы спросить Іоанна: *ты кто еси?* А между тѣмъ и рожденіе его было извѣстно всѣмъ, такъ что всѣ говорили: *что убо отроча сіе будетъ* (Лук. і, 66)? — и молва о немъ пронеслась по всей нагорной странѣ. Опять, когда онъ пришелъ на Іорданъ, жители всѣхъ городовъ спѣшили къ нему, и изъ Іерусалима и со всей Іудеи шли креститься у него. Итакъ эти-то люди теперь спрашиваютъ, — не потому, чтобы не знали его (какъ могли они не знать человѣка, сдѣлавшагося столько извѣстнымъ?); но они хотѣли привести его къ тому, что я высказалъ.

2. Послушай же, какъ этотъ блаженный мужъ отвѣчаетъ именно на ту мысль ихъ, съ которою они спрашивали его, а не на самый вопросъ. Когда они спросили: *ты кто еси?* — онъ не вдругъ сказалъ то, что слѣдовало сказать: *азъ гласъ вопіющаго въ пустыни* (Марк. і, 3). А что? Онъ уничтожаетъ ихъ предположеніе,—на вопросъ: *ты кто еси?*—онъ *исповѣда, и не отвержеся, и исповѣда, яко нѣсмь азъ Христосъ* (ст. 20). Замѣть мудрость евангелиста. Три раза онъ говоритъ одно и тоже, чтобы показать и добродѣтель Крестителя и все лукавство и безмысліе іудеевъ. Также и Лука говоритъ, что, когда народъ предполагалъ, не онъ ли Христосъ,—онъ уничтожилъ это предположеніе. Таково свойство благомыслящаго служителя—не только не похищать чести, принадлежащей господину, но и отвергать ее даже въ такомъ случаѣ, когда бы предлагали ее другіе. Впрочемъ, простой народъ пришелъ къ такому предположенію по простотѣ и невѣдѣнію; а

тѣ спрашивали его, какъ я сказалъ, съ злымъ умысломъ, надѣясь лестію увлечь его къ тому, чего хотѣли. А если бы они не это именно имѣли въ виду, то не перешли бы тотчасъ къ другому вопросу, а стали бы досадовать на то, что онъ говоритъ совсѣмъ другое и отвѣчаетъ не на вопросъ; они бы сказали ему: развѣ мы это предполагаемъ? Развѣ объ этомъ пришли спрашивать? Но, какъ бы будучи пойманы и уличены, они переходятъ 104
къ другому предмету и говорятъ: *что убо? Иліа ли еси ты? И глагола: нѣсмь* (ст. 21). Они ожидали, что и Илія придетъ, какъ и Христосъ сказалъ. На вопросъ учениковъ: *что убо книжницы глаголютъ, яко Иліи подобаетъ пріити прежде?*—Онъ сказалъ: *Иліа убо пріидетъ прежде, и устроитъ вся* (Матѳ. XVII, 10). Потомъ спросили: *пророкъ ли еси?* И онъ отвѣчалъ: *ни*. Однакожъ онъ былъ пророкъ. Почему же онъ отрекся? Опять потому, что смотрѣлъ на цѣль спрашивавшихъ. Они ожидали, что придетъ нѣкоторый избранный пророкъ, такъ какъ Моисей говорилъ: *пророка отъ братіи твоея, якоже мене, возставитъ тебѣ Господь Богъ твой, того послушайте* (Втор. XVIII, 15). А это былъ Христосъ. Поэтому они не вообще говорятъ: *пророкъ ли еси?* разумѣя одного изъ многихъ пророковъ, но съ присовокупленіемъ члена [1]): „не тотъ ли ты пророкъ, о которомъ предвозвѣстилъ Моисей"? Поэтому-то онъ и отрекся — не отъ того, что онъ — *пророкъ*, а отъ того, что онъ— именно *тотъ* (предвозвѣщенный) пророкъ. *Рѣша же ему: кто еси? Да отвѣтъ дамы пославшимъ ны: что глаголеши о тебѣ самомъ* (ст. 22). Видишь ли, какъ они еще сильнѣе приступаютъ и настаиваютъ, повторяютъ вопросы и не отстаютъ? Но Іоаннъ съ кротостію сперва отвергаетъ ихъ ложныя предположенія, и потомъ даетъ дѣйствительное понятіе о себѣ: *азъ*, говоритъ, *гласъ вопіющаго въ пустыни: исправите путь Господень: якоже рече Исаіа пророкъ* (ст. 23). Такъ какъ онъ уже высказалъ о Христѣ нѣчто великое и высокое, то, какъ бы въ отвѣтъ на ихъ мысль, тотчасъ спѣшитъ обратиться къ пророку и такимъ образомъ подтверждаетъ свои слова. *И посланніи бѣху отъ фарисей: и вопросиша его, и рѣша ему: что убо крещаеши, аще ты нѣси Христосъ, ни Иліа, ни пророкъ* (ст. 24, 25)? Видишь ли, какъ не напрасно я говорю, что они именно до этого хотѣли довести его? А сначала этого они не говорили, чтобы не подвергнуться общей отъ всѣхъ укоризнѣ. Потомъ, когда онъ сказалъ: *нѣсмь Христосъ*, они желая скрыть то, что затѣвали въ душѣ, переходятъ къ Иліи и къ (обѣщанному) пророку. Когда же Іоаннъ сказалъ, что онъ ни тотъ, ни другой, они наконецъ, приведенные въ недоумѣніе, сбросивъ съ себя личину,

[1]) Ὁ προφήτης.

уже открыто выставляютъ свой лукавый замыселъ и говорятъ: *что убо крещаеши, аще нѣси Христосъ?* Потомъ, опять желая прикрыться, присоединяютъ и другихъ лицъ, Илію и пророка. Такъ какъ не могли поколебать его честію, то думаютъ обвиненіемъ вынудить у него признаніе въ томъ, чего не было. Но и этого не могли сдѣлать. О, безуміе! О, надменность и безвременная суетливость! Вы посланы узнать отъ него, кто и откуда онъ: не хотите ли предписывать ему и законовъ? И этого именно хотѣли они, принуждая его объявить себя самого Христомъ. Однакожъ онъ и теперь не негодуетъ и не высказываетъ ничего такого, хотя и справедливо было бы, какъ напримѣръ: „вы ли хотите мнѣ приказывать и давать законы"? Но опять показываетъ большую кротость. *Азъ,* говоритъ, *крещаю водою: посредѣ же васъ стоитъ, егоже вы не вѣсте. Той есть грядый по мнѣ, иже предо мною бысть, емуже нѣсмь азъ достоинъ, да отрѣшу ремень сапогу* (ст. 26, 27).

105 3. Что на это могли бы сказать іудеи? Здѣсь обвиненіе на нихъ неопровержимое, осужденіе нещадное; они сами на себя произнесли судъ. Какимъ образомъ? Они почитали Іоанна достойнымъ всякой вѣры и столько правдивымъ, что вѣрили ему не только тогда, когда онъ свидѣтельствовалъ о другихъ, но и когда говорилъ о себѣ самомъ. Если бы они не были такого мнѣнія о немъ, то не послали бы узнать отъ него о немъ же самомъ. Извѣстно, что мы вѣримъ только тѣмъ людямъ, когда они говорятъ о самихъ себѣ, которыхъ признаемъ людьми самыми правдивыми. Но не это только заграждаетъ ихъ уста, а и самое расположеніе духа, съ которымъ они приступили къ нему; они пришли къ нему съ особеннымъ усердіемъ, хотя потомъ и перемѣнились. Указывая на то и на другое, Христосъ говорилъ: *онъ бѣ свѣтильникъ горя и свѣтя: вы же восхотѣсте возрадоватися въ часъ свѣтѣнія его* (Іоан. v, 35). А самый отвѣтъ Іоанна еще болѣе показалъ въ немъ человѣка, достойнаго вѣры. Кто не ищетъ славы своей, сказано, тотъ *истиненъ есть, и нѣсть неправды въ немъ* (Іоан. vii, 18). И онъ не искалъ; но отослалъ ихъ къ другому. Между тѣмъ посланные были изъ людей довѣренныхъ, почетныхъ, такъ что имъ не оставалось никакого убѣжища, или оправданія въ своемъ невѣріи Христу. Почему вы не приняли того, что говорилъ о Немъ Іоаннъ? Вы послали своихъ старшинъ, чрезъ нихъ вы спрашивали его, вы слышали, что отвѣчалъ Креститель; они, съ своей стороны, показали всю ревность, все любопытство, указывали на всѣхъ лицъ, которыхъ вы предполагали въ немъ. И однакожъ онъ съ полною свободою исповѣдалъ, что онъ—ни Христосъ, ни Илія, ни пророкъ. Не ограничиваясь этимъ, онъ

сказалъ и то, кто онъ самъ, бесѣдовалъ о сущности своего крещенія,—именно, что оно маловажно и несовершенно, и не имѣетъ въ себѣ ничего, кромѣ воды,—показывая тѣмъ превосходство крещенія, дарованнаго Христомъ. Присовокупилъ и свидѣтельство Исаіи пророка за долгое до того время, и одного наименовалъ Господомъ, а другого—Его служителемъ и рабомъ. Что же послѣ этого оставалось дѣлать? Не увѣровать ли въ Того, о комъ (Іоаннъ) свидѣтельствовалъ,—поклониться Ему и исповѣдать Его Богомъ? А что свидѣтельство это было дѣломъ не лести, а истины, это показывалъ нравъ и любомудріе свидѣтеля. Понятно это и потому, что никто не предпочитаетъ себѣ ближняго и, когда можно получить самому честь, никто не захотѣлъ бы уступить ее другому, особенно когда честь такъ велика. Такимъ образомъ и Іоаннъ не представилъ бы такого свидѣтельства о Христѣ, если бы бы Онъ не былъ Богомъ. Если бы и отъ себя отклонилъ эту честь, какъ такую, которая выше его природы, то конечно не приписалъ бы ея и другому, низшему существу. *Посредѣ же васъ стоитъ, егоже вы не вѣсте.* Это онъ сказалъ потому, что (Христосъ) обыкновенно вмѣшивался въ толпу народа, какъ человѣкъ простой, и училъ всегда противу гордости и тщеславія. *Вѣдѣніемъ* же здѣсь Іоаннъ называетъ знаніе точное, именно о томъ, кто Онъ таковъ и откуда. А выраженіе: *по мнѣ грядый* Іоаннъ часто употребляетъ, говоря какъ бы такъ: „не думайте, что все заключается въ моемъ крещеніи. Если бы оно было совершенно, то не пришелъ бы послѣ меня другой съ установленіемъ другого крещенія. А мое крещеніе только приготовленіе и указаніе пути къ тому крещенію. Наше дѣло—тѣнь и образъ. Должно придти другому лицу, которое покажетъ истину“. Такимъ образомъ слова: *по мнѣ грядый* наиболѣе указываютъ на Его достоинство. Если бы (крещеніе Іоанново) было совершенно, 106
то не было бы нужды искать второго. *Предо мною бысть*, то есть, Онъ досточтимѣе, славнѣе меня. А чтобы не подумали, что это превосходство есть только сравнительное, то, желая показать Его несравненное достоинство, Іоаннъ присовокупляетъ: *ему же нѣсмь азъ достоинъ, да отрѣшу ремень*, т. е., Онъ не просто *предо мною бысть*, но такъ, что я недостоинъ быть въ числѣ даже послѣднихъ служителей Его: развязывать обувь и есть дѣло самаго низкаго служенія. Если же Іоаннъ недостоинъ разрѣшить ремень,—Іоаннъ, *котораго больше не было въ рожденныхъ женами*, то гдѣ же намъ помѣстить себя? Если достойный цѣлаго міра, или лучше, большій его (такъ какъ сказано: *ихже не бѣ достоинъ весь міръ*), если онъ признаетъ себя недостойнымъ быть въ числѣ Его послѣднихъ служителей, то что же скажемъ мы,

обремененные тысячами пороковъ, — мы, настолько отстоящіе отъ добродѣтели Іоанна, насколько отстоитъ земля отъ неба?

4. Итакъ, Іоаннъ говоритъ о себѣ, что *не достоинъ разрѣшить ремень сапогу;* а враги истины доходятъ до такого безумія, что считаютъ себя достойными знать Его также, какъ Онъ знаетъ Себя самого. Что можетъ быть хуже такого безумія? Что сумасброднѣе такого самохвальства? Хорошо сказалъ нѣкто мудрый: *начало гордыни незнаніе Господа* (Сир. x, 14). Діаволъ, не бывшій прежде діаволомъ, не былъ бы низверженъ и не сталъ бы діаволомъ, если бы не заболѣлъ этою самою болѣзнію. Она лишила его прежняго достоинства, она низвела его въ геенну, она послужила для него причиною всѣхъ золъ. Порокъ этотъ можетъ самъ по себѣ повредить всякую добродѣтель души—милостыню ли, молитву ли, постъ, или что-либо другое. Сказано, что высокое у людей не чисто предъ Господомъ.

Не блудъ только и не прелюбодѣяніе оскверняетъ тѣхъ, которые предаются ему, но и гордость, и даже гораздо больше. Почему? Потому, что хотя блудъ и непростительное зло, но по крайней мѣрѣ иной человѣкъ можетъ сослаться на пожеланіе; а высокомѣріе не имѣетъ никакой причины, никакого предлога, подъ которымъ заслуживало бы хотя тѣнь извиненія; оно есть не что иное, какъ развращеніе души и самая тяжкая болѣзнь, происходящая не отъ чего другого, какъ только отъ безразсудства. Подлинно, нѣтъ человѣка безразсуднѣе высокомѣрнаго, хотя бы онъ обладалъ большимъ богатствомъ, хотя бы получилъ обширное внѣшнее образованіе, хотя бы поставленъ былъ на высшей степени власти, хотя бы имѣлъ у себя все, что для людей кажется завиднымъ. Если гордящійся дѣйствительными преимуществами жалокъ и несчастенъ и теряетъ награду за всѣ свои совершенства, то не смѣшнѣе ли всѣхъ надмевающійся ничтожными благами, тѣнью и цвѣтомъ травы (такова слава этого вѣка),— такъ какъ онъ поступаетъ подобно тому, какъ если бы бѣднякъ, нищій, постоянно удручаемый голодомъ, случайно въ одну ночь увидѣлъ пріятный сонъ и тѣмъ сталъ бы тщеславиться? Жалкій и несчастный! Душу твою снѣдаетъ жесточайшая болѣзнь, и ты, убогій крайнимъ убожествомъ, мечтаешь, что у тебя столько и столько-то талантовъ золота и множество прислуги? Да это—не твое. А если не вѣришь моимъ словамъ, то убѣдись опытами бывшихъ прежде богачей. Если же ты такъ упоенъ, что не вразумляешься приключеніями другихъ, то подожди немного
107 и ты дознаешь собственнымъ опытомъ, что нѣтъ для тебя никакой пользы отъ этихъ благъ, когда, при послѣднемъ издыханіи, не будучи властенъ ни въ одномъ часѣ, ни въ одной минутѣ,

ты невольно оставишь ихъ окружающимъ тебя людямъ и, что нерѣдко случается, такимъ людямъ, которымъ ты и не хотѣлъ бы оставить. Многіе даже не имѣли возможности распорядиться о нихъ, а отходили нечаянно, еще желая наслаждаться ими, но имъ уже не было это позволено, и будучи увлекаемы, отходя изъ міра невольно, по необходимости, оставляли свои блага тѣмъ, кому бы и не хотѣли. Чтобы и съ нами того не случилось, мы, пока живы и здоровы, отошлемъ ихъ въ свой (грядущій) градъ. Только такимъ образомъ мы будемъ имѣть возможность насладиться ими, а не иначе; такимъ только образомъ мы положимъ ихъ въ надежномъ и безопасномъ мѣстѣ. Ничто, ничто не можетъ ихъ оттуда исхитить: ни смерть, ни довѣрительныя свидѣтельства, ни наслѣдники, ни клеветы и навѣты; но кто сколько принесъ съ собою, отходя отсюда, тѣмъ всѣмъ и будетъ наслаждаться непрерывно. А кто такъ несчастенъ, что не захотѣлъ бы 108
вѣчно утѣшаться своимъ стяжаніемъ? Перенесемъ же свое богатство и положимъ его тамъ. Для этого перенесенія намъ не нужно ни ословъ, ни верблюдовъ, ни колесницъ, ни кораблей,— и отъ этихъ хлопотъ избавилъ насъ Богъ,—нужны намъ будутъ только бѣдные, хромые, слѣпые, недужные. Имъ-то порученъ этотъ перевозъ, они-то пересылаютъ богатство на небо, они-то вводятъ владѣтелей богатства въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ, котораго да достигнемъ и всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVII.

Сія въ Виѳаніи быша обонъ-полъ Іордана, идѣже бѣ Іоаннъ крестя. Во утрій же видѣ Іоаннъ Іисуса, грядуща къ себѣ, и глагола: се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра (Іоан. I, 28, 29).

Великая добродѣтель—дерзновенное, открытое исповѣданіе 107
Христа и предпочтеніе этого исповѣданія всему другому; такъ велика и дивна, что Сынъ Божій Единородный исповѣдуетъ такого человѣка предъ Отцемъ Своимъ, хотя это воздаяніе и несоразмѣрно. Ты исповѣдуешь на землѣ, а Онъ исповѣсть на небесахъ; ты—предъ людьми, Онъ—предъ Отцемъ и всѣми ангелами. Таковъ былъ Іоаннъ. Онъ не смотрѣлъ ни на народъ, ни на славу, ни на что человѣческое, но, презрѣвъ все это, съ должною свободою проповѣдывалъ всѣмъ о Христѣ. Поэтому еванге-

листъ означаетъ и самое мѣсто (его проповѣди), чтобы показать дерзновеніе велегласнаго проповѣдника. Не въ домѣ, не за угломъ, не въ пустынѣ, но на Іорданѣ, среди множества народа, въ присутствіи всѣхъ, крестившихся отъ него (а Іоанну крещающему предстояли іудеи), онъ возгласилъ это дивное исповѣданіе о Христѣ, исполненное великихъ, возвышенныхъ и неизреченныхъ догматовъ, а о себѣ говорилъ, что недостоинъ былъ развязать ремень сапоговъ Его. Какъ же это выражаетъ евангелистъ? Присовокупляя слова: *сія въ Виѳаніи быша*. А въ исправнѣйшихъ спискахъ сказано: *въ Виѳаварѣ*. Виѳанія была не по ту сторону Іордана и не въ пустынѣ, а близъ Іерусалима. Но эти мѣста означаетъ (евангелистъ) и по другой причинѣ. Онъ хотѣлъ разсказать событія не древнія, а случившіяся не за долгое предъ тѣмъ время, и потому призываетъ въ свидѣтели своихъ словъ людей, которые находились въ тѣхъ мѣстахъ и были очевидцами, и такимъ образомъ отъ самыхъ мѣстъ представляетъ доказательства. Увѣренный, что въ своемъ повѣствованіи онъ ничего не прибавляетъ отъ себя, а говоритъ все просто, какъ было, онъ заимствуетъ свидѣтельство отъ самыхъ мѣстъ, которое, какъ я сказалъ, можетъ быть не маловажнымъ доказательствомъ истины. *Во утрій же видѣ Іоаннъ Іисуса, грядуща къ себѣ, и глагола: се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра*. Евангелисты какъ бы раздѣлили
108 между собою времена. Матѳей, вкратцѣ обозрѣвъ время до заключенія въ темницу Іоанна Крестителя, поспѣшаетъ къ обстоятельствамъ послѣдующимъ; а евангелистъ Іоаннъ не только не вкратцѣ представляетъ то время, но на немъ-то въ особенности и останавливается. Матѳей, послѣ пришествія Іисуса изъ пустыни, умолчавъ о промежуточныхъ обстоятельствахъ, какъ напр. о томъ, что проповѣдывалъ Іоаннъ, что говорили посланные (къ нему) іудеи, и сокративъ все прочее, немедленно переходитъ къ темницѣ. *Слышавъ Іисусъ*, говоритъ онъ, *яко Іоаннъ преданъ бысть, отъиде* оттуда (Матѳ. IV, 12). Но Іоаннъ сдѣлалъ не такъ; а умолчавъ объ отшествіи въ пустыню, о которомъ сказалъ Матѳей, онъ повѣствуетъ объ обстоятельствахъ послѣ сошествія Іисуса съ горы и, разсказавъ о многомъ, затѣмъ присовокупляетъ: *не убо бѣ всажденъ въ темницу Іоаннъ* (Іоан. III, 24). Но для чего, скажешь, Іисусъ теперь приходитъ къ Іоанну, дѣлаетъ это не однажды, а и въ другой разъ? Матѳей говоритъ, что Ему нужно было придти для крещенія. Указывая на это, и самъ Іисусъ присовокупляетъ: *тако бо подобаетъ намъ исполнити всякую правду* (Матѳ. III, 15). А Іоаннъ показываетъ, что Онъ и въ другой разъ приходилъ, уже послѣ крещенія, и это замѣчаетъ словами Крестителя: *видѣхъ Духа сходяща, яко голубя, и пребывающа на Немъ* (ст. 32). Итакъ, для чего онъ

приходитъ къ Іоанну? Вѣдь Онъ не просто пришелъ туда, а приходилъ именно къ нему. *Видѣ Іоаннъ*, сказано, *Іисуса, грядуща къ себѣ*. Такъ какъ Іоаннъ крестилъ Его вмѣстѣ съ другими многими, и многіе могли предполагать, что онъ приходилъ къ Іоанну по той же причинѣ, какъ и другіе, то есть затѣмъ, чтобы исповѣдать согрѣшенія и омыться въ рѣкѣ съ покаяніемъ, то Іисусъ и приходитъ снова, чтобы и самому Іоанну дать возможность исправить такое предположеніе. И дѣйствительно Іоаннъ, сказавъ: *се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (ст. 29), совершенно уничтожилъ такое подозрѣніе. Если Онъ такъ чистъ, что можетъ даже разрѣшать чужіе грѣхи, то ясно, что Онъ приходитъ не затѣмъ, чтобы исповѣдать свои согрѣшенія, а чтобы чудесному проповѣднику дать случай—повтореніемъ прежде сказаннаго еще точнѣе внушить слушателямъ прежде о Немъ сказанное и при- 109
совокупить къ тому еще нѣчто другое. Частица: *се* употреблена потому, что многіе уже давно, вслѣдствіе словъ Іоанна, хотѣли видѣть Его. Поэтому Іоаннъ и указываетъ Его, когда Онъ явился, и говоритъ: *се*, выражая этимъ, что Онъ есть Тотъ, кого издавна ожидали. *Се Агнецъ*. Агнцемъ называетъ Его, припоминая іудеямъ пророчество Исаіи и прообразованіе изъ временъ Моисея, чтобы чрезъ прообразъ ближе привести ихъ къ истинѣ. Но агнецъ ветхозавѣтный не принималъ на себя никогда ничьихъ грѣховъ, а этотъ принялъ грѣхи всего міра, избавилъ его отъ гнѣва Божія, когда ему угрожала погибель. *Сей есть, егоже азъ рѣхъ: по мнѣ грядетъ мужъ, иже предо мною бысть* (ст. 30).

2. Видишь ли, какъ и здѣсь изъясняетъ евангелистъ выраженіе: *предо мною*? Называя Его агнцемъ и сказавъ, что Онъ вземлетъ грѣхъ міра, затѣмъ говоритъ: *предо мною бысть*, и такимъ образомъ показываетъ, что *предо мною* — означаетъ принятіе грѣховъ міра, крещеніе Духомъ Святымъ. „Мое пришествіе ничего болѣе не имѣло цѣлію, кромѣ проповѣданія общаго вселенной Благодѣтеля и кромѣ сообщенія крещенія водою; а Его пришествіе имѣетъ цѣлію — очищеніе всѣхъ людей и дарованіе благодатныхъ силъ Утѣшителя". *Предо мною бысть*, то есть, явился славнѣе меня, *яко первѣе мене бѣ*. Да постыдятся же послѣдователи безумія Павла Самосатскаго, противящіеся столь очевидной истинѣ. *И азъ не вѣдѣхъ Его* (ст. 31). Смотри, какъ онъ отклоняетъ всякое подозрѣніе отъ своего свидѣтельства, показывая, что оно дано имъ не по пристрастію человѣческому, а по откровенію Божію. *Азъ не вѣдѣхъ Его*,—говоритъ Іоаннъ. Какъ же ты можешь быть достовѣрнымъ свидѣтелемъ? Какъ ты станешь учить другихъ, если самъ не знаешь? Но онъ не сказалъ: *не вѣмъ Его*, а: *не вѣдѣхъ Его*, такъ что чрезъ это наиболѣе дѣлается достовѣр-

нымъ. Какъ онъ могъ быть пристрастнымъ къ тому, котораго не зналъ? *Но да явится Израилеви, сею ради пріидохъ азъ водою крестя* (ст. 31). Итакъ, Онъ самъ не имѣлъ нужды въ крещеніи, и омовеніе то не другую какую-либо имѣло цѣль, а именно проложеніе другимъ пути къ вѣрѣ во Христа. Іоаннъ не сказалъ: я пришелъ крестить, чтобы очистить крещаемыхъ, или чтобы отпускать согрѣшенія, но — *да явится Израилеви*. Что же, скажи мнѣ, неужели безъ крещенія нельзя было проповѣдывать и привлекать народъ? Это было не такъ удобно. Если бы проповѣдь была безъ крещенія, то не стали бы всѣ такъ стекаться; не узнали бы превосходства одного крещенія предъ другимъ безъ сравненія ихъ. Народъ выходилъ къ Іоанну не слушать только то, что онъ говорилъ, а для чего? Креститься съ исповѣданіемъ своихъ грѣховъ. Между тѣмъ, приходя креститься, узнавали и о Христѣ, и о различіи крещенія. А хотя крещеніе Іоанна было и важнѣе іудейскаго и потому всѣ спѣшили къ нему, однакожъ и оно было не совершенно. Но какъ ты узналъ Его? Чрезъ сошествіе Духа,—говоритъ Іоаннъ. А чтобы не подумалъ кто, будто Христосъ, какъ мы, имѣлъ нужду въ Духѣ, послушай, какъ Іоаннъ уничтожаетъ и это подозрѣніе, показывая, что сошествіе Духа произошло единственно для возвѣщенія о Христѣ. Сказавъ: *и азъ не вѣдѣхъ Его*, Іоаннъ присовокупляетъ: *но пославый мя крестити водою, той мнѣ рече: надъ негоже узриши Духа сходяща и пребывающа на немъ, той есть крестяй Духомъ Святымъ* (ст. 33).
110 Видишь ли, что цѣлію сошествія Святаго Духа было только указать Христа? Конечно, свидѣтельство Іоанна было несомнѣнно; но, желая сдѣлать его еще болѣе достовѣрнымъ, онъ возводитъ его къ Богу и Духу Святому. Какъ Іоаннъ свидѣтельствовалъ о предметѣ столь великомъ и дивномъ, который могъ привести въ изумленіе всѣхъ слушателей, — то есть, что (Іисусъ) одинъ вземлетъ на себя грѣхи всего міра и что величіе дара (Его) служитъ достаточнымъ для того искупленіемъ, — то и приготовляетъ къ такой мысли. А приготовленіемъ и служитъ ученіе, что Онъ — Сынъ Божій, что Онъ не имѣетъ нужды въ крещеніи и что Духъ сошелъ для того только, чтобы указать Его. Самъ же Іоаннъ не имѣлъ силъ сообщать Духа. Это показываютъ сами крещенные имъ, когда говорятъ: *ниже, аще Духъ Святый есть, слышахомъ* (Дѣян. XIX, 2).

Христосъ не нуждался въ крещеніи, ни въ этомъ, ни въ какомъ-либо другомъ, а, лучше сказать, крещеніе имѣло нужду въ силѣ Христовой. Вѣдь главнѣйшимъ изъ всѣхъ благъ оставалось то, чтобы крещаемый удостоивался Духа. Потому Христосъ, когда пришелъ, приложилъ это дарованіе Духа. *И свидѣ-*

тельствова Іоаннъ, глаголя, яко видѣхъ Духа, сходяща яко голубя, и пребывающа на Немъ. И азъ не вѣдѣхъ Его: но пославый мя крестити водою, той мнѣ рече: надъ него же узриши Духа сходяща и пребывающа, той есть крестяй Духомъ Святымъ. И азъ видѣхъ, и свидѣтельствовахъ, яко сей есть Сынъ Божій (ст. 32—34). Іоаннъ часто употребляетъ слова: *не вѣдѣхъ Его*,—не безъ причины и не безъ цѣли, а потому, что былъ сродникомъ Его по плоти. *Се Елисаветь*, сказано, *южика твоя, и та зачатъ сына* (Лук. I, 36). Итакъ, чтобы не подать мысли, будто онъ имѣетъ пристрастіе ради родства, онъ часто говоритъ: *не вѣдѣхъ Его.* Да и въ самомъ дѣлѣ такъ было. Все время онъ жилъ въ пустынѣ, внѣ отеческаго дома. Но какъ же онъ удерживалъ Христа отъ крещенія, говоря: *азъ требую Тобою креститися* (Мате. III, 14), если не зналъ Его до сошествія Духа и узналъ тогда только въ первый разъ? Это было свидѣтельствомъ, что онъ хорошо зналъ Его. Однакожъ справедливо, что онъ узналъ не прежде или не задолго до того времени. Чудеса, совершившіяся въ дѣтствѣ Іисуса, какъ-то: происшествія съ волхвами и прочія, случились гораздо прежде, когда и самъ Іоаннъ былъ еще въ младенчествѣ. А въ продолженіе столь долгаго времени конечно Іисусъ не всѣмъ былъ извѣстенъ. А если бы Онъ былъ извѣстенъ, то Іоаннъ не сказалъ бы: *да явится Израилеви, сего ради пріидохъ крестя.*

3. Отсюда явно для насъ и то, что знаменія, которыя, какъ говорятъ, были совершены Христомъ въ дѣтствѣ, ложны и вымышлены какими-либо лживыми людьми. Если бы Онъ началъ совершать чудеса отъ перваго возраста, то Іоаннъ не могъ бы не знать Его, да и народъ не имѣлъ бы нужды въ учителѣ, который указалъ бы Его. Между тѣмъ Іоаннъ самъ о себѣ говоритъ, что пришелъ для того, *да явится Израилеви*, и также въ другой разъ говорилъ: *азъ требую Тобою креститися;* впослѣдствіи же, узнавъ Его ближе, онъ проповѣдывалъ о Немъ народу, говоря: *сей есть, о немже азъ рѣхъ: по мнѣ грядетъ* мужъ, *иже предо мною бысть*, и: *пославый мя крестити водою*, послалъ для того, *да* 111
явится Израилеви, — такимъ образомъ пославшій открылъ Іоанну Христа еще до сошествія Духа. Поэтому еще прежде пришествія Его Іоаннъ говорилъ: *по мнѣ грядетъ, иже предо мною бысть.* Итакъ Іоаннъ не зналъ (Іисуса) прежде пришествія на Іорданъ и крещенія всѣхъ, но узналъ Его тогда, какъ Онъ восхотѣлъ креститься, и при томъ узналъ по откровенію при крещеніи, по указанію Отца и Духа іудеямъ, для которыхъ и было сошествіе Духа. Чтобы не было пренебрежено свидѣтельство Іоанна, когда онъ говорилъ, что *первѣе мене бѣ*, что Онъ креститъ Духомъ и что будетъ судить вселенную, для этого Отецъ подалъ гласъ, воз-

вѣстивъ о Сынѣ, и Духъ сошелъ, низводя этотъ гласъ на главу Христа. Такъ какъ одинъ крестилъ, другой принималъ крещеніе, то, чтобы кто-либо изъ присутствовавшихъ не подумалъ, что слова Отца изречены объ Іоаннѣ, для этого нисходитъ Духъ, устраняя такое предположеніе. Итакъ, когда Іоаннъ говоритъ: *не вѣдяхъ Его*, то говоритъ о времени прошедшемъ, не близкомъ къ крещенію. Иначе какъ же онъ удерживалъ Іисуса, говоря: *азъ требую Тобою креститися?* Какъ онъ говорилъ о Немъ такія слова? Почему же іудеи не увѣровали, скажешь ты, когда не одинъ Іоаннъ видѣлъ Духа въ видѣ голубя? Если они и видѣли, то для такихъ предметовъ потребны не однѣ тѣлесныя очи, но преимущественно очи ума, чтобы дѣйствительнаго предмета не признать за пустой призракъ. Они видѣли и то, какъ Христосъ совершалъ чудеса и какъ, касаясь своими руками больныхъ и умершихъ, возвращалъ имъ жизнь и здравіе, однакожъ до того были упоены ненавистію, что представляли себѣ противное тому, что видѣли. Какъ же могли они оставить свое невѣріе только по одному сошествію Духа? Нѣкоторые же говорятъ, что и не всѣ видѣли Его, а только Іоаннъ и другіе нѣкоторые, болѣе благомыслящіе. Хотя и чувственными очами можно было видѣть Духа, нисходившаго въ видѣ голубя, — при всемъ томъ не было никакой необходимости, чтобы это явленіе было для всѣхъ очевидно. И Захарія видѣлъ многое въ чувственномъ образѣ, и Даніилъ и Іезекіиль; но участникомъ въ видѣніи они не имѣли никого. Видѣлъ многое и Моисей, чего никто другой не видѣлъ. Не всѣ также ученики Христовы были удостоены видѣть преображеніе Его на горѣ, не всѣ участвовали и въ видѣніи воскресенія, что ясно показываетъ Лука, когда говоритъ, что Воскресшій явилъ себя *свидѣтелемъ преднареченнымъ отъ Бога* (Дѣян. x, 41). *И азъ видѣхъ и свидѣтельствовахъ, яко сей есть Сынъ Божій.* Когда же онъ свидѣтельствовалъ, что есть Сынъ Божій? Онъ называлъ Его Агнцемъ, говорилъ и то, что Онъ будетъ крестить Духомъ, а что Онъ — Сынъ Божій, этого не говорилъ. Прочіе евангелисты не пишутъ, что послѣ крещенія Онъ говорилъ что-либо, а умолчавъ о событіяхъ этого времени, они говорятъ о чудесахъ Христовыхъ, бывшихъ уже послѣ заключенія Іоанна. Изъ этого можно догадываться, что и это, и еще многое другое они прошли молчаніемъ, что и показалъ этотъ самый евангелистъ въ концѣ своего писанія. Они столько были далеки отъ намѣренія—выдумать что-либо великое объ Немъ, что всѣ единогласно, со всею точностію изложили обстоятельства повидимому неблагопріятныя для Него,—и ты не найдешь, чтобы кто-либо изъ нихъ умолчалъ о чемъ-нибудь подобномъ. Что же касается до чудесъ, то иныя

чудеса одинъ изъ нихъ предоставлялъ другому описывать, а о
нѣкоторыхъ умолчали всѣ. Это говорю я не безъ цѣли, но имѣя 112
въ виду безстыдство язычниковъ; это служитъ достаточнымъ
доказательствомъ правдивости евангелистовъ и того, что они
ничего не говорили по пристрастію. Этимъ доказательствомъ,
вмѣстѣ съ другими, вы можете ратовать противъ язычниковъ.
Но послушайте, — нелѣпо будетъ, если врачъ со всѣмъ усердіемъ
ратовать будетъ за свое искусство, также и сапожникъ и ткачъ
и всѣ другіе ремесленники за свое ремесло, а тотъ, кто исповѣдуетъ себя христіаниномъ, не въ состояніи будетъ слова сказать въ защиту своей вѣры. Небреженіе о тѣхъ искусствахъ приноситъ ущербъ въ имуществахъ, а нерадѣніе о вѣрѣ губитъ у насъ самую душу. И мы находимся въ такомъ жалкомъ состояніи, что на тѣ дѣла употребляемъ все свое стараніе, а самое необходимое, то, отъ чего зависитъ наше спасеніе, пренебрегаемъ, какъ ничего не стоющее.

4. Это не располагаетъ и язычниковъ къ осужденію своихъ собственныхъ заблужденій. Если они, упорные во лжи, все дѣлаютъ такъ, чтобы прикрывать срамъ своихъ лжеученій, а мы, служители истины, не можемъ ради ея и устъ раскрыть, то какъ же имъ не осуждать насъ въ слабости нашего исповѣданія, какъ не подозрѣвать въ насъ обмана и заблужденія, какъ не хулить Христа, будто лицемѣра и обманщика, который для обмана воспользовался неразуміемъ простыхъ людей? А въ такой хулѣ виновны мы, какъ скоро не хотимъ потрудиться въ изученіи своей вѣры, но, считая это дѣло лишнимъ, заботимся только о земномъ. Какой-нибудь любитель плясуна, или бѣгуна, или бойца со звѣрьми всячески старается о томъ, чтобы не уступить состязаясь о нихъ, расточаетъ имъ похвалы, защищаетъ противъ порицателей ихъ и тысячью ругательствъ поражаетъ противниковъ. Но когда предстоитъ рѣчь въ защиту христіанства, всѣ потупляютъ глаза въ землю, почесываются, зѣваютъ и осмѣянные отступаютъ. Какого негодованія заслуживаетъ это, когда у васъ Христосъ представляется ниже плясуна, когда вы собираете тысячи доводовъ въ защиту того, что дѣлаютъ для плясуна, не смотря на то, что они люди самые презрѣнные, а въ защиту Христовыхъ чудесъ, привлекшихъ всю вселенную, не хотите даже ничего подумать, или сколько-нибудь позаботиться? Мы вѣруемъ въ Отца и Сына и Святаго Духа, въ воскресеніе тѣлъ, въ жизнь вѣчную. Теперь, если кто-нибудь изъ язычниковъ спроситъ: кто этотъ Отецъ, кто Сынъ, кто Духъ Святый? или: какъ-де вы сами, признавая трехъ боговъ, обвиняете насъ въ многобожіи?—что вы скажете, что будете отвѣчать? Какъ отра-

зите такое возраженіе? А что, если вы будете молчать, а вамъ предложатъ другой вопросъ: какое это воскресеніе? Въ этомъ ли тѣлѣ мы снова возстанемъ, или въ другомъ? Если въ этомъ, то зачѣмъ же оно должно разрушиться? Что вы на это скажете? А если еще спросятъ: для чего Христосъ пришелъ нынѣ, а не прежде? Или Онъ нынѣ только восхотѣлъ промышлять о людяхъ, а во все прочее время не имѣлъ попеченія о насъ? Если станутъ допытываться, кромѣ этого, и еще о многомъ другомъ? Но намъ нѣтъ нужды предлагать дальнѣйшіе вопросы и оставлять ихъ не рѣшенными, чтобы не повредить чрезъ то болѣе прос-
113 тымъ людямъ. А сказаннаго нами достаточно, чтобы отогнать отъ васъ сонъ. Въ самомъ дѣлѣ, что, если васъ станутъ испытывать въ этихъ предметахъ, а вы не въ состояніи будете даже выслушивать такихъ рѣчей? Малому ли, скажи мнѣ, наказанію мы подвергнемся, дѣлаясь причиною такихъ заблужденій для людей, сѣдящихъ во тьмѣ? Я хотѣлъ бы, если у васъ довольно досуга, показать всѣмъ вамъ написанную противъ насъ однимъ безбожнымъ языческимъ философомъ книгу, и еще другимъ, старѣе его, чтобы возбудить васъ и отвлечь отъ такой недѣятельности. Если они такъ неусыпны въ своихъ нареканіяхъ на насъ, то можемъ ли мы заслуживать какое-нибудь прощеніе, когда не будемъ умѣть отражать ихъ нападенія? Для чего же мы и приведены (въ Церковь)? Не слышишь ли, что говоритъ апостолъ: *готови будете присно ко отвѣту всякому вопрошающему вы словесе о вашемъ упованіи* (1 Петр. ш, 15)? И Павелъ тоже внушаетъ, говоря: *слово Христово да вселяется въ васъ богатно* (Колос. ш, 16). Что скажутъ на это люди, которые безсмысленнѣе трут-
114 ней? „Благословенна всякая душа простая"; также: *иже ходитъ просто, ходитъ надѣяся* (Притч. х, 9). Но все зло — оттого, что многіе не умѣютъ даже кстати приводить свидѣтельствъ Писанія. Премудрый въ этомъ мѣстѣ говоритъ не о глупомъ человѣкѣ, не о томъ, который ничего не знаетъ, но о человѣкѣ незлобивомъ, не лукавомъ, благоразумномъ. А если бы было иначе, то напрасно было бы сказано: *будите мудри яко змія, и цѣли яко голубіе* (Матө. х, 16). Но для чего намъ распространяться объ этомъ, когда это слово ни къ чему не ведетъ? Кромѣ того, что теперь сказано, мы не дѣлаемъ и ничего другого, что относится къ жизни и дѣятельности, но во всѣхъ отношеніяхъ мы — люди жалкіе и достойные осмѣянія. Обвинять другъ друга мы всегда готовы, а исправлять то, въ чемъ сами виновны и подлежимъ обличенію, на это мы всегда медленны. Итакъ, умоляю васъ — не ограничиваться только взаимнымъ обвиненіемъ. Этого не достаточно для умилостивленія Бога. Но постараемся показать во

всемъ перемѣну на лучшее, чтобы пожить во славу Божію, насладиться и самимъ будущею славой, которой и да сможемъ достигнуть всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVIII.

Во утрій же паки стояше Іоаннъ, и отъ ученикъ его два. И узрѣвъ Іисуса грядуща, глагола: се Агнецъ Божій. И слышаста его оба ученика глаголющаго и по немъ идоста (Іоан. I 35, 37).

1. Безпечна природа человѣческая и легко увлекается къ погибели не отъ того, что она такъ создана, а отъ произвольнаго нерадѣнія Поэтому-то надобно много увѣщевать ее. И Павелъ, пиша филиппійцамъ, по этому побужденію говорить: *тѣяжде писати мнѣ не лѣностно, вамъ же твердо* (Фил. III, 1). Земля, принявъ однажды сѣмена, скоро воздаетъ плоды и не требуетъ вторичнаго сѣянія; но душа наша не такова. Желательно, по крайней мѣрѣ, чтобы сѣющій часто и прилагающій къ тому много попеченія хотя однажды получилъ плодъ. И прежде всего, предлагаемое ученіе не легко напечатлѣвается въ душѣ, потому что въ ней много окаменѣлости, она объята безчисленнымъ терніемъ, а кромѣ того много навѣтниковъ, которые похищаютъ эти сѣмена. Затѣмъ, когда сѣмя внѣдрится и укоренится, оно требуетъ опять такой же заботы, чтобы могло взойти въ ростъ, а взошедши, оставалось бы въ цѣлости и не потерпѣло отъ чего-либо вреда. Впрочемъ въ земныхъ сѣменахъ, когда колосъ достигнетъ зрѣлости и получитъ надлежащую силу, онъ уже не боится ни зловредной росы, ни зноя и ничего другого; но въ дѣлѣ ученія не такъ. Здѣсь и послѣ того, какъ все вполнѣ бываетъ устроено, часто одна непогода и буря повреждаетъ все, при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ, при навѣтахъ коварныхъ людей, или при стеченіи другихъ различныхъ искушеній. Это мы говоримъ не безъ цѣли, а для того, чтобы ты, услыша повтореніе Іоанномъ однихъ и тѣхъ же словъ, не обвинилъ его въ суесловіи и не счелъ его человѣкомъ пустымъ и скучнымъ. Онъ конечно желалъ, чтобы и однажды сказанное имъ было услышано, но какъ вначалѣ не многіе вняли сказанному, по причинѣ глубокаго усып- 114
ленія, то вотъ повтореніемъ одного и того же онъ снова пробуждаетъ ихъ. Смотри: онъ говорилъ: *иже по мнѣ грядый предо*

мною бысть, и: *нѣсмь достоинъ, да отрѣшу ремень сапогу Его*, также: *той вы крестить Духомъ Святымъ и огнемъ*, и: *Духъ видѣ сходящъ, яко голубь, и пребывающъ на Немъ, и свидѣтельствова, яко сей есть Сынъ Божій* (Іоан. I, 27—34). Но между тѣмъ никто не вникалъ ему, никто не спрашивалъ: что это ты говоришь, и о комъ, и для чего? Потомъ онъ сказалъ еще: *се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра*,—однакожъ и этимъ не вывелъ ихъ изъ безчувственности. Такимъ образомъ онъ принужденъ былъ повторять одно и тоже, какъ бы грубую и затвердѣлую землю смягчая новою запашкой и словомъ, точно плугомъ, поднимая подавленную душу, чтобы бросить сѣмена въ глубину ея. Потому-то Креститель и не распространяетъ своего слова, заботясь только объ одномъ—чтобы ихъ привести и присоединить ко Христу. Онъ зналъ, что, если только они примутъ Его и увѣруютъ, то уже не будутъ имѣть нужды въ другомъ свидѣтелѣ о Немъ. Такъ и случилось. Если самаряне, послушавъ Христа, говорятъ женѣ самарянской: *не ктому за твою бесѣду вѣруемъ: сами бо вѣмы, яко сей есть воистину Спасъ міру Христосъ* (Іоан. IV, 42); то гораздо скорѣе могли быть обращены ко Христу ученики (Іоанна), какъ дѣйствительно и было. Они, пришедши (ко Христу) и послушавъ Его одинъ вечеръ, уже не возвращались къ Іоанну, но такъ предались Христу, что приняли на себя и служеніе Іоанна и сами стали проповѣдывать о Христѣ. *Обрѣте бо сей брата своего Симона, и глагола ему: обрѣтохомъ Мессію глаголемаго Христа* (Іоан. I, 41). Обрати вниманіе и на слѣдующее: когда Іоаннъ
115 говорилъ: *по мнѣ грядый предо мною бысть*, и: *нѣсмь достоинъ отрѣшити ремень сапогу Его*, то не уловилъ никого; какъ же скоро сталъ бесѣдовать объ устроеніи нашего спасенія и бесѣдовать словомъ болѣе простымъ, то ученики его послѣдовали за Христомъ. Но не это одно надлежитъ взять во вниманіе, а и то, что не столь многіе приводятся (ко Христу) тогда, когда говорятъ имъ о Богѣ что-нибудь великое и возвышенное, какъ тогда, когда говорятъ о благости, человѣколюбіи Его и о томъ, что относится ко спасенію слушающихъ. Вотъ услышали, что Онъ вземлетъ грѣхи міра,—и тотчасъ поспѣшили къ Нему. Если можно, говорятъ они, омыть свои грѣхи,—для чего же медлить? Вотъ предстоитъ Тотъ, кто освободитъ насъ отъ нихъ безъ труда. Не крайне ли безразсудно отлагать до другого времени такой даръ? Да слышатъ это оглашенные, отлагающіе свое спасеніе до послѣдняго издыханія. *Паки стояше Іоаннъ и глагола: се Агнецъ Божій*. Христосъ ничего не говоритъ, а все Креститель. Такъ бываетъ съ женихомъ. Не самъ онъ тотчасъ начинаетъ говорить съ невѣстою, но стоитъ въ молчаніи, и другіе указываютъ

его и вручаютъ ему невѣсту; и когда она является, онъ не самъ по себѣ принимаетъ ее и уводитъ, но другой ему передаетъ ее. Когда же приметъ изъ рукъ другихъ, то уже такъ располагаетъ ее къ себѣ, что она не вспоминаетъ и сочетавшихъ ее съ нимъ. Такъ было и со Христомъ. Пришелъ Онъ обручить себѣ Церковь, — и вначалѣ ничего не говорилъ самъ, а только предстоялъ; другъ же Его Іоаннъ подалъ Ему десницу этой невѣсты, вручивъ Ему чрезъ свое слово души людей. Но, принявъ ихъ, Христосъ такъ расположилъ ихъ къ себѣ, что они уже не возвращались къ тому, кто вручилъ ихъ.

2. Не это только, но и другое нѣчто надлежитъ здѣсь замѣтить. Какъ, при заключеніи браковъ, не дѣвица приходитъ къ жениху, а онъ спѣшитъ къ ней, хотя бы это былъ сынъ царя и хотя бы онъ хотѣлъ взять за себя изъ бѣднаго и низшаго сословія, хотя бы рабу, — такъ было и здѣсь. Не естество человѣческое восходило на небо; но самъ (Богъ) снизошелъ къ нему — презрѣнному и убогому. По совершеніи же брака, Онъ уже не дозволилъ ему оставаться здѣсь, но, воспринявъ его на Себя, ввелъ въ домъ отчій. Но для чего Іоаннъ не отдѣльно беретъ своихъ учениковъ и не особо говоритъ съ ними о Христѣ, чтобы такимъ образомъ передать ихъ Христу, а въ присутствіи всего народа говоритъ имъ: *се Агнецъ Божій*? Для того, чтобы это не казалось дѣломъ его умысла. Если бы они пошли ко Христу, будучи особо убѣждены Іоанномъ и какъ бы изъ угожденія ему самому, то они также скоро могли бы и отступить отъ Христа; но теперь, рѣшившись послѣдовать Христу по силѣ ученія, обращеннаго ко всѣмъ вообще, ученики Іоанна пребыли твердыми въ этомъ, такъ какъ послѣдовали не изъ угожденія учителю, а по собственному усердію и ради своей пользы. Всѣ пророки и апостолы проповѣдывали Христа въ Его отсутствіи: одни — до Его пришествія во плоти, другіе — по Его вознесеніи; одинъ Іоаннъ проповѣдывалъ о Немъ въ Его присутствіи. Потому онъ и называется другомъ жениха, — такъ какъ онъ одинъ 116
присутствовалъ на бракѣ; онъ все это устроилъ и совершилъ; онъ положилъ начало этому дѣлу. *И узрѣвъ Іисуса грядуща, глагола: се агнецъ Божій*. Онъ говорилъ это, показывая, что не голосомъ только, но и очами свидѣтельствуетъ. Онъ удивлялся Христу, въ радости и восторгѣ; и не тотчасъ обращаетъ слово убѣжденія къ ученикамъ, но сперва только удивляется и предается изумленію, при явленіи Христа; показываетъ всѣмъ и даръ, съ которымъ Онъ пришелъ, и образъ искупленія. Слово „агнецъ" выражаетъ то и другое. И не сказалъ Іоаннъ: *имѣющій взять*, или: *взявшій*, но: *вземлющій* грѣхи міра, какъ бы Христосъ всегда это

дѣлалъ. Въ самомъ дѣлѣ, Онъ не тогда только принялъ на себя грѣхъ, когда пострадалъ, но съ того времени и доселѣ вземлетъ грѣхи, не такъ, какъ бы всегда былъ распинаемъ (Онъ однажды принесъ жертву за грѣхи), а такъ, какъ этою одною жертвою Онъ всегда очищаетъ грѣхи. Такимъ образомъ какъ наименованіе Его *Словомъ* показываетъ превосходство Его естества, а имя *Сына* выражаетъ отличіе Его отъ другихъ существъ, такъ и слова: *агнецъ, Христосъ, пророкъ, свѣтъ истинный, пастырь добрый* и другія, употребляемыя о Немъ, выраженія съ прибавленіемъ члена (ὁ) показываютъ большое различіе ихъ отъ обыкновенныхъ выраженій. Много было агнцевъ, пророковъ, христовъ [1]), сыновъ; но Іоаннъ представляетъ большое различіе между Нимъ и всѣми тѣми. И это онъ утвердилъ не прибавленіемъ только члена, но и приложеніемъ слова: *единородный*,—такъ какъ Христосъ не имѣетъ ничего общаго съ тварію. Если же кому кажется неблаговременнымъ то, что слова эти сказаны были въ десятомъ часу (таково было время дня: *бѣ же часъ*, сказано, *яко десятый*, — ст. 39), то, по моему мнѣнію, такой очень погрѣшаетъ. Для многихъ людей, раболѣпствующихъ плоти, конечно, время послѣ насыщенія не совсѣмъ удобно къ дѣламъ важнымъ, потому что душа отягощена пищею. Но то былъ мужъ, не употреблявшій даже обыкновенной пищи, который и вечеръ проводилъ съ такою же трезвенностію, съ какою мы — утро, или лучше сказать, гораздо большею (потому что у насъ нерѣдко остатки вечерней пищи наполняютъ грезами душу, а онъ ничѣмъ такимъ не обременялъ этого судна); поэтому и не удивительно, что Іоаннъ и въ вечернее время бесѣдовалъ о такихъ предметахъ. Притомъ же онъ и жилъ въ пустынѣ близъ Іордана, куда всѣ съ большимъ страхомъ приходили для крещенія, мало заботясь въ то время о дѣлахъ житейскихъ, какъ и со Христомъ народъ пробылъ три дня, оставаясь безъ пищи. Долгъ усерднаго проповѣдника, какъ и заботливаго земледѣльца — не оставлять своего дѣла, пока не увидитъ, что всажденное слово укоренилось. Но почему Іоаннъ не прошелъ всей Іудеи съ проповѣдью о Христѣ, а оставался при рѣкѣ, ожидая Его пришествія, чтобы потомъ, когда Онъ придетъ, указать Его народу? Іоаннъ хотѣлъ, чтобы самыя дѣла свидѣтельствовали о Христѣ, а особенная цѣль Іоанна была та, чтобы только огласить Его пришествіе и убѣдить хотя нѣкоторыхъ — послушать Живота вѣчнаго. Бо́льшее же свидѣтельство Іоаннъ оставляетъ самому Христу, именно свидѣтельство

[1]) Χριστοί—въ общемъ значеніи: *помазанные*, каковы были первосвященники, цари, и пр.

дѣлъ, какъ и самъ Христосъ говоритъ: *Азъ не отъ человѣка пріемлю свидѣтельство; дѣла, яже даде Мнѣ Отецъ, та свидѣтельствуютъ о Мнѣ* (Іоан. v, 36). Смотри же, какъ такое свидѣтельство было сильно. Іоаннъ бросилъ только малую искру — и вдругъ пламя поднялось въ высоту. Тѣ, которые дотолѣ даже не внимали словамъ Іоанна, наконецъ говорятъ: *вся, елика рече Іоаннъ, истинна суть* (Іоан. x, 42).

3. Въ противномъ случаѣ, если бы т. е. Іоаннъ проповѣдывалъ, обходя всю Іудею, могло бы казаться, что это дѣлается по 117
видамъ человѣческимъ, и проповѣдь была бы подозрительною. *И слышасте его оба ученика, и по Іисусѣ идоста* (ст. 37). Были у Іоанна и другіе ученики; но они не только не послѣдовали за Христомъ, а еще и съ завистію смотрѣли на Него. *Равви*, говорили они Іоанну, *иже бѣ съ тобою обонполъ Іордана, ему же ты свидѣтельствовалъ еси, се сей крещаетъ, и вси грядутъ къ нему* (Іоан. ш, 6); и въ другой разъ они являются съ обвиненіемъ: *почто мы постимся, ученицы же твои не постятся* (Матѳ. ix, 14)? Но лучшіе изъ нихъ такъ не дѣлали, а какъ скоро услышали о Христѣ, послѣдовали за Нимъ. Да и послѣдовали они не изъ презрѣнія къ своему учителю, но наиболѣе изъ послушанія ему, и представили величайшее доказательство того, что они такъ поступили по здравому убѣжденію. Они сдѣлали это, не будучи побуждаемы къ тому, что было бы подозрительно, а послѣдовали за Христомъ потому только, что Іоаннъ предрекалъ о Немъ, что Онъ будетъ крестить Духомъ Святымъ. Итакъ, они не оставили своего учителя, но захотѣли узнать, даруетъ ли Христосъ что-либо больше, чѣмъ Іоаннъ. И замѣть, какъ ихъ заботливость соединялась съ кромностію. Не вдругъ они пришли и стали вопрошать Іисуса о предметахъ важныхъ и необходимыхъ; и не открыто въ присутствіи всѣхъ, и не мимоходомъ и какъ случилось они хотѣли бесѣдовать съ Нимъ, но — наединѣ. Они знали, что слова ихъ учителя выражали не одно смиреніе, а чистую истину. *Бѣ же*, сказано, *Андрей братъ Симона Петра, единъ отъ обоихъ слышавшихъ отъ Іоанна, и по Немъ шедшихъ* (ст. 40). Почему евангелистъ не означилъ имени и другого ученика? Нѣкоторые объясняютъ тѣмъ, что этотъ ученикъ, послѣдовавшій за Христомъ, былъ тотъ же, который и написалъ объ этомъ; другіе же думаютъ не такъ, а что онъ не былъ изъ числа избранныхъ учениковъ, евангелистъ же говорилъ только о лицахъ, болѣе замѣчательныхъ. Но что пользы узнавать имя этого ученика, когда не сказаны имена и семидесяти двухъ учениковъ? Тоже можно видѣть и у Павла. *Послахомъ съ нимъ*, говоритъ онъ, *и брата нашего во многихъ многащи тщалива суща, егоже похвала во евангеліи* (2 Кор. viii, 18). А объ Андреѣ упомянуто еще и по

другой причинѣ. Какая же это причина? Та, чтобы ты, зная, какъ Симонъ съ Андреемъ, лишь услышали: *грядита по Мнѣ, и сотворю вы ловца человѣкомъ* (Матѳ. VI, 19), не усомнились объ этомъ необычномъ обѣтованіи,—чтобы, говорю, ты зналъ и то, что начатки вѣры еще прежде Симона положены братомъ его. *Обращся же Іисусъ, и видѣвъ я по себѣ идуща, глагола има: чесо ищета* (ст. 38)? Отсюда мы научаемся, что Богъ Своими дарами не предваряетъ нашихъ желаній, но когда мы начнемъ, когда обнаружимъ желаніе, тогда и Онъ подаетъ намъ многіе способы къ спасенію. *Чесо ищета?* Что это значитъ? Ему ли вѣдущему сердца людей, проникающему въ наши помышленія,—спрашивать? Но Онъ спрашиваетъ не для того, чтобы узнать (какъ это возможно?), а чтобы вопросомъ еще болѣе приблизить ихъ къ себѣ, сообщить имъ болѣе дерзновенія и показать, что они достойны бесѣдовать съ Нимъ. Они, вѣроятно, стыдились и страшились, какъ люди незнакомые съ Нимъ и только отъ своего учителя слышавшіе свидѣтельство о Немъ. Чтобы уничтожить въ нихъ все это—стыдъ, страхъ, Онъ самъ спрашиваетъ ихъ и не оставляетъ ихъ
118 въ молчаніи идти до Его жилища. Впрочемъ, можетъ быть, тоже было бы, если бы Онъ и не предложилъ вопроса, потому что они не перестали бы идти за Нимъ и по Его слѣдамъ пришли бы къ Его жилищу. Для чего же Онъ спрашиваетъ ихъ? Для того, какъ я сказалъ, чтобы успокоить ихъ смущенное и неспокойное сердце и внушить имъ дерзновеніе. Между тѣмъ они выразили свою преданность Христу не въ послѣдованіи только за Нимъ, а и въ самомъ вопросѣ. Не будучи еще учениками Его и ничего не слыша отъ Него, они уже называютъ Его учителемъ, причисляютъ себя къ Его ученикамъ и показываютъ причину, по которой они послѣдовали за Нимъ, именно,—что желали услышать отъ Него что-либо полезное. Замѣть же и благоразуміе ихъ. Они не говорили: научи насъ догматамъ или чему-либо другому нужному, а—что? *Гдѣ живеши?* Они, какъ я выше сказалъ, хотѣли въ уединеніи бесѣдовать съ Нимъ о чемъ-либо, послушать Его, научиться отъ Него; поэтому они и не отлагаютъ своего намѣренія, не говорятъ: придемъ на другой день и послушаемъ Тебя, когда Ты будешь говорить въ собраніи народа,—но показываютъ все свое усердіе къ слушанію, такъ что не удерживаются отъ того и самымъ временемъ. Солнце уже склонялось къ западу: *часъ же бѣ, яко десятый*, сказано. Поэтому и Христосъ не сказываетъ имъ примѣтъ своего жилища, не назначаетъ мѣста для бесѣды, а только болѣе и болѣе привлекаетъ ихъ къ слѣдованію за Нимъ, показывая, что принимаетъ ихъ къ Себѣ. Поэтому также Онъ не сказалъ и ничего въ родѣ того:

теперь не время вамъ идти въ мое жилище, завтра, если хотите услышать что-нибудь, а теперь ступайте домой; но бесѣдуетъ съ ними какъ съ друзьями и людьми, уже долгое время бывшими съ Нимъ. Отчего же Онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *Сынъ человѣческій не имать, гдѣ главу подклонити* (Лук. IX, 58). а здѣсь: *пріидите и видите, гдѣ живу* (ст. 39)? Но слова: *не имать, гдѣ главу подклонити*, показываютъ, что Онъ не имѣлъ собственнаго пристаница, а не то, чтобы Онъ не жилъ ни въ какомъ домѣ. На это и указываетъ приточное выраженіе. Далѣе евангелистъ говоритъ, что они пробыли у Него тотъ день, а — для чего, объ этомъ онъ не замѣчаетъ, потому что цѣль сама по себѣ ясна. Не для чего другого и они послѣдовали за Христомъ, и Христосъ ихъ привлекалъ къ Себѣ, какъ для назиданія; и они въ одну ночь насладились Его ученіемъ въ такомъ обиліи и съ такою охотою, что немедленно оба пошли привлекать и другихъ ко Христу.

4. Отсюда научимся и мы предпочитать всему слушаніе божественнаго ученія, и никакого времени не будемъ считать для того неудобнымъ; но, хотя бы нужно было войти въ чужой домъ, хотя бы тебѣ незнакомому надлежало знакомиться съ знатными людьми, хотя бы и несвоевременно или—въ какое бы то ни было время, никогда не будемъ упускать такого пріобрѣтенія. Пища, вечери, бани и прочія житейскія дѣла пусть имѣютъ опредѣленное для себя время, изученіе же горняго любомудрія не должно имѣть никакихъ опредѣленныхъ часовъ: ему должно принадлежать всякое время. *Благовременнѣ*, сказано, *и безвременнѣ обличи, запрети, умоли* (2 Тим. IV, 2). И пророкъ говоритъ: *въ законѣ Его поучится день и нощь* (Ис. I, 2). И Моисей повелѣвалъ іудеямъ дѣлать то во всякое время. Дѣла житейскія,—разумѣю бани, вечери,—если и нужны, то, бывая часто, разслабляютъ тѣло; но назиданіе души, чѣмъ болѣе умножается, тѣмъ болѣе крѣпкою дѣлаетъ душу, принимающую его. Нынѣ все время мы проводимъ въ пустомъ и вздорномъ суесловіи, сходимся для того и на разсвѣтѣ, и поутру, и въ полдень, и въ вечеръ, даже назначаемъ 119
для этого особыя мѣста; а божественные догматы слушая однажды или дважды въ седмицу, мы тяготимся и устаемъ. Отчего? Оттого, что худо располагаемъ свою душу: мы вовсе уничтожаемъ въ ней охоту и ревность къ такимъ предметамъ. Поэтому въ насъ нѣтъ и стремленія къ духовной пищѣ. Кромѣ другихъ признаковъ болѣзни,—сильно доказываетъ ее и то, когда не хочется ни ѣсть, ни пить, а къ тому и другому чувствуемъ отвращеніе. Если же это, когда случается въ тѣлѣ, служитъ признакомъ тяжкаго недуга и производитъ ослабленіе, то тѣмъ болѣе, когда

случается въ душѣ. Какъ же намъ укрѣпить ее, падшую, изнемогшую? Какими дѣлами, какими словами? Обратимся къ словамъ божественнымъ, пророческимъ, апостольскимъ и всѣмъ другимъ. Тогда мы узнаемъ, что гораздо лучше питаться этими словами, чѣмъ нечистыми снѣдями,—такъ надобно назвать безвременныя сходбища и разглагольствія. Что лучше, скажи мнѣ: о дѣлахъ ли народныхъ, судебныхъ, военныхъ бесѣдовать, или о предметахъ небесныхъ и о томъ, что имѣетъ быть по отшествіи нашемъ отсюда? Что лучше: говорить ли о сосѣдѣ и его дѣлахъ и вообще заниматься чужими дѣлами, или бесѣдовать объ ангелахъ и предметахъ, касающихся нашей собственной пользы? Дѣла сосѣда тебя вовсе не касаются; а предметы небесные относятся и къ тебѣ. Да объ этомъ, говорятъ, можно за одинъ разъ все высказать. Но почему же вы не думаете такъ о томъ, о чемъ ведете пустыя и напрасныя бесѣды между собою, но, употребляя на это всю жизнь, никогда не истощаете предметовъ для такихъ бесѣдъ? Я еще не говорю о томъ, что гораздо хуже этого. О тѣхъ предметахъ говорятъ между собою люди еще скромные; а болѣе праздные и безпечные въ своихъ разговорахъ кружатся около шутовъ, плясуновъ, бѣгуновъ, оскверняя свой слухъ, растлѣвая душу въ такихъ разговорахъ, упояя сладострастіемъ свое естество и внося въ свое воображеніе такою бесѣдою всякіе по-
120 рочные образы. Какъ только языкъ выговорилъ имя плясуна, душа тотчасъ представляетъ себѣ его лице, волосы, тонкую одежду и его самого, который изнѣженнѣе всего этого. Другой еще иначе возбуждаетъ въ душѣ пламень, вводя въ разговоръ блудную женщину, ея слова, одежду, распутные глаза, сладострастные взгляды, плетенія волосъ, натираніе лица, подкрашиваніе рѣсницъ. Да не чувствуете ли вы чего-нибудь страшнаго уже при моемъ разсказѣ объ этомъ? Но не стыдитесь и не краснѣйте: это уже неизбѣжное, естественное дѣло, что сила разсказа имѣетъ такое вліяніе на душу. Если же только при моемъ разсказѣ, ежели, стоя въ церкви и вдали отъ такихъ предметовъ, вы уже чувствуете нѣчто отъ одного слушанія, то подумай, что должно происходить съ тѣми, которые сидятъ на самомъ зрѣлищѣ, съ полною свободою, внѣ этого почтеннаго и важнаго собранія, и съ большимъ безстыдствомъ смотрятъ и слушаютъ, что тамъ дѣлается. Да за что же, скажетъ кто-либо изъ невнимательныхъ, за что ты насъ обвиняешь, упуская изъ виду, что это дѣло естественное и уже необходимо, какъ ты говоришь, имѣетъ такое вліяніе на душу? Но что слушающій это изнѣживается,—вотъ дѣло естественное; а слушать это—не природы дѣло, а воли грѣхъ. Что приближающійся къ огню долженъ потер-

пѣть вредъ, это необходимо и это есть слѣдствіе немощи естества, но не самое же естество влечетъ насъ къ огню и вреду, отъ него происходящему: это зависитъ единственно отъ извращенной воли. Вотъ и я хочу, чтобы этого не было, чтобы это было исправлено, чтобы вамъ ни произвольно не пасть въ пропасть, ни низвергнуться въ пучину зла, ни противъ воли не набѣжать на огонь, и такимъ образомъ не сдѣлать себя повинными пламени, уготованному для діавола. Итакъ, да сподобимся всѣ мы, освободившись отъ него, перейти въ нѣдра Авраама, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIX.

Обрѣте сей прежде брата своего Симона и глагола ему: обрѣтохомъ Мессію, еже есть сказаемо Христосъ: и приведе его ко Іисусови (Іоан. I, 41, 42).

1. Богъ вначалѣ, создавъ человѣка, не оставилъ его 119
одного, но далъ ему въ помощь жену и повелѣлъ имъ жить вмѣстѣ, такъ какъ зналъ, что отъ этого сожительства можетъ произойти много пользы. Что же, если жена воспользовалась этимъ благодѣяніемъ не такъ, какъ слѣдовало? Если кто вникнетъ въ сущность этого дѣла, то увидитъ, что отъ сожительства бываетъ много пользы для людей благоразумныхъ. Впрочемъ не только отъ сожительства мужа съ женой, но если и братья живутъ вмѣстѣ, то и они получаютъ отсюда пользу. Потому и пророкъ говорилъ: *что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ* (Пс. CXXXII, 1)? И Павелъ увѣщевалъ не оставлять взаимнаго общенія. Этимъ-то мы и отличаемся отъ звѣрей. Мы строимъ и города и торжища и домы для того, чтобы быть вмѣстѣ другъ съ другомъ не въ жилищѣ только, но и въ союзѣ любви. Наша природа создана Творцемъ такъ, что имѣетъ разныя нужды, а сама для себя недостаточна; поэтому Богъ и устроилъ такъ, 120
чтобы нужды, происходящія отсюда, исправляемы были пользою, проистекающею изъ общежитія. Потому установленъ и бракъ такъ, что, чего недостаетъ у одного, то восполняетъ другой, и такимъ образомъ удовлетворяются потребности природы, и хотя она создана смертною, сохраняетъ однакожъ на долгое время безсмертіе по преемству. Могъ бы я остановиться далѣе на этомъ предметѣ и показать, сколько пользы для людей происходитъ отъ взаимной, близкой и искренней связи между собою. Но намъ

предстоитъ теперь другое нѣчто, для чего собственно и заговорилъ я объ этомъ. Андрей, пробывъ у Іисуса и научившись отъ Него, сколько успѣлъ, не удерживаетъ у себя этого сокровища, но поспѣшаетъ, тотчасъ бѣжитъ къ брату, чтобы подѣлить съ нимъ пріобрѣтенныя блага. Но для чего Іоаннъ не сказалъ, о чемъ бесѣдовалъ съ ними Христосъ? И откуда видно, что они именно для того и были у Него? Это уже и прежде показали мы; но это можно узнать и изъ нынѣшняго чтенія. Замѣть, что Андрей говоритъ своему брату. *Обрѣтохомъ Мессію, еже есть сказаемо*
124 *Христосъ*. Видишь ли, — онъ здѣсь показываетъ, сколько узналъ въ краткое время? Онъ выражаетъ этимъ и силу Учителя, убѣдившаго ихъ въ томъ, и собственную свою ревность, съ какою они издавна съ самаго начала заботились о томъ. Самое выраженіе: *обрѣтохомъ* показываетъ душу, томившуюся желаніемъ видѣть Христа, ожидавшую сошествія Его свыше, и исполненную радости, когда предметъ ея ожиданій явился, и наконецъ поспѣшившую радостную вѣсть объ этомъ сообщить другимъ. Въ дѣлахъ духовныхъ подавать другъ другу руку — признакъ братской любви, родственной дружбы, искренняго благорасположенія. Обрати вниманіе и на то, что и онъ говоритъ о Мессіи съ прибавленіемъ члена. Не сказалъ просто: *Мессію*, но Мессію *ожидаемаго* [1]). Такимъ образомъ они ожидали одного Христа, не имѣющаго ничего общаго съ другими [2]). Смотри же, и какъ Петръ съ самаго начала обнаруживаетъ въ себѣ душу благопокорливую и благопослушную. Онъ тотчасъ спѣшитъ къ Іисусу, нимало не медля. *Приведе* его, сказано, *къ Іисусу*. Но никто не обвиняй его въ легкомысліи, если онъ принялъ слова брата, безъ дальнихъ изслѣдованій. Вѣроятно, и братъ говорилъ ему объ этомъ много и обстоятельно, но евангелисты обыкновенно многое представляютъ вкратцѣ, заботясь о краткости. Притомъ и не сказано, что Петръ просто повѣрилъ, а только—что Андрей *привелъ его къ Іисусу*, желая представить Ему брата, чтобы тотъ все узналъ отъ Него самого. Притомъ съ ними былъ еще и другой ученикъ и содѣйствовалъ тому. Если же самъ Іоаннъ Креститель, сказавъ о Христѣ, что это—Агнецъ и что Онъ крещаетъ Духомъ, яснѣйшее ученіе о Немъ предоставилъ своимъ ученикамъ узнать отъ Него самого, тѣмъ болѣе долженъ былъ сдѣлать это Андрей, чувствуя себя не въ состояніи объяснить все. Поэтому онъ и повлекъ своего брата къ самому источнику свѣта, съ такимъ

[1]) τὸν Μεσσίαν.

[2]) Т. е. съ тѣми лицами, которые въ Св. Писаніи называются помазанниками въ общемъ значеніи этого слова.

тщаніемъ и радостью, что тотъ нисколько не колебался и не медлилъ. *И воззрѣвъ нань Іисусъ рече: ты еси Симонъ, сынъ Іонинъ; ты наречешися Кифа, еже сказуется Петръ* (ст. 42). Здѣсь (Христосъ) уже начинаетъ обнаруживать Свое божество и мало-по-малу открывать его въ Своихъ изреченіяхъ. Такъ Онъ это сдѣлалъ въ бесѣдахъ съ Наѳанаиломъ и съ женою самарянкою.

2. Пророчества не менѣе чудесъ убѣждаютъ, и притомъ не заключаютъ въ себѣ тщеславія. Чудеса еще подвергались превратнымъ толкамъ, по крайней мѣрѣ отъ людей неразумныхъ: о *Веельзевулѣ*, говорили они, *изгонитъ бѣсы* (Матѳ. xii, 24); но о пророчествахъ ничего подобнаго не было никогда говорено. Такимъ образомъ для Симона и Наѳанаила Христосъ употребилъ этотъ способъ наученія, а съ Андреемъ и Филиппомъ Онъ не такъ поступилъ. Почему же? Потому что они уже въ свидѣтельствѣ Іоанна получили не малую подготовку; а Филиппъ, кромѣ того, увидѣвъ предстоящихъ Христу, принялъ это за прямое доказательство для вѣры въ Него. *Ты еси Симонъ, сынъ Іонинъ; ты наречешися Кифа, еже сказуется Петръ.* Отъ настоящаго достовѣрнымъ дѣлается и будущее. Назвавшій отца Петрова, конечно, провидѣлъ и будущее. Предреченіе соединено здѣсь и съ похвалою; но это не было лестію, а предсказаніемъ будущаго, что видно изъ слѣдующаго. Припомни, съ какимъ сильнымъ обличеніемъ Онъ въ бесѣдѣ съ самарянкою даетъ видѣть ей свое прозрѣніе. *Пять мужей*, говоритъ Онъ, *имѣла еси: и нынѣ егоже имаши нѣсть ти мужъ* (Іоан. iv, 18). Такъ и Отецъ Его, возставая противъ почитанія идоловъ, много говоритъ о пророчествованіи. *Да возвѣстятъ вамъ, что имать на васъ пріити.* И въ другомъ мѣстѣ: 122
возвѣстихъ и спасохъ, и не бѣ въ васъ чуждь (Ис. xlvii, 14; xliii, 12). И это ставитъ на видъ во всемъ пророчествѣ. Пророчество есть по преимуществу дѣло Божіе, которому демоны даже подражать не могутъ, сколько бы ни усиливались. Въ чудесахъ еще можетъ быть и нѣкоторое обольщеніе; но предсказывать будущее съ точностію свойственно только одному вѣчному существу. Если же когда-либо и демоны это дѣлали, то только для обольщенія неразумныхъ; потому и провѣщаніе ихъ всегда легко изобличить во лжи. Между тѣмъ Петръ ничего не отвѣчаетъ на слова Христовы, — потому что еще ничего ясно не понималъ, а только поучался. Притомъ же и самое предсказаніе было еще не вполнѣ изречено. Христосъ не сказалъ: Я тебя переименую Петромъ, и на этомъ камнѣ (πέτρα) созижду Церковь мою, а сказалъ только: *ты наречешися Киѳа.* То переименованіе означало бы высшее достоинство и большую власть. Но Христосъ не вдругъ и не съ самаго начала выказалъ всю Свою власть, а до времени болѣе

смиренно бесѣдовалъ. Когда же Онъ далъ полное доказательство Своего божества, то уже съ бо́льшею властію говоритъ тоже: *блаженъ еси Симоне, яко Отецъ мой яви тебѣ.* И въ другомъ мѣстѣ: *тебѣ глаголю: ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь мою* (Матѳ. XVI, 17, 18). Такъ Христосъ наименовалъ Симона, а Іакова и брата его — сынами грома. Для чего же Онъ это дѣлаетъ? Онъ этимъ показываетъ, что Онъ Тотъ самый, кто и ветхій завѣтъ далъ и тогда имена перемѣнялъ, назвавъ Аврама Авраамомъ, Сару Саррою, Іакова Израилемъ, а многимъ еще отъ рожденія ихъ далъ имена, какъ-то: Исааку, Сампсону и лицамъ, о которыхъ упоминаютъ Исаія и Осія; нѣкоторымъ же перемѣнилъ имена, данныя отъ родителей, какъ-то: лицамъ, выше упомянутымъ, и Іисусу Навину. У древнихъ также было въ обычаѣ давать имена по обстоятельствамъ, какъ и Илія сдѣлалъ. И это было не безъ цѣли, а для того, чтобы самое наименованіе людей было для нихъ напоминаніемъ благодѣяній Божіихъ, чтобы, чрезъ выраженіе пророчества въ именахъ, оно тѣмъ лучше сохранялось въ умѣ слушающихъ. Такъ и Іоанну дано имя прежде его рожденія. Такъ люди, которые имѣли просіять добродѣтелію съ перваго возраста, получали имена и прежде рожденія; а тѣмъ, которые прославлялись впослѣдствіи, и прозваніе послѣ прилагалось.

8. Но тогда каждый получалъ особое имя; а нынѣ всѣ мы имѣемъ одно имя, которое важнѣе всѣхъ тѣхъ,—имя христіанъ, сыновъ и друзей Божіихъ, тѣла (Христова). Такое наименованіе больше всѣхъ тѣхъ можетъ возбуждать въ насъ усиленную ревность къ преспѣянію въ добродѣтели. Не будемъ же дѣлать ничего недостойнаго этого почетнаго наименованія, помышляя о высотѣ достоинства, по которому мы называемся Христовыми. Такъ назвалъ насъ Павелъ. Будемъ держать это въ мысли, будемъ уважать это великое имя. Если нѣкоторые, нося имя какого-либо знаменитаго полководца или другого какого-либо славнаго человѣка, высоко думаютъ о себѣ, слыша, что ихъ называютъ именемъ такого-то или такого-то, считаютъ это имя великимъ для себя достоинствомъ и всячески стараются о томъ, чтобы своимъ нерадѣніемъ не обезславить того, съ кѣмъ они тезоимениты, то мы, называющіеся по имени не полководца, не какого-либо начальника земного, не ангела, не архангела, не серафима, а самого Царя ихъ, не должны ли полагать и самую
123 душу, только бы не оскорбить Удостоившаго насъ такой почести? Развѣ вамъ не извѣстно, какою почестію пользуются отряды царскихъ щитоносцевъ и копьеносцевъ, окружающихъ царя? Такъ и мы, удостоенные быть близъ самого Царя и даже гораздо ближе къ Нему, чѣмъ упомянутые нами — къ своему царю, ближе

настолько, насколько близко тѣло къ головѣ, во всемъ должны поступать не иначе, какъ подражая Христу. А что говоритъ Христосъ? *Лиси язвины имутъ, и птицы небесныя гнѣзда: Сынъ же человѣческій не имать, гдѣ главу подклонити* (Лук. IX, 58). Если бы мы стали этого требовать отъ васъ, то это, можетъ быть, многимъ показалось бы дѣломъ труднымъ и тягостнымъ. Итакъ, ради вашей немощи, я оставляю эту строгость: а требую только, чтобы вы не имѣли пристрастія къ богатству, — и какъ, ради немощи многихъ, я не требую отъ васъ такой высокой добродѣтели, такъ убѣждаю васъ, и тѣмъ болѣе, удаляться пороковъ. Я не осуждаю тѣхъ, которые имѣютъ домы, поля, деньги, слугъ; а только хочу, чтобы они владѣли всѣмъ этимъ осмотрительно и надлежащимъ образомъ. Какимъ надлежащимъ образомъ? Какъ слѣдуетъ господамъ, а не рабамъ, т. е. владѣть богатствомъ, а не такъ, чтобы оно обладало вами, употреблять его, а не злоупотреблять. Деньги для того и существуютъ, чтобы мы употребляли ихъ на необходимыя потребности, а не берегли ихъ: это свойственно рабу, а то — господину. Стеречь — дѣло раба, а издерживать — дѣло господина, имѣющаго на то полную власть. Ты не для того получаешь деньги, чтобы закапывать ихъ въ землю, а чтобы раздавать ихъ. Если бы Богъ хотѣлъ, чтобъ они были сбережены, то не давалъ бы ихъ людямъ, а оставилъ бы
ихъ навсегда лежать въ землѣ. Но какъ Онъ хочетъ, чтобы онѣ 124
были издерживаемы, то и дозволилъ намъ имѣть ихъ — для передачи другъ другу. Если же мы удерживаемъ ихъ у себя, то мы уже не господа ихъ. А если ты для того удерживаешь ихъ, чтобъ умножить, то для этого самое лучшее средство расточать ихъ и всюду раздавать. Да и не можетъ быть прихода безъ расхода, или богатства безъ издержекъ. Это можно видѣть въ дѣлахъ житейскихъ. Такъ дѣлаетъ купецъ, такъ дѣлаетъ земледѣлецъ: одинъ тратитъ сѣмена, другой деньги. Одинъ плаваетъ по морю, расточая свои деньги, другой цѣлый годъ трудится, бросая сѣмена и работая. Между тѣмъ здѣсь не нужно ничего такого: не нужно ни корабля готовить, ни воловъ впрягать и пахать землю, ни безпокоиться о воздушныхъ непогодахъ, ни бояться града. Нѣтъ здѣсь ни волнъ, ни (подводныхъ) скалъ. Это плаваніе, это сѣяніе требуетъ только одного — бросать то, что у тебя есть; а все прочее совершитъ тотъ Земледѣлецъ, о которомъ Христосъ сказалъ: *Отецъ мой дѣлатель есть* (Іоан. XV, 1). Итакъ, не безразсудно ли предаваться лѣности и нерадѣнію тамъ, гдѣ можно получить все безъ труда, а показывать всю дѣятельность тамъ, гдѣ много трудовъ, заботъ и пота, и послѣ всего этого — еще невѣрная надежда? Не будемъ, умоляю васъ, такъ

неразумны въ дѣлѣ собственнаго спасенія, но, оставивъ дѣла тягостнѣйшія, поспѣшимъ на дѣла болѣе легкія и полезныя, чтобы достигнуть и будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XX.

Во утрій же восхотѣ Іисусъ изыти въ Галилею: и обрѣте Филиппа, и глагола ему: гряди по Мнѣ. Бѣ же Филиппъ отъ Виѳсаиды, отъ града Андреова и Петрова (Іоан. I, 43, 44).

123 *Во всякомъ пекущемся изобиліе* (Прит. XIV, 23), — говоритъ книга Притчей. Но Христосъ еще нѣчто болѣе внушаетъ намъ, когда говоритъ: *ищай обрѣтаетъ* (Матѳ. VII, 8). Поэтому мнѣ и кажется удивительно, какъ Филиппъ послѣдовалъ Христу. Андрей послѣдовалъ, услышавъ о Христѣ отъ Іоанна, Петръ — отъ Андрея; а Филиппъ ни отъ кого и ничего не зналъ о Немъ, но, какъ только Христосъ сказалъ ему: *гряди по Мнѣ*, Филиппъ немедленно повиновался Ему, и не только не оставилъ Его, а еще сдѣлался проповѣдникомъ о Немъ для другихъ. Поспѣшивъ къ Наѳанаилу, Филиппъ говоритъ ему: *егоже писа Моисей въ законѣ и пророцы, обрѣтохомъ* (ст. 45). Видишь ли, какую озабоченную имѣлъ онъ душу, какъ часто размышлялъ онъ о томъ, что писалъ Моисей, и какъ ожидалъ пришествія Христова? Слово: *обрѣтохомъ* показываетъ людей, которые постоянно ищутъ. *Во утрій* изыде *Іисусъ въ Галилею.* Онъ никого не призываетъ къ себѣ прежде, чѣмъ кто самъ присоединится къ Нему. И это дѣлаетъ не просто, но по свойственной Ему мудрости и разуму. Если бы никто не приходилъ къ Нему добровольно, а самъ Онъ привлекалъ къ Себѣ каждаго, то, быть можетъ, послѣ они и оставили бы Его. Но какъ они сами рѣшились на это, то и оставались уже тверды въ своемъ намѣреніи. Но Филиппа Онъ призываетъ, какъ человѣка болѣе другихъ извѣстнаго Ему. Рожденный
124 и воспитанный въ Галилеѣ, Филиппъ, конечно, зналъ Христа болѣе другихъ. Итакъ, пріобрѣвъ однихъ учениковъ, Христосъ идетъ на ловлю другихъ и привлекаетъ къ себѣ Филиппа и Наѳанаила. Обращеніе ко Христу Наѳанаила не такъ удивительно, потому что слухъ объ Іисусѣ проносился по всей Сиріи, какъ удивительно обращеніе Петра, Іакова и Филиппа, не потому только, что они увѣровали прежде, нежели видѣли чудеса Іисуса

Христа, но и потому, что они были изъ Галилеи, откуда ни одинъ пророкъ не приходилъ и не могло быть ничего добраго (ст. 46), такъ какъ галилеяне были народъ необразованный, дикій и грубый. Между тѣмъ Христосъ явилъ Свою силу и здѣсь, избравъ отъ земли, не приносившей никакого плода, достойнѣйшихъ учениковъ. Итакъ, вѣроятно, Филиппъ послѣдовалъ за Христомъ увидѣвъ и спутниковъ Петра и услышавъ (о Христѣ) отъ Іоанна. Вѣроятно также, и гласъ Христовъ произвелъ въ немъ свое дѣйствіе. Христосъ зналъ, кто будетъ для Него благопотребенъ. Но евангелистъ все это опускаетъ. Филиппъ зналъ, что Христосъ имѣлъ придти; а что Христосъ есть Іисусъ, этого не зналъ; я же думаю, что онъ слышалъ это или отъ Петра, или отъ Іоанна. Евангелистъ называетъ и селеніе Филиппа, чтобы показать, какъ *немощная міра избра Богъ* (1 Кор. I, 27). *Обрѣте Филиппъ Наѳанаила, и глагола ему: егоже писа Моисей въ законѣ и пророцы, обрѣтохомъ Іисуса, сына Іосифова, иже отъ Назарета* (ст. 45). Это онъ говоритъ для того, чтобы сообщить своей проповѣди достовѣрность, ссылаясь на Моисея и пророковъ, и тѣмъ 125
побудить слушателя къ вниманію. Наѳанаилъ былъ человѣкъ точный и во всемъ дознавалъ истину, какъ это и Христосъ засвидѣтельствовалъ и самое дѣло показало. Поэтому Филиппъ хорошо сдѣлалъ, что отослалъ его къ Моисею и пророкамъ, чтобы такимъ образомъ расположить Наѳанаила къ принятію Того, о комъ онъ проповѣдывалъ ему. Если же Филиппъ называетъ Христа сыномъ Іосифа, то не смущайся. Въ то время еще считали Его сыномъ Іосифа. Но откуда видно, Филиппъ, что Онъ Тотъ самый, о комъ писалъ Моисей и пророки? Какое ты дашь намъ доказательство? Одного словеснаго свидѣтельства недостаточно. Какое же видѣлъ ты знаменіе? Какое чудо? Вѣдь въ такихъ дѣлахъ не безопасно вѣрить просто безъ доказательствъ? Какое же у тебя доказательство? Тоже, что и у Андрея, отвѣчаетъ намъ Филиппъ. Какъ Андрей, не имѣя силъ изобразить богатство, которое нашелъ, не находя словъ описать это сокровище, ведетъ брата къ Тому, кого нашелъ, такъ и Филиппъ: не говоритъ Наѳанаилу, почему Іисусъ есть Христосъ и какъ предвозвѣстили о Немъ пророки; но влечетъ его къ Іисусу, зная, что онъ не отступитъ отъ Іисуса, лишь только вкуситъ Его словесъ и Его ученія. *И рече ему Наѳанаилъ: отъ Назарета можетъ ли что добро быти? Глагола ему Филиппъ: пріиди и виждь. Видѣвъ же Іисусъ Наѳанаила грядуща къ себѣ, и глагола о немъ: се воистину Исраильтянинъ, въ немже льсти нѣсть* (ст. 46, 47). Христосъ похваляетъ и превозноситъ Наѳанаила за то, что тотъ сказалъ: *отъ Назарета можетъ ли что добро быти?*

А не слѣдовало ли бы осудить его за это? Нѣтъ, это не были слова невѣрующаго, и не обвиненій заслуживали, а похвалъ. Какъ и почему? Потому, что онъ былъ болѣе Филиппа свѣдущъ въ пророчествахъ. Онъ зналъ изъ Писаній, что Христу надлежитъ придти изъ Виѳлеема и изъ селенія, въ которомъ былъ Давидъ. Это мнѣніе господствовало между іудеями, да и пророкъ издавна предвозвѣстилъ, сказавъ: *и ты, Виѳлееме, ничимже менши еси во владыкахъ Іудовыхъ: изъ тебе бо изыдетъ Вождь, иже упасетъ люди моя Израиля* (Мих. v, 2, ср. Матѳ. II, 6; Іоан. VII, 42). Поэтому Наѳанаилъ, когда услышалъ, что (Христосъ явился) изъ Назарета, то смутился и пришелъ въ недоумѣніе, находя вѣсть Филиппа не согласною съ предсказаніемъ пророческимъ. Но посмотри, какъ Наѳанаилъ, и при недоумѣніи своемъ, благоразуменъ и умѣренъ. Онъ не сказалъ тотчасъ же: ты обманываешь меня, Филиппъ, и лжешь. Я не вѣрю, не пойду; я знаю изъ пророчествъ, что Христу надлежитъ придти изъ Виѳлеема. А ты говоришь — изъ Назарета. Это не Христосъ. Нѣтъ, ничего такого Наѳанаилъ не сказалъ. Что же? И онъ идетъ ко Христу и, съ одной стороны, не соглашаясь, что Христосъ пришелъ изъ Назарета, показываетъ такимъ образомъ и основательное знаніе Писаній и осмотрительность въ поступкахъ, съ другой же стороны, не отвергаетъ совершенно и вѣсти Филиппа и тѣмъ обнаруживаетъ свое сильное желаніе пришествія Христова. Онъ только думалъ, что Филиппъ ошибочно указалъ мѣсто пришествія. Обрати вниманіе и на то, съ какою осторожностію онъ выражаетъ свое сомнѣніе — въ видѣ вопроса. Онъ не говоритъ: Галилея не производитъ ничего добраго, — а какъ? *Отъ Назарета можетъ ли что добро быти?* Но и Филиппъ былъ очень благоразуменъ. Встрѣтивъ возраженіе, онъ не досадуетъ, не оскорбляется, а только стоитъ на своемъ, желая привести этого человѣка къ самому Христу и съ самаго начала показывая въ себѣ твердость духа, свойственную апостолу. Потому и Христосъ
126 говорилъ: *се воистинну Израильтянинъ, въ немъ же льсти нѣсть.* Можетъ конечно быть лживъ и израильтянинъ. Но этотъ не таковъ, — говоритъ: его судъ безпристрастенъ; онъ не высказываетъ въ своихъ словахъ ни пріязни, ни непріязни. Правда, и іудеи, на вопросъ: *гдѣ Христосъ раждается*, отвѣчали: *въ Виѳлеемѣ*, привели и свидѣтельство: *и ты Виѳлееме, ничимже менши еси во владыкахъ Іудовыхъ*; но они свидѣтельствовали объ этомъ еще прежде, чѣмъ увидѣли Христа; а когда увидѣли, то по зависти скрыли это свидѣтельство и говорили: *сего вѣмы, откуду есть: Христосъ же, егда пріидетъ, никтоже вѣсть, откуду будетъ* (Іоан. IX, 29). А Наѳанаилъ поступилъ не такъ, но какое мнѣніе о Христѣ имѣлъ

сначала, при томъ и остался, именно, что Онъ не изъ Назарета. Почему же пророки называютъ его Назореемъ? Потому, что тамъ было мѣсто Его воспитанія и жительства. Но и Христосъ не хочетъ сказать Наѳанаилу: Я не изъ Назарета, какъ возвѣстилъ тебѣ Филиппъ, а изъ Виѳлеема, — для того, чтобы съ самаго начала не навести сомнѣнія на Свои слова. Кромѣ того, если бы онъ убѣдилъ Наѳанаила въ этомъ, это еще не было бы достаточнымъ доказательствомъ, что Онъ именно есть Христосъ. Почему бы Онъ, и не будучи Христомъ, не могъ произойти изъ Виѳлеема, подобно другимъ людямъ, тамъ родившимся? Итакъ, это Христосъ оставляетъ, а дѣлаетъ то, что наиболѣе могло привлечь къ Нему Наѳанаила, именно: показываетъ, что Онъ присутствовалъ при бесѣдѣ Наѳанаила съ Филиппомъ. Когда Наѳанаилъ спросилъ Его: *откуду мя знаеши?* Онъ говоритъ: *прежде даже не возгласи тебѣ Филиппъ, суща подъ смоковницею видѣхъ тя* (ст. 48). Вотъ человѣкъ твердый и постоянный! Когда Христосъ сказалъ: *се воистинну Израильтянинъ*, — онъ не надмился отъ этихъ похвалъ, не увлекся одобреніями; но стоитъ на своемъ, еще съ большимъ стараніемъ отыскивая и испытывая истину, чтобы узнать что-нибудь вѣрное. Итакъ, онъ еще испытываетъ, какъ человѣкъ, а Іисусъ отвѣтствуетъ, какъ Богъ. *Прежде*, — говоритъ, — *видѣхъ тя*. Зналъ Онъ и прежде благоправіе Наѳанаила, не какъ человѣкъ, слѣдившій за нимъ, а какъ Богъ. И нынѣ *видѣхъ тя подъ смоковницею*, когда никого тамъ не было, а былъ только Филиппъ и Наѳанаилъ и между собою объ этомъ говорили. Поэтому и сказано: *видѣвъ грядуща его, глагола о немъ: се воистинну Израильтянинъ*, и такъ сказано — съ цѣлію показать, что Христосъ высказалъ эти слова еще прежде, чѣмъ приблизился Филиппъ, чтобы такое свидѣтельство было несомнительно. Для этого Онъ назвалъ и время, и мѣсто, и самое дерево. Еслибъ Онъ сказалъ только: прежде, чѣмъ Филиппъ пришелъ къ тебѣ, Я видѣлъ тебя, — то Его могли бы подозрѣвать, не самъ ли Онъ подослалъ Филиппа, и такимъ образомъ въ Его словахъ не нашли бы ничего важнаго. Но когда Онъ указалъ и мѣсто, гдѣ былъ Наѳанаилъ, когда приглашалъ его Филиппъ, и названіе самаго дерева, и время разговора, — тѣмъ Онъ показалъ въ Себѣ несомнѣнную прозорливость. Но Христосъ не только обнаружилъ Свою прозорливость, но еще и инымъ образомъ вразумилъ Наѳанаила, именно — привелъ ему на память сказанныя имъ тогда слова: *отъ Назарета можетъ ли что добро быти*, и тѣмъ еще болѣе благорасположилъ его къ Себѣ, равно и тѣмъ, что за такія слова его не только не осудилъ, но еще похвалилъ и превознесъ. Потому Наѳанаилъ и отсюда уразумѣлъ, что воистину Христосъ,

т. е., какъ изъ Его прозрѣнія, такъ и изъ того, что Христосъ въ точности узналъ его мнѣніе, и тѣмъ показалъ, что Онъ зналъ и сокровенное въ душѣ его, — притомъ не только не осудилъ его за высказанное имъ свое мнѣніе, но и похвалилъ. Что Наѳанаила пригласилъ Филиппъ, о томъ Христосъ сказалъ; а что онъ говорилъ Филиппу и Филиппъ ему, о томъ умолчалъ, предоставивъ то его совѣсти и не желая болѣе изобличать его.

127 3. Что же? Неужели Христосъ увидѣлъ Наѳанаила только
предъ тѣмъ, какъ пригласилъ его Филиппъ, а до того времени
не видѣлъ его окомъ неусыпнымъ? Видѣлъ, — и этому никто не
станетъ противорѣчить. Но въ то время надлежало сказать только
то, что нужно было. Что же Наѳанаилъ? Получивъ несомнѣнное
доказательство предвѣдѣнія Христа, онъ исповѣдалъ Его, и какъ
прежде въ своей медлительности показалъ осмотрительность,
такъ теперь въ своей уступчивости показалъ благомысліе. Онъ
такъ отвѣчалъ Христу: *Равви, Ты еси Сынъ Божій, Ты еси Царь
Израилевъ* (ст. 49). Видишь ли душу, внезапно пришедшую въ
восторгъ и своими словами объемлющую Іисуса? Ты, говоритъ,
желаемый, ожидаемый. Видишь ли, какъ онъ изумляется, ди-
вится, прыгаетъ и скачетъ отъ радости? Такъ должно радоваться
и намъ, сподобившимся познать Сына Божія, — не только радо-
ваться въ душѣ, но и въ самыхъ дѣлахъ своихъ выражать ра-
дость. А что свойственно радующимся? Вѣровать Тому, кого
познали; а вѣрующимъ — дѣлать то, что Ему угодно. Если бу-
демъ дѣлать то, что прогнѣвляетъ Его, — откуда будетъ видно,
что мы радуемся? Не видите ли и въ домахъ, когда кто прини-
маетъ желаннаго гостя, съ какою радостію онъ все дѣлаетъ,
всюду бѣгаетъ, ничего не щадитъ, хотя бы нужно было издер-
жать все, что у него есть, лишь бы угодить гостю? А если бы
кто, пригласивъ къ себѣ гостя, не сталъ угождать ему, не ста-
рался успокоить его, то, хотя бы тысячу разъ говорилъ, что ра-
дуется его посѣщенію, никогда гость ему не повѣрилъ бы, — и
справедливо, такъ какъ радость надобно показать на дѣлѣ.
Итакъ, когда и Христосъ пришелъ къ намъ, покажемъ, что мы
Ему радуемся, и не будемъ дѣлать ничего, что можетъ оскор-
бить Его. Украсимъ домъ, въ который Онъ пришелъ: это свой-
128 ственно радующимся. Предложимъ ему трапезу, какую Онъ самъ
хочетъ: такъ свойственно веселящимся. Какая же это трапеза?
Онъ самъ говоритъ: *мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго
Мя* (Іоан. IV, 34). Напитаемъ Его алчущаго, напоимъ Его жаж-
дущаго. Подай Ему только чашу холодной воды, — Онъ и это
приметъ, потому что любитъ тебя; приношенія лицъ любимыхъ,
какъ бы малы ни были, велики кажутся любящему. Только

не покажи нерадѣнія. Повергни предъ Нимъ двѣ лепты, — Онъ не отвергнетъ и ихъ, но приметъ, какъ большое богатство. Онъ не имѣетъ недостатка ни въ чемъ и принимаетъ это не по какой-либо нуждѣ; поэтому и справедливо измѣряетъ все не мѣрою даваемаго, но расположеніемъ дающаго. Только покажи, что любишь этого Гостя, что стараешься все для Него сдѣлать, что ты радъ Его посѣщенію. Посмотри, какую любовь Онъ имѣетъ къ тебѣ. Онъ пришелъ ради тебя, душу свою положилъ за тебя, и послѣ всѣхъ этихъ благодѣяній не отказывается еще и упрашивать тебя. *По Христѣ молимъ*, говоритъ апостолъ, *яко Богу молящу нами* (2 Кор. v, 20). Но кто же, скажешь ты, столько безуменъ, чтобы не любить Господа своего? Это и я говорю и знаю, что никто изъ насъ не отречется отъ этого на словахъ и въ мысляхъ. Но тотъ, кто любимъ, хочетъ, чтобы любовь къ нему обнаруживалась не на словахъ только, а и въ дѣлахъ. Говорить, что мы любимъ, но не дѣлать того, что свойственно любящимъ, — это смѣшно не только въ отношеніи къ Богу, но и къ людямъ. Итакъ, если исповѣдывать на словахъ только, а въ дѣлахъ показывать противное — не только безполезно, но и вредно для насъ, то я умоляю — будемъ выражать свое исповѣданіе въ дѣлахъ, да удостоимся исповѣданія и отъ самого Господа, въ тотъ день, когда Онъ исповѣстъ достойныхъ предъ Отцемъ Своимъ, — умоляю о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXI.

Отвѣща Наѳанаилъ и глагола ему: Равви! Ты еси Сынъ Божій, Ты еси царь Израилевъ. Отвѣща Іисусъ и рече ему: зане рѣхъ ти, яко видѣхъ тя подъ смоковницею, вѣруеши; больша сихъ узриши (Іоан. i, 49, 50).

Много нужно намъ, возлюбленные, попеченія, много бодр- 127
ствованія для того, чтобѣ имѣть возможность проникать въ глубину божественныхъ Писаній. Иначе, предаваясь сну, нельзя постигнуть смысла ихъ; а нужно тщательное изслѣдованіе, нужна кромѣ того и постоянная молитва, чтобы хотя немного прозрѣть въ святилище слова Божія. Вотъ и сегодня намъ представляется вопросъ немаловажный, требующій много вниманія. Когда Наѳанаилъ сказалъ: *Ты еси Сынъ Божій*, Христосъ сказалъ ему: *зане рѣхъ ти, яко видѣхъ тя подъ смоковницею, вѣруеши; больша сихъ*

узриши. Что же въ этихъ словахъ требуетъ изслѣдованія? То, что Петръ, исповѣдавшій: *Ты еси Сынъ Божій* (Матѳ. xvi, 16) уже послѣ столь многихъ чудесъ и послѣ такого ученія, ублажается, какъ получившій откровеніе отъ Отца; а Наѳанаилъ, сказавшій тоже самое еще прежде чудесъ и прежде ученія, ничего подобнаго не услышалъ отъ Христа, но и, какъ бы еще не столько сказавшій, сколько надлежало сказать, возбуждается къ ожиданію большихъ откровеній. Какая же этому причина? Та, что, хотя Петръ и Наѳанаилъ высказали одни и тѣ же слова, но не
128 съ одною и тою же мыслію. Петръ исповѣдалъ Іисуса Сыномъ Божіимъ, какъ истиннаго Бога; а Наѳанаилъ — какъ простого человѣка. Изъ чего же это видно? Изъ послѣдующихъ словъ Наѳанаила. Сказавъ: *Ты еси Сынъ Божій*, онъ присовокупилъ: *Ты еси царь Израилевъ*. Но Сынъ Божій есть царь не только израиля, а и всей вселенной. Впрочемъ это видно не отсюда только, а и изъ слѣдующаго. Къ словамъ Петра Христосъ ничего не прибавилъ, но, какъ бы вѣра Петрова была уже совершенна, сказалъ, что на этомъ исповѣданіи Онъ созиждетъ Церковь Свою. Но въ отношеніи къ Наѳанаилу Онъ сдѣлалъ не такъ, а совсѣмъ напротивъ. Въ исповѣданіи Наѳанаила какъ бы не доставало еще многаго и чего-то лучшаго, — и вотъ Христосъ восполняетъ недостающее. Что Онъ говоритъ? *Аминь, аминь глаголю вамъ: отселѣ узрите небо отверсто, и ангелы Божія восходяща, и нисходяща надъ Сына человѣческаго* (ст. 51). Видишь ли, какъ Христосъ мало-помалу возводитъ его отъ земли и внушаетъ не представлять себѣ Его простымъ человѣкомъ? Можетъ ли въ самомъ дѣлѣ быть человѣкомъ тотъ, кому ангелы служатъ и для кого ангелы восходятъ и нисходятъ? Поэтому-то Онъ и сказалъ: *больша сихъ узриши*, и, изъясняя это, присовокупилъ объ ангельскомъ служеніи. Смыслъ Его словъ такой: тебѣ, Наѳанаилъ, показалось это важнымъ [1]), и за это ты признаешь Меня царемъ израиля. Что же скажешь, когда увидишь ангеловъ восходящихъ и нисходящихъ для Меня? Такими словами Христосъ внушалъ при-
129 знать Его владыкою и ангеловъ. Какъ къ истинному Сыну Царя, ко Христу восходили и нисходили эти царскіе служители, какъ то: во время страданій, во время воскресенія и вознесенія; и еще прежде того они приходили и служили Ему — когда благовѣствовали о Его рожденіи, когда восклицали: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ* (Лук. ii, 14), когда приходили къ Маріи, къ Іосифу. Но Христосъ дѣлаетъ и теперь такъ же, какъ во мно-

[1]) Т. е., что Христосъ видѣлъ его подъ смоковницею еще прежде, чѣмъ пришелъ къ нему Филиппъ.

гихъ другихъ случаяхъ. Онъ изрекаетъ два предсказанія, и вѣрность одного уже тотчасъ обнаруживаетъ, а другое, относящееся къ будущему, подтверждаетъ чрезъ настоящее. Изъ нихъ одно, уже доказанное, есть слѣдующее: *прежде, даже не возгласи тебе Филиппъ, суща подъ смоковницею видѣхъ тя.* Другое должно было исполняться въ будущемъ, а отчасти уже и въ то время исполнялось, — именно восхожденіе и нисхожденіе ангеловъ, какъ-то: при страданіяхъ Его, при воскресеніи и вознесеніи; и въ этомъ, еще прежде событій, Онъ увѣрялъ уже тѣмъ, что сказалъ о настоящемъ. Кто изъ прошедшаго позналъ могущество Его, тотъ, слыша и о будущемъ, удобнѣе можетъ принять и предсказаніе о будущемъ. Что же Наѳанаилъ? Ничего на это не отвѣчаетъ. Поэтому и Христосъ заключилъ тѣмъ Свою бесѣду съ нимъ, предоставляя ему самому размыслить о сказанномъ и не желая высказать всего въ одинъ разъ. Бросивъ сѣмена въ землю плодоносную, Онъ даетъ ей самой произрастить въ свое время плоды. Это Онъ въ другомъ мѣстѣ изобразилъ въ слѣдующихъ словахъ: *побобно есть царствіе Божіе человѣку сѣявшу доброе сѣмя: спящу же ему, пріиде врагъ, и всѣя плевелы посредѣ пшеницы и отъиде* (Матѳ. XIII. 24, 25). *Въ третій день бракъ бысть въ Канѣ галилейстѣй, и званъ бысть Іисусъ на бракъ. Бѣ же и Мати Іисусова тамо, и братія Его* (Іоан. II, 1, 2). Я уже говорилъ, что Онъ наиболѣе извѣстенъ былъ въ Галилеѣ. Потому и зовутъ Его на бракъ, и Онъ приходитъ. Онъ взиралъ не на собственное достоинство Свое, но на пользу нашу. Не отрекшійся принять зракъ раба тѣмъ болѣе не могъ отречься придти на бракъ рабовъ. Совозлежавшій съ мытарями и грѣшниками тѣмъ болѣе не могъ отречься отъ соприсутствія съ бывшими на бракѣ. Звавшіе Его на бракъ конечно не имѣли объ Немъ надлежащаго понятія, они звали Его даже не какъ великаго человѣка, а просто какъ человѣка обыкновеннаго и знакомаго. На это и намекаетъ евангелистъ, говоря: *бѣ же Мати Его тамо и братія Его*, т. е., Іисуса звали такъ же, какъ и ее и братьевъ. *И не доставшу вину, глагола Мати Его: вина не имутъ* (ст. 3). Здѣсь стоитъ обратить вниманіе на то, откуда Матери Его пришло на мысль вообразить что-то великое о своемъ Сынѣ? До того времени Онъ еще не сотворилъ никакого чуда. *Се*, сказано, *начатокъ сотвори знаменій Іисусъ въ Канѣ галилейстѣй* (ст. 11).

2. Если же кто скажетъ, что тутъ еще нѣтъ достаточнаго доказательства тому, что чудо въ Канѣ было началомъ чудесъ, такъ какъ прибавленіе: *въ Канѣ галилейстѣй* показываетъ только, что это чудо было *въ Канѣ* первое, а не вообще и не первое было изъ всѣхъ Его чудесъ; вѣроятно же Христосъ и прежде въ дру-

гихъ мѣстахъ другія чудеса творилъ, — то на это мы скажемъ тоже, что и прежде сказали. Что именно? То, что говоритъ Іоаннъ: *азъ не вѣдѣхъ Его: но да явится Израилеви, сего ради пріидохъ азъ водою крестя* (Іоан. I, 31). Если бы Христосъ въ отроче-
130 скомъ возрастѣ творилъ чудеса, то израильтяне не нуждались бы въ другомъ человѣкѣ, который *явилъ бы* Его. Если Христосъ, пришедши въ мужескій возрастъ, такъ сдѣлался извѣстенъ Своими чудесами не только въ Іудеѣ, но и въ Сиріи и далѣе, притомъ совершилъ ихъ въ продолженіе только трехъ лѣтъ, а лучше сказать — Онъ не нуждался и въ этомъ числѣ лѣтъ, чтобы явить себя міру, потому что слухъ о Немъ съ самаго начала разнесся немедленно повсюду,—если, говорю, Онъ въ краткое время такъ прославился множествомъ чудесъ, что имя Его стало всѣмъ извѣстно, то тѣмъ болѣе Онъ не могъ бы такъ долго оставаться въ неизвѣстности, когда бы съ перваго возраста началъ творить чудеса; чудеса, совершенныя отрокомъ, возбудили бы еще болѣе удивленія, да и времени у Него для чудесъ было бы въ такомъ случаѣ вдвое и втрое и еще больше. Но въ отрочествѣ Онъ не творилъ никакихъ чудесъ, кромѣ того только, о чемъ повѣствуетъ Лука, какъ Онъ, будучи двѣнадцати лѣтъ, возсѣдалъ среди учителей, слушая ихъ, и своими вопросами приводилъ ихъ въ удивленіе. Впрочемъ не безъ причины, а намѣренно не начиналъ Онъ творить чудесъ съ самаго перваго возраста: иначе могли бы почесть Его чудеса за призраки. Если уже въ совершенномъ возрастѣ Его многіе это подозрѣвали, — тѣмъ болѣе, когда бы Онъ сталъ чудодѣйствовать въ юности. Кромѣ того іудеи, снѣдаемые завистію, еще скорѣе и прежде надлежащаго времени вознесли бы Его на крестъ, и такимъ образомъ все дѣло нашего спасенія не было бы принято вѣрою. Откуда же, скажешь, Его Матери пришло на мысль предполагать въ Немъ что-то великое? Онъ началъ уже открывать Себя, чѣмъ былъ—и чрезъ свидѣтельство Іоанново, и чрезъ то, что самъ говорилъ учиникамъ. А прежде всего этого самое зачатіе Его и всѣ, по рожденіи Его послѣдовавшія, событія внушали Матери Его высокое понятіе о Немъ. *Слышаше*, сказано, *яже о отрочати, и соблюдаше въ сердцы своемъ* (Лук. II, 52). Отчего же, скажешь, она не выражала этого прежде? Оттого, какъ я сказалъ, что Онъ самъ только тогда началъ открывать Себя. А дотолѣ Онъ жилъ, какъ обыкновенный человѣкъ. Потому-то она и не говорила Ему этого прежде. Какъ скоро услышала, что ради Его пришелъ Іоаннъ и далъ о Немъ такое свидѣтельство, и что Онъ имѣетъ уже учениковъ, то уже смѣло проситъ Его и, при недостаткѣ вина, говоритъ: *вина не имутъ*. Она хотѣла и гостямъ угодить и себя прославить чрезъ Сына.

Можетъ быть, она при этомъ имѣла въ мысляхъ что-либо человѣческое, подобно Его братьямъ, которые говорили: *яви себе мирови* (Іоан. vii, 4), желая пріобрѣсть и себѣ славу Его чудесами. Поэтому-то и Христосъ такъ сильно отвѣчалъ ей: *что Мнѣ и тебѣ, жено? Не у пріиде часъ мой* (ст. 4). Но что Онъ весьма почиталъ родительницу Свою, объ этомъ послушай повѣствованія Луки, какъ Христосъ былъ послушенъ родителямъ; да и этотъ самый евангелистъ (Іоаннъ) показываетъ, какъ Онъ заботился о Матери въ самое время крестныхъ страданій. Когда родители ни мало не запрещаютъ дѣлъ богоугодныхъ и не препятствуютъ имъ, то родителямъ нужно и должно повиноваться; неповиновеніе въ такомъ случаѣ весьма опасно. Когда же они чего-либо требуютъ безвременно и запрещаютъ какое-нибудь дѣло духовное, то не безопасно имъ повиноваться. Потому и въ настоящемъ случаѣ Христосъ такъ отвѣчалъ, и въ другомъ случаѣ также: *кто есть мати моя и кто суть братія моя* (Марк. iii, 33)? Они въ то время еще не имѣли о Немъ надлежащаго понятія; а Его Мать, по той причинѣ, что родила Его, хотѣла приказывать 131
Ему во всемъ, по обычаю всѣхъ матерей, тогда какъ должна была чтить Его, какъ Господа, и поклоняться Ему. Потому-то Онъ такъ и отвѣчалъ ей тогда. Въ самомъ дѣлѣ, подумай, каково это было, когда при всемъ народѣ, окружавшемъ Его, при многочисленномъ собраніи внимательныхъ слушателей, во время преподаванія ученія, Мать Его вошла въ собраніе, стала отвлекать Его отъ проповѣданія, чтобы наединѣ поговорить съ Нимъ, притомъ и не осталась съ Нимъ въ домѣ, а увлекла Его одного вонъ оттуда къ себѣ. Вотъ почему Онъ и сказалъ: *кто есть мати моя и кто суть братія моя?* И Онъ не оскорблялъ тѣмъ Матери; нѣтъ, а приносилъ ей величайшую пользу, не давая ей думать о себѣ уничиженно. Если Онъ имѣлъ попеченіе о другихъ и все направлялъ къ тому, чтобы внушить имъ надлежащее понятіе о Себѣ, тѣмъ болѣе заботился въ этомъ отношеніи о Матери. Но какъ она, вѣроятно, даже услышавъ это отъ Сына, не хотѣла и послѣ того повиноваться Ему, а хотѣла, какъ мать, во всякомъ случаѣ первенствовать, то Онъ такъ и отвѣчалъ. Да иначе Онъ и не могъ бы возвести ея отъ такого уничижительнаго понятія о Немъ къ болѣе возвышенному, если бы, т. е., она всегда ожидала отъ Него почитанія, какъ отъ сына, но не признала Его Господомъ. Вотъ по этой-то причинѣ Онъ здѣсь и сказалъ: *что мнѣ и тебѣ, жено?* Впрочемъ и другая была причина, не менѣе важная. Какая же? Онъ хотѣлъ, чтобы не заподозрѣвали совершаемыхъ Имъ чудесъ. Его должны были просить тѣ, кто имѣлъ нужду, а не Мать. Почему? Что дѣлается по просьбѣ родствен-

никовъ, то, хотя было бы важно, часто для постороннихъ представляется неблаговиднымъ. Когда же просятъ сами нуждающіеся, тогда чудо становится выше всякаго подозрѣнія, тогда и похвала безпристрастна и польза велика.

3. Если бы врачъ, даже отличный, вошедши въ домъ, гдѣ много больныхъ, не слышалъ ничего ни отъ самихъ болящихъ, ни отъ окружающихъ ихъ, а только его одна мать стала бы упрашивать его, то для больныхъ онъ слѣлался бы подозрительнымъ и непріятнымъ, и ни лежащіе въ болѣзни, ни находящіеся при нихъ не стали бы ожидать отъ него чего-либо важнаго и хорошаго. Вотъ почему и Христосъ тогда сдѣлалъ упрекъ Матери, сказавъ: *что мнѣ и тебѣ, жено*, внушая ей на будущее время не дѣлать ничего подобнаго. Имѣлъ Онъ попеченіе и о чести Матери, но гораздо болѣе объ ея душевномъ спасеніи и о благѣ людей, для чего и плотію облекся. Итакъ эти слова были сказаны Христомъ Матери Его не по какой-либо надменности, но съ особенною цѣлію—чтобы и ее саму поставить въ надлежащія къ Нему отношенія, чтобы и чудеса дѣлались съ подобающимъ достоинствомъ. А что Христосъ весьма почиталъ свою Мать, это, кромѣ другихъ случаевъ, достаточно видно и изъ того самаго, что сказано повидимому въ обличеніе ея. Въ самомъ неудовольствіи Онъ показалъ, что весьма почиталъ ее. А какимъ образомъ, объ этомъ скажемъ въ послѣдующей бесѣдѣ. Размышляя объ этомъ, если услышишь, какъ одна жена говорила: *блаженно чрево, носившее Тя, и сосца, яже еси ссалъ*, а Онъ ей отвѣчалъ: еще болѣе блаженны творящіе волю Отца моего (Лук. xi, 28), то разумѣй и эти слова въ томъ смыслѣ. Отвѣтъ Спасителя Матери выражалъ не отверженіе Матери, а то, что ей нимало не принесло бы пользы и самое рожденіе Его, если бы она сама не
132 имѣла великой добродѣтели и вѣры. Если же безъ добродѣтели душевной и для самой Маріи не было бы пользы въ томъ, что отъ нея родился Христосъ, тѣмъ болѣе не можетъ быть никакой пользы намъ, если мы будемъ имѣть добродѣтельнаго и доблестнаго отца, брата, или сына, а сами будемъ далеки отъ его добродѣтелей. *Братъ*, говоритъ Давидъ, *не избавитъ, избавитъ ли человѣкъ* (Пс. xlviii 7)? Надежду спасенія, послѣ благодати Божіей, должно полагать не въ чемъ другомъ, а только въ собственныхъ совершенствахъ. Если бы рожденіе Христа само по себѣ могло принести пользу Дѣвѣ, то оно было бы также полезно и іудеямъ, (такъ какъ Христосъ былъ сродникомъ ихъ по плоти), принесло бы пользу и городу, въ которомъ Онъ родился, полезно было бы и братьямъ. Между тѣмъ Его братья, доколѣ не заботились о себѣ самихъ, не получили никакой пользы отъ высокаго сродства, а

еще и подвергались осужденію на ряду съ прочими людьми; когда же просіяли собственными добродѣтелями, тогда и прославлены. А городъ разрушенъ и сожженъ, не получивъ никакой пользы отъ того, что былъ мѣстомъ Его рожденія. Сродники Его по плоти истреблены и погибли самымъ жалкимъ образомъ, не пріобрѣтши отъ сродства съ Нимъ ничего для своего спасенія, потому именно, что не имѣли защиты въ собственной добродѣтели. Но болѣе всѣхъ прославились апостолы, потому что они истиннымъ и достойнымъ нашего соревнованія образомъ достигли сродства со Христомъ,—чрезъ послушаніе Ему. Отсюда и мы познаемъ, что во всякомъ случаѣ намъ нужна вѣра и жизнь чистая и свѣтлая. Только это можетъ спасти насъ. Сродники Христа долгое время повсюду пользовались уваженіемъ, такъ что и назывались „владычними" [1]), однакожъ мы нынѣ не знаемъ даже именъ ихъ. А жизнь и имена апостоловъ всюду прославляются. Не будемъ же надмеваться благородствомъ по плоти, но, хотя бы имѣли тысячи знаменитыхъ предковъ, будемъ сами стараться превзойти ихъ въ добродѣтеляхъ, зная, что заслуги другихъ не принесутъ намъ никакой пользы на будущемъ судѣ, а еще и увеличатъ для насъ строгость осужденія, именно потому, что, происходя отъ добродѣтельныхъ отцевъ и имѣя столь близкіе примѣры, при всемъ томъ не послѣдовали такимъ наставникамъ. Это я говорю теперь, имѣя въ виду многихъ язычниковъ, которые, когда мы обращаемъ ихъ къ вѣрѣ во Христа и убѣждаемъ быть христіанами, указываютъ на своихъ родственниковъ, предковъ и домашнихъ, и говорятъ: всѣ мои родственники, близкіе и домашніе сдѣлались уже вѣрными христіанами. Но что тебѣ въ этомъ, несчастный? То именно тебя и погубитъ, что ты, не уваживъ такого множества близкихъ къ тебѣ, не поспѣшилъ обратиться къ истинѣ. Другіе, будучи уже вѣрующими, но проводя жизнь безпечную, когда станешь увѣщевать ихъ къ добродѣтели, представляютъ тоже самое и говорятъ: мой отецъ, дѣдъ и прадѣдъ были очень благочестивые и добродѣтельные люди. Но то особенно и послужитъ къ твоему осужденію, что ты, происходя отъ такихъ людей, дѣлаешь дѣла, недостойныя своего рода. Послушай, что говоритъ пророкъ іудеямъ: *работа Исраиль о женѣ, и о женѣ спасеся* (Ос. XII, 12); и Христосъ: ***Авраамъ отецъ вашъ радъ бы былъ, дабы видѣлъ день мой; и видѣ и возрадовася*** (Іоан. VIII, 56). Да и всегда доблести предковъ обращаются не въ похвалу только 138
іудеямъ, но и въ большее обвиненіе. Зная это, будемъ все дѣлать такъ, чтобы спастись собственными дѣлами, чтобы иначе надеж-

---

[1]) δεσπόσυνοι.

дами на другихъ не обмануть себя самихъ и не узнать о своемъ обманѣ тогда уже, когда отъ этого познанія намъ никакой пользы
134 не будетъ. *Во адѣ*, сказано, *кто исповѣстся Тебѣ* (Пс. vi, 6)? Итакъ, исправимся здѣсь, чтобы тамъ достигнуть вѣчныхъ благъ, которыхъ и да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава и держава вовѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXII.

Что Мнѣ и тебѣ, жено? Не у пріиде часъ мой (Іоан. ii, 4).

133 Въ поученіи есть нѣкоторый трудъ, что показываетъ и Павелъ, когда говоритъ: *прилежащіи добрѣ пресвитеры сугубыя чести да сподобляются, паче же труждающіися въ словѣ и ученіи* (1 Тим. v, 17). Но отъ васъ зависитъ сдѣлать этотъ трудъ и легкимъ и тяжкимъ. Если вы будете отвергать наши слова, или, не отвергая, не будете исполнять ихъ въ дѣлахъ своихъ, то этотъ трудъ будетъ для насъ тягостенъ, какъ трудъ напрасный и тщетный. Если же вы будете внимательны къ нашимъ словамъ и покажете то въ самыхъ дѣлахъ своихъ, то мы и чувствовать не будемъ трудности въ поученіяхъ; плодъ, происходящій отъ этихъ трудовъ, не дастъ и замѣтить тяжести ихъ. Поэтому если хотите возбудить въ насъ ревность, не угасить и не ослабить ее, покажите намъ, прошу васъ, плодъ, чтобы мы, видя цвѣтущія нивы, питаясь надеждою изобилія и надѣясь на будущее свое богатство, не изнемогали въ этихъ благихъ занятіяхъ. Вотъ и сегодня намъ представляется не маловажный предметъ. Когда Мать Іисуса сказала: *вина не имутъ*, Христосъ отвѣчалъ: *что Мнѣ и тебѣ, жено? Не у пріиде часъ мой*. Между тѣмъ, послѣ такихъ словъ, Онъ сдѣлалъ то, о чемъ говорила Мать. Предметъ этотъ не менѣе прежняго требуетъ изслѣдованія. Итакъ, призвавъ Того, Кто сотворилъ это чудо, приступимъ къ рѣшенію вопроса. Не здѣсь только сказано: *не у пріиде часъ;* евангелистъ и далѣе замѣчаетъ: *никто же Его ятъ, яко не у бѣ пришелъ часъ Его* (Іоан. vii, 30); и въ другомъ мѣстѣ: *никто же возложи нанъ руки, яко не у бѣ пришелъ часъ Его* (тамъ же). Также: *пріиде часъ, прослави Сына твоего* (Іоан. xvii, 1). Я собралъ здѣсь всѣ эти изреченія изъ всего Евангелія, чтобы на всѣ дать одно рѣшеніе. Какое же? Христосъ говорилъ: *не у пріиде часъ мой* не потому, что подлежалъ закону времени, и не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ наблюдалъ извѣстные часы. Нужно ли это было Творцу временъ и Создателю вѣковъ? Но этими словами Онъ хо-

четъ показать, что все дѣлаетъ въ свое время, а не вдругъ, такъ какъ отсюда могло бы произойти смѣшеніе и безпорядокъ, если бы, т. е., каждое дѣло Свое Онъ совершалъ не въ надлежащее время и смѣшивалъ все вмѣстѣ, какъ-то: и рожденіе, и воскресеніе, и судъ. Такъ замѣчай: надлежало произойти твари, но не всей вмѣстѣ; человѣку съ женою, но не обоимъ вмѣстѣ; надлежало роду человѣческому быть осужденнымъ на смерть и быть воскресенію, но между тѣмъ и другимъ разстояніе времени большое; надлежало дать законъ, но не вмѣстѣ съ благодатію, а то 134
и другое устроить въ свое опредѣленное время. Итакъ, условіямъ времени самъ Христосъ не подлежалъ, потому что Онъ и установилъ самый порядокъ временъ, Онъ и Творецъ ихъ. Но Іоаннъ, приводя здѣсь слова Христа: *не у пріиде часъ мой*, показываетъ, что въ то время Онъ былъ еще не всѣмъ извѣстенъ и не имѣлъ полнаго сонма учениковъ; Ему послѣдовалъ только Андрей, а съ нимъ Филиппъ, а кромѣ ихъ никто другой. Да и они не знали Его, какъ должно, ни даже Мать Его, ни братья. Уже по совершеніи многихъ чудесъ евангелистъ замѣтилъ о братьяхъ Его: *ниже братія Его вѣроваху въ Него* (VII, 5). Не знали Его и присутствовавшіе на бракѣ. Иначе они, въ нуждѣ, сами обратились бы къ Нему съ просьбою. Потому онъ и говоритъ: *не у пріиде часъ мой*. Меня еще не знаютъ присутствующіе; они не знаютъ и того, что не достало вина. Дай имъ сперва почувствовать это. Да объ этомъ и не отъ тебя Мнѣ надлежало бы слышать. Ты Моя Мать и потому ты само чудо дѣлаешь подозрительнымъ. А надлежало бы самимъ нуждающимся обратиться ко Мнѣ съ просьбою; не потому, чтобы Я въ этомъ нуждался, но чтобы они съ большимъ довѣріемъ приняли этотъ случай. Видящій себя въ нуждѣ, когда получитъ то, что ему нужно, остается послѣ того много благодарнымъ; а кто еще не чувствуетъ нужды, тотъ не почувствуетъ вполнѣ и живо и самаго благодѣянія. Для чего же, сказавъ: *не у пріиде часъ мой*, и такимъ образомъ отказавъ, Онъ однакожъ сдѣлалъ то, о чемъ говорила Ему Мать? Для того особенно, чтобы людямъ прекословящимъ и считающимъ Его подъ условіями времени, достаточно показать, что Онъ не подлежитъ времени. Если бы Онъ подлежалъ, то какъ бы Онъ сдѣлалъ то, что сдѣлалъ, когда еще не пришло надлежащее для того время? Онъ сдѣлалъ это также и изъ почтенія къ Матери, чтобы не показаться во всемъ ей противорѣчащимъ или не могущимъ этого сдѣлать, и чтобы тѣмъ не постыдить свою Мать въ присутствіи такого множества людей,—а она привела къ Нему и слугъ. Подобнымъ образомъ Онъ говорилъ и хананеянкѣ: *нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ и поврещи псомъ* (Матѳ. XV, 26); однакожъ послѣ такихъ словъ даровалъ ей

просимое, преклоненный ея неотступностію. Сказалъ также: *нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева* (Матѳ. xv, 24), но и послѣ этихъ словъ исцѣлилъ дочь этой женщины.

2. Отсюда научаемся, что, хотя бы мы были недостойны, однакожъ неотступными моленіями можемъ сдѣлать себя достойными получить (просимое). Потому и Мать надѣялась и слугъ привела съ тою цѣлію, чтобы просьба была отъ большаго числа людей. Потому она присовокупила: *еже аще глаголетъ вамъ, сотворите* (ст. 5). Она знала, что Онъ отказывалъ не по немощи, но по смиренію и для того, чтобы не подать мысли, будто Онъ самъ слишкомъ спѣшитъ къ совершенію чуда; потому и слугъ при-
135 вела. *Бѣху же ту водоносы каменни шесть, лежаще по очищенію іудейскому, вмѣстящіи по двѣма или тріемъ мѣрамъ. Глагола имъ Іисусъ: наполните водоносы воды, и наполниша ихъ до верха* (ст. 6, 7). Евангелистъ не безъ цѣли замѣтилъ: *по очищенію іудейскому*, а для того, чтобы кто-либо изъ невѣрующихъ не подозрѣвалъ, что въ сосудахъ были остатки вина, и поэтому, когда была влита и смѣшана съ ними вода, то составилось нѣкоторое, самое слабое, вино. Потому евангелистъ и говоритъ: *по очищенію іудейскому*, показывая тѣмъ, что въ сосудахъ тѣхъ никогда не хранилось вино. Палестина земля безводная, и тамъ не во всякомъ мѣстѣ можно находить источники и колодези; поэтому евреи всегда наполняли сосуды водою, чтобы не бѣгать на рѣки, когда они дѣлались нечистыми, но имѣть подъ рукою средство для очищенія. Но почему Онъ не сотворилъ чуда прежде, чѣмъ сосуды были наполнены водою — что было бы гораздо удивительнѣе? Иное вѣдь дѣло — измѣнить готовое вещество только по качеству, иное — произвести самое вещество изъ ничего. Конечно, это удивительнѣе; но для многихъ показалось бы не столь вѣроятнымъ. Потому-то Христосъ нерѣдко добровольно уменьшаетъ величіе чудесъ, чтобы только удобнѣе они могли быть пріемлемы. А почему, скажешь, Онъ не самъ произвелъ воду и потомъ обратилъ ее въ вино, а приказалъ влить ее слугамъ? Опять по той же причинѣ и для того, чтобы сами черпавшіе воду были свидѣтелями чуда и чтобы оно нисколько не показалось призракомъ. Если бы кто-либо сталъ безстыдно отвергать это, то слуги могли бы сказать: мы сами черпали воду. Кромѣ того Онъ ниспровергаетъ этимъ чудомъ и возродившееся, противное Церкви, ученіе. Есть такіе, которые говорятъ, что существуетъ нѣкоторый иной создатель міра и что видимое не Имъ сотворено, а какимъ-то другимъ враждебнымъ Ему богомъ [1]). Обуздывая такое безум-

---

[1]) Это лжеученіе манихеевъ.

ство, Христосъ большую часть чудесъ Своихъ творилъ изъ готовыхъ веществъ. Если бы Создатель міра былъ враждебенъ Ему, то Онъ не сталъ бы пользоваться чужими дѣлами для доказательства собственнаго могущества. Такъ и теперь, чтобы показать, что Онъ самъ Тотъ, кто прелагаетъ воду въ виноградъ и обращаетъ въ вино дождь, чрезъ корень винограда, — чтó въ растеніи совершается чрезъ долгое время, — въ одно мгновеніе Онъ дѣлаетъ это на бракѣ. Затѣмъ, какъ скоро слуги наполнили сосуды водою, Онъ говоритъ имъ: *почерпите нынѣ и принесите архитриклинови, и принесоша; якоже вкуси архитриклинъ вина, бывшаго отъ воды, и не вѣдяше, откуду есть: слуги же вѣдяху, почерпшіи воду; пригласи жениха архитриклинъ, и глагола ему: всякъ человѣкъ прежде доброе вино полагаетъ, и егда упіются, тогда хуждшее: ты же соблюлъ еси доброе вино доселѣ* (ст. 8—10). Опять и здѣсь нѣкоторые посмѣиваются, говоря: тамъ было собраніе людей пьяныхъ, вкусъ у цѣнителей уже былъ испорченъ, и они неспособны были ни понимать, ни судить о томъ, что тутъ дѣлалось, — такимъ образомъ они не могли распознать, вино ли то было, или вода, а что они были пьяны, это высказалъ самъ архитриклинъ. Правда, это очень смѣшно. Но евангелистъ уничтожаетъ и такое подозрѣніе. Онъ говоритъ, что не гости высказывали свое мнѣніе о случившемся, но архитриклинъ, который былъ трезвъ и еще не пилъ ничего. Вѣдь вы знаете, 136
что тѣ, которымъ поручается распоряженіе на такихъ пиршествахъ, болѣе всѣхъ бываютъ трезвы, потому что имѣютъ только одно дѣло — все устроить чинно и въ порядкѣ. Поэтому для засвидѣтельствованія чуда Христосъ и употребилъ трезвое чувство архитриклина. Онъ не сказалъ: наливайте вино возлежащимъ, а сказалъ: несите къ архитриклину. *Якоже вкуси архитриклинъ вина, бывшаго отъ воды, и не вѣдяше, откуду есть: слуги же вѣдяху; пригласи жениха архитриклинъ.* Почему же онъ не пригласилъ слугъ? Такимъ образомъ открылось бы и чудо. Причина та, что и самъ Іисусъ не открылъ совершившагося чуда, а хотѣлъ, чтобы сила Его знаменій была познаваема не вдругъ, но мало-по-малу. А если бы оно въ то же время было обнаружено, то разсказу слугъ о Немъ не повѣрили бы, но подумали бы, можетъ быть, что они не въ своемъ умѣ, такъ какъ приписываютъ это дѣло тому, котораго тогда многіе считали (человѣкомъ) обыкновеннымъ. Сами слуги, конечно, знали это дѣло хорошо по собственному опыту, и не могли не вѣрить своимъ рукамъ; но увѣрить въ томъ другихъ не имѣли возможности. Поэтому и самъ Христосъ не всѣмъ открылъ случившееся, а только тому, кто лучше другихъ могъ понять это, — представляя точнѣйшее

познаніе о чудѣ будущему времени. По совершеніи другихъ чудесъ, и это должно было сдѣлаться достовѣрнымъ. Такъ впослѣдствіи, когда Онъ исцѣлилъ сына царедворца, евангелистъ въ повѣствованіи объ этомъ даетъ разумѣть и то, что и это чудо тогда уже сдѣлалось болѣе гласнымъ. Царедворецъ потому особенно и призвалъ Іисуса, что узналъ, какъ я говорю, объ этомъ чудѣ. Это и объясняетъ Іоаннъ, когда говоритъ: *пріиде паки Іисусъ въ Кану галилейскую, идѣже претвори воду въ вино* (Іоан. IV, 46), да и не просто въ вино, а вино самое лучшее.

8. Таковы-то чудеса Христовы, что ихъ произведенія оказываются гораздо лучше и превосходнѣе тѣхъ, которыя совершаются природою. Такъ и въ другихъ случаяхъ, когда Христосъ исправлялъ какой-либо поврежденный членъ тѣла, то дѣлалъ его лучше членовъ здоровыхъ. А что произведенное изъ воды было дѣйствительно вино и притомъ самое лучшее, объ этомъ могли засвидѣтельствовать не только слуги, но и архитриклинъ и женихъ; а что оно произведено было Христомъ, это могли подтвердить слуги, черпавшіе воду. Такимъ образомъ, если бы и не открылось чудо въ то время, то не могли молчать о немъ впослѣдствіи времени. Итакъ, Христосъ много необходимыхъ свидѣтельствъ оставлялъ на будущее время. Что Онъ претворилъ воду въ вино, на это Онъ имѣлъ свидѣтелями слугъ; а что это было вино хорошее, на то — свидѣтели архитриклинъ иже нихъ. Вѣроятно, женихъ отвѣчалъ что-нибудь на слова архитриклина; но евангелистъ, поспѣшая къ дѣламъ важнѣйшимъ, коснулся только самаго чуда, а прочее миновалъ. Нужно было, конечно, знать, что Христосъ претворилъ воду въ вино; но что сказалъ женихъ архитриклину, присовокуплять это евангелистъ не почиталъ нужнымъ. Между тѣмъ многія чудеса, будучи сперва мало извѣстны въ подробностяхъ, съ теченіемъ времени стали болѣе извѣстны, потому что были разсказаны во всѣхъ своихъ подробностяхъ людьми, бывшими вначалѣ очевидцами ихъ. Но какъ въ то время Іисусъ претворилъ воду въ вино, такъ и тогда и нынѣ не перестаетъ прелагать нравы людей слабыхъ и разсѣянныхъ. Есть, есть, говорю, люди, ничѣмъ не отличающіеся отъ воды, — такъ они холодны, жидки, ни въ чемъ не тверды. Находящихся въ такомъ состояніи людей нашъ долгъ приводить къ Господу, чтобы Онъ благоволилъ нравамъ ихъ сообщить качество вина, чтобы они не разсѣивались, но пріобрѣли постоянство, на радость себѣ и другимъ.

137 Кто же это такіе холодные люди, какъ не тѣ, которые много занимаются дѣлами настоящей жизни, которые не презираютъ наслажденій этого міра, любители славы и власти? Все это п[illegible]

токи, никогда не останавливающіеся, но постоянно съ большою
стремительностію несущіеся въ бездну. Сегодня богатый, завтра
нищъ; сегодня является съ глашатаемъ, на колесницѣ, въ сопро-
вожденіи множества жезлоносцевъ, а на другой день нерѣдко
поселяется въ темницѣ, уступая, и противъ воли, другому это
самопрельщеніе. Такимъ же образомъ преданный роскоши и
пресыщенію, какъ бы ни наполнялъ своего чрева, даже на одинъ
день не можетъ удержать въ себѣ этого запаса, но, съ испражне-
ніемъ его, принуждается собирать новые запасы, не различаясь
такимъ образомъ ничѣмъ отъ потока. Какъ въ потокѣ, едва ми-
нуетъ одна струя, за ней выступаетъ другая, такъ и здѣсь, истлѣ-
ваетъ одна пища—и намъ нужна другая. Таково свойство жи-
тейскихъ вещей: они никогда не останавливаются, но всегда
текутъ и одна за другою увлекаются. Что же касается до удо-
вольствій сластолюбія, то они не только текутъ и проходятъ, но
еще приносятъ намъ много тревогъ. Когда имъ предаются съ
увлеченіемъ, то они и крѣпость тѣла ослабляютъ и душу лишаютъ
мужества. И не такъ сильное теченіе рѣкъ размываетъ берега и
обрушиваетъ ихъ, какъ сластолюбіе и пресыщеніе подрываетъ
всѣ опоры нашего здоровья. Пойди въ больницу и спроси объ
этомъ, — тамъ узнаешь, что отсюда происходятъ почти всѣ бо-
лѣзни. Умѣренная и простая трапеза — мать здоровья. Такъ назы-
ваютъ ее и врачи, признавая здоровымъ—не наѣдаться до сыта.
Умѣренность въ пищѣ, говорятъ они, и есть здоровье; а пища
скудная—мать здоровья. Если же умѣренность въ пищѣ источ-
никъ здоровья, то явно, что пресыщеніе источникъ болѣзней и
недуговъ и раждаетъ такія страданія, которыя превышаютъ и 138
самое искусство врачей. И дѣйствительно, боли въ ногахъ, боли
въ головѣ, въ глазахъ, въ рукахъ, дрожаніе всего тѣла, удары,
желтуха, продолжительныя острыя горячки и многія другія
болѣзни (теперь не время перечислять всѣ) обыкновенно ражда-
ются не отъ воздержанія и благоразумнаго образа жизни, а отъ
объяденія и пресыщенія. Если же хочешь знать и болѣзни души,
отсюда рождающіяся, то увидишь, что любостяжаніе, развратъ,
уныніе, лѣность, любострастіе и всѣ непотребства отсюда ведутъ
свое начало. Души людей, питающихся такими трапезами, ничѣмъ
не лучше ословъ: такъ терзаютъ ихъ эти звѣри. Говорить ли
еще о томъ, сколько скорбей и непріятностей получаютъ предан-
ные пресыщенію? Всѣхъ ихъ исчислить невозможно. Покажу все
въ одномъ и самомъ главномъ. Они никогда съ удовольствіемъ
не наслаждаются своимъ столомъ, даже самымъ роскошнымъ.
Воздержность — мать какъ здоровья, такъ и удовольствія; а пре-
сыщеніе—источникъ и корень какъ болѣзней, такъ и неудоволь-

ствія. Гдѣ пресыщеніе, тамъ не можетъ уже быть охоты (къ пищѣ); а гдѣ нѣтъ охоты, тамъ можетъ ли быть удовольствіе? Поэтому между людьми бѣдными мы находимъ такихъ, которые не только благоразумнѣе и здоровѣе богатыхъ, но и больше ихъ имѣютъ веселья. Обо всемъ этомъ размышляя, будемъ убѣгать пресыщенія и пьянства не только за трапезой, но и при всѣхъ житейскихъ обстоятельствахъ. Вмѣсто того будемъ лучше искать наслажденій духовныхъ и, по выраженію пророка, *насладимся Господеви* (*насладися*, говоритъ онъ, *Господеви, и дастъ ти прошенія сердца твоего*—Пс. XXXVI, 4), чтобы намъ вкусить и здѣшнихъ и будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIII.

Се сотвори начатокъ знаменіемъ Іисусъ въ Канѣ галилейстѣй (Іоан. II, 11).

187 1. Часто и сильно нападаетъ діаволъ, осаждая со всѣхъ сторонъ наше спасеніе. Потому надобно бодрствовать и трезвиться и отвсюду преграждать ему приступъ. Какъ скоро онъ встрѣтитъ хотя малый какой-либо случай, то уже приготовляетъ себѣ свободный доступъ, и мало-по-малу вводитъ всю свою силу. Итакъ, если мы сколько-нибудь дорожимъ нашимъ спасеніемъ, то не попустимъ ему и малыхъ нападеній на насъ, чтобы чрезъ то предотвратить бóльшія. Да и крайне безумно было бы — когда онъ показываетъ такое стараніе погубить нашу душу, намъ съ своей стороны не постоять даже и въ равной мѣрѣ за наше собственное спасеніе. Это не спроста сказано мною; а я боюсь, чтобы и нынѣ, незамѣтно для насъ, не вторгся внутрь нашего двора этотъ волкъ, и не похитилъ какой-нибудь овцы, по нерадѣнію или по злому навѣту уклоняющейся отъ стада и отъ настоящихъ нашихъ бесѣдъ. Если бы раны были чувственныя и только тѣло получало удары, то не трудно было бы распознавать его злоумышленія. Но какъ душа незрима и она-то именно получаетъ раны, то и нужно намъ много бодрствовать, чтобы
188 каждый испытывалъ самъ себя: *кто бо вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ* (1 Кор. II, 11)? Слово простирается ко всѣмъ и врачество предлагается общее для всѣхъ нуждающихся, но дѣло каждаго изъ слушающихъ самому принимать то, чтó нужно въ его болѣзни. Я не знаю больныхъ, не знаю и здоровыхъ; потому предлагаю всякаго рода

порученія, потребныя въ болѣзняхъ всякаго рода: обличаю то корыстолюбіе, то объяденіе; иногда осуждаю любострастіе; иной разъ восхваляю милосердіе и убѣждаю къ нему; иной разъ — другія добродѣтели. Я опасаюсь, чтобы, разсуждая въ поученіи объ одной болѣзни, не забыть уврачевать другихъ, тогда какъ вы страдаете ими. Если бы здѣсь при моей бесѣдѣ присутствовалъ только одинъ слушатель, я не считалъ бы слишкомъ нужнымъ разнообразить свои поученія; но какъ въ такомъ множествѣ людей конечно есть и много болѣзней, то не излишне намъ разнообразить назиданіе: слово, обращенное ко всѣмъ, безъ сомнѣнія принесетъ свою пользу. Поэтому-то и содержаніе Писанія разнообразно, и говоритъ намъ о безчисленномъ множествѣ предметовъ, такъ какъ обращаетъ слово свое къ общему естеству всѣхъ людей. А въ такомъ множествѣ людей, безъ сомнѣнія, есть всякаго рода болѣзни душевныя, хотя и не всѣ во всѣхъ. Потому, очищая себя отъ нихъ, будемъ же внимать слову Божію, 189
и, сосредоточивъ въ немъ наши мысли, выслушаемъ нынѣшнее его чтеніе. Что же это такое? *Се сотвори*, говоритъ Писаніе, *начатокъ знаменіемъ Іисусъ въ Канѣ галилейстѣй.* Нѣкоторые, какъ я и прежде говорилъ, утверждаютъ, что это не было началомъ вообще, Какъ же иначе, говорятъ, если тутъ прибавлено именно: *въ Канѣ галилейстѣй? Се сотвори*, сказано, *начатокъ въ Канѣ.* Но я не стану входить въ дальнѣйшее изслѣдованіе объ этомъ; мы уже прежде доказали, что Онъ началъ творить знаменія послѣ крещенія, а прежде крещенія не совершалъ никакихъ чудесъ. А это ли именно, или другое знаменіе было первымъ изъ совершенныхъ Имъ послѣ крещенія, объ этомъ, мнѣ кажется, нѣтъ надобности слишкомъ много разсуждать. *И яви славу свою.* Какимъ образомъ? Вѣдь свидѣтелями событія были не многіе, а только служители, архитриклинъ и женихъ? Какъ же Онъ явилъ славу Свою? Онъ явилъ ее съ Своей стороны. А если и не тогда, то впослѣдствіи должны были всѣ услышать объ этомъ чудѣ, такъ какъ оно донынѣ прославляется и не забыто. Но что въ тотъ день не всѣ узнали объ этомъ, видно изъ послѣдующаго. Евангелистъ, сказавъ: *яви славу свою*, присовокупляетъ: *и вѣроваша въ него ученицы его* (ст. 11), т. е. тѣ, которые и прежде того уже дивились Ему. Видишь ли, что нужно было тогда въ особенности творить знаменія, когда присутствовали люди добросовѣстные и внимательные къ событіямъ? Такіе и скорѣе могли вѣровать и болѣе вниманія обращать на событія. Да и какъ Онъ могъ бы быть познанъ безъ знаменій? Ученіе же и пророчество, соединенныя съ чудотвореніями, могутъ расположить души слушателей къ тому, чтобы они съ усердіемъ внимали событіямъ, какъ скоро душа уже напередъ къ тому

приготовлена. Поэтому-то евангелисты не рѣдко говорятъ, что въ иныхъ мѣстахъ Онъ не сотворилъ знаменій по причинѣ превратнаго направленія людей, живущихъ тамъ. *По семъ сниде въ Капернаумъ самъ, и мати его, и братія его, и ученицы его: и ту немноги дни пребыша* (ст. 12). Для чего Онъ приходитъ въ Капернаумъ съ Матерію? Тамъ Онъ не сотворилъ никакого чуда, и жители того города не были изъ числа благорасположенныхъ къ Нему, а притомъ были еще и самые развращенные: это и самъ Христосъ замѣтилъ, сказавъ: *и ты Капернауме, иже до небесъ вознесыйся, до ада низведешися* (Лук. х, 15). Итакъ, для чего же Онъ приходитъ туда? Мнѣ кажется, что, намѣреваясь спустя немного времени отправиться во Іерусалимъ, Онъ для того тогда пошелъ въ Капернаумъ, чтобы не всюду водить съ собою братьевъ и Мать. Такимъ образомъ, отправившись туда и пробывъ немного времени изъ уваженія къ Матери, Онъ оставилъ тамъ свою Родительницу, и потомъ опять начинаетъ творить чудеса. Потому и сказано, что Онъ *не по мнозѣхъ днехъ взыде во Іерусалимъ* (ст. 13). Слѣдовательно, Онъ крестился не задолго до Пасхи. Но что Онъ дѣлаетъ, прибывши въ Іерусалимъ? Дѣло, выражающее Его великую власть. Мѣновщиковъ денегъ, торжниковъ, которые продавали голубей, воловъ и овецъ, затѣмъ и пребывали тамъ, Онъ изгоняетъ вонъ.

2. Другой евангелистъ повѣствуетъ, что, изгоняя ихъ, Онъ говорилъ: *не творите дому Отца моего вертепъ разбойникомъ* (Мат. ххі, 13); а св. Іоаннъ выражаетъ это такъ: *не творите дому купли* (Іоан. ІІ, 16). Но евангелисты не противорѣчатъ другъ другу; а даютъ видѣть, что Онъ сдѣлалъ это въ два раза, и что оба случая были не въ одно и тоже время: въ первый разъ Онъ совершилъ это въ началѣ (своей проповѣди), а во второй—когда уже шелъ на самыя страданія. Потому въ послѣдній-то разъ употребилъ Онъ и сильнѣйшія выраженія, назвавъ то мѣсто вертепомъ разбойниковъ; а въ началѣ знаменій не такъ, но употребилъ болѣе кроткое обличеніе. Итакъ вѣроятно, что Онъ сдѣлалъ это въ два раза. Для чего же, скажешь ты, Христосъ сдѣлалъ это, и притомъ употребилъ такую строгость, какъ Онъ нигдѣ — кажется — не дѣлалъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда Его оскорбляли, поносили, называли самаряниномъ и даже одержимымъ бѣсами? А здѣсь Онъ даже не удовольствовался одними только словами; но и взялъ бичъ, и такимъ образомъ изгналъ ихъ. Между тѣмъ іудеи, когда Онъ другимъ благодѣтельствовалъ, обвиняютъ Его и ожесточаются; а когда имъ, повидимому, надлежало бы отъ Его прещеній придти въ гнѣвъ, не поступаютъ съ Нимъ такимъ образомъ: они не порицаютъ или не оскорбляютъ Его; а что говорятъ? *Кое знаменіе являеши намъ, яко сія твориши* (ст. 18)? В:

дишь ли крайнюю завистливость ихъ,—какъ благодѣянія, другимъ оказанныя, болѣе всего раздражали ихъ? Итакъ, въ одинъ разъ Онъ говорилъ, что храмъ сдѣлался отъ нихъ вертепомъ разбойниковъ, показывая тѣмъ, что продаваемое было пріобрѣтено воровствомъ, грабительствомъ и лихоимствомъ, и что они обогащались несчастіями другихъ; а въ другой разъ—домомъ купли, изобличая безстыдство ихъ въ торговлѣ. Но для чего Онъ сдѣлалъ это? Такъ какъ, впослѣдствіи времени, Онъ сталъ исцѣлять въ субботу и дѣлать многое такое, что казалось имъ преступленіемъ закона, то чтобы не считали Его богопротивникомъ и дѣлающимъ это вопреки воли Отца, Онъ этимъ случаемъ и предупреждаетъ такую мысль ихъ. Тотъ, кто показалъ столь великую ревность о домѣ, конечно, не имѣлъ намѣренія противиться Владыкѣ дома, въ немъ чтимому. Правда, и предшествовавшіе годы, въ которые Онъ жилъ согласно съ закономъ, могли достаточно показать Его уваженіе къ Законодателю и то, что Онъ не пришелъ узаконять что-либо противное Ему. Но какъ эти годы, вѣроятно, съ теченіемъ времени преданы забвенію, да и не всѣмъ были извѣстны (потому что Онъ воспитывался въ домѣ бѣдномъ и незнатномъ), то Онъ и дѣлаетъ это въ присутствіи всего народа, собравшагося по случаю приближенія праздника, и притомъ съ опасностію для Себя самого. Онъ не просто выгналъ ихъ; но и столы низвергъ, и деньги разсыпалъ, давая имъ изъ этого понять, что подвергающій Себя опасности за благочиніе въ домѣ не станетъ презирать Владыку дома. Если бы Онъ дѣлалъ это притворно, то могъ бы употребить только убѣжденіе; а подвергать Себя опасностямъ—это слишкомъ смѣло. Вѣдь не маловажное дѣло предать Себя такой ярости торжниковъ, ожесточать противъ Себя невѣжественную толпу людей корчемныхъ, посрамляя ихъ и вводя въ убытки: это свойственно не лицемѣру, а человѣку готовому потерпѣть все за благолѣпіе дома. Потому Онъ не дѣлами только, но и самыми словами своими выражаетъ единеніе свое съ Домовладыкою; не говоритъ: домъ святый, а домъ *Отца моего*. Вотъ, называетъ Его и Отцемъ своимъ, и они не негодуютъ на это: думали, что Онъ говоритъ такъ вообще. Но когда впослѣдствіи сталъ Онъ выражать это яснѣе, такъ что внушалъ мысль о своемъ равенствѣ съ Отцемъ, тогда они приходили въ ярость. Что же они теперь? *Кое знаменіе*, говорятъ, *являеши намъ, яко сія твориши*? О, крайнее безуміе! Имъ нужно 141
знаменіе, чтобы отстать отъ худыхъ дѣлъ, и освободить домъ Божій отъ такого уничиженія! А возъимѣть столь великую ревность о домѣ Божіемъ развѣ не есть величайшее знаменіе добродѣтели? Благонамѣренные люди оказались и здѣсь: *помянуша*,

сказано, *ученицы его, яко писано есть: ревность дому твоего снѣде мя* (Іоан. II, 17; Псал. XLVIII, 10). Но іудеи не вспомнили о пророчествѣ, а говорили: *кое знаменіе являеши намъ*, съ одной стороны жалѣя о потерѣ своей постыдной прибыли, и надѣясь воспрепятствовать Ему въ томъ, съ другой желая вызвать Его къ совершенію чуда, чтобы унизить поступокъ Его. Потому Онъ и не даетъ имъ знаменія. Такъ и прежде, когда они приступали и требовали чуда, Онъ отвѣчалъ имъ: *родъ лукавъ и прелюбодѣйный знаменія ищетъ: и знаменіе не дастся ему, токмо знаменіе Іоны* (Матѳ. XVI, 4). Впрочемъ, тогда Онъ отвѣчалъ имъ яснѣе, а теперь болѣе загадочнымъ образомъ. А дѣлаетъ Онъ это по причинѣ крайней ихъ безчувственности. Тотъ, кто предупреждалъ не просившихъ и давалъ имъ знаменія, Тотъ — конечно — не отказалъ бы требовавшимъ, если бы не видѣлъ въ нихъ мыслей злыхъ и лукавыхъ и коварнаго ихъ намѣренія. Замѣть, какой злобы исполненъ и самый вопросъ ихъ. Имъ слѣдовало бы похвалить Его усердіе и ревность; слѣдовало бы изумляться тому, какую заботливость Онъ оказываетъ о домѣ Божіемъ; а они обвиняютъ Его, утверждая, что здѣсь корчемствовать позволительно, а прекращать корчемство не позволительно, если не будетъ показано какое-либо знаменіе. Что же Христосъ? *Разорите*, говоритъ, *церковь сію, и треми деньми воздвигну ю* (Іоан. II, 19). Онъ и много такого говорилъ, чтó тогдашнимъ слушателямъ не было понятно, а только впослѣдствіи могло быть ясно. Для чего же Онъ дѣлалъ это? Чтобы доказалось Его предвѣдѣніе будущихъ событій, когда исполнится предсказанное, — какъ дѣйствительно случилось и относительно этого пророчества. *Егда воста*, сказано, *отъ мертвыхъ, помянуша ученицы его, яко се глаголаше: и вѣроваша Писанію и словеси, еже рече Іисусъ* (ст. 22). А въ то время, когда Онъ говорилъ, они недоумѣвали, какимъ образомъ можетъ исполниться сказанное; другіе же возражали такъ: *четыре десять и шестію лѣтъ создана бысть церковь сія, и ты ли треми денми воздвигнеши ю* (ст. 20)? Они говорятъ: *сорокъ шесть лѣтъ*, разумѣя построеніе послѣдняго храма, потому что первый былъ оконченъ въ двадцать лѣтъ.

3. Почему же Онъ не объяснилъ этой притчи, и не сказалъ: Я говорю не объ этомъ храмѣ, но о плоти Моей? Уже впослѣдствіи евангелистъ, когда писалъ евангеліе, то истолковалъ это изреченіе; а самъ Онъ въ то время умолчалъ? Почему же умолчалъ? Потому, что они не приняли бы словъ Его: если даже ученики Его не были тогда способны разумѣть сказанное, то тѣмъ болѣе—народъ. *Егда же*, говоритъ евангелистъ, *воста Іисусъ отъ мертвыхъ, тогда помянуша и вѣроваша словеси и Писанію*. Два пред-

мета здѣсь представлялись имъ: Его воскресеніе, и вопросъ еще болѣе важный: Богъ ли былъ Тотъ, кто обиталъ въ этомъ храмѣ? То и другое Онъ давалъ разумѣть въ словахъ: *разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю.* Это и Павелъ представляетъ, какъ не малое знаменіе божественности Его, говоря такъ: *нареченнѣмъ Сынѣ Божіи въ силѣ, по Духу святыни, изъ воскресенія отъ мертвыхъ, Іисуса Христа* (Рим. I, 4). Почему же Онъ именно это знаменіе даетъ и тамъ и здѣсь и вездѣ, говоря или такъ: *аще азъ вознесенъ буду* (Іоан. XII, 32), или: *егда вознесете Сына человѣческаго, тогда уразумѣете, яко азъ есмь* (VIII, 28); также: *не дастся вамъ знаменіе, токмо знаменіе Іоны* (Матѳ. XVI, 4), и здѣсь опять: *треми денми воздвигну ю?* Да то въ особенности и показывало въ Немъ 142
не простого человѣка, что Онъ могъ одержать побѣду надъ смертію и такъ скоро разрушить долговременное ея владычество и прекратить тяжкую брань. Потому и говоритъ: *тогда уразумѣете.* Когда это? Когда воскресши *привлеку* къ себѣ вселенную (Іоан. VIII, 28),—тогда-то уразумѣете, что и это сдѣлалъ Я, какъ Богъ и истинный Сынъ Божій, наказывая за оскорбленіе Отца. Почему же Онъ не сказалъ, какія нужны были знаменія для прекращенія бывшаго зла, а только обѣщалъ дать знаменіе? Потому что такимъ образомъ Онъ еще болѣе ожесточилъ бы ихъ, а теперь болѣе поразилъ. Впрочемъ, они ничего не сказали на это; имъ казалось, что Онъ говоритъ нѣчто невѣроятное, и потому они не продолжали еще спрашивать Его; они оставили это безъ вниманія, какъ дѣло несбыточное. Но если бы они имѣли смыслъ, то, хотя бы это и казалось имъ тогда невѣроятнымъ,—по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи времени, когда Онъ сотворилъ уже множество знаменій, они могли бы придти и спросить Его о томъ, чтобы разрѣшить свое недоумѣніе. Но какъ они были несмысленны, то на одни слова Его вовсе не обращали вниманія, а другія выслушивали съ злымъ умысломъ. Потому и Христосъ говорилъ имъ въ притчахъ.

Но представляется еще такой вопросъ: какимъ образомъ ученики не знали, что ему надлежало воскреснуть изъ мертвыхъ? Это потому, что они тогда еще не были удостоены благодати Святаго Духа. Поэтому, хотя часто слышали слово о воскресеніи, но нисколько не разумѣли, а только разсуждали между собою, чтó бы это значило. Въ самомъ дѣлѣ, весьма странно и дивно было слышать, чтобы кто-нибудь могъ воскресить самого себя и воскресить такимъ образомъ. Потому и Петръ подвергся упреку, когда, не разумѣя ничего о воскресеніи, сказалъ: *милосердъ ты, Господи* (Матѳ. XVI, 22). Да и Христосъ ясно не открывалъ имъ этого прежде самаго событія, чтобы они не соблазня-

лись,—такъ какъ вначалѣ еще не вѣрили словамъ Его, по причинѣ великой ихъ странности, и потому, что еще не знали ясно, кто Онъ. Тому, о чемъ громко вопіяли самыя событія, никто не могъ не вѣрить; а что говорилось только на словахъ, тому конечно не всѣ хотѣли вѣрить. Поэтому сначала Онъ оставилъ это ученіе прикровеннымъ; когда же самымъ дѣломъ доказалъ истину словъ Своихъ, тогда наконецъ сообщилъ и разумѣніе ихъ и такую благодать Духа, что ученики Его все вдругъ постигли. *Той*, говорится, *воспомянетъ вамъ вся* (Іоан. XIV, 26). Если они, потерявъ все уваженіе къ Нему въ одинъ вечеръ, разбѣжались и даже говорили, что и не знаютъ Его, не получивъ особенной благодати Духа, то едва ли бы они припомнили все сдѣланное и сказанное Христомъ во все время (жизни Его). Если же, скажешь ты, они должны были услышать все отъ Духа, а сами не могли удержать въ памяти всего ученія Христова, то какая была имъ нужда пребывать со Христомъ? Но это было нужно потому, что Духъ собственно не училъ ихъ, а только приводилъ на память то́, что прежде говорилъ Христосъ; но и посланіе Духа для напоминанія имъ сказаннаго не мало содѣйствовало славѣ Христовой. Итакъ, сначала это было милостью Божіею, что на нихъ ниспослана благодать Духа столь великая и обильная; а послѣ было уже ихъ добродѣтелію то, что они усвоили себѣ этотъ даръ. Они показали жизнь свѣтлую, великую мудрость и великіе подвиги, и презирали жизнь настоящую, ни во что вмѣняли все человѣческое, но были выше всего, и, какъ легкіе орлы, парящіе на высоту, дѣлами своими достигали самаго неба, чѣмъ и пріобрѣли неизреченную благодать Духа. Будемъ же подражать имъ
143 и мы, и не угасимъ свѣтильниковъ нашихъ, но соблюдемъ въ нихъ свѣтъ милосердіемъ. Такимъ именно образомъ поддерживается пламень этого огня. Будемъ же собирать елей въ сосуды, пока мы находимся здѣсь, потому что по отшествіи туда уже нельзя купить его; пріобрѣсть его можно не иначе, какъ только чрезъ руки бѣдныхъ. Будемъ собирать его здѣсь въ обиліи, если
144 хотимъ войти (въ чертогъ) съ Женихомъ; иначе должны будемъ остаться внѣ чертога. Невозможно, совершенно невозможно войти въ преддверіе царства безъ милосердія, хотя бы мы совершили множество другихъ добрыхъ дѣлъ. Потому будемъ оказывать милосердіе съ полнымъ усердіемъ, чтобы насладиться неизреченныхъ благъ, которыхъ и да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, которому вѣчная слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIV.

Егда же бѣ во Іерусалимѣхъ въ праздникъ Пасхи, мнози вѣроваша во имя его (Іоан. II, 23).

1. Между людьми того времени [1]) одни увлекались заблужденіями, другіе держались истины; но и изъ этихъ послѣднихъ нѣкоторые принимали истину только на краткое время, а потомъ отпадали отъ нея. Такихъ-то людей Христосъ разумѣлъ въ притчѣ, уподобляя сѣменамъ, лежащимъ не глубоко, но имѣющимъ корни на поверхности земли, которыя оттого, говорилъ Онъ, скоро и погибаютъ. На нихъ же и евангелистъ указываетъ здѣсь, когда говоритъ: *егда же бѣ во Іерусалимѣхъ въ праздникъ Пасхи, мнози вѣроваша во имя его, видяще знаменія его, яже творяше. Самъ же Іисусъ не вдаяше себе въ вѣру ихъ* (Іоан. II, 23, 24). Гораздо вѣрнѣе были тѣ ученики, которые не знаменіями только были привлекаемы ко Христу, но и ученіемъ Его; знаменія увлекали болѣе грубыхъ, а болѣе разумныхъ—пророчества и ученіе. Потому тѣ, которые были плѣнены ученіемъ, были тверже привлеченныхъ знаменіями; ихъ-то и Христосъ ублажалъ, когда говорилъ: *блажени не видѣвшіи, и вѣровавше* (Іоан. XX, 29). А что послѣдніе были не изъ истинныхъ учениковъ, это показываетъ и присовокупленіе слѣдующихъ словъ: *самъ же Іисусъ не вдаяше себе въ вѣру ихъ*. Почему? *Зане самъ вѣдяше вся: и яко не требоваше, да кто свидѣтельствуетъ о человѣцѣхъ: самъ бо вѣдяше, что бѣ въ человѣцѣ* (ст. 24). Смыслъ этихъ словъ такой: Онъ не обращалъ вниманія на одни слова, проникалъ въ самыя сердца и входилъ въ мысли; ясно видя только временную ихъ горячность, Онъ не довѣрялъ имъ, какъ уже рѣшительнымъ ученикамъ, не проповѣдывалъ имъ всего ученія, какъ бы уже сдѣлавшимся твердыми въ вѣрѣ. А знать, что есть въ сердцѣ людей, свойственно Тому, кто *создалъ наединѣ сердца ихъ* (Пс. XXXII, 15), т. е. одному Богу, такъ какъ сказано: *ты вѣси сердца единъ* (3 Цар. VIII, 39). Онъ не имѣлъ нужды въ свидѣтеляхъ, чтобы знать мысли собственныхъ своихъ созданій: потому и не довѣрялъ имъ въ ихъ временной вѣрѣ. Люди, не знающіе ни настоящаго, ни будущаго, часто безъ всякаго разбора и говорятъ, и сообщаютъ все даже такимъ, которые съ хитростію подступаютъ къ нимъ и потомъ скоро оставляютъ ихъ. Но Христосъ не такъ; Онъ зналъ все въ нихъ сокровенное. И нынѣ много такихъ, которые носятъ имя вѣрующихъ, но непостоянны и легко всѣмъ увлекаются; потому и нынѣ Христосъ 143

[1]) Т. е. между современниками Іисуса Христа.

не ввѣряетъ Себя имъ, а весьма многое скрываетъ отъ нихъ. Какъ мы ввѣряемся не всякимъ друзьямъ, а только искреннимъ, такъ и Богъ. Вотъ послушай, что говоритъ Христосъ ученикамъ:
144 *не ктому васъ глаголю рабы: вы друзи мои есте*. Какъ и почему? *Яко вся, яже слышахъ отъ Отца моего, сказахъ вамъ* (Іоан. xv, 14, 15). Такимъ образомъ іудеямъ, просившимъ знаменій, Онъ не далъ, потому что они просили, желая только искусить Его. Да и нынѣ, какъ тогда, просить знаменій не значитъ ли искушать? Между тѣмъ и нынѣ есть люди, которые ищутъ знаменій, и говорятъ: почему нынѣ знаменій нѣтъ? Но если ты вѣрующій, какимъ долженъ быть, если любишь Христа, какъ слѣдуетъ любить, то ты не имѣешь нужды въ знаменіяхъ: онѣ даются невѣрнымъ. Почему же они не были даны іудеямъ? — спросишь ты. Нѣтъ, имъ-то наиболѣе и даны были. Если же въ нѣкоторыхъ случаяхъ іудеи, и требуя знаменій, не получали ихъ, то это потому, что требовали ихъ не съ тѣмъ, чтобы оставить свое невѣріе, а чтобы еще больше утвердиться въ злобѣ своей. *Бѣ же человѣкъ отъ фарисей, Никодимъ имя ему, князь жидовскій. Сей пріиде ко Іисусу нощію* (Іоан. III, 1, 2). Этотъ Никодимъ, какъ видно изъ евангелія, и послѣ возвышалъ голосъ свой за Христа; онъ говорилъ: *законъ нашъ никогоже судитъ, аще не слышитъ прежде* (Іоан. VII, 51). Но іудеи съ негодованіемъ сказали ему: *испытай и виждь, яко пророкъ отъ Галилеи не приходитъ* (ст. 52). Да и послѣ распятія на крестѣ, онъ также показалъ много заботливости при погребеніи тѣла Господня. *Пріиде же*, говоритъ Писаніе, *и Никодимъ, пришедый ко Іисусови нощію прежде, нося смѣшеніе смирнено и алойно, яко литръ сто* (Іоан. XIX, 39). Такъ и теперь онъ былъ благорасположенъ ко Христу, но не столько, сколько слѣдовало, и не съ надлежащею мыслію о Немъ: онъ былъ еще подверженъ іудейскимъ слабостямъ. Потому онъ и приходилъ ночью, боясь сдѣлать это днемъ. Впрочемъ человѣколюбецъ Богъ и при этомъ не отвергъ его, не укорилъ и не лишилъ Своего ученія, а съ великою кротостію бесѣдуетъ съ нимъ, открываетъ ему весьма высокіе предметы вѣры, хотя и гадательно, но все же открываетъ. Человѣкъ этотъ былъ гораздо болѣе достоинъ снисхожденія, нежели тѣ, которые дѣлали это изъ лукавства. Послѣдніе не заслуживали никакого прощенія; а тотъ, хотя и достоинъ былъ обличенія, но не въ такой степени. Почему же евангелистъ ничего этого не сказалъ о немъ? Онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что *и отъ князь мнози вѣроваша въ него: но фарисей ради не исповѣдоваху, да не изъ сонмищъ изгнани будутъ* (Іоан. XII, 42). Здѣсь же все это онъ выразилъ однимъ замѣчаніемъ о приходѣ его въ ночное время. Что же Никодимъ говоритъ? *Равви, вѣмы, яко отъ Бога пришелъ еси учи-*

тель: никто же бо можетъ знаменій сихъ творити, яже ты твориши, аще не будетъ Богъ съ нимъ (Іоан. III, 2).

2. Никодимъ еще долу вращается; еще человѣческое понятіе имѣетъ о Христѣ и говоритъ о Немъ, какъ о пророкѣ, не предполагая въ Немъ ничего особеннаго по знаменіямъ. *Вѣмы*, говорятъ, *яко отъ Бога пришелъ еси учитель*. Для чего же ты приходишь ночью и тайно къ Тому, кто говоритъ божественное и пришелъ отъ Бога? Почему не бесѣдуешь съ Нимъ открыто? Но Іисусъ и этого не сказалъ ему и не обличилъ его: Онъ *трости сокрушены не преломитъ*, говоритъ Писаніе, *и льна внемшася не угаситъ, не преречетъ, ни возопіетъ* (Ис. XLII, 3); да и самъ Онъ го- 145
воритъ: *не пріидохъ, да сужду мірови, но да спасу міръ* (Іоан. XII, 47). *Никтоже можетъ знаменій сихъ творити, яже ты твориши, аще не будетъ Богъ съ нимъ*. Итакъ, Никодимъ выражаетъ еще мысль еретическую, когда говоритъ, что Іисусъ совершаетъ дѣла Свои при постороннемъ содѣйствіи, и имѣетъ нужду въ помощи другихъ. Что же Христосъ? Смотри, какое крайнее снисхожденіе! Онъ не сказалъ: Я нисколько не имѣю нужды въ помощи другихъ, но творю все Своею властію, потому что Я истинный Сынъ Божій и имѣю одинаковую силу съ Родившимъ Меня. Онъ не говорилъ этого, потому что это было еще недоступно для слушателя. Я всегда говорю, и теперь скажу, что Христосъ имѣлъ намѣреніе въ то время не столько открывать собственное достоинство, сколько убѣждать, что Онъ ничего ни дѣлалъ противъ воли Отца. Поэтому въ словахъ Онъ постоянно является кроткимъ, а въ дѣлахъ — не такъ; но когда творитъ чудеса, то дѣлаетъ все со властію. Такъ Онъ говоритъ: *хощу, очистися* (Марк. I, 41); *Талиѳа, востани* (V, 41); *простри руку твою* (Матѳ. XII, 13); *оставляются грѣси твои* (Лук. V, 20); *молчи, престани* (IV, 39); *возми одръ твой, и иди въ домъ твой* (II, 11); *тебѣ глаголю, душе нечистый: изыди изъ него* (Лук. IV, 35; VIII, 29); *буди тебѣ, якоже хощеши* (Матѳ. XV, 28); *аще вама кто речетъ что, речета, яко Господь ею требуетъ* (Матѳ. XXI, 3); *днесь со мною будеши въ раи* (Лук. XXIII, 43); *слышасте, яко речено бысть древнимъ: не убіеши; азъ же глаголю вамъ, яко всякъ гнѣвайся на брата своего всуе, повиненъ есть суду* (Матѳ. V, 21, 22); *грядите по мнѣ, и сотворю вы ловца человѣкомъ* (IV, 19). И во всѣхъ случаяхъ мы видимъ великую власть Его. Въ дѣлахъ никто не могъ осудить Его за то, что происходило. Да и какъ это было возможно? Если бы слова Его не сбывались и не исполнялись сообразно Его повелѣнію, то могъ бы кто-нибудь изъ іудеевъ сказать, что повелѣнія Его происходили отъ тщеславія; а такъ какъ всѣ они исполнялись, то совершеніе событій невольно заграждало уста ихъ. Что же касается до словъ,

то іудеи могли бы, по безстыдству своему, обвинять Его въ тщеславіи.

Такъ и теперь, въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, Онъ ясно не высказываетъ ничего высокаго, но загадочнымъ образомъ возводитъ его отъ унизительныхъ мыслей, научая, что Онъ самъ по себѣ силенъ творить чудеса, такъ какъ Отецъ родилъ Его совершеннымъ, всесильнымъ въ самомъ Себѣ и не имѣющимъ ничего несовершеннаго. Но посмотримъ, какъ именно Онъ это доказываетъ. Никодимъ говоритъ: *равви, вѣмы, яко отъ Бога пришелъ еси учитель: никтоже бо можетъ знаменій сихъ творити, яже ты твориши, аще не будетъ Богъ съ нимъ* (Іоан. III, 2). Онъ думалъ, что, говоря такъ о Христѣ, онъ сказалъ нѣчто великое. Что же Христосъ? Показываетъ ему, что онъ еще не достигъ и преддверія истиннаго вѣдѣнія, не стоитъ даже и предъ вратами его, но еще блуждаетъ гдѣ-то внѣ царствія — и онъ самъ, и всякій, кто сталъ бы говорить такимъ образомъ; что еще не проникъ въ истинное вѣдѣніе тотъ, кто имѣетъ такое понятіе о Единородномъ. Что же именно говоритъ Христосъ? *Аминь, аминь глаголю тебѣ, аще кто не родится свыше, не можетъ видѣти царствія Божія* (ст. 3). Т. е., если ты не родишься свыше и не получишь точнаго познанія о предметахъ вѣры, то будешь блуждать и останешься далеко внѣ царствія небеснаго. Впрочемъ Онъ не говоритъ такъ ясно, но чтобы не сдѣлать словъ Своихъ слишкомъ тягостными, не прямо къ нему обращается, а говоритъ неопредѣленно: *аще кто не родится*, какъ бы такъ говоря: если ты или другой кто-либо думаетъ обо Мнѣ такимъ образомъ, то вы на-
146 ходитесь внѣ царствія. Если бы не такой именно смыслъ заключался въ словахъ Его, то отвѣтъ не соотвѣтствовалъ бы словамъ Никодима. Если бы услышали это іудеи, то они ушли бы со смѣхомъ; но Никодимъ и въ этомъ случаѣ показываетъ свою любознательность. Для того-то Христосъ часто и говорилъ не ясно, чтобы побудить слушателей къ вопросамъ и сдѣлать ихъ болѣе внимательными. Ясно сказанное нерѣдко проходитъ мимо слуха, а неясное дѣлаетъ слушателя внимательнѣе и усерднѣе. Итакъ, слова Христовы имѣютъ такой смыслъ: если ты не родишься свыше, если не пріобщишься Духа посредствомъ бани пакибытія, то не сможешь получить надлежащаго обо Мнѣ понятія; а это (твое) понятіе не духовное, но душевное. Впрочемъ онъ говоритъ такимъ образомъ не съ тѣмъ, чтобы поразить Никодима, излагавшаго собственное мнѣніе, сколько онъ могъ вмѣстить, но чтобы незамѣтнымъ образомъ возвести его къ высшему разумѣнію: *аще*, говоритъ Онъ, *кто не родится свыше*. Подъ словомъ — *свыше* здѣсь одни разумѣютъ: *съ неба*, другіе: *снова*.

Тому, говоритъ Онъ, кто не родился такимъ образомъ, невозможно увидѣть царствія Божія, разумѣя здѣсь Себя самого и показывая, что Онъ былъ не тѣмъ только, что видѣли въ Немъ, и что нужны еще другія глаза, чтобы видѣть въ Немъ Христа. Никодимъ, услышавъ это, говоритъ: *како можетъ человѣкъ родитися, старъ сый* (Іоан. ш, 4)? Какъ? Ты называешь Его *учителемъ* и говоришь, что Онъ пришелъ отъ Бога, а словъ Его не принимаешь и высказываешь учителю мысль, выражающую странное недоумѣніе? Это *какъ* — есть выраженіе людей не очень вѣрующихъ, есть недоумѣніе мыслящихъ земное. Такъ и Сарра смѣялась, когда говорила: *какъ?* Такъ и многіе другіе, съ подобными вопросами, отпали отъ вѣры.

3. Такъ и еретики упорствуютъ въ ереси, предлагая такіе же вопросы. Одни изъ нихъ говорятъ: *какъ* воплотился? Другіе: *какъ* родился? И такимъ образомъ слабымъ своимъ умамъ подчиняютъ Существо безпредѣльное. Зная это, намъ должно избѣгать такого неумѣстнаго любопытства. Возбуждающіе такіе вопросы и не узнаютъ того: *какъ*, и отпадутъ отъ православія. Такъ и Никодимъ съ недоумѣніемъ спрашиваетъ о способѣ. Онъ понялъ, что сказанное относится и къ нему; оттого смущается, колеблется, приходитъ въ затрудненіе — потому, что пришедши (къ I. Христу), какъ къ человѣку, онъ слышитъ нѣчто вышечеловѣческое, чего еще никто никогда не слыхалъ; онъ съ одной стороны возвышается до высоты предлагаемаго ученія, съ другой окружается мракомъ и не знаетъ, на чемъ остановиться, увлекаясь туда и сюда и отпадая отъ вѣры. Потому и продолжаетъ представлять это, какъ дѣло невозможное, чтобы вызвать Его къ яснѣйшему изложенію ученія: *еда*, говоритъ, *можетъ человѣкъ второе внити во утробу матере своея и родитися* (ст. 4)? Видите, какъ говоритъ смѣшно человѣкъ, подчиняющій духовное собственнымъ понятіямъ; онъ находится какъ бы въ бреду и опьяненіи, какъ скоро начинаетъ сказанное изслѣдовать болѣе, нежели сколько угодно Богу, а не принимаетъ въ простотѣ вѣры. Онъ слышитъ о духовномъ рожденіи, но не думаетъ о духовномъ, а низводитъ сказанное до уничиженія плоти, и столь великое и высокое ученіе подводитъ подъ естественный порядокъ вещей. Вотъ почему онъ выдумываетъ вопросы и смѣшныя недоумѣнія. Потому-то и Павелъ говоритъ, что *душевенъ человѣкъ не пріемлетъ, яже Духа Божія* (1 Кор. II, 14). Впрочемъ Никодимъ и послѣ этого соблюдаетъ уваженіе ко Христу: не
сталъ смѣяться надъ словами Его, а только, считая дѣло невоз- 147
можнымъ, молчалъ. Два предмета были ему непостижимы: такое рожденіе и царствіе. У [illegible] никогда не было слышно даже

названія такого рожденія и такого царствія. Впрочемъ Никодимъ пока останавливается на первомъ, такъ какъ этотъ предметъ наиболѣе поразилъ его умъ.

Зная это, не будемъ же испытывать своимъ умомъ таинъ божественныхъ, не станемъ подводить ихъ подъ порядокъ обыкновенныхъ у насъ вещей, и подчинять законамъ естества; но будемъ разумѣть все благочестиво, вѣруя тому, что сказано въ Писаніяхъ. Слишкомъ любопытствующій изслѣдователь не пріобрѣтаетъ никакой пользы, и кромѣ того, что не находитъ искомаго, подвергается еще крайнему осужденію. Ты слышишь, что (Отецъ) родилъ? Вѣруй тому, что слышишь; но *какъ* (родилъ), этого не испытывай, чтобы чрезъ то не отвергнуть и самаго рожденія, — что было бы крайне безразсудно. Если Никодимъ, услышавъ о рожденіи, не объ этомъ неизреченномъ, а о рожденіи по благодати, впалъ въ мракъ и недоумѣніе, оттого, что не предполагалъ въ немъ ничего высокаго, а мыслилъ только человѣческое и земное, то испытывающіе и извѣдывающіе рожденіе страшное и превосходящее всякое слово и разумѣніе — какого достойны могутъ быть наказанія? Ничто не производитъ столько мрака, сколько умъ человѣческій, разсуждающій обо всемъ по земному и не принимающій озаренія свыше. Земные помыслы заключаютъ въ себѣ много нечистоты. Потому и нужны намъ струи небесныя, чтобы, по уничтоженіи тины, духъ нашъ, по мѣрѣ своей чистоты, возносился горѣ и пріобщался небеснаго ученія. А это можетъ быть тогда, когда мы покажемъ въ себѣ и душу благомыслящую и жизнь правую: можетъ вѣдь, истинно можетъ помрачиться нашъ умъ не только отъ неумѣстнаго любопытства, но и отъ развращеннаго образа жизни. Потому и Павелъ говорилъ коринѳянамъ: *млекомъ вы напоихъ, а не брашномъ: ибо не у можасте; но ниже еще можете нынѣ: еще бо плотстіи есте. Идѣже бо въ васъ зависти и рвенія и распри, не плотстіи ли есте* (1 Кор. ш, 2, 3)? Также въ посланіи къ евреямъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, какъ всякій можетъ видѣть, Павелъ
148 полагаетъ это самое причиною неправыхъ ученій, потому что преданная страстямъ душа не можетъ постигать ничего великаго и благороднаго; но, какъ бы помраченная гноетеченіемъ изъ очей, страдаетъ самою тяжкою слѣпотою. Итакъ, очистимъ самихъ себя, просвѣтимся свѣтомъ вѣдѣнія и не будемъ сѣять въ терніи. А что значитъ это терніе, вы знаете, хотя мы и не будемъ говорить объ этомъ: вы часто слышали, что Христосъ именемъ тернія называетъ попеченія житейскія и обольщенія богатства; да и справедливо. Какъ первое (терніе) безплодно, такъ и послѣднія; какъ то уязвляетъ прикасающихся къ нему, такъ и эти

страсти; какъ терніе легко потребляется огнемъ, и ненавистно для земледѣльца, такъ и мірскія дѣла; какъ въ терніи скрываются дикіе звѣри, ехидны и скорпіоны, такъ и въ обольщеніяхъ богатства. Но воспріимемъ огонь Духа, чтобы и терніе потребить, и звѣрей изгнать, и ниву очистить для Земледѣльца; а послѣ очищенія оросимъ ее духовными струями; насадимъ плодоносную маслину, растеніе самое нѣжное, всегда цвѣтущее, свѣтоносное, питательное и укрѣпляющее здоровье. Все это заключаетъ въ себѣ милосердіе, которое есть какъ бы печать для пріобрѣтшихъ его. Это растеніе не увядаетъ даже и отъ приближенія смерти, но всегда стоитъ, просвѣщая умъ, питая душу и содѣлывая ея силы крѣпчайшими. Если мы будемъ постоянно имѣть его, то сможемъ съ дерзновеніемъ узрѣть и Жениха и войти въ брачный чертогъ, — чего да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXV.

Отвѣща Іисусъ: аминь глаголю тебѣ, аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе (Іоан. ш, 5).

1. Малыя дѣти каждый день ходятъ къ учителямъ, берутъ 147
уроки и даютъ въ нихъ отчетъ, и не прерываютъ этого занятія; бываетъ и то, что они къ днямъ присоединяютъ и ночи; и вы заставляете ихъ дѣлать это изъ-за предметовъ тлѣнныхъ и временныхъ. Но отъ васъ, людей возрастныхъ, мы не требуемъ такого труда, какого вы отъ своихъ дѣтей. Не каждый день, а только два дня въ седмицу мы приглашаемъ васъ къ слушанію поученій и притомъ только на малую часть дня, чтобы облегчить для васъ этотъ трудъ. Для того и содержаніе Писанія мы раздѣляемъ на малыя части, чтобы вы удобнѣе могли усвоять ихъ, влагать въ сокровищницу разума и такъ запечатлѣвать въ памяти, чтобы вы и сами могли передавать все (другимъ) въ точности, если только не будетъ кто слишкомъ сонливъ и нерадивъ или лѣнивѣе малаго отрока. Итакъ, приступимъ опять къ продолженію прежде сказаннаго и посмотримъ, какъ Никодиму, ниспавшему долу, прилагающему слова Христовы къ земному рожденію и 148
говорящему, что невозможно устарѣвшему человѣку снова родиться, Христосъ открываетъ яснѣе образъ этого рожденія. Хотя и это изъясненіе еще представляетъ нѣкоторыя затрудненія для

разсуждающаго по-человѣчески, но съ тѣмъ вмѣстѣ уже достаточно для того, чтобы слушающаго возвести отъ уничиженнаго образа мыслей. Что же Христосъ говоритъ? *Аминь глаголю тебѣ, аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе.* Вотъ что этимъ Онъ даетъ разумѣть: ты считаешь это невозможнымъ; а Я говорю, что это очень возможно, даже и необходимо, и иначе спастись невозможно. А необходимое Богъ содѣлалъ для насъ и удобнымъ. Рожденіе земное есть рожденіе по плоти, отъ персти, а потому для него и заграждено все небесное, потому что что̀ общаго между землею и небомъ? Но другое рожденіе, какъ рожденіе отъ Духа, удобно отверзаетъ намъ небесныя врата. Слышите вы всѣ, чуждые просвѣщенія [1]): ужаснитесь, возрыдайте! Страшна эта угроза, страшно опредѣленіе! Невозможно, говоритъ Христосъ, тому, кто не родится водою и духомъ, войти въ царствіе небесное, потому что онъ еще носитъ одежду смерти, одежду проклятія, одежду тлѣнія,—
149 еще не получилъ знаменія Господняго, онъ еще не свой, а чужой; не имѣетъ условленнаго въ царствѣ знака. *Аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе небесное.* Но Никодимъ и этого не понялъ. Нѣтъ ничего хуже, какъ подвергать духовные предметы умствованіямъ. Это и не допустило Никодима представить себѣ что-либо великое и возвышенное. Но для того мы и называемся вѣрными, чтобы, оставляя немощь дольнихъ помысловъ, восходили на высоту вѣры, и въ ея ученіи полагали свое высшее благо. Если бы такъ поступилъ Никодимъ, то дѣло не представилось бы ему невозможнымъ. Итакъ, чтоже Христосъ? Отклонняя его отъ такого пресмыкающагося долу образа мыслей, показывая, что не о плотскомъ рожденіи Онъ бесѣдуетъ, Христосъ говоритъ: *аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе небесное.* Онъ говорилъ это, желая угрозою привлечь Никодима къ вѣрѣ,—убѣдить, чтобы онъ не признавалъ этого дѣла невозможнымъ, и стараясь отвлечь его отъ предположенія въ этомъ дѣлѣ плотского рожденія. Никодимъ, говоритъ Онъ, Я говорю о другомъ рожденіи. Для чего же ты склоняешь рѣчь къ землѣ? Для чего это дѣло подчиняешь естественнымъ законамъ? Рожденіе это выше естественнаго рожденія, и не имѣетъ ничего общаго съ вашимъ. Хотя называется рожденіемъ и то и другое, однако, при общемъ наименованіи, они различаются на дѣлѣ. Отстань отъ общепринятыхъ понятій; Я ввожу въ міръ иное рожденіе; Я хочу, чтобы люди рождались инымъ образомъ; Я пришелъ съ необычайнымъ способомъ созданія. Вначалѣ Я

[1]) То есть, таинства св. крещенія.

создалъ человѣка изъ земли и воды, но это созданіе оказалось негоднымъ, этотъ сосудъ разбился; затѣмъ Я уже не хочу творить изъ земли и воды, а отъ воды и духа. А если кто спроситъ: какъ отъ воды?—спрошу и я: какъ отъ земли? Какъ бреніе преобразовалось въ различные виды? Какимъ образомъ изъ вещества однороднаго (земля вѣдь одна) произошли творенія различныя и разнообразныя? Откуда кости, нервы, кровеносныя и сухія жилы? Откуда перепонки, кровяные сосуды, хрящи, оболочки, печень, селезенка, сердце? Откуда кожа, кровь, слизь, желчь? Откуда столько отправленій? Откуда разнообразіе цвѣтовъ? Это—не изъ земли и не изъ бренія. Какимъ образомъ земля, принимая сѣмена, произращаетъ ихъ; а плоть, та же земля, принимая сѣмена, подвергаетъ ихъ гніенію? Какъ земля бросаемыя въ нее сѣмена питаетъ; а плоть питается ими, но не питаетъ ихъ? Напримѣръ: земля, принимая воду, производитъ вино, а плоть, часто принимая вино, обращаетъ его въ воду. Итакъ, откуда видно, что тѣло происходитъ изъ земли, тогда какъ земля, какъ я сказалъ, имѣетъ свойства, противоположныя тѣлу? Умомъ я постигнуть этого не могу, принимаю только вѣрою. Если же ежедневно бывающія и осязаемыя дѣла требуютъ вѣры, тѣмъ болѣе—дѣла неизреченныя и духовныя. Какъ бездушная неподвижная земля, по волѣ Божіей, приняла такую силу, и изъ ней происходятъ такія дивныя дѣла, такимъ же образомъ, и при дѣйствіи Духа на воду, легко совершаются тѣ изумительныя и превышающія разумъ дѣла.

2. Итакъ, не оставайся въ невѣріи потому только, что ты не видишь этого. Ты не видишь и души, однакожъ вѣришь, что у тебя есть душа и что она нѣчто другое, а не тѣло. Но Христосъ вразумляетъ Никодима не этимъ, а другимъ примѣромъ. Хотя душа и безтѣлесна, однакожъ Онъ не указалъ на
нее потому, что Никодимъ имѣлъ еще слишкомъ грубыя о ней 150
понятія. Но Христосъ приводитъ въ примѣръ нѣчто другое, что не имѣетъ ничего общаго съ грубостію тѣлъ, но и не возвышается до природы существъ безтѣлесныхъ. Это—движеніе вѣтра. Прежде всего Онъ начинаетъ съ воды, которая, тоньше земли, но грубѣе вѣтра. Какъ въ началѣ въ основаніе (творенія) положена была земля, все же дѣло принадлежало Создателю, такъ теперь въ основаніе полагается вода, а все дѣло (возрожденія) принадлежитъ благодати Духа. И тогда — *бысть человѣкъ въ душу живу*, нынѣ же *въ Духъ животворящъ* (1 Кор. xv, 45). Но различіе между тѣмъ и другимъ велико. Душа не сообщаетъ жизни другому существу; а Духъ не только живетъ самъ по себѣ, но сообщаетъ жизнь и другимъ существамъ. Такъ апостолы и мертвыхъ воскрешали. Тогда, уже по совершеніи творенія, наконецъ

былъ созданъ человѣкъ; а нынѣ, напротивъ, новый человѣкъ творится прежде новой твари: сперва онъ рождается, а потомъ уже міръ преобразуется. И какъ въ началѣ (Богъ) создалъ человѣка всецѣлымъ, такъ и нынѣ всецѣло образуетъ его. Но тогда онъ говорилъ: *сотворимъ ему помощника* (Быт. II, 18), а здѣсь—ничего подобнаго. Пріявшій благодать Духа можетъ ли нуждаться въ другомъ какомъ-либо помощникѣ? Принадлежащій къ тѣлу Христову какую имѣетъ нужду въ чьемъ-либо содѣйствіи? Тогда сотворенъ человѣкъ по образу Божію; а нынѣ соединенъ съ самимъ Богомъ. Тогда Богъ повелѣлъ ему обладать рыбами и звѣрями; а теперь вознесъ начатокъ нашъ превыше небесъ. Тогда далъ для жительства рай; а нынѣ отверзъ для насъ небо. Тогда человѣкъ созданъ былъ въ шестой день, такъ какъ этимъ временемъ должно было окончиться и твореніе; а нынѣ—въ первый день, и въ самомъ началѣ, какъ и свѣтъ. Изъ всего этого ясно, что совершающееся нынѣ принадлежитъ къ другой, лучшей жизни и состоянію, не имѣющему конца. Первое твореніе Адама было твореніе изъ земли, а послѣ него созданіе жены изъ ребра, потомъ происхожденіе Авеля отъ сѣмени. Но мы не можемъ ни постигнуть, ни изобразить словомъ этихъ твореній, хотя всѣ они самыя вещественныя. Какъ же мы можемъ дать отчетъ относительно духовнаго рожденія чрезъ крещеніе,—рожденія, которое гораздо выше тѣхъ? И какихъ можно требовать отъ насъ соображеній объ этомъ рожденіи—чудномъ и необычайномъ? При совершеніи его предстоятъ и ангелы; но изъяснить способъ этого дивнаго рожденія чрезъ крещеніе не можетъ ни одинъ изъ нихъ. Но и предстоятъ они, сами ничего не совершая, а только взирая на то, что совершается. Все же дѣлаетъ Отецъ, Сынъ и Святый Духъ. Повѣримъ же слову Божію: оно вѣрнѣе нашего зрѣнія; зрѣніе часто и обманывается, а это слово погрѣшать не можетъ. Повѣримъ же Ему. Произведши сущее изъ несущаго, оно, конечно, несомнѣнно и тогда, когда говоритъ о естествѣ его. А что оно говоритъ? Что въ крещеніи совершается рожденіе. Но если бы кто сказалъ тебѣ: какъ это—загради тому уста словомъ Христовымъ, которое есть величайшее и самое ясное доказательство. Если же кто спроситъ: для чего употребляется вода, то спросимъ и мы взаимно: для чего въ началѣ въ созданіе человѣка входила земля? Что Богу и безъ земли возможно было сотворить человѣка, это очевидно для каждаго.
161 Поэтому не допытывайся. А что вода потребна и необходима, это можешь узнать вотъ изъ чего: однажды, когда Духъ сошелъ, прежде употребленія воды (Дѣян. X, 44), апостолъ не остановился на этомъ; но смотри, что сказалъ онъ о водѣ, какъ о веществѣ не-

обходимомъ и не излишнемъ: *еда воду возбранити можетъ кто, еже не креститися симъ, иже Духъ Святый пріяша, якоже и мы* (Дѣян. x, 47). Почему же нужна вода? Скажу, наконецъ, и объ этомъ и открою вамъ сокровенное таинство. Есть нѣсколько сокровенныхъ причинъ для этого, но изъ многихъ я скажу вамъ пока одну. Какая же это причина? Та, что въ водѣ символически изображается гробъ и смерть, воскресеніе и жизнь, и все это происходитъ совмѣстно. Когда мы погружаемъ свои головы въ воду, какъ бы въ гробъ, вмѣстѣ съ тѣмъ погребается ветхій человѣкъ и, погрузившись долу, весь совершенно скрывается. Потомъ, когда мы восклоняемся,—выходитъ человѣкъ новый. Какъ легко для насъ погрузиться и подняться, такъ для Бога легко погребсти ветхаго человѣка и явить новаго. Но это совершается трижды, чтобы ты зналъ, что все это совершается силою Отца и Сына и Святаго Духа. А что сказанное мною не гаданіе, послушай только, что говоритъ Павелъ: *спогребохомся ему крещеніемъ въ смерть* (Рим. vi, 4); также: *ветхій нашъ человѣкъ съ нимъ распятся* (ст. 6); или: *сообразни быхомъ подобію смерти его* (ст. 5). Но не только крещеніе называется крестомъ, а и крестъ крещеніемъ. *Крещеніемъ*, говоритъ Христосъ, *имже азъ крещаюся, креститася* (Марк. x, 39). И въ другомъ мѣстѣ: *крещеніемъ имамъ креститися* (Лук. xii, 50). Какъ легко мы погружаемся и поднимаемся, такъ легко и Онъ, по смерти, когда восхотѣлъ—воскресъ, или лучше сказать: гораздо легче, хотя ради устроенія нѣкоего таинства и пробылъ (въ гробѣ) три дня.

8. Итакъ мы, сподобившіеся столь великихъ таинствъ, покажемъ достойную этого дара жизнь, самое лучшее поведеніе. А вы, еще не сподобившіеся ихъ, поступайте во всемъ такъ, чтобы вамъ сподобиться, да будемъ всѣ едино тѣло, да будемъ всѣ братія. Доколѣ это раздѣляетъ насъ, дотолѣ и отецъ, и сынъ, и братъ, и кто бы то ни былъ—для насъ еще не истиный сродникъ нашъ, такъ какъ онъ отдаленъ отъ сродства горняго. Да и какая польза быть соединенными родствомъ бреннымъ, когда мы не соединены сродствомъ духовнымъ? Какая прибыль отъ близости на землѣ, когда мы чужды другъ для друга на небесахъ? Оглашенный чуждъ вѣрному. Онъ не имѣетъ ни одной и той же съ нимъ главы, ни одного и того же отца, ни того же города, ни пищи, ни одежды, ни дома; но все у нихъ раздѣльно. У одного все на землѣ; у другого—на небесахъ. У этого царь—Христосъ; у того—грѣхъ и діаволъ. У этого пища—Христосъ; у того—гниль и тлѣніе. Да и одежда у этого—Владыка ангеловъ; у того—дѣло червей. У этого городъ—небо; у того—земля. А если у насъ нѣтъ съ невѣрными ничего общаго, то скажи мнѣ, въ чемъ же намъ

152 имѣть общеніе (съ ними)? Прошли и мы черезъ тѣ же муки рожденія и произошли изъ однаго чрева? Но и этого недостаточно для ближайшаго родства. Итакъ постараемся сдѣлаться гражданами горняго града. Доколѣ намъ оставаться въ чужой землѣ, тогда какъ слѣдуетъ намъ получить снова древнее отечество? Здѣсь опасность касается не маловажныхъ дѣлъ. Если случится, чего не дай Богъ, что постигнетъ насъ нечаянная смерть, и мы отойдемъ отсюда безъ просвѣщенія [1]), то, хотя бы мы имѣли здѣсь тысячи благъ, насъ ожидаетъ не что другое, какъ геенна, червь ядовитый, огнь неугасимый и узы неразрѣшимыя. Но не дай Богъ кому-либо изъ слушающихъ испытать это наказаніе! А не постигнетъ оно насъ, если мы, сподобившись святыхъ таинъ, будемъ полагать въ основаніе своего зданія золото, серебро и драгоцѣнные камни (Кор. ш, 12). Такимъ образомъ мы будемъ имѣть возможность, отошедши туда, явиться богатыми, когда, т. е., не здѣсь будемъ оставлять деньги, а будемъ переносить ихъ въ безопасныя сокровищницы руками бѣдныхъ, когда будемъ давать взаймы Христу. Тамъ у насъ много долговъ—не деньгами, а грѣхами. Будемъ же отдавать Ему деньги, чтобы получить оставленіе грѣховъ. Онъ—Судія нашъ. Не презримъ здѣсь Его алчущаго, чтобы и Онъ тамъ напиталъ насъ. Одѣнемъ Его здѣсь, чтобы и Онъ не оставилъ насъ обнаженными безъ своего покрова. Если мы напоимъ Его здѣсь, то не скажемъ подобно богатымъ: *посли Лазаря, да омочитъ конецъ перста и устудитъ языкъ* нашъ *опаляемый* (Лук. xvi, 24). Если и мы приемемъ Его здѣсь въ свои домы, то Онъ уготовитъ для насъ тамъ много обителей. Если придемъ къ Нему въ темницу, то и онъ освободитъ насъ отъ узъ. Если введемъ Его къ себѣ, какъ странника,—и Онъ не оставитъ насъ странствовать внѣ царствія небеснаго, но воздастъ за то горній градъ. Если посѣтимъ Его въ болѣзни,—скоро и Онъ освободитъ насъ отъ немощей нашихъ. Итакъ, получая много, даже тогда, когда даемъ немного, будемъ давать по крайней мѣрѣ немного, чтобы пріобрѣсть много. Пока есть еще время, будемъ сѣять, чтобы пожать. Когда наступитъ зима, когда по морю нельзя уже будетъ плавать, тогда и купля эта уже не будетъ въ нашей власти. А когда настанетъ зима? Тогда, когда наступитъ тотъ великій и славный день. Тогда мы уже не станемъ плавать по этому великому и пространному морю, которому подобна настоящая жизнь. Теперь—время сѣянія; а тогда—время жатвы и собиранія. Если бы кто во время сѣянія не бросалъ сѣмянъ, а сталъ сѣять во время жатвы,—тотъ, кромѣ того, что не получилъ бы

[1]) Разумѣется крещеніе.

ничего, еще былъ былъ бы смѣшонъ. Если же настоящее время есть время сѣянія, то теперь-то и должно не собирать, а расточать. Станемъ же расточать, чтобы собрать; не будетъ собирать теперь, чтобы не потерять жатвы. Это время, какъ я сказалъ, вызываетъ на сѣяніе, на иждивеніе и расточеніе, а не на собираніе и сбереженіе. Итакъ, не упустимъ удобнаго времени, а сдѣлаемъ обильный посѣвъ и не пощадимъ ничего своего, чтобы получить обратно съ большимъ воздаяніемъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVI.

Рожденное отъ плоти плоть есть, и рожденное отъ Духа духъ есть (Іоан. III, 6).

Великихъ таинъ сподобилъ насъ Единородный Сынъ Божій,— 158
великихъ и такихъ, которыхъ мы не были достойны, но которыя сообщить намъ Ему угодно было. Если разсуждать о нашемъ достоинствѣ, то мы не только были недостойны этого дара, но и повинны наказанію и мукѣ. Но Онъ, не смотря на это, не только освободилъ насъ отъ наказанія, но и даровалъ жизнь, которая гораздо свѣтлѣе прежней; Онъ ввелъ въ другой міръ; создалъ новую тварь. *Аще кто*, сказано, *во Христѣ, нова тварь* (2 Кор. V, 17). Какая это новая тварь? Послушай, что говоритъ самъ Христосъ: *аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе* (Іоан. III, 5). Намъ былъ ввѣренъ рай; но тогда, какъ мы оказались недостойными обитать въ немъ, Онъ возводитъ насъ на самыя небеса. Мы не остались вѣрными въ первоначальныхъ дарахъ; но Онъ сообщаетъ намъ еще большіе. Мы не могли воздержаться отъ одного древа—и Онъ подаетъ намъ пищу горнюю. Мы не устояли въ раю — Онъ отверзаетъ намъ небеса. Справедливо говоритъ Павелъ: *о, глубина богатства и премудрости разума Божія* (Рим. VI, 33)! Уже не нужны ни мать, ни муки рожденія, ни сонъ, ни сожительство и соединеніе плотское; строеніе естества нашего совершается уже свыше,—Духомъ Святымъ и водою. А вода употребляется, какъ бы мѣсто рожденія раждающагося. Что утроба для младенца, то—вода для вѣрнаго: онъ въ водѣ зачинается и образуется. Прежде было сказано: *да изведутъ воды гады душъ живыхъ* (Быт. I, 20). А съ того времени, какъ Владыка снизошолъ въ струи Іордана, вода производитъ уже не *гады душъ живыхъ*, а души разумныя и духоносныя. И что сказано о солнцѣ: *яко женихъ, исходяй отъ чертога своего* (Псал. XVIII, 6), теперь болѣе

благовременно сказать о вѣрныхъ: они испускаютъ лучи гораздо блистательнѣе солнечныхъ. Но младенецъ, зачинающійся въ утробѣ, требуетъ времени; а въ водѣ—не такъ: здѣсь все совершается въ одно мгновеніе. Гдѣ жизнь временна и получаетъ свое начало отъ тѣлеснаго тлѣнія, тамъ и рожденіе медленно происходитъ: таково естество тѣлъ; они только съ теченіемъ времени получаютъ совершенство. Но въ дѣлахъ духовныхъ не такъ. Почему же? Здѣсь что дѣлается, то дѣлается съ самаго начала совершенно. Но какъ Никодимъ, слыша это, непрестанно приходилъ въ смущеніе, то—посмотри, какъ Христосъ открываетъ ему непостижимость этого таинства и неясное для него дѣлаетъ яснымъ. Христосъ говоритъ: *рожденное отъ плоти плоть есть; и рожденное отъ Духа духъ есть.* Онъ отвлекаетъ Никодима отъ всего чувственнаго и не дозволяетъ ему тѣлесными очами разсматривать это таинство. Мы не о плоти бесѣдуемъ, Никодимъ, а о духѣ этими словами обращая его къ горнему). Не ищи (здѣсь) ничего чувственнаго. Духъ этими очами не можетъ быть видимъ. Не думай также, что Духъ рождаетъ плоть.

А какъ же,—можетъ быть, спроситъ кто-нибудь,—родилась плоть Господня? Она родилась не отъ Духа только, но и и отъ
154 плоти. Потому Павелъ, показывая это, и говоритъ: *раждаемаго отъ жены, бываема подъ закономъ* (Гал. VI, 4). Духъ образовалъ ее такъ: не изъ ничего (для чего въ такомъ случаѣ нужна была бы утроба матерняя?), но изъ дѣвственной плоти; а какимъ образомъ—я объяснить не могу. Такъ было для того, чтобы кто-либо не подумалъ, будто Рожденный чуждъ нашего естества. Если и послѣ этого есть люди, которые не вѣруютъ въ такое рожденіе, то до какого бы нечестія ниспали они, если бы Христосъ не воспріялъ плоти отъ Дѣвы? *Рожденное отъ Духа духъ есть.* Видишь ли достоинство Духа? Онъ творитъ дѣло Божіе. Выше (евангелистъ) говорилъ: *отъ Бога родишася* (Іоан. I, 13); а здѣсь говорится, что ихъ раждаетъ Духъ. *Рожденное отъ Духа духъ есть,* то есть, рожденный отъ Духа духовенъ. Рожденіе здѣсь разумѣется не по существу, а по достоинству и благодати. А если и Сынъ рожденъ такимъ же образомъ, то какое преимущество Онъ будетъ имѣть предъ людьми, такъ рожденными? Какимъ образомъ Онъ тогда есть Сынъ Единородный? Отъ Бога рожденъ и я, но—не отъ существа Его. Если же и Онъ не рожденъ отъ существа, то чѣмъ Онъ отличается отъ насъ? Въ такомъ случаѣ Онъ будетъ меньше даже и Духа, потому что такое рожденіе происходитъ отъ благодати Духа. Ужели поэтому, чтобы быть Сыномъ, Онъ имѣетъ нужду въ содѣйствіи Духа? Да и чѣмъ такая мысль различается отъ ученій іудейскихъ? Но, сказавъ: *рож-*

денное отъ Духа духъ есть, Христосъ опять видѣлъ, что Никодимъ смущается, и потому обращаетъ рѣчь къ примѣру чувственному. *Не дивися*, говоритъ Онъ, *яко рѣхъ ти: подобаетъ вамъ родитися свыше. Духъ, идѣже хощетъ, дышетъ* (ст. 7—8). Словомъ: *не дивися* обнаруживаетъ смущеніе души его и затѣмъ обращаетъ его къ тончайшему изъ тѣлъ. Сказавъ: *рожденное отъ Духа духъ есть*, Христосъ уже отвлекалъ Никодима отъ представленій плотскихъ; но, какъ тотъ все еще не понималъ, что значатъ Его слова: *рожденное отъ Духа духъ есть*, то Онъ и переноситъ его мысль къ другому изображенію, не останавливая его на грубыхъ тѣлахъ и не говоря о существахъ совершенно безтѣлесныхъ (такъ какъ Никодимъ, и слыша о такихъ предметахъ, не могъ постигать ихъ), но находя нѣчто среднее между существомъ тѣлеснымъ и безтѣлеснымъ,—движеніе вѣтра,—и чрезъ то вразумляетъ его. Именно о вѣтрѣ Онъ говоритъ: *гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ, и камо идетъ*. Но если говоритъ: *идѣже хощетъ, дышетъ*, то этимъ не выражаетъ того, будто вѣтеръ имѣетъ какой-либо произволъ, а только указываетъ на его естественное движеніе, движеніе безпрепятственное и сильное. Писаніе обыкновенно говоритъ такъ и о предметахъ неодушевленныхъ, напримѣръ: *суетѣ тварь повинуся неволею* (Рим. VIII, 20). Итакъ, слова: *идѣже хощетъ, дышетъ* означаютъ то, что вѣтеръ не удержимъ, что онъ распространяется всюду, что никто не можетъ препятствовать ему носиться туда и сюда, но что онъ съ великою силою разсѣивается, и никто не можетъ задержать его стремленія.

2. *И гласъ его слышиши*, то есть—гулъ, шумъ, *но не вѣси, откуду приходитъ, и камо идетъ. Тако есть всякъ рожденный отъ Духа.* Въ этомъ все и заключается. Если, говоритъ, ты не умѣешь 155
объяснить ни исхода, ни направленія вѣтра, который однакожъ ты ощущаешь и слухомъ и осязаніемъ, то для чего усиливаешься понять дѣйствіе Духа Божія,—ты, который не понимаешь дѣйствія вѣтра, хотя и слышишь его звуки? Такимъ образомъ слова: *идѣже хощетъ, дышетъ* сказаны для означенія власти Утѣшителя, и значатъ вотъ что: если никто не можетъ сдержать вѣтра, но онъ несется, куда хочетъ, то тѣмъ болѣе не могутъ задержать дѣствія Духа ни законы природы, ни условія тѣлеснаго рожденія, и ничто другое подобное. А что слова: *гласъ его слышиши* сказаны именно о вѣтрѣ, видно изъ того, что Христосъ, бесѣдуя съ невѣрующимъ и незнающимъ дѣйствія Духа, не сказалъ бы: *гласъ его слышиши*. Потому, какъ не видимъ вѣтра, хотя онъ и издаетъ шумъ, такъ незримо для тѣлесныхъ очей и духовное рожденіе. Но вѣтеръ еще есть тѣло, хотя и тончайшее, потому что все, подлежащее чувству, есть тѣло. Если же ты не досадуешь на то,

что не видишь этого тѣла, и поэтому не отвергаешь его существованія, то почему смущаешься, слыша о Духѣ, и требуешь при этомъ такой отчетливости, не дѣлая того въ отношеніи тѣла?

2. Что же Никодимъ? Не смотря на представленный ему, столь ясный примѣръ, онъ еще остается съ іудейскою немощію. И вотъ, когда онъ снова съ недоумѣніемъ спрашиваетъ: *како могутъ сія быти*, — Христосъ говоритъ ему слова еще болѣе поразительныя: *ты еси учитель Израилевъ и сихъ ли не вѣси* (ст. 10)? Замѣть, что онъ обличаетъ этого человѣка отнюдь не въ злонамѣренности, а въ недальновидности и простотѣ. Но что общаго, скажетъ кто-либо, имѣетъ это рожденіе съ дѣлами іудейскими? Что же не общаго, скажи мнѣ? Происхожденіе перваго человѣка, созданіе жены изъ ребра, неплодство, чудеса, совершенныя чрезъ воды, именно: въ источникѣ, изъ котораго Елисей извлекъ желѣзо, въ Чермномъ морѣ, которое перешли іудеи, въ купѣли, которую возмущалъ ангелъ, въ Іорданѣ, въ которомъ очистился Нееманъ Сиріанинъ, — все это какъ бы въ образахъ предвозвѣщало имѣвшее быть рожденіе и очищеніе. И вѣщанія пророковъ назнаменуютъ этотъ образъ рожденія; такъ сказано: *возвѣстятъ Господеви родъ грядущій, и возвѣстятъ правду его людемъ, родитися имущимъ, яже сотвори Господь* (Пс. XXI, 31, 32); еще: *обновится яко орля юность твоя* (Пс. CII, 5); также: *свѣтися Іерусалиме* (Ис. LX, 1); *се царь твой грядетъ* (Зах. IX, 9); или: *блажени, ихже оставишася беззаконія* (Пс. XXXI, 1). Но и Исаакъ былъ образомъ этого рожденія. Въ самомъ дѣлѣ, скажи, Никодимъ, какъ родился Исаакъ? По закону ли природы? Нѣтъ! Но образъ его рожденія былъ средній между тѣмъ и другимъ рожденіемъ (плотскимъ и духовнымъ): въ немъ было рожденіе и плотское, потому что онъ родился отъ сожительства, и духовное, потому что онъ родился не отъ кровей. Я докажу, что эти образы предвозвѣщали не только это рожденіе, но и рожденіе отъ Дѣвы. Такъ какъ не легко было бы повѣрить, что рождаетъ Дѣва, то сначала рождали неплодныя, и не только неплодныя, но и престарѣлыя жены. Конечно, происхожденіе жены изъ ребра было гораздо удивительнѣе рожденія отъ неплодной; но, такъ какъ это было въ началѣ, давно, то послѣдовалъ иной, новый и недавній способъ рожденія, — именно отъ неплодныхъ, — чтобы проложить путь къ вѣрѣ въ рожденіе отъ Дѣвы. Припоминая это Никодиму, Христосъ говоритъ: *ты еси учитель Израилевъ, и сихъ ли не вѣси? Еже вѣмы, глаголемъ, и еже видѣхомъ, свидѣтельствуемъ, и свидѣтельства нашего
156 никтоже пріемлетъ* (ст. 11). Послѣднія слова Онъ присовокупилъ, снова удостовѣряя, съ иной стороны, въ истинѣ словъ своихъ и вмѣстѣ снисходя къ немощи Никодима.

8. Что же значить: *еже вѣмы, глаголемъ, и еже видѣхомъ, свидѣтельствуемъ*? И у насъ зрѣніе достовѣрнѣе другихъ чувствъ: поэтому, когда хотимъ увѣрить кого-либо, говоримъ, что мы видѣли своими глазами, а не по слуху знаемъ. Такъ и Христосъ бесѣдуетъ съ Никодимомъ по человѣчески, заимствуя и отсюда подтвержденіе Своихъ словъ. А что это именно такъ, и что Христосъ не другое что хочетъ показать Никодиму и не разумѣетъ здѣсь зрѣнія чувственнаго, это видно изъ слѣдующаго. Сказавъ: *рожденное отъ плоти плоть есть: и рожденное отъ Духа духъ есть*, Онъ присовокупляетъ: *еже вѣмы глаголемъ, и еже видѣхомъ, свидѣтельствуемъ*. Но въ то время этого еще не было. Какъ же Онъ говоритъ: *еже видѣхомъ*? Не явно ли, что Онъ говоритъ о знаніи самомъ точномъ и безошибочномъ? *И свидѣтельства нашего никтоже пріемлетъ*. Итакъ слова: *еже вѣмы* Онъ говоритъ или о Себѣ и вмѣстѣ объ Отцѣ, или только о Себѣ. А слова: *никтоже пріемлетъ* не выражаютъ въ настоящемъ случаѣ негодованія, а высказываютъ то, что было. Онъ не сказалъ: можно ли быть безчувственнѣе васъ, не принимающихъ того, что мы возвѣщаемъ съ такою точностію? Нѣтъ, Онъ ничего подобнаго не сказалъ, показывая и въ словахъ и въ дѣлахъ совершенную кротость. Онъ кротко и тихо предвозвѣщаетъ имѣющее совершиться; такъ и насъ побуждаетъ къ кротости и научаетъ, чтобы мы, бесѣдуя съ кѣмъ-либо и не убѣждая, не досадовали и не раздражались. Человѣкъ раздраженный не только ни въ чемъ не можетъ успѣть, но и дѣлаетъ другихъ еще болѣе недовѣрчивыми. Поэтому надобно удерживаться отъ гнѣва, а въ своихъ словахъ убѣждать другихъ не только не гнѣвомъ, но и не крикомъ, такъ какъ крикъ — пища гнѣва. Будемъ же обуздывать этого коня, чтобы ниспровергнуть всадника; обрѣжемъ крылья гнѣву — и зло не поднимется высоко. Гнѣвъ — болѣзнь жестокая и опасная тѣмъ, что можемъ погубить наши души. Поэтому надлежитъ отовсюду заграждать ему входъ. Несообразно, если мы можемъ укрощать звѣрей, а свои свирѣпствующіе помыслы оставляемъ безъ вниманія. Гнѣвъ есть сильный, все пожирающій огонь; онъ и тѣлу вредитъ, и душу растлѣваетъ, и дѣлаетъ человѣка на видъ непріятнымъ и постыднымъ. Если бы человѣкъ разгнѣванный могъ видѣть себя, во время своего гнѣва, то онъ уже не имѣлъ бы нужды ни въ какомъ другомъ увѣщаніи, — потому что нѣтъ ничего непріятнѣе лица раздраженнаго. Гнѣвъ есть какое-то опьяненіе, или, лучше сказать, хуже опьяненія и несчастнѣе бѣса. Но только постараемся не кричать, — и мы найдемъ сами лучшій путь любомудрія. Потому Павелъ внушаетъ подавлять не только гнѣвъ, но и крикъ, говоря: *всякъ гнѣвъ и кличь да воз-*

мется отъ васъ (Ефес. IV, 31). Будемъ же повиноваться этому учителю всякаго любомудрія и, когда гнѣваемся на слугъ, помыслимъ о собственныхъ своихъ согрѣшеніяхъ и устыдимся ихъ кротости. Когда ты бранишь его, онъ молча переноситъ брань; такимъ образомъ ты безчинствуешь, а онъ любомудрствуетъ. Прими же это вмѣсто всякаго увѣщанія. Хотя онъ и слуга, но онъ человѣкъ, который имѣетъ и душу безсмертную, и такими же,
157 какъ и мы, дарами украшенъ отъ общаго всѣхъ Господа. Если же онъ, будучи равночестенъ намъ въ высшихъ, духовныхъ преимуществахъ, съ такою кротостію переноситъ отъ насъ огорченія, потому только, что мы имѣемъ нѣкоторое незначительное и маловажное преимущество предъ нимъ, то какого прощенія или извиненія достойны будемъ мы, которые не можемъ, или лучше, не хотимъ любомудрствовать ради страха Божія, какъ
158 любомудрствуетъ онъ изъ страха къ намъ? Итакъ, воображая все это, помышляя о своихъ грѣхахъ и общемъ для всѣхъ человѣческомъ естествѣ, будемъ стараться всегда говорить кротко, чтобы, содѣлавшись смиренными сердцемъ, обрѣсть своимъ душамъ покой и въ настоящей и въ будущей жизни, — котораго да сможемъ достигнуть и всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVII.

Аще земная рекохъ вамъ, и не вѣруете, како, аще реку вамъ небесная, увѣруете? И никтоже взыде на небо, токмо сшедый съ небесе Сынъ человѣческій, сый на небеси (Іоан. III, 12, 13).

157 1. Что я многократно говорилъ, то и теперь скажу, и не перестану говорить. Что же такое? Что Іисусъ, намѣреваясь коснуться высокихъ догматовъ, нерѣдко приспособляется къ немощи слушателей и употребляетъ образъ ученія, не всегда соотвѣтствующій Его величію, но болѣе приспособительный къ нимъ. Ученіе высокое и важное, и однажды будучи высказано, достаточно можетъ показать свое достоинство, сколько мы въ состояніи слышать его, но, если о предметахъ болѣе простыхъ и близкихъ къ понятію слушателей говорить не часто, то и предметы высокіе не скоро могутъ овладѣть умомъ преклоненнаго долу слушателя. Потому-то Христосъ гораздо больше говорилъ о предметахъ простыхъ, чѣмъ высокихъ. Но чтобы и это не причинило вреда

въ другомъ отношеніи, т. е., чтобы не удерживало ученика долу, Онъ не иначе обращается къ предметамъ простымъ, какъ предварительно высказавъ причину, по которой говоритъ о нихъ. Такъ Онъ сдѣлалъ и въ настоящемъ случаѣ. Сказавъ о крещеніи и рожденіи, совершающемся на землѣ по благодати, потомъ намѣреваясь приступить къ слову и о собственномъ рожденіи, неизреченномъ и непостижимомъ, Онъ между тѣмъ еще медлитъ и не приступаетъ. Потомъ высказываетъ и причину, по которой не приступаетъ. Какая же это причина? Грубость и немощь слушателей. На нее Онъ и дѣлалъ намекъ, говоря: *аще земная рекохъ вамъ, и не вѣруете, како, аще реку вамъ небесная, увѣруете?* Такимъ образомъ, гдѣ Онъ говоритъ о чемъ-либо простомъ и маловажномъ, тамъ это надобно относить къ немощи слушателей. Нѣкоторые говорятъ, что выраженіе: *земная* здѣсь надобно разумѣть о вѣтрѣ, — какъ бы такъ Онъ сказалъ: Я показалъ вамъ примѣръ изъ земныхъ вещей, но вы и тѣмъ не убѣждаетесь: какъ же вы можете понимать предметы болѣе возвышенные? Но если Онъ здѣсь называетъ земнымъ и крещеніе, не удивляйся. Онъ называетъ его такъ или потому, что оно совершается на землѣ, или сравнительно съ Своимъ страшнымъ рожденіемъ. Наше (въ крещеніи) рожденіе, хотя и есть небесное, но, въ сравненіи съ Его истиннымъ отъ существа Отчаго рожденіемъ, оно — земное. И справедливо, что не сказалъ: *вы не разумѣете*, но: *я не вѣруете*. Кто затрудняется и не легко принимаетъ то, что понятно для ума, тотъ справедливо можетъ подвергнуться обвиненію въ неразуміи; но кто не принимаетъ того, чего нельзя постигнуть разумомъ, а только вѣрою, тотъ заслуживаетъ обвиненія уже не въ неразуміи, а въ невѣріи. Такимъ образомъ, не позволяя Никодиму испытывать своимъ умомъ сказанное, Христосъ еще сильнѣе продолжаетъ обличать его въ невѣріи. Если
же наше (духовное) рожденіе надлежитъ принимать вѣрою, то 158
чего заслуживаютъ люди, испытующіе умомъ рожденіе Единороднаго? Но, можетъ быть, кто-либо скажетъ: для чего было и говорить это, если слушатели не хотѣли вѣрить? Для того, что хотя они и не хотѣли вѣрить, но могли принять это и получить отсюда пользу люди послѣдующихъ временъ. Такъ, со всею силою поражая Никодима, Христосъ показываетъ наконецъ, что Онъ знаетъ не только это, но и гораздо больше и выше этого, — что высказываетъ въ послѣдующихъ словахъ: *никтоже взыде на небо, токмо сшедый съ небесе Сынъ человѣческій, сый на небеси* (ст. 13). Какая же, скажешь ты, здѣсь связь мыслей? Весьма великая и тѣсная связь съ предъидущимъ. Никодимъ сказалъ: *вѣмы, яко отъ Бога пришелъ еси учитель* (ст. 2); это самое теперь Христосъ

и исправляетъ, какъ бы такъ говоря: не думай, что Я — такой же учитель, каковы были многіе пророки, бывшіе отъ земли; Я съ неба пришелъ. Изъ пророковъ ни одинъ не восходилъ туда, а Я тамъ всегда пребываю. Видишь ли, какъ и самое, по видимому, высокое еще слишкомъ недостойно Его величія. Онъ не на небѣ только существуетъ, а и вездѣ, и все исполняетъ. Но Онъ бесѣдуетъ, еще снисходя къ немощи слушателя, чтобы мало-по-малу возвесть его къ высшему. Сыномъ же человѣческимъ Онъ здѣсь называетъ не плоть Свою, а, такъ сказать, всего Себя по низшему естеству [1]). И обыкновенно Онъ называлъ всего Себя иногда по божеству, иногда—по человѣчеству. *И якоже Моисей вознесе змію въ пустыни, тако подобаетъ вознестися Сыну человѣческому*. Опять и это, по видимому, не имѣетъ связи съ предъидущимъ; но (на самомъ дѣлѣ) вполнѣ соотвѣтствуетъ ему. Сказавъ, что чрезъ крещеніе людямъ оказано величайшее благодѣяніе, Онъ приводитъ и причину этого, не меньшую самого благодѣянія,— крестъ; какъ и Павелъ, бесѣдуя съ коринеянами, соединяетъ вмѣстѣ эти благодѣянія въ слѣдующихъ словахъ: *еда Павелъ распятся по васъ, или во имя Павлово креститеся* (1 Кор. I, 13)? Два эти благодѣянія больше всѣхъ другихъ показываютъ неизреченную любовь Господа: Онъ и пострадалъ за враговъ, и, умерши за враговъ, даровалъ въ крещеніи всецѣлое прощеніе грѣховъ.

2. Но почему Онъ не сказалъ прямо: *я буду распятъ*, а отослалъ слушателей къ древнему прообразу? Этимъ Онъ научаетъ ихъ, во-первыхъ, что событія древнія имѣютъ соотношеніе съ новыми, что тѣ не чужды для этихъ; во-вторыхъ, что Онъ шелъ на страданіе не противъ воли Своей, и кромѣ того, что и самъ Онъ не потерпѣлъ отъ того никакого вреда, и многимъ даровано чрезъ то спасеніе. Дѣйствительно, чтобы кто не сказалъ: какъ могутъ вѣрующіе въ Распятаго спастись, когда и Онъ самъ
159 былъ одержимъ смертію? — вотъ Онъ приводитъ насъ къ древней исторіи. Если іудеи спасались отъ смерти, взирая на мѣдное изображеніе змія, то, конечно, тѣмъ большее благодѣяніе могутъ получить вѣрующіе въ Распятаго. Распятіе совершилось не по немощи Распятаго и не потому, что восторжествовали надъ нимъ іудеи, а потому, что *возлюбилъ Богъ міръ*. Вотъ почему одушевленный Его храмъ подвергся распятію: *да всякъ вѣруяй въ онь не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный* (ст. 15). Видишь ли причину креста и спасеніе, отъ него происшедшее? Видишь ли соотвѣтствіе между прообразомъ и истиною? Тамъ іудеи спасаются

---

[1]) Т. е. по человѣчеству.

отъ смерти только временной; здѣсь вѣрующіе — отъ смерти вѣчной. Тамъ повѣшенный змій исцѣляетъ отъ укусовъ змѣй; здѣсь распятый Іисусъ врачуетъ уязвленія духовнаго змія. Тамъ взирающій тѣлесными очами получаетъ уврачеваніе; здѣсь взирающій очами душевными освобождается отъ всѣхъ грѣховъ. Тамъ повѣшена мѣдь, изображавшая подобіе змія; здѣсь — тѣло Владыки, образованное Духомъ. Тамъ змій кусалъ, змій и врачевалъ; такъ и здѣсь: смерть погубила, смерть и спасла. Но змій, который погублялъ, имѣлъ ядъ, а который спасалъ, не имѣлъ яда; то же опять и здѣсь: смерть погубившая имѣла грѣхъ, какъ змій—ядъ, а смертъ Владыки была свободна отъ всякаго грѣха, какъ мѣдный змій—отъ яда. *Грѣха*, сказано, *не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ его* (1 Петр. II, 22). Это тоже, что говоритъ и Павелъ: *совлекъ начала и власти, изведе въ позоръ дерзновеніемъ, изобличивъ ихъ въ себѣ* (Колос. II, 15). Какъ мужественный борецъ, поднявъ противника на воздухъ и бросивъ наземь, одерживаетъ блистательную побѣду, такъ и Христосъ низложилъ супротивныя силы, въ виду всей вселенной, и, уврачевавши уязвляемыхъ въ пустынѣ, бывъ повѣшенъ на крестѣ, освободилъ ихъ отъ всѣхъ звѣрей. Но Онъ не сказалъ: подобаетъ быть *повѣшеннымъ*, а — *вознесеннымъ*. Онъ употребилъ такое выраженіе, которое для слушателя могло быть болѣе благопріятно и которое ближе подходило къ прообразу.

Тако бо возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруй въ онь не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный. Слова эти означаютъ слѣдующее: не удивляйся, что Я долженъ быть вознесенъ ради спасенія вашего. Такъ угодно и Отцу,—и Онъ такъ возлюбилъ васъ, что за рабовъ и рабовъ неблагодарныхъ далъ Сына Своего, чего никто не сдѣлалъ бы и за друга. Это и Павелъ выражаетъ въ словахъ: *едва за праведника кто умретъ* (Римл. V, 7). Но апостолъ говорилъ объ этомъ пространнѣе, потому что бесѣдовалъ съ вѣрующими; а Христосъ—кратко, такъ какъ слово Его было къ Никодиму; но слово Его выразительнѣе. Каждое изреченіе Его имѣетъ въ себѣ много выразительности. Въ словахъ: *тако возлюби Богъ міръ* Онъ показываетъ великую силу любви,—такъ какъ великое, безпредѣльное разстояніе находится между Богомъ и міромъ. Безсмертный, безначальный, величество безпредѣльное, Онъ возлюбилъ сущихъ отъ земли и праха, полныхъ безчисленнымъ множествомъ грѣховъ, оскорбляющихъ Его во всякое время, неблагодарныхъ. Выразительны и присовокупленныя вслѣдъ затѣмъ слова: *яко Сына своего единород- 160
наго далъ есть*,—не раба, говоритъ, далъ, не ангела, не архангела, а и о сынѣ никто не показалъ бы такой заботливости, ка-

кую Богъ о рабахъ неблагодарныхъ. Итакъ, Свое страданіе Онъ изображаетъ не вполнѣ ясно, а прикровенно; но благотворныя слѣдствія страданія выражаетъ ясно и открыто, говоря такъ: *да всякъ вѣруяй въ онь не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный*. Такъ какъ Онъ сказалъ, что Ему надлежитъ быть вознесеннымъ, и тѣмъ назнаменовалъ Свою смерть, то чтобы слушатель отъ этихъ словъ не пришелъ въ смущеніе, не сталъ предполагать о Немъ чего-либо человѣческаго и не почелъ Его смерти прекращеніемъ существованія, — вотъ смотри, какъ Онъ исправляетъ это: Онъ говоритъ, что Тотъ, котораго даетъ Отецъ, есть Сынъ Божій, виновникъ жизни, притомъ жизни вѣчной. А кто могъ чрезъ свою смерть сообщить жизнь другимъ, тотъ не могъ навсегда остаться во (власти) смерти. Если не погибаютъ вѣрующіе въ Распятаго, то тѣмъ болѣе не можетъ погибнуть самъ Распятый. Кто избавляетъ отъ погибели другихъ, тотъ тѣмъ болѣе самъ свободенъ отъ ней. Кто сообщаетъ жизнь другимъ, тотъ тѣмъ болѣе источаетъ жизнь для себя самого. Видишь ли, что вездѣ нужна вѣра? Онъ говоритъ, что крестъ есть источникъ жизни; но разумъ не легко могъ бы принять это: свидѣтели тому язычники, еще и донынѣ осмѣивающіе это; а вѣра, превосходящая немощь умствованій, тоже самое легко и принимаетъ и содержитъ. Почему же Богъ такъ возлюбилъ міръ? Не почему-либо другому, какъ по одной только благости.

3. Устыдимся же Его любви, устыдимся Его безмѣрнаго человѣколюбія. Онъ для насъ не пощадилъ даже Единороднаго Сына, а мы бережемъ и деньги, себѣ же на зло. Онъ предалъ за насъ истиннаго Сына Своего; а мы ни ради Его, ни даже ради себя не хотимъ дать и серебра. Какъ можемъ за это получить прощеніе? Если мы видимъ человѣка, подвергающагося за насъ опасностямъ и смерти, то предпочитаемъ его всѣмъ другимъ, причисляемъ къ первымъ своимъ друзьямъ, отдаемъ ему все свое,—говоримъ, что это принадлежитъ ему болѣе, чѣмъ намъ, и при всемъ томъ не думаемъ, что мы воздали ему достойнымъ образомъ. А ко Христу мы не имѣемъ благодарности даже и въ этой мѣрѣ. Онъ положилъ за насъ душу Свою, Онъ пролилъ за насъ драгоцѣнную кровь Свою,—за насъ, неблагодарныхъ, недобрыхъ; а мы не расточаемъ и денегъ для своей же пользы, но презираемъ Его въ наготѣ и странничествѣ, Его, который умеръ за насъ. Кто же похититъ насъ отъ будущей казни? Если бы не Богъ, а мы сами наказывали себя, то не произнесли ли бы мы приговоръ на себя самихъ? Не осудили ль бы себя на геенскій огонь за то, что презираемъ Положившаго за насъ душу Свою, тогда какъ Онъ истаеваетъ отъ голода? И

что говорить о деньгахъ? Если бы мы имѣли въ себѣ по тысячѣ душъ, не должны ли были бы положить всѣ души за Него? Впрочемъ и такимъ образомъ мы не сдѣлали бы еще ничего, достойнаго Его благодѣяній. Кто прежде благодѣтельствуетъ, тотъ обнаруживаетъ въ себѣ явную доброту, а кто получилъ благодѣяніе, тотъ, чѣмъ бы ни воздавалъ за него, воздаетъ только должное и не заслуживаетъ благодарности, — особенно, когда начавшій благодѣтельствовать оказываетъ благодѣяніе врагамъ; а кто воздаетъ ему, тотъ воздаетъ благодѣтелю тѣмъ, что отъ него же получилъ, и самъ же опять тѣмъ пользуется. Но и это насъ не трогаетъ; нѣтъ, мы до такой степени неблаго- 161
дарны, что рабовъ и муловъ и коней облекаемъ въ золотые уборы, а Господа, скитающагося въ наготѣ, переходящаго отъ дверей къ дверямъ, стоящаго на распутіяхъ и простирающаго къ намъ руки, мы презираемъ, а часто смотримъ на Него суровыми глазами; но и это самое Онъ терпитъ насъ ради. Онъ охотно алчетъ, чтобы напитать тебя; странствуетъ въ наготѣ, чтобы доставить тебѣ возможность получить одежду нетлѣнія. Но вы, не смотря и на это, не удѣляете ничего изъ своего имѣнія. Ваши одежды или снѣдаются молью, или составляютъ тяжесть для сундуковъ и лишнюю заботу для владѣтелей; а Кто даровалъ и это и все прочее, Тотъ скитается нагимъ. Но вы говорите, что не складываете свои одежды въ сундуки, а сами одѣваетесь въ нихъ и украшаетесь? Скажите же мнѣ какая вамъ отъ того польза? Та ли, что васъ увидитъ на площади толпа? Что же? Тамъ будутъ удивляться не тому, кто облеченъ въ такія одежды, а тому, кто подаетъ нуждающимся. Итакъ, если хочешь, чтобъ тебѣ удивлялись, одѣвай другихъ, — и ты получишь тысячи похвалъ. А вмѣстѣ съ людьми тогда восхвалитъ тебя и Богъ. Теперь же никто не похвалитъ тебя; а только всѣ ненавидятъ, видя, что тѣло ты украшаешь, а о душѣ нерадишь. Украшеніе тѣла есть и у блудницъ, и онѣ нерѣдко одѣваются 162
въ самыя многоцѣнныя и блестящія одежды; но украшеніе души есть только у людей добродѣтельныхъ. Я объ этомъ часто говорю и не перестану говорить, заботясь не столько о бѣдныхъ сколько о вашихъ душахъ. У нихъ будетъ утѣшеніе, если и не отъ насъ, то съ другой какой-либо стороны: если бы даже для нихъ и не было утѣшенія, а погибли бы они отъ голода, и въ такомъ случаѣ для нихъ большаго вреда не было бы. Повредило ли сколько-нибудь Лазарю убожество и изнуреніе отъ голода? Но васъ никто не исхититъ изъ геенны, если вы не получите помощи отъ бѣдныхъ; нѣтъ, мы будемъ говорить тоже, что и богачъ, преданный вѣчнымъ мукамъ и лишенный всякаго утѣ-

шенія. Но не дай Богъ никому изъ насъ услышать когда-либо такія слова; да отойдемъ мы въ нѣдра Авраама, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVIII.

Не посла бо Богъ Сына своего въ міръ, да судитъ мірови, но да спасется имъ міръ (Іоан. III, 17).

161 1. Многіе изъ людей безпечныхъ, злоупотребляя человѣколюбіемъ Божіимъ къ умноженію грѣховъ и къ большему нерадѣнію, говорятъ такія слова: нѣтъ геенны, нѣтъ мученій; Богъ отпускаетъ намъ всѣ грѣхи. Заграждая уста такимъ людямъ, одинъ мудрый мужъ говоритъ: *не рцы: щедрота его многа есть, множество грѣховъ моихъ очиститъ: милость бо и гнѣвъ у него, и на грѣшницѣхъ почіетъ ярость его* (Сирах. V, 6, 7). И въ другомъ мѣстѣ: *по многѣй милости его, тако много и обличеніе его* (Сирах. XVI, 13). Гдѣ же, скажетъ кто-нибудь, человѣколюбіе Его, если мы получимъ то, что слѣдуетъ за грѣхи наши? Но что мы получимъ заслуженное, послушай и пророка и Павла. Одинъ говоритъ: *яко ты воздаси комуждо по дѣломъ его* (Псал. LXI, 13); а другой: *иже воздастъ комуждо по дѣломъ его* (Рим. II, 6), Тѣмъ не менѣе однакожъ велико человѣколюбіе Божіе, и это видно вотъ откуда: Богъ раздѣлилъ судьбы наши на два вѣка жизни, настоящій и будущій, и, опредѣливъ первую для подвиговъ, а послѣднюю для полученія вѣнцевъ, показалъ такимъ образомъ великое человѣколюбіе. Какимъ образомъ? Тѣмъ, что, хотя бы мы совершили множество тяжкихъ грѣховъ и не переставали отъ юности до глубокой старости осквернять свою душу несчетными пороками, Онъ не истязуетъ насъ ни за одинъ изъ этихъ грѣховъ, а въ банѣ паки бытія подаетъ отпущеніе ихъ и даруетъ оправданіе и освященіе. Но что скажешь ты, если сподобившійся таинствъ съ самаго дѣтства послѣ того впадетъ во множество грѣховъ? Такой заслуживаетъ уже тѣмъ большаго наказанія. За одни и тѣ же грѣхи мы подвергаемся не одному и тому же осужденію, но гораздо строжайшему, когда согрѣшаемъ послѣ освященія таинствами. Это и показываетъ Павелъ въ слѣдующихъ словахъ: *отвергся ли кто закона Моисеова, безъ милосердія при двоихъ или тріехъ свидѣтелехъ умираетъ. Колико мните горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый, и*
162 *кровь завѣтную скверну возмнивъ, и Духа благодати укоривый* (Евр. X 28, 29)? Такой, слѣдовательно, достоинъ большаго наказанія.

Однакожъ и такому Богъ еще отверзаетъ двери покаянія и подаетъ много средствъ омыть свои согрѣшенія, только бы онъ самъ захотѣлъ. Подумай же, какъ велики доказательства Его человѣколюбія,—въ томъ, что Онъ и отпускаетъ (грѣхи) Своею благодатію, и согрѣшившаго послѣ благодати и заслужившаго наказаніе не наказываетъ, но даетъ время и средства къ оправданію. Поэтому-то Христосъ говорилъ Никодиму: *не посла Богъ Сына своего въ міръ, да судитъ мірови, но да спасется имъ міръ*. Два Христова пришествія: одно уже было, другое будетъ. Но то и другое имѣетъ цѣль не одну: первое было не для истязанія нашихъ дѣлъ, а для отпущенія; второе пришествіе будетъ не для отпущенія, а для истязанія. Поэтому о первомъ пришествіи Онъ говоритъ: *не пріидохъ да сужду мірови, но да спасу міръ* (Іоан. xii, 47); о второмъ же: *егда пріидетъ Сынъ человѣческій во славѣ своей, тогда поставитъ овцы одесную себе, а козлища ошуюю, и идутъ сіи въ муку вѣчную, а праведницы въ животъ вѣчный* (Мате. xxv, 31—33). Впрочемъ и первое пришествіе могло быть для суда, по требованію правосудія. Почему? Потому, что до пришествія Христова были уже: и естественный законъ, и пророки, и законъ писанный, и ученіе, и безчисленныя обѣтованія, и явленіе чудесъ, и наказанія, и мученія, и многое другое, что могло исправлять (людей)—и во всемъ этомъ слѣдовало требовать отчета. Но такъ какъ (Богъ) человѣколюбивъ, то и не дѣлалъ истязанія, а даровалъ прощеніе. А если бы Онъ сталъ судить, всѣ немедленно погибли бы. *Вси бо*, сказано, *согрѣшиша и лишени суть славы Божіей* (Рим. iii, 23). Видишь ли, какое неизреченное человѣколюбіе? *Вѣруяй въ онь не будетъ осужденъ: а не вѣруяй уже осужденъ есть* (ст. 18). Но если Онъ пришелъ не для того, чтобы судить міръ, то какимъ образомъ невѣрующій *уже осужденъ*, когда еще не настоитъ время суда? Онъ говоритъ это или потому, что невѣріе безъ раскаянія само по себѣ есть величайшее мученіе, или же Онъ предвозвѣщаетъ 163
будущее. Какъ убійца, хотя бы и не былъ осужденъ приговоромъ судіи, уже осужденъ по самому свойству своего дѣла, такъ и невѣрующій. И Адамъ умеръ въ тотъ самый день, въ который вкусилъ отъ древа: таково было опредѣленіе: *въ оньже аще день снѣсте отъ древа, смертію умрете* (Быт. ii, 17). Но онъ еще жилъ и послѣ того: какимъ же образомъ онъ *умеръ?* И по опредѣленію Божію, и по свойству своего поступка. Кто сдѣлалъ себя повиннымъ наказанію, тотъ находится подъ наказаніемъ, хотя еще и не на самомъ дѣлѣ, а по опредѣленію. И чтобы кто-нибудь, услышавъ: *не пріидохъ, да сужду мірови*, не подумалъ, что можно грѣшить безнаказанно, и не сдѣлался оттого еще болѣе безпечнымъ, Христосъ предотвращаетъ такое нерадѣніе, сказавъ: *уже осуж-*

день есть. Такъ какъ будетъ судъ, но еще не насталъ, то Онъ ближайшимъ образомъ возбуждаетъ страхъ мученія и уже показываетъ наказаніе. Но и то служитъ доказательствомъ великаго человѣколюбія Божія, что Богъ не только далъ Сына, но и отложилъ время суда, чтобы согрѣшившіе и невѣрующіе имѣли возможность очистить свои согрѣшенія. *Вѣруяй въ Сына не будетъ осужденъ,—вѣрующій*, а не испытующій; *вѣрующій*, а не любопытствующій. А если и вѣрующій имѣетъ жизнь нечистую, дѣла недобрыя? Такихъ Павелъ называетъ не истинно вѣрующими: *Бога исповѣдуютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся его* (Тит. I, 16) Впрочемъ Христосъ здѣсь высказываетъ то, что они подлежатъ осужденію не за невѣріе, а подвергнутся жесточайшему наказанію за дѣла; за невѣріе же не наказываются,—потому что уже увѣровали.

2. Видишь ли, какъ, начавъ съ (истинъ) страшныхъ, Христосъ опять ими же закончилъ? Въ началѣ Онъ говорилъ: *аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе*. А здѣсь опять: *не вѣруяй въ Сына уже осужденъ есть*. То есть: не думай, что отложеніе (наказанія) можетъ принести какую-либо пользу тому, кто уже заслужилъ наказаніе, если не раскается. Состояніе невѣрующаго ничѣмъ не лучше состоянія людей, уже осужденныхъ и преданныхъ наказанію. *Сей же есть судъ, яко свѣтъ пріиде въ міръ и возлюбиша человѣцы паче тму, неже свѣтъ* (ст. 19). Смыслъ этихъ словъ такой: люди наказываются за то, что не хотятъ оставить тьму и поспѣшить къ свѣту. Такимъ образомъ Христосъ лишаетъ ихъ всякаго оправданія. Если бы, говоритъ Онъ, Я пришелъ только наказывать и требовать у нихъ отчета въ дѣлахъ, то они могли бы сказать: мы поэтому-то и удалились отъ Тебя. Но Я пришелъ освободить ихъ отъ тьмы и привести къ свѣту. Кто же помиловалъ бы человѣка, не хотящаго изъ тьмы выйти къ свѣту? Такимъ образомъ они, говоритъ, удаляются отъ насъ, не имѣя возможности ни въ чемъ обвинить насъ, но еще получивъ отъ насъ безчисленныя благодѣянія. Осуждая ихъ за это и въ другомъ мѣстѣ, Онъ говоритъ: *возненавидѣша мя туне*; и еще: *аще не быхъ пришелъ и глаголалъ имъ, грѣха не бѣша имѣли* (Іоан. XV, 22). Кто сидитъ во тьмѣ по недостатку свѣта, тотъ, быть можетъ, и получилъ бы прощеніе; а остающійся во тьмѣ послѣ явленія свѣта, тотъ самъ на себя свидѣтельствуетъ, что его воля развращена и непокорна. Но такъ какъ сказанное казалось многимъ невѣроятнымъ (никто вѣдь не можетъ предпочесть тьмы свѣту), то Онъ показываетъ и причину, по которой люди подвергались такому злосчастію. Какая же это причина? *Бѣша бо*, говоритъ, *ихъ дѣла зла. Всякъ же дѣлаяй злая ненавидитъ свѣта, и не приходитъ къ свѣту, да не обличатся*

дѣла его (ст. 20). Вѣдь Онъ пришелъ не судить и не истязать, а 164
простить и отпустить согрѣшенія ихъ, подать имъ спасеніе чрезъ вѣру: почему же они убѣгали Его? Если бы Онъ, пришедши, возсѣлъ на судилищѣ, то они могли бы имѣть на это нѣкоторое основаніе. Кто сознаетъ въ себѣ что-либо худое, тотъ обыкновенно избѣгаетъ судьи; но къ тому, кто прощаетъ, преступники даже спѣшатъ. Итакъ, если Онъ пришелъ съ прощеніемъ, имъ слѣдовало поспѣшить къ Нему, и особенно тѣмъ, которые сознавали въ себѣ много грѣховъ; такъ многіе и сдѣлали. Мытари и грѣшники, приходя къ Іисусу, возлежали съ Нимъ. Что же значатъ слова Его? Онъ говоритъ о тѣхъ, которые рѣшились навсегда оставаться во злѣ. Самъ Онъ пришелъ для того, чтобы оставить прежнія согрѣшенія и предостеречь отъ будущихъ. Но такъ какъ нѣкоторые до такой степени измѣнились и ослабѣли къ подвигамъ добродѣтели, что до послѣдняго издыханія хотятъ оставаться во злѣ и не думаютъ никогда отстать отъ него, то Христосъ, имѣя въ виду такихъ людей, и обличаетъ ихъ. Христіанство требуетъ и православнаго ученія и жизни доброй, но они, говоритъ Христосъ, боятся обратиться къ намъ, потому самому, что не хотятъ показать доброй жизни. Живущаго въ язычествѣ никто не станетъ обличать, потому что имющій такихъ боговъ и празднества, подобно богамъ постыдныя и достойныя осмѣянія, показываетъ и дѣла, достойныя своего ученія, а чтители Бога, живя безпечно, всѣхъ имѣютъ для себя обвинителями и обличителями,—такъ досточтима истина и для враговъ ея! Замѣчай же, съ какою точностію Христосъ выражаетъ то, о чемъ говоритъ. Онъ не сказалъ: *сдѣлавшій злая* не приходитъ къ свѣту, но: *дѣлаяй*, то есть, дѣлающій всегда; кто хочетъ всегда валяться къ тинѣ грѣха, тотъ и не хочетъ подчинять себя Моимъ законамъ и, внѣ ихъ, безбоязненно блудодѣйствуетъ и дѣлаетъ все другое запрещенное. Приходя же ко Мнѣ, онъ становится видѣнъ, какъ воръ при свѣтѣ. Поэтому-то онъ и избѣгаетъ Моей власти. Дѣйствительно, можно и нынѣ слышать отъ многихъ язычниковъ, что они потому не могутъ обратиться къ нашей вѣрѣ, что не могутъ оставить пьянства, блудодѣянія и подобныхъ пороковъ. Что же, скажешь ты, развѣ нѣтъ и христіанъ, худо поступающихъ, и язычниковъ, проводящихъ жизнь въ любомудріи? Что есть христіане, живущіе худо, это и я знаю; а есть ли язычники, живущіе добродѣтельно, этого я доподлинно еще не знаю. Ты не указывай мнѣ на людей смиренныхъ и честныхъ отъ природы: это не добродѣтель! Укажи человѣка, который бы, испытывая сильное увлеченіе страстей, оставался любомудрымъ, а такого ты не найдешь (въ язычествѣ). Если и обѣтованіе царства,

угроза геенною и тому подобное едва удерживаетъ людей въ добродѣтели, тѣмъ менѣе люди, ни въ чемъ этомъ не убѣжденные, могутъ преуспѣвать въ добродѣтели. Если же нѣкоторые изъ нихъ и показываютъ видъ добродѣтели, то дѣлаютъ это для славы. А кто это дѣлаетъ для славы, тотъ, когда только можно утаиться, не откажется удовлетворить своимъ злымъ пожеланіямъ. Но чтобы не показаться кому-нибудь любителями спора, согласимся, что между язычниками есть люди, хорошо живущіе: это нисколько не противорѣчитъ нашимъ словамъ. Я говорю о томъ, что многократно бываетъ, а не о томъ, что изрѣдка случается.

165 3. Но смотри, какъ Христосъ лишаетъ ихъ, и съ другой стороны, всякаго оправданія. Онъ говоритъ, что *свѣтъ пришелъ въ міръ*. Искали ли, говоритъ, они его, трудились ли, заботились ли найти? Свѣтъ самъ къ нимъ пришелъ; однакожъ они и тогда не поспѣшили къ нему. Если же и между христіанами нѣкоторые живутъ худо, то касательно этого замѣтимъ, что Христосъ говоритъ не о тѣхъ, которые стали христіанами отъ рожденія и приняли вѣру отъ предковъ (хотя нерѣдко и они порочною жизнію уклонялись отъ праваго ученія); не объ нихъ, кажется, здѣсь говорится, но о тѣхъ, которые изъ іудейства или язычества должны были обратиться къ правой вѣрѣ. (Христосъ) показываетъ, что никто, находясь въ заблужденіи, не захочетъ обратиться къ вѣрѣ, если предварительно не предпишетъ самому себѣ доброй жизни, и никто не останется въ невѣріи, если предварительно не рѣшится навсегда оставаться злымъ. Не говори ты мнѣ, что такой-то цѣломудренъ и не воръ; не въ этомъ только состоитъ добродѣтель. Какая польза, имѣя эти качества, быть рабомъ суетной молвы, и, опасаясь стыда отъ своихъ друзей, оставаться въ заблужденіи? Это не значитъ жить добродѣтельно. Рабъ тщеславія не лучше блудника; даже дѣлаетъ гораздо большіе и тягчайшіе грѣхи, чѣмъ тотъ. Но укажи мнѣ когонибудь между язычниками, который былъ бы свободенъ отъ всѣхъ страстей и не былъ причастенъ ни одному пороку: ты указать не можешь. И тѣ, которые прославились у нихъ великими дѣлами и презирали, какъ говорятъ, богатство и роскошь, тѣ-то наиболѣе раболѣпствовали славѣ человѣческой; а это — причина всѣхъ золъ. Въ такомъ состояніи оставались и іудеи. Поэтому, обвиняя ихъ, Христосъ и говорилъ: *како можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще* (Іоан. v, 44)? Но почему Христосъ не бесѣдовалъ и не распространилъ объ этомъ слова съ Наѳанаиломъ, которому засвидѣтельствовалъ истину? Потому, что онъ приходилъ ко Христу не съ такимъ усердіемъ (съ какимъ

Никодимъ). Никодимъ считалъ это для себя долгомъ и употребилъ на слушаніе бесѣды такое время, въ которое другіе отдыхали. Но Наѳанаилъ приходилъ по убѣжденію другого. Впрочемъ Христосъ не оставилъ безъ вниманія и его; Онъ сказалъ ему: *отселѣ узрите небо отверсто, и ангелы Божія восходящыя и нисходящыя* (Іоан. 1, 51). Никодиму же ничего подобнаго Онъ не говорилъ, а бесѣдовалъ съ нимъ объ устроеніи нашего спасенія и о жизни вѣчной, употребляя различную рѣчь сообразно съ душевнымъ расположеніемъ каждаго. Для Наѳанаила, который и пророчества зналъ и былъ не такъ боязливъ, довольно было услышать и это одно. А Никодиму, такъ какъ онъ былъ еще боязливъ, Христосъ не открывалъ всего ясно, но потрясалъ его душу, чтобы страхъ истребить страхомъ, говоря, что невѣрующій осужденъ и 166
что невѣріе происходитъ отъ порочной совѣсти. Никодимъ много дорожилъ славою человѣческою и думалъ о ней больше, чѣмъ о наказаніи. *Мнози*, сказано, *отъ князь вѣроваша въ него, но фарисей ради не исповѣдоваху* (Іоан. xii, 42): въ этомъ-то Христосъ и упрекаетъ его и показываетъ притомъ, что невѣрующій въ Него не почему-либо другому не вѣруетъ, какъ потому, что ведетъ нечистую жизнь. Далѣе Онъ говоритъ: *азъ есмь свѣтъ* (Іоан. viii, 12); а здѣсь: *пріиде свѣтъ въ міръ* (ст. 19). Такимъ образомъ вначалѣ Онъ говорилъ болѣе прикровенно, а впослѣдствіи яснѣе. Между тѣмъ Никодимъ былъ удерживаемъ славою народною; потому и не могъ имѣть столько смѣлости, сколько бы слѣдовало. Будемъ же убѣгать тщеславія; эта страсть сильнѣе всѣхъ страстей. Отсюда любостяжаніе и сребролюбіе; отсюда ненависть, вражда, распри. Желающій большаго ни на чемъ остановиться не можетъ; а желаетъ онъ большаго потому, что любитъ суетную славу. Скажи мнѣ, для чего многіе окружаютъ себя множествомъ евнуховъ, толпою слугъ и такимъ блескомъ? Не по нуждѣ, а для того, чтобы люди, встрѣчающіеся съ ними, были свидѣтелями этого неумѣстнаго блеска. Итакъ, если мы отсѣчемъ эту страсть, то вмѣстѣ съ головою истребимъ и остальные члены этого зла, и тогда уже ничто не воспрепятствуетъ намъ жить на землѣ, какъ на небѣ. Тщеславіе не только влечетъ ко злу своихъ плѣнниковъ, но вкрадывается и въ добродѣтели; и если не можетъ лишить насъ ихъ, то дѣлаетъ намъ большой вредъ въ самой добродѣтели, принуждая переносить труды, а лишая плодовъ. Зараженный тщеславіемъ,—постится ли, молится ли, творитъ ли милостыню,—лишается своей награды. Какое же несчастіе можетъ быть больше того, какъ, изнуряя себя вотще и понапрасну, подвергнуться осмѣянію и лишиться горней славы? А желающему той и другой славы невозможно получить той и

другой вмѣстѣ. Правда, можно достигнуть и той и другой славы, но только въ томъ случаѣ, если будемъ желать не обѣихъ, а одной—славы небесной. А кто жаждетъ и той и другой, тотъ не можетъ получить той и другой вмѣстѣ. Итакъ, если хотимъ достигнуть славы, будемъ убѣгать славы человѣческой, а желать той одной славы—отъ Бога. Такимъ образомъ можемъ пріобрѣсть и ту и другую славу, чего и да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Кототораго и съ Которымъ Отцу со Св. Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIX.

По сихъ же пріиде Іисусъ и ученицы его въ жидовскую землю, и ту живяше съ ними и крещаше (Іоан. III, 22).

165 Нѣтъ ничего свѣтлѣе и сильнѣе истины, равно какъ нѣтъ ничего безсильнѣе лжи, хотя бы она прикрывалась безчисленными покровами. Ложь легко уловить и опровергнуть; а истина открыто предлагаетъ себя всѣмъ, желающимъ видѣть красоту ея. Она не любитъ скрываться, не боится опасности, не трепещетъ навѣтовъ, не домогается славы народной, не подвержена ничему другому человѣческому; она стоитъ выше всего, подвергаясь, конечно, тысячамъ навѣтовъ, но оставаясь необоримою;
166 прибѣгающихъ къ ней она охраняетъ, какъ крѣпкою стѣною, величіемъ своей силы; не терпитъ скрытныхъ убѣжищъ, но предлагаетъ открыто всѣмъ все, что есть въ ней. Это показалъ и Христосъ, когда сказалъ Пилату: *азъ всегда не обинуяся учахъ, и тай не глаголахъ ничесоже* (Іоан. XVIII, 20). Это Онъ тогда сказалъ,
167 а теперь сдѣлалъ. *По сихъ бо*, сказано, *пріиде въ жидовскую землю Онъ и ученицы его, и ту живяше и крещаше.* Въ праздники Онъ приходилъ въ городъ, чтобы тамъ предлагать ученіе среди народа, и чудесами благотворить ему; по окончаніи же праздниковъ, часто отходилъ на Іорданъ, потому что и туда стекалось множество народа. Онъ всегда посѣщалъ мѣста многолюдныя, не изъ желанія показать Себя, или изъ любочестія, а съ тою цѣлію, чтобы большему числу людей доставить пользу. Такъ какъ далѣе евангелистъ говоритъ, что не Іисусъ крестилъ, а Его ученики, то ясно, что и здѣсь онъ говоритъ тоже, то есть, крестили только ученики Его. Почему же, скажешь ты, не крестилъ Онъ самъ? Еще прежде Іоаннъ сказалъ: *той вы крестить Духомъ святымъ и огнемъ* (Іоан. I, 3. 11); но Духа Святого Онъ тогда еще не пода-

валъ, потому, конечно, и не крестилъ. Но ученики дѣлали это, желая многихъ привести къ спасительному ученію. Для чего же, когда стали крестить ученики Іисуса, Іоаннъ не переставалъ дѣлать это, а и онъ продолжалъ крестить и дѣлать это до самаго своего заключенія въ темницу? Слова: *бѣ и Іоаннъ крестя во Енонѣ*, и слѣдующія: *не у бо бѣ всажденъ въ темницу Іоаннъ* (Іоан. ш, 23, 24) именно показываютъ, что онъ тогда еще не переставалъ крестить. Для чего же, скажешь, онъ крестилъ до сихъ поръ? Вѣдь онъ, переставъ крестить вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ начали ученики Іисуса, конечно, показалъ бы этимъ преимущество ихъ? Итакъ, для чего онъ продолжалъ крестить? Для того, чтобы не возбудить въ своихъ ученикахъ большей зависти и соперничества. Если Іоаннъ не убѣдилъ ихъ послѣдовать Христу, не смотря на то, что вопіялъ тысячу разъ, всегда уступалъ Ему первенство и признавалъ себя меньшимъ Его, то, если бы еще онъ пересталъ крестить, тѣмъ болѣе возбудилъ бы въ нихъ соперничество. Поэтому и Христосъ тогда особенно сталъ проповѣдывать, когда Іоаннъ былъ умерщвленъ. И я думаю, что смерть Іоанна и была допущена и послѣдовала такъ скоро для того, чтобы вниманіе всего народа обратилось на Христа и мнѣнія уже не раздѣлялись между тѣмъ и другимъ. Впрочемъ и крестя, Іоаннъ не переставалъ увѣщевать и показывать великое и высокое достоинство Іисуса. Онъ крестилъ не для чего-либо другого, а только — *да во грядущаго по немъ вѣруютъ* (Дѣян. xix, 4). Итакъ, проповѣдуя это, какъ бы онъ показалъ достоинство учениковъ Христовыхъ, если бы пересталъ крестить? Тогда подумали бы, что онъ это сдѣлалъ по зависти или досадѣ. А продолжая проповѣдывать, онъ доказывалъ еще сильнѣе ихъ досточтимость. Не себѣ пріобрѣталъ славу, но отсылалъ слушателей ко Христу, и не меньше учениковъ Его содѣйствовалъ Ему, даже еще больше, потому что его свидѣтельство было неподозрительно, и онъ имѣлъ у всѣхъ больше славы, чѣмъ они. На это указывалъ и евангелистъ, сказавъ: *исхождаше къ нему вся Іудеа и вся страна Іорданская* (Матѳ. ш, 5). Да и въ то время, когда крестили ученики, народъ не переставалъ приходить къ нему. А если бы кто захотѣлъ узнать, имѣло ли какое-нибудь преимущество крещеніе учениковъ (Іисуса) предъ крещеніемъ Іоанна, — мы скажемъ, что никакого. То и другое крещеніе равно не имѣло благодати Духа, и цѣлію того и другого было только 168
приведеніе крещаемыхъ ко Христу. Ученики Іисусовы, не желая постоянно ходить (по разнымъ мѣстамъ), чтобы собирать желавшихъ вѣровать, какъ это сдѣлалъ съ Симономъ братъ его и съ Наѳанаиломъ Филиппъ, установили крещеніе, чтобы чрезъ него

безъ труда приводить всѣхъ ко Христу и пролагать путь къ вѣрѣ въ Него. А что ни то, ни другое крещеніе не имѣло одно предъ другимъ никакого преимущества, это видно изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Какихъ? *Бысть*, сказано, *стязаніе отъ ученикъ Іоанновыхъ* со іудеемъ [1]) *о очищеніи* (ст. 25). Ученики Іоанновы всегда завидовали ученикамъ Христовымъ, даже самому Христу; когда же увидѣли, что они крестятъ, то начали говорить крещаемымъ, что ихъ крещеніе заключаетъ въ себѣ нѣчто большее, чѣмъ крещеніе учениковъ Христовыхъ, и, взявъ одного изъ крещенныхъ, усиливались убѣдить его въ томъ, но не убѣдили. А что они сами пришли къ нему, а не онъ искалъ ихъ, послушай, какъ намекаетъ на это евангелистъ. Онъ не говоритъ, что одинъ іудей сталъ состязаться съ ними, а: *бысть стязаніе отъ ученикъ Іоанновыхъ* съ іудеемъ *объ очищеніи.*

2. Но замѣть и скромность евангелиста. Онъ не употребляетъ словъ укорительныхъ, а, сколько можно было, смягчаетъ вину (учениковъ Іоанновыхъ), говоря просто: *бысть стязаніе.* А что состязаніе это происходило отъ зависти, видно изъ послѣдующихъ обстоятельствъ, изложенныхъ евангелистомъ также безъ укоризны. *Пріидоша*, говоритъ онъ, *ко Іоанну и рекоша ему: равви, иже бѣ съ тобою обонъполъ Іордана, ему же ты свидѣтельствовалъ еси, се сей крещаетъ, и вси грядутъ къ нему* (ст. 26), т. е. къ Тому, котораго ты крестилъ; это они выражаютъ словами: *ему же ты свидѣтельствовалъ еси.* Они какъ бы такъ говорили: Тотъ, котораго ты сдѣлалъ извѣстнымъ и славнымъ, Тотъ осмѣливается на тоже, что и ты дѣлаешь. Но они не сказали: котораго ты крестилъ, — въ такомъ случаѣ они были бы принуждены вспомнить и о гласѣ, бывшемъ свыше, и о сошествіи Духа, — а что они говорятъ? *Иже бѣ съ тобою обонъполъ Іордана, ему же ты свидѣтельствовалъ еси*, то есть, который былъ въ числѣ учениковъ твоихъ, который не имѣлъ въ себѣ ничего больше нашего, Тотъ, отдѣлившись отъ тебя, крещаетъ. Но не этимъ только они думали возбудить Іоанна, а и тѣмъ, что ихъ слава стала наконецъ затмеваться: всѣ, говорятъ они, идутъ къ Нему. Отсюда видно, что они не одолѣли и того іудея, съ которымъ имѣли состязаніе. А говорили это потому, что были еще несовершенны и еще нечисты отъ любочестія. Что же Іоаннъ? Опасаясь, чтобы они, отдѣлившись и отъ него самого, не сдѣлали еще чего-либо болѣе худого, онъ не сильно упрекаетъ ихъ; а что говоритъ? *Не можетъ человѣкъ пріимати ничесоже, аще не будетъ дано ему съ небесе* (ст. 27).

---

[1]) Въ греч. и слав.: *со іудеи.* Но св. Златоустъ, читая: *со іудеемъ*, основываетъ на такомъ чтеніи и послѣдующее свое толкованіе.

Если здѣсь онъ еще не очень высоко отзывается о Христѣ, ты не удивляйся этому; учениковъ, проникнутыхъ такими чувствами, онъ не могъ вдругъ и съ перваго раза научить всему. Онъ хочетъ сперва поразить ихъ страхомъ и показать, что они, враждуя противъ Него, враждуютъ не противъ кого-либо другого, а противъ самого Бога. Такимъ образомъ, что говорилъ и Гамаліилъ: *не можете разорити то, да не како и богоборцы обрящетеся* (Дѣян. v, 39), то прикровенно выражаетъ здѣсь и Іоаннъ. Говоря: никто не можетъ взять, *аще не будетъ ему дано съ небесе*, онъ показываетъ, что они домогаются невозможнаго и оказываются по- 169
этому богоборцами. Что же? Сообщники Ѳевды развѣ не отъ себя самихъ взяли? Но они взяли, и тотчасъ были разсѣяны и погибли. Дѣла же Христовы не таковы. Такимъ образомъ Іоаннъ незамѣтно и успокоиваетъ ихъ, показывая, что затмевающій славу ихъ — не человѣкъ, а Богъ. Поэтому, если и дѣла Его славны и всѣ идутъ къ Нему, удивляться не должно: таковы дѣла божественныя, и совершающій ихъ есть Богъ; иначе Онъ никогда не смогъ бы совершить столь великихъ дѣлъ. Дѣла человѣческія удобопостижимы и непрочны, скоро разрушаются и погибаютъ. А эти дѣла не таковы; слѣдовательно, они дѣла не человѣческія. И смотри, какъ слова: *ему же ты свидѣтельствовалъ еси*, которыя ученики Іоанна думали обратить къ униженію Христа, Іоаннъ обращаетъ противъ нихъ же самихъ. Показавъ сперва, что Христосъ прославился не отъ его свидѣтельства, онъ потомъ заграждаетъ имъ уста такимъ образомъ: *не можетъ*, говоритъ, *человѣкъ пріимати отъ себе ничесоже, аще не будетъ дано ему съ небесе*. Что это значитъ? Если т. е. вы вполнѣ держитесь моего свидѣтельства и признаете его истиннымъ, то знайте, что по этому самому свидѣтельству надлежитъ предпочитать не меня Ему, а Его мнѣ. А что я свидѣтельствовалъ? Объ этомъ я васъ призываю въ свидѣтели. Поэтому онъ и присовокупляетъ: *сами мнѣ свидѣтельствуете, яко рѣхъ: нѣсмь азъ Христосъ, но яко посланъ есмь предъ нимъ* (ст. 28). Итакъ, если вы, держась моего свидѣтельства, ставите это мнѣ на видъ и говорите: *емуже ты свидѣтельствовалъ еси*, то знайте, что Онъ не только не уничижается принятіемъ отъ меня свидѣтельства, но еще болѣе возвышается отъ этого. Иначе говоря, то свидѣтельство было не мое, а Божіе. Такимъ образомъ, если вы меня считаете человѣкомъ достойнымъ вѣроятія, то вѣдь я между прочимъ сказалъ также, что *я посланъ предъ нимъ*. Видишь ли, какъ онъ мало-по-малу показываетъ имъ, что то свидѣтельство есть божественное? Смыслъ его словъ таковъ: я служитель, и говорю слова Пославшаго меня, не льстя Ему по человѣческому пристрастію, но служа Его Отцу.

пославшему меня. Я не угождалъ Ему свидѣтельствомъ своимъ, а говорилъ то, что посланъ сказать. Итакъ не считайте меня поэтому великимъ; въ этомъ открывается Его величіе. Онъ самъ есть Господь всѣхъ этихъ дѣлъ. Объясняя это, Іоаннъ присовокупляетъ: *имѣяй невѣсту женихъ есть; а другъ жениховъ, стоя и послушая его, радостію радуется за гласъ жениховъ* (ст. 29). Но почему онъ, говорившій прежде: *нѣсмь достоинъ, да отрѣшу ремень сапогу его* (1, 27), теперь называетъ себя другомъ Его? Онъ говоритъ это, не превознося себя и не величаясь, но желая показать, что онъ къ этому-то и стремится, что это происходитъ не противъ его воли и не къ огорченію его, а согласно съ его желаніемъ и стараніемъ, и что къ этому-то онъ и направлялъ всѣ свои дѣйствія. Это онъ весьма разумно и выразилъ названіемъ *друга*, потому что слуги жениха въ подобныхъ обстоятельствахъ не такъ радуются и веселятся, какъ его друзья. Итакъ онъ, называя себя другомъ, этимъ означаетъ не равенство свое со Христомъ,—нѣтъ,— но желаетъ выразить свою радость, а вмѣстѣ и снисходитъ къ немощи своихъ учениковъ. Онъ указалъ и на служеніе свое, сказавъ: *яко посланъ есмь предъ нимъ*. Но такъ какъ они думали, что онъ огорчается этимъ, то онъ и назвалъ себя другомъ Жениха, показывая такимъ образомъ, что онъ не только тѣмъ не
170 огорчается, но и весьма радуется. Я, говоритъ онъ, и пришелъ на это дѣло, и потому я такъ далекъ отъ того, чтобы огорчаться этими обстоятельствами, что тогда-то наиболѣе сталъ бы огорчаться, когда бы этого не было. Я тогда бы скорбѣлъ, когда бы невѣста не пришла къ Жениху; а не теперь, когда наши желанія исполнились. Если дѣла Жениха преуспѣваютъ, то и мы счастливы. Чего желали мы, то сбылось, и невѣста признала Жениха. И вы сами свидѣтельствуете, что всѣ идутъ къ Нему. Объ этомъ-то я и старался, къ этому-то и направлялъ всѣ свои дѣйствія. Такимъ образомъ, видя нынѣ исполненіе этого, я радуюсь, веселюсь и торжествую.

3. Но что значатъ далѣе слова: *стоя и послушая его, радостію радуется за гласъ жениховъ?* Здѣсь отъ притчи онъ переходитъ къ настоящему предмету; упомянувъ о Женихѣ и невѣстѣ, онъ показываетъ, какъ происходитъ введеніе невѣсты: именно—гласомъ и ученіемъ. Такъ Церковь сочетавается Богу. Поэтому и Павелъ говоритъ: *вѣра отъ слуха, слухъ же глаголомъ Божіимъ* (Рим. x, 17). Итакъ, этотъ-то гласъ меня радуетъ. Но и выраженіе: *стоя* онъ употребилъ не безъ цѣли, но съ цѣлію — показать, что его дѣло кончено, что ему, послѣ врученія Жениху невѣсты, остается только стоять и слушать, что онъ — служитель и исполнитель и что его благая надежда и радость совершилась. Показывая это,

онъ и присовокупляетъ: *сія убо радость моя исполнися* (29), т. е., дѣло, которое должно было совершиться, мною сдѣлано, и мы уже ничего больше не можемъ сдѣлать. Затѣмъ, чтобы пресѣчь усиленіе скорбныхъ чувствъ (въ своихъ ученикахъ) не на настоящее только время, а и на будущее, онъ открываетъ имъ и будущія событія и удостовѣряетъ въ нихъ какъ тѣмъ, что уже сказано, такъ и тѣмъ, что уже сдѣлано. Для этого онъ присовокупляетъ такія слова: *оному подобаетъ расти, мнѣ же малитися* (ст. 30), т. е. наши дѣла остановились и уже кончились, а дѣла Его начинаютъ расти. Чего вы боитесь, то не на нынѣшнее только время предстоитъ, но еще увеличится въ будущемъ; это именно покажетъ наши дѣла въ полномъ свѣтѣ. Для того я и пришелъ и радуюсь, что Его дѣла получили такое преуспѣяніе, и совершилось то, ради чего было все, сдѣланное нами. Видишь ли, какъ спокойно и съ какою мудростію онъ укротилъ ихъ страсть, погасилъ зависть и доказалъ невозможность ихъ предпріятія,—отъ чего въ особенности и ослабѣваетъ зло? Но это устроилось еще во время жизни и крещенія Іоаннова для того, чтобы они, имѣя въ немъ столь высокаго свидѣтеля, не могли уже ничѣмъ оправдаться, если бы не повѣрили. Онъ не самъ собою пришелъ высказать это, и не потому только говорилъ, что его спрашивали люди посторонніе: его ученики сами и спрашивали его и слушали его. Если бы онъ говорилъ самъ отъ себя, то они могли бы еще не вѣрить; но, слыша его отвѣты на собственные свои вопросы, они уже имѣли приговоръ сами противъ себя. Такъ и іудеи потому именно, что отправляли отъ себя нарочитое посольство къ нему, слышали его отвѣты и однакожъ не повѣрили ему,—поэтому-то и лишили сами себя всякаго оправданія. Чему же мы научаемся отсюда? Тому, что причина всѣхъ золъ—тщеславіе. Оно довело учениковъ Іоанна до зависти; оно же возбудило ихъ зависть и опять, когда они немного уже успокоились. Потому, пришедши къ Іисусу, они говорятъ Ему: *почто ученицы твои не постятся* (Матѳ. IX, 14)? Будемъ же, возлюбленные, убѣгать этой страсти. А если будемъ избѣгать ея, мы избавимся отъ геенны. Она-то наиболѣе возжигаетъ огонь; она всюду простираетъ власть 171
свою и мучительски обладаетъ всякимъ возрастомъ и всякимъ званіемъ; она ниспровергла цѣлыя церкви; она вредитъ дѣламъ гражданскимъ; она разоряетъ цѣлые домы, города, народы, племена. И что удивляешься этому? Она проникаетъ и въ пустыни и тамъ показываетъ великую силу. Часто и тѣ, которые оставляли большія стяжанія и всѣ обольщенія міра, ни съ кѣмъ не имѣли общенія, овладѣвали самыми сильными плотскими пожеланіями, и тѣ, будучи плѣнены пустою славою, теряли все. За

эту страсть фарисей, трудившійся много, поставленъ ниже мытаря, который нисколько не трудился, но много совершилъ грѣховъ. Осуждать эту страсть не трудно (всѣ во мнѣніи о ней согласны). А надобно постараться, какъ бы одолѣть ее. Какъ же одолѣть? Будемъ противопоставлять славѣ славу. Какъ мы презираемъ богатство земное, когда взираемъ на богатство небесное, и не дорожимъ настоящею жизнію, когда помышляемъ о жизни гораздо лучшей, такъ мы сможемъ презрѣть и славу настоящаго міра, когда будемъ помышлять о славѣ гораздо высшей, о славѣ
172 истинной. Здѣшняя слава — слава пустая и суетная, имѣющая только имя, безъ дѣла, а та слава, небесная, есть слава истинная, въ которой прославляютъ не люди, но ангелы и архангелы и самъ Владыка архангеловъ, а лучше сказать, вмѣстѣ съ Нимъ и люди. Если будешь смотрѣть на то зрѣлище, если узнаешь тамошніе вѣнцы, если обратишься къ тому прославленію, то земное никогда не овладѣетъ тобою; ты не будешь считать великимъ настоящее и не станешь искать преходящаго. И въ царскихъ палатахъ ни одинъ изъ оруженосцевъ, предстоящихъ царю, не оставитъ службы тому, кто облеченъ діадемою и возсѣдаетъ на престолѣ, чтобы заниматься крикомъ воронъ и жужжаніемъ летающихъ мухъ и комаровъ. А похвалы людей ничѣмъ не лучше этого. Итакъ, зная малоцѣнность человѣческихъ вещей, будемъ все собирать въ безопасныя сокровищницы и искать славы постоянной и неизмѣнной, которой и да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXX.

Грядый свыше надъ всѣми есть: сый отъ земли есть, и отъ земли глаголетъ (Іоан. III, 31).

171 Страшно славолюбіе, страшно и исполнено многихъ золъ. Это терніе, съ трудомъ исторгаемое, звѣрь неукротимый, многоглавый, возстающій на тѣхъ самыхъ, которые питаютъ его. Какъ червь поядаетъ дерева, въ которыхъ зараждается, ржа снѣдаетъ желѣзо, въ которомъ появляется, и моль — ткань, такъ и тщеславіе губитъ душу, воспитавшую его въ себѣ. Поэтому много намъ нужно старанія, чтобы истребить въ себѣ эту страсть. Вотъ и здѣсь, сколько Іоаннъ ни внушалъ ученикамъ своимъ, страдавшимъ этимъ недугомъ, однако едва укрощаетъ ихъ. Послѣ

сказанныхъ раньше словъ, онъ обращается къ нимъ и еще съ другою рѣчью; съ какою же? *Грядый свыше*, говоритъ онъ, *надъ всѣми есть: сый отъ земли, отъ земли есть, и отъ земли глаголетъ* (Іоан. III, 31). Такъ какъ вы, говоритъ онъ, всюду разносите мое свидѣтельство и говорите, что въ немъ я вполнѣ достоинъ вѣры, то надобно вамъ знать, что Грядущій съ небесъ не можетъ дѣлаться достойнымъ вѣры чрезъ того, кто живетъ на землѣ. Что же значатъ и что показываютъ слова: *надъ всѣми есть*? Они показываютъ, что Христосъ ни въ комъ не нуждается, но самъ въ Себѣ доволенъ, и что Онъ выше всѣхъ безъ всякаго сравненія. А сущимъ *отъ земли и отъ земли* глаголющимъ Іоаннъ называетъ себя, и говоритъ такъ не отъ своего ума; но, какъ Христосъ сказалъ: *аще земная рекохъ вамъ, и не вѣруете* (Іоан. III, 12), разумѣя здѣсь крещеніе, не потому, чтобы оно было что либо земное, а по сравненію съ нимъ Своего неизреченнаго рожденія, такъ и Іоаннъ здѣсь называетъ себя глаголющимъ *отъ земли*, сравнивая свое ученіе съ ученіемъ Христовымъ. Не другое что означаютъ слова — *отъ земли глаголетъ*, какъ то, что мои слова, въ сравненіи съ Христовыми, маловажны, скудны, ничтожны, таковы, каковыми и свойственно быть словамъ, получившимъ земное происхожденіе. Но въ Немъ *вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол. II, 3). А что Іоаннъ говоритъ здѣсь не объ умствованіяхъ человѣческихъ, это очевидно изъ его же словъ: *сый отъ земли, отъ земли есть*. Но вѣдь въ Іоаннѣ не все было *отъ земли*, а главнѣйшее было небесное; онъ имѣлъ и душу и общеніе Духа не отъ земли. Какъ же Іоаннъ говоритъ о себѣ, что онъ *отъ земли*? 172
Ничего иного это не означаетъ, какъ то, что я малъ и ничего не стою, какъ приходящій отъ земли и на землѣ родившійся; а Христосъ пришелъ къ намъ свыше. Когда же всѣми этими словами Іоаннъ укротилъ страсть своихъ учениковъ, тогда уже съ бóльшимъ дерзновеніемъ вѣщаетъ о Христѣ. Прежде этого излишне было бы говорить о Немъ какія-либо слова, такъ какъ они не могли имѣть для себя мѣста въ умѣ слушающихъ. Но когда Іоаннъ исторгъ терніе, тогда уже безбоязненно начинаетъ бросать сѣмена, говоря: *грядый съ небесе надъ всѣми есть; и еже видѣ и слыша, сіе свидѣтельствуетъ: и свидѣтельства его никтоже пріемлетъ* (ст. 31, 32). Но, сказавъ о Христѣ эти великія и возвышенныя слова, Іоаннъ опять переходитъ къ слову смиренному. Выраженіе: *яже видѣ и слыша* употреблено человѣкообразно; вѣдь не по зрѣнію и слуху знаетъ Онъ, что знаетъ, но въ природѣ своей все имѣетъ, какъ исшедшій совершеннымъ изъ нѣдръ Отца и не нуждающійся въ наставникѣ, какъ и самъ говоритъ: *якоже знаетъ мя Отецъ, и азъ знаю Отца* (Іоан. X, 15). Что же значитъ:

еже видѣ и слыша, сіе свидѣтельствуетъ? Такъ какъ посредствомъ этихъ чувствъ мы все познаемъ съ точностію, и считаемъ себя достовѣрными учителями въ томъ, что воспринимаемъ чрезъ зрѣніе и слухъ, потому что не выдумываемъ и не говоримъ лжи, то, желая и здѣсь это выразить, Іоаннъ сказалъ: *еже видѣ и слыша,*—то есть: въ Немъ нѣтъ ничего ложнаго, а все истинно. Какъ и мы часто съ любопытствомъ спрашиваемъ: самъ ли ты слышалъ? да видѣлъ ли? и когда это подтвердится, тогда свидѣтельство становится несомнѣннымъ,—такъ и когда самъ Христосъ говоритъ: *якоже слышу, сужду* (Іоан. v, 30), и: *яже слышахъ отъ Отца моего, глаголю* (viii, 26), и: *еже видѣхомъ, глаголемъ* (iii, 11), и тому подобныя слова, то мы не должны думать, что Онъ говоритъ по наученію отъ другихъ (такъ думать было бы крайне безумно), но что Онъ говоритъ такъ для того, чтобы ничто изъ сказаннаго Имъ не было заподозрѣно безстыдными іудеями. Такъ какъ они еще не имѣли о Немъ надлежащаго понятія, то Онъ часто и обращается къ Отцу, и такимъ образомъ дѣлаетъ для нихъ достойными вѣры слова Свои.

2. Чему ты удивляешься, что Христосъ обращается къ
173 Отцу, когда Онъ часто обращается и къ пророкамъ и къ Писаніямъ, какъ напримѣръ, когда говоритъ: *та суть свидѣтельствующая о мнѣ* (v, 39)? Но неужели мы будемъ почитать Его меньшимъ даже пророковъ, потому только, что Онъ заимствуетъ отъ нихъ свидѣтельства? Да не будетъ. Такъ онъ только приспособляетъ Свое слово къ немощи Своихъ слушателей, и если говоритъ, что сказанное Имъ слышалъ отъ Отца, то говоритъ не какъ имѣющій нужду въ наставникѣ, но чтобы они вѣрили, что въ Его словахъ нѣтъ ничего ложнаго. А слова Іоанна означаютъ слѣдующее: я долженъ слушать Его, потому что онъ пришелъ свыше и возвѣщаетъ небесное, то, что̀ Онъ одинъ вѣрно знаетъ. Это именно и означаютъ слова: *еже видѣ и слыша. И свидѣтельства его никтоже пріемлетъ.*

Но Онъ имѣлъ и учениковъ, и словамъ Его многіе внимали: какъ же Іоаннъ говоритъ: *никтоже пріемлетъ? Никтоже*—сказано здѣсь вмѣсто: *немногіе,* потому что, если бы Іоаннъ въ строгомъ смыслѣ сказалъ: *никтоже,* то какъ могъ бы потомъ присовокупить: *пріемый свидѣтельство его утверди, яко Богъ истиненъ есть* (ст. 33). Здѣсь Іоаннъ касается и своихъ учениковъ, такъ какъ они не совсѣмъ были расположены вѣровать во Христа. А что они и послѣ этихъ словъ не вѣровали въ Него, это очевидно изъ послѣдующихъ сказаній. Будучи въ темницѣ, Іоаннъ для того и посылалъ ихъ ко Христу, чтобы болѣе соединить ихъ съ Нимъ. Но они и тогда едва вѣровали въ Него, на

что и намекалъ Христосъ, сказавъ: *и блаженъ, иже аще не соблазнится о мнѣ* (Матѳ. XI, 6). Итакъ, не съ иною цѣлію сказалъ Іоаннъ: *и свидѣтельства его никтоже пріемлетъ*, какъ для того, чтобы предостеречь своихъ учениковъ, какъ бы такъ сказалъ: если не многіе будутъ въ Него вѣровать, то не думайте поэтому, что ученіе Его ложно; Онъ, *еже видѣ, свидѣтельствова*. Вмѣстѣ съ этимъ Іоаннъ говоритъ это въ укоризну безчувственности іудеевъ, какъ и въ началѣ евангелія евангелистъ Іоаннъ обличаетъ ихъ, говоря: *во своя пріиде, и свои его не пріяша* (Іоан. I, 11); это не Христу самому упрекъ, а осужденіе непринявшимъ Его. *Пріемый его свидѣтельство утверди, яко Богъ истиненъ есть* (III, 33). Этимъ онъ устрашаетъ ихъ, показываетъ, что невѣрующій во Христа не только въ Него не вѣруетъ, но и въ самого Отца; потому и присовокупляетъ: *егоже бо посла Богъ, глаголы Божія глаголетъ* (ст. 34). Такъ какъ Онъ глаголетъ *Божія*, то вѣрующій или невѣрующій въ Него въ Бога вѣруетъ или не вѣруетъ. Слово: *утверди* значитъ: доказалъ. Говоря такимъ образомъ и усиливая страхъ ихъ, Іоаннъ прибавляетъ: *яко Богъ истиненъ есть*, показывая этимъ, что не вѣровать въ Христа значитъ не иное, какъ осуждать во лжи пославшаго Его Бога. Итакъ, если Онъ ничего не говоритъ чуждаго Отцу, а все—Отчее, то не слушающій Христа не слушаетъ Пославшаго Его. Видишь, какъ этими словами онъ поражаетъ ихъ? Доселѣ они не считали важнымъ дѣломъ не слушать Христа. Поэтому Іоаннъ и угрожаетъ невѣрующимъ столь великою опасностію, чтобы знали они, что неповинующіеся Христу не повинуются самому Богу. Но затѣмъ, продолжая свою бесѣду, Іоаннъ снисходитъ къ слабости ихъ ума, и говоритъ: *не въ мѣру Богъ даетъ Духа* (ст. 34). Какъ я сказалъ, Іоаннъ опять употребляетъ уничиженный образъ выраженія, разнообразя свое слово и дѣлая его, такимъ образомъ, удобопріемлемымъ для своихъ слушателей. Иначе и невозможно было возбудить и усилить въ нихъ страхъ. Еслибы онъ сказалъ о Христѣ что-нибудь величественное, высокое, то они не повѣрили бы, а еще стали бы пренебрегать словами его. Поэтому Іоаннъ все относитъ къ Отцу, 174
а о Христѣ говоритъ, какъ о человѣкѣ. Что же значатъ слова: *не въ мѣру Богъ даетъ Духа?* Іоаннъ хочетъ показать, что всѣ мы въ извѣстной мѣрѣ получаемъ силу Духа. Духомъ онъ называетъ здѣсь силу Его, а она-то и раздѣляется по мѣрѣ. А Христосъ имѣетъ неизмѣримую всецѣлую силу. Если же сила Его неизмѣрима, то тѣмъ болѣе существо. Но видишь ли, что и Духъ безпредѣленъ? Итакъ, пріявшій всю силу Духа, вѣдущій все Божіе, сказавшій: *еже слышахомъ, глаголемъ, и еже видѣхомъ, свидѣтельствуемъ*, можетъ ли быть въ чемъ-либо подозрѣваемъ? Онъ

не говоритъ ничего, что не есть Божіе, что не отъ Духа. И между тѣмъ Іоаннъ еще ничего не говоритъ о Богѣ Словѣ, а только именемъ Отца и Духа удостовѣряетъ въ своемъ ученіи, такъ какъ что есть Богъ, они это знали, что есть Духъ, вѣровали, хотя и не имѣли о Немъ надлежащаго понятія, но что есть Сынъ, того не знали. Потому-то онъ всегда обращается къ Отцу и Духу и тѣмъ удостовѣряетъ въ истинѣ Своихъ словъ. А если бы кто, упустивъ изъ виду эту причину, сталъ разсматривать ученіе само по себѣ, то слишкомъ отдалился бы отъ достойнаго понятія о Христѣ, такъ какъ Христосъ не потому достоинъ былъ ихъ вѣры, что имѣлъ силу Духа; Онъ не нуждался въ Его помощи, а самъ въ Себѣ имѣетъ все; но Іоаннъ говоритъ такъ приспособительно къ несовершенному разумѣнію учениковъ, желая мало-по-малу возвысить ихъ понятія. Это я говорю для того, чтобы не поверхностно пробѣгать сказанное въ Писаніи, но дознавать и цѣль говорящаго, и немощь слушающихъ, и другія обстоятельства. Наставники не все говорятъ такъ, какъ бы хотѣли сами, но какъ требуетъ состояніе немощныхъ. Потому и Павелъ говоритъ: *азъ, братіе, не могохъ вамъ глаголати яко духовнымъ но яко плотянымъ: млекомъ вы напоихъ, а не брашномъ* (1 Кор. ш, 1, 2). Я желалъ бы, говоритъ онъ, бесѣдовать съ вами, какъ съ духовными, но не могъ. Почему же? Не потому, чтобы самъ онъ не имѣлъ къ тому силъ, но потому, что они не могли слушать такого ученія. Такъ и Іоаннъ хотѣлъ многому научить своихъ учениковъ, но они еще не могли вмѣстить; потому онъ и ограничивается понятіями болѣе простыми.

8. Итакъ, надобно испытывать все со тщаніемъ. Изреченія Писанія — это духовныя оружія. А если мы не умѣемъ пользоваться оружіемъ и хорошо вооружить имъ учениковъ, то само по себѣ оно будетъ имѣть силу, но взявшимъ его не можетъ принести никакой пользы. Положимъ, что броня, шлемъ, щитъ, копье крѣпки. Но пусть кто-нибудь, взявъ это вооруженіе, броню надѣнетъ на ноги, шлемъ не на голову, а на лицо, щитъ станетъ держать не передъ грудью, а постарается привѣсить къ ногамъ: будетъ ли тогда польза отъ этого оружія? Не будетъ ли еще вреда? Это всякому очевидно. Но произойдетъ это не отъ слабости оружія, а отъ неопытности того, кто не умѣетъ хорошо пользоваться имъ. Такъ и относительно Писанія: если мы будемъ смѣшивать порядокъ его изреченій, то хотя и въ такомъ случаѣ оно само по себѣ будетъ имѣть свою силу, но намъ не принесетъ никакой пользы. Я, говоря это вамъ всегда и наединѣ и въ общественныхъ собраніяхъ, не имѣю никакого успѣха потому, что вижу, что вы во всякое время привязаны къ житей-

скимъ дѣламъ, а духовныхъ и тѣни нѣтъ у васъ. Поэтому-то и въ жизни мы нерадивы и, подвизаясь за истину, не много имѣ- 175
емъ силы, а становимся смѣшными и для язычниковъ и для іудеевъ и для еретиковъ. Если бы вы и въ другихъ дѣлахъ показывали такую же безпечность, какъ здѣсь, то и въ такомъ случаѣ это не заслуживало бы извиненія. Но въ житейскихъ дѣлахъ каждый изъ васъ острѣе меча, какъ занимающіеся ремеслами, такъ и исполняющіе гражданскія дѣла. А въ дѣлахъ необходимыхъ, духовныхъ, мы совершенно нерадивы; бездѣльемъ занимаемся, какъ дѣломъ, а что слѣдовало бы считать самымъ необходимымъ, того мы не ставимъ наряду даже съ бездѣльемъ. Или вы не знаете, что не для прежнихъ только людей, а и для насъ написано Писаніе? Не слышимъ ли, что говоритъ Павелъ: *елика преднаписана быша, въ наше наказаніе преднаписашася, да терпѣніемъ и утѣшеніемъ писаній упованіе имамы* (Рим. xv, 4)? Знаю, что напрасно говорю; но не перестану говорить, потому что, дѣлая такъ, оправдаю себя предъ Богомъ, хотя бы 176
никто меня не слушалъ. Проповѣдующій внимательнымъ слушателямъ имѣетъ утѣшеніе въ ихъ покорности; а кто часто проповѣдуетъ, а ему не внимаютъ, и однакожъ онъ не перестаетъ говорить, тотъ достоинъ большей чести, потому что ради угожденія Богу исполняетъ съ своей стороны все, что слѣдуетъ, хотя бы и никто его не слушалъ. Впрочемъ, хотя бы намъ и больше было награды, по причинѣ вашего невниманія, мы лучше желаемъ, чтобы она для насъ уменьшилась, а увеличилась для васъ надежда спасенія, такъ какъ великою для себя наградою считаемъ самое преуспѣяніе ваше. И это говоримъ теперь не для того, чтобы сдѣлать слово наше тяжкимъ для васъ, но чтобы выказать вамъ скорбь о вашемъ нерадѣніи, отъ котораго дай Богъ всѣмъ намъ отстать, и усвоить себѣ ревность духовную, да сподобимся и небесныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXI.

Отецъ бо любитъ Сына и вся даде въ руцѣ Его. Вѣруяй въ Сына имать животъ вѣчный: а иже не вѣруетъ въ Сына, не узритъ живота, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ (Іоан. III, 35, 36).

Великая польза постепенности открывается во всѣхъ дѣлахъ. 175
Такъ мы успѣваемъ въ наукахъ, не вдругъ всему научаясь отъ

наставниковъ. Такъ мы построили города, воздвигая ихъ по немногу и постепенно; такъ сохраняемъ и нашу жизнь. Не удивляйся, если этотъ порядокъ въ дѣлахъ житейскихъ имѣетъ такую силу; и въ духовныхъ дѣлахъ можно усматривать великую силу этой мудрости. Только такимъ образомъ и іудеи могли освободиться отъ идолослуженія, будучи удаляемы отъ него незамѣтно, мало-помалу, сначала не слыша ничего возвышеннаго ни въ догматахъ, ни въ правилахъ жизни. Такъ и послѣ пришествія Христова, когда настало время для открытія высочайшихъ догматовъ, апостолы всѣхъ приводили ко Христу, на первый разъ ничего не изрекая возвышеннаго. Такъ и Христосъ съ большею частію слушателей бесѣдовалъ съ начала. Такъ поступаетъ и Іоаннъ (Креститель), говоря о Христѣ, какъ бы только о необыкновенномъ человѣкѣ, и только прикровенно изображая возвышенныя Его свойства. Вначалѣ онъ говоритъ: *не можетъ человѣкъ пріимати ничесоже, аще не будетъ ему съ небесе* (Іоан. III, 27); потомъ касается чего-то возвышеннаго, говоря: *грядый свыше надъ всѣми есть* (ст. 31). Далѣе опять низводитъ слово къ чему-то смиренному, между прочимъ говоря: *не въ мѣру бо Богъ даетъ Духа* (ст. 34); потомъ опять возвышаетъ (слово): *Отецъ бо любитъ Сына, и вся даде въ руцѣ Его* (ст. 35); затѣмъ, зная, какую пользу приноситъ угроза наказанія, и какъ многіе водятся не столько обѣтованіями благъ, сколько угрозами мукъ, заключаетъ свою рѣчь такъ: *вѣруяй въ Сына имать животъ вѣчный, а иже не вѣруетъ въ Сына, не узритъ живота, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ* (Іоан. III, 36). И здѣсь опять, говоря о наказаніи, возводитъ слово къ Отцу. Не сказалъ: гнѣвъ *Сына*, хотя и Онъ есть судія, а представилъ имъ Отца, желая тѣмъ болѣе устрашить. Но неужели, скажешь, достаточно вѣровать въ Сына, чтобы имѣть животъ вѣчный? Никакъ. Послушай, какъ самъ Христосъ объясняетъ это, говоря: *не всякъ глаголяй ми: Господи, Господи, внидетъ царствіе небесное* (Матѳ. VII, 21).
176 И одной хулы на Духа достаточно, чтобы быть ввержену въ геену.

Но что говорить объ однихъ догматахъ? Хотя бы кто право вѣровалъ и въ Отца и въ Сына и въ Духа Святаго, но если не живетъ, какъ должно, вѣра не принесетъ ему никакой пользы ко спасенію. Поэтому также, когда Христосъ говоритъ: *се же есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе, единаго истиннаго Бога* (Іоан. XVII, 3), не подумаемъ, что этого и довольно для нашего спасенія. Необходима еще добрая жизнь и благоповеденіе. И хотя Іоаннъ сказалъ: *вѣруяй въ Сына имать животъ вѣчный*, но затѣмъ присовокупляетъ еще нѣчто болѣе сильное (такъ какъ онъ слагаетъ рѣчь свою не только изъ утѣшительныхъ, но и изъ противополож-

ныхъ словъ, и смотри, какимъ образомъ); онъ прибавляетъ: *а иже не вѣруетъ въ Сына, не узритъ живота, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ.* Однакожъ и отсюда мы не должны заключать, что довольно одной вѣры для спасенія. Это доказываютъ многочисленныя мѣста въ евангеліи, гдѣ говорится о жизни. Поэтому-то Іоаннъ и не сказалъ: въ этомъ одномъ состоитъ *животъ вѣчный*, или: только вѣрующій въ Сына *имать животъ вѣчный;* но о томъ и другомъ онъ говоритъ только вообще, что въ нихъ есть животъ вѣчный. А если затѣмъ не послѣдуютъ дѣла жизни, то наступитъ великое наказаніе. И не сказалъ Іоаннъ: гнѣвъ ожидаетъ его, но: *пребываетъ на немъ*, показывая этимъ, что гнѣвъ никогда не отступитъ отъ него. Чтобы словъ: *не узритъ живота* ты не относилъ къ смерти временной, а вѣровалъ, что наказаніе будетъ безконечное, онъ употребилъ такое выраженіе, которое означаетъ непрестанное мученіе. Дѣлалъ же это Іоаннъ для того, чтобы такими словами привлечь учениковъ своихъ ко Христу. Поэтому не лично имъ дѣлалъ увѣщаніе, а говорилъ вообще, чтобы тѣмъ болѣе привлечь ихъ. Не сказалъ онъ: если *вы* увѣруете, или: если *вы* не увѣруете; а употребляетъ общія выраженія, чтобы слова его не были для нихъ подозрительны. Но онъ говоритъ съ большею строгостію, чѣмъ самъ Христосъ. Христосъ сказалъ: *не вѣруяй уже осужденъ есть* (Іоан. III, 17); а Іоаннъ: *не узритъ живота, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ.* И это весьма справедливо,—потому что не одно и тоже говорить самому о себѣ и о другомъ. О Христѣ могли бы думать, что Онъ часто такъ говоритъ по самолюбію и тщеславію; но Іоаннъ былъ безопасенъ отъ такого подозрѣнія. Если же впослѣдствіи и Христосъ употреблялъ болѣе сильное слово, то уже тогда, когда іудеи имѣли о Немъ высокое понятіе. *Егда убо разумѣ Іисусъ, яко услышаша фарисее, яко Іисусъ множайшія уче-* 177
ники творитъ и крещаетъ, нежели Іоаннъ: Іисусъ же самъ не крещаше, но ученицы Его: остави Іудею и иде паки въ Галилею (Іоан. IV, 1—3). Итакъ, самъ Онъ не крестилъ; но это разглашали вѣстовщики, желая возбудить въ слышащихъ о томъ ненависть къ Нему. Почему же Онъ оставилъ Іудею? Не по боязни, а для того, чтобы пресѣчь клевету и утишить ненависть. Силенъ былъ Онъ и самъ удержать ихъ, если бы они возстали на Него, но не хотѣлъ этого дѣлать часто, чтобы не оставить ихъ въ невѣріи о дѣйствительности Его воплощенія. Если бы Онъ часто, при нападеніяхъ, избѣгалъ ихъ, то это для многихъ могло бы быть подозрительно. Поэтому-то во многихъ случаяхъ Онъ дѣйствовалъ болѣе по человѣчески. Онъ желалъ, чтобы вѣровали какъ тому, что Онъ Богъ, такъ равно и тому, что Онъ, будучи Богомъ, носилъ плоть. Поэтому и послѣ воскресенія Своего Онъ говорилъ ученикамъ:

осяжите Мя и видите, яко духъ плоти и кости не иматъ (Лук. xxiv, 39). Поэтому же и Петра порицаетъ, когда тотъ говоритъ Ему: *милосердъ Ты Господи, не иматъ быти Тебѣ сіе* (Матѳ. xvi, 22). Такъ много Онъ заботился объ этомъ дѣлѣ.

2. Притомъ же это есть не маловажный догматъ въ Церкви, а самое главное въ дѣлѣ нашего спасенія, и чрезъ это именно все для насъ сдѣлано и совершено: и смерть разрушена. и грѣхъ отъятъ, и клятва уничтожена, и безчисленныя блага дарованы намъ въ жизни. Поэтому Христосъ и желалъ такъ сильно, чтобы вѣровали въ Его воплощеніе — этотъ корень и источникъ безчисленныхъ для насъ благъ. Дѣйствуя же по-человѣчески, Онъ не допускалъ сокрываться и Своимъ божескимъ дѣламъ. Такъ, удалившись въ Галилею, Онъ продолжалъ тоже самое, что и прежде дѣлалъ. Не напрасно удалялся въ Галилею, но для того, чтобы совершать великія дѣла у самарянъ, и устрояетъ это не просто, а съ свойственною Ему мудростію, чтобы не оставить іудеямъ никакого предлога даже къ безстыдному извиненію. Выражая это, евангелистъ присовокупляетъ: *подобаше же Ему проити сквозѣ Самарію* (ст. 4), и тѣмъ показываетъ, что Онъ это сдѣлалъ какъ бы ненамѣренно. Такъ дѣлали и апостолы. Какъ они, преслѣдуемые іудеями, шли къ язычникамъ, такъ и Христосъ, когда іудеи изгоняли Его, обратился и къ язычникамъ, напримѣръ сдѣлалъ это ради жены сирофиникійской. Цѣль была та, чтобы отнять у іудеевъ всякое извиненіе и чтобы они не могли сказать: Онъ, оставивъ насъ, пошелъ къ необрѣзаннымъ. Так. обр. и ученики Его, защищая себя, говорили: *вамъ бѣ лѣпо первѣе глаголати слово Божіе, а понеже отвергосте е, и недостойны творите сами себе вѣчному животу, се обращаемся во языки* (Дѣян. xiii, 46). И самъ Христосъ: *нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева* (Матѳ. xv, 24), или: *нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ, и поврещи псомъ* (ст. 26). Когда же они отвергли Его, то этимъ самымъ отверзли дверь язычникамъ. Однако и тогда Онъ не преднамѣренно идетъ къ язычникамъ, а какъ бы мимоходомъ. Итакъ, проходя мимо, *пріиде во градъ Самарійскій, глаголемый Сихарь, близъ веси, юже даде Іаковъ Іосифу сыну своему. Бѣ же ту источникъ Іаковль* (Іоан. iv, 5, 6). Для чего евангелистъ такъ обстоятельно говоритъ объ этомъ мѣстѣ? Для того, чтобы ты, слыша, какъ говоритъ жена: *еда ты болій еси отца нашего Іакова,*
178 *иже даде намъ студенецъ сей* (ст. 12), — не находилъ этого страннымъ. Это было то мѣсто, гдѣ Симеонъ и Левій, въ отмщеніе за Дину, произвели жестокое убійство (Быт. xxxiv, 25).

Не лишне сказать, откуда произошли самаряне, потому что вся эта страна называется Саmаріею. Откуда же самаряне полу-

чили свое названіе? Соморомъ называлась гора по имени ея владѣльца, какъ и Исаія говоритъ: *глава же Ефремова Соморонъ* (Ис. vii, 9). Впрочемъ, обитавшіе тамъ назывались не самарянами, а израильтянами. Съ теченіемъ времени, когда они оскорбили Бога, то, въ царствованіе Факея, Ѳеглаѳфеласаръ, пришедши, взялъ многіе города, напалъ на Илу, умертвилъ его и царство его отдалъ Осіи. На Осію напалъ Салманассаръ, взялъ другіе города, сдѣлалъ ихъ себѣ подвластными и обложилъ данью. Осія сначала уступилъ, потомъ отложился отъ его власти и прибѣгнулъ къ помощи еѳіоплянъ. Ассирійскій царь, узнавъ объ этомъ, пришелъ съ войскомъ, побѣдилъ израильтянъ и, для отвращенія новыхъ возстаній, уже не позволилъ имъ оставаться въ странѣ той, а отвелъ ихъ въ Вавилонъ и Мидію; а оттуда изъ разныхъ мѣстъ вывелъ другія племена и поселилъ въ Самаріи, чтобы на будущее время обезопасить свою власть въ этой странѣ, занятой уже вѣрными ему жителями. Тогда Богъ, желая показать Свою силу и то, что Онъ предалъ израильтянъ не потому, чтобы они были безсильны, но за грѣхи ихъ, — насылаетъ на варваровъ львовъ, которые дѣлали зло всему народу. Извѣщенный объ этомъ царь посылаетъ нѣкоего священника [1]) преподать имъ законъ Божій. Но и тогда они не оставили совершенно своего нечестія, а только отчасти, и ужъ впослѣдствіи времени, отвергнувъ идоловъ, начали чтить истиннаго Бога. Между тѣмъ іудеи, возвратившіеся наконецъ изъ плѣна, возъимѣли ненависть къ нимъ, какъ иноплеменникамъ и своимъ врагамъ, и по имени горы стали называть ихъ самарянами. Не малая вражда съ ними у іудеевъ происходила и оттого, что самаряне принимали не всѣ книги Св. Писанія, а только книги Моисеевы, и не много придавали важности пророкамъ. Они же съ своей стороны старались уравнять себя въ благородствѣ происхожденія съ іудеями, хвалились своимъ родомъ отъ Авраама и считали его своимъ предкомъ, такъ какъ онъ происходилъ изъ Халдеи, а Іакова, какъ его потомка, называли своимъ отцемъ. Но іудеи гнушались ими, какъ и всѣми иными народами; потому-то и Христа они поносили именемъ самарянина, когда говорили: *самарянинъ еси ты и бѣса имаши* (Іоан. viii, 48). По той же причинѣ и Христосъ въ притчѣ о шедшемъ изъ Іерусалима въ Іерихонъ вводитъ самарянина, *оказавшаго ему милосердіе* (Лук. x, 37), — человѣка, по мнѣнію іудеевъ, низкаго, презрѣннаго, гнуснаго; также и въ числѣ десяти прокаженныхъ называетъ одного иноплеменникомъ (а это былъ самарянинъ); да и Самъ заповѣдалъ ученикамъ

[1]) Іудейскаго.

своимъ: *на путь языкъ не идите и во градъ Самарянскій не внидите* (Матѳ. х, 5).

3. Но евангелистъ напомнилъ намъ объ Іаковѣ не для того только, чтобы отмѣтить исторію страны, но чтобы вмѣстѣ показать потерю этого мѣста для іудеевъ, уже давно сбывшуюся, такъ какъ уже во времена праотцевъ ихъ язычники владѣли,
179 вмѣсто нихъ, этимъ мѣстомъ. Чѣмъ праотцы ихъ владѣли, хотя то и не было ихъ собственностію, то они по нерадѣнію и беззаконію потеряли, хотя это уже было ихъ собственностію. Такъ, нѣтъ никакой пользы происходить отъ хорошихъ предковъ, когда потомки не похожи на нихъ. Варвары, чтобы только избѣжать большей бѣды, тотчасъ обратились къ іудейскому богопочтенію; а іудеи, и потерпѣвъ столько наказаній, не вразумились. Итакъ, въ эту страну пришелъ Христосъ, который всегда отвергалъ жизнь изнѣженную и прихотливую, а проводилъ жизнь многотрудную и стѣснительную. Онъ не употреблялъ подъяремныхъ животныхъ, но Самъ путешествовалъ такъ спѣшно, что и утомлялся отъ пути. Да и при всякомъ случаѣ Онъ внушаетъ намъ дѣлать все самимъ, не имѣть ни въ чемъ излишества и не требовать многаго. Онъ желаетъ намъ быть до того чуждыми всякаго излишества, чтобы и въ самомъ необходимомъ многое сокращать, потому и говорилъ: *лиси язвины имутъ и птицы небесныя гнѣзда: Сынъ же человѣческій не имать, гдѣ главы подклонити* (Мѳ. VIII, 20). Такимъ образомъ Онъ очень часто проводилъ время въ горахъ и въ пустыняхъ, не только днемъ, но и ночью. Провозвѣщая это, и Давидъ сказалъ: *отъ потока на пути піетъ* (Псал. CIX, 7), показывая простоту Его образа жизни. Тоже показываетъ здѣсь и Іоаннъ: *Іисусъ же, утруждся отъ пути, сѣдяше тако на источницѣ: бѣ же часъ яко шестый. Пріиде жена отъ Самаріи почерпати воду; глагола ей Іисусъ: даждь ми пити. Ученицы бо Его отишли бяху во градъ, да брашна купятъ* (Іоан. IV, 6—8). Изъ этого мы узнаемъ, какъ усиленны были Его путешествія, какъ Онъ не заботился о Своемъ пропитаніи и только мимоходомъ занимался этимъ дѣломъ. Такъ научились и ученики Его удовлетворять свои потребности: они не носили съ собою дорожныхъ припасовъ. На это указываетъ и другой евангелистъ, говоря, что, когда Христосъ сказалъ о квасѣ фарисейскомъ, то ученики думали, что не принесли съ собою хлѣбовъ. Когда Христосъ водилъ съ Собою учениковъ алчущихъ, срывающихъ и ѣдящихъ колосья, также когда говорится, что самъ Онъ, чувствуя голодъ, пришелъ къ смоковницѣ, то этимъ всѣмъ Онъ не чему-нибудь другому научаетъ насъ, какъ презирать чрево и служенія ему не считать достойнымъ заботы. Посмотри и здѣсь: они не при-

несли съ собою ничего, и однакожъ, не имѣя съ собою пищи, не заботились о ней заранѣе, или съ начала дня, но пошли купить ее въ то время, въ которое обыкновенно всѣ уже обѣдаютъ. А мы, какъ только встаемъ съ одра, заботимся объ этомъ прежде всѣхъ другихъ дѣлъ, призываемъ поваровъ и служителей трапезы и съ большою заботливостію отдаемъ имъ приказанія; а послѣ того уже приступаемъ къ другимъ дѣламъ, всегда однакожъ заботясь о житейскомъ, преимущественно передъ духовнымъ, и то, что нужно бы считать излишнимъ, признавая необходимымъ. Такъ-то все дѣлается у насъ превратно. Между тѣмъ, слѣдовало бы обращать все вниманіе на духовныя дѣла и, уже исполнивъ ихъ, приниматься за житейскія.

Далѣе, изъ этого видно не только терпѣніе Христа въ трудахъ, но и удаленіе отъ пышности. Онъ не только утомился и сѣлъ на пути, но и остался одинъ, а ученики Его ушли. Конечно, еслибы Онъ пожелалъ, то могъ бы или не всѣхъ учениковъ посылать, или, по удаленіи ихъ, имѣть при себѣ другихъ служителей; но Онъ не хотѣлъ этого; а такимъ образомъ и учениковъ пріучалъ презирать всякую пышность. Что же важнаго, скажетъ кто-нибудь, что они жили скромно, будучи рыбарями и скинотворцами? Правда, они были рыбари и скинотворцы, но они внезапно воспарили въ высоту небесъ, и сдѣлались важнѣе 180
всѣхъ царей, удостоившись быть собесѣдниками Владыки вселенной и слѣдовать повсюду за этимъ дивнымъ Учителемъ. Вы знаете и то, что люди изъ низкаго состоянія, достигающіе почестей, легче увлекаются высокомѣріемъ, неблагородно пользуясь почестями. Итакъ Христосъ, желая утвердить учениковъ Своихъ въ неизмѣнномъ смиренномудріи, училъ ихъ во всемъ умѣрять себя и ни въ какомъ случаѣ не требовать прислужниковъ. Самъ Онъ, какъ говоритъ евангелистъ, *утруждся отъ пути, сѣдяше тако на источницѣ*. Видишь, Онъ сѣлъ отъ усталости и жары и для того, чтобы дождаться учениковъ? Зналъ Онъ, что должно было случится у самарянъ; но не для того, главнымъ образомъ, пришелъ сюда. А хотя и не для этого пришелъ, однако не имѣлъ нужды отгонять пришедшую жену, показавшую такъ много усердія къ Его ученію. Іудеи Его гнали, тогда какъ Онъ именно къ нимъ пришелъ, а язычники привлекали къ себѣ и тогда, когда Онъ шелъ въ иныя мѣста. Тѣ ненавидѣли Его, а эти вѣровали въ Него; тѣ негодовали, а эти удивлялись и покланялись Ему. Чтоже? Ужели надобно было пренебречь спасеніемъ стольких людей и такую искреннюю ревность оставить безъ вниманія? Это недостойно было Его человѣколюбія. Поэтому Онъ и устрояетъ все въ настоящемъ случаѣ съ свойственною Ему

мудростію. Онъ садится, для отдохновенія тѣла и прохлады, при источникѣ. Былъ самый полдень, что и означаетъ евангелистъ словами: *бѣ же часъ яко шестый. И сѣдяше тако.* Что значитъ *тако?* То есть сѣлъ не на престолѣ, не съ возглавіемъ, но просто, какъ случилось, на землѣ. *Пріиде жена отъ Самаріи почерпати воду.*

4. Смотри, какъ показываетъ евангелистъ, что и жена вышла изъ города для другой цѣли,—преграждая всякій поводъ къ безстыдному прекословію іудеевъ, чтобы кто не сказалъ, что Онъ противорѣчитъ собственной заповѣди, повелѣвъ ученикамъ *не входить во градъ самарянскій*, а между тѣмъ самъ бесѣдуя съ самарянами. Для этого также присовокупляетъ, что *ученици Его отшли бяху во градъ, да брашна купятъ*, представляя такимъ образомъ многія причины бесѣды Его съ женою. Что же жена? Услышавъ Его слова: *даждь ми пити*, она очень разумно обращаетъ слова Христовы въ поводъ къ вопросу: *како ты, жидовинъ сый, отъ мене пити просиши жены, самаряныни сущи? Не прикасаютбося жидове самаряномъ* (Іоан. IV, 9). Почему она думала, что Онъ іудей? Можетъ быть узнала по одеждѣ или по нарѣчію. Но замѣть, какъ осторожна жена. Если надлежало остерегаться, то Іисусу, а не ей; по ея словамъ, не самаряне чуждаются іудеевъ, а іудеи не сближаются съ самарянами; однако жена, будучи сама свободна отъ этого упрека, и думая, что другой ему подвергается, не умолчала, но исправляетъ дѣло, по ея мнѣнію, не согласное съ закономъ. Можетъ быть, кто-нибудь станетъ недоумѣвать, какъ Іисусъ просилъ у нея пить, когда этого не дозволялъ законъ? А если Онъ еще предвидѣлъ, что она не дастъ Ему пить, то и поэтому не слѣдовало просить. Что сказать на это? То, что для Него самого нарушеніе подобныхъ обычаевъ было дѣломъ безразличнымъ. Кто другихъ велъ къ нарушенію іудейскимъ правилъ, Тотъ тѣмъ болѣе самъ могъ нарушать ихъ. *Не входящее во уста*, говорилъ Онъ, *скверннитъ человѣка, но исходящее изо устъ, то скверннитъ человѣка* (Матѳ. IV, 11). Между тѣмъ бесѣда Его съ женою
181 могла быть не малымъ осужденіемъ для іудеевъ, потому что Онъ многократно привлекалъ ихъ къ Себѣ и словами и дѣлами, но они не послѣдовали Ему. А посмотри, какъ жена увлекается простымъ вопросомъ. Самъ Онъ не вступалъ на это дѣло, на этотъ путь [1]), но не препятствовалъ, если къ Нему кто обращался. Хотя Онъ и говорилъ ученикамъ: *во градъ Самарянскій не внидите*, но не повелѣвалъ отгонять приходящихъ. Это слишкомъ было бы недостойно Его человѣколюбія. Поэтому Онъ и отвѣчаетъ женѣ и говоритъ: *аще бы вѣдала еси даръ Божій и*

[1]) Разумѣется обращеніе язычниковъ.

кто есть глаголяй ти: даждь ми пити, ты бы просила у Него и далъ бы ти воду живу (Іоан. IV, 10). Прежде всего показываетъ, что она достойна Его слушать, а не должна быть отвергнута, потомъ уже открываетъ Себя; она же, какъ только узнала, кто Онъ, тотчасъ готова была и повиноваться и внимать Ему, чего нельзя сказать о іудеяхъ. Они, даже и узнавъ Его, ни о чемъ не спрашивали Его, не имѣли желанія научиться отъ Него чему-либо полезному; напротивъ поносили Его и отгоняли отъ себя. Но вотъ жена, услышавъ Его слова, смотри, съ какою кротостію отвѣчаетъ Ему: *Господи, ни почерпала имаши и студенецъ есть глубокъ: откуда убо имаши воду живу* (ст. 11)? Сейчасъ видно, что Христосъ отклонилъ уже ее отъ низкаго о Немъ понятія, отъ мысли, что Онъ одинъ изъ обыкновенныхъ людей. Она здѣсь не просто называетъ Его Господомъ, но въ знакъ особеннаго уваженія къ Нему. А что она по уваженію это сказала, видно изъ послѣдующей бесѣды. Она не шутитъ, не насмѣхается, а только недоумѣваетъ. А что она не скоро все поняла, не удивляйся. Вѣдь не понялъ и Никодимъ. Что онъ говорилъ? *Како могутъ сія быти* (III, 9)? *Како можетъ человѣкъ родитися, старъ сый* (4)? И еще: *еда можетъ второе внити во утробу матере своея и родитися?* Но жена говоритъ съ большею скромностію. *Господи, ни почерпала имаши и студенецъ есть глубокъ: откуду убо имаши воду живу* (Іоан. IV, 11)? Иное говоритъ ей Христосъ, а иное она разумѣла. Не слыша отъ Него ничего болѣе сказанныхъ словъ, она и не могла помыслить ничего возвышеннаго, хотя и могла сказать Ему смѣло: если бы Ты имѣлъ воду живую, то не сталъ бы просить у меня воды, а самъ бы прежде Себѣ далъ ее; а теперь Ты только тщеславишься. Но ничего подобнаго она не сказала, а какъ сначала, такъ и послѣ отвѣчала Ему съ великою скромностію. Сначала она говоритъ: *како Ты, жидовинъ сый, отъ мене пити просиши?* А не говоритъ такъ, какъ бы разговаривала съ иноплеменникомъ и врагомъ: не быть тому, чтобы я дала воды такому человѣку—врагу и чуждому нашего рода! И потомъ, слушая Его возвышенныя слова о Себѣ самомъ, что особенно раздражаетъ враговъ, она не смѣется, не поноситъ Его, но что говоритъ? *Еда Ты болій еси отца нашего Іакова, иже даде намъ студенецъ сей, и той изъ него питъ и сынове его и скоти его* (ст. 12)? Видишь, какъ она вводитъ сама себя въ именитый родъ іудеевъ? Слова ея значатъ вотъ что: Іаковъ пользовался этою водою и никакой другой лучшей и самъ не имѣлъ, и намъ не далъ. Такимъ образомъ она показала, что уже съ перваго отвѣта она возъимѣла мысль о Немъ высокую, возвышенную, потому что слова: *и той изъ него питъ и сынове его и скоти его* не иное даютъ разумѣть, какъ то,

что она имѣла мысль о лучшей водѣ, только еще не находила ее и не знала хорошо. Если же выразить яснѣе то, что она хотѣла сказать, то будетъ такъ: Ты не можешь сказать, что Іаковъ, давшій намъ этотъ источникъ, самъ пользовался другимъ, потому что и самъ онъ и дѣти его пили изъ этого; а они не пили бы отсюда, если бы имѣли другую воду, лучшую. Ты и этой
182 воды не можешь достать; а другой лучшей Тебѣ не возможно имѣть; развѣ признаешь Себя самого большимъ Іакова. Откуда же Ты имѣешь ту воду, которую обѣщаешь дать намъ (Іоан. VII, 38)? Іудеи не такъ скромно говорили съ Нимъ,—хотя и съ ними Онъ бесѣдовалъ объ этомъ же самомъ предметѣ и напоминалъ о такой водѣ. Но они не пріобрѣли для себя отъ того никакой пользы. А когда Онъ упомянулъ объ Авраамѣ, то они замышляли даже побить Его камнями (VIII, 56, 59). Но не такъ обращается съ Нимъ жена, а съ великою кротостію, среди полуденнаго зноя, говоритъ и слушаетъ все съ терпѣніемъ и не думаетъ подобно іудеямъ сказать: *бѣса имать, и неистовъ есть* (X, 20), держитъ меня у источника, ничего не давая, а только величаясь на словахъ. Она терпѣливо внимаетъ, въ ожиданіи найти желаемое.

5. Если жена самарянская показываетъ такое усердіе, чтобы научиться чему-нибудь полезному, и пребываетъ со Христомъ, хотя еще и не знаетъ Его, то какое помилованіе можемъ получить мы, знающіе Его, и притомъ находясь не на источникѣ, не въ пустыни, не среди дня подъ палящими лучами солнца, но въ утреннее время, наслаждаясь подъ этимъ кровомъ тѣнію и прохладою, и при всемъ томъ не имѣя терпѣнія выслушать что-либо изъ слова Божія, а тяготясь этимъ? Не такова жена самарянская: она такъ увлекалась словами Спасителя, что и другихъ призывала къ Нему. Іудеи же не только не призывали другихъ, но и желавшимъ придти къ Нему препятствовали и не дозволяли. Поэтому и говорили: *еда кто отъ князь вѣрова въ Онъ? Или отъ фарисей? Но народъ сей, иже не вѣсть закона, прокляти суть* (Іоан. VII, 48). Итакъ, будемъ подражать самарянской женѣ; будемъ бесѣдовать со Христомъ. Онъ и теперь среди насъ предстоитъ и говоритъ къ намъ чрезъ пророковъ и чрезъ учениковъ Своихъ. Будемъ слушать и повиноваться. Доколѣ мы будемъ жить напрасно, безъ пользы? Не дѣлать угодное Богу дѣйствительно значитъ жить напрасно, или лучше, не только напрасно, но и во вредъ себѣ. Если данное намъ время мы не употребимъ ни на какое полезное дѣло, то, отшедши отсюда, подвергнемся величайшему наказанію за потерю времени. Если получившій деньги для торговыхъ оборотовъ и потомъ истратившій ихъ подвергнется отвѣтственности предъ ввѣрившими ихъ ему, то ужели

не понесетъ наказанія истощившій эту жизнь напрасно? Не для того Богъ ввелъ насъ въ настоящую жизнь и вдунулъ душу, чтобы мы пользовались только настоящимъ, но для того, чтобы все дѣлали для жизни будущей; только безсловесныя созданы для одной настоящей жизни. А мы для того и имѣемъ безсмертную душу, чтобы вполнѣ приготовиться къ той жизни. Если кто спроситъ, какое назначеніе коней, ословъ, быковъ и другихъ животныхъ, то мы скажемъ, что не другое назначеніе, какъ только—служить намъ въ настоящей жизни. А о насъ нельзя этого сказать; для насъ есть лучшее состояніе, послѣ отшествія отсюда; и намъ все надобно дѣлать такъ, чтобы тамъ просіять, ликовать съ ангелами, предстоять Царю,—всегда, въ безконечные вѣки. Для того и душа наша создана безсмертною, да и тѣло будетъ безсмертно, чтобы мы наслаждались безконечными благами. Если же ты пригвождаешь себя къ землѣ, тогда какъ тебѣ предложены блага небесныя, то подумай, какое въ этомъ оскорбленіе для Дарующаго ихъ. Онъ предлагаетъ тебѣ горняя, а ты, не слишкомъ этимъ дорожа, предпочитаешь землю. Поэтому, какъ оскорбленный, Онъ угрожаетъ геенною, чтобы ты изъ этого позналъ, какихъ благъ лишаешь самъ себя. Но да не 183—18
будетъ, чтобы мы подверглись этому наказанію, но ,благоугодивъ Христу, да сподобимся вѣчныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXII.

Отвѣща Іисусъ и рече ей: всякъ піяй отъ воды сея, вжаждется паки: а иже піетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки: но вода, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды, текущія въ животъ вѣчный (Іоан. IV, 13, 14).

1. Благодать Святаго Духа въ Писаніи называется иногда 183
огнемъ, иногда водою, и это показываетъ, что такія наименованія выражаютъ не существо Его, а только дѣйствіе, потому что Духъ какъ существо невидимое и однородное, не состоитъ изъ различныхъ сущностей. Такъ огнемъ называетъ его Іоаннъ, говоря: *той вы крестить Духомъ святымъ и огнемъ* (Матѳ. III, 11), а водою именуетъ Христосъ: *рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы; сіе же рече о Дусѣ, егоже хотяху пріимати* (Іоан. VII, 38). Такъ и бесѣдуя съ женою, водою называетъ Духа: *иже піетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не*

вжаждется во вѣки. Называется же Духъ огнемъ—для означенія теплоты благодати, которую Онъ возбуждаетъ, и истребленія грѣховъ; а водою — для выраженія чистоты и обновленія, сообщаемаго отъ Него душамъ, пріемлющимъ Его. И справедливо. Какъ нѣкій садъ, цвѣтущій различными, плодоносными и вѣчно зеленѣющими деревьями, Онъ уготовляетъ ревностную душу, не допуская въ ней ощущеній ни печали, ни навѣтовъ сатаны, но легко угашая разжженныя стрѣлы лукаваго. Но замѣть мудрость Христа, какъ Онъ мало-по-малу возводитъ жену. Онъ не сказалъ ей съ самаго начала: *аще бы вѣдала еси, кто есть глаголяй ти: даждь ми пити*; но когда подалъ ей поводъ назвать Его іудеемъ и вызвалъ на упрекъ, тогда, отражая укоризну, сказалъ это. Сказавъ еще: *аще бы вѣдала еси, кто есть глаголяй ти: даждь ми пити, ты бы просила у Него*, и обѣщаніемъ чего-то великаго заставивъ вспомнить о праотцѣ, Онъ такимъ образомъ даетъ женѣ прозрѣть. Потомъ, когда она возразила: *еда Ты болій еси отца нашего Іакова*,—Онъ не сказалъ: да, Я больше его, потому что это могло бы показаться ей однимъ тщеславіемъ, когда еще не видно было на то доказательства; но Онъ приготовляетъ ее къ этому именно тѣмъ, что говоритъ. Онъ не просто говоритъ: Я дамъ тебѣ воду; но сперва показываетъ недостаточность воды Іакова, а потомъ уже возвышаетъ значеніе Своей воды, желая изъ свойства самыхъ даровъ показать разстояніе и разность между лицами дарующими и Свое превосходство предъ Іаковомъ. Если ты удивляешься, какъ бы такъ говорилъ Христосъ, Іакову, что онъ далъ эту воду, то что скажешь, если Я дамъ тебѣ еще лучшую? Ты уже предварила Меня исповѣданіемъ, что больше Іакова, когда возразила Мнѣ: неужели ты больше отца нашего Іакова, что обѣщаешь дать лучшую воду; а когда получишь эту воду, то уже вполнѣ признаешь Меня большимъ Его. Видишь ли безпристрастное сужденіе жены, которая произноситъ судъ
184 о праотцѣ и о Христѣ по дѣламъ ихъ? Но не такъ поступали іудеи. Даже видя, что Онъ бѣсовъ изгоняетъ, они не только не считали Его выше праотца, но еще называли бѣснующимся. А жена именно на томъ основываетъ свое сужденіе, на чемъ хочетъ Христосъ, т. е. на доказательствѣ изъ Его дѣлъ, потому что и самъ Онъ на этомъ основывалъ приговоръ о Себѣ, говоря такъ: *аще не творю дѣла Отца моего, не имите Ми вѣры: аще же творю, аще и Мнѣ не вѣруете, дѣломъ моимъ вѣруйте* (Іоан. x, 37, 38). Такимъ точно путемъ и жена приходитъ къ вѣрѣ. Поэтому Христосъ, услышавъ слова ея: *еда ты болій еси отца нашего Іакова*, и оставивъ рѣчь объ Іаковѣ, бесѣдуетъ о водѣ: *всякъ піяй отъ воды сея*, говоритъ Онъ, *вжаждется паки* (Іоан. IV, 13), и дѣлаетъ

такое сравненіе той и другой воды, не охуждая одну, а только показывая превосходство другой. Не говоритъ, что та вода ничтожна, ничего не значитъ и достойна презрѣнія; а утверждаетъ то, о чемъ свидѣтельствуетъ и самое существо той воды: *всякъ, піяй отъ воды сея, вжаждется паки: а иже піетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки* (Іоан. IV, 14). О водѣ живой жена слышала еще прежде того, но не понимала; а такъ какъ *живою* водою обыкновенно называется непрерывно текущая и бьющая ключемъ изъ неизсякающихъ родниковъ, то жена думала, что и здѣсь говорится объ этой водѣ. Поэтому, еще яснѣе представляя ей то, о чемъ говоритъ, и изъ сравненія показывая превосходство одной воды передъ другой, Христосъ присовокупляетъ: *а иже піетъ отъ воды, юже азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки.* Этими, равно и послѣдующими словами, какъ я говорю, Онъ доказываетъ превосходство воды духовной, потому что вода чувственная не имѣетъ въ себѣ ничего подобнаго. Какія же послѣдующія слова? *Вода, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды, текущія въ животъ вѣчный* (ст. 14). Какъ имѣющій внутри себя сокровенный источникъ никогда не сталъ бы томиться жаждою, такъ и имѣющій эту воду. И жена тотчасъ увѣровала, показавъ себя разумнѣе Никодима, и не только разумнѣе, но и мужественнѣе. Онъ, услышавъ много подобнаго, никого не призвалъ ко Христу, да и самъ оставался въ нерѣшимости, а она совершаетъ дѣло апостольское, всѣмъ благовѣствуя, призывая къ Іисусу, и цѣлый городъ увлекаетъ къ Нему. Никодимъ, услышавъ слова Спасителя, сказалъ: *како могутъ сія быти* (Іоан. III, 9)? Даже когда Христосъ показалъ ему ясный примѣръ отъ вѣтра, и тогда Никодимъ не принялъ слова Его. А жена не такъ; сначала она недоумѣваетъ, но потомъ, принимая слово Христово безъ предубѣжденія, а какъ прямую истину, тотчасъ склоняется къ вѣрѣ. Какъ только сказалъ Христосъ: *будетъ въ немъ источникъ воды, текущія въ животъ вѣчный*, жена тотчасъ говоритъ: *Господи, даждь ми воду сію, да ни жажду, ни прихожду сѣмо почерпати* (ст. 15).

2. Видишь ли, какъ она мало-по-малу восходитъ на высоту догматовъ? Сначала она почитала Христа за іудея, преступающаго свой законъ; потомъ, когда Онъ опровергъ это обвиненіе (потому что лицу, имѣвшему сообщить ей такое ученіе, не слѣдовало оставаться въ подозрѣніи), она, услышавъ о водѣ живой, подумала, что Онъ говоритъ о чувственной водѣ. Далѣе, узнавъ, что слова Его имѣютъ духовный смыслъ, она вѣритъ, что эта вода можетъ уничтожить чувство жажды, а только не знала, что это за вода, и еще недоумѣвала, считая ее конечно выше 185

воды чувственной, но не имѣя о ней яснаго понятія. Наконецъ, прозрѣвъ точнѣе въ этотъ предметъ, однако еще не все выразумѣвъ, *Господи*, говоритъ, *даждь ми воду сію, да ни жажду, ни прихожду сѣмо почерпати* (ст. 15),—она уже предпочитаетъ Христа Іакову. Не буду, говоритъ, имѣть нужды въ этомъ источникѣ, если получу отъ Тебя ту воду. Видишь, какъ она отдаетъ Ему преимущество предъ праотцемъ? Вотъ душа благомыслящая. Она показала, какое высокое мнѣніе имѣетъ о Іаковѣ; но увидѣла высшаго, и уже не удерживается прежнимъ мнѣніемъ. Итакъ, это была жена не легкомысленная (потому что не просто принимаетъ слова; да и какъ это можно сказать, когда она съ такимъ тщаніемъ испытывала ихъ?), неупорная и неспорливая: это она показала самою своею просьбою. Нѣкогда и іудеямъ говорилъ Христосъ: *Азъ есмь хлѣбъ животный: грядый ко Мнѣ не иматъ взалкатися и вѣруяй въ Мя не иматъ вжаждатися никогда же* (Іоан. vi, 35); но они не только не вѣрили, но и соблазнялись. Жена напротивъ не впадаетъ въ этотъ недугъ, а настоитъ и проситъ. Іудеямъ Онъ говорилъ: *вѣруяй въ Мя не иматъ вжаждатися никогда же*, женѣ же говоритъ болѣе чувственнымъ образомъ: *иже піетъ отъ воды сея, не вжаждется во вѣки*. Обѣтованіе относилось къ духовнымъ предметамъ, а не къ видимымъ, поэтому, возвышая ея умъ обѣтованіями, останавливается еще на чувственныхъ изображеніяхъ, потому что она не могла еще въ точности постигать духовныхъ предметовъ. Если бы Онъ сказалъ: увѣруй въ Меня — и ты не вжаждешь, то она не поняла бы сказаннаго, еще не зная, кто бесѣдуетъ съ нею и о какой жаждѣ говоритъ Онъ. Почему же Онъ не поступалъ такъ съ іудеями? Потому что они уже видѣли много чудесъ; а жена еще не видѣла ни одного знаменія и только въ первый разъ слышала такія слова. Поэтому-то Онъ открываетъ ей силу чрезъ свое прозрѣніе; впрочемъ не тотчасъ и обличаетъ ее, а что говоритъ? *Иди, пригласи мужа твоего и пріиди сѣмо. Отвѣща жена и рече Ему: не имамъ мужа. Глагола ей Іисусъ: добрѣ рекла еси, яко мужа не имамъ: пять бо мужей имѣла еси, и нынѣ егоже имаши, нѣсть ти мужъ. Се воистинну рекла еси. Глагола Ему жена: Господи, вижу, яко пророкъ еси Ты* (Іоан. iv, 16—18).

Какое однако любомудріе въ этой женѣ! Съ какою кротостію она принимаетъ обличеніе! Почему же ей и не принять, — скажешь ты? Но скажи мнѣ: не часто ли и еще сильнѣе обличалъ Онъ и іудеевъ? Не одно вѣдь и тоже — открывать сокровенныя мысли и обнаруживать тайныя дѣла. Первое свойственно одному Богу: мыслей никто не знаетъ кромѣ Того, кто ихъ имѣетъ; а дѣла бываютъ извѣстны всѣмъ соучастникамъ въ нихъ. Но іу-

деи не переносили съ кротостію обличеній, а когда Христосъ сказалъ: *что Мене ищете убити* (Іоан. VII, 19), — они не только не удивлялись подобно женѣ, но еще хулятъ Его и злословятъ; они имѣли доказательства и въ другихъ знаменіяхъ, а жена только это одно услышала; но они не только не дивились, а и поносили Его, говоря: *бѣса ли имаши? Кто Тебе ищетъ убити?* Она же не только не укоряетъ Его, но удивляется, приходитъ въ изумленіе и заключаетъ, что Онъ пророкъ, хотя обличеніе жены было сильнѣе обличенія ихъ. Обличенный въ ней грѣхъ былъ грѣхъ ея одной, а въ нихъ обличаемы были общіе грѣхи; но мы не такъ терзаемся обличеніемъ грѣховъ общихъ, какъ нашихъ частныхъ. Притомъ іудеи думали, что сдѣлаютъ великое дѣло, если убьютъ Христа; а дѣло жены всѣ признавали худымъ. Не смотря на все это, она не досадуетъ, а изумляется и удивляется. Точно также Христосъ сдѣлалъ съ Наѳанаиломъ; не вдругъ по- 186
казалъ свое прозрѣніе, не тотчасъ сказалъ: *сущa подъ смоковницею видѣхъ тя*, но тогда уже, когда тотъ спросилъ: *како мя знаеши* (Іоан. I, 48)? Христосъ желалъ, чтобы и прореченія Его и чудеса получали свое начало отъ тѣхъ, которые приходятъ къ Нему, и для того, чтобы такимъ образомъ болѣе ихъ сблизить съ Собою, и для того, чтобы самому избѣжать подозрѣнія въ тщеславіи. Такъ Онъ дѣлаетъ и здѣсь. Предупреждать жену обличеніемъ, что она не имѣетъ мужа, — это могло показаться тягостнымъ и неумѣстнымъ; но сдѣлать обличеніе, получивъ отъ ней самой къ тому поводъ, это и весьма умѣстно было, и побуждало ее саму съ большею кротостію выслушать обличеніе. Но какая, скажешь ты, послѣдовательность въ словахъ: *иди, пригласи мужа твоего*? Рѣчь была о дарѣ благодати, превышающей человѣческое естество, жена настоятельно желала получить этотъ даръ; вотъ Онъ и говоритъ: *иди, пригласи мужа твоего*, какъ бы показывая этимъ, что и мужъ долженъ имѣть участіе въ дарѣ. Жена, спѣша получить и скрывая постыдныя свои дѣла, притомъ же думая, что бесѣдуетъ съ простымъ человѣкомъ, говоритъ: *не имамъ мужа*. Услышавъ это, Христосъ уже благовременно теперь вводитъ въ Свою бесѣду обличеніе, съ точностію высказывая то и другое: Онъ и всѣхъ прежнихъ мужей перечисляетъ и обнаруживаетъ того, котораго она въ то время скрывала. Что же жена? Не досадуетъ, не бѣжитъ отъ Него, и не считаетъ этого обстоятельства причиною къ негодованію на Него, но еще болѣе удивляется Ему, еще болѣе оказываетъ твердости. *Вижу*, говоритъ, *яко пророкъ еси Ты*. Замѣть ея благоразуміе. И послѣ того она не тотчасъ покоряется Ему; но еще размышляетъ и удивляется. Слово ея — *вижу* значитъ: мнѣ кажется, что Ты пророкъ. Но какъ только возъимѣла

о Немъ такое понятіе, уже ни о чемъ житейскомъ не спрашиваетъ Его: ни о тѣлесномъ здравіи, ни объ имѣніи или богатствѣ, но тотчасъ—о догматахъ. Что она говоритъ? *Отцы наши въ горѣ сей поклонишася*, разумѣя Авраама и его дѣтей; здѣсь, какъ сказываютъ, онъ приносилъ въ жертву сына своего; *и вы глаголете, яко во Іерусалимѣхъ есть мѣсто, идѣже кланятися подобаетъ* (Іоан. IV, 20).

3. Видишь ли, какъ она стала возвышеннѣе въ своихъ мысляхъ? Та, которая заботилась только объ утоленіи жажды, уже вопрошаетъ о догматахъ. Что же Христосъ? Не разрѣшаетъ вопроса (не о томъ Онъ и заботился, чтобы только отвѣчать на ея вопросы,—это завлекло бы слишкомъ далеко); но снова возводитъ жену еще на большую высоту, и однако не прежде ей объ этомъ говоритъ, какъ уже исповѣдала она, что Онъ пророкъ, чтобы она съ большимъ убѣжденіемъ выслушивала слова Его. Убѣдившись въ томъ, что Онъ пророкъ, она уже не могла сомнѣваться въ томъ, что Онъ послѣ могъ ей сказать. Итакъ устыдимся же мы и будемъ краснѣть. Жена, имѣвшая пять мужей и притомъ самарянка, показываетъ такое тщаніе относительно догматовъ, и ни время дня, ни то, что она пришла за другимъ дѣломъ, и ничто иное не отвлекаетъ ее отъ желанія познать ихъ: мы же не только не спрашиваемъ о догматахъ, но во всемъ поступаемъ безъ вниманія и какъ случится. Поэтому и все у насъ въ пренебреженіи. Кто изъ васъ, скажите мнѣ, находясь дома, беретъ въ руки христіанскую книгу, вникаетъ въ ея содержаніе и испытуетъ Писаніе? Никто не можетъ этого сказать о себѣ. Шашки и игральныя кости можно найти у весьма
187 многихъ, а книги ни у кого, или у немногихъ, да и тѣ занимаются ими не болѣе такихъ, которые вовсе ихъ не имѣютъ, связывая и навсегда отлагая ихъ въ шкафы; вся забота у нихъ только о тонкости кожи (на которой писаны книги), о красотѣ письма, а не о чтеніи. Да и пріобрѣтаютъ книги не для пользы, а для того, чтобы выказать этимъ свое богатство и похвастать. До такой крайности доходитъ тщеславіе! Я не слышу, чтобы кто-нибудь похвалился тѣмъ, что знаетъ содержащееся въ книгахъ, а слышу, какъ хвалятся тѣмъ, что книги ихъ написаны золотыми буквами. Скажи мнѣ, какая отъ этого польза? Не для того дано Писаніе, чтобы мы имѣли его въ книгахъ, но чтобы начертывали его въ сердцахъ нашихъ. Заключать заповѣди только въ письменахъ, — такого рода стяжаніе ихъ свойственно только іудейскому тщеславію; а намъ и вначалѣ данъ законъ не такъ, но — на плотяныхъ скрижаляхъ сердца (2 Кор. III, 3). Говоря это, я не препятствую пріобрѣтать книги; напротивъ, хвалю это и даже прошу объ этомъ; желаю

только, чтобы изъ книгъ слова и мысли переходили въ нашу душу и она, усвояя разумъ письменъ, такимъ образомъ очищалась. Если діаволъ не дерзаетъ проникнуть въ тотъ домъ, гдѣ есть Евангеліе, тѣмъ болѣе души, усвоившей себѣ мысли Писанія, не коснется и не нападетъ ни бѣсъ, ни грѣхъ. Итакъ освяти твою душу, освяти и тѣло, имѣя всегда Св. Писаніе и на устахъ и въ сердцѣ. Если срамословіе оскверняетъ насъ и вызываетъ бѣсовъ, то очевидно, что духовное чтеніе освящаетъ и привлекаетъ благодать Духа. Писанія суть божественныя пѣснопѣнія. Станемъ же воспѣвать ихъ въ себѣ и изъ нихъ приготовимъ врачество противъ недуговъ душевныхъ. Если бы мы знали важность читаемаго, то и слушали бы съ большею ревностію. Это я всегда говорю и не перестану говорить. Не странно ли, что бывающіе на зрѣлищахъ пересказываютъ другъ другу о именахъ возницъ и плясуновъ, ихъ происхожденіи, отчизнѣ, родѣ занятій, тщательно также разсказываютъ о достоинствѣ и недостаткахъ коней; а собирающіеся здѣсь не знаютъ ничего, что здѣсь происходитъ, даже не знаютъ и числа книгъ священ- 188
ныхъ? Если ты гоняешься за тѣмъ для удовольствія, то я покажу тебѣ, что здѣсь удовольствія гораздо больше. Что пріятнѣе, скажи мнѣ, что удивительнѣе: видѣть ли, какъ человѣкъ борется съ человѣкомъ, или—какъ человѣкъ сражается съ діаволомъ, какъ плотское существо состязается съ безплотною силою и одолѣваетъ ее? Вотъ на эти-то борьбы надобно смотрѣть; имъ и подражать похвально и полезно, и подражая, можно быть увѣнчаннымъ, а не на тѣ борьбы смотрѣть, въ которыхъ соревнованіе наноситъ стыдъ подражателю. На ту борьбу ты смотришь вмѣстѣ съ бѣсами, а на эту—съ ангелами и съ самимъ Господомъ ангеловъ. Скажи мнѣ, если бы тебѣ дозволено было сидѣть съ владыками и царями, смотрѣть, и вмѣстѣ съ ними наслаждаться зрѣлищемъ, не почелъ ли бы ты этого величайшею для себя честію? А здѣсь, вмѣстѣ съ Царемъ ангеловъ созерцая и видя, какъ діаволъ, схваченный за хребетъ, всѣ усилія употребляетъ, чтобы одолѣть, но нисколько не осиливаетъ, ты не спѣшишь на такое зрѣлище? Да какъ это сдѣлать,—скажешь ты? Имѣй въ рукахъ книгу (Св. Писанія). Въ ней ты увидишь и мѣсто борьбы, и длинноту бѣга, и нападеніе діавола, и искусство праведника. Смотря на эту брань, и самъ научишься бороться и освободишь себя отъ бѣсовъ. А то, что совершается на мірскихъ представленіяхъ, есть торжество бѣсовъ, а не зрѣлище подвиговъ человѣческихъ. Если не позволительно входить въ капище идольское, тѣмъ болѣе—ходить на праздникъ сатанинскій. Говорить и наскучать вамъ объ этомъ я не перестану, пока не увижу исправленія,—

говорить это мнѣ *не лѣностно, вамъ же твердо* (Фил. III, 1). Не оскорбляйтесь моимъ увѣщаніемъ; если кому надобно оскорбляться, то мнѣ, часто говорящему и не видящему послушанія, а не вамъ, всегда объ этомъ слышащимъ и никогда не слушающимся. Но да не будетъ, чтобы вы постоянно были обвиняемы въ этомъ; да избавитесь отъ этого стыда, и удостоившись духовнаго зрѣлища, да сподобитесь будущей славы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXIII.

Глагола ей Іисусъ: жено, вѣру Ми ими, яко грядетъ часъ, егда ни въ горѣ сей, ни во Іерусалимѣхъ поклонитеся Отцу. Вы кланяетеся, егоже не вѣсте; мы кланяемся, егоже вѣмы, яко спасеніе отъ Іудей есть (Іоан. IV, 21, 22).

187 1. Вездѣ нужна намъ, возлюбленные, вѣра; вѣра — мать всѣхъ
благъ, врачество ко спасенію; безъ нея невозможно усвоить ничего изъ высокихъ догматовъ. Подобно тому какъ люди, усиливающіеся переплыть море безъ корабля, хотя и могутъ немного проплыть, дѣйствуя руками и ногами, но, простираясь далѣе, скоро поглощаются волнами, такъ и тѣ, которые руководятся только собственнымъ разумомъ, прежде нежели чему-нибудь научиться, претерпѣваютъ кораблекрушеніе, какъ и Павелъ говоритъ, что нѣкоторые относительно вѣры подверглись кораблекрушенію [1] (1 Тим. I, 19). Чтобы и намъ того же не потерпѣть, будемъ держаться этого священнаго якоря, которымъ и Христосъ нынѣ ве-
188 детъ жену. Когда она сказала: *отцы наши въ горѣ сей поклонишася, и вы глаголете, яко во Іерусалимѣхъ есть мѣсто, идѣже кланятися подобаетъ*,—Христосъ отвѣчалъ ей: *жено, вѣру Ми ими, яко грядетъ часъ, егда ни въ горѣ сей, ни во Іерусалимѣхъ поклонитеся Отцу*. Здѣсь Онъ открываетъ ей важный догматъ, котораго не сказалъ ни Никодиму, ни Наѳанаилу. Она старалась доказать превосходство своихъ обрядовъ предъ іудейскими и подтверждала это примѣромъ своихъ отцевъ; но Христосъ не отвѣчалъ ей на этотъ запросъ, потому что излишне было бы тогда говорить объ этомъ и объяснять, почему отцы ея въ горѣ той покланялись, а іудеи въ Іерусалимѣ. Итакъ Онъ умолчалъ объ этомъ. Но отвергая важность равно того и другого мѣста, Онъ возвышаетъ душу жены

---

[1] Такъ въ подлинномъ: ἐναυάγησαν. Слав.: *отъ вѣры отпадоша.*

внушеніемъ, что ни іудеи, ни самаряне не имѣютъ ничего великаго въ сравненіи съ тѣмъ, что имѣетъ быть даровано въ будущемъ,—и затѣмъ уже изъясняетъ различіе между ними. Но при
этомъ отдаетъ предпочтеніе іудеямъ, не мѣсто предпочитая мѣсту, 189
но въ самомъ духѣ давая преимущество іудеямъ. Христосъ какъ бы такъ сказалъ: о мѣстѣ нѣтъ нужды спорить, но въ образѣ богопочитанія іудеи имѣютъ преимущество предъ самарянами,—потому что, говоритъ, *вы кланяетеся, егоже не вѣсте; мы кланяемся, егоже вѣмы*. Какъ же самаряне не вѣдали, кому поклонялись? Они думали, что Богъ ограничивается мѣстомъ и существуетъ въ одной какой-либо странѣ; сообразно съ такимъ понятіемъ они и служили Ему. Такъ, отправивъ посольство къ персамъ, извѣщали, что богъ этого мѣста негодуетъ на насъ, представляя его такимъ образомъ нисколько не выше идоловъ. Поэтому они продолжали служить и бѣсамъ и Богу, смѣшивая то, что не можетъ быть смѣшано. Но іудеи были свободны отъ этого заблужденія, признавали Бога, хотя и не всѣ, Богомъ вселенной. Поэтому Христосъ и говоритъ: *вы кланяетеся, егоже не вѣсте; мы кланяемся егоже вѣмы*. Не удивляйся, что Христосъ причисляетъ Себя къ іудеямъ. Онъ говоритъ примѣнительно къ понятію жены, какъ іудейскій пророкъ. Потому и употребилъ выраженіе: *мы кланяемся*. Что Онъ самъ есть лице покланяемое, это теперь всякому извѣстно: покланяться—дѣло твари, а Господу твари свойственно принимать поклоненіе. Пока же Онъ бесѣдуетъ какъ іудей, потому и говоритъ: *мы*, то есть іудеи. А и возвышая такимъ образомъ іудейскій законъ, Онъ снова внушаетъ къ Себѣ самому довѣріе и убѣждаетъ жену еще болѣе внимать Его словамъ, потому что ставитъ ученіе Свое внѣ подозрѣнія и даетъ видѣть, что возвышаетъ вѣру іудеевъ не по единству рода, какъ ихъ единоплеменникъ. Тотъ, кто отзывается такъ о такомъ мѣстѣ, которымъ іудеи наиболѣе хвалились и приписывали себѣ преимущество предъ всѣми народами,—кто уничтожаетъ столь важное для нихъ преимущество, тотъ, очевидно, не въ угоду кому-либо говоритъ объ этомъ, а поистинѣ и по силѣ пророческой. Итакъ, отдаливъ жену отъ подобныхъ помысловъ словами: *жено, вѣру Ми ими* и проч., Христосъ затѣмъ присовокупляетъ: *яко спасеніе отъ Іудей есть*. Слова эти означаютъ или то, что изъ іудеи произошли блага для вселенной (такъ какъ здѣсь получило начало познаніе Бога, отверженіе идоловъ и всѣ другіе догматы; да и ваше поклоненіе, хотя и неправильное, отъ іудеевъ ведетъ свое начало); итакъ или это, или же свое пришествіе въ міръ Онъ называетъ спасеніемъ; а лучше, не погрѣшитъ тотъ, кто и то и другое назоветъ спасеніемъ, которое, по словамъ Христовымъ, *отъ Іудей есть*. На то

указывая, и Павелъ сказалъ: *отъ нихже Христосъ по плоти сый надъ всѣми Богъ* (Рим. IX, 5). Видишь, какъ Христосъ восхваляетъ ветхій завѣтъ и показываетъ, что этотъ завѣтъ корень благъ и что самъ Онъ ни въ чемъ не противорѣчитъ закону. Но хотя Онъ и говоритъ, что начало всѣхъ благъ отъ іудей, однако *грядетъ часъ и нынѣ есть, егда истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною* (ст. 23). Мы, говоритъ, превосходимъ васъ, жена, образомъ нашего поклоненія; но и оно наконецъ прекратится; измѣнится не только мѣсто, но и самый образъ служенія Богу, и это уже близко: *грядетъ часъ и нынѣ есть.*

2. Такъ какъ пророки за долгое время изрекали свои предвѣщанія, то Христосъ, отклоняя здѣсь подобное предположеніе, говоритъ: *и нынѣ есть.* Не думай, говоритъ, что это предсказаніе исполнится только спустя долгое время. Это событіе уже наступаетъ; уже скоро *истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и*
190 *истиною.* Словами: *истинніи поклонницы* Онъ исключаетъ іудеевъ вмѣстѣ съ самарянами. Хотя первые лучше послѣднихъ, но гораздо хуже будущихъ поклонниковъ, — настолько, насколько прообразъ ниже истины. Говоритъ же Онъ здѣсь о Церкви, потому что ей свойственно истинное и достойное Бога поклоненіе Богу. И *Отецъ таковыхъ ищетъ покланяющихся Ему* (ст. 23). Если же Онъ издревле таковыхъ искалъ, то дозволилъ іудейскій образъ поклоненія не потому, чтобы Самъ этого желалъ, а по снисхожденію и для того, чтобы и іудеевъ привести къ истинѣ. Кто же это истинные поклонники? Это — тѣ, которые не ограничиваютъ служенія Богу какимъ-либо мѣстомъ, а покланяются Ему духомъ, какъ и Павелъ говоритъ: *молю васъ, братіе, щедротами Божіими, представите тѣлеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служеніе ваше* (Рим. XII, 1). Когда же Христосъ говоритъ: *Духъ есть Богъ*, то этимъ выражаетъ, что Онъ безтѣлесенъ. А безтѣлесному и служеніе подобаетъ такое же и должно быть приносимо въ томъ, что въ насъ есть безтѣлеснаго, т. е. въ душѣ и чистомъ умѣ. Потому и говоритъ: *иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися* (ст. 24). Такъ какъ и самаряне, и іудеи не радѣли о душѣ, а много имѣли попеченія о тѣлѣ, очищая его всевозможнымъ образомъ, то Онъ и говоритъ, что не чистотою тѣла, но тѣмъ, что въ насъ есть безтѣлеснаго, т. е. умомъ, должно служить Безтѣлесному. Итакъ не овецъ и тельцовъ, но себя самого принести Богу во всесожженіе; это и значитъ: *представить жертву живу. И истиною достоитъ кланятися.* Прежнія установленія, какъ то: обрѣзаніе, всесожженія, жертвы, куренія — были только прообразы; нынѣ же все истина. Не плоть подобно намъ обрѣзывать, а лукавыя помыслы, распинать себя,

потреблять и умерщвлять неразумныя пожеланія. Изумляется жена такимъ словамъ Его, и не будучи въ состояніи возвыситься до этой высоты ученія, въ недоумѣніи, послушай, что говоритъ: *вѣмъ яко Мессія пріидетъ, глаголемый Христосъ; егда той пріидетъ, возвѣститъ намъ вся. Глагола ей Іисусъ: Азъ есмь, глаголяй съ тобой* (25, 26). Откуда у самарянъ было ожиданіе пришествія Христова, когда они принимали только Моисея? Изъ самыхъ Писаній Моисея. Въ самомъ началѣ онъ уже сообщаетъ откровеніе о Сынѣ.—слова: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію* (Быт. I, 26) сказаны къ Сыну. И бесѣдовавшій съ Авраамомъ въ кущѣ былъ Сынъ (XVIII, 1). И Іаковъ о Немъ пророчествовалъ, говоря: *не оскудѣетъ князь отъ Іуды и вождь отъ чреслъ его, дондеже пріидутъ отложенная ему и той чаяніе языковъ* (Быт. XLIX, 10). И самъ Моисей говоритъ: *пророка отъ братіи твоея, якоже мене, возставитъ тебѣ Господь Богъ твой: того послушайте* (Втор. XVIII, 15). Также повѣствованія о зміѣ, о жезлѣ Моисея, объ Исаакѣ, объ агнцѣ и многія другія могли возвѣщать Его пришествіе желающимъ понять. Почему же, скажешь, Христосъ не указывалъ женѣ на эти прообразованія, тогда какъ Никодиму указалъ на змія, а Наѳанаилу напомнилъ пророчества; ей же ничего такого не сказалъ? Почему это, по какой причинѣ? Потому, что тѣ были мужи и занимались этими предметами, а она — жена убогая, неученая, несвѣдущая въ Писаніяхъ. Потомъ Онъ и не бесѣдуетъ съ нею отъ Писаній, а привлекаетъ ее къ Себѣ обѣщаніемъ воды и своею прозорливостію, приводитъ ей такимъ образомъ на память Христа и на- 191
конецъ открываетъ Себя. Если бы Онъ ей сказалъ это съ самаго начала, когда она еще не спрашивала Его, то ей показалось бы, что Онъ говоритъ пустое и несбыточное. А теперь, мало-по-малу приведши ей на память, благовременно открываетъ и Себя. Іудеямъ, хотя они и часто говорили: *доколѣ души наша вземлеши? Аще Ты еси Христосъ, рцы намъ не обинуяся* (Іоан. X, 24), — Онъ не давалъ отвѣта яснаго; а женѣ самарянской прямо сказалъ о Себѣ, что Онъ — Христосъ. Это потому, что жена была благонамѣреннѣе іудеевъ; они спрашивали не для того, чтобы научиться отъ Него, а чтобы постоянно насмѣхаться надъ Нимъ; а если бы они желали научиться, то для этого достаточное было поученіе имъ и въ бесѣдахъ Его, и въ Писаніяхъ, и въ чудесахъ Его. Но жена, что̀ говорила, говорила отъ искренняго сердца, съ чистымъ намѣреніемъ, и это очевидно изъ ея послѣдующихъ дѣйствій. Она и сама слушала Его и вѣровала, и другихъ привлекала къ вѣрѣ; да и во всемъ видны усердіе и вѣра жены. *И тогда пріидоша ученицы Его* (Іоан. IV, 27). Весьма благовременно пришли они, потому что поученіе уже было окончено. *И чудяхуся*.

яко съ женою глаголаше, обаче никтоже рече: чесо ищеши, или что глаголеши съ нею?

3. Чему они удивлялись? Кротости Его и крайнему смиренію,—въ томъ, что Онъ, будучи столь великъ, съ такимъ смиренномудріемъ благоволилъ бесѣдовать съ женою бѣдною и притомъ самарянкою. А хотя и удивлялись, однако не спрашивали о причинѣ бесѣды. Такъ они были научены соблюдать обязанность учениковъ, такъ Его боялись и уважали. Хотя не имѣли еще тогда объ Немъ надлежащаго понятія, смотрѣли однакожъ на Него, какъ на дивнаго человѣка, и питали къ Нему великое уваженіе. Правда, во многихъ случаяхъ они показывали и много смѣлости, какъ напримѣръ Іоаннъ припадалъ на перси Его, или, приступивъ къ Нему, говорили: *кто болій есть въ царствіи небеснѣмъ* (Мѳ. xviii, 1)? Также сыны Зеведеевы просили Его, чтобы одному сидѣть одесную Его, а другому ошуюю (Марк. x, 35). Почему же въ настоящемъ случаѣ они не спрашивали Его? Потому, что тѣ всѣ случаи касались ихъ самихъ, и потому они имѣли нужду спрашивать; а настоящее обстоятельство нисколько ихъ не касалось. Да и Іоаннъ дѣлалъ такъ [1]), спустя долгое время, уже подъ конецъ, когда пользовался особенною близостію къ Нему и былъ совершенно увѣренъ въ любви Христа: Онъ, какъ сказано, былъ тотъ ученикъ, *егоже любляше Іисусъ*. Что можетъ сравниться съ такимъ блаженствомъ? Но мы, возлюбленные, не будемъ ограничиваться только тѣмъ, чтобы ублажать апостола, а будемъ все дѣлать такъ, чтобы быть самимъ въ числѣ ублажаемыхъ; будемъ подражать евангелисту, и для того посмотримъ, чѣмъ онъ пріобрѣлъ столь великую любовь. Чѣмъ же? Онъ оставилъ отца, лодку и сѣти и послѣдовалъ за Христомъ. Но это было въ немъ общее съ братомъ его, съ Петромъ, Андреемъ и съ другими апостолами. Что же было особеннаго, отъ чего происходила великая любовь Христова? Самъ евангелистъ ничего такого не говоритъ о себѣ, кромѣ того, что былъ любимъ Спасителемъ; а о доблестяхъ, за которыя былъ любимъ, по скромности умалчиваетъ. Что Христосъ любилъ его особенною какою-то любовію, это всѣмъ очевидно; однако не видно, чтобы Онъ бесѣдовалъ съ Христомъ или вопрошалъ Его о чемъ-либо отдѣльно отъ прочихъ, какъ это дѣлали часто Петръ, Филиппъ, Іуда и Ѳома; толька тогда это видимъ, когда Іоаннъ хотѣлъ угодить и оказать послушаніе соапостолу (xiii, 24, 25). Когда первоверховный апостолъ побуждалъ его къ тому знакомъ, тогда онъ и вопросилъ
192 Іисуса,—потому что оба эти апостолы имѣли великую любовь

[1]) Т. е. возлежалъ на персяхъ Христа.

между собою. Такъ видимъ, что они вмѣстѣ и въ храмъ входили и вмѣстѣ говорили къ народу. Правда, Петръ всегда съ большею горячностію и дѣйствуетъ и говоритъ, а подъ конецъ и отъ самого Христа слышалъ: *любиши ли Мя паче сихъ* (Іоан. XXI, 15)? А любящій *больше сихъ* конечно былъ и самъ любимъ. Но это очевидно происходило отъ любви къ Іисусу, а то отъ любви самого Іисуса. Итакъ, что же возбуждало особенную любовь къ Іоанну? Мнѣ кажется, то, что этотъ мужъ показывалъ особенную скромность и кротость; потому-то онъ не обнаруживалъ ни въ какомъ случаѣ смѣлости. А какъ велика эта добродѣтель, видно изъ примѣра Моисея, котораго это-именно и сдѣлало столь великимъ и славнымъ.

Съ смиренномудріемъ ничто не можетъ сравниться. Потому и Христосъ началъ съ него ученіе о блаженствахъ: намѣреваясь положить какъ бы основаніе величайшаго зданія, Онъ поставилъ прежде всего смиреніе. Безъ него невозможно, невозможно спастись; хотя бы кто постился, молился, подавалъ милостыню, но если дѣлаетъ съ гордостію, и не имѣетъ смиренія,—все это мерзко; а если дѣлается со смиреніемъ, то вожделѣнно, достолюбезно и благонадежно. Итакъ, смиримъ себя, возлюбленные, смиримъ; и если будемъ бодрствовать надъ собою, то эта добродѣтель будетъ для насъ очень легка. Да и что въ самомъ дѣлѣ можетъ возбуждать тебя къ гордости, человѣкъ? Не видишь ли ты ничтожества твоего естества,—удобопреклонности (ко злу) твоей воли? Подумай о своей кончинѣ, помысли о множествѣ грѣховъ. Но, можетъ быть, ты совершилъ много великихъ дѣлъ,—и потому высокомудрствуешь о себѣ? Но этимъ-то и теряешь все. Не столько грѣшнику, сколько добродѣтельному нужно заботиться о смиреніи. Почему такъ? Потому что грѣшникъ понуждаются къ смиренію совѣстію, а добродѣтельный, если не очень бодрствуетъ надъ собою, какъ будто подъятый вѣтромъ, превозносится и тотчасъ омрачается подобно извѣстному фарисею. Ты помогаешь бѣднымъ, но ты подаешь имъ не свое, а Господне, общее для всѣхъ подобныхъ тебѣ рабовъ Его. Поэтому-то, въ несчастіи ближняго провидя и свое собственное и въ другихъ изучая свою природу, тѣмъ болѣе надобно смиряться. Можетъ быть, и мы произошли отъ такихъ же предковъ; а если намъ досталось богатство, то оно снова можетъ и уйти отъ насъ. Да что такое и богатство? Тѣнь пустая, дымъ изчезающій, цвѣтъ травы, или лучше сказать, и цвѣта ничтожнѣе. Что же ты надмеваешься травою? Не достается ли богатство и ворамъ, и любодѣямъ, и блудникамъ, и расхитителямъ гробовъ? То ли надмеваетъ тебя, что имѣешь такихъ сообщниковъ въ стяжаніи? Или ты любишь честь? Но

для чести нѣтъ средства вѣрнѣе милостыни: почести, пріобрѣтаемыя богатствомъ и преобладаніемъ власти, бываютъ вынужденны и ненавистны для другихъ; а почести изъ-за милостыни воздаются по доброй волѣ и по совѣсти людей почитающихъ. Потому-то сами почитающіе никогда не могутъ и отнять этихъ почестей. Но если люди питаютъ такое уваженіе къ милостивымъ и желаютъ имъ всѣхъ благъ, то подумай, какую награду, какое воздаяніе получатъ они отъ человѣколюбца Бога. Будемъ же искать этого богатства, вѣчно пребывающаго, никогда не исчезающаго, чтобы, сдѣлавшись великими здѣсь и прославившись тамъ, достигнуть вѣчныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXIV.

Остави же водоносъ свой жена, и иде во градъ и глагола человѣкомъ: пріидите и видите человѣка, иже рече ми вся, елика сотворихъ: егда той есть Христосъ (Іоан. IV, 28, 29).

193 1. Много нужно намъ возбуждать въ себѣ ревности и старанія; безъ того невозможно получить обѣщанныя намъ блага. И Христосъ, показывая это, говоритъ: *иже не пріиметъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ* (Матѳ. х. 38); или: *огня пріидохъ воврещи на землю, и что хощу, аще уже возгорѣся* (Лук. XII, 49)? Въ обоихъ случаяхъ Онъ хочетъ представить намъ ученика горящаго, пламеннаго, готоваго на всякую опасность. Такова была и жена самарянская. Она такъ воспламенилась отъ всего сказаннаго ей Христомъ, что оставила и водоносъ и дѣло, для котораго приходила, и поспѣшивъ въ городъ, весь народъ увлекла къ Іисусу. *Пріидите*, говоритъ, *и видите человѣка, иже рече ми вся, елика сотворихъ*. Смотри, какое усердіе и вмѣстѣ благоразуміе. Она пришла почерпать воду; но какъ скоро нашла истинный источникъ, то уже пренебрегла чувственнымъ, научая насъ этимъ, хотя и малымъ примѣромъ, что, при слушаніи о духовныхъ предметахъ, надобно презирать все житейское и нисколько не думать о томъ. Жена въ этомъ случаѣ, по своимъ силамъ, тоже дѣлала, что и апостолы, и еще больше. Они оставляли свои сѣти, когда были призваны, а она добровольно, безъ всякаго увѣщанія къ тому, оставляетъ водоносъ и, окрыленная радостію, совершаетъ дѣло благовѣстія. Да и не одного или другого призываетъ, какъ Андрей и Филиппъ, но приводитъ въ движеніе весь городъ и

ведетъ къ Іисусу множество народа. И смотри, какъ она благоразумно говоритъ. Не говоритъ: *пріидите и видите Христа*, а привлекаетъ къ нему людей, такъ же приспособляясь къ нимъ, какъ и самъ Христосъ привлекъ ее. *Пріидите*, говоритъ, *и видите человѣка, иже рече ми вся, елика сотворихъ*. Да и не стыдится сказать: *рече ми вся, елика сотворихъ*, хотя можно было бы сказать иначе, напримѣръ: пріидите и видите прозорливца. Такъ, когда душа воспламенится огнемъ божественнымъ, то уже ни на что земное не обращаетъ вниманія, ни на молву, ни на стыдъ; однимъ только занята бываетъ—объявшимъ ее пламенемъ. *Егда той есть Христосъ*. Смотри и здѣсь, какая мудрость въ женѣ. Она не утверждаетъ о Немъ прямо, но и не умалчиваетъ,—потому что не хотѣла увлекать ихъ только собственнымъ своимъ мнѣніемъ, а желала, чтобы они, послушавъ Его, сами раздѣлили ея мнѣніе; а это дѣлало слова ея еще болѣе для нихъ удобопріемлемыми. Хотя Христосъ обнаружилъ и не всю ея жизнь, но изъ сказаннаго она увѣрилась, что — и все прочее. Не сказала также: пріидите, увѣруйте; а—*пріидите, видите*, что было гораздо легче и болѣе ихъ привлекало. Видишь ли мудрость жены? Знала она, несомнѣнно знала, что они, лишь только вкусятъ отъ этого источника, то испытываютъ тоже, что и она. Если бы (на ея мѣстѣ) былъ человѣкъ болѣе чувственный, то прикрылъ бы сдѣланное ему обличеніе, а она открываетъ свою жизнь и обнаруживаетъ передъ всѣми, чтобы только привлечь ихъ и обратить ко Христу. *Между же симъ моляху Его ученицы Его, глаголюще: Равви, яждь. Моляху*—на отечественномъ ихъ языкѣ значитъ: убѣждали. Видя, что Онъ утомился отъ пути и тяготившаго зноя, они убѣждали 194
Его. Но это происходило не отъ торопливости ихъ въ принятіи пищи, а отъ любви къ Учителю. Что же Христосъ? *Азъ*, говоритъ, *брашно имамъ ясти, его же вы не вѣсте. Глаголаху убо ученицы къ себѣ: еда кто принесе Ему ясти* (ст. 32, 33)? Удивительно ли, что жена, услышавъ о водѣ, и воображала воду, когда вотъ и ученики тоже самое испытываютъ и, не помышляя ничего духовнаго, еще недоумѣваютъ? Впрочемъ они, сохраняя обычное уваженіе и почтеніе къ Учителю, только между собою говорятъ, а Ему самому не осмѣливаются предложить вопроса. Такъ они поступаютъ и въ другихъ случаяхъ, желаютъ спросить Христа, но не спрашиваютъ. Что же Христосъ? *Мое брашно есть*, говоритъ, *да сотворю волю пославшаго Мя и совершу дѣло Его* (ст. 34). Брашномъ Онъ называетъ здѣсь спасеніе людей, показывая тѣмъ, съ какою любовію Онъ промышляетъ о насъ. Какъ мы алчемъ пищи, такъ Онъ желаетъ нашего спасенія. Но послушай, какъ Онъ при всякомъ случаѣ не вдругъ все открываетъ, а сперва вводитъ слушателя въ не-

доумѣніе, чтобы онъ, начавъ изслѣдовать сказанное и при этомъ недоумѣвая и затрудняясь, тѣмъ съ большею готовностію принялъ искомое, когда оно уяснится для него, и тѣмъ болѣе былъ возбужденъ къ слушанію. Почему Онъ не тотчасъ сказалъ: *мое брашно есть, да творю волю Отца моего*? Хотя и это было не ясно, все же яснѣе прежде сказаннаго. Но что Онъ говоритъ? *Азъ брашно имамъ ясти, егоже вы не вѣсте.* Сначала, какъ я сказалъ, Онъ хочетъ сдѣлать ихъ чрезъ самое недоумѣніе болѣе внимательными и пріучить ихъ къ тому, чтобы они выслушивали и иносказательныя Его слова. Въ чемъ же состоитъ воля Отца? Это онъ высказываетъ и изъясняетъ впослѣдствіи. *Не вы ли глаголете, яко четыре мѣсяцы суть и жатва пріидетъ? Се глаголю вамъ, возведите очи ваши и видите нивы, яко плавы суть къ жатвѣ уже* (ст. 35).

2. Вотъ опять близкими къ нимъ указаніями Онъ возводитъ ихъ къ созерцанію высочайшихъ предметовъ. Говоря о пищѣ, Онъ разумѣетъ не что другое, какъ спасеніе людей, намѣревавшихся придти къ Нему. То же самое означаютъ нива и жатва, то есть, множество душъ, готовыхъ къ принятію Его проповѣди. Очи же здѣсь разумѣетъ и мысленныя и тѣлесныя, потому что ученики уже видѣли множество идущихъ къ Нему самарянъ; а готовность ихъ и предрасположеніе къ слушанію уподобляетъ нивамъ бѣлѣющимся,—потому что какъ колосья, когда побѣлѣютъ, готовы бываютъ къ жатвѣ, такъ и они теперь, говоритъ Онъ, къ спасенію приготовлены и благорасположены. Почему же не сказалъ Онъ прямо, что эти люди идутъ увѣровать въ Него и уже готовы принять Его ученіе, будучи оглашены пророками и принося теперь плоды, а назвалъ ихъ нивою и жатвою? Что значатъ такія иносказанія? Да и не здѣсь только, но и во всемъ евангеліи Онъ такъ дѣлаетъ, и пророки употребляли такой же способъ, о многомъ говоря иносказательно. Но какая же тому причина? Вѣдь
195 не напрасно же благодать Духа установила это; почему же и для чего? Съ двоякою цѣлію: во-первыхъ, чтобы слово сдѣлать болѣе выразительнымъ и очевиднѣе представить то, о чемъ говорится. Умъ, занятый образами изъ обыкновенныхъ предметовъ, больше возбуждается и, видя какъ бы на картинѣ изображенія, болѣе увлекается ими. Это первая причина. Во-вторыхъ, для того, чтобы усладить рѣчь и чтобы сказанное лучше утвердилось въ памяти. Простыя изреченія не такъ усвояются и не такъ привлекаютъ вниманіе большинства слушателей, какъ изложеніе ихъ при помощи предметовъ и предметное изображеніе ихъ. Это, какъ можно видѣть, съ великою мудростію сдѣлано въ настоящей притчѣ. *И жняй мзду пріемлетъ и собираетъ плодъ въ животъ вѣчный* (ст. 36). Плодъ земной жатвы служитъ не для вѣчной, а для вре-

менной жизни; духовный плодъ напротивъ—къ жизни не старѣющейся, безсмертной. Видишь ли,—слова чувственныя, а смыслъ духовный, и самымъ образомъ выраженій отдѣляется земное отъ небеснаго. Какъ, бесѣдуя о водѣ и изображая свойства ея, Онъ говорилъ, что *піяй отъ воды сія не вжаждется во вѣки*, такъ и здѣсь говоритъ, что этотъ плодъ собирается для жизни вѣчной. *Да и сѣяй вкупѣ радуется и жняй.* Кто это *сѣяй* и кто *жняй?* Сѣятелями были пророки, но они сами не жали, а апостолы; однако не лишены за это радости и награды за труды, а вмѣстѣ съ нами радуются и веселятся, хотя и не жнутъ съ нами,—такъ какъ жатва и сѣяніе не одно и тоже. Поэтому, гдѣ трудъ меньше, а утѣшенія больше, на то Я и соблюлъ васъ, а не для сѣянія. Въ сѣяніи много тяжкой работы и труда: а въ жатвѣ много прибытка, но трудъ не такой, это легче. Этимъ Онъ хочетъ показать, что и желаніемъ пророковъ было—чтобы люди обращались къ Нему. Къ этому и законъ приготовлялъ. Для того они и сѣяли, чтобы произвести этотъ плодъ. Онъ показываетъ также, что Онъ и пророковъ посылалъ, и что новый и ветхій завѣты имѣютъ великое сродство между собою. Все это Онъ даетъ видѣть вмѣстѣ посредствомъ настоящей притчи. При этомъ припоминаетъ и употребляемое многими присловіе: *о семъ бо*, говоритъ, *слово есть истинное, яко инъ есть сѣяй и инъ есть жняй* (ст. 37). Такъ говорятъ многіе, когда одни подвергались трудамъ, а другіе пожинаютъ плоды; Онъ и говоритъ, что это присловіе въ настоящемъ случаѣ очень справедливо. Трудились пророки, а вы собираете плоды трудовъ ихъ. Не сказалъ: получаете ихъ награды, а: *плоды*,—потому что и великій трудъ пророковъ не остается безъ награды. Такъ и Даніилъ сдѣлалъ: и онъ припомнилъ притчу, которая говоритъ: *отъ беззаконникъ изыдетъ преступленіе* (1 Цар. XXIV, 14). Давидъ также во время плача вспомнилъ ее. Поэтому Христосъ и сказалъ прежде: *да и сѣяй вкупѣ радуется и жняй.* Такъ какъ онъ намѣревался сказать, что *инъ есть сѣяй и инъ есть жняй*, то, чтобы кто-нибудь, какъ я сказалъ, не подумалъ, будто пророки лишены награды, Онъ и говоритъ нѣчто странное и неожиданное, не бывающее въ дѣлахъ чувственныхъ, но—въ духовныхъ составляющее особенность ихъ. Въ дѣлахъ чувственныхъ, если бы случилось, что одинъ посѣялъ, а другой пожалъ, то оба они вмѣстѣ не стали бы радоваться; но сѣявшій скорбѣлъ бы, что трудился 196
для другихъ, а радовался бы только жнущій. Здѣсь же не такъ; но и не жнущіе того, что посѣяли, радуются вмѣстѣ съ жнущими. Отсюда ясно, что и они участвуютъ въ наградѣ. *Азъ послахъ вы жати, идѣже вы не трудистеся: иніи трудишася, и вы въ трудъ ихъ внидосте* (ст. 38). Этимъ-то особенно Онъ ободряетъ учениковъ.

Имъ казалось труднымъ дѣломъ пройти вселенную съ проповѣдію, а Онъ даетъ видѣть, что это весьма легко. Бросать сѣмена и приводить не освященныя души къ богопознанію—вотъ что было трудно и требовало много усилій. Для чего же Онъ говоритъ объ этомъ? Для того, чтобы, когда пошлетъ ихъ на проповѣдь, они не страшились, какъ посылаемые на дѣло трудное. Поприще пророковъ, говоритъ Онъ, было гораздо труднѣе, а вы, какъ самое дѣло показываетъ, идете на трудъ болѣе легкій. Какъ въ жатвѣ легко собирается плодъ, въ короткое время житница наполняется снопами и уже не опасаются перемѣны временъ, зимы, весны и дождя, такъ и теперь самыя дѣла говорятъ за себя. Между тѣмъ, когда Онъ говорилъ это, приходятъ самаряне, и тотчасъ собранъ плодъ: поэтому-то Христосъ и сказалъ: *возведите очи ваши и видите нивы, яко плавы суть*. Сказалъ—и это оказалось на дѣлѣ, и слова Его подтвердились событіями, потому что *отъ града того мнози вѣроваша въ Онь отъ Самарянъ, за слово жены свидѣтельствующія, яко рече ми вся, елика сотворихъ* (ст. 39). Они видѣли, что жена не могла по угодливости превозносить похвалами того, кто обличилъ ея грѣхи, или въ угодность комулибо другому обнаруживать свою жизнь.

3. Будемъ подражать и мы этой женѣ, и въ собственныхъ грѣхахъ не людей будемъ стыдиться, но убоимся, какъ должно, Бога, который и нынѣ видитъ дѣла наши, и въ будущемъ вѣкѣ накажетъ непокаявшихся. А мы дѣлаемъ противное. Того, который будетъ насъ судить, не боимся, а передъ тѣми, которые не могутъ сдѣлать намъ никакого вреда, мы трепещемъ и боимся отъ нихъ безчестія. Поэтому чего мы боимся, тѣмъ и будемъ наказаны. Кто нынѣ опасается стыда отъ людей только, а не стыдится дѣлать что-либо непотребное передъ всевидящимъ Богомъ, притомъ не хочетъ и покаяться и исправиться, тотъ въ будущій день не передъ однимъ или двумя человѣками, а въ виду всей вселенной будетъ выставленъ на позоръ. А что и добрыя и худыя дѣла тогда будутъ выставлены на великое зрѣлище, пусть научитъ тебя притча объ овцахъ и козлищахъ и блаженный Павелъ, который говоритъ: *всѣмъ бо явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла* (2 Кор. v, 10); также: *иже во свѣтъ приведетъ тайная тмы* (1 Кор. iv, 5). Ты сдѣлалъ что-нибудь худое, или только подумалъ о томъ, и скрываешь отъ людей? А отъ Бога не скроешь. Но ты нисколько объ этомъ не заботишься, а глаза людей — вотъ что страшно тебѣ. Подумай же, что и отъ людей ты ничего въ тотъ день не сможешь утаить. Тогда все, какъ на картинѣ, представлено будетъ глазамъ нашимъ, такъ

что каждый станетъ судьею самому себѣ. Это видно и изъ притчи о богатомъ. Богатый видитъ передъ глазами своими презрѣннаго имъ нищаго,—говорю о Лазарѣ,—и того, кѣмъ такъ 197
часто гнушался, теперь проситъ дать ему перстъ свой въ утѣшеніе. Итакъ умоляю,—хотя бы и никто не видѣлъ нашихъ дѣлъ, пусть каждый изъ насъ обратится къ своей совѣсти, поставитъ самому себѣ судіею свой разумъ и раскроетъ предъ нимъ свои согрѣшенія. И если не желаемъ быть посрамленными въ тотъ страшный день, уврачуемъ наши язвы, приложимъ къ нимъ врачество покаянія. Можно вѣдь, истинно можно выйти здоровымъ, хотя бы кто покрытъ былъ тысячами ранъ: *аще бо*, сказано, *отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный; аще ли не отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Матѳ. VI, 14).

Какъ въ крещеніи погружаемые грѣхи исчезаютъ, такъ и эти уничтожатся, если захотимъ покаяться. Покаяніе же состоитъ въ томъ, чтобы уже не дѣлать впредь того же, а кто принимается за прежнія дѣла, тотъ уподобится псу, возвращающемуся на свою блевотину (2 Петр. II, 22) и тому, который, по пословицѣ, бьетъ шерсть надъ огнемъ и черпаетъ воду рѣшетомъ. Итакъ надобно и дѣломъ и мыслію отставать отъ поползновеній грѣховныхъ; а, отставъ, прилагать къ ранамъ противоположныя грѣхамъ врачевства. Укажу нѣкоторые примѣры. Ты — хищникъ и лихоимецъ? Отстань отъ хищенія и приложи къ ранѣ милостыню. Ты блудодѣйствовалъ? Отстань отъ блуда и приложи къ этой язвѣ цѣломудріе. Сказалъ что-нибудь худое о ближнемъ и повредилъ ему? Оставь злословіе, приложи дружелюбіе. Станемъ такъ дѣлать и съ каждымъ изъ нашихъ согрѣшеній, и ни одного изъ нихъ не будемъ оставлять безъ вниманія. Настоитъ уже, настоитъ время отчета. Потому и Павелъ говоритъ: *Господь близъ, ни о чемже пецытеся* (Фил. IV, 6). Но намъ, можетъ быть, слѣдуетъ сказать противное: *Господь близъ; пецытеся*. Филиппійцамъ кстати было слышать: *ни о чемже пецытеся*, потому что они были въ скорби, трудахъ и подвигахъ. А тѣмъ, которые живутъ въ хищеніи, сластолюбіи, которые должны дать тяжкій за это отчетъ, —тѣмъ справедливѣе вотъ что услышать: *Господь близъ; пецытеся*. Немного уже остается времени до конца; міръ уже устремится къ концу. Это показываютъ брани, скорби, землетрясенія, охлажденіе любви. Какъ тѣло при послѣднемъ издыханіи, близъ смерти, подвергается безчисленнымъ недугамъ; 198
какъ въ домѣ, когда онъ близокъ къ разрушенію, обыкновенно многое падаетъ и съ кровли и со стѣнъ, такъ близокъ, при

дверяхъ конецъ вселенной, и поэтому-то распространяются повсюду безчисленныя злополучія. И если тогда Господь уже *близъ* былъ, то гораздо болѣе нынѣ. Если за четыреста лѣтъ, когда это было сказано, Павелъ назвалъ то время *исполненіемъ временъ*, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ назвать такъ настоящее время. Хотя можетъ быть поэтому самому нѣкоторые не вѣрятъ, но, напротивъ, поэтому-то наиболѣе и надобно вѣровать. Откуда въ самомъ дѣлѣ ты знаешь, человѣкъ, что конецъ міра еще не близокъ и что сказанное еще не скоро сбудется? Концемъ года мы называемъ не послѣдній только день его, а и послѣдній мѣсяцъ, хотя онъ имѣетъ тридцать дней; такъ я не погрѣшу, если въ такомъ числѣ годовъ назову концемъ и четырехсотый годъ. Такимъ образомъ апостолъ уже въ свое время предвозвѣщалъ о кончинѣ. Смиримся же, и будемъ жить въ страхѣ Божіемъ. А если мы живемъ въ безпечности, въ нерадѣніи, и не ожидаемъ ничего, то настанетъ внезапно пришествіе. Объясняя это, Христосъ сказалъ: *якоже бысть во дни Ноевы и якоже во дни Лотовы, тако будетъ и въ скончаніе вѣка сего* (Матѳ. XXIV, 37). Это и Павелъ замѣчаетъ, говоря: *егда рекутъ: миръ и утвержденіе, тогда внезапу нападетъ на нихъ всегубительство, якоже болѣзнь во чревѣ имущей* (1 Сол. V, 3). Что это значитъ: *якоже болѣзнь во чревѣ имущей?* Часто беременныя женщины, во время забавъ, или обѣда, или въ банѣ, или на площади, ничего не ожидая впереди, внезапно бываютъ застигнуты болѣзнями рожденія. А какъ и наше состояніе таково, то будемъ всегда готовы. Не всегда же мы будемъ слышать объ этомъ, не всегда будемъ имѣть къ тому возможность: *во адѣ же,* говоритъ Писаніе, *кто исповѣстся Тебѣ* (Пс. VI, 6)? Покаемся же здѣсь, чтобы такимъ образомъ умилостивить Бога въ грядущій день и получить отъ Него прощеніе, котораго и да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXV.

Егда убо пріидоша къ Нему Самаряне, моляху Его, дабы пребылъ у нихъ: и пребысть ту два дня. И много паче вѣроваша за слово Его. Женѣ же глаголаху, яко не ктому за твою бесѣду вѣруемъ; сами бо слышахомъ и вѣмы, яко сей есть воистину Спасъ міру Христосъ. По двою же дню изыде отъ нихъ и иде въ Галилею

(Іоан. VI, 40, 42).

197 1. Нѣтъ ничего хуже зависти и ненависти: нѣтъ ничего бѣдственнѣе тщеславія. Они обыкновенно губятъ безчисленныя

блага. Іудеи, имѣвшіе и большее, чѣмъ самаряне, знаніе и воспитанные пророками, здѣсь оказались ниже самарянъ. Самаряне по одному свидѣтельству жены увѣровали и, не видя никакого чуда, пришли просить Христа, чтобы Онъ остался у нихъ. А
іудеи, видѣвшіе и чудеса, не только не удерживали Его у себя, 198
но даже отгоняли и все дѣлали такъ, чтобы совершенно удалить Его изъ страны своей. Хотя и пришествіе Его совершилось собственно для нихъ, но они гнали, тогда какъ самаряне просили, чтобы Онъ пребылъ у нихъ. Итакъ, скажи мнѣ: ужели не слѣдовало идти къ нимъ, когда они просили и требовали того, и, оставаясь у тѣхъ, которые злоумышляли и отвергали Его, не отдавать себя людямъ, возлюбившимъ Его и желавшимъ удержать Его при себѣ? Нѣтъ, это было бы недостойно Его промышленія. Поэтому-то и принялъ Христосъ ихъ просьбу и пребылъ у нихъ два дня. Они хотѣли бы и навсегда удержать Его (какъ видно изъ словъ евангелиста: *моляху Его, дабы пребылъ у нихъ*); однако Онъ не допустилъ этого, а только два дня оставался у нихъ. И
въ эти дни еще многіе увѣровали въ Него. Хотя и не легко, ка- 199
залось бы, имъ было увѣровать, потому что и чуда никакого не видѣли и были во враждѣ съ іудеями, но, какъ они правильно судили о Его ученіи, то это и не препятствовало имъ, но напротивъ они возъимѣли такое о Немъ понятіе, которое было выше этихъ препятствій, и наперерывъ болѣе и болѣе показывали Ему свое удивленіе. Женѣ они говорили: *не ктому за твою бесѣду вѣруемъ: сами бо слышахомъ и вѣмы, яко сей есть воистину Спасъ міру Христосъ*. Ученики превзошли учительницу. Они и іудеевъ могли бы по справедливости осудить, и потому, что увѣровали, и потому, что приняли Христа. Іудеи, о которыхъ Онъ прилагалъ всевозможное попеченіе, часто бросали въ Него камни, напротивъ самаряне привлекали Его къ себѣ, хотя Онъ и не къ нимъ шелъ. Тѣ и послѣ чудесъ остаются неисправимы, а эти и безъ чудесъ показали великую вѣру въ Него; и то именно составляетъ ихъ честь, что безъ чудесъ увѣровали, іудеи же не переставали требовать чудесъ и искушать Его. Такъ во всемъ нужна благонамѣренность души; если коснется такой души истина, то удобно овладѣваетъ ею; а если не овладѣваетъ, то это происходитъ не отъ слабости самой истины, а отъ неразумія души. Такъ и солнце, когда касается чистыхъ глазъ, то легко освѣщаетъ; если же не доставляетъ свѣта, то это знакъ не безсилія солнечнаго свѣта, а болѣзни глазъ. Но послушай, что говорятъ самаряне: *вѣмы, яко сей есть воистину Спасъ міру Христосъ*. Видишь ли, какъ скоро они поняли, что намѣреніе Христа было привлечь къ Себѣ вселенную, что Онъ пришелъ совершить общее спасеніе и хотѣлъ

не одними іудеями ограниииватъ Свое промышленіе, но всюду посѣять свое слово? Не такъ поступали іудеи, но *свою правду ищуще поставити, правдѣ Божіей не повинушася* (Рим. x, 3). Самаряне исповѣдуютъ, что всѣ люди виновны, какъ бы выражая ученіе апостольское, что *вси согрѣшиша и лишени суть славы Божіей, оправдаеми туне благодатію Его* (Рим. ш, 23). Говоря: *Спасъ міра*, самаряне конечно разумѣли міръ погибшій, и не просто Спасителя, по въ дѣлахъ весьма великихъ, потому что многіе приходили спасать — и пророки и ангелы; но истинный Спасъ *сей есть*, говорятъ самаряне,—Тотъ, кто подаетъ истинное спасеніе, а не временное только. Таковъ духъ искренней вѣры! Поэтому и въ томъ и другомъ отношеніи самаряне достойны удивленія: во-первыхъ, что увѣровали, во-вторыхъ, что увѣровали безъ чудесъ. Такихъ и Христосъ ублажаетъ, говоря: *блажени не видѣвшіи и вѣровавше* (Іоан. xx, 29). Притомъ они увѣровали искренно, хотя жена говорила имъ еще съ сомнѣніемъ: *егда той есть Христосъ?* Но они не говорятъ подобно ей: и мы предполагаемъ это, или: и мы такъ думаемъ, но говорятъ: *вѣмы*, и не просто, а—*яко сей воистину Спасъ міру*. Не какъ обыкновеннаго человѣка исповѣдали они Христа, но какъ истиннаго Спасителя. Кого же они видѣли спасеннаго Христомъ? Они слышали только слова Его, а говорятъ такъ, какъ будто видѣли многія и великія чудеса. Но почему евангелисты не говорятъ намъ, о чемъ бесѣдовалъ съ пими Христосъ и что такъ было дивно для нихъ? Знай, что евангелисты многія изъ великихъ изреченій Его опускаютъ, но все объясняютъ самымъ исходомъ дѣлъ: и здѣсь Христосъ Своимъ словомъ обратилъ къ Себѣ весь народъ и цѣлый городъ. А гдѣ люди не убѣждались Его словами, тамъ (евангелисты) вынуждены
200 были излагать Его ученіе, чтобы изъ-за нерадѣнія слушающихъ не подвергъ кто-нибудь осужденію Проповѣдующаго. *И по двою дню изыде оттуду и иде въ Галилею. Самъ бо Іисусъ засвидѣтельствова, яко пророкъ во своемъ отечествіи чести не имать* (Іоан. iv, 43, 44). Почему это прибавлено? Потому, что Онъ не пошелъ въ Капернаумъ, но въ Галилею, а оттуда въ Кану. А чтобы ты не изыскивалъ, почему Онъ у своихъ не остался, а у самярянъ, евангелистъ представляетъ ту причину, что Его тамъ не слушали. Поэтому и не пошелъ туда, чтобы не было имъ за то тѣмъ большаго осужденія.

2. А отечествомъ Его, я думаю, здѣсь называется Капернаумъ. Что дѣйствительно тамъ не было Ему чести, послушай, какъ Онъ самъ говоритъ: *и ты, Капернауме, до небесъ вознесыйся, до ада низведешися* (Лук. x, 15). Отечествомъ же Своимъ называетъ Онъ Капернаумъ или по отношенію къ Своему воплощенію, или

потому, что большею частію тамъ пребывалъ. Что же?—скажешь ты, — не видимъ ли мы, что многіе и у своихъ пользуются честію? Видимъ, конечно; но по рѣдкимъ случаямъ не должно судить. Если нѣкоторые люди были почитаемы въ своемъ отечествѣ, то въ чужомъ гораздо болѣе, — потому что привычка заставляетъ относиться пренебрежительно. *Егда же пріиде въ Галилею, пріяша Его Галилеане, вся видѣвше, яже сотвори во Іерусалимѣхъ въ праздникъ: и тіи бо пріидоша въ праздникъ* (ст. 45). Видишь ли, что люди наиболѣе охуждаемые, оказываются тѣмъ болѣе усердными къ Нему? Одинъ говорилъ: *отъ Назарета можетъ ли что добро быти* (Іоан. I, 46)? Другой: *испытай и виждь, яко пророкъ отъ Галилеи не приходитъ* (Іоан. VII, 52). И это говорили въ упрекъ Ему, потому что многіе думали, что Онъ изъ Назарета; поносили Его также именемъ самарянина,—говорили: *самарянинъ бо еси и бѣса имаши* (46). Но вотъ, къ стыду іудеевъ, и самаряне и галилеяне вѣруютъ въ Него. Самаряне однако оказываются еще лучше галилеянъ. Самаряне приняли Его по одному свидѣтельству жены, а галилеяне тогда уже, когда увидѣли совершенныя Имъ чудеса. *Пріиде же паки Іисусъ въ Кану галилейскую, идѣже претвори воду въ вино* (Іоан. IV, 46). Евангелистъ приводитъ здѣсь слушателю на память чудо, возвышая этимъ славу самарянъ. Галилеяне приняли Его послѣ чудесъ, совершенныхъ Имъ у нихъ и въ Іерусалимѣ, а самаряне — только за ученіе. Итакъ, евангелистъ сказалъ только, что Іисусъ пришелъ, въ Кану, но не присовокупилъ причины, по которой пришелъ. Въ Галилею Онъ удалялся по причинѣ ненависти іудеевъ; но почему въ Кану? Въ первый разъ Онъ былъ званъ туда на бракъ; но почему и для чего пришелъ теперь? Мнѣ кажется, для того, чтобы вѣру, произведенную чудомъ, еще болѣе укрѣпить своимъ пребываніемъ и еще болѣе привлечь тѣмъ, что Самъ добровольно пришелъ къ нимъ, оставилъ Свое отечество, и предпочелъ ихъ. *Бѣ же нѣкій царевъ мужъ, его же сынъ боляше въ Капернаумѣ. Сей, слышавъ, яко Іисусъ пріиде отъ Іудеи въ Галилею, иде къ нему и моляше Его, да снидетъ и исцѣлитъ сына его* (ст. 47). Этотъ мужъ или былъ отъ рода царскаго, или имѣлъ какое-либо достоинство власти, такъ (царскимъ) называемое. Нѣкоторые думаютъ, что это—тотъ самый, о которомъ сказано у Матѳея. Но что это—другое лице, видно не только по достоинству, но и по вѣрѣ. Тотъ, когда Христосъ Самъ хотѣлъ придти къ нему, просилъ Его не ходить, а этотъ, хотя Христосъ и не обѣщалъ ему ничего такого, увлекаетъ Его въ домъ свой. Тотъ говоритъ: *нѣсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши* (Матѳ. VIII, 8); а этотъ даже 201
понуждаетъ, говоря: *сниди, прежде даже не умретъ отроча мое*

(Іоан. IV, 49). Также у Матѳея Іисусъ, сошедши съ горы, приходитъ въ Капернаумъ, а здѣсь мужъ царевъ приступаетъ къ Нему, когда Онъ пришелъ изъ Самаріи, и не въ Капернаумъ, а въ Кану. У того отрокъ лежалъ въ разслабленіи, а у этого—въ горячкѣ. *И иде къ нему и моляше, да исцѣлить сына его: имѣяше бо умрети* (ст. 47). Что же Христосъ? *Аще знаменій и чудесъ не видите*, говоритъ, *не имате вѣровати* (ст. 48). Однако и то уже показывало вѣру. что онъ пришелъ и просилъ; да и послѣ свидѣтельствуетъ объ этомъ евангелистъ, говоря, что, когда Іисусъ сказалъ: *иди сынъ твой живъ есть,—вѣрова человѣкъ словеси, еже рече ему Іисусъ, и идяше* (ст. 50). Что же значатъ слова (Христовы?) Онъ сказалъ ихъ или въ похвалу самарянъ, такъ какъ они увѣровали въ Него безъ чудесъ, или въ упрекъ мнимому своему городу Капернауму, откуда былъ тотъ человѣкъ. Такъ и другой нѣкто, упоминаемый у Марка, говорилъ: *вѣрую Господи, помози моему невѣрію* (Марк. IX, 23). Такимъ образомъ, хотя онъ и вѣровалъ, но не совершенно и не твердо. И это видно изъ его любопытства о томъ, въ которомъ часу болѣзнь оставила его сына. Онъ хотѣлъ дознать, случилось ли это само собою, или по повелѣнію Христову. Когда же узналъ, что это случилось наканунѣ въ часъ седьмой, то увѣровалъ и самъ и весь домъ его. Видишь ли, что онъ тогда увѣровалъ, когда слуги ему сказали, а не тогда, когда сказалъ Христосъ? Итакъ, Христосъ обличаетъ мысль его, съ которою онъ пришелъ и говорилъ такія слова; а такимъ образомъ еще больше привлекъ его къ вѣрѣ, потому что прежде чуда онъ не очень расположенъ былъ къ вѣрѣ. Но что онъ приходилъ и просилъ Христа, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что родители, по великой любви (къ дѣтямъ), обыкновенно обращаются не только къ такимъ врачамъ, которымъ совершенно довѣряютъ, но совѣщаются и съ тѣми, на которыхъ не много надѣются, не желая ничего упустить. Притомъ этотъ человѣкъ только случайно приходилъ ко Христу, когда Христосъ пришелъ въ Галилею, тогда только узналъ Его. А если бы онъ крѣпко вѣровалъ, то не полѣнился бы, какъ скоро сынъ былъ при смерти, придти въ Іудею; если же боялся, то и это не извинительно. Но замѣть, какъ и самыя слова обнаруживаютъ слабость этого человѣка. Слѣдовало бы, если не прежде, то по-крайней мѣрѣ послѣ обличенія его мысли, получить высокое понятіе о Христѣ,—между тѣмъ, смотри, какъ онъ еще пресмыкается долу. *Сниди*, говоритъ, *прежде даже не умретъ отроча мое*, какъ будто Христосъ не могъ бы воскресить его, если бы отрокъ и умеръ, и какъ будто бы Христосъ не зналъ, каково состояніе отрока. Поэтому-то Іисусъ и обличаетъ его и касается самой

совѣсти, показывая, что чудеса дѣлаются главнымъ образомъ ради души. Здѣсь Онъ исцѣляетъ и отца, немоществующаго душею не меньше сына, научая насъ внимать Ему не ради чудесъ его, а ради ученія Его, — потому что чудеса совершаются не для вѣрныхъ, а для невѣрующихъ и грубыхъ людей.

8. Тогда этотъ человѣкъ, отъ скорби, не очень внималъ словамъ Спасителя, развѣ тѣмъ только, которыя касались его сына; послѣ же онъ долженъ былъ усвоить себѣ сказанное и получить отъ этого величайшую пользу. Такъ и случилось. Но почему Христосъ къ сотнику самъ добровольно обѣщалъ придти, а здѣсь и на зовъ не идетъ? Потому, что у сотника вѣра была совершенна; и Христосъ обѣщалъ придти къ нему, чтобы мы знали благонамѣренность этого человѣка, къ этому же 202
не пошелъ, потому что онъ былъ еще не совершенъ. А такъ какъ онъ всячески понуждалъ Іисуса, говоря: *сниди*, и еще не понималъ ясно, что Онъ и отсутсвуя можетъ исцѣлить, то Христосъ показываетъ, что и это Ему возможно, чтобы тотъ изъ самаго непосѣщенія Іисусова узналъ о Немъ то, что сотникъ зналъ самъ собою. Когда же сказалъ: *аще знаменій и чудесъ не видите, не имате вѣровати*, то этимъ выразилъ слѣдующее: вы еще не имѣете надлежащей вѣры, но еще относитесь ко Мнѣ, какъ какому-либо пророку. Итакъ, открывая Себя самого, и показывая, что въ Него должно вѣровать и безъ чудесъ, Онъ сказалъ здѣсь тоже, что говорилъ Филиппу: *не вѣруеши ли, яко Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ? Аще ли же ни, за та дѣла вѣру имите Ми* (Іоан. XXVI, 10, 11). *Абіе же, входящу ему, се раби его срѣтоша его и возвѣстиша ему, глаголюще, яко сынъ твой живъ есть. Вопрошаше убо отъ нихъ о часѣ, въ который легчае ему бысть, и рѣша ему: яко вчера въ часъ седьмый остави его огнь. Разумѣ же отецъ, яко той бѣ часъ, въ оньже рече ему Іисусъ, яко сынъ твой живъ есть: и вѣрова самъ и весь домъ его* (Іоан. IV, 51—54). Видишь ли, какъ открылось чудо? Не просто, не обыкновеннымъ образомъ отрокъ избавился отъ опасности, но вдругъ, такъ что, очевидно, это произошло не естественнымъ порядкомъ, а силою Христовою. Отрокъ, находясь при самыхъ дверяхъ смерти, какъ выражалъ это и самъ отецъ, сказавъ: *сниди, прежде даже не умретъ отроча мое*, — вдругъ освободился отъ болѣзни, что возбудило вниманіе и домашнихъ слугъ. Вѣроятно они вышли на встрѣчу не для того только, чтобы возвѣстить, но и потому, что пришествіе Іисуса считали уже излишнимъ: они вѣдь знали, что господинъ ихъ пошелъ къ Іисусу, почему и встрѣтились съ господиномъ на томъ же пути. Тогда-то человѣкъ этотъ, освободившись отъ страха, преклоняется наконецъ къ вѣрѣ; но желая показать, что это было слѣдствіемъ его путе-

шествія, онъ заботится и о томъ, какъ бы не сочли его труда излишнимъ; поэтому-то все тщательно хочетъ разузнать. *И вѣрова самъ и весь домъ его.* Доказательства (чуда) не подлежали уже никакому сомнѣнію. Хотя слуги его не присутствовали тамъ, не слышали бесѣды Христовой, не знали даже времени (когда она была), однако, узнавъ отъ господина своего, что это было въ то самое время, (когда исцѣленъ отрокъ), имѣли уже несомнѣнное доказательство силы Христовой: поэтому и они увѣровали.

Чему же изъ этого мы научаемся? Не ожидать чудесъ, не искать залоговъ Божіей силы. Я вижу, что и нынѣ многіе тогда только дѣлаются болѣе благочестивыми, когда или въ страданіяхъ сына, или въ болѣзни жены получатъ нѣкоторое утѣшеніе. А надобно, и не получая утѣшеній, всегда равно благодарить и славить Бога. Таково свойство рабовъ благомыслящихъ; рабамъ вѣрнымъ и любящимъ, какъ должно, своего Господа, свойственно прибѣгать къ Нему не только тогда, когда Онъ милуетъ ихъ, но и когда наказываетъ. И послѣднее есть дѣло божественнаго промышленія. *Егоже бо любитъ Господь, наказуетъ: біетъ же всякаго сына, егоже пріемлетъ* (Евр. xii, 6). Кто служитъ Ему только тогда, когда находится въ безопасности, тотъ показываетъ этимъ еще не большой знакъ любви и не чисто любитъ Христа. Но что я говорю о здравіи, изобиліи благъ, бѣдности или болѣзни? Если бы ты даже о гееннѣ услышалъ, или о другомъ какомъ-либо бѣдствіи, и тогда не переставай славословить Господа: все надобно терпѣть и переносить по любви къ Нему. Это долгъ рабовъ вѣрныхъ и души непоколебимой. Поступающій такимъ образомъ
203 и настоящія скорби легко перенесетъ, и будущія получитъ блага,
204 и великое дерзновеніе будетъ имѣть предъ Богомъ, чего и да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXVI.

Сіе паки второе знаменіе сотвори Іисусъ, пришедъ отъ Іудеи въ Галилею. По сихъ же бѣ праздникъ іудейскій, и взыде Іисусъ во Іерусалимъ (Іоан. iv, 54; v, 1).

203 1. Какъ въ золотыхъ рудникахъ опытный въ этомъ дѣлѣ не оставитъ безъ вниманія ни малѣйшей жилы, потому что она можетъ доставить великое богатство, такъ и въ божественныхъ Писаніяхъ не безвредно опускать даже одну черту или іоту, а надобно изслѣдовать все. Все въ нихъ сказано Духомъ Святымъ и ничего нѣтъ излишняго. Обрати же вниманіе и здѣсь на то,

что говоритъ евангелистъ: *сіе паки второе знаменіе сотвори Іисусъ, пришедъ отъ Іудеи въ Галилею.* Не напрасно прибавилъ: *второе,* а еще превозноситъ дивный поступокъ самарянъ, показывая, что жители Галилеи, даже послѣ второго знаменія, которое они видѣли, не достигли высоты тѣхъ (самарянъ), которые ничего не видѣли. *По сихъ же бѣ праздникъ іудейскій.* Какой праздникъ? Мнѣ кажется, праздникъ Пятидесятницы. *И взыде Іисусъ во Іерусалимъ.* Онъ часто приходилъ на праздники въ этотъ городъ, частію для того, чтобы казаться празднующимъ вмѣстѣ съ іудеями, а частію для того, чтобы привлекать къ Себѣ незлобивый народъ. Эти простосердечные люди наиболѣе сходились въ эти праздники. *Есть же во Іерусалимѣхъ овчая купѣль, яже глаголется еврейски Виѳезда, пять притворъ имущи. Въ тѣхъ слежаше множество болящихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, сухихъ, чающихъ движенія воды* (Іоан. v, 2, 3). Что это за способъ врачеванія? Какое здѣсь таинство намъ указывается? Не напрасно же и не безъ причины написано это; здѣсь какъ бы въ образѣ и подобіи представляется намъ будущее, чтобы, когда случится нѣчто весьма необычайное и неожиданное, не поколебалась у многихъ сила вѣры. Что же здѣсь изображается? Намѣреніе было даровать намъ крещеніе, имѣющее въ себѣ великую силу и величайшія блага, крещеніе, очищающее отъ всѣхъ грѣховъ и людей изъ мертвыхъ дѣлающее живыми. Вотъ это-то, какъ бы въ образѣ, и предъизображается здѣсь въ купѣли, какъ и во многихъ другихъ установленіяхъ. Такъ предварительно Богъ даровалъ воду, очищающую нечистоты тѣла, скверны не существенныя, а только кажущіяся таковыми,—каковы напр. отъ прикосновенія къ умершимъ, отъ проказы и отъ другихъ подобныхъ причинъ. Да и многое въ ветхомъ завѣтѣ, какъ видимъ, совершалось съ этою цѣлію посредствомъ воды. Но возвратимся къ своему предмету. Итакъ Богъ, какъ я сказалъ, установилъ сначала очищеніе посредствомъ воды нечистотъ тѣлесныхъ, а потомъ и различныхъ болѣзней. Желая привести насъ ближе и ближе къ благодати крещенія, Онъ врачуетъ уже не одни нечистоты, но и болѣзни. Дѣйствительно образы ближайшіе къ истинѣ [1]), какъ относительно крещенія, такъ и страданій и другихъ предметовъ, были вообще явственнѣе прообразовъ древнѣйшихъ. Какъ ближайшіе къ царю оруженосцы блистаютъ свѣтлѣе тѣхъ, которые отъ него стоятъ въ отдаленіи, такъ было и въ прообразованіяхъ. Ангелъ сходилъ и возмущалъ воду, и сообщалъ ей цѣлебную силу, чтобы внушить іедеямъ, что тѣмъ болѣе Господь ангеловъ можетъ

[1]) Т. е. по времени ближайшіе къ новому завѣту.

204 исцѣлять всѣ болѣзни душевныя. Но какъ здѣсь врачевала не просто естественная сила воды (иначе это бывало бы завсегда), но дѣйствіемъ ангела, такъ и надъ нами вода не сама по себѣ дѣйствуетъ, но когда восприиметъ благодать Духа, тогда и очищаетъ всѣ грѣхи. Около этой купѣли лежало великое множество больныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, сухихъ, ожидавшихъ движенія воды. Но тогда слабость была препятствіемъ для желающаго получить исцѣленіе, а нынѣ всякій свободно можетъ приступать. Не ангелъ воду возмущаетъ, а Господь ангеловъ совершаетъ все это. И уже не можетъ болящій сказать: *человѣка не имамъ; егда же прихожду азъ, инъ прежде мене слазитъ* (ст. 7). Но хотя бы стекалась вся вселенская, благодать не оскудѣваетъ и сила ея не истощается, а остается всегда одинакова, какъ и прежде. Какъ солнечные лучи свѣтятъ каждый день и не истощаются, и свѣтъ ихъ отъ изліянія на многіе предметы не уменьшается, такъ и еще болѣе сила Духа нисколько не уменьшается отъ множества пріемлющихъ ее. А такъ было для того, чтобы видѣвшіе, какъ водою могутъ быть исцѣляемы болѣзни тѣлесныя, и испытавшіе это въ теченіе долгаго времени, легче повѣрили, что могутъ быть исцѣляемы и болѣзни душевныя. Но для чего Іисусъ, оставивъ всѣхъ, подошелъ къ тому, который болѣлъ тридцать восемь лѣтъ? И для чего спрашиваетъ: *хощеши ли цѣлъ быти* (ст. 6)? Не для того, чтобы узнать объ этомъ (это было бы излишне), а чтобы обнаружить его терпѣніе и насъ вразумить, что поэтому-то именно Онъ, оставивъ другихъ, подошелъ къ нему. Чтоже больной? *Отвѣща ему и рече: ей, Господи, человѣка не имамъ, да, егда возмутится вода, ввержетъ мя въ купѣль: егдаже прихожду азъ, инъ прежде мене слазитъ* (ст. 7). Для того Христосъ и спросилъ: *хощеши ли цѣлъ быти*, чтобы мы узнали все это. Не сказалъ однакожъ ему: хочешь ли, Я исцѣлю тебя? — потому что тогда еще не имѣли о Немъ столь высокаго мнѣнія; а говоритъ: *хощеши ли цѣлъ быти?* Но изумительно терпѣніе разслабленнаго. Находясь въ болѣзни тридцать восемь лѣтъ и каждый годъ ожидая исцѣленія, онъ оставался тутъ и не отходилъ. Вѣдь если не продолжительность прошедшаго времени, то невѣрность будущаго могла бы отвлечь его отъ этого мѣста, когда бы онъ не былъ такъ терпѣливъ. Представь себѣ, какъ безъ сомнѣнія и другіе страждущіе тамъ были бдительны; да и
205 время, въ которое возмущалась вода, не было извѣстно. Впрочемъ хромые и увѣчные могли наблюдать; какъ же видѣли слѣпые? Они, можетъ быть, узнавали о движеніи воды изъ происходившаго при этомъ шума.

2. Итакъ устыдимся, возлюбленные, устыдимся и будемъ

оплакивать великое наше нерадѣніе. Тотъ тридцать восемь лѣтъ ожидалъ и не получалъ, чего желалъ, однако не отходилъ; и не получалъ не по собственному нерадѣнію, а потому, что находилъ препятствія со стороны другихъ и терпѣлъ насиліе; но при всемъ томъ не ослабѣвалъ духомъ. А мы, если только десять дней проведемъ въ ожиданіи того, чего усиленно просимъ и если не получимъ, то уже не расположены бываемъ употребить снова то же стараніе. Ради людей мы усердствуемъ столь долгое время, и служа въ войскахъ и тяжкія работы исправляя, и исполняя раболѣпныя услуги, хотя наконецъ часто теряемъ и самую недежду (на награду); а ради Господа нашего, отъ котораго, безъ сомнѣнія, можемъ получить награды гораздо больше самыхъ трудовъ (*упованіе не посрамитъ*, говоритъ Писаніе [Римл. v, 5]),—мы не стараемся показать надлежащее усердіе—мы не терпимъ. Какого же наказанія заслуживаетъ это? Хотя бы мы и ничего не получили отъ Него, одно продолжительное собесѣдованіе съ Нимъ не слѣдуетъ ли считать стоющимъ безчисленыхъ благъ? Но постоянная молитва, говоришь ты, трудное дѣло. А какое изъ добрыхъ дѣлъ, скажи мнѣ, не трудно? Да въ томъ-то, скажешь ты, и затрудненіе большое, что съ порокомъ сопряжено удовольствіе, а съ добродѣтелію трудъ. Я думаю, многіе на это ищутъ объясненія. Какая же тому причина? Вначалѣ Богъ даровалъ намъ жизнь, свободную отъ заботы и чуждую трудовъ; но мы не воспользовались, какъ должно этимъ даромъ, а развратились по нерадѣнію и лишились рая. Тогда-то Богъ содѣлалъ уже жизнь нашу многотрудною, и, въ оправданіе свое предъ родомъ человѣческимъ, какъ бы такъ говоритъ: Я даровалъ вамъ сначала наслажденія; но вы отъ своеволія содѣлались худшими; поэтому Я опредѣлилъ наложить на васъ труды и потъ. Когда же и труды не обуздали насъ, Онъ далъ законъ, содержащій въ себѣ заповѣди, наложивъ на насъ, какъ на коней неукротимыхъ, узды и путы, чтобы удержать порывы, какъ дѣлаютъ укротители коней. Вотъ почему жизнь наша сопряжена съ трудами, такъ какъ безъ трудовъ мы обыкновенно развращаемся. Природа наша не можетъ бездѣйствовать, а иначе легко преклоняется ко злу. Положимъ, напримѣръ, что человѣку цѣломудренному, или отличающемуся какою-либо другою добродѣтелію, не нужны были бы никакіе подвиги, а онъ бы и спалъ и однакожъ во всемъ успѣвалъ: къ чему бы привело такое ослабленіе? Не къ гордости ли и высокомѣрію? Да для чего же, говоришь ты, со зломъ сопряжено великое удовольствіе, а съ добродѣтелію великій трудъ и тягость? Но какая же была бы тебѣ и благодать, или за чтожъ бы ты получилъ награду, если бы это было дѣло не трудное? Я и теперь

могу указать многихъ такихъ, которые по природѣ отвращаются отъ общенія съ женщинами и убѣгаютъ, какъ чего-нибудь сквернаго, самой бесѣды съ ними; но скажи мнѣ, называть ли ихъ за то цѣломудренными и будемъ ли мы ихъ увѣнчивать и прославлять? Никакъ. Цѣломудріе есть воздержаніе и преодолѣніе похотей борьбою. Такъ и на войнѣ, чѣмъ сильнѣе битва, тѣмъ блистательнѣе тогда бываетъ и торжество, а не тогда, когда никто и рукъ не поднимаетъ. Есть много и смирныхъ по природѣ лю-
206 дей: можемъ ли называть ихъ кроткими? Никакъ. Такъ и Христосъ, говоря о трехъ родахъ скопцевъ, два изъ нихъ оставляетъ безъ вѣнцовъ, а одинъ вводитъ въ царствіе (Мате. XIX, 12). Да для чего, скажутъ, нужно зло? И я тоже говорю: но кто же виновникъ зла? Кто другой, какъ не наше произвольное нерадѣніе? Но надлежало бы быть, говоришь, однимъ добрымъ. А какое свойство добра? Трезвиться ли и бодрствовать, или спать и предаваться безпечности? А почему, скажешь, не признано за лучшее, чтобы добро дѣлалось безъ труда? Такія слова свойственны животнымъ и чревоугодникамъ, которые почитаютъ богомъ свое чрево. Что это слова лѣности, вотъ—суди: если бы гдѣ-нибудь были властитель и военачальникъ, и властитель бы спалъ или пиршествовалъ, а военачальникъ съ великими трудами одерживалъ бы побѣды: кому изъ нихъ ты вмѣнилъ бы славу? Кому принадлежалъ бы плодъ радостныхъ событій? Видишь, что душа болѣе расположена бываетъ къ тому, въ чемъ болѣе труждается. Потому и Богъ соединилъ съ добродѣтелію труды, желая прилѣпить къ ней душу. Потому-то мы удивляемся добродѣтели, хотя сами ея и не исполняемъ; а порокъ порицаемъ, хотя онъ кажется и весьма пріятенъ. Ты спросишь: почему мы не удивляемся людямъ добрымъ по природѣ, а болѣе тѣмъ, которые таковы по свободному произволенію? Это потому, что справедливость требуетъ предпочитать трудящагося нетрудящемуся. А почему, скажешь, мы нынѣ трудимся? Потому, что ты не хотѣлъ вести благоразумно жизнь безъ трудовъ. Если изслѣдовать внимательно, то вѣдь бездѣйствіе и безъ того обыкновенно развращаетъ насъ и причиняетъ много трудовъ. Напримѣръ, оставимъ въ заключеніи какого-нибудь человѣка и станемъ только кормить его и наполнять его чрево, не позволяя ему ни ходить, ни заниматься какимъ-либо дѣломъ; пусть онъ наслаждается трапезою и ложемъ и постоянно пресыщается: можетъ ли что быть несчастнѣе такой жизни? Но иное дѣло, скажешь, заниматься чѣмъ-нибудь, а иное—трудиться; вѣдь можно же было тогда [1]) дѣлать безъ трудовъ? Не такъ ли? Ко-

[1]) То есть въ первобытномъ состояніи.

нечно такъ; этого и Богъ хотѣлъ, да ты самъ не стерпѣлъ. Богъ повелѣлъ тебѣ воздѣлывать рай, назначивъ въ этомъ тебѣ занятіе, но не присоединивъ къ этому никакого труда; а если бы и вначалѣ у человѣка былъ трудъ, то послѣ Богъ не возложилъ бы на него труда въ видѣ наказанія. Можно дѣлать и нетруждаться, какъ то свойственно ангеламъ. А что они занимаются дѣломъ, послушай, какъ говоритъ о томъ Писаніе: *сильніи крѣпостію творящіи слово Его* (Пс. сп, 20). Теперь недостатокъ силы дѣлаетъ намъ много труда, а тогда этого не было, такъ какъ *вшедый въ покой Его*, говоритъ Писаніе, *почи отъ дѣлъ своихъ, яко же и отъ своихъ Богъ* (Евр. іv, 4), — разумѣя здѣсь не бездѣйствіе, а нетрудность дѣла. Богъ еще и нынѣ дѣйствуетъ, какъ говоритъ Христосъ: *Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ и Азъ дѣлаю* (Іоан. v, 17). Итакъ, убѣждаю васъ, отложивъ всякое нерадѣніе, поревновать о добродѣтели. Удовольствія порока кратковременны, а скорбь постоянна; отъ добродѣтели же напротивъ радость нескончаемая, а трудъ — только временный. Добродѣтель, еще прежде полученія вѣнцовъ, утѣшаетъ своего труженика, питая его надеждами, а порокъ, еще прежде наказанія, казнитъ своего послѣдователя, терзая и устрашая его совѣсть и заставляя на все смотрѣть съ подозрѣніемъ. А это не хуже ли самыхъ великихъ трудовъ, всякаго изнуренія? А если бы даже этого не было, а было бы одно удовольствіе, можетъ ли что быть ничтожнѣе такого удовольствія? Оно, какъ скоро является, такъ и исчезаетъ, увядая и убѣгая прежде, нежели успѣемъ возобладать имъ, разумѣть ли здѣсь удовольствія плоти, или роскоши, или богатство: вѣдь все это каждодневно не пере- 207
стаетъ старѣть. А когда послѣдуетъ еще и наказаніе и мученіе, — что можетъ быть несчастнѣе людей, предающихся пороку? Итакъ, зная это, будемъ терпѣть все ради добродѣтели; такимъ образомъ мы 208
сподобимся и истинной радости, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXVII.

Глагола ему Іисусъ: хощеши ли цѣлъ быти? Отвѣща Ему недужный: ей, Господи, человѣка не имамъ, да, егда возмутится вода, вверженъ мя въ купѣль (Іоан. V, 6, 7).

Великъ плодъ отъ божественныхъ Писаній и значительна 207
отъ нихъ польза. Павелъ, показывая это, говоритъ: *елика преднаписана быша, въ наше наказаніе преднаписашася, да терпѣніемъ и утѣшеніемъ Писаній упованіе имамы* (Рим. xv, 4). Слово боже-

ственное есть сокровищница всякаго рода врачествъ; такъ, нужно ли смирить надменность, или обуздать похоть, или подавить пристрастіе къ деньгамъ, или преодолѣть скорбь, или внушить благодушіе и расположить къ терпѣнію, для этого всякій можетъ найти тамъ великую помощъ. Кто изъ тѣхъ, которые борются съ продолжительнымъ убожествомъ, были одержимы тяжкою болѣзнію, прочитавъ предложенное теперь мѣсто, не получитъ великаго утѣшенія? Вотъ разслабленный, оставаясь въ такомъ положеніи тридцать восемь лѣтъ, видя каждый годъ, какъ другіе исцѣлялись, а онъ самъ все еще одержимъ болѣзнію, однако же не падалъ духомъ и не отчаивался, хотя не только безотрадное прошедшее, но и безнадежность въ будущемъ довольно могли поколебать его. Вотъ послушай, что онъ говоритъ, и пойми великость его страданія. Когда Христосъ сказалъ: *хощеши ли цѣлъ быти*, онъ отвѣчалъ: *ей, Господи, но человѣка не имамъ, да, егда возмутится вода, ввержетъ мя въ купѣль* Что можетъ быть жалостнѣе этихъ словъ? Что горестнѣе такого положенія? Видишь ли сердце сокрушенное отъ продолжительной немощи? Видишь ли, какъ обуздано было въ немъ всякое нетерпѣніе? Онъ не высказываетъ никакой хулы, какъ слышимъ отъ многихъ въ подобныхъ обстоятельствахъ; не проклинаетъ дня своего рожденія; не оскорбляется такимъ вопросомъ; не сказалъ: „Ты, вѣрно, пришелъ смѣяться и шутить надъ нами, когда спрашиваешь, хочу ли я быть здоровымъ", — но кротко и съ великою покорностію говоритъ: *ей, Господи*. Хотя онъ и не зналъ, кто былъ вопрошающій и намѣренъ ли былъ исцѣлить его, не смотря на то разсказываетъ все съ кротостію и ничего не требуетъ, какъ будто говорилъ съ врачемъ и хотѣлъ только разсказать о своей болѣзни. Можетъ быть надѣялся онъ получить отъ Христа только ту помощь, что онъ ввергнетъ его въ воду, и для того хочетъ расположить его къ себѣ такими словами. Что же Христосъ? Показывая, что Онъ можетъ все сдѣлать однимъ словомъ Своимъ, Онъ говоритъ: *возстани, возми одръ твой и ходи* (Іоан. v, 8). Нѣкоторые думаютъ, что этотъ разслабленный есть тотъ самый, о которомъ упоминается въ Евангеліи Матѳея (ix, 2 — 7); но это
208 не такъ, что ясно изъ многихъ обстоятельствъ. И во-первыхъ, изъ того, что при этомъ разслабленномъ не было никого изъ прислуживающихъ людей. Тотъ имѣлъ при себѣ многихъ людей, заботившихся о немъ и носившихъ его, а этотъ никого; потому и говорилъ: *человѣка не имамъ*. Во-вторыхъ, изъ самаго отвѣта: тотъ ничего не говоритъ, а этотъ разсказываетъ все, что его касается. Въ-третьихъ, изъ времени этого случая: этотъ исцѣленъ въ праздникъ и въ субботу, а тотъ въ другой день. Также

мѣсто того и другого различно: тотъ исцѣленъ въ домѣ, а этотъ при купѣли; да и способъ исцѣленія различенъ: тамъ (Христосъ) сказалъ: *чадо, отпущаются ти грѣси твои* (Матѳ. IX, 2), а здѣсь сначала укрѣпляетъ тѣло, потомъ уже прилагаетъ попеченіе о душѣ; тамъ прощеніе: *отпущаются*, говоритъ, *ти грѣси твои*, а здѣсь увѣщаніе и угроза, для предостереженія его на будущее время: *ктому не согрѣшай*, говоритъ, *да не горше ти что будетъ* (Іоан. V, 14). Притомъ и обвиненія отъ іудеевъ различны: здѣсь они осуждаютъ дѣланіе въ субботу, а тамъ обвиняютъ Его въ богохульствѣ. Но посмотри, какъ велика премудрость Божія. Христосъ не тотчасъ исцѣляетъ его, а сперва предрасполагаетъ его къ себѣ вопросомъ, пролагая въ немъ готовый путь вѣрѣ, и не только исцѣляетъ, но и повелѣваетъ взять свой одръ, чтобы и совершившееся чудо имѣло тѣмъ болѣе достовѣрности, и чтобы никто не считалъ этого событія призракомъ или обманомъ. Вѣдь если бы члены (тѣла) не укрѣпились твердо и вполнѣ, онъ не могъ бы понести одра. Такъ Христосъ и часто дѣлалъ, чтобы совершенно заградить уста безстыдныхъ. Такъ при чудѣ надъ хлѣбами, чтобы никто не могъ сказать, что народъ обыкновеннымъ образомъ насытился, и что чудо было только кажущееся, по устроенію Его оказалось еще много останковъ хлѣба. И прокаженному очистившемуся, Онъ говоритъ: *шедъ покажися іереови* (Матѳ. VIII, 4), чтобы чрезъ это дать болѣе точное доказательство очищенія, и вмѣстѣ заградить безстыдныя уста тѣхъ, которые называли Его противникомъ закону Божію. Подобнымъ образомъ Онъ поступилъ и при обращеніи воды въ вино: Онъ не просто показалъ вино, но и приказалъ отнести его къ распорядителю пира, такъ что тотъ, признавшись въ своемъ невѣдѣніи о случившемся, представилъ такимъ образомъ несомнѣнное свидѣтельство о чудѣ. Потому евангелистъ и сказалъ: *не вѣдяше архитриклинъ, откуду есть* (Іоан. II, 9), выражая тѣмъ неподкупность его свидѣтельства. И въ другомъ случаѣ, воскресивъ мертваго, Христосъ говоритъ: *дадите ему ясти* (Лук. VIII, 55), и въ этомъ даетъ видѣть признакъ истиннаго воскресенія. Всѣмъ этимъ Онъ убѣждалъ безсмысленныхъ, что Онъ былъ не обманщикъ какой-нибудь и не кудесникъ, но пришелъ для спасенія общаго естества человѣческаго.

2. Но почему Христосъ не требуетъ отъ разслабленнаго 209
вѣры, какъ это сдѣлалъ въ отношеніи къ слѣпымъ, которымъ сказалъ: *вѣруета ли, яко могу сіе сотворити* (Матѳ. IX, 28)? Потому, что разслабленный еще точно не зналъ, кто Онъ. Христосъ не прежде чудесъ, а послѣ нихъ обыкновенно дѣлалъ это. Тѣ, которые видѣли силу Его на другихъ, справедливо слышали отъ Него такой вопросъ, а тѣ, которые еще не знали Его, а должны

были узнать по знаменіямъ, уже послѣ чудесъ вопрошаются о вѣрѣ. Потому-то и Матѳей представляетъ Христа спрашивающимъ это у людей, не въ началѣ его чудотвореній, а когда Онъ уже многихъ исцѣлилъ, тогда и спрашиваетъ объ этомъ, и именно только двухъ слѣпцовъ. Но ты и такъ можешь видѣть вѣру разслабленнаго. Услышавъ слово: *возми одръ твой и ходи*, Онъ не посмѣялся и не сказалъ: что это значитъ? Ангелъ нисходитъ и возмущаетъ воду, и только одного исцѣляетъ, а ты, человѣкъ, неужели надѣешься сдѣлать больше ангеловъ однимъ повелѣніемъ и словомъ? Это — гордость, тщеславіе, насмѣшка. Но онъ ничего такого не сказалъ, даже не подумалъ, а, лишь только услышалъ, тотчасъ всталъ, и, получивъ здоровье, не ослушался даннаго ему повелѣнія: *возстани, возми одръ твой и ходи* (Іоан. v, 8). Удивительно и это; но послѣдующія обстоятельства еще гораздо удивительнѣе; или лучше сказать: что онъ увѣровалъ во Христа съ самаго начала, когда никто ему въ томъ не препятствовалъ, это не такъ удивительно; а что послѣ того, когда іудеи бѣсновались, со всѣхъ сторонъ наступали, осаждали и осуждали его и говорили: *не достоитъ ти взяти одра твоего* (ст. 10), онъ не только презираетъ ихъ бѣшенство, но и съ великимъ дерзновеніемъ, среди собранія народа, провозгласилъ о Благодѣтелѣ своемъ и заставилъ молчать ихъ безстыдный языкъ — это я признаю великимъ мужествомъ. Когда іудеи, окруживъ его, съ укоризною и наглостію говорили ему: *суббота есть, и не достоитъ ти взяти одра твоего,* — послушай, что онъ говоритъ: *иже мя сотвори цѣла, той мнѣ рече: возми одръ твой и ходи* (ст. 11); какъ бы такъ онъ говорилъ: вы говорите вздоръ и съ ума сходите, запрещая мнѣ считать учителемъ Того, Кто исцѣлилъ меня отъ столь продолжительной и тяжкой болѣзни, и повиноваться Ему во всемъ, что Онъ ни повелитъ мнѣ. А если бы онъ хотѣлъ поступить коварно, то могъ бы и иначе сказать, — напримѣръ, что я это дѣлаю не по своей волѣ, а по приказанію другого; если это грѣхъ, то обвиняйте приказавшаго мнѣ, а я оставлю свой одръ. Онъ могъ бы и скрыть чудо исцѣленія. Онъ ясно видѣлъ, что они досадуютъ не столько за нарушеніе субботы, сколько за исцѣленіе болѣзни. Но онъ и не скрылъ чуда, и не сказалъ такихъ словъ, и не просилъ у нихъ прощенія; онъ громкимъ голосомъ признавалъ и провозглашалъ оказанное ему благодѣяніе. Такъ поступилъ разслабленный; но посмотри, какъ злобно они дѣйствовали. Они не спрашиваютъ: кто Онъ, исцѣлившій тебя? Они молчали объ этомъ, а всячески выставляютъ на видъ кажущееся преступленіе: *кто есть человѣкъ, рекій ти: возми одръ твой, и ходи? Исцѣлѣвый же не вѣдяше, кто есть: Іисусъ бо уклонися,*

народу сущу на мѣстѣ (ст. 12, 13). Для чего же Христосъ скрылся? 210
Во-первыхъ, для того, чтобы въ отсутствіе Его свидѣтельство было свободно отъ всякаго подозрѣнія: получившій чувство здоровья былъ конечно достовѣрнымъ свидѣтелемъ благодѣянія. Во-вторыхъ, для того, чтобы еще болѣе не возжечь гнѣва ихъ: Онъ зналъ, что и одинъ видъ человѣка ненавистнаго не мало воспламеняетъ ненавидящихъ. Поэтому, уклонившись, Онъ оставляетъ дѣло само за себя дѣйствовать предъ ними, такъ что уже не Онъ самъ говоритъ что-либо о Себѣ, а исцѣленные Имъ, вмѣстѣ же съ ними и сами обвинители. И они также съ своей стороны даютъ свидѣтельство о чудѣ, потому что не говорили: почему ты повелѣваешь дѣлать это въ субботу? а: почему ты дѣлаешь это въ субботу? Они негодуютъ не за преступленіе, а завидуютъ исцѣленію разслабленнаго. Между тѣмъ, если тутъ было человѣческое дѣло, оно было въ томъ, что дѣлалъ разслабленный; а со стороны Христа было только слово и повелѣніе. Такимъ образомъ здѣсь Христосъ повелѣваетъ другому нарушить субботу, а въ иныхъ случаяхъ Онъ самъ дѣлаетъ это, напр., когда бреніемъ отъ плюновенія помазываетъ очи. Но Онъ дѣлаетъ это, не преступая законъ, а поступая выше закона. Впрочемъ, объ этомъ послѣ. Не во всѣхъ случаяхъ одинаковымъ образомъ Онъ оправдывается, когда обвиняютъ Его въ нарушеніи субботы, и это надобно замѣтить тщательно.

3. Между тѣмъ посмотримъ, насколько великое зло—зависть, и какъ она ослѣпляетъ душевныя очи вопреки собственной пользѣ самого одержимаго ею. Какъ бѣснующіеся часто обращаютъ мечи на самихъ себя, такъ и завистливые, имѣя въ виду только одно—вредъ тому, кому завидуютъ, теряютъ собственное спасеніе. Они хуже дикихъ звѣрей; звѣри нападаютъ на насъ, или имѣя недостатокъ въ пищѣ, или будучи напередъ нами самими раздражены; а тѣ, и будучи облагодѣтельствованы, часто поступаютъ съ благодѣтелями, какъ съ врагами. Такъ они хуже дикихъ звѣрей и подобны бѣсамъ, а можетъ быть и ихъ хуже. Бѣсы имѣютъ непримиримую вражду только противъ насъ, а не дѣлаютъ козней противъ подобныхъ себѣ по естеству: этимъ-то и Христосъ заградилъ уста іудеямъ, когда они говорили, что Онъ изгоняетъ бѣсовъ силою Веельзевула. Но завистливые не уважаютъ и единства природы, да не щадятъ и самихъ себя: еще прежде, чѣмъ повредятъ тому, кому завидуютъ, они мучатъ собственныя свои души, наполняя ихъ напрасно и безъ нужды всякимъ безпокойствомъ и недовольствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, для чего ты скорбишь, видя благополучіе ближняго? Скорбѣть, конечно, слѣдуетъ намъ, когда мы сами терпимъ зло, а не тогда, когда видимъ

благополучіе другихъ. Потому грѣхъ этотъ не можетъ имѣть
никакого извиненія. Блудникъ еще можетъ указывать на похоть,
воръ на бѣдность, человѣкоубійца на раздраженіе: хотя и эти
извиненія пусты и неосновательны, но все же могутъ имѣть
видъ оправданія. А ты какую представишь причину, — скажи
мнѣ? Совершенно никакой, кромѣ одной крайней злобы. Если
намъ повелѣно любить враговъ, а мы ненавидимъ и любящихъ
насъ, то какому подвергнемся наказанію? Если любящій любящихъ
его ничѣмъ не лучше язычниковъ, то злобствующій противъ
людей, ничѣмъ не оскорбившихъ его, какое можетъ получить
прощеніе, какое помилованіе? Послушай, что говоритъ Павелъ:
*аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е, любве же не имамъ, никая
польза ми есть* (1 Кор. xiii, 3). А что тамъ, гдѣ зависть и ненависть,
уже вовсе нѣтъ любви, это всякому ясно. Зависть хуже и блуда
211 и прелюбодѣянія; эти пороки ограничиваются тѣми, которые дѣ-
лаютъ ихъ, а преобладаніе зависти ниспровергало цѣлыя церкви
и дѣлало зло всей вселенной; она мать убійства. Такъ Каинъ
убилъ брата; такъ Исавъ хотѣлъ убить Іакова; такъ Іосифа —
братья; такъ всѣхъ людей—діаволъ. Ты не убиваешь: да ты дѣ-
лаешь многое еще хуже убійства, когда напримѣръ желаешь,
чтобы братъ твой потерпѣлъ безчестіе, когда со всѣхъ сторонъ
разставляешь ему сѣти, разстроиваешь его труды, подъятые имъ
ради добродѣтели, досадуешь, что онъ угоденъ Господу вселен-
ной. Такимъ образомъ ты уже враждуешь не противъ него, а
противъ Того, кому онъ служитъ; Его оскорбляешь, когда соб-
ственную свою честь поставляешь выше Его чести; а что всего
ужаснѣе, — грѣхъ этотъ ты считаешь безразличнымъ, тогда какъ
онъ тяжелѣе всѣхъ другихъ. Хотя бы ты подавалъ милостыни,
хотя бы велъ трезвую жизнь, хотя бы постился, но ты преступнѣе
всѣхъ, если завидуешь брату своему. Это очевидно изъ слѣдую-
щаго: у коринеянъ нѣкто впалъ въ любодѣяніе, но будучи
обличенъ, скоро исправился; Каинъ позавидовалъ Авелю и
не исправился, но даже, когда Богъ непрестанно напоминалъ
ему объ его болѣзни, онъ еще болѣе мучился завистію, раз-
212 дражался и устремлялся на убійство. Такъ нѣтъ ничего упор-
нѣе этой страсти, и не легко она уступаетъ врачеванію, если
мы не будемъ внимательны. Потому исторгнемъ ее изъ себя
съ корнемъ, представляя себѣ то, что какъ мы оскорбляемъ Бога,
завидуя чужому добру, такъ благоугождаемъ Ему, сорадуясь
другимъ, и себя дѣлаемъ участниками благъ, уготованныхъ лю-
дямъ добродѣтельнымъ. Потому и Павелъ увѣщеваетъ радоваться
съ радующимися и плакать съ плачущими, чтобы отъ того и
другого получить намъ великую пользу (Рим. xii, 15). Итакъ,

помня, что, хотя бы мы сами и не трудились, а только сочувствовали трудящемуся, мы можемъ раздѣлять съ нимъ вѣнцы его, оставимъ всякую зависть и насадимъ въ душахъ нашихъ любовь, чтобы, сорадуясь благополучію братій нашихъ, мы могли сподобиться благъ настоящихъ и будущихъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXVIII.

Потомъ же обрѣте его Іисусъ въ церкви и рече ему: се здравъ еси; къ тому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ (Іоан. v, 14).

Тяжкое зло — грѣхъ, зло и пагуба для души; а слишкомъ 211
усиливаясь, это зло часто касается и тѣла. Мы остаемся безчувственными, когда въ насъ сильно страждетъ душа, а когда тѣло получаетъ хотя малое повреждeніе, то употребляемъ всѣ усилія, чтобы излѣчить его отъ недуга, потому что чувствуемъ боль. Поэтому-то Богъ часто наказываетъ тѣло за грѣхи души, чтобы отъ наказанія низшей части и высшая получила какое-нибудь врачеваніе. Такъ у коринѳянъ Павелъ исправилъ блудника, удержавъ болѣзнь души казнію тѣла; онъ прекратилъ зло, поразивъ тѣло, — подобно тому, какъ хорошій врачъ, если водяная болѣзнь или боль въ печени не уступаетъ внутреннимъ лѣкарствамъ, дѣлаетъ прижиганія снаружи. Такъ и Христосъ поступилъ съ разслабленнымъ. Вотъ какъ Онъ самъ выражаетъ это, когда говоритъ: *се здравъ еси; къ тому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ*. Чему же мы отсюда научаемся? Во-первыхъ, что болѣзнь произошла у него отъ грѣховъ; во-вторыхъ, что ученіе о геннѣ справедливо; и въ-третьихъ, что наказаніе въ ней будетъ продолжительно, безконечно. Гдѣ же тѣ, которые говорятъ: я въ одинъ часъ совершилъ убійство, я краткое время любодѣйствовалъ, и неужели буду наказываться вѣчно? Вотъ и разслабленный не столько лѣтъ грѣшилъ, сколько терпѣлъ наказаніе, и почти цѣлую жизнь человѣческую провелъ въ непрерывномъ мученіи. Грѣхи судятся не по времени, а по самому существу преступленій. При этомъ надобно принять во вниманіе и то, что, хотя бы мы претерпѣвали тяжкое наказаніе за прежніе свои грѣхи, но, если снова впадемъ въ тѣ же пороки, то подвергнемся снова и еще тягчайшему наказанію; и это совершенно справедливо. Кто даже отъ наказанія не дѣлается лучшимъ, тотъ, какъ без-

чувственный и презритель, предается еще большей казни. И одно наказаніе само по себѣ достаточно должно быть для удержанія и вразумленія падшаго однажды; но если онъ, не вразумившись отъ понесеннаго наказанія, снова дерзаетъ на то же самое, то по справедливости снова подвергается наказанію, которое самъ
212 на себя навлекаетъ. Если же мы, и здѣсь, послѣ наказанія за грѣхи впадая снова въ тѣ же грѣхи, подвергаемся уже тягчайшему наказанію, то не должны ли мы тѣмъ болѣе страшиться и трепетать въ ожиданіи будущихъ нестерпимыхъ мукъ, когда, и согрѣшая, мы здѣсь не терпимъ никакого наказанія? Почему же, ты скажешь, не всѣ такимъ образомъ наказываются? Вѣдь мы видимъ многихъ порочныхъ людей, которые хорошее имѣютъ здоровье и въ крѣпости силъ наслаждаются благоденствіемъ. Но мы не должны полагаться на это, а поэтому-то больше и надобно оплакивать такихъ людей. Что они здѣсь ничего не терпятъ, это и есть залогъ тягчайшаго тамъ наказанія. Изъясняя это, Павелъ говоритъ: *судими же нынѣ отъ Господа, наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. xi, 22). Здѣсь — только вразумленіе, тамъ — наказаніе. Что же, скажешь ты, неужели всѣ болѣзни отъ грѣховъ? Не всѣ, но большая часть. Нѣкоторыя бываютъ и отъ безпечности. Чревоугодіе, пьянство и бездѣйствіе также производятъ болѣзни. Одно только надобно всегда соблюдать, чтобы всякій ударъ переносить съ благодарностію. Бываютъ болѣзни и за грѣхи; такъ видимъ въ книгахъ Царствъ, что нѣкто страдалъ болѣзнію ногъ именно по этой причинѣ. Случаются болѣзни и для испытанія нашего въ добрѣ, какъ Богъ говоритъ Іову: *мниши ли Мя инако тебѣ сотворша, развѣ да явишися праведнъ* (Іов. xl, 3)? Но почему этимъ разслабленнымъ Христосъ выставляетъ на видъ ихъ грѣхи? И тому, о которомъ упоминаетъ Матѳей, онъ говоритъ: *дерзай, чадо, отпущаются ти грѣси твои* (Матѳ. ix, 2), и этому: *се здравъ еси, къ тому не согрѣшай.* Знаю, что нѣкоторые говорятъ въ осужденіе этого разслабленнаго, будто онъ былъ послѣ въ числѣ обвинителей Іисуса Христа, и потому-то услышалъ отъ Него такія слова, но что сказать о томъ, который, по свидѣтельству Матѳея, услышалъ почти тѣ же самыя слова? И ему сказано: *отпущаются ти грѣси твои;* но услышалъ онъ это не по той же причинѣ, какъ можно яснѣе видѣть изъ послѣдующаго. Евангелистъ говоритъ, что послѣ исцѣленія *Іисусъ обрѣте его въ церкви* (v, 14), — а это знакъ великаго благочестія: онъ не ходилъ на торжища и гульбища, не предавался объяденію или безпечности, а проводилъ время въ храмѣ; хотя долженъ былъ терпѣть тамъ насиліе и гоненіе отъ всѣхъ, но
213 это нисколько не побудило его удалиться отъ храма. Итакъ Хри-

стосъ, встрѣтивъ его послѣ разговора съ іудеями, не сдѣлалъ никакого намека на что-либо подобное; если бы Онъ хотѣлъ обличить его, то сказалъ бы ему: ты опять принимаешься за прежнее, и послѣ исцѣленія не сдѣлался лучшимъ? Но ничего такого Онъ не сказалъ, а только предостерегаетъ его на будущее время.

2. Почему же, исцѣляя хромыхъ и увѣчныхъ, Онъ не напоминалъ имъ объ этомъ? Мнѣ кажется, что болѣзни у разслабленныхъ происходили отъ грѣховъ, а у прочихъ — отъ естественной немощи. Если же это не такъ, то чрезъ нихъ и то, что сказано имъ, сказано было и другимъ. Такъ какъ эта болѣзнь тяжелѣе всѣхъ другихъ, то чрезъ большую врачуются и меньшія. Какъ, исцѣливъ нѣкоего другого, Христосъ повелѣлъ ему воздать славу Богу, внушая это не ему одному, а чрезъ него и всѣмъ другимъ, такъ и здѣсь чрезъ разслабленныхъ увѣщеваетъ и всѣхъ прочихъ, и внушаетъ то же, что имъ сказалъ. Къ этому надобно и то сказать, что Онъ видѣлъ въ душѣ разслабленнаго великое терпѣніе, и потому даетъ ему наставленіе, какъ человѣку, могущему принять увѣщаніе, ограждая его здоровье и благодѣяніемъ и страхомъ будущихъ золъ. И посмотри, какъ Христосъ былъ чуждъ тщеславія. Онъ не сказалъ: вотъ, Я сдѣлалъ тебя здоровымъ. А сказалъ: вотъ, ты теперь здоровъ; впредь не грѣши. Не говоритъ также: не грѣши, чтобы Я не наказалъ тебя; а только: *да не горше ти что будетъ*. То и другое выражаетъ безлично; и притомъ показываетъ, что здоровье возвращено ему болѣе по благодати, нежели по заслугамъ. Не подаетъ вида, что онъ освобожденъ отъ наказанія по достоинству, а выражаетъ, что онъ спасенъ по человѣколовѣколюбію. Въ противномъ случаѣ сказалъ бы: вотъ, ты понесъ уже достаточное наказаніе за свои грѣхи: будь же впередъ остороженъ. Но Онъ не такъ сказалъ, а какъ? *Се здравъ еси, къ тому не согрѣшай*. Это должны мы повторять чаще и самимъ себѣ, и когда будемъ наказаны и освободимся отъ наказанія, то каждый пусть говоритъ самому себѣ: *се здравъ еси, къ тому не согрѣшай*. А если, и продолжая грѣшить, мы не подвергаемся наказанію, то станемъ повторять слѣдующее апостольское изреченіе: *яко благость Божія на покаяніе насъ ведетъ: по жестокости же и непокаянному сердцу нашему собираемъ себѣ гнѣвъ* (Рим. II, 5). Но Христосъ не только укрѣпленіемъ тѣла, а еще и другимъ способомъ явилъ разслабленному важное доказательство Своего божества. Словами: *къ тому не согрѣшай* Онъ показалъ, что знаетъ всѣ прежде бывшія согрѣшенія его, а потому слѣдуетъ вѣровать Ему и относительно будущаго. *Иде же человѣкъ, и повѣда Іудеомъ, яко Іисусъ есть, иже мя сотвори цѣла* (Іоан. V, 15). Посмотри, какъ онъ и въ этомъ

случаѣ сохраняетъ то же чувство признательности. Онъ не говоритъ, что Іисусь есть тотъ мужъ, который сказалъ ему: *возьми одръ твой*, потому что іудеи постоянно выставляли это на видъ, какъ преступленіе, а онъ продолжаетъ свое оправданіе, объявляя своего Исцѣлителя, стараясь и другихъ привлечь и приблизить къ Нему. Онъ не былъ такъ безчувственъ, чтобы, послѣ столь великаго благодѣянія и увѣщанія, предать своего Благодѣтеля и говорить это съ злымъ намѣреніемъ. Если бы онъ былъ даже дикимъ звѣремъ, если бы былъ безчеловѣчнымъ и каменнымъ, то это благодѣяніе и страхъ достаточны были бы удержать его. Въ ушахъ его еще звучала угроза, и потому онъ боялся, чтобы не потерпѣть чего-либо худшаго, имѣя столь великія доказательства силы Врача. Иначе, если бы онъ захотѣлъ клеветать, то, умолчавъ объ исцѣленіи, сказалъ бы только о преступленіи закона и сталъ бы обвинять. Но этого нѣтъ; напротивъ, онъ съ великимъ
214 дерзновеніемъ и благодарностію прославляетъ своего Благодѣтеля нисколько не меньше слѣпого. Что говорилъ слѣпой? *Сотвори бреніе и помаза ми очи*. И расслабленный также: *Іисусъ есть, иже мя сотвори цѣла. И сего ради гоняху Іисуса іудее, и искаху Его убити, зане сія творяше въ субботу* (Іоан. v, 16). Чтоже Христосъ? *Отецъ Мой*, говоритъ Онъ, *доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (ст. 47). Когда ему нужно было защищать Своихъ учениковъ, тогда Онъ указывалъ на Давида, какъ на подобнаго имъ раба: *нѣсте ли чли, что сотвори Давидъ, егда взалка самъ и сущіи съ нимъ* (Матѳ. xii, 3)? А когда дѣло касается Его самого, Онъ обращается къ Отцу, двоякимъ образомъ показывая Свое равенство съ Нимъ,—и тѣмъ, что насываетъ Его въ собственномъ смыслѣ Своимъ *Отцемъ*, и тѣмъ, что представляетъ Себя дѣлающимъ заодно съ Нимъ. Почему же Онъ не упомянулъ о случившемся въ Іерихонѣ? Потому, что хотѣлъ возвести ихъ отъ земли, чтобы они внимали Ему уже не какъ человѣку, а какъ Богу и Законодателю. Но если бы Онъ не былъ истиннымъ Сыномъ и Единосущнымъ, то оправданіе было бы еще хуже обвиненія, похоже на то, какъ если бы какой-нибудь начальникъ, преступивъ царскій законъ и потомъ будучи обвиняемъ, сталъ въ оправданіе свое говорить, что и самъ царь нарушаетъ его; этимъ онъ не только не избѣжалъ бы осужденія, а еще увеличилъ бы свою вину. Но здѣсь достоинство равное, потому и оправданіе представлено совершенно твердое. Чего, говоритъ Онъ, вы не поставляете въ вину Богу, въ томъ не можете обвинять и Меня. Потому-то, предупреждая ихъ, Онъ и сказалъ: *Отецъ Мой*, чтобы заставить ихъ, и противъ ихъ воли, допустить для Него тоже самое (что и для Бога—Отца), по уваженію къ Его совершенному единенію съ Отцемъ. Если

же кто скажетъ: какъ дѣлаетъ Отецъ, когда Онъ въ день седьмый почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, — тотъ пусть узнаетъ образъ Его дѣланія. Какимъ же образомъ Онъ дѣлаетъ? Промышленіемъ, сохраненіемъ всего сотвореннаго. Когда ты видишь восходящее солнце, бѣгущую луну, озера, источники, рѣки, дожди и движеніе природы—въ сѣменахъ, въ тѣлахъ нашихъ и въ безсловесныхъ животныхъ, и все прочее, чѣмъ держится вселенная, то и познавай въ этомъ непрестающее дѣланіе Отца; Онъ, говоритъ Христосъ, *солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (Мат. v, 45); и еще: *аще же сѣно сельное, днесь суще, и утрѣ въ пещь вметаемо, Богъ тако одѣваетъ* (Мат. vi, 30); также, и о птицахъ бесѣдуя, говоритъ: *Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ* (ст. 26).

3. Итакъ, въ этомъ случаѣ все дѣло Его въ субботу заключалось только въ однихъ словахъ, и Онъ ничего болѣе не присовокупилъ, а тѣмъ самымъ, что совершается въ храмѣ и что сами они дѣлаютъ, онъ опровергъ обвиненія. А если Онъ повелѣлъ и дѣло сдѣлать, именно взять одръ, что впрочемъ само по себѣ не заключаетъ никакого важнаго дѣла, а казалось только явнымъ нарушеніемъ субботы, то Онъ при этомъ обращаетъ слово къ высшему предмету, желая сильнѣе поразить ихъ достоинствомъ Отца Своего и возвести къ высшимъ понятіямъ. Потому-то, когда была рѣчь о субботѣ, Онъ защищалъ Себя, не какъ только человѣкъ и не какъ Богъ только, но иногда какъ Богъ, иногда какъ человѣкъ: хотѣлъ увѣрить ихъ въ томъ и другомъ,—и въ уничиженіи Своего вочеловѣченія, и въ достоинствѣ божескомъ. Въ настоящемъ случаѣ Онъ защищаетъ Себя, какъ Богъ; если бы Онъ сталъ постоянно говорить съ ними только какъ человѣкъ, то они и остались бы навсегда съ мыслію объ одномъ уничиженіи Его. Но, чтобы этого не было, Онъ указываетъ имъ Своего Отца. Хотя и самое твореніе дѣйствуетъ въ субботу,—такъ солнце совершаетъ свой бѣгъ, рѣки текутъ, источники изливаются, жены рождаютъ,—но, чтобы ты зналъ, что Онъ 215
не принадлежитъ къ твари, Онъ не сказалъ: Я дѣлаю, какъ и тварь дѣлаетъ; а какъ? *Азъ дѣлаю*, потому что и *Отецъ мой дѣлаетъ. И сего ради*, говоритъ евангелистъ, *паче искаху Его іудее убити, яко не токмо разоряше субботу, но и отца своего глаголаше Бога, равенъ ся творя Богу* (Іоан. v, 18). Но это равенство было не кажущееся только,—не словами одними Онъ доказываетъ это, а преимущественно дѣлами. Почему такъ? Потому, что слова одни могли опровергать и обвинять Его въ тщеславіи, а видя истину, открывающуюся въ событіяхъ, и силу Его, являемую дѣлами, они уже ничего не могли сказать вопреки Ему. Но не хотящіе

допустить это по неблагомыслію говорятъ, что Христосъ не самъ дѣлалъ Себя равнымъ Богу, а только іудеи подозрѣвали Его въ этомъ. Но пересмотримъ все вышесказанное. Скажи же мнѣ: гнали Его іудеи, или не гнали? Всякому ясно, что гнали. А за это ли гнали, или за что другое? Всѣ также согласны, что за это. Нарушалъ ли Онъ субботу, или не нарушалъ? И этого, конечно, никто не станетъ отвергать. Называлъ Бога Отцемъ Своимъ, или не называлъ? И это вѣрно. Подобнымъ образомъ можно вывести заключеніе и о послѣдующемъ. Какъ то, что Онъ называлъ Бога Отцемъ Своимъ, нарушалъ субботу и былъ гонимъ іудеями за послѣднее, а преимущественно за первое, не есть одно ложное подозрѣніе, а дѣйствительная истина, такъ и то, что Онъ дѣлалъ Себя равнымъ Богу, въ такомъ же высказано было смыслѣ. А еще яснѣе это можно видѣть изъ сказанныхъ предъ этимъ словъ. Слова: *Отецъ Мой дѣлаетъ и Азъ дѣлаю* выражаютъ именно равенство съ Богомъ; Онъ при этомъ не показываетъ никакого различія, не говоритъ: Отецъ дѣлаетъ, а Я служу Ему въ дѣлахъ; Онъ говоритъ: какъ Отецъ дѣлаетъ, такъ и Я, — и такимъ образомъ выражаетъ совершенное равенство. Если бы Онъ не самъ хотѣлъ выразить это, а только іудеи такъ напрасно думали, то Онъ не оставилъ бы ихъ въ такомъ погрѣшительномъ мнѣніи, а исправилъ бы его; да и евангелистъ не умолчалъ бы, а сказалъ бы ясно, что іудеи такъ думали, самъ же Христосъ не дѣлалъ Себя равнымъ Богу,—какъ это находимъ въ другихъ мѣстахъ, когда евангелистъ видѣлъ, что иначе было сказано, а иначе понято сказанное; напримѣръ: *разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю*, говорилъ Христосъ, разумѣя собственное тѣло; а іудеи, не понявъ этого и думая, что Онъ говоритъ объ іудейскомъ храмѣ, сказали: *четыредесять и шестію лѣтъ создана бысть церковь сія, и Ты ли треми денми воздвигнеши ю* (Іоан. II, 19, 20)? Онъ говорилъ то, а они предполагали другое; Онъ говорилъ о тѣлѣ Своемъ, а они думали, что это сказано о храмѣ ихъ. Евангелистъ, замѣчая это, или лучше исправляя мнѣніе ихъ, присовокупилъ: *Онъ же глаголаше о церкви тѣла своего* (ст. 21). Такъ и здѣсь, если бы Христосъ не дѣлалъ Себя равнымъ Богу и не хотѣлъ доказывать этого, а только іудеи такъ думали, то евангелистъ исправилъ бы и здѣсь ихъ мысль и сказалъ бы: іудеи думали, что Онъ дѣлаетъ Себя равнымъ Богу, а Онъ говорилъ не о равенствѣ. Да и не одинъ только этотъ
216 евангелистъ въ данномъ мѣстѣ, но и другой, при другомъ случаѣ, дѣлаетъ тоже самое. Когда Іисусъ Христосъ заповѣдывалъ ученикамъ: *внемлите отъ кваса фарисейска и саддукейска,—они помышляху въ себѣ глаголюще, яко хлѣбы не взяхомъ* (Матѳ. XVI, 6, 7). Онъ

говорилъ одно, называя закваскою ученіе, а ученики подразумѣвали другое, думая, что Онъ говоритъ о хлѣбахъ. И это исправляетъ уже не евангелистъ, а самъ Христосъ, говоря такъ: *како не разумѣете, яко не о хлѣбѣхъ рѣхъ вамъ внимати* (ст. 11)? Здѣсь же нѣтъ ничего подобнаго. Но самъ Христосъ, скажутъ, опровергаетъ это, когда присовокупляетъ: *не можетъ Сынъ творити о себѣ ничесоже* (Іоан. V, 19). Нѣтъ, возлюбленный, Онъ дѣлаетъ совершенно противное; Онъ не опровергаетъ, а подтверждаетъ этими словами равенство. Слушайте внимательнѣе,—это предметъ не маловажный. Выраженіе: *о себѣ* часто встрѣчается въ Писаніи и о Сынѣ и о Святомъ Духѣ, и потому надобно понять силу этого изреченія, чтобы не впасть въ величайшія погрѣшности. Если принимать его такъ, какъ оно есть и какъ съ перваго раза представляется, то смотри, какая выйдетъ отсюда нелѣпость. Да Онъ и не сказалъ, что Сынъ иное можетъ дѣлать самъ по себѣ, а иное не можетъ; но сказалъ вообще: *не можетъ Сынъ творити о себѣ ничесоже.*

4. Спросимъ же возражающаго: итакъ, скажи мнѣ, уже ли Сынъ ничего не можетъ дѣлать самъ по себѣ? Если скажешь, что *ничего*, тогда мы затѣтимъ, что величайшее благое дѣло Онъ и совершилъ самъ по себѣ, какъ и Павелъ восклицаетъ, говоря: *иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу, но Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ* (Фил. II, 6, 7). И опять самъ Христосъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *область имамъ положити душу Мою, и область имамъ паки пріяти ю*; *и никтоже возметъ ю отъ Мене*: *Азъ полагаю ю о себѣ* (Іоан. X, 18). Видишь ли, что Онъ имѣетъ власть надъ смертію и жизнію, и самъ совершилъ такое великое домостроительство? Да что я говорю о Христѣ? И мы, люди, которыхъ ничего не можетъ быть немощнѣе, дѣлаемъ многое сами по себѣ, зло избираемъ сами по себѣ, добродѣтели слѣдуемъ сами по себѣ. А если не сами по себѣ, и не имѣемъ въ томъ власти, то, значитъ, мы и за грѣхи уже не будемъ ввержены въ геенну, и за добродѣтели не наслѣдуемъ царствія. Итакъ слова: *о себѣ не можетъ творити ничесоже* означаютъ только то, что Онъ не дѣлаетъ ничего противнаго Отцу, ничего чуждаго Ему, ничего несообразнаго, а это еще болѣе показываетъ между Ними равенство и совершенное согласіе. Почему же Онъ не сказалъ, что ничего противнаго не дѣлаетъ, а сказалъ: *не можетъ* дѣлать? Чтобы и этимъ опять показать неизмѣнность и совершенство равенства. Это выраженіе означаетъ не безсиліе Его, а напротивъ, свидѣтельствуетъ о великой Его силѣ, подобно тому, какъ и объ Отцѣ Павелъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *да двѣма вещми неприложенными, въ нихже невоз-*

можно солгати Богу (Евр. vi, 18); также: *аще не вѣруемъ, Онъ вѣренъ пребываетъ: отрещися Себе не можетъ* (2 Тим. ii, 13). Здѣсь выраженіе—*не можетъ* отнюдь не означаетъ безсилія, а означаетъ силу, и силу неизреченную. Именно слова апостола имѣютъ такой смыслъ, что существо божественное недоступно никакимъ подобнымъ слабостямъ. Когда и мы говоримъ, что Богъ не можетъ грѣшить, то не слабость Ему приписываемъ, а свидѣтельствуемъ о нѣкоторой неизреченной Его силѣ; такъ, когда и онъ самъ
217 говоритъ: *не могу о себѣ творити ничесоже*, выражаетъ то, что ему невозможно и несвойственно дѣлать что-нибудь противное Отцу. А чтобы убѣдиться въ точности этого смысла словъ Его, обратимся къ послѣдующимъ словамъ и посмотримъ, чье мнѣніе подтверждаетъ самъ Христосъ, наше ли, или ваше. Ты говоришь, что это выраженіе исключаетъ власть и свойственную Ему самостоятельность, и показываетъ слабость силы; а я говорю, что оно означаетъ равенство, неизмѣнность и какъ бы дѣйствіе одной воли, власти и силы. Итакъ, вопросимъ самого Христа и посмотримъ изъ послѣдующихъ словъ Его, по твоимъ ли мыслямъ, или по нашимъ Онъ изъясняетъ сказанное. Что же Онъ говоритъ? *Яже бо Отецъ творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ* (Іоан. v, 19). Видишь ли, какъ Онъ до основанія ниспровергаетъ ваше мнѣніе и подтверждаетъ сказанное нами? Если Онъ самъ отъ Себя не дѣлаетъ ничего, то, значитъ, и Отецъ также самъ отъ Себя ничего не дѣлаетъ, потому что Сынъ дѣлаетъ все такъ, какъ Отецъ. А если это не такъ, то выйдетъ и другая нелѣпость. Онъ не говоритъ, что Онъ только то дѣлаетъ, что видитъ творящимъ Отца, но: *аще не еже видитъ Отца творяща, не творитъ*, простирая силу слова на всякое время,—и такимъ образомъ по вашему будетъ, что Онъ постоянно только учится дѣлать то, что Отецъ дѣлаетъ. Видишь, какъ мысль Его высока, а смиреніе въ словѣ заставляетъ и самыхъ безстыдныхъ невольно оставить уничиженныя и совершенно несообразныя съ Его достоинствомъ понятія о Немъ? Кто же будетъ столь жалокъ и злосчастенъ, чтобы утверждать, что Сынъ ежедневно учится тому, что Ему надобно дѣлать? Какъ въ такомъ случаѣ будетъ истинно изреченіе: *Ты же тойжде еси, и лѣта твоя не оскудѣютъ* (Пс. ci, 28); или: *вся Тѣмъ быша и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. i, 3),—если Отецъ дѣлаетъ, а Сынъ, видя то, только подражаетъ Ему? Видишь ли, какъ и вышесказанное и послѣсказанное подтверждаетъ Его самостоятельность? Если же Онъ произноситъ нѣкоторыя слова о Себѣ въ видѣ самоуничиженія,—не удивляйся. Такъ какъ іудеи, слыша высокое ученіе Его о Себѣ самомъ, гнали Его, называли противникомъ Божіимъ, то Онъ нѣсколько снисходитъ только въ образѣ выраженія, потомъ снова

возводитъ ученіе къ высшимъ понятіямъ, затѣмъ опять обращается къ уничиженнымъ выраженіямъ, и такимъ образомъ разнообразитъ Свое ученіе, чтобы сдѣлать его и для неразумныхъ удобопріемлемымъ. Вотъ смотри. Сказавъ: *Отецъ мой дѣлаетъ и Азъ дѣлаю*, и этимъ показавъ Свое равенство съ Богомъ, Онъ говоритъ потомъ: *не можетъ Сынъ творити о себѣ ничесоже, аще не еже видитъ Отца творяща*. Далѣе опять возвышаетъ слово: *яже бо Онъ творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ;* и затѣмъ смиреннѣе: *Отецъ любитъ Сына и вся показуетъ Ему, яже Самъ творитъ, и больша сихъ покажетъ Ему дѣла* (ст. 20). Видишь ли, сколько здѣсь смиренія? Такъ и обычно Ему. Что я прежде говорилъ, то не перестану говорить, и теперь скажу, именно, что когда Сынъ говоритъ что-нибудь о Себѣ уничиженное и смиренное, тогда выражаетъ это съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, чтобы и самая уничиженность выраженій убѣждала неразумныхъ принимать въ благочестивомъ духѣ заключающіяся въ нихъ мысли. А если это не такъ, то представь себѣ, какъ было бы нелѣпо сказанное, судя по однимъ выраженіямъ. Изъ словъ: *больша сихъ покажетъ Ему дѣла* будетъ слѣдовать, что Онъ многаго еще не знаетъ,— чего нельзя сказать и объ апостолахъ. Они, однажды получивъ благодать Духа, вдругъ узнали и смогли дѣлать все, что надобно было имъ знать и дѣлать; а Онъ окажется еще незнаю- 218
щимъ многаго, что Ему нужно знать! Можетъ ли быть что-нибудь нелѣпѣе этого? Что же значитъ это изреченіе? Онъ исцѣлилъ разслабленнаго и намѣревался еще воскресить умершаго, потому такъ и сказалъ, говоря какъ бы вотъ что: вы удивляетесь, что Я исцѣлилъ разслабленнаго; больше этого увидите. Но такъ Онъ не сказалъ, а выразился нѣсколько смиреннѣе, чтобы укротить ихъ неистовство. А чтобы тебѣ убѣдиться, что слово: *покажетъ* сказано не въ собственномъ смыслѣ, послушай, что еще далѣе Онъ присовокупляетъ: *якоже бо Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ ихже хощетъ, живитъ* (ст. 21). А вѣдь слова: *не можетъ о себѣ творити ничесоже* противоположны словамъ: *ихже хощетъ;* если Онъ живитъ, *ихже хощетъ*, то безъ сомнѣнія *можетъ творити самъ о себѣ*. Хотѣть — означаетъ власть. Если же Онъ не можетъ *творити самъ о себѣ*, то и не живитъ, *ихже хощетъ*. Но слова: *якоже Отецъ воскрешаетъ* показываютъ равенство силы; а слова: *ихже хощетъ* — равенство власти. Видишь ли, что словами: *не можетъ о себѣ творити* не уничтожается власть, а напротивъ, показывается равенство силы и воли? Такъ же разумѣй и слова: *покажетъ Ему*. И въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: *Азъ воскрешу его въ послѣдній день* (Іоан. VI, 39), и опять, показывая, что Онъ дѣйствуетъ, не заимствуя силу отъ другого, говоритъ: *Азъ есмь*

воскрешеніе и животъ (Іоан. XI, 25). Но чтобы ты не сказалъ, что Онъ только мертвыхъ воскрешаетъ и оживляетъ, кого хочетъ, все же прочее дѣлаетъ не такъ, то, предупреждая и опровергая всякое подобное возраженіе, Онъ и сказалъ: *яже бо Онъ творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ*, и тѣмъ выразилъ, что Онъ дѣлаетъ и все то, что Отецъ, и такъ, какъ Отецъ, разумѣть ли здѣсь воскрешеніе мертвыхъ, или устроеніе тѣлъ, или отпущеніе грѣховъ, или что-либо другое; все Онъ совершаетъ такъ, какъ и Отецъ Его.

5. Но ничему этому не внемлютъ нерадящіе о собственномъ спасеніи. Таково зло—страсть къ первенству передъ другими. Она-то произвела ереси; она усилила нечестіе эллиновъ. Богъ благоволилъ, чтобы невидимыя свойства Его были познаваемы изъ созданія этого міра (Рим. I, 20), а они, оставивъ это и не восхотѣвъ идти путемъ этого ученія, проложили себѣ иной путь, а потому и уклонились отъ истиннаго. Равно и іудеи потому не вѣровали, что, домогаясь славы другъ передъ другомъ, не искали славы отъ Бога.

Но мы, возлюбленные, будемъ избѣгать этого недуга всѣми силами и со всею ревностію. Хотя бы мы имѣли безчисленныя совершенства, зараза тщеславія можетъ погубить все. Итакъ, если мы желаемъ похвалъ, то будемъ искать похвалъ отъ Бога. Похвала отъ людей, какова бы она ни была, какъ скоро является, тотчасъ и исчезаетъ, а если и не исчезаетъ, то не приноситъ намъ никакой пользы, а часто происходитъ и отъ превратнаго сужденія. Что важнаго въ славѣ отъ людей, которою пользуются и пляшущіе юноши [1]), и развратныя женщины, и лихоимцы, и грабители? А прославляемый отъ Бога прославляется не съ такими людьми, но со святыми, т. е. съ пророками, апостолами, показавшими въ себѣ жизнь ангельскую. Если же мы желаемъ, чтобы окружала насъ толпа народа, чтобы взоры ея были на насъ обращены, то вникнемъ въ сущность этого, и мы найдемъ, что это не имѣетъ никакой цѣны. Словомъ, если ты любишь быть въ обществѣ, то привлекай къ себѣ сонмъ ангеловъ, будь страшенъ бѣсамъ, тогда и не будешь нисколько заботиться о молвѣ человѣче-
219 ской; всякій блескъ будешь попирать, какъ грязь и прахъ; тогда-то и увидишь ясно, что ничто такъ не дѣлаетъ душу безславною, какъ славолюбіе. Да и невозможно, никакъ невозможно любящему славу не жить жизнію страдательною; а напротивъ подавляющій въ себѣ славолюбіе не можетъ не подавить вмѣстѣ съ тѣмъ и множество другихъ страстей: побѣждающій эту страсть преодолѣетъ и зависть, и сребролюбіе, и прочіе тяжкіе недуги. Но какъ,

[1]) На публичныхъ играхъ.

скажутъ, намъ преодолѣть эту страсть? Преодолѣемъ, если будемъ имѣть въ виду иную славу, славу небесную, которой земная силится лишить насъ. Та слава еще и здѣсь прославитъ насъ, и будетъ сопутствовать намъ въ будущей жизни, и освободитъ насъ отъ всякаго рабства плоти, которой мы нынѣ такъ бѣдственно служимъ, всецѣло предавшись землѣ и дѣламъ ея. Пойдемъ ли на торжище, войдемъ ли въ домъ какой-нибудь, будемъ ли въ дорогѣ, или на пристани, въ гостинницѣ, или въ страннопріимномъ домѣ, на кораблѣ, на островѣ, въ царскихъ чертогахъ, въ судилищахъ, или въ гражданскихъ совѣтахъ,—вездѣ увидишь заботы о дѣлахъ временныхъ и житейскихъ; всѣ и каждый объ
нихъ только пекутся, и отходящіе и приходящіе, въ путь отпра- 220
вляющіеся и дома остающіеся, плавающіе и землю воздѣлывающіе, находящіеся на поляхъ и въ городахъ,—всѣ вообще. Какая же будетъ у насъ надежда спасенія, если, живя на землѣ Божіей, мы не печемся о предметахъ божественныхъ? Тогда какъ намъ повелѣно быть здѣсь странниками, мы—скорѣе странники для небесъ, а для здѣшнихъ мѣстъ—жители. Что можетъ быть хуже такой безчувственности? Слыша каждый день о судѣ и царствіи, мы подражаемъ современникамъ Ноя и жителямъ Содома и ожидаемъ, чтобы насъ вразумили такіе же опыты. А вѣдь о нихъ все и написано для того, чтобы, кто не вѣруетъ въ будущее, тотъ изъ событій прошедшихъ получилъ ясныя доказательства относительно будущихъ. Итакъ, помышляя о всемъ этомъ, прошедшемъ и будущемъ, отдохнемъ хотя немного отъ этого тяжкаго рабства и сколько-нибудь позаботимся о душѣ своей, чтобы достигнуть и настоящихъ и будущихъ благъ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXIX.

Отецъ не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынови, да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца (Іоан. v, 22, 23).

1. Много тщательности надобно намъ, возлюбленные, имѣть во 219
всемъ. Вѣдь самый строгій отчетъ мы дадимъ и въ словахъ и въ дѣлахъ нашихъ. Дѣла наши не оканчиваются настоящею жизнію, а еще другая жизнь встрѣтитъ насъ и мы предстанемъ страшному судилищу. *Всѣмъ бо явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ*, говоритъ Павелъ, *да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага или зла* (2 Кор. v, 10). Будемъ же всегда помышлять объ этомъ судилищѣ, и такимъ образомъ мы сможемъ

постоянно пребывать въ добродѣтели. Какъ отвергающій отъ души своей мысль объ этомъ днѣ несется въ пропасть, подобно коню, сбросившему удила, — *скверняются бо*, говоритъ Писаніе, *путіе его на всяко время*, и указывая причину этого, прибавляетъ: *отъемлются судьбы твоя отъ лица его* (Пс. IX, 26),—такъ постоянно имѣющій въ себѣ этотъ страхъ проводитъ жизнь цѣломудренно: *помни*, говоритъ Писаніе, *послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши* (Еккл. VII, 36). Тотъ, кто прощаетъ намъ грѣхи нынѣ, тогда возсядетъ на судилищѣ. Умершій ради насъ снова явится—судить весь родъ человѣческій: *второе*, говоритъ Писаніе, *безъ грѣха явится ждущимъ Его во спасеніе* (Евр. IX, 28). Потому-то и здѣсь Онъ сказалъ: *Отецъ не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынови, да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца*. Итакъ, не слѣдуетъ ли, скажутъ, назвать Его и Отцемъ? Никакъ. Онъ для того и сказалъ: *Сына*, чтобы мы чтили Его остающагося Сыномъ, такъ же какъ Отецъ; а кто называетъ Его Отцемъ, тотъ уже не чтитъ Сына, какъ Отца, но смѣшиваетъ ихъ. Такъ какъ люди побуждаются не столько благодѣяніями, сколько наказаніями, то Онъ и говоритъ здѣсь такъ грозно, чтобы по крайней мѣрѣ страхъ понудилъ ихъ чтить Его. А когда говоритъ: *весь судъ*, выражаетъ этимъ то,
220 что Онъ властенъ и наказывать и награждать, дѣлать то и другое, какъ Ему угодно. Выраженіе же: *даде* употреблено для того, чтобы ты не почиталъ Его нерожденнымъ и не думалъ, будто есть два Отца. Все, что есть въ Отцѣ, это же есть и въ Сынѣ, только Онъ рожденъ и остается Сыномъ. А чтобы убѣдиться, что выраженіе: *даде* здѣсь равносильно выраженію *родилъ*, выслушай изъясненіе этого изъ другого мѣста: *якоже*, говоритъ Онъ, *Отецъ имать животъ въ себѣ, тако даде и Сынови животъ имѣти въ себѣ* (Іоан. V, 26). Что же? Неужели Отецъ прежде родилъ Его, а потомъ уже далъ ему жизнь? Вѣдь дающій даетъ что-либо тому, кто уже существуетъ. Такъ уже не былъ ли рожденъ Онъ безъ жизни? Но этого и бѣсы не могутъ подумать, потому что это не только нечестиво, но и безумно. Потому, какъ выраженіе: *даде животъ* означаетъ, что Онъ родилъ Его *жизнію*, такъ и слова: *даде судъ* значатъ, что Онъ родилъ Его *судіею*. Чтобы ты, слыша, что Сынъ имѣетъ виновникомъ Отца, не подумалъ, будто Сынъ имѣетъ различествующее отъ Отца существо и достоинствомъ ниже Его, вотъ Онъ самъ грядетъ судить тебя, доказывая и этимъ Свое равенство. Тотъ, кто имѣетъ власть наказывать и награждать, кого хочетъ, Тотъ конечно обладаетъ такою же силою, какъ и Отецъ. А иначе, если бы Сынъ уже по рожденіи Своемъ, впослѣдствіи, получилъ эту честь, то можно бы спросить, по какому же поводу Онъ почтенъ такъ впослѣдствіи?

Какимъ преуспѣяніемъ Онъ достигъ того, что получилъ такое достоинство и возведенъ въ такой санъ? Не стыдно ли вамъ — такъ дерзко приписывать эти человѣческія и унизительныя свойства Существу безсмертному, не имѣющему ничего привзошедшаго во времени? Для чего же, скажете вы, Онъ такъ говоритъ о Себѣ? Для того, чтобы сказанное было удобопріемлемо и проложило путь къ высшимъ понятіямъ. Для того Онъ и смѣшиваетъ въ Своихъ словахъ и то и другое (и возвышенное и уничиженное), и смотри — какъ; кстати — разсмотримъ это сначала. Онъ сказалъ: *Отецъ Мой дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю*, показывая этимъ свое равенство и равночестность съ Отцемъ; но іудеи *искаху Его убити*. Что же Онъ послѣ этого дѣлаетъ? Онъ смягчаетъ выраженія, но мысли удерживаетъ тѣ же самыя, и говоритъ: *не можетъ Сынъ творити о себѣ ничесоже*. Затѣмъ опять возвышаетъ
слово: *яже бо Онъ творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ;* опять го- 221
воритъ смиренно: *Отецъ бо любитъ Сына, и вся показуетъ Ему, яже Самъ творитъ, и больша сихъ покажетъ Ему;* снова возвышенно: *якоже бо Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихже хощетъ, живитъ;* и опять смиренно и вмѣстѣ возвышенно: *Отецъ бо не судитъ никому же, но судъ весь даде Сынови;* и еще возвышнѣе: *да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца*. Видишь ли, какъ Онъ разнообразитъ Свое слово, употребляя въ немъ наименованія и выраженія, то возвышенныя, то уничиженныя, такъ, чтобы и для тогдашнихъ людей оно могло быть удобопріемлемо, и будущіе ничего не теряли, отъ возвышенныхъ выраженій получая надлежащее понятіе и о прочихъ? А иначе, если слова Его сказаны не по снисхожденію къ людямъ, для чего прибавлены такія возвышенныя выраженія? Кто имѣетъ право сказать о Себѣ нѣчто высокое, а между тѣмъ говоритъ что-либо уничиженное и смиренное, тотъ, конечно, имѣетъ на то благовидную причину и нѣкоторое особенное намѣреніе; а кто долженъ говорить о себѣ смиренно, и между тѣмъ скажетъ что-нибудь великое, тотъ для чего станетъ употреблять выраженія, превосходящія его природу? Это уже не особое какое-либо благонамѣреніе, а крайнее нечестіе.

2. Поэтому мы можемъ сказать, что смиренныя выраженія Христа о Себѣ имѣютъ справедливую и достойную Бога причину, именно: снисхожденіе къ намъ, намѣреніе — научить насъ смиренію, и чрезъ это — устроеніе нашего спасенія, что Онъ и самъ изъясняетъ въ другомъ мѣстѣ, когда говоритъ: *сія глаголю, да спасени будете* (Іоан. v, 34). Именно, когда Онъ прибѣгнулъ къ свидѣтельству Іоанна, оставивъ собственное, что могло казаться недостойнымъ Его величія,—то, приводя причину такого уничи-

женія въ словахъ, Онъ и сказалъ: *сія глаголю, да вы спасени будете.* А вы, утверждающіе, будто Онъ не имѣетъ одинаковой съ Родившимъ Его власти и силы, что скажете, когда услышите собственныя Его слова, которыми Онъ выражаетъ равенство силы, власти и славы съ Отцемъ? Почему Онъ требуетъ Себѣ равной съ Нимъ чести, если Онъ, какъ вы говорите, гораздо ниже Отца? А Онъ еще, не останавливаясь на этихъ словахъ, присовокупляетъ: *иже не чтитъ Сына, не чтитъ Отца, пославшаго Его* (ст. 23). Видишь, какъ честь Сына соединена съ честію Отца? Что же изъ этого, скажете вы? Это относится и къ апостоламъ: *иже васъ пріемлетъ,* говоритъ Онъ, *Мене пріемлетъ* (Матѳ. x, 40). Но тамъ Онъ говоритъ такъ потому, что все, касающееся рабовъ Его, усвояетъ Себѣ самому; а здѣсь потому, что Ему принадлежитъ одно существо и одна слава съ Отцемъ. Да притомъ объ апостолахъ Онъ не говоритъ: *да чтутъ ихъ.* И хорошо Онъ говоритъ: *иже не чтитъ Сына, не чтитъ Отца.* Если гдѣ два царя, и безчестятъ одного изъ нихъ, то этимъ и другому наносится безчестіе, особенно, если оскорбляемый есть сынъ царскій; оскорбляется царь и тогда, когда оскорбленъ его оруженосецъ, но не такъ и не непосредственно; а здѣсь онъ оскорбляется самъ по себѣ. Потому Христосъ и предупреждаетъ словами: *да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца,* чтобы затѣмъ, когда скажетъ: *иже не чтитъ Сына, не чтитъ Отца,* ты разумѣлъ одну и туже честь. Не просто говоритъ: *иже не чтитъ,* но: *иже не чтитъ* такъ, какъ я сказалъ, *не чтитъ Отца.* Но какимъ образомъ, скажешь, посылающій и посылаемый могутъ быть одного и того же существа? Опять ты переносишь слово на человѣческія отношенія и не разумѣешь, что все это говорится только для того, чтобы мы и Виновника познали, и не впали въ недугъ Савеллія, чтобы и немощь іудеевъ уврачевалась та-
222 кимъ образомъ, и они уже не почитали Его противникомъ Богу; вѣдь они говорили: Онъ не отъ Бога, Онъ не пришелъ отъ Бога. А къ уничтоженію такой мысли способствовали не столько возвышенныя, сколько уничиженныя слова Его: вотъ поэтому Онъ часто въ разныхъ мѣстахъ и говорилъ, что Онъ *посланъ,*—не съ тѣмъ, чтобы ты принималъ такое слово за выраженіе умаленія Его (предъ Отцемъ), но чтобы заградить уста іудеевъ. Поэтому Онъ и обращается часто къ Отцу, выражая между тѣмъ и собственную власть. А если бы Онъ все говорилъ о Себѣ сообразно съ собственнымъ божественнымъ достоинствомъ, то они не принимали бы словъ Его, такъ какъ и за немногія подобныя выраженія гнали Его и часто хотѣли побить камнями. Съ другой стороны, если бы, примѣняясь къ нимъ, Онъ говорилъ о Себѣ только смиренно, то впослѣдствіи это послужило бы многимъ

во вредъ. Такимъ образомъ Онъ перемѣшиваетъ и разнообразитъ Свое ученіе о Себѣ, и смиренными выраженіями, какъ я сказалъ, заграждаетъ уста ихъ, а словами сообразными съ достоинствомъ Его удаляетъ здравомыслящихъ отъ уничиженнаго пониманія выраженій Его и показываетъ, что такое пониманіе вовсе не приличествуетъ Ему. Быть посланнымъ—это выражаетъ перемѣну мѣста, а Богъ вездѣсущъ. Для чего же Онъ говоритъ о себѣ: *посланъ*? Онъ употребляетъ чувственное выраженіе, чтобы показать Свое единомысліе съ Отцемъ. Къ той же цѣли направляетъ Онъ и послѣдующія слова: *аминь, аминь глаголю вамъ, яко слушаяй словесе моего и вѣруяй Пославшему Мя имать животъ вѣчный* (Іоан. v, 24). Видишь, какъ часто Онъ повторяетъ одно и тоже, чтобы исправить мнѣніе іудеевъ, чтобы и этими и послѣдующими словами, и страхомъ и обѣтованіемъ благъ побѣдить упорство противъ Него,—какъ много и здѣсь опять нисходитъ въ выраженіяхъ о Себѣ? Не говоритъ: *слушаяй словесъ моихъ и вѣруяй Мнѣ;* они почли бы это гордостію и крайнимъ тщеславіемъ въ словахъ, потому что если, спустя уже долгое время, послѣ безчисленныхъ чудесъ, они приписывали Ему надменность, когда Онъ говорилъ, такимъ образомъ, то тѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ. Такъ они говорили Ему впослѣдствіи: *Авраамъ умре и пророцы, и Ты глаголеши: аще кто слово мое соблюдетъ, смерти не имать вкусити во вѣки* (Іоан. viii, 52). Итакъ, чтобы и теперь они не пришли въ ярость, Онъ вотъ что говоритъ: *слушаяй словесе моего и вѣруяй Пославшему Мя имать животъ вѣчный.* Отъ этого слово его не мало дѣлалось удобопріемлемымъ для нихъ, то есть—отъ вразумленія, что слушающіе Его вѣруютъ Отцу. Охотно принявъ это, они уже удобнѣе могли принять и прочее. Такимъ образомъ, употребляя уничиженныя слова о Себѣ, Онъ приготовляетъ и пролагаетъ путь къ понятіямъ высшимъ. Затѣмъ, сказавъ: *имать животъ вѣчный*, Онъ присовокупляетъ: *и на судъ не пріидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ.* Такъ двумя замѣчаніями Онъ располагаетъ къ принятію Своего ученія—тѣмъ, что чрезъ Него вѣруютъ Отцу, и тѣмъ, что вѣрующій сподобится великихъ благъ. А слова: *на судъ не пріидетъ* означаютъ: не подлежитъ наказанію. И *смерть* разумѣется здѣсь не временная, но вѣчная, равно какъ и жизнь—безсмертная. *Аминь, аминь глаголю вамъ, яко грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ* (ст. 25). Слова Свои Онъ подтверждаетъ доказательствомъ отъ дѣлъ. Когда Онъ говорилъ: 223
якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихже хощетъ, живитъ,—то, чтобы это не показалось тщеславіемъ и надменностью, Онъ представляетъ и отъ дѣлъ доказательства Своихъ

словъ, и говоритъ: *грядетъ часъ*; потомъ, чтобы не предполагалъ ты здѣсь отдаленнаго времени, присовокупляетъ: ***и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ.*** Видишь ли здѣсь самостоятельность и власть неизреченную? Какъ будетъ во время воскресенія, говоритъ, такъ и нынѣ. Тогда, услышавъ повелѣвающій гласъ, мы возстанемъ, потому что сказано: *въ повелѣніи* Божіи *мертвіи воскреснутъ* (1 Солун. IV, 16). А откуда видно, можетъ быть спросить кто-нибудь, что сказанное не есть одно тщеславіе? Изъ прибавленныхъ Имъ словъ: ***и нынѣ есть.*** Если бы Онъ возвѣщалъ только о будущемъ времени, то ученіе Его могло бы быть для іудеевъ подозрительно; но Онъ представляетъ на то и доказательство. Еще во время Моего пребыванія съ вами, говоритъ Онъ, это сбудется. Если бы Онъ не могъ сдѣлать этого, то и не обѣщалъ бы на такое время, чтобы, въ противномъ случаѣ, обѣщаніе не подвергло Его еще большему посмѣянію. Потомъ прилагаетъ и объяснительный доводъ къ словамъ Своимъ, говоря: ***якоже бо Отецъ имать животъ въ себѣ, тако даде и Сынови животъ имѣти въ себѣ*** (Іоан. V, 26).

3. Видишь ли, какое здѣсь равенство открывается, съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ — Отецъ, а другой — Сынъ? Слово: *даде* одно только и выражаетъ различіе, а во всемъ прочемъ показывается равенство и единеніе. А отсюда ясно, что Онъ дѣлаетъ все съ такою же властію и силою, съ какою Отецъ, и ни отъ кого иного не заимствуетъ Своей силы. Онъ такъ же имѣетъ жизнь въ Себѣ, какъ и Отецъ. Потому и далѣе тотчасъ присовокупляетъ такія слова, изъ которыхъ можемъ уразумѣть и предъидущія. Какія же именно? ***И область даде Ему и судъ творити*** (Іоан. V, 27.) Но для чего Онъ такъ часто повторяетъ о воскресеніи и судѣ? ***Якоже,*** говоритъ, ***Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихже хощетъ, живитъ.*** Опять: ***Отецъ не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынови.*** И еще: ***якоже Отецъ имать животъ въ себѣ, тако даде и Сынови животъ имѣти въ себѣ.*** Также: ***услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ.*** И здѣсь опять: ***и область даде Ему и судъ творити.*** Для чего же Онъ такъ часто касается этихъ предметовъ, т. е. суда, жизни и воскресенія? Потому, что это больше всего можетъ подѣйствовать и на самаго несговорчиваго слушателя. Кто убѣжденъ, что воскреснетъ и дастъ тогда отчетъ, во грѣхахъ своихъ, тотъ, хотя бы и не видѣлъ никакого другого знаменія, по одному этому убѣжденію скоро обратится и постарается умилостивить Судію своего. ***Яко Сынъ человѣчь есть, не дивитеся сему*** (Іоан. V, 27.) Павелъ Самосатскій не такъ читаетъ это мѣсто, а — какъ? ***Область даде Ему судъ***

творити, яко Сынъ человѣчь есть. Но такое чтеніе не имѣетъ никакой послѣдовательности. Онъ не потому получилъ судъ, что Онъ человѣкъ; иначе, что препятствовало бы и всѣмъ людямъ быть судьями? Но потому Онъ есть судія, что Онъ—Сынъ неизреченнаго Существа. Поэтому и надобно читать такъ: *яко Сынъ человѣчь есть, не дивитеся сему.* Такъ какъ слушателямъ могли казаться слова Его не совмѣстными, потому что они почитали 224
Его не болѣе, какъ простымъ человѣкомъ, а между тѣмъ слова Его были выше человѣка, даже выше ангела, и только одному Богу могли быть свойственны, то, разрѣшая такое недоумѣніе, Онъ и присовокупляетъ: *не дивитеся, яко Сынъ человѣчь есть: яко грядетъ часъ, въ оньже вси, сущіи во гробѣхъ, услышатъ гласъ* Его, *и изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда* (ст. 29.) Но почему Онъ не сказалъ такъ: „не дивитеся, яко Сынъ человѣчь есть; Онъ есть вмѣстѣ и Сынъ Божій",—а упомянулъ о воскресеніи? Онъ уже высказалъ это выше: *услышатъ гласъ Сына Божія.* А что здѣсь умолчалъ объ этомъ, не удивляйся. Говоря о такомъ дѣлѣ, которое свойственно Богу, этимъ самымъ даетъ слушателямъ основаніе заключать, что Онъ есть и Богъ, и Сынъ Божій. Если бы Онъ часто повторялъ это, то слушателямъ это надоѣло бы, а доказывая тоже самое чудными дѣлами, Онъ дѣлалъ ученіе Свое не столь ненавистнымъ. Такъ и тѣ, которые составляютъ умозаключенія, положивъ извѣстныя основанія, твердо доказывающія искомую истину, часто не выводятъ изъ нихъ заключенія, а чтобы болѣе убѣдить въ томъ слушателя и одержать болѣе блистательную побѣду, предоставляютъ самому противнику вывести надлежащее заключеніе, такъ что присутствующіе при этомъ тѣмъ болѣе соглашаются съ ними, когда противники произносятъ судъ противъ самихъ себя. Далѣе Христосъ, упоминая о воскресеніи относительно Лазаря, умолчалъ о судѣ,—потому что не для суда воскресъ Лазарь; а говоря о всеобщемъ воскресеніи, присовокупилъ и то, что *сотворшіи благая изыдутъ въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда.* Подобнымъ образомъ Іоаннъ убѣждалъ слушателей напоминаніемъ о судѣ и тѣмъ, что *иже не вѣруетъ въ Сына, не узритъ живота, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ* (Іоан. III, 36). Такъ и самъ Христосъ говорилъ Никодиму: *вѣруяй въ Сына, не будетъ осужденъ, а не вѣруяй, уже осужденъ есть* (Іоан. III, 18). Такъ и здѣсь Онъ упоминаетъ о судѣ и наказаніи за злыя дѣла. Выше Онъ сказалъ: *слушаяй словесе Моего и вѣруяй Пославшему Мя на судъ не пріидетъ;* а чтобы кто не подумалъ, будто это одно достаточно для спасенія, Онъ касается и дѣлъ жизни и говоритъ: *сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая*

въ воскрешеніе суда. Но такъ какъ Онъ сказалъ, что Ему дастъ отчетъ вся вселенная и всѣ воскреснутъ по гласу Его,—дѣло новое и необычайное, которому и нынѣ еще многіе не вѣрятъ, даже изъ людей по видимому вѣрующихъ, не говоря уже о тогдашнихъ іудеяхъ,—то послушай, какъ Онъ это объясняетъ, снисходя опять къ немощи слушателей. *Не могу,* говоритъ, *Азъ о себѣ творити ничесоже: якоже слышу, сужду, и судъ Мой праведенъ есть, яко не ищу воли Моея, но воли пославшаго Мя Отца* (ст. 30). Не малое уже доказательство воскресенія Онъ далъ и въ томъ, что исцѣлилъ разслабленнаго; поэтому и не прежде сталъ говорить о воскресеніи, какъ совершивъ исцѣленіе,—такое дѣло, которое было не слишкомъ далеко отъ воскресенія. Также и о судѣ намекнулъ тогда, сказавъ послѣ исцѣленія тѣла: *се здравъ еси, къ тому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. v, 14). Но Онъ предвозвѣщаетъ здѣсь вмѣстѣ о воскресеніи и Лазаря и всей вселенной;
225 а предрекая о двухъ этихъ воскресеніяхъ, о Лазаревомъ, имѣвшемъ вскорѣ совершиться, и о всеобщемъ, имѣвшемъ быть впослѣдствіи, спустя долгое время, Онъ увѣряетъ въ первомъ исцѣленіемъ разслабленнаго и самою близостію этого событія, когда говоритъ: *грядетъ часъ и нынѣ есть,* а въ истинѣ послѣдняго убѣждаетъ воскресеніемъ Лазаря, какъ бы представляя предъ глаза еще несбывшееся посредствомъ уже случившагося. Видно, что такъ Онъ и во всѣхъ случаяхъ дѣлалъ, т. е. соединялъ вмѣстѣ два или три предсказанія и чрезъ исполненіе одного удостовѣрялъ въ другихъ, будущихъ событіяхъ.

4. Впрочемъ, сказавъ и сдѣлавъ столь великія дѣла, Онъ тѣмъ еще не довольствуется; но, такъ какъ слушатели Его были еще слишкомъ немощны, Онъ и послѣдующими словами сокрушаетъ ихъ упорство, говоря такъ: *не могу Азъ о себѣ творити ничесоже: якоже слышу, сужду, и судъ Мой праведенъ есть: яко не ищу воли Моея, но воли пославшаго Мя Отца* (Іоан. v, 30). Слова эти могли казаться странными и несогласными съ пророками, которые говорили, что Богъ есть судія всей земли, т. е. рода человѣческаго (такъ Давидъ повсюду проповѣдуетъ, говоря: *Господь судитъ людемъ правостію* (Пс. xcv, 10), и еще: *Богъ судитель, праведенъ, и крѣпокъ и долготерпѣливъ* (Пс. vii, 12); также и всѣ другіе пророки и Моисей; а Христосъ говорилъ: *Отецъ не судитъ никомуже но судъ весь даде Сынови);* итакъ это могло смутить тогдашняго слушателя—іудея и внушить опять мысль, что Онъ—богопротивникъ; поэтому Онъ здѣсь весьма снисходитъ въ словѣ о Себѣ, настолько, насколько требовала немощь іудеевъ, чтобы совершенно искоренить такое пагубное мнѣніе, и говоритъ: *не могу Азъ о себѣ творити ничесоже,* т. е. ничего страннаго, богопротивнаго, такого,

чего не хочетъ Отецъ, вы не увидите въ Моихъ дѣлахъ и не услышите въ словахъ. Какъ прежде, сказавъ: *яко Сынъ человѣчь есть*, Онъ тѣмъ показывалъ, что они считали Его простымъ человѣкомъ, такъ и здѣсь присовокупляетъ подобныя слова. Какъ выше Онъ говорилъ: *еже вѣмы, глаголемъ, и еже видѣхомъ, свидѣтельствуемъ* (Іоан. ш, 21), и евангелистъ Іоаннъ: *еже видѣ и слыша, сіе свидѣтельствуетъ, и свидѣтельства Его никтоже пріемлетъ* (ст. 32), и въ томъ и въ другомъ мѣстѣ разумѣя вѣдѣніе точное, а не просто одно слышаніе и видѣніе, такъ и здѣсь, говоря о слышаніи, выражаетъ только то, что Онъ не можетъ желать ничего иного, кромѣ того, чего хочетъ Отецъ. Только Онъ не сказалъ этого такъ ясно (потому что они, услышавъ это прямо, не стерпѣли бы), но какъ? Весьма смиренно и по человѣчески: *якоже слышу, сужду*. Онъ не говоритъ также здѣсь о наученіи, не сказалъ: *якоже научаюсь*, но: *якоже слышу*; и не потому говоритъ такъ, будто бы нуждался въ слушаніи,—Онъ не только не имѣетъ нужды учиться, но и слушать,—но выражаетъ этимъ единомысліе (со Отцемъ) и тожество суда. Такимъ образомъ слова Его означаютъ слѣдующее: Я такъ сужу, какъ бы и самъ Отецъ судилъ. Затѣмъ присовокупляетъ: *и судъ мой праведенъ есть, яко не ищу воли моея, но воли пославшаго Мя Отца*. Что ты говоришь? Стало быть, Ты имѣешь волю, отличную отъ воли Отца? А въ другомъ мѣстѣ Ты сказалъ: *якоже Азъ и Ты едино есмы* (Іоан. xvп 22); и еще, говоря о единствѣ воли и единомысліи: *да и тіи въ Насъ едино будутъ* (Іоан. xvп, 20, 21), т. е, вѣрою въ Насъ. Видишь ли, какъ то, что кажется наиболѣе уничиженнымъ, скрываетъ въ себѣ высокій смыслъ? А этимъ Онъ даетъ разумѣть вотъ что: не иная есть воля Отца, и иная у Меня; но какъ одной душѣ принадлежитъ и одно хотѣніе, такъ и у Меня съ Отцемъ. Не удивляйся, что 226
Онъ говоритъ о такомъ единеніи съ Отцемъ. Павелъ употребляетъ такой же примѣръ и относительно Духа, когда говоритъ: *кто вѣсть отъ человѣкъ яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ. Такожде и Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій* (1 Кор. п, 11). Итакъ Онъ говоритъ только вотъ что: нѣтъ у Меня хотѣнія иного, отдѣльнаго отъ Отца, но чего Отецъ хочетъ, того и Я, и чего Я хочу, того и Онъ. Потому какъ Отцу никто не можетъ противорѣчить, когда Онъ судитъ, такъ и Мнѣ; судъ тѣмъ и другимъ произносится съ одною и тою же мыслію. А что Онъ бесѣдуетъ объ этомъ человѣкообразно, и этому не удивляйся: вѣдь іудеи еще считали Его простымъ человѣкомъ. Поэтому въ подобныхъ случаяхъ надобно обращать вниманіе не только на слова Его, но имѣть въ виду и понятія слушателей и принимать слова Его, какъ приспособленіе къ

ихъ понятіямъ; иначе можетъ произойти много нелѣпыхъ послѣдствій.

Вотъ смотри,—Онъ говоритъ: *не ищу воли Моея*; слѣдовательно (можно бы подумать) у Него воля иная (чѣмъ у Отца) и притомъ гораздо несовершеннѣе, и не только несовершенна, но и не столь благотворна,—такъ какъ, если бы она была спасительна и согласна съ волею Отца, то почему Ты не ищешь ея? Люди по справедливости могли бы говорить это, потому что они имѣютъ много желаній несогласныхъ съ волею Божію; а почему это говоришь Ты, во всемъ равный Отцу? Такія слова, можно сказать, несвойственны даже человѣку совершенному и распявшему самого себя. Если Павелъ такъ сочеталъ волю свою съ волею Божіею, что сказалъ; *живу не къ тому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. II, 20), то какъ Владыка всяческихъ могъ сказать: *не ищу воли Моея, но воли Пославшаго Мя*, какъ будто онѣ различны? Итакъ что же означаютъ слова Его? Онъ ведетъ рѣчь по человѣчески и приспособляется къ понятіямъ слушателей. Какъ въ предъидущей бесѣдѣ Онъ употреблялъ выраженія то богоприличныя, то человѣкообразныя, такъ и здѣсь дѣлаетъ тоже самое и говоритъ какъ человѣкъ: *судъ Мой праведенъ есть*. А откуда это видно? *Яко не ищу воли Моея, но воли Пославшаго Мя*. Какъ между людьми тотъ, кто чуждъ самолюбія, не можетъ быть обвиняемъ въ неправости суда, такъ и Меня нынѣ вы не можете упрекать въ этомъ; кто хочетъ дѣлать по своему, того справедливо могутъ подозрѣвать другіе, что онъ по этой причинѣ нарушаетъ справедливость; а кто не имѣетъ въ виду своей воли, тотъ какую можетъ имѣть причину судить несправедливо? Такимъ же образомъ разсуждайте и относительно Меня, потому что если бы Я говорилъ, что Я не отъ Отца посланъ и славу дѣлъ Своихъ не относилъ къ Нему, то, можетъ быть, кто-нибудь изъ васъ и справедливо подозрѣвалъ бы, что желаю только Себя самого прославить и говорю не истину. Если же дѣла Мои Я вмѣняю и усвояю другому, то почему и по какому побужденію вы стали бы наводить подозрѣніе на слова Мои? Видишь, къ чему Онъ приводитъ слово и какъ доказываетъ правость Своего суда,—тѣмъ, что и всякій другой сталъ бы говорить въ свою защиту? Видишь, какъ ясно становится то, что я часто говорилъ? Что же такое я говорилъ? То, что крайнее смиреніе въ словахъ, — оно-то наиболѣе и внушаетъ людямъ здравомыслящимъ не уничижать смысла изреченій такъ, какъ по первому взгляду представляется, а въ разумѣніи ихъ восходить на высоту заключающихся въ нихъ мыслей. Такимъ образомъ это смиреніе въ словахъ мало-по-малу и удобно и пресмыкающихся долу возвышаетъ горѣ.

Итакъ, имѣя все это въ виду, не будемъ, убѣждаю васъ, 227
оставлять безъ вниманія изреченія, но будемъ тщательно изслѣдовать все и вездѣ обращать вниманіе на причину сказаннаго. Не будемъ думать, что для насъ достаточнымъ извиненіемъ можетъ служить наше незнаніе и простота; Христосъ заповѣдалъ намъ быть не только простыми, но и мудрыми. Поэтому съ простотою позаботимся соединить и благоразуміе, какъ въ ученіи, такъ и въ дѣлахъ жизни; будемъ судить сами себя здѣсь, *да не съ міромъ тогда осудимся*. И въ отношеніи къ рабамъ своимъ будемъ такими, какимъ желаемъ имѣть къ себѣ самимъ Господа нашего. *Остави намъ*, говоримъ мы, *долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Матѳ. VI, 12). Знаю, что оскорбленная душа не легко переноситъ оскорбленія; но если подумаемъ, что прощеніемъ обиды мы дѣлаемъ добро не столько оскорбившему, сколько себѣ самимъ, то легко извергнемъ изъ себя ядъ гнѣва. И тотъ, кто не простилъ должнику своему ста динаріевъ, обидѣлъ не собрата своего, но себя самого сдѣлалъ должникомъ тысячи талантовъ, которые прежде были прощены ему. Такимъ образомъ, когда мы не прощаемъ другимъ, то не прощаемъ самимъ себѣ. Будемъ же не Богу только говорить: не помяни согрѣшеній нашихъ, но и самому себѣ пусть каждый говоритъ: да не помянемъ согрѣшеній собратій нашихъ противъ насъ. Ты самъ первый судія твоимъ дѣламъ, а потомъ уже судитъ ихъ Богъ. Ты пишешь себѣ законъ прощенія и наказанія и изрекаешь себѣ приговоръ того или другого; такимъ образомъ отъ тебя зависитъ— помянетъ ли, или не помянетъ Богъ грѣхи твои. Потому и Павелъ заповѣдуетъ прощать, *аще кто на кого имать пореченіе* (Кол. III, 13), да и не просто прощать, а такъ, чтобы и слѣдовъ (гнѣва) не оставалось. И Христосъ не только не поставилъ на видъ грѣхи наши, но и не воспомянулъ о томъ, что мы согрѣшили, и не сказалъ: ты согрѣшилъ въ томъ и въ томъ, а простилъ и уничтожилъ рукописаніе, не вмѣнивъ намъ преступленій, какъ изъяснилъ это Павелъ (Кол. II, 14). Такъ будемъ поступать и мы, и изгладимъ все изъ нашей памяти; развѣ что-либо доброе сдѣлано оскорбившимъ насъ—это одно и будемъ помнить. А если онъ сдѣлалъ что-нибудь оскорбительное и враждебное, то оставимъ это и изгладимъ изъ памяти, такъ чтобы не осталось и слѣдовъ. Если же отъ него не было намъ ничего добраго, то тѣмъ больше намъ награды, больше хвалы, если мы прощаемъ. Иные изглаждаютъ грѣхи свои бдѣніями, лежаніемъ на землѣ и безчисленными подвигами; а ты можешь уничтожить всѣ согрѣшенія свои гораздо болѣе легкимъ способомъ—непамятованіемъ зла. Для чего же ты поднимаешь мечъ на самого себя, подобно

бѣснующимся и сумасшедшимъ, и лишаешь самъ себя будущей жизни, тогда какъ надобно всѣми способами достигать ея? Если настоящая жизнь такъ вожделѣнна, то что сказать о той, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія? Тамъ уже не надобно ни бояться смерти, ни опасаться потери тамошнихъ благъ. Блаженны, и преблаженны, и многократно блаженны тѣ, которые сподобились этого блаженнаго жребія, напротивъ несчастны, и пренесчастны, и неисчетно несчастны тѣ, которые сами себя лишаютъ блаженства. Да что же, скажутъ, можетъ доставить намъ такую жизнь? Послушай, какъ самъ Судія бесѣдовалъ объ этомъ съ однимъ юношею. Когда юноша спросилъ: *что благо сотворю, да*
228 *имамъ животъ вѣчный* (Матѳ. XIX, 16)?—тогда Христосъ, напомнивъ о заповѣдяхъ закона, остановился на любви къ ближнимъ. И, можетъ быть, теперь кто-нибудь изъ слушателей, подобно тому богачу, скажетъ: и мы все то сохранили: не крали, не убивали, не любодѣйствовали. Но того еще не можешь ты сказать, что ты и ближняго возлюбилъ, какъ должно любить. Ты, напр., или позавидовалъ кому-нибудь, или позлословилъ, или не помогъ обиженному, или не подѣлился собственностію, а слѣдовательно и не возлюбилъ ближняго. Но Христосъ заповѣдалъ не это только, а и еще нѣчто другое. Чтоже такое? *Продаждь*, говоритъ, *имѣніе твое, и даждь нищимъ, и гряди въ слѣдъ Мене* (Матѳ. XIX, 21). Послѣдованіемъ называетъ Онъ подражаніе Ему въ дѣлахъ. Чему же мы научаемся отсюда? Во-первыхъ тому, что не имѣющему всего этого невозможно достигнуть преимуществъ будущаго жребія. Когда юноша сказалъ, что онъ сдѣлалъ все, тогда Христосъ, какъ бы недоставало еще чего-то важнаго для полнаго совершенства, говоритъ ему: *аще хощеши совершенъ быти, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и гряди въ слѣдъ Мене.* Итакъ, во-первыхъ этому мы должны научиться. Во-вторыхъ, видимъ, что юноша самъ себя обличилъ въ пустомъ самодовольствѣ: вѣдь если онъ жилъ въ такомъ изобиліи, а другихъ, находившихся въ бѣдности, презиралъ, то какъ же онъ могъ сказать, что возлюбилъ ближняго? Значитъ и то (что исполнилъ заповѣди) онъ говорилъ несправедливо. Итакъ, будемъ исполнять то и другое; постараемся расходовать наше имущество такъ, чтобы пріобрѣсти небо. Если иной за житейское величіе часто отдаетъ все свое имущество,—величіе, которое останется здѣсь и даже не можетъ продолжаться немного времени, такъ какъ многіе еще задолго до смерти лишались власти, другіе за нее платили иногда самою жизнію, и все же, не смотря на это, жертвуютъ за нее всѣмъ,—если, говорю, ради этого люди такъ много дѣлаютъ, то можно ли быть несчастнѣе насъ, для славы нескончаемой и неотъемле-

мой не удѣляющихъ даже малости, не желающихъ отдать и того, что чрезъ немного времени должны же будемъ здѣсь оставить? Какое безуміе—не хотѣть добровольно отдать и взять съ собою то, чего можемъ лишиться противъ воли? Вѣдь если бы насъ вели на смерть, а потомъ предложили избавиться отъ смерти цѣною всего нашего имущества, мы конечно почли бы это за милость; а теперь, когда мы увлекаемся по пути въ геенну и могли бы избавиться отъ нея, пожертвовавъ половину имѣнія, мы соглашаемся лучше подвергнуться мученію и хотимъ удержать у себя то, что намъ не принадлежитъ, и такимъ образомъ теряемъ истинно намъ принадлежащее. Какое же оправданіе будемъ мы имѣть, какое прощеніе, если намъ проложенъ столь удобный путь къ жизни, а мы носимся по стремнинамъ, идемъ путемъ безплоднымъ, лишая себя всего и здѣсь и тамъ, тогда какъ могли бы вѣрно пріобрѣсти все и тамъ и здѣсь? Такъ, если не прежде, то по крайней мѣрѣ теперь образумимся и, пришедши въ себя самихъ, будемъ употреблять настоящія блага, какъ слѣдуетъ, чтобы удобнѣе получить и будущія, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XL.

Аще Азъ свидѣтельствую о Мнѣ, свидѣтельство Мое нѣсть истинно. Инъ есть свидѣтельствуяй о Мнѣ, и вѣмъ, яко истинно есть свидѣтельство его (Іоан. v, 31, 32).

1. Если кто не свѣдующій станетъ рыть землю, содержащую 229
въ себѣ металлы, то золота не добудетъ, а только, перемѣшавъ все безъ разбора, понесетъ трудъ безполезный, и даже во вредъ себѣ. Такъ и не знающіе порядка мыслей въ божественномъ Писаніи, не вникающіе въ его особенности и законы, а все невнимательно и безразлично пробѣгающіе, смѣшивая золото съ землею, никогда не найдутъ скрытаго въ немъ сокровища. Это говорю я теперь потому, что предстоящее мѣсто (Писанія) заключаетъ въ себѣ много золота, но оно незамѣтно, а прикрыто снаружи большою неясностію. Поэтому надобно раскапывать и расчищать это мѣсто, чтобы дойти до истиннаго его смысла. Кто съ перваго раза не смутится, слыша слова Христовы: *аще Азъ свидѣтельствую о Мнѣ, свидѣтельство Мое нѣсть истинно*? Мы видимъ, что Онъ многократно свидѣтельствовалъ о самомъ Себѣ; такъ, бесѣдуя съ женою самарянкою, Онъ говорилъ: *Азъ есмь*

глаголяй съ тобою (Іоан. IV, 26); и слѣпому также сказалъ: *глаголяй съ тобою, той есть* (Іоан. IX, 37); и іудеевъ обличалъ: *вы глаголете, яко хулу глаголеши, зане рѣхъ: Сынъ Божій есмь* (Іоан. X, 36); и во многихъ другихъ мѣстахъ Онъ такъ дѣлаетъ. Если же все это неправда, то какая останется намъ надежда спасенія? Гдѣ мы найдемъ истину, если сама Истина говоритъ: *свидѣтельство Мое нѣсть истинно?* И не это только противорѣчіе здѣсь представляется, а еще и другое не меньшее. Онъ говоритъ далѣе: *аще Азъ свидѣтельствую о Себѣ, истинно есть свидѣтельство Мое* (Іоан. VIII, 14). Что же, скажешь, намъ принять? Которое изъ этихъ двухъ изреченій считать неистиннымъ? Если мы примемъ эти слова просто такъ, какъ они сказаны, не обращая вниманіе ни на лице, ни на причину, ни на что другое,—въ такомъ случаѣ и то и другое будетъ ложно. Если вообще свидѣтельство Его не истинно, то и эти самыя слова не истинны,—не только послѣднія, но и первыя. Что же означаютъ эти изреченія? Много внимательности нужно намъ имѣть, или лучше—благодати Божіей, чтобы не останавливаться на однихъ словахъ; потому и еретики заблуждаются, что не обращаютъ вниманія ни на цѣль говорящаго, ни на свойства слушателей. Итакъ, если мы не вникнемъ въ это, а также и въ другія обстоятельства, какъ то: время, мѣсто, духъ слушателя,—то можетъ произойти много нелѣпостей. Что же означаютъ слова Христовы? Іудеи намѣревались возразить Ему: *Ты о себѣ самъ свидѣтельствуеши; свидѣтельство Твое нѣсть истинно* (Іоан. VIII, 13); а Онъ, предупреждая ихъ, и сказалъ это, какъ бы такъ говоря: вы конечно скажете Мнѣ: мы не вѣруемъ Тебѣ потому, что между людьми никто свидѣтельствующій о самомъ себѣ никогда не заслуживаетъ вѣры. Потому выраженіе: *свидѣтельство Мое нѣсть истинно* надобно разумѣть не просто, а приспособительно къ понятію іудеевъ, то есть: для васъ не истинно. Такимъ образомъ Онъ сказалъ эти слова не вопреки достоинству Своему, а приспособительно къ ихъ мнѣнію. Итакъ, когда Онъ говоритъ: *свидѣтельство Мое нѣсть истинно,*—этимъ обличаетъ ихъ мысли и преднамѣренное съ ихъ стороны возраженіе Ему; а когда говоритъ: *аще Азъ свидѣтельствую о себѣ, истинно есть свидѣтельство Мое,*—этимъ показываетъ самую сущность дѣла, т. е., что Его, какъ Бога, слѣдуетъ почитать достойнымъ вѣры и тогда, какъ Онъ говоритъ о самомъ Себѣ. Предъ этимъ Онъ говорилъ о воскресеніи мертвыхъ и судѣ,—о томъ, что вѣрующій въ Него не подлежитъ суду, но прейдетъ въ животъ, что Онъ возсядетъ нѣкогда на судъ, чтобы потребовать отъ всѣхъ отчета, и что Онъ имѣетъ единую съ Отцемъ власть и силу; теперь, намѣреваясь снова подтвердить все это и еще инымъ образомъ, Онъ

по необходимости предварительно выставляетъ на видъ ихъ возраженіе. Я сказалъ, говоритъ, что, *якоже Отецъ воскрешаетъ* 230
мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихже хощетъ, живитъ; Я сказалъ, что *Отецъ не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынови;* сказалъ: *да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца; и иже не чтитъ Сына, не чтитъ и Отца;* сказалъ, что *слушаяй словесе моего, и вѣруяй, не узритъ смерти, но прейдетъ отъ смерти въ животъ;* Я сказалъ, что *гласъ мой* воскреситъ мертвыхъ,—однихъ нынѣ, а другихъ впослѣдствіи времени; сказалъ, что Я истребую отъ всѣхъ отчета во грѣхахъ, что буду судить праведно и вознагражу дѣлающихъ добро. Такъ какъ все это было высказано, и все это очень важно, но яснаго доказательства для іудеевъ еще не было дано, а только сказано прикровенно, то Онъ, намѣреваясь поспѣшить къ изъясненію сказаннаго, напередъ представляетъ ихъ возраженіе, и говоритъ какъ бы такъ, хотя и не такими именно словами: можетъ быть, вы скажете: все это говоришь Ты; но Ты свидѣтель не заслуживающій вѣры, когда свидѣтельствуешь самъ о себѣ. Такимъ образомъ Онъ съ перваго раза поражаетъ ихъ любопреніе, выставляя на видъ то, что они намѣревались сказать, и тѣмъ показывая, что Онъ знаетъ и тайныя помышленія ихъ; а давъ чрезъ это первое доказательство Своей силы, Онъ послѣ возраженія представляетъ и другія ясныя и неоспоримыя доказательства, именно приводитъ трехъ свидѣтелей истинности Своихъ словъ: дѣла, Имъ совершенныя, свидѣтельство Отца и проповѣдь Іоанна. При этомъ выставляетъ напередъ меньшее, именно свидѣтельство Іоанново. Сказавъ: *инъ есть свидѣтельствуяй о Мнѣ, и вѣмъ, яко истинно есть свидѣтельство его,* присовокупляетъ: *вы посласте ко Іоанну, и свидѣтельствова о истинѣ* (Іоан. v, 33). Но, если свидѣтельство не истинно, какъ же Ты говоришь, что свидѣтельство Іоанново истинно, и что Онъ свидѣтельствовалъ объ истинѣ? Видишь ли, какъ и отсюда становится ясно, что слова: *свидѣтельство Мое нѣсть истинно* сказаны приспособительно къ мыслямъ іудеевъ?

2. Но что, если Іоаннъ свидѣтельствовалъ такъ изъ угожденія Христу,—скажешь ты? Что бы іудеи не сказали этого, посмотри, какъ Христосъ устраняетъ и такое подозрѣніе; не просто говоритъ: Іоаннъ свидѣтельствовалъ о Мнѣ, а напередъ замѣтилъ: *вы посласте ко Іоанну*; а вы конечно не послали бы, если бы не почитали его свидѣтельства достовѣрнымъ. А что еще важнѣе, они посылали спросить его не о Христѣ, а о немъ самомъ (Іоан. I, 19); итакъ, если они почитали его достойнымъ вѣры въ свидѣтельствѣ о самомъ себѣ, тѣмъ болѣе о другомъ. Мы всѣ—люди привыкли не столько вѣрить говорящимъ о самихъ себѣ,

сколько говорящимъ о другихъ. А Іоанна признавали настолько достойнымъ вѣры, что и касательно себя самого онъ не имѣлъ нужды въ постороннемъ свидѣтельствѣ. Такимъ образомъ посланные не спрашивали: что ты скажешь о Христѣ? а только: *ты кто еси?* Что глаголеши о тебѣ самомъ? Столь великое благоговѣніе имѣли они къ этому мужу. На все это Христосъ и указывалъ, когда говорилъ: *вы посласте ко Іоанну*. Потому-то и евангелистъ не просто сказалъ, что они послали, но и о посланныхъ съ точностію замѣтилъ, что это были и священники и фарисеи, а не простые люди, не отверженные и не такіе, которые могли бы увлечься и обмануться, но которые способны были въ точности выразумѣть сказанное Іоанномъ. *Азъ же не отъ человѣкъ свидѣтельства пріемлю* (Іоан. v, 34). Почему же Ты привелъ свидѣ-
231 тельство Іоанна? Потому, что и оно было свидѣтельство не человеческое; Іоаннъ говорилъ: *пославый мя крестити водою, Той мнѣ рече* (Іоан. I, 33). Такимъ образомъ и свидѣтельство Іоанна было свидѣтельство Божіе, потому что по Божію внушенію онъ говорилъ то, что говорилъ. Но чтобы они не сказали: откуда извѣстно, что Іоаннъ говорилъ по внушенію Божію, и чтобы не прекословили этому, Христосъ рѣшительно заграждаетъ уста ихъ, направляя опять Свою бесѣду противъ ихъ мыслей. Многіе вѣроятно не знали этого, а внимали Іоанну, какъ говорившему отъ себя самого. Потому Христосъ говоритъ: *Азъ же не отъ человѣкъ свидѣтельства пріемлю*. Но если Ты не намѣренъ принимать свидѣтельство отъ человѣка и на немъ основываться, то для чего приводишь свидѣтельство Іоанна? Чтобы они не сказали этого, послушай, какъ Онъ опровергаетъ и такое возраженіе прибавленіемъ послѣдующихъ словъ; сказавъ: *Азъ не отъ человѣкъ свидѣтельства пріемлю*, Онъ присовокупляетъ: *но сія глаголю, да вы спасени будете*, то есть: Я, какъ Богъ, не имѣлъ бы нужды въ человѣческомъ его свидѣтельствѣ; но такъ какъ вы болѣе внемлете ему, считаете его достовѣрнѣе всѣхъ другихъ, и къ нему стекаетесь, какъ къ пророку (а весь городъ стекался на Іорданъ), Мнѣ же не вѣруете и тогда, какъ Я творю чудеса,—то вотъ почему Я и напоминаю вамъ его свидѣтельство. *Онъ бѣ свѣтильникъ горя и свѣтя: вы же восхотѣсте возрадоватися въ часъ свѣтѣнія его* (Іоан. v, 35). Чтобы они не сказали: что же, хотя Іоаннъ и говорилъ, но мы не приняли свидѣтельства его,—Онъ показываетъ, что они именно приняли сказанное, потому-то и не простыхъ людей посылали, а священниковъ и фарисеевъ. Такъ они уважали этого мужа и не рѣшались тогда противорѣчить словамъ его. Но выраженіемъ: *въ часъ* Онъ показываетъ легкомысліе ихъ,—въ томъ, какъ скоро они отошли отъ Іоанна. *Азъ же имамъ свидѣтельство болѣе Іоаннова*

(ст. 36). Если бы вы хотѣли принять вѣру, какъ слѣдуетъ, то Я привелъ бы васъ къ ней лучше всего дѣлами Своими; но какъ вы не хотите этого, то Я отсылаю васъ къ Іоанну, не потому чтобы имѣлъ нужду въ свидѣтельствѣ его, но Я для того все дѣлаю, чтобы вы спаслись. *Азъ имамъ свидѣтельство болѣе Іоаннова*, именно—свидѣтельство отъ дѣлъ Моихъ; но Я не то только имѣю въ виду, чтобы быть принятымъ вами по свидѣтельству дѣлъ, которыя достойны вѣры сами по себѣ, но и по свидѣтельству людей, вамъ извѣстныхъ и вами уважаемыхъ. Такимъ образомъ, словами: *вы же восхотѣсте возрадоватися въ часъ свѣтѣнія его* упрекнувъ ихъ въ томъ, что они показали усердіе къ Іоанну, только временное и нетвердое, Онъ называетъ его *свѣтильникомъ* и тѣмъ показываетъ что Іоаннъ имѣлъ свѣтъ не отъ себя самого, но отъ благодати Духа. Впрочемъ, въ противоположность этому свѣту, Христосъ еще не высказываетъ, что самъ Онъ есть солнце правды; а только намекаетъ на это, и тѣмъ сильно поражаетъ ихъ и даетъ видѣть, что они и во Христа не могли увѣровать по тѣмъ же самымъ свойствамъ сердца, по которымъ пренебрегли Іоанномъ. И уважаемаго ими человѣка они уважали только *на часъ*; а если бы поступили не такъ, то онъ скоро привелъ бы ихъ къ Іисусу. Итакъ, доказавъ, что они во всѣхъ отношеніяхъ не заслуживаютъ никакого извиненія, Онъ присовокупляетъ: *Азъ же имамъ свидѣтельство болѣе Іоаннова*. Какое же? Свидѣтельство отъ дѣлъ. *Дѣла бо*, говоритъ, *яже даде Мнѣ Отецъ, да совершу Я, та дѣла, яже Азъ творю, свидѣтельствуютъ о Мнѣ, яко Отецъ Мя посла* (ст. 36). Здѣсь Онъ напоминаетъ имъ о расслабленномъ, о сухорукомъ исцѣленномъ, и о многихъ другихъ. О свидѣтельствѣ Іоанновомъ иной изъ нихъ, можетъ быть, сказалъ бы, что оно преувеличено и сказано по дружелюбію, хотя впрочемъ и это-то 232
не могли они сказать объ Іоаннѣ—мужѣ, исполненномъ строгаго любомудрія и столько ими самими уважаемомъ; но о дѣлахъ Христовыхъ даже крайне безумные не могли имѣть такого подозрѣнія. Поэтому Христосъ и привелъ это второе свидѣтельство, сказавъ: *дѣла, яже даде Мнѣ Отецъ, да совершу Я, та дѣла, яже Азъ творю, свидѣтельствуютъ о Мнѣ, яко Отецъ Мя посла*. Здѣсь же Онъ опровергаетъ и обвиненіе въ нарушеніи субботы. Они говорили: какъ можетъ быть отъ Бога тотъ, кто не хранитъ субботы? На это Онъ и сказалъ: *яже даде мнѣ Отецъ*. Хотя Онъ дѣйствовалъ и по собственной власти, но, желая вполнѣ показать, что Онъ не дѣлаетъ ничего противнаго Отцу, Онъ употребилъ смиреннѣйшее выраженіе.

3. Но почему Онъ не сказалъ: дѣла, которыя Отецъ далъ Мнѣ совершить, свидѣтельствуютъ, что Я равенъ Отцу? Вѣдь и то и другое можно было видѣть изъ дѣлъ Его,—и что Онъ не дѣ-

лаетъ ничего противнаго, и что Онъ равенъ Родившему Его, подобно тому какъ въ другомъ мѣстѣ, утверждая это, Онъ говорилъ: *аще и Мнѣ не вѣруете, дѣломъ Моимъ вѣруйте, да разумѣете и вѣруете, яко во Мнѣ Отецъ, и Азъ въ Немъ* (Іоан. х, 38). То и другое свидѣтельствовали о Немъ дѣла,—и что Онъ равенъ Отцу, и что ничего не дѣлаетъ противнаго Ему. Почему же Онъ такъ не сказалъ, но, оставивъ важнѣйшее, сказалъ только вышеозначенныя слова? Потому что о томъ-то и былъ прежде всего вопросъ. Хотя увѣрить, что Онъ пришелъ отъ Бога значило гораздо менѣе, нежели увѣрить, что Онъ Богъ, равный Отцу (такъ какъ первое и пророки говорили, а послѣдняго не могли сказать), однако Онъ со тщаніемъ утверждаетъ меньшее, зная, что когда будетъ принято меньшее, тогда уже легко будетъ принято и большее. Потому-то, вовсе не упоминая о высшемъ свидѣтельствѣ, Онъ приводитъ меньшее, чтобы чрезъ послѣднее они приняли и первое. Сдѣлавъ это, Онъ продолжаетъ: *и пославый Мя Отецъ самъ свидѣтельствова о Мнѣ* (ст. 37). Гдѣ же Отецъ свидѣтельствовалъ о Немъ? На Іорданѣ, когда сказалъ: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный: Того послушайте*. Но и это свидѣтельство еще требовало объясненія. Свидѣтельство Іоанна было для нихъ ясно, потому что они сами посылали къ нему и не могли отказаться отъ того; также очевидно было и свидѣтельство чудотвореній: они видѣли совершаемыя Христомъ чудеса, слышали о нихъ отъ исцѣленныхъ и вѣрили, потому и обвиняли Христа. Оставалось, наконецъ, доказать истинность свидѣтельства отъ Отца. Итакъ, намѣреваясь объяснить это, Онъ присовокупляетъ: *ни гласа Его нигдѣже слышасте*. А какъ же Моисей говоритъ: *Богъ глаголаше, Моисей же отвѣщеваше* (Исх. XIX, 19)? Какъ Давидъ: *языка, егоже не вѣдяше, услыша* (Пс. LXXX, VIII)? И какъ опять Моисей говоритъ: *аще кій языкъ слыша гласъ Бога живаго* (Втор. IV, 33)? *Ни видѣнія Его видѣсте*. Однако объ Исаіи, Іереміи и Іезекіилѣ, и многихъ другихъ сказано, что они видѣли Бога. Чтоже значатъ слова Христовы? Онъ возводитъ ихъ къ любомудрому ученію, показывая мало-помалу, что у Бога нѣтъ ни голоса, ни вида, но что Онъ выше такихъ образовъ и звуковъ. Какъ словами: *ни гласа Его слышасте* Онъ не то выражаетъ, что Богъ издаетъ голосъ, только не слышимый,—такъ и словами: *ни видѣнія Его видѣсте* выражаетъ не то, что Богъ имѣетъ лице, только незримое, а то, что въ Богѣ ничего такого нѣтъ. Именно, чтобы іудеи не сказали: напрасно Ты хвалишься, Богъ говорилъ съ однимъ только Моисеемъ [какъ
233 дѣйствительно они и говорили: *мы вѣмы, яко Моисеови глагола Богъ, сего же не вѣмы, откуду есть* (Лук. IX, 29)],—вотъ Онъ и сказалъ такъ, показывая имъ, что у Бога нѣтъ ни человѣческаго голоса,

ни вида. Да что Я говорю, продолжаетъ Онъ? Вы не только гласа Его никогда не слыхали и вида не видали, но и того, чѣмъ вы наиболѣе хвалитесь и въ чемъ всѣ вы увѣрены, будто вы принимаете и храните заповѣди Его,—и этого вамъ нельзя сказать о себѣ. Это самое Онъ давалъ имъ разумѣть, присовокупивъ: *и словесе Его не имате пребывающа въ васъ* (Іоан. v, 38), т. е. повелѣній, заповѣдей, закона, пророковъ. Хотя Богъ и далъ эти заповѣди, но ихъ нѣтъ у васъ, потому что вы не вѣруете Мнѣ. Если Писанія и здѣсь и тамъ учатъ, что надобно вѣровать Мнѣ, а вы не вѣруете,—ясно, что слово Его не пребываетъ въ васъ. Такимъ образомъ Онъ далѣе прибавляетъ: *зане Егоже Той посла, сему вы вѣры не емлете* (ст. 38). Потомъ, чтобы они не сказали: какъ же Богъ свидѣтельствовалъ о Тебѣ, когда мы не слыхали голоса Его?—говоритъ: *испытайте Писаній та бо суть свидѣтельствующая о Мнѣ* (ст. 39), и этимъ показываетъ, что Отецъ свидѣтельствовалъ чрезъ Писанія. Онъ свидѣтельствовалъ и на Іорданѣ и на горѣ; однакожъ на этотъ голосъ Христосъ не указываетъ. Можетъ статься, что они этому и не повѣрили бы, потому что въ одномъ случаѣ они и не слыхали голоса, именно на горѣ, а въ другомъ—и слышали, да не обратили вниманія. Поэтому Христосъ отсылаетъ ихъ къ Писаніямъ, показывая, что и въ нихъ есть свидѣтельство Отца. Но сперва Онъ уничтожаетъ ихъ старое самохвальство, будто они видѣли Бога, или слышали голосъ Его. Такъ какъ можно было ожидать, что они не повѣрятъ словамъ Его о голосѣ Отца, представляя себѣ то, что происходило на горѣ Синаѣ, то Христосъ, исправивъ сперва мысли ихъ объ этомъ предметѣ, показавъ, что все то сдѣлано было по снисхожденію, затѣмъ и отсылаетъ ихъ къ свидѣтельству Писаній.

4. Будемъ же и мы въ состязаніи и борьбѣ съ еретиками заимствовать для себя подкрѣпленіе изъ Писаній. *Всякое Писаніе*, говоритъ апостолъ, *богодухновенно и полезно есть ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, къ наказанію, еже въ правдѣ, да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. ш, 16, 17,)—а не такъ, чтобы одно онъ имѣлъ, а другого не имѣлъ: такой еще не совершенъ. Какая, напримѣръ, польза, скажи мнѣ, если кто молится прилежно, а милостыню подаетъ не щедро? Или щедро подаетъ милостыню, но лихоимствуетъ и притѣсняетъ другихъ, или подаетъ только на показъ людямъ и ради похвалы отъ зрителя? Или хотя подаетъ милостыню съ полнымъ усердіемъ и для благоугожденія Богу, но этимъ самымъ превозносится и высокомудрствуетъ о себѣ? Или смиряется и соблюдаетъ посты, но при этомъ сребролюбивъ, любостяжателенъ и, будучи привязанъ къ землѣ, вводитъ въ душу свою мать всѣхъ золъ? Вѣдь корень 234
всѣхъ золъ есть сребролюбіе. Будемъ страшиться его, будемъ

убѣгать этого грѣха. Сребролюбіе возмутило всю вселенную; все привело въ безпорядокъ; оно удаляетъ насъ отъ блаженнѣйшаго служенія Христу: *не можете*, говорится, *Богу работати и мамонѣ* (Матѳ. VI, 24),—потому что мамона требуетъ совершенно противнаго Христу. Христосъ говоритъ: подай нуждающимся, а мамона: отними у нуждающихся; Христосъ говоритъ: прощай злоумышляющимъ на тебя и обидящимъ, а мамона напротивъ: строй козни противъ людей, нисколько не обижающихъ тебя; Христосъ говоритъ: будь человѣколюбивъ и кротокъ, а мамона напротивъ: будь жестокъ и безчеловѣченъ, считай ни за что слезы бѣдныхъ,—и такимъ образомъ въ день суда сдѣлаетъ страшнымъ для насъ Судію. Тогда всѣ наши дѣянія предстанутъ предъ нашими глазами: обиженные и обнаженные нами лишатъ насъ всякаго оправданія. Если Лазарь, нисколько не обиженный богачемъ, а только не получившій отъ него помощи, сдѣлался строгимъ его обвинителемъ, и не допустилъ богатаго получить какое-либо снисхожденіе, то, скажи, какое оправданіе будутъ имѣть тѣ, которые не только не подаютъ милостыни изъ своего имущества, но еще присвояютъ себѣ чужое и разоряютъ домы сиротъ? Если не напитавшіе алчущаго Христа навлекли на главу свою столь великій огонь, то похищающіе чужое, ведущіе безчисленныя тяжбы, несправедливо присвояющіе себѣ имѣнія отъ всѣхъ какую получатъ отраду? Итакъ, исторгнемъ изъ себя эту страсть, а исторгнемъ, если подумаемъ о тѣхъ, которые прежде насъ дѣлали другимъ несправедливости, лихоимствовали и умерли. Не другіе ли пользуются ихъ богатствомъ и трудами, тогда какъ сами они подвержены казни, мукамъ и невыносимымъ злостраданіямъ? Не крайнее ли это безуміе—трудиться и заботиться, чтобы и при жизни истощаться отъ трудовъ, и по смерти терпѣть невыносимыя наказанія и мученія, тогда какъ надлежало бы и здѣсь наслаждаться благоденствіемъ (а ничто не доставляетъ столько удовольствія, какъ милостыня при чистой совѣсти), и по отшествіи въ другую жизнь избавиться тамъ отъ всѣхъ золъ и достигнуть безчисленныхъ благъ. Какъ порокъ здѣсь, еще прежде геенны, обыкновенно мучитъ преданныхъ ему, такъ добродѣтель еще прежде царствія доставляетъ здѣсь наслажденіе подвизающимся въ ней, услаждая ихъ жизнь пріятными надеждами и постояннымъ удовольствіемъ. Итакъ, чтобы намъ получить это удовольствіе и здѣсь и въ будущей жизни, обратимся къ добрымъ дѣламъ; такимъ образомъ сподобимся мы и будущихъ вѣнцовъ, которыхъ и да удостоимся всѣ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLI.

Испытайте Писаній, яко вы мните въ нихъ имѣти животъ вѣчный: и та суть свидѣтельствующая о Мнѣ: и не хощете пріити ко Мнѣ, да животъ имате (Іоан. v. 39, 40).

1. Много надлежитъ намъ, возлюбленные, имѣть попеченія о дѣлахъ духовныхъ; и не будемъ думать, что для спасенія достаточно заниматься ими какъ-нибудь. Если въ дѣлахъ житейскихъ ничего великаго достигнуть не можетъ тотъ, кто исполняетъ ихъ небрежно и какъ случилось, то тѣмъ болѣе такъ должно быть въ дѣлахъ духовныхъ, потому что они и требуютъ наибольшей тщатель- 235
ности. Поэтому и Христосъ, отсылая іудеевъ къ Писаніямъ, отсылалъ не для простого чтенія, а для точнаго и обдуманнаго испытанія ихъ. Онъ не сказалъ: *читайте Писанія*, но: *испытайте Писаній*, потому что сказанное о Немъ въ Писаніяхъ требовало много вниманія (какъ прикровенно сказанное для пользы людей того времени). Итакъ, Онъ повелѣваетъ имъ теперь со тщаніемъ углубляться въ Писанія, чтобы они могли найти сокровенное въ глубинѣ ихъ. Сказанное о Христѣ не поверхностно сказано и не на виду положено; но, какъ сокровище нѣкое, положено въ великой глубинѣ. А кто, отыскивая положенное въ глубинѣ, съ усердіемъ и трудомъ не станетъ искать, тотъ и никогда не найдетъ искомаго. Поэтому, сказавъ: *испытайте Писаній*, Христосъ присовокупилъ: *яко вы мните въ нихъ имѣти животъ вѣчный*. Не сказалъ: *имѣете*, но: *мните имѣти*, показывая, что надѣющіеся спастись однимъ чтеніемъ, безъ вѣры, не могутъ пріобрѣсть никакого великаго и важнаго плода. Онъ какъ бы такъ говоритъ: не уважаете ли вы Писаній? Не почитаете ли ихъ источниками жизни? На нихъ и Я теперь утверждаюсь, потому что они свидѣтельствуютъ о Мнѣ. *И не хощете пріити ко Мнѣ, да животъ вѣчный имате*. Итакъ, справедливо Онъ говорилъ: *мните*, потому что они не хотѣли повиноваться Писаніямъ, а только хвалились однимъ чтеніемъ ихъ. Далѣе, чтобы, ради великаго попеченія Его объ нихъ, не стали они подозрѣвать Его въ любочестіи, и чтобы не подумали, будто, желая отъ нихъ вѣры Себѣ, Онъ наблюдаетъ Свою выгоду (а Онъ упоминалъ и о голосѣ Іоанна, и о свидѣтельствѣ Бога Отца, и о Своихъ дѣлахъ, и обѣщалъ жизнь, и употреблялъ все, чтобы привлечь ихъ къ Себѣ), — такъ какъ, говорю, многіе вѣроятно подозрѣвали, что Онъ говорилъ такія слова изъ любви къ славѣ, то вотъ послушай, что Онъ прибавляетъ: *славы отъ человѣка не пріемлю* (ст. 41), т. е. не имѣю въ

ней нужды. Не такова, говоритъ, моя природа, чтобы Мнѣ нуждаться въ человѣческой славѣ. Если солнце отъ свѣтильника не получаетъ приращенія свѣта, тѣмъ болѣе Я далекъ отъ того, чтобы имѣть нужду въ человѣческой славѣ. А для чего говоришь это, могли сказать Ему, если не нуждаешься въ славѣ? *Да вы спасени будете* (ст. 34); это Онъ сказалъ еще прежде. Но тоже самое выражаетъ и здѣсь словами: *да животъ имате* (ст. 40). Но Онъ выставляетъ и другую причину; какую? *Разумѣхъ вы, яко любве Божія не имате въ себѣ* (ст. 42). Іудеи часто гнали Его, будто бы изъ любви къ Богу,—за то, что Онъ дѣлалъ Себя равнымъ Богу (Іоан. v, 18); съ другой стороны Онъ зналъ, что они не хотѣли вѣровать въ Него. Итакъ, если бы кто спросилъ: для чего же Ты говоришь это?—Онъ и отвѣчаетъ: для того, чтобы обличить васъ въ томъ, что вы преслѣдуете Меня не изъ любви къ Богу. И самъ Онъ свидѣтельствуетъ обо Мнѣ и дѣлами и Писаніями. Какъ прежде вы Меня гнали, считая Меня богопротивникомъ, такъ теперь, когда Я показалъ это, вамъ слѣдовало бы обратиться ко Мнѣ, если бы вы любили Бога. Но вы не любите Его: поэтому-то Я и сказалъ это, чтобы показать, что вы слишкомъ надменны и напрасно хвалитесь, прикрывая только свою зависть. Но это доказываетъ Онъ не только изъ настоящихъ обстоятельствъ, но и послѣдующихъ. *Азъ пріидохъ*, говоритъ, *во имя Отца Моего, и не пріемлете Мене: аще инъ пріидетъ во имя свое, того пріемлете* (ст. 43). Видишь ли, какъ Онъ и тамъ и здѣсь говоритъ о Себѣ, что Онъ посланъ отъ Отца, и судъ получилъ отъ Него, и ничего не можетъ дѣлать самъ отъ себя, именно для того, чтобы отсѣчь всякій предлогъ къ неправомыслію. Но о комъ это Онъ говоритъ: *пріидетъ во имя свое*? Здѣсь Христосъ намекаетъ на антихриста, и вмѣстѣ представляетъ неопровержимое доказательство ихъ неблагомыслія. Если вы преслѣдуете Меня,
236 говоритъ Онъ, изъ любви къ Богу, то гораздо болѣе слѣдовало бы такъ поступить съ антихристомъ. Онъ ничего подобнаго не будетъ говорить, то есть, что посланъ отъ Отца, что пришелъ по волѣ Его; но совершенно напротивъ, насильственно будетъ похищать все ему не принадлежащее, и называть себя богомъ надъ всѣмъ, какъ и Павелъ пишетъ: *паче всякаго глаголемаго бога, или чтилища, показующа себе, яко богъ есть* (2 Сол. II, 4). Это именно и значитъ, что онъ *пріидетъ во свое имя*. Но Я, говоритъ Христосъ, пришелъ не такъ, а во имя Отца Моего. Достаточно было и этого для доказательства, что они не любятъ Бога, такъ какъ не приняли того, кто говорилъ имъ о себѣ, что посланъ отъ Бога. Но въ настоящемъ случаѣ Онъ показываетъ безстыдство ихъ и съ противоположной стороны—изъ того, что они готовы принять

антихриста. Какъ скоро они не приняли говорившаго имъ о себѣ, что Онъ посланъ отъ Бога, но готовы были поклониться тому, который не признаетъ Бога, а превозносится и выдаетъ себя за бога надъ всѣми, то ясно, что гоненіе (на Христа) было дѣломъ зависти, а не любви къ Богу. Такимъ образомъ, Христосъ представляетъ двѣ причины на то, что сказалъ о Себѣ: сперва болѣе снисходительную, сказавъ: *да вы спасени будете*, и: *животъ имате*: потомъ,—такъ какъ они намѣревались осмѣять Его,—представляетъ и болѣе поразительную причину, показывая, что, хотя бы слушающіе и не вѣровали Ему, Богъ во всякомъ случаѣ сдѣлаетъ Ему угодное.

2. Павелъ, бесѣдуя объ антихристѣ, пророчески сказалъ: *послетъ имъ Богъ дѣйство льсти, да судъ пріимутъ вси невѣровавшіи истинѣ, но благоволившіи въ неправдѣ* (2 Сол. п, 11, 12). Но Христосъ не сказалъ, что антихристъ придетъ, но: *аще пріидетъ*, щадя слушателей, потому что ихъ нечестіе тогда еще не вполнѣ открылось. Вотъ почему Онъ умолчалъ о причинѣ пришествія антихриста; а Павелъ съ точностію означилъ эту причину для людей, могущихъ разумѣть, и тѣмъ лишилъ іудеевъ всякаго извиненія. Но далѣе Христосъ показываетъ и причину ихъ невѣрія, продолжая: *како можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы, яже отъ единаго Бога, не ищете* (ст. 44); такимъ образомъ, опять даетъ видѣть, что они дѣйствительно не заботились о славѣ Божіей, а подъ такимъ предлогомъ хотѣли только оправдать свою страсть. Въ такихъ поступкахъ они такъ далеки были отъ желанія славы Божіей, что сами искали болѣе славы человѣческой, нежели Божіей. Какъ же они могли возъимѣть такую непріязнь изъ-за славы Божіей, которою столько пренебрегали, что даже предпочитали ей славу человѣческую? Сказавъ же, что они не имѣютъ любви къ Богу, и доказавъ это двумя причинами—ихъ поступками въ отношеніи къ Нему и будущими отношеніями къ антихристу, изъяснивъ притомъ, что они не заслуживаютъ никакого прощенія, Христосъ приводитъ на обличеніе ихъ и Моисея, и такъ поражаетъ ихъ: *не мните, яко Азъ на вы реку ко Отцу: есть, иже на вы глаголетъ, Моисей, нанъже вы уповаете. Аще бо бысте вѣровали Моисеови, вѣровали бысте и Мнѣ: о Мнѣ бо той писа. Аще ли того писаніемъ не вѣруете, како Моимъ глаголомъ вѣру имете* (Іоан. v, 45—47)? Онъ какъ бы такъ говоритъ: своими дѣйствіями противъ Меня вы прежде Меня оскорбляете Моисея, потому что вы не вѣруете еще болѣе Моисею, нежели Мнѣ. Смотри, какъ Онъ со всѣхъ сторонъ лишаетъ ихъ всякаго оправданія. Вы говорите, что гоненіемъ на Меня доказываете свою любовь къ Богу? Но Я показалъ, что вы дѣлаете это по

237 нелюбви къ Нему. Вы говорите, что Я нарушаю субботу и преступаю законъ? Я отвергъ и это обвиненіе. Вы утверждаете, что по вѣрѣ въ Моисея дозволяете себѣ такіе поступки противъ Меня? Я опять вамъ объясняю, что этимъ-то въ особенности вы и доказываете свое невѣріе Моисею. Я столь далекъ отъ намѣренія идти противъ закона, что и обвинителемъ вашимъ будетъ не другой кто, а самъ тотъ, кто далъ вамъ законъ. Какъ о Писаніяхъ Христосъ говорилъ: *яко въ нихъ мните имѣти животъ вѣчный*,—подобнымъ образомъ и о Моисеѣ говоритъ: *наньже вы уповаете*, связывая іудеевъ во всякомъ случаѣ ихъ собственными словами. Откуда же видно, сказали бы, что Моисей будетъ обвинять насъ, и что Ты этимъ не напрасно хвалишься? Что общаго у Тебя съ Моисеемъ? Ты нарушаешь субботу, которую Моисей законоположилъ сохранять: какимъ же образомъ онъ можетъ обвинять насъ? Да откуда видно и то, что мы увѣруемъ въ другого, который придетъ въ свое имя? Все это Ты говоришь безъ доказательствъ. Но все это (отвѣчаетъ имъ Христосъ) выходитъ уже изъ предъидущаго. Какъ скоро Моими дѣлами, голосомъ Іоанна, свидѣтельствомъ Отца подтверждено, что Я пришелъ отъ Бога, то ясно, что Моисей будетъ обвинять васъ. Что онъ сказалъ? Не то ли, что, если явится мужъ, творящій чудеса, приводящій людей къ Богу и вѣрно предрекающій будущее,—такому съ полною довѣренностію надобно повиноваться? Христосъ не сдѣлалъ ли всего этого? Онъ и чудеса совершалъ несомнѣнно истинныя, и къ Богу всѣхъ привлекалъ, и Свои предсказанія оправдывалъ исполненіемъ ихъ. Но откуда видно, что они увѣруютъ въ другого? Изъ самой ненависти ихъ ко Христу. Отвергающіе того, кто приходитъ по волѣ Божіей, безъ сомнѣнія, примутъ богопротивника. Если же Онъ указываетъ теперь на Моисея, а прежде говорилъ: *Азъ отъ человѣка свидѣтельства не пріемлю*,—ты этому не удивляйся: Онъ не къ Моисею ихъ отсылаетъ, а къ божественнымъ Писаніямъ. Но такъ какъ Писанія мало устрашали ихъ, то Онъ обращаетъ слово къ лицу Моисея, представляя имъ обвинителя въ самомъ законодателѣ, и такимъ образомъ производитъ въ нихъ гораздо сильнѣйшій страхъ и опровергаетъ все, что ни было сказано ими. Замѣчай же: они говорили, что преслѣдуютъ Его изъ любви къ Богу,—Онъ показываетъ, что они дѣлаютъ это по нелюбви къ Богу. Они говорили, что держатся Моисея,—Онъ показываетъ, что они поступаютъ такъ по недовѣрію къ Моисею. Если они ревновали о законѣ, то имъ слѣдовало принять исполнявшаго законъ. Если любили Бога, то имъ надлежало повиноваться привлекавшему ихъ къ Богу. Если вѣрили Моисею, то имъ слѣдовало поклониться Тому, о комъ

Моисей пророчествовалъ. А если ему не вѣрили еще прежде, чѣмъ Мнѣ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что гоните и Меня, проповѣданнаго имъ. И тогда, какъ іудеи благоговѣли къ Іоанну, Христосъ доказывалъ изъ ихъ поступковъ съ Нимъ, что они презираютъ Іоанна; и теперь, когда они думаютъ, что вѣрятъ Моисею, Онъ показываетъ ихъ невѣріе, и такимъ образомъ все, чѣмъ они мечтали оправдать себя, Онъ постоянно обращаетъ на ихъ же голову. Я, говоритъ Онъ, столько далекъ отъ мысли— отвлекать васъ отъ закона, что къ обвиненію вашему призываю и самого законодателя. Впрочемъ, хотя Онъ сказалъ, что Писанія свидѣтельствуютъ о Немъ, но гдѣ они свидѣтельствуютъ, этого не присовокупилъ, желая навести на нихъ тѣмъ большій страхъ, обратить къ испытанію Писаній и поставить въ необходимость спрашивать Его самого объ этомъ. А если бы Онъ предупредилъ ихъ и объяснилъ это безъ вопросовъ съ ихъ стороны, то они отвергли бы и свидѣтельства Писаній. Теперь же, если они были внимательны къ Его словамъ,—имъ слѣдовало прежде всего
спросить объ этомъ и узнать отъ Него. Для этого-то Онъ осо- 238
бенно и распространяетъ не только Свои доказательства противъ нихъ, но и прещенія и угрозы, чтобы по крайней мѣрѣ страхомъ изрекаемыхъ на нихъ словъ вразумить ихъ. Но, и не смотря на это, они молчатъ. Такова злоба! Что бы ни говорили, что бы ни дѣлали, она не трогается, но упорствуетъ, сохраняя въ себѣ свой ядъ.

3. Поэтому надлежитъ извергать изъ души всякую злобу и никогда не сплетать никакихъ козней. *Къ строптнымъ*, сказано, *строптивыя пути посылаетъ Богъ* (Прит. XXI, 8), и: *Святый Духъ наказанія отбѣжитъ льстива и отъимется отъ помышленій неразумныхъ* (Прем. Сол. I, 5). Ничто такъ не дѣлаетъ людей глупыми, какъ злоба. Въ самомъ дѣлѣ, когда человѣкъ бываетъ коваренъ, неблагонамѣренъ, непризнателенъ (а это виды злобы), когда раздражается ничѣмъ не обиженный, строитъ ковы, то не представляетъ ли въ этомъ доказательствъ крайняго своего безумія? Съ другой стороны ничто такъ не дѣлаетъ людей разумными, какъ добродѣтель: она дѣлаетъ ихъ признательными, благонамѣренными, человѣколюбивыми, тихими, кроткими, смиренными; она обыкновенно рождаетъ и всѣ другія совершенства. Кто же можетъ быть мудрѣе человѣка съ такими расположеніями? Поистинѣ, добродѣтель есть источникъ и корень мудрости, какъ всякій порокъ беретъ начало отъ неразумія. И надменный и гнѣвливый человѣкъ увлекается этими страстями по недостатку благоразумія. Поэтому и пророкъ говорилъ: *возсмердѣша и согниша раны моя отъ лица безумія моего* (Пс. XXXVII, 6), показывая,

что всякій грѣхъ получаетъ свое начало отъ неразумія. Напротивъ, человѣкъ добродѣтельный, имѣющій въ себѣ страхъ Божій, мудрѣе всѣхъ; потому и нѣкій мудрецъ говоритъ: *начало премудрости страхъ Господень* (Прит. I, 7). Если же бояться Бога значитъ имѣть мудрость, а порочный не имѣетъ этого, то, безъ сомнѣнія, онъ лишенъ мудрости; а лишенный истинной мудрости безсмысленнѣе всѣхъ. Хотя многіе удивляются людямъ порочнымъ потому, что они могутъ дѣлать другимъ обиды и вредъ, но они не понимаютъ, что такихъ людей должно считать несчастнѣйшими изъ всѣхъ, потому что, думая вредить другимъ, они вонзаютъ мечъ въ себя самихъ; а то и есть признакъ крайняго безумія, когда кто, поражая самого себя, не сознаетъ того, но думаетъ, что онъ вредитъ другому, между тѣмъ какъ закалаетъ самъ себя. Потому и Павелъ, зная, что, поражая другихъ, мы убиваемъ себя самихъ, говоритъ: *почто не паче обидими есте? Почто не паче лишени бываете* (1 Кор. VI, 7)? Чтобы не быть обидимымъ, не надобно обижать; чтобы не терпѣть зла, не надобно дѣлать зла,—хотя это можетъ показаться загадкою людямъ обыкновеннымъ и не желающимъ любомудрствовать. Итакъ, зная это, будемъ считать несчастными и оплакивать не обижаемыхъ и оскорбляемыхъ, а дѣлающихъ другимъ обиды и оскорбленія. Эти-то люди наиболѣе страдаютъ, потому что они вооружаютъ противъ себя Бога, отверзаютъ уста тысячѣ обвинителей, пріобрѣтаютъ худую славу въ этой жизни и навлекаютъ на себя великую казнь въ будущемъ вѣкѣ. Напротивъ обижаемые и все великодушно переносящіе преклоняютъ и Бога къ милосердію и всѣхъ людей къ состраданію имъ, къ похваламъ и благорасположенію. Такіе люди, представляя величайшее доказательство своего любомудрія, и въ этой жизни пріобрѣтаютъ великую славу, и къ будущей получатъ вѣчныя блага, которыхъ да сможемъ достигнуть и всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLII.

По сихъ иде Іисусъ на онъполъ моря Галилеи Тиверіадска: и по Немъ идяше народъ многъ, яко видяху знаменія Его, яже творяше надъ недужными. Взыде же на гору Іисусъ, и ту сѣдяше со ученики своими. Бѣ же близъ пасха, праздникъ жидовскій (Іоан. VI, 1—4).

239 1. Не надобно, возлюбленные, входить въ состязанія съ злыми людьми; но научимся, если только это не повредитъ нашей до-

бродѣтели, уступать мѣсто ихъ злымъ навѣтамъ. Такимъ образомъ укрощается всякая дерзость. Какъ стрѣлы, попадая во что-нибудь упругое, твердое и противодѣйствующее, съ большею силою отскакиваютъ назадъ — на пустившихъ ихъ; когда же стремительность ихъ полета не встрѣчаетъ противодѣйствія, то скоро теряетъ силу и прекращается, — такъ бываетъ и съ дерзкими людьми. Когда мы идемъ наперекоръ имъ, они еще болѣе свирѣпѣютъ; когда же уступаемъ имъ и отстаемъ отъ нихъ, тѣмъ легко укрощаемъ ихъ неистовство. Такимъ образомъ и Христосъ, узнавъ о дошедшемъ до фарисеевъ слухѣ, что Онъ пріобрѣтаетъ Себѣ учениковъ и крещаетъ болѣе, чѣмъ Іоаннъ, отошелъ въ Галилею, чтобы погасить въ нихъ зависть и Своимъ удаленіемъ укротить ихъ ярость, которая, конечно, родилась въ нихъ отъ этихъ вѣстей. Однакожъ, удалившись опять въ Галилею, Онъ идетъ уже не въ прежнія мѣста, — пришелъ не къ Кану, а на ту сторону моря. *И по Немъ идяше народъ многъ, яко видяху знаменія, яже творяше.* Какія знаменія? Почему евангелистъ не говоритъ о каждомъ изъ нихъ? Потому, что этотъ евангелистъ заботится о томъ, чтобы большую часть книги наполнить словами и бесѣдами Христа къ народу. Вотъ смотри: въ продолженіе цѣлаго года, даже и въ праздникъ Пасхи, евангелистъ не упоминаетъ ни объ одномъ чудѣ, кромѣ исцѣленія разслабленнаго и еще сына у царедворца. Евангелистъ не о томъ заботится, чтобы все пересказать: это и не возможно было бы; но изъ многаго и великаго — только немногое. *И по Немъ идяше,* говоритъ, *народъ многъ, яко видяху знаменія, яже творяше.* Это слѣдованіе за Христомъ было дѣломъ не очень твердаго убѣжденія; іудеи увлекались болѣе чудесами, нежели высотою ученія, которое слышали; а это было признакомъ грубыхъ душъ: знаменія, сказано, не для вѣрующихъ, а для невѣрныхъ (1 Кор. xiv, 22). Но не таковъ былъ народъ, упоминаемый у Матѳея, а вотъ, послушай, каковъ: *ужасахуся вси о ученіи Его,* говоритъ Матѳей, *зане учаше ихъ, яко власть имый* (Матѳ. vii, 28, 29). Но для чего Христосъ восходитъ теперь на гору и тамъ садится съ учениками? Для совершенія имѣющаго быть чуда. А что взошли на гору только ученики, это — вина народа, который не послѣдовалъ за Нимъ. Но не для этого только Онъ восходитъ на гору, а и для того, чтобы научить насъ всегда уклоняться отъ шума и народной молвы, потому что уединеніе способствуетъ любомудрію. Впрочемъ, Онъ часто и одинъ восходилъ на гору и проводилъ тамъ ночь въ молитвѣ, научая насъ, что особенно приступающему къ Богу должно удаляться отъ всякаго шума и искать безмолвнаго времени и мѣста. *Бѣ же близъ Пасхи, праздникъ жидовскій.* Почему же

Онъ, скажешь, не идетъ на праздникъ, но, тогда какъ всѣ спѣшатъ въ Іерусалимъ, отправляется въ Галилею, и не самъ только,
240 а ведетъ съ Собою и учениковъ, и оттуда — въ Капернаумъ? Это потому, что Онъ понемногу начиналъ уже отрѣшать законъ, имѣя поводъ къ тому въ коварствѣ іудеевъ. *И возведъ очи, видѣ многъ народъ* (VI, 5). Здѣсь евангелистъ показываетъ, что Онъ никогда не сидѣлъ съ учениками безъ дѣла, но что-нибудь излагалъ имъ, вѣроятно, съ особенною обстоятельностію, училъ и привлекалъ къ Себѣ. Отсюда можно видѣть, какое Онъ имѣлъ попеченіе о нихъ, и какъ кротко и снисходительно обращался съ ними. Они, сидя съ Нимъ, вѣроятно, смотрѣли другъ на друга. Потомъ, воззрѣвъ, Христосъ видитъ народъ, идущій къ Нему.

Другіе евангелисты говорятъ, что ученики, приступивъ къ Нему, просили и умоляли Его не отпускать народъ голоднымъ (Матѳ. XIV, 15; Лук. IX, 12); а Іоаннъ замѣчаетъ, что Христосъ предложилъ объ этомъ вопросъ Филиппу. Мнѣ кажется, справедливо и то, и другое; только происходило не въ одно и то же время, но одно было прежде другого: поэтому одно было такъ, а другое — иначе. Почему же Онъ спрашиваетъ Филиппа? Потому, что зналъ, которые изъ учениковъ Его наиболѣе требуютъ наученія. А это — тотъ самый Филиппъ, который впослѣдствіи говорилъ: *покажи намъ Отца и довлѣетъ намъ* (Іоан. XIV, 8). Потому Христосъ заранѣе и наставляетъ его: если бы чудо совершилось безъ предваренія, то оно не показалось бы столь дивнымъ; но теперь Христосъ предварительно побуждаетъ Филиппа признаться, что (въ пищѣ) скудость, чтобы, сознавъ, какъ велика была она, онъ тѣмъ лучше уразумѣлъ величіе имѣвшаго совершиться чуда. И вотъ что Христосъ говоритъ Филиппу: *чимъ купимъ хлѣбы, да ядятъ сіи* (ст. 5)? Такъ и въ ветхомъ завѣтѣ Богъ говорилъ Моисею (а совершилъ чудо не прежде, какъ спросилъ его): *что есть въ руцѣ твоей* (Исх. IV, 2)? Такъ какъ событія необычайныя, неожиданно случающіяся, обыкновенно приводятъ въ забвеніе предшествовавшія обстоятельства, то Богъ предварительно связалъ Моисея признаніемъ настоящаго положенія своего, чтобы онъ, будучи потомъ пораженъ удивленіемъ, уже не могъ забыть того, что самъ призналъ, и такимъ образомъ, чрезъ сравненіе одного съ другимъ, позналъ величіе чуда. Тоже и здѣсь происходитъ. Спрошенный Филиппъ отвѣчаетъ: *двѣма стома пѣнязь хлѣбы не довлѣютъ имъ, да кійждо ихъ мало что пріиметъ. Сіе же глаголаше, искушая его: самъ бо вѣдяше, что хощетъ сотворити* (ст. 6 и 7). Что значитъ: *искушая его*? Развѣ Христосъ не зналъ, что будетъ сказано Ему Филиппомъ? Этого нельзя думать.

2. Какой же смыслъ этого изреченія? Его можно понять при пособіи ветхаго завѣта. Тамъ также говорится: *и бысть по глаголѣхъ сихъ, Богъ искушаше Авраама. И рече: поими сына твоего возлюбленнаго, егоже возлюбилъ еси, Исаака* (Быт. ххii, 1, 2). Но Богъ представляется тамъ говорящимъ это не потому, чтобы хотѣлъ чрезъ искушеніе узнать послѣдствіе, то есть, будетъ ли Ему повиноваться Авраамъ, или нѣтъ (нужно ли это для Того, Кто *вѣдаетъ вся, прежде бытія ихъ*—Дан. хiii, 42). Но въ томъ и въ другомъ случаѣ сказано человѣкообразно. Въ томъ случаѣ, когда Писаніе говоритъ, что Богъ испытуетъ сердца человѣческія (Рим. viii, 27), оно показываетъ испытаніе, свойственное не невѣдѣнію, а напротивъ совершенному вѣдѣнію; и когда говоритъ: *искушаше*, выражаетъ не иное что, какъ вѣдѣніе совершенное. Можно и иначе объяснить это, — именно, что Богъ дѣлаетъ человѣка чрезъ искушеніе болѣе испытаннымъ, — и какъ тогда Авраама, такъ теперь Филиппа вопросомъ приводитъ Онъ къ точному уразумѣнію чуда. Потому-то, чтобы ты, остановившись на 241
простотѣ изреченія, не пришелъ къ какой-либо неумѣстной мысли о вышесказанномъ, евангелистъ и присовокупляетъ: *самъ бо вѣдяше, что хощетъ сотворити*. Притомъ надобно и то замѣтить, что, какъ скоро могло быть какое-либо злое подозрѣніе, евангелистъ немедленно съ великимъ стараніемъ устраняетъ его. И вотъ, какъ здѣсь, чтобы слушатели не возъимѣли такого подозрѣнія, онъ присовокупляетъ ограниченіе, замѣтивъ: *самъ бо вѣдяше, что хощетъ сотворити*, такъ, когда сказалъ, что іудеи гнали Его, *яко не токмо разоряше субботу, но и отца своего глаголаше Бога, равенъ ся творя Богу* (Іоан. v, 18), евангелистъ и здѣсь прибавилъ бы отъ себя замѣчаніе, если бы это не было намѣреніемъ самого Христа, подтвержденнымъ дѣлами Его. Если евангелистъ всегда предостерегаетъ, чтобы кто не заподозрилъ словъ самого Христа, то, гораздо болѣе, онъ остерегался бы этого при изложеніи того, что говорили о Христѣ другіе, когда бы замѣчалъ, что о Немъ держатся не надлежащаго мнѣнія. Но евангелистъ въ настоящемъ случаѣ не сдѣлалъ этого, потому что зналъ, что такова мысль самого Христа и таково Его непоколебимое опредѣленіе. Поэтому, сказавъ: *равенъ ся творя Богу*, онъ не сдѣлалъ никакого замѣчанія, такъ какъ это не было ихъ испорченное понятіе, а мысль истинная, утвержденная дѣлами Христа. Между тѣмъ, когда былъ спрошенъ Филиппъ, Андрей, братъ Симона, Петра, сказалъ: *есть отрочищъ здѣ единъ, иже иматъ пять хлѣбъ ячменныхъ, и двѣ рыбѣ; но сіи что суть на толико* (ст. 9)? Андрей становится выше Филиппа; но и онъ не совсѣмъ понялъ дѣло. Я думаю, что онъ и не просто это сказалъ, а потому, что слы-

шалъ о чудесахъ пророковъ, о томъ, наприм., какъ Елисей совершилъ чудо надъ хлѣбами. Поэтому, хотя Андрей и взошелъ на нѣкоторую высоту, но не смогъ достигнуть самой вершины.

Отсюда же познаемъ мы, преданные сластолюбію, чѣмъ питались тѣ великіе и дивные мужи; обратимъ вниманіе на то, какъ скудна была ихъ трапеза и по количеству и по качеству пищи, и будемъ подражать имъ. Но послѣдніе слова Андрея показываютъ великую немощь. Сказавъ: *имать пять хлѣбовъ ячменныхъ*, онъ присовокупилъ: *но сіи что суть на толико?* Онъ думалъ, что чудотворецъ могъ бы сдѣлать только изъ малаго малое, а изъ большаго большее. Но было не такъ. Для Господа равно легко было изъ большаго или меньшаго числа хлѣбовъ произвесть изобиліе въ нихъ, потому что Онъ не нуждался для этого въ готовомъ веществѣ. Но, чтобы не думали, что тварь чужда Его премудрости (какъ впослѣдствіи говорили клеветники—маркіониты), Онъ для совершенія чудесъ употребляетъ въ орудіе самую тварь. Итакъ, когда оба ученика не знали, что дѣлать, онъ тогда уже и совершаетъ чудо. Признавъ предварительно трудность дѣла, они, такимъ образомъ, получали болѣе пользы,—именно тѣмъ, что, когда оно совершится, они тѣмъ болѣе должны были познать силу Божію. Такъ какъ должно было совершиться чудо, которое творили и пророки, хотя не одинаковымъ образомъ, съ другой же стороны Христосъ, предъ совершеніемъ его, имѣлъ намѣреніе воздать хвалу Богу, то, чтобы ученики не впали въ какую-либо немощную мысль, — смотри, какъ Христосъ возвышаетъ чудо надъ всѣми другими самымъ образомъ совершенія его, и показываетъ его отличіе отъ чудесъ пророческихъ. Еще прежде, чѣмъ явились хлѣбы, Онъ уже творитъ чудо, чтобы ты зналъ, что Ему подчинено и не существующее, какъ существующее, какъ говоритъ Павелъ: *нарицаяй не*
242 *сущая, яко сущая* (Рим. IV, 17). Какъ бы уже готова была трапеза, и совсѣмъ устроена, Онъ повелѣваетъ народу немедленно возлечь, и уже этимъ возбуждаетъ мысль учениковъ. А они, уже получивъ пользу отъ сдѣланняго имъ вопроса, тотчасъ повиновались, не смутились и не сказали: что это значитъ? Какъ ты повелѣваешь возлечь, когда еще ничего предъ нами нѣтъ? Такимъ образомъ тѣ, которые вначалѣ такъ мало имѣли вѣры, что говорили: откуда намъ купить хлѣба?—тѣ стали вѣрить еще прежде, чѣмъ увидѣли чудо, и теперь охотно размѣщали народъ. Но почему Христосъ, предъ исцѣленіемъ разслабленнаго, предъ воскрешеніемъ мертваго, предъ укрощеніемъ моря, не молился; а здѣсь, надъ хлѣбами, это дѣлаетъ? Онъ этимъ показываетъ, что, приступая къ пищѣ, намъ должно воздавать благодареніе

Богу. Съ другой стороны, Онъ дѣлалъ это обыкновенно въ случаяхъ не очень важныхъ, чтобы ты зналъ, что Онъ это дѣлаетъ не по какой-либо нуждѣ. А если бы нуждался (въ молитвѣ), то скорѣе Онъ дѣлалъ бы это въ чудотвореніяхъ важнѣйшихъ. Но совершавшій важнѣйшія чудеса Своею властію, безъ сомнѣнія, и молитву совершалъ по снисхожденію.

3. Притомъ же, тутъ было много народа, и его надлежало убѣдить, что Христосъ пришелъ по волѣ Божіей. Поэтому, когда Онъ творитъ какое-нибудь чудо наединѣ, то ничего такого не показываетъ; а когда совершаетъ чудо при многихъ, то, чтобы они увѣровали, что Онъ не врагъ Богу, не противникъ Родившему Его, чрезъ возношеніе хвалы уничтожаетъ такое подозрѣніе. *И даде возлежащимъ, и насытишася* (ст. 11, 12). Видишь ли, какое разстояніе между рабомъ и Господомъ? Рабы чудодѣйствовали, имѣя благодать только отчасти; а Богъ совершаетъ все съ полнымъ всемогуществомъ, во всей обширности. *И глагола ученикомъ: соберите избытки укрухъ. Собраша же и исполниша двандесяте кошя* (ст. 12, 13). Это не лишнее было доказательство чуда, но сдѣлано было именно для того, чтобы не считали такого дѣла призракомъ; для того-то и совершилъ Онъ чудо изъ готоваго вещества. Но почему Онъ далъ нести кошницы не народу, а ученикамъ? Потому, что хотѣлъ въ особенности ихъ научить, какъ будущихъ учителей вселенной. А народъ немного пользы извлекалъ изъ чудесъ; онъ скоро ихъ забывалъ и просилъ потомъ другихъ чудесъ; ученики же должны были извлечь не маловажную пользу. Это было не малымъ осужденіемъ и для Іуды, который также носилъ кошницу. А что это было сдѣлано для наученія ихъ, видно изъ сказаннаго впослѣдствіи,—когда Христосъ напоминалъ имъ объ этомъ случаѣ: *ни ли разумнете, колико кошъ взясте* (Матѳ. XVI, 9)? По этой причинѣ и число кошницъ съ остатками хлѣбовъ было равно числу учениковъ. Впослѣдствіи же, когда они уже были научены, остатковъ было не столько, а семь кошницъ. Но я дивлюсь не только такому умноженію хлѣбовъ, но и, при множествѣ ихъ, опредѣленному количеству остатковъ. Онъ произвелъ ихъ ни больше, ни меньше, а именно столько, сколько хотѣлъ, предвидя, сколько будетъ употреблено, что было дѣломъ Его неизглаголанной силы. Итакъ, самые укрухи удостовѣряли въ дѣйствительности чуда, показывая и то, что это событіе было не призракомъ, и то, что укрухи остались именно отъ тѣхъ хлѣбовъ, которые народъ ѣлъ. Что же касается до чуда надъ рыбами, то оно тогда было совершено изъ готовыхъ рыбъ; а послѣ, по воскресеніи Христа, уже не изъ готоваго вещества. Для чего? Чтобы мы знали, что и теперь

Онъ употребилъ готовое вещество не по нуждѣ, не потому, чтобы нуждался въ основѣ, а чтобы заградить уста еретиковъ. *Человѣцы*
243 *же глаголаху: сей есть воистину пророкъ* (ст. 14). О, непомѣрное чревоугодіе! Тысячи дѣлъ, гораздо болѣе дивныхъ, совершилъ Христосъ, и они не исповѣдали этого, а только теперь, когда насытились. Но изъ ихъ словъ видно, что они ожидали какого-то особеннаго пророка, потому что и Крестителю они говорили: *пророкъ ли еси* (Іоан. I, 21), — и здѣсь: *сей есть пророкъ. Іисусъ убо разумѣвъ, яко хотятъ пріити, да восхитятъ Его, и сотворятъ Его царя, отъиде въ гору* (ст. 15). Увы, какъ преобладало въ нихъ чревоугодіе! Какое было непостоянство въ мысляхъ! Они уже не защищаютъ законъ, уже не обращаютъ вниманія на нарушеніе субботы, уже не ревнуютъ по Богѣ: они бросили все, лишь только чрево было наполнено. Христосъ сталъ для нихъ и пророкомъ, они хотятъ поставить Его и царемъ; но Онъ уклоняется. Для чего? Чтобы научить насъ презирать мірскія почести, и показать, что Онъ ни въ чемъ земномъ не нуждается. Избравшій для себя все убогое: и мать, и домъ, и городъ, и воспитаніе, и одежду—не хотѣлъ славиться и земными отличіями. Что имѣлъ Онъ въ небесахъ, то было славно и велико: ангелы, и звѣзда, и Отецъ глаголющій, и Духъ свидѣтельствующій, и пророки, издалека предвозвѣстившіе о Немъ; а что было у Него на землѣ, то все было уничиженно, чтобы тѣмъ болѣе проявлялась Его сила. Пришелъ же Онъ и насъ научить — презирать мірское и никогда не увлекаться и не поражаться житейскимъ блескомъ, но, отвергая все это, стремиться сердцемъ къ будущему. А кто увлекается здѣшнимъ, тотъ уже не станетъ восхищаться небеснымъ. Поэтому Онъ и Пилату говорилъ: *царство мое нѣсть отсюду* (Іоан. XVIII, 36), чтобы не подумали объ Немъ, будто Онъ для внушенія людямъ вѣры къ Себѣ употреблялъ страхъ и силу. Но какъ же пророкъ сказалъ: *се царь твой грядетъ тебѣ кротокъ, и всѣдъ на подъяремника* (Зах. IX, 9)? Здѣсь пророкъ говоритъ о царствѣ иномъ, небесномъ, а не земномъ. Потому-то Христосъ говорилъ также: *славы отъ человѣкъ не пріемлю* (Іоан. V, 44).

4. Научимся же, возлюбленные, презирать человѣческія почести и не желать ихъ. Мы почтены величайшею честію, сравнительно съ которою почесть земная поистинѣ — безчестіе, смѣхъ и шутовство. Какъ и богатство земное сравнительно съ небеснымъ — убожество, и жизнь эта безъ той — смерть (*остави*, говоритъ Христосъ, *мертвыхъ погребсти своя мертвецы*—Матѳ. VIII, 22), такъ и слава здѣшняя въ сравненіи съ тою — стыдъ и смѣхъ. Не будемъ же гоняться за нею. Если и тѣ самые, которые воздаютъ ее другимъ, ничтожнѣе тѣни и сновидѣній, то тѣмъ бо-

лѣе самая слава. *Слава человѣча, яко цвѣтъ травный* (1 Петр. I, 24). А что можетъ быть ничтожнѣе цвѣта травнаго? Но если бы слава земная была и долговѣчна, — какую пользу могла бы она принести для души? Никакой. Она даже причиняетъ величайшій вредъ, дѣлая людей рабами, хуже невольниковъ, — рабами, которые повинуются не одному господину, а двумъ, тремъ и безчисленнымъ, дающимъ различныя приказанія. Во сколько разъ лучше быть свободнымъ, нежели рабомъ, — свободнымъ отъ рабства людямъ, а рабомъ владычества Божія! Наконецъ, если хочешь любить славу, люби, но — славу безсмертную, потому что она и блистательнѣе, и пользы отъ нея больше. Люди велятъ тебѣ угождать имъ съ ущербомъ для тебя самого; а Христосъ, напротивъ, за каждое твое даяніе воздаетъ тебѣ сторицею, и къ тому прилагаетъ еще жизнь вѣчную. Что лучше, на землѣ ли 244
быть прославляему, или на небесахъ, — отъ людей ли, или отъ Бога, — со вредомъ ли для себя, или съ пользою, — увѣнчеваться ли на одинъ день, или на безконечные вѣки? Ты подай нуждающемуся, а не давай пляшущему, чтобы съ деньгами не погубить тебѣ и души его. Чрезъ неумѣстную щедрость ты становишься виновникомъ его погибели. Если бы плясуны знали, что ихъ искусство останется безъ прибыли, то они давно перестали бы заниматься имъ. Но они видятъ, что ты рукоплещешь, бѣжишь къ нимъ, входишь въ издержки, истрачиваешь все достояніе на нихъ; поэтому, хотя бы и не хотѣли продолжать своего дѣла, увлекаются однакожъ желаніемъ прибыли. Если бы они знали, что никто не станетъ хвалить ихъ ремесла, то немедленно оставили бы свои труды, какъ неприбыльные. Но когда видятъ, что дѣло ихъ служитъ для многихъ предметомъ удивленія, то похвала другихъ дѣлается для нихъ приманкою. Оставимъ же безполезныя издержки. Научимся, на что и когда должно издерживать свое достояніе, чтобы не прогнѣвить намъ Бога въ обоихъ случаяхъ: и собирая, откуда не слѣдуетъ, и расточая, на что не должно. Какого гнѣва не заслуживаешь ты, когда даешь деньги блудницѣ, но проходишь мимо нищаго безъ вниманія? Если бы ты давалъ и отъ праведныхъ трудовъ, и тогда не грѣшно ли было бы давать награду за порокъ и честь за то, за что слѣдовало бы наказывать? Когда же ты питаешь свое сладострастіе, ограбляя сиротъ и обижая вдовъ, то подумай, какой огонь ожидаетъ дерзающихъ на такія дѣла? Послушай, что говоритъ Павелъ: *не точію сами творятъ, но и соизволяютъ творящимъ* (Рим. I, 32). Быть можетъ, мы уже слишкомъ укоряемъ васъ; но, если бы мы и не укоряли, все же наказанія ожидаютъ неисправимыхъ грѣшниковъ. Что же пользы угождать словами тѣмъ, которые

на самомъ дѣлѣ подлежать наказаніямъ? Ты одобряешь плясуна? Хвалишь, восхищаешься имъ? Итакъ, ты хуже и его самого, потому что онъ можетъ извиняться бѣдностію, хотя и не основательно, а ты не имѣешь и этого оправданія. Если я спрошу его, зачѣмъ онъ, оставивъ прочія занятія, обратился къ этому презрѣнному и непотребному,—онъ скажетъ, что въ этомъ занятіи, трудясь немного, онъ можетъ получить прибыли много. А если я спрошу тебя, почему ты восхищаешься человѣкомъ распутнымъ, живущимъ на погибель другихъ,—ты не можешь прибѣгнуть къ тому же оправданію, но принужденъ будешь поникнуть долу, устыдиться и краснѣть. Итакъ, если намъ, требующимъ отъ тебя отчета, ты не имѣешь ничего сказать, то какъ мы устоимъ, когда откроется то страшное и неумолимое судилище, на которомъ мы должны будемъ отдать отчетъ и въ помыслахъ, и въ дѣлахъ, и во всемъ? Какими очами воззримъ на Судію? Что скажемъ? Чѣмъ оправдаемся? Какое представимъ извиненіе — благовидное, или неблаговидное? Издержки ли, удовольствіе ли, или гибель другихъ, которыхъ мы губимъ, поддерживая ихъ ремесло? Ничего нельзя будетъ сказать, но неизбѣжно подвергнемся казни, не имѣющей конца, не знающей предѣла. Чтобы этого не случилось съ нами, отселѣ будемъ всячески осторожны, и, такимъ образомъ, по отшествіи отсюда съ благою надеждою, мы достигнемъ вѣчныхъ благъ, которыя и да получимъ всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLIII.

Яко поздѣ бысть, снидоша ученицы Его на море, и влѣзоша въ корабль, и идяху на онъполъ моря въ Капернаумъ. И тма абіе бысть, и не у бѣ пришелъ къ нимъ Іисусъ. Море же, вѣтру велію дыхающу, воздвизашеся (Іоан. VI, 16—18).

245 1. Христосъ, не только находясь тѣломъ съ учениками Своими, но и будучи далеко отъ нихъ, устрояетъ полезное для нихъ. Какъ всемогущій и премудрый, Онъ и противные случаи направляетъ къ одной цѣли. Вотъ смотри, что Онъ дѣлаетъ и въ настоящемъ случаѣ: Онъ оставляетъ учениковъ и восходитъ на гору. Они, оставленные Учителемъ, такъ какъ уже было позднее время, сошли къ морю и до вечера оставались въ ожиданіи Его возвращенія. А когда наступилъ вечеръ, они уже не могли удержаться, чтобы не пойти и не поискать Его: такъ сильна

была любовь ихъ къ Нему. Они не говорятъ: теперь вечеръ, и ночь наступаетъ, куда же теперь мы пойдемъ? Мѣсто опасное и время небезопасное. Но, пламенѣя любовію къ Нему, они сходятъ на корабль. Евангелистъ не безъ цѣли, конечно, означаетъ и время, а для того, чтобы тѣмъ показать пламенную ихъ любовь Для чего же Христосъ оставляетъ ихъ и удаляется, а еще болѣе—для чего является одинъ, идя по морю? Въ первомъ случаѣ Онъ научалъ ихъ, каково имъ быть безъ Него, и хотѣлъ усилить въ нихъ любовь къ Нему; а въ другомъ—Онъ показывалъ имъ опять Свое могущество. Какъ не съ народомъ только они слушали ученіе, такъ не съ народомъ только видѣли и чудеса. Тѣмъ, которые должны были получить власть надъ вселенной, надлежало имѣть нѣчто болѣе, чѣмъ другимъ. А какія чудеса, спросишь, они видѣли одни? Преображеніе на горѣ, настоящее чудо на морѣ, многія и великія чудеса по воскресеніи, а по этимъ я заключаю и о другихъ. Шли же они въ Капернаумъ, не зная навѣрное, но только надѣясь встрѣтить Его тамъ, или даже во время плаванія. На это сдѣлалъ намекъ и Іоаннъ, сказавъ, что *тма абіе бысть, и не у бѣ пришелъ къ нимъ Іисусъ, море же, вѣтру велію дыхающу, воздвизашеся*. Чего же они смущаются? Многія и различныя обстоятельства приводили ихъ въ смущеніе: и время, потому что была тьма, и буря, потому что море воздымалось, и мѣсто, потому что они были не близко отъ земли, но отплыли *яко стадій двадесять пять*, и наконецъ, необычайность явленія, потому что они видятъ Его ходящимъ по морю. При этомъ-то сильномъ ихъ смущеніи, Онъ говоритъ имъ: *Азъ есмь, не бойтеся* (ст. 20). Для чего же Онъ явился? Что бы показать, что Онъ есть тотъ, кто укротитъ бурю. На это указалъ евангелистъ, сказавъ: *хотяху пріяти Его, и абіе корабль бысть на земли* (ст. 21). Значитъ (Христосъ) сдѣлалъ ихъ плаваніе не только безопаснымъ, но и благопоспѣшнымъ. Народу Онъ не показалъ Себя ходящимъ по морю, потому что это чудо было выше его немощи. Да и ученики не 246
долго видѣли Его въ этомъ положеніи, а едва лишь Онъ явился имъ, какъ и удалился. Мнѣ кажется, это чудо другое, а не то, которое разсказывается у Матѳея (гл. XIV), и что оно дѣйствительно другое, это видно изъ многаго. Христосъ часто совершалъ одни и тѣ же чудеса съ тѣмъ, чтобы не только привесть зрителей въ великое изумленіе, но и приготовить ихъ принимать эти чудеса съ многою вѣрою. *Азъ есмь, не бойтеся*. Сказавъ эти слова, Онъ изгналъ страхъ изъ ихъ душъ; а въ другомъ мѣстѣ Онъ поступаетъ не такъ. Потому-то и Петръ говорилъ: *Господи, аще ты еси, повели мнѣ пріити къ Тебѣ* (Матѳ. XIV, 28). Отчего же они тогда приняли эти слова не вдругъ, а теперь повѣрили? Оттого, что

тогда буря продолжала еще качать корабль, а теперь вмѣстѣ съ словами Христа наступала тишина; или, если не по этой причинѣ, то по той, о которой я сказалъ прежде, т. е., что Христосъ, часто совершая одни и тѣ же чудеса, чрезъ чудеса предъидущія дѣлалъ болѣе удобопреемлемыми чудеса послѣдующія. Для чего же Онъ не взошелъ на корабль? Чтобы сдѣлать чудо болѣе поразительнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ яснѣе открыть имъ Свое божество, и показать, что и тогда, когда Онъ благодарилъ, дѣлалъ это не потому, чтобы нуждался въ помощи, а изъ снисхожденія къ нимъ. Итакъ, Онъ попустилъ быть бурѣ, чтобы они всегда искали Его, потомъ вдругъ прекратилъ ее, чтобы показать Свою силу, и не взошелъ на корабль, чтобы сдѣлать чудо поразительнѣе. *Воутрій же, народъ, иже стояше, видѣвъ, яко корабля иного не бѣ ту, токмо единъ той, въ оньже внидоша ученицы Его, и яко Іисусъ не вниде,* вошелъ и самъ въ другіе корабли, пришедшіе отъ Тиверіады (ст. 22—24). Для чего же съ такою обстоятельностію повѣствуетъ Іоаннъ? Почему бы ему не сказать: а на другой день переправился на ту сторону и народъ? Этимъ Онъ хочетъ показать намъ нѣчто другое. Что же такое? Что Христосъ и народу, хотя не прямо, но косвенно, далъ возможность уразумѣть случившееся. Видѣли, говоритъ, *яко корабля иного не бѣ ту, токмо единъ, и яко Іисусъ не вниде,* и вошедши въ корабли тиверіадскіе, *пріидоша въ Капернаумъ ищуще Іисуса.* Что другое, въ самомъ дѣлѣ, можно было подумать кромѣ того, что Онъ перешелъ море, пѣшешествуя по нему (потому что нельзя было сказать, что Онъ переправился на другомъ какомъ-либо кораблѣ: *единъ бѣ,* сказано, *въ оньже внидоша ученицы Его).* Однакожъ, и послѣ такого чуда, они, пришедши, не спросили Его, какъ Онъ переправился, какъ прибылъ, и не позаботились узнать о такомъ чудѣ; а что говорятъ? *Равви, когда здѣ бысть* (ст. 25)? Развѣ кто станетъ утверждать, что слово: *когда* ими сказано здѣсь вмѣсто: *какъ.*

2. Слѣдуетъ и здѣсь обратить вниманіе на непостоянство ихъ мыслей. Тѣ, которые говорили: *сей есть пророкъ,* которые старались восхитить Его и сдѣлать царемъ, нашедши Его, не думаютъ ни о чемъ такомъ, но забывъ, какъ мнѣ кажется, о чудѣ, болѣе уже не удивляются ничему прежде бывшему. Они искали Его, но, конечно, потому, что хотѣли опять насладиться
247 трапезою такъ же, какъ прежде. Перешли нѣкогда Чермное море и іудеи, подъ предводительствомъ Моисея; но большое различіе между тѣмъ, что было тамъ, и что—здѣсь. Тотъ все совершалъ молясь, и какъ рабъ; а этотъ—со всею властію. Тамъ вода уступила напору вѣтра, такъ что можно было перейти по-суху; здѣсь же было большее чудо: море оставалось въ своемъ естественномъ

состояніи и такимъ образомъ носило Владыку на своемъ хребтѣ, подтверждая изреченіе, которое говоритъ: *ходяй по морю, яко по земли* (Іов. IX, 8). Между тѣмъ благовременно совершилъ Онъ чудо надъ хлѣбами, намѣреваясь войти въ строптивый и непокорный Капернаумъ. Онъ хотѣлъ смягчить невѣріе жителей этого города чудесами, не только бывшими въ немъ, но и совершенными внѣ его. Стеченіе въ этотъ городъ такого множества народа, выказавшаго великое усердіе, какого не могло бы смягчить и камня? Но съ ними не случилось ничего подобнаго: нѣтъ,—они желали только пищи тѣлесной, а потому Іисусъ и укоряетъ ихъ. Зная это, возлюбленные, будемъ благодарить Бога и за чувственныя блага, но еще гораздо болѣе—за духовныя. Этого хочетъ и Онъ, и ради этихъ-то благъ даруетъ и тѣ, привлекая и научая ими несовершенныхъ, какъ людей еще сильно привязанныхъ къ міру. Впрочемъ, если они, получивъ эти блага, на нихъ и останавливаются, то подвергаются осужденію и наказанію. Вотъ и разслабленному Христосъ хотѣлъ дать прежде благо духовное, но присутствующіе этого не вынесли. На Его слова: *отпущаются тебѣ грѣси твои* (Матѳ. IX, 2) они сказали: *сей хулитъ*.

Да не будетъ же съ нами, убѣждаю васъ, ничего подобнагò; но блага духовныя да будутъ предметомъ нашихъ особенныхъ заботъ. Почему? Потому, что когда есть блага духовныя, не бываетъ никакого вреда отъ неимѣнія благъ тѣлесныхъ. А если нѣтъ ихъ, то какая намъ останется надежда, какое утѣшеніе? Потому о нихъ всегда нужно молить Бога и ихъ просить. О нихъ молиться научилъ насъ и Христосъ. И если мы вникнемъ въ ту молитву, то не найдемъ въ ней ничего плотского, но все 248
духовное. Даже и то немногое чувственное, о чемъ мы просимъ въ ней, становится отъ образа прошенія духовнымъ. Уже и одно наставленіе не просить ничего болѣе, какъ только хлѣба *насущнаго*, т. е. ежедневнаго, было бы знакомъ ума духовнаго и любомудреннаго. Но смотри, что предшествуетъ этому: *да святится имя твое; да пріидетъ царствіе твое; да будетъ воля твоя, яко на небеси и на земли* (Матѳ. VI, 9, 10). Затѣмъ, сказавъ о томъ чувственномъ, Онъ тотчасъ уклонился и опять пришелъ къ ученію духовному, говоря: *остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Матѳ. VI, 12). Ничего (не сказалъ) о начальствѣ, ничего о богатствѣ, ничего о славѣ, ничего о власти, но включилъ въ молитву все, что клонится къ пользѣ души,—ничего земного, но все небесное. Итакъ, если намъ заповѣдано воздерживаться отъ вещей житейскихъ и настоящихъ, то какъ будемъ мы несчастны и жалки, когда станемъ просить у Бога того, что

Онъ заповѣдалъ намъ отвергать, если и имѣемъ, чтобы избавить насъ отъ заботъ, а чего повелѣлъ просить, о томъ не будемъ имѣть никакого попеченія, или даже не будемъ и желать того? Подлинно это значитъ пустословить. Потому-то, хотя мы и молимся, но не получаемъ успѣха. Какъ же, скажешь, богатѣютъ люди злые? Какъ неправедные, преступные, хищники, лихоимцы? Не Богъ даруетъ имъ это,—нѣтъ. Но какъ же Богъ попускаетъ? Какъ попускалъ нѣкогда и богачу, соблюдая его для большаго наказанія. Вотъ послушай, что сказано ему: *чадо, воспріялъ еси благая твоя, и Лазарь злая: нынѣ же сей утѣшается, ты же страждеши* (Лук. і, 25). Итакъ, чтобы и намъ не услышать этого голоса, намъ, которые суетно и безразсудно проводимъ жизнь въ роскоши и прилагаемъ грѣхи ко грѣхамъ, станемъ заботиться о пріобрѣтеніи истиннаго богатства и совершеннаго любомудрія. Чрезъ это мы получимъ обѣтованныя блага, которыхъ и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLIV.

Отвѣща имъ Іисусъ и рече: аминь, аминь глаголю вамъ, ищете Мене, не яко видѣсте знаменія, но яко яли есте хлѣбы, и насытистеся. Дѣлайте не брашно гиблющее, но брашно пребывающее въ животъ вѣчный (Іоан. vі, 26, 27).

247 1. Снисходительность и кротость не вездѣ полезны; бываютъ случаи, когда учителю нужна и строгость. Такъ, когда ученикъ лѣнивъ и упрямъ, нужно употребить противъ него и наказаніе, чтобы возбудить его отъ лѣности. Такъ поступилъ и Сынъ Божій, и во многихъ другихъ случаяхъ, и въ настоящемъ. Когда народъ пришелъ и, найдя Іисуса, сталъ съ лестію говорить Ему: *Равви, когда здѣ бысть*, — то Онъ, чтобы показать, что не ищетъ чести у людей, а имѣетъ въ виду одно только — спасеніе ихъ, отвѣчалъ ему со строгостію. Онъ хотѣлъ этимъ не только исправить народъ, но и открыть и обнаружить его мысли. Что же Онъ говоритъ? *Аминь, аминь глаголю вамъ* (опредѣлительно и утвердительно), *ищете Мене, не яко видѣсте знаменія, но яко яли есте хлѣбы, и насытистеся.* Поражаетъ словомъ и обличаетъ, но не жестоко и сильно, а съ большимъ снисхожденіемъ. Не сказалъ: о, сластолюбцы и чревоугодники! Я совершилъ столько чудесъ, но вы никогда не послѣдовали за Мной, и не подивились совершен-

ному; но — съ нѣкоторою кротостію и спокойствіемъ: *ищете мене, не яко видѣсте знаменія, но яко яли есте хлѣбы, и насытистеся*, указывая не на прежнія только чудеса, но и на чудо настоящее. Онъ какъ бы такъ говоритъ, чѣмъ и обличаетъ ихъ: не чудо надъ хлѣбами поразило васъ, а то, что вы насытились. А что Онъ это говорилъ о нихъ не по догадкѣ, это они сами тогда же показали. Они, дѣйствительно, за тѣмъ снова и пришли, чтобы насладиться тою же пищею, а потому-то и говорили: *отцы наши ядоша манну въ пустынѣ*, опять привлекая Его къ пищѣ плотской, что и заслуживало обвиненія и величайшаго осужденія. Но Христосъ не останавливается на обличеніи, а присоединяетъ къ нему и наставленіе, говоря: *дѣлайте не брашно гиблющее, но брашно, пребывающее въ животъ вѣчный, еже Сынъ человѣческій вамъ дастъ: сего бо Отецъ знамена Богъ.* А эти слова имѣютъ такое значеніе: не заботьтесь нисколько объ этой пищѣ, но — о той духовной. Но такъ какъ нѣкоторые изъ людей, желающихъ жить праздно, злоупотребляютъ этими словами, какъ будто бы Христосъ отвергалъ въ нихъ трудолюбіе, то теперь благовременно отвѣтить и имъ. Они порочатъ цѣлое, такъ сказать, христіанство и подвергаютъ его осмѣянію за праздность. Но прежде надобно обратиться 248
249
къ изреченію Павла. Что же онъ говоритъ? *Поминайте Господа*, рекшаго: *блаженнѣе есть паче даяти, нежели пріимати* (Дѣян. xx, 35). Но изъ чего было бы давать тому, кто самъ ничего не имѣетъ? Какъ же Мареѣ сказалъ Іисусъ: *печешися и молвиши о мнозѣ, едино же есть на потребу; Марія же благую часть избра* (Лук. x, 14), — и еще: *не пецытеся на утрей* (Матѳ. vi, 34)? Необходимо теперь все это разрѣшить не только для того, чтобы отвратить людей праздныхъ, если только захотятъ, но и для того, чтобы показать, что слова Божіи не противорѣчатъ между собою. Вотъ и въ другомъ мѣстѣ апостолъ говоритъ: *молимъ же вы избыточествовати паче, и любезно прилежати, безмолвствовати, и дѣяти своя, да ходите благообразно ко внѣшнимъ* (1 Ѳессал. iv, 10); и еще: *крадый къ тому да не крадетъ, но паче да труждается, дѣлая своима рукама, да иматъ подаяти требующему* (Еф. iv, 28). Здѣсь Павелъ заповѣдалъ даже не просто заниматься дѣломъ, но съ такимъ трудомъ, чтобы было изъ чего подать и другому. И въ другомъ мѣстѣ опять онъ же говоритъ: *требованію моему и сущимъ со мною послужисте руцѣ мои сіи* (Дѣян. xx, 34). И въ посланіи къ Коринѳянамъ говорилъ: *кая убо ми есть мзда? Да благовѣствуяй безъ мзды положу благовѣстіе* (1 Кор. ix, 18). И когда онъ былъ въ томъ городѣ (въ Коринѳѣ), то находился у Акиллы и Прискиллы, и трудился (Дѣян. xviii, 2, 3): *бяху бо скинотворцы хитростію.* Все это, повидимому, находится въ большомъ противорѣчіи съ ска-

заннымъ, и потому необходимо представить на это разрѣшеніе.

Что же намъ отвѣтить? Что не пещись не значитъ не трудиться, но — не привязываться къ вещамъ житейскимъ, т. е. не заботиться о покоѣ на завтра, но считать эту заботу излишнею. Можно и трудиться и не собирать ничего на завтра, можно и трудиться и ни о чемъ не пещись. Попеченіе и трудъ не одно и то же. Иной и трудится не для того, чтобы полагаться на трудъ, но чтобы подать нуждающемуся. Равнымъ образомъ, и слова, сказанныя къ Марѳѣ, относятся не къ труду и занятію дѣломъ, а къ тому, что надобно знать время (для труда), и времени, опредѣленнаго для слушанія, не употреблять на дѣла плотскія. Значитъ, Онъ сказалъ тѣ слова не съ тѣмъ, чтобы вовлечь Марѳу въ праздность, но чтобы привлечь къ слушанію. Я пришелъ, говоритъ Онъ, научить васъ необходимому; а ты безпокоишься объ обѣдѣ? Ты хочешь меня принять и приготовить дорогую трапезу? Приготовь другой пиръ, предложи Мнѣ усердное слушаніе и подражай ревности сестры. И не съ тѣмъ это Онъ сказалъ, чтобы запретить гостепріимство,—нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, — но чтобы показать, что во время слушанія не должно заниматься другими дѣлами. А словами: не дѣлайте брашна гиблющаго — не то даетъ разумѣть, будто должно жить въ праздности (это-то по преимуществу и есть брашно гиблющее, такъ какъ всякому злу научила праздность—Сирах. xxxiii, 28), — но то, что должно трудиться и подавать. Вотъ это брашно уже не гиблющее. Кто, живя праздно, предается чревоугодію и роскоши, тотъ дѣлаетъ брашно гиблющее. Напротивъ, если кто трудясь питаетъ, напаяетъ и одѣваетъ Христа, то не найдется никого столько безчувственнаго и несмысленнаго, кто сказалъ бы, что такой человѣкъ дѣлаетъ брашно гиблющее, потому что за это брашно обѣщано будущее царство и тѣ блага. Это брашно остается навсегда. Съ другой стороны, такъ какъ іудеи вовсе не заботились о вѣрѣ, не старались узнать, кто совершаетъ такія дѣла и какою силою, а хотѣли только одного — насыщаться, ничего не дѣлая, то Христосъ справедливо назвалъ такую пищу
250 брашномъ гиблющимъ. Я напиталъ ваши тѣла, говоритъ Онъ, чтобы вы отселѣ искали пищи другой, пребывающей, питающей душу; а вы опять бѣжите къ пищѣ земной. Значитъ, вы не понимаете, что Я веду васъ не къ этой несовершенной пищѣ, а къ той, сообщающей не временную жизнь, но вѣчную, питающей не тѣло, но душу. Потомъ, такъ какъ Онъ выразился о Себѣ столь возвышенно и сказалъ, что Онъ даетъ ту пищу, то, чтобы сказанное опять не показалось имъ страннымъ, Онъ подаяніе этой

пищи относитъ къ Отцу, сообщая тѣмъ достовѣрность Своимъ словамъ. Сказавъ: *еже Сынъ человѣческій дастъ вамъ*, Онъ присовокупилъ: *сего бо Отецъ знамена Богъ*, т. е. послалъ съ тѣмъ, чтобы Онъ принесъ вамъ эту пищу. Впрочемъ, это изреченіе допускаетъ и другое толкованіе, потому что Христосъ говоритъ и въ другомъ мѣстѣ: кто слушаетъ Мои слова, *сего знамена Отецъ, яко Богъ истиненъ есть* (Іоан. ш, 33), т. е. показалъ очевидно. Это же, мнѣ кажется, и здѣсь означаетъ вышеприведенное изреченіе. Въ самомъ дѣлѣ, *знамена* Отецъ — значитъ не другое что, какъ — показалъ, открылъ своимъ свидѣтельствомъ. Правда, Христосъ и самъ Себя показалъ; но, такъ какъ говорилъ съ іудеями, то поставилъ на видъ свидѣтельство Отца.

2. Научимся же, возлюбленные, просить у Бога того, чего должно просить у Него. Тѣ, т. е. житейскія обстоятельства, каковы бы ни были, не приносятъ намъ никакого вреда. Обогатимся ли мы, — насладимся только здѣсь удовольствіями. Впадемъ ли въ бѣдность, — не потерпимъ отъ того никакой бѣды. Ни отрадныя обстоятельства этой жизни, ни печальныя не заключаютъ въ себѣ достаточной причины для печали и для удовольствія, но и тѣ и другія не стоятъ нашего вниманія, и протекаютъ съ большею скоростію, отчего справедливо называются и путемъ, такъ какъ проходятъ и не могутъ оставаться надолго. Между тѣмъ будущія, — и то и другое, остается на вѣки — какъ наказаніе, такъ и царство. Итакъ, въ отношеніи къ будущему станемъ прилагать большее стараніе, чтобы одного избѣжать, а другого достигнуть. Какая, въ самомъ дѣлѣ, польза отъ наслажденія земного? Сегодня оно есть, а завтра его нѣтъ; сегодня оно — цвѣтъ красивый, а завтра — прахъ разсѣянный; сегодня — огонь пылающій, а завтра — пепелъ остывшій. Но не таковы блага духовныя: они всегда сіяютъ и цвѣтутъ и съ каждымъ днемъ становятся прекраснѣе. То богатство никогда не гибнетъ, никогда не переводится, никогда не истощается, никогда не подвергаетъ безпокойству, зависти или порицанію, не губитъ тѣла, не растлѣваетъ души, не возбуждаетъ зависти, не навлекаетъ ненависти, между тѣмъ какъ все это соединено съ богатствомъ. Та слава не доводитъ до безумія, не рождаетъ надменности, никогда не перестаетъ и не помрачается. Покой и наслажденіе на небесахъ также непрерывны, всегда неизмѣнны и безсмертны: нельзя найти для нихъ ни предѣла, ни конца. Возжелаемъ же, убѣждаю васъ, этой жизни. Если будемъ ея желать, то не поставимъ ни во что блага настоящія, но станемъ презирать ихъ, смѣяться надъ ними. Все, что имѣетъ конецъ, не очень вожделѣнно. Все, что прекращается, что сегодня есть и

чего завтра нѣтъ, хотя бы то было что-нибудь и очень великое,— все это кажется слишкомъ малымъ и не стоющимъ вниманія. Итакъ, будемъ любить не скоротечныя, не преходящія и утекающія блага, но блага постоянныя и неизмѣнныя, чтобы и сподобиться ихъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. **Аминь.**

БЕСѢДА XLV.

Рѣша же къ Нему: что сотворимъ, да дѣлаемъ дѣла Божія? Отвѣща Іисусъ имъ: се есть дѣло Божіе, да вѣруете въ того, егоже посла Онъ. Рѣша же Ему: кое убо Ты твориши знаменіе, да видимъ и вѣру имѣмъ Тебѣ, что дѣлаеши (Іоан. vi, 28 — 30)?

251 1. Нѣтъ ничего хуже, ничего постыднѣе чревоугодія. Оно дѣлаетъ умъ тупымъ; оно дѣлаетъ душу плотскою; оно ослѣпляетъ и не позволяетъ видѣть. Вотъ смотри: это случилось и съ іудеями. Такъ какъ, будучи преданы чревоугодію, они всецѣло были заняты предметами житейскими и не думали ни о чемъ духовномъ, то хотя Христосъ возбуждаетъ ихъ множествомъ словъ, исполненныхъ то строгости, то снисходительности. но и при всемъ этомъ они не встаютъ, а по прежнему лежатъ долу. Посмотри, Онъ сказалъ имъ: *ищете Мене, не яко видѣсте знаменія, но яко ясте хлѣбы и насытистеся*, — (и чрезъ это) поразилъ обличеніемъ; показалъ, какой должно искать пищи, сказавъ: *дѣлайте не брашно гиблющее*; предложилъ имъ награду въ словахъ: *но пребывающее въ животъ вѣчный;* наконецъ предупредилъ ихъ возраженіе, сказавъ, что Онъ посланъ Отцемъ. Что же они? Какъ бы не слыхавъ ничего, говорятъ: *что сотворимъ, да дѣлаемъ дѣла Божія?* Сказали же это (какъ показываютъ послѣдующія обстоятельства) не съ тѣмъ, чтобы узнать и исполнить, но чтобы расположить Его — опять дать имъ пищу и насытить ихъ. Что же Христосъ? *Се есть дѣло Божіе, да вѣруете въ того, егоже посла Онъ.* На это они сказали: *кое убо ты твориши знаменіе, да видимъ и вѣру имѣмъ? Отцы наши ядоша манну въ пустынѣ.* Ничего нѣтъ безчувственнѣе, ничего безсмысленнѣе этихъ словъ. Тогда какъ чудо было еще предъ ихъ глазами, они говорили такъ, какъ будто еще не сдѣлано ни одного чуда: *кое ты твориши знаменіе?* И, сказавъ это, не предоставляютъ Ему на произволъ выборъ чуда; но хотятъ поставить Его въ необходимость совершить не другое какое-либо чудо, а именно такое, какое было при ихъ

предкахъ. Потому-то и говорятъ: *отцы наши ядоша манну въ пустынѣ*, думая тѣмъ подстрекнуть Его — совершить такое чудо, которое могло бы напитать ихъ тѣлесно. Въ самомъ дѣлѣ, отчего они вспомнили не о какомъ-либо другомъ изъ прежнихъ чудесъ, хотя ихъ тогда много было совершено и въ Египтѣ, и надъ моремъ, и въ пустынѣ, — но именно о маннѣ? Не оттого ли, что сильно желали ея, будучи порабощены чревоугодію? Какъ же вы, называвшіе Его пророкомъ и хотѣвшіе поставить царемъ, потому что видѣли чудо, — какъ вы теперь, какъ будто не было никакого чуда, оказываетесь неблагодарными и непризнательными, и просите чуда, какъ просили бы прихлебатели и голодные псы? Теперь ли дорога вамъ манна, когда душа ваша изнемогаетъ? И замѣть хитрость ихъ словъ. Не сказали: Моисей сотворилъ такое-то чудо, а ты какое сдѣлаешь, — чтобы не раздражить Его; но ожидая отъ Него пищи, все еще обращаются къ Нему съ великою почтительностію. Съ другой стороны, не говорятъ и того, что Богъ сотворилъ такое-то чудо, а ты какое сдѣлаешь,—чтобы не подать мысли, будто они равняютъ Его Богу. Не упоминаютъ и о Моисеѣ, чтобы не подать мысли, будто унижаютъ Его. Но избираютъ средину, говоря: *отцы наша ядоша манну въ пустынѣ*.
Христосъ могъ, конечно, сказать: я совершилъ чудеса большія, 252
чѣмъ Моисей, и не нуждался въ жезлѣ, не имѣлъ надобности въ молитвѣ, но все совершилъ самъ собою. Если же вы напоминаете манну, то вотъ Я далъ вамъ и хлѣбъ. Но тогда не время было говорить это, а была одна забота обратить ихъ къ пищѣ духовной. И смотри, съ какою безпредѣльною мудростію Христосъ отвѣчаетъ имъ: *не Моисей даде вамъ хлѣбъ съ небесе, но Отецъ мой даетъ вамъ хлѣбъ истинный съ небесе* (ст. 32). Почему же Онъ не сказалъ: не Моисей далъ, а Я; но вмѣсто Моисея указалъ на Бога и вмѣсто манны на Себя? Потому, что велика была немощь слушателей, какъ это видно изъ послѣдующаго. И тогда, какъ Онъ сказалъ эти самыя слова, Онъ не остановилъ ихъ. Хотя и вначалѣ говорилъ: *ищете Мене, не яко видѣсте знаменія, но яко ясте хлѣбы и насытистеся*, и въ послѣдующихъ словахъ исправлялъ ихъ, но, не смотря на все это, они не перестаютъ (требовать хлѣба). Когда Христосъ обѣщалъ самарянкѣ дать воду, то при этомъ не упомянулъ объ Отцѣ, а просто такъ сказалъ: *аще бы вѣдала еси, кто есть глаголяй ти: даждь ми пити, ты бы просила у Него, и далъ бы ти воду живу*, — и опять: *вода, юже Азъ дамъ* (Іоан. IV, 10, 14), — но не отсылаетъ къ Отцу. Здѣсь же упоминаетъ объ Отцѣ, чтобы ты узналъ, какъ велика была вѣра самарянки и какъ велика немощь іудеевъ. Но вѣдь манна была не съ неба; какъ же говорится: *съ небесе?* Такъ же, какъ Писаніе го-

воритъ: *птицы небесныя*, и опять: *и возгремѣ съ небесе Господь* (Пс. VIII, 9; XVII, 14). Хлѣбомъ же истиннымъ называетъ тотъ хлѣбъ не потому, чтобы чудо надъ манною было ложно, а потому что она была образомъ, а не самою истиною. А упомянувъ о Моисеѣ, не противопоставилъ Себя ему, потому что іудеи еще не предпочитали Его Моисею, а напротивъ о Моисеѣ имѣли высшее понятіе, чѣмъ о Немъ. Поэтому, сказавъ: *не Моисей даде*, Онъ не присовокупилъ: Я даю, но вмѣсто того сказалъ: *Отецъ даетъ*. Услыхавъ это, они опять говорятъ: дай намъ ѣсть хлѣбъ этотъ,— потому что все еще думали, что это нѣчто чувственное, все еще ожидали насыщенія своего чрева, а оттого и стеклись такъ скоро. Что же Христосъ? Мало-по-малу возвышая ихъ мысль, продолжаетъ: *хлѣбъ Божій есть сходяй съ небесе, и даяй животъ міру* (ст. 34),—не іудеямъ только, но и всей вселенной. Потому-то и не сказалъ просто — пищу, но — жизнь, какую-то другую и отмѣнную, чтобы показать, что всѣ были мертвы. Но они все еще поникаютъ долу и говорятъ: *даждь намъ хлѣбъ сей* (ст. 34). Обличая ихъ за то, что они, пока предполагали трапезу чувственную, дотолѣ стекались къ Нему, а какъ скоро узнали, что это нѣкая духовная трапеза, то уже не приступаютъ къ Нему, Христосъ говоритъ: *Азъ есмь хлѣбъ животный: грядый по Мнѣ, не иматъ взалкатися, и вѣруяй въ Мя, не иматъ вжаждатися николиже. Но рѣхъ вамъ, яко и видѣсте Мя, и не вѣруете Мнѣ* (ст. 35, 36).

2. Такъ еще прежде говорилъ и Іоаннъ: еже вѣдаетъ, глаголетъ, *и еже видѣ, свидѣтельствуетъ: и свидѣтельства его никтоже пріемлетъ* (Іоан. III, 32). Равнымъ образомъ, и Христосъ: *еже вѣмы глаголемъ, и еже видѣхомъ свидѣтельствуемъ: и свидѣтельства нашего не пріемлете* (ст. 11). Дѣлаетъ же это, предупреждая ихъ и по-
253 казывая, что ихъ невѣріе не смущаетъ Его, что Онъ не ищетъ славы и знаетъ сокровенныя ихъ мысли, какъ настоящія, такъ и будущія. *Азъ есмь хлѣбъ животный*. Намѣревается уже приступить къ ученію о таинствѣ, и сначала бесѣдуетъ о Своемъ божествѣ, говоря: *Азъ есмь хлѣбъ животный*,—потому что это сказано не о тѣлѣ. О тѣлѣ говоритъ подъ конецъ: *и хлѣбъ, егоже Азъ дамъ, плоть Моя есть* (ст. 51),—а теперь говоритъ о божествѣ. Плоть (Христова) ради Бога Слова есть хлѣбъ; равно какъ и этотъ хлѣбъ ради наитія на него Духа бываетъ хлѣбомъ небеснымъ. Здѣсь Христосъ не приводитъ свидѣтелей, какъ въ прежней бесѣдѣ, потому что имѣетъ свидѣтельство въ чудѣ надъ хлѣбами, да и іудеи все еще показывали видъ, что вѣрятъ Ему, между тѣмъ какъ тамъ противорѣчили Ему и порицали Его. Вотъ почему Онъ здѣсь и говоритъ прямо. Между тѣмъ іудеи, надѣясь насладиться пищею тѣлесною, остаются и не смущаются, пока

впослѣдствіи не потеряли всякой надежды. Но Христосъ, не смотря и на это, не замолчалъ, а напротивъ, сказалъ многое въ ихъ вразумленіе и обличеніе. Они же, называвшіе Его пророкомъ въ то время, какъ ѣли, теперь соблазняются и называютъ Его сыномъ тектона. А тогда не соблазнялись, когда ѣли хлѣбы, но говорили: *сей есть пророкъ*, и хотѣли сдѣлать Его царемъ. Повидимому, они досадовали на то, что Онъ сказалъ: *съ небесе снидохъ*; но настоящею причиною ихъ негодованія было не это, а то, что они потеряли всякую надежду насладиться тѣлесною трапезою. Если бы они дѣйствительно негодовали (на тѣ слова), то имъ слѣдовало бы спросить и узнать, какимъ образомъ Онъ есть хлѣбъ животный и какъ сошелъ съ неба. Между тѣмъ этого они не дѣлаютъ, а ропщутъ. И что не это ихъ соблазняло, видно изъ слѣдующаго. На Его слова: *Отецъ Мой даетъ вамъ хлѣбъ*, они не сказали: умоли Его, чтобы далъ; а что? *Даждь намъ хлѣбъ*. Хотя Онъ и не сказалъ: Я даю, но: *Отецъ Мой даетъ*, однакожъ, изъ желанія пищи, они признали, что и Онъ можетъ подать ее. Какимъ же образомъ, признавъ, что и Онъ можетъ подать пищу, они могли потомъ соблазняться, и притомъ тогда, какъ услышали, что Онъ даетъ ее? Итакъ, какая же тому причина? Они услышали, что больше не получатъ уже пищи, и поэтому опять начали не вѣрить и въ оправданіе своего невѣрія представляютъ то, что Его слово слишкомъ высоко. Поэтому Онъ и говоритъ: *и видѣсте Мя, и не вѣруете*, указывая, съ одной стороны, на чудеса, съ другой, на свидѣтельства Писаній. *Та суть*, говоритъ, *свидѣтельствующая о Мнѣ* (Іоан. v, 39). Еще: *Азъ пріидохъ во имя Отца Моего, и не пріемлете Мене* (ст. 43). Еще: *како можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще* (ст. 44)? *Все, еже даетъ Мнѣ Отецъ Мой, ко Мнѣ пріидетъ: и грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ* (vi, 37). Смотри, какъ Онъ все дѣлаетъ для спасенія людей. Съ тою именно цѣлію Онъ и присовокупилъ это, чтобы не показалось, будто Онъ занимается предметами ненужными и говоритъ безъ цѣли. Что же Онъ говоритъ? *Все, еже даетъ Мнѣ Отецъ Мой, ко Мнѣ пріидетъ и воскрешу его въ послѣдній день* (37, ср. 39). Но почему Онъ упоминаетъ и объ общемъ воскресеніи, въ которомъ будутъ участвовать и нечестивые, какъ объ особенномъ дарѣ вѣрующихъ въ Него? Потому, что и рѣчь у Него не просто о воскресеніи, но именно о такомъ воскресеніи. Сказавъ напередъ: *не изжену его и не погублю отъ него*, Онъ потомъ уже говоритъ о воскресеніи. Въ воскресеніе дѣйствительно одни будутъ извержены, какъ можно видѣть изъ словъ: *возмите его и вверзите его во тму кромѣшную* 254
(Матѳ. xxii, 13), а другіе погибнутъ, какъ и это видно изъ словъ:

убойтеся паче могущаго и душу и тѣло погубити въ гееннѣ (Лук. xii, 5). Такимъ же образомъ, слова: животъ вѣчный даю — значатъ тоже, что слова: *изыдутъ сотворшіе злая въ воскрешеніе суда, сотворшіи же благая въ воскрешеніе живота* (Іоан. v, 29). Вотъ на это-то воскресеніе, которое принадлежитъ людямъ добрымъ, Онъ и указалъ здѣсь. А что Онъ хочетъ сказать словами: *все, еже даетъ Мнѣ Отецъ, ко Мнѣ пріидетъ?* Въ нихъ Онъ обличаетъ невѣріе іудеевъ и показываетъ, что невѣрующій Ему преступаетъ волю Отца, только говоритъ объ этомъ не такъ прямо, но прикровенно. Такъ поступалъ Онъ и всегда, когда хотѣлъ показать, что невѣрующіе оскорбляютъ не Его только, но и Отца. Въ самомъ дѣлѣ, если въ томъ воля Отца и для того пришелъ (Христосъ), чтобы спасти весь міръ, то невѣрующіе преступаютъ волю Отца. Итакъ, когда кого-либо, говоритъ, путеводитъ Отецъ, то ничто не можетъ воспрепятствовать ему придти ко Мнѣ. Это Онъ говоритъ и ниже: *никтоже можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ привлечетъ его* (ст. 65). А Павелъ сказалъ, что Онъ передаетъ ихъ Отцу: *егда*, сказано, *предастъ царство Богу и Отцу*. Итакъ, какъ Отецъ, когда даетъ, тѣмъ ничего не лишаетъ Себя, такъ и Сынъ, когда передаетъ, тѣмъ ничего не отнимаетъ отъ Себя. Говорится же о Немъ, что Онъ передаетъ, потому что *чрезъ Него* мы получили доступъ (Ефес. ii, 18).

3. Но это же выраженіе: *черезъ Него* — употребляется и объ Отцѣ, какъ напримѣръ въ этомъ мѣстѣ: *имже* [1]) *звани бысте въ общеніе Сына Его* (1 Кор. i, 9), т. е. волею Отца. И еще: *блаженъ еси, Симоне варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ* (Матѳ. xvi, 17). Здѣсь смыслъ почти такой: вѣра въ Меня—дѣло не маловажное, но для нея нужно внушеніе свыше. И это Христосъ утверждаетъ повсюду, показывая, что для этой вѣры нужна душа, истинно доблестная и привлекаемая Богомъ. Но, быть можетъ, скажетъ кто-нибудь: если все, что даетъ Отецъ, приходитъ къ Тебѣ, и (если приходятъ) тѣ, которыхъ только Онъ привлечетъ, и никто не можетъ придти къ Тебѣ, если не будетъ дано ему свыше, то кому Отецъ не даетъ, тѣ свободны отъ всякой вины и осужденія. Это—пустыя слова и одна отговорка. Безъ сомнѣнія мы имѣемъ нужду и въ собственной волѣ, потому что поучаться и вѣровать — дѣло воли. Здѣсь же словами: *еже даетъ Мнѣ Отецъ* Онъ означаетъ не другое что, какъ слѣдующее: вѣровать въ Меня — дѣло не маловажное, и для того нужны не умствованія человѣческія, но откровеніе свыше и душа, съ благодарностію принимающая откровеніе. А слова: идущій ко Мнѣ спасенъ будетъ —

[1]) Въ подлинникѣ—чрезъ Него, δι' οὗ.

значатъ: будетъ пользоваться великимъ попеченіемъ. Затѣмъ-то, говоритъ, Я и пришелъ, и воспринялъ плоть, и принялъ зракъ раба. Потомъ присовокупляетъ: *снидохъ,не да творю волю Мою, но волю Пославшаго Мя* (ст. 38). Что ты говоришь? Развѣ иная воля— Твоя, а иная — Его? Чтобы кто не подумалъ этого, Христосъ отклоняетъ такую мысль, говоря далѣе: *се же есть воля Пославшаго Мя, да всякъ видяй Сына и вѣруяй въ Него, иматъ животъ вѣчный* (ст. 40). А это развѣ не Твоя воля? Какъ же Ты говоришь въ другомъ мѣстѣ: *огня пріидохъ воврещи на земли, и что хощу, аще уже возгорѣся* (Лук. xii, 49)? Если же и Ты хочешь этого, то 255
явно, что у Тебя одна воля съ Отцемъ. Да и въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихже хощетъ, живитъ* (Іоан. v, 21). Въ чемъ же состоитъ воля Отца? Не въ томъ ли, чтобы не погибъ ни одинъ изъ нихъ? А этого же хочешь и Ты. Значитъ не иная воля та (Отца) и не иная эта (Сына). Такъ и въ другомъ мѣстѣ и еще сильнѣе Онъ утверждаетъ Свое равенство съ Отцемъ, говоря: Я и Отецъ *пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (Іоан. xiv, 23). Итакъ, слова Его имѣютъ такой смыслъ: Я пришелъ совершить не другое что, какъ то, чего хочетъ и Отецъ, и у Меня нѣтъ какой-либо особенной Своей воли, кромѣ воли Отца, потому что все отчее принадлежитъ Мнѣ, и все Мое принадлежитъ Отцу. Если же у Отца и Сына все общее, то Онъ справедливо говоритъ: *не да творю волю Мою.* Но здѣсь Онъ не сказалъ такъ, но соблюдалъ это къ концу. Предметы возвышенные, какъ я сказалъ, Онъ пока скрываетъ и поставляетъ въ тѣни, чтобы показать, что, если бы Онъ сказалъ: то воля моя, то имъ пренебрегли бы; поэтому говоритъ: и Я содѣйствую той волѣ (т. е. Отца), чтобы тѣмъ сильнѣе поразить ихъ. Онъ говорилъ какъ бы такъ: что вы думаете? Что, не вѣруя, прогнѣвляете Меня? Нѣтъ, вы раздражаете Отца Моего. *Се же есть воля Пославшаго Мя, да все, еже даде Мнѣ, не погублю отъ него* (ст. 39). Здѣсь показываетъ, что не нуждается въ ихъ почтеніи и пришелъ не по Своей надобности, и не для чести отъ нихъ, но для ихъ спасенія. Это же Онъ сказалъ и въ предъидущей бесѣдѣ: *славы отъ человѣкъ не пріемлю* (Іоан. vi, 41), и еще: *сія глаголю, да вы спасени будете* (Іоан. v, 34). Да и при всякомъ случаѣ Онъ старается показать, что пришелъ для ихъ спасенія. Говоритъ же, что уготовляетъ славу Отцу, чтобы тѣмъ отклонить отъ Себя всякое подозрѣніе. А что съ этою цѣлію Онъ говорилъ такъ, это яснѣйшимъ образомъ открылъ въ слѣдующихъ словахъ: ищущій воли своей, говоритъ, *славы своея ищетъ: а ищай славы Пославшаго его, сей истиненъ есть, и нѣсть неправды въ немъ* (Іоан. v, 18). *Се же есть воля Отца, да всякъ видяй*

Сына и вѣруяй въ Него, имать животъ вѣчный, и воскрешу его въ послѣдній день (VI, 40). Для чего Онъ такъ часто и при всякомъ случаѣ говоритъ о воскресеніи? Чтобы не думали, будто промыслъ Божій ограничивается только настоящими вещами, и потому не впадали бы въ уныніе, если здѣсь не наслаждаются благами, но надѣялись на блага будущія, и не презирали бы его, если не терпятъ наказанія въ настоящей жизни, но ожидали жизни будущей.

4. Но если отъ частаго собесѣдованія о воскресеніи ничего не пріобрѣли они (іудеи), то постараемся пріобрѣсть мы. Захотимъ ли мы неправедно обогатиться или похитить что-нибудь, или сдѣлать другой какой безчестный поступокъ,—тотчасъ приведемъ себѣ на мысль тотъ день, вообразимъ то судилище,— и эта мысль сильнѣе всякой узды сдержитъ дурное наше стремленіе. Будемъ постоянно говорить и себѣ и другимъ: есть вос-воскресеніе и насъ ожидаетъ страшное судилище. Если кого-либо увидимъ тщеславящимся и надмевающимся настоящими благами, скажемъ ему тоже самое, и объявимъ, что все это останется здѣсь. Если опять увидимъ другого удрученнымъ скорбями и унывающимъ, выскажемъ и ему то же самое, указывая
256 на то, что скорбямъ будетъ конецъ. Если также увидимъ кого-либо преданнымъ безпечности и лѣности. представимъ ему опять тоже, выставляя на видъ, что нужно будетъ отдать отчетъ въ безпечности. Эта рѣчь лучше всякаго лѣкарства можетъ уврачевать душу. И подлинно, есть воскресеніе, и воскресеніе у дверей, не далеко, но близко. *Еще мало*, говоритъ Павелъ, *грядый пріидетъ и не укоснитъ* (Евр. X, 37), и въ другомъ мѣстѣ: *всѣмъ намъ явитися подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ* (2 Кор. V, 10), т. е. и злымъ и добрымъ,—тѣмъ, чтобы предъ всѣми потерпѣть безславіе,—этимъ, чтобы предъ всѣми оказаться еще болѣе славными. Какъ здѣсь судьи и злыхъ наказываютъ, и добрымъ воздаютъ честь открыто предъ всѣми, такъ точно будетъ и тамъ, чтобы для однихъ было больше стыда, а для другихъ больше славы. Будемъ же представлять себѣ это каждый день. Если будемъ имѣть это въ мысляхъ, то ничто изъ вещей настоящихъ и преходящихъ не удержитъ насъ, потому что видимое временно, а невидимое вѣчно. Будемъ же непрестанно говорить и себѣ и другимъ: есть воскресеніе, и судъ, и отчетъ въ дѣлахъ. Пусть говорятъ и всѣ тѣ, которые допускаютъ судьбу,—и они немедленно освободятся отъ этой гнилой болѣзни. Вѣдь если есть воскресеніе и судъ, то нѣтъ судьбы, сколько бы они ни спорили и ни препирались. Но я стыжусь, что учу христіанъ о воскресеніи. Кого нужно учить, что есть воскресеніе, и кто не вполнѣ

убѣжденъ, что все совершеется не по необходимости, и не просто и не какъ-нибудь, тотъ, очевидно, не христіанинъ. Поэтому, я прошу и умоляю: очистимъ себя отъ всякаго зла и сдѣлаемъ все, чтобы получить прощеніе и оправданіе въ тотъ день. Но, быть можетъ, кто-нибудь скажетъ: да когда будетъ кончина, когда воскресеніе? Вотъ сколько уже прошло времени, — и ничего такого не случилось? Но будетъ, — повѣрьте. Вѣдь и предъ потопомъ то же говорили и смѣялись надъ Ноемъ; но пришелъ потопъ и всѣхъ этихъ невѣровавшихъ поглотилъ, и только его одного вѣровавшаго оставилъ въ живыхъ. И при Лотѣ не ожидали той, свыше ниспосланной казни, пока ниспавшіе молніи и громы не уничтожили всѣхъ. И ни тогда, ни при Ноѣ не было никакого предварительнаго указанія на то, что имѣло случиться; но бѣды пришли неожиданно въ то время, какъ всѣ пировали, пили и упивались. Такъ настанетъ и воскресеніе, не съ предварительными какими-либо признаками, но среди нашего благополучія. Потому Павелъ и говоритъ: *егда же рекутъ: миръ и утвержденіе, тогда внезапу найдетъ на нихъ погибель, якоже болѣзнь во чревѣ имущей, и не имутъ избѣжати* (1 Сол. v, 3). Такъ устроилъ это Богъ для того, чтобы мы всегда были бдительны и не предавались беззпечности среди самой безопасности.

Что ты говоришь? Не ожидаешь воскресенія и суда? Это исповѣдуютъ и демоны, — а ты не исповѣдуешь? *Пришелъ еси сѣмо*, горятъ они, *прежде времене мучити насъ* (Матѳ. VIII. 29). Если же говорятъ, что будетъ мученіе, то знаютъ, конечно, будетъ и судъ, и отчетъ, и наказаніе. Не будемъ же прогнѣвлять Бога, сверхъ худыхъ дѣлъ, еще и невѣріемъ слову о воскресеніи. Какъ во всемъ прочемъ Христосъ былъ начаткомъ для насъ, такъ и въ этомъ. Потому Онъ называется и перворожденнымъ изъ мертвыхъ. А если бы не было воскресенія, то какъ бы Онъ могъ 257
быть перворожденнымъ, когда никто изъ мертвыхъ не послѣдуетъ за Нимъ? Если бы не было воскресенія, то какъ бы могла сохраниться правда Божія, когда столько злыхъ людей благоденствуютъ, и столько добрыхъ страдаютъ и въ страданіи оканчиваютъ жизнь? Гдѣ всѣ эти люди получатъ по своимъ достоинствамъ, если нѣтъ воскресенія? Никто изъ живущихъ праведно не сомнѣвается въ воскресеніи; но каждый день молится, произнося это святое изреченіе: *да пріидетъ царствіе твое* (Матѳ. VI, 10). Кто же не вѣруетъ въ воскресеніе? Люди, идущіе оскверненными путями и проводящіе нечистую жизнь, какъ говоритъ пророкъ: *оскверняются путіе его на всякое время: отъемлются судьбы твоя отъ лица его* (Пс. IX, 26). Подлинно, невозможно человѣку 258
вести жизнь чистую, когда онъ не вѣруетъ въ воскресеніе. А

кто не знаетъ за собою ничего худого, тѣ и говорятъ, и желаютъ, и вѣруютъ, что получатъ воздаяніе. Не будемъ же прогнѣвлять Бога, но послушаемъ Христа, Который говоритъ: *убойтеся могущаго и душу и тѣло погубити въ геениѣ* (Матѳ. x, 28). Боязнь эта содѣлаетъ насъ лучшими, и такимъ образомъ, мы, избавившись отъ этой погибели, удостоимся царства небеснаго, котораго и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, съ поклоняемымъ, всесвятымъ и животворящимъ Его Духомъ, слава нынѣ и присно, и въ безконечные вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLVI.

Роптаху убо Іудее о Немъ, яко рече: Азъ есмь хлѣбъ, сшедый съ небесе. И глаголаху: не сей ли есть сынъ Іосифовъ, его же мы знаемъ отца и матерь? Како убо глаголетъ сей, яко съ небесе снидохъ (Іоан. vi, 41, 42)?

257 *Имже Богъ чрево, и слава въ студѣ ихъ*,—говорилъ о нѣкоторыхъ людяхъ Павелъ въ посланіи къ Филиппійцамъ (Фил. III, 19). Что таковы же были и іудеи, видно и изъ предъидущихъ обстоятельствъ, видно и изъ того, что они говорили, пришедши ко Христу. Когда Онъ далъ имъ хлѣбъ и насытилъ ихъ чрево, они и пророкомъ называли Его, и царемъ хотѣли поставить; а когда преподавалъ имъ ученіе о пищѣ духовной, о жизни вѣчной, когда бесѣдовалъ о воскресеніи и возвышалъ ихъ мысль, и когда въ особенности слѣдовало бы дивиться Ему,—тогда они ропщутъ и отступаютъ отъ Него. Между тѣмъ, если Онъ пророкъ, какъ они прежде говорили,—а Онъ и дѣйствительно есть тотъ, о которомъ сказалъ Моисей: *пророка отъ братіи вашея возставитъ вамъ Господь Богъ, якоже мене, того послушайте* (Втор. XVIII, 15; св. Дѣян. III, 22),—то имъ надлежало слушать Его, когда Онъ говорилъ: *съ небесе снидохъ*; но они не слушали, а роптали. Они еще уважали Его за недавнее чудо надъ хлѣбами, и потому явно не противорѣчили, но ропотомъ выражали свою досаду на то, что Онъ не далъ имъ трапезы, какой они хотѣли, и среди ропота говорили: *не сей ли есть сынъ Іосифовъ*? Изъ этихъ словъ видно, что они еще не знали даже объ его чудномъ и необычайномъ рожденіи, отчего и называютъ Его сыномъ Іосифа. И Христосъ не упрекаетъ ихъ и не говоритъ: Я не сынъ Іосифа—не потому, чтобы Онъ былъ сынъ Іосифа, но потому, что они еще не могли услышать о томъ чудномъ рожденіи. Если же они не могли ясно услышать о Его рожденіи плотскомъ, то не могли тѣмъ

болѣе — о неизреченномъ, горнемъ. Если Онъ не открылъ имъ уничиженнаго, то тѣмъ болѣе не могъ бы говорить имъ о тѣхъ вещахъ. И хотя ихъ много соблазняло Его происхожденіе отъ простого и незнатнаго отца, однакожъ Онъ не открылъ (истины), чтобы отстраняя одинъ соблазнъ, не произвесть другого. Что же Онъ отвѣчаетъ на ихъ ропотъ? *Никтоже можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ, пославый Мя, привлечетъ его* (ст. 44). На это нападаютъ манихеи и говорятъ, будто ничто не зависитъ отъ насъ. Между тѣмъ эти-то слова особенно и доказываютъ, что мы властны въ своемъ произволеніи. Но какая, говорятъ, надобность привлекать, если кто самъ приходитъ къ Нему? Опять и это не уничтожаетъ нашего произволенія, а напротивъ показываетъ, что 258
мы нуждаемся въ помощи. Здѣсь (Христосъ) говоритъ не о всякомъ приходящемъ, но о томъ, кто пользуется великимъ содѣйствіемъ (отъ Бога). Далѣе показываетъ и способъ, которымъ Отецъ привлекаетъ. А чтобы іудеи опять не подумали о Богѣ чего-либо чувственнаго, Онъ присовокупилъ: *не яко Отца видѣлъ есть кто, токмо сый отъ Бога, сей видѣ Отца* (ст. 45). Какъ же, спросишь, привлекаетъ? Это давно показалъ пророкъ, предвозвѣщая и говоря: *будутъ вси научени Богомъ* (ст. 45). Видишь ли достоинство вѣры? Видишь ли, какъ, по предсказанію пророка, люди имѣютъ быть научены *ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ* (Галат. I, 1), но самимъ Богомъ? Потому-то, чтобы придать достовѣрность Своимъ словамъ, Онъ и отослалъ іудеевъ къ пророкамъ. Но если сказано, что всѣ будутъ научены Богомъ, то отчего, спросишь, нѣкоторые не вѣруютъ? Оттого, что тѣ слова сказаны о большей части людей, или еще—пророчество указываетъ не вообще на всѣхъ, но на всѣхъ желающихъ. Учитель стоитъ предъ всѣми, и всѣмъ готовъ преподать и сообщить свое ученіе. *И Азъ воскрешу его въ послѣдній день* (ст. 39). Не малое здѣсь означается достоинство Сына: если Отецъ привлекаетъ, то Онъ воскрешаетъ. Но этимъ Онъ не отдѣляетъ Своихъ дѣлъ отъ Отца (какъ это возможно?), а только показываетъ равенство могущества. Почему, какъ въ томъ мѣстѣ, сказавъ: *и пославый Мя Отецъ свидѣтельствова о Мнѣ* (Іоан. V, 37), вслѣдъ затѣмъ Онъ отослалъ іудеевъ къ Писанію, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не сталъ понапрасну много трудиться надъ объясненіемъ Его словъ, такъ и здѣсь, чтобы не стали по прежнему подозрѣвать Его, отсылаетъ ихъ къ пророкамъ, которыхъ весьма часто и приводитъ, чтобы показать, что Онъ не противникъ Отца. Что же, скажешь, жившіе до того времени развѣ не были научаемы Богомъ? Что же здѣсь особеннаго? То, что тогда люди научались божественнымъ истинамъ при посредствѣ людей, а теперь научаются чрезъ единород-

наго Сына Божія и Духа Святаго. Далѣе Христосъ присовокупляетъ: *не яко Отца видѣлъ есть кто, токмо сый отъ Бога,* разумѣя здѣсь эти слова (сый отъ Бога) не о причинѣ бытія, но о свойствѣ существа. Если бы Онъ разумѣлъ ту мысль, то въ чемъ бы тогда состояло преимущество Сына и Его отличіе отъ насъ? И мы вѣдь всѣ отъ Бога. Для чего же, скажешь, Онъ не выразилъ этого яснѣе? Ради немощи іудеевъ. Если они такъ соблазнились и словами: *съ небесе снидохъ,* то что было бы съ ними, если бы Онъ присовокупилъ и это? А хлѣбомъ животнымъ называетъ Себя потому, что отъ Него зависитъ наша жизнь и на-
259 стоящая и будущая. Оттого и присовокупилъ: *аще кто снѣсть отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки* (ст. 51), разумѣя здѣсь подъ хлѣбомъ или спасительные догматы и вѣру въ Него, или Свое тѣло, потому что и то и другое укрѣпляетъ душу. Хотя въ другомъ случаѣ при Его словахъ: *аще кто слово Мое соблюдетъ, не имать вкусити смерти* (Іоан. VIII, 51, 52) іудеи соблазнились, но теперь ничего такого не случилось, вѣроятно, оттого, что они еще уважали Его, ради чуда надъ хлѣбами.

2. Замѣть еще и то, откуда Онъ выводитъ различіе между этимъ хлѣбомъ и манною: изъ слѣдствій употребленія той и другой пищи. Показывая, что манна не принесла никакой особенной пользы, Онъ присовокупилъ: *отцы ваши ядоша манну въ пустыни, и умроша* (ст. 49). Потомъ представляетъ убѣдительнѣйшее доказательство тому, что они удостоились несравненно большаго дара, чѣмъ отцы ихъ, намекая на бывшихъ при Моисеѣ тѣхъ дивныхъ мужей. Поэтому, сказавъ, что ѣвшіе манну умерли, Онъ прибавилъ: *аще кто снѣсть отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки* (ст. 51). И слово: *въ пустыни* Онъ употребилъ не безъ цѣли, но чтобы дать замѣтить, что манна и продолжалась недолго и не перешла въ обѣтованную землю; а этотъ хлѣбъ не таковъ. *И хлѣбъ, егоже Азъ дамъ, плоть Моя есть, юже Азъ дамъ за животъ міра* (ст. 51). Справедливо здѣсь можетъ кто-нибудь въ недоумѣніи спросить: благовременно ли было говорить эти слова, когда они отнюдь не послужили къ назиданію и не принесли никакой пользы, а напротивъ даже повредили тѣмъ, которые были уже наставлены? *Отъ сего,* сказано, *мнози отъ ученикъ его идоша вспять,* говоря: *жестоко слово сіе, кто можетъ его послушати* (60, 66)? Вѣдь можно было это преподать однимъ ученикамъ, съ которыми, какъ замѣтилъ Матѳей, Христосъ и бесѣдовалъ особо. Чтоже отвѣчать на это? То, что и въ настоящемъ случаѣ эти слова были весьма полезны и нужны. Такъ какъ іудеи настоятельно просили у Него пищи, но — тѣлесной, и вспоминая о пищѣ, какая была ниспосылаема ихъ предкамъ, считали манну

чѣмъ-то великимъ, то Онъ и упоминаетъ о пищѣ духовной, желая показать, что все то было образомъ и тѣнью, а эта пища есть самая истина *вещей* (Евр. x, 1). Но надлежало, говорятъ, сказать: отцы ваши ѣли манну въ пустынѣ, а Я далъ вамъ хлѣбъ. Но въ этомъ большое различіе. Это чудо (надъ хлѣбами) казалось даже меньшимъ того (дарованія манны), потому что манна была ниспосылаема съ неба, а чудо надъ хлѣбами было совершено на землѣ. Итакъ, поелику они домогались пищи, сходящей съ неба, то Онъ часто и говорилъ: *съ небесе снидохъ*. Если же кто полюбопытствуетъ узнать, для чего Онъ завелъ рѣчь и о таинствахъ, то мы скажемъ ему, что было очень благовременно сказать и о нихъ. Темнота словъ всегда подстрекаетъ слушателя и дѣлаетъ его болѣе внимательнымъ. Потому іудеямъ не соблазняться слѣдовало, а напротивъ спросить и узнать. Но они удаляются. И если они считали Его пророкомъ, то должны были повѣрить Его словамъ. Такимъ образомъ причина соблазна заключалась въ ихъ неразуміи, а не въ непонятности рѣчи. Но ты смотри, какъ Онъ мало-по-малу привязывалъ къ Себѣ учениковъ. Они говорятъ: *глаголы живота имаши, куда идемъ* (ст. 68), не смотря на то, что здѣсь Онъ представляетъ уже Себя дающимъ, а не Отца, говоря: *хлѣбъ, егоже Азъ дамъ, плоть Моя есть*. Но народъ не такъ, а напротивъ: *жестоко слово сіе*,
говоритъ онъ, почему и уходитъ. Между тѣмъ это ученіе было 260
не новое какое-либо и необычайное. На него прикровенно указалъ еще прежде Іоаннъ, назвавъ Христа Агнцемъ. Но и при семъ томъ, скажешь, народъ не понималъ. Знаю это и я; но не понимали также и ученики. Если они еще ничего ясно не знали о воскресеніи, а потому и не понимали, что бы такое значило: *разорите церковь сію и треми денми воздвигну ю* (Іоан. II, 19), то еще гораздо менѣе могли понять тѣ слова, потому что они темнѣе этихъ. Что воскресали пророки, это они знали, хотя Писаніе говоритъ объ этомъ и не такъ ясно; но чтобы кто-нибудь ѣлъ плоть, о томъ никогда не говорилъ ни одинъ изъ пророковъ. И однакожъ ученики повѣрили Христу, слѣдовали за Нимъ и исповѣдали, что Онъ имѣетъ глаголы живота вѣчнаго. Долгъ ученика — не разбирать съ излишнимъ любопытствомъ словъ учителя, но слушать, вѣрить и ожидать надлежащаго времени для рѣшенія недоумѣній. Отчего же, скажешь, (съ нѣкоторыми) случилось противное и они обратились вспять? Причина — въ ихъ неразуміи. Какъ скоро придетъ на мысль вопросъ: *какъ?* — вмѣстѣ съ тѣмъ является и невѣріе. Оттого смущался и Никодимъ, говоря: *како можетъ человѣкъ внити въ утробу матери своея* (Іоан. III, 4)? Оттого смущаются и они, говоря: *како можетъ сей*

намъ дати плоть свою ясти (ст. 32)? Если ты теперь спрашиваешь: какъ? — то отчего не говорилъ того же о хлѣбахъ? Какъ изъ пяти Господь сдѣлалъ такое множество? Очевидно, они тогда думали только о томъ, какъ бы насытиться, а не о томъ, чтобы уразумѣть чудо. Но тогда, скажешь, самый опытъ научалъ ихъ. Если такъ, то по тому же самому опыту имъ слѣдовало безъ труда принять и это ученіе. Для того-то Христосъ напередъ и совершилъ то чудо, чтобы они, наученные имъ, вѣровали уже и тому, что Онъ послѣ говорилъ. Итакъ, іудеи въ то время не получили никакой пользы отъ сказаннаго; а мы уже на самомъ дѣлѣ пользуемся этимъ благодѣяніемъ. Поэтому и нужно знать чудо этихъ таинствъ — въ чемъ оно состоитъ, для чего дано и какая отъ него польза. *Едино тѣло*, сказано, мы бываемъ *и уди отъ плоти Его и отъ костей Его* (Еф. IV, 4). Да внимаютъ этимъ словамъ посвященные!

3. Итакъ, чтобы не любовію только, но и самымъ дѣломъ быть намъ членами плоти Христовой, будемъ причащаться [1]) этой плоти. А это бываетъ чрезъ пищу, которую Христосъ даровалъ, чтобы выразить Свою великую любовь къ намъ. Для того Онъ смѣшалъ самого Себя съ нами и растворилъ тѣло Свое въ насъ, чтобы мы составили нѣчто единое, какъ тѣло, соединенное съ головою. И это знакъ самой сильной любви. На это указывалъ и Іовъ, когда говорилъ о своихъ домочадцахъ, которые такъ сильно любили его, что желали сростись съ его плотію: *кто убо далъ бы намъ отъ плотей его насытитися* (Іов. XXXI, 31)? Такъ говорили они, желая выразить свою великую любовь къ нему. Съ этою же цѣлію такъ поступилъ и Христосъ: чтобы ввести насъ въ большее содружество съ Собою и показать Свою любовь къ намъ, Онъ далъ желающимъ не только видѣть Его, но и осязать, и ѣсть, и касаться зубами плоти Его, и соединяться съ Нимъ, и насыщать Имъ всякое желаніе. Будемъ же отходить отъ этой трапезы, какъ львы, дышащіе огнемъ, страшные для діавола, помышляя о нашей Главѣ и о той любви,
261 какую Онъ показалъ къ намъ. Часто родители отдаютъ дѣтей своихъ на вскормленіе другимъ; а Я, говоритъ (Спаситель), не такъ, но питаю васъ Своею плотію, самого Себя предлагаю вамъ, желая, чтобы всѣ вы были благородны, и подавая вамъ благія надежды на будущее. Кто отдалъ вамъ самого себя здѣсь, то тѣмъ болѣе (сдѣлаетъ для васъ) тамъ. Я восхотѣлъ быть вашимъ братомъ; Я ради васъ пріобщился плоти и крови; и эту

---

[1]) ἀνακερασθῶμεν

плоть и кровь, чрезъ которыя Я сроднился съ вами, Я опять преподаю вамъ.

Эта кровь придаетъ намъ видъ цвѣтущій и царскій; рождаетъ красоту неизобразимую; не даетъ увядать благородству души, непрестанно напояя ее и питая. Наша кровь, образующаяся изъ пищи, не вдругъ становится кровію, но (сначала) бываетъ чѣмъ-то другимъ; а эта кровь не такъ, но тотчасъ же напояетъ душу и сообщаетъ ей нѣкую великую силу. Эта кровь, достойно принимаемая, отстраняетъ и далеко прогоняетъ отъ насъ демоновъ, призываетъ же къ намъ ангеловъ и Владыку ангеловъ. Демоны бѣгутъ оттуда, гдѣ видятъ Владычнюю кровь, а ангелы туда стекаются. Пролитая (на крестѣ), эта кровь омыла всю вселенную. Много объ этой крови любомудрствовалъ и блаженный Павелъ въ посланіи къ Евреямъ. Эта кровь очистила мѣсто недоступное и святое святыхъ. Если же ея образъ имѣлъ такую силу и въ храмѣ еврейскомъ, и въ Египтѣ, когда кровію были помазаны дверные косяки, то гораздо болѣе — сама истина. Эта кровь освятила золотой жертвенникъ. Безъ нея архіерей не дерзалъ входить въ мѣсто недоступное. Эта кровь поставляла во священника. Она въ образахъ омывала грѣхи. Если же въ образахъ она имѣла такую силу; если смерть такъ страшилась тѣни, — то можетъ ли, скажи мнѣ, не убояться самой истины? Эта кровь — спасеніе душъ нашихъ. Ею душа омывается; ею украшается; ею воспламеняется. Она дѣлаетъ нашъ умъ свѣтлѣе огня. Она дѣлаетъ нашу душу чище золота. Эта кровь излилась, — и содѣлала небо для насъ доступнымъ.

4. Страшны поистинѣ таинства Церкви, страшенъ поистинѣ жертвенникъ. Изъ рая выходилъ источникъ, изливавшій чувственныя рѣки; отъ этой же трапезы происходитъ источникъ, изводящій рѣки духовныя. При этомъ источникѣ насаждены не ивы безплодныя, но дерева, досягающія до самаго неба и приносящія плодъ всегда спѣлый и никогда неувядающій. Если кто томится отъ зноя, — пусть идетъ къ этому источнику и прохладитъ свой жаръ, потому что этотъ источникъ уничтожаетъ засуху и освѣжаетъ все попаленное, — попаленное не солнцемъ, а раскаленными стрѣлами (діавола). Его начало — свыше, и истокъ его тамъ же, и оттуда онъ напаяется. У этого источника много потоковъ, которые изводитъ Утѣшитель, а посредникомъ при 262
этомъ бываетъ Сынъ, не заступомъ пролагая имъ дорогу, но отверзая въ насъ расположеніе. Этотъ источникъ есть источникъ свѣта, изливающій лучи истины. Къ нему стекаются и горнія силы, чтобы созерцать красоту его потоковъ, потому что они яснѣе видятъ и силу предлежащихъ даровъ и неприступное ихъ

сіяніе. Если бы возможно было, чтобы кто-нибудь вложилъ свою руку или языкъ въ расплавленное золото, — они тотчасъ озолотились бы. Точно такое же и еще гораздо большее дѣйствіе производятъ и здѣсь на душу предлежащія тайны. Сильнѣе огня кипитъ и стремится эта рѣка, но не сожигаетъ, а только очищаетъ все, чего касается. Эта кровь древле была прообразована на жертвенникахъ, въ закланіяхъ, опредѣленныхъ закономъ. Она есть цѣна вселенной; ею Христосъ купилъ Церковь; ею Онъ всю ее украсилъ. Какъ тотъ, кто покупаетъ слугъ, даетъ за нихъ золото и потомъ, желая ихъ украсить, украшаетъ золотомъ, такъ и Христосъ и купилъ насъ кровію, и украсилъ кровію. Пріобщающіеся этой крови стоятъ вмѣстѣ съ ангелами, архангелами и горними силами, облеченные въ царскую одежду Христову и имѣя духовное оружіе. Но этимъ я еще не сказалъ ничего великаго: они бываютъ облечены въ самого Царя. Но насколько велико и чудно это таинство, настолько же вѣрно и то, что если приступишь къ нему съ чистотою, приступишь во спасеніе, если же съ совѣстію лукавою — въ наказаніе и мученіе. *Ядый бо*, сказано, *и піяй* Господа *недостойнѣ, судъ себѣ ястъ и піетъ* (1 Кор. xi, 29). Если и оскверняющіе царскую порфиру наказываются одинаково съ раздирающими ее, то что удивительнаго, если пріемлющіе тѣло съ нечистою мыслію подвергнутся такому же наказанію, какъ и тѣ, которые истерзали его гвоздями? Смотри, на какое страшное наказаніе указываетъ Павелъ въ словахъ: *отвергійся кто закона Моисеева, безъ милосердія при двоихъ или тріехъ свидѣтелехъ умираетъ. Колико мните горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый и кровь завѣтную скверну возмнивъ, еюже освятися* (Евр. x, 28, 29)? Будемъ же, возлюбленные, внимательны къ самимъ себѣ, наслаждаясь такими благами. И если родится въ насъ желаніе сказать что-нибудь срамное, или замѣтимъ, что нами овладѣваетъ гнѣвъ или другая какая страсть, — подумаемъ, чего мы удостоены, какого получили Духа. Такая мысль обуздаетъ наши безумныя страсти. Да и доколѣ мы будемъ привязаны къ настоящему? Доколѣ не возстанемъ? Доколѣ будемъ нерадѣть о своемъ спасеніи? Помыслимъ, чего насъ удостоилъ Богъ, возблагодаримъ, прославимъ Его — не вѣрою только, но и самыми дѣлами, чтобы сподобиться и будущихъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLVII.

Рече же имъ Іисусъ: аминь, аминь глаголю вамъ, аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ. Ядый же Мою плоть и піяй Мою кровь, имать животъ въ себѣ (Іоан. vi, 35, 54).

1. Когда бесѣдуемъ о предметахъ духовныхъ, ничто житей- 261
ское да не будетъ въ душахъ нашихъ, ничто земное; но все это 262
да будетъ удалено, все да будетъ устранено, чтобы мы могли
всецѣло предаться одному слушанію божественныхъ словъ. Если 263
при входѣ царя въ городъ затихаетъ весь шумъ, то гораздо болѣе въ то время, какъ Духъ бесѣдуетъ съ нами, мы должны вникать съ глубокимъ безмолвіемъ и съ великимъ страхомъ. А что сегодня читано, то, дѣйствительно, достойно страха. Что же именно, — послушай. Истинно говорю вамъ, говоритъ Христосъ, если кто не будетъ ѣсть плоти Моей и пить крови Моей, тотъ не будетъ имѣть жизни въ себѣ. Такъ какъ іудеи предъ тѣмъ говорили, что это невозможно, то Онъ показываетъ, что не только не невозможно, но и весьма необходимо. Поэтому и прибавляетъ: *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь, имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день.* Слова Его: если кто ѣстъ отъ хлѣба сего, не умретъ во вѣки, легко могли показаться имъ странными, какъ и тогда, когда они говорили: Авраамъ умеръ, и пророки умерли, какъ же Ты говоришь: не вкуситъ смерти (Іоан. viii, 52)? Поэтому Онъ, чтобы разрѣшить такое недоумѣніе и показать, что дѣйствительно не умретъ навсегда, упомянулъ о воскресеніи. Часто же говоритъ о таинствѣ (причащенія), чтобы показать, какъ оно необходимо и что оно непремѣнно должно быть. *Плоть Моя истинно есть брашно и кровь Моя истинно есть пиво* (ст. 55). Что значатъ эти слова? Ими Онъ хочетъ или сказать то, что плоть Его есть истинное брашно, спасающее душу, или же увѣрить ихъ въ сказанномъ, такъ чтобы они не считали словъ Его загадкою и притчею, но знали, что непремѣнно должно вкушать Его тѣло. Далѣе говоритъ: *ядый Мою плоть, во Мнѣ пребываетъ* (ст. 56); этимъ показываетъ, что такой человѣкъ соединяется съ Нимъ. Слѣдующія же слова, если не вникнуть въ ихъ смыслъ, представляются какъ будто не имѣющими связи съ предъидущими. Какая въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, послѣдовательность — сначала сказать: *ядый Мою плоть, во Мнѣ пребываетъ*, и затѣмъ продолжать: *якоже посла Мя живый Отецъ, и Азъ живу Отца ради* (ст. 57)? Однакожъ между этими словами есть большое соотвѣтствіе. Такъ какъ (Христосъ) много разъ говорилъ о

жизни вѣчной, то, въ подтвержденіе того же, и присовокупилъ: *во Мнѣ пребываетъ*. Если же во Мнѣ пребываетъ, а Я живу, то явно, что и онъ будетъ жить. Потомъ говоритъ: *якоже посла Мя живый Отецъ*. Это — сравненіе и уподобленіе. Онъ какъ бы такъ сказалъ: Я живу такъ, какъ Отецъ. А чтобы ты не счелъ Его нерожденнымъ, Онъ тотчасъ прибавилъ: *Отца ради*; но этимъ показываетъ не то, будто Онъ для Своей жизни имѣетъ нужду въ какомъ-либо содѣйствіи. Еще прежде Онъ опровергъ эту мысль, сказавъ: *якоже Отецъ имать живот въ себѣ, тако даде и Сынови живот имѣти въ себѣ* (Іоан. v, 26). Если же (допустить, что) Онъ нуждается въ содѣйствіи, то будетъ слѣдовать, что Отецъ не далъ такъ (т. е. Сыну имѣть животъ въ себѣ), и значитъ, тѣ слова—ложны; а если далъ, то Сынъ уже не имѣетъ нужды ни въ какомъ постороннемъ содѣйствіи. Что же значитъ: *Отца ради?* Здѣсь Христосъ указываетъ только причину, говоря какъ бы такъ: какъ живетъ Отецъ, такъ и Я живу. И *ядый Мя, и той живъ будетъ Мене ради* (ст. 57). Жизнь здѣсь разумѣетъ не обыкновенную, но прославленную. А что Онъ говоритъ о жизни не обыкновенной, но о той славной и неизреченной, это видно изъ того, что всѣ—и невѣрующіе и непосвященные—тоже живутъ, хотя и не вкушаютъ той плоти. Видишь, что рѣчь идетъ не объ этой жизни, но о той. Онъ какъ бы такъ говоритъ: ядущій Мою плоть не погибнетъ по смерти и не подвергнется наказанію. И не объ общемъ также воскресеніи говоритъ, такъ какъ всѣ одинаково воскреснутъ, но о воскресеніи особенномъ, славномъ,
261 соединенномъ съ наградою. *Сей есть хлѣбъ, сшедшій съ небесе: не якоже ядоша отцы ваши манну, и умроша: ядый хлѣбъ сей, живъ будетъ во вѣки* (ст. 58). Непрестанно повторяетъ одно и тоже для того, чтобы напечатлѣть это въ душѣ слушателей (такъ какъ ученіе объ этомъ было почти послѣднее), и чтобы утвердить вѣру въ догматъ о воскресеніи и жизни вѣчной. Итакъ, (Христосъ) говоритъ и о воскресеніи частію потому, что сказалъ о жизни вѣчной, а частію и для того, чтобы показать, что эта жизнь не теперь, но будетъ по воскресеніи. Откуда же, скажешь, это видно? Изъ Писанія. Къ нему при всякомъ случаѣ отсылаетъ Онъ іудеевъ, повелѣвая изъ него удостовѣряться въ томъ. А словами: *дающій живот міру* (ст. 33) Онъ возбуждаетъ въ нихъ соревнованіе, чтобы, такимъ образомъ, они не лишали себя этого дара по крайней мѣрѣ изъ ревности, что другіе наслаждаются имъ. О маннѣ же часто упоминаетъ для того, чтобы и различіе показать между ею и небеснымъ хлѣбомъ, и привесть ихъ къ вѣрѣ. Если для Него возможно было безъ жатвы, безъ хлѣба и другихъ снадобій сохранить, въ продолженіе сорока лѣтъ, жизнь

ихъ предковъ, то тѣмъ болѣе это возможно будетъ теперь, когда Онъ пришелъ совершить большія дѣла. Съ другой стороны, если то были нѣкоторые образы, и однакожъ тогда собирали пищу безъ пота и трудовъ, то тѣмъ болѣе это будетъ теперь, когда во всемъ большее различіе, когда смерти уже нѣтъ и мы пользуемся истинною жизнію.

Хорошо и то, что Христосъ часто упоминаетъ о жизни, потому что жизнь вожделѣнна для людей и ничто такъ не пріятно, какъ не умирать. И въ ветхомъ завѣтѣ было обѣщаніе долговѣчности и многолѣтія, но теперь обѣщается не просто долговѣчность, но жизнь, конца не имѣющая. Вмѣстѣ съ тѣмъ Христосъ хочетъ показать, что Онъ отмѣняетъ наказаніе, бывшее слѣдствіемъ грѣха, уничтожаетъ тотъ смертный приговоръ и, вопреки прежнему опредѣленію, вводитъ не просто жизнь, но жизнь вѣчную. *Сія рече на сонмищи, уча въ Капернаумѣ* (ст. 59), гдѣ Онъ совершилъ много чудесъ, и гдѣ поэтому Его должны были слушать съ особеннымъ вниманіемъ.

2. Но для чего Онъ училъ въ синагогѣ и въ храмѣ? Какъ для того, чтобы уловить собиравшійся въ нихъ народъ, такъ и для того, чтобы показать, что Онъ дѣйствуетъ не противно Отцу. *Мнози же слышавше отъ ученикъ Его, рѣша: жестоко есть слово сіе* (ст. 60). Что значитъ: *жестоко есть?* Значитъ: сурово, трудно, тягостно. Но вѣдь Онъ ничего такого не говорилъ, потому что и бесѣдовалъ не о жизни и дѣятельности, но о догматахъ, часто упоминая о вѣрѣ въ Него. Такъ что же, то ли значитъ: *жестоко есть слово*, что Онъ обѣщаетъ жизнь и воскресеніе? То ли, что онъ сказалъ: *съ небесе снидохъ?* Или то, что нельзя спастись не ядущему Его плоти? Это ли, скажи мнѣ, жестоко? Но кто станетъ утверждать это? Итакъ, что значитъ: *жестоко?* Значитъ: неудобопріемлемо, превышаетъ ихъ немощь, наводитъ великій страхъ. Они думали, что Онъ говоритъ нѣчто такое, что выше Его достоинства и далеко превосходитъ Его силы; почему и говорили: *кто можетъ Его послушати*, желая, можетъ быть, тѣмъ оправдать себя, потому что намѣрены были отстать отъ Него. *Вѣдый же Іисусъ въ Себѣ, яко ропщутъ о семъ ученицы Его* (а такое вѣдѣніе тайныхъ помысловъ есть доказательство Его божества), говоритъ: *сіе ли вы блазнитъ* (ст. 61)? *Аще убо узрите Сына человѣческаго восходяща, идѣже бѣ прежде* (ст. 62). Такъ же Онъ поступилъ и съ Наѳанаиломъ, сказавъ: *зане рѣхъ ти, видѣхъ тя подъ смоковницею, вѣруеши: больша сихъ узриши* (Іоан. I, 50), — и съ Никодимомъ: *никтоже взыде на небо, токмо Сынъ человѣческій, сый на небеси* (Іоан. III, 13). Что же? Къ недоумѣніямъ Онъ присовокупляетъ новыя недоумѣнія? Отнюдь нѣтъ; напротивъ, величіемъ и

множествомъ догматовъ хочетъ удержать ихъ при Себѣ. Сказавъ просто: *съ небесе снидохъ*, и не присовокупивъ ничего больше, Онъ
265 тѣмъ скорѣе соблазнилъ бы ихъ; но сказавъ: тѣло мое — жизнь міра, также: *якоже посла Мя живый Отецъ, и Азъ живу Отца ради*, и еще: *съ небесе снидохъ*, Онъ тѣмъ разрѣшаетъ ихъ недоумѣніе. Кто говоритъ о себѣ одно великое, того, конечно, еще можно подозрѣвать во лжи, но кто, вслѣдъ затѣмъ, высказываетъ столь многое, тотъ уничтожаетъ всякое подозрѣніе. Все же Онъ и дѣлаетъ и говоритъ для того, чтобы удалить ихъ отъ мысли, что отецъ Его Іосифъ. Значитъ, Онъ говорилъ такъ не для усиленія соблазна, а напротивъ для его уничтоженія. Кто считалъ бы Его сыномъ Іосифа, тотъ не принялъ бы Его словъ; а кто убѣдился, что Онъ сошелъ съ неба и опять взойдетъ туда, тотъ удобнѣе могъ внимать Его словамъ. Послѣ того Христосъ присовокупляетъ и другое рѣшеніе ихъ недоумѣнія, говоря: *Духъ есть, иже оживляетъ, плоть не пользуетъ ничтоже* (ст. 63). Это значитъ: что говорится обо Мнѣ, тому должно внимать духовно; а кто внимаетъ чувственно (σαρκικῶς), тотъ ничего не пріобрѣтаетъ и не получаетъ никакой пользы. Сомнѣваться же въ томъ, какъ Онъ сошелъ съ неба, и думать, что Онъ — сынъ Іосифа, и спрашивать: *како можетъ намъ дати плоть свою ясти?* — было дѣломъ плотского слушанія, между тѣмъ какъ все это слѣдовало понимать таинственно и духовно. Но откуда, скажешь, они могли понять, что такое значитъ ѣсть плоть? Потому-то имъ и слѣдовало выждать удобнаго времени и распросить, а не оставлять Его. *Глаголы, яже Азъ глаголахъ вамъ, духъ суть и животъ суть* (ст. 63), т. е. божественны и духовны, не заключаютъ въ себѣ ничего плотского, и не подлежатъ естественному порядку, но чужды всякой этого рода необходимости и выше законовъ, дѣйствующихъ на землѣ, и имѣютъ смыслъ другой, особенный. Такимъ образомъ, какъ здѣсь сказалъ: *духъ*, вмѣсто того, чтобы сказать: *духовные* (глаголы), такъ и, сказавъ: *плоть*, разумѣлъ *неплотскіе* (предметы), но плотское слушаніе, намекая вмѣстѣ и на іудеевъ, которые всегда желали плотского, между тѣмъ какъ надлежало желать духовнаго, потому что кто предметы духовные станетъ понимать чувственно, тотъ не пріобрѣтетъ никакой прибыли. Что же, развѣ Его плоть не есть плоть? Безъ сомнѣнія, — плоть. Какъ же Онъ сказалъ: *плоть не пользуетъ ничтоже?* Это Онъ сказалъ не о Своей плоти, — отнюдь нѣтъ, — но о тѣхъ, которые Его слова понимаютъ чувственно. Что же значитъ — понимать чувственно? Смотрѣть на предметы просто и не представлять ничего больше, — вотъ что значитъ понимать чувственно. Но не такъ должно судить о видимомъ, а надобно внутренними очами прозирать во всѣ его тайны. Вотъ это зна-

чить понимать духовно. Вѣдь, кто не ѣстъ Его плоти и не піетъ Его крови, не имѣетъ жизни въ себѣ: какъ же плоть ничего не пользуетъ, когда безъ нея новозможно жить? Не видишь ли, что слова: *плоть не пользуетъ ничтоже* сказаны не о плоти Его, но о плотскомъ слушаніи? *Но суть отъ васъ нѣцыи, иже не вѣруютъ* (ст. 64). Опять, по Своему обычаю, придаетъ важность Своимъ словамъ, предрекая будущее и показывая, что Онъ говорилъ все это не потому, чтобы искалъ славы у нихъ, а потому, что заботился о ихъ благѣ. Сказавъ: *нѣцыи*, Онъ чрезъ то исключилъ учениковъ,—потому что вначалѣ Онъ говорилъ: *и видѣсте Мя, и не вѣруете* Мнѣ (ст. 36), а теперь: *суть отъ васъ нѣцыи, иже не вѣруютъ. Вѣдяше бо искони, кіи суть невѣрующіи и кто есть предаяй Его. И глаголаше: сего ради рѣхъ вамъ, яко никтоже можетъ пріити ко Мнѣ, аще не будетъ ему дано свыше отъ Отца Моего* (ст. 64, 65). Здѣсь евангелистъ указываетъ намъ на добровольное, принятое Христомъ, домостроительство (спасенія) и на Его незлобіе. И слово: *искони* здѣсь поставлено не безъ цѣли, но чтобы ты позналъ Его предвѣдѣніе и то, что Онъ еще прежде этихъ словъ, и не 266
послѣ того, какъ іудеи возроптали и соблазнились, а еще прежде, зналъ предателя,—что было доказательствомъ Его божества. Затѣмъ присовокупилъ: *аще не будетъ ему дано* свыше *отъ Отца Моего*, убѣждая ихъ считать Бога Отцемъ Его, а не Іосифа, и показывая, что увѣровать въ Него дѣло немаловажное. Онъ какъ бы такъ говорилъ: не тревожатъ, не смущаютъ, не удивляютъ Меня невѣрующіе. Я знаю это гораздо прежде, чѣмъ случилось. Знаю, кому далъ Отецъ (увѣровать въ Меня).

3. Но когда ты слышишь: *далъ*, не думай, чтобы было раздаяніе просто по жребію, а вѣруй, что получаетъ тотъ, кто оказывается достойнымъ принять. *Отъ сего мнози отъ ученикъ Его идоша вспять, и къ тому не хождаху съ Нимъ* (ст. 66). Не безъ причины евангелистъ не сказалъ: отошли, но: *идоша вспять*. Этимъ Онъ показалъ, что они, отдѣлившись (отъ Христа), прервали преуспѣяніе въ добродѣтели и потеряли ту вѣру, которую прежде имѣли. Но съ двѣнадцатью (учениками) этого не случилось. Поэтому Онъ и говоритъ имъ: *еда и вы хощете ити* (ст. 67)?—чѣмъ опять показываетъ, что не нуждается въ ихъ служеніи и послушаніи, и не за тѣмъ водитъ ихъ съ Собою. Иначе—сталъ ли бы Онъ спрашивать ихъ такъ? Почему же Онъ не похвалилъ ихъ? Почему не превознесъ? Частію для того, чтобы соблюсти приличное Учителю достоинство, а частію для того, чтобы показать, что Онъ этимъ способомъ скорѣе могъ привлечь ихъ къ Себѣ. Если бы Онъ похвалилъ, то они могли бы подумать, что оказываютъ Ему услугу, и поддаться какой-нибудь немощи человѣче-

ской. Когда же показалъ, что не нуждается въ ихъ слѣдованіи за Нимъ, то этимъ болѣе удержалъ ихъ при Себѣ. И смотри, съ какою мудростію Онъ говоритъ. Не сказалъ: отойдите, потому что это значило бы отгонять, но говоритъ вопросительно: *еда и вы хощете ити?*—чѣмъ показываетъ, что Онъ устраняетъ всякое насиліе и принужденіе и хочетъ, чтобы они оставались при Немъ не изъ-за какого-либо стыда, но по чувству благодарности. А тѣмъ, что не укорилъ ихъ явно, но коснулся незамѣтно, Онъ показалъ, какъ должно любомудрствовать въ подобныхъ случаяхъ. Но съ нами бываетъ напротивъ, и это понятно, потому что мы все дѣлаемъ ради своей славы. Поэтому и думаемъ, что наше благосостояніе уменьшается, когда уходятъ служащіе намъ. Но Христосъ не сталъ ни льстить, ни отгонять, а только спросилъ. И это не потому, чтобы Онъ презиралъ учениковъ, но потому, что не хотѣлъ удерживать ихъ при Себѣ силою и принужденіемъ,—вѣдь оставаться по этой причинѣ все равно, что и отойти. Что же Петръ? *Къ кому идемъ? Глаголы живота вѣчнаго имаши. И мы вѣровахомъ и познахомъ, яко Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго* (ст. 68, 69). Видишь ли, не слова Христовы были причиною соблазна, а невниманіе, безпечность и неблагодарность слушателей? Если бы Онъ и не сказалъ (тѣхъ словъ), они и тогда соблазнились бы и не успокоились бы, потому что непрестанно думали о пищѣ тѣлесной и были пригвождены къ землѣ. Вѣдь вмѣстѣ же съ ними слушали и эти (апостолы); однакожъ высказали совсѣмъ не то, что они, говоря: *къ кому идемъ?* Этотъ отвѣтъ обнаруживаетъ великую любовь. Онъ показываетъ, что для нихъ Учитель дороже всего—и отцевъ, и матерей, и имѣній, и что, оставивъ Его, они не могли бы уже найти, куда прибѣгнуть. Но чтобы не показалось, будто слова: *къ кому идемъ* Петръ сказалъ потому, что не было никого, кто бы принялъ ихъ, Онъ тотчасъ присовокупилъ: *глаголы живота вѣчнаго имаши.* Другіе внимали (словамъ Христовымъ) чувственно и съ умствованіями человѣческими; а они (апостолы) духовно,
267 предоставляя все вѣрѣ. Потому и Христосъ говорилъ: *глаголы, яже Азъ глаголахъ, духъ суть*, т. е.: не предполагай, что ученіе, содержащееся въ Моихъ словахъ, подлежитъ обыкновенному порядку вещей и тѣмъ законамъ, по которымъ все совершается. Предметы духовные не таковы: они не могутъ быть подчинены законамъ земнымъ. На это и Павелъ указываетъ, говоря: *да не речеши въ сердцѣ твоемъ: кто взыдетъ на небо, сирѣчь Христа свести. Или кто снидетъ въ бездну, сирѣчь Христа отъ мертвыхъ возвести* (Рим. x, 6). *Глаголы живота вѣчнаго имаши.* Вотъ они уже приняли ученіе о воскресеніи и о будущемъ воздаяніи. Смотри же, какое брато-

любіе и какую любовь высказываетъ Петръ, отвѣчая за весь ликъ (апостоловъ). Не говоритъ: я позналъ, но: *познахомъ*. Особенно же обрати вниманіе на то, какъ принаравливается къ самымъ словамъ Учителя, говоря не то, что говорили іудеи. Тѣ говорили: *сей есть сынъ Іосифовъ*, а Петръ: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго*, и еще: *глаголы живота вѣчнаго имаши*; (и онъ говорилъ такъ), вѣроятно, потому, что часто слышалъ слова Христовы: *вѣруяй въ Мя имать животъ вѣчный*. Припомнивъ, такимъ образомъ, самыя слова, Онъ показалъ тѣмъ, что содержитъ (въ памяти) все сказанное. Что же Христосъ? Не похвалилъ и не превознесъ Петра, хотя это и сдѣлалъ при другомъ случаѣ; но что говоритъ? *Не Азъ ли васъ дванадесяте избрахъ, и единъ отъ васъ діаволъ есть?* Такъ какъ Петръ сказалъ: *и мы вѣровахомъ*, то Христосъ исключаетъ изъ этого лика Іуду. Въ другомъ мѣстѣ Петръ не сказалъ ничего объ ученикахъ, но на вопросъ Христа: *вы же кого Мя глаголете?*— отвѣчалъ: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Матѳ. XVI, 15). Но такъ какъ здѣсь сказалъ: *и мы вѣровахомъ*, то Христосъ, по справедливости, не оставляетъ Іуду въ ликѣ учениковъ. А это Онъ сдѣлалъ съ намѣреніемъ заранѣе отвратить вѣроломство предателя; и хотя зналъ, что это будетъ безполезно, тѣмъ не менѣе исполнялъ Свое дѣло.

4. И смотри, съ какою мудростію (поступилъ Христосъ)! Онъ и не открылъ вполнѣ предателя и не оставилъ его совсѣмъ неизвѣстнымъ, чтобы онъ, съ одной стороны, не сдѣлался болѣе безстыднымъ и упорнымъ, а съ другой, думая, что остается неизвѣстнымъ, не отважился безстрашно на злодѣяніе. Съ этою-то цѣлію, продолжая Свою бесѣду, изобличаетъ его яснѣе. Въ самомъ дѣлѣ, сначала Онъ включилъ и его въ число прочихъ, сказавъ: *суть нѣцыи отъ васъ, иже не вѣрують*. А что здѣсь Онъ разумѣлъ и предателя, это показалъ евангелистъ словами: *вѣдяше бо искони, кіи суть невѣрующіи, и кто есть предаяй Его*. Но такъ какъ Іуда остался при Немъ, то Онъ изобличаетъ его сильнѣе, говоря: *единъ отъ васъ діаволъ есть*, и, такимъ образомъ, наводитъ страхъ на всѣхъ вообще, желая прикрыть его. При этомъ справедливо можетъ возникнуть недоумѣніе: отчего теперь ученики не говорятъ ничего, а впослѣдствіи приходятъ въ страхъ и въ недоумѣніи смотрятъ другъ на друга и спрашиваютъ: *еда азъ есмь, Господи* (Матѳ. XXVI, 22)? и Петръ подаетъ знакъ Іоанну, чтобы онъ узналъ о предателѣ и спросилъ у Учителя, кто это (Іоан. XIII, 24). Итакъ, какая тому причина? Петръ тогда еще не слышалъ: *иди за Мною, сатано* (Марк. VIII, 33), а потому и не имѣлъ никакого опасенія. Когда же подвергся упреку, и не смотря на то, что говорилъ отъ великаго расположенія, не только не заслу-

жилъ одобренія, но и услышалъ названіе сатаны, то при словахъ: *единъ отъ васъ предастъ Мя* (Іоан. XIII, 21) справедливо уже убоялся. Съ другой стороны, и Христосъ теперь не говоритъ: *единъ отъ васъ предастъ Мя*, а: *единъ отъ васъ діаволъ есть*. Потому они даже не поняли этихъ словъ, а думали, что Онъ только укоряетъ за лукавство. Но для чего Онъ сказалъ: *не Азъ ли васъ дванадесяте*
268 *избрахъ, и единъ отъ васъ діаволъ есть?* Чтобы показать, что Его ученіе чуждо лести. Такъ какъ въ то время, когда всѣ оставили Его, они одни остались при Немъ и чрезъ Петра исповѣдали Его Христомъ, то, чтобы не подумали, что Онъ станетъ за это льстить имъ, Онъ удаляетъ ихъ отъ такой мысли. Онъ какъ бы такъ говоритъ: ничто не можетъ отклонить Меня отъ обличенія людей злыхъ; не думайте, что Я стану льстить вамъ за то, что вы остались при Мнѣ, или что Я не буду обличать порочныхъ, потому что вы послѣдовали за Мной. Къ этому не склонитъ Меня и то, что гораздо сильнѣе могло бы склонить учителя. Кто самъ собою остается при учителѣ, тотъ представляетъ тѣмъ свидѣтельство своей любви къ нему; а избранный учителемъ почитается отъ людей несмысленныхъ за безумнаго и отвергается ими. Но и это не удержитъ Меня отъ обличеній. Между тѣмъ въ этомъ и теперь язычники обвиняютъ Христа, но напрасно и неразумно: Богъ никогда не дѣлаетъ людей добрыми чрезъ насиліе и принужденіе, и Его избраніе призываемыхъ не насильственное, но совершается чрезъ увѣщаніе. А чтобы тебѣ увѣриться, что призывая Онъ не насилуетъ, смотри, сколько погибло людей званныхъ. Отсюда видно, что въ нашей волѣ—и спасеніе, и погибель.

5. Слыша это, научимся же всегда трезвиться и бодрствовать. Іуда былъ причтенъ къ тому святому лику, сподобился столь великаго дара, совершалъ чудеса (потому что и онъ вмѣстѣ съ прочими былъ посланъ воскрешать мертвыхъ и очищать прокаженныхъ), и не смотря на это, какъ скоро былъ порабощенъ тяжкимъ недугомъ—страстію сребролюбія, предалъ и своего Владыку. И ничто не принесло ему пользы: ни благодѣянія, ни дарованія, ни пребываніе со Христомъ, ни служеніе, ни омовеніе ногъ, ни общеніе въ трапезѣ, ни храненіе ковчежца; но это все обратилось даже въ поводъ къ его наказанію. Будемъ же бояться, чтобы и намъ чрезъ сребролюбіе не сдѣлаться подражателями Іудѣ. Ты не предаешь Христа; но, когда презираешь нищаго, истаевающаго отъ голода или гибнущаго отъ холода, навлекаешь на себя тоже осужденіе. Также, когда мы недостойно пріобщаемся таинъ, мы погибаемъ наравнѣ съ христоубійцами. Когда похищаемъ, когда угнетаемъ бѣдныхъ, то навлекаемъ на себя величайшее наказаніе,—и весьма справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, доколѣ

будетъ такъ владѣть нами любовь къ настоящимъ вещамъ—излишнимъ и безполезнымъ? А богатство и принадлежитъ въ вещамъ излишнимъ, отъ которыхъ нѣтъ никакой пользы. Доколѣ намъ не взирать на небеса, не трезвиться, не знать сытости въ наслажденіи этими земным и преходящими благами? Ужели мы не знаемъ изъ опыта ихъ ничтожества? Представимъ себѣ бывшихъ до насъ богачей. Не сонъ ли всѣ ихъ блага? Не тѣнь ли и цвѣтъ, не потокъ ли протекающій? Не повѣсть ли и басня? Вотъ такой-то былъ богатъ: гдѣ же теперь его богатство? Сгибло и истлѣло. А грѣхи, совершенные изъ-за него, и наказаніе за грѣхи—остаются. Но если бы даже и наказанія не было и царства не предстояло,—и тогда слѣдовало бы уважать (въ бѣдномъ) одноплеменность и однородность съ нами, и постыдиться того, что онъ подобострастенъ намъ. Между тѣмъ мы кормимъ псовъ (многіе же кормятъ и дикихъ ословъ, и медвѣдей, и другихъ разнаго рода звѣрей), а презираемъ человѣка, истаевающаго отъ голода; такимъ образомъ, для насъ чужое дороже родного и свое хуже того, что не наше и не родственно намъ. Но не пріятно ли, скажешь, строить великолѣпные домы, имѣть множество рабовъ и, покоясь на ложѣ, смотрѣть на золотой сводъ? Да это излишне и безполезно. Есть другія зданія, гораздо великолѣпнѣе и лучше этихъ. 269
Ими нужно увеселять свои взоры,—и никто тому не воспрепятствуетъ. Хочешь ли видѣть прекраснѣйшій сводъ? Когда настанетъ вечеръ, смотри на небо, усѣянное звѣздами. Но это, скажешь, не мой сводъ? Напротивъ, этотъ даже болѣе твой, чѣмъ тотъ. Онъ для тебя и созданъ и принадлежитъ тебѣ наравнѣ съ твоими братьями. А тотъ не твой, но твоихъ наслѣдниковъ, послѣ твоей смерти. Притомъ, этотъ (сводъ небесный) можетъ принесть величайшую пользу, потому что своею красотою возводитъ къ Создателю; а тотъ причинитъ тебѣ величайшій вредъ, сдѣлавшись въ день суда твоимъ грознымъ обвинителемъ, потому что онъ былъ облеченъ золотомъ, когда Христосъ не имѣлъ и необходимой одежды. Не будемъ же впадать въ столь великое безуміе; не станемъ гоняться за тѣмъ, что мимолетно, и убѣгать того, что пребываетъ постоянно; не будемъ предателями своего 270
спасенія, но станемъ держаться надежны на блага будущія,—старики, какъ вѣрно знающіе, что имъ не долго остается жить,—юноши, какъ вполнѣ убѣжденные, что (и для нихъ) немного остается времени, потому что день Господень придетъ, какъ тать ночью. Итакъ, зная это, жены пусть умоляютъ мужей, мужья пусть убѣждаютъ женъ,—будемъ учить юношей и дѣвъ, и всѣ будемъ наставлять другъ друга—презирать настоящія блага и искать будущихъ, чтобы и сподобиться ихъ, по благодати и

человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLVIII.

И хождаше Іисусъ по сихъ въ Галилеи: не хотяше бо во Іудеи ходити, яко искаху его Іудее убити. Бѣ же близъ праздникъ іудейскій потченіе сѣни (Іоан. VII, 1, 2).

269 1. Нѣтъ ничего хуже зависти и злобы. Чрезъ нихъ смерть вошла въ міръ. Когда діаволъ увидѣлъ человѣка въ чести, то не вынесъ его благоденствія и сдѣлалъ все, чтобы погубить его. Да и вездѣ отъ этого корня можно видѣть такой плодъ. Такъ и Авель убитъ; такъ и Давидъ едва не погибъ; такъ и многіе другіе праведники. Также сдѣлались христоубійцами и іудеи, на что и указалъ евангелистъ словами: *и хождаше Іисусъ по сихъ въ Галилеи*, потому что не имѣлъ власти *во Іудеи ходити, яко искаху его убити*. Что ты говоришь, блаженный Іоаннъ? Не имѣлъ власти Тотъ, кто могъ дѣлать все, что хотѣлъ? Кто сказалъ: *кого ищете*, и тѣмъ отбросилъ ихъ назадъ, кто могъ присутствовать и не быть видимымъ, — тотъ не имѣлъ власти? Какъ же Онъ послѣ явился между ними и среди храма, во время праздника, при народномъ собраніи, и въ присутствіи убійцъ бесѣдовалъ съ ними о томъ, что наиболѣе ихъ раздражало? Этому и они удивлялись, говоря: *не сей ли есть, его же ищутъ убити? И се не обинуясь глаголетъ, и ничесоже ему глаголютъ* (ст. 25, 29). Что же это за загадочныя слова? Нѣтъ, евангелистъ сказалъ это не съ тѣмъ, чтобы мы сочли его слова загадочными, но чтобы показать, что Христосъ обнаруживалъ и свойства божества и свойства человѣчества. Такимъ образомъ, когда онъ говоритъ, что Христосъ не имѣлъ власти, то выражается о Немъ, какъ о человѣкѣ, такъ какъ Онъ многое дѣлалъ и по-человѣчески; а когда говоритъ, что Онъ стоялъ среди ихъ, и они не удержали Его, то, очевидно, указываетъ на силу Его божества. Онъ и убѣгалъ, какъ человѣкъ, и являлся, какъ Богъ, будучи истинно тѣмъ и другимъ. Что злоумышленники не могли удержать Его, когда Онъ былъ среди ихъ, это показывало Его неодолимость и непобѣдимость; а что Онъ уклонялся, этимъ подтверждалъ Онъ Свое воплощеніе и удостовѣрялъ въ немъ, чтобы ничего не могли сказать ни Павелъ Самосатскій, ни Маркіонъ, ни зараженные ихъ недугомъ. Итакъ, этимъ Онъ заграждаетъ уста всѣмъ. *По сихъ бѣ праздникъ іудей-*

скій потченіе сѣни. Выраженіе: *по сихъ* означаетъ не другое что, какъ то, что (евангелистъ) для краткости опустилъ много времени, протекшаго между двумя событіями. И это видно изъ того, что, когда Христосъ сидѣлъ на горѣ, тогда былъ праздникъ Пасхи (Іоан. VI, 3, 4), а теперь (евангелистъ) упоминаетъ о праздникѣ 270
Кущей. Такимъ образомъ, изъ событій въ теченіе пяти мѣсяцевъ Онъ ни о чемъ другомъ намъ не разсказалъ и ничего иного не передалъ, кромѣ чуда надъ хлѣбами и бесѣды къ народу, ѣвшему хлѣбы. Между тѣмъ Христосъ постоянно совершалъ чудеса и бесѣдовалъ не только днемъ и вечеромъ, но часто и ночью. Такъ, напримѣръ, ученикамъ, по сказанію всѣхъ евангелистовъ, Онъ предсталъ ночью. Отчего же они опустили тѣ событія? Оттого, что невозможно было всего пересказать. Къ тому же они старались особенно говорить о томъ, изъ-за чего могло возникнуть со стороны іудеевъ какое-либо порицаніе или противорѣчіе. Событій, подобныхъ тѣмъ (которыя опущены), было много, и потому евангелисты, написавъ много разъ, что Христосъ и больныхъ исцѣлялъ, и мертвыхъ воскрешалъ, и возбуждалъ удивленіе, иногда объ этомъ и не говорятъ. Но когда имъ предстояло говорить о чемъ-либо необычайномъ, или разсказывать что-нибудь такое, что могло бы, повидимому, служить для Него порицаніемъ, объ этомъ они повѣствуютъ. Такъ, вотъ и теперь евангелистъ замѣчаетъ, что братья Его не вѣровали въ Него, хотя въ этомъ обстоятельствѣ заключается не мало поноснаго для Него. Подлинно достойно удивленія правдолюбіе евангелистовъ, какъ они не стыдятся говорить о томъ, что, повидимому, служитъ къ поношенію Учителя, и даже стараются больше повѣствовать объ этомъ, чѣмъ о чемъ-либо другомъ. Потому-то теперь и Іоаннъ, пройдя молчаніемъ многія — и знаменія, и чудеса, и бесѣды Христовы, тотчасъ приступилъ къ слѣдующему. *Рѣша*, говоритъ, *къ нему братія его: прейди отсюда въ Іудею, да и ученицы твои видятъ дѣла, яже твориши* (ст. 3). *Никтоже бо втайнѣ творитъ что, и ищетъ самъ явѣ быти. Яви себе мірови. Ни братія бо Его вѣроваху въ Него* (ст. 4, 5). Какое же, скажешь, здѣсь невѣріе, когда они просятъ Его творить чудеса? Даже и очень большое. Невѣріе выражается и въ ихъ словахъ, и въ ихъ смѣлости, и въ ихъ неумѣстномъ дерзновеніи. Они думали, что имъ, какъ родственникамъ, можно свободно говорить съ Нимъ. Ихъ просьба, повидимому, дружеская, но въ словахъ много обиднаго: ими они упрекаютъ Его и въ малодушіи и въ славолюбіи. Сказавъ: *никтоже въ тайнѣ творитъ что*, они тѣмъ обвиняютъ Его въ малодушіи и вмѣстѣ выражаютъ подозрѣніе къ Его дѣламъ, а присовокупивъ: *ищетъ явѣ быти*, упрекаютъ въ славолюбіи.

2. Но ты обрати вниманіе на силу Христову. Изъ числа говорившихъ это одинъ былъ впослѣдствіи первымъ іерусалимскимъ епископомъ, именно блаженный Іаковъ, о которомъ и Павелъ говоритъ: *инаго же отъ апостолъ не видѣхъ, токмо Іакова*
271 *брата Господня* (Гал. I, 19). Говорятъ также, что и Іуда сдѣлался достойнымъ удивленія. Хотя они и присутствовали въ Канѣ, когда вода была претворена въ вино, однакожъ отъ того не пріобрѣли еще никакой пользы. Отчего же у нихъ такое невѣріе? Отъ худого расположенія души и зависти: сродникамъ знаменитымъ какъ-то обыкновенно завидуютъ сродники не столько знаменитые. Кого же они здѣсь называютъ учениками? Народъ, слѣдовавшій за Христомъ, а не двѣнадцатъ (апостоловъ). Что же Христосъ? Смотри, какъ кратко Онъ отвѣчалъ. Не сказалъ: вы кто таковы, что даете Мнѣ такіе совѣты и учите Меня? А что? *Время Мое не у пріиде* (ст. 6). Мнѣ кажется, здѣсь Онъ намекаетъ и на нѣчто другое. Быть можетъ, они изъ зависти замышляли даже предать Его іудеямъ, а потому, обнаруживая это, Онъ и говоритъ: *время Мое не у пріиде*, т. е. время креста и смерти. Зачѣмъ же прежде времени вы торопитесь убить Меня? *Время же ваше всегда готово есть.* Какъ бы такъ говорилъ: хотя бы вы постоянно обращались съ іудеями, они не умертвятъ васъ, потому что вы ревнуете о томъ же, о чемъ и они; а Меня они готовы немедленно убить. Такимъ образомъ, для васъ всегда есть и время — не подвергаясь опасности, обращаться съ ними; а для Меня время будетъ тогда, когда настанетъ время креста, когда Мнѣ нужно будетъ умереть. А что Онъ дѣйствительно это разумѣетъ, видно изъ слѣдующихъ затѣмъ словъ: *не можетъ міръ ненавидѣти васъ* (ст. 7). Какъ онъ можетъ ненавидѣть тѣхъ, кто одного съ нимъ желаетъ и одного домогается? *Мене же ненавидитъ, яко Азъ обличаю его, яко дѣла его зла суть*, т. е. Меня ненавидитъ за то, что Я укоряю и обличаю. Научимся отсюда удерживаться отъ гнѣва и не сердиться, когда намъ что-либо совѣтуютъ и люди незначительные. Если Христосъ съ кротостію перенесъ совѣтъ людей невѣровавшихъ, которые совѣтовали то, чего не слѣдовало совѣтовать, и совѣтовали не отъ добраго расположенія, то какое мы получимъ прощеніе, мы—земля и пепелъ, если будемъ негодовать на совѣтниковъ, когда они хотя немного ниже насъ, считая ихъ совѣты недостойными насъ? Вотъ смотри, съ какою кротостію Христосъ отстраняетъ отъ Себя ихъ обвиненіе. На ихъ слова: *яви Себе мірови*, Онъ говоритъ: *не можетъ міръ ненавидѣти васъ, Мене же міръ ненавидитъ*, и этимъ уничтожаетъ ихъ обвиненіе. Не только, говоритъ, Я не ищу славы у людей, но и непрестанно обличаю ихъ, хотя и знаю, что это раждаетъ не-

нависть ко Мнѣ и готовить мнѣ смерть. Когда же, скажешь, Онъ обличалъ? Но когда же и переставалъ обличать? Не говорилъ ли Онъ: *не мните, яко Азъ на вы реку ко Отцу: есть, иже на вы глаголетъ, Моисей* (Іоан. v, 45); еще: *разумѣхъ вы, яко любве Божія не имате въ себѣ* (ст. 42); и еще: *како можете вѣровати, славу отъ человѣкъ пріемлюще, и славы, яже отъ единаго Бога, не ищете* (ст. 44)? Видишь ли, какъ всѣмъ этимъ Онъ показалъ, что ненависть къ къ Нему происходила отъ Его открытыхъ обличеній, а не отъ нарушенія субботы? А для чего Онъ посылаетъ ихъ на праздникъ, говоря: *вы взыдите въ праздникъ, Азъ не у взыду*? Что бы показать, что Онъ не нуждается въ нихъ и не хочетъ, чтобы они льстили Ему, и что Онъ дозволяетъ имъ соблюдать іудейскіе обряды. Но какъ же, скажешь, Онъ пошелъ на праздникъ, когда прежде сказалъ: *не взыду*? Онъ не просто сказалъ: *не взыду*, но прибавилъ: теперь, т. е. вмѣстѣ съ вами: *яко время Мое не у исполнися* (ст. 8). Но вѣдь Онъ имѣлъ быть распятъ въ слѣдующую Пасху,—почему же бы и Ему не идти? Если же не пошелъ потому, что еще не настало Его время, то слѣдовало бы и совсѣмъ не ходить. Но 272
Онъ пошелъ не для того, чтобы пострадать, а чтобы преподать имъ ученіе. Зачѣмъ же тайно? Могъ Онъ, конечно, пойти и явно и быть среди іудеевъ и удержать ихъ неистовое нападеніе, что нерѣдко и дѣлалъ; но Онъ не хотѣлъ такъ дѣйствовать всегда. Если бы Онъ пришелъ явно и опять поразилъ ихъ слѣпотою, то этимъ яснѣе выказалъ бы Свое божество и еще болѣе открылъ бы его, чего пока не слѣдовало дѣлать. Но такъ какъ они (Его братья) думали, что Онъ остался по малодушію, то (Своимъ появленіемъ на праздникъ) Онъ, напротивъ, показываетъ и безбоязненность и мудрую предусмотрительность, а равно и то, что Онъ, напередъ зная время, въ которое пострадаетъ, съ наступленіемъ этого времени, вполнѣ охотно пойдетъ во Іерусалимъ. Мнѣ, впрочемъ, кажется, что въ словахъ: *вы взыдите* Онъ высказываетъ и такую мысль: не думайте, что Я принуждаю васъ противъ воли оставаться со Мной; а въ слѣдующихъ затѣмъ: *время Мое не у исполнися* показываетъ, что Ему надлежало еще совершать и чудеса и говорить бесѣды, чтобы и больше увѣровало народа и тверже стали ученики, видя дерзновеніе Учителя и все, что Онъ потерпѣлъ.

3. Научимся же изъ сказаннаго уступчивости и кротости Спасителя: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Матѳ. xi, 29),—и отвергнемъ всякую гнѣвливость. Возстанетъ ли кто противъ насъ,—мы будемъ смиренны. Станетъ ли кто поступать съ нами нагло,—мы будемъ услужливы. Будетъ ли кто язвить и терзать насъ насмѣшками и ругательствами,—не будемъ

отвѣчать тѣмъ же, чтобы мщеніемъ за себя не погубить себя. Гнѣвъ есть звѣрь, звѣрь жестокій и лютый. Чтобы укротить его, будемъ припѣвать себѣ стихи изъ божественнаго Писанія и говорить: *земля еси* и *пепелъ* (Быт. III, 19), и: *почто гордится земля и пепелъ* (Сир. X, 9), также: *устремленіе ярости его паденіе ему* (Сир. I, 22), и еще: *мужъ ярый не благообразенъ* (Притч. XI, 25). Подлинно нѣтъ ничего хуже, ничего безобразнѣе гнѣвнаго лица; если же — лица, то тѣмъ болѣе — души. Какъ тогда когда разрываютъ грязь, обыкновенно бываетъ зловоніе, такъ и тогда, когда душа возмущается гнѣвомъ, появляется великое безобразіе. Но не могу, скажешь, вынести поношенія отъ враговъ. Отчего же, — скажи? Если врагъ сказалъ правду, то, еще прежде его, тебѣ самому слѣдовало бы укорить себя, и ты долженъ благодарить его за обличеніе; если же ложь, не обращай на то вниманія. Онъ назвалъ тебя нищимъ,—посмѣйся этому. Назвалъ низкимъ или безсмысленнымъ,—пожалѣй о немъ, потому что, кто скажетъ *брату своему: уроде, повиненъ есть гееннѣ огненнѣй* (Матѳ. V, 22). Итакъ, когда кто станетъ поносить тебя, помысли о томъ наказаніи, которому онъ подлежитъ,—и не только не будешь гнѣваться, но и прольешь слезы. Никто не сердится на одержимыхъ лихорадкою или горячкою, но всѣ жалѣютъ о подобныхъ людяхъ и плачутъ. А такова и душа разгнѣванная. Если же хочешь и отмстить, смолчи,—и тѣмъ нанесешь врагу смертельный ударъ. Если же будешь отвѣчать на укоризну укоризною, то зажжешь огонь. Но присутствующіе, скажешь, будутъ обвинять въ малодушіи, если стану молчать. Не въ малодушіи будутъ обвинять, а подивятся любомудрію. Если же ты, подвергшись поношенію, станешь огорчаться, то чрезъ это будешь поносить самъ себя, потому что заставишь думать, что сказанное о тебѣ справедливо. Отчего, скажи мнѣ, богачъ смѣется, когда слышитъ, что его называютъ нищимъ? Не оттого ли, что не сознаетъ за собою нищеты? Такъ и мы, если на бранныя слова будемъ отвѣчать болѣе смѣхомъ, чрезъ то представимъ величайшее доказательство, что мы не
273 сознаемъ за собою того, въ чемъ укоряютъ насъ. Притомъ же, доколѣ намъ бояться сужденій людскихъ? Доколѣ презирать общаго всѣмъ Владыку и прилѣпляться къ плоти? *Идѣже бо въ васъ зависть и рвеніе и распри, не плотстіи ли есте* (1 Кор. III, 3)? Будемъ же духовными и обуздаемъ этого страшнаго звѣря. Между гнѣвомъ и бѣшенствомъ нѣтъ никакого различія; гнѣвъ есть тоже бѣснованіе, только временное, или даже и хуже бѣснованія. Бѣсноватый можетъ еще получить прощеніе; а гнѣвающійся подвергнется тысячѣ мученій, какъ добровольно стремящійся въ бездну погибели. Да и прежде будущей геенны, онъ

уже здѣсь терпитъ наказаніе, такъ какъ во всю ночь и во весь день носитъ въ помыслахъ души своей непрестанное смятеніе и 274
незатихающую бурю. Итакъ, чтобы избавиться и наказанія въ жизни настоящей и мученія въ будущей, отринемъ эту страсть и будемъ выказывать всякую кротость и уступчивость. Чрезъ это мы обрѣтемъ покой нашимъ душамъ и здѣсь и въ царствіи небесномъ, котораго и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLIX.

Сія рекъ, оста въ Галилеи. Егда же взыдоша братія его, тогда и самъ взыде въ праздникъ, не явѣ, но яко тай (Іоан. VII, 9, 10).

1. Когда Христосъ совершалъ что-либо, какъ человѣкъ, то 273
совершалъ не для увѣренія только въ Своемъ воплощеніи, но и для наученія насъ добродѣтели. Если бы Онъ всегда поступалъ, какъ Богъ, то откуда могли бы мы узнать, что намъ должно дѣлать въ затруднительныхъ обстоятельствахъ? Если бы, напримѣръ, и въ настоящемъ случаѣ, когда іудеи дышали убійствомъ, Онъ вдругъ предсталъ среди ихъ и удержалъ ихъ порывъ, и если бы такъ поступалъ всегда, то мы, не имѣя возможности сдѣлать тоже, между тѣмъ находясь въ подобныхъ обстоятельствахъ, откуда могли бы узнать, какъ намъ должно поступить? Слѣдуетъ ли тотчасъ же умереть, или нужно что-нибудь предпринять, чтобы придать дѣлу благопріятный оборотъ? Итакъ, поелику мы, не имѣя равныхъ (съ Нимъ) силъ, не знали бы, что намъ дѣлать въ трудныхъ обстоятельствахъ, то Онъ Своимъ примѣромъ научаетъ насъ и этому. *Сія*, сказано, *рекъ* Іисусъ, *оста въ Галилеи. Егда же взыдоша братія его, взыде и самъ, не явѣ, но яко тай*. Слова: *взыдоша братія его* показываютъ, что Онъ не хотѣлъ идти съ ними. Поэтому и остался тамъ, гдѣ былъ, и не явилъ Себя, хотя братья нѣкоторымъ образомъ и понуждали Его къ тому. Но отчего Онъ, бесѣдовавшій всегда явно, теперь идетъ на праздникъ какъ бы тайно? (Евангелистъ) не сказалъ: тайно, но: *яко тай*,—оттого, что надлежало чрезъ это научить насъ устроять наши дѣла. А кромѣ того, не все равно было для Него—явиться ли среди іудеевъ въ то время, когда они кипѣли и пламенѣли отъ гнѣва, или послѣ, при окончаніи праздника. *Жидове же искаху Его и глаголаху: гдѣ*

есть Онъ (ст. 11)? Прекрасныя поистинѣ дѣла у нихъ въ праздничные дни! Порываются къ убійству и совѣщаются на праздникѣ схватить Его. Такъ говорятъ они и въ другомъ мѣстѣ: *что мнится вамъ, яко не иматъ ли пріити въ праздникъ* (Іоан. xi, 56)? и здѣсь: *гдѣ есть онъ?* Отъ чрезмѣрной ненависти и вражды не хотѣли назвать Его по имени. Великое уваженіе къ празднику, великое благоговѣніе! Хотѣли уловить Его въ самый праздникъ. *И ропотъ многъ бѣ о немъ въ народѣхъ* (ст. 12). Мнѣ кажется, что ихъ раздражало самое мѣсто совершенія чуда, и что они въ одно и то же время и свирѣпѣли и боялись, но не столько негодовали изъ-за прежняго чуда, сколько опасались, чтобы Онъ не совершилъ чего-либо подобнаго. Но вышло со-
274 всѣмъ иначе: они сами, противъ воли, сдѣлали Его извѣстнымъ. *Овіи глаголаху, яко благъ есть; иніи же глаголаху: ни, но льститъ народы* (ст. 12). Первое, я думаю,—мнѣніе народа, а послѣднее—князей и священниковъ, потому что клеветать было свойственно ихъ зависти и злобѣ. *Льститъ*, говорятъ, *народы*. Но какимъ образомъ, скажи мнѣ? Развѣ Онъ совершаетъ чудеса призрачныя, а не дѣйствительныя? Но опытъ свидѣтельствуетъ противное. *Никтоже явѣ глаголаше о немъ страха ради Іудейскаго* (ст. 13). Видишь ли, начальники—люди развращенные, а подначальные хотя и здраво судятъ, но лишены надлежащаго мужества, котораго преимущественно недостаетъ у народа? *Абіе же въ преполовеніе праздника взыде Іисусъ, и учаше* (ст. 14). Чрезъ промедленіе Онъ сдѣлалъ ихъ внимательнѣе. Тѣ, которые искали Его въ первые дни праздника и говорили: *гдѣ есть онъ?* теперь? увидѣвъ Его неожиданно передъ собою, смотри, какъ поспѣшили къ Нему и старались внимать Его словамъ,—и тѣ, которые называли Его добрымъ, и тѣ, которые не считали такимъ, — одни, чтобы получить пользу и подивиться, другіе, чтобы схватить Его и задержать. Говорили же они: *льститъ народы*, вслѣдствіе Его ученія о догматахъ, такъ какъ не понимали того, что Онъ говорилъ; а—*благъ есть*, вслѣдствіе Его чудесъ. Итакъ, Онъ предсталъ предъ ними, послѣ того какъ утишилъ ихъ ярость, чтобы они внимательно могли выслушать Его слова, когда гнѣвъ не заграждалъ уже ихъ слуха. Чему Онъ училъ, евангелистъ того не сказалъ; говоритъ только, что Онъ училъ дивно, что плѣнилъ ихъ и произвелъ въ нихъ перемѣну: такова была сила Его словъ! Тѣ, которые говорили: *льститъ народы*, теперь, перемѣнившись въ своихъ мысляхъ, дивились Ему и потому говорили: *како сей книги вѣсть не учився* (ст. 15)? Видишь ли, какъ евангелистъ показываетъ, что и здѣсь ихъ удивленіе было полно злобы? Не сказалъ, что они дивились ученію, или что принимали слова Его; но

просто: *дивились*, т. е. приходили въ изумленіе и въ недоумѣніи говорили: *откуда сему сія* (Марк. VI, 2)? Между тѣмъ это недоумѣніе должно было привести къ сознанію, что въ Немъ не было ничего человѣческаго. Но такъ какъ этого они не хотѣли исповѣдать, но ограничивались только удивленіемъ, то послушай, что говоритъ самъ Христосъ: *ученіе Мое нѣсть Мое* (ст. 16). Опять отвѣчаетъ на ихъ тайную мысль, обращая ихъ къ Отцу и желая тѣмъ заградить имъ уста. *Аще кто хощетъ волю Его творити, разумѣетъ о ученіи, кое отъ Бога есть, или Азъ отъ себе глаголю* (ст. 17). Эти слова значатъ вотъ что: отриньте отъ себя злобу, гнѣвъ, зависть и ненависть, которую напрасно питаете противъ Меня, и ничто не помѣшаетъ вамъ познать, что Мои слова—поистинѣ слова Божіи. Теперь эти страсти омрачаютъ васъ и искажаютъ 275
въ васъ правильное и свѣтлое сужденіе. А если исторгнете ихъ изъ себя, то уже не будете подвергаться этому. Но Христосъ такъ не сказалъ, потому что этимъ слишкомъ уязвилъ бы ихъ; а все это прикровенно выразилъ въ словахъ: кто творитъ волю Его, *разумѣетъ о ученіи, кое отъ Бога есть, или азъ отъ себе глаголю*, т. е., или Я возвѣщаю что-либо чуждое, и новое, и противное, потому что выраженіе: *отъ себе* всегда употребляется въ слѣдующемъ значеніи: я не говорю ничего неугоднаго Богу, но чего хочетъ Отецъ, того—и Я. Если *кто волю его* творитъ, *разумѣетъ о ученіи*. Что значитъ: если кто волю Его творитъ? Значитъ: если кто любитъ жизнь добродѣтельную и хочетъ быть внимательнымъ къ пророчествамъ, чтобы видѣть, сообразно ли съ ними Я говорю, или нѣтъ, тотъ уразумѣетъ силу Моихъ словъ.

2. Какъ же (Его ученіе есть) Его и не Его? Онъ не сказалъ: это ученіе не Мое, но сказавъ прежде: *Мое*, и такимъ образомъ усвоивъ его Себѣ, потомъ уже присовокупилъ: *нѣсть Мое*. Какъ же одно и тоже можетъ быть и Его и не Его? Его, потому что Онъ говорилъ не какъ наученный; не Его, потому что оно было ученіе Отца. А какъ же Онъ говоритъ: все Отчее — Мое, и все Мое — Отчее (Іоан. XVII, 10)? Если оно потому не Твое, что оно Отчее, то тѣ слова (все Отчее—Мое) будутъ ложны, такъ какъ поэтому самому оно должно быть Твое. Но слова: *нѣсть Мое* весьма ясно показываютъ, что Его ученіе и ученіе Отца — одно и тоже. Онъ какъ бы такъ говорилъ: (Мое ученіе) ничуть не отлично (отъ ученія Отца), какъ ученіе другого (лица). Хотя во Мнѣ ѵпостась и другая, но Я и говорю и дѣлаю такъ, что нельзя подумать, будто Я говорю и дѣлаю что-либо отличное отъ Отца: Я говорю и дѣлаю тоже самое, что — и Отецъ. Потомъ присовокупляетъ и другое неопровержимое умозаключеніе, выставляя на видъ нѣчто человѣческое и научая примѣромъ изъ обыкновен-

ной жизни. Что же это такое? *Глаголяй отъ себе славы своея ищетъ* (ст. 18), т. е., кто хочетъ ввести свое какое-либо ученіе,—хочетъ не для чего другого, какъ для того, чтобы чрезъ то пріобрѣсть себѣ славу. Если же Я не хочу снискивать Себѣ славу, то для чего Мнѣ желать вводить Свое какое-либо ученіе? *Глаголяй отъ себе*, т. е. высказывающій нѣчто свое и отличное, говорящій для того, чтобы пріобрѣсть себѣ славу. Если же Я ищу славы Пославшаго Меня, то для чего Я сталъ бы учить другому? Видишь ли, что была нѣкоторая причина, почему Онъ и тамъ говорилъ, что не дѣлаетъ ничего самъ отъ Себя (Іоан. v, 30)? Какая же это причина? Та, чтобы увѣрить, что Онъ не ищетъ славы у людей. По этой же причинѣ, говоря о Себѣ смиренно, Онъ произноситъ: Я ищу славы Отца, и такимъ образомъ вездѣ хочетъ убѣдить ихъ, что Онъ не желаетъ славы (человѣческой). А почему Онъ выражается смиренно, на это много есть причинъ, какъ-то: чтобы не подать о Себѣ мысли, что Онъ не рожденъ или богопротивенъ, чтобы увѣрить, что Онъ облеченъ плотію, чтобы снизойти къ немощи слушателей, чтобы научить людей быть скромными и не говорить о самихъ себѣ ничего великаго. Когда же Онъ выражается о Себѣ возвышенно, то на это можно найти только одну причину—величіе Его естества. Но если (іудеи) соблазнились и тѣмъ, что Онъ сказалъ: *прежде Авраама азъ есмь* (Іоан. viii, 58), то чего не случилось бы съ ними, если бы они постоянно слышали рѣчи возвышенныя? *Не Моисей ли даде вамъ законъ, и никтоже отъ васъ творитъ закона? Что Мене ищете убити* (ст. 19)? Какую, скажешь, связь, или что общаго имѣютъ эти слова съ преждесказанными?

Два обвиненія взводили на Него іудеи: одно, что разорялъ субботу, другое, что Бога называлъ Отцемъ Своимъ, дѣлая Себя равнымъ Богу. А что это было не ихъ мнѣніе, а мысль Его самого, и что онъ называлъ Бога Своимъ Отцемъ не такъ, какъ другіе, но въ смыслѣ отличномъ и особенномъ, это видно изъ слѣдующаго. Многіе часто называли Бога своимъ Отцемъ, напри-
276 мѣръ: *не Богъ ли единъ созда васъ и не Отецъ ли единъ всѣмъ вамъ* (Малах. ii, 10)? Однакожъ отъ этого люди не были равны Богу. Потому-то, слыша эти слова, (іудеи) и не соблазнялись. Притомъ, какъ тогда, когда они говорили, что Онъ не отъ Бога, Онъ неоднократно вразумлялъ ихъ, и какъ оправдывалъ Себя въ нарушеніи субботы, такъ и теперь, если бы то было ихъ мнѣніе, а не мысль Его самого, Онъ исправилъ бы его и сказалъ: зачѣмъ вы считаете Меня равнымъ Богу,—Я не равенъ. Но Онъ ничего такого не сказалъ, а даже напротивъ и дальнѣйшими словами доказалъ, что Онъ равенъ Богу. Слова: *якоже Отецъ воскрешаетъ*

мертвыя и живитъ, тако и Сынъ; и: *да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца*; и: *дѣла, яже Онъ творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ* (Іоан. v, 19, 21, 23), — всѣ эти слова доказываютъ Его равенство. И о законѣ Онъ также говоритъ: *не мните, яко пріидохъ разорити законъ, или пророки* (Матѳ. v, 17). Такъ Онъ обыкновенно исторгаетъ изъ ихъ ума несправедливыя о Немъ мнѣнія. Здѣсь же не только не опровергаетъ мнѣнія о равенствѣ Его съ Отцемъ, но еще и утверждаетъ его. Поэтому же и въ другомъ мѣстѣ, когда они сказали: *твориши себе Бога*, Онъ не отвергъ этого мнѣнія, а напротивъ подтвердилъ, сказавъ: *да увѣсте, яко власть имать Сынъ человѣческій отпущати грѣхи на земли, глагола разслабленному: возми одръ твой и иди* (Матѳ. ix, 6). Итакъ, сначала Онъ говорилъ противъ того ихъ обвиненія, что Онъ дѣлаетъ Себя равнымъ Богу, показывая, что Онъ не только не богопротивенъ, но и говоритъ одно и тоже и учитъ тому же самому, чему и Богъ. А теперь Онъ уже приступаетъ къ обвиненію въ нарушеніи субботы, говоря: *не Моисей ли даде вамъ законъ, и никтоже отъ васъ творитъ закона?* Онъ какъ бы такъ говорилъ: законъ предписываетъ: *не убій*, а вы убиваете и еще обвиняете Меня, какъ преступающаго законъ! А почему Онъ сказалъ: *никтоже?* Потому, что всѣ искали Его убить. Если же Я, говоритъ, и нарушилъ законъ, то для спасенія человѣка; а вы преступаете его для злодѣянія. Если Мой поступокъ и былъ нарушеніемъ закона, то онъ совершонъ для спасенія, и вамъ, которые преступаете важнѣйшія заповѣди, не слѣдовало судить Меня, потому что ваше преступленіе есть разрушеніе всего закона. Вслѣдъ затѣмъ Христосъ вступаетъ съ ними въ состязаніе; и хотя много бесѣдовалъ объ этомъ и прежде, но тогда возвышеннѣе и согласно съ Своимъ достоинствомъ, а теперь смиреннѣе. Почему же такъ? Потому, что не хотѣлъ часто раздражать ихъ: теперь они и безъ того пламенѣли гнѣвомъ и порывались къ убійству. Поэтому Онъ и старается убѣдить и успокоить ихъ двумя слѣдующими доводами: во-первыхъ, обличаетъ ихъ дерзкое покушеніе, говоря: *что Мене ищете убити*, и присовокупляя съ кротостію: *человѣка, иже истину глаголахъ;* а во-вторыхъ, показываетъ, что они, дыша убійствомъ, недостойны судить другого. Но ты обрати вниманіе на смиреніе, съ какимъ спрашиваетъ Христосъ, и на дерзость, съ какою они отвѣчаютъ. *Бѣса ли имаши: кто Тебе ищетъ убити* (ст. 20)? Это — слова гнѣва и ярости, вылившіяся изъ ихъ души, потерявшей всякій стыдъ и крайне смущенной отъ неожиданнаго обличенія въ томъ, о чемъ они думали. Какъ разбойники, распѣвающіе во время своихъ замысловъ, когда хотятъ застать врасплохъ того, противъ кого злоумышляютъ, дѣлаютъ это молчаливо, такъ — и іудеи. Но

Христосъ не обличаетъ ихъ за это, чтобы не сдѣлать ихъ еще болѣе безстыдными, и опять начинаетъ оправдываться въ нарушеніи субботы, заимствуя Свои доводы противъ нихъ отъ закона.

3. И смотри, какъ премудро! Нисколько не удивительно,
277 говоритъ, что вы не слушаете Меня. Вы не слушаете и закона, которому, какъ вамъ кажется, вы повинуетесь и который считаете даннымъ отъ Моисея. Поэтому ничего нѣтъ страннаго, если вы не внимаете Моимъ словамъ. Такъ какъ они говорили: *Моисею глагола Богъ, сего же не вѣмы, откуду есть* (Іоан. IX, 29), то Онъ показываетъ, что они оскорбляли и Моисея. Онъ далъ законъ, а между тѣмъ они не слушали закона. *Едино дѣло сотворихъ, и вси дивитеся* (21). Смотри: когда Ему нужно оправдываться и опровергать взводимое на Него обвиненіе, Онъ не упоминаетъ объ Отцѣ, но выставляетъ Свое лице. *Едино дѣло сотворихъ.* Этимъ хочетъ показать, что не совершить того дѣла значило бы нарушить законъ, что есть многое, что выше закона, и что Моисей допустилъ заповѣдь вопреки закону и въ то же время высшую, чѣмъ законъ. Обрѣзаніе выше субботы, хотя оно не установлено закономъ, а перешло отъ отцевъ. А Я совершилъ дѣло, которое выше и превосходнѣе даже обрѣзанія. Далѣе не упоминаетъ о заповѣди закона, т. е. о томъ, что священники нарушаютъ субботу, какъ сказалъ объ этомъ выше, но (говоритъ) съ большею силою. Выраженіе же: *дивитеся* значитъ: смущаетесь, тревожитесь. Если закону надлежало быть совершенно неизмѣннымъ, то обрѣзаніе не было бы выше его. Онъ не сказалъ также: Я совершилъ дѣло важнѣе, чѣмъ обрѣзаніе; но обличаетъ ихъ сильнѣе, говоря: *аще обрѣзаніе пріемлетъ человѣкъ* (23). Видишь ли, что законъ тогда преимущественно и остается въ своей цѣлости, когда Христосъ нарушилъ его? Видишь ли, что нарушеніе субботы есть соблюденіе закона, такъ что если бы не была нарушена суббота, то чрезъ это по необходимости былъ бы нарушенъ законъ? Значитъ и Я не нарушилъ законъ. И не сказалъ: вы гнѣваетесь на Меня за то, что Я совершилъ дѣло большее, чѣмъ обрѣзаніе; но, высказавъ только Свое дѣло, предоставилъ имъ на судъ, не важнѣе ли обрѣзанія всецѣлое здравіе. У васъ, говоритъ, нарушается законъ для того, чтобы человѣкъ получилъ знакъ, нимало не способствующій здоровью; и между тѣмъ, когда человѣкъ избавляется отъ столь тяжкой болѣзни, вы досадуете и негодуете. *Не судите на лица* (24). Что значитъ — *на лица?* Моисей пользуется у васъ большимъ уваженіемъ; но вы произносите судъ, основываясь не на достоинствѣ лица, а на существѣ дѣлъ: это значитъ судить справедливо. Почему никто не обвинялъ Моисея? Почему никто не возставалъ противъ его

повелѣнія нарушать субботу ради заповѣди, отвнѣ привнесенной въ законъ? Между тѣмъ Моисей допускаетъ, что та заповѣдь (о обрѣзаніи) выше его собственнаго закона, — заповѣдь, 273
которая установлена не закономъ, а привнесена отвнѣ (что особенно удивительно); а вы, не будучи законодателями, сверхъ мѣры защищаете законъ и мстите за него. Но Моисей, повелѣвшій нарушать законъ ради заповѣди незаконной, заслуживаетъ вѣры болѣе васъ. Словами: *всего человѣка* Христосъ показываетъ, что обрѣзаніе приносило только часть здравія. Какое же здравіе отъ обрѣзанія? Всякая душа, сказано, которая не обрѣжется, погубится (Быт. xvII, 14). А Я возставилъ (отъ одра) не отчасти только больного, а совершенно разслабленнаго. Итакъ *не судите на лица*. Будемъ увѣрены, что это сказано не жившимъ только тогда, а и намъ, чтобы мы ни для чего не нарушали справедливости, но все для ней дѣлали. Нищъ ли кто, или богатъ, мы не должны обращать вниманія на лица, но обязаны изслѣдовать ихъ дѣла. *Не помилуеши*, сказано, *нищаго на судѣ* (Исх. xxIII, 3). Что это значитъ? Значитъ: не преклоняйся и не смягчайся, если несправедливо будетъ поступать и нищій. Если же не должно быть пристрастнымъ къ нищему, то гораздо болѣе — къ богатому. Это говорю я не къ судьямъ только, но и ко всѣмъ людямъ, чтобы они нигдѣ не нарушали справедливости, но вездѣ соблюдали ее свято. *Любитъ*, сказано, *правду Господь: любяй же неправду ненавидитъ свою душу* (Пс. xLIV, 8; x, 5). Не будемъ же ненавидѣть свои души, не будемъ любить неправду. Прибыли отъ ней и теперь, безъ сомнѣнія, мало или вовсе нѣтъ, а въ будущемъ — много вреда. А лучше сказать, мы и теперь не можемъ наслаждаться отъ ней удовольствіемъ. Когда мы живемъ въ роскоши съ злою совѣстію, то не наказаніе ли и не мученіе ли это? Возлюбимъ же справедливость и не будемъ никогда преступать этого закона. Какой плодъ принесетъ намъ настоящая жизнь, если отойдемъ безъ добродѣтели? Что тамъ за насъ будетъ предстательствовать? Дружба ли, родство ли, или чье-либо благоволеніе? Но что я говорю о чьемъ-либо благоволеніи? Хотя бы мы имѣли отцемъ Ноя, или Іова, или Даніила, — и это нисколько не поможетъ намъ, если намъ будутъ измѣнять наши собственныя дѣла. Намъ только одно нужно — добродѣтель души. Она въ состояніи будетъ спасти насъ и избавить отъ вѣчнаго огня. Она введетъ насъ въ царство небесное, котораго и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА L.

Глаголаху убо нѣцыи отъ Іерусалимлянъ: не сей ли есть, его же ищутъ убити? И се не обинуяся глаголетъ, и ничесоже ему не глаголютъ. Еда воистинну разумѣша князи, яко сей есть воистинну Христосъ? Но сего вѣмы, откуду есть (Іоан. vII, 25, 26).

277 1. Въ божественномъ Писаніи ничего не сказано безъ цѣли, такъ какъ все изречено Духомъ Святымъ. Потому мы должны все тщательно изслѣдовать. Часто и по одному въ немъ слову можно дойти до цѣлой мысли, какъ, напримѣръ, и въ предложенномъ нынѣ мѣстѣ. Многіе *отъ Іерусалимлянъ глаголаху: не сей ли есть, Его же ищутъ убити? И се не обинуяся глаголетъ, и ничесоже Ему не глаголютъ.* Зачѣмъ прибавлено: *отъ Іерусалимлянъ?* Этимъ евангелистъ показываетъ, что тѣ, которые по преимуществу
278 удостоились великихъ чудесъ, были жалче всѣхъ, — что тѣ, которые видѣли величайшее знаменіе Его божества, все предоставляли суду своихъ развращенныхъ начальниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, не великое ли то было знаменіе, что люди, неистовствовавшіе и дышавшіе убійствомъ, — люди, слѣдившіе за Нимъ и искавшіе Его убить, имѣя уже Его въ рукахъ своихъ, вдругъ успокоились? Кто могъ бы это сдѣлать? Кто могъ бы такъ скоро укротить столь великое неистовство? Однакожъ и послѣ такихъ знаменій, смотри, какое у нихъ безуміе и неистовство! *Не сей ли есть, Его же ищутъ убити?* Смотри, какъ они сами себя осуждаютъ! *Его же ищутъ убити,* говорятъ, *и ничесоже Ему не глаголютъ.* И не просто ничего не говорятъ Ему, но даже тогда, какъ Онъ говоритъ съ дерзновеніемъ. А говоря съ дерзновеніемъ и со всею свободою, Онъ еще болѣе долженъ былъ раздражить ихъ; но они ничего Ему не дѣлаютъ. *Еда воистинну разумѣша, яко сей есть Христосъ?* А вамъ какъ кажется? Вы какой произносите о
279 Немъ судъ? Мы, говорятъ, противоположный. Поэтому они говорили: *но сего вѣмы, откуду есть.* Какая злоба! Какое противорѣчіе! Не слѣдуютъ даже приговору начальниковъ, а произносятъ свой судъ, несправедливый и достойный ихъ безумія. *Сего вѣмы,* говорятъ, *откуду есть. Христосъ же егда пріидетъ, никтоже вѣсть, откуду будетъ* (ст. 27). Между тѣмъ начальники ваши, будучи спрошены, именно говорили, что Онъ долженъ родиться въ Виѳлеемѣ. Были опять и такіе, которые говорили: *мы вѣмы, яко Моисеови глагола Богъ, сего же не вѣмы, откуду есть* (Іоан. IX, 29). Вотъ—рѣчи пьяныхъ! И опять: *еда изъ Галилеи Христосъ приходитъ? Не отъ Виѳлеемскія ли веси* (ст. 41, 42)? Вотъ — приговоръ людей неистов-

ствующихъ! Знаемъ, и не знаемъ. Христосъ приходитъ отъ Виѳлеема, и *Христосъ же егда пріидетъ, никтоже вѣсть, откуду будетъ.* Что яснѣе этого противорѣчія? Но они заботились только о томъ, чтобы не вѣровать. Что же на это Христосъ? *И Мене вѣсте, и вѣсте, откуду есмь: и о Себѣ не пріидохъ, но есть истиненъ пославый Мя, егоже вы не вѣсте* (ст. 28); и еще: *аще Мя бысте вѣдали, и Отца Моего вѣдали бысте* (Іоан. XIV, 7). Какъ же Онъ говоритъ, что они знаютъ и Его, и откуда Онъ; а потомъ — что не знаютъ ни Его, ни Отца? Говоря такимъ образомъ, Онъ не противорѣчитъ Себѣ, — нѣтъ; а напротивъ говоритъ совершенно согласно съ самимъ Собою. Говоря: *не вѣсте,* Онъ разумѣетъ другое вѣдѣніе, подобно тому, какъ говорится: *сынове Иліи, сынове погибельніи не вѣдуще Господа* (1 Цар. II, 12), — и въ другомъ мѣстѣ: *Израиль же Мене не позна* (Ис. I, 3). Въ этомъ смыслѣ и Павелъ говоритъ: *Бога исповѣдуютъ вѣдѣти, дѣлы же отмещутся* (Тит. I, 16). Значитъ, и знающему можно не знать. Итакъ Онъ говоритъ вотъ что: если вы Меня знаете, то знаете, что Я — Сынъ Божій. Вѣдь слова: *откуду есмь* указываютъ здѣсь не на мѣсто, какъ это видно изъ прибавленія: *и о себѣ не пріидохъ, но пославый Мя истиненъ есть, Егоже вы не вѣсте.* Подъ невѣдѣніемъ Христосъ разумѣетъ здѣсь невѣдѣніе дѣлами, о которомъ говоритъ и Павелъ: *Бога исповѣдуютъ вѣдѣти, дѣлы же отмещутся.* То былъ грѣхъ не невѣдѣнія, а злой и порочной воли. Они знаютъ, и однакожъ хотятъ не знать. Но какая во всемъ этомъ связь? Какимъ образомъ Христосъ, въ обличеніе ихъ, говоритъ то же, что и они? Когда именно они сказали: *но сего вѣмы откуду есть,* Онъ присовокупилъ: *и Мене вѣсте.* Какъ же они говорили: *не вѣмы,* когда вотъ сами же говорятъ: *вѣмы?* Но говоря: *вѣмы, откуду есть,* они не иное что высказывали, какъ то, что Онъ отъ земли и сынъ тектона. А Христосъ, говоря: *вѣсте, откуду есмь,* т. е. не оттуда, откуда вы предполагаете, но оттуда, гдѣ Пославшій Меня, — возносилъ ихъ мысль на небо. Слова: *о себѣ не пріидохъ* намекаютъ на то, что они знали, что Онъ посланъ отъ Отца, хотя и не признавались въ томъ. Итакъ, Онъ изобличаетъ ихъ двоякимъ образомъ. И во-первыхъ, чтобы пристыдить ихъ, Онъ открыто объявляетъ предъ всѣми то, что они говорили только тайно. Потомъ открываетъ и то, что было у нихъ въ душѣ, говоря какъ бы такъ: Я не изъ числа людей отверженныхъ и не изъ тѣхъ, которые приходятъ безъ всякой причины; *но истиненъ есть пославый Мя, Его же вы не вѣсте.* Что значитъ: *истиненъ пославый Мя?* Если Онъ истиненъ, то и послалъ истинно. Если Онъ истиненъ, то слѣдуетъ, что истиненъ и Посланный.

2. Это же Онъ доказываетъ и другимъ образомъ, уловляя

ихъ собственными ихъ словами. Такъ какъ они говорили: *Христосъ*
280 *егда пріидетъ, никтоже вѣсть, откуду будетъ,* то Онъ и отсюда выводитъ заключеніе, что Онъ самъ и есть Христосъ. *Никтоже вѣсть,*—они говорили, имѣя въ виду какое-либо опредѣленное мѣсто. А онъ отсюда и доказываетъ, что Онъ—Христосъ, потому что пришелъ отъ Отца, а знаніе Отца Онъ всюду приписываетъ Себѣ одному, говоря: *не яко Отца кто видѣлъ, токмо сый* отъ Отца (Іоан. VI, 46). Слова Христовы раздражили ихъ, потому что, сказавъ: вы не знаете Его (Отца), и обличивъ въ томъ, что они, зная, притворяются не знающими, Онъ дѣйствительно укололъ и уязвилъ ихъ. *Искаху убо, да имутъ Его: и никтоже возложи нанъ руки, яко не у бѣ пришелъ часъ Его* (ст. 30). Видишь ли, какъ невидимою силою они удерживаются и какъ ихъ гнѣвъ обуздывается? Но отчего евангелистъ не сказалъ, что удержалъ ихъ невидимою силою, но—*яко не у бѣ пришелъ часъ Его?* Онъ хотѣлъ выразиться человѣкообразнѣе и смиреннѣе, чтобы на Христа смотрѣли и какъ на человѣка. Онъ вездѣ говоритъ о Немъ возвышенно; а потому по мѣстамъ примѣшиваетъ и это. Когда же Христосъ говоритъ: *яко отъ него есмь,* то говоритъ не какъ пророкъ, которому сообщается вѣдѣніе, но какъ созерцающій Его (Отца) и сущій съ Нимъ. *Азъ вѣмъ его,* говоритъ, *яко отъ него есмь* (ст 29). Видишь ли, какъ Онъ всюду подтверждаетъ слова Свои: *не о Себѣ пріидохъ,* и: *пославый Мя истиненъ есть,* стараясь убѣдить въ томъ, чтобы не считали Его чуждымъ Богу. И смотри, какой плодъ отъ смиренныхъ словъ. Послѣ этого, сказано, многіе говорили: *Христосъ, егда пріидетъ, еда больша знаменія сотворитъ, яже сей творитъ* (ст. 31)? Сколько же знаменій? Было только три знаменія, именно—претвореніе воды въ вино, знаменіе надъ разслабленнымъ и надъ сыномъ царедворца, а больше евангелистъ не сообщилъ ни объ одномъ. А изъ этого видно, что евангелисты, какъ я часто говорилъ, многое проходятъ молчаніемъ и говорятъ намъ о томъ, изъ-за чего злодѣйствовали начальники. *Искаху убо, яко да имутъ его* и убіютъ. Кто искалъ? Не народъ, который не домогался начальства и не могъ быть увлеченъ завистію, а священники. Народъ, съ своей стороны, говорилъ: *Христосъ, егда пріидетъ, еда больша знаменія сотворитъ?* Впрочемъ и это не была вѣра здравая, а вѣра, какая обыкновенно бываетъ у простого народа. Сказавъ: *егда пріидетъ,* народъ тѣмъ показалъ, что онъ не вполнѣ убѣжденъ, что Іисусъ есть Христосъ. Итакъ, или по этой причинѣ народъ сказалъ тѣ слова, или потому, что говорилъ при многолюдномъ собраніи. Такъ какъ начальники всячески старались доказать, что Онъ не Христосъ, то народъ сказалъ: положимъ, что Онъ не Христосъ; но развѣ Христосъ будетъ

лучше Его? Люди простые и грубые,—я всегда это говорю,—привлекаются не ученіемъ или проповѣдію, а чудесами. *Слышаша Фарисее народъ ропщущь, и послаша и слуги, да имутъ его* (ст. 32). Видишь ли, что нарушеніе субботы было только предлогомъ и что болѣе всего уязвляло ихъ именно это (сочувствіе народа)? Такъ какъ въ настоящемъ случаѣ они не находили ничего ни въ Его словахъ, ни въ дѣлахъ, за что бы могли обвинить, то хотѣли схватить Его ради народа; но сами не смѣли, предвидя опасность, а послали наемныхъ слугъ. Какое насиліе и неистовство, или лучше, какое безуміе! Сами много разъ покушались, но не могли, и вотъ поручаютъ это дѣло слугамъ, чтобы какъ-нибудь удовлетворить своей ярости. Много бесѣдовалъ Онъ и при купѣли, и они ничего такого не сдѣлали; намѣревались, правда, схватить Его, но не рѣшились. А теперь они уже не могутъ болѣе выносить, такъ какъ народъ готовъ былъ устремиться къ Нему. Что же Христосъ?
Еще мало время съ вами есмь (ст. 33). Имѣя силу и преклонить и 281
устрашить слушателей, Онъ произноситъ слова, исполненныя смиренномудрія, и говоритъ какъ бы такъ: зачѣмъ вы стараетесь убить Меня и преслѣдовать? Потерпите немного,—Я дозволю вамъ задержать Меня и безъ вашего старанія. Потомъ, чтобы кто не подумалъ, что въ словахъ: *еще мало время съ вами есмь* Онъ говоритъ объ общей для всѣхъ смерти (а такъ и дѣйствительно думали),—чтобы, говорю, кто не подумалъ этого, а вмѣстѣ и того, что по смерти Онъ уже не будетъ дѣйствовать,—Онъ присовокупилъ: *и идѣже есмь Азъ, вы не можете пріити*. Если бы Онъ долженъ былъ остаться въ области смерти, то и они могли бы (туда) придти, потому что всѣ мы туда отходимъ. Эти слова преклонили къ Нему людей простыхъ, устрашили дерзкихъ, а любознательныхъ побудили спѣшить къ слушанію, потому что уже не много остается времени и не всегда можно будетъ пользоваться такимъ ученіемъ. И Онъ не сказалъ просто: здѣсь есмь, но: *съ вами есмь*, т. е., хотя вы Меня преслѣдуете и гоните, но Я и на короткое время не перестану устроять ваше счастіе, говорить то, что относится къ вашему спасенію и наставлять васъ. *И иду къ пославшему Мя*. Это, естественно, могло устрашить ихъ и привесть въ безпокойство, потому что (здѣсь) Онъ показываетъ, что придетъ время, когда они будутъ нуждаться въ Немъ. *Взыщете*, говоритъ, *Мене*,—не только не забудете, но и *взыщете Мене*,—*и не обрящете* (ст. 34). Когда же іудеи искали Его? Лука говоритъ, что о Немъ плакали жены, а вѣроятно, и многіе другіе, какъ тогда, такъ и при плѣненіи города, вспоминали о Христѣ и Его чудесахъ и желали Его присутствія. Все же это Онъ сказалъ для того, чтобы привлечь ихъ къ Себѣ. И дѣйствительно,

какъ то, что уже не много оставалось времени, такъ и то, что, по отшествіи, Онъ будетъ для нихъ вожделѣннымъ и что уже нельзя будетъ найти Его,—все это могло расположить ихъ обратиться къ Нему. Если бы Его присутствіе не должно было сдѣлаться для нихъ вожделѣннымъ, то въ Его словахъ не было бы для нихъ ничего особенно важнаго. Съ другой стороны, если бы оно и должно было сдѣлаться вожделѣннымъ, но можно было бы найти Его, то и этимъ Онъ не смутилъ бы ихъ.

3. Равнымъ образомъ, если бы Онъ еще долгое время оставался среди нихъ, то и въ этомъ случаѣ они были бы беззаботны. Но теперь Онъ со всѣхъ сторонъ тревожитъ ихъ и устрашаетъ. А словами: *иду къ пославшему Мя* показываетъ, что отъ ихъ злого умысла Онъ не потерпитъ никакого вреда и что Его страданіе будетъ добровольное. Итакъ, Онъ изрекъ два предсказанія,—одно, что спустя немного времени Онъ отойдетъ, другое, что они не придутъ къ Нему. Что Онъ предсказалъ Свою кончину, это, конечно, не было дѣломъ ума человѣческаго. Смотри, вотъ и Давидъ говоритъ: *скажи ми, Господи, кончину мою и число дней моихъ кое есть, да разумѣю, что лишаюся азъ* (Пс. xxxviii, 5). Да и подлинно никто не можетъ узнать этого. Отъ одного же (предсказанія) получаетъ достовѣрность и другое. А я думаю, что тѣ слова прикровенно относились и къ слугамъ и что Христосъ и къ нимъ обращалъ свою рѣчь, чѣмъ наиболѣе и привлекъ ихъ къ Себѣ, показавъ, что знаетъ, зачѣмъ они пришли; Онъ какъ бы такъ говорилъ: потерпите немного, и Я отойду. *Рѣша же іудеи къ себѣ: камо сей хощетъ ити* (ст. 35)? Правду сказать, тѣмъ, которые желали освободится отъ Него и употребляли всѣ средства, чтобы не видѣть Его, не слѣдовало бы доискиваться этого, а слѣдовало сказать: мы и рады (что ты уходишь); когда только это будетъ? Однако же слова (Христовы) нѣсколько тронули ихъ и они стали спрашивать другъ друга, дѣлая неразумныя предположенія: *камо хощетъ ити? Еда въ разсѣяніе Еллинское?* Что значитъ: *въ разсѣяніе Еллинское?* Такъ іудеи называли язычниковъ, потому что тѣ были повсюду разсѣяны и безпрепятственно смѣшивались одни съ другими. Этому же поношенію подверглись впослѣдствіи и сами іудеи, потому что и они были разсѣяны. Но въ древности весь іудейскій народъ былъ
282 собранъ въ одно мѣсто, и іудея нельзя было найти нигдѣ, кромѣ Палестины. Потому-то они и называли язычниковъ разсѣяніемъ, понося ихъ и величаясь собою. А что значитъ: *идѣже Азъ иду, вы не можете пріити?* Въ то время іудеи были уже смѣшаны съ язычниками и находились во всѣхъ странахъ свѣта; слѣдовательно, если бы Христосъ указывалъ здѣсь на язычниковъ, то не сказалъ бы: туда *вы не можете пріити*. А тѣ, которые говорили:

еда въ разсѣяніе Еллинское хощетъ ити, не сказали: и губить (эллиновъ), но: *учити*. Такимъ образомъ, они уже оставили свой гнѣвъ и повѣрили словамъ Его; если бы не повѣрили, то не стали бы спрашивать другъ друга: *что есть сіе слово?* Но это было сказано іудеямъ; а я боюсь, чтобы и къ намъ не имѣли приложенія тѣ слова, т. е., что гдѣ Онъ, туда мы не можемъ придти,—по причинѣ нашей жизни, исполненной грѣховъ. О Своихъ ученикахъ Христосъ говоритъ: *хощу, да, идѣже есмь Азъ, и тіи будутъ со Мною* (Іоан. xvii, 24); объ насъ же, боюсь, чтобы не было сказано противнаго: *идѣже есмь Азъ, вы не можете пріити*. Въ самомъ дѣлѣ, какъ намъ придти туда, когда мы поступаемъ вопреки заповѣдямъ? Вѣдь и въ настоящей жизни, если кто-либо изъ воиновъ станетъ дѣйствовать несоотвѣтственно съ достоинствомъ царя, то не будетъ имѣть возможности видѣть царя, а напротивъ лишится своей власти и подвергнется величайшему наказанію.

Такъ и мы, если будемъ похищать и лихоимствовать, если станемъ оказывать несправедливости и обиды и не будемъ творить милостыни, то не только лишимся возможности придти туда, но и потерпимъ тоже, что случилось съ дѣвами. А они не могли войти туда, гдѣ былъ Женихъ, но удалились, потому что угасли ихъ свѣтильники, т. е. оставила ихъ благодать. Дѣйствительно, этотъ огонь, который мы получили по благодати Духа, если захотимъ, мы можемъ усилить; если же не захотимъ, тотчасъ угасимъ его. А когда онъ угаснетъ, въ нашихъ душахъ не останется ничего, кромѣ тьмы. Какъ съ вожженіемъ свѣтильника появляется большой свѣтъ, такъ съ его погашеніемъ не остается ничего, кромѣ мрака. Поэтому сказано: *Духа не угашайте* (1 Өессал. v, 19). Угасаетъ же тогда, когда не имѣетъ елея, когда подвергается какому-либо сильному напору вѣтра, когда подавляется и стѣсняется (отъ этого именно и гаснетъ огонь); подавляется же житейскими заботами и угасаетъ отъ злыхъ пожеланій. Но, при этомъ, ничто такъ не угашаетъ огонь Духа, какъ безчеловѣчіе, жестокость и хищничество. Если мы, не имѣя елея, нальемъ еще холодную воду (а это и есть лихоимство, охлаждающее уныніемъ души обижаемыхъ), то какъ тогда онъ можетъ загорѣться? И вотъ мы отойдемъ отсюда, неся съ собою золу и пепелъ, окруженные великимъ дымомъ, который будетъ обличать насъ въ томъ, что мы угасили свои свѣтильники. Гдѣ дымъ, тамъ необходимо допустить угасшій огонь. Но не дай Богъ никому услышать этотъ гласъ: *не вѣмъ васъ* (Матө. xxv, 12). А когда можно услышать его, какъ не тогда, когда, видя бѣднаго, мы остаемся въ такомъ же расположеніи духа, какъ если бы не видѣли? Если мы не хотимъ знать Христа, когда Онъ

алчетъ, то не узнаетъ и Онъ насъ, когда мы будемъ нуждаться въ Его милости. И справедливо: кто презираетъ несчастнаго и не подаетъ своего, тотъ не долженъ надѣяться получить что-либо изъ того, что не его. Потому, умоляю васъ, будемъ всячески стараться и заботиться, чтобы не оскудѣлъ у насъ елей, чтобы наши свѣтильники были украшены, и мы могли вмѣстѣ съ Женихомъ войти въ брачный чертогъ, чего и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LI.

Въ послѣдній же день великій праздника стояше Іисусъ и зваше, глаголя: аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ и піетъ. Вѣруяй въ Мя, якоже рече писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы (Іоан. VII, 37, 38).

288 1. Приступающіе къ божественной проповѣди и внимательные къ вѣрѣ должны выказывать расположеніе жаждущихъ и возжигать въ себѣ такое же, какъ у нихъ, желаніе. Чрезъ это они будутъ въ состояніи вѣрнѣе удержать въ себѣ проповѣдуемое. Жаждущіе, взявъ чашу, выпиваютъ ее съ великою охотою, и тогда только успокоиваются. Такъ и тѣ, которые слушаютъ божественныя слова, если будутъ принимать ихъ съ жаждою, никогда не отстанутъ отъ нихъ прежде, нежели совершенно насытятся. А что всегда должно жаждать и алкать, объ этомъ сказано: *блажени алчущіе и жаждущіе правды* (Матө. V, 6). И здѣсь Христосъ говоритъ: *аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ и піетъ*. Эти слова означаютъ: Я никого не влеку принужденіемъ и насиліемъ; но кто имѣетъ великое усердіе, кто пламенѣетъ желаніемъ, того Я призываю. Но почему евангелистъ замѣтилъ, что (это было) *въ послѣдній день великій?* Потому, что первый и послѣдній дни были великими, а средніе между ними большею частію проводимы были въ увеселеніяхъ. Почему же говоритъ: *въ послѣдній?* Потому, что въ этотъ день всѣ были въ собраніи. Въ первый день (Господь) еще не пришелъ, объяснивъ Своимъ ученикамъ и причину этого. Во второй же и въ третій день, Онъ не говоритъ ничего такого чтобы не тратить напрасно словъ, такъ какъ (іудеи въ эти дни) предавались увеселеніямъ. Но въ послѣдній день, когда они возвращались домой, Онъ даетъ имъ напутствіе ко спасенію и громко говоритъ, частію для того, чтобы показать Свое дерзновеніе, частію по причинѣ большого много-

людства. А чтобы показать, что Онъ говоритъ о питіи духовномъ, присовокупляетъ: *вѣруяй въ Мя, якоже рече писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы.* Чревомъ называетъ здѣсь сердце, подобно тому, какъ и въ другомъ мѣстѣ говорится: *и законъ твой посредѣ чрева моего* (Псал. xxxix, 9). Но гдѣ сказано въ Писаніи: *рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы?* Нигдѣ. Что же значатъ слова: *вѣруяй въ Мя, якоже рече писаніе?* Здѣсь надобно поставить точку, такъ чтобы слова — *рѣки отъ чрева его истекутъ* — были изрѣченіемъ самого Христа. Такъ какъ многіе говорили: *сей есть Христосъ,* и еще: *Христосъ, егда пріидетъ, еда больша знаменія сотворитъ,* то Онъ показываетъ, что должно имѣть правое познаніе и убѣждаться не столько чудесами, сколько Писаніемъ. Дѣйствительно, многіе, хотя и видѣли Его чудодѣйствовавшимъ, однакожъ не принимали за Христа, а напротивъ готовы были сказать: *не писаніе ли рече, яко отъ сѣмене Давидова Христосъ пріидетъ* (Іоан. vii, 42)? Поэтому Христосъ весьма часто обращался къ Писанію, желая показать, что не избѣгаетъ доказательствъ отъ Писанія; поэтому же и теперь отсылаетъ ихъ къ Писаніямъ. Итакъ, выше Онъ говорилъ· *испытайте писаній* (Іоан. v, 39), и еще: *есть писано въ пророцѣхъ, и будутъ вси научени Богомъ* (Іоан. vi, 45), также: *Моисей на вы глаголетъ* (Іоан. v, 45). Равнымъ образомъ и здѣсь говоритъ: *якоже рече писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ,* указывая этими словами на богатство и изобиліе благодати. Это же самое Онъ и въ другомъ мѣстѣ выражаетъ словами: *источникъ воды, текущія въ животъ вѣчный* (Іоан. iv, 14), т. е. (вѣрующій въ Него) будетъ имѣть великую благодать. Итакъ, въ томъ мѣстѣ Онъ называетъ ее животомъ вѣчнымъ, а здѣсь водою живою.
Живою же называетъ ее потому, что она всегда дѣйственна. 284
Благодать Духа, когда войдетъ въ душу и утвердится въ ней, течетъ сильнѣе всякаго источника, не прекращается, не истощается и не останавливается. Такимъ образомъ, чтобы показать и неоскудѣваемость дара благодати и вмѣстѣ неизреченную ея дѣйственность, Онъ назвалъ ее источникомъ и рѣками, — не одною рѣкою, но безчисленными. А въ томъ мѣстѣ (Іоан. iv, 14) обиліе Онъ представилъ подъ образомъ теченія. И всякій ясно увидитъ истину сказаннаго, если представить себѣ мудрость Стефана, языкъ Петра, силу Павла, — какъ ничто ихъ не останавливало, ничто не удерживало, ни ярость народная, ни возстанія тирановъ, ни козни демоновъ, ни ежедневныя смерти, и какъ, напротивъ, они, подобно рѣкамъ, несущимся съ великимъ стремленіемъ, все увлекали въ слѣдъ за собою. *Сіе же рече о Дусѣ,* говоритъ *егоже хотяху пріимати вѣрующіи: не у бо бѣ Духъ Святый* (Іоан. vii, 39). Какъ же пророки пророчествовали и тво-

рили безчисленныя чудеса? Апостолы изгоняли (демоновъ) не Духомъ, но властію, полученною отъ Христа, какъ Онъ самъ говоритъ: *аще азъ о Веельзевулѣ изгоню бѣсы, сынове ваши о комъ изгонятъ* (Матѳ. xп, 27)? А это Онъ говорилъ съ тѣмъ, чтобы показать, что прежде креста не всѣ изгоняли (демоновъ) Духомъ, но полученною отъ Него (Христа) властію. Потому-то, когда Онъ хотѣлъ послать ихъ, то сказалъ: *пріимите Духъ святъ* (Іоан. xx, 22), какъ и въ другомъ мѣстѣ сказано: *пріиде на нихъ Духъ Святый* (Дѣян. xix, 6), и тогда стали творить чудеса.

2. А когда посылалъ ихъ (прежде страданія), тогда не сказано, что Онъ далъ имъ Духа Святаго, но — *даде имъ власть*, говоря: *прокаженныя очищайте, бѣсы изгоняйте, мертвыя воскрешайте, туне пріясте, туне дадите* (Матѳ. x, 1, 8). Относительно же пророковъ всѣми признано, что они имѣли дарованіе Святаго Духа; но эта благодать оскудѣла, отступила и изсякла на землѣ съ того дня, какъ сказано было: *оставляется домъ вашъ пустъ* (Матѳ. xxш, 38). Впрочемъ, и прежде этого дня, она уже начала становиться рѣдкою. Вѣдь у нихъ (іудеевъ) не было уже пророка, и благодать не осѣняла ихъ святыни. Итакъ, поелику Духъ Святый былъ отнятъ, а между тѣмъ впослѣдствіи Онъ имѣлъ излиться обильно, и это изліяніе началось послѣ креста, не только съ обиліемъ, но и съ большими дарованіями [да и дѣйствительно чудеснѣе былъ даръ, когда, напримѣръ, сказано: *не вѣсте, коего духа есте* (Лук. ix, 35); и опять: *не пріясте бо духа работы, но пріясте духа сыноположенія* (Рим. vш, 15); древніе, хотя сами и имѣли Духа, но другимъ не сообщали; напротивъ, апостолы исполнили Духомъ безчисленное множество], — поелику, говорю, (вѣрующіе) имѣли получить такую благодать, но она не была еще дарована, то и сказано: *не у бо бѣ Духъ святый*. Итакъ, указывая на эту-то благодать, евангелистъ сказалъ: *не у бо бѣ Духъ святый*, т. е. не былъ еще дарованъ, *яко Іисусъ не у бѣ прославленъ* (Іоанн. vп, 39), — называя славою крестъ. Мы были врагами и грѣшниками, были лишены дара Божія и стали ненавистными Богу; а благодать есть свидѣтельство примиренія, и даръ подается не врагамъ и лицамъ ненавистнымъ, но друзьямъ и людямъ благоугодившимъ. Поэтому надлежало прежде принестись за насъ жертвѣ, разрушиться враждѣ во плоти, и намъ содѣлаться друзьями Божіими, и тогда уже получить этотъ даръ. Если такъ было при обѣтованіи, данномъ Аврааму, то тѣмъ болѣе
285 при благодати. Показывая это, Павелъ говоритъ: *аще бо сущіи отъ закона наслѣдницы, испразднися вѣра, законъ бо гнѣвъ содѣловаетъ* (Рим. iv, 14, 15). Слова его значатъ слѣдующее: обѣтовалъ Богъ Аврааму и сѣмени его дать землю; но потомки сдѣлались недо-

стойными этого обѣтованія и не могли благоугодить собственными трудами. Поэтому пришла вѣра — дѣло не трудное, чтобы привлечь благодать и чтобы не отпали обѣтованія. *Сего ради отъ вѣры*, продолжаетъ апостолъ, *да по благодати, во еже быти извѣстну обѣтованію* (Рим. IV, 16). Потому — *по благодати*, что не могли (стяжать этого) дѣлами. Но почему, сказавъ: по Писанію, не приводитъ самаго свидѣтельства? Потому, что іудеи были заражены превратными понятіями. Одни говорили: *сей есть пророкъ*, другіе: *льститъ народы*, иные: не отъ Галилеи *Христосъ приходитъ*, но *отъ Виѳлеемскія веси*, еще иные: *Христосъ егда пріидетъ, никтоже вѣстъ, откуду будетъ*; словомъ — мнѣнія были разнообразны, какъ обыкновенно бываетъ въ волнующемся народѣ. Да, они и внимали тому, что говорилось, не надлежащимъ образомъ и не съ тѣмъ, чтобы узнать истину. Потому-то Онъ ничего не отвѣчаетъ имъ, хотя они говорятъ: *еда отъ Галилеи Христосъ приходитъ?* А Наѳанаила, который выразился сильнѣе и разительнѣе — *отъ Назарета можетъ ли что добро быти?* — похвалилъ, какъ истиннаго израильтянина. Они, равно какъ и тѣ, которые говорили Никодиму: *испытай и виждь, яко пророкъ отъ Галилеи не приходитъ* (Іоан. VII, 52), говорили это не съ тѣмъ, чтобы узнать истину, но чтобы только опровергнуть мнѣніе о Христѣ; а онъ (Наѳанаилъ) говорилъ это потому, что любилъ истину и въ точности зналъ всѣ древнія Писанія. Итакъ, поелику они имѣли одну только цѣль — опровергнуть то, что Онъ есть Христосъ, то Онъ ничего и не открылъ имъ. Притомъ, тѣ, которые и себѣ самимъ противорѣчили, говоря иногда: *никтоже вѣстъ, откуду приходитъ*, а иногда — *отъ Виѳлеема*, очевидно стали бы противиться и послѣ того, какъ узнали бы истину. Пусть они не знали мѣста, именно — что Онъ изъ Виѳлеема, такъ какъ Онъ жилъ въ Назаретѣ, хотя и это для нихъ не извинительно, потому что Онъ не тамъ родился: но ужели они не знали и рода Его, именно — что Онъ изъ дома и племени Давидова? Какъ же они говорили: *не отъ сѣмене ли Давидова Христосъ пріидетъ* (Іоан. VII, 42)? Но тѣми словами они и это хотѣли затемнить, потому что обо всемъ говорили злонамѣренно. Почему бы имъ, пришедши къ Нему, не сказать: такъ какъ мы всему прочему удивляемся въ Тебѣ, но Ты повелѣваешь вѣровать въ Тебя по Писаніямъ, то скажи, какимъ образомъ Писанія говорятъ, что Христосъ долженъ придти изъ Виѳлеема, между тѣмъ какъ Ты пришелъ изъ Галилеи? Но они ничего такого не сказали, а напротивъ все говорятъ съ злымъ умысломъ. А что они не искали истины и не желали узнать ее, евангелистъ тотчасъ присовокупилъ: *нѣцыи хотяху яти его, но никтоже возложи нанъ руцѣ* (ст. 44). Если

уже ничто другое, по крайней мѣрѣ это могло привести ихъ въ умиленіе; но они не умилились, какъ говоритъ пророкъ: *раздѣлишася и не умилишася* (Пс. xxxiv, 15).

3. Такова-то злоба! Ничему не хочетъ уступить, къ одному только стремится—погубить того, кто подвергся ненависти. Но что говоритъ Писаніе? *Изрываяй яму искреннему впадется въ ню* (Притч. xxvi, 27). Это сбылось и тогда. Они хотѣли погубить Христа, чтобы уничтожить Его проповѣдь; а случилось противное. Проповѣдь, по благодати Христовой, процвѣтаетъ; а у нихъ
286 все изчезло и погибло: они лишились и отечества, и свободы, и безопасности, и богослуженія, потеряли всякое благоденствіе, и сдѣлались рабами и плѣнниками. Итакъ, зная это, никогда не будемъ злоумышлять противъ другихъ, памятуя, что мы изощряемъ чрезъ это мечъ противъ себя самихъ и наносимъ себѣ глубочайшую рану. Но тебя оскорбилъ кто-нибудь, и ты хочешь ему отомстить? Не мсти. Такимъ только образомъ ты дѣйствительно будешь въ состояніи отомстить. Если же будешь самъ мстить, тогда не отомстишь. И не думай, что эти слова—загадка; нѣтъ, это—истина. Какъ и какимъ образомъ? Такъ, что когда ты не мстишь, тогда поставляешь Бога врагомъ ему (обидчику); а когда самъ мстишь, тогда этого уже не бываетъ. *Мнѣ отмщеніе, азъ воздамъ, глаголетъ Господь* (Рим. xii, 19). Если мы имѣемъ рабовъ, и они, разсорившись между собою, не намъ, предоставятъ расправу и наказаніе, а присвоятъ ихъ себѣ самимъ, то хотя бы они послѣ тысячу разъ приступали къ намъ, мы не только не отмщаемъ за нихъ, а напротивъ еще гнѣваемся на нихъ, называя ихъ бродягами и забіяками. Все, говоримъ мы имъ, слѣдовало предоставить намъ; но такъ какъ ты прежде отомстилъ самъ за себя, то уже не докучай намъ. Тѣмъ болѣе скажетъ это Богъ, Который повелѣлъ все предоставлять Ему. Да и не стыдно ли, что мы отъ своихъ рабовъ требуемъ такого любомудрія и послушанія, а Господу не предоставляемъ того, чего требуемъ себѣ отъ рабовъ? Это я говорю потому, что вы склонны мстить другъ другу; между тѣмъ, кто истинно любомудрствуетъ, тотъ не долженъ этого дѣлать, а напротивъ долженъ прощать и оставлять грѣхи, хотя бы за это и не было той великой награды—отпущенія собственныхъ грѣховъ. Если ты осуждаешь согрѣшившаго, то зачѣмъ же, скажи мнѣ, самъ грѣшишь и впадаешь въ то же самое? Оскорбилъ ли кто тебя? Не оскорбляй его взаимно; иначе самъ себя оскорбишь. Ударилъ ли кто тебя? Не плати ему тѣмъ же; иначе между вами не будетъ различія. Опечалилъ ли кто тебя? Не огорчай его съ своей стороны, потому что прибыли отъ этого нѣтъ никакой, между

тѣмъ ты опять сдѣлаешься подобнымъ ему. Только тогда ты въ состояніи будешь образумить его, когда перенесешь обиду спокойно и съ кротостію; только чрезъ это ты устыдишь его и укротишь его гнѣвъ. Никто не исцѣляетъ зла зломъ, но зло добромъ. Такъ любомудрствуютъ и нѣкоторые изъ язычниковъ. Если же у несмысленныхъ язычниковъ такое любомудріе, то постыдимся быть хуже ихъ. Многіе изъ нихъ были обижены, и переносили обиды. Многіе были оклеветаны, и не мстили; подвергались навѣтамъ, и благодѣтельствовали. Но я боюсь не мало, чтобы нѣкоторые изъ нихъ не оказались выше насъ по жизни и чрезъ то не увеличили нашего наказанія. Въ самомъ дѣлѣ, если мы, которые получили Духа, ожидаемъ царствія, любомудрствуемъ о небесахъ, не боимся геенны, имѣемъ повелѣніе быть ангелами, пользуемся таинствами,—если мы не достигнемъ даже до ихъ добродѣтели, то какое будемъ имѣть извиненіе? Если намъ должно превосходить іудеевъ, такъ какъ сказано: *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете въ царствіе небесное* (Матѳ. v, 20), то тѣмъ болѣе язычниковъ. Если (должны мы превосходить) фарисеевъ, то тѣмъ болѣе—невѣрныхъ. Если же и въ томъ случаѣ, когда мы не превзойдемъ по жизни іудеевъ, для насъ заключено царство небесное, то какъ сподобимся достигнуть его, когда окажемся хуже и язычниковъ? Удалимъ же отъ себя всякую раздражительность, и гнѣвъ, и ярость. *Таяжде глаголати мнѣ нелѣностно, вамъ же твердо* (Филип. ш, 1). И врачи употребляютъ нѣсколько разъ одно и тоже лѣкарство. Такъ и мы не перестанемъ одно и тоже внушать, объ одномъ и томъ же напоминать, учить, умолять. Вѣдь у насъ много житейскихъ за- 287
ботъ, которыя могутъ приводить насъ въ забвеніе; а потому и наставленіе намъ нужно постоянное. А что мы не напрасно и не безъ пользы собираемся здѣсь, представимъ доказательство на это въ дѣлахъ, чтобы чрезъ то сподобиться и будущихъ 288
благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LII.

Пріидоша же слуги ко архіереомъ и фарисеомъ, и рѣша имъ тіи: почто не приведосте его? Отвѣщаша слуги: николиже тако глаголалъ есть человѣкъ, яко сей человѣкъ (Іоан. vii, 45, 46).

1. Нѣтъ ничего яснѣе, ничего проще истины, если мы дѣй- 287
ствуемъ не злонамѣренно; но когда мы поступаемъ злонамѣренно,

тогда нѣтъ ничего ея труднѣе. Вотъ поэтому-то фарисеи и книжники, люди, считавшіеся самыми мудрыми, хотя всегда находились со Христомъ (съ тѣмъ, чтобы строить противъ Него козни), и видѣли чудеса, и читали Писанія, однакожъ не получили никакой пользы, а напротивъ еще потерпѣли вредъ. А слуги, которые не могли сказать о себѣ ничего такого, были уловлены одною только бесѣдою Христа и, отправившись связать Его, возвратились, сами связанные удивленіемъ. Но не одному только благоразумію ихъ надобно удивляться, что они не имѣли нужды въ чудесахъ, а плѣнились единственно ученіемъ,—вѣдь не сказали они: никогда человѣкъ не чудодѣйствовалъ такимъ образомъ, но что? *Николиже тако глаголалъ есть человѣкъ,*—такъ не одному только этому благоразумію ихъ надобно удивляться, но и дерзновенію, что они говорили это пославшимъ ихъ, фарисеямъ, которые враждовали противъ Него и всячески вооружались. *Пріидоша же*, сказано, *слуги, и рѣша имъ фарисее: почто не приведосте его?* Что они пришли, это гораздо болѣе значило, чѣмъ если бы они остались: въ послѣднемъ случаѣ они освободились бы отъ гнѣва ихъ, а теперь они дѣлаются провозвѣстниками Христовой мудрости и выразительнѣе обнаруживаютъ свое дерзновеніе. И не говорятъ они: не могли мы по причинѣ народа, потому что народъ внималъ Ему, какъ пророку; а что? *Николиже тако глаголалъ есть человѣкъ.* Они могли выставить и то оправданіе, однакожъ открываютъ свое истинное мнѣніе. А своимъ мнѣніемъ они показали, что не только удивляются Ему, но и осуждаютъ фарисеевъ за то, что они послали ихъ связать того, кого надлежало слушать. Между тѣмъ, они и слышали не продолжительную бесѣду, а краткую. Да, когда умъ безпристрастенъ, тогда и нѣтъ нужды въ пространныхъ рѣчахъ: такова истина! Что же фарисеи? Тогда какъ надобно было придти въ умиленіе, они напротивъ того, съ своей стороны, обвиняютъ слугъ, говоря: *еда и вы прельщени есте* (ст. 47)? Еще льстятъ и не употребляютъ рѣзкихъ словъ, изъ опасенія, чтобы они совершенно не отдѣлились. Однакожъ обнаруживаютъ гнѣвъ, хотя и говорятъ снисходительно. Имъ слѣдовало спросить, что Онъ говорилъ, и подивиться Его словамъ; но они этого не дѣлаютъ, зная, что будутъ уловлены, а напротивъ хотятъ убѣдить ихъ доказательствомъ весьма несмысленнымъ. Почему никто, говорятъ, *отъ князь вѣрова въ онь* (ст. 48)? Такъ ужели въ этомъ, скажи мнѣ, ты обвиняешь Христа, а не тѣхъ, которые не вѣровали? *Но народъ*, говорятъ, *иже не вѣсть закона, прокляти суть* (ст. 49). Оттого-то вы еще болѣе достойны обвиненія, что народъ увѣровалъ, а вы не увѣровали. Народъ поступалъ именно такъ, какъ слѣдовало поступать знающимъ законъ: какимъ же образомъ

прокляти суть? Вы прокляты, несоблюдающіе закона, а не они, повинующіеся закону. Притомъ же не слѣдовало изъ-за невѣрующихъ обвинять того, кому не вѣруютъ. Такой способъ не правиленъ. Вотъ и вы не вѣровали Богу, какъ говоритъ Павелъ:
что бо, аще не вѣроваша нѣцыи, еда невѣрствіе ихъ вѣру Божію 288
упразднитъ? Да не будетъ (Рим. III, 3). Да и пророки всегда обвиняли ихъ, говоря: *услышите князи содомстіи* (Ис. I, 10), и: *князи твои не покаряются* (ст. 23), и также: *не вамъ ли есть, еже разумѣти судъ* (Мих. III, 1)? И вездѣ очень сильно порицаютъ ихъ. Что же? Ужели поэтому станетъ кто-нибудь обвинять и Бога? Да не будетъ: это ихъ вина. А чѣмъ другимъ можно лучше доказать ваше незнаніе закона, какъ не тѣмъ, что вы не повинуетесь ему? Но такъ какъ они сказали, что никто изъ князей не увѣровалъ въ Него, а незнающіе закона, то ихъ справедливо укоряетъ Никодимъ, говоря такимъ образомъ: *еда законъ нашъ судитъ человѣку, аще не слышитъ отъ него прежде* (ст. 51)? Этими словами онъ показываетъ, что они и не знаютъ закона, и не исполняютъ закона. Если законъ заповѣдуетъ не убивать ни одного человѣка, напередъ не выслушавъ его, а они устремились къ этому прежде, чѣмъ выслушали, то они — преступники закона. А такъ какъ они сказали, что *никтоже отъ князь вѣрова въ онь*, то евангелистъ замѣчаетъ, что былъ *одинъ отъ нихъ*, чтобы показать, что и начальники вѣровали въ Него. Правда, они еще не обнаруживали надлежащаго дерзновенія, однакожъ были преданы Христу. Смотри, какъ осторожно (Никодимъ) обличаетъ ихъ! Онъ не сказалъ: а вы хотите Его убить и безъ изслѣдованія осуждаете человѣка, какъ обманщика. Нѣтъ, не такъ сказалъ онъ, но съ большею снисходительностію, чтобы остановить ихъ сильный порывъ и безразсудное стремленіе къ убійству. Поэтому-то онъ обращается къ закону, говоря: *аще не слышитъ отъ него* внимательно *и разумѣетъ, что творитъ* (ст. 51). Слѣдовательно нужно не просто только выслушать, но и внимательно. Это именно значатъ слова: *и разумѣетъ что творитъ*, т. е. чего онъ (обвиняемый) хочетъ, и почему, и для чего, не для ниспроверженія ли общественнаго порядка и не какъ врагъ ли. Такъ какъ они съ сомнѣніемъ сказали, что никто изъ князей не увѣровалъ въ Него, то и не отвѣчали ему ни сурово, ни снисходительно.

2. Въ самомъ дѣлѣ, какая, скажи мнѣ, послѣдовательность въ томъ, что на его слова: законъ нашъ не судитъ никого—они отвѣчаютъ: *еда и ты отъ Галилеи еси* (ст. 42)? Тогда какъ имъ слѣдовало доказать, что они не безразсудно послали взять Его, или что нѣтъ надобности позволять Ему защищаться, они весьма грубо и съ большимъ гнѣвомъ возражаютъ: *испытай и виждь*.

яко пророкъ отъ Галилеи не приходитъ (ст. 52). Что же сказалъ этотъ человѣкъ? То ли, что (Христосъ) — пророкъ? Сказалъ, что не должно убивать безъ суда. А они съ укоризною возразили ему это, какъ человѣку, нимало несвѣдущему въ Писаніи. Это тоже, какъ если бы кто сказалъ: пойди научись; это именно означаютъ слова: *испытай и виждь*. Чтоже Христосъ? Такъ какъ они неоднократно упоминали о Галилеи и пророкѣ, то Онъ, чтобы избавить всѣхъ отъ такого неправильнаго предположенія и показать, что Онъ не изъ числа пророковъ, но — Владыка міра, говоритъ: *Азъ есмь свѣтъ міру* (VIII, 12), не Галилеи только, не Палестины, не Іудеи. *Ты о себѣ самъ свидѣтельствуеши, свидѣтельство твое нѣсть истинно* (VIII, 13). Какое безуміе! Онъ постоянно отсылалъ ихъ къ Писаніямъ, а они говорятъ: *ты о себѣ самъ свидѣтельствуеши*. Что же Онъ свидѣтельствовалъ? *Азъ есмь свѣтъ міру*.
289 Великое это изреченіе, поистинѣ великое! Однакожъ оно не очень изумило ихъ, потому что теперь Онъ не равнялъ Себя съ Отцемъ и не называлъ Себя ни Сыномъ Его, ни Богомъ, но только свѣтомъ. Впрочемъ, они хотѣли и это опровергнуть, такъ какъ это гораздо больше значило, чѣмъ слова: *ходяй по мнѣ не иматъ ходити во тьмѣ*; свѣтъ и тьму Онъ разумѣетъ въ духовномъ смыслѣ (ст. 12), т. е. не останется въ заблужденіи. Здѣсь Онъ и Никодима привлекаетъ и ободряетъ, такъ какъ онъ обнаружилъ великое дерзновеніе, и восхваляетъ слугъ, которые поступили такимъ же образомъ. То, что Онъ возвалъ [1]., показываетъ, что Онъ хотѣлъ, чтобы и они услышали. Вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ показываетъ и то, что они (іудеи) строятъ ковы въ тайнѣ, во мракѣ и заблужденіи, но не преодолѣютъ свѣта; и Никодиму припоминаетъ слова, которыя сказалъ ему прежде: *всякъ, дѣлаяй злая, ненавидитъ свѣта и не приходитъ къ свѣту, да не обличатся дѣла его* (Іоан. III, 20). Такъ какъ они (фарисеи) сказали, что никто изъ князей не увѣровалъ въ Него, то Онъ и говоритъ: *дѣлаяй злая не приходитъ къ свѣту*, показывая этимъ, что они не пришли не по слабости свѣта, но по развращенію своей воли. *Отвѣщаша и рѣша ему: Ты о Себѣ самъ свидѣтельствуеши*. Что же Онъ? *Аще Азъ свидѣтельствую о Себѣ, истинно есть свидѣтельство Мое: яко вѣмъ, откуда пріидохъ и камо иду, вы же не вѣсте, откуду прихожду* (Іоан. VIII, 14). Что Онъ прежде самъ сказалъ, то теперь они противопоставляютъ Ему, какъ изреченіе особенно важное. Чтоже Христосъ? Опровергая это и показывая, что Онъ говорилъ прежде примѣнительно къ нимъ и къ ихъ предположенію, такъ какъ они принимали Его за простого человѣка, говоритъ: *аще Азъ сви-*

[1]) Ср. Іоанн. VII, 37: и возваше глаголя и пр.

дѣтельствую о Себѣ, истинно есть свидѣтельство Мое, яко вѣмъ откуду пріидохъ. Что это значитъ? Значитъ: Я — отъ Бога, и Богъ, и Сынъ Божій. А Богъ самъ о Себѣ достовѣрный свидѣтель. *Вы же не вѣсте*: вы, говоритъ, по своей волѣ поступаете худо, и зная притворяетесь незнающими, обо всемъ говорите по человѣческому разумѣнію, не желая помыслить ни о чемъ выше того, что видимо. *Вы по плоти судите* (ст. 15). Какъ жить по плоти значитъ худо жить, такъ и судить по плоти—значитъ судить несправедливо. *Азъ не сужду никомуже. И аще сужду Азъ, судъ Мой истиненъ есть* (ст. 16). Эти слова значатъ: вы судите несправедливо. Но если мы несправедливо судимъ, могли сказать они, то почему ты не обличаешь насъ, почему не наказываешь, почему не осуждаешь? Потому, отвѣчаетъ Онъ, что Я не для этого пришелъ. Это именно и значатъ слова: *Азъ не сужду никомуже. Но и аще сужду Азъ, судъ Мой истиненъ есть.* Если бы Я захотѣлъ судить, то вы были бы въ числѣ осужденныхъ; но и это говорю Я, продолжаетъ Онъ, не съ тѣмъ, чтобы судить. Впрочемъ, не потому Я сказалъ: говорю не съ тѣмъ, чтобы судить, будто бы не надѣялся уличить васъ, если бы сталъ судить; нѣтъ, если бы Я сталъ судить, то справедливо осудилъ бы васъ; но потому, что теперь не время суда. Далѣе Онъ сдѣлалъ намекъ и на будущій судъ, сказавъ: *яко единъ нѣсмь, но Азъ и пославый Мя Отецъ* (ст. 16), и вмѣстѣ указалъ, что не Онъ одинъ осуждаетъ ихъ, но и Отецъ. Затѣмъ прикрылъ это, приводя во свидѣтель- 290
ство о Себѣ: *и въ законѣ же вашемъ писано есть, яко двоихъ человѣковъ свидѣтельство истинно есть* (ст. 17).

3. Что бы сказали здѣсь еретики? Что Онъ имѣетъ большаго предъ людьми, если эти слова будемъ разумѣть просто? По отношенію къ людямъ такъ опредѣлено потому, что никто одинъ и самъ по себѣ не заслуживаетъ довѣрія. Но въ отношеніи къ Богу можетъ ли это имѣть какое-либо значеніе? Почему же сказанно: *двоихъ*? Потому ли *двоихъ*, что они—два, или что они люди? Если потому, что они—два, то почему Онъ не прибѣгъ къ Іоанну, и не сказалъ: свидѣтельствую о Себѣ Я, и свидѣтельствуетъ обо Мнѣ Іоаннъ? Почему не къ ангелу? Почему не къ пророкамъ? Вѣдь Онъ могъ бы найти множество и другихъ свидѣтельствъ. Но Онъ хочетъ показать не только то, что два, но и то, что Они одного и того же существа. *Глаголаху же ему: кто есть Отецъ Твой?* А Онъ отвѣчаетъ: *ни Мене вѣсте, ни Отца Моего* (ст. 19). Такъ какъ они зная говорили, какъ незнающіе, и какъ бы искушали Его, то Онъ и не удостоиваетъ ихъ отвѣта. Поэтому-то, наконецъ, Онъ говоритъ обо всемъ яснѣе и съ большимъ дерзновеніемь, имѣя о Себѣ свидѣтельство въ знаменіяхъ и въ ученіи Своихъ послѣдователей, (и зная) что уже близокъ

крестъ. *Вѣмъ*, говоритъ Онъ, *откуду пріидохъ*. Это не очень тронуло ихъ; но слѣдующія затѣмъ слова: *и камо иду* болѣе устрашили ихъ, потому что показывали, что Онъ не пребудетъ въ смерти. Но почему Онъ не сказалъ: знаю, что Я—Богъ, но: *вѣмъ, откуду пріидохъ?* Онъ всегда примѣшиваетъ уничиженное къ высокому, и объ этомъ послѣднемъ говоритъ прикровенно. Такъ, сказавъ: *Азъ свидѣтельствую о Себѣ*, и доказавъ это, Онъ перешелъ къ словамъ уничиженнѣйшимъ, какъ бы такъ говоря: Я знаю, отъ кого Я посланъ, и къ кому возвращаюсь. Въ этомъ случаѣ (іудеи) ничего не могли возразить, потому что слышали, что Онъ отъ Него посланъ и къ Нему отходитъ. Я, говоритъ, не сказалъ ничего ложнаго: откуда Я пришелъ, туда и отхожу,—къ истинному Богу. Но вы не знаете Бога. Поэтому судите по плоти. Вы слышали столько свидѣтельствъ и доказательствъ, и еще говорите: *нѣсть истинно*. Моисея вы признаете достовѣрнымъ, какъ въ томъ, что говоритъ онъ о другихъ, такъ и въ томъ, что говоритъ о себѣ; а Христа—нѣтъ. Это значитъ судить по плоти. Но *Азъ не сужду никомуже*. Между тѣмъ въ другомъ мѣстѣ Онъ сказалъ: *Отецъ не судитъ никомуже* (Іоан. v, 29). Какъ же здѣсь говоритъ: *и аще Азъ сужду, судъ Мой истиненъ есть, яко единъ нѣсмь* (ст. 16). Опять Онъ говоритъ примѣнительно къ ихъ мнѣнію. То есть, судъ Мой есть судъ Отца. Не иначе судилъ бы и Отецъ, если бы сталъ судить, нежели какъ и Я сужу. И Я не иначе сужу, какъ судилъ бы и Отецъ. Но для чего Онъ упомянулъ и объ Отцѣ? Для того, что они не признавали Сына достойнымъ вѣры, если Онъ не будетъ имѣть свидѣтельства отъ Отца. Въ иномъ смыслѣ эти слова не имѣютъ силы. У людей свидѣтельство тогда бываетъ истиннымъ, когда двое свидѣтельствуютъ въ чужомъ дѣлѣ. Въ этомъ состоитъ свидѣтельство двоихъ. Если же кто самъ будетъ свидѣтельствовать о себѣ, то это уже не свидѣтельство двоихъ. Видишь ли, что Онъ сказалъ это не для чего другого, какъ для того, чтобы показать свое единосущіе (со Отцемъ), показать, что Самъ по Себѣ Онъ не имѣетъ нужды въ постороннемъ свидѣтельствѣ и что Онъ ничѣмъ не меньше Отца? Въ самомъ дѣлѣ, смотри, какая самобытность: *Азъ есмь свидѣтельствуяй о Мнѣ самомъ, и свидѣтельствуетъ о Мнѣ пославый Мя Отецъ* (ст. 18). Не могъ бы Онъ сказать этого, если бы по существу былъ меньше. А чтобы ты не подумалъ, что это ска-
291 зано ради числа,—замѣть власть ничѣмъ не отличную (отъ власти Отца). Человѣкъ свидѣтельствуетъ тогда, когда самъ по себѣ заслуживаетъ довѣрія, а не тогда, когда имѣетъ нужду въ свидѣтельствѣ, и свидѣтельствуетъ въ чужомъ дѣлѣ; а въ своемъ дѣлѣ, когда нуждается въ свидѣтельствѣ другого, Онъ уже не

заслуживаетъ довѣрія. Но здѣсь—совсѣмъ напротивъ. И свидѣтельствуя въ своемъ дѣлѣ и говоря, что объ Немъ свидѣтельствуетъ другой, Онъ называетъ Себя достовѣрнымъ, показывая въ томъ и другомъ случаѣ Свою самобытность. Въ самомъ дѣлѣ, для чего, сказавши: *единъ нѣсмь, но Азъ и пославый мя Отецъ*, и также: *двоихъ человѣкъ свидѣтельство истинно есть*,—не пересталъ говорить, но присовокупилъ: *Азъ есмь свидѣтельствуяй о Мнѣ самомъ*? Очевидно, для того, чтобы показать свою самобытность. И напередъ Онъ сказалъ о Себѣ самомъ: *Азъ есмь свидѣтельствуяй о Мнѣ самомъ*. Этимъ Онъ показываетъ и равночестность свою (съ Отцемъ), и вмѣстѣ то, что нѣтъ накакой пользы для тѣхъ, которые говорятъ, что знаютъ Бога Отца, между тѣмъ не знаютъ Его. А это, говоритъ, зависитъ отъ того, что не хотятъ Его познать. Поэтому-то и говоритъ, что безъ Него невозможно познать Отца, чтобы хотя такимъ образомъ привлечь ихъ къ познанію Его. Такъ какъ они, оставляя Его, всегда старались узнать Отца, то онъ говоритъ: не можете познать Отца безъ Меня. Такимъ образомъ, тѣ, которые хулятъ Сына, не Его только хулятъ, но и Родившаго Его.

4. Будемъ мы избѣгать этого, будемъ прославлять Сына. Если бы Онъ былъ не одного и тогоже естества (съ Отцемъ), то не сталъ бы говорить такимъ образомъ. И если бы Онъ только училъ, а на самомъ дѣлѣ былъ другого естества, то можно было бы, и не зная Его, знать Отца, и наоборотъ, совершенно зная Его, не знать Отца. Кто вѣдь знаетъ человѣка, тотъ не знаетъ еще ангела. Такъ, скажешь; но, кто знаетъ тварь, тотъ знаетъ и Бога. Нѣтъ; многіе знаютъ тварь, или, лучше сказать—всѣ люди, потому что видятъ ее, и однакожъ не знаютъ Бога Итакъ, будемъ прославлять Сына Божія не только этою (словесною) славою, но и славою дѣлъ. Первая безъ послѣдней ничего не значитъ. *Се ты*, сказано, *іудей именуешися, и почиваеши на законѣ, и хвалишися о Бозѣ. Научая убо иного, себе ли не учиши? Иже въ законѣ хвалишися, преступленіемъ закона Бога безчествуеши* 292
(Рим. II, 17, 21, 23). Смотри, какъ бы и намъ, хвалящимся правотою вѣры, не обезчестить Бога своею жизнію, не соотвѣтствующею вѣрѣ, и не подать повода къ хулѣ на Него. Господь хочетъ, чтобы христіанинъ былъ для вселенной учителемъ, закваскою, свѣтомъ и солію. А что значитъ свѣтъ? Жизнь свѣтлая, не имѣющая въ себѣ ничего темнаго. Свѣтъ не себѣ полезенъ, равно какъ и соль и закваска, но приносятъ пользу другимъ. Поэтому, отъ насъ требуется, чтобы мы не себѣ только были полезны, но и другимъ. Вѣдь соль, если не осоляетъ, уже не есть соль. Этимъ показывается также и то, что если мы будемъ

вести жизнь добродѣтельную, то и другіе непремѣнно будутъ жить такъ же; равно какъ и наоборотъ — пока мы сами не будемъ добродѣтельными, не принесемъ никакой пользы и другимъ. Да не будетъ у насъ ничего неразумнаго, ничего суетнаго. А таковы мірскія дѣла, таковы житейскія заботы. Потому-то и дѣвы названы юродивыми, что они заботились о пустыхъ мірскихъ дѣлахъ, собирали здѣсь, а не отлагали туда, куда слѣдовало. Но я боюсь, чтобы и намъ не потерпѣть того же. Боюсь, чтобы и намъ не придти одѣтыми въ нечистыя одежды туда, гдѣ всѣ имѣютъ одѣянія свѣтлыя и блистательныя. Нѣтъ ничего грязнѣе, ничего сквернѣе грѣха. Потому-то и пророкъ, изображая природу грѣха, взывалъ: *возсмердѣша и согниша раны моя* (Псал. xxxvii, 6). И если хочешь узнать зловоніе грѣха, то представь его себѣ по совершеніи, въ то время, когда освободишься отъ пожеланія, когда уже не будетъ безпокоить тебя огонь (страсти): тогда ты увидишь, каковъ грѣхъ. Представь себѣ гнѣвъ, когда находишься въ спокойномъ состояніи. Представь любостяжаніе, когда бываешь чуждъ этой страсти. Нѣтъ ничего гнуснѣе, ничего отвратительнѣе хищенія и любостяжанія. Мы часто говоримъ объ этомъ не потому, будто хотимъ тревожить васъ, но для того, чтобы доставить вамъ великую и чудную пользу. Кто не исправился, услышавъ однажды, можетъ быть исправится, услышавъ въ другой разъ, а кто пропустилъ въ другой разъ, исправится въ третій. Да сподобимся же всѣ мы, освободившись отъ всякаго зла, имѣть благоуханіе Христа, Ему же съ Отцемъ и Св. Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LIII.

Сія глаголы глагола Іисусъ въ газофилакіи, уча въ церкви, и никтоже ятъ его, яко не у бѣ пришелъ часъ его (Іоан. viii, 20).

291 1. Какъ безумны іудеи! Еще до Пасхи искали Іисуса, потомъ, когда нашли Его среди народа, много разъ пытались схватить Его, и сами непосредственно, и чрезъ другихъ, но не могли: и при всемъ этомъ не подивились силѣ Его, но продолжали упорствовать въ своей злобѣ и не отставали (отъ ней). А что они всегда старались (схватить Его), объ этомъ говоритъ (евангелистъ): *сія глагола въ газофилакіи, уча въ церкви, и никтоже ятъ его.* Онъ говорилъ въ церкви и въ качествѣ учителя, что въ особенности могло раздражать ихъ; притомъ, говорилъ то, изъ-за чего они досадовали и обвиняли Его въ томъ, что Онъ творитъ Себя

равнымъ Отцу: такой именно смыслъ имѣютъ слова: *двоихъ человѣковъ свидѣтельство истинно есть*. И однакожъ, не смотря на то, что Онъ говорилъ это въ церкви и какъ учитель, *никтоже*, сказано, *ятъ Его, яко не у бѣ пришелъ часъ его*, т. е. не наступило еще то благопріятное время, въ которое Онъ хотѣлъ быть распятымъ на крестѣ. Такимъ образомъ, и тогда это было дѣломъ не ихъ силы, но Его смотрѣнія. Они и прежде хотѣли (взять Его), но не могли. Такъ точно и тогда они не могли бы, если бы Онъ 292
самъ не соизволилъ на это. *Рече же имъ паки Іисусъ: Азъ иду, и взыщете Мене* (ст. 21). Для чего Онъ часто говоритъ объ этомъ? Для того, чтобы потрясти и устрашить ихъ души. Въ самомъ дѣлѣ, смотри, какой страхъ это наводило на нихъ! Не взирая на то, что хотѣли умертвить Его, чтобы избавиться отъ Него, они стараются узнать, куда Онъ отходитъ. Такъ важнымъ они представляли себѣ это! А съ другой стороны, Онъ хотѣлъ научить ихъ, что это дѣло не зависитъ отъ ихъ насилія, но что еще издревле Онъ предъизобразилъ его; вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ предуказалъ уже этими словами и воскресеніе. *Глаголаху убо: еда ся самъ убіетъ* (ст. 22)? Что же Христосъ? Опровергая предположеніе ихъ и показывая, что такое дѣло есть грѣхъ, говоритъ: *вы отъ нижнихъ есте* (ст. 23). А это значитъ: нѣтъ ничего удивительнаго, что такъ думаете вы, люди плотскіе и не помышляющіе ни о чемъ духовномъ. Но Я ничего такого не сдѣлаю: *Азъ отъ вышнихъ есмь; вы отъ міра сего есте* (ст. 23). Здѣсь опять говоритъ о мірскихъ и плотскихъ помыслахъ. Отсюда видно, что и слова: *азъ нѣсмь отъ міра сего* означаютъ не то, будто бы Онъ не принялъ плоти, но что Онъ далекъ отъ ихъ лукавства. Въ самомъ дѣлѣ, 293
Онъ и объ ученикахъ говоритъ, что они *не суть отъ міра*, и однакожъ они имѣли плоть. Такимъ образомъ, какъ Павелъ, говоря: *вы нѣсте во плоти* (Рим. VIII, 9), не безтѣлесными называетъ ихъ (римлянъ), такъ и Онъ, когда говоритъ объ ученикахъ, что они не отъ міра, свидѣтельствуетъ этимъ не о другомъ чемъ, какъ только объ ихъ любомудріи. *Рѣхъ убо вамъ: яко аще не имете вѣры, яко азъ есмь, умрете во грѣсѣхъ вашихъ* (ст. 24). Дѣйствительно, если Онъ для того пришелъ, чтобы взять грѣхъ міра, и если можно совлечься грѣха не иначе, какъ чрезъ крещеніе, то въ невѣрующемъ по необходимости остается ветхій человѣкъ. Кто не хочетъ умертвить его (ветхаго человѣка) и погребсти чрезъ вѣру, тотъ умретъ съ нимъ, и отойдетъ туда, чтобы понести наказаніе за прежніе грѣхи. Поэтому говорилъ: *а не вѣруяй уже осуж̃денъ есть* (Іоан. III, 18), не потому только, что онъ не вѣруетъ но и потому, что отходитъ отсюда съ прежними грѣхами. *Глаголаху убо ему: ты кто еси* (ст. 25)? Какое безуміе! Послѣ столь

продолжительнаго времени, послѣ знаменій и ученія, они еще спрашиваютъ: *ты кто еси?* Чтоже Христосъ? *Начатокъ, яко и глаголю вамъ* (ст. 25). А это значитъ вотъ что: вы недостойны даже слушать слова Мои, не только знать, кто Я, потому что вы все говорите съ намѣреніемъ искусить Меня и ни мало не внимаете словамъ Моимъ. Во всемъ этомъ Я могъ бы теперь же обличить васъ (это именно значатъ слова Его: *многа о васъ имамъ глаголати и судити*), и не только обличить, но и наказать; *но пославый Мя*, т. е. Отецъ, не хочетъ этого. *Не пріидохъ бо, да сужду мірови, но да спасу міръ* (Іоан. XII, 47). *Не посла бо Богъ Сына своего*, сказано, *да судитъ мірови, но да спасется имъ міръ* (Іоан. III, 17). Итакъ, если Онъ для этого послалъ Меня, а Онъ *истиненъ* (ст. 26), то Я справедливо не сужу теперь никого, но Я говорю то, что служитъ ко спасенію, а не къ обличенію. Говоритъ же это Онъ для того, чтобы не подумали, что Онъ, слыша все, что они говорили, не мститъ имъ по слабости, или что Онъ не понимаетъ ихъ мыслей и насмѣшекъ. *Не разумѣша убо, яко Отца имъ глаголаше* (ст. 27). Какое безсмысліе! Непрестанно говорилъ имъ о Немъ (Отцѣ), и—они не понимали! Вслѣдъ за тѣмъ, такъ какъ ни многими знаменіями, ни ученіемъ не могъ привлечь ихъ къ Себѣ, — Онъ начинаетъ уже бесѣдовать о крестѣ, говоря: *егда вознесете Сына человѣческаго, тогда уразумѣете, яко Азъ есмь, и о Себѣ ничесоже творю, но якоже научи Мя Отецъ Мой, сія глаголю. И пославый Мя со Мною есть: не остави Мене единаго Отецъ* (ст. 28, 29). Этимъ показываетъ, что справедливо сказалъ: *начатокъ, яко и глаголю вамъ.*

2. Такъ-то они были невнимательны къ словамъ Его! *Егда вознесете Сына человѣческаго.* Не ожидаете ли вы, что тогда по преимуществу избавитесь отъ Меня, когда умертвите Меня? Но Я говорю: тогда-то особенно вы и узнаете, *яко Азъ есмь*, изъ знаменій, изъ воскресенія и плѣненія; все это дѣйствительно достаточно показывало силу Его. И не сказалъ Онъ: тогда узнаете кто Я, но: когда увидите, что Я ничего не потерплю отъ смерти, *тогда*, говоритъ, *уразумѣете, яко Азъ есмь*, т. е. Христосъ, Сынъ Божій, все носящій и устраняющій, и не противникъ Его (Отца). Поэтому-то Онъ и присовокупилъ: *и о Себѣ ничесоже* глаголю. Вы узнаете тогда и то, и другое—и силу Мою, и единомысліе Мое съ Отцемъ. Въ самомъ дѣлѣ, изреченіе—*о Себѣ ничесоже* глаголю—показываетъ и неразличность существа, и то, что Онъ не говоритъ ничего, несогласнаго съ мыслями Отца. Когда вы лишены будете богослуженія, когда вамъ непозволено будетъ даже служить Ему, какъ прежде, тогда вы узнаете, что это Онъ
294 дѣлаетъ въ отмщеніе за Меня, негодуя на тѣхъ, которые

не послушали Меня. Какъ бы такъ Онъ говорилъ: если бы Я былъ противникъ Богу и чуждъ Ему, то Онъ не воздвигъ бы противъ васъ столь великаго гнѣва. Объ этомъ говоритъ и Исаія: *дастъ лукавыя вмѣсто погребенія его* (Ис. ьш, 9); и Давидъ: *тогда возглаголетъ къ нимъ гнѣвомъ своимъ* (Пс. п, 5); и самъ Христосъ: *се оставляется домъ вашъ пустъ* (Матѳ. xxш, 38). Тоже самое показываютъ и притчи, когда, напримѣръ, (Христосъ) говоритъ: *что сотворитъ дѣлателемъ тѣмъ господинъ винограда того? Злыхъ злѣ погубитъ ихъ* (Матѳ. xxi, 40). Видишь ли, что Онъ вездѣ говоритъ такъ потому, что они еще не вѣровали? Но если Онъ погубитъ ихъ, какъ и дѣйствительно погубитъ, потому что сказано: *враги моя оны, иже не восхотѣша мене, да царь бихъ былъ надъ ними, приведите сѣмо, и изсѣцыте* (Лук. xix, 27), то почему Онъ называетъ это не Своимъ дѣломъ, но Отца? Потому, что говоритъ приспособительно къ ихъ немощи, а вмѣстѣ съ тѣмъ воздаетъ честь и Родившему Его. Поэтому Онъ не сказалъ: оставлю домъ вашъ пустъ, но: *оставляется*,—выразился безлично. Между тѣмъ, такъ какъ Онъ сказалъ: *коль краты восхотѣхъ собрати чада твоя, и не восхотѣсте*, и потомъ уже присовокупилъ: *се оставляется*, то этимъ показываетъ, что именно Онъ произвелъ это запустѣніе. Такъ какъ вы, говоритъ Онъ, не хотѣли познать Меня, когда Я благодѣтельствовалъ и служилъ вамъ, то узнаете, кто Я, когда подвергнетесь наказаніямъ. *И пославый Мя* Отецъ *со Мною есть*, Чтобы не подумали, что выраженіе—*пославый Мя*—означаетъ, что Онъ меньше,—говоритъ: *со Мною есть*. То указываетъ на домостроительство, а это на Божество. *И не остави Мене единаго, яко Азъ угодная Ему всегда творю* (ст. 29). Опять Онъ снизошелъ къ рѣчи уничиженной, непрестанно обращаясь къ тому, что они говорили, именно, что Онъ не отъ Бога, и что не соблюдаетъ субботы. Приспособительно къ этому Онъ говоритъ: *угодная ему всегда творю*, показывая, что и нарушеніе субботы угодно Ему. Такъ Онъ говорилъ и предъ крестомъ: думаете ли, *яко не могу умолити Отца Моего*,—хотя однимъ только словомъ: *кого ищете* повергъ ихъ ницъ на землю. Почему же Онъ не говоритъ: ужели вы думаете, что Я не могу васъ погубить, когда доказалъ это самымъ дѣломъ? Изъ снисхожденія къ ихъ немощи; а притомъ Онъ всячески старался показать, что не дѣлаетъ ничего противнаго Богу. Такъ точно и здѣсь Онъ говоритъ человѣкообразно. А въ какомъ смыслѣ сказано: *не остави Мене единаго*,—въ такомъ же и это: *яко Азъ угодная ему всегда творю. Сія ему глаголющу, мнози вѣроваша въ Него* (ст. 30). Когда снизошелъ къ рѣчи уничиженной, тогда многіе увѣровали въ Него. Ужели и послѣ этого станешь еще спрашивать, для чего Онъ говоритъ уничиженно? Евангелистъ ясно

указалъ на причину этого, когда сказалъ: *сія ему глаголющу, мнози вѣроваша въ него.* Чрезъ это событіе Онъ какъ бы вопіетъ: не смущайся, слушатель, если услышишь что-нибудь уничиженное, потому что тѣ, которые послѣ столь продолжительнаго ученія не увѣровали, что Онъ отъ Отца, по справедливости должны были слушать рѣчь болѣе уничиженную, чтобы увѣровать. И это же служитъ оправданіемъ тому, что будетъ говорено далѣе уничиженнаго. Итакъ, они увѣровали, но не надлежащимъ образомъ, а просто и какъ случилось, плѣнившись и успокоившись уничиженностію Его словъ. Что дѣйствительно они имѣли вѣру несовершенную, это открываетъ евангелистъ въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ, въ которыхъ они оскорбляютъ Его. А что это тѣ же самыя лица, на это указалъ словами: *глаголаше убо Іисусъ къ вѣровавшимъ ему Іудеомъ: аще вы пребудете во словеси моемъ* (ст. 31), показывая тѣмъ, что они еще не приняли ученія Его, но только
295 внимали Его словамъ. Поэтому и выразился сильнѣе: прежде Онъ просто сказалъ—*взыщете мене*, а теперь присовокупилъ—*и во грѣсѣхъ вашихъ умрете.* Онъ показываетъ и то, какимъ образомъ это произойдетъ, т. е., пришедши туда (въ вѣчность), вы уже не будете имѣть возможности умолить Меня. *Сія глаголю въ мірѣ.* Этими словами Онъ открылъ уже, что Онъ отходитъ къ язычникамъ. Но такъ какъ іудеи еще не поняли, что Онъ прежде говорилъ имъ объ Отцѣ, то Онъ снова вѣщаетъ о Немъ. А евангелистъ представилъ и причину, почему Онъ говорилъ уничиженно.

3. Вотъ, если съ такимъ тщаніемъ, а не какъ-нибудь, мы станемъ изслѣдовать Писанія, то будемъ въ состояніи достигнуть своего спасенія. Если будемъ постоянно упражняться въ нихъ, то узнаемъ и правые догматы и жизнь добродѣтельную. Хотя бы кто былъ крайне упрямъ, и непреклоненъ, и лѣнивъ; хотя бы прежде онъ не пріобрѣлъ никакой выгоды,—при всемъ томъ въ настоящее время соберетъ плодъ и получитъ какую-нибудь пользу,—хотя и не такую, чтобъ могъ ее чувствовать, но все же получитъ. Если тотъ, кто приходитъ въ мѵроварницу и сидитъ въ подобныхъ заведеніяхъ, невольно проникается благоуханіемъ, то гораздо болѣе тотъ, кто ходитъ въ церковь. Какъ отъ бездѣйствія раждается лѣность, такъ и отъ упражненія появляется усердіе. Поэтому, хотя бы ты былъ исполненъ безчисленнымъ множествомъ грѣховъ, хотя бы ты былъ нечистъ,—не убѣгай отъ здѣшняго собранія. Но чтожъ, скажешь, если я слушаю, но не исполняю? Не малое пріобрѣтеніе и это—признать себя достойнымъ сожалѣнія. Не безполезенъ и этотъ страхъ; не безплодна и эта боязнь. Если только будешь сокрушаться о томъ,

что, слушая, не исполняешь, то непремѣнно придешь когда-нибудь и къ исполненію. Кто бесѣдуетъ съ Богомъ и слушаетъ бесѣду Божію, тому невозможно не получить никакой пользы. Вѣдь мы тотчасъ же поправляемъ на себѣ одежду и умываемъ руки, какъ только хотимъ взять Библію. Видишь ли, какое благоговѣніе еще прежде чтенія? Если же мы со вниманіемъ и читать будемъ, то пріобрѣтемъ великую пользу. Въ самомъ дѣлѣ, если бы (это чтеніе) не приводило душу въ благоговѣніе, мы не стали бы умывать рукъ; сверхъ того, жена, если она непокрыта, тотчасъ надѣваетъ покрывало, представляя этимъ свидѣтельство своего внутренняго благоговѣнія; а мужъ, если голова его покрыта—обнажаетъ ее. Видишь ли, какъ внѣшній видъ бываетъ провозвѣстникомъ внутренняго благоговѣнія? Потомъ, и сѣвши слушать, человѣкъ часто вздыхаетъ и осуждаетъ свою настоящую 296
жизнь. Будемъ же внимать Писаніямъ, возлюбленные! И если не другое что, то, по крайней мѣрѣ, Евангеліе да будетъ для насъ предметомъ особеннаго вниманія, да будетъ всегда въ нашихъ рукахъ. Вѣдь только что откроешь эту книгу, тотчасъ увидишь предъ глазами имя Христово и тотчасъ услышишь слова: *Іисусъ Христово рождество сице бѣ: обрученнѣй бо бывши матери его Маріи Іосифови, обрѣтеся имущи во чревѣ отъ Духа свята* (Матѳ. I, 18). А кто услышитъ это, тотчасъ пожелаетъ дѣвства, подивится рожденію, отрѣшится отъ земли. Немаловажно и то, что ты увидишь Дѣву, сподобившуюся Духа, и ангела, бесѣдующаго съ нею. Между тѣмъ это еще въ началѣ. Если же ты будешь продолжать чтеніе до конца, то тотчасъ отвергнешь все житейское и будешь смѣяться надъ всѣмъ земнымъ. Если ты богатъ,—за ничто почтешь богатство, когда услышишь, что она, обрученная тектону и происшедшая изъ смиреннаго дома, содѣлалась Матерію твоего Владыки. Если ты бѣденъ,—не будешь стыдиться своей бѣдности, когда узнаешь, что Творецъ міра не устыдился бѣднѣйшаго дома. Помышляя объ этомъ, ты не станешь брать того, что принадлежитъ другимъ; напротивъ, скорѣе самъ сдѣлаешься любителемъ бѣдности и будешь презирать богатство. А достигнувъ этого, ты избѣжишь всякаго зла. Далѣе, когда увидишь Его лежащимъ въ ясляхъ, тогда не будешь стараться украсить свое дитя золотомъ или устроить для своей жены серебряное ложе. А не заботясь объ этомъ, ты не станешь изъ-за этого лихоимствовать и похищать. Много и другихъ выгодъ можно получить, которыхъ нельзя теперь пересказать въ подробности; но ихъ узнаютъ тѣ, которые сдѣлаютъ опытъ. Потому умоляю васъ и пріобрѣтать книги (Св. Писанія), и усвоять себѣ мысли ихъ, и начертывать ихъ въ душахъ. Іудеямъ, такъ

какъ они не были внимательны, повелѣно было привѣшивать книги къ рукамъ; а мы даже и не на рукахъ, а въ домѣ полагаемъ ихъ, тогда какъ надлежитъ отпечатлѣвать ихъ въ сердцѣ. Чрезъ это мы очистимъ настоящую жизнь и достигнемъ будущихъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Св. Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LIV.

Глагола убо Іисусъ къ вѣровавшимъ ему Іудеомъ: аще вы пребудете во словеси Моемъ, воистинну ученицы Мои будете, и уразумѣете истину, и истина свободитъ вы (Іоан. VIII, 31, 32).

295 1. Великое намъ нужно терпѣніе, возлюбленные! А терпѣніе бываетъ тогда, когда въ насъ глубоко укоренены догматы. Подлинно, какъ дубъ, глубоко пустившій свои корни въ нѣдра земли и тщательно обвязанный, не можетъ быть исторгнутъ никакимъ порывомъ вѣтра, такъ точно и душу, пригвожденную страхомъ Божіимъ, никто не въ состояніи будетъ ниспровергнуть, потому что пригвожденіе еще сильнѣе укорененія. Объ этомъ-то и пророкъ молится говоря: *пригвозди страху твоему плоти моя* (Псал. CXVIII, 120). Такъ и ты пригвозди себя и прикрѣпи, какъ бы гвоздемъ, глубоко вонзеннымъ. Какъ съ трудомъ можно овладѣть человѣкомъ пригвожденнымъ, такъ напротивъ легко взять и нетрудно ниспровергнуть непригвожденнаго. Вотъ это и случилось въ то время съ іудеями: они и слушали и увѣро-
296 вали, и опять совратились. Поэтому-то Христосъ, желая углубить въ нихъ вѣру, такъ чтобы она не была поверхностною, пронзаетъ душу ихъ словами, самыми разительными. Конечно, имъ, какъ вѣрующимъ, естественно было бы и обличенія перенести; но они тотчасъ вознегодовали. Какъ же (Христосъ) въ этомъ случаѣ поступаетъ? Сначала увѣщеваетъ: *аще вы пребудете во словеси Моемъ, воистинну ученицы Мои будете, и истина свободитъ вы* (ст. 31). Какъ бы такъ говоритъ: Я намѣренъ нанести вамъ глубокую рану, но вы не бойтесь. Впрочемъ, этимъ же самымъ Онъ уже смирилъ и гордость ихъ души. Отъ чего, скажи мнѣ, освободитъ? Отъ грѣховъ. Что же эти гордецы? *Сѣмя Авраамле есмы, и никомуже работахомъ николиже* (ст. 33). Тотчасъ ниспала мысль ихъ, а это произошло оттого, что они были крайне пристрастны къ предметамъ мірскимъ. *Аще пребудете во словеси Моемъ.*

Этимъ Онъ показалъ, что Онъ знаетъ тайны ихъ сердца, знаетъ, что они, хотя и увѣровали, но не были твердыми въ вѣрѣ. При этомъ Онъ обѣщаетъ имъ нѣчто великое, именно — что они будутъ Его учениками. Такъ какъ нѣкоторые прежде отпали отъ Него, то, намекая на нихъ, Онъ говоритъ: *аще пребудете*; вѣдь и тѣ слушали и увѣровали, но отпали, потому, что не были твердыми въ вѣрѣ. Въ самомъ дѣлѣ, *мнози отъ ученикъ его идоша* 297
вспять, и ктому не хождаху съ нимъ (Іоан. VI, 66). *Уразумѣете истину*, т. е. Меня, потому что *Азъ есмь истина* (Іоан. XIV, 6). Все іудейское было образомъ, а истину вы узнаете отъ Меня и она освободитъ васъ отъ грѣховъ. Какъ тѣмъ Онъ говорилъ: *во грѣсѣхъ вашихъ умрете*, такъ и этимъ сказалъ: *свободитъ вы*.

Не сказалъ: Я избавляю васъ отъ рабства, но представилъ имъ самимъ уразумѣть это. Чтожъ они? *Сѣмя Авраамле есмы, и никомуже работахомъ николиже*. Но если ужъ слѣдовало негодовать, то справедливѣе было бы на то, что Онъ сказалъ прежде, именно: *уразумѣете истину*, и—сказать: чтоже? Развѣ теперь мы не знаемъ истины? Значитъ, законъ и наше знаніе — ложь? Но они ни о чемъ этомъ не заботились, а безпокоятся о мірскихъ дѣлахъ, предполагая этого рода рабство. Есть, подлинно есть, и теперь много такихъ, которые стыдятся вещей безразличныхъ и этого рабства; но не стыдятся рабства грѣховнаго, и лучше хотѣли бы тысячу разъ назваться рабами въ этомъ отношеніи, нежели однажды въ томъ. Таковы-то были и іудеи. Они и не знали другого рабства, а потому и говорятъ: ты назвалъ рабами людей, происшедшихъ отъ рода Авраамова,—людей благородныхъ, которыхъ, по этой именно причинѣ, не слѣдовало называть рабами. Мы, говорятъ, никогда не были рабами. Вотъ чѣмъ тщеславятся іудеи! Мы—*сѣмя Авраамле*, мы—израильтяне; а о своихъ дѣлахъ никогда не упоминаютъ. Поэтому Іоаннъ взывалъ къ нимъ, говоря: *не начинайте глаголати въ себѣ: отца имамы Авраама* (Матѳ. III, 9). Но почему Христосъ не обличилъ ихъ? Вѣдь они много разъ бывали въ рабствѣ: и у египтянъ, и у вавилонянъ, и у многихъ другихъ. Потому, что Онъ говорилъ не для состязанія съ ними, но для ихъ спасенія, и пользы: вотъ о чемъ Онъ заботился. Онъ могъ бы, конечно, сказать о четырехъ стахъ лѣтъ рабства; могъ бы сказать о семидесяти; могъ бы сказать о рабствѣ во времена судей, иногда въ продолженіе двадцати лѣтъ, иногда двухъ, иногда семи; могъ бы сказать, что они никогда не переставали быть рабами. Но Онъ старался доказать не то, что они были рабами людей, но что они—рабы грѣха. А это рабство и есть самое тяжкое; отъ него можетъ избавить одинъ только Богъ, потому что никто другой не можетъ отпускать

грѣховъ, что они и сами признавали. И такъ какъ они признавали это дѣломъ Божіимъ, то Онъ и приводитъ ихъ къ этому, и говоритъ: *всякъ, творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха*, показывая, что Онъ говоритъ объ этой свободѣ, о свободѣ отъ этого именно рабства. *Рабъ же не пребываетъ въ дому; сынъ пребываетъ во вѣкъ* (ст. 34, 35). И здѣсь Онъ незамѣтно ниспровергаетъ постановленія закона, указывая на прежнія времена. Чтобы они не ссылались (на законъ) и не говорили: мы имѣемъ жертвы, предписанныя Моисеемъ; онѣ могутъ насъ освободить, — для этого Онъ и присовокупилъ тѣ слова. Иначе, какую послѣдовательность имѣли бы слова Его? *Вси бо согрѣшиша, и лишени суть славы Божіей, оправдаеми туне благодатію его* (Рим. III, 23), даже сами священники. Поэтому и Павелъ говоритъ о священникѣ, что онъ *долженъ есть, якоже о людехъ, такожде и о себѣ приносити за грѣхи, понеже и той немощію обложенъ есть* (Евр. V, 2, 3). Вотъ это и выражается словами: *рабъ не пребываетъ въ дому*. А сверхъ
298 того здѣсь Христосъ показываетъ и равночестность свою съ Отцемъ и различіе между свободнымъ и рабомъ. Приточное изреченіе имѣетъ именно этотъ смыслъ, т. е. что рабъ не имѣетъ власти, что и означается словомъ: *не пребываетъ*.

2. Но для чего Онъ, говоря о грѣхахъ, упомянулъ о домѣ? Чтобы показать, что какъ хозяинъ надъ домомъ, такъ Онъ властвуетъ надъ всѣмъ. Выраженіе: *не пребываетъ* значитъ — не имѣетъ власти раздавать даровъ, такъ какъ онъ не домовладыка. А сынъ—домовладыка; это и означаютъ слова: *пребываетъ во вѣки*. по переносному отъ вещей человѣческихъ выраженію. Чтобы не сказали: Ты кто?—Онъ какъ бы такъ говоритъ: все—Мое, потому что Я—Сынъ и пребываю въ домѣ Отца,– называя домомъ власть. Такъ Онъ и въ другомъ мѣстѣ называетъ начальство домомъ Отца: *въ дому Отца Моего обители многи суть* (Іоан. XIV, 2). Такъ какъ рѣчь была о свободѣ и рабствѣ, то Онъ справедливо употребилъ такое переносное выраженіе, говоря, что они не имѣли власти отпускать (грѣхи). *Аще убо Сынъ вы свободитъ* (ст. 36). Видишь ли единосущіе Его съ Отцемъ,—какъ Онъ показываетъ, что имѣетъ одинаковую съ Нимъ власть? *Аще Сынъ вы свободитъ*, то уже никто не станетъ этому противорѣчить, и вы будете имѣть вѣрную свободу, потому что *Богъ оправдаяй: кто осуждаяй* (Рим. VIII, 33, 34)? Этимъ онъ показываетъ, что Онъ свободенъ отъ грѣха, и вмѣстѣ намекаетъ на свободу только по имени. Послѣднюю даютъ и люди, но первую одинъ Богъ. А чрезъ это Онъ убѣждаетъ ихъ стыдиться не того рабства, но рабства грѣховнаго. И чтобы показать, что они, хотя бы и не были рабами, такъ какъ отвергли отъ себя то рабство, тѣмъ не менѣе—рабы,

Онъ тотчасъ присовокупилъ: *воистину свободни будете*. А этимъ присовокупленіемъ Онъ и показываетъ, что ихъ свобода не истинная. Потомъ, чтобы они не сказали, что не имѣютъ грѣха (а можно было думать, что они и это скажутъ), смотри, какъ Онъ подвергъ ихъ обвиненію въ немъ. Не обличая всей ихъ жизни, Онъ выставляетъ на видъ то злодѣяніе, которое они только еще хотѣли совершить, и говоритъ: *вѣмъ, яко сѣмя Авраамле есте, но ищете Мене убити* (ст. 37). Незамѣтно и мало-помалу отстраняетъ ихъ отъ этого родства, научая не превозноситься имъ, потому что какъ свобода и рабство, такъ и родство зависятъ отъ дѣлъ. И не сказалъ Онъ тотчасъ: вы не дѣти Авраама, вы человѣкоубійцы, а Онъ праведникъ; но пока еще соглашается съ ними, и говоритъ: *вѣмъ, яко сѣмя Авраамле есте*, но не въ этомъ дѣло; а потомъ произноситъ противъ нихъ болѣе сильное обличеніе. И весьма часто можно видѣть, что Онъ, намѣреваясь совершить что-нибудь великое, послѣ совершенія, говоритъ съ большимъ дерзновеніемъ, такъ какъ свидѣтельство отъ дѣлъ заграждало имъ уста. *Но ищете Мене убити*. Чтожъ, скажутъ, если справедливо? Напротивъ, совсѣмъ несправедливо. Поэтому Онъ представляетъ и причину: *яко слово Мое не вмѣщается въ вы*. Какъ же было сказано, что они увѣровали? Но я уже сказалъ, что они опять отложились. Поэтому-то Онъ сильно и обличаетъ ихъ. Если вы тщеславитесь родствомъ съ нимъ, то вамъ надобно выказывать и жизнь его. И не сказалъ Онъ: вы не вмѣщаете слова, но: *слово Мое не вмѣщается въ вы*, показывая тѣмъ высоту своихъ догматовъ. А за это не убивать слѣдовало, напротивъ — еще болѣе почитать и уважать, чтобы научиться. Чтожъ, могли сказать, можетъ быть, Ты отъ Себя это говоришь? Поэтому Онъ присовокупилъ: *Азъ, еже видѣхъ у Отца Моего, глаголю: и вы еже слышасте у отца вашего, творите* (ст. 38). Какъ Я, го- 299
воритъ, и словами и истиною являю Отца, такъ и вы — своими дѣлами. Я имѣю не только одно и то же существо съ Отцемъ, но и одну и ту же истину. *Рѣша ему: отецъ нашъ Авраамъ есть. Глагола имъ Іисусъ: аще чада Авраамля бысте были, дѣла Авраамля бысте творили: нынѣ же ищете Мене убити* (ст. 39, 40). Часто Онъ говоритъ здѣсь объ ихъ преступномъ намѣреніи и упоминаетъ объ Авраамѣ; и это для того, чтобы и отклонить ихъ отъ этого родства, и уничтожить излишнее ихъ тщеславіе, и убѣдить полагать надежду спасенія уже не на Авраама и не на родство по естеству, но на родство по душевному расположенію. То именно и служило для нихъ препятствіемъ приступить ко Христу, что они почитали это родство достаточнымъ для своего спасенія. Но о какой говоритъ Онъ истинѣ? О той, что Онъ равенъ Отцу.

Дѣйствительно, за это іудеи искали убить Его, какъ Онъ и говоритъ: *ищете Мене убити, яко истину вамъ глаголахъ, юже слышахъ* отъ Отца Моего (ст. 40). Чтобы показать, что это не противно Отцу, Онъ опять прибѣгаетъ къ Нему. *Рѣша ему: мы отъ любодѣянія нѣсмы рождени: единаго отца имамы, Бога* (ст. 41). Что вы говорите? Вы имѣете отцемъ Бога, и обвиняете Христа, когда Онъ говоритъ это? Видишь ли, что Онъ называлъ Бога Отцемъ Своимъ въ особенномъ смыслѣ?

3. Такъ какъ Онъ отстранилъ ихъ отъ родства съ Авраамомъ, то они, не имѣя ничего сказать противъ этого, отваживаются на нѣчто еще большее, — прибѣгаютъ къ Богу. Но Онъ лишаетъ ихъ и этой чести, говоря: *аще Богъ Отецъ вашъ бы былъ, любили убо бысте Мене: Азъ бо отъ Бога изыдохъ, и пріидохъ: не о Себѣ бо пріидохъ, но той Мя посла. Почто бесѣды Моея не разумѣете? Яко не можете слышати словесе Моего. Вы отца вашего діавола есте, и похоти отца вашего хощете творити. Онъ человѣкоубійца бѣ искони, и во истинѣ не стоитъ: егда глаголетъ лжу, отъ своихъ глаголетъ* (ст. 42—44). Онъ отстранилъ ихъ отъ родства съ Авраамомъ; но такъ какъ они отважились на большее, то Онъ уже наноситъ имъ ударъ, говоря, что они не только не чада Авраама, но что они сыны діавола. Чрезъ это Онъ нанесъ имъ рану, равную ихъ безстыдству. И это не оставляетъ безъ свидѣтельства, но подтверждаетъ доказательствами, потому что убивать, говоритъ, свойственно злобѣ діавола. И не сказалъ просто: дѣла, но: *похоти* его творите, показывая, что какъ онъ (діаволъ), такъ и они крайне склонны къ убійствамъ, и что причиною этого зависть. Въ самомъ дѣлѣ, діаволъ погубилъ Адама не потому, чтобы могъ обвинять его въ чемъ-нибудь, но по одной только зависти. Вотъ на это Христосъ и здѣсь указываетъ. *И во истинѣ не стоитъ*, т. е. въ доброй жизни. Такъ какъ (іудеи) постоянно осуждали Его, — что Онъ не отъ Бога, — то Онъ говоритъ, что и это (обвиненіе) происходитъ оттуда же (отъ діавола), потому что онъ первый породилъ ложь, сказавъ: *въ оньже аще день снѣсте отъ него, отверзутся очи ваши* (Быт. III, 5). Онъ же первый и воспользовался ею. Люди пользуются ею не какъ своею, но какъ чужою, а онъ — какъ своею. *Азъ же, зане истину глаголю, не вѣруете Мнѣ* (ст. 45). Какая послѣдовательность въ этихъ словахъ? Ни въ чемъ не обвинивъ Меня, вы хотите убить Меня. Вы преслѣдуете
300 Меня, потому что вы враги истины. Если же не потому, то скажите вину Мою. Поэтому и присовокупилъ: *кто отъ васъ обличаетъ Мя о грѣсѣ* (ст. 46)? Іудеи еще говорили: *мы отъ любодѣянія нѣсмы рождени*. Хотя многіе изъ нихъ были рождены и отъ любодѣянія, потому что у нихъ были и незаконные браки, однакожъ Онъ не

обличаетъ ихъ въ этомъ, а продолжаетъ говорить о прежнемъ. Доказавъ всѣмъ вышесказаннымъ, что они не отъ Бога, а отъ діавола, потому что и убивать есть дѣло діавольское, и лгать дѣло діавольское, а вы дѣлаете и то и другое, — теперь показываетъ, что любовь есть признакъ происхожденія отъ Бога. *Почто бесѣды Моея не разумѣете*? Такъ какъ они всегда съ недоумѣніемъ спрашивали: что это Онъ говоритъ: *аможе Азъ иду, вы не можете пріити* (ст. 22)? — то Онъ и отвѣчаетъ: вы не разумѣете бесѣды Моей потому, что не вмѣщаете въ себѣ слова Божія. А это происходитъ съ вами оттого, что ваши помышленія пресмыкаются по землѣ, между тѣмъ какъ слова Мои гораздо выше. Чтожъ, если они и дѣйствительно не могли разумѣть? Но здѣсь слово — *не можете* значитъ: не хочете, потому что вы пріучили себя пресмыкаться долу и ни о чемъ великомъ не помышляете. А такъ какъ они говорили, что преслѣдуютъ Его по ревности будто бы къ Богу, то Онъ всюду старается показать, что преслѣдовать Его значитъ ненавидѣть Бога; напротивъ, говоритъ, любить Его — значитъ знать Бога. *Единаго отца имамы Бога*. Вотъ чѣмъ хвалятся — честію, а не дѣлами. Итакъ, что вы не вѣруете, это доказываетъ не то, будто Я чуждъ Богу; напротивъ, невѣрованіе ваше служитъ знакомъ того, что вы не знаете Бога. Причина же этому та, что вы хотите лгать и творить дѣла діавольскія, а это происходитъ отъ бѣдности души, какъ говоритъ апостолъ: *идѣже бо въ васъ зависти, и рвенія, и распри, не плотстіи ли есте* (1 Кор. III, 3)? Почему вы не можете? Потому, что *похоти отца вашего хощете творити*, — (объ этомъ) стараетесь, ревнуете.

Видишь ли, что слово: *не можете* означаетъ нехотѣніе? *Сего Авраамъ нѣсть сотворилъ* (ст. 40). Какія же дѣла его? Кротость, снисходительность, послушаніе; а вы поступаете напротивъ: вы непокорны и жестоки. Но откуда имъ пришло на мысль прибѣгнуть къ Богу? Христосъ показалъ, что они недостойны Авраама. Вотъ, чтобы избѣжать этого, они и прибѣгли къ большему. Такъ какъ Онъ укорилъ ихъ въ убійствѣ, то они этимъ говорятъ, какъ бы въ нѣкоторое оправданіе себѣ, что они мстятъ за Бога. Но (Христосъ) показываетъ, что и это самое служитъ признакомъ противниковъ Божіихъ. Выраженіе: *изыдохъ* означаетъ, что Онъ отъ Бога. Говоритъ — *изыдохъ*, указывая на Свое пришествіе къ намъ. А такъ какъ можно было ожидать, что они скажутъ: Ты говоришь что-то странное и новое, — то Онъ и прибавляетъ, что пришелъ отъ Бога. Поэтому, говоритъ, естественно, что вы не слушаете Моихъ словъ, такъ какъ вы отъ діавола. Въ самомъ дѣлѣ, за что вы хотите убить Меня? Въ чемъ можете обвинить Меня? Если же ни въ чемъ, то по-

чему не вѣруете Мнѣ? Доказавъ такимъ образомъ, изъ ихъ лживости и склонности къ убійству, что они происходятъ отъ діавола, Онъ вмѣстѣ показалъ и то, что они чужды Аврааму и Богу, такъ какъ, съ одной стороны, ненавидятъ человѣка, который не сдѣлалъ ничего худого, а съ другой — не слушаютъ слова Его. Такъ Онъ всюду показываетъ, что Онъ не противникъ Божій и что они не по этой причинѣ не вѣровали въ Него, но потому, что были чужды Богу. Въ самомъ дѣлѣ, если не вѣруютъ Тому, Кто грѣха не сотворилъ, Кто говоритъ, что Онъ пришелъ отъ Бога и отъ Него посланъ, Кто изрекаетъ истину и такъ изрекаетъ истину, что вызываетъ всѣхъ опровергнуть, то очевидно, что невѣрующіе не вѣруютъ въ Него потому, что они люди плотскіе. Онъ зналъ, вѣрно зналъ, что грѣхи уничтожаютъ душу. Потому-то сказано: *понеже немощни бысте слухи ваши* (Евр. v, 11). Подлинно, кто не можетъ презрѣть вещей земныхъ, тотъ можетъ ли когда-нибудь любомудрствовать о небесномъ?

301 4. Потому, умоляю, будемъ всячески стараться исправить нашу жизнь, очистить нашу душу, чтобы ничто нечистое не служило для насъ препятствіемъ. Засвѣтите въ себѣ свѣтъ знанія, и не бросайте сѣмянъ въ терніе. Кто не знаетъ, что любостяжаніе порокъ, какъ узнаетъ что-нибудь большее? Кто не отвращается отъ этого (земного), тотъ какъ возжелаетъ того (небеснаго? Хорошо восхищать, но только не гибнущія вещи, а царство небесное: *нуждницы*, сказано, *восхищаютъ е* (Мате. xi, 12); слѣдовательно, не лѣностію можно достигнуть его, но стараніемъ. Что же значитъ: *нуждницы*? Потребно большое усиліе, потому что путь тѣсенъ, нужна душа юношеская и бодрая. Восхищающіе хотятъ всѣхъ предварить, не смотрятъ ни на что, ни на порицаніе, ни на осужденіе, ни на наказаніе; думаютъ лишь объ одномъ, какъ бы овладѣть тѣмъ, что хотятъ восхитить, и предупреждаютъ всѣхъ находящихся впереди. Станемъ же мы восхищать царство небесное. Это восхищеніе не грѣшно, а похвально; грѣхъ здѣсь--не восхищать. Здѣсь наше богатство не причиняетъ ущерба другимъ. Постараемся же восхитить и, если насъ удручаетъ гнѣвъ, если тревожатъ вожделѣнія, то побѣдимъ природу, содѣлаемся кроткими, потрудимся немного, чтобы навсегда успокоиться. Не похищай золота, но похищай богатство, при которомъ золото представляется грязью. Скажи мнѣ: если бы предъ тобою лежали свинецъ и золото,—что бы ты похитилъ?
302 Не очевидно ли, что золото? Итакъ, въ томъ случаѣ, когда похищающаго наказываютъ, ты предпочитаешь вещь лучшую: уже ли же тогда, когда похищающій заслуживаетъ честь, ты не

отдашь предпочтенія лучшему? Вѣдь не избралъ ли бы ты (изъ двухъ вещей) предпочтительно эту (лучшую), если бы за похищеніе той и другой было наказаніе? Но здѣсь нѣтъ ничего такого, а напротивъ здѣсь блаженство. Какъ же можно, спросишь, похитить (царство небесное)? Брось то, что у тебя въ рукахъ. Пока будешь держать это,—не можешь похитить того. Представь мнѣ человѣка, у котораго руки наполнены серебромъ: въ состояніи ли онъ будетъ похитить золото, пока держитъ серебро, а не броситъ его и не сдѣлается свободнымъ? Похищающій не долженъ быть ничѣмъ связанъ, чтобы не быть задержаннымъ Вѣдь и нынѣ есть враждебныя силы, которыя нападаютъ на насъ и стараются отнять у насъ (царство небесное). Будемъ же убѣгать отъ нихъ, будемъ убѣгать, не оставляя за собою ничего, за что бы они могли ухватиться. Пресѣчемъ нити, обнажимъ себя отъ предметовъ житейскихъ. Какая вамъ нужда въ шелковыхъ одеждахъ? Доколѣ будемъ укутываться въ эти смѣшныя одѣянія? Доколѣ будемъ зарывать въ землю золото? Я желалъ бы перестать всякій разъ говорить объ этомъ; но вы не позволяете, подавая всегда къ тому поводъ и побужденіе. Теперь, по крайней мѣрѣ, оставимъ это, чтобы, и другихъ научивъ своею жизнію, получить обѣтованныя блага, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LV.

Отвѣщаша убо Іудее и рѣша ему: не добрѣ ли мы глаголемъ, яко самарянинъ еси Ты и бѣса имаши? Отвѣща Іисусъ: Азъ бѣса не имамъ, но чту Отца (Іоан. VIII, 48, 49).

1. Злоба безстыдна и дерзка. Когда бы надобно было усты- 301
диться, тогда она еще болѣе ожесточается. Такъ было и съ іудеями. Имъ надлежало бы придти въ умиленіе отъ словъ и подивиться дерзновенію и послѣдовательности Его бесѣды; а они, напротивъ, поносятъ Его, называютъ самаряниномъ, утверждаютъ, что Онъ имѣетъ бѣса, и говорятъ: *не добрѣ ли мы глаголемъ, яко самарянинъ еси и бѣса имаши*? Когда Онъ говорилъ нѣчто высокое, тогда этимъ людямъ, крайне безчувственнымъ, казалось это безуміемъ. И хотя евангелистъ выше нигдѣ не замѣтилъ, что они называли Его самаряниномъ, но изъ приведенныхъ словъ можно заключать, что они часто это говорили. Говорятъ:

бѣса имаши. Но кто имѣетъ бѣса? Тотъ ли, кто чтитъ Бога, или — кто оскорбляетъ чтущаго? Что же Христосъ,—эта кротость, эта снисходительность? *Азъ бѣса не имамъ, но чту Отца, пославшаго Мя.* Когда надлежало научить ихъ, смирить великую ихъ надменность и наставить не гордиться Авраамомъ, тогда Онъ былъ строгъ; а когда Ему самому надобно было перенести отъ нихъ поношеніе, тогда Онъ выказываетъ великую кротость.

Когда они говорили: мы имѣемъ отцемъ Бога и Авраама, тогда Онъ сильно поразилъ ихъ; а когда Его самого называли имѣющимъ бѣса, тогда отвѣчаетъ кротко, научая насъ отомщать за то, чѣмъ оскорбляется Богъ, и не обращать вниманія на оскорбленія, наносимыя намъ. *Азъ не ищу славы Моея* (Іоан. VIII, 50). Это, говоритъ, сказалъ Я съ тѣмъ, чтобы показать, что вамъ, какъ человѣкоубійцамъ, не прилично называть Бога отцемъ; значитъ, Я сказалъ это ради чести Его, и за Него Я слышу это, за Него вы безчестите Меня. Но Я нисколько не обращаю вниманія на это оскорбленіе. Вы дадите отвѣтъ въ своихъ словахъ
302 Тому, за Кого Я слышу это нынѣ. *Азъ не ищу славы Моея.* По этой-то причинѣ, вмѣсто того, чтобы наказывать васъ, Я обращаюсь къ убѣжденію и совѣтую вамъ дѣлать то, посредствомъ чего вы не только избѣжите наказанія, но и получите вѣчную жизнь. *Аминь, аминь глаголю вамъ: аще кто слово Мое соблюдетъ, смерти не имать видѣти во вѣки* (Іоан. VIII, 51). Здѣсь Онъ говоритъ не объ одной только вѣрѣ, но и о чистой жизни. Выше Онъ сказалъ: *имать животъ вѣчный* (Іоан. V, 24); а здѣсь говоритъ: *смерти не имать видѣти*, указывая вмѣстѣ и на то, что они ничего не могутъ Ему сдѣлать. Если не умретъ тотъ, кто соблюдаетъ слово Его, то тѣмъ болѣе самъ Онъ. Это поняли и они, и потому говорятъ: *нынѣ разумѣхомъ, яко бѣса имаши: Авраамъ умре и пророцы умроша* (VIII, 52), — т. е. умерли тѣ, которые слушали слово Божіе: такъ ужели не умрутъ слушавшіе Твое слово? *Еда ты болій еси отца нашего Авраама* (ст. 53)? Какое тщеславіе! Опять обращаются къ родству съ нимъ. Имъ слѣдовало бы сказать: ужели ты больше Бога? Или: ужели слышавшіе Тебя больше Авраама? Но они не говорятъ этого, потому что почитали Его меньшимъ даже Авраама. Христосъ же прежде доказалъ, что они человѣкоубійцы, и тѣмъ отстранилъ ихъ отъ родства съ Авраамомъ. Но такъ какъ они оставались при своихъ мысляхъ, то вотъ Онъ снова идетъ къ тому же другимъ путемъ, показывая, что они напрасно трудятся. Впрочемъ, о смерти Онъ нисколько съ ними не бесѣдовалъ, и даже не открылъ и не сказалъ, какую разумѣетъ смерть. Теперь Онъ только увѣряетъ ихъ, что Онъ выше Авраама, чтобы хотя этимъ пристыдить ихъ. Вѣдь

конечно, говоритъ Онъ, если бы Я былъ и обыкновеннымъ человѣкомъ, — и тогда не слѣдовало бы убивать Меня, потому что Я не сдѣлалъ ничего худого. Но если Я притомъ говорю истину, и не имѣю никакого грѣха, и посланъ отъ Бога, и больше Авраама, то не безумствуете ли вы и не напрасно ли трудитесь, стараясь умертвить Меня? Что же они? *Нынѣ разумѣхомъ, яко бѣса имаши.* Но не такъ самарянка; она не сказала Ему: бѣса имѣешь, — но только вотъ что: *еда ты болій еси отца нашего Іакова* 303
(Іоан. IV, 12)? Это — потому, что іудеи были поносители и убійцы, а она желала научиться. По этой-то причинѣ она и выразила недоумѣніе, и давала отвѣты съ приличною скромностію, и называла Его Господомъ. И дѣйствительно, Кто обѣщаетъ гораздо большія (блага), и Кто достоинъ вѣры, Того слѣдовало не оскорблять, а, напротивъ, почитать; но іудеи называютъ Его имѣющимъ бѣса. Тѣ слова, слова самарянки, были выраженіемъ недоумѣнія; а эти выказываютъ людей невѣрующихъ и развращенныхъ. *Еда ты болій еси отца нашего Авраама?* Значитъ, по тѣмъ словамъ Своимъ (ст. 52), Онъ былъ больше Авраама. И когда вы увидите Его вознесеннымъ, тогда признаете, что Онъ дѣйствительно больше. Поэтому Онъ говорилъ: *егда вознесете* Меня, *тогда уразумеете, яко Азъ есмь* (Іоан. VIII, 28). И смотри, какая мудрость: сперва отстранилъ ихъ отъ родства (съ Авраамомъ); затѣмъ показываетъ, что Онъ больше его, а чрезъ это даетъ уже замѣтить, что Онъ несравненно больше и пророковъ. А они всегда называли Его пророкомъ; поэтому Онъ и говорилъ: *слово Мое не вмѣщается въ вы* (Іоан. VIII, 37). Тамъ Онъ говорилъ, что воскрешаетъ мертвыхъ (Іоан. V, 21), а здѣсь, что вѣрующій въ Него не узритъ смерти,—это же гораздо важнѣе, чѣмъ не допустить навсегда остаться во власти смерти. Отъ того-то они еще болѣе вознегодовали. Что же они? *Кого Себе самъ Ты твориши* (ст. 53)? И эти слова также укоризненны. Ты, говорятъ, самъ Себя возвеличиваешь. Но Христосъ на это отвѣчаетъ: *аще Азъ славлюся самъ, слава Моя ничесоже есть* (ст. 54).

2. Что говорятъ тутъ еретики? Слышалъ (говорятъ) Христосъ: *еда болій еси отца нашего Авраама,* — но не смѣлъ сказать имъ: такъ точно, а сдѣлалъ это прикровенно. Чтоже? Въ самомъ дѣлѣ слава Его ничего не значитъ? Для нихъ (іудеевъ) — ничего. Поэтому, какъ Онъ говорилъ: *свидѣтельство Мое нѣсть истинно,* примѣняясь къ ихъ мнѣнію (Іоан. V, 31), такъ и здѣсь говоритъ: *есть славяй мя* (ст. 54). Но почему Онъ не сказалъ: Отецъ, пославшій Меня, какъ говорилъ прежде, но: *егоже вы глаголете, яко Богъ вашъ есть, и не познасте Его* (ст. 54, 55)? Онъ хотѣлъ показать, что они не знаютъ Его не только какъ Отца, но и какъ Бога.

Азъ же вѣмъ Его (ст. 55). Слѣдовательно, когда говорю: *Азъ вѣмъ Его*, — это не хвастовство; а если бы сказалъ: не знаю Его, — это была бы ложь. Но вы, когда говорите, что знаете Его, говорите ложь. Такимъ образомъ, какъ вы лжете, говоря, что знаете Его, такъ и Я (солгалъ бы), еслибъ сказалъ, что не знаю Его. *Аще Азъ славлюся самъ*. Такъ какъ они говорили: *кого Себе самъ Ты твориши*, то Онъ и отвѣчаетъ: если Я самъ Себя творю, *слава Моя ничесоже есть*. Итакъ, Я знаю Его совершенно, а вы не знаете Его. Впрочемъ, какъ въ отношеніи къ Аврааму Онъ не все отнялъ у нихъ, но сказалъ: *вѣмъ, яко сѣмя Авраамле есте* (Іоан. VIII, 37), чтобы чрезъ это подвергнуть ихъ большему осужденію, такъ и здѣсь не все отнялъ у нихъ, но что? *Егоже вы глаголете*. Дозволивъ имъ хвалиться этимъ на словахъ, Онъ сдѣлалъ вину ихъ болѣе тяжкою. Какимъ же образомъ вы Его не знаете? Вы поносите Того, Кто все и говоритъ и дѣлаетъ для Него, чтобы прославить Его, и Кто посланъ отъ Него. Но это (кажутъ) остается безъ свидѣтельства. Напротивъ, дальнѣйшія слова служатъ тому доказательствомъ. *И слово Его соблюдаю* (ст. 55). При этомъ они, конечно, могли бы обличить Его, если бы только имѣли что-нибудь, потому что это служило самымъ сильнымъ доказательствомъ тому, что Онъ посланъ отъ Бога. *Авраамъ,*
304 *отецъ вашъ, радъ бы былъ, дабы видѣлъ день Мой: и видѣ, и возрадовася* (ст. 56). Опять показываетъ, что они чужды Аврааму, такъ какъ чему онъ радовался, о томъ они скорбятъ. А подъ днемъ, мнѣ кажется, Онъ разумѣетъ здѣсь день креста, который (Авраамъ) прообразовалъ принесеніемъ овна и Исаака. Чтожъ они? *Четыредесять лѣтъ* [1]) *не у имаши, и Авраама ли еси видѣлъ* (ст. 57)? Христосъ говоритъ имъ: *прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмь*. А они *взяша каменіе, да вергутъ нанъ* (ст. 58). Видишь ли, какъ Онъ доказалъ, что Онъ больше Авраама? Кто радъ былъ видѣть день Его и почиталъ это для себя вожделѣннымъ, тотъ, очевидно, признавалъ это для себя благодѣяніемъ и былъ меньше Его. А такъ какъ они говорили, что Онъ сынъ тектона, и ничего большаго о Немъ не представляли, то Онъ мало-по-малу возводитъ ихъ къ высокому о Себѣ понятію. Итакъ, когда они услышали, что не знаютъ Бога, тогда не огорчились; а когда услышали: *прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмь*, тогда — какъ будто унижалось ихъ благородство — они вознегодовали и стали бросать камни. *Видѣ день Мой, и возрадовася*. Этимъ показываетъ, что не по неволѣ идетъ на страданіе, потому что хвалитъ того, кто радовался о крестѣ, такъ какъ крестъ былъ спасеніемъ все-

[1]) Въ славян. переводѣ Библіи: «пятьдесятъ».

ленной. А они бросали камни: такъ-то они склонны были къ убійству и дѣлали это самовольно, безъ всякаго изслѣдованія.

Почему же Онъ не сказалъ: *прежде даже Авраамъ не бысть,* Я былъ, но — *Азъ есмь*? Какъ Отецъ Его употребилъ о Себѣ это слово: *есмь*, такъ и Онъ. Оно означаетъ присносущность бытія, независимо ни отъ какого времени. Поэтому слова Его и показались имъ богохульными. И если они не потерпѣли сравненія съ Авраамомъ, хотя это и не такъ важно, то могли ли перестать бросать въ Него (камни), когда Онъ сталъ часто сравнивать Себя съ Богомъ? Поэтому Онъ, дѣйствуя по-человѣчески, снова убѣгаетъ и скрывается. Предложивъ имъ достаточное наставленіе и исполнивъ Свой долгъ, Онъ вышелъ изъ церкви и пошелъ исцѣлять слѣпого, чтобы самыми дѣлами показать, что Онъ прежде Авраама. Но, можетъ быть, кто-нибудь спроситъ: почему Онъ не уничтожилъ ихъ силу? Въ этомъ случаѣ они, можетъ быть, увѣровали бы. Онъ исцѣлилъ разслабленнаго, — и они не увѣровали. Онъ совершилъ множество и другихъ чудесъ, и во время самаго страданія повергъ ихъ ницъ на землю, и омрачилъ очи ихъ, — и они не увѣровали. Возможно ли же, чтобы они увѣровали, если бы Онъ уничтожилъ ихъ силу? Такъ, нѣтъ ничего хуже души ожесточенной; хотя бы она видѣла знаменія, хотя бы чудеса, — она все остается въ томъ же безстыдствѣ. Вотъ и фараонъ, не смотря на множество казней, вразумлялся только тогда, когда терпѣлъ наказаніе, и до послѣдняго дня остался все такимъ же гонителемъ тѣхъ, которыхъ отпустилъ. Поэтому-то Павелъ неоднократно говоритъ: *да не ожесточится нѣкто отъ васъ лестію грѣховною* (Евр. ш, 13). Какъ силы тѣлесныя со временемъ мертвѣютъ и теряютъ всякую чувствительность, такъ и душа, одержимая многими страстями, становится мертвою для добродѣтели. Тогда, чтобы ты ни представлялъ ей, она ничего не чувствуетъ; хотя бы угрожалъ наказаніемъ или чѣмъ другимъ, она остается безчувственною.

3. Потому-то умоляю васъ, пока еще имѣемъ надежду спа- 305
сенія, пока можемъ обратиться, будемъ всячески о томъ заботиться. Какъ отчаявшіеся кормчіе, предавъ судно на волю вѣтра, сами нисколько не помогаютъ ему, такъ точно поступаютъ, наконецъ, и тѣ, которые потеряли всякую надежду. Завистливый только то имѣетъ въ виду, какъ бы удовлетворить своему желанію; и хотя бы пришлось ему подвергнуться наказанію, или смерти, — онъ остается преданнымъ одной своей страсти. Человѣкъ распутный и любостяжательный поступаетъ такъ же. Если же такъ велика сила страстей, то гораздо болѣе сила добродѣтели. Если мы презираемъ смерть для первыхъ, то тѣмъ

болѣе для послѣдней. Если тѣ пренебрегаютъ своею душею, то тѣмъ болѣе мы должны пренебрегать всѣмъ для своего спасенія. Въ самомъ дѣлѣ, какое будетъ для насъ оправданіе, когда погибающіе такъ много заботятся о своей погибели, а мы не выкажемъ и такого старанія о своемъ спасеніи, но всегда будемъ истаевать отъ зависти? А вѣдь нѣтъ ничего хуже зависти. Чтобы погубить другого, (завистливый) губитъ и себя самого. Глазъ завистливаго снѣдается печалію. Завистливый живетъ въ непрерывной смерти, всѣхъ считаетъ своими врагами, даже и тѣхъ, которые ничѣмъ его не обидѣли. Онъ скорбитъ о томъ, что воздается честь Богу; радуется тому, чему радуется діаволъ. Пріобрѣлъ ли кто почтеніе у людей? Это не честь; не завидуй. Почтенъ ли кто у Бога? Поревнуй ему и будь подобенъ. Но ты не хочешь? Зачѣмъ же еще и губишь себя? Зачѣмъ бросаешь и то, что имѣешь? Ты не можешь сравняться съ нимъ и сдѣлать что-нибудь доброе? Для чего же еще предпринимаешь и
806 худое? Если ты не можешь раздѣлять съ нимъ труды его, ты долженъ, по крайней мѣрѣ, радоваться вмѣстѣ съ нимъ, чтобы получить пользу отъ этого сорадованія. Вѣдь часто достаточно бываетъ и одного намѣренія, чтобы получить великое добро. Вотъ, Іезекіиль говоритъ, что моавитяне за то были наказаны, что радовались (несчастію) израильтянъ (Іезек. XXXV, 12); а были и такіе, которые спаслись потому, что воздыхали о бѣдствіяхъ другихъ. Если же есть нѣкоторое утѣшеніе для тѣхъ, которые воздыхаютъ о чужихъ бѣдствіяхъ, то гораздо болѣе (утѣшенія) для тѣхъ, которые радуются почестямъ другихъ. Богъ обвинилъ моавитянъ за то, что они радовались (несчастіямъ) израильтянъ. И хотя самъ же Онъ наказывалъ ихъ, однакожъ Онъ не хочетъ, чтобы мы радовались наказанію другихъ даже и тогда, когда Онъ самъ наказываетъ, — потому что и Самъ не охотно наказываетъ. Если же должно соболѣзновать о наказываемыхъ, то тѣмъ болѣе не должно завидовать тѣмъ, кому воздается честь. Чрезъ это именно погибли Корей и Даѳанъ; кому они завидовали, тѣхъ сдѣлали болѣе славными, а на себя навлекли наказаніе. Зависть есть звѣрь ядовитый, звѣрь нечистый, зло произволенія, не заслуживающее прощенія, порокъ, которому нѣтъ оправданія, причина и матерь всѣхъ золъ. Итакъ, уничтожимъ ее съ корнемъ, чтобы избавиться и отъ настоящихъ бѣдъ и сподобиться будущихъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LVI.

И мимоидый Іисусъ видѣ человѣка слѣпа отъ рождества. И вопросиша Его ученицы Его, глаголюще: равви, кто согрѣши, сей ли, или родителя его, яко слѣпъ родися (Іоан. ix, 1, 2)?

1. *И мимоидый видѣ человѣка слѣпа отъ рождества.* Будучи 305
весьма человѣколюбивъ и заботясь о нашемъ спасеніи, а притомъ желая заградить уста нечестивымъ, Господь не опускаетъ ничего, что только Ему подобало, хотя бы никто Ему не внималъ. Это зналъ и пророкъ, и потому говорилъ: *яко да оправдишися во словесѣхъ твоихъ, и побѣдиши, внегда судити ти* (Пс. L, 6). Поэтому-то и теперь, когда не приняли Его высокаго ученія, и даже назвали Его бѣснующимся и покушались убить,—Онъ, выйдя изъ храма, исцѣляетъ слѣпого. Такимъ образомъ, Своимъ отсутствіемъ Онъ укрощаетъ ихъ ярость, а совершеніемъ чуда смягчаетъ ихъ жестокосердіе и упорство, и удостовѣряетъ въ словахъ Своихъ. И совершаетъ Онъ чудо не обыкновенное, но такое, которое теперь только въ первый разъ послѣдовало: *отъ вѣка бо нѣсть слышано, яко кто отверзе очи слѣпу рождену.* Слѣпому, быть можетъ, кто-нибудь и отверзалъ очи, но слѣпорожденному — еще никто. А что Спаситель, выйдя изъ храма, пошелъ нарочно для этого дѣла,—видно изъ того, что самъ Онъ увидѣлъ слѣпого, а не слѣпой подошелъ къ Нему,—и такъ пристально посмотрѣлъ на него, что обратилъ вниманіе и учениковъ. Вотъ это и подало имъ поводъ къ вопросу; видя, какъ Онъ пристально смотритъ, они спросили Его, говоря: *кто согрѣши, сей ли, или родителя его?* Странный вопросъ! Какъ онъ могъ согрѣшить до рожденія? Или какъ могъ быть наказанъ за грѣхи родителей? Какимъ же образомъ они пришли къ такому вопросу? Прежде того, исцѣливъ разслабленнаго, (Христосъ) сказалъ: *се здравъ еси, ктому не согрѣшай* (Іоан. v, 14). Итакъ, вспомнивъ, что тотъ разслабленъ былъ за грѣхи, они говорятъ: пусть тотъ разслабленъ былъ за грѣхи: но что Ты скажешь объ этомъ? Онъ ли согрѣшилъ? Но этого нельзя сказать, потому что онъ слѣпъ отъ рожденія. Или 306
родители его? Но нельзя и этого, потому что сынъ не наказывается за отца. Такимъ образомъ, какъ мы, когда видимъ страдающее дитя, и говоримъ: что сказать объ немъ, что сдѣлало это дитя?— этимъ не спрашиваемъ, а выражаемъ недоумѣніе, такъ точно и ученики, когда говорили это, не столько спрашивали, сколько недоумѣвали. Что же Христосъ? *Ни сей согрѣши, ни родителя его.* Этимъ, впрочемъ, Онъ не освобождаетъ ихъ отъ грѣховъ; не

просто сказалъ: *ни сей согрѣши, ни родителя его*, но присовокупилъ: *яко слѣпъ родися*. Но да прославится Сынъ Божій. Согрѣшилъ и онъ, и родители его; но не въ этомъ причина слѣпоты.

Не означаетъ также (Христосъ) этими словами и того, что не этотъ, а другіе подвергались слѣпотѣ по этой причинѣ, то есть за грѣхи родителей, потому что за грѣхи одного нельзя наказывать другого. Если же допустимъ это, то должны будемъ допустить и то, что (слѣпорожденный) согрѣшилъ до рожденія. Значитъ, какъ словами: *ни сей согрѣши* не то утверждаетъ, что можно отъ рожденія согрѣшить и быть за то наказаннымъ, такъ равно, сказавши: *ни родителя его*, выражаетъ не ту мысль, что можно быть наказаннымъ за родителей. Такое мнѣніе (Господь) опровергаетъ чрезъ Іезекіиля: *живу Азъ, глаголетъ Господь, аще будетъ еще глаголема притча сія: отцы ядоша терпкое, а зубомъ чадъ ихъ оскомины быша* (Іез. XVIII, 3). Да и Моисей говоритъ: *да не умрутъ отцы за сына* (Втор. XXIV, 16). И объ одномъ царѣ повѣствуется, что онъ потому не сдѣлалъ этого (не убилъ дѣтей убійцъ), что соблюдалъ законъ Моисеевъ (4 Цар. XIV, 6). Если же кто скажетъ: какъ же написано: *отдаяй грѣхи отецъ на чада до третіяго и четвертаго рода* (Исх. XX, 5)?—то мы отвѣтимъ на это, что это не всеобщее опредѣленіе, а сказано примѣнительно къ исшедшимъ изъ Египта. Слова эти значатъ вотъ что: такъ
307 какъ исшедшіе изъ Египта, не смотря на знаменія и чудеса, сдѣлались хуже своихъ предковъ, которые ничего этого не видѣли, то ихъ постигнетъ тоже самое, что постигло ихъ предковъ, потому что они дерзнули на такія же преступленія. А что это именно о нихъ сказано, въ томъ вполнѣ увѣрится всякій, кто вникнетъ въ это мѣсто. Итакъ, почему (слѣпорожденный) родился слѣпымъ? Да явится, говоритъ, слава Божія. Вотъ опять новое недоумѣніе: какъ будто, безъ его наказанія, нельзя было явиться славѣ Божіей! Но совсѣмъ не то и сказано, чтобы нельзя было; конечно, было можно; но да явится (слава Божія) и на немъ. Итакъ, скажешь, онъ обиженъ былъ ради славы Божіей? Чѣмъ же обиженъ, скажи мнѣ? Что, если бы Господу было угодно, чтобы онъ и совсѣмъ не родился? Я, съ своей стороны, утверждаю, что онъ получилъ даже благодѣяніе отъ своей слѣпоты, потому что прозрѣлъ внутренними очами. Что пользы въ зрѣніи іудеямъ? Они подверглись только большему наказанію оттого, что остались слѣпыми при своемъ зрѣніи. А ему какой вредъ отъ слѣпоты? Чрезъ нее онъ прозрѣлъ. Такимъ-то образомъ, какъ зло настоящей жизни не есть зло, такъ и добро не есть добро. Только грѣхъ есть зло, а слѣпота не зло. И Кто привелъ (слѣпца) изъ небытія въ бытіе, Тотъ имѣлъ власть и оставить его въ

такомъ положеніи. А нѣкоторые говорятъ, что эта частица (ἵνα— да, чтобы) и указываетъ здѣсь не на причину, а на послѣдствіе,—точно также, какъ и въ другомъ мѣстѣ, гдѣ говорится: *на судъ Азъ въ міръ сей пріидохъ, да невидящіи видятъ, и видящіи слѣпи будутъ* (Іоан. IX, 39). Не для того, конечно, пришелъ Христосъ, чтобы видящіе слѣпы были. Равнымъ образомъ Павелъ говоритъ: *разумное Божіе явѣ есть въ нихъ, во еже быти имъ безотвѣтнымъ* (Рим. I, 1), — хотя Господъ не для того явилъ имъ это, чтобы они лишены были оправданія, а для того, чтобы получили оправданіе. И опять въ другомъ мѣстѣ: *законъ же привниде, да умножится прегрѣшеніе* (Рим. V, 20), — хотя законъ пришелъ не для этого, а для обузданія грѣха.

2. Видишь ли, что эта частица вездѣ указываетъ на послѣдствіе? Какъ отличный домостроитель, построивши одну часть дома, другую оставляетъ недоконченною для того, чтобы остальными постройками защитить себя предъ невѣрующими въ устройствѣ всего дома, такъ и Богъ укрѣпляетъ и исправляетъ тѣло наше, какъ бы нѣкоторую обветшавшую храмину, — исцѣляетъ изсохшую руку, укрѣпляетъ разслабленные члены, выпрямляетъ хромыхъ, очищаетъ прокаженныхъ, воздвигаетъ больныхъ, возстановляетъ разслабленныхъ голенями, воскрешаетъ мертвыхъ, отверзаетъ сможившіяся очи, даетъ зрѣніе тѣмъ, которые никогда его не имѣли. Исправляя, такимъ образомъ. всѣ эти недостатки нашей немощной природы, Онъ являетъ Свое могущество. Когда же (Христосъ) говоритъ: да явится слава Божія, говоритъ о Себѣ, — не объ Отцѣ, потому что слава Отца была явна. Такъ какъ знали, что Богъ создалъ человѣка, взявъ персть отъ земли, то и Христосъ поступилъ такимъ же образомъ. Если бы сказалъ Онъ: Я — Тотъ, Кто взялъ персть отъ земли и создалъ человѣка, то это показалось бы невыносимымъ для слушателей; а когда Онъ показалъ это на дѣлѣ, — они уже не могли оскорбляться. Вотъ почему, взявъ персть и растворивъ ее слюной, Онъ такимъ образомъ обнаружилъ сокровенную Свою славу. Не малая слава въ томъ, чтобы Его признали за Содѣтеля твари. А изъ того дѣйствительно слѣдовало заключать и о прочемъ: часть служила ручательствомъ за цѣлое; несомнѣнность большаго удостовѣряла и въ меньшемъ. Вѣдь человѣкъ превосходнѣе всей твари. а глазъ превосходнѣе всѣхъ нашихъ членовъ. Вотъ почему Христосъ создалъ зрѣніе не просто, а вышесказаннымъ образомъ. Глазъ хотя по величинѣ и малый членъ, но необходимѣе всего тѣла. На это указываетъ и Павелъ, когда говоритъ: *аще речетъ ухо, яко нѣсмь око, нѣсмь отъ тѣла: еда сего ради нѣсть отъ тѣла* (1 Кор. XII, 16)? Хотя все въ насъ служитъ до- 308

казательствомъ премудрости Божіей, но глазъ — по преимуществу. Онъ управляетъ всѣмъ тѣломъ; онъ всему тѣлу придаетъ красоту, онъ украшаетъ лицо, онъ служитъ свѣтильникомъ для всѣхъ членовъ. Что солнце во вселенной, то глазъ въ тѣлѣ. Погаси свѣтъ въ солнцѣ, — и все погибнетъ и придетъ въ смятеніе; погаси свѣтъ въ глазахъ, — безполезны будутъ и ноги, и руки, и душа. Безъ глазъ становится невозможнымъ познаніе. Посредствомъ ихъ мы познали Бога: *невидимая бо его отъ созданія міра, твореньми помышляема, видима суть* (Рим. I, 20). Такимъ образомъ, глазъ служитъ свѣтильникомъ не только для тѣла, но еще больше, чѣмъ для тѣла, для души. Потому-то онъ и помѣщенъ какъ бы на нѣкоторомъ царскомъ мѣстѣ — вверху, и предсѣдательствуетъ надъ другими чувствами. Вотъ его-то и устрояетъ Христосъ. Потомъ, чтобы ты не подумалъ, что Онъ имѣетъ нужду въ веществѣ, когда творитъ, и чтобы зналъ, что и въ началѣ Онъ не имѣлъ нужды въ бреніи (Кто произвелъ изъ ничего высшія существа, Тотъ тѣмъ болѣе могъ сотворить глазъ безъ вещества), — дабы, говорю, ты зналъ, что Онъ дѣлаетъ это не по нуждѣ, а для того, чтобы показать, что Онъ же былъ Творцемъ и въ началѣ, — помазавши бреніемъ, говоритъ: *иди, умыйся*. Познай, что Я не имѣю нужды въ бреніи, чтобы сотворить глаза, но да явится на немъ (слѣпомъ) слава Моя. А что Онъ о Себѣ самомъ сказалъ эти слова: да явится слава Божія, видно изъ того, что затѣмъ прибавилъ: *Мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла пославшаго Мя*. То есть: Мнѣ должно явить Себя и совершить дѣла, которыя могли бы показать, что Я дѣлаю тоже, что и Отецъ, — не подобное только, но тоже самое. А это служитъ знакомъ большого равенства и говорится только о тѣхъ, изъ которыхъ одинъ нисколько не отличенъ отъ другого. Кто же будетъ еще противорѣчить, видя, что Онъ можетъ тоже, что и Отецъ? Онъ не только образовалъ глаза, не только отверзъ ихъ, но и даровалъ зрѣніе; а это служитъ доказательствомъ, что Онъ вдохнулъ и душу, потому что безъ дѣйствія души и самый совершенный глазъ никогда не можетъ ничего видѣть. Итакъ, Онъ даровалъ и силу души, Онъ далъ и члены со всѣми принадлежностями — съ артеріями, нервами и жилами, съ кровію и со всѣмъ прочимъ, изъ чего слагается наше тѣло. *Мнѣ подобаетъ дѣлати, дондеже день есть* (Іоан. IX, 4). Что значатъ эти слова? И какую они имѣютъ связь? Очень тѣсную. Вотъ значеніе этихъ словъ: *дондеже день есть*, — доколѣ можно людямъ вѣровать въ Меня, доколѣ продолжается эта жизнь, — *Мнѣ подобаетъ дѣлати. Пріидетъ нощь*, то есть будущее время, *егда никтоже можетъ дѣлати*. Не сказалъ: когда Я не могу дѣлать, но: *когда никтоже можетъ дѣлати*, то

есть, когда не будетъ уже ни вѣры, ни трудовъ, ни покаянія. А что дѣломъ Онъ называютъ вѣру, видно изъ того, что когда Ему говорили: *что сотворимъ, да дѣлаемъ дѣла Божія,* — Онъ отвѣчаетъ: *се есть дѣло Божіе, да вѣруете въ того, егоже посла онъ* (Іоан. VI, 28 — 29). Но почему же этого дѣла не можетъ никто дѣлать въ то время? Потому, что не будетъ уже и вѣры, но, волею или неволею, всѣ будутъ повиноваться. Итакъ, — чтобы кто-нибудь не сказалъ, что Онъ дѣлаетъ это по тщеславію, — Онъ показываетъ, что дѣлаетъ все для пользы людей, такъ какъ они только здѣсь имѣютъ возможность вѣровать, а тамъ уже не могутъ сдѣлать 309
для себя ничего полезнаго. Поэтому-то Онъ исцѣлилъ слѣпого, не смотря на то, что тотъ даже не подходилъ къ Нему. Впрочемъ, что слѣпой достоинъ былъ исцѣленія и, если бы имѣлъ зрѣніе, то увѣровалъ бы и приступилъ бы ко Христу, даже если бы услышалъ отъ кого о Его присутствіи, и тогда не преминулъ бы сдѣлать этого, — видно изъ послѣдующаго, изъ его мужества и вѣры. Ему естественно было подумать и сказать: что это такое? Сотворилъ бреніе, помазалъ мнѣ глаза и сказалъ: *иди, умыйся.* Развѣ не могъ исцѣлить, и потомъ уже послать въ Силоамъ? Я часто умывался тамъ вмѣстѣ со многими другими, и не получилъ никакой пользы. Если бы имѣлъ Онъ какую-либо силу, то исцѣлилъ бы теперь же. Такъ говорилъ и Нееманъ объ Елисеѣ. Получивъ приказаніе идти омыться въ Іорданѣ, онъ не повѣрилъ, — не смотря на великую славу Елисея. Но слѣпой былъ чуждъ невѣрія, не возражалъ и не разсуждалъ самъ съ собою: что это такое? Бреніе ли нужно было возложить? Оно скорѣе можетъ ослѣпить. Кто когда прозрѣвалъ такимъ образомъ? Нѣтъ, Онъ не подумалъ ничего такого. Видишь ли его твердую вѣру и доблесть душевную? *Пріидетъ нощь.* Этимъ показываетъ, что и послѣ креста будетъ имѣть попеченіе о нечестивыхъ и многихъ привлечетъ, потому что еще *день есть*; но затѣмъ уже окончательно отвергнетъ ихъ. На это и указываетъ словами: *егда въ мірѣ есмь, свѣтъ есмь міру.* Тоже самое говорилъ Онъ и другимъ: *вѣруйте, дондеже свѣтъ имате* (Іоан. XII, 36).

3. Какъ же Павелъ назвалъ настоящую жизнь ночью, а ту (будущую) — днемъ? Этимъ онъ не противорѣчитъ Христу, но говоритъ тоже самое, только не по словамъ, а по мыслямъ. *Нощь,* говоритъ онъ, *прейде, а день приближися* (Рим. XIII, 12). Ночью называетъ настоящее время по причинѣ сѣдящихъ во тьмѣ, или по сравненію съ тѣмъ (будущимъ) днемъ. Христосъ ночью называетъ будущее, потому что тогда уже не будутъ дѣлать грѣховъ; а Павелъ ночью называетъ настоящую жизнь, потому что живущіе во злѣ и невѣріи находятся во тьмѣ. Такимъ образомъ, бесѣдуя

съ вѣрными, сказалъ: *нощь прейде, а день приближися,* такъ какъ (вѣрные) имѣютъ насладиться тѣмъ свѣтомъ; ночью же называетъ прежнюю жизнь, и говоритъ: *отложимъ дѣла темная.* Видишь ли, что въ нихъ-то, по его словамъ, и заключается ночь? Потому и прибавляютъ: *яко во дни, благообразно да ходимъ,* чтобы мы могли насладиться тѣмъ свѣтомъ. Если же такъ прекрасенъ этотъ свѣтъ, то подумай, каковъ будетъ тотъ. Сколько солнечный свѣтъ лучше свѣтильничнаго, столько же, или еще гораздо болѣе, будущій лучше нынѣшняго. Вотъ на это и указывалъ Христосъ, когда говорилъ: *солнце померкнетъ,* то есть, отъ обилія того свѣта не будетъ видно и солнца? И если теперь, для того, чтобы имѣть свѣтлыя и съ здоровымъ воздухомъ домы, мы тратимъ множество денегъ, подвергаясь тяжкимъ трудамъ при постройкахъ, то подумай, не должны ли мы пожертвовать и самыми тѣлами, чтобы создать себѣ свѣтлыя обители тамъ, гдѣ тотъ неизреченный свѣтъ? Здѣсь споры и раздоры по поводу границъ и стѣнъ; тамъ нѣтъ ничего подобнаго; нѣтъ ни зависти, ни клеветы; никто не станетъ спорить съ нами изъ-за границъ. Притомъ этотъ
810 домъ непремѣнно нужно будетъ покинуть, а тотъ останется при насъ навсегда. Этотъ со временемъ неизбѣжно подвергается гніенію и многочисленнымъ поврежденіямъ; тотъ не старѣется никогда. Этого бѣдный не можетъ построить; тотъ можно построить и на двѣ лепты, какъ вдовица. Поэтому крайне прискорбно мнѣ, что при столькихъ, предстоящихъ намъ, благахъ мы безпечны и нерадивы. Чтобы имѣть блистательные домы здѣсь, о томъ мы всячески стараемся; а чтобы на небесахъ устроить себѣ хотя малое пристанище, о томъ не заботимся, не помышляемъ. Скажи мнѣ: здѣсь гдѣ желалъ бы ты имѣть себѣ домъ? Въ пустынѣ, или въ одномъ изъ небольшихъ городовъ? Не думаю; безъ сомнѣнія — въ столицахъ и въ большихъ городахъ, гдѣ больше блеска. Но я веду тебя въ такой городъ, котораго строитель и художникъ—Богъ. Тамъ, умоляю, устрояй и созидай себѣ домъ,— съ меньшими издержками и съ меньшимъ трудомъ. Этотъ домъ созидается руками нищихъ, и онъ есть наилучшее зданіе; а тѣ, которые строятся теперь,—дѣло крайняго безумія. Если бы кто повелъ тебя въ Персію съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть на эту страну и потомъ возвратиться, а между тѣмъ сталъ бы совѣтовать строить тамъ домы: не назвалъ ли бы ты его крайне безумнымъ за то, что онъ совѣтуетъ тебѣ тратиться по пустому? Какъ же ты дѣлаешь тоже самое на землѣ, которую скоро потомъ покинешь? Да я, говоришь ты, оставлю все дѣтямъ. Но вѣдь и они оставятъ скоро послѣ тебя, а нерѣдко и прежде тебя; точно также— и ихъ потомки. Такимъ образомъ и это бываетъ для тебя пово-

домъ къ скорби, когда ты не видишь послѣ себя наслѣдниковъ. Но тамъ нѣтъ нужды опасаться ничего подобнаго; тамъ пріобрѣтеніе остается постояннымъ и для тебя, и для дѣтей, и для внуковъ, если они будутъ подражать той же добродѣтели. Тѣмъ зданіемъ завѣдываетъ самъ Христосъ; строющему его нѣтъ нужды ни поставлять надсмотрщиковъ, ни заботиться, ни безпокоиться. Когда дѣло принимаетъ на Себя Богъ, къ чему тогда заботы? Онъ самъ все собираетъ и воздвигаетъ жилище. И не это только удивительно, но и то, что Онъ создаетъ его такъ, какъ нравится тебѣ, или даже лучше, чѣмъ какъ тебѣ нравится и какъ ты желаешь, потому что Онъ наилучшій художникъ и весьма заботится о твоихъ выгодахъ. Хотя бы ты былъ нищимъ и пожелалъ создать такой домъ, это не породитъ противъ тебя зависти, не возбудитъ клеветы, потому что не видитъ его никто изъ тѣхъ, кому знакома зависть, а видятъ ангелы, умѣющіе только радоваться твоему благополучію. Никто не станетъ захватывать границъ твоего дома, потому что тамъ нѣтъ ни одного сосѣда, страждущаго такою болѣзнію. Твоими сосѣдями тамъ будутъ святые, Петръ и Павелъ, всѣ пророки, мученики, сонмъ ангеловъ и архангеловъ. Ради всего этого раздадимъ наше имѣніе нищимъ, чтобы наслѣдовать тѣ обители, которыхъ да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LVII.

Сія рекъ, плюну на землю, и сотвори бреніе отъ плюновенія, и помаза очи бреніемъ слѣпому. И рече ему: иди, умыйся въ купели Силоамстѣй (Іоан. IX, 6—7).

1. Желающіе получить какой-либо плодъ отъ того, что про- 311
читывается, не должны оставлять безъ вниманія ни одного слова. Потому-то и заповѣдано намъ изслѣдовать Писанія, что многое, что съ перваго взгляда представляется простымъ, заключаетъ въ себѣ глубокій сокровенный смыслъ. Вотъ таково и настоящее мѣсто. *Сія рекъ*, сказано, *плюну на землю*. Что же такое: *сія*? Да явится слава Божія, и: *Мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла пославшаго Мя*. Не безъ намѣренія евангелистъ напомнилъ намъ эти слова, и затѣмъ прибавилъ: *плюну*, но съ тѣмъ, чтобы показать, что слова Онъ подтвердилъ дѣлами. Но зачѣмъ для бренія употребилъ не воду, а плюновеніе? Онъ хотѣлъ послать слѣпого въ Силоамъ, а потому, чтобы ты ничего не приписывалъ источнику, но позналъ,

что именно исшедшая изъ устъ Его сила и образовала и отверзла очи, — Онъ плюнулъ на землю. На это самое указываетъ и евангелистъ словами: *и сотвори бреніе отъ плюновенія.* Затѣмъ, чтобъ не подумали, что исцѣленіе произошло отъ земли, повелѣлъ умыться. Но для чего было не сдѣлать этого тутъ же, а послалъ въ Силоамъ? Для того, чтобы ты видѣлъ вѣру слѣпого и чтобы сдѣлать безотвѣтнымъ невѣріе іудеевъ. Естественно, что всѣ видѣли его, когда онъ шелъ съ глазами, помазанными бреніемъ. Такою необычайностію онъ не могъ не привлечь на себя взоры всѣхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, и, конечно, всѣ смотрѣли на него со вниманіемъ. Такъ какъ не легко признать, что слѣпой прозрѣлъ, то (Христосъ) напередъ приготовляетъ дальностію пути многихъ свидѣтелей, а необычайностію зрѣлища — внимательныхъ зрителей, чтобы они, хорошо замѣтивъ, не могли уже говорить: это — онъ, это — не онъ. Кромѣ того, посылая въ Силоамъ, хочетъ и то показать, что Онъ не чуждъ закона и ветхаго завѣта. А, наконецъ, нельзя было опасаться и того, что слава будетъ отнесена къ Силоаму. Многіе и много разъ умывали въ немъ глаза, но не испытали ничего подобнаго. Нѣтъ, и тутъ дѣйствовала сила Христова, все содѣвающая. Потому-то евангелистъ присовокупляетъ намъ и толкованіе. Сказавши: *въ Силоамъ*, прибавилъ: *еже сказается посланъ*, — чтобы ты зналъ, что и тутъ исцѣлилъ его Христосъ, какъ говоритъ Павелъ: *піяху бо отъ духовнаго послѣдующаго камене, камень же бѣ Христосъ* (1 Кор. x, 4). Значитъ, какъ духовнымъ камнемъ былъ Христосъ, такъ и духовнымъ Силоамомъ. А мнѣ кажется, что и внезапное появленіе воды указываетъ намъ на непостижимое таинство. На какое же именно? На нечаянное и неожиданное явленіе (Христово). Но обрати вниманіе на душу слѣпца, во всемъ послушную. Не говорилъ онъ: если бреніе, или плюновеніе можетъ даровать зрѣніе, то какая мнѣ нужда въ Силоамѣ? А если нуженъ Силоамъ, то зачѣмъ бреніе? Зачѣмъ помазалъ мнѣ глаза? Зачѣмъ приказалъ умыться? Нѣтъ, не думалъ онъ ничего подобнаго, но заботился только о томъ, чтобы во всемъ повиноваться Повелѣвающему, и не соблазнялся ничѣмъ происходившимъ. Если же кто спроситъ:
312 какъ онъ прозрѣлъ, отложивши бреніе? — то не услышитъ отъ насъ ничего другого, кромѣ того, что мы не знаемъ, какъ это произошло. И что удивительнаго, если мы не знаемъ? Не зналъ того ни евангелистъ, ни самъ исцѣленный. Онъ зналъ только, что произошло, а какъ — того не могъ понять. И когда спрашивали его объ этомъ, онъ говорилъ: *бреніе возложи мнѣ на очи, и умыхся, и вижу;* а какъ это сдѣлалось, онъ не можетъ сказать, хотя бы тысячекратно спрашивали его. *Сосѣди же, и иже бяху видѣли его*

прежде, яко слѣпъ бѣ, глаголаху: не сей ли есть сѣдяй и просяй? Овіи глаголаху, яко сей есть. Необычайность событія приводила ихъ даже къ невѣрію, не смотря на то, что сдѣлано было такъ много, чтобы устранить всякое недовѣріе. Нѣкоторые говорили: *не сей ли есть сѣдяй и просяй?*

О, какъ велико человѣколюбіе Божіе! До чего не снизошелъ Христосъ, когда великою благостію исцѣляетъ нищихъ, и тѣмъ заграждаетъ уста іудеямъ! Не славныхъ только, и знаменитыхъ, и облеченныхъ властію, но и простыхъ удостоиваетъ одинаковаго попеченія, потому что пришелъ для спасенія всѣхъ. И что было съ разслабленнымъ, тоже случилось и съ слѣпымъ. Ни тотъ не зналъ, кто таковъ исцѣлившій его, ни этотъ. Это произошло оттого, что Христосъ удалился, а Онъ всегда удалялся послѣ исцѣленій, чтобы устранить отъ чудесъ всякое подозрѣніе. Незнавшіе, кто Онъ таковъ, какимъ въ самомъ дѣлѣ образомъ могли благопріятствовать Ему и помогать въ устроеніи этихъ дѣлъ? Что же касается этого слѣпого, то онъ не былъ и изъ числа тѣхъ, которые ходятъ повсюду, но сидѣлъ при вратахъ храма. Но между тѣмъ, какъ всѣ недоумѣваютъ объ немъ, что говоритъ онъ самъ? *Азъ есмь.* Не устыдился прежней слѣпоты, не убоялся ярости народа, не отказался объявить себя, чтобы возвѣстить о Благодѣтелѣ. *Глаголаху ему: како ти отверзостеся очи?* Онъ отвѣчаетъ: *человѣкъ, глаголемый Іисусъ* (IX, 10, 11). Что ты говоришь? Человѣку ли творить такія дѣла? Но онъ еще не зналъ объ Немъ ничего великаго. *Человѣкъ, глаголемый Іисусъ, бреніе сотвори и помаза.*

2. Смотри, какъ онъ правдивъ. Не сказалъ, изъ чего сдѣлалъ бреніе: чего не знаетъ, о томъ и не говоритъ. Не видѣлъ онъ, что (Христосъ) плюнулъ на землю; а что помазалъ, это узналъ онъ по ощущенію и осязанію. *И рече ми: иди въ купѣль Силоамлю, и умыйся.* Объ этомъ ему сказало чувство слуха. Но откуда зналъ онъ Его голосъ? Изъ Его разговора съ учениками. Такимъ образомъ, онъ все это разсказываетъ, опираясь на свидѣтельство самаго дѣла, и однакожъ не можетъ сказать о способѣ исцѣленія. Если же по отношенію къ чувственному и осязаемому нужна вѣра, то тѣмъ болѣе по отношенію къ невидимому. *Рѣша убо ему: гдѣ той есть? Глагола: не вѣмъ* (IX, 12). Спрашивали: *гдѣ той есть,* уже замышляя противъ Него убійство. Но замѣть: какъ далекъ Христосъ отъ желанія суетной славы! Онъ не оставался вмѣстѣ съ исцѣленными, потому что не хотѣлъ пріобрѣтать славы, ни увлекать народъ, ни выказывать Себя. Замѣть и то, какъ все согласно съ истиною отвѣчаетъ слѣпой. Іудеи хотѣли найти Христа, чтобы отвесть его къ священникамъ; но

такъ какъ не нашли Его, то ведутъ слѣпого къ фарисеямъ для болѣе строгаго допроса. Потому-то и евангелистъ замѣчаетъ, что
313 была суббота, чтобы показать злой ихъ умыселъ и причину, по которой они искали (Спасителя), то есть, они полагали, что нашли возможность оклеветать чудо — мнимымъ нарушеніемъ закона. И это видно изъ того, что они, лишь только увидѣли слѣпого, ничего другого не сказали ему, а только: *како отверзе очи твои?* И замѣть, какъ говорятъ. Не сказали: какъ ты прозрѣлъ? — но: *како отверзе очи твои?* — представляя ему случай оклеветать Его за такое дѣло. Но онъ отвѣчаетъ имъ кратко, какъ людямъ, которые уже все слышали. Не упомянувъ ни объ имени ни о словахъ, сказанныхъ ему: *иди, умыйся*, онъ прямо говоритъ: *бреніе возложи мнѣ на очи, и умыхся, и вижу* (IX, 15), — какъ будто они уже сильно оклеветали Его и сказали: смотри, что дѣлаетъ Іисусъ въ субботу, — помазываетъ бреніемъ. Но ты обрати лучше вниманіе на то, какъ не смущается слѣпой. Когда его спрашивали сосѣди, и онъ отвѣчалъ, не подвергаясь никакой опасности, тогда не такъ много значило сказать истину. Но удивительно то, что и теперь, находясь въ большомъ страхѣ, онъ не отказывается, не говоритъ ничего, несогласнаго съ прежними словами. Что же фарисеи, или лучше, что вмѣстѣ съ ними и другіе? Привели его, полагая, что онъ откажется, но услышали противное, — то, чего не желали, — и точнѣе узнали все дѣло. Такъ было съ ними и при всѣхъ чудесахъ; но это мы яснѣе покажемъ впослѣдствіи. Чтоже говорили фарисеи? *Глаголаху нѣцыи* (не всѣ, а болѣе дерзкіе): *нѣсть сей отъ Бога человѣкъ, яко субботу не хранитъ. Овіи глаголаху: како можетъ человѣкъ грѣшенъ сицева знаменія творити* (IX, 16)? Видишь, что они привлекаемы были чудесами? Вѣдь они же прежде посылали затѣмъ, чтобы привесть Его, а теперь, слушай, что говорятъ, — хотя и не всѣ. Будучи начальниками, они впадали въ невѣріе отъ честолюбія. Впрочемъ, и изъ начальниковъ многіе вѣровали въ Него, только не выражали того открыто. Простой народъ былъ пренебрегаемъ, такъ какъ онъ и не имѣлъ важнаго значенія въ ихъ сонмищѣ; но начальники, какъ люди болѣе знаменитые, съ большимъ трудомъ рѣшались говорить откровенно. Однихъ удерживало властолюбіе, другихъ робость и боязнь передъ толпой. Потому-то и говорилъ (Христосъ): *како вы можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще* (Іоан. V, 44)? О себѣ эти люди говорили, что они отъ Бога, не смотря на то, что домогались неправеднаго убійства, а о томъ, кто исцѣляетъ слѣпыхъ, говорятъ, что Онъ не можетъ быть отъ Бога, потому что не соблюдаетъ субботы. Другіе на это возражали, что грѣшникъ не можетъ творить такихъ знаменій. Та-

кимъ образомъ, первые злонамѣренно умалчивали о чудномъ событіи и выставляли на видъ мнимое нарушеніе закона, такъ какъ не говорили: исцѣляетъ въ субботу, но: *субботу не хранитъ*. Но и послѣдніе, съ своей стороны, отвѣчали слабо. Тогда какъ нужно было показать, что суббота не нарушается, они ссылаются только на знаменія; и это естественно, потому что они еще считали Его человѣкомъ. Въ противномъ случаѣ, они могли сказать въ Его оправданіе и то, что Онъ Господь субботы и самъ установилъ ее. Но они не имѣли еще объ Немъ такого понятія. Впрочемъ, никто изъ нихъ и не осмѣливался прямо сказать то, что хотѣлъ; говорили нерѣшительно, но съ сомнѣніемъ, одни по недостатку смѣлости, другіе по властолюбію. *И распря бѣ въ нихъ*. Эта распря началась прежде въ народѣ, а потомъ уже перешла и къ начальникамъ. *И овіи глаголаху, яко благъ есть; иніи же: ни, но льститъ народы* (Іоан. VII, 12). Видишь, что начальники неразумнѣе народа и раздѣлились между собою уже послѣ (народа)? Но и раздѣлившись, они не выказали никакой твердости, видя 314
настоянія фарисеевъ. А если бы отдѣлились совершенно, то скоро познали бы истину. Вѣдь и раздѣленіе можетъ быть хорошо, почему и Христосъ говорилъ: *не пріидохъ воврещи миръ на землю, но мечъ* (Мате. X, 17). Бываетъ и согласіе худо, бываетъ и разногласіе хорошо. Такъ, строившіе башню были согласны между собою во вредъ себѣ, и они же опять, хотя и невольно, раздѣлились къ своему благу. И сообщники Корея не на добро согласились между собою, потому были раздѣлены къ добру. Іуда также былъ въ согласіи съ іудеями не на добро. Значитъ и разногласіе можетъ быть хорошо, и согласіе худо. Потому-то (Христосъ) говоритъ: *аще око твое соблазняетъ тя, изми е, аще нога твоя, отсѣцы ю* (Мате. XVIII, 8, 9). Если же нужно отсѣкать членъ, который будучи соединенъ съ нами, вредитъ намъ, то не гораздо ли болѣе должно удаляться отъ друзей, когда связь съ ними ведетъ не къ добру. Итакъ, не всегда хорошо согласіе, какъ и не всегда худо несогласіе.

3. Я говорю это для того, чтобы мы избѣгали людей злыхъ и искали добрыхъ. Если мы отсѣкаемъ сгнившіе и неизлѣчимые члены, опасаясь, чтобы все тѣло не подверглось той же заразѣ, и дѣлаемъ это не изъ пренебреженія къ нимъ, а изъ желанія предохранить прочія части тѣла, то тѣмъ болѣе должно поступать такъ по отношенію къ людямъ, общество которыхъ зловредно для насъ. Если мы можемъ и ихъ исправить, и сами не потерпѣть вреда, то должны употребить на то все стараніе. Если же и они не исправятся, и мы получимъ вредъ, въ такомъ случаѣ необходимо ихъ отвергнуть и бросить. Отъ этого и они сами

часто получаютъ гораздо болѣе пользы. Потому-то и Павелъ убѣждалъ такимъ образомъ: *измите злаго отъ васъ самѣхъ*, и: *да изъмется отъ среды васъ содѣявый дѣло сіе* (1 Кор. v, 13, 2). Пагубно, истинно пагубно обращеніе съ злыми людьми. Не такъ скоро пристаетъ зараза и короста губитъ подвергшихся этой болѣзни, какъ злые нравы людей порочныхъ. *Тлятъ обычаи благи беседы злы* (1 Кор. xv, 33). И пророкъ также говоритъ: *изыдите отъ среды ихъ* и удалитесь (Іер. LI, 6). Пусть же никто не имѣетъ порочнаго друга. Если мы отказываемся и отъ дѣтей порочныхъ, и не уважаемъ ни природы, ни ея законовъ, ни ея связей, то тѣмъ болѣе должны убѣгать порочныхъ друзей и знакомыхъ. Пусть мы и не получимъ отъ нихъ никакого вреда; но все же не въ состояніи будемъ избѣжать худой молвы. Посторонніе не всматриваются въ нашу жизнь, но судятъ насъ по нашему обществу. Заповѣдую это и женамъ, и дѣвамъ. Сказано вѣдь: *промышляюще добрая* не только предъ Богомъ, но и *предъ человѣки* (Римл. XII, 17). Будемъ же всячески стараться, чтобы не соблазнить ближняго. Хотя бы жизнь наша была самая праведная, но если она служитъ соблазномъ для другихъ,—теряетъ всю цѣну. Но какъ возможно, чтобы праведная жизнь соблазняла? (Это бываетъ) когда сообщество съ другими людьми навлекаетъ на нее худую молву. Когда мы, надѣясь на себя, обращаемся съ людьми порочными, то, если сами и не терпимъ вреда, соблазняемъ другихъ. Говорю это и мужамъ, и женамъ, и дѣвамъ, предоставляя ихъ совѣсти узнать въ точности, сколько отсюда раждается золъ. Пусть я не подозрѣваю ничего худого, а равно и никто другой изъ болѣе совершенныхъ; но простодушнѣйшій братъ терпитъ вредъ отъ твоего совершенства. А надобно обращать вниманіе и на его немощь. Но если и онъ не потерпитъ вреда, то потерпитъ язычникъ. А Павелъ заповѣдалъ быть безпреткновенными *Іудеемъ и Еллиномъ и церкви Божіей* (1 Кор. x, 32). Я не
315 подозрѣваю ничего худого о дѣвѣ, потому что люблю дѣвство, а любовь не мыслитъ зла. Я крайне люблю такой образъ жизни, и не могу подумать ничего дурного. Но чѣмъ мы убѣдимъ внѣшнихъ? А надобно и о нихъ имѣть попеченіе. Будемъ же вести себя такъ, чтобы никто даже изъ невѣрныхъ не могъ найти повода справедливо упрекать насъ. Какъ тѣ, которые ведутъ жизнь праведную, прославляютъ Бога, такъ, напротивъ,
316 живущіе худо подаютъ поводъ къ хулѣ на Него. Но не дай Богъ, чтобы между нами были такіе, а да свѣтятся дѣла наши такъ, чтобы прославлялся Отецъ нашъ, *иже на небесѣхъ*, и чтобы мы могли насладиться славою Его, которой и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Хри-

ста, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LVIII.

Глаголаху убо слѣпцу паки: ты что глаголеши о немъ, яко отверзе очи твои? Онъ же рече, яко пророкъ есть. Не яша убо вѣры Іудее (Іоан. xi. 17—18).

1. Св. Писаніе должно читать не просто и не какъ-нибудь, но 815
со всякимъ тщаніемъ, чтобы не впадать въ затрудненія. Вотъ и въ настоящемъ случаѣ справедливо кто-либо можетъ придти въ недоумѣніе, какимъ образомъ (іудеи), сказавъ: *нѣсть сей отъ Бога, яко субботу не хранитъ*, говорятъ слѣпому: *ты что глаголеши о немъ, яко отверзе очи твои?* Не сказали: ты что скажешь о Немъ, нарушившемъ субботу; но вмѣсто обвиненія указываютъ теперь на то, что могло служить оправданіемъ. Что же должно сказать? Это были не тѣ, которые говорили: *нѣсть сей отъ Бога*, но отдѣлившіеся отъ нихъ и говорившіе: *не можетъ человѣкъ грѣшенъ сицева знаменія творити*. Желая еще болѣе заградить тѣмъ уста и чтобы не подать повода думать, что защищаютъ Христа, они выводятъ на средину и спрашиваютъ того, кто испыталъ на себѣ Его силу. Замѣть же мудрость нищаго: онъ отвѣчаетъ разумнѣе всѣхъ ихъ. И во-первыхъ, говоритъ: *яко пророкъ есть*. Не испугался суда развращенныхъ іудеевъ, которые противорѣчили и говорили: какъ Онъ можетъ быть отъ Бога, когда не соблюдаетъ субботы; но сказалъ, что Онъ пророкъ. *Не яша убо вѣри Іудее о немъ, яко слѣпъ бѣ и прозрѣ, дондеже возгласиша родителей того* (ix, 18). Смотри, сколько употребляютъ способовъ, чтобы затмить и уничтожить чудо. Но таково свойство истины, что отъ того, чѣмъ люди думаютъ подорвать ее, она становится сильнѣе, и просіеваетъ чрезъ то, чѣмъ хотятъ затмить. Если бы этого не было,—чудо могло бы, пожалуй, остаться въ подозрѣніи у многихъ; теперь же они дѣйствуютъ такъ, какъ будто старались открыть истину; и не иначе они стали бы поступать и въ томъ случаѣ, если бы всячески заботились о Христѣ. Между тѣмъ они старались унизить Его уже тѣмъ самымъ, что говорили: *како отверзе очи твои*, то есть, не волшебствомъ ли какимъ? И при другомъ случаѣ, не имѣя ничего возразить, они старались оклеветать способъ врачеванія и говорили: *сей не изгонитъ бѣсы, токмо о Веельзевулѣ* (Матѳ. xii, 24); и теперь опять, не зная, что сказать, обращаются къ времени и говорятъ, что онъ нарушаетъ субботу и что Онъ грѣшникъ. Но

вѣдь Онъ со всею строгостію спрашивалъ васъ, своихъ завистниковъ, всегда готовыхъ порицать Его дѣла: *кто отъ васъ обличаетъ Мя о грѣсѣ* (Іоан. VIII, 46)? И никто не отвѣчалъ и не сказалъ:
316 Ты богохульствуешь, называя Себя безгрѣшнымъ. А если бы они могли что сказать, — никакъ не умолчали бы. Въ самомъ дѣлѣ, люди, которые бросали въ Него камнями и сказали, что Онъ не отъ Бога, когда услышали, что Онъ былъ прежде Авраама, люди, которые, будучи сами человѣкоубійцами, хвалились, что они отъ Бога, а о Томъ, Кто совершаетъ такія знаменія, — когда Онъ исцѣлилъ въ субботу,—говорили, что Онъ не отъ Бога, потому что не хранитъ субботы, — эти люди, если бы имѣли противъ Него хотя тѣнь обвиненія, не преминули бы воспользоваться и тѣмъ. Если же теперь и называютъ Его грѣшникомъ за то, что Онъ, по видимому, нарушилъ субботу, то и это обвиненіе оказалось напраснымъ, такъ какъ сами же товарищи ихъ признали его неосновательнымъ и ничтожнымъ. Встрѣчая, такимъ образомъ, отвсюду препятствія, они обращаются къ новому средству, еще болѣе безстыдному и наглому. Къ какому же именно? *Не яша вѣры*, говоритъ (евангелистъ), *яко слѣпъ бѣ и прозрѣ*. Какъ же обвиняли Его въ томъ, что не соблюдаетъ субботы? Не очевидно ли, что вѣровали? И какъ вы не вѣрите многочисленному народу, — сосѣдямъ, видѣвшимъ его? Но, какъ я сказалъ, ложь всегда изобличаетъ сама себя тѣмъ, чѣмъ думаетъ повредить истинѣ, а истину обнаруживаетъ яснѣе. Это же случилось и теперь. Чтобы не сказалъ кто-нибудь, что сосѣди и видѣвшіе его не сказали ничего рѣшительнаго, но говорили о подобномъ лицѣ, вотъ они выставляютъ на средину родителей, и чрезъ то невольно подтверждаютъ дѣйствительность событія, — потому что родители лучше всѣхъ знали своего сына. Не будучи въ состояніи устрашить слѣпого и видя, что онъ съ полнымъ дерзновеніемъ проповѣдуетъ о Благодѣтелѣ, они надѣялись повредить чуду чрезъ родителей. И замѣть ихъ злостный вопросъ. Что они говорятъ? Поставивъ ихъ на средину съ тѣмъ, чтобы привесть въ замѣшательство, они съ великимъ жаромъ и гнѣвомъ спрашиваютъ: *сей ли есть сынъ вашъ* (IX, 19)? И не сказали: который былъ прежде слѣпымъ, но какъ? *Его же вы глаголете, яко слѣпъ родися*, — какъ будто они злонамѣренно выдумали это изъ приверженности къ Христу. О, беззаконные и пребеззаконные! Какой отецъ рѣшится солгать такъ о своемъ сынѣ? А они почти такъ говорятъ: котораго вы выдали за слѣпого, и не только (выдали), но и повсюду распустили о томъ слухъ: *како убо нынѣ видитъ*? Какое безуміе! Это ваша, говорятъ, хитрость и уловка. Такимъ образомъ, сказавъ: *его же вы глаголете*, и: *како убо*

нынѣ видитъ, тѣми и другими словами стараются расположить ихъ къ тому, чтобы они отреклись.

2. Изъ трехъ предположенныхъ вопросовъ: сынъ ли онъ ихъ, былъ ли слѣпъ, и какъ прозрѣлъ, родители отвѣчаютъ только на два, а на третій неотвѣчаютъ. Но и это послужило къ утвер-
жденію истины, что на него отвѣчалъ не кто другой, а самъ 317
исцѣленный, который въ этомъ случаѣ и есть достовѣрный свидѣтель. И возможно ли послѣ того допустить, чтобы родители благопріятствовали, когда они изъ опасенія іудеевъ умолчали нѣчто и изъ того, что знали? Что же они говорятъ? *Вѣмы, яко сей есть сынъ нашъ и яко слѣпъ родися. Како же нынѣ видитъ, или кто отверзе ему очи, не вѣмы. Самъ возрастъ иматъ, самъ о себѣ да глаголетъ* (IX, 20, 21). Такъ они отстранили себя, представивъ его достойнымъ вѣры. Онъ не дитя, говорятъ, не малолѣтній, но можетъ самъ о себѣ свидѣтельствовать. *Сія рекоша родителя его, яко бояшася жидовъ* (IX, 22). Замѣть, какъ и здѣсь евангелистъ выставляетъ на видъ ихъ мысли и намѣренія. Говорю это по поводу того замѣчанія, которое они сдѣлали прежде, сказавъ: *равенъ ся творитъ Богу*. Если бы и это было мнѣніе только іудеевъ, а не ученіе Христово, то евангелистъ прибавилъ бы и сказалъ, что таково было мнѣніе іудейское. Итакъ, когда родители отослали ихъ къ самому исцѣленному, они снова позвали его — во второй разъ. Тутъ не говорятъ ему прямо и безстыдно: откажись отъ того, что Христосъ исцѣлилъ тебя, но хотятъ устроить это подъ видомъ благочестія. *Даждь*, говорятъ, *славу Богу* (IX, 24). Сказать родителямъ: скажите, что это не сынъ вашъ и что онъ не родился слѣпъ, — казалось крайне смѣшнымъ; а сказать тоже ему самому — было бы явнымъ безстыдствомъ. Потому и не говорятъ этого, но избираютъ другой путь: *даждь*, говорятъ, *славу Богу*, то есть, сознайся, что Онъ ничего не сдѣлалъ. *Мы вѣмы, яко человѣкъ сей грѣшенъ есть*. Зачѣмъ же вы не обличили Его, когда Онъ говорилъ: *кто отъ васъ обличаетъ Мя о грѣсѣ?* И откуда вы знаете, что Онъ грѣшенъ? Слѣпой ничего не отвѣчалъ на эти слова ихъ: *даждь славу Богу*, и Христосъ, встрѣтившись съ нимъ, похвалилъ его, а не осудилъ; не сказалъ: зачѣмъ ты не воздалъ славы Богу? — а что? *Вѣруеши ли въ Сына Божія?* чтобы ты зналъ, что это и значитъ воздавать славу Богу.

Если бы Онъ не былъ равночестенъ Отцу, то это не было бы славою; но такъ какъ, кто чтитъ Сына, чтитъ и Отца, то (Христосъ) по справедливости не порицаетъ слѣпого. Итакъ, пока ожидали, что родители примутъ ихъ сторону и отрекутся, ничего не говорили ему самому; но когда увидѣли, что съ этой стороны имъ нечего болѣе надѣяться, то снова обращаются къ

нему и говорятъ: *человѣкъ сей грѣшенъ есть. Отвѣща онъ и рече: аще есть, не вѣмъ; едино вѣмъ, яко слѣпъ бѣхъ, нынѣ же вижу* (IX, 24—25). Не испугался ли слѣпой? Нимало. Какъ же, сказавъ прежде, *яко пророкъ есть*, теперь говоритъ: *аще грѣшенъ есть, не вѣмъ*. Говоритъ не отъ страха и не потому, чтобы такъ думалъ, но чтобы свидѣтельствомъ самаго дѣла, а не своими словами оправдать отъ обвиненій, и чтобы сдѣлать это оправданіе несомнѣннымъ, такъ какъ благопріятное свидѣтельство посрамляло ихъ. Уже послѣ многихъ словъ сказалъ онъ, что, если бы этотъ человѣкъ не былъ чтителемъ Бога, то не могъ бы творить такихъ знаменій; и тутъ они такъ вознегодовали на него, что сказали: *во грѣсѣхъ ты родился еси весь, и ты ли ны учиши?* Чего же бы не сдѣлали они и чего бы не сказали, если бы онъ сказалъ это вначалѣ? *Аще грѣшенъ есть, не вѣмъ*. Какъ бы такъ говорилъ онъ: объ этомъ
318 теперь ничего не говорю, и не даю пока моего мнѣнія; но то хорошо знаю, и готовъ утверждать, что, будучи грѣшникомъ, Онъ не могъ бы творить такихъ дѣлъ. Этимъ онъ устранилъ отъ себя всякое подозрѣніе и свое свидѣтельство сдѣлалъ безпристрастнымъ, потому что не говорилъ, какъ человѣкъ расположенный, но свидѣтельствовался самымъ дѣломъ. Не успѣвши, такимъ образомъ, отвергнуть и уничтожить событія, они снова обращаются къ прежнему, разбираютъ способъ исцѣленія, подобно людямъ, которые, отыскивая повсюду звѣря, въ безопасномъ мѣстѣ лежащаго, бѣгаютъ то туда, то сюда. Возвращаются къ прежнимъ словамъ, но опять для того, чтобы чрезъ частые вопросы выказать всю ихъ ничтожность. *Что*, говорятъ, *сотвори тебѣ? Како отверзе очи твои* (IX, 26)? Что же слѣпой? Побѣдивъ ихъ и низложивъ, онъ уже говоритъ теперь не униженно. Пока дѣло требовало изслѣдованія и разбирательства, онъ, представляя доказательства, говорилъ съ покорностію; а когда уловилъ ихъ и одержалъ блистательную побѣду, онъ уже смѣло нападаетъ на нихъ. Чтоже онъ говоритъ? *Рекохъ вамъ уже, и не слышасте: что паки хощете слышати* (IX, 27)? Замѣчаешь ли смѣлость нищаго предъ книжниками и фарисеями? Такъ могущественна истина и такъ безсильна ложь! Первая, когда бываетъ и у простыхъ людей, дѣлаетъ ихъ славными; послѣдняя же, хотя бы была на сторонѣ сильныхъ, являетъ ихъ слабыми. Слова нищаго значатъ: вы не внимаете моимъ словамъ; поэтому я не стану больше говорить, не буду отвѣчать на ваши частые и пустые вопросы, потому что вы спрашиваете не для того, чтобы узнать, но чтобы надругаться надъ моими словами. *Еда и вы ученицы его хощете быти?* Здѣсь уже включаетъ себя самого въ число учениковъ: выраженіе: *еда и вы* показываетъ, что онъ уже

ученикъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ сильно осмѣиваетъ и уязвляетъ іудеевъ.

3. Дѣйствительно, онъ зналъ, что это сильно уязвляло ихъ; а потому и сказалъ, желая какъ можно болѣе укорить, чѣмъ выказалъ душу дерзновенную, возвышенную и презирающую ихъ бѣшенство, — показалъ высокое достоинство Того, за Кого такъ смѣло говорилъ, и объявилъ, что они оскорбляли человѣка, который достоинъ удивленія. Самъ же онъ не оскорблялся, но считалъ за честь для себя то, что ему ставили въ укоризну. *Ты*, говоритъ, *ученикъ еси того, мы же Моѵсеевы есмы ученицы* (IX, 28). Но это не правда. Вы не ученики ни Моисея, ни Его. Если бы вы были учениками Моисея, то были бы учениками и Его. Поэтому-то и выше Христосъ говорилъ имъ: *аще бысте вѣровали Моѵсеови, вѣровали убо бысте и Мнѣ: о Мнѣ бо той писа* (Іоан. V, 45),— такъ какъ они постоянно прибѣгали къ этимъ словамъ. *Мы вѣмы, яко Моѵсеови глагола Богъ* (IX, 29). Кто сказалъ, кто сообщилъ вамъ объ этомъ? Наши предки, скажете. Такъ ужели не болѣе вашихъ предковъ заслуживаетъ вѣры Тотъ, Кто доказываетъ знаменіями, что Онъ пришелъ отъ Бога и возвѣщаетъ горнее (ученіе)? И не сказали они: мы слышали, что Моисею глаголалъ Богъ, но: *мы вѣмы*. О чемъ вы слышали, іудеи, то утверждаете, какъ люди знающіе; ужели же то, что сами видѣли, считаете менѣе достовѣрнымъ, чѣмъ то, о чемъ слышали? Вѣдь того вы не видѣли, а только слышали; а это не слышали, но сами видѣли. Что же слѣпой? *О семъ бо дивно есть, яко вы не вѣсте, откуду есть* (IX, 30), и такія знаменія творитъ. Удивительно, что Онъ, будучи человѣкомъ не изъ числа извѣстныхъ между вами, не изъ числа знаменитыхъ и славныхъ, творитъ такія дѣла; изъ этого совершенно очевидно, что Онъ Богъ, не имѣющій нужды ни въ какой человѣческой помощи. *Вѣмы же, яко грѣшники Богъ не послушаетъ* (IX, 31). Такъ какъ они прежде сказали: *како можетъ человѣкъ грѣшенъ сицева знаменія творити* (IX, 16), то онъ теперь и обра- 319
щается къ ихъ суду, припоминая имъ ихъ собственныя слова. Это мнѣніе, говоритъ, одинаково у меня съ вами; такъ оставайтесь же при немъ. И замѣть его благоразуміе. Вездѣ выставляетъ на видъ знаменіе, такъ какъ они не могли отвергнуть его, и отъ него дѣлаетъ заключенія. Видишь ли, что и вначалѣ, когда говорилъ онъ: *аще грѣшенъ есть, не вѣмъ*, говорилъ не потому, чтобы сомнѣвался? Нѣтъ, онъ совершенно зналъ, что не грѣшникъ; и потому-то теперь, когда настало благопріятное время, смотри, какъ оправдалъ Его. *Вѣмы же, яко грѣшники Богъ не послушаетъ, но аще кто богочтецъ есть и волю Его творитъ* (IX, 31). Здѣсь не только представилъ Его свободнымъ отъ грѣховъ,

но и показалъ, что Онъ весьма угоденъ Богу и исполняетъ всѣ Его повелѣнія. Такъ какъ и іудеи называли себя чтителями Бога, то Онъ прибавилъ: *и волю его творитъ*. Недостаточно, говоритъ, знать Бога, но надобно и волю Его творить. Затѣмъ превозноситъ событіе, говоря: *отъ вѣка нѣсть слышано, яко кто отверзе очи слѣпу рождену* (IX, 32). Итакъ, если вы признаете, что грѣшниковъ Богъ не слушаетъ, а Онъ сотворилъ чудо, и такое чудо, какого не совершалъ ни одинъ человѣкъ, то очевидно, что Онъ всѣхъ превзошелъ силою и могущество Его больше, чѣмъ человѣческое. Что же іудеи? *Во грѣсѣхъ ты родился еси весь, и ты ли ны учиши* (IX, 34)? Пока надѣялись, что онъ отречется, считали его достойнымъ вѣры, и потому призвали разъ и другой. А если не считали его достойнымъ вѣры,—то зачѣмъ, мы могли бы сказать имъ, вы и призывали и спрашивали его въ другой разъ? Когда же, не смутившись ничѣмъ, онъ сказалъ истину, и когда особенно слѣдовало почтить его, тогда осуждаютъ. Чтожъ значатъ слова: *во грѣсѣхъ ты родился еси весь*? Здѣсь безпощадно укоряютъ его въ самой слѣпотѣ и какъ бы такъ говорятъ: съ перваго возраста ты во грѣхахъ, давая разумѣть тѣмъ, что оттого онъ и родился слѣпымъ;, но это несправедливо. Потому Христосъ, утѣшая его въ этомъ, говорилъ: *на судъ Азъ въ міръ сей пріидохъ, да не видящіи видятъ, и видящіи слѣпи будутъ* (IX, 39). *Во грѣсѣхъ ты родился еси весь, и ты ли ны учиши*? Чтоже сказалъ этотъ человѣкъ? Развѣ свое высказалъ онъ мнѣніе? Не общее ли выставилъ рѣшеніе, сказавъ: *вѣмы, яко грѣшники Богъ не послушаетъ*? Не ваши ли собственныя слова привелъ онъ? *И изгнаша его вонъ*. Видишь ли проповѣдника истины, какъ бѣдность не была препятствіемъ любомудрію? Видишь, чего не выслушалъ и чего не вытерпѣлъ онъ съ самаго начала, и какъ свидѣтельствовалъ и словомъ и дѣломъ?

4. Но объ этомъ написано для того, чтобы и мы были подражателями. Въ самомъ дѣлѣ, если нищій, слѣпой, не видѣвшій даже Христа, и прежде чѣмъ удостоился отъ Него ободренія, тотчасъ показалъ такое дерзновеніе, что сталъ противъ цѣлаго народа, бѣснующагося, дышащаго убійствомъ и бѣшенствомъ и желавшаго съ его словъ осудить Христа, и не уступилъ, и не отказался отъ своихъ словъ, но съ полнымъ дерзновеніемъ заградилъ имъ уста и предпочелъ лучше быть изверженнымъ
320 вонъ, чѣмъ измѣнить истинѣ, то—не тѣмъ ли болѣе мы, жившіе столько времени въ вѣрѣ, видѣвшіе безчисленныя чудеса, совершенныя чрезъ вѣру, облагодѣтельствованные больше его, прозрѣвшіе внутренними очами, созерцавшіе неизреченныя таинства и призванные къ столь великой чести,—не тѣмъ ли болѣе

мы должны показывать всякое дерзновеніе за Христа противъ тѣхъ, которые стараются клеветать и говорить что-либо на христіанъ, (не должны ли такимъ людямъ) заграждать уста, а не соглашаться съ ними безразсудно?

А это мы въ состояніи будемъ сдѣлать тогда, когда и дерзновеніе будемъ имѣть, и станемъ внимать Писаніямъ, а не слушать ихъ какъ-нибудь. И кто будетъ постоянно приходить сюда, тому, хотя бы онъ не читалъ дома, а внималъ только тому, что здѣсь говорится, достаточно и одного года, чтобы пріобрѣсть великую опытность. Мы не читаемъ сегодня одно Писаніе, а завтра другое, но всегда и постоянно одно и тоже. И при всемъ томъ, есть многіе до того жалкіе, что, не смотря на такое чтеніе, не знаютъ даже названій книгъ. И не стыдятся, и не трепещутъ, что такъ небрежно посѣщаютъ божественное училище. Если игрокъ на цитрѣ, танцоръ, или другой кто изъ принадлежащихъ къ театру позоветъ городъ, всѣ бѣгутъ съ поспѣшностію, благодарятъ его за приглашеніе и тратятъ цѣлую половину дня, внимая ему одному. А когда Богъ бесѣдуетъ съ нами чрезъ пророковъ и апостоловъ, мы зѣваемъ, чешемся, скучаемъ. Лѣтомъ намъ кажется слишкомъ знойно, и мы отправляемся на площадь; зимою опять помѣхою дождь и грязь, и мы сидимъ дома. На ристалищахъ, гдѣ нѣтъ кровли, защищающей отъ дождя, подъ проливнымъ дождемъ и при вѣтрѣ, бросающемъ воду въ лице, стоятъ многочисленные зрители, бѣснуясь и не обращая вниманія ни на холодъ, ни на дождь, ни на грязь, ни на дальность пути: ничто ихъ не удерживаетъ дома, ничто не препятствуетъ явиться туда. А сюда, гдѣ есть и кровля и пріятная теплота, не приходятъ и не собираются, не смотря на то, что это нужно для блага ихъ собственной души. Скажи мнѣ: можно ли это снести? Потому-то, будучи опытнѣе всѣхъ въ тѣхъ вещахъ, мы въ необходимомъ знаемъ меньше дѣтей. Если кто назоветъ тебя возницею и танцоромъ, ты считаешь себя обиженнымъ и всячески стараешься отклонить отъ себя эту укоризну; а если повлечетъ тебя на подобныя зрѣлища, ты не отказываешься, и почти вполнѣ изучаешь то самое искусство, имени котораго избѣгаешь. Но здѣсь, гдѣ ты долженъ и знать дѣло и носить имя, и быть и называться христіаниномъ, ты не знаешь даже, что это за дѣло. Что можетъ быть хуже такого безумія? Я хотѣлъ бы постоянно говорить вамъ объ этомъ; но боюсь, чтобы напрасно и безъ пользы не сдѣлаться для васъ ненавистнымъ. Вижу, что безумствуютъ не только юноши, но и старики, за которыхъ особенно стыжусь, когда вижу, какъ человѣкъ, почтенный сѣдиною, срамитъ свою сѣдину и увлекаетъ съ собою дитя. Что можетъ быть смѣш-

нѣе и постыднѣе этого? Сынъ учится у отца постыднымъ дѣламъ!

5. Васъ огорчаютъ эти слова? Того я и хочу, чтобы не-
321 пріятными рѣчами удержать васъ отъ постыдныхъ дѣлъ. А есть и такіе, которые гораздо болѣе безчувственны, которые не только не стыдятся того, что мы говоримъ, но сплетаютъ еще длинныя разсужденія въ защиту такого рода дѣлъ. Если спросить ихъ: кто такой Амосъ, или Авдій, или сколько числомъ пророковъ или апостоловъ, не смогутъ и рта раскрыть, а въ защиту коней и возницъ представятъ разсужденіе лучше софистовъ и риторовъ. И послѣ всего этого еще говорятъ: какой отсюда вредъ? Какая потеря? Потому-то я и воздыхаю, что вы не сознаете даже вреда и не чувствуете зла. Богъ далъ тебѣ опредѣленное время жизни, чтобы ты служилъ Ему; а ты попусту, напрасно и безъ всякой пользы тратишь его, и еще спрашиваешь: какая потеря? Когда ты истратишь напрасно хоть нѣсколько денегъ, называешь это потерею; а тратя цѣлые дни своей жизни на сатанинскія зрѣлища, полагаешь, что ничего не дѣлаешь предосудительнаго? Тебѣ слѣдовало бы всю жизнь проводить въ молитвахъ и моленіяхъ, а ты тратишь свою жизнь на крики, шумъ, сквернословіе, ссоры, безвременныя увеселенія и дѣла фокусническія, — тратишь напрасно и на свою погибель, и послѣ всего этого спрашиваешь: какая потеря? Или не знаешь, что всего болѣе слѣдуетъ беречь время? Если истратишь золото, можешь снова пріобрѣсть его; если же погубишь время, трудно воротить его, потому что не много дано его намъ на настоящую жизнь. Итакъ, если не употребимъ его на что должно, что скажемъ, явившись туда? Скажи мнѣ: если бы ты приказалъ которому-нибудь изъ твоихъ сыновей выучиться какому-нибудь искусству, а онъ всегда оставался бы дома, или проводилъ время гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, не отказался ли бы отъ него учитель? Не сказалъ ли бы тебѣ: ты заключилъ со мною условіе и назначилъ срокъ. Но если сынъ твой будетъ находиться это время не у меня, а гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, то какъ представлю его тебѣ обученнымъ? Это же необходимо должны сказать и мы. Да и Богъ
322 скажетъ намъ: Я далъ время для того, чтобы вы научились искусству благочестія; зачѣмъ же истратили это время даромъ и попусту? Зачѣмъ не ходили постоянно къ учителю и не внимали словамъ его? А что дѣйствительно благочестіе есть искусство, послушай, что говоритъ пророкъ: *пріидите чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ* (Псал. xxxiii, 11). И въ другомъ мѣстѣ: *блаженъ человѣкъ, егоже аще накажеши Господи, и отъ закона Твоего научиши его* (Пс. xciii, 12). Итакъ, когда напрасно истратишь

время, какое будешь имѣть оправданіе? Зачѣмъ же, говоришь, мало дано намъ времени? Какая безчувственность и неблагодарность! За что особенно слѣдовало бы благодарить Господа, что Онъ сократилъ твои труды и уменьшилъ подвиги, и приготовилъ тебѣ продолжительное и безсмертное успокоеніе, за то ты обвиняешь Его и тѣмъ недоволенъ. Но я не знаю, какъ перешло сюда мое слово и сдѣлалось продолжительнымъ? Поэтому и необходимо окончить его. И въ томъ вѣдь наше несчастіе, что здѣсь, если продолжится слово, мы всѣ скучаемъ, а тамъ начинаютъ съ половины дня и расходятся при лампадахъ и свѣтильникахъ. Но чтобы не всегда осуждать васъ, мы просимъ и молимъ: окажите эту милость и намъ и себѣ,—оставивъ все прочее, посвятите себя этому (изученію благочестія). Такимъ образомъ, и мы пріобрѣтемъ чрезъ васъ радость и веселіе, заслужимъ похвалу за васъ и получимъ воздаяніе. Всю же награду воспріимите вы за то, что, будучи до сихъ поръ съ такимъ безуміемъ преданы зрѣлищамъ, по страху Божію и вслѣдствіе нашихъ убѣжденій, свергнули съ себя эту болѣзнь, разорвали узы и прибѣгли къ Богу. И не тамъ только получите награду, но и здѣсь будете имѣть чистѣйшее наслажденіе. Такова добродѣтель: кромѣ вѣнцовъ тамъ, она и здѣсь уготовляетъ намъ жизнь пріятную. Будемъ же исполнять сказанное, чтобы достигнуть и здѣшнихъ и тамошнихъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LIX.

И изгнаша его вонъ. Услыша Іисусъ, яко изгнаша его вонъ, и обрѣтъ его, рече ему: ты вѣруеши ли въ Сына Божія? Отвѣща онъ и рече: и кто есть, Господи, да вѣрую въ него? и проч. (Іоан. IX, 34 и слѣд.).

1. Тѣ, которые за истину и исповѣданіе Христа подвергаются 321
какимъ-либо бѣдствіямъ и терпятъ поношеніе, удостоиваются за то и особенныхъ почестей. Какъ тотъ особенно пріобрѣтаетъ имущество, кто тратитъ его ради Бога, и тотъ особенно любитъ душу свою, кто ее ненавидитъ, такъ, равнымъ образомъ, тотъ особенно удостоивается почестей, кто подвергается оскорбленіямъ. Такъ было и съ слѣпымъ. Изгнали его іудеи изъ храма, но обрѣлъ его Владыка храма; онъ удаленъ былъ отъ заразительнаго сонмища, и очутился у спасительнаго источника; былъ обезчещенъ обезчестившими Христа, и почтенъ Владыкою анге-

ловъ. Вотъ каковы награды за истину! Такъ и мы, если здѣсь раздадимъ имущество, обрѣтемъ тамъ дерзновеніе; если здѣсь дадимъ пособіе страждущимъ, получимъ успокоеніе на небесахъ; если потерпимъ поношеніе ради Бога, удостоимся почестей и здѣсь и тамъ. Когда изгнали слѣпого изъ храма, его нашелъ Іисусъ. Евангелистъ показываетъ, что (Христосъ) для того и шелъ, чтобы встрѣтиться съ нимъ. И смотри, чѣмъ награждаетъ его: первымъ изъ благъ. Открываетъ Себя слѣпому, который
322 прежде не зналъ Его, и включаетъ его въ число своихъ учениковъ. Но ты замѣть, съ какою подробностію повѣствуетъ евангелистъ. Когда Христосъ спросилъ: *ты вѣруеши ли въ Сына Божія,* — (слѣпой) отвѣчаетъ: *и кто есть?* Онъ еще не зналъ Его, хотя и получилъ отъ Него исцѣленіе; прежде чѣмъ приступилъ къ Благодѣтелю, былъ слѣпъ, а послѣ исцѣленія влачимъ былъ тѣми псами. Итакъ, (Христосъ), какъ нѣкій подвигоположникъ, принимаетъ его, какъ подвижника, много потрудившагося и увѣнчаннаго. И что говоритъ? *Вѣруеши ли въ Сына Божія?* Что это значитъ? Послѣ такого состязанія съ іудеями, послѣ столькихъ словъ (слѣпого), спрашиваетъ: *вѣруеши ли?* (Спрашиваетъ) не по невѣдѣнію, но желая открыть Себя и показать, что высоко цѣнитъ его вѣру. Столько людей, говоритъ, поносили Меня, но Я не обращаю на нихъ никакого вниманія; объ одномъ у Меня забота, чтобы вѣровалъ ты. Лучше одинъ, творящій волю Господню, чѣмъ тысячи беззаконныхъ. *Ты вѣруеши ли въ Сына Божія?* Спрашиваетъ такъ, давая разумѣть, что Онъ находится здѣсь и слышитъ отвѣтъ, и уже напередъ возбуждаетъ въ немъ любовь къ Себѣ. Не сказалъ вдругъ: вѣруй, но предложилъ вопросъ. Что же слѣпой? *И кто есть, Господи, да вѣрую въ него?* Гласъ души любящей и усильно ищущей! Не знаетъ Того, кого столько защищалъ,—чтобы ты позналъ отсюда его любовь къ истинѣ. Онъ еще не видѣлъ Его. *Рече же ему: и видѣлъ еси его, и глаголяй*
323 *съ тобою той есть* (IX, 37). Не сказалъ: это — Я, но скромно и смиренно: *и видѣлъ еси его.* А какъ это еще было не ясно, то и прибавилъ яснѣе: *глаголяй съ тобою той есть. Онъ же рече: вѣрую, Господи, и поклонися ему* тотчасъ. Не сказалъ: Я — тотъ, кто исцѣлилъ тебя, кто сказалъ тебѣ: иди, умойся въ Силоамѣ; но, умолчавши обо всемъ этомъ, говоритъ: *вѣруеши ли въ сына Божія?* Тѣмъ не менѣе слѣпой, въ знакъ великаго расположенія, тотчасъ поклонился, что сдѣлали немногіе изъ исцѣленныхъ, какъ-то: прокаженные и нѣкоторые другіе. Этимъ онъ исповѣдалъ Его божественную силу: чтобы не подумали, что сказанное имъ только слова, онъ присоединилъ и дѣло. Послѣ того, какъ онъ поклонился, Христосъ сказалъ: *на судъ Азъ въ міръ сей пріидохъ, да*

невидящіи видятъ, и видящіи слѣпи будутъ (IX, 39). Тоже говоритъ и Павелъ: *что убо речемъ? Яко языцы, не гонящіи правду, постигоша правду, правду же, яже отъ вѣры въ Іисуса. Израиль же, гоня законъ правды, въ законъ правды не постиже* (Римл. IX, 30—31). Сказавши: *на судъ Азъ въ міръ сей пріидохъ*, и слѣпого еще болѣе утвердилъ въ вѣрѣ, и возбудилъ вниманіе въ слѣдовавшихъ за Нимъ; а за Нимъ шли фарисеи. Выраженіе же: *на судъ* значитъ: для большаго наказанія. Этимъ (Христосъ) показываетъ, что осудившіе Его сами осуждены и что обвинившіе Его, какъ грѣшника, сами обвинены. Здѣсь говоритъ Онъ о двухъ родахъ прозрѣнія и слѣпоты: чувственномъ и духовномъ. На это Ему отвѣчаютъ нѣкоторые изъ слѣдовавшихъ за Нимъ: *еда и мы слѣпи есмы* (IX, 40)? Какъ въ другомъ мѣстѣ говорили: *никомуже работахомъ николиже* (Іоан. VIII, 33), и: *мы отъ любодѣянія нѣсмы рождени* (41), такъ и здѣсь смотрятъ только на чувственное и стыдятся этой слѣпоты. Поэтому, показывая, что лучше бы имъ быть слѣпыми, чѣмъ имѣть зрѣніе, (Христосъ) говоритъ: *аще бысте слѣпи были, грѣха не бысте имѣли* (IX, 41). Такъ какъ они это несчастіе считали за стыдъ, то Онъ и обратилъ это на ихъ голову, сказавъ, что слѣпота облегчила бы для васъ наказаніе. Такъ повсюду Онъ разрушаетъ человѣческія помышленія и возводитъ къ великому и чудному разумѣнію! *Нынѣ же глаголете, яко видимъ.* Какъ прежде говорилъ: *его же вы глаголете, яко Богъ вашъ есть* (Іоан. VIII, 54), такъ и теперь: *нынѣ же глаголете, яко видимъ,*—потому что въ самомъ дѣлѣ вы не видите. Такимъ образомъ, что они считали для себя великою похвалою, то Онъ выставляетъ здѣсь, какъ поводъ къ ихъ наказанію, а вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшаетъ и слѣпорожденнаго въ прежней слѣпотѣ. Потомъ разсуждаетъ объ ихъ слѣпотѣ. Такъ какъ они могли сказать, что не по слѣпотѣ нашей не приходимъ къ Тебѣ, но убѣгаемъ и отвращаемся Тебя, какъ обманщика, то противъ этого Онъ и направляетъ все Свое слово.

2. И не просто замѣтилъ евангелистъ, что это слышали бывшіе со Христомъ фарисеи и сказали: *еда и мы слѣпи есмы?*—но чтобы напомнить тебѣ, что это были тѣ самые, которые прежде отстали отъ Него и потомъ бросали въ Него камни. Нѣкоторые, дѣйствительно, безъ твердой вѣры слѣдовали за Нимъ, и потому легко переходили на сторону противниковъ. Какъ же Онъ доказываетъ, что Онъ не обманщикъ, но Пастырь? Представляетъ признаки того и другого, какъ пастыря, такъ и обманщика—губителя, и чрезъ то даетъ имъ возможность открыть истину. И во-первыхъ, показываетъ, кто обманщикъ и тать, заимствуя это названіе изъ Писанія и говоря: *аминь, аминь глаголю вамъ: не*

входяй дверьми во дворъ овчій, но прелазяй инудѣ, той тать есть и разбойникъ (Іоан. x, 1). Замѣть признаки разбойника: во-первыхъ,
824 онъ входитъ не явнымъ образомъ; во вторыхъ, не по Писаніямъ, что и значитъ: не дверьми. Здѣсь Христосъ указываетъ и на тѣхъ, которые были прежде Него, и на тѣхъ, которые явятся послѣ Него: на антихриста и лжехристовъ—Іуду и Өевду и другихъ имъ подобныхъ. И справедливо назвалъ Писаніе дверьми. Оно приводитъ насъ къ Богу и отверзаетъ путь богопознанія; оно производитъ овецъ, оно охраняетъ и не позволяетъ приходить волкамъ. Подобно какой-либо надежной двери, оно заграждаетъ входъ еретикамъ, поставляетъ насъ въ безопасности отъ всего и не позволяетъ впасть въ заблужденіе. И если мы сами не откроемъ этой двери, то будемъ недоступны врагамъ. По ней мы распознаемъ всѣхъ,—какъ пастырей, такъ и не пастырей. Что значитъ: *во дворъ*? Значитъ—къ овцамъ и къ попеченію объ нихъ. Кто не пользуется Писаніемъ, но прелазитъ *инудѣ*, то есть не идетъ установленнымъ путемъ, но пролагаетъ себѣ иной путь, тотъ есть тать. Видишь и отсюда, что Онъ согласенъ съ Отцемъ, потому что выставляетъ на видъ Писаніе? Поэтому Онъ и іудеямъ говорилъ: *испытайте Писанія* (Іоан. v, 39), и Моисея приводилъ и называлъ свидѣтелемъ, равно какъ и всѣхъ пророковъ. Всѣ, говорилъ Онъ, послушавшіе пророковъ, *пріидутъ ко Мнѣ* (Іоан. vi, 45), и: *аще бысте вѣровали Моисеови, вѣровали бысте убо и Мнѣ* (v, 46). И здѣсь Онъ высказалъ тоже самое, только иносказательно. А словами: *прелазяй инудѣ* Онъ указывалъ и на книжниковъ,—потому что они учили заповѣдямъ и преданіямъ человѣческимъ, а законъ нарушали, въ чемъ Онъ и укорялъ ихъ, говоря: *никтоже отъ васъ творитъ закона* (vii, 19). И хорошо сказалъ: *прелазяй*, а не входяй,—потому что такъ обыкновенно поступаетъ воръ, желающій проникнуть за ограду, и дѣлающій все съ опасностію. Видишь ли, какъ Онъ изобразилъ разбойника? Замѣть и признаки пастыря. Какіе же они? *Входяй дверьми пастырь есть овцамъ, сему дверникъ отверзаетъ, и овцы гласъ его слышатъ, и своя овцы глашаетъ по имени*, и когда изгонитъ ихъ, *предъ ними ходитъ* (Іоан. x, 2—4). Такъ указалъ признаки и пастыря и разбойника. Посмотримъ теперь, какъ Онъ приложилъ къ нимъ последующее. *Сему*, говоритъ, *дверникъ отверзаетъ*. Продолжаетъ говорить иносказательно для большей выразительности. Если же хочешь разбирать въ притчѣ и каждое слово, то ничто не препятствуетъ разумѣть здѣсь подъ дверникомъ Моисея, потому что ему ввѣрены были слова Божіи. *И овцы гласъ его слышатъ и своя овцы глашаетъ по имени*. Такъ какъ (іудеи) часто называли Его обманщикомъ и доказывали это своимъ собственнымъ не-

вѣріемъ, говоря: *кто отъ князь вѣрова въ онь* (vп, 48)?—то Онъ показываетъ, что, по причинѣ ихъ невѣрія, не Его должно называть губителемъ и обманщикомъ, но ихъ, такъ какъ они не внимаютъ Ему, и потому естественно исключены изъ числа овецъ. Если пастырю свойственно входить законною дверью, а Онъ вошелъ этою самою дверью, то всѣ послѣдовавшіе за Нимъ могутъ быть овцами, а тѣ, которые отступили отъ Него, не пастыря унижаютъ, но самихъ себя отлучаютъ отъ стада овецъ. А что онъ впослѣдствіи Себя самого называетъ дверью, то этимъ опять не должно смущаться. Онъ называетъ Себя и пастыремъ и овцою, указывая на различныя стороны Своего служенія. Когда приводитъ насъ ко Отцу, — называетъ Себя дверью; а когда выражаетъ Свое попеченіе объ насъ,—пастыремъ. Чтобы ты не подумалъ, что дѣло Его только въ томъ, чтобы приводить (къ Отцу),—Онъ называетъ Себя и пастыремъ. *И овцы гласъ его слышатъ, и своя овцы глашаетъ по имени, и изгонитъ ихъ, и* самъ *предъ ними ходитъ* (х, 2, 4). Пастыри обыкновенно поступаютъ иначе,—ходятъ сзади овецъ; но 325
Онъ, показывая, что всѣхъ приведетъ къ истинѣ, поступаетъ не такъ, какъ они. Точно также. и посылая овецъ, Онъ посылалъ ихъ не въ сторону отъ волковъ, но въ средину волковъ. Это пастырство гораздо удивительнѣе, чѣмъ то, какое бываетъ у насъ.

3. А мнѣ кажется, что здѣсь есть указаніе и на слѣпого, потому что и его призвалъ и извелъ изъ среды іудеевъ, и онъ услышалъ и узналъ Его голосъ. *По чуждемъ же не идутъ, яко не знаютъ чуждаго гласа* (х, 5). Говоритъ здѣсь или о Ѳевдѣ и Іудѣ, такъ какъ всѣ, невѣрившіе имъ, какъ говоритъ (Писаніе), *разсыпашася* (Дѣян. ш, 36, 37), или о лжехристахъ, которые будутъ прельщать впослѣдствіи. А чтобы не сказали, что и Онъ изъ числа ихъ, — отличаетъ Себя отъ нихъ многими признаками. И первымъ отличіемъ поставляетъ ученіе, основанное на Писаніи. Онъ приводилъ къ Себѣ людей посредствомъ Писанія, а они привлекали не такъ. Вторымъ — послушаніе овецъ: Ему не только при жизни, но и по смерти всѣ вѣровали, а тѣхъ тотчасъ оставили. Къ этому можно присовокупить и третье немаловажное (отличіе). Тѣ все дѣлали, какъ тираны, и съ цѣлію возмущенія: а Онъ такъ далекъ былъ отъ подобныхъ намѣреній, что, когда даже хотѣли Его сдѣлать царемъ, удалился, и когда спрашивали, должно ли давать кинсонъ кесарю, приказалъ давать и самъ заплатилъ дидрахму. Кромѣ того, Онъ пришелъ для спасенія овецъ, *да животъ*, говоритъ, *имутъ и лишше имутъ* (Іоан. х, 10); а тѣ лишили ихъ и настоящей жизни. Тѣ предали повѣрившихъ имъ и бѣжали; а Онъ такъ твердо стоялъ, что положилъ и душу

Свою. Тѣ пострадали противъ воли, по необходимости, не успѣвъ убѣжать; а Онъ все претерпѣлъ добровольно и по собственному желанію. *Сію причту рече имъ Іисусъ: они же не разумѣша, что бяше, яже глаголаше имъ* (x, 6). Для чего же Онъ говорилъ имъ неясно? Для того, чтобы сдѣлать ихъ болѣе внимательными. Потому, достигнувъ Своей цѣли, оставляетъ уже неясный образъ рѣчи и говоритъ такимъ образомъ: *Азъ есмь дверь, Мною аще кто внидетъ, взыдетъ, и изыдетъ, и пажить обрящетъ* (x, 9),—то есть будетъ пользоваться безопасностію и свободою. Подъ пажитью же разумѣетъ здѣсь пищу и кормъ овецъ, также власть и господство, то есть: пребудетъ на ней и никто не изгонитъ его. Такъ и было съ апостолами, которые свободно входили и исходили, какъ бы владѣли всей вселенной, и никто не могъ изгнать ихъ. *Вси, елико ихъ пріиде, татіе суть и разбойницы, но не послушаша ихъ овцы* (x, 8). Говоритъ здѣсь не о пророкахъ, какъ утверждаютъ еретики, потому что ихъ послушали и чрезъ нихъ увѣровали всѣ, кто только увѣровалъ во Христа; но говоритъ о Ѳевдѣ и Іудѣ и другихъ возмутителяхъ. Притомъ же слова: *не послушаша овцы* сказаны въ похвалу (овцамъ). Но нигдѣ не видно, что Онъ хвалилъ тѣхъ, которые не слушали пророковъ, а вездѣ, напротивъ, сильно обличаетъ и осуждаетъ ихъ. Отсюда ясно, что это выраженіе: *не послушаша*, относится къ тѣмъ возмутителямъ. *Тать не приходитъ, развѣ да украдетъ, и убіетъ, и погубитъ* (x, 10). Такъ и было тогда, потому что всѣ были умерщвлены и погибли. *Азъ пріидохъ, да животъ имутъ и лишше имутъ* (x, 10). Что же, скажи мнѣ, больше жизни? Царство небесное. Но Онъ еще не называетъ его, а употребляетъ извѣстное имъ названіе жизни. *Азъ есмь пастырь добрый* (x, 11). Здѣсь говоритъ уже о страданіяхъ и показываетъ, что подъемлетъ ихъ для спасенія міра и подвергается имъ не по неволѣ. Затѣмъ снова указываетъ признаки пастыря и наемника.
326 *Пастырь душу свою полагаетъ. А наемникъ, иже нѣсть пастырь, ему же не суть овцы своя, видитъ волка грядуща, и оставляетъ овцы и бѣгаетъ: и волкъ* приходитъ и *расхититъ ихъ* (x, 11, 12). Здѣсь Онъ представляетъ Себя такимъ же Владыкою, какъ и Отецъ, потому что Онъ самъ Пастырь и у него есть Свои овцы. Видишь ли, какъ въ притчахъ Онъ говоритъ возвышеннѣе, какъ здѣсь рѣчь прикровенна, и не подаетъ слушателямъ явнаго повода (къ нападенію). Чтоже дѣлаетъ наемникъ? *Видитъ волка грядуща и оставляетъ овцы, и волкъ* приходитъ и *расхититъ ихъ.* Такъ поступили тѣ, но Онъ — напротивъ. Даже въ то время, какъ былъ схваченъ, Онъ говорилъ: *оставите сихъ ити, да сбудется слово*, что никто изъ нихъ не погибъ (Іоан. xviii, 8). Но можно здѣсь разумѣть и волка мысленнаго,—потому что и ему Онъ не

попустилъ расхищать овецъ. Но это не только волкъ, а и левъ: *супостатъ нашъ діаволъ*, говоритъ Писаніе, *яко левъ рыкая ходитъ* (1 Петр. v, 8). Это змѣй и драконъ: наступайте *на змію и скорпію* (Лук. x, 19).

4. Потому умоляю, будемъ всегда оставаться подъ руководствомъ Пастыря. А мы останемся, когда будемъ слушать гласа Его,—когда будемъ послушны Ему,—когда не будемъ слѣдовать за чужимъ. Какой же гласъ Его? *Блажени нищіи духомъ. Блажени чистіи сердцемъ. Блажени милостивіи* (Матѳ. v, 3, 7, 8). Если будемъ исполнять это,—останемся подъ руководствомъ Пастыря, и волкъ не въ состояніи будетъ проникнуть къ намъ; а если и войдетъ, то сдѣлаетъ это на свою погибель. Мы имѣемъ Пастыря, который столько любитъ насъ, что положилъ за насъ и душу свою. Если же Онъ и могущъ, и любитъ насъ, то что можетъ воспрепятствовать намъ спастись? Ничто, если только мы сами не отступимъ отъ Него. А какъ мы можемъ отступить? Послушай, что говоритъ Онъ: *не можете двѣма господинома работати, Богу и мамонѣ* (Матѳ. vi, 24). Итакъ, если мы будемъ работать мамонѣ, то не будемъ уже оставаться подъ владычествомъ Божіимъ. Пристрастіе къ богатству хуже всякаго тиранства: удовольствія не доставляетъ никакого, а порождаетъ заботы, зависть, коварство, ненависть, наговоры и безчисленныя препятствія къ добродѣтели,—безпечность, распутство, любостяжаніе, пьянство. А это и свободныхъ дѣлаетъ рабами, и даже хуже рабовъ, рабами не людей, но ужаснѣйшей изъ страстей и болѣзней души. Такой человѣкъ рѣшается на многое, что противно и Богу и людямъ, изъ опасенія, чтобы кто не исторгъ его изъ-подъ этого владычества. Горькое рабство, діавольское владычество! Въ особенности пагубно то, что, находясь въ столь несчастномъ положеніи, мы веселы духомъ, лобызаемъ свои оковы и, обитая въ темницѣ, исполненной мрака, не желаемъ выйти на свѣтъ, но привязываемся къ злу, и услаждаемся болѣзнію. Потому-то не можемъ и освободиться и находимся въ худшемъ состояніи, чѣмъ тѣ, которые работаютъ въ рудникахъ, потому что подвергаемся трудамъ и бѣдствіямъ, но не пользуемся плодами. Хуже же всего то, что, если бы кто и захотѣлъ избавить насъ отъ этого тяжкаго плѣна, мы не только не позволяемъ, но еще гнѣваемся и негодуемъ, и такимъ образомъ являемся ничѣмъ не лучше безумныхъ, и даже гораздо несчастнѣе всѣхъ ихъ,—потому что не хотимъ и разстаться съ своимъ безуміемъ. Ужели для того явился ты на этотъ свѣтъ, человѣкъ? Ужели для этого родился человѣкомъ, чтобы только разрабатывать рудники и собирать золото? Не для этого создалъ тебя (Господь) но 327

образу Своему, но чтобы ты угождалъ Ему, чтобы достигъ будущихъ благъ и ликовалъ съ ангелами. Зачѣмъ же ты лишаешь себя такого сообщества и нисходишь до послѣдней степени безславія и униженія? Твой братъ по рожденію—разумѣю рожденіе духовное—погибаетъ отъ голода, а ты изнемогаешь отъ пресыщенія. Братъ ходитъ съ обнаженнымъ тѣломъ, а ты и для одеждъ устрояешь одежды, чтобы охранить ихъ отъ червей чрезъ такіе покровы. А не гораздо ли лучше было бы прикрыть ими тѣла бѣдныхъ? Тогда и одежды остались бы цѣлыми, и ты былъ бы свободенъ отъ всякой заботы, и это пріобрѣло бы тебѣ будущую жизнь. Если не хочешь, чтобы одежды твои съѣдены были молью, отдай ихъ бѣднымъ: они умѣютъ хорошо вытряхивать эти одежды. Притомъ тѣло Христово и почетнѣе и безопаснѣе шкапа. Оно не только сберегаетъ одежды, не только сохраняетъ невредимыми, но и дѣлаетъ ихъ блистательнѣе. Шкапъ часто похищаютъ вмѣстѣ съ платьемъ, и чрезъ то подвергаютъ тебя крайнему убытку. Но этому хранилищу не можетъ повредить самая смерть. Тутъ не нужно намъ ни дверей, ни запоровъ, ни бодрствующихъ слугъ, ни другихъ какихъ подобныхъ предосторожностей. Оно не доступно ни для какой злонамѣренности, и что сохраняется въ немъ, такъ же безопасно, какъ если бы было на небесахъ; туда не можетъ проникнуть никакое зло. Мы никогда не перестаемъ говорить объ этомъ, но вы не слушаетесь нашихъ словъ. А это оттого, что душа наша бѣдна, привязана къ землѣ и пресмыкается долу. Впрочемъ, не подумайте, что я осуждаю всѣхъ васъ въ этомъ злѣ, какъ будто бы всѣ вы были больны неисцѣльно. Если люди, упоенные богатствомъ, заграждаютъ свой слухъ для моихъ словъ, за то обратятъ на нихъ вниманіе живущіе въ бѣдности. Но какъ, скажешь, идетъ это къ бѣднымъ? Вѣдь у нихъ нѣтъ ни
828 золота, ни многихъ одеждъ? Но у нихъ есть хлѣбъ и холодная вода; есть двѣ лепты и ноги, чтобы посѣтить больныхъ; есть языкъ и слово, чтобы утѣшить несчастнаго; есть домъ и кровъ, чтобы принять странника. Мы и не требуемъ отъ бѣдныхъ столько-то и столько-то талантовъ золота,—этого (требуемъ) только отъ богатыхъ. Если же кто бѣденъ, и придетъ къ дверямъ другихъ (бѣдняковъ), отъ того Господь нашъ не постыдится принять и лепту, и даже скажетъ, что принялъ отъ него больше, чѣмъ отъ людей, которые подали много. Какъ многіе изъ предстоящихъ здѣсь желали бы жить въ то время, когда Христосъ во плоти пребывалъ на землѣ, чтобы быть подъ однимъ съ Нимъ кровомъ и раздѣлять съ Нимъ трапезу! Теперь вотъ это возможно: мы можемъ пригласить Его на вечерю и вечерять

съ Нимъ даже съ большею пользою. Изъ тѣхъ, которые тогда вечеряли съ Нимъ, многіе погибли, какъ-то: Іуда и другіе подобные. Между тѣмъ всякій, кто нынѣ позоветъ Его въ домъ свой и предложитъ трапезу и кровъ, удостоится великаго благословенія. *Пріидите*, говоритъ Онъ, *благословеніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взалкахся бо, и дасте ми ясти; возжадахся, и напоисте мене; страненъ бѣхъ, и введосте мене; боленъ, и посѣтисте мене; въ темницѣ бѣхъ, и пріидосте ко мнѣ* (Матѳ. xxv, 34). Итакъ, чтобы услышать эти слова, будемъ одѣвать нагого, принимать страннаго, питать алчущаго, напоять жаждущаго, посѣщать болящаго, ходить къ находящемуся въ темницѣ. Чрезъ это мы получимъ дерзновеніе и прощеніе грѣховъ и удостоимся благъ, превосходящихъ и слово и умъ, которыхъ и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LX.

Азъ есмь пастырь добрый, и знаю Моя, и знаютъ Мя Моя. Якоже знаетъ Мя Отецъ, и Азъ знаю Отца и душу Мою полагаю за овцы (Іоан. x, 14, 15).

1. Великое дѣло, возлюбленные, великое дѣло—предстоятельство въ Церкви. Оно требуетъ и много любомудрія, и такого мужества, что должно, какъ сказалъ Христосъ, полагать душу за овецъ, никогда не оставлять ихъ безъ защиты и помощи и твердо стоять противъ волка. Этимъ пастырь отличается отъ наемника. Послѣдній, не заботясь объ овцахъ, имѣетъ всегда въ виду собственную безопасность; первый, напротивъ, всегда заботится о спасеніи овецъ, забывая о себѣ самомъ. Указавъ, такимъ образомъ, признаки пастыря, Христосъ выставляетъ на видъ двухъ губителей: одинъ изъ нихъ—тать, убивающій и расхищающій, а другой—тотъ, кто ничего такого самъ не дѣлаетъ, но за то не обращаетъ вниманія и не препятствуетъ, когда другіе это дѣлаютъ. Въ лицѣ перваго Онъ указываетъ на Ѳевду и подобныхъ ему, а въ лицѣ другого выставляетъ учителей іудейскихъ, которые не пеклись и не заботились о ввѣренныхъ имъ овцахъ. Въ этомъ и Іезекіиль нѣкогда укорялъ ихъ, говоря: *о, пастыри Израилевы! Еда пасутъ пастыри самихъ себе? Не овецъ ли пасутъ* 328
пастыри (Іезек. xxxiv, 3)? Но они поступали напротивъ; а это величайшая степень нечестія и причина всѣхъ прочихъ золъ. Потому-то и говоритъ (пророкъ), что они и заблудшую (овцу) не обращали на путь, и погибшую не искали, и ту, у которой

сокрушены голени, не обвязывали, и больную не врачевали, пасли самихъ себя, а не овецъ (Іез. xxxiv, 4, 8). На тоже самое указывалъ другими словами и Павелъ, говоря: *вси бо своихъ си ищутъ, а не яже Христа Іисуса* (Фил. ii, 21); и въ другомъ мѣстѣ: *никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо* (1 Кор. x, 24). Но Христосъ отличаетъ Себя отъ тѣхъ и другихъ: отъ первыхъ, приходящихъ съ цѣлію губить,—словами: *азъ пріидохъ, да животъ имутъ и лишше имутъ* (Іоан. x, 10); а отъ послѣднихъ, попускающихъ волкамъ расхищать овецъ,—тѣмъ, что не только не оставилъ но и положилъ за овецъ душу Свою, чтобы не дать имъ погибнуть. Въ самомъ дѣлѣ, когда положили убить Его, Онъ и не отступилъ отъ ученія, и не предалъ вѣрующихъ, но стоялъ твердо и благоволилъ умереть. Потому-то часто и говорилъ: *Азъ есмь пастырь добрый*. Но такъ какъ слова Его представлялись бездоказательными (вѣдь хотя изреченіе: *душу мою полагаю* и сбылось спустя немного времени, за то другое: *да животъ имутъ и лишше имутъ* имѣло осуществиться послѣ преселенія изъ здѣшней жизни, въ вѣкѣ будущемъ), то что Онъ дѣлаетъ? Посред-
329 ствомъ одного удостовѣряетъ въ другомъ. Тѣмъ, что положилъ душу Свою (удостовѣряетъ и въ томъ), что даруетъ жизнь. Объ этомъ говорилъ и Павелъ: *аще бо врази бывше, примирихомся Богу смертію Сына Его, множае паче примирившеся спасемся* (Рим. v, 10). Также и въ другомъ мѣстѣ: *иже убо своего Сына не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его: како убо не и съ Нимъ вся намъ даруетъ* (Рим. viii, 32)? Но почему не обвиняютъ Его теперь, какъ прежде, говоря: *ты о Себѣ самъ свидѣтельствуеши, свидѣтельство Твое нѣсть истинно* (Іоан. viii, 13)? Потому, что Онъ часто уже заграждалъ имъ уста и чудесами пріобрѣлъ большее право свободно говорить предъ ними. Далѣе, такъ какъ Онъ выше говорилъ: *и овцы гласъ его слышатъ и по немъ идутъ*, то чтобы не сказалъ кто-нибудь: отчего же (были) невѣровавшіе?—послушай, что прибавилъ: *и знаю моя, и знаютъ мя моя* (Іоан. x, 14). На это указывалъ и Павелъ, говоря: *не отрину Богъ людей своихъ, ихже прежде разумѣ* (Рим. xi, 2), и Моисей: *позна Господь сущихъ его* (Числ. xvi, 5; ср. 2 Тим. ii, 19). Разумѣю тѣхъ, говоритъ Христосъ, о которыхъ Я напередъ зналъ. А чтобы ты не представлялъ мѣры знанія одинаковою, послушай, какъ Онъ предупреждаетъ это дальнѣйшими словами. *Знаю*, говоритъ, *моя, и знаютъ мя моя.* Но здѣсь знаніе неодинаковое. Гдѣ же одинаковое? Въ Отцѣ и во Мнѣ; здѣсь—*якоже знаетъ мя Отецъ, и азъ знаю Отца* (x, 15). Если бы не это Онъ хотѣлъ показать, то зачѣмъ бы прибавлять тѣ слова? Но какъ Онъ часто поставляетъ Себя въ рядъ людей, то чтобы не подумалъ кто, что Его знаніе подобно человѣческому, Онъ прибавилъ: *якоже знаетъ*

Мя Отецъ, и Азъ знаю Отца. Также совершенно Я знаю Его, какъ Онъ Меня. Потому-то Онъ и говорилъ *никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца, токмо Сынъ* (Матѳ. xi, 27), разумѣя нѣкоторое особенное знаніе,—такое, какого никто другой не можетъ имѣть. *И душу мою полагаю*. Часто повторяетъ это, чтобы показать, что Онъ не обманщикъ. Такъ и апостолъ, когда хотѣлъ показать себя истиннымъ учителемъ и направлялъ свое слово противъ лжеапостоловъ, хвалился бѣдами и смертями, говоря: *въ ранахъ пребол҃ѣ, въ смертехъ многащи* (2 Кор. xi, 23). Выраженія: *азъ есмь свѣтъ*, и: *азъ есмь животъ* — казались для несмысленныхъ надменными; но слова: хочу умереть — не возбуждали ни зависти, ни ненависти. Потому и не говорятъ Ему: *ты о себѣ самъ свидѣтельствуеши, свидѣтельство твое нѣсть истинно*. Тѣ слова показывали въ Немъ великое попеченіе, такъ какъ Онъ хотѣлъ предать Себя за людей, которые бросали въ Него камнями.

2. Потому благовременно вводитъ слово и объ язычникахъ. *И ины овцы имамъ*, говоритъ, *яже не суть отъ двора сего: и тыя Ми подобаетъ привести* (x, 16). Вотъ опять выраженіе: *подобаетъ* означаетъ не принужденіе, но указываетъ на дѣйствіе, имѣющее непремѣнно послѣдовать. Какъ бы такъ говорилъ: что удивительнаго, если эти пойдутъ за Мною и если овцы послушаютъ гласа Моего? Когда вы увидите, что и другія слѣдуютъ за Мною, и слушаютъ Моего гласа, тогда изумитесь болѣе. Не смущайся тѣмъ, что Онъ говоритъ: *яже не суть отъ двора сего*. Это различіе только по отношенію къ закону, какъ и Павелъ говоритъ: *ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе* (2 Кор. vii, 19). *И тыя Ми подобаетъ привести*. Показываетъ, что тѣ и другія были разсѣяны и смѣшаны, и что тѣ и другія не имѣли пастырей, до пришествія добраго Пастыря. Затѣмъ предсказываетъ и будущее ихъ соединеніе, что они будутъ *едино стадо*. Это же самое опять указалъ и Павелъ, сказавъ: *да оба созиждетъ собою во единаго новаго человѣка* (Еф. ii, 15). *Сего ради Мя Отецъ любитъ, яко Азъ душу Мою полагаю, да паки пріиму ю* (Іоан. x, 17). Что можетъ быть уничиженнѣе этихъ словъ? Господь нашъ пользуется любовію (Отца) ради насъ, потому что умираетъ за насъ! Что же, скажи мнѣ, развѣ прежде Онъ не былъ любимъ, а только теперь Отецъ сталъ, любить Его, и мы были виновниками этой любви? Видишь ли какъ Онъ приспособляется къ нашей немощи? Но что же Онъ хочетъ показать здѣсь? Такъ какъ называли Его чуждымъ Отцу и обманщикомъ, и утверждали, что Онъ пришелъ для вреда и погибели, то Онъ говоритъ, что если уже не что другое, то, по крайней мѣрѣ, то побуждало Меня любить васъ, что васъ любитъ Отецъ, такъ же какъ и Меня, и что Онъ любитъ (Меня) потому,

330

что Я умираю за васъ. А вмѣстѣ съ этимъ хочетъ и то показать, что идетъ на смерть не по неволѣ (если бы по неволѣ, то какимъ образомъ это доставило бы Ему любовь?), и что это весьма угодно и Отцу. И не удивляйся, что Онъ говоритъ здѣсь, какъ человѣкъ. Мы уже много разъ указывали причину этого, а снова повторять тоже самое было бы излишне и тягостно. *Азъ полагаю душу Мою, да паки пріиму ю. Никто же возметъ ю отъ Мене; но Азъ полагаю ю о себѣ. Область имамъ положити душу Мою, и область имамъ паки пріяти ю* (x, 18). Такъ какъ часто замышляли убить Его, то Онъ говоритъ: безъ Моего соизволенія, напрасенъ вашъ трудъ, — и предыдущимъ доказываетъ послѣдующее, — смертію воскресеніе. Это удивительно и необычайно, потому что и то и другое (смерть и воскресеніе) послѣдовало особеннымъ и необыкновеннымъ образомъ.

Но будемъ тщательно внимать тому, что говорится. *Область имамъ*, говоритъ, *положити душу Мою*. Да кто же не имѣетъ власти положить душу свою? Всякій, кто хочетъ, можетъ умертвить себя. Но слова Его имѣютъ не этотъ смыслъ. Какой же? Я имѣю такую власть положить, что, противъ Моей воли, никто не можетъ отнять ее у Меня; а этого нельзя сказать о людяхъ. Мы не иначе сами по себѣ можемъ положить душу свою, какъ только умертвивъ себя. А если впадемъ въ руки людей, злоумышляющихъ и могущихъ убить насъ, то уже не имѣемъ власти положить и не положить, но они убиваютъ насъ и противъ нашей воли. А Онъ — не такъ. Онъ властенъ былъ не положить душу Свою даже и тогда, какъ другіе злоумышляли. Поэтому-то, сказавъ: *никтоже возметъ ю отъ Мене*, затѣмъ уже прибавилъ: *область имамъ положити душу Мою*, то есть, Я одинъ властенъ положить ее, а вы не имѣете этой власти, потому что у васъ и многіе другіе могутъ взять ее. Вначалѣ Онъ этого не говорилъ, потому что тогда слова Его не показались бы и вѣроятными. Но когда Онъ имѣлъ уже доказательство въ самыхъ дѣлахъ, когда не разъ злоумышлявшіе противъ Него не могли захватить Его (а Онъ много разъ уходилъ изъ рукъ ихъ), — тогда уже говоритъ: *никтоже возметъ ю отъ Мене*. Если же это справедливо, то слѣдуетъ и то, что Онъ добровольно идетъ на смерть. А если и это справедливо, то несомнѣнно и то, что Онъ, когда захочетъ, снова можетъ воспринять душу Свою. Если смерть Его была такимъ дѣломъ, которое превышаетъ силы человѣческія, то не сомнѣвайся на счетъ Его въ остальномъ. То, что Онъ одинъ имѣетъ власть положить душу Свою, показываетъ, что, по той же
331 самой власти, Онъ можетъ и снова принять ее. Видишь ли, какъ первымъ утвердилъ второе, и смертію неоспоримо доказалъ и

воскресеніе? *Сію заповѣдь пріяхъ отъ Отца*. Какую же *сію*? Умереть за міръ. Такъ ужели Онъ ожидалъ, чтобы прежде услышать, и послѣ того уже рѣшился, и ужели имѣлъ нужду узнавать о томъ? Но кто здравомыслящій можетъ сказать это? Нѣтъ, какъ выше словами: *сего ради Мя любитъ Отецъ* показалъ свое добровольное желаніе и уничтожилъ всякую мысль о противномъ, такъ и здѣсь, сказавъ, что получилъ заповѣдь отъ Отца, не выражаетъ ничего другого, кромѣ того, что Отцу угодно то, что Я дѣлаю, чтобы, когда умертвятъ Его, не думали, что умертвили, какъ оставленнаго и преданнаго Отцемъ, и не поносили такъ, какъ поносили: *иныя спасе, Себе ли не можетъ спасти*, — и: *аще Сынъ еси Божій, сниди со креста* (Матѳ. xxvii, 40, 42). Потому-то именно Онъ и не сходитъ (со креста), что Онъ Сынъ Божій.

8. А чтобы ты, слыша, что Онъ принялъ заповѣдь отъ Отца, не подумалъ, что это дѣло чуждое Ему, Онъ уже напередъ сказалъ: *пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы*, показывая тѣмъ, что овцы принадлежатъ Ему, что все послѣдовавшее было Его дѣломъ и что Онъ не имѣетъ нужды въ заповѣди. И если бы имѣлъ Онъ нужду въ заповѣди, то какъ бы могъ сказать: *полагаю о Себѣ*? Кто полагаетъ самъ по себѣ, тотъ не имѣетъ нужды въ заповѣди. Притомъ Онъ указываетъ и причину, почему поступаетъ такъ. Какая же это причина? Та, что Онъ пастырь и пастырь добрый; а добрый пастырь не имѣетъ нужды, чтобы другой побуждалъ его къ такому дѣлу. Если такъ бываетъ у людей, то тѣмъ болѣе должно ожидать этого отъ Бога. Потому и Павелъ говоритъ, что Онъ *себе умалилъ* (Фил. ii, 7). Итакъ слово заповѣдь — означаетъ здѣсь не что другое, какъ только единомысліе Его со Отцемъ. Если же здѣсь говорится такъ уничиженно и по человѣчески, то причина этому — немощь слушателей. *Распря же паки бысть въ Іудеехъ за словеса сія. Глаголаху же мнози отъ нихъ: бѣса иматъ и неистовъ есть: что его послушаете? Иніи глаголаху: сія глаголы не суть бѣснующагося. Еда можетъ бѣсъ слѣпымъ очи отверзти* (Іоан. x, 19—21)? Такъ какъ слова Его были выше человѣческихъ и выходили изъ ряда обыкновенныхъ, то называли Его бѣсноватымъ, отзываясь о Немъ такъ уже въ четвертый разъ. И прежде говорили: *бѣса ли имаши? Кто Тебе ищетъ убити* (Іоан. vii, 20)? И опять: *не добрѣ ли мы глаголемъ, яко Самарянинъ еси Ты и бѣса имаши* (viii, 49)? Также и здѣсь: *бѣса иматъ и неистовъ есть: что его послушаете*? Впрочемъ вѣрнѣе, что и не четыре раза, а чаще Онъ слышалъ такой отзывъ. Слова: *не добрѣ ли мы глаголемъ, яко бѣса имаши* — служатъ знакомъ, что они не два и не три раза, но часто говорили это. *Иніи*, сказано, *глаголаху: сія глаголы не суть бѣснующагося: еда можетъ бѣсъ слѣпымъ очи*

отверзти? Такъ какъ не могли заградить уста, ссылаясь на слова, то, наконецъ, заимствуютъ доказательство отъ дѣлъ. И самыя слова, (говорятъ), очевидно, не приличны бѣсноватому; но если васъ не увѣряютъ слова, то убѣдитесь дѣлами. Если это не дѣла бѣсноватаго, и между тѣмъ они выше человѣческихъ, то очевидно, что они — дѣйствіе какой-то силы божественной. Понялъ ли умозаключеніе? Что дѣла были выше человѣческихъ, видно изъ словъ ихъ: *бѣса имать*. А что Онъ не имѣлъ бѣса, то до-
332 казалъ Своими дѣлами. Что же Христосъ? Ничего не отвѣчаетъ на это. Прежде Онъ отвѣчалъ: *Азъ бѣса не имамъ*, а теперь не отвѣчаетъ. Представивъ уже доказательство отъ дѣлъ, Онъ теперь молчалъ. Да и не достойны были никакого отвѣта называвшіе Его бѣсноватымъ за то, чему слѣдовало удивляться и за что должно было признавать Его Богомъ. И нужны ли были еще съ Его стороны какія-либо обличенія, когда сами они возставали другъ противъ друга и обличали одни другихъ? Поэтому-то Онъ молчалъ и все переносилъ съ кротостію. Впрочемъ не только по этой причинѣ, но и для того, чтобы насъ научить кротости и всякому долготерпѣнію.

4. Итакъ, будемъ подражать Ему. Онъ не ограничился однимъ молчаніемъ, но и снова выступилъ, и когда Его спросили, отвѣчалъ, и выказалъ Свое попеченіе. Его назвали бѣсноватымъ и неистовымъ люди, получившіе отъ Него безчисленныя благодѣянія, и не однажды и не дважды, но много разъ; однакожъ Онъ не только не мстилъ, но и не переставалъ имъ благодѣтельствовать. И что я говорю — благодѣтельствовать? За нихъ Онъ и душу Свою положилъ, и на крестѣ ходатайствовалъ за нихъ предъ Отцемъ. Будемъ же и мы подражать этому. Вѣдь быть ученикомъ Христовымъ и значитъ быть кроткимъ и незлобивымъ. Но какимъ же образомъ мы можемъ стяжать эту кротость? Если будемъ постоянно размышлять о своихъ грѣхахъ, — если будемъ скорбѣть и плакать. Душа, погруженная въ такое сѣтованіе, не можетъ ни раздражаться, ни гнѣваться. Гдѣ скорбь, тамъ гнѣвъ невозможенъ; гдѣ печаль, тамъ нѣтъ мѣста злобѣ; гдѣ сокрушеніе духа, тамъ не можетъ быть негодованія. Душа, терзаемая скорбію, не имѣетъ и времени раздражаться; но горько сѣтуетъ и еще горче плачетъ. Знаю, что многіе, слыша это, смѣются; но я не перестану плакать о смѣющихся. Настоящее время есть время скорби, слезъ и рыданій. Мы много грѣшимъ и словами и дѣлами; а такихъ грѣшниковъ ожидаютъ геенна и рѣка, кипящая огненными волнами и, что всего хуже, лишеніе царствія. И при такихъ-то угрозахъ, скажи мнѣ, ты смѣешься и веселишься? И въ то время, какъ Господь твой гнѣвается и угро-

жаетъ, ты остаешься безпечнымъ? И ты не боишься возжечь тѣмъ для себя горящую пещь? Не слышишь ли, что взываетъ Онъ каждый день? Вы видѣли Меня алчущимъ и не напитали, жаждущимъ и не напоили. *Идите во огнь, уготованный діаволу и аггеломъ его* (Матѳ. xxv, 41, 42). Такія угрозы Онъ повторяетъ каждый день. Но я, говоришь, питалъ Его. Когда и сколько дней? Десять, двадцать? Но Онъ хочетъ, чтобы — не въ теченіе этихъ только дней, но во все время, пока живешь на землѣ. Вѣдь и дѣвы имѣли елей, но не въ достаточномъ для ихъ спасенія количествѣ. И онѣ возжгли свѣтильники, но не были допущены въ брачный чертогъ. И совершенно справедливо, потому что свѣтильники ихъ угасли до пришествія жениха. Поэтому намъ должно имѣть много елея и много человѣколюбія. Послушай, что говоритъ пророкъ: *помилуй мя, Боже, по велицѣй твоей милости* (Псал. l, 1). Такъ и намъ должно миловать ближнихъ по великой, возможной намъ, милости. Каковы будемъ мы сами по отношенію къ подобнымъ намъ рабамъ, такого приготовимъ себѣ и Владыку. Когда же милость бываетъ великою? Когда мы даемъ не отъ избытка, но отъ скудости. А если мы не даемъ и отъ избытка, то какая останется намъ надежда? Что избавитъ насъ отъ тѣхъ золъ? Куда прибѣгнемъ и гдѣ найдемъ спасеніе? Если дѣвы послѣ столь многихъ и столь великихъ трудовъ не получили ни откуда никакого утѣшенія, то кто будетъ нашимъ за- 333
ступникомъ, когда мы услышимъ тѣ страшныя слова, когда самъ Судія, укоряя насъ, скажетъ: вы не напитали Меня алчущаго? *Понеже*, говоритъ, *не сотвористе единому сихъ меньшихъ, ни мнѣ сотвористе* (Матѳ. xxv, 45), разумѣя здѣсь не учениковъ только и избравшихъ жизнь иноческую, но и всякаго человѣка вѣрующаго. Хотя бы это былъ рабъ, хотя бы былъ изъ числа нищихъ, просящихъ на площади, но если онъ вѣруетъ въ Бога, имѣетъ право пользоваться всѣмъ расположеніемъ. И если мы презримъ такого человѣка, когда онъ нагъ или алчетъ, то услышимъ тѣ слова. И совершенно справедливо.

Труднаго ли чего и обременительнаго (Господь) требуетъ отъ насъ? Не того ли, напротивъ, что весьма легко и удобоисполнимо? Вѣдь не сказалъ Онъ: Я былъ боленъ, и вы не исцѣлили Меня, но: *не посѣтисте мене.* Не сказалъ: Я былъ въ темницѣ, и вы не освободили Меня, но: *не пріидосте ко мнѣ.* А чѣмъ легче заповѣди, тѣмъ большее наказаніе тѣмъ, которые не исполняютъ ихъ. Что же можетъ быть легче, скажи мнѣ, чѣмъ пойти и зайти въ темницу? Что даже пріятнѣе? Когда ты увидишь однихъ въ оковахъ, другихъ въ грязи, однихъ обросшихъ волосами и одѣтыхъ въ рубища, другихъ истаевающихъ отъ голода

и, подобно псамъ, прибѣгающихъ къ ногамъ, иныхъ съ растерзанными ребрами, иныхъ только теперь возвращающихся въ оковахъ съ площади, гдѣ они цѣлый день просятъ подаянія, но не сбираютъ и необходимаго пропитанія, а между тѣмъ вечеромъ принуждены бываютъ отдать стражамъ и то, что достали этимъ тяжкимъ и несноснымъ трудомъ, то, хотя бы ты былъ камень, непремѣнно сдѣлаешься человѣколюбивѣе; хотя бы велъ жизнь изнѣженную и распутную, непремѣнно будешь болѣе любомудрствовать, увидѣвъ участь людей въ чужихъ несчастіяхъ. Тогда непремѣнно придетъ тебѣ на мысль и тотъ страшный день съ его различными наказаніями. А когда будешь помнить и размышлять объ этомъ, — непремѣнно отвергнешь и гнѣвъ, и удовольствіе, и пристрастіе къ житейскимъ вещамъ, и содѣлаешь душу свою тише самой тихой пристани. Будешь любомудрствовать и о томъ судилищѣ, представляя, что если у людей такое устройство и порядокъ, страхъ и угрозы, то тѣмъ болѣе у Бога. *Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога* (Римл. xiii, 26). А Кто предоставилъ начальствующимъ распоряжаться такимъ образомъ, Тотъ тѣмъ болѣе сдѣлаетъ это самъ.

5. И если бы не было этого страха, — погибло бы все, потому что и теперь, когда угрожаетъ намъ столько наказаній, многіе устремляются къ злу. Разсуждая же объ этомъ, ты не только будешь усерднѣе къ дѣламъ милосердія, но и получишь великое удовольствіе,—гораздо большее, чѣмъ тѣ, которые приходятъ со зрѣлища. Возвращающіеся оттуда пылаютъ огнемъ вожделѣнія. Увидѣвъ на сценѣ тѣхъ страстныхъ женщинъ и получивъ отъ того многочисленныя раны, они бываютъ ничѣмъ не лучше волнующагося моря, потому что взгляды, одежда, слова, поступь и все прочее представляются ихъ взорамъ и не даютъ покоя душѣ. Напротивъ, вышедшіе отсюда (изъ темницы) не подвергнутся ничему такому, а пріобрѣтутъ глубокое спокойствіе и безмятежность. Скорбь, произведенная зрѣлищемъ узниковъ, потушаетъ всякій такой огонь. Кто вышелъ отъ узниковъ, съ тѣмъ если бы и встрѣтилась какая-либо блудная и безстыдная женщина, она не причинитъ ему никакого вреда. Сдѣлавшись уже какъ бы невиннымъ, онъ не будетъ уловленъ сѣтями ея взоровъ, потому что вмѣсто безстыдныхъ ея взоровъ будетъ тогда предъ очами его страхъ суда. Потому-то испытавшій всѣ
334 роды удовольствій и говорилъ: *благо ходити въ домъ плача, нежели ходити въ домъ пира* (Еккл. vii, 3). Такимъ образомъ, и здѣсь выкажетъ великое любомудріе, и тамъ услышитъ слова, стоющія безчисленныхъ блаженствъ. Не будемъ же пренебрегать такимъ дѣломъ и занятіемъ. Пусть мы не можемъ принести пищи, или

пособить деньгами; но можемъ словомъ утѣшить и ободрить унылую душу, и оказать много иной помощи, напримѣръ—уговорить тѣхъ, которые ввергли (въ темницу), расположить къ снисхожденію стражей, и всячески можемъ принесть большую или меньшую пользу. Если скажешь, что тамъ (содержатся) не честные, добрые и кроткіе люди, но убійцы, грабители могилъ, воры, прелюбодѣи, люди распутные и злодѣи, то и въ этомъ опять укажешь мнѣ побужденіе, почему необходимо посѣщать такія мѣста. Не то намъ заповѣдано, чтобы миловать добрыхъ и наказывать злыхъ, но—всѣмъ оказывать человѣколюбіе. Будьте, сказано, подобны Отцу вашему, *иже есть на небесѣхъ, яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Матѳ. v, 42). Итакъ не осуждай строго другихъ, и не будь жестокимъ судьею, но кроткимъ и человѣколюбивымъ. Вѣдь и мы, если не виновны ни въ прелюбодѣяніи, ни въ расхищеніи могилъ, ни въ воровствѣ, за то имѣемъ другія согрѣшенія, достойныя многихъ наказаній. И брата часто называли глупцомъ, а это подвергаетъ насъ гееннѣ; и на женщинъ смотрѣли невоздержными очами, а это равняется совершенному любодѣянію; но что всего хуже—не участвуемъ достойнымъ образомъ въ таинствахъ, что дѣлаетъ насъ повинными тѣлу и крови Христовой. Не будемъ же строгими изслѣдователями чужихъ дѣлъ, но станемъ помышлять о своихъ собственныхъ, и тогда мы не будемъ такъ безчеловѣчны и жестоки. Кромѣ того нужно и то сказать, что тамъ мы найдемъ много и добрыхъ людей, стоющихъ часто цѣлаго города. И въ той темницѣ, гдѣ былъ Іосифъ, находилось много порочныхъ, однако обо всѣхъ заботился этотъ праведникъ; да и самъ содержался (тамъ) вмѣстѣ съ другими. Онъ стоилъ всего Египта, и однако жилъ въ темницѣ, и никто изъ бывшихъ тамъ не зналъ его. Такъ и теперь, быть можетъ, тамъ много есть честныхъ и добрыхъ людей, только они не всѣмъ извѣстны, и попеченіе о такихъ людяхъ вознаграждаетъ тебя за заботы о всѣхъ. А если бы не было и ни одного такого, то и въ этомъ случаѣ будетъ великое воздаяніе. И самъ Господь твой не съ праведными только бесѣдовалъ: Онъ не убѣгалъ и нечистыхъ, а, напротивъ, и хананеянку принялъ съ великою благосклонностію, и грѣшную и нечистую самарянку. Принялъ также и уврачевалъ и другую блудницу, изъ-за которой и порицали Его іудеи, и позволилъ омочить ноги свои слезами грѣшницы, научая насъ быть снисходительными къ грѣшникамъ. Вотъ въ чемъ состоитъ по преимуществу человѣколюбіе Что ты говоришь? Въ темницѣ живутъ разбойники и грабители могилъ? А развѣ въ городѣ, скажи мнѣ, все живутъ праведники? Нѣтъ

ли, напротивъ, многихъ такихъ, которые хуже и тѣхъ и предаются разбою съ большимъ безстыдствомъ? Тѣ, если не другимъ чѣмъ, прикрываются, по крайней мѣрѣ, пустынею и тьмою, и дѣлаютъ это въ тайнѣ; эти, напротивъ, отбросивъ личину, совершаютъ зло съ открытымъ лицемъ, предаваясь насилію, хищничеству и любостяжанію. Да и трудно найти человѣка, чистаго отъ неправды.

835 6. Пусть мы не похищаемъ золота и столько-то и столько десятинъ земли; но все же, посредствомъ какого-нибудь обмана и утайки, дѣлаемъ тоже самое въ меньшихъ размѣрахъ и сколько можемъ. Когда, напримѣръ, въ торговыхъ обязательствахъ и при покупкѣ или продажѣ чего-либо, мы споримъ и усиливаемся заплатить меньше, чѣмъ слѣдуетъ, и всячески стараемся объ этомъ,—не разбой ли это? Не воровство ли и хищеніе? Не говори мнѣ, что ты отнялъ не домъ, не рабовъ. Несправедливость опредѣляется не цѣнностію того, что похищается, но намѣреніемъ похитителей. Несправедливость и справедливость имѣютъ одинакую силу какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ. И я одинаково называю воромъ какъ того, кто, отрѣзавъ кошелекъ, возьметъ чужія деньги, такъ и того, кто, покупая что-нибудь на рынкѣ, удержитъ часть настоящей цѣны. И грабитель не тотъ только, кто разломаетъ стѣну и похититъ что-либо изъ дома, но и тотъ, кто нарушитъ справедливость и отниметъ что-либо у ближняго. Итакъ не будемъ судіями чужихъ дѣлъ, забывая о своихъ собственныхъ; не станемъ заниматься изслѣдованіемъ пороковъ, когда есть случай къ человѣколюбію; но, помысливъ о томъ, чѣмъ и мы были нѣкогда, будемъ впредь кроткими и человѣколюбивыми. Чѣмъ же мы были? Послушай, что говоритъ Павелъ. *Бѣхомъ бо иногда и мы несмысленни, и непокориви, и прельщени, работающе похотемъ и сластемъ различнымъ, мерзцы суще и ненавидяще другъ друга* (Тит. ш, 3). И въ другомъ мѣстѣ: *бѣхомъ естествомъ чада гнѣва* (Евр. п, 3). Но Богъ, видя насъ какъ бы содержимыхъ въ темницѣ и связанныхъ тяжкими узами,—узами, гораздо тягчайшими желѣзныхъ,—не устыдился, но пришелъ и явился въ темницу, и насъ, достойныхъ безчисленныхъ наказаній, извелъ оттуда привелъ въ царство и содѣлалъ свѣтлѣйшими неба, чтобы и мы дѣлали, по возможности, тоже самое. Когда Онъ говоритъ ученикамъ: *аще убо Азъ умыхъ ваши нозѣ, Господь и Учитель, и вы должни есте другъ другу умывати нозѣ. Образъ бо дахъ вамъ, да, якоже Азъ сотворихъ вамъ, и вы творите* (Іоан. хш, 11—15), то даетъ этотъ законъ не объ умовеніи только ногъ, но и о всемъ прочемъ, въ чемъ Онъ служилъ намъ примѣромъ. Живетъ ли въ темницѣ убійца,—не устанемъ дѣлать добро. Грабитель ли могилъ и пре-

любодѣй, — будемъ милосерды не къ пороку, но къ несчастію. Нерѣдко же, какъ я сказалъ, можетъ найтись тамъ и человѣкъ, который одинъ стоитъ весьма многихъ. И если ты постоянно будешь посѣщать узниковъ, то не упустишь такого пріобрѣтенія. Какъ Авраамъ, принимавшій всѣхъ безъ различія странниковъ, принялъ однажды и ангеловъ, такъ и мы встрѣтимъ и великихъ 336
людей, если обратимъ это дѣло въ постоянное занятіе. Если же нужно сказать что-нибудь и удивительное, то не столько похвалъ заслуживаетъ тотъ, кто принимаетъ великаго, сколько тотъ кто принимаетъ жалкаго и злосчастнаго. Тотъ въ обстоятельствахъ своей жизни представляетъ немаловажное побужденіе къ доброму съ нимъ обхожденію; а отверженный и всѣми оставленный имѣетъ только одно убѣжище — милосердіе того, кто съ добротою призрѣваетъ его. И вотъ это по преимуществу и есть чистое человѣколюбіе. Притомъ, кто услуживаетъ человѣку славному и знаменитому, тотъ часто дѣлаетъ это изъ тщеславія передъ людьми; а кто—отверженному и презираемому, тотъ дѣйствуетъ единственно по заповѣди Божіей. Потому-то, когда мы устрояемъ вечерю, намъ заповѣдано принимать хромыхъ и слѣпыхъ; когда творимъ милостыню, заповѣдано творить ее меньшимъ и низшимъ изъ людей. *Понеже бо*, говоритъ Спаситель, *сотвористе единому сихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе.* Итакъ, зная о находящемся тамъ сокровищѣ, будемъ часто ходить туда и тамъ торговать, и туда перенесемъ свое усердіе къ зрѣлищамъ. Если бы ты и ничего не могъ принесть съ собою, — принеси утѣшеніе словомъ. Богъ награждаетъ не только питающаго, но и ходящаго туда. Когда ты придешь и ободришь трепещущую и боязливую душу своимъ утѣшеніемъ, пособіемъ, обѣщаніемъ защиты, наученіемъ любомудрію, — не малую и за то получишь награду. Когда ты будешь вести такую бесѣду въ другихъ мѣстахъ, многіе, изнѣженные многоразличными наслажденіями, станутъ надъ тобою и смѣяться. Но находящіеся въ несчастіяхъ, будучи смиренны духомъ, будутъ внимать твоимъ словамъ съ великою кротостію, похвалятъ тебя и сдѣлаются лучшими. И надъ Павломъ, когда онъ проповѣдывалъ, іудеи часто смѣялись; но узники внимали ему въ великомъ молчаніи. Ничто такъ не располагаетъ душу къ любомудрію, какъ бѣдствіе, искушеніе и угрожающая скорбь. Итакъ, представивъ себѣ все это,—сколько мы сдѣлаемъ добра и содержащимся въ темницахъ, и себѣ самимъ, если будемъ постоянно обращаться съ ними, и станемъ употреблять на это все время, которое проводимъ въ безвременныхъ и пустыхъ занятіяхъ на площадяхъ. Чрезъ это мы и имъ доставимъ пользу, и себѣ самимъ радость, и, послуживъ къ славѣ

Божіей, сподобимся вѣчныхъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXI.

Быша же тогда обновленія во Іерусалимѣхъ, и зима бѣ. И хождаше Іисусъ въ церкви, въ притворѣ Соломони. Обыдоша же Его Іудее, и глаголаху Ему: доколѣ души наши вземлеши (Іоан. x, 22—24)?

335 1. Всякая добродѣтель хороша, но въ особенности — незлобіе и кротость. Она выказываетъ въ насъ людей; она отличаетъ отъ звѣрей; она дѣлаетъ равными ангеламъ. Поэтому и Христосъ часто и много говоритъ объ этой добродѣтели, повелѣвая быть кроткими и незлобивыми. И не словами только заповѣдуетъ это, но учитъ тому и самыми дѣлами, то терпѣливо перенося заушенія, то подвергаясь поношеніямъ и навѣтамъ, и, не смотря на то, опять обращаясь съ навѣтниками. Вотъ тѣ именно, которые называли Его имѣющимъ бѣса и самаряниномъ, которые неоднократно хотѣли умертвить Его и бросали въ Него камни, — тѣ
336 самые, окруживъ Его, спрашивали: *аще ты еси Христосъ* (Іоан. x, 24)? Но Онъ и теперь, послѣ столь многихъ и великихъ козней, не отвергъ ихъ отъ Себя, но отвѣчалъ съ великою кротостію. Но необходимо разсмотрѣть всю эту бесѣду сначала. *Быша*, сказано, *обновленія во Іерусалимѣхъ, и зима бѣ*. Это былъ великій и общенародный праздникъ. Іудеи съ великимъ усердіемъ праздновали этотъ день, въ который возстановленъ былъ храмъ по возвращеніи ихъ изъ продолжительнаго персидскаго плѣна [1]). На этотъ праздникъ явился и Христосъ: теперь Онъ часто приходилъ въ Іудею, такъ какъ время страданія было уже при дверяхъ. *Обыдоша же Его Іудее, и глаголаху Ему: доколѣ души наши вземлеши? Аще Ты еси Христосъ, рцы намъ не обинуяся* (Іоан. x, 24). (На это Христосъ) не сказалъ: чего вы отъ Меня хотите? Вы неоднократно называли Меня бѣснующимся, и неистовымъ, самаряниномъ; вы считали Меня противникомъ Божіимъ и обман-
337 щикомъ, и недавно еще говорили: *ты о Себѣ самъ свидѣтельствуеши: свидѣтельство Твое нѣсть истинно* (Іоан. VIII, 13). Какъ же теперь спрашиваете и хотите узнать отъ Меня, тогда какъ отвергаете Мое свидѣтельство? Нѣтъ, ничего такого Онъ не сказалъ, хотя и

[1]) У Златоуста Вавилонія и Ассирія часто называются Персіей.

зналъ, что намѣреніе, съ которымъ они спрашивали, было лукавое. Правда, окруживъ Его и сказавъ: *доколѣ души наши вземлеши*,— они тѣмъ, по видимому, выразили нѣкоторое усердіе и желаніе знать; но, на самомъ дѣлѣ, мысль, съ какою спрашивали, была злая и коварная. Такъ какъ дѣлъ Его они не въ состояніи были оклеветать и опорочить, то старались уловить Его въ словахъ, и потому постоянно предлагали Ему вопросы, не съ тѣмъ, чтобы знать, но чтобы заградить Ему уста Его собственными словами. Не будучи въ состояніи ничѣмъ опорочить Его дѣла, старались найти какой-нибудь предлогъ въ Его рѣчахъ. Поэтому-то и говорили: *рци намъ*, хотя Онъ уже неоднократно говорилъ. Такъ и самарянкѣ Онъ говорилъ: *Азъ есмь, глаголяй съ тобою* (Іоан. IV, 26), и слѣпому: *и видѣлъ еси Его, и глаголяй съ тобою, той есть* (Іоан. IX, 37). Да и имъ самимъ Онъ сказалъ, хотя не такими, но другими словами. И еслибы они имѣли умъ и дѣйствительно желали знать, то могли бы уже и по тѣмъ словамъ признать Его, потому что дѣлами Онъ много разъ доказалъ это. Между тѣмъ смотри, какое у нихъ развращеніе и упорство. Когда Онъ проповѣдывалъ и училъ словами, они говорятъ: *кое убо Ты твориши знаменіе* (Іоан. VI, 30)? А когда представлялъ доказательства въ дѣлахъ, тогда говорятъ Ему: *аще Ты еси Христосъ, рци намъ не обинуяся*. Такимъ образомъ, когда вопіютъ дѣла, они ищутъ словъ; а когда учатъ слова, прибѣгаютъ къ дѣламъ, всегда настаивая на противномъ. А что они спрашивали не съ тѣмъ, чтобы знать, это показалъ конецъ. Въ самомъ дѣлѣ, на Того самаго, котораго считали столько достовѣрнымъ, что принимали Его свидѣтельство даже о Себѣ самомъ,—на Того самаго, едва только изрекъ Онъ нѣсколько словъ, тотчасъ начали бросать камни. Значитъ и то, что они окружили Его, и то, что настоятельно спрашивали,—дѣлалось съ лукавствомъ. Да и самый образъ вопроса являлъ въ нихъ великое недоброжелательство. *Рци намъ*, говорятъ, *не обинуяся, аще Ты еси Христосъ*? Хотя всегда, бывая во время праздниковъ, Онъ все говорилъ *не обинуяся* и ничего не говорилъ тайно, однакожъ они для того обращаются къ нему съ льстивыми словами и говорятъ: *доколѣ души наши вземлеши*, чтобы, вызвавъ Его, опять найти какой-нибудь поводъ къ обвиненію. А что они всегда спрашивали Его съ этою цѣлію,—не для того, чтобы научиться, но чтобы уловить Его въ словахъ,—это видно не отсюда только, но и изъ многихъ другихъ мѣстъ. Такъ и тогда, когда они приступили и спрашивали: *достойно ли есть дати кинсонъ кесареви, или ни* (Матѳ. XXII, 17), и когда бесѣдовали о разводѣ съ женою, и когда спрашивали о той, о которой говорили, что она имѣла семь мужей,—они были уличены въ

томъ, что предлагали вопросы не съ желаніемъ знать, но съ злымъ намѣреніемъ. Но въ тѣхъ случаяхъ Онъ обличаетъ ихъ, говоря: *что Мя искушаете, лицемѣри* (Матѳ. XXII, 18), — показывая тѣмъ, что Онъ знаетъ ихъ тайныя намѣренія; а здѣсь ничего такого не говоритъ, научая насъ не всегда обличать навѣтниковъ, но многое переносить съ кротостію и незлобіемъ. Итакъ, поелику безумно было требовать свидѣтельства словъ, когда проповѣдывали о Немъ дѣла, то послушай, какъ Онъ имъ отвѣчаетъ, частію указывая на то, что они безъ нужды этого требуютъ и не для того, чтобы научиться, частію показывая, что Онъ уже далъ отвѣтъ болѣе ясный, чѣмъ на словахъ, то есть, отвѣтъ въ дѣлахъ. *Многажды*, говоритъ, *рѣхъ вамъ, и не вѣруете Мнѣ: дѣла, яже Азъ творю о имени Отца Моего, та свидѣтельствуютъ о Мнѣ* (Іоан. X, 25). Это самое часто говорили между собою и умѣрен-
338 нѣйшіе изъ нихъ: *не можетъ человѣкъ грѣшенъ сицева знаменія творити* (Іоан. IX, 16); и опять: *не можетъ бѣсъ слѣпымъ очи отверзти* (Іоан. X, 21); и также: *никтоже можетъ знаменій сихъ творити, аще не будетъ Богъ съ нимъ* (Іоан. III, 2). И видя знаменія, которыя Онъ творилъ, говорили: *не сей ли есть Христосъ* (VII, 41), а другіе говорили: *Христосъ егда пріидетъ, еда больша знаменія сотворитъ, яже сей творитъ* (VII, 31)? Да и эти самые (которые теперь спрашивали) хотѣли увѣровать въ Него на основаніи дѣлъ, говоря: *кое Ты твориши знаменіе, да видимъ, и вѣру имемъ Тебѣ* (Іоан. VI, 30)?

2. Итакъ, поелику въ то время они показывали видъ, будто убѣдятся простымъ словомъ, между тѣмъ какъ не убѣдились столь многими дѣлами, то Онъ обличаетъ лукавство ихъ, говоря: если вы дѣламъ не вѣруете, то какъ повѣрите словамъ? Значитъ, вопросъ (вашъ) излишній. Но *рѣхъ вамъ*, говоритъ, *и не вѣруете: нѣсте бо отъ овецъ Моихъ* (Іоан. X, 26). Я, съ Своей стороны, исполнилъ все, что слѣдовало сдѣлать пастырю. Если же вы не слѣдуете за Мной, то это происходитъ не оттого, будто Я — не пастырь, но оттого, что вы — не Мои овцы. *Овцы Моя*, говоритъ, *гласа Моего слушаютъ, и по Мнѣ грядутъ, и Азъ животъ вѣчный даю имъ, и не погибнутъ во вѣки, и не восхититъ ихъ никтоже отъ руки Моея. Отецъ Мой, иже даде Мнѣ, болій всѣхъ есть: и никтоже можетъ восхитити ихъ отъ руки Отца Моего. Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. X, 27—30). Смотри, какъ Онъ, и не признавая ихъ, склоняетъ слѣдовать за Собою. Вы, воворитъ, не слушаете Меня, потому что вы и не овцы Мои; а тѣ, которые слѣдуютъ за Мною, принадлежатъ къ стаду. Это сказалъ Онъ съ тою цѣлію, чтобы они поревновали сдѣлаться овцами. Потомъ, сказавъ, чего (овцы Его) достигнутъ, Онъ тѣмъ подстрекаетъ ихъ и возбуждаетъ въ нихъ желаніе. Что же? Значитъ, по могуществу (только) Отца никто

не восхититъ (ихъ)? А самъ Ты не можешь и не имѣешь силы охранить? Отнюдь нѣтъ. И чтобы ты зналъ, что изреченіе — *Отецъ, иже даде мнѣ*, сказано ради іудеевъ, чтобы они опять не назвали Его противникомъ Божіимъ, то вотъ Онъ, сказавъ: *не восхититъ никтоже отъ руки Моея*, далѣе показалъ, что рука Его и рука Отца одна и таже. А если бы это было не такъ, то слѣдовало бы сказать, что *Отецъ Мой, иже даде Мнѣ, болій всѣхъ есть, и никтоже можетъ восхитити ихъ отъ руки* Моея. Но Онъ не сказалъ такъ, а: *отъ руки Отца Моего*. Потомъ, чтобы ты не подумалъ что самъ Онъ безсиленъ, но овцы находятся въ безопасности по причинѣ силы Отца, Онъ присовокупилъ: *Азъ и Отецъ едино есма*. Какъ бы такъ говорилъ: не потому Я сказалъ, что ради Отца никто не похититъ овецъ, будто самъ Я не силенъ охранить ихъ: *Азъ и Отецъ едино есма*, — то есть по отношенію къ могуществу, такъ какъ вся рѣчь у Него была о могуществѣ. Если же одно и тоже могущество, то, очевидно, и существо. Такъ какъ іудеи вооружались безчисленными средствами, строили ковы, отлучали отъ синагоги, то Онъ говоритъ, что все это они предпринимали напрасно и безполезно; овцы находятся въ рукѣ Отца Моего, какъ и пророкъ говоритъ: *се на рукахъ моихъ написахъ стѣны твоя* (Ис. XLIX, 16). Потомъ, показывая, что рука одна, Онъ называетъ ее то Своею, то Отчею. А когда ты услышишь слово: *рука*, не представляй себѣ ничего чувственнаго, но силу, власть. Если же потому никто не могъ восхитить, что (Отецъ) облекъ Его силою, въ такомъ случаѣ излишне было бы дальнѣйшее изреченіе: *Азъ и Отецъ едино есма*. Если бы Онъ былъ меньше (Отца), то это изреченіе было бы очень дерзновенно, потому что оно показываетъ не что другое, какъ равенство могущества. Такъ именно поняли Его и іудеи, и потому стали бросать въ Него камни. Однакожъ, 389
не смотря и на это, Онъ не опровергъ такого ихъ мнѣнія и предположенія. Между тѣмъ, если бы они сдѣлали предположеніе неправильное, слѣдовало бы поправить ихъ и сказать: для чего вы это дѣлаете? Я сказалъ это не для того, чтобы приписать Мнѣ и Отцу равное могущество. Но Онъ поступаетъ совсѣмъ напротивъ: Онъ утверждаетъ и одобряетъ ихъ предположеніе, и все это — несмотря на ихъ ожесточеніе. Онъ не только не извиняется въ своихъ словахъ, какъ не хорошо сказанныхъ; а напротивъ, еще ихъ укоряетъ въ томъ, что они имѣютъ о Немъ не надлежащее понятіе. Такъ, когда они сказали: *о добрѣ дѣлѣ каменіе не мещемъ на Тя, но о хулѣ, яко Ты, человѣкъ сый, твориши Себе Бога* (Іоан. X, 33), — послушай, что Онъ отвѣчаетъ: *аще оныхъ рече писаніе боговъ, къ нимъ же слово Божіе бысть, како вы глаголете, яко хулу глаголю, зане рѣхъ Сынъ Божій есмь* (ст. 35 36)? А эти

слова означаютъ вотъ что: если тѣ, которые получили это названіе по благодати, не подвергаются обвиненію, когда называютъ себя богами, то какъ можетъ по справедливости подлежать укоризнѣ Тотъ, Кто имѣетъ это по естеству? Но Онъ такъ не сказалъ, а доказалъ это послѣ, употребивъ напередъ выраженія болѣе смиренныя и сказавъ: *его же Отецъ святи и посла въ міръ* (ст. 36). Когда же утишилъ ихъ гнѣвъ, тогда приводитъ ясное доказательство. Сначала, чтобы слово Его было принято, Онъ говорилъ съ нѣкоторымъ уничиженіемъ; а наконецъ возвысилъ и сказалъ такъ: *аще не творю дѣла Отца Моего, не имите Ми вѣры: аще ли творю, аще и Мнѣ не вѣруете, дѣломъ Моимъ вѣруйте* (ст. 37, 38). Видишь ли, какъ Онъ доказываетъ то, что я выше сказалъ, именно, что Онъ ничѣмъ не меньше Отца, но во всемъ равенъ? Такъ какъ невозможно было видѣть существа Его, то вотъ Онъ въ доказательство равенства своего могущества представляетъ равенство и тожество дѣлъ.

3. Чему же именно, скажи, вѣровать? Тому, что *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. x, 38). Я не иное что, а тоже, что Отецъ, только пребываю Сыномъ; и Онъ не иное что, а тоже, что Я, только пребываетъ Отцемъ. И кто позналъ Меня, тотъ позналъ и Отца, уразумѣлъ и Сына. Но если бы (Сынъ) былъ меньше (Отца) по могуществу, то и познаніе было бы ложное. Нельзя познать ни существа, ни могущества одного лица посредствомъ другого, отличнаго отъ него. *Искаху убо яти его, и изыде отъ рукъ ихъ. И иде на онъполъ Іордана, на мѣсто, идѣже бѣ Іоаннъ прежде крестя: и мнози пріидоша къ нему, и глаголаху, яко Іоаннъ убо знаменія не сотвори ни единаго: вся же, елика рече Іоаннъ о семъ, истинна бяху* (Іоан. x, 39—41). Христосъ, послѣ того, какъ возвѣстить что-нибудь великое и высокое, тотчасъ удаляется, уступая гнѣву іудеевъ, чтобы Своимъ отсутствіемъ укротить и утишить ихъ страсть. Такъ поступилъ Онъ и въ то время. Но для чего евангелистъ указываетъ мѣсто? Для того, чтобы ты зналъ, что Онъ удалился въ то мѣсто съ намѣреніемъ напомнить іудеямъ о томъ, что тамъ произошло и что сказано было Іоанномъ, равно какъ и о его свидѣтельствѣ. И дѣйствительно, пришедши туда, они тотчасъ вспомнили объ Іоаннѣ, поэтому и говорятъ, что *Іоаннъ знаменія не сотвори ни единаго.* Иначе какой поводъ былъ бы говорить это? Но такъ какъ мѣсто привело имъ на память Крестителя, то имъ пришло на память и его свидѣтельство. И смотри, какія неоспоримыя составляютъ они умозаключенія. Іоаннъ, говорятъ, не сотворилъ никакого знаменія, а этотъ творитъ; слѣдовательно отсюда видно Его превосходство. Если же мы вѣрили тому (Іоанну), хотя онъ не сотворилъ никакого знаменія, то го-

раздо болѣе (должны вѣровать) этому (Христу). Затѣмъ, такъ какъ Іоаннъ свидѣтельствовалъ (о Христѣ), то, чтобы не показалось, что онъ, какъ не сотворившій знаменія, недостоинъ да- 340
вать свидѣтельство, — они присовокупили: хотя знаменія онъ не сотворилъ ни одного, однакожъ во всемъ, что говорилъ о Христѣ, былъ истиненъ,—и тѣмъ показали, что не Христосъ содѣлался достойнымъ вѣры чрезъ Іоанна, а Іоаннъ чрезъ дѣла Христовы. Такимъ образомъ *мнози вѣроваша въ него* (ст. 42). И въ самомъ дѣлѣ, многое привлекало ихъ. Такъ, вспомнили они о тѣхъ рѣчахъ, которыя Іоаннъ говорилъ, называя Его крѣпльшимъ себя, и свѣтомъ, и жизнію, и истиною, и всѣми прочими (именами); вспомнили и голосъ, нисшедшій свыше, и Духа, явившагося тогда въ видѣ голубя и всѣмъ Его указавшаго; а сверхъ того, они видѣли доказательство въ чудесахъ, и тѣмъ, наконецъ, утверждались. Если Іоанну, говорили они, слѣдовало вѣрить, то гораздо болѣе — Христу. Если тому—безъ знаменій, то гораздо болѣе Христу, Который, вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ отъ Іоанна, имѣетъ еще доказательство отъ знаменій.

Видишь ли, сколько пользы принесло имъ пребываніе въ этомъ мѣстѣ и удаленіе отъ злыхъ людей? По этой-то причинѣ (Христосъ) часто изводитъ и удаляетъ ихъ отъ сообщества такихъ людей. Это самое сдѣлалъ Онъ и въ ветхомъ завѣтѣ, когда въ пустынѣ, вдали отъ египтянъ, наставлялъ іудеевъ и устроялъ во всемъ. Тоже внушаетъ Онъ и намъ дѣлать, когда повелѣваетъ убѣгать торжищъ, шума и смятеній, молиться въ тишинѣ — въ своей клѣти. И корабль, неподверженный бурѣ, плыветъ благополучно: такъ и душа, не занятая общественными дѣлами, находится въ пристани. Поэтому-то женамъ слѣдовало бы быть любомудрѣе мужей, такъ какъ онѣ по большей части привязаны къ занятіямъ домашнимъ. Оттого именно и Іаковъ былъ *не лукавъ*, что жилъ дома и былъ свободенъ отъ внѣшнихъ тревогъ; не безъ причины же Писаніе замѣтило о немъ: *живый въ дому* (Быт. xxv, 27). Но и въ домѣ, скажешь, много безпокойства. Это оттого, что ты сама того хочешь и сама себя окружаешь множествомъ заботъ. Мужъ, обращаясь на торжищахъ и въ судилищахъ, очевидно, обуревается внѣшними хлопотами, какъ бы нѣкоторыми волнами; а жена, сидя дома, какъ бы въ нѣкоемъ училищѣ любомудрія, и сосредоточивъ въ себѣ свои мысли, имѣетъ возможность заниматься и молитвою, и чтеніемъ, и другими дѣлами любомудрія. И какъ живущіе въ пустыняхъ не имѣютъ никого, кто бы безпокоилъ ихъ, такъ и жена, находясь всегда дома, постоянно можетъ наслаждаться тишиною. Если же иногда представится ей необходимость и выйти, то и

тогда нѣтъ для нея повода къ безпокойству. Въ самомъ дѣлѣ, женщинѣ нужно бываетъ выходить или для того, чтобы придти сюда, или когда надобно омыть тѣло въ банѣ; затѣмъ большую часть времени она сидитъ дома. Поэтому она можетъ и сама любомудрствовать, и, принимая растревоженнаго мужа, утѣшать и успокаивать Его, разгонять излишнія и тяжелыя его мысли и, такимъ образомъ, снова отпускать его уже безъ тѣхъ непріятностей, какія онъ принесъ съ собою съ торжища, но съ добрымъ расположеніемъ, которое пріобрѣлъ дома. Подлинно, жена благочестивая и разумная скорѣе всего можетъ образовать мужа и настроить его душу по своему желанію. Ни друзей, ни учителей, ни начальниковъ не послушаетъ онъ такъ, какъ свою супругу, когда она увѣщеваетъ и даетъ совѣты. Это увѣщаніе доставляетъ ему и нѣкоторое удовольствіе, потому что онъ очень любитъ эту совѣтницу. И я могъ бы указать на многихъ суровыхъ и неукротимыхъ мужей, которые смягчены такимъ образомъ. Жена участвуетъ съ мужемъ и въ трапезѣ, и въ ложѣ, и въ рожденіи дѣтей, и въ дѣлахъ явныхъ и тайныхъ, во входахъ и выходахъ, и въ весьма многомъ другомъ; она во всемъ ему предана и со-
841 единена съ нимъ такъ, какъ тѣло соединено съ головою. И если она будетъ разумна и рачительна, то всѣхъ другихъ превзойдетъ и побѣдитъ въ попеченіи о своемъ супругѣ.

4. Поэтому убѣждаю: считайте это обязанностію и давайте надлежащіе совѣты. Женщина имѣетъ великую силу какъ для добродѣтели, такъ и для порока. Она погубила Авессалома; она —Амнона; она намѣревалась — Іова; но она же избавила Навала отъ смерти; она спасла цѣлый народъ. Такъ Деввора и Іудиѳь выказали доблести мужей—военачальниковъ. Таковы же и многія другія жены. Поэтому и Павелъ говоритъ: *что бо вѣси, жено, аще мужа спасеши* (1 Кор. VII. 16)? И мы знаемъ, что въ тѣ времена Персида, Маріамъ и Прискилла приняли на себя подвиги апостольскіе. Этимъ-то женамъ и вы должны ревностно подражать, и не словами только, но и дѣлами наставлять своего супруга. Какъ же мы можемъ учить его дѣлами? Когда онъ увидитъ, что ты не злонравна, не расточительна, не любишь украшеній, не требуешь излишнихъ денежныхъ доходовъ, но довольствуешься тѣмъ, что есть: въ этомъ случаѣ онъ непремѣнно послушаетъ и твоихъ совѣтовъ. Если ты на словахъ будешь любомудрствовать, а на дѣлѣ станешь поступать напротивъ, то онъ обвинитъ тебя въ великомъ пустословіи. А когда вмѣстѣ съ словами ты представишь ему наставленіе дѣлами, тогда онъ похвалитъ тебя и скорѣе послушаетъ. Такъ будетъ, напримѣръ, когда ты не с...-нешь искать ни золота, ни жемчуга, ни драгоцѣнныхъ оде...

но, вмѣсто этого, скромности, цѣломудрія, благодушія, и, поступая такъ сама, будешь требовать того же и отъ него. Если же надобно что-нибудь дѣлать для угожденія мужу, то нужно душу украшать, а не тѣло наряжать и погублять. Не столько золото, которымъ ты украшаешься, сдѣлаетъ тебя любезною и пріятною для него, сколько—цѣломудріе и ласковость къ нему, и готовность умереть за своего супруга. Это по преимуществу плѣняетъ мужей. То украшеніе непріятно мужу, потому что приводитъ въ стѣсненное положеніе его имѣніе и требуетъ большихъ издержекъ и заботъ; а это, о которомъ сказано выше, привяжетъ мужа къ женѣ. Ласковость, дружба и любовь ни заботъ не приносятъ, ни издержекъ не требуютъ, но все противоположное. Притомъ тотъ нарядъ отъ привычки дѣлается приторнымъ; а украшеніе души цвѣтетъ каждый день и возжигаетъ сильнѣйшій пламень. Итакъ, если хочешь нравиться мужу, украшай душу цѣломудріемъ, благочестіемъ, попеченіемъ о домѣ. Эта красота и болѣе плѣняетъ, и никогда не прекращается. Ни старость не разрушаетъ этой красоты, ни болѣзнь не уничтожаетъ. Красоту тѣлесную и время продолжительное разрушаетъ, и болѣзнь 342
истребляетъ, и многое другое; а что украшаетъ душу, то выше всего этого. Кромѣ того, та красота и возбуждаетъ зависть, и возжигаетъ ревность; а эта чиста отъ такой болѣзни и свободна отъ всякаго тщеславія. Такимъ образомъ, и въ домѣ все будетъ идти лучше, и доходы будутъ изобильнѣе, когда золото не будетъ лежать вокругъ твоего тѣла, не будетъ связывать твоихъ рукъ, но будетъ употребляться на необходимыя нужды, какъ, напримѣръ, на содержаніе слугъ, на необходимое попеченіе о дѣтяхъ и на другія дѣйствительныя потребности. Но если не такъ,—если будетъ со всѣхъ сторонъ лежать предъ глазами и стѣснять сердце, то какая прибыль? Какая польза? Печаль сердца не позволяетъ замѣчать того, чѣмъ плѣняются глаза. Вѣдь вы знаете, вѣрно знаете, что если бы кто увидѣлъ женщину, даже лучше всѣхъ украшенную, онъ не можетъ находить въ томъ удовольствія, когда у него душа болѣетъ. Кто хочетъ находить удовольствіе, тому напередъ нужно быть веселымъ и имѣть расположеніе къ радости. Между тѣмъ, если золото все растрачено на украшеніе женина тѣла, а въ домѣ обитаетъ скудость, то для супруга нѣтъ никакого удовольствія. Итакъ, если желаете нравиться мужьямъ, приводите ихъ въ пріятное расположеніе духа; а приведете ихъ въ это расположеніе, когда отвергнете наряды и украшенія. Все это, повидимому, имѣетъ для него нѣкоторую пріятность во время бракосочетанія; но впослѣдствіи, съ теченіемъ времени, теряетъ свою цѣну. Если отъ привычки мы не

очень удивляемся небу, которое такъ прекрасно, и солнцу, которое такъ блистательно, что ты не можешь сравнить съ нимъ ни одного тѣла, то какимъ образомъ будемъ дивиться украшенному тѣлу? Это говорю я, желая, чтобы вы украшались истинною красотою, которую заповѣдалъ Павелъ: ***не златомъ, или бисерми, или ризами многоцѣнными, но еже подобаетъ женамъ, обѣщавающимся благочестію, дѣлы благими*** (1 Тим, п, 9—10). Или ты хочешь нравиться лицамъ постороннимъ и отъ нихъ получать похвалы? Но это желаніе отнюдь не жены цѣломудренной. Впрочемъ, если хочешь, то и они будутъ очень любить тебя и хвалить за цѣломудріе. Въ самомъ дѣлѣ, ту (любящую наряды) не похвалитъ ни одинъ скромный и порядочный человѣкъ; похвалятъ развѣ люди распутные, или, лучше сказать, и они не похвалятъ, а напротивъ, станутъ говорить о ней худо, когда замѣтятъ, что ея безстыдство возбуждаетъ въ нихъ вожделѣніе. А эту (цѣломудренную) и тѣ, и другіе, и всѣ похвалятъ, такъ какъ не только не получаютъ отъ ней никакого вреда, а напротивъ еще наставленіе въ любомудріи. И отъ людей ей будетъ великая похвала, и отъ Бога великая награда. Итакъ, будемъ ревновать объ этой красотѣ, чтобы и здѣсь пожить въ безопасности, и достигнуть будущихъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXII.

Бѣ же боля нѣкто Лазарь отъ Виѳаніи, отъ веси Маріины и Марѳы, сестры ея: бѣ же Марія, помазавшая Господа мνромъ (Іоан. xi, 1, 2).

341 1. Многіе соблазняются, когда видятъ нѣкоторыхъ угодныхъ Богу людей въ какомъ-либо бѣдствіи, когда видятъ, напримѣръ, что они подверглись болѣзни, или бѣдности, или чему-нибудь другому подобному; а того не знаютъ, что такія страданія свойственны тѣмъ, которые особенно любезны Богу. Такъ вотъ и Лазарь былъ изъ друзей Христовыхъ, а былъ боленъ, какъ это именно говорили и пославшіе: *се, егоже любиши, болитъ* (ст. 3). Но разсмотримъ эту часть (евангельскаго чтенія) сначала. *Бѣ нѣкто*, сказано, *боля Лазарь отъ Виѳаніи*. Не просто и не случайно сказалъ, откуда былъ Лазарь, но по нѣкоторой причинѣ, которую укажетъ впослѣдствіи. Но мы пока займемся предложеннымъ
342 мѣстомъ. Съ пользою также упоминаетъ намъ и о сестрахъ его присовокупляя къ тому, что особеннаго имѣла Марія, именно:

бѣ же Марія, помазавшая Господа мѵромъ. Нѣкоторые съ недоумѣніемъ здѣсь спрашиваютъ: какъ Христосъ позволилъ сдѣлать это женщинѣ? Поэтому, прежде всего необходимо замѣтить, что это—не блудница, упоминаемая у Матѳея, и не та, которая (упоминается) у Луки; нѣтъ, это—другая. Тѣ дѣйствительно были блудницы и преисполнены многихъ пороковъ; а эта была честная и усердная, заботившаяся о принятіи Христа. Евангелистъ указываетъ, что и сестры любили Христа, и однакожъ Онъ допустилъ Лазарю умереть. Но почему же онѣ не оставили болящаго 343
брата и не пошли сами ко Христу, какъ поступилъ сотникъ и мужъ царевъ, но послали къ Нему? Потому, что онѣ крѣпко надѣялись на Христа, и были очень близки къ Нему. А съ другой стороны, онѣ были слабыя женщины и были одержимы скорбію. А что онѣ сдѣлали такъ не по небреженію, это показали впослѣдствіи. Итакъ, очевидно, что Марія была не блудница. Но для чего, скажешь, и блудницу принялъ Христосъ? Для того, чтобы разрѣшить отъ порока, чтобы показать человѣколюбіе, чтобы ты позналъ, что нѣтъ недуга, побѣждающаго Его благость. Итакъ, не на то одно смотри, что Онъ принялъ, но и на то взирай, какъ Онъ перемѣнилъ ее. Для чего же евангелистъ упоминаетъ намъ объ этомъ событіи? Или лучше, чему онъ хочетъ научить словами: *любляше Іисусъ Марѳу и сестру ея и Лазаря* (ст. 5)? Тому, чтобы мы отнюдь не негодовали и не огорчались, когда случится впасть въ какую-нибудь болѣзнь людямъ добродѣтельнымъ и друзьямъ Божіимъ. *Се, егоже любиши, болитъ* (ст. 3). (Сестры Лазаря) хотѣли возбудить въ Христѣ сострадапіе, потому что еще смотрѣли на Него, какъ на человѣка, что видно изъ ихъ словъ: *аще бы еси здѣ былъ, не бы умеръ* (ст. 21), а также изъ того, что онѣ не сказали: *се* Лазарь *болитъ*, но: *се, егоже любиши, болитъ*. Что же Христосъ? *Сія болѣзнь нѣсть къ смерти, но о славѣ Божіи, да прославится Сынъ Божій ея ради* (ст. 4). Смотри, какъ Онъ опять показываетъ, что слава Его и слава Отца—одна. Сказавъ—*о славѣ Божіи*, присовокупилъ: *да прославится Сынъ Божій*. *Сія болѣзнь нѣсть къ смерти*. Такъ какъ Онъ намѣренъ былъ пробыть тамъ два дня, то теперь и отсылаетъ ихъ съ этимъ извѣстіемъ. При этомъ слѣдуетъ подивиться сестрамъ Лазаря, какъ онѣ, услышавъ, что *нѣсть къ смерти*, и между тѣмъ увидѣвъ его умершимъ, не соблазнились тѣмъ, что на дѣлѣ вышло напротивъ, но и послѣ того приступили ко Христу, и не подумали, что Онъ сказалъ ложь. А частица *да* означаетъ здѣсь не причину, но слѣдствіе. Болѣзнь случилась по иной причинѣ; но Христосъ обратилъ ее къ славѣ Божіей. И, сказавъ это, *пребысть два дни* (ст. 6). Для чего же *пребысть*? Для того, чтобы скончался и былъ

погребенъ, чтобы потомъ никто не могъ сказать, что Онъ воскресилъ его тогда, какъ тотъ еще не умеръ, что то былъ только глубокій сонъ, или разслабленіе, или лишеніе чувствъ, но не смерть. По этой-то причинѣ Онъ и остался на столько времени, что произошло даже тлѣніе, такъ что говорили: *уже смердитъ* (ст. 39). *Потомъ же глагола ученикомъ: идемъ во Іудею* (ст. 7). Почему Онъ здѣсь говоритъ напередъ (куда хочетъ идти), тогда какъ въ другихъ мѣстахъ нигдѣ не предувѣдомлялъ объ этомъ? (Ученики) сильно боялись; и такъ какъ теперь находились въ такомъ расположеніи духа, то Онъ и предваряетъ ихъ этимъ извѣстіемъ, чтобы не встревожить внезапностію. Что же ученики? *Нынѣ искаху Тебе каменіемъ побити Іудее, и паки ли идеши тамо* (ст. 8)? Такимъ образомъ, они боялись и за Него, но еще болѣе—за себя, потому что еще не были совершенны. Оттого-то Ѳома, потрясаемый страхомъ, и говоритъ: *идемъ и мы, да умремъ съ нимъ* (ст. 16), такъ какъ онъ былъ слабѣе и маловѣрнѣе другихъ. Но смотри, какъ Іисусъ ободряетъ ихъ тѣмъ, что говоритъ далѣе: *не дванадесять ли часовъ есть во дни* (ст. 9). Этимъ Онъ сказалъ или то, что не сознающій за собой ничего худого не потерпитъ никакой бѣды, а потерпитъ тотъ, кто поступаетъ худо, слѣдовательно намъ не должно страшиться, потому что мы не сдѣлали ничего достойнаго смерти,— или то, что видящій *свѣтъ міра сего* (ст. 9) находится въ безопасности, и что если (безопасенъ) видящій *свѣтъ міра сего*, то гораздо болѣе—тотъ, кто находится со Мною, если не отступитъ отъ Меня.
844 Ободривъ ихъ такими словами, Онъ приводитъ и причину, почему имъ необходимо туда отправиться. И показывая, что они пойдутъ не въ Іерусалимъ, а въ Виѳанію, Онъ говоритъ: *Лазарь, другъ нашъ, успе, но иду, да возбужу его* (ст. 11), то есть, иду не для того, чтобы бесѣдовать опять о тѣхъ же предметахъ и обращаться тамъ между іудеями, но за тѣмъ, чтобы разбудить нашего друга. *Рѣша убо ученицы Его: Господи, аще успе, спасенъ будетъ* (ст. 12). Это не просто сказали они, но съ тѣмъ, чтобы воспрепятствовать Ему идти туда. Ты говоришь, возражаютъ они, что онъ спитъ? Значитъ, нѣтъ особенной нужды идти туда. Между тѣмъ Онъ для того и сказалъ: *другъ нашъ*, чтобы показать необходимость идти.

2. Когда же они все еще не рѣшались, то Онъ говоритъ: *умре* (ст. 14). Первое выраженіе Онъ употребилъ потому, что хотѣлъ научить не тщеславиться; но такъ какъ они не поняли, то Онъ присовокупляетъ: *умре, и радуюся васъ ради* (ст. 15). Почему же именно *васъ ради*? Потому что Я предсказалъ (смерть его), не бывши тамъ; и, значитъ, когда Я воскрешу его, не будетъ никакого подозрѣнія. Видишь ли, какъ еще несовершенны были

ученики, и не понимали, какъ должно, Его могущества? А это происходило отъ страха, который въ то время волновалъ и смущалъ ихъ души. И когда сказалъ: *успе*, тогда прибавилъ: *иду, да возбужу его;* а сказавъ: *умре,* уже не присовокупилъ: иду, чтобы воскресить его. Онъ не хотѣлъ словами предрекать того, что имѣлъ подтвердить самымъ дѣломъ, вездѣ научая насъ не тщеславиться и не давать безъ разбора обѣщаній. А если Онъ и сдѣлалъ это, когда сотникъ умолялъ Его,—потому что сказалъ: *азъ пришедъ исцѣлю его* (Матѳ. VIII, 7),—то сказалъ это для того, чтобы показать его вѣру. Если же кто скажетъ: отчего ученики пришли къ мысли о снѣ и не уразумѣли, что Онъ говоритъ о смерти, даже и послѣ того, какъ Онъ сказалъ: *иду, да возбужу его,*—такъ какъ безумно было предполагать, что Онъ отправится за пятнадцать стадій для того, чтобы разбудить,—то мы отвѣтимъ, что они считали это загадкой, какихъ Онъ говорилъ много.

Итакъ, всѣ они боялись нападенія отъ іудеевъ; но болѣе всѣхъ другихъ—Ѳома, который поэтому и сказалъ: *идемъ и мы, да умремъ съ нимъ* (ст. 16). Нѣкоторые говорятъ, что онъ дѣйствительно желалъ умереть; но это несправедливо: слова его болѣе выражаютъ страхъ. Однакожъ онъ не подвергся за то упреку, потому что (Христосъ) снисходилъ теперь къ его немощи. Впослѣдствіи же онъ сдѣлался сильнѣе всѣхъ и былъ непобѣдимъ. И вотъ то-то и удивительно, что (апостола), столь слабаго прежде креста,—послѣ креста и послѣ того, какъ онъ повѣрилъ воскресенію, мы видимъ пламеннѣе всѣхъ прочихъ. Такъ велика сила Христова. Кто не смѣлъ пойти вмѣстѣ со Христомъ въ Виѳанію, тотъ, не видя Христа, прошелъ почти всю вселенную и обращался среди народовъ свирѣпыхъ и готовыхъ его умертвить. Но если Виѳанія отстояла на пятнадцать стадій, что составляетъ двѣ мили, то какимъ образомъ Лазарь могъ быть *четверодневенъ* (ст. 39)? (Христосъ) пробылъ на мѣстѣ два дня, да наканунѣ этихъ двухъ дней приходилъ посланный съ извѣстіемъ,—въ тотъ самый день, когда и умеръ,—такъ что Христосъ прибылъ именно въ четвертый день. Потому Онъ и ожидалъ, чтобы Его позвали, и не вошелъ самъ собою безъ приглашенія, чтобы кто-нибудь не заподозрилъ этого событія. Да и приходили не сами (сестры), которыхъ Онъ любилъ; но были посланы посторонніе. *Бѣ же Виѳанія близъ Іерусалима стадій яко пятьнадесять* (ст. 18). Отсюда становится очевиднымъ, что тамъ могли присутствовать многіе изъ Іерусалима. И дѣйствительно, (евангелистъ) тотчасъ присовокупилъ, что *мнози отъ Іудей бяху пришли, да утѣшатъ* (ст. 19). Отчего же они утѣшали этихъ (женщинъ), любимыхъ Христомъ? 345
Вѣдь они же положили: *аще кто его исповѣсть Христа, отлученъ отъ*

сонмища будетъ (Іоан. IX, 22)? Или по особенной тяжести этого несчастія, или по уваженію къ нимъ, какъ женщинамъ благороднымъ, или же это были люди, не принадлежавшіе къ числу злыхъ, такъ какъ многіе и изъ нихъ вѣровали. А говоритъ объ этомъ евангелистъ для того, чтобы увѣрить, что Лазарь умеръ. Зачѣмъ же (Мароа), выходя на встрѣчу Христу, не беретъ съ собою сестры? Она хочетъ увидѣться съ Нимъ наединѣ, и разсказать Ему о случившемся. Когда Онъ возбудилъ въ ней добрыя надежды, она уходитъ и зоветъ Марію, которая и вышла ко Христу на встрѣчу, хотя скорбь ея была еще во всей силѣ. Видишь ли, какъ горяча была любовь? Это та самая, о которой говорилъ: *Марія же благую часть избра* (Лук. X, 42). Но какъ же, скажешь, Мареа явилась теперь болѣе усердною? Она не была болѣе усердною; Марія (не вышла потому, что) еще не слышала (о Его прибытіи). Напротивъ была слабѣе, потому что и послѣ того, какъ услышала столь многое, все еще говоритъ: *уже смердитъ, четверодневенъ бо есть* (ст. 39). А эта (Марія), хотя ничего не слышала, однакожъ не сказала ничего подобнаго, но тотчасъ увѣровала и говоритъ: *Господи, аще бы еси былъ здѣ, не бы умеръ мой братъ* (ст. 32).

3. Видите, какое любомудріе у женъ, хотя и немощенъ ихъ умъ? Увидѣвъ Христа, онѣ не предаются тотчасъ слезамъ, рыданіямъ и стонамъ, что бываетъ съ нами, когда къ намъ приходитъ кто-нибудь изъ знакомыхъ во время нашей скорби; но тотчасъ выказываютъ свое удивленіе къ Учителю. Такъ, онѣ обѣ вѣровали во Христа, но еще не надлежащимъ образомъ. Онѣ не знали еще хорошо ни того, что Онъ Богъ, ни того, что Онъ творилъ это собственною силою и властію. Теперь Онъ научилъ ихъ и тому и другому. А что онѣ не знали этого, видно какъ изъ словъ ихъ: *аще бы еси здѣ былъ, не бы братъ* нашъ *умеръ* (ст. 21), такъ и изъ того, что онѣ присовокупили: *елика аще просиши отъ Бога, дастъ тебѣ Богъ* (ст. 22). Такимъ образомъ онѣ говорятъ (о Христѣ), какъ о какомъ-нибудь человѣкѣ добродѣтельномъ и угодномъ Богу. Замѣть же, что отвѣчаетъ Христосъ: *воскреснетъ братъ твой* (ст. 23). Этимъ опровергаетъ пока слова: *елика аще просиши*. Не сказалъ: Я буду просить, но что? *Воскреснетъ братъ твой*. Если бы Онъ сказалъ: женщина! Еще ли ты смотришь долу? Я не нуждаюсь въ чужой помощи; Я все творю Самъ собою,— то это было бы очень тяжело и непріятно для женщины. Но сказавъ: *воскреснетъ*. Онъ тѣмъ естественно сдѣлалъ слово Свое болѣе умѣреннымъ, а дальнѣйшими словами далъ разумѣть и то, что я выше сказалъ. Такъ, когда сказала: *вѣмъ, яко воскреснетъ въ воскрешеніе, въ послѣдній день* (ст. 24), тогда Онъ, яснѣе показывая

свое могущество, говоритъ: *Азъ есмь воскрешеніе и животъ* (ст. 25),
и тѣмъ означаетъ, что Онъ не нуждается въ содѣйствіи другого,
такъ какъ самъ есть жизнь. А если бы Онъ нуждался въ дру-
гомъ, то какимъ бы образомъ самъ могъ быть воскрешеніемъ и
жизнію? Но Онъ не сказалъ такъ ясно, а только намекнулъ на
это. Потомъ, такъ какъ она сказала: *елика аще просиши*, то Онъ
еще говоритъ: *вѣруяй въ Мя, аще и умретъ оживетъ* (ст. 25), пока-
зывая тѣмъ, что Онъ самъ есть податель благъ, и у Него должно
ихъ просить. *И всякъ живый и вѣруяй въ Мя не умретъ во вѣки*
(ст. 26). Смотри, какъ Онъ возвышаетъ ея умъ. Вѣдь не въ томъ
только было дѣло, чтобы воскресить Лазаря, но надобно было и 316
ее, и присутствующихъ съ нею научить воскресенію. Поэтому
Онъ прежде, чѣмъ воскресилъ, разсуждаетъ о (воскресеніи). Если
же Онъ самъ есть *воскрешеніе и животъ*, то не ограничивается
мѣстомъ, но можетъ исцѣлять вездѣ. И если бы (сестры Лазаря),
подобно сотнику, сказали: *рцы слово, и исцѣлѣетъ отрокъ мой*
(Матѳ. VIII 8), то Онъ такъ бы и сдѣлалъ. Но такъ какъ онѣ звали
Его и просили придти къ нимъ, то Онъ снисходитъ, чтобы воз-
вести ихъ отъ уничиженнаго о Немъ понятія, и приходитъ на
мѣсто. Но и при этомъ снисхожденіи Онъ показываетъ, что мо-
жетъ исцѣлять и не присутствуя на мѣстѣ. Съ этою-то цѣлію
Онъ и медлитъ. Въ самомъ дѣлѣ, благодать не сдѣлалась бы
очевидною, если бы она тотчасъ была дарована, если бы прежде
не появился уже смрадъ. Но откуда знала эта женщина о буду-
щемъ воскресеніи? Она слышала многія бесѣды Христа о воскре-
сеніи; а теперь желала увидѣть это на самомъ дѣлѣ. Смотри
однакожъ, какъ она еще вращается долу! Въ самомъ дѣлѣ, уже
услышавши: *Азъ есмь воскрешеніе и животъ*, она даже и послѣ того
не сказала: воскреси его,—но что? *Азъ вѣровахъ, яко ты еси Христосъ,
Сынъ Божій, иже въ міръ грядый* (ст. 27). Что же ей Христосъ?
Всякъ *вѣруй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ* (ст. 25), разумѣя здѣсь
эту (тѣлесную) смерть? *и всякъ живый и вѣруяй въ Мя не умретъ во
вѣки* (ст. 26), указывая на ту (духовную) смерть. И такъ какъ
Азъ есмь воскрешеніе; то не смущайся; хотя уже и умеръ, но вѣ-
руй, это не есть смерть. Такимъ образомъ Онъ пока утѣшилъ ее
въ случившемся и пробудилъ въ ней надежду, и тѣмъ, что сказалъ:
воскреснетъ, и тѣмъ, что изрекъ: *Азъ есмь воскрешеніе*, и тѣмъ, что
если послѣ воскресенія онъ и опять умретъ, то ни потерпитъ
никакого вреда, а потому и не должно страшиться этой смерти.
Слова Его имѣютъ тотъ смыслъ, что ни онъ не умеръ, ни вы не
умрете. *Емлеши ли вѣру сему?* Мароа отвѣчаетъ: *вѣрую, яко ты еси
Христосъ, Сынъ Божій, иже въ міръ грядый* (ст. 26, 27). Мнѣ кажется,
что женщина не поняла словъ. Она сознавала, что въ нихъ есть

что-то великое, но всего не выразумѣла. Поэтому, будучи спрошена объ одномъ, она отвѣчаетъ другое. Но по крайней мѣрѣ она получила теперь ту пользу, что отложила свою скорбь. Такова-то сила словъ Христовыхъ! Поэтому-то и Мареа первая вышла на встрѣчу Христу, и Марія послѣдовала за нею. Любовь къ Учителю не давала имъ сильно чувствовать настоящую (скорбь). Такимъ образомъ, съ помощію благодати, и умъ этихъ женъ любомудрствовалъ.

4. А въ настоящее время, вмѣстѣ съ другими пороками, между женщинами господствуетъ и та болѣзнь, что онѣ выставляются на показъ въ плачѣ и рыданіяхъ, обнажая плечи, терзая волосы, дѣлая рубцы на щекахъ. И это дѣлаютъ — однѣ отъ скорби, другія изъ желанія выказаться и отличиться, а иныя обнажаютъ себѣ плечи, и притомъ въ глазахъ мужчинъ — по распутству. Что ты дѣлаешь, женщина? Какъ ты, скажи мнѣ, будучи членомъ Христовымъ, безъ всякаго приличія обнажаешь себя среди торжища, и притомъ тогда, какъ на торжищѣ присутствуютъ мужчины? Ты рвешь на себѣ волосы, раздираешь одежду, громко рыдаешь, составляешь вокругъ себя позорище, являешься въ образѣ неистовыхъ женщинъ, — и не думаешь, что оскорбляешь Бога? Какъ велико такое безуміе! Не станутъ ли смѣяться надъ этимъ язычники? Не подумаютъ ли, что все у насъ — басни? Такъ, они скажутъ: воскресенія нѣтъ, и ученіе христіанъ — это смѣхъ, обманъ и выдумка. Женщины у нихъ
847 рыдаютъ такъ, какъ бы послѣ настоящей жизни ничего уже не было; онѣ не внимаютъ словамъ, начертаннымъ въ ихъ книгахъ, а этимъ сами показываютъ, что все то вымыселъ. Если бы онѣ вѣровали, что умершій не умеръ, но преставился къ лучшей жизни, то не оплакивали бы его, какъ уже несуществующаго, не терзались бы такъ и не произносили бы этихъ словъ, исполненныхъ невѣрія: ужъ не видѣть мнѣ тебя больше! Ужъ не будешь ты опять со мною! Все у нихъ басня. Если они такъ не вѣруютъ высшему изъ благъ, то тѣмъ менѣе всему другому, что у нихъ считается священнымъ. Не такъ малодушны сами язычники. Многіе у нихъ любомудрствовали. Такъ, одна языческая женщина, услышавъ, что сынъ ея палъ на войнѣ, тотчасъ спросила: а въ какомъ положеніи находятся дѣла города? И одинъ изъ философовъ, удостоенный вѣнка, когда услышалъ, что одинъ изъ его сыновей палъ за отечество, — снялъ съ себя вѣнокъ и спросилъ: который изъ двухъ? И какъ скоро узналъ, кто именно изъ нихъ палъ, тотчасъ опять возложилъ на себя вѣнокъ. Многіе также отдавали даже сыновей и дочерей своихъ на жертву, — изъ почтенія къ демонамъ. А лакедемонскія женщины даже вну-

шали своимъ дѣтямъ, чтобы они или принесли свой щитъ съ войны, или сами были принесены на немъ мертвыми. Потому-то стыдно мнѣ, что язычники такъ любомудрствуютъ, а мы поступаемъ непристойно. Не знающіе ничего о воскресеніи дѣйствуютъ такъ, какъ свойственно знающимъ; а знающіе поступаютъ, какъ не знающіе. Многія даже, изъ-за стыда человѣческаго, нерѣдко дѣлаютъ то, чего не дѣлаютъ для Бога; такъ богатыя женщины не терзаютъ волосъ и не обнажаютъ плечъ. Но и это также заслуживаетъ крайняго осужденія? — не потому, что онѣ не обнажаютъ себя, но потому, что дѣлаютъ это не по благочестію, а для того, чтобы не показаться безстыдными. Значитъ, стыдъ обуздываетъ печаль, а страхъ Божій не обуздываетъ? Какъ же не достойно это крайняго осужденія? Слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, чтобы то, что богатыя женщины дѣлаютъ вслѣдствіе своего богатства, бѣдныя дѣлали по страху Божію; но теперь все бываетъ напротивъ: тѣ любомудрствуютъ по тщеславію, а эти поступаютъ неблагопристойно по малодушію. Что хуже такой несообразности? Все дѣлается для людей, все — по здѣшнимъ побужденіямъ. И рѣчи произносятся, полныя безумія и великаго смѣха. Господь говоритъ: *блаженни плачущіи* (Матѳ. v, 4), — разумѣя плачущихъ о грѣхахъ, и между тѣмъ никто не плачетъ этимъ плачемъ, и не заботится о погибающей душѣ. Это (плакать объ умершихъ) намъ напротивъ не заповѣдано дѣлать, и однакожъ мы дѣлаемъ. Что же, скажешь, развѣ человѣку можно не плакать? Да я и не воспрещаю этого; я воспрещаю только терзаться, плакать неумѣренно. Я не звѣрь и не безчеловѣченъ. Знаю, что въ этомъ обнаруживается природа, и что она ищетъ содружества и ежедневнаго общенія. Не возможно не печалиться. Это самъ Христосъ показалъ, потому что прослезился надъ Лазаремъ. Такъ и ты поступай: плачь, но тихо, но благопристойно, но со страхомъ Божіимъ. Если такъ будешь плакать, то это будетъ знакомъ не того, будто ты не вѣруешь воскресенію, но того, что для тебя тяжела разлука.

5. Вѣдь мы плачемъ и о тѣхъ, которые отправляются въ дорогу и разлучаются съ нами; но — не такъ, какъ отчаивающіеся. Такъ и ты, плачь, какъ бы провожалъ отходящаго въ чужую сторону. Это говорю я не съ тѣмъ, чтобы поставить вамъ въ законъ, но — по снисхожденію. Въ самомъ дѣлѣ, если умершій 348 былъ грѣшникъ, и много оскорбилъ Бога, въ такомъ случаѣ должно плакать, или лучше — не плакать только, потому что отсюда для него нѣтъ никакой пользы, но и дѣлать то, что можетъ принести ему нѣкоторое облегченіе, милостыню и приношенія. А впрочемъ и въ этомъ случаѣ нужно радоваться, по-

тому что у него отнята возможность грѣшить. Если же — праведникъ, то еще болѣе должно радоваться, потому что онъ находится въ безопасности, и уже избавился отъ неизвѣстности будущаго. Если это юноша, (должно радоваться), что онъ скоро освободился отъ окружающихъ насъ золъ. Если старецъ, — что онъ отошелъ, до сытости насладившись тѣмъ, что считается вожделѣннымъ. Но ты, забывъ думать объ этомъ, заставляешь рыдать служанокъ, какъ будто дѣлаешь этимъ честь отошедшему. Это же — крайнее безчестіе! Честь для умершаго составляютъ не плачъ и рыданія, но священныя пѣсни и псалмопѣнія, и добрая жизнь. Такой человѣкъ, отойдя отсюда, отойдетъ съ ангелами, хотя бы и никого не было при его останкахъ. А человѣкъ развратный, хотя бы цѣлый городъ провожалъ его, не получитъ изъ того никакого плода.

Хочешь почтить умершаго? Почти его инымъ образомъ,— милостынями, благотвореніями, литургіями. Какая польза отъ многихъ рыданій? А я слышалъ еще и о другомъ тяжкомъ злѣ; говорятъ, будто многія чрезъ плачъ привлекаютъ къ себѣ даже любовниковъ, чрезмѣрностію своихъ воплей составляя себѣ славу женъ любящихъ своихъ мужей. Какое діавольское изобрѣтеніе! Какая сатанинская выдумка! Доколѣ мы будемъ земля и пепелъ? Доколѣ—кровь и плоть? Воззримъ на небеса,—подумаемъ о духовномъ! Какая будетъ у насъ возможность укорять язычниковъ, какая возможность утѣшать, когда сами поступаемъ такимъ образомъ? Какъ будемъ бесѣдовать съ ними о воскресеніи? Какъ о всякомъ другомъ любомудріи? Какъ сами будемъ жить безъ страха? Ужели не знаешь, что отъ печали происходитъ смерть? Помрачая зрѣніе души, печаль не только не позволяетъ ей видѣть ничего должнаго, но и причиняетъ великій вредъ. Подлинно, когда мы предаемся излишней скорби объ умершемъ, тогда и Бога оскорбляемъ, и не доставляемъ пользы ни себѣ, ни отшедшему; а когда поступаемъ напротивъ, — и Богу благоугождаемъ, и пріобрѣтаемъ доброе мнѣніе у людей. Если мы и сами не будемъ упадать духомъ, въ такомъ случаѣ (Богъ) скоро уничтожаетъ и остатокъ скорби; а если будемъ сильно огорчаться, Онъ предоставляетъ насъ во власть печали. Если будемъ благодарить,—не будемъ скорбѣть. Но какъ возможно, скажешь, не печалиться тому, кто потерялъ сына, или дочь, или жену? Я не говорю не печалиться, но—не печалиться безъ мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, если мы помыслимъ, что ихъ взялъ Богъ, что мужъ и сынъ были у насъ смертные, то скоро получимъ утѣшеніе. Скорбѣть здѣсь—значитъ требовать чего-то вышеестественнаго. Если ты родился человѣкомъ и смертнымъ, то зачѣмъ скорбишь

о томъ, что совершилось сообразно съ природою? Ты вѣдь не скорбишь, что поддерживаешь жизнь свою пищею? Вѣдь не домогаешься того, чтобы жить безъ пищи? Такъ поступай и въ отношеніи къ смерти, и не ищи до времени безсмертія, когда родился смертнымъ. Это опредѣлено однажды навсегда. Не скорби же и не сокрушайся, но переноси благодушно то, что для всѣхъ вообще законоположено. Печалься лучше о грѣхахъ: это — хорошая печаль, это — величайшее любомудріе. Итакъ, будемъ непрестанно печалиться объ этомъ, чтобы тамъ сподобиться радости, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXIII.

Не уже бо бѣ пришелъ Іисусъ въ весь, но бѣ на мѣстѣ, идѣже срѣте Его Мареа. Іудее же убо сущіи съ нею, и проч. (Іоан. xi, 30, 31).

1. Великое благо любомудріе,—разумѣю то любомудріе, кото- 319
рое у насъ. У язычниковъ все только слова и басни; а самыя эти басни не заключаютъ въ себѣ никакого любомудрія, потому что у нихъ все дѣлается ради славы. Итакъ, великое благо любомудріе; оно и здѣсь уже вознаграждаетъ насъ. Такъ, кто презираетъ богатство, тотъ уже здѣсь получаетъ пользу, потому что избавляется отъ излишнихъ и безполезныхъ заботъ. Кто попираетъ славу, уже здѣсь получаетъ награду, потому что не служитъ никому рабомъ, но бываетъ свободенъ истинною свободою, Кто желаетъ небесныхъ (благъ),—уже здѣсь получаетъ воздаянія, потому что, вмѣняя въ ничто все настоящее, легко побѣждаетъ всякую печаль. Такъ вотъ и эта женщина за свое любомудріе получила здѣсь награду. Въ то время, какъ всѣ сидѣли при ней—скорбѣвшей и плакавшей, она не ожидала, чтобы къ ней пришелъ Учитель, не обращала вниманія на (свое) достоинство и не была удержана скорбію. Скорбящія вмѣстѣ съ другими недугами имѣютъ еще и ту болѣзнь, что желаютъ быть въ почетѣ у присутствующихъ. Но въ ней не было ничего этого, а какъ только она услышала (что Господь пришелъ), тотчасъ идетъ къ нему. *Іисусъ же не убо бѣ пришелъ въ весь*. Онъ шелъ не скоро, чтобы видно было, что Онъ не самъ стремится къ чуду, но идетъ по ихъ просьбѣ. Или это именно хочетъ выразить евангелистъ словами: *воста скоро* (ст. 29), или онъ этимъ показываетъ, что (Марія) побѣжала такъ для того, чтобы предупредить Его пришествіе. Между тѣмъ она идетъ не одна, но влечетъ за собою

и бывшихъ въ домѣ іудеевъ. Весьма благоразумно, поэтому, сестра и позвала ее тайно, чтобы не смутить собравшихся, и не сказала — зачѣмъ; иначе многіе и удалились бы; а теперь всѣ пошли за нею, полагая, что она идетъ плакать. Можетъ быть также и чрезъ это (евангелистъ) снова увѣряетъ въ томъ, что Лазарь дѣйствительно умеръ. *И паде Ему на ногу* (ст. 32). Она была пламеннѣе своей сестры. Она не устыдилась ни народа, ни худого мнѣнія, какое имѣли о Христѣ (были многіе и изъ враговъ Его, которые и говорили: *не можаше ли сей отверзый очи слѣпому сотворити, да и сей не умретъ* (ст. 37?). Въ присутствіи Учителя, она отбросила все человѣческое, и заботилась только о томъ, чтобы почтить Учителя. И чтожъ она говоритъ? *Господи, аще бы еси былъ здѣ, не бы умерлъ мой братъ* (ст. 32). Что же Христосъ? Теперь пока ничего не говоритъ ей; не говоритъ даже того, что сказалъ ея сестрѣ. Тутъ присутствовало много народа, и не время было для такимъ рѣчей. Онъ, только смиряется и снисходитъ, и, чтобы увѣрить въ Своей человѣческой природѣ, тихо плачетъ и отлагаетъ до времени чудо. Въ самомъ дѣлѣ, чудо это было великое, — такое, какихъ Онъ совершилъ немного, — и чрезъ него многіе должны были увѣровать. Поэтому, чтобы оно не показалось народу невѣроятнымъ, если бы совершено было безъ него, и чтобы при всемъ величіи не осталось
350 безъ пользы, — Христосъ привлекаетъ Своимъ снисхожденіемъ многихъ свидѣтелей, чтобы не погубить добычи, и выказываетъ въ Себѣ то, что было свойственно Его человѣческой природѣ, т. е. плачетъ и смущается, такъ какъ скорбь обыкновенно производитъ плачъ. Потомъ Онъ обуздываетъ Свою скорбь (это именно и означаетъ выраженіе: *запрети духу*—ст. 33), и тогда спрашиваетъ: *гдѣ положисте его*, — чтобы вопросъ не былъ соединенъ съ рыданіемъ. Но зачѣмъ же Онъ спрашиваетъ? Затѣмъ, что не хочетъ самъ по себѣ приступить (къ совершенію чуда), но хочетъ все узнать отъ другихъ и сдѣлать по ихъ просьбѣ, чтобы освободить чудо отъ всякаго подозрѣнія. *Глаголаша ему: Господи, пріиди и виждь. Прослезися Іисусъ* (ст. 34, 35). Видишь ли, что еще до сихъ поръ Онъ ничѣмъ не указалъ на воскресеніе, и что Онъ идетъ какъ будто не для того, чтобы воскресить, но чтобы плакать? А что дѣйствительно казалось, что Онъ пошелъ съ этимъ намѣреніемъ, т. е. съ тѣмъ, чтобы плакать, а не воскресить, это показываютъ іудеи, которые потому и говорили: *виждь, како любляше его; нѣцыи же отъ нихъ рѣша: не можаше ли сей отверзый очи слѣпому сотворити, да и сей не умретъ* (ст. 36, 37)? Даже и въ несчастіи они не оставили своей злобы. Но (Христосъ) намѣренъ совершить дѣло, еще болѣе удивительно: отгнать смерть,

уже наставшую и овладѣвшую (человѣкомъ), гораздо важнѣе,
нежели остановить смерть наступающую. Такимъ образомъ, они
порицаютъ Его тѣмъ самымъ, изъ-за чего слѣдовало бы ди-
виться Его могуществу. Допускаютъ до времени, что Онъ отверзъ
очи слѣпому; но вмѣсто того, чтобы за это дивиться Ему, они,
изъ-за смерти Лазаря, клевещутъ и на то чудо, какъ будто его
не было. Впрочемъ не отсюда только видно, что они всѣ были
развращены, но также и изъ того, что еще прежде, нежели Онъ
пришелъ и явилъ (Свою силу), они уже предваряютъ Его обви-
неніями, не дожидаясь конца дѣла. Видишь, какъ превратно
было ихъ сужденіе?

2. Итакъ, Онъ приходитъ ко гробу и опять удерживаетъ
скорбь. Но для чего евангелистъ тщательно и не разъ замѣчаетъ,
что Онъ плакалъ и что Онъ удерживалъ скорбь? Для того, чтобы
ты зналъ, что Онъ истинно облеченъ былъ нашимъ естествомъ.
Такъ какъ этотъ (евангелистъ), очевидно, болѣе другихъ говоритъ
о Немъ великаго, то и о человѣческихъ Его дѣлахъ повѣствуетъ
здѣсь гораздо уничиженнѣе. О смерти Его Онъ не сказалъ ни-
чего такого, что другіе,—именно, что Онъ былъ прискорбенъ, что
Онъ былъ въ подвигѣ; но совсѣмъ противное,—что Онъ и ницъ
повергъ (воиновъ). Итакъ, что было опущено тамъ, то онъ вос-
полнилъ здѣсь, сказавъ о плачѣ. И самъ Христосъ, бесѣдуя о
смерти, говоритъ: *область имамъ положити душу Мою* (Іоан. х, 18),
и не произноситъ ничего уничиженнаго. Поэтому-то, повѣствуя
о страданіяхъ, (евангелисты) и приписываютъ Ему много человѣ-
ческаго, показывая тѣмъ, что Его воплощеніе истинно. Такъ
Матѳей удостовѣряетъ въ этомъ, говоря о Его предсмертныхъ
мукахъ, смущеніи и потѣ; а этотъ—повѣствуя о плачѣ. Въ самомъ
дѣлѣ, если бы Онъ не былъ нашего естества, то не былъ бы
одержимъ скорбію, и притомъ не однажды, а дважды. Что же
Іисусъ? Онъ нисколько не защищаетъ Себя предъ іудеями отъ
ихъ обвиненій. Да и для чего было словами опровергать тѣхъ,
которые тотчасъ же имѣли быть опровергнуты самымъ дѣломъ?
А между тѣмъ это (опроверженіе) было не такъ тягостно и болѣе
могло пристыдить ихъ. *Глагола Іисусъ: возмите камень* (ст. 39).
Почему же Онъ не воззвалъ и не воскресилъ его, не будучи еще
на мѣстѣ? А особенно, почему Онъ не воскресилъ его, когда
камень еще былъ наваленъ. Кто могъ голосомъ подвигнуть мер- 851
твое тѣло и опять одушевить его, тотъ, конечно, гораздо болѣе
могъ тѣмъ же голосомъ подвигнуть камень. Кто своимъ голосомъ
далъ возможность ходить обвязанному убрусами и связанному
по ногамъ, тотъ гораздо болѣе могъ подвигнуть камень. И что
я говорю? Онъ могъ бы сдѣлать это и не находясь на мѣстѣ.

Для чего же не сдѣлалъ? Для того, чтобы ихъ самихъ поставить свидѣтелями чуда, чтобы они не говорили того же, что говорили о слѣпомъ: это—онъ, это—не онъ. Самыя руки ихъ и самое пришествіе ихъ ко гробу свидѣтельствовали, что это—онъ. Еслибы они не пришли, то, пожалуй, подумали бы, что видятъ призракъ или одного вмѣсто другого. А теперь, когда пришли къ мѣсту и отняли камень, когда получили повелѣніе разрѣшить отъ узъ обвязаннаго пеленами мертвеца, когда друзья, вынесшіе его изъ гроба, узнали по самымъ пеленамъ, что это—онъ, когда при этомъ находились самыя сестры, и одна изъ нихъ сказала: *уже смердитъ, четверодневенъ бо есть* (ст. 34)?—теперь все это уже достаточно могло заградить неблагонамѣреннымъ свидѣтелямъ уста. Для того Онъ повелѣваетъ имъ отнять камень отъ гроба, чтобы показать, что Онъ воскрешаетъ именно Лазаря. Для того и спрашиваетъ: *гдѣ положисте его* (ст. 34)?—чтобы тѣ, которые сказали: *пріиди и виждь* (ст. 34), и которые привели его, не могли сказать, что Онъ воскресилъ другого; чтобы и голосъ, и руки свидѣтельствовали: — голосъ, говорившій:—*пріиди и виждь*, — руки, отвалившія камень и разрѣшившія повязки; также—зрѣніе и слухъ,—слухъ: такъ какъ слышалъ голосъ, — зрѣніе, такъ какъ видѣло исшедшаго (изъ гроба); равно и обоняніе, такъ какъ оно чувствовало смрадъ,—*уже смердитъ, четверодневенъ бо есть*. Итакъ, справедливо я сказалъ, что эта женщина ничего не поняла въ словахъ Христовыхъ: *аще и умретъ, оживетъ* (ст. 25). Смотри, что она здѣсь говоритъ; (она считаетъ) это дѣло уже невозможнымъ по продолжительности времени. И подлинно, дѣло было необычайное— воскресить четверодневнаго и предавшагося тлѣнію мертвеца. Ученикамъ (Христосъ) сказалъ: *да прославится Сынъ Божій* (ст. 40), указывая на Себя самого; а женѣ этой говоритъ: *узриши славу Божію* (ст. 40), разумѣя Отца. Видишь ли, какъ немощь слушателей служитъ причиною разности изреченій? Онъ напоминаетъ о Своей бесѣдѣ съ нею, какъ бы укоряя ее за то, что она не помнитъ (Его словъ; или же Онъ теперь не хотѣлъ приводить въ смущеніе присутствующихъ, и потому кротко говоритъ: *не рѣхъ ли ти, яко, аще вѣруеши, узриши славу Божію* (ст. 40)?

8. Итакъ, великое благо—вѣра, великое благо и виновница многихъ благъ; такъ что люди во имя Божіе могутъ совершать дѣла Божіи. *Аще имате вѣру*, говоритъ (Христосъ), *речете горѣ сей, прейди отсюду тамо, и прейдетъ* (Матѳ. XVII, 20); и опять: *вѣруяй въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ, и больша сихъ сотворитъ* (Іоан. XIV, 12). Какія же, скажешь, дѣла большія? Дѣла, совершенныя учениками впослѣдствіи, когда даже тѣнь Петра воскресила мертваго. Чрезъ это еще болѣе проповѣдывалась и

сила Христова. Въ самомъ дѣлѣ, не столько удивительно то, что Онъ при жизни своей чудодѣйствовалъ, сколько то, что по смерти Его другіе могли Его именемъ совершать большія чудеса: это служило несомнѣннымъ доказательствомъ Его воскресенія. Если бы даже Онъ всѣмъ явился,—и это не возбудило бы такой вѣры, потому что видѣвшіе могли бы еще сказать, что это былъ призракъ. Но кто видитъ, что однимъ именемъ Его совершаются знаменія гораздо большія, нежели какія Онъ самъ творилъ, обращаясь съ людьми, тотъ не можетъ не увѣровать, если только онъ не крайне безчувственъ. Итакъ, великое благо—вѣра, когда она бываетъ отъ горячаго сердца, отъ многой любви и пламенной души. Она дѣлаетъ насъ мудрецами; она прикрываетъ ничтожество человѣческое и, оставляя умствованія земныя, любомудрствуетъ о вещахъ небесныхъ; даже болѣе: чего мудрость человѣческая обрѣсти не можетъ, то она съ избыткомъ постигаетъ и совершаетъ. Будемъ же держаться вѣры, и не станемъ ввѣрять нашихъ дѣлъ умствованіямъ. Отчего, въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, язычники, не могли ничего обрѣсти? Не знали ли они всей внѣшней мудрости? Почему же они не могли превзойти рыбарей, скинотворцевъ и неученыхъ? Не потому ли, что они все предоставляли своимъ умствованіямъ, а эти послѣдніе—вѣрѣ? Такъ, по этой причинѣ послѣдніе превзошли Платона, Пиѳагора и всѣхъ вообще людей заблуждавшихся, побѣдили свѣдущихъ въ астрологіи и математикѣ, геометріи и ариѳметикѣ, и изучившихъ всякую науку, и сдѣлались настолько лучше ихъ, насколько истинные и дѣйствительные мудрецы лучше людей отъ природы глупыхъ и безумныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, смотри: эти сказали, что душа безсмертна, или, лучше, не только сказали, но и убѣдили въ этомъ; а тѣ первоначально даже не знали, что такое душа, и когда узнали и отличили ее отъ тѣла, опять стали страдать тѣмъ же незнаніемъ. Такъ, одни говорили, что она безтѣлесна; другіе, что она есть тѣло и вмѣстѣ съ тѣломъ разрушается. Равнымъ образомъ, о небѣ тѣ говорили, что оно одушевлено и есть Богъ; а рыбари и научили, и убѣдили, что оно есть твореніе и произведеніе Божіе. Впрочемъ, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, что язычники руководились умствованіями; но вотъ что достойно слезъ,—что люди, представляющіе себя вѣрующими, и они оказываются душевными. Оттого-то и они впали въ заблужденія. Такъ, одни изъ нихъ говорили, что знаютъ Бога такъ, какъ Онъ знаетъ Самъ Себя, чего не смѣлъ сказать даже никтто изъ язычниковъ. Другіе говорили, что Богъ не можетъ раждать безстрастно, и не предоставляли Ему никакого преимущества

предъ людьми. Иные же утверждаютъ. что ни хорошая жизнь, ни доброе поведеніе не приносятъ никакой пользы. Но теперь не время опровергать это.

4. А что правая вѣра, при порочной жизни, не приноситъ никакой пользы, это показываютъ и Христосъ, и Павелъ, которые преимущественно заботились о доброй жизни. Такъ Христосъ учитъ: *не всякъ, глаголяй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное* (Матѳ. VII, 21); и далѣе: *мнози рекутъ Мнѣ во онъ день: Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ? И тогда исповѣмъ имъ, яко николиже знахъ васъ, отыдите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе* (Матѳ. VII, 22, 23). Въ самомъ дѣлѣ, люди невнимательные къ себѣ самимъ легко впадаютъ въ пороки, хотя имѣютъ правую вѣру. А Павелъ въ своемъ посланіи къ Евреямъ, такъ говоритъ и убѣждаетъ: *миръ имѣйте и святыню со всѣми, ихже кромѣ никтоже*
353 *узритъ Бога* (Евр. XII, 14). Святынею онъ называетъ цѣломудріе, по которому каждый долженъ довольствоваться своею женою, и не падать съ другою. А кто не довольствуется, тотъ не можетъ спастись, но неизбѣжно погибнетъ, хотя бы имѣлъ тысячи добродѣтелей. Въ самомъ дѣлѣ, блуднику невозможно войти въ царство небесное; а тутъ уже не блудъ, но гораздо болѣе—прелюбодѣяніе. Какъ жена, которая связана съ мужемъ, если будетъ еще въ связи съ другимъ, уже прелюбодѣйствуетъ, такъ точно и мужъ, связанный съ женою, если будетъ имѣть еще другую, прелюбодѣйствуетъ. А такой не наслѣдуетъ царства, но будетъ ввверженъ въ геенну. Послушай, что о такихъ людяхъ говоритъ Христосъ: *червь ихъ не умираетъ и огнь не угасаетъ* (Марк. IX, 44). Подлинно, для того нѣтъ никакого извиненія, кто при своей женѣ безчинствуетъ съ другою, потому что это уже невоздержность. Если многіе и отъ своей жены воздерживаются, когда наступаетъ время поста или время молитвы, то какой огонь собираетъ себѣ тотъ, кто не довольствуется даже своею (женою), но имѣетъ еще связь и съ другою? Если отпустившему и отвергшему отъ себя свою жену не позволяется сопрягаться съ другою, потому что это—прелюбодѣяніе, то какой грѣхъ дѣлаетъ тотъ, кто имѣя въ своемъ домѣ жену, приводитъ еще другую? Пусть же никто не позволяетъ оставаться такому недугу въ своей душѣ, но пусть всякій съ корнемъ исторгаетъ его. (Прелюбодѣй) не столько вредитъ женѣ, сколько самому себѣ. Этотъ грѣхъ столько тяжекъ и непростителенъ, что если жена оставитъ мужа, даже идолопоклонника, противъ его воли, то Богъ ее наказываетъ; а когда она оставитъ прелюбодѣя,—не наказываетъ. Видишь ли, какое это зло? Если какая-нибудь вѣрная *жена*, говорится, *иматъ мужа невѣрна, и той благоволитъ жити съ нею, да не оставляетъ его* (1 Кор.

VII, 18). Но о блудницѣ не такъ сказано, а что? *Всякъ, отпущаяй жену свою развѣ словесе прелюбодѣйнаго, творитъ ю прелюбодѣйствовати* (Матѳ. V, 32). Если чрезъ сожитіе (мужъ и жена), составляютъ одно тѣло, то и живущій съ блудницею необходимо становится однимъ съ нею тѣломъ. Какъ же послѣ этого честная жена, будучи членомъ Христовымъ, приметъ такого (мужа)? Или какимъ образомъ она соединитъ съ собою членъ блудницы? И смотри, какая особенность! Сожительствующая невѣрному не становится оттого нечистою: *святится бо*, сказано, *мужъ не вѣренъ о женѣ вѣрнѣ* (1 Кор. VII, 14). Но о блудницѣ не то сказано, но что? *Вземъ ли убо уды Христовы, сотворю уды блудничи* (1 Кор. VI 15)? Тамъ освященіе пребываетъ и не отнимается, несмотря на сожительство съ невѣрнымъ; а здѣсь оно удаляется. Подлинно, тяжкій грѣхъ— прелюбодѣяніе, и тяжкій и готовящій нескончаемое наказаніе! Да и здѣсь оно навлекаетъ безчисленныя бѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, такой человѣкъ принужденъ бываетъ вести жизнь тяжкую и горестную, и его состояніе ничѣмъ не лучше состоянія осужденныхъ на казнь, когда онъ тайкомъ входитъ въ чужой домъ со страхомъ и великимъ трепетомъ, и всѣхъ равно опасается — и рабовъ и свободныхъ. Поэтому, умоляю васъ, потщитесь освободиться отъ этой болѣзни. Если не послушаетесь, то не входите въ эти священныя преддверія. Овцамъ, покрытымъ язвами и зараженнымъ болѣзнію, не слѣдуетъ пастись вмѣстѣ съ овцами здоровыми; ихъ должно отгонять отъ стада, пока не освободятся отъ своей болѣзни. Мы сдѣлались членами Христовыми,—не будемъ же членами блудницы! Здѣсь не распутный домъ, но церковь; и если у тебя члены блудодѣйцы, то не стой въ церкви, чтобы не безчестить этого мѣста. Если бы даже не было геенны, если бы даже не было наказанія,—и въ этомъ случаѣ, какъ ты, послѣ тѣхъ договоровъ и брачныхъ свѣтильниковъ, послѣ того законнаго ложа, послѣ чадородія, послѣ такого общенія,—какъ ты можешь дозволить себѣ прилѣпляться къ другой? Какъ не стыдишься и не краснѣешь? Развѣ не знаешь, что многіе осуждаютъ даже и тѣхъ, которые вводятъ къ себѣ другую жену по смерти своей (первой) жены, хотя это дѣло и не заслуживаетъ наказанія? А ты еще при жизни своей жены берешь себѣ другую! Какова распущенность! Узнай, что сказано о такихъ людяхъ: *червь ихъ*, говоритъ, *не умираетъ и огнь не угасаетъ* (Мр. IX, 44). Устрашись этой угрозы! Убойся такого наказанія! Не такъ велико здѣсь удовольствіе, какъ велико тамъ наказаніе. Но дай Богъ, чтобы никто не подвергся тому наказанію; дай Богъ, чтобы мы, подвизаясь въ святости, узрѣли Христа и достигли обѣтованныхъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію

354

Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Св. Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXIV.

Іисусъ же возведе очи горѣ, и рече: Отче, хвалу Тебѣ воздаю, яко услышалъ еси Мя. Азъ же вѣдѣхъ, яко всегда Мя послушаеши, но народа ради стоящаго окрестъ рѣхъ, и проч. (Іоан. xi, 41, 42).

353 1. Что я много разъ говорилъ, то и теперь скажу,—что Христосъ не столько обращаетъ вниманіе на собственное достоинство, сколько на наше спасеніе, и не заботится о томъ, чтобы сказать что-нибудь великое, но то, что можетъ привлечь насъ. Поэтому высокаго и великаго въ Его словахъ немного, да и то прикровенно, а уничиженнаго и обыкновеннаго — весьма много. Такъ какъ это послѣднее больше привлекало, то Онъ чаще объ этомъ и говоритъ. Впрочемъ Онъ и не всегда говоритъ уничиженное, чтобы не повредить будущимъ (слушателямъ Своего ученія), и не умалчиваетъ о немъ, чтобы не соблазнить тогдашнихъ. Люди, освободившіеся отъ низкихъ понятій, могутъ и изъ одного высокаго догмата уразумѣть все; а тѣ, которые всегда были съ понятіями низкими, и совсѣмъ не пришли бы, если бы не часто слышали уничиженное. Вѣдь извѣстно, что и послѣ этого іудеи не отстаютъ, но бросаютъ въ Него камнями, преслѣдуютъ Его, стараются умертвить и называютъ хульникомъ. Такъ, когда Онъ представляетъ Себя равнымъ Богу, они говорятъ:
354 *сей хулитъ* (Марк. II, 7; Іоан. x, 33, 36); а когда сказалъ: *отпущаются тебѣ грѣси* (Марк. II, 9),—называютъ Его даже бѣснующимся, точно также, какъ и тогда, когда сказалъ, что слушающій слова Его—превыше смерти (Іоан. VIII, 51). Равнымъ образомъ они оставляютъ Его, когда Онъ сказалъ: *азъ во Отцѣ, и Отецъ во мнѣ* (x, 38), и соблазняются, когда Онъ говоритъ о Себѣ, что сошелъ съ неба. Если же они не терпѣли такихъ словъ и тогда, какъ они произносились рѣдко, то конечно еще менѣе стали бы внимать Ему, если бы рѣчь Его всегда была высокою, и вся изъ такихъ словъ составлена. Между тѣмъ, когда Онъ говоритъ: *якоже* заповѣда *Мнѣ Отецъ, сія глаголю* (Іоан. VIII, 28), и также: *о Себѣ не пріидохъ* (VII, 28), тогда они вѣруютъ; и что именно—*тогда*, видно изъ словъ евангелиста, который, означая это, говоритъ: *сія Ему глаголющу, мнози вѣроваша въ Него* (VIII, 30). Итакъ, если уничиженныя рѣчи привлекали къ вѣрѣ, а высокія—отдаляли отъ нея, то не крайне ли безумно—не думать, что вся причина

уничиженныхъ состоитъ въ томъ, что онѣ говорены были приспособительно къ слушателямъ? Такъ и въ другомъ мѣстѣ Онъ хотѣлъ было сказать нѣчто великое, но умолчалъ, указавъ на эту причину словами: *но да не соблазнимъ ихъ, шедъ на море, верзи* 351
удицу (Матѳ. XVII, 27). Тоже самое дѣлаетъ Онъ и здѣсь. Послѣ того какъ сказалъ: *Азъ же вѣдяхъ, яко всегда Мя послушаеши*, Онъ присовокупилъ: *но народа ради стоящаго окрестъ рѣхъ, да вѣру имутъ* (Іоан. XI, 42). Наши ли это слова? Человѣческое ли это предположеніе? Значитъ если бы кто изъ написаннаго не могъ убѣдиться, что соблазнялись рѣчами высокими, то можетъ ли онъ, слыша, какъ самъ Христосъ свидѣтельствуетъ, что Онъ для того говоритъ уничиженно, чтобы они не соблазнились,—можетъ ли еще думать, что Его уничиженныя слова были дѣломъ Его естества, а не снисхожденія? Такъ и въ другомъ мѣстѣ, когда слышенъ былъ голосъ свыше, Онъ сказалъ: *не Мене ради гласъ сей бысть, но васъ ради* (Іоан. XII, 30). Впрочемъ великому можно многое говорить о себѣ уничиженно; но уничиженному неприлично возвѣщать о себѣ что-нибудь великое и высокое. То бываетъ по снисхожденію, и имѣетъ свою причину въ немощи слушающихъ; или лучше — для того, чтобы расположить къ смиренномудрію, чтобы убѣдить, что Онъ облеченъ плотію, чтобы научить слушателей — не говорить о себѣ ничего великаго; а также — потому, что слушатели считали Его противникомъ Божіимъ, не вѣрили, что Онъ пришелъ отъ Бога, думали, что Онъ разоряетъ законъ, завидовали Ему и враждовали противъ Него за то, что Онъ называлъ Себя равнымъ Богу. А когда кто, самъ по себѣ незначительный, говоритъ о себѣ что-нибудь великое, то для этого нѣтъ никакой причины, ни благовидной, ни неблаговидной: это будетъ только безуміемъ. безстыдствомъ и непростительною дерзостью. Итакъ, для чего (Христосъ) говоритъ уничиженно, при Своемъ неизреченномъ и великимъ существѣ? Какъ по вышесказаннымъ причинамъ, такъ и для того, чтобы не сочли Его нерожденнымъ. Такъ и Павелъ, повидимому, убоялся чего то подобнаго, почему и сказалъ: *развѣ покоршаго ему вся* (1 Кор. XV, 27). Дѣйствительно, нечестиво даже и помыслить это.

Если бы, съ другой стороны, Онъ былъ меньше Родившаго, и иного существа, а между тѣмъ Его почли бы равнымъ, то не сдѣлалъ ли бы Онъ всего, чтобы не считали Его такимъ? Но Онъ поступаетъ напротивъ, говоря: *аще не творю дѣла Отца Моего, не имите Ми вѣры* (Іоан. X, 37). Равнымъ образомъ и тогда, когда говоритъ, что *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ* (XIV, 10), Онъ указываетъ намъ на равенство. Ему слѣдовало бы со всею силою опровергнуть это, если бы Онъ былъ меньше, и рѣшительно

никогда не говорить: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ*, или: *едино есма* (x, 30), или: *видѣвый Мене, видѣ Отца* xiv, 9). А между тѣмъ Онъ, когда у Него была рѣчь о силѣ, говорилъ: *Азъ и Отецъ едино есма* (x 30), и когда была рѣчь о власти, опять говорилъ: *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихже хощетъ, живитъ* (v, 21). Но этого Онъ не могъ бы дѣлать, если бы былъ другого существа; а если бы и могъ, то Ему не слѣдовало бы этого говорить, чтобы не подумали, что (у Нихъ) одно и тоже существо. Если для того, чтобы не считали Его противникомъ Богу, Онъ часто говоритъ и то, что Ему несвойственно, то тѣмъ болѣе слѣдовало (поступить такъ) въ томъ случаѣ. Но Онъ и словами: *да чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца* (Іоан. v, 23), и словами: дѣла, *яже Онъ творитъ*, и Я также творю (ст. 19), и тѣмъ, что называетъ Себя воскресеніемъ и жизнію (xi, 25) и свѣтомъ міру (viii, 12),--показываетъ, что Онъ равенъ Родившему, и утверждаетъ то предположеніе, какое составили себѣ іудеи. Видишь ли, какъ много Онъ говорилъ чтобы защитить Себя въ томъ, что Онъ не разоряетъ закона? А мнѣніе о равенствѣ Своемъ съ
356 Отцемъ не только не опровергаетъ, но и утверждаетъ. Такъ и въ то время когда они сказали: ты говоришь хулу, потому что творишь Себя Богомъ (Іоан. x, 39), Онъ подтвердилъ это, указавъ на равенство дѣлъ.

2. Но зачѣмъ я говорю о томъ, что Сынъ такъ поступалъ (говорилъ о Себѣ уничиженно), когда и Отецъ, не воспріявшій плоти, дѣлаетъ тоже самое? И Онъ, ради спасенія слушающихъ, попустилъ сказать о Себѣ много уничиженнаго. Такъ слова: *Адаме, гдѣ еси* (Быт. iii, 9), и: *да разумѣю, аще по воплю ихъ совершаются* (xviii, 21), и: *нынѣ познахъ, яко боишися ты Бога* (xxii, 12), и: *аще убо послушаютъ и аще убо повинутся* (Іезек. iii, 11), и: *кто дастъ, еже быти сердцу* сего народа (Втор. v, 29), и также: *нѣсть подобенъ тебѣ въ бозѣхъ Господи* (Пс. lxxxv, 8),—это и многое другое подобное, встрѣчающееся въ ветхомъ завѣтѣ, очевидно недостойно величества Божія. И объ Ахаавѣ также сказано: *кто прельститъ* мнѣ *Ахаава* (2 Пар. xviii, 19)? Да и самого Себя всегда ставитъ выше языческихъ боговъ—чрезъ сравненіе Себя съ ними. Все это недостойно Бога, но достойно въ другихъ отношеніяхъ: Онъ столько человѣколюбивъ, что для нашего спасенія пренебрегаетъ выраженіями, подобающими Его достоинству. Вѣдь и то самое недостойно, что Онъ содѣлался человѣкомъ, что принялъ зракъ раба, что произносилъ уничиженныя рѣчи, и облачался въ смиренныя одежды,—недостойно, если кто станетъ смотрѣть на Его величіе, но достойно, если кто помыслитъ о неизреченномъ богатствѣ Его человѣколюбія. Но есть и другая

причина уничиженности Его рѣчей. Какая именно? Та, что Отца знали и исповѣдывали, а Его не знали. Поэтому Онъ часто обращается къ Отцу, такъ какъ Его уже исповѣдывали, а самъ Онъ какъ будто еще не былъ достоинъ вѣры,—не по собственной немощи, но по неразумію и слабости слушателей. Поэтому Онъ и молится и говоритъ: *Отче, хвалу Тебѣ воздаю, яко услышалъ еси Мя*. Вѣдь если Онъ, *ихже хощетъ, живитъ* (Іоан. v, 21), и живитъ такъ же, какъ Отецъ, то для чего обращается съ молитвою? Но уже время приступить къ самому предмету. *Взяша убо камень, идѣже бѣ умерый лежа. Іисусъ же, возведъ очи горѣ и рече: Отче, хвалу Тебѣ воздаю, яко услышалъ еси Мя. Азъ же вѣдяхъ, яко всегда Мя послушаеши: но народа ради стоящаго окрестъ рѣхъ, да вѣру имутъ, яко Ты Мя послалъ еси* (Іоан. xi, 41, 42). Спросимъ еретика: отъ молитвы ли Онъ получилъ силу и воскресилъ мертваго? Какъ же другое Онъ безъ молитвы совершалъ, говоря, напримѣръ: тебѣ говорю, демонъ, *изыди изъ него* (Марк. ix, 25), и еще: *хощу очистися* (Марк. i, 41), также: *возми одръ твой* (Іоан. v, 9), и: *отпущаются ти грѣси твои* (Матѳ. ix, 2), и говоря морю: *молчи, престани* (Марк, iv, 39)? Да и чѣмъ Онъ будетъ больше апостоловъ, если и самъ творитъ чудеса чрезъ молитву? Притомъ и они не все дѣлали по молитвѣ, а часто и безъ молитвы, призывая имя Іисуса. Если же имя Его имѣло такую силу, то какъ Онъ самъ могъ нуждаться въ молитвѣ? А если бы Онъ нуждался въ молитвѣ, то и имя Его не имѣло бы силы. И нуждался ли Онъ въ какой молитвѣ, когда творилъ человѣка? Не великое ли тамъ равночестіе? Сказано вѣдь: *сотворимъ человѣка* (Быт. i, 26). Да и что было бы немощнѣе, если бы Онъ нуждался въ молитвѣ? Но посмотримъ, какая это и молитва: *Отче, хвалу Тебѣ воздаю, яко услышалъ еси Мя*. Кто когда-нибудь молился такъ? Прежде, 357
чѣмъ сказалъ что-нибудь, говоритъ: *хвалу Тебѣ воздаю*, показывая тѣмъ, что не нуждается въ молитвѣ. *Азъ же вѣдяхъ, яко всегда Мя послушаеши*. Это Онъ сказалъ не потому, что самъ не могъ, но потому, что (у Нихъ) одна воля. Но для чего же Онъ и принялъ видъ молящагося? Послушай не меня, но Его самого; а Онъ говоритъ: *народа ради стоящаго окрестъ, да вѣру имутъ, яко Ты Мя послалъ еси*. Не сказалъ: *да вѣру имутъ*, что Я меньше, что Я имѣю нужду въ помощи свыше, что безъ молитвы не могу сотворить, но: *яко Ты Мя послалъ еси*. А между тѣмъ молитва означаетъ все это, если будемъ просто понимать ее. Не сказалъ: Ты послалъ Меня немощнаго, знакомаго съ рабствомъ, не дѣлающаго ничего собственною силою. Но оставивъ все это, чтобы ты не предполагалъ ничего подобнаго, представляетъ истинную причину молитвы, именно: чтобы не считали Меня противникомъ

Божіимъ, чтобы не говорили, что Я не отъ Бога, чтобы показать, что это дѣло совершается по Твоей волѣ. Если бы Я былъ противникомъ Божіимъ, какъ бы такъ говоритъ Онъ, то не послѣдовало бы это (чудо). А выраженіе: *услышалъ еси Мя* употребляется и о друзьяхъ и о равночестныхъ. *Азъ же вѣдяхъ, яко всегда Мя послушаеши*,—то есть, чтобы совершилась Моя воля, для этого Мнѣ не нужна молитва, но она нужна, чтобы убѣдить, что у Тебя и у Меня—одно хотѣніе. Для чего же молишься? Для немощныхъ и неразумныхъ. *И сія рекъ гласомъ веліимъ воззва* (ст. 43). Почему же Онъ не сказалъ: во имя Отца Моего, гряди вонъ? Почему не сказалъ: Отче, воскреси его? Почему напротивъ, оставивъ все это и принявъ на Себя видъ молящагося, Онъ показываетъ Свое могущество? И это дѣло Его премудрости,—въ словахъ, высказываетъ снисхожденіе, а въ дѣлахъ—власть. Такъ какъ ни въ чемъ другомъ не могли обвинять Его, какъ только въ томъ, будто Онъ не отъ Бога, и этимъ именно обольщали народъ, то вотъ это самое Онъ съ особенною очевидностію и показываетъ въ Своихъ словахъ, и притомъ такъ, какъ того требовала ихъ немощь. Онъ могъ и иначе показать согласіе (Свое съ Отцемъ), а вмѣстѣ собственное достоинство, но народъ не могъ до того возвыситься. *Лазаре, гряди вонъ*, говоритъ Онъ (ст. 42), — сообразно съ тѣмъ, что прежде сказалъ: *грядетъ часъ, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ* (Іоан. v, 25). Чтобы ты не подумалъ, что Онъ отъ другого получилъ силу, Онъ напередъ сказалъ тебѣ объ этомъ, а потомъ доказалъ самымъ дѣломъ. И не сказалъ: воскресни, но: *гряди вонъ*, обращаясь къ мертвому, какъ къ живому.

3. Что можетъ сравниться съ такой властію? Но если Онъ совершаетъ это не собственною силою, то что Онъ будетъ имѣть большаго предъ апостолами, которые говорятъ: *на ны что взираете, яко своею ли силою или благочестіемъ сотворихомъ его ходити* (Дѣян. ш, 12)? Если, дѣйствуя не своею силою, Онъ не присовокупляетъ того, что говорили о себѣ апостолы, то они будутъ нѣкоторымъ образомъ даже болѣе Его любомудрствующими, потому что отклоняли отъ себя славу. И въ другомъ мѣстѣ: *мужіе, что сія творите? И мы подобострастни есмы вамъ человѣци* (Дѣян. xiv, 15). Такимъ образомъ апостолы, ничего не дѣлавшіе собственною силою, такъ и говорили, чтобы убѣдить въ этомъ. Ужели же Онъ, зная такое о Себѣ мнѣніе, не опровергъ бы его, если бы точно дѣйствовалъ не Своею властію? Но кто можетъ утверждать это? Между тѣмъ, Христосъ поступаетъ напротивъ, говоря: *народа ради стоящаго окрестъ рѣхъ, да вѣру имутъ*, такъ что, если бы вѣровали, то не было бы надобности и

въ молитвѣ. И еслибъ молитва не была несообразна съ Его до- 358
стоинствомъ, то для чего Онъ въ народѣ поставляетъ причину (молитвы)? Почему также не сказалъ: да вѣру имутъ, что Я не равенъ Тебѣ? Это именно слѣдовало бы сказать въ соотвѣтствіе (бывшему о Немъ) мнѣнію. Когда подозрѣвали Его въ нарушеніи закона, Онъ прежде, чѣмъ они сказали что-нибудь, произнесъ эти слова: *не мните, яко пріидохъ разорити законъ* (Матѳ. v, 17); а здѣсь утверждаетъ ихъ предположеніе. Словомъ: къ чему нужны были такія околичности и загадки? Довольно было сказать: Я не равенъ, и тѣмъ рѣшить дѣло. Что же, скажешь, не говорилъ ли Онъ, *яко не творю воли Моея* (Іоан. vi, 38)? Но и это (говорилъ) прикровенно, принаровительно къ ихъ немощи, и по той же причинѣ, по которой была и молитва. Что же значитъ: *яко услышалъ еси Мя*? Значитъ, что у Меня нѣтъ ничего, противнаго Тебѣ. И какъ эти слова: *яко услышалъ еси Мя*—не то показываютъ, будто Онъ не имѣлъ силы (потому что въ этомъ случаѣ было бы не только безсиліе, но и незнаніе, если т. е. прежде молитвы Онъ не зналъ, что Богъ услышитъ Его, если же не зналъ, то какъ говорилъ: *иду, да возбужу его*, а не сказалъ: иду помолиться Отцу, чтобы Онъ возбудилъ его?)—какъ, говорю, эти слова означаютъ не немощь, но единомысліе, такъ и слова: *всегда Мя послушаеши*. Или такъ должно понимать, или — что они сказаны примѣнительно къ мнѣнію іудеевъ. Если же Онъ и зналъ, и не былъ немощенъ, то ясно, что Онъ для того говоритъ уничиженныя слова, чтобы ты, по самой крайней уничиженности ихъ, убѣдился и поневолѣ призналъ, что они (сказаны) не по сообразности съ Его достоинствомъ, но по снисхожденію. Что же враги истины? Не по немощи слушателей, говорятъ, Христосъ сказалъ: *услышалъ еси Мя*, но чтобы показать Свое превосходство. Но это значило бы не показать превосходство, а крайне унизить Себя, и обнаружить, что Онъ ничѣмъ не больше человѣка. Молиться несвойственно Богу, ни тому, Кто возсѣдитъ вмѣстѣ съ Нимъ на престолѣ. Видишь ли, что Онъ не почему другому сталъ молиться, какъ только по ихъ невѣрію? Но посмотри, какъ и самое дѣло свидѣтельствуетъ о Его могуществѣ. Онъ воззвалъ, и *изыде умерый обвязанъ* (ст. 43, 44). Потомъ, чтобы такое дѣло не показалось обманомъ чувствъ,—а то, что связанный вышелъ, казалось чуднымъ не менѣе самаго воскресенія, — Онъ повелѣлъ разрѣшить его, чтобы они, прикоснувшись къ нему и подойдя близко увидѣли, что это — именно Онъ. И сказалъ: *оставите его ити* (ст. 44). Видишь ли, какъ Онъ далекъ отъ тщеславія! Не уводитъ его, не повелѣваетъ ходить съ собою, чтобы не показаться кому-нибудь тщеславнымъ: такъ Онъ былъ скроменъ! Когда чудо со-

вершилось, одни удивлялись, а другіе пошли и сказали фарисеямъ. Что же фарисеи? Вмѣсто того, чтобы изумиться и подивиться,—совѣщаются убить Его, — Его, который воскресилъ мертваго. Какое безуміе! Думали предать смерти Того, Кто въ тѣлахъ другихъ побѣждалъ смерть. *Что сотворимъ, яко человѣкъ сей многа знаменія творитъ*, говорятъ они (ст. 47). Еще называютъ Его человѣкомъ, получивши такое удостовѣреніе въ Его божествѣ. *Что сотворимъ?* Слѣдовало увѣровать, послужить и поклониться, и уже не почитать Его человѣкомъ. *Аще оставимъ его тако, пріидутъ Римляне, и возмутъ языкъ нашъ* и городъ (ст. 48). Что такое замышляютъ они сдѣлать? Хотятъ уже возмутить на-
359 родъ, какъ будто бы имъ угрожаетъ опасность по подозрѣнію въ похищеніи верховной власти. Какъ скоро, говорятъ, римляне узнаютъ объ Немъ, какъ о предводителѣ народа, они заподозрятъ насъ, возьмутъ и разрушатъ нашъ городъ. Почему же, скажи мнѣ? Развѣ Онъ училъ измѣнѣ? Не заповѣдалъ ли Онъ давать дань кесарю? Не хотѣли ли вы сдѣлать Его царемъ, и Онъ— скрылся? Не скромную ли и простую проводилъ Онъ жизнь, не имѣя ни дома, ни чего-либо подобнаго? Очевидно, они говорили такъ не изъ опасенія, но изъ зависти. И однакожъ это случилось, хотя и противъ ихъ ожиданія: (римляне) взяли и народъ и городъ, взяли потому, что они умертвили Его. Подлинно, дѣла Его были выше всякаго подозрѣнія. Кто врачевалъ больныхъ, училъ добродѣтельной жизни и заповѣдывалъ повиноваться начальству, тотъ, конечно, не замышлялъ присвоить себѣ верховную власть, напротивъ уничтожалъ всякое покушеніе на присвоеніе власти. Мы, говорятъ, заключаемъ такъ по прежде бывшимъ. Но тѣ учили возмущенію, а Онъ — напротивъ. Видишь ли, что ихъ слова были притворны? Въ самомъ дѣлѣ, выказывалъ ли Онъ что-нибудь подобное? Вводилъ ли страшныхъ оруженосцевъ? Влачилъ ли колесницы? Не искалъ ли, напротивъ пустынь? Но чтобы не подать вида, что они говорятъ по внушенію своей страсти, они утверждаютъ, что весь городъ находится въ опасности, что обществу угрожаютъ бѣды и что они боятся за послѣдствія. Не это, а противное этому, было причиною вашего плѣна,— настоящаго (отъ римлянъ), и вавилонскаго, и того, который былъ тамъ, при Антіохѣ. Не то, что у васъ были люди, почитающіе (Бога), но то, что между вами были неправедные, прогнѣвляющіе Бога, — вотъ что сдѣлало васъ плѣнниками. Но такова зависть! Она, ослѣпивъ однажды душу, не позволяетъ ей видѣть ничего должнаго. Не училъ ли быть кроткими? Когда ударяютъ въ одну ланиту, — обращать и другую? Великодушно переносить обиды и показывать больше готовности терпѣть

зло, чѣмъ сколько другіе бываютъ склонны дѣлать зло? Это, скажи мнѣ, свойственно тому ли, кто замышляетъ похитить верховную власть? Не тому ли, напротивъ, кто уничтожаетъ всякое покушеніе на присвоеніе власти?

4. Но, какъ я сказалъ, зависть—страшное зло и полна лицемѣрія. Она наполнила вселенную безчисленными бѣдствіями. Отъ этой болѣзни судилища наполнены подсудимыми. Отъ ней страсть къ славѣ и стяжанію; отъ ней властолюбіе и гордость. Отсюда на путяхъ преступные разбойники, и на моряхъ грабители. Отсюда убійства во вселенной; отсюда раздѣленіе нашего рода. Какое ни увидишь зло, знай, что оно отъ зависти. Она вторглась и въ церкви. Она издавна была причиною множества золъ. Она породила сребролюбіе. Эта болѣзнь извратила все и растлила правду. *Дарове*, сказано, *ослѣпляютъ очи премудрыхъ, и якоже бразды на устѣхъ, отвращаютъ обличенія* (Сир. xx, 29). Она и свободныхъ дѣлаетъ рабами. Объ ней мы каждый день бесѣдуемъ, но нѣтъ никакой пользы. Мы бываемъ хуже звѣрей, грабимъ сиротъ, обираемъ вдовицъ, обижаемъ бѣдныхъ, прилагаемъ къ горю горе. *Лютѣ мнѣ, яко погибе благочестивый отъ земли* (Мих. vii, 2). И намъ теперь время плакать, или, лучше, слѣдуетъ каждый день говорить эти слова. Ничего не достигаемъ мы мольбами ничего—совѣтами и увѣщаніями; поэтому остается только плакать. 360
Такъ и Христосъ поступилъ: когда іерусалимляне, послѣ многихъ Его увѣщаній нисколько не воспользовались ими,—Онъ плакалъ о ихъ ослѣпленіи. Такъ поступаютъ и пророки; такъ слѣдуетъ и намъ нынѣ поступить. Теперь время плача, слезъ и сѣтованія. Благовременно и намъ теперь сказать: *призовите плачевницъ, и къ женамъ премудрымъ послите, и да вѣщаютъ* (Іерем. ix, 17). Можетъ быть чрезъ это мы въ состояніи будемъ исцѣлить отъ болѣзни тѣхъ, которые хищеніемъ строятъ свѣтлые домы и пріобрѣтаютъ поля.

Благовременно плакать; но и вы, ограбленные и обиженные, примите участіе въ моемъ плачѣ; присоедините къ своему плачу и мои слезы. Но будемъ плакать не о себѣ самихъ, а объ нихъ: не васъ они обидѣли, а себя погубили. Вы за обиду получите царство небесное; а они, за неправильное пріобрѣтеніе, геенну. Поэтому лучше быть обиженнымъ, нежели обижать. Будемъ плакать объ нихъ, но не человѣческимъ плачемъ, а Священнаго Писанія, которымъ плакали и пророки. Восплачемъ горько съ Исаіею, и скажемъ: *горе совокупляющимъ домъ къ дому, и село къ селу приближающимъ, да ближнему отъимутъ что; еда вселитеся едини на земли? Домове велицыи и добріи, и не будутъ живущіи въ нихъ* (Ис. v, 8, 9). Восплачемъ вмѣстѣ съ Наумомъ, и скажемъ съ нимъ:

горе созидающему домъ свой въ высоту! Или лучше, будемъ плакать объ нихъ такъ, какъ самъ Христосъ о жившихъ въ то время, говоря: *горе вамъ богатымъ, яко воспріемлете* мзду вашу и *утѣшеніе ваше* (Лук. VI, 24)! Такъ, умоляю, станемъ непрестанно плакать и мы; а если не будетъ неприлично, то станемъ даже ударять себя въ грудь при видѣ безпечности братій. Не станемъ оплакивать того, кто уже умеръ, но будемъ оплакивать хищника, корыстолюбца, сребролюбца, ненасытнаго. Зачѣмъ плакать объ умершихъ, которымъ нельзя уже принести никакой пользы? Будемъ плакать о тѣхъ, для которыхъ еще возможна перемѣна. Но въ то время, какъ мы плачемъ, они, можетъ быть, смѣются? И это достойно слезъ, что они смѣются надъ тѣмъ, о чемъ слѣдовало бы сокрушаться. Если бы они сколько-нибудь тронулись нашими рыданіями, то слѣдовало бы перестать рыдать, въ надеждѣ на ихъ исправленіе. Но такъ какъ они остаются безчувственными, то и мы будемъ продолжать плакать, –не просто о богатыхъ, но о сребролюбцахъ, лихоимцахъ и хищникахъ. Богатство не есть зло: его можно употреблять и съ пользою, если, напримѣръ, мы тратимъ его на нуждающихся. Но зло—любостяжаніе; оно приготовляетъ нескончаемыя казни. Итакъ станемъ плакать. Можетъ быть, (отъ этого) и будетъ какое-нибудь исправленіе. Если же впавшіе (въ этотъ грѣхъ) и не освободятся (отъ него), то можетъ быть другіе не подвергнутся этому злу, но остерегутся отъ него. Но дай Богъ, чтобы и тѣ освободились отъ этой болѣзни, и никто изъ насъ не подвергся ей, чтобы всѣмъ вообще сподобиться обѣтованныхъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXV.

Единъ же нѣкто отъ нихъ Каіафа, архіерей сый лѣту тому, рече имъ: вы не вѣсте ничесоже, ни помышляете, яко уне есть намъ, да единъ человѣкъ умретъ за люди, и проч. (Іоан. XI, 49, 50).

359 1. *Углѣбоша языцы въ пагубѣ, юже сотвориша: въ сѣти сей, юже скрыша, увязе нога ихъ* (Пс. IX, 16). Это случилось съ іудеями. Они говорили, что должно умертвить Іисуса, чтобы не пришли римляне
360 и не взяли ихъ языкъ и городъ; а между тѣмъ, когда умертвили, тогда подверглись этому. Такимъ образомъ, избѣгая чего,
361 повидимому, они (это) сдѣлали, того самаго не избѣжали, потому что сдѣлали. Тотъ, Кого умертвили, находится на небесахъ; а

тѣ, которые умертвили, наслѣдуютъ геенну, хотя и не это имѣли въ намѣреніи, но что? *Отъ того убо дне*, сказано, *совѣщаша, да убіютъ Его* (Іоан. xi, 53), потому что, говорили, *пріидутъ Римляне, и возмутъ языкъ нашъ* (ст. 48). *Единъ же отъ нихъ Каіафа, архіерей сый лѣту тому*, будучи безстыднѣе прочихъ, *рече: вы невѣсте ничесоже* (ст. 49). Въ чемъ тѣ еще колебались и что предложили на разсужденіе въ видѣ мнѣнія (такъ какъ говорили: *что сотворимъ?*), то самое этотъ провозгласилъ безстыдно, открыто и съ наглостію. Что онъ говоритъ? *Вы невѣсте ничесоже, ни помышляете, яко уне есть, да единъ человѣкъ умретъ за люди, а не весь языкъ погибнетъ. Сего же о себѣ не рече, но архіерей сый прорече* (ст. 49—51).

Видишь, какова сила архіерейской власти? Удостоившись вполнѣ архіерейства, хотя былъ недостоинъ, онъ пророчествовалъ, самъ не разумѣя того, что говорилъ. Благодать воспользовалась только его устами, но не коснулась нечистаго сердца. Такъ и многіе другіе предсказали будущее, хотя были недостойны, напримѣръ: Навуходоносоръ, фараонъ, Валаамъ; причина этому извѣстна. А слова (Каіафы) значатъ вотъ что: вы сидите, доселѣ мало обращаете вниманія на это дѣло, и не знаете, что должно пренебречь для (блага) общаго спасеніемъ одного человѣка. Смотри, какая сила Духа! Изъ лукавой души Онъ смогъ извлечь слова, полныя чуднаго пророчества. А чадами Божіими евангелистъ называетъ язычниковъ, примѣнительно къ будущему, точно такъ же, какъ и самъ Господь говоритъ: *и ины овцы имамъ* (Іоан. x, 16), называя ихъ такъ примѣнительно къ будущему. Но что значатъ слова: *архіерей сый лѣту тому?* То, что вмѣстѣ съ прочимъ и это (достоинство) было искажено съ тѣхъ поръ, какъ начальственныя должности сдѣлались продажными. Первосвященствовали уже не все время жизни, но одинъ годъ. Однакожъ и при этомъ Духъ еще присущъ былъ имъ Только тогда, когда они воздвигли руки на Христа, Онъ оставилъ ихъ и перешелъ на апостоловъ. Это показали и раздравшаяся завѣса и гласъ Христа, который сказалъ: *се оставляется домъ вашъ пустъ* (Матѳ. xxiii, 38). Равнымъ образомъ и Іосифъ (Флавій), жившій спустя немного времени, сказалъ, что нѣкіе ангелы, еще пребывавшіе съ ними въ ожиданіи ихъ исправленія, оставили ихъ. Доколѣ виноградникъ еще существовалъ, все было; но какъ скоро они умертвили наслѣдника, то стало уже не такъ, и они погибли. И Богъ, взявъ отъ іудеевъ, какъ бы отъ неблагодарнаго сына, свѣтлую одежду, отдалъ ее добрымъ слугамъ изъ язычниковъ, а ихъ оставилъ нищими и нагими. Не маловажно и то было, что врагъ пророчествовалъ объ этомъ. Это могло привлечь и другихъ, потому что на дѣлѣ вышло совсѣмъ не такъ, какъ

(врагъ) предполагалъ. Чрезъ смерть (Христову) вѣрные освободились отъ будущаго наказанія. Но что значитъ: *да соберетъ во едино* (ст. 52)? То, что Онъ близкихъ и дальнихъ сдѣлалъ однимъ тѣломъ, такъ что живущій въ Римѣ считаетъ своими членами
362 индійцевъ. Что можетъ сравниться съ такимъ собраніемъ? А глава всѣхъ—Христосъ. *Отъ того убо дне совѣщаша* іудеи, *да убіютъ Его* (ст. 53). И прежде они искали этого, какъ сказано: *сего ради искаху Его Іудее убити* (Іоан. v, 18), и еще: *что Мене ищете убити* (vп, 19); но тогда они только искали, а теперь постановили рѣшеніе, и смотрятъ на это дѣло, какъ на обязанность. *Іисусъ же ктому не явѣ хождаше въ Іудеехъ* (ст. 54). Опять спасаетъ Себя по-человѣчески, какъ и часто это дѣлаетъ.

2. Я уже сказалъ о причинѣ, по которой Онъ часто уходилъ и удалялся. И теперь Онъ живетъ близъ пустыни, въ Евфраѳѣ, и тамъ пребываетъ съ учениками Своими (ст 54). Какъ, думаешь, смущены были ученики, видя, что Онъ спасается по-человѣчески? За Нимъ уже никто не слѣдовалъ, такъ какъ, по случаю приближенія праздника, всѣ спѣшили въ Іерусалимъ. А они, когда всѣ веселились и праздновали, тогда-то именно скрываются, тогда-то находятся въ опасности; однакожъ, не смотря на это, они оставались съ (Учителемъ). Такъ они скрывались и въ Галилеи во время пасхи и праздника кущей. Равнымъ образомъ и послѣ этого, во время праздника, они одни изъ всѣхъ бѣгали и скрывались вмѣстѣ съ Учителемъ, и тѣмъ показали Ему свое расположеніе. Поэтому-то Лука и замѣчаетъ, что (Христосъ) сказалъ имъ: Я пребылъ съ вами въ напастехъ (Лук. ххп, 28). А это Онъ сказалъ, чтобы показать, что они укрѣпляются Его благодатію. *И взыдоша мнози отъ страны, да очистятся. Даша же архіерее и фарисее заповѣдь, да имутъ Его* (ст. 55, 57). Удивительное очищеніе — при намѣреніи оскверниться кровію, при мысли о человѣкоубійствѣ, при окровавленныхъ рукахъ? *И глаголаху: что мнится вамъ, яко не имать ли пріити въ праздникъ* (ст. 56)? Въ пасху злоумышляли, и время праздника дѣлали временемъ убійства. Здѣсь, говорятъ, Ему должно попасть въ наши руки, такъ какъ теперь время призываетъ Его сюда. О, нечестіе! Когда требовалось особенное благоговѣніе, когда слѣдовало отпустить и тѣхъ, которые уличены въ величайшихъ преступленіяхъ, тогда они стараются уловить человѣка, не сдѣлавшаго никакой неправды. Впрочемъ они уже и прежде такъ поступали, но не только ничего не достигли, а еще сдѣлались смѣшными. Онъ часто впадаетъ въ руки ихъ и уходитъ отъ нихъ, и когда они замышляютъ Его умертвить, удерживаетъ ихъ и приводитъ въ недоумѣніе, чтобы обнаруженіемъ Своей силы расположить ихъ

къ сердечному сокрушенію и чтобы, когда возьмутъ Его, они знали, что это произошло не отъ ихъ собственной силы, но отъ Его соизволенія. Такъ и теперь они не могли Его взять при всемъ томъ, что Виѳанія была близко, — да когда и взяли, Онъ повергъ ихъ ницъ. *Прежде же шести дній пасхи пріиде въ Виѳанію, идѣже бѣ Лазарь*, и вечерялъ у нихъ, при чемъ Марѳа служитъ, а Лазарь возлежитъ (Іоан. xii, 1, 2). Вотъ доказательство несомнѣннаго воскресенія (Лазаря): спустя много дней онъ былъ живъ и ѣлъ. Отсюда видно также, что вечеря была въ домѣ Марѳы, потому что они принимаютъ Іисуса, какъ друзья и любимцы Его. Нѣкоторые впрочемъ говорятъ, что это было въ чужомъ домѣ. Марія при этомъ не прислуживала, а была ученицей. Опять и здѣсь она (является) болѣе духовною. Она не прислуживаетъ, какъ гостья, и не оказываетъ всѣмъ услугъ, но воздаетъ честь только одному, и приступаетъ къ Нему не какъ къ человѣку, а какъ къ Богу. Поэтому она и муро излила, и отерла волосами головы; это показываетъ, что она имѣла о Немъ понятіе не такое, какое имѣли другіе. Между тѣмъ Іуда, подъ предлогомъ 363
благочестія укорилъ ее. Что же Христосъ? Доброе (говоритъ) дѣло сдѣлала она для погребенія Моего (ст. 7). Почему же Онъ не обличилъ ученика за эту жену и не сказалъ того, что сказалъ евангелистъ, то есть, что Іуда укорялъ ее потому, что былъ тать? Онъ хотѣлъ тронуть Его великимъ долготерпѣніемъ. А такъ какъ Онъ зналъ, что Іуда — предатель, то Онъ прежде неоднократно обличалъ его, говоря: не всѣ вѣруютъ, и: *единъ отъ васъ діаволъ есть* (Іоан. vi, 64, 70). Этимъ Онъ показалъ, что знаетъ его, какъ предателя, но не обличилъ его открыто, а оказалъ ему снисхожденіе, желая отвратить его. Какъ же другой (евангелистъ) говоритъ, что такъ сказали всѣ ученики (Матѳ. xxvi, 8)? Правда, и всѣ, и онъ; но другіе не по тому же побужденію.

Если же кто спроситъ, почему (Христосъ) поручилъ татю ковчежецъ нищихъ и сребролюбца сдѣлалъ распорядителемъ, то я отвѣчу, что сокровенную причину этого знаетъ Богъ. Если же слѣдуетъ что-нибудь сказать намъ, основываясь на соображеніяхъ, то это для того, чтобы отнять (у Іуды) всякое извиненіе. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не могъ сказать, что сдѣлалъ это (предалъ Іисуса) по любви къ деньгамъ, такъ какъ находилъ достаточное удовлетвореніе своей страсти въ ковчежцѣ; нѣтъ, это онъ сдѣлалъ по великому нечестію, которое Христосъ хотѣлъ обуздать, оказывая ему снисхожденіе. Поэтому Онъ и не обличалъ его въ кражѣ, хотя и зналъ объ этомъ, чтобы тѣмъ обуздать его злое пожеланіе и отнять у него всякое оправданіе. *Не дѣйте ея*, говоритъ, потому что она сдѣлала это для дня Моего погребенія

(ст. 7). Сказавъ о погребеніи, Онъ опять сдѣлалъ намекъ на предателя. Но его не трогаетъ это обличеніе, не смягчаютъ эти слова, хотя они и могли возбудить состраданіе. Какъ бы такъ Онъ говорилъ: Я непріятенъ и тягостенъ? Но подожди немного, и Я отойду. Къ этой же мысли Онъ приводилъ словами: *Мене не всегда имате* (ст. 8). Но все это не преклонило человѣка звѣронравнаго и неистоваго. Впрочемъ (Господь) и сказалъ, и сдѣлалъ даже гораздо больше этого: Онъ и омылъ ноги его въ ту ночь, и сдѣлалъ его участникомъ трапезы и солила, — что могло бы укротить и души разбойниковъ, — и сказалъ другія слова, которыя могли бы смягчить самый камень. И все это не за долгое время, но въ тотъ же самый день, чтобы самое время не привело этого въ забвеніе. Но (Іуда) упорствовалъ, не смотря на все.

3. Страшно, истинно страшно — сребролюбіе. Оно закрываетъ и глаза и уши, дѣлаетъ свирѣпѣе звѣрей, не позволяетъ думать ни о совѣсти, ни о дружбѣ, ни объ общеніи, ни о спасеніи собственной души, но, за-разъ отвративши отъ всего, дѣлаетъ плѣненныхъ своими рабами, точно какой жестокій тиранъ. И что всего хуже въ этомъ горькомъ рабствѣ, — оно заставляетъ даже услаждаться собою, такъ что, чѣмъ больше предаются ему, тѣмъ больше увеличивается удовольствіе. Оттого-то преимущественно эта болѣзнь и бываетъ неизлѣчима; оттого-то и неукротимъ этотъ звѣрь. Сребролюбіе сдѣлало Гіезія изъ ученика и пророка прокаженнымъ; оно погубило Ананію; оно сдѣлало Іуду предателемъ; оно растлило іудейскихъ начальниковъ, которые принимали дары и стали сообщниками воровъ. Оно породило безчисленныя
364 войны, наполнило кровію пути, плачемъ и слезами — города. Оно и вечери сдѣлало нечистыми, и трапезы — оскверненными, и самыя яства исполнило беззаконія. Потому-то Павелъ назвалъ его идолослуженіемъ (Еф. v, 5), но и этимъ не устрашилъ. А почему онъ называетъ его идолослуженіемъ? Многіе, имѣя богатство, не смѣютъ имъ пользоваться, но считаютъ его святынею и передаютъ въ цѣлости внукамъ и ихъ потомкамъ, не смѣя коснуться его, какъ бы чего-нибудь посвященнаго Богу. А если когда и принуждены бываютъ (коснуться его), то бываютъ въ такомъ состояніи, какъ будто сдѣлали что-нибудь непозволительное. Съ другой стороны, какъ язычникъ оберегаетъ идола, такъ ты ограждаешь золото дверями и запорами, вмѣсто храма устрояешь для него ковчегъ и влагаешь его въ серебряные сосуды. Но ты не поклоняешься (золоту), какъ тотъ — своему идолу? Тѣмъ не менѣе ты показываешь въ отношеніи къ нему всякое уваженіе. Далѣе (язычникъ) скорѣе отдастъ свои глаза и душу, чѣмъ идола: такъ точно и любящіе золото. Но я, скажешь, не покло-

няюсь золоту? И тотъ говоритъ, что онъ поклоняется не идолу, но живущему въ немъ демону. Такъ и ты, если не поклоняешься золоту, то демону, который вторгается въ твою душу отъ взгляда на золото и отъ страсти къ нему. Страсть сребролюбія хуже демона, и ей многіе покорны больше, чѣмъ иные идоламъ. Идоловъ во многомъ не слушаютъ, а сребролюбію во всемъ повинуются и исполняютъ все, что бы оно ни приказало сдѣлать. Что же оно говоритъ? Будь, говоритъ, для всѣхъ врагомъ и непріятелемъ; забудь природу; презирай Бога; пожертвуй собою мнѣ, — и во всемъ этомъ повинуются. Истуканамъ приносятъ въ жертву воловъ и овецъ; а сребролюбіе говоритъ: принеси мнѣ въ жертву твою душу,—и это также исполняютъ. Видишь, какіе оно имѣетъ алтари, какія принимаетъ жертвы? *Лихоимцы царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. vi, 10), — но они и этого не боятся. Впрочемъ, эта страсть сама по себѣ слабѣе, потому что не врождена намъ и не происходитъ отъ нашей природы; иначе она была бы въ насъ съ самаго начала; но въ началѣ не было золота, и никто не любилъ золота. Если хотите, я скажу, откуда возникло это зло. Каждый, соревнуя жившимъ прежде его, увеличивалъ эту болѣзнь, и предшественникъ возбуждалъ даже противъ воли. Люди, какъ скоро видятъ свѣтлые домы, множество полей, толпы слугъ, серебряные сосуды, большое собраніе одеждъ, — всячески стараются имѣть еще больше, такъ что первые бываютъ причиною для вторыхъ, эти для послѣдующихъ. Между тѣмъ, если бы хотѣли жить скромно, то не были бы учителями для другихъ. Впрочемъ и для этихъ послѣднихъ нѣтъ оправданія, потому что есть и такіе, которые презираютъ богатство. Да кто же, скажешь, презираетъ? Въ томъ-то и бѣда, что зло увеличилось до такой степени, что (добродѣтель нестяжанія) стала, повидимому, невозможною, — и что даже не вѣрится, чтобы кто-нибудь ей слѣдовалъ. Я могъ бы, конечно, назвать многихъ и въ городахъ и въ селахъ; но что пользы? Вѣдь и отъ этого вы не сдѣлаетесь лучшими. А сверхъ того, у насъ и рѣчь теперь не о томъ, чтобы вы растратили имущество. Я желалъ бы этого; но такъ какъ это бремя выше силъ вашихъ, то я не принуждаю. Я только убѣждаю, чтобы вы не желали чужого, чтобы удѣляли и отъ своего. Вѣдь есть много такихъ, которые довольствуются своимъ, заботятся о своемъ и живутъ праведными трудами. Почему мы не ревнуемъ и не подражаемъ имъ? Вспомнимъ о тѣхъ, которые жили прежде насъ. Не стоятъ ли доселѣ ихъ имѣнія, на которыхъ только имена ихъ сохраняются?
Вотъ баня такого-то, вотъ предмѣстіе и гостиница такого-то. 365
Увидѣвъ это, не вздохнемъ ли мы тотчасъ, представивши,

сколько онъ трудовъ перенесъ, сколько хищенія совершилъ, и— нигдѣ нѣтъ его самого; а его стяжаніемъ наслаждаются другіе, о которыхъ онъ и не думалъ, — можетъ быть, даже враги его,— между тѣмъ какъ самъ онъ терпитъ величайшее наказаніе. Это ожидаетъ и насъ: и мы непремѣнно умремъ; и насъ непремѣнно постигнетъ тотъ же конецъ. Сколько, скажи мнѣ, перенесли они гнѣва, сколько издержекъ, сколько вражды? И какой плодъ? Нескончаемое наказаніе, лишеніе всякаго утѣшенія и осужденіе
366 отъ всѣхъ не только при жизни, но и послѣ смерти. А что въ томъ, когда мы видимъ изображенія многихъ, поставленныя въ домахъ, не больше ли отъ того плачемъ? Поистинѣ, хорошо сказалъ пророкъ: *обаче* всуе мятется *всякъ человѣкъ живый* (Пс. xxxviii, 6, 7). Попеченіе о такихъ вещахъ поистинѣ есть смятеніе и напрасное безпокойство. Но не такъ бываетъ въ обителяхъ вѣчныхъ и въ тѣхъ селеніяхъ: здѣсь иной трудился, а иной наслаждается; а тамъ каждый будетъ господиномъ своихъ трудовъ, и получитъ многообразную награду. Будемъ же стремиться къ тому стяжанію. Тамъ устроимъ себѣ домы, да упокоимся во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ, слава во вѣки. Аминь.

БЕСѢДА LXVI.

Разумѣ же народъ многъ отъ Іудей, яко ту есть: и пріидоша не Іисуса ради токмо, но да и Лазаря видятъ, егоже воскреси отъ мертвыхъ (Іоан. xii, 9).

365 1. Какъ богатство обыкновенно губитъ людей неосторожныхъ, такъ равно и власть. Первое доводитъ до любостяжанія, а послѣдняя до безумія. Вотъ смотри: подчиненные въ іудейскомъ народѣ судятъ здраво, а начальники — превратно. Что народъ вѣровалъ во Христа, объ этомъ часто говорятъ евангелисты,—что *мнози отъ народа вѣроваша въ Него* (Іоан. vii, 31). А изъ начальниковъ не вѣровали. Сами же начальники, а не народъ, говорятъ: *еда кто отъ князь вѣрова въ онь* (Іоан. vii, 48)? Но кто же? *Народъ*, говорятъ, *иже не вѣсть* Бога, *прокляти суть* (ст. 49). Вѣрующихъ называли проклятыми; а самихъ себя, убійцъ,—благоразумными. Такъ и теперь, увидѣвъ чудо, многіе увѣровали,—а начальники не только не удовольствовались своими злодѣйствами, но покушались еще умертвить и Лазаря. Пусть—Христа за то, что Онъ нарушалъ субботу, что творилъ Себя равнымъ Отцу, изъ-за римлянъ, какъ говорите вы; но въ чемъ вы можете обвинить Лазаря? За что его хотите умертвить? Ужели въ томъ его вина,

что онъ получилъ благодѣяніе? Видишь, какъ они склонны къ убійству? Много чудесъ сотворилъ (Христосъ), но ни одно до такой степени не ожесточило ихъ,—ни чудо надъ разслабленнымъ, ни чудо надъ слѣпымъ. Это потому, что чудо надъ Лазаремъ и по самой природѣ своей было удивительнѣе, и было совершено послѣ многихъ чудесъ. Да и поразительно было видѣть, что четверодневный мертвецъ ходитъ и говоритъ. А прекрасное, неправда ли, дѣло для праздника—къ торжеству присоединить убійство! Притомъ же, въ тѣхъ случаяхъ они думали обвинить Христа въ нарушеніи субботы и черезъ то отвлечь отъ Него народъ; а здѣсь ни въ чемъ не могли обвинить Его, и потому злоумышляютъ противъ того, кого Онъ воскресилъ. Здѣсь они не могли даже сказать и того, будто Онъ противится Отцу, потому что молитва Его заграждала имъ уста. И такъ какъ всегдашній предлогъ къ обвиненію теперь у нихъ былъ отнятъ, а чудо между тѣмъ было явное, то они рѣшаются на убійство. Тоже самое, конечно, они сдѣлали бы и со слѣпымъ, если бы не имѣли повода къ обвиненію въ нарушеніи субботы. А кромѣ того, слѣпой былъ незнатенъ,—и они выгнали его изъ храма; а этотъ 366
(Лазарь) былъ человѣкъ знаменитый, какъ видно изъ того, что многіе собрались утѣшать сестеръ его. Да и чудо было совершено въ виду всѣхъ и самымъ необыкновеннымъ образомъ, почему всѣ и спѣшили посмотрѣть. Вотъ то-то и мучило ихъ, что всѣ при наступленіи праздника, оставивъ торжество, идутъ въ Виѳанію. Итакъ они замыслили умертвить Лазаря, не думая даже о томъ, что это преступленіе: до того они были склонны къ убійству! Потому-то первоначальный законъ начинается съ заповѣди: *не убій* (Исх. xx, 13). И пророкъ обличаетъ ихъ въ этомъ: *руки ихъ исполнены крове* (Ис. i. 15). Но какъ же Христосъ, который открыто не ходилъ въ Іудеѣ и удалился въ пустыню, теперь опять смѣло входитъ? Своимъ удаленіемъ Онъ утушилъ ихъ ярость и возвращается къ нимъ уже тогда, какъ они успокоились. Съ другой стороны, они должны были бояться народа, который предшествовалъ и сопутствовалъ Ему, потому что ни одно чудо такъ не привлекло къ Нему народъ, какъ чудо надъ Лазаремъ. Другой евангелистъ замѣчаетъ еще, что народъ постилалъ Ему подъ ноги *ризы своя* (Лук. xix, 36) и что *потрясеся весь градъ* (Матѳ. xxi, 10): съ такою честію входилъ Онъ! А входилъ Онъ такъ для того, чтобы предъизобразить одно пророчество и исполнить другое, — такъ что одно и тоже событіе служило и началомъ одного и концомъ другаго. Слова: радуйся, *яко царь твой грядетъ къ тебѣ кротокъ* (Матѳ. xxi, 5) означаютъ исполненіе пророчества; а что Онъ возсѣлъ на осла, это прообразуетъ будущее событіе, именно то,

что Онъ имѣлъ покорить Своей власти нечистое племя язычниковъ. Но какъ же другіе (евангелисты) говорятъ, что Онъ послалъ учениковъ и сказалъ имъ: *отрѣшите осля и жребя* (Мѳ. XXI, 2), а (Іоаннъ) не говоритъ ничего такого, но что Онъ, *обрѣтъ осля, всѣде на не* (Іоан. XII, 14)? Вѣроятно, было и то и другое: въ то время, какъ ученики, отрѣшивъ ослицу, вели ее къ нему, — вѣроятно, Онъ нашелъ осля и сѣлъ на него. Между тѣмъ народъ взялъ вѣтви финиковыхъ и масличныхъ деревъ и постилалъ одежды, показывая тѣмъ, что онъ уже имѣетъ о Немъ высшее понятіе, чѣмъ о пророкѣ,—и говорилъ: *осанна, благословенъ грядый во имя Господне* (Іоан. XII, 13). Видишь ли, какъ всего болѣе ихъ уязвляло всеобщее убѣжденіе въ томъ, что Онъ не противникъ Божій? Какъ всего болѣе раздѣляло народъ то, что Онъ говорилъ о Себѣ, что пришелъ отъ Бога? А что значитъ: *радуйся зѣло, дщи Сіоня?* Такъ какъ всѣ цари ихъ были по большей части несправедливы и корыстолюбивы, предавали ихъ врагамъ, развращали народъ и подчиняли его непріятелямъ, то и говоритъ: *не бойся;* этотъ (царь) не таковъ, но кротокъ и незлобивъ, какъ показываетъ и ослица. Не войскомъ окруженный вошелъ Онъ, а имѣя при Себѣ одного осла. *Сихъ же не разумѣша ученицы его, яко сія*
367 *быша о немъ писана* (ст. 16). Видишь ли, что ученики многаго не понимали, когда Онъ самъ не открывалъ имъ? Такъ и тогда, когда сказалъ Онъ: *разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю* (ст. 2, 19),—ученики также не поняли. И другой евангелистъ говоритъ, что слово Его было сокровенно для нихъ (Лук. XVII, 44) и что они не знали, что Ему надлежитъ воскреснуть изъ мертвыхъ. Но это по справедливости было сокрыто отъ нихъ,—почему другой евангелистъ и говоритъ, что они всякій разъ, какъ слышали объ этомъ, скорбѣли и печалились, потому что не разумѣли тайны воскресенія. Это, говорю, по справедливости было сокрыто отъ нихъ, такъ какъ превышало ихъ понятія. Но отчего же не было открыто имъ и знаменованіе ослицы? Оттого, что и это было дѣло великое.

2. Замѣть же любомудріе евангелиста: онъ не стыдится выставлять на видъ прежнее ихъ невѣдѣніе. Что было написано, это они знали, а что написанное относилось къ Христу, этого не знали. Ихъ соблазнило бы то, что Онъ, будучи царемъ, долженъ былъ столько претерпѣть и подвергнуться такому предательству. А съ другой стороны, они не уразумѣли бы вдругъ ученія о царствѣ, о которомъ Онъ говорилъ. По словамъ другого евангелиста, они думали, что Онъ говоритъ объ этомъ царствѣ. *Свидѣтельствоваше убо народъ*, что Онъ воскресилъ Лазаря (ст. 17, 18). Народъ, говоритъ, въ такомъ множествѣ не обратился бы вдругъ,

если бы не увѣровалъ въ чудо. *Фарисее же рѣша къ себѣ: видите, яко никая же польза есть: се міръ по немъ идетъ* (ст. 19). Мнѣ кажется, эти слова принадлежатъ тѣмъ, которые разсуждали здраво, но не смѣли говорить открыто, и потому указаніемъ на событія хотѣли удержать другихъ отъ ихъ предпріятія, какъ отъ дѣла безполезнаго. А подъ именемъ міра они разумѣютъ здѣсь тотъ же народъ. Писаніе обыкновенно называетъ міромъ и тварь, и людей, живущихъ въ порокахъ; въ первомъ смыслѣ (употребляетъ это слово), когда говоритъ: *носяй по числу утварь* (κόσμον) *свою* (Ис. xl, 26), а въ послѣднемъ,—когда выражается: *не можетъ міръ ненавидѣти васъ: Мене же ненавидитъ* (Іоан. vii, 7). Это хорошо нужно знать для того, чтобы неправильнымъ разумѣніемъ словъ не подать повода еретикамъ вооружаться противъ насъ. *Бяху же нѣцыи еллини отъ пришедшихъ, да поклонятся въ праздникъ* (ст. 20). Будучи уже близки къ тому, чтобы сдѣлаться прозелитами, они пришли на праздникъ и, когда молва о Христѣ дошла и до нихъ, говорятъ: *хощемъ Іисуса видѣти* (ст. 21). Филиппъ приходитъ къ Андрею, какъ старшему, и сообщаетъ ему объ этомъ. Но и Андрей самъ собою не рѣшаетъ этого, такъ какъ онъ слышалъ уже: *на путь языкъ не идите* (Матѳ. x, 5). Поэтому, поговоривъ съ Филиппомъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ доводитъ дѣло до Учителя; они оба сказали Ему объ этомъ. Что же говоритъ Христосъ? *Пріиде часъ, да прославится Сынъ человѣческій. Аще зерно пшенично падъ на земли не умретъ, то едино пребываетъ* (ст. 23, 24). Что значитъ: *пріиде часъ?* Прежде Онъ говорилъ: *на путь языкъ не идите*, и тѣмъ удерживалъ учениковъ, чтобы отнять у іудеевъ всякій предлогъ къ неблагодарности. Но такъ какъ іудеи продолжали упорствовать, а язычники желали придти къ Нему, то Онъ и говоритъ: время уже идти на страданіе, такъ какъ все уже исполнилось. Если мы будемъ продолжать заботиться объ іудеяхъ, не смотря на ихъ упорство, а язычниковъ не станемъ допускать къ себѣ, при всемъ ихъ желаніи, то это будетъ недостойно нашего промышленія. И вотъ, такъ какъ Онъ намѣренъ былъ послать учениковъ Своихъ къ язычникамъ уже послѣ креста, и между тѣмъ видитъ, что язычники сами идутъ къ Нему,—то и говоритъ: время идти на крестъ. Не прежде Онъ послалъ ихъ,—чтобы это служило свидѣтельствомъ противъ іудеевъ. До тѣхъ поръ, пока (іудеи) самымъ дѣломъ не отвергли Его, пока не предали Его распятію, Онъ не 368
говорилъ: *шедше, научите вся языки* (Матѳ. xxviii, 19), а напротивъ: *на путь языкъ не идите* (Матѳ. x, 5), и: *нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева*, и: *нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ, и поврещи псомъ* (Матѳ. xv, 24, 26). Но когда они возненавидѣли Его и

возненавидѣли до того, что предали на смерть, то уже безполезно было продолжать заниматься ими, въ то время, какъ они отвергаютъ Его. А они дѣйствительно отреклись отъ Него, сказавъ: *не имамы царя, токмо кесаря* (Іоан. XIX, 15). Тогда уже и Онъ ихъ оставилъ, когда они Его оставили. Потому-то Онъ и говоритъ: *коль-краты восхотѣхъ собрати чада* ваша, *и не восхотѣсте* (Мате. XXIII, 37). Что значитъ, *аще зерно пшенично падъ на земли не умретъ?* Это Онъ говоритъ о крестѣ. Чтобы (ученики) не смущались мыслію, что Онъ умерщвленъ въ то самое время, когда и язычники начали приходить къ Нему,—Онъ говоритъ, что это-то самое въ особенности и будетъ содѣйствовать обращенію язычниковъ и распространенію Его проповѣди. Но какъ слова не такъ сильно убѣждали ихъ, то Онъ увѣряетъ ихъ въ томъ же дѣйствительнымъ опытомъ, говоря, что такъ бываетъ и съ пшеницею,—она приноситъ большій плодъ, когда умретъ. Если же такъ бываетъ съ сѣменами, то тѣмъ болѣе со Мною. Но ученики не поняли Его словъ. Это евангелистъ постоянно выставляетъ на видъ, желая извинить ихъ бѣгство впослѣдствіи времени. Такую же рѣчь велъ и Павелъ, разсуждая о воскресеніи.

3. Какое же послѣ этого будутъ имѣть оправданіе невѣрующіе воскресенію, когда оно ежедневно представляется въ сѣменахъ, и въ растеніяхъ, и при нашемъ рожденіи? Вѣдь прежде нужно истлѣть сѣмени, и потомъ уже бываетъ рожденіе. Впрочемъ, говоря вообще,—гдѣ дѣйствуетъ Богъ, тамъ нѣтъ нужды въ умствованіяхъ. Какимъ образомъ Онъ сотворилъ насъ изъ ничего? Это я говорю христіанамъ, которые говорятъ о себѣ, что вѣруетъ Писанію. Но я скажу нѣчто и на основаніи умствованій человѣческихъ. Одни изъ людей живутъ порочно, другіе добродѣтельно; но изъ числа порочныхъ многіе доживаютъ до глубокой старости, наслаждаясь счастіемъ, а съ людьми добродѣтельными бываетъ противное. Когда же каждый изъ нихъ получитъ по заслугамъ? Въ какое время? Это такъ, говорятъ, но не будетъ воскресенія тѣлъ. А развѣ они не слышатъ, что сказалъ Павелъ: *подобаетъ тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе* (1 Кор. XV, 53)? Здѣсь рѣчь не о душѣ, потому что душа не подлежитъ тлѣнію. Да и востаніе свойственно тому, что пало; а пало тѣло. И почему ты не хочешь (допустить) воскресенія тѣлъ? Развѣ это невозможно для Бога? Но говорить такъ — дѣло крайняго безумія. Или неприлично? Почему же неприлично, чтобы существо тлѣнное, участвовавшее въ трудѣ и смерти, приняло участіе и въ вѣнцахъ? Если бы было неприлично, то оно не было бы сотворено въ началѣ и Христосъ не принялъ бы на Себя плоти. А что Онъ и принялъ, и воскресилъ ее,—послушай, какъ

Онъ говоритъ: *вложи* персты *и виждь, яко духъ* костей и жилъ *не иматъ* (Іоан. XX, 27; сн. Лук. XXVI, 39). Зачѣмъ также Онъ воскресилъ Лазаря, если лучше воскреснуть безъ тѣла? Зачѣмъ поставляетъ это въ ряду чудесъ и благодѣяній? Да зачѣмъ и вообще далъ пищу? Нѣтъ, возлюбленные, не обольщайтесь еретиками. Есть, подлинно, и воскресеніе есть и судъ; отвергаютъ ихъ только тѣ, которые не хотятъ дать отчета въ своихъ дѣлахъ. И притомъ воскресеніе должно быть такое же, каково было и воскресеніе Христово,—потому что Христосъ есть *начатокъ и перворожденъ изъ мертвыхъ* (Колос. I, 18). Но если воскресеніе состоитъ въ очищеніи души и освобожденіи отъ грѣховъ, а Христосъ не согрѣшилъ, то какъ Онъ воскресъ? А если и Онъ согрѣшилъ, то какъ мы избавились отъ клятвы? Да и какъ Онъ говоритъ: *грядетъ міра сего князь, и во мнѣ не иматъ ничесоже* (Іоан. XIV, 30)? Вѣдь это значитъ, что Онъ безгрѣшенъ. Итакъ, по ихъ 369
мнѣнію Христосъ или не воскресъ, или, если воскресъ, то до воскресенія согрѣшилъ. Но Онъ и воскресъ, и грѣха не сотворилъ; слѣдовательно воскресъ тѣломъ. А то нечестивое ученіе есть не что иное, какъ порожденіе тщеславія. Будемъ же избѣгать этой болѣзни, *тлятъ бо*, сказано, *обычаи благи бесѣды злы* (1 Кор. XV, 33). Это не ученіе апостольское; Маркіонъ и Валентинъ—вотъ кто это выдумалъ. Будемъ же убѣгать этого, возлюбленные. Вѣдь при неправыхъ догматахъ нѣтъ никакой пользы и отъ доброй жизни, точно такъ же, какъ и наоборотъ,—здравые догматы безполезны при порочной жизни. Эллины породили это, а они (еретики) распространили, занявъ у языческихъ философовъ и утверждая какъ то, что вещество несозданно, такъ и многое тому подобное. Такимъ образомъ, какъ сказали они, что, если бы не было несозданнаго вещества, то не было бы и Творца, такъ отвергли и воскресеніе. Но не будемъ внимать имъ, зная всемогущую силу Божію,—не будемъ внимать. Это я говорю вамъ; съ своей же стороны мы не откажемся вступить съ ними въ борьбу. Человѣкъ безоружный и беззащитный легко можетъ быть плѣненъ, хотя бы онъ вступилъ въ борьбу съ слабымъ, хотя бы онъ былъ сильнѣе его. Если бы вы внимали Писанію и каждодневно упражнялись въ немъ, я не сталъ бы убѣждать васъ избѣгать борьбы съ ними, а напротивъ даже совѣтовалъ бы сразиться съ ними, потому что истина сильна. Но какъ вы не умѣете пользоваться Писаніемъ, то я и боюсь за эту борьбу, чтобы они, заставъ васъ безоруженными, не низложили васъ. На самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего слабѣе ихъ, потому что они лишены помощи отъ Духа. Если же они пользуются мудростію языческою, то этому не должно удивляться, а напротивъ стоитъ по-

смѣяться, что они руководствуются глупыми наставниками. Дѣйствительно, эти наставники ни о Богѣ, ни о твари не могли дойти ни до чего истиннаго; но что у насъ теперь знаетъ вся-
670 кая вдовица, того не зналъ и самъ Пиѳагоръ. Они говорили, напримѣръ, что душа бываетъ то растеніемъ, то рыбою, то псомъ. Ужели такихъ, скажи мнѣ, слѣдуетъ слушать? Какое же для этого основаніе? Они велики на улицахъ, отращиваютъ красивые волосы и одѣваются въ плащи,—этимъ и ограничивается ихъ любомудріе. А посмотришь внутрь, все—прахъ и пепелъ, нѣтъ ничего здороваго, но *гробъ отверстъ гортань ихъ*, все полно нечистоты и тлѣнія, и всѣ догматы ихъ исполнены червей. Такъ первый между ними почиталъ богомъ воду, слѣдующій за нимъ—огонь, третій—воздухъ; всѣ же полагали найти его въ тѣлахъ. Ужели же, скажи мнѣ, слѣдуетъ удивляться такимъ, которые не имѣли даже понятія о безтѣлесномъ Богѣ? Если же они наконецъ и пріобрѣли (понятіе), то это было уже послѣ того, какъ въ Египтѣ они вошли въ сношеніе съ нашими. Но чтобы не возбудить между вами большого шума, я здѣсь окончу свое слово. Если бы я началъ подробно излагать ихъ мнѣнія, какъ разсуждали они о Богѣ, какъ—о веществѣ, какъ—о душѣ, какъ—о тѣлахъ, то послѣдовалъ бы великій смѣхъ. Притомъ они и не нуждаются въ нашемъ опроверженіи,—они сами опровергли другъ друга. Такъ, написавшій противъ насъ книгу о веществѣ. самъ себя опровергъ. Потому, чтобы не утруждать васъ понапрасну и не развивать передъ вами лабиринта словъ,—вмѣсто всего этого я скажу вамъ, что надобно внимать божественному Писанію и не вступать въ безполезныя словопренія. Это же внушаетъ и Павелъ Тимоѳею (2 Тим. II, 14), не смотря на то, что послѣдній былъ исполненъ великой мудрости и имѣлъ силу чудотвореній. Послѣдуемъ же его внушенію и, оставивъ пустословіе, будемъ заниматься дѣлами, то есть, братолюбіемъ и страннолюбіемъ, и особенно позаботимся о милостынѣ, чтобы достигнуть обѣтованныхъ благъ по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXVII.

Любяй душу свою, погубитъ ю: и ненавидяй души своея въ мірѣ семъ, въ животъ вѣчный сохранитъ ю. Аще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдствуетъ (Іоан. XII, 24, 26).

369 1. Сладостна настоящая жизнь и заключаетъ въ себѣ много пріятнаго, но не для всѣхъ, а только для привязанныхъ къ ней.

Если же кто посмотритъ на небо и увидитъ тамошнія блага, тотъ скоро станетъ пренебрегать этою жизнію и ставить ее ни во что. Вѣдь и тѣлесная красота, пока нѣтъ другой — лучшей, возбуждаетъ удивленіе; а когда явится красота лучшая, прежнею начинаютъ пренебрегать. Такъ и мы, если станемъ смотрѣть на ту красоту и созерцать благолѣпіе тамошняго царства, — скоро освободимся отъ настоящихъ узъ, такъ какъ привязанность къ настоящему дѣйствительно есть нѣкотораго рода узы. Къ этому-то и приводитъ насъ Христосъ, когда говоритъ: *любяй душу свою, погубитъ ю: и ненавидяй души своея въ мірѣ семъ, въ животъ вѣчный сохранитъ ю. Аще кто мнѣ служитъ, мнѣ да послѣдствуетъ, и идѣже есмь азъ, ту и слуга мой будетъ* (ст. 25, 26). Слова эти походятъ, повидимому, на загадку; но они—не загадка, въ нихъ заключается великая мудрость. Какимъ же образомъ *любяй душу свою* погубитъ ее? Когда кто исполняетъ ея неумѣстныя пожеланія, когда кто угождаетъ ей больше, чѣмъ должно. Потому-то нѣкто и даетъ такое наставленіе: *въ слѣдъ похотей* души *твоей не ходи* (Сир. XVIII, 30). Чрезъ это ты погубишь ее, потому что (похоть) отдаляетъ отъ пути, ведущаго къ добродѣтели. Точно также и наоборотъ, *не-* 870
навидяй душу свою *въ мірѣ семъ*, спасетъ ее. Что значитъ: *ненавидяй* душу свою? Это означаетъ того, кто не слушаетъ ея, когда она внушаетъ что-нибудь вредное. Но не сказалъ: кто не слушаетъ ея, а: *ненавидяй* ее. Какъ мы не можемъ ни слышать голоса ненавидимыхъ нами, ни видѣть лица ихъ равнодушно, такъ точно мы должны крайне отвращаться и отъ души, когда она внушаетъ намъ что-нибудь неугодное Богу. Такъ какъ (Христосъ) намѣревался уже бесѣдовать съ учениками о смерти, и именно о Своей смерти, и предвидѣлъ ихъ скорбь и уныніе, то и употребляетъ усиленную рѣчь, говоря: что сказать о томъ, что вы не можете перенести съ твердостію Моей смерти? Вѣдь если и сами вы не умрете, — для васъ не будетъ никакой пользы. Но смотри, какъ Онъ и смягчаетъ Свою рѣчь. Человѣку, любящему свою душу, очень тяжело и прискорбно было услышать, что онъ долженъ умереть. И нужно ли говорить о временахъ древнихъ, когда и нынѣ мы найдемъ много людей, которые, не смотря на то, что убѣждены въ будущемъ, охотно рѣшаются все перенести, лишь бы насладиться настоящей жизнію,—которые, смотря на зданія, на изобрѣтенія и произведенія искусствъ, со слезами приговариваютъ: какъ много замышляетъ человѣкъ, и между тѣмъ—обращается въ прахъ! До такой степени сильна привязанность къ настоящей жизни! Итакъ, чтобы разрѣшить эти узы, Христосъ говоритъ: *ненавидяй души своея въ мірѣ семъ, въ животъ вѣчный сохранитъ ю.* А что онъ сказалъ это ученикамъ съ тѣмъ, чтобы 871

ободрить ихъ и удалить отъ нихъ страхъ, это видно изъ дальнѣйшихъ словъ: *аще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдствуетъ*. Здѣсь Онъ говоритъ о смерти и требуетъ послѣдованія самымъ дѣломъ. Слуга непремѣнно долженъ слѣдовать за тѣмъ, кому служитъ. И замѣть, въ какое время Онъ бесѣдуетъ съ ними объ этомъ; не тогда, когда они были гонимы, но когда были совершенно спокойны — когда, пользуясь отъ многихъ почетомъ и услугами, почитали себя въ совершенной безопасности, — когда могли быть бодры духомъ и услышать: *и возметъ крестъ свой и по мнѣ грядетъ* (Матѳ. xvi, 24), т. е., долженъ быть всегда готовъ на опасности, на смерть, на переселеніе изъ этой жизни. Вслѣдъ затѣмъ, такъ какъ Онъ сказалъ прискорбныя слова,—предлагаетъ и награду. Въ чемъ же эта награда? Въ томъ, что будутъ слѣдовать за Нимъ и будутъ тамъ, гдѣ Онъ Этимъ Онъ показалъ, что за смертью послѣдуетъ воскресеніе. *Идѣже есмь Азъ*, говоритъ Онъ, *ту и слуга Мой будетъ*. Гдѣ же Христосъ? На небесахъ. Итакъ, переселимся туда душею и умомъ еще и прежде воскресенія. *Аще кто Мнѣ служитъ*, возлюбитъ *его Отецъ* (Іоан. xii 26). Почему Онъ не сказалъ: Я возлюблю? Потому что ученики еще не имѣли о Немъ надлежащаго понятія, а думали болѣе великое объ Отцѣ. Вѣдь они не знали и того, что Ему надлежало воскреснуть: какъ же могли помышлять о Немъ что-нибудь великое? Потому-то и сынамъ Зеведеевымъ Онъ говоритъ: *нѣсть Мое дати, но имъ же уготовася отъ Отца Моего* (Матѳ. xx, 23), — хотя Онъ и самъ судія. А здѣсь Онъ представляетъ и Свое истинное сыновство, потому что Отецъ приметъ слугъ Его, какъ слугъ Своего истиннаго Сына. *Нынѣ душа Моя возмутися: и что реку? Отче, спаси Мя отъ часа сего* (ст. 27). Такъ говорить, повидимому, не слѣдовало бы тому, кто убѣждаетъ идти на смерть; но на самомъ дѣлѣ эти слова особенно приличны такому человѣку. Чтобы не сказали, что Ему легко любомудрствовать о смерти, когда онъ самъ недоступенъ для человѣческихъ страданій, легко убѣждать насъ, когда Онъ самъ внѣ опасности, — Онъ показываетъ, что и Онъ страшится смерти, и однако же для пользы (другихъ) не отказывается умереть. Впрочемъ это относится къ воспринятому Имъ человѣчеству, а не къ божеству Поэтому Онъ говоритъ: *нынѣ душа Моя возмутися*. (А если не такъ, то какая будетъ послѣдовательность между этими словами и слѣдующими: *Отче, спаси Мя отъ часа сего*)? И (душа Его) до того была возмущена, что Онъ даже искалъ бы избавленія (отъ смерти), если бы только можно было ея избѣжать.

2. Это—немощи человѣческой природы. Но Я, говоритъ Онъ, не могу ничего сказать, прося избавленія, потому что *сего ради*

пріидохъ на часъ сей. Какъ бы такъ говорилъ Онъ: хотя смерть и приводитъ насъ въ трепетъ и смущеніе, но все же мы не должны избѣгать ея. Вѣдь и Я возмущенъ нынѣ, но не говорю объ избавленіи отъ смерти, потому что надобно переносить то, чему слѣдуетъ быть. Не говорю: избавь Меня отъ часа сего, но что? *Отче, прослави имя Твое* (ст. 28). Хотя смущеніе и заставляетъ Меня говорить тѣ слова, но Я говорю противное: *прослави имя Твое*, то есть, возведи уже (Меня) на крестъ. Въ этомъ ясно обнаруживаются свойства человѣческія и природа, которая не хочетъ смерти, но привязана къ настоящей жизни. Это показываетъ, что (Христосъ) былъ не чуждъ человѣческихъ ощущеній. Какъ голодъ и сонъ не составляетъ преступленія, такъ точно и привязанность къ настоящей жизни. Іисусъ Христосъ имѣлъ тѣло, только чистое отъ грѣховъ, но не лишенное естественныхъ потребностей; иначе оно не было бы и тѣломъ. Этимъ же самымъ Онъ внушаетъ намъ и нѣчто другое. Что же именно? Чтобы мы даже и тогда, какъ случится намъ быть въ страхѣ и томленіи, не уклонялись отъ того, что намъ назначено. *Отче, прослави имя Твое*.
Этимъ по[illegible] раетъ за истину; смерть Свою назы- 372
ваетъ славою Божіею. Это и сбылось послѣ креста: тогда вся вселенная должна была обратиться, познать имя Божіе и служить Богу; и имя не только Отца, но и Сына, хотя (Христосъ) объ этомъ умалчиваетъ. *Пріиде же гласъ съ небесе: и прославихъ и паки прославлю* (ст. 28). Когда прославилъ? Въ предшествовавшихъ событіяхъ. *И паки прославлю* — послѣ креста. Что же Христосъ? *Не Мене ради гласъ сей бысть*, но васъ *ради*. А іудеи подумали, что это былъ громъ, или что ангелъ говорилъ Ему. Почему же они такъ думали? Развѣ голосъ былъ не ясенъ и не внятенъ? Нѣтъ, они были люди грубые, плотскіе, безпечные, и потому голосъ тотчасъ исчезъ для нихъ. Одни изъ нихъ удержали только звукъ, а другіе, хотя и знали, что это былъ голосъ членораздѣльный, но что онъ означалъ, не знали. Что же Христосъ? *Не Мене ради гласъ сей бысть*, но васъ *ради*. Для чего Онъ сказалъ это? Для опроверженія того, что они постоянно говорили, будто Онъ не отъ Бога. Въ самомъ дѣлѣ, могъ ли быть не отъ Бога тотъ, кого Богъ прославляетъ и кѣмъ имя Божіе прославляется? Для этого-то и гласъ снизошелъ; для этого и самъ Онъ говоритъ: *не Мене ради гласъ сей бысть*, но васъ *ради*; не для того, чтобы Я изъ него узналъ что-нибудь, чего прежде не зналъ,—Я знаю все Отчее,—но для васъ. Такъ какъ они говорили, что ангелъ говорилъ Ему или что это былъ громъ, а (словъ) не слышали, то (Христосъ) говоритъ, что это было для васъ, чтобы хоть такимъ образомъ заставить ихъ спросить, что было сказано. Но они, бу-

дучи поражены, не спросили и тогда, какъ услышали, что это относилось къ нимъ. А кто не зналъ, къ кому относилось сказанное, для того, естественно, голосъ могъ показаться невразумительнымъ. Васъ *ради гласъ бысть*. Видишь ли, что все уничиженное бываетъ для нихъ, а не потому, будто бы Сынъ имѣлъ нужду въ помощи? *Нынѣ судъ есть міру сему: нынѣ князь міра сего* повerженъ *будетъ* долу (ст. 31). Какую это имѣетъ связь съ словами: *прославихъ и прославлю*? Очень близкую и весьма тѣсную. Такъ какъ Онъ сказалъ: *прославлю*, то показываетъ и самый способъ прославленія. Какой же это способъ? Тотъ, говоритъ, что онъ будетъ поверженъ долу. Что же значитъ: *судъ есть міру сему*? Какъ бы такъ говоритъ: будетъ судъ и отмщеніе. Какъ это и какимъ образомъ? (Діаволъ) умертвилъ перваго человѣка, найдя его повиннымъ грѣху (такъ какъ смерть вошла чрезъ грѣхъ). Но во Мнѣ онъ этого не нашелъ; за что же онъ напалъ на Меня и предалъ смерти? Зачѣмъ вложилъ въ душу Іуды мысль погубить Меня? Не говори мнѣ теперь, что Богъ такъ устроилъ, что это дѣло не діавола, а Божіей премудрости. Будемъ пока разсматривать лишь мысль этого злого существа. Итакъ какимъ же образомъ міръ судится во Мнѣ? Діаволу, какъ бы на судѣ, будетъ сказано: пусть ты всѣхъ умертвилъ, потому что нашелъ ихъ виновными во грѣхѣ; но за что Христа умертвилъ? Не явно ли, что несправедливо? Поэтому чрезъ Него тебѣ будетъ отмщеніе за весь міръ. А чтобы это было очевиднѣе, я объясню примѣромъ. Представь себѣ какого-нибудь свирѣпаго тирана, который всѣхъ, кто ни попадется ему, подвергаетъ различнымъ жестокостямъ. Если этотъ человѣкъ, встрѣтивъ царя или царскаго сына, несправедливо умертвитъ и его, то смерть этого послѣдняго можетъ отомстить ему и за всѣхъ прочихъ. Представь себѣ еще, что какой-нибудь заимодавецъ, взыскивая съ своихъ должниковъ, будетъ бить ихъ и сажать въ тюрьму; потомъ, по той же жестокости, заключитъ также въ темницу и того, кто ему нисколько не долженъ. Въ этомъ случаѣ онъ будетъ наказанъ и
378 за то, что онъ сдѣлалъ другимъ,—именно, тотъ убьетъ его.

3. Такъ точно было и съ Сыномъ (Божіимъ). Изъ-за того, что діаволъ дерзнулъ сдѣлать со Христомъ, онъ получитъ наказаніе за все, что причинилъ намъ. И что (Христосъ) указываетъ именно на это, видно изъ того, что Онъ говоритъ: *нынѣ князь міра сего* будетъ низверженъ Моею смертію. *И аще Азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ* (ст. 32), т. е. и язычниковъ. А чтобы кто-нибудь не сказалъ: какъ же онъ будетъ низверженъ, если онъ побѣдитъ и Тебя самого?—говоритъ: не побѣдитъ; да и можетъ ли это быть, когда Я и другихъ привлеку

къ Себѣ? И не говоритъ о воскресеніи, но о томъ, что важнѣе воскресенія: *вся привлеку къ Себѣ*. Если бы сказалъ: воскресну, то еще не видно было бы, что увѣруютъ въ Него, но сказавъ: увѣруютъ—Онъ тѣмъ высказалъ и то и другое,—что Онъ и воскреснетъ, потому что, если бы Онъ оставался мертвымъ и былъ простымъ человѣкомъ, тогда никто бы не увѣровалъ. *Вся привлеку къ себѣ*. А какъ же Онъ говоритъ, что Отецъ привлекаетъ? Это значитъ, что Отецъ привлекаетъ, когда привлекаетъ Сынъ. *Привлеку*, говоритъ Онъ, такъ какъ ихъ держитъ тиранъ и сами по себѣ они не могутъ придти и освободиться изъ его рукъ, потому что онъ не пускаетъ ихъ. Въ другомъ мѣстѣ это называетъ (Христосъ) *хищеніемъ*. *Никтоже можетъ сосуды крѣпкаго расхитити, аще не первѣе крѣпкаго свяжетъ, и тогда сосуды его расхититъ* (Марк. ііі, 27),—такъ говоритъ Онъ, изображая силу (врага). Слѣдовательно, что тамъ назвалъ Онъ хищеніемъ, то здѣсь называетъ привлеченіемъ. Итакъ, зная это, возстанемъ и прославимъ Бога, 375
не вѣрою только, но жизнію; а иначе это будетъ не слава, а хула. Не столько хулится Богъ нечистою жизнію язычника, сколько развращеніемъ христіанина. Поэтому, прошу васъ, старайтесь всячески о прославленіи Бога. Горе, сказано тому рабу которымъ, имя Божіе хулится. А когда будетъ горе, тогда тотчасъ послѣдуетъ всякое наказаніе и мученіе. Напротивъ, блаженъ тотъ, кѣмъ имя Божіе прославляется. Такъ не будемъ же жить, какъ во тьмѣ, но постараемся избѣгать всякихъ грѣховъ, а особенно тѣхъ, которые клонятся къ общему вреду, потому что ими-то особенно и наносится хула Богу. Какое, въ самомъ дѣлѣ, мы получимъ прощеніе, когда, обязанные, по заповѣди, давать другимъ, мы будемъ похищать чужое? Какая будетъ для насъ надежда на спасеніе? Ты будешь наказанъ, если не напитаешь алчущаго: какое же получишь помилованіе, если обнажишь одѣтаго? Мы постоянно говоримъ это, и не перестанемъ говорить. Можетъ быть, не послушавшіе сегодня послушаютъ въ слѣдующіе дни; если же нѣкоторые и останутся непреклонными, то все же, по крайней мѣрѣ, мы будемъ правы на судѣ, потому что исполнили свое дѣло. Но дай Богъ, чтобы эти слова и насъ не приводили въ стыдъ, и васъ не заставляли закрываться. Дай Богъ всѣмъ съ дерзновеніемъ стать предъ судилищемъ Христовымъ, чтобы и мы могли похвалиться вами, и для своихъ золъ найти какое-нибудь облегченіе въ вашемъ добромъ имени, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава во вѣки. Аминь.

БЕСѢДА LXVIII.

Отвѣща Ему народъ: мы слышахомъ отъ закона, яко Христосъ пребываетъ во вѣки: како Ты глаголеши, вознестися подобаетъ сыну человѣческому? Кто есть сей сынъ человѣческій (Іоан. XII, 34)?

373 1. Ложь безсильна и легко изобличается, хотя снаружи и разрисована многоразличными красками. Какъ тѣ, которые покрываютъ смазкою стѣны, близкія къ разрушенію, чрезъ эту смазку не могутъ поправить ихъ, такъ и люди, когда говорятъ ложь, легко изобличаются. Такъ именно случилось и теперь съ іудеями. Когда Христосъ сказалъ: *аще Азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ*,— они возражаютъ: *мы слышахомъ отъ закона, яко Христосъ пребываетъ во вѣки: како Ты глаголеши, вознестися подобаетъ сыну человѣческому? Кто есть сей сынъ человѣческій?* Итакъ они знали, что Христосъ есть лице безсмертное и имѣетъ жизнь безконечную. Слѣдовательно понимали и то, что Онъ говорилъ. Да и въ Писаніи во многихъ мѣстахъ говорится вмѣстѣ и о страданіи, и о воскресеніи. Такъ напр. Исаія поставляетъ то и другое вмѣстѣ, когда говоритъ: *яко овча на заколеніе ведеся*, и такъ далѣе; и Давидъ во второмъ псалмѣ, равно какъ и во многихъ другихъ, соединяетъ то и другое; и патріархъ (Іаковъ), сказавъ: *возлегъ уснулъ еси яко левъ*, присовокупилъ: *и яко скименъ: кто возбудитъ его* (Быт. XLIX, 9)?—чѣмъ указываетъ вмѣстѣ и на страданіе, и на воскресеніе. Но іудеи потому говорятъ, что Христосъ пребываетъ во вѣкъ, что этимъ думали заградить Ему уста и показать, что Онъ не Христосъ. И смотри, какая злонамѣренность! Не сказали: мы слышали, что Христосъ не долженъ страдать, не долженъ быть распятъ; но: *яко пребываетъ во вѣки*,—хотя эти слова и не составляютъ возраженія, потому что страданіе не было препят-
374 ствіемъ къ безсмертію. Отсюда можно видѣть, что они понимали многое, что могло казаться обоюднымъ, и что они по доброй волѣ поступали злонамѣренно. Такъ какъ выше Христосъ бесѣдовалъ о смерти, то они, услыша здѣсь слово: *вознестися*, пришли именно къ мысли о смерти. Затѣмъ говорятъ: *кто есть сей сынъ человѣческій?* И это также съ злымъ умысломъ. Не подумай, говорятъ они, что мы разумѣемъ здѣсь Тебя, и не говори, будто мы противорѣчимъ Тебѣ по враждѣ съ Тобою. Вотъ мы даже и не знаемъ, о комъ Ты говоришь, и все же однако высказываемъ свое мнѣніе. Что же Христосъ? Желая заградить имъ уста и показать, что Его страданія нисколько не препятствуютъ Ему пребывать во вѣкъ, Онъ говоритъ: *еще мало время свѣтъ въ васъ*

есть (ст. 35). Этимъ показываетъ, что смерть Его есть только преставленіе, такъ какъ и солнечный свѣтъ не исчезаетъ совершенно, но, скрывшись на краткое время, снова является. *Ходите, дондеже свѣтъ имате.* О какомъ времени говоритъ Онъ здѣсь? Разумѣетъ ли всю настоящую жизнь, или только время до креста? Я думаю,—и то и другое, потому что, по неизреченному Его человѣколюбію, многіе увѣровали въ Него и послѣ креста. А говоритъ Онъ это для того, чтобы побудить ихъ къ вѣрѣ, что и прежде дѣлалъ, когда говорилъ: *еще мало время съ вами есмь* (Іоан. VII, 33). *Ходяй во тьмѣ, не вѣсть, камо идетъ* (ст. 35). Въ самомъ дѣлѣ, чего не дѣлаютъ теперь іудеи, и однакожъ не знаютъ, что дѣлаютъ, но ходятъ какъ бы во тьмѣ. Думаютъ, что идутъ по прямому пути, а на самомъ дѣлѣ идутъ противоположнымъ путемъ; соблюдаютъ субботу, хранятъ законъ, наблюдаютъ правила касательно пищи, но не знаютъ, куда идутъ. Потому и говорилъ: *ходите во свѣтѣ, да сынове свѣта будете*, т. е., Моими сынами. Въ началѣ евангелистъ говоритъ (о вѣрующихъ), 375
что они *не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, но отъ Бога родишася* (Іоан. I, 13), т. е., отъ Отца, — а здѣсь говорится о самомъ (Христѣ), что Онъ ихъ раждаетъ, чтобы ты зналъ, что у Отца и Сына одно дѣйствіе. *Сія глагола Іисусъ, и отшедъ, скрыся отъ нихъ* (ст. 35). Зачѣмъ Онъ теперь скрывается? Вѣдь не подняли противъ Него каменей и не сказали никакой хулы, какъ было прежде: зачѣмъ же Онъ скрылся? Проникая въ сердца ихъ, Онъ зналъ, что въ душѣ они ожесточились противъ Него, хотя и ничего не говорили; зналъ, что они кипѣли и готовы были убить Его, и не ожидалъ, пока дойдутъ они до самаго дѣла, но скрылся, чтобы укротить ихъ ненависть. Смотри, какъ на это указалъ и евангелистъ: онъ сейчасъ же присовокупилъ: *толика знаменія сотворшу Ему, не вѣроваху въ Него* (ст. 37). Какія это знаменія? Знаменія, о которыхъ евангелистъ умолчалъ. Да это же видно и изъ послѣдующаго. Послѣ того, какъ Онъ удалился и уступилъ имъ, Онъ снова приходитъ и кротко бесѣдуетъ съ ними, говоря такимъ образомъ: *вѣруяй въ Мя, не вѣруетъ въ Мя, но въ пославшаго Мя* (ст. 44). И замѣть, какъ Онъ (обыкновенно) поступаетъ: начинаетъ рѣчь скромно и уничиженно, относя все къ къ Отцу, а потомъ возвышаетъ Свое слово. Когда же видитъ, что они приходятъ въ ярость,—удаляется, а потомъ снова является и снова начинаетъ рѣчь уничиженную. Когда же Онъ такъ поступалъ? Скажи лучше, когда Онъ такъ не поступалъ? Вотъ, смотри, какъ Онъ говоритъ сначала: *якоже слышу, сужду* (Іоан. V, 30); затѣмъ возвышеннѣе: *якоже бо Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихже хощетъ, живитъ* (V, 21); и

опять: *Азъ не сужду* васъ, *инъ есть судяй* (VIII, 50); а потомъ опять удаляется. Затѣмъ, явившись въ Галилеѣ, говоритъ: *дѣлайте не брашно гиблющее* (VI, 27); и, сказавъ о Себѣ великое, именно — что Онъ сошелъ съ неба, что Онъ даетъ животъ вѣчный, снова уходитъ. А въ праздникъ кущей опять является и поступаетъ точно такимъ же образомъ.

2. Да и постоянно, какъ всякій можетъ видѣть, Онъ разнообразитъ такимъ образомъ свое ученіе: то приходитъ, то уходитъ, то говоритъ смиренно, то возвышенно. Такъ точно Онъ поступилъ и здѣсь. *Толика знаменія сотворшу Ему*, говоритъ, *не вѣроваху въ Него*: *да сбудется слово Исаіи пророка, еже рече: Господи, кто вѣрова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся* (Іоан. XII, 37—38)? И опять: *сего ради не можаху вѣровати, яко паки рече Исаія: слухомъ услышите, и не разумѣете. Сія рече Исаія, егда видѣ славу его, и глагола о немъ* (ст. 39, 41; сн. Ис. VI, 9). Вотъ опять слова *яко* и *рече* означаютъ не причину, а слѣдствіе. Не потому іудеи не вѣровали, что такъ сказалъ Исаія, но потому сказалъ такъ Исаія, что они не будутъ вѣровать. Почему же евангелистъ говоритъ не такъ, а напротивъ какъ будто представляетъ невѣріе слѣдствіемъ пророчества, а не пророчество — слѣдствіемъ невѣрія? Въ дальнѣйшихъ же словахъ онъ тоже самое выражаетъ еще сильнѣе, говоря такъ: *сего ради не можаху вѣровати, яко рече Исаія*. Этимъ онъ хочетъ яснѣе доказать, что Писаніе не ложно и что предсказанное имъ совершилось не иначе, а именно такъ, какъ было предсказано. А чтобы кто-нибудь не сказалъ: зачѣмъ же и пришелъ Христосъ? или Онъ не зналъ, что Его не будутъ слушать? — для этого и приводитъ пророковъ, показывая, что и они это знали. Пришелъ же Христосъ для того, чтобы не имѣли никакого извиненія въ своемъ грѣхѣ. Что предсказалъ пророкъ, то предсказалъ потому, что такъ непремѣнно будетъ. А если бы не должно было непремѣнно совершиться, то онъ и не предсказалъ бы; но оно должно было непремѣнно совершиться, потому что (іудеи) были неизлѣчимы.

Если же и поставлено здѣсь слово: *не можаху*, то оно зна-
376 читъ тоже, что — не хотѣли. И ты не удивляйся этому. Вотъ и въ другомъ мѣстѣ говорится: *могій вмѣстити, да вмѣститъ* (Матѳ. XIX, 22). Такъ и во многихъ мѣстахъ Писаніе обыкновенно употребляетъ слово: возможность, въ смыслѣ хотѣнія; вотъ напр. еще: *не можетъ міръ ненавидѣти васъ, Мене же ненавидитъ* (Іоан. VII, 7). Да это же самое, какъ всякій можетъ видѣть, бываетъ и въ обыкновенномъ разговорѣ. Такъ, когда кто говоритъ: я не могу полюбить такого-то, то подъ возможностію разумѣетъ особенную силу хотѣнія; точно также такой-то не можетъ быть доб-

рымъ. Да и пророкъ какъ говоритъ? *Аще премѣнитъ Евіоплянинъ кожу свою и рысь пестроты своя*, и народъ сей возможетъ *благо творити, навыкшее злу* (Іер. XIII, 23). Не то разумѣетъ онъ, будто совершеніе добродѣтели для этихъ людей невозможно; но что они не хотятъ того, потому и не могутъ. И слова евангелиста выражаютъ только то, что пророку невозможно было сказать ложь. Но никакъ нельзя сказать, чтобы поэтому самому іудеямъ невозможно было увѣровать. Пророкъ могъ остаться вѣрнымъ и въ томъ случаѣ, если бы они увѣровали, — онъ бы того и не предсказалъ. Такъ почему же, скажешь, Писаніе не выразилось такимъ образомъ? Въ Писаніи есть нѣкоторыя подобныя особенности, а потому надобно подчиняться его правиламъ. *Сія же рече, егда видѣ славу его.* Чью славу? Отца. Какъ же Іоаннъ прилагаетъ эти слова къ Сыну, а Павелъ къ Св. Духу? Это они говорятъ не потому, будто смѣшиваютъ ипостаси, а чтобы показать, что у Нихъ одно достоинство: что принадлежитъ Отцу, то принадлежитъ и Сыну, а принадлежащее Сыну принадлежитъ и Св. Духу. Хотя многое (Богъ) изрекъ чрезъ ангеловъ, однакожъ никто не говоритъ: какъ сказалъ ангелъ, но: какъ сказалъ Богъ; что изречено Богомъ чрезъ ангеловъ, то принадлежитъ Богу, но принадлежащее Богу еще не принадлежитъ ангеламъ. А здѣсь (апостолъ) говоритъ, что это слова Духа (Дѣян. XXVI, 25—26). *И глагола о немъ.* Что глагола? *Видѣхъ Господа, сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ* (Ис. VI, 1), и проч. Итакъ, славою онъ называетъ здѣсь видѣніе, дымъ слышаніе неизреченныхъ таинствъ, зрѣніе серафимовъ, молнію, исходящую отъ престола, на которую не могли смотрѣть тѣ силы. *И глагола о немъ.* Что глагола? Что онъ слышалъ голосъ, говорившій ему: *кого послю и кто пойдетъ? И рекохъ: се азъ есмь, посли мя. И рече: слухомъ услышите, и не уразумѣете, и видяще узрите, и не увидите. Ослѣпи бо очи ихъ и окаменилъ есть сердца ихъ, да не видятъ очима, ни разумѣютъ сердцемъ* (Ис. VI, 8—20; ср. Іоан. XII. 40). Вотъ опять новое недоумѣніе; но его не будетъ, если вникнемъ въ дѣло надлежащимъ образомъ. Какъ солнце поражаетъ глаза больныхъ, но не потому, чтобы оно имѣло такое свойство, такъ бываетъ и съ тѣми, кто не внимаетъ словамъ Божіимъ. Въ этомъ же смыслѣ говорится и о фараонѣ, что ожесточилъ его сердце. Такъ бываетъ и съ тѣми, которые какимъ-нибудь образомъ противятся словамъ Божіимъ. И это—особенность Писанія, равно какъ и выраженія: *Богъ предаде въ неискусенъ умъ* (Рим I, 28); и: *раздѣли языкомъ* (Втор. IV, 19); это значитъ—позволилъ, попустилъ. Въ этихъ мѣстахъ выражено не то, будто Богъ и это производитъ, но показывается, что это происходитъ отъ злобы

другихъ. Когда мы бываемъ оставлены Богомъ, тогда предаемся діаволу; а предавшись діаволу, подвергаемся безчисленнымъ бѣдствіямъ. Итакъ, чтобы устрашить слушателя, говоритъ: *ожесточи*, и: *предаде*. А что Богъ не только не предаетъ насъ, но и не оставляетъ, если мы сами того не захотимъ,—послушай, что
377 говоритъ! *не грѣси* ли *ваши разлучаютъ между вами и между* Мною (Ис. LIX, 2)? И еще: *удаляющіи себе отъ тебе погибнутъ* (Ис. LXXII, 27); а Осія говоритъ: *забылъ еси законъ Бога своего, забуду и азъ* тебя (Ос. IV, 6). И самъ Христосъ въ Евангеліи: *колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, и не восхотѣсте* (Лук. XIII, 34). И опять Исаія: *пріидохъ, и не бяше человѣка: звахъ, и не бѣ послушающаго* (Ис. L, 2). Говоря такимъ образомъ, показываетъ, что мы сами полагаемъ начало оставленію насъ Богомъ, сами бываемъ виновны въ своей погибели. А Богъ не только не хочетъ ни оставлять насъ, ни наказывать, но когда и наказываетъ, — дѣлаетъ это противъ Своего желанія. *Не хощу*, говоритъ Онъ, *смерти грѣшника, но еже обратитися ему и жити* (Iез. XVIII, 32). А Христосъ даже плачетъ о разрушеніи Іерусалима, какъ поступаемъ и мы въ отношеніи къ своимъ друзьямъ.

3. Итакъ, зная это, будемъ употреблять всѣ мѣры, чтобы
378 не отпасть отъ Бога, и постараемся имѣть попеченіе о своей душѣ и любовь другъ къ другу; не будетъ отторгать отъ себя своихъ членовъ,—это свойственно бѣснующимся и умалишеннымъ,—но чѣмъ въ худшемъ найдемъ ихъ положеніи, тѣмъ большую покажемъ объ нихъ заботливость. Вѣдь мы часто видимъ людей, одержимыхъ упорными и неисцѣлимыми тѣлесными недугами, и однакожъ не перестаемъ прилагать къ нимъ врачества. Что наприм. хуже подагры? Что—хирагры? Но развѣ мы отсѣкаемъ изъ-за этого члены? Вовсе нѣтъ. Напротивъ, употребляемъ всѣ мѣры, чтобы получить хоть какое-нибудь облегченіе, если ужъ нѣтъ возможности уврачевать болѣзнь. Такъ же будемъ поступать и съ своими братьями: хотя бы они страдали неисцѣлимыми болѣзнями, будемъ неотступно заботиться объ ихъ исцѣленіи и носить тяготы другъ друга. Чрезъ это мы исполнимъ и законъ Христовъ, и достигнемъ обѣтованныхъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXIX.

Обаче убо и отъ князь мнози вѣроваша въ Него: но фарисей ради не исповѣдоваху, да не изъ сонмищъ изгнани будутъ. Возлюбиша бо паче славу человѣческую, неже славу Божію (Іоан. хп, 42, 43).

1. Мы должны избѣгать всѣхъ вообще душевредныхъ страстей 377
но особенно тѣхъ изъ нихъ, которыя и сами изъ себя раждаютъ много грѣховъ. Таково, напр., сребролюбіе. Оно и само по себѣ тяжкая болѣзнь, но становится еще тяжелѣе потому, что оно корень и мать всѣхъ золъ. Таково же и тщеславіе. Вотъ, наприм., и эти (начальники іудейскіе) отторглись отъ вѣры по любви къ славѣ. *Мнози*, говоритъ Писаніе, *и отъ князь вѣроваша въ Него: но* іудеевъ *ради не исповѣдоваху*, *да не изъ сонмищъ изгнани будутъ*. Такъ точно и (Христосъ) еще прежде говорилъ имъ: *како вы можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы, яже отъ единаго Бога, не ищете* (Іоан. v, 44)? Слѣдовательно они были не князья, а рабы, и рабы самые низкіе. Впрочемъ, впослѣдствіи и этотъ страхъ исчезъ. При апостолахъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ одержимыхъ этою болѣзнію; при нихъ обращались къ вѣрѣ и князья, и священники; ниспосланная благодать Святого Духа всѣхъ ихъ сдѣлала тверже адаманта. Но такъ какъ теперь это служило еще для нихъ препятствіемъ къ вѣрѣ, то послушай, что говоритъ Христосъ: *вѣруяй въ Мя, не вѣруетъ въ Мя, но въ пославшаго Мя* (ст. 44). Какъ бы такъ говорилъ Онъ: что боитесь вы увѣровать въ Меня? Вѣра въ Меня, равно какъ и невѣріе, черезъ Меня переходятъ къ Богу. Смотри, какъ всегда и во всемъ обнаруживаетъ Онъ совершенное равенство Своего существа. И не сказалъ: кто вѣруетъ Мнѣ,—чтобы кто не подумалъ, будто Онъ здѣсь говоритъ о Своихъ словахъ,—что можно было сказать и о людяхъ, напр., кто вѣруетъ апостоламъ, вѣруетъ не имъ, а Богу. Но чтобы ты зналъ, что Онъ здѣсь говоритъ о вѣрѣ въ Свое существо, Онъ не сказалъ: кто вѣруетъ Моимъ словамъ, но: *вѣруяй въ Мя*. Но почему, скажешь, Онъ нигдѣ не сказалъ наоборотъ: кто вѣруетъ въ Отца, вѣруетъ не въ Отца, а въ Меня? Потому что возразили бы: вотъ
мы вѣруемъ въ Отца, а въ Тебя не вѣруемъ. Вѣдь они были 378
еще очень немощны. Потому, бесѣдуя съ учениками, Онъ сказалъ такъ: *вѣруйте въ Бога, и въ Мя вѣруйте* (Іоан. xiv, 2); а съ іудеями—видя, что они, по своей немощи, еще не могутъ слышать такія слова, ведетъ рѣчь иначе; имъ Онъ показываетъ, что невозможно увѣровать въ Отца, не увѣровавъ въ Него. И чтобы ты не подумалъ, будто это сказано въ томъ же смыслѣ, въ ка-

комъ можетъ быть сказано и въ отношеніи къ человѣку, Онъ присовокупляетъ: *видяй Мя, видитъ пославшаго Мя* (ст. 45). Что же? Значитъ Богъ—существо тѣлесное? Вовсе нѣтъ. Христосъ говоритъ здѣсь о видѣніи умственномъ, и тѣмъ опять показываетъ свое единосущіе. Но что значатъ слова: *вѣруяй въ Мя?* Это тоже, какъ если бы кто сказалъ: кто беретъ воду въ рѣкѣ, беретъ ее не изъ рѣки, а изъ источника; а впрочемъ, и это еще весьма слабое подобіе настоящаго предмета. *Азъ свѣтъ въ міръ пріидохъ* (ст. 46). Такъ какъ Отецъ вездѣ называется свѣтомъ, и въ ветхомъ и въ новомъ завѣтѣ, то и онъ прилагаетъ къ Себѣ это названіе; поэтому и Павелъ, научившись отсюда, называетъ Его сіяніемъ. Вообще Онъ здѣсь показываетъ великое сродство съ Отцемъ и не полагаетъ никакого различія, потому что вѣра въ Него, говоритъ, не къ Нему относится, а переходитъ къ Отцу. А свѣтомъ Онъ Себя назвалъ потому, что Онъ уничтожаетъ заблужденіе и разсѣеваетъ умственный мракъ. *Аще кто* Меня не слушаетъ, *Азъ не сужду ему: не пріидохъ бо, да сужду мірови, но да спасу міръ* (ст. 47). Чтобы не подумали, будто Онъ по немощи не обращалъ вниманія на тѣхъ, которые пренебрегали Имъ, для этого Онъ сказалъ: *не пріидохъ, да сужду мірови.*

2. Потомъ, чтобы не сдѣлались отъ этого нерадивѣе, узнавъ, что если вѣрующій получаетъ спасеніе, за то и невѣрующій не подвергается наказанію,—смотри, какъ Онъ поставляетъ имъ на видъ и страшный судъ, присовокупляя слѣдующія слова: *отметаяйся Мене и не пріемляй глаголъ Моихъ, иматъ судящаго ему* (ст. 48). Но если *Отецъ не судитъ никомуже* и Ты пришелъ не съ тѣмъ, чтобы судить міръ, такъ кто же его будетъ судить? *Слово, еже глаголахъ, то судитъ ему въ послѣдній день.* Такъ какъ они говорили, будто Онъ не отъ Бога, то Онъ и сказалъ такъ, показывая, что для нихъ тогда не будетъ возможности говорить это но слова, которыя Я изрекъ нынѣ, предстанутъ вмѣсто обвинителя, будутъ обличать ихъ и отнимутъ у нихъ всякое оправданіе. *И слово, еже*
379 *глаголахъ.* Какое слово? *Яко Азъ не самъ* отъ Себя пришелъ, *но пославый Мя Отецъ, той Мнѣ заповѣдь даде, что реку и возглаголю* (ст. 49)—и всѣ другія подобныя слова. Слѣдовательно это говорилось такъ только для нихъ, чтобы они не могли имѣть никакого предлога къ извиненію. Въ противномъ случаѣ, какое (Христосъ) будетъ имѣть преимущественно предъ Исаіею? Вѣдь этотъ послѣдній говоритъ тоже самое: *Господь даетъ мнѣ языкъ наученія, еже разумѣти, егда подобаетъ рещи слово* (Ис. L, 4). Какое предъ Іереміею, который также, когда былъ посланъ, получилъ вдохновеніе? Какое—предъ Іезекіилемъ? Вѣдь и этотъ говорилъ послѣ того, какъ поглотилъ свитокъ. Притомъ же, тѣ, которые будутъ слушать Его

слова, были бы причиною Его знанія. Если Онъ получилъ заповѣдь, что Ему говорить, только тогда, когда былъ посылаемъ, то наконецъ ты долженъ будешь сознаться, что Онъ того не зналъ прежде, чѣмъ былъ посланъ. А что можетъ быть нечестивѣе этихъ словъ, если кто станетъ принимать ихъ въ этомъ смыслѣ и не позаботится узнать причину ихъ уничиженности? Апостолъ Павелъ говоритъ, что даже ученики знали, *что есть воля Божія благая и угодная и совершенная* (Рим. xii, 2): Сыну ли не знать до тѣхъ поръ, пока Онъ не получилъ заповѣди? Есть ли въ этомъ какая-нибудь сообразность? Видишь, что Онъ говоритъ съ чрезвычайнымъ уничиженіемъ для того, чтобы и іудеевъ привлечь къ Себѣ, и на послѣдующихъ людей наложить молчаніе? Итакъ, для того Онъ говоритъ по-человѣчески, чтобы хотя этимъ способомъ понудить ихъ къ тому, чтобы они избѣгали всего низкаго въ Его словахъ, зная, что Онъ такъ говоритъ не по существу, а по немощи слушателей. *И вѣмъ, яко заповѣдь его животъ вѣчный есть: яже убо Азъ глаголю, яко рече мнѣ Отецъ, тако глаголю* (ст. 50). Видишь, какъ уничиженны эти слова? Вѣдь кто получитъ заповѣдь, тотъ уже не господинъ надъ самимъ собою. А между тѣмъ, самъ же онъ говоритъ: *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихже хощетъ, живитъ*. Ужели же воскрешать, кого хочетъ, Онъ имѣетъ власть, а говорить, что хочетъ, не имѣетъ? Очевидно, Онъ этими словами хочетъ сказать вотъ что: неестественно, чтобы иное говорилъ Онъ, и иное высказывалъ Я. *И вѣмъ, яко заповѣдь его животъ вѣчный есть*. Это Онъ сказалъ противъ тѣхъ, которые почитали Его обманщикомъ и говорили, будто Онъ пришелъ на погибель. А словами: *Азъ не сужду* показываетъ, что Онъ нисколько не виновенъ въ ихъ погибели. Этимъ Онъ какъ бы такъ свидѣтельствуетъ, намѣреваясь оставить ихъ и больше не обращаться съ ними: бесѣдуя съ вами, Я ничего не говорилъ собственно отъ Себя, но все отъ Отца. И для того Онъ заключаетъ Свою бесѣду съ ними словами уничиженными, чтобы сказать, что при самомъ концѣ таковъ былъ Мой послѣдній голосъ къ нимъ. Какой же именно? *Якоже рече Мнѣ Отецъ, тако глаголю*. Если бы Я былъ противникомъ Богу, Я бы сказалъ напротивъ,—что Я ничего не говорю угоднаго Богу, чтобы всю славу присвоить Себѣ; но Я все отношу къ Нему, такъ что даже ничего Своего не говорю. Почему же вы не вѣрите Мнѣ, когда Я говорю, что Я получилъ заповѣдь, и когда съ такою силою опровергаю ваше неправое мнѣніе, будто Я противлюсь Отцу? Какъ получившимъ заповѣдь невозможно ни дѣлать, ни говорить ничего другого, кромѣ того, что угодно пославшимъ ихъ, до тѣхъ поръ, пока они во всей точности не

исполнять заповѣди, такъ и Мнѣ нельзя ни дѣлать, ни говорить ничего другого кромѣ того, что хочетъ Отецъ. Что дѣлаю Я, то творитъ Онъ, потому Онъ *со Мною есть и не остави Мене единаго Отецъ* (Іоан. VIII, 29). Видишь, какъ Онъ всюду показываетъ, что Онъ
380 тѣсно соединенъ съ Своимъ Родителемъ и между Ними нѣтъ ничего посредствующаго? И въ томъ случаѣ, когда Онъ говоритъ: *о себѣ не пріидохъ*, Онъ тѣмъ не власть у Себя отнимаетъ, а уничтожаетъ лишь мысль, будто Онъ чуждъ и противенъ Богу. Вѣдь если люди властны сами надъ собою, то тѣмъ болѣе единородный Сынъ. А что это справедливо,—послушай что говоритъ Павелъ: *умалилъ Себе и предаде за ны* (Филип. II, 7). Но, какъ я сказалъ, страшно, истинно страшно—тщеславіе. Оно было причиною, что и эти люди не вѣровали, и другіе худо вѣровали, и что слова, которыя (Христосъ) говорилъ для ихъ же самихъ—изъ человѣколюбія, они обращали въ поводъ къ нечестію.

3. Итакъ, будемъ всячески избѣгать этого звѣря. Онъ бываетъ различнаго рода и вида, и разливаетъ свой ядъ на все,—и на сокровища, и на удовольствія, и на красоту тѣлесную. Потому-то мы вездѣ и переступаемъ границы нужды; оттого и роскошь въ одеждѣ, и большая толпа слугъ; оттого пренебрегается умѣренность во всемъ — и въ домахъ, и въ одеждѣ, и въ столѣ, а роскошь господствуетъ. Ты хочешь наслаждаться славою? Подавай милостыню: тогда тебя похвалятъ ангелы, тогда тебя прославитъ Богъ. А теперь вся слава достается на долю золотыхъ дѣлъ мастеровъ и ткачей; ты же остаешься безъ вѣнца и нерѣдко видишь себя обременяемою проклятіями. Не обвѣшивай ты всѣмъ этимъ своего тѣла, а издержи все это на пропитаніе нищихъ, и со всѣхъ сторонъ будутъ рукоплесканія, отвсюду—великая похвала. Тогда именно ты будешь этимъ обладать, когда будешь раздавать другимъ; а покуда ты пользуешься одна, ты не владѣешь. Домъ—не надежное хранилище; вѣрное хранилище—это руки нищихъ. И зачѣмъ ты украшаешь тѣло, между тѣмъ какъ душа остается въ небреженіи и покрыта нечистотою? Зачѣмъ ты не столько заботишься о душѣ, сколько о тѣлѣ? Вѣдь о ней слѣдовало бы даже больше заботиться; по крайней же мѣрѣ, возлюбленные, будемъ имѣть о ней хоть такое же попеченіе. Скажи мнѣ: если бы кто спросилъ у тебя, чего бы ты лучше желала — тѣло ли имѣть чистое, здоровое и прекрасное, а одѣяніе носить бѣдное, или—имѣть тѣло уродливое и больное, но ходить въ золотѣ и щеголять убранствомъ? Не гораздо ли скорѣе ты захотѣла бы имѣть благообразіе въ самой природѣ своего тѣла, чѣмъ въ пышности одеждъ? Ужели же ты по отношенію къ тѣлу пожелаешь этого, а по отношенію къ душѣ—противнаго? Имѣя душу отвра-

тительную, безобразную и черную, ужели ты думаешь что-нибудь выиграть чрезъ золотыя украшенія? Не крайнее ли это безуміе? Обрати лучше эти украшенія внутрь и этими ожерельями убери свою душу. Когда они лежатъ на тѣлѣ, они не служатъ ни къ его здоровью, ни къ красотѣ. Вѣдь они не сдѣлаютъ ни черпаго бѣлымъ, ни безобразнаго—красивымъ и благовиднымъ. Но если ты украсишь ими душу, то скоро сдѣлаешь ее изъ черной бѣлою, изъ отвратительной и безобразной прекрасною и благовидною. И это не мое слово, но самого Господа, который говоритъ такъ: *аще будутъ грѣси ваши, яко багряное, яко снѣгъ убѣлю* (Ис. I, 18); и еще: *дадите милостыню, и вся чиста вамъ будутъ* (Лук. XI, 41). И не себя только, а и мужа своего ты сдѣлаешь прекраснымъ, если будешь поступать такимъ образомъ. Когда мужья увидятъ, что вы оставили эти украшенія, тогда они уже не будутъ имѣть надобности въ большихъ издержкахъ; а не имѣя этой надобности, они вовсе отстанутъ отъ любостяжанія и будутъ болѣе склонны къ милостынѣ. Да и вы тогда въ состояніи будете смѣло совѣтовать имъ дѣлать то, что слѣдуетъ; а теперь вы совершенно лишены этой власти. Въ самомъ дѣлѣ, какими устами вы будете говорить имъ это? Какими глазами будете смотрѣть, требуя отъ 381
мужей, чтобы они подавали милостыню, когда большую часть вы издерживаете на украшеніе тѣла? Тогда ты въ состояніи будешь смѣло говорить мужу о милостынѣ, когда оставишь золотыя украшенія. И если бы даже ты нисколько въ томъ не успѣла, — по крайней мѣрѣ, ты исполнишь съ своей стороны все; а впрочемъ невозможно, чтобы ты не убѣдила своего мужа, когда будешь говорить ему самыми дѣлами. *Что бо вѣси жено, аще мужа спасеши* (1 Кор. VII, 16)? Потому, какъ теперь ты дашь отвѣтъ и за себя и за него, такъ если отложишь весь этотъ внѣшній блескъ— получишь сугубый вѣнецъ, и будешь торжествовать, нося вѣнецъ вмѣстѣ съ мужемъ, въ безконечные вѣки, и будешь наслаждаться вѣчными благами, которыхъ и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ТВОРЕНІЯ
СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО
ІОАННА ЗЛАТОУСТА,
Архіепископа Константинопольскаго,
ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.
Св. Іоаннъ Златоустъ.

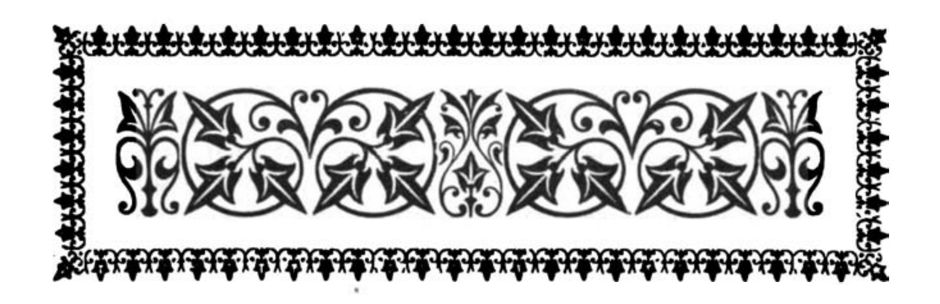
ТОМЪ ВОСЬМОЙ
въ двухъ книгахъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи.
1902.

Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 7 февраля 1902 года.
Сергій, Епископъ Ямбургскій, ректоръ Академіи.

Типографія А. П. Лопухина (Спб., Тележная ул., № 5).



СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

БЕСѢДЫ

НА ЕВАНГЕЛІЕ СВЯТАГО АПОСТОЛА

ІОАННА БОГОСЛОВА.

БЕСѢДА LXX.

Прежде же праздника пасхи, вѣдый Іисусъ, яко пріиде Ему часъ, да прейдетъ отъ міра сего къ Отцу, возлюбль Своя сущія въ мірѣ, до конца возлюби ихъ (Іоан. XIII, 1).

1. *Подражатели мнѣ бывайте*, говоритъ Павелъ, *якоже и азъ* 381
Христу (1 Кор. XI, 1). Для того Христосъ и плоть принялъ изъ одного съ нами состава, чтобы чрезъ нее научить насъ добродѣтели. *Въ подобіи*, сказано, *плоти грѣха, и о грѣсѣ осуди грѣхъ во плоти* (Рим. VIII, 3). Да и самъ Христосъ (говоритъ): *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Матѳ. XI, 29). И этому Онъ училъ не словами только, но и дѣлами. Такъ, называли Его и самаряниномъ, и бѣсноватымъ, и обманщикомъ, и бросали въ Него камни; а фарисеи то слугъ посылали, чтобы схватить Его, то подсылали другихъ злоумышленниковъ, притомъ и сами часто поносили Его, и все это тогда, какъ не только не имѣли ни малѣйшаго повода къ обвиненію Его, а напротивъ, еще постоянно пользовались Его благодѣяніями. Однакожъ, и послѣ всего этого,

Онъ не переставалъ творить имъ добро и словомъ, и дѣломъ. И когда одинъ слуга ударилъ Его, Онъ говоритъ: *аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ: аще ли добрѣ, что Мя біеши* (Іоан. XVIII, 23)? Но такъ поступалъ Онъ съ Своими врагами и злоумышленниками. Посмотримъ же, какъ Онъ поступаетъ и съ Своими учениками, а особенно—что Онъ теперь высказываетъ по отношенію къ (ученику) коварному. Вѣдь его слѣдовало ненавидѣть больше всѣхъ, потому что онъ, будучи ученикомъ и участникомъ въ трапезахъ и вечеряхъ, и видя чудеса, и удостоившись получить такъ много, поступилъ съ Нимъ хуже всѣхъ,—не камни бросалъ въ Него и не поносилъ Его, но выдалъ и предалъ. Между тѣмъ смотри, какъ Онъ благосклонно принимаетъ его: Онъ умываетъ ему ноги. И этимъ также Онъ хотѣлъ удержать его отъ злого намѣренія. Могъ Онъ, конечно, если бы захотѣлъ, изсушить его, какъ смоковницу, и разорвать на части, какъ разорвалъ камни, и разодрать, какъ завѣсу; но Онъ хотѣлъ, чтобы тотъ оставилъ свое злое намѣреніе не по принужденію, а по доброй волѣ. Съ этою цѣлію онъ и умываетъ ему ноги. Но и этого не устыдился этотъ несчастный и жалкій человѣкъ. *Прежде же праздника пасхи, вѣдый Іисусъ, яко пріиде Ему часъ*. Не тогда только узналъ, но зналъ, говоритъ (евангелистъ), гораздо прежде, чѣмъ сдѣлалъ то, что сдѣлалъ. *Да прейдетъ*. Евангелистъ глубокомысленно называетъ смерть Его переходомъ. *Возлюбль Своя сущія въ мірѣ, до конца возлюби ихъ*. Видишь, какъ Онъ, намѣреваясь оставить ихъ, обнаруживаетъ къ нимъ сильнѣйшую любовь? Слова: *возлюбль, до конца возлюби ихъ* —именно означаютъ, что Онъ не упустилъ ничего, что слѣдовало сдѣлать тому, кто сильно любитъ. Но почему Онъ сдѣлалъ это не сначала?
382 Что важнѣе, то Онъ дѣлаетъ въ концѣ, чтобы усилить ихъ привязанность къ Себѣ и приготовить имъ великое утѣшеніе въ наступающихъ бѣдствіяхъ. *Своими* же Онъ называетъ ихъ по Своему близкому съ ними общенію. Называетъ Онъ и другихъ *Своими*, но—какъ Свое созданіе, напримѣръ, когда говоритъ: *и свои Его не пріяша* (Іоан. I, 11). Но что значитъ: *сущія въ мірѣ?* Это значитъ, что у Него были *Свои* и между умершими, какъ напр. Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ и подобные имъ; но они были уже не въ мірѣ. Видишь ли, что Онъ Богъ и ветхаго, и новаго завѣта? А что значитъ: *до конца возлюби ихъ?* Этимъ (евангелистъ) говоритъ, что Онъ никогда не переставалъ любить ихъ; и это называетъ свидѣтельствомъ особенно сильной любви. Правда, въ другомъ мѣстѣ (такимъ свидѣтельствомъ) называется не это, а положеніе души за друзей своихъ; но тогда этого еще не было. Но почему Онъ сдѣлалъ это (умылъ ноги) теперь? Потому что это было гораздо удивительнѣе тогда, когда Онъ для всѣхъ

казался столько славнымъ; да чрезъ это и утѣшеніе не малое Онъ оставилъ предъ разлукою съ ними. Такъ какъ имъ предстояло перенести жестокую скорбь, то Онъ предлагаетъ имъ чрезъ это и равносильное утѣшеніе. *И вечери бывшей, діаволу уже вложившу въ сердце Іудѣ, да Его предастъ* (ст. 2). Въ изумленіи сказалъ это евангелистъ, показывая, что умылъ ноги Іудѣ тогда, когда тотъ уже рѣшился предать Его. Этимъ Онъ обнаруживаетъ также великую злобу Іуды,—потому что его не остановило ни участіе въ вечери, хотя это обыкновенно лучше укрощаетъ злобу, ни то, что Учитель продолжалъ заботиться о немъ до самаго послѣдняго дня. *Вѣдый Іисусъ, яко вся даде ему Отецъ въ руцѣ и яко отъ Бога изыде и къ Богу грядетъ* (ст. 3). Здѣсь выражаетъ свое удивленіе, что Тотъ, кто такъ великъ и такъ высокъ, кто пришелъ отъ Бога и къ Богу отходитъ, кто все содержитъ въ Своей власти,—что Онъ совершилъ это и, не смотря на все Свое величіе, не возгнушался принять на Себя такое дѣло. Подъ преданіемъ же, какъ мнѣ кажется, онъ разумѣетъ здѣсь спасеніе вѣрныхъ; и Христосъ, когда говоритъ: *вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ* (Матѳ. XI, 27), — разумѣетъ это же самое преданіе. Такъ точно Онъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *твои бѣша, и Мнѣ ихъ далъ еси* (Іоан. XVII, 6); и еще: *никто же можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ привлечетъ его* (Іоан. VI, 44); и: *аще не будетъ дано ему съ небесе* (III, 27). Итакъ, или это выражаетъ, или то, что умовеніе ногъ нисколько не могло унизить, такъ какъ Онъ пришелъ отъ Бога и идетъ къ Богу, и все содержитъ. А когда ты слышишь: преданіе, то не предполагай ничего человѣческаго. Этимъ показывается только уваженіе къ Отцу и единомысліе съ Нимъ,—потому что, какъ Отецъ предаетъ Ему, такъ и Онъ предаетъ Отцу, какъ это и показываетъ Павелъ, когда говоритъ: *егда предастъ царство Богу и Отцу* (1 Кор. XV, 24). Говоритъ здѣсь объ этомъ по-человѣчески, показывая Его великую заботливость объ ученикахъ и обнаруживая неизреченную любовь Его къ нимъ,— такъ какъ Онъ теперь уже заботился объ нихъ, какъ о своихъ, научая ихъ матери всѣхъ благъ—смиренномудрію, которое Онъ 388
назвалъ началомъ и концомъ добродѣтели. И не безъ причины присовокуплены слова: *отъ Бога изыде и къ Богу грядетъ*, но чтобы знали мы, что Онъ поступалъ достойно Того, кто пришелъ оттуда и туда идетъ,—поправъ всякую гордость. *И воставъ отъ вечери и положи ризы* (Іоан. XIII, 4).

2. Смотри, какъ не умовеніемъ только Христосъ показываетъ Свое смиреніе, но и другими дѣйствіями. Не прежде возлежанія Онъ всталъ, а тогда, когда уже всѣ возлегли. Затѣмъ не просто умываетъ, но сначала сложилъ съ Себя одежду. Но и

на этомъ не остановился, а еще опоясался полотенцемъ; да и этимъ не удовольствовался, но Самъ же влилъ воду, а не другому велѣлъ наполнить ее. Такъ все это Онъ дѣлаетъ Самъ, чтобы показать тѣмъ, что, когда мы дѣлаемъ добро, то должны дѣлать его не съ небрежностью, но со всѣмъ усердіемъ. И мнѣ кажется, что Своему предателю Онъ умылъ ноги первому,--такъ какъ (евангелистъ) сказавъ: *и нáчатъ умывати ноги ученикомъ* (ст. 5), затѣмъ продолжаетъ: *пріиде же къ Симону Петру, и глагола ему той: Ты ли мои умыеши нозѣ* (ст. 6)? — То есть, тѣми ли самыми руками, которыми Ты отверзалъ очи, очищалъ прокаженныхъ и воскрешалъ мертвыхъ? Подлинно, уже и это выражаетъ собою весьма много,—почему Петру и не было надобности сказать что нибудь больше, чѣмъ: *Ты ли?* Въ этомъ одномъ уже высказывалось все. Но справедливо можетъ кто-нибудь спросить: почему никто другой не воспрепятствовалъ Ему (умыть ноги), а только одинъ Петръ, что служитъ свидѣтельствомъ не малой любви и уваженія? Какая же этому причина? Мнѣ кажется, что Христосъ прежде умылъ ноги предателю, а потомъ приступилъ къ Петру, и что другіе были уже вразумлены примѣромъ Петра. А что дѣйствительно Онъ умылъ кого-то другого прежде Петра, это видно изъ словъ: когда же пришелъ къ Петру. Впрочемъ, евангелистъ не говоритъ прямо, но словомъ: *начатъ* намекаетъ на это. И хотя первымъ былъ Петръ, но, вѣроятно, предатель, по своей наглости, возлежалъ даже выше верховнаго (апостола). Его наглость выказывается и въ другихъ случаяхъ—напримѣръ, когда онъ погружаетъ вмѣстѣ съ Учителемъ (руку въ солило), и когда, не смотря на обличенія, не чувствуетъ угрызенія совѣсти. Петръ, однажды подвергшись упреку еще прежде, и упреку за слова, которыя онъ сказатъ отъ любви, такъ смирился, что даже и тогда, какъ былъ въ томленіи и трепетѣ, обратился къ другому, чтобы тотъ вопросилъ; а этотъ (Іуда), не смотря на частыя обличенія, не приходилъ въ чувство. Итакъ, когда подошелъ къ Петру, *глагола ему той: Господи, ты ли умыеши мои нозѣ?* (Христосъ) говоритъ ему: *еже Азъ творю, ты не вѣси нынѣ, разумѣеши же по сихъ* (ст. 6, 7), т. е. (послѣ узнаешь) какая отъ этого выгода какъ полезенъ этотъ урокъ, какъ это можетъ расположить насъ ко всякому смиренномудрію. Что же Петръ? Продолжаетъ противиться и говоритъ: *не умыеши ногу мою во вѣки* (ст. 6). Что ты дѣлаешь, Петръ? Развѣ не помнишь прежнихъ словъ? Не ты ли сказалъ: *милосердъ ты*, и услышалъ: *иди за мною, сатано* (Мате XVI, 22, 23)? Ужели и это не вразумило тебя, и ты все еще горячишься? Да, говоритъ; но теперь совершается дѣло необыкновенное и поразительное. Поелику же Петръ

поступалъ такъ по великой любви, то и Христосъ опять уловляетъ его тою любовію. Какъ тогда Онъ сильно укорилъ его, сказавъ: *соблазнъ Ми еси*, такъ и теперь говоритъ: *аще не умыю тебе, не имаши части со Мною* (ст. 8). Что же этотъ пылкій и пламенный? *Господи*, говоритъ, *не нозѣ мои токмо, но и руцѣ и главу* (ст. 9). Горячъ въ сопротивленіи, но еще горячѣе въ изъявленіи согласія; а то и другое — отъ любви. Но почему (Христосъ) не сказалъ, для чего Онъ это дѣлалъ, а употребилъ угрозу? Потому, 384
что Петръ не послушалъ бы. Если бы сказалъ: оставь, чрезъ это Я хочу научить васъ смиренію,—то Петръ тысячу разъ обѣщалъ бы быть смиреннымъ, лишь бы только Владыка не дѣлалъ этого. А теперь что говоритъ? То, чего Петръ всего болѣе боялся и страшился,—именно, чтобы не быть отлученнымъ отъ Него. Вѣдь это онъ часто спрашивалъ: *камо идеши*, и по этому-то поводу говорилъ: *душу мою положу за Тя* (Іоан. xiii, 36—37). Если онъ не уступилъ и тогда, какъ услышалъ: ты не знаешь теперь, что Я дѣлаю, а узнаешь послѣ,—то тѣмъ болѣе, если бы узналъ. Поэтому-то и сказалъ: *разумѣеши же по сихъ*, — зная что, если бы онъ уразумѣлъ это теперь, то продолжалъ бы противиться. Да Петръ и не сказалъ: объясни мнѣ, и я не буду противиться; но—чтó было знакомъ еще большей горячности — онъ даже не хотѣлъ знать этого, а опять настаиваетъ на своемъ, говоря: *не умыеши ногу мою*. Когда же (Христосъ) употребилъ угрозу,—онъ тотчасъ утихъ. Но что значитъ: *уразумѣеши по сихъ?* Когда именно *по сихъ?* Тогда, говоритъ, когда именемъ Моимъ будешь изгонять бѣсовъ, когда увидишь Мое вознесеніе на небо, когда узнаешь отъ Духа, что Я возсѣдаю одесную Отца,—тогда поймешь то, что теперь совершается. Что же Христосъ? Когда Петръ сказалъ: *Господи, не нозѣ мои токмо, но и руцѣ и главу*,—(Христосъ) говоритъ: *измовенный не требуетъ, токмо нозѣ умыти, есть бо весь чистъ. И вы чисти есте, но не вси. Вѣдяше бо предающаго Его* (ст. 9—11). Но если они чисты,—для чего умываешь имъ ноги? Для того, чтобы мы научились скромности. Поэтому-то Онъ обратился не къ другой какой-нибудь части тѣла, а именно къ той, которая менѣе всѣхъ другихъ цѣнится. Что значитъ: *измовенный?* Тоже, что чистый. А развѣ они были чисты? Вѣдь они еще не были освобождены отъ грѣховъ и не удостоились получить Св. Духа, такъ какъ грѣхъ еще владычествовалъ, клятвенное рукописаніе еще существовало и жертва еще не была принесена? Почему же Онъ называетъ ихъ чистыми? Чтобы ты не подумалъ, будто они въ томъ отношеніи чисты, что уже освобождены отъ грѣховъ, Онъ присовокупилъ: *вы чисти есте за слово, еже рѣхъ вамъ* (Іоан. xiii, 10),—т. е., вы пока чисты только съ этой стороны; вы уже

приняли свѣтъ; вы уже освободились отъ іудейскихъ заблужденій. Такъ и пророкъ говоритъ: *измыйтеся и чисти будите, отъимите лукавства отъ душъ вашихъ* (Ис. I, 16). Значитъ, такой уже омылся и чистъ. А такъ какъ апостолы отвергли отъ души своей всякое лукавство и обращались со Христомъ съ чистою совѣстію, то Онъ и говоритъ, сообразно съ словами пророка, что *измовенный уже чистъ*. Подъ измовеніемъ Онъ разумѣетъ здѣсь не іудейское омовеніе водою, но очищеніе совѣсти.

3. Итакъ, будемъ и мы чисты; научимся дѣлать добро. Но что такое добро? *Судите сиру и оправдите вдовицу, и пріидите, и истяжимся, глаголетъ Господь* (Ис. I, 17). Въ Писаніи часто говорится такимъ образомъ о вдовахъ и сиротахъ; а мы о томъ и не думаемъ. Между тѣмъ, представь, какая награда! *Аще будутъ грѣси ваши*, сказано, *яко багряное, яко снѣгъ убѣлю: аще же будутъ, яко червленное, яко волну убѣлю* (Ис. I, 18). Вдовицы беззащитны, а
385 потому (Господь) много о нихъ и заботится. Онѣ, конечно, могли бы вступить и во второй бракъ, но изъ страха Божія онѣ переносятъ скорби вдовства. Подадимъ же имъ руку помощи всѣ мы, и мужи и жены, чтобы и намъ самимъ когда-нибудь не подвергнуться тяжкой участи вдовства, или, если подвергнемся ей,—имѣть полное право ожидать и себѣ человѣколюбія. Не малую имѣютъ силу слезы вдовицы; онѣ могутъ отверзть самое небо. Не будемъ же обижать ихъ, не станемъ увеличивать ихъ
386 несчастія, но будемъ оказывать имъ всевозможную помощь. Если будемъ поступать такимъ образомъ, то доставимъ себѣ совершенную безопасность и въ настоящей жизни, и въ будущемъ вѣкѣ. Не только здѣсь, но и тамъ онѣ послужатъ для насъ защитою; за оказанныя имъ благодѣянія онѣ избавятъ насъ отъ большей части нашихъ грѣховъ и дадутъ намъ возможность съ дерзновеніемъ предстать предъ судилищемъ Христовымъ, чего да сподобимся всѣ мы по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXI.

Пріятъ ризы Своя и, возлегъ паки, рече имъ: вѣсте ли, что сотворихъ вамъ? и пр. (Іоан. XIII, 12).

385 1. Опасно, возлюбленные, опасно впасть въ глубину золъ. Тогда уже трудно бываетъ душѣ исправиться. Поэтому нужно всячески стараться—не быть уловленнымъ вначалѣ, потому что легче не вдаться (въ зло), чѣмъ, вдавшись, исправиться. Посмотри на Іуду: когда онъ ввергъ себя (въ зло), то сколько ни

получаетъ помощи,—все не возстаетъ. Сказалъ (Христосъ), обращаясь къ нему: *единъ отъ васъ діаволъ есть*; сказалъ: не всѣ *вѣруютъ* (Іоан. VI, 70, 64); сказалъ: *не о всѣхъ васъ глаголю*, и: *Азъ вѣмъ, ихже избрахъ* (XIII, 18),—но онъ ничего этого не чувствуетъ. *Егда же умы ноги, и пріятъ ризы Своя, и возлегъ, рече: вѣсте ли что сотворихъ вамъ?* Это говоритъ, обращаясь уже не къ одному Петру, но и ко всѣмъ. *Вы глашаете Мя*: Господь и Учитель; *и добрѣ глаголете, есмь бо* (XIII, 12, 13). *Вы глашаете Мя*,— ссылается на ихъ сужденіе. Потомъ, чтобы не показалось, что это слова ихъ пріязни, присовокупляетъ: *есмь бо*. Такимъ образомъ, приведя ихъ собственныя слова, Онъ тѣмъ самымъ дѣлаетъ ихъ не тягостными; а подтвердивъ приведенныя слова Своимъ (словомъ), отстраняетъ отъ нихъ всякое подозрѣніе. *Есмь бо*, говоритъ. Видишь ли, какъ, бесѣдуя съ учениками, Онъ гораздо открытѣе говоритъ о самомъ Себѣ? Какъ сказалъ Онъ: не называйте учителя на землѣ, *единъ бо есть вашъ учитель*, такъ же сказалъ: *и отца не зовите на земли* (Матѳ. XXIII, 8). А выраженіе: *единъ* и: *единъ* сказано не объ Отцѣ только, но и о Немъ. Если бы Онъ говорилъ, не разумѣя здѣсь и Себя, то какъ могъ бы сказать: *да сынове свѣта будете* (Іоан. XII, 36)? И опять: если бы называлъ учителемъ одного Отца, то какъ же говоритъ: *есмь бо*, и еще: *единъ есть наставникъ вашъ, Христосъ* (Матѳ. XXIII, 10)?

Аще убо Азъ, Господь и Учитель, умыхъ ваши нозѣ, и вы должни есте другъ другу умывати: образъ бо сей дахъ вамъ, да якоже Азъ сотворихъ, тако и вы творите (Іоан. XIII, 14, 15). Но вѣдь это не одно и тоже, потому что Онъ — Учитель и Господь, а вы между собою—сорабы. Что же значитъ: *тако*? Съ такимъ же усердіемъ. Для того Онъ и беретъ примѣры отъ большаго, чтобы мы дѣлали хоть меньшее. Такъ и учители пишутъ для дѣтей весьма красивыя буквы, чтобы они, хотя несовершенно, подражали имъ. Чтоже теперь—презирающіе своихъ собратій? Что теперь—требующіе почестей? Христосъ умылъ ноги предателю, святотатцу и хищнику и въ самое время предательства, не смотря на нераскаянность, сдѣлалъ его общникомъ трапезы; а ты гордишься и 386
надмеваешься? Такъ значитъ, скажешь, мы должны умывать ноги другъ другу, слѣдовательно и рабамъ? А что же особеннаго, если и рабамъ? Здѣсь рабъ и свободный различаются только по имени, а тамъ—по существу дѣла. Христосъ по естеству Господь, а мы рабы; однакожъ, Онъ не отказался и это сдѣлать. Но теперь приходится довольствоваться, если и съ свободными мы не поступаемъ, какъ съ рабами и купленными невольниками. И что мы тогда скажемъ,—мы и имѣющіе образцы такого долготерпѣнія, нисколько не подражающіе имъ, а поступающіе совершенно на-

противъ—безъ мѣры превозносящіеся и не воздающіе должнаго? Вѣдь Богъ, самъ сначала совершивъ это (умывъ ноги), сдѣлалъ насъ должниками другъ другу, хотя мы обязаны воздавать другъ другу и меньше (того, что Онъ сдѣлалъ), такъ какъ Онъ—Господь, а мы, если будемъ дѣлать это, будемъ дѣлать для подобныхъ намъ рабовъ. На это самое и Онъ указалъ словами: *аще убо Азъ, Господь и учитель*, и еще: *тако и вы.* Слѣдовало бы сказать: тѣмъ болѣе вы—рабы; но Онъ предоставилъ это совѣсти слушателей. Но почему же Онъ сдѣлалъ это теперь? Потому что (ученики) скоро уже должны были сподобиться чести, одни—большей, другіе—меньшей.

2. Поэтому, чтобы они не возносились другъ надъ другомъ и не говорили, какъ прежде: *кто есть болій*, и не негодовали другъ на друга, Онъ у всѣхъ ихъ отнимаетъ высокомѣріе, говоря: хотя бы ты былъ и очень великъ, ты не долженъ нисколько возноситься надъ братомъ. И не сказалъ того, что важнѣе, именно: „если Я умылъ ноги предателю, то что великаго въ томъ, если вы (будете умывать ноги) другъ другу"; но, показавъ это на самомъ дѣлѣ, предоставилъ судить о томъ зрителямъ. Поэтому Онъ говорилъ: *иже аще сотворитъ и научитъ, сей велій наречется* (Матѳ. v, 19), потому что учить по настоящему—это значитъ исполнять самымъ дѣломъ. Такое ученіе какой не истребитъ надменности? Какой не уничтожитъ гордости и высокомѣрія? Сѣдящій на херувимахъ умылъ ноги предателю; а ты, человѣкъ—земля и пепелъ, персть и прахъ—превозносишься и высокомудрствуешь? И какой же будешь достоинъ ты геенны? Если ты дѣйствительно желаешь имѣть чувства высокія,—приди, я покажу тебѣ путь, потому что ты даже не знаешь, что это значитъ. Кто прилѣпляется къ настоящему, какъ къ чему-то великому, у того душа низкая. Поэтому и смиренномудріе можетъ быть только при величіи души, и надменность—только отъ низости души. Какъ малыя дѣти пристрастны бываютъ къ ничтожнымъ вещамъ, къ мячикамъ, обручамъ и костямъ, а о великомъ не могутъ имѣть и понятія, такъ точно и здѣсь, кто любомудрствуетъ, тотъ будетъ считать за ничто блага настоящія (и потому ни самъ не
387 захочетъ имѣть ихъ, ни у другого не возьметъ ихъ), а кто не любомудрствуетъ, тотъ будетъ думать иначе, будетъ пристрастенъ къ паутинѣ, къ тѣни, къ соннымъ мечтамъ и къ тому, что еще ничтожнѣе этого. *Аминь, аминь глаголю вамъ: нѣсть рабъ болій господа своего, ни посланникъ болій пославшаго его. Аще сія вѣсте, блажени есте, аще творите я. Не о всѣхъ васъ глаголю, но да писаніе сбудется: ядый со Мною хлѣбъ, воздвиже на Мя пяту свою* (Іоан. xiii, 16—18). Что сказалъ прежде, то и теперь говоритъ, для увѣщанія

ихъ. Если рабъ не больше господина своего, и посланникъ не больше пославшаго его, а Мною это сдѣлано, то тѣмъ болѣе вамъ должно дѣлать это. Потомъ, чтобы кто-нибудь не сказалъ: для чего Ты это говоришь? Развѣ мы не знаемъ этого?—присовокупилъ слѣдующее: Я говорю вамъ не потому, будто вы не знаете, но для того, чтобы вы осуществляли на самомъ дѣлѣ Мои слова. Знать могутъ всѣ, а дѣлать—не всѣ. Потому Онъ и сказалъ: *блажени есте, аще творите я.* Потому же именно и я непрестанно повторяю вамъ объ этомъ, хотя вы и знаете,—чтобы расположить васъ къ дѣламъ. Вѣдь и іудеи знаютъ, но они не блаженны, потому что не исполняютъ того, что знаютъ. *Не о всѣхъ*, говоритъ, *васъ глаголю.* О, долготерпѣніе! Еще не открываетъ предателя, а напротивъ прикрываетъ его дѣло, подавая тѣмъ ему случай къ покаянію. И открываетъ, и не открываетъ, говоря такимъ образомъ: *ядый со Мною хлѣбъ, воздвиже на Мя пяту.* Мнѣ кажется, что слова: *нѣсть рабъ болій Господа своего* сказаны и для того, чтобы тѣ, которымъ случится потерпѣть зло отъ рабовъ или отъ какихъ-нибудь ничтожныхъ людей, не соблазнялись, взирая на примѣръ Іуды, который, получивъ безчисленныя благодѣянія, заплатилъ зломъ Благодѣтелю. Поэтому и присовокупилъ: *ядый со Мною хлѣбъ*, и, оставивъ все прочее, сказалъ о томъ, что по преимуществу могло его удержать и пристыдить: тотъ, говоритъ, кого Я питалъ, кого Я сдѣлалъ участникомъ Своей трапезы. Это Онъ говорилъ, научая благодѣтельствовать людямъ, дѣлающимъ намъ зло, даже и тогда, какъ они неисправимы. А такъ какъ Онъ сказалъ: *не о всѣхъ васъ глаголю*, то, чтобы не навесть страха на многихъ, Онъ отдѣляетъ наконецъ Іуду, говоря такъ: *ядый со Мною хлѣбъ.* Выраженіе: *не о всѣхъ* не указываетъ непремѣнно на одного; поэтому Онъ присовокупилъ: *ядый со Мною хлѣбъ*, показывая этому несчастному, что Онъ подвергается его нападенію не по невѣдѣнію, но совершенно зная,—а это опять больше всего могло удержать его. И не сказалъ: предастъ Меня, но: *воздвиже на Мя пяту*, чтобы тѣмъ выразить коварство, лукавство и скрытность его замысла.

3. Все же это написано для того, чтобы мы не были злопамятны къ обидчикамъ, но вразумляли и оплакивали ихъ. Дѣйствительно, слезъ достойны не тѣ, которые терпятъ обиду, но тѣ, которые причиняютъ ее. Лихоимецъ, клеветникъ и всякій, дѣлающій какое-либо другое зло, вредятъ гораздо больше самимъ себѣ; а намъ приносятъ величайшую пользу, если мы не мстимъ за себя. Положимъ, напримѣръ, такой-то ограбилъ, а ты за обиду возблагодарилъ и прославилъ Бога. Чрезъ это благодареніе ты пріобрѣлъ себѣ безчисленныя награды, равно какъ тотъ приго-

товилъ себѣ неизреченный огонь. Если же кто скажетъ: чтожъ, если я не могъ отомстить обидѣвшему меня, потому что я сла-
868 бѣе его?—то я отвѣчу вотъ что: ты могъ сердиться и гнѣваться, потому что это въ нашей власти, желать зла опечалившему, тысячекратно проклинать его и всюду безславить. Слѣдовательно, кто этого не сдѣлалъ, тотъ получитъ награду и за то, что не мстилъ, такъ какъ, очевидно, онъ не сталъ бы мстить и въ томъ случаѣ, если бы могъ это сдѣлать. Вѣдь обиженный, если онъ малодушенъ, пользуется всякимъ оружіемъ—мститъ обидѣвшему проклятіями, ругательствами, навѣтами. Итакъ, ты не только не дѣлай этого, но и молись за него; а если ты не только не сдѣлаешь этого, но и станешь молиться за него, то будешь подобенъ Богу. *Молитеся*, сказано, *за творящихъ вамъ напасть, яко да будете* подобны *Отцу вашему, иже есть на небесѣхъ* (Матѳ. v, 44). Видишь, какую великую пользу получаемъ мы отъ обидъ, причиняемыхъ намъ другими? Ничѣмъ такъ не услаждается Богъ, какъ тѣмъ, когда мы не воздаемъ зломъ за зло? Но что я говорю: когда не воздаемъ зломъ за зло? Вѣдь намъ заповѣдано воздавать противнымъ,—благодѣяніями, молитвами. Поэтому и Христосъ воздалъ хотѣвшему предать Его благодѣяніями, именно: умылъ ноги, обличалъ тайно, укорялъ съ кротостію, служилъ, удостоилъ его трапезы и цѣлованія, и хотя (Іуда) и отъ этого не сдѣлался лучше, однакожъ Онъ не переставалъ дѣлать Свое. Но, если хочешь, я научу тебя и примѣромъ рабовъ, и въ особенности, рабовъ ветхозавѣтныхъ, чтобы ты видѣлъ, что мы не можемъ имѣть никакого извиненія, когда бываемъ злопамятны. Итакъ, хотите ли, я скажу вамъ о Моисеѣ? Или не вознести ли слово еще далѣе? Вѣдь чѣмъ древнѣе будутъ представлены примѣры, тѣмъ будутъ они убѣдительнѣе. Почему же такъ? Потому что тогда добродѣтель была труднѣе. Жившіе въ то время не имѣли ни письменныхъ наставленій, ни примѣровъ жизни; подвизалась одна только природа безъ всякой посторонней помощи и принуждена была всюду плавать безъ всякой опоры. Потому-то (Писаніе), похваляя Ноя, не просто назвало его совершеннымъ, но присовокупило: *въ родѣ своемъ*, то есть, въ такое время, когда было много препятствій. Конечно, послѣ него прославились и другіе, однакожъ онъ ничѣмъ не будетъ меньше ихъ,—потому что онъ былъ совершенъ въ свое время.

Кто же былъ долготерпѣливъ прежде Моисея? Блаженный и доблестный Іосифъ, который, прославившись цѣломудріемъ, не менѣе прославился долготерпѣніемъ. Его продали, между тѣмъ какъ онъ не сдѣлалъ никакой обиды, но служилъ, работалъ и исполнялъ все, свойственное рабамъ. На него возвели

злую хулу, но онъ не мстилъ, хотя имѣлъ и отца на своей сто-
ронѣ; напротивъ, онъ даже понесъ братьямъ пищу въ пустыню
и, когда не нашелъ ихъ, не отчаялся и не возвратился назадъ,
хотя и имѣлъ къ тому случай, если бы хотѣлъ, но всегда сохра-
нялъ истинно братское расположеніе къ этимъ свирѣпымъ и же-
стокимъ людямъ. Опять, когда онъ сидѣлъ въ темницѣ и былъ
спрошенъ о причинѣ, онъ не сказалъ о нихъ ничего худого, а
только: *ничто сотворихъ*, и: *татьбою украденъ изъ земли еврейскія*
(Быт. xl, 15). И послѣ этого, когда снова получилъ власть, онъ
и питалъ ихъ, и избавилъ отъ безчисленныхъ золъ. Такъ-то,
когда мы бодрствуемъ надъ собою, злоба ближняго не можетъ
отвратить насъ отъ добродѣтели. Но не таковы были его братья.
Они сняли съ него одежду и хотѣли убить его, и поносили его
за сновидѣніе. Онъ принесъ имъ пищу, а они замышляли ли-
шить его свободы и жизни. Сами ѣли, а брата, бросивъ нагого 389
въ ровъ, презирали. Что можетъ быть хуже такого звѣрства?
Какихъ убійцъ не были они безчеловѣчнѣе? А потомъ, извлекши
изъ рва, они предали его тысячѣ смертей,—продали людямъ
иноплеменнымъ и дикимъ, отправлявшимся къ варварамъ. Но
онъ, сдѣлавшись царемъ, не только не мстилъ имъ, но освободилъ
ихъ, сколько было въ его власти, и отъ грѣха, назвавъ все слу-
чившееся дѣломъ Промысла Божія, а не ихъ злобы. И все, что
онъ ни сдѣлалъ съ ними, сдѣлалъ не съ тѣмъ, чтобы отомстить
за обиду, но притворно, ради брата. Оттого-то, когда увидѣлъ
впослѣдствіи, что они не отпускаютъ отъ себя его брата,—тот-
часъ сбросилъ съ себя личину, сталъ громко рыдать и обнимать
ихъ, какъ будто бы они, прежде погубившіе его, оказали ему 390
величайшее благодѣяніе; перевелъ ихъ всѣхъ въ Египетъ и осы-
палъ безчисленными благодѣяніями. Какое же мы будемъ имѣть
оправданіе, когда послѣ закона и благодати, послѣ такого умно-
женія любомудрія, не подражаемъ и тому, кто жилъ до благо-
дати и закона? Кто избавитъ насъ отъ наказанія? Нѣтъ, истинно
нѣтъ ничего хуже злопамятства. Это же показалъ и должникъ
десяти тысячъ талантовъ. Сначала ему долгъ былъ прощенъ,
а потомъ снова потребованъ: прощенъ—по человѣколюбію Божію,
а вновь потребованъ—за его жестокость и злопамятство къ своему
клеврету (Матѳ. xviii, 24—38). Зная все это, будемъ прощать
грѣхи нашимъ ближнимъ и воздавать имъ добромъ, чтобы и
отъ Бога получить милость, по благодати и человѣколюбію Гос-
пода нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки
вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXII.

Аминь, аминь глаголю вамъ: пріемляй, аще кого послю, Мене пріемлетъ, и пріемляй Мене, пріемлетъ пославшаго Мя (Іоан. XIII, 20).

389 1. Великое воздаяніе за услуги, оказываемыя рабамъ Божіимъ, и плоды отъ нихъ мы получаемъ еще въ настоящей жизни. *Пріемляй* васъ, говоритъ Христосъ, *Мене пріемлетъ*; *а пріемляй Мене, пріемлетъ пославшаго Мя.* А что можетъ сравниться съ принятіемъ Христа и Его Отца? Но какую это имѣетъ связь съ тѣмъ, что сказано прежде? Что общаго между словами: *аще творите я, блажени есте*, и слѣдующими затѣмъ: *пріемляй* васъ? Связь тѣсная и весьма близкая. И смотри, какая именно. Такъ какъ (апостолы) должны были выступить (на проповѣдь) и потерпѣть великія бѣдствія, то Христосъ утѣшаетъ ихъ двумя способами: во-первыхъ, чрезъ самого Себя, а во-вторыхъ, чрезъ другихъ. Если, говоритъ, вы будете любомудрствовать, имѣя всегда въ памяти Меня и представляя все, что Я потерпѣлъ и что сдѣлалъ, то легко перенесете бѣдствія. Но не этимъ только (утѣшаетъ ихъ), но и тѣмъ, что они будутъ пользоваться великими услугами отъ всѣхъ. На первое Онъ указалъ, сказавъ: *аще творите я, блажени есте*; а на другое—словами: *пріемляй* васъ, *Мене пріемлетъ.* Онъ отверзъ для нихъ дома всѣхъ, такъ что они имѣли двойное утѣшеніе—и въ своемъ любомудріи, и въ усердіи служащихъ имъ. Потомъ завѣщавъ это имъ, какъ лицамъ, имѣющимъ обойти всю вселенную, и помысливъ, что предатель лишился и того и другого, и ничѣмъ этимъ не воспользуется, то есть, ни терпѣніемъ среди трудовъ, ни услугами людей, которые будутъ принимать, Онъ опять возмутился духомъ. Евангелистъ, означая это и показывая, что Онъ поэтому именно возмутился, присовокупляетъ: *сія рекъ Іисусъ, возмутися духомъ и свидѣтельствова и рече: единъ отъ васъ предастъ Мя* (Іоан. XIII, 21). Опять на всѣхъ наводитъ страхъ, не назвавъ по имени. Хотя (апостолы) и не сознавали за собою ничего худого, но приходятъ въ недоумѣніе, потому что болѣе вѣрили словамъ Христа, нежели собственнымъ своимъ помысламъ. Поэтому они и смотрѣли другъ на друга. Такимъ образомъ, приписавъ все дѣло одному, Христосъ тѣмъ уменьшилъ страхъ; а присовокупивъ: *единъ отъ васъ*, привелъ всѣхъ въ смущеніе. И что же? Всѣ прочіе смотрятъ другъ на друга, а всегда пламенный Петръ подаетъ знакъ Іоанну. Такъ какъ онъ уже прежде подвергся упреку и, когда (Христосъ)

хотѣлъ умыть ему ноги, не дозволялъ, да и вездѣ, не смотря на то, что дѣйствовалъ по влеченію любви, подвергался пори- 390
цанію, то теперь, опасаясь (новаго упрека), онъ не сталъ ни молчать, ни говорить, но чрезъ Іоанна хочетъ узнать.

Здѣсь прилично спросить: отчего въ то время, когда всѣ были въ томленіи и трепетѣ, когда верховный (апостолъ) боялся,— Іоаннъ, какъ бы въ радости, возлежитъ на лонѣ Іисусовомъ, и не только возлежитъ, но и припадаетъ къ персямъ? И не это только достойно изслѣдованія, но и слѣдующее. Что же именно? То, что онъ говоритъ о себѣ: *егоже любляше Іисусъ*. Въ самомъ дѣлѣ, почему никто другой не сказалъ этого о себѣ? Вѣдь и другіе были любимы? Но Іоаннъ больше другихъ. Если же не другой кто сказалъ это о немъ, но онъ самъ о себѣ, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Такъ поступаетъ по требованію обстоятельствъ и Павелъ, когда говоритъ: *вѣмъ человѣка прежде лѣтъ четыренадесяти* (2 Кор. xii, 2); да не мало онъ приписалъ себѣ и другихъ похвалъ. И ужели маловажнымъ тебѣ кажется то, что какъ только услышалъ: *гряди по Мнѣ* (Матѳ. iv, 18—20), тотчасъ же, оставивъ мрежи и отца, послѣдовалъ, что онъ одинъ съ Петромъ взятъ былъ на гору, и опять, при другомъ случаѣ, вошелъ въ домъ (архіерея)? Притомъ, сколько онъ же восхвалилъ Петра! Онъ не скрылъ, что Христосъ сказалъ ему: Петръ, *любиши ли Мя паче сихъ* (Іоан. xxi, 15)? И вездѣ онъ выказываетъ Петра пламеннымъ и искренно расположеннымъ къ себѣ. Такъ, когда (Петръ) сказалъ: *сей же что* (Іоан. xxi, 21), то сказалъ это отъ великой любви. Вотъ почему никто другой не сказалъ такъ о себѣ; да и онъ не сказалъ бы, если бы ему не пришлось говорить объ этомъ обстоятельствѣ. Если бы онъ, сказавши, что Петръ далъ знакъ Іоанну спросить, ничего больше не присовокупилъ, то привелъ бы насъ въ большое недоумѣніе, и заставилъ бы искать причину (поступка Петра). Потому-то, чтобы отстранить это недоумѣніе, онъ самъ говоритъ: *бѣ возлежа на лонѣ Іисусовѣ*. А ужели, по твоему мнѣнію, ты мало узналъ, услышавъ, что онъ возлежалъ и что Учитель дозволилъ ему такое дерзновеніе? Если же ты желаешь знать и причину этого, то это сдѣлано было по любви. Потому-то онъ и говоритъ: *егоже любляше Іисусъ* А я думаю, что онъ сдѣлалъ это и съ другою цѣлію, именно—желая показать, что онъ былъ чуждъ обвиненія въ предательствѣ. Оттого-то онъ безбоязненно говоритъ и дѣйствуетъ Иначе, почему онъ сказалъ это не въ другое время, а именно тогда, когда верховный подалъ ему знакъ? Такъ, чтобы ты не подумалъ, что подалъ ему знакъ, какъ старшему,—онъ говоритъ, что это сдѣлано было по великой любви. Для чего же онъ припадаетъ и къ персямъ? (Уче-

ники) не думали еще о Христѣ ничего великаго, а притомъ (Іоаннъ) чрезъ это облегчалъ и печаль свою. Естественно, что
391 тогда и лица ихъ были печальны; вѣдь, если они были смущены въ своей душѣ, то тѣмъ болѣе это смущеніе (видно было) на ихъ лицахъ. Потому-то, утѣшая ихъ и словами и вопросами, (Іисусъ) допускаетъ и позволяетъ припадать къ Своимъ персямъ. Замѣть же и то, какъ Іоаннъ чуждъ хвастовства. Онъ не назвалъ себя по имени, но сказалъ: *егоже любляше*, подобно тому, какъ и Павелъ говорилъ: *вѣмъ человѣка прежде лѣтъ четыренадесяти*. При этомъ случаѣ Іисусъ въ первый разъ обличаетъ предателя, но и теперь — не называя его по имени, а какъ? *Ему же Азъ омочивъ хлѣбъ подамъ*. И самый этотъ образъ обличенія могъ тронуть его, если уже онъ не устыдился и трапезы, вкушая отъ одного хлѣба. Въ самомъ дѣлѣ, пусть общеніе въ трапезѣ не тронуло его; но кого бы не привлекло и то, что онъ принялъ отъ Христа хлѣба? Но его не привлекло. Потому-то и *вниде* тогда *сатана въ онь*, посмѣявшись надъ его безстыдствомъ. Пока онъ былъ въ ликѣ (апостоловъ), сатана не смѣлъ войти въ него, но извнѣ нападалъ на него; а когда (Христосъ) обнаружилъ его и отлучилъ, тогда уже безбоязненно вошелъ въ него. Такъ какъ онъ былъ столько развращенъ и неисправимъ, то его не слѣдовало долго держать въ ликѣ. Потому-то Христосъ наконецъ и извергъ его; а когда онъ былъ изверженъ, тогда овладѣлъ имъ сатана и онъ, оставивъ собраніе, вышелъ ночью. *Глагола убо ему Іисусъ: друже, еже твориши, сотвори скоро. И никтоже разумѣ отъ возлежащихъ* (ст. 27, 28).

2. О, какая безчувственность! Какъ можно было не смягчиться и не устыдиться! Но онъ вышелъ вонъ, сдѣлавшись еще болѣе безстыднымъ. Слова же: *сотвори скоро* не означаютъ ни повелѣнія, ни совѣта; напротивъ, ими (Христосъ) укоряетъ и показываетъ, что Онъ хотѣлъ бы, чтобы (предатель) исправился, и что Онъ оставляетъ его только потому, что онъ былъ неисправимъ. И *сего*, говорится, *никтоже разумѣ отъ возлежащихъ*. Здѣсь можетъ кто-либо придти въ недоумѣніе касательно того, отчего ученики и послѣ того, какъ спросили: *кто есть*, и получили въ отвѣтъ: *ему же Азъ омочивъ хлѣбъ подамъ*,—и послѣ того не узнали (предателя)? Вѣроятно, Христосъ сказалъ тихо, такъ, что никто не слышалъ. Потому-то, конечно, и Іоаннъ, припавъ къ персямъ Его, спрашивалъ почти на ухо, чтобы не сдѣлать явнымъ предателя, и Христосъ отвѣчалъ такимъ же образомъ, такъ что и теперь не сдѣлалъ его явнымъ. И хотя Онъ съ выразительностію сказалъ: *друже, еже твориши, сотвори скоро*, однакожъ апостолы, не смотря и на это, не поняли. Этими словами Онъ показывалъ, что все, сказанное Имъ іудеямъ о смерти, было

истинно. А іудеямъ Онъ говорилъ: *область имамъ положити душу Мою, и область имамъ паки пріяти ю: и никтоже возметъ ю отъ Мене* (Іоан. x, 18). И дѣйствительно, доколѣ Онъ не дозволялъ взять, никто не въ силахъ былъ; а когда позволилъ, тогда это стало дѣломъ легкимъ. Намекая на все это, Онъ и сказалъ: *еже твориши, сотвори скоро*. Но и тогда еще Онъ не сдѣлалъ предателя извѣстнымъ. Могло статься, что онъ былъ бы растерзанъ и убитъ. Поэтому-то *никтоже разумѣ отъ возлежащихъ*. Ужели и Іоаннъ? Да, и Іоаннъ,—потому что онъ не предполагалъ, чтобы ученикъ могъ дойти до столь великаго беззаконія. Будучи сами далеки отъ такого злодѣйства, (апостолы) не могли подозрѣвать и въ другихъ ничего подобнаго. Итакъ. какъ прежде сказалъ имъ *не о всѣхъ глаголю*, и нигдѣ не открылъ (предателя), такъ и теперь они подумали, что Онъ говоритъ о постороннемъ. *Бѣ же*, говорится, *нощь, егда изыде* (ст 30). Для чего ты говоришь мнѣ о времени? Для того, чтобы ты познялъ безстыдство (предателя), такъ какъ время не удержало его отъ исполненія предпріятія. Однакожъ и это не сдѣлало его явнымъ. Въ то время апостолы, будучи одержимы страхомъ и большимъ безпокойствомъ, находились въ смущеніи и не поняли истиннаго смысла словъ 392
Христовыхъ. Они думали. что (Христосъ) сказалъ: *нищимъ да нѣчто дастъ* (ст. 29), такъ какъ Онъ много заботился о нищихъ, научая и насъ имѣть о нихъ великое попеченіе. И думали они такъ не безъ причины, а потому, что (Іуда) имѣлъ у себя ковчежецъ. Впрочемъ не видно, чтобы кто-нибудь приносилъ Христу деньги. Что ученики питали Его отъ своихъ имуществъ, объ этомъ сказано, а на то нигдѣ не сдѣлано намека.

Какимъ же образомъ Тотъ, Кто повелѣвалъ не носить ни дорожной сумы, ни мѣди, ни жезла, носилъ ковчежецъ для служенія нищимъ? Это для того, чтобы ты зналъ, что и человѣку крайне бѣдному и распявшему плоть свою нужно имѣть объ этомъ великую заботу. Вѣдь (Христосъ) многое дѣлалъ для нашего наставленія. Такимъ образомъ ученики подумали, что Онъ это и говоритъ, то есть, чтобы Іуда далъ что-нибудь нищимъ. Но (Іуду) не тронуло и то, что Онъ не хотѣлъ обличить его до самаго послѣдняго времени. Такъ должны поступать и мы,—не обнаруживать грѣховъ людей, живущихъ съ нами, хотя бы они были неизлѣчимы. Да и послѣ этого, когда Іуда пришелъ предать Его, далъ ему лобзаніе и соизволилъ на такое дѣло тогда, когда уже шелъ на подвигъ гораздо болѣе тяжкій, на крестъ и на поносную смерть; и при этомъ опять показалъ Свое человѣколюбіе. Здѣсь же Онъ называетъ Свою смерть даже славою, научая насъ, что нѣтъ ничего столь постыднаго и по-

носнаго, что бы не обратилось къ большей славѣ человѣка, если онъ подвергается тому ради Бога. Послѣ того, какъ Іуда вышелъ, чтобы предать Его, Онъ говоритъ: *нынѣ прославися Сынъ человѣческій* (ст. 31). Этимъ Онъ ободряетъ поверженныя въ уныніе души учениковъ и убѣждаетъ не только не сѣтовать, но даже радоваться. По этой-то причинѣ Онъ и Петру еще прежде сдѣлалъ упрекъ. Быть преданнымъ смерти и побѣдить смерть—это, дѣйствительно, великая слава. Вотъ это и значатъ слова, которыя Онъ говорилъ о Себѣ: *егда вознесенъ буду, тогда познаете, яко Азъ есмь* (Іоан. xii, 42; ср. viii, 28), и опять: *разорите церковь сію* (Іоан. ii, 19), и еще: *знаменіе не дастся вамъ, токмо знаменіе Іоны* (Лук. xi, 29). И не великая ли, въ самомъ дѣлѣ, слава въ томъ, что Онъ послѣ смерти явился болѣе могущественнымъ, чѣмъ прежде смерти? Ученики, чтобы увѣрить въ воскресеніи, совершили большія чудеса. А если бы Онъ не воскресъ и не былъ Богъ, то какъ бы они именемъ Его совершили такія дѣла? *И Богъ прославитъ Его* (Іоан. xiii, 32). Что значитъ: *и Богъ прославитъ Его въ Себѣ?* Значитъ: чрезъ самого Себя, а не чрезъ другого. *И абіе прославитъ Его*,—то есть, вмѣстѣ съ крестомъ. Не послѣ продолжительнаго времени, говоритъ; не будетъ ожидать отдаленнаго времени воскресенія и не тогда явитъ Его славнымъ; а тотчасъ же, на самомъ крестѣ обнаружится слава. И въ самомъ дѣлѣ, тогда солнце померкло, камни распались, завѣса раздралась, многія тѣла усопшихъ святыхъ воскресли; на гробѣ были печати, его окружала стража, надъ тѣломъ лежалъ камень,—и однакожъ тѣло воскресло. Прошло сорокъ дней, и сошелъ Духъ, и всѣ тотчасъ же стали проповѣдывать Его. Это-то и значитъ: *прославитъ Его въ Себѣ, и абіе прославитъ Его:* не чрезъ ангеловъ и архангеловъ, и не чрезъ другую какую-либо силу, а чрезъ самого Себя.

3. Но какъ же Онъ прославилъ Его чрезъ самого Себя? Онъ все сдѣлалъ для славы Сына, хотя все совершилъ самъ Сынъ. Видишь ли, что (Христосъ) Свои дѣла относитъ къ Отцу?
398 *Чадца, еще съ вами мало есмь: взыщете Мене, и якоже рѣхъ Іудеомъ, яко аможе Азъ иду, вы не можете пріити: и вамъ глаголю нынѣ* (Іоан. xvii, 33). Послѣ вечери Христосъ начинаетъ уже бесѣду печальную. Когда вышелъ Іуда, тогда былъ уже не вечеръ, а ночь. И такъ какъ скоро должны были придти, чтобы взять Его, то надлежало передать апостоламъ все, чтобы они имѣли это въ памяти. Впрочемъ, справедливѣе сказать, имъ напомнилъ все Духъ. Естественно вѣдь, что они многое забыли, такъ какъ тогда въ первый разъ о томъ слышали и къ тому же должны были подвергнуться столь великимъ искушеніямъ. Они были

одолѣваемы сномъ, какъ и замѣчаетъ другой евангелистъ, и были одержимы печалію, какъ говоритъ и самъ Христосъ: *но яко сія глаголахъ вамъ, скорби исполнихъ сердца ваша* (Іоан. XVI, 6): какъ же могли они хорошо удержать все это въ памяти? Такъ для чего же имъ было говорено? Не мало способствовало въ ихъ мнѣніи къ славѣ Христовой то, что они, ясно узнавъ объ этомъ впослѣдствіи, припоминали, что еще прежде слышали о томъ отъ самого Христа. А для чего Онъ заранѣе повергаетъ ихъ души въ уныніе, говоря: *еще съ вами мало есмь*? Іудеямъ это сказано было по справедливости. Но для чего же Ты насъ ставишь наряду съ этими неблагодарными? Отнюдь нѣтъ. Для чего же сказалъ: *якоже рѣхъ Іудеомъ*? Этимъ Онъ напомнилъ, что предсказываетъ это не теперь только, когда бѣдствія уже наступали, но предвидѣлъ это еще прежде; и этому свидѣтели они сами, такъ какъ они слышали, что Онъ говорилъ это и іудеямъ. Для того-то Онъ и присовокупилъ: *чадца*,—чтобы апостолы, услышавъ *якоже рѣхъ Іудеомъ*, не подумали, что и къ нимъ эти слова были сказаны точно также, какъ къ іудеямъ. Такимъ образомъ Онъ сказалъ это не для того, чтобы повергнуть ихъ въ уныніе, а чтобы ободрить ихъ, чтобы нечаянно пришедшія бѣдствія не смутили ихъ. *Аможе Азъ иду, вы не можете пріити*. Этимъ показываетъ, что Его смерть есть преставленіе и переходъ къ мѣсту, куда не допускаются тѣла, подверженныя тлѣнію. Говоритъ же это для того, чтобы и возбудить въ нихъ любовь къ Себѣ, и сдѣлать ее болѣе пламенною. Вѣдь вы знаете, что мы воспламеняемся особенною любовію къ друзьямъ своимъ тогда, когда видимъ, что они удаляются отъ насъ, и особенно, когда видимъ, что они удаляются въ такое мѣсто, куда намъ невозможно идти. Итакъ іудеямъ Онъ говорилъ это съ тѣмъ, чтобы ихъ устрашить, а апостоламъ—чтобы воспламенить въ нихъ любовь. Мѣсто это таково, что не только они, но даже и вы, возлюбленнѣйшіе, не можете придти туда. Здѣсь же Онъ показываетъ и Свое достоинство. *И вамъ глаголю нынѣ*. Почему *нынѣ*? Иначе имъ, и иначе вамъ, то есть, не вмѣстѣ съ ними. Когда же искали Его іудеи, и когда ученики? Ученики послѣ того, какъ убѣжали, а іудеи тогда, какъ, по взятіи ихъ города и по пришествіи на нихъ отсюда гнѣва Божія, подверглись ужаснымъ и неизобразимымъ бѣдствіямъ. Итакъ, іудеямъ Я говорилъ тогда—по причинѣ ихъ невѣрія, а вамъ теперь, чтобы бѣдствіе не постигло васъ неожиданно. *Заповѣдь новую даю вамъ* (ст. 34). Такъ какъ они, слыша эти слова, естественно могли придти въ смущеніе, какъ люди, которые будутъ лишены всякой помощи, то Онъ утѣшаетъ ихъ, ограждая любовію—этимъ корнемъ и утвержденіемъ всѣхъ благъ.

Онъ какъ бы такъ говорилъ: вы скорбите о томъ, что Я отхожу? Но если вы будете любить другъ друга, то вы будете еще сильнѣе. Почему же Онъ не такъ сказалъ? Потому что сказалъ то, что было для нихъ гораздо полезнѣе: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте*. Этимъ Онъ уже показалъ вмѣстѣ и то, что ликъ ихъ не разрушится, какъ скоро Онъ даровалъ имъ и от-
394 личительный признакъ. Это Онъ сказалъ уже тогда, когда предатель былъ отдѣленъ отъ нихъ. Какъ же Онъ называетъ эту заповѣдь новою, когда она была и въ ветхомъ завѣтѣ? Онъ сдѣлалъ ее новою по самому образу; поэтому присовокупилъ: *якоже возлюбихъ вы*. Я, говоритъ, не долгъ вамъ отдалъ за предшествовавшія ваши заслуги, а Самъ началъ (любить васъ). Такъ и вы должны благотворить своимъ друзьямъ, хотя бы и ничѣмъ не были обязаны имъ. Такимъ образомъ, умалчивая о чудесахъ, которыя они имѣли совершить, Онъ отличительнымъ признакомъ ихъ поставляетъ любовь. Почему же такъ? Потому что она-то въ особенности означаетъ святыхъ людей, такъ какъ она есть основаніе всякой добродѣтели. Ею по преимуществу всѣ мы и спасаемся. Она-то, говоритъ, и означаетъ ученика. Тогда всѣ похвалятъ васъ, когда увидятъ, что вы подражаете моей любви.

4. Что же? Не гораздо ли лучше показываютъ это чудеса? Нѣтъ. *Мнози бо рекутъ: Господи, не Твоимъ ли именемъ бѣсы изгонихомъ* (Мате. VII, 22)? И опять, когда апостолы радовались, что имъ повинуются бѣсы, сказалъ: *не радуйтеся, яко дуси вамъ повинуются; но яко имена ваша написана суть на небесѣхъ* (Лук. X, 20). Правда, чудеса привели (ко Христу) вселенную, но это потому, что имъ предшествовала любовь. Если бы не было любви, не было бы и чудесъ. Она тотчасъ сдѣлала апостоловъ людьми добрыми и прекрасными, такъ что у всѣхъ было одно сердце и одна душа. А если бы они были несогласны между собою, то погибло бы все. Но не къ нимъ однимъ это сказано, а и ко всѣмъ имѣющимъ увѣровать въ Него. Вѣдь и теперь не другое что соблазняетъ язычниковъ, а именно то, что нѣтъ любви. Но они, скажешь, упрекаютъ насъ и въ томъ, что не бываетъ чудесъ? Да, но не столько. Въ чемъ же апостолы показали любовь? Видишь, что Петръ и Іоаннъ неразлучны другъ съ другомъ и вмѣстѣ входятъ въ храмъ? Видишь, что Павелъ также одушевленъ любовію къ нимъ,—и ужели еще сомнѣваешься? Если они стяжали другія добродѣтели, то тѣмъ болѣе имѣли любовь, которая есть мать добра: она произрастаетъ отъ души добродѣтельной, а гдѣ порокъ, тамъ увядаетъ это растеніе. Когда, сказано, умножится беззаконіе, *изсякнетъ любы многихъ* (Мате. XXIV, 12).

Да и язычниковъ не столько обращаютъ чудеса, сколько жизнь: жизни же ничто такъ не благоустрояетъ, какъ любовь. Тѣхъ, которые совершали знаменія, язычники часто называли и обманщиками; но чистой жизни они не могутъ укорить. Поэтому, доколѣ проповѣдь не была еще распространена,—чудеса по справедливости были предметомъ удивленія, а теперь нужно возбудить удивленіе жизнію. Дѣйствительно, ничто столько не соблазняетъ, какъ порокъ; да и справедливо. Вѣдь, когда язычникъ увидитъ, что тотъ, кому заповѣдано любить и враговъ, лихоимствуетъ, грабитъ, побуждаетъ къ враждѣ и обращается съ одноплеменниками, какъ съ дикими звѣрями,—онъ назоветъ наши слова пустыми бреднями. Когда увидитъ. что (христіанинъ) трепещетъ смерти,—какъ приметъ слова о безсмертіи? Когда увидитъ, что мы властолюбивы и раболѣпствуемъ другимъ страстямъ,—то еще больше будетъ приверженъ къ своему ученію, не думая о насъ ничего великаго. Мы, истинно мы, виновны въ томъ, что язычники остаются въ заблужденіи. Свое ученіе они давно уже осудили и на наше смотрятъ съ уваженіемъ; но жизнь наша ихъ удерживаетъ отъ обращенія. На словахъ любомудрствовать легко,—многіе и изъ нихъ это дѣлали; но они требуютъ доказательства отъ дѣлъ. Пусть, скажешь, они подумаютъ о нашихъ древнихъ мужахъ? Но они совсѣмъ не вѣрятъ, а хотятъ видѣть людей, живущихъ теперь. Покажи намъ, говорятъ, вѣру отъ дѣлъ твоихъ; а дѣлъ нѣтъ. Напротивъ, они ви- 395
дятъ, что мы хуже звѣрей терзаемъ ближняго своего, и потому называютъ насъ язвою вселенной. Вотъ что удерживаетъ язычниковъ и не дозволяетъ имъ присоединиться къ намъ. Поэтому мы будемъ наказаны и за нихъ,—не только за то, что творимъ зло, но и за то, что чрезъ насъ хулится имя Божіе. Доколѣ мы будемъ привязаны къ богатству, роскоши и другимъ страстямъ? Отстанемъ наконецъ отъ нихъ. Послушай, что говоритъ пророкъ о нѣкоторыхъ безумцахъ: *да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ* (Ис. ххп, 13). О нынѣшнихъ же людяхъ и этого нельзя сказать. Те- 396
перь многіе присвояютъ себѣ достояніе всѣхъ, за что и порицаетъ ихъ пророкъ, говоря: *еда вселитеся едини на земли* (Ис. v, 8)? Потому-то я боюсь, чтобы не случилось чего-либо худого и чтобы намъ не привлечь на себя никакого наказанія Божія. А чтобы этого не было, будемъ упражняться во всякой добродѣтели, чтобы достигнуть и будущихъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXIII.

Глагола Симонъ Петръ: Господи, камо идеши? Отвѣща ему Іисусъ: аможе Азъ иду, не можеши нынѣ по Мнѣ ити; послѣди же по Мнѣ идеши (Іоан. XIII, 36).

395 1. Великое благо—любовь. Она сильнѣе огня, восходитъ къ самому небу, и нѣтъ препятствія, которое бы могло удержать ея сильное стремленіе. Вотъ, напримѣръ, пламеннѣйшій Петръ: послѣ того, какъ услышалъ: *аможе Азъ иду, вы не можете пріити.*—что говоритъ? *Господи, камо идеши?* Это онъ сказалъ, желая не столько узнать, (куда идетъ Христосъ), сколько послѣдовать за Нимъ. Сказать прямо: я пойду—онъ покаеще не смѣлъ; а говоритъ: *камо идеши?* И Христосъ отвѣчалъ не на слова его, а на мысль, такъ что его желаніе видно изъ самыхъ словъ Христа. Что Онъ сказалъ? *Аможе Азъ иду, не можеши нынѣ по Мнѣ ити.* Видишь ли, что Петръ желалъ послѣдовать за Нимъ, а потому и спросилъ? Да и тогда, какъ услышалъ: *послѣди же по Мнѣ идеши,* онъ не удержалъ своего желанія, хотя и получилъ вожделѣнную надежду, но желалъ до того, что сказалъ: *почто не могу нынѣ по Тебѣ ити? Душу мою за Тя положу* (Іоан. XIII, 37). Такъ какъ онъ уже освободился отъ страха предательства и увидѣлъ себя въ числѣ искреннихъ (учениковъ), то уже съ дерзновеніемъ самъ спрашиваетъ, между тѣмъ какъ другіе молчатъ. Что ты говоришь, Петръ? (Христосъ) сказалъ: *не можеши,* а ты говоришь: могу? Итакъ, ты узнаешь на самомъ опытѣ, что твоя любовь, безъ помощи свыше, ничто. Отсюда ясно, что Христосъ и паденіе Петра допустилъ для его же пользы. И прежними дѣйствіями Онъ хотѣлъ вразумить его; но такъ какъ Петръ оставался при своей горячности, то хотя Онъ и не довелъ его и не побудилъ къ тому, чтобы онъ отрекся, однакожъ оставилъ его безъ помощи, чтобы онъ позналъ свою немощь. Христосъ сказалъ, что Ему надлежитъ быть предану, а Петръ говоритъ: *милосердъ Ты, не иматъ быти Тебѣ сіе* (Матѳ. XVI, 22). Ему сдѣланъ былъ упрекъ, но онъ не вразумился, а напротивъ, когда Христосъ хотѣлъ умыть ему ноги, опять сказалъ: *не умыеши ногу мою во вѣки* (Іоан. XIII, 8). И теперь, когда услышалъ: *не можеши нынѣ по Мнѣ ити,* снова говоритъ: *аще и вси отвергутся, азъ не отвергуся.* Привыкнувъ такимъ образомъ противорѣчи Христу, онъ легко могъ бы впасть въ гордость; а потому-то Христосъ наконецъ и научаетъ его не противодѣйствовать. Вотъ на это и намекаетъ Лука, когда говоритъ, что Христосъ сказалъ: *Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ*

вѣра твоя (Лук. xxII, 32), то есть, чтобы ты не погибъ окончательно. Чрезъ все это научаетъ его смиренію и показываетъ, что человѣческое естество само по себѣ—ничто. Такъ какъ великая любовь побуждала Петра къ противорѣчію, то Христосъ наконецъ вразумляетъ его, чтобы онъ не подвергался тому же и впослѣдствіи, но, вспоминая о томъ, что случилось съ нимъ, 396
зналъ бы самого себя. И смотри, какое сильное паденіе! Не однажды и не дважды онъ подвергся этому паденію, но испугался до того, что въ короткое время трижды произнесъ слово отреченія,—чтобы такимъ образомъ позналъ, что не столько онъ любилъ, сколько былъ любимъ. Однакожъ послѣ такого паденія Христосъ опять говоритъ: *любиши ли Мя паче сихъ* (Іоан. xxI, 15)? Значитъ, это паденіе произошло не отъ холодности, а отъ того, что онъ лишился помощи свыше. Любовь Петра Христосъ принимаетъ, но происходящее отъ ней противорѣчіе отсѣкаетъ. Если ты любишь, то долженъ покоряться тому, кого любишь. Сказалъ и тебѣ и бывшимъ съ тобою: *не можеши*: для чего же ты споришь? Развѣ ты не знаешь, что значитъ отвергать слова Божіи? Но такъ какъ ты не хочешь изъ этого уразумѣть, что невозможно не быть тому, что Я говорю, то узнаешь о томъ изъ отреченія, хотя оно тогда казалось тебѣ гораздо невѣроятнѣе. Объ этомъ ты даже не зналъ, а то сознавалъ въ своей душѣ,—и однакожъ случилось то, чего ты вовсе не ожидалъ. *Душу мою за Тя положу.* (Петръ) слышалъ, что больше этой любви *никтоже иматъ*, и потому, будучи ненасытенъ и желая достигнуть самой высшей, (любви), тотчасъ же устремился къ ней. Но Христосъ, показывая, что только Онъ одинъ можетъ съ увѣренностію возвѣщать это говоритъ: *прежде даже алекторъ не возгласитъ*, т. е. теперь же. Дѣйствительно, немного уже оставалось времени, такъ какъ бесѣдовалъ поздно ночью, когда уже прошла первая и вторая стража. *Да не смущается сердце ваше* (Іоан. xIv, 1). Это Онъ говоритъ потому, что ученики, услышавъ (слова Его), по всей вѣроятности, смутились. Въ самомъ дѣлѣ, если верховному и столько пламенному (ученику) сказано было, что онъ прежде, нежели алекторъ возгласитъ, трижды отречется, то имъ естественно было ожидать, что ихъ постигнетъ какое-либо несчастіе, которое въ состояніи потрясти и адамантовыя души. А такъ какъ, помышляя объ этомъ, они естественно приходили въ ужасъ, то смотри, какъ Онъ успокаиваетъ ихъ, говоря: *да не смущается сердце ваше.* Этимъ Онъ прежде всего показываетъ Свою божественную силу, такъ какъ Онъ знаетъ и обнаруживаетъ то, что у нихъ было на душѣ. *Вѣруйте въ Бога, и въ Мя вѣруйте*, то есть—всѣ бѣдствія пройдутъ. Вѣра въ Меня и въ Отца сильнѣе угрожающихъ вамъ бѣдствій;

она не допуститъ, чтобы какое-либо несчастіе одолѣло васъ. Затѣмъ прибавляетъ: *въ дому Отца Моего обители многи суть* (ст. 2). Какъ въ утѣшеніе скорбящему Петру Онъ говорилъ: *послѣди же по Мнѣ идеши*, такъ и имъ подаетъ такую же надежду. Чтобы они не подумали, что только ему одному дано обѣщаніе, Онъ говоритъ: *въ дому Отца Моего обители многи суть: аще ли же ни, реклъ быхъ вамъ: иду уготовати мѣсто вамъ*,—то есть, и вы будете въ
397 томъ же мѣстѣ, гдѣ и Петръ. Тамъ весьма много обителей и нельзя сказать, чтобы нужно было приготовлять ихъ. А такъ какъ Онъ сказалъ: не можете *нынѣ по Мнѣ ити*, то чтобы не подумали, что они навсегда отлучены отъ Него, Онъ присовокупилъ: *да идѣже есмь Азъ, и вы будете* (ст. 3). Я столько забочусь объ этомъ, что уже приготовилъ бы это мѣсто, если бы издавна оно не было уготовано для васъ. Этимъ Онъ показываетъ, что они должны вполнѣ надѣяться и уповать на Него.

2. Потомъ, чтобы они не подумали, что Онъ говоритъ это только для ободренія ихъ, но вѣрили, что это дѣйствительно такъ, Онъ присовокупляетъ: *и аможе Азъ иду, вѣсте, и путь вѣсте* (Іоан. XIV, 4). Видишь ли, какъ Онъ удостовѣряетъ ихъ, что то не напрасно было сказано? Говоритъ же это потому, что видѣлъ ихъ душу,—какъ она желаетъ знать это. Петръ сказалъ вышеприведенныя слова не для того, чтобы узнать, но чтобы послѣдовать. Когда же онъ подвергся упреку и между тѣмъ Христосъ объявилъ возможнымъ то, что въ то время казалось невозможнымъ, то эта самая невозможность привела Петра къ желанію тщательно узнать о томъ. Потому-то и говоритъ имъ: *и путь вѣсте*. Какъ вслѣдъ за словами: *отвержешися Мене*, не смотря на то, что никто ничего не сказалъ, Онъ, испытуя сокровенное въ сердцѣ, присовокупилъ: не смущайтесь,—такъ и теперь, сказавши: *вѣсте*, выразилъ желаніе ихъ души и Самъ подалъ имъ поводъ спросить объ этомъ. Слова же: *камо идеши*—Петръ сказалъ по внушенію великой любви, а Ѳома отъ страха. *Господи, не вѣмы, камо идеши* (ст. 5). Мы не знаемъ, говоритъ, мѣста, и какъ можемъ знать путь, туда ведущій? И смотри, съ какою робостію. Не сказалъ: укажи намъ это мѣсто, но: *не вѣмы, камо идеши*. Объ этомъ давно уже всѣ желали знать. Въ самомъ дѣлѣ, если іудеи, слыша (эти слова), приходили въ недоумѣніе, не смотря на то, что хотѣли освободиться отъ Христа, то тѣмъ болѣе желали узнать объ этомъ тѣ, которые никогда не хотѣли разлучиться съ Нимъ. Потому-то, хотя они боялись спросить Его, однакожъ спрашиваютъ, будучи побуждаемы къ тому великою любовію и безпокойствомъ. Что же Христосъ? *Азъ есмь путь и истина и животъ: никто же пріидетъ къ Отцу, токмо Мною* (ст. 6). Почему же Онъ не тотчасъ, какъ Петръ спросилъ: *камо идеши?*—

отвѣчалъ: Я иду къ Отцу, а вы теперь не можете идти, — но ввелъ въ Свою рѣчь столько словъ, предлагая вопросы и отвѣты? Іудеямъ, конечно, Онъ по справедливости такъ не сказалъ; но почему ученикамъ? И ученикамъ, и іудеямъ Онъ говорилъ, что пришелъ отъ Бога и къ Богу идетъ; но теперь говоритъ объ этомъ яснѣе, чѣмъ прежде. Іудеямъ Онъ не сказалъ такъ ясно, потому что, еслибы сказалъ: не можете придти *къ Отцу, токмо Мною*, то они тотчасъ же подумали бы, что это сказано по гордости; а теперь, когда Онъ умолчалъ объ этомъ, Онъ повергъ ихъ въ безпокойство. Но для чего же, спросишь, Онъ также говорилъ и ученикамъ, и Петру? Онъ зналъ великую ревность Петра,—что, въ противномъ случаѣ, онъ еще болѣе сталъ бы безпокоить Его. Итакъ, чтобы отвлечь его отъ этого, Онъ говоритъ прикровенно; а когда достигъ того, чего хотѣлъ, темнотою и прикровенностію рѣчи, то опять говоритъ открыто.

Сказавши: *идѣже есмь Азъ*, туда никто не можетъ придти, Онъ присовокупилъ: *въ дому Отца Моего обители многи суть*, и еще: *никтоже пріидетъ къ Отцу, токмо Мною*. Онъ не хотѣлъ такъ сказать имъ въ самомъ началѣ, чтобы не повергнуть ихъ въ большую печаль; когда же утѣшилъ ихъ, тогда и говоритъ. 398
Послѣ упрека, сдѣланнаго Петру, Онъ, дѣйствительно, много отнялъ у нихъ печали: а между тѣмъ и они сами, опасаясь, какъ бы не услышать того же, сдѣлались болѣе смиренными. *Азъ есмь путь*. Это — подтвержденіе словъ: *никтоже пріидетъ, токмо Мною;* а слова: *и истина и животъ* — удостовѣреніе въ томъ, что такъ непремѣнно будетъ. Если Я истина, то отъ Меня не можетъ быть лжи. Если же Я и жизнь, то и самая смерть не можетъ воспрепятствовать вамъ придти ко Мнѣ. Иначе сказать: если *Азъ есмь путь*, то вы не будете имѣть нужды въ руководителѣ; если Я истина, то слова Мои — не ложь; если Я жизнь, то, хотя вы и умрете, однакожъ получите то, о чемъ Я сказалъ. Что касается до пути, то это они поняли и исповѣдали; а остального не уразумѣли, и однакожъ не смѣли спросить о томъ, чего не уразумѣли. Впрочемъ и изъ того, что было сказано о пути, они получили большое утѣшеніе. Если въ Моей власти, говоритъ, привести васъ къ Отцу, то вы непремѣнно туда придете. А другимъ путемъ туда и невозможно придти. Словами же, которыя Онъ сказалъ прежде: *никтоже можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ привлечетъ его* (Іоан. vi, 44), и еще: *аще вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ* (Іоан. xii, 32), а также словами, сказанными теперь: *никтоже пріидетъ къ Отцу, токмо Мною*,—Онъ показываетъ Свое равенство съ Отцемъ. Какъ же Онъ, сказавши: *аможе Азъ иду, вѣсте, и путь вѣсте*, присовокупилъ: *аще Мя бысте*

знали, и Отца Моего знали бысте убо: и отселъ познасте Его и видѣсте Его (ст. 7)? Этимъ Онъ не противорѣчитъ Себѣ, потому что ученики, хотя и знали Его, но не такъ, какъ слѣдовало. Бога они знали, а Отца еще не знали. Уже впослѣдствіи Духъ, сошедшій на нихъ, сообщилъ имъ совершенное знаніе. Смыслъ словъ Христа такой: если бы вы знали Мое существо и достоинство, то знали бы и Отца. *И отселъ познасте Его и видѣсте Его* (одно относится къ будущему, а другое къ настоящему), то есть, чрезъ Меня. Подъ видѣніемъ же Онъ разумѣетъ познаніе умомъ. Кого мы видимъ, тѣхъ можемъ и видѣть, и не знать; а кого знаемъ, тѣхъ не можемъ знать и не знать. Поэтому Онъ говоритъ: *и видѣсте Его*, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ сказано, что Его видѣли и ангелы (1 Тим. ш, 16). Хотя они видѣли не самое существо Его, однакожъ говорится, что они видѣли Его, то есть, такъ, какъ могли видѣть. А сказалъ Онъ такъ для того, чтобы ты зналъ, что кто видѣлъ Его, тотъ знаетъ Родившаго Его. Видѣли же Его не въ обнаженномъ Его существѣ, но облеченнымъ плотію. Есть и другія мѣста, гдѣ Онъ называетъ познаніе видѣніемъ,—напримѣръ, когда говоритъ: *блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ* (Матѳ. v, 7). Чистыми Онъ называетъ тѣхъ, которые свободны не только отъ блуда, но и отъ всѣхъ грѣховъ, такъ какъ всякій грѣхъ оскверняетъ душу.

3. Итакъ, будемъ всячески стараться очистить себя отъ скверны. Очищается же она, во-первыхъ, крещеніемъ, а потомъ и другими многоразличными средствами. Богъ, по Своему человѣколюбію, даровалъ намъ разнообразныя средства къ очищенію и послѣ крещенія. Первое изъ всѣхъ этихъ средствъ—милостыня, такъ какъ сказано: милостынями и вѣрою очищаются грѣхи (Сир. ш, 30). Но я разумѣю милостыню не отъ неправды, потому что это уже не милостыня, а жестокость и безчеловѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, что за польза — обнажить одного и одѣть другого? Милостыня должна происходить отъ сострадания, а это—безчеловѣчіе. И хотя бы мы отдали даже все, что похитили у другихъ, для насъ не будетъ никакой пользы. Это показываетъ Закхей, который тогда умилостивилъ Бога, когда обѣщалъ возвратить похищенное четверицею (Лук. xix, 8). А мы, похищая весьма
399 много, а отдавая мало, думаемъ умилостивить Бога, не зная, что тѣмъ еще болѣе прогнѣвляемъ Его. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ: если бы ты, притащивъ съ распутій и дорогъ мертваго и сгнившаго осла, возложилъ его на жертвенникъ,—не стали ль бы всѣ бросать въ тебя камнями, какъ въ нечестивца и беззаконника? Что жъ, если я докажу, что жертва отъ хищенія еще болѣе мерзка? Какое мы будемъ имѣть оправданіе? Положимъ, что при-

несенъ какой-либо драгоцѣнный даръ изъ того, что пріобрѣтено хищеніемъ: не зловоннѣе ли онъ мертваго осла? Хочешь знать, какъ велико зловоніе грѣха? Послушай, что говоритъ пророкъ: *возсмердѣша и согниша раны моя* (Пс. xxxvii, 6). Между тѣмъ ты въ то время, какъ словами умоляешь Бога, чтобы Онъ предалъ забвенію содѣланные тобою грѣхи, самъ же своими дѣлами, тѣмъ, что похищаешь и лихоимствуешь, и возлагаешь свой грѣхъ на жертвенникъ, заставляешь непрестанно помнить о нихъ. Но не въ этомъ только грѣхъ, а—что еще хуже—ты оскверняешь души святыхъ. Жертвенникъ—камень, хотя онъ и освящается; а души святыхъ всегда носятъ самого Христа: какъ же ты осмѣливаешься приносить туда дары отъ такой нечистоты, Нѣтъ, скажешь, я не отъ этого имущества, а другого? Это —смѣшное и глупое пустословіе. Развѣ не знаешь, что, если въ великое множество имущества попадетъ и одна капля неправды, то все оно оскверняется? Какъ чистый источникъ дѣлается весь нечистымъ, какъ скоро въ него броситъ кто-либо нечистоту, такъ и богатство, если привзойдетъ въ него сколько-нибудь лихоимства, все заражается отъ того зловоніемъ. Вѣдь мы умываемъ же руки, когда входимъ въ церковь: зачѣмъ же не омываемъ сердца? Развѣ руки издаютъ голосъ? Душа произноситъ слова; на нее взираетъ Богъ; и когда она нечиста, ни къ чему не служитъ чистота тѣлесная. Въ самомъ дѣлѣ, что пользы, если ты наружныя руки умываешь, а внутреннія оставляешь въ нечистотѣ? Вотъ то-то и худо, и отъ того все идетъ у насъ превратно, что 400
мы, крайне заботясь о маломъ, пренебрегаемъ великимъ. Молиться съ неумытыми руками—дѣло безразличное; а молиться съ нечистою душею, это—величайшее изъ всѣхъ золъ. Послушай, что сказано и іудеямъ, которые обращали особенное вниманіе на наружную нечистоту: *омый отъ лукавства сердце твое. Доколѣ будутъ въ тебѣ помышленія бѣдъ твоихъ* (Іер. iv, 14)? Омоемъ же себя и мы, но не грязью, а водою чистою,—милостынею, а не лихоимствомъ. Прежде отстань отъ хищенія—и потомъ подавай милостыню. *Уклонися отъ зла и сотвори благо* (Пс. xxxvi, 27). Удержи руки отъ лихоимства—и тогда простирай ихъ на милостыню. Если же мы тѣми же самыми руками однихъ будемъ обнажать, а другихъ одѣвать, то хотя бы одѣвали и не тѣмъ, что похитили,—и въ этомъ случаѣ не избѣжимъ наказанія, Иначе милостыня будетъ поводомъ ко всякому преступленію. Лучше не оказывать милосердія, чѣмъ оказывать такое милосердіе. Вѣдь и Каину лучше было совсѣмъ не приносить ничего. И если онъ, принесши меньшее, прогнѣвалъ Бога, то какъ же не прогнѣваетъ Его тотъ, кто подаетъ

чужое? Я тебѣ заповѣдалъ, скажетъ Богъ, не похищать, а ты чествуешь Меня похищеннымъ? Ужели ты думаешь, что для Меня пріятно это? Поэтому Онъ скажетъ тебѣ: *возпепщевалъ еси беззаконіе, яко буду тебѣ подобенъ: обличу тя и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя* (Пс. хых, 21). Но не дай Богъ никому услышать этотъ голосъ! (Дай Богъ), чтобы мы, совершивъ дѣла чистаго милосердія, съ ясными свѣтильниками вошли въ брачный чертогъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXIV.

Глагола Ему Филиппъ: Господи, покажи намъ Отца, и довлѣетъ намъ; глагола ему Іисусъ: толико время съ вами есмь, и не позналъ еси Мене, Филиппе? Видѣвый Мене, видѣ Отца (Іоан. xiv, 8, 9).

399 1. Пророкъ говорилъ іудеямъ: *лице блудницы бысть тебѣ, не постыдѣвшейся ко всѣмъ* (Іер. ш, 3); но, кажется, что это прилично сказать не одному тому народу, но и всѣмъ, безстыдно противящимся истинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, на слова Филиппа: *покажи намъ Отца* Твоего, Христосъ отвѣчалъ: *толико время съ вами есмь, и не позналъ еси Мене, Филиппе?* И однакожъ есть люди, которые и послѣ этихъ словъ отдѣляютъ Сына отъ Отца. Между тѣмъ, какой искать еще близости больше этой? Вѣдь нѣкоторые, вслѣдствіе этого изреченія, впали даже въ недугъ Савеллія. Но оставимъ и тѣхъ и другихъ, какъ людей, держащихся совершенно противоположныхъ, но равно нечестивыхъ мыслей, и разсмотримъ подлинный смыслъ сказанныхъ словъ. *Толико время съ вами есмь*, говоритъ, *и не позналъ еси Мене, Филиппе?* Что жъ? Развѣ Ты Отецъ, котораго я ищу? Нѣтъ, говоритъ. Потому-то Онъ и не сказалъ: не позналъ Его,—но: *не позналъ еси Мене*,—показывая тѣмъ именно то, что Сынъ есть не иное что, а тоже, что Отецъ, хотя и пребываетъ Сыномъ. Но что же привело Филиппа къ такимъ словамъ? То, что Христосъ сказалъ: *аще Мя бысте знали, и Отца Моего знали бысте убо* (Іоан. xiii, 7), какъ не разъ Онъ говорилъ это и іудеямъ. А такъ какъ у Него часто спрашивалъ уже Петръ, спрашивали и іудеи: кто есть Отецъ?—
400 спрашивалъ также и Ѳома, и между тѣмъ никто ничего яснаго не узналъ, но все оставалось еще неизвѣстнымъ, то Филиппъ, чтобы не показаться докучливымъ и безпокоющимъ Его, подобно іудеямъ,—сказавъ: *покажи намъ Отца* Твоего, присовокупилъ: *и*

довлѣетъ намъ, то есть, мы ничего болѣе не ищемъ. Христосъ сказалъ: *аще Мя бысте знали, и Отца Моего знали бысте убо*, и чрезъ Себя показывалъ Отца; но Филиппъ перемѣняетъ этотъ порядокъ и говоритъ: покажи Отца,—какъ будто бы уже въ точности позналъ самого Христа. Но Христосъ не удовлетворяетъ его желанія, а поставляетъ его на путь и убѣждаетъ познавать Отца чрезъ Себя. Филиппъ хотѣлъ видѣть Отца этими тѣлесными очами, быть можетъ, потому, что слышалъ о пророкахъ, что они видѣли Бога. Но вѣдь то, Филиппъ, было говорено приспособительно къ нашей немощи. Потому-то Христосъ сказалъ: *Бога никтоже видѣ нигдѣже* (Іоан. I, 18), и еще: *всякъ слышавый отъ Отца и навыкъ, пріидетъ ко Мнѣ* (VI, 45). *Ни гласа Его нигдѣже слышасте, ни видѣнія Его видѣсте* (V, 37). И въ ветхомъ завѣтѣ сказано: *не бо узритъ человѣкъ лице Мое. и живъ будетъ* (Исх. XXXIII, 10). Что же Христосъ? Сильно упрекаетъ его: *толико время съ вами семь, и не позналъ еси Мене, Филиппе.* И не сказалъ: не видѣлъ Меня, но: *не позналъ еси Мене.* Но вѣдь я, могъ сказать Филиппъ, не Тебя хочу познать; я желаю теперь увидѣть Твоего Отца, а Ты мнѣ говоришь: *не позналъ еси Мене?* Какая тутъ связь? Весьма близкая. Такъ какъ, пребывая Сыномъ, Онъ есть тоже, что и Отецъ, то Онъ справедливо въ 401
Себѣ самомъ показываетъ Отца. Потомъ Онъ раздѣляетъ ипостаси, говоря: *видѣвый Мене, видѣ Отца*, чтобы кто-нибудь не сказалъ, что Онъ—вмѣстѣ и Отецъ, и Сынъ. Если бы Онъ былъ Отецъ, то не сказалъ бы: кто видѣлъ Меня, тотъ видѣлъ и Его. Почему же Онъ не сказалъ Филиппу: ты требуешь невозможнаго, того, что несообразно съ человѣческою природою, что одному только Мнѣ возможно? Такъ какъ Филиппъ сказалъ: *довлѣетъ намъ*, какъ будто бы уже позналъ (Христа), то Христосъ показываетъ, что онъ и Его не видѣлъ; иначе, еслибы онъ могъ видѣть Его, то увидѣлъ бы и Отца. Потому и сказалъ: *видѣвый Мене, видѣ Отца*,—кто видѣлъ Меня, тотъ увидитъ и Его. А это значитъ вотъ что: ни Меня, ни Его видѣть невозможно. Филиппъ хотѣлъ познать чрезъ зрѣніе, и такъ какъ думалъ, что уже видѣлъ Христа, и хотѣлъ такимъ же образомъ увидѣть и Отца, то Христосъ показываетъ, что онъ не видѣлъ и Его.

Если бы кто подъ видѣніемъ сталъ разумѣть познаніе, то я и тому не буду противорѣчить, потому что кто позналъ Меня, говоритъ Христосъ, тотъ позналъ Отца. Но Онъ не сказалъ такъ, а желая представить единосущіе, сказалъ: кто позналъ Мое существо, тотъ знаетъ и существо Отца. Какимъ же это образомъ, скажешь? Вѣдь и тотъ, кто позналъ тварь, знаетъ уже и Бога. Нѣтъ, тварь знаютъ и видятъ всѣ, а Бога знаютъ не всѣ. Но посмотримъ, что хочетъ видѣть Филиппъ: премуд-

рость ли Отца, или благость Его? Нѣтъ; онъ хочетъ видѣть именно то, что есть Богъ, — самое существо. Вотъ на это и отвѣчаетъ Христосъ: *видѣвый Мене.* А кто видитъ тварь, тотъ еще не видитъ существа Божія. Если кто видѣлъ Меня, говоритъ Христосъ, тотъ видѣлъ и Отца Моего. А если бы Онъ былъ иного существа, то не сказалъ бы такъ. Употреблю и болѣе простой образъ рѣчи: не зная золота, никто не можетъ увидѣть сущности золота въ серебрѣ, такъ какъ естество одного не обнаруживается чрезъ естество другого. Потому-то Христосъ справедливо сдѣлалъ упрекъ Филиппу, сказавъ: *толико время съ вами есмь.* Ты пользовался столько времени ученіемъ, ты видѣлъ чудеса, совершенныя со властію, видѣлъ, что свойственно Божеству и что творитъ одинъ только Отецъ, какъ-то: отпущеніе грѣховъ, обнаруженіе сокровенныхъ таинъ, изгнаніе смерти, созданіе изъ земли, *и не позналъ еси Мене?*

2. Такъ какъ Онъ облеченъ былъ плотію, то и сказалъ: *не позналъ еси Мене.* Если ты видѣлъ Отца,—не домогайся видѣть больше того, потому что въ Немъ ты видѣлъ и Меня. Если видѣлъ Меня, не любопытствуй больше ни о чемъ, потому что во Мнѣ ты позналъ и Его. *Не вѣруеши ли, яко Азъ во Отцѣ* (ст. 10), то есть, являюсь въ Его существѣ? *Глаголы, яже Азъ глаголю, о Себѣ не глаголю.* Видишь, какая чрезвычайная близость и какое доказательство единства существа? *Отецъ же во Мнѣ пребываяй, той творитъ дѣла.* Почему, начавши рѣчь о словахъ, Онъ перешелъ къ дѣламъ? Ему слѣдовало бы сказалъ: Той глаголетъ глаголы. Это потому, что Онъ здѣсь говоритъ о двухъ предметахъ, объ ученіи и чудесахъ, или же потому, что и слова Его были дѣлами. Какъ же *той творитъ?* Въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: *аще не творю дѣлъ Отца Моего, не имите Ми вѣры* (Іоан. x, 37). Какъ же здѣсь говоритъ, что Отецъ творитъ? Этимъ Онъ показываетъ именно то, что между Отцемъ и Сыномъ нѣтъ ничего посредствующаго. Слова его значатъ вотъ что: не иначе творилъ бы Отецъ, чѣмъ какъ творю Я. А въ другомъ мѣстѣ Онъ, дѣйствительно, представляетъ дѣлающимъ и Себя самого, и Отца, говоря: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоан. v, 17) Тамъ Онъ показываетъ безразличіе, а здѣсь — тожество дѣлъ. Если же слова Его съ перваго взгляда представляются униченными, то ты не удивляйся этому. Онъ напередъ сказалъ: *не*
402 *вѣруеши ли,* и потомъ уже произнесъ тѣ слова, показывая, что Онъ построилъ такъ рѣчь для того, чтобы привести Филиппа къ вѣрѣ. Вѣдь Онъ проникалъ сердца учениковъ. *Вѣруйте, яко Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ* (ст. 11). Вамъ, которые слышите объ Отцѣ и Сынѣ, не слѣдовало бы искать никакого другого до-

казательства на Ихъ сродство по существу. Но если вамъ недостаточно этого для доказательства Ихъ равночестія и единосущія, то познайте это хотя отъ дѣлъ. Значитъ, слова: *видѣвый Мене, видѣ Отца* Моего—сказаны были не о дѣлахъ; иначе Онъ не сказалъ бы послѣ: *аще ли же ни, за дѣла вѣру имете Ми*. Потомъ, показывая, что можетъ совершать не только эти дѣла, но и другія гораздо большія, Онъ говоритъ объ этомъ съ чрезвычайною силою. Не говоритъ: Я могу совершить дѣла и больше этихъ, но, что гораздо удивительнѣе, могу, говоритъ, и другимъ дать власть совершать дѣла больше этихъ дѣлъ. *Аминь, аминь глаголю вамъ: вѣруяй въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ, и больша сихъ сотворитъ, яко Азъ къ Отцу Моему гряду* (ст. 12). То есть, теперь уже вы будете совершать чудеса, потому что Я отхожу. Затѣмъ, достигши того, къ чему клонилась рѣчь, Онъ говоритъ: *аще что просите во имя Мое*, пріимете, и Я *то сотворю. да прославится Отецъ во Мнѣ*. Видишь ли, какъ опять Онъ самъ творитъ это? *Сотворю*, говоритъ, Я; и не сказалъ: умолю Отца, но: *да прославится Отецъ во Мнѣ*. Въ другомъ мѣстѣ Онъ сказалъ: *Богъ прославитъ Его въ Себѣ* (Іоан. xviii, 32), а здѣсь, что Самъ прославитъ Отца. Когда Сынъ явится обладающимъ великимъ могуществомъ, тогда прославится и Отецъ. Что же значитъ: *во имя Мое?* То, что говорили апостолы: *во имя Іисусъ Христа востани и ходи* (Дѣян. ш, 6). Всѣ знаменія, которыя они совершали, были дѣломъ Его силы, и рука Господня была съ ними (Дѣян. xvi, 21). *Азъ*, говоритъ, *сотворю* (ст. 14). Видишь самодѣятельность? Онъ совершалъ и то, что дѣлалось другими: ужели же того, что Онъ самъ дѣлаетъ, Онъ не можетъ совершать Своею силою, но совершаетъ при содѣйствіи Отца? Но кто можетъ сказать это? Для чего же Онъ говоритъ это во второй разъ? Для того, чтобы утвердить Свое слово и показать, что прежде Онъ говорилъ приспособительно. А слова: *къ Отцу гряду* означаютъ: Я не погибаю, но пребываю въ Своемъ достоинствѣ и нахожусь на небесахъ. Все же это Онъ говорилъ для утѣшенія учениковъ. Такъ какъ они не понимали еще Его словъ о воскресеніи и потому, вѣроятно, заняты были прискорбными мыслями, то Онъ обѣщаетъ имъ, что они сами будутъ совершать такія (дѣла) для другихъ, во всемъ обнаруживаетъ Свою заботливость о нихъ и показываетъ, что Онъ всегда пребываетъ, и не только пребываетъ, но и выкажетъ еще большую силу.

3. Итакъ, послѣдуемъ за Христомъ и возьмемъ крестъ. Если и нѣтъ теперь гоненій, за то теперь время для другого рода смерти. *Умертвите*, сказано, *уды ваши, яже на земли* (Кол. ш, 5). Итакъ, погасимъ вожделѣніе, умертвимъ гнѣвъ, истребимъ за-

вист. Это—жертва живая. Жертва эта не оканчивается пепломъ,
не разсѣивается въ дымѣ, не требуетъ ни дровъ, ни огня, ни
ножа. Для ней огонь и ножъ—Духъ Святый. Воспользовавшись
этимъ ножемъ, отсѣки отъ сердца все излишнее и чуждое, от-
крой заключенный слухъ. Страсти и злыя пожеланія обыкно-
венно заграждаютъ входъ слову. Такъ, усилившаяся привязан-
ность къ богатству не дозволяетъ слушать слово о милостынѣ;
появившаяся зависть преграждаетъ путь ученію о любви; да и
всякая другая страсть, вторгшись въ душу, дѣлаетъ ее крайне
403 нерадивою ко всему. Истребимъ же злыя пожеланія. Вѣдь нужно
только захотѣть, и—все исчезнетъ. Не будемъ думать, будто
любовь къ богатству сама по себѣ сильна: вся сила заключается
въ нашей безпечности. Есть много людей, которые, говорятъ,
даже не знаютъ, что такое серебро, потому что любовь къ бо-
гатству—страсть неестественная. Естественныя положенія вло-
жены въ насъ съ самаго начала; а о золотѣ и серебрѣ долгое
время даже не было извѣстно, существуютъ ли они. Отчего же
усилилась эта страсть? Отъ тщеславія и крайней безпечности.
Изъ пожеланій одни необходимы, другія естественны, а иныя
ни то, ни другое. Такъ всѣ тѣ желанія, отъ неудовлетворенія
которымъ гибнетъ животное, естественны и необходимы, какъ
напримѣръ—желаніе пищи, питья и сна. Вожделѣніе плотское
естественно, но не необходимо, такъ какъ многіе преодолѣли
его, и однакожъ не погибли. А желаніе богатства ни естественно,
ни необходимо, а излишне: если мы захочемъ, то и не подчи-
нимся ему. Вѣдь и Христосъ, бесѣдуя о дѣвствѣ, сказалъ:
могій вмѣстити, да вмѣститъ (Матѳ. XVIII, 12), а о богатствѣ не
404 такъ,—а какъ? ***Иже не отречется всего своего имѣнія, не можетъ
быти Мой ученикъ*** (Лук. XIV, 33). Что легко, къ тому увѣщеваетъ,
а что превосходитъ силы многихъ, то оставляетъ произволенію.
Итакъ, зачѣмъ мы лишаемъ сами себя всякаго оправданія? Кто
плѣненъ страстію особенно сильною, тотъ понесетъ не столь
большое наказаніе; а кто уловленъ страстію слабою, тотъ лишится
всякаго оправданія. И въ самомъ дѣлѣ, что мы будетъ отвѣчать,
когда скажетъ: вы видѣли Меня алчущимъ, и не напитали
(Матѳ. XXV, 42)? Какое будемъ имѣть оправданіе? Сошлемся,
конечно, на бѣдность? Но мы не бѣднѣе той вдовицы, которая,
положивши двѣ лепты, превзошла всѣхъ. Богъ требуетъ отъ
насъ не значительности дара, а мѣры сердечнаго благорасполо-
женія; и это—знакъ Его промышленія. Подивимся же Его чело-
вѣколюбію и будемъ приносить, что можемъ, чтобы и въ на-
стоящей, и въ будущей жизни, воспользовавшись великимъ
Его человѣколюбіемъ, мы могли насладиться обѣщанными бла-

гами, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXV.

Аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдите; и Азъ умолю Отца, и иного Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами въ вѣкъ, Духъ истины, Егоже міръ не можетъ пріяти, яко не видитъ Его, ниже знаетъ Его (Іоан. XIV, 15, 16, 17).

1. Вездѣ нужны намъ дѣла, а не увѣренія на словахъ, потому 403
что говорить и обѣщать всякому легко, а сдѣлать не такъ легко. Къ чему я это сказалъ? Къ тому, что теперь много людей, которые говорятъ, что они боятся Бога и любятъ Его, а дѣлами показываютъ противное. Но Богъ требуетъ любви, являемой въ дѣлахъ. Потому-то и ученикамъ говорилъ: *аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдите.* Такъ какъ Онъ сказалъ: *аще чесо просите, Азъ сотворю,* то, чтобы не подумали они, что довольно только просить, Онъ присовокупилъ: *аще любите Мя,* — то есть, въ этомъ случаѣ сотворю. А какъ ученики, услышавъ: *Азъ къ Отцу гряду,* естественно пришли въ смущеніе, то Онъ говоритъ, что любовь состоитъ не въ этомъ, не въ настоящемъ смущеніи, а въ повиновеніи словамъ Его. Я далъ вамъ заповѣдь, чтобы вы любили другъ друга, чтобы вы такъ же поступали другъ съ другомъ, какъ Я поступалъ съ вами. Любовь въ томъ и состоитъ, чтобы исполнять это и подражать тому, кого любимъ. *И умолю Отца, и иного Утѣшителя дастъ вамъ.* Опять рѣчь приспособительная. Такъ какъ ученики еще не знали Его; и потому, естественно, сильно желали быть вмѣстѣ съ Нимъ, слышать Его рѣчи, видѣть Его во плоти, и ни въ чемъ не находили для себя утѣшенія, скорбя о Его отшествіи, то что Онъ говоритъ? *Умолю Отца, и иного Утѣшителя дастъ вамъ,* то есть, иного такого же, какъ Я. Да постыдятся же и зараженные недугомъ Савеллія, и имѣющіе не надлежащее понятіе о Духѣ Святомъ! Въ этомъ изреченіи-то особенно и удивительно, что оно однимъ ударомъ ниспровергаетъ совершенно противоположныя ереси. Сказавъ: *иного,* указываетъ на различіе Его ѵпостаси; а сказавъ: *Утѣшителя,* на единство существа. Почему же Онъ говоритъ: *умолю Отца?* Потому что, если бы сказалъ: Я пошлю, то не столько бы повѣрили; а теперь Онъ заботился о томъ, чтобы Ему вѣровали. Впослѣдствіи Онъ высказываетъ, что самъ посылаетъ Его, говоря: *пріимите Духъ Святъ;* а здѣсь говоритъ: *умолю Отца,* чтобы сдѣлать для нихъ 404

слово достовѣрнымъ. Вѣдь Іоаннъ говоритъ о Немъ, что *отъ исполненія Его мы вси пріяхомъ* (Іоан. 1, 16): какъ же Онъ можетъ принимать отъ другого то, что самъ имѣетъ? И опять: *той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ* (Лук. ш, 16). Какое же Онъ имѣлъ бы преимущество предъ апостолами, если бы долженъ былъ умолять Отца, чтобы даровать Духа другимъ, между тѣмъ какъ апостолы часто дѣлали это, какъ видно и безъ молитвы? И если Духъ Святой по молитвѣ посылается отъ Отца, то какимъ же образомъ Онъ самъ собою нисходитъ? И какъ можетъ отъ другого быть посылаемъ Тотъ, кто вездѣсущъ, кто самъ по себѣ раздѣляетъ (дарованія) *коемуждо, якоже хощетъ*, и говоритъ со властію: *отдѣлите Ми Варнаву и Савла* (Дѣян. хш, 2)? Хотя Богу служили эти служители, однакожъ Онъ со властію призвалъ ихъ на свое собственное дѣло,— не потому, чтобы дѣло, на которое призвалъ ихъ, было иное, но для того, чтобы показать Свою власть. Итакъ, что же, скажешь, значитъ: *умолю Отца?* Показывается время пришествія (Духа Святого).

Когда Онъ очистилъ ихъ жертвою, тогда и снизошелъ Духъ Святой. А почему Онъ не пришелъ въ то время, когда (Христосъ) былъ съ ними? Потому что не была еще принесена жертва. Когда уже и грѣхъ былъ истребленъ, и апостолы, получивъ повелѣніе идти на опасности, готовились къ борьбѣ, тогда надлежало придти Тому, кто укрѣпляетъ на подвиги. Для чего же Духъ приходитъ не тотчасъ по воскресеніи? Для того, чтобы апостолы сильнѣе возжелали Его и приняли съ большею любовію. Доколѣ былъ съ ними Христосъ, они не были въ скорби; когда же Онъ отошелъ, они, лишившись Его, находились въ великомъ страхѣ и, естественно, должны были принять Духа Святого съ великимъ усердіемъ. *Да будетъ съ вами.* Это значитъ, что и по смерти не отойдетъ. А чтобы они, услышавъ объ Утѣшителѣ, не предположили другого новаго воплощенія и не надѣялись увидѣть Его очами,—Христосъ, отклоняя ихъ отъ этого, говоритъ: *егоже міръ не можетъ пріяти, яко не видитъ его.* Онъ не такъ будетъ съ вами, какъ Я, но будетъ обитать въ самыхъ душахъ вашихъ; это и значитъ: *въ васъ будетъ.* А называя Его Духомъ истины, Онъ тѣмъ указываетъ на образы, бывшіе въ ветхомъ завѣтѣ. *Да будетъ съ*
405 *вами* Что значитъ: *да будетъ съ вами?* Тоже, что Онъ о Себѣ говоритъ: *Азъ съ вами есмь* (Матѳ. xxviii, 20). Сверхъ того, Онъ намекаетъ и на нѣчто другое, именно: не претерпитъ того, что Я претерпѣлъ, и не отойдетъ. *Егоже міръ не можетъ пріяти, яко не видитъ Его.* А развѣ другой кто, скажи мнѣ, можетъ видѣть Его? Нѣтъ; Онъ говоритъ здѣсь о познаніи, почему и присовокупляетъ: *ниже знаетъ Его.* Онъ обыкновенно зрѣніемъ называетъ и точное

познаніе. Такъ какъ зрѣніе яснѣе другихъ чувствъ, то имъ всегда и означаетъ точное познаніе. А подъ міромъ Онъ разумѣетъ здѣсь злыхъ людей. Такимъ образомъ Онъ утѣшаетъ учениковъ тѣмъ, что дастъ имъ особенный даръ. Смотри, какъ Онъ превознесъ этотъ даръ: сказалъ, что есть иной, такой же, какъ Я; сказалъ: Онъ не оставитъ васъ; сказалъ: къ вамъ однимъ придетъ, такъ же, какъ и Я; сказалъ: *въ васъ будетъ*. И однакожъ, не смотря на все это, не уничтожилъ въ нихъ печали. Они хотѣли видѣть Его и чтобы Онъ былъ съ ними. Потому-то, удовлетворяя ихъ желанію, Онъ говоритъ: и Я *не оставлю васъ сиры: пріиду къ вамъ* (Іоан. IV, 18). Не бойтесь, говоритъ: не потому Я сказалъ: пошлю иного Утѣшителя, что самъ навсегда оставляю васъ; не потому сказалъ: *въ васъ будетъ*, что самъ уже не увижу васъ. Нѣтъ, Я и самъ приду къ вамъ: *не оставлю васъ сиры*. Какъ въ началѣ рѣчи сказалъ: *чадца*, такъ и здѣсь говоритъ: *не оставлю васъ сиры*.

2. Въ началѣ Христосъ сказалъ: придете туда, *аможе Азъ иду*, и: *въ дому Отца Моего обители многи суть;* а здѣсь,—такъ какъ то время было далеко,—даетъ Духа. Но такъ какъ ученики, не понявъ значенія словъ Его, не довольно ими утѣшились, то Онъ говоритъ: *не оставлю васъ сиры*,—потому что этого они особенно и желали. А такъ какъ изреченіе: *пріиду къ вамъ* указывало на пришествіе, то, чтобы они не ожидали опять такого же точно пришествія, какое было прежде,—смотри, какъ Онъ, не сказавъ объ этомъ ясно, далъ однакожъ это понять. Сказавши: *еще мало, и міръ къ тому не увидитъ Мене*, Онъ присовокупилъ: *вы же увидите Мя* (ст. 19). Какъ бы такъ говорилъ: Я приду къ вамъ, но не такъ, какъ прежде, когда Я каждый день непрестанно былъ съ вами. А чтобы они не спросили: какъ же Ты сказалъ іудеямъ: *отселѣ не узрите Мене?*—Онъ, въ разрѣшеніе этого возраженія, говоритъ: *къ вамъ* однимъ,—такъ же, какъ и Духъ. *Яко Азъ живу, и вы живи будете.* Крестъ не разлучитъ насъ навсегда, но только на самое малое время скроетъ Меня. А подъ жизнію Онъ разумѣетъ, какъ мнѣ кажется, жизнь не только настоящую, но и будущую. *Въ той день уразумѣете, яко Азъ во Отцѣ Моемъ, и вы во Мнѣ, и Азъ въ васъ* (ст. 20). По отношенію къ Отцу, это сказано о существѣ, а по отношенію къ ученикамъ—о единомысліи и помощи, ниспосылаемой отъ Бога. Но какъ, спросишь, возможно допустить это? А какъ возможно допустить противное? Вѣдь между Христомъ и учениками разстояніе великое и даже безконечное. А что употреблены одни и тѣ же слова,—этому не удивляйся. Писаніе, говоря о Богѣ и людяхъ, часто употребляетъ одни и тѣ же слова не въ одинаковомъ смыслѣ. Такъ и мы называемся и богами, и сынами Божіими; но эти названія имѣютъ не одно и то же зна-

406 ченіе, когда прилагаются къ намъ и къ Богу. Равно и Сынъ называется образомъ и славою, точно такъ же, какъ и мы, но—въ совершенно различномъ значеніи. И опять: *вы же Христовы, Христосъ же Божій* (1 Кор. ш, 23); но Христосъ не въ томъ же смыслѣ Божій, въ какомъ мы Христовы. Итакъ, что же значатъ тѣ слова? Когда Я воскресну, говоритъ, тогда вы узнаете, что Я не отдѣленъ отъ Отца, но имѣю ту же силу, и что Я всегда пребываю съ вами, такъ какъ въ то время самыя событія будутъ возвѣщать о подаваемой вамъ отъ Меня помощи, враги будутъ укрощены, вы получите дерзновеніе, опасности исчезнутъ, проповѣдь съ каждымъ днемъ будетъ расцвѣтать и всѣ уступятъ и покорятся слову благочестія. *Якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы.* Видишь ли, что и здѣсь одно и то же выраженіе имѣетъ не одну и ту же силу? Если мы примемъ его въ одномъ значеніи, апостолы ничѣмъ не будутъ отличаться отъ Христа. Почему же Онъ сказалъ: тогда *уразумѣете?* Потому, что тогда они увидѣли Его воскресшимъ и пребывающимъ съ ними, и тогда же познали истинную вѣру, такъ какъ велика была сила Духа, Который научалъ ихъ всему. *Имѣяй заповѣди Моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя* (ст. 21). Значитъ, не довольно только имѣть, но намъ нужно еще тщательно соблюдать. Но для чего Онъ много разъ говоритъ имъ одно и тоже, именно: *аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдите* (ст. 15), и: *имѣяй заповѣди Моя и соблюдаяй ихъ* (ст. 21), и еще: если кто услышитъ слово Мое *и соблюдетъ* его, *той есть любяй Мя;* а кто *не слушаетъ словесъ Моихъ,* тотъ не любитъ Меня (ст. 23, 24)? Я думаю, Онъ этимъ намекаетъ на ихъ скорбь. Такъ какъ Онъ уже много любомудрствовалъ съ ними о смерти, напримѣръ: *ненавидяй души своея въ мірѣ семъ, въ животъ вѣчный сохранитъ ю* (Іоан. хп, 25), и: *иже не пріиметъ креста своего, и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣстъ Мене достоинъ* (Матѳ. x, 38), а притомъ намѣревался сказать имъ еще и больше этого, то теперь, укоряя ихъ, говоритъ: вы думаете, что ваша скорбь происходитъ изъ любви? Но любви свойственно было бы не скорбѣть. Это именно Онъ хотѣлъ доказать всѣмъ тѣмъ, что говорилъ, и потому-то далѣе этимъ и заключилъ Свою рѣчь. *Аще бысте любили Мя,* сказалъ Онъ, *возрадовалися бысте убо, яко иду ко Отцу Моему* (Іоан. xiv, 28). Значитъ, вы теперь скорбите отъ страха; а страшиться смерти несвойственно тѣмъ, которые помнятъ Мои заповѣди. Вамъ слѣдовало бы распять себя, если бы вы истинно любили Меня, потому что Мое слово внушало вамъ не приходить въ страхъ отъ убивающихъ тѣло. Такихъ-то и Отецъ любитъ, и Я. *И явлюся* имъ *самъ.* Тогда Іуда сказалъ: *и что, яко намъ хощеши явитися* (ст. 22)?

3. Видишь, какъ душа ихъ была стѣснена страхомъ? Іуда смутился, встревожился и подумалъ, что они увидятъ и Его такъ же, какъ мы видимъ мертвыхъ во снѣ. Итакъ, чтобы отклонить ихъ отъ такого мнѣнія,—послушай, что Онъ говоритъ: *Азъ и Отецъ къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (ст. 23). Какъ бы такъ говоритъ: какъ самъ Отецъ является, такъ и Я. И не этимъ только уничтожилъ ихъ несправедливое мнѣніе, но и словами: *обитель у него сотворимъ*: это уже не сновидѣніе. Но ты обрати вниманіе на ученика: онъ и смущается, и не смѣетъ ясно сказать того, что хочетъ сказать. Онъ не сказалъ: горе намъ,—Ты умираешь и хочешь явиться намъ, какъ мертвые; нѣтъ, не сказалъ такъ, а сказалъ: *что бысть, яко намъ хо-* 407
щеши явитися, а не мірови? На это (Христосъ) говоритъ: васъ Я особенно люблю, потому что вы соблюдаете Мои заповѣди. Напередъ говоритъ имъ о Своемъ явленіи для того, чтобы они, когда увидятъ Его впослѣдствіи, не сочли за призракъ. А чтобы они не думали, что Онъ явится имъ такъ, какъ я сказалъ, Онъ высказываетъ и причину, то есть, соблюденіе Его заповѣдей,—говоритъ, что такимъ же образомъ явится и Духъ. Если же они и послѣ того, какъ столько времени жили съ Нимъ, не могли еще вынести такого явленія Его существа и даже не понимали его, то что было бы съ ними, если бы Онъ такъ явился имъ съ самаго начала? Потому Онъ и вкушалъ съ ними пищу, чтобы они не сочли явленія Его за призракъ. Если они подумали такъ въ то время, какъ увидѣли Его ходящимъ по водамъ, не смотря на то, что Онъ явился въ томъ же самомъ видѣ и не задолго передъ тѣмъ разлучился съ ними,—то чего бы не подумали они, если бы вдругъ увидѣли Его воскресшимъ, между тѣмъ какъ прежде видѣли, какъ Онъ былъ взятъ и связанъ? Для того-то Онъ часто и говоритъ имъ, что Онъ явится, и почему явится, и какъ, чтобы они не сочли Его явленія за призракъ. *Не любяй Мя, словесъ Моихъ не соблюдаетъ и слово, еже слышасте, нѣсть Мое, но пославшаго Мя* (ст. 25). Значитъ, кто не слушаетъ этихъ словъ, тотъ не Меня только не любитъ, но и Отца. Если доказательствомъ любви служитъ повиновеніе заповѣдямъ, а заповѣди отъ Отца, то, очевидно, кто повинуется имъ, тотъ уже любитъ не Сына только, но и Отца. Какимъ же образомъ и Твое, и не Твое (слово)? Это значитъ, что Я не говорю ничего безъ Отца и не говорю чего-либо Своего, отличнаго отъ того, что угодно Ему. *Сія глаголахъ вамъ въ васъ сый* (ст. 25). Такъ какъ все это было не ясно и они иного не понимали, а во многомъ и сомнѣвались, то, чтобы опять не пришли въ смущеніе и не стали спрашивать: какія заповѣди?—избавилъ ихъ отъ всякаго безпокойства, ска-

завъ: *Утѣшитель же, его же послетъ Отецъ во имя Мое, той вы научитъ* (ст. 26). Можетъ быть, не ясно то, что Я теперь вамъ сказалъ; но это изъяснитъ вамъ тотъ Учитель. А словами: *въ васъ пребываетъ* намекаетъ на Свое отшествіе. Затѣмъ, чтобы они не печалились, говоритъ, что пока Онъ будетъ оставаться съ ними и пока не придетъ Духъ, они не въ состояніи будутъ уразумѣть ничего великаго и высокаго. Это Онъ говоритъ съ тѣмъ, чтобы приготовить ихъ къ мужественному перенесенію Его отшествія, такъ какъ оно будетъ для нихъ источникомъ великихъ благъ. А безпрестанно упоминаетъ объ Утѣшителѣ потому, что они тогда были одержимы скорбію. Но такъ какъ, и послѣ этихъ словъ, они приходили въ смущеніе при мысли о скорбяхъ, о борьбѣ, о Его отшествіи, то смотри, какъ Онъ опять утѣшаетъ ихъ, говоря: *миръ оставляю вамъ* (ст. 27). Какъ бы такъ говоритъ: какой вамъ будетъ вредъ отъ смятеній міра, когда вы будете имѣть миръ со Мною? Этотъ миръ не такой (какъ обыкновенно). Внѣшій миръ часто бываетъ и вреденъ, и безплоденъ, и безполезенъ для тѣхъ, которые имѣютъ его; а Я даю такой миръ, по которому вы будете жить въ мирѣ между собою, а это сдѣлаетъ васъ особенно сильными. А такъ какъ Онъ опять сказалъ: *оставляю*,—что указывало на Его отшествіе и могло привести ихъ въ смущеніе,—то опять же говоритъ: *да не смущается сердце ваше, ни устрашаетъ* (ст. 27). Видишь ли, что они смущались частію отъ любви, частію отъ страха? *Слышасте, яко Азъ рѣхъ вамъ: иду ко Отцу и пріиду къ вамъ. Аще бысте любили Мя, возрадовалися бысте убо, яко иду ко Отцу, яко Отецъ болій Мене есть* (ст. 28) Какую же это могло принесть имъ радость и какое утѣшеніе? Что значатъ эти слова?

4. Апостолы еще ничего не знали о воскресеніи и даже
408 не имѣли надлежащаго понятія о Христѣ. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, чтобы они имѣли это понятіе, когда даже не знали, что Онъ воскреснетъ? Но Отца они признавали великимъ. Поэтому Христосъ и говоритъ: если вы и страшитесь за Меня, какъ будто Я не въ состояніи защитить Себя, и не надѣетесь, что послѣ креста Я опять увижу васъ, то все же какъ скоро услышали что Я къ Отцу иду,—должны были радоваться, потому что Я иду къ большему и могущему уничтожить всѣ бѣдствія. Вы *слышасте, яко Азъ рѣхъ вамъ*. Для чего это сказалъ? Я такъ далекъ отъ страха, говоритъ этимъ Христосъ, такъ увѣренъ въ событіяхъ, что даже предсказалъ ихъ. И это, и что будетъ послѣ, *рѣхъ вамъ прежде даже не будетъ, да егда будетъ, вѣру имете*, яко Азъ есмь (ст. 29). Какъ бы такъ говорилъ: вы не знали бы, еслибы Я не сказалъ; а Я не сказалъ бы, еслибъ не былъ вполнѣ увѣренъ. Видишь ли, что тѣ слова были сказаны

приспособительно? Такъ и тогда, когда Онъ говоритъ: *мните ли, яко не могу умолити Отца, и представитъ Ми дванадесять легеона ангелъ* (Матѳ. XXVI, 53)?—говоритъ приспособительно къ мнѣнію слушателей. Конечно, никто, и даже крайне неистовый, не скажетъ, что Онъ не могъ помочь самъ Себѣ, а имѣлъ нужду въ ангелахъ. О Немъ думали, какъ о человѣкѣ; поэтому Онъ и говоритъ: *дванадесять легеона ангелъ*. А между тѣмъ Онъ только спросилъ пришедшихъ взять Его—и отбросилъ ихъ назадъ. Если же кто назоветъ Отца большимъ въ томъ отношеніи, что Онъ виновникъ Сына, то я не буду и этому противорѣчить; но это отнюдь не значитъ, чтобы Сынъ былъ иного существа. Слова Его значатъ вотъ что: доколѣ Я здѣсь, вамъ естественно думать, что находимся въ опасности; если же Я отойду туда,—вѣрьте, что внѣ опасности, потому что никто не можетъ одолѣть Его. Все же это Онъ говорилъ приспособительно къ немощи учениковъ. Самъ Я, говоритъ, вполнѣ спокоенъ и не забочусь о смерти; потому-то и сказалъ: *сія рѣхъ вамъ прежде даже не будетъ*. Но такъ какъ вы не можете еще принять слова объ этомъ, то Я и заимствую для васъ утѣшеніе отъ Отца, Котораго вы признаете великимъ. Утѣшивъ ихъ такимъ образомъ, Онъ опять говоритъ о предметахъ печальныхъ. *Ктому не глаголю съ вами*. Почему? *Грядетъ бо сего міра князь, и во Мнѣ не имать ничесоже* (ст. 30). Говоря о князѣ міра, разумѣетъ діавола и злыхъ людей, потому что діаволъ владычествуетъ не надъ небомъ и землею,—иначе онъ все бы низвратилъ и ниспровергъ,—но господствуетъ надъ тѣми, которые сами предаются ему. Поэтому (Писаніе) называетъ его и княземъ тьмы вѣка сего, разумѣя опять и здѣсь подъ тьмою злыя дѣла. Что же? Значитъ, діаволъ умертвитъ Тебя? Нѣтъ; онъ *не имать во Мнѣ ничесоже*. Почему же умертвятъ Тебя? Потому что Я такъ хочу, и да познаетъ міръ, что Я люблю Отца. Я, говоритъ, не подвластенъ смерти и не подлежу ей, но переношу ее изъ любви къ Отцу. А это говоритъ для того, чтобы снова ободрить учениковъ и показать имъ, что Онъ не противъ воли, но добровольно идетъ на смерть, и что Онъ презираетъ діавола. Въ самомъ дѣлѣ, Онъ не ограничился тѣмъ, что сказалъ: *еще мало время съ вами есмь*, но часто повторяетъ эти печальныя слова. А чтобы сдѣлать ихъ удобопріемлемыми, Онъ справедливо примѣшиваетъ къ нимъ и слова радостныя. Потому-то Онъ иногда и говоритъ: *иду и пріиду*, также: *идѣже есмь Азъ и вы будете*, и еще: *не можете нынѣ по Мнѣ ити, послѣди же идете*, также: *ко Отцу иду*, и: *Отецъ болій Мене есть*, и: *прежде даже не будетъ, рѣхъ вамъ*, и еще: Я не по необходимости терплю это, а по любви къ Отцу,— чѣмъ внушаетъ ученикамъ, что Его смерть не пагубна и не вредна, какъ скоро соизволяетъ на

409 нее и сильно любящій Его, и самъ любимый Имъ. Итакъ, примѣшивая съ этой цѣлію слова радостныя, Онъ часто говорилъ и о предметахъ печальныхъ, чтобы пріучить къ тому ихъ умъ. Вѣдь и словами: *въ васъ будетъ*, и: *уне вамъ есть, да Азъ иду* (Іоан. XVI, 7), Онъ также ихъ утѣшалъ. Для того-то Онъ напередъ весьма много и сказалъ о Духѣ, какъ-то: *въ васъ есть*, и: *міръ не можетъ пріяти*, и: Онъ *воспомянетъ вся*, и: Онъ *Духъ истины, Духъ Святый, Утѣшитель*, и: *уне вамъ есть*, — чтобы они не скорбѣли, какъ будто уже у нихъ не было никакого заступника и помощника. А словами: *уне есть* показываетъ, что (Духъ Святый) содѣлаетъ ихъ духовными.

5. И мы видимъ, что это дѣйствительно сбылось. Робкіе и боязливые, по принятіи Духа, устремились въ среду опасностей и безбоязненно пошли и на желѣзо, и въ огонь, и на звѣрей, и въ пучину морскую, и на всякое мученіе. Некнижные и простые, они говорили съ такимъ дерзновеніемъ, что поражали слушателей. Изъ скудельныхъ Духъ содѣлалъ ихъ желѣзными, окрылилъ ихъ и не допустилъ впасть ни въ какую слабость человѣческую. Такова-то благодать Духа! Она, если находитъ печаль, уничтожаетъ ее; если злое вожделѣніе, — истребляетъ; если страхъ, — изгоняетъ; и кто сподобился ея, того не допускаетъ уже быть человѣкомъ, но, какъ бы переселивъ на самое небо, располагаетъ помышлять только о томъ, что на небѣ. Потому-то *ни единъ же что отъ имѣній своихъ глаголаше свое бити*, но непрестанно пребывали въ молитвахъ, *въ радости и простотѣ сердца* (Дѣян. IV, 32; II, 42). Этого преимущественно и требуетъ Духъ Святый: *плодъ бо духовный есть радость, миръ, вѣра, кротость* (Гал. V, 22). Однакожъ, скажешь, часто печалятся и люди, исполненные Духа? Но эта печаль сладостнѣе радости. Печалился и Каинъ, но печалію мірскою; печалился и Павелъ, но печалію по Богѣ. Все духовное приноситъ величайшую пользу, равно какъ и все мірское — крайній вредъ. Привлечемъ же къ себѣ, чрезъ исполненіе заповѣдей, необоримую помощь Духа — и мы будемъ ничѣмъ не меньше ангеловъ. Вѣдь и они не потому таковы, что
410 безплотны (иначе никто изъ безплотныхъ не былъ бы злымъ); но вездѣ причиною всему — свободное произволеніе. Потому-то и между безплотными нашлись такіе, которые хуже людей и даже безсловесныхъ, и между облеченными плотію — такіе, которые лучше безплотныхъ. Такъ всѣ праведники, хотя жили на землѣ и имѣли тѣло, однакожъ совершили великія дѣла. На землѣ они жили, какъ пришельцы и странники, а на небѣ — какъ граждане. Не говори же и ты: я облеченъ плотію, не могу одолѣть (ее), не могу взять на себя трудовъ добродѣтели. Не обвиняй Создателя.

Вѣдь, если оттого, что мы носимъ плоть, добродѣтель становится для насъ невозможною, то мы уже не виновны. Но что она не дѣлается оттого невозможною, это доказываетъ ликъ святыхъ. Такъ, плотское естество не воспрепятствовало ни Павлу быть такимъ, какимъ онъ былъ, ни Петру получить ключи неба. И Енохъ, будучи во плоти, *преложенъ бысть и не обрѣташеся* (Евр. xi, 5). Равно и Илія восхищенъ былъ съ плотію, и Авраамъ съ Исаакомъ и Іаковомъ просіяли, будучи облечены плотію; съ плотію же и Іосифъ устоялъ противъ той распутной жены. И что я говорю о плоти? Хотя бы ты возложилъ на плоть и оковы,—и тогда не было бы никакого вреда. Хотя я и въ узахъ, говорилъ Павелъ, *но слово Божіе не вяжется* (2 Тим. ii, 9). И что я говорю о узахъ и оковахъ? Присоедини еще темницу и заключеніе и все это не будетъ препятствіемъ для добродѣтели. Такъ именно училъ Павелъ. Оковы для души—не желѣзо, а рабскій страхъ, любостяжаніе и безчисленныя страсти. Вотъ что связываетъ, хотя бы тѣло и было свободно. Но отъ тѣла, скажешь, рождаются и страсти? Это пустое извиненіе и ничтожная отговорка. Еслибы дѣйствительно отъ тѣла рождались эти страсти, то имъ были бы подвержены всѣ. Какъ никому нельзя избѣжать усталости, сна, голода и жажды, потому что все это естественно, такъ никто не избѣжалъ бы и подчиненія страстямъ, если бы онѣ были таковы. Если же многіе избѣгаютъ ихъ, то ясно, что такого рода недостатки рождаются отъ безпечности души. Итакъ, отсѣчемъ безпечность и не будемъ обвинять тѣло, а подчинимъ его душѣ, чтобы, имѣя его въ послушаніи, достигнуть вѣчныхъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXVI.

Востаните, идемъ отсюду. Азъ есмь лоза истинная, вы же рождіе, и Отецъ Мой дѣлатель есть (Іоан. xiv, 31: xv, 1).

1. Отъ невѣжества душа дѣлается робкою и боязливою, точно 409
такъ же, какъ отъ знанія небесныхъ догматовъ—великою и возвышенною. Лишенная всякого попеченія, она бываетъ какъ-то робка—не по естеству, а по свободному произволенію. Когда я вижу, что человѣкъ мужественный, бывшій нѣкогда смѣлымъ, становится робкимъ, я уже не считаю этого состоянія естественнымъ, потому что все естественное неизмѣнно. Равнымъ образомъ,

когда вижу, что люди робкіе вдругъ дѣлаются смѣлыми, я опять думаю тоже самое, — все приписываю свободному произволенію. Такъ и ученики были весьма робки, доколѣ не узнали того, что слѣдовало, и не сподобились дара Святого Духа; а впослѣдствіи сдѣлались неустрашимѣе львовъ. Напримѣръ, Петръ, который не вынесъ угрозъ служанки, былъ повѣшенъ внизъ головою, былъ бичуемъ, находился въ тысячѣ опасностей, и однакожъ не молчалъ, а говорилъ такъ смѣло, какъ будто терпѣлъ это во снѣ. Но все это — не прежде креста. Потому-то Христосъ
410 и говорилъ: *востаните, идемъ отсюда*. Для чего же, скажи, мнѣ? Ужели Онъ не зналъ времени, когда долженъ былъ придти Іуда? Или Онъ боялся, чтобы Іуда не пришелъ туда и не задержалъ ихъ, и чтобы не напали злоумышленники прежде, чѣмъ Онъ кончитъ Свою превосходную бесѣду? Отнюдь нѣтъ; это несовмѣстно съ Его достоинствомъ. Если же Онъ не боялся, то для чего заставляетъ учениковъ идти оттуда и потомъ, когда кончилъ бесѣду, ведетъ ихъ въ садъ, знакомый Іудѣ? Да еслибы и пришелъ Іуда, развѣ не могъ Онъ ослѣпить имъ глаза, что Онъ и сдѣлалъ, только не теперь? Для чего же Онъ уходитъ? Чтобы дать ученикамъ нѣсколько успокоиться. Находясь въ неизвѣстномъ мѣстѣ, они, естественно, были въ страхѣ и трепетѣ и отъ времени, и отъ мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, ночь была уже очень глубокая, и могло статься, что они даже не внимали словамъ, а постоянно были заняты мыслію о томъ, что на нихъ нападутъ, тѣмъ болѣе, что и слова Учителя заставляли ожидать бѣдствій. *Еще мало*, говорилъ Онъ, *съ вами есмь*, и: *грядетъ міра сего князь*. Потому-то,
411 какъ они, слыша эти и подобныя слова, смущались, полагая, что ихъ тотчасъ же схватятъ, то Онъ ведетъ ихъ въ другое мѣсто, чтобы они, считая себя въ безопасности, могли свободно уже слушать, имѣли же они услышать великіе догматы. Вотъ почему Онъ говоритъ: *востаните, идемъ отсюду*. Затѣмъ, продолжая рѣчь, говоритъ: *Азъ есмъ лоза, вы же рождіе*. Что Онъ хочетъ сказать этою притчею? То, что не внимающему Его словамъ невозможно жить и что будущія знаменія совершатся силою Христовою. *Отецъ Мой дѣлатель есть*. Что же? Значитъ, Сынъ нуждается въ помощи? Нѣтъ; указаніе на Отца не означаетъ этого. Въ самомъ дѣлѣ, смотри, съ какою точностію Онъ излагаетъ притчу. Только о вѣтвяхъ говоритъ, что онѣ пользуются попеченіемъ дѣлателя, а не о корнѣ. О корнѣ здѣсь упомянуто только для того, чтобы показать ученикамъ, что безъ Его силы они ничего не могутъ дѣлать и что имъ должно такъ соединиться съ Нимъ вѣрою, какъ вѣтви съ лозою. *Всяку розгу о Мнѣ, не творящую плода, изметъ ю* Отецъ (Іоан. XV, 2) Здѣсь Онъ намекаетъ на

жизнь, показывая, что безъ дѣлъ невозможно быть въ Немъ. *И всяку, творящую плодъ, отребитъ ю*, то есть, сдѣлаетъ ее предметомъ великаго попеченія. Хотя о корнѣ нужно бываетъ больше заботиться, чѣмъ о вѣтвяхъ, — нужно его окапывать, очищать, однакожъ Онъ ничего не говоритъ здѣсь о корнѣ, но все о вѣтвяхъ, показывая тѣмъ, что Онъ самъ себѣ довлѣетъ, а ученики, хотя бы были и весьма добродѣтельны, имѣютъ нужду въ великой помощи дѣлателя. Потому-то Онъ и говоритъ: *творящую плодъ, отребитъ ю*. Когда вѣтвь безплодна и можетъ быть на лозѣ, (дѣлатель) отсѣкаетъ ее, а когда приноситъ плодъ—очищаетъ ее и чрезъ то дѣлаетъ еще болѣе плодоносною. Это впрочемъ можно разумѣть и о бѣдствіяхъ, которыя въ то время угрожали ученикамъ. Выраженіе: *отребитъ ю* значитъ—обрѣжетъ, отчего вѣтвь дѣлается болѣе плодоносною. Этимъ показывается, что искушенія сдѣлаютъ учениковъ особенно сильными. А чтобы они не стали спрашивать, о комъ это сказано, и чтобы опять не привесть ихъ въ безпокойство, Онъ говоритъ: *уже вы чисти есте за слово, еже глаголахъ вамъ* (ст. 3). Видишь, какъ Онъ представляетъ самого Себя заботящимся о вѣтвяхъ? Я, говоритъ, очистилъ васъ. Хотя выше показываетъ, что это дѣлаетъ Отецъ, но между Отцемъ и Сыномъ нѣтъ никакого различія. Теперь нужно, чтобы и вы, съ своей стороны, дѣлали то, что слѣдуетъ. Затѣмъ, чтобы показать, что Онъ сдѣлалъ это не потому, что имѣлъ нужду въ ихъ служеніи, а для ихъ преуспѣянія, Онъ присовокупляетъ: *якоже розга не можетъ плода сотворити о себѣ*, такъ и тотъ, кто во Мнѣ не пребудетъ. А чтобы они не отдѣлились отъ Него изъ страха, Онъ укрѣпляетъ ослабѣвшую отъ боязни ихъ душу, тѣсно соединяетъ съ Собою и уже подаетъ благія надежды, такъ какъ корень всегда остается, а отдѣляться и отпадать свойственно вѣтвямъ. Потомъ, побудивъ ихъ съ обѣихъ сторонъ — и со стороны пользы, и со стороны вреда, Онъ требуетъ того, что составляетъ нашу первую обязанность. *Иже будетъ во Мнѣ, и Азъ въ немъ* (ст. 5). Видишь, что и Сынъ участвуетъ въ попеченіи объ ученикахъ не меньше Отца? Если Отецъ очищаетъ, за то Сынъ содержитъ въ Себѣ; а отъ пребыванія на корнѣ и зависитъ плодоношеніе вѣтвей. Пусть вѣтвь и не очищается, но все же, оставаясь на корнѣ, она приноситъ плодъ, хотя и не въ такомъ количествѣ, въ какомъ бы слѣдовало; если же не остается,—и совсѣмъ не приноситъ плода. Впрочемъ уже показано, что и Сыну свойственно очищать, равно какъ быть корнемъ—Отцу, родившему и корень.

2. Видишь ли, какъ у нихъ все общее—и очищать, и имѣть силу корня? Конечно, великъ вредъ (для вѣтви) и въ томъ, когда

412 она не можетъ ничего производить; но (Христосъ) не въ этомъ только поставляетъ наказаніе, а ведетъ рѣчь далѣе. *Извержется*, говоритъ, *вонъ*,—не будетъ уже пользоваться попеченіемъ дѣлателя; *и изсышетъ*, то есть, потеряетъ все, что имѣла отъ корня; если имѣла какую-либо благодать, лишится ея и останется безъ помощи и жизни, сообщаемой отъ корня. И что же наконецъ? *Въ огнь влагается* (ст. 6). Но не таковъ удѣлъ человѣка, пребывающаго во Христѣ. Далѣе показываетъ, что значитъ пребывать, и говоритъ: *аще глаголы Мои въ васъ пребудутъ* (ст. 7). Видишь ли, что и прежде я справедливо сказалъ, что Онъ требуетъ отъ насъ доказательства отъ дѣлъ? Дѣйствительно, сказавши: *еже аще что просите, то сотворю* (Іоан. XIV, 13), Онъ присовокупилъ: *аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдите* (ст. 15). Такъ и здѣсь: *аще пребудете во Мнѣ, и глаголы Мои въ васъ пребудутъ, его же аще хощете, просите и будетъ вамъ* (XV, 7). Все же это Онъ говорилъ для того, чтобы показать, что злоумышляющіе противъ Него будутъ сожжены, а они принесутъ плодъ. Перенесши такимъ образомъ страхъ отъ нихъ на злоумышленниковъ и показавъ, что они будутъ непобѣдимы, Христосъ говоритъ: *о семъ прославися Отецъ Мой, да плодъ многъ сотворите, и будете Мои ученицы* (ст. 8). Чрезъ это Онъ придаетъ Своему слову достовѣрность. Въ самомъ дѣлѣ, если принесеніе плодовъ имѣетъ отношеніе къ славѣ Отца, то Онъ не оставитъ въ небреженіи Своей славы. *И будете Мои ученицы*. Видишь ли, что тотъ Его ученикъ, кто приноситъ плодъ? А что значитъ: *о семъ прославися Отецъ?* Это значитъ: Онъ радуется, когда вы во Мнѣ пребываете, когда приносите плодъ. *Якоже возлюби Мя Отецъ, и Азъ возлюбихъ васъ* (ст. 9). Здѣсь уже говоритъ человѣкообразнѣе, потому что рѣчь, приспособленная къ понятіямъ людей, имѣетъ особенную силу. Подлинно, сколь великую мѣру любви выказалъ Тотъ, кто благоволилъ умереть, кто, удостоивъ такой чести рабовъ, враговъ и противниковъ, возвелъ на небо! А если Я люблю васъ, то не бойтесь. Если слава Отца въ томъ, чтобы вы приносили плодъ, то не опасайтесь никакого зла. Потомъ, чтобы не сдѣлать ихъ безпечными,—смотри, какъ Онъ поощряетъ ихъ. *Будите въ любви Моей;* это уже отъ васъ зависитъ. Какъ же это сдѣлать? *Аще заповѣди Моя*, говоритъ, *соблюдете, якоже Азъ заповѣди Отца Моего соблюдохъ* (ст. 10). Опять идетъ рѣчь человѣкообразная, потому что законодатель, очевидно, не могъ подлежать заповѣдямъ. Видишь ли, что и здѣсь такъ сказано,—о чемъ я всегда повторяю,—по немощи слушающихъ? Дѣйствительно: Онъ многое говоритъ сообразно съ ихъ понятіями и всячески показываетъ, что они въ безопасности и что ихъ враги погибнутъ, и что все, что они имѣютъ,

имѣютъ отъ Сына, и что, если они будутъ вести жизнь безукоризненную, никто и никогда не одолѣетъ ихъ. Замѣть же и власть, съ какою Онъ бесѣдуетъ съ ними. Не сказалъ: *будите въ любви* Отца, но: *въ Моей*. Такимъ образомъ, чтобы не сказали: Ты сдѣлалъ насъ ненавистными для всѣхъ, и теперь оставляешь насъ и отходишь,—показываетъ, что Онъ не оставляетъ ихъ, а напротивъ, если только они пожелаютъ, такъ тѣсно соединится съ ними, какъ лоза съ вѣтвями. А чтобы они, съ другой стороны, предавшись надеждѣ, не сдѣлались безпечными, Онъ говоритъ, что ихъ благополучіе не будетъ неизмѣнно, если они будутъ нерадивы. Потомъ, чтобы не приписать всего дѣла Себѣ самому и не подать имъ повода къ большему паденію,—говоритъ: *о семъ прославися Отецъ*. Такъ вездѣ выказываетъ Свою любовь къ нимъ вмѣстѣ съ любовію Отца. Значитъ, не въ томъ слава, что было у іудеевъ, но въ томъ, что они имѣли получить. А чтобы они не сказали: мы лишились отцовскаго наслѣдства, мы всѣми оставлены и сдѣлались нагими и ничего не имѣющими,—Христосъ говоритъ: посмотрите на Меня, Меня любитъ Отецъ, и однакожъ Я подвергаюсь предстоящимъ бѣдствіямъ. Такъ и васъ Я оставляю теперь не потому, чтобы 418
не любилъ васъ. Если Я подвергаюсь смерти и однакожъ не считаю этого знакомъ нелюбви къ Себѣ Отца, то и вамъ не должно смущаться. Если вы пребудете въ любви Моей, то всѣ эти бѣдствія нисколько не повредятъ вамъ въ любви.

3. Итакъ, если любовь сильна и необорима, и состоитъ не въ однихъ словахъ, то покажемъ ее на дѣлѣ. Христосъ примирилъ насъ съ Собою, когда мы были врагами; мы же, сдѣлавшись друзьями, постараемся остаться ими. Онъ началъ, а мы будемъ хотя продолжать. Онъ любитъ не для Своей пользы, потому что ни въ чемъ не нуждается; а мы будемъ любить хотя изъ-за своей выгоды. Онъ возлюбилъ враговъ, а мы станемъ любить хотя друга. Но мы поступаемъ напротивъ. Мы ежедневно хулимъ Бога хищеніемъ и любостяжаніемъ. Можетъ быть, кто-нибудь изъ васъ скажетъ: ты каждый день бесѣдуешь о любостяжаніи. О, если бы можно было говорить объ этомъ и каждую ночь! О, если бы и тотъ, кто сопутствуетъ вамъ на площади и сидитъ съ вами за трапезою, если бы и жены, и друзья, и дѣти, и рабы, и земледѣльцы, и сосѣди, и даже полъ и стѣны могли изливать эту рѣчь, чтобы чрезъ то, хотя немного, мы поудержались! Этотъ недугъ объялъ всю вселенную, обладаетъ душами всѣхъ,—и, поистинѣ, велика сила мамоны! Мы искуплены Христомъ, а служимъ золоту; проповѣдуемъ владычество одного, а покоряемся другому, и что бы онъ ни приказалъ, исполняемъ съ

усердіемъ, и забываемъ для него и родство, и дружбу, и природу, и законы, и все. Никто не обращаетъ взоровъ на небо, никто не помышляетъ о будущемъ. Но настанетъ время, когда не будетъ пользы и отъ этихъ рѣчей. *Во адѣ*, сказано, *кто исповѣстся тебѣ* (Пс. VI, 6)? Вожделѣнно золото, — оно доставляетъ намъ много наслажденій, и придаетъ почетъ; но—не столько, сколько небо. Богача многіе и отвращаются, и ненавидятъ, а человѣка добродѣтельнаго уважаютъ и почитаютъ. Но надъ бѣднымъ, скажешь, смѣются, хотя бы онъ былъ и добродѣтеленъ? Смѣются, но не люди, а безсловесные, почему и не нужно обращать на то вниманія. Вѣдь, если бы мычали ослы и каркали вороны, а всѣ люди мудрые хвалили бы,—мы, конечно, не пренебрегли бы мнѣніемъ послѣднихъ и не стали бы обращать вниманія на крики безсловесныхъ. А тѣ, которые высоко цѣнятъ предметы настоя-
414 щіе, подобны воронамъ и хуже ословъ. Если бы тебя хвалилъ царь земной, — ты, вѣрно, нисколько не заботился бы о мнѣніи толпы, хотя бы и всѣ смѣялись надъ тобою. Ужели же, когда тебя хвалитъ Владыка всѣхъ, ты будешь искать еще похвалы отъ жуковъ и комаровъ? А таковы, дѣйствительно, эти люди въ сравненіи съ Богомъ, и даже не таковы, а еще хуже. Доколѣ же мы будемъ пресмыкаться въ грязи? Доколѣ будемъ поставлять для себя судьями безпечныхъ лѣнивцевъ и чревоугодниковъ? Они могутъ хорошо оцѣнивать игроковъ въ кости, пьяницъ и живущихъ для чрева, а добродѣтели и порока они не могутъ вообразить себѣ и во снѣ. Если бы кто сталъ смѣяться надъ тобою потому, что ты не знаешь, какъ провести каналы для стока воды,—ты, безъ сомнѣнія, не оскорбился бы, а напротивъ, даже посмѣялся бы надъ укоряющимъ въ такомъ незнаніи. Зачѣмъ же, желая подвизаться въ добродѣтели, поставляешь для себя судьями людей, которые совсѣмъ не знаютъ ея? Потому-то мы никогда и не успѣваемъ въ этомъ искусствѣ. Мы ввѣряемъ свое дѣло не людямъ опытнымъ, а невѣждамъ; а они судятъ не такъ, какъ требуетъ искусство, а по собственному невѣжеству. Потому, умоляю васъ, будемъ презирать мнѣніемъ толпы; особенно же не станемъ желать ни похвалъ, ни имѣній, ни богатства, и не будемъ считать бѣдность за какое-либо зло. Бѣдность научаетъ насъ и мудрости, и терпѣнію, и всякому любомудрію. Вѣдь и Лазарь жилъ въ бѣдности и, однакожъ, былъ увѣнчанъ; и Іаковъ желалъ имѣть только хлѣбъ; и Іосифъ находился въ крайней бѣдности и былъ не только рабомъ, но и узникомъ, и, однакожъ, поэтому мы еще болѣе удивляемся ему. Мы не столько восхваляемъ его въ томъ случаѣ, когда онъ раздавалъ пшеницу, сколько въ томъ, когда находился въ темницѣ, — не столько

тогда, когда былъ въ оковахъ, — не тогда, когда возсѣдалъ на тронѣ, а когда подвергался козням и былъ проданъ. Итакъ, представляя себѣ все это и помышляя о вѣнцахъ, сплетаемыхъ этими подвигами, будемъ удивляться не богатству и почестямъ, не удовольствіямъ и владычеству, а бѣдности, оковамъ, узамъ и терпѣнію ради добродѣтели. Конецъ первыхъ исполненъ смятенія и безпокойства, и обладаніе ими соединено съ настоящею только жизнію; а плодъ послѣднихъ — небо и небесныя блага, *ихже око не видѣ и ухо не слыша*, которыхъ и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXVII.

Сія глаголахъ вамъ, да радость Моя въ васъ будетъ, и радость ваша исполнится. Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы (Іоан. XV. 11, 12).

1. За всякое доброе дѣло тогда бываетъ награда, когда оно 413
приходитъ къ надлежащему концу; если же оно прервется, не достигнувъ конца, то уже бываетъ кораблекрушеніе. И какъ корабль, везущій богатый грузъ, если не успѣетъ войти въ пристань, а потонетъ въ срединѣ моря, не получаетъ никакой пользы отъ долгаго плаванія, а напротивъ, тѣмъ бываетъ несчастнѣе, чѣмъ больше понесъ трудовъ, такъ точно и души, которыя падаютъ прежде конца трудовъ и ослабѣваютъ среди подвиговъ. Потому и Павелъ сказалъ, что слава, честь и миръ будутъ удѣломъ тѣхъ, которые текутъ *по терпѣнію* добрыхъ дѣлъ
(Рим. II, 7). Это же и Христосъ внушаетъ теперь ученикамъ. 414
Онъ выразилъ имъ Свою любовь,—и они радовались о Немъ. Но такъ какъ наступавшее страданіе и печальныя рѣчи должны были прекратить ихъ радость, то Онъ, достаточно побесѣдовавши съ ними и утѣшивши ихъ, говоритъ: *сія глаголахъ вамъ, да радость Моя въ васъ будетъ, и радость ваша исполнится*,—то есть, чтобы вы не отпали отъ Меня, чтобы не прекратили своего теченія. Вы радовались о Мнѣ и много радовались, но вотъ вы подверглись печали. Итакъ, чтобы радость ваша достигла конца, Я уничтожаю эту печаль, показывая вамъ, что о настоящихъ событіяхъ нужно не печалиться, а радоваться. Я видѣлъ, что вы соблазнились, но—не пренебрегъ, не сказалъ: зачѣмъ вы теряете мужество,—а говорилъ то, что могло принесть вамъ утѣшеніе. Такъ

415 хочу Я всегда соблюдать васъ въ той же любви. Вы слышали о царствіи—и радовались. А Я сказалъ вамъ это, чтобы исполнилась радость ваша.

Сія есть заповѣдь, да любите другъ друга, якоже Азъ возлюбихъ вы. Видишь ли, что любовь къ Богу тѣсно связана съ нашею и соединена съ нею какъ бы нѣкоторою цѣпью? Потому-то (Христосъ) иногда говоритъ о двухъ заповѣдяхъ, а иногда объ одной—такъ какъ невозможно, получивши одну, не имѣть и другой. Иногда Онъ говоритъ: въ этомъ *законъ и пророцы висятъ* (Матѳ. XXII, 40); а иногда: *елика хощете, да творятъ вамъ человѣцы, тако и вы творите имъ. Сей бо есть законъ и пророцы* (Матѳ. VII, 12). Также: *исполненіе закона любы* (Рим. XIII, 10). Это же говоритъ и здѣсь. Если пребываніе (въ Богѣ) зависитъ отъ любви, а любовь отъ исполненія заповѣдей, а заповѣдь состоитъ въ томъ, чтобы мы любили другъ друга, то, очевидно, пребываніе въ Богѣ зависитъ отъ нашей взаимной любви. И не просто говоритъ о любви, но указываетъ и образъ любви: *якоже Азъ возлюбихъ вы.* Затѣмъ снова показываетъ, что Онъ отходитъ не по ненависти, а по любви; и потому-то, говоритъ, вы особенно и должны были прославлять Меня, такъ какъ за васъ Я полагаю душу Мою. Впрочемъ Онъ нигдѣ не говоритъ такъ, но выше—изображая добраго пастыря, а здѣсь—наставляя учениковъ и показывая какъ величіе любви, такъ и то, каковъ Онъ. А почему Онъ вездѣ превозноситъ любовь? Потому, что она есть признакъ учениковъ, она—утвержденіе добродѣтели. Потому-то и Павелъ такъ много говоритъ о ней, какъ истинный ученикъ Христовъ, узнавшій ее по опыту. *Вы друзи Мои есте. Не ктому васъ глаголю рабы; рабъ бо не вѣсть, что творитъ господь его. Вы друзи Мои есте, вся бо, елика слышахъ отъ Отца Моего, сказахъ вамъ* (ст. 14, 15). Какъ же онъ говоритъ: *много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ* (Іоан. XVI, 12)? Словами: *вся* и: *елика слышахъ* Онъ внушаетъ не другое что, но именно то, что Онъ не говоритъ ничего посторонняго, но только слышанное отъ Отца. А такъ какъ преимущественнымъ знакомъ дружбы считается то, когда сообщаются тайны, то вы, говоритъ, удостоены и этого общенія. Когда же говоритъ: *вся*, то разумѣетъ все, что имъ нужно было слышать. Потомъ выставляетъ и другой не малый знакъ дружбы. Какой же именно? *Не вы*, говоритъ, *Мене избрасте, но Азъ избрахъ васъ* (ст. 16), то есть, Я искалъ вашей дружбы. И на этомъ не остановился; но еще говоритъ: *и положихъ васъ*, то есть, насадилъ, *да вы идете* (все еще продолжаетъ сравненіе съ виноградною лозою), то есть, чтобы вы распространялись, *и плодъ принесете, и плодъ вашъ пребудетъ.* Если же плодъ пребудетъ, то тѣмъ болѣе вы. Я не только, гово-

ритъ, возлюбилъ васъ, но и осыпалъ васъ величайшими благодѣяніями, распростирая вѣтви ваши по всей вселенной.

2. Видишь ли, сколько Онъ употребляетъ способовъ, чтобы выказать любовь? Онъ открылъ тайны, Онъ первый искалъ ихъ дружбы, Онъ даровалъ имъ великія блага, Онъ за нихъ подвергся страданіямъ. Здѣсь же показываетъ, что Онъ и постоянно будетъ пребывать съ ними; они будутъ приносить плодъ, а чтобы приносить плодъ, для этого необходимо имѣть Его помощь. *Да егоже аще просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ* (ст. 16). Но вѣдь исполнять прошенія — дѣло того, кого просятъ: какъ же исполняетъ Сынъ, когда просятъ Отца? Это — чтобы ты зналъ, что Сынъ не меньше Отца. *Сія глаголахъ вамъ, да любите другъ друга* (ст. 17), то есть, Я говорю не въ укоръ, что Я душу Мою полагаю, что Я предварилъ васъ дружбою, но — для того, чтобы 416
привести васъ къ дружеству. Потомъ, такъ какъ терпѣть отъ большой части людей гоненіе и поношеніе—дѣло тяжелое и невыносимое, которое можетъ повергнуть въ уныніе и душу возвышенную, то Христосъ приступаетъ къ этому предмету уже послѣ того, какъ напередъ сказалъ весьма многое. Предварительно Онъ смягчилъ ихъ душу, а уже потомъ начинаетъ говорить объ этомъ и ясно показываетъ, что и это, равно какъ и все другое, какъ уже Онъ показалъ, совершается для ихъ пользы.

Какъ прежде сказалъ, что не только не нужно скорбѣть, а напротивъ нужно еще радоваться тому, что Онъ отходитъ къ Отцу,—такъ какъ Онъ дѣлаетъ это не потому, что покидаетъ ихъ, а потому, что очень любитъ,—такъ и здѣсь показываетъ, что имъ должно радоваться, а не скорбѣть. И смотри, какъ Онъ располагаетъ къ этому. Не сказалъ: знаю, что это прискорбно, но потерпите для Меня, такъ какъ вы и страдаете за Меня. Такая причина была еще недостаточна для ихъ утѣшенія; и потому, оставивъ ее, Онъ предлагаетъ другую. Какую же именно? Ту, что это служитъ доказательствомъ самой высокой добродѣтели и что слѣдуетъ скобѣть не о томъ, что васъ будутъ теперь ненавидѣть, а напротивъ тогда, когда бы васъ стали любить. На это Онъ намекаетъ словами: *аще отъ міра бысте были, міръ убо свое любилъ бы* (ст. 19). Значитъ, если бы вы были любимы, то это было бы явнымъ знакомъ вашей порочности. Но такъ какъ, сказавъ это, Онъ не успѣлъ еще утѣшить ихъ, то опять продолжаетъ рѣчь: *нѣсть рабъ болій господа своего. Аще Мене изгнаша, и васъ изженутъ* (ст. 20). Здѣсь показываетъ, что поэтому-то въ особенности они будутъ (Его) подражателями. Въ самомъ дѣлѣ, пока Христосъ былъ во плоти, брань велась противъ Него; а когда Онъ переселился, тогда настала брань противъ нихъ. И

такъ какъ они, будучи малочисленны, тревожились тѣмъ, что должны будутъ сражаться противъ такого множества, то Онъ ободряетъ ихъ души, говоря, что потому-то особенно имъ и должно радоваться, что ихъ будутъ ненавидѣть. Чрезъ это, говоритъ, вы сдѣлаетесь соучастниками Мнѣ въ страданіяхъ. Итакъ, вы не должны смущаться; вы не лучше Меня, потому что, какъ Я уже сказалъ, *нѣсть рабъ болій господа своего*. Затѣмъ слѣдуетъ и третье утѣшеніе, именно то, что вмѣстѣ съ ними подвергается оскорбленію и Отецъ. *Сія вся*, говоритъ, *сотворятъ за имя Мое, яко не вѣдятъ пославшаго Мя* (ст. 21), то есть, оскорбляютъ и Его. Далѣе, лишая враговъ всякаго извиненія, а вмѣстѣ предлагая и новое утѣшеніе, говоритъ: *аще не бихъ пришелъ, и глаголалъ имъ, грѣха не быша имѣли* (ст. 22). Этимъ показываетъ, что всѣ дѣйствія враговъ и въ отношеніи къ Нему, и въ отношеніи къ нимъ—несправедливы. Зачѣмъ же Ты привелъ насъ къ такимъ бѣдствіямъ? Ужели не предвидѣлъ брани и ненависти? Поэтому Онъ опять говоритъ: *ненавидяй Мене, и Отца Моего ненавидитъ* (ст. 23),—предвозвѣщая и здѣсь врагамъ не малое наказаніе. Такъ какъ они въ свое оправданіе ссылались на то, что гонятъ Его ради Отца, то этими словами Онъ отнялъ у нихъ такое оправданіе. Они не имѣютъ никакого извиненія. Преподавъ ученіе на словахъ, Я подтвердилъ его дѣлами, согласно съ закономъ Моисеевымъ, который всѣмъ повелѣлъ повиноваться тому, кто будетъ подобнымъ образомъ говорить и дѣйствовать, кто будетъ и руководить къ благочестію, и совершать величайшія чудеса. И не просто сказалъ Онъ: чудеса, но—*ихже инъ никтоже сотвори* (ст. 24). Объ этомъ и сами они свидѣтельствовали, когда говорили: *николиже явися тако во Израили* (Матѳ. IX, 33), и: *отъ вѣка нѣсть слышано, яко кто отверзе очи слѣпу рождену* (Іоан. IX, 32). Таково же и чудо надъ Лазаремъ; таковы же и всѣ другія чудеса, равно какъ и образъ чудодѣйствія,—все ново и не-
417 обыкновенно. За что же, могли сказать, и Тебя и насъ преслѣдуютъ? *Яко отъ міра нѣсте. Аще отъ міра бысте были, міръ убо свое любилъ бы* (ст. 19). Напоминаетъ имъ слова, которыя нѣкогда сказалъ и братьямъ Своимъ; но тогда Онъ говорилъ осторожнѣе, чтобы не устрашить ихъ, а теперь, напротивъ, открылъ все. Изъ чего же видно, что насъ ненавидятъ за это? Изъ того, что было со Мною. Въ какомъ, скажи Мнѣ, словѣ или дѣлѣ могли обвинить Меня? И однакожъ они не приняли Меня. А чтобы это не было для насъ изумительно, Онъ указалъ и причину, именно—злобу ихъ; но и на этомъ не остановился, а приводитъ еще и пророка, показывая, что онъ издревле предвозвѣстилъ и сказалъ: *возненавидѣша Мя туне* (Пс. LXVIII, 5). Такъ поступаетъ и Па-

велъ. Когда многіе удивлялись, отчего не увѣровали іудеи,— онъ приводитъ пророковъ, которые издревле предсказали объ этомъ и сказали причину невѣрія, именно — ихъ злобу и гордость. Что же? Если они не соблюли Твоего слова, а потому не соблюдутъ и нашего; если они Тебя преслѣдовали, а потому будутъ преслѣдовать и насъ; если они видѣли такія знаменія, какихъ никто другой не совершилъ; если слышали такія слова, какихъ никто не говорилъ, и не получили никакой пользы; если они ненавидятъ Твоего Отца, а вмѣстѣ съ Нимъ и Тебя,— то для чего же, скажи, Ты насъ ввергъ въ среду ихъ? Какъ возможно, чтобы мы были достойны вѣры? И кто изъ единоплеменниковъ нашихъ послушаетъ насъ?

8. Чтобы, помышляя объ этомъ, они не смущались, смотри, какое Онъ предлагаетъ утѣшеніе. *Егда пріидетъ Утѣшитель, егоже Азъ послю, Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ, той свидѣтельствуетъ о Мнѣ. И вы же свидѣтельствуете, яко искони со Мною есте* (ст. 26, 27). Онъ будетъ достоинъ вѣры, потому что Онъ—Духъ истины. Потому-то и назвалъ Его не Духомъ Святымъ, а Духомъ истины. А слова: *иже отъ Отца исходитъ*—показываютъ, что Онъ знаетъ все въ точности. Такъ Христосъ и о самомъ Себѣ говоритъ: *вѣмъ, откуду пріидохъ и камо иду*, разсуждая и здѣсь объ истинѣ. *Его же Азъ послю*. Вотъ видишь, не одинъ только Отецъ посылаетъ, но и Сынъ. И вы тоже будете достойны вѣры, такъ какъ вы были со Мною, а не отъ другихъ слышали. И апостолы, дѣйствительно, утверждались на этомъ, говоря: *иже съ Нимъ ядохомъ и пихомъ* (Дѣян. x, 41). А что это сказано не изъ лести, о томъ свидѣтельствуетъ Духъ. *Сія глаголахъ вамъ, да не соблазнитеся* (Іоан. xvi, 1),—то есть, когда увидите, что многіе не вѣруютъ, и когда сами вы подвергнетесь бѣдствіямъ. *Отъ сонмищъ ижденутъ вы*, потому что уже постановили, *да аще кто исповѣсть Христа, отлученъ отъ сонмища будетъ* (Іоан. ix, 22). *Но пріидетъ часъ, да всякъ, иже убіетъ вы, возмнится службу приносити Богу* (xvi 2). Будутъ домогаться вашей смерти, какъ бы дѣла благочестиваго и богоугоднаго. Затѣмъ опять предлагаетъ утѣшеніе. *И сія сотворятъ, яко не познаша Отца, ни Мене* (ст. 3). Достаточно для вашего утѣшенія, что вы будете терпѣть это за Меня и за Отца. Здѣсь опять напоминаетъ имъ о блаженствѣ, о которомъ говорилъ въ началѣ: *блажени есте, егда поносятъ вамъ, и ижденутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ* (Матѳ. v, 11). *Сія глаголахъ вамъ, да егда пріидетъ часъ, воспомянете сія*, а поэтому признаете вѣрнымъ и все прочее. Вамъ, конечно, уже нельзя будетъ сказать, что Я, льстя вамъ, говорилъ только пріятное для васъ, и что слова Мои были

418 обманъ. Кто имѣлъ бы въ виду обмануть, тотъ не сталъ бы и предсказывать намъ непріятнаго. Для того Я предсказалъ объ этихъ бѣдствіяхъ, чтобы они нечаяннымъ нашествіемъ не смутили васъ, а съ другой стороны, и для того, чтобы не говорили, будто Я не предвидѣлъ, что они наступятъ. Итакъ вспоминайте, *яко азъ рѣхъ вамъ* (ст. 4). И дѣйствительно, іудеи, преслѣдуя ихъ, всегда прикрывались коварнымъ предлогомъ, будто гонятъ ихъ, какъ людей вредныхъ. Но это не смущало учениковъ. Они уже напередъ слышали и знали, за что они страдаютъ, и эта причина могла вполнѣ ободрить ихъ. Потому-то Христосъ вездѣ и выставляетъ ее, говоря: *не познаша Мене*, и: *сотворятъ* за Меня, *за имя Мое* и за Отца (Іоан. xv, 21; xvi, 3), и: Я первый пострадалъ, и: отваживаются на это несправедливо.

4. Будемъ же и мы помышлять объ этомъ во время искушеній. Когда терпимъ что-либо отъ злыхъ людей, то, взирая на Начальника нашего и Совершителя вѣры, будемъ представлять себѣ, что терпимъ отъ злыхъ людей, терпимъ за добродѣтель и за Него. Если станемъ помышлять объ этомъ, то все будетъ легко и сносно. Въ самомъ дѣлѣ, если каждый даже хвалится тѣмъ, когда страдаетъ за возлюбленныхъ, то будетъ ли чувствовать какую-либо скорбь тотъ, кто претерпитъ что-нибудь за Бога? Если Христосъ ради насъ назвалъ славою то, что всего поноснѣе— крестъ, то тѣмъ болѣе такъ должно думать намъ. Если же мы можемъ столько презирать страданія, то тѣмъ болѣе—богатство и любостяжаніе. Итакъ, когда намъ предстоитъ потерпѣть что-нибудь непріятное, мы должны помышлять не только о трудахъ, но и о вѣнцахъ. Какъ купцы думаютъ не только о моряхъ, но и о прибыли, такъ и намъ должно помышлять о небѣ и о дерзновеніи къ Богу. Если пріятною представится тебѣ любостяжательность,—подумай, что на это не соизволяетъ Христосъ, и она тотчасъ же покажется тебѣ противною. Опять, если тебѣ тяжело будетъ подать нищему, то ты не останавливайся мыслію на издержкѣ, а тотчасъ же представь себѣ жатву отъ этого сѣянія. И когда тебѣ трудно будетъ воздержаться отъ страстнаго вожделѣнія къ чужой женѣ, то подумай о вѣнцѣ за подвигъ—и легко совершишь подвигъ. Если и людской страхъ удерживаетъ отъ постыдныхъ дѣлъ, то тѣмъ болѣе—любовь ко Христу.

Сурова добродѣтель, но будемъ представлять ее облеченною въ величіе будущихъ обѣтованій. Люди съ душею возвышенною находятъ ее и безъ этого, саму по себѣ, прекрасною, и потому стремятся къ ней, живутъ добродѣтельно не изъ-за наградъ, а для угожденія Богу, и высоко цѣнятъ цѣломудріе не для того, чтобы избѣжать наказанія, а потому, что такъ повелѣлъ Богъ.

Если же кто болѣе немощенъ, тотъ пусть представляетъ себѣ и награды. Такъ будемъ поступать и по отношенію къ милостынѣ: будемъ милосерды къ единоплеменникамъ и не станемъ презирать гибнущихъ отъ голода. Не крайняя ли, въ самомъ дѣлѣ, несообразность въ томъ, что мы сами сидимъ за трапезою въ смѣхѣ и пресыщеніи, а между тѣмъ, проходя по улицѣ и слыша, какъ другіе плачутъ, не только не обращаемъ на ихъ плачъ вниманія, но еще негодуемъ на нихъ и называемъ ихъ обманщиками? Что ты говоришь, человѣкъ? Ужели изъ-за одного хлѣба станетъ кто-нибудь обманывать? Да, скажешь ты. Въ такомъ случаѣ, тѣмъ скорѣе нужно сжалиться надъ нимъ, тѣмъ скорѣе нужно избавить его отъ нужды. Если же ты не хочешь подать,— по крайней мѣрѣ, не оскорбляй; если не хочешь спасти отъ потопленія,—по крайней мѣрѣ, не ввергай въ пропасть. Подумай, какъ ты будешь умолять Бога о помощи, когда отвергаешь пришедшаго къ тебѣ нищаго. *Въ нюже*, сказано, *мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Матѳ. VII, 2). Подумай, съ какимъ сокрушеніемъ онъ отходитъ: голова его склонилась долу, онъ плачетъ, при нищетѣ 419
онъ получилъ еще новую рану отъ презрительнаго съ нимъ обращенія. Если и просить милостыню вы считаете крайнимъ несчастіемъ, то подумай, какую бурю испытываетъ тотъ, кто проситъ, но не получаетъ и еще отходитъ поруганнымъ. Доколѣ мы будемъ уподобляться дикимъ звѣрямъ и забывать самую природу изъ любостяжанія? Многіе вздыхаютъ при этомъ, но я хочу, чтобы вы не теперь только, а всегда имѣли такое состраданіе. Подумай о томъ днѣ, когда мы предстанемъ на судъ Христовъ, когда будемъ просить о помилованіи себя и Христосъ, поставивъ нищихъ предъ лице всѣхъ, скажетъ намъ, что изъ-за одного хлѣба и одного овола вы возбудили такую бурю въ этихъ душахъ. Что мы отвѣтимъ? Чѣмъ оправдаемся? А что Онъ поставитъ ихъ предъ лице всѣхъ, это ты можешь узнать изъ Его словъ: *понеже не сотвористе единому сихъ, ни Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV, 45). Не они уже будутъ обращаться къ намъ съ рѣчью, а Богъ будетъ обличать насъ за нихъ. Когда и богачъ увидѣлъ Лазаря,—Лазарь ничего не сказалъ ему, но говорилъ за него Авраамъ. Такъ будетъ и съ нищими, которыхъ мы презираемъ. Мы увидимъ ихъ не въ жалкомъ видѣ, не съ простертыми руками, но въ состояніи покоя; а между тѣмъ сами явимся въ ихъ видѣ. И, о, если бы мы явились только въ ихъ видѣ, а не подверглись гораздо тягчайшему наказанію! Вѣдь богачъ не отъ крупицъ только желалъ тамъ насытиться, а томился въ пламени, жестоко мучился и слышалъ: *яко воспріялъ еси благая въ животѣ твоемъ, и Лазарь такожде злая* (Лук. XVI, 25). Итакъ, не бу-

демъ считать богатство чѣмъ-нибудь великимъ. Оно приведетъ насъ къ мученію, если мы не будемъ внимательны; а если будемъ внимательны, то и бѣдность доставитъ намъ и наслажденіе, и покой. Если будемъ переносить ее съ благодарностію, то и отъ грѣховъ освободимся, и пріобрѣтемъ великое дерзновеніе предъ Богомъ.

5. Итакъ, не будемъ всегда искать покоя, чтобы тамъ насладиться покоемъ. Предпримемъ труды для добродѣтели, отсѣчемъ излишнее, не станемъ искать ничего большаго, но все, что имѣемъ, будемъ расточать на нуждающихся. Иначе, какое мы будемъ имѣть оправданіе, когда Богъ обѣщаетъ намъ небо, а мы не подаемъ Ему и хлѣба? Онъ возжигаетъ для тебя солнце и предоставляетъ всю тварь въ твое служеніе; а ты не даешь Ему и одежды и не хочешь раздѣлить съ Нимъ твоего крова? И что я говорю о солнцѣ и о твари? Онъ предложилъ тебѣ тѣло и даровалъ честную кровь; а ты не даешь Ему и чаши воды? Но ты
420 подалъ однажды? Да это—не милость; если ты не подаешь, пока имѣешь, ты не все еще исполнилъ. Вѣдь и дѣвы, у которыхъ были свѣтильники, имѣли елей, но не въ достаточномъ количествѣ. И въ томъ случаѣ, если бы ты подавалъ отъ своего, тебѣ не слѣдовало бы скупиться; но ты подаешь принадлежащее Господу,—зачѣмъ же скряжничаешь? Хотите ли, я скажу причину такого безчеловѣчія? Эти люди любостяжаніемъ наживаютъ имѣніе и оттого скупы на милостыню. Кто привыкъ такъ пріобрѣтать, тотъ не умѣетъ издерживать. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, тому, кто привыкъ къ хищничеству, расположить себя къ противному? Какъ будетъ давать другому свое, кто беретъ чужое? И песъ какъ скоро привыкъ питаться мясомъ, уже не можетъ охранять стада, почему пастухи и убиваютъ такого рода псовъ. Чтобы и съ нами не случилось того же, будемъ воздерживаться отъ такой пищи,—вѣдь и тѣ питаются плотію, которые бываютъ причиною голодной смерти. Не видишь ли, какъ Богъ сдѣлалъ все для насъ общимъ? Если же допустилъ инымъ быть въ бѣдности, то и это для облегченія богатыхъ, чтобы они, подавая бѣднымъ милостыню, могли освободиться отъ грѣховъ. А ты и въ этомъ отношеніи сталъ жестокъ и безчеловѣченъ. Отсюда видно, что, если бы и въ большемъ ты имѣлъ такую же власть, то совершилъ бы множество убійствъ и отказалъ бы всѣмъ и въ свѣтѣ, и въ жизни. Чтобы этого не случилось, (Богъ) въ богатствѣ положилъ предѣлъ твоей ненасытности. Если вамъ больно слышать это, то тѣмъ больнѣе мнѣ видѣть это на дѣлѣ. Доколѣ ты богатъ, а тотъ бѣденъ? До вечера—не далѣе. Жизнь такъ коротка и все уже при дверяхъ, такъ что на все нужно смотрѣть,

какъ на короткій часъ. Къ чему тебѣ наполненныя кладовыя, множество слугъ и управителей? Для чего бы не имѣть тебѣ тысячи проповѣдниковъ милосердія? Кладовая не издаетъ никакого голоса, а еще привлекаетъ къ себѣ множество разбойниковъ; а что сберегается для бѣдныхъ, то взойдетъ къ самому Богу, и усладитъ настоящую жизнь, и разрѣшитъ всѣ грѣхи, и доставитъ славу у Бога и честь у людей. Зачѣмъ же ты не желаешь самому себѣ столькихъ благъ? Вѣдь не столько бѣднымъ ты сдѣлаешь добра, сколько самому себѣ, когда будешь имъ благотворить. Для нихъ ты улучшишь настоящее состояніе, а самому себѣ приготовишь будущую славу и дерзновеніе, котораго и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки. Аминь.

БЕСѢДА LXXVIII.

Сихъ же вамъ исперва не рѣхъ, яко съ вами бѣхъ. Нынѣ же иду къ пославшему Мя, и никтоже отъ васъ вопрошаетъ Мене: камо идеши? Но яко сія глаголахъ вамъ, скорби исполнихъ сердца ваша (Іоан. xvi, 4—6).

1. Велика сила печали, и много намъ нужно мужества, 419
чтобы съ твердостію противостоять этой душевной болѣзни и, извлекая изъ ней пользу, — такъ какъ и въ ней есть нѣчто полезное,—избѣгать всего излишняго. Именно, только тогда хорошо печалиться, когда мы, или другіе, грѣшимъ; а когда мы впадаемъ въ обыкновенныя человѣческія несчастія, тогда печаль
безполезна. Потому-то, когда печаль поразила и учениковъ, какъ 420
людей еще несовершенныхъ, — смотри, какъ исправляетъ ихъ упрекомъ. Прежде они обращались къ Нему съ множествомъ вопросовъ. Такъ и Петръ говорилъ: *камо идеши* (Іоан. xiii, 36)? И Ѳома: не вѣмы, камо идеши, *и како можемъ путь вѣдѣти*? И Филиппъ: *покажи намъ Отца Твоего* (Іоан. xiv, 5—8). А теперь, услышавъ, что *отъ сонмищъ ижденутъ вы*, что *возненавидятъ* васъ и что *всякъ, иже убіетъ вы, возмнится службу приносити Богу*, такъ упали духомъ, что даже объяты были нѣмотою и уже ничего Ему не говорятъ. Вотъ въ этомъ Онъ и
укоряетъ ихъ, говоря: *сихъ же вамъ исперва не рѣхъ, яко съ вами* 421
бѣхъ. Нынѣ же иду къ пославшему Мя, и никтоже отъ васъ вопрошаетъ Мене: камо идеши? Но яко сія глаголахъ вамъ, скорби исполнихъ сердца ваша. Дѣйствительно, опасна неумѣренная печаль; опасна и можетъ довести до смерти; потому и Павелъ говорилъ: *да не како*

многою скорбію пожерть будеть таковый (2 Кор. II, 7). *Сихъ же вамъ исперва не рѣхъ*, говоритъ. Почему же не сказалъ сначала? Чтобы не сказалъ кто, что Онъ говорилъ по заключенію изъ многократныхъ прежнихъ случаевъ. Зачѣмъ же приступаетъ Онъ къ столь трудному дѣлу? Я зналъ, говоритъ Онъ, это и сначала, и не говорилъ вамъ не по незнанію, но потому, что *съ вами бѣхъ*. Опять и это (сказано) человѣкообразно. Какъ бы такъ говоритъ: вы были въ безопасности и вамъ можно было спрашивать всегда, когда вы хотѣли; вся война воздвигнута была противъ Меня, и потому излишне было говорить объ этомъ сначала. Но ужели, дѣйствительно, Онъ этого не говорилъ? Не сказалъ ли Онъ, призвавъ двѣнадцать (учениковъ): *предъ владыки и цари ведени будете, и на соборищахъ біютъ вась* (Мато. x, 18)? Какъ же теперь говоритъ: *исперва не рѣхъ*? Тогда Онъ предсказывалъ только удары и веденіе на судъ, а не то, что ихъ смерть будетъ казаться столь вожделѣнною, что убіеніе ихъ станутъ даже считать за служеніе Богу. А между тѣмъ, это особенно и могло устрашить ихъ, что ихъ будутъ судить, какъ нечестивцевъ и людей вредныхъ. Къ этому нужно прибавить и то, что тамъ Онъ говорилъ о страданіяхъ, которыя они должны были претерпѣть отъ язычниковъ; а здѣсь съ особенною силою сказалъ еще и о гоненіяхъ іудейскихъ, и показалъ, что они уже при дверяхъ. *Нынѣ же иду къ пославшему Мя, и никтоже отъ васъ вопрашаетъ Мене: камо идеши? Но яко сія глаголахъ вамъ, скорби исполнихъ сердца ваша.* Не малое они получили и отсюда утѣшеніе, узнавъ, что Ему извѣстна чрезмѣрность ихъ скорби. Они были въ крайнемъ смущеніи отъ страха разлуки съ Нимъ и отъ ожиданія имѣющихъ постигнуть ихъ бѣдствій, такъ какъ не знали, будутъ ли въ силахъ мужественно перенесть ихъ. Но почему Онъ не сказалъ имъ объ этомъ послѣ, когда они уже удостоились Духа? Чтобы ты зналъ, что они были весьма добродѣтельны. Если, не удостоившись еще Духа, они не отпали, несмотря на то, что погружены были въ скорбь, то подумай, какими имѣли быть они, сподобившись благодати. Если бы они тогда услышали и перенесли, мы все приписали бы Духу; а теперь это всецѣло — плодъ ихъ души и ясное доказательство любви ко Христу, проистекавшей изъ одного ихъ сердца. *Но Азъ истину вамъ глаголю* (ст. 7). Смотри, какъ Онъ опять утѣшаетъ ихъ. Не то, говоритъ, Я возвѣщаю вамъ, что пріятно для васъ; но, хотя вы и крайне печалитесь, однако надобно выслушать полезное. Вамъ хотѣлось бы, чтобы Я остался, но полезно—иное. А кто заботится, тому свойственно не щадить друзей, когда дѣло идетъ о ихъ пользѣ, и не отвлекать ихъ отъ того, что для нихъ выгодно. *Аще бо не иду Азъ,*

Утѣшитель не пріидетъ. Что скажутъ здѣсь не имѣющіе надлежащаго понятія о Духѣ? Ужели лучше, чтобы отшелъ Господь и пришелъ рабъ? Видишь ли, какъ велико достоинство Духа? *Аще ли же иду, послю его къ вамъ*. Какая же отсюда польза? *И пришедъ, Онъ обличитъ міръ* (ст. 8), то есть, если Онъ придетъ, враги, поступая такъ, не останутся безъ наказанія. Конечно, и того, что уже сдѣлано, достаточно, чтобы заградить имъ уста; но когда и чрезъ Него явлены будутъ тѣже дѣла, когда и ученіе будетъ предложено совершеннѣйшее, и чудеса совершены еще большія, тогда они гораздо болѣе подвергнутся осужденію, такъ какъ будутъ видѣть, что все это совершается во имя Мое, чѣмъ еще очевиднѣе доказывается воскресеніе. Теперь они могутъ 422
еще говорить: Онъ сынъ тектона, мы знаемъ Его отца и матерь; но когда увидятъ, что смерть разрушается, зло истребляется, исправляются недостатки природы, прогоняются демоны, — когда увидятъ неизреченное подаяніе Духа и что все это дѣлается чрезъ призываніе Меня, — что они скажутъ тогда? Свидѣтельствовалъ о Мнѣ и Отецъ; свидѣтельствовать будетъ и Духъ. Онъ уже свидѣтельствовалъ и въ началѣ; но будетъ свидѣтельствовать и теперь.

2. Выраженіе: *обличитъ о грѣсѣ* значитъ — отниметъ у нихъ всякое оправданіе и покажетъ, что ихъ преступленіе непростительно. *И о правдѣ, яко ко Отцу Моему иду, и къ тому не видите Мене* (ст. 10),—то есть, что Я велъ жизнь безукоризненную; а доказательство этому въ томъ, что Я иду ко Отцу. Такъ какъ они всегда въ обвиненіе Его говорили, что Онъ не отъ Бога, и потому называли его грѣшникомъ и беззаконникомъ, то Онъ говоритъ, что (Духъ) отниметъ у нихъ и этотъ предлогъ къ обвиненію. Въ самомъ дѣлѣ, если потому являюсь Я беззаконникомъ, что они думаютъ, будто Я не отъ Бога, то, когда Духъ покажетъ, что Я отошелъ къ Богу, и—не на время, но съ тѣмъ, чтобы пребывать тамъ (это именно и значатъ слова: *къ тому не видите Мене*), - что скажутъ они тогда? Смотри, какъ этими двумя (изреченіями) опровергается ихъ злое предположеніе. Вѣдь и творить чудеса несвойственно грѣшнику, потому что грѣшникъ не можетъ творить чудесъ; и всегда быть у Бога также несвойственно грѣшнику. Слѣдовательно, вы уже не можете говорить, что Онъ грѣшникъ, что Онъ не отъ Бога. *О судѣ же, яко князь міра осужденъ есть* (ст. 11). Здѣсь опять возобновляетъ рѣчь о правдѣ, такъ какъ Онъ побѣдилъ противника. Если бы Онъ былъ грѣшникомъ, то не побѣдилъ бы, потому что этого не могъ сдѣлать никто даже изъ людей праведныхъ. А что (діаволъ) осужденъ чрезъ Меня, это узнаютъ тѣ, которые впослѣдствіи будутъ попирать

его и ясно увидять Мое воскресеніе, которое служить знакомъ его осужденія, такъ какъ онъ не могъ удержать Меня. Значить, и то, что говорили, будто Я бѣса имѣю и будто Я обманщикъ,— и это окажется тогда ложнымъ. Я не побѣдилъ бы его, если бы Я былъ повиненъ грѣху. Теперь же онъ осужденъ и низверженъ. *Еще много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ* (ст. 12). Значитъ, лучше Мнѣ отойти, если вы въ состояніи будете разумѣть тогда, когда Я отойду. Что же? Развѣ Духъ больше Тебя, что теперь мы не можемъ уразумѣть, а Онъ дасть намъ возможность уразумѣть? Ужели Его дѣйствіе сильнѣе и совершеннѣе? Нѣтъ; и Онъ будетъ говорить Мое. Поэтому и прибавляетъ: *не отъ себе глаголати имать, но елика аще услышитъ, глаголати имать и грядущая возвѣститъ. Онъ Мя прославитъ, яко отъ Моего пріиметъ, и возвѣститъ вамъ. Вся, елика имать, Отецъ, Моя суть* (ст. 13—15). Такъ какъ Онъ сказалъ, что Духъ васъ научитъ и воспомянетъ, и утѣшитъ васъ въ скорбяхъ,—чего самъ Онъ не сдѣлалъ,—и что лучше Мнѣ отойти, а Ему придти, что теперь вы не можете разумѣть, а тогда будете имѣть эту возможность, и что Онъ наставитъ на всякую истину,—то, чтобы, слыша это, они не подумали, что Духъ больше, и не впали въ крайнюю глубину нечестія, Онъ говоритъ: *отъ Моего пріиметъ*, то есть, что говорилъ Я, то и Онъ будетъ говорить. А словами: ничего не будетъ отъ Себя—даетъ разумѣть, что Духъ не будетъ говорить ничего противнаго, ничего отличнаго, сравни-
423 тельно съ Моимъ. Слѣдовательно, какъ говоря о самомъ Себѣ: *отъ Себе не глаголю* (Іоан. XIV, 10), разумѣетъ то, что Онъ не говоритъ ничего, не принадлежащаго Отцу, ничего такого, что было бы отлично и чуждо, такъ точно и о Духѣ. А выраженіе: *отъ Моего* значитъ: изъ того, что Я знаю, отъ Моего знанія. Одно знаніе у Меня и у Духа. *И грядущая возвѣститъ вамъ*. Этимъ Онъ ободрилъ ихъ души, такъ какъ ни къ чему столько не склоненъ человѣческій родъ, какъ къ знанію будущаго. Объ этомъ они постоянно спрашивали Его: *камо идеши?* Какой это путь? Итакъ, чтобы избавить ихъ и отъ этой заботы, Онъ говоритъ, что предвозвѣститъ вамъ все, чтобы ничто не постигло васъ нечаянно. *Онъ Мя прославитъ*. Чѣмъ? Тѣмъ, что во имя Мое совершитъ знаменія. И такъ какъ ученики, по пришествіи Духа, имѣли совершить большія чудеса, — то, чтобы опять выставить равночестіе (съ Духомъ), Христосъ говоритъ: *Онъ Мя прославитъ*. Но о какой говоритъ Онъ всякой истинѣ, когда свидѣтельствуетъ, что наставитъ насъ *на всякую истину?* Самъ (Христосъ) часто не говорилъ о Себѣ ничего великаго и явно не отступалъ отъ закона, и потому что былъ облеченъ плотію, и для того, чтобы не

подумали, что Онъ говоритъ самъ о Себѣ, и потому, что апостолы еще не ясно знали о Его воскресеніи и были еще несовершенны, а также и по причинѣ іудеевъ, чтобы не дать имъ повода думать, будто они наказываютъ Его, какъ законопреступника. Когда же впослѣдствіи ученики отдѣлились отъ іудеевъ, и іудеи были уже отвергнуты, когда многіе имѣли увѣровать и получить отпущеніе грѣховъ, когда уже другіе говорили о Немъ, а не самъ Онъ о Себѣ,—тогда справедливо было сказано великое. Не Моему, значитъ, невѣдѣнію, говоритъ (Христосъ), надобно приписать то, что Я не сказалъ всего, что слѣдовало сказать, но — немощи слушателей. Поэтому, сказавъ: *наставитъ на всяку истину*, прибавилъ: *не отъ себе глаголати иматъ*. А что Духъ не нуждается въ наученіи—послушай, что говоритъ Павелъ: *такожде и Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій* (1 Кор. II, 11). Слѣдовательно, какъ духъ человѣка знаетъ не по наученію отъ другого, такъ и Духъ Святой. *Отъ Моего пріиметъ*, то есть, будетъ говорить согласно съ Моимъ (словомъ). *Вся, елика иматъ Отецъ, Моя суть* (ст. 15). Если же Отчее—Мое, а Духъ будетъ говорить отъ принадлежащаго Отцу, то, значитъ, Онъ будетъ говорить отъ Моего.

3. Но почему же не пришелъ прежде отшествія Христова? А потому, что тогда проклятіе не было еще уничтожено, грѣхъ не былъ еще истребленъ, всѣ еще были повинны наказанію; поэтому Онъ и не пришелъ. Надобно, говоритъ Христосъ, чтобы напередъ вражда была уничтожена и вы примирились съ Богомъ, и тогда уже получили тотъ даръ. Но почему говоритъ: *послю его?* Это значитъ: предуготовлю васъ къ принятію Его. Развѣ же возможно посылать Того, кто вездѣсущъ? Съ другой стороны, Онъ этимъ показываетъ и различіе ипостасей. Все же это говоритъ такъ по слѣдующей причинѣ: такъ какъ ученикамъ тяжело было разлучиться съ Нимъ, то этимъ Онъ убѣждаетъ ихъ и держаться Духа и чтить Его. Онъ могъ, конечно, и самъ дѣлать тоже (что Духъ); но предоставляетъ Ему творить чудеса, чтобы они познали Его достоинство. Какъ Отецъ могъ создать все существующее, и однакожъ творитъ Сынъ, чтобы мы познали Его могущество, такъ точно и здѣсь. Для того Сынъ и воплотился, чтобы предоставить дѣйствіе Духу и чрезъ то заградить уста тѣмъ, которые доказательство неизреченнаго человѣколюбія обращаютъ въ поводъ къ нечестію. Въ самомъ дѣлѣ, они говорятъ, будто Сынъ потому воплотился, что Онъ ниже Отца; но мы отвѣтимъ имъ: что же вы скажете о Духѣ? Вѣдь 421
Онъ не принялъ плоти, и однако же вы не говорите на этомъ основаніи, что Онъ больше Сына или что Сынъ ниже Его. По-

тому-то и при крещеніи воспоминается Троица. Хотя и Отецъ все можетъ сдѣлать, и Сынъ, и Святой Духъ, но такъ какъ объ Отцѣ никто не сомнѣвается, сомнѣніе же было о Сынѣ и Духѣ Святомъ, то и принята (Троица) въ тайнодѣйствіи, чтобы, по общенію въ подаяніи тѣхъ неизреченныхъ благъ, мы познали и общеніе въ достоинствѣ. А что Сынъ и самъ по Себѣ можетъ то, что совершаетъ съ Отцемъ въ крещеніи, равно какъ и Духъ Святой,—послушай, какъ ясно объ этомъ сказано. Такъ, (Христосъ) говорилъ іудеямъ: *да увѣсте, яко власть имать Сынъ человѣческій на земли отпущати грѣхи* (Марк. II, 10); и опять: *да сынове свѣта будете* (Іоан. XII, 36); и: *Азъ животъ вѣчный дамъ имъ* (Іоан. X, 28); и потомъ еще: *да животъ*, говоритъ, *имутъ и лишше имутъ* (Іоан. X, 10). Посмотримъ теперь, какъ тоже самое совершаетъ и Духъ. Гдѣ это можно видѣть? *Коемуждо же*, говоритъ, *дается явленіе Духа на пользу* (1 Кор. XII, 17). А кто даруетъ это, тотъ тѣмъ болѣе отпускаетъ и грѣхи. И опять: *Духъ есть, иже оживляетъ* (Іоан. VI, 63); и: *оживотворитъ живущимъ Духомъ его въ васъ* (Римл. VIII, 11); и: *Духъ живетъ правды ради* (Римл. VIII, 10); и еще: если же Духомъ водитесь, *нѣсте подъ закономъ. Не пріясте бо духа работы въ боязнь, но пріясте Духа сыноположенія* (Римл. VIII, 15). Да и всѣ чудеса, какія тогда творили (апостолы), творили по дѣйствію пришествія Духа. И въ посланіи къ Коринѳянамъ Павелъ говорилъ: *но омыстеся, но освятистеся именемъ Господа нашего Іисуса Христа и Духомъ Бога нашего* (1 Кор. VI, 11). Итакъ, поелику объ Отцѣ многое слышали, а Сына видѣли многое совершающимъ, о Духѣ же ничего ясно не знали, то (Духъ Святой) творитъ чудеса и вводитъ совершенное знаніе. Но, чтобы на этомъ основаніи они не стали считать Его, какъ я и прежде сказалъ, большимъ,—говоритъ: *елика аще услышитъ, глаголати имать, и грядущая возвѣститъ*. Если же это не такъ, то не должны ли вы будете допустить нелѣпости, будто только тогда долженъ былъ услышать, и ради учениковъ? Вѣдь, по вашему мнѣнію, Онъ и тогда долженъ былъ получить знаніе только ради слушателей. А что можетъ быть беззаконнѣе такихъ словъ? Съ другой стороны, что бы Онъ могъ и услышать? Не все ли это Онъ сказалъ уже чрезъ пророковъ? Если Онъ долженъ былъ учить объ упраздненіи закона,—это уже было сказано. Если о Христѣ, о Его божествѣ и домостроительствѣ спасенія,—и это уже сказано. О чемъ же еще, и съ большею ясностію, Онъ долженъ былъ сказать впослѣдствіи? *И грядущая возвѣститъ*. Этимъ въ особенности показываетъ Его достоинство, такъ какъ предсказывать будущее преимущественно свойственно Богу. А если бы и это узнавалъ отъ другихъ, то не имѣлъ бы

ничего болѣе въ сравненіи съ пророками. Но здѣсь обнаруживаетъ совершенное знаніе, какое свойственно Богу, такъ какъ невозможно, чтобы Онъ говорилъ что-нибудь иное. Выраженіе же: *отъ Моего пріиметъ*—значитъ: или отъ дарованія, которое привзошло въ плоть Мою, или отъ знанія, которое и Я имѣю,—но не потому, чтобы Онъ нуждался или научался отъ другого, а потому, что знаніе одно и тоже. Почему же сказалъ такъ, а не иначе? Потому, что (апостолы) еще не знали ученія о Духѣ. Поэтому Онъ заботится только объ одномъ, чтобы они увѣровали въ Него и приняли Его, и не соблазнялись. Такъ какъ Онъ сказалъ: *единъ есть вашъ учитель, Христосъ* (Матѳ. xxIII, 8), то, чтобы они не подумали, что окажутъ Ему преслушаніе, вѣруя 425
Святому Духу,—(Онъ говоритъ): Мое и Его ученіе одно и то же. Откуда Я долженъ былъ заимствовать Мое ученіе, изъ того же источника и Онъ будетъ говорить. Не думайте же, что Его ученіе—иное. И оно—Мое, и увеличиваетъ Мою славу. Одна воля Отца, и Сына, и Святого Духа. Это же Онъ желаетъ видѣть и въ насъ, говоря: *да будутъ едино, якоже* и Ты, и Я *едино есмы* (Іоан. xvII, 22).

4. Ничто вѣдь не можетъ сравниться съ единомысліемъ и согласіемъ; при этомъ и одинъ бываетъ равенъ многимъ. Если, напримѣръ, будутъ единодушны два или десять, то одинъ уже не одинъ, но каждый изъ нихъ бываетъ въ десять разъ больше, и ты въ десяти найдешь одного, и въ одномъ—десять. Если у нихъ есть врагъ,—онъ уже нападаетъ не на одного, и бываетъ побѣжденъ такъ, какъ если бы нападалъ на десятерыхъ, потому что подвергается пораженію не одного только, но десятерыхъ. Если одинъ обѣднѣлъ,—онъ не въ бѣдности, потому что имѣетъ достатокъ въ большей части, то есть въ девяти, и обѣднѣвшая часть, меньшая, прикрывается большею, имѣющею достатокъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ двадцать рукъ и двадцать глазъ, и столько же ногъ. Не своими только глазами онъ смотритъ, но и глазами другихъ; не своими только ногами ходитъ, но и ногами другихъ; не своими только руками работаетъ, но и руками другихъ. Онъ имѣетъ и десять душъ, такъ какъ не только самъ о себѣ, но и другіе о немъ заботятся. Если бы ихъ было и сто,—опять будетъ тоже самое, и сила еще увеличится.

Видишь ли необыкновенную силу любви, какъ она дѣлаетъ одного непобѣдимымъ и многочисленнымъ? При ней и одинъ можетъ быть во многихъ мѣстахъ,—одинъ и тотъ же и въ Персіи, и въ Римѣ. Чего не можетъ сдѣлать природа, то можетъ любовь. Одною частію онъ будетъ здѣсь, а другою тамъ, или, лучше, онъ весь—здѣсь, и весь—тамъ. А если онъ имѣетъ ты-

сячу друзей или двѣ тысячи, то подумай, насколько еще увеличится его сила. Видишь ли, какое умноженіе производитъ любовь? Чудно, въ самомъ дѣлѣ, то, что изъ одного она дѣлаетъ тысячу! Для чего же мы не пріобрѣтаемъ этой силы и не утверждаемъ себя въ безопасности? Любовь лучше власти и всякаго богатства; она дороже здоровья и самаго свѣта; она—основаніе благодушія. Доколѣ мы будемъ ограничивать любовь однимъ или двумя? Возьми себѣ урокъ и изъ противнаго. Пусть кто-нибудь не имѣетъ ни одного друга (что служитъ знакомъ крайняго неразумія, потому что только глупый скажетъ: нѣтъ у меня друга): какова будетъ жизнь его? Хотя бы онъ былъ чрезвычайно богатъ, хотя бы въ довольствѣ и роскоши, хотя бы пріобрѣлъ безчисленныя блага,—онъ бываетъ одинокъ и безпомощенъ. Между друзьями же не такъ; но хотя бы они были и бѣдны,—они бываютъ богаче богатыхъ. Чего кто-нибудь не
426 посмѣетъ сказать самъ за себя, то скажетъ за него другъ; чего не можетъ доставить самъ себѣ, того достигнетъ чрезъ другого и даже гораздо болѣе того. Такимъ образомъ дружба будетъ для насъ основаніемъ всякаго удовольствія и всякой безопасности. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно потерпѣть какое-либо зло тому, кто охраняется столькими оруженосцами. И царскіе тѣлохранители не такъ бдительны, какъ эти: тѣ охраняютъ по нуждѣ и страху, а эти по доброжелательству и любви; любовь же гораздо сильнѣе страха. Притомъ царь боится своихъ стражей, а человѣкъ, имѣющій друзей, больше надѣется на нихъ, чѣмъ на себя, и при нихъ не боится никого изъ злоумышляющихъ. Будемъ же пріобрѣтать этотъ товаръ,—бѣдный, чтобы имѣть утѣшеніе въ бѣдности, богатый, чтобы въ безопасности владѣть богатствомъ, начальникъ, чтобы безопасно начальствовать, подчиненный, чтобы имѣть благосклонныхъ начальниковъ. Это—поводъ къ снисходительности, это—основаніе кротости. Вѣдь и между звѣрьми тѣ особенно жестоки и неукротимы, которые не живутъ стадами. Потому-то мы и живемъ въ городахъ, и имѣемъ площади, чтобы обращаться другъ съ другомъ. Это и Павелъ повелѣлъ, говоря: *не оставляюще собранія своего* (Евр. x, 25); нѣтъ ничего хуже одиночества, необщительности и недоступности. Что же, скажешь, монахи и тѣ, которые заняли вершины горъ? И они не безъ друзей. Они удалились отъ шума городского, но имѣютъ многихъ товарищей, единодушныхъ съ ними и искренно привязанныхъ другъ къ другу. Для того они и удалились отъ міра, чтобы достигнуть этого. Такъ какъ препирательство о дѣлахъ производитъ многія распри, то они, удаляясь отъ міра, съ великимъ усердіемъ упражняются въ любви. Что же, скажешь,

если кто будетъ одинъ? Ужели и онъ имѣетъ безчисленныхъ друзей? Я желалъ бы, конечно, видѣть, если возможно, чтобы (отшельники) и жили вмѣстѣ; но и теперь да будетъ непоколебима дружба. Вѣдь не мѣсто дѣлаетъ друзьями. И у нихъ есть много почитателей; но ихъ не почитали бы, если бы не любили. Да и они, съ своей стороны, молятся о всей вселенной, а это служитъ величайшимъ доказательствомъ дружества. Потому-то и въ таинствахъ мы лобзаемъ другъ друга, чтобы намъ—многимъ—быть едино, и о непосвященныхъ совершаемъ общія молитвы, молимся о больныхъ, о плодахъ вселенной, о землѣ и морѣ. Видишь ли всю силу любви въ молитвахъ, въ таинствахъ, въ увѣщаніяхъ? Она—причина всѣхъ благъ. Если мы будемъ усердно держаться ея, то и настоящее хорошо устроимъ, и достигнемъ царствія, котораго да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу со Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXIX.

Вмалѣ, и ктому не видите Мене, и паки вмалѣ, и узрите Мя, яко иду ко Отцу. Рѣша же отъ ученикъ Его къ себѣ: что есть сіе, еже глаголетъ: вмалѣ и проч. (Іоан. XVI, 16—18).

1. Душу, страждущую и одержимую великою скорбію, ничто 425
обыкновенно такъ не поражаетъ, какъ частое повтореніе словъ, раждающихъ печаль. Для чего же Христосъ, сказавъ: *иду*, и: *ктому не глаголю съ вами* (Іоан. XIV, 30), часто повторяетъ тоже самое, 426
говоря: *вмалѣ, и ктому не видите Мене*, и: *яко иду къ пославшему Мя?* Лишь только ободрилъ учениковъ словами о Духѣ, какъ опять низлагаетъ ихъ помыслы. Для чего Онъ такъ поступаетъ? Онъ испытываетъ ихъ душу, дѣлаетъ ее совершеннѣе и, заставляя ихъ слушать печальное, тѣмъ самымъ наилучшимъ образомъ пріучаетъ ихъ къ мужественному перенесенію разлуки съ Нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, привыкши къ этому на словахъ, они легко уже могли потомъ перенести это и на дѣлѣ. А если кто тщательно разсмотритъ,—тотъ найдетъ, что и то самое служитъ утѣшеніемъ, 427
что Онъ сказалъ: *иду ко Отцу*: этимъ Онъ показазалъ, что Онъ не погибнетъ, но что смерть Его есть нѣкотораго рода преставленіе. Въ тоже время Христосъ предложилъ имъ и другое утѣшеніе. Онъ не сказалъ только: *вмалѣ и ктому не видите Мене*, но и прибавилъ: *вмалѣ, и узрите Мя*, показывая тѣмъ, что возвра-

тится, что разлука съ ними будетъ кратковременная, а пребываніе — постоянное. Но этого они не поняли. Поэтому справедливо кто-нибудь можетъ подивиться, для чего они, много разъ слышавшіе объ этомъ, недоумѣваютъ, какъ будто ничего о томъ не слышали. Отчего же, въ самомъ дѣлѣ, они не поняли? Или отъ печали, какъ я, по крайней мѣрѣ, думаю, — такъ какъ она изглаждала изъ ихъ памяти то, что говорилось,—или отъ неясности самыхъ словъ. Имъ казалось, будто Онъ утверждаетъ два противорѣчія, хотя и не было противорѣчія. Если мы увидимъ Тебя, говорили они, то куда Ты отходишь? Если же Ты отходишь, то какъ мы увидимъ Тебя? Поэтому и говорятъ: *не вѣмы, что глаголетъ*. Что Онъ долженъ былъ отойти, это они знали; а что спустя немного времени Онъ опять придетъ къ нимъ, того не знали. Поэтому-то Христосъ и упрекаетъ ихъ въ томъ, что они не поняли сказаннаго. А чтобы лучше напечатлѣть въ нихъ ученіе о смерти, что Онъ говоритъ? *Аминь, аминь глаголю вамъ, яко восплачетеся и возрыдаете вы*, — какъ и было во время смерти и креста,— *а міръ возрадуется* (ст. 20). Такъ какъ они, не желая (видѣть Его смерти), легко склонялись къ вѣрѣ, что Онъ не умретъ, и, когда услышали, что Онъ умретъ, были въ недоумѣніи, не зная, что значитъ: *вмалѣ*, — то Онъ говоритъ: *восплачетеся и возрыдаете. Но печаль ваша въ радость будетъ*.

Потомъ, чтобы показать, что послѣ печали бываетъ радость, и что печаль раждаетъ радость, и что печаль кратковременна, а радость безконечна, — обращается къ примѣру изъ обыкновенной жизни и говоритъ: *жена, егда раждаетъ, скорбь иматъ* (ст. 21). При этомъ Онъ употребляетъ притчу, которою часто пользовались и пророки, сравнивая скорбь съ тяжкими болѣзнями рожденія. Слова Его значатъ вотъ что: васъ постигнутъ какъ бы болѣзни рожденія, но болѣзнь рожденія бываетъ причиною радости. Въ одно и тоже время Онъ и увѣряетъ въ истинѣ воскресенія, и показываетъ, что отшествіе отсюда подобно исшествію на свѣтъ изъ утробы матерней. Какъ бы такъ говоритъ: не удивляйтесь, что чрезъ такую печаль Я веду васъ къ полезному; и мать также чрезъ печаль достигаетъ того, что становится матерью. Здѣсь Онъ намекаетъ и на нѣчто таинственное, именно — что Онъ разрушилъ болѣзни смерти и содѣлалъ то, что родился новый человѣкъ. И не сказалъ только, что скорбь пройдетъ; но что о ней нѣтъ и воспоминанія: такъ велика слѣдующая за нею радость. Такъ будетъ и со святыми. Но вѣдь жена радуется не потому, что пришелъ человѣкъ въ міръ, а потому, что у ней родилось дитя; если бы она по той причинѣ радовалась, то ничто не препятствовало бы и женамъ нераждающимъ радоваться

за другихъ, рождающихъ. Для чего же Онъ такъ сказалъ? Онъ привелъ этотъ примѣръ только для того, чтобы показать, что печаль временна, а радость постоянна, что (смерть) есть переходъ къ жизни и что отъ скорби бываетъ великая польза. И не сказалъ: родилось дитя; но: *человѣкъ*. Этимъ, мнѣ кажется, Онъ намекаетъ на Свое воскресеніе и на то, что Онъ имѣлъ родиться не для этой болѣзненной смерти, но для царства. Поэтому не сказалъ: родилось у ней дитя; но: *родися человѣкъ въ міръ. И вы же печаль имате убо нынѣ: паки же узрю вы, и печаль ваша въ радость будетъ* (ст. 22). Затѣмъ, показывая, что Онъ уже не умретъ, говоритъ: *и никтоже ю возметъ отъ васъ. Въ той день Мене не воспросите ничесоже* (ст. 23). Этимъ опять показываетъ не что иное, какъ то, что Онъ—отъ Бога. Тогда вы уже будете знать все. Что же значитъ —*Мене не воспросите*? Вы не будете нуждаться въ посредникѣ, но довольно будетъ произнесть только имя, чтобы получить все. *Аминь, аминь глаголю вамъ, яко елика аще чесо просите отъ Отца во имя Мое* (ст. 23). Показываетъ силу Своего имени, такъ какъ (апостолы), не видя и не прося Его, но только называя Его имя, будутъ имѣть великую цѣну у Отца. Когда же такъ было? Тогда когда они говорили: *призри на прещенія ихъ, и даждь рабомъ твоимъ со дерзновеніемъ глаголати слово твое* и творить во имя твое чудеса. *И подвижеся мѣсто, идѣже бяху* (Дѣян. IV, 29—36). *Доселѣ не просисте ничесоже* (ст. 24). Этимъ опять показываетъ, что Ему лучше отойти, такъ какъ до того времени они ничего не просили, а тогда получатъ все, о чемъ ни попросятъ. Хотя Я уже не буду вмѣстѣ съ вами,—вы не думайте, что вы оставлены: имя Мое дастъ вамъ большее дерзновеніе. 428

2. Такъ какъ эти слова были прикровенны, то Онъ говоритъ: *сія въ притчахъ глаголахъ вамъ: но пріидетъ часъ, егда ктому въ притчахъ не глаголю вамъ* (ст. 25). Будетъ время, когда вы всѣ ясно уразумѣете. Это Онъ говоритъ о времени воскресенія. Тогда *явѣ о Отцѣ возвѣщу вамъ*. И дѣйствительно, въ продолженіе сорока дней Онъ былъ и бесѣдовалъ съ ними, вмѣстѣ вкушая пищу и *глаголя яже о царствіи Божіи* (Дѣян. I, 3—4). Теперь, будучи въ страхѣ, вы не внимаете словамъ Моимъ; тогда же, увидѣвъ Меня воскресшимъ и пребывая со Мною, вы безбоязненно узнаете все, потому что самъ Отецъ возлюбитъ васъ, когда ваша вѣра въ Меня сдѣлается твердою. *И не умолю Отца* (ст. 26). Ваша любовь ко Мнѣ достаточно ходатайствуетъ о васъ. *Яко вы Мене возлюбисте, и вѣровасте, яко Азъ отъ Бога изыдохъ, и пріидохъ въ міръ. И паки оставляю міръ, и иду ко Отцу* (ст. 27, 28). Такъ какъ слово о воскресеніи не мало утѣшало ихъ, равно какъ и то, что Онъ говорилъ: Я пришелъ отъ Бога и къ Нему иду,—то Онъ часто

повторяетъ эти слова. Одно удостовѣряло въ томъ, что они вѣруютъ въ Него правильно; а другое — что они будутъ въ безопасности. Итакъ, когда Онъ говорилъ: *вмалѣ, и не видите Мене: и вмалѣ, и узрите Мя,* — ученики, естественно, не понимали этого; теперь же не такъ. Но что же значитъ: *Мене не воспросите?* Не скажете: *покажи намъ Отца Твоего,* и: *камо идеши?* — потому что узнаете все, и Отецъ такъ же будетъ расположенъ къ вамъ, какъ и Я. Теперь они узнали, что будутъ друзьями Отцу, и это особенно ободрило ихъ. Потому и говорятъ: *нынѣ вѣмы, яко вѣси вся* (ст. 30). Видишь, какъ Его отвѣтъ сообразенъ былъ съ ихъ мыслями? *И не требуеши, да Тя кто вопрошаетъ* (ст. 30), то есть, прежде, чѣмъ Ты услышалъ, Ты зналъ, что соблазняетъ насъ, и успокоилъ, сказавъ: *Отецъ любитъ вы, яко вы Мене возлюбисте* (ст. 27). Теперь только, послѣ столь многихъ и великихъ (словъ), ученики говорятъ: *нынѣ вѣмы* Видишь, какъ они были еще несовершенны? Затѣмъ, такъ какъ они, какъ бы изъявляя Ему нѣкоторую благодарность, говорятъ: *нынѣ вѣмы,* — Онъ отвѣчаетъ: вамъ еще многое нужно, чтобы придти къ совершенству; вы ни въ чемъ еще не совершенны. Вотъ и теперь вы предадите Меня врагамъ, и такой вами овладѣетъ страхъ, что вы не въ состояніи будете даже удалиться всѣ вмѣстѣ. Но я не потерплю отъ
429 того никакого зла. Видишь ли, какъ опять слово Его приноровлено къ ихъ понятіямъ? Въ томъ-то Онъ и обвиняетъ ихъ, что они постоянно нуждаются въ такомъ снисхожденіи. Такъ какъ они сказали: *се нынѣ не обинуяся глаголеши, а притчи никоеяже не глаголеши* (ст. 28), и потому вѣруемъ Тебѣ (ст. 30),—то Онъ показываетъ, что и теперь, когда они вѣруютъ, они еще не вѣруютъ, и не допускаетъ ихъ словъ. Это Онъ говоритъ, имѣя въ виду дальнѣйшее время. Выраженіе же: *Отецъ со Мною есть* (ст. 32) Онъ опять употребилъ для нихъ, потому что всегда и вездѣ хотѣлъ научить ихъ этому. Потомъ, чтобы показать, что, говоря такимъ образомъ, Онъ еще не преподалъ имъ знанія совершеннаго, но сказалъ такъ для того, чтобы они не смущались мыслями,—а имъ естественно было подумать нѣчто человѣческое и что они не получатъ отъ Него никакой помощи, — говоритъ: *сія глаголахъ вамъ да во Мнѣ миръ имате* (ст. 33), то есть, чтобы вы не удаляли Меня изъ вашихъ мыслей, но всегда имѣли бы въ своемъ сердцѣ. Итакъ, пусть никто не возводитъ въ догматъ этихъ словъ: они сказаны въ наше утѣшеніе и по любви. Не теперь только, говоритъ, вы подвергаетесь такимъ страданіямъ, и ваши бѣдствія этимъ не окончатся; но до тѣхъ поръ, пока вы будете въ мірѣ, вы будете имѣть скорбь,—не теперь только, когда предаютъ Меня, но и послѣ. Но будьте бодры духомъ: вы не потер.

пите никакого зла. Когда Учитель побѣдилъ враговъ, то не должно уже скорбѣть ученикамъ. Но какъ, скажи мнѣ, Ты побѣдилъ міръ? Сказалъ же Я, что низложилъ его князя; но вы это узнаете и впослѣдствіи, когда все будетъ уступать и повиноваться вамъ.

3. И мы, если захотимъ, можемъ побѣждать, взирая на Начальника вѣры нашей и идя тѣмъ путемъ, какой Онъ проложилъ намъ. Въ этомъ случаѣ и смерть не одолѣетъ насъ. Что же, скажешь, ужели мы не умремъ? Вѣдь изъ этого было бы видно, что она не одолѣетъ насъ. Но ратоборецъ не тогда бываетъ славенъ, когда не вступаетъ въ борьбу съ врагомъ, а тогда, когда, сразившись съ нимъ, остается непобѣжденнымъ. Такъ и мы еще не смертны, потому что вступаемъ въ борьбу, но безсмертны, потому что ее побѣждаемъ. Тогда мы были бы смертны, если бы навсегда оставались въ ея власти. Потому, какъ не могу я назвать безсмертными самыхъ долговѣчныхъ животныхъ, хотя они и долго не умираютъ, такъ точно и смертнымъ— того, кто, будучи пораженъ смертію, послѣ смерти воскреснетъ. Скажи мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, если бы кто покраснѣлъ на короткое время, ужели бы мы, поэтому, стали всегда называть его краснымъ? Нѣтъ, потому что это не есть обыкновенное его состояніе. И если бы кто поблѣднѣлъ,—ужели бы мы сказали, что онъ одержимъ желтухою? Нѣтъ, потому что это состояніе минутное. Такъ не называй же и смертнымъ того, кто на короткое время подвергся смерти. Иначе мы должны будемъ сказать тоже и о спящихъ, потому что и они, такъ сказать, умираютъ и становятся бездѣйственны. Но (смерть) разрушаетъ тѣла? Что же изъ этого? Разрушаетъ, но не для того, чтобы они оставались въ тлѣніи, но чтобы содѣлались лучшими. Будемъ же побѣждать міръ, будемъ стремиться къ безсмертію! Послѣдуемъ за Царемъ, поставимъ побѣдный знакъ, будетъ презирать мірскія удовольствія! И не нужно трудовъ. Перенесемъ душу на небо, и побѣжденъ весь міръ. Если ты не будешь пристрастенъ къ нему, — онъ побѣжденъ. Если будешь смѣяться надъ нимъ,—онъ посрамленъ. Мы — странники и пришельцы: не будемъ же огорчаться ничѣмъ печальнымъ. Вѣдь если бы ты, происходя изъ славнаго отечества и отъ знаменитыхъ предковъ, отправился въ какую-нибудь далекую землю, не будучи тамъ никому знакомъ, не имѣя ни слугъ, ни богатства, и если бы тамъ кто-нибудь обидѣлъ тебя, — ты, конечно, не огорчился бы такъ, какъ еслибы потерпѣлъ это дома. Ясное сознаніе, что ты находишься не въ своей, а въ чужой странѣ, помогло бы тебѣ легко перенесть 430
все — и презрѣніе, и голодъ, и жажду, и все, что бы ни случи-

лось. Такъ думай и теперь, что ты странникъ и пришлецъ, и пусть ничто не смущаетъ тебя въ этой чужой странѣ. Ты имѣешь городъ, художникъ и строитель котораго — Богъ, а пребываніе твое здѣсь кратковременно и непродолжительно. Пусть, кто хочетъ, бьетъ, обижаетъ, поноситъ: мы — въ чужой странѣ и живемъ въ бѣдности. Тяжело потерпѣть это въ отечествѣ, между согражданами: тогда— это величайшее безчестіе и несчастіе. Но если кто будетъ тамъ, гдѣ у него нѣтъ ни одного знакомаго, то ему все легко перенесть. Обида бываетъ особенно тяжела тогда, когда обижаютъ съ намѣреніемъ. Напримѣръ, если кто оскорбитъ начальника, зная, что онъ начальникъ, тогда оскорбленіе горько; если же оскорбитъ его, принявъ за простого человѣка, то оскорбленіе не можетъ и коснуться того, кто подвергся ему. Такъ точно будемъ разсуждать и мы. Оскорбляющіе насъ совсѣмъ не знаютъ, кто мы такіе, то есть, что мы — граждане неба, записаны въ горнемъ отечествѣ и принадлежимъ къ лику херувимовъ. Не будемъ же огорчаться и не станемъ оскорбленіе считать оскорбленіемъ. Если бы они знали насъ, то не оскорбили бы. Но насъ считаютъ бѣдными и ничтожными? Не будемъ и это считать оскорбленіемъ. Скажи мнѣ: если бы какой-нибудь путешественникъ, предупредивъ на малое разстояніе своихъ слугъ, остановился, въ ожиданіи ихъ, въ гостинницѣ, и если бы содержатель гостинницы или кто-нибудь изъ путешественниковъ, не зная, кто онъ, сталъ досадовать на него и поносить его,—не посмѣется ли онъ надъ такимъ невѣдѣніемъ? Это заблужденіе не доставитъ ли ему скорѣе удовольствія? Не станетъ ли онъ забавляться имъ, какъ будто бы оскорбляли кого-нибудь другого? Такъ будемъ поступать и мы; и мы сидимъ въ гостинницѣ, ожидая нашихъ спутниковъ, идущихъ тѣмъ же путемъ. Когда мы всѣ будемъ вмѣстѣ, тогда узнаютъ, кого оскорбляли. Тогда они поникнутъ головою и скажутъ: *сей есть, егоже* мы, безумные, *имѣхомъ въ посмѣхъ* (Прем. Сол. v, 3).

4. Будемъ же утѣшать себя двумя мыслями: во-первыхъ — тѣмъ, что насъ не оскорбляютъ, потому что оскорбляющіе не знаютъ, кто мы: во-вторыхъ — тѣмъ, что, если мы захотимъ требовать удовлетворенія, они подвергнутся самому тяжкому наказанію. Но не дай Богъ, чтобы кто-нибудь имѣлъ столь жестокую и безчеловѣчную душу. Чтожъ, если насъ оскорбляютъ единоплеменники? Вѣдь это уже тяжело? Напротивъ, это-то и легко. Почему такъ? Потому, что не одинаково переносимъ мы обиды отъ тѣхъ, кого любимъ, и отъ тѣхъ, кого не знаемъ. Поэтому, утѣшая обиженныхъ, мы часто говоримъ такія слова: тебя обидѣлъ братъ, — перенеси великодушно; обидѣлъ отецъ, обидѣлъ

дядя. Если же имя брата и отца имѣетъ такую силу,—что же, если я назову имя еще болѣе родное? Мы не только братья другъ другу, но и члены, и одно тѣло. Если мы цѣнимъ имя брата,—тѣмъ болѣе имя члена. Не слыхалъ ли ты мірской пословицы, которая говоритъ, что въ друзьяхъ надобно терпѣть и недостатки? Не слышалъ ли, что и Павелъ говоритъ: *другъ друга тяготы носите* (Гал. VI, 2)? Не видишь ли любовниковъ? Между вами я не могу найти другого примѣра, и потому принужденъ обратить рѣчь на этотъ предметъ. Тоже, впрочемъ, дѣлаетъ и Павелъ, говоря такъ: *къ симъ плоти нашей отцы имѣхомъ наказатели, и срамляхомся* (Евр. XII, 9); особенно же прилично сказать здѣсь то, что онъ пишетъ римлянамъ: *якоже*, говоритъ, *представисте уды ваша рабы нечистотѣ и беззаконію въ беззаконіе, тако* 431
представите уды ваша рабы правдѣ (VI, 19). Потому и мы смѣло будемъ держаться этого примѣра. Итакъ, не видишь ли любовниковъ? Сколько они переносятъ бѣдствій, пылая страстію къ блуднымъ женщинамъ! Ихъ бьютъ по щекамъ, колотятъ, надъ ними смѣются; они терпятъ блудницу развратную, которая отвращается отъ нихъ и наноситъ имъ тысячу оскорбленій. И при всемъ томъ, если хотя однажды они увидятъ что-нибудь пріятное и ласковое, все имъ кажется благополучнымъ, все прежнее исчезаетъ и все переносится легко, будетъ ли то бѣдность, или болѣзнь, или другое что подобное. Жизнь свою они считаютъ бѣдственною или блаженною, смотря по тому, какъ расположена къ нимъ ихъ любовница. Не знаютъ они ни человѣческой славы, ни безчестія; но, хотя бы кто и оскорбилъ ихъ, — отъ великаго удовольствія и за ея благосклонность они все переносятъ легко. А она сама хотя бы ругала ихъ, хотя бы плевала имъ въ лицо,— они терпятъ это и думаютъ, что въ нихъ бросаютъ розами. И что удивительнаго, если они такъ расположены къ ней! Они домъ ея считаютъ великолѣпнѣе всѣхъ домовъ, хотя бы онъ былъ глиняный, хотя бы клонился къ паденію. И что я говорю о стѣнахъ? Они воодушевляются даже при видѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они бываютъ вечеромъ. Но здѣсь дайте мнѣ, наконецъ, сказать апостольское слово. Какъ онъ сказалъ: *якоже представисте уды ваша рабы нечистотѣ, тако представите уды ваша правдѣ*,—такъ точно и я говорю: какъ возлюбили вы этихъ (женщинъ), такъ любите другъ друга, и ничто не будетъ казаться вамъ тяжкимъ. И что я говорю—другъ друга? Такъ будемъ любить Бога.

Вы ужаснулись, услышавъ, что я требую такой же мѣры любви къ Богу, какую показываютъ иные къ орудіямъ своихъ страстей. А я ужасаюсь, что мы не показываемъ и такой любви. Если хотите, разсмотримъ это подробнѣе, хотя говорить объ

этомъ и очень тяжело. Любовница не обѣщаетъ любовнику ничего добраго, но — безчестіе, стыдъ и поношеніе. Знакомство съ блудною женщиною именно это и производитъ, — дѣлаетъ человѣка смѣшнымъ, позорнымъ, безчестнымъ. Богъ же обѣщаетъ намъ небо и небесныя блага; Онъ сдѣлалъ насъ сынами Своими, братіями Единороднаго; Онъ и въ этой жизни представилъ тебѣ безчисленныя блага, и по смерти обѣщаетъ даровать воскресеніе и столько благъ, сколько и представить невозможно; Онъ дѣлаетъ насъ достойными чести и уваженія. И опять, та заставляетъ расточить все имѣніе въ пропасть и на пагубу; а Богъ повелѣваетъ сѣять для неба, воздаетъ сторицею и даруетъ вѣчную жизнь. Та поступаетъ съ любовникомъ, какъ съ невольникомъ, распоряжаясь хуже всякаго тирана; а Богъ говоритъ: *не ктому васъ глаголю рабы, но други* (Іоан. XV, 15).

5. Видѣли, какъ много золъ—тамъ, и сколько благъ—здѣсь? И что же послѣ этого? Для любовницы многіе проводятъ ночи безъ сна и, что бы она ни приказала, все исполняютъ съ усердіемъ—оставляютъ и домъ, и отца, и мать, и друзей, и богатство, и почести, и все свое имѣніе подвергаютъ разстройству и запустѣнію. Для Бога же или, лучше, для себя самихъ мы не хотимъ истратить и третьей части нашего имущества. Видя алчу-
482 щаго, мы отвращаемъ отъ него взоръ; проходимъ мимо нагого и не удостоиваемъ его даже слова. А любовники, если увидятъ даже служанку любовницы, женщину грубую, останавливаются съ нею среди площади и, какъ бы красуясь и величаясь тѣмъ, разговариваютъ съ нею, разливаясь въ длинныхъ рѣчахъ. Для любовницы за ничто считаютъ жизнь, начальниковъ, царство (какъ это извѣстно тѣмъ, которые испытали эту болѣзнь), и бываютъ болѣе благодарны ей за ея приказанія, чѣмъ другимъ за услуги. Не справедливо ли послѣ этого быть гееннѣ? Не справедливы ли безчисленныя наказанія? Отрезвимся же и предоставимъ на служеніе Богу хотя столько же, хотя половинную часть того, что иные отдаютъ блудницѣ, хотя даже третью долю. Можетъ быть, вы опять ужаснетесь? Да, и я ужасаюсь. Но я хотѣлъ бы, чтобы вы ужасались не словъ только, но и самаго дѣла. Между тѣмъ, здѣсь сердце у насъ сжимается; а лишь выйдемъ,—все бросаемъ. Что же изъ того пользы?

Тамъ, если надобно тратить деньги, никто не жалуется на бѣдность, но часто, плѣнившись, и занимаютъ, и даютъ; здѣсь же, если мы вспомнимъ о милостынѣ, намъ представляютъ дѣтей, и женъ, и домъ, и начальство, и тысячи извиненій. Но тамъ, скажешь, много удовольствія? Объ этомъ-то я и плачу, и рыдаю. А что если я покажу, что здѣсь больше удовольствія?

Тамъ отнимаютъ не мало удовольствія стыдъ, поношеніе, трата денегъ, наконецъ—ссоры и вражда; а здѣсь нѣтъ ничего такого. Да и что, скажи мнѣ, можетъ сравниться съ этимъ удовольствіемъ—жить въ ожиданіи неба и небеснаго царства, свѣтлости святыхъ и нескончаемой жизни? Но это, скажешь, въ ожиданіи, а то—въ дѣйствительности. Въ какой дѣйствительности? Хочешь ли, я скажу, что и здѣсь въ дѣйствительности? Подумай, какою ты наслаждаешься свободою: живя добродѣтельно, ты никого не боишься и не страшишься—ни врага, ни навѣтника, ни клеветника, ни соперника, ни соискателя въ любви, ни завистника, ни бѣдности, ни болѣзни, ни другого чего-нибудь человѣческаго. Тамъ, напротивъ, хотя бы и весьма много сбывалось по желанію, хотя бы и богатство стекалось, какъ изъ источника,—ссора съ соперниками въ любви, навѣты и козни сдѣлаютъ самою несчастною жизнь того, кто связывается съ ними. Изъ угожденія той презрѣнной, развратной и сластолюбивой женщинѣ, дѣйствительно, неизбѣжно возникаютъ ссоры; а это хуже тысячи смертей и несноснѣе всякаго наказанія. Здѣсь же нѣтъ ничего татого. ***Плодъ же духовный***, говоритъ (апостолъ), ***любы***, ***радость***, ***миръ*** (Гал. v, 22). Нѣтъ здѣсь ни ссоръ, ни безвременной траты денегъ, ни досады послѣ траты. Хотя бы ты далъ оволъ, хотя бы хлѣба, хотя бы чашу холодной воды,—за все будетъ тебѣ великая благодарность и ничто не заставитъ тебя огорчаться и печалиться, но все послужитъ къ тому, чтобы сдѣлать тебя славнымъ и избавить отъ всякаго стыда. Какое же мы будемъ имѣть оправданіе, какое извиненіе, когда, оставляя это, предаемся противному и добровольно ввергаемъ самихъ себя въ печь, огнемъ горящую? Потому умоляю страдающихъ такою болѣзнію—вновь собрать свои силы, вовратиться къ здоровью и не позволять себѣ впасть въ отчаяніе. Блудный сынъ потерпѣлъ бѣдствія еще болѣе жестокія; но такъ какъ возвратился въ отеческій домъ, то сталъ въ прежней чести и явился славнѣе того, кто всегда
поступалъ хорошо. Поревнуемъ ему и мы, и возвратившись ко 483
Отцу, избавимъ себя, хотя поздно, отъ этого плѣна и перейдемъ
къ свободѣ, чтобы сподобиться и царства небеснаго, по благо- 484
дати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ слава Отцу со Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXX.

Сія глагола Іисусъ, и возведе очи Свои на небо, и рече: Отче, пріиде часъ: прослави Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославитъ Тя (Іоан. XVII, 1).

433 1. *Иже сотворитъ и научитъ*, сказано, *сей велій наречется въ царствіи небеснѣмъ* (Матѳ. V, 19),—и весьма справедливо. Вѣдь любомудрствовать на словахъ легко, а показывать на дѣлѣ—свойственно лишь душѣ доблестной и великой. Потому-то и Христосъ, бесѣдуя о незлобіи, представляетъ въ образецъ самого Себя, повелѣвая брать съ Себя примѣры. Поэтому же и теперь, послѣ увѣщанія, Онъ обращается къ молитвѣ, научая насъ въ искушеніяхъ оставлять все и прибѣгать къ Богу. Такъ какъ словами: *въ мірѣ скорбни будете* Онъ поколебалъ души учениковъ, то молитвою опять ободряетъ ихъ. Они все еще смотрѣли на Него, какъ на человѣка, и для нихъ-то Онъ и молится, подобно тому, какъ и о Лазарѣ, когда высказываетъ и причину: *народа ради стоящаго рѣхъ, да вѣру имутъ, яко Ты Мя посланъ еси* (Іоан. XI, 42). Такъ, скажешь, при іудеяхъ этому и слѣдовало быть: но къ чему же это при ученикахъ? Этому слѣдовало быть и при ученикахъ; тѣ, которые послѣ столь многаго говорятъ: *нынѣ вѣмы, яко вѣси вся*, больше всѣхъ нуждались въ утвержденіи. А впрочемъ, евангелистъ и не называетъ этого дѣйствія молитвою, но какъ говоритъ? *Возведе очи Свои на небо.* Значитъ, по его словамъ, это скорѣе была бесѣда съ Отцемъ. Если же въ другихъ мѣстахъ онъ и говоритъ о молитвѣ, и представляетъ Христа то преклоняющимъ колѣна, то возводящимъ очи на небо,—не смущайся. Изъ этого мы научаемся, съ какимъ усердіемъ должно приносить молитвы, научаемся, и стоя, взирать очами не только тѣлесными, но и душевными, и преклонять колѣна съ сокрушеніемъ сердца. Въ самомъ дѣлѣ, Христосъ пришелъ не для того только, чтобы явить Себя, но и для того, чтобы научить неизреченной добродѣтели; а учитель долженъ учить не словами только, но и дѣлами. Итакъ послушаемъ, что Онъ говоритъ здѣсь. *Отче, пріиде часъ: прослави Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославитъ Тя.* Снова показываетъ намъ, что Онъ не неволею идетъ на крестъ. Иначе, какъ бы Онъ сталъ молиться о томъ, чтобы это сбылось, и называть крестъ славою не только для самаго Распинаемаго, но и для Отца? Такъ дѣйствительно и было: не Сынъ только прославился, но и Отецъ. До креста даже и іудеи не знали Его: *Израиль же*, сказано, *Мене не позна* (Ис. I, 3); а послѣ креста притекла вся вселенная. Затѣмъ

Христосъ говоритъ и о самомъ образѣ славы, и какъ Онъ прославитъ Отца. *Якоже далъ еси ему власть всякія плоти, да всяко еже далъ еси ему* не погибнетъ (ст. 2). Слава Божія въ томъ, дѣйствительно, и состоитъ, чтобы всегда благодѣтельствовать. Что же значитъ: *якоже далъ еси Ему власть всякія плоти?* Этимъ показываетъ, что дѣло проповѣди не ограничится одними іудеями, но прострется на всю вселенную, и полагаетъ начало призванію язычниковъ. Такъ какъ Онъ сказалъ: *на путь языкъ не идите* (Матѳ. x, 5), а впослѣдствіи скажетъ: *шедше научите вся языки* (Матѳ. xxviii, 19), 434
то теперь показываетъ, что это угодно и Отцу. Въ самомъ дѣлѣ, проповѣдь язычникамъ весьма соблазняла іудеевъ и даже учениковъ. Ученики и впослѣдствіи не легко дозволяли себѣ входить въ общеніе съ язычниками, пока не получили наставленія отъ Духа,—такъ какъ отсюда происходилъ не малый соблазнъ для іудеевъ. Оттого-то даже послѣ столь великаго явленія Духа, Петръ, пришедши въ Іерусалимъ, едва могъ избѣгнуть порицаній, разсказавъ о плащаницѣ (Дѣян xi, 1—19). Что же значитъ: *далъ еси Ему власть всякія плоти?*

А когда,—спрошу я еретиковъ,—Онъ получилъ эту власть? Прежде ли созданія людей, или послѣ созданія? Самъ Онъ говоритъ: послѣ распятія и воскресенія, такъ какъ тогда сказалъ: *дадеся Ми всяка власть. Шедше научите вся языки* (Матѳ. xxviii, 18, 19). Чтожъ? Ужели Онъ не имѣлъ власти надъ дѣломъ Своимъ? Ужели Онъ только сотворилъ людей, а власти надъ ними послѣ сотворенія не имѣлъ? Но и въ предшествующія времена Онъ, какъ видно, все дѣлаетъ Самъ: однихъ наказываетъ, какъ грѣшниковъ; другихъ, обращающихся, исправляетъ: *еда утаю,* говоритъ, *отъ Авраама раба Моего, яже Азъ творю* (Быт. xviii, 17); а иныхъ и удостоиваетъ чести, какъ праведниковъ. Или тогда Онъ имѣлъ, а теперь потерялъ и опять получилъ? Но какой демонъ можетъ сказать это? Если же одна и та же власть и тогда, и теперь: *якоже,* говоритъ, *Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихже хощетъ, живитъ* (Іоан. v, 21), — то что значитъ сказанное? Онъ намѣренъ былъ послать апостоловъ къ язычникамъ; а чтобы они не почли этого нововведеніемъ,—такъ какъ Онъ говорилъ: *нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева* (Матѳ. xv, 24),—Онъ показываетъ, что это угодно и Отцу. А что Онъ говоритъ объ этомъ съ великимъ уничиженіемъ, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго: такимъ образомъ Онъ и ихъ (апостоловъ) тогда назидалъ, и тѣхъ, которые будутъ послѣ, и, какъ я уже говорилъ, такою чрезмѣрностію уничиженія всегда ясно внушалъ, что Онъ говоритъ приспособительно.

2. Что же значитъ: *всякія плоти?* Вѣдь извѣстно, что не всѣ

увѣровали. Сколько отъ Него зависѣло, — всѣ увѣровали. Если же не внимали словамъ Его, то въ этомъ вина не учащаго, но не принимающихъ (ученія). *Да всяко, еже далъ еси Ему, дастъ имъ животъ вѣчный* (ст. 2). Не удивляйся, что и здѣсь Онъ говоритъ человѣкообразно. Онъ поступаетъ такъ и по вышесказаннымъ причинамъ, и потому, что всегда остерегался говорить самъ о Себѣ что-нибудь великое, такъ какъ это непріятно было слушающимъ, которые все еще не думали о Немъ ничего великаго. Оттого-то Іоаннъ, когда говоритъ отъ своего лица, поступаетъ не такъ, но возводитъ слово до высокаго, говоря такимъ образомъ: *вся тѣмъ быша, и безъ него ничтоже бысть* (Іоан. I, 3), и: *животъ бѣ* (I, 4), и: *свѣтъ бѣ* (I, 9), и: *во своя пріиде* (I, 11); не то, что Онъ не имѣлъ бы власти, если бы не получилъ ея, но что Онъ и другимъ далъ власть *чадомъ Божіимъ быти* (I, 12). Подобнымъ
435 образомъ и Павелъ называетъ Его равнымъ Богу. Самъ же Онъ проситъ, какъ обыкновенный человѣкъ, говоря такъ: *да всяко еже далъ еси Ему, дастъ имъ животъ вѣчный. Се же есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога, и Егоже посланъ еси Іисусъ Христа* (Іоан. XVII. 3). *Единаго истиннаго Бога*: говоритъ такъ для отличія отъ ложныхъ боговъ, такъ какъ хотѣлъ послать апостоловъ къ язычникамъ. Если же не согласятся съ этимъ, но на одномъ этомъ основаніи станутъ отвергать, что Сынъ есть истинный Богъ, то, идя такимъ образомъ дальше, они отвергнутъ и то, что Онъ есть Богъ. Въ самомъ дѣлѣ, (Христосъ) говоритъ: *славы яже отъ единаго Бога, не ищете* (Іоан. V, 44). Что же? Ужели поэтому Сынъ уже не Богъ? Если же Сынъ — Богъ, хотя Отецъ и называется единымъ, то явно, что Онъ и истинный, хотя (Отецъ) и именуется единымъ истиннымъ. Притомъ, когда Павелъ говоритъ: *или единъ азъ и Варнава* (1 Кор. IX, 6), — ужели онъ исключаетъ Варнаву? Совсѣмъ нѣтъ; слово: *единъ* употреблено только для различенія отъ другихъ. И если—не истинный Богъ, то какимъ образомъ Онъ есть *истина*? Истина отъ истиннаго различается весьма не много. Чѣмъ назовемъ мы, скажи мнѣ, не истиннаго человѣка? Конечно уже и не человѣкомъ? Такъ точно, если Сынъ не есть истинный Богъ, то какъ Онъ можетъ быть Богомъ? Да какъ Онъ и насъ можетъ дѣлать богами и сынами, не будучи Самъ истиннымъ? Но объ этомъ подробнѣе сказано нами въ другомъ мѣстѣ. Потому пойдемъ далѣе. *Азъ прославихъ Тя на земли* (ст. 4). Хорошо сказано: *на земли*, потому что на небѣ Отецъ уже прославленъ, имѣя славу и по естеству, и будучи поклоняемъ отъ ангеловъ. Слѣдовательно, не о той славѣ говоритъ, которая нераздѣльна съ существомъ Его, — такъ какъ эту славу Онъ всегда имѣетъ вполнѣ, хотя бы и никто не прослав-

лялъ Его,—но о славѣ, происходящей отъ служенія людей. Поэтому и выраженіе: *прослави Мя* нужно разумѣть точно также. И чтобы убѣдиться, что Онъ говоритъ объ этомъ родѣ славы, послушай далѣе. *Дѣло совершихъ, еже далъ еси Мнѣ, да сотворю* его (ст. 4). Но вѣдь дѣло только было еще начато или даже еще и не начато: какъ же Онъ говоритъ: *совершихъ?* Это—или потому, что Онъ съ Своей стороны сдѣлалъ все, или потому, что о будущемъ говоритъ, какъ уже о совершившемся, или—что всего лучше сказать — потому, что все, дѣйствительно, было уже совершено, когда положенъ былъ корень благъ, изъ котораго непремѣнно должны были произрасти плоды и Онъ уже соприсутствуетъ, соприкасается тому, что должно было совершиться впослѣдствіи. При этомъ Онъ опять выражается приспособительно: *еже далъ еси Мнѣ*. Если бы, дѣйствительно, Онъ ожидалъ, пока не услышитъ и не узнаетъ,—это было бы гораздо ниже Его славы. Но что Онъ пришелъ на это по Своему произволенію, явно изъ многихъ мѣстъ. Такъ, напримѣръ, Павелъ говоритъ: Онъ такъ возлюбилъ насъ, что предалъ Себя самого за насъ (Еф. v, 2), и: *Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ* (Филип. II, 7). И опять: *яко же возлюби Мя Отецъ, и Азъ возлюбихъ васъ* (Іоан. xv, 9). *Прослави Мя Ты, Отче, у Тебе самого славою, юже имѣхъ у Тебе прежде міръ не бысть* (ст. 5). Гдѣ же слава? Пусть у людей Онъ, дѣйствительно, былъ не славенъ, облекшись въ одежду (плоти); но какимъ образомъ Онъ ищетъ прославленія и у Бога? О чемъ же Онъ здѣсь говоритъ? Рѣчь — о воплощеніи. Естество плоти, дѣйствительно, не было еще прославлено; оно не сподобилось еще нетлѣнія и не пріобщилось царскаго престола; поэтому Онъ не сказалъ: *на земли*; но: *у Тебе*.

3. Этой славы сподобимся и мы въ свою мѣру, если будемъ бодрствовать. Потому и Павелъ говоритъ: *понеже съ Нимъ страждемъ, да и съ Нимъ прославимся* (Рим. VIII, 17). Итакъ, безчисленныхъ 436
слезъ достойны тѣ, которые, не смотря на предстоящую имъ такую славу, лѣностію и сонливостію вредятъ самимъ себѣ. Если бы и геенны не было, и тогда несчастнѣе всѣхъ были бы тѣ, которые, имѣя возможность царствовать и прославляться вмѣстѣ съ Сыномъ Божіимъ, сами себя лишаютъ столь великихъ благъ. Подлинно, если бы надобно было подвергнуться растерзанію и умереть тысячею смертей, и отдать каждый день тысячу душъ и столько же тѣлъ, — не слѣдовало ли бы перенесть все это за столь великую славу? А между тѣмъ, мы не пренебрегаемъ и богатствомъ, которое впослѣдствіи и по неволѣ оставимъ, — не пренебрегаемъ богатствомъ, которое навлекаетъ на васъ тысячу золъ, останется здѣсь и не принадлежитъ намъ, потому что мы

не своимъ распоряжаемся, хотя бы получили его и отъ отцевъ. А когда есть еще и геенна, и червь нескончаемый, и огонь неугасимый, и скрежетъ зубовъ, — то какъ, скажи мнѣ, мы будемъ терпѣть это? Доколѣ не откроемъ глазъ и будемъ тратить все время на ежедневныя распри, ссоры и пустыя слова? Доколѣ будемъ питать землю, утучнять тѣло и нерадѣть о душѣ, не обращая никакого вниманія на необходимое, и прилагая великую заботу объ излишнемъ и пустомъ? Мы строимъ себѣ блистательныя гробницы, покупаемъ дорогіе дома, влачимъ за собою толпы всякаго рода слугъ и выдумываемъ разныхъ распорядителей, поставляя начальниковъ надъ домами, деньгами, и начальниковъ надъ начальниками; а о запустѣвшей душѣ нѣтъ у насъ никакой заботы. И гдѣ этому будетъ конецъ? Не одно ли чрево наполняемъ мы? Не одно ли тѣло одѣваемъ? Къ чему же это множество хлопотъ? Зачѣмъ и для чего душу, которую получили, мы разрываемъ и раздираемъ на столь разнообразныя службы, вымышляя сами для себя жестокое рабство? Кто нуждается во многомъ, тотъ, дѣйствительно, рабъ многаго, хотя, повидимому, и владѣетъ всѣмъ этимъ. Такъ и господинъ есть рабъ своихъ слугъ и вводитъ новый болѣе тяжкій родъ рабства. Но онъ рабъ еще и въ томъ отношеніи, что безъ нихъ не смѣетъ выйти ни на площадь, ни въ баню, ни въ поле. Слуги и безъ него часто ходятъ повсюду, а онъ, считающійся господиномъ, если нѣтъ при немъ рабовъ, не смѣетъ выйти изъ дома одинъ, а если и выступитъ изъ дома одинъ, считаетъ себя смѣшнымъ. Можетъ быть, нѣкоторые станутъ смѣяться надъ нами за эти слова, но поэтому-то самому они и достойны безчисленныхъ слезъ. А чтобы показать, что это, дѣйствительно, рабство, я охотно спрошу тебя: захотѣлъ ли бы ты нуждаться въ томъ, чтобы кто-нибудь клалъ кусокъ хлѣба въ твой ротъ или подставлялъ чашу къ твоимъ устамъ? Не считалъ ли бы ты такого рода услугу достойною слезъ? Или, если бы для того, чтобы пойти куда-нибудь, ты всегда имѣлъ нужду въ какихъ-нибудь носильщикахъ, — не счелъ ли бы ты себя поэтому самымъ несчастнымъ и жалкимъ изъ людей? Такъ точно тебѣ слѣдовало бы разсуждать и теперь,—потому что нѣтъ никакого различія въ томъ, носятъ ли кого безсловесныя животныя, или люди. И не тѣмъ ли, между прочимъ, скажи мнѣ, отличаются отъ насъ ангелы, что они не нуждаются въ столь многомъ, какъ мы? Слѣдовательно, чѣмъ меньше мы имѣемъ нуждъ, тѣмъ болѣе приближаемся къ нимъ, а чѣмъ больше, тѣмъ глубже ниспадаемъ въ эту тлѣнную жизнь. И чтобы убѣдиться, что это дѣйствительно такъ, спроси у стариковъ, какую жизнь они счи-

таютъ счастливою, ту ли, когда они были подъ властію этихъ
суетныхъ вещей, или ту, когда они уже сами владѣютъ ими?
Мы потому обратились къ старикамъ, что люди, упоенные моло-
достію, не чувствуютъ даже чрезмѣрности этого рабства. А одер-
жимые лихорадкою? Тогда ли они считаютъ себя счастливыми,
когда, томясь сильною жаждою, много пьютъ и многаго просятъ, 137
или тогда, когда, выздоровѣвъ, избавляются отъ этой потребно-
сти? Видишь, что во всѣхъ случаяхъ нуждаться во многомъ—
дѣло жалкое и не свойственное любомудрію, и что чрезъ это
усиливается рабство и пожеланіе. Зачѣмъ же мы добровольно
увеличиваемъ для самихъ себя бѣдственность нашего положе-
нія? Скажи мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, если бы тебѣ можно было безъ
всякаго вреда жить безъ кровли и стѣнъ,—не согласился ли бы
ты лучше на это? Для чего же ты умножаешь знаки своей не-
мощи? Не за то ли мы называемъ блаженнымъ Адама, что онъ не
нуждался ни въ чемъ, ни въ жилищахъ, ни въ одеждахъ? Такъ,
скажешь; но теперь мы уже имѣемъ нужды. Зачѣмъ же мы
умножаемъ эти нужды? Если многіе отказываютъ себѣ и во мно-
гомъ нужномъ, напримѣръ: въ рабахъ, жилищахъ, деньгахъ —то
какое мы будемъ имѣть оправданіе, преступая предѣлы нужды?
Чѣмъ больше ты окружишь себя нуждами, тѣмъ большому под-
вергнешься рабству, потому что, чѣмъ въ большемъ будешь
нуждаться, тѣмъ болѣе сократишь свою свободу. Совершен-
ная свобода состоитъ въ томъ, чтобы вовсе ни въ чемъ не
нуждаться, а слѣдующая за нею — нуждаться въ немногомъ,
и эту-то свободу имѣютъ преимущественно ангелы и ихъ
подражатели. А достигнуть этого, пребывая въ смертномъ тѣлѣ,—
подумай, сколько въ этомъ славы! Это выразилъ и Павелъ, пиша
Коринѳянамъ: *азъ же вы щажду*, и: да *не скорбь плоти имѣти бу-
дутъ таковіи* (1 Кор. vii, 28). Деньги потому и называются день-
гами [1]), что ихъ слѣдуетъ употреблять [1]) на нужды, а не хра-
нить и не зарывать въ землю; это значитъ уже не владѣть, но
быть во владѣніи. Если мы станемъ только то имѣть въ виду,
какъ бы ихъ побольше пріобрѣсть, а не то, чтобы пользоваться
ими на нужды, то порядокъ уже извращается, и онѣ владѣютъ
нами, а не мы ими. Освободимся же отъ этого жестокаго раб-
ства и содѣлаемся, наконецъ, свободными. Зачѣмъ мы сами для
себя выдумываемъ множество разнообразныхъ узъ? Не довольно
ли для тебя узъ естественныхъ, житейскихъ необходимостей и
скопленія безчисленныхъ дѣлъ? А ты сплетаешь для себя еще

[1]) Въ греч. подлинникѣ χρήματα—χρώμεθα, что даетъ совершенно ясный смыслъ, утрачивающійся при переводѣ.

другія сѣти и связываешь себя ими по ногамъ! Когда ты достигнешь неба и будешь имѣть силу стоять на такой высотѣ? Вожделѣнно, истинно вожделѣнно, чтобы ты, разорвавъ всѣ эти связи, могъ достигнуть высшаго града. Препятствій такъ много и другихъ. Чтобы побѣдить ихъ, будемъ соблюдать увѣренность. Чрезъ это мы достигнемъ и вѣчной жизни, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXXI.

Явихъ имя Твое человѣкомъ, ихже далъ еси Мнѣ отъ міра. Твои бѣша, и Мнѣ ихъ далъ еси, и слово Твое сохраниша (Іоан. XVII, 6).

437 1. Сынъ Божій называется ангеломъ великаго совѣта, какъ по причинѣ другихъ (истинъ), которыя Онъ открылъ, такъ особенно потому, что Онъ возвѣстилъ людямъ объ Отцѣ. Вотъ объ этомъ-то Онъ и теперь говоритъ: *явихъ имя Твое человѣкомъ*. Сказавъ: Я совершилъ Твое дѣло, Онъ снова подробнѣе говоритъ о томъ же, объясняя, какое это дѣло. Но вѣдь имя было уже извѣстно? Исаія, напримѣръ, говоритъ: *клятися будутъ Богомъ истиннымъ* (Ис. LXV, 16). На это я и теперь скажу тоже, что много разъ говорилъ, то есть: оно было извѣстно, но только іудеямъ, и то не всѣмъ; а теперь говоритъ о язычникахъ. Притомъ Онъ показываетъ не только это, но и то, что они познали Бога, какъ Отца; а не одно и тоже значитъ, что (Богъ) есть Творецъ, и — что Онъ имѣетъ Сына. Явилъ же Христосъ имя Его и словами, и дѣлами. *Ихже далъ еси Мнѣ отъ міра*. Какъ прежде сказалъ: *никтоже пріидетъ ко Мнѣ, аще не будетъ дано ему*, и: *аще не привлечетъ его Отецъ Мой* (Іоан. VI, 65, 44), такъ и здѣсь говоритъ: *ихже далъ еси Мнѣ*. Но такъ какъ Онъ же говоритъ, что Онъ самъ есть путь, то отсюда явно, что въ этихъ словахъ Онъ высказываетъ двѣ (мысли), именно, что Онъ не противенъ Отцу, и — что такова воля Отца, чтобы люди вѣровали Сыну. *Твои бѣша, и Мнѣ ихъ далъ еси*. Этимъ Онъ хочетъ научить, что Отецъ весьма любитъ Его. А что Ему, дѣйствительно, не нужно было принимать ихъ, это видно изъ того, что самъ Онъ и сотворилъ ихъ, самъ постоянно и промышляетъ о нихъ. Какъ же возможно, чтобы Онъ принялъ ихъ? Нѣтъ; это, какъ я сказалъ, означаетъ только единомысліе Его съ Отцемъ. Если же кто захочетъ понимать это по-человѣчески и такъ, какъ сказано, то (люди) не будутъ уже принадлежать Отцу. Въ самомъ дѣлѣ,

если въ то время, какъ Отецъ имѣлъ ихъ, Сынъ ихъ не имѣлъ, то очевидно, что, когда Онъ отдалъ ихъ Сыну, самъ пересталъ ими владычествовать. А отсюда опять выйдетъ еще большая нелѣпость, именно: доколѣ они были у Отца, они были несовершенны; а какъ скоро перешли къ Сыну, стали совершенными. Но смѣшно это и сказать! Итакъ, что же Онъ выражаетъ этимъ? 438
То, что и Отцу угодно, чтобы они вѣровали Сыну. *И слово Твое сохраниша, и нынѣ разумѣша, яко вся, елика далъ еси Мнѣ, отъ Тебе суть* (ст. 7). Какимъ образомъ они слово Твое сохранили? Они увѣровали въ Меня и не внимали іудеямъ, потому что кто вѣруетъ въ Него, тотъ *утверди*, какъ онъ говоритъ, *яко Богъ истиненъ есть* (Іоан. ш, 33). Нѣкоторые, правда, читаютъ такъ: *нынѣ разумѣхъ, яко вся, елика далъ еси Мнѣ, отъ Тебе суть;* но этого нельзя допустить. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, возможно, чтобы Сынъ не зналъ того, что принадлежитъ Отцу? Нѣтъ, это сказано объ ученикахъ. Какъ скоро, говоритъ, Я сказалъ,—они уразумѣли, что все, что Ты далъ Мнѣ, отъ Тебя есть; что нѣтъ у Меня ничего чуждаго, ничего особеннаго отъ Тебя,—потому что особенное какъ бы предполагаетъ уже много чуждаго. Итакъ, они уразумѣли, что все, чему Я училъ,—Твое,—и наставленія, и догматы. Но откуда они узнали? Изъ Моихъ словъ, потому что Я такъ и училъ. И не только это, но и то, что Я отъ Тебя пришелъ (ст. 8),—какъ это, дѣйствительно, Онъ и старался внушить во всемъ евангеліи. *Азъ о сихъ молю* (ст. 9). Что Ты говоришь? Ты учишь Отца, какъ бы невѣдущаго, Ты бесѣдуешь, какъ будто съ человѣкомъ незнающимъ? Что, въ самомъ дѣлѣ, значитъ это раздѣленіе? Видишь ли, что не для чего иного Онъ молится, какъ только для того, чтобы показать, какую любовь Онъ имѣетъ къ нимъ? Кто не только подаетъ свое, но и другого умоляетъ о томъ же, тотъ, дѣйствительно, высказываетъ великую любовь. Итакъ, что же значитъ: *о сихъ молю? Не о всемъ*, то есть, *мірѣ, но о тѣхъ, ихже далъ еси Мнѣ*. Онъ часто повторяетъ слово: *далъ еси*, чтобы показать, что это угодно Отцу. Потомъ, такъ какъ Онъ многократно говорилъ: *Твои суть, и* Ты *Мнѣ ихъ далъ еси*, то чтобы не подумалъ кто-нибудь, что власть Его недавняя и что Онъ только теперь принялъ ихъ, — Онъ, устраняя эту неправую мысль, говоритъ: *Моя вся Твоя суть, и Твоя Моя, и прославихся въ нихъ* (ст. 10).

Видишь ли равночестіе? Чтобы ты, слыша: *далъ еси Мнѣ*, не подумалъ, что они отчуждаются теперь отъ власти Отца или — еще прежде—Сына, Онъ уничтожилъ и то и другое, сказавъ тѣ 439
слова. Онъ какъ бы такъ говоритъ: когда ты слышишь: *Мнѣ ихъ далъ еси,*—не думай, что они становятся уже чуждыми Отцу (потому что все Мое принадлежитъ Ему); равнымъ образомъ, когда

слышишь слова: *Твои бѣша*, — не думай, что они были чужды Мнѣ, потому что все, принадлежащее Ему, есть Мое. Такимъ образомъ *далъ еси* сказано только по одному приспособленію; все, что имѣетъ Отецъ, принадлежитъ Сыну, и все, что имѣетъ Сынъ, принадлежитъ Отцу. Этого нельзя сказать даже о Сынѣ по человѣчеству; но (говорится о Немъ), такъ какъ Онъ больше (человѣка). Всякому извѣстно, что принадлежащее меньшему принадлежитъ и большему, но — не наоборотъ; а здѣсь говорится и наоборотъ, что и показываетъ равенство. Это же Христосъ показалъ и въ другомъ мѣстѣ, когда, бесѣдуя о вѣдѣніи, сказалъ: *вся, елика имать Отецъ, Моя суть* (Іоан. XVI, 15). А выраженія: *далъ еси Мнѣ*, и всѣ подобныя,—чтобы показать, что Онъ, не какъ чуждый, пришелъ и привлекъ ихъ къ Себѣ, но принялъ ихъ, какъ своихъ. Затѣмъ Онъ представляетъ причину и доказательство, говоря: *и прославихся въ нихъ*, то есть, что Я имѣю власть надъ ними, или что они прославятъ Меня, вѣруя Тебѣ и Мнѣ, и прославятъ одинаково. Если же Онъ прославился въ нихъ не одинаково, то принадлежащее Отцу не принадлежитъ уже Ему. А никто не прославляется тѣмъ, надъ чѣмъ не имѣетъ власти.

2. Какъ же Онъ прославился одинаково (съ Отцемъ)? Всѣ одинаково умираютъ за Него, какъ и за Отца, проповѣдуютъ Его, какъ и Отца, и какъ говорятъ, что все совершается именемъ Отца, такъ—и именемъ Сына. *И ктому нѣсмь въ мірѣ, и сіи въ мірѣ суть* (ст. 11), то есть: хотя Я и не буду видимъ во плоти, однако чрезъ нихъ буду прославляться. Но почему Онъ непрестанно говоритъ: *въ мірѣ нѣсмь*, — и: такъ какъ Я оставляю ихъ, то поручаю ихъ Тебѣ, — и: *егда бѣхъ въ мірѣ, Азъ соблюдахъ ихъ* (ст. 12)? Кто станетъ понимать эти слова просто, тотъ придетъ ко многимъ нелѣпостямъ. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы Его дѣйствительно не было въ мірѣ и чтобы, отходя, Онъ поручалъ ихъ другому? А тѣ слова сказаны какъ бы простымъ человѣкомъ, который навсегда разлучается съ ними. Видишь ли, что Онъ говоритъ весьма многое по-человѣчески и приспособляясь къ ихъ понятіямъ, такъ какъ они думали, будто въ Его присутствіи они будутъ безопаснѣе? Потому-то Онъ и говоритъ: *егда бѣхъ, Азъ соблюдахъ ихъ*. Но вѣдь Онъ же сказалъ: *пріиду къ вамъ* (Іоан. XIV, 18), и: *съ вами есмь до скончанія* (Матѳ. XXVIII, 20). Почему же теперь говоритъ такъ, какъ бы дѣйствительно намѣревался разлучиться? Это, какъ я уже сказалъ, приспособленіе къ ихъ мнѣнію,—для того, чтобы они нѣсколько успокоились, слыша, что Онъ говоритъ такъ и поручаетъ ихъ Отцу. Такъ какъ они, послѣ многихъ съ Его стороны утѣшеній, не убѣж-

дались, то Онъ, наконецъ, обращается съ бесѣдою къ Отцу, высказывая сильную любовь къ нимъ. Онъ какъ бы такъ говорилъ: такъ какъ Ты призываешь Меня къ Себѣ, то утверди ихъ въ безопасности, потому что Я къ Тебѣ иду. Что Ты говоришь? Развѣ самъ не можешь хранить ихъ? Конечно, могу. Для чего же говоришь это? *Да имутъ радость Мою исполнену* (ст. 13), то есть, чтобы они не смущались, будучи еще несовершенны. Этими словами Онъ показалъ, что все это говорилъ такъ для ихъ успокоенія и радости: иначе слова Его представляются противорѣчащими. *Нынѣ же нѣсмь въ мірѣ, и сіи въ мірѣ суть.* Такъ, дѣйствительно, думали ученики; а Онъ приспособляется къ нимъ. Если бы Онъ 440
сказалъ: Я соблюду ихъ,—они не столько повѣрили бы; поэтому говоритъ: *Отче, святый соблюди ихъ во имя Твое* (ст. 11), то есть Твоею помощію. *Егда бѣхъ въ мірѣ, Азъ соблюдахъ ихъ во имя Твое* (ст. 12). Опять бесѣдуетъ, какъ человѣкъ и какъ пророкъ, потому что нигдѣ не видно, чтобы Онъ дѣлалъ что-нибудь именемъ Божіимъ. *Ихже далъ еси Мнѣ, сохранихъ, и никтоже отъ нихъ погибе, токмо сынъ погибельный, да сбудется писаніе* (ст. 12). И въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: *все, еже даде Ми, не погублю отъ него* (Іоан. VI, 39). Но вѣдь не одинъ только тотъ (Іуда) погибъ, но и многіе впослѣдствіи. Какъ же Онъ говоритъ: *не погублю*? Сколько отъ Меня зависитъ,—не погублю. Въ другомъ мѣстѣ Онъ показываетъ это еще яснѣе, говоря: *не изжену его вонъ* (Іоан. VI, 37). Не Моя вина; Я не отгоняю и не оставляю; если же кто самъ собою отпадаетъ, Я насильно не влеку. *Нынѣ же къ Тебѣ гряду* (ст. 13). Видишь, какъ по-человѣчески составлена эта бесѣда? Потому, если кто захочетъ на этомъ основаніи унижать Сына, тотъ унизитъ и Отца. Смотри, въ самомъ дѣлѣ, какъ Онъ съ самаго начала то какъ бы учитъ Его и поясняетъ Ему, то какъ бы заповѣдуетъ. Какъ бы учитъ, когда говоритъ: *не о мірѣ молю;* а какъ бы заповѣдуетъ, когда говоритъ: *Азъ соблюдахъ ихъ доселѣ, и никтоже погибе*, и: такъ и Ты *соблюди ихъ*. И опять: *Твои бѣша, и Мнѣ ихъ далъ еси*, и: *егда бѣхъ въ мірѣ, Азъ соблюдахъ ихъ*. Но разрѣшеніе на все въ томъ, что всѣ эти слова сказаны были приспособительно къ ихъ немощи. Сказавъ, что *никтоже отъ нихъ погибе, токмо сынъ погибельный*, Онъ прибавилъ: *да сбудется писаніе.* О какомъ Онъ говоритъ Писаніи? О томъ, которое многое о Немъ предсказываетъ. Но (Іуда) погибъ не потому, чтобы чрезъ это исполнилось Писаніе. Касательно этого я уже много и прежде говорилъ, что это особенный оборотъ, свойственный Писанію—представлять какъ бы причиною то, что сбывается впослѣдствіи. И если мы не хотимъ ошибаться, то должны все тщательно изслѣдовать—и свойство говорящаго, и предметъ (рѣчи), и законы,

свойственные Писанію. *Братіе, не дѣти бывайте умы* (1 Кор. XIV, 20).

3. Но это надобно прилагать не къ разумѣнію только Писанія, но и къ жизни. Малыя дѣти не ищутъ, дѣйствительно, великаго, а обыкновенно удивляются ничего не стоющему. Такъ, они съ радостію смотрятъ на колесницы, коней, возничаго и колеса, когда все это сдѣлано изъ глины; а если видятъ дѣйствительно царя, сидящаго на золотой колесницѣ, и запряженныхъ бѣлыхъ лошаковъ, и великую пышность,—не обращаютъ и вниманія. Или еще: получивъ куклу, сдѣланную изъ того же вещества и представляющую невѣсту, они наряжаютъ ее; а на невѣстъ настоящихъ и блистающихъ красотою и не взглянутъ. Такъ поступаютъ они и во многихъ другихъ случаяхъ. Этому же нынѣ подвержены многіе и изъ взрослыхъ. Слыша о небесномъ, они не обращаютъ и вниманія, а ко всему бренному пристрастны, какъ дѣти,—изумляются земному богатству, высоко цѣнятъ и славу, и наслажденіе въ настоящей жизни, хотя все это—такія же дѣтскія (игрушки), какъ и тѣ, а небесное доставляетъ жизнь, и славу, и успокоеніе. И какъ дѣти, лишаясь игрушекъ, плачутъ, а небеснаго и пожелать не умѣютъ, такъ точно и многіе изъ тѣхъ, которыхъ считаютъ мужами. Поэтому-то сказано: *не дѣти бывайте умы*. Ты любишь, скажи мнѣ, богатство? Зачѣмъ же ты любишь не богатство пребывающее, а
441 дѣтскія игрушки? Вѣдь, еслибы ты увидѣлъ, что кто-нибудь дорожитъ свинцовой монетой и наклоняется, чтобы поднять ее,—не заключилъ ли бы ты о его большой бѣдности? А ты собираешь вещи еще болѣе ничтожныя, и считаешь себя въ числѣ богатыхъ! Есть ли въ этомъ какой-нибудь смыслъ?

Нѣтъ, богатымъ мы назовемъ того, кто презираетъ все настоящее, потому что никто, поистинѣ никто не рѣшится пренебречь этими ничтожными вещами—серебромъ, золотомъ и и другими призрачными благами, если не имѣетъ любви къ большему, точно такъ же, какъ — и свинцовой монетой, если не имѣетъ золотыхъ монетъ. Потому и ты, когда видишь человѣка, оставляющаго безъ вниманія весь міръ, будь увѣренъ, что онъ это дѣлаетъ не по чему-нибудь другому, а именно потому, что имѣетъ въ виду міръ лучшій. Такъ и земледѣлецъ пренебрегаетъ небольшимъ количествомъ пшеницы, потому что надѣется на большую жатву. Если же, при невѣрной еще надеждѣ, мы пренебрегаемъ тѣмъ, что имѣемъ, то тѣмъ болѣе должны поступать такъ при ожиданіи несомнѣнномъ. Потому-то я прошу и умоляю—не вредите самимъ себѣ и, владѣя грязью, не лишайте себя сокровищъ горнихъ, не ведите въ пристань корабля

съ соломою и мякиною. Пусть, что хотятъ, говорятъ обо мнѣ, пусть сердятся на меня за частое повтореніе этого увѣщанія, пусть называютъ меня пустословомъ, докучливымъ, несноснымъ: я никогда не перестану увѣщевать въ этомъ и постоянно буду повторять всѣмъ вамъ эти пророческія слова: *грѣхи твоя милостынями искупи, и неправды твоя щедротами убогихъ* (Дан. IV, 24). *И обѣси тыя на своей выи, да не днесь убо сотвориши, утрѣ же оставиши.* Какъ это тѣло требуетъ ежедневной пищи, такъ- или еще гораздо болѣе—и душа. И если мы не будемъ питать ея, она становится слабѣе и постыднѣе. Не станемъ же презирать 412
ее, когда она гибнетъ и томится голодомъ. Много ранъ она получаетъ каждый день—отъ пожеланій, отъ гнѣва, отъ нерадѣнія, отъ злословія, мщенія и зависти: надобно, слѣдовательно, приготовлять для ней и лѣкарства. А не маловажно лѣкарство милостыни: его можно прилагать ко всѣмъ ранамъ. *Дадите*, сказалъ (Господь), *милостыню, и се вся чиста вамъ будетъ* (Лук. XI, 41),— милостыню, но не то, что пріобрѣтено любостяжаніемъ, потому что удѣляемое отъ пріобрѣтеннаго любостяжаніемъ не имѣетъ значенія, хотя бы ты подавалъ и нуждающимся. Такъ, истинная милостыня свободна отъ всякой неправды, и она-то все дѣлаетъ чистымъ. Такая милостыня лучше и поста, и лежанья на землѣ. Хотя эти подвиги тяжелѣе и труднѣе, но она—плодотворнѣе. Она просвѣщаетъ душу, утучняетъ ее и дѣлаетъ благообразною и прекрасною. Не столько плодъ маслины оживляетъ силы борцевъ, сколько этотъ елей укрѣпляетъ подвижниковъ благочестія. Будемъ же умащать имъ свои руки, чтобы успѣшно поднимать ихъ на противника. Кто старается быть милосердымъ къ нуждающемуся, тотъ скоро отстанетъ и отъ любостяжанія. Кто постоянно подаетъ бѣднымъ, тотъ легко и отъ гнѣва отстанетъ, и никогда не будетъ высоко думать о себѣ. Какъ врачъ, постоянно пользующій раненыхъ, легко смиряется, вглядываясь въ человѣческую природу при несчастныхъ случаяхъ съ другими, такъ и мы, если рѣшимся помогать бѣднымъ, удобно научимся любомудрствовать, не будемъ дивиться богатству и не станемъ считать настоящаго чѣмъ нибудь великимъ; но будемъ пренебрегать всѣмъ и, воспаривъ къ небу, удобно достигнемъ вѣчныхъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXXII.

Азъ дахъ имъ слово Твое, и міръ возненавидѣ ихъ, яко не суть отъ міра, якоже и Азъ отъ міра нѣсмь (Іоан. xvii, 14).

441 1. Когда мы, живя добродѣтельно, подвергаемся преслѣдованію людей злыхъ и за привязанность къ добродѣтели терпимъ отъ нихъ осмѣяніе, — не будемъ печалиться и скорбѣть. Таково уже свойство добродѣтели, что она, обыкновенно, въ людяхъ злыхъ возбуждаетъ къ себѣ ненависть. Завидуя тѣмъ, кто хочетъ жить праведно, и думая самимъ себѣ приготовить оправданіе, если очернятъ добрую славу другихъ, злые люди ненавидятъ (добрыхъ), какъ идущихъ противоположнымъ путемъ, и всячески стараются обезславить ихъ жизнь. Но не будемъ сокрушаться, потому что ненависть злыхъ служитъ знакомъ добродѣтели. Потому-то и Христосъ говоритъ: *аще отъ міра бысте были, міръ убо свое любилъ бы* (Іоан. xv, 19), и опять въ другомъ мѣстѣ: *горе* вамъ, *егда добрѣ рекутъ вамъ вси человѣцы* (Лук. vi, 26). Поэтому же и здѣсь Онъ говоритъ: *дахъ имъ слово Твое, и міръ возненавидѣ ихъ.* Этимъ опять высказываетъ причину, по которой они достойны великаго попеченія Отца. За Тебя, говоритъ, и за слово твое они подверглись ненависти; поэтому достойны всего промышленія. *Не молю, да возмеши ихъ отъ міра, но да соблюдеши ихъ отъ непріязни* (ст. 15). Снова поясняетъ Свою рѣчь, снова дѣлаетъ ее вразумительнѣе, — чѣмъ не иное что показываетъ, какъ только
442 то, что Онъ много заботится объ ученикахъ, такъ какъ молится за нихъ съ такимъ тщаніемъ. Но вѣдь Онъ сказалъ, что Отецъ все сдѣлаетъ, чего бы они ни попросили. Почему же здѣсь самъ молится за нихъ? Это, какъ я сказалъ, только для того, чтобы выразить любовь къ нимъ. *Отъ міра не суть, якоже и Азъ отъ міра нѣсмь* (ст. 16). Какъ же Онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *ихже далъ еси Мнѣ отъ міра, Твои бѣша* (ст. 6)? Тамъ Онъ разумѣетъ природу, а здѣсь — злыя дѣла. Такимъ образомъ многое говоритъ въ похвалу учениковъ, и во-первыхъ, что они *не суть отъ міра,* потомъ, что самъ Отецъ далъ ихъ, что они соблюли слово Его и что за это ихъ ненавидятъ. А что Онъ говоритъ: *якоже и Азъ отъ міра нѣсмь,* — этимъ не смущайся. Слово: *якоже* не означаетъ здѣсь совершеннаго сходства. Какъ въ такомъ случаѣ, когда говорится о Христѣ и объ Отцѣ, словомъ: *якоже* выражается полное равенство, по сродству Ихъ естества, такъ и тогда, когда говорится о насъ и о Христѣ, оно допускаетъ великое различіе, по причинѣ великой и безпредѣльной разности между

Его и нашимъ естествомъ. И если Христосъ *беззаконія не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его* (Ис. LIII, 9), то какъ могутъ быть сравниваемы съ Нимъ апостолы? Что же значатъ слова Его: *отъ міра не суть?* Они имѣютъ въ виду другой (міръ),—у нихъ ничего нѣтъ общаго съ землею,—они сдѣлались небесными гражданами. И этимъ также Онъ показываетъ Свою любовь,—такъ какъ хвалитъ ихъ предъ Отцемъ и поручаетъ ихъ Родившему. Сказавъ же: *соблюди ихъ*, Онъ сказалъ не только объ 443
избавленіи ихъ отъ опасностей, но и объ утвержденіи въ вѣрѣ. Потому и прибавилъ: *святи ихъ во истину твою* (ст. 17),—сдѣлай святыми преподаніемъ Св. Духа и правыхъ догматовъ. Какъ прежде сказалъ: *чисти есте за слово, еже глаголахъ вамъ* (XV, 3), такъ и теперь говоритъ тоже самое: наставь ихъ, научи истинѣ. Но вѣдь Онъ сказалъ, что это дѣлаетъ Духъ: какъ же теперь проситъ объ этомъ Отца? Это опять для того, чтобы ты позналъ равночестіе. А исповѣданіе правыхъ догматовъ о Богѣ, дѣйствительно, освящаетъ душу. Не удивляйся и тому, что Онъ приписываетъ освященіе слову. А что Онъ говоритъ о догматахъ, это видно изъ того, что Онъ прибавилъ: *слово Твое истина есть*, то есть, нѣтъ въ немъ ничего ложнаго, но все сказанное должно непремѣнно исполниться; нѣтъ также ничего образнаго, ничего тѣлеснаго. Такъ и Павелъ говоритъ о Церкви, что Христосъ освятилъ ее—*въ глаголѣ* (Ефес. V, 26). Значитъ, и глаголъ Божій можетъ очищать. Впрочемъ, мнѣ кажется, что выраженіе: *святи ихъ* значитъ и нѣчто другое, именно: отдѣли ихъ для слова и проповѣди. И это опять видно изъ дальнѣйшихъ словъ. *Якоже Мене*, говоритъ Христосъ, *послалъ еси въ міръ, и Азъ послалъ ихъ въ міръ* (ст. 18). Тоже говоритъ и Павелъ: *положивъ въ насъ слово примиренія* (2 Кор. V, 19). Дѣйствительно, для чего пришелъ Христосъ, для того и апостолы обошли вселенную. Но слово: *якоже* опять и здѣсь не означаетъ равенства между Имъ и апостолами: иначе какимъ бы образомъ люди могли быть посланы? А говорить о будущемъ, какъ о прошедшемъ,—дѣло Ему обыкновенное. *И за нихъ Азъ свящу Себе, да и тіи будутъ священи во истину* (ст. 19). Что значитъ: *свящу Себе?* Приношу Тебѣ жертву. Жертвы же всѣ называются святыми, какъ и дѣйствительно свято все, принесенное Богу. Но такъ какъ въ ветхомъ завѣтѣ освященіе было въ прообразѣ, подъ видомъ овцы, а теперь оно уже не въ прообразѣ, но въ самой истинѣ, то Онъ говоритъ: *да и тіи священи будутъ во истину* Твою. И ихъ самихъ Я посвящаю Тебѣ, и дѣлаю приношеніемъ. Это Онъ говоритъ или потому, что Глава ихъ дѣлается жертвою, или потому, что они и сами будутъ жертвою. *Представите*, сказано, *уди ваши жертву живу, святу* (Римл.

XII, 1), и еще: *вмѣнихомся, яко овцы заколенія* (Пс. XLIII, 23). Такимъ образомъ и безъ смерти Онъ дѣлаетъ ихъ жертвою и приношеніемъ. А что словомъ: *свящу* Онъ намекалъ на Свою жертву, это видно изъ того, что слѣдуетъ далѣе. *Не о сихъ же молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя* (ст. 20). Такъ какъ Онъ умеръ за вѣрующихъ, а между тѣмъ сказалъ: *за нихъ Азъ свящу Себе*, то, чтобы кто не подумалъ, что Онъ умеръ только за апостоловъ, Онъ прибавилъ: *не о сихъ же молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя* (ст. 20).

2. Чрезъ это Онъ опять ободрилъ ихъ души, показавъ, что будетъ много учениковъ. Такъ какъ Онъ сдѣлалъ общимъ достояніемъ то, что имъ принадлежало по преимуществу, то опять утѣшаетъ ихъ, объявляя, что они же будутъ виновниками и спасенія другихъ. А сказавъ и о спасеніи ихъ, и объ освященіи вѣрою и жертвою, Онъ говоритъ, наконецъ, о единомысліи и тѣмъ заключаетъ Свое слово. Этимъ Онъ началъ, этимъ и оканчиваетъ. Въ началѣ Онъ сказалъ: *заповѣдь новую даю вамъ* (XIII, 34), а теперь: *да едино будутъ, якоже Ты, Отче, во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ* (ст. 21). Слово: *якоже* опять не означаетъ, по отношенію къ ученикамъ, точнаго равенства, потому что для нихъ таковое и не-
444 возможно было. Оно значитъ: сколько возможно для людей,— подобно тому, какъ и въ словахъ: *будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ* (Лук. VI, 36). А что значитъ: *въ насъ*? По вѣрѣ въ Насъ. Такъ какъ ничто столько не соблазняетъ всѣхъ, какъ раздоръ, то онъ старается, чтобы были едино. Что же, скажешь,—достигъ ли Онъ этого? И очень достигъ,—потому что всѣ, увѣровавшіе чрезъ апостоловъ, суть едино, хотя нѣкоторые изъ нихъ и отдѣлились. Впрочемъ, и это (отдѣленіе) не укрылось отъ Него; напротивъ, Онъ предсказалъ и о немъ, и показалъ, что оно происходитъ отъ человѣческаго нерадѣнія. *Да и міръ вѣру иметъ, яко Ты Мя послалъ еси* (ст. 21). Это же самое Онъ говоритъ и въ началѣ: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (XV, 35). Но какимъ образомъ другіе могли чрезъ это увѣровать? Увѣруютъ, говоритъ, потому что Ты — Богъ мира. Итакъ, если они будутъ соблюдать все то, чему научились, то слушающіе ихъ узнаютъ Учителя по ученикамъ. Если же они будутъ въ несогласіи, то никто не скажетъ, что они — ученики Бога мира; а не признавая Меня миротворцемъ, никто не будетъ исповѣдывать и того, что Я посланъ Тобою. Видишь ли, какъ до самаго конца Онъ старается утвердить Свое единомысліе съ Отцемъ? *И Азъ славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ* (ст. 22), то есть, славу чудесъ, славу ученія и славу — да будутъ единодушны, потому что и въ томъ слава *да будутъ едино* и слава — больше

чудесъ. Какъ по отношенію къ Богу мы изумляемся, что въ естествѣ Его нѣтъ ни несогласія, ни борьбы, и это — величайшая слава, такъ, говоритъ, и они да прославятся тѣмъ же. Но почему же, скажешь, Онъ проситъ Отца даровать имъ это, тогда какъ, по Его же словамъ, даетъ самъ? Говоритъ ли Онъ, дѣйствительно, о чудесахъ, или о единомысліи, или о мирѣ,—вездѣ видно, что Онъ самъ преподалъ имъ это. Все это показываетъ, что Онъ проситъ для утѣшенія ихъ. *Азъ въ нихъ, и Ты во Мнѣ* (ст. 23). Какимъ образомъ Онъ далъ славу? Тѣмъ, что Онъ пребывалъ въ нихъ самъ, имѣя съ Собою и Отца, чтобы теснѣе соединить ихъ. А въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ не такъ: не чрезъ Него Отецъ пріидетъ, но самъ Онъ и Отецъ пріидутъ, и обитель у него сотворятъ (Іоан. XIV, 13). Такимъ образомъ тамъ Онъ уничтожаетъ мнѣніе Савеллія, а здѣсь — Арія. *Да будутъ совершени во едино, и да разумѣетъ міръ, яко Ты Мя послалъ еси* (ст. 23). Часто повторяетъ это, чтобы показать, что миръ можетъ привлекать больше, чѣмъ чудеса. И дѣйствительно, какъ вражда имѣетъ силу раздѣлять, такъ согласіе—соединять. *И Я возлюбилъ ихъ, якоже Мене возлюбилъ еси* (ст. 23). Опять и здѣсь слово: *якоже* означаетъ—столько, сколько человѣкъ можетъ быть любимъ. А доказательство этой любви то, что Онъ Себя самого предалъ за нихъ. Сказавъ такимъ образомъ, что будутъ въ безопасности, что они не совратятся, что они будутъ святы, что многіе увѣруютъ чрезъ нихъ, что они сподобятся великой славы, что не только самъ Онъ возлюбилъ ихъ, но и Отецъ,—Христосъ говоритъ, наконецъ, и о томъ, что будетъ (съ ними) по отшествіи отсюда, о наградахъ и вѣнцахъ, имъ уготованныхъ. *Отче*, говоритъ Онъ, *ихже далъ еси Мнѣ, хощу, да идѣже есмь Азъ, и тіи будутъ со Мною* (ст. 24). А этого они всегда и домогались, говоря: *камо идеши* (Іоан. XIV, 5)? Но что Ты говоришь? Ты просишь, чтобы получить это, а самъ еще не имѣешь? Какъ же Ты сказалъ имъ: *сядите на двоюнадесяте престолу* (Матѳ. XIX, 28)? Какъ обѣщалъ много и другого, еще большаго? Видишь ли, что Онъ говоритъ все это приспособительно? Иначе, какъ бы Онъ могъ сказать: *послѣди же идеши* (Іоан. XIII, 36)? Очевидно, 445
Онъ говоритъ такъ для большаго удостовѣренія въ любви. *Да видятъ славу Мою, юже далъ еси Мнѣ* (ст. 24). Это опять доказательство единомыслія съ Отцемъ. Оно, конечно, выше прежнихъ, потому что Онъ сказалъ: *прежде сложенія міра*; но и въ немъ есть нѣкоторое приспособленіе, такъ какъ Онъ говоритъ: *далъ еси Мнѣ*. Если же это не такъ, то я очень желалъ бы спросить противниковъ: тотъ, кто даетъ,—даетъ, конечно, кому-либо существующему? Итакъ, неужели Отецъ прежде родилъ Сына, и уже послѣ далъ Ему славу, а сначала оставилъ Его безъ славы? Но какъ можно

допустить это? Видишь ли, что слово: *далъ* значитъ тоже, что родилъ?

3. Почему же Христосъ не сказалъ: да будутъ причастниками славы, но: *да видятъ славу?* Этимъ Онъ намекаетъ на то, что все блаженство состоитъ именно въ созерцаніи Сына Божія; а отсюда происходитъ уже и слава. Такъ и Павелъ говоритъ: *откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающе* (2 Кор. ш, 18). Въ самомъ дѣлѣ, какъ тѣ, которые смотрятъ на солнечные лучи и наслаждаются прозрачнѣйшимъ воздухомъ, получаютъ удовольствіе чрезъ зрѣніе, такъ и тогда, но гораздо въ высшей степени, созерцаніе доставитъ намъ наслажденіе. Въ то же время Христосъ здѣсь показываетъ, что предметомъ созерцанія будетъ не то, что подлежитъ обыкновенному зрѣнію, но нѣкая поразительная сущность. *Отче праведный, и міръ Тебе не позна* (ст. 25). Что это значитъ? Какая здѣсь послѣдовательность? Этимъ показываетъ, что никто не знаетъ Бога, кромѣ тѣхъ, которые познали Сына. Смыслъ словъ Его слѣдующій: Я хотѣлъ бы, чтобы всѣ были въ этомъ состояніи; но не (всѣ) познали Тебя, хотя и ничего не могутъ сказать въ свое оправданіе. Вотъ это именно и значатъ слова: *Отче праведный*. Въ этихъ словахъ, мнѣ кажется, Онъ выражаетъ и негодованіе на то, что не хотѣли познать столь Благого и Праведнаго. Такъ какъ іудеи говорили, что Бога они знаютъ, а Его не знаютъ, то противъ этого Онъ говоритъ: *яко возлюбилъ Мя еси прежде сложенія міра* (ст. 24), и тѣмъ защищаетъ Себя отъ іудейскихъ обвиненій. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ, Кто пріялъ славу, Кто возлюбленъ прежде сложенія міра, Кто желаетъ ихъ самихъ имѣть свидѣтелями этой славы,—какъ могъ быть Онъ противникомъ Отцу? Несправедливо, значитъ, то, что говорятъ іудеи, будто они знаютъ Тебя, а Я не знаю; напротивъ, Я знаю Тебя, другіе же Тебя не познали. *И сіи познаша, яко Ты Мя послалъ еси* (ст. 25). Видишь ли, что Онъ намекаетъ на тѣхъ, которые говорили, будто Онъ не отъ Бога, и къ этому направляетъ все слово? *И сказахъ имъ имя Твое, и скажу* (ст. 26). Но вѣдь Ты сказалъ, что совершенное знаніе даруется Духомъ? Такъ; но что принадлежитъ Духу, то—Мое. *Да любы, еюже Мя еси возлюбилъ, въ нихъ будетъ, и Азъ въ нихъ* (ст. 26). Когда они уразумѣютъ, кто Ты, тогда узнаютъ, что Я не чуждъ, но весьма любимъ, что Я истинный Сынъ и соединенъ съ Тобою. Убѣдившись же въ этомъ, какъ должно, они соблюдутъ и вѣру въ Меня, и твердую любовь. А когда они будутъ любить, какъ должно, тогда Я буду пребывать въ нихъ. Видишь ли, къ какому прекрасному Онъ пришелъ концу, заключивъ рѣчь словомъ о любви, матери всѣхъ благъ? Будемъ же вѣровать и лю-

бить Бога, чтобы и о насъ не было сказано: *Бога исповѣдуютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся Его* (Тим. I, 16), и еще: *вѣры отвергся есть, и невѣрнаго горшій есть* (1 Тим. V, 8). Въ самомъ дѣлѣ, если невѣрный оказываетъ пособіе и рабамъ, и сродникамъ, и чужимъ, а ты не заботишься и о принадлежащихъ къ твоему роду, то какое, наконецъ, будетъ тебѣ оправданіе, когда чрезъ тебя Богъ подвергается хулѣ и поношенію? Посмотри, сколько Богъ 446
далъ намъ поводовъ къ благотворительности. Одного, говоритъ Онъ, милуй, какъ сродника, другого—какъ друга, третьяго—какъ сосѣда, того—какъ согражданина, этого—какъ человѣка. Если же ничто это не трогаетъ тебя, но ты разрываешь всѣ узы, то узнай отъ Павла, что ты хуже невѣрнаго. Тотъ, ничего не слышавшій о милостынѣ, ничего о томъ, что на небѣ, превзошелъ тебя человѣколюбіемъ; а ты, обязанный любить самихъ враговъ, смотришь на своихъ, какъ на враговъ, и деньги бережешь больше, чѣмъ людей. Между тѣмъ деньги, будучи истрачены, не потерпятъ никакого вреда; а человѣкъ, оставленный безъ призрѣнія, погибнетъ. Что это за безуміе—беречь деньги и и не беречь родныхъ! Откуда вселилась эта страсть? Откуда это безчеловѣчіе и жестокость?

4. Если бы кто, сѣвши какъ бы на вершинѣ зрѣлища, взглянулъ на весь міръ,—или лучше, ограничимся пока, если хотите, однимъ нашимъ городомъ,—такъ, еслибы кто, сѣвши на высокомъ мѣстѣ, могъ разглядѣть все человѣческое,—подумай, сколько увидѣлъ бы онъ безразсудства, сколько пролилъ бы слезъ, какимъ посмѣялся бы смѣхомъ, сколько почувствовалъ бы ненависти! Мы, дѣйствительно, поступаемъ такъ, что наши дѣла и смѣшны, и глупы, и жалки, и ненавистны. Вотъ одинъ кормитъ собакъ, чтобы ловить дикихъ звѣрей, а самъ впадаетъ въ звѣрство; другой—ословъ и воловъ, чтобы возить камни, а презираетъ людей, истаевающихъ отъ голода: тратитъ бездну золота, чтобы соорудить каменныхъ людей, а людей настоящихъ, которые отъ бѣдствій сдѣлались каменными, оставляетъ въ небреженіи. Иной собираетъ драгоцѣнные камешки и съ большимъ трудомъ убираетъ ими стѣны, а видя нагіе члены нищихъ, нисколько не трогается. Одни къ своимъ одеждамъ придумываютъ еще одежды, а между тѣмъ, другіе не имѣютъ, чѣмъ покрыть и и нагого тѣла. Въ судахъ, опять, одинъ пожираетъ другого. Иной расточаетъ все на блудницъ и тунеядцевъ; другой—на комедіянтовъ и плясуновъ; иной—на пышныя постройки, на покупку селъ и домовъ. Опять, одинъ вычисляетъ проценты, другой—проценты на проценты; иной сочиняетъ бумаги, наполненныя многими убійствами. и даже ночью не имѣетъ отдыха, не-

усыпно бодрствуя на пагубу другимъ. Едва насталъ день, одинъ бѣжитъ на прибыль неправедную, другой — на трату безпутную, а иные — на казнокрадство. Вообще, объ излишнемъ и запрещенномъ много заботы, а о необходимомъ нѣтъ и мысли. Судящіе носятъ, дѣйствительно, имя судей, а поступаютъ, какъ разбойники и человѣкоубійцы. Если кто разсмотритъ тяжбы или завѣщанія, тотъ опять и здѣсь найдетъ множество зла,—коварство, воровство, злые умыслы. И объ этомъ все попеченіе, а о духовномъ нѣтъ и мысли. Въ церковь всѣ приходятъ только для того, чтобы поглазѣть; но отъ насъ требуется не это,—намъ нужны дѣла и чистая душа. Если же ты весь день истратишь на любостяжаніе, и потомъ, придя (въ церковь), скажешь нѣсколько словъ, то не только не умилостивишь Бога, но еще болѣе раздражишь Его. Если ты хочешь преклонить на милость твоего Господа, то покажи дѣла: познай множество всякаго рода бѣдствій, призри нагихъ, алчущихъ, обижаемыхъ. Богъ открылъ тебѣ тысячи путей къ человѣколюбію. Итакъ, не будемъ обманывать самихъ себя, живя напрасно и даромъ, и не будемъ небрежны потому, что теперь здоровы. Мы уже не разъ подвергались болѣзни и, дойдя до крайней степени изнеможенія, умирали отъ страха и ожиданія будущаго. Помышляя объ этомъ,
447 будемъ думать, что опять можемъ подвергнуться тому же; пріобрѣтемъ тотъ же самый страхъ и сдѣлаемся лучшими,—такъ какъ настоящія наши дѣла достойны тысячи осужденій. Засѣдающіе въ судахъ подобны львамъ и псамъ, а торгующіе на рынкахъ—лисицамъ. Да и тѣ, которые живутъ, не занимаясь никакими дѣлами,—и тѣ пользуются свободою отъ дѣлъ не какъ должно, но губятъ весь досугъ на театры и происходящія оттуда дурныя дѣла. И нѣтъ никого, кто обличалъ бы за все это; а соревнующихъ и сокрушающихся, что сами не могутъ дѣлать наравнѣ съ другими,—много. Но и эти послѣдніе также подвергнутся наказанію, хотя они и не дѣлаютъ худого, потому что *не точію сія творятъ, но и соизволяютъ творящимъ* (Римл. I, 32). Наклонности ихъ одинаково растлѣнны, а изъ словъ апостола
448 видно, что будетъ наказаніе и за сердечное расположеніе. Каждый день я говорю это и не перестану говорить. Если кто послушаетъ,—хорошо; а если и никто не обратитъ вниманія, то все же вы услышите это тогда, когда вамъ не будетъ отъ того никакой пользы, и вы станете укорять самихъ себя, а я буду чистъ отъ вины. Но не дай Богъ, чтобы я имѣлъ только это оправданіе; нѣтъ, я желалъ бы, чтобы вы были и похвалою для меня предъ судилищемъ Христовымъ, чтобы вмѣстѣ насладиться небесными благами, по благодати и человѣколюбію Господа на-

шего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXXIII.

И сія рекъ Іисусъ, изыде со ученики Своими на онъ полъ потока кедрска, идѣже бѣ вертоградъ, въ онь же вниде самъ и ученицы Его (Іоан. xvIII, 2).

1. Страшна смерть и великаго исполнена ужаса, но — не 447
для тѣхъ, кому извѣстно высшее любомудріе. Кто ничего ясно не знаетъ о будущемъ, но считаетъ смерть разрушеніемъ и окончаніемъ жизни, тому естественно страшиться и ужасаться ея, потому что онъ какъ бы отходитъ въ небытіе. А мы, по благодати Божіей, познавшіе безвѣстная и тайная премудрости Его, и считающіе смерть переселеніемъ, мы были бы неправы, если бы стали трепетать ея; напротивъ, мы должны радоваться и благодушествовать, потому что, оставляя эту временную жизнь, мы отходимъ къ другой, гораздо лучшей, блистательнѣйшей и не имѣющей конца. Вотъ этому-то и Христосъ научаетъ насъ самымъ дѣломъ, идя на страданіе не по насилію и необходимости, но добровольно. *Сія рекъ Іисусъ*, сказано, *изыде со ученики Своими на онъ полъ потока кедрска, идѣже бѣ вертоградъ, въ онь же вниде самъ и ученицы Его. Вѣдяше же и Іуда, предаяй Его, мѣсто, яко множицею собирашеся ту Іисусъ со ученики Своими* (Іоан. xvIII, 1—2). Идетъ среди ночи, переходитъ потокъ, спѣшитъ достигнуть мѣста, извѣстнаго предателю, и чрезъ то избавляя злоумышленниковъ отъ труда и освобождая ихъ отъ всякаго безпокойства, показываетъ ученикамъ, что идетъ на страданіе добровольно, — а это въ особенности могло утѣшить ихъ, — и заключаетъ Себя въ саду, какъ бы въ темницѣ. *Сія рекъ* имъ. Что ты говоришь? Вѣдь Онъ бесѣдовалъ съ Отцемъ, вѣдь Онъ молился? Почему же ты не говоришь, что Онъ пришелъ туда, окончивъ молитву? Потому, что то была не молитва, но рѣчь—ради учениковъ. Съ Нимъ вошли и ученики Его въ садъ. До такой степени Онъ избавилъ ихъ отъ боязни, что они не только уже не противорѣчатъ, но и вошли въ садъ. Но какимъ образомъ пришелъ туда Іуда? Какое онъ имѣлъ побужденіе идти туда? Изъ этого видно, что Христосъ часто проводилъ ночи внѣ дома. Иначе, если бы Онъ всегда проводилъ ночь дома, — Іуда не пришелъ бы въ пустое мѣсто, но пошелъ бы въ домъ, въ надеждѣ найти Его тамъ спящимъ. А чтобы ты, услышавъ о садѣ, не подумалъ, что Христосъ скрывался, евангелистъ присовокупилъ: *вѣдяше Іуда мѣсто*, — и не

только это, но еще и то, что *множицею собирашеся ту со ученики Своими.* Дѣйствительно, Онъ часто бывалъ съ ними наединѣ и бесѣдовалъ о предметахъ необходимыхъ, о которыхъ другимъ не слѣдовало слышать. Это Онъ дѣлалъ по преимуществу въ горахъ и въ садахъ, всегда изыскивая мѣстность, удаленную отъ шума, чтобы вниманіе не отклонялось отъ слушанія. *Іуда убо, пріемъ спиру и отъ архіерей и фарисей слуги, пріиде тамо* (ст. 3). Тѣ не-
448 однократно и прежде посылали схватить Его, но не могли. Изъ этого видно, что Онъ и теперь предалъ Себя добровольно. Но какимъ образомъ уговорили спиру? Это были солдаты, готовые дѣлать все за деньги. *Іисусъ же, вѣдый вся грядущая нань, изшедъ рече имъ: кого ищете* (ст. 4)? То есть, не теперь только и не изъ того, что они пришли, Онъ узналъ объ этомъ, но уже напередъ зналъ все это и потому безъ смущенія говорилъ и дѣйствовалъ. Почему же они приходятъ съ оружіемъ, намѣреваясь схватить Его? Они боялись Его послѣдователей. По этой же причинѣ они и напали на него поздно ночью. *Изшедъ рече имъ: кого ищете? Отвѣщаша Ему: Іисуса Назорея* (ст. 4. 5). Видишъ ли непреоборимую силу, — какъ Онъ, находясь среди ихъ, ослѣпилъ глаза ихъ? А что не темнота была причиною — это показалъ евангелистъ, сказавши, что они имѣли и свѣтильники. Да если бы и не было свѣтильниковъ, все же они должны были бы узнать Его по голосу. Если же они и не знали Его, то какъ могъ не узнать Іуда, который неразлучно находился съ Нимъ? Вѣдь и онъ стоялъ вмѣстѣ съ ними, и однакожъ, не только, подобно имъ, не узналъ Его, но и повергся вмѣстѣ съ ними на землю. Это сдѣлалъ Іисусъ для того, чтобы показать, что безъ Его соизволенія они не только не могли бы взять Его, но и увидѣть Его, хотя Онъ находился среди ихъ. *Паки вопроси ихъ: кого ищете* (ст. 7)? О, безуміе! Слово Его повергло ихъ на землю; а они и послѣ того, какъ испытали столь великую силу, не обратились, но опять устремляются на тоже. Потому, исполнивъ съ Своей стороны все, Онъ, наконецъ, предаетъ Себя и говоритъ имъ: *рѣхъ вамъ, яко Азъ есмь* (ст. 8). *Стояше же и Іуда, иже предаяше Его* (ст. 5). Замѣть незлобіе евангелиста: онъ не поноситъ предателя, но разсказываетъ событіе, стараясь одно лишь показать, что все произошло по Его соизволенію. А чтобы кто-нибудь не сказалъ, что Онъ самъ расположилъ ихъ къ тому,—такъ какъ самъ Себя отдалъ имъ и объявилъ Себя предъ ними, — Христосъ сначала сдѣлалъ все, что могло отклонить ихъ отъ предпріятія, и уже тогда, какъ они остались упорными въ злобѣ и не имѣли никакого оправданія, предалъ имъ Себя, говоря: *аще убо Мене ищете, оставите сихъ ити* (ст. 8). Такъ до послѣдней минуты выказываетъ Свою

любовь къ ученикамъ! Если, говоритъ, вы во Мнѣ имѣете нужду, то не трогайте ихъ. Вотъ Я самъ Себя предаю вамъ. *Да сбудется слово, еже рече, яко не погублю отъ нихъ никогоже* (ст. 9). Подъ именемъ погибели разумѣетъ здѣсь не эту смерть, но ту — вѣчную; а евангелистъ принялъ эти слова и въ смыслѣ настоящей смерти. Можетъ быть, кто-нибудь удивится, какъ не взяли вмѣстѣ съ Нимъ и не умертвили апостоловъ, особенно, когда Петръ раздражилъ ихъ своимъ поступкомъ съ рабомъ. Кто же удерживалъ ихъ? Не другой кто, а та же сила, которая повергла ихъ на землю. Потому-то и евангелистъ, желая показать, что это произошло не по ихъ волѣ, но по силѣ и волѣ Того, Кто былъ взятъ ими, и присовокупилъ: *да сбудется слово, еже рече, яко никтоже отъ нихъ погибе.*

2. Ободренный этими словами, равно какъ и тѣмъ, что уже 449
совершилось, Петръ поднимаетъ въ это время оружіе противъ пришедшихъ. Но какъ же, скажешь, былъ ножъ у того, кому заповѣдано было не имѣть ни дорожной сумы, ни двухъ одеждъ (Матѳ. x, 9)? Мнѣ кажется, Петръ боялся именно этого, и потому заранѣе приготовилъ. Если же ты спросишь: какимъ образомъ тотъ, кому дано повелѣніе не ударять въ ланиту, дѣлается человѣкоубійцею,—(я отвѣчу), что, дѣйствительно, ему заповѣдано было не мстить за себя; но здѣсь онъ мстилъ не за себя самого, а за своего Учителя. Притомъ же ученики не были еще вполнѣ совершенны. Если ты хочешь видѣть Петра любомудрствующимъ, то посмотри на него впослѣдствіи, когда онъ подвергается ранамъ и переноситъ ихъ съ кротостію, терпитъ безчисленное множество бѣдствій и не раздражается. А Христосъ и здѣсь совершаетъ чудо и тѣмъ въ одно и тоже время и научатъ насъ благодѣтельствовать зло творящимъ, и обнаруживаетъ Свою силу. Рабу Онъ возвращаетъ ухо, а Петру говоритъ: *вси пріемшіи ножъ, ножемъ погибнутъ* (Матѳ, xxvi, 52). Какъ поступилъ при умовеніи (ногъ), смиривъ горячность Петра угрозою, такъ поступаетъ и здѣсь. А о имени раба евангелистъ упоминаетъ по той причинѣ, что это событіе было весьма важно не потому только, что Христосъ исцѣлилъ, но и потому что исцѣлилъ человѣка, который пришелъ взять Его и немного послѣ имѣлъ ударить Его въ ланиту, что этимъ Онъ отстранилъ долженствовавшую возникнуть отсюда брань на Его учениковъ. Поэтому-то евангелистъ сказалъ и имя, чтобы тогдашніе читатели могли изыскать и изслѣдовать, дѣйствительно ли это такъ было. Не безъ намѣренія также онъ говоритъ и о правомъ ухѣ; этимъ, какъ мнѣ кажется, онъ хотѣлъ показать горячность апостола, такъ какъ онъ устремился почти на самую голову. Но Іисусъ не только Петра

останавливаетъ угрозою, но и другихъ утѣшаетъ слѣдующими словами: *чашу, юже даде Мнѣ Отецъ, не имамъ ли пити ея* (ст. 11)? Этимъ Онъ показываетъ, что все, что теперь совершается, зависитъ не отъ силы враговъ, но отъ Его соизволенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ, что Онъ не противникъ Божій, но послушенъ Отцу даже до смерти. Тогда-то уже *яша Іисуса, и связаша Его, и ведоша Его ко Аннѣ первѣе* (ст. 12, 13). Для чего же къ Аннѣ? Отъ полноты удовольствія они хвалились этимъ событіемъ, какъ бы одержали побѣду. Анна *бѣ тесть Каіафѣ. Бѣ же Каіафа давый совѣтъ Іудеомъ, яко уне есть единому человѣку умрети за люди* (ст. 13, 14). Для чего евангелистъ опять напомнилъ намъ это пророчество? Для того, чтобы показать, что все это совершилось для нашего спасенія, и что таково величіе этой истины, что и сами враги предвозвѣщали о томъ. Итакъ, чтобы слушатель не смутился, услышавъ объ узахъ, напоминаетъ объ этомъ пророчествѣ, то есть—что смерть Его была спасеніемъ для вселенной. *По Іисусѣ же идяше Симонъ Петръ и другій ученикъ* (ст. 15). Кто этотъ другой ученикъ? Тотъ, кто написалъ объ этомъ. Почему же онъ не называетъ себя по имени? Когда онъ возлежалъ на персяхъ Іисусовыхъ, тогда была у него причина скрыть Свое имя: но почему онъ это дѣлаетъ теперь? По той же самой причинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, и здѣсь онъ повѣствуетъ о великомъ подвигѣ, то есть, что въ то время, когда всѣ разбѣжались, онъ послѣдовалъ. Поэтому-то онъ скрываетъ свое имя и о Петрѣ упоминаетъ прежде, чѣмъ о себѣ. О себѣ же онъ былъ вынужденъ упомянуть здѣсь, чтобы показать, что онъ обстоятельнѣе всѣхъ другихъ разсказываетъ о происшествіяхъ во дворѣ, потому что онъ самъ былъ внутри двора. И смотри, какъ онъ отстраняетъ отъ себя похвалу! Чтобы кто-нибудь не сказалъ, что онъ въ то время, какъ всѣ удалились, прошелъ даже далѣе Симона, онъ говоритъ: *знаемъ бѣ архіереови* (ст. 15),—чтобы никто не удивлялся тому, что онъ послѣдовалъ, и никто не превозносилъ его за мужество.

Напротивъ, поведеніе Петра точно, удивительно: онъ былъ весьма боязливъ, и однакожъ дошелъ до самаго двора, тогда
450 какъ всѣ другіе удалились. Что онъ пришелъ туда, это показываетъ его любовь; а что онъ не вошелъ во дворъ, это зависѣло отъ его страха и боязни. Для того именно евангелистъ и описалъ это, чтобы напередъ приготовить извиненіе его отреченію. О себѣ же самомъ онъ, не какъ что-нибудь важное, замѣчаетъ, что онъ *знаемъ бѣ архіереови;* но такъ какъ сказалъ, что онъ одинъ вошелъ съ Іисусомъ, то, чтобы ты не подумалъ, что это было дѣломъ его великой души, онъ выставляетъ на видъ и причину

этого поступка. А что и Петръ вошелъ бы, еслибы ему было дозволено, показалъ это въ послѣдующемъ повѣствованіи. Дѣйствительно, когда (Іоаннъ) вышелъ и приказалъ привратницѣ ввести его, Петръ тотчасъ вошелъ. Почему же онъ самъ не ввелъ его? Онъ не отставалъ отъ Христа, но слѣдовалъ за Нимъ, и потому приказалъ женщинѣ ввести Петра. Чтожъ эта женщина? *Еда и ты ученикъ еси человѣка сего?* А онъ отвѣчаетъ: *нѣсмь* (ст. 17). Что ты говоришь, Петръ? Не сказалъ ли ты недавно, что, если надобно будетъ мнѣ и душу свою положить за Тебя, я положу? Итакъ, что же случилось, что ты не въ состояніи перенести даже вопроса привратницы? Развѣ воинъ спрашивалъ тебя? Развѣ одинъ изъ тѣхъ, которые взяли? То была простая и ничтожная привратница, да и вопросъ былъ не рѣзкій. Въ самомъ дѣлѣ, она не сказала: и ты ученикъ этого обманщика и губителя, но — *человѣка сего*; а это, скорѣе, были слова сострадающей и соболѣзнующей. Но Петръ и этого не вытерпѣлъ. А слова: *еда и ты* — сказаны потому, что Іоаннъ былъ уже во дворѣ. Такъ кротко говорила эта женщина! Но ничего этого не замѣтилъ и не обратилъ на это вниманія ни въ первый разъ, ни во второй, ни даже въ третій, доколѣ алекторъ не возгласилъ; да и это не образумило его, пока Іисусъ не взглянулъ на него съ горестію. Онъ стоялъ съ слугами архіерейскими и грѣлся (ст. 18) а Христосъ, связанный, содержался въ домѣ. Впрочемъ, это говоримъ мы не съ тѣмъ, чтобы осудить Петра, но чтобы показать истину словъ Христовыхъ. *Архіерей же вопроси Іисуса о ученицѣхъ Его, и о ученіи Его* (ст. 19).

3. Какое лукавство! Теперь онъ хочетъ узнать, между тѣмъ какъ постоянно слышалъ Христа, когда Онъ проповѣдывалъ во храмѣ и училъ открыто! Не имѣя возможности ни въ чемъ обвинить Его, стали спрашивать объ ученикахъ, вѣроятно, о томъ — гдѣ они, для чего Онъ ихъ собралъ, съ какимъ намѣреніемъ и съ какою цѣлію. Все же это говорилъ съ желаніемъ обличить Его, какъ возмутителя и нововводителя, какъ будто никто другой не внималъ Ему, кромѣ ихъ однихъ, какъ будто то было какое-нибудь злое скопище. Что же Христосъ? Опровергая это, Онъ говоритъ: *Азъ не обинуяся глаголахъ міру* (ст. 20), — а не ученикамъ наединѣ; Я открыто училъ въ церкви. Что же? Развѣ Онъ ничего не говорилъ втайнѣ? Говорилъ, но не потому, какъ думали они, — не изъ боязни и не съ намѣреніемъ произвести возмущеніе, а только въ тѣхъ случаяхъ, когда преподаваемое Имъ ученіе превышало понятіе простого народа. *Что Мя вопрошаеши? Вопроси слышавшихъ* (ст. 21). Это слова не человѣка надменнаго и упрямаго, но твердо увѣреннаго въ истинѣ своихъ

словъ. Что Онъ вначалѣ говорилъ: *аще Азъ свидѣтельствую о Мнѣ, свидѣтельство Мое нѣсть истинно* (Іоан. v, 31), то же самое выражаетъ и теперь, желая представить свидѣтельство вполнѣ достовѣрное. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ архіерей спрашивалъ Его объ ученикахъ, какъ ученикахъ, то Онъ отвѣчаетъ: Меня ты спрашиваешь о Моихъ? Спроси враговъ, навѣтниковъ, тѣхъ, которые связали Меня: пусть они говорятъ. Вѣдь самое несомнѣнное доказательство истины, когда кто призываетъ враговъ въ свидѣтели своихъ словъ. Что же архіерей? Ему надобно было бы
451 произвести такое изслѣдованіе, но онъ этого не сдѣлалъ, а между тѣмъ за то, что Христосъ сказалъ такъ, *единъ отъ предстоящихъ слугъ удари Его въ ланиту* (ст. 22). Что можетъ быть наглѣе этого? Ужаснись небо, вострепещи земля при такомъ долготерпѣніи Владыки и при такой несправедливости рабовъ! И что же было Имъ сказано? Вѣдь Онъ сказалъ: *что Мя вопрошаеши*—не потому, чтобы отказывался отвѣчать, но потому, что хотѣлъ устранить всякій поводъ къ несправедливости. И между тѣмъ, какъ за такой отвѣтъ Его ударили въ ланиту, Онъ, несмотря на то, что могъ все поколебать и истребить и ниспровергнуть,—ничего такого не дѣлаетъ, а напротивъ, произноситъ слова, могущія укротить всякое звѣрство. *Аще злѣ*, говоритъ, *глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ*, т. е., если ты можешь порицать Мои слова, докажи это, если же не можешь, *что Мя біеши* (ст. 23)? Видишь ли судилище, исполненное шума, смятенія, ярости и безчинства? Архіерей спрашивалъ злонамѣренно и коварно; Христосъ отвѣчалъ прямо и какъ должно. Что же затѣмъ слѣдовало сдѣлать? Опровергнуть или принять слово Его. Но этого не дѣлаютъ; а рабъ ударяетъ Его въ ланиту. Значитъ, это уже не судилище, а заговоръ и насиліе. Потомъ, такъ какъ и при всемъ этомъ не нашли ничего, то отсылаютъ *Его связаннаго къ Каіафѣ* (ст. 24).

Бѣ же Симонъ Петръ стоя и грѣяся (ст. 25). О, въ какую безчувственность погруженъ былъ этотъ горячій и пламенный человѣкъ въ то время, какъ отводили Іисуса! И послѣ всего этого, онъ даже не трогается съ мѣста, но все еще грѣется,—чтобы ты зналъ, какъ велика слабость нашей природы, когда ее оставитъ Богъ. И когда спросили его, — онъ опять отпирается. Затѣмъ родственникъ раба, *емуже Петръ урѣза ухо*, негодуя на этотъ поступокъ, говоритъ: *не азъ ли тя видѣхъ въ вертоградѣ* (ст. 26)? Но ни садъ, ни пламенная любовь, которую тамъ выказалъ (Христосъ) въ бесѣдѣ съ учениками, не привели ему на память то, что было: онъ все это забылъ отъ страха. Но для чего всѣ евангелисты согласно написали объ этомъ? Не для того, чтобы осудить ученика, но чтобы насъ научить, какъ худо не возла-

гать всего упованія на Бога, а надѣяться на себя. Ты же, с своей стороны, подивись попечительности Учителя: и въ то время, какъ самъ находился во власти (враговъ) и былъ связанъ, Онъ оказываетъ великое промышленіе объ ученикѣ,—возстановляетъ своимъ взглядомъ падшаго и приводитъ его въ слезы. *Ведоша же Іисуса отъ Каіафы въ преторъ* (ст. 28). Такъ было для того, чтобы множество судей, даже противъ воли, засвидѣтельствовало, что истину изслѣдовали съ точностію. *Бѣ же утро* (ст. 28). Къ Каіафѣ ведутъ прежде, нежели алекторъ возгласилъ, а къ Пилату — утромъ. Такимъ обозначеніемъ времени евангелистъ показываетъ, что Каіафа цѣлую половину ночи допрашивалъ Его, но ни въ чемъ не обличилъ, а потому и отослалъ къ Пилату. Предоставивъ другимъ повѣствовать о томъ, самъ Іоаннъ говоритъ о дальнѣйшемъ. И смотри, какъ смѣшны іудеи! Схватили невиннаго, взялись за оружіе, а въ преторію не входятъ, *да не осквернятся* (ст. 28). Между тѣмъ, какое, скажи мнѣ, оскверненіе — войти въ судилище, гдѣ преступники получаютъ законное возмездіе? Но тѣ, которые одесятствовали мяту и анисъ (Матѳ. xxiii, 23), не думали, что они оскверняются, когда убиваютъ несправедливо; а войти въ судилище считали для себя оскверненіемъ. Но почему они сами не убили Его, а привели къ Пилату? Главнымъ образомъ потому, что ихъ начальство и власть въ то время были уже весьма ограниченны, такъ какъ они находились подъ владычествомъ у римлянъ; а съ другой стороны, они опасались, чтобы впослѣдствіи времени не быть обвиненными отъ Пилата и не подвергнуться наказанію. А что значатъ слова: *да ядятъ пасху* (ст. 28)? Вѣдь и самъ Христосъ 452
совершилъ пасху *въ первый день опрѣсночный* (Матѳ. xxvi, 17)? Или евангелистъ называетъ здѣсь пасхою весь праздникъ, или іудеи, дѣйствительно, тогда совершали пасху, а Христосъ совершилъ ее однимъ днемъ прежде, чтобы Его закланіе было въ пятокъ, когда совершалась и ветхозавѣтная пасха. Такимъ-то образомъ іудеи, взявшись за оружіе, что было непозволительно, и проливая кровь, выказываютъ особенную разборчивость въ отношеніи къ мѣсту и вызываютъ къ себѣ Пилата. Пилатъ вышелъ и говоритъ: *кую вину приносите на человѣка сего* (Іоан. xviii, 29)?

4. Видишь ли, насколько онъ былъ чуждъ ихъ властолюбія и зависти? Хотя Христосъ былъ связанъ и приведенъ такимъ множествомъ людей, — не почелъ этого за несомнѣнное доказательство вины, но спрашиваетъ, признавая несправедливымъ то, что судъ они присвоили себѣ, а ему предоставили наказаніе безъ суда. Что же они? *Аще не бы былъ сей злодѣй, не быхомъ предали Его тебѣ* (ст. 30). О, безуміе! Почему же вы не высказываете

самаго злодѣянія, а прикрываете его? Почему не обличаете зла? Видишь ли, какъ они вездѣ отказываются отъ прямого обвиненія и ничего не могутъ сказать? Анна спросилъ объ ученіи и, выслушавъ отвѣтъ, отослалъ къ Каіафѣ. Этотъ, съ своей стороны, снова спросилъ Его и, не найдя ничего, препроводилъ къ Пилату. Пилатъ говоритъ: *кую вину приносите на Него?* Но и тутъ они ничего не могутъ сказать, а опять прибѣгаютъ къ однимъ предположеніямъ. Потому-то Пилатъ въ недоумѣніи говоритъ: *поимите Его вы, и по закону вашему судите Ему. Рѣша же Іудее: намъ не достоитъ убити никогоже. Это они сказали, да слово Іисусово сбудется, еже рече, назнаменуя, коею смертію хотяше умрети* (ст. 31, 32). Но какимъ образомъ на это указывали слова: *не достоитъ убити никогоже?* Евангелистъ говоритъ такъ или потому, что Христосъ долженъ былъ умереть не за нихъ только однихъ, но и за язычниковъ, или потому, что имъ нельзя было никого распинать. Если же они говорятъ: *намъ не достоитъ убити никогоже*, то этимъ указываютъ на обстоятельства того времени. А что они убивали, и убивали другимъ способомъ, это показываетъ примѣръ Стефана, побитаго камнями. Но Христа они хотѣли распять, чтобы и самый образъ смерти Его сдѣлать позорнымъ. Пилатъ, желая избавиться отъ безпокойства, не входитъ въ продолжительное изслѣдованіе дѣла; но, войдя, спрашиваетъ Іисуса и говоритъ: *Ты ли еси царь іудейскъ?* Іисусъ отвѣчалъ: *о себѣ ли ты сіе глаголеши, или иніи тебѣ рекоша о Мнѣ* (ст. 33, 34)? Для чего Христосъ спрашиваетъ объ этомъ? Чтобы обнаружить злой умыселъ іудеевъ. Пилатъ слышалъ уже объ этомъ отъ многихъ; но такъ какъ іудеи ничего не могли сказать, то, во избѣжаніе продолжительнаго изслѣдованія, онъ рѣшается выставить на видъ то самое, что всегда на Него взводили. Притомъ, когда онъ сказалъ имъ: *по закону вашему судите Ему*,—они, желая показать, что преступленіе Его не іудейское, отвѣчаютъ: *намъ не достоитъ*, т. е., Онъ виновенъ не противъ нашего закона, но вина его государственная. Пилатъ уразумѣлъ это и потому, какъ будто ему самому угрожала опасность, говоритъ: *Ты ли еси царь іудейскъ?* Слѣдовательно Христосъ спрашиваетъ его не по незнанію, но говоритъ: *иніи тебѣ рекоша*—для того, чтобы и онъ обвинилъ іудеевъ. Это самое высказываетъ и Пилатъ, когда говоритъ: *еда азъ жидовинъ есмь? Родъ твой и архіерее предаша Тя мнѣ: что еси сотворилъ* (ст. 35)? Этимъ онъ хотѣлъ оправдать себя. Но такъ какъ онъ сказалъ: *Ты ли еси царь іудейскъ?*— то Іисусъ, обличая Его, говоритъ: ты, конечно, слышалъ объ
458 этомъ отъ іудеевъ; почему же не дѣлаешь точнѣйшаго изслѣдованія? Они сказали, что Я—злодѣй; спроси же: какое Я зло сотворилъ? Но ты этого не дѣлаешь, а просто высказываешь вину.

О себѣ ли ты сіе глаголеши, или по внушенію другихъ? Пилатъ не могъ тотчасъ сказать, что слышалъ объ этомъ, но просто ссылается на народъ и говоритъ: *предаша Тя мнѣ*, и потому надобно спросить Тебя, что Ты сдѣлалъ. Что же Христосъ? *Царство Мое нѣсть отъ міра сего* (ст. 38). Онъ возводитъ Пилата, который былъ не очень золъ и не похожъ на іудеевъ, и хочетъ показать, что Онъ не простой человѣкъ, но Богъ и Сынъ Божій. И чтожъ Онъ говоритъ? *Аще отъ міра сего было бы царство Мое, слуги Мои убо подвизалися быша, да не предамъ быхъ былъ Іудеомъ* (ст. 36). Этимъ Онъ уничтожилъ то, чего именно доселѣ страшился Пилатъ,— уничтожилъ подозрѣніе въ похищеніи Имъ царской власти. Ужели же царство Его не *отъ міра сего*? Конечно, отъ міра. Какъ же Онъ говоритъ: *нѣсть*? Это не то означаетъ, будто Онъ здѣсь не владычествуетъ, но то, что Онъ имѣетъ начальство и на небѣ, и что власть Его не есть человѣческая, но гораздовыше и славнѣе человѣческой. Но если Его власть выше, то какимъ образомъ Онъ взятъ этою послѣднею? Онъ предалъ самъ Себя добровольно. Но Онъ пока не открываетъ этого, а что говоритъ? Если бы Я былъ отъ міра сего, *слуги Мои убо подвизалися быша, да не предамъ быхъ былъ Іудеомъ*. Этимъ показываетъ слабость царства земного, такъ-какъ оно получаетъ свою силу отъ слугъ; а горнее царство сильно само по себѣ и не нуждается ни въ комъ. Еретики въ этихъ словахъ находятъ предлогъ утверждать, что Христосъ отличенъ отъ Создателя. Но какъ же о Немъ сказано: *во своя пріиде* (Іоан. I, 11)? И что, съ другой стороны, значатъ слова Его: *отъ міра не суть, якоже и Азъ отъ міра нѣсмь* (Іоан. XVII, 16)? Въ такомъ же смыслѣ Онъ говоритъ и о царствѣ, что оно не отъ міра. Этимъ Онъ не отнимаетъ у Себя власти надъ міромъ и промышленія о немъ, но показываетъ, что царство Его, какъ я уже сказалъ, не есть человѣческое и скоропреходящее. Что же Пилатъ? *Убо царь ли Ты? Отвѣща Іисусъ: ты глаголеши, яко царь Азъ есмь: Азъ на сіе родихся* (ст. 37). Если же Онъ родился царемъ, то отъ рожденія же имѣетъ и все прочее, и нѣтъ у Него ничего, что бы Онъ пріобрѣлъ впослѣдствіи. Слѣдовательно, когда ты слышишь: *якоже Отецъ имать животъ въ себѣ, тако даде и Сынови животъ имѣти въ себѣ* (Іоан. V, 26), то не представляй здѣсь ничего другого, кромѣ рожденія. Такимъ же образомъ разумѣй и другія подобныя мѣста. *И на сіе пріидохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину* (ст. 37), т. е., чтобы это самое всѣмъ возвѣстить, всѣхъ этому научить и всѣхъ въ этомъ убѣдить.

5. Ты же, человѣкъ, когда слышишь это и видишь своего Владыку связаннымъ и водимымъ туда и сюда, почитай за ничто все настоящее. А то съ чѣмъ сообразно, что тогда какъ

Христосъ претерпѣлъ за тебя столь многое, ты часто не переносишь даже словъ! Онъ подвергается оплеванію, а ты украшаешься дорогими одеждами и перстнями, и если не отъ всѣхъ слышишь похвалы, то считаешь и жизнь не въ жизнь. Онъ терпитъ поношеніе, переноситъ насмѣшки и позорные удары по ланитамъ; а ты хочешь, чтобы тебя всѣ почитали, и не переносишь поношенія Христова. Не слышишь ли, что говоритъ Павелъ: *подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу* (1 Кор. xi, 1)? Итакъ, если кто станетъ осмѣивать тебя,—ты вспомни о твоемъ Владыкѣ: Ему поклонялись съ насмѣшкою, Его безчестили и словами и дѣлами, надъ Нимъ много смѣялись; а Онъ не только не мстилъ тѣмъ же, но за все воздавалъ противнымъ,—кротостію и терпѣніемъ. Ему-то станемъ и мы подражать. Чрезъ это мы въ состояніи будемъ избавиться и отъ всякаго оскорбленія. Въ самомъ дѣлѣ, не тотъ, кто оскорбляетъ, но кто малодушествуетъ и огор-
454 чается оскорбленіемъ,—бываетъ причиною оскорбленія, такъ какъ придаетъ ему язвительность. Вѣдь если бы ты не огорчился,—оскорбленіе не было бы для тебя и оскорбленіемъ. А чувствовать огорченіе отъ оскорбленій,—это зависитъ не отъ тѣхъ, которые причиняютъ ихъ, но отъ тѣхъ, которые имъ подвергаются. Да изъ-за чего тебѣ и огорчаться? Если тебя оскорбили несправедливо, въ такомъ случаѣ приличнѣе всего не негодовать, а жалѣть о томъ (оскорбителѣ); если же справедливо, то тѣмъ болѣе надобно быть спокойнымъ. Какъ въ томъ случаѣ, когда кто-нибудь назоветъ тебя богатымъ, между тѣмъ, какъ ты бѣденъ,—такая похвала нисколько не относится къ тебѣ, а скорѣе служитъ для тебя насмѣшкой, такъ и тогда, когда оскорбляющій тебя скажетъ что-нибудь такое, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ,—его порицаніе также нисколько не относится къ тебѣ. Но если совѣсть укоряетъ тебя въ томъ, что сказано (обидчикомъ), въ такомъ случаѣ не огорчайся его словами, но исправься въ своихъ дѣлахъ. Это я говорю объ оскорбленіяхъ дѣйствительныхъ. Если же кто станетъ укорять тебя за бѣдность и незнатное происхожденіе,—ты посмѣйся надъ нимъ. Это служитъ безчестіемъ не для того, кто слышитъ, но для того, кто говоритъ, такъ какъ онъ не умѣетъ любомудрствовать. Но когда это говорится, скажешь, въ присутствіи многихъ, которые не знаютъ истины, тогда рана бываетъ невыносима? Напротивъ, тогда-то особенно это и выносимо, когда предстоитъ предъ тобой множество свидѣтелей, которые тебя хвалятъ и одобряютъ, а того укоряютъ и осмѣиваютъ. Вѣдь у людей разсудительныхъ не тотъ пользуется почтеніемъ, кто мститъ, но тотъ, кто ничего не говоритъ въ отвѣтъ на обиду. Если же между присутствующими не найдется ни одного разсу-

дительнаго, въ такомъ случаѣ еще болѣе посмѣйся надъ своимъ обидчикомъ и порадуйся зрѣлищу небесному, потому что тамъ всѣ тебя похвалятъ, будутъ рукоплескать тебѣ и одобрять тебя. А между тѣмъ, достаточно и одного ангела, въ сравненіи съ цѣлою вселенною. И что я говорю объ ангелахъ, когда и самъ Господь прославитъ тебя? Въ такихъ-то помышленіяхъ будемъ упражнять себя. Нѣтъ никакого вреда въ томъ, когда мы промолчимъ въ случаѣ оскорбленія, а напротивъ, вредно мстить за оскорбленіе. Если бы, дѣйствительно, было вредно въ молчаніи переносить оскорбительныя слова, то Христосъ не сказалъ бы: *аще тя кто ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Матѳ. v, 39). Потому, если кто скажетъ о насъ неправду, — будемъ жалѣть о немъ, потому что онъ навлекаетъ на себя наказаніе и мученіе, назначенное за злорѣчіе, и становится даже недостойнымъ читать Свящ. Писаніе. *Грѣшнику бо рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія моя, и воспріемлеши завѣтъ мой усты твоими? Сѣдя на брата твоего клеветалъ еси* (Пс. XLIX, 16, 20). А если бы онъ сказалъ и правду,—и въ этомъ случаѣ онъ достоинъ сожалѣнія. Вѣдь и фарисей говорилъ правду; но тѣмъ нисколько не повредилъ тому, кто слушалъ его, а напротивъ, еще принесъ ему пользу, а себя самого лишилъ безчисленныхъ благъ, потерпѣвъ кораблекрушеніе отъ этого осужденія. Такимъ образомъ, въ томъ и другомъ случаѣ, кто оскорбляетъ тебя, терпитъ вредъ, а не ты. Ты, напротивъ, если будешь внимателенъ, пріобрѣтешь сугубую пользу: съ одной стороны, ты умилостивишь Бога своимъ молчаніемъ, а съ другой — сдѣлаешься гораздо скромнѣе, найдешь въ сказанныхъ о тебѣ словахъ поводъ къ исправленію своихъ поступковъ и научишься пренебрегать славою человѣческою. А вѣдь и отъ того происходило для насъ огорченіе, что многіе крайне пристрастны къ мнѣнію людскому. Вотъ если такъ мы захотимъ любомудрствовать, то ясно узнаемъ, что все человѣческое—ничтожно. Научимся же этому и, сообразивъ свои недостатки, станемъ мало-по-малу исправлять ихъ; опредѣлимъ для себя исправить въ настоящій мѣсяцъ одинъ недостатокъ, въ слѣдующій затѣмъ—другой, а еще въ слѣдующій—третій. Такимъ образомъ, восходя какъ бы по нѣкотораго рода ступенямъ, мы достигнемъ неба по лѣствицѣ Іаковлевой; мнѣ кажется, эта лѣствица, вмѣстѣ съ тѣмъ зрѣлищемъ, какое видѣлъ Іаковъ, между прочимъ, указываетъ и на постепенное восхожденіе по лѣствицѣ добродѣтели, по которой можно взойти отъ земли на небо,—не по ступенямъ чувственнымъ, но чрезъ исправленіе и улучшеніе нравовъ. Приступимъ же къ этому путешествію и къ 455—456
этому восхожденію, чтобы достигнуть неба и насладиться тамъ

всѣми благами, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXXIV.

Азъ на сіе родихся, и на сіе пріидохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину. Всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ гласа Моего (Іоан. XVIII, 37).

455 1. Чудесная вещь—долготерпѣніе! Оно поставляетъ душу какъ бы въ тихое пристанище, избавляя ее отъ волнъ и зловредныхъ вѣтровъ. Христосъ и всегда насъ училъ терпѣнію, но въ особенности теперь, когда Его судятъ и водятъ по разнымъ мѣстамъ. Такъ, когда Его привели къ Аннѣ, Онъ отвѣчалъ съ великою кротостію и слугѣ, который ударилъ Его въ ланиту, сказалъ такія слова, которыя могутъ уничтожить всякую гордость. Отсюда Онъ перешелъ къ Каіафѣ, потомъ къ Пилату и, проведя такимъ образомъ цѣлую ночь, Онъ вездѣ и во всемъ обнаруживалъ великую кротость. Въ то время, какъ о Немъ говорили, что Онъ—злодѣй, хотя доказать того не могли,—Онъ стоялъ молча; а когда былъ спрошенъ о царствѣ, тогда отвѣчалъ Пилату, чтобы научить его и возвести къ высшимъ понятіямъ. Но почему Пилатъ производитъ допросъ не въ присутствіи іудеевъ, но наединѣ, вошедши въ преторію? Онъ имѣлъ о Христѣ довольно высокое понятіе, и потому хотѣлъ, вдали отъ смятенія іудейскаго, узнать все въ точности. Когда же онъ спросилъ: *что сотворилъ еси*,— Христосъ въ Своемъ отвѣтѣ объ этомъ ничего не сказалъ; а о чемъ преимущественно желалъ Пилатъ услышать, именно о царствѣ Его, о томъ сказалъ слѣдующее: *царство Мое нѣсть отъ міра сего*, т. е., Я, дѣйствительно, царь, но не такой, какого ты себѣ представляешь, а гораздо славнѣе. Этими и дальнѣйшими словами Онъ уже даетъ замѣтить, что Онъ не сдѣлалъ никакого зла. Въ самомъ дѣлѣ, Кто говоритъ о Себѣ: *Азъ на сіе родихся, и на сіе пріидохъ, да свидѣтельствую истину*, Тотъ показываетъ, что Имъ не сдѣлано никакого зла. Потомъ, сказавши: *всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ гласа Моего*,—Онъ привлекаетъ вниманіе Пилата и склоняетъ его сдѣлаться слушателемъ Своихъ словъ. Если кто, говоритъ, истиненъ и любитъ истину, тотъ непремѣнно будетъ слушать Меня. И этими немногими словами до того, дѣйствительно, плѣнилъ Пилата, что тотъ сказалъ: *что есть истина* (ст. 38)? Впрочемъ, (Пилатъ) продолжалъ пока заниматься дѣломъ, которое не терпѣло отлагательства. Онъ понималъ, что этотъ вопросъ требовалъ времени, а между тѣмъ хотѣлъ избавить Іи-

суса отъ неистовства іудеевъ. Потому-то онъ вышелъ и—что́ говоритъ? *Азъ ни единыя вины обрѣтаю въ Немъ* (ст. 38). Смотри, какое благоразуміе! Не сказалъ: такъ какъ Онъ погрѣшилъ и достоинъ смерти, то простите Его для праздника; но сначала оправдалъ Его отъ всякой вины, и потомъ уже съ полнымъ правомъ проситъ, чтобы они, если не хотятъ отпустить Его, какъ невиннаго,—по крайней мѣрѣ, пощадили бы Его, какъ виновнаго, ради праздника. Поэтому и присовокупилъ: *есть обычай вамъ, да единаго вамъ отпущу на пасху*, и потомъ, желая преклонить ихъ: *хощете ли убо, да отпущу вамъ царя іудейска? Возопиша же вси: не сего, но Варавву* (ст. 39. 40). Какое гнусное желаніе! За подобныхъ себѣ просятъ и виновныхъ отпускаютъ, а невиннаго повелѣваютъ предать казни! Таковъ уже издавна ихъ обычай! Но ты во всемъ этомъ замѣчай человѣколюбіе Господа. *Би его Пилатъ* (XIX, 1),—быть можетъ, желая чрезъ то утишить и укротить ярость іудеевъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ прежними средствами Онъ не могъ освободить Христа, то, желая этимъ, по крайней мѣрѣ ограничить зло, приказалъ бить Его и позволилъ дѣлать съ Нимъ все, что было сдѣлано,—возложить на Него *ризу багряну и вѣнецъ* (ст. 2), 456
чтобы только утишить ихъ гнѣвъ. Для того онъ и вывелъ Его къ Нимъ въ вѣнцѣ, чтобы они, увидѣвши позоръ, какому Его подвергли, нѣсколько успокоились отъ страсти и извергли изъ себя ядъ. Но почему воины дѣлали это, если, дѣйствительно, не было приказанія отъ начальника? Изъ угожденія іудеямъ. Такъ они и вначалѣ, не по его приказанію, пошли ночью, но отважились на все изъ-за денегъ, въ угожденіе іудеямъ. Между тѣмъ, Христосъ и при столь многихъ и столь великихъ поруганіяхъ стоялъ молча, какъ поступилъ и при допросѣ, и ничего не отвѣчалъ. А ты не только слушай это, но и непрестанно содержи въ своемъ умѣ; и когда видишь, что Владыка вселенной и всѣхъ ангеловъ, подвергаясь отъ воиновъ поруганію словами и дѣлами, все переноситъ молчаливо,—поступай также и самъ. Пилатъ называлъ Христа царемъ іудейскимъ; поэтому и возлагаютъ на Него одежду посмѣянія. Затѣмъ онъ вывелъ Его и говоритъ: *ни единыя вины не обрѣтаю въ Немъ* (ст. 4). И вотъ вышелъ *носяй вѣнецъ*,—но и это не погасило ярости іудеевъ; они кричали: *распни, распни Его* (ст. 5, 6). Тогда Пилатъ, видя, что всѣ его усилія напрасны, говорит: *поимите Его вы и распните* (ст. 6). Отсюда видно, что и прежнія (поруганія) онъ дозволилъ для укрощенія ихъ неистовства: *азъ бо*, говоритъ, *не обрѣтаю въ Немъ вины* (ст. 6).

2. Смотри, сколько средствъ употребляетъ судія, чтобы защитить Его, постоянно объявляя Его невиннымъ; но тѣхъ псовъ ничто уже не могло преклонить. Вѣдь и эти слова: *поимите и*

распните—показываютъ, что онъ отрекается и не хочетъ имѣть съ ними участія въ беззаконномъ дѣлѣ. Такимъ образомъ они привели Христа съ тѣмъ, чтобы умертвить Его по приговору начальника; но случилось противное: по приговору начальника скорѣе слѣдовало отпустить Его. Будучи посрамлены этимъ, они говорятъ: *мы законъ имамы, и по закону нашему долженъ есть умрети, яко себе Сына Божія сотвори* (ст. 7). Но какъ же, когда судія сказалъ вамъ: *поимите Его вы и по закону вашему судите Ему,*—вы говорили: *намъ не достоитъ убити никогоже*, а теперь прибѣгаете къ закону? И замѣть обвиненіе: *яко себе Сына Божія сотвори*! Но, скажи мнѣ, развѣ это преступленіе, когда тотъ, кто совершаетъ дѣла, свойственныя Сыну Божію, называетъ себя Сыномъ Божіимъ? Что же Христосъ? И въ это время, когда они такъ разговаривали между собой, Онъ молчалъ, исполняя пророческое изреченіе: *не отверзаетъ устъ своихъ: во смиреніи его судъ его взятся* (Ис. LIII, 7, 8). Между тѣмъ, Пилатъ, услышавъ отъ нихъ, что Онъ *себе Сына Божія сотвори*, испугался, боясь, какъ бы въ самомъ дѣлѣ не было справедливо то, что они сказали, и какъ бы ему не показаться законопреступникомъ. А они, хотя знали это какъ изъ словъ, такъ и изъ дѣлъ,—не ужасаются, но умерщвляютъ Его за то самое, за что подобало бы поклоняться Ему. По этой причинѣ Пилатъ уже не спрашиваетъ Его: *что еси сотворилъ?*—но, колеблемый страхомъ, опять сначала производитъ допросъ, говоря: *аще Ты еси Христосъ?* Но Онъ не отвѣчалъ (ст. 9), потому что (Пилатъ) уже слышалъ: *Азъ на сіе родихся, и на сіе пріидохъ*, и: *царство Мое нѣсть отъ міра сего*, и поэтому долженъ былъ воспротивиться іудеямъ, и освободить Христа, но онъ этого не сдѣлалъ, а напротивъ, уступилъ неистовству іудейскому. За-
457 тѣмъ іудеи, опровергнутые во всемъ, обращаются къ обвиненію въ преступленіи государственномъ и говорятъ: *всякъ, иже царя себе творитъ, противится кесарю* (ст. 12). Поэтому надобно было бы тщательно изслѣдовать, дѣйствительно ли онъ домогался власти и замышлялъ низвергнуть кесаря съ царства; но Пилатъ такого тщательнаго изслѣдованія не дѣлаетъ. Потому и Христосъ ничего не отвѣчалъ ему, такъ какъ зналъ, что онъ обо всемъ спрашиваетъ напрасно. Съ другой стороны, о Немъ свидѣтельствовали дѣла, и потому Онъ не хотѣлъ опровергать и защищаться словами, показывая тѣмъ, что Онъ добровольно идетъ на смерть. А такъ какъ Онъ молчалъ, то Пилатъ говоритъ: *не вѣси ли, яко власть имамъ распяти Тя* (ст. 10)? Видишь ли, какъ онъ уже напередъ осудилъ самъ себя? И подлинно, если все отъ тебя зависитъ, то почему же ты, не найдя въ Немъ никакой вины, не отпускаешь Его? Когда такимъ образомъ Пилатъ самъ на

себя произнесъ осужденіе,—(Іисусъ) говоритъ: *предавый Мя тебѣ болій грѣхъ иматъ* (ст. 11), показывая тѣмъ, что и онъ также повиненъ грѣху. А чтобы низложить его высокомѣріе и гордость,—говоритъ: *не имаши власти ни единыя на Мнѣ, аще не бы ти дано было* (ст. 11),—чѣмъ показываетъ, что все это совершается не случайно и не по обыкновенному порядку, но таинственно. А чтобы, услушавъ слова: *аще не бы ти дано было*, не подумалъ, что онъ свободенъ отъ всякой вины,—присовокупилъ: *предавый Мя тебѣ болій грѣхъ иматъ*. Но вѣдь если въ самомъ дѣлѣ *дано было*, то, очевидно, ни онъ (Пилатъ), ни они (іудеи) не подлежатъ обвиненію? Напрасно ты будешь говорить это. Выраженіе: *дано* здѣсь значитъ—допущено. Христосъ какъ бы такъ сказалъ: (Богъ) допустилъ быть этому; однакожъ поэтому вы не чужды преступленія. Этими словами Онъ устрашилъ Пилата и представилъ ясное Себѣ оправданіе, почему Пилатъ и *искаше пустити Его*. Но іудеи снова стали кричать: *аще сего пустиши, нѣси другъ кесаревъ* (ст. 12). Такъ какъ, представивши обвиненія отъ своего закона, они нисколько не успѣли, то теперь злонамѣренно обращаются къ чужимъ законамъ, говоря: *всякъ, иже царя себе творитъ, противится кесарю*. Но гдѣ же Онъ являлся похитителемъ царской власти? И чѣмъ вы можете доказать это? Порфирою? Діадемою? Одѣяніемъ? Воинами? Но не всегда ли Онъ ходилъ одинъ съ двѣнадцатью учениками, употребляя все простое—и пищу, и одежду, и жилище? Но какое малодушіе и какая неумѣстная робость! Пилатъ, подумавъ, что онъ дѣйствительно подвергнется опасности, если пренебрежетъ этимъ, выходитъ какъ бы съ намѣреніемъ изслѣдовать дѣло (это именно значитъ выраженіе: *сѣде на судищи*); а между тѣмъ, не сдѣлавъ никакого изслѣдованія, предаетъ Его, думая тѣмъ преклонить ихъ. А что онъ съ такимъ намѣреніемъ дѣлалъ это, послушай, что онъ говоритъ: *се царь вашъ* (ст. 15). Когда же они сказали: *распни Его* (ст. 14), — онъ опять присовокупилъ слѣдующія слова: *царя ли вашего распну* (ст. 15)? Но они вопіяли: *не имамы царя, токмо кесаря* (ст. 15), и тѣмъ добровольно сами себя подвергли наказанію. Потому и Богъ предалъ ихъ, что они уже напередъ сами отвергли отъ себя Его промышленіе и покровительство. И такъ какъ они единогласно отреклись отъ Его царства, то Онъ и попустилъ имъ подвергнуться ихъ собственному приговору. То, что было сказано, конечно, могло уже укротить ихъ гнѣвъ; но они боялись, чтобы Христосъ, будучи отпущенъ, не собралъ опять вокругъ Себя народъ, и потому всячески старались не допустить этого. Великое, поистинѣ, зло—властолюбіе, великое это зло, и можетъ погубить душу. Поэтому-то они никогда Его и не

слушали. Пилатъ, вслѣдствіе однихъ Его словъ, хотѣлъ Его отпустить; а они не перестаютъ говорить: *распни!* Но почему они настоятельно желаютъ подвергнуть Его такого рода смерти? Потому, что это была смерть самая позорная. Опасаясь, чтобы впо-
458 слѣдствіи не осталось какой-нибудь памяти о Немъ, они стараются подвергнуть Его и казни позорной, не разумѣя того, что препятствіями возвышается истина. А что они это предполагали, послушай, что говорятъ они: *помянухомъ, яко льстецъ Онъ рече, яко по тріехъ днехъ возстану* (Матѳ. XXVII, 63). Поэтому они все привели въ движеніе и употребили всѣ мѣры, чтобы очернить послѣдующія событія; поэтому непрестанно кричали: *распни*,—т. е, кричала безпорядочная толпа, подкупленная начальниками.

3. Мы же не только станемъ читать объ этомъ, но и будемъ все это содержать въ своемъ умѣ,—терновый вѣнецъ, одежду, трость, побои, удары по ланитамъ, заплеванія, посмѣянія. Постоянное памятованіе объ этомъ въ состояніи уничтожить какой бы то ни было гнѣвъ. Будутъ ли насъ осмѣивать, или будемъ мы терпѣть что-либо несправедливо, — постоянно станемъ говорить: *нѣсть рабъ болій господа своего* (Іоан. XV, 20), и будемъ представлять себѣ слова іудеевъ, которыя они въ неистовствѣ говорили Христу: *бѣса имаши; самарянинъ еси Ты* (Іоан. VIII, 48); *о веельзевулѣ изгонитъ бѣсы* (Матѳ. XII, 24). Для того Христосъ и потерпѣлъ все это, чтобы мы шли по стопамъ Его и терпѣливо переносили насмѣшки. Насмѣшки раздражаютъ несравненно болѣе, чѣмъ ругательства, и однакожъ Онъ не только перенесъ ихъ, но и все сдѣлалъ для того, чтобы издѣвавшихся надъ Нимъ избавить и освободить отъ предстоящаго имъ наказанія. Такъ и апостоловъ Онъ послалъ для ихъ спасенія, и потому-то ты слышишь, какъ они говорятъ: *вѣмы, яко по невѣдѣнію сія сотвористе* (Дѣян. III, 17), и такими словами привлекаютъ ихъ къ покаянію. Этому станемъ и мы подражать; ничто такъ не умилостивляетъ Бога, какъ любовь ко врагамъ и благотвореніе обижающимъ насъ. Когда кто-нибудь обидитъ тебя, ты смотри не на него, но на діавола, который побуждаетъ его къ тому; на діавола изливай весь свой гнѣвъ, а о немъ даже жалѣй, такъ какъ онъ находится подъ вліяніемъ діавола. Если ложь — отъ діавола (Іоан. VIII, 44), то тѣмъ болѣе отъ него же—безразсудный гнѣвъ. Равнымъ образомъ, когда увидишь издѣвающагося надъ тобою, помышляй, что это діаволъ побуждаетъ его, потому что насмѣшки—не христіанское дѣло. И если тотъ, кому заповѣдано плакать (Матѳ. V, 4), кто слышалъ слова: *горе смѣющимся* (Лук. VI, 25),—если тотъ поноситъ другихъ, осмѣиваетъ и раздражается, то онъ заслуживаетъ съ нашей стороны не порицанія, а слезъ. Вѣдь и Христосъ

возмутился духомъ, когда помыслилъ объ Іудѣ. Итакъ, будемъ стараться осуществлять все это на дѣлѣ. Если же мы не будемъ такъ поступать, то мы напрасно и безъ пользы, или—лучше сказать—на зло себѣ пришли въ этотъ міръ. Одна вѣра не можетъ ввести насъ въ царство небесное; напротивъ, изъ-за ней-то особенно и будутъ осуждены тѣ, которые ведутъ жизнь порочную, потому что *вѣдѣвый волю господина своего, и не сотворивъ, біенъ будетъ много* (Лук. XII, 47), и опять: *аще не бихъ пришелъ и глаголалъ имъ, грѣха не биша имѣли* (Іоан. XV, 24). Какое же мы будемъ имѣть оправданіе, когда мы находимся внутри царскихъ чертоговъ, удостоились проникнуть въ самое святилище, сдѣлались причастниками очистительныхъ таинствъ, и, между тѣмъ, живемъ хуже язычниковъ, которые не сподобились ни одного изъ этихъ даровъ. Если они, ради суетной славы, обнаружили столько любомудрія, то тѣмъ болѣе надлежитъ намъ, для угожденія Богу, упражняться во всякой добродѣтели. А между тѣмъ, мы не пренебрегаемъ даже богатствомъ. Они неоднократно пренебрегали даже собственною жизнію и во время войны жертвовали своими дѣтьми неистовству демоновъ, и презирали собственную природу ради угожденія демонамъ; а мы не хотимъ пренебречь даже серебромъ ради Христа и гнѣвомъ для угожденія Богу, но воспламе- 459
няемся и бываемъ ничѣмъ не лучше страдающихъ горячкой. И какъ эти послѣдніе, будучи одержимы болѣзнію, горятъ какъ бы въ огнѣ, такъ и мы, точно мучимые нѣкоторымъ огнемъ, никогда не бываемъ въ состояніи удержаться отъ пожеланія, а напротивъ, усиливаемъ гнѣвъ и любостяжаніе. Потому-то я стыжусь и изумляюсь, когда вижу между язычниками людей, пренебрегающихъ богатствомъ, а у насъ—всѣхъ, безумно преданныхъ ему. Если же и найдутся такіе, которые презираютъ богатство,—за то они бываютъ одержимы другою какою-нибудь страстію, напр., гнѣвомъ и завистію, такъ что трудное дѣло — найти чистое любомудріе. А причина этого въ томъ, что мы не стараемся получить врачество отъ Св. Писанія и слушаемъ его не съ умиленіемъ, скорбію и стенаніемъ, но безъ всякаго вниманія, когда случится свободное время. Оттого-то, когда бѣжитъ стремительный потокъ житейскихъ дѣлъ, онъ все потопляетъ и губитъ всякую пользу, какая и была, можетъ быть, пріобрѣтена. Вѣдь если бы кто, имѣя рану, приложилъ къ ней лѣкарство, но не привязалъ бы его тщательно, а позволилъ ему отпасть, и допустилъ въ свою язву попасть водѣ и пыли, и жару, и безчисленному множеству другихъ вещей, которыя могутъ растравлять его рану,—въ такомъ случаѣ, конечно, онъ не получилъ бы никакой пользы, но не отъ слабости врачебныхъ средствъ, а отъ собственной безпечно-

460 сти. Такъ обыкновенно случается и съ нами, когда мы божественнымъ словамъ внимаемъ мало, а житейскимъ заботамъ предаемся всецѣло и непрерывно. Въ этомъ случаѣ всякое сѣмя подавляется и все дѣлается безплоднымъ. Итакъ, чтобы этого не было, откроемъ, хотя немного, глаза, воззримъ на небо, посмотримъ на гробницы и могилы отошедшихъ людей. И насъ ожидаетъ тотъ же конецъ, и эта необходимость переселенія часто настаетъ для насъ прежде наступленія вечера. Станемъ же готовиться къ этому отшествію. Намъ нужно многое запасти на этотъ путь, потому что тамъ великій жаръ, большой зной, совершенная пустыня. Нельзя уже тамъ остановиться въ гостинницѣ; нельзя ничего купить; но все надобно взять съ собою отсюда. Послушай, что говорятъ дѣвы: *идите къ продающимъ* (Матѳ. xxv, 9); но тѣ, которыя пошли, ничего не пріобрѣли. Послушай, что говоритъ Авраамъ: *пропасть велика между нами и вами* (Лук. xvi, 26). Послушай, что говоритъ Іезекіиль о томъ днѣ: *Ное, и Іовъ, и Даніилъ не избавятъ сыновъ своихъ* (Іез. xiv, 14, 18). Но не дай Богъ намъ услышать эти слова! Дай Богъ, напротивъ, чтобы мы запаслись здѣсь всѣмъ нужнымъ для вѣчной жизни и съ дерзновеніемъ узрѣли Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Св. Духомъ, слава, держава, честь нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXXV.

Тогда убо предаде Его имъ, да распнется. Поемше Іисуса и ведоша, и нося крестъ Свой изыде на глаголемое лобное мѣсто, еже глаголется еврейски Голгоѳа, идѣже пропяша Его (Іоан. xix, 16—18).

459 1. Счастіе легко можетъ обольстить и развратить людей невнимательныхъ. Вотъ, напримѣръ, іудеи еще въ началѣ, пользуясь покровительствомъ Божіимъ, домогались закона, по которому управляются царства языческія, и въ пустынѣ послѣ манны вспоминали о лукѣ. Такъ точно и теперь, отказываясь отъ царства Христова, они провозглашаютъ надъ собою царство кесарево. Потому-то (Господь) и поставилъ надъ ними царя, согласно съ ихъ приговоромъ. А что Пилатъ, услышавъ это, *предаде Его имъ, да распнется*,—крайне несправедливо! Ему слѣдовало бы допросить, дѣйствительно ли Христосъ домогался присвоить Себѣ царскую власть, а онъ произнесъ приговоръ единственно по страху. Чтобы онъ не подвергся ему, Христосъ напередъ уже сказалъ: *царство Мое нѣсть отъ міра сего*; но онъ, всецѣло пре-

давъ себя настоящему, не хотѣлъ любомудрствовать ни о чемъ великомъ. Равнымъ образомъ, и сонъ жены его долженъ былъ поразить его; но онъ ни отъ чего этого не образумился и не воззрѣлъ на небо, но предалъ Христа. Тогда (іудеи) возложили на Него крестъ, уже какъ на осужденнаго: они такъ гнушались этимъ древомъ, что не позволяли себѣ даже прикоснуться къ нему. Такъ было и въ прообразѣ: и Исаакъ несъ дрова. Только тогда все дѣло ограничилось намѣреніемъ отца, такъ какъ то было прообразованіе; а теперь все исполнилось самымъ дѣломъ, потому что это была истина. *И изыде на лобное мѣсто.* Нѣкоторые говорятъ, что здѣсь умеръ и погребенъ Адамъ, и что Іисусъ воздрузилъ знаменіе побѣды на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ царствовала смерть. Дѣйствительно, Онъ вышелъ, неся крестъ, какъ знакъ побѣды надъ державою смерти, и, подобно побѣдителямъ, несъ знаменіе побѣды на Своихъ раменахъ. Что за важность, если іудеи и съ другимъ намѣреніемъ опредѣлили Ему нести крестъ? Они распинаютъ Его даже вмѣстѣ съ разбойниками, но 460
и въ этомъ случаѣ противъ воли исполняютъ пророчество: такъ все, что они дѣлали въ поношеніе, служило къ подтвержденію истины, чтобы ты позналъ, какъ велика ея сила. Вѣдь и объ этомъ издревле предсказалъ пророкъ: *яко со беззаконными вмѣнися* (Ис. ѢІІІ, 11). Итакъ, діаволъ хотѣлъ помрачить это событіе, но не могъ: распяты были трое, но просіялъ одинъ Іисусъ, чтобы ты позналъ, что все совершилось Его силою. И хотя чудеса совершались въ то время, когда трое пригвождены были ко крестамъ, однакожъ никто и ни одного изъ нихъ не приписалъ никому другому, кромѣ одного Іисуса. Такъ безсильны оказались козни діавола, и все обратилось на главу его! Вѣдь даже изъ тѣхъ двухъ (разбойниковъ) одинъ спасся. Такимъ образомъ діаволъ не только не повредилъ славѣ креста, но и не мало содѣйствовалъ ей, потому что обратить разбойника на крестѣ и ввести его въ рай — не меньше значитъ, чѣмъ потрясти камни. *Написа же и титла Пилатъ* (ст. 19) — для того, чтобы съ одной стороны, отомстить іудеямъ, а съ другой — защитить Христа. Такъ какъ они предали Его, какъ преступника, и старались подтвердить это мнѣніе распятіемъ Его вмѣстѣ съ разбойниками, то, чтобы никто уже впослѣдствіи не имѣлъ права взносить на Него злобныхъ обвиненій и осуждать Его, какъ какого-нибудь преступника и злодѣя, Пилатъ, заграждая уста какъ іудеямъ, такъ и всѣмъ, кто захотѣлъ бы осуждать Его, и показывая, что они возстали противъ своего собственнаго царя, положилъ, какъ бы на побѣдномъ памятникѣ, надпись, которая издаетъ величественный голосъ и возвѣщаетъ Его побѣду, и провозглашаетъ царство, хотя и не всецѣлое. И это Пилатъ

объявилъ не на одномъ, но на трехъ языкахъ. Такъ какъ естественно было предполагать, что между іудеями, по случаю праздника, много было иноплеменниковъ, то, чтобы ни одинъ изъ нихъ не оставался въ невѣдѣніи объ оправданіи Его, Пилатъ возвѣстилъ о неистовствѣ іудеевъ на всѣхъ языкахъ. Между тѣмъ, іудеи завидовали и тогда, какъ Онъ былъ распятъ. Но
461 какой могъ произойти для васъ вредъ отъ этой надписи? Никакого. Вѣдь если (Христосъ) былъ смертенъ и немощенъ, и долженъ былъ изчезнуть, то чего вы боитесь надписи, которая говоритъ, что Онъ—царь іудейскій? И что они говорятъ? Скажи, что Онъ самъ (это) сказалъ (ст. 21), потому что теперь (эта надпись выражаетъ судебный) приговоръ и общее мнѣніе, а если прибавлено будетъ: *яко самъ рече*, въ такомъ случаѣ это припишется Его собственной дерзости и наглости. Однако же Пилатъ не перемѣнилъ своего рѣшенія, но остался при прежнемъ мнѣніи. А чрезъ это опять устрояется не малое какое-либо дѣло, но событіе весьма важное. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ древо креста зарыто было въ землю,—потому что никто не позаботился убрать его, частію отъ страха, а частію оттого, что вѣрующіе заняты были другими, крайне необходимыми дѣлали; такъ какъ, съ другой стороны, это древо впослѣдствіи имѣли отыскивать, а между тѣмъ естественно, что три креста лежали вмѣстѣ, то, чтобы крестъ Господень не остался неузнаннымъ, Господь допустилъ быть на немъ надписи, и такимъ образомъ этотъ крестъ сдѣлался извѣстнымъ всѣмъ, во-первыхъ, оттого, что онъ лежалъ посреди другихъ, а потомъ и по бывшей на немъ надписи, потому что кресты разбойниковъ не имѣли надписей. Воины раздѣлили между собою ризы, а хитона не раздѣлили (ст. 23). Смотри, какъ чрезъ всѣ ихъ худыя дѣла исполняются пророчества! И это вѣдь издревле было предсказано (Пс. XXI, 19). Хотя распяты были трое, но предсказанія пророковъ исполнялись только на Немъ. Почему, въ самомъ дѣлѣ, не поступили такъ и съ одеждами другихъ, а только—съ одеждами Его одного? Но ты замѣть точность пророчества. Пророкъ сказалъ не о томъ только, что они раздѣлили, но и о томъ, что не раздѣлили. И дѣйствительно, одежды они раздѣлили, а хитона не раздѣлили, но дѣло о немъ предоставили жребію (ст. 24). Не безъ значенія также употреблено выраженіе: *свыше исткан* (ст. 23); но одни говорятъ, что оно имѣетъ смыслъ иносказательный и означаетъ то, что Распятый былъ не простой человѣкъ, но имѣлъ и *свыше* божество.

2. Другіе утверждаютъ, что евангелистъ въ этомъ случаѣ описываетъ самый видъ хитона. Дѣйствительно, такъ какъ въ

Палестинѣ ткутъ одежды, сложивъ вмѣстѣ два куска матеріи, то Іоаннъ, чтобы показать, что таковъ именно былъ хитонъ, говоритъ: *свыше истканъ*. А говоритъ онъ объ этомъ, мнѣ кажется, для того, чтобы указать на бѣдность одеждъ и на то, что Христосъ, какъ во всемъ прочемъ, такъ и въ одеждѣ наблюдалъ простоту. Въ то время, какъ воины раздѣляли между собою одежды, самъ Распятый поручаетъ Матерь Свою ученику, научая насъ всячески заботиться до послѣдняго издыханія о нашихъ родителяхъ. Такимъ образомъ, когда она неблаговременно безпокоила Его, Онъ говорилъ: *что есть Мнѣ и тебѣ, жено* (Іоан. II, 4)? — и: *кто есть мати Моя* (Матѳ. XII, 48)? А теперь выказываетъ величайшую любовь къ ней и поручаетъ ее попеченію ученика, *егоже любляше* (ст. 26). Іоаннъ опять скрываетъ свое имя по скромности; еслибы онъ хотѣлъ хвалиться, то непремѣнно представилъ бы и причину, по которой былъ любимъ, такъ какъ этою причиною, конечно, было что-нибудь великое и дивное. Но почему Христосъ ни о чемъ другомъ не бесѣдуетъ съ Іоанномъ и не утѣшаетъ его въ скорби? Потому, что не было времени для словъ утѣшенія. А съ другой стороны, не маловажно было уже и то, что онъ почтенъ былъ столь великою честію и получилъ такую награду за свое постоянство. Но ты замѣть, съ какимъ душевнымъ спокойствіемъ Христосъ все дѣлалъ въ то время, когда распятый висѣлъ на крестѣ,—съ ученикомъ бесѣдовалъ о Своей Матери, исполнялъ пророчества, разбойнику подавалъ добрыя надежды, между тѣмъ какъ прежде распятія мы видимъ Его въ потѣ, душевномъ томленіи и страхѣ. Что же это значитъ? Тутъ нѣтъ ничего непонятнаго, ничего неяснаго: тамъ обнаруживалась немощь естества, а здѣсь открывалось величіе силы. Съ другой стороны, тѣмъ и другимъ Христосъ научаетъ насъ, что и мы, хотя и смущаемся предъ наступленіемъ бѣдствій, тѣмъ не менѣе не должны уклоняться отъ нихъ, и что, выступивъ на подвигъ, мы должны все считать легкимъ и удобнымъ. Итакъ, не будемъ трепетать смерти. Правда, душа по самой природѣ имѣетъ любовь къ жизни; однакожъ отъ насъ зависитъ или разрѣшить эти узы души и ослабить это стремленіе къ жизни, или скрѣпить и усилить. Какъ мы, хотя имѣемъ вожделѣніе къ плотскому совокупленію, тѣмъ не менѣе, когда любомудрствуемъ, ослабляемъ силу похоти, такъ точно бываетъ и съ любовію къ жизни. Какъ вожделѣніе плотское Богъ вложилъ въ насъ для дѣторожденія, съ тѣмъ, чтобы сохранить преемство въ нашемъ родѣ, а не для того, чтобы воспрепятствовать шествованію высшимъ путемъ воздержанія, такъ и любовь къ жизни Онъ всѣялъ въ насъ для того, чтобы отвратить насъ отъ самоубійства, а не

462

для того, чтобы воспретить намъ презирать настоящую жизнь. Зная это, мы должны соблюдать мѣру и, съ одной стороны, никогда не должны сами собою идти на смерть, хотя бы насъ угнетали безчисленныя бѣдствія, а съ другой—не должны уклоняться и отказываться отъ ней, когда насъ влекутъ на смерть за богоугодныя дѣла, но смѣло идти на смерть, предпочитая будущую жизнь настоящей.

Стояху же при крестѣ жены (ст. 25). Немощнѣйшій полъ явился тогда наиболѣе мужественнымъ: такъ все перемѣнилось! Христосъ, поручая Матерь Свою ученику, говоритъ: *се сынъ твой* (ст. 26). О, какою великою честію Онъ почтилъ Своего ученика! Такъ какъ самъ уже отходилъ, то и поручилъ на попеченіе ученику. Какъ мать, она, естественно, скорбѣла и искала покровительства; а потому Онъ справедливо вручаетъ ее возлюбленному ученику и говоритъ ему: *се мати твоя* (ст. 27). Это Онъ сказалъ съ тѣмъ, чтобы соединить ихъ взаимною любовію. Ученикъ такъ и понялъ и потому *поятъ ю во своя си* (ст. 27). Но почему Христосъ не упомянулъ ни о какой другой женѣ, хотя и другія стояли при крестѣ? Чтобы научить насъ оказывать предпочтеніе своимъ матерямъ. Дѣйствительно, какъ въ томъ случаѣ, когда родители препятствуютъ въ дѣлахъ духовныхъ, не должно и знать ихъ, такъ, напротивъ, когда они нисколько въ томъ не препятствуютъ, —имъ надобно воздавать все должное и предпочитать ихъ всѣмъ другимъ людямъ, за то, что они насъ родили, за то, что воспитали, за то, что понесли изъ-за насъ множество трудовъ и горя. Этимъ Христосъ заграждаетъ уста и безстыдству Маркіонову. Въ самомъ дѣлѣ, если Онъ не родился по плоти и не имѣлъ матери, то почему Онъ только о ней одной показываетъ столь великое попеченіе? *Посемъ вѣдый Іисусъ, яко вся совершишася* (ст. 28), — т. е., что не остается уже ничего не исполненнаго въ планѣ домостроительства Божія. Такъ во всѣхъ случаяхъ Онъ старался показать, что смерть Его—необыкновенная, потому что все зависѣло отъ власти Умирающаго, и смерть приступила къ тѣлу Его не прежде того, какъ самъ Онъ восхотѣлъ; а Онъ восхотѣлъ тогда, какъ все уже исполнилось. Потому-то Онъ и говорилъ: *область имамъ положити душу Мою, и область имамъ паки пріяти ю* (Іоан. х, 18). Итакъ, зная, что все уже исполнилось, Христосъ говоритъ: *жажду* (ст. 28), — и въ этомъ случаѣ опять исполняетъ пророчество. Но ты помысли о злодѣйствѣ стоящихъ при крестѣ. Вѣдь мы, хотя бы имѣли безчисленное множество враговъ, хотя бы испытали отъ нихъ нестерпимыя обиды, — мы плачемъ отъ жалости, когда видимъ, что ихъ умерщвляютъ; а враги Христа и при этомъ не примирились съ

Нимъ, и не смягчились, смотря на Его страданія, но еще болѣе ожесточались и увеличивали насмѣшки, и, поднесши уксусъ губою, напоили Его такъ, какъ обыкновенно напоязють преступниковъ, — для чего и была при нихъ трость. *Егда же пріятъ оцетъ, рече: совершишася* (ст. 30). Видишь, какъ Онъ все дѣлалъ безъ смущенія и со властію? Это же видно и изъ дальнѣйшаго. Когда все уже совершилось, — Христосъ, *преклонь главу*, такъ какъ она не была пригвождена, *предаде духъ* (ст. 30), — то есть, испустилъ дыханіе. Обыкновенно испускаютъ духъ не послѣ преклоненія головы; но здѣсь было напротивъ: Христосъ пре- 463
клонилъ главу не тогда, когда уже испустилъ духъ, какъ обыкновенно бываетъ съ нами, но тогда испустилъ духъ, когда преклонилъ главу. Всѣмъ этимъ евангелистъ показалъ, что Онъ — Господь всего міра.

3. Между тѣмъ, іудеи, пожирающіе верблюда и оцѣживающіе комаровъ (Матѳ. XXIII, 24), совершивъ столь великое злодѣяніе, опять выказываютъ особенную заботливость о днѣ. *Понеже пятокъ бѣ, да не останутъ на крестѣ тѣлеса въ субботу, молиша Пилата, да пребіютъ голени ихъ* (ст. 31). Видишь, какъ могущественна истина? О чемъ они такъ ревностно стараются, чрезъ то самое исполняется пророчество и сбывается новое, бывшее имъ, предсказаніе. Въ самомъ дѣлѣ, когда воины пришли, то у другихъ перебили голени, а у Христа не перебили; но въ угожденіе іудеямъ пронзили копіемъ ребра Его и такимъ образомъ поругались даже надъ мертвымъ Его тѣломъ. Какое гнусное и отвратительное злодѣяніе! Но не смущайся, возлюбленный, и не унывай! Что они дѣлали съ злымъ намѣреніемъ, то самое содѣйствовало къ утвержденію истины; объ этомъ именно было пророчество, которое говоритъ: *воззрятъ нань, егоже прободоша* (ст. 37). Кромѣ того, это злодѣяніе послужило основаніемъ вѣры для тѣхъ, которые впослѣдствіи имѣли не вѣровать, напримѣръ, для Ѳомы и подобныхъ ему. А вмѣстѣ съ тѣмъ, тутъ совершилось и неизреченное таинство: *абіе изыде кровь и вода* (ст. 34). Не безъ значенія и не случайно истекли эти источники, но — потому, что изъ того и другого составлена Церковь. Это знаютъ посвященные въ таинства: водою они возраждаются, а кровію и плотію питаются. Такъ, отсюда получаютъ свое начало таинства; и потому, когда ты приступаешь къ страшной чашѣ, приступай такъ, какъ бы ты пилъ отъ самаго ребра. *И видѣвый это свидѣтельствова, и истинно есть свидѣтельство его* (ст. 35), т. е.: я не отъ другихъ слышалъ, но самъ былъ при томъ и видѣлъ, и свидѣтельство истинно. И это справедливо, потому что онъ повѣствуетъ о поношеніи, какому подвергся Христосъ, а не о чемъ-нибудь

великомъ и чудномъ, изъ-за чего бы ты могъ заподозрить его слово. Онъ подробно разсказываетъ о случившемся, чтобы заградить уста еретикамъ и предвозвѣстить будущія таинства,— созерцая заключающееся въ нихъ сокровище. При этомъ исполняется и другое пророчество, именно: *кость не сокрушится отъ него* (ст. 36). Хотя это сказано было объ агнцѣ іудейскомъ, но въ прообразѣ такъ было напередъ ради истины, и совершеннѣе это исполнилось въ настоящемъ случаѣ. Потому-то евангелистъ и представилъ на видъ слова пророка. Такъ какъ, непрестанно указывая на собственное свое свидѣтельство, онъ могъ показаться недостойнымъ вѣры, то онъ представляетъ во свидѣтели Моисея, говоря, что и это совершилось не случайно, но уже издревле было преднаписано. Вотъ это именно и значатъ слова: *кость не сокрушится отъ него*. Съ другой стороны, своимъ свидѣтельствомъ онъ подтверждаетъ слова пророка. Я, говоритъ, сказалъ объ этомъ для того, чтобы вы узнали, что между прообразомъ и истиною находится большое сходство. Видишь, сколько онъ употребляетъ старанія, чтобы увѣрить въ томъ, что кажется позорнымъ и, повидимому, наноситъ безчестіе? Подлинно, то обстоятельство, что воинъ поругался даже надъ мертвымъ тѣломъ, было гораздо хуже самаго распятія; однакожъ я, говоритъ, и объ этомъ сказалъ, и сказалъ съ великимъ тщаніемъ, *да вы вѣру имете* (ст. 35). Итакъ, пусть никто не отказывается вѣровать, пусть никто не стыдится и не причиняетъ чрезъ то вреда нашимъ дѣламъ. То, что кажется особенно позорнымъ, то именно и составляетъ наше драгоцѣннѣйшее благо. *По сихъ прашедъ Іосифъ, иже отъ Аримаѳеа, сый ученикъ* (ст. 38), не изъ числа двѣнадцати, но, можетъ быть, изъ числа семидесяти. Полагая, что
464 наконецъ крестъ укротилъ неистовство (іудеевъ), послѣдователи Христовы безбоязненно приходятъ и заботятся о погребеніи. Іосифъ, представъ предъ Пилата, проситъ у него позволенія—и тотъ позволяетъ. Да и почему бы онъ могъ не позволить? Въ дѣлѣ Іосифа принимаетъ участіе и Никодимъ, и они совершаютъ великолѣпное погребеніе, потому что все еще думали о Христѣ, какъ о простомъ человѣкѣ. Они приносятъ такіе ароматы, которые преимущественно имѣли силу надолго сохранять тѣло и не давать ему скоро предаться тлѣнію. Это показываетъ, что они не представляли о Христѣ ничего великаго; тѣмъ не менѣе, однакожъ, въ этомъ видна ихъ великая любовь къ Нему. Но почему не пришелъ никто изъ двѣнадцати—ни Іоаннъ, ни Петръ, ни другой кто изъ значительныхъ? Евангелистъ не скрываетъ и этого. Быть можетъ, кто-нибудь скажетъ, они боялись іудеевъ; но и тѣ (Іосифъ и Никодимъ) также одержимы были страхомъ.

Объ Іосифѣ именно сказано, что онъ былъ *потаенъ страха ради іудейска* (ст. 38). Итакъ, нельзя сказать, что онъ сдѣлалъ это потому, что совершенно пренебрегалъ іудеями; нѣтъ, и онъ боялся, и однакожъ пришелъ. А Іоаннъ, хотя присутствовалъ при крестѣ и видѣлъ кончину Христову,—не сдѣлалъ ничего подобнаго. Чтожъ это значитъ? Мнѣ кажется, что Іосифъ былъ изъ числа людей весьма знаменитыхъ, какъ это видно и изъ самаго погребенія, и что онъ былъ извѣстенъ Пилату. Потому-то онъ и получилъ дозволеніе. И онъ погребаетъ Его, уже не какъ преступника, но,—по обычаю іудейскому,—великолѣпно, какъ человѣка великаго и славнаго.

4. Но какъ у нихъ не много оставалось времени (смерть Христова послѣдовала въ девятомъ часу, и потому, естественно, что, пока они ходили къ Пилату, и пока снимали тѣло со креста, наступилъ уже вечеръ, когда нельзя было заниматься работою), то они полагаютъ Его въ ближайшую гробницу. Устроилось такъ, что Христосъ положенъ былъ въ новомъ гробѣ, въ которомъ никто прежде не былъ положенъ, чтобы воскресеніе не могло быть приписано кому-нибудь другому, вмѣстѣ съ Нимъ лежащему, чтобы ученики, по близости этого мѣста, легко могли придти и быть зрителями случившагося, и чтобы свидѣтелями погребенія были не только они, но и враги. То, что положены были печати на гробѣ и приставлена стража изъ воиновъ, это, дѣйствительно, съ ихъ стороны было свидѣтельствомъ погребенія, такъ какъ Христосъ хотѣлъ, чтобы и погребеніе Его было не менѣе достовѣрно, чѣмъ воскресеніе. Потому-то и ученики ревностно стараются доказать, что Онъ дѣйствительно умеръ. Воскресеніе Его имѣло быть подтверждаемо всѣмъ послѣдующимъ временемъ; между тѣмъ, если бы смерть Его въ то время была сокрыта и не сдѣлалась совершенно извѣстною, то это могло бы повредить слову о воскресеніи. Впрочемъ, не поэтому только совершилось то, что Христосъ былъ близко положенъ, но и для того, чтобы обнаружилась лживость молвы о похищеніи Его тѣла. *Во едину же отъ субботъ*, т. е., въ день воскресный, *Марія Магдалина пріиде заутра, еще сущей тьмѣ, на гробъ, и видѣ камень взятъ отъ гроба* (XX, 1). Христосъ воскресъ въ то время, какъ лежали печати и камень. Но такъ какъ надобно было, чтобы и другіе совершенно убѣдились, то гробъ, послѣ Его воскресенія, отверзается, и такимъ образомъ это событіе становится достовѣрнымъ.

Это именно привело въ волненіе и Марію. Пламенѣя самою нѣжною любовію къ Учителю, она, какъ только минула суббота, не могла оставаться въ покоѣ, но пошла въ глубокое утро, желая

отъ мѣста получить какое-нибудь утѣшеніе. Когда она увидѣла это мѣсто и камень отваленный, то не вошла и не посмотрѣла въ гробъ но, побужденная сильною любовію, побѣжала къ ученикамъ. Она заботилась о томъ, чтобы какъ можно скорѣе узнать, что случилось съ тѣломъ. На это именно указываетъ и бѣгство ея; это же означаютъ и ея слова: *взяша*, говоритъ она,
465 *Господа моего, и не вѣмъ, гдѣ положиша Его* (ст. 2). Видишь, что она еще ничего ясно не знала о воскресеніи, но думала, что перенесено тѣло, и безъ всякаго притворства о всемъ объявляетъ ученикамъ? Но евангелистъ не отнялъ у этой жены принадлежащей ей великой похвалы и не счелъ для себя стыдомъ того, что ученики отъ нея первой узнали о воскресеніи, такъ какъ она бодрствовала цѣлую ночь. Такъ во всѣхъ случаяхъ блистаетъ истиннолюбивый его нравъ! Когда же она пришла и сказала объ этомъ, — ученики, выслушавъ ее, поспѣшно приходятъ ко гробу и видятъ лежащія пелены; а это было знакомъ воскресенія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы кто перенесъ тѣло, то сдѣлалъ бы это, не обнажая его; равно какъ если бы кто укралъ его, то не сталъ бы заботиться о томъ, чтобы снять сударь, свить его и положить *на единомъ мѣстѣ*, но — какъ? Взялъ бы тѣло въ томъ видѣ, въ какомъ оно лежало. Потому-то евангелистъ предварительно и сказалъ, что при погребеніи Христа употреблено было много смирны, которая не хуже свинца приклеиваетъ пелены къ тѣлу. Итакъ, когда ты слышишь, что головныя повязки лежали отдѣльно, — не вѣрь тѣмъ, которые говорятъ, будто украдено. Воръ не былъ бы такъ глупъ, чтобы сталъ столько заботиться о предметѣ совершенно излишнемъ. Въ самомъ дѣлѣ, для чего ему было оставлять погребальныя пелены? Да и какъ бы онъ могъ скрыться, если бы сталъ дѣлать это? Естественно, ему нужно было истратить на это много времени, а если бы онъ замедлилъ, то былъ бы пойманъ. Но для чего отдѣльно лежатъ пелены, и отдѣльно — платъ свитый? Для того, чтобы ты зналъ, что это сдѣлано безъ торопливости и безъ смущенія, такъ какъ отдѣльно положено одно, и отдѣльно положено и свито другое. Поэтому-то ученики и повѣрили воскресенію. И когда впослѣдствіи Христосъ является имъ, — они уже убѣждены были тѣмъ, что видѣли. Замѣть и здѣсь, какъ далекъ евангелистъ отъ хвастовства и какъ онъ свидѣтельствуетъ о тщательности изслѣдованія Петрова! Самъ онъ, предваривъ Петра и увидѣвъ лежащія пелены, ничего болѣе не изслѣдуетъ, но удаляется; а пламенный Петръ вошелъ внутрь гроба, разсмотрѣлъ все съ тщательностію и, увидѣвъ нѣчто болѣе, пригласилъ и его посмотрѣть. Войдя во гробъ послѣ Петра, Іоаннъ увидѣлъ погребальныя пелены

лежащими отдѣльно однѣ отъ другихъ. А то, что онѣ были раздѣлены, и однѣ положены въ одномъ мѣстѣ, а другія, свитыя, въ другомъ, показывало, что это сдѣлано кѣмъ-то съ заботливостію, а не какъ-нибудь, не въ смущеніи.

5. И ты, когда слышишь, что Христосъ воскресъ нагимъ, перестань безумно тратиться на погребеніе. Что, въ самомъ дѣлѣ, значатъ эти излишнія и безполезныя издержки? Погребающимъ онѣ причиняютъ большой убытокъ, а умершему не приносятъ никакой пользы и, если сказать правду, даже вредны. Роскошныя похороны неоднократно бывали причиною разграбленія могилъ и производили то, что погребенный нѣкогда со всею изысканностію лежалъ потомъ нагой и безъ погребенія. Но, о, тщеславіе! Какую великую власть оно обнаруживаетъ среди самаго плача! До какого безумія доводитъ оно! Многіе, въ отвращеніе грабежа, раздираютъ тонкія погребальныя пелены и наполняютъ ихъ множествомъ ароматовъ, чтобы вдвойнѣ сдѣлать ихъ безполезными для похитителей, и такимъ образомъ предаютъ землѣ. Не безуміе ли это? Не помѣшательство ли это ума—выказывать великолѣпіе и въ то же время уничтожать его? Нѣтъ, скажешь, мы придумываемъ все это для того, чтобы безопасно лежали на мертвецѣ. Что же? Если не возьмутъ ихъ воры, то не съѣдятъ ли ихъ моль и черви? А если не съѣдятъ моль и черви, то не истребитъ ли время и тлѣніе? Но положимъ, что ни воры, ни моль, ни черви, ни время, ни другое что не истребятъ вещей, положенныхъ въ могилу; положимъ, что и тѣло останется не 466
поврежденнымъ до самаго воскресенія, и всѣ тѣ вещи сохранятся новыми, прочными и тонкими: какая отъ этого польза для отшедшихъ, когда тѣло возстанетъ нагимъ, а всѣ эти вещи останутся здѣсь и не принесутъ намъ никакой пользы во время будущихъ истязаній? Но почему же, скажешь, такъ было при погребеніи Христовомъ? Тебѣ вовсе не слѣдуетъ сравнивать погребенія Христова съ погребеніями человѣческими. Тамъ было и то, что блудница изліяла мvро на святыя ноги Его. Впрочемъ, если и объ этомъ надобно сказать что-нибудь, то, во-первыхъ, это было сдѣлано людьми, которые не знали ученія о воскресеніи. Потому-то и говорится: *якоже обычай есть Іудеомъ погребати* (XIX, 40). Вѣдь не изъ числа двѣнадцати были тѣ, которые почтили Іисуса погребеніемъ; но то были тѣ, которые не весьма высоко цѣнили Его. Двѣнадцать не такъ Его почтили, но—своею смертію, преданіемъ себя на закланіе и перенесеніемъ за Него разныхъ напастей. Правда, и то была честь, но гораздо ниже этой, о которой я сейчасъ сказалъ. Съ другой стороны, у насъ, какъ я уже сказалъ, теперь рѣчь о людяхъ; а тогда все это

сдѣлано было для Господа. А чтобы ты зналъ, что Христосъ нисколько не желалъ этого,—(послушай), что Онъ сказалъ: вы видѣли Меня алчущимъ, и напитали; жаждущимъ, и напоили; нагимъ, и одѣли (Матѳ. xxv, 35—39); но нигдѣ не сказалъ: умершимъ, и погребли. Я это говорю не съ тѣмъ, чтобы истребить обычай погребенія,—нѣтъ, — но съ тѣмъ, чтобы пресѣчь роскошь и неумѣстное великолѣпіе. Къ этому, скажешь, располагаетъ скорбь и печаль, и состраданіе къ умершему? Нѣтъ,—это происходитъ не отъ состраданія къ умершему, но отъ тщеславія.

Если же ты хочешь оказать соболѣзнованіе умершему,—я укажу тебѣ иной способъ погребенія и научу тебя облекать его въ такія одежды, которыя возстанутъ съ нимъ и представятъ его въ блистательномъ видѣ. Эти одежды ни молью не истребляются, ни временемъ не разрушаются, ни ворами не похищаются. Какія же это одежды? Это — одѣяніе милостыни. Эта одежда возстаетъ вмѣстѣ съ умершихъ, потому что печать милостыни навсегда остается съ нимъ. Этими-то одеждами будутъ блистать тѣ, которые тогда услышатъ: вы напитали Меня, когда Я алкалъ. Эти одежды дѣлаютъ умершихъ славными, знаменитыми и безопасными, а одежды нынѣшнія—не что иное, какъ пища моли и трапеза червей. И это я говорю не потому, чтобы запрещалъ имѣть попеченіе объ умершихъ; но для того, чтобы вы дѣлали это съ умѣренностію, прикрывали лишь тѣло и не предавали его землѣ нагимъ. Если и живымъ не слѣдуетъ имѣть ничего больше какъ только покровъ тѣла, то тѣмъ болѣе — умершимъ, потому что мертвое тѣло не столько нуждается въ одеждахъ, сколько живое и дышущее. Пока мы живемъ, намъ нужно одѣяніе и по причинѣ холода, и для благоприличія; а коль скоро мы умерли,—у насъ нѣтъ этихъ нуждъ, и только для того, чтобы тѣло не лежало нагимъ, намъ нужны погребальныя пелены. Самыя же лучшія у насъ погребальныя пелены, это — земля, покрывало прекраснѣйшее и самое приличное нашему земному тѣлу. Итакъ, если теперь, когда у насъ столько нуждъ, не надобно искать ничего излишняго, то тѣмъ болѣе неумѣстна пышность тогда, когда нѣтъ такихъ нуждъ.

6. Но люди, скажешь, которые увидятъ это, станутъ смѣяться. Если бы и сталъ кто смѣяться, на того, очевидно, не слѣдуетъ обращать большого вниманія, какъ на человѣка совершенно глупаго. Многіе, напротивъ, скорѣе будутъ удивляться намъ и восхвалять наше любомудріе. Не это достойно смѣха, но—то, что мы теперь дѣлаемъ, когда плачемъ, рыдаемъ и какъ бы погребаемъ себя съ умершими. Вотъ что достойно и смѣха, и наказа-

нія; а любомудріе во всемъ этомъ, равно какъ и соблюденіе умѣренности въ одеждахъ, доставляетъ намъ вѣнцы и похвалы. Въ этомъ случаѣ всѣ насъ восхвалять, подивятся силѣ Христовой и скажутъ: о, какъ велика сила Распятаго! Онъ убѣдилъ смерт- 467
ныхъ и тлѣнныхъ, что смерть не есть смерть, и вотъ они поступаютъ такъ, какъ будто они не умираютъ, но переселяются въ лучшую страну. Онъ убѣдилъ ихъ, что это тлѣнное и земное тѣло облечется въ одежду гораздо блистательнѣйшую шелковыхъ и златотканныхъ одеждъ,—облечется въ нетлѣніе; и потому они не много заботятся о похоронахъ, но считаютъ самымъ лучшимъ погребальнымъ украшеніемъ добродѣтельную жизнь.

Такъ всѣ будутъ говорить о насъ, когда увидятъ насъ любомудрствующими. Если же увидятъ, что мы терзаемся скорбію, малодушествуемъ и окружаемъ себя хоромъ рыдающихъ женщинъ, то будутъ смѣяться и издѣваться надъ нами, и тысячу разъ осудятъ насъ, укоряя за безразсудную трату и напрасный трудъ. И мы слышимъ, что за это, дѣйствительно, всѣ осуждаютъ насъ; и—весьма справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, какое мы будемъ имѣть извиненіе, когда тѣло наше, истребляемое тлѣніемъ и червями, украшаемъ, а Христа, жаждущаго, нагого и странника, презираемъ? Отстанемъ же отъ этой суетной заботы. Будемъ погребать умершихъ такъ, чтобы это полезно было и намъ, и имъ, къ славѣ Божіей. Будемъ раздавать за нихъ обильную милостыню и препровождать ихъ съ этимъ прекраснѣйшимъ напутствіемъ. Если память скончавшихся знаменитыхъ мужей защищала живыхъ (какъ говоритъ Господь: *защищу градъ сей Мене ради, и Давида ради раба Моего*—4 Цар. XIX, 34), то тѣмъ болѣе сдѣлаетъ это милостыня. Она, именно она и мертвыхъ воскрешала,—когда окружили (Петра) *вдовицы, показующа, елика творяше съ ними сущи Серна* (Дѣян. IX, 36). Итакъ, когда кто бу- 468
детъ умирать, пусть родственники умирающаго приготовляютъ для него погребальное одѣяніе и пусть убѣждаютъ его предъ кончиною оставить что-нибудь бѣднымъ. Пусть съ этою одеждою онъ отойдетъ, пусть и Христа оставитъ своимъ наслѣдникомъ. Если тѣ, которые назначаютъ по себѣ наслѣдниками царей, оставляютъ чрезъ то въ величайшей безопасности своихъ родныхъ, то представь себѣ, какое пріобрѣтетъ благоволеніе и себѣ, и всѣмъ своимъ тотъ, кто вмѣстѣ съ дѣтьми оставитъ своимъ наслѣдникомъ и Христа! Вотъ прекрасное одѣяніе для умершихъ. Оно полезно, какъ остающимся въ живыхъ, такъ и отходящимъ. Если въ такомъ видѣ мы будемъ погребены, то явимся блистательными во время воскресенія. А если, заботясь о тѣлѣ, пренебрежемъ душу, то потерпимъ тогда много бѣдъ и подвергнемся

великому осмѣянію. Не малый стыдъ—отойти отсюда безъ добродѣтели; не столько позорно для тѣла быть поверженнымъ безъ погребенія, сколько для души — явиться тогда безъ добрыхъ дѣлъ. Итакъ, станемъ одѣвать душу, станемъ убирать ее въ продолженіе всей нашей жизни. Если же при жизни мы нерадѣли о ней, — образумимся, по крайней мѣрѣ, при смерти и завѣщаемъ сродникамъ нашимъ помочь намъ, по смерти, милостынею. При такомъ взаимномъ содѣйствіи другъ другу, мы получимъ великое дерзновеніе, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXXVI.

Идоста же паки къ себѣ ученика. Марія же стояше у гроба внѣ плачущи (Іоан. xx, 10, 11).

1. Женскій полъ какъ-то особенно чувствителенъ и весьма склоненъ къ состраданію. Говорю это для того, чтобы для тебя не было удивительнымъ, отчего Марія горько плакала при гробѣ, а Петръ не обнаружилъ ничего подобнаго. Ученики, говоритъ евангелистъ, *идоста къ себѣ*, а Марія *стояше плачущи*. Она, по самой своей природѣ, легко трогалась, а притомъ она еще не знала ясно ученія о воскресеніи; напротивъ, ученики, увидѣвъ пелены, увѣровали и отправились домой въ изумленіи. Почему же они не пошли прямо въ Галилею, какъ было имъ заповѣдано предъ страданіемъ? Можетъ быть, они ожидали прочихъ (учениковъ); а съ другой стороны, они еще находились въ крайнемъ изумленіи. Итакъ, они пошли домой, а Марія стояла у гроба. Великое, поистинѣ, утѣшеніе, какъ я уже сказалъ, доставляетъ намъ самый видъ гроба. Видишь ли поэтому, какъ она, для большаго утѣшенія, приникаетъ взоромъ во гробъ и хочетъ видѣть мѣсто, *идѣже бѣ лежало тѣло* (ст. 12)? Оттого не малую получила она и награду за столь великое усердіе. Чего не видѣли ученики, то первая увидѣла жена, именно—ангеловъ въ бѣлыхъ ризахъ, сидящихъ—одного у ногъ, а другого у главы (ст. 12); самая одежда ихъ показывала уже великую радость и веселіе. Такъ какъ умъ жены не былъ столько возвышенъ, чтобы отъ гробныхъ пеленъ придти къ вѣрѣ въ воскресеніе, то вотъ совершается нѣчто большее: она видитъ ангеловъ, сидящихъ въ свѣтлыхъ одеждахъ, чтобы чрезъ это могла уже воспрянуть отъ скорби и утѣшиться. Впрочемъ, ангелы ничего не говорятъ ей о воскресеніи: она воз-

водится къ этому догмату мало-по-малу. Она видитъ лица, бо- 468
лѣе обыкновеннаго свѣтлыя; видитъ одежды блестящія; слышитъ голосъ участія, такъ какъ ангелы говорятъ ей: *жено, что плачешися* (ст. 13)? Чрезъ все это, какъ чрезъ отверстую дверь, она мало-по-малу приводима была къ слову о воскресеніи. Да и самый образъ сидѣнія ангеловъ располагалъ ее къ вопросу: изъ него видно было, что они знаютъ о случившемся, и потому-то сидятъ не вмѣстѣ, а отдѣльно другъ отъ друга. Но такъ какъ невѣроятно было, чтобы она сама прямо осмѣлилась спросить, то они и вопросомъ и образомъ сидѣнія располагаютъ ее къ разговору. Что же она? Она съ жаромъ и вмѣстѣ съ любовію говоритъ: *взяша Господа моего и не вѣмъ, гдѣ положиша Его* (ст. 13). Что ты говоришь? Такъ ты еще ничего не знаешь о воскресеніи, а все еще воображаешь, что тѣло Христово переложено? Видишь ли, какъ она еще не разумѣла этого высокаго догмата? *И сія рекше, обратися вспять* (ст. 14). Что здѣсь за послѣдовательность? Марія вступаетъ въ разговоръ съ ангелами и, еще ничего не услышавъ отъ нихъ, обращается назадъ. Мнѣ кажется, что въ то время, какъ она говорила, Христосъ внезапнымъ своимъ явленіемъ позади ея привелъ въ изумленіе ангеловъ, и они, узрѣвши Владыку, и видомъ, и взоромъ, и движеніемъ тотчасъ обнаружили, что увидѣли Господа; а это и заставило жену оглянуться и обратиться назадъ. Такъ явился Христосъ ангеламъ; а Маріи— не такъ, чтобы не поразить ее изумленіемъ съ перваго взгляда, но—въ видѣ болѣе смиренномъ и обыкновенномъ. Это видно уже изъ того, что она приняла Его за садовника. Женщину съ такими уничиженными понятіями, очевидно, надобно было возводить къ высшимъ понятіямъ не вдругъ, но постепенно. Поэтому и Христосъ спрашиваетъ ее: *жено, что плачеши, кого ищеши* (ст. 15)? Этимъ Онъ показалъ, что Ему извѣстно, о чемъ она
хочетъ спросить, и расположилъ ее къ отвѣту. Такъ поняла это 469
и Марія, и потому не произноситъ имени Іисуса, но, полагая, что вопрошающій уже знаетъ, о комъ она освѣдомляется, говоритъ: *аще ты еси взялъ Его, повѣждь ми, гдѣ еси положилъ Его, и азъ возму Его* (ст. 15). Опять говоритъ о положеніи, взятіи и переложеніи, бесѣдуя о Немъ, какъ о мертвомъ. Смыслъ словъ ея такой: если вы, боясь іудеевъ, взяли Его отсюда, то скажите мнѣ, и я возьму Его. Велико усердіе, велика любовь жены; но высокаго въ ней еще нѣтъ ничего. Потому-то, наконецъ, Христосъ открываетъ ей высокую тайну, не видомъ Своимъ, а голосомъ. Какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда Онъ находился среди іудеевъ, иногда они узнавали Его, а иногда не узнавали, такъ и въ то время, какъ Онъ говорилъ, Его узнавали лишь тогда, когда Онъ

хотѣлъ. Такъ, когда Онъ говорилъ іудеямъ: *кого ищете?*—они не узнавали Его ни по виду, ни по голосу, до тѣхъ поръ, пока Онъ хотѣлъ. Тоже самое случилось и здѣсь. Христосъ произнесъ теперь только имя Маріи, укоряя ее и упрекая за то, что она такъ думаетъ о Немъ, тогда, какъ Онъ живъ. Но какъ же она отвѣвѣчаетъ *обращся*, между тѣмъ, какъ Христосъ съ нею бесѣдовалъ? Мнѣ кажется, что она, сказавъ: *гдѣ еси положилъ Его*, обратилась къ ангеламъ, съ намѣреніемъ спросить ихъ, чему они изумились, и что Христосъ, назвавъ ее по имени, снова заставилъ ее обернуться отъ ангеловъ въ Его сторону и по голосу далъ узнать Себя. Дѣйствительно, она узнала Его тогда, когда онъ назвалъ ее, сказавъ: *Маріе* (ст. 16), и значитъ, узнала не по виду, но по голосу. Можетъ быть, кто-нибудь спроситъ: откуда извѣстно, что ангелы пришли въ изумленіе и что поэтому Марія обратилась назадъ? Но въ такомъ случаѣ нужно будетъ также спросить: откуда извѣстно, что Марія прикоснулась ко Христу и пала къ ногамъ Его? И какъ это послѣднее открывается изъ словъ: *не прикасайся Мнѣ* (ст. 17), такъ и первое видно изъ того, что сказано: *обратися*. Но почему Христосъ сказалъ: *не прикасайся Мнѣ?* Нѣкоторые говорятъ, что Марія просила у Него духовной благодати, такъ какъ слышала, что Онъ говорилъ ученикамъ: *аще пойду* ко Отцу, *умолю* Его, *и иного Утѣшителя дастъ вамъ* (Іоан. XIV, 3, 16).

2. Но какъ она, не бывшая тогда съ учениками, могла слышать эти слова? Съ другой стороны, и по своимъ понятіямъ она далека была отъ подобнаго желанія. Да и какъ она могла просить объ этомъ, когда Онъ еще не отошелъ къ Отцу? Что же это значитъ? Мнѣ кажется, что она и теперь желала обращаться съ Нимъ, какъ прежде, и отъ радости не представляла себѣ ничего великаго, хотя Онъ и сдѣлался по плоти гораздо совершеннѣйшимъ. Поэтому Христосъ, чтобы отклонить ее отъ такого мнѣнія и внушить ей не говорить съ нимъ безъ всякой осторожности (потому что и съ учениками, какъ видно. Онъ уже не обращался по прежнему),—возвышаетъ ея помышленія и чрезъ то научаетъ ее болѣе благоговѣйному съ Нимъ обращенію. Если бы Онъ сказалъ: не подходи ко Мнѣ, какъ прежде; теперь обстоятельства измѣнились, и Я уже не буду обращаться съ вами по прежнему,—то это было бы непріятно и отзывалось бы похвальбой и тщеславіемъ. Но слова: *не у бо взыдохъ ко Отцу* были не тягостны и, между тѣмъ, выражали тоже самое. Сказавъ: *не у бо взыдохъ ко Отцу*, Христосъ даетъ разумѣть, что Онъ спѣшитъ туда и стремится. А кто готовъ уже отойти на небо и не будетъ болѣе обращаться съ людьми, на того уже не слѣдовало смотрѣть

съ такими же мыслями, съ какими смотрѣли прежде. Что такое объясненіе справедливо, видно изъ слѣдующихъ словъ: *иди и рцы братіи Моей, яко иду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (ст. 17). Но вѣдь Онъ намѣренъ былъ сдѣлать это не тотчасъ, но спустя сорокъ дней: для чего же говоритъ такъ? Для того, чтобы возвысить помыслы Маріи и увѣрить ее, что Онъ восходитъ на небо. А слова: *ко Отцу Моему и Отцу вашему, Богу Моему и Богу вашему* —относятся къ воплощенію, такъ
какъ и восшествіе свойственно только плоти. Христосъ выра- 470
жается такъ потому, что говоритъ съ женою, которая не представляла себѣ ничего великаго. Значитъ, Богъ въ иномъ смыслѣ Отецъ Его и въ иномъ—нашъ? Именно такъ. Если Богъ не въ одинаковомъ смыслѣ—Богъ праведныхъ и Богъ прочихъ людей, то тѣмъ болѣе—Сына и нашъ. А такъ какъ Христосъ сказалъ: *рцы братіи*, то, чтобы на основаніи этихъ словъ не стали предполагать какого-либо равенства (между Нимъ и учениками),— Онъ показываетъ и различіе: самъ Онъ будетъ возсѣдать на престолѣ Отчемъ, а они будутъ предстоять этому престолу. Слѣдовательно, хотя Христосъ, по человѣческому естеству Своему, и содѣлался братомъ нашимъ, однакожъ по славѣ—весьма отличенъ отъ насъ, отличенъ настолько, что и выразить нельзя. Между тѣмъ, Марія уходитъ, чтобы возвѣстить объ этомъ ученикамъ (ст. 18). Вотъ какъ хорошо усердіе и постоянство! Но отчего ученики теперь не скорбятъ о томъ, что Христосъ намѣренъ отойти отъ нихъ, и не говорятъ того, что говорили прежде? Тогда они скорбѣли потому, что Онъ шелъ на смерть; а теперь, когда Онъ воскресъ, изъ-за чего имъ было печалиться? Марія возвѣстила имъ и о своемъ видѣніи, и о словахъ, которыя могли утѣшить ихъ. Но легко могло случиться, что ученики, слушая это, или не повѣрятъ женѣ, или, повѣривъ, будутъ скорбѣть о томъ, что Христосъ не удостоилъ ихъ своего явленія, хотя и обѣщалъ явиться имъ въ Галилеѣ. Поэтому, чтобы они не тревожились такими мыслями, Христосъ не далъ миновать и одному дню, но, возбудивъ въ нихъ желаніе видѣть Его,—какъ тѣмъ, что они уже знали о Его воскресеніи, такъ и разсказомъ жены,— въ тотъ же день по наступленіи вечера, когда они горѣли желаніемъ видѣть Его и были одержимы страхомъ,—отчего еще болѣе усиливалось ихъ желаніе, — предсталъ предъ ними, и притомъ чудеснымъ образомъ.

Почему же Онъ явился вечеромъ? Потому, что особенно въ это время, по всей вѣроятности, они находились въ наибольшемъ страхѣ. Но вотъ что удивительно: какъ они не сочли Его за призракъ, когда Онъ вошелъ чрезъ затворенныя двери

и внезапно? Это, безъ сомнѣнія, потому, что Марія успѣла уже произвесть въ нихъ сильную вѣру, а притомъ Онъ и явился къ нимъ въ свѣтломъ и кроткомъ видѣ. Днемъ же Онъ не явился для того, чтобы ученики собрались всѣ вмѣстѣ,—такъ какъ они были въ великомъ страхѣ. Поэтому Онъ даже не стучалъ въ дверь, но внезапно сталъ посреди ихъ, показалъ имъ ребра и руки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и голосомъ успокоилъ волновавшіяся мысли ихъ, сказавъ: *миръ вамъ* (ст. 20), т. е., не смущайтесь. Этимъ Онъ напомнилъ имъ слова, сказанныя предъ страданіемъ: *миръ Мой оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ* (Іоан. xiv, 27), и еще: *во Мнѣ миръ* имѣйте: *въ мірѣ скорбни будете* (Іоан. xvi, 33). *Возрадовашася же ученицы, видѣвше Господа* (ст. 20). Видишь ли, какъ слова Его оправдались на дѣлѣ? Что сказалъ Онъ предъ страданіемъ: *паки узрю вы и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возьметъ отъ васъ* (Іоан. xvi, 22),—то исполнилъ теперь самымъ дѣломъ. Все же это привело учениковъ къ совершенной вѣрѣ. А такъ какъ они имѣли непримиримую брань съ іудеями, то Онъ часто повторяетъ: *миръ вамъ*,—предлагая такимъ образомъ равносильное брани утѣшеніе.

3. Вотъ какое первое слово сказалъ Христосъ по воскресеніи. Потому-то и Павелъ повсюду говоритъ: *благодать вамъ и миръ*. Женамъ Господь благовѣствуетъ радость, такъ какъ женскій полъ былъ въ печали и на печаль осужденъ былъ первымъ проклятіемъ. Такимъ образомъ Онъ, совершенно прилично, мужамъ благовѣствуетъ миръ — по причинѣ брани, а женамъ радость— по причинѣ печали. Уничтоживъ все, что было поводомъ къ скорби, Христосъ далѣе говоритъ о благотворныхъ слѣдствіяхъ креста. Такимъ слѣдствіемъ былъ миръ. Значитъ всѣ препятствія теперь отстранены, Христосъ одержалъ блистательную побѣду, и все приведено къ вожделѣнному концу. Поэтому Онъ, наконецъ, говоритъ: *якоже посла Мя Отецъ и Азъ посылаю вы* (ст. 21). Для
471 васъ не будетъ никакой трудности, какъ по причинѣ совершившихся уже событій, такъ и по достоинству моего лица,—такъ какъ Я посылаю васъ. Этимъ онъ возвышаетъ души учениковъ и показываетъ, что ихъ слова будутъ вполнѣ достовѣрны, такъ какъ они примутъ на себя Его дѣло. И теперь Онъ уже не умоляетъ Отца, но собственною властію даруетъ ученикамъ силу. *Дуну и глагола имъ: пріимите Духъ Святъ: имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите, держатся* (ст. 22, 23). Какъ царь, посылая правителей, даетъ имъ власть и заключать въ темницу, и освобождать изъ темницы, такъ и Христосъ, посылая учениковъ, облекаетъ ихъ такою же властію. Какъ же Онъ прежде сказалъ: *аще не иду Азъ, Утѣшитель не пріидетъ* (Іоан. xvi, 7), а

теперь даетъ Духа? Нѣкоторые говорятъ, что Христосъ не сообщилъ ученикамъ Духа, а только посредствомъ дуновенія сдѣлалъ ихъ способными къ Его принятію. Вѣдь если Даніилъ, при видѣ ангела, пришелъ въ *ужасъ* (Дан. VIII, 17), то чего не испытали бы и ученики, если бы приняли эту неизреченную благодать, не будучи напередъ къ тому приготовлены? Потому-то, говорятъ, Христосъ не сказалъ: вы пріяли Духа Святого, но—*пріимите Духъ Святъ*. Но не погрѣшитъ тотъ, кто скажетъ, что и тогда ученики получили нѣкоторую духовную власть и благодать, только — не воскрешать мертвыхъ и совершать чудеса, а отпускать грѣхи,—такъ какъ различны дарованія Духа. Потому-то Христосъ и присовокупилъ: *имже отпустите, отпустятся*, — показывая, какой родъ благодатной силы даруется имъ. А впослѣдствіи, спустя сорокъ дней, они получили силу чудотвореній, почему Христосъ и говоритъ: *пріимете силу нашедшу Святому Духу на вы, и будете Ми свидѣтели во Іерусалимѣ же и во всей Іудеи* (Дѣян. I, 8); а свидѣтелями они сдѣлались посредствомъ чудесъ. Неизреченна, поистинѣ, благодать Духа и многоразличны дары Его! Сообщаетъ же Христосъ дары Духа, чтобы ты зналъ, что у Отца и Сына и Святого Духа одинъ даръ и одна власть. Въ самомъ дѣлѣ, что присвояется, повидимому, Отцу, тоже самое оказывается принадлежащимъ и Сыну, и Святому Духу. Какъ же сказано, что никто не приходитъ къ Сыну, *аще не Отецъ привлечетъ его* (Іоан. VI, 64)? Но это же самое, очевидно, принадлежитъ и Сыну: *Азъ есмь*, говоритъ Онъ, *путь: никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо Мною* (Іоан. XIV, 6). А вотъ, смотри, это же приписывается и Духу: *никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. XII, 3). Такъ точно и апостолы представляются дарованными Церкви то отъ Отца, то отъ Сына, то отъ Духа Святого. И раздѣленіе дарованій, какъ видимъ, усвояется и Отцу, и Сыну, и Святому Духу.

4. Употребимъ же всѣ мѣры къ тому, чтобы имѣть въ себѣ Духа, и будемъ со всею почтительностію обращаться съ тѣми, кому ввѣрена власть дѣйствовать благодатными дарами. Подлинно, велико достоинство священниковъ! *Имже*, сказано, *отпустите грѣхи, отпустятся*. Потому-то и Павелъ говоритъ: *повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся* (Евр. XIII, 17), и: *имѣйте ихъ по преизлиха въ любви* (1 Сол. V, 13). Въ самомъ дѣлѣ, ты заботишься только о своихъ дѣлахъ, и, если ихъ устроишь хорошо,—не будешь отвѣчать за другихъ людей. А священникъ, хотя бы и хорошо устроилъ свою собственную жизнь, но если не будетъ съ должнымъ усердіемъ заботиться о жизни твоей и всѣхъ другихъ, ввѣренныхъ его попеченію, то вмѣстѣ съ порочными пой-

детъ въ геенну, и часто, невинный по своимъ дѣламъ, онъ погибаетъ за ваши беззаконія, если не исполнитъ надлежащимъ образомъ всего, что до него касается. Итакъ, зная, какая великая угрожаетъ опасность священникамъ, оказывайте имъ великую любовь. На это указалъ и Павелъ, когда сказалъ: *тіи бо бдятъ*
472 *о душахъ вашихъ*, и—не просто, но *яко слово воздати хотяще* (Евр. XIII, 17). Потому имъ надобно оказывать великое уваженіе. Если же и вы вмѣстѣ съ другими станете оскорблять ихъ, то и ваши дѣла не будутъ благоуспѣшны. Доколѣ кормчій благодушествуетъ, до тѣхъ поръ и плывущіе на кораблѣ безопасны; а коль скоро онъ, отъ оскорбленій и враждебныхъ дѣйствій со стороны спутниковъ, находится въ горѣ, то уже не можетъ ни быть бдительнымъ попрежнему, ни дѣйствовать съ обычнымъ своимъ искусствомъ, и нехотя подвергаетъ ихъ безчисленнымъ бѣдствіямъ. Такъ и священники, если будутъ пользоваться у васъ надлежащею честію, въ состояніи будутъ устроить и ваши дѣла, какъ слѣдуетъ; а если вы будете опечаливать ихъ, то ослабите ихъ руки и сдѣлаете то, что они вмѣстѣ съ вами легко будутъ увлечены волнами, хотя бы они были и весьма мужественны. Помысли о томъ, что сказалъ Христосъ объ іудеяхъ: *на Моисеовѣ сѣдалищи сѣдоша книжницы и фарисее*: *вся убо, елика аще рекутъ вамъ блюсти, творите* (Матѳ. XXIII, 23). Теперь же нельзя сказать, что священники возсѣли на сѣдалищѣ Моисеевомъ; нѣтъ, они возсѣли на сѣдалищѣ Христовомъ, потому что приняли Христово ученіе. Потому и Павелъ говоритъ: *по Христѣ посольствуемъ, яко Богу молящу нами* (1 Кор. V, 20). Не видите ли, какъ всѣ подчиняются властямъ мірскимъ? Хотя подчиненные часто превосходятъ начальствующихъ и знатностію рода, и жизнію, и мудростію, однакожъ, изъ уваженія къ тому, кто ихъ поставилъ, они не думаютъ ни о чемъ этомъ, но чтутъ опредѣленіе царя, каковъ бы ни былъ тотъ, кто получилъ надъ ними начальство. Таковъ-то у насъ страхъ, когда поставляетъ начальника человѣкъ! Но когда рукополагаетъ Богъ,—мы и презираемъ рукоположеннаго, и оскорбляемъ его, и преслѣдуемъ безчисленными поношеніями, и, тогда какъ намъ запрещено судить и своихъ братьяхъ, изощряемъ языкъ на священниковъ. И какое найдемъ мы себѣ оправданіе, когда въ своемъ глазѣ не видимъ бревна, а у другого съ злобнымъ стараніемъ замѣчаемъ и сучекъ? Ужели не знаешь, что, когда судишь такимъ образомъ другихъ, приготовляешь и себѣ самому тягчайшее осужденіе? Говорю это не потому, чтобы я одобрялъ недостойно проходящихъ служеніе священства; нѣтъ,—я крайне жалѣю о нихъ и плачу; тѣмъ не менѣе однакожъ утверждаю, что и въ этомъ случаѣ подчиненные,

и особенно люди самые простые, не имѣютъ права судить ихъ. Пусть жизнь священника будетъ самая порочная; но, если ты внимателенъ къ самому себѣ, то не потерпишь никакого вреда въ томъ, что ему ввѣрено отъ Бога. Если Господь заставилъ говорить ослицу и чрезъ волхва даровалъ духовныя благословенія; если, такимъ образомъ, и чрезъ безсловесныя уста ослицы, и чрезъ нечистый языкъ Валаама Онъ дѣйствовалъ для неблагодарныхъ іудеевъ, то тѣмъ болѣе для васъ если вы будете признательны, Онъ сдѣлаетъ съ своей стороны все. что нужно, и ниспошлетъ Духа Святого,—хотя бы и крайне порочны были священники. Вѣдь и чистый (священникъ) не своею собственною чистотою привлекаетъ Духа Святого; но все совершаетъ благодать. *Вся бо ваша суть*, говорится, *аще Павелъ или Аполлосъ, или Кифа* (1 Кор. ш, 22). Все, что ввѣрено священнику, есть единственно Божій даръ; и, сколько бы ни преуспѣвало человѣческое любомудріе, оно всегда будетъ ниже той благодати. Говорю это не для того, чтобы мы безпечно располагали своею жизнію, но для того, чтобы вы. подчиненные, видя нерадѣніе кого-либо изъ предстоятелей, не преумножали по этому поводу для самихъ себя зла. Но что я говорю о священникахъ? Ни ангелъ, ни архангелъ не можетъ оказать никакого дѣйствія на то, что даруется отъ Бога: здѣсь все устрояетъ Отецъ и Сынъ и Святый Духъ, а священникъ только ссужаетъ свой языкъ и простираетъ свою руку.
Да и несправедливо было бы, если бы, по причинѣ порочности 473
другого лица терпѣли вредъ тѣ, которые съ вѣрою приступаютъ къ символамъ нашего спасенія. Итакъ, зная все это, будемъ и Бога бояться, и уважать Его священниковъ, оказывая имъ всякую
честь, чтобы и за свои добрыя дѣла и за уваженіе къ нимъ полу- 474
чить отъ Бога великую награду, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXVII.

Ѳома же, единъ отъ обоюнадесяте, глаголемый близнецъ, не бѣ съ ними, егда пріиде Іисусъ. Глаголаху же ему друзіи ученицы: видѣхомъ Господа. Онъ же рече имъ: аще не вижу, не иму вѣры, и пр. (Іоан. xx, 24, 25).

1. Какъ вѣровать просто и безъ разбора—дѣло легкомыслія, 473
такъ и сверхъ мѣры испытывать и больше, чѣмъ нужно, изслѣдовать—дѣло ума крайне упрямаго. Поэтому-то и Ѳома подвергается порицанію. Когда апостолы сказали ему: *видѣхомъ Господа*,—

онъ не повѣрилъ, не столько по недовѣрію къ нимъ, сколько потому, что считалъ невозможнымъ это дѣло, то есть воскресеніе изъ мертвыхъ. Онъ не сказалъ: я не вѣрю вамъ, но: *аще не вложу руку мою, не иму вѣры*. Но отчего въ то время, какъ всѣ были собраны, не было его одного? Вѣроятно, онъ тогда не возвратился еще изъ прежде бывшаго разсѣянія. А ты, когда видишь этого ученика невѣрующимъ, подумай о человѣколюбіи Господа, который и ради одной души показываетъ Себя въ ранахъ, приходитъ и для спасенія одного, хотя и болѣе другихъ упорнаго. Въ самомъ дѣлѣ, (Ѳома) искалъ себѣ удостовѣренія посредствомъ самаго грубаго чувства и не вѣрилъ даже глазамъ. Онъ не сказалъ: если не увижу, но: если не осяжу, чтобы узнать, не призракъ ли то, что я вижу. Безъ сомнѣнія, и возвѣстившіе ученики были уже достойны вѣры, равно какъ и Самъ, обѣщавшій это; тѣмъ не менѣе однакожъ, поелику Ѳома искалъ себѣ большаго, то Христосъ не отказалъ ему и въ этомъ.

Для чего же Онъ является ему не тотчасъ, а спустя восемь дней? Для того, чтобы Ѳома, внимая въ теченіе этого времени убѣжденіямъ учениковъ и слыша одно и тоже, воспламенился большимъ желаніемъ и сдѣлался болѣе твердымъ въ вѣрѣ на будущее время. Но откуда онъ зналъ, что и ребра прободены? Слышалъ это отъ учениковъ. Отчего же этому онъ повѣрилъ, а тому не повѣрилъ? Оттого, что то было событіе совершенно необыкновенное и чудесное. Но ты замѣть правдолюбіе апостоловъ: они не скрываютъ недостатковъ ни своихъ, ни чужихъ, но описываютъ ихъ со всею истиною. Итакъ, снова является Іисусъ и не ожидаетъ пока (Ѳома) станетъ просить Его или скажетъ что-нибудь подобное, но еще прежде, чѣмъ тотъ сказалъ что-нибудь, исполняетъ его желаніе, показывая тѣмъ, что Онъ былъ съ учениками и въ то время какъ (Ѳома) говорилъ съ ними. Онъ употребилъ тѣже самыя слова, сильно укоряя его и вразумляя на будущее время. Сказавъ: *принеси перстъ твой сѣмо, и виждь руцѣ Мои, и вложи руку твою въ ребра Моя*,—прибавилъ: *и не буди невѣренъ, но вѣренъ* (ст. 27). Видишь ли, что сомнѣніе происходило отъ невѣрія? Но такъ было прежде, чѣмъ получили Духа Святого; а послѣ—не такъ: они уже были совершенны. И не этими только словами Христосъ укорилъ, но и дальнѣйшими. Когда Ѳома, удостовѣрившись, успокоился и воскликнулъ: *Господь мой и Богъ мой*,—Христосъ сказалъ: *яко видѣвъ Мя вѣровалъ еси: блажени не видѣвшіи и вѣровавше* (ст. 28, 29). Вѣра въ томъ, дѣйствительно,
474 и состоитъ, чтобы принимать невидимое: *есть вѣра уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ* (Евр. xi, 1). А блаженными Онъ называетъ здѣсь не однихъ только учениковъ, но и тѣхъ,

которые увѣруютъ послѣ нихъ. Но вѣдь ученики, скажешь, увидѣли и увѣровали? Однакожъ, они ничего подобнаго не требовали, но отъ погребальныхъ пеленъ тотчасъ приняли слово о воскресеніи и прежде, чѣмъ увидѣли самого Христа, уже показали полную вѣру. Итакъ, если кто въ настоящее время скажетъ: какъ бы я желалъ жить въ тѣ времена и видѣть Христа чудодѣйствующаго!—тотъ пусть подумаетъ, что *блаженни не видѣвшіи и вѣровавше*. При этомъ случаѣ справедливо можно придти въ недоумѣніе, какимъ образомъ тѣло нетлѣнное имѣло на себѣ язвы гвоздинныя, и какъ возможно было касаться его смертною рукою? Но не смущайся: это было дѣломъ снисхожденія. Тѣло столь тонкое и легкое, что вошло сквозь затворенныя двери (ст. 26), очевидно, чуждо было всякой дебелости; но (Христосъ) показываетъ его такимъ для того, чтобы увѣрить въ воскресеніи и научить, что именно Онъ былъ распятъ, и не другой воскресъ вмѣсто Его. Поэтому-то Онъ воскресъ, имѣя на Себѣ знаки креста; поэтому же Онъ вкушаетъ и пищу. И апостолы очень часто представляли это, какъ свидѣтельство воскресенія, говоря: *иже съ нимъ ядохомъ и пихомъ* (Дѣян. x, 41). Потому какъ до распятія мы видимъ Его ходящимъ по волнамъ и однако же не говоримъ, что тѣло Его было другого естества, а не нашего, такъ и послѣ воскресенія, видя на Немъ язвы, не станемъ называть Его тлѣннымъ,—потому что Онъ показывалъ ихъ для ученика. *Многа же и ина знаменія сотвори Іисусъ* (ст. 30). Такъ какъ этотъ евангелистъ сказалъ меньше другихъ, то говоритъ, что и всѣ прочіе сказали не все, но столько, сколько нужно было для привлеченія слушающихъ къ вѣрѣ. А если бы, говоритъ, все было описано, то думаю, что и міръ не вмѣстилъ бы книгъ (xxi, 25).

2. Отсюда явно, что не изъ хвастовства говорили о чудесахъ, которыя они описали, но единственно—для пользы. Да и какъ возможно, чтобы они описали изъ хвастовства, когда большую часть ихъ опустили? Но почему же они не о всѣхъ разсказали? Преимущественно—по ихъ множеству; потомъ они думали и то, что кто не повѣритъ сказанному, тотъ не повѣритъ и большему, а кто приметъ это, тому ничего больше не нужно будетъ для утвержденія въ вѣрѣ. Впрочемъ, мнѣ кажется, что здѣсь (евангелистъ) говоритъ только о знаменіяхъ, бывшихъ послѣ воскресенія, почему и замѣчаетъ: *предъ ученики своими* (ст. 30). Какъ до воскресенія нужны были многія (чудеса) для того, чтобы увѣровали, что Христосъ есть Сынъ Божій, такъ послѣ воскресенія—для того, чтобы убѣдились, что Онъ воскресъ. Поэтому и присовокупилъ: *предъ ученики своими*, такъ какъ послѣ

воскресенія обращался только съ ними, почему и говорилъ: *міръ ктому не увидитъ Мене* (Іоан. XIV, 19). Потомъ, чтобы ты зналъ, что все это было сдѣлано только ради учениковъ, прибавляетъ: *и да вѣрующе животъ* вѣчный *имате во имя Его* (ст. 31). Здѣсь Онъ обращаетъ рѣчь вообще къ людямъ и показываетъ, что сказалъ объ этомъ не ради Того, въ кого мы вѣруемъ, но преиму-
475 щественно для нашей собственной пользы. *Во имя Его*, то есть, чрезъ Него, — потому что Онъ есть *животъ* (Іоан. XIV, 6). *Посемъ явися ученикомъ на мори Тиверіадстѣмъ* (Іоан. XXI, 1). Видишь, что Онъ не постоянно обращается съ ними и не такъ, какъ прежде? Явился вечеромъ, и скрылся; потомъ—еще однажды, спустя восемь дней, и опять скрылся; затѣмъ теперь—на морѣ, и опять при великомъ страхѣ. Но что значитъ: *явися*? Изъ этого видно, что, если бы Онъ не снизошелъ, то не былъ бы видимъ, такъ какъ тѣло Его было уже нетлѣнно и безсмертно. А для чего упомянулъ о мѣстѣ? Чтобы показать, что Христосъ избавилъ ихъ отъ чрезмѣрнаго страха, такъ что они выходили уже изъ дома и ходили повсюду. Они уже не сидѣли, запершись въ домѣ, но, избѣгая опасности отъ іудеевъ, отправились въ Галилею. И вотъ Симонъ идетъ ловить рыбу. Такъ какъ Христосъ не постоянно находился съ ними, а Духъ Святой еще не былъ имъ дарованъ, и они оставались тогда безъ всякаго порученія, то, не имѣя никакого дѣла, они обратились къ своему промыслу. *Бяху вкупѣ Симонъ и Ѳома и Нафанаилъ*, призванный Филиппомъ, *и сыны Заведеовы и ини два* (ст. 2). Такъ какъ, говорю, у нихъ не было никакого дѣла, то они пошли ловить рыбу и занимались этимъ ночью, потому что боялись. О ловлѣ же рыбы говоритъ и Лука (V, 1—10), но разумѣетъ не это событіе, а другое. Прочіе ученики пошли (за Петромъ), такъ какъ они уже не разлучались другъ отъ друга, а вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣли посмотрѣть на ловлю и съ пользою употребить свободное время. Итакъ они трудятся, и когда утомились, имъ предстаетъ Іисусъ, но не тотчасъ обнаруживаетъ Себя, а сначала входитъ съ ними въ разговоръ. Онъ говоритъ имъ: *еда что снѣдно имате* (ст. 5)?—Вступаетъ въ разговоръ совершенно по-человѣчески, какъ бы намѣреваясь что-нибудь купить у нихъ. Когда же они отозвались, что у нихъ нѣтъ ничего, Онъ повелѣлъ имъ бросить направо: они бросили и получили уловъ. А когда они узнали Его, то ученики Петръ и Іоаннъ опять обнаруживаютъ особенности своихъ характеровъ. Тотъ былъ пламеннѣе, а этотъ возвышеннѣе; тотъ стремительнѣе, а этотъ проницательнѣе. Поэтому Іоаннъ первый узналъ Іисуса, а Петръ первый пошелъ къ Нему,—такъ какъ не малыя были при этомъ и знаменія. Какія же именно? Во-первыхъ, пой-

мано было множество рыбы; потомъ, мрежа не разорвалась; далѣе, они нашли готовыми уголья *и рыбу лежащу и хлѣбъ* (ст. 9) прежде, чѣмъ достигли (берега). Теперь Христосъ творилъ уже не изъ готоваго вещества, какъ по нѣкоторому смотрѣнію творилъ прежде креста. Итакъ Петръ, какъ только узналъ Его, бросилъ все—и рыбу, и мрежи, и препоясался. Видишь и почтительность, и любовь? Хотя ученики были въ разстояніи двухъ сотъ локтей, но Петръ, несмотря и на это, не захотѣлъ ожидать, пока придетъ на суднѣ, но поспѣшилъ вплавь. Что же Іисусъ? *Пріидите*, говоритъ, *обѣдуйте. Ни единъ же смѣяше истязати Его* (ст. 12). Теперь они уже не имѣли своей обычной смѣлости, не дерзали, какъ прежде, и не обращались къ Нему съ рѣчью, но въ молчаніи, съ великимъ страхомъ и благоговѣніемъ сидѣли и смотрѣли на Него. Они знали, *яко Господь есть* (ст. 12), и потому не спрашивали: *кто еси?* Видя измѣнившееся лице, исполненное необычайнаго величія, они были очень изумлены и хотѣли бы что-нибудь спросить объ этомъ; но страхъ и сознаніе, что это былъ не другой кто, а именно Онъ, удерживали ихъ отъ вопроса, и они лишь вкушали то, что Онъ создалъ Своею высокою властію. Здѣсь Онъ уже не взираетъ на небо и не дѣлаетъ ничего человѣческаго, какъ это было прежде, показывая, что и 476
тогда это дѣлалось по снисхожденію. А что Онъ не постоянно и не такъ, какъ прежде, обращался съ учениками, объ этомъ говоритъ (евангелистъ): *се уже третіе явися имъ, воставъ отъ мертвыхъ* (ст. 14). Христосъ повелѣваетъ принести и часть рыбы, чтобы показать, что видимое ими—не призракъ. Впрочемъ, здѣсь не говорится, чтобы Онъ самъ ѣлъ съ ними, но Лука въ другомъ мѣстѣ говоритъ объ Немъ: *съ ними же и ядый* (Дѣян. I, 4). Какъ это было, мы не можемъ сказать. Безъ сомнѣнія, это происходило какъ-нибудь чудесно, не потому, чтобы естество еще нуждалось въ пищѣ, но — по снисхожденію, для доказательства воскресенія.

3. Слушая объ этомъ, вы, можетъ быть, воспламенились и назвали блаженными тѣхъ, которые обращались съ Нимъ, равно какъ и тѣхъ, которые будутъ въ общеніи съ Нимъ въ день общаго воскресенія. Употребимъ же всѣ мѣры къ тому, чтобы узрѣть Его чудное лице. Если теперь, когда только слышимъ объ этомъ, мы такъ воспламеняемся и желали бы жить въ тѣ дни, когда и Онъ жилъ на землѣ, слышать Его голосъ, видѣть лице, приходить къ Нему, касаться Его и служить Ему, то подумай, что значитъ — видѣть Его, когда Онъ уже не въ смертномъ тѣлѣ и дѣйствуетъ не по-человѣчески, но дориносится ангелами, когда и мы сами будемъ въ безсмертномъ тѣлѣ и, со-

зерцая Его, будемъ наслаждаться и прочимъ блаженствомъ, превосходящимъ всякое слово. Поэтому-то, умоляю васъ, будемъ всячески стараться о томъ, чтобы не лишиться такой славы. И въ этомъ нѣтъ ничего труднаго, если только мы захотимъ,—ничего тягостнаго, если будемъ внимательны: *аще бо терпимъ, и воцаримся* (2 Тим. II, 12). Что же значитъ: *терпимъ*? Если будемъ переносить скорби, гоненія, если будемъ идти тѣснымъ путемъ. Тѣсный путь самъ по себѣ труденъ, но отъ нашей рѣшимости и надежды на будущее дѣлается легкимъ. *Еже бо нынѣ легкое печали по преумноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ, не смотряющимъ намъ видимыхъ, но не видимыхъ* (2 Кор. IV, 17, 18). Итакъ возведемъ очи наши на небо и будемъ постоянно представлять и созерцать тамошнее. Если мы всегда будемъ имѣть это въ мысляхъ, то и здѣшнія удовольствія не будутъ для насъ привлекательны, и горести не будутъ тягостны. И надъ этимъ, и надъ подобнымъ мы будемъ смѣяться, и уже ничто не въ состояніи будетъ ни поработить, ни надмить насъ, если только мы желаніемъ своимъ устремимся туда и будемъ взирать на ту любовь. И что я говорю: не будемъ скорбѣть при настоящихъ бѣдствіяхъ? Мы не будемъ даже замѣчать ихъ: таково уже свойство любви [1]). Кого мы любимъ и кто находится не вмѣстѣ съ нами, но вдали отъ насъ, того-то именно мы и представляемъ себѣ каждый день. Велика, поистинѣ, сила любви [2]): она устраняетъ душу отъ всего и привязываетъ къ любимому предмету. Если мы такъ возлюбимъ Христа, то все здѣшнее будетъ казаться намъ тѣнью, все—только призракомъ и сномъ. Тогда и мы скажемъ: *кто ны разлучитъ отъ любве* Христовы? *Скорбь ли или тѣснота* (Рим. VIII, 35)? Не сказалъ: имущество, богатство, красота, такъ какъ все это крайне ничтожно и презрѣнно, но указалъ на то, что почитается тяжкимъ,—на голодъ, гоненія, смерть. Онъ и это презрѣлъ, какъ ничего незначущее, а мы изъ-за денегъ разлучаемся съ нашею жизнію и устраняемся отъ свѣта. Павелъ предпочитаетъ любовь къ Нему и смерти, и жизни, и настоящему, и будущему, и всякой вообще твари; а мы, лишь только увидимъ немного золота, тотчасъ воспламеняемся и попираемъ
477 законы Христовы. Если непріятно слышать объ этомъ, то тѣмъ менѣе надобно терпѣть это на дѣлѣ. Но въ томъ-то и бѣда, что мы, когда слышимъ это,—ужасаемся, а когда дѣлаемъ,—не ужасаемся, напротивъ, мы и легкомысленно клянемся, и преступаемъ клятвы, и хищничаемъ, и требуемъ лихвенныхъ

[1]) ὁ ἔρως.
[2]) ἀγάπης.

процентовъ, и нерадимъ о цѣломудріи, и оставляемъ прилежную молитву, и преступаемъ бо̀льшую часть заповѣдей, и ради денегъ не обращаемъ никакого вниманія на своихъ собратій. Да, кто пристрастенъ къ богатству, тотъ причиняетъ тысячу золъ ближнему, а вмѣстѣ съ нимъ и себѣ самому. Онъ легко раздражается, поноситъ, называетъ уродомъ, клянется, преступаетъ клятву и не соблюдаетъ даже и того, что предписываетъ ветхозавѣтный законъ. Кто любитъ богатство, тотъ не будетъ любить даже ближняго, а между тѣмъ, намъ заповѣдано ради царствія любить самихъ враговъ. И если мы, исполняя древнія заповѣди, не можемъ достигнуть царства небеснаго, *аще не избудетъ правда* наша *паче* тѣхъ (Мат. ѳ. v, 20), то, преступая и ихъ, какъ получимъ оправданіе? Пристрастный къ богатству не только не станетъ любить враговъ, но и на самихъ друзей будетъ смотрѣть, какъ на враговъ.

4. Да что я говорю о друзьяхъ? Пристрастные къ богатству часто не признаютъ самой природы. Такой человѣкъ ни родства не знаетъ, ни знакомства не помнитъ, ни возраста не почитаетъ, никого не имѣетъ другомъ, но ко всѣмъ проявляетъ враждебное расположеніе, больше же всѣхъ — къ самому себѣ, — не потому только, что губитъ душу свою, но и потому, что обременяетъ себя безчисленными заботами, трудами, печалями. Онъ рѣшается на путешествія, подвергается непріятностямъ, опасностямъ, кознямъ и всему подобному, лишь бы только имѣть у себя корень золъ и насчитать много золота. Что можетъ быть ужаснѣе такой болѣзни! Человѣкъ, одержимый ею, отказывается и отъ роскоши и отъ всякаго удовольствія, изъ-за которыхъ такъ много грѣшатъ люди, и лишаетъ себя славы и чести. Любящій богатство всѣхъ подозрѣваетъ и имѣетъ множество обвинителей, завистниковъ, клеветниковъ и злоумышленниковъ. Тѣ, которые обижены имъ, ненавидятъ его, потому что потерпѣли отъ него зло; тѣ, которые еще ничего не потерпѣли, вооружаются противъ него, изъ опасенія потерпѣть и изъ соболѣзнованія къ потерпѣвшимъ; а наконецъ, и люди великіе и могущественные, частію по негодованію на него изъ состраданія къ низшимъ; а частію и по зависти, также становятся его врагами и ненавидятъ его. Но что я говорю о людяхъ? Противъ кого самъ Богъ вооруженъ,—какая остается тому надежда, какое утѣшеніе, какая отрада? Пристрастный къ богатству никогда не будетъ въ со- 478
стояніи пользоваться имъ; онъ будетъ рабомъ и стражемъ его, но не господиномъ. Стараясь всегда увеличить, онъ никогда не захочетъ тратить его, но будетъ изнурять себя, будетъ бѣднѣе всѣхъ нищихъ, потому что никогда не удовлетворитъ своей стра-

сти. А вѣдь деньги существуютъ не для того, чтобы беречь ихъ, но для того, чтобы ими пользоваться. Если же мы станемъ зарывать ихъ отъ другихъ, то можетъ ли быть что жалче насъ, когда мы всюду бѣгаемъ и стараемся все захватить, чтобы запереть у себя въ дому и изъять изъ общаго употребленія? Есть, впрочемъ, и другой недугъ, не меньше этого. Одни зарываютъ деньги въ землю, а другіе расточаютъ для чрева, на роскошь и пьянство, и такимъ образомъ вмѣстѣ съ наказаніемъ за неправду навлекаютъ на себя наказаніе за сластолюбіе. Одни употребляютъ ихъ на тунеядцевъ и льстецовъ, другіе на игру и блудницъ, а третьи на другія подобныя надобности, и такимъ образомъ пролагаютъ себѣ безчисленные пути, ведущіе въ геенну, и оставляютъ прямой и законный путь, ведущій къ небу, между тѣмъ какъ этотъ путь не только доставляетъ выгоду, но и пріятнѣе тѣхъ путей. Кто даетъ блудницамъ, тотъ дѣлается смѣшнымъ и зазорнымъ; онъ будетъ имѣть много ссоръ, а удовольствіе краткое, лучше же сказать—даже и краткаго не получитъ. Сколько бы ни давалъ онъ отверженнымъ женщинамъ, онѣ ничуть не будутъ благодарны ему: *сосудъ бо сокрушенъ чуждій домъ* (Прит. XXIII, 27). Притомъ же этотъ родъ безстыденъ, и Соломонъ любовь такой женщины уподобилъ аду. Она тогда только успокоивается, когда увидитъ своего любовника ничего уже не имѣющимъ. Лучше же сказать,—она и тогда не успокоивается, но еще больше величается, попираетъ лежащаго, предаетъ его великому осмѣянію и столько дѣлаетъ ему зла, что и описать нельзя. Не таково удовольствіе спасаемыхъ. Здѣсь никто не имѣетъ соперника въ любви, но всѣ радуются и веселятся—какъ тѣ, которые благоденствуютъ, такъ и тѣ, которые смотрятъ на нихъ. Ни гнѣвъ, ни печаль, ни стыдъ, ни поношеніе не смущаютъ души такого человѣка; напротивъ, тамъ великое спокойствіе совѣсти и великая надежда на будущее, свѣтлая слава и великая честь, полное благоволеніе Божіе и безопасность. Нѣтъ тамъ ни единаго утеса и никакой опасности, напротивъ—недопуступное для волнъ пристанище и тишина. Представляя себѣ все это и сравнивая одно удовольствіе съ другимъ, изберемъ для себя лучшее, чтобы сподобиться и будущихъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXXVIII.

Егда же обѣдоваше, глагола Симону Петру Іисусъ: Симоне Іонинъ, любиши ли Мя паче сихъ? Глагола Ему: ей, Господи, Ты вѣси, яко люблю Тя (Іоан. XXI, 15).

1. Многое и другое можетъ доставить намъ дерзновеніе 477
предъ Богомъ и сдѣлать насъ славными и достопочтенными; но преимущественно предъ всѣмъ, мы пріобрѣтаемъ благоволеніе свыше попеченіемъ о ближнихъ. Вотъ этого и Христосъ требуетъ отъ Петра. Когда трапеза учениковъ приходила къ концу, *глагола Симону Петру Іисусъ: Симоне Іонинъ, любиши ли Мя паче сихъ? Глагола ему: ей, Господи, Ты вѣси, яко люблю Тя. Глагола ему*: 478
паси овцы Моя (ст. 15, 16). Почему же, помимо другихъ учениковъ, бесѣдуетъ объ этомъ съ Петромъ? Потому, что онъ былъ избранный изъ апостоловъ, уста учениковъ, верховный въ ихъ ликѣ, почему и Павелъ приходилъ нѣкогда видѣть его преимущественно предъ другими. Вмѣстѣ съ тѣмъ Христосъ поручаетъ ему попеченіе о братіи и для того, чтобы показать, что отнынѣ онъ долженъ имѣть дерзновеніе, такъ какъ отреченіе его предано забвенію. Не воспоминаетъ объ его отреченіи и не порицаетъ его за то, что было; но говоритъ: если ты любишь Меня, то заботься о братіи; покажи теперь ту горячую любовь, которую ты всегда 479
обнаруживалъ и которою утѣшался; душу свою, которую ты обѣщалъ положить за Меня, предай за овецъ Моихъ. Будучи спрошенъ въ первый и во второй разъ, Петръ призвалъ въ свѣдѣтели самаго Вѣдущаго сокровенныя тайны сердца. Когда же потомъ спрошенъ былъ и въ третій разъ, то смутился, убоявшись, чтобы опять не случилось того же, что было прежде, потому что и тогда онъ говорилъ съ увѣренностію, но послѣдствія опровергли его. Поэтому снова прибѣгаетъ ко Христу и говоритъ: *Ты вѣси вся*, то есть, и настоящее, и будущее. Видишь, какъ онъ исправился и сталъ благоразумнѣе? Уже не упорствуетъ въ своемъ мнѣніи и не противорѣчитъ. Поэтому-то онъ и смутился. Можетъ быть, я думаю только, будто люблю, а на самомъ дѣлѣ не люблю, какъ и прежде я много думалъ о себѣ и говорилъ съ увѣренностію, но послѣдствія опровергли меня. А троекратно Христосъ спрашиваетъ его и троекратно заповѣдуетъ ему одно и тоже, чтобы показать, какъ высоко Онъ цѣнитъ попеченіе о Своихъ овцахъ, и что это въ особенности служитъ знакомъ любви къ Нему. Сказавъ ему о любви къ Себѣ, Христосъ предрекаетъ ему и мученичество, которому онъ подвергнется, и тѣмъ пока-

зываетъ, что то, что Онъ говорилъ ему, говорилъ не по недовѣрію къ нему, а напротивъ, по совершенной увѣренности въ немъ, желая показать образецъ любви къ Себѣ и научить насъ, какимъ образомъ преимущественно мы должны любить Его. Вотъ почему говоритъ: *егда былъ еси юнъ, поясился еси самъ, и ходилъ еси, аможе хотѣлъ еси. Егда же состарѣешися, воздѣжеши руцѣ твои, и* иные *тя* поящутъ и ведутъ, *аможе не хощеши* (ст. 18). Несомнѣнно, что Петръ самъ этого хотѣлъ и желалъ, потому Христосъ и возвѣстилъ ему это. Онъ неоднократно говорилъ: *душу мою за Тя положу* (Іоан. xııı, 37), и: *аще ми есть и умрети съ Тобою, не отвергуся Тебе* (Матѳ. xxvı, 33); поэтому Христосъ и устроилъ по его желанію. Что же значитъ: *аможе не хощеши*? Христосъ говоритъ здѣсь о свойствѣ природы, о необходимомъ законѣ плоти, о томъ, что душа неохотно разрѣшается отъ тѣла, такъ что, хотя бы намѣреніе было и твердое, но и при этомъ природа обнаруживаетъ себя. Никто безъ страданія не разстается съ тѣломъ, и это Богъ устроилъ, какъ я и прежде говорилъ, для пользы, чтобы немного было насильственныхъ смертей. Вѣдь если и при этомъ діаволъ успѣваетъ побуждать къ самоубійству и весьма многихъ доводитъ до стремнинъ и пропастей, то, еслибы не такова была любовь души къ тѣлу, многіе тотчасъ устремлялись бы къ этому даже отъ самой ничтожной печали. Итакъ слова: *аможе не хощеши* означаютъ естественную любовь. Почему Христосъ, сказавъ: *егда былъ еси юнъ*, говоритъ потомъ: *егда же состарѣешися*? Этимъ показываетъ, что Петръ тогда былъ уже не молодъ, какъ это и справедливо, но и не старъ, а въ совершенномъ возрастѣ. Для чего же онъ напомнилъ ему о прежней жизни? Чтобы показать, что таковы Его дѣла. Въ житейскихъ дѣлахъ человѣкъ молодой бываетъ полезенъ, а состарѣвшійся безполезенъ; а въ Моихъ дѣлахъ, говоритъ, не такъ: напротивъ, съ наступленіемъ старости доблесть блистательнѣе и мужество славнѣе, не встрѣчая никакихъ препятствій отъ возраста. И это онъ говорилъ не съ тѣмъ, чтобы устрашить, но для того, чтобы воодушевить, потому что Онъ зналъ его желаніе, зналъ, что онъ издавна пламенно стремился къ этому благу. Вмѣстѣ съ тѣмъ Христосъ указываетъ здѣсь и на образъ его смерти. Такъ какъ Петръ всегда хотѣлъ быть въ опасностяхъ за Него, то Онъ говоритъ: будь спокоенъ; Я исполню твое желаніе, такъ что, чего ты не потерпѣлъ въ юности, то потерпишь въ старости. Далѣе, евангелистъ, возбуждая слушателя, прибавилъ: *сіе же рече, назнаменуя, коею смертію прославитъ Бога* (ст. 19). Не сказалъ: умретъ, но: *прославитъ Бога*, чтобы ты зналъ, что страданія за Христа составляютъ славу
160 и честь для страждущаго. *И сія рекъ, глагола ему: иди по Мнѣ.*

Здѣсь Христосъ опять указываетъ на Свое попеченіе о немъ и на Свое великое расположеніе къ нему. Если же кто спроситъ: почему же престолъ іерусалимскій получилъ Іаковъ?—то я отвѣчу, что Петра Христосъ поставилъ учителемъ не для этого престола, но для вселенной. *Обращся же Петръ, видѣ ученика, егоже любляше Іисусъ, во слѣдъ идуща, иже и возлеже на вечери на перси его, и глагола: Господи, сей же что* (ст. 20, 21)?

2. Для чего напомнилъ намъ о бывшемъ тогда возлежаніи? Не просто и не безъ причины, но—чтобы показать, какое Петръ имѣлъ дерзновеніе послѣ своего отреченія. Прежде онъ не смѣлъ спросить, но поручилъ это другому, а теперь ему ввѣрено даже попеченіе о братіи. Теперь онъ не только не поручаетъ другому того, что до него касается, но уже и самъ за другого спрашиваетъ Учителя: Іоаннъ молчитъ, а онъ говоритъ. Здѣсь же евангелистъ показываетъ и любовь къ нему (Петра). Дѣйствительно, Петръ очень любилъ Іоанна; это видно и изъ послѣдующихъ событій, да и вообще во всемъ евангеліи и въ Дѣяніяхъ обнаруживается ихъ взаимная любовь. И вотъ, поелику Христосъ предсказалъ Петру величіе, вручилъ ему вселенную, предвозвѣстилъ мученичество и засвидѣтельствовалъ, что его любовь больше любви другихъ, то Петръ желая имѣть его своимъ общникомъ, говоритъ: *сей же что*? Не пойдетъ ли и онъ однимъ съ нами путемъ? Какъ прежде, не дерзая самъ спросить, поручилъ это Іоанну, такъ теперь, платя ему тѣмъ же и думая, что онъ хотѣлъ бы спросить о себѣ, но не смѣетъ, самъ беретъ на себя предложить о немъ вопросъ. Что же Христосъ? *Аще хощу, да той пребываетъ, дондеже пріиду, что къ тебѣ* (ст. 22)? Такъ какъ Петръ говорилъ по крайней заботливости и не желая разлучиться съ Іоанномъ, то Христосъ, показывая, что сколько бы онъ ни любилъ его, но любовь его не сравняется съ любовію самого Христа, — говоритъ: *аще хощу, да той пребываетъ, что къ тебѣ*? Этимъ Онъ научаетъ насъ не сокрушаться и не любопытствовать больше, чѣмъ сколько Ему угодно. Петръ всегда былъ пылокъ и скоръ на такіе вопросы, а потому Христосъ этими словами снова обуздываетъ его горячность и научаетъ не быть сверхъ мѣры любопытнымъ. *Изыде же слово се къ братіи*, то есть, къ ученикамъ, *яко той не умретъ. И не рече Іисусъ, яко не умретъ, но: аще хощу тому пребывати, дондеже пріиду, что къ тебѣ* (ст. 23)? Не думай, говоритъ, что Я одинаково устрою вашу судьбу. А это онъ сдѣлалъ потому, что теперь неблаговременна была ихъ взаимная любовь. Такъ какъ они должны были принять на себя попеченіе о вселенной, то имъ уже не слѣдовало быть вмѣстѣ другъ съ другомъ: это было бы весьма вредно для вселенной. Поэтому-то

Христосъ и говоритъ Петру: тебѣ поручено дѣло; заботься о немъ, совершай его, терпи и подвизайся. Что, если Я хочу, чтобы Іоаннъ здѣсь пребывалъ? Ты смотри за своимъ дѣломъ и о немъ заботься.

Замѣть и здѣсь скромность евангелиста. Сказавъ о мнѣніи учениковъ, онъ исправляетъ его, такъ какъ они не уразумѣли того, что Христосъ сказалъ. *Не рече*, говоритъ, *Іисусъ, яко не умретъ, но: аще хощу тому пребывати* (ст. 23). *Сей есть ученикъ свидѣтельствуяй о сихъ, иже и написа сія, и* вѣмы, *яко истинно есть свидѣтельство его* (ст. 24). Почему онъ одинъ такъ говоритъ, тогда какъ никто другой этого не дѣлаетъ, и уже въ другой разъ самъ свидѣтельствуетъ о себѣ, между тѣмъ какъ это непріятно слу-
481 шателямъ? Какая тому причина? Говорятъ, что онъ послѣ всѣхъ приступилъ къ написанію (евангелія), будучи на то подвигнутъ и возбужденъ Богомъ. Поэтому онъ постоянно указываетъ на любовь Его къ себѣ, намекая тѣмъ на причину, по которой рѣшился писать. Поэтому же часто упоминаетъ и о томъ (что его свидѣтельство истинно), придавая чрезъ то достовѣрность своему слову и показывая, что онъ приступилъ къ этому по побужденію свыше: *и вѣмъ*, говоритъ, *яко истинно есть* то, о чемъ онъ повѣствуетъ. Если же многихъ это не увѣритъ, то имъ можно увѣриться изъ слѣдующаго. Изъ чего же? Изъ того, что сказано далѣе. *Суть же*, говоритъ, *ина многа, яже сотвори Іисусъ, яже аще бы по единому писана быша, ни самому мню мірови вмѣстити пишемыхъ книгъ* (ст. 25). Отсюда видно, что я писалъ безъ пристрастія. Если при такомъ множествѣ я не сказалъ даже и столько сколько другіе, но, опустивъ большую часть ихъ, выставилъ на видъ козни іудеевъ и разсказалъ, какъ они бросали въ Него камнями, какъ ненавидѣли Его, оскорбляли и поносили, какъ именовали Его даже бѣсноватымъ и обманщикомъ, то явно, что я писалъ безъ лести. Кто льститъ, тотъ обыкновенно поступаетъ какъ разъ напротивъ, все позорное скрываетъ, а дѣла блистательныя излагаетъ. И вотъ почему онъ съ совершенною увѣренностію написавъ то, что написалъ, не отказывается выставить свое собственное свидѣтельство, вызывая разсмотрѣть и изслѣдовать каждое событіе въ отдѣльности. Вѣдь и у насъ есть обыкновеніе, когда мы считаемъ что-нибудь несомнѣнно вѣрнымъ, не отказываться отъ собственнаго о томъ свидѣтельства. Если же это дѣлаемъ мы, то тѣмъ болѣе онъ, писавшій по внушенію Духа. Такъ говорили, проповѣдуя, и другіе апостолы: *мы есмы свидѣтели* тому, что проповѣдуемъ, *и Духъ, его же даде повинующимся ему* (Дѣян. п, 32). Притомъ Іоаннъ присутствовалъ при всѣхъ (событіяхъ), не оставлялъ Христа и во время распятія, и ему поручена была Матерь:

все это знакъ, что (Христосъ) любилъ его и что онъ зналъ все въ точности. Если же онъ сказалъ, что знаменій было совершено такъ много,—ты этому не удивляйся, но подумай о неизреченной силѣ Творящаго и прими съ вѣрою сказанное. Какъ для насъ легко говорить, такъ, или еще гораздо легче, для Него дѣлать то, что Ему угодно. Ему довольно было восхотѣть и — все исполнилось.

3. Будемъ же тщательно внимать сказанному и не перестанемъ читать и изъяснять. Отъ частаго чтенія мы получимъ много пользы; чрезъ это мы въ состояніи будемъ очистить жизнь свою и истребить въ себѣ терніе. Таковы именно грѣхи и житейскія заботы,—безплодны они и болѣзненны. Какъ терніе, съ какой бы стороны не коснулись его, уязвляетъ касающагося, такъ и житейскія дѣла, съ какой стороны ни приступишь къ нимъ, всегда наводятъ печаль на того, кто связываетъ себя ими и заботится о нихъ. Но духовныя дѣла не таковы; напротивъ, они похожи на драгоцѣнный камень, который, какъ ни повернешь его,—отвсюду увеселяетъ зрѣніе. Напримѣръ, сотворилъ 482
ли кто милостыню? Онъ не только питается надеждою на будущее, но наслаждается и здѣшними благами: онъ ничего не опасается и все дѣлаетъ съ великимъ дерзновеніемъ. Преодолѣлъ ли кто злое вожделѣніе? Еще прежде наступленія царствія, онъ уже здѣсь получаетъ плодъ, слыша похвалу и одобреніе отъ всѣхъ, а прежде всего отъ собственной совѣсти. Да таково и каждое доброе дѣло, между тѣмъ какъ дѣла злыя, еще прежде геенны, уже здѣсь мучатъ совѣсть. Если ты грѣшишь, то, подумаешь ли о будущемъ,—поражаешься страхомъ и трепетомъ, хотя никто не наказываетъ тебя; подумаешь ли о настоящемъ,— имѣешь много враговъ и живешь въ подозрѣніи, и не можешь даже прямо и посмотрѣть на обидѣвшихъ тебя, лучше же сказать, и на тѣхъ, которые не обидѣли. Отъ грѣха не столько получаемъ мы удовольствія, сколько скорби: тутъ и совѣсть вопіетъ, и посторонніе люди осуждаютъ, и Богъ прогнѣвляется, и геенна угрожаетъ поглотить насъ, и мысли не могутъ успокоиться.

Тяжелъ, поистинѣ тяжелъ и невыносимъ грѣхъ, — тяжелѣе всякаго свинца. Кто сознаетъ его за собою, тотъ отнюдь не можетъ смотрѣть прямо, хотя бы былъ и очень нечувствителенъ. Такъ Ахаавъ, хотя былъ крайне нечестивъ, но, почувствовавъ грѣхъ, ходилъ съ поникшею главою, сокрушался и скорбѣлъ. Потому-то онъ и вретище возложилъ на себя, и проливалъ источники слезъ. Если и мы будемъ это дѣлать, если будемъ плакать, какъ Ахаавъ, и сложимъ съ себя грѣхи, какъ Закхей, то

и мы получимъ прощеніе. Какъ при опухоляхъ и язвахъ, сколько бы кто ни прилагалъ къ нимъ лѣкарствъ, не остановивъ напередъ притекающей и растравляющей рану матеріи, все бываетъ напрасно, потому что не остановленъ источникъ зла,—такъ бываетъ и съ нами: если мы не удержимъ рукъ отъ любостяжанія и не прервемъ этого нечистаго потока, то, хотя бы стали давать и милостыню, все будетъ напрасно. Что уврачуетъ милостыня, то затопитъ, испортитъ и сдѣлаетъ еще худшимъ любостяжаніе. Перестанемъ же сначала хищничать, и тогда уже станемъ подавать милостыню. Если же мы сами будемъ стремиться въ пропасть, то гдѣ у насъ будетъ возможность остановиться? Когда человѣка падающаго одинъ станетъ тянуть вверхъ (что дѣлаетъ милостыня), а другой будетъ увлекать внизъ, то отъ такой борьбы не произойдетъ ничего болѣе, кромѣ того, что этотъ человѣкъ будетъ разорванъ. Итакъ, чтобы намъ не потерпѣть этого и чтобы милостыня не оставила и не покинула насъ въ то время, какъ любостяжаніе влечетъ насъ долу,—облегчимъ себя и воспаримъ горѣ. Тогда, освободившись отъ дѣлъ злыхъ и сдѣлавшись совершенными чрезъ упражненіе въ дѣлахъ добрыхъ, мы сподобимся вѣчныхъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Св. Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ТВОРЕНІЯ,

ПРИПИСЫВАЕМЫЯ СВ. ІОАННУ ЗЛАТОУСТУ

и

отнесенныя въ изданіи Миня къ разряду

SPURIA.

Святаго отца нашего Іоанна Златоустаго,

архіепископа Константинопольскаго.

На усѣкновеніе главы Предтечи и Крестителя Іоанна и объ Иродіадѣ.

1. Опять Иродіада бѣснуется, опять неистовствуетъ, опять пля- 485
шетъ, опять требуетъ у Ирода главы Іоанна Крестителя! Опять Іезавель
хочетъ захватить виноградникъ Навуѳея и изгнать святого Илію въ
горы. Не одинъ я, думаю, волнуюсь при воспоминаніи объ этихъ со-
бытіяхъ, но и всѣ вы, слышавшіе гласъ евангелія, вмѣстѣ со мною
удивляетесь и мужеству Іоанна, и слабости Ирода, и звѣрской ярости
нечестивыхъ женщинъ. Что же возвѣстило намъ евангеліе? Оно воз-
вѣстило о томъ, какъ Иродъ, схвативъ Іоанна, заключилъ его подъ
стражу. По какому поводу? *Иродіады ради, жены Филиппа брата своего*
(Мѳ. XIV, 3). Кто не обвинитъ Ирода, уступившаго безумнымъ жен-
щинамъ, въ слабости? Но, съ другой стороны, какъ изобразить, какъ
описать необузданную злобу этихъ женщинъ? Кажется, нѣтъ на свѣтѣ
звѣря безпощаднѣе злой жены! По крайней мѣрѣ, о такой именно жен-
щинѣ приходится говорить мнѣ сейчасъ, а не о доброй и цѣломуд-
ренной, хотя, конечно, я знаю немало и честныхъ и добрыхъ женщинъ
и считаю долгомъ своей совѣсти поговорить въ свое время о ихъ пре-
данности добру и богоугодной жизни. Нѣтъ на свѣтѣ звѣря, съ кото- 486

рымъ можно бы сравнить злую жену. Между четвероногими кто страшнѣе льва? Никто, конечно. Изъ гадовъ кто ужаснѣе дракона? Опять никто. Однако, и левъ и драконъ не такъ злы, какъ жена. Ссылаюсь на слова мудрѣйшаго Соломона: *лучше жити со львомъ и зміемъ, неже жити съ женою лукавою и злоязычною* (не Солом., а Сирах. xxv, 18). Можетъ быть, ты видишь въ этихъ словахъ простую иронію? Но вѣдь они вполнѣ подтверждаются дѣлами. Львы устыдились Даніила, брошеннаго въ ровъ, а Іезавель убила праведнаго Навуѳея. Китъ сохранилъ Іону въ своемъ чревѣ, а Далила, остригши и связавши Сампсона, предала его иноплеменникамъ. Драконы, скорпіоны и змѣи боялись Іоанна въ пустынѣ, а Иродіада обезглавила его во время пира. Илію вороны питали въ горахъ, а Іезавель послѣ ниспосланія по его молитвѣ благодѣтельнаго дождя жаждала его смерти. Вотъ что она говорила: *аще ты еси Илія, азъ же Іезавель: сія да сотворятъ ми бози, и сія да приложатъ ми, яко въ сей же часъ утро положу душу твою, яко душу единаго отъ* умерщвленныхъ (3 Цар. xix, 2). Илія убоялся и пошелъ, спасая свою душу, и удалился въ пустыню на сорокъ дней
487 пути. И пришелъ къ Раѳмену [1]) и просилъ смерти душѣ своей, говоря: *Господи Боже, довлѣетъ ми нынѣ, возьми отъ мене душу мою, яко нѣсмь азъ лучшій отецъ моихъ* (ст. 4). Увы! Пророкъ Илія убоялся женщины? Онъ, словомъ своимъ заключившій дождь для вселенной, низведшій огонь съ неба, молитвою воскресившій мертвыхъ, убоялся женщины? Да, убоялся. Ничья вѣдь злоба не сравнится съ злобою злой женщины. Мои слова подтверждаются свидѣтельствомъ Премудрости: *нѣсть главы зміины, и нѣсть ярости паче ярости* женскія [2]) (Сирах. xxv, 17). О, злое и острѣйшее орудіе діавола! Чрезъ женщину нѣкогда ранилъ онъ Адама въ раю; чрезъ женщину вовлекъ онъ кротчайшаго Давида въ коварное убійство Уріи; чрезъ женщину увлекъ къ паденію мудрѣйшаго Соломона; чрезъ женщину ослѣпилъ, лишивъ волосъ, храбрѣйшаго Сампсона; чрезъ женщину погубилъ сыновей первосвященника Илія; чрезъ женщину заключилъ въ узахъ въ темницу благороднѣйшаго Іосифа; чрезъ женщину обезглавилъ свѣтильника вселенной Іоанна. Да что я говорю о людяхъ? При помощи женщины онъ даже ангеловъ ниспровергъ съ неба. Чрезъ женщину онъ губитъ всѣхъ, всѣхъ убиваетъ, всѣхъ безчеститъ, всѣхъ унижаетъ. Безстыдная женщина не щадитъ никого: ни левита не почитаетъ, ни священника не уважаетъ, ни пророка не стыдится. О, изъ всѣхъ золъ злѣйшее—злая жена! Если она бѣдна, злоба ея доставитъ ей богатство. А если богатство уже въ ея распоряженіи, оно удваиваетъ ея злобу; нестерпимое животное, неизлѣчимая болѣзнь, неукротимый звѣрь—вотъ что она тогда. Я знаю, что аспидовъ можно приручить лаской, а львы,

[1]) Слав. текстъ: *и пріиде и сѣде подъ смерчіемъ и проси...*

[2]) Въ слав.: *вражія.*

тигры и леопарды укрощаются и дѣлаются ручными. А злая жена неукротима; притѣсняемая она неистовствуетъ, ласкаемая надмевается. Если ея мужъ—начальникъ, она день и ночь нашептываетъ ему про убійства и козни, какъ Иродіада Ироду; если мужъ ея бѣденъ, она возбуждаетъ его къ зависти и ссорамъ; наконецъ, если она сдѣлается вдовою, тогда ужъ сама принимается всѣхъ безчестить. Страхъ Господень не обуздываетъ ея языка; она не боится ни Бога, ни будущаго суда,—законовъ любви не признаетъ. Даже предать на смерть собственнаго мужа для злой жены ничего не значитъ. Въ самомъ дѣлѣ, праведнаго Іова его жена побуждала ускорить свою кончину богохульствомъ. *Рцы глаголъ нѣкій ко Господу*, говорила она, *и умри* (Іов. II, 9). О, злое существо! О, нечестивое желаніе! Не тронулась жалостью при видѣ страданій человѣка, у котораго все тѣло кишѣло червями и, словно горячими углями, было осыпано гнойными струпьями; не смягчилась при видѣ мукъ и предсмертнаго томленія, съ конвульсіями и прерывающимся дыханіемъ; не проникласъ состраданіемъ, видя обнаженнымъ и лежащимъ въ навозѣ того, кто нѣкогда выступалъ въ царской багряницѣ; не вспомнила ни своихъ прежнихъ отношеній къ нему, ни того, сколько добра и славы получила она чрезъ него. А вмѣсто всего этого—*рцы глаголъ нѣкій ко Господу, и умри*. Вотъ благодарность жены! Вотъ пластырь, смягчающій боли! Вотъ законъ супружеской любви! Говорилъ ли онъ когда-нибудь, когда тебѣ случалось болѣть, такія слова? Не старался ли, напротивъ, молитвами и благодѣяніями смягчить твою болѣзнь? А ты, не довольствуясь постигшимъ его временнымъ наказаніемъ, хочешь навлечь на него и вѣчное, побуждая его къ богохульству? Не знаешь развѣ, что *всякъ грѣхъ и хула отпустится человѣкомъ, а иже на Духа Святаго хула не отпустится ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій* (Мѳ. XII, 31—32)? Хочешь видѣть и другую супругу такой же злобы? Вспомни Далилу. Сильнѣйшаго Сампсона она остригла, связала и предала иноплеменникамъ своего собственнаго мужа, раздѣлявшаго съ нею ложе, она обольщала, обманывала, усыпляла своими ласками и своимъ лицемѣріемъ. Вчера любила, а сегодня обманула; вчера ублажала любовью, а сегодня погубила обманомъ. А развѣ онъ не былъ красивъ? Да кто въ то время былъ красивѣе его, носившаго на головѣ семь завитковъ, образъ седмеричной благодати? Или 488
развѣ онъ не былъ силенъ? Но кто же былъ сильнѣе его, когда онъ и страшнаго льва задушилъ на пути своими руками, и тысячу иноплеменниковъ избилъ одною ослиною челюстью? Или онъ не былъ святъ? Настолько былъ святъ, что когда однажды, томясь жаждою и не находя воды для ея утоленія, помолился Богу, то по его молитвѣ изъ мертвой ослиной челюсти, бывшей въ рукахъ у него, истекла вода, и утолена была его жажда. И столь прекраснаго, столь сильнаго и столь святого мужа его собственная жена, связавъ какъ врага, пре-

дала иноплеменникамъ. Но какъ же женщина могла одолѣть столь сильнаго мужа? Она воспользовалась его добротою, ночью вывѣдала отъ него его силы и затѣмъ нагого связала его крѣпкими ремнями. Не даромъ Премудрость возвѣщаетъ тебѣ: *отъ сожительницы твоея хранися, еже сказати ей что* (Мих. VII, 5). Какой, скажи мнѣ, звѣрь и когда замышляетъ что-либо подобное на своего самца? Какая змѣя ищетъ погубить своего супруга? Какая львица готовитъ смерть своему самцу? Видишь, какъ истинны слова Премудрости: *нѣсть главы паче главы змiины и нѣсть ярость паче ярости* женскія (Сирах. XXV, 17)? Однимъ словомъ, кто имѣетъ злую жену, пусть такъ и знаетъ, что это ему награда за беззаконія. Это опять подтверждается Премудростью: жена злая мужу беззаконному дана будетъ за его злыя дѣла. Закончимъ же этимъ свою рѣчь о злой женѣ.

2. Мы должны вспомнить и о добрыхъ женахъ, особенно ради присутствующихъ здѣсь. Вѣдь добрыя женщины смотрятъ на добродѣтели добрыхъ, какъ на свои, и труды ихъ почитаютъ достойными увѣнчанія наравнѣ съ собственными. Какъ на образецъ доброй и страннолюбивой женщины укажемъ на блаженную Сунамитянку. Она, съ согласія мужа своего, устроила въ своемъ домѣ пріютъ для Елисея, гдѣ онъ могъ беспрепятственно отдыхать послѣ своихъ странствованій (4 Цар. XV); здѣсь для него была приготовлена постель, поставлены свѣтильникъ и столъ: постель не безъ покрова, но съ приличнымъ для пророка одѣяніемъ; свѣтильникъ не безъ свѣта, но съ елеемъ, поддерживавшимъ свѣтъ; столъ не безъ хлѣба, но съ обильнымъ угощеніемъ. А что сказать о той блаженной вдовицѣ, которая пріютила у себя пророка Илію? Ничто не помѣшало ей оказать гостепріимство пророку, такъ какъ при своей бѣдности она была богата добрымъ расположеніемъ. А она была столь бѣдна, что у ней не было ни хлѣба, ни вина, ни похлебки, ничего рѣшительно изъ произведеній земныхъ: ни плодоносное поле не приносило ей сѣмянъ хлѣбныхъ, ни виноградникъ не производилъ для нея своихъ сладкихъ гроздій, ни плодовое дерево не доставляло ей осенью своихъ сочныхъ плодовъ; да и чего же можно было ожидать, когда у нея не было ни пяди воздѣланной земли, ни локтя почвы, годной для произрастанія винограда? Всѣ средства для пропитанія заключались у нея въ томъ, что во время жатвы она ходила по слѣдамъ жнецовъ и подбирала оброненные ими колосья; такъ заготовляла она себѣ пропитаніе на цѣлый годъ! Къ ней-то пришелъ Илія, и притомъ во время ужаснаго голода, когда вся земля высохла отъ бездождія, когда небо пылало огнемъ, воздухъ былъ раскаленъ какъ мѣдь и облака взнузданы; когда не было ни травы, ни цвѣтовъ, ни утренней росы, деревья не давали побѣговъ, колосья не колебали своихъ верхушекъ; когда рѣки обмелѣли, и источники едва питались изъ нѣдръ земли, а море огустѣло отъ соли, такъ какъ не было при-

тока прѣсной воды и не падало дождя. Тогда-то именно пришелъ Илія къ этой бѣдной вдовѣ. А какъ даже и въ обыкновенное время ея жизнь была полна лишеній, можете судить. Тѣмъ не менѣе пророкъ, сойдя съ горы, направился къ ней, минуя богатыхъ, имѣвшихъ хлѣба въ изобиліи. Но почему онъ, словомъ низводившій огонь съ неба, не низвелъ себѣ хлѣба? Вѣдь могъ же онъ сдѣлать это? Конечно, могъ; однако, не сдѣлалъ этого. Почему? Чтобы не лишить вдову награды за страннопріимство, а также, чтобы оставшуюся у нея горсть муки и немного масла умножить своимъ благословеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, пророкъ пришелъ сюда не столько для собственнаго пропитанія, сколько для пропитанія вдовы и для обнаруженія того, каково расположеніе ея духа и сердца. Это совершилось по устроенію Божію. Всѣхъ находящихся въ мірѣ святыхъ Богъ можетъ пропитать самъ, но иногда Онъ удерживаетъ Свои дары, чтобы посредствомъ страннопріимства испы- 489
тать благорасположенныя сердца и дать имъ возможность принести плоды. И только когда ужъ совсѣмъ некому принять и оказать страннопріимство, тогда Онъ или посылаетъ пищу чрезъ птицъ, какъ Иліи на горѣ, или чрезъ невѣдомаго пророка, какъ Даніилу во рвѣ, или чрезъ морского звѣря, какъ, напримѣръ, Іонѣ, или, наконецъ, самъ непосредственно посылаетъ пищу съ неба, какъ отцамъ нашимъ въ пустынѣ. Въ самомъ дѣлѣ, когда не было никого, кто могъ бы принять странствовавшихъ по пустынѣ сыновъ Израилевыхъ, Богъ съ неба одождилъ имъ манну и изъ скалы извелъ для нихъ воду. Точно также, когда Онъ видитъ, что Его вѣрные терпятъ притѣсненія, Онъ не спѣшитъ со Своею помощью, чтобы дать людямъ возможность благодѣяніями притѣсняемымъ устроять свое спасеніе. Итакъ, пришелъ Илія къ вдовѣ, у которой ничего не было, кромѣ горсти муки. Съ трудомъ достало бы этой горсти ей съ дѣтьми на обѣдъ. Что же говоритъ ей пророкъ? *Принеси нынѣ ми мало воды въ сосудѣ, и испію* (3 Цар. XVII, 10). А когда она пошла за водой, онъ вслѣдъ ей закричалъ: *пріими убо мнѣ и укрухъ хлѣба въ руцѣ своей, да ямъ* (ст. 11). Въ отвѣтъ на это она съ полною откровенностью призналась, что у нея есть и чего нѣтъ. Что же именно? *Живъ Господь, аще есть у мене* хлѣбъ, *но токмо горсть муки и мало елеа въ чваницѣ* (3 Цар. XVII, 12). Удивительно то, что при такой бѣдности она не скрыла, что именно у нея оставалось. А сколько нынѣ людей, у которыхъ золото и серебро чуть не валяются, гдѣ попало, на приглашенія оказать помощь ближнимъ отвѣчаютъ отказомъ, ссылаясь на то, что у нихъ нѣтъ ничего; если же при неотступныхъ просьбахъ и согласятся дать, то предварительно составляютъ записи крѣпче желѣза и берутъ съ должника обязательства съ отвѣтственностью поручителей и свидѣтелей? А вотъ вдова съ съ перваго же слова не отказалась, что есть у нея горсть муки. Что же затѣмъ пророкъ? Поскорѣе, говоритъ онъ ей, сдѣлай изъ этой муки

хлѣбъ, но сначала для меня, а для себя съ дѣтьми сдѣлаешь уже потомъ. Искушеніемъ было для нея это слово, испытаніемъ для ея сердца, пробнымъ камнемъ для ея воли. Какъ будто самое сердце этой бла-
490 женной женщины было положено на вѣсы и взвѣшивалось. Куда склонится чашка вѣсовъ? Любовь ли къ собственнымъ дѣтямъ возьметъ въ ней верхъ, или долгъ гостепріимства по отношенію къ пророку? И она предпочла стѣснить себя и своихъ дѣтей, но принять пророка. Какъ будто знала она, что *пріемляй пророка во имя пророче, мзду пророчу пріиметъ. И иже аще напоитъ чашею студены воды во имя ученика, не погубитъ мзды своея* (Мѳ. x, 41, 42). Но что означаетъ то обстоятельство, что пророкъ просилъ ее поспѣшить, сдѣлать для него хлѣбъ поскорѣе? Неужели онъ былъ настолько голоденъ, что нуждался въ поспѣшности? Нѣтъ, конечно. А эта поспѣшность должна была свидѣтельствовать объ ея усердіи, о доброхотности и теплотѣ ея гостепріимства, объ отсутствіи огорченія или принужденія. *Доброхотна бо дателя любитъ Богъ* (2 Кор. ix, 7). Поскорѣе сдѣлай — сначала мнѣ, а потомъ себѣ и дѣтямъ своимъ. Поспѣши, какъ Авраамъ при посѣщеніи ангеловъ поспѣшилъ къ стадамъ своимъ, чтобы выбрать агненка для ихъ угощенія, и какъ Сарра поспѣшила къ своимъ запасамъ, чтобы получить (за то) хлѣбъ, скрывавшійся въ небесахъ. Поспѣши и принеси, какъ Авраамъ, жертву Богу, не себѣ прежде, а потомъ — мнѣ, какъ Каинъ и Офни и Финеесъ, сыновья первосвященника Илія, которые святотатственно забирали себѣ начатки изъ приносимыхъ Богу даровъ. Съ усердіемъ исполнила вдова приказаніе пророка. А онъ, созерцая духовными очами ея внутреннее богатство, принялъ изъ рукъ ея хлѣбъ и своимъ восклицаніемъ исполнилъ домъ ея благъ. Не оскудѣетъ, воскликнулъ онъ, горсть муки въ водоносѣ и елей въ сосудѣ, пока не пошлетъ Господь дождя на землю (3 Цар. xvii, 14)! Почему же назначаетъ пророкъ такой срокъ? Необходимо было сдѣлать это: въ этомъ заключалось указаніе, что новая благодать, подобно ниспадшему дождю, должна положить конецъ ветхому закону. За словомъ пророка послѣдовало дѣло. Видишь, какъ добрыя получаютъ плоды страннопріимства? Такъ славны плоды добрыхъ трудовъ, такъ неискоренимъ корень благоразумія! Теперь вы слышали, жены, и о злыхъ дѣлахъ дурныхъ женъ, и о добродѣтеляхъ добрыхъ. Возлюбите же этихъ и не подражайте тѣмъ: однимъ соревнуйте, а другихъ отвращайтесь, — чтобы послѣдовавши стопамъ тѣхъ—я разумѣю добрыхъ—и вамъ сподобиться сопричисленія къ тому же самому лику святыхъ во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О Предтечѣ.

Цвѣтущіе луга, испещренные золотистыми цвѣтами, украшенные 489
прекрасными деревьями и оглашаемые пѣніемъ птицъ, одновременно услаждаютъ и чаруютъ и зрѣніе и слухъ людей. Вотъ солнце бросаетъ сюда свои золотые лучи, и они разсыпаются въ цвѣтахъ безчисленнымъ множествомъ блестокъ. Голоса неумолчно щебечущихъ птицъ сливаются здѣсь въ пріятной мелодіи подобно свирѣли; съ хоромъ пернатыхъ соперничаютъ зефиры, обвѣвающіе долины и ласкающіе слухъ подобно цитрамъ; а за ними и постоянные обитатели полей и луговъ— пастухи, у которыхъ въ ушахъ звучатъ лирическія мелодіи пѣвчихъ птицъ, принимаются воспроизводить ихъ на своихъ многозвучныхъ свирѣляхъ, заботливо отыскивая для своихъ стадъ лучшія мѣста и лучшія травы. Но тамъ—въ лугахъ—источникъ катитъ свои быстрыя волны, а здѣсь—у насъ—сіяетъ сладостное ученіе божественной мудрости; тамъ щебетаніе пѣвчихъ пташекъ, а здѣсь мелодіи священныхъ псалмовъ; тамъ любительница уединенія—горлица, гнѣздясь на деревьяхъ, нѣжнымъ воркованьемъ возвѣщаетъ прекрасную весну, а здѣсь Іоаннъ, питающійся акридами и дикимъ медомъ, своею пустынною, а лучше сказать духовною проповѣдью, возбуждаетъ церкви и подобно трубѣ возглашаетъ явленіе міру небесной весны. *Во дни же оны*, говоритъ евангелистъ, *пріиде Іоаннъ Креститель, проповѣдая въ пустыни* 490
и глаголя: покайтеся, приближибося царствіе небесное (Мѳ. III, 1—2). *Во дни оны*—во дни явленія Іисуса Бога, во дни пришествія Царя небеснаго, во дни возблистанія превѣчнаго Свѣта. *Во дни оны пріиде Іоаннъ Креститель, проповѣдуя въ пустыни*. Не въ обитаемой странѣ,— потому что родъ человѣческій еще представлялъ собою пустыню, еще не сдѣлался жилищемъ Отца, Сына и Святаго Духа. Что же онъ проповѣдывалъ? *Покайтеся, приближибося царство небесное!* О, покаяніе, въ самыхъ слезахъ пожинающее жизнь и вмѣстѣ съ брачнымъ уборомъ получающее брачный свѣтильникъ! О, покаяніе, обличитель діавола, покровитель обращенныхъ! *Самъ же Іоаннъ имяше ризу свою отъ влясъ велблуждь и поясъ усменъ о чреслѣхъ своихъ* (ст. 4). Облачимтесь, возлюбленные, въ одѣяніе Іоанново! Можетъ быть, въ немъ заключается загадка нашего спасенія. Оно—это одѣяніе—служитъ образомъ людей, обращающихся изъ язычества. *Имяше ризу свою отъ власъ велблюждь*. Верблюду Писаніе часто уподобляетъ діавола, по причинѣ его гордости, коварства и ярости. Такъ, у прор. Исаіи наблюдающій съ сторожевой башни говоритъ: *узрѣхъ всадника на осляти и всадника на велблуждѣ* (Ис. XIX, 7). Всадникъ на ослѣ изображаетъ Христа, такъ
какъ Онъ вошелъ въ Іерусалимъ, возсѣдая на ослѣ, всадникъ на вер- 491

блюдѣ изображаетъ антихриста, грядущаго въ міръ въ послѣдніе дни по дѣйствію діавола. *Имяше же ризу свою отъ власъ велблуждь Іоаннъ.* Проповѣдью благочестія обративъ къ себѣ язычниковъ, подобно волосамъ покрывавшихъ діавола, и обнаживъ его такимъ образомъ, онъ сплотилъ ихъ въ Церковь и, единствомъ вѣры исткавъ тѣло Церкви, себѣ устроилъ покровъ спасенія. *Имяше же поясъ усменъ о чреслѣхъ своихъ* (ст. 4). Писаніе упоминаетъ о чреслахъ и поясѣ, чтобы показать, что естественная страсть (противная) цѣломудрію была умерщвлена охватывающимъ совнѣ (ея вмѣстилище—чресла) поясомъ изъ мертвой кожи. Этотъ поясъ являлся неложнымъ свидѣтелемъ скрытаго внутри дѣвства. Ѣлъ, говорится, онъ акриды и дикій медъ. Это указываетъ на іудеевъ, отступившихъ отъ закона и заповѣдей, какъ говоритъ Писаніе: *возскочи аки пругъ смѣсникъ твой, аки акрида восходящая на ограду въ день студеный: солнце взыде, и отлетѣ, и не познася уже мѣсто ея* (Наум. III, 17). А медъ дикій означаетъ, что іудеи преступленіемъ заповѣдей превратили сладость закона для себя въ горечь. *Тогда приходитъ* къ нему, говоритъ евангеліе, *Іисусъ на Іорданъ креститися отъ него. Іоаннъ же возбраняше Ему глаголя: азъ требую тобою креститися, и Ты ли грядеши ко мнѣ? Отвѣщавъ же Іисусъ, рече къ нему: остави нынѣ*; ты долженъ быть свидѣтелемъ ниспосылаемаго сегодня на Меня гласа: *тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (Мѳ. III, 13—15). Мнѣ должно научить, что *аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити во царствіе небесное* (Іоан. III, 5). Поэтому я долженъ сперва самъ исполнить то, чему потомъ буду учить другихъ, чтобы іудеи не имѣли предлога говорить: *научая* другихъ, *себе*
492 *ли не учиши* (Рим. II, 21)? *Остави нынѣ.* Должно оправдаться слово мужественнаго страдальца Іова: *никтоже чистъ будетъ отъ скверны, аще и единъ день житіе его* (Іов. XIV, 4); должно Мнѣ очистить древній грѣхъ плоти; должно обновить душу Духомъ и тѣло—водою. *Остави нынѣ.* Для меня перваго должна раскрыться эта утроба (воды и Духа), чтобы Мнѣ сдѣлаться перворoднымъ изъ всѣхъ братьевъ. Эта утроба послужила соблазномъ для іудеевъ, коихъ и обличаетъ пророкъ такими словами: *отчуждишася грѣшницы отъ ложеснъ* (Пс. LVII, 4). *Тогда остави Его.* Когда же сошелъ Іисусъ во Іорданъ, великое чудо, возлюбленные, представилось очамъ зрителей: они увидѣли источникъ, омывающійся въ рѣкѣ, и рѣку, погружающуюся въ воду. Вѣдь Христосъ—источникъ, какъ говоритъ Онъ самъ: *Мене оставиша источника воды живы* (Іер. II, 13), и какъ говоритъ Ему невѣста—Церковь: *источникъ запечатлѣнъ лѣторасли твоя* (П. П. IV, 12—13). Онъ же самъ и рѣка, согласно словамъ пророка: *рѣка Божія наполнися водъ* (Пс. XIV, 10). Сошелъ на воды—и онѣ освятились, Онъ освятилъ ихъ. Если кто изъ васъ, возлюбленные, еще не очищенъ крещеніемъ, пусть онъ придетъ и созерцаетъ, какъ Отецъ съ неба провозглашаетъ: *Сей*

есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ (ст. 17). *Того послушайте* (Лук. IX, 35). Іорданъ взываетъ, Духъ очищаетъ воздухъ, Отецъ именуетъ Сына, Сынъ очищаетъ небо, Духъ украшаетъ землю, облистаетъ воздухъ. Нынѣ исполняется древнее пророческое слово: *день дни отрыгаетъ глаголъ* (Пс. XVIII, 2). День—Отецъ, день—Сынъ. Отецъ Сыну отрыгаетъ слово, какъ говоритъ Павелъ: *воспріимите мечъ духовный, иже есть глаголъ Божій* (Ефес. VI, 17). Этимъ глаголомъ да соединитъ всѣхъ насъ во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О первоверховныхъ апостолахъ Петрѣ и Павлѣ, и ихъ славнѣйшемъ мученическомъ подвигѣ.

1. Небо и земля состязаются между собою въ настоящемъ тор- 491
жествѣ, (посвященномъ) памяти апостоловъ. Съ одной стороны, небесныя силы почтительными голосами прославляютъ возращенное апостольскими трудами ученіе, такъ какъ чрезъ апостоловъ же стало извѣстно имъ таинство домостроительства, какъ восклицаетъ Павелъ: *да скажется нынѣ началомъ и властемъ на небесныхъ Церковію многоразличная премудрость Божія* (Ефес. III, 10). Съ другой—и люди на землѣ усиливаются сложить достойную хвалу въ честь первоверховныхъ, трудами которыхъ устроилось ихъ спасеніе. Что выше Петра? Что равно Павлу? Они и словомъ и дѣломъ превзошли всякое созданіе небесное и земное. Облеченные бреннымъ тѣломъ, они оказались выше ангеловъ. Что же скажемъ мы въ похвалу этимъ наставникамъ земныхъ и небесныхъ? Не нахожу для похвалы словъ, достойныхъ тѣхъ, которые составляютъ похвалу рода нашего, которые обошли всю землю и море, истребили самые корни грѣха и въ сердцахъ невѣрныхъ людей насадили сѣмена благочестія. Петръ—вождь апостоловъ; Павелъ—учитель вселенной и соучастникъ небесныхъ силъ. Петръ — узда ослѣ- 492
пленныхъ іудеевъ; Павелъ—наставникъ язычниковъ. И замѣть превосходящую все мудрость Владыки. Петра избралъ Онъ изъ рыбаковъ, Павла—изъ дѣлателей палатокъ. И это сдѣлано было на пользу: чрезъ это возвышалась слава іудеевъ. И вотъ что поручилъ Господь этому рыбаку: *шедъ на море, верзи удицу, и юже прежде имеши рыбу, возьми и отверзъ уста ей обрящеши статиръ* (Мѳ. XVII, 27). Море здѣсь въ словахъ Спасителя означаетъ непостоянство беззаконныхъ іудеевъ, удица—искусное слово ученія, подъ рыбой же разумѣется законъ; отверсть уста его—значитъ истолковать его, а найти въ немъ статиръ—значитъ духовно осудить его. Павлу, какъ дѣлателю палатокъ, Господь

поручилъ язычниковъ, чтобы ихъ, лишенныхъ покрова закона и благодати, онъ облекъ въ одежду, окрашенную водою и кровью Господнею: *иди*, говоритъ ему самъ Господь, *яко азъ во языки далече послю тя* (Дѣян. xxii, 21). О, блаженная двоица, вѣрно уловившая души всего
498 міра! Петръ—начало правой вѣры, великій священнодѣлатель Церкви, наставникъ христіанъ, сокровище вышнихъ силъ, апостолъ, облеченный честью отъ самого Христа. Павелъ — великій проповѣдникъ истины, похвала вселенной, небесный человѣкъ и земной ангелъ, слава Церкви, орелъ воспарившій къ небесамъ, лира Духа, ласточка и кузнечикъ, органъ Владычній, неусыпный работникъ Христовъ. Павелъ и Петръ—упряжные волы Церкви, воздѣлавшіе во вселенной прекрасную ниву, подъявшіе вмѣсто ярма крестъ, вмѣсто погонщика—Спасителя, вмѣсто ремней ярма—завѣты писаній, вмѣсто рожна—благодать Святого Духа. Павелъ и Петръ—свѣтила церковныя, ежедневно просвѣщающія Церковь, сокровищницы Духа, просвѣтители вселенной, сосуды благодати, истолкователи Святой Троицы, изъяснители божественнаго слова. Петръ—моя духовная любовь, Павелъ—сосудъ избранный, мой жезлъ. Петръ—храмъ Божій, Павелъ—уста Христовы, лира Духа, человѣкъ, при трехъ локтяхъ росту, достигавшій третьяго неба, тѣломъ привязанный къ мѣсту и весь міръ привязавшій къ Господу, всѣ страны отъ Іерусалима и его окрестностей до Иллирика наполнившій благовѣстіемъ Христовымъ (Римл. xv, 19); быстротечный гонецъ, орелъ, взлетѣвшій къ небу, сосудъ божественной благодати, посланный самимъ Господомъ пронести имя Его по всей вселенной, проникшій до третьяго неба и вошедшій въ рай, достигшій неописуемаго престола Христова и услышавшій неизреченные *глаголы, ихже не лѣть есть человѣку глаголати* (2 Кор. xii, 4). А о Петрѣ что скажемъ? Сладостное зрѣлище Церкви, свѣтильникъ вселенной, чистая голубица, вождь апостоловъ, пламенный апостолъ, горящій духомъ, ангелъ и человѣкъ, посредникъ благодати, неподвижная скала вѣры, маститая мудрость Церкви, своей чистотой отъ самого Господа заслужившій наименованіе блаженнаго и сына голубицы, отъ самого Христа пріявшій ключи царства небеснаго. Лики ангеловъ во многомъ превзойдены вами. Въ чемъ же именно? Самъ Господь восхваляетъ васъ: *вы есте свѣтъ міра* (Мѳ. v, 14). Вы—могущественнѣе царей, величественнѣе богатыхъ, сильнѣе воиновъ, мудрѣе мудрецовъ и философовъ, краснорѣчивѣе ораторовъ; на васъ вполнѣ оправдались слова: *ничтоже имуще, а вся содержаще* (2 Кор. vi, 10). Вы—терпѣніе мучениковъ, исповѣданіе патріарховъ, воздержаніе подвижниковъ, увѣнчаніе дѣвственныхъ, умиротвореніе супружествъ, узда хищныхъ богачей, вразумленіе невоздержныхъ, опора царей, покровъ христіанъ, отпоръ варварамъ. Вы укрощаете еретиковъ, умерщвляете неразумныя страсти тѣла; вы низложили легіоны бѣсовъ, разорили алтари язычниковъ, наслѣдовали объ-

тованія небесныя и земныя. Вамъ вручены были и самые ключи царства небеснаго, а на землѣ вы получили власть вязать и рѣшить грѣхи. О, чудо простецовъ! О, премудрость невѣждъ! Тѣнью своею Петръ исцѣлялъ разслабленныхъ и разрѣшалъ узы смерти. Одежды Павла врачевали недуги и изгоняли бѣсовъ. Какъ же сильны вы могуществомъ праваго Духа нынѣ, когда предстоите рядомъ съ Матерью Господа нашего! О, Павелъ—желанная ласточка Церкви! О, Петръ—соловей, непрестанно услаждающій всю вселенную! Столпы Церкви, великіе свѣтильники вселенной, не уступающіе въ добродѣтели другъ другу и превосходящіе всю тварь въ совокупности! Радуйся же, Петръ — скала вѣры! Радуйся, Павелъ—похвала Церкви! Радуйся, Петръ—основаніе правой вѣры! Радуйся, Павелъ—попеченіе о Церкви! Радуйся, Петръ — украшеніе вселенной! Радуйся, Павелъ—дверь райская! Радуйся, Петръ — вождь въ царство небесное! Радуйся, Павелъ—тихое пристанище обуреваемыхъ! Радуйся, Петръ, удостоенный многихъ похвалъ отъ Гос- 494
пода! Радуйся, Павелъ, одаренный изобильной благодатью! Радуйся, Петръ, горящій и пламенѣющій Духомъ Святымъ! Радуйся, Павелъ, ревностный подвижникъ евангельской проповѣди! Всю подсолнечную вы просвѣтили своею проповѣдью и безчисленныя страданія потерпѣли за Церковь. Вы подвергались заключенію въ темницахъ, терпѣли оскорбленія отъ варваровъ и поношенія отъ іудеевъ, были презираемы царями. Не имѣя возможности свободно вздохнуть, вы не искали отдыха отъ трудовъ проповѣди; отъ тяжести узъ не въ состояніи будучи двинуть членомъ тѣла, вы всю вселенную, связанную грѣхомъ, разрѣшили своими писаніями. Полчища бѣсовъ вы обратили въ бѣгство и всю вселенную наполнили благодатью Святого Духа. Вы разсѣяли мракъ заблужденія, низложили дерзость бѣсовъ, обратили въ прахъ всякое лжеименное служеніе, исторгли плевелы изъ пшеницы и своими ежедневными наставленіями сдѣлали чистою церковную ниву.

2. Чѣмъ же возблагодарить намъ васъ, столь для насъ потрудившихся? Вспоминаю о тебѣ, Петръ—и поражаюсь. Въ изумленіи проливаю слезы при созерцаніи твоихъ подвиговъ, Павелъ. Что сказать, какъ изобразить ваши страданія—я не нахожу словъ. Сколько темницъ вы освятили! Сколько узъ просвѣтили! Сколько стражей послѣдовало вашему ученію! Сколько цѣпей вами расторгнуто! Сколько искушеній вы претерпѣли! Сколько мѣстъ освятили своими стопами! Сколько оскорбленій перенесли! Какъ носили въ себѣ Христа! Какъ усладили Церковь своею проповѣдью! Уста ваши благословенны; члены ваши обагрены кровью, пролитою за Церковь. Неуклонно во всемъ вы подражали Христу. *Во всю землю изыде вѣщаніе* ваше *и въ концы вселенныя глаголы* ваши (Псал. XVIII, 5). Непоколебимою Христосъ сохраняетъ Свою Церковь, уневѣщенную Ему вами. Подобнаго вамъ не было ни раньше васъ, ни послѣ васъ. Кто осмѣлится возвѣщать что-нибудь по-

мимо вашего преданія и усвоять себѣ учительное достоинство помимо васъ? Всѣхъ наставниковъ вы умудрили, всѣхъ богослововъ вдохновили, всѣхъ непросвѣщенныхъ просвѣтили. Ваше терпѣніе превозмогло даже косность нашихъ сердецъ; оно такъ было велико, что вы сами желали быть отлученными, чтобы пріобрѣсти (Христу) весь міръ. Итакъ, что воздадимъ мы вамъ за всѣ тѣ блага, которыя мы отъ васъ получили? Сегодня память вашихъ подвиговъ, сегодня празднованіе вашего мученичества за Христа, сегодня всѣ мы торжественно почитаемъ ваши мощи. Радуйся, Петръ, вкусившій древа крестнаго и распятый внизъ головою, въ самомъ распятіи какъ бы восходящій отъ земли на небо! Благословенны гвозди, пронзившіе тѣ святые члены, которые вожделѣнны для меня превыше небесной славы! Съ дерзновеніемъ предалъ въ руки Владыки свою душу благій и вѣрный рабъ, поработавшій Господу и уневѣщенной Ему Церкви со всѣмъ усердіемъ и постоянствомъ, горящій духомъ, вѣрный Владыкѣ всяческихъ апостолъ. Усѣченъ мечемъ былъ преблаженный Павелъ, котораго нельзя восхвалить по достоинству. Какой мечъ расторгъ эту гортань, органъ Владыки, предметъ удивленія для поднебесной и ужаса для подземныхъ? Какое мѣсто восприняло твою кровь, капли которой подобно молоку оросили одежду твоего палача и даже его варварскую душу усладили паче меда, обративъ его вмѣстѣ съ его товарищами къ вѣрѣ. Да будетъ же мечъ тотъ для меня вмѣсто вѣнца! Тридцать пять лѣтъ поработалъ апостолъ Господу со всѣмъ усердіемъ и, совершивъ теченіе свое во благочестіи, почилъ лѣтъ шестидесяти восьми. Ваши собственныя воззванія обра-
495 щаемъ къ вамъ мы, грѣшные. Вы наставляете насъ: *радуйтеся всегда о Господѣ* (Филип. IV, 4); *непрестанно* о насъ *молитеся* (1 Сол. V, 17): исполните же эти свои обѣщанія! Не ты ли самъ вопіешь, блаженный Петръ: *потщуся же и всегда имѣти васъ по моемъ исходѣ память о сихъ творити* (2 Петр. I, 15)? Итакъ, блаженный апостолъ Христовъ Петръ былъ изъ Виѳсаиды Галилейской, гдѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ сотворилъ весьма многія чудеса, откуда и Филиппъ родомъ, а блаженный Павелъ—
496 изъ Тарса въ Киликіи, почили же они оба въ великомъ градѣ—древнемъ Римѣ, мѣсяца іюня въ двадцать девятый день, будучи умерщвлены при жесточайшемъ изъ царей—Неронѣ и отошедши къ Учителю своему и Владыкѣ всѣхъ послѣ многихъ подвиговъ. Итакъ, мы должны, возлюбленные, со всѣмъ усердіемъ молиться Царю всѣхъ Христу Богу нашему, чтобы Онъ по Своему человѣколюбію сподобилъ насъ соблюсти вѣрно преданія и наставленія славнѣйшихъ апостоловъ, чтобы намъ получить милость предъ престоломъ Его. Чрезъ Него же и съ Нимъ слава Богу и Отцу со всесвятымъ и благимъ и животворящимъ Духомъ нынѣ и присно, во вѣки вѣковъ. Аминь.

О святыхъ двѣнадцати апостолахъ.

Весьма знаменательно, что сегодня эта рыбачья сѣть, которою 495
мы уловляемъ словесныхъ рыбъ, посѣщеніемъ Святого Духа наполнилась добычею. Вѣдь именно мудрость Слова умудрила немудрыхъ и огненными языками отверзла уста медленноязычныхъ, вѣдь именно по ея велѣнію они оставили свое прежнее ремесло для болѣе возвышеннаго. *Грядита по Мнѣ, и сотворю вы ловцы человѣкомъ* (Мѳ. IV, 19)— вотъ что было имъ сказано. Сказалъ Господь: идите за Мной,—и все тотчасъ измѣнилось къ лучшему Двѣнадцать борцовъ было избрано и изъ нихъ никто не остался неувѣнчаннымъ. Одна и та же благодать содѣйствовала всѣмъ имъ и дѣлала славною побѣду каждаго изъ нихъ. Только несчастный Іуда сорвался съ этого якоря, цѣлованіемъ указавъ волкамъ Агнца и за тридцать сребренниковъ предавъ Господа, кровь Котораго искупила міръ. Вы же, — о, блаженная и славная дружина апостольская, — по благодати были *всѣмъ вся*; не тростью, но словомъ вы мудро уловили стада людей. Вы — непоколебимые столпы правой вѣры, скала Церкви, скипетры царства, неусыпные предстоятели въ особенности этой паствы, безмездные врачеватели недугующаго человѣчества и сострадательные поручители нашего покаянія предъ Богомъ. Вы—какъ одушевленныя наковальни: подвергаясь ударамъ, вы вразумляете самихъ поражающихъ васъ.

Здѣсь Петръ наставляетъ Римъ; тамъ Павелъ благовѣствуетъ міру. Андрей вразумляетъ мудрецовъ Эллады; Симонъ приводитъ варваровъ къ Богу Ѳома убѣляетъ эѳіоповъ крещеніемъ. Іудея чтитъ сѣдалище Іакова, Александрія на Нилѣ припадаетъ къ престолу Марка. Лука и Матѳей пишутъ евангелія, Іоаннъ тайнозритель, какъ бы живой, и послѣ кончины своей не оставляетъ своими попеченіями Ефеса. Варѳоломей научаетъ ликаонійцевъ воздержанію, Филиппъ чудомъ спасаетъ Іераполь. Всѣ не перестаютъ оказывать всѣмъ и повсюду благотворенія. Самый прахъ ихъ и въ гробницахъ безсмертенъ. Теперь они слуги, а потомъ возсядутъ какъ судіи міра. Прикосновеніемъ одного хромой получилъ способность ходить; другому встрѣтился разслабленный — и получилъ приказаніе носить постель; иной возглашаетъ мертвыхъ — и они тотчасъ ему повинуются; того одна тѣнь прогоняетъ болѣзни; имени этого трепещутъ бѣсы, и головныя повязки его приносятъ исцѣленіе. И не удивительно: вѣдь они ученики Того, Котораго край одежды, когда къ нему украдкой прикоснулась кровоточивая женщина, тотчасъ изсушилъ красное море кровей ея. Возвратимся, впрочемъ, къ верховнымъ апостоламъ и припомнимъ этотъ пророческій голосъ: *се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ* (Пс. CXXXII, 1).

И такъ какъ Петръ прежде всѣхъ нанялся въ виноградникъ Господень, то ему первому пусть и будетъ посвящено наше слово. Петръ—перво-
496 родная овца изъ стада добраго Пастыря. Отъ озера взошелъ онъ на небо; оставилъ моряковъ и удостоился бесѣдовать съ ангелами; покинулъ лодку и получилъ въ управленіе корабль Церкви, пріялъ ключи царства небеснаго и власть вязать и рѣшить. Скорый на зовъ, онъ непоколебимъ въ вѣрѣ. Именно онъ, пламенный во всемъ сподвижникъ Учителя, провозгласилъ это исповѣданіе: *Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго* (Мѳ. XVI, 16). Готовый умереть вмѣстѣ съ Господомъ, онъ неотступно слѣдовалъ за божественнымъ Узникомъ до двора Каіаѳы. Самое отреченіе его достойно извиненія, раскаяніе же достойно удивленія; даже болѣе: не столько заслуживаетъ порицанія его отреченіе, сколько ублаженія его покаяніе. И паденіе его намъ на пользу: скорымъ покаяніемъ и слезами онъ искупилъ свой грѣхъ, за то послѣ этого мимолетнаго колебанія сдѣлался на вѣки непоколебимымъ основаніемъ вѣрныхъ. Вѣдь если, возлюбленный слушатель, ты вникнешь, насколько то время было благопріятно для робости, ты вовсе не найдешь, чтобы Петръ очень заслуживалъ обвиненія. Солнце померкло, небо содрогнулось, земля потряслась, камни разсѣлись—отъ нестерпимости оскорбленія, нанесеннаго Создателю: вотъ при какихъ обстоятельствахъ поколебался Петръ, вотъ когда отрекся верховный апостолъ. И удивительно: тотчасъ же нашелъ онъ обличителя себѣ въ безсловесномъ вѣстникѣ дня по слову Господа: *прежде даже алекторъ не возгласитъ, трикраты отвержешися Мене* (Мѳ. XXVI, 34). Но первый отрекшись, онъ первый же побѣжалъ на гробъ, первый увидѣлъ воскресшаго изъ мертвыхъ Жизнодавца, отъ Маріи узнавъ то, чего не дерзнулъ сообщить ему ангелъ, сидѣвшій на гробѣ. Вотъ рядомъ съ Петромъ—Павелъ, премудрый вселенскій ораторъ. Онъ былъ волкомъ — и сдѣлался агнцемъ, былъ терніемъ — и сдѣлался гроздіемъ; изъ врага сдѣлался другомъ, изъ плевела — хлѣбомъ; былъ евреемъ — и остался евреемъ, но у нихъ былъ Савломъ, дышавшимъ угрозами и убійствомъ, у насъ же сдѣлался Павломъ, званнымъ апостоломъ Іисуса Христа; хулитель сдѣлался богословомъ, гонитель — благовѣстникомъ, мучитель — кормчимъ, предатель — сподвижникомъ. Вмѣстѣ съ Петромъ онъ нашелъ себѣ гробницу въ Римѣ, но вмѣстѣ съ нимъ не презрѣлъ и Сихема; по образу Веніамина братъ Іосифа, и по образу Ѳеклы отецъ дѣтей и наставникъ. Слѣпой предъ Дамаскомъ — и въ каждомъ городѣ око проповѣди, званный съ неба — и восхищенный на небо, онъ созерцалъ рай прежде отшествія отсюда и уже во время борьбы получилъ вѣнецъ побѣды, притомъ заслуженный имъ, какъ онъ самъ говоритъ. Что именно говоритъ? *Егоже воздастъ ми Господь въ день онъ* (2 Тим. IV, 8). Таковъ Павелъ — изъ послѣднихъ первый, изъ „изверговъ“ — „мужъ совершенный“, и гонитель пріятный, и гонимый сладостный,

римлянинъ и фарисей, по вѣрѣ бывшій всѣмъ для всѣхъ. Христосъ, предсказавшій Петру страданія, сказалъ и Павлу, что подобаетъ ему пострадать за имя Его (Дѣян. IX, 16). Господу угодно было, чтобы оба верховные апостола, одну вѣру проповѣдавшіе, одно теченіе совер-
шившіе, чрезъ свои страданія — одинъ пригвожденный ко кресту, дру- 497
гой обезглавленный — были истинными свидѣтелями Того, Кто пострадалъ, былъ погребенъ и воскресъ, какъ и предрекъ, и возвратился въ лоно Отчее, изъ коего никогда не отлучался. И вотъ что говоритъ имъ самъ Господь чрезъ пророка: *обыдите* новый этотъ *Сіонъ и обымите его* (Пс. XVII, 13), то есть: сохраните, укрѣпите, оградите своими молитвами, и тогда, если я въ гнѣвѣ захочу потрясти вселенную, то, видя вашъ нетлѣнный гробъ и язвы, которыя вы за Меня добровольно приняли, Я побѣжду гнѣвъ благоутробіемъ и заранѣе приму ваше ходатайство за него. Вѣдь когда Я вижу священство и царство плачу-
щими, Я тотчасъ преклоняюсь къ жалости и состраданію, тотчасъ вспо- 498
минаю эти Свои слова: *защищу градъ сей Давида ради раба Моего* и Аарона святого Моего (4 Цар. XIX, 34). Какъ бы соединившись въ вѣрѣ и прикрывши свое достоинство добровольнымъ смиреніемъ, самымъ одѣяніемъ своимъ свидѣтельствуя о смиреніи души, они привели предъ Меня многія тысячи учениковъ, ублажающихъ Меня и просящихъ отъ Меня умилостивленія міру. А вѣдь Я самъ сказалъ: *просите и дастся вамъ, ищите и обрящете* (Мѳ. VII, 7). Ему слава и держава, нынѣ и присно, во вѣки вѣковъ. Аминь.

О святомъ апостолѣ Ѳомѣ, и противъ аріанъ, и о томъ, кто во Ѳракіи захватилъ власть и былъ схваченъ, и что онъ былъ аріанинъ

Повинуясь закону Церкви, я собрался съ силами и взошелъ на 497
это сѣдалище. Но меня подавляетъ величіе предмета: я недоумѣваю и совершенно затрудняюсь, какъ мнѣ взяться за дѣло и въ какомъ родѣ повести рѣчь. Проповѣдывать ли о Ѳомѣ какъ о живомъ? Но гробница его возвѣщаетъ объ его смерти. Говорить ли о немъ какъ о мертвомъ? Но тогда противъ меня свидѣтельствуютъ дѣла его. Онъ и мертвъ, и
безсмертенъ; онъ умеръ какъ человѣкъ, и обтекаетъ міръ какъ ангелъ; 498
и страданія потерпѣлъ, и со страстями борется; и лежитъ внизу, и радуется вверху. Ничто не могло его скрыть, никакое мѣсто его не утаило: онъ просвѣщаетъ вселенную. Онъ принялъ погребеніе, но повсюду сіяетъ, какъ солнце; останки праведнаго побѣдили землю и оказались пространнѣе созданія; благодать посѣяла его во всемъ мірѣ. Всѣ

племена причастны Ѳомѣ: онъ наполнилъ весь міръ и вездѣ остается
499 цѣлымъ; на всю землю распространилась слава его и въ концахъ вселенной воздвигнуты имъ побѣдные знаки. Какъ мнѣ назвать его? Солнцемъ? Но для него нѣтъ ночи. Звѣздою? Но онъ не меркнетъ и днемъ. Во всякое время онъ озаряетъ созданіе, всякій мракъ побѣждаетъ во вселенной. Съ нимъ нѣтъ уже ночи, тьма имъ не овладѣваетъ, рѣка не удерживаетъ, море поглотить его не можетъ, океанъ его знаетъ, варвары чтутъ Ѳому. Всѣ народы сегодня празднуютъ и его слова, какъ бы какой даръ, приносятъ Владыкѣ. *Господь мой и Богъ мой* (Іоан. xx, 28)! Родичъ мой и Творецъ мой, Избавитель мой и Царь мой! Вотъ чему научилъ насъ Ѳома, вотъ что оставилъ онъ намъ въ наслѣдство, какъ дѣтямъ! Человѣческій родъ дорожитъ его словами, какъ сокровищемъ, всѣ люди за нихъ держатся крѣпко. Извѣстны эти слова и ангеламъ: и для нихъ это исповѣданіе служитъ какъ бы якоремъ. Вся тварь украшается его ученіемъ, какъ вѣнцомъ. Только одинъ Арій чуждается этого слова, одинъ онъ лишенъ этого наслѣдія, одинъ не раздѣляетъ съ Ѳомой вѣры во Христа какъ Господа, не признаетъ Его вмѣстѣ съ нимъ Богомъ, называетъ рабомъ Владыку, тварью—сіяніе, незаконнымъ—законнаго, созданіемъ—Создателя; не называетъ Владыку Господомъ и Богомъ, не переноситъ истины, не соглашается съ Ѳомой, не послѣдуетъ праведнику. А между тѣмъ и онъ почитаетъ настоящій его день и празднуетъ его вмѣстѣ со всею вселенной, причисляя самого себя къ друзьямъ Ѳомы. Но не обманываетъ порокъ добродѣтели, не соглашается съ путеводителемъ истины тотъ, кто заблуждается. Знаетъ пастухъ звѣря, знаетъ охотникъ волка, знаетъ кормчій волну, знаетъ пристань бурю, знаетъ полководецъ врага, знаетъ Ѳома Арія, знаетъ — и преслѣдуетъ его. Не принимаетъ апостолъ чести отъ богохульника, не входитъ въ вертепъ убійцъ, не соглашается съ ними, отвращается отъ собранія беззаконныхъ, гнушается голоса, ему противоборствующаго, ненавидитъ уста, говорящія противъ Бога неправду (Пс. lxxiv, 6), отвергаетъ языкъ, не именующій Христа Господомъ, и взываетъ къ нему отъ всей вселенной: Арій, зачѣмъ меня прославляешь? Зачѣмъ утучняешь масломъ мою голову? Зачѣмъ празднуешь мой день, беззаконникъ? Я не принимаю твоей похвалы, не соглашаюсь съ твоей суетной вѣрой, не признаю твоего беззаконнаго ученія. Не почитай меня, нанося безчестіе Создателю; не принимаю я чести, порождающей безчестіе. Если ты Владыку оскорбляешь, зачѣмъ почитаешь меня, раба? Если моей вѣры не раздѣляешь, зачѣмъ празднуешь мою память? Если не соглашаешься со мной, зачѣмъ входишь въ общеніе съ моимъ гробомъ? Я наученъ (исповѣдывать) Христа Господомъ и Богомъ; я осязалъ рукой, и нашелъ истину, я удостовѣрился собственными перстами; не съ чужихъ словъ я проповѣдую, не по слуху я говорю о чудѣ, не повѣрилъ я тѣмъ, которые мнѣ сказали:

видѣхомъ Господа (Іоан. XX, 25); я не соглашался съ апостолами, отстранилъ Петра, пытавшагося научить меня; я сказалъ ему: человѣкъ, что смущаешь ты меня, къ чему мнѣ слово, когда нѣтъ дѣла, зачѣмъ требуешь, чтобы я вѣрилъ на слово? Если не увижу, не повѣрю. Ты увидѣлъ, пусть увижу и я; ты убѣжденъ, дай убѣдиться и мнѣ; ты научился, хочу научиться и я. Пусть увижу то, что мнѣ предстоитъ проповѣдывать—и я буду проповѣдывать. Никто не проповѣдуетъ по слуху, никто не предлагаетъ ученія, почерпнутаго изъ молвы, никто не захочетъ слушать меня, говорящаго съ твоихъ словъ. Если меня спросятъ: правда ли, что Христосъ воскресъ?—что мнѣ сказать? Если я скажу: Петръ говоритъ, что воскресъ,—кто мнѣ повѣритъ? Пусть я увижу, и тогда буду проповѣдывать; пусть научусь, и буду учить; пусть удостовѣрюсь, и тогда повѣрю. Тогда и я могъ бы сказать о себѣ: Ѳома апостолъ не отъ людей и не чрезъ людей. И
вотъ, когда я говорилъ это, явился Господь, и тотчасъ разрѣшилъ 500
споръ. Онъ сказалъ мнѣ: что съ тобою, Ѳома? Что ты споришь съ Петромъ? Что препираешься съ друзьями? Поди сюда, познай чудо опытомъ, научись воскресенію самымъ дѣломъ; подай руку твою и осмотри тѣло. Если вмѣстишь, держи; если имѣешь чистые персты, осяжи раны; если вѣришь, будешь имѣть успѣхъ, если же только противорѣчишь, не найдешь; если не вѣришь, не узнаешь; если сомнѣваешься, не воспримешь того, что страдало; если водишься страстью, не уразумѣешь безстрастнаго. Услышавъ это, я очистилъ свою душу отъ невѣрія, разрѣшилъ сомнѣніе мысли, восприняль убѣжденный умъ. Я осязалъ тѣло съ радостью и трепетомъ, вмѣстѣ съ перстами удовлетворилъ и внутреннее сердце и почувствовалъ двойную силу. Я прикасался и видѣлъ, осязалъ рукою тѣло, а душою видѣлъ Бога, и внѣшнее я нашелъ удивительнымъ, а внутреннее страшнымъ, видимое великимъ, а постигаемое умомъ—чудеснымъ. Тогда-то, пораженный всѣмъ тѣмъ, что воспринялъ, воскликнулъ я: *Господь мой и Богъ мой* (Іоан. XX, 28). Дѣйствительно, я ничего не находилъ въ немъ рабскаго, ни въ чемъ не видѣлъ уничиженія; и то, что одной природы съ нами, у Него блистало, и божественное сверкало; и носимое было возвышено, и носящее прославлено; и тогда какъ мыслимы были два предмета, лицо поклоняемое было одно. Это я постигъ опытомъ, это добылъ перстомъ, это уразумѣлъ душою. Ты же, Арій, откуда научился своей хулѣ, откуда позналъ то, что проповѣдуешь? Осязалъ ли ты Христа, какъ осязалъ я? Простиралъ ли къ Нему свою руку? Изслѣдовалъ ли Его раны? Можешь ли сослаться въ подтвержденіе на свои персты? Обнималъ ли ты Господа? Какою рукою? Не тою ли, которой ограбилъ апостоловъ? Не тою ли, которой принялъ добычу варвара? Не тою ли, которой получилъ мзду нечестія? Не тою ли, которой расплавлялъ сосуды? Ею ли ты осязалъ Христа? Да не будетъ! Не

такъ несправедливъ Владыка, не такъ неблагоразуменъ Христосъ, чтобы тебѣ ввѣрить собственную плоть. Ты не обнималъ Того, Кого отвергъ; не осязалъ Того, Кого возненавидѣлъ; не изслѣдовалъ Того, Кого умалилъ. Если бы ты изслѣдовалъ, ты бы не унизилъ; если бы хорошо разсмотрѣлъ, не истолковалъ бы такъ дурно. Прочь со своимъ нечестіемъ, низвергнись со своими союзниками! Вотъ я уже и ниспровергъ одинъ твой оплотъ, вотъ я освободилъ Ѳракію отъ твоей власти; еще немного, и я уничтожу тебя вездѣ, еще немного, и я изгоню тебя изъ всей вселенной. Теперь я поразилъ тебя во главу, а вотъ и западъ освобожу отъ твоего безумія. О, блаженный Ѳома! Исполни же свои слова на дѣлѣ, оправдай ихъ доброе начало, подкрѣпи такимъ же концомъ. Освободи и западъ, какъ ты освободилъ Ѳракію. Пусть и разбойникъ будетъ обезглавленъ подобно мятежнику. Увѣнчай царя побѣдой, даруй міру миръ, вознагради усердіе молящихся, прими мольбы всего города: вѣдь всѣ возрасты городскаго населенія имѣютъ предъ тобой своихъ представителей. Старики и юноши припадаютъ къ твоему гробу, дѣвицы и отроки обнимаютъ твое тѣло, младенцы подобно птенцамъ обращаютъ къ тебѣ раскрытые рты. Не пренебреги этимъ зрѣлищемъ, не оставь нашъ трудъ тщетнымъ, дай намъ награду, достойную нашихъ усилій! Ничего особеннаго мы отъ тебя и не требуемъ; просимъ того, что ты имѣешь; ищемъ того, что ты даешь; желаемъ того, что желательно и тебѣ самому. Желаемъ, чтобы врагъ былъ пораженъ, Арій былъ низложенъ, царь увѣнчанъ, и міръ обращенъ ко Христу; чтобы Христосъ былъ прославленъ и отъ всей въ совокупности вселенной Ему возглашалось: *Господь мой и Богъ мой!* Ему слава, честь и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О святомъ первомученикѣ Стефанѣ.

501 1. Увѣнчаемъ цвѣтами похвалъ Стефана и осыплемъ его розами хвалебныхъ пѣсенъ. Самъ онъ уже увѣнчалъ себя побѣдными наградами вѣры. Не смотря на то, что написано: *не убойтеся отъ убивающихъ* (Мѳ. x, 28), привязанность къ тѣлу преодолѣвается съ трудомъ. Но когда этотъ юноша рѣшилъ воспринять вѣнецъ мученичества, всякая трудность исчезла; робость и страхъ онъ совершенно уничтожилъ. Онъ не боялся ярости первосвященниковъ, не страшился дерзости священниковъ, не ужасался словами старѣйшинъ и не смущался угрозами книжниковъ; не лишали его бодрости рѣчи лжесвидѣтелей: съ какою-то благородною рѣшимостью спѣшилъ онъ на борьбу за Христа. Кто же изъ смертныхъ воздастъ достойныя похвалы подвижнику? Кто изъ людей сплететъ

вѣнокъ соотвѣтствующій его подвигу? Какой языкъ сможетъ изъяснить славу побѣдителя? Какія уста отверзутся на восхваленіе подвиговъ Стефана? Какія—смогутъ высказать доблесть первомученика? На землѣ подвизался онъ, а устремлялъ свой взоръ въ небесному; обращался въ жизни, а прилежалъ къ горнему; бесѣдовалъ со смертными, а сопричислялся къ безмертнымъ; боролся съ людьми, а ликовалъ съ ангелами. Всякій возрастъ пусть теперь будетъ твердъ. Стефанъ побѣдилъ, а начальникъ злобы палъ. Теперь и въ сѣдой старости подвизающійся пусть имѣетъ надежду, такъ какъ и въ старости правильно поступающій получаетъ вѣнцы, и юноша, выдержавшій борьбу увѣнчивается и отрокъ состязавшійся, приноситъ съ собою дары, и малыя дѣти, подвергшіяся борьбѣ, приносятъ съ собою вѣнцы, и женщины, принимавшія участіе въ борьбѣ, увѣнчиваются славою, и дѣвицы состязавшіяся приносятъ съ собою побѣды. Теперь, когда Стефанъ отверзъ двери мученичества, всякій возрастъ пусть спѣшитъ на подвигъ мученичества. Первый противусталъ Стефанъ тирану, первый одержалъ надъ нимъ побѣду, первый положилъ начало этому добропобѣдному подвигу, первый за Христа претерпѣлъ страсти Христовы, показалъ смертнымъ, какъ поражается смерть, показалъ смертнымъ, какъ умерщвленіе вмѣняется въ посмѣяніе, указалъ вращающимся въ жизни путь восхожденія къ небу. *Стефанъ же исполнь вѣры и силы творяше знаменія и чудеса въ людехъ* (Дѣян. VI, 8). Благодать Духа увлекала Стефана все къ большему и большему преуспѣянію, потому что безпредѣльность его вѣры возбуждала въ немъ ревность. Поставленный діакономъ, онъ явилъ себя мученикомъ; назначенный для нуждъ вдовицъ, онъ употребилъ благодать на чудеса; былъ назначенъ служителемъ трапезы, и сдѣлался совершителемъ чудесъ. *Стефанъ же исполнь вѣры и силы*. Пусть, говоритъ, Стефанъ по имени своему будетъ вѣнкомъ побѣды, именно Стефанъ, опытомъ изслѣдовавшій борьбу, никому неизвѣстную, показавшій міру сраженіе безпримѣрное. Это не свойственно человѣческой природѣ, и Стефанъ одинъ противусталъ безтѣлесному воинству. Вѣра возбудила его къ такимъ подвигамъ, надежда дала ему силы бороться до конца. *Стефанъ исполнь вѣры и силы*. Стефанъ показалъ начальника злобы плѣнникомъ, доблестною рѣшительностью 502
воздвигъ надъ нимъ трофей, приготовилъ слезы демонамъ, а людямъ радость, явился вождемъ сражающихся за Христа. Кто бы ни предпринялъ теперь борьбу за Христа, въ Стефанѣ онъ имѣетъ учителя, кто бы ни выступилъ на подвиги мученичества, Онъ будетъ подражать Стефану. Стефанъ—начальникъ подвизающихся за Христа, Стефанъ—основаніе умирающихъ за Него. *Стефанъ исполнь вѣры и силы*. Отовсюду укрѣпленъ этотъ воинъ Христовъ, отовсюду защищенъ бронею благочестивый военачальникъ. Достаточно, говорятъ, этого для побѣды, довольно для того, чтобы воздвигнуть трофеи! Вѣра и сила и началь-

ника злобы побѣдили, и іудеевъ изумили. *Исполнь вѣры и силы, творяше знаменія и чудеса великія въ людехъ.* Множество чудесъ явилъ избранникъ, великія знаменія совершилъ воинъ Христовъ. *Творяше знаменія и чудеса въ людехъ;* хромымъ давалъ онъ способность ходить, разслабленнымъ дарилъ здоровье, чтобы возбудить къ зависти первосвященниковъ: до такой степени страстно онъ желалъ вкусить смерть за Христа! Тогда-то вооружается противъ него пятиградіе нечестивѣйшихъ людей.

Воспаша же, говорится, *нѣцыи отъ сонма глаголемаго Либертинска и Киринейска и Александрска и иже отъ Киликіи и Асіи, стязающеся со Стефаномъ* (Дѣян. VI, 9). О, какое множество собрала злоба! О, сколько народу соединила зависть! Либертинцевъ, киринейцевъ, александрійцевъ, пришельцевъ изъ Киликіи и Асіи. Безчисленное, говорится, множество возстало противъ одного воина, необозримая толпа устремилась противъ одного героя, изъ пяти городовъ люди накинулись на одного юношу. О, неисцѣльная злоба іудеевъ! Самымъ видомъ хотѣли они испугать борца, чрезмѣрною многочисленностью подавить его духъ. Къ этой цѣли направляются всѣ усилія презрѣнныхъ людей, и прежде всего они сплетаютъ для Стефана слова искушенія. *Воспаша*, сказано, *нѣцыи отъ сонма глаголемаго Либертинска и Киринейска и Александрска и иже отъ Киликіи и Асіи, стязающеся со Стефаномъ.* Зачѣмъ, — говорятъ они, — юноша, неосмотрительно оскорбляешь Божество? Зачѣмъ ухищренными рѣчами убѣждаешь людей? Зачѣмъ волнуешь народъ обольщеніемъ чудесъ? Тайный же смыслъ подобныхъ вопросовъ былъ таковъ: по твоему, тотъ, кто рожденъ Маріей, Богъ? Сынъ плотника — Создатель міра? Не Виѳлеемъ ли Его родина, а Назаретъ мѣсто воспитанія? Твой Богъ родился на землѣ, твой Богъ, какъ слабый младенецъ, былъ завернутъ пеленой и лежалъ въ ясляхъ, бѣжалъ отъ разгнѣваннаго Ирода, принялъ крещеніе отъ Іоанна, страдалъ отъ голода и жажды,
503 чувствовалъ усталость и сонъ, былъ схваченъ и не могъ бѣжать, подвергался бичеванію и не могъ себя оправдать, былъ пригвожденъ ко кресту и не могъ сойти; самая кончина Его была позоромъ и проклятіемъ. Онъ былъ погребенъ во гробѣ, а вѣдь мечталъ быть въ небесахъ? Во всемъ подобенъ смертнымъ, хотя и проповѣдывалъ, что есть загробная жизнь. Итакъ, Богъ — по твоему — соизволилъ претерпѣть все это? Богъ не повелѣлъ умертвить и не умертвилъ самъ тѣхъ, кто наложилъ на Него руки? Не поразилъ ихъ внезапною смертью? Выбирай же одно изъ двухъ: или оставь всѣ эти заблужденія, или умри одинаковою съ Нимъ смертью.

2. Это и подобное говорили вопрошатели Стефана. Затѣмъ Стефанъ отвѣчалъ имъ: не вы ли хранители пророческихъ писаній? Не вы ли почиваете на книгахъ ветхаго завѣта? Не говорили ли вы другъ другу: *мы вѣмы, яко Моисеови глагола Богъ: сего же не вѣмы, откуда есть: мы Моисеовы есмы ученицы* (Іоан. IX, 29, 28). Но развѣ не Мои-

сей говорилъ: *пророка отъ братій вашихъ, якоже мене, возставитъ вамъ Господь Богъ: того послушайте* (Втор. XVIII, 15)? Развѣ Михей давнымъ давно не написалъ: *и ты Виѳлееме, земле Іудова, ничимже менши еси во владыкахъ Іудовыхъ: изъ тебе бо изыдетъ вождь* (Мих. V, 2; Мѳ. II, 6)? Развѣ Исаія не предвозвѣстилъ рожденіе Его отъ неискусобрачной: *се Дѣва во чревѣ пріиметъ* (Мѳ. I, 23; Ис. VII, 14)? Развѣ не предсказалъ пророкъ Аввакумъ возлежаніе въ ясляхъ животныхъ: *посредѣ двою животну познанъ будеши* (Авв. III, 2)? Не говорилъ ли Исаія о бѣгствѣ въ Египетъ отъ Ирода: *се Господь на облацѣ лецѣ пріидетъ въ Египетъ* (Ис. XIX, 1)? Не предрекъ ли Давидъ бѣгство водъ Іордана: *видѣша Тя воды, Боже, видѣша Тя воды, и убояшася* (Пс. LXXVI, 17)? Не предсказывалъ ли Исаія конца болѣзней и труда: *той недуги наши пріятъ и болѣзни понесе* (Мѳ. VIII, 17; Ис. LIII, 4)? Не предсказалъ ли пророкъ Давидъ силу гвоздей: *ископаша руцѣ мои и нозѣ мои* (Пс. XXI, 17)? Не пригвожденіе ли къ древу предвозвѣстилъ Моисей: и узрите *животъ* вашъ *висящъ* на древѣ (Втор. XXVIII, 66)? Не погребеніе ли во гробѣ предначерталъ Іаковъ: *возлегъ, уснулъ яко левъ* (Быт. XLIX, 9)? Не о воскресеніи ли взывалъ нѣкогда Давидъ: *воскресни, Боже, суди земли* (Пс. LXXXI, 8)? Не онъ же ли предсказалъ и вознесеніе: *взыде Богъ въ воскликновеніи* (Пс. XLVI, 6)? Покажите же на другомъ комъ-нибудь исполненіе этихъ пророчествъ, или поклонитесь распятому, какъ Богу! Безумные! Невѣдая пророчества Моисеева, вы думали распять простого человѣка. О васъ вѣдь, или лучше—въ обличеніе ваше вопіетъ Павелъ, сосудъ избранный: *аще бо быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. II, 8). Въ томъ же обличаетъ васъ верховный изъ апостоловъ, говоря: *вы же святаго и праведнаго отвергостеся и испросисте мужа убійцу дати вамъ, начальника же жизни убисте* (Дѣян. III, 14, 15). Этотъ вопль вашъ издавна предвидя, говорилъ Исаія: *горе глаголющимъ горькое сладкое и сладкое горькое* (Ис. V, 20)! Когда такимъ-то образомъ бесѣдовалъ съ ними Стефанъ, *не можаху противу стати премудрости и Духу, имже глаголаше* (Дѣян. VI, 10). И хорошо сказано: *противу стати*. Какъ выше сказано: *воcташа нѣцыи отъ сонма* (9), такъ здѣсь *не можаху противу стати*. Значитъ къ молчанію принуждены были ихъ языки, заграждены были ихъ уста, припрятаны были стрѣлы словъ, ослаблены луки рѣчей, подъ языкомъ скрыто копье злобы. *Не можаху противу стати премудрости и Духу, имже глаголаше*. О, дивное дѣло! И какъ хорошо изображено все это у славнаго Луки, съ какою полнотою осуществлены здѣсь обѣтованія Христовы! Вѣдь Христосъ сказалъ: *Азъ бо дамъ вамъ уста и премудрость, ей же не возмогутъ противитися вси противляющіися вамъ* (Лук. XXI, 15). А здѣсь какъ разъ и говорится: *не можаху противустати премудрости и Духу, имже глаголаше*. Какой премудрости? Самому Христу, глаголавшему въ немъ.

Что Христосъ—мудрость, это подтверждаетъ и Павелъ: *Христосъ Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. I, 24). А что Онъ самъ говоритъ въ тѣхъ, которые Ему воздаютъ благодарность, объ этомъ тотъ же апостолъ въ другомъ мѣстѣ пишетъ: *понеже искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа, иже въ васъ не изнемогаетъ, но можетъ въ васъ* (2 Кор. XIII, 3). *И не можаху противустати премудрости*, т. е.
501 Христу. Да и кто могъ бы противостать Ему съ успѣхомъ? *И не можаху противустати премудрости и Духу, имже глаголаше*. Какому Духу? Утѣшителю, о которомъ и раньше говорилъ дѣеписатель. *Стефанъ же исполнь вѣры и силы*, и въ другомъ мѣстѣ: *сый исполнь Духа Свята, воззрѣвъ на небо, видѣ славу Божію* (Дѣян. VII, 55). *Тогда подустиша мужи глаголющыя, яко слышахомъ его глаголюща глаголы хульныя на Моисея и на Бога* (ст. 11). Лжесвидѣтельство смѣнило зависть. *Подустиша мужи*. Серебромъ купили ложь, говоря: идите, почтенные мужи, послужите намъ вашимъ трудомъ, нашимъ планамъ пусть посодѣйствуетъ вашъ языкъ, нашимъ совѣтамъ пусть поработаютъ ваши уста. Тамъ какой-то возсталъ мститель за Галилеянина, явился защитникъ Его и поборникъ. Онъ почитаетъ Богомъ лежащаго во гробѣ, проповѣдуетъ, какъ о Творцѣ, о Томъ, Кто заключенъ въ могилѣ. Сумасбродствуетъ, что положенный въ гробѣ находится теперь на небѣ. Распространяетъ молву, что принявшій бичеваніе отъ воиновъ теперь пребываетъ среди воинствъ небесныхъ; что Тотъ, Который и самого Себя оправдать не могъ, явится судіей всего созданія. Іосифъ положилъ тѣло Его во гробѣ, а этотъ вотъ мечтаетъ, что Онъ одесную Бога. Ученики отказались отъ Него какъ обманщика, а этотъ говоритъ, что всякій языкъ будетъ его исповѣдывать; съ креста не могъ сойти Галилеянинъ, а тутъ человѣкъ хвалится, что Онъ вторично придетъ съ неба. Злодѣи хулили Іисуса за то, что Онъ не могъ спасти ни Себя, ни ихъ, а онъ во всеуслышаніе провозглашаетъ, что Іисусъ-то и есть Спаситель міра. Видали ли вы когда-нибудь такую дерзость? Слыхали ли слова столь безумныя и хульныя? Итакъ, посодѣйствуйте теперь разслѣдованію дѣла, и вы пріобрѣтете у современниковъ блестящую славу. На такія-то предложенія потомки предателей Навуѳея отвѣчаютъ имъ такими словами: *слышахомъ Его глаголюща глаголы хульныя на Моисея и на Бога*. Противъ самого законодателя, говорятъ, онъ дерзнулъ сказать. Тотъ заповѣдалъ намъ, говоря: *внемлите, людіе мои, закону моему* (Пс. LXXVII, 1), а этотъ провозглашаетъ, что Іисусъ измѣнитъ обычаи, которые предалъ намъ Моисей. Онъ похулилъ Моисея, чтимаго всѣмъ народомъ, въ союзѣ со всею тварью освободившаго народъ отъ тяжкаго рабства, жезломъ раздѣлившаго воды моря, молитвою потопившаго полчища египетскія, молитвою воздвигшаго среди ночи небесный столбъ, питавшаго народъ небеснымъ невоздѣланнымъ хлѣбомъ, жезломъ источившаго потокъ изъ безплоднаго камня. *На Моисея*.

Да что говорить о Моисеѣ? *И на Бога!* На самое небо изострилъ онъ стрѣлы, противъ самого Творца воздвигъ языкъ, мертвеца проповѣдуетъ богоподобнымъ Творцу. *На Моисея и на Бога! Сподвигоша же люди и старцы и книжники, и нападше восхитиша его и приведоша на сонмище* (ст. 12). Они раздражили народъ и тогда схватили Стефана; звѣри схватили овцу и привели въ синедріонъ, исполненный лицемѣрія и зависти, въ синедріонъ, чуждый истины и лишенный правды. Привели его въ синедріонъ, о которомъ давно уже взывалъ Іеремія: *не сѣдохъ въ сонмѣ ихъ суетномъ* (XV, 17). *Поставиша же свидѣтели ложны глаголющыя, яко человѣкъ сей не престаетъ глаголы хульныя глаголя на мѣсто святое сіе и законъ* (ст. 13). Святилище, говорятъ, не постыдился онъ безчестить,—такое мѣсто, гдѣ читаются священныя слова, гдѣ Писанія пророковъ оглашаютъ своды, гдѣ скрижали и небесная манна, гдѣ кивотъ и жезлъ Аароновъ, гдѣ сѣдина архіереевъ и достоинство священниковъ, и честь книжниковъ. О такомъ-то мѣстѣ говоритъ онъ легкомысленно, храмъ представляетъ ничтожнымъ! И не только о святилищѣ осмѣлился онъ говорить такъ, но и о законѣ. Заблуждается, что законъ былъ тѣнью; о ветхомъ завѣтѣ съ дерзостью проповѣдуетъ, какъ о прообразѣ; Галилеянина ставитъ выше Моисея; сына Маріина почитаетъ больше законодателя. Не постыдился достоинства 505
пресвитеровъ, не усрамился множества книжниковъ, но изверглъ хулы на мѣсто святое и на законъ.

3. Что же именно говоритъ онъ? *Слышахомъ бо его глаголюща, яко Іисусъ Назорей сей разоритъ мѣсто сіе и измѣнитъ обычаи, яже предаде Моисей* (ст. 14). Угрожаетъ намъ мертвымъ какъ Владыкой, въ покойникѣ указываетъ намъ Господа. Іисусъ Назорей воскреснетъ и *разоритъ мѣсто сіе.* Обезумѣлъ, говорятъ, этотъ юноша. Онъ не знаетъ цѣны этому храму; забылъ, сколько трудовъ пошло на его построеніе. Мудрость Соломона возсоздала этотъ храмъ; помощницей въ этомъ дѣлѣ для мудраго Соломона была благодать свыше; немало трудностей пришлось преодолѣвать въ этой работѣ. Восемьдесятъ тысячъ ломали камни въ горахъ; семьдесятъ тысячъ рубили деревья; тридцать тысячъ занимались переноской камня; однихъ надсмотрщиковъ за работами было три тысячи шестьсотъ. Щедрой рукой сыпались издержки на постройку и несмотря на это едва въ сорокъ шесть лѣтъ оказалось возможнымъ завершить это дѣло. А этотъ человѣкъ утверждаетъ, что *Іисусъ Назорей разоритъ мѣсто* [*сіе*]; мало этого: Онъ будто бы *измѣнитъ и и обычаи, яже предаде намъ Моисей.* Святѣйшая суббота будетъ будто бы упразднена Имъ; обрѣзаніе по закону будетъ отмѣнено Назореемъ; новомѣсячія наши, какъ суетныя, осуждены имъ на уничтоженіе; для Сына Маріи будто бы нѣтъ ничего святого въ праздникѣ кущей; Его проповѣдникъ бредитъ, что жертвы наши не принимаются Богомъ; онъ увѣряетъ, что окропленіе и законное очищеніе упразднено распя-

тымъ. Но кто не знаетъ, какова была судьба Назарянина? Когда же же мертвый можетъ мстить живымъ? Исаія былъ распиленъ, и развѣ кто мститъ за него? Іеремія задушенъ, и не могъ отомстить; Навуѳей побитъ камнями, и кто явился мстителемъ за него? Захарія заколотъ, и мы до сихъ поръ остаемся безнаказанными. И вдругъ выступаетъ поборникъ за распятаго Назорея! Мертвецъ является нашимъ обвинителемъ, намъ угрожаютъ какъ судьей лежащимъ во гробѣ! Послѣ всѣхъ этихъ ложныхъ обвиненій, *воззрѣвше нань вси сѣдящіи въ сонмищи*: они метали на него грозные взоры, съ гнѣвомъ насупили противъ него брови, желая самымъ видомъ своимъ поразить противника и тѣмъ самымъ въ злобѣ своей оправдывая пророческое слово: *смотряетъ грѣшный праведнаго и ищетъ еже умертвити его* (Псал. xxvi, 32). *Воззрѣвше нань вси сѣдящіи въ сонмищи, видѣша лице его яко лице ангела* (ст. 15). Радость о мученичествѣ, выступивши на лице его, озарила юношу ангельской благодатью. Но почему же *яко лице ангела?* Чтобы исполнилось слово Христа, которое Онъ сказалъ: *въ воскресеніи ни женятся ни посягаютъ, но яко ангели Божіи на небеси суть* (Мѳ. xxii, 30). Такъ просіяли Мойсей и Илія на горѣ, когда бесѣдовали съ Іисусомъ, такъ что ученики, увидѣвши ихъ, упали на лица свои (Мѳ. xvii, 6); такъ просіяютъ всѣ праведники въ царствіи Отца ихъ (Мѳ. xiii, 43). *Видѣша лице его яко лице ангела.* Тогда сказалъ архіерей: *аще убо сія тако суть* (Дѣян. vii, 1)? О, слова, исполненныя лицемѣрія! О, рѣчи, внушенныя завистью и ложью! *Аще убо сія тако суть?* Ты осмѣлился—о, человѣкъ—унизить законодателя Моисея? Можетъ быть, ты и Богу противопоставляешь какого-нибудь противника? Ты безчестилъ, поносилъ это святое мѣсто? Не воображаешь ли ты, что данный Богомъ законъ не проченъ? Не думаешь ли ты Назореемъ замѣнить все то, что ведетъ свое начало отъ Моисея? Великія бѣдствія ты приготовляешь самъ для себя. На это первомученикъ отвѣчалъ: *мужіе братіе и отцы, послушайте* (ст. 2)! Пусть, говоритъ, теперь всякій возрастъ приметъ подобающую ему честь. *Мужіе братіе и отцы, послушайте! Послушайте,*—не говорю: убѣдитесь,—потому что не ожидаю, чтобы вы убѣдились. *Послушайте* только. *Богъ славы явися отцу нашему Аврааму сущу въ Месопотаміи* (ст. 2). Не въ Іерусалимѣ, не въ этомъ прославленномъ храмѣ, но *въ Месопотаміи*, гдѣ процвѣтало идолопоклонство;
506 гдѣ земля попиралась безбожниками; *въ Месопотаміи*, гдѣ воздавалось поклоненіе истуканамъ, гдѣ божеская честь усвоялась камню и дереву,—тамъ явился Богъ нашему праотцу. Вѣдь Онъ зналъ, что среди терній рождается роза, и среди волчцевъ возникаетъ благородный хлѣбный злакъ. Такъ, именно, розой между терніями, лиліей между бурьяномъ явился многострадальный Іовъ въ распутной странѣ Авситидійской; какъ свѣтильникъ сіялъ онъ во тьмѣ невѣдѣнія своими добродѣтелями, какъ башня въ сраженіи былъ виденъ всѣмъ небеснымъ

силамъ, отъ земли до неба возьышаясь своими подвигами, отъ глубины въ высоту возрастилъ онъ плоды правды. А Богъ, обонявъ ихъ [какъ было и съ Ноемъ послѣ потопа: *и обоня Господь воню благоуханія* (Быт. VIII, 21)], засвидѣтельствовалъ о Своемъ слугѣ: вотъ человѣкъ праведный, истинный, богочестивый, удаляющійся отъ всякаго зла, прежде закона исполняющій требованія закона, имѣя природный законъ, онъ не нуждается въ писанномъ законѣ; и Богу извѣстны отъ вѣка всѣ дѣла его. Итакъ, говоритъ Аврааму: *изыди отъ земли твоея и отъ рода твоего, и пріиди въ землю, юже азъ ти покажу* (ст. 3). *Изыди отъ земли твоея.* Зачѣмъ, говоритъ, многобожная земля удерживаетъ отца народовъ? Зачѣмъ идольское отечество привязываетъ къ себѣ праотца народа Моего? *Изыди отъ земли твоея и отъ рода твоего.* Тяжелы, судя по-человѣчески, эти повелѣнія патріарху. Покинь, говоритъ, отечество, оставь весь народъ, брось землю, въ которой ты родился, откажись отъ отца и матери. Но ничто подобное не поколебало патріарха, не размышлялъ онъ самъ съ собой какъ обыкновенный смертный: неизвѣстно вѣдь то, что обѣщаетъ мнѣ явившійся; надежны ли Его обѣщанія? Что же? Пожалуй, я оставлю то, что у меня въ рукахъ, и устремлюсь за невиданнымъ; оставлю почву, на которой стою, и буду искать неизвѣстной? Ни о чемъ подобномъ не размышлялъ отецъ народовъ, но получилъ приказаніе—и тотчасъ отправился въ путь; услышалъ заповѣдь — и устремился на поиски неизвѣстнаго. Вѣрою зажжена была у него такая любовь. Представляя себѣ уже совершившимся то, что было обѣтовано, онъ тѣмъ болѣе спѣшилъ выйти изъ отечества. *Изыди*, говоритъ, *отъ земли твоея.* Отъ бедръ твоихъ, отъ тебя по плоти хочу Я родиться. Ничего тебѣ Я не обѣщаю, довольно съ тебя и того, что ты назовешься Моимъ отцемъ: *книга родства Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля* (Мѳ. I, 1). Затѣмъ, изобразивъ то, какъ Авраамъ повиновался одному голосу божественнаго призванія, какъ Богъ предсказалъ ему порабощеніе его потомства, осужденнаго на четыреста лѣтъ тяжкой работы въ Египтѣ, и то, какъ десницей Божіей они будутъ освобождены отъ ига, и какъ заключилъ съ нимъ Богъ завѣтъ обрѣзанія, (св. Стефанъ) говоритъ наконецъ о необычайномъ рожденіи Исаака, и о томъ, что на восьмой день обрѣзалъ его отецъ, какъ было ему заповѣдано. Точно также сказалъ онъ и о рожденіи Іакова отъ Исаака и о томъ, что Іаковъ сдѣлался отцемъ двѣнадцати патріарховъ. Сказалъ даже и о зависти къ Іосифу его братьевъ и о продажѣ его братьями въ Египетъ и о томъ, какъ нашелъ онъ благоволеніе своей мудростью у царя египетскаго и какъ послѣ рабства сдѣлался господиномъ и мудрецомъ. Сказалъ и о томъ, какъ случился голодъ почти во всемъ мірѣ и какъ жители Ханаана отъ недостатка пищи продавали все самое дорогое для себя, и какъ Іосифъ въ славѣ открылся братьямъ своимъ, и какъ переселилъ къ себѣ въ Египетъ

патріарха Іакова, какъ въ числѣ восьмидесяти пяти душъ Іаковъ переселился туда, и какъ безмѣрно умножился Израиль въ Египтѣ, и какъ возсталъ другой царь, не знавшій Іосифа, и какими ухищреніями озлобилъ онъ народъ Израильскій, и какъ новорожденныхъ младенцевъ мужескаго пола бросалъ въ рѣку Нилъ. Сказалъ затѣмъ и о рожденіи законодателя Моисея и о томъ, какъ онъ былъ брошенъ родителями въ корзинѣ, и какъ взяла его къ себѣ дочь фараона, царя египетскаго, и какъ онъ былъ обученъ всей мудрости египетской, и какъ показался сильнымъ въ словахъ и дѣлахъ, и какъ, по достиженіи сорокалѣтняго возраста, пошелъ онъ посмотрѣть народъ свой и увидѣлъ израильтянина обижаемаго и, вступившись за него, убилъ египтянина, и какъ сталъ мирить дравшихся израильтянъ и соплеменникъ укорилъ его въ совершенномъ имъ убійствѣ, и какъ изъ-за этого укора онъ бѣжалъ въ землю Мадіамскую и тамъ сдѣлался отцомъ двухъ сыновей, и какъ явился ему ангелъ въ горѣ Синайской и онъ увидѣлъ мирное соединеніе огня и терновника и услышалъ божественный голосъ съ неба,
507 и какъ онъ трепеталъ не смѣя созерцать чудо, и какъ получилъ приказаніе иззуть сапоги отъ ногъ своихъ и услышалъ, что мѣсто, на которомъ онъ стоялъ, есть земля святая, и какъ при помощи чудесъ вывелъ народъ изъ земли египетской и перевелъ Израиля чрезъ Красное море, какъ по суху. Сказалъ и объ идолослуженіи беззаконныхъ подъ горою и о томъ, какъ сразу же послѣ перехода чрезъ море они промѣняли Бога на тельца и идолу приписали свою побѣду надъ египтянами. Напомнилъ имъ и о плѣненіи народа въ Вавилонѣ и о томъ, какъ угоденъ былъ Богу Давидъ, обрѣтшій благодать предъ лицемъ Божіимъ и удостоенный наименованія отцемъ Христа. Сказалъ, наконецъ, и о храмѣ, созданномъ Соломономъ, и о томъ, что Богъ не заключается въ рукотворенныхъ мѣстахъ. Пройдя, такимъ образомъ, всю исторію отцевъ, Стефанъ, при помощи Святаго Духа, переходитъ наконецъ къ ихъ проступкамъ и говоритъ: жестоковыйные, непреклонные, необузданные! Какая сила, какое испытаніе могло сломить ваше упорство? Развѣ не рабствовали вы фараону въ Египтѣ четыреста лѣтъ? Развѣ не были порабощены въ теченіе восемнадцати лѣтъ Хусарсаеомъ, царемъ сирійскимъ? Развѣ не изнывали вы подъ владычествомъ моавитянъ цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ? Развѣ не были порабощены опять на двадцать лѣтъ хананеями? Развѣ не томились новыхъ восемьдесятъ лѣтъ подъ игомъ мадіанитянъ? Развѣ не были восемнадцать другихъ лѣтъ обладаемы аммонитянами? Развѣ не подпали затѣмъ подъ власть филистимлянъ на сорокъ лѣтъ? Не семьдесятъ ли лѣтъ длилось рабство вавилонянъ? Не переселялъ ли васъ Салманасаръ въ горы халдейскія? И никакое принужденіе не измѣнило однако вашего расположенія! Жестоковыйные! Васъ не обуздало дѣланіе корзинъ въ Египтѣ, не смягчило собираніе соломы, не сломили труды дѣланія кирпичей.

До сихъ поръ выслушали они рѣчь Стефана, а затѣмъ, *изведше его внѣ* 508
града, каменіемъ побиваху его (ст. 58). Гдѣ царя распяли, тамъ и воина побиваютъ камнями. *И изведше его внѣ града, каменіемъ побиваху.* Но и подъ ударами камней борецъ торжествовалъ побѣду, съ такимъ возгласомъ обратившись къ Создателю: *Господи Іисусе, пріими духъ мой* (59)! *Господи Іисусе*, по волѣ Отчей воспріявшій страсть, по рѣшенію Родившаго претерпѣвшій смерть, *пріими духъ мой!* Возьми изъ тѣла мою душу, вынеси отсюда безтѣлесную, *пріими духъ мой*, увѣнчанный всяческими добродѣтелями, *пріими духъ мой*! *Теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ* (2 Тим. IV, 7), и теперь прошу: *пріими духъ мой*! Поскольку я облеченъ тлѣннымъ тѣломъ, я страшусь; поскольку я ношу земную плоть, я боюсь—не погубить бы трудовъ своихъ послѣ всѣхъ трудовъ. Трепещу--не остаться бы послѣ борьбы неувѣнчаннымъ, послѣ подвиговъ не потерять бы награды. *Пріими же духъ мой*! Діаволъ будетъ огорченъ, что лишился побѣды, начальникъ злобы будетъ плакать, что не одолѣлъ смертнаго. Безтѣлесные будутъ скорбѣть, что находящіеся въ плоти смѣются надъ страданіями. *Пріими духъ мой! Преклонь же колѣна возопи гласомъ веліимъ: Господи, не постави имъ грѣха сего* (60)! И чтобы ты видѣлъ, что онъ молится съ усердіемъ, не просто молится, стоя и кланяясь, но *преклонь колѣна*, сказалъ съ глубокимъ чувствомъ, съ великимъ состраданіемъ: *Господи, не постави имъ грѣха сего! И сія рекъ успе* (60)! Для праведныхъ смерть есть сонъ, кончина для мудрыхъ есть упокоеніе. И потому смерть есть сонъ, что, какъ бы изъ какого оцѣпенѣнія пробудившись отъ смерти къ воскресенію, они будутъ затѣмъ наслаждаться вѣчными благами. Но да будемъ и всѣ мы участниками (этихъ благъ), благодатію и предстательствомъ Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу во Святомъ Духѣ-Утѣшителѣ, изначала, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

НА СЛОВА:

Довлѣетъ ти благодать Моя: сила бо Моя въ немощи совершается (2 Кор. XII, 9).

1. Когда Богъ созидалъ въ началѣ этотъ прекрасный міръ, Онъ 507
творилъ чудо за чудомъ, не рабствуя закону природы, но устроя все силой Своего могущества. Такъ, *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. I 1). Видишь порядокъ и послѣдовательность? Сначала - покровъ, а потомъ уже основаніе. Онъ, именно какъ я сказалъ, не подчинялся

закону природы, на требованіямъ искусства, но (творилъ) силою Своего могущества. Созидается крыша, а основанія—нѣтъ: все держится силою Творца. Спроси еретика: скажи мнѣ, какъ явилась крыша, когда не было еще основанія? Укажи мнѣ причину, объясни способъ. Ты молчишь и прикрываешься вѣрою? Но не достойна ли осужденія такая уловка съ твоей стороны? Когда рѣчь идетъ о земномъ и мірскомъ, ты ссылаешься на вѣру, а между тѣмъ стараешься до всего допытаться и доискиваться, когда коснется дѣло божественнаго и небеснаго? *Сотвори небо и землю.* Въ качествѣ основанія сотворилъ землю, а ее въ свою очередь утвердилъ на водахъ. Видишь, что въ основаніи зданія? Сверху земля, а внизу—вода. Строители обыкновенно поступаютъ наоборотъ. Они совершаютъ закладку зданія не прежде какъ удаливъ съ мѣста закладки воду, а Богъ самое основаніе утвердилъ на водахъ, научая
508 тебя удивляться не крѣпости основанія, а могуществу Создателя. Постарайтесь же быть внимательнѣе къ моимъ словамъ: посредствомъ ихъ я хочу возбудить васъ къ любомудрію. Итакъ, когда (Богъ) творилъ этотъ прекрасный міръ, все прочее Онъ создалъ такъ, что каждое изъ Его твореній состоитъ изъ единой сущности. Если мои слова для васъ неясны, я сдѣлаю ихъ яснѣе, если вы выслушаете внимательно. Все остальное въ совокупности сотворилъ Онъ изъ одной сущности—и то, что вверху, и то, что внизу (потому что и то—міръ и это—міръ: вѣдь это два міра), но каждое изъ явленій того и другого міра—отъ одной сущности. Поясню примѣромъ: небесныя существа—всѣ безплотны, земныя—всѣ тѣлесны, небесныя—духовны, земныя—чувственны, небесныя—невидимы, земныя—видимы. Земное все тѣлесно: и небо, и солнце, и луна, и земля, и море, и деревья, и растенія, и быки, и овцы, и лошади; все видимо, все чувственно, все тѣлесно, все доступно осязанію и зрѣнію. Небесное все невидимо, духовно: ангелы, архангелы, престолы, господства, начала, власти, силы, херувимы, серафимы. Ни то невидимое, ни это не невидимое; ни то нетѣлесно, ни это не безтѣлесно, но какъ то тѣлесно, такъ это безтѣлесно: каждое
509 отъ одной сущности—и небесное и земное. И первыя изъ тѣлъ, вторыя изъ безтѣлесныхъ, одни тѣлесны, другія безтѣлесны. Одинъ только человѣкъ созданъ изъ двойной сущности, высшей и низшей, души и тѣла. Одна невидимая и мыслимая—душа, тѣло же чувственное и видимое. Итакъ, почему цѣлые два міра эти созданы каждый изъ единой сущности и нѣтъ ни вверху—тѣлъ, ни внизу—безтѣлесныхъ, и одинъ только человѣкъ по природѣ своей и тѣлесенъ и безтѣлесенъ? Узнайте причину и убѣдитесь въ мудрости Творца. Такъ какъ эти два міра по природѣ своей различны, одинъ—тѣлесный, другой—безтѣлесный, одинъ—невидимый, а другой—видимый, одинъ—духовный, небесный, а другой—чувственный, земной, то чтобы различіе произведеній не внушило мысли о различныхъ творцахъ и чтобы нельзя было сказать, что

одинъ сотворилъ небесное, а другой земное, Богъ на границахъ этихъ двухъ міровъ поставилъ двойственное животное—возвѣщать о твореніи и земныхъ и небесныхъ. Человѣкъ является существомъ двухъ міровъ: тому, что вверху, у него родственна душа, а тому, что внизу, тѣло. Онъ связываетъ собою эти два міра, служитъ какъ бы мостомъ между ними, имѣя одного общаго съ ними Творца, создавшаго и небесное и земное; какъ дѣва, душа его заключена въ его тѣлѣ. И такъ какъ природа его двойственна, то двоякаго рода и ея требованія. Внимательно слѣдите за словомъ. Есть тѣло и есть душа. Тѣлу опредѣлилъ (Творецъ) пищу, а душѣ слово, тѣло питается хлѣбомъ, а душа—ученіемъ; тѣло имѣетъ одѣяніе—платья, имѣетъ одежду и душа—добродѣтель. *Предста царица одесную тебе, въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна преиспещрена* (Пс. XLIV, 10): не о чувственныхъ, конечно, одеждахъ говоритъ здѣсь Писаніе, но объ облаченіи добродѣтелью, потому что *вся слава дщери цареви внутрь рясны златыми* (ст. 14). Итакъ, что же? Двойственenъ человѣкъ и двойственна его природа, и душа его нуждается въ разумѣ учащемъ, вразумляющемъ, побѣждающемъ страсти, исправляющемъ поврежденія. Отсюда намъ урокъ: заботиться не о чувственной только трапезѣ, но и о духовной. Имѣя это въ виду, я и приготовилъ для васъ угощеніе изъ словъ апостола Павла и приглашаю васъ воспользоваться имъ. Вотъ предъ нами этотъ дѣлатель палатокъ, учитель вселенной, страшный для демоновъ, прогоняющій недуги, подвизающійся и на небѣ и на землѣ, входящій въ рай, восходящій на третье небо, неистощимый и неудержимый въ своемъ искусствѣ и въ его примѣненіи, блистающій подвигами. Вотъ онъ предъ нами. Я не знаю мѣры въ его восхваленіи. Я любитель его красоты: она, конечно, не тѣлесная, чтобы подлежать тлѣнію, но духовная, которая никогда не увянетъ. Тѣло разрушилось, а его образъ въ сіяніи своемъ не уступаетъ и солнцу. Солнце совершаетъ теченіе по небесному кругу, а землю вмѣсто него обтекаетъ Павелъ; оно приноситъ чувственный свѣтъ, а онъ изливаетъ въ души свѣтъ; оно ночью удаляется, а онъ и ночью сіяетъ. Взялъ онъ царей—и научилъ ихъ благочестію; взялъ женщинъ и сдѣлалъ ихъ мужественнѣе мужчинъ; взялъ юношей—и воспиталъ ихъ разумнѣе старцевъ; всякое существо, всякій возрастъ исправилъ тотъ, кто владѣлъ сапожнымъ ножемъ и сшивалъ кожи: объ его ремеслѣ я никогда не забуду. Онъ—прекраснѣе невѣсты во всемъ ея блескѣ, славнѣе царей, щедрѣе богатыхъ, сильнѣе воиновъ, надежнѣе стѣнъ; языкъ его лира, онъ слаще меда, глубже моря, выше небесъ, теплѣе огня, острѣе желѣза; сосудъ божественной благодати, храмъ Божій, уста Христовы, лира Духа, наставникъ оглашенныхъ, руководитель вѣрныхъ, всюду успѣвающій, стѣна, никогда не падающая, своими посланіями онъ побѣдилъ вселенную и (древній) ковчегъ.

2. Въ самомъ дѣлѣ, какъ Ной, сколотивъ доски, построилъ ковчегъ, такъ и Павелъ своими писаніями соорудилъ ковчегъ духовный, и притомъ лучше прежняго. Въ ковчегъ Ноевъ безсловесныя вошли, безсловесными и остались, а этотъ принимаетъ безсловесныхъ и перерождаетъ ихъ. Напримѣръ: въ ковчегъ вошелъ волкъ—и вышелъ волкъ; въ ковчегъ Павловыхъ писаній входитъ волкъ, а изъ него выходитъ овца; входитъ волхвъ—и исправляется; входитъ воевода—и дѣлается лучшимъ. И тотъ ковчегъ спасъ одного только Ноя съ двумя или тремя именами, а этотъ ковчегъ въ свои сѣти уловилъ вселенную. Всюду плаваетъ онъ каждый день и доски его не разрушаются, по-
510 тому что не смолою, а Духомъ онѣ смазаны. Вышелъ (новый) Ной изъ ковчега, а онъ продолжаетъ плавать; умеръ Павелъ, а ковчегъ живъ; каждый день закидываетъ онъ сѣти и не потопляется, потому что отъ Кормчаго вселенной имѣетъ онъ благодать, которая имъ и управляетъ. Такъ вотъ каковы эти посланія, эти спасительныя доски! Обуздаемъ же теперь наконецъ свой языкъ и сосредоточимся на объясненіи одного чтенія, употребивъ на это всю бесѣду: таково вѣдь изобиліе Писаній. Сидя и слушая разсказъ Павла о томъ, какъ онъ восхищенъ былъ на третье небо и слышалъ неизреченные глаголы, которыхъ нельзя и передать человѣку, и вслѣдъ затѣмъ его слова: *и за премногая откровенія да не превозношуся, дадеся ми пакостникъ плоти, ангелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ* (2 Кор. XII, 7), я боялся, что кто-нибудь изъ слушателей, не зная смысла, въ простотѣ соблазнится, и рѣшилъ, что необходимо обратить общее вниманіе на это выраженіе и изслѣдовать его подробно. Кто не знаетъ, для того дѣло разъяснится, а кто знаетъ, для того будетъ еще вразумительнѣе и удобопонятнѣе: знающій вспомнитъ, а незнающій научится. Отъ многихъ, не знающихъ настоящаго смысла этихъ словъ апостола, я слышалъ, что, по ихъ мнѣнію, тутъ рѣчь о томъ, что апостолъ былъ преданъ во власть сатаны. Возможно ли это? Преданъ, говорятъ, апостолъ сатанѣ, чтобы поразилъ его въ голову: вотъ почему апостолъ и страдалъ головною болью. Что же это значитъ? Учитель вселенной, гражданинъ рая, корабль Христовъ, какъ я сказалъ, лира Духа, сосудъ избранія, обтекшій вселенную, исторгшій терніи грѣховъ, посѣявшій сѣмена благочестія, подвизавшійся и на землѣ и на морѣ, день и ночь пробывшій въ глубинѣ моря, увѣнчанный въ темницѣ, торжествовавшій побѣду въ судилищѣ, протекшій всю вселенную, неусыпный подвижникъ и борецъ, чьи одежды прогоняли болѣзни, чья жизнь обращала въ бѣгство смерть, онъ-то и былъ преданъ во власть сатаны? Но противъ подобнаго предположенія свидѣтельствуютъ все его поведеніе. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Среди коринеянъ появился блудникъ. Услышалъ о немъ Павелъ и—что говоритъ? *И вы разгордѣсте и не паче плакасте, да изъмется отъ среды васъ содѣявый дѣло сіе. Зане азъ, аще не у васъ сый тѣломъ,*

тужe живый духомъ, уже судихъ яко тамо сый, содѣявшаго сице сіе, о имени Господа собравшимся вамъ и моему духу, съ силою Господа Іисуса Христа, предати таковаго сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется въ день Господа Іисуса (1 Кор. v. 2—5). Теперь представь себѣ власть, съ какою дѣйствовалъ Павелъ: блудника онъ предалъ сатанѣ, чтобы сатана поразилъ его, чтобы это наказаніе послужило ему къ очищенію грѣха. Что это такъ и случилось, объ этомъ апостолъ пишетъ во второмъ посланіи: *утвердите къ нему любовь, да не обидими будемъ отъ сатаны* (2 Кор. II, 8, 11). Ты предалъ сатанѣ— и ты же говоришь, *да не обидими будемъ отъ сатаны?* Вѣдь сатана, говоритъ, не знаетъ мѣры. Я предалъ, когда было нужно, отберу, когда найду потребнымъ; я предалъ сатанѣ какъ палачу, чтобы только исправился нашъ человѣкъ; а теперь возьмемъ его назадъ. Если оставимъ его на дальнѣйшее время, сатана повредитъ и ему и намъ чрезъ него, потому что не знаетъ сатана мѣры. Я предалъ ему грѣшника, чтобы исправить его, если же оставимъ его еще, сатана убьетъ его, какъ убилъ Іуду. Поэтому говоритъ: *утвердите къ Нему любовь, да не обидими будемъ отъ сатаны*. Какъ прекрасно сказано: теперь братъ нашъ уже не долженъ принадлежать сатанѣ, потому что очистился отъ блуда покаяніемъ; будемъ же смотрѣть, чтобы врагъ не похитилъ того, что принадлежитъ намъ. Когда онъ принадлежалъ сатанѣ, я далъ его ему, чтобы сдѣлать нашимъ то, что было его. О, мудрость Павла! При помощи волка онъ спасъ овцу! При помощи морского разбойника оказалъ помощь моряку, потерпѣвшему кораблекрушеніе; при содѣйствіи, непріятеля возвратилъ въ строй воина! Да, въ качествѣ горькаго лѣкарства я пользуюсь бичемъ діавола. Но какъ только онъ исправитъ, я у него отнимаю. Пусть онъ накажетъ блудника, чтобы тотъ почувствовалъ, что онъ сдѣлалъ. Когда же очистится грѣхъ его; когда отмоется грязь и изгладится рана,—тогда пусть покажетъ себя твердою душа его. Что касается меня, я не оставлю золото въ огнѣ, вытащу его, чтобы оно не расплавилось совсѣмъ. Дѣло мудраго—знать мѣру, насколько положить въ огонь золото и когда его вынуть оттуда. *Да не обидими будемъ отъ сатаны: не не разумѣваемъ бо умышленій его* (ст. 11). А кто знаетъ его умышленія, тотъ имѣетъ и власть держать его въ должныхъ границахъ и относительно времени и относительно мѣры, во время похищая отъ него его жертву и въ мѣру передавая ему грѣшника во изможденіе плоти. Неутолимъ этотъ звѣрь и никогда не насытится нашей плотью; вотъ почему и сказано: *во изможденіе плоти*, чтобы не убилъ его совсѣмъ, чтобы не коснулся его души. Такъ именно говоритъ Богъ объ Іовѣ: иди, порази плоть его, но души его не касайся (Іовъ, II, 6),—чѣмъ и указывается граница діаволу. Такъ и этотъ рабъ Божій, подражая Владыкѣ, силою Божіей положилъ сатанѣ запрещеніе, которое тотъ не

осмѣлился нарушить. А, конечно, нарушилъ бы, если бы могъ одолѣть Павла. Нѣчто подобное хотѣлъ устроить діаволъ, когда Павелъ былъ въ темницѣ. Когда темница поколебалась и оковы узниковъ распались, тогда сторожъ проснувшись схватилъ мечъ, чтобы убить себя, по внушенію діавола (Дѣян. XVI, 27). Воспользовавшись тѣмъ, что пастухъ былъ внутри и не могъ защитить овцу, волкъ хотѣлъ уловить ее. Но пастухъ, хотя и былъ въ узахъ, одолѣлъ его, удержавъ сторожа восклицаніемъ: *ничтоже сотвори себѣ зла.* О, человѣколюбіе пастыря! Связанъ—и милуетъ связавшаго! Оставилъ свое и заботится объ его благѣ! *Ничтоже сотвори себѣ зла* (28)! Ты видишь открытыя двери, но я благонамѣренный обитатель: двери открыты, но я остаюсь внутри; и пока не спасу тебя, не выйду отсюда. Для того я и пришелъ сюда, чтобы, разрѣшивъ себя отъ цѣпей, тебя освободить отъ грѣховъ. Ты связалъ, я разрѣшаю. *Ничтоже сотвори себѣ зла: вси бо есмы здѣ.* Итакъ, что же? Волкъ стоялъ, готовый убить, толкая къ мечу темничнаго сторожа; пастухъ закричалъ; волкъ услышалъ и оставилъ овцу. А пастухъ взялъ то, что уже готово было сдѣлаться добычей волка. И говоритъ сторожъ: *что ми подобаетъ творити, да спасуся* (ст. 30)? Крестись во имя Христа. О, какъ легко крещеніе! Какъ несказанно человѣколюбіе! Темничнаго стража спасъ узникъ, темница сдѣлалась церковью! Когда мнѣ, говоритъ, креститься, чтобы спастись? Темница не препятствуетъ, мѣсто не затрудняетъ. Благодать не связывается мѣстомъ, не стѣсняется временемъ. Пусть же и темница будетъ церковью.

3. Нигдѣ не забывалъ своего ремесла апостолъ Христовъ, но всюду уловлялъ въ свои сѣти: и въ судѣ, и на морѣ, и на островахъ, и на сушѣ, и въ пустынѣ, и во всей вселенной. Вѣдь обыкновенный рыбакъ, если не видитъ моря, не раскидываетъ своихъ сѣтей. А этотъ былъ не чувственнымъ, но духовнымъ ловцомъ, и потому ловилъ и на суднѣ, и на горѣ, и въ источникахъ, и на дорогахъ, и въ лугахъ, и на рѣкахъ, и никакое мѣсто не препятствовало его ремеслу. Но что бы я ни говорилъ, я все клоню къ одному и тому же. Къ чему же именно? А къ тому, что имѣвшій такую власть, чтобы приказывать діаволу и показать ему границы и предписывать мѣру—какъ онъ самъ предается діаволу? Не слышалъ ты развѣ, что сказалъ Христосъ: наступайте *на змій и на скорпій и на всю силу вражію* (Лук. X, 19)? Что же послѣ этого означаютъ слова апостола: *дадеся ми пакостникъ плоти, ангелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ* (2 Кор. XII, 7)? Непониманіе многихъ мѣстъ Свящ. Писанія по большей части происходитъ оттого именно, что не знаютъ идіотизмовъ языка, ни ихъ толкованій. Выраженіе—*дѣять пакости* (κολαφίζειν = давать пощечину) нѣкоторые относятъ только къ головѣ, между тѣмъ «пакость» (κολαφισμός) означаетъ вообще озлобленіе, уничиженіе. Удручилъ его врагъ, его унизилъ: въ

этомъ смыслѣ «пакости дѣялъ», вмѣсто унизилъ; значитъ, рѣчь не только о головѣ. Самъ же онъ употребляетъ это изреченіе въ другомъ мѣстѣ въ такомъ именно смыслѣ. Какъ человѣкъ простой, онъ и обороты употребляетъ для выраженія своихъ мыслей народные. *До нынѣшняго часа и алчемъ и жаждемъ и наготуемъ и страждемъ* (1 Кор. IV, 11) и укоряемся отъ враговъ, терпимъ козни, помѣху, препятствія, обиды, т. е., удручаемся, злословимся, бичуемся, терпимъ бѣды, ввергаемся въ темницы, осуждаемся на смерть, изгоняемся, предаемся голоду. Вотъ все это озлобленіе онъ и назвалъ пакостью (пощечиною) и уничиженіемъ. Смотри, не проходи мимо безъ вниманія: именно здѣсь требуется толкованіе. Итакъ, что же? Скажемъ яснѣе. Держись толкованія, которое я далъ тебѣ, слѣди за сказаннымъ. Итакъ, пакость означаетъ всякаго рода угнетеніе, огорченіе, чѣмъ бы оно ни причинялось: темницей ли, или судебнымъ преслѣдованіемъ, голодомъ, или какимъ бы то ни было образомъ. Теперь, что же означаютъ слова: *за премногая откровенія* 512
да не превозношуся, дадся ми пакостникъ плоти, ангелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ. О семъ три краты Господа молихъ и рече ми: довлѣетъ ти благодать моя: сила бо моя въ немощи совершается (ст. 7, 8, 9)? Обрати вниманіе, кто этотъ ангелъ сатаны. Не сказалъ вѣдь: данъ мнѣ ангелъ сатана, но: ангелъ сатаны. У Священнаго Писанія есть обычай,—объ этомъ много разъ было уже говорено, но должно быть сказано и теперь: *таяже бо* говорить *мнѣ убо нелѣностно, вамъ же твердо* (Фил. III, 1). Я вѣдь учу, а не занимаюсь словоизверженіемъ, насаждаю, а не просто прохожу мимо. Я не прохожій, а сѣятель. Прохожій идетъ, чтобы совершить дорогу, а сѣятель вскапываетъ почву, потомъ раскидываетъ сѣмена, потомъ забрасываетъ ихъ землею, чтобы они были поглубже, и чтобы обнаженное сѣмя не сдѣлалось добычей птицъ небесныхъ. Итакъ, что дѣлаетъ земледѣлецъ для сѣмянъ, то самое я дѣлаю для мыслей. Какъ для сѣмянъ опасны вороны, такъ для мыслей опасны демоны и діаволы и заботы житейскія. Поэтому я и стараюсь свои наставленія внѣдрить въ ваши сердца поглубже, чтобы, выйдя отсюда, ты подъ вліяніемъ житейскихъ заботъ не уступилъ ихъ діаволу. Вѣдь что я оставлю открытымъ, то будетъ, конечно, похищено; а что закопано поглубже, то сохранится. Тутъ дѣло не во времени, а въ волѣ; не нуженъ дождь, но нужно усердіе. Выслушай же съ усердіемъ, тщательно укрой въ сердцѣ своемъ то, что будетъ сказано, и тогда никто не будетъ въ состояніи у тебя его похитить. Итакъ, какой же обычай Писанія имѣлъ я въ виду выше? Тотъ, что оно часто даетъ имена сообразно съ характеромъ и называетъ человѣка не тѣмъ именемъ, какое изначала дали ему родители, но тѣмъ, какого онъ самъ заслуживаетъ своей порочностью или добродѣтелью. Наприм., того, кто обнаруживаетъ безстыдство, оно называетъ псомъ, не въ качествѣ собственнаго имени, но для обозначенія его порока; хищника оно назы-

ваетъ волкомъ, не по имени, данному отъ родителей, но по злобѣ; и вообще тѣхъ, кто дѣлаетъ дѣла, свойственныя дурному человѣку, оно и называетъ соотвѣтственными именами. Но чтобы вы не могли упрекнуть меня въ поверхностности сужденія и чтобы подтвердить эти свои слова, я хочу представить вамъ и свидѣтелей. *Видѣніе, еже видѣ Исаія сынъ Амосовъ, на Іудею и на Іерусалимъ.* Обратите вниманіе: *на Іудею и на Іерусалимъ. Слыши небо, и внуши земле, яко Господь возглагола: сыны родихъ и возвысихъ, тіи же отвергошася мене. Позна волъ стяжавшаго, и оселъ ясли господина своего: Израиль же мене не позна, и людіе мои не разумѣша. Увы, языкъ грѣшный* (Ис. I, 1—4). Кому это говоритъ Господь? Іудеямъ. Народъ—полный грѣха. Говоритъ объ ихъ беззаконіяхъ, грѣхахъ, неисправимости, жестокости, мстительности. Сначала сказалъ: *на Іудею и на Іерусалимъ*, а ниже говоритъ: *услышите слово Господне, князи содомстіи; внемлите закону Божію, людіе гоморрстіи. Что Ми множество жертвъ вашихъ, глаголетъ Господь? Исполненъ есмь всесожженій овнихъ, и тука агнцевъ, и крове юнцовъ и козловъ не хощу* (Ис. I, 10—11). *Аще принесете Ми семидалъ, всуе: кадило, мерзость Ми есть. Новомѣсячій вашихъ и субботъ ненавидитъ душа моя* (13—14). Какія субботы ненавистны Ему? Какія новомѣсячія? Какія жертвы? Какіе быки? Какіе агнцы? Содомляне ничего этого не знали: жители Содома жили раньше Моисея. Содомляне жили до Авраама, они жили во времена Лота. Содомляне погибли, о нихъ разсказывается, что они истреблены огнемъ. Сначала сказалъ: *на Іудею и Іерусалимъ*, а потомъ перешелъ къ содомлянамъ, и тѣмъ произнесъ осужденіе. Къ кому обращены эти слова? Прослѣди его рѣчь и тебѣ будетъ ясенъ смыслъ его словъ; а если поймешь, найдешь и послѣдовательность. Не къ содомлянамъ обращается онъ съ рѣчью, но къ іудеямъ, только называя ихъ содомлянами. Такъ какъ они унаслѣдовали нрава содомлянъ, то примѣняетъ къ нимъ и имя тѣхъ. Содомляне—это тѣ, которые подражаютъ дѣламъ ихъ. Подобно этому въ другомъ случаѣ сказано: *пси нѣміи* іудеи, *не могущіи лаяти* (Ис. LVI, 10), не потому, чтобы они по природѣ были псами, но потому, что усвоили себѣ ихъ расположеніе. Іоаннъ—обитатель пустыни, возвышенная душа, неукротимый духъ, шествующій по землѣ и касающійся небеснаго свода, плодъ неплодной, разрѣшеніе нѣмоты отчей гласъ безгласнаго, вопіющій въ пустынѣ—въ утробѣ матери (утроба была пустыней, потому что она была безплодна), двойственный вѣстникъ, презирающій дѣтей,
513 попирающій все преходящее, пришелъ къ іудеямъ и говоритъ имъ: *змія, порожденія ехиднова* (Мѳ. XXIII, 33 и III, 7), не потому, что они по природѣ были змѣями, но потому, что по душѣ были коварны. Опять другой пророкъ: *кони женонеистовіи сотворишася, кійждо къ женѣ искренняго своего ржаше* (Іер. V, 8). Къ конямъ ли обращены эти слова? Конечно, нѣтъ; но къ людямъ невоздержимымъ и распутнымъ. Самъ Хри-

стосъ говорилъ іудеямъ: *вы сыны діавола есте* (Іоан. VIII, 44). Итакъ, они были дѣти діавола и природу діавола имѣли? Нѣтъ, конечно; они только подражали его нраву и тѣмъ заслужили его имя. Въ объясненіе онъ и прибавляетъ: *вы сыны діавола есте и похоти отца вашего хощете творити: той человѣкоубійца* есть *искони*. Итакъ, держитесь, какъ правила, что собаками (въ Писаніи называются) безстыдные, волками—хищники, змѣями—коварные, аспидами—обманчивые, ослами—неразумные, конями женолюбивыми—невоздержные и распутные, воронами—нечистые, содомитянами—подражатели ихъ дѣлъ и нравовъ. Конечно, не самая природа ихъ зла, но ихъ нравъ развращенъ. Замѣтьте хорошенько: имена даются сообразно съ характеромъ, названія производятся отъ расположенія. И это не въ Священномъ Писаніи только, но и въ обыденномъ употребленіи. При видѣ человѣка кроткаго, мы говоримъ: это—овца; при знакомствѣ съ безстыднымъ, мы говоримъ: это не человѣкъ, а собака; при видѣ коварства, скажемъ: этотъ человѣкъ—змѣя. Видишь, и народный обычай слѣдуетъ тому же самому правилу. Если мы видимъ человѣка, исполненнаго многихъ пороковъ, мы говоримъ: это діаволъ,—не потому, что онъ дѣйствительно діаволъ, и не потому, что у него общая съ діаволомъ природа, но сообразно съ его направленіемъ, въ силу котораго онъ подражаетъ діаволу въ его дѣлахъ, насколько это доступно человѣку. Итакъ, имена отъ характеровъ. Поэтому, когда ты слышишь слова Павла: *дадеся ми пакостникъ плоти, ангелъ сатанинъ*, разумѣй не діавола, но работающихъ діаволу — эллиновъ, іудеевъ, демоновъ, какъ напр. тогда такимъ демономъ-ангеломъ сатаны былъ для него Александръ ковачъ: *Александръ ковачъ много ми зла сотвори* (2 Тим. IV, 14). *Ангелъ сатаны*—всякій, кто дѣлаетъ дѣла діавола. Таковы были ввергнувшіе его въ темницу, таковы были бичевавшіе его. Итакъ, люди для него—ангелы сатаны, разъ они дѣлаютъ дѣла діавола, вредятъ евангелію, препятствуютъ проповѣди, бичевали его, преслѣдовали. Замѣть теперь, вся трудность устраняется.

4. Обратите вниманіе, что и тотъ, кто говоритъ это, страдалъ: и Павелъ былъ подверженъ человѣческому. Послѣ того какъ Христосъ вознесся, Онъ поручилъ апостоламъ и Свою проповѣдь и Свое дѣло. Христосъ вѣдь пришелъ къ намъ посредникомъ отъ Отца, посланнымъ для устроенія мира. Вѣдь у людей была война противъ Бога и Онъ послалъ посланника—не раба, а Сына. О, попечительность Посланнаго! О, человѣколюбіе Пославшаго! Когда ты слышишь о Пославшемъ и Посланномъ, имѣй въ виду не перемѣну мѣста, но снисхожденіе домостроительства, потому что хотя Онъ и былъ съ нами, но былъ и съ Отцемъ. Такъ Павелъ и говоритъ: *по Христѣ убо молимъ, яко Богу молящу нами, примиритеся съ Богомъ* (2 Кор. V, 20). Ты являешься посланникомъ вмѣсто Христа? Да. А гдѣ же самъ Посланникъ? Ушелъ. Куда ушелъ? Къ Отцу. Зачѣмъ? Вотъ изумительное дѣло! Въ человѣ-

ческихъ отношеніяхъ, когда одинъ народъ посылаетъ посольство къ другому, посланникъ по международному праву пользуется неприкосновенностью; если же съ нимъ что-либо случится, между народами возникаетъ великая война. У Бога—наоборотъ. Пришелъ отъ Отца къ людямъ Посланникъ и былъ убитъ: тогда-то миръ и состоялся. Но послы приходя приносятъ дары и получаютъ дары. Что же? Какой даръ принесъ Онъ мнѣ, даръ необычайный? Какъ Посланникъ былъ чрезвычайный, такъ и даръ чрезвычайный. Свою кровь Онъ принесъ какъ даръ, Свое тѣло Онъ принесъ въ даръ мнѣ. И что взялъ Онъ въ даръ отъ меня? Вѣру. И кто далъ мнѣ благодать ея? Я увѣровалъ, Онъ даровалъ благодать, вражда разрѣшилась. Видишь, съ какою легкостью совершилось все это? Видишь скорость примиренія? Посланникъ, когда приходитъ въ какое-нибудь государство, не вступаетъ въ разговоры на рынкѣ или съ кѣмъ-нибудь изъ бѣдняковъ, но идетъ прямо къ царю. А этотъ Посланникъ пришелъ и тотчасъ вступилъ въ бесѣду съ блудницей, разбойникомъ, волхвомъ, мытаремъ. Вотъ каково Его человѣколюбіе! Конечно, Онъ пришелъ не къ тому или другому, но ко всему роду нашему, и пришелъ,
514 облеченный въ мою одежду; если бы Онъ пришелъ неприкровенно и открыто, какъ Богъ, тогда Онъ спугнулъ бы добычу; потому-то Онъ и пришелъ къ человѣку, какъ человѣкъ. А когда пришелъ, взялъ первенцевъ нашихъ и, призвавъ апостоловъ, поручилъ имъ посольство: будьте Моими посланниками. Въ силахъ ли мы будемъ быть ими? *Пріимите Духъ Святъ* (Іоан. xx, 22). Ты былъ распятъ, а насъ что же ожидаетъ? *Пріимите Духъ Святъ*—и: *Азъ съ вами есмь* (Мѳ. xxviii, 20). Съ вами, такъ какъ Я самъ правлю посольство: вѣдь Я не оставляю васъ. Послѣ этого Онъ вознесся и поручилъ имъ посольство. И нечего этому удивляться, если даже самъ Царь-Отецъ проситъ. *По Христѣ молимъ, яко Богу молящу нами* (2 Кор. v, 20). Самъ оскорбленный проситъ. О чемъ же? *Примирится съ Богомъ*. О, человѣколюбіе! О, благость неизреченная! Итакъ, когда Онъ вознесся, Онъ поручилъ Свое служеніе апостоламъ. А положеніе дѣла было трудное, вселенная была полна терній, нечестіе царило, зло преслѣдовало, алтари пылали, тукъ оскверняль, кровь лилась, природа извращалась, муки рожденія презирались, законы и обычаи разрушались, дочерей своихъ и сыновей приносили въ жертву, и всѣ прочія празднества; хоръ риторовъ, собранія философовъ, оргіи бѣсовъ, сила діавола, и изощренные мечи, всюду стремнины, всюду утесы, господство привычки, скорби отцовъ, нечестіе и безпутство предковъ, развращенные законы царей, рабы и господа, начальники и частные люди, богачи и бѣдняки—всѣ сплелись въ нечестіи и имѣли въ своемъ распоряженіи много ухищреній. Апостоловъ же всего было двѣнадцать, или вѣрнѣе—одиннадцать, потому что одинъ изъ нихъ сдѣлался добычей врага. И вотъ Павелъ — не обладавшій силою слова, не имѣвшій въ своемъ распоряженіи ни богатства, ни

изощреннаго языка, ни великаго отечества, ни знатности рода, ни крѣпости тѣлесной, нагой, одинокій, безгласнѣе рыбы, неизвѣстный изъ неизвѣстныхъ, простецъ, неученый—обходилъ вселенную, разсѣвая всюду сѣмена благочестія, и всѣ ему противились: одинъ нападалъ и бичевалъ, другой хваталъ и влекъ въ темницу, третій хваталъ и бросалъ на сковороду, иной поносилъ, и такъ безчисленное множество враговъ. *Вънуду брани, внутрьуду боязни* (2 Кор. VII, 5). *Служителіе Христовы суть? Не въ мудрости глаголю, паче азъ. Въ трудѣхъ множае, въ ранахъ преболѣ, въ темницахъ излиха, въ смертехъ многащи: четыредесять разъ единыя пріяхъ, трищи палицами біенъ бихъ, трикраты корабль опровержеся со мною, день и нощь во глубинѣ сотворихъ, въ путныхъ шествіихъ множицею, бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды во лжебратіи, въ трудѣ и подвизѣ, во бдѣніихъ множицею, во алчбѣ и жажди, въ пощеніихъ многащи, въ зимѣ и наготѣ, кромѣ внѣшнихъ, нападеніе еже по вся дни, попеченіе всѣхъ церквей. Кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. XI, 23—29)? Братъ падалъ, онъ скорбѣлъ; врагъ злоумышлялъ, онъ страдалъ. *Вѣси сіе, яко отвратишася отъ мене вси, иже отъ Асіи* (2 Тим. I, 15). Въ другомъ мѣстѣ: *чадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Гал. IV, 19). Откуда взялъ онъ силы перенести бѣдствія и внѣшнія и внутреннія, бичи, скорби, потопленіе, бѣды, темницу, судъ, сковороды, козни? Противостать толпѣ, царямъ, домашнимъ, чужимъ, злоумышляющей лжебратіи, изнемогающимъ братіямъ, недовѣрію чужихъ, ожесточенію близкихъ? Какъ выдержало все это его тѣло? Какъ вынесла душа? Онъ носилъ узы, жилъ въ темницѣ, писалъ посланія; отсюда изгонялся, тамъ подвергался навѣтамъ. Здѣсь ангелы сатаны, тамъ ангелъ сатаны, много ангеловъ сатаны, одни (влекутъ) на судъ, другіе—въ темницу. Не хватало силъ у него,—онъ погибалъ, душа истомилась. Собакъ онъ не видѣлъ—и терпѣлъ укушенія, подвергался кознямъ отовсюду. Припадаетъ къ Богу и говоритъ ему: прошу Тебя, дай мнѣ отдохнуть немного. Какъ я снесу все это? Ангелъ сатаны нападаетъ на меня, враги, заговорщики, язычники, іудеи, лжебратія, немощные братья. Я мучаюсь муками рожденія, и не могу родить. А другіе злоумышляютъ: сегодня въ темницѣ, завтра въ морѣ, потомъ въ безднѣ, потомъ въ голодѣ, въ жаждѣ, въ наготѣ, на жаровнѣ, въ печи, въ дорогѣ. Какъ я снесу все это? У меня одна душа, 515
одно у меня тѣло. Я прошу Тебя: избавь меня, чтобы мнѣ не терпѣть пакостей! Ничего не отвѣчалъ ему Богъ. Вторично припалъ онъ къ Нему: избавь меня, прошу Тебя, дай мнѣ отдохнуть немного. Я человѣкъ и притомъ одинъ,—а Ты поручилъ мнѣ вселенную; я одинъ, и всѣ отовсюду бросаютъ въ меня стрѣлы. Итакъ, одинъ разъ умолялъ онъ Бога: прошу Тебя, избавь меня отъ пакостей; но ничего не отвѣ-

тилъ ему Богъ. Приступилъ къ Нему вторично, съ тою же просьбой, почувствовалъ уже тошноту, какъ боецъ-панкратіастъ, котораго множество противниковъ кусаетъ и бьетъ по головѣ. Не отвѣтилъ Богъ ему и на вторичную просьбу. Приступилъ къ Нему въ третій разъ,—и тогда-то наконецъ услышалъ отъ Него отвѣтъ.

Почему такая отсрочка? Чтобы ты научился не отступать послѣ первой (просьбы), чтобы ты научился, если просишь чего-либо неполезнаго и получаешь противное, не огорчаться. Ты часто просишь того, что считаешь полезнымъ, между тѣмъ какъ это не полезно. Богъ обращаетъ вниманіе не на твои слезы, но на несчастіе. Такъ и дитя часто проситъ отъ матери хлѣба, но если (оно проситъ) чего-нибудь вреднаго, чего не должно просить, то мать не даетъ ему, не обращая вниманія на его печаль, а только на пользу. Такъ и страдающій лихорадкой постоянно досаждаетъ врачу, чтобы далъ ему холоднаго, но врачъ не даетъ ему, потому что не обращаетъ вниманія на его желаніе, вредное въ его настоящемъ положеніи, но на пользу для его здоровья въ будущемъ. Такъ и Павелъ не умѣлъ просить полезнаго. Какого снисхожденія заслуживаемъ мы, если и славный апостолъ въ отчаяніи приступалъ къ Богу и говорилъ ему: дай мнѣ отдохнуть немного, избавь меня отъ бѣдствій, дай мнѣ нѣкоторую ослабу, я одинъ, а ты поручилъ мнѣ вселенную. Одинъ разъ припалъ онъ къ Богу и Тотъ ничего не отвѣтилъ ему, еще разъ просилъ, и наконецъ третій разъ сталъ просить: *о семъ трикраты Господа молихъ* (2 Кор. XII, 8). О чемъ? *Да отступитъ отъ мене* ангелъ сатанинъ — противники мои. Зачѣмъ? Чтобы безпрепятственно я могъ заниматься проповѣдью, чтобы не было у меня клеветниковъ и враговъ, чтобы не было бичей, ни бѣдъ, ни темницъ, ни суда, ни наготы. Съ этимъ и прихожу къ Тебѣ, объ этомъ прошу. Я утрудился, измученъ, страдаю, отовсюду поражаемый. Итакъ, что говоритъ ему Богъ, скажи мнѣ? Богъ не смягчился его просьбой, не далъ ему того, чего онъ просилъ, но сказалъ: *довлѣетъ ти благодать моя: сила бо моя въ немощи совершается* (ст. 9). *Довлѣетъ ти благодать моя.* Ты обращаешь вниманіе на то, что ты терпишь, а на то, что дѣлаешь, не обращаешь? Что дѣлаютъ противъ тебя враги, на это ты обращаешь вниманіе, а что Я дѣлаю для тебя, на это ты не обращаешь вниманія? Они бичуютъ тебя, а Я даю благодать. Былъ ты въ темницѣ или нѣтъ? Былъ—и просилъ Твоей помощи. Видѣлъ ты тамъ ангела сатаны или нѣтъ? Видѣлъ: онъ нападалъ на меня. Связалъ онъ тебя или нѣтъ? Что сдѣлалъ Я тогда? Не потрясъ ли Я стѣны? Не открылъ ли двери? Не разрѣ-
516 шилъ ли узы? Не привелъ ли къ тебѣ какъ плѣнника темничнаго сторожа? Чѣмъ же повредилъ тебѣ ангелъ сатаны? Не принесла ли тебѣ напротивъ пользу Моя благодать? Не сдѣлало ли это чудо тебя болѣе славнымъ? *Довлѣетъ ти благодать моя.* Ты хочешь и того и

другого? Ты не хочешь бичей? Какъ же ищешь чудесъ? Не хочешь бѣдъ, а ищешь знаменій? Когда бичуютъ, ты видишь, а когда ты воскрешаешь мертваго, не видишь? Когда были разорваны твои одежды, ты видѣлъ, а когда твое слово обратило въ бѣгство болѣзни, ты не видѣлъ? Когда ты связанный предсталъ на судъ, ты видѣлъ это, а когда Фестъ сказалъ тебѣ: *вмалѣ мя препираеши христіанина быти* (Дѣян. XXVI, 28) *)— ты этого не замѣтилъ? Ты получилъ великое оружіе—силу Духа, побѣждающую козни, прославляющую тебя. Чего еще хочешь? Чтобы тебѣ не страдать? Но въ чемъ обнаружилась бы тогда Моя сила? Обнаружилась бы, но не такъ, какъ теперь. Какъ? Со скорбью говоритъ Павелъ: увы мнѣ! Я вѣстникъ царства, ученикъ Христовъ, возвѣщаю безсмертныя дѣла—и я бичуюсь, оскорбляюсь, ведусь на судъ! Но не приходи въ уныніе отъ этого, это дѣлаетъ тебя болѣе славнымъ. Если бы не потерпѣлъ этого, не сдѣлался бы столь знаменитымъ. Былъ ты въ темницѣ. Если бы ты не былъ связанъ, но вошелъ бы просто, тебя подержали бы и отпустили; а теперь ты былъ связанъ и она связаннаго тебя разрѣшила. Ноги твои были забиты въ колодку, а благодать поколебала стѣны. Я говорю это, чтобы никто не смущался кознями противъ насъ. Мы говоримъ это не приравнивая себя Павлу (мы не столь безумны), но чтобы показать, что и смиренныхъ Богъ обрекаетъ на тоже самое. *Довлѣетъ ти благодать моя.* Не лишены ея и мы. Гдѣ же благодать? Похвалы тѣмъ больше, (что) тысячи враговъ не успѣли въ своихъ козняхъ. Еще больше ревнителей вооружилось, но имъ не удалось разлучить меня съ вами. Гдѣ благодать? Подняли противъ меня даже іудеевъ. *Довлѣетъ ти благодать моя: сила бо моя въ немощи совершается.* Никогда не чуждайся скорби; она наслѣдуется вмѣстѣ съ евангеліемъ. *Довлѣетъ ти благодать моя: сила бо въ немощи совершается.* Не ты ли бичуешься—и перерождаешь бичующихъ? Не ты ли терпишь козни—и вразумляешь злоумышляющихъ. *Сила бо моя въ немощи совершается.* Итакъ, ты желаешь (услышать) то, что услышалъ Павелъ? Достаточно будетъ этого съ тебя? Въ такомъ случаѣ я желаю быть бичуемымъ, терпѣть безчестія и оскорбленія. *Тѣмъ же благоволю въ немощехъ, въ досажденіихъ, во изгнаніихъ* (2 Кор. XII, 10). О, благопослушный рабъ! Припалъ къ Богу, желая избавиться отъ скорбей, а когда узналъ, что Владыка не только этого не желаетъ, но и желаетъ противнаго, то сказалъ: тебѣ угодно, чтобы я терпѣлъ скорби, и я этого хочу и за это благодарю. Не сказалъ просто—хочу, но—мнѣ нравится, страстно я желаю терпѣть бичеванія, изгнанія, притѣсненія. *Тѣмъ же благоволю въ немощехъ, въ досажденіихъ, въ бѣдахъ, въ изгнаніихъ, въ тѣснотахъ* (ст. 10). Для чего? *Да вселится въ мя сила Христова* (ст. 9), Ему же слава во вѣки вѣковъ. Аминъ.

*) Не Фестъ, а царь Агриппа сказалъ эти слова.

На притчу о блудномъ сынѣ.

515 1. Всегда, конечно, братіе, должны мы проповѣдывать о человѣколюбія Божіемъ (имъ вѣдь мы *живемъ и движемся и есмы*—Дѣян. XVII, 28); но въ особенности въ настоящее время обязаны мы дѣлать это, какъ по общему долгу, такъ и ради благодѣянія (Его) къ тѣмъ звѣздамъ, которыя имѣютъ взойти изъ купели (крещенія). Вѣдь и они возсіяютъ благодаря Его человѣколюбію, и мы имъ спасены и спасаемся: оно дано намъ въ качествѣ наслѣдія Создателемъ Богомъ и Отцомъ нашимъ. Скажемъ же о немъ то, что сказалъ Владыка Христосъ, человѣколюбивый
516 Сынъ человѣколюбиваго Отца, единственный достовѣрный Истолкователь Отеческаго существа. Раскроемъ всю притчу о блудномъ сынѣ, чтобы изъ нея научиться, какъ должно приближаться въ недосягаемому и какъ просить Его о прощеніи грѣховъ. *Человѣкъ нѣкій имѣлъ два сына* (Лк. XV, н). Спаситель говоритъ приточно, а не положительно. Поэтому о Своемъ Отцѣ Онъ выражается какъ о нѣкоемъ человѣкѣ, а о рабахъ говоритъ какъ о дѣтяхъ, давая тѣмъ самымъ понятіе о любви Божіей къ людямъ. *Человѣкъ нѣкій*, говоритъ, *имѣ два сына*. Кто этотъ
517 человѣкъ? *Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи* (2 Кор. I, 3). Какія же это у Него два сына? Праведники и грѣшники,—пребывающіе въ Его божественныхъ повелѣніяхъ и преступающіе заповѣди Владыки. *И рече юнѣйшій его отцу* (Лк. XV, 12). Кто этотъ „юнѣйшій" сынъ? Человѣкъ, не имѣющій устойчивости въ душѣ и колеблющійся вѣтрами юности. Природа признала Отцомъ своего Создателя, хотя воля и не воздала чести своему Творцу. *Отче, даждь ми достойную часть имѣнія*. Хорошо, что онъ попросилъ у Бога то, что Ему принадлежитъ, но худо то, что онъ растратилъ то, что получилъ. *И раздѣли имъ имѣніе* отецъ. Далъ имъ весь міръ, какъ свой домъ; далъ имъ, какъ Творецъ, всю тварь; далъ имъ вмѣстѣ съ тѣлами и души разумныя, чтобы, руководясь разумомъ, они не дѣлали ничего неразумнаго; даровалъ имъ Свой законъ, естественный и писанный, какъ божественнаго пѣстуна, чтобы воспитываемые имъ они исполняли волю Законодателя. *И не по мнозѣхъ днехъ собравъ все мній сынъ* (какъ и можно было ожидать отъ юноши) *отъиде на страну далече* (Лук. XV, 13). Оставилъ Бога, и Богъ его оставилъ, потому что Онъ не насилуетъ того, кто не хочетъ служить Ему. Вѣдь и всѣ добродѣтели—дѣло свободной воли, а не необходимости. *И ту расточи имѣніе свое живый блудно*. Тамъ онъ погубилъ все богатство души своей; тамъ, утопая въ наслажденіяхъ, онъ потерпѣлъ кораблекрушеніе; тамъ, въ быстрой смѣнѣ увеселеній, онъ сдѣлался бѣднякомъ; тамъ, покупая душепагубныя удовольствія и торгуя весельемъ, онъ нажилъ себѣ потоки слезъ; добродѣтели, какія имѣлъ онъ, утратилъ, а вмѣсто нихъ обогатился пороками, какихъ не зналъ

раньше. *Изживешу же ему все* (неестественно, въ самомъ дѣлѣ, чтобы у человѣка, проводящаго постыдную жизнь, оставалось богатство благодати), *бысть гладъ крѣпокъ на странѣ той* (ст. 14). Гдѣ не воздѣлывается хлѣбъ цѣломудрія, тамъ долженъ быть сильный голодъ; гдѣ не произрастаетъ лоза воздержанія, тамъ является голодъ; гдѣ не выжимаются грозды непорочности, тамъ свирѣпствуетъ голодъ; гдѣ нѣтъ небеснаго вина, тамъ ужасный голодъ; гдѣ обильно родится зло, тамъ совсѣмъ не родится добра; гдѣ процвѣтаютъ дурныя дѣла, тамъ совершенный недостатокъ добродѣтели; гдѣ елей человѣколюбія не источается, тамъ сильный голодъ. Тогда-то *и той начатъ лишатися*. Ничего ему не оставалось болѣе, кромѣ дѣлъ невоздержанія, послѣ того, какъ онъ передѣлалъ всѣ постыдныя дѣла. *И шедъ прилѣпися единому отъ житель тоя страны* (ст. 15). Жители же той страны, гдѣ оказался переселенецъ, были бѣсы. И *посла его* тотъ, къ кому онъ прилѣпился, *на села своя пасти свиніи*. Такъ-то почитаютъ бѣсы тѣхъ, кто служитъ имъ; такъ любятъ они тѣхъ, кто любитъ ихъ; такъ благодѣтельствуютъ своимъ приверженцамъ! *И желаше насытити чрево свое отъ рожецъ, яже ядяху свиніи* (ст. 16). Что это значитъ—*отъ рожецъ?* Рожцы—сладки на вкусъ и вмѣстѣ съ тѣмъ грубы и тяжелы. Но таковъ и грѣхъ по своей природѣ: онъ веселитъ немного, а наказываетъ много; наслажденіе доставляетъ минутное, а мученіе вѣчное. *Въ себе же пришедъ*: сравнилъ свое прежнее блаженство и послѣдующее жалкое положеніе, сообразилъ, кѣмъ онъ былъ, когда находился въ послушаніи у Бога и Отца, и кѣмъ сталъ, подчинившись демонамъ. *Въ себе же пришедъ, рече: колико наемникомъ отца моего избываютъ хлѣбы, азъ же гладомъ гиблю?* Сколько оглашаемыхъ наслаждается теперь священными писаніями, а я изнываю отъ глада божественныхъ словъ? Сколькихъ благъ лишилъ я самого себя? Сколькимъ бѣдствіямъ я себя подвергъ? Зачѣмъ оставилъ я то блаженное состояніе? Зачѣмъ бросился въ эту пагубную жизнь? Все то, что я потерпѣлъ,—урокъ мнѣ: не оставлять Бога; теперь я научился держаться Того, Кто всегда хранитъ тѣхъ, которые держатся Его; я научился не вѣрить нечистымъ демонамъ, внушающимъ всякую нечистоту и пагубу. Итакъ, что говоритъ онъ? *Воставъ иду* 518
ко отцу моему. Возвращусь добрымъ туда, откуда ушелъ на зло; вернусь къ Отцу моему, Творцу, Владыкѣ, Попечителю и Промыслителю; возвращусь къ Тому, Который давно ждетъ и готовъ принять возвращающихся къ Нему. *Воставъ иду ко отцу моему и реку ему: отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою, и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой: сотвори мя яко единаго отъ наемникъ твоихъ* (ст. 19). Для моего спасенія достаточно этихъ словъ; надежнымъ ходатайствомъ за меня послужитъ имя Отца моего: не можетъ вѣдь Отецъ мой, изъ моихъ устъ слыша это имя, не показать себя Отцемъ на дѣлѣ; не можетъ не подвигнуться сердцемъ, будучи благоутробнымъ, не можетъ, услы-

шавъ: *согрѣшихъ*, не оказать снисхожденія моему раскаянію; услышавъ мой голосъ, не можетъ Онъ не забыть Своего справедливаго гнѣва. Я знаю, какую силу имѣетъ предъ нимъ раскаяніе; знаю, что могутъ сдѣлать у Него слезы; знаю, какъ каждый грѣшникъ, припадая къ Нему съ теплыми слезами, подобно Петру, получаетъ прощеніе своихъ грѣховъ; знаю благость моего Бога; знаю кротость моего Отца. Онъ помилуетъ меня кающагося, какъ не наказалъ согрѣшившаго.

2. *И воставъ иде ко отцу своему*. За добрымъ рѣшеніемъ послѣдовало доброе дѣло. И справедливо: недостаточно стремиться къ полезному только на словахъ, необходимо и дѣломъ подтверждать свои добрыя намѣренія. Находясь еще вдали отъ Отца, но стремясь къ Нему сердцемъ, онъ то ломаетъ себѣ руки, то поражаетъ ударами свою грудь, какъ источникъ дурныхъ желаній, то лицемъ припадаетъ къ землѣ, то изъ очей проливаетъ потоки слезъ въ подкрѣпленіе своей просьбы, то изыскиваетъ оправданіе себѣ; наконецъ, сквозь слезы онъ громко взываетъ: *отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою!* Знаю, согрѣшилъ я, Христе Владыко и Господи; мои грѣхи Ты одинъ знаешь; согрѣшилъ я, помилуй меня, какъ Богъ и Владыка. Я недостоинъ очей поднять на небо и умолять Тебя, моего добраго Владыку; велика и нестерпима моя вина; нѣтъ числа моимъ грѣхамъ! Но помилуй меня, такъ какъ Ты благъ всегда. *Нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой: сотвори мя яко единаго отъ наемникъ твоихъ* (ст. 19). Такъ просящаго изъ глубины сердца увидѣлъ его Тотъ, Кто болѣзнуетъ о заблудшихъ, призираетъ согрѣшающихъ и ожидаетъ ихъ раскаянія,—увидѣлъ его Отецъ его и милосердовалъ о немъ. Конечно, Онъ былъ Отцомъ по благодати, по природѣ будучи Богомъ. *И текъ нападе на выю его и облобыза его* (ст. 20). Не дождался, когда тотъ подошелъ и сталъ умолять его, но съ готовностью устремился ему навстрѣчу. И не погнушался шеи его, оскверненной и запачканной грязью порока, но чистыми Своими руками обнявъ его, цѣловалъ безъ счету того, кого давно уже ожидалъ. О, неизреченное и безмѣрное благоутробіе! О, необычайное человѣколюбіе! О, примиреніе чудное! Тотчасъ убѣдилъ онъ Бога въ одно мгновеніе и къ слезамъ снизойти и столь великое множество (грѣховъ) побѣдить. Ты удивляешься, видя, что Богъ съ любовью принялъ грѣшника? О, какая отеческая любовь! Грѣшникъ на землѣ заплакалъ, и Единый безгрѣшный съ неба преклонился къ человѣколюбію. Кто видѣлъ когда, чтобы грѣшникъ былъ ублажаемъ Богомъ? Кто видѣлъ когда, чтобы судія услуживалъ подсудимому? Кто видѣлъ когда, чтобы обвиненный былъ ласкаемъ? А между тѣмъ Богъ призываетъ, какъ нѣкогда Израиля: *людіе мои, чимъ оскорбихъ васъ, или чимъ стужихъ вамъ* (Мих. VI, 3)? И теперь бываетъ тоже самое, и было, такъ какъ обычно быть побѣждаемымъ самимъ Собой Отцу щедротъ и Богу всякія утѣхи. Но этотъ блудный сынъ не удовлетворился такой встрѣчей со

стороны Отца, но и въ добрыхъ (дѣлахъ) покаянія будучи блуднымъ, при множествѣ грѣховъ своихъ не считалъ такое человѣколюбіе достаточнымъ для спасенія; поэтому, что именно придумалъ онъ сказать Отцу, то при встрѣчѣ съ нимъ и выразилъ приличнымъ образомъ: Отче! Если 519
только позволительно мнѣ называть тебя Отцомъ, если, называя Тебя Отцомъ, я тѣмъ не увеличиваю своей вины предъ Тобой, если не оскорбляю этимъ зовомъ имени недосягаемаго, если не замыкаетъ устъ моихъ совѣсть, если не связываетъ языка тяжесть моихъ грѣховъ, если не воспрепятствуетъ мнѣ моя прежняя жизнь: прими, Отче святый, изъ нечистыхъ устъ нечистую мольбу! Отче по благодати и Создатель по природѣ, *согрѣшихъ на небо и предъ тобою и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой* (ст. 21)! Согрѣшилъ я, исповѣдаю прегрѣшенія мои, не скрываю того, что ты видишь, не отрицаюсь того, что ты знаешь; какъ подсудимый я предстою Тебѣ, какъ беззаконникъ самъ себя осуждаю; но Ты, какъ Судія, помилуй меня. *Согрѣшихъ на небо и предъ тобою*! Боюсь поднять къ небу глаза свои, боюсь самаго вида тверди небесной, какъ голоса обвинителя, боюсь обратить взоры къ сіянію Божества, имѣя нечистыя очи сердца. *Согрѣшихъ на небо и предъ тобою, и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой*. Вотъ я самъ предаю себя, самъ осуждаю себя, самъ произношу надъ собою приговоръ. Нѣтъ нужды ни въ судѣ для постановки приговора, ни въ свидѣтеляхъ для улики, ни въ обвинителяхъ для обличенія. Внутри себя имѣю возсѣдающую совѣсть, неумолимаго судію въ душѣ ношу, страшное судилище; въ совѣсти ношу свидѣтелей, въ очахъ моихъ обвинителя; зрѣлища меня обвиняютъ, конскія ристалища вопіютъ противъ меня, поиски охотниковъ за дикими звѣрями взываютъ противъ меня. Распутство торжествуетъ надо мной, мои дѣла увѣковѣчены какъ бы на позорномъ столбѣ, моя настоящая нагота обличаетъ меня, самыя рубища, въ которыя я облеченъ теперь, посрамляютъ меня и я уже недостоинъ называться сыномъ Твоимъ, *сотвори мя, яко единаго отъ наемникъ твоихъ*. Не прогоняй меня изъ Твоего дома, Господи, чтобы опять врагъ, найдя меня заблудившимся, не увлекъ къ себѣ какъ военноплѣннаго, но и не привлекай меня близко къ страшной Твоей и таинственной трапезѣ, потому что я не дерзаю нечистыми глазами смотрѣть на святая святыхъ. Оставь меня съ оглашаемыми въ притворѣ церкви, чтобы, созерцая совершающіяся въ ней таинства, я возжелалъ понемногу опять получить ихъ; чтобы, подхваченный волнами божественными, я омылъ позоръ постыдныхъ пѣсенъ, стеръ эту грязь, лежащую на моемъ слухѣ, чтобы, созерцая Твои сокровища, похищаемыя благочестивыми мужами, я и самъ пожелалъ имѣть руки, достойныя принять ихъ. Когда такія просьбы излилъ блудный и такъ со слезами умолялъ, *рече отецъ къ рабамъ своимъ*. Къ какимъ рабамъ? Слушай: къ іереямъ и служителямъ Его повелѣній. *Изнесите одежду первую и облеците его* (ст. 22). Принесите одежду, истканную свыше, обновленную ду-

ховнымъ огнемъ, принесите одежду, которая ткется въ водахъ купели. Принесите одежду, приготовленную изъ духовнаго огня, и одѣньте его. Одѣньте его, который самъ себя раздѣлъ, одѣньте новаго Адама, котораго обнажилъ діаволъ, одѣньте царя созданія; украсьте того, ради котораго Я украсилъ міръ. Украсьте дорогіе для Меня члены Моего сына. Мнѣ невыносимо видѣть его лишеннымъ благообразія, нестерпимо оставить Мой образъ обнаженнымъ; позоръ Моего сына я считаю позоромъ Себѣ; Мою честь полагаю въ его чести.

3. *Дадите перстень на руку его*, чтобы онъ носилъ залогъ Духа и нося его былъ хранимъ Духомъ, чтобы, имѣя Мою печать, онъ былъ страшенъ всѣмъ врагамъ и противникамъ, чтобы издалека было видно, какого отца онъ сынъ. *Дадите и сапоги на нозѣ* его, чтобы опять змѣй не нашелъ обнаженной пяту его и не уязвилъ его своимъ жаломъ, но чтобы лучше онъ попралъ главу змѣя, уничтожилъ жало врага и въ безопасности шествовалъ по пути Божію. *И приведше телецъ упитанный заколите* (ст. 23). Какого тельца Онъ называетъ упи-
520 таннымъ? Какого? Котораго телица Марія Дѣва родила. Принесите тельца неукрощеннаго, не подъявшаго ярма грѣха, дѣвственнаго и отъ Дѣвы (рожденнаго), слѣдующаго за тѣми, кто слѣдуетъ за Нимъ, не по принужденію, но добровольно; не прибѣгающаго ни къ силѣ, ни къ рогамъ, но съ готовностью склоняющаго Свою шею желающимъ заклать Его. Итакъ, заколите Того, Кто добровольно закалается; заколите Того, Кто животворитъ закалающихъ; заколите закалаемаго и не умирающаго, заколите Того, Кто разнимается на части, и разнимающихъ Его освящаетъ; заколите вкушаемаго знающими Его и никогда не истребляемаго; заколите Того, Кто вкушающихъ Его дѣлаетъ блаженными. И вкусивъ Его, всѣ будемъ радоваться, *яко сынъ мой сей мертвъ бѣ и оживе, и изгиблъ и обрѣтеся. И начаша веселитися* (ст. 24). Вамъ знакома эта духовная радость, вы вкусили ея и помните, какъ во время страшныхъ тайнъ служители божественнаго священнодѣйствія, подражая крыльямъ ангеловъ узкими кусками полотна, лежащими на лѣвомъ плечѣ, обходятъ и взываютъ: „да никто отъ оглашенныхъ“, да никто изъ не ядущихъ, да никто изъ соглядатаевъ, да никто изъ немогущихъ видѣть вкушаемаго Агнца, да никто изъ немогущихъ созерцать небесную кровь, изливаемую во оставленіе грѣховъ, да никто недостойный живой жертвы, да никто нечистый, да никто немогущій нечистыми устами прикоснуться страшныхъ тайнъ (не смѣетъ приступить сюда). Потомъ присоединяются и голоса ангеловъ съ неба, говорящихъ: святъ Отецъ, давшій въ жертву Тельца упитаннаго, не познавшаго грѣха, какъ говоритъ пророкъ Исаія: *иже беззаконія не сотвори, ниже обрѣтеся лесть въ устѣхъ его* (LIII, 9); святъ Сынъ, Агнецъ, всегда приносимый въ жертву волею и всегда живой; святъ Утѣшитель, Духъ Святый, совершающій жертву. Когда все это совершалось,

старшій сынъ, возвратившись изъ отлучки, услышалъ пѣніе и лики, и
подозвавъ одного изъ рабовъ, спрашивалъ его, что такое происходитъ,
какой шумъ оглашаетъ мои уши. Онъ говоритъ, а Давидъ пророкъ
внутри дома воспѣваетъ: *тогда вознесутъ на алтарь твой тельцы* (Пс.
L, 21). Онъ же опять предлагаетъ присутствующимъ угощеніе и говоритъ:
вкусите и видите, яко благъ Господь (XXXIII, 9). Тамъ же и Павелъ,
изъяснитель божественныхъ тайнъ, взываетъ и говоритъ: *Пасха
наша за ны пожренъ бысть Христосъ* (1 Кор. V, 7). Радостію торжествуетъ
Церковь и ликуетъ. А онъ говоритъ рабу: да, пока я былъ
внѣ дома, другіе въ мое отсутствіе раздѣляютъ мои таинства въ моемъ
домѣ. Да, отвѣчаетъ тотъ, пришелъ братъ твой и отецъ твой закололъ
тельца упитаннаго, радуясь, что онъ возвратился живымъ и здоровымъ.
Разгнѣвался тогда праведникъ и не пожелалъ войти. Разгнѣвался праведникъ
и впалъ въ рабство зависти; поправъ удовольствія жизни,
онъ самъ былъ охваченъ завистью. Но какъ же говоритъ Павелъ: *молилбыхся
самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродникъхъ
моихъ по плоти* (Римл. IX, 3)? Не съ тою, конечно, цѣлью,
чтобы представить праведника завистливымъ, употребилъ Спаситель
такой оборотъ рѣчи, но чтобы возвѣстить чрезмѣрное богатство милости
Отца Своего. Это ясно обнаруживается изъ дальнѣйшаго. *Отецъ же
его изшедъ моляше его* (ст. 28). О, неизреченная мудрость! О, боголюбезный
промыслъ! и грѣшника помиловалъ, и праведника ублажилъ; и стоявшему
не позволилъ пасть, и падшаго возбудилъ, и бѣдняка обогатилъ,
и богатому не допустилъ отъ зависти впасть въ бѣдность. *Онъ
же отвѣщавъ рече отцу: се толико работаю тебѣ, и николиже заповѣди
твоя преступихъ, и мнѣ николиже далъ еси козляте, да со други
своими возвеселился быхъ* (ст. 29); я хожу въ милотяхъ, козьихъ кожахъ,
терпя лишенія, скорби, озлобленія (Евр. XI, 37). Когда же пришелъ
этотъ сынъ твой, презрѣвшій тебя и прожившій твое имѣніе съ
блудниками, ты тотчасъ закололъ для него упитаннаго тельца, и ни
словомъ не упрекнулъ его, ни видомъ не показавъ ему своего неудо- 521
вольствія; ты тотчасъ принялъ его гостепріимно: украсилъ всего твоею
одеждою, облисталъ золотымъ перстнемъ, укрѣпилъ сапогами, ввелъ его
въ домъ свой, и устроилъ для него трапезу, и чаши наполнилъ, и
тельца упитаннаго закололъ, и вѣрныхъ созвалъ на пиръ, и ангеловъ
заставилъ ликовать, и устроилъ странное сопиршество неба и земли.
И такіе дары ты расточаешь тому, кто презрѣлъ Твою доброту и обезчестилъ
Твое святое имя. Что сказать о глубинѣ и бездне Твоихъ щедротъ?
Какъ удивляться морю Твоего благодушія? Ты милуешь, Господи,
всѣхъ, потому что все можешь и пренебрегаешь грѣхи людей
ради ихъ покаянія. Отецъ же его *рече ему: чадо, ты всегда со мною
еси* (ст. 31). Ты никогда не отлучался отъ Моихъ нѣдръ, ты не покидалъ
Моей Церкви, ты всегда внималъ псалмамъ и гимнамъ, ты не-

различно пребываешь съ ангелами, ты предстоишь жертвеннику и съ дерзновеніемъ взываешь: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя твое* (Мѳ. VI, 9). А твой братъ пришелъ ко Мнѣ осужденный, пристыженный, съ лицомъ, поникшимъ къ землѣ, и сокрушеннымъ и печальнымъ голосомъ взывалъ: *Отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой: сотвори мя яко единаго отъ наемникъ твоихъ!* Что Я могъ сдѣлать въ отвѣтъ на эти слова? Могъ ли Я не помиловать Моего сына, пришедшаго ко Мнѣ? Осуждай Меня, если гнѣваешься. Я же, будучи человѣколюбивъ, не могъ допустить, чтобы сдѣлано было что-либо безчеловѣчное. Не могу не помиловать Я того, кому далъ жизнь, не могу не пожалѣть того, кого породилъ изъ своихъ нѣдръ. *Чадо, ты всегда со мною еси, и вся моя твоя суть* (ст. 31). Небо—твое, твердь—твоя, солнце—твой факелоносецъ, луна—твоя приспѣшница, звѣзды—твои свѣчи, воздухъ—твой питатель и все, что въ немъ, твое, земля и все, что на ней, твое, море и все, что въ немъ, твое, вселенная—твоя, Церковь—твоя, жертвенникъ—твой, телецъ упитанный—твой, жертва—твоя, ангелы—твои, апостолы—твои, мученики—твои, настоящее—твое, будущее—твое, воскресеніе—твое, безсмертіе—твое, нетлѣніе—твое, царство небесное—твое, все видимое и умопостигаемое—все твое. Я ничего не отнялъ у тебя, чтобы отдать ему; не раздѣлъ тебя, чтобы одѣть его. Не своимъ ли добромъ я былъ щедръ для него? Не одинаково ли Я отецъ и твой и его? И тебя почитаю за добродѣтель, и его милую за прекрасное возвращеніе; и тебя
522 люблю за твою жизнь, и его за исправленіе; и тебя милую за поведеніе, и его за раскаяніе; и тебя за твое терпѣніе, и его за возвращеніе ко мнѣ. *Возвеселитижеся и возрадоватися подобаше, яко братъ твой сей мертвъ бѣ и оживе, и изгиблъ бѣ и обрѣтеся* (ст. 32). Кто, видя мертваго воскресшимъ, не обрадуется, и кто, найдя то, что потерялъ, не будетъ торжествовать. Поди и ты, сынъ мой, возвеселись съ нами, и возликуй съ ангелами и обними со мной брата твоего и воспой вмѣстѣ съ Давидомъ эту духовную пѣснь, приличную настоящему торжеству: *блажени ихже оставишася беззаконія и ихже прикрышася грѣси. Блаженъ мужъ, емуже не вмѣнитъ Господь грѣха* (Пс. XXXI, 1—2). Вы слышали божественную притчу, узнали ея смыслъ и видѣли ея значеніе. Поняли, насколько человѣколюбивъ Господь вашъ, насколько Онъ незлобивъ. Итакъ, прибѣгнемъ къ Нему съ чистымъ сердцемъ, воспоемъ Ему единогласно: Владыко, Господи Человѣколюбче, Единородный Сыне Божій, согрѣшили мы на небо и предъ Тобою, уже не достойны называться сынами Твоими, но уповаемъ на Твои щедроты, имѣемъ залогомъ Твоего человѣколюбія Твой честный крестъ, который Ты претерпѣлъ ради насъ, имѣемъ посредниковъ Твоего благоутробія, прежнюю блудницу и бывшаго разбойника. Чрезъ нихъ и мы и всѣ грѣшники поспѣшимъ прибѣгнуть къ Твоему человѣколюбію. Какъ ихъ

Ты сдѣлалъ славными и блаженными, Господи, такъ и насъ припадающихъ къ Тебѣ помилуй. Какъ мертвыхъ Ты воскресилъ, будучи распятъ на крестѣ, такъ и насъ умерщвленныхъ грѣхомъ воскреси по многому Твоему человѣколюбію, чтобы намъ быть вмѣстѣ съ искупленными цѣною Твоего воскресенія. Говоря это, будемъ ожидать, чтобы и намъ сказалъ Владыка нашъ Христосъ: *по вѣрѣ* вашей *буди вамъ* (Мѳ. IX, 29). А вы, имѣющіе сподобиться даровъ крещенія, отбросивши всякое чуждое помышленіе, и души ваши устремивши къ Небесному Жениху, вкусите благодать Святого Духа. *Господь близъ*, ни о чемже пецытеся (Филип. IV, 5, 6). При дверяхъ Искупитель, Врачъ близъ вѣрующихъ, врачебница открыта, лѣкарства готовы, купель всѣхъ ожидаетъ, благодась раскрылась, духовная одежда изготовляется Отцомъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ. Блаженны удостоиваемые носить эту одежду! Вамъ остается теперь затеплить свѣтильники вашей вѣры, и щедро влить елей благочестія, чтобы ночью, когда раздастся голосъ: *се Женихъ грядетъ* (Мѳ. XXV, 6), вамъ можно было выйти на встрѣчу Ему съ сіяющими свѣтильниками, ликуя и радуясь и взывая: *благословенъ грядый во имя Господне* (XXI, 9)! Ему слава и держава, нынѣ и присно и во вѣки. Аминь.

О пляскѣ Иродіады и объ отсѣченіи главы Предтечи и Крестителя Іоанна.

1. Любитель уединенія,—въ какомъ-нибудь укромномъ уголкѣ 521
лѣса, въ тѣни деревьевъ, наслаждаясь прелестной музыкой журчащаго источника и пѣніемъ сладкогласныхъ птицъ,—умиляется душою и сердцемъ и въ такомъ настроеніи производитъ на всѣхъ пріятное впечатлѣніе. Подобно этому и мы въ предшествующіе дни, призываемые кроткимъ дыханіемъ Духа, бесѣдовали съ вами о различныхъ дѣлахъ милосердія. Но теперь, когда Евангеліе только что возвѣстило намъ о безуміи Ирода и о распутствѣ женщинъ, о пиршествѣ безумныхъ мужей и о проклятой трапезѣ, о беззаконномъ дарѣ и несправедливомъ дѣлѣ, и о погребеніи честнѣйшаго тѣла, теперь я настроенъ совершенно иначе. Нѣмѣютъ уста мои, возлюбленные, когда предъ моимъ взоромъ проходятъ эти Иродовы дѣянія: языкъ не поворачивается говорить объ этихъ дѣлахъ или вѣрнѣе о ранахъ содѣявшаго такія дѣла. *Въ то время*, сказано, *услыша Иродъ четвертовластникъ слухъ Іисусовъ и рече отрокомъ своимъ: сей есть Іоаннъ, его же азъ усѣкнухъ. Сей*

воста отъ мертвыхъ и сего ради силы дѣются о немъ (Мѳ. XIV, 1, 2).
Сознается Иродъ, что онъ убилъ пророка, котораго не могъ обмануть;
сознается, что зналъ о томъ, котораго убилъ, что онъ пророкъ и мужъ праведный. Вѣдь если бы онъ тогда не зналъ этого, не сталъ бы говорить
теперь, что это Іоаннъ воскресъ изъ мертвыхъ и потому творитъ такія
чудеса. О, злая совѣсть! Въ какомъ преступленіи ты сама себя обли-
523 чаешь! О, злая совѣсть, обитающая въ грязной душѣ, при жизни
казнящая и послѣ смерти неумолимо осуждающая! И за что убилъ онъ
пророка? За то, что тотъ возвѣщалъ истину и беззаконный поступокъ
его хотѣлъ исправить посредствомъ обличенія. Тотъ, кому надлежало
быть блюстителемъ заповѣдей Божіихъ, самъ нарушалъ законы беспорядочной невоздержностью въ удовольствіяхъ. Вѣдь царь, издавая справедливые законы, самъ первый долженъ исполнять ихъ, а не попирать.
Да и какъ могъ бы онъ поддерживать добрый порядокъ среди своихъ
подданныхъ, если бы справедливыми законами не удерживалъ необузданный родъ людской какъ бы вожжами въ послушаніи? А Иродъ, царствуя не надъ народомъ, а надъ удовольствіями, или вѣрнѣе сказать —
будучи рабомъ удовольствій (*имже кто побѣжденъ бываетъ, сему и работенъ есть*—2 Петр. II, 19), не только преступалъ законъ Божій, но и дерзнулъ на
неправое убійство. И кого убилъ? Человѣка праведнаго, большій котораго не
возставалъ среди рожденныхъ женами, по свидѣтельству самого Господа,—
человѣка, обитавшаго въ пустынѣ необитаемой, безводной, безплодной,
недоступной, гдѣ не было ни деревца, ни былинки, ни цвѣточка. Обиталъ въ пустынѣ Іоаннъ, не убѣгая отъ соплеменныхъ и родственныхъ
людей, но избѣгая видѣть и слышать о скверныхъ дѣлахъ человѣческихъ.
Онъ ни сѣялъ, ни жалъ; у него не было ни хлѣба, ни вина, ни трапезы, ни ложа, доставляющаго людямъ столько удовольствій, ни
мягкихъ пуховыхъ перинъ, разслабляющихъ и изнѣживающихъ тѣлеса женоподобныхъ мужчинъ; не имѣлъ онъ ни свѣчи, ни подсвѣчника, ни стола, ни подножной скамейки, ни чаши, ни блюда. Однимъ
словомъ, удалившись отъ жизни мірской, онъ ничѣмъ мірскимъ не
пользовался. Обиталъ онъ не подъ кровомъ дома съ золоченнымъ
потолкомъ, но подъ кровомъ скалъ, нетронутыхъ человѣческой рукой.
И столомъ, и подножіемъ, и ложемъ для него была земля; мясо
ему замѣняли акриды, а пирожное—дикій медъ; чашей у него служила
горсть собственной руки, а вмѣсто вина онъ пилъ чистѣйшую ключевую воду. Такого-то человѣка схватилъ Иродъ и держалъ въ узахъ:
*Иродъ бо емъ Іоанна, связа его и всади въ темницу, Иродіады ради
жены Филиппа брата своего* (Мѳ. XIV, 3). О, неестественное дѣло!
Іоаннъ его душу, связанную узами грѣха, хотѣлъ разрѣшить обличеніемъ, а онъ наложилъ узы на своего разрѣшителя! Но и въ узахъ
Іоаннъ вѣщалъ, и содержимый подъ стражей обличалъ. *Глаголахъ предъ
цари и не стыдяхся* (Пс. CXVIII, 46). Смерти Іоаннъ не боялся, а

боялся молчать объ истинѣ. Его-то убилъ Иродъ, и, убивъ, совершилъ убійство не одно, но многія. Умертвивъ учителя и исцѣлителя душъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ умертвилъ и всѣхъ тѣхъ, кого тотъ при жизни могъ бы оживить своимъ словомъ. И когда онъ убилъ его? Стыдно сказать, не для говорящаго стыдно, а для сдѣлавшаго убійство. Когда праздновался день рожденія Ирода, дочь Иродіады плясала предъ пирующими и угодила ему, до такой степени, что онъ съ клятвой обѣщалъ ей дать все, чего бы она ни попросила. А та, по наущенію матери своей, сказала: *даждь ми на блюдѣ главу Іоанна.* О, злое празднество, дышущее убійствомъ пророка! О, если бы за той трапезой угощались люди праведные! Общеніе съ ними послужило бы на пользу и развращенной душѣ Ирода: можетъ онъ и исправился бы. *Съ преподобнымъ преподобенъ будеши*—сказано—*и со строптивымъ развратишися* (Пс. xvиі, 26, 27). Но онъ вмѣсто того, чтобы имѣть попеченіе о вдовицахъ и состраданіе къ сирымъ, чтобы при помощи ихъ усердныхъ и неотступныхъ молитвъ предъ Богомъ сохранить свою жизнь непоколебимою, благодушествовалъ съ распутными людьми и безчестными женщинами, и въ позорномъ обществѣ, отягощенный обильной выпивкой и обольщенный невоздержными женщинами, отнялъ жизнь у Іоанна. Предтечу дня, чудный свѣтильникъ, лампаду вѣры, свѣтильникъ всего міра—Іоанна онъ посягнулъ уничтожить убійствомъ. И вѣдь, разрушивъ этотъ свѣтильникъ, Иродъ только самого себя погрузилъ во тьму. Конечно, внѣшнюю его—скудельную—оболочку онъ уничтожилъ, но душа Іоаннова продолжала свѣтить и отъ нея возсіяла вѣсть вѣры находящимся во адѣ. (Еще при жизни своей), какъ пророкъ, зная, что ему должно предупредить Господа своего во адѣ, Іоаннъ посылаетъ къ Нему нѣкоторыхъ изъ учениковъ своихъ съ вопросомъ: *Ты ли еси грядый или иного чаемъ* (Мѳ. xi, 3)? Не незнаніемъ вызванъ этотъ во- 524
просъ. Какъ могъ онъ не знать Господа, когда, указывая на Него, сказалъ: *се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. і, 29)? Какъ могъ не знать Господа онъ—зритель нисхожденія Духа съ небесъ и слышатель гласа Отчаго о Немъ, говорящаго: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ* (Мѳ. ііі, 17)? Что же означаетъ въ такомъ случаѣ его вопросъ: *Ты ли еси грядый или иного чаемъ* (Мѳ. XI, 3)? Не сказалъ: Ты ли тотъ, кто придетъ?—потому что на землю уже Онъ пришелъ, но спрашивалъ: *Ты ли еси грядый* (очевидно, рѣчь идетъ объ адѣ), или намъ ждать другого?

2. Іоаннъ могъ такъ разсуждать самъ съ собою: можетъ быть, Господь пошлетъ въ адъ вмѣсто себя ангела, облекши его силой? Или, быть можетъ, Онъ всѣхъ воскреситъ однимъ своимъ словомъ, какъ сдѣлалъ это съ Лазаремъ? Въ виду этого, не зная воли своего Владыки, онъ и посылаетъ спросить у Него: *Ты ли еси грядый или иного чаемъ* въ аду? Его-то убилъ Иродъ! И какъ убилъ? Праздновался день рожде-

нія Ирода и дочь Иродіады плясала. Самая подходящая забава для подобной трапезы! Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ сплелись другъ съ другомъ пьянство и разгулъ, тамъ нѣтъ ничего твердаго, но все шатается, колеблется, подобно безумію Ирода. Слушайте, любители плясовыхъ зрѣлищъ, слѣдящіе своими взорами за гибкими ногами разслабленныхъ юношей и распускающіе свои сердца вмѣстѣ съ ихъ изнѣженными тѣлами; послушайте, къ какому убійству привело это утонченное удовольствіе. Наученная матерью своею, дочь сказала: *даждь ми здѣ на блюдѣ главу Іоанна* (Мѳ. XIV, 8). О, ехидное порожденіе нечестивой львицы! Не золота она попросила, не серебра, не драгоцѣнныхъ каменей, но главу Іоанна! И если бы вѣра внушала ей эту просьбу, тогда, конечно, глава Іоанна была бы для нея драгоцѣннѣе всякаго золота и серебра и дорогихъ каменьевъ. Но она просила не по вѣрѣ, чтобы воздать ему честь, но чтобы умертвить этотъ живой укоръ, избавить мать свою отъ посрамленія, какое навлекалъ на нее ея грѣхъ. Услышавъ такую просьбу, *царь печаленъ бысть* (ст. 9). Однако, не убійство пророка смущало его, но страхъ предъ народомъ, почитавшимъ Іоанна какъ пророка. Вотъ что смущало его, а вовсе не чувство благоговѣнія: будь у него это послѣднее, онъ и раньше не посадилъ бы Іоанна въ темницу. Душа Ирода была тогда подобна судну, захваченному въ морѣ волненіемъ и колеблемому на оба борта: совершить убійство—онъ боялся народа, а не совершить—не рѣшался *клятвы ради и за возлежащихъ съ нимъ* (ст. 9). Но въ концѣ концовъ постыдная страсть къ женщинамъ взяла въ немъ верхъ и, прикрываясь святостью клятвы, какъ благовиднымъ предлогомъ, несчастный, *пославъ, усѣкну Іоанна* (ст. 10). Какое зло—клясться—вспомните теперь вы, которые всегда готовы клясться! Вспомните, что говоритъ Господь: *не клятися всяко* (Мѳ. V, 34)! Вѣдь, если бы не клялся тогда несчастный Иродъ, онъ не рѣшился бы совершить убійство. Лучше бы ему совсѣмъ не клясться, а разъ клятва была произнесена, ее слѣдовало нарушить, потому что при выборѣ изъ двухъ золъ должно было предпочесть меньшее. *Пославъ, усѣкну Іоанна.* Какая рука дерзнула, возлюбленные, поднять мечъ на святую шею Іоанна, котораго звѣри въ пустыни боялись, котораго львы трепетали, котораго змѣи и драконы и скорпіоны страшились, котораго дикія пчелы питали своими сотами, какъ человѣка святого? Съ разнообразныхъ цвѣтовъ и травъ извлекая медъ, какъ бы собирая въ пустынѣ златовидныя капли росы, онѣ приносили ему плоды трудовъ своихъ. Его-то усѣкнула рука палача, не дрогнувшая предъ его ангелоподобнымъ лицомъ, не устыдившаяся лица, на которомъ отражалось божественное сіяніе. Остается думать, что у посланнаго Databaseомъ палача помутилось въ головѣ отъ выпитаго на пиру вина, и онъ, держа мечъ въ рукахъ, ничего не видѣлъ глазами. Усѣкнута была глава Іоанна (не источившая крови, потому что онъ никогда не пилъ

вина) и принесена была на блюдѣ на пиръ,—и тутъ она взывала къ Ироду: *не достоитъ ти имѣти жены брата своего* (XIV, 4—3)! Вѣдь и послѣ смерти праведникъ жилъ, и голосъ его звучалъ, когда уже глава его была отсѣчена. О, жестокость человѣка. На чемъ ѣлъ мясо, на томъ самомъ блюдѣ положилъ главу человѣка. О, беззаконный тиранъ! Мало тебѣ было истребленія младенцевъ, произведеннаго тѣмъ преж- 525
нимъ Иродомъ въ Виѳлеемѣ, когда вопли отцовъ и матерей, сливаясь вмѣстѣ, казались острѣе ножей, когда потоки слезъ, изливаемые очами, были обильнѣе источниковъ, когда отцы поражали себя въ грудь, когда отъ скорби захватывало у всѣхъ дыханіе, матери оплакивали безвременную гибель своихъ младенцевъ, этихъ нѣжныхъ побѣговъ ихъ собственныхъ чреслъ, когда у матерей молоко, переполняя сосцы, изливалось на землю, и убѣляло ее, такъ какъ питавшіеся имъ младенцы неожиданно были истреблены, когда дѣти вырываясь изъ объятій отцевъ и сосцы матерей тщетно жаждали нѣжнаго щекотанія отъ младенческихъ зубковъ. Какой звѣрь тогда не прослезился бы при видѣ избиваемыхъ несправедливо невинныхъ младенцевъ, души которыхъ чужды были всякаго коварства, которыхъ душевное незлобіе вполнѣ соотвѣтствовало нѣжности ихъ членовъ, свойственной младенцамъ? Развѣ обличали твоего предшественника Ирода тѣ невинныя дѣти, которыя еще не владѣли своимъ языкомъ и не имѣли еще зубовъ во рту,
чтобы изъ ихъ устъ можно было опасаться словъ обличенія? Такъ 526
нѣтъ, мало показалось тѣхъ младенцевъ: такова свирѣпость Ирода! И вотъ теперь ты, состязаясь съ тѣмъ Иродомъ въ безчеловѣчности, усѣкнулъ Іоанна, котораго и одного волоса ты не былъ достоинъ. Тотъ истребилъ дѣтей Рахили, а ты усѣкнулъ Іоанна, наставника церкви. Къ кому изъ нихъ Мнѣ быть милостивѣе?—говоритъ Господь. О, городъ кровей, въ которомъ царствовалъ Иродъ и соименный ему потомокъ, подобный ему и нравомъ. Увы, тѣ, которые должны бы быть блюстителями порядка, они-то и являются вождями безпорядковъ! По ихъ слѣдамъ, пользуясь ихъ уроками, дошли іудеи до христоубійства: Исаію распилили, Іеремію убили, Навуѳея побили камнями, Захарію умертвили, Христа распяли. Но оставимъ ихъ оплакивать совершенное ими зло, и поспѣшимъ къ святому сіянію таинства во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

НА СЛОВА:

собраша іудеи [1]) сонмъ и глаголаху: что сотворимъ (Іоан. XI, 47)?

Во святый и великій вторникъ.

525 Груднымъ младенцамъ подобны возлюбленныя чада Церкви, младенцамъ, которые каждый день питаются отъ материнской груди и каждый день не перестаютъ стремиться къ ней. А насъ самихъ мы можемъ сравнить съ бѣдною матерью, у которой отъ истощенія голодомъ пропало молоко. И какъ бываетъ, что любящая мать, не имѣя молока, но тронутая плачемъ своего ребенка, даетъ ему свою грудь, не съ тѣмъ, чтобы накормить ребенка, но только чтобы успокоить его, такъ и мы, какъ видите, то же самое испытываемъ и подобнымъ образомъ поступаемъ. Вѣдь и мы, видя это новое для насъ собраніе чадъ Церкви, окружающихъ насъ и ожидающихъ отъ насъ словеснаго молока, простираемъ къ нимъ свое слово — не съ тѣмъ, чтобы напитать ихъ (вѣдь мы бѣдны и неискусны въ словѣ), но чтобы утолить ихъ пылъ и жажду. Идите же, возлюбленные, послушаемъ вѣстника Солнца, чтобы видѣть, какую лукавую засаду устроили для Господа іудеи. *Собраша*, говоритъ, іудеи *сонмъ и глаголаху: что сотворимъ?* Объ этомъ вѣщалъ намъ сейчасъ евангелистъ Іоаннъ. Хотя и не усты къ устамъ бесѣдуетъ онъ теперь съ нами, но тѣмъ не менѣе духомъ онъ говорилъ во уши предстоящихъ. *Собраша*, говоритъ онъ, *сонмъ и глаголаху: что сотворимъ?* Хорошо это—*собраша*, но худо—*сонмъ*: не на любовь, а на распрю, не къ миру призывая, но къ враждѣ возбуждая (собрались они). Собрали сонмъ не для того, чтобы прославить Бога, но чтобы обезчестить Христа. Собрали сонмъ не съ тѣмъ, чтобы утвердить вѣру, но чтобы камень краеугольный отвергнуть. Собрали сонмъ не для того, чтобы заблудшихъ овецъ собрать въ ограду, но чтобы поразить Пастыря и разсѣять овецъ паствы Его. Собрали сонмъ не съ тѣмъ, чтобы съ вѣрою принять бѣлоснѣжный жемчугъ, но чтобы свѣтозарный камень скрыть, какъ они разсчитывали, во тьмѣ своего невѣрія. Собрали сонмъ не для того, чтобы скрытое въ полѣ сокровище
526 благоразумно извлечь, но чтобы храмъ Божій неразумно разрушить. Собрали сонмъ не съ тѣмъ, чтобы собрать сладкія кисти винограда, но чтобы вознести на древо крестное Истинную Лозу, самимъ себѣ приготовить гибель, а намъ спасеніе. О, сонмъ, діаволомъ собранный

[1]) Въ слав.: архіерее и фарисее.

противъ Христа! О, совѣщаніе, исполненное злобы! О, собраніе—скорѣе волковъ кровожадныхъ, чѣмъ людей богоносныхъ! Да что я говорю—лютыхъ волковъ? Они хуже свирѣпыхъ львовъ! Вѣдь львы, не видя отъ Даніила никакого знаменія, но принимая его какъ обыкновеннаго человѣка, воздали ему почтеніе и сомкнули предъ нимъ уста свои. А іудеи, бывшіе очевидцами такихъ и стольких знаменій, тѣмъ съ большей завистью стремились къ убійству и говорили: *что сотворимъ?* О, разсужденія, внушенныя злобой! О, стенаніе и вопль, порожденные завистью! О, плачъ и рыданія надъ злымъ замысломъ! Сама Рахиль, оплакивавшая чадъ своихъ, такъ не стенала. *Что сотворимъ?* Имъ бы нужно было радоваться о несчастныхъ, установить всенародный праздникъ по поводу того, что мертвые воскресаютъ, жизнь торжествуетъ, смерть разрушается, діаволъ посрамляется, полчище демоновъ разсѣевается, человѣчество освобождается, воскресеніе мертвыхъ всѣмъ возвѣщается. А ихъ — наоборотъ — такія блага не радуютъ, но опечаливаютъ, и Виновника всѣхъ этихъ благъ они совѣщаются убить. И что говорятъ? *Что сотворимъ?* Обратимся съ покаяніемъ и, припадши къ Нему, увѣруемъ—вотъ единственное, что могли бы они сказать. Что иное, въ самомъ дѣлѣ, могли бы они сказать, какъ не это? *Что сотворимъ*—послѣ того, какъ нарушили заповѣдь Божію, не сохранили законъ Божій, данный намъ и гласящій: *пророка отъ братіи вашей, якоже мене, возставитъ вамъ Господь Богъ: того послушайте* (Второзак. XVIII, 15) во всемъ, что онъ заповѣдуетъ вамъ? Но не покаяніе они разумѣли, когда говорили: *что сотворимъ?* Нѣтъ, совсѣмъ другое. *Что сотворимъ?* Какъ умертвимъ этого Праведника? Помрачился разумъ твой, Израиль! 527
Развѣ не слышалъ ты заповѣди: *неповинна и праведна да не убіеши* (Исх. XXIII, 7; Дан. XIII, 53)? Или недостаточно тебѣ было уже пролитой крови пророковъ? Вѣдь до нынѣшняго дня вопіетъ она къ Богу, ожидая отъ Него возмездія. Но, чтобы превзойти все сдѣланное, ты готовишься пролить святую и невинную кровь и говоришь: *что сотворимъ?* О, безумная мысль и совѣтъ безразсудный! Четверодневный (мертвецъ) у нихъ ожилъ, узы грѣховъ расторгнуты, а они замышляютъ противъ Него коварство! Совсѣмъ не то слѣдовало бы сказать имъ: что намъ дѣлать? Мы оскорбили Святого, мы не вѣрили Сыну Божію. Что намъ дѣлать? Язвы прокаженныхъ исцѣлилъ Онъ однимъ словомъ, и мы не увѣровали въ Него. Что намъ дѣлать? Слѣпымъ отъ рожденія отверзалъ Онъ очи, и это насъ не убѣдило. Что намъ дѣлать? Мы знали, что пятью хлѣбами напиталъ Онъ въ пустынѣ пять тысячъ, и не вѣрили въ Него. Что намъ дѣлать? Разслабленнаго, лежащаго на одрѣ, въ теченіе тридцати восьми лѣтъ его жизни одержимаго болѣзнью, Своимъ словомъ Онъ поставилъ на ноги, и мы не увѣровали въ Него. Что намъ дѣлать? Мы видѣли Его ходящаго по морю, какъ по сушѣ, знали, что однимъ мановеніемъ руки утишаетъ Онъ

ужасныя волненія и порывы необузданныхъ вѣтровъ, и всетаки оставались въ своемъ невѣріи. Но они произносили эти слова: *что сотворимъ?*—вовсе не въ покаянномъ расположеніи, но изыскивая способъ совершенія злого дѣла. Земля безъ труда произвела ихъ мертвыхъ живыми, подобно спѣлымъ колосьямъ, а они стенали. Развѣ вы, іудеи, не пожали то, что посѣяли? Развѣ кто-нибудь изъ васъ, принявъ Господа, былъ отягощенъ? Чѣмъ именно вы были отягощены, будучи наказаны? Какую несправедливость потерпѣли вы отъ Бога? Почему мертвыхъ устраняете отъ жизни, смущаемые завистью? Почему вы стремитесь уничтожить неиссякающіе потоки сладкаго источника, пьющіе отъ
528 котораго не почувствовали бы болѣе жажды? Зачѣмъ немощныхъ вашихъ вы убиваете, собираясь погубить Врача ихъ? Впрочемъ, виновникомъ всего этого была злѣйшая зависть. О, зависть, родительница убійства, изобрѣтеніе діавола, виновница смерти! О, зависть, не дающая жить и тѣмъ, на кого ты нападаешь, и еще больше наказывающая тѣхъ, которыми ты овладѣваешь! О, зависть, сожительница діавола! О, зависть, врагъ дружбы, противница мира, соперница любви, порожденіе діавола, цвѣтъ мрачной бездны! Кто тобой владѣетъ, тотъ доходитъ до христоубійства. Ты и Адама въ раю изначала уязвила и вкусившаго сладкихъ удовольствій предала горьчайшей смерти: смерти вѣдь не было въ мірѣ, пока ты, зависть, ее не породила. Это засвидѣтельствовано и божественнымъ словомъ, гласящимъ: *Богъ смерти не сотвори, ни веселится о погибели живыхъ* (Прем. Сол. I, 13). *Завистію же діаволею смерть вниде въ міръ* (II, 24). Ты и Каина лишила бѣлой одежды братолюбія и вооружила его ножемъ коварства; ты научила его убійству и тотчасъ же заставила несчастнаго трястись и дрожать. Ты, вселившись въ фараона, губила новорожденныхъ дѣтей еврейскихъ безвременной смертью. О, зависть, и благодѣтельствуемая, ты еще болѣе возстаешь противъ своихъ благодѣтелей! Такъ именно Саулъ, пользуясь услугами Давида, но возбуждаемый тобою, еще болѣе вооружался на убійство. По твоему внушенію сыновья Іакова послали прекраснаго Іосифа въ головокружительный Египетъ и свободнаго продали какъ раба. Не устрашили ихъ и его сны. Между тѣмъ божественное видѣніе указывало, что онъ образъ Христа: именно одиннадцать звѣздъ кланялись ему въ видѣніи, одиннадцать, потому что предатель Іуда удавился, послуживъ зависти. А мы, избѣжавъ зависти, этой родоначальницы смерти, воскресши, будемъ прославлять Бога, въ Троицѣ поклоняемаго, потому что Ему подобаетъ держава, честь, слава и великолѣпіе нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На притчу о десяти дѣвахъ, и о милостынѣ (Мѳ. xxv, 1).

Во святую и великую среду.

1. Когда я представляю себѣ кратковременность жизни нашей и круговращеніе времени, и тяготы человѣческаго существованія, и призрачность судьбы, и мимолетность настоящаго вѣка, и превратность вещей, и скоропреходящій характеръ славы, и неустойчивость могущества, и ненадежность благоденствія, и призрачность богатства; затѣмъ, когда я воображу себѣ день конца, и неумолимую скорость развязки, и срокъ отчета, и неумытность Судіи, и ужасъ суда,—какъ Судія въ блескѣ молній является съ неба, какъ силы небесныя въ смятеніи притекаютъ, какъ приготовляется страшный престолъ, какъ небо свертывается подобно свитку книжному, какъ пламенѣютъ стихіи, въ страхѣ разрушаясь, какъ мятется земля, ожидая снисшествія Судіи, какъ ужасно звучатъ трубы, какъ открываются могилы, какъ освобождаются гробы, какъ мертвые пробуждаются отъ сна, какъ персть земная во мгновеніе ока возвращается къ своему мѣсту, какъ души возвращаются въ тѣла, какъ праведные выходятъ въ срѣтеніе, какъ Женихъ является въ глубокую полночь, какъ праведные удостоиваются входа, какъ нерадивые остаются предъ затворенной дверью брачнаго чертога: когда все это воспроизведу я въ душѣ своей, я ублажаю тѣхъ мудрыхъ дѣвъ, о которыхъ намъ только что напомнило Евангеліе. Ублажаю ихъ за то, что онѣ побороли въ себѣ склонность ко сну и, гнушаясь непостоянствомъ и страстностью этой тлѣнной жизни, достойно позаботились о нетлѣнной и божественной жизни,—что, зная неотвратимость конца временъ, онѣ устерегли часъ пришествія и не забыли страха представленія своему нетлѣнному Жениху,—что предусмотрѣли, наконецъ, ночную тьму и въ виду ея позаботились о своихъ свѣтильникахъ. Впрочемъ, ничто не препятствуетъ намъ разсмотрѣть все содержаніе сегодняшняго чтенія изъ божественнаго Евангелія. *Уподобися*, говорится, *царствіе небесное десяти дѣвамъ, яже пріемша свѣтильники своя и изыдоша во срѣтеніе Жениху* (Мѳ. xxv, 1). Когда вышли? Тогда ли, когда застигъ ихъ конецъ жизни? Когда раздалось повелѣніе? Когда наступилъ часъ смерти? Когда уже посланы были ускоряющіе конецъ ангелы, тогда ли вышли онѣ на встрѣчу Жениху? Конечно, нѣтъ. Когда же, въ такомъ случаѣ, онѣ вышли? Когда отказались отъ житейскихъ привязанностей, когда предпочли идти узкимъ и тѣснымъ путемъ, когда возлюбили добровольную строгость жизни, когда отказались отъ узъ брака, когда презрѣли удовольствія жизни, когда избрали благую часть нетлѣнія, когда

527

528

возлюбили истинную радость, когда возгнушались тины грѣха, когда облеклись въ цѣломудріе, когда возлюбили чистаго Жениха, когда возжелали красоты царства, когда отбросили всякую житейскую заботу,— вотъ когда вышли онѣ въ срѣтеніе Жениха! *Пять же бѣ отъ нихъ мудры, и пять юродивы* (ст. 2). Но чѣмъ же мудрыя отличались отъ юродивыхъ? Тѣмъ, что у нихъ съ цѣломудріемъ соединялась милостыня, дѣвство украшалось добрыми дѣлами: онѣ знали, что вѣра безъ дѣлъ мертва, онѣ понимали, что одной только добродѣтели для спасенія недостаточно, потому что однимъ крыломъ и орелъ не взлетитъ на высоту. Помнили онѣ голосъ Жениха, гласящій: *милости хощу, а не жертвы* (Ос. VI, 6), и въ другомъ мѣстѣ: *хвалится милость на судѣ* (Іак. II, 13). Хорошо сообразивши все это, онѣ наполняли сосуды свои елеемъ. Какіе сосуды? Утробы голодныхъ. Посредниками духовнаго брака онѣ сдѣлали бѣдныхъ, снарядились въ дорогу при помощи своего
529 милосердія. Голодные питались, и свѣтильники просвѣтлялись; бѣдные благодарили, и Женихъ умилялся; милостыня посѣвалась, и ожидаемая награда уготовлялась. Послѣ такого приготовленія могли взывать мудрыя словами Давида: мы приготовились, и не смутимся (Пс. CXVIII, 60)! Юродивыя же, имѣя свѣтильники безъ масла, лишились возможности встрѣтить Жениха. Вотъ что значитъ—ограничиться одною добродѣтелью! Вотъ что значитъ—усвоить себѣ непорочность, а человѣколюбіе оттолкнуть! Развѣ не достигли онѣ безстрастія по тѣлу? А состраданія къ нуждающимся не обнаружили. Развѣ не возлюбили цѣломудрія? А страннолюбіе отвергли. Итакъ, чѣмъ кончилось дѣло? *Коснящу же жениху, воздремашася вся и спаху* (ст. 5). Но однѣ, заранѣе припасши елей, твердо были увѣрены, что свѣтильники ихъ не погаснутъ, юродивыя же должны были опасаться этого. Впрочемъ, почему бы не говорить прямо? Насталъ часъ, исполнилось время, раздались громы, зазвучали трубы, стихіи дрогнули, воздухъ поколебался, небо преклонилось, твердь потряслась, звѣзды распались, силы смутились, ангелы устремились, молніи заблистали, великое смятеніе объяло всю тварь. Не днемъ вѣдь, а въ полночь Судія приходитъ. Дальше что? Раздаются клики, взывающіе на встрѣчу: *се женихъ грядетъ, исходите въ срѣтеніе его* (ст. 6)! Что же произошло? Встали всѣ дѣвы, пробудились отъ сна, взяли свѣтильники. Но у однихъ они горѣли, у другихъ нѣтъ. У мудрыхъ они были обильно снабжены елеемъ добрыхъ дѣлъ, у неразумныхъ же погасали. Жалости достойно было это дѣло. Неумолимая нужда застигла этихъ дѣвъ и въ ихъ неудачѣ не оставалось мѣста утѣшенію. Тогда, обратившись къ мудрымъ, онѣ просили у нихъ того, чего взять не могли: *дадите намъ отъ елеа вашего, яко свѣтильницы наши угасаютъ* (ст. 8). Нужно было въ свое время подражать имъ, а не просить теперь; нужно было, конечно, запастись масломъ отъ продавцовъ. *Дадите намъ*, говорятъ, *отъ елеа вашего*. Напрасно просите у

мудрыхъ, неразумныя! Теперь уже кончено житейское торжище, миновало поприще жизни. Теперь уже не время для сдѣлокъ; теперь требуется обнаруженіе дѣлъ. Нужно было предусмотрѣть заранѣе опасность настоящаго вѣка, нужно было позаботиться объ этой встрѣчѣ, нужно было помнить, что свѣтильники безъ елея свѣтить не могутъ. Вы говорите: *дадите намъ отъ елеа вашего*. Никто не украшается чужими дѣлами; каждый пожинаетъ то, что посѣялъ. Дайте намъ масла! Что же отвѣчаютъ имъ мудрыя? *Еда како не достанетъ намъ и вамъ: идите же паче къ продающимъ и купите себѣ* (ст. 9). Пока еще хотя сколько-нибудь остается времени, идите, спѣшите. Еще женихъ не пришелъ. Поспѣшите до заключенія дверей, пойдите къ торговцамъ. Но кто,—о, мудрыя,—эти торговцы? Укажите ихъ: вѣдь эти дѣвы, не имѣя привычки покупать, не знаютъ, гдѣ искать торговцевъ? Это—бѣдные, сидящіе при дверяхъ церковныхъ, духовныя ласточки, возвѣщающія для душъ духовную весну, уважаемые ходатаи предъ Богомъ, непобѣдимые защитники въ день искушенія. *Идущимъ же имъ купити елеа, пріиде женихъ, и затворены быша двери* (ст. 10). О, пагубная нерадивость! О, неисцѣльная скорбь! О, безмѣрное горе! О, жалость неутѣшная! Когда онѣ пошли покупать, въ это время пришелъ женихъ. Пришла желанная радость, пришла похвала праведныхъ, пришелъ свѣтъ въ полночь. Встрѣтили его разумныя дѣвы, вмѣстѣ съ нимъ вошли въ чертогъ и двери чертога затворились.

2. Я ужасаюсь, когда представляю себѣ происшедшее, трепещу, вспоминая постигшую этихъ дѣвъ неудачу. Онѣ желали видѣть брачный чертогъ. Ради него вѣдь отвергли онѣ радости міра, презрѣли роскошь, пренебрегли славой, ради него избрали тѣсный путь, побѣдили страсти, боролись съ удовольствіями, и вотъ изъ-за того, что не оказалось у нихъ елея, онѣ нашли входъ въ царствіе уже закрытымъ. Возвратившись, онѣ стучали, *глаголюще: Господи, Господи, отверзи намъ* (11)! Но Судія извнутри чертога возвѣстилъ имъ ужасную вѣсть: *аминь глаголю вамъ: не вѣмъ васъ* (12)! О, крайнее отверженіе! Даже не чрезъ ангела, но самъ далъ этотъ прискорбный отвѣтъ, чтобы, слыша голосъ Его, но не будучи въ состояніи видѣть Его лица, онѣ тѣмъ больше испытали мученіе. *Аминь глаголю вамъ: не вѣмъ васъ.* Ты не знаешь насъ, Господи? Отъ чрева матери мы были привержены къ Тебѣ, мы послѣдовали Тебѣ отъ юности нашей, мы соблюли невинность, тѣло, которое Ты создалъ намъ, мы сохранили непорочнымъ, не предали члены наши страстямъ, ожидая принять отъ руки Твоей вѣнцы. А нынѣ Ты затворилъ предъ нами двери и говоришь: *не вѣмъ васъ?* Да, говоритъ, дѣйствительно Я не знаю васъ. Почему, о, Господи? Господь отвѣчаетъ—почему. *Взалкахся бо, и не дасте Ми ясти, возжадахся, и не напоисте Мене, страненъ бѣхъ, и не введосте Мене, нагъ, и не одѣясте Мене, боленъ и въ темницѣ, и не посѣтисте Мене* 58C

(Мѳ. xxv, 42—43). Въ писаніяхъ возвѣщены были вамъ Мои слова: *понеже не сотвористе единому сихъ меньшихъ, ни Мнѣ сотвористе* (ст. 45). Онѣ сказали: напрасно, значитъ, претерпѣли мы, Господи, труды и изнуреніе тѣлесное? Напрасно умерщвляли себя бдѣніемъ и пощеніемъ? Напрасно, всецѣло предаваясь небесному Жениху, мы сохранили ненарушимымъ свое дѣвство? Да, говоритъ, вы—дѣвы, но нѣтъ у васъ приданаго; вы — дѣвы, но не имѣете украшенія, свойственнаго невѣстамъ; вы устояли въ тѣлесной чистотѣ, но безчеловѣчностью обезцѣнили свою чистоту; ваше тѣло безпорочно, но душа немилостива,—не отъ природы, но отъ безчеловѣчія. Мой брачный чертогъ принадлежитъ тѣмъ, которыя пріобрѣли елей добродѣланія. Тѣ, которыя дѣлаются моими невѣстами, должны вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣшаться отъ нравовъ, свойственныхъ міру. Я не могу ввести въ Мой чертогъ невѣсту, которая идетъ противъ Меня, не могу внести раздора въ мирныя обители. Идите отъ Меня прочь, не осаждайте напрасно Моихъ дверей: Мое царство—удѣлъ милостивыхъ. Тотъ раздѣлитъ его со Мною, кто подражалъ Мнѣ въ Моемъ милосердіи къ бѣднымъ, кто обнищалъ духомъ, кто не закрывалъ слуха своего для нуждающихся, кто страданія ближнихъ почиталъ собственными, кто оплакивалъ чужія несчастія, исполнялъ благъ душу алчущаго, согрѣвалъ тѣла обнаженныхъ, не оставался глухимъ къ голосу больного, не скупился для малодушнаго на слова утѣшенія, принималъ странника подъ свой кровъ, отиралъ слезы вдовъ, заступничествомъ своимъ облегчалъ тяжесть сиротства. Зная это, братіе, не восхваляйте (Господа) языкомъ, но подражайте (Его) дѣламъ. Рука есть печать языка и, дѣйствуя рукой соотвѣтственно словамъ, ты потверждаешь свои слова. Итакъ, умоляю васъ, будемъ ставить (любовь) къ бѣднымъ выше всего, не будемъ щадить денегъ для бѣдныхъ. Послѣдуемъ словамъ Господа; переживъ въ душѣ то, что пережили несчастныя дѣвы, постараемся избѣгнуть подобной участи; въ лицѣ бѣдныхъ позаботимся о самихъ себѣ. Дѣвы, не почтившія человѣколюбія, лишаются брачнаго чертога. Какая же надежда остается грѣшникамъ, гордящимся своимъ милосердіемъ? Обращаясь съ такими словами ко всѣмъ вамъ, я ободряю совѣсть болѣе слабыхъ, безъ всякаго ущерба для благоразумныхъ, напротивъ и ихъ поощряю къ преуспѣянію въ благочестіи. Итакъ, не разсѣевайся, братъ, пока еще продолжается поприще жизни. Позаботься о томъ, что послужитъ къ твоему оправданію. Начни плачъ (о грѣхахъ своихъ) прежде, чѣмъ поставлены будутъ престолы; будь готовъ къ пришествію жениха; бѣги
531 грѣха поскорѣе; предупреди грядущее испытаніе; умилостиви Судію, чтобы не пришлось тебѣ предстать безпомощнымъ предъ судилищемъ. Расточай теперь имѣніе свое, чтобы тогда разсѣять обвиненія; ищи случаевъ говорить съ Судіей наединѣ, чтобы Онъ не осудилъ тебя предъ всѣми; возьми ходатаемъ за себя бѣднаго, чрезъ него задари

Судію. Ему одному довѣрь свою тайну; чрезъ него пріобрѣти себѣ оправданіе. Нищій беретъ деньги,—и Судія подписываетъ прощеніе: принимаетъ безъ письма и приноситъ рукописаніе. *Милуяй нища взаимъ даетъ Богови* (Преп. xix, 18). То, что теперь ты бросаешь въ руку нищаго, потомъ найдешь въ рукѣ Судіи. Если хотите избѣжать суда, постарайтесь теперь же расположить къ себѣ Судію при помощи бѣдныхъ. Когда ты дѣлаешь послѣднія распоряженія, не забудь на ряду съ друзьями и родными и твою разстающуюся съ жизнью душу; дай ей хотя немного необходимыхъ на дорогу средствъ. Пусть въ твоемъ завѣщаніи будетъ упомянуто имя Судіи, пусть на бумагѣ запечатлѣется твое памятованіе о бѣдномъ. Виновницей радости, а не слезъ достойной сдѣлай свою кончину; безъ заступниковъ не являйся къ страшному судилищу. Насыть утробы тѣхъ, языки которыхъ должны будутъ держать за тебя рѣчь предъ Господомъ. Чрезъ ихъ посредство сдѣлаемъ 582
своимъ должникомъ Создателя, чтобы въ тотъ день не понести осужденія; при помощи денегъ пріобрѣтемъ себѣ надежныхъ защитниковъ. Ты въ лицѣ бѣднаго имѣешь, скажетъ Господь, свидѣтеля твоей любви ко Мнѣ; ты знаешь, что Я усвояю Себѣ то, что дѣлается бѣднымъ. Я посылаю траву скотамъ и всѣмъ даю пищу, но когда ты даешь милостыню, Я вмѣстѣ съ бѣднымъ протягиваю руку и принимаю поданіе. Я одѣваюсь *свѣтомъ яко ризою* (Пс. сш, 2), но какъ только ты одѣнешь нищаго, Я почувствую тепло. Ты знаешь, что Я возсѣдаю на небѣ съ Отцемъ, но всякій разъ, когда ты отправляешься въ темницу навѣстить заключенныхъ, ты находишь Меня тамъ заключеннымъ въ узы; какъ только ты пойдешь къ больному, Я не оставляю одра. Я вездѣ, но въ особенности заступаюсь за того, кто въ нуждѣ. Что ты дашь бѣдному, то у Меня найдешь умноженнымъ. Если введешь въ домъ твой безпріютнаго, вмѣстѣ съ нимъ и Меня примешь въ домъ твой, и за это троякую награду получишь отъ Меня: и богатство твое Я умножу, и домъ твой сохраню, и на небесахъ приготовлю для тебя обитель, отъ которой удалились болѣзнь, печаль и воздыханіе, въ Богѣ Отцѣ, со Св. Духомъ, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О блудницѣ и о фарисеѣ (Лк. VII, 37).

Во святый и великій четвергъ.

1. Богъ, какъ человѣколюбецъ, всегда даетъ грѣшникамъ время 583
для покаянія, но беззаботный человѣкъ нерадѣніемъ своимъ губитъ свою душу. Изъ-за любви къ суетному, земному и временному, онъ лишается наслажденія небесныхъ благъ; поставленный отъ Творца и Бога царемъ

и господиномъ всего, онъ дѣлается рабомъ грѣха изъ-за мірскихъ страстей. *Не познаша ниже уразумѣша, во тьмѣ х дятъ*, говоритъ Давидъ о дѣлащихъ подобное (Пс. LXXXI, 5). А Христосъ, имѣя въ виду подобныхъ грѣшниковъ, говоритъ: *не приходятъ къ свѣту, да не обличатся дѣла ихъ: всякъ бо дѣлаяй злая ненавидитъ свѣта* (Іоан. III, 20). И въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *дондеже свѣтъ имате, ходите* во свѣтѣ, *да тма васъ не иматъ* (Іоан. XII, 35). И опять: *Азъ пріидохъ* въ міръ не да погибнутъ но *да животъ имутъ* (X, 10). И опять: *не пріидохъ да сужду мірови, но да спасу міръ* (XII, 47). И опять: *душу мою полагаю за овцы* (X, 15). Услышавъ эти слова, подобно аромату всюду распространяющіяся и всѣмъ достойнымъ доставляющія благоуханіе жизни, блудница тотчасъ пришла къ сознанію своихъ дурныхъ дѣлъ, задумалась надъ ними, оплакивая тотъ позоръ, какой надъ нею изъ-за нихъ тяготѣетъ, и представляя себѣ, какія бѣдствія готовятся ей за нихъ въ будущемъ: великое вѣдь мученіе и скорбь ожидаютъ тамъ блудницъ. Убоявшись этого, блудница исправилась и уже не оставалась болѣе блудницей, но тотчасъ сдѣлалась честнѣе дѣвы. Сама надъ собой произнесла она судъ и, осуждая себя, говорила: увы грѣшницѣ, увы блудной! Доколѣ не отстану я отъ злыхъ дѣлъ? Почему не подумаю о милосердіи Божіемъ? Вѣдь ради меня—заблудшей какъ овца—Владыка обходитъ всѣ пути. Ради меня преклонилъ Онъ небеса и сошелъ; ради меня обѣдаетъ вмѣстѣ съ грѣшнымъ фарисеемъ Тотъ, кто даетъ пищу всей твари. Къ грѣшнику приближается безгрѣшный, раздѣляетъ съ людьми трапезу питающій всѣхъ, возлежитъ на землѣ Тотъ, кто носится на херувимахъ, и охотно уступаетъ всѣмъ грѣшникамъ рукописаніе грѣховъ ихъ. Что же ты медлишь? Будь смѣлѣе, душа, припади къ Нему: Онъ пришелъ не праведныхъ спасти, а грѣшниковъ. И когда она сказала это, тотчасъ отъ трапезы, за которой возлежалъ Христосъ, донеслось до нея благоуханіе прощенія,—до нея, бывшей блудницы, а теперь цѣломудренной, нѣкогда звѣря, а теперь овцы, нѣкогда рабы грѣха, а теперь свободной благодаря покаянію, нѣкогда блудницы, а нынѣ честной. Всей душой отдаваясь Его заступничеству, она приходитъ теперь къ Нему. Увидѣвъ Господа за трапезой, не проситъ она, подобно хананеянкѣ, крупицъ,
532 падающихъ со стола, но самый Хлѣбъ жизни весь обхватываетъ своими руками. Вѣдь хананеянка просила о бѣсновавшейся дочери и, услышавъ, что ее называютъ собакой, просила хоть крохъ, а у этой — не дочь бѣсновалась, но все тѣло ея было одержимо пороками. Хананеянка кричала во всеуслышаніе: помилуй меня, сынъ Давидовъ! Блудница же не кричала, но видя, что Господь какъ Богъ все знаетъ, сохраняя молчаніе устами, сердцемъ говорила Вѣдущему сердца, съ плачемъ цѣловала ноги Его и такимъ образомъ подвигла Господа на сострадаціе. Я хотѣлъ бы, братіе, изслѣдовать душевныя движенія этой мудрой жены и показать вамъ, какъ принялъ ее Христосъ и какъ возсіялъ свѣтъ омра-

ченной душѣ. Давидъ предрекъ о Господѣ, что Онъ *красенъ добротою паче сыновъ человѣческихъ* (Пс. XLIV, 3); дѣйствительно, Онъ—прекрасенъ, и не только прекрасенъ, но и любитель прекрасныхъ. И о блудницѣ этой, еще прежде чѣмъ она пришла къ Нему, Онъ зналъ, конечно, что она имѣетъ благое расположеніе души. Впрочемъ, если угодно, выслушаемъ слова самого Евангелія. Когда возлежалъ Іисусъ въ домѣ фарисея, услышала объ этомъ въ городѣ одна грѣшница. И взявши драгоцѣнное муро, она пришла въ домъ фарисея и помазала ноги Іисуса муромъ, омыла ихъ слезами и отерла волосами. Велико усердіе женщины, велико стремленіе ея къ спасенію, велика рѣшимость души, желающей освободиться отъ опасностей: услышала и поспѣшила, обратила мысль свою къ покаянію, говоря сама себѣ: о, душа грѣшная и жалкая, что медлишь? Чего ожидаешь? *Се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія* (2 Кор. VI, 2). Настало время, какого ты ищешь; здѣсь Тотъ, Кто разрѣшаетъ и очищаетъ и изглаждаетъ грѣхи; вотъ муро: доколѣ тебѣ оставаться въ грязи и зловоніи. Пойди къ Нему: вѣдь Онъ ради тебя и пришелъ. Оставь прежнюю суетность и возжелай того, что нынѣ прекрасно; то мерзко, а это вожделѣнно и вѣчно. Отвергни свое прежнее душевное расположеніе, умасти муромъ Сотворившаго муро, ублажи Его, хотящаго тебя спасти. Ты найдешь въ Немъ возлюбленнаго, превосходящаго всѣхъ любовниковъ, которыхъ ты прежде имѣла. Лобызая тѣхъ, ты все глубже и глубже погрязала во грѣхахъ. А лобызая этого, ты и за прежніе грѣхи твои, которые нажила съ тѣми, получишь отъ Него прощеніе. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей она входитъ въ домъ, продолжая разсуждать сама съ собой: я отвергаюсь прежнихъ золъ, потому что нашла новыя блага и стремлюсь къ нимъ. Я отрицаюсь зла и сочетаюсь съ добромъ. Слышала я слова Давида: *приступите къ Нему и просвѣтитеся* (Пс. XXXIII, 6), а самъ Господь говоритъ: *приближитеся* ко Мнѣ и Я приближусь къ вамъ (Іак. IV, 8). Вотъ я и приближаюсь къ Богу, съ трепетомъ, какъ грѣшная къ безгрѣшному, нечистота къ муру. Но порукой Его благоутробія служатъ Его 533
собственныя слова: *пріидите ко Мнѣ* всѣ грѣшники, *и Азъ упокою вы* (Мѳ. XI, 28). Вотъ я и прихожу. И Онъ не отвергаетъ меня, не говоритъ мнѣ: поди прочь отъ Меня, грѣшница! До сихъ поръ ты проводила время во тьмѣ, а теперь пришла смотрѣть на Меня—Солнце правды? Впрочемъ, что же мнѣ смотрѣть? Возьму муро и подойду къ Нему, сдѣлаю домъ фарисея мѣстомъ просвѣщенія и въ потокахъ слезъ приготовлю себѣ купель, изъ алавастра мура приму печать вѣрныхъ на челѣ, покаяніемъ очищусь отъ грѣховъ моихъ и исцѣляющимъ словомъ Его избѣгну и сѣтей діавола. Мнѣ нѣтъ повода отчаиваться въ своемъ спасеніи. И въ ветхомъ завѣтѣ Раавъ блудница имѣла грѣховное жилище при городскихъ воротахъ, но, оказавъ гостепріимство соглядатаямъ израильскимъ, она въ награду за гостепріимство получила жизнь (Іис.

Нав. II). Спасшій ее Іисусъ Навинъ былъ образомъ истиннаго Іисуса. Прекрасную награду воздалъ Іисусъ Н. блудницѣ за соглядатаевъ! И, если тогда *имя* Іисуса доставило блудницѣ спасеніе и прощеніе грѣховъ, то теперь истинный Іисусъ, Дѣвственникъ и отъ Дѣвы, блудницу, исполнившую долгъ гостепріимства и помазавшую ноги Его мvромъ, можетъ ли оттолкнуть и не дать ей прощенія грѣховъ? Но тамъ Раавъ отпустила соглядатаевъ, я же держу Того, Кого возлюбила, не какъ соглядатая (κατάσκοπον) города, по примѣру той, но какъ Посѣтителя (ἐπίσκοπον) всѣхъ душъ человѣческихъ (Пс. II, 25). Вотъ когда, какъ я сказала раньше, настало время, котораго я желала видѣть: возсіялъ мнѣ день и солнце правды, и лѣто пріятное отъ Господа, и великое посѣщеніе отъ Бога! Поистинѣ посѣтилъ насъ Востокъ свыше, возсіялъ сидящимъ во тьмѣ и сѣни смертной! Въ домѣ Симона находится Господь въ настоящее время: пойду къ Нему. И что сдѣлаю? Буду рыдать какъ Анна нѣкогда рыдала о своемъ безплодіи? Но не сочтетъ ли и Симонъ меня пьяной, какъ нѣкогда Анну первосвященникъ Илій? Нѣтъ, лучше я буду проливать слезы у ногъ Христа и молиться въ сердцѣ. Такъ и сдѣлаю.

2. Вѣра блудницы соотвѣтствовала ея чистому порыву. Она пошла къ торговцу благовонными маслами и стала говорить ему: такъ какъ здѣсь находится великій другъ мой—преимущественно передъ всѣми сынами человѣческими, то дай мнѣ мvра, если имѣешь достойное Его, чтобы я могла достойно воздать достойно возлюбленному мною, воспламенившему сердце мое и утробу. Что касается цѣны, я ничего не пожалѣю для уплаты тебѣ; если понадобится, я готова продать и отдать себя и съ тѣломъ и съ костями, чтобы хотя малое, что я имѣю, принести тому, Кто хочетъ меня очистить. А торговецъ, видя теплоту ея вѣры и расположеніе души, говоритъ ей: скажи мнѣ, кто тотъ, котораго ты любишь, что любовь твоя столь пламенна? Что можетъ дать тебѣ Онъ за такое мvро? Она же отвѣчаетъ ему: что говоришь ты, о, человѣкъ? Не знаешь—не вѣдаешь, что ты сказалъ! Онъ можетъ дать мнѣ взамѣнъ мvра то, чему равнаго по цѣнѣ никто не можетъ дать. Ни небо, ни земля,—ничто, ничто въ этомъ мірѣ не сравнится съ тѣмъ, что получу. Ты считаешь меня ничтожной, а Онъ, какъ человѣколюбецъ, удостоилъ освободить меня отъ грѣховъ. Онъ—Сынъ Давидовъ по плоти,—вотъ почему Онъ такъ и прекрасенъ, и о немъ говорилъ (Давидъ): *красенъ добротою паче сыновъ человѣческихъ* (Пс. XLIV, 3). Онъ—Сынъ Божій. Я не видѣла Его, но, услышавъ о Немъ, была уязвлена любовью къ Нему. Мелхола, дочь Саула, полюбивъ Давида, оставила царскій дворецъ и послѣдовала за нимъ—бѣднымъ. А я собственное богатство продаю, хотя и пріобрѣла его дурнымъ путемъ, и покупаю мvро, и прихожу къ Сыну Давидову, ради меня обнищавшему. И взявши мvро, вѣрная блудница побѣжала въ домъ фарисея какъ на зовъ. А

фарисей, видя блудницу, обнимавшую ноги Іисуса и помазывающую Его 534
мѵромъ, и весь домъ свой, наполнившійся благовоніемъ мѵра, разсуждалъ самъ съ собой и говорилъ: *Сей аще бы былъ пророкъ, вѣдалъ бы какова жена прикасается ему, яко грѣшница есть* (ст. 39). Идерзновеніе блудницы онъ порицалъ, что она безстыдно приблизилась и прикасается къ Нему, и на самого Господа негодовалъ, что Онъ безъ всякаго сомнѣнія принимаетъ всѣхъ приходящихъ къ Нему. Убѣдившись чрезъ это въ Его невѣдѣніи, Онъ говорилъ самъ себѣ: вотъ такъ дѣла! Я пригласилъ Его на обѣдъ какъ одного изъ пророковъ; а Онъ этой блудницы, которая извѣстна всѣмъ обитателямъ города, которую всякій знаетъ, не узналъ: *аще бы былъ пророкъ, вѣдѣлъ бы какова жена сія*. Но Господь, испытующій сердца и утробы, видѣлъ мысли фарисея, и такъ какъ мысли его были въ смятеніи, то Господь, умиротворяя его, говоритъ ему: *Симоне, имамъ ти нѣчто рещи. Онъ же рече: Учителю, рци* (ст. 40). Тогда Господь говоритъ ему: ты негодуешь, что Я не оттолкнулъ блудницу, но оказалъ ей вниманіе; тебѣ досадно, что Я не отвергъ грѣшницы, но принялъ; тебѣ досадно, что Я не прогналъ, но оправдалъ; тебѣ досадно, что Я не разгнѣвался, но смягчился; тебѣ непріятно, что ее, желающую убѣжать отъ своихъ грѣховъ, Я допустилъ къ Себѣ: радоваться нужно было тебѣ, что она, падшая, возстала, а ты печалишься о хорошемъ исходѣ дѣла. Но твой гнѣвъ неоснователенъ. Разсуди то, что Я тебѣ скажу. *Два должника бѣста заимодавцу нѣкоему: единъ бѣ долженъ пятіюсотъ динарій, другій же пятіюдесять*. Такъ какъ оба они не имѣли чѣмъ отдать, заимодавецъ возвратилъ имъ ихъ росписки. Итакъ, который долженъ былъ болѣе любить? Симонъ отвѣчалъ: *мню, яко емуже вящше отда. Право судилъ еси*, подтвердилъ Господь и затѣмъ, *обращся къ женѣ, Симонови рече: видиши ли сію жену*, отъ которой ты совершенно отказываешься? Когда я вошелъ въ домъ твой, ты не хотѣлъ омыть Мои ноги, *сія же слезами облія ми нозѣ. Лобзанія любви Ми не далъ еси: сія же не преста облобызающи Ми нозѣ. Масломъ главы Моея не помазалъ еси, сія же мѵромъ помаза Ми нозѣ* (41—46). Научись же, фарисей, кто заимодавецъ и кто должники! Я заимодавецъ для васъ обоихъ—тебя и ея, и не только для васъ, но и всѣхъ людей. Я всѣмъ даровалъ то, что они имѣютъ отъ Меня—и душу, и дыханіе, тѣло, чувства, разумъ, движеніе. Итакъ, проси простить тебѣ долгъ у заимодавца, не требующаго возвравить сполна то, что ты получилъ, чего ты и не могъ бы отдать. Если же и отдать не можешь, и просить не хочешь о прощеніи, и не стыдишься при этомъ осуждать и суесловить, то молчи по крайней мѣрѣ теперь, когда эта блудница, которая видитъ себя въ большомъ долгу, сказала себѣ самой: что мнѣ сказать или чѣмъ оправдаться? Если захочу сказать: я не должна, Онъ Самъ все знаетъ—и сколько я должна, и съ какого времени въ долгу. Поэтому, зная, что онъ знаетъ все и что ни одно изъ сдѣланныхъ ею

золъ не скрыто отъ Него, она молча пришла со слезами и, въ сердцѣ исповѣдуя всѣ долги свои, умилостивила Бога. Итакъ, молчи и ты, фарисей, чтобы тебѣ Господь отпустилъ долгъ твой. Не суди, будучи самъ подсудимымъ, ту, которая уже осудила сама себя; будучи самъ ничтожнымъ, не уничижай уничиженную уже. Успокойся: ни въ твоемъ долгѣ, ни въ ея Я не имѣю нужды, но обоимъ Я принесъ оставленіе долговъ. Для обоихъ васъ Я—заимодавецъ человѣколюбивый, и не только для васъ, но и для всѣхъ, которымъ нечѣмъ отдать; Я ожидаю только, чтобы они сознали свой долгъ и попросили Меня разрѣшить имъ рукописаніе долговъ ради ихъ покаянія. И кто изъ моихъ должниковъ приходитъ къ благодати крещенія, тому ради нея отпускаются долги. Итакъ, вотъ вы получили (въ святомъ крещеніи) прощеніе долговъ и
585 благодатью освобождены отъ всякаго обязательства: не связывайте же себя опять новымъ рукописаніемъ, разъ уничтожено первое. А Ты, Господи Владыко Іисусе Христе, такъ какъ отдать Тебѣ то, что я долженъ, я не въ состояніи (во множествѣ своихъ беззаконій я растратилъ и основной капиталъ и проценты). не требуй съ меня того, что Ты мнѣ далъ—ни основного капитала—души, ни процентовъ—тѣла, но
586 облегчи мнѣ тягость долговъ моихъ, какъ человѣколюбецъ, скажи и мнѣ тоже, что сказалъ блудницѣ: отпускаются грѣхи твои многіе. Ты одинъ вѣдь безгрѣшенъ и благъ и человѣколюбецъ и прощающій грѣхи; и Тебѣ подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе со безначальнымъ Твоимъ Отцемъ и со всесвятымъ и благимъ и животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О самарянкѣ и на слова: пріиде Іисусъ во градъ Самарійскій, глаголемый Сихарь (Іоан. IV, 5).

585 1. Сегодня возвѣстилъ намъ Христосъ о подвигахъ самарянки, — и нашему скудному слову приходится пуститься въ море ея добродѣтелей. Взирая на ея вѣру, я хочу посвятить ей похвальное слово и вмѣстѣ съ вами восхвалить ее—бѣдную и вмѣстѣ богатую, блудницу и апостола, погибшую и вѣрную, имѣвшую многихъ мужей и получившую много силъ, многихъ осквернившую и Единородному Слову Божію послужившую, оскверненную и очищенную, возжаждавшую и возжелавшую живой воды и унаслѣдовавшую благодать небесныхъ источниковъ. Что же говоритъ евангелистъ Іоаннъ, возгремѣвшій объ этихъ неизреченныхъ тайнахъ? *Пріиде* Іисусъ *во градъ Самарійскій, глаголемый Сихарь, близъ веси, юже даде Іаковъ Іосифу, сыну своему. Бѣ же ту источникъ Іаковль. Іисусъ же утруждся отъ пути, сѣдяше*

тако на источницѣ: бѣ же яко часъ шестый. Пріиде жена отъ Самаріи почерпати воду. Глагола ей Іисусъ: даждь Ми пити. Ученицы же Его отишли бяху во градъ, да брашно купятъ (Іоан. IV, 5—8). *Іисусъ же утруждся.* Какъ же говоритъ пророкъ Исаія: *Богъ великій не взалчетъ*, ни возжаждетъ, *ниже утрудится, ниже есть изобрѣтеніе премудрости Его* (Ис. XL, 28)? Между тѣмъ и евангелистъ Матѳей въ своемъ Евангеліи о Немъ пишетъ: *и постився дній четыредесять и нощій четыредесять, послѣди взалка* (Мѳ. IV, 2), и евангелистъ Іоаннъ, какъ ты только что слышалъ, говоритъ: *Іисусъ же утруждся отъ пути, сѣдяше тако на источницѣ: бѣ же часъ яко шестый.* Одинъ говоритъ, что Онъ взалкалъ, а другой приписываетъ Ему и усталость. А пророкъ Исаія, вѣщая Духомъ Святымъ, ясно говоритъ: *Богъ великій не взалчетъ*, ни возжаждетъ, *ниже утрудится, ниже есть изобрѣтеніе премудрости Его* (Ис. XL, 28). Нѣтъ ли здѣсь противорѣчія между Евангеліями и пророчествомъ? Конечно, нѣтъ. Ни пророкъ не погрѣшилъ — да не будетъ!—ни апостолы не написали противнаго Духу Святому и пророчеству. Но дѣло въ томъ, что домостроительство Спасителя нашего, великаго Бога, имѣетъ характеръ нѣсколько двойственный и необычный—я разумѣю соединеніе въ Немъ божества и человѣчества, согласно Его волѣ и рѣшенію; и вотъ пророкъ возвѣщаетъ могущество и величіе Его божества, а апостолы и евангелисты изображаютъ истинное Его домостроительство по плоти. Итакъ, *Іисусъ же утруждся отъ пути, сѣдяше тако на источницѣ: бѣ же яко часъ шестый. Пріиде жена отъ Самаріи почерпати воду. Глагола ей Іисусъ: даждь Ми пити. Ученицы бо Его отишли бяху во градъ, да брашно купятъ. Глагола Ему жена самарянына: како ты, жидовинъ сый, отъ мене пити просиши, жены самарянини сущей* (6—9)? Здѣсь необходимо, возлюбленные, изслѣдовать, 586
почему евангелистъ указалъ и мѣсто, гдѣ это происходило, и часъ,—и отсутствіе учениковъ: мѣсто—въ словахъ: *сѣдяше на источницѣ*, часъ: *бѣ яко часъ шестый*, а отсутствіе учениковъ—замѣчаніемъ, что *ученицы бо Его отишли бяху во градъ, да брашно купятъ.* Почему же указалъ онъ мѣсто? Сейчасъ объясню. Христосъ имѣлъ въ виду духовную ловлю; съ этой цѣлью Онъ и пришелъ туда, гдѣ Ему предстояла добыча. Знаешь, какъ дѣлаютъ рыбаки? Не на всякомъ мѣстѣ въ морѣ закидываютъ они сѣти, а на такомъ, о которомъ они уже знаютъ, что тамъ водится рыба. Вѣдь въ морѣ есть много мѣстъ, которыя преимущественно предъ другими доставляютъ пищу рыбѣ. Такъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, великій Богъ—по пророчеству, зналъ какъ Богъ, что здѣсь можетъ Онъ встрѣтить добычу, т. е. эту женщину самарянку. Именно какъ рыбаки выбираютъ тѣ мѣста, гдѣ надѣются поймать рыбу, такъ и Христосъ пришелъ на то мѣсто, гдѣ могъ Онъ поймать самарянку и чрезъ нее сдѣлать великій уловъ людей. Вотъ, какъ объясняется причина, почему евангелистомъ указано мѣсто. Почему же указалъ онъ и часъ? Вѣдь

онъ говоритъ: *Іисусъ же утруждся отъ пути, сѣдяше тако на источницѣ: бѣ же яко часъ шестый.* А вотъ, слушай теперь и о времени. Самарянка была, очевидно, изъ бѣдныхъ и снискивала себѣ пропитаніе постояннымъ трудомъ,—изъ бѣдныхъ по тѣлу и по имуществу, но не по благочестію души. Стоя у станка, она усердно занималась работой, которой и кормилась. Въ шестомъ же часу, когда всѣ предавались отдыху, она, взявши водоносъ, носила воду. Всевѣдущій Господь зналъ, конечно, что то время, которымъ всѣ пользуются для отдыха, она употребляетъ на ношеніе воды, отказываясь отъ отдыха. Поэтому въ шестой именно часъ пришелъ Онъ сюда, зная, что въ это именно время она приходитъ за водой и можетъ для него послужить духовной добычей. Для чего, наконецъ, отослалъ Господь Своихъ учениковъ? *Ученицы бо Его,* говоритъ Евангеліе, *отидоша бяху во градъ, да брашно купятъ.* Эта бѣдная, какъ мы уже объяснили, женщина была робка, и не рѣшилась бы поднять взоры при многочисленномъ собраніи. Если бы она увидѣла учителя, окруженнаго учениками, учениковъ, толпу народа, вообще увидѣла что-нибудь особенное, важное, внушительное, блестящее, она тотчасъ бы убѣжала и, такимъ образомъ, добыча была бы потеряна. Не рѣшилась бы она подойти — значитъ, рыба убѣжала бы изъ сѣтей, не была бы поймана, а выскочила бы. Вотъ почему и отослалъ Онъ учениковъ въ городъ. Подите, говоритъ, купите пищи: вы — подите и купите себѣ, а Я имѣю другой обѣдъ: *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя и совершу дѣло Его* (IV, 34). У васъ—плотская пища, а у Меня—духовная; вамъ нужно купить, а Мнѣ —выкупить,—*Христосъ*
587 *ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва* (Гал. III, 13), говоритъ сосудъ избранія — Павелъ,—Я желаю водою уловить эту духовную добычу. Теперь ты знаешь, почему обращено здѣсь вниманіе и на мѣсто, и на часъ, и на отсутствіе учениковъ; пора уже перейти и къ дальнѣйшему. *Пріиде жена отъ Самаріи почерпати воду.* Приходитъ самарянка за водой въ шестомъ часу, оставивши работу у станка, чтобы въ часъ отдыха запастись водой; это было, какъ не разъ уже говорилось, въ шестомъ часу. Когда Ева въ раю преступила заповѣдь, былъ часъ шестой; а вотъ теперь самарянка получила спасеніе при источникѣ въ томъ же самомъ шестомъ часу. Пришла самарянка за водою и видитъ Іисуса. Онъ произвелъ на нее впечатлѣніе простого странника, обыкновеннаго путника, искавшаго отдыха и нашедшаго для него мѣсто у источника. При видѣ столь ничтожнаго человѣка она не обратила на него вниманія. Но Онъ—Богъ, вѣдущій всяческая прежде бытія ихъ,—усмотрѣвъ сокровище вѣры, говоритъ ей: *даждь Ми пити.* Источникъ жизни, сидя у источника, проситъ пить! Не пить Онъ хочетъ, но хочетъ самъ дать пить. Дай Мнѣ пить, и Я тебѣ дамъ пить воду безсмертія. Я жажду спасенія людей, жажду не пить, но напоить. Я подражаю Своему Отцу. Онъ говорилъ Аврааму: дай Мнѣ сына Тво-

его, вознеси Мнѣ Исаака, сына твоего возлюбленнаго, единороднаго, во всесожженіе на одной изъ горъ, которую Я тебѣ укажу (Быт. xxii, 2). Не его сына, конечно, желая взять, сказалъ это Богъ, а Своего Сына желая пожертвовать для вселенной.

2. Это самое говоритъ сынъ громовъ, божественный Іоаннъ: *тако бо возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ онь не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный* (Іоан. iii, 16). Дай мнѣ единороднаго твоего, чтобы я даровалъ міру Своего Единороднаго; принеси Мнѣ въ жертву сына твоего не для того, чтобы тебѣ принести, но чтобы Мнѣ принести въ жертву Сына Моего Единороднаго за спасеніе міра, жертву живую, угодную, святую. Такъ и здѣсь: *даждь Ми пити*, не для того, чтобы напиться Мнѣ, но чтобы тебѣ отъ Меня получить питье. *Глагола Ему жена: како ты, жидовинъ сый, отъ мене пити просиши, жены самарянины сущей? Не прикасаютбося жидове самаряномъ* (ст. 9). Строгая женщина! Вотъ чѣмъ тщеславится блудница! Вотъ какъ соблюдаетъ она законъ! Таковъ вообще родъ самарянъ: валяются въ грязи блуда и хотятъ очиститься омовеніями: *како ты, жидовинъ сый, отъ мене пити просиши, жены самарянини сущей? Не прикасаются бо жидове самаряномъ*. Душу наполняютъ скверной, а тѣло думаютъ очистить. Такъ и самарянка: душа ея осквернена, а она препирается о питьѣ воды. Что же Іисусъ? Не поразилъ ее? Не сказалъ ей: Я—Богъ отъ Бога; Я основалъ и утвердилъ небо и землю,— о водѣ ли и питьѣ споришь со Мною ты, женщина, смердящая грѣхами? Но что (сказалъ Онъ ей)? *Аще бы вѣдала еси даръ Божій и кто есть глаголяй ти: даждь Ми пити, ты бы просила у Него, и далъ бы ти воду живу* (ст 10). Видишь, какъ понемногу возбуждалъ Онъ любовь ея до страсти, сказавъ: *аще вѣдала бы еси даръ Божій и кто есть глаголяй ти: даждь Ми пити, ты бы просила у него, и далъ бы ти воду живу*. Что же отвѣчаетъ ему на это женщина? *Господи, ни почерпала имаши, и студенецъ есть глубокъ: откуду убо имаши воду живу? Еда ты болій еси отца нашего Іакова, иже даде намъ студенецъ сей, и той изъ него питъ, и сынове его, и скоти его* (п, 12). Великое представленіе имѣла эта женщина о патріархѣ Іаковѣ (слушайте, прошу васъ, со всѣмъ вниманіемъ), великое мнѣніе имѣла объ Іаковѣ женщина самарянская и великую славу усвояла ему какъ патріарху, какъ праведнику, такъ какъ онъ былъ отцомъ двѣнадцати патріарховъ: двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ ведутъ свое происхожденіе отъ Іакова. Знала она, конечно, и то, что онъ боролся съ Богомъ и оказался столь сильнымъ, что Богъ сказалъ ему: *пусти Мя, взыде бо заря* (Быт. xxxii, 26). Даже Богъ, борясь съ человѣкомъ, говорилъ: отпусти Меня, потому что 538
ты другъ мой, и взошла заря. А онъ отвѣчаетъ: *не пущу Тебе, аще не благословиши мене*. Что это за борьба у Бога съ человѣкомъ и что она обозначаетъ, какъ не то, что Богъ имѣлъ облечься ради насъ нашею

плотью? Что же Богъ сказалъ ему? Ты не будешь больше называться Іаковомъ, но будетъ имя твое Израиль: *понеже укрѣпился еси съ Богомъ и съ человѣки силенъ будеши* (ст. 28). Вотъ почему самарянка имѣла объ этомъ патріархѣ высокое мнѣніе, вотъ почему она и сказала Господу: *еда ты болій еси отца нашего Іакова, иже даде намъ студенецъ сей, и той изъ него пить, и сынове его, и скоти его?* Что же на это Христосъ? Замѣть мудрость Господа, замѣть снисходительность наставника. Не сказалъ ей: да, Я—больше отца вашего Іакова. Не сказалъ ей и такъ, какъ сказалъ іудеямъ: *прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмь* (Іоан. VIII, 58), или еще такъ: *аминь глаголю вамъ, яко мнози* цари *и праведницы вожделѣша видѣти, яже видите, и не видѣша* (Мѳ. XIII, 17). Ничего подобнаго не сказалъ Онъ ей, но ведетъ борьбу съ патріархомъ и нагляднымъ способомъ борется весьма сильно Конечно, если бы Онъ сказалъ ей: да, Я—больше Іакова: онъ вѣдь отъ Меня принялъ благословеніе, а Я преподалъ ему его,—то она не могла бы такъ скоро возвести своего взора на такую высоту откровенія и ей оставалось бы убѣжать. Ничего подобнаго не сказалъ Онъ ей, но изъ явленій видимыхъ представляетъ ей доказательство ясное и безспорное. Что именно говоритъ Онъ ей? *Всякъ піяй отъ воды сея, вжаждется паки. А иже піетъ отъ воды, юже азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки, но вода, юже азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды, текущія въ животъ вѣчный* (13, 14). Были лица, посредствующія между Іаковомъ и Христомъ, но Онъ оставляетъ преніе о лицахъ и обращается къ сравненію между водой видимой и невидимой—благодатью. Вѣдь если бы Онъ сказалъ: да, Я—больше Іакова,—она тотчасъ же удалилась бы, убѣжала бы въ городъ, уклонилась бы отъ отвѣта и, не выслушавъ объясненія, стала бы говорить въ городѣ: безумный Онъ, что ли, или помѣшанный? Не то бѣснуется, не то бредитъ; странный и ничтожный человѣкъ, и вдругъ говоритъ, что Онъ больше отца нашего или—лучше сказать—того, кто былъ отцомъ двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ, получилъ благословеніе отъ Бога, ушелъ изъ своей страны бѣднымъ, а возвратился—по особому промышленію о немъ Божію—богатымъ. Но Господь снисходилъ къ женщинѣ и, примѣняясь къ ея слабости, мало-по-малу возводилъ Свою собесѣдницу на высшую высоту. Рыболовы (какъ они поступаютъ, слушай внимательно) бросаютъ крючекъ въ море, и когда замѣтятъ, что рыба взяла, не тотчасъ вытаскиваютъ ее, но понемногу спускаютъ ей, чтобы безъ помѣхи она проглотила приманку какъ слѣдуетъ, и когда почувствуютъ, что крючекъ проникъ въ самыя внутренности ея, тогда быстро безъ всякаго колебанія вытаскиваютъ рыбу. Такъ и Христосъ поступилъ съ женщиной. Не открылъ ей съ самаго начала красоту Божества и не далъ ей обѣщаній великихъ благъ, ни возвѣстилъ о Себѣ, какъ Творцѣ Іакова, но постепенно подготовляетъ ея душу къ воспріятію истины слѣдующими словами: *всякъ піяй отъ*

воды сея, вжаждется паки; а иже піетъ отъ воды, юже азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки, но вода, юже азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды, текущія въ животъ вѣчный (13, 14). Не вдаваясь въ сравненіе лицъ, Онъ указываетъ на обиліе благодатныхъ даровъ и такимъ образомъ на дѣлѣ показываетъ Свое преимущество предъ тѣми, т. е. Іаковымъ и его сыновьями. Что же на это женщина? *Господи*, говоритъ она, *даждь ми сію воду, да ни жажду, ни прихожду сѣмо почерпати* (15). Видишь, какъ скоро она повѣрила, что данная Христомъ вода уже не оставляетъ послѣ себя мѣста жаждѣ? *Господи, даждь ми сію воду, да ни жажду, ни прихожду сѣмо почерпати.* Постепенно Христосъ возбудилъ въ ней сильное желаніе Его духовной воды. Она повѣрила, что есть вода, послѣ питья который уже не чувствуется болѣе жажды, употребленіе которой уничтожаетъ рукописаніе грѣховъ. *Господи, даждь ми сію воду, да ни жажду, ни прихожду сѣмо почерпати. Глагола ей Іисусъ: иди, пригласи мужа твоего, и пріиди сѣмо* (16). Если имѣешь, 539
говоритъ, общника по сожитію, пусть онъ раздѣлитъ съ тобою и вѣру; не одна прими даръ духовной благодати, но *иди, пригласи мужа твоего и пріиди сѣмо.* Не одну Еву пришелъ Я спасти чрезъ Приснодѣву и Богородицу Марію, но и мужа хочу я воззвать опять въ рай, ставши Самъ мужемъ. *Иди, пригласи мужа твоего и пріиди сѣмо.* Хорошо, возлюбленные, учитель вселенной Павелъ съ тою же самою цѣлью писалъ коринеянамъ: *что бо вѣси, жено, аще мужа спасеши* (1 Кор. VII, 16)? Но не будемъ уклоняться въ сторону. *Иди, пригласи мужа твоего и пріиди сѣмо. Отвѣща жена и рече ему: не имамъ мужа.* Начала уже жена открывать грѣхи свои, начала исповѣдываться и говорить прежде всего: *не имамъ мужа.* Я погружена въ бездну блуда и невоздержанія, и мужа не имѣю. *Глагола ей Іисусъ: добрѣ рекла еси, яко мужа не имамъ* (17). *Пять бо мужей имѣла еси, и нынѣ, его же имаши, нѣсть ти мужъ: се воистину рекла еси* (18). Что это значитъ: *пять бо мужей имѣла еси, и нынѣ, егоже имаши, нѣсть ти мужъ?* Необходимо объяснить. Пять мужей имѣла эта женщина и всѣ они умерли; послѣ этого она впала въ блудъ, и тогда никто уже не хотѣлъ вступить съ нею въ законный бракъ. Она же, не будучи въ состояніи обуздать своихъ страстей, имѣла тайную связь. Такимъ образомъ, она не была ни явной блудницей, ни законной женой, имѣла мужа тайно; а Христа думала обмануть какъ человѣка, сказавъ Ему: *не имамъ мужа.* На это Христосъ, знающій сокровенныя тайны сердецъ и вѣдущій все прежде его совершенія, говоритъ ей: *добрѣ рекла еси, яко мужа не имамъ: пять бо мужей имѣла еси, и нынѣ, его же имаши, нѣсть ти мужъ: се воистину рекла еси. Глагола Ему жена: Господи, вижу, яко пророкъ еси Ты. Отцы наши въ горѣ сей поклонишася; и вы іудеи глаголете, яко во Іерусалимѣхъ есть мѣсто, идѣже кланятися подобаетъ* (19, 20). Какого пророка видишь ты въ Немъ, женщина? Того ли, о которомъ писалъ Моисей:

пророка отъ братіи вашей, *якоже мене, возставитъ вамъ Господь Богъ* вашъ (Второз. XVIII, 15), или другого какого? Его ли видишь ты въ Томъ, Кому вѣдомы всѣ тайны твоего сердца? Вѣдь именно указаніе Господа на ея тайный грѣхъ побудило ее къ признанію Его пророкомъ: *Господи, вижу, яко пророкъ еси Ты!* Вмѣстѣ съ Давидомъ должна была она воскликнуть теперь: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя* (Пс. XVIII, 13)!

3. Такъ сидѣлъ Богъ, бесѣдуя съ женщиной. О, великое человѣколюбіе! Сидящій на херувимахъ бесѣдуетъ съ блудною женою. *Вижу, яко пророкъ еси Ты. Отцы наши въ горѣ сей поклонишася, и вы глаголете, яко въ Іерусалимѣхъ есть мѣсто, идѣже кланятися подобаетъ* (19, 20). Блудница ведетъ рѣчь о предметахъ вѣры; убѣдившись, что она бесѣдуетъ съ пророкомъ, она не спрашиваетъ Его ни о чемъ житейскомъ. Исповѣдала Его Господомъ, но не проситъ у Него богатства. *Господи, вижу, яко пророкъ еси Ты.* Исповѣдала Господомъ, но не спрашиваетъ ни о чемъ, кромѣ ученія отеческаго. *Отцы наши въ горѣ сей поклонишася, и вы глаголете, яко въ Іерусалимѣхъ есть мѣсто, идѣже кланятися подобаетъ.* [На этой горѣ Соморъ Авраамъ собственнаго сына Исаака принесъ въ жертву Богу, а въ Іерусалимѣ Іаковъ, на пути въ Месопотамію къ Лавану сиріянину, видѣлъ во снѣ лѣстницу, восходящую отъ земли до неба, и боролся съ Богомъ, почему и говорилъ: *Богъ Мой явися мнѣ въ Лузѣ* (Быт. XLVIII, 3). Поэтому самарянка касается ученія и говоритъ: *Господи, вижу, яко пророкъ еси Ты. Отцы наши въ горѣ сей поклонишася, и вы глаголете, яко въ Іерусалимѣхъ есть мѣсто, идѣже кланятися подобаетъ*]. Что же Господь? Опять Онъ отвѣчаетъ съ подобающею Ему мудростью. Такъ какъ она видѣла въ Немъ іудея, а сама была самарянка, то Господь не пожелалъ дать прямого отвѣта на ея вопросъ, не желая ни огорчить ее, ни вводить въ
540 заблужденіе. Вѣдь Онъ искалъ только одного—направить эту женщину на путь спасенія, и ничто другое не входило въ Его цѣли. Поэтому Онъ избѣгаетъ всего, что могло бы ввести ее въ заблужденіе или пристыдить. Между тѣмъ, если бы Онъ сказалъ ей, что въ Іерусалимѣ мѣсто, гдѣ должно поклоняться, какъ заповѣдалъ Моисей сынамъ Израилевымъ, то, конечно, возбудилъ бы въ ней большое недовольство; тѣмъ болѣе, что,—какъ мы уже сказали,—она имѣла за себя древнее преданіе о горѣ Сихемской, согласно которому на этой именно горѣ Авраамъ по повелѣнію Божію долженъ былъ принести въ жертву Исаака. Съ другой стороны, если бы Онъ, снисходя къ ней, сказалъ, что эта именно гора, и что самаряне, кланяясь на ней, хорошо дѣлаютъ, то такія слова были бы, конечно, не истинны. Поэтому, земные споры предоставляя землѣ, Онъ возводитъ Свою собесѣдницу къ мысли о духовномъ поклоненіи и говоритъ: *жено, вѣру Ми ими, глаголющу тебѣ, яко грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда ни въ горѣ сей, ни въ Іерусалимѣхъ поклонитеся Отцу* (21); *но истинніи поклонницы поклонятся Отцу*

духомъ и истиною. Ибо Отецъ таковыхъ ищетъ покланяющихся Ему (23). *Духъ есть Богъ и иже кланяется Ему духомъ и истиною достоитъ кланятися* (24). Видишь лучшее наставленіе, видишь мудрость искуснаго Учителя? *Жено, вѣру Ми ими, глаголющу.* Смотри, какъ возбуждаетъ Онъ вѣру женщины. Смотри, какъ душу ея понемногу возводитъ къ небесамъ, не пристыжая ее за наружность блудницы, но служа спасенію души ея. Почему? Потому что Онъ и пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію (Лк. v, 32), потому что за погибшей овцой, не отлучаясь отъ нѣдръ отеческихъ, снисшелъ Онъ къ намъ, преклонивъ небеса, и сдѣлался совершеннымъ человѣкомъ, пребывъ тѣмъ, кѣмъ былъ. *Жено, вѣру Ми ими, яко грядетъ часъ и нынѣ есть, егда истинніи поклонницы поклонятся Отцу Духомъ и истиною. Ибо Отецъ таковыхъ ищетъ покланяющихся Ему. Духъ есть Богъ и иже кланяется Ему духомъ и истиною достоитъ кланятися* (23, 24). Поклоненіе Богу не ограничивается мѣстомъ, но повсюду распространяется познаніе божественной благодати; уже болѣе не присвояютъ себѣ іудеи и самаряне символовъ закона. Кто кланяется Богу духомъ и истиною, достойно кланяется. Отнынѣ богопочтеніе не заключается уже въ чужихъ всесожженіяхъ, въ тельцахъ и баранахъ; нѣтъ болѣе обрѣзанія и соблюденія субботы; нѣтъ ни храма, ни жертвенника, ни козла отпущенія, ни святого святыхъ; упразднена тѣнь и служеніе и извращенныя субботы. *Новомѣсячій вашихъ и субботъ*, говоритъ Богъ чрезъ пророка, *и дне великаго не потерплю*; *поста и праздности и праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя* (Ис. I, 13, 14). *Иже кланяется Ему духомъ и истиною достоитъ кланятися.* Все это прошло какъ тѣнь; древнее миновало; все стало новое. Благодать отвернулась отъ письменъ. Я не требую уже, чтобы поклоняющіеся Богу собирались по закону въ одно мѣсто; на всю вселенную хочу я распространить благодатные дары спасенія. *Во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Римл. x, 18). *Духъ есть Богъ и иже кланяется Ему духомъ и истиною достоитъ кланятися* (24). *Глагола Ему жена: вѣмъ, яко Мессія пріидетъ глаголемый Христосъ: егда той пріидетъ возвѣститъ намъ вся* (25). Вотъ блудница, любомудрствующая о духовномъ! Вотъ блудница, у которой Писаніе не сходитъ съ языка! И хотя тѣломъ она была погружена въ нечистоту блуда, но душа ея была очищена усерднымъ чтеніемъ божественныхъ писаній. *Вѣмъ, яко Мессія пріидетъ.* Мессія въ переводѣ значитъ помазанникъ. Поэтому самарянка и говоритъ: ожидаю помазанника, котораго плоть будетъ помазана Божествомъ. *Егда той пріидетъ, возвѣститъ намъ вся.* О, духовная высота! О, женщина—блудница и все знающая! Смотри, какъ она устремлена отъ земного къ небесному. Мессіей называетъ посланника, ожидаемаго Христа, приходящаго для спасенія всего міра. Опять про- 541
рокъ! Опять Господь! И Господа не называетъ уже болѣе іудеемъ, не

допытывается о дарованіи воды. не говоритъ уже Ему: *како Ты, жидовинъ сый, отъ мене пити просиши, жены самаряныни сущ-ей? Не прикасаюбтся жидове самаряномъ* (ст.9). Но что? *Господи, вижу яко пророкъ еси Ты* (19),—и тотчасъ же о вѣрѣ: *отцы наши въ горѣ сей поклонишася, и вы глаголете, яко во Іерусалимѣхъ есть мѣсто, идѣже кланятися подобаетъ* (20). Замѣть, какъ восхищаетъ она добро духовныхъ дарованій. Замѣть, какъ все у ней основано на Писаніи. *Вѣмъ, яко Мессія пріидетъ глаголемый Христосъ: егда той пріидетъ, возвѣститъ намъ вся* (25). Его я ищу, Его ожидаю, къ Нему стремлюсь. *Глагола ей Іисусъ: Азъ есмь, глаголяй съ тобою* (26). О, великое и необычайное чудо! Столь ясно открылъ Господь блудницѣ то, что многимъ изъ апостоловъ еще не было открыто.

4. Апостоламъ—Клеопѣ со спутникомъ—не открылся Онъ сразу, а когда отверзъ очи ихъ, тогда сталъ невидимъ для нихъ, такъ что они потомъ уже говорили: *не сердце ли наше горя бѣ въ насъ, егда глаголаше нама на пути, и егда сказоваше нама писанія* (Лк. XXIV, 32)? Имъ не открылся, а самарянкѣ говоритъ: *Азъ есмь, глаголяй съ тобою* (ст. 26). Что сдѣлалъ Онъ для одного только Павла, взошедшаго на третье небо, восхищеннаго въ рай и слышавшаго неизреченные глаголы, уловившаго вселенную, это самое гораздо раньше сдѣлалъ для самарянки. Павлу Господь ясно открылся въ словахъ, сказанныхъ съ неба: *Савле, Савле, что Мя гониши? Жестоко ти есть противу рожна прати.* Савлъ же *рече: кто еси Господи? Онъ же рече: азъ есмь Іисусъ* Христосъ, *егоже ты гониши* (Дѣян. XXVI, 14, 15; ср. IX, 4, 5). Тоже самое теперь говоритъ Господь самарянкѣ: *Азъ есмь, глаголяй съ тобою.* Въ это время приходятъ ученики и находятъ его бесѣдующимъ съ женщиной: *и чудяхуся, яко съ женою глаголаше* (Іоан. IV, 27). Покланяемый ангелами бесѣдовалъ съ блудницей; раздѣляющій съ Отцемъ безконечное царство наединѣ бесѣдовалъ съ женщиной. А она, оставивъ водоносъ, поспѣшила въ городъ. Оставила водоносъ, такъ какъ насытилась водою живой, и придя къ горожанамъ, громко воскликнула: *пріидите и видите человѣка, иже рече ми вся, елика сотворихъ: еди той есть Христосъ* (Іоан. IV, 29)? *Пріидите и видите человѣка.* Не сказала: идите, смотрите Бога среди людей,—чтобы не приняли ее за безумную, чтобы не сказали люди: она въ изступленіи. Въ самомъ дѣлѣ, видѣлъ ли когда-нибудь кто Бога ходящимъ по землѣ? Видѣлъ ли кто когда-нибудь Бога среди людей? *Пріидите и видите человѣка, иже рече ми вся, елика сотворихъ.* Она возбуждала въ нихъ желаніе пойти и сдѣлаться Его добычей; какъ сама онъ была уловлена, такъ уловляла, другихъ. Сама начала съ „іудея" и дошла до „Господа", а ихъ отъ человѣка руководитъ къ познанію Бога. О, блудница-проповѣдница! О, блудница, превзошедшая апостоловъ! Вѣдь только по исполненіи всего домостроительства, только

тогда апостолы начали апостольскую проповѣдь, а блудница и прежде страданій и искупленія и воскресенія благовѣствуетъ Христа. *Пріидите и видите человѣка, иже рече ми вся, елика сотворихъ* (29). Для вашей пользы я всенародно объявляю свои грѣхи; я разглашаю свои пороки, чтобы вы увидѣли Бога, пришедшаго къ людямъ, и поклонились Христу, не гнушающемуся грѣшниковъ. *Пріидите и видите человѣка иже рече ми вся, елика сотворихъ: еда той есть Христосъ?* Видишь мудрость женщины? Видишь благомысліе блудницы? Объ одномъ только грѣхѣ—именно о блудѣ—сказалъ ей Христосъ, и она оставила водоносъ, побѣжала въ городъ, говоря: *пріидите и видите человѣка, иже рече ми вся, елика сотворихъ.* Проповѣдуетъ объ Его всевѣдѣніи, и ея проповѣдь превосходитъ проповѣдь апостоловъ. Она не видѣла Его воскресшимъ изъ мертвыхъ, не видѣла, какъ Лазаря четверодневнаго возгласилъ Онъ изъ гроба, не видѣла его побѣды надъ смертью, не видѣла моря, укрощаемаго словомъ, не видѣла, какъ создавшій Адама бреніемъ восполнялъ недостатокъ творенія у слѣпого,—и проповѣдывала о Томъ, Кто въ раю словомъ творилъ изъ глины. *Пріидите и видите человѣка, иже рече ми вся, елика сотворихъ. Отъ града же того мнози вѣроваша въ онь отъ Самарянъ, за слово жены, свидѣтельствующія, яко рече ми вся, елика сотворихъ* (39). Будемъ и мы подражать этой женщинѣ—самарянкѣ въ томъ, чтобы не стыдится своихъ грѣховъ, но бояться Бога. А то нынѣ бываетъ, какъ я вижу, напротивъ: Грядущаго судить насъ мы не боимся, а тѣхъ, которые нисколько не могутъ повредить намъ, мы боимся и стыдимся. И за то, чего стыдимся, за это несемъ наказаніе. Вѣдь тотъ, кто стыдится открыть человѣку грѣхи, а не стыдится грѣшить предъ очами Божіими, и затѣмъ не желаетъ ни сознаться въ своихъ грѣхахъ, ни покаяться, будетъ посрамленъ въ тотъ день не предъ однимъ или двумя, а предъ всей вселенной. Итакъ, побесѣдуемъ со Христомъ: Онъ вѣдь и теперь стоитъ среди насъ и бесѣдуетъ съ нами чрезъ пророковъ и апостоловъ. Будемъ же слушать Его и повиноваться Ему. Доколѣ будемъ мы жить суетно и напрасно? Если здѣсь данное намъ время мы проведемъ безъ пользы, то отшедши отсюда подвергнемся тяжкому наказанію за неосмотрительную трату. Богъ даровалъ намъ эту настоящую жизнь и вдохнулъ въ насъ разумную душу не для того, чтобы мы пользовались только этой временной жизнью, но чтобы всѣ получили и будущую жизнь. Неразумнымъ животнымъ предоставлена только настоящая жизнь, а мы для того и имѣемъ безсмертную душу, чтобы готовиться къ тамошней жизни, чтобы просіять тамъ, чтобы ликовать съ ангелами, чтобы Царю предстоять всегда—въ безконечные вѣки. Для того и душа наша безсмертна, и тѣло будетъ возвращено намъ. Если же ты, когда предъ тобой небесное, привязанъ къ землѣ,—подумай какую обиду наносишь ты своему Благодѣтелю. Онъ предлагаетъ тебѣ небесное, а ты,

542

не обращая на это вниманія, предпочитаешь землю? Пренебрегаемый, Онъ угрожалъ тебѣ и геенной, чтобы ты узналъ отсюда, какихъ ты лишаешься благъ. Но да избавитъ насъ Богъ отъ опасности испытать это наказаніе на дѣлѣ! Благоугодившихъ же Ему да удостоитъ вѣчныхъ благъ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава со Отцомъ и всесвятымъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О ревности и благочестіи, и о слѣпорожденномъ.

548 1. Источникъ свѣта — слово Божіе; будучи исполнено свѣта и источая свѣтъ, оно просвѣщаетъ и озаряетъ души вѣрныхъ. Само изъ себя и само по себѣ оно свѣтитъ и пользующихся имъ просвѣтляетъ; и не просто души вѣрныхъ просвѣщаетъ, но и сообщаетъ имъ имя свѣта. Въ самомъ дѣлѣ, божественное Писаніе по справедливости именуетъ тьмою людей, погруженныхъ въ невѣдѣніе и упорствующихъ въ невѣріи, не принимающихъ свѣтильника истины, чтобы сдѣлаться сынами свѣта. Поэтому и божественный апостолъ Павелъ говоритъ: *нѣсмы синове нощи ниже тьмы, но синове свѣта и дне* (1 Сол. v, 5). И дѣйствительно, мы сыны свѣта, т. е. слова евангельскаго, глаголаннаго устами Божіими: *Азъ есмь свѣтъ міру, ходяй по Мнѣ не имать ходити во тьмѣ, но иматъ свѣтъ животный* (Іоан. VIII, 12). То слово есть слово свѣта, которое, если мы увѣруемъ въ него, дѣлаетъ насъ сынами свѣта. Потому и Спаситель говоритъ: *дондеже свѣтъ имате, вѣруйте во свѣтъ, да сынове свѣта будете* (Іоан. XII, 36). Вѣдь что для тѣла этотъ чувственный свѣтъ, то самое для душъ свѣтъ духовный — слово Божіе; и что ночью—тьма, то самое для душъ заблуждающихся невѣдѣніе. Поэтому и блаженный Давидъ о таковыхъ пишетъ: *не познаша ниже уразумѣша, во тмѣ ходятъ* (Пс. LXXXI, 4). Такъ и синагогу, погруженную въ невѣдѣніе и не желающую проникнуть къ познанію духовнаго ученія, Богъ называетъ тьмою, по причинѣ обитающаго въ ней невѣдѣнія. Когда Богъ говорилъ іудеямъ чрезъ пророка: *нощи уподобихъ матерь* вашу, то поясняя, что разумѣетъ ночь, подобную тьмѣ, прибавилъ: *уподобишася людіе мои аки* людіе *не имуще умѣнія* (Ос. IV, 5, 6). Потому-то они и *не познаша ниже уразумѣша, во тмѣ ходятъ* (Пс. LXXXI, 5). Но они такъ, а принявшіе свѣтъ Христова ученія — тѣ совершенствуются во свѣтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Богъ нашъ есть свѣтъ; и слово Его, изъ Себя самого рожденное Имъ прежде вѣковъ безстрастно, называется свѣтомъ; и святый и единосущный и живоначальный Духъ—свѣтъ. Свѣтъ, и свѣтъ, и свѣтъ, но одинъ свѣтъ. И душа, принявшая слово, называется свѣтомъ. Но Богъ тріипостасный—

свѣтъ по природѣ, а мы — въ силу общенія съ Нимъ. Затѣмъ, самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ—свѣтъ, какъ говоритъ о Немъ евангелистъ Іоаннъ: *бѣ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ* (Іоан. I, 9). Но свѣтъ, сущій отъ свѣта неизреченнаго, и законъ даруетъ полный свѣта, по слову пророка: *свѣтильникъ ногама моима законъ твой и свѣтъ стезямъ моимъ* (Пс. CXVIII, 105). Далѣе, душа, воспринявшая свѣтлое слово истины, и сама становится свѣтомъ и слышитъ отъ Павла: *бѣсте иногда тма, нынѣ же свѣтъ о Господѣ* (Еф. V, 8). А когда душа проникается словомъ евангельскихъ, тогда и по вѣрѣ она называется свѣтомъ, точно также и по дѣламъ. *Да просвѣтится*, говоритъ Господь, *свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего иже на небесѣхъ* (Мѳ. V, 16). Необходимо, чтобы принявшій свѣтъ вѣры дѣлалъ и дѣла свѣта. Не только душа вѣрнаго должна быть свѣтомъ, но и дѣлами своими онъ долженъ блистать предъ людьми. Поэтому и говоритъ Спаситель: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего иже на небесѣхъ* (Мѳ. V, 16). И вотъ удивительно: свѣтъ, исходящій отъ Бога, простъ, а лучи его различны — не по природѣ, конечно, а по дѣйствію. И просвѣщающее ученіе Божіе посылается всякой душѣ вѣрной, по сказанному: *и буде свѣтлость Господа Бога нашего на насъ* (Пс. LXXXIX, 17), чтобы предъ Нимъ исправились дѣла наши. Свѣтлость эта сама по себѣ — одна, но проявляясь въ насъ она производитъ многія свѣтлости: свѣтлость милостыни, свѣтлость цѣломудрія, свѣтлость страннопріимства, свѣтлость любви. У Бога свѣтлость—одна, но въ насъ она какъ бы сверкаетъ и переливается разнообразными оттѣнками, одного озаряя даромъ пророчества, въ другомъ воспламеняя огонь апостольства, иному даруя 544
блескъ мученичества. Тамъ — одна свѣтлость, а въ насъ многія, какъ сказано: *съ тобою начало въ день силы твоея во свѣтлостяхъ святыхъ твоихъ* (Пс. CIX, 3). Въ самомъ дѣлѣ, что иное хотѣлъ выразить и ап. Павелъ въ этомъ рядѣ вопросовъ: *еда вси апостоли? Еда вси пророцы? Еда вси учители* (1 Кор. XII, 29)? Конечно, не безъ основанія онъ допускаетъ такое дѣленіе, но сообразуясь съ душевнымъ настроеніемъ людей, не по своему произволу, но по силѣ исповѣданія вѣры каждымъ изъ нихъ; не по своему желанію раздаетъ онъ такія наименованія,— потому что его желаніе не можетъ имѣть рѣшающаго значенія,—но по обилію даровъ. Солнечные лучи, скользя по роскошнымъ украшеніямъ великолѣпной царской багряницы и отражаясь въ нихъ, разсыпаются безчисленнымъ множествомъ блестокъ всевозможныхъ цвѣтовъ; и чѣмъ богаче и лучше украшенія, тѣмъ разнообразнѣе и красивѣе отражаются ими лучи,—самый воздухъ какъ будто переливается то золотомъ, то пурпуромъ, то зеленымъ цвѣтомъ, то еще какимъ-нибудь другимъ. И все это не потому, конечно, чтобы самые лучи были различны по своей природѣ,

но исключительно потому, что они преломляются въ украшеніяхъ одежды и, отражаясь въ нихъ, становятся разнообразными. Такъ же точно объясняется и то разнообразіе лучей, какимъ всегда сіяетъ церковь и которое составляетъ ея красоту. Въ царскую одежду облечена церковь, небеснымъ и разнообразнымъ нарядомъ она разубрана, какъ это изображаетъ псалмопѣвецъ: *дщери царей въ чести твоей: предста царица одесную тебе въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна преиспещрена* (Пс. XLIV, 10). Какъ „преиспещрена"? Даромъ Святого Духа, по словамъ Павла: дѣйствующу *Богу знаменми же и чудесы и различными силами и Духа святаго раздѣленми* (Евр. II, 4). Какъ назвать мнѣ церковь Христову? Невѣстой въ уборѣ, царицей въ украшеніяхъ, садомъ воздѣланнымъ, лугомъ плодоноснымъ? Но какія бы эти или другія названія я ни употребилъ, ни одно изъ нихъ не можетъ выразить какъ слѣдуетъ ея достоинствъ. Отъ лица церкви, какъ бы ея устами, говорилъ пророкъ Исаія: *да возрадуется душа моя о Господѣ: облече бо мя въ ризу спасенія* (Ис. LXI, 10). Но чувствуя, что этотъ образъ не даетъ достаточнаго познанія о красотѣ церкви, пророкъ тутъ же дополняетъ его другими подобными же образами, прибавляя: какъ невѣсту украсилъ меня красотою, и какъ на жениха возложилъ на меня вѣнецъ, и какъ землю, растящую плодъ свой, и какъ виноградникъ, прозябающій сѣмена свои (ст. 11). Дѣйствительно, виноградникомъ запечатлѣннымъ (Пѣсн. Пѣсн. IV, 12) и садомъ можно назвать церковь Бога живого,—но садомъ не въ смыслѣ того древняго рая; нѣтъ, она гораздо выше его. Тамъ вѣдь воцарился змѣй, здѣсь же царствуетъ Христосъ.

2. Судите не по имени, а по существу дѣла. Самъ по себѣ рай ничего удивительнаго не представлялъ бы, если бы не было тамъ соблюденія заповѣди Божіей; наоборотъ, самыя низкія мѣста начуть не были бы низкими, если бы въ нихъ царствовалъ законъ Божій. Что лучше, что выше—рай или навозная куча? И однако для Адама рай оказался безполезнымъ вслѣдствіе его грѣхопаденія, а Іову и навозная куча не повредила благодаря его терпѣнію. Адамъ въ раю посрамляется за преслушаніе, а Іовъ на кучѣ увѣнчивается за терпѣніе. Никакого значенія не имѣетъ достоинство мѣста, если ему не соотвѣтствуетъ доброе расположеніе. Небо и рая выше, но оттуда падаетъ діаволъ. Земля внизу, а небо надъ нею возвышается (Притч. XXV, 3), но съ неба падаетъ впадшій въ грѣхъ, какъ видно изъ словъ: *видѣхъ сатану яко молнію съ небесе спадша* (Лук. X, 18), а отъ земли возвышаются нищіе, по изреченію: *воздвизаяй отъ земли нища и отъ гноища возвышаяй убога* (Пс. CXII, 7). Видишь, какъ различіе мѣста нисколько не содѣйствуетъ намъ въ преуспѣяніи, но повсюду вѣра, терпѣніе и надежда сплетаютъ вѣнцы достойнымъ? Что скромнѣе ложа? Что безстыднѣе цирка? Но какую пользу принесло необузданной египтянкѣ прелюбодѣяніе на ложѣ? Повредило ли сколько-нибудь первомученицѣ Θеклѣ

то, что она въ циркѣ выведена была обнаженной? Обнаженная не погрѣшила, святая не была поругана, но увѣнчана. И вотъ эта въ циркѣ увѣнчивается, а та въ брачной комнатѣ пріобрѣтаетъ вѣчный позоръ. 545
Какую пользу получили идолы съ ихъ ложнымъ почитаніемъ отъ обширности ихъ храмовъ? И что теряютъ мученики отъ несовершенства ихъ гробницъ? Не посрамилось ли заблужденіе и въ великолѣпныхъ храмахъ, а гробы мучениковъ не прославились ли въ смиреніи? Итакъ, Церковь Бога живого смѣнила собою рай сладости. Въ томъ раю змѣй извивался и обольстилъ, въ новомъ раю говоритъ Спаситель: *се даю вамъ власть наступати на змію, и на скорпію, и на всю силу вражію: и ничесоже васъ вредитъ* (Лук. x, 19). Въ раю совершилось преступленіе, изъ-за котораго Адаму закрытъ былъ путь жизни, но душѣ, преданной добродѣтели, это нисколько не препятствуетъ, что видно изъ того, что внѣ рая (человѣкъ) получаетъ больше, чѣмъ было въ раю. Адаму преграждается рай, а Петру ввѣряются ключи неба; Адамъ извергается изъ рая, а Павелъ восхищается до третьяго неба. Адамъ устраняется отъ древа жизни, чтобы какъ-нибудь, по словамъ Бога, не прикоснулся онъ къ древу жизни. Тамъ жизнь подавляется и древо жизни удаляется отъ преступника заповѣди; здѣсь воздвигается древо крестное и всѣ желающіе пожинаютъ жизнь вѣчную. Въ раю послѣ паденія Адамъ, угрызаемый совѣстью, скрывается отъ Бога, а Тотъ, кто все испытуетъ, призываетъ его и говоритъ: *Адаме, гдѣ еси* (ст. 9)? Ты не знаешь, гдѣ онъ? Ты спрашиваешь: *Адаме, гдѣ еси?* Нѣтъ, очевидно, въ обличеніе его беззаконія говоритъ Богъ: гдѣ ты?—вмѣсто того, чтобы сказать: каково твое состояніе? Доставилъ ли тебѣ равенство съ Богомъ обманъ змія? Видишь ли ты, что ты нагъ? „Богъ ты“? Голосъ Твой услышалъ я, и скрылся, отвѣчаетъ Адамъ (ст. 10). Онъ въ раю скрывается отъ Бога, а апостолы говорятъ: *мы же вси откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающе, отъ славы въ славу* (2 Кор. III, 18). Видишь, какое дерзновеніе внѣ рая? Видишь, какое посрамленіе въ раю? Въ раю послѣ грѣхопаденія Богъ одѣлъ Адама въ кожаныя одежды. Сравнимъ теперь и одежды. Адамъ тамъ облачился въ одежды, а здѣсь: *елицы во Христа креститеся, во Христа облекошася* (Гал. III, 27). Тамъ по заключеніи рая херувимъ и обращающееся оружіе, заграждающее доступъ въ рай; оно было какъ бы стѣной и преградой для Адама, не позволявшей ему за преслушаніе войти въ рай послѣ грѣхопаденія. Не въ порицаніе раю говорю я это, но въ поясненіе, что то богоприличное мѣсто нисколько не принесло пользы тому, кто не пожелалъ пребывать въ добрѣ. И послѣдствіемъ явилась какъ бы огненная стѣна, окружавшая рай и не позволявшая преступнику войти туда. Но чтобы показать, что не огонь самъ по себѣ, а исключительно преступленіе препятствовало Адаму чрезъ огненную стѣну, огненная колесница вознесла Илію на небо. Не обманывается Церковь Божія, говоря: *облече*

мя Богъ *въ ризу спасенія*, какъ невѣсту украсилъ красотою, какъ землю, растящую плодъ свой, и какъ великій вертоградъ истины (Ис. LXI, 10—11). Этотъ великій вертоградъ—Церковь вселенская. Христосъ царствуетъ въ ней и въ Него вѣритъ Церковь, какъ въ своего законоположника. А если окажется въ ней кто-либо зараженный болѣзнью еретичества, ученіемъ змѣинымъ,—я разумѣю еретическое заблужденіе,—тотъ извергается отсюда, какъ Адамъ изъ рая. Какъ именно тамъ послушавшійся наученія змѣя былъ извринутъ изъ рая, такъ и въ Церкви не повинующіеся Павлу, не научаемые Петромъ, но слѣдующіе внушеніямъ змѣя, изгоняются изъ этого рая. Откуда это видно? А вотъ что говоритъ Павелъ: *ревную по васъ Божіею ревностію: обручихъ бо васъ единому мужу дѣву чисту представити Христови. Боюся же, да не како, якоже змій Еву прельсти, тако истлѣютъ и разуми ваша* (2 Кор. XI, 2, 3). Но сюда не имѣетъ доступа ученіе змѣя, такъ какъ великій пастырь жезломъ вѣры стираетъ главы змѣевъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ пастырь, дивный отецъ нашъ стираетъ главы драконовъ евангельскою вѣрою и упованіемъ на Христа, и какъ отличный садовникъ, питаетъ произрастенія Церкви, всякое же сорное растеніе или сѣмя искореняетъ, всякій недугъ нечестія, языческое заблужденіе, какъ тернія, онъ предаетъ огню, еретическое же заблужденіе какъ траву выпалываетъ и
546 выбрасываетъ. Онъ облеченъ ревностью Божіей, какъ немногіе. Люди, имѣющіе обыкновеніе измышлять софизмы противъ Церкви и ея святыхъ пастырей, не оставляютъ въ покоѣ и нашего дивнаго отца, и многіе подъ видомъ кротости проповѣдуютъ нерадѣніе, порицаютъ ревность и пытаются остановить преуспѣвающее слово Божіе. Случается слышать, какъ подъ личиною кротости говорятъ они: какое намъ дѣло до язычниковъ? Хочетъ человѣкъ спастись, и пусть спасается. Такъ говорить можетъ только тотъ, кто совершенно не чувствуетъ ревности къ благочестію. Кто видитъ погибающаго и не печалится объ его погибели, не думаетъ и о своемъ наказаніи, тотъ не вѣдаетъ ревности по благочестію, не уязвленъ стрѣлами истины.

3. Въ самомъ дѣлѣ, кто видитъ погибающаго и не чувствуетъ ревности о немъ подобно Павлу: *кто не изнемогаетъ, и не изнемогаю* (2 Кор. XI, 29)?—тотъ не ученикъ Павла. Сопоставь съ этимъ добродѣтели нашего отца и ты найдешь, что на немъ осуществляются эти апостольскія слова: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся?* Люди подобнаго образа мыслей—братья апостоловъ. Праведникъ вѣдь скорбитъ не только о своихъ собственныхъ грѣхахъ, но и о тѣхъ грѣхахъ, которые совершаются на его глазахъ, какъ говоритъ Давидъ: *печаль пріятъ мя отъ грѣшникъ оставляющихъ законъ твой* (Пс. CXVIII, 53). Кого грѣхи другихъ опечаливаютъ, тотъ имѣетъ ревность о благочестіи. Праведникъ, когда его собственная жизнь нуждается въ исправленіи, плачетъ и печалится о томъ, чтобы свой

грѣхъ совершенно загладить; но когда видитъ грѣхи другихъ, тогда, оставивъ свой грѣхъ, начинаетъ уже оплакивать грѣхи другихъ, подобно Павлу: *да не паки пришедши восплачуся многихъ прежде согрѣшившихъ и не покаявшихся* (2 Кор. xii, 21). Павелъ скорбитъ о согрѣшившихъ и не покаявшихся; Самуилъ скорбитъ о Саулѣ до такой степени, что самъ Богъ говоритъ ему: *доколѣ ты плачеши о Саулѣ* (1 Цар. xvi, 1)? А ты видишь погибающую душу и не пожалѣешь? Вѣдь, если кто при видѣ покойника, несомаго къ мѣсту упокоенія, не прослезится, тотъ осуждается какъ безжалостный, суровый и звѣронравный; а ты видишь душу, погрязающую въ нечестіи, навлекающую на себя вѣчное осужденіе и коснѣющую въ невѣріи, и не скорбишь? Тебя это нисколько не опечаливаетъ? Свойственно ли это благочестивой душѣ? Человѣкъ благомыслящій долженъ печалиться о всякихъ чужихъ грѣхахъ, въ особенности же когда видитъ душу, погрязающую въ нечестіи язычества. О таковой душѣ должно не только печалиться, но горѣть и пламенѣть ревностью всякому, кто считаетъ себя ученикомъ Павла. Когда Павелъ пребывалъ въ Аѳинахъ, духъ его, по словамъ дѣеписателя, пламенѣлъ при видѣ города, наполненнаго идолами. Но что побуждаетъ святыхъ мужей питать такую ревность? Что и нашего дивнаго отца побуждаетъ быть такимъ блюстителемъ благочестія? Какъ царь земной, имѣя подъ своею властью вселенную, въ каждомъ судилищѣ имѣетъ вершителей правосудія, такъ и Богъ имѣетъ вѣрныхъ пастырей—блюстителей благочестія. Многіе изъ язычниковъ часто бранью отвѣчаютъ на замѣчанія христіанъ; имъ говорятъ, наприм.: зачѣмъ богохульствуете? Зачѣмъ упорствуете въ нечестіи? А они тотчасъ съ бранью возражаютъ: вотъ заступники Бога! Развѣ не можетъ Богъ заступиться самъ за Себя? Но вѣдь, дѣйствительно, Онъ самъ за Себя не заступается (потому что Божество не терпитъ обиды), а наказываетъ неблагодарныхъ рабовъ чрезъ вѣрныхъ слугъ. Имѣетъ ли Богъ нужду въ заступникахъ? Да, не потому, конечно, чтобы Онъ не въ силахъ былъ защитить Себя, но чтобы ты могъ обнаружить свою ревность. Вѣдь если бы все Онъ дѣлалъ самъ Собой, тогда закрылся бы путь жизни для ревнителя. Не богоборствовалъ ли нѣкогда фараонъ, погрязая въ нечестіи? И не было на него никакого бича, пока не явился вѣрный Моисей. Не процвѣтала ли ложь многобожія съ его ложными священниками и лжепророками не поражаемая Богомъ, пока не выступилъ ревнителемъ благочестія Илія? Безъ сомнѣнія, заступниками за Бога являются мужи святые. Потому и Павелъ говоритъ: *въ готовности имѣемъ отмстити всяко преслушаніе, егда исполнится ваше послушаніе* (2 Кор. x, 6). А что говоритъ удивительная между женщинами Деворра, при свойственной женщинѣ слабости пророчествовавшая съ мужествомъ добродѣтели, о которой сказано въ Писаніи: *воста Деворра, мати во Израили* (Суд. v, 7)? Она была матерью народа въ благоче-

стіи и настолько была сильна, что при началѣ войны полководцы вмѣстѣ съ Babakомъ говорили ей: если не пойдешь съ нами на войну, и мы не пойдемъ (ср. Суд. IV, 8). Не на храбрость женщины они полагались, но на силу пророчества. Многіе соратники совѣта Божія вышли и уничтожили иноплеменниковъ. Итакъ, эта блаженная Деворра, возвѣщая истину, говоритъ: Господи, любящіе Тебя какъ востокъ солнца,
547 враги же Твои какъ изгарь на свѣтильникѣ да погибнутъ (Суд. V, 31). Господи, любящіе Тебя какъ востокъ солнца,—потому, конечно, что солнце никогда не гаснетъ; враги же Твои какъ изгарь на свѣтильникѣ: свѣтильникъ вѣдь имѣетъ свѣтъ только на время и опять погашается. Восхваливъ потомъ военачальника, исполнившаго волю Божію, она приказываетъ проклясть жителей Мазора, потому что они *не пріидоша въ помощь Господню* (Суд. V, 23). Развѣ Богъ нуждался въ помощи? Конечно, нѣтъ. Но это послужило бы къ проявленію благочестія помогающихъ. Такъ именно и этотъ удивительный отецъ защищаетъ благочестіе, не какъ помощникъ Богу, будто бы нуждающемуся въ помощи, а какъ поставленный Имъ блюститель закона: на тѣла онъ налагаетъ наказанія, а души наставляетъ къ спасенію. Да, *стрѣлы сильнаго изощрены* (Пс. CXIX, 4). И не удивляйся, что пастыри Христовы и учители благочестія ратуютъ за истину. Даже и тотъ, кто не состоитъ учителемъ и не занимаетъ учительскаго мѣста, а просто принялъ Христово ученіе и сталъ въ ряду его учениковъ, и тотъ уже долженъ имѣть ревность по Богѣ и воздавать благодарность благодѣтелю, смѣло отверзая уста въ защиту истины и противъ нечестія, по завѣту Св. Писанія: чадо, *подвизайся о истинѣ, и Господь Богъ поборетъ по тебѣ* (Прем. Іис. Сирах. IV, 32). Нѣтъ ничего удивительнаго, если святые ратуютъ о благочестіи. Нерѣдко выходитъ даже такъ, что, при благости Божіей, только пророки и не допускаютъ, чтобы благочестіе страдало отъ снисходительности Божіей. Напримѣръ, Богъ говоритъ Моисею: скажи фараону: *отпусти люди моя* (Исх. VIII, 1) Если же не сдѣлаешь этого, вотъ я пошлю знаменія и поражу тебя. Но Моисею пришла мысль, что подобныя слова могутъ внушить фараону, что онъ имѣетъ надъ народомъ такія же права, какъ и Богъ. И заботясь о томъ, чтобы безмѣрная благость Божія не повредила какъ-нибудь его дѣлу, натолкнувъ фараона на противодѣйствіе Богу—этими выраженіями: „народъ твой" и „народъ мой", Моисей обращается къ фараону съ другими словами: *сія глаголетъ Господь Богъ Еврейскій: отпусти люди моя* (IX, 1) а если не отпустишь, я пошлю знаменія и поражу тебя и слугъ твоихъ, *да увѣси яко Господня земля* (IX, 29) *и исполненіе ея* (Пс. XXIII, 1). Земля услышала (бы) „народъ" и „народъ", и не послѣдовала бы слову,—вотъ онъ и говоритъ: „вся земля Господня". Богъ обнаружилъ въ этомъ случаѣ снисходительность, но пророкъ не передалъ Господней воли. И конечно, говорилъ такъ Богъ для того, чтобы

могла обнаружиться ревность благочестиваго. Вообще вѣрные всегда любятъ превосходить слова Божіи. Такъ, Спаситель говоритъ ученикамъ Своимъ: *кого мя глаголютъ человѣцы быти, Сына человѣческаго?* Изъ учениковъ же одинъ отвѣчаетъ: *ты еси Христосъ сынъ Бога живаго* (Мѳ. xvi, 13, 16)! Ревность Святого Духа да научитъ и васъ быть ревнителями и страдать за благочестіе и подвизаться за правду подвигомъ добрымъ.

4. Вполнѣ справедливо, чтобы добрые ученики были подражателями учителя, какъ и Павелъ говоритъ: *подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу* (1 Кор. xi, 1). Можетъ быть, вамъ нужны доказательства, что какъ обыкновенный ученикъ, такъ и тотъ, кто находится въ положеніи ученика, долженъ имѣть ревность о благочестіи? Тогда послушайте, какъ Христосъ исцѣлилъ слѣпого отъ рожденія, или лучше прослушаемъ это повѣствованіе съ самаго начала. Послѣ повѣствованій о другихъ дѣлахъ Христа, евангелистъ такъ начинаетъ свой разсказъ объ этомъ событіи: *мимоидый* Іисусъ *видѣ человѣка слѣпа отъ рождества. И вопросиша Его ученицы Его глаголюще: равви, кто согрѣши, сей ли или родителя его* (Іоан. ix, 1, 2)?—и такъ далѣе. А Онъ, плюнувъ на землю и сдѣлавъ бреніе, *помаза очи слѣпому и рече ему: иди, умыйся въ купѣли Силоамстѣ*; умывшись, слѣпорожденный прозрѣлъ (6, 7.). Іудеи узнали его и говорятъ: *не сей ли есть сѣдяй и просяй*, бывши слѣпымъ (8)? Одни говорили: „да, это онъ“, а другіе: „нѣтъ, только похожъ на него“. *Онъ же глаголаше: яко азъ есмь* (9). Фарисеи же и старѣйшины іудейскіе, видя, что чудо это многихъ привлечетъ ко Христу, снѣдаемые ревностью нечестія и поражаемые жаломъ истины, призываютъ къ себѣ того, который былъ раньше слѣпымъ. Прискорбное было зрѣлище—этотъ судъ надъ благочестіемъ, притомъ судъ, производимый злыми судьями; за то утѣшительно то, что подсудимый имѣлъ великаго защитника и самъ Богъ руководилъ состязаніемъ и наблюдалъ. Іудеи призываютъ бывшаго слѣпца — прозрѣвшаго, ставятъ его предъ лицемъ синедріона и говорятъ ему: скажи, 548
какъ ты прозрѣлъ, и кто отверзъ тебѣ очи, и какъ это онъ сдѣлалъ? Все это спрашивали они не для того, чтобы узнать отъ него истину, но чтобы своимъ допросомъ устрашить вопрошаемаго. Часто вѣдь самымъ способомъ спрашиванія учитель наставляетъ спрашиваемаго отвѣчать или молчать; тоже самое бываетъ и на судѣ: если тому, кто долженъ свидѣтельствовать о дѣлѣ, начать говорить: да знаешь ли ты дѣло по существу? присутствовалъ ли ты при немъ? откуда ты получилъ о немъ свѣдѣнія?—то самая форма вопроса покажетъ ему, что онъ долженъ дать отвѣтъ отрицательный. Такъ и они: кто отверзъ тебѣ очи? Какъ ты прозрѣлъ? А тотъ, думая не столько объ угрозѣ ихъ, сколько о томъ, чтобы соблюсти истину, отвѣчаетъ: *человѣкъ нѣкій, нарицаемый Іисусъ, бреніе сотвори и помаза очи мои и рече ми: иди въ купѣль*

Силоамлю и умыйся. Шедъ же и умыся, прозрѣхъ (11). Не зналъ истины, но признавалъ благодѣяніе; достоинства же благодѣтеля еще не зналъ. Человѣкъ нѣкій, сдѣлавъ бреніе, помазалъ мнѣ очи, и—я вижу. *Не яша убо вѣры Іудее о немъ, яко слѣпъ бѣ и прозрѣ, дондеже возгласиша родителей того прозрѣвшаго* (18). Неподатливость злобы подвергаетъ сомнѣнію истину. Призываютъ родителей слѣпого; злоба сама противъ себя собираетъ свидѣтелей. Явились родители слѣпца. Опять тотъ же способъ допрашиванія: *сей ли есть сынъ вашъ, егоже вы глаголете, яко слѣпъ родися? Како убо нынѣ видитъ* (19)? Тѣ, по угрозамъ догадавшись о той злобѣ, какая ихъ внушила, отвѣчаютъ имъ: *вѣмы, яко сей есть сынъ нашъ, и яко слѣпъ родися*, вѣмы; *како же нынѣ видитъ, или кто отверзе ему очи, мы не вѣмы. Самъ возрастъ имать: самого вопросите. Самъ о себѣ да глаголетъ* (20, 21). И замѣть мудрость Божію. Чтобы не было отстранено показаніе самого прозрѣвшаго, какъ несовершеннолѣтняго или не умѣющаго, какъ слѣдуетъ, отвѣчать въ общественномъ мѣстѣ, Богъ устроилъ такъ, чтобы прежде всего былъ засвидѣтельствованъ его законный возрастъ. *Самъ возрастъ имать*, говорятъ родители: *самого вопросите*. Несовершеннолѣтніе нуждаются въ защитникахъ, а достигшіе совершеннаго возраста сами за себя отвѣчаютъ. Потому-то *отвѣщаша родителя его и рѣша: яко сей есть сынъ нашъ и яко слѣпъ родися, вѣмы* (20). Они торжественно заявили объ этомъ, чтобы не могло быть сомнѣнія въ томъ, что онъ былъ слѣпъ. *Самъ возрастъ имать, самого вопросите: самъ о себѣ да глаголетъ* (21). *Возгласиша же вторицею человѣка, иже бѣ слѣпъ, и рѣша ему*: что сдѣлалъ Онъ тебѣ? Какъ отверзъ твои очи? Тотъ, воспламенившись наконецъ ревностью Божіей, пренебрегаетъ ихъ вопросомъ и оставляетъ его безъ отвѣта, но что говоритъ имъ? *Рекохъ вамъ уже и не слышасте: что паки хощете слышати мене? Еда и вы ученицы Его хощете быти* (ст. 27)? Онъ, никогда не бывшій слушателемъ Христовой проповѣди, подражаетъ ученію Христову. Іудеи въ праздникъ обновленія храма, окруживши Спасителя въ притворѣ Соломоновомъ, говорили Ему: *доколѣ души наша вземлеши? Аще ты еси Христосъ, рцы намъ не обинуяся. Отвѣща имъ Іисусъ: рѣхъ вамъ* (Іоан. X, 24, 25), *и не слышасте: что паки хощете слышати*? И замѣть благочестіе этого защитника. Онъ замѣтилъ злобу іудеевъ, что они на все готовы и не скупятся на угрозы, чтобы вынудить его страхомъ не исповѣдывать Христа своимъ учителемъ, но тѣмъ не менѣе говоритъ имъ: *рекохъ вамъ уже и не слышасте: что паки хощете слышати? Еда и вы ученицы Его хощете быти?* Своимъ выраженіемъ: *еда и вы* онъ показалъ, что въ отношеніи его самого это уже безспорно. Вотъ слова, которыя должны быть на устахъ всякаго христіанина при столкновеніи съ язычествомъ. Если бы съ тобою встрѣтился язычникъ, держащійся стараго заблужденія, и сказалъ бы тебѣ: ты христіанинъ?—отвѣть ему: да, не хочешь ли ты сдѣлаться христіа-

ниномъ? Такъ именно поступилъ этотъ прозрѣвшій и тѣлесно и духовно. *Рекохъ вамъ уже и не слышасте: что паки хощете слышати мене? Еда и вы хощете ученицы Его быти?* Т. е., вы такъ далеки отъ того, чтобы убѣдить меня, что я ожидаю, что вы скорѣе измѣнитесь и исповѣдуете Его Христомъ. Что же на это ему іудеи? *Они же укориша его и рѣша ему: ты ученикъ еси того, мы же Моисеевы есмы ученицы. Мы вѣмы, яко Моисеови глагола Богъ, сего же не вѣмы, откуду есть* (ст. 28, 29). Сопоставь многочисленность противниковъ и силу одного, противостав-шаго имъ. И тутъ не смолчалъ поборникъ истины, но продолжалъ такими словами: *о семъ бо дивно есть, яко вы не вѣсте, откуду есть, и* 549
отверзе очи мои (30). *Аще не бы былъ сей отъ Бога, не моглъ бы творити ничесоже* (33). Устоялъ онъ въ борьбѣ, за которой наблюдателемъ и судіей былъ Богъ; многіе сильные противъ одного крѣпкаго, туча невѣрія противъ одной капли вѣры! *Отъ вѣка*, говоритъ онъ, *нѣсть слышано, яко кто отверзе очи слѣпу рождену. Аще не бы былъ сей отъ Бога, не моглъ бы творити ничесоже* (ст. 32, 33). Вы тщеславитесь, говоритъ, ученіемъ Моисея? Впрочемъ онъ не упоминаетъ о Моисеѣ, чтобы не раздражить ихъ, но говоритъ: *отъ вѣка нѣсть слышано, яко кто отверзе очи слѣпу рождену*. Т. е, кто, какой другой пророкъ отверзъ? Никто не превзошелъ Его, никто не сравнился съ Нимъ. Но сколько онъ ратовалъ за истину, столько они упорствовали въ безстыдствѣ. Такъ какъ отрицать случившагося они были болѣе уже не въ состояніи, то они стараются обойти это событіе и говорятъ ему: *даждь славу Богу: мы вѣмы, яко человѣкъ сей грѣшенъ есть* (ст. 24). Слава Отца и есть слава Сына, и слава ихъ нераздѣлима. Продолжается подвигъ борца противъ іудеевъ. Говорятъ ему: *даждь славу Богу*. Какому? Богу вашего закона? Но развѣ справедливо получить благодѣяніе отъ одного, а прославлять другого? *Даждь славу Богу*. Одинъ меня благодѣтельствовалъ, а я воздамъ славу другому? Они сами признали, что Іисусъ сдѣлалъ бреніе и помазалъ глаза его; исцѣлителемъ признается Онъ, а прославить нужно другого? За что же воздавать славу Богу? За то, что дѣло это есть дѣло Божіе? Итакъ противъ воли вы признаете Христа Богомъ? *Даждь славу Богу*. Если дѣло это—дѣло Божіе и Ему должна быть воздана слава, то самъ совершитель этого дѣла Богъ. *Даждь славу Богу: мы вѣмы яко человѣкъ сей грѣшенъ есть. Отвѣща убо онъ, иже бѣ слѣпъ и рече: аще грѣшенъ есть, не вѣмъ. Едино вѣмъ, яко слѣпъ бѣхъ, нынѣ же вижу* (25).

5. Когда онъ дошелъ до столь смѣлыхъ выраженій, они приказали выгнать его вонъ. *И изгнаша его*, говоритъ евангелистъ, *вонъ* (34). Блаженъ потерпѣвшій изгнаніе изъ сборища лукавнующихъ! Но вотъ что происходитъ далѣе. Такъ какъ онъ подвизался добрымъ подвигомъ и ратовалъ за славу Божію и со всею смѣлостью исповѣдалъ Спасителя, а между тѣмъ, когда вся арена была наполнена его подвигами, самъ

подвижникъ былъ изгнанъ вонъ, не получивъ вѣнца, то распорядитель борьбы отыскиваетъ его внѣ поприща. *Услыша Іисусъ, яко изгнаша его вонъ, и обрѣтъ его, рече ему.* Вотъ замѣчательныя слова: „находитъ его“! Кого заблужденіе хочетъ погубить, того находитъ Истина. Зачѣмъ же Онъ нашелъ его? Спаситель видѣлъ, что душа его исполнена благодарности, видѣлъ, что, еще ничего не зная и считая Его только за какого-нибудь пророка, онъ говорилъ о немъ какъ о Богѣ, — потому что рѣчь шла о Христѣ. И что Онъ говорилъ о Немъ? Что Онъ пророкъ. Спаситель сказалъ Себѣ такъ: если теперь, когда онъ считаетъ Меня пророкомъ и предполагаетъ во Мнѣ обыкновеннаго человѣка, онъ такъ подвизается, то чего не сдѣлаетъ онъ, когда узнаетъ славу Божества? Если теперь, когда видитъ во Мнѣ человѣка и называетъ Меня пророкомъ, такъ защищалъ истину и такую борьбу предпринялъ еще вовсе не посвященный, а только просвѣщенный однимъ благодѣяніемъ,—если защищая человѣка онъ не отступилъ отъ истины, то подумай, что будетъ, когда онъ научится говорить по-евангельски: *въ началѣ бѣ слово и слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ слово* (Іоан. і, 1)? И вотъ Спаситель, принявъ его подвигъ и запечатлѣвъ его вѣру, усовершаетъ его знаніе. Встрѣчаетъ Спаситель слѣпца, а тотъ и не зналъ Его по наружности. Вѣдь когда Онъ послалъ его въ купель Силоамскую умыться, то послалъ слѣпого, а когда онъ возвратился зрячимъ, то Спасителя, вошедшаго въ толпу, ему не удалось видѣть, и къ тому же тотчасъ, прежде чѣмъ увидѣлъ Господа, онъ былъ призванъ въ синедріонъ, гдѣ и долженъ былъ выдержать борьбу. А бреніе Господь сдѣлалъ прежде, чѣмъ онъ умылся, и помазалъ ему глаза именно съ тѣмъ, чтобы восполнить его природный недостатокъ. И вотъ, когда исцѣленнаго изгнали вонъ, Христосъ, найдя его, сказалъ ему: *ты вѣруеши ли въ Сына Божія* (35)? Не слѣдуетъ, чтобы ты вѣрилъ въ того, за кого ты подвизаешься, какъ въ пророка, но какъ въ Сына Божія. Тотъ, не зная лица,
550 узналъ Его голосъ. *Ты вѣруеши ли въ Сына Божія?* Узналъ онъ голосъ и съ радостью воскликнулъ: *и кто есть, Господи, да вѣрую въ Него* (36)? Почему вѣруешь ты тому, кто говоритъ тебѣ: *ты вѣруеши ли въ Сына Божія?* Я знаю, что Твое слово истинно, и если отъ Тебя узнаю о чемъ, не усомнюсь повѣрить Тебѣ. *И кто есть, Господи, да вѣрую въ Него?* И вѣдущій будущее отвѣчаетъ: *и видѣлъ еси Его, и глаголяй съ тобою Той есть* (37). Тотъ, кого защищалъ онъ внутри, внѣ спрашиваетъ: *ты вѣруеши ли въ Сына Божія?* А просвѣщенный и тѣломъ и душой отвѣчаетъ: *и кто есть, Господи, да вѣрую въ Него?* На это Господь сказалъ ему: *и видѣлъ еси Его, и глаголяй съ тобою Той есть.* Онъ же сказалъ: *вѣрую, Господи, и поклонися Ему* (38). Я разсказалъ вамъ это, чтобы вы всѣ научались слѣдовать хорошему наставнику и подражать доброму пастырю, подвизаясь за истину. Вѣдь вашъ подвигъ совершается при содѣйствіи великаго пастыря. Вы удивляетесь, что облаго-

дѣтельствованный слѣпецъ сдѣлался защитникомъ истины. Вы удивляетесь, что разбойникъ, еще не получивъ благодѣянія, ратовалъ за Христа. Но всегда вѣдь божественная душа, ревнующая объ истинѣ, своимъ собственнымъ вліяніемъ отверзаетъ многія уста въ защиту истины. Христосъ висѣлъ на крестѣ и два разбойника—по правую и по лѣвую сторону его; іудеи поносили Его, архіереи хулили: *сей есть царь іудейскъ* (Лук. xxiii, 38); и далѣе: *аще царь Израилевъ есть, да снидетъ нынѣ со креста, да видимъ и вѣру имемъ Ему* (Мө. xxvii, 42; Мрк. xv, 32); и: *ины спасе, Себе ли не можетъ спасти* (Мрк. xv, 31; Мө. xxvii, 42)? Точно также и распятый съ Нимъ разбойникъ поносилъ Его, говоря: *аще Сынъ еси* Божій, *спаси себе и наю* (Лук. xxiii, 39)! Другой же разбойникъ не говорилъ ничего, молчаніемъ своимъ укоряя осужденныхъ. Когда же архіереи и книжники, знавшіе законъ, или вѣрнѣе—не знавшіе его, хотя и должны были отъ пророческихъ писаній исповѣдать Христа,—не исповѣдали Его, тогда Богъ сверхъ ожиданія отверзаетъ на крестѣ уста, свидѣтельствующія объ истинѣ. И смотри, чтó дѣлаетъ. Не было бы ничего удивительнаго, если бы разбойникъ прежде всего услышалъ слова Христовы, заступился за Него и за это былъ увѣнчанъ. Но здѣсь произошло обратное. *Тогда распяша съ Нимъ два разбойника, единаго одесную и единаго ошуюю* (Мө. xxvii, 38), а Спаситель былъ въ срединѣ, какъ бы коромысло на вѣсахъ истины, облегчая судьбу исповѣдавшаго Его и осуждая хулившаго. И вотъ удивительно: когда книжники и первосвященники хулили Христа и говорили: *аще царь Израилевъ есть, да снидетъ нынѣ со креста, да видимъ и вѣруемъ въ Него*, а разбойникъ говорилъ: *аще* Сынъ *еси* Божій, *спаси себе и наю*, другой изъ разбойниковъ—благоразумный—не произнесъ ни одного слова. Два эти разбойника были образами народа іудейскаго и нашего. Одинъ богохульствуетъ и осуждается, другой вѣруетъ, кается и спасается. Итакъ, говоритъ братъ неблагодарнаго сборища іудейскаго (поистинѣ разбойничьимъ народомъ были неблагодарные іудеи, какъ свидѣтельствуетъ Спаситель: *храмъ Мой храмъ молитвы наречется, вы же сотвористе и вертепъ разбойникомъ* (Мө. xxi, 13),—и расположеніе перваго разбойника было іудейское, а второго—христіанское, такъ какъ онъ стремился очиститься отъ золъ посредствомъ покаянія и похитить спасеніе),—итакъ, говоритъ неблагоразумный—іудейски настроенный разбойникъ: *аще Сынъ еси Божій, сниди со креста, спаси себе и наю* (Лк. xxiii, 39); а другой оказывается благоразумнымъ: осужденный на судѣ—онъ на крестѣ является судьей и учитъ страху Божію. Прежде всего онъ говоритъ своему товарищу: *ни ли ты боишися Бога, яко въ томъ же осужденъ еси? И мы убо въ правду: достойная бо по дѣломъ наю воспріемлева: сей же ни единаго зла сотвори* (40, 41). Что ты говоришь? Тамъ ты воровалъ, а здѣсь судишь? Тамъ убивалъ, а здѣсь учишь страху? *Ни ли ты боишися Бога?* Познай крестъ Христовъ, чтобы голосъ этотъ научилъ тебя благоче-

стію. Вотъ удивительное дѣло: разбойникъ укоряетъ своего сподвижника: *ни*
551 *ли ты боишися* Бога? Богомъ проповѣдуетъ того, кто добровольно распялся вмѣстѣ съ ними и великодушно страдалъ за людей. И что именно о Спасителѣ говорилъ онъ въ этихъ словахъ: *ни ли ты боишися Бога?* убѣдись въ этомъ изъ дальнѣйшаго: *ни ли ты боишися Бога, яко въ томъ же осужденъ еси? И мы убо въ правду, достойная бо по дѣломъ наю воспріемлева; сей же ни единаго зла сотвори* (ст. 40, 41). Я такъ долго останавливаюсь на этомъ исповѣданіи разбойника, чтобы научить васъ подвизаться за благочестіе, и дома и предъ народомъ обнаруживать ревность и ратовать за Христа, чтобы и отъ Него получить вѣнецъ правды, подобно этому благоразумному разбойнику. Вникните же въ то, что говоритъ онъ своему сотоварищу-хулителю. *Ни ли ты боишися Бога, яко въ томъ же осужденъ еси? И мы убо въ правду: достойная бо по дѣламъ наю воспріемлева; сей же ни единаго зла сотвори. И глаголаше Іисусови: помяни мя Господи, егда пріидеши во царствіи си* (42)! Вотъ истинная защита! Вотъ какъ самого Христа исповѣдалъ онъ истиннымъ Богомъ: *помяни мя Господи, егда пріидеши во царствіи си!* Сознается въ своихъ грѣхахъ и вступается за Владыку. Сколько усилій употребилъ судія, чтобы вырвать у тебя сознаніе въ разбоѣ и убійствѣ и грабежѣ, которые ты сдѣлалъ, а сознался ли ты? Здѣсь же говоришь безъ всякаго принужденія: *достойная бо по дѣломъ наю воспріемлева.* Безчисленныя мученія едва вынудили у тебя сознаніе предъ игемономъ, а здѣсь ты безъ всякаго принужденія такъ легко сознаешься? Да, говоритъ, но тамъ сознаніе сопровождается смертью, здѣсь же за сознаніемъ слѣдуетъ раскаяніе и жизнь. *Достойная бо по дѣломъ наю воспріемлева; сей же ни единаго зла сотвори.* Мы-то, говоритъ, справедливо, а Онъ вѣдь несправедливо. Мы живыхъ убивали, а Онъ мертвыхъ воскрешалъ; мы чужое расхищали, а Онъ Свое богатство расточилъ для міра. Сражается разбойникъ съ своимъ сотоварищемъ и говоритъ ему: до того момента, когда мы съ тобою оказались на крестѣ, мы шли одною дорогой, а теперь отъ креста наша дорога раздѣляется: если хочешь вмѣстѣ со мною идти къ жизни—иди, а если нѣтъ—ступай своей дорогой. До сихъ поръ, когда я шелъ съ тобой, наша дорога была одна, а теперь крестъ раздѣлилъ дальнѣйшую дорогу на двѣ. Покаяніемъ раздѣляется дорога разбойниковъ. Такъ исполнился псаломъ, собственно конецъ псалма: *вѣсть Господь путь праведныхъ и путь нечестивыхъ погибнетъ* (Пс. I, 6). Итакъ, защитивъ истину, разбойникъ обращается къ Царю славы и говоритъ: *помяни мя Господи, егда пріидеши во царствіи си!*

6. Да устыдятся наконецъ аріане и да услышатъ, что говоритъ разбойникъ! *Помяни мя Господи, егда пріидеши во царствіи си* (Лук. XXIII, 42)! Разбойникъ видитъ Распятаго и исповѣдуетъ Его Господомъ; еретикъ исповѣдуетъ сопрестольнымъ Отцу и унижаетъ какъ тварь.

Помяни мя Господи, егда пріидеши во царствіи си! Кто-нибудь, пожалуй, спросилъ бы разбойника: какъ помянетъ тебя Христосъ? За какія заслуги? За то, что ты убивалъ? За то, что грабилъ? Ты говоришь, вѣдь: *помяни мя, егда пріидеши во царствіи си*! Пусть никто, однако, не думаетъ, что спасеніе разбойника было дѣломъ только милости Христовой: онъ получилъ спасеніе, какъ должное по заслугѣ. Какая же заслуга, скажетъ иной? Какія дѣла справедливости совершены имъ? Или дѣла милосердія творилъ онъ? Роздалъ свое имѣніе, изнурилъ себя постомъ и бдѣніемъ? Никто другой не сдѣлалъ того, что сдѣлалъ онъ. Да, онъ увѣровалъ въ Бога. Конечно, и пророки вѣровали въ Бога, и патріархи вѣровали, и пѣснописцы вѣровали, апостолы, проповѣдники, мученики вѣровали; но всѣ они вѣровали, узрѣвъ Бога во славѣ, а онъ увѣровалъ, видя Христа въ уничиженіи. Представь себѣ тысячу рабовъ, служащихъ господину, когда онъ въ славѣ и благополучіи, и одного раба, не покидающаго своего господина въ годину испытанія, лишеній и изгнанія, тогда какъ та тысяча рабовъ во дни испытанія и изгнанія оставляетъ господина: неужели эти рабы, вѣрные въ благополучіи и покидающіе господина въ несчастіи, могутъ быть 552
сравниваемы съ тѣмъ рабомъ, который и въ несчастіи остается вѣрнымъ своему господину? Конечно, ни въ какомъ случаѣ. Увѣровалъ Петръ, но увѣровалъ, увидѣвъ Его воскрешающимъ мертвыхъ, узрѣвъ славу Его. Увѣровалъ Павелъ, но увѣровалъ, увидѣвъ свѣтъ съ неба, ослѣпившій его тѣлесныя очи и просвѣтившій очи духовныя; увѣровалъ Авраамъ, но узрѣвъ божественное видѣніе; увѣровалъ Исаія, но увидѣвъ Его сидящимъ *на престолѣ высоцѣ* и херувимовъ окрестъ Его (Ис. VI, 1, 2). Всѣ они видѣли Господа, но видѣли въ славѣ, а этотъ въ уничиженіи,—почему и воскликнулъ: *помяни мя Господи, егда пріидеши во царствіи си!* Въ виду моего положенія вы можете спросить меня: зачѣмъ ты говоришь это? Затѣмъ, что я грѣшникъ и убійца, до сего часа разбойникъ; мои преступленія велики, я исповѣдаю это; но въ сердцѣ моемъ скрыта вѣра, которой никто не знаетъ, только одинъ Господь, страдающій со мною. Совнѣ и Господь имѣетъ видимые знаки страданій, но я не обратилъ вниманія на видимое Его уничиженіе, а прославляю скрытое ото всѣхъ Его царство. Такъ и ты говори: Господи, не воззри на мои видимыя неправды, но на мою сокровенную вѣру и *помяни мя, егда пріидеши во царствіи си*! Все это время Христосъ совершенно ничего не говорилъ, но хранилъ молчаніе, не отвѣчая ни Пилату, ни одной изъ неблагодарныхъ іудейскихъ душъ, а теперь отвѣчаетъ; такъ какъ теперь молчаніе было слишкомъ тяжело и совершенно не умѣстно, то Господь и не оставилъ безъ отвѣта обращеніе къ Нему разбойника. *Аминь, аминь глаголю тебѣ*, сказалъ Онъ, *днесь со Мною будеши въ раи* (ст. 43)! О, милость благодѣтеля! Ты не ожидаешь скорой помощи и говоришь: *помяни мя Господи, егда прі-*

идеши во царствіи си! Ты просилъ о милости въ будущемъ, а Я дарую тебѣ ее тотчасъ же: *днесь со Мною будеши въ раи*! Видишь спасеніе Божіе? Видишь благодѣяніе Владыки? Видишь великаго Судію истины? *Днесь со Мною будеши въ раи*! До сихъ поръ никто изъ іудеевъ или патріарховъ не слыхалъ обѣтованія рая, откуда Адамъ палъ и былъ изгнанъ. И хотя безчисленныя обѣтованія давалъ Богъ людямъ вѣрнымъ, но никому не обѣщалъ рая кромѣ разбойника, и никогда со времени изгнанія изъ рая Адама не напоминалъ Богъ людямъ о раѣ раньше этого бывшаго разбойника. Почему же прежде не говорилъ Богъ о раѣ никому изъ патріарховъ, никому изъ пророковъ, никому изъ апостоловъ? Древнимъ Онъ обѣщалъ: дамъ вамъ *землю, точащую млеко и медъ* (Исх. XIII, 5), а апостоламъ говоритъ: *блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное* (Мѳ. V, 3). О раѣ—ни слова: обѣтованіе о немъ какъ бы сберегается для того, чтобы его первымъ услышалъ разбойникъ. Вѣдь если Павелъ сказалъ: я восхищенъ былъ въ рай (2 Кор. XII, 2), такъ это было уже послѣ разбойника. Но почему же первымъ вошелъ въ рай человѣкъ, произнесшій всего только одно восклицаніе? Что же? Онъ усердно пѣлъ псалмы, что ли? Усердно подвизался? Часто ли, по крайней мѣрѣ, вспоминалъ о Богѣ? Оказывается—всего одинъ разъ. Справедливъ Богъ мой, совершитель спасенія! Какъ праотца нашего Адама изгналъ Онъ изъ рая не за многія прегрѣшенія, но за одно преслушаніе, такъ на вѣсахъ правды Его было положено обѣтованіе разбойнику—войти въ рай не за многія какія-нибудь исповѣданія, но за одно исповѣданіе вѣры. Я сказалъ, что грѣхъ Адама состоялъ въ томъ, что онъ вопреки заповѣди прикоснулся къ древу; въ чемъ же заключалось оправданіе разбойника? Онъ вошелъ въ рай за то, что съ вѣрою коснулся креста. Что же послѣдовало дальше? Разбойнику было обѣщано Спасителемъ спасеніе; между тѣмъ ему времени не было и не удалось осуществить свою вѣру и просвѣтиться (крещеніемъ), а вѣдь было сказано: *аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити во царствіе Божіе* (Іоан. III, 5). Не было ни случая, ни возможности, не было для разбойника и времени креститься, потому что онъ висѣлъ тогда на крестѣ. Спаситель однако нашелъ выходъ изъ этого безвыходнаго положенія. Такъ какъ увѣровалъ въ Спасителя человѣкъ,
553 оскверненный грѣхами, и нужно было ему очиститься, то Христосъ устроилъ такъ, что послѣ страданій одинъ изъ воиновъ копьемъ произилъ ребро Господа и изъ него истекла кровь и вода; изъ ребра Его, говоритъ евангелистъ, *изыде кровь и вода* (Іоан. XIX, 34), въ подтвержденіе истинности Его смерти и въ прообразованіе таинствъ. И вышла кровь и вода—не просто вытекла, но съ шумомъ, такъ что брызнула на тѣло разбойника; вѣдь, когда вода выходитъ съ шумомъ, она производитъ брызги, а когда вытекаетъ медленно, то идетъ тихо и спокойно. Но изъ ребра кровь и вода вышли съ шумомъ, такъ что брызнули на

разбойника и этимъ окропленіемъ онъ былъ крещенъ, какъ говоритъ и апостолъ: мы приступили *къ Сіонстѣй горѣ и крови кропленія, лучше глаголющей, нежели Авелева* (Евр. xII, 22, 24). Почему же кровь Хри- 554
стова говоритъ лучше Авелевой? Тогда какъ кровь Авеля падала на главу убійцы его, кровь Христа очищаетъ и убійцъ покаявшихся. Научись отсюда ревности къ истинѣ и возлюби дерзновеніе за Христа; послѣдуй истинному Учителю, подвизавшемуся за истину, чтобы, слыша отъ апостола Павла: *подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу* (1 Кор. xI, 1), ты и самъ удостоился вѣнцовъ правды и тѣхъ вѣчныхъ благъ, которыя уготовалъ Христосъ Богъ нашъ всѣмъ возлюбившимъ Его. Да сподобимся ихъ и мы всѣ, милостью и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

о лжепророкахъ, и лжеучителяхъ, и объ еретикахъ, и о знаменіяхъ кончины вѣка сего. Было сказано въ ожиданіи близкой смерти.

1. Прискорбно это мое слово, какъ послѣднее, въ чемъ я увѣренъ, 553
но въ то же время и радостно. Прискорбно потому, что мнѣ не придется уже больше говорить съ вами, а радостно потому, что наступаетъ для меня время *разрѣшитися и со Христомъ быти* (Филип. I, 23). *Ктому немного глаголю съ вами* (Іоан. xIV, 30), какъ сказалъ Господь. Со скорбью сердечною побесѣдую съ вами и о лжепророкахъ, лжеучителяхъ и безбожныхъ еретикахъ, о которыхъ говорилъ апостолъ: *лукавіи человѣцы и чародѣи преуспѣютъ на горшее, прельщающе и прельщаеми* (2 Тим. III, 13), о которыхъ и я часто напоминалъ вамъ. Много бесѣдовалъ я съ вами, по милости Христовой, — какъ вы и сами знаете, боголюбезные,—и почти въ каждой бесѣдѣ мы вспоминали о нихъ, если, разумѣется, вы помните, напримѣръ, то, что говорилось вчера; а конечно, вы,—я знаю,—помните, особенно же тѣ изъ васъ, которые любятъ трудъ, любятъ книги, любятъ Христа. Книголюбецъ, по справедливости, можетъ быть названъ христолюбивымъ, на основаніи слова Господа: *аще кто любитъ Мя, слово мое соблюдетъ* (Іоан. xIV, 23), и: *любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ* (ст. 21). „Любящій Меня" поучается въ законѣ день и ночь, очевидно—въ Евангеліи и прочихъ священныхъ писаніяхъ. А такой человѣкъ неизгладимо хранитъ въ сердцѣ своемъ память о Богѣ; ожидая Его съ небесъ, всегда блюдетъ часъ пришествія Его. Постоянно имѣя въ рукахъ эти священныя книги,

онъ никогда не забудетъ о тѣхъ страшныхъ книгахъ, о которыхъ написано: *судище сѣде и книги отверзошася* (Дан. VII, 10). Вотъ какая польза отъ занятій Священнымъ Писаніемъ, какъ вы много разъ уже слышали. И что я постоянно говорю? Изъ того, что для насъ полезно, божественное Писаніе ни объ чемъ не умолчало, ничего не забыло, но постоянно возглашаетъ — и чрезъ пророковъ и чрезъ апостоловъ — и, какъ чадолюбивая мать своихъ дѣтей, каждаго изъ насъ наставляетъ,
554 утверждаетъ и предупреждаетъ; напоминаетъ оно намъ и о минувшемъ, и о настоящемъ, и о будущемъ, ничего не пропуская, какъ сказано, изъ того, что намъ полезно; и притомъ говоритъ обо всемъ этомъ не тайно, не вполголоса, но повсюду, во всеуслышаніе провозглашаетъ и чрезъ законъ, и чрезъ пророковъ, и чрезъ апостоловъ, и даже устами Самого Господа,—какъ само оно объ этомъ свидѣтельствуетъ чрезъ пророка Исаію: *возопій крѣпостію и не пощади, яко трубу вознеси гласъ твой* (Ис. LVIII, 1), а въ другомъ мѣстѣ: *на гору высоку взыди, благовѣствуяй Сіону*, и немного спустя: *возвысите, не бойтеся* (XL, 9). Или Давидъ говоритъ: *утрудихся зовый, измолче гортань мой* (Пс. XLVIII, 4). Іоаннъ Богословъ въ своемъ соборномъ посланіи наставляетъ: *блюдите себе* (2 Іоан. 8). А что внушаетъ Павелъ? *Блюдите како хотите* (Ефес. V, 15). А Господь? *Азъ не обинуяся глаголахъ міру, и тай не глаголахъ ничесоже* (Іоан. XVIII, 20), а въ другомъ мѣстѣ евангелистъ свидѣтельствуетъ о Немъ, что Онъ *стояше и зваше: аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ и піетъ* (VII, 37). Видишь, сколько усилій, сколько старанія, сколько ревности въ призываніи, и никто не внимаетъ? И опять блаженный Павелъ говоритъ: *блюдитеся отъ псовъ, блюдитеся отъ злыхъ дѣлателей, блюдитеся отъ сѣченія* (Филип. III, 2). *Блюдитеся како ходите, яко дніе лукави суть* (Ефес. V, 15, 16). И Іоаннъ: *блюдите себе, да не погубите, яко дѣласте добрая, зане мнози лестцы внидоша въ міръ* (2 Іоан. I, 8, 7). И много подобныхъ наставленій въ божественныхъ Писаніяхъ ветхаго и новаго завѣта, призывающихъ насъ пробудиться и бодрствовать. А мы поступаемъ наоборотъ, подобно тѣмъ людямъ, о которыхъ сказалъ Исаія пророкъ: *ушима своима тяжко слышаша и очи свои смежиша* (Ис. VI, 10). О, сколько и какихъ Писаній мы, слыша, оставляемъ безъ вниманія! За то и безотвѣтными останемся мы въ день испытанія, когда придетъ
555 просвѣщающій тайны тьмы и раскрывающій всѣ движенія сердецъ, когда раскроются книги, когда возсядетъ судъ (Дан. VIII, 10),—книги, о которыхъ мы нынѣ слушаемъ съ улыбкой, не желая придавать имъ значенія. Всѣ мы сбились съ прямого пути и каждый блуждаетъ по своей дорогѣ; съ нами опять тоже, что было прежде, когда Ты не владѣлъ нами, Господи (Ис. LXIII, 19). И поистинѣ, исполнилось на насъ пророчество Давидово: *и смѣсишася во языцѣхъ и навыкоша дѣломъ ихъ* (Пс. CV, 35). Потому-то мы и уничижены по всей землѣ за грѣхи наши и *концы вѣкъ* насъ *достигоша*, какъ написано (1 Кор. X, 11): и пастыри—волки, и овцы—

расхищены, и голодъ—при дверяхъ: не голодъ хлѣба и жажда воды, но голодъ слышанія слова Божія (Ам. VIII, 11). Однако, никто изъ надѣющихся на Господа да не отчаивается. Не унывайте, но постоянно помните о Томъ, Кто сказалъ: *се Азъ съ вами есмь* (Мѳ. XXVIII, 20).

2. Будьте спокойны: души праведныхъ Господь не погубитъ голодомъ (Притч. X, 3). Объ этомъ голодѣ говоритъ Господь чрезъ пророка: *се дніе грядутъ и послю гладъ на землю, не гладъ хлѣба, ни жажду воды, но гладъ слышанія слова Божія. И отъ* восходъ *до* западъ *обтекутъ ищуще словесе Господня* (Ам. VIII, 11, 12). Видишь, о хлѣбѣ ли здѣсь говорится? Богъ о хлѣбѣ не говорилъ. О, голодъ ужасный, душевредный и гибельный! О, голодъ, навлекающій вѣчное наказаніе! Этотъ голодъ—виновникъ всякаго дурного дѣла; этотъ голодъ — корень всякаго зла. Этого-то голода наступленіе провидя, пророкъ Давидъ умолялъ Бога, говоря: *Боже мой, да не премолчиши отъ мене* (Пс. XXVII, 1). И о благовѣрныхъ онъ пророчествовалъ, говоря: *избавиши отъ смерти души ихъ и препиташи я въ гладъ* (Пс. XXXII, 19). А въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *и во днехъ глада насытятся* (Пс. XXXVI, 19), или: *милостивъ и щедръ Господь: пищу даде боящимся Его* (Пс. CX, 4, 5). Эти слова Давида относятся къ тѣмъ, которые усердны въ изученіи Писаній: они голода не будутъ испытывать. Будемъ же изслѣдовать Писанія, чтобы не коснулся насъ грядущій душепагубный голодъ; будемъ усердны къ Писаніямъ, чтобы не заблуждаться и не увлекаться всякимъ вѣтромъ. Нерадивымъ къ Писаніямъ говоритъ Спаситель: *прельщаетеся, не вѣдуще Писанія* (Мѳ. XXII, 29). Подлинно, таковые и заблуждаются. И откуда произошелъ этотъ душепагубный голодъ? Развѣ не оттого, что не изслѣдовали Писаній? О, сколькихъ благъ лишаемся мы, оставляя божественныя Писанія! Недаромъ Господь повелѣлъ изучать ихъ? Изучай тщательно, изучай и ищи, и найдешь великое неоцѣнимое богатство, найдешь сокровище, зарытое въ полѣ: уразумѣешь божественное Писаніе. Изучай—и найдешь, а нашедши, продай все, что имѣешь, и купи то поле—прекрасное познаніе святыхъ Писаній, въ которыхъ скрытъ Сынъ, истинная Мудрость Отчая; а нашедши Его, блаженъ будешь, какъ написано: *блаженъ человѣкъ, иже обрѣте премудрость* (Притч. III, 13). Изучай Писанія, возлюбленный, богатъ ли ты или бѣденъ, рабъ или свободный, мужъ или жена: *испытайте Писаній*. Вѣдь божественное Писаніе есть сокровищница всякаго добра. Но возвратимся къ предмету нашей бесѣды: у насъ рѣчь о кончинѣ міра, о ложныхъ пророкахъ и ложныхъ учителяхъ, о безбожныхъ еретикахъ, подобно бурному потоку затопившихъ все и причинившихъ многіе соблазны. И почему все это произошло? Очевидно, потому, что предстоятели оказались недостаточно свѣдущи и опытны: вѣдь неопытность пастырей—гибель для овецъ. Но съ чего теперь начать мнѣ рѣчь? Говорить ли сначала о близости кончины, или бичевать ложныя ученія нечестивыхъ еретиковъ?

Если бы время позволяло, я разоблачилъ бы ихъ ложныя ученія и беззаконныя дѣла; но это большое дѣло и много рѣчей нужно, чтобы разоблачить ихъ несостоятельность. Впрочемъ, для настоящаго случая достаточно только—на основаніи Священнаго Писанія—указать на нихъ, какъ на враговъ Христа и волковъ, угрожающихъ Его стаду, но повсюду удаляемыхъ и отстраняемыхъ отъ овецъ Христовыхъ. И пророки, и самъ Господь, и блаженные апостолы вполнѣ справедливо называли ихъ волками, и не только волками, но и заразой, и нечестивыми, и противниками, врагами, коварными, хулителями, лицемѣрами, ворами, разбойниками, гнусными, лжепророками и лжеучителями, вождями слѣпыми, бродягами, злыми, антихристами, соблазномъ, сынами лукаваго,
556 плевелами, безбожными, духоборцами, хулителями Духа благодати, коимъ не отпустится ни въ этомъ вѣкѣ, ни въ будущемъ. *Ихже ради путь истинный похулится* (2 Петр. II, 2). Въ довершеніе всего они—дѣти лукаваго діавола, какъ говоритъ Богословъ: *явлена суть чада діавола* (1 Іоан. III, 10). Итакъ, нужно сперва имъ посвятить нѣсколько словъ, а потомъ поговорить и о кончинѣ. Мы наблюдаемъ кругомъ себя немало такихъ явленій, которыя указываютъ на близость „конца вѣковъ", по выраженію апостола (1 Кор. X, 11): настали трудныя времена, умножилось беззаконіе, иссякла любовь многихъ, появилось множество обольстителей и еще больше обольщаемыхъ. Раскроемъ же священныя книги, отыщемъ въ нихъ путь истины, пойдемъ по нему, поспѣшимъ къ святымъ горамъ—я разумѣю пророковъ и апостоловъ,—чтобы не заблуждаться и не носиться *всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи человѣчестѣй, въ коварствѣ козней лщенія* (Ефес. IV, 14). Не будемъ оставаться внизу, но вмѣстѣ со святыми учениками Христовыми взойдемъ на блаженную гору и услышимъ Пастыря нашего, говорящаго: *блюдите, да не прельщени будете* (Лук. XXI, 8); *блюдите, да никтоже васъ прелститъ* (Мѳ. XXIV, 4); берегитесь всюду. И Іоаннъ говоритъ подобное: *блюдите себе, да не погубите, яже дѣласте добрая* (2 Іоан. I, 8); и Павелъ: *блюдитеся отъ псовъ* (Филип. III, 2), *блюдите, како ходите* (Ефес. V, 15). Эти увѣщанія: *блюдите, блюдите*—повторяются не съ иною какою-нибудь цѣлью, какъ съ тою, чтобы предупредить и обезопасить насъ отъ тѣхъ, которые подъ овечьей шерстью скрываютъ въ себѣ волковъ и обольщаютъ безпечныхъ. Очевидно, настоятельная нужда была въ томъ, чтобы повсюду въ Писаніи повторять: *блюдите*, смотрите, бодрствуйте, будьте внимательны—не только къ себѣ самимъ, но и ко всему стаду. Ни о чемъ, вѣдь, не умолчало божественное Писаніе изъ того, что намъ полезно.

3. Я не могу удержаться отъ слезъ, когда слышу, какъ нѣкоторые изъ принадлежащихъ къ нашей церкви говорятъ, что этого не сказано въ божественныхъ Писаніяхъ. И это высказывается не только пасомыми, но и тѣми, которые мнятъ себя пастырями и считаются преемниками

апостоловъ и пророковъ—по служенію, но не по нравамъ. Вполнѣ справедливо обратиться къ нимъ съ словами: горе вамъ, вожди слѣпые, невѣжественные и слабые, украшающіеся одеждами, а не книгами, забывшіе слово Божіе и служащіе чреву, какъ сказано: *имже Богъ чрево и слава въ студѣ ихъ* (Филип. ііі, 19); молокомъ, шерстью и мясомъ паствы вы пользуетесь, а объ овцахъ не заботитесь. Какъ избѣжите вы (гнѣва Божія) за такое нерадѣніе о спасеніи? Вооружившись смѣлостью, я предложу вашему вниманію болѣе обильныя свидѣтельства, чтобы показать изъ Священнаго Писанія—евангелій, пророковъ и апостоловъ, подъ водительствомъ Христовымъ, какъ заграждаются уста говорящихъ неправду, и чтобы просвѣтить сердца желающихъ слова. Откуда начать намъ, какъ не отъ Того, Кто сказалъ о Себѣ: *Азъ есмь начатокъ и конецъ* (Апок. xxі, 6)? Пусть же каждый изъ васъ сосредоточитъ все свое вниманіе, оставивъ всякія житейскія заботы. Господь сказалъ: *блюдите, да никтоже васъ прелститъ: мнози бо пріидутъ во имя Мое, глаголюще: азъ есмь Христосъ: и многи прелстятъ* (Мѳ. xxіv, 4, 5; ср. Лук. xxі, 8). И опять: *внемлите отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы.* Но, говоритъ, *отъ плодъ ихъ познаете ихъ* (Мѳ. vіі, 15, 16). То есть: по ихъ рѣчамъ, по ложнымъ пророчествамъ, по лицемѣрію ихъ, по худой славѣ, по ихъ ругательствамъ—вы ихъ узнаете. *Не можетъ древо зло плоды добры творити* (Мѳ. vіі, 18). Вѣдь всякое дерево узнается по своему плоду. Такъ и вы узнаете таковыхъ людей по ихъ плодамъ. И узнавши, не принимайте ихъ въ свои дома, не входите съ ними въ общеніе, не ведите съ ними бесѣдъ, не повергайте бисера вашего предъ ними, но берегитесь ихъ закваски, то есть, ихъ ереси. Никто изъ васъ да не пренебрегаетъ сказаннымъ: вѣдь это говоритъ самъ Богъ. Слушайте, пастыри, голосъ верховнаго Пастыря; слушайте, какъ разоблачаетъ и отгоняетъ Онъ тайныхъ волковъ; слушайте и будьте внимательны и къ себѣ самимъ и ко всему стаду. *Блюдитеся отъ псовъ* (Фил. ііі, 2), берегитесь хищниковъ,—потому что *не входяй дверми во дворъ овчій, но прелазяй инудѣ, той тать есть и разбойникъ* (Іоан. x, 1). Въ другомъ мѣстѣ о нихъ говоритъ Господь: *иже нѣсть со Мною, на Мя есть* (Мѳ. xіі, 30), а имъ говоритъ Онъ: *вы отца вашего діавола есте* (Іоан. vііі, 44). *Горе вамъ, яко затворяете царствіе небесное предъ человѣки: вы бо не входите, ни входящихъ оставляете внити* (Мѳ. xxііі, 13). 557
А въ другомъ мѣстѣ заявляетъ имъ: вы *нѣсте отъ овецъ Моихъ* (Іоан. x, 26). Видите, какъ Господь повсюду изобличаетъ и посрамляетъ нечестивыхъ, чтобы насъ предохранить отъ заблужденія? О, неизъяснимое снисхожденіе! О, неисчерпаемая благость! Что воздадимъ мы Господу за все это? Чѣмъ оправдаемся предъ верховнымъ Пастыремъ? Вотъ, о, пастыри и сопастыри, немногое изъ многаго! Видите, какъ повсюду Господь, утверждая насъ, взываетъ въ святыхъ Своихъ Евангеліяхъ: смотрите,

бодрствуйте, будьте внимательны, будьте усердны, боритесь? И не только въ Евангеліяхъ взываетъ такъ, но и устами богоносныхъ пророковъ и богослововъ-учениковъ вѣщаетъ тоже самое,—потому что во всѣхъ говоритъ Онъ, какъ Ему угодно, что подтверждаетъ и Павелъ, заявляя, что въ немъ говоритъ Христосъ (2 Кор. XIII, 3). Итакъ, вызовемъ теперь сюда богослововъ и послушаемъ, что они возвѣстятъ намъ объ еретикахъ. Скажи ты, блаженный Петръ, котораго блаженнымъ нарекъ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ (Мѳ. XVI, 17). Скажи намъ объ обольщающихъ и желающихъ обольстить Христово стадо, которое тебѣ вручено и ввѣрено Пастыреначальникомъ и Блюстителемъ душъ нашихъ; скажи, что внушено тебѣ Духомъ Святымъ, и утверди свою паству; укажи намъ тайныхъ волковъ, какъ сдѣлалъ это твой учитель Христосъ Господь. Вотъ что говоритъ Петръ: *сіе прежде вѣдяще, яко пріидутъ въ послѣдніяя дни ругатели, по своихъ похотехъ ходяще* (2 Петр. III, 3). И опять: *и въ васъ будутъ лживіи учители, иже внесутъ ереси погибели и искупльшаго ихъ Владыки отметающеся. И мнози послѣдствуютъ ихъ нечистотамъ; имже судъ искони не коснитъ и погибель ихъ не дремлетъ* (II, 1—3). Они—чада клятвы, оставившіе *правый путь* (ст. 14, 15). Вотъ что возвѣстилъ Петръ, воистину блаженный Петръ, Петръ — камень вѣры, на которомъ создалъ Христосъ Свою церковь, Петръ—распорядитель ключей царствія небеснаго, Петръ—ходившій по волнамъ, какъ по сушѣ, горячо любившій Владыку Христа, поразившій въ Римѣ Симеона волхва, какъ глава и первый защитникъ вѣры, перваго разбойника и ученика діавола въ ерсеяхъ. Апостолъ Іоаннъ сказалъ: *явлена суть чада діавола* (1 Іоан. III, 10). Видите, какъ во всѣхъ ихъ говоритъ Христосъ? Вѣдь и самъ Онъ въ Евангеліи сказалъ подобное же: *вы отца вашего діавола есте* (Іоан. VIII, 44). Знаю я многихъ, говорящихъ въ защиту еретиковъ, что и ихъ создалъ Богъ (помимо Бога, говорятъ, ничто не можетъ быть): не разумѣютъ они ни того, что говорятъ, ни того, на чемъ утверждаются. Что каждаго изъ насъ создалъ Богъ — этого не отвергаю вмѣстѣ съ ними и я, но Онъ создалъ насъ на дѣла благія, чтобы мы въ нихъ совершенствовались и дѣлались чадами Божіими по правой вѣрѣ.

4. Но возвратимся къ предмету (нашей бесѣды). Іоаннъ говоритъ: *и нынѣ антихристи мнози быша* (1 Іоан. II, 18), и опять: *блюдите себе, да не погубите, яже дѣласте добрая, зане мнози лестцы внидоша въ міръ* (2 Іоан. I, 8, 7). *Возлюбленніи, не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть, яко мнози лжепророцы изыдоша въ міръ* (1 Іоан. IV, 1). Въ другомъ мѣстѣ: *аще кто приходитъ къ вамъ и сего ученія не приноситъ, не пріемлите его въ домъ и радоватися ему не глаголите. Глаголяй бо ему радоватися, сообщается дѣломъ его злымъ* (2 Іоан. I, 10, 11). И опять: *всякъ преступаяй и не пребываяй во ученіи Христовѣ, Бога не иматъ* (ст. 9). Такъ наставляетъ насъ Іоаннъ,—

Іоаннъ—сынъ грома, возлюбленный болѣе всѣхъ святыхъ, утвердившій церковь отъ конца до конца вселенной и заградившій уста еретиковъ своимъ богословіемъ. А Іаковъ сказалъ: *иже восхощетъ другъ быти имъ, врагъ Божій бываетъ* (Іак. IV, 4). Слушайте всѣ вы, раздѣляющіе съ еретиками трапезу, этотъ горькій для васъ приговоръ: вы враги 558
Христу. Въ самомъ дѣлѣ, кто дружитъ съ врагами царя, тотъ не можетъ уже быть другомъ царя. Онъ не заслуживаетъ даже и жизни и осуждается на все худшее. Іуда Іаковлевъ сказалъ: *привнидоша бо нѣцыи человѣцы, древле предуставленніи на сіе осужденіе, нечестивіи, Бога нашего благодать прелагающіи въ скверну и единаго Владыки Бога Господа нашего Іисуса Христа отметающіися* (Іуд. I, 4). И далѣе: *въ послѣднее время будутъ ругатели, по своихъ похотѣхъ ходяще и нечестіихъ* (ст. 18). *Сіи суть безъ боязни себе пасуще, облацы безводни, всякимъ вѣтромъ преносимы* (ст. 12); *звѣзды прелестныя, имже мракъ тмы во вѣки блюдется* (13). Такъ—и еще сильнѣе—поучаетъ насъ славный Іуда. Остается теперь, наконецъ, Павелъ, сосудъ избранія: скажи намъ и ты по благодати, данной тебѣ отъ Бога, скажи намъ о настоящемъ вѣкѣ лукавомъ, разоблачи тайныхъ волковъ, обличи и посрами расхитителей святого стада Божія. Вотъ что говоритъ Павелъ: *вѣмъ, яко по отшествіи моемъ внидутъ въ васъ волцы тяжцы, не щадящіи стада* (Дѣян. XX, 29). Видите, повсюду богословы согласно съ Учителемъ своимъ именуютъ безбожныхъ еретиковъ собаками и волками? Такъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ Павелъ: *блюдитеся отъ псовъ, блюдитеся отъ злыхъ дѣлателей, блюдитеся отъ сѣченія* (Филип. III, 2). *Блюдитеся, да никтоже васъ будетъ прельщая философіею и тщетною лестію* (Кол. II, 8). *Блюдите опасно како ходите, яко дніе лукави суть* (Ефес. V, 15, 16). Послѣ такихъ увѣщаній кто можетъ оправдаться въ своемъ нерадѣніи? И опять въ другомъ мѣстѣ: *еретика человѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся* (Тит. III, 10). И еще: *въ ученія странна и различна не прилагайтеся* (Евр. XIII, 9); еще: *еретицы человѣцы преуспѣютъ на горшее, прелщающе и прелщаеми* (2 Тим. III, 13); еще: *оскверненнымъ и невѣрнымъ ничтоже чисто* (Тит. I, 15). Слушайте же вы, раздѣляющіе съ ними вечери любви: какъ избѣжите вы гнѣва, грядущаго на васъ, вы, оскверняющіеся съ ними въ пищѣ и питьѣ? Какъ осмѣлитесь приступить къ божественнымъ и страшнымъ тайнамъ? Развѣ не слышали вы блаженнаго Павла, взывающаго: *не можете чашу Господню пити и чашу бѣсовскую, не можете трапезѣ Господней причащатися и трапезѣ бѣсовстѣй* (1 Кор. X, 21). *Изыдите отъ среды ихъ и нечистотѣ не прикасайтеся* (2 Кор. VI, 17). Убѣдилъ ли я васъ? Или труды мои были напрасны и я говорилъ на вѣтеръ? Впрочемъ, ради тѣхъ, которые охотно и усердно слушаютъ наставленія и ихъ исполняютъ, я не остановлюсь и буду продолжать словами Павла; скажу опять тоже самое, слушайте: *не бывайте преложни ко ярму* невѣрныхъ.

Кое общеніе свѣту ко тмѣ (2 Кор. vi, 14, 15)? Гдѣ дерзкіе, утверждающіе, что не говорится этого въ божественныхъ Писаніяхъ, гдѣ они, *имже Богъ чрево и слава въ студѣ ихъ, иже земная мудрствуютъ* (Фил. iii, 19)? Такъ поучаетъ, наставляетъ и увѣщеваетъ насъ Павелъ, сосудъ избранія, ограда церкви, побѣдоносный борецъ,—Павелъ, боговѣщанная лира, вѣстникъ Христовъ, списатель догматовъ, труба слова, ораторъ благочестія, сѣть уловлявшая язычниковъ. Вотъ что и еще большее говорили о безбожныхъ и невѣрныхъ блаженные богословы—апостолы. А гораздо раньше ихъ тоже самое говорили пророки: необходимо выслушать и этихъ послѣднихъ. Такъ, пророкъ Давидъ говорилъ: *нѣсть во устѣхъ ихъ истины* (Пс. v, 10); еще: *не ненавидящія ли Тя, Господи, возненавидѣхъ и о врагѣхъ твоихъ истаяхъ? Совершенною ненавистію возненавидѣхъ я, во враги быша ми* (Пс. cxxxviii, 21, 22). Соломонъ говоритъ, что нечестивые лицемѣрно прикидываются благочестивыми, а въ другомъ мѣстѣ наставляетъ: *сыне мой, да не прельстятъ*
559 *тебе мужи нечестивіи, не иди въ путь съ ними* (Притч. i, 10, 15). Исаія же пророкъ — вѣрнѣе Господь чрезъ пророка — говоритъ: *сыны родихъ и возвысихъ, тіи же отвергошася Мене* (Ис. i, 2); а въ другомъ мѣстѣ: *нѣсть радоватися нечестивымъ, глаголетъ Господь* (Ис. xlviii, 22).

5. Не достаточно ли этого? Нужно ли приводить свидѣтельства еще и другихъ пророковъ? Для расположенныхъ слушателей, я думаю, достаточно и этого. А кто теперь не оказалъ вниманія слову, того не убѣдитъ и болѣе подробное изложеніе. Остановимся немного еще только на словахъ пророка Давида и посмотримъ, какъ онъ обличаетъ и посрамляетъ ихъ скрытое коварство, говоря: *нѣсть во устѣхъ ихъ истины, сердце ихъ суетно*, и такъ далѣе (Пс. v, 10). Замѣтьте мудрость пророка, какъ онъ обличаетъ и посрамляетъ заблуждающихся, чтобы предохранить насъ отъ заблужденія. Послушайте, православные, и не потворствуйте еретикамъ; послушайте, пастыри, и устрашитесь, и не молчите, но проповѣдуйте слово; не давайте мѣста діаволу, не открывайте двери волкамъ. Подражайте блаженному апостолу Петру, какъ онъ въ Римѣ, когда треклятый Симонъ богохульствовалъ и утверждалъ про себя, что онъ есть сила Божія, не промолчалъ и не пропустилъ, но тотчасъ же обличилъ его и, показавъ, что онъ обманщикъ, разбойникъ и противникъ Богу, низвергнулъ его съ высоты, предалъ его гибели. Подобнымъ образомъ и сына его, или вѣрнѣе—сына діавола, Монтана, сквернаго, нечистаго и безбожнаго, съ его двумя блудодѣйцами, апостолъ рѣшительно обличилъ и привелъ къ молчанію, доказавъ, что онъ противникъ Богу, лжехристосъ и лжепророкъ, заградилъ его нечистыя уста именемъ Христовымъ, не великодушествуя и не потворствуя его богохульству [1]). Такъ поступайте и вы, пастыри, и не только

[1]) Большую ошибку допустилъ здѣсь авторъ—кто бы онъ ни былъ—утверждая, что Монтанъ былъ обличенъ апостоломъ—Петра ли или Павла онъ

не принимайте участія въ скверныхъ дѣлахъ тьмы, но и обличайте, какъ это дѣлали и апостолы. И богоотецъ Давидъ много трудовъ и много борьбы перенесъ изъ-за нечестивыхъ людей, обличая и запрещая ихъ, посрамляя ихъ и докучая о нихъ Богу такими мольбами: *доколѣ грѣшницы, Господи, доколѣ грѣшницы восхвалятся* (Пс. xcIII, 3). *Расточи я силою твоею* (LVIII, 12). *Даждь имъ, Господи, по дѣломъ ихъ, яко не разумѣша въ дѣла Господня* (xxvII, 4, 5). *Господи, во градѣ Твоемъ образъ ихъ уничижиши* (LxxII, 20). Или, возсылая моленія свои къ Господу, Давидъ умоляетъ Его, чтобы Онъ, самъ сойдя съ небесъ, исполнилъ просьбу его: *Господи, преклони небеса и сниди* (CXLIII, 5); *Господи, не закосни* (LXIX, 6). *Скоро да предварятъ ны щедроты твоя, Господи* (LXXVIII, 8). И что же человѣколюбецъ Богъ, хотящій всѣмъ человѣкамъ спастись и въ познаніе истины пріити, близкій ко всѣмъ, призывающимъ Его въ истинѣ? Онъ не презрѣлъ и не оставилъ тщетными мольбы святыхъ, но *приклони небеса и сниде* (Пс. xvII, 10) и все устроилъ для спасенія рода нашего, всему научилъ насъ и словомъ и дѣломъ. Такъ, желая научить, какъ будущіе предстоятели церквей должны относиться къ еретикамъ, Онъ сдѣлалъ бичъ изъ веревокъ и, войдя въ храмъ, изгналъ всѣхъ оттуда, вытолкалъ и преслѣдовалъ ихъ со словами: *храмъ мой храмъ молитвы наречется, вы же сотвористе и вертепъ разбойникомъ* (Мѳ. xxI, 13). Слушайте же, предстоятели церквей! Прекрасный образецъ для подражанія далъ вамъ Спаситель: послѣдуйте стопамъ Его, неусыпно и бдительно охраняйте свое стадо и отгоняйте отъ него волковъ. Затѣмъ, изгоняя вонъ всѣхъ, очевидно— противомыслящихъ, и предрекая конецъ, истребленіе и уничтоженіе всѣхъ противомыслящихъ въ будущихъ родахъ, Онъ сказалъ: *се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ* (Мѳ. xxIII, 38). Видишь, какъ оправдались Его слова? Враги и недоброжелатели Церкви, т. е. еретики, въ каждомъ поколѣніи предавались гибели, по слову Господа, сказанному Имъ: *всякъ садъ, его же не насади Отецъ Мой небесный, искоренится* (Мѳ. xv, 13),—что и сбылось. И именно Онъ самъ первый сдѣлалъ это и показалъ примѣръ, а послѣ Его вознесенія на небеса блаженные апостолы, по Его примѣру, вели борьбу съ противниками Церкви. Послѣ же нихъ и учители Церкви, и святые соборы, бывавшіе по временамъ, утверждая ихъ божественное ученіе, всѣхъ упорствующихъ въ ересяхъ искореняли и предавали гибели, по написанному: *погубиши вся глаголющія лжу* (Пс. v, 7). Такъ, всѣ они и погибли за беззаконія ихъ. 560
Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ теперь тѣ, которые нѣкогда ратовали противъ

разумѣлъ. На цѣлое почти столѣтіе послѣ мученичества апп. Петра и Павла Монтанъ началъ проповѣдывать свою ересь, въ 19 году Антонина Пія (по словамъ Епифанія, подробно разсказывающаго и одвухъ „блудодѣйцахъ"—Прискиллѣ и Максимиллѣ).

Церкви, — цари, властители и мудрецы? Они разсѣяны, истреблены, отъ нихъ не осталось и слѣда.

6. Гдѣ гордость и дерзость іудеевъ? Гдѣ Симонъ волхвъ, первый еретикъ, ученикъ и предтеча антихриста? Гдѣ злое его порожденіе, наслѣдникъ его безумія и нечестія, Монтанъ, вождь злыхъ, съ его двумя блудодѣйцами? Гдѣ ихъ пресловутыя таинства, о которыхъ говорить противно, гнусныя и мерзкія, о которыхъ и апостолъ говорилъ: *бываемая бо отай отъ нихъ, срамно есть и глаголати* (Ефес. v, 12)? Гдѣ Маркіонъ, гдѣ Валентъ, гдѣ Манесъ, гдѣ Василидъ, гдѣ Неронъ, гдѣ Юліанъ, гдѣ Арій, гдѣ Несторій? Гдѣ всѣ противоборствовавшіе истинѣ, о которыхъ Церковь восклицала: *обыдоша мя пси мнози* (Пс. xxi, 17)? Не погибли ли всѣ они? Разсѣяны они всѣ за свои хуленія и отовсюду изгнаны какъ волки, потому что встрѣтили себѣ противниковъ и мужественныхъ противъ нихъ борцовъ въ лицѣ блаженныхъ мужей—тогдашнихъ предстоятелей Церквей: то были истинные пастыри! Но я вижу большое различіе между тогдашними пастырями и современными. Тѣ были борцы, а эти бѣглецы; тѣ совершенствовались въ книгахъ и ученіи, а эти изощряются въ нарядахъ и украшеніяхъ. Эти какъ наемники оставляютъ овецъ и бѣгутъ, а тѣ душу свою полагали за овецъ по примѣру добраго Пастыря. О, блаженные мужи, имена коихъ въ книгѣ жизни! Ихъ устрашали бѣсы, имъ угрожали еретики, но *заградишася уста глаголющихъ неправедная* (Пс. lxii, 12). Воскликну и я подобно Давиду, который съ плачемъ взывалъ: *гдѣ суть милости твоя древнія, Господи* (Пс. lxxxviii, 50)? Скажу и я со слезами: гдѣ тотъ блаженный ликъ святителей и учителей, которые какъ свѣточи просіяли въ мірѣ, соблюдая слово жизни? Впрочемъ, что мѣшаетъ намъ возобновить сейчасъ въ памяти ихъ имена, хотя бы изъ многихъ немногія? Вѣдь самое это воспоминаніе о нихъ послужитъ къ освященію душъ нашихъ. Гдѣ Еводій—благоуханіе Церкви, преемникъ и подражатель святыхъ апостоловъ? Гдѣ Игнатій—жилище Божіе? Гдѣ Діонисій—птица небесная? Гдѣ Ипполитъ, сладчайшій и благостнѣйшій? Гдѣ Василій Великій, почти равный апостоламъ? Гдѣ Аѳанасій святый, изобильный добродѣтелями? Гдѣ Григорій, второй богословъ, непобѣдимый воинъ Христовъ и ему соименный? Гдѣ великій Ефремъ, утѣшитель малодушныхъ, наставникъ юныхъ, руководитель кающихся, гроза еретиковъ, сокровищница Духа, сосудъ добродѣтелей? Видите, какой соборъ? И какъ разнятся эти святые и блаженные пастыри отъ нынѣшнихъ? Я знаю еще и другихъ богоносныхъ учителей, но на этотъ разъ уже достаточно перечисленныхъ. Они душу свою, какъ я уже сказалъ, полагали за овецъ своихъ, а эти—современные—оставляя овецъ, бѣгутъ; тѣ сильны были въ словѣ и въ дѣлѣ, а эти—въ деньгахъ и въ стяжаніи лошадей, муловъ, полей, стадъ, поваровъ и роскошнаго стола. О подобныхъ вещахъ они готовы бесѣдовать безъ конца и днемъ и ночью,

а для словесной паствы, за которую предстоитъ имъ дать отвѣтъ въ страшный день суда, у нихъ не находится и слова. Если кто спроситъ ихъ о книгахъ, они отвѣчаютъ: я бѣденъ и не въ состояніи купить книгъ. Между тѣмъ предъ народомъ они являются вовсе не бѣдными, но одѣтыми въ изысканныя одежды, съ туго набитыми кошельками; шеи у нихъ какъ у откормленныхъ быковъ, за собою они волочатъ толпу учениковъ, или вѣрнѣе поваровъ; отъ избытка роскоши они— стыдно даже и говорить—завели у себя, подъ видомъ работы, выкупленныхъ изъ плѣна наложницъ. О, великій срамъ! О, постыдная роскошь! О, жалкое сребролюбіе! О, несытое чрево! Отсюда-то соблазны, отсюда сплетни, дурная молва, упреки, безпорядки. На всѣ упреки они отвѣчаютъ: я не обижаю никого, а своимъ имуществомъ могу располагать. Если же кто изъ нечестивыхъ еретиковъ начинаетъ распространять свое безумное ученіе, отвѣчать некому, бороться нѣтъ охотниковъ: всѣ оказываются бѣдными, безсловесными, всѣ убѣгаютъ. О, сребролюбіе— злой корень всѣхъ золъ! При помощи богатства вы надѣетесь спастись? 361
Но *удобнѣе есть велбуду сквозѣ иглины уши проити, неже богату въ царствіе Божіе* (Мѳ. xix, 24). Утопая въ роскоши и пьянствѣ, превозносясь гордостью, вы хотите побѣдить ереси? Но горе вамъ, изнѣженные и сластолюбивые, щеголяющіе въ золотѣ и изысканныхъ нарядахъ! Какъ другимъ вы покажете прекрасную бѣдность Христа, ради насъ обнищавшаго и заповѣдавшаго ученикамъ Своимъ не имѣть и мѣди въ поясахъ (Мѳ. x, 9)? Вотъ именно прельщаетесь вы, не разумѣя Писаній! Не слышите развѣ вы Господа, говорящаго: *блажени нищіи* (Мѳ. v, 3), и еще: *горе вамъ богатымъ* (Лук. vi, 24), и: *не скрывайте себѣ сокровищъ на земли* (Мѳ. vi, 19)? Богатство ваше умножилось, а слово оскудѣло; одежды ваши тлѣнны, о нихъ ли дадите вы отвѣтъ Пастыреначальнику Христу? Вѣдь вы знаете, что каждый изъ насъ дастъ отвѣтъ Богу о себѣ самомъ, а вамъ—архіереямъ, іереямъ и діаконамъ—предстоитъ отвѣтъ и о себѣ и объ овцахъ, сколько каждому ввѣрено. Смотрите же, не забудьте ввѣренныхъ вамъ талантовъ! *Внимайте себѣ и всему стаду* (Дѣян. xx, 28); смотрите, чтобы не потерялась овца изъ вашего стада. Вѣдь вы знаете, что если одна овца погибнетъ, сдѣлавшись добычей врага,—по вашей безпечности,—тогда всей своей жизнью вы не загладите этой потери: крови ея Судія взыщетъ отъ руки вашей.

7. Опомнитесь же наконецъ, примитесь за проповѣдь слова, отбросьте всякую житейскую заботу, будьте строго внимательны къ своему дѣлу. *Блюдитеся отъ псовъ* (Филип. iii, 2). Опять говорю: блюдитесь, берегитесь,—и не перестану говорить. Берегитесь хищниковъ, берегитесь, потому что много обманщиковъ дѣйствуетъ нынѣ въ мірѣ. Бодрствуйте неусыпно вы, которымъ ввѣрены дары благодати Господней, бодрствуйте, чтобы не засталъ васъ спящими часъ страшнаго пришествія Господа,

когда придетъ Онъ потребовать отъ васъ отчета въ тѣхъ талантахъ, которые вамъ были ввѣрены. Имѣя это въ умѣ, возлюбленные, *пасите еже въ васъ стадо Божіе*, какъ говоритъ апостолъ, *посѣщающе не нуждею, но волею, ниже неправедными прибытки, но усердно, ни яко обладающе причту, но образи бывайте стаду. И явльшуся Пастыреначальнику пріимете неувядаемый славы вѣнецъ* (1 Петр. v, 2—4). Опять повторю тоже самое: слушайте, іереи Господни, *царіе земстіи и вси людіе, князи и вси судіи земстіи, юноши и дѣвы, старци съ юнотами* (Пс. CXLVIII, 11, 12): *внушите вси живущіи по вселенній* (Пс. XLVIII, 2), великіе и малые, мужи и жены, *вкупѣ богатъ и убогъ* (ст. 3): умоляю васъ, выслушайте внимательно мои слова. Я хочу вамъ показать и доказать на основаніи Священнаго Писанія, что не всѣ, именующіеся христіанами, христіане на самомъ дѣлѣ, что по отношенію ко многимъ это наименованіе пустой звукъ, вводящій лишь другихъ въ заблужденіе. По названію христіанъ много, а на дѣлѣ — очень немного. Иные по виду какъ будто и христіане и ученики Христа, а по характеру—предатели; на словахъ благочестивы и милостивы, а на дѣлѣ немилосердны и нечестивы; по названію христіане, а по убѣжденіямъ язычники, потому что, какъ предрекъ еще пророкъ Давидъ, *смѣсишася во языцѣхъ и навыкоша дѣломъ ихъ* (Пс. CV, 35). И дѣйствительно, на насъ исполнилось пророчество это. Сколько христіанъ занимается іудейскими и греческими баснями, родословіями, гаданіями, звѣздочетствомъ, волшебствомъ и талисманами? Сколько христіанъ наблюдаетъ несчастные дни и годы, примѣты и сновидѣнія и крики птицъ? Затѣмъ, не христіане ли купаются въ источникахъ, погружая предварительно въ нихъ свѣтильники? Не христіане ли вѣрятъ во встрѣчи, ѣдятъ идоложертвенное и удавленину, ѣдятъ кровь задавленныхъ звѣрями и растерзанныхъ птицами и многое другое тому подобное? Какъ могутъ быть христіанами тѣ, которые допускаютъ все это? По какому праву осмѣливаются они называть себя христіанами? Какъ дерзаютъ приступать къ божественнымъ таинствамъ, будучи хуже язычниковъ? Точно также сколько христіанъ держится языческихъ обычаевъ, въ родѣ прикрашиванія лицъ, привѣтствій, плясокъ, рукоплесканій, употребленія мужчинами женскихъ одеждъ? При такихъ обычаяхъ какая польза человѣку отъ того, что онъ именуется христіаниномъ?
562 Вѣдь какъ дѣвица, пока сохраняетъ свое дѣвство, достойно и благоприлично называется дѣвою и на самомъ дѣлѣ дѣва, но если обольститъ ее кто-нибудь и растлитъ и она утратитъ свое дѣвство, тогда она уже болѣе не дѣва, — такъ и глаголемый христіанинъ, если онъ преступилъ завѣтъ и попралъ свои обѣты и слово евангельское отвергъ и живетъ по-язычески, тогда ему безполезно и называться христіаниномъ, какъ уже сказано. Поймите же, возлюбленные, всѣ, что отъ всего языческаго отреклись мы въ этихъ немногихъ словахъ, каждымъ изъ насъ въ свое время произнесенныхъ: отрицаюсь сатаны и

всѣхъ дѣлъ его. Подумай, что ты сказалъ: „всѣхъ дѣлъ его“. Смотри, кому ты обѣщался: не ангелу, не царю земному, не князю міра сего, но царю царствующихъ и Господу господствующихъ. Ему ты обѣщался, съ Нимъ вступилъ въ завѣтъ и сочетался при многихъ свидѣтеляхъ. Въ рукахъ Его и ты, и слова твои. И настанетъ время—Онъ придетъ съ небесъ съ твоимъ рукописаніемъ, съ твоими словами, произнесенными тобою при ангелахъ и людяхъ. Помните это, братіе, и блюдитесь впредь отъ дѣлъ языческихъ! Послушайте, что говоритъ апостолъ: *сіе убо глаголю и послушествую о Господѣ, ктому не ходити вамъ якоже и прочіи языцы ходятъ въ суетѣ ума ихъ, помрачени смысломъ. Вы же не тако познасте Христа* (Еф. IV, 17, 18, 20. Примите къ сердцу, возлюбленные, мои слова и не сообщайтесь съ тѣми, которые такъ поступаютъ. Много вѣдь нынѣ сыновъ погибели и они еще умножаются. Берегитесь, время нынѣшнее лукаво, такихъ же и слугъ оно себѣ избираетъ.

8. Не удивляйтесь, если и пастыри оказываются волками. Вѣдь именно въ бесѣдѣ съ епископами и пресвитерами апостолъ Павелъ говорилъ: *отъ васъ самѣхъ востанутъ мужіе глаголющіи развращенная* (Дѣян. XX, 30). Итакъ, не давайтесь въ обманъ никому, хотя бы кто и имѣлъ снаружи видъ ангела, будучи внутри діаволомъ. Поэтому Іисусъ и говоритъ: *блюдите, да никто же васъ прелститъ* (Мѳ. XXIV, 4). И я опять повторю тоже самое. Берегитесь отъ соблазна, откуда бы онъ ни шелъ—отъ чужихъ ли, или отъ своихъ, и кто бы ни былъ тотъ, кто говоритъ „развращенная“—епископъ ли, пресвитеръ ли, діаконъ ли, или чтецъ—изъ тѣхъ, *иже приходятъ къ вамъ въ одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волци хищницы* (Мѳ. VII, 15), которые имѣютъ образъ благочестія, силы же его отверглись. Вы же, возлюбленные, не вдавайтесь въ заблужденіе, но какъ приняли Господа нашего Іисуса Христа, въ Немъ пребывайте, и Богъ мира будетъ съ вами. Но объ этомъ я уже говорилъ довольно; побесѣдую еще немного о признакахъ кончины міра и тѣмъ заключу свое слово. Какъ только начинаю я говорить о кончинѣ міра, ужасъ объемлетъ меня и я теряюсь. Конечно, всѣ дѣла Господни удивительны, велики, страшны и славны, но конецъ міра и таинство второго пришествія Господня превосходятъ всякое слово, всякій умъ, всякую мысль, не поддаются изображенію и поражаютъ всякій слухъ. Велико было желаніе учениковъ—услышать отъ своего Учителя о признакахъ кончины міра и немало усилій было ими сдѣлано съ этою цѣлью. Вы не одинъ разъ слышали евангельское повѣствованіе о томъ, какъ *сѣдящу* Іисусу *на горѣ Елеонстѣй приступиша къ Нему ученицы наединѣ глаголюще: рцы намъ, что есть знаменіе твоего пришествія и кончины вѣка* (Мѳ. XXIV, 3)? Замѣть благоразуміе учениковъ. Когда они хотятъ спросить Господа о чемъ-нибудь важномъ, они не всѣ вдругъ обращаются къ Нему, но поодиночкѣ, и говорятъ:

одинъ: скажи намъ, Господи, другой: скажи намъ, Благій, иной: скажи намъ, Сердцевѣдецъ, иной: скажи намъ, Вѣдущій начало и конецъ, скажи намъ, Вѣдущій все прежде его осуществленія, скажи намъ, Творецъ вѣковъ, скажи намъ, Отецъ будущаго вѣка, скажи намъ, *что есть знаменіе Твоего пришествія и кончины вѣка*, когда Ты придешь судить живыхъ и мертвыхъ всей вселенной, когда упразднишь всякое начало, всякую власть и силу, когда преклонится предъ Тобою всякое колѣно небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ? *Рцы намъ, что есть знаменіе твоего пришествія*, чтобы и мы могли повѣдать людямъ о Твоемъ поразительномъ явленіи. Господь же отвѣчалъ имъ: *блюдите, да не прельщени будете: мнози бо пріидутъ во имя Мое, глаголюще, яко азъ есмь Христосъ; блюдите, да никто же васъ прелститъ, яко время приближися* (Лк. XXI, 8; Мѳ. XXIV, 4, 5). То, что теперь совершается на гла-
563 захъ у насъ, было тогда Имъ предсказано; тогда *время приближися*; нынѣ оно уже настало, какъ для всѣхъ очевидно. Видите, какъ Господь позаботился разоблачить еретиковъ и лжеучителей и показать намъ скрытое въ нихъ коварство? Отвѣчая на вопросъ учениковъ о признакахъ Его пришествія, Онъ первымъ изъ всѣхъ признаковъ поставилъ появленіе ложныхъ учителей, этихъ волковъ, расхищающихъ стадо Христово, и предтечъ антихриста. Потомъ указалъ сопутствующія явленія—войны и возстанія: возстанетъ народъ на народъ и царство на царство. Всѣ эти явленія совершаются теперь предъ нами, только значенія ихъ мы не хотимъ понять. Войны въ различныхъ мѣстахъ, голодъ, землетрясенія, знаменія небесныя и прочее, что Онъ предсказалъ, все это въ большихъ размѣрахъ теперь совершается предъ нами, только смыслъ всего этого намъ остается непонятнымъ. *Тогда*, говоритъ Господь, *соблазнятся мнози и другъ друга предадятъ* (ст. 10). А гдѣ теперь нѣтъ предательства? Не возстаютъ ли почти всѣ другъ противъ друга и не ненавидятъ ли другъ друга? Очевидно, это исполнилось. Не всѣ ли возстаютъ другъ противъ друга: народъ на народъ, царство на царство, начальники на начальниковъ, епископы на епископовъ, пресвитеры на пресвитеровъ, діаконы на діаконовъ, чтецы враждуютъ между собою, міряне между собою? *И за умноженіе беззаконія изсякнетъ любы многихъ* (ст. 12). Поэтому и предрекъ Господь: *испытайте писаній* (Іоан. V, 39), и: *да не прельщени будете* (Лк. XXI, 8). Потомъ указалъ Онъ еще одинъ признакъ: *и проповѣстся сіе евангеліе по всей вселеннѣй во свидѣтельство всѣмъ языкомъ* (ст. 14). И тогда ожидайте конца, приготовьтесь увидѣть мерзость запустѣнія, сына погибели, который произведетъ скорбь великую, какой не было отъ начала міра. И опять говоритъ: *возстанутъ лжехристи и лжепророцы и дадятъ знаменія велія и чудеса, якоже прелстити, аще возможно, и избранныя* (ст. 24). Замѣть это: и тамъ, и тутъ лжепророки и лжеучители и лжеапостолы антихриста, сына погибели, которые, возбуждаемые и вдохно-

вляемые нечистыми духами, являются предтечами антихриста и противника и своею проповѣдью обольстятъ и приготовятъ народъ къ принятію сына погибели.

9. Поэтому, братіе, божественное Писаніе и тутъ и тамъ повторяетъ, что многіе обольстители появились въ мірѣ. Поэтому и Господь присоединилъ къ Своимъ словамъ: *се прежде рѣхъ вамъ* (ст. 25). Должно вникнуть въ смыслъ этого изреченія. *Се прежде рѣхъ вамъ*,—теперь вы не имѣете отговорки. *Се прежде рѣхъ вамъ*: если кого-нибудь изъ васъ соблазнятъ, теперь онъ будетъ безотвѣтенъ. *Се прежде рѣхъ вамъ*: теперь ни у кого нѣтъ повода оправдываться незнаніемъ. *Се прежде рѣхъ вамъ* все: *блюдите, да не прельщени будете* (Лук. xxi, 8). Смотрите, не примите вмѣсто Меня—истиннаго Христа—какого-нибудь лжехриста. *Мнози бо пріидутъ во имя Мое, глаголюще: азъ есмь Христосъ, и многихъ прельстятъ* (ст. 5), и: *время близъ есть* (Мѳ. xxvi, 18). Не слѣдуйте за ними. Видите, какъ много говорится въ святыхъ книгахъ о подобныхъ вещахъ? Потому-то и я часто напоминалъ вамъ о безбожныхъ еретикахъ и теперь умоляю васъ: не имѣйте общенія съ ними ни въ чемъ рѣшительно—ни въ пищѣ, ни въ питьѣ, не ведите съ ними ни дружбы, ни знакомства, ни любви, ни мира. Вѣдь если кто въ чемъ-либо подобномъ сходится съ еретиками, тотъ отчуждается отъ каѳолической церкви. Истинный же и искренній ученикъ Божій смѣло и громко возглашаетъ: *аще кто вамъ благовѣститъ паче еже пріясте: анаѳема да будетъ* (Гал. i, 9), и вмѣстѣ съ Давидомъ воспѣваетъ: *не ненавидящія ли тя, Господи, возненавидѣхъ и о вразѣхъ твоихъ истаяхъ? Совершенною ненавистію возненавидѣхъ я* (Пс. cxxxviii, 21, 22). Страшитесь и трепещите вы, раздѣляющіе съ ними братскія трапезы, поспѣшите исправиться, чтобы нечестіе ваше не погубило васъ. Вы уже слышали слова предупрежденія: *се прежде рѣхъ вамъ*. Но возвратимся къ прерванному, чтобы докончить рѣчь о кончинѣ міра. Скажу кратко: предсказанныя Спасителемъ явленія совершились; теперь намъ остается въ полной готовности ожидать дальнѣйшаго и не требовать большаго, чѣмъ указано намъ въ Писаніи. Многіе невѣжды и неутвержденные извращаютъ божественное Писаніе; смотрите, не вѣрьте имъ. Зло и пороки мощной волной разливаются по землѣ, соблазны обильны. Но смотрите, не обольщайтесь: не уклоняйтесь ни направо, ни налѣво, шествуйте царскимъ путемъ. Оставаясь твердыми въ вѣрѣ, вы, возлюбленные, никогда не будете одиноки: если не на землѣ, то на небѣ много вѣрныхъ, къ постоянному общенію съ которыми вы должны стремиться. Тамъ лики ангеловъ, тамъ патріархи, пророки, апостолы, 564
евангелисты, тамъ мученики, святые исповѣдники, тамъ преподобные, просіявшіе отшельнической жизнью, однимъ словомъ—великое множество тѣхъ, имена коихъ въ книгѣ жизни. Ихъ возлюбите, имъ поревнуйте, отъ нихъ не отлучайтесь, память о нихъ имѣйте въ серд-

цахъ своихъ днемъ и ночью, ихъ книги постоянно держите въ рукахъ и читайте, чтобы получить отъ нихъ великую пользу. Обогащайтесь словомъ правды, чтобы имѣть возможность и противниковъ обличать, и суесловящихъ посрамлять, и еретикамъ заграждать уста, и падающихъ вразумлять и обращать. Вникайте въ божественныя Писанія, чтобы въ случаяхъ смущенія и замѣшательства вамъ не теряться, но въ божественномъ Писаніи находить твердую опору. Никакой слабости, никакого колебанія въ своихъ мысляхъ не допускайте ни по какому поводу. Если вы увидите многихъ неразумныхъ,—не удивляйтесь: такъ должно быть. Если появится много лже пророковъ,—вспомните слова Господа, что *востанутъ лжехристи и лжепророцы* (Мѳ. xxiv, 24). Появятся обманщики,—вспомните, что говорилъ пророкъ: *горе пишущимъ лукавство* (Ис. x, 1). Если увидите, что честные, вѣрные и разумные уничижаются, а порочные и гордые, предатели и блудники пользуются успѣхомъ и благоденствуютъ, то вспомните сказанное апостоломъ: *лукавіи человѣцы и чародѣи преуспѣваютъ на горшее, прельщающе и прельщаеми* (2 Тим. iii, 13). Если увидите, что нѣкоторые мнимые христіане гнушаются божественнымъ Писаніемъ, а тѣхъ, которые проповѣдуютъ слово Божіе, ненавидятъ,—вспомните, что сказалъ Господь: *аще міръ васъ ненавидитъ, вѣдите, яко Мене прежде васъ возненавидѣ. Аще Мене изгнаша, и васъ изженутъ* (Іоан. xv, 18, 20). Если увидите, что народъ сбѣгается къ обманщикамъ, тайновѣщателямъ, гадателямъ, что распространяется ученіе бѣсовское и вопрошаніе нечистыхъ духовъ,—не смущайтесь, не впадайте въ уныніе. Даже при видѣ того, что кто-нибудь изъ мнимыхъ пастырей занимается подобными дѣлами, не отчаивайтесь; но хотя сквозь слезы вспомните слова апостола, что *въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ* бѣсовъ нечистыхъ (1 Тим. iv, 1), и другія слова его же: *будетъ время, егда здраваго ученія не послушаютъ, но по своимъ похотямъ изберутъ себѣ учители, чешеми слухомъ, и отъ истины слухъ отвратятъ и къ баснямъ уклонятся* (2 Тим. iv, 3, 4).

10. Когда увидите роскошные пиры со всѣми ихъ наслажденіями, ложью, шумомъ и безпорядочными кликами,—вспомните слова Господа: *горе вамъ, насыщенніи нынѣ, яко взалчете; горе вамъ, смѣющимся нынѣ, яко возрыдаете и восплачете* (Лк. vi, 25). Когда увидите пляшущихъ и играющихъ и поющихъ бѣсовскія пѣсни,—съ плачемъ и рыданіемъ вспомните слова Давида: *не познаша, ниже уразумѣша, во тмѣ ходятъ* (Пс. LXXXI, 5), и пророка Исаіи: *горе востающимъ заутра и сикеръ гонящымъ, ждущимъ вечера: съ гусльми бо и пѣвницами и тимпаны и свирѣльми вино піютъ, на дѣла же Господня не взираютъ и дѣлъ руку Его не помышляютъ* (Ис. v, 11, 12). И вообще при видѣ всякаго совершающагося соблазна помните слова Господа: *горе міру отъ соблазнъ! Невозможно есть не пріити соблазномъ, обаче горе человѣку тому, имже*

соблазнъ приходитъ (Мѳ. xviii, 7; Лук. xvii, 1). Но что говорятъ эти люди, жестокіе сердцемъ, преданные лжи? Нѣтъ, говорятъ, зла въ развлеченіяхъ. Что вреднаго въ игрѣ на цитрѣ или на чемъ-либо подобномъ? О, крайнее безуміе! О, лукавое внушеніе діавола! Родъ лукавый и прелюбодѣйный, такъ-то вы воздаете Господу? Пречистый Господь повсюду заповѣдуетъ, чтобы христіане совсѣмъ не касались развлеченій, а ты говоришь: какой вредъ отъ развлеченій? *Горе глаголющымъ горькое сладкое и полагающымъ тму свѣтъ* (Ис. v, 20)! Пусть скажутъ намъ эти необузданные, изъ какой священной книги могутъ они представить доказательства, что христіанину можно предаваться развлеченіямъ? Какіе святые, какое Евангеліе научило христіанъ такъ непристойничать? Вотъ вселенская и апостольская Церковь отъ восхода солнца до запада и отъ концовъ вселенной вопіетъ и учитъ и увѣщеваетъ и чрезъ законъ, и чрезъ пророковъ, и чрезъ апостоловъ, и устами самого Господа, и положительно нигдѣ вы не найдете, чтобы 565
христіанину позволено было заниматься такими дѣлами. Сколько царей и властителей, и мудрецовъ, и благородныхъ, и славныхъ, и законниковъ, и рабовъ, и свободныхъ, и бѣдныхъ, и богатыхъ, и старцевъ, и юношей! Кто изъ нихъ всѣхъ можетъ показать или доказать относительно того, что христіанину позволено играть на цитрѣ или плясать или что-либо другое дѣлать изъ того, что мы указали выше? Никто не въ состояніи доказать это. Пусть же никто не вводитъ васъ въ заблужденіе: нельзя дѣлать этого христіанину, все это чуждо каѳолической Церкви, все это—дѣла, свойственныя язычникамъ. Никто, братіе мои, васъ да не обольщаетъ: насколько вы предадитесь удовольствіямъ, настолько отпадете отъ благодати: тогда и Христосъ не принесетъ вамъ никакой пользы. Возвратимся опять къ тому первому и прекрасному исповѣданію, которое мы произнесли предъ лицомъ многихъ свидѣтелей—предъ ангелами, людьми и Творцомъ всяческихъ: вѣдь рукописаніе исповѣданія нашего у Него на небѣ, и Онъ воздастъ каждому по мѣрѣ того, насколько онъ исполнилъ и соблюлъ исповѣданіе. Тамъ начертаны и обѣты каждаго изъ насъ, и отреченіе отъ сатаны и сочетаніе съ Христомъ, и дѣла наши, и поступки, и слова, и помышленія, и развлеченія, и забавы; и все это принесетъ съ Собою Христосъ, когда придетъ судить насъ. Итакъ, чего же вы хотите? Солгать Ему? Но это невозможно: и ты, и дѣла твои въ Его рукѣ. Скрыться отъ Него? Но и это невозможно, такъ какъ въ Его рукѣ всѣ концы земли и *нѣсть тварь неявлена предъ Нимъ, вся же нага и объявлена предъ очима Его* (Евр. iv, 13); укрыться отъ лица Его нѣтъ никакой возможности. Если вы взойдете на небо, Онъ тамъ, если вы сойдете въ бездну, и тамъ Онъ (Пс. cxxxviii, 8). Написано вѣдь, что *вся, елика восхотѣ Господь, сотвори на небеси и на земли, въ моряхъ и во всѣхъ безднахъ* (Пс. cxxxiv, 6). Что же намъ дѣлать, братіе? Никакого выхода намъ не остается. *Той*

бо въсть тайная сердца (Пс. XLIII, 22) и утробы. Бѣжать невозможно и нѣтъ никого, кто избавилъ бы изъ руки Его (Ис. XLIII, 13). Невозможно и скрыться, такъ какъ Онъ держитъ кругъ земли, и всѣ живущіе на ней предъ Нимъ не болѣе, какъ саранча. Противиться Ему невозможно, какъ написано: *Ты страшенъ еси, и кто противостанетъ Тебѣ* (Пс. LXXV. 8)? Онъ вѣдь Владыка и небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, Онъ имѣетъ упразднить всякое начало и власть и могущество. Оправдаться предъ Нимъ чѣмъ-нибудь, найти какую-нибудь отговорку или извиненіе—невозможно, потому что отъ конца земли и до конца божественное Писаніе и вопіетъ, и убѣждаетъ, и обличаетъ, и вразумляетъ, и свидѣтельствуетъ, и угрожаетъ. Потому и говоритъ Господь нашъ: *отметаяйся Мене и не пріемляй глаголъ Моихъ, Азъ не сужду ему*, но *слово, еже глаголахъ, то судитъ ему въ послѣднiй день* (Іоан. XII, 48. 47). А также: *аще не быхъ пришелъ и глаголалъ имъ, грѣха не быша имѣли, нынѣже вины не имутъ о грѣсѣ своемъ* (Іоан. XV, 22). Вотъ вы слышали, что никто не имѣетъ извиненія. Дѣйствительно, братіе, намъ нѣтъ выхода.

11. Но, можетъ быть, кто-нибудь возразитъ мнѣ: ты уже достаточно побранилъ насъ въ своей бесѣдѣ, и печаль на насъ навелъ, и о наказаніяхъ напомнилъ, и возмездіе изобразилъ, и вообще устрашилъ и запугалъ насъ чрезмѣрно. Согласенъ, что это такъ, и знаю, что каждый изъ васъ самъ дастъ за себя отвѣтъ Богу, каждый пожнетъ то, что посѣялъ, и каждый понесетъ свою ношу. Но разъ ты завелъ объ этомъ рѣчь и устрашилъ и запугалъ насъ, то покажи намъ наконецъ и путь ко спасенію, дай средство для излѣченія нашихъ недуговъ; послѣ такихъ ужасовъ порадуй насъ чѣмъ-нибудь. Вотъ я хочу спастись: что мнѣ дѣлать? Какъ достигнуть спасенія? Къ кому прибѣгнуть? Вѣдь я много согрѣшилъ—и словомъ, дѣломъ, и вольно, и невольно, и днемъ, и ночью, и ежечасно. Что же мнѣ дѣлать? Гдѣ искать спасенія? Къ кому прибѣгнуть? Я скажу тебѣ, къ кому прибѣгнуть. Блаженный Давидъ указалъ, гдѣ должно искать прибѣжища, сказавъ: *Богъ нашъ прибѣжище и сила* (Пс. XLV, 2). Это показалъ и Іоаннъ, большій всѣхъ пророковъ, говоря: *се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. I, 29). Это же возвѣстилъ и ангелъ: *Той бо спасетъ люди своя отъ грѣхъ ихъ* (Мѳ. I, 21). И опять пророкъ Давидъ говоритъ: *Господи, къ тебѣ прибѣгохъ* (Пс. CXLII, 9). У Него и ты ищи прибѣжища,—у Того, Кто сказалъ: *не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Мѳ. IX, 13), Кто сказалъ: *не требуютъ здравіи врача, но болящіи*
566 (Лук. V, 31), Кто сказалъ: *покайтеся, приближися бо царство небесное* (Мѳ. IV, 17), Кто сказалъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мѳ. XI, 28), Кто сказалъ: *власть имать Сынъ человѣческій на земли отпущати грѣхи* (Мѳ. IX, 6), Кто сказалъ: *грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ* (Іоан. VI, 37), Кто чрезъ пророка

сказалъ: *живу Азъ, не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* (Iезек. xxxш, 11). Кто сказалъ, что Онъ *сотворитъ отмщеніе вопіющихъ къ Нему день и ночь* (Лк. xvш, 7, 8). Кто сказалъ: *радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся* (Лук. xv, 10, 7). Къ Нему прибѣгай съ покаяніемъ и слезами. Покайся—и не сомнѣвайся, покайся—и не унывай болѣе, не отчаивайся въ своемъ спасеніи. На небѣ радость, когда ты каешься, а ты медлишь? Ангелы ликуютъ, а ты понурилъ голову? Ради тебя пришелъ врачъ душъ, а ты скрываешь рану? Онъ громко зоветъ: обратитесь ко Мнѣ, сыны человѣческіе, пріидите ко Мнѣ,—и ты не спѣшишь на Его призывъ? Онъ восклицаетъ: *не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Мѳ. ix, 13). О, неизмѣримое человѣколюбіе Владыки! *Не пріидохъ призвати праведники*, говоритъ, *но грѣшники*. Итакъ, дерзай, грѣшникъ, и не отчаивайся! Тебя пришелъ призвать добрый Пастырь, ради тебя преклонилъ Онъ небеса и сошелъ, со словами: *пріидите ко мнѣ вси труждающіися* (Мѳ. xi, 28), *не пріидохъ бо призвати праведники, но грѣшники* (Мѳ. ix, 13). Но смотри, не возмни о себѣ слишкомъ, слыша о неизреченномъ Его человѣколюбіи: не съ простымъ вѣдь призывомъ Онъ къ тебѣ обращается, но прибавляетъ: *не пріидохъ бо*, говоритъ, *призвати праведники, но грѣшники на покаяніе*: не на забавы, а на слезы, не на пиры и возліянія, а на постъ, бдѣніе и слезы, не на пляски, увеселенія и услажденіе музыкой, а на трудъ, скорбь и тѣсноту. *Блажени*, говоритъ Онъ, *плачущіи* и рыдающіе (Мѳ. v, 4), очевидно, о грѣхахъ своихъ. Итакъ, начни каяться. Положи только начало, и Богъ кающихся будетъ тебѣ содѣйствовать и укрѣпитъ тебя; ты получишь отъ Него обильную благодать и она будетъ для тебя слаще меда и сота. Пути жизни разнообразны, какъ написано, и способовъ спасенія много. Какимъ хочешь способомъ, тѣмъ и воспользуйся, только спасайся. Если можешь, раздавай милостыню; не можешь—Богъ не взыщетъ. Нѣтъ у тебя ни хлѣба, ни одежды? Стань на колѣна, ударяй себя въ грудь, плачь, рыдай, скорби, простирай руки къ небу, возведи очи твои къ Господу, постись, бодрствуй. Это—у всякаго въ распоряженіи и тутъ ты ужъ ничѣмъ отговориться не можешь. Постарайся же всегда этими средствами угождать Богу. Впрочемъ, и ими нужно пользоваться осмотрительно и благоразумно; въ противномъ случаѣ они окажутся безполезными, а трудъ твой тщетнымъ.

12. Итакъ, упражняясь въ этихъ добродѣтеляхъ и припадая къ Богу съ покаяніемъ, особенно тщательно наблюдай, чтобы ни съ кѣмъ не имѣть вражды,—этого главнаго препятствія къ достиженію твоей цѣли,—но, какъ сказалъ апостолъ Павелъ, *со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвая* (Филип. п, 2) и соблюдая заповѣдь Христа, гласящую: *аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный* согрѣшенія ваши (Мѳ. vi, 14). Если молишься

Богу отъ всего сердца, безъ суеты и разсѣянности, соблюдай эту его заповѣдь и оставь, если что имѣешь противъ кого-либо. Ты хочешь, чтобы тебѣ отпущены были твои грѣхи? Прости и ты ближнему своему его грѣхи противъ тебя. Если не отпустишь грѣховъ брата твоего, и твоихъ не отпуститъ Господь, потому что Онъ сказалъ: *аще не отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Мѳ. vi, 15). И мы знаемъ всѣ, что Онъ не обманетъ, потому что Онъ неложенъ и вѣренъ во всѣхъ словахъ Своихъ. Затѣмъ, будь готовъ къ тому, что Господь каждый день можетъ потребовать твою душу. Не дѣлай такъ, чтобы сегодня покаяться, а завтра забыть объ этомъ, сегодня плакать, а завтра плясать, сегодня поститься, а завтра упиться виномъ до такой степени, что и ноги не держатъ сегодня бодрствовать, а завтра пасть; но заботься о своемъ спасеніи такъ, чтобы быть увѣнчаннымъ. Будь вѣренъ добродѣтели, не уклоняйся отъ подвига, чтобы не лишиться вѣнца. Всѣ удовольствія міра сего, его славу—отвергни съ ненавистью и скажи вмѣстѣ съ Давидомъ:
567 *неправду возненавидѣхъ и омерзихъ. законъ же Твой возлюбихъ; отъ всякаго пути лукава возбраниxъ ногамъ моимъ. Кляхся и поставихъ сохранити* заповѣди Твои (Пс. cxviii, 163, 101, 106). Постарайся же всегда быть готовымъ, чтобы когда ни придетъ Тотъ, кто потребуетъ душу твою, всегда нашелъ бы тебя готовымъ въ покаяніи,—и я ручаюсь тебѣ, что тогда Онъ не отлучитъ тебя отъ части спасаемыхъ. Соблюдай всегда заповѣдь Господню: *бдите и молитеся да не внидите въ напасть* (Мѳ. xxvi, 41), и еще: *будите готови, яко въ оньже часъ не мните, Сынъ человѣческій пріидетъ* (Мѳ. xxiv, 44). Тоже внушаетъ и апостолъ: *непрестанно молитеся* (1 Сол. v, 17). Вдумайтесь, что это значитъ: *непрестанно*. Это значитъ: всегда, во всякое время, и днемъ, и ночью, и вечеромъ, и утромъ, и въ полдень, и во всякій часъ, и за работой, и въ пути, и въ полѣ, и за сохой, и ложась спать, и вставая отъ сна. Не откладывай молитву на воскресенье или на праздникъ, не выбирай для нея мѣста. Божество не ограничивается мѣстомъ: *въ руцѣ Его вси концы земли* (Пс. xciv, 4). Поэтому и пророкъ Давидъ, молясь каждый день и каждую ночь, не разбиралъ ни дня, ни мѣста, но со слезами говорилъ и побуждалъ самъ себя: *на всякомъ мѣстѣ владычества Его благослови душе моя Господа* (Пс. ci, 22). Такъ и вы, возлюбленные, не ждите извѣстнаго часа или дня, не стѣсняйтесь мѣстомъ, но, какъ было уже сказано, на всякомъ мѣстѣ—и дома молитесь, и въ церковь придя молитесь, и гдѣ бы ни пришлось молитесь, на всякомъ мѣстѣ владычества Божія. *Внушите вси живущіи по вселенней* (Пс. xlviii, 2), *вкупѣ богатъ и убогъ* (ст. 3), мужчины и женщины, толпы народа, юноши и дѣвицы, старые и молодые, цари земные и всѣ судіи земли, послушайте написанное: *время прекращено есть, да и имущіи жены, якоже неимущіи будутъ* (1 Кор. vii, 29). Отвергнемся *нечестія и мір-*

скихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ждуще въ будущемъ *блаженнаго упованія и явленія* 568
славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа (Тит. II, 12, 13). Поминайте меня всегда, братіе, и держитесь преданій, которыя получили вы отъ блаженныхъ мужей-пророковъ и апостоловъ—и отъ Самого Господа всяческихъ. Примѣромъ злостраданія и великодушія да послужатъ вамъ пророки, терпѣнія — Іовъ, цѣломудрія — Іосифъ, благоразумія—Даніилъ, любви—самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Который Себя за насъ предалъ, покаянія—богоотецъ Давидъ. Вотъ вамъ образецъ покаянія, призывающій и убѣждающій васъ такими словами: *пріидите, чада, послушайте мене* (Пс. XXXIII, 12), и. я научу васъ покаянію: вѣдь я самъ нѣкогда поддался соблазну, но возсталъ посредствомъ покаянія и знаю по опыту человѣколюбіе Владыки, знаю, какъ съ распростертыми объятіями принимаетъ Онъ тѣхъ, кто искренно кается. Невозможнно вѣдь, чтобы. Господь солгалъ, а я слышалъ, какъ говорилъ Онъ: *исходящихъ отъ устъ Моихъ не отвергуся* (Пс. LXXXVIII, 35). *Небо и земля мимо идетъ, словеса же Моя не мимо идутъ* (Мѳ. XXIV, 35). *Единою клячся о святѣмъ Моемъ* (Пс. LXXXVIII, 36). *Живу Азъ, не хощу смерти грѣшника* (Іезек. XXXIII, 11). Слышали вы, что самимъ Собою поклялся Человѣколюбецъ? Поэтому всѣхъ умоляю: *пріидите, чада, послушайте мене*, и пока есть еще время. поспѣшимъ, прежде, чѣмъ наступитъ день Господень великій: *предваримъ лице Его во исповѣданіи: пріидите, поклонимся и припадемъ предъ Господемъ, сотворшимъ насъ* (Пс. XCIV, 2,6). Такъ какъ Онъ сотворилъ насъ, то самъ же, *Боже, ущедри ны, и благослови ны, просвѣти лице Твое на ны и помилуй ны* (Пс. LXVI, 2). Онъ есть Богъ кающихся, Онъ принимаетъ насъ кающихся, Онъ и пасетъ насъ. Ему слава и держава и всякое благодареніе, Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово о циркѣ.

Сегодня у насъ открыты духовное поприще и небесное состязаніе 567
для готовыхъ къ духовному созерцанію, не по перстно-тлѣнному человѣку отъ земли, но по духовному и небесному, и состязаніе происходитъ на землѣ, а цѣль его на небѣ. Это я долженъ напередъ сказать для обличенія любителей зрѣлищъ, пренебрегающихъ духовнымъ зрѣлищемъ спасенія и предпочитающихъ тѣлесное и порочное зрѣлище—конскаго ристалища, а вѣрнѣе—ристалища сатанинскаго. Смотри же 568
прилежно, возлюбленный, лучше несуетливое состязаніе Церкви, гдѣ под-

визается Павелъ, не по аренѣ кружась, но отъ Іерусалима кругомъ до Иллирика наполняя всѣ страны благовѣстіемъ Христовымъ (Римл. xv 19,); тамъ управляетъ колесницей Илія, о которомъ сказано: „колесница, колесница, возница Израиля и всадникъ его“ (4 Цар. II, 12), совершая
569 бѣгъ, не отъ начальнаго до конечнаго флага, но отъ земли до неба на огненной колесницѣ; тамъ ликъ небожителей присутствуетъ на зрѣлищѣ, и Судія духовный возсѣдаетъ, и Царь смотритъ, и побѣдный даръ небесный предлагается, и бичи страшнаго суда предъ глазами. Богъ хочетъ, чтобы ты боролся самъ съ собою, поэтому и далъ тебѣ колесницу, запряженную четырьмя евангельскими животными, въ которой бѣлые кони—по пророчеству Захарія (Зах. IV): коренные—свѣтъ и безсмертіе, а пристяжные—правда и истина. Съ ними соперничаетъ въ бѣгѣ колесница идущаго на землю сѣвернаго вѣтра, о которомъ сказано Премудростью: *сѣверъ жестокъ вѣтръ* (Притч. XXVII, 16). Этотъ—жестокій и злой вѣтеръ—діаволъ. Въ колесницѣ его черные кони—въ корнѣ адъ и смерть, а на пристяжкѣ—мракъ и гибель,—и направляется она на перекоръ колесницѣ Христовой, о которой сказано: *колесница Божія тмами темъ, тысяща гобзующихъ* (Пс. LXVII, 18). Вотъ кони, которыми ты долженъ управлять въ треволненіяхъ жизни, какъ въ морѣ. Навелъ Господь на море коней Своихъ, смущающихъ воды многія (Авв. III, 15) и низлагающихъ колесницы мысленнаго фараона и силу его въ Красномъ морѣ. Есть у него и ангелъ--погонщикъ, преслѣдующій и уничтожающій коней врага твоего. *Да будетъ*, говоритъ псалмопѣвецъ, путь *ихъ тма и ползокъ, и ангелъ Господень погоняяй ихъ* (Пс. XXXIV, 6). Твоими противниками въ этомъ бѣгѣ являются хананеи, фарисеи, саддукеи, возвѣщающіе дары діавола, а на своей сторонѣ ты имѣешь Моисея, Самуила и Давида, которые уже ранѣе возвѣстили о пришествіи Праведнаго. Тотъ имѣетъ у себя подручными демоновъ—Вила, Дагона, Ваала и Хамоса, которые служили къ соблазну Израильтянъ и погубили ихъ въ пустынѣ, а тебѣ---отворяютъ двери и помогаютъ Павелъ, Силуанъ и Тимоѳей, которые о себѣ говорили, что *дверь отверзеся* имъ *велика и поспѣшна и сопротивніи мнози* (1 Кор. XVI, 9), которые просили, чтобы дано было *слово во отверженіи устъ* ихъ (Ефес. VI, 19). У него Филиппъ, Іуда, Димасъ, Гермогенъ, Именей и Александръ ковачъ, полные лицемѣрія, а твою сторону среди зрителей держатъ—чины ангеловъ и лики праведныхъ, приникающихъ съ неба посмотрѣть, какъ *вси убо текутъ, единъ же пріемлетъ почесть* (1 Кор. IX, 24). Одинъ—это поистинѣ народъ Христовъ, одинъ—крещенный во Христа и облекшійся во Христа; здѣсь нѣтъ ни іудея, ни эллина, ни мужского пола, ни женскаго, ни раба, ни свободнаго, ни скиѳа, ни Арія, ни Евномія, ни Маркіонца, но одинъ народъ во Христѣ. Подвизайся и проводи жизнь, достойную Бога, народъ Божій, въ созерцаніи Святого Духа! Пусть не услаждаютъ тебя конскія состязанія, чтобы не подвергнуться тебѣ опасно-

стямъ прежде суда. Если хочешь участвовать въ состязаніи, лучше дѣлай это на поприщѣ духовнаго созерцанія. Противъ похотливыхъ коней діавола впряги свои благочестивыя размышленія, противъ сильныхъ долготерпѣніе,—вѣдь ты знаешь, что *лучше мужъ долготерпѣливъ паче крѣпкаго* (Притч. xvi, 32),—противъ іудейства христіанство, противъ язычества богопочтеніе, противъ блуда цѣломудріе, противъ жадности милостыню, противъ лжи правду, противъ гнѣва кротость и мягкость. Съ быстрыми конями діавола состязайся точно также на противоположныхъ имъ, т. е. противъ гнѣва и печали поставь кротость (*кроткій мужъ*, сказано, *сердцу врачъ*—Прит. xiv, 30); итакъ, противопоставь быстрымъ—кротость, враждѣ—дружбу, ненависти—любовь, притѣсненію—благодарность, превозношенію—смиренномудріе, злобѣ—благодушіе; однимъ словомъ противопоставь всякому злому дѣлу правую и спасительную вѣру. Но само собою разумѣется, что ведя состязаніе на такихъ коняхъ, ты и самъ долженъ отличаться воздержаніемъ духовнымъ, чтобы тебѣ не остаться безпризорнымъ, подвергнувшись морской болѣзни. *Всякъ бо подвизаяйся*, говоритъ апостолъ, *отъ всѣхъ воздержится: и они убо да истлѣненъ вѣнецъ пріимутъ, мы же неистлѣненъ* 570
(1 Кор. ix, 25). Возьми и шлемъ спасенія, и бичъ въ руку твою, подобный тому, какой сдѣлалъ изъ веревокъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, чтобы изгнать изъ храма торговцевъ діавола. Держись ближе къ сосуду избранія; взойди, о, Филиппъ, на колесницу евнуха, освобожденнаго отъ всякой нечистоты, взойди на эту колесницу и все свое вниманіе направь на махальщика, приставленнаго къ чтенію евангелія. Никто пусть не думаетъ, что я говорю смѣшное: вѣдь какъ на ристалищѣ глаза всѣхъ устремляются на махальщика, когда онъ выходитъ съ сигнальнымъ флагомъ, и всѣ ожидаютъ открытія бѣга по его знаку, такъ тоже самое происходитъ и въ церковномъ собраніи, когда діаконъ долженъ открыть четвероевангеліе: всѣ мы устремляемъ взоры на него, наблюдая тишину и какъ только онъ готовъ начать чтеніе, всѣ мы тотчасъ возбуждаемся, воспѣвая: слава Тебѣ, Господи. Взойди на эту колесницу состязанія, бѣги, побѣждай, опрокидывай соперника, обгони и порази его; провозгласи устами твоими прекрасное исповѣданіе и устремись на противника: *иже ходитъ просто, ходитъ надѣяся* (Притч. x, 9). Порази его какъ Давидъ Голіаѳа, прогони его какъ Елисей Гіезія, настигни какъ Илія Ахава въ виноградникѣ Навуѳея, низвергни его во тьму кромѣшную, гдѣ плачъ и скрежетъ зубовъ (Мѳ. viii 12): будь только внимателенъ къ самому себѣ. *Внемлите же себѣ*, говоритъ Господь въ Евангеліи, *да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ* (Лук. xxi, 34). Все переноси: *другъ друга тяготы носите* (Гал. vi, 2). Идя по трудной дорогѣ, будь остороженъ, *да не когда преткнеши о камень ногу твою* (Пс. xc, 12); не оборачивайся назадъ, помня участь жены Лотовой. Идя по пути правды, не уклоняйся ни

направо, ни налѣво. Внутрь стремись изъ рая, стремись внутрь. *Отъ сердца бо исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, тяжбы, лжесвидѣтельства, клеветы, хулы* (Мѳ. xv, 19), вообще все оскверняющее человѣка. Не давай ему снисхожденія, какъ и Богъ Израилю, потому что онъ жестоковыенъ; не дѣлай ему уступки; онъ влечетъ тебя ко грѣху. Но ты будь впереди врага твоего и скажи ему: *иди за мною, сатано, яко не мыслиши, яже суть Божія, но яже человѣческа* (Мр. viii, 33). Удаляйся отъ него, какъ Илія убѣгалъ отъ Іезавели: спѣши къ почести вышняго званія. Не допускай его догнать тебя, какъ слуги Авессалома не могли догнать Іонаѳана и Ахимааса, священниковъ Господа, бѣжавшихъ (къ Давиду), не допускай схватить тебя, какъ слуги царя іерихонскаго не могли схватить соглядатаевъ, но если возможно, обмани его какъ Раавъ блудница обманула сыщиковъ. Пусть не удастся ему подчинить тебя себѣ, какъ фараонъ не могъ подчинить себѣ Моисея и Аарона, но ты перехитри его, какъ волхвы—Ирода. Не ослабѣвай въ борьбѣ съ нимъ: вѣдь ты имѣешь распорядителемъ Бога, а врачемъ Христа. Не бойся: имѣешь вѣдь умастителемъ Духа Святого, помазавшаго тебя муромъ изъ таинственнаго рога Самуилова. Не бойся жажды: у тебя есть при себѣ въ тыквѣ вода упокоенія—крещенія, чтобы, подвигаясь впередъ, т. е. проповѣдью Іониною, ты могъ возстановить свои силы. Опрокинь его тиранническую колесницу. Брось его въ яму, которую онъ самъ вырылъ; брось его туда на самое дно. Воскликни словами псалма: *изъ глубины воззвахъ къ Тебѣ, Господи, Господи, услыши гласъ мой* (Пс. cxxix, 1)! Сбрось его въ глубину, уцѣлѣвъ самъ отъ его пагубы. Воздѣнь въ высоту преподобныя твои руки къ Царю, прими отъ Него пальмовый вѣнокъ, какъ нѣкогда отроки, и потрясши имъ, поклонись Ему, потому что палъ Вилъ, сокрушился Дагонъ (Ис. xlvi, 1). *Богу же благодареніе давшему намъ побѣду Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ* (1 Кор. xv, 57). Такою вотъ побѣдою ты могъ бы открыть себѣ доступъ въ рай, какъ во всенародную купальню, гдѣ четыре источника съ обильною точно въ купальнѣ водою, и почить въ мѣстѣ злачнѣ, гдѣ такъ кстати были бы слова: *на мѣстѣ злачнѣ тамо всели мя, на водѣ покойнѣ воспита мя* (Пс. xxii, 2). И похваляясь всѣмъ этимъ, ты могъ бы сказать: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдахъ. Прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды*, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

НА СЛОВА:

внемлите милостыни вашея не творити предъ человѣки (Мѳ. IV, 1).

1. Разумные и опытные земледѣльцы, окружая свои насажденія самымъ заботливымъ уходомъ, прежде всего самыя растенія выгоняютъ въ ростъ, а затѣмъ искусно удаляютъ отъ нихъ всѣ заглушающія ихъ поросли. Также точно поступилъ и законодатель Моисей: сначала онъ насадилъ въ сердцахъ людей единобожіе, а потомъ стремился искоренить въ людяхъ наклонность къ многобожію. Какъ же насадилъ онъ единобожіе? Послушай, что говоритъ онъ: *Господу Богу твоему поклонишися и тому единому послужиши* (Второзак VI, 13; X, 20), и еще: *слыши, Израилю: Господь Богъ твой Господь единъ есть* (Второз. VI 4). А вотъ какъ посѣкъ онъ сорныя травы многобожія: *боговъ сліяныхъ не сотворите себѣ* и богамъ чуждымъ не кланяйтесь: *Азъ Господь Богъ вашъ* (Лев. XIX, 4; Исх. XXXIV, 17). Подобное этому самъ Богъ и Спаситель нашъ дѣлаетъ сегодня. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ того какъ недавно насадилъ Онъ въ душахъ нашихъ добрую маслину милосердія и увѣнчалъ плодъ ея, то есть милосердныхъ, и ублажилъ ихъ, говоря: *блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ* (Мѳ. V, 7), сегодня, какъ и подобало, Онъ посѣкаетъ и истребляетъ въ насъ все суетное, что могло бы вредить милосердію. Вчера, всѣхъ одинаково возбуждая къ милосердію, Онъ и бѣдныхъ научилъ — на примѣрѣ бѣдной вдовы изъ Сарепты Сидонской,—чтобы у нихъ бѣдность не служила предлогомъ къ безчеловѣчности, а съ другой стороны ихъ же — примѣромъ бѣдной вдовы евангельской, положившей въ церковную сокровищницу двѣ лепты, — возбудилъ, чтобы они съ усердіемъ собирали богатство милостыни; и тѣхъ, чье богатство созидается на волнахъ морскихъ, Онъ обуздалъ, внушая имъ, чтобы они отдавали лучше бѣднымъ, чѣмъ морю, а тѣмъ, кто на сушѣ трудится для своего благосостоянія, Онъ показалъ, какъ нужно предупреждать нужду доброй волей и какъ прежде нужды лучше воздавать почтеніе Богу, чѣмъ разбойнику. Такимъ образомъ всѣхъ одинаково побудивъ къ милостынѣ и зная, что каждый склоненъ принимать похвалы, какъ цвѣтущее дерево, наклоненное къ милосердію: *азъ же яко маслина плодовита въ дому Божіи* (Пс. LI, 10), Господь сразу же подавляетъ и сопутствующее милостынѣ тщеславіе. Какъ именно? *Внемлите милостыни вашея не творити предъ человѣки, да видими будете ими* (Мѳ. VI, 1). Оговариваюсь, что я не выбираю этого чтенія нарочно: оно именно и слѣдуетъ далѣе по установившемуся по- 571

рядку чтеній. *Внемлите милостыни вашея не творите предъ человѣки, да видими будете ими*; въ противномъ случаѣ вы не получите награды. Подаяніе милостыни на показъ уничтожаетъ награду, и тотъ, кто поступаетъ такъ, лишаетъ себя будущей благостыни. Никакая другая страсть не вредна такъ душѣ, какъ страсть тщеславія. Вѣдь этимъ недугомъ человѣкъ заражается именно тогда, когда онъ сдѣлалъ уже большіе успѣхи въ исполненіи заповѣдей. Вотъ почему Спаситель и спѣшитъ съ корнемъ посѣчь въ насъ эту страсть, научая насъ творить милостыню тайно. Конечно, ты скажешь: что же? Въ такомъ случаѣ совсѣмъ нельзя давать милостыни? Невозможно же, подавая бѣднымъ, или принося священникамъ, или опуская въ церковную кружку, остаться незамѣченнымъ? Вѣдь такимъ образомъ можно совсѣмъ поколебать въ человѣкѣ расположеніе вообще подавать милостыню? Но вотъ я желаю принести пользу душамъ моихъ друзей и братьевъ, избавить ихъ отъ всякаго
572 недуга по милости Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и привести къ исправленію обычнаго способа совершенія этого дѣла. Конечно, тутъ рѣчь прежде всего о расположеніи души творящихъ милостыню, какъ это и видно въ особенности изъ прибавленныхъ имъ словъ: *егда убо твориши милостыню, не вострубu предъ собою, якоже лицемѣри* (ст. 2); это не означаетъ, что они имѣли трубы, а что у нихъ была только личина милостыни, душа же ополчалась на людей и выступала на показъ предъ ними. Не ради Бога творили они милостыню, надѣясь на помилованіе отъ него и полученіе обѣщанной награды сторицею, но подавали, чтобы насладиться временною славою предъ людьми. Они нисколько не лучше тѣхъ, которые соперничаютъ на зрѣлищахъ и изъ-за пустой славы растрачиваютъ свое имущество, не ради полезнаго плода души, но ради пустой человѣческой похвалы. И какъ часто эта похвала обращается въ обиду и много истратившіе много и унижаются! Посмотри, сколько тратятъ денегъ на конскихъ скачкахъ, и когда много истратятъ, тогда въ особенности утѣшаются худыми и потерянными людьми. Вѣдь слабость коней тамъ тотчасъ переносится и на людей: конь собьется, а безчестіе терпитъ честолюбецъ; выходитъ, что безсловесный конь палъ, и вмѣстѣ съ нимъ нипалъ и разумный человѣкъ. Нерѣдко эти люди со слезами говорятъ: зачѣмъ напрасно погубилъ я свое состояніе? Столько труда перенесъ и столько наказаній, а въ результатѣ лишился имущещества, чтобы терпѣть униженіе отъ всякаго сброда. О, скольких бѣдныхъ могли бы обогатить эти деньги, брошенныя на вѣтеръ! Скольким падшимъ помогли бы онѣ подняться на ноги! Но нѣтъ: какъ потокъ неудержима эта суетная щедрость изъ тщеславія, а поношенія неразумныхъ людей въ свою очередь разростаются въ цѣлую рѣку. Одни презираютъ и губятъ собственныя души, другіе изъ-за лошадей раззоряютъ свои дома.

2. Но пусть они изъ пустого тщеславія и соревнованія тратятся и терпятъ поношенія. А намъ должно научиться тому, какъ устроить нашу жизнь сообразно съ благочестіемъ, какъ тратить имущество, чтобы угодить Богу, и какъ посредствомъ этихъ земныхъ благъ снискать себѣ блага небесныя. Конечно, Христосъ не запрещаетъ тебѣ подавать милостыню, но научаетъ, какъ должно ее дѣлать: *да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя* (Мѳ. VI, 3). Здѣсь, конечно, не руки Онъ имѣлъ въ виду, но образно выразилъ то, что твой дурной разсудокъ не долженъ знать, что дѣлаетъ твоя добрая воля, чтобы онъ не могъ бы отвратить тебя отъ добра. Помышленія человѣческія, по божественному свидѣтельству, направлены къ злу. Поэтому Спаситель и говоритъ: пусть это желаніе будетъ у тебя настолько сильнымъ, чтобы и самъ ты не зналъ. Для чего? Чтобы Отецъ твой, видящій въ тайнѣ твою добрую, усердную готовность подавать бѣднымъ, возлюбилъ тебя и воздалъ тебѣ явно. Для тѣхъ, которые дѣлаютъ милостыню, Онъ учредилъ великое и блестящее зрѣлище, и чего могутъ желать милостивые, это имъ даровано въ наивысшей степени. Пусть хоть тысячи людей видятъ васъ подающими милостыню, только сами вы не обращайте вниманія на нихъ и не желайте отъ нихъ временной славы; а если хотите, говоритъ, имѣть зрителей того, что вы дѣлаете, на то есть ангелы и архангелы, и самъ Создатель и Владыка всяческихъ. Если хотите людей имѣть свидѣтелями вашихъ поступковъ и на показъ предъ ними творить милостыню, тогда вы будете имѣть сто или тысячу зрителей, одобряющихъ васъ. Если же будете стараться 578
дѣлать ее тайно отъ тѣхъ, которые хвалятъ въ настоящей жизни, и притомъ такъ тайно, что хотя бы нѣкоторые и прославляли васъ, не принимать этихъ похвалъ съ удовольствіемъ и не возноситься ими, но устраняться отъ нихъ и отклонять ихъ, тогда въ тотъ страшный день предъ лицемъ всей вселенной вы примете вѣнцы славы. Если ты творишь милостыню для Бога и ради того богатства, которое тамъ у Него собирается для тебя, а не ради временной славы, тогда Богъ, принимая какъ бы въ собственныя нѣдра ваши подвиги милосердія, въ присутствіи всѣхъ людей, отъ Адама до конца вѣка, въ присутствіи всѣхъ ангеловъ (такъ какъ тогда будутъ предстоять тысячи и миріады ангеловъ), своими пречистыми руками призоветъ васъ со словами: *пріидите благословеннiи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мѳ. XXV, 34). Придите сюда, Я принялъ ваши труды, Я былъ на вашемъ иждивеніи. Когда ты простиралъ руки къ бѣдному, Я открылъ Мои нѣдра; когда ты давалъ хлѣбъ твой бѣдняку, Я чрезъ его чрево насыщался. *Взалкахся бо, и дасте Ми ясти, возжадахся, и напоисте Мя* (ст. 35). За это вотъ какой радости будете удостоены вы, милостивые! Если же на показъ предъ людьми подавали вы милостыню, тогда отъ нихъ получите и награду. Вѣдь, кажется, это такъ

понятно: если именно на показъ хочешь ты дѣлать, такъ старайся дѣлать на показъ предъ Богомъ: Онъ и увѣнчать имѣетъ больше власти, и на зрѣлище приведетъ ангеловъ. А кто же настолько несчастенъ, чтобы зная, что царь хочетъ прійти посмотрѣть его подвиги, вмѣсто того предпочтетъ раскинуть свое зрѣлище предъ толпою оборванцевъ и отъ нихъ ожидать себѣ награды? Среди христіанъ такихъ не найдется: да не будетъ! Все, что мы, христіане, дѣлаемъ, все мы дѣлаемъ, имѣя предъ глазами Христа и призывая Его имя. Вѣдь Онъ въ Своемъ евангеліи указалъ намъ путь спасенія, чтобы мы, совершая всякую милостыню и упражняясь во всякой добродѣтели, все это дѣлали во имя Его и при Его помощи. Такъ, если мученики предали свои тѣла беззаконнымъ, они предали ихъ собственно Тому, Кто сказалъ: *не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити: убойтеся же паче могущаго и душу и тѣло погубити въ геениѣ* (Мѳ. x, 28). Затѣмъ, храмы ли или гостинницы устроили нѣкоторые для всей вселенной, они сдѣлали это ради Того, Кто сказалъ: *страненъ бѣхъ и введосте Мене* (Мѳ. xxv, 35). Въ смиреніи ли мы упражняемся, ради Него же дѣлаемъ это, такъ какъ Онъ сказалъ: *блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное* (Мѳ. v, 3). Или подаемъ хлѣбъ бѣднымъ, опять подаемъ ради Него, памятуя Его слова: *иже аще напоитъ единаго отъ малыхъ сихъ чашею студены воды токмо во имя ученика, не погубитъ мзды своея* (Мѳ. x, 42). Посѣщаемъ ли мы темницы, посѣщаемъ ради Него же: *въ темницѣ бѣхъ и пріидосте ко Мнѣ* (Мѳ. xxv, 36);
574 одѣваемъ ли вдовъ и сиротъ, одѣваемъ Его же—Того, Кто сказалъ: *нагъ бѣхъ и одѣясте Мя* (ст. 36). Вообще раздаемъ ли что-либо нищимъ, все это принимаетъ Онъ: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Мѳ. xxv, 40); переносимъ ли укоризны и насмѣшки язычниковъ по поводу того, что покланяемся Распятому іудеями и оживотворившему вселенную, и это мы дѣлаемъ ради Него же: *блажени есте, егда поносятъ и иждену̀тъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще Мене ради: радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ* (Мѳ. v, 11, 12). Итакъ, пусть никто не думаетъ, что христіанинъ творитъ милостыню на показъ предъ людьми, чтобы отъ нихъ получить награду: да не будетъ! Получивъ наставленіе въ евангельскихъ сокровищахъ и утвердившись въ нихъ, мы увѣровали и, увѣровавъ, получили спасеніе. Поэтому и проповѣдь наша заимствуется изъ евангельскихъ чтеній. А когда читаются святыя евангелія, мы слушаемъ ихъ не между прочимъ и съ разсѣянностью, но внимательно, бодро и со страхомъ воспринимая возвѣщаемое, не смущаясь помыслами, не сидя тѣломъ, не развлекаясь разговорами съ сосѣдями, ничего подобнаго не дерзая дозволять себѣ: ни богатый, ни бѣдный, ни рабъ, ни свободный, ни мужчины, ни женщины, ни начальники, ни подчиненные. Даже самъ царственный вѣнценосецъ тотчасъ, какъ только начинается

чтеніе евангелія, стоитъ со всякимъ страхомъ и съ полнымъ вниманіемъ и головы своей не рѣшается покрывать вѣнцомъ, но поникаетъ ею предъ Богомъ, бесѣдующимъ чрезъ святое евангеліе. Съ какими именно мыслями? Я знаю достоинство Того, Кто даровалъ мнѣ мое достоинство, преклоняюсь предъ Царемъ, давшимъ мнѣ мое царство, и стою со страхомъ, когда читаются Его святыя слова, именно такъ, какъ подчиненное мнѣ по Его волѣ начальство стоитъ при чтеніи царскаго манифеста. И чтобы не посмѣялся еретикъ, говоря, что только на нѣкоторое время цари притворно воздаютъ честь Христу, послушай, что говоритъ пророкъ (за много поколѣній изображая настоящее): *царіе узрятъ Его, и возстанутъ князи* и станутъ *и поклонятся Ему* всѣ цари земные (Ис. XLIX, 7). Итакъ, узнай и убѣдись, еретикъ, что въ безконечные вѣки пребываетъ царство Христа Бога нашего и благодать Его, вѣнчающая всѣхъ христіанъ и руководящая ихъ въ царство небесное. Такъ и всѣ христіане во всѣхъ своихъ поступкахъ взираютъ на Него, и мы руководствуемся Его словами: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего иже на небесѣхъ* (Мѳ. v, 16). Ему слава и держава и власть и поклоненіе съ единороднымъ Его Сыномъ и всесвятымъ и благимъ и животворящимъ и всесильнымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На начало новаго года и о мученикахъ, а также о кровоточивой женѣ.

1. Непрерывное и постоянное чудо—этотъ обильный потокъ благъ, 575
изливаемый на насъ отъ Христа Владыки это богатое наслѣдіе, преемственно передаваемое отъ одного къ другому Вотъ и сегодня насъ угощаютъ добропобѣдные мученики, предлагая свои собственные подвиги для общаго радостнаго пиршества. Нужно было, въ самомъ дѣлѣ, нужно было, чтобы всегда юнѣющіе благодатью мученики и при началѣ года явились для вѣрныхъ источникомъ угощенія; нужно было, чтобы новый годъ начинался торжествамъ; нужно было, чтобы въ предверіи новаго круговорота временъ мы слышали столько благословеній; нужно было, чтобы мы столь торжественно справляли сегодняшній день, при участіи ликовъ святыхъ; нужно было, чтобы годичный кругъ украшался вѣнцомъ мучениковъ; нужно было, чтобы при наступленіи года у насъ было столько веселья и именно въ честь мучениковъ! Они—эти мужественные воины Христовы—виновники всей этой нашей радости. Они и послѣ смерти своей проповѣдуютъ объ Его могуществѣ, они попрали обольстителя змія ногами добродѣтели, заду-

шили руками боголюбія насильника льва и доставили побѣду истинѣ; они возненавидѣли настоящую жизнь, какъ суетную, и возлюбили царство небесное, какъ дѣти—мать; смертью своею отверзли они врата безсмертія и виновника смерти умертвили собственною смертью; будучи облечены тѣломъ, они побѣдили безтѣлесныхъ демоновъ, не силою тѣла, но вѣрою души. Все въ мірѣ препобѣдили они вѣрою, дороже которой для христіанина нѣтъ ничего. При содѣйствіи вѣры запечатлѣли они свои слова дѣломъ. Велики поистинѣ ихъ подвиги ради правды; блестяща ихъ добродѣтель цѣломудрія; многоцѣнно ихъ нищелюбіе; прекрасенъ и подвигъ воздержанія; но болѣе всего своею побѣдою они обязаны своей великой вѣрѣ. Нѣкогда вѣра Авраама совершенно безплодной утробѣ Сарриной возвратила плодородіе. Вѣрою Моисей волнующееся море сдѣлалъ пѣшеходнымъ. Илія повелѣлъ небу и по вѣрѣ своей былъ услышанъ. Тысячи болѣзней изгоняла вѣра во времена Спасителя: прокаженный вѣрой избавился отъ своего страшнаго недуга; слѣпой ею же получилъ себѣ зрѣніе, котораго лишенъ былъ природою; при ея содѣйствіи хананеянка своею настойчивостью исторгла свою дочь изъ-подъ власти демона. Даже и оставаясь тайной, вѣра изсушила потокъ кровей, и тогда какъ въ другихъ случаяхъ дарованію предшествуетъ просьба, здѣсь все произошло при обоюдномъ молчаніи, какъ будто даръ былъ похищенъ. О, несчастная и вмѣстѣ блаженная женщина! Несчастная по своему прежнему состоянію, блаженная—по послѣдующему. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ евангеліе: *жена суши въ точеніи крове отъ дванадесяте лѣту* (Лук. VIII, 43). Если бы дней столько, сколько лѣтъ продолжался ея недугъ, и тогда онъ могъ совсѣмъ истощить ее; а здѣсь цѣлыхъ 12 лѣтъ! Я думаю, болѣзнь коренилась въ ея природѣ. Она же, потративши все свое имѣніе на врачей, къ тѣлесной немощи присовокупила и оскудѣніе имущественное; но ничто не помогло ей. Еще бы помогло! Вѣдь противникъ ея былъ неумолимъ: чрево женщины было источникомъ, изъ нея какъ бы билъ какой неизсякаемый ключъ крови. И не въ столь продолжительный періодъ времени одно зловоніе могло бы извести человѣка. Ея сердце терзали скорби и забота, какъ расторгнуть узы тяжкаго недуга, какъ избыть двѣнадцатилѣтнюю болѣзнь, какъ утишить несносныя боли, какъ удержать неудержимые потоки, какъ прекратить разстройство организма. У какихъ только врачей не перебывала она, по ночамъ обивая у нихъ пороги! Дневного свѣта она избѣгала, чтобы неудержимо стремящіеся потоки кровей не обнаружили предъ всѣми ея позора, отъ всѣхъ скрываемаго.
576 На уплату тѣмъ, кто брался за ея лѣченіе, она истратила все свое имѣніе, все что у ней было. Она вынуждена была давать и давать, а желаніе быть здоровой, конечно, заставляло ее не щадить денегъ. Но всѣ врачи въ борьбѣ съ ея недугомъ оказались безсильными; самые разнообразные пріемы лѣкарствъ не могли укротить ея злого недуга.

Точно какой глухой звѣрь онъ остался безчувственнымъ къ искусству тѣхъ, которые пытались укротить его, какъ бы такъ возражая на ихъ безполезныя усилія: что вы боретесь противъ сильнѣйшаго звѣря? Я вовсе не расположенъ уступить вамъ эту свою добычу, въ тѣлѣ которой я такъ давно и такъ прочно угнѣздился. Деньгами никто не купитъ силы; никто изъ живущихъ на землѣ не посѣчетъ моихъ корней. Одинъ только врачъ, рожденный отъ Дѣвы, изгонитъ меня; и я сохраняюсь для Его славы; вмѣстѣ съ другими и я являюсь свидѣтелемъ Его славы. Итакъ, что истощаетесь въ напрасныхъ трудахъ—вы, рабы, усиливающіеся предвосхитить побѣду Владыки? Я не пощажу созданія, пока не увижу Создателя. О, все противъ несчастной женщины: продолжительность времени, неисцѣльность недуга, безполезныя траты, скорби угнетаемаго тѣла, разсудокъ, помутившійся отъ обманутыхъ надеждъ. Но и такое множество враговъ не похитило оружія подвергавшейся опасности вѣры. И такія волны бѣдствій не причинили женщинѣ кораблекрушенія. И такія нападки искушеній не низложили подвергавшуюся имъ женщину. Увидѣла она, говоритъ евангеліе, Іисуса. Увидѣла избавляемая Избавителя, связанная Освободителя, увидѣла обуреваемая якорь вселенной, увидѣла грядущаго Царя страстей, увидѣла надежду неизъяснимой радости, увидѣла носителя неистощимой силы врачеванія, увидѣла источникъ исцѣленій, безмездно испускающій волны, увидѣла жизнь, посѣтившую мертвыхъ, увидѣла—и такая мысль осѣнила ее: нашла я теперь Исцѣлителя, какой мнѣ и былъ нуженъ; этотъ Врачъ не потребуетъ за труды золота; одного, я думаю, потребуетъ Онъ—искренняго сердца; одной дани потребуетъ отъ меня—вѣры. Но ее я имѣю: одной ея не лишила меня болѣзнь. Вотъ только путаются у меня мысли. Что мнѣ предпринять? Подбѣжать и ухватиться за Него? Подвергнусь опасности отъ толпы. Звать Его къ себѣ? Будутъ преслѣдовать какъ нечистую. Скрыть несчастіе? Но я не въ силахъ больше переносить болѣзнь. Подойти къ Нему, какъ врачу природы? Но боюсь Его, какъ Царя. Онъ приметъ меня какъ просительницу? Но боюсь, что удалится какъ отъ оскверненной. Будетъ милостивъ къ страданію? Но не осудилъ бы за приближеніе къ Нему.

2. Итакъ, что же дѣлать? На чемъ остановиться? Вооружиться смѣлостью? Боюсь, какъ бы опять не остаться безъ исцѣленія. Не устрашусь толпы, пренебрегу страхомъ, сдѣлаюсь предметомъ зрѣлища, подвергнусь насмѣшкамъ снаружи, зато исцѣлюсь отъ внутренняго недуга. Законъ ненавидитъ меня какъ оскверненную, законодатель жалѣетъ какъ больную. Усердіе и нерѣшительность женщины боролись въ ея душѣ, но она нашла себѣ помощницу въ вѣрѣ. *И приступльши*, разсказывается въ евангеліи, *созади* Іисуса, *коснуся края ризъ Его* (Лук. VIII, 44). *Глаголаше бо въ себѣ: аще токмо прикоснуся ризъ Его, спасена буду* (Мѳ. IX, 21). О, воровство, имѣвшее матерью вѣру! О, воровство, которое похвалилъ

самъ наказующій воровство! О, воровство, пріятное для обокраденнаго! О, хищеніе, увѣнчиваемое Судіею! И вотъ что удивительно: ея воровство побуждаетъ насъ удивляться ей не менѣе, чѣмъ мы удивляемся щедрости. *Глаголаше бо себѣ.* Богъ, говоритъ она, есть Владыка, отъ Котораго ничто не утаится. Онъ не нуждается въ тѣлесныхъ очахъ, Онъ—врачъ, исцѣляющій души; Онъ—око, проникающее мысли; Онъ видитъ меня, хотя я и скрывалась, слышитъ меня и безъ словъ, касается меня и издали; Онъ знаетъ, что конечно я, какъ недостойная, не перенесла бы
577 Его взора. Итакъ, что же? Подойду незамѣтно, и въ одно и тоже время—почитая мыслью, но не оскорбляя своимъ видомъ, коснусь сзади Его одежды. Для моего исцѣленія достаточно будетъ и одного прикосновенія къ Его одеждѣ, если только удастся коснуться ея, потому что, конечно, и она исполнена Его силы: не можетъ вѣдь одежда, облекающая жизнь, не испускать сама лучей спасительныхъ! Великъ былъ между пророками Моисей, исправитель безпокойнаго народа, но все-таки человѣкъ. А этотъ—Владыка того и притомъ человѣколюбецъ. Итакъ, если жезлъ раба разсѣкъ Красное море, воздвигши стѣны изъ водъ, неужели край Владычней одежды не окаменитъ тока кровей? Ревностный Илія, горячій слуга Божій, подобострастный намъ былъ человѣкъ, но его милоть была орудіемъ чудесъ. Точно также и Елисей, въ преизбыткѣ унаслѣдовавшій благодать своего наставника, милотью обуздалъ волны Іордана. Итакъ, если столько благодати было у пророковъ, каково должно быть могущество Того, Кто былъ ими предсказанъ? Отчего не сказать короче? Тѣнь Петра исцѣляетъ, а одежда Христа не исцѣлитъ? Я уже чувствую, насколько во мнѣ и простая рѣшимость обуздала болѣзнь. О, вѣра, побѣждающая приступы болѣзни! Повѣрила она только—и злой недугъ бѣжалъ, повѣрила—и любопрительный звѣрь ничего не могъ возразить, повѣрила—и престалъ непрерывный потокъ кровей, какъ бы изсушенный какимъ-нибудь невидимымъ пламенемъ. Она прикоснулась къ Его одеждѣ и приблизилась къ Нему совнѣ, а Онъ проникъ и внутреннія ея мысли. Она незамѣтно получила тѣлесное исцѣленіе, а Спаситель—предъ всѣми раскрылъ ея душевную красоту. Онъ не допустилъ, чтобы такая красота благочестія осталась неувѣнчанной, не позволилъ, чтобы искра правды потухла во мракѣ забвенія. Евангельскій разсказъ возвѣстилъ всему міру о вѣрѣ женщины, прекрасно совершившей доброе хищеніе у Бога непреклоннымъ разумомъ. Кто та, которая за воровство почитается какъ бы за вѣру? Предупредила раз-
578 бойника вѣра жены; прежде его устъ восхваляется ея рука; прежде чѣмъ онъ своимъ возгласомъ восхитилъ рай, она своимъ молчаніемъ ограбила главу царства. И *разумѣ*, сказано, *Іисусъ въ Себѣ силу изшедшую отъ Него* (Мрк. v, 30), и вопроси учениковъ: *кто есть коснувыйся Мнѣ* (Лук. VIII, 45)? Какъ вы не замѣтили воровства? Какъ не усмотрѣли грабежа? Кто прикоснулся ко Мнѣ? Кто въ болѣзни изъ моей сокро-

вищницы обогатился здоровьемъ? Кто прикоснулся ко Мнѣ? Что говоришь ты, Владыка? Ты далъ, и принявшей не знаешь? Увидѣлъ вѣру, а увѣровавшую не замѣтилъ? Оцѣнилъ тайное настроеніе души, а явной видимости не различилъ? Кто прикоснулся ко Мнѣ? Кто къ Тебѣ прикоснулся? Кому лѣкарствомъ Ты даровалъ силу? Кому послалъ Владыка исцѣленіе? Ты прогналъ болѣзнь, и не знаешь исцѣленной? Кто прикоснулся ко Мнѣ? Кто осязалъ Меня мыслью прежде, чѣмъ рукою? Кто постигъ Мое божество? Кто этотъ праведный грабитель Моей силы? Кто зажегъ отъ Моей лампады потухшій свѣтильникъ своего спасенія? Кто прикоснулся ко Мнѣ? Я хочу не столько узнать отъ васъ, сколько научить васъ. Здѣсь мнѣ хотѣлось бы заключить свое слово, да и пора уже. А на то, чтобы изъ этого чуда извлечь надлежащее назиданіе, мы посвятимъ другой день. Вѣдь если эта женщина въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, одолѣваемая своимъ недугомъ, не поколебалась въ своемъ терпѣніи, то неужели мы не захотимъ уступить столь продолжительнымъ подвигамъ ея еще одинъ день? Ея вѣрѣ поревновалъ ликъ мучениковъ, уже не касаясь края одежды Господней, но овладѣвая самымъ тѣломъ Христовымъ. И мы, конечно, возлюбленные, возбудимъ наши мысли къ соревнованію съ такой вѣрою, чтобы не оказаться намъ хуже одной женщины, если намъ и дѣлъ вѣры дано болѣе, чѣмъ ей. Ей только однажды удалось прикоснуться къ одеждѣ Христовой, а мы каждый день, какъ вамъ извѣстно, обнимаемъ тѣло Спасителя—и питаемся членами Владыки, какъ только приступаемъ къ Евхаристіи. Ему подобаетъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Огласительное слово на слова Евангелія: Подобно есть царствіе небесное человѣку домовиту, иже изыде купно утро наяти дѣлатели въ виноградъ свой, и дал. (Мѳ. xx, 1—16).

1. Вижу я среди моей вѣрной паствы необычныхъ овецъ, къ челу 577
коихъ небесный Пастырь только что прикоснулся Своею печатью. И хочется мнѣ найти траву ученія, которую я одинаково могъ бы предложить и вкусившимъ уже благодати, и тѣмъ, которымъ еще только предстоитъ вкусить духовной пищи, чтобы на одномъ и томъ же паст- 578
бищѣ поученія одни—просвѣщенные уже—нашли напоминаніе о дарахъ Божіихъ, а другіе—готовящіеся къ просвѣщенію—большее поощреніе къ воспринятію крещенія. Очевидно, и бесѣда должна быть смѣшаннаго 579
характера соотвѣтственно смѣшанному составу собранія, состоящаго изъ людей уже наставленныхъ въ истинахъ вѣры и только еще наставляе-

мыхъ. И вотъ я придумалъ, что могу я и предложить вамъ всѣмъ—старымъ домочадцамъ Христовымъ, и чѣмъ вновь купленныхъ рабовъ привлечь къ свободѣ званія: я побесѣдую съ моими братьями о такихъ словахъ Господа, которыя и давно принявшихъ виноградникъ Господенъ побудятъ къ болѣе усердному его воздѣлыванію, и только что заглянувшихъ въ него возбудятъ къ соревнованію съ тѣми. *Подобно есть царствіе небесное человѣку домовиту, иже изыде купно утро наяти дѣлатели въ виноградъ свой* (Мѳ. xx, 1). Человѣкомъ домовитымъ—домохозяиномъ Господь называетъ самого Себя; дѣлателями же, призванными въ третій, шестой, девятый и одиннадцатый часъ, называетъ всѣхъ вообще вѣрующихъ, въ различныхъ возврастахъ жизни принявшихъ крещеніе; подъ виноградникомъ разумѣетъ Онъ спасительныя заповѣди, исполненіе которыхъ сопряжено съ малымъ трудомъ, но съ большою пользою. *Подобно есть царствіе небесное человѣку домовиту, иже изыде купно утро наяти дѣлатели въ виноградъ свой.* Уговорившись съ ними, т. е. дѣлателями, Онъ отослалъ ихъ въ свой виноградникъ. Домохозяинъ—это Я. Какъ домоховяинъ распоряжается въ своемъ домѣ, какъ хочетъ, такъ и Я располагаю всѣмъ міромъ, какъ Мнѣ угодно. Я, Солнце правды, облекшись облакомъ человѣческаго естества, снисшелъ къ человѣчеству и хожу среди него, разыскивая дѣлателей въ Свой виноградникъ. Конечно, Я не нуждаюсь въ людяхъ для воздѣлыванія виноградника: у Меня есть ангелы и архангелы, исполнители Моей воли. Но Я хочу и земныхъ своихъ рабовъ видѣть въ числѣ обитателей Моихъ владѣній. И вотъ повсюду хожу Я и присматриваюсь, не найду ли кого, не найму ли кого, не съ тѣмъ, чтобы обогатиться чужими трудами, но чтобы обогатить тѣхъ, которые послѣдуютъ Моему зову. Взялъ Я Себѣ Петра, Іоанна и другихъ учениковъ, неутомимыхъ воздѣлывателей вселенной; Я уговорился съ ними по динарію на день, нанялъ ихъ на всю жизнь и обѣщалъ имъ въ награду за всю ихъ работу царство небесное. Но ими одними не можетъ удовлетвориться душа Моя. Я не могу спокойно видѣть, что на Моей нивѣ такъ немного дѣлателей; Меня удручаетъ созерцаніе этихъ—столь немногихъ—работниковъ. Я жажду еще другихъ работниковъ, хочу еще новыхъ наемниковъ, еще новыхъ посвященныхъ. Великъ и обширенъ садъ Моихъ заповѣдей, всѣмъ увѣровавшимъ въ Меня найдется въ немъ мѣсто и, по мѣрѣ наполненія его любителями добродѣтели, онъ дѣлается еще обширнѣе. Что Мнѣ предпринять? Какъ наполнить Мою ограду? Откуда еще взять охотниковъ работать? Пойти опять на перекрестки, пойти къ тѣмъ, которые добровольно блуждаютъ, пойти къ нерадивымъ? Пойти Мнѣ, богатому, къ бѣднымъ, чтобы ихъ бѣдныхъ сдѣлать богатыми? Пойти опять туда, гдѣ собираются работники? Сдѣлаю то, что должно сдѣлать: позову еще разъ бѣдныхъ. Мое дѣло—пригласить, а послѣдовать приглашенію—ихъ дѣло: Мое дѣло—пожелать дать награду, а по-

желать получить ее—ихъ дѣло. Если они откликнутся на Мой призывъ,
то сдѣлаютъ этимъ пріятное и Мнѣ и себѣ; если оставятъ его безъ
вниманія, то повредятъ самимъ себѣ. У Меня вѣдь нѣтъ недостатка въ
работникахъ, чтобы окопать деревья, удобрить почву и обрѣзать моло-
дые побѣги; Мой виноградникъ не можетъ остаться невоздѣланнымъ
или безплоднымъ. *И изшедъ въ третій часъ, видѣ иныя, стоящя на
торжищи праздны, и тѣмъ рече: идите и вы въ виноградъ Мой* (ст. 3, 4).
Гдѣ же вы были раньше? Гдѣ были вчера и третьяго дня? Какъ ра-
зошлись со Мною, когда Я приходилъ искать васъ? Отчего рано утромъ
не поспѣшили ко Мнѣ для своей же пользы? Неужели вы настолько
невнимательны къ лучамъ благочестія, что и день считаете ночью, и
когда сіяетъ свѣтъ истины, остаетесь во мракѣ и дремлете? По крайней
мѣрѣ теперь проснитесь, теперь пободрствуйте, теперь образумтесь и
одумайтесь! *Идите и вы въ виноградъ Мой.* Видите, какъ Я люблю васъ?
Я не ограничилъ Своей проповѣди утромъ, не закрылъ доступа новымъ 580
работникамъ, не пересталъ заботиться о вашемъ обращеніи послѣ пер-
ваго зова: всякій часъ Я готовъ удѣлить на ваше покаяніе, Мои объя-
тія открыты для васъ въ какомъ бы вы ни были возрастѣ. Младен-
цевъ ли принесутъ ко Мнѣ, Я принимаю съ радостью: вѣдь Я—Тво-
рецъ младенцевъ, Я для нихъ и отецъ, и мать, и кормилецъ, и пища.
Дѣти ли лепечущія прибѣгутъ ко Мнѣ, Я радуюсь; юноши ли прихо-
дятъ, Мнѣ еще пріятнѣе; мужи ли зрѣлые припадаютъ, Я принимаю:
всѣхъ съ вѣрою прибѣгающихъ ко Мнѣ Я встрѣчаю съ объятіями, какъ
братьевъ. *Идите и вы въ виноградъ Мой.* Я не взыскиваю за пропущен-
ные часы, если вижу, что усердіе заглаживаетъ прежнее нерадѣніе; не
уменьшаю дневную плату, если вы стараетесь сравняться съ тѣми, ко-
торые взялись за работу раньше васъ. Оставьте виноградникъ іудеевъ,
суровый и неблагодарный, способный производить одинъ только уксусъ,
оставьте эту лозу, пересаженную изъ Египта, отдающую горечью еги-
петскаго идолослуженія и привыкшую приносить своему насадителю
горькіе грозды; перейдите въ Мой виноградникъ *и еже будетъ правда,
дамъ вамъ* (ст. 4). Я не обижаю никого, Я справедливъ по природѣ; Я
не своекорыстенъ, да и законы противъ своекорыстія изданы Мною;
Я не суровъ по отношенію къ благоразумнымъ рабамъ, не мелоченъ
и не придирчивъ къ тѣмъ, которые преданы Мнѣ: Я дамъ вамъ плату,
соотвѣтствующую вашей работѣ, Я щедро награжу васъ за всѣ ваши
труды. *Паки же изшедъ въ шестый и девятый часъ, сотвори такожде*
(ст. 5). Я не теряю времени даромъ: уловляю желающихъ и не устаю
призывать къ правдѣ угнетаемыхъ грѣхами. Вышелъ Я одинъ разъ, и
возвратился съ добычей; вышелъ вторично, и вернулся съ уловомъ;
вышелъ въ третій разъ, и ловля была богатая; вышелъ четвертый
разъ—около девятаго часа—и вотъ нѣкоторыхъ веду. Чѣмъ больше Я
гоняюсь за добычей, тѣмъ сильнѣе разгораются Мои желанія: сколькихъ

Я приведу съ Собою, столькихъ же желаю пріобрѣсти еще, а найдя этихъ, ищу опять другихъ. Чтобы всѣ люди спаслись и пришли къ познанію истины—вотъ чего Я хочу!

2. *Во единый же надесять часъ изшедъ, обрѣте другія, стоящя праздны* (ст. 6). Я не перестаю обирать діавола, пока продолжается эта жизнь; не перестану отнимать добычу у смерти, этого ужаснаго хищника человѣческаго рода; не могу утерпѣть чтобы не возвращать къ безсмертію людей, по своей собственной волѣ ставшихъ смертными,—до самаго ихъ послѣдняго вздоха. Поэтому Я не пренебрегаю даже и одиннадцатымъ часомъ, сажусь при самыхъ вратахъ ада, чтобы успѣть обратить кого-нибудь отъ смерти къ жизни. *Во единый же надесять часъ изшедъ, обрѣте другія стоящя праздны, и глагола имъ: что здѣ стоите весь день праздны* (ст. 6)? Развѣ у васъ нѣтъ Церкви? Нѣтъ пророковъ? Нѣтъ апостоловъ? Нѣтъ мучениковъ? Нѣтъ Священнаго Писанія? Нѣтъ никакихъ духовныхъ средствъ? *Что же здѣ стоите весь день праздни?* Развѣ вы не видите солнца, совершающаго свой установленный бѣгъ? Не видите луны, служащей Создателю? Не видите созданія, послушнаго Творцу? Не видите, что каждая изъ стихій исполняетъ то дѣло, какое ей предназначено? Почему же вы одни наносите безчестіе природѣ своимъ бездѣйствіемъ? Зачѣмъ уподобляетесь столбамъ безжизненнымъ? Развѣ нѣтъ у васъ глазъ, чтобы, видя красоту міра, воздать славу его Творцу? Развѣ нѣтъ у васъ устъ для того, чтобы языкомъ своимъ воспѣть хвалу Богу? Развѣ нѣтъ рукъ для того, чтобы подавать милостыню? Или нѣтъ ногъ, чтобы совершить душеполезный бѣгъ? *Что здѣ стоите весь день праздни?* Доколѣ вамъ отвергать Мое владычество? *Что здѣ стоите весь день праздни?* Они же говорятъ ему: *никтоже насъ наятъ.* Вотъ обычная у людей отговорка, когда нужно оправдаться въ своихъ грѣхахъ. Отдѣлываясь отъ настоящаго и откладывая на будущее, они говорятъ: оставь теперь; когда велитъ мнѣ Богъ, тогда я крещусь; уступи мнѣ эту Пасху, а къ будущей я просвѣщусь. Такіе-то люди и говорятъ: *никтоже насъ наятъ.* Что же имъ въ отвѣтъ Тотъ, Кто Своею благостью превозмогъ всякія отговорки людей, воздвигающихъ преграды дѣйствію благодати. *Идите и вы въ виноградъ Мой.* Не обличилъ ихъ лживаго
581 оправданія, не вывелъ наружу ихъ нехорошей увертки, не сказалъ имъ: что вы говорите, что *никтоже насъ наятъ?* Зачѣмъ вину нерадѣнія увеличиваете ложью, что васъ никто не нанялъ? Не призывали ли васъ пророки? Не убѣждали ли васъ апостолы? Не приходилъ ли Я самъ за вами? Не призывалъ ли Я васъ много разъ, и вы не послушались? Развѣ не видѣли вы, какъ нанималъ Я вашихъ товарищей и уговаривался съ ними? Почему же не пожелали послѣдовать примѣру тѣхъ, которые уговорились со Мною, и до старости остались праздными зрителями? Вмѣсто всего этого Спаситель сказалъ имъ просто: *идите и вы въ виноградъ Мой.* Я принимаю и стариковъ, желающихъ поработать,

принимаю и сѣдины, убѣленныя благочестіемъ, принимаю и дрожащіе члены, укрѣпляемые вѣрою; съ удовольствіемъ смотрю я на старцевъ, которые вмѣстѣ съ старческимъ посохомъ держатъ въ рукахъ крестъ. *Идите и вы въ виноградъ Мой.* Діаволу отдали вы юность, Мнѣ посвятите хоть старость; врагу пожертвовали вы свои силы, Мнѣ отдайте хоть безполезный возрастъ; мучителю вы послужили все время, сколько онъ захотѣлъ, Мнѣ поработайте хоть остатокъ дней своихъ. Будьте вѣрными, прежде чѣмъ сдѣлаться мертвыми, предъ смертью облекшись въ одежду безсмертія, до кончины устройте себѣ нетлѣнное погребеніе по благодати. Поторопитесь, поспѣшите до наступленія вечера оказаться внутри виноградника; употребите всѣ усилія, чтобы заходящее солнце не застало васъ внѣ его. Если до солнечнаго заката вы сопричислитесь къ Моимъ вѣрнымъ, то, какъ любители свѣта, узрите славу Моего божества; если выйдете изъ виноградника вмѣстѣ съ призванными, то и не работавшихъ Я приму васъ какъ поработавшихъ. Если же внѣ Моего двора застигнетъ васъ ночь смерти, тогда Я не могу уже принять васъ какъ друзей: мертвый вѣдь не вѣруетъ, мертвый не принесетъ исповѣданія, мертвый не работаетъ и не удостоивается таинствъ, у мертваго нѣтъ воздержанія, мертвый не можетъ требовать платы, мертвый не запечатлѣнъ и прежде суда осужденъ. Только живой и здоровый восхвалитъ Господа: такой и послѣ смерти будетъ жить, такой и послѣ погребенія снова цвѣтетъ. Идите и вы въ Мой виноградникъ. Пока остается еще небольшое поприще жизни, позаботьтесь; не дожидайтесь, пока неизбѣжная болѣзнь завладѣетъ вѣнцомъ вашей воли. Не желайте въ самый моментъ смерти запасаться напутствіемъ безсмертія; пріобрѣтайте жизнь во время, въ здоровомъ и бодрственномъ состояніи получайте талантъ, чтобы пріумножить его трудомъ. *Идите и вы въ виноградъ Мой, и еже будетъ праведно, пріимете* (ст. 7). И даже больше, чѣмъ слѣдуетъ по правдѣ, получите: только покайтесь, только придите, только будьте со Мною. Не оставляйте безъ вниманія Моихъ увѣщаній: никто еще, повѣривъ Мнѣ, не ушелъ безъ благодарности, никто изъ послужившихъ Мнѣ не остался бѣднымъ. Такимъ-то способомъ этотъ домохозяинъ наполнялъ свой виноградникъ. *Вечеру же бывшу.* Уже день настоящей жизни угасалъ, уже наступала долгая ночь смерти, уже загоралась заря воскресенія мертвыхъ, этого утра, послѣ котораго не остается мѣста вечеру,—и вотъ хозяинъ виноградника говоритъ своему управляющему: *призови дѣлатели.* Призови всѣхъ потомковъ Адама; призови Авеля, изъ-за жертвы ставшаго жертвою; призови Эноха, угодившаго (Богу) и премѣненнаго; призови Ноя, прекраснаго кормчаго среди всеобщаго крушенія природы; призови вѣрнѣйшаго Авраама, болѣе боголюбиваго, чѣмъ чадолюбиваго, возставшаго противъ собственныхъ нѣдръ и сохранившаго вѣру; призови Іосифа, подвижника цѣломудрія; призови патріарховъ; призови пророковъ; при-

зови Илію, со славою состязавшагося въ бѣгѣ и сдѣлавшагося возничимъ огненной колесницы; призови апостоловъ, свѣтильниковъ новаго завѣта; призови мучениковъ, поревновавшихъ Моей смерти за нихъ; призови Стефана, за Меня побіеннаго камнями; призови Варлаама, которому за сохраненіе виноградника сожжена была правая рука; призови всѣхъ, хорошо потрудившихся, призови всѣхъ, честно воздѣлывавшихъ Мои владѣнія—и *даждь имъ мзду*. Открой Мои сокровищницы, открой Мои кладовыя, открой Мои прекрасные царскіе дворцы; принеси царскіе вѣнцы, принеси божественныя награды, не жалѣй ничего изъ
582 Моихъ драгоцѣнностей. Они вѣдь не пощадили для Меня своей души. Увѣнчай головы подвизавшихся для Меня, наполни платой руки потрудившихся. Никто пусть не выйдетъ отсюда неувѣнчаннымъ, никто пусть не останется неодареннымъ, никто пусть не лишится награды. Пусть всѣ обогатятся, пусть всѣ ликуютъ, пусть увидятъ какъ Я расплатился съ ними. Пусть увидятъ, какихъ благъ удостоиваются послѣдовавшіе Мнѣ; пусть увидятъ, какихъ даровъ лишаются призываемые Мною, но не желающіе прійти ко Мнѣ. *Даждь имъ мзду, наченъ отъ послѣднихъ до первыхъ* (ст. 8). Прежде всѣхъ порадуй дарами послѣднихъ: они-то особенно и нуждаются въ Моей благости. Вѣдь тѣ, которые трудились съ самаго начала, съ ранняго утра, имѣютъ на своей сторонѣ и самый день, и часы, и добродѣтели, и подвиги, и уговоръ—все свидѣтельствуетъ въ ихъ пользу; а послѣдніе, будучи лишены всего этого, возлагаютъ свое упованіе единственно на Мое человѣколюбіе. Итакъ, эти послѣдніе пусть получатъ дары первыми, а затѣмъ уже получатъ свои награды первые. *И пришедше иже во единый надесять часъ, пріяша по пѣнязю* (ст. 9). Съ большою радостью повертывая въ рукахъ своихъ этотъ пѣнязь, они говорили: мы ужъ готовы были не вѣрить этому. Они вѣдь знали, что ничѣмъ не заслужили того, что получили. Но видя этотъ даръ собственными глазами, имѣя такую благодать въ своихъ рукахъ, они ликовали и торжествовали, радуясь благамъ, полученнымъ сверхъ ожиданія. *Пришедше же первіи, мняху, яко вящше пріимутъ, и пріяша и тіи по пѣнязю* (ст. 10). *Пріемше же роптаху на господина, глаголюще: сіи послѣдніи* (ст. 11, 12). Этотъ ропотъ не означаетъ однако того, чтобы они завидовали тѣмъ, кому воздается честь (потому что святые не огорчаются, но радуются общему спасенію): Господь хотѣлъ только показать этимъ, что Его человѣколюбіе такъ безмѣрно, что даже у чуждыхъ зависти, если бы было возможно, родилась бы зависть.

3. *Пріемше же роптаху на господина, глаголюще: сіи послѣдніи*,— эти престарѣлые, эти едва познавшіе Твою власть, едва согнувшіе колѣна для преклоненія предъ Тобою, едва дрожащими перстами начертавшіе на челѣ своемъ знаменіе Твоего спасительнаго креста, не понесшіе тяжести испытаній, не устоявшіе подъ ударами несчастій,—*сіи послѣдніи единъ часъ сотвориша*. Они только увидѣли Твой виноград-

никъ, только глазами участвовали въ нашей работѣ, только видъ показали, а дѣла никакого не сдѣлали, они были только зрителями нашихъ трудовъ, а не участниками—*и равныхъ намъ сотворилъ ихъ еси, понесшымъ тяготу дне и варъ* (ст. 12)? Мы сгорали въ борьбѣ съ искушеніями, но не допустили потухнуть добродѣтелямъ; мы были гонимы за Тебя, мы потрудились безъ счету для того, чтобы увеличить Твое богатство—и уходимъ отсюда, получивши равную плату съ тѣми, которые наравнѣ съ нами не трудились: труды различны, а награда одна, тягота несравнима, а слава одинакова. *Сіи послѣдніи единъ часъ сотвориша.* Одинъ часъ поплакала близъ Тебя блудная жена, распустила свои волосы, которыя раньше заплетены были ею для служенія пороку, цѣловала Твои пречистыя ноги нечистыми губами и принесла Тебѣ, Небесному, земное муро—и Ты сравнялъ ее съ дѣвою и дочерью. Въ одинъ часъ распятый на крестѣ разбойникъ обратился къ Тебѣ и воскликнулъ: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи си* (Лук. XXIII, 42),—и за одинъ этотъ возгласъ Ты открылъ ему райскія врата. Въ одинъ часъ покаялся Павелъ, гонитель, врагъ—и Ты сдѣлалъ его благовѣстникомъ. *Сіи послѣдніи единъ часъ сотвориша и равныхъ намъ сотворилъ ихъ еси, понесшымъ тяготу дне и варъ.* Итакъ, что же отвѣтилъ на ихъ упреки человѣколюбецъ Господь? *Онъ же отвѣщавъ рече единому ихъ: друже, не обижу тебе.* О, крайнее человѣколюбіе! Господь за рабовъ судится съ рабомъ, Судья у обвинителя ищетъ оправданія для обвиняемыхъ. *Друже, не обижу тебе.* Суди Меня разумно, другъ, а не огорчай несправедливостью; побесѣдуй на законномъ основаніи, а не упрекай въ беззаконіи; скажи, чѣмъ обиженъ ты, когда воздана честь твоему сорабу? Скажи, что потерялъ ты оттого, что вмѣстѣ съ тобою унаслѣдовалъ царство твой братъ? Развѣ ты не получилъ того, ради чего трудился? Развѣ ты не получилъ полной платы за весь день? 588
Развѣ ты не достигъ того, чего желалъ? Чего же еще тебѣ нужно? *Не по пѣнязю ли совѣщалъ еси со Мною* (ст. 13)? Вспомни, что обѣщалъ Я тебѣ, когда нанималъ тебя. Если Я нарушилъ чѣмъ-либо уговоръ, тогда ты негодуешь справедливо, а если всѣ условія исполнены, тогда ты напрасно обвиняешь невиннаго. *Не по пѣнязю ли совѣщалъ еси со Мною?* Развѣ Я убавилъ что-либо изъ твоей награды? Развѣ Я, взявши твое, отдалъ другимъ? Развѣ воздалъ другимъ твою славу? Не Своимъ ли добромъ Я надѣлилъ, кого хотѣлъ? Что же ты ропщешь? Ты былъ рабомъ, а почтенъ какъ свободный: столь облагодѣтельствованный, что же ты ропщешь? Зачѣмъ завидуешь братьямъ, имѣя Владыку, чуждаго зависти? *Возми твое и иди.* Будь доволенъ настоящимъ; не желай царствовать одинъ, будучи призванъ вмѣстѣ со многими; въ царствѣ небесномъ будетъ мѣсто и тебѣ и всѣмъ достойнымъ его. *Хощу же и сему послѣднему дати якоже и тебѣ* (ст. 14). Кто противостанетъ Моей волѣ? *Богъ оправдаяй и кто осуждаяй* (Римл. VIII, 33)?

Богъ одаряетъ, кто требуетъ отчета? Богъ обогащаетъ, кто можетъ отнять? Судія дѣлается защитникомъ, гдѣ обвинитель? Гдѣ истецъ? *Хощу же и сему послѣднему дати якоже и тебѣ* (ст. 14). Я не хочу Мое подобіе оставить лишеннымъ славы, не хочу Мой образъ видѣть обнищавшимъ: Я хочу, чтобы со Мною воцарились тѣ, ради кого Я сошелъ съ небесъ. *Хощу же и сему послѣднему дати якоже и тебѣ.* Послѣднимъ пришелъ онъ,—знаю и Я; но онъ принесъ Мнѣ вѣру, оправдывающую бывшую медлительность; послѣднимъ пришелъ онъ, но обнаружилъ любовь, какой Я желаю; онъ блуждалъ долгое время какъ овца, но овца эта не забыла Пастыря (Пс. CXVIII, 176). Моимъ онъ былъ и тогда, когда блуждалъ. Послѣднимъ пришелъ, но пришелъ чрезъ Мое крещеніе, какъ и ты; послѣднимъ пришелъ, но вкусилъ Моей трапезы, какъ и ты; послѣднимъ пришелъ, но увидѣлъ всю красоту Моего виноградника, увидѣлъ возросшее здѣсь древо жизни, облобызалъ тернія, которыми Я былъ увѣнчанъ ради него, припалъ къ кресту, который Я претерпѣлъ за него. Не могу же Я ему, столь возлюбившему Меня, столь увѣровавшему Мнѣ, не воздать всей чести и славы. Какъ ты увѣровалъ, такъ и онъ; что ты пріобрѣлъ, то и онъ; какъ поклонился ты, такъ и онъ; какъ ты воцарился, такъ и онъ; не потрудился онъ столько, сколько ты, но Я благодатью Своею восполнилъ этотъ недостатокъ. *Или нѣсть Ми лѣть сотворити, еже хощу во своихъ Ми* (ст. 15)? Вѣдь не твое же Я растратилъ? Я раздаю свое. Развѣ Я распоряжаюсь тѣмъ, что принадлежитъ тебѣ? А въ своемъ я воленъ. Развѣ Я поручилъ тебѣ требовать отъ Меня отчета? Съ самаго начала Я взялъ тебя какъ наемника. Вѣдь Я не уполномочивалъ тебя распоряжаться Моимъ имуществомъ? Какъ Человѣколюбецъ, Я только допустилъ тебя къ участію въ немъ. *Аще око твое лукаво есть*, оно не можетъ видѣть благъ, *ихже око не видѣ и ухо не слыша* (1 Кор. II, 9). Совершенно чистый нуженъ взоръ для созерцанія таинствъ, чистая душа нужна, чтобы понять чистое. Вы видѣли, какъ благъ Господинъ вашъ? Видѣли, какъ пришедшихъ въ различное время, но обнаружившихъ одну вѣру и усердіе и одно направленіе, Онъ удостоилъ одинаковыхъ даровъ и почестей? Видѣли, какъ и послѣднихъ Онъ сдѣлалъ равными съ первыми по Своей безпредѣльной щедрости? Идите же къ столь великому Человѣколюбцу, Онъ и васъ теперь нанялъ, Онъ и вамъ говоритъ: *идите и вы въ виноградъ Мой.* Наниматель—Богъ, награда—небо, работа—спасеніе; виноградникъ хорошо воздѣланъ; дверью въ виноградникъ служитъ купель крещенія. Божественная благодать, какъ бы какой свѣтлый привратникъ, стоящій въ дверяхъ у купели, ко всѣмъ входящимъ чрезъ нее взываетъ: вотъ — дверь Господня, новопросвѣщенные войдутъ чрезъ нее. Мы не завидуемъ вамъ, какъ пришедшимъ въ самомъ концѣ и раздѣлившимъ съ нами нашу славу, но принимаемъ васъ какъ братьевъ и радуемся вмѣстѣ съ вами, ваше спа-

сеніе почитая своей славой. Возлюбите же Призвавшаго васъ; для входа въ виноградникъ возьмите себѣ надежнаго путеводителя—вѣру. 584
Вѣдь вѣра является добрымъ руководителемъ на пути къ купели, вѣра есть якорь обуреваемой природы, вѣра есть тихая пристань человѣчества, вѣра есть ясное зеркало невидимаго, вѣра есть лучшій учитель объ единосущной Троицѣ, вѣра научила насъ говорить эти спасительныя слова: вѣрую во единаго Бога Отца Вседержителя. Вѣрую, не испытую; вѣрую, не посягаю на непостижимое; вѣрую, не измѣряю неизмѣримаго. Если вѣрую, просвѣщаю душу; если испытую, омрачаю свои мысли; если вѣрую право, возношусь къ нему; если испытую излишне, погрязаю въ безднѣ. Вѣрую во единаго и одного только истиннаго Бога и Отца Вседержителя. Отвергаю ложныхъ языческихъ боговъ: на небѣ не можетъ быть многихъ боговъ. Единаго и единственнаго Бога воспѣваю; ненавижу аріанство. Не говорю: было нѣкогда время, когда (Богъ) не былъ Отцомъ, но проповѣдую, что Богъ всегда. Богъ, что Онъ всегда Отецъ, и Отецъ такъ, какъ Ему самому вѣдомо. Вѣрую въ Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божія единороднаго; отъ Бога рожденнаго прежде всѣхъ вѣковъ, какъ вѣдаетъ только самъ Рожденный; рожденнаго, не сотвореннаго; рожденнаго, не созданнаго рожденнаго, не пріобрѣтеннаго; изъ самаго отеческаго существа безъ времени возсіявшаго, не совнѣ привзошедшаго откуда-либо, не подкинутаго или незаконнаго сына, но истинное сіяніе истиннаго Отца, неизмѣнное отображеніе невидимаго образа. Знаю Христа, Сына Бога Отца, какъ Бога; знаю Христа, сына рабы Его и Матери, явившагося какъ человѣка; знаю Христа, единосущнаго людямъ, какъ человѣка отъ человѣка; знаю Христа невидимаго и видимаго; знаю Христа недоступнаго осязанію и осязаемаго Ѳомою; знаю Христа, тысячи словомъ напитавшаго, и по волнамъ ходившаго, и демонамъ повелѣвавшаго, и мертвыхъ воскрешавшаго, и безчисленныя чудеса совершившаго силою Своего божества; знаю Христа, ощущавшаго голодъ и жажду, усталость и безпокойство, потѣвшаго по Его человѣческой природѣ; знаю Христа какъ Бога безстрастнаго; знаю Христа умершаго и по тѣлу потерпѣвшаго страданія; знаю Христа, воспріявшаго, насколько это возможно, кончину; знаю Христа, воздвигшаго храмъ тѣла Своего. Понимаю различіе двухъ Его природъ: не раздѣляю единаго Сына на двухъ Сыновъ. Вѣрую и въ Духа Святаго, Духа истины, отъ Отца исходящаго, нераздѣлимаго отъ Святой Троицы: Ему ввѣряю мое освященіе, на Него уповаю о своемъ воскресеніи изъ мертвыхъ.

4. Этому постоянно поучайтесь и душой и языкомъ; это непрестанно держите и въ мысляхъ и на устахъ. Вы имѣете апостольское правило вѣры и боголюбивой жизни: вѣдь безъ вѣры дѣла мертвы. *Человѣческо глаголю за немощь плоти вашея: якоже бо представисте уды вашя* оружія неправды грѣху, *тако нынѣ представите уды ваша* оружія правды

Богу (Римл. VI, 19). Блудникъ пусть будетъ цѣломудреннымъ, несправедливый пусть будетъ справедливымъ, хищникъ — щедрымъ, корыстолюбивый--нищелюбивымъ, безчеловѣчный и златолюбивый прежде—пусть теперь явится христолюбивымъ, хульникъ—пѣснотворцемъ, спѣшившій въ театры пусть теперь спѣшитъ во дворъ Божій, увлекавшійся конскими ристалищами пусть посвятитъ свое вниманіе апостоламъ, подвиги которыхъ для подражающихъ имъ спасительны. Какъ будущія невѣсты Христа украсьте свои души и тѣла. Пусть будутъ взоры ваши отображеніемъ душевной тишины; лица ваши пусть будутъ яснымъ отпечаткомъ внутренняго благочестія; изъ устъ вашихъ пусть исходитъ благоуханіе псалмовъ и гимновъ скромныхъ, цѣломудренныхъ, приличныхъ дѣвицъ, готовящихся къ браку; пусть души ваши будутъ чистыми,
585 бѣлыми, чтобы онѣ могли принять окраску, подобную царской багряницѣ. Когда вы войдете въ чертогъ духа, когда проникните въ покои благодати, когда приблизитесь къ страшной и въ то же время вожделѣнной купели, какъ плѣнные рабы повергнитесь ницъ предъ царемъ, преклоните всѣ вмѣстѣ колѣна и, простерши руки къ небу, гдѣ царственно возсѣдаетъ Царь всѣхъ насъ, и очи устремляя къ неусыпающему оку, съ такими словами обратитесь къ человѣколюбцу: отверзи намъ виноградникъ Твой, Господи, хотя мы и дождались одиннадцатаго часа; не гнѣвайся на насъ, Владыка, за нашу медлительность, не закрывай предъ нами дверей Твоего человѣколюбія; мы сознали свою прежнюю лѣность, осудили свое нерадѣніе; мы потерпѣли за преслушаніе, мы наказаны за сонливость, среди удовольствій потерпѣли крушеніе, среди забавъ были ограблены, погибли, предаваясь душей суетѣ. Едва, наконецъ, мы пробудились, едва ободрились, едва нашли полезное, едва избѣжали вражды. Мы отрекаемся отъ лукаваго совершенно, отрекаемся отъ пагубныхъ и порочныхъ увлеченій. Мы сочетаемся отнынѣ Спасителю, единому Богу. Прими рукописаніе нашего исповѣданія, чтобы, боясь наказанія, мы сохранили то, въ чемъ здѣсь обѣщались; прими символъ нашего завѣта съ Тобою, чтобы стыдясь символа, мы сохранили нравы свои непоколебимыми и неизмѣнными. Будь милостивъ къ рабамъ своимъ — плѣннымъ, обнаженнымъ и мертвымъ; возврати намъ прежнее родство; одѣнь тѣхъ, которыхъ обнажилъ діаволъ; помажь насъ елеемъ Твоего святого помазанія, чтобы не причинило намъ опять вреда укушеніе змѣя. Мы хотимъ соблюсти Твои заповѣди, хотимъ быть въ Твоемъ виноградникѣ, хотимъ вблизи Тебя
586 трудиться въ качествѣ работниковъ. Всѣ дни жизни нашей мы прожили порочно; остальное время жизни хотимъ провести въ добрѣ. Хочешь помиловать какъ блудныхъ, — помилуй; хочешь спасти какъ мытарей, явить человѣколюбіе свое какъ разбойникамъ, спасти какъ гонителей,— спаси какъ хочешь. Помилуй кающихся, какъ былъ долготерпѣливъ къ согрѣшающимъ; помилуй припадающихъ, какъ былъ милостивъ къ отвер-

гавшимъ Тебя; помилуй умоляющихъ, какъ сносилъ оскорбляющихъ. Открой намъ, обуреваемымъ, пристань крещенія; открой намъ, израненнымъ, безболѣзненную врачебницу; открой намъ, одряхлѣвшимъ, безпечальное горнило; открой намъ, повиннымъ смерти, спасительный гробъ; открой намъ Твоего тридневнаго умерщвленія живоносный образъ; открой намъ возрожденія дѣвственную утробу; открой намъ усыновленія непорочную матерь; открой намъ врата безсмертія; открой намъ дверь небесную, потому что Ты самъ сказалъ: *толцыте и отверзется вамъ* (Мѳ. VII, 7). Подтверди на дѣлѣ то, что́ ты сказалъ; что́ обѣщалъ, исполни, какъ неложный. Мы вѣруемъ, что Ты можешь сдѣлать все; мы вѣруемъ, что Ты можешь очистить насъ отъ грѣховной грязи; мы вѣруемъ, что Ты можешь Духомъ и водою возродить закоснѣвшихъ въ грѣхѣ; мы вѣруемъ, что Ты можешь совершить это чудное рожденіе; мы вѣруемъ, что и женщины, и дѣти, и юноши, и мужи, и старцы по Твоей волѣ выйдутъ изъ этихъ водъ новою тварью, какъ новорожденныя дѣти; мы вѣруемъ, что Ты можешь въ водахъ этихъ потопить наши грѣхи, какъ потопилъ фараона со всѣмъ воинствомъ его; мы вѣруемъ, что Ты можешь вывести насъ на путь спасенія, какъ нѣкогда израильтянамъ устроилъ путь посреди моря; мы вѣруемъ, что можешь все, что хочешь. Говоря такъ, ожидайте, что и Господь вамъ скажетъ: вѣруете ли, *яко могу сіе сотворити? По вѣрѣ* вашей *буди* вамъ (Мѳ. IX, 28, 29). Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда на притчу о смоковницѣ.

1. При видѣ цвѣтущаго дерева или быстротечнаго источника мы 585
не только обращаемъ къ нимъ наши взоры, но и устремляемъ на нихъ свое вниманіе, какъ бы переносясь мыслью къ самымъ этимъ предметамъ. Точно также разсказъ о дѣлахъ и событіяхъ иногда настолько овладѣваетъ нашимъ вниманіемъ, что мы уносимся мыслью на мѣсто дѣйствія разсказа, оставаясь тѣломъ на томъ же самомъ мѣстѣ. Подобное случилось сейчасъ и со мною, возлюбленные. Выслушавъ разсказъ евангелиста о томъ, что произошло въ Виѳаніи со смоковницей, тѣломъ я здѣсь, а воображеніемъ представляю себя тамъ; вотъ я мысленно слѣдую за Владыкою Іисусомъ и вижу смоковницу, вижу ее до Господняго повелѣнія—цвѣтущей и зеленѣющей, а послѣ Господняго повелѣнія—изсохшей и унылой. *Утру же*, разсказываетъ евангелистъ, *возвращся* Іисусъ *во градъ, взалка. И узрѣвъ смоковницу едину при пути, пріиде къ ней и ничтоже обрѣте на ней токмо листвіе едино; и глагола ей: да никомуже отъ тебе плода будетъ во вѣки, и абіе изсше* (Мѳ. XXI, 18, 19). Вотъ что было сейчасъ прочитано намъ. Поражаетъ

меня это чудо; мои мысли разбѣгаются. Всякій разъ, когда я хочу изобразить это событіе въ словѣ, тотчасъ вслѣдъ за разсказомъ предо мною встаетъ это чудо. Представьте себѣ человѣка, который увидѣлъ золотой сосудъ, наполненный драгоцѣнными каменьями, а на этихъ каменьяхъ надписи таинственнаго содержанія; его вниманіе съ одной стороны привлекаетъ самый сосудъ своимъ изящнымъ видомъ, а съ другой—и камни, лежащіе въ сосудѣ; онъ спѣшитъ и красоту камней посмотрѣть, и таинственныя надписи прочитать. Въ такомъ же точно положеніи оказываюсь и я; съ одной стороны самое это событіе, какъ оно записано въ евангеліи, приковываетъ мое вниманіе своимъ блескомъ и красотой, а съ другой стороны влечетъ меня къ себѣ и духовный смыслъ его, обѣщающій еще болѣе чудеснаго. *Утру же*, говоритъ, *возвращся* Іисусъ *во градъ, взалка.* О, неизъяснимое и невыразимое таинство! Взалкалъ Питатель вселенной; взалкалъ Тотъ, Кто пятью
587 хлѣбами напиталъ до сытости пять тысячъ; взалкалъ Тотъ, Кто изъ бренія создалъ живые глаза; взалкалъ Тотъ, Кто ходилъ по волнамъ морскимъ сухими ногами; взалкалъ Тотъ, Кто одною мыслью воду превратилъ въ вино; взалкалъ Тотъ, Кто души изъ тѣлъ исторгалъ и опять словомъ Своимъ возвращалъ ихъ въ тѣла! Но какъ же говоритъ Исаія: *Богъ вѣчный не взалчетъ, ниже утрудится* (Ис. xl, 28)? А что Христосъ—Богъ, это очевидно для всякаго сколько-нибудь вѣрующаго словамъ Писанія: *въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово* (Іоан. I, 1). Какъ же, слѣдовательно, Богъ взалкалъ? Взалкалъ рабій зракъ, напитала же пять тысячъ Владычняя воля. Къ смоковницѣ приблизился видимый человѣкъ, мыслимое же въ немъ божество было повсюду. Увидѣлъ безплодность смоковницы человѣкъ, изсушилъ ее словомъ Богъ. Онъ сказалъ: *да николиже отъ тебе плода будетъ во вѣки,*—и за словомъ послѣдовало дѣло, и тотчасъ смоковница изсохла. Слово человѣческое, а дѣло божеское. Вообще много вопросовъ возбуждаетъ у насъ это событіе со смоковницей по своему внутреннему смыслу; и мнѣ кажется, что съ этой именно стороны многими оно было толкуемо не совсѣмъ основательно. Впрочемъ, я укажу вамъ и взгляды на этотъ предметъ нашихъ предшественниковъ, и то, что явилось плодомъ нашихъ собственныхъ усилій. Въ самомъ дѣлѣ, смыслъ этого событія, если придерживаться буквы разсказа, трудно разрѣшимъ, а просвѣчивающая въ немъ таинственность глубоко скрыта. Прежде всего, почему было нужно изсушить смоковницу словомъ, а не сдѣлать ее тѣмъ же словомъ плодоносной? Вѣдь Кто изсушилъ ее словомъ, Тотъ могъ словомъ сдѣлать ее плодоносной. Затѣмъ, чѣмъ была виновна смоковница, скажетъ кто-нибудь, если ей не время было плодоносить, по словамъ евангелиста Марка (xi, 13), такъ какъ тогда была зима? И если то, что совершилъ Господь надъ смоковницей, не заключаетъ въ себѣ таинственнаго смысла, тогда должно оказаться, что это

дѣло, съ одной стороны, заслуживаетъ похвалы, а съ другой—можетъ подвергнуться порицанію. Должно восхвалять за это Господа, потому что Онъ изсушилъ ее однимъ словомъ, но можно и упрекать за то, что проклялъ ее несправедливо. Затѣмъ должно подумать, возлюбленные, образомъ чего была смоковница,—потому что Христосъ ничего не совершалъ, что бы не имѣло таинственнаго значенія. Ни одного изъ Его дѣлъ нѣтъ такого, которое бы не было весьма полезно; ни одного нѣтъ такого, которое бы не свидѣтельствовало громко объ истинѣ; ни одного нѣтъ такого, которое бы не двигало умъ къ воспріянію небеснаго. Такъ и относительно этой смоковницы многіе говорили, что она подобна синагогѣ, къ которой пришелъ, говорятъ, Господь, ища отъ нея плода вѣры, и не нашелъ,—только ученіемъ пророковъ и закона она была украшена какъ бы листьями,—поэтому и изсушилъ ее, сказавъ: *да николиже отъ тебе плода будетъ во вѣки*. Но я пытаюсь оспорить это толкованіе, потому что его мысль не совсѣмъ основательна. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ проклясть Господь, говорившій: *благословите, а не клените* (Римл. XII, 14)? Даже и синагогу какъ могъ Онъ проклясть и изсушить, когда говоритъ: *Сынъ человѣческій не пріиде душъ человѣческихъ погубити, но взыскати и спасти погибшаго* (Лук. IX, 56 и XIX, 10)? Если же кто еще хочетъ противорѣчить и оспаривать мои слова, утверждая, что смоковница имѣетъ несомнѣнное сходство съ іудейской синагогой, то пусть онъ объяснитъ, какимъ образомъ синагога, изсушенная до самаго корня, произрастила такую плодовитую вѣтвь, какъ сладчайшій Павелъ? И многихъ другихъ мы знаемъ, обратившихся ко Христу изъ этой самой синагоги: вѣдь и Стефанъ, котораго іудеи побили камнями, изъ этой синагоги, и Акила и Прискилла, и многіе другіе, отъ перечисленія именъ которыхъ мы въ настоящее время по ихъ многочисленности отказываемся. Что не совершенно отвергъ Богъ народъ іудейскій, пусть слова мои подтвердитъ и ап. Павелъ: *глаголю убо, еда отрину Богъ люди своя? Да не будетъ, ибо и азъ Израильтянинъ есмь, отъ сѣмене Авраамля, колѣна Веніаминова. Не отрину Богъ людей своихъ* (Римл. XI, 1, 2). И даже спасеніе этому народу обѣщаетъ апостолъ въ послѣдніе дни, говоря: когда *исполненіе языковъ внидетъ*, тогда *весь Израиль спасется* (ст. 25, 26). Вѣдь если іудеи и сдѣлались врагами Богу, то сдѣлались ради насъ, чтобы благодаря ихъ непослушанію мы были помилованы, какъ свидѣтельствуетъ Павелъ, говоря: *по благовѣствованію убо врази васъ ради, по* 588
избранію же возлюблени отецъ ради. Нераскаянна бо дарованія и званіе (ст. 28, 29). Итакъ, возлюбленные, намъ еще предстоитъ опредѣлить относительно смоковницы, образомъ чего она является. Вотъ если бы ты, Адамъ, вспомнилъ, какого дерева листья послужили тебѣ для изготовленія одежды, когда ты въ раю оказался обнаженнымъ, тогда ты увидѣлъ бы, какъ справедливо Богъ изсушилъ смоковницу: не ея ли

листья взялъ ты тогда для того, чтобы прикрыть свой стыдъ? И вотъ пришелъ Христосъ и все еще процвѣтавшую на тебѣ смоковницу—покровъ стыда—изсушилъ словомъ; Онъ взялъ твою бѣдность и далъ тебѣ богатство; взялъ у тебя прикрытіе твоего стыда и далъ тебѣ бѣлоснѣжную одежду, истканную изъ воды и духа; Онъ изсушилъ листья смоковницы и возвратилъ тебѣ утраченное тобою одѣяніе души. Какое утраченное одѣяніе? Все то, что похитилъ у тебя въ раю змѣй: равноангельскую жизнь, райское наслажденіе, одежду безсмертія.

2. Но возвратимся къ началу разсказа. *Утру же*, говоритъ евангелистъ, *возвращся* Іисусъ *во градъ, взалка*. Утромъ—послѣ того, какъ прошла ночь заблужденія и Христосъ—утро—возблисталъ міру свѣтъ воскресенія; вѣдь Христосъ и есть утро, по словамъ пророка: *яко утро готово обрящемъ Его* (Ос. VI, 3). *Утру возвращся Іисусъ*. Утромъ—послѣ того, какъ мракообразная смерть была уничтожена свѣтомъ славы Христовой и въ сердца омраченныхъ людей проникли золотые лучи Солнца правды; утромъ—послѣ того, какъ теплые лучи Божества разлились повсюду и согрѣли умерщвленныя діаволомъ души,—потому что *нѣсть иже укрыется теплоты его* (Пс. XVIII, 7). Сильнѣйшимъ холодомъ грѣха умертвилъ діаволъ сердца людей, почему пророкъ и молится такими словами: *разжзи утробы моя и сердце мое* (Пс. XXV, 2). Холодомъ нечестія оковано было все человѣчество. Поэтому всѣ пророки единодушно молились Богу, говоря: *возврати, Господи, плѣненіе наше, яко потоки югомъ* (Пс. CXXV, 4), т. е., какъ теплый южный вѣтеръ, пахнувъ, возвращаетъ замерзшую воду въ ея прежнее обычное состояніе, такъ точно и насъ, умерщвленныхъ грѣхомъ отъ діавола, теплый южный вѣтеръ пусть обновитъ своимъ дуновеніемъ въ прежнемъ состояніи нетлѣнія. Это теплое дуновеніе юга призываетъ и невѣста Христова—Церковь въ Пѣсни Пѣсней, говоря: *востани, сѣвере, и гряди, юже, и повѣй въ вертоградѣ моемъ, и да потекутъ ароматы моя* (П. П. IV, 16). *Утру*, говоритъ евангелистъ, *возвращся*. Хорошо сказано—*возвращся*, чтобы показать, что удаленнаго изъ рая Адама Господь нашъ опять возвращаетъ въ то же самое мѣсто. *Утру возвращся* Іисусъ *во градъ, взалка*. При упоминаніи о городѣ не смотри внизъ, но взирай къ горнему Іерусалиму, къ небесной странѣ. *Наше бо житіе на небесѣхъ есть* (Фил. III, 20). *Утру же* Іисусъ *возвращся во градъ, взалка*: не пищи людской захотѣлъ Онъ, но жизни людей: *Мое брашно есть, да сотворю волю пославшаго Мя* (Іоан. IV, 34) Отца,—чтобы люди увѣровали въ Того, Котораго Онъ послалъ, потому что *всякъ вѣруяй* въ Него *не умретъ во вѣки* (Іоан. XI, 26). *Утру же* Іисусъ *возвращся во градъ, взалка, и узрѣвъ смоковницу, пріиде къ ней*. Вѣдь если бы онъ прошелъ мимо смоковницы, тогда діаволъ имѣлъ бы въ ней вѣчное для себя жилище; но Онъ подошелъ къ ней и изсушилъ ее. Подъ такою смоковницею видѣлъ Господь Наѳанаила: *прежде даже возгласи тебе*

Филиппъ, сказалъ Онъ ему, *суща подъ смоковницею видѣхъ тя* (Іоан. I, 48). Эту смоковницу, осужденную на безплодіе, провидя, говорилъ пророкъ: *взыду въ люди пришествія моего, зане смоковь не плодопринесетъ* (Авв. III, 16, 17). На такую смоковницу влѣзъ Закхей, чтобы увидѣть Іисуса, и ему говорилъ Господь: *потщався, слѣзи* (Лк. XIX, 5). [Тамъ змѣй раскидываетъ сѣти, тамъ гнѣздится онъ, тамъ скрывается. *Потщався, слѣзи* оттуда]. Евангелистъ, разсказывая о Закхеѣ, кстати назвалъ 589
смоковницу, чтобы показать, что широкій и удобный путь, соединяясь съ неразуміемъ, приводитъ къ злѣйшей участи. Пришелъ Господь къ смоковницѣ. Эта смоковница была образомъ пространнаго и удобнаго пути: вѣдь и дерево смоковницы имѣетъ широкія листья, и грѣхъ обольстителенъ тѣмъ, что ведетъ широкимъ и удобнымъ путемъ къ погибели. Плодъ смоковницы весьма пріятенъ; пріятно и удовольствіе, увлекающее въ грѣховное паденіе тѣхъ, кто ему предается. Избѣгай внушенія его, возлюбленный: оно сладко только при вкушеніи, а на дѣлѣ оказывается горькимъ. *Медъ каплетъ отъ устенъ жены блудницы, на время наслаждаетъ твой гортань, послѣди же горчае желчи обрящеши, и изощренну паче меча обоюду остра* (Притч. V, 3, 4). Удовольствіе дѣйствуетъ какъ блудница: оно вступаетъ съ тобою въ пріятную бесѣду, а во время бесѣды тайно посѣваетъ горечь смерти. Таковъ былъ и змѣй, сладкій на словахъ и горькій въ коварствѣ; вкушеніе было сладко, а паденіе горько. Итакъ, избѣгай, возлюбленный, блудницы, сладко съ тобою бесѣдующей и наносящей горькія раны; избѣгай удовольствія, какъ Илія Іезавели. Вотъ пришелъ Господь съ небесъ; взалкалъ обрѣсти жизнь людей; предъ Нимъ открылся широкій и удобный путь жизни; пришелъ Онъ къ нему и нашелъ его покрытымъ листьями, т. е. онъ цвѣлъ ученіемъ грѣха, но не имѣлъ самаго плода смерти. Почему? Такъ какъ было не время, какъ это и пояснилъ евангелистъ: не имѣла смоковница плода, *не убо бѣ время* (Мрк. XI, 13). Въ самомъ дѣлѣ, какъ могла она плодоносить смерть, когда пришелъ Іисусъ и проповѣдывалъ міру воскресеніе? Уже не время было ей плодоносить смерть: *царствова смерть отъ Адама до Моисея* (Римл. V, 14), т. е. до закона,—Писаніе обыкновенно называетъ законъ Моисеемъ, какъ, напримѣръ, въ евангеліи: *имутъ Моисея и пророки* (Лк. XVI, 29). И Господь сказалъ ей: не дальше, и *да николиже отъ тебе плода будетъ во вѣки*, т. е.: до Моего пришествія ты плодоносила смерть; вотъ Я пришелъ, это—воскресеніе. Съ Моимъ пришествіемъ *да николиже отъ тебе плода будетъ во вѣки. И абіе изсше смоковница*. И исполнилось написанное: *пожерта бысть смерть побѣдою. Гдѣ ти, смерте, жало? Гдѣ ти, аде, побѣда* (1 Кор. XV, 54, 55)? Въ словахъ евангелиста, что смоковница была покрыта листьями, такъ какъ въ то время была зима, заключается намекъ, что грѣхъ процвѣталъ среди той зимы и непогоды, которыя навелъ діаволъ на все человѣчество. До пришествія Умиро-

творителя родъ человѣческій испытывалъ всякія бури и непогоды, увлекаемый въ идолопоклонство, кровопролитіе, распутство и похоти;
590 Господь же нашъ Іисусъ Христосъ, миръ міра, пришествіемъ Своимъ разрушилъ силы противныхъ вѣтровъ, возмущавшихъ горькосоленое море этой жизни, и усмирилъ пѣнистыя волны удовольствій. Изсушивъ смоковницу, Онъ насадилъ цвѣтущую вѣру креста, блистающую для всѣхъ жизнью; корни этого креста насаждены въ землѣ, а вѣтви простерты въ небеса; его листья не увѣдаютъ, цвѣтъ не отпадаетъ и плодъ безсмертенъ; объ этомъ древѣ воспоминаетъ Давидъ, говоря: *и будетъ яко древо насажденое при исходищихъ водъ, еже плодъ свой дастъ во время свое, и листъ его не отпадетъ* (Пс. I, 3). Объ этомъ деревѣ, прозрѣвъ пророческимъ окомъ, что оно будетъ приготовлено іудеями для Христа, съ обличеніемъ возвѣщалъ имъ Іеремія: *пріидите и вложимъ древо въ хлѣбъ его и истребимъ его отъ земли живущихъ* (Іер. XI, 19). Древо—это крестъ, хлѣбъ—тѣло Христово. Въ самомъ дѣлѣ, Господь, взявъ хлѣбъ, сказалъ: *сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ* (1 Кор. XI, 24; Мѳ. XXVI, 28). Взойдя на это древо креста, Господь нашъ Іисусъ Христосъ распростеръ руки Свои и, прогнавъ летающія въ воздухѣ силы, сдѣлалъ для насъ безпрепятственнымъ доступъ на небо, а въ вѣрѣ указалъ намъ и лѣстницу, возводящую отъ земли на небо. Невѣроятнымъ—не правда ли—кажется вамъ все это, возлюбленные? Стоитъ древо креста, на немъ распростирается истинная виноградная лоза, говорящая: *Азъ есмь лоза истинная* (Іоан. XV, 1); для діавола эта лоза была смертоносной, для насъ же живоносной, защищающей насъ отъ зноя грѣховъ и доставляющей намъ успокоительную тѣнь. Сидящій подъ тѣнью ея повторяетъ сказанное Соломономъ: *подъ сѣнь Его восхотѣхъ и сѣдохъ, и плодъ его сладокъ въ гортани моемъ* (Пѣсн. П. II, 3). Въ этой тѣни блаженный Давидъ почерпалъ мужество: *и на сѣнь крилу твоею надѣюся.* До чего? *Дондеже прейдетъ беззаконіе мое* (Пс. LVI, 2). О, дивное дѣло и необычайное таинство! Источникъ лежалъ на древѣ и напоялъ Собою крестъ; пронзенный копьемъ въ ребро Свое, Онъ испустилъ кровь и воду, кровью Своею одѣвъ крестъ какъ багряницею, а водою напоивъ его корни, чтобы на немъ всегда прозябали для вѣрныхъ безсмертные плоды. О, блаженное древо, которое цари почитаютъ и властители ублажаютъ! Въ тебѣ и мужи, и жены, и всякое созданіе и естество человѣческое имѣютъ орудіе сохраненія и спасенія, тебя демоны трепещутъ и діаволъ страшится, ангелы воспѣваютъ и силы небесныя благословляютъ, церкви же почитаютъ распявшагося на тебѣ Христа, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда о фарисеѣ.

Когда чадолюбивый отецъ чувствуетъ сильное влеченіе побесѣдо- 589
вать съ своими дорогими дѣтьми, а между тѣмъ они по своему младенческому возрасту не въ состояніи слышать и понимать совершенныхъ рѣчей, тогда отецъ, измѣнивъ голосъ и оставивъ чистоту правильной рѣчи, начинаетъ лепетать съ ними, такимъ способомъ бесѣды подготовляя своихъ любимцевъ къ болѣе разумному употребленію словъ. Точно такимъ же образомъ Господь нашъ по великой любви Своей къ Своему созданію, будучи Богомъ—Словомъ, усвоилъ Себѣ человѣческое
слово и пришелъ къ намъ, чтобы Своей бесѣдою и пребываніемъ между 590
нами научить насъ и, давъ намъ небесное откровеніе, возвести насъ по небесной лѣстницѣ, т. е. по лѣстницѣ упованія. Вотъ, приглашаетъ Его фарисей къ себѣ на вечерю, какъ сейчасъ слышали мы въ читанномъ евангеліи, и Онъ не уклоняется отъ этого приглашенія, потому что и пришелъ Онъ не для того, чтобы показать достоинство Своего божества, но чтобы падшее человѣчество избавить изъ преисподней. Приглашается на вечерю къ фарисею и не отказывается, чтобы и богатыхъ научить не презирать трапезы бѣдныхъ, и праведныхъ вразу-
мить не гнушаться трапезы грѣшниковъ. Многіе вѣдь, считая сами 591
себя праведными, гнушаются трапезы грѣшниковъ, какъ въ свою очередь богатые пренебрегаютъ угощеніемъ бѣдныхъ. И вотъ Господь, желая, чтобы всѣ были дружественны, братолюбивы, любвеобильны и смиренны, первый показываетъ примѣръ, чтобы этимъ Своимъ поступкомъ научить всѣхъ. Поэтому Онъ и говоритъ: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мѳ. XI, 29). Такъ и ты, ревнитель благочестія, не отказывайся, если тебя будетъ приглашать къ себѣ какой-нибудь грѣшникъ. А если кто-либо станетъ упрекать тебя, зачѣмъ ты ѣшь и пьешь съ грѣшниками, то отвѣчай такъ: *не требуютъ здравіи врача, но болящіи* (Мѳ. IX, 12); я праведенъ—не для того, чтобы спасти праведныхъ, но для того, чтобы грѣшниковъ обратить. Приглашается Господь на вечерю и не отказывается,—Онъ, пятью хлѣбами до сытости напитавшій въ пустыни пять тысячъ, изсушившій непроходимое море и проведшій чрезъ него Израиля какъ бы по зеленому лугу, съ небесъ одождившій имъ манну, блиставшую цѣлый день бѣлоснѣжнымъ блескомъ. Приглашается Господь на вечерю и не отказывается, на вечерѣ преподавая Свои лучшія наставленія тѣмъ, которые Его угощали; конечно, Онъ и пришелъ на вечерю не для того, чтобы насытиться угощеніемъ фарисея, но чтобы самого фарисея напитать божественнымъ ученіемъ. Приглашается на вечерю—и идетъ въ домъ фарисея, прикрывая божество человѣчествомъ, чтобы, узрѣвъ вдругъ блеснувшій лучъ божества, не бѣжалъ изъ дома самъ Его приглашавшій.

Входитъ въ домъ фарисея — небесный Царь къ рабу — и прикрываетъ Свое царское достоинство тѣлесной оболочкой словно доспѣхами, чтобы не содрогнулся рабъ, увидавъ небеснаго Царя, и не зарылся въ землю. Входитъ въ домъ фарисея Солнце правды, прикрывая облакомъ тѣла золотистый блескъ Своихъ лучей, чтобы не ослѣпить человѣка, устремившаго на Него глаза. Входитъ въ домъ фарисея небесный Пастырь: оставивъ въ горахъ девяносто девять овецъ, Онъ приходитъ за потерянной; входитъ въ Свой дворъ, скрывая Пастыря въ тѣлѣ агнца. Онъ несетъ съ Собою не посохъ, не жезлъ, угрожающій за прежнее заблужденіе, чтобы и безъ того робкую и испуганную овцу не заставить опять бѣжать отъ своего Пастыря. Однимъ словомъ, Онъ входитъ въ домъ фарисея не какъ Богъ, не какъ Царь, не какъ Солнце правды, но какъ человѣкъ къ человѣку, какъ овца къ овцѣ. Находится подъ однимъ кровомъ съ нимъ, вмѣстѣ съ нимъ пасется, вмѣстѣ возсѣдаетъ, входитъ, совозлежитъ съ падшимъ уже по причинѣ грѣха, чтобы совмѣстнымъ возлежаніемъ возставить падшаго. И Онъ вошелъ безъ омовенія, требуемаго обычаями фарисеевъ. Сдѣлалъ же это по двумъ причинамъ: во-первыхъ, чтобы дать овцѣ поводъ говорить противъ Пастыря, а во-вторыхъ, чтобы показать несостоятельность ученія іудейскаго и утвердить духовное. Увидѣлъ это фарисей, говоритъ евангелистъ, т. е., что Господь безъ омовенія приступилъ къ вечерѣ, и удивился, не одобряя Учителя, но сомнѣваясь о случившемся, не одобряя, но осуждая. И нужно было видѣть, возлюбленные, Создателя, осуждаемаго Его созданіемъ, горшечника, поучаемаго глиною. Это испытывалъ фарисей, не видя тайными очами сердца въ своемъ гостѣ верховнаго Владыку анге-
592 ловъ. А если бы усмотрѣлъ Его, тогда припалъ бы къ Его колѣнамъ, слезами омылъ бы Его ноги и говорилъ бы: *милостивъ буди мнѣ грѣшному* (Лк. XVIII, 13). Конечно, онъ сказалъ бы тогда: Ты все воззвалъ отъ небытія къ бытію; словомъ Твоимъ утверждены небеса и духомъ устъ Твоихъ устроена вся сила ихъ. Ты собралъ какъ бы въ мѣшокъ воды морскія, заключивъ ихъ въ сокровищницахъ бездны; Тебя трепещетъ вся вселенная (Пс. XXXII, 6—8). Но ничего подобнаго и не подумавъ, и не высказавъ, онъ осудилъ Владыку. Господь самъ далъ ему поводъ къ такому осужденію, какъ самарянкѣ тѣмъ, что попросилъ у нея воды, далъ поводъ просить у Него самого воды небесной (Іоан. IV, 9). Итакъ, постепенно Господь начинаетъ обращать овцу и отъ заблужденія руководить ее къ истинѣ. *Нынѣ вы, фарисее*, говоритъ Онъ, *внѣшняя сткляницы и блюда очищаете, внутреннее же ваше полно грабленія и лукавства* (Лк. XI, 39). То есть: теперь вы очищаете тѣло, а души скверните. Но какое удовольствіе можетъ доставить золотой сосудъ, если внутри онъ наполненъ смертоноснымъ питьемъ? Не таковы ли блудницы, которыя лица свои расписываютъ красками, а души погружаютъ во мракъ? Но накрашивая пурпуромъ свои лица, не при-

готовляютъ ли онѣ собственными перстами изображенія ожидающаго ихъ огня? Слѣдовало бы имъ окропить свои сердца кровью Іисуса, или лучше—окрасить въ розовый цвѣтъ, и убѣлить сердца свои духомъ, чтобы цвѣтъ души ихъ своимъ блескомъ отличался какъ роза среди лилій. А онѣ вмѣсто того воспламеняютъ свои лица, чтобы разжигать до безумія сердца юношей. *Нынѣ вы, фарисее, внѣшняя стклянницы и блюда очищаете, внутреннее же ваше полно грабленія есть и неправды.* Какъ бы такъ говорилъ Онъ: зачѣмъ вы омываете тѣло водою, а недостатковъ души не исправляете? Осмѣлюсь и я сказать, возлюбленные, что никакой пользы не будетъ человѣку отъ тѣлеснаго омовенія, если чистотѣ тѣла не отвѣчаетъ чистота его души, если она не сопровождается милостыней. Въ самомъ дѣлѣ, какъ сосудъ, вымытый и изнутри и снаружи, но не наполненный питьемъ, не можетъ утолить жажды жаждущаго, равно какъ и блюдо,—такъ точно и человѣкъ, хотя бы онъ былъ совершенно чистъ и внутри и снаружи, не будетъ пріятенъ Господу, если не напитаетъ подобнаго себѣ. Поэтому Господь и прибавилъ: *обаче отъ сущихъ, дадите милостыню, и се вся чиста вамъ будутъ* (ст. 41). *Обаче отъ сущихъ*, потому что не столь пріятны Ему богатыя приношенія, сколько нелицемѣрная и искренняя жертва. Не печалься же бѣднякъ, что нѣтъ у тебя ни золота, ни грудъ серебра; бросай въ сокровищницу то, что имѣешь: и двѣ лепты оправдываютъ. Вспомни жертву той вдовицы, которая была оправдана больше, чѣмъ богатые жертвователи. Вѣдь Богъ, конечно, не за вѣсомъ денегъ слѣдитъ, но совѣсть испытываетъ. Милостыня очищаетъ нечистоты души и уготовляетъ блага въ награду; милостыня—насущная необходимость души, милостыня убѣляетъ души, милостыня—ободреніе души, лучшее вооруженіе для нея. Бросьте золото—и получите Господа; дайте серебро—и получите освященіе; расточите мѣдь—и вмѣстѣ съ нею утратите ядъ грѣха; обратите огонь въ росу и раздайте одежды, чтобы облечься во Христа Іисуса Господа нашего, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О Лазарѣ и богачѣ, бесѣда шестая.

1. Церковь является для насъ величайшимъ училищемъ: здѣсь 591
богатые вразумляются и исправляются, а бѣдные находятъ себѣ успокоеніе и утѣшеніе. Вотъ и сейчасъ, возлюбленные, намъ предстоитъ заняться дѣломъ ученія. Послѣдуя наставленіямъ предъидущаго евангелія, воспользуемся нынѣ читаннымъ и постараемся извлечь изъ него полезное для всѣхъ васъ. Сегодняшнее евангельское чтеніе изображало 592
намъ жизнь богача и бѣдняка: богачъ утопалъ въ нѣгѣ и наслажденіи, а бѣднякъ проводилъ жизнь въ нищетѣ. *Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ и*

598 *облачашеся въ порфиру и виссонъ, веселяся на вся дни свѣтло. Нищь же бѣ нѣкто именемъ Лазарь, иже лежаше предъ враты его гноенъ и желаше насытитися отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы богатаго, и никто же даяше ему, но и псы приходяще облизаху гной его* (Лук. XVI, 19—21). Этотъ разсказъ необходимо, возлюбленные, разобрать обстоятельно, чтобы, какъ моряки—изъ опыта своихъ предшественниковъ, могли и мы научиться изъ него избѣгать подводныхъ скалъ, причиняющихъ кораблекрушеніе, чтобы съ одной стороны богатые вразумились, видя, какое наказаніе понесъ изображаемый здѣсь богачъ, а съ другой стороны бѣдные, видя на примѣрѣ Лазаря, какъ блестяще оправдываются ихъ надежды, охотнѣе проходили путь жизни среди выпадающихъ на ихъ долю скорбей. *Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ. Человѣкъ нѣкій.* Онъ не названъ по имени, не удостоился такой чести, какъ Іовъ, о которомъ было написано: *человѣкъ нѣкій бяше во странѣ Авситидійстѣй, емуже имя Іовъ* (Іов. I, 1). Объ его имени умолчано: какъ безплодный, онъ лишенъ и имени (вѣдь праведныхъ имена въ книгѣ жизни, а имена грѣшниковъ изгладятся безслѣдно), ему оставлено только общее родовое имя—человѣкъ: это имя ужъ конечно для всѣхъ людей является общимъ. Не имѣя отличительнаго собственнаго имени, онъ отличался за то особенною суровостью своего злого нрава. *Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ.* Сродный бѣдному Лазарю по тѣлесной природѣ, онъ былъ чуждъ ему по наслѣдію Христову по причинѣ озлобленной своей воли. *Человѣкъ нѣкій бѣ.* Человѣкомъ онъ былъ по внѣшности, а по нраву это было животное, питающееся въ одиночку. *Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ.* Богатъ стяжаніями, богатъ преступленіями, богатъ мѣдью, богатъ грѣховнымъ ядомъ; озаренъ блескомъ серебра, но омраченъ грѣхами; богатъ золотомъ, но бѣденъ Христомъ; много одеждъ имѣлъ онъ, но душа его не имѣла покрова; драгоцѣнныя одежды хранились у него, но лишь множество тли питалось ими. *Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ.* Цвѣтя богатствомъ, онъ не имѣлъ цвѣта правды: дерево осеннее, безплодное, вдвойнѣ мертвое. *Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ и облачашеся въ порфиру и виссонъ.* Онъ облачался въ порфиру, но отъ царства Божія былъ отверженъ; не кровію Христовою обагрена была его порфира, она была окрашена кровью морскихъ раковинъ; не залогомъ царства небеснаго служила она для него, но предзнаменовала его страшный огонь геенскій. *Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ и облачашеся въ порфиру и виссонъ, веселяся на вся дни свѣтло.* Не о Господѣ веселился онъ, какъ праведные (вѣдь для праведныхъ радость—память о Богѣ, какъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, Давидъ: *помянухъ Бога и возвеселихся*—Пс. LXXVI, 4); его увеселенія заключались въ пьянствѣ, распутствѣ, объяденіи, пресыщеніи; однимъ словомъ онъ былъ ничѣмъ не лучше свиней, валяющихся въ грязи. *Нищь же бѣ нѣкто именемъ Лазарь.* Бѣднаго Господь назвалъ по имени, обозначеніемъ имени воз-

давая ему честь. *Нищъ же бѣ нѣкто именемъ Лазарь, иже лежаше предъ враты его*, почти потопляемый волнами нищеты, а немного спустя съ честью несомый ангелами на лоно Авраамово. *Нищъ же бѣ нѣкто именемъ Лазарь, иже лежаше предъ враты* богатаго *гноенъ* (ст. 20). О, какимъ бѣдствіямъ подвергался бѣдный! Тягчайшей бѣдностью онъ былъ пригнетенъ какъ (колосъ) сильнымъ градомъ; палящими нарывами какъ искрометными угольями разъѣдалось его тѣло; отовсюду устремлялись на него потоки горя, разрушая тѣло и разрывая сердце; никакого послабленія, никакого облегченія онъ не находилъ себѣ ни въ чемъ. *Внѣуду брани, внутрьуду боязни* (2 Кор. vii, 5). Совнѣ тѣло истощалось нарывами, а внутри сердце грызли неотступныя заботы. Ни плодоносная нива не доставляла ему сѣмянъ хлѣба, ни виноградъ не приносилъ ему сладкихъ гроздьевъ, ни дерево осенью не давало ему своихъ сочныхъ плодовъ, ни другое какое изъ произведеній земли не служило для него утѣшеніемъ въ его бѣдности. И вотъ этотъ-то человѣкъ, у котораго не было ни пяди обработанной земли, ни локтя кровли для жилья, выброшенъ былъ подъ открытое небо на навозную кучу! Навозъ и днемъ и ночью служилъ для него покровомъ, зимою нѣсколько согрѣвая его, а лѣтомъ немилосердно обжигая. Сплошными ранами покрыто было его тѣло. Трудъ земледѣльца былъ для него непосиленъ, путешествія и торговыя предпріятія для него были невозможны, да и ни къ какимъ другимъ способамъ борьбы съ нуждою онъ не былъ способенъ. Во всемъ у него былъ недостатокъ, во всемъ лишеніе. Стоны прежде слезъ 594
рождались въ его сердцѣ, подобно терніямъ; потоки слезъ стремились по его щекамъ, такъ что отъ постояннаго теченія слезъ его щеки покрылись бороздами. Во снѣ искалъ онъ смерти и на яву призывалъ ее,—но она не являлась. Онъ ждалъ смерти какъ избавленія отъ всѣхъ трудовъ и заботъ, подобно многострадальному Іову. Вѣдь и тотъ, потерявъ богатства, стада, имущества, совершенно обнаженный, снѣдаемый червями, лежалъ на гноищѣ и желалъ смерти. Вотъ что говорилъ онъ: *почто данъ есть сущимъ въ горести свѣтъ и сущымъ въ болѣзнехъ душамъ животъ? Иже желаютъ смерти и не получаютъ, ищуще якоже сокровища, обрадовани же бываютъ, аще улучатъ: смерть бо мужу покой* (Іов. iii, 20—23). *И желаше*, говорится, *насытитися отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы богатаго и никто же даяше ему* (Лук. xvi, 21). О, противорѣчіе жизни! Богатый утопалъ въ бурномъ потокѣ наслажденій, а бѣдный изнемогалъ подъ игомъ бѣдности, не имѣя ни одной капли влаги для освѣженія. Отчего въ самомъ дѣлѣ теченіе жизни не привело ихъ къ взаимному общенію? Отчего? Чтобы бѣдный воспринялъ свѣтлые вѣнцы за свое терпѣніе, а богатому за то, что онъ довелъ свою душу до озвѣрѣнія, своими зубами пришлось грызть незрѣлый виноградъ. *Но и пси*, говорится, *приходяще облизаху гной его*. Псы оказались человѣчнѣе богатаго и добрѣе его. Онъ никогда капли масла

не удѣлилъ бѣдному, а псы, остроту зубовъ укрощая человѣколюбіемъ, мягкимъ языкомъ своимъ врачевали его, удаляя съ его ранъ всякую нечистоту и запекшуюся кровь; гладкостью языка заглаживая его лютые нарывы, они незамѣтно облегчали тяжесть его ранъ. Богатый же никогда не удостоилъ бѣдняка милостивымъ взглядомъ или словомъ, хотя бы безполезнымъ; не бросилъ ему ни рубища, ни остатковъ ѣды, ни одного гроша, покрытаго ржавчиной, ни хлѣба, ни даже корки хлѣбной, тронутой плѣсенью. но все это отправлялъ чрезъ горло въ свою утробу, какъ будто она была всеобъемлющей.

2. И что же? Каковы заслуги каждаго, таково и воздаяніе. *Бысть же*, говорится, *умрети нищему и несену быти ангелы на лоно Авраамле* (ст. 22). Едва избѣгнувъ тягостей и треволненій бѣдности, онъ прибылъ въ тихую пристань Авраама. *Бысть же*, говорится, *умрети нищему и несену быти ангелы на лоно Авриамле.* Видишь, какъ за порогомъ этой жизни бѣдность окружается попеченіемъ ангеловъ? *Умре же и богатый и погребоша его* (ст. 22). Относительно богатаго тотчасъ упоминается и гробъ, согласно съ словами Давида: *и гроби ихъ жилища ихъ во вѣкъ* (Пс. XLVIII, 12). Поэтому и говорится тебѣ: бѣдный, не убойся, *егда разбогатѣетъ человѣкъ, яко, егда умрети ему, не возьметъ вся, ниже снидетъ съ нимъ слава его* (Пс. XLVIII, 17, 18). Все оставитъ онъ здѣсь—рабовъ, прислужниковъ, угодниковъ, прихлебателей, льстецовъ, колесницы, златоуздыхъ коней, бани, помѣстья, дома съ раззолоченными потолками и мозаичными полами, царство, могущество, власть,—все это оставитъ онъ здѣсь и уйдетъ отсюда нагимъ. И находясь въ аду, *возведъ очи свои*,—замѣть, на какой глубинѣ находился богатый и на какой высотѣ бѣдный,—*и возведъ*, говорится, *очи свои*, богатый *узрѣ Авраама и Лазаря на лонѣ его* (ст. 23). Почему, однако, не Лазарь увидѣлъ богатаго? Потому, конечно, что кто находится среди свѣта, тотъ не видитъ находящагося во тьмѣ, а кто во тьмѣ находится, тому видно находящагося въ свѣтѣ. И сказалъ: *отче Аврааме, помилуй мя*! Говоришь: „помилуй" теперь, когда уже прошло время милости. Развѣ ты не слышалъ говорящаго: *судъ безъ милости не сотворшему милости* (Іак. II, 13)? Каешься теперь, когда нѣтъ мѣста
595 для исповѣданія; не слышалъ развѣ, что сказалъ Давидъ: *во адѣ же кто исповѣстся Тебѣ* (Пс. VI, 6)? *Помилуй мя и посли Лазаря.* Ты знаешь Лазаря? Ты узналъ того, кто лежалъ въ навозной кучѣ, и кого ты не желалъ нѣкогда удостоить равной чести съ собаками? Но вѣдь ты—во дни благоденствія твоего—затворилъ предъ нимъ свои нѣдра; такъ и я теперь—въ день наказанія—затворяю предъ тобою нѣдра милости. Развѣ ты не слышалъ, какъ Богъ чрезъ всѣхъ пророковъ взывалъ къ тебѣ, говоря: *милость и судъ снабди и приближайся къ Богу своему присно* (Ос. XII, 6), потому что *милости хощу, а не жертвы* (Ос. VI, 6); *блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ* (Мѳ. V, 7), и еще:

милуяй нища взаимъ даетъ Богови (Притч. XIX, 17). Итакъ, гдѣ ты сѣялъ, тамъ ищи и пожинай; гдѣ расточилъ, тамъ и собирай. Ты никогда не разбрасывалъ сѣмянъ милостыни, ничего не давалъ взаймы Богу посредствомъ милостыни бѣдному, но все собиралъ и употреблялъ для своего чрева. А гдѣ было сокровище твое, тамъ пусть будетъ и сердце твое. *Помилуй мя и посли Лазаря, да омочитъ конецъ перста своего въ водѣ и устудитъ языкъ мой, яко* зѣло *стражду въ пламени семъ* (ст. 24). Терпитъ наказаніе языкъ, который служилъ ему для наслажденія пищей; онъ проситъ каплю воды, между тѣмъ какъ при жизни никогда не подалъ жаждущему хотя бы чашу холодной воды во имя ученика. Если 596
бы при жизни ты подѣлился съ Лазаремъ своимъ добромъ, то теперь раздѣлилъ бы съ нимъ царство; если бы тогда былъ сострадателенъ къ бѣднымъ, то теперь избѣжалъ бы тяжкаго осужденія,—потому что *блаженъ разумѣваяй на нища и убога: въ день лютъ избавитъ его Господь* (Пс. XL, 2). Щедро бросай богатствомъ твоимъ въ бѣдныхъ, чтобы заровнять имъ ту огнепальную бездну; обильнымъ потокомъ пусть струится твое милосердіе, чтобы потушить тотъ пламень; поддержи жизнь сиротъ—и вотъ ты убилъ уже неусыпающихъ червей: отри слезу вдовы—и ты освободилъ душу свою отъ гнета грѣховъ. Для того вѣдь тебѣ и прочтено это, чтобы ты, идя по слѣдамъ немилосерднаго богача, не подвергся тому же самому наказанію въ гееннѣ. А ты, бѣдный, не унывай и не падай духомъ, какъ бы волны бѣдности тебя ни стѣснили. Взирай на славнѣйшаго Лазаря, сюда устремляй свой взоръ и днемъ и ночью, чтобы, управляя свою жизнь рулемъ терпѣнія, ты достигъ той же самой спасительной пристани, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

о мытарѣ и фарисеѣ.

1. При взглядѣ на лугъ, уже издали бросается въ глаза прелестное 595
разнообразіе цвѣтовъ,—красоту которыхъ, впрочемъ, возможно разсмотрѣть лишь тогда, когда подойдешь къ нимъ настолько, что можно брать руками. То же самое можно наблюдать, возлюбленный, и въ отношеніи церкви, только здѣсь въ качествѣ цвѣтовъ предлагаются желающимъ чтенія изъ боговдохновенныхъ Писаній. Удивительныя явленія можно бы наблюдать въ этихъ духовныхъ садахъ; здѣсь можно видѣть ликующихъ пророковъ, начальствующихъ апостоловъ, торжествующихъ мучениковъ, ангеловъ, содѣйствующихъ людямъ, учителей, подвизаю-

щихся въ борьбѣ за благочестіе; здѣсь можно видѣть изобильную благодать Духа, словесныя стада, запечатлѣнныя Владычнею кровью, и наконецъ то, что выше всего сказаннаго,—вершину благъ, утвержденіе надеждъ, главу наслажденія, совершенство радости,—я разумѣю евангелія Христовы, въ которыхъ предлагается совершенствованіе нашей жизни. Итакъ, обратимъ взоры свои сюда—къ Владыкѣ Христу, дарующему всякое наслажденіе рабамъ Своимъ. Здѣсь мы увидимъ, какъ отъ нихъ отгоняются недуги, море утишается, вѣтры прекращаются, смерть запрещается, адъ лишается добычи, демоны изгоняются, грѣшники обращаются къ своему Владыкѣ. Эти дары предложилъ Христосъ въ божественныхъ евангеліяхъ, въ которыхъ намъ возвѣщено и то, какъ праведники сіяютъ больше солнца, и то, какъ члены больныхъ укрѣпляются, разслабленные, носимые на постеляхъ, начинаютъ ходить, мытари становятся евангелистами, проказа отряхивается по волѣ Его какъ пыль, горячка изгоняется словомъ Владыки, мертвые оживаютъ, гробы возвращаютъ къ жизни заключенныхъ; въ нихъ гордость фарисея смиряется, смиреніе мытаря возвышается. При обиліи такихъ благъ не трудно на-
596 питаться и крошками. И я увѣренъ, что и въ этотъ разъ вы съ обычнымъ снисхожденіемъ выслушаете мои слова, наполнивъ сокровищницы душъ вашихъ насыщеніемъ проповѣдуемыхъ благъ. А если вы, съ Божіей помощью, примете участіе въ этой скудной трапезѣ, то и я, ободренный вашей любовью, готовъ принять на себя трудъ учительства. Итакъ, напомню вамъ недавно читанное: для всѣхъ васъ, богатыхъ, я—бѣдный угоститель, явившійся для того, чтобы устроить для васъ это духовное пиршество. *Человѣка два*, говоритъ евангелистъ, *внидоста въ церковь помолитися*: *единъ фарисей, а другій мытарь* (Лк. XVIII, 10). Фарисей—хвастливый ревнитель праведности, пожавшій раньше времени плоды добродѣтели, обогатившійся болѣе гордостью, чѣмъ деньгами, пустой надменностью отрясшій плодъ добродѣтелей, обладатель высокомѣрія, обвинитель всей природы, нечеловѣколюбивый обличитель, безпощадный поноситель, волненіе, угрожающее молитвѣ мытаря. И пусть никто не принимаетъ моихъ словъ за простое злословіе: выслушавъ самыя рѣчи фарисея, всякій убѣдится въ истинности сказаннаго мною. *Боже*, говоритъ онъ, *хвалу тебѣ воздаю, яко нѣсмь якоже прочіи человѣцы!* Самого себя ты считаешь праведнѣе всѣхъ? *Нѣсмь якоже прочіи человѣцы.* Что дѣлаешь, фарисей? Пусть твоего вниманія не заслуживаютъ подобные тебѣ люди; но Неизмѣняемый и Человѣколюбецъ сдѣлался человѣкомъ: хотя о Немъ подумай—и отступись отъ своихъ высокомѣрныхъ рѣчей! Скажи хотя бы такъ: *якоже прочіи человѣцы, хищницы, неправедницы, прелюбодѣи.* Всѣ хищники кромѣ тебя, фарисей? Всѣ неправедные, ты одинъ только праведникъ? Всѣ блудники, и добродѣтель цѣломудрія свойственна только тебѣ? *Нѣсмь якоже прочіи человѣцы, хищницы, неправедницы,*
597 *прелюбодѣи, или якоже сей мытарь* (ст. 11). Только что начала опе-

ряться мысль этого человѣка, только что началъ онъ расправлять крылья души своей, чтобы устремиться къ небу, а ты отягчаешь его тяжестью своихъ рѣчей, препятствуешь его исповѣданію взлетѣть къ Человѣколюбцу. Зачѣмъ попираешь ты лежачаго? Зачѣмъ подкладываешь дрова на его огонь (Сирах. VIII, 4)? Зачѣмъ обвиняешь того, кого и безъ тебя неослабно поражаетъ совѣсть? *Или якоже сей мытарь.* Но какія дѣянія мытаря тебѣ извѣстны? Занимается ли онъ разбоемъ? Присвояетъ ли себѣ чужіе труды? Похищаетъ ли чужое? Жнетъ, гдѣ не сѣялъ? Собираетъ, гдѣ не терялъ? Ставитъ сѣти путникамъ? Ничего подобнаго ты, фарисей, за нимъ не наблюдалъ, но видишь его предъ собою жалкимъ, достойнымъ жалости и помощи. Онъ лежитъ ницъ, ударяетъ себя въ грудь, какъ вмѣстилище зла, глазъ не смѣетъ поднять на небо; можетъ быть и отъ звѣздъ онъ ожидаетъ обвиненія или—скорѣе—думаетъ, что множество грѣховъ его написано на тверди небесной; какъ подсудимый, онъ и становится вдали отъ святилища. *Милостивъ буди мнѣ*, восклицаетъ онъ, какъ уже осужденный. Развѣ ты не читалъ написаннаго: *не ругайся человѣку въ горести его* (Сир. VII, 11)? Онъ въ горѣ; вмѣсто множества обвинителей его отовсюду окружаютъ мрачныя мысли; укоры совѣсти побуждаютъ его бить себя въ грудь; онъ самъ для себя сдѣлался палачемъ. Его угнетенность тебя не трогаетъ? Не возбуждаетъ въ тебѣ состраданія его поникшее долу лице? Не смягчаетъ твоего безсердечія видъ этого человѣка, не смѣющаго очей возвести къ небу? Когда онъ былъ мытаремъ, тогда тебѣ нужно было упрекать его подобнымъ образомъ, а ему слѣдовало тогда стыдиться не только предъ тобою, но и предъ всякимъ человѣкомъ. А теперь, когда онъ созналъ свои грѣхи, когда, увидѣвъ раны души своей, прибѣгъ къ Врачу, безмездно врачующему, когда, вспомнивъ о своихъ прегрѣшеніяхъ, онъ припалъ къ непамятозлобному Владыкѣ, теперь напрасно, о, фарисей, ты его унижаешь. *Или якоже сей мытарь.* Развѣ нѣтъ другихъ мытарей, еще не полюбившихъ сладостный плачъ покаянія? Если ужъ у тебя такъ сильно желаніе обвинять грѣшниковъ, обрати твой языкъ противъ нихъ, до сихъ поръ еще увязающихъ въ сѣтяхъ корыстолюбія. А противъ этого твоя непріязнь излишня и напрасна. Не только ему ты не повредишь, но и еще болѣе побудишь Владыку поспѣшить съ прощеніемъ ему.

2. *Мытарь же*, говорится, *издалеча стоя, не хотяше ни очію возвести на небо* (Лук. XVIII, 13). Совершенно такъ, какъ будто онъ самъ произнесъ эти слова Манассіи: *нѣсмь достоинъ воззрѣти и видѣти высоту небесную отъ множества неправдъ моихъ* (Паралип. XXXVI). Много вѣдь пороковъ было собрано тогда въ душѣ мытаря: неутомимая страсть къ деньгамъ, безпредѣльная любовь къ неправдѣ, ненасытное хищеніе; мытарь—общее зло для человѣческой природы, законный обидчикъ, хищникъ, не подлежащій обвиненію, безстрашный воръ, неули-

чимый разбойникъ, неустранимый вредъ, волкъ разумныхъ овецъ, звѣрь
въ образѣ человѣка. Съ такими пороками вошелъ мытарь въ храмъ.
Натворивъ всѣхъ этихъ бѣдъ и взваливъ на свою душу тяжкое бремя
грѣховъ, онъ почувствовалъ невыносимую тяжесть своей ноши и тогда-
то сталъ искать облегченія себѣ, но нигдѣ не находилъ его. Послѣ
страшныхъ усилій онъ нашелъ наконецъ способъ облегченія: онъ
вспомнилъ обращенный къ грѣшникамъ призывъ Господа: *пріидите к*
Мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы (Мѳ. XI, 28).
Вспомнивъ объ этихъ словахъ, онъ поспѣшилъ къ храму Божію съ
598 тяготѣвшимъ надъ нимъ бременемъ; изнемогая подъ его тяжестью, но
въ силахъ будучи сносить его болѣе, онъ палъ на лице свое и гово-
рилъ Владыкѣ: *милостивъ буди мнѣ грѣшнику!* За мною нѣтъ никакого
добраго дѣла, я отягощенъ одними пороками, мои беззаконія превзошли
число песка морского, умножились больше, чѣмъ волосы на моей го-
ловѣ. Я вижу уже, какъ обиженные мною призываютъ на меня судъ
Твой; слышу, что предъ престоломъ Твоимъ будутъ положены отверз-
стыя книги, въ которыхъ конечно и вопли путниковъ записаны. Ни-
какая неправда не укроется отъ Твоего неподкупнаго ока; для оправ-
данія время прошло, для бѣгства не остается мѣста. Я не смѣю под-
нять глазъ къ небу, но и на землю, свидѣтельницу моихъ преступле-
ній, боюсь посмотрѣть. Даже бездушная природа обличаетъ великаго
грѣшника. Поэтому, прибѣгая къ Тебѣ, Владыкѣ всѣхъ, одну только
эту нахожу мольбу о помощи: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику!*
Велика груда моихъ золъ, но что она предъ бездною Твоей благости?
Для человѣческихъ силъ мое спасеніе невозможно, но для Тебя, Вла-
дыко, все возможно. Конечно, если Ты сошелъ на землю ради правед-
ныхъ, тогда я напрасно пришелъ въ храмъ Твой, возгнушавшись своимъ
ремесломъ; но если и на грѣшниковъ Ты обращаешь вниманіе, или—
лучше сказать—ради нихъ Ты и снизошелъ къ Своему созданію, тогда
не оставь неоправдавшеюся моей надежды на Тебя, но уврачуй мое
сокрушенное сердце, оживотвори меня, помертвѣвшаго отъ грѣховъ.
Прикоснулась къ Тебѣ блудница, и грязь пороковъ своихъ омыла;
краемъ одежды Своей прикоснулся Ты къ вѣрной женѣ, и изсушилъ
теченіе кровей ея; приблизился къ разслабленному, лежащему на одрѣ,
и онъ всталъ и понесъ одръ свой; проходя мимо, увидѣлъ Ты слѣпца,
и возвратилъ ему даръ зрѣнія; помазавъ бреніемъ сосудъ, сдѣланный
изъ бренія, Ты исправилъ тѣлесный изъянъ, открылъ доступъ свѣту и по-
казалъ человѣку красоту созданія; Ты увидѣлъ плачущую женщину, и, по-
разивъ адъ прежде воскресенія Своего, извелъ оттуда Лазаря, исторгнувъ
человѣка отъ смерти, какъ бы изъ устъ льва. Увидѣвъ человѣка, въ
горѣ припадающаго къ Тебѣ, ужасно пораженнаго бѣдствіемъ утраты
ребенка, Ты тотчасъ преклонился къ его мольбамъ и позвалъ дѣвицу;
на Твой зовъ дѣвица встала, а смерть убѣжала. Возопила къ Тебѣ

жена хананеянка, видя свою дочь мучимою бѣсомъ, и возопившая: *по-*
милуй (Мѳ. xv, 22), не обманулась въ своей надеждѣ, потому что, при-
нявъ вѣру ея, Ты отогналъ отъ овцы волка и удалилъ бѣшенаго оби-
тателя, дѣвицѣ даровалъ исцѣленіе и утишилъ печаль матери. Немно-
гими хлѣбами Ты напиталъ народъ въ пустынѣ. И я голодаю голодомъ
правды и прошу небольшой крошки Твоего человѣколюбія: и меня, какъ
одного изъ тѣхъ, облагодѣтельствованныхъ Тобою, помилуй! Моя душа
изранена, какъ у блудницы прежде покаянія; мною всѣ гнушаются,
какъ кровоточивой до исцѣленія, считавшейся по закону нечистой; я
разслабленъ душою больше, чѣмъ разслабленный—тѣломъ; я страдаю
очами души, какъ слѣпой отъ рожденія—очами тѣла; я мертвъ отъ по-
стоянныхъ паденій, моя душа заключена въ тѣлѣ, какъ Лазарь былъ
заключенъ въ гробу. На мнѣ одномъ отяготѣли чуть ли не всѣ тѣ
бѣдствія, которыми угнетены были—каждый въ отдѣльности—тѣ, кото-
рые Тобою помилованы. Но Ты, всѣхъ помиловавшій, помилуй и меня:
Боже, милостивъ буди мнѣ, грѣшнику! Что же на это человѣколюбивый
Судія, щедрый наградитель совершающихъ путь покаянія? И похвальбу
фарисея Онъ обуздалъ, и покаяніемъ мытаря былъ тронутъ. Послѣ того 599
какъ первый изъ нихъ словами своими какъ бы сильными вѣтрами
отрясъ плодъ души, а второй, уничижилъ самого себя, не встрѣтилъ
другого обвинителя, каждый изъ нихъ получилъ по достоинству свое.
Въ самомъ дѣлѣ, сдѣлавшагося своимъ собственнымъ обвинителемъ
Господь отпустилъ свободнымъ отъ осужденія, а фарисей, выставившій
на видъ свои добродѣтели, оказался бѣднѣе мытаря. Съ обоими совер-
шился поворотъ: у одного бѣдность смѣнилась богатствомъ, другой отъ
богатства ниспалъ къ бѣдности. Въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ Господь?
Аминь *глаголю вамъ: яко сниде сей оправданъ въ домъ свой паче онаго*
(ст. 14). О, какое зло—недугъ гордости! Фарисей вошелъ въ храмъ бо-
гатымъ, какъ бы увѣнчаннымъ цвѣтами добродѣтелей; вмѣстѣ съ нимъ
вошелъ мытарь, лишенный всякаго оправданія. Но послѣдній, благо-
временно смиривъ себя, былъ возвышенъ, а тотъ, возвысившій себя на
неподобающую высоту, претерпѣлъ постыдное разоблаченіе. Какъ по-
лезно было бы ему вспомнить забытыя имъ наставленія! Какъ полезно 600
было бы прислушаться къ этому пророческому голосу: *смиритеся предъ*
Господемъ и вознесетъ вы (Іак. iv, 10)! Какъ полезно было бы для него
во время удержать языкъ и сохранить богатство, пріобрѣтенное многими
трудами! Въ одно вѣдь несчастное мгновеніе утратилъ онъ тѣ добро-
дѣтели, на стяжаніе которыхъ потребовалось не мало времени. Можетъ
быть не слышалъ фарисей написаннаго, что *нечистъ предъ Богомъ всякъ*
высокосердый (Притч. xvi, 5)? Не зналъ этихъ прекрасныхъ словъ: *да*
не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя (Мѳ. vi, 3)? Навѣр-
ное зналъ онъ и то и другое, но сила тщеславія взяла въ немъ верхъ.
Постараемся же пріобрѣсти смиреніе мытаря и облегчимъ себѣ бремя

тяготѣющихъ на насъ грѣховъ; возненавидимъ гордость, которою фарисей погубилъ богатство добродѣтелей. Будемъ помнить, что *Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Іак. IV, 6; 1 Петр. V, 5). Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

о слѣпомъ, исцѣленномъ Христомъ, и о Закхеѣ, и о судѣ, и о милостынѣ.

599 1. Многочисленны и разнообразны ученія святыхъ писаній, но блистаетъ во всѣхъ ихъ одна благодать, одинъ источникъ наученія — Духъ истины. И то, что написано въ законѣ, и то, что возвѣщено пророками, и то, что проповѣдано апостолами, и то, чему наставляетъ евангеліе благочестія, все это какъ бы истекаетъ изъ одного плодотворнаго и питательнаго источника, будучи внушено Духомъ Святымъ. Даже болѣе того: всякое разумное слово, всякая справедливая мысль, всякое достойное дѣло — все это восходитъ своимъ началомъ къ тому же источнику и имѣетъ значеніе постольку, поскольку находитъ себѣ основаніе въ Духѣ Святомъ. Въ виду этого, еслибы кто сталъ превозноситься человѣческою мудростью, утверждаясь исключительно на человѣческихъ разсужденіяхъ, а Божіе отвергнулъ, такого оставалось бы признать человѣкомъ ничтожнымъ и незаслуживающимъ никакого довѣрія. *Слово Господне отвергоша*, говоритъ пророкъ о подобныхъ людяхъ, *кая мудрость есть въ нихъ* (Іер. VIII, 9)? Вопреки имъ для насъ писанія благочестія суть цвѣты истины. И замѣчательно — цвѣтовъ этихъ много, но питаетъ ихъ одинъ лугъ; свѣтильниковъ ученія много, но истинное свѣтило — одно; звѣздъ много, но одно небо содержитъ ихъ; вѣтвей много, но корень одинъ; перстовъ много, но пишетъ ими одна рука; струнъ много, но одна цитра Духа; много наставленій, но одинъ источникъ благочестія. Но особенно меня удивляетъ то, какъ этотъ слѣпецъ, не изучившій закона, не знавшій пророковъ, не читавшій евангелій, не наставленный апостолами, могъ призывать Спасителя міра такими словами: *Іисусе, сыне Давидовъ, помилуй мя* (Лк. XVIII, 38)! Откуда взялъ ты такое обращеніе, не зная даже того, что оно обозначаетъ? Вѣдь ты не читалъ книгъ, не имѣя зрѣнія, и не учился; твоимъ единственнымъ занятіемъ было просить, лучше сказать — выпрашивать подаяніе; какъ же узналъ ты Свѣтило міра, Котораго по слѣпотѣ своей
600 ни на небесахъ не созерцалъ, ни на землѣ? Поистинѣ исполнились на немъ слова Давида: *Господь умудряетъ слѣпцы* (Пс. CXLV, 8)! Боль-

шой толпой былъ окруженъ Іисусъ, но слѣпецъ, не зная Свѣтила истины, ощутилъ Его силу; сердце подсказало ему то, чего не могло дать зрѣніе. Отчего такъ много народа?--спрашиваетъ онъ. Іисусъ Назарянинъ проходитъ здѣсь, отвѣчаютъ ему. И что удивительно —ему говорятъ такъ, а онъ восклицаетъ иначе. Слышитъ: Іисусъ Назарянинъ, а взываетъ не къ Іисусу Назарянину, но къ Іисусу, сыну Давидову. Зрячіе судили по внѣшности, а слѣпецъ возвѣстилъ самую истину. *Іисусе, сыне Давидовъ, помилуй мя!* Теперь, конечно, всякій усвоитъ собѣ эти слова, всякій отъ всего сердца произнесетъ это исповѣданіе и скажетъ о себѣ: *сыне Давидовъ, помилуй мя!* Вы знаете, братіе, что бываетъ иногда на похоронахъ при большомъ стеченіи народа. Тамъ, при видѣ оплакиваемаго родными покойника, плачутъ всѣ, одни изъ сочувствія чужому горю, другіе по своимъ чисто личнымъ побужденіямъ; иная женщина рыдаетъ и обливается слезами, но вовсе не о томъ, чье тѣло предъ нею лежитъ (онъ для нея чужой), а о своей собственной утратѣ: въ подобныхъ случаяхъ чужое несчастіе для каждаго является напоминаніемъ объ его собственныхъ несчастіяхъ. Такъ точно, братіе, когда вы слышите что-либо назидательное изъ священныхъ писаній, пусть каждый изъ васъ вспоминаетъ о своихъ собственныхъ недугахъ и повторяетъ про себя это изреченіе: *сыне Давидовъ, помилуй мя!* Пусть и сейчасъ каждый говоритъ это, ища избавленія отъ своихъ недуговъ. Вѣдь у каждаго изъ васъ найдутся такіе недуги: одинъ слѣпъ умомъ, другой глухъ душою, иной хромаетъ разсудкомъ, а тотъ пораженъ проказою души. Въ самомъ дѣлѣ, тѣми же недугами, отъ которыхъ Христосъ исцѣлялъ тѣла людей, страдаютъ нерѣдко и души ихъ, точно
также нуждаясь въ помощи свыше. Такъ, слѣпая душа нуждается 601
въ прозрѣніи. Слѣпа, конечно, та душа, которая не видитъ чудеснаго въ вѣрѣ, слѣпа та душа, которая не зритъ будущаго вѣка, слѣпа та душа, которая, видя тѣло Христово, не усматриваетъ Его божества. А что, дѣйствительно, слѣпа душа, невѣдущая божественнаго, свидѣтельствуетъ пророкъ Исаія, говоря: *и ослѣпоша раби Божіи*. Какъ *ослѣпоша? Видѣсте*, говоритъ, *многажды и не сохранисте. отверзсты уши и не слышасте. И кто слѣпъ, развѣ раби Мои? И кто глухъ, развѣ владѣющіи ими* (Ис. XLII, 19, 20)? На ослѣпленіе ума указываетъ и Спаситель, обличая фарисеевъ, слѣпотствующихъ предъ истиной, такими словами: *оставите ихъ: вожди суть слѣпи слѣпцемъ; слѣпецъ же слѣпца аще водитъ, оба въ яму впадутъ* (Мѳ. XV, 14). А глуха душа, не слушающаяся закона, непокорная Владычнему гласу, глуха--не въ смыслѣ естественномъ, но въ смыслѣ расположенія воли. Спаситель говоритъ: *имѣяй уши слышати да слышитъ* (Мѳ. XV, 11), не потому, конечно, будто бы нѣкоторые изъ предстоящихъ не имѣли ушей (зачѣмъ же они слѣдовали бы за Нимъ въ качествѣ слушателей, не имѣя естественнаго органа слуха?), но чтобы показать, что обладанію внѣш-

нимъ органомъ слуха не у всѣхъ Его слушателей соотвѣтствуетъ внутреннее расположеніе къ слушанію божественнаго закона. Никакой, конечно, пользы нѣтъ отъ внѣшняго слышанія, когда внутри духъ остается глухимъ. Страдаетъ душа и проказой, не такой, которою покрывается тѣло, но такой, которою омрачается душа. Въ самомъ дѣлѣ, что такое проказа на тѣлѣ, какъ не двойственный цвѣтъ кожи? Теперь, что такое проказа души? Двойственность мыслей. *Горе грѣшнику, ходящу на двѣ стези* (Прем. Сир. II, 12)! Если кто-нибудь то вѣруетъ, то не вѣруетъ, склоняется то къ милосердію, то къ жестокосердію, это значитъ— его душа въ проказѣ, она не находится въ здоровомъ состояніи, но раздвояется въ мысляхъ; какъ проказа нарушаетъ единство тѣлеснаго покрова, такъ порочныя мысли нарушаютъ единство сознанія въ душѣ. Пусть же каждый вопіетъ о своихъ ранахъ и призываетъ Іисуса, цѣлителя душъ и тѣлесъ, подобно тому, какъ взывалъ слѣпецъ: *сыне Давидовъ, помилуй мя!* И хотя шедшіе впереди запрещали ему кричать такъ, но это не задержало его въ его стремленіи къ Іисусу: вѣра умѣетъ противъ всего сражаться и все побѣждать. Люди запрещаютъ, но вѣрный не отступаетъ и слѣдуетъ за Владыкою, зная, что ради благочестія и дерзость похвальна.

2. Вѣдь если ради денегъ многіе доходятъ до безстыдства, то не гораздо ли лучше позволить себѣ нѣкоторое безстыдство ради спасенія души? Повелѣваетъ Іисусъ привести его къ себѣ. Достигъ Господа Іисуса голосъ призывавшаго Его съ вѣрою, и Онъ повелѣлъ привести къ себѣ, приблизить и тѣломъ того, кто уже раньше приблизился къ Нему вѣрою. *Повелѣ привести его къ себѣ и вопроси его: что хощеши, да ти сотворю* (Лк. XVIII, 40, 41)? Не напрасно спрашиваетъ Онъ такъ: Онъ могъ бы и сидящему послать исцѣленіе, но тогда іудеи, клеветавшіе на истину, могли бы сказать, какъ это и было со слѣпорожденнымъ, что это не тотъ, а только похожъ на него. Итакъ, призываетъ исцѣляемаго къ Себѣ, чтобы онъ былъ на виду у всѣхъ, какъ бы призывая всѣхъ засвидѣтельствовать прежде всего его природный недостатокъ, а потомъ—могущество благодати. *Что хощеши, да ти сотворю?* Спрашиваетъ его, а присутствующимъ даетъ урокъ. А тотъ отвѣчаетъ: *Господи, да прозрю* (ст. 41). Замѣть, сколько удостовѣреній потребовалось отъ исцѣляемаго, и все это для того, чтобы предупредить извращеніе истины клеветниками. Тогда говоритъ ему Іисусъ: *иди, вѣра твоя спасе тя* (Мрк. X, 52; ср. Лк. XVIII, 42). Видишь, какъ то, что нами сказано было вчера, подтверждается самыми дѣлами? Мы именно говорили, что благодѣянія не продаются, а пріобрѣтаются только вѣрою. И Іисусъ не продаетъ благодѣяній за деньги, но отдаетъ ихъ только за вѣру. Если не представишь вѣры, не получишь благодѣянія; благодать дѣйствуетъ, но ей предшествуетъ вѣра. Представимъ себѣ такой примѣръ: источникъ одинъ, но черпаютъ изъ источника воду

одни малыми сосудами, а другіе большими; при этомъ, конечно, одинъ зачерпнетъ воды меньше, а другой больше; но вѣдь разница эта не отъ источника, какъ будто онъ устанавливаетъ мѣру, а оттого, что каждый беретъ воду своимъ сосудомъ. Такъ и благодать распространяется подобно источнику, расположеніе же приступающихъ къ ней является для нея сосудомъ, опредѣляетъ мѣру, въ какой каждый ее получаетъ. Если сосудъ твоей вѣры невеликъ, немного благодати ты почерпнешь; если же обнаружишь великую ревность, то и благодѣяніе получишь великое. Поэтому Спаситель спрашиваетъ: *вѣруеши ли, яко могу сіе сотворити?* И на увѣреніе: *ей Господи!* отвѣчаетъ: *по вѣрѣ твоей буди* 602
тебѣ. Потому апостолъ увѣщеваетъ коринеянъ такими словами: *распространитеся и вы* (2 Кор. VI, 13), показывая этимъ, что чѣмъ болѣе распространяется вѣра, тѣмъ обильнѣе сообщается благодать. А пророкъ говоритъ: *разшири уста твоя, и исполню я* (Пс. LXXX, 11). Само по себѣ благодѣяніе ничѣмъ не удерживается, кромѣ нашего нерадѣнія. Возсіяло Солнце правды—Іисусъ, и повсюду распространяются лучи этого мысленнаго свѣтила. При этомъ одинъ получаетъ больше благодати, другой меньше, не потому, что благодать отпускается мѣрою, но по соотвѣтствію мѣрѣ вѣры того или другого человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, солнце одно для всей земли, и лучъ одинъ, и сіяніе одно, однако не весь міръ одинаково просвѣщенъ, но въ одномъ мѣстѣ свѣтъ яркій, въ другомъ слабѣе, въ третьемъ сильнѣе, тамъ ярче, а здѣсь тусклѣе, не потому, конечно, чтобы солнце удѣляло этому дому больше свѣта, а этому меньше, но въ зависимости отъ размѣра оконъ: чѣмъ больше мѣста отвелъ строитель дома окнамъ, тѣмъ свободнѣе для лучей солнца доступъ въ домъ и тѣмъ обильнѣе они туда проникаютъ. Окнами для нашей души служатъ мысли: если ты шире раскроешь свои мысли, бо́льшее получишь благодѣяніе; если стѣснишь доступъ къ твоей душѣ, скуднѣе будутъ для тебя дары благодати. Открой же свою душу, чтобы озарилась она полнымъ сіяніемъ благодати. *Мы вси*, говоритъ о себѣ апостолъ Павелъ, *откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающе, преобразуемся отъ славы въ славу* (2 Кор. III, 18). По евангельскому разсказу одинъ слѣпой былъ исцѣленъ, но это событіе должно служить урокомъ, благодаря которому у многихъ откроются духовныя очи. *По вѣрѣ* твоей *буди* тебѣ. Слѣпой, говоритъ дальше евангелистъ, *во слѣдъ Его идяше, славя Бога* (Мѳ. XVIII, 43), и Іисусъ не препятствовалъ ему. Это послѣднее обстоятельство требуетъ объясненія. Когда Господь исцѣлилъ бѣсноватаго, то исцѣленный умолялъ Его позволить ему слѣдовать за Нимъ, потому что хотѣлъ быть съ Нимъ. Но Спаситель отклонилъ его просьбу и сказалъ ему: *иди въ домъ твой и возвѣсти, елика ти* Богъ *сотвори* (Мрк. V, 19). Ради чего же Господь одного, пожелавшаго слѣдовать за Нимъ, отклоняетъ, а другого допускаетъ? Почему этому позволяетъ слѣдовать, а тому не позволяетъ? И то и другое было полезно. Первому Онъ не

позволилъ слѣдовать за Собою по той именно причинѣ, что онъ былъ бѣсноватымъ. Вѣдь у бѣсноватаго и языкъ и рѣчь бываютъ разстроены; вотъ Господь и посылаетъ его въ качествѣ вѣстника, чтобы самымъ возстановленіемъ своей рѣчи онъ проповѣдывалъ о своемъ Благодѣтелѣ. Въ самомъ дѣлѣ, могли ли безъ удивленія тѣ, кто зналъ этого человѣка ранѣе еще бѣсноватымъ, слышать его теперь, когда онъ владѣлъ здравою рѣчью? И вотъ самый языкъ исцѣленнаго Господь дѣлаетъ вѣстникомъ объ Исцѣлителѣ. И еще что замѣчательно: съ одной стороны тутъ обнаружилось смиреніе Спасителя, а съ другой—благодарность бѣсноватаго. Спаситель говоритъ: *иди и возвѣсти, елика ти Богъ сотвори*. Не сказалъ: что̀ Я тебѣ сдѣлалъ; но смиренно умалчивая о Себѣ, приписываетъ все имени Божію. А исцѣленный пошелъ и проповѣдывалъ о томъ, что сдѣлалъ ему Богъ Іисусъ. Итакъ, его Господь посылаетъ проповѣдывать, чтобы самое его возвращеніе къ здравому состоянію свидѣтельствовало о великомъ благодѣяніи, а слѣпому позволяетъ слѣдовать за Собою. Почему? Потому, что въ этотъ разъ Онъ восходилъ въ Іерусалимъ, гдѣ предстояло Ему совершить спасеніе міра, гдѣ готовилось для него уничиженіе, крестъ и вообще все, что замышляли противъ Него богоборцы люди; поэтому Онъ допускаетъ слѣпого слѣдовать за Нимъ, въ качествѣ живого памятника недавняго чуда, чтобы воспоминаніе объ этомъ исцѣленіи утвердило души тѣхъ, которые могли поколебаться; однимъ словомъ, допускаетъ слѣпого слѣдовать за Собою, чтобы кто не вздумалъ отрицать Его чудотворной силы. Апостоламъ предстояло претерпѣть сильное испытаніе, обрушившееся на нихъ подобно бурѣ, при видѣ единороднаго Сына Божія на крестѣ. И вотъ, чтобы они не растерялись, пораженные Его страданіями, Господь позволяетъ слѣпому слѣдовать за Нимъ, чтобы имѣя предъ глазами этотъ живой памятникъ чуда, они устояли непоколебимо въ истинѣ.

3. Съ подобною цѣлью совершилъ Христосъ немало чудесъ, и именно въ то время, когда приближались Его страданія. Такъ, чтобы кто не подумалъ, что Онъ подвергается страданіямъ не по человѣколюбію, а по безсилію отвратить ихъ; Онъ предъ вступленіемъ Своимъ въ Іерусалимъ увидѣлъ смоковницу и подошелъ—говорится въ евангеліи—къ ней, ища на ней плодовъ, и не нашелъ (Мрк. XI, 13). И послѣ того, какъ не нашелъ, проклялъ ее, сказавъ: *да николиже отъ тебе плода будетъ во вѣки* (Мѳ. XXI. 19)! Чѣмъ согрѣшила смоковница? Вѣдь никакой разумной силой она не одарена въ дѣлѣ плодоношенія? Развѣ не самъ Творецъ даетъ ей силу производить плоды въ угодное
603 Ему время? Къ тому же и не время тогда было смоковницѣ имѣть плоды, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ евангеліе. Кто же изъ обыкновенныхъ людей—кромѣ Бога—потребовалъ бы плодовъ не во время? Не Ты ли, Создатель, утвердилъ времена? Не Ты ли назначилъ времена и сроки плодоношенія? Зачѣмъ же требуешь не въ то

время, когда Ты самъ назначилъ? Да хотя бы и, въ обычное для плодовъ время, ихъ на смоковницѣ не оказалось, развѣ это была бы вина природы? Развѣ дерево приноситъ плоды, когда хочетъ? Развѣ не тогда оно начинаетъ плодоносить, когда ему будетъ повелѣно? Итакъ, что же означаетъ это проклятіе смоковницы? То и означаетъ, что Господь, идя на страданія, хотѣлъ предупредить мысль, что Онъ не въ силахъ былъ устранить ихъ, и поэтому на бездушномъ деревѣ проявилъ Свою силу, чтобы показать, что Онъ могъ бы изсушить всѣхъ противниковъ, уничтожить всѣхъ богоборцовъ. А такъ какъ Онъ пришелъ не судить міръ, но спасти, какъ самъ сказалъ (Іоан. хп, 47), то могущество Свое обнаруживаетъ и на неодушевленномъ предметѣ, на людей же изливаетъ богатство своего человѣколюбія. Такъ и въ этомъ случаѣ: Онъ позволяетъ слѣпому слѣдовать за Собою, чтобы Его чудотворная сила представлялась ученикамъ во всемъ блескѣ, чтобы, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ чуда, они крѣпче держались противъ соблазна. Между тѣмъ за этимъ чудомъ послѣдовало другое: вслѣдъ за прозрѣніемъ слѣпца прозрѣлъ другой — слѣпой душею. Кто именно? Начальникъ сборщиковъ податей, слѣпой ко всему кромѣ денегъ, съ душею, ослѣпленною жадностью. Ничто такъ не ослѣпляетъ душу, какъ деньги; это засвидѣтельствовалъ Моисей: *дары бо ослѣпляютъ очи видящихъ и погубляютъ словеса праведна* (Исх. ххш, 8; Второз. xvi, 19). Начальникъ мытарей находился среди народа, когда мимо проходилъ Іисусъ, разрѣшающій всякій грѣхъ, уничтожающій всякое зло, прелагающій тьму въ свѣтъ и лукавое въ правое. Закхей былъ малъ ростомъ, но великъ желаніемъ, малъ тѣломъ, но великъ духомъ: онъ искалъ увидѣть Іисуса, но это ему не удавалось изъ-за его незначительнаго роста. Тогда, забѣжавъ впередъ, онъ хитростью восполняетъ недостатокъ роста: взлѣзъ на смоковницу и оттуда сталъ смотрѣть на проходившаго мимо Іисуса. Господь же нашъ Іисусъ Христосъ, могущій, какъ говоритъ ап. Павелъ, *вся творити по преизбыточествію, ихже просимъ или разумѣемъ* (Ефес. ш, 20), не только доставилъ ему то, чего онъ хотѣлъ, но сдѣлалъ даже больше, чѣмъ сколько онъ могъ ожидать. Закхей желалъ только увидѣть Іисуса, а Господь удостоилъ его даже Своего посѣщенія. И говоритъ Закхею видѣвшій его сердце (конечно, прежде чѣмъ онъ влѣзъ на смоковницу, Господь уже зналъ его мысли): *Закхее, потщався слѣзи* (Лк. хіх, 5)! Прекрасный охотникъ Спаситель, на деревѣ уловляющій душу! *Закхее, потщався слѣзи*. Простеръ къ нему свирѣль, окружилъ его приманкой любви, взялъ его за крылья мысли, и привелъ его въ Свою церковь. И смотри, что дѣлаетъ. Не нужно думать, что слово Христово было принудительно для Закхея. Конечно, слово Христово подѣйствовало на Закхея безъ всякаго принужденія; но что вообще слово Божіе есть какъ бы охотникъ, объ этомъ говоритъ блаженный Захарія: *показа ми*

Господь сосудъ птицеловца, рече ко мнѣ: не пройду мимо народа Моего, пока не уловлю его (не Захарія, а Ам. VIII, 1. 2). Такимъ образомъ, засвидѣтельствована истина, что слово Божіе есть сѣть: любовью какъ сѣтью оплетаетъ оно души. И какъ эта сѣть не можетъ уже отпустить добычу изъ рукъ охотника, такъ и души, вошедшія въ общеніе со Спасителемъ, уже не могутъ отстать отъ Него. Уловленный такимъ способомъ прекрасный птенецъ Давидъ говоритъ: *прильпе душа моя по Тебѣ* (Пс. LXII, 9), а Павелъ съ своей стороны свидѣтельствуетъ: *прилѣпляяйся Господеви единъ духъ есть съ Господемъ* (1 Кор. VI, 17. Уловляетъ Господь Закхея, сводитъ его съ дерева и входитъ съ нимъ въ его домъ, который до сихъ поръ омраченъ былъ грѣхами своего обитателя, а сегодня озаренъ Свѣтиломъ благочестія. Мытарь съ радостью принялъ вошедшаго въ его домъ Спасителя. О великая благость Владыки! Безгрѣшный приходитъ къ грѣшникамъ, источникъ правды входитъ въ самую твердыню неправды; твердыня неправды, конечно, корыстолюбіе. Входитъ въ домъ мытаря, не подчиняясь мраку царившаго тамъ корыстолюбія, но уничтожая корыстолюбіе силою свѣта правды. И удивительная вещь: тотчасъ Закхей. ставъ предъ дверьми дома, говоритъ: *се полъ имѣнія моего дамъ нищымъ* (Лк. XIX, 8)! Ты еще не наученъ, и повинуешься? Еще не наставленъ, и исполняешь? Ничего не сказалъ Спаситель, ничему не училъ тогда, ни о милостынѣ не бесѣдовалъ, ни нищелюбія не внушалъ, но молчалъ и спокойно свѣтилъ. Какъ солнце, когда лучи его проникаютъ въ домъ, про-
604 свѣщаетъ не словомъ, но самымъ дѣйствіемъ лучей, такъ и Спаситель, войдя въ домъ грѣшника, лучами правды Своей пресѣкъ теченіе неправды. *Свѣтъ во тьмѣ свѣтится*, какъ говоритъ евангелистъ (Іоан. I, 5). *Господи, се полъ имѣнія моего дамъ нищымъ*. Хорошо онъ дѣлитъ корыстолюбіе, разсѣкаетъ неправду. *Полъ имѣнія моего*. Все въ цѣломъ сильно, а раздѣленное обезсиливается. *Полъ имѣнія моего*. Прекрасныя слова, побѣждающія природу, вѣрнѣе—привычку, потому что привычка—вторая природа. Онъ отбросилъ жадность, признавъ истину. *Полъ имѣнія моего дамъ нищымъ и аще кого чимъ обидѣхъ* или кому повредилъ ложнымъ доносомъ, *возвращу четверицею* (Лк. XIX, 8). Здѣсь нужно замѣтить, что богатство Закхея не исключительно неправдѣ было обязано своимъ существованіемъ, но часть его была наслѣдственнаго происхожденія; вѣдь если бы все оно было пріобрѣтено неправдою, то какъ бы могъ онъ возвратить вчетверо противъ того, что взялъ? Почему говоритъ онъ: *аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверицею*? Хотя онъ и пребывалъ въ беззаконіи, но и законъ зналъ: именно законъ это и повелѣваетъ, чтобы воръ возвратилъ украденное вчетверо. *Аще кто*, гласитъ законъ, *украдетъ овцу* и будетъ уличенъ, *да воздастъ четыре овцы за овцу* (Исх. XXII, 1). Учетверяетъ Богъ возмездіе, или—лучше—наказаніе, чтобы, если кого не устрашитъ законъ, того по крайней мѣрѣ удер-

жало бы наказаніе, потому что многіе закона нерѣдко не уважаютъ, а наказанія страшатся. Итакъ, Закхей осуждаетъ самъ себя, не ожидая приговора по закону, но самъ для себя являясь закономъ,—потому что *праведнику законъ не лежитъ* (1 Тим. I, 9). Въ отвѣтъ на заявленіе мытаря Христосъ сказалъ: *днесь спасеніе дому сему бысть.* Самъ себя оправдалъ Закхей, не тѣмъ, конечно. что просто увидѣлъ Христа, но тѣмъ, что исполнилъ законъ Христовъ. *Днесь спасеніе дому сему бысть, зане и сей сынъ Авраамль есть* (ст. 9). Пока онъ не сдѣлалъ дѣлъ Авраамовыхъ, не называется и сыномъ Авраамовымъ, но просто по имени—Закхеемъ; когда же онъ заявилъ себя дѣлами патріарха, обнаруживъ любовь къ бѣднымъ и отчужденіе отъ неправды, тогда Господь говоритъ: *и сей сынъ Авраамль есть.*

4. И мы, братіе, если мы христіане и именуемся христіанами, то должны помнить, что ничто такъ не показываетъ насъ христіанами, какъ дѣла истины. Итакъ, не будемъ унижать дѣлами своего имени, но украсимъ ими свою вѣру. Мы называемся сынами Авраама по вѣрѣ, постараемся же заслужить это названіе и своими дѣлами. Я уже сказалъ раньше, что для этого не благородство тѣла требуется, но послѣдованіе нраву. Потому-то Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ и всѣ патріархи и отреклись отъ синагоги, что принадлежавшіе къ ней не унаслѣдовали вѣры отцовъ: отказался Авраамъ отъ своихъ чадъ, потому что они не послѣдовали его вѣрѣ; отказались отъ нихъ Исаакъ и Іаковъ и всѣ патріархи, потому что кто отъ Бога отрекся, отъ того и вся природа отрекается Но чѣмъ подтвердить, что Авраамъ отрекся отъ іудеевъ,—чтобы не показалось, что мы только по враждѣ къ нимъ говоримъ такую дерзость, а не съ тѣмъ, чтобы дѣйствительно обличить согрѣшившихъ? Блаженный Іеремія говоритъ отъ лица народа: Господи, помилуй насъ; гора и городъ, который благословили отцы наши, огнемъ пожженъ; Ты же, Господи, помилуй насъ, *понеже Авраамъ не увѣдѣ насъ и Израиль не позна насъ. Но Ты, Господи, избави ны* (не Іеремія, а Ис. LXIII, 16; LXIV, 10, 11). Такъ какъ,—говорятъ іудеи,—тѣ, которыми мы величались, отчуждились отъ насъ и отвергли родъ нашъ, то помилуй насъ Ты, всѣхъ побѣждающій Своимъ человѣколюбіемъ. Помилуй насъ, *понеже Авраамъ не увѣдѣ насъ.* Если бы онъ считалъ насъ своими, развѣ бы онъ не ходатайствовалъ за своихъ дѣтей. Онъ ходатайствовалъ за содомлянъ и его ходатайство было принято: неужели его ходатайство за своихъ не было бы услышано? *Авраамъ не увѣдѣ насъ.* Отказывается Авраамъ отъ чуждыхъ ему по нраву, а усвояетъ себѣ, какъ я сказалъ, тѣхъ, которые чужды ему по племени, но родственны по благочестію. Соотвѣтственно этому и Писаніе, желая показать іудеямъ, что чьихъ кто держится нравовъ, того и имя принимаетъ, говоритъ: *отецъ твой Аморреанинъ и мати твоя Хеттеаныня, сестра твоя Содома* (Іезек. XVI, 3, 45, 46). Смотри, какъ родство

опредѣляется нравами. Такъ какъ ты держалась содомскихъ мыслей, то и услышала названія: сестра содомлянъ, дочь хананеевъ; этимъ Богъ показалъ, что не родъ оправдываетъ, но вся честь воздается нраву. Но
605 я думаю, что и хананей и аморрей отказались бы отъ такого родства; при видѣ богоборцевъ, чуждыхъ благочестія, и они отреклись бы отъ нихъ, и хананей не счелъ бы честью для себя называться отцомъ нечестивыхъ. Почему такъ? Если въ присутствіи хананея ты сказалъ бы іудею: отецъ твой—хананей, онъ могъ бы отвѣтить тебѣ: я не невѣрный, хотя и хананей; свидѣтельницей моей вѣры является хананеянка, взывавшая: *помилуй мя, Господи, сыне Давидовъ* (Мѳ. xv, 22). Пусть же не называются сынами хананеянъ тѣ, которые не сохранили вѣру хананеянки! Остается назвать сынами камня и дерева тѣхъ, которые говорятъ камню: *отецъ мой еси ты*, и дереву: *ты мя родилъ еси* (Іерем. II, 27). Но я думаю, что и камень отказался бы и дерево отреклось бы отъ свойства съ невѣрными. Можетъ вѣдь и камень отказаться и сказать: не мое дитя—сынъ нечестія, не мое рожденіе—сынъ неправды; я хоть и камень, но знаю, что въ Писаніи сказано: *можетъ Богъ отъ каменія сего воздвигнути чада Аврааму* (Мѳ. III, 9). И то сказать, не олицетворяются ли самые камни и не говорятъ ли они? Послушай, что говоритъ пророкъ: *камень изъ стѣны возопіетъ и хрущъ отъ древа возглаголетъ* (Авв. II, 11). Если вы замолчите, камни возопіютъ (Лк. XIX, 40). Какъ же назвать родъ невѣрныхъ, если они ни сыны Авраама, ни хананеи,—потому что хананеянка посрамляетъ ихъ невѣріе блескомъ своей вѣры,—ни сыны камней? Вѣдь и камни отрицаются отъ родства съ ними. Какое же имя остается невѣрнымъ? Іеремія далъ имъ такое имя. *Сребро отриновено*, говоритъ онъ, *нарцыте ихъ, яко Господь отверже ихъ* (Іер. VI, 30). Убоимся же и мы, братіе! Ты украшаешься родствомъ со Христомъ? Пусть же внушаетъ тебѣ страхъ правый судъ Христовъ. О милостынѣ вчера проповѣдовалось, что выше всего должно ставить милостыню, что всему должно предпочитать душу. Всегда удивлялся я и другому роду неблагодарности. Бездѣтные люди берутъ себѣ для усыновленія чужихъ дѣтей: одинъ въ этомъ случаѣ дѣлается отцомъ, другой братомъ. Но какъ ты усыновляешь чужого и избѣгаешь Владыки? Усынови Того, Кто воздаетъ тебѣ награду: пусть Христосъ будетъ твоимъ сыномъ. Страшно, скажете, это слово? Но вдумайся въ то, что ты говоришь: подъ предлогомъ слова не отвергаешь ли ты и самой мысли, съ нимъ соединяемой, и не впадаешь ли чрезъ то въ неразуміе? Вѣдь ты называешь Христа сыномъ человѣка? А я называю Его не только сыномъ, но и братомъ, и не по своему измышленію, но руководясь Его собственными словами. Однажды Ему сказали: *се Мати Твоя и братія Твоя ищутъ Тебе*. Спаситель отвѣчаетъ на это: *кто есть Мати Моя и кто суть братія Моя? Иже аще сотворитъ волю Отца Моего, той братъ Мой и сестра и мати*

есть (Мѳ. xii, 47--49). Если же это—мать Его, то развѣ не сынъ
матери Онъ, почтившій правду этимъ наименованіемъ? Значитъ, вся-
кая душа можетъ быть матерью Христа по своему нравственному
настроенію. Что это значитъ—матерью Христа? Всякая душа рождаетъ
въ себѣ Христа; и пока она не преобразится благочестіемъ, не можетъ
называться матерью Христа. Когда ты воспринимаешь слово Христово,
переживаешь его въ сердцѣ своемъ и какъ бы въ утробѣ преобразуешь
его своею мыслью, тогда ты по справедливости являешься матерью
его. А чтобы ты убѣдился, что въ каждомъ изъ насъ воображается
Христосъ и что матерью Христа—я разумѣю, конечно, слово Хри-
стово—дѣлается душа каждаго изъ насъ, вотъ слова ап. Павла: *чадца
моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ*
(Гал. iv, 19). Ты соблюлъ справедливость? Значитъ, вообразилъ въ
душѣ своей Христа. Подалъ милостыню? Значитъ, начерталъ образъ
истины. По мысли апостола, не въ каждомъ изъ насъ въ отдѣльности
воображается Христосъ: подъ Христомъ онъ разумѣетъ слово благо-
честія, чрезъ которое въ насъ отпечатлѣвается истина. Итакъ, подалъ
ты милостыню? Вообразилъ въ себѣ Христа. Исполнилъ справедливость?
Запечатлѣлъ въ себѣ истину. Такимъ-то способомъ мы и можемъ сдѣ-
лать Христа своимъ братомъ. Пусть Онъ будетъ участникомъ въ тво-
ихъ дѣлахъ. Не хочешь раздѣлить съ Нимъ всего? Дай Ему хотя
половину, какъ Закхей. Но Закхей, скажешь ты, далъ Ему самому, а 606
не бѣднымъ? А послушай, что сказано: *милуяй нища взаимъ даетъ
Богови* (Притч. xix, 17). Давая бѣднымъ, ты и даешь Христу. Не
знаешь развѣ, что поданное нищему Онъ принимаетъ какъ поданное
Ему самому? Не знаешь развѣ, какъ изобразилъ Онъ страшный для
тебя судъ, какими словами? *Егда пріидетъ Сынъ человѣческій*, сказалъ
Онъ, *въ пакибытіе* (Мѳ. xix, 28) *и поставитъ овцы одесную Себе, а коз-
лища ошуюю, тогда речетъ сущымъ одесную Его: пріидите благосло-
веннiи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе: взалкахся
бо и дасте Ми ясти* (Мѳ. xxv, 31, 33, 35).

5. Смотри, какъ Онъ признаетъ Себя должникомъ предъ тѣми,
кто былъ милостивъ къ Нему въ лицѣ бѣдныхъ? *Возжадахся, и на-
поисте Мя, нагъ, и одѣясте мя* (ст. 35, 36). Итакъ, если по внѣшности
ты одѣваешь бѣднаго, на самомъ дѣлѣ ты одѣваешь Христа. Одѣнь же
Христа, чтобы Онъ одѣлъ тебя въ день суда; введи Его подъ свой
кровъ, чтобы Онъ укрылъ тебя въ день гнѣва. Помнишь, что сказано у
Давида: *покры мя въ тайнѣ селенія своего* (Пс. xxvi, 5)? И тамъ ну-
женъ кровъ, и тамъ угрожаетъ тотъ страшный огонь—неумолимая
геенна: кого не прикроетъ рука Христова, тому придется испытать на
себѣ чуждый огонь, который всѣми, кто чуждъ (Христу), овладѣваетъ:
святыхъ онъ почитаетъ, благочестія боится, но нечестіе становится его
добычей. Тамъ не имѣютъ значенія ни богатство, ни деньги, ни власть,

ни могущество,—все это одинаково предстанетъ предъ судищемъ Христовымъ. Хотя бы и была здѣсь разница между людьми, но предъ Владыкою всѣ становятся равночестными, всякая разница изглаждается. Каково различіе между ангеломъ и человѣкомъ? Велико и необыкновенно. Каково различіе между солнцемъ, луною и звѣздами? Но законъ поклоненія для всѣхъ одинаково обязателенъ. Какъ велико различіе между травою, ангелами и животными? Одни—безсмертны, другіе смертны. Но каждый признаетъ надъ собой владычество и несетъ иго рабства. Поэтому и Давидъ различныхъ по чину соединяетъ въ одномъ ликѣ, въ одномъ согласіи: *хвалите Господа съ небесъ, хвалите Его въ вышнихъ, хвалите Его вси ангели Его, хвалите Его вся силы Его, хвалите Его солнце и луна* (Пс. CXLVIII, 1—3). Хотя и возвышается одно надъ другимъ по чину, но рабствомъ уравнено все. И какъ, братіе, въ мірѣ достоинства различаются между собою, но уравниваются игомъ рабства (потому что всѣ преклоняются предъ царемъ, всѣ боятся власти, и различаясь между собой по достоинству, всѣ единодушны между собой какъ рабы), такъ и тамъ всѣ люди равны, — за исключеніемъ однихъ только преуспѣвшихъ, просіявшихъ благочестіемъ. Хорошо говорилъ объ этомъ Даніилъ: *азъ видѣхъ въ видѣніи моемъ нощію*, и вотъ какъ бы *Ветхій денми сѣдѣ* (Дан. VII, 2, 9). Здѣсь особенно замѣть, прошу тебя, какъ пророкъ Судію истины представляетъ какъ бы въ тѣлесномъ образѣ. Тогда какъ Богъ по природѣ безтѣлесенъ, пророкъ духовное описываетъ чувственными чертами, какъ будто рисуетъ картину. Онъ говоритъ: какъ бы *Ветхій денми*, т. е. не обветшавшій временемъ, но почтенный древностью. *Одежда Его бѣла яко снѣгъ и власы главы Его аки волна чиста престолъ Его пламень огненный, колеса Его огнь палящъ. Рѣка огненная течаше исходящи предъ Нимъ: тысяща тысящъ служаху Ему и тмы темъ предстояху Ему* (Дан. VII, 9, 10). О, страшное судилище! О, видѣніе, способное устрашить неразумныхъ! Если то, о чемъ мы только слышимъ, такъ ужасно, то во сколько разъ ужаснѣе созерцать это на дѣлѣ? *И видѣхъ во снѣ нощію, се книги отверзошася и престоли поставишася* (Дан. VII, 13, 10, 9). [Престолы? Для кого? Что это означаетъ—необходимо вникнуть. Если Судія истины уже возсѣдаетъ и престолъ Его *пламень огненный*, то о какихъ же еще престолахъ говоритъ Даніилъ? Видѣхъ, яко *престоли поставишася и книги отверзошася*. Чьи престолы]? Очевидно, святыхъ апостоловъ, которымъ говорилъ Спаситель: *егда пріидетъ Сынъ человѣческій въ славѣ Своей, сядете и вы на двоюнадесяте престолу, судяще обѣманадесяте колѣнома Израилевома*
607 (Мѳ. XXV, 33 и XIX, 28). *Книги отверзошася*. Книги, въ которыхъ написаны злыя дѣла, въ которыхъ написаны добрыя дѣла, въ которыхъ описана жизнь каждаго. Книги не въ томъ, конечно, смыслѣ, что у Бога кожа и буквы, но какъ у тебя книга служитъ средствомъ, пособіемъ для памяти, такъ и память Божія представляется въ видѣ книги;

въ книгѣ—въ нашемъ смыслѣ—Богъ, конечно, не нуждается: Его память есть книга. Мы, люди, читая пророка, апостоловъ, евангелія, въ сердцѣ безъ книги не удерживаемъ воспоминанія о прочитанномъ, а Богъ не такъ: Онъ въ книгѣ не нуждается: источнику памяти не нужна книга. Тамъ описываются добрыя дѣла, тамъ описываются и злыя. Не бойся, однако, что твоя участь уже предрѣшена. Если записаны въ тѣхъ книгахъ твои дурныя дѣла, то они могутъ быть заглажены добрыми дѣлами. И наоборотъ: если чье-либо имя записано въ книги ради благочестія, а затѣмъ дѣла его будутъ свидѣтельствовать о противномъ, то писанное не послужитъ препятствіемъ для его осужденія: въ такомъ случаѣ имя его изглаждается изъ книги. А чтобы ты убѣдился, что вписанный за благочестіе и извер женный за нерадѣніе изглаждается, вотъ что говоритъ Давидъ объ іудеяхъ, нѣкогда вписанныхъ, но впослѣдствіи изглажденныхъ: *да потребятся отъ книги живыхъ и съ праведными да не напишутся* (Пс. LXVIII, 29). Какъ изглаждаются невѣрные, такъ напротивъ—вписываются вѣрные. Помнишь, что говоритъ апостолъ Павелъ: привѣтствуйте любезныхъ намъ братьевъ и сотоварищей *съ Климентомъ и съ прочими спостъшники моими, ихже имена въ книгахъ животныхъ* (Филип. IV, 3)? Да убоимся этихъ книгъ! Да не напишутся въ нихъ ваши грѣхи! Представь себѣ, въ какомъ положеніи ты оказываешься предъ судьей, когда открываются памятныя записи о тебѣ, обличающія тебя въ неправдѣ, свидѣтельствующія о твоемъ безуміи: вспомни, какой страхъ, какой трепетъ объемлетъ тебя, какъ содрогаются члены, какъ потрясаются всѣ внутренности,—и это на судѣ человѣческомъ! Если же судъ человѣческій наводитъ такой ужасъ, то кто можетъ описать тотъ ужасъ, среди котораго совершитъ Свой судъ надъ вселенной Владыка всѣхъ? Говоримъ это не съ тѣмъ, чтобы устрашить, но чтобы внушить вамъ благоразуміе. Не цѣни денегъ выше Христа, не предпочитай неправды и корыстолюбія Богу. Изъ прежнихъ бесѣдъ вы уже знаете, что въ вашемъ распоряженіи только время до гроба; объ этомъ говорилось вамъ и вчера. Въ концѣ твоей жизни тебя неизбѣжно ожидаетъ могила. Стремись же къ тому, чтобы въ ожиданіи ея приготовить себѣ переходъ отъ настоящей жизни къ будущей. Возлюби дѣла справедливости: въ гробу мы получимъ разрѣшеніе, въ гробу уничтожится наша бренная оболочка. Постараемся же избѣжать грядущаго суда, умоляю васъ, братіе! Не съ иными чувствами должно говорить и слушать объ этомъ предметѣ, какъ съ рѣшимостью пріобрѣсти жажду правды. Смотри, какъ взываетъ пророкъ: *увы мнѣ въ день* Господень, *яко близъ есть день Господень* (Іоиль, I, 15)! Если пророкъ, при воспоминаніи объ этомъ днѣ, трепещетъ, то намъ ли, повиннымъ въ безчисленномъ множествѣ грѣховъ, вспоминать о немъ безъ страха? Умилосердимъ же Судію покаяніемъ, загладимъ наши грѣхи, устрашимся этой дѣйствительно страшной Его угрозы: *всякъ, иже отвержется **Мене предъ человѣки**, отвергуся*

ни могущество,—все это одинаково предстанетъ предъ судилищемъ Христовымъ. Хотя бы и была здѣсь разница между людьми, но предъ Владыкою всѣ становятся равночестными, в земная разница изглаждается. Каково различіе между ангелами и человѣками? Велико и необыкновенно. Каково различіе между солнцемъ, луною и звѣздами? Но законъ поклоненія для всѣхъ одинаково обязателенъ. Какъ велико различіе между травою, ангелами и животными? Одни—безсмертны, другіе смертны. Но каждый признаетъ надъ собой владычество и несетъ иго рабства. Поэтому и Давидъ различныхъ по чину соединяетъ въ одномъ ликѣ, въ одномъ согласіи: *хвалите Господа съ небесъ, хвалите Его въ вышнихъ, хвалите Его вси ангели Его, хвалите Его вся силы Его, хвалите Его солнце и луна* (Пс. CXLVIII, 1—3). Хотя и возвышается одно надъ другимъ по чину, но рабствомъ уравнено все. И какъ, братіе, въ мірѣ достоинства различаются между собою, но уравниваются игомъ рабства (потому что всѣ преклоняются предъ царемъ, всѣ боятся власти, и различаясь между собой по достоинству, всѣ единодушны между собой какъ рабы), такъ и тамъ всѣ люди равны, — за исключеніемъ одникъ только преуспѣвшихъ, просіявшихъ благочестіемъ. Хорошо говоритъ объ этомъ Даніилъ: *азъ видяхъ въ видѣніи моемъ нощію, и вотъ какъ бы Ветхій денми сѣде* (Дан. VII, 2, 9). Здѣсь особенно замѣть, прошу тебя, какъ пророкъ Судію истины представляетъ какъ бы въ тѣлесномъ образѣ. Тогда какъ Богъ по природѣ безтѣлесенъ, пророкъ духовное описываетъ чувственными чертами, какъ будто рисуетъ картину. Онъ говоритъ: какъ бы *Ветхій денми*, т. е. не обветшавшій временемъ, но почтенный древностью. *Одежда Его бяше яко снѣгъ и власи главы Его яко волна чиста: престолъ Его пламень огненный, колеса Его огнь палящь. Рѣка огненная течаше исходящи предъ Нимъ: тысяща тысящъ служаху Ему и тмы темъ предстояху Ему* (Дан. VII, 9, 10). О, страшное судилище! О, видѣніе, способное устрашить неразумныхъ! Если то, о чемъ мы только слышимъ, такъ ужасно, то во сколько разъ ужаснѣе созерцать это на дѣлѣ? *И видѣхъ во сне нощію, се книги отверзошася и престоли поставишася* (Дан. VII, 13, 10, 9). [Престолы? Для кого? Что это означаетъ—необходимо вникнуть. Если Судія истины уже возсѣдаетъ и престолъ Его *пламень огненный*, то о какихъ же еще престолахъ говоритъ Даніилъ? Видѣхъ, яко *престоли поставишася и книги отверзошася*. Чьи престолы]? Очевидно, святыхъ апостоловъ, которымъ говорилъ Спаситель: *егда пріидетъ Сынъ человѣческій во славѣ Своей, сядете и вы на дванадесяте престолу, судяще обѣманадесяте колѣнома Израилевома*

667 (Мѳ. XXV, 33 и XIX, 28). *Книги отверзошася*. Книги, въ которыхъ написаны злыя дѣла, въ которыхъ написаны добрыя дѣла, въ которыхъ описана жизнь каждаго. Книги не въ томъ, конечно,
Бога кожа и буквы, но какъ у тебя книга служитъ
біемъ для памяти, такъ и память Божія

его и Азъ (а отвергается не только тотъ, кто отвергается на словахъ, но и тотъ, кто отвергается на дѣлѣ) *предъ Отцемъ Моимъ. А иже исповѣсть Мя предъ человѣки исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ* (Мѳ. x, 33, 32). Если эти слова—только произносимыя—уже внушаютъ страхъ, то что придется испытать намъ при созерцаніи самыхъ дѣлъ, имъ соотвѣтствующихъ. Представьте себѣ, братіе, эту картину: вотъ Судія вселенной возсѣдаетъ, Ему предстоятъ ангелы и архангелы, Его прославляютъ херувимы, премірныя силы, пренебесныя воинства, и среди нихъ патріархи, пророки, апостолы, евангелисты, мученики; тутъ же и тѣ, которые здѣсь были царями, правителями, судьями, вельможами, богатыми, бѣдными, мудрецами, простецами—всѣ они стоятъ предъ престоломъ Царя, и при столькихъ-то свидѣтеляхъ—небесныхъ
608 и земныхъ—Судія произноситъ приговоръ и отрицается чуждыхъ ему предъ Отцемъ небеснымъ! *Отвергуся*, сказалъ Онъ, *того, кто отвержется Мене предъ человѣки, предъ Отцемъ Моимъ* (Мѳ. x, 33).

6. Вообрази себѣ Его говорящимъ, напримѣръ, такъ: Отче, этотъ унижалъ Мою вѣру, этотъ преслѣдовалъ Моихъ вѣрныхъ, этотъ гналъ Мою церковь, этотъ оскорблялъ Моихъ, этотъ попралъ Мое слово, этотъ посмѣялся Моей проповѣди. Говоритъ все это Судія не для того, чтобы научить Отца, Которому и безъ того все это извѣстно, но чтобы обвиненіемъ посрамить врага. Представь себѣ, что Судія говоритъ такъ, а предъ Нимъ стоятъ славные земли—связаннные и окованные [*связати*—говорится—*цари ихъ путы и славныя ихъ ручными оковы желѣзными* (Пс. cxlix, 8)]. Или представь себѣ, что въ качествѣ подсудимыхъ предъ престоломъ Владыки стоятъ и трепещутъ земные вельможи,—и Судія говоритъ о нихъ: они презрѣли слово истины Моей, они нарушили Мой законъ, они подавили Мое ученіе, они гнали Моихъ апостоловъ, они истязали Моихъ мучениковъ. Такъ говоритъ Царь,—и какими движеніями отзываются на Его слова предстоящіе ангелы! Какъ ужасно киваютъ они главами, какъ страшно угрожаютъ, готовые однимъ взоромъ своимъ истребить грѣшника! Представь себѣ, далѣе, что ангелы негодуютъ, архангелы волнуются, силы потрясаются, Отецъ негодуетъ, Духъ Святый гнѣвается, а подсудимый съ великимъ стыдомъ извергается, и не только извергается отъ части спасаемыхъ, но и подвергается осужденію. Вѣдь намъ угрожаетъ не только то, что не спасемся, не будемъ царствовать, но и то, что будемъ преданы огню. *Иже исповѣсть Мя, исповѣмъ его и Азъ* (Мѳ. x, 32; Лк. xii, 9). Представь себѣ, какая слава, какая похвала, сколько вѣнцовъ, когда Судія скажетъ: этотъ соблюлъ Мое слово, этотъ проповѣдалъ Мою вѣру, этотъ утвердилъ Мое ученіе, этотъ не презрѣлъ Моего нищаго, этотъ поборолъ корыстолюбіе и предпочелъ справедливость, этотъ пренебрегъ ничтожествомъ міра и возлюбилъ грядущій міръ, этотъ царство Мое распространилъ, этотъ слово Мое почтилъ: почти его, Отче! Необходимо огово-

риться здѣсь, что начертывая картину суда въ такомъ видѣ, мы не вносимъ раздѣленія въ Божество, не унижаемъ власти, но самымъ способомъ обвиненія показываемъ негодованіе Судіи и то, какъ здѣсь все направлено къ спасенію исповѣдующихъ и къ осужденію невѣрующихъ. Но что всего ужаснѣе, такъ это представить себѣ, что съ одной стороны стоятъ Михаилъ и Гавріилъ, и всѣ ангельскія воинства, а съ другой сидятъ изъ людей — сыны Зеведеевы, сидятъ Павелъ и Петръ; ангелы со страхомъ предстоятъ, а люди съ дерзновеніемъ сидятъ! Только представь себѣ—ангеловъ стоящими, а рыбаковъ и мытарей сидящими, и тогда невольно воскликнешь вмѣстѣ съ ними: *коль многое множество благости твоея Господи* (Псал. xxx, 20)! Возсѣдаетъ Закхей, возсѣдаетъ Павелъ и Петръ, и предстоитъ Михаилъ: не чуждыя имена называемъ, но основываемся на томъ, что написано; именъ ангеловъ мы не знаемъ, слѣдуемъ только написанному. Нѣтъ зависти, нѣтъ ревности,—это вѣдь не земныя дѣла,—не огорчаются ангелы тѣмъ, что они стоятъ, а люди сидятъ; они раздѣляютъ со священными ихъ славу. Слушай, что говоритъ Господь: аминь *глаголю вамъ, радость бываетъ предъ всѣми ангелы о единомъ грѣшницѣ кающемся* (Лк. xv, 10). Итакъ, возлюбимъ же славу Божію, а славу, преходящую какъ сонное видѣніе, отвергнемъ. Вчера вамъ было уже сказано, какъ пророкъ славу мірскую называлъ сномъ. И будетъ, говоритъ Исаія, богатство нечестивыхъ *аки сонія* (Ис. xxix, 7). Настоящее положеніе наше ничѣмъ не отличается отъ сонваго мечтанія. Вчера здоровье, а сегодня болѣзнь; вчера власть, а сегодня униженіе; вчера богатство, а сегодня бѣдность; вчера вершина славы, а сегодня полное ничтожество. Все колеблется, все измѣняется; и не только человѣческія дѣла, но и *небо и земля мимоидетъ*, только *словеса Моя*— 609
говоритъ Господь—*не мимоидутъ* (Мѳ. xxiv, 35). Потому-то и блаженны христіане, смиренномудрствующіе и тогда, когда они облечены высокимъ достоинствомъ. Ты смиренномудрствуешь, имѣя высокія заслуги? Смиреніе нисколько тебѣ не вредитъ: въ очахъ Божіихъ ты остаешься такимъ, каковъ ты на самомъ дѣлѣ. Если ты смиряешь себя, не ожидая удара судьбы, тогда и уничиженіе,—откуда бы оно тебя ни постигло,—не будетъ для тебя неожиданностью: ты выступишь на борьбу готовымъ. Хорошо говорилъ объ этомъ Давидъ: *уготовихся и не смутихся* (Пс. cxviii, 60). Итакъ, будемъ избѣгать высокомѣрія, будемъ избѣгать тщеславія, возлюбимъ Христа и ради Христа бѣдныхъ, чтобы обогащающій всѣхъ, милующій всѣхъ по Своимъ щедротамъ даровалъ церковной 610
паствѣ всегда цвѣсти благочестіемъ подъ водительствомъ земледѣльца правды, недавно оставившаго насъ ради другого назначенія, но всегда пребывающаго съ нами по силѣ духовнаго предстательства. Вѣдь здѣсь не народъ іудейскій, который — приходится сказать — былъ народомъ разсѣяннымъ, какъ овцы, не имѣющія пастыря, но народъ апостольскій, имѣющій евангельскаго пастыря, говорящаго: *аще бо и плотію*

отстою, но духомъ съ вами есмь, радуяся и видя утвержденіе вашея вѣры, яже во Христа (Кол. II, 5). Ему слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово о святомъ Іоаннѣ Богословѣ.

609 1. Іоаннъ въ Ефесѣ Асійскомъ, Іоаннъ — похвала Асіи и столпъ вселенной, Іоаннъ — возлюбленный ученикъ Христовъ и труба Слова Божія, слава ефесянъ и проповѣдникъ концовъ земли, цитра богословія, достойно называемый Богословомъ, херувимскія уста и серафимское тайноводство, и не усомнюсь сказать даже больше этого. Это онъ — Іоаннъ—велегласно и дерзновенно проповѣдалъ о Томъ, Котораго небесныя силы ангеловъ прославляютъ съ трепетомъ, это онъ изрекъ: *въ началѣ бѣ Слово* (Іоан. I, 1). Блаженъ ты, городъ ефесянъ, потому что въ тебѣ первомъ прогремѣлъ этотъ божественный громъ; блаженъ ты, городъ ефесянъ, потому что въ тебѣ написана такая книга; блаженъ ты, потому что въ тебѣ (пребывалъ) такой Іоаннъ. Есть, конечно, и другіе Іоанны, какъ во вселенной, такъ и у тебя, но ни у тебя, ни во всей вселенной нѣтъ другого такого Іоанна. Поэтому и Вѣдущій умъ человѣческій и Знающій тайны сердечныя, найдя его такимъ, каковъ онъ есть,—святымъ и непорочнымъ, высокимъ по жизни, чистымъ сердемъ, украшеннымъ цѣломудріемъ, совершеннымъ въ любви,—ему, какъ вѣрному изъ вѣрныхъ, поручилъ Матерь Свою, чистую голубицу, непорочную агницу, пречистую юницу, несравненную среди людей, высшую всѣхъ твореній Божіихъ: такого довѣрія никто другой изъ святыхъ не удостоился. Блаженъ ты, городъ ефесянъ, что тебя попирали стопы такого мужа, котораго чистой жизни и самымъ слѣдамъ удивлялись ангелы; блаженъ ты, городъ ефесянъ, что чрезъ возлюбленнаго Іоанна ты первый возвысился надъ всѣми другими городами; блаженъ ты, потому что всѣ церкви вселенной стали твоими ученицами, будучи тобою научены богословію: *въ началѣ бѣ Слово*. Представимъ себѣ, что гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ горитъ свѣтильникъ,—и вотъ всѣ приходятъ сюда, чтобы здѣсь возжечь свои свѣтильники, и достигнувъ этого, всѣ расходятся отсюда, съ свѣтильниками въ рукахъ, не спотыкаясь и не заблуждаясь; это самое и произошло въ Ефесѣ. Когда ты первый зажегъ у себя свѣтильникъ богословія, всѣ церкви отъ концовъ земли поспѣшили къ тебѣ, каждая зажигала свой свѣтильникъ богословія и возвращалась съ радостью. *Въ началѣ бѣ Слово.* И въ Ефесѣ свѣтъ богословія не уменьшился, и вселенная, имѣя тоже количество свѣта,
61 проповѣдуетъ: *въ началѣ бѣ Слово.* Необходимо однако вспомнить и подвиги достославнаго апостола, насколько возможно, изъ многихъ немногіе, потому что изобразить всѣ его добродѣтели недостанетъ ника-

кого времени. О многихъ изъ нихъ мы слышали изъ книги Дѣяній, насколько онъ доблестно подвизался вмѣстѣ съ другими апостолами. Впослѣдствіи, подвергшись изгнанію отъ Домиціана, римскаго императора, онъ пришелъ для проповѣди слова Божія и ученія благочестія на островъ, называемый Патмосъ, и здѣсь описалъ церковь, какъ ее показалъ ему Богъ, и написалъ откровеніе тайнъ страшныхъ и неизреченныхъ, а также три свои святыя посланія. Замѣть неописуемую благость Божію,— какъ Богъ вездѣ неразлученъ съ любящими Его; содержатся ли они въ темницѣ, находятся ли въ изгнаніи, или въ безднѣ моря, заключены ли въ ямѣ, или гдѣ бы то ни было подвергаются опасности, Богъ не оставляетъ ихъ, содѣйствуя имъ и укрѣпляя ихъ и облегчая ихъ труды. Возвратившись изъ изгнанія, Іоаннъ поселился въ Ефесѣ и во время своего пребыванія здѣсь написалъ Евангеліе; тогда ему было сто лѣтъ; всего же онъ прожилъ сто двадцать лѣтъ. Здѣсь-то занимался онъ богословіемъ, или лучше сказать—на небесахъ, откуда и принесъ его съ собою; вѣдь такіе люди жительство свое имѣютъ на небесахъ. Пребывая по плоти въ Ефесѣ, онъ до концовъ вселенной раскинулъ сѣть богословія, возглашая: *въ началѣ бѣ Слово*. Поистинѣ *велій Господь нашъ и велія крѣпость Его и разума Его нѣсть числа* (Пс. CXLI, 5)! (Великъ Господь), сказавшій апостоламъ: *Азъ дамъ вамъ уста и премудрость* (Лк. XXI, 15)! Сколько царей, властителей и мудрецовъ провозглашали свои слова и нерѣдко въ великою силою, но голосъ ихъ не достигалъ даже стѣнъ города, а бѣдный рыбакъ возвѣстилъ въ Ефесѣ: *въ началѣ бѣ Слово*—и всю землю покрылъ его голосъ. Видѣлъ ты уста, громогласнѣйшія изъ всѣхъ? Видѣлъ языкъ, острѣйшій молніи? Видѣлъ голосъ, звучнѣе всякаго грома? Видѣлъ такую силу учителя изъ Ефеса, поучающаго всѣ народы и наставляющаго ихъ богословствовать: *въ началѣ бѣ Слово*? Этотъ голосъ уловилъ всю вселенную и—потрясенную утвердилъ; этотъ голосъ просвѣтилъ міръ и укрѣпилъ его противъ врага; этотъ голосъ—для многихъ воскресеніе и причина спасенія, а для нѣкоторыхъ—паденіе и отверженіе, какъ знаменіе пререкаемое: именно, для вѣрующихъ, что въ началѣ было (Слово), воскресеніе, для 611
утверждающихъ же, что Оно произошло изъ несущаго, паденіе и молчаніе. Въ самомъ дѣлѣ, великое множество еретиковъ, возставши тогда, потрясало церковь, возводя неправду на Вышняго и утверждая, что было нѣкогда время, когда не было (Сына), что до рожденія Его не было и что Онъ произошелъ изъ несущаго. О, нечистыя уста! О, скверный языкъ! О губы, исполненныя яда аспидовъ! Есть ли хула злѣе этой хулы? Можетъ ли нечестіе простираться далѣе этого? Тогда-то апостолъ Іоаннъ, не снося болѣе слушать ихъ нечестивые голоса, составляетъ свое Евангеліе, завѣщая церкви великое сокровище, четвертую рѣку, драгоцѣнную жемчужину. Возвратившись, какъ сказано выше, послѣ изгнанія въ Ефесъ и подумавъ, что уже составлены книги про-

чихъ евангелистовъ и все почти боговдохновенное Писаніе для назиданія церкви, а между тѣмъ недостаетъ четвертаго основанія вселенной, безъ котораго и вселенная не можетъ быть утверждена, Іоаннъ размыслилъ самъ съ собой такимъ образомъ: что я медлю? Чего жду еще? Отчего не раскрываю тайну, скрытую отъ вѣка? Что скрываю у себя вѣчную мудрость, которую извлекъ я изъ безсмертнаго источника, припавъ къ нему? Что не возвѣщаю того, чего не знаютъ ангелы? Что не открываю концамъ земли Того, Кого никто не знаетъ, кромѣ Отца? Отчего не описываю того, о чемъ Матѳей, Маркъ и Лука умолчали изъ похвальной робости, не простираясь далѣе того, что было повелѣно имъ? Долженъ и я возвѣстить то, что мнѣ даровано свыше. Матѳей, сколько вмѣстилъ, написалъ по своей силѣ; равнымъ образомъ Маркъ и Лука подъ руководствомъ Святого Духа богоприлично изложили свои книги. Напишу и я, и къ прежнимъ присоединю четвертый источникъ жизни. Въ боговдохновенномъ хорѣ недостаетъ вѣдь голоса о богословіи и міръ подвергается съ этой стороны опасности. Напишу книгу, которая заградитъ всѣ уста, дерзающія говорить неправду на Бога; напишу книгу, превосходящую всякую мудрость въ мірѣ; напишу книгу, говорящую не о человѣкѣ. Для церкви достаточно, конечно, того, что о предметахъ видимаго міра написалъ Моисей—о небѣ и землѣ, о моряхъ, рыбахъ, птицахъ и четвероногихъ, о пресмыкающихся, растеніяхъ и сѣменахъ, о свѣтилахъ, о пищѣ и прочемъ твореніи; я же, оставивъ все, отъ времени и во времени бывающее, буду говорить о безвременномъ и несозданномъ, прежде всѣхъ вѣковъ отъ Отца неизреченно рожденномъ Богѣ Словѣ. О Немъ Моисей и говорить не могъ, я *же вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ* (Филип. IV, 13). Такъ разсуждая самъ съ собою, апостолъ Іоаннъ, съ тростью для письма въ рукахъ и съ мыслью о томъ, какъ начать богословіе, радуясь душою и трепеща рукою, вдохновился и, находясь тѣломъ въ Ефесѣ, чистымъ сердцемъ и духомъ возвысился надъ землею. И вотъ, оставивъ всю землю, онъ прошелъ облегающій ее воздухъ, миновалъ созвѣздія свѣтилъ, миновалъ воинства ангеловъ, лики архангеловъ и всѣ небесныя силы, чины херувимовъ и серафимовъ, и все, что создано изъ небытія, прошелъ всѣ небеса, сколько ихъ ни было, и проникъ за предѣлы ихъ. Онъ приблизился къ предѣламъ непостижимаго и никто не препятствовалъ ему, никто не удерживалъ его. Такъ и всякому неоскверненному тѣломъ, чистому сердцемъ, незлобному душою и смиренному духомъ ни воздушные духи не попрепятствуютъ, ни небесныя силы не помѣшаютъ возвыситься въ горній Іерусалимъ, гдѣ собраны всѣ блаженные, какъ и этотъ блаженный апостолъ Іоаннъ,
612 меньшій, и въ тоже время большій великаго святого Іоанна. Итакъ, все это онъ миновалъ и нигдѣ не встрѣтилъ препятствія. Ангелы при видѣ земного человѣка, славнѣйшаго ангеловъ, умолкали; лики анге-

ловъ не дерзнули задержать другого ангела—земного, блиставшаго дѣвствомъ, полнаго святости, чистаго сердцемъ, исполненнаго благоуханія. Врата небесныя, опять видя новое прославленное лице, болѣе солнца блещущее божественными лучами, и думая, что это тотъ, котораго любилъ Іисусъ, который на груди Его возлежалъ съ величайшею чистотою, почему и облекся такою славою, поспѣшно растворившись открыли ему входъ. Затѣмъ онъ приблизился уже къ недоступному, достигъ самой глубины горней. Что сказать объ этомъ? Истиненъ божественный гласъ, возвѣщающій чрезъ пророка: *токмо прославляющыя Мя прославлю* (1 Цар. II, 30), какъ объ этомъ и богоотецъ Давидъ предрекъ: *яко Божіи державніи земли зѣло вознесошася* (Пс. XLVI, 10), и еще: *святымъ, иже суть на земли Его, удиви Господь вся хотѣнія своя въ нихъ* (Пс. XV, 3). Что же выше такого чуда—на такую высоту взойти перстному человѣку? Съ великимъ дерзновеніемъ и сколько возможно было видѣть, онъ созерцалъ тамъ Того, *Его же никтоже видѣлъ есть отъ человѣкъ ниже видѣти можетъ* (1 Тим. VI, 16), какъ пишетъ апостолъ Павелъ, согласно съ собственными словами Іоанна, что *Бога никтоже видѣлъ нигдѣже* (Іоан. I, 18). Итакъ, что скажемъ по поводу этого? Справедливо ли утверждалъ Павелъ: *Егоже никтоже видѣлъ есть отъ человѣкъ ниже видѣти можетъ*, если Іоаннъ Его видѣлъ? Конечно, справедливо: вѣдь въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ не о томъ, что свойственно людямъ или коренится въ природѣ, но о томъ, что́ выше природы; то, чего Іоаннъ удостоился, есть дѣло не рабства, но всыновленія и дружбы [*вы друзи Мои есте, не ктому васъ глаголю рабы* (Іоан. XV, 14, 15)]; здѣсь не было ничего нечистаго,—было только чистое и омытое, какъ и говорилъ апостоламъ божественный голосъ: *вы чисти есте* (Іоан. XIII, 10), а чистые сердцемъ *узрятъ Бога* (Мѳ. V, 8). Итакъ, обладая этими величайшими божественными дарами, Іоаннъ съ дерзновеніемъ вступилъ на высоту, и достигъ безпредѣльнаго моря и здѣсь чистыми очами своего сердца созерцалъ въ нѣдрахъ безначальнаго Отца собезначальное Слово, прежде всѣхъ вѣковъ неизреченно рожденное отъ Отца; и будучи не въ состояніи сдерживать въ себѣ плодъ этого созерцанія—неизглаголанную радость, онъ открылъ святыя свои и серафимскія уста и великимъ гласомъ возопилъ: *въ началѣ бѣ Слово*! Замѣть разумѣніе рыбака; обрати вниманіе на мудрость некнижнаго мужа; постарайся оцѣнить неизобразимую высоту учителя, сидящаго въ Ефесѣ и созерцающаго то, что выше небесъ. Духомъ вознесся онъ превыше всего и, изъ отеческихъ нѣдръ уловивъ сѣтью богословіе, тѣломъ былъ внизу и написалъ: *въ началѣ бѣ Слово*. Услышьте, вѣрные, и утвердитесь: *въ началѣ бѣ Слово*. Услышьте, языконеистовые противники, и устыдитесь: *въ началѣ бѣ Слово*. Не неистовствуйте болѣе, хулители, не враждуйте противъ Церкви, антихристы; не беззаконнуйте, не возвышайте рога: *не воздвизайте на высоту рога вашего и не глаголите на Бога неправду*

(Пс. LXXIV, 5, 6), говоря, что было нѣкогда время, когда не было Сына, что прежде рожденія Онъ не существовалъ и что произошелъ Онъ изъ небытія. *Удержи языкъ свой отъ зла и устнѣ твои еже не глаголати льсти* (Пс. XXXIII, 14). Конечно, былъ Онъ, и прежде былъ, былъ и всегда, не начиная и не прекращая Своего бытія; конечно, не подчиненъ времени Безвременный, не созданіе Онъ или тварь: Онъ самъ Творецъ и Создатель всего и видимаго, и невидимаго. *Вся Тѣмъ быша* (Іоан. I, 3). Какъ благовременно вспомнить теперь это пророческое изреченіе: *сей*
613 *Богъ нашъ: не вмѣнится инъ къ Нему. Изобрѣте всякъ путь хитрости и даде ю* Іоанну, *возлюбленному отъ Него* (Вар. III, 36, 37). Въ самомъ дѣлѣ, замѣть, какъ богословъ однимъ словомъ *исправи вселенную, яже не подвижится* (Пс. XCV, 10). Одинъ человѣкъ сидитъ въ Ефесѣ и весь міръ учитъ богословію. Посмотри на востокъ: сколько странъ тамъ, сколько областей, сколько церквей; обрати затѣмъ вниманіе на западъ: и тамъ сколько странъ и городовъ, въ томъ числѣ и великій Римъ; окинь взоромъ и другія страны: и югъ, и страны каппадокійцевъ, и все, что находится въ этихъ предѣлахъ — острова, пустыни и горы; представь себѣ церковное множество — клиръ и толпы народа, мужей и женщинъ, если можешь ихъ исчислить,—но вѣдь легче песокъ морской исчислить, чѣмъ это множество!—и все это—ученики Іоанна, отъ него научившіеся богословію: *въ началѣ бѣ Слово*. И на площади воспѣваютъ это: *въ началѣ бѣ Слово*; и путешественники, и торговцы, и моряки держатся этой мелодіи: *въ началѣ бѣ Слово*; и въ пустыняхъ, и въ горахъ, и простецы, и мудрецы, и малые, и старые, и всякій, кому только доступно это, такъ богословствуетъ: *въ началѣ бѣ Слово*. И между тѣмъ какъ повсюду число непрестанно восклицающихъ: „былъ" и „былъ" умножилось, говорящихъ: „не былъ" стало меньше. Богословствующихъ стало больше, а суесловящихъ—меньше; благочестивые преуспѣли, а нечестивые ослабѣли; вѣрные восторжествовали, а невѣрные истаяли. *Лукъ сильныхъ изнеможе, и немощствующіи препоясашася силою* (1 Цар. II, 4). Безуміе міра обличено и мудрецы міра низвергнуты. Но не пора ли мнѣ окончить рѣчь о нихъ? Вѣдь все равно, какъ бы далеко ни продолжалъ я эту рѣчь, до изображенія ихъ славы я не возвышусь. Имъ дана та слава, какую получилъ отъ Отца ихъ Учитель. Что же еще пытаться говорить о томъ, чего охватить словомъ невозможно? Ни одинъ человѣкъ не въ силахъ восхвалить ихъ по достоинству, а все то, что мы осмѣлились сказать о нихъ, можетъ дать понятіе только о слабости нашихъ силъ, а отнюдь не о достоинствѣ лика святыхъ апостоловъ. И я все время не перестаю страшиться, что, дерзая говорить о нихъ, я своею неспособностью, ничтожествомъ и скудостью своего слова только уменьшаю заслуженныя ими похвалы и возбуждаю противъ себя негодованіе съ ихъ стороны. Если что и ободряетъ меня, такъ это надежда, что, снисходительные ко всѣмъ, и въ настоящемъ случаѣ они окажутъ снисхо-

жденіе къ нашей слабости. Если поносимые они благословляютъ, гонимые терпятъ, хулимые умоляютъ, то тѣмъ болѣе восхваляемые по силѣ нашей не будутъ негодовать, зная немощь природы, хотя сами теперь и возвышены возлюбившимъ ихъ Богомъ выше природы. Изъ бѣдныхъ стали они богатыми, изъ безславныхъ славными, изъ некнижныхъ мудрыми, изъ рыболововъ ловцами людей; и такимъ образомъ, окончивъ свое поприще, перешли къ жизни безконечной, къ Учителю 614
и Господу Іисусу Христу, Ему же слава. Аминь.

2. Своимъ преемникамъ они передали свои невода и сѣти и власть, которую они получили отъ Того, Кто имѣетъ всякую власть на небѣ и на землѣ. *Се*, сказалъ Онъ, *даю вамъ власть наступати на змію и на скорпію и на всю силу вражію, и ничесоже васъ вредитъ* (Лук. х, 19). Эту-то ихъ власть, какъ сказано, и старѣйшинство и ревность наслѣдуютъ отъ нихъ достославные учители, іерархи и пастыри Христова стада, шествующіе по слѣдамъ апостоловъ, мужественные поборники за Святую Троицу, возвысившіеся надъ закономъ и получившіе Святого Духа. Подобно плугу глубоко вскопали они и раскрыли нѣдра божественныхъ Писаній и всѣмъ ихъ уяснили, вѣру прославили и зловѣріе изгнали, православныхъ утвердили въ божественныхъ догматахъ и инославныхъ поразили божественными стрѣлами; они нашли скрытое вино печали, напоили жаждущую паству, приняли дворъ овчій и вострубили божественныя пѣсни; служители и стражи и дѣлатели божественнаго виноградника, проповѣдники божественныхъ догматовъ и мечъ противъ еретиковъ, отъ Святого Духа поставленные епископами, какъ сказалъ святый Павелъ: *пасите Церковь Бога* (Дѣян. хх, 28), они не уклонялись отъ постигшихъ ихъ скорбей и воспріяли обѣщанный вѣнецъ жизни; юношескихъ страстей убѣгая, наслѣдовали божественное упованіе; полководцы великаго царя, богатые въ словѣ Божіемъ и нищіе духомъ, подражатели апостоловъ и образцы для вѣрныхъ, правители города и вѣстники вселенной, они души свои положили за паству и кровь свою пролили за вѣру; древнему Аврааму они подражали и въ нѣдрахъ его почиваютъ. Они-то выступили защитниками Господа и разоблачили ненавистныхъ и злословныхъ, когда тѣ, искажая божественное Писаніе, затемняя истину и сбивая съ прямого пути слабыхъ, стали уловлять души, увлекая ихъ въ вѣчную тьму ереси. Тогда-то собранные всѣ вмѣстѣ, единодушно вѣрные, подражая Давиду, подобно камнямъ изъ потока взяли божественныя изреченія, т. е. евангелія, и несокрушимую вѣру во Святую Троицу, и возстали войной противъ безчисленныхъ и безбожныхъ еретиковъ, единодушно и единомысленно говоря съ апостолами: *единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ*, единъ Духъ Святый, просвѣщеніе всѣхъ, едино Божество, единъ Богъ. Ему всегда слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

объ отреченіи Петра, и о крестѣ, и о томъ, какъ Іосифъ послужилъ прообразомъ Христа.

613 1. Настоящимъ случаемъ мы должны воспользоваться, чтобы, съ одной стороны, заплатить долгъ Іосифу, съ другой — возвѣстить славу креста. Сегодня и Іосифъ увѣнчивается, и крестъ произрастаетъ; сегодня
614 и Петръ отрекается, и разбойникъ услаждается; сегодня и законъ исполняется, и предсказанный пророками Христосъ славословится; сегодня въ полномъ смыслѣ исполняется слово, сказанное о смерти Господней: въ своей сѣти запутался грѣшникъ (Пс. IX, 16). И какой грѣшникъ? Изобрѣтатель грѣха—діаволъ. И какая это сѣть была приготовлена имъ?
615 Крестъ—не что иное. Онъ именно побудилъ іудеевъ устроить крестъ, думая хитростью уловить Того, Кого нельзя перехитрить, и предать смерти Того, Кто и между мертвыми остался свободнымъ. Не уразумѣлъ того лукавый, что крестъ притупитъ жало грѣха, сотретъ главу его гордости, заградитъ его хульныя уста, оборветъ крылья его противленія и сдѣлаетъ его слабымъ и безсильнымъ. Сегодня же оправдывается и слово пророка Давида: *свидѣніе во Іосифѣ* (Пс. LXXX, 6),—т. е., въ Іосифѣ Господь образно предначерталъ то, что хотѣлъ осуществить на Себѣ самомъ въ послѣдніе дни. Въ Іосифѣ оказывается много сходнаго съ Господомъ. Напримѣръ: на Іосифа злоумышляли его родные [1]... Съ Іосифа былъ снятъ разноцвѣтный хитонъ, и тотъ хитонъ — *свыше исткан* (Іоан. XIX, 23), который имѣлъ Господь, взяли воины и дѣлили между собою. *Раздѣлиша*—говоритъ евангелистъ—*ризы Моя себѣ и о иматисмѣ Моей меташа жребія* (Іоан. XIX, 24). Іосифъ былъ оклеветанъ предъ отцомъ; равнымъ образомъ и на Господа клеветали предъ Отцомъ — іудеи, называя Его сыномъ плотника, а ихъ подражатели, дѣти еретиковъ, уча о Немъ какъ объ иносущномъ. Іосифъ былъ проданъ измаильтянамъ, а Господь Іудою фарисеямъ. Іосифъ, брошенный въ пустой ровъ, вышелъ оттуда невредимымъ; и Господь, погребенный въ новомъ гробѣ, воскресъ тридневно. Да что говорить много? Іосифъ посрамилъ египтянку, Господь унизилъ синагогу; Іосифъ открылся братьямъ, Господь по воскресеніи явился ученикамъ. Іосифъ, заключенный въ темницу двумя евнухами, истолковалъ имъ сны, послѣ чего одинъ изъ нихъ былъ съѣденъ птицами, а другой возвратился въ свое отечество; Господь, распятый посреди двухъ разбойниковъ, невѣрнаго предалъ въ пищу гееннѣ, а вѣрнаго сдѣлалъ первымъ гражданиномъ

[1]) Второй части сравненія въ текстѣ недостаетъ.

рая. [Іосифъ послалъ отцу своему колесницы], Господь показалъ Отцу своему евангельскую колесницу, запряженную четырьмя животными; Іосифъ былъ объявленъ съѣденнымъ звѣремъ, а потомъ провозглашенъ почти царемъ, и Господь былъ распятъ какъ человѣкъ и прославленъ какъ Богъ. А вотъ еще другое пророчество, относящееся къ кресту: *восшедъ на высоту плѣнилъ еси плѣнъ, и даде даянія человѣкомъ* (Ефес. IV, 8). Какая высота? Кто восшедшій? Какой плѣнъ? Что это такое—*даянія человѣкомъ*? Высота—честный крестъ, какъ непостижимое таинство; восшедшій—это Владыка Христосъ, потому что *сшедый той есть и восшедый* (Ефес. IV, 10). Что же значитъ—*плѣнилъ еси плѣнъ*? Это значитъ: порабощенныхъ грѣху Господь въ пришествіе Свое возсоздалъ благодатью, давъ людямъ дары. Какіе дары? Отпущеніе грѣховъ, благодать усыновленія, наслѣдіе царства, залогъ безсмертія и обѣтованіе сидѣнія одесную. И кто свидѣтель этого? Самъ Господь, говорящій: *аще Азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ* (Іоан. XII, 32), т. е., когда Я буду распятъ, тогда всѣ увѣруютъ въ Меня. Еще болѣе ясное свидѣтельство о крестѣ ты только что слышалъ, именно Исаія пророкъ восклицаетъ: *яко овча на заколеніе ведеся и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ* (Ис. LIII, 7). Какое это *овча*? Какой агнецъ? Какое закланіе? Какое стриженіе? Кто это закалывающіе и стригущіе? Овца и агнецъ—Владыка Христосъ, прообразовательно: овца—въ виду волны крещенія, агнецъ—въ виду жертвоприношенія по плоти; заколеніе—это прободеніе ребра, исцѣляющее ребро. Кто же закалывающіе и стригущіе? Саддукеи и фарисеи: сначала они остригли Его хулами, а потомъ убили посредствомъ клеветы. Вѣдь какъ въ обыденной жизни человѣкъ остригаемый не терпитъ при этомъ боли и становится благообразнымъ, такъ и Христосъ, получая удары, принялъ ихъ какъ остриженіе, не потерпѣвъ боли и воспринявъ вслѣдъ затѣмъ красоту воскресенія. О Немъ написано: *красенъ добротою паче сыновъ человѣческихъ* (Пс. XLIV, 3). Согласно съ Исаіей и Іеремія провѣщалъ такъ: *азъ же яко агня незлобивое* шелъ на заколеніе (Іер. XI, 19). Его должно назвать агнцемъ, потому что Онъ не противился страданіямъ, не возставалъ противъ 616
закланія. Іудеи убили Спасителя, но и мы причастны этому убійству: вина лежитъ на нихъ, а успѣхъ достался намъ; удары ихъ, а свобода наша; наказаніе имъ, а благословеніе намъ. Свѣтъ приходитъ, Христосъ прославляется. Исполняется сегодня и Давидово пророческое слово, относящееся къ воспоминаемому кресту. *Даша въ снѣдь Мою желчь и въ жажду Мою напоиша Мя оцта* (Пс. LXVIII, 22). Вспомни, возлюбленный, какъ Господь, вися на крестѣ, возопилъ: *жажду* (Іоан. XIX, 28)!—и тотчасъ одинъ изъ воиновъ подбѣжалъ и, напитавъ губку уксусомъ, смѣшаннымъ съ желчью, поднесъ ее Господу. Почему однако почувствовалъ жажду Господь, источившій нѣкогда воду изъ разсѣченнаго камня? Конечно, что̀ написано было, то должно было исполниться: *даша въ*

снѣдь Мою желчь и въ жажду Мою напоиша Мя оцта. Вотъ какое вино произвелъ іудейскій виноградъ! *Отъ виноградовъ бо содомскихъ виноградъ ихъ и розга ихъ отъ Гоморры* (Второзак. xxxii, 32). Ихъ—точило, уксусъ и горечь, а плоды, наслажденіе и безсмертіе—наши. Къ намъ-то и относится увѣщаніе пророка: *вкусите и видите, яко благъ Господь* (Пс. xxxiii, 9).

2. Что еще остается сказать намъ? Господь, призвавъ учениковъ Своихъ, сказалъ имъ прямо: *вси вы соблазнитеся о Мнѣ въ нощь сію; писано бо есть: поражу пастыря, и разидутся овцы стада* (Мѳ. xxvi, 31). Видишь, какъ все засвидѣльствовано, какъ все точно? Ничего лишняго, ничего не оправдываемаго дѣломъ? *Вси соблазнитеся о Мнѣ; писано бо есть: поражу пастыря, и разыдутся овцы стада.* Вотъ точность Святого Духа! Пророкъ возопилъ, и Духъ Святый отвѣтилъ дѣломъ. Не сказалъ пророкъ: поражу пастыря, и погибнутъ овцы, но сказалъ: *и разыдутся*, разсѣются, т. е. на время соблазнятся, а немного спустя утвердятся въ вѣрѣ. Называетъ Господа Пастыремъ, такъ какъ Онъ есть Пастырь добрый, оставившій девяносто девять овецъ, чтобы отыскать одну заблудшую, т. е. оставившій небесныя силы и пришедшій къ падшему Адаму. Овцами же названы апостолы, какъ послушные спасительному жезлу, пасущіеся на Его тѣлѣ и имѣющіе стойла въ обителяхъ царства небеснаго. Вѣдь какъ и въ настоящей жизни, когда волкъ врывается въ стадо и похищаетъ овцу, остальные овцы пугаются, отскакиваютъ и бѣгутъ, но какъ только услышатъ свирѣль пастуха, тотчасъ бѣгутъ и собираются вмѣстѣ, такъ и ученики Господа, увидѣвши крестъ, отступили, бѣжали какъ отъ волка, но только услышали о воскресеніи Господа, тотчасъ собрались около Него, узнали Его и не отлучались отъ небесныхъ обителей. Итакъ, вотъ что говоритъ Господь Своимъ ученикамъ: *вси вы соблазнитеся о Мнѣ въ нощь сію* (Мѳ. xxvi, 31). Петръ же, желая показать, до какой степени онъ готовъ защищать учителя, и выставить себя болѣе другихъ учениковъ преданнымъ Господу, а на самомъ дѣлѣ—какъ бы съ тѣмъ, чтобы подчеркнуть свое отреченіе, сталъ говорить Господу: что говоришь Ты, Господи? Мы всѣ соблазнимся о Тебѣ? Ты и меня ко всѣмъ причисляешь? Такъ-то довѣряешь моей твердости! И я отрекусь отъ Тебя,—я, ходившій по морю (Мѳ. xiv, 29)? Я, удостоившійся быть свидѣтелемъ Твоего преображенія на горѣ (Мѳ. xvii, 1)? Я, обратившій въ бѣгство стадо бѣсовъ? Я, исцѣляющій всякую болѣзнь? Не я ли раньше всѣхъ узналъ Тебя и исповѣдалъ, что *Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Мѳ. xvi, 16)? И Ты принялъ это мое свидѣтельство, ублажилъ меня и назвалъ камнемъ Церкви, сказавъ: *ты еси Петръ и на семъ камени созижду церковь Мою и врата адова не одолѣютъ ей* (Мѳ. xvi, 18). Итакъ, я-то отрекусь отъ Тебя, верховный изъ апостоловъ, столпъ церкви? Нѣтъ, я увѣренъ въ себѣ и громко заявляю: *аще и вси соблазнятся о Тебѣ, азъ никогдаже со-*

блажнюся (Мѳ. xxvi, 33)! Господь говоритъ ему: что говоришь и возражаешь, Петръ? Что на словахъ возстаешь противъ Бога? Ты находишь, что Я говорю ложь? Ты не ищешь подкрѣпленія себѣ, но увѣряешь въ своей непоколебимости? Развѣ эта твоя горячность не дѣлаетъ тебя худшимъ? Такое же безразсудство обнаружилъ ты тогда, когда пошелъ по морю,—а что получилось бы, если бы Я не поспѣшилъ протянуть тебѣ руку? Развѣ и на горѣ Преображенія ты не ошибся во Мнѣ, желая построить три палатки, уравнивая Меня—Владыку съ Моими друзьями (Мѳ. xvii, 4)? Развѣ ты не умолялъ Меня не ходить въ Іерусалимъ изъ-за угрозъ іудеевъ (Мѳ. xvi, 22)? Я не хотѣлъ обличать тебя, Петръ, но ты отнесся съ недовѣріемъ къ Моему божественному предвѣдѣнію. Смотри же, Я предрекаю тебѣ, что́ съ тобою случится: пусть эти событія вразумятъ тебя, каковъ ты. Аминь, *аминь глаголю тебѣ, прежде даже алекторъ не возгласитъ, три краты отвержешися Мене* (Мѳ. xxvi, 34)! Петръ же опять, въ самообольщеніи пренебрегая измѣнчивостью человѣческаго духа, отвѣчалъ Господу: что устрашаешь меня? Я не боюсь смерти и не отрекусь отъ Тебя. На это Господь сказалъ ему: хорошо, что ты такъ готовъ стоять за Меня, но немного спустя ты узнаешь: время при дверяхъ—когда обнаружится и твое содѣйствіе, и Мое предвѣдѣніе. Однако, когда же конецъ нашей бесѣдѣ: уже наступилъ вѣдь вечеръ? Когда Господь былъ взятъ и введенъ на дворъ архіерейскій и всѣ ученики разбѣжались, одинъ только Петръ послѣдовалъ за Нимъ во дворъ архіереевъ, какъ бы намѣреваясь привести свое обѣщаніе въ исполненіе. Когда Господь внутри двора содержался въ узахъ, Петръ на внѣшнемъ дворѣ сидѣлъ твердый и непреклонный, какъ бы уже одержавшій побѣду. Что же случилось? Когда онъ довольно времени посидѣлъ здѣсь, не увидѣвъ ни меча обнажаемаго, ни скалы для низверженія, не слыша ни угрозы лишенія имущества, ни предстоящаго изгнанія,—маленькая служанка, ничтожная рабыня, приблизившись къ нему, спросила его: что ты тутъ дѣлаешь, человѣкъ? Гдѣ сила твоего Учителя? Вотъ Онъ въ узахъ, а скоро будетъ и на крестѣ. Петръ, забывъ о своей рѣшимости, отвѣтилъ ей: что такое говоришь ты, дѣвица? Я не знаю Его. О, какое дѣло! Тотъ, кто только что говорилъ: *аще ми есть и умрети съ Тобою* (Мѳ. xxvi, 35), теперь уже отрекается. Когда же совершилось это первое отреченіе, смущенный имъ Петръ какъ бы отскочилъ отъ огня, разложеннаго на дворѣ, и отошелъ къ воротамъ. И что же? Другая опять служанка встрѣтила его тамъ. Удивительное дѣло! Ни воина, ни меча нигдѣ нѣтъ, но слабая служанка встрѣтила Петра и стала говорить ему: что ты волнуешься? Чего хочешь? Что мучаешь себя? Развѣ тебя не видѣли всегда вмѣстѣ съ этимъ Галилеяниномъ? Что же ты прячешься у воротъ? На это Петръ уже не просто, но съ клятвою отвѣчаетъ: *не вѣмъ человѣка сего* (Мрк. xiv, 71)! Какъ предсказалъ Господь, такъ и случилось. За вторымъ отреченіемъ 617

послѣдовало третье; произошло оно такъ: *по малѣ же приступивше стоящіи рѣша Петрови: воистину и ты отъ нихъ еси: ибо и бесѣда твоя явѣ тя творитъ*. Петръ же *начáтъ ротитися и клятися, яко не знаю человѣка* (Мѳ. XXVI, 73, 74). Гдѣ столь рѣшительное обѣщаніе Петра? Ты, сказавшій прежде: *Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго* (Мѳ. XVI, 16), теперь говоришь: не *вѣмъ человѣка сего* (Мрк. XIV, 71)? Можетъ быть Петръ невольно былъ на-сторожѣ при этихъ словахъ и не сказалъ: я не знаю Бога Слова, но произнесъ: я не знаю этого человѣка. Онъ отнесъ это къ тому, что видѣлъ, а не къ тому, о чемъ онъ думалъ. Почему и Господь въ предвѣдѣніи сказалъ: *всякъ иже речетъ слово на сына человѣческаго, оставится ему* (Лук. XII, 10). Что же Петръ? *Не знаю человѣка*, сказалъ онъ, *и абіе пѣтелъ возгласи* (Мѳ. XXVI, 74),— этотъ неумолимый обвинитель Петра, заранѣе приглашенный свидѣтель Владычняго приговора, обличитель отреченія, доказатель предвѣдѣнія и напоминатель о покаянныхъ слезахъ.

618 3. Но ограничимся сказаннымъ объ этомъ, займемся лучше бесѣдой о милостынѣ, убѣждая вашу любовь вотъ этими евангельскими словами: *сотворите себѣ други отъ мамоны неправды, да егда оскудѣете, пріимутъ вы въ вѣчныя кровы* (Лук. XVI, 9). Хорошо сказалъ Онъ: *въ вѣчныя*. Здѣсь, какъ бы ни былъ великолѣпенъ твой домъ, онъ обветшаетъ отъ времени и непремѣнно разрушится, а не то и прежде его разрушенія смерть изгонитъ тебя изъ твоего великолѣпнаго жилища; затѣмъ, и помимо смерти, превратности судьбы, злоумышленія и клеветы легко могутъ лишить тебя этого крова. Иное дѣло тамъ — въ вѣчныхъ кровахъ: тамъ не нужно опасаться ни тлѣнія, ни смерти, ни разрушенія, ни угрозъ клеветниковъ и ничего подобнаго. Вотъ почему и назвалъ Господь вѣчнымъ это незыблемое и нетлѣнное жилище. *Сотворите себѣ други отъ мамоны неправды*. Вотъ каковы человѣколюбіе Владыки, Его доброта и снисходительность! Не безъ цѣли сдѣлалъ Онъ такую прибавку, но такъ какъ у многихъ богачей богатство собрано грабежомъ и жадностью, то Онъ говоритъ: это дурно, и не слѣдовало тебѣ такъ собирать деньги; но такъ какъ ты уже собралъ, то отстань отъ грабежа и жадности и воспользуйся для должнаго своими деньгами. Не то я говорю, чтобы ты грабя оказывалъ милостыню, но чтобы ты, прекративъ жадность, воспользовался богатствомъ для милостыни и человѣколюбія. Кто не удерживается отъ грабежа, тотъ не можетъ совершать и милостыня; но, хотя бы онъ отдавалъ множество денегъ въ руки нуждающихся, грабя деньги другихъ и жадничая, онъ будетъ сочтенъ Богомъ наравнѣ съ человѣкоубійцами. Поэтому нужно напередъ отстать отъ жадности и тогда подавать милостыню бѣднымъ. Велика сила милостыни! Впрочемъ пусть никто не принимаетъ частаго напоминанія объ этомъ за укоризну слушателямъ. И въ состязаніяхъ зрители поощряютъ тѣхъ изъ бѣгущихъ, которыхъ видятъ находящимися

ближе къ наградѣ и имѣющихъ больше надежды на побѣду. Такъ и я, видя, что вы всегда съ великимъ усердіемъ принимаете слова о милостынѣ, и самъ чаще предлагаю увѣщаніе объ этомъ. Бѣдные—врачи нашихъ душъ, благодѣтели и предстатели, потому что ты не столько даешь имъ, сколько получаешь; даешь серебро, а получаешь царство небесное; облегчаешь бѣдность, и примиряешь себя съ Владыкою. Видишь ли, какъ неравномѣрно воздаяніе? То—на землѣ, а это—на небѣ; то гибнетъ, а это остается; то—тлѣнное, а это—выше всякаго тлѣнія. Для того отцы наши и поставили бѣдныхъ предъ дверями молитвенныхъ домовъ, чтобы одинъ видъ бѣдныхъ могъ даже въ самомъ нерадивомъ и безчеловѣчномъ пробудить воспоминаніе о милостынѣ. Когда здѣсь стоитъ сонмъ стариковъ, согбенныхъ, одѣтыхъ въ рубища, изсохшихъ, загрязненныхъ, съ палками, съ трудомъ могущихъ держаться, часто слѣпыхъ и изувѣченныхъ всѣмъ тѣломъ, то кто будетъ такимъ каменнымъ, чтобы устоять противъ этой старости, немощи, увѣчья, бѣдности, жалкой одежды и вообще всего, преклоняющаго его къ состраданію, и остаться неподдающимся на все это? Поэтому они и стоятъ предъ нашими дверями, видомъ своимъ сильнѣе всякаго слова склоняя и призывая входящихъ къ человѣколюбію. Какъ въ преддверіяхъ молитвенныхъ домовъ обыкновенно устрояются умывальницы, чтобы идущіе молиться Богу сначала омыли руки и тогда уже простирали ихъ на молитву, такъ и бѣдныхъ отцы поставили предъ дверями, подобно источникамъ и умывальницамъ, чтобы мы, какъ умываемъ руки водою, такъ, очистивъ напередъ душу человѣколюбіемъ, потомъ приступали къ молитвѣ. Подлинно, не такъ вода по природѣ своей омываетъ нечистоты тѣла, какъ милостыня силою своею стираетъ нечистоту души. Поэтому, какъ не осмѣливаешься ты войти на молитву съ неумытыми руками,—хотя и меньшая то вина,—такъ не входи никогда на молитву безъ милостыни. Притомъ часто, имѣя и чистыя руки, мы не простираемъ
ихъ на молитву, не омывъ ихъ напередъ водою: такова привычка. Тоже 619
будемъ дѣлать и съ милостынею. Хотя бы мы и не сознавали за собою никакого значительнаго грѣха, однако будемъ очищать свою совѣсть милостынею. Ты на торжищѣ пріобрѣлъ себѣ много дурного: врагъ огорчилъ тебя; судья принудилъ тебя сдѣлать что-нибудь ненадлежащее; ты извергалъ неумѣстныя слова; другъ склонилъ тебя сдѣлать что-нибудь грѣховное, и ты во многомъ другомъ провинился, въ чемъ легко провиниться человѣку, вращающемуся на торжищѣ, засѣдающему въ судилищахъ, участвующему въ городскихъ дѣлахъ; во всемъ этомъ ты приходишь просить у Бога прощенія и защиты. Брось же серебро въ руки бѣдныхъ и оботри эти нечистоты, чтобы съ дерзновеніемъ ты воззвалъ къ Тому, Кто можетъ отпустить тебѣ грѣхи. Если ты поставишь себѣ въ обычай никогда не приступать къ этому священному преддверію безъ милостыни, то волею или неволею никогда

не опустишь этого добраго дѣла: такова привычка. И какъ ты никогда— допустимъ это—не позволяешь себѣ молиться съ немытыми руками, потому что однажды навсегда поставилъ это себѣ въ привычку, такъ и въ отношеніи къ милостынѣ, если ты точно также поставишь ее себѣ закономъ, то волею или неволею будешь исполнять его ежедневно, по-
620 буждаясь привычкою. Молитва есть огонь, особенно когда она возсылается трезвенною и бодрствующею душою; но этотъ огонь нуждается и въ елеѣ, чтобы достигнуть до самыхъ небесныхъ сводовъ. а елей для этого огня есть не что иное, какъ милостыня. Подливай же этотъ елей щедро, чтобы, ободряясь правымъ дѣломъ, ты могъ совершать молитвы съ большимъ дерзновеніемъ и большимъ усердіемъ. Какъ незнающіе за собою ничего добраго не могутъ и молиться съ дерзновеніемъ, такъ сдѣлавшіе что-нибудь правое и послѣ праведнаго дѣла приступающіе къ молитвѣ, ободряясь воспоминаніемъ о сдѣланномъ добрѣ, возносятъ молитву съ большимъ усердіемъ. Поэтому, чтобы наша молитва сдѣлалась сильнѣе, благодаря тому, что наша душа во время молитвы будетъ ободряться воспоминаніемъ о добрыхъ дѣлахъ, будемъ приходить на молитву съ милостынею и тщательно помнить все сказанное; а больше всего другого соблюдайте въ памяти то мое сравненіе, по которому я сказалъ, что бѣдные, стоя предъ дверями молитвенныхъ домовъ, выполняютъ такое же назначеніе въ отношеніи къ душѣ, какое умывальница въ отношеніи къ тѣлу. Если мы будемъ всегда помнить это, очищая такимъ образомъ свой умъ, то будемъ въ состояніи возносить чистыя молитвы, пріобрѣсть великое дерзновеніе предъ Богомъ и достигнуть царства небеснаго, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О второмъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа, и на слова: вси бо предстанемъ судищу Христову, и кійждо насъ о себѣ слово дастъ Богу (Римл. XIV, 10, 12).

619 1. Я полагалъ, что вчера я сказалъ вамъ нѣчто великое и значительное: по существу дѣла оно и дѣйствительно было велико и превосходило всякое слово. Тѣмъ не менѣе сегодняшнее чтеніе настолько же превосходитъ его, насколько само оно превосходитъ наши слова. Хотя я не думалъ, чтобы что-нибудь превзошло его, однако приходящееся на сегодняшній день чтеніе оказалось гораздо сильнѣе. Что же именно было прочитано сегодня? *Вси бо предстанемъ судищу Христову, писано бо*

есть: живу азъ, глаголетъ Господь, яко мнѣ поклонится всяко колѣно и всякъ языкъ исповѣстся Богови (Римл XIV, 10, 11). Итакъ, неужели каждый изъ насъ воздастъ о себѣ слово, слово Богу? Замѣть, не сказалъ 620
просто: всякій *поклонится*, но и: всякій *исповѣстся*, то есть: дастъ отчетъ въ сдѣланномъ имъ. Итакъ, представляя себѣ Владыку всѣхъ сидящимъ на престолѣ, будь внимателенъ къ себѣ, о, человѣкъ, и не производи раздора и раздѣленія въ церкви, отторгаясь отъ благодати; вѣдь, Христосъ и тебя, и весь родъ человѣческій потребуетъ къ отвѣту. Потомъ, чтобы не показалось, что это сказано только для нашего устрашенія, онъ, пользуясь тѣмъ, что слѣдовало объ этомъ говорить по ходу рѣчи, и далѣе касается того же предмета: *не ктому убо другъ друга осуждаемъ, но* 621
сіе паче судите, еже не полагати претыканія брату или соблазна (ст. 13). Это относится къ одному не больше, чѣмъ къ другому, а потому можетъ быть приложено къ обоимъ: и къ совершенному, который, соблазняется разборчивостью въ пищѣ, и къ несовершенному, для котораго служатъ претккновеніемъ слишкомъ рѣзкія укоризны. Разсуди же, какому подвергаемся мы наказанію, если соблазняемъ ближнихъ безъ всякой доброй цѣли. Если здѣсь, гдѣ вся ошибка состояла въ неблаговременности упрековъ, апостолъ ихъ запрещаетъ, чтобы не соблазнялся и не претыкался братъ, то чего будемъ достойны мы, когда соблазняемъ брата, совсѣмъ не имѣя намѣренія исправить его? Если не сберечь есть проступокъ, какъ показываетъ примѣръ закопавшаго въ землю талантъ, то чего не навлечемъ мы на себя, соблазняя другого? Ты скажешь: что же мнѣ дѣлать, если онъ соблазняется самъ по себѣ, по своей слабости? Именно эта слабость его и должна побуждать тебя сдерживаться. Если бы онъ былъ крѣпокъ, не имѣлъ бы нужды въ такой попечительности. А теперь, чѣмъ онъ слабѣе, тѣмъ большаго требуетъ вниманія. Итакъ, будемъ заботиться о немощномъ братѣ и поддерживать его во всѣхъ случаяхъ. Вѣдь мы дадимъ отвѣтъ не за свои только грѣхи, но и за все то, въ чемъ соблазняемъ другихъ. Но если трудно отвѣчать и за свои грѣхи, то какъ намъ спастись, когда присоединится сюда еще и отвѣтственность за соблазны? Да не подумаемъ оправдываться тѣмъ, что мы не одни, что найдутся сообщники въ нашихъ грѣхахъ. Это только увеличитъ наше наказаніе. Змій наказанъ былъ строже жены, а жена строже мужа. Іезавель понесла болѣе тяжкое наказаніе, чѣмъ Ахавъ, отнявшій виноградникъ. Такъ, конечно, и ты, если окажешься виновнымъ въ гибели другихъ, подпадешь болѣе тяжкому наказанію, чѣмъ тѣ, которымъ послужилъ ты соблазномъ. Не такъ пагубно самому согрѣшить, какъ ввести въ грѣхъ другихъ, почему апостолъ и говоритъ: *не точію сія творятъ, но соизволяютъ творящимъ* (Рим. I, 32). Поэтому, видя, что другіе грѣшатъ, не только не будемъ подталкивать ихъ на грѣхъ, но постараемся извлечь ихъ изъ бездны порока, чтобы за гибель другихъ намъ самимъ не подвергнуться казни. Впрочемъ.

возвратимся къ тому, о чемъ была у насъ рѣчь. *Вси бо*, говоритъ апостолъ, *предстанемъ судищу Христову* и дадимъ отчетъ Богу. Что тогда будемъ дѣлать мы, добровольно погрязавшіе во грѣхахъ? Гдѣ найдемъ поддержку? Въ чемъ почерпнемъ утѣшеніе? Чѣмъ умилостивимъ грознаго Судію? Куда скроемся отъ стыда, когда обнажится предъ нами наше собственное нечестіе? (Другое дѣло теперь): если теперь пожелаемъ мы исправиться и творить угодное Богу, то можемъ и всѣ свои грѣхи омыть, и избѣгнуть ужасовъ грядущаго суда. А это возможно, конечно, если постоянно будемъ помнить о своемъ отшествіи отсюда, о бренности тѣла: *поминай*, говоритъ премудрый, *послѣдняя твоя и во вѣки не согрѣшиши* (Сирах. VII, 39); затѣмъ, будемъ представлять себѣ въ своей мысли страшный судъ Христовъ, на которомъ все будетъ разоблачено и обнажено предъ Его очами—и слова, и дѣла, и мысли; будемъ, далѣе, напоминать себѣ объ огненной рѣкѣ, о неразрѣшимыхъ узахъ, о тьмѣ непроницаемой, о скрежетѣ зубовъ, о червѣ ядовитомъ, о томъ днѣ, ужасномъ для грѣшника, свѣтломъ и радостномъ для усовершившихся въ дѣлахъ правды.

2. Но находятся люди, настолько исполненные безумія, что богодохновенныя Писанія считаютъ ложными, а судъ Божій представляютъ аллегоріей. Я слышалъ о нѣкоторыхъ, преданныхъ грѣху и погрязающихъ въ безднѣ страстей, что они распространяютъ подобныя мысли, утверждая, что Богъ угрожаетъ наказаніями за гробомъ только для того, чтобы устрашить людей; что, конечно, на самомъ дѣлѣ Онъ этого не сдѣлаетъ, но, будучи, человѣколюбивымъ, ограничится незначительнымъ наказаніемъ, да и то главнымъ образомъ по отношенію къ тѣмъ, которые совсѣмъ Его отвергаютъ. Но послушайте же, развращенные сердцемъ люди, работающіе коварству діавола, радующагося о вашей
622 гибели! Вѣдь это онъ, конечно, внушаетъ намъ такое безстрашіе, чтобы подъ вліяніемъ страха мы не поспѣшили исправить свою жизнь и чрезъ то не избѣгли тяжести наказанія, разсчитывая, что такая беззаботность въ настоящей жизни приведетъ тамъ насъ на самое дно ада. Итакъ, скажите же мнѣ вы, безумные, выставляющіе Бога лжецомъ, почитающіе слова Священныхъ Писаній лишь пустыми угрозами, а не истиной,—какъ полагаете вы: тотъ богачъ, презрѣвшій Лазаря, не мучится (Лук. XVI)? Юродивыя дѣвы не изгоняются изъ брачнаго чертога? Отказавшіеся напитать Христа не пойдутъ въ огонь, уготованный діаволу и ангеламъ его? Одѣтый въ нечистую одежду не будетъ связанъ по рукамъ и по погамъ, и осужденъ на гибель? Требовавшій ста динаріевъ не будетъ преданъ истязателямъ? Развѣ неправда то, что сказано о прелюбодѣяхъ: *червь ихъ не умираетъ, и огнь ихъ не угасаетъ* (Мар. IX, 48)? Или все это только одни угрозы? Да, говоришь ты. Но скажите мнѣ, несчастные, на какомъ основаніи осмѣливаетесь вы утверждать такія вещи и произносить отъ себя столь несправедливый приговоръ? А я могу доказать

вамъ противное и словами и дѣлами Христовыми. Если не вѣрятъ словамъ Писанія о будущемъ наказаніи, то, по крайней мѣрѣ, тому, что уже совершилось, всѣ, конечно, должны повѣрить. Вѣдь то, что уже было, что исполнилось на самомъ дѣлѣ, не пустыя, конечно, угрозы и слова. Итакъ, кто при Ноѣ навелъ потопъ на всю вселенную, произвелъ столь ужасное истребленіе и гибель всего нашего рода? Кто, затѣмъ, низвелъ молнію и огнь съ неба на землю Содомскую? Кто потопилъ въ морѣ всю силу египетскую? Кто истребилъ шесть сотъ тысячъ человѣкъ въ пустынѣ? Кто попалилъ огнемъ сонмъ Авироновъ? Кто повелѣлъ землѣ разверсть уста свои, и поглотить Корея, Даѳана и бывшихъ съ ними? Кто при Давидѣ въ одно мгновеніе поразилъ семьдесятъ тысячъ? Кто 185 тысячъ въ одну ночь умертвилъ во дни пророка Исаіи? Упоминать ли еще о наказаніяхъ частныхъ? О Каинѣ, преданномъ на непрестанное мученіе, о сынѣ Харміинѣ, который побитъ камнями со всѣмъ его родомъ, о собиравшемъ дрова въ субботу и подвергшемся той же казни, о сорока двухъ отрокахъ, которые при Елисеѣ съѣдены звѣрями и которымъ не послужилъ извиненіемъ юный ихъ возрастъ? А если хочешь видѣть подобные примѣры и во времена благодати, представь себѣ, какія наказанія претерпѣли іудеи, когда жены ихъ ѣли собственныхъ дѣтей, и зажаривая, и въ другихъ видахъ употребляя; какъ они поражены были ужаснымъ голодомъ, и многочисленными и тяжкими бѣдствіями войны до такой степени, что всѣ прежнія несчастія кажутся ничтожными при сопоставленіи съ этими ужасами. А что именно Христосъ навелъ на нихъ все это, послушай, какъ самъ Онъ предсказываетъ эти несчастія то въ притчахъ, то ясно и определенно. Напримѣръ, въ притчѣ Онъ говоритъ: *враги Моя оны, иже не восхотѣша Мене, да царь быхъ былъ надъ ними, приведите сѣмо и изсѣцыте предо Мною* (Лк. XIX, 27); о томъ же говорятъ притчи о виноградникѣ и о бракѣ. Такія же угрозы выражаются и ясно и опредѣленно, когда Онъ говоритъ: *падутъ во острін меча, и будетъ на земли туга языкомъ отъ нечаянія, шума морскаго и возмущенія, издыхающимъ человѣкомъ отъ страха* (Лк. XXI, 24, 25). *И будетъ скорбь веліи, яковаже не была отъ начала міра досель, ниже иматъ быти* (Матѳ. XXIV, 21). Всѣмъ извѣстно также, какой казни подверглись Ананія и Сапфира за утайку нѣсколькихъ монетъ. А ежедневныя несчастія, какія мы терпимъ за грѣхи, кто ихъ не видитъ? Или скажешь, что ихъ не бываетъ? Но развѣ и въ наши дни не погибаютъ люди отъ голода? Не страдаютъ проказой и другими тѣлесными болѣзнями? Не живутъ въ безысходной нищетѣ? Не терпятъ тысячи несносныхъ и тяжкихъ бѣдствій? Теперь—справедливо ли было бы однихъ наказывать, а другихъ нѣтъ? Если Богъ не несправедливъ,—что и несомнѣнно,—то конечно и ты будешь наказанъ за грѣхи свои. Если же ты думаешь, что Богъ тебя не накажетъ, такъ какъ Онъ человѣколю-

бивъ, то и тѣхъ не нужно было наказывать. Но вотъ,—ради этихъ вашихъ жалкихъ словъ,—Богъ и здѣсь многихъ наказываетъ, чтобы вы, невѣрующіе словеснымъ угрозамъ, повѣрили хотя бы дѣйствительнымъ
623 казнямъ. И такъ какъ давно минувшее насъ мало устрашаетъ, то Онъ вразумляетъ безпечныхъ современными событіями, которыя совершаются въ каждомъ поколѣніи

3. Почему же, скажутъ, Богъ не наказываетъ всѣхъ здѣсь? Чтобы инымъ дать предопредѣленное отъ Него время на покаяніе. А почему не ограничивается по отношенію ко всѣмъ только тамошними наказаніями? Чтобы не умножилось число невѣрующихъ Божію промыслу. Почему изъ разбойниковъ одни пойманы, а другіе ушли отъ наказанія? Гдѣ тутъ Божіе человѣколюбіе и правосудіе? Если бы вовсе никто не былъ наказываемъ, тогда можно бы было прибѣгнуть къ этому доводу. Но когда одни наказаны, другіе нѣтъ, хотя бы и больше грѣшили, то какъ это понять, что за одни и тѣ же преступленія не одинаковы наказанія? Не придется ли признать, что наказаніе въ этомъ случаѣ является несправедливымъ? Итакъ, почему же не всѣ наказываются здѣсь? Послушай, какъ отвѣчаетъ тебѣ на это самъ Христосъ. Когда нѣкоторые погибли отъ паденія башни, то Христосъ на возникшее по поводу ихъ смерти недоумѣніе говорилъ: *мните ли, яко сіи грѣшнѣйши паче всѣхъ бяху? Ни, глаголю вамъ: но аще не покаетеся, вси такожде погибнете* (Лук. XIII, 2—5). Этимъ Онъ научаетъ насъ не полагаться на то, что при множествѣ нашихъ преступленій остаемся безъ наказанія, когда другіе терпятъ его, потому что, если не покаемся, непремѣнно будемъ наказаны. За что же, спросишь, терпѣть вѣчное наказаніе намъ, которые здѣсь грѣшили недолгое время? А за что здѣсь человѣкъ, въ одну минуту сдѣлавшій одно смертоубійство, осуждается на всю жизнь на работу въ рудникахъ? Скажешь: Богъ такъ не долженъ поступать? А какъ же Онъ разслабленнаго тридцать восемь лѣтъ держалъ въ столь тяжкомъ недугѣ? А что за грѣхи наказанъ былъ тотъ болѣзнію, послушай, что говоритъ ему (Христосъ): *се здравъ еси: ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. V, 14). Впрочемъ, разслабленный, говоришь ты, получилъ все-таки освобожденіе отъ наказанія; а тамъ этого не будетъ. Дѣйствительно, тамошнимъ наказаніямъ конца не будетъ; послушай, какъ говоритъ объ этомъ самъ Христосъ: *червь ихъ не умираетъ, и огнь ихъ не угасаетъ* (Матѳ. XXV, 46). Такъ и должно быть: если жизнь вѣчная, то и наказаніе вѣчное. Или не знаешь, какъ Онъ угрожалъ іудеямъ? Исполнились ли эти угрозы, или остались только на словахъ? Сказано: *не останетъ камень на камени* (Лук. XXI, 6); и дѣйствительно, остался ли камень на камнѣ? Христосъ сказалъ: *будетъ скорбь велія, яковa же не была* (Мѳ. XXIV, 21). Развѣ не сбылось и это? Прочитай исторію Іосифа: у тебя займется духъ при одномъ разсказѣ о бѣдствіяхъ, какія претерпѣли іудеи на

самомъ дѣлѣ. Говорятъ, что эти ужасы не имѣютъ себѣ примѣра въ исторіи, что никогда не разражалось надъ народомъ такой войны. Напоминаю объ нихъ не съ тѣмъ, чтобы огорчить васъ, но чтобы обезпечить вамъ безопасность въ будущемъ; вѣдь, утѣшая васъ напрасными надеждами, я могъ бы подвергнуть васъ тягостнѣйшимъ наказаніямъ. И скажи мнѣ: почему бы ты не заслуживалъ быть наказаннымъ за грѣхи твои? Не предупредилъ ли тебя Богъ обо всемъ? Не угрожалъ ли Онъ тебѣ? Не устрашалъ ли? Не употреблялъ ли тысячи средствъ для твоего спасенія? Не даровалъ ли тебѣ баню возрожденія, и не простилъ ли всѣхъ прежнихъ грѣховъ твоихъ? И послѣ этого возрожденія, послѣ отпущенія грѣховъ, не далъ ли тебѣ, когда ты опять сталъ грѣшить, новаго пособія—въ покаяніи? Не облегчилъ ли тебѣ способовъ получить прощеніе въ грѣхахъ, содѣланныхъ и послѣ этого? Итакъ, выслушай, что заповѣдалъ Богъ. Если будешь прощать грѣхи ближнему, то и Я, говоритъ Онъ, прощу тебѣ. Развѣ это неудобно? *Судите сиру*, сказано, *оправдите вдовицу, и пріидите, и истяжимся, глаголетъ Господь: и аще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю* (Ис. I, 18). Развѣ это трудно? *Глаголи ты беззаконія твоя, да оправдишися* (Ис. XLIII, 26). Какая въ этомъ тягость? *Грѣхи твоя милостынями искупи* (Дан. IV, 24). Какой въ томъ трудъ? Мытарь сказалъ: *милостивъ буди мнѣ грѣшному*, и *сниде оправданъ* (Лук. XVIII, 13 и 14). Трудно ли подражать мытарю? Но и послѣ всего этого ты не хочешь убѣдиться, что есть и казнь, и мученіе. Можетъ быть ты скажешь, что 624
и діаволъ не наказывается? Сказано: *идите въ огнь уготованный діаволу и ангеломъ его* (Мате. XXV, 41). Но если нѣтъ геенны, то и онъ не наказывается. Если же діаволъ наказывается, очевидно, что будемъ наказаны и мы, которые дѣлаемъ дѣла его. И мы преступаемъ волю Божію, хотя не въ томъ самомъ, съ чемъ онъ. Какъ же не боишься ты говорить дерзко о Богѣ, утверждая, что Богъ человѣколюбивъ, а потому не накажетъ? А если накажетъ, то—по твоему—выйдетъ, что Онъ уже не человѣколюбивъ? Видишь, какія рѣчи внушаетъ вамъ діаволъ?

Что же? По вашему монахи, поселившіеся въ горахъ и подъявшіе множество подвиговъ въ горахъ и вертепахъ и пропастяхъ земныхъ, останутся не увѣнчанными? Вѣдь если злые не наказываются, и нѣтъ никакого воздаянія, то отчего не сказать,—и съ такимъ же основаніемъ,—что и добрые не увѣнчиваются? Ты скажешь: нѣтъ. Богу прилично имѣть одно лишь царство, а не геенну. Слѣдовательно, и блудникъ, и прелюбодѣй, и совершившій тысячи преступленій будутъ наслаждаться тѣми же благами, какими отличившійся и цѣломудріемъ и святостію и воздержаніемъ, словомъ—уподобившійся по жизни ангеламъ? Если нѣтъ геенны, а воскресеніе все-таки будетъ, то и злые удостоятся тѣхъ же благъ, какихъ праведники. Но какой безумецъ станетъ утверждать это? Или лучше сказать, кто изъ демоновъ осмѣ-

лится выговорить это? Даже и бѣсы признаютъ геенну. Потому и *возописта глаголюще: пришелъ еси сѣмо прежде времени мучити насъ* (Матѳ. VIII, 29)! Какъ же ты не боишься, не ужасаешься отрицать то, что признаютъ даже бѣсы? Какъ не поймешь, какой учитель внушаетъ тебѣ столь злыя наставленія? Тотъ, кто обольстилъ человѣка въ началѣ, и предложеніемъ большихъ надеждъ исторгъ у него блага, бывшія уже въ рукахъ, тотъ же и нынѣ наущаетъ такъ говорить и думать. Діаволъ для того и убѣждаетъ нѣкоторыхъ думать, что нѣтъ геенны, чтобы ввергнуть въ геенну. Напротивъ, Богъ угрожаетъ геенною и ее приготовилъ, чтобы мы, зная о ней, такъ жили, чтобы не впасть въ геенну. Если діаволъ теперь, когда есть геенна, увѣряетъ тебя, что ея нѣтъ, то, если бы не было геенны, какая была бы нужда свидѣтельствовать о ней бѣсамъ, которые всего болѣе стараются о томъ, чтобы мы и не подозрѣвали ничего подобнаго, чтобы, не страшась ея, стали безпечнѣе, и впали съ ними въ геенскій огонь? Но почему же, спросишь, они свидѣтельствовали тогда о гееннѣ? Потому что не могли сопротивляться принуждавшей ихъ къ тому необходимости. Взявъ во вниманіе все это, да престанутъ умствующіе такъ своими рѣчами обольщать себя и другихъ! *Богъ*, говорилъ пророкъ, *явѣ пріидетъ, Богъ нашъ и не премолчитъ. Огнь предъ Нимъ возгорится, и окрестъ Его буря зѣльна* (Пс. XLIX, 3). *Огнь предъ Нимъ предъидетъ и попалитъ окрестъ враги Его* (Пс. XCVI, 3). А кто враги Божіи, если не блудники, прелюбодѣи, мужеложники, похотники, идолослужители, корыстолюбцы, пьяницы, клятвопреступники, ропотники, гнѣвливые, злопамятные, гордые, высокомѣрные, непослушные родителямъ, немилосердные? Имъ всѣмъ въ страшный день общаго воскресенія повелитъ Судія: *идите отъ Мене проклятіи въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его* (Мѳ. XXV, 41).

4. Если за все исчисленное сейчасъ мы понесемъ наказаніе, то не гораздо ли строже на страшномъ судѣ отвѣтятъ за свои слова тѣ, которые высмѣиваютъ страшныя и наводящія трепетъ угрозы Христовы и приводятъ къ безпечности многихъ, готовыхъ позаботиться о своемъ спасеніи, и оказываются хуже даже язычниковъ—ниневитянъ? Тѣ, хотя и вовсе не знали истины, но какъ скоро услышали, что городъ ихъ будетъ истребленъ, не только не отнеслись съ невѣріемъ къ проповѣди пророка, но возстенали, облеклись въ рубища и смирились, и не оставляли всего этого до тѣхъ поръ, пока не умилостивили Бога и не отвратили Его гнѣва. А ты, христіанинъ, послѣ столькихъ уроковъ и на словахъ и на дѣлѣ, уничижаешь то, что сказалъ Христосъ? Смотри,
625 участь твоя будетъ противоположна участи ниневитянъ. Тѣ, убоявшись словъ, не подверглись наказанію на самомъ дѣлѣ; а ты, презирающій словесныя угрозы, понесешь казнь на самомъ дѣлѣ. Развѣ не видишь, что сдѣлалъ Христосъ и здѣсь на землѣ? Не одинаковаго жребія удостоилъ Онъ двухъ разбойниковъ, но одного ввелъ въ царство, а другого послалъ въ геенну. Но что говорить о разбойникѣ и человѣкоубійцѣ!

Христосъ не пощадилъ и апостола, который сдѣлался предателемъ, но, предвидя, что онъ повѣсится, удавится и разсядется, какъ сказано: *проспдеся посредь, и излiяся вся утроба его* (Дѣян. I, 18),—предвидя все это, попустилъ однакожъ ему претерпѣть, чтобы чрезъ настоящее удостовѣрить тебя во всемъ будущемъ. Итакъ, не обманывайте, люди, сами себя, довѣряя діаволу: вѣдь это его внушенія. Если судьи, господа, учители, если и образованные народы, и варвары награждаютъ добрыхъ и наказываютъ злыхъ, то возможно ли, чтобы Богъ поступилъ иначе, и добраго сравнялъ съ порочнымъ? До чего дойдетъ тогда порокъ? Если нынѣ порочные, ожидая наказанія, окруженные отовсюду страхомъ, и отъ судей, и отъ законовъ, несмотря на все это не отстаютъ отъ дурныхъ дѣлъ, то когда же перестанутъ они быть злыми, если будутъ знать, что по отшествіи въ вѣчность избавятся отъ всякаго страха, и не только не впадутъ въ геенну, но еще получатъ царство? Скажи мнѣ, будетъ человѣколюбиво уравнивать путь пороку, награждать зло, удостоивать одной чести цѣломудреннаго и распутнаго, вѣрнаго и нечестиваго, милостиваго и безчеловѣчнаго? Если бы Богу никакого дѣла не было до насъ, грѣшимъ ли мы или подвизаемся въ добрѣ, то можетъ быть было бы нѣкоторое основаніе сказать, что наказаній нѣтъ. А если Онъ такъ заботится о томъ, чтобы мы не грѣшили, и такія употребляетъ мѣры, чтобы мы соблюдали заповѣди, то очевидно, что Онъ и согрѣшающихъ наказываетъ, и дѣлающихъ добро увѣнчиваетъ. И замѣть при этомъ, какая нелѣпость. Съ одной стороны, жалуются на Бога, что Онъ часто бываетъ долготерпѣливъ, и равнодушно взираетъ на то, что многіе злодѣи, плотоугодники, притѣснители остаются безъ наказанія, а съ другой—горько и сильно ропщутъ на то, что Богъ угрожаетъ имъ наказаніемъ. Но если послѣднее огорчаетъ ихъ, то первое они должны бы одобрить и восхвалить? О, безуміе! О, нелѣпое и безстыдное разсужденіе! О, грѣхолюбивая и преданная пороку душа! Вѣдь любовь къ удовольствіямъ и рождаетъ всѣ эти ученія. А если бы разсуждающіе такимъ образомъ возлюбили добродѣтель, то скоро увѣрились бы въ гееннѣ, и не стали бы болѣе сомнѣваться. Спрашиваешь, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ будетъ геенна? Но что тебѣ до этого за дѣло? Нужно знать, что она есть, а не то, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ скрывается. Нѣкоторые, примѣняя къ гееннѣ то, что разсказывается о какой-то войнѣ въ древности, пустословятъ, что она находится въ долинѣ Іосафатовой. Дѣйствительно, былъ такой случай, что Богъ, наказывая противниковъ своимъ праведнымъ судомъ, совершенно истребилъ ихъ—именно въ долинѣ Іосафатовой,—такъ что обитателямъ Іерусалима на семь лѣтъ хватило оружія истребленныхъ на топливо (Іоиль III, 2; Іезек. XXXIX, 9). И вотъ здѣсь-то хотятъ теперь помѣстить геенну. Но Писаніе этого не говоритъ. Ты хочешь все таки знать: въ какомъ мѣстѣ будетъ геенна? По моему мнѣнію, гдѣ-нибудь внѣ всего этого

міра. Какъ царскія темницы и рудокопни бываютъ въ мѣстахъ отдаленныхъ, такъ и геенна будетъ гдѣ-нибудь внѣ этой вселенной. Но будемъ допытываться не о томъ, гдѣ она, но какъ избѣжать ея. И потому, что Богъ не всѣхъ наказываетъ здѣсь, не должны мы не вѣрить будущимъ наказаніямъ. Онъ человѣколюбивъ и долготерпѣливъ, и потому угрожаетъ, а не вдругъ ввергаетъ въ геенну. *Не хощу смерти грѣшника*, говоритъ Онъ, *но еже обратитися и живу быти ему* (Іезек. XVIII, 32). А если нѣтъ смерти для грѣшника, то это напрасно сказано.

626 5. Я знаю, что для васъ нѣтъ ничего непріятнѣе подобныхъ словъ; а для меня они всего пріятнѣе. О, если бы вы и за обѣдомъ и за ужиномъ и въ банѣ—вездѣ бесѣдовали о гееннѣ! Тогда мы не сѣтовали бы на настоящія бѣдствія и не услаждались бы земными благами. Да и какія бы тогда могли огорчать насъ несчастія? Нищета? Болѣзнь? Плѣнъ? Недугъ тѣлесный? Все это достойно смѣха въ сравненіи съ будущимъ наказаніемъ. Укажешь ли мнѣ на томящихся всегда голодомъ, на слѣпыхъ съ младенчества, на выпрашивающихъ себѣ каждый кусокъ хлѣба? И подобное испытать—ничего не значитъ въ сравненіи съ будущимъ мученіемъ. Итакъ, будемъ постоянно обращаться къ гееннѣ и умомъ и языкомъ. Память о ней не допуститъ насъ впасть въ геенну. Или не слышишь, что говоритъ Павелъ: *иже муку пріимутъ вѣчную отъ лица Господня* (2 Сол. I, 9)? Или не слышишь, каковъ былъ Неронъ, котораго Павелъ называетъ антихристовою тайною. *Тайна бо уже дѣется беззаконія* (II. 7), говоритъ онъ. Итакъ что же? Ужели ничего не потерпитъ Неронъ, ничего не потерпитъ антихристъ, ничего діаволъ? А слѣдовательно антихристъ и діаволъ всегда будутъ, потому что, оставшись безъ наказанія, они не оставятъ злобы своей? Нѣтъ,—говоришь ты; всякому извѣстно, что есть наказаніе и геенна; но впадутъ въ геенну одни невѣрные. Почему же, скажи? Потому, отвѣтишь, что вѣрные познали своего Владыку? Что же изъ того? Когда жизнь нечиста, они понесутъ за это еще бóльшее наказаніе въ сравненіи съ невѣрными. *Елицы бо безъ закона согрѣшиша, безъ закона и погибнутъ, и елицы въ законѣ согрѣшиша, закономъ судъ пріимутъ* (Рим. II, 12). И еще: *рабъ вѣдѣвый волю господина своего, и не сотворивъ, біенъ будетъ много* (Лук. XII, 47). Но если это сказано безъ всякой мысли, и намъ не должно давать отчета въ жизни, то и діаволъ не будетъ наказанъ, потому что онъ знаетъ Бога лучше многихъ изъ людей. Вѣдь и бѣсы знаютъ Бога, трепещутъ Его и признаютъ (Іак. II, 19) Судіею. Итакъ, если не потребуется у насъ отчета въ жизни и въ злыхъ дѣлахъ, то и бѣсы избѣгнутъ наказанія? Нѣтъ, нѣтъ; не обманывайте сами себя, возлюбленные! Если нѣтъ геенны, то какъ же апостолы будутъ судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ? Какъ Павелъ говоритъ: *не вѣсте ли, яко ангеловъ судити имамы, а не точію житейскихъ* (Кор. VI, 3)? Зачѣмъ Христосъ сказалъ: *мужіе Ниневитстіи возстанутъ на судъ съ*

родомъ симъ и осудятъ его (Мѳ. xii, 41); и еще: *земли Содомстѣй и Гоморрстѣй отраднѣе будетъ въ день судный* (Мѳ. x, 15)? Какъ же ты, человѣкъ, шутишь, чѣмъ шутить не должно? Самъ себя обманываешь и вводишь въ заблужденіе душу свою? Зачѣмъ возстаешь противъ человѣколюбія Божія? Для того именно Богъ и создалъ геенну, и угрожаетъ ею, чтобы мы изъ страха ея старались быть лучшими и въ нее не впадали. Поэтому, кто запрещаетъ говорить о гееннѣ, тотъ не достигаетъ ничего другого, какъ незамѣтно приготовляетъ самому себѣ, самого же себя обманывая, гибель въ гееннѣ. Не связывай же рукъ, подвизающихся въ добродѣтели, не усиливай нерадѣнія въ людяхъ, погруженныхъ въ сонъ. Если бы увѣрить людей, что нѣтъ геенны, то отстали ли бы они когда-нибудь отъ порока? И гдѣ же будетъ правда? Не говорю уже о грѣшникахъ и праведникахъ, но исключительно о грѣшникахъ. Почему одинъ наказывается здѣсь, а другой не наказывается, за тотъ же самый, а то и тягчайшій грѣхъ? Если нѣтъ геенны, ничего нельзя сказать на такую жалобу. А потому прошу васъ всѣхъ оставить такую смѣшную, прямо сатанинскую мысль,—и тѣмъ заградить уста возражающимъ противъ этого. Въ самыхъ малыхъ дѣлахъ, какъ худыхъ, такъ и добрыхъ, будетъ строгое испытаніе. И за нескромный взглядъ подвергнемся мы наказанію, и въ праздномъ словѣ дадимъ отчетъ, и въ смѣхѣ, и въ злорѣчіи, и въ дурномъ помыслѣ, и въ пьянствѣ; а равно и въ добрыхъ дѣлахъ—за чашу студенной воды, за ласковое слово, за одинъ вздохъ получимъ награду. Сказано вѣдь: *даждь знаменія на лица стенящихъ и болѣзнующихъ* (Іез. ix, 4). Какъ же смѣешь ты говорить, что Богъ съ такою строгостію испытующій нашу жизнь, напрасно и попусту угрожалъ геенной? Прошу васъ, умоляю, не губите такими суетными надеждами себя и тѣхъ, которые вамъ довѣряются. Если не вѣрите нашимъ словамъ, спросите іудеевъ, эллинов, всѣхъ еретиковъ,—и всѣ они какъ бы одними устами отвѣтятъ, 627
что будетъ судъ и воздаяніе. А кто не довольствуется человѣческимъ свидѣтельствомъ, пусть спроситъ самихъ бѣсовъ,—и услышитъ, какъ вопіютъ они: что *пришелъ еси сѣмо прежде времене мучити насъ* (Мѳ. viii, 29)! Представьте же себѣ все это и убѣдите самихъ себя не 628
болтать пустыхъ словъ, чтобы на опытѣ не извѣдать геенны, а напротивъ, уцѣломудрившись помышленіемъ о гееннѣ, быть въ состояніи не только избѣжать будущихъ мученій, но даже получить будущія блага по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому съ Отцомъ и Святымъ Духомъ слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Объясненіе молитвы Отче нашъ (Мѳ. VI, 9—13).

627 *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ.* Отцомъ называешь, человѣкъ, Бога? Справедливо: конечно, Онъ—всѣмъ Отецъ. Но въ такомъ случаѣ старайся, чтобы дѣла твои были угодны Отцу твоему. Если же дѣла твои злы, тогда, конечно, отцомъ твоимъ является діаволъ: онъ источникъ всякаго зла. Поэтому старайся удалиться отъ него и угодить благому Отцу и Создателю твоему. *Да святится имя Твое.* Что это? Развѣ Богъ не святъ? Нѣтъ, Онъ святъ, а эти слова твои означаютъ: во мнѣ да святится имя Твое, чтобы увидѣли люди мои добрыя дѣла и прославили Отца и Творца моего. *Да пріидетъ царствіе Твое.* Что это? Развѣ Богъ не царствуетъ теперь, что Его царство должно еще наступить? Конечно, Онъ—царь. Но какъ городъ, осажденный врагами, проситъ, чтобы пришло царское войско и освободило его, такъ и мы, будучи окружены противными силами и своими собственными грѣхами и злыми помыслами, просимъ, чтобы наступило царство Божіе, чтобы принесло намъ избавленіе. Можно объяснить и другимъ способомъ. Пророкъ говоритъ: *воцарися Богъ надъ языки* (Пс. XLVI, 9), употребляя прошедшее время вмѣсто будущаго; подобно ему и мы восклицаемъ: *да пріидетъ царствіе Твое*, Господи!—то есть: пусть придутъ на насъ милости Твои. *Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли.* Это значитъ: Господи! какъ совершилась воля Твоя на небѣ, гдѣ всѣ ангелы въ мирѣ и нѣтъ среди нихъ ни притѣснителей, ни притѣсняемыхъ, ни обидчиковъ, ни обиженныхъ, но полный миръ царствуетъ между ними, такъ и среди насъ—обитателей земли—*да будетъ воля Твоя*, чтобы всѣ народы одними устами и однимъ сердцемъ, всѣ мы прославили Творца и Спасителя
628 нашего. *Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.* Мы просимъ о насущномъ хлѣбѣ. Хлѣбъ же для души есть слово Божіе, какъ сказалъ нѣкто изъ святыхъ: *сыне, отверзай уста твоя слову Божію* (Притч. XXXI, 8). Поэтому хорошо вспоминать о Богѣ чаще, чѣмъ дышать. *И остави намъ долги наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.* Смыслъ такой: прости намъ долги наши, то есть грѣхи и проступки наши, какъ и мы прощаемъ всѣмъ погрѣшающимъ противъ насъ братьямъ нашимъ, какъ свободнымъ, такъ и рабамъ и всѣмъ зависящимъ отъ насъ. Говоря такъ, человѣкъ, наблюдай, чтобы и дѣла твои соотвѣтствовали словамъ; а если нѣтъ этого, вспомни, какъ страшно впасть намъ въ руки Бога живого, и исправившись, обратись къ Творцу и Господу. *Но избави насъ отъ лукаваго.* Еслибы сатана просилъ сѣять насъ какъ пшеницу, какъ онъ просилъ уже апостоловъ, но справедливо получилъ отказъ на свою просьбу, и еслибы случилось такъ, какъ было съ древнимъ Іовомъ,—не давай ему власти надъ нами; даже

еслибы и человѣкъ лукавый захотѣлъ искусить насъ или обидѣть, не давай ему воли надъ нами, но огради насъ кровомъ крылъ Твоихъ. *Яко Твое есть царство и сила.* Господи! такъ какъ Твое есть царство, не допускай, чтобы насъ устрашало другое царство или иное владычество, даже еслибы мы и достойны были наказанія за грѣхи наши. Ты самъ накажи насъ, какъ Тебѣ угодно, только не передавай насъ въ руки людей: пусть впадемъ мы въ руки Твои, потому что каково величіе Твое, такова и милость Твоя, Отче Вседержителю, во вѣки. Аминь.

О блудномъ сынѣ, о покаяніи, о древѣ познанія добра и зла, и о разбойникѣ.

1. Недавно великое и славное Богоявленіе Спасителя доставило 627
намъ богатую трапезу и полную чашу божественнаго назиданія, отъ которой въ состояніи былъ опьянѣть весь народъ или даже—можно сказать—вся вселенная. *Упіются отъ тука дому Твоего*, говоритъ пророкъ, 628
и потокомъ сладости Твоея напоиши я (Пс. xxxv, 9). Конечно, когда божественное Писаніе говоритъ объ опьяненіи, оно разумѣетъ не опьяненіе, производимое виномъ, но умудряющее дѣйствіе слова. Естествен- 629
нымъ слѣдствіемъ явленія Спасителя было, какъ это и понятно, покаяніе съ его плодами. Вотъ почему наше вчерашнее слово и было посвящено покаянію; при этомъ въ соотвѣтствіе не столько достоинству предмета, сколько нашимъ собственнымъ силамъ мы старались показать, что покаяніе есть вѣрное средство для спасенія; указывался и Врачъ душъ и тѣлъ, Который не прибѣгаетъ къ помощи лѣкарствъ, но врачуетъ духомъ человѣколюбія. А такъ какъ, по свойственной намъ разсѣянности, впечатлѣніе отъ евангельскаго чтенія уже изгладилось у васъ, то необходимо сегодня вкратцѣ напомнить вамъ прошлое и затѣмъ докончить слово. Спаситель, и словомъ уча благочестію, и притчами, загадками и другими способами наставленія внушая полезное вѣрнымъ, сказалъ однажды притчу, прекрасно изображающую образъ покаянія. *Человѣкъ нѣкій*, сказалъ Онъ, *имѣ два сына* (Лк. xv, 11). Младшій изъ нихъ приступилъ къ отцу съ просьбою раздѣлить между ними имѣніе. Отецъ исполнилъ его просьбу, а онъ, получивъ слѣдовавшую ему часть отцовскаго имѣнія, растратилъ и прожилъ ее. Вотъ содержаніе притчи, извѣстное вамъ, конечно. Остается сдѣлать изъ него нѣкоторые выводы. Хотя въ этомъ отношеніи встрѣчается разногласіе во мнѣніяхъ, но для благомыслящихъ истина уясняется безъ труда. Посмотримъ же, что предлагаетъ здѣсь этотъ источникъ мудрости? Есть два рода людей: во-первыхъ, люди праведные, и во-вторыхъ, люди, достигающіе оправданія

при помощи покаянія; первые изначала сохраняютъ праведность, а вторые пріобрѣтаютъ ее путемъ покаянія. *Человѣкъ имѣ два сына*. Хотя наклонности и образъ жизни раздѣлили ихъ, и нечестиваго удалили отъ благочестиваго, но истина признаетъ всѣхъ единымъ созданіемъ Творца; всѣ—сыны Божіи, хотя по своей злой волѣ и очень далеки теперь отъ этого своего достоинства. И самъ Богъ, когда мы предаемся дурнымъ страстямъ и отступаемъ отъ благочестія, не отрекается отъ родства съ нами, но даже къ возстающимъ противъ Него обращается съ отеческимъ увѣщаніемъ: *обратитеся ко Мнѣ*, отступившія отъ Меня дѣти, *и обращуся къ вамъ* (Зах. I, 3). Видишь, что какъ бы ни отпадалъ грѣшникъ, Богъ и отступившихъ отъ Него не отказывается называть Своими сынами? Конечно, Онъ всегда помнитъ Свое созданіе и не отказываетъ ему въ Своемъ благодѣяніи. Теперь, почему именно младшій сынъ дурно распорядился доставшейся ему частью имѣнія? Тутъ скрывается особый смыслъ и вотъ въ чемъ онъ заключается. Праведность и существовала и проявлялась и сіяла изначала; а грѣхъ вошелъ въ міръ позднѣе, онъ моложе ея. Поэтому первый сынъ и занимаетъ первое мѣсто въ отличіе отъ того, который растратилъ свое имѣніе. Творенію изначала была свойственна совершенная красота: міръ—тотчасъ по созданіи—сіялъ новою благодатью, новымъ благолѣпіемъ. И Моисей свидѣтельствуетъ о красотѣ созданія: *и быша вся добра зѣло* (Быт. I, 31); не просто *добра*, но: *добра зѣло*. Значитъ, правда была первою и добро изначальнымъ. А грѣхъ былъ моложе: онъ явился какъ отступленіе отъ правды и нарушеніе благолѣпія. Итакъ, отецъ раздѣлилъ свое имѣніе поровну—между сыновьями. Почему же поровну? Потому, что праведники въ настоящей жизни не имѣютъ никакихъ преимуществъ: *солнце свое сіяетъ на злыя и благія и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Мѳ. V, 45). Однако, тотъ сынъ, который является олицетвореніемъ праведныхъ, не пожелалъ воспользоваться раздѣломъ отцовскаго имѣнія, но остался подъ властью отца. Праведный вѣдь всегда повинуется Богу и ничего себѣ не присвояетъ. Желаешь убѣдиться въ этомъ,—именно, что праведникъ ничего не требуетъ себѣ отъ Бога, но всецѣло предаетъ себя волѣ и промышленію своего Отца? Вотъ Давидъ отъ лица праведныхъ восклицаетъ: *что бо ми есть на небеси, и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли* (Пс. LXXII, 25)? Видишь, что ликъ праведныхъ не стремится присвоить себѣ власть надъ созданіемъ, но желаетъ, чтобы все пребывало въ попеченіи и промышленіи Отца? Младшій, получивъ отцовское наслѣдство, отправился въ дальнюю страну, отдаленную не въ пространственномъ отношеніи, но въ нравственномъ. Въ самомъ дѣлѣ, братіе, грѣшникъ удаленъ отъ Бога не мѣстомъ, но своимъ нравомъ, согласно со словами, что *се удаляющіи себе отъ Тебе погибнутъ* (Пс. LXXII, 27). Получивъ наслѣдство, онъ растратилъ его, живя распутно: тѣ дары созданія, которыя даны были ему, онъ осквернилъ грѣхомъ. Солнце было создано

для его пользы, а онъ этому дару покланялся какъ Богу; источники были даны ему для питанія, а онъ этотъ даръ обоготворилъ. Даровавшій 630
былъ пренебреженъ, а вся честь воздана дарамъ, какъ съ негодованіемъ восклицаетъ Павелъ: *и послужиша твари паче Творца* (Римл. I, 25). Одно и тоже твореніе, одно и тоже отеческое имѣніе; но одинъ хорошо имъ воспользовался, а другой дурно. Двухъ родовъ бываютъ, и люди: одни относятся къ дарамъ Владыки правильно, а другіе впадаютъ въ заблужденія. Благочестивый видитъ красоту неба и отъ красоты его возвышается мыслью къ ея Виновнику: *узрю небеса*, говоритъ онъ, *дѣла перстъ Твоихъ* (Пс. VIII, 4). Увидѣлъ красоту и воздалъ хвалу Тому, кто создалъ такую красоту; увидѣлъ міръ, и благословилъ Творца міра. Благочестивый хвалитъ и созданіе, но поклоняется Создателю. Не безчестятъ благочестивые твореніе тѣмъ, что избѣгаютъ поклоненія твари, но возвышаютъ честь Творца. Не по ненависти къ солнцу вѣрный не воздаетъ ему поклоненія вмѣстѣ съ нечестивыми, но потому, что въ почтеніи къ нему соблюдаетъ мѣру, почитаетъ и любитъ видимую природу какъ даръ Божій. Хочешь убѣдиться, что благочестивый созерцаетъ твореніе и удивляется красотѣ его, хотя поклоненіе воздаетъ исключительно Творцу? Одинъ изъ мудрыхъ—я разумѣю мудрыхъ по благочестію—говоритъ такъ: *солнце, восходящее на высокихъ Господнихъ, сосудъ дивенъ, дѣло Вышняго, огненная издышущее и простирающее лучи*, освѣщаетъ небо (Сирах. XXVI, 18; XLIII, 2, 4)—и тотчасъ же прибавляетъ: *велій Господь, сотворивый е* (Сирах. XLIII, 5). Такъ, и о красотѣ творенія возвѣстилъ Премудрый, и о Виновникѣ ея не забылъ. Нечестивый же и небеса, возвѣщающія славу Божію—не словами, конечно, но красотой созданія (Пс. XVIII, 1), созерцалъ себѣ на пагубу. Небо, конечно, никогда не издавало звуковъ, но всякихъ словъ громче свидѣтельствуетъ оно своимъ великолѣпіемъ. И безмолвное небо возвѣщаетъ славу Божію? Конечно! Твои писанія говорятъ безъ словъ, а твореніе Божіе не можетъ возвѣщать безъ словъ? Отвѣдалъ ты благочестія? Тогда по отвѣданному суди и объ истинѣ во всемъ ея объемѣ. Представь же теперь себѣ, насколько нечестивый преуспѣваетъ въ томъ самомъ, что служитъ къ оправданію благочестиваго. Видитъ онъ луну и покланяется ей; видитъ звѣзды и почитаетъ ихъ; видитъ море и боготворитъ его. Отроки, вверженные въ вавилонскую пещь, находясь въ ней, прославляли Бога спасительнымъ и прекраснымъ славословіемъ, призывая всю тварь: *благословите вся дѣла Господня, Господа* (Дан. III, 57). Не достаточно ли было, однако, произнесши эти слова, прекратить затѣмъ пѣснь? Вѣдь Богъ услаждается не продолжительностью пѣнія, но расположеніемъ поющихъ. А разъ сказано: *вся дѣла*, значитъ обнято все и въ дальнѣйшихъ прибавленіяхъ не было нужды. Правда; но такъ какъ они не самимъ себѣ проповѣдывали, но восхваляли Бога и своимъ славословіемъ вразумляли окружавшихъ халдеевъ, то необхо-

димо было, чтобы всѣ творенія заняли свое мѣсто въ ихъ славословіи, чтобы заблуждавшіеся халдеи поняли, кто воспѣваетъ и что воспѣвается.

Впрочемъ, это разсужденіе отвлекло насъ далеко въ сторону; оставимъ же наконецъ его и возвратимся къ порядку слова. Въ далекую страну отправился младшій сынъ, истратилъ тамъ богатство свое и началъ терпѣть лишенія. Не даромъ сказано: *богатіи обнищаша и взалкаша, взыскающіи же Господа не лишатся всякаго блага* (Пс. xxxiii, 11). И понятно: Господь *не лишитъ благихъ ходящихъ незлобіемъ* (Пс. lxxxiii, 12). Итакъ, онъ началъ терпѣть лишенія. *И шедъ ко единому отъ старѣйшинъ тоя страны: и сей посла его пасти свинія* (Лук. xv, 15). Видите, какова высота древняго благородства, и каково униженіе, послѣдовавшее за отпаденіемъ отъ благочестія? Ему поручено пасти свиней, т. е. предоставлено погрязать въ наслажденіяхъ и грѣхахъ. Чтó для свиней грязь, то грѣхъ для погрязающихъ въ немъ. Поэтому Спаситель, намекая на живущихъ въ нечистотѣ и погрязающихъ въ грѣхахъ подобно грязи, говорилъ: *не дадите святая псомъ, ни пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями* (Мѳ. vii, 6). Пасъ онъ свиней *и желаше насытити чрево свое отъ рожецъ, яже ядяху свинія, и никто же даяше ему* (Лук. xv, 16). Запомни это твердо: тотъ, кто отвергся благочестія, не получаетъ наслажденія отъ удовольствій, но обрекается на бѣдность и испытываетъ недостатки, не находитъ себѣ удовлетворенія даже и въ тѣхъ порокахъ, какимъ предается. *Безумный*, говоритъ Премудрый, *въ*
631 *скудости скончается* (Притч. x, 21). Въ притчѣ удовольствія міра уподобляются рожкамъ: рожокъ отличается большой жесткостью, но малой пріятностью; такъ точно то, чтó въ мірѣ блестяще и заманчиво, сопряжено со многими трудами, а наслажденіе доставляетъ малое. И вообще въ нашей жизни больше трудовъ, чѣмъ удовольствій. Вѣдь и *дніе лѣтъ нашихъ въ нихже седмьдесятъ лѣтъ, и множае ихъ трудъ и болѣзнь* (Пс. lxxxix, 10). Наконецъ, бѣдствія вразумили его, и лишенія обратили. *Накажетъ тя отступленіе твое и злоба твоя обличитъ тя* (Іер. ii, 19). *Въ себе же пришедъ* (Лук. xv, 17). Хорошо сказано: *въ себе*. Когда мы грѣшимъ, мы внѣ себя, безумствуемъ, сбиваемся со своихъ мыслей; когда же начинаемъ вести себя по правдѣ, возвращаемся въ себя. *Въ себе же пришедъ, рече*. Здѣсь замѣть тщательно, какъ оправдывается давно сказанное слово, что врачи употребляютъ лѣкарства чуждыя и странныя, а между тѣмъ мы въ самихъ себѣ носимъ запасъ цѣлебныхъ средствъ. *Въ себе пришедъ*. Не постороннее какое-либо лѣкарство подѣйствовало на него, но его собственная природа заявила свои требованія и толкнула его на путь спасенія. *Колико наемникомъ отца моего избываютъ хлѣбы, азъ же гладомъ гиблю* (ст. 17). Сыновьями называетъ божественное Писаніе тѣхъ, кто совершенно предалъ праведности и благочестію, наемниками же тѣхъ, кто не имѣетъ всецѣлой

преданности добродѣтели и не руководствуется въ устроеніи своей жизни волей Божіей,—кто хотя и разумѣетъ благо, любитъ ученіе, но не ототдается ему всецѣло сердцемъ. Такимъ-то людямъ, не имѣющимъ всецѣлой любви, но вообще расположеннымъ къ благочестію, Богъ даетъ плату, сообразно съ ихъ расположеніемъ. Поэтому вполнѣ справедливо сказалъ онъ: *колико наемникомъ отца моего избываютъ хлѣбы, азъ же гладомъ гиблю?* Возвращусь къ Отцу моему, возвращусь къ Тому, Кто сказалъ: *обратися, душе моя, въ покой Твой* (Пс. CXIV, 6). *И реку ему: отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою. И уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой: сотвори мя яко единаго отъ наемникъ твоихъ* (ст. 18, 19). Но какъ различны слова кающагося и дары пріемлющаго покаяніе! Пришедшій отъ грѣховъ въ покаяніе не мечтаетъ о царствѣ небесномъ; не считаетъ себя достойнымъ жизни вѣчной, но одну только имѣетъ мольбу—объ избавленіи отъ геенны. Онъ ожидаетъ немногаго, а Богъ даруетъ ему неизсякаемое богатство благодѣянія. Но вотъ чудо! Тотъ еще только думалъ о покаяніи, а отецъ уже поспѣшилъ къ нему со своимъ человѣколюбіемъ: не сталъ дожидаться словъ исповѣданія, но предупредилъ его просьбу, согласно со сказаннымъ: прежде чѣмъ ты призовешь Меня, я скажу: *се пріидохъ* (Ис. LVIII, 9). Издалека увидѣлъ онъ идущаго сына и устремился навстрѣчу ему. Видишь, насколько человѣколюбіе Его предупреждаетъ покаяніе? Потому-то и Давидъ, уврачевавъ недугъ грѣха покаяніемъ и зная, какъ Господь, по человѣколюбію Своему, спѣшитъ встрѣтить приближающихся къ Нему, умоляетъ Бога, говоря: *возстани во срѣтеніе мое и виждь* (Пс. LVIII, 5), что я искренно приближаюсь къ Тебѣ, что мое покаяніе нелицемѣрно. Встрѣтилъ отецъ сына, и тотъ говоритъ ему: *согрѣшихъ и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой: сотвори мя яко единаго отъ наемникъ твоихъ* (Лк. XV, 21, 19). А отецъ ничего не говоритъ ему, не отвѣчаетъ на его слова, но приказываетъ своимъ рабамъ: *принесите одежду первую и облецыте его* (ст. 22). Не указываетъ ли это на то, что кающійся, усиленно умоляя Бога, не получаетъ отъ него отвѣта на словахъ, а видитъ Его человѣколюбіе на дѣлѣ? Вѣдь это такъ и бываетъ. Покаяніе наше на словахъ, а человѣколюбіе Божіе обнаруживается самымъ дѣломъ. *Изнесите ему одежду первую,* которую утратилъ онъ преслушаніемъ. *Дадите и сапоги на нозѣ* (ст. 22). Почему же сапоги? Потому, очевидно, что согрѣшающіе подвергаются нападеніямъ змія, какъ сказано: *той твою блюсти будетъ главу, и ты блюсти будеши его пяту* (Быт. III, 15). И вотъ, чтобы обнаженная нога не подверглась гибельному уязвленію змія, чтобы освобожденнаго отъ грѣха не заразилъ онъ опять ядомъ грѣха, и покаявшійся грѣшникъ для безопасности обувается въ сапоги. Вѣдь если бы не получилъ онъ сапогъ, не могъ бы наступать на змѣй и скорпіоновъ и на всю силу вражію (Лк. X, 19). Такимъ-то образомъ огражденный отъ укушенія змія, Павелъ возвѣ-

щалъ сегодня: *боюся, да не како, якоже змій Еву прельсти, тако*
632 *истлѣютъ и разумы ваша отъ простоты, яже о Христѣ* (2 Кор. XI, 3). Но здѣсь какъ будто возникаетъ новое недоумѣніе, возстаетъ предъ нами то пресловутое изслѣдованіе, по поводу котораго божественное Провидѣніе подвергается многимъ нападкамъ. Зачѣмъ это, говорятъ, змій въ раю? Зачѣмъ дерево послужило причиною столь великаго зла? Зачѣмъ Творецъ произрастилъ такое дерево? Развѣ, говорятъ не нелѣпо это: человѣкъ—садовникъ старается очистить свои сѣмена отъ сорныхъ травъ и постороннихъ примѣсей и сохранить свою землю чистою отъ всего ненужнаго, а Богъ, устроивши столь великій и прекрасный садъ, самъ посадилъ въ немъ дерево, которое должно было послужить источникомъ столь великихъ бѣдствій? На такіе вопросы наталкиваетъ насъ божественный Павелъ своими словами: *боюся, да не како, якоже змій Еву прельсти, тако истлѣютъ и разумы ваша отъ простоты, яже о Христѣ*. Что сказать на это, братіе? Не вдаваясь въ излишнее и многословное изысканіе, скажемъ вкратцѣ. Богъ сотворилъ все прекраснымъ, и не просто прекраснымъ, но и весьма прекраснымъ: *вся добра зѣло* (Быт. I, 31).[1] Эта прибавка —*добра зѣло*— указываетъ на высшую степень красоты всего сотвореннаго. Затѣмъ даетъ Богъ Адаму изобиліе во всемъ, наслажденіе, власть, обладаніе раемъ и господство надъ всѣмъ видимымъ. *Сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію, и да обладаетъ рыбами морскими, и птицами небесными, и звѣрьми, и скотами, и всею землею* (Быт. I. 26). Въ этихъ словахъ дана была человѣку власть надъ раемъ, дано было право пользоваться имъ и наслаждаться въ немъ. Однимъ словомъ, онъ былъ поставленъ царемъ, имѣя, съ одной стороны, власть надъ видимою тварью, а съ другой—рай въ своемъ обладаніи. Нужно было, однако, дать Адаму заповѣдь для упражненія его души въ послушаніи. Противъ этого многіе возражаютъ: развѣ Богъ не зналъ, что Адамъ нарушитъ заповѣдь? Зачѣмъ же давалъ ее человѣку, который долженъ былъ ее нарушить? Я прошу вашу любовь содѣйствовать мнѣ въ предстоящей мнѣ трудной задачѣ: я вѣдь защищаю божественное творчество и промышленіе. Сотворилъ Богъ человѣка, далъ ему изобиліе во всемъ, предоставилъ ему употреблять въ пищу все, что онъ пожелаетъ. Другое дѣло, если бы заповѣдь была стѣснительна, позволяла касаться немногаго, а требовала воздерживаться отъ многаго,—тогда преслушаніе еще могло бы находить себѣ благовидное объясненіе въ томъ, что воля не выдержала столь тягостнаго испытанія. Но когда во всемъ было полное изобиліе, а запрещеніе ограничивалось немногимъ, то почему Адамъ не оказалъ послушанія Благодѣтелю? Можно, конечно, сказать, что, при изобиліи во всемъ, человѣкъ не находилъ въ другихъ деревьяхъ такой красоты: это дерево было *добро въ снѣдь и угодно очима видѣти* (Быт. III, 6). Но и это благовидное оправданіе устраняется тѣмъ, что

Богъ, какую красоту далъ этому дереву, такою же надѣлилъ и всѣ другія деревья райскія. Въ самомъ дѣлѣ, Моисей говоритъ: *и прозябе Богъ еще отъ земли всякое древо красное въ видѣніе и доброе въ снѣдь* (Быт. II, 9). Итакъ, зачѣмъ же была дана заповѣдь? Чтобы человѣкъ зналъ, что онъ подчиненъ закону и Владыкѣ. И почему такую именно заповѣдь далъ Богъ, а не какую-либо иную? Потому, что другого средства для испытанія послушанія не было. Въ самомъ дѣлѣ, что Богъ могъ сказать Адаму? Не воруй? У кого? Какой законъ могъ Онъ дать? Не убивай? Кого? Не прелюбодѣйствуй? Съ кѣмъ? Не завидуй? Кому и въ чемъ? Не было почвы для заповѣди, не было міра, не было того склада жизни, какой въ настоящее время существуетъ въ мірѣ. Можетъ быть слѣдовало бы сказать: не ябедничай? Но гдѣ былъ судъ? Гдѣ обвинители? Гдѣ обвиняемые? И вотъ Богъ даетъ человѣку заповѣдь въ области доступнаго ему употребленія плодовъ: всѣми пользоваться въ изобиліи, а отъ одного воздерживаться, чтобы, пользуясь всѣмъ, онъ въ тоже время чувствовалъ надъ собою власть, воспрещающую вкушеніе отъ дерева, не потому, чтобы самое дерево было зло, но потому, что нарушеніе заповѣди было грѣховно. Такъ законъ природы требуетъ, чтобы дѣвица вступала въ законный бракъ, но если какая-либо дѣвица, помимо воли отца или не дожидаясь времени брака, допуститъ обольстить себя, она по закону подвергается строгому наказанію, не потому, конечно, что она сдѣлала нѣчто сравнительно съ другими дѣвицами неестественное, но потому, что вопреки закону и волѣ отца сама себя предала грѣху,—наказывается не за существо дѣла, но за характеръ преступленія. Точно также Адамъ подпадаетъ наказанію не за совершеніе чего-нибудь противнаго самой природѣ, но за покушеніе на то, что было запрещено заповѣдью.

2. Требуй объясненія, но не оспаривай того, чего не знаешь. 633
Когда тебѣ нужно изслѣдовать повѣствованіе о событіяхъ древности или судебное дѣло, не обращаешься ли ты тогда къ стариннымъ записямъ, чтобы изъ нихъ узнать, что̀ говорили обвиняемые и что̀ защитники и какой приговоръ постановилъ судья, и такимъ образомъ возстанавливаешь въ памяти то, что уже было поглощено забвеніемъ? Такъ и теперь прислушайся къ тому, что свидѣтельствуетъ древняя исторія. Когда возсѣдалъ Судія истины, или вѣрнѣе сказать, когда къ подсудимому пришелъ въ образѣ друга Врачъ нашихъ недуговъ грѣховныхъ, что сказалъ Онъ ему? *Адаме, гдѣ еси* (Быт. III, 9)? И что отвѣтилъ Ему Адамъ? *Гласъ твой слышахъ и скрыхся, яко нагъ есмь* (Быт. III, 10). Что же тогда Всевѣдущій? Подъ видомъ невѣдѣнія онъ говоритъ: *кто возвѣсти тебѣ, яко нагъ еси, аще не бы отъ древа, егоже заповѣдахъ тебѣ сего единаго не ясти, отъ него ялъ еси* (ст. 11)? Этими словами указываетъ Богъ на то, что Адамъ во всемъ, такъ сказать, имѣлъ изобиліе и что, слѣдовательно, не трудность въ удовлетвореніи

своихъ потребностей привела его къ грѣху. Что же на это обвиняемый? *Жена, юже далъ еси со мною, та ми даде* (ст. 12). Адамъ приписываетъ свой грѣхъ женѣ; а ты возлагаешь вину на дерево? Обвиняемый былъ не въ состояніи придумать что-либо въ свое оправданіе, и не нашелъ другого какого-нибудь убѣжища кромѣ истины, не отнесъ причину къ Создателю, но обвинилъ жену; а ты возлагаешь вину на вещи, которыхъ силы не знаешь? Теперь, что Богъ сказалъ Евѣ? *Что сіе сотворила еси* (ст. 13)? Она въ отвѣтъ на этотъ вопросъ указываетъ причину: *змій прельсти мя* (ст. 13). И она не затронула созданія, не оклеветала Создателя, не сказала: зачѣмъ Ты сотворилъ насъ, зачѣмъ запретилъ вкушать отъ этого дерева? Въ качествѣ обвиняемой она не прибѣгаетъ ко лжи, между тѣмъ какъ обыкновенно обвиняемые, чтобы избѣжать обвиненія, охотно пользуются даже тѣмъ, чего не было. Итакъ, она въ отвѣтъ на обвиненія не нашла никакого другого прикрытія себѣ; а ты возводишь на Бога такое обвиненіе, какого не высказали и подсудимые? Возвратимся нѣсколько назадъ. *Адаме, гдѣ еси?* Такъ какъ Богъ видѣлъ, что уста грѣшниковъ заграждены и робость не позволяетъ имъ говорить, то вопросомъ Своимъ облегчаетъ имъ способъ оправданія. Преступивъ заповѣдь, я скрылся. Услышавъ о Твоемъ человѣколюбіи, Владыка, я рѣшаюсь оправдываться. И такова справедливость Судіи: онъ не начинаетъ допроса прямо съ виновной, но съ обольщеннаго. И справедливо: вѣдь судъ былъ бы гораздо суровѣе, если бы сразу обрушился на виновнаго. Начинаетъ съ того, кто могъ найти для себя хотя небольшое оправданіе въ томъ, что былъ введенъ въ заблужденіе другимъ. Затѣмъ уже отъ мужа переходитъ къ женѣ и говоритъ ей: *что сіе сотворила еси?* Она же отвѣчаетъ: *змій прельсти мя.* Змій прельстилъ? Обманъ былъ бы возможенъ, если бы въ предупрежденіе его не была дана заповѣдь; если бы Я не предупредилъ васъ: *въ онъ же аще день снѣсте отъ* этого дерева, *смертію умрете* (Быт. II, 17),— тогда возможенъ былъ бы обманъ. А теперь почему слова Божіи не соблюдены, слова же обманщика приняты? Такимъ образомъ, вся вина, падаетъ на преступника заповѣди: никакой доли ея нельзя приписать Богу. Но не будемъ уклоняться отъ порядка слова. Изслѣдованіе преступленія съ обольщеннаго переходитъ на обольстившую, а рѣшеніе дѣла начинается съ виновника зла. Прежде всего противъ него изрекаетъ приговоръ божественное правосудіе: не противъ мужа, не противъ жены, но именно противъ змія. Притомъ, не призываетъ Богъ змія къ допросу, потому что не желаетъ искать причины въ другомъ, не желаетъ слышать дальнѣйшихъ отговорокъ. Что же говоритъ ему? *Проклятъ ты отъ всѣхъ звѣрей земныхъ* (Быт. III, 14). Змій былъ видимымъ орудіемъ, а чрезъ него невидимо дѣйствовалъ діаволъ. Почему же божественный судъ налагаетъ наказаніе на орудіе, а не на дѣйствительнаго виновника зла? Наказанію подвергается и грѣхъ, и орудіе грѣха.

Даже неразумнаго быка, если онъ забодаетъ человѣка, Богъ въ законѣ осуждаетъ на смерть; наказывается, такимъ образомъ, дѣло само по себѣ. Такъ, конечно, и здѣсь: объявленіе приговора змѣю должно было показать, что если орудіе грѣха такъ наказывается, то тѣмъ большее наказаніе угрожаетъ тому, кто чрезъ него дѣйствовалъ. Въ чемъ заклю- 634
чается угрожающее змѣю наказаніе, это хорошо выражено у блаженнаго Исаіи: и будетъ въ послѣдніе дни, говоритъ онъ, *наведетъ Господь мечь святый и великій и крѣпкій на драконта зміа бѣжаща, на драконта зміа лукаваго, и убіетъ драконта въ той день* (Ис. XXVII, 1). Дракономъ называетъ пророкъ діавола и зміемъ лукавымъ самого начальника демоновъ. Такъ и Спаситель сказалъ: *се даю вамъ власть наступати на змію и на скорпію*, а чтобы ты не понялъ это въ буквальномъ смыслѣ и не отнесъ къ упоминаемымъ животнымъ, прибавилъ: *и на всю силу вражію* (Мѳ. x, 19). Только, когда ты слышишь имена змѣя и дракона, не думай, что въ нихъ и заключается корень зла, какъ говорятъ манихеи. Змѣй не былъ виновникомъ зла, не былъ злымъ по природѣ; здѣсь идетъ рѣчь только о злой волѣ. Видишь, говорятъ они, Писаніе назвало его змѣемъ и дракономъ, какъ бы выдѣляя особую какую-то природу, порождающую зло? Но эти слова нечестивыхъ тщетны и пусты, лишены всякаго смысла. Вѣдь, когда Господь говоритъ людямъ: *змія, порожденія ехиднова* (Мѳ. XXIII, 33), развѣ природу обличаетъ Онъ, а не расположеніе воли? Конечно, не природу! А это показываетъ, что и вообще въ подобныхъ случаяхъ нужно сообразоваться съ мыслью, а не привязываться къ словамъ.

3. Но они опять возражаютъ и предлагаютъ другой вопросъ. Почему, говорятъ, дерево названо древомъ познанія добра и зла? Очевидно, божественное Писаніе имѣло въ виду обозначить какую-то особенную природу дерева? О, человѣкъ, не извращай такъ безразсудно истину! Вѣдь это дерево не природу добра и зла породило, но обнаружило только расположеніе человѣка; и называлось оно такимъ именемъ не потому, что добро или зло было связано съ его природой, но потому, что послужило къ обнаруженію ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое познаніе принесло Адаму вкушеніе отъ древа? Онъ узналъ, что послушаніе Богу—добро, а непослушаніе—зло. Вотъ это и есть—познаніе добра и зла, и больше ничего. Какое познаніе добра могъ онъ получить тотчасъ, когда отверзлись очи его? Какое другое увидѣлъ добро? Милостыню? Но откуда было тамъ взять нищихъ? Что онъ увидѣлъ? Что человѣколюбіе—добро? Но въ чемъ могло обнаружиться его человѣколюбіе? Что же открылось ему? Что повиноваться—добро, а не повиноваться благодѣтелю—зло. Откуда это видно? Писаніе говоритъ: *возвѣстися бо тебѣ, человѣче, что добро или чесого Господь ищетъ отъ тебе, точію еже боятися Господа Бога твоего* (Мих. VI, 8 и Второз. x, 12). Видишь, что страхъ Божій—добро, а преслушаніе

Бога—зло? Ужаснулось небо, говоритъ пророкъ, и вострепетала земля, ***два бо зла сотвориша людіе Мои: Мене оставиша источника воды живы,*** и дальнѣйшее (Іер. п, 12, 13). Почему же, говорятъ, сказалъ: не прикасайся къ этому древу; если же вкусишь отъ него, то чрезъ преслушаніе узнаешь добро и зло? Почему! Я объясню тебѣ и дамъ отвѣтъ вкратцѣ. Писаніе всегда охотно даетъ предметамъ такія имена, какія соотвѣтствуютъ обстоятельствамъ. Напримѣръ: Исаакъ выкопалъ колодецъ; пришли филистимляне и стали враждовать изъ-за колодца и присвоять его себѣ, пользуясь чужими трудами. Что же Исаакъ? Онъ далъ этому колодцу имя: *вражда* (Быт. xxvi, 21). Не колодецъ породилъ вражду, но по поводу его возникла вражда, и поэтому колодецъ сдѣлался колодцемъ вражды. Устроилъ онъ другой колодецъ; и тотъ отняли у него; и назвалъ онъ его колодцемъ обиды (ст. 20),—не потому, что онъ былъ колодцемъ обиды, но такъ какъ онъ послужилъ поводомъ къ обидѣ. Точно также слуги Іоава и Авенира, какъ знаютъ свѣдущіе въ Писаніи, сойдясь при источникѣ, коварно умертвили другъ друга, и назвалось имя мѣсту тому: *часть навѣтниковъ* (2 Цар. п, 13, 16). Опять и здѣсь не мѣсто породило коварство, но обнаруженіе коварства сообщило имя мѣсту. Такъ было и съ Адамомъ. Такъ какъ отъ вкушенія онъ долженъ былъ получить опытъ, что повиноваться Богу—добро, а не повиноваться—зло, то отъ этого случая дерево и получило свое названіе. Но достаточно объ этомъ. И да упасетъ насъ Господь подальше отъ этого дерева! Поспѣшимъ же къ древу жизни, древу креста, процвѣтшему плодами правды, прозябшему дѣвствомъ, источившему святыню и различные плоды, принесшему многочисленные и разнообразные дары людямъ. Это именно древо и въ чувственномъ своемъ видѣ породило великое и чудное спасеніе,—не то, которое Спаситель таинственно домостроительствовалъ, но которое благоразумный разбойникъ явно восхитилъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ Адамъ изъ-за дерева былъ изгнанъ изъ рая (***праведенъ еси, Господи, и прави пути твои*** (Пс. cxviii, 137), какъ Адамъ за одинъ грѣхъ изгоняется изъ рая, такъ за одно вѣрное исповѣданіе вводится въ рай разбойникъ. Вмѣстѣ съ беззаконными Ты восходишь на крестъ, и спасаешь беззаконныхъ. Говоритъ Ему разбойникъ: ***помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи си*** (Лук. xxiii, 42)! Подлинно, разбойникъ этотъ не переставъ разбойничать до тѣхъ поръ, пока наконецъ вмѣстѣ съ другими не овладѣлъ и самымъ царствомъ небеснымъ. Другой же разбойникъ насмѣхается надъ Господомъ: ***аще сынъ еси Божій, спаси себе и наю*** (ст. 39). Слова разбойника были близки къ словамъ іудеевъ: они вѣдь тоже говорили: ***аще Сынъ еси Божій, сниди со креста*** (Мѳ. xxvii, 40) и ***вѣруемъ*** Тебѣ (ст. 42). Видишь, какъ дѣти діавола согласны между собою въ ученіи нечестія? Спаси, говорятъ, Себя и насъ! Что же блаженный разбойникъ? Онъ говоритъ въ защиту Господа, осужденный выступаетъ

въ качествѣ судьи и начинаетъ судить по истинѣ: *ни ли ты боишися Бога, яко въ томже* осуждены мы? *И мы убо въ правду: достойныя бо по дѣломъ наю воспріемлева; Сей же ни единаго зла сотвори* (Лк. XXIII, 40, 41). Скажи мнѣ, разбойникъ, почему ты предъ Пилатомъ не сознался такъ прямо? Почему послѣ безчисленныхъ пытокъ ты не сказалъ тогда о томъ, что сдѣлалъ? Иное дѣло--судъ человѣческій, иное дѣло—судъ Божій. Предъ тѣмъ я старался скрыть свои дѣла, такъ какъ онъ не проникаетъ въ сердца, предъ этимъ же не скрываю, потому что предъ нимъ открыты сердца. Почему не сознался ты сразу у Пилата? Потому что тамъ за сознаніемъ слѣдовало наказаніе, здѣсь за сознаніемъ слѣдуетъ спасеніе. *Глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. XLIII, 26). Спаситель между двумя разбойниками являлся какъ бы вѣсами правды, на которыхъ взвѣшивались вѣра и невѣріе, правда и неправда. Началось взвѣшиваніе, и вотъ одинъ, отягощаемый невѣріемъ, повлекся внизъ, а другой, облегчаемый вѣрою, поднялся вверхъ. *И мы убо достойная по дѣламъ наю воспріемлева, Сей же* что? Предъ нами совершается неправда и притомъ ужасная: праведникъ распинается вмѣстѣ съ неправедными, святость наказывается вмѣстѣ съ беззаконіемъ. *И мы убо достойная по дѣламъ наю воспріемлева, Сей же* что *сотвори*? Мы совершали убійства и живыхъ лишали жизни, а Онъ мертвыхъ воскрешалъ и силу смерти сокрушилъ; мы похищали чужое, а Онъ и свое научаетъ раздавать; мы убивали совершенно безобидныхъ людей, а Онъ повелѣлъ любить даже и враговъ. Несправедливъ этотъ 636
судъ. Развѣ Его дѣла заслуживаютъ наказанія, а наши прощенія? Судите согласно съ истиною! Пусть зло будетъ наказано, а правда почтена. Все это совершилось по злобѣ іудеевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ исполнилось пророчество, ясно говорившее о Спасителѣ: *и со беззаконными вмѣнися* (Ис. LIII, 12; Мрк. XV, 28). Такъ любомудрствовалъ этотъ блаженный разбойникъ, такъ вразумлялъ онъ окружающихъ, упрекая своего сотоварища. Когда же увидѣлъ онъ, что окружающіе глухи къ его словамъ, тогда обращается уже прямо къ Сердцевѣдцу и говоритъ Господу: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи си*! Распятаго ты исповѣдуешь Господомъ? Осужденному приписываешь достоинство царя? Что удивительнаго, братіе, если Павелъ послѣ событій, полныхъ таинственнаго значенія, послѣ такого обилія чудесъ, говоритъ: *аще быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. II, 8)? Это говоритъ Павелъ послѣ столь великихъ дѣлъ, послѣ чудесъ, послѣ знаменій, послѣ безчисленныхъ проявленій силы, послѣ воскресенія, послѣ вознесенія. А разбойникъ, при видѣ крайняго уничиженія, при видѣ крестныхъ мученій, называетъ Господомъ распятаго и говоритъ ему: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи си*! Что сдѣлалъ ты достойнаго памяти? Напротивъ, чего не сдѣлалъ ты достойнаго наказанія? Не ты ли убивалъ? Не ты ли кралъ? Не ты ли

разбойничалъ? Погрязая въ безчисленныхъ преступленіяхъ, ты хочешь, чтобы источникъ правды помнилъ о твоей неправдѣ? О, *праведенъ еси Господи и прави суди Твои* (Пс. CXVIII, 137)! Воздай мнѣ по правдѣ Твоей. Я увидѣлъ Твое видимое уничиженіе, и крестъ, и поношеніе беззаконныхъ, но смотрю не на это видимое уничиженіе, но на скрывающееся подъ нимъ Твое царство. Я оставляю безъ вниманія то, что вижу; и Ты не обращай вниманія на мои видимыя преступленія, но прими вѣру моего сердца. *Помяни мя, Господи*! О, судъ справедливости! Помяни меня во царствіи Твоемъ! Не есть ли дѣло справедливости, когда діаволъ одного изъ учениковъ Твоихъ сдѣлалъ предателемъ,— Тебѣ одного изъ учениковъ діавола сдѣлать евангелистомъ? Ученика неправды развѣ не можетъ взять себѣ истина? Не Ты ли — Владыка, прелагающій тьму въ свѣтъ и лукавое въ правое? Преложи и разбойника въ евангелиста, побѣди порочность благостью, потуши правдой неправду и прославь Свое человѣколюбіе. Тебѣ подобаетъ слава и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

О женахъ мvроносицахъ, и о томъ, что нѣтъ никакого несогласія или противорѣчія между евангелистами въ разсказѣ о воскресеніи Господа нашего Іисуса Христа.

635 1. Теперь я хочу нѣсколько побесѣдовать съ вами, возлюбленные, по поводу евангельскаго повѣствованія о святомъ воскресеніи Христа и показать, что въ этомъ отношеніи между евангелистами нѣтъ никакого разногласія или противорѣчія. Такъ какъ въ изображеніи этого событія у каждаго изъ евангелистовъ встрѣчаются нѣкоторыя особенности, то люди неразумные готовы уже видѣть противорѣчіе въ Писаніи и даже ложь. Но святые отцы наши въ немногихъ словахъ отра-
636 зили ихъ безуміе, установивъ, что каждый изъ евангелистовъ описываеть особый приходъ женъ и апостоловъ къ божественному гробу, что этихъ посѣщеній было нѣсколько въ различное время и что никто изъ евангелистовъ не касается уже разсказаннаго другимъ. Такъ устроилъ Всесвятый Духъ, вдохновлявшій евангелистовъ, чтобы, съ одной стороны, ничто изъ тогдашнихъ событій не было предано забвенію, а съ другой, чтобы устранить всякій поводъ къ разногласіямъ, благодаря тому, что каждый разсказываетъ объ особомъ событіи. Итакъ, мы при-
637 нимаемъ различіе во времени и въ самыхъ посѣщеніяхъ женами гроба, согласно указаніямъ отцовъ. Но такъ какъ нѣкоторые, одержимые демономъ, утверждаютъ, что въ Писаніи относительно женъ допущено разногласіе и противорѣчіе, то мы попытаемся, съ помощью Всесвятаго

Духа, разъяснить, насколько въ силахъ, эти событія. Я увѣренъ, съ Божіею помощью, что, такъ какъ при различіи во времени и въ посѣщеніяхъ лицъ согласіе между евангелистами дѣйствительно существуетъ, наше слово не будетъ безуспѣшно. Итакъ, прежде всего, вспомнимъ вкратцѣ о страданіяхъ Господнихъ. Мы читали, какъ Господь преданъ былъ Пилату, какъ затѣмъ, будучи распятъ, Онъ вкусилъ смерть по человѣчеству и былъ погребенъ, какъ былъ приваленъ къ гробу большой камень, какъ іудеи запечатали гробъ и приставили къ нему стражу изъ воиновъ. Когда это было? Въ вечеръ пятницы: *суббота свѣташе*, какъ говоритъ евангелистъ (Лк. ххш, 54). Многія добрыя и прекрасныя женщины, сопутствовавшія Господу изъ Галилеи, наблюдали все происходившее, видѣли гробъ и присутствовали при положеніи тѣла. Затѣмъ субботу, какъ написано, онѣ провели въ покоѣ согласно заповѣди, но купили ароматы и муро, чтобы помазать Іисуса (Лк. ххш, 56). Замѣть въ этомъ случаѣ, возлюбленный, какъ согласны обстоятельства дѣла. Приготовили благовонія въ субботу Марія Магдалина и Іоанна и Саломія и остальныя жены, чтобы уже въ первый день послѣ субботы, то есть въ день Господень, помазать Его. А Марія Іаковлева—это была Богородица (такъ называлась она тогда, какъ мачиха Іакова, называемаго братомъ Господнимъ)—отъ скорби не могла переждать всю ночь послѣ субботы, но тотчасъ въ поздній вечеръ субботы пришла ко гробу, то есть поздно послѣ субботы. Безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ евангелистовъ употребляютъ выраженіе—*въ вечеръ субботній* (Мѳ. xxviii, 1) въ смыслѣ обыкновенныхъ выраженій: въ поздній часъ, въ позднее время. Это не былъ вечеръ субботы въ прямомъ смыслѣ, но поздніе часы субботы, поздно въ субботу. А это означаетъ полночь, или немного спустя. Откуда это видно? Изъ того, что Господь по Его обѣтованію долженъ былъ воскреснуть въ третій день, т. е. въ день Господень. Это и будетъ третій день, считая съ пятницы, когда Онъ былъ распятъ. День же Господень начинается съ седьмого часа ночи и продолжается до шестого часа слѣдующей ночи. И такимъ именно способомъ, считая всякій день, ты не будешь противорѣчить словамъ бытописателя о міротвореніи: *и бысть вечеръ, и бысть утро, день единъ* (Быт. I, 5). Вѣдь какъ только минуетъ полночь, солнце, обтекая землю, тотчасъ освѣщаетъ обращенныя къ востоку страны, хотя еще не показывается само, и производитъ для живущихъ тамъ такъ называемое раннее утро. Такъ и у насъ наступаетъ разсвѣтъ въ различные часы, по мѣрѣ приближенія солнца, а не у всѣхъ одинаково въ одно и то же время. Послѣ же полуночи до разсвѣта Господняго дня воскресъ Господь изъ мертвыхъ, именно, въ третій день по писаніямъ. Итакъ, Пресвятая Дѣва Богородица, удрученная скорбью болѣе всѣхъ, найдя споспѣшницу себѣ въ лицѣ Маріи Магдалины [это была ревностнѣйшая женщина, почему она и вспоминается всѣми четырьмя

евангелистами (Мѳ. xxviii, 1; Мрк. xvi, 1; Лк. xxiv, 10; Іоан. xx, 1)], пришла тотчасъ послѣ полуночи, т. е. въ поздній часъ субботы, ко гробу—не съ благовоніями (для этого еще не настало время), но только посмотрѣть гробъ. Вотъ первый приходъ святыхъ и достойныхъ женъ, о которомъ разсказываетъ евангелистъ Матѳей. Когда онѣ пришли ко гробу, вдругъ произошло землетрясеніе — въ то именно время, когда ангелъ отвалилъ камень отъ гроба и сѣлъ на немъ. Господь уже воскресъ въ то время. Въ самомъ дѣлѣ, евангелистъ не сказалъ, что когда отваленъ былъ камень, тогда Спаситель вышелъ изъ гроба, но что ангелъ отвалилъ камень и сидѣлъ на немъ. Вѣдь тѣло Господа уже просіяло тогда нетлѣніемъ и Онъ, какъ Богъ, вышелъ изъ гроба, еще когда на немъ лежалъ камень, точно такъ же, какъ въ вечеръ дня Господня вошелъ къ ученикамъ Своимъ при закрытыхъ дверяхъ (Іоан. xx, 19). Двѣ эти женщины, именно Пресвятая Дѣва Богородица и Марія Магдалина, со страхомъ и радостью великою пошли возвѣстить апостоламъ,
638 что Господь воскресъ, какъ сказалъ имъ ангелъ, и чтобы они шли въ Галилею, гдѣ увидятъ Его. На пути встрѣтились онѣ съ самимъ воплощеннымъ Богомъ Словомъ. И когда Онъ сказалъ имъ: *радуйтеся!*—онѣ упавши обхватили ноги Его и поклонились Ему Господь не запретилъ имъ прикасаться къ Нему (потому что онѣ видѣли Его въ первый разъ), но, напротивъ, ободрилъ ихъ словами: *не бойтеся, идите, возвѣстите братіи Моей, да идутъ въ Галилею и ту Мя видятъ* (Мѳ. xxviii, 10).

2. Этотъ разсказъ о женахъ мироносицахъ принадлежитъ евангелисту Матѳею. Женщины пошли къ ученикамъ и передали имъ и бывшимъ съ ними слова ангела и слова Господа и то, что онѣ Его видѣли; и не только это, но и разсказали, что онѣ поклонились Ему. Но ученики Господа отъ сильной и невыразимой скорби, овладѣвшей ими послѣ Его крестныхъ страданій, не могли даже и слушать ихъ. Относительно Маріи Магдалины я думаю, что они даже и вниманія не обратили на ея слова, относительно же Матери Господа, въ виду уваженія къ ней и благоговѣнія предъ ней, они рѣшили между собою, что чрезмѣрная скорбь помутила ея умъ и породила у нея разстройство и зрѣнія, и слуха, и осязанія. Чистая и просвѣщенная душа Дѣвы, твердо убѣжденная въ томъ, что она видѣла и осязала, замкнулась въ себѣ, не вступая ни въ какія пререканія съ учениками; къ гробу она уже болѣе не пошла, непоколебимо увѣренная въ томъ, что она тамъ видѣла. Марія же Магдалина, сперва уступивъ апостоламъ, потомъ нѣсколько собралась съ мыслями и, не полагаясь на свои впечатлѣнія, но подумавъ, что ей было видѣніе, беретъ съ собою нѣкую Іоанну и другую Марію и другихъ женщинъ съ благовоніями (Лук. xxiv, 10) и ночью же опять отправляется къ гробу. Самымъ раннимъ утромъ, то есть задолго до разсвѣта, когда надъ землею только что занималась утренняя заря, Марія со своими спутницами приходитъ ко гробу. Ка-

мень уже былъ отваленъ — и тѣла Господа онѣ не нашли (гдѣ же его было и найти?). Пока онѣ недоумѣвали между собою, предъ ними явились два мужа (это были святые ангелы) въ блистающихъ одеждахъ. Тѣ испугались — не только оттого, что ангелы внушили имъ страхъ, но и оттого, что съ порицаніемъ обратились къ нимъ: *что ищете живаго съ мертвыми? Нѣсть здѣ, но воста* (Лук. xxiv, 5, 6). Обрати вниманіе, возлюбленный, какъ подтверждается, что этотъ приходъ женщинъ ко гробу не былъ первымъ: не имѣло бы смысла, если бы женщины ничего не видѣли и не слышали о воскресеніи Господнемъ, ангеламъ упрекать ихъ въ словахъ: *что ищете живаго съ мертвыми?* Очевидно, что всѣ онѣ уже слышали отъ самолично видѣвшихъ Господа и слышали отъ Него отвѣтъ ученикамъ и не повѣрили, потому-то и упрекаютъ ихъ теперь ангелы; были съ перечисленными женщинами и нѣкоторые мужчины. Кто говоритъ это? Евангелистъ Лука. *Во едину отъ субботъ*, говоритъ онъ, *зѣло рано пріидоша на гробъ* жены, *носяще яже уготоваша ароматы, и другія съ ними* [1]). Затѣмъ ангелы не только упрекнули ихъ, но и пристыдили, говоря: *помяните, якоже глагола вамъ, еще сый въ Галилеи, глаголя, яко подобаетъ Сыну человѣческому предану быти въ руцѣ человѣкъ грѣшникъ, и пропяту быти, и въ третій день воскреснути. И помянуша*, говоритъ евангелистъ, *глаголы Его* (Лук. xxiv, 6—8). Потомъ, вернувшись опять, и эти мужчины и женщины вмѣстѣ съ Маріей Магдалиной возвѣстили ученикамъ о всемъ происшедшемъ, причемъ Магдалина видѣла гробъ дважды, а остальныя—однажды. *И явишася*, говоритъ евангелистъ, *предъ учениками яко лжа глаголы ихъ, и не вѣроваху имъ* (ст. 11). Если у кого явится недоумѣніе, почему не упомянулъ евангелистъ поименно тѣхъ мужчинъ, которые вмѣстѣ съ женщинами принимали участіе во второмъ посѣщеніи, то я относительно ихъ полагаю, что они не были изъ числа извѣстныхъ, но или рабы тѣхъ женщинъ, или вообще кто-нибудь изъ подчиненныхъ имъ. Конечно, когда Петръ, возбужденный тѣмъ, что 639
вторично слышалъ уже и притомъ отъ многихъ свидѣтелей, что Господь воскресъ, тотчасъ пошелъ одинъ ко гробу, евангелистъ опредѣленно упомянулъ о немъ, присоединивъ и указаніе на имя въ такихъ словахъ: *Петръ же воставъ тече ко гробу, и приникъ, видѣ ризы едины лежащя, и отъиде, въ себѣ дивяся бывшему* (ст. 12). Замѣть, возлюбленный, что придя въ числѣ первыхъ сразу и одинъ онъ не дерзнулъ войти во гробъ, но только заглянулъ туда и увидѣлъ лежащія одежды. Точнаго осмотра всего мѣста онъ, такимъ образомъ, не произвелъ. Впрочемъ, я еще напомню вамъ объ этомъ.

3. Такъ описываетъ евангелистъ Лука вторичный приходъ ко гробу женщинъ. Что же послѣдовало дальше? Душа Маріи Магдалины

[1]) καὶ τινες σὺν αὐταῖς—можно понимать и въ смыслѣ: καὶ τινες γυναῖκες.

возгорѣлась, что ученики даже и теперь не повѣрили ни ей, ни бывшимъ съ нею, но сочли слова ихъ ложными. И вотъ, съ наступленіемъ утра, то есть, когда начиналъ разсвѣтать день и разсвѣтъ уже настаалъ, но сумерки еще держались, она одна приходитъ ко гробу,—это уже въ третій разъ,—*и видѣ камень взятъ отъ дверей гроба* (Іоан. хх, 1). *Тече убо и пріиде къ Симону Петру* и Іоанну (ст. 2). И замѣть благоразуміе этой женщины. Она скорбѣла въ душѣ, что ей не повѣрили, когда въ первое возвращеніе она вмѣстѣ съ Богородицей возвѣстила ученикамъ о воскресеніи Господа, и что опять, когда рано утромъ съ прочими женами и мужами возвѣстила о томъ же, и тогда слова ея сочли ложью. Она скорбѣла не только о томъ, что ей не повѣрили, а и о томъ, что даже никто изъ нихъ не захотѣлъ пойти ко гробу и посмотрѣть, но или изъ-за страха предъ іудеями, или подавленные сильною и невыразимою скорбью, они почти всѣ сидѣли какъ мертвые; одинъ только Петръ какъ бы пробудился послѣ второго сообщенія женщинъ и пошелъ ко гробу, но и онъ ограничился тѣмъ, что только заглянулъ въ гробницу, не осмѣлившись хотя бы войти туда, какъ мы сказали. Все это именно воспламеняло ея духъ и вотъ, полная божественнаго воодушевленія, она опять пошла, какъ сказано, утромъ въ третій разъ одна и, найдя камень взятымъ отъ гроба, поспѣшила возвратиться къ ученикамъ. По пути она разсуждала сама съ собою въ такомъ родѣ: если я скажу всѣмъ, опять подниму шумъ и на себя же навлеку подозрѣніе, въ здравомъ ли я умѣ. Вѣдь если не повѣрили мнѣ вмѣстѣ съ другими, какъ повѣрятъ теперь одной? Лучше я поговорю отдѣльно съ ближайшими и самыми горячими Его друзьями -- Петромъ и Іоанномъ. Но и они слышали уже о воскресеніи Господа нашего Іисуса Христа и отнеслись къ такому чудесному дѣлу съ полнымъ недовѣріемъ, какъ будто ничего и не слышали. Какъ же мнѣ побудить ихъ, по крайней мѣрѣ, просто придти ко гробу и посмотрѣть, что тамъ есть? Вотъ что я сдѣлаю: я не скажу имъ, что Господь воскресъ, а то опять ничего не выйдетъ; я сообщу имъ самую вѣроятную и правдоподобную вѣсть. И вотъ приходитъ Магдалина Марія, какъ сказано, къ Петру и Іоанну и говоритъ имъ: *взяша Господа моего отъ гроба, и не вѣмъ, гдѣ положиша Его* (Іоан. хх, 2). Она какъ бы такъ говорила: послушайте меня, рабы Божіи: воскресъ Господь изъ мертвыхъ или нѣтъ, я этого вамъ доказывать не буду; но одно говорю вамъ съ достовѣрностью, что тѣла Его нѣтъ во гробѣ; итакъ, вы должны постараться узнать, кто взялъ тѣло Его изъ гроба и куда положилъ Его. Видишь мудрость женщины? Вѣдь если бы мы не предположили, что она руководилась такими соображеніями, тогда мы впали бы въ безсмыслицу. Какъ на самомъ дѣлѣ она, осязавшая ноги Господа вмѣстѣ со святою Богородицею Маріею и дважды слышавшая отъ ангеловъ вѣсть объ Его воскресеніи, могла бы опять говорить о Немъ, какъ будто о мертвомъ, что *взяша*

Господа моего *отъ гроба и не вѣмъ, гдѣ положиша Его*? Напротивъ, теперь должно признать, какъ искусно и умно поступила она въ этомъ случаѣ. Ея слова сразу подѣйствовали: въ томъ, что тѣло украдено изъ гроба, не было ничего невѣроятнаго. И вотъ оба эти ученика тотчасъ поспѣшили ко гробу. За ними послѣдовала и эта удивительная женщина. Вдвоемъ ученики вошли во гробъ и *видѣша ризы едины лежащя и сударь, иже бѣ на главѣ Его, особъ свитъ* (Іоан. xx, 6, 7), тѣла же не было нигдѣ. Тогда, говоритъ евангелистъ, они увидѣли и повѣрили, что Господь взятъ изъ гроба. До этого тамъ былъ одинъ Петръ, притомъ, со страха и по причинѣ бывшей еще тогда тьмы, онъ не могъ 640
разсмотрѣть мѣста такъ ясно, какъ теперь — утромъ. Теперь же они оба увидѣли и увѣрились, что тѣло Господа взято изъ гроба, согласно словамъ Маріи Магдалины. Но въ воскресеніе Его они еще не повѣрили. Откуда это видно? Евангелистъ самъ указываетъ на это: сказавъ о томъ, какъ Петръ вошелъ въ гробъ, онъ прибавляетъ о себѣ: *и видѣ, и вѣрова. Не убо вѣдяху писанія, яко подобаетъ Ему изъ мертвыхъ воскреснути* (Іоан. xx, 9). *Идоста же паки къ себѣ ученика*, не повѣривъ воскресенію. Даже и эту Марію, несмотря на то, что она столько видѣла и слышала, они привели въ сомнѣніе; въ большомъ смятеніи она размышляла такъ: до сихъ поръ я была въ полной увѣренности, что апостолы не видѣли гроба и потому не вѣрятъ воскресенію; а теперь и увидѣвши, что здѣсь нѣтъ тѣла, они остаются при томъ же самомъ убѣжденіи; очевидно, я, какъ женщина, фантазирую и ничего положительнаго ни вижу, ни слышу, а они, просвѣщенные свыше, не поддаются заблужденію и не обманываются такъ легко, какъ мы, женщины. Потрясенная этою мыслью, Марія Магдалина осталась у гроба и плакала. По удаленіи Петра и Іоанна она опять заглянула во гробъ *и видѣ два ангела въ бѣлыхъ ризахъ сѣдящя* (ст. 12). На ихъ вопросъ: *жено, что плачешися? Кого ищеши?* — она отвѣчала имъ: *яко взяша Господа моего и не вѣмъ, гдѣ положиша Его* (ст. 13). Затѣмъ обернувшись, такъ какъ ангелы встали при входѣ туда Господа и, увидѣвъ Его, она не узнала Его. Почему не узнала? Потому, что Господь послѣ воскресенія уже былъ облеченъ нетлѣннымъ тѣломъ и не былъ узнаваемъ, кромѣ тѣхъ, кому Онъ хотѣлъ открыться и когда хотѣлъ. И на Его вопросъ: *жено, что плачеши? Кого ищеши?* — она отвѣчала такъ же, какъ и ангеламъ. Подумавъ, что это садовникъ того сада, въ которомъ былъ гробъ, она говоритъ Ему: *Господи, аще ты еси взялъ Его, повѣждь ми, гдѣ еси положилъ Его, и азъ возму Его* (ст. 15). Это Марія, очевидно, говорила уже безъ задней цѣли и какого-либо лицемѣрія, какъ то было по отношенію къ ученикамъ: тѣмъ она отвѣчала такъ потому, что они дѣйствительно не знали, и чтобы побудить ихъ всѣхъ идти ко гробу; а потомъ, когда они пришли и увидѣли, что тѣла, дѣйствительно, нѣтъ, но воскресенію всетаки не повѣрили, тогда она и сама поколебалась

въ своемъ убѣжденіи, и признала мнѣніе апостоловъ болѣе основательнымъ, чѣмъ свое. Подъ вліяніемъ этой, совершившейся въ ней, перемѣны, она и отвѣчала Господу и ангеламъ, дѣйствительно убѣжденная въ томъ, что тѣло кѣмъ-либо взято изъ гроба. Конечно, Іисусъ, видѣвшій сердце ея, какъ Богъ, съ упрекомъ воскликнулъ къ ней: *Маріе*! Когда же, наконецъ, она узнала Его голосъ (вѣдь это уже второй разъ видѣла она Его) и упала опять, какъ и въ первый разъ, къ Его ногамъ, то не была уже принята имъ такъ благосклонно, какъ тогда, но отстранена Имъ со словами: *не прикасайся Мнѣ!* Въ тотъ разъ двѣ женщины обнимали и цѣловали Его честныя и пречистыя ноги и ничего такого отъ Него не слышали. Видишь, что справедливо Спаситель отстраняетъ ее невѣровавшую отъ Себя, говоря: *не прикасайся Мнѣ!* При первомъ своемъ явленіи Онъ безпрепятственно позволилъ имъ касаться Его ногъ и цѣловать ихъ, чтобы посредствомъ осязанія еще болѣе, чѣмъ зрѣніемъ и слухомъ, удостовѣрить ихъ, что Онъ—распятый и погребенный — воскресъ. А теперь Онъ уже отстраняетъ отъ Себя Магдалину; послѣ столь сильнаго удостовѣренія отступившись отъ своего убѣжденія, она слышитъ: *не прикасайся Мнѣ, не убо взыдохъ ко Отцу Моему*. Въ этихъ словахъ содержится и упрекъ ей за ея невѣріе, и возбужденіе ума ея напоминаніемъ о небесномъ Отцѣ и убѣжденіемъ не думать, что Онъ есть только то, что она видитъ, т. е. человѣкъ, воскресшій изъ мертвыхъ, но что Онъ есть и Богъ, какъ истинный Сынъ Божій, ради насъ вочеловѣчившійся. *Рци*, говоритъ, *братіи моей*: *восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (ст. 17). Услышавши и увидѣвши это, Магдалина идетъ ко всѣмъ ученикамъ. Теперь она уже не говоритъ
641 имъ, что *взяша Господа моего отъ гроба*, но съ полною увѣренностью и рѣшительностью объявляетъ имъ, что видѣла Господа, и вотъ что Онъ сказалъ ей.

4. Вотъ изображеніе третьяго посѣщенія женщинами гроба, посѣщенія, бывшаго утромъ, когда еще была тьма. Это изображеніе принадлежитъ евангелисту Іоанну Богослову, который справедливо и богоприлично пользовался любовью Іисуса по многимъ причинамъ. Остается еще четвертое путешествіе ко гробу женщинъ, которое по устроенію Духа Святого описалъ евангелистъ Маркъ. Откуда видно, что описанное Маркомъ путешествіе есть именно четвертое? Это показываетъ время. Вѣдь одинъ только Маркъ пишетъ, что женщины пришли на гробъ, когда возсіяло солнце. Что же именно онъ говоритъ? *Марія Магдалина* (всѣ четыре евангелиста, какъ уже было сказано, вспоминаютъ о ней) съ другими женщинами, имѣвшими приготовленныя благовонія, *минувшей субботѣ, заутра во едину отъ субботъ пріидоша на гробъ возсіявшу солнцу* (Марк. XVI, 1, 2). Посмотримъ теперь, ради чего Магдалина, уже три раза побывавши на гробѣ, опять идетъ туда

съ другими женщинами, причомъ тѣ несутъ мvро и благовонія и думаютъ, что найдутъ тѣло во гробѣ. Слушай, возлюбленный, внимательно. Послѣ третьяго боговидѣнія будучи совершенно увѣрена въ воскресеніи Господа и громко засвидѣтельствовавши предъ учениками, что она видѣла Господа и что Онъ сказалъ ей то-то, Марія Магдалина, какъ мы раньше сказали, болѣе уже не сомнѣвалась. Но когда она увидѣла Марію, мать Іакова младшаго и Іосіи, и Саломію и другихъ женщинъ, идущихъ ко гробу и имѣющихъ благовонія, и узнала, что онѣ желаютъ идти на восходѣ солнца, пошла и она вмѣстѣ съ ними, не какъ сомнѣвающаяся, но какъ руководительница, и съ радостью о томъ, что много разъ видитъ гробъ пустымъ и адъ—лишеннымъ добычи. Другія же жены или не слышали, или если и слышали, то въ видѣ простыхъ слуховъ, а обстоятельныхъ свѣдѣній не имѣли. Конечно, онѣ-то *и глаголаху къ себѣ*, какъ говоритъ евангелистъ, т. е. не съ Маріей Магдалиной говорили, а между собою: *кто отвалитъ намъ камень отъ дверій гроба? И воззрѣвше, видѣша, яко отваленъ бѣ камень: бѣ бо велій зѣло* (ст. 3, 4). Видишь, что относительно камня онѣ еще ничего не знали, тогда какъ женщины, о которыхъ говорили евангелисты Матѳей и Лука, равно какъ и апостолы Петръ и Іоаннъ—видѣли отваленный камень своими глазами. Затѣмъ, *вшедше*, говоритъ евангелистъ, *во гробъ видѣша юношу сѣдяща въ десныхъ, одѣяна во одежду бѣлу, и ужасошася* (ст. 5). А онъ не упрекалъ ихъ, какъ у евангелиста Луки ангелъ, а у Іоанна самъ Господь, потому что онъ зналъ, что онѣ пришли въ первый разъ. Не упрекнулъ онъ и Магдалины, такъ какъ по ея радостному лицу онъ видѣлъ, что не сомнѣніе о воскресеніи Господа побудило ее опять придти ко гробу, но радость и восхищеніе о случившемся. Потому не только не упрекнулъ ихъ, какъ я сказалъ, но и ободрилъ ихъ отъ страха, какъ и первый ангелъ у еванг. Матѳея. Что же сказалъ онъ? *Не ужасайтеся! Іисуса ищите Назарянина распятаго? Воста, нѣсть здѣ: се мѣсто, идѣже положиша Его. Но идите рцыте ученикомъ Его и Петрови, яко варяетъ вы въ Галилеи: тамо Его видите, якоже рече вамъ* (ст. 6, 7). Хорошо прибавлено здѣсь: *и Петрови*. Вѣдь если бы не было объявлено прямо о томъ, чтобы и ему идти въ Галилею вмѣстѣ съ прочими учениками, онъ, я думаю, не повѣрилъ бы, что Господь простилъ ему его отреченіе. *И изшедше* женщины *бѣжаша отъ гроба, имяше же ихъ трепетъ и ужасъ, и никому же ничтоже рѣша: бояхубося* (ст. 8). Вотъ опять и отсюда,—изъ того, что онѣ никому ничего не сказали, видно, что за исключеніемъ Маріи Магдалины это были другія женщины, отличныя отъ первыхъ, и что это посѣщеніе гроба нужно отличать отъ трехъ описанныхъ другими евангелистами, а не такъ, какъ говорятъ безбожные и многобожные, бывшіе тираны и преступники—будто бы было только одно путешествіе женщинъ ко гробу 642
и будто бы въ описаніи его евангелисты очень противорѣчатъ другъ

другу. Между тѣмъ, и по времени, и по лицамъ, и по характеру объявленія ученикамъ или умолчанія, очевидно, что различны и женщины, и путешествія ко гробу. Итакъ, соединимъ вмѣстѣ все сказанное. Прежде всего—по разсказу ев. Матѳея—Марія Магдалина и Марія, называемая Іаковлею, которую я принимаю за Богородицу, однѣ пришли ко гробу поздно въ субботу, до разсвѣта дня Господня, то есть при окончаніи субботы, какъ мы сказали. По сказанію же Луки, Марія Магдалина опять пошла вмѣстѣ съ Іоанной и Маріей Іаковлевой и нѣкоторыми другими. Эту Марію Іаковлеву я отличаю отъ Богородицы, хотя и эту послѣднюю евангел. Матѳей называетъ такъ же (конечно, при томъ глубокомъ почтеніи, которое всѣ питали къ Богородицѣ, евангелистъ не поставилъ бы ее здѣсь на третьемъ мѣстѣ, т. е. послѣ Маріи Магдалины и послѣ даже какой-то Іоанны); эта Марія или какого-нибудь другого Іакова, или дѣйствительно была матерью Іакова младшаго и Іосіи, — такъ вѣдь и упомянулъ о ней ев. Маркъ. Итакъ, эти, упоминаемыя Лукою, женщины уже не поздно въ субботу, но раннимъ утромъ пришли ко гробу. У Іоанна же изображено путешествіе одной Маріи Магдалины, и не поздно въ субботу, и не раннимъ утромъ,—но когда? Утромъ,—впрочемъ, когда была еще тьма: такъ именно понимали это нѣкоторые. Съ нею были и апостолы Петръ и Іоаннъ, которые, затѣмъ, своимъ невѣріемъ заставили и ее не вѣрить вмѣстѣ съ собою. По Марку же опять (ходила) Магдалина, — эта мужественная, четыре раза подвизавшаяся женщина,—и Марія, мать Іакова младшаго и Іосіи. Замѣть, возлюбленный, — Іакова младшаго. Вѣдь, Богородица именовалась матерью, т. е. мачихою Іакова старшаго. Была съ ними и Саломія и нѣкоторыя другія въ это четвертое путешествіе. Онѣ пришли ко гробу не поздно въ субботу, но рано утромъ, и даже не утромъ, когда была еще тьма, но уже утромъ — на восходѣ солнца, какъ сказалъ евангелистъ. Отсюда видно, что такъ называемое утро болѣе приближается къ восходу солнца, не такъ какъ раннее утро. Это я говорю, возлюбленные, потому, что нѣкоторые раньше говорили, что вторымъ путешествіемъ должно считать описываемое евангелистомъ Іоанномъ и бывшее утромъ (πρωΐ), когда еще была тьма, а третьимъ является описанное Лукою, раннимъ утромъ, какъ будто прежде бываетъ такъ называемое утро и съ нимъ уже соединяется раннее утро. Это уже съ перваго взгляда кажется мнѣ нелѣпымъ, да и опровергается тѣмъ, что евангелистъ Маркъ говоритъ, что просто заутра *во едину отъ субботъ* пришли женщины ко гробу, *возсіявшу солнцу* (Лук. XVI, 12). Если же бы раннее утро было послѣ простого утра, тогда, конечно, первое и соединялось бы съ восходомъ солнца, а не послѣднее. И Даніилъ, говоря о Даріѣ, такъ выразился: *тогда царь воставъ заутра во свѣтѣ и со тщаніемъ пріиде ко рву* (Дан. VI, 19). Но самое главное, если бы описанное у Іоанна посѣщеніе было вторымъ, а у Луки третьимъ, тогда

и кромѣ этого обнаружилось бы много другихъ нелѣпостей. Если Петръ и Іоаннъ уже ходили ко гробу и своими глазами видѣли, что было внутри гроба, какъ говоритъ самъ Іоаннъ, то какъ могли они потомъ, когда женщины — по словамъ Луки - возвѣщали имъ слова ангеловъ, счесть за ложь разсказываемое тѣми? Или зачѣмъ было Петру одному ходить ко гробу, и притомъ какъ бы въ изумленіи и страхѣ, и ограничиваться однимъ наружнымъ осмотромъ гроба, если онъ уже ходилъ туда съ Іоанномъ, проникалъ въ самый гробъ и все обстоятельно разсмотрѣлъ? Итакъ, я считаю совершенно нелѣпымъ—ставить разсказанное Іоанномъ впереди того, что передается Лукою. Остается теперь разъяснить, сколько же именно Марій, о которыхъ упоминаютъ евангелисты? Объ этомъ было немало споровъ. Я думаю, что ихъ пять. Впрочемъ вникните въ мои слова со всею тщательностью. Есть, конечно, Марія Магдалина, изъ которой Господь изгналъ семь бѣсовъ,—почему она и была столь ревностной, въ благодарность за такое благодѣяніе. Затѣмъ, Марія Іаковля: подъ такимъ наименованіемъ извѣстна Богородица, какъ мы уже сказали. Такъ какъ по причинѣ величія и невѣроятности чуда истина безсѣменнаго рожденія не могла сразу обнаружиться (иначе Дѣва подвергалась бы опасности 648
быть побитой камнями, если бы только распространился слухъ, что Христосъ не былъ сыномъ Іосифа), ради этого въ глазахъ всѣхъ она считалась женою Іосифа и, слѣдовательно, была мачихою Іакова, сына Іосифа. Если же кто вздумалъ бы возражать, почему она называлась не по имени Іосифа какъ мужа, но по имени Іакова въ качествѣ его мачихи, то отвѣтить на это нетрудно. Іаковъ пользовался большою извѣстностью, какъ человѣкъ богобоязненный, воздержный и праведный,—недаромъ всѣ его называли праведнымъ. Кромѣ того, я полагаю, что въ то время, когда Господу Іисусу Христу исполнилось тридцать лѣтъ отъ рожденія и Онъ выступилъ на проповѣдь евангелія, Іосифа уже не было въ живыхъ. Вѣдь когда Господь былъ младенцемъ, и даже когда Онъ достигъ двѣнадцати лѣтъ, Іосифъ упоминается въ евангеліяхъ; а во время чудотворенія и честныхъ страданій Спасителя нигдѣ уже не упоминается объ Іосифѣ. Безъ сомнѣнія, когда Іисусу было сказано: *се мати твоя и братія твоя внѣ стоятъ и ищутъ тебе* (Мѳ. хп, 47; Мрк. ш, 32), безъ упоминанія объ Іосифѣ, то это очевидно показываетъ, что Іосифа тогда въ живыхъ уже не было. Вотъ почему Пресвятая Дѣва Господомъ на крестѣ и вручается Іоанну. Тогда вполнѣ понятно и то, почему она была извѣстна подъ именемъ Маріи Іаковлевой, а не Іосифовой. Третья же Марія есть мать Іакова младшаго и Іосіи, о которой упоминаетъ ев. Маркъ, отличная отъ нея. Она же, я думаю, есть и Марія Іаковлева, указываемая еванг. Лукою, потому что указаніе еванг. Луки, конечно нельзя относить къ Богородицѣ, въ виду сказаннаго раньше. И евангелистъ Маркъ, упомянувъ о ней выше въ

такихъ словахъ: *Марія Магдалина и Маріа Іакова малаго и Іосіи мати* (Мрк. XV, 40), ниже опять эту самую Марію Іаковлеву называетъ
614 просто Іаковлевой: *и минувшей субботѣ Марія Магдалина и Маріа Іаковля и Саломіа купиша ароматы, да пришедше помажутъ* Іисуса (Мрк. XVI, 1). Если же она была матерью кого-нибудь другого, а не Іакова младшаго и даже не Іакова, называемаго братомъ Господнимъ, очевидно тогда ее нужно отличать отъ трехъ указанныхъ. Между тѣмъ есть еще Марія Клеопова, сестра Богородицы, которую упоминаетъ Іоаннъ Богословъ при крестѣ (Іоан. XIX, 25). Есть и еще Марія, сестра Мареы и Лазаря (Іоан. XI, 2). Зная все это, возлюбленные, и держась твердо, не допускайте тѣмъ, кто захотѣлъ бы клеветать на Писаніе, дѣлать это. Въ немъ, какъ глаголанномъ Св. Духомъ, заключается полная правдивость и истина. И только слабость человѣческаго ума и нежеланіе изъ тщеславія сознаться въ ней—свое собственное несовершенство приписываетъ Писанію въ качествѣ разногласій. Вы же, честная и святая паства Христова, принимайте пищу душъ вашихъ,—разумѣю божественное Писаніе, — какъ истинную и непорочную. Истина вѣдь питаетъ васъ, потому что истина и воскресеніе и жизнь есть Христосъ Богъ нашъ. А если что-нибудь изъ Св. Писанія мы не понимаемъ, какъ слѣдуетъ, то будемъ имѣть терпѣніе до будущаго вѣка, когда будемъ удостоены созерцать Бога лицомъ къ лицу и просвѣщены будемъ вѣдѣніемъ всего сущаго, когда и Бога познаемъ уже не отчасти, но какъ и сами мы познаны были отъ Него (1 Кор. XIII, 12). А въ этомъ для всякаго разумнаго созданія и заключается высочайшее блаженство, устрояемое любовью и почерпаемое во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава со безначальнымъ Его Отцомъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На сказанное въ Евангеліи, что іудеи говорили о Спасителѣ: како Сей книги вѣсть не учився (Іоан. VII, 15)? И на слова Спасителя: о дни же томъ никтоже вѣсть (Мѳ. XXIV, 36).

643 1. Вотъ опять я приглашаю васъ къ наслажденію евангельскими струями, вотъ опять призываю почерпать вмѣстѣ со мною эту чистую и свѣтлую влагу, слѣдуя словамъ пророка: *почерпните воду съ веселіемъ отъ источникъ спасенія* (Ис. XII, 3)! Источниковъ много, но спасеніе одно, одинъ источникъ всѣхъ благъ—Господь нашъ Іисусъ Христосъ, источившій всякую мудрость и всякое вѣдѣніе. И удивительно, что собственно страннаго находили іудеи въ томъ, что Онъ знаетъ книги не

учившись? Объ этомъ именно прочитано было намъ сегодня,—что когда Спаситель предлагалъ Свое божественное ученіе, іудеи удивлялись и говорили: *како Сей книги вѣсть не учився?* О книгахъ спрашиваютъ они, когда рѣчь идетъ объ источникѣ слова, или лучше сказать о самомъ Богѣ—Словѣ; допытываются, откуда знаетъ книги Христосъ, Который даровалъ законъ и вдохновилъ пророковъ, отъ Котораго истекаетъ всякое вѣдѣніе, и ученіе, и законъ, и совѣтъ, и разумѣніе, потому что *всяка премудрость отъ Господа* (Сирах., I, 1). Спрашиваютъ о книгахъ у (Источника) слова, изъ котораго черпали вдохновеніе всѣ пророки и отъ котораго всѣ богословы получили все то, что стало достояніемъ ихъ душъ. Его воспринялъ Моисей, отъ Него почерпали всѣ пророки, этимъ источникомъ пользовались всѣ апостолы, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и Іоаннъ: *отъ исполненія Его мы вси пріяхомъ* (Іоан. 1, 16). Требуешь (изученія) книгъ отъ Бога, какъ будто книги породили разумъ, а не разумомъ изобрѣтено искусство письма? Развѣ разумъ отъ книгъ? Напротивъ разуму обязаны книги своимъ происхожденіемъ: какъ не искусство произвело вещество, но вещество послужило поводомъ къ 644
развитію искусства, такъ не книги породили разумъ, но разумъ создалъ самое искусство письма. Не книги сначала, а потомъ разумъ, но сначала разумъ, а благодаря ему появились и книги. Прежде всего то, что есть даръ Божій, а потомъ уже то, что является плодомъ искусства. Не глазъ произвелъ предметы видимые, но глазъ служитъ къ познанію того, что имъ созерцается; не ремесла дали руки, но руки трудились надъ развитіемъ ремеслъ; не бѣгъ выработалъ ноги, но ногамъ обязаны люди способностью бѣгать. Такъ и не книги одарили человѣка разумомъ, но разумъ изобрѣлъ книжное искусство. Итакъ, почему требуешь ты плода отъ Того, кому принадлежитъ и самый корень? Что *Онъ книги вѣсть не учився?* Тебя не удивляетъ то, что Онъ воскрешаетъ мертвыхъ, но поражаетъ то, что Онъ знаетъ книги не учившись, отъ природы? Первые изобрѣтатели письма ни отъ кого не учились своему изобрѣтенію, а сдѣлали его сами, но и они были тѣмъ не менѣе просто люди; а воскресить мертвыхъ—это превышаетъ силы человѣка. Что же? На великое ты не обращаешь вниманія, а о маломъ сомнѣваешься? Конечно, Христосъ есть источникъ всякой мудрости и всякаго разума: отъ Него ничто не скрыто. Онъ изобрѣтатель всего, именно изобрѣтатель: не то, что другой кто-нибудь сдѣлалъ, а Онъ только открылъ, но самъ Онъ и виновникъ мудрости, и изобрѣтатель всего того, чѣмъ мы обязаны мудрости. Ничто отъ Него не скрыто—ни прошедшее, ни настоящее, ни будущее: Онъ—источникъ всего.

2. Но если, говоритъ еретикъ (вѣдь и среди пшеницы появляются 645
плевелы),—если Онъ источникъ мудрости и, конечно, знанія, то какъ о томъ послѣднемъ днѣ, когда совершится воскресеніе мертвыхъ и пришествіе Спасителя, Онъ говоритъ, что о немъ ***никтоже вѣстъ, ни***

ангели, ни Сынъ, *токмо Отецъ* (Мѳ. xxiv, 36)? Какой же это источникъ мудрости, если будущее отъ него сокрыто? Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы ты не извращалъ смысла рѣчи и не вдавался въ извитія словесъ, но вникъ въ прямой смыслъ того, что сказано. Зачѣмъ говоришь: если Онъ источникъ и сокровищница мудрости, то какъ Ему не извѣстно? Я знаю, что это изреченіе заключаетъ въ себѣ весьма глубокую мысль, но постараюсь раскрыть его вкратцѣ. Нужно вѣдь сообразоваться не съ силой слова, но съ способностью слушателей. Апостолъ говоритъ о Христѣ: мы руководствуемся *въ познаніе тайны Бога и Отца и Христа, въ немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол. II, 2, 3). Если все въ Немъ, то какъ можетъ что-нибудь отъ Него утаиться? Но скажутъ, что же означаетъ тогда отвѣтъ Спасителя, что *о дни же томъ никтоже вѣсть, ни Сынъ, токмо Отецъ*? Но спросимъ еретика: что больше — день тотъ или Отецъ? Тотъ, кто знаетъ Отца, можетъ ли не знать того дня? *Никтоже знаетъ Отца, токмо Сынъ* (Мѳ. xi, 27). Итакъ, Отца Онъ знаетъ, источникъ мудрости — у него, а послѣдняго дня не знаетъ? Но можетъ быть, говорятъ, Отца Онъ знаетъ, а того, что въ Отцѣ, не знаетъ? Но если въ Отцѣ есть что-нибудь такое, что неизвѣстно Сыну, то и въ Сынѣ, въ свою очередь, было бы что-нибудь сокрытое отъ Отца? Откуда это видно? Это прямой выводъ изъ словъ самого Спасителя: *якоже знаетъ Мя Отецъ, и Азъ знаю Отца* (Іоан. x, 15). А по отношенію къ людямъ Онъ выразился просто: *Азъ знаю моя, и знаютъ Мя моя* (Іоан. x, 14). Тутъ нѣтъ равенства познанія: гдѣ неравна природа, тамъ неравно и познаніе. Человѣкъ можетъ знать Бога, но не то, что въ Богѣ; мы всѣ знаемъ Отца, но не такъ, какъ знаетъ Его Сынъ. *Да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога* (Іоан. xvii, 3). Всѣ мы и знаемъ, но не такъ, какъ Онъ. Иное дѣло—плоду знать корень, иное—корню знать плодъ, и совсѣмъ иное понятіе получаютъ о плодѣ тѣ, кто его употребляетъ. Въ вышеприведенныхъ словахъ Спасителя указывается между тѣмъ именно полное и совершенное равенство взаимнаго познанія Отца и Сына: *якоже знаетъ Мя Отецъ, и Азъ знаю Отца*. Значитъ, если въ Сынѣ есть что-нибудь скрытое отъ Отца, тогда и въ Отцѣ можно допустить что-нибудь скрытое отъ Сына. Неужели и тутъ не устыдишься ты, еретикъ, и будешь настаивать на томъ, что Сынъ не знаетъ? Въ такомъ случаѣ Святого Духа, Котораго ты отрицаешь, самъ же ты возвышаешь надъ Сыномъ въ отношеніи познанія. Вѣдь вотъ что говоритъ Павелъ о Святомъ Духѣ: *Духъ* Святый *вся испытуетъ, и глубины Божія* (1 Кор. II, 10). Духъ Святый знаетъ глубины, а Сынъ не знаетъ дня? Но если знаетъ, тогда почему Онъ сказалъ: не знаю? И выводы разума и свидѣтельства Писанія подтверждаютъ, что Онъ есть источникъ вѣдѣнія и мудрости. Ради чего же отказывается Онъ отъ того, чѣмъ владѣетъ, и о познаніи, которому самъ служитъ источникомъ, заявляетъ,

что его не имѣютъ? Вѣдь Онъ сказалъ, что того дня никто не знаетъ.
Должно, братіе, обратить вниманіе на то, въ какомъ смыслѣ употре-
билъ Спаситель эти слова, и изслѣдовать: что именно хотѣлъ Онъ ска-
зать, о чемъ, кому и когда? Недостаточно взять слово, какъ оно есть,
и объяснять въ такомъ его видѣ: нужно значеніе его сообразовать съ
намѣреніемъ говорящаго. Не все, что говорилъ Спаситель, соотвѣтство-
вало Его достоинству, но иное объясняется нашей слабостью. Иначе
говорилъ Онъ съ вѣрующими, иначе съ невѣрующими. Я помню, что
эту мысль Я уже проводилъ въ бесѣдѣ съ вами, но ничто не мѣшаетъ
воспользоваться ею и теперь и пойти той же дорогой въ раскрытіи
истиннаго смысла занимающаго насъ изреченія. Къ іудеямъ обращены
были эти слова Спасителя,—къ іудеямъ, столь далеко отстоявшимъ
отъ высоты богопознанія, сколько земля отстоитъ отъ неба, по слову
Божію. *якоже отстоитъ небо отъ земли, тако отстоитъ путь Мой
отъ путей вашихъ, и помышленія ваша отъ мысли Моея* (Ис. LV, 9).
Итакъ, Онъ имѣлъ дѣло съ невѣрующими, и такъ какъ они считали
Его за какого-то противника Богу, ратующаго противъ божественной
мудрости и закона Моисеева, то Онъ повсюду собственное достоинство
оставляетъ въ тѣни, а все приписываетъ Отцу, чтобы показать іудеямъ,
что они не Ему противятся, но возстаютъ на самого Бога. И вотъ, об-
ращаясь къ іудеямъ, Онъ считался съ ихъ предубѣжденіями и приспо- 616
соблялъ Свои слова къ ихъ пониманію,—не въ томъ смыслѣ, чтобы бо-
жественное слово измѣнялось въ соотвѣтствіе нашимъ нравамъ, но въ
томъ, что Онъ какъ врачъ выбиралъ лѣкарства соотвѣтствующія бо-
лѣзни. А вѣдь іудеи доходили до того, что отрицали не только Его бо-
жество, но и Его человѣчество. Подумай только, какъ далеки были они
отъ мысли, что Онъ—Сынъ Божій, если и за человѣка-то настоящаго
они не хотѣли Его считать! Они именно говорили: *бѣса имать* (Іоан. X, 20),
и Сына Божія считали бѣснующимся. И вотъ, съ одной стороны, іудеи
были враждебно настроены противъ Него, а съ другой—Его собствен-
ные ученики, какъ люди, любопытствовали о будущемъ: вѣдь людямъ
всегда доставляетъ удовольствіе гадать о будущемъ и къ нему стре-
миться. Наблюдается это и въ обыкновенной жизни: если кому-нибудь
случится однимъ днемъ раньше узнать то, что на слѣдующій же день
будетъ извѣстно всѣмъ людямъ, то Онъ радуется, какъ будто сдѣлалъ
какое-нибудь важное открытіе и какъ будто превзошелъ всѣхъ въ по-
знаніи. Итакъ, люди съ удовольствіемъ занимаются гаданіемъ о буду-
щемъ. И Спаситель, конечно, видѣлъ, какъ разгоралась въ апостолахъ
эта страсть и до какой степени снѣдало ихъ любопытство о будущемъ,
и потому рѣшительно отказывается отъ того, что имѣлъ, чтобы пока-
зать это праздное любопытство. Когда *устрояеши царствіе Израилево*
(Дѣян. I, 6)? спрашиваютъ Его апостолы. А Онъ, обуздывая человѣче-
ское легкомысліе, желающее проникнуть въ будущее и суесловить о

божественномъ, отвѣчаетъ: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта* (Дѣян. I, 7); познаніе этого—не по силамъ человѣку. Не допытывайся о будущемъ заранѣе въ подробностяхъ, но просто ожидай и вѣрь въ грядущее; самого себя приготовь къ будущему пришествію Судіи; позаботься здѣсь не о томъ, чтобы узнать, когда этотъ день наступитъ, но о томъ, что онъ тебѣ готовитъ. Въ отвѣтъ на подобные вопросы, свойственные праздному любопытству: когда наступитъ этотъ день? когда будетъ воскресеніе?—пророкъ съ негодованіемъ отвѣчалъ: *увы люте желающимъ дне Господня! Вскую вамъ сей день Господенъ* (Ам. v, 18). Т. е.: зачѣмъ вы стремитесь видѣть этотъ день Господенъ? *День Господенъ горекъ и жестокъ учинися; силенъ день гнѣва, день той, день скорби и нужды* (Соф. I, 14, 15). Возбуждаетъ въ нихъ страхъ, чтобы обуздать ихъ слабость. Такъ какъ они стремились знать будущее, выходящее за предѣлы доступнаго человѣку познанія, то Спаситель и отвѣчалъ имъ: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта*. Но чтобы не подумали, что дѣлаетъ то изъ зависти, Онъ и самого Себя причисляетъ къ незнающимъ, чтобы тѣмъ до нѣкоторой степени смягчить человѣческое невѣдѣніе. И ангелы, говоритъ Онъ, не знаютъ. А что выше ангеловъ? И Сынъ не знаетъ. А выше Сына? Когда слышишь о Сынѣ, обращай вниманіе на то, въ какомъ смыслѣ употреблено это названіе, потому что Онъ называется Сыномъ и по божеству, и по человѣчеству. А убѣдиться въ томъ, что Писаніе называетъ Спасителя Сыномъ и въ томъ случаѣ, когда идетъ рѣчь объ Его плоти, и объ Его домостроительствѣ, ты можешь, если вспомнишь, что сказано въ другомъ мѣстѣ: *и кровь Іисуса Сина Его очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха* (1 Іоан. I, 7). Кровь,—значитъ не божество, а человѣчество; значитъ, и Сыномъ называется здѣсь Его человѣчество. Когда мы говоримъ: Сынъ Божій пострадалъ, мы имѣемъ въ виду и то, что подвергалось въ немъ страданіямъ, и то, что оставалось безстрастнымъ. А когда скажемъ такъ: Сынъ Божій единородный былъ распятъ на крестѣ, мы должны раздѣлять безстрастное отъ испытывавшаго страданія. Вѣдь и у насъ, людей, это очень распространено, что касающееся вообще личности человѣка понимается нами въ томъ или другомъ частномъ смыслѣ. Если мы скажемъ, что такой-то умеръ, то мы, конечно, представляемъ себѣ, что именно мертво—тѣло его, конечно,—и что безсмертно—душа; и хотя, очевидно, понятіе о смерти неприложимо къ человѣку въ полномъ смыслѣ слова, мы выражаемся, однако, что умираетъ человѣкъ. Мы не чувствуемъ необходимости въ оговоркѣ, что умерло, собственно говоря, только его тѣло. Въ рѣчи мы употребляемъ названіе смерти безъ строгаго разбора, точнѣйшее опредѣленіе его смысла въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предоставляемъ нашей мысли. Такъ и Спаситель, говоря о святыхъ, слѣдуетъ этому общему словоупотребленію: *предадятъ вы на сонмы и предъ владыки и цари ведени будете Мене ради* (Мѳ. x, 17, 18) и бу-

дутъ убивать васъ. Здѣсь Онъ говоритъ о смерти вообще, но въ Своемъ 647
ученіи опредѣляетъ это понятіе точнѣе: *не убойтеся*, говоритъ Онъ, *отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити* (ст. 28). Такъ поступаетъ Спаситель и въ другихъ случаяхъ. Такъ именно выразился Онъ и въ томъ случаѣ, когда сказалъ, что *о дни же томъ никтоже вѣсть*, ни даже Сынъ, обладающій всевѣдѣніемъ: по человѣчеству и Я не знаю,—вотъ какъ нужно понимать эти Его слова. Конечно, не можетъ не знать послѣдняго дня Сынъ, въ Которомъ сокрыты всѣ сокровища мудрости и разумѣнія; не можетъ не знать чего-нибудь Тотъ, кто знаетъ Отца въ той же мѣрѣ, какъ Отецъ знаетъ Его. Вотъ, значитъ, гдѣ разрѣшеніе вопроса,—въ томъ, что названіе Сынъ относится и къ Его божественному достоинству, и къ принятому Имъ на Себя служенію. Въ этомъ случаѣ, конечно, Онъ, вѣдущій все по силѣ божества, по человѣчеству оказывается незнающимъ.

3. Вотъ Его собственныя слова: *аще Азъ свидѣтельствую о Мнѣ, свидѣтельство Мое нѣсть истинно* (Іоан. v, 31). Но самому же Ему принадлежатъ и эти слова: *аще Азъ свидѣтельствую о Себѣ, истинно есть свидѣтельство Мое* (Іоан. viii, 14). Что-нибудь одно: если истинно, то какъ можетъ быть не истиннымъ? Если неистинно, то какъ назвать истиннымъ? Въ словахъ—полное противорѣчіе, но мысли согласуются. Іисусъ вошелъ въ храмъ и училъ,—вошелъ въ храмъ Создатель храма, Владыка служенія; Онъ училъ въ храмѣ, чтобы исполнилось пророчество, гласившее: *и внезапу пріидетъ въ церковь Свою Господь, Егоже вы ищете, и Ангелъ завѣта, Егоже вы хощете* (Мал. ш, 1). И Господомъ называетъ Его, и ангеломъ. О, тайна божественная! О, славное пророческое тайноводство! *Внезапу пріидетъ въ церковь Свою*, т. е. въ храмъ Божій. Храмъ называется своимъ для Него, чтобы не подумали, что владычество Отца—одно, а царство Сына—другое. Храмъ Отца, который воздвигъ Богу Соломонъ, этотъ самый храмъ пророкъ называетъ храмомъ Спасителя: *внезапу пріидетъ* въ храмъ Свой *Господь*. Храмъ Отца есть и храмъ Сына; храмъ Сына—храмъ Отца. Поэтому и самъ Спаситель, когда изгонялъ іудеевъ изъ храма бичомъ, сдѣланнымъ Имъ изъ веревокъ, говорилъ: *возмите сія отсюду, и не творите дому Отца Моего домомъ купленаго* (Іоан. п, 16). А въ другой разъ самъ же сказалъ: возьмите это отсюда: *домъ Мой—домъ молитвы* наречется (Лк. xix, 46). Домъ Отца Моего—и домъ Мой. Или, напр., евангелистъ говоритъ: *во своя пріиде и свои Его не пріяша* (Іоан. i, 11). Сказано это объ іудеяхъ; такъ какъ Онъ просвѣтилъ ихъ закономъ и руководилъ чрезъ пророковъ, то они и были своими для Спасителя. А когда мать искала Его и спрашивала: *чадо, что сотвори нама тако* (Лук. ii, 48), зачѣмъ заставляешь насъ искать Тебя?—Онъ отвѣтилъ: *не вѣсте ли, яко въ тѣхъ, яже Отца Моего, достоитъ быти Ми* (49)? Итакъ, вошелъ Онъ въ храмъ и сталъ учить, и исполнилось другое

пророчество: *Азъ есмь самъ глаголяй* (Ис. LII, 6). Онъ училъ, и это не служило къ униженію Его достоинства, потому что училъ Онъ по человѣколюбію. Когда слышишь, что Онъ училъ, не представляй Его себѣ однимъ изъ обыкновенныхъ учителей. А если это слово—училъ—соблазняетъ тебя, то значитъ ты не знаешь Его достоинства и не удивляешься Его ученію, хотя и слышалъ, конечно, эти слова: *благословенъ еси, Господи, научи мя оправданіемъ Твоимъ* (Пс. CXVIII, 12). *Взыде Іисусъ во храмъ.* Нигдѣ не найдешь ты Его нисходящимъ. Восходилъ Онъ отъ Іерихона въ Іерусалимъ, восходилъ на гору. Гдѣ Богъ, тамъ и восхожденіе. *Блаженъ мужъ, ему же есть заступленіе его у Тебе, Господи: восхожденія* твоя *въ сердцѣ* его (Пс. LXXXIII, 6). Гдѣ добродѣтель, тамъ восхожденіе; гдѣ порокъ, тамъ нисхожденіе: *избави мя отъ нисходящихъ въ ровъ* (Пс. XXIX, 4). *Дивляхуся Іудее, глаголюще: како Сей книги вѣстъ не учився?* Самый способъ выраженія—*Сей*—обнаруживаетъ ихъ злобу, желаніе унизить Его, выказать Ему презрѣніе. *Како Сей?* Ты говоришь, іудей, съ цѣлію унизить: *како Сей?* А я принимаю твои слова въ смыслѣ прославленія. Можно сказать въ уничиженіе: *сей*, но можно сказать и со славою: *Сей*. Ты говоришь: *како Сей вѣстъ?* А я вмѣстѣ съ Моисеемъ отвѣчаю: *Сей мой Богъ, и прославлю Его* (Ис. XXV, 2)! Обличаетъ невѣріе іудеевъ, разоблачаетъ непослушаніе народа, показываетъ Себя источникомъ мудрости и всякаго вѣдѣнія и говоритъ: *Мое ученіе нѣсть Мое, но пославшаго Мя Отца* (Іон. VII, 16), всюду показывая, что они противятся ими же исповѣдуемому Богу, не принимая Того, Кто является для нихъ камнемъ преткновенія. Такъ какъ
648 Богу они вѣрили, а Іисуса съ сомнѣніемъ отвергали, то Онъ умалчиваетъ о собственномъ достоинствѣ и противопоставляетъ имъ авторитетъ Отца, показывая, что кто борется противъ Христа, тотъ возстаетъ и противъ Бога. Ты считаешь это притворствомъ съ Его стороны и пустыми словами, а не доказательствомъ? Но самыя дѣла тебя опровергаютъ. По твоему—о, іудей—разсужденію, унижающему Христа и умаляющему Его дѣла, Онъ—не отъ Бога, разрушаетъ законъ и побораетъ противъ благочестія во имя Своего нечестиваго ученія; а ты самъ побораешь по законѣ, отстаиваешь божественное ученіе и защищаешь Бога? По твоему собственному сознанію, ты мнишься службу приносить Богу, отталкивая славу Христову и охраняя царство закона. Посмотримъ же, что говоритъ самое дѣло,—куда склоняется судъ Божій—въ вашу или въ нашу пользу? Ты утверждаешь, что защищаешь Бога и борешься съ Его противникомъ, разрушающимъ ученіе Божіе. Посмотримъ же, какъ относится Богъ къ тѣмъ, кто выдаетъ себя за защитниковъ закона, и къ послѣдователямъ человѣка, попирающаго законъ. Я буду говорить о событіяхъ, всѣмъ извѣстныхъ. Если какой-нибудь городъ приметъ самозванца вмѣсто царя, онъ подвергаетъ себя опасности, хотя бы и не поддерживалъ его притязаній: разъ самозванецъ

имъ принять, онъ долженъ раздѣлить съ нимъ и кару, угрожающую самозванцу. А если какой-нибудь городъ закроетъ предъ самозванцемъ свои ворота, онъ считается достойнымъ удивленія и пріобрѣтаетъ благоволеніе царя за то, что во время опасности остался вѣрнымъ царю, съ твердостью выдержалъ испытаніе и не промѣнялъ законнаго государя на самозванца. Это самое сдѣлалъ ты, іудей, по твоимъ собственнымъ словамъ: ты не принялъ самозванца,—какъ ты нечестиво называешь Христа,—возстававшаго противъ закона Моисеева, но отвергъ его, соблюдая неприкосновенность царства Божія; а Церковь открыла врата Спасителю, по твоему мнѣнію—самозванцу, а по ея исповѣданію—Царю славы. Что же, какой судъ произнесла Истина надъ тѣми, которые не приняли Царя? Одинъ городъ Іерусалимъ не принялъ его, и остался ли въ немъ камень на камнѣ? Одинъ этотъ городъ закрылъ свои ворота предъ Царемъ славы и, не принявши—будто бы—самозванца, подвергся разрушенію; а церкви Божіи, повсюду принявшія спасеніе, цвѣтутъ и ширятся и восходятъ отъ славы въ славу. И далѣе: пока живъ самозванецъ, друзья его, оказавшіе ему поддержку въ опасности, благоденствуютъ, а враги его живутъ подъ страхомъ опасности; но когда самозванецъ умираетъ, положеніе мѣняется: его враги ободряются, а друзьямъ угрожаетъ опасность. Что же послѣдовало за осужденіемъ Спасителя на смерть и за отшествіемъ Его ко Отцу? Къ какимъ послѣдствіямъ привела Его смерть, какъ ты утверждаешь, или Его воскресеніе, какъ я вѣрую? Если враги царя—или враги этого самозванца, иначе говоря,—благоденствуютъ, Онъ дѣйствительно самозванецъ; если же враги въ стыдѣ и изгнаніи, а друзья на свободѣ и въ славѣ,—дѣло говоритъ само за себя, когда для тебя неубѣдительны слова: вотъ какъ возвысилъ Богъ царство Христово, вотъ какъ разсѣялъ тѣхъ, которые противились Его царству! Могъ, конечно, Богъ истребить тѣхъ, которые отвергли Его Сына; могъ уничтожить враговъ Царя, ославившихъ самозванцемъ Царя славы; но не истребилъ ихъ, а только разсѣялъ. Если бы истребилъ, у нихъ было бы такое оправданіе: когда бы мы остались на землѣ, и мы могли бы увѣровать; когда бы распространилась по землѣ вѣра въ Него, и мы обратились бы къ Нему вмѣстѣ со всей вселенной. Его враги могли бы говорить тогда: мы видѣли около Него всего на всего двѣнадцать учениковъ и потому не обратили на Него вниманія; а если бы увидѣли, что предъ Нимъ преклоняются цари, тогда мы увѣровали бы въ Него безъ всякихъ отговорокъ. Зачѣмъ Ты поспѣшилъ истребить насъ прежде покаянія и Своимъ наказаніемъ предупредилъ наше исправленіе? Вотъ, чтобы никто не имѣлъ основанія сказать: Распятаго мы знаемъ, а Поклоняемаго не видали,—Онъ и не истребилъ ихъ, а только разсѣялъ. Объ этомъ просилъ за нихъ еще пророкъ Давидъ: *не убій ихъ, да не когда забудутъ законъ твой: расточи я силою твоею* (Пс. LVIII, 12). Смотри, вотъ

они у дверей Христа торгуютъ платками и полотенцами. У дверей поставилъ ихъ Господь, чтобы они были свидѣтелями воздаваемаго Ему поклоненія; у церковнаго крыльца стоятъ они точно братья Іосифа. Въ самомъ дѣлѣ, какъ братья Іосифа, видя высокое достоинство своего брата, не рѣшались приблизиться къ нему, какъ къ родному, но боя-
649 лись его, такъ и эти теперь—посмотри—трепещутъ достоинства Церкви, которымъ облечена она отъ Бога и отъ Владыки и Спасителя всѣхъ; посмотри, какъ они смущены и растеряны при видѣ распятаго въ славѣ. Сравни страданіе и славу. На крестѣ Онъ провелъ три часа, отъ шестого до девятаго; а время славы продолжается во вѣки вѣковъ—безъ конца. Посмотри, какъ уничиженіе миновало точно тѣнь; посмотри, съ какою славою процвѣла истина: отъ шестого часа до девятаго—уничиженіе, отъ вѣка и до вѣка—слава, и нѣтъ конца прославленію Христа, безгранична Его слава. Всѣ напрягаютъ свои голоса—пророки, евангелисты, пастыри, учители, епископы—и не могутъ исчерпать моря Его божества. Море принимаетъ въ себя рѣки и поглощаетъ ихъ, но не поглощается ими; такъ и всѣ восхваляющіе Христа—осѣняются Его славой, но возвыситься до нея не могутъ. Ужасна дерзость богоборцовъ, но велика за то и честь уничиженнаго за дѣло спасенія и прославляемаго по своему божественному достоинству. Подумай: только три мучительныхъ часа нужно было пережить, за то вѣки вѣчные не истощится Его божественная слава. Обрати вниманіе и на мѣсто креста. Не одну ли только пядь земли занимало древо крестное? Да, его основаніе измѣрялось мѣрою ноги. Такова была мѣра уничиженія. Сопоставь же съ нею широту поднебесной,—вѣдь проповѣдь о Христѣ разлилась по ней и буквально затопила ее всю, какъ изъ морскихъ хлябей. Стояли іудеи у креста и смѣялись надъ Его страстями, а вѣрнѣе сказать—сами были осмѣяны ими: они видѣли распятаго и не догадывались о прославляемомъ. Это и имѣлъ въ виду пророкъ Захарія, когда говорилъ: тогда пріидетъ Господь Богъ *и возвеличится плачевопльствіе во Іерусалимѣ* (Зах. XII, 11). *И воззрятъ на него же прободоша* (ст. 10; Іоан. XIX, 37), т. е., на того, котораго пробили гвоздями. Не сказалъ: будутъ смотрѣть Того, Кого пригвоздили, но—того, на которого пригвоздили. Что значитъ: на котораго? Очевидно, разумѣется крестъ, на которомъ былъ пригвожденъ Спаситель. (Второе славное) пришествіе Спасителя предварено будетъ явленіемъ прославляемаго ангелами царскаго знака,—знамени, какъ обыкновенно говорятъ: явится надъ землей крестъ Его, затѣняющій солнце, помрачающій луну, какъ говорилъ Спаситель: *тогда явится знаменіе Сына Божія на небеси* (Мѳ. XXIV, 30). И чтобы исполнилось сказанное Захаріей, Спаситель его собственныя слова примѣнилъ къ тому, что совершилось: *воззрятъ на него же прободоша*. Явится знаменіе Сына Божія на небеси, и тогда восплачутся народы: *кольно дому Давидова о себѣ, и жены ихъ о себѣ; кольно дому*

Наѳанова о себѣ, и жены ихъ о себѣ (Зах. XII, 12, 13). Почему употребилъ онъ здѣсь не имя колѣна, а имя царства? Почему плачетъ именно Давидово колѣно? Вѣдь оно называлось не Давидовымъ, а Іудинымъ. Такъ какъ Сына Давидова по плоти не признали въ Его божественномъ достоинствѣ Его ближніе по плотскому происхожденію, то прежде всего несчастіе и падаетъ на тѣхъ, которые были ближе всѣхъ по родству, но отчуждились на дѣлѣ. *Колѣно дому Наѳанова* (2 Цар. V, 14). Кто такой Наѳанъ? Былъ Наѳанъ пророкъ, былъ Наѳанъ сынъ Давидовъ. Пророкъ Наѳанъ обличилъ Давида въ его грѣхѣ, а другой Наѳанъ родился отъ него самого. Читай повѣствованіе о сыновьяхъ Давида и найдешь тамъ, что одинъ изъ сыновей Давида назывался Наѳаномъ. Отъ этого-то Наѳана евангелистъ Лука, излагающій родословную Маріи, производитъ Іосифа (Лук. III, 31). Вотъ какой глубокій смыслъ и вотъ какъ тщательно нужно вникать. Читай Евангелія,—какъ говорилъ Спаситель: *испытайте Писаній* (Іоан. V, 39). И не сказалъ Онъ просто—читайте, но—*испытайте*, вникайте,—потому что простое чтеніе не даетъ надлежащаго знанія: большое тщаніе требуется для того, чтобы вникнуть въ Писанія надлежащимъ образомъ.

4. Итакъ, *явится знаменіе Сына* Божія *на небеси*. Явится въ образѣ древа крестнаго, но будетъ сіять лучами свѣта. Когда явится крестъ, солнце померкнетъ и скроется,—не исчезнетъ, но потонетъ въ сіяніи Его славы; луна помрачится и звѣзды погаснутъ, или лучше сказать—ниспадутъ, какъ написано: *солнце померкнетъ и луна не дастъ свѣта своего и звѣзды спадутъ съ небесе* (Мѳ. XXIV, 29), и тогда явится это страшное и славное знаменіе. При видѣ Его іудеи будутъ ругаться, а вѣрные прославлять. Тогда каждый изъ вѣрныхъ въ отдѣльности бу- 650
детъ отвѣчать невѣрнымъ. Тогда скажетъ намъ Исаія: *се Богъ нашъ, нанъже уповахомъ и возрадовахомся* (Ис. XXV, 9); тогда явленіе креста обличитъ дерзкое невѣріе и укрѣпитъ Церковь; тогда посрамлены будутъ противники и прославлены послѣдователи; тогда вся тварь поклонится Сыну Божію—и увѣровавшіе, и не увѣровавшіе, но первые съ торжествомъ, вторые со стыдомъ. Такъ, на царскихъ картинахъ изображаются царскіе тѣлохранители во славѣ и рядомъ съ ними плѣнные варвары, поверженные у ногъ царя; простирается предъ царемъ ницъ варваръ, простирается и подданный, но затѣмъ одинъ смѣло стоитъ предъ царемъ, прославляя своего владыку, а другой, силою повергнутый подъ ноги, преклоняется предъ царемъ, но награды за свое поклоненіе не получаетъ, потому что не по доброй волѣ пришелъ сюда, а по принужденію; и получается, такимъ образомъ, что верхній рядъ кланяется царю, а нижній падаетъ предъ нимъ,—а это двѣ вещи различныя: одно дѣло кланяться, другое дѣло падать предъ кѣмъ-либо. Тоже самое будетъ происходить и въ пришествіе великаго Царя: на картинѣ славы Его явится ликъ вѣрующихъ, торжествуя вмѣстѣ съ ликомъ ангель-

скимъ, съ пѣніемъ и славословіемъ; а тутъ же невѣрующіе будутъ распростерты у ногъ великаго Царя; тѣ будутъ свободны и смѣлы, а эти связаны и удручены. Для вѣрныхъ не нужны узы, потому что они и безъ того уже привязаны любовью: любовь для нихъ и замѣняетъ узы; а кого не связала любовь, на того наложило оковы принужденіе. И вѣрные смѣло приближаются къ Царю славы, а невѣрные и противники слова истины будутъ привлечены къ Его престолу въ желѣзныхъ оковахъ; тѣ будутъ въ ликѣ поклоняющихся—вверху, а эти въ ликѣ повергнутыхъ—во прахѣ. Именно какъ на картинѣ: сверху изображены поклоняющіеся, а въ нижней части плѣнные, падающіе ницъ; такъ точно и въ царствѣ Христовомъ вѣрные встрѣтятъ Его на облакахъ, а невѣрные будутъ предъ Нимъ повергнуты во прахъ. Такъ и въ псалмѣ поклоняющіеся различаются отъ припадающихъ. *Помянутся и обратятся ко Господу вси концы земли и поклонятся предъ Нимъ вся отечествія языкъ, яко Господне есть царствіе и Той обладаетъ языки* (Пс. xxi, 28, 29), говоритъ псалмопѣвецъ, когда рѣчь идетъ о тѣхъ, кто кланяется Богу; а о повергаемыхъ предъ Нимъ прибавилъ: *предъ Нимъ припадутъ вси нисходящіи въ землю* (ст. 30). Но почему же ликъ вѣрныхъ оказывается наверху? Потому, очевидно, что вѣрные не будутъ стоять на землѣ, но въ воздухѣ будутъ окружать великаго Судію, какъ Его приближенные. Вѣдь и престолъ Божій не на землѣ утвердится: земля будетъ только подножіемъ ногъ Его; такъ что всѣ подсудимые будутъ внизу, а наверху только Судія и вмѣстѣ съ Нимъ Его друзья. Именно это желая показать,—что вѣрные будутъ стоять не на землѣ, а въ высотѣ,—апостолъ говоритъ: *мы же восхищени будемъ на облацѣхъ въ срѣтеніе Господне на воздусѣ, и тако всегда съ Господемъ будемъ* (1 Сол. iv, 17)).

5. Это пришло мнѣ на память по поводу дерзости богоборцовъ, осмѣлившихся сказать о Спасителѣ: *бѣса имать* (Іоан. x, 20). Какъ не воскликнуть по этому поводу вмѣстѣ съ Давидомъ: *коль многое множество благости твоея, Господи* (Пс. xxx, 20)! Какъ Ты сносишь такія слова изъ устъ раба? Какъ попускаешь землѣ носить его? Какъ не наказываешь возстающихъ противъ Тебя богоборцовъ, не уничтожишь ихъ однимъ мановеніемъ, не истребишь повелѣніемъ, не произнесешь даже противъ нихъ угрозы? Развѣ не о Тебѣ сказано было это пророческое слово: *запрещаяй морю и изсушаяй е* (Наум. i, 4)? Такое богоборство, такія хулы! Отвѣчаетъ на это Спаситель: *не пріидохъ да сужду мірови, но да спасу міръ* (Іоан. xii, 47). Потому и Давидъ, призывая Его не для суда во время второго пришествія, а для спасенія, говорилъ: *сѣдяй на херувимѣхъ явися, воздвигни силу Твою и пріиди во еже спасти насъ* (Пс. lxxix, 2. 3),—спасти, а не судить. Первое Его пришествіе было для спасенія, а второе—для суда. Если хочешь, найдешь въ Немъ Спасителя, а не хочешь—узнаешь въ Немъ Судію. Поспѣши и постарайся

снискать дружбу Царя. Воспользуемся урокомъ житейской мудрости. 651
Не приходилось ли тебѣ наблюдать, какъ радуются и торжествують люди, когда кто-нибудь изъ ихъ друзей возвышается и получаетъ власть въ свои руки? Не радуется ли всякій, когда его знакомый занимаетъ высокій постъ, и не разсчитываетъ ли уже пользоваться плодами дружбы? Но люди часто обманываютъ такіе разсчеты, нарушаютъ дружбу и, достигнувъ власти, пренебрегаютъ прежними друзьями. А Христосъ не скрываетъ истины: будь Его другомъ—и ты всегда останешься таковымъ. Нерѣдко вѣдь, братіе, случается, что высокое званіе надмеваетъ людей, измѣняетъ образъ ихъ мыслей, портитъ отношенія и—можно сказать—прямо перерождаетъ человѣка. Примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить Саулъ. Богъ, зная, что онъ, сдѣлавшись царемъ, измѣнится, прямо говоритъ ему: Я помазалъ тебя, и тебя будутъ просить (царствовать надъ народомъ), и вручатъ тебѣ власть, и ты сдѣлаешься царемъ. *И егда пріидутъ* вся *сія на тя, обратишися въ мужа иного* (1 Цар. x, 1, 7, 6), т. е. подъ вліяніемъ власти ты измѣнишься. Конечно, не всѣ люди измѣняются: вѣрный останется такимъ, какимъ онъ былъ, и только пустой человѣкъ обнаруживаетъ въ подобныхъ случаяхъ свой истинный характеръ. Поэтому вѣрному и дается такое наставленіе: если поставятъ тебя начальникомъ, будь какъ одинъ изъ подчиненныхъ. Тѣмъ не менѣе дружба земная, человѣческая, ненадежна; иногда она выдерживаетъ испытаніе, иногда обманываетъ тѣхъ, кто возлагалъ на нее надежды. А дружба Христа неизмѣнна и непоколебима: и въ полномъ блескѣ Своей славы Онъ не отвергнетъ тебя, поклонявшагося Ему на землѣ, но какъ сегодня Онъ принимаетъ твою дружбу, такъ и тогда засвидѣтельствуетъ о ней словами: *пріидите, благословеніи Отца Моего* (Мѳ. xxv, 34)! Здѣсь нерѣдко случается, что человѣкъ, получившій отъ кого-нибудь благодѣяніе и затѣмъ возвысившійся, забываетъ о томъ, кому онъ обязанъ; а если и не забываетъ, то старается скрыть прежнее благодѣяніе, потому что не желаетъ унизиться предъ благодѣтелемъ; дружбѣ остается вѣрнымъ, а о благодѣяніи умалчиваетъ. Не такъ поступаетъ Спаситель: Онъ и дружбу сохраняетъ, и благодѣянія не скрываетъ. *Взалкахся бо и дасте Ми ясти*,—говоритъ Онъ (Мѳ. xxv, 35, и д.). Вотъ съ какимъ блескомъ проявляется дружба со Спасителемъ, вотъ какъ оправдывается сдѣланное Ему благодѣяніе: Онъ не отрицается прежней дружбы съ тобой, прославляетъ твою любовь, исповѣдуетъ расположеніе, увѣнчиваетъ твое усердіе. Постараемся же имѣть Его своимъ другомъ, а не Судьей. Конечно, Онъ—Судія, и Судія нелицепріятный; но ты заблаговременно постарайся пріобрѣсти Его расположеніе, сдѣлать Его своимъ другомъ, а не Судьей. Ты знаешь, конечно, что мірскіе начальники съ близкими людьми бесѣдуютъ иначе, чѣмъ съ посторонними? Прибѣгни и ты къ посредничеству; побесѣдуй предварительно съ мучениками, попроси апостоловъ: умоляю васъ, расположите

ко мнѣ Судію; пусть окажетъ Онъ мнѣ милость на судѣ, когда будетъ изслѣдовать мои дѣла; убѣдите Его: вѣдь васъ Онъ послушаетъ. Я знаю, что васъ Онъ уважаетъ; самъ я не имѣю доступа къ Царю, а вы пользуетесь Его расположеніемъ. Но апостолы и мученики отвѣтятъ тебѣ на это: развѣ ты не знаешь нашего Бога? Онъ, хотя и милуетъ даромъ, но желаетъ и отъ насъ получить что-нибудь. Дай бѣднымъ, и Онъ самъ ихъ устами будетъ благодарить тебя; дай въ руки бѣдныхъ—и получишь воздаяніе; дай Христу: Онъ беретъ не изъ жадности, но по человѣколюбію, для помощи бѣднымъ. Затѣмъ, Богъ получаетъ твои деньги не самъ непосредственно, а чрезъ посредство бѣдныхъ, и беретъ ихъ не торгуя правдой, но покаяніемъ исправляя наши грѣхи. Въ самомъ дѣлѣ, Онъ беретъ отъ тебя деньги не съ тѣмъ, чтобы продать тебѣ правду и другого осудить несправедливо, но чтобы тебя подаяніемъ освободить отъ тяготѣющаго на тебѣ обвиненія, какъ говорилъ Даніилъ: *грѣхи твоя милостынями искупи и неправды твоя щедротами убогихъ* (Дан. IV, 24). Принеси деньги твои за душу твою: вѣдь выкупъ за человѣка—его собственное богатство. Это говорю я, возвеличивая достоинство Христа и Владыки нашего, Котораго принимаетъ вся вселенная, Котораго нынѣ удостоена Церковь, и только одна синагога лишена, потому что она разсѣяна. Пустой звукъ—это имя (синагога); вѣрнѣе сказать—отсѣченіе, потому что она невѣріемъ отсѣкается отъ Христа. Такъ называетъ синагогу и Павелъ, говоря: *блюдитеся отъ сѣченія* (Фил. III, 2). А мы, конечно—обрѣзаніе. Тѣ, которые называли Спасителя бѣснующимся, отсѣкаются отъ славы, а исповѣдавшіе Его царемъ облекаются славой. Еще предложу вамъ одинъ примѣръ изъ древней исторіи и окончу бесѣду. Былъ нѣкогда праведный мужъ—Гедеонъ, засвидѣтельствованный въ Писаніи, котораго и Павелъ помяновалъ въ числѣ праведныхъ мужей, сказавъ: *о Гедеонѣ, Сампсонѣ и Iефѳаи* (Евр. XI, 32). Онъ, въ своей
652 жизни украшавшійся всѣми добродѣтелями, во время войны оказавшись въ крайней нуждѣ, собралъ колосьевъ и вымолачивалъ ихъ въ какомъ-то корытѣ, чтобы приготовить себѣ пищи для подкрѣпленія. Вдругъ явился ему ангелъ и сказалъ: крѣпись и мужайся, *Господь съ тобою* (Суд. VI, 11, 12)! Голодъ не ослабляетъ вѣдь добродѣтели, напротивъ, подъ давленіемъ бѣдствій она пріобрѣтаетъ больше блеска. *Господь съ тобою!* Миръ тебѣ! И говоритъ ему Гедеонъ: *аще есть Господь съ нами, вскую обрѣтоша ны вся злая сія* (ст. 13)? Говоритъ это не въ видѣ ропота на Бога, но считая себя недостойнымъ того, чтобы былъ съ нимъ Богъ. Если бы, говоритъ, мы были достойны Бога, тогда не постигли бы насъ такія бѣдствія. Иногда невѣрные, т. е. на словахъ выдающіе себя за вѣрныхъ, но въ душѣ настроенные въ противную сторону, говорятъ: гдѣ Богъ христіанъ? Почему не слышитъ Онъ монаховъ? Какъ Онъ допускаетъ войны? Отчего не отвращаетъ смятенія? Не то хотѣлъ сказать Гедеонъ, но: еслибы Господь былъ съ нами, то какъ постигли бы насъ

такія бѣдствія? Конечно, Его нѣтъ съ нами: вѣдь мы его недостойны. Отвѣчаетъ ангелъ: Господь съ тобою; въ твои руки даруетъ Богъ побѣду; начинай войну. На это Гедеонъ говоритъ: я увѣрюсь, что Господь со мною, если дашь мнѣ знаменіе истинное. Вотъ, говоритъ, я положу овечій мѣхъ, и если падетъ роса на этотъ мѣхъ, а вся земля останется сухою, тогда я буду знать, что Богъ со мною. Такого знаменія просилъ онъ. Положенъ былъ мѣхъ. Ночью—по волѣ Божіей и Его промыслу—пала на мѣхъ роса, а на всей землѣ вокругъ было сухо. Рано утромъ Гедеонъ взялъ мѣхъ и выжалъ его: въ немъ оказалась цѣлая мѣра воды. Тогда опять говоритъ Гедеонъ: я увѣрюсь, что Господь со мною, если Онъ исполнитъ мое желаніе и дастъ знаменіе. Я положу этотъ мѣхъ, и если на всей землѣ будетъ роса, а этотъ мѣхъ останется сухимъ, тогда я получу полную увѣренность, что Господь со мною. Мало тебѣ было одного знаменія, ты просишь еще новаго? Развѣ ты не читалъ: *не искушай Господа Бога твоего* (Второз. vi, 16)? Не двухъ знаменій, говоритъ онъ, я прошу: я прошу одного; оба эти знаменія составляютъ одно. При этомъ онъ выразился такъ: если дастъ мнѣ Господь *истинное* знаменіе, т. е., созерцаніе будущей истины. Затѣмъ вторично положилъ мѣхъ: и пала роса на всю землю, а мѣхъ не былъ смоченъ. Послѣ этого опыта онъ смѣло началъ войну и одолѣлъ противниковъ. Что означаетъ это таинственное явленіе съ орошеніемъ? Мѣхъ этотъ является прообразомъ пришествія Спасителя — перваго и второго. Первое касалось одного Іерусалима и прошло незамѣченнымъ для всей земли. Конечно, какъ мѣхъ ничто въ сравненіи со всей землей, такъ и Іерусалимъ ничто въ сравненіи со всѣми народами —жалкая величина. Вотъ почему Спаситель и говорилъ: *нѣсмь посланъ токмо къ овцамъ погибшимъ дому Израилева* (Мѳ. xv, 24), только къ одному народу. А вслѣдъ затѣмъ благодать Господня распространилась и синагога и народъ тотъ должны были отвергнуться ея, тогда какъ вся земля ее приняла, что и было прообразовано вторымъ явленіемъ: сначала вѣдь мѣхъ былъ орошенъ, земля же суха, а потомъ земля оказалась влажной, мѣхъ же остался сухимъ. Такъ нѣкогда народъ еврейскій какъ бы впиталъ въ себя все благочестіе и не подѣлился имъ съ другими народами, а затѣмъ, когда всѣ народы воспользовались благодѣяніемъ спасенія, Израиль остался чуждымъ его, сухимъ. Но чтобы сказанное мною не показалось измышленіемъ человѣческимъ, необходимо подтвердить это объясненіе пророческимъ свидѣтельствомъ. Пророчествуя о Спасителѣ, Давидъ говорилъ такъ: *Боже, судъ твой цареви даждь и правду твою сыну цареву; судити будетъ людемъ твоимъ въ правдѣ и нищимъ твоимъ въ судѣ* (Пс. LXXI, 1). И немного ниже продолжаетъ: прежде солнца *пребудетъ* имя его *и прежде луны рода родовъ* (ст. 5). Затѣмъ указывая на пришествіе Его, говоритъ: *снидетъ яко дождь на руно и яко капли, каплющая на землю* (ст. 6); и тотчасъ прибавляетъ: *и обладаетъ отъ моря до моря и отъ*

рѣкъ до конецъ вселенныя (ст. 8). Да дастъ же Господь намъ быть увлаженными вмѣстѣ со всей землей и приносить плоды, молитвами и предстательствомъ отца нашего и наставника, который можетъ запечатлѣть и наше настоящее слово и вашу любовь, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ Аминь.

О хананеянкѣ (Мѳ. xv), и о фараонѣ, и на слова: ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога (Римл. ix, 16).

653 1. Хотя вчерашній шумъ и огорчилъ насъ, за то обрадовало ваше общее усердіе. Я не обращаю вниманія на этотъ случайный безпорядокъ, но цѣню расположеніе слушателей. Смятеніе это я склоненъ считать обычнымъ явленіемъ рыночнаго происхожденія, а ваше усердіе отличается возвышеннымъ характеромъ, какъ бы внушено вамъ свыше. Это похоже на то, что—*руцѣ, руцѣ Исавовѣ*, а *гласъ, гласъ Іаковль* (Быт. xxvii, 22). Шумъ-то, конечно, былъ здѣсь неумѣстенъ, но ревность ваша весьма почтенна. И конечно, во всякомъ случаѣ не должно смущаться крикомъ усердствующихъ, а нужно обращать вниманіе на то, съ какимъ усердіемъ слушаютъ. Вѣдь и хананеянка кричала Спасителю, а Онъ не обращалъ вниманія на ея усиленные крики и оцѣнилъ только ея душевную настойчивость. Итакъ, она взывала, какъ вы сейчасъ только что слышали, слѣдуя по стопамъ Спасителя: *сыне Давидовъ, помилуй мя* (Мѳ. xv, 22)! О, вѣра язычницы! О, неблагодарность іудеевъ! Хананеянка, чуждая народу израильскому, не наученная закону, не вѣдавшая пророковъ, проповѣдуетъ истину, восклицая: *сыне Давидовъ, помилуй мя!* А воспитанные на законѣ, наслушавшіеся пророковъ, въ явное отрицаніе истины утверждаютъ ложь: не знаемъ, кто Онъ такой,—самарянинъ, должно быть, и *бѣса иматъ*. О, вѣра язычницы! О, неблагодарность израильтянъ! Посмотри, какъ Богъ и Владыка всяческихъ дорожитъ Своимъ народомъ. *Нѣсть добро*, говоритъ Онъ, *отъяти хлѣба чадомъ и поврещи псомъ* (Мѳ. xv, 26). Язычниковъ называетъ псами, а израильтянъ—сынами. Но какая совершается затѣмъ перестановка: почитаемые отвѣчаютъ безчестіемъ, а отвергаемые воздаютъ поклоненіе; именуемые сынами не принимаютъ благодѣянія, а хананеянка, названная собакой, не отстаетъ отъ Благодѣтеля. Конечно, Спаситель и собакой назвалъ ее не съ тѣмъ, чтобы обидѣть, но чтобы обнаружить ея усердіе и тѣмъ показать, что язычники и оскорбляемые не отстаютъ отъ Благодѣтеля, а Израиль и благодѣтельствуемый отрекся отъ Спасителя. *Сыне Давидовъ, помилуй мя!* Онъ,

слышащій все и всѣхъ, молчитъ, не отвергая просьбы, но ожидая дальнѣйшаго проявленія вѣры. Хананеянка — по происхожденію, и дочь Авраама—по вѣрѣ. *Сыне Давидовъ, помилуй мя!* Онъ, преклоняющійся къ моленіямъ душевнымъ, прежде чѣмъ они появятся на устахъ, молчитъ и удерживается; даже апостоламъ показалось, что Онъ слишкомъ жестокъ, оставляя безъ вниманія такіе вопли, и они стали просить Его: *отпусти ю, яко вопіетъ въ слѣдъ насъ* (ст. 23). Неужели ты, Петръ, или ты, Андрей, или Филиппъ, неужели вы человѣколюбивѣе Спасителя, и васъ тронули ея просьбы, а Онъ остается безчувственнымъ къ ея мольбамъ? Но вы судите по внѣшности, а Я цѣню расположеніе души; Я удерживаю и замедляю благодать, чтобы вѣра ея проявилась съ большимъ блескомъ. *Нѣсмь посланъ, только къ овцамъ погибшымъ дому Израилева.* Значитъ, Ты — пастырь израильтянъ, а не Владыка всей земли, и Пастырь, и Управитель, и Промыслитель? Нѣтъ, не сказалъ Онъ: Я не пастырь для остальныхъ, но: Я не на то посланъ. Однако, и эти слова содержали истину только прикровенно, направляясь все къ той же цѣли—обнаруженію вѣры жены. Вѣдь если Ты не посланъ ко всѣмъ, то какъ посылаешь апостоловъ въ концы вселенной, говоря: *шедше, научите вся языки. крестяще* (Мѳ. xxviii, 19)? 654
Если не посланъ къ другимъ овцамъ, а только къ этимъ—дома Израилева,—то какъ говорилъ апостоламъ: *и ины овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего, тыя Ми подобаетъ привести, да будетъ едино стадо и единъ Пастырь* (Іоан. x, 16)? Ясно, что Спаситель, говоря: *нѣсмь посланъ,* не имѣлъ въ виду высказать истину въ полномъ объемѣ,—Онъ хотѣлъ только испытать душу ищущей Его помощи. Отказывается помочь ей, но она не уходитъ; отвергаетъ ея просьбу, но не можетъ отвергнуть ея поклоненія. Поистинѣ, образомъ Церкви является эта хананеянка; такъ и Церковь не отрицается Христа, какимъ бы опасностямъ ни подвергалась; тысячи невзгодъ переживаетъ, но не перестаетъ устремлять очи въ пристань вѣры; безчисленными еретическими треволненіями обуревается, но въ основаніи вѣры своей не колеблется. Сравни теперь—какова вѣра Церкви и какова неблагодарность іудеевъ. Іудеи, манной питаясь, ропщутъ, а Церковь, постясь, приноситъ благодареніе Владыкѣ; тѣ, будучи почитаемы, платятъ неблагодарностью, а христіане, будучи преслѣдуемы, благодарятъ. Какого слугу выбралъ бы ты, если бы былъ господиномъ? Котораго изъ двухъ пожелалъ бы ты имѣть—того ли, который на благодѣянія отвѣчаетъ неблагодарностью, или того, который благодаритъ за наказанія? Конечно, этой именно Церкви образомъ служитъ хананеянка, отталкиваемая, но не оставляющая Владыки. Кланяется Ему и говоритъ: *Господи, помози ми!* Сначала она сказала: *Сыне Давидовъ, помилуй мя!* а потомъ, подумавъ, что это наименованіе не вполнѣ соотвѣтствуетъ Его достоинству, оставляетъ его и замѣняетъ другимъ, болѣе высокимъ. Не называетъ уже

Его Сыномъ Давидовымъ, но Господомъ, умоляя: *Господи, помози ми* (ст. 25)! Однако и на это она не получаетъ отвѣта. Но тутъ уже вступаются апостолы и просятъ за нее, потому что она *вопіетъ въ слѣдъ насъ*. Богъ продолжаетъ испытывать вѣру ея и говоритъ ей: *нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ и поврещи псомъ* (ст. 26). Дѣтьми называетъ израильтянъ, не столько къ чести ихъ, сколько въ обличеніе ихъ неблагодарности. Вѣдь Тотъ, Кто сейчасъ называетъ израильтянъ дѣтьми, есть Сынъ сказавшаго: *сыны родихъ и возвысихъ, тіи же отвергошася Мене* (Ис. I, 2). Называется хананеянка собакой—и съ благодарностью сноситъ обиду. Впрочемъ, я думаю и вѣрю, что въ этомъ обидномъ прозвищѣ сказывается отчасти и чувство благоволенія, если понимать его въ смыслѣ указанія на вѣрность, преданность этого животнаго. Собака, что ни перетерпитъ, хозяйскаго дома не оставитъ; при видѣ хозяина—она спокойна, проходятъ рабы—она молчитъ, а когда видитъ чужихъ—поднимаетъ тревогу, лаетъ и не хочетъ успокоиться, не признавая никого изъ постороннихъ. Іудеи, сколько бы хуленій на Бога ни слышали, не трогаются. А христіанинъ, слыша хулы еретиковъ или вообще какую-нибудь ложь на Бога, тотчасъ приходитъ въ возбужденіе, лаетъ, кричитъ на противниковъ. Не терпитъ христіанинъ видѣть вражеское лицо, но какъ собака стережетъ хозяйскій дворъ. Чуждые вѣрѣ философы сами усвояли себѣ названіе собакъ, цѣня нравъ этого животнаго, и не стыдились такого наименованія, обращая вниманіе лишь на природныя качества. А что и Богъ одобряетъ тѣхъ, кто лаетъ въ защиту благочестія, и негодуетъ на тѣхъ, кто молчитъ и не лаетъ въ пользу истины, это видно изъ сказаннаго объ израильтянахъ, что они—*вси пси нѣміи, не могущіи лаяти* (Ис. LVI, 10). Псомъ называется душа, преданная Владыкѣ и лающая за Владыку, и такое
655 наименованіее ее не унижаетъ. Когда собака взбѣсится, вѣрнымъ признакомъ ея бѣшенства является то, что она огрызается на своего господина: въ здоровомъ состояніи собака этого никогда не сдѣлаетъ. И безуміе іудеевъ ничѣмъ другимъ не обличается въ такой степени, какъ тѣмъ, что они лаютъ на Спасителя: Бога, въ Которомъ они должны были признать своего Владыку, они отвергли какъ чужого. Въ этомъ и заключается ихъ вина. *Обыдоша мя пси мнози*, говоритъ псалмопѣвецъ отъ лица Спасителя. Кто эти псы? *Сонмъ лукавыхъ одержаша мя* (Пс. XXI, 17). Обида не отталкиваетъ однако хананеянки, но принимается ею съ благодарностью. *Нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ и поврещи псомъ*. И оскорбленіемъ пользуясь, чтобы только расположить къ человѣколюбію, она говоритъ: *ей Господи: ибо и пси ядятъ отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы господей своихъ* (ст. 27). Ты не хочешь пожалѣть меня какъ одну изъ твоихъ дѣтей, такъ окажи мнѣ состраданіе какъ собакѣ: я согласна быть для Тебя и собакой. Твоя обида для меня лучше всякой чести, выше всякой славы. Тогда, наконецъ,

Спаситель, чтобы показать, что Онъ не имѣлъ намѣренія нанести ей обиду, и въ виду обнаруженія ея вѣры говоритъ ей: *о, жено, велія вѣра твоя: буди тебѣ якоже хощеши* (ст. 28)! Я не знаю, какъ восхвалить эту вѣру, которую Спаситель назвалъ великою. Какую въ самомъ дѣлѣ могу я придумать похвалу выше той, что изрекъ Спаситель? Ею и ограничимся, не будемъ портить ее нашими похвалами, не будемъ мѣнять великое на малое: вѣдь человѣческая похвала унижаетъ дѣло, а слова Божіи удостовѣряютъ его достоинство. Ихже *похвала не отъ человѣкъ, но отъ Бога* (Римл. II, 29), говоритъ апостолъ. А почему вообще бѣснующіеся, взывая къ Спасителю о помощи, называли Его сыномъ Давидовымъ: *Сыне Давидовъ, помилуй мя?* Развѣ родство съ Давидомъ давало какую-нибудь власть надъ нечистыми духами? Почему и прозорливецъ восклицалъ: *Сыне Давидовъ, помилуй мя*, и хананеянка, прося о своей бѣсноватой дочери, умоляла: *Сыне Давидовъ, помилуй мя?* Въ исторіи разсказывается, что Давидъ игрой на гусляхъ отгонялъ отъ Саула нечистаго духа. А такъ какъ Давидъ отгонялъ нечистыхъ духовъ силою музыки,—силою, конечно, не человѣческой, а божественной, и по вдохновенію отъ Святого Духа, то это и послужило поводомъ къ упоминанію о Давидѣ при подобныхъ обращеніяхъ къ Спасителю: *Сыне Давидовъ, помилуй мя!* Впрочемъ, конечно, нельзя было ограничиться тѣмъ, что этими словами выражалось: они были хороши, какъ начало' руководясь которымъ можно было возвыситься и до наименованія, соотвѣтствующаго Его достоинству. *Исцѣлѣ дщи ея отъ того часа* (ст. 28). По слову Божію дѣвица исцѣлѣла: слово Спасителя изгоняетъ нечистыхъ духовъ, низвергаетъ всякую нечистую силу.

2. Вотъ что могли мы сказать объ этой евангельской благодати,—конечно, не столько, сколько должно было сказать, но сколько было намъ по силамъ. А такъ какъ мы не въ состояніи были сказать всего, что слѣдовало бы, то воспользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы исполнить одно изъ своихъ прежнихъ обѣщаній. Пора ужъ и мнѣ исполнить это обѣщаніе,—чтобы постоянное откладываніе со дня на день не охладило окончательно ревности слушателей,—да и вамъ пора уплатить мнѣ долгъ слушанія. О фараонѣ начата была у насъ рѣчь,—о томъ, какъ ожесточилъ Богъ сердце фараона, и о томъ, что сказано было по этому поводу: *егоже хощетъ милуетъ, и егоже хощетъ ожесточаетъ. Речеши убо ми: чесо ради еще укоряетъ? Воли бо Его кто противитися можетъ* (Римл. IX, 18, 19)? Когда мы имѣемъ дѣло съ божественными Писаніями, не должно спѣшить изъяснять ихъ, едва услышимъ, чтобы не было стѣсненія мысли, но предварительно увѣрившись въ благодатномъ содѣйствіи свыше, тогда уже только слѣдуетъ приступать къ спокойному и неторопливому разсмотрѣнію въ должномъ порядкѣ. Однимъ словомъ, вотъ какъ я имѣю въ виду начать рѣчь о занимающемъ насъ изреченіи. Находится оно въ посланіи къ римля-

намъ. Пишетъ апостолъ Павелъ римлянамъ и предлагаетъ имъ много различныхъ наставленій, въ особенности же желаетъ исправить и устранить то, изъ-за чего произошло среди нихъ большое смущеніе и нестроеніе. Въ чемъ было дѣло, послушай. Въ Римѣ много было увѣровавшихъ во Христа изъ іудеевъ, но и изъ язычниковъ многіе увѣровали. И вотъ между тѣми и другими возникли пренія и несогласія—не изъ-за ревности по вѣрѣ, но изъ-за спора о первенствѣ. Христіане изъ язычниковъ стояли за то, чтобы имъ считаться первыми, но іудеи имъ не уступали и желали сохранить первенство за собою. Христіане-евреи ссылались на свое отеческое благородство и говорили христіанамъ изъ язычниковъ: мы васъ выше; наша вѣра древнѣе; наши и патріархи, нашъ Авраамъ, нашъ Исаакъ, нашъ Іаковъ, наши всѣ па-
656 тріархи, всѣ пророки; за насъ древность и благородство происхожде-
нія, а вы только что пріобщились къ этой благодати. А христіане изъ язычниковъ имъ возражали: невозможно первенствовать тѣмъ, которые отреклись отъ Христа; немыслимо удержать за собой первенство тѣмъ, которые воздвигли крестъ и вооружились на Бога; вы теперь отвержены, а призваны всѣ народы; мы воспользовались дарованнымъ людямъ спасеніемъ, а вы имъ пренебрегли. Апостолъ, усмотрѣвъ, что эти споры производятъ въ Римѣ большое смущеніе, и что безпорядокъ все возрастаетъ, и опасаясь, что зло, умножившееся въ столицѣ, можетъ легко разлиться по всей вселенной, съ корнемъ вырываетъ эту наклонность къ спорамъ, чтобы предупредить ея распространеніе по всей землѣ; онъ становится между противниками,—становится не какъ судья, но какъ миротворецъ, зная, что благочестіе устранитъ всякій споръ. Кто хочетъ прекратить раздоръ и распрю, тотъ не останавливаетъ одной какой-нибудь стороны, чтобы не дать перевѣса другой, но удерживаетъ и ту и другую одновременно, потому что такъ легче привести ихъ къ соглашенію; такъ и божественный апостолъ становится между спорящими и удерживаетъ горячность какъ іудеевъ, такъ и язычниковъ. Осуждаетъ же онъ прежде всего ту сторону, которая дѣйствовала съ большимъ безстыдствомъ, т. е. іудеевъ. Всѣ вѣдь они безстыдные псы, не могущіе лаять (Ис. LVI. 10). Безстыдно это племя,—безстыдно не по природѣ, а по нраву, потому что безстыдство коренится не въ низости происхожденія, а въ характерѣ. Итакъ, обвиняетъ эту сторону, или лучше сказать—ихъ первыхъ вразумляетъ, какъ болѣе безстыдныхъ,—ихъ, которыхъ Исаія находилъ столь безстыдными, что сказалъ о домѣ Израилевѣ: *жила желѣзна выя твоя и лице твое мѣдяно* (Ис. XLVIII, 4); ему же Іеремія говорилъ: *лице жены блудницы бысть тебѣ, Израиль, не хотѣла еси постыдѣтися ко всѣмъ* (Іер. III, 3). Итакъ, осуждаетъ божественный апостолъ прежде всего сторону безстыдную, т. е. іудеевъ, и такъ какъ они ссылались на древность своего происхожденія—отъ Авраама, Исаака и Іакова, то онъ и показываетъ

имъ, что цѣнится не происхожденіе, но нравъ. Начиная свою рѣчь объ этомъ, онъ говорилъ: *не вси сущіи отъ Израиля, сіи Израиль* (Римл. IX, 6). Ты, указывая на происхожденіе, не обращаешь вниманія на нравы: *не вси сущіи отъ Израиля, сіи Израиль* есть,—это прямо противъ іудеевъ,—*ни зане суть сѣмя Авраамле, вси чада*, потому что написано: *во Исаацѣ наречется ти сѣмя* (ст. 7). Если благочестіе ставить въ зависимость отъ происхожденія, то ничто не препятствуетъ Измаила предпочитать Исааку, потому что онъ былъ сынъ Авраама и притомъ сынъ старшій. Итакъ, *не вси сущіи отъ Израиля, сіи Израиль суть, ни зане суть сѣмя Авраамле, вси чада, но во Исаацѣ наречется ти сѣмя*. И въ объясненіе прибавляетъ, что *не чада плотская* считаются по вѣрѣ, *но чада обѣтованія, сія чада Божія* (ст. 8). Но такъ какъ онъ ожидаетъ, что іудей возстанетъ противъ этихъ словъ и—въ довершеніе своего безстыдства по отношенію къ божественной проповѣди скажетъ, что Измаилъ отвергнутъ потому, что онъ былъ сыномъ рабыни, а Исааку оказано предпочтеніе въ силу его происхожденія отъ свободной, то онъ оставляетъ наконецъ примѣръ Измаила и продолжаетъ: *и не точію* Исаакъ (предпочтенъ былъ Измаилу), *но и Ревекка отъ единаго ложа Исаака отца нашего имущи, еще бо не рождшимся имъ, ни сотворившимъ, что благо или зло, да по избранію предложеніе Божіе пребудетъ, не отъ дѣлъ, но отъ призывающаго речеся ей: яко болій поработаетъ меньшему* (ст. 10—12). Такъ какъ тамъ ты объясняешь отверженіе Измаила низкимъ его происхожденіемъ, то вотъ смотри: отъ одного корня два побѣга и какъ они различны! Тотъ, о которомъ можно было сомнѣваться, принятъ, а тотъ, который былъ внѣ сомнѣнія, не принятъ. А чтобы ты убѣдился, что природа не унижаетъ того, кого не унижаетъ душевное расположеніе, и было сказано, что *болій поработаетъ меньшему, якоже есть писано: Іакова возлюбихъ, Исава же возненавидѣхъ* (ст. 13). Здѣсь Павелъ опирается на слово Божіе, потому что вотъ что сказано Богомъ чрезъ пророка: *не братъ ли бѣ Исавъ Іакову? И возлюбихъ Іакова, Исава же возненавидѣхъ* (Мал. I, 2). Такъ какъ ты ссылаешься, говоритъ, на происхожденіе, то вотъ—что пользы было Исаву отъ его происхожденія? Если благородство предковъ служитъ къ чести человѣка, то объясни, какую услугу оказало Исаву благородство его отца? Развѣ онъ не былъ потомкомъ Авраама? Развѣ онъ не былъ сыномъ Исаака и даже отъ одной и той же матери, и притомъ свободной? Развѣ его происхожденіе помогло ему получить то, чего лишалъ его его нравъ? И тотчасъ прибавляетъ: *что убо речемъ: еда неправда у Бога? Да* 657
не будетъ! Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, вопросъ исторически, апостолъ вооружается затѣмъ противъ тѣхъ возраженій, какія по этому поводу предъявляются. Такъ какъ многіе, послѣ того какъ извѣстный вопросъ разрѣшенъ, злоупотребляютъ сдѣланными отсюда

выводами, то апостолъ не ограничивается тѣмъ, что въ его время было предметомъ спора, но предусматриваетъ и тѣ возраженія, которыя впослѣдствіи имѣли возникнуть со стороны ли манихеевъ, или со стороны другихъ какихъ еретиковъ. или со стороны язычниковъ по поводу этихъ его словъ, и заблаговременно приготовляетъ стрѣлы, которыя пригодятся тебѣ въ случаѣ войны. Вѣдь Богъ не смотритъ только на настоящее, но еще болѣе вниманія обращаетъ на будущее. Поэтому и слово Божіе называется стрѣлою и мечемъ. Исаія говорилъ: *положи мя яко мечъ остръ и подъ кровомъ руки своея скры мя; положи мя яко стрѣлу избранну и въ тулѣ своемъ скры мя* (Ис. XLIX, 2). Почему же мечъ и стрѣла? Мечомъ сражаются съ близъ стоящими, а стрѣла посылается и къ тѣмъ, которые находятся на далекомъ разстояніи. Такъ какъ слово Божіе истребляло и существовавшія уже разногласія, и посѣкало и тѣ раздоры, которые впослѣдствіи имѣли возникнуть, то оно и называется мечомъ, какъ дѣйствующее на близкомъ разстояніи. и стрѣлою, какъ поражающее противниковъ вдали. Но чтобы не нарушать послѣдовательности изложенія, мы сначала покончимъ съ тѣмъ, а потомъ уже перейдемъ и къ этому. Доказавъ іудеямъ, что не должно превозноситься своимъ происхожденіемъ, апостолъ переходитъ затѣмъ къ обратившимся изъ язычниковъ и говоритъ имъ: *не хвалися* предъ корнемъ; *ты бо дивія маслины сый* (Римл. XI. 18, 17), отломился отъ дикой по природѣ маслины и прицѣпился къ доброй маслинѣ. Кто прочтетъ внимательно посланіе, найдетъ тамъ подробное разъясненіе вопроса, мы же ограничимся краткими указаніями. Народъ еврейскій называетъ апостолъ доброй маслиной, а христіанъ изъ язычниковъ сравниваетъ съ побѣгами дикой маслины, привившимися къ доброй маслинѣ. Называетъ потомство Авраама доброй маслиной, и тѣмъ самымъ внушаетъ пришельцамъ изъ язычниковъ, пріобщившимся сладости Авраама и пророковъ, не превозноситься. Развѣ Израиль, говоритъ. къ тебѣ привился? Развѣ ты принялъ къ себѣ Израиля? Не Израиль ли принялъ тебя къ себѣ? Апостолы развѣ отъ тебя? Развѣ Спаситель не отъ іудеевъ, а отъ язычниковъ? Конечно, отъ іудеевъ. Такъ почему же не признаешь корня благъ и не почитаешь? Развѣ ты не знаешь, что, будучи дичкомъ. ты привился къ доброй маслинѣ? Ты, конечно, скажешь мнѣ: ты заступаешься за противниковъ, но вѣдь они невѣріемъ отломились отъ корня, а я вѣрою привился. Хорошо. *Не высокомудрствуй* однако, *но бойся. Аще бо Богъ естественныхъ вѣтвей не пощадѣ, да не како и тебе не пощадитъ* (ст. 20, 21). Вотъ апостольская рѣчь! Вотъ апостольская сила! Смотри, какъ посѣкаетъ онъ возникшее препирательство, и тѣмъ заграждая уста, и этихъ дѣлая безотвѣтными. Не превозносись. *Аще ли хвалишися, не ты корень носиши, но корень тебе* (ст. 18). Такъ какъ увѣровавшіе изъ язычниковъ хвалились надъ израильтянами, что тѣ отломились отъ корня невѣріемъ во Христа, а они вмѣсто нихъ

прицѣпились по вѣрѣ въ Него, то апостолъ противъ такой похвальбы возражаетъ: *не ты корень носиши, но корень тебе. Речеши убо: отломишася вѣтви, да азъ прицѣплюся* (ст. 19). Соглашаюсь: твои слова справедливы, объясненіе правильное. Хорошо. *Не высокомудрствуй* однако. *Аще Богъ естественныхъ вѣтвей не пощадѣ, да не како и тебе не пощадитъ.* Тотъ, на чьей сторонѣ благородство происхожденія, отвергнутъ за невѣріе; а тебя, превозносящагося, онъ отвергнетъ за эту твою неблагодарность. Смотри, какъ притязательность уничтожаетъ онъ страхомъ. *Виждь убо благость и непощадѣніе Божіе: на отпадшихъ убо непощадѣніе, а на тебе благость Божія, аще пребудеши въ благости; аще ли же ни, то и ты отсѣченъ будеши* (ст. 22). Видишь, какъ страхомъ онъ посѣкаетъ притязательность и побуждаетъ вѣрнаго не къ превозношенію, а къ соревнованію. Какое тебѣ дѣло до чьего бы то ни было происхожденія? Позаботься о своей жизни, постарайся угодить Благодѣтелю, чтобы твои нравы не повредили твоему происхожденію,— вотъ куда направь свою ревность. Затѣмъ обращается къ пришельцамъ изъ язычниковъ. Увѣровавшіе язычники говорили: Павелъ посланъ къ намъ; не для васъ, іудеевъ, онъ проповѣдуетъ, а для язычниковъ. И на это находитъ Павелъ спасительное лѣкарство благочестія и говоритъ: вы хвалитесь мною? Конечно, я—вашъ учитель, а не іудеевъ. 658
Но твердо помните вотъ что. Я не хочу оставлять васъ, братіе, въ невѣдѣніи, что *понеже есмь азъ языкомъ апостолъ, службу мою прославляю* (Римл. XI, 13). Какъ это—*прославляю*? Отстаивая (достоинство христіанъ изъ) язычниковъ, я отстаиваю свое собственное служеніе, свое апостольство. И съ какою цѣлью? *Аще како раздражу мою плоть и спасу нѣкія отъ нихъ* (ст. 14). Я восхваляю васъ, чтобы возбудить ревность у тѣхъ. Такими-то доводами разсѣеваетъ Павелъ возгорѣвшіяся препирательства и возстановляетъ истину во всемъ ея блескѣ,—уничтожаетъ притязательность и водворяетъ согласіе. Но возвратимся къ тому, о чемъ рѣчь.

3. *Что убо речемъ? Еда неправда у Бога? Да не будетъ. Моисеови бо глаголетъ: помилую, егоже аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю* (Римл. IX, 14, 15). Эти слова Павелъ говоритъ не отъ собственнаго лица: они являются какъ противоположеніе. Павелъ какъ бы олицетворяетъ возраженіе, идущее со стороны противниковъ. *Что убо речемъ? Еда неправда у Бога (да не будетъ)*, когда Онъ говоритъ: *помилую, егоже аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю?* Въ этомъ возраженіи апостолъ дѣлаетъ однако отъ себя вставку: *да не будетъ.* Еще не вступая въ споръ по существу, онъ тотчасъ же и съ рѣшительностью устраняетъ хулу. Чтобы кто-нибудь, пока не вникнетъ въ мысль, не поспѣшилъ согласиться съ этимъ сужденіемъ о Богѣ, онъ, какъ искусный врачъ, въ самую средину возраженія вставляетъ свое—*да не будетъ*, чтобы отраженіемъ хулы утвердить похуляемую истину. Противникъ

разсуждаетъ такъ: объ Іаковѣ Богъ сказалъ: *Іакова возлюбихъ, Исава же возненавидѣхъ*, и Моисею сказалъ: *помилую, егоже аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю* (Римл. IX, 13, 15). Если же, кого хочетъ, Онъ помилуетъ, а кого хочетъ, ожесточаетъ, то *чесо ради еще укоряетъ* (ст. 19)? Если Онъ самъ дѣлаетъ это и самъ такъ устраиваетъ, то зачѣмъ отъ меня требуетъ отвѣта въ томъ, что самъ устроилъ? Вотъ въ чемъ сила этого возраженія: *Моисеови бо глаголетъ: помилую, егоже аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю*. Къ противоположенію: *Іакова возлюбихъ, Исава же возненавидѣхъ*, какъ бы для построенія умозаключенія, присоединяются слова: *егоже хощетъ, милуетъ, и егоже хощетъ ожесточаетъ* (ст. 18). Дѣлая отсюда выводъ, противникъ говоритъ: итакъ, спасеніе есть дѣло *ни текущаго, ни хотящаго, но милующаго Бога* (ст. 16). Если Онъ кого хочетъ, милуетъ, кого хочетъ, ожесточаетъ, кого хочетъ, любитъ, кого хочетъ, ненавидитъ, то чего ты требуешь отъ меня? Напрасно я держусь благочестія, напрасно стремлюсь къ истинѣ! Вѣдь, спасеніе есть дѣло всецѣло *ни текущаго, ни хотящаго, но милующаго Бога*. Все это—отъ лица противника. Но теперь апостолъ не медлитъ уже болѣе съ силою противостать ему, чтобы не дать укрѣпиться противорѣчію, и разсѣять подозрительность (новообращенныхъ) язычниковъ. Итакъ: *егоже хощетъ милуетъ, и егоже хощетъ ожесточаетъ*. Скажи же мнѣ: *чесо ради еще укоряетъ? Воли бо Его кто противитися можетъ?* Свой отвѣтъ на это возраженіе Павелъ предваряетъ словами: *тѣмже убо, человѣче, ты кто еси противъ отвѣщаяй Богови* (ст. 20)? Это еще не отвѣтъ, но прежде всего негодованіе на дерзающихъ требовать отчета отъ Бога. Конечно, подобнымъ образомъ заградить уста противнику не значило бы разрѣшить вопросъ,—это, скорѣе, усилило бы недоразумѣніе. Если ты запрещаешь говорить мнѣ правду (можетъ сказать онъ), я замолчу, но останусь при своемъ убѣжденіи. Отчего ты обвиняешь, а не убѣждаешь? Но апостолу необходимо было прежде всего обуздать дерзость человѣческаго легкомыслія, столь рѣшительно требующаго у Бога отчета въ Его дѣлахъ; съ этого онъ начинаетъ: *тѣмже убо, человѣче, ты кто еси противъ отвѣщаяй Богови?* Возьмемъ примѣръ всѣмъ близкій (вѣдь и въ обыденной жизни можно почерпнуть подтвержденіе своимъ мыслямъ). Если кто-нибудь увидитъ господина, бьющаго своего раба, и приступивъ къ нему, начнемъ говорить: зачѣмъ бьешь?—тотъ съ сознаніемъ своего права отвѣтитъ ему: а тебѣ что? Развѣ я не имѣю власти надъ своимъ слугой? Развѣ онъ не принадлежитъ мнѣ? Не въ моей развѣ онъ власти (говоря такъ въ защиту своей власти, а не въ оправданіе поступка)? Такъ вотъ сначала онъ съ негодованіемъ говоритъ противнику: тебѣ что за дѣло? А когда минуетъ вспышка гнѣва и утолится негодованіе, онъ успокоивается и тогда начинаетъ уже оправдываться предъ обвинителемъ: напрасно думаешь, что я бью безъ толку: ты посмотри, только, какова его дерзость! Такъ

точно поступаетъ апостолъ. Когда противники требовали отъ него отвѣта, что если Богъ *егоже хощетъ, милуетъ, егоже хощетъ, ожесточаетъ*, то за что еще укоряются люди, *воли бо Его кто противитися можетъ?*—возмущенный этими словами, онъ говоритъ: *тѣмже убо, человѣче, ты кто еси противъ отвѣщаяй Богови?* Бреніе указываетъ Создателю? Тварь осуждаетъ Творца? Рабъ требуетъ отчета у Господина? Вразумился бы хоть тѣмъ, что и въ обыденной жизни, слуга, защищая свою свободу, когда его влекутъ въ рабство, не дерзаетъ вести свое дѣло самъ, чтобы не стать лицомъ къ лицу съ господиномъ и тѣмъ не нанесть ему оскорбленія, но беретъ себѣ защитника со стороны, а ты, будучи смертнымъ человѣкомъ, съ безсмертнымъ хочешь говорить какъ равный? *Ты кто еси противъ отвѣщаяй Богови?* Ты, чья жизнь мимолетна, допрашиваешь вѣчнаго? Смертный—безсмертнаго? Нисходящій въ гробъ—обитающаго на небесахъ? Отъ земли питающійся и въ землю обращающійся, ты требуешь отчета отъ Того, Кто пребываетъ во вѣки? *Тѣмже убо, человѣче, ты кто еси противъ отвѣщаяй Богови? Или не иматъ власти скудельникъ, отъ тогоже* бренія *сотворити овъ убо сосудъ въ честь, овъ же не въ честь* (ст. 21)? Все это такъ. Возразить на это ничего нельзя,—но вѣдь вопросъ остается неразрѣшеннымъ. Ты только подтверждаешь, только усиливаешь обвиненіе, заграждая подобнымъ образомъ уста противнику. *Или не иматъ власти скудельникъ сотворити овъ убо сосудъ въ честь, овъ же не въ честь?* Не значитъ ли это, что самъ же Онъ дѣлаетъ и безчестныхъ? За что же упрекаешь меня? Для меня нестерпимы эти твои слова; вмѣсто того, чтобы разрѣшить вопросъ, ты еще болѣе запутываешь ими дѣло. Поэтому апостолъ, упрекнувъ за легкомысліе, тотчасъ переходитъ къ исправленію ошибки. Съ негодованіемъ сказалъ онъ: *тѣмже убо, человѣче, ты кто еси противъ отвѣщаяй Богови? Или не иматъ власти скудельникъ отъ тогожде бренія сотворити овъ убо сосудъ въ честь, овъ же не въ честь?* Но когда замѣтилъ, что оборотомъ дѣла еще болѣе усиливаетъ возраженіе, тотчасъ прибавляетъ: *аще же хотя Богъ показати гнѣвъ и явити силу свою, пренесе во многѣ долготерпѣніи* (ст. 22). Нужно обстоятельно вникнуть въ эти слова: истина дается не сразу. Апостолъ показалъ и вразумилъ, что не должно требовать у Бога отчета, пользуясь въ этомъ случаѣ словами Божіими, сказанными чрезъ пророка Исаію. Именно, Богъ говорилъ ветхозавѣтнымъ людямъ: *еда речетъ зданіе создавшему: почто мя сотворилъ еси* (Римл. IX, 20)? *Еда речетъ бреніе скудельнику: что твориши* (Ис. XLV, 9)? Можетъ ли созданіе спрашивать Создателя: какъ ты меня сотворилъ? А вы хотите учить Меня, что Мнѣ дѣлать съ своими созданіями и съ своими дѣтьми! Воспользовавшись этими словами пророка Исаіи, заградивъ ими уста противниковъ, апостолъ исправляетъ затѣмъ допущенную ими ошибку. Покончивъ съ порицаніемъ, Павелъ переходитъ къ разъясненіямъ,

659

чтобы ты убѣдился, братъ, что не въ подкрѣпленіе противниковъ произнесъ онъ эти слова: *ты кто еси противъ отвѣщаяй Богови*, но въ порывѣ негодованія. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь онъ все приписываетъ Создателю, говоря: *или не иматъ власти скудельникъ отъ тогожде бренія сотворити сосуды, овъ въ честь, овъ же не въ честь?* Здѣсь онъ говоритъ въ полемическомъ духѣ, не задаваясь цѣлью дать точное изложеніе ученія. А въ другомъ мѣстѣ, желая показать, что сосудомъ чести или сосудомъ безчестія человѣкъ дѣлается не по волѣ Божіей, но въ зависимости отъ собственнаго своего расположенія, отъ того, что беретъ въ немъ верхъ—влеченіе къ добродѣтели или склонность къ пороку, тотъ же апостолъ пишетъ Тимоѳею: *сія пишу тебѣ, да увѣси, како подобаетъ въ дому Божіи жити* (1 Тим. ш, 14, 15). *Въ велицѣмъ домѣ не точію сосуди злати и сребряни суть, но и древяни, и глиняни* (2 Тим. п, 20). Это пишетъ самъ же Павелъ. Я нарочно не обращаюсь къ какимъ-нибудь другимъ мѣстамъ, чтобы ты не сказалъ: вотъ онъ, не найдя отвѣта у одного апостола, перескакиваетъ къ другимъ Писаніямъ. Тотъ же самый Павелъ, осуждавшій тѣхъ съ негодованіемъ, когда говоритъ спокойно, выражается съ бóльшей точностью. Павелъ именно говоритъ: *въ велицѣмъ домѣ не точію сосуди злати и сребряни суть, но и древяни, и глиняни: и ови убо въ честь, ови же не въ честь*. И что прибавляетъ? *Аще убо кто очиститъ себе, будетъ сосудъ въ честь, освященъ*. Тамъ приписавъ Создателю опредѣленіе сосудовъ *въ честь* или *не въ честь*, здѣсь онъ все поставляетъ въ зависимость отъ воли человѣка. *Аще кто очиститъ себе, будетъ сосудъ въ честь, освященъ и благопотребенъ*
660 *Владыцѣ, на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. п, 26). Смотри, одно говоритъ онъ въ порицаніе, другое—съ цѣлью наученія. И какъ въ приведенномъ выше примѣрѣ господинъ, бившій своего раба, сначала съ рѣзкостью отвѣтилъ на чужое вмѣшательство, а потомъ самъ же одумался и понялъ справедливость сдѣланнаго ему упрека, такъ точно и апостолъ теперь признаетъ, что не Богъ опредѣляетъ сосуды—одни къ честному употребленію, другіе къ низкому, что Онъ создалъ общую для всѣхъ природу, а уже свободное произволеніе самихъ тварей вноситъ различіе въ судьбу созданія. Твердо знай, что не по природѣ созданы мы въ сосуды чести или безчестія. Это внушаетъ намъ Писаніе. Въ самомъ дѣлѣ, если я созданъ сосудомъ безчестія, зачѣмъ Писаніе научаетъ меня быть добрымъ? Разъ мнѣ дана та или другая природа, измѣнить ее я не въ состояніи. Зачѣмъ требуетъ оно отъ меня добра, если я золъ по природѣ? Зачѣмъ добраго старается поддержать, говоря: *стоящій да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. х, 12)? Если онъ добръ по природѣ, зачѣмъ утверждать твердаго? И затѣмъ, какой выводъ изъ словъ: *ни хотящаго, ни текущаго?* Если мое желаніе совершенно не при чемъ, то какой смыслъ въ твоей проповѣди? Если и теченіе не имѣетъ значенія, зачѣмъ ты трудишься? Если мое жела-

ніе—ничто, зачѣмъ самъ Богъ говорилъ: *аще хощете и послушаете Мене, благая земли снѣсте* (Ис. I, 19)? Если желаніе человѣческое—ничто, зачѣмъ Христосъ говорилъ: *колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, и не восхотѣсте* (Мѳ. XXIII, 37)? *Ни хотящаго, ни текущаго.* Если текущій не при чемъ, зачѣмъ апостолъ гововилъ Галатамъ: *течасте добрѣ; кто вамъ возбрани* (Гал. V, 7)? Если и желающій, и текущій безсильны, зачѣмъ Павелъ говоритъ: *тако теку, не яко безвѣстно* (1 Кор. IX, 26): *задняя забывая, въ предняя же простирался, со усердіемъ гоню* (1 Фил. III, 13)? Зачѣмъ трудишься, зачѣмъ бѣжишь? Вѣдь ты же сказалъ: *ни хотящаго, ни текущаго?* Но всѣ эти недоумѣнія разрѣшаются Писаніемъ. Не отъ желанія Исаака (вѣдь онъ хотѣлъ дать благословеніе первенцу), ни отъ трудовъ Исава (охотившагося въ полѣ для отца своего), но отъ милующаго Бога зависѣло (оказать милость) Іакову. Не желанію Исава, не усердію Исаака обязанъ Іаковъ оказанною ему милостью, но исключительно милующему Богу. Итакъ, *ни хотящаго*—объяснено. Но этимъ не устраняются однако всѣ затрудненія: остается еще — *милующаго Бога*, — сохраняетъ свою силу возраженіе, опирающееся на слова: *егоже хощетъ милуетъ, а егоже хощетъ ожесточаетъ* (Римл. IX, 18). Вникни, братъ, тщательно въ мои слова. Богъ знаетъ все напередъ, именно знаетъ: не самъ опредѣляетъ будущее, но по предвѣдѣнію знаетъ то, что должно быть и будетъ. Иное вѣдь дѣло—чтó устрояетъ Онъ Своимъ промысломъ, иное—чтó предусматриваетъ Онъ относительно нашихъ поступковъ; иное — предопредѣлять, иное — знать по предвѣдѣнію. Если я предусматриваю зло, имѣющее совершиться, — мое предвѣдѣніе не производитъ самаго зла. Объясню примѣромъ. Мнѣ случается нерѣдко наблюдать, что юноша получаетъ послѣ родителей богатое наслѣдство и тотчасъ торопится воспользоваться своей свободой, утопаетъ въ наслажденіяхъ, увлекается зрѣлищами, скачками. О такомъ я тотчасъ же напередъ рѣшаю, что онъ въ короткое время пуститъ на вѣтеръ отцовское богатство и промотаетъ наслѣдство. Но вѣдь, конечно, предвѣдѣніе мое не предрѣшаетъ будущаго, оно является лишь выводомъ изъ ряда подобныхъ случаевъ; если оно оправдывается на дѣлѣ, такъ это обусловливается отнюдь не волею того, кто предусмотрѣлъ событіе, но исключительно образомъ жизни виновника растраты. А какъ часто наблюдается подобное и въ другихъ дѣлахъ! Идетъ ли путникъ по скользкой дорогѣ, безъ посоха въ рукахъ, мы тотчасъ при видѣ его говоримъ: онъ поскользнется; онъ не знаетъ, что дорога опасна, и непремѣнно упадетъ. Но неужели онъ упадетъ именно потому, что ты предсказалъ это?

4. Я вовсе не хочу сказать, что мое предвѣдѣніе и божественное—одинаковы. Но по тому, что бываетъ съ нами, ты можешь судить о томъ, что выше насъ. И это не все: возражатели идутъ дальше. Они говорятъ: Богъ самъ подтверждаетъ, что Онъ дѣлаетъ людей добрыми

или злыми; какъ иначе поймешь ты Его слова Іереміи: *прежде неже Мнѣ создати тя во чревѣ, познахъ тя, и прежде неже изыти тебѣ изъ ложеснъ освятихъ тя* (Іер. I, 5)? Вѣдь самъ же Онъ говоритъ: *отчуждишася грѣшницы отъ ложеснъ*—прежде рожденія, *заблудиша отъ чрева, глаголаша лжу* (Пс. LVII, 4). Видишь, какъ отъ чрева матери одинъ признается праведнымъ, а другой злымъ? Не по природѣ ли, значитъ? Хорошо говорилъ, утверждаютъ они, Спаситель іудеямъ: *заблуждаетесь, не вѣдуще Писанія, ни силы Божіей* (Мѳ. XXII, 29). Но читай, какъ слѣдуетъ, и не извращай написаннаго. *Прежде неже Мнѣ создати тя во чревѣ познахъ тя, и прежде неже изыти тебѣ изъ ложеснъ освятихъ тя*. Не прежде всего *освятихъ тя*, но прежде *познахъ тя*, а потомъ уже *освятихъ тя*. Сначала поставлено здѣсь предвѣдѣніе, а затѣмъ послѣ него—опредѣленіе. *И прежде неже Мнѣ создати тя познахъ тя, и прежде неже изыти тебѣ изъ ложеснъ освятихъ тя*.
661 Послѣ того какъ я узналъ тебя, я освятилъ тебя. Такъ и апостолъ говоритъ: *ихже предувѣдѣ, тѣхъ и предустави* (Римл. VIII, 29). Не сказалъ прежде: *предустави*, но сначала: *предувѣдѣ*—и тогда уже: *предустави*. Прошу васъ, содѣйствуйте труждающемуся въ словѣ — своимъ усердіемъ, а не кликами. Богъ—свидѣтель, я не ищу ихъ. Я ищу только общей пользы. А вы порадуйте меня своимъ вниманіемъ. Сказанное у пророка: *прежде неже изыти тебѣ отъ ложеснъ, освятихъ тя*, въ позднѣйшее время повторяется у апостола. Развѣ не говоритъ апостолъ подобно Іереміи: *ихже предувѣдѣ*, и *избра насъ прежде сложенія міра* (Римл. VIII, 29; Ефес. I, 4)? Іеремію узналъ Богъ во чревѣ матери, а объ апостолахъ предузналъ прежде сложенія міра, и не просто предузналъ только тогда, но и предизбралъ. Итакъ, посмотримъ, воздѣйствуетъ ли предвѣдѣніе на природу. Если апостолы избраны прежде сложенія міра, и этимъ опредѣлены были къ праведности по природѣ, а не по свободному влеченію къ добродѣтели, то почему были призваны тѣ, которымъ предвѣдѣніе предназначило быть мытарями? Почему Павелъ преслѣдуетъ? Почему блудницы спѣшатъ въ царство небесное? Вѣдь если о блудницѣ было извѣстно, что она достойна царства небеснаго,—какъ она сдѣлалась блудницей? Если о Павлѣ Богъ зналъ все,—почему предвѣдѣніе не отразилось на его природѣ? Почему тотъ, кто былъ въ числѣ предувѣдѣнныхъ отъ сложенія міра, оказался хульникомъ, гонителемъ и мучителемъ? Видишь, предвѣдѣніе не создаетъ природы, а только предусматриваетъ расположеніе воли? Если предвѣдѣніе дѣлало апостоломъ, почему Матѳей дѣлается мытаремъ? Вѣдь мытаремъ быть тоже самое, что идолопоклонникомъ, какъ видно изъ сдѣланнаго Спасителемъ сопоставленія: *буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (Мѳ. XVIII, 17). Значитъ, мытарство онъ поставилъ наравнѣ съ идолопоклонствомъ. Итакъ, если Матѳей былъ предувѣдѣнъ, почему не предвѣдѣніе сдѣлало его апостоломъ, но воля расположила къ послуша-

нію? Раавъ была спасена и причтена къ вѣрнымъ. Очевидно, и о ней было предвѣдѣніе Божіе. Зачѣмъ же она сдѣлалась блудницей? Зачѣмъ жемчужина, уже извѣстная своей цѣнностью, брошена была въ грязь? Повсюду видишь ты, что природа безразлична, а дѣйствуетъ свободная воля,—согласная съ божественнымъ предвѣдѣніемъ, но вполнѣ самостоятельная въ своихъ проявленіяхъ. И предвѣдѣніе Божіе оправдывается, и вліяніе человѣка на свою судьбу сказывается осязательно. Слова Павла помогутъ тебѣ разъяснить дѣло. *Ихже предувѣдѣ, и предустави, а ихже предустави, тѣхъ и призва, а ихже призва, сихъ и оправда* (Римл. IX, 29, 30). Почему Іуда призванъ, но не оправданъ? *Ихже предувѣдѣ, и предустави, тѣхъ и призва.* Значитъ, быть избраннымъ отъ чрева матери не даетъ еще никакого преимущества пророку, если даже въ избранныхъ отъ вѣка природа не подчиняется предвѣдѣнію, но остается свободной на ряду съ нимъ. Итакъ, можно считать доказаннымъ, что предвѣдѣніе не стѣсняетъ природы,—если, конечно, не найдется охотника спорить во что бы то ни стало, до полнаго безстыдства предъ истиной. Почему же однако сказаны были фараону извѣстныя слова: *яко на истое сіе воздвигохъ тя, яко да покажу тобою силу Мою и да возвѣстится имя Мое по всей земли* (Римл. IX, 17)? Чтобы показать Свою силу, ты наказываешь человѣка? Чтобы прославить Свое могущество, ты губишь невиннаго? Если онъ виновенъ, упрекай его; а если невиненъ, не обвиняй. Итакъ, что же значитъ: *да покажу тобою силу Мою?* Я воспользуюсь тутъ однимъ подходящимъ примѣромъ изъ древности, а вы послушайте внимательно. Врачебное искусство съ глубокой древности старалось постигнуть природу человѣка, его внутреннее строеніе и отправленія; средствомъ для этого служила анатомія, причемъ вскрытію подвергались—для общей пользы въ смыслѣ лѣченія—живые люди. Но, конечно, было бы крайне несправедливо—для спасенія однихъ приносить въ жертву другихъ — живыхъ людей. Что же дѣлали древніе? Они брали осужденныхъ на смерть за разбой, или за прелюбодѣяніе, или за чародѣйство, и ихъ-то живыми подвергали вскрытію. По отношенію къ такимъ преступникамъ это не было несправедливостью, а между тѣмъ человѣчеству отъ этого была польза. Человѣку, все равно уже осужденному на казнь за преступленія, при жизни вскрывались внутренности для наблюденій за ихъ еще не прекратившимися отправленіями. Вотъ и Богъ, какъ искуснѣйшій Врачъ (вѣдь Врачъ и есть Тотъ, Кто сказалъ: *не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе*, и: *не требуютъ здравіи врача, но болящіи*—Мѳ. IX, 13, 12), беретъ фараона, уже подлежащаго безчисленнымъ казнямъ за его собственные грѣхи. А дѣйствительно тотъ былъ виновенъ во многихъ преступленіяхъ. Во-первыхъ, съ его стороны было хулой говорить: *не вѣмъ* Господа (Исх. V, 2); а хула есть начало золъ. Во-вторыхъ, Онъ несправедливо притѣснялъ народъ, свободныхъ людей

осудивъ на рабство и тяжкія работы. Въ-третьихъ, невинныхъ младенцевъ онъ топилъ въ рѣкѣ. Въ-четвертыхъ, проповѣданнаго ему Господа
662 онъ отвергъ. Въ-пятыхъ, при видѣ чудесъ проявлялъ крайнее безстыдство по отношенію къ благочестію. Его-то, подлежавшаго тяжкой карѣ, Богъ взялъ и, какъ отличный врачъ, подвергъ разсѣченію чудесами, не наказывая его сразу до смерти. Такъ и врачи, производящіе вскрытіе, не сразу казнятъ человѣка, но постепенно разсѣкаютъ члены, производя между тѣмъ нужныя имъ наблюденія надъ отправленіями органовъ. Наводитъ на него жабъ, вооружаетъ противъ него необычайныя полчища—полчища жабъ, саранчи, чтобы показать всю силу Своего могущества. Не послалъ ангела съ неба, ни полки херувимовъ, не посылаетъ на противоборствующихъ ему серафимовъ, но, показывая Свое могущество, выставляетъ полчища жабъ. Выступили воинства саранчи, не имѣвшія никакого видимаго предводителя, но руководимыя повелѣніемъ Божіимъ. Жабы изъ рѣки повели войну противъ богоборца, явилась саранча, не одаренная разумомъ, но послушная божественной волѣ. За ними послѣдовали песьи мухи. И, однимъ словомъ, много различныхъ чудесъ, новыхъ и неслыханныхъ, творитъ противъ него Богъ, казнями разсѣкая его душу и пытая его, разнообразными казнями преслѣдуя разнообразныя проявленія его нечестія. А что именно съ этою цѣлью—показать на немъ Свою силу—Богъ наказывалъ фараона постепенно, а не вдругъ,—убѣдиться въ этомъ ты можешь изъ словъ Премудрости: *не неможаше бо всесильная рука Твоя, яже сотвори міръ*, и неизслѣдимая премудрость *послати на нихъ множество медвѣдей или лютыхъ львовъ, или новосозданныхъ ярости исполненныхъ звѣрей незнаемыхъ* (Прем. Сол. XI, 18, 19). Но Богъ дѣлалъ все, показывая Свое долготерпѣніе, поэтому и говоритъ Онъ: *да повѣсте чадомъ чадъ вашихъ, елико наругахся египтяномъ* (Исх. X, 2). Итакъ, этого фараона, заслужившаго своими дѣлами безчисленное множество наказаній, Богъ казнитъ, и говоритъ ему: *на истое сіе воздвигохъ тя, яко да покажу тобою силу Мою и да возвѣстится имя Мое по всей земли*,—чтобы чрезъ тебя другихъ исправить, чтобы чрезъ тебя другихъ вразумить, чтобы чрезъ тебя другихъ научить. А что, дѣйствительно, казнь фараона оказалась полезною для другихъ, имѣемъ доказательство въ Священномъ Писаніи. Нѣкогда кивотъ Божій былъ въ рукахъ филистимлянъ, и собрались лжепророки и прорицатели и говорили царямъ иноплеменниковъ: *отпустимъ кивотъ Бога Израилева отъ насъ*, руку *Его* сильную (1 Цар. V, 7, 8). Не знаете развѣ, что сотворилъ Господь египтянамъ? Зачѣмъ намъ ожесточать сердца свои, какъ ожесточилъ свое фараонъ (VI, 6)? О, благомысліе язычниковъ! Пусть эти слова иноплеменниковъ пристыдятъ любителей противорѣчить! Не сказали иноплеменники: не будемъ ожесточать сердецъ своихъ, какъ ожесточилъ Богъ сердце фараона. Самому фараону они приписали безчувственность: зачѣмъ намъ оже-

сточать свои сердца, какъ ожесточилъ свое фараонъ? Развѣ не отпустили египтяне народъ Израильскій, когда Богъ поругался имъ? Будемъ же теперь просить Бога о милости. И опять въ другомъ случаѣ, во время войны, при видѣ ковчега, филистимляне восклицали: *горе намъ*, это Богъ крѣпкій, поразившій Египетъ! Горе намъ, *изми ны, Господи*! Мы и безъ опыта знаемъ, какъ вразумилъ Онъ фараона (1 Цар. IV, 7, 8). Вотъ что говорили иноплеменники—филистимляне. И другая иноплеменница—Раавъ, нѣкогда блудница, а нынѣ цѣломудренная,—эта достопамятная женщина говоритъ соглядатаямъ: мы знаемъ, что сдѣлалъ Господь египтянамъ, *и слышахомъ, и ужасохомся сердцемъ нашимъ, и не ста ктому духъ въ насъ, яко Богъ вашъ* великъ: Онъ—*на небеси горѣ, и на земли долу* (Иис. Н. II, 10, 11). Видишь, не ложно говоритъ Богъ: *въ истое сіе воздвигохъ тя, яко да покажу тобою силу Мою и да извѣстится имя Мое по всей землѣ?* Заключеніе апостольскаго наставленія да послужитъ заключеніемъ и нашихъ словъ. Говоритъ Павелъ: *аще хотя Богъ показати гнѣвъ Свой, и явити силу Свою, пренесе* гнѣвъ свой на *сосуды гнѣва во мнозѣ долготерпѣніи* (ст. 22). Не сказалъ просто: навелъ гнѣвъ, но: на достойнаго гнѣва. Что именно говоритъ? *Пренесе во мнозѣ долготерпѣніи* гнѣвъ на *сосуды гнѣва*. Вамъ извѣстны, конечно, прекрасныя наставленія апостола: *прочее, братіе моя, возмогайте во Господѣ*, укрѣпляйтеся, совершайтеся (καταρτίζεσθε) (Ефес. VI, 10; 2 Кор. XIII, 11). Если мы совершенны по природѣ, что намъ еще усовершаться? Вѣдь «усовершаться», конечно, значитъ: дѣлать самихъ себя лучшими по нраву. Возьми въ свидѣтели самую природу. Природа производитъ шерсть, женщины ее усовершаютъ. Извѣстно, что усовершеніемъ (κατάρτισμα) называютъ самую ткань, въ обработанномъ видѣ. 663
Итакъ, значитъ: природа производитъ шерсть, искусство же обработываетъ это произведеніе природы; такъ Богъ, сотворивъ природу, предоставилъ ее въ распоряженіе волѣ человѣка. Для насъ природа является шерстью и въ твоихъ уже рукахъ обратить ее въ сосудъ чести или въ сосудъ безчестія. Ты—красильщикъ: тебѣ дана природа—шерсть, дана воля, какъ бы какая краска. Хочешь окрасить шерсть въ царскую багряницу? Тогда ты будешь сыномъ царя. Или ты окрасилъ ее темными дѣлами? Тогда ты будешь сыномъ тьмы и ночи, не потому, что это произвела въ тебѣ природа, но потому, что воля твоя дѣйствовала въ различныхъ направленіяхъ. Принужденія, необходимости какой-либо для тебя тутъ нѣтъ, какъ бы ни оспаривали это люди, склонные къ спорливости. При помощи Божіей, сколько было въ нашихъ силахъ, мы дали отвѣтъ на вопросъ. Постарайтесь удержать его въ своей памяти. И если кто-нибудь нападетъ на тебя, такъ ему противостань, чтобы низложить его его собственнымъ оружіемъ. И въ домѣ у тебя есть сосуды, и ты не пользуешься ими безразлично, но знаешь, въ какомъ сосудѣ содержится вино, въ какомъ уксусъ; такъ и Богъ знаетъ, какая

душа пригодна для помилованія, какая достойна наказанія, не потому, что она такъ именно создана, но потому, что къ этому она приготовила себя своими привычками. Поэтому, братъ, сосудами называются и наказываемые, сосудами же и получающіе милость (*аще же хотя Богъ показати гнѣвъ Свой и явити силу Свою, пренесе во мнозѣ долготерпѣніи*
664 гнѣвъ на *сосуды гнѣва совершены въ погибель, да покажетъ богатство милости Своея на сосудахъ милости)*; и того сдѣлалъ Онъ сосудомъ гнѣва, на кого излитъ гнѣвъ, и того сдѣлалъ сосудомъ милости, на кого излито человѣколюбіе,—чтобы показать, что каждый самъ призываетъ на себя гнѣвъ и милость. Но можетъ быть кто ухватится за эту мысль, вѣрнѣе за это слово: *сосуды гнѣва совершены въ погибель*? Итакъ, скажетъ онъ, не по заслугамъ, а самъ Онъ совершилъ. Но должно имѣть въ виду, что усовершенствованіе есть дѣло воли, а не природы. Подтверждается же это тѣмъ, что усовершаться—значитъ—по волѣ совершать достойное наказанія или милости. Можетъ быть, и теперь ты скажешь: всетаки я еще не убѣжденъ, что Писанія гласятъ такъ? Но вопросъ въ томъ, чтобы ты былъ излѣченъ. Вѣдь тотъ, кто лѣчится у врача, не допытывается о природѣ лѣкарствъ, но заботится о томъ, какъ ему излѣчиться. Если противникъ спроситъ тебя: какъ ты узналъ? Какъ научился?—отвѣть: какъ я узналъ, я знаю, а какъ объяснить, не знаю. Я вѣдь не лѣчилъ самъ, но излѣченъ,—чтобы имѣть душу твердую. Если онъ будетъ еще противорѣчить тебѣ, ты скажи: такъ какъ не я былъ врачемъ, и въ тайну врачеванія не посвященъ, то иди къ самимъ врачамъ, и они объяснятъ тебѣ дѣйствіе лѣкарствъ. А намъ, исцѣляемымъ, да дастъ Господь воздавать славу единому мудрому Врачу—Богу. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На слова апостола: не еже хощу, сіе творю, но еже ненавижду, то содѣловаю (Римл. VII, 15); и о томъ, какъ Іаковъ былъ прообразомъ Христа; а въ началѣ слова — противъ любителей театральныхъ зрѣлищъ.

663 1. Хвалю вашу любовь, удивляюсь вашему усердію и принимаю это прекрасное состязаніе. Мѣсто смятенія, рождающаго шумъ, теперь заступило сокрушеніе, сплетающее вѣнецъ правды. Я ублажаю вашу любовь, по внушенію которой вы всѣ усилія употребили, чтобы удержаться въ этой божественной твердынѣ. Но чѣмъ болѣе удивляюсь я этой вашей ревности, тѣмъ сильнѣе отвращаюсь я отъ вашего влеченія

къ суетнымъ удовольствіямъ. Вчера это наше священное собраніе подверглось ограбленію и конское ристалище увлекло къ себѣ народъ съ этого блаженнаго и божественнаго состязанія. Надивиться не могъ я тому, съ какою охотою поприще божественнаго слова промѣняли вы на конскія скачки. Тамъ вы могли посмотрѣть бѣгъ лошадей, а вѣдь здѣсь колесница Божія въ неисчетное число разъ превосходнѣе (Пс. LXVII, 18) и на ней тысячи ликующихъ; тамъ могли вы видѣть состязаніе, погоню и споръ, здѣсь любовь, ревность и усердіе. Тысячи колесницъ ниспровергаетъ одна колесница. Одна колесница у Бога, а колесницъ нечестія много. Но та совершаетъ бѣгъ благочестія, а эти божественной колесницей низвергаются. *Сіи*, говоритъ псалмопѣвецъ, *на колесницѣхъ и сіи на конехъ, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ; тіи спяти быша и падоша, мы же востахомъ и исправихомся* (Пс. XIX, 8, 9). Колесница эта не коней побѣждаетъ и не людей попираетъ, но низлагаетъ демоновъ и во прахъ сокрушаетъ насильство діавола. Не четырьмя конями запрягается колесница Божія, но ее влечетъ безчисленное множество душъ. *Колесница Божія*, говоритъ псалмопѣвецъ, *тмами темъ, тысяща гобзующихъ* (Пс. LXVII, 18). Конями Божіими служатъ святыя души,—души апостоловъ, обтекшія всю землю и несущія спасеніе всему міру. Апостольская ѣзда—спасеніе вселенной. Объ этомъ предсказывалъ 664
пророкъ: *навелъ еси на море кони твоя, смущающыя воды многи* (Авв. III, 15). Проповѣдь апостоловъ смутила весь языческій міръ; цари смущены, властители огорчены: нестерпимъ для нихъ бѣгъ апостольской благодати. Поэтому возмущенные проповѣдью апостоловъ и говорили: *иже развратиша вселенную, сіи и здѣ пріидоша* (Дѣян. XVII, 6). Вотъ колесница Божія, вотъ кони, взнузданные благочестіемъ. Не противься же слову истины, не подражай прыжкамъ неразумныхъ, отталкивая отъ себя божественный законъ, чтобы и тебя не остановилъ божественный голосъ: *что Мя гониши? Жестоко ти есть противу рожну прати* (Дѣян. IX, 4, 5). Обуздаемъ себя благочестіемъ обратимъ свои взоры къ цѣломудренному зрѣлищу; будемъ смотрѣть возничихъ благочестія—пророковъ и апостоловъ. Пророки—возничіе истины, руководители добраго бѣга. Таковъ былъ Илія, къ которому Елисей взывалъ: *отче, отче*, возничій *Израилевъ и* конь *его* (4 Цар. II, 12)! Всему должно предпочитать благочестіе. Не отставай отъ ученія, какъ только слышишь ты божественное слово; а что слышишь помимо его — для того будь наравнѣ съ безсловесными. Не только душей, но и очами твоими пусть управляетъ любовь къ Богу; пусть не двоятся твои взоры между безстыдными зрѣлищами и святою ревностью. Пріучи глазъ твой не видѣть ничего кромѣ небесныхъ красотъ, такъ чтобы ты могъ говорить: *къ Тебѣ возведохъ очи мои, живущему на небеси* (Пс. CXXII, 1)! Слухъ твой пріучи не къ шуму, не къ крику, но къ божественному закону, говоря: *приклони въ притчу ухо мое и услышу, что речетъ о*

мнѣ Господь Богъ (Пс. XLVIII, 5; IV, 9). Не лестью и угодливостью внушены мои слова, но сознаніемъ долга: мой долгъ—учить и вразумлять васъ. Угодливость не приноситъ никакой пользы, а вразумленіе весьма полезно. Не плѣняйтесь безпорядочными зрѣлищами, не оскверняйте своихъ мыслей чуждыми пѣснями. Ты можешь обуздать свои мысли,
665 хотя бы привычка и увлекала тебя въ ту сторону. Ты не рабъ, а свободный, и не насильно берутъ тебя въ плѣнъ и порабащаютъ, но ты самъ по своей волѣ продаешь себя грѣху. Не оправдывайся словами апостола; когда укоръ истины дойдетъ до твоего сердца и обличитъ его тайны, не вздумай сказать въ отвѣтъ: развѣ я выше Павла, говорящаго: *не еже хощу, сіе творю, но еже ненавижду, то содѣловаю?* Не извращай божественыхъ словъ, что тебѣ такъ привычно дѣлать; не клевещи на славу апостола, въ угоду своей страсти. Многіе, стараясь прикрыть свои грѣхи, нерѣдко ссылаются на только что приведенныя нами слова апостола. Павелъ, говорятъ, сосудъ избранія, всегда управляемый Духомъ Святымъ, сказалъ: *не еже хощу, сіе творю, но еже ненавижду злое, то содѣловаю. Соуслаждаюся закону Божію по внутреннему человѣку: вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ, противу воюющь зокону ума моего, и плѣняющь мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ* (Римл. VII, 22, 23). Всякій грѣхолюбецъ непремѣнно хочетъ найти лицо, всѣми уважаемое, которое могло бы раздѣлить съ нимъ его грѣхъ; охотно прибѣгаютъ въ такихъ случаяхъ къ апостоламъ, не въ укоръ имъ, но въ оправданіе самимъ себѣ. Сказалъ, говорятъ, Павелъ: *вѣмъ, яко не живетъ во мнѣ, сирѣчь во плоти моей, доброе* (Римл. VII, 18). Если даже въ Павлѣ не живетъ доброе, то какъ, говорятъ, требовать, чтобы обитало добро во мнѣ? Какъ я могу быть участникомъ добра? Можетъ ли во мнѣ быть добрый корень? Если такой великій мужъ былъ плѣняемъ закономъ грѣховнымъ, какъ онъ самъ заявилъ, что же остается мнѣ, жалкому рабу грѣха? И вотъ, во избѣжаніе двухъ золъ—оклеветанія апостольскаго слова и притупленія въ самихъ себѣ стыда за грѣхъ, намъ необходимо раскрыть заключающуюся въ словахъ апостола мысль во всей ея полнотѣ, вникнуть въ ея развитіе. При всякомъ сомнѣніи относительно пониманія Священнаго Писанія нужно обращаться къ контексту рѣчи, къ общему смыслу даннаго мѣста. Когда извѣстно, къ кому обращена рѣчь, о чемъ и съ какимъ намѣреніемъ говорится,—тогда не трудно уже бываетъ установить и точное, безошибочное пониманіе даннаго мѣста.

2. Апостолъ (постараюсь говорить кратко и ясно) живописуетъ образъ вообще человѣка, какъ онъ былъ созданъ въ началѣ, какъ былъ подъ закономъ и какъ былъ освобожденъ благодатью,—живописуетъ словомъ, какъ бы на картинѣ. Итакъ, чѣмъ былъ Адамъ до заповѣди, и чѣмъ онъ сталъ послѣ заповѣди? Какимъ онъ былъ въ подзаконномъ состояніи, и какая произошла въ немъ перемѣна подъ благодатью? И

какъ если я сегодня скажу: Богъ сотворилъ насъ по образу и подобію своему, но преступивъ заповѣдь мы были изгнаны изъ рая,—не о себѣ самомъ говорю я это, но только отношу къ себѣ то древнее повѣствованіе (вѣдь ни рая я не видалъ, ни изгнанію изъ него не подвергался, а только для живѣйшаго представленія того, что испыталъ нашъ праотецъ и первовиновникъ нашего несчастія, я употребляю такія выраженія, какъ: я былъ созданъ, я палъ, я изгнанъ изъ рая, я былъ подъ закономъ, я призванъ вновь),— такъ и Павелъ разсуждаетъ объ Адамѣ, какимъ онъ былъ до заповѣди закона (подразумѣвая законъ, данный въ раю), и говоритъ отъ лица Адама: *азъ живяхъ кромѣ закона иногда; пришедшей же заповѣди, оживе грѣхъ* (ст. 9). Развѣ Павелъ былъ древнѣе закона? Нѣтъ, онъ процвѣлъ послѣ всѣхъ, воспитанныхъ подъ закономъ, онъ жилъ послѣ явленія Спасителя. Въ такомъ случаѣ какъ же онъ полагаетъ себя раньше закона, если онъ жилъ послѣ? Вѣдь изъ его словъ выходитъ, что онъ древнѣе закона: *азъ живяхъ кромѣ закона иногда; пришедшей же заповѣди, грѣхъ оживе?* Неужели заповѣдь появилась позже Павла? И если кто подумаетъ, что хотя законъ былъ и до Павла, но самъ онъ жилъ безъ закона, проводя жизнь языческую, и только потомъ уже подчинился закону, то и такое предположеніе не оправдывается исторіей. Павелъ никогда не жилъ внѣ закона: онъ былъ, по его собственнымъ словамъ, *евреинъ отъ еврей, обрѣзанъ осмодневно, отъ рода Израилева* (Фил. ш, 5). Такъ когда же онъ жилъ безъ закона? *Азъ же живяхъ кромѣ закона иногда; но пришедшей заповѣди...* Какой заповѣди? Гласящей: *отъ всякаго древа, еже въ раю, снѣдію снѣси* (Быт. п, 17). *Пришедшей же заповѣди, грѣхъ убо оживе, азъ же умрохъ.* Смотри, какъ на вѣсы полагаетъ онъ грѣхъ и праведность: когда соблюдается заповѣдь, грѣхъ умерщвляется; напротивъ когда грѣхъ распространяется, человѣкъ умираетъ. Словами: *пришедшей заповѣди, грѣхъ оживе* апостолъ показываетъ, что до паденія грѣхъ былъ мертвъ. А подъ грѣхомъ у апостола разумѣется не грѣхъ въ 666
собственномъ смыслѣ, но діаволъ. Почему же называетъ онъ грѣхомъ діавола? Потому, что тотъ былъ наставникомъ грѣха. Мы неизбѣжно впали бы въ заблужденіе и погрѣшили бы противъ истины, если бы не обратили вниманія на особенность словоупотребленія, свойственнаго Священному Писанію. А Писаніе именно имѣетъ обыкновеніе прилагать къ діаволу наименованіе грѣха. Почему? Потому что онъ наставникъ, виновникъ и посредникъ грѣха. Равнымъ образомъ и Спасителя Господа нашего Іисуса Христа называетъ Писаніе правдой, не какъ дѣло правды, но какъ Учителя правды, почему и говоритъ о Немъ Павелъ: *Иже бысть намъ премудрость отъ Бога, и правда, и освященіе, и избавленіе* (1 Кор. і, 30). Итакъ, какъ Христосъ наименованъ правдой, поскольку Онъ былъ источникомъ правды, такъ и діаволъ, бывшій причиной и виновникомъ грѣха, отъ грѣха же и получаетъ

названіе. *Грѣхъ убо оживе, азъ же умрохъ. И обрѣтеся ми заповѣдь, яже въ животъ, сія въ смерть* (ст. 10). Богъ далъ Адаму заповѣдь не для того, чтобы онъ умеръ, но для того, чтобы онъ жилъ. Итакъ, заповѣдь, данная мнѣ для жизни, обратилась нынѣ въ смерть, не потому, что она измѣнилась сама въ себѣ, но потому, что я своимъ преслушаніемъ нарушилъ ея животворность. Должно тщательно вникнуть во всѣ стороны этого вопроса. Необходимо это въ виду того, что врагъ Писанія, не воспитанный въ духѣ благочестія, тотчасъ выступаетъ съ возраженіями. Что же, говоритъ онъ, Богъ не зналъ, что Адаму предстоитъ паденіе? Не предвидѣлъ, что онъ не соблюдетъ заповѣди? Не предвидѣлъ, что онъ будетъ обольщенъ зміемъ? Для чего же далъ Онъ заповѣдь тому, кто ее не сохранилъ? Должно знать, что Богъ знаетъ все, и даетъ законы, имѣя въ виду не только того, кто ихъ преступитъ, но и того, кто будетъ ихъ исполнять. Почему же ты относишься къ божественному предвѣдѣнію такъ враждебно и толкуешь его такъ односторонне? Зачѣмъ говоришь только о томъ, будто бы Богъ не предвидѣлъ, что Адамъ согрѣшитъ? Почему обходишь молчаніемъ то, что послѣдовало дальше? Конечно, ты умалчиваешь объ этомъ недобросовѣстно; а я съ вѣрою проповѣдую, что какъ предвидѣлъ Богъ паденіе Адама, такъ точно предвидѣлъ Онъ оправданіе Авеля, преложеніе Еноха, составленіе лика святыхъ; предвидѣлъ Онъ и то, какъ Ной переживетъ всемірный потопъ, какъ процвѣтетъ Авраамъ, корень вѣры, какъ возсіяютъ патріархи, процвѣтутъ пророки, прогремятъ апостолы, и что красота созданія, которую разрушитъ паденіе, возродится въ полномъ блескѣ въ преславномъ домостроительствѣ Спасителя. Предвидѣлъ Онъ дѣянія апостоловъ, предвидѣлъ славу мучениковъ, подвиги исповѣдниковъ, соборы монаховъ, предвидѣлъ процвѣтаніе церквей, предвидѣлъ соборъ пастырей, предвидѣлъ всѣхъ, во истинѣ предстоящихъ этому жертвеннику. Итакъ, что же? Слѣдовало ли—въ предвѣдѣніи стольких благъ—давать жизнь созданію? *Грѣхъ бо вину пріемъ, заповѣдію прельсти мя и тою умертви мя* (ст. 11). Грѣхъ, то есть діаволъ. *Вину пріемъ*. Какъ именно? Богъ сказалъ: *отъ всякаго древа еже въ раи снѣдію снѣси; отъ древа же, еже разумѣти доброе и лукавое, не снѣсте: въ оньже бо день снѣси, смертію умреши* (Быт. п. 16—17). Діаволъ, воспользовавшись этою заповѣдью какъ предлогомъ, измышляетъ клевету и говоритъ человѣку: *вѣдяше бо Богъ, яко въ оньже аще день снѣсте, будете яко бози* (ш, 5), и потому запретилъ вамъ. Клевещетъ на Бога изъ зависти и самого Бога представляетъ завистникомъ. Богъ, говоритъ, не хочетъ, чтобы вы сдѣлались равными Ему, и потому запретилъ вамъ касаться дерева, плоды котораго могутъ дать вамъ богоподобіе. *Вину бо пріемъ грѣхъ, заповѣдію прельсти*. Хорошо сказано: *прельсти*, потому что не истину возвѣстилъ, но обманулъ, и чрезъ то умертвилъ. Обманъ породилъ смерть, потому что созданіе не было

смертнымъ. Многіе держались и такого мнѣнія, что Богъ сотворилъ человѣка смертнымъ; но это неправда: созданіе не было смертнымъ. Хотя оно и было перстнымъ, но создано было безсмертнымъ. Если бы человѣкъ созданъ былъ не безсмертнымъ, а смертнымъ, то какъ бы получилъ онъ по суду Божію то, что имѣлъ по природѣ? Если онъ былъ смертнымъ, почему Богъ наказаніемъ за преслушаніе полагаетъ ему смерть? *Въ оньже аще день снѣси, смертію умреши.* Очевидно, до вкушенія онъ былъ безсмертнымъ. А если онъ былъ смертнымъ и до вкушенія, то въ этихъ словахъ не было бы истины, они были бы обманомъ; да и какой смыслъ—угрожать тѣмъ, что я уже имѣю? Никто не станетъ угрожать человѣку сномъ, который данъ ему по природѣ, никто не угрожаетъ пищей, потому что вкушеніе ея свойственно чело- 667
вѣку по природѣ; а Богъ сталъ бы угрожать смертью? Очевидно, за грѣхъ постигло созданіе то, чего оно не имѣло по природѣ. Если бы Адамъ соблюлъ заповѣдь, пребылъ вѣренъ божественному закону, не было бы и смерти. Это подтверждается и тѣмъ изреченіемъ Премудрости, что *Богъ смерти не сотвори, иже веселится о погибели живыхъ. Завистію же діаволею смерть внидe въ міръ* (Премудр. Сол. I, 13 и II, 24). Потому будетъ вполнѣ согласно съ истиною утверждать, что смертнымъ наше естество стало вопреки природѣ, и что воскресеніемъ намъ возвращается то, что свойственно нашей природѣ. Потому-то оно и есть воскресеніе, возстановленіе, что поврежденное грѣхомъ и падшее созданіе возстановляетъ оправданіемъ. Если бы Адамъ соблюлъ заповѣдь, онъ остался бы живымъ. И что ручается за то, что эти слова не простая догадка, болѣе или менѣе вѣроятная? А вотъ, братіе, чтобы вы не возводили напраслины на истину, но руководясь послѣдовательностью понимали дѣйствительное значеніе того, что говоритъ божественное Писаніе,—смотрите, какъ изначальное безсмертіе человѣка подтверждается послѣдующими событіями. Если созданіе было смертнымъ по природѣ, если не по причинѣ грѣха оно подверглось смерти, а по самой своей природѣ, то какъ Илія и Енохъ побѣдили природу? Какъ Илія вознесся, не вкусивъ смерти? Какъ Енохъ взятъ на небо, не испытавъ смерти? Вотъ залогъ изначальнаго творенія. Значитъ, могъ бы человѣкъ жить постоянно, если бы пребывалъ въ божественномъ законѣ. Взявъ начатки нашего рода, Богъ преложилъ ихъ въ безсмертіе. И замѣть, какъ мудро это устроено: между преложеніемъ Еноха и взятіемъ на небо Иліи прошелъ большой промежутокъ времени и много поколѣній смѣнилось,—и это не безъ пользы. Такъ какъ два народа должны были явиться представителями благочестія—народъ необрѣзанныхъ и народъ обрѣзанія, то Богъ и беретъ не одного только Илію, чтобы іудей не сталъ хвалиться, приписывая все себѣ, но задолго раньше беретъ Еноха, не знавшаго закона, но соблюдшаго церковное благолѣпіе. Вѣдь все, что до закона, было образомъ Церкви.

Спроси праведныхъ до Авраама и закона, кто они были? Тремя названіями все исчерпывается: язычествомъ, которое характеризуется невѣріемъ, іудействомъ съ его подзаконнымъ строемъ жизни, и христіанствомъ, съ его евангельской благодатью. Пусть же теперь спросятъ противники объ Адамѣ, Авелѣ, Енохѣ, Сиѳѣ, Ноѣ и тѣхъ, которые послѣ него до Авраама украшались благочестіемъ,—кто они были? Язычники? Но этого признать не допускаетъ ихъ вѣра: они не были язычниками. Вѣдь они не водились невѣріемъ, не служили демонамъ, не кланялись истуканамъ, противились бѣсовскому заблужденію: нельзя, значитъ, назвать ихъ язычниками. Кто же они? Іудеи? Но они не знали закона, не соблюдали субботъ, не держались разборчивости по отношенію къ пищѣ, не имѣли обрѣзанія. Итакъ, если древніе не были ни іудеями, ни язычниками, то куда же еще остается ихъ причислить? Если они, жившіе до закона, не могутъ быть названы ни іудеями, ни язычниками, то какое же дать имъ названіе? Что остается? Очевидно, ихъ нужно причислить къ христіанамъ,—не по имени, но по существу дѣла. Всѣ они просіяли какъ образы Церкви. Не обрѣзанъ Енохъ, не имѣетъ обрѣзанія и Церковь; не рабствуетъ закону, не рабствуетъ ему и народъ Христовъ; не знаетъ запрещенной пищи, не знаетъ этого и Церковь, жительствующая по слову Божію. Древнѣйшей является Церковь, поскольку она предваряется благочестіемъ праотцевъ. Самая вѣра Авраама была образомъ Церкви, а не іудеевъ. Поэтому апостолъ, изслѣдуя вопросъ о вѣрѣ и желая показать, что Авраамъ—образъ Церкви, а не іудеевъ, говоритъ: *писано, братіе, яко вѣрова Авраамъ Богови и вмѣнися ему въ правду. Како убо вмѣнися ему: въ обрѣзаніи ли сущу, или въ необрѣзаніи* (Римл. IV, 3, 10)? Это говоритъ Павелъ, іудей по происхожденію, знавшій законъ и искусный во всемъ, что касается закона. *Не во обрѣзаніи, но въ необрѣзаніи. И знаменіе пріятъ обрѣзаніе, печать правды, яже въ необрѣзаніи* (ст. 10, 11). Замѣчаешь ли, каковъ здѣсь строй мыслей? Какъ апостолъ отдаляетъ отъ Авраама Израиля, какъ не имѣющаго съ нимъ сродства по вѣрѣ, и сближаетъ съ праотцемъ язычниковъ, какъ унаслѣдовавшихъ его благочестіе? *И знаменіе пріятъ обрѣзаніе, печать правды, яко быти ему отцу вѣрующихъ въ необрѣзаніи* (ст. 11). Видишь, какъ образъ Церкви былъ на-
668 чертанъ въ Авраамѣ? И Спаситель, желая показать, что евангельской проповѣдью возстановляются черты первобытнаго состоянія людей, въ отвѣтъ на слова іудеевъ, что Моисей написалъ: если кто хочетъ отпустить жену свою, пусть дастъ ей разводное письмо (Мѳ. XIX, 7), сказалъ: *Моисей по жестокосердію вашему рече: изъ начала же не бысть тако* (ст. 8). Значитъ, Онъ не перемѣняетъ содержащееся въ законѣ, не разрушаетъ его, но предпочтеніе отдаетъ истинному ученію. Вотъ какъ Онъ возводитъ насъ къ древности.

3. Повторю сказанное. Но прошу васъ оказать мнѣ поддержку

своимъ молчаніемъ, чтобы возникшій шумъ не нарушилъ теченія моихъ мыслей. Спаситель нашъ, желая показать, что евангельское ученіе возводитъ насъ въ древнее, первобытное состояніе, когда ученики,—а лучше сказать фарисеи,—стали говорить: *что убо Моисей заповѣда: иже аще пуститъ жену свою, да дастъ ей книгу распутную* (Мѳ. XIX, 7; V, 31; Втор. XXIV, 1)?—не только не обвиняетъ законъ, но вступается за него: *Моисей рече сіе по жестокосердію вашему, изъ начала же не бысть тако* (смотри, какъ возстановляетъ насъ въ древнемъ состояніи), но—*сотворивый человѣка, мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть. Еже убо Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ* (Мѳ. XIX, 4, 6). И во многихъ другихъ случаяхъ можно видѣть, что Спаситель возводилъ жизнь Церкви къ древнему доброму порядку. Итакъ, образъ Церкви осуществлялся до обрѣзанія. И замѣть: такъ какъ отъ начала существовалъ образъ Церкви, а впослѣдствіи выступаетъ сама Церковь, средину же занимаетъ законъ, то апостолъ, желая показать послѣдовательное на пространствѣ вѣковъ существованіе церковныхъ установленій, говоритъ о законѣ, что онъ привходитъ: *законъ же привниде* (Римл. V, 20). Не сказалъ: законъ вошелъ,—но: привзошелъ. Совершенно различный получается смыслъ: одно—вошелъ законъ, другое — привзошелъ. Изначала вошелъ законъ евангельскій, не наблюдающій дней, не принимающій обрѣзанія, не устанавливающій запрета на пищу. Этотъ законъ изначала существовалъ у праотцевъ и возстановленъ затѣмъ у отдаленныхъ потомковъ. Въ срединѣ же вошелъ, а лучше сказать—привзошелъ законъ, что и высказалъ съ совершенною ясностью апостолъ въ приведенныхъ уже словахъ: *законъ же привниде*. Ты хочешь объясненія, какъ именно привзошелъ законъ? Вспомни исторію: какъ Іаковъ работалъ на Лавана ради Рахили, но не получилъ ее въ жены, и какъ для патріарха предметомъ его желаній была Рахиль, а тесть обманомъ замѣнилъ ее другою дочерью, его женою стала та, которой онъ не хотѣлъ,—такъ и въ намѣреніяхъ Божіихъ всегда было—создать Церковь, но на время Онъ допустилъ синагогу, не по дѣйствію насилія или обмана съ чьей-либо стороны, конечно, но тѣмъ не менѣе въ соотвѣтствіи съ указанной древней исторіей. И далѣе: какъ Іаковъ, получивъ Лію, продолжалъ стремиться къ Рахили, но дѣлалъ уступку силѣ обмана,—такъ и Богъ за все время существованія синагоги ненавидѣлъ ее и любилъ другую. Чѣмъ подтвердить такое сопоставленіе? Кто поручится, что таковъ смыслъ исторіи? Самъ Богъ, сожительствуя съ ветхозавѣтной подзаконной синагогой, нерѣдко говорилъ въ такомъ именно родѣ: *новомѣсячій вашихъ и праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя* (Ис. I, 14). И какъ Іаковъ любилъ лице Рахили, а отъ лица страдавшей глазами Ліи отвращался (потому что Лія, говорится, была слаба глазами (Быт. XXIX, 17), такъ и Богъ питалъ отвращеніе къ

синагогѣ, пораженной не болѣзнью тѣла, но ослѣпленіемъ души. Объ этомъ такъ говорилъ пророкъ: *и кто слѣпъ, развѣ раби мои, и кто глухъ, развѣ владѣющіи ими? И ослѣпоша раби Божіи* (Ис. XLII, 14). И какъ тамъ изъ-за слабости глазъ, такъ здѣсь по причинѣ душевнаго ослѣпленія отвергается синагога. Намекая на это ихъ ослѣпленіе, Спаситель и говорилъ: *оставите ихъ: вожди суть слѣпцемъ; слѣпецъ же слѣпца аще водитъ, оба въ яму впадутъ* (Мѳ. XV, 14). А что во все время существованія подзаконной синагоги Богъ постоянно хотѣлъ отвергнуть тотъ неблагодарный народъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ пророкъ: отъ дне, въ оньже изведохъ отцы ваши отъ земли египетскія, и даже до дне сего бысть предъ очима Моима еже потребити градъ сей. И что, съ другой стороны, и въ то время, когда синагога хранила законъ, Богъ обращалъ взоры къ Церкви, это ясно
669 изъ Его словъ Моисею: *остави Мя, и потреблю ихъ, и сотворю тя въ языкъ великъ* (Исх. XXXII, 10), и гораздо большій. Но если ты согласишься, что въ примѣненіи къ Церкви повторилась та древняя исторія, то какъ же все-таки привзошелъ законъ? Такъ же, какъ Лія заняла мѣсто Рахили. И что, братіе, это не умозрѣніе и не искуственная аллегорія, но что дѣйствительно эта исторія заключала въ себѣ таинственный смыслъ, а самъ Іаковъ былъ прообразомъ Бога, Который нѣкогда имѣлъ синагогу, нынѣ же имѣетъ Церковь, объ этомъ самъ Богъ взываетъ чрезъ пророка: *Азъ видѣнія умножихъ и въ рукахъ пророческихъ уподобихся. И работа Іаковъ о женѣ, и о женѣ снабдѣ Мя* (Ос. XII, 10, 12). Почему снабдилъ (сохранилъ)? И какъ сохранилъ? Если ты, братъ, обратишь вниманіе еще на другую сторону въ той же исторіи Іакова, ты замѣтишь, что самый бракъ Іакова былъ заключенъ совершенно иначе, чѣмъ бракъ его отца, Исаака. Исаакъ не самъ приходилъ за женою въ Месопотамію, чтобы взять ее оттуда, но послалъ раба своего и чрезъ него заключилъ брачный договоръ; Іаковъ же заключаетъ бракъ самъ, а не при посредствѣ раба. Это опять таки имѣло значеніе прообраза по отношенію къ ветхому и новому завѣту. Ветхозавѣтную синагогу Богъ уневѣщиваетъ себѣ чрезъ раба Своего Моисея, какъ и Исаакъ чрезъ раба устраиваетъ свое обрученіе и затѣмъ, обручившись, при посредствѣ раба же приводитъ къ себѣ свою жену. Между тѣмъ Іаковъ не посылаетъ раба — хотя рабы у него и были,—но самъ идетъ въ Месопотамію. Самъ одинъ пришелъ онъ, имѣвшій многихъ рабовъ, одинъ пришелъ, имѣвшій стада вьючнаго скота. А Богъ благословилъ домъ Авраама и скотомъ, и серебромъ, и золотомъ, и рабами, и лошадьми, и всѣмъ прочимъ. И наслѣдникъ такого-то богатства отправляется въ путь съ одною только дорожною палкою, какъ онъ самъ говоритъ: *жезломъ моимъ преидохъ Іорданъ сей* (Быт. XXXII, 10), т. е., когда отправился я въ дорогу, все мое достояніе заключалось въ этой дорожной палкѣ, хотя

я и былъ господиномъ большого богатства. Пошелъ Іаковъ одинъ, пришелъ въ Веѳиль, вечеромъ легъ спать и положилъ себѣ подъ голову камень. Ни дома, ни пристанища онъ не нашелъ себѣ. Не прообразовалъ ли Онъ и въ этомъ случаѣ Того, Который говорилъ о Себѣ: *Сынъ Человѣческій не имать, гдѣ главы подклонити* (Мѳ. VIII, 20)? Затѣмъ, братіе, уснувъ онъ видитъ небо отверстымъ. Именно, какъ для Христа не находилось на землѣ мѣста, гдѣ преклонить главу, а небо со всѣми его тайнами было для него открыто, такъ точно Іаковъ не имѣетъ крова и видитъ во снѣ небо отверстымъ и лѣстницу, утвержденную на землѣ и досягающую до неба. Въ другомъ смыслѣ Іаковъ можетъ служить прообразомъ и вообще гонимыхъ и преслѣдуемыхъ. Избѣгая преслѣдованія со стороны Исава, онъ уходитъ въ Месопотамію, а Богъ, желая показать, что для всякаго, преслѣдуемаго на землѣ, открывается небо, устраиваетъ такъ, что онъ видитъ небо и лѣстницу, утвержденную отъ земли до неба, и ангеловъ Божіихъ, восходящихъ и нисходящихъ по ней. И *Господь*, говорится, *утверждашеся* (Быт. XXVIII, 13); не сказалъ просто: сидѣлъ, но: утверждался на лѣстницѣ. Что же такое эта лѣстница? Опять—образъ креста. Чрезъ него открылась намъ возможность взойти на небо. И одни чрезъ него взошли на небо, другіе чрезъ него же ниспали. Іудеи крестомъ отверглись небесъ, а язычники крестомъ возводятся на небо.

4. Чтобы не показалось кому-нибудь, что я насильственно навязываю объясняемымъ словамъ аллегорическій смыслъ, я спѣшу подтвердить свое пониманіе свидѣтельствомъ Священнаго Писанія. Спаситель—по Евангелію — показывая, что тѣ ангелы, восходящіе и нисходящіе, были образомъ евангельской благодати, говоритъ Наѳанаилу: *зане рѣхъ ти, яко видѣхъ тя подъ смоковницею, вѣруеши: больша сихъ узриши. Аминь глаголю вамъ: отселѣ узрите небо отверсто, и ангелы Божія восходящія и нисходящія надъ Сына Человѣческаго* (Іоан. I, 50, 51). Увидѣвъ на пути въ Месопотамію видѣніе, Іаковъ тутъ же сказалъ: *нѣсть сіе, но домъ Божій* (Быт. XXVIII, 17). И вѣдь видѣлъ онъ только лѣстницу,—никакого дома не видѣлъ,—но такъ какъ зналъ, что лѣстница прообразуетъ собою Церковь, то и говоритъ: это — домъ Божій, это — Церковь. А что Церковь — домъ Божій, откуда это видно? Это утверждаетъ Павелъ, такъ писавшій Тимоѳею: *уповаю пріити къ тебѣ скоро; аще же замедлю, да увѣси, како подобаетъ въ дому Божіи жити, яже есть Церковь Бога жива* (1 Тим. III, 14, 15). А затѣмъ, чтобы во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовать образу Христа, нестяжательнаго, пренебрегавшаго богатствомъ и ни во что вмѣнявшаго всѣ прелести міра,—Іаковъ говоритъ: *аще будетъ Господь Богъ со мною, и дастъ ми хлѣбъ ясти и ризы облещися*. Замѣть, какимъ воздержаніемъ блещетъ 670
эта любомудрственная душа! *Аще будетъ Господь Богъ мой со мною и*

путеводитъ мя въ пути, и дастъ ми хлѣбъ ясти и ризы облещися. Задолго до евангелія звучитъ въ устахъ его апостольская рѣчь! *И аще дастъ ми хлѣбъ ясти и ризы облещися.* Но вѣдь за Іаковомъ и Павелъ говоритъ: *имѣюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. vi, 8). *И будетъ ми* мѣсто сіе—*домъ Божій* (Быт. xxviii, 20, 22). Это именно и выражается въ названіи «Веѳиль». В е ѳ—значитъ—домъ, а и л—Божій. Пришелъ онъ въ Месопотамію и прежде всего встрѣтился ему колодецъ; приблизился онъ къ колодцу,—колодецъ былъ закрытъ,—и нашелъ тамъ пастуховъ. Опять—по всему образъ Христа. Первое явленіе Христа было то, когда Онъ пришелъ принять крещеніе, т. е. къ колодцу, къ источнику воды, текущей въ жизнь вѣчную (Іоан. iv, 14). Находитъ колодецъ закрытымъ: такъ и благодать до Христова явленія была скрыта. Говоритъ Іаковъ пастухамъ: что вы стоите? Времени еще много: напоите стада и ступайте пасти ихъ. А тѣ отвѣчаютъ: не можемъ отвалить камня, пока не соберутся всѣ пастухи. Что же Іаковъ? Онъ одинъ дѣлаетъ то, что должны были сдѣлать многіе и даже всѣ пастухи: онъ беретъ камень и отваливаетъ его отъ колодца. Какъ же одинъ онъ могъ сдѣлать то, что едва могли сдѣлать многіе? Очевидно, и это совершено имъ потому, что онъ былъ образомъ Христа, и Писаніе показываетъ на немъ силу Владыки: дѣйствительно то, достигнуть чего оказались не въ силахъ многіе, совершила евангельская благодать. У колодца встрѣтился Іаковъ съ Рахилью, пришедшею туда. Чуть ли не всѣ ветхозавѣтные праведники находятъ своихъ невѣстъ у колодцовъ. Моисей у колодца встрѣтилъ свою жену, дочь Іоѳора, Іаковъ—у колодца, рабъ Авраама у колодца встрѣтился съ Ревеккой. Повсюду браки ветхозавѣтныхъ людей завязываются у колодца, такъ какъ и Христосъ не иначе уневѣщиваетъ Себѣ Церковь, какъ отъ воды. Говоря кратко, пришелъ Іаковъ, хотѣлъ взять Рахиль, но вмѣсто Рахили привзошла Лія. Этимъ самымъ мы возвращаемся къ тому, что сказано было выше и что необходимо теперь воспроизвести здѣсь. Итакъ, законъ не просто вошелъ, но привзошелъ; точно такъ же и Лія не просто пришла, но привзошла. Придти—это значитъ явиться прямо и открыто, а привзойти—это значитъ пробраться, проникнуть вмѣстѣ съ другимъ при помощи обмана. Такимъ именно образомъ привзошелъ и грѣхъ, привзошелъ діаволъ, воспользовавшись закономъ. *Грѣхъ бо вину пріемъ, заповѣдію прельсти мя, и тою умертви мя* (Римл. vii, 11). Но чтобы кто не подумалъ, что самая заповѣдь была смертоносна, апостолъ тотчасъ прибавляетъ: *тѣмже убо законъ святъ и заповѣдь свята и праведна и блага. Благое ли убо бысть мнѣ смерть? Да не будетъ! Но грѣхъ, да явится грѣхъ, благимъ ми содѣвая смерть* (Римл. vii, 12, 13). Повсюду подъ грѣшникомъ разумѣется грѣхъ, т. е. діаволъ. *Да будетъ*, говоритъ, *по премногу грѣшенъ* діаволъ, заповѣдью причиняющій смерть. *Вѣмы яко законъ духовенъ есть, азъ же плотянъ есмь* (ст. 14). Ты,

Павелъ, *плотянъ*, ты, вдохновляемый Духомъ Святымъ, ты, въ комъ глаголетъ Христосъ? Если ты *плотянъ*, зачѣмъ же обманывалъ учениковъ своихъ, говоря: *вы нѣсте во плоти, но въ дусѣ* (VIII, 9)? Ученики твои не *во плоти*, а ты самъ—*плотянъ*? *Азъ же плотянъ есмь. Азъ*—кто? Тотъ, кто жилъ до закона и подъ закономъ. тотъ, кто *продань подъ грѣхъ*. Не сказалъ: тотъ, кто былъ *продань* грѣхомъ, но проданный, продавшійся грѣху, потому что не другой кто-нибудь изъ людей продалъ, но самъ себя продалъ. Вѣдь какъ среди людей бываетъ, что одни продаются въ рабство силою, другіе же, располагая собою свободно, сами себя отдаютъ въ рабство, чрезъ бракъ съ рабынями или по какой-нибудь другой нуждѣ, такъ точно и человѣкъ, будучи свободнымъ по природѣ и располагая свободною природою, добровольно самъ себя продалъ въ рабство. Хочешь знать, какъ человѣкъ продаетъ себя въ рабство? Послушай, что говоритъ Илія Ахааву, когда Богъ послалъ его обличить царя за отнятіе виноградника Навуѳея. Говоритъ Ахаавъ пророку: *обрѣлъ мя еси, враже мой? И рече Илія: обрѣтохъ тя, понеже ты продань еси сотворити лукавое предъ Господемъ* (3 Цар. XXI, 20). Продаемъ мы себя тѣмъ, что творимъ злыя дѣла. *Азъ же плотянъ есмь, продань подъ грѣхъ*. Вѣдь человѣкъ, попавшій во власть дурной привычки, даже и тогда, когда захочетъ, не легко можетъ освободиться изъ рабства. Привычка—вторая природа, и притомъ природа, съ которой человѣку приходится бороться. Поэтому апостолъ и продолжаетъ: *не еже бо хощу, сіе творю*; какъ однажды проданный, дѣлаю 671
не то, что хочу. Такія слова естественны въ устахъ раба. Какъ всякій рабъ дѣлаетъ не то, что хочетъ, но то, что ему приказываютъ, такъ и человѣкъ не имѣлъ власти дѣлать, что хотѣлъ, но дѣлалъ то, что ему повелѣвалъ грѣхъ. Иначе и быть не могло: грѣхъ царствовалъ, а царю противорѣчить невозможно. Итакъ, проданъ былъ человѣкъ,—не Павелъ, а человѣкъ вообще, образъ человѣка, существо свободное. И говоря кратко, апостолъ указалъ и существеннѣйшій признакъ того, что человѣкъ находится въ принудительномъ рабствѣ, когда сказалъ: *окаяненъ азъ человѣкъ! Кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (ст. 24)? Видишь, какъ онъ представляетъ дѣло? Человѣкъ томится въ горькомъ рабствѣ и насиліи, стремится освободиться изъ него, жаждетъ свободы и молитъ о благодѣяніи. *Окаяненъ азъ человѣкъ! Кто мя избавитъ*? Кто явится моимъ спасителемъ? *Благодарю Бога моего Іисусъ Христомъ Господемъ нашимъ* (ст. 25)! Чтобы показать, что когда идетъ рѣчь о продажѣ грѣху, то разумѣется человѣкъ подзаконный, а когда говорится о свободѣ, но это относится къ тѣмъ изъ проданныхъ подъ грѣхъ, которые искуплены евангельскою благодатью, онъ говоритъ: *окаяненъ азъ человѣкъ! Кто мя избавитъ? Благодарю Бога моего Іисусъ Христомъ Господемъ нашимъ*, потому что Онъ освободилъ меня отъ закона грѣховнаго. *Законъ бо Духа жизни о Христѣ Іисусѣ свободилъ мя есть*

(III, 2). Видишь, какъ онъ изображаетъ здѣсь человѣка освобождаемаго, и человѣка рабствующаго грѣху? И не о себѣ лично говоритъ онъ это, но вообще о всемъ человѣчествѣ. *Законъ бо Духа жизни о Христѣ Іисусѣ свободилъ мя есть отъ закона грѣховнаго и смерти.* И какъ совершилось твое освобожденіе? *Немощное бо закона, въ немже немощствоваше плотію.* Такъ какъ законъ требовалъ добраго, а плоть не повиновалась, какъ проданная въ рабство грѣху, то чего не могъ законъ достигнуть по причинѣ слабости плоти, то совершилось силою плоти Христовой. *Немощное бо закона, въ немже немощствоваше плотію* (не самъ по себѣ слабъ былъ законъ, но по причинѣ слабости плоти). *Богъ Сына Своего посла въ подобіи плоти грѣха, осуди грѣхъ во плоти, да оправданіе закона исполнится въ насъ, не по плоти ходящихъ, но по Духу* (ст. 3, 4). Вотъ, по благодати Божіей, мы и пришли къ разъясненію вопроса. Теперь вполнѣ ясно, что не о себѣ самомъ говоритъ это Павелъ, не на свою свободу клевещетъ, не себя самого ставитъ подъ власть грѣха и не представляетъ себя плотскимъ и духовнымъ въ одно и тоже время, но что онъ изобразилъ словомъ, какъ бы на картинѣ, различныя состоянія человѣка: до закона, подъ закономъ и подъ благодатью. Затѣмъ онъ выяснилъ, каковъ былъ человѣкъ до закона, каковъ человѣкъ подзаконный, каковъ человѣкъ освобожденный благодатью во Христѣ. *Богъ Сына Своего посла въ подобіи плоти грѣха.*

5. Здѣсь разрѣшается и другой вопросъ. Говорятъ—и не только аполлинаріане, но и аріане и евноміане, что Спаситель воспринялъ только плоть, но души не воспринялъ. И одни—послѣ взаимныхъ споровъ—пришли къ тому, что допускаютъ еще душу, но безъ ума, другіе же утверждаютъ, что Спаситель воспринялъ только плоть. Но намъ изъ сказаннаго раньше—въ предшествующей бесѣдѣ—ясно, что Писанію свойственно обыкновеніе, когда идетъ рѣчь о человѣкѣ, употреблять названіе части вмѣсто цѣлаго. Иногда „плоть" употребляетъ оно въ смыслѣ всего человѣка [*къ Тебѣ всякая плоть пріидетъ* (Пс. LXIV, 3), вмѣсто всякій человѣкъ]; иногда—наименованіе души, когда, напримѣръ, говоритъ: въ семидесяти пяти душахъ *сниде Іаковъ во Египетъ* (Дѣян. VII, 14, 15); иногда—дыханіе, напримѣръ: *всякое дыханіе да хвалитъ Господа* (Пс. CL, 6). Покажи теперь, гдѣ Писаніе разумѣетъ плоть бездушную? Вѣдь, когда человѣкъ умретъ, онъ не называется уже плотью, но мертвымъ тѣломъ. Никто никогда не скажетъ о мертвомъ—„плоть", но—„мертвое тѣло". Плоть—пока есть въ ней жизненная сила, пока она живетъ; когда же наступаетъ смерть, тогда плоти уже нѣтъ, тогда можно говорить только о тѣлѣ. Тѣло—это все бездушное: и камень—тѣло, и дерево—тѣло, и живое существо, не имѣющее души, называется тѣломъ. Скажи же мнѣ, почему не воспринялъ онъ души? Онъ пришелъ, скажешь, спасти самъ Собою, а въ нашей душѣ не нуждался? Но почему въ такомъ случаѣ воспринялъ плоть? Такъ

какъ Онъ не могъ явиться непосредственно въ Своемъ божескомъ естествѣ, то и воспринялъ плоть, чтобы жить между нами. Но развѣ плоть у Него была безъ души? Какъ же Онъ чувствовалъ голодъ и жажду? Какъ утомлялся? Если ты утверждаешь, что душу у Него замѣняло Божество, то тогда и жажду и голодъ ты—значитъ—приписываешь Божеству? Съ другой стороны, братіе, если и Богъ Слово и одушевленный человѣкъ въ полномъ составѣ не были въ Немъ соединены въ единомъ лицѣ, но было только Божество во плоти, то о какой душѣ говорилъ Спаситель въ этихъ словахъ: *Отче, въ руцѣ Твои предаю духъ Мой* (Лук. XXIII, 46)? Если было только Божество, а души не было, то 672
кто здѣсь предаетъ и чтó предается? *Отче, въ руцѣ Твои предаю духъ Мой*, т. е. душу. Если ты признаешь только Божество въ тѣлѣ, а душу отвергаешь, то что предается и кто предаетъ? Но цѣль еретиковъ очевидна. Для того и говорятъ они, что Господь не воспринялъ души, чтобы приписать Его божеству всѣ тѣ черты, которыя относятся къ Его уничиженному состоянію, чтобы, читая: *Азъ о себѣ не глаголахъ, но пославый мя Отецъ, Той мнѣ заповѣдь даде, что реку и что возглаголю* (Іоан. XII, 49), относить это не къ человѣчеству Его, но къ божеству. Видишь, въ какую бездну нечестія они стремятся! Но сколько бы ихъ ни спрашивать: какой духъ разумѣется въ словахъ: *въ руцѣ Твои предаю духъ Мой*,—объяснить этого они не могутъ. Между тѣмъ, при сопоставленіи съ другими мѣстами Священнаго Писанія, не остается никакого сомнѣнія, что духомъ здѣсь именуется душа. Вспомни, что сказалъ Стефанъ предъ своей мученической кончиной. *Господи Іисусе, пріими духъ мой* (Дѣян. XII, 59)! Слова Стефана вполнѣ подтверждаютъ, что духъ есть душа. Итакъ, кто предаетъ духъ и кому духъ предается? О какой говорится здѣсь сущности? О той, къ которой апостолы относили пророчество: *яко не оставиши души моея во адѣ, ниже даси преподобному твоему видѣти истлѣнія* (Дѣян. II, 27; Пс. XV, 10). *Яко не оставиши души моея во адѣ*. О Богѣ здѣсь рѣчь? Богъ не оставляется во адѣ? Держалъ ли адъ Бога въ своей власти? Могло ли угрожать тлѣніе животворящей Силѣ? Не слышалъ ты развѣ, что говоритъ Павелъ, что невозможно было тлѣнію удержать жизнь? Подъ жизнью разумѣется тѣло. Если же тѣло есть жизнь, то удерживалась ли жизнь смертью? *Не оставиши души моея во адѣ*. Какъ паденіе коснулось всей человѣческой природы, такъ и возстановленіе: всецѣло падшій человѣкъ всецѣло и возрожденъ. Но если скажешь, возражаютъ, что Онъ возродилъ совершеннаго человѣка, то какая же остается разница между Нимъ и апостолами? Вѣдь и въ тѣхъ былъ Богъ? Но иное—обитать, иное—воспринять на себя, воспринять въ единство. О насъ сказано: *вселюся въ нихъ и похожду* (2 Кор. VI, 16; Лев. XXVI, 12). Здѣсь указывается чистота души, предполагается добродѣтельность души, въ которой вселяется и обитаетъ Богъ, тогда какъ у Христа самое

тѣло Его, отъ утробы воспринятое въ единство, сдѣлалось храмомъ, не преуспѣяніемъ въ добродѣтели достигло того, что вселился въ него Богъ, но одновременно и храмъ былъ приготовленъ, и Богъ сталъ обитать. Итакъ, храмомъ было тѣло единаго Христа, поэтому Онъ и говоритъ: *разорите церковь сію и треми денми воздвигну ю* (Іоан. п, 19). О, безуміе людей, не знающихъ границъ своей дерзости и безстыдству! Вотъ что нужно сказать о тѣхъ еретикахъ, которые говорятъ о душѣ, духѣ и тѣлѣ и извращаютъ апостольское слово, гласящее: Богъ сохранитъ тѣло и душу и духъ ваши (1 Сол. v, 23). Прибавимъ въ поясненіе, что духомъ они называютъ умъ. Но если духъ есть умъ, то почему апостолъ говоритъ: *воспою духомъ, воспою же и умомъ* (1 Кор. xiv, 15)? Вѣдь если духъ и умъ одно и тоже, то почему ихъ раздѣляетъ Павелъ: *воспою духомъ, воспою же и умомъ?* Если духъ есть умъ, то почему на ряду съ умомъ отдѣльно упоминаетъ о духѣ? Впрочемъ, если ты, говорятъ, не принимаешь нашего толкованія, объясни, какъ ты самъ понимаешь? Что означаютъ слова Павла: Богъ сохранитъ душу и духъ ваши? Духомъ Писаніе обыкновенно именуетъ дарованія Святого Духа. Прошу васъ содѣйствовать мнѣ въ моемъ трудѣ: вѣдь нелегкое дѣло—посѣчь еретическія тернія. Итакъ, Писанію обычно называть духомъ дарованія Святого Духа; говорится, напримѣръ, что тотъ или другой принялъ духъ мудрости или духъ разума: самый даръ Духа называется духомъ. Такъ, Павелъ говоритъ: *понеже ревнители есте духовомъ* (1 Кор. xiv, 12), вмѣсто того, чтобы сказать—„духовныхъ дарованій". Духъ-то вѣдь одинъ, а не много духовъ. Я указываю, говоритъ, вамъ, какихъ дарованій должны вы искать. Значитъ, духомъ называется благодать Духа, не самая сущность Духа, но сила, дѣйствіе Духа. *Вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде духъ* (1 Кор. xii,11). Дѣйствіе Духа—духъ, то есть дарованіе, а не самая сущность Духа. Ты называешься духовнымъ, и дарованіе, тобою полученное, называется
673 духомъ. Значитъ, апостолъ говоритъ: Богъ сохранитъ тѣло и душу и дарованіе, которое вы получили отъ Духа. Это дарованіе онъ называетъ здѣсь духомъ. А такъ какъ дарованіе отъ нашего усердія пріумножается, а отъ нерадѣнія утрачивается, то вполнѣ понятнымъ въ устахъ апостола является и то наставленіе, какое онъ даетъ вѣрующимъ въ другомъ мѣстѣ: *духа не угашайте* (1 Сол. v, 19). Ни сущности Духа, конечно, нельзя угасить, ни ума, дарованнаго человѣку по
674 природѣ. Но благодать своимъ усердіемъ мы умножаемъ, а нерадѣніемъ заглушаемъ; вотъ почему онъ и наставляетъ: дарованія, вами полученнаго, не заглушайте. Духомъ, очевидно, называетъ дѣйствіе Духа, котораго да сподобимся получить всѣ мы во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На начало индикта.

Удивительны праздники православныхъ, торжественны памяти мучениковъ, благоприлично веселіе вѣрныхъ! Не времени, измѣнчивому и непостоянному, мы празднуемъ; не годъ почитаемъ,—это сокращеніе жизни человѣческой; не поклоняемся движенію, приближающему насъ къ тлѣнію; не служимъ твари, потому что все существующее рабствуетъ вмѣстѣ съ нами; не чтимъ вещества, потому что міръ созданъ изъ ничего. Все это какъ имѣло начало бытія, такъ подлежитъ и конечному тлѣнію. Не почитаемъ мы неба: знаемъ, что оно только отвердѣвшій паръ; не почитаемъ тверди: мы видимъ въ ней лишь сгущеніе (воздуха); не почитаемъ свѣта, потому что онъ созданъ словомъ; не почитаемъ луны, потому что она украшена образомъ; не почитаемъ землю, потому что она возникла изъ-подъ воды; не почитаемъ огня, потому что онъ есть вещественная стихія; не покланяемся водѣ, потому что она есть текущая природа; не служимъ времени, потому что оно непостоянно; не чтимъ дня, потому что онъ подчиненъ порядку. Все старѣется отъ времени, и время вмѣстѣ со всѣмъ старѣется; только Богъ не подлежитъ времени, какъ это и покажетъ послѣдній день. Язычники и іудеи—эти братья беззаконія, добыча діавола, потомки грѣха, питомцы заблужденія, тьма безбожія, вожди къ гееннѣ, змѣи нечестія, сыны погибели—пусть они празднуютъ нечестиво, потому что и мыслятъ безбожно. Одни пусть служатъ заблужденію, другіе пусть попираютъ законъ, и тѣ и другіе вмѣстѣ пусть поучаются во злѣ—во взаимномъ согласіи. Іудеи отъ язычниковъ научились идолослуженію, а язычники отъ іудеевъ пророкоубійству; вѣдь іудеи—при законѣ—усвоили себѣ всѣ языческія заблужденія. Ты негодуешь, іудей, слыша это? Вспомни дѣла, и не почитай тяжкимъ это порицаніе. Гдѣ ты не покланялся идоламъ, скажи мнѣ? Въ пустынѣ ты слилъ себѣ мѣднаго тельца, послѣ побѣды ты праздновалъ Веелфегору, въ землѣ моавитянъ поклонялся Ѳаматцу, въ Палестинѣ приносилъ жертву Дагону, въ Финикіи служилъ Астартѣ, въ плѣненіи чтилъ Хамоса. Недоставало скорѣе мѣста, чѣмъ языческой мерзости, на которую вы не были бы способны. Потому-то и праздники ваши ненавистны Владыкѣ. Послушай, что говоритъ пророкъ: Мнѣ ненавистны, отвратительны праздники ваши, и ваши торжества Меня не радуютъ (Ис. I, 14). И не удивительно: вѣдь всякій праздникъ іудейскій сопровождается убійствомъ. Постясь, ты побилъ Навуѳея камнями; празднуя, распилилъ Исаію; ликуя, низвергнулъ Іеремію въ ровъ. Готовясь къ суду и битвамъ, ты нечестиво постился; спьяна ты предалъ при Иліи ковчегъ завѣта въ руки иноплеменниковъ; обезглавилъ Іоанна. Плакать тебѣ скорѣе было нужно, чѣмъ такъ праздновать!

А мы празднуемъ божественныя и необычайныя событія—подвиги мучениковъ, побѣды погребенныхъ, сѣти невидимыхъ, исцѣленія отшедшихъ, прежде же всего чудеса Христа и Бога моего, которыя совершилъ Онъ, ради моего спасенія сдѣлавшись человѣкомъ, а затѣмъ и страданія Его рабовъ: составленный изъ камней вѣнецъ Стефана, побѣду надъ смертью славнаго Лаврентія, не потерпѣвшее крушенія дѣвство Анны. О, троица проповѣдниковъ Троицы! О, останки, врачеваніе страждущихъ! О, прахъ, источникъ исцѣленій! О, храмъ, вмѣщающій красоту неба! Даже и море—бездушная стихія—безъ словъ взываетъ противъ васъ (еретиковъ). Въ обличеніе сорабовъ [говоритъ оно] буду проповѣдывать и я о Владыкѣ. Не отягощаетъ меня стопа Создателя, освящаютъ меня ноги Христовы. Моисей меня раздѣлилъ, а Онъ освятилъ; Іону я потопляю, а Его трепещу; Ною я угрожаю потопомъ, но и взглянуть не дерзаю на Того, Кто руками Своими создалъ человѣка. Ногами Онъ освятилъ море, небо прославилъ Своимъ престоломъ, землю осіялъ яслями, адъ просвѣтилъ своимъ гробомъ. Я не безчувственно и неблагодарно; какъ стихія я признаю Создателя; не говорю я вмѣстѣ съ іудеями: *нѣсть Сей отъ Бога человѣкъ* (Іоан. IX, 16), но съ благоговѣніемъ взываю: *Сей Мой Богъ, и прославлю Его* (Исх. XV, 2). Я покажу свойства своей природы, обличу мнѣнія оскверненныхъ убійствомъ, явлю силу Того, чьи ноги меня попирали. Они—сорабы мнѣ, а Онъ—Владыка; Его страхомъ я привожу ихъ въ смущеніе; Владыка шествовалъ по морю немокрыми стопами, а они плывя на суднѣ испытывали смущеніе; страхъ опасности вынудилъ ихъ кричать, а Человѣколюбецъ повелѣвалъ не страшиться: *дерзайте: Азъ есмь! Не бойтеся* (Мрк. VI, 50)! Дерзайте имѣющіе якорь вѣры: васъ не осквернила грязь идолослуженія! Дерзайте: буря іудейская васъ не потопила! Мужайтесь: еретическое волненіе васъ не поколебало! Я—собезначальное Слово Отчее, отрасль несозданнаго Начала, Агнецъ, вземлющій грѣхи міра, Кормчій, сохраняющій города отъ крушенія, сокровище православной вѣры, увѣнчивающій подвиги мучениковъ. *Азъ есмь! Не бойтеся!* Гдѣ Богъ, тамъ нѣтъ опасности—по благодати Божіей. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О честномъ крестѣ.

675 1. Мы въ преддверіи праздника креста[1])—да ликуетъ ликъ ангеловъ! Приближается зрѣлище креста—родъ смертныхъ да поклоняется! Креста божественная держава возвышается—полчища бѣсовъ да обратятся въ

[1]) Бесѣда произнесена за пять дней до праздника Креста, при началѣ предварявшаго этотъ праздникъ (пятидневнаго) поста.

бѣгство! О, божественный крестъ, ангеловъ неизреченное созерцаніе, смертныхъ похвала, царей держава! Какъ съ живымъ, я хочу бесѣдовать съ тобою, виновникомъ радости и побѣднымъ оружіемъ нашего спасенія. Тобою отверзаются заключенныя двери рая, тобою сокрушается держава смерти, тобою адъ лишается добычи, тобою мертвые удостоиваются жизни, тобою разбойникъ ликуетъ въ раю, тобою сочетаются небесныя съ земными, тобою — познаніе истины, тобою даровано крещеніе возрожденія, тобою людямъ снискано оставленіе грѣховъ, тобою запечатлѣнъ даръ Святого Духа, ознаменованныя тобою церкви именуются домами Божіими, тобою мы сподобляемся тѣла и крови Христовыхъ, тобою удостоиваемся быть сынами Божіими и наслѣдниками царства небеснаго, тобою праздники и торжества наши просвѣтляются и облистаются. Никакой языкъ не могъ бы изобразить все то, что Христосъ Богъ даровалъ чрезъ тебя роду человѣческому. Зная и помня это, о, освященное и чтущее праздники собраніе, съ чистыми сердцами приступимъ облобызать чистыми устами чтимое и животворящее древо, на которомъ былъ вознесенъ Христосъ Богъ нашъ, на которомъ распростеръ Онъ Свои, пробитыя гвоздями, длани, на которомъ копьемъ пронзили христоубійцы Его божественныя ребра, на которомъ напоили Его уксусомъ, смѣшаннымъ съ желчью, при чемъ мимоидущіе кивали главами своими и съ насмѣшкой говорили: *уа, иныя спасе, Себе не можетъ спасти* (Мрк. xv, 29, 31). *Аще Сынъ есть Божій, да снидетъ нынѣ со креста, и вѣруемъ въ Него* (Мѳ. xxvii, 40, 42). Вотъ на что дерзнуло неблагодарное и ослѣпленное іудейское сборище, насладившееся благодѣяніями Его божественныхъ чудесъ! Мы же будемъ съ вѣрою покланяться животворящимъ страстямъ Христовымъ, Его распятію, Его гробу, Его тридневному изъ мертвыхъ возстанію, чтобы вмѣстѣ съ Нимъ воскреснуть и прославиться, если и пострадаемъ, какъ предрекъ сосудъ избранія—божественный Павелъ (Римл. viii, 17). Къ этому именно призываетъ насъ празднуемый сегодня всесвятой крестъ; эту нетлѣнную и вѣчно живую пищу всѣмъ намъ одинаково онъ предлагаетъ — и въ домахъ, и на рынкахъ, и днемъ, и ночью, и въ городахъ, и въ пустыняхъ. И вотъ въ благодарность за столь великія блага, намъ приносимыя, съ радостью примемъ и понесемъ этотъ [постъ], не помрачая лицъ своихъ подобно лицемѣрамъ, по слову Господню (Мѳ. vi, 16), но съ свѣтлой и радостной душой. И будьте увѣрены, что не столько труда стоитъ мнѣ расположить васъ къ соблюденію поста, сколько предупредить, чтобы не предавались сегодня пьянству съ его печальными послѣдствіями. Постъ вѣдь еще соблюдаетъ большинство, и по привычкѣ, и изъ за стыда другъ предъ другомъ; но я боюсь пьянства, которое любители вина отстаиваютъ какъ какое-то отеческое завѣщаніе. Подобно отправляющимся въ далекое путешествіе, и нѣкоторые изъ неразумныхъ предъ этими пятью днями поста предаются сегодня пьян-

ству. Кто настолько безуменъ, чтобы, еще не начавъ пить, говорить безсмысленныя вещи, подобно пьяному? Развѣ ты не знаешь, что чрево не сохраняетъ того, чѣмъ оно наполняется? Чрево есть самый ненадежный хранитель, сокровищница безъ запора; и именно тогда, когда
676 много въ него влагается, оно терпитъ разстройство, а не только не оберегаетъ врученнаго ему. Смотри, не услышать бы и тебѣ завтра на похмѣльи то, что читалось сегодня: *не таковаго поста Азъ избрахъ, глаголетъ Господь* (Ис. LVIII, 5). Зачѣмъ смѣшиваешь несовмѣстимое? Что общаго между постомъ и пьянствомъ, между попойками и воздержаніемъ? *Кое сложеніе церкви Божіей со идолы* (2 Кор. VI, 16)? Храмъ Божій—это тѣ, въ комъ обитаетъ Духъ Божій; храмомъ идоловъ являются тѣ, которые оскверняютъ себя пьянствомъ и невоздержаніемъ. Сегодня мы въ преддверіи поста; кто здѣсь же въ преддверіи окажется уже оскверненнымъ, тотъ не можетъ быть удостоенъ входа во святое. Никакой слуга, желая снискать благосклонность своего господина, не станетъ обращаться къ предстательству и содѣйствію его врага. Пьянство—врагъ Божій; постъ же — начало покаянія. Итакъ, если хочешь покаяніемъ примириться съ Богомъ, бѣги пьянства, чтобы оно не сдѣлало тебя еще болѣе чуждымъ Богу. Ошибается, конечно, тотъ, кто полагаетъ постъ лишь въ воздержаніи отъ пищи. Нѣтъ, мы должны поститься постомъ пріятнымъ, угоднымъ для Господа. Истинный постъ есть удаленіе отъ зла, обузданіе языка, отложеніе гнѣва, укрощеніе похотей, прекращеніе клеветы, лжи и клятвопреступленія: оскудѣніе всего этого и составляетъ истинный постъ. Вотъ это—добрый постъ. Возвеселимся о Господѣ прилежнымъ вниманіемъ къ словамъ Духа, исполненіемъ спасительныхъ законовъ и всѣмъ тѣмъ, что клонится къ нашей духовной пользѣ. Но, конечно, будемъ остерегаться поста тайнаго, о которомъ и пророкъ говоритъ: *не убіетъ гладомъ Господь душу праведную* (Притч. X, 3), и *не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмене его, просяща хлѣбы* (Пс. XXXVI, 25). Не о чувственномъ хлѣбѣ сказалъ онъ это, зная, что сыновья патріарха Іакова изъ-за голода вынуждены были идти въ Египетъ, но о хлѣбѣ духовномъ, необходимомъ для духовнаго роста человѣка. Да минуетъ насъ тотъ постъ, которымъ Господь угрожалъ іудеямъ: *се дніе грядутъ, глаголетъ Господь, и послю гладъ на землю, не гладъ хлѣба, ни жажду воды, но гладъ слышанія слова Божія* (Ам. VIII, 11). Господь видѣлъ, что ихъ умъ томится безъ пищи истиннаго ученія, а ихъ внѣшній человѣкъ утучняется и упитывается, и потому навелъ на нихъ праведнымъ судомъ Своимъ такой голодъ. Вотъ во всѣ эти ближайшіе дни Святой Духъ будетъ радовать васъ утренними и вечерними угощеніями. Пусть же никто не оставляетъ добровольно духовнаго собранія, пусть всѣ мы будемъ участниками этого трезвеннаго угощенія. Позаботимся и изъ домовъ нашихъ удалить на это время всякій шумъ, весь этотъ дымъ и чадъ, всю эту суету, вызываемую

служеніемъ чреву, какъ будто какой неумолимой богинѣ. Вѣдь и сборщики податей дѣлаютъ иногда нѣкоторыя послабленія подвластнымъ имъ. Пусть же и чрево дастъ на время отдыхъ устамъ, пусть дастъ. Заключимъ съ нимъ перемиріе хотя на эти пять дней. Будетъ съ него и того, что оно всегда требуетъ и никогда не утоляется; беретъ сегодня, а на другой день не помнитъ. Сытое чрево еще готово, пожалуй, разсуждать и о воздержаніи; но облегчаясь, забываетъ о мысляхъ. Постъ не имѣетъ понятія о долгахъ, трапеза постящагося не напоминаетъ о лихвѣ, дѣти того, кто соблюдаетъ посты, не душатъ сиротъ и не сплетаютъ имъ сѣтей какъ пауки. Съ другой стороны, постъ является источникомъ удовольствія. Вѣдь какъ томящійся жаждой находитъ всякое 677
питье пріятнымъ, и съ голоду кажется вкуснымъ и самый простой обѣдъ, такъ и постъ заставляетъ цѣнить послѣдующее разрѣшеніе на пищу. Занимая средину и прерывая сплошное наслажденіе пищей, онъ является для тебя пріятной перемѣной, подобно тому, какъ для путешественника перерывъ пути.

2. Итакъ, если хочешь сдѣлать свою трапезу пріятною для себя, воспользуйся услугами поста. Дѣйствительно, постоянное пользованіе какимъ-нибудь видомъ удовольствія притупляетъ его пріятность и злоупотребленіе наслажденіемъ дѣлаетъ его со временемъ нечувствительнымъ. Такимъ образомъ, нужно подумать и о томъ, чтобы слишкомъ большая доступность не обезцѣнивала удовольствія: вдвойнѣ пріятно наслаждаться тѣмъ, что дается съ трудомъ и не часто. Такъ и Создатель нашъ устроилъ, что непостоянство жизни заставляетъ насъ цѣнить Его дары, пребывающіе постоянно. Не замѣчаешь ли, что и солнце послѣ ночи является болѣе свѣтлымъ, и бодрствованіе пріятнѣе послѣ сна, и здоровьемъ мы дорожимъ въ особенности тогда, когда испытаемъ противоположное ему состояніе? Конечно, и трапеза послѣ поста доставитъ всѣмъ намъ больше удовольствія, и притомъ—тѣмъ, кто довольствуется пищей, приготовленной просто и безъ затѣй, не менѣе, чѣмъ тѣмъ, кто держитъ столъ богатый и утонченный. Пусть устрашаетъ насъ примѣръ богача: наслажденіе жизнью привело его въ вѣчный огонь. Въ неправдахъ онъ не обвиняется, а именно за роскошь ввергается въ пещь огненную. Чтобы потушить этотъ огонь, нужна вода. Впрочемъ, не для будущей только жизни полезенъ постъ: его польза ощутительна и для самой плоти. И самое цвѣтущее здоровье подвержено случайностямъ и перемѣнамъ, вслѣдствіе того, что природа слабѣетъ и становится не въ силахъ поддерживать его въ прежнемъ состояніи. Берегись же, чтобы той самой воды, которую ты теперь презираешь, тебѣ не пришлось впослѣдствіи желать хотя бы одной капли, какъ богачу. Отъ воды никто не пьянѣетъ, никогда ни у кого не болѣла голова, отягченная водою; никому изъ употребляющихъ воду не приходилось валяться у чужихъ ногъ; ничьи руки не сдѣлались негодными къ ра-

ботѣ вслѣдствіе злоупотребленія водою. Разстройство пищеваренія есть неизбѣжное слѣдствіе удовольствій чрева: оно причиняетъ тѣлу сильныя болѣзни. Самый цвѣтъ лица у человѣка постящагося естественный: его не обличаетъ безстыдная красота, но украшаетъ цѣломудренная блѣдность; взглядъ у него скромный, поступь степенная, лицо осмысленное, не обезображенное невоздержнымъ смѣхомъ, въ рѣчахъ умѣренность, въ сердцѣ чистота. Вспомни святыхъ отъ начала вѣка, *ихже не бѣ достоинъ весь міръ*, какъ они *проидоша въ милотехъ и козіихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени* (Евр. xi, 38, 37): ихъ жизни подражай, если хочешь раздѣлить съ ними блаженство. Что Лазаря привело на лоно Авраамово? Не постъ ли? А жизнь Іоанна вся была однимъ постомъ: онъ не имѣлъ ни постели, ни стола, ни клочка воздѣланной земли, ни упряжнаго вола, ни хлѣба, ни хлѣбника, однимъ словомъ—ничего изъ обыкновенныхъ удобствъ жизни. Поэтому-то среди рожденныхъ женщинами и не возставало бо́льшаго, чѣмъ Іоаннъ Креститель (Мѳ. xi, 11). Павла, между прочимъ, и постъ, который онъ упоминаетъ въ числѣ тѣхъ скорбей, которыми хвалится (2 Кор. xi, 27), возвелъ на третье небо (xii, 1—4). Но *глава о глаголемыхъ*: Господь нашъ Іисусъ Христосъ, постомъ укрѣпивъ плоть, которую ради насъ воспринялъ, въ такомъ именно состояніи отразилъ искушенія діавола, и насъ научая постомъ изнурять и вразумлять самихъ себя для борьбы съ искушеніями, и этимъ лишеніемъ какъ бы давая противнику поводъ къ нападенію. Конечно, по причинѣ высоты Божества онъ былъ бы для его нападеній недоступенъ, если бы этимъ лишеніемъ не проявилъ своей человѣческой природы. И восходя уже на небеса, Онъ коснулся пищи, чтобы тѣмъ удостовѣрить свою тѣлесную природу. Ты же не перестаешь утучнять и упитывать самого себя, и ни о чемъ не заботишься, заставляя истаевать свою душу отъ недостатка спасительнаго и животворящаго ученія. Развѣ не знаешь, что какъ при состязаніи поддержка,
678 оказанная одному, клонится къ пораженію другого, такъ точно и тотъ, кто принимаетъ сторону тѣла, тѣмъ самымъ борется противъ духа, а поддерживающій духъ порабощаетъ себѣ свое тѣло. Вѣдь они (духъ и тѣло) постоянно между собой враждуютъ,—такъ что, если хочешь сдѣлать свой духъ сильнымъ, обуздай плоть постомъ. Это самое говоритъ апостолъ въ словахъ: *аще внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. iv, 16), и: *егда бо немощствую, тогда силенъ есмь* (2 Кор. xii, 10). Неужели ты не въ силахъ окажешься отнестись съ презрѣніемъ къ этой тлѣнной пищѣ? Неужели и не возжелаешь трапезы въ царствѣ небесномъ, которая во всякомъ случаѣ подготовляется здѣшнимъ постомъ? Или ты не знаешь, что чѣмъ болѣе насыщаешь ты свое тѣло, тѣмъ болѣе обильную пищу приготовляешь для твоего мучителя—червя? А проводя жизнь въ роскоши и пресыщеніи пищей, какъ можешь ты поддерживать общеніе съ благодатью

Духа? Моисей для того, чтобы получить вторыя скрижали, долженъ былъ вторично поститься. Ниневитяне, если бы они не распространили постъ даже и на неразумныхъ животныхъ, не избѣгли бы угрожавшаго имъ несчастія. Кто сложилъ свои кости въ пустынѣ? Не похотливые ли любители мяса? Пока довольствовались евреи манной и водою изъ скалы, они побѣдили египтянъ, перешли море, среди нихъ не было больныхъ; а когда вспомнили о мясахъ и котлахъ, и обратили свои желанія къ Египту, не увидѣли и земли обѣтованной. Неужели не устрашаетъ тебя ихъ примѣръ? Неужели не убоишься того, что объяденіе угрожаетъ заключить тебя внѣ обѣщанныхъ намъ благъ? И мудрый Даніилъ не удостоился бы откровеній, если бы постъ не сдѣлалъ душу его болѣе воспріимчивой и просвѣтленной. Отъ обильной пищи какъ бы поднимаются какія-то грязныя испаренія и подобно густому облаку пресѣкаютъ къ нашей душѣ доступъ лучамъ, исходящимъ отъ Святого Духа. Если у ангеловъ есть какая-нибудь пища, то конечно хлѣбъ [какъ говоритъ пророкъ: *хлѣбъ ангельскій яде человѣкъ* (Пс. LXXVII, 25)], а не мясо, не вино, не то, надъ чѣмъ изощряютъ свою изобрѣтательность чревоугодники. Постъ есть оружіе для борьбы съ демонами: *сей родъ не исходитъ, токмо молитвою и постомъ* (Мѳ. XVII, 21). Столько-то благъ приноситъ намъ постъ! Пресыщеніе же есть начало гордости. За роскошью и пьянствомъ и другими лакомствами тотчасъ и неразрывно слѣдуютъ всякіе виды скотоподобнаго невоздержанія. Отсюда люди становятся женонеистовыми конями по причинѣ возбужденія въ душѣ преданныхъ вину сильной страсти; отсюда извращеніе природы, побуждающее искать въ мужескомъ полѣ женскаго и въ женскомъ мужского. Между тѣмъ постъ даже и въ томъ, что позволено закономъ, внушаетъ умѣренность и ограждаетъ добрый порядокъ брачной жизни [1]). Ты ищешь человѣка, который долженъ бы судиться предъ царемъ съ кѣмъ-нибудь другимъ и совершенно не находишь. Многихъ вѣдь погубилъ онъ изъ тѣхъ, которые были несправедливо истреблены. Потому-то всеблагой Богъ и не презрѣлъ слезъ и стенаній своихъ іереевъ и святыхъ, умолявшихъ Его за того,—не презрѣлъ Онъ, сказавшій чрезъ пророка Исаію: *судите сиру, и оправдите вдовицу, и пріидите, и истяжимся* (Ис. I, 17, 18). Но и ихъ молитвы услышалъ, и тому оказалъ снисхожденіе за его беззаконія, превышающія человѣка, и Церкви ея собственную красоту и благолѣпіе святыхъ и честныхъ иконъ возвратилъ, и намъ, имъ поклоняющимся и лобызающимъ ихъ, и божественныя заповѣди Его хранящимъ, прочный миръ и прощеніе грѣховъ ежедневно даруетъ. Ему слава и держава и честь и поклоненіе, во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) Дальнѣйшее—по всей вѣроятности изъ другой бесѣды и связи съ предшествующимъ не имѣетъ. Во всякомъ случаѣ, мѣсто испорченное.

На Воздвиженіе честнаго Креста.

679 Всякая перемѣна, всякій переходъ отъ худшаго къ лучшему доставляютъ людямъ великую радость и удовольствіе. Стремленіе къ совершенству прирождено человѣческой природѣ и потому она, естественно, ищетъ лучшаго и, когда представляется къ тому возможность, спѣшитъ воспользоваться. Такъ именно для людей, совершившихъ плаваніе по бурному морю, пріятно войти въ тихую и спокойную пристань; для путниковъ пріятенъ отдыхъ на привалѣ послѣ тяжелаго перехода; для людей, удрученныхъ печалью, пріятна смѣна печальнаго настроенія веселымъ; еще пріятнѣе для больныхъ выздоровленіе отъ болѣзни и возвращеніе силъ; враждующимъ съ кѣмъ-либо доставляетъ удовольствіе прекращеніе вражды и примиреніе; съ большимъ удовольствіемъ встрѣчается всѣми наступленіе дня послѣ предшествовавшаго ему мрака ночи. И можно сказать, всякая перемѣна доставляетъ тѣмъ большее удовольствіе, чѣмъ больше соотвѣтствуетъ она пользѣ и желаніямъ людей. Это относится, между прочимъ, и къ тѣмъ наслажденіямъ, какія даны намъ Богомъ. И здѣсь, какъ нетрудно убѣдиться, наслажденіе обусловливается тѣми пріятными впечатлѣніями, какія возникаютъ въ насъ при всякой наблюдаемой нами перемѣнѣ, совпадающей съ нашими желаніями. Пшеница, конечно, пріятна сама по себѣ; но еще пріятнѣе становится она, когда брошенная въ землю, съ трудомъ для нея обработанную, она потомъ сторицею и съ большою радостью собирается, обезпечивая довольство въ пищѣ. А вѣдь во время сѣва бросается на произволъ судьбы одно зерно! Такъ и сокъ виноградной лозы доставляетъ намъ тѣмъ большее удовольствіе, что здѣсь питье получается отъ дерева путемъ перемѣны.—переработки плода. Въ самомъ дѣлѣ, вѣтви и листья ея весьма горьки и терпки на вкусъ, такъ что противно и въ ротъ взять, а грозды, произрастающія съ вѣтвями и и листьями на одномъ деревѣ, имѣютъ столь пріятный вкусъ, что добываемое изъ нихъ питье услаждаетъ всякое горе, разгоняетъ всякую печаль. Тоже самое можно сказать и о маслинѣ, этомъ вѣчно зеленѣющемъ и вѣчно юномъ деревѣ. Въ извѣстное время появляется на немъ плодъ, но не такъ, какъ обыкновенно на другихъ деревьяхъ, а по своему—особеннымъ образомъ. Прежде всего бросается въ глаза почка, какъ бы осыпанная мельчайшей пылью, а въ срединѣ ея заключается, подобно зерну, и самый плодъ, причемъ подобно виноградньмъ кистямъ плодъ появляется сначала въ безчисленномъ множествѣ, но по мѣрѣ роста все излишнее отпадаетъ какъ безполезное; затѣмъ—до самаго конца этотъ плодъ остается горькимъ на вкусъ, да и попробовать его бываетъ нельзя, потому что нельзя взять въ руки. Благодаря этому,

онъ сохраняетъ свою сочность и за то ужъ по минованіи горечи пріобрѣтаетъ такой пріятный вкусъ, что въ качествѣ приправы прибавляется во всякія лакомства и въ житейскомъ обиходѣ безъ него не обходится ни одно угощеніе. Такимъ-то образомъ всевозможныя растенія и сѣмена тѣми измѣненіями, какія претерпѣваютъ ихъ плоды, доставляютъ всѣмъ удовольствіе. Если же перемѣна отъ худшаго къ лучшему столь пріятна, то перейдемъ и мы сейчасъ же къ предмету несравненно болѣе возвышенному, и посмотримъ, скольких благъ виновникомъ сдѣлался для насъ крестъ Христовъ, силою Распятаго на немъ произведшій столь много перемѣнъ. Въ самомъ дѣлѣ, если о крестѣ Господнемъ (какъ орудіи страданій) слышать печально и тягостно, то тотъ же крестъ исполненъ для насъ свѣтлой радости, разъ онъ сдѣлался для насъ причиною не страданій, но освобожденія отъ страданій. Если одно имя его служитъ соблазномъ для іудеевъ, а проповѣдь о немъ оказывается для язычниковъ безумною, то намъ вѣрующимъ онъ напоминаетъ о нашемъ спасеніи. И если въ церкви, при чтеніи о крестѣ и воспоминаніи о крестныхъ страданіяхъ, въ народѣ, вѣрующемъ кресту, возбуждается негодованіе, соединенное съ сожалѣніемъ, и возникаетъ ропотъ, то эти чувства относятся не къ самому кресту, а къ тѣмъ, которыхъ невѣріе сдѣлало распинателями. Крестъ есть спасеніе Церкви, крестъ есть похвала возложившихъ на него упованіе, крестъ—избавленіе наше отъ одержавшихъ насъ золъ и начатокъ дарованныхъ намъ благъ, крестъ—примиреніе съ Богомъ его враговъ и обращеніе ко Христу грѣшниковъ. Крестомъ избавились мы отъ вражды и крестомъ утвердились въ дружбѣ съ Богомъ; крестомъ освобождены мы отъ насилія діавола и крестомъ избавлены отъ смерти и гибели. Потому-то и народъ сначала, слыша о крестѣ, роптал, а потомъ, слушая о воскресеніи, отъ ропота перешелъ къ радости, громогласно возглашая славу. Крестъ сочеталъ людей съ ликомъ ангеловъ,
сдѣлавъ ихъ природу чуждою всякаго тлѣннаго дѣла и доставивъ имъ 680
возможность проводить нетлѣнную жизнь. Вѣдь уже не людьми, но богами называются они послѣ креста: *азъ рѣхъ: бози есте, и сынове Вышняго вси* (Пс. LXXXI, 6),—не рабами, но друзьями и братьями они именуются: *повѣмъ имя твое братіи моей* (Пс. XXI, 23). Видишь, какую перемѣну произвелъ крестъ? Но чтобы еще яснѣе уразумѣть силу креста, представь себѣ, что было до креста и что послѣ креста,—и тогда ты оцѣнишь его силу и дѣйствіе. До креста Сынъ былъ въ неизвѣстности, а сегодня, когда проповѣдуется о крестѣ, и Сынъ именуется, и Отецъ чрезъ Сына познавается; до креста совершалось поклоненіе діаволу, а нынѣ съ проповѣдью о крестѣ діаволъ низложенъ и демоны обращаются въ бѣгство; до креста мы погрязали въ блудѣ и распутствѣ, а нынѣ послѣ проповѣди о крестѣ не только отстали отъ блуда, но и надъ бракомъ превозносимся, а дѣвство, котораго раньше не

знали, усвояемъ себѣ и соблюдаемъ. Когда не раздавалось еще проповѣди о крестѣ, діаволъ собралъ іудеевъ противъ Христа; нынѣ проповѣдуется крестъ—и апостолы тѣхъ же іудеевъ приводятъ ко Христу вѣрою. До проповѣди о крестѣ смерть властвовала надъ нами; нынѣ крестъ проповѣдуется—и смерть презирается, какъ бы ея и не существуетъ, а вѣчную жизнь мы возлюбили. До креста мы были чужды рая, а съ явленіемъ креста тотчасъ же разбойникъ удостоенъ рая. О, великая сила креста! Какія перемѣны произвела она въ родѣ человѣческомъ! Отъ такой тьмы привелъ насъ крестъ къ свѣту незаходимому, отъ смерти воззвалъ къ жизни вѣчной, отъ тлѣнія возродилъ къ нетлѣнію. Очи сердца нашего уже не покрываются тьмою невѣдѣнія, но крестомъ открыты свѣту разумѣнія; уши глухихъ уже не затворены болѣе невѣріемъ, потому что глухіе услышали слово Господне, и слѣпые прозрѣли, чтобы видѣть славу Божію. Вотъ что совершено крестомъ, вотъ что даровано намъ ради креста! Въ самомъ дѣлѣ, какое добро получено нами помимо креста, какое изъ благъ даровано намъ не чрезъ крестъ? Чрезъ крестъ научились мы благочестію и познали силу божественной природы; чрезъ крестъ уразумѣли мы правду Божію и постигаемъ добродѣтель цѣломудрія; чрезъ крестъ познали мы другъ друга и, будучи прежде далекими, сочетались Христу и пріобщились благодати Святого Духа; чрезъ крестъ познали мы силу любви и не отказываемся умереть другъ за друга; благодаря кресту презрѣли мы всѣ блага міра и вмѣнили ихъ ни во что, ожидая будущихъ благъ и невидимое принимая какъ видимое. Крестъ проповѣдуется, и вѣра въ Бога исповѣдуется и истина по всей вселенной распространяется: крестъ проповѣдуется, и мученики подвизаются и исповѣдничество за Христа утверждается; крестъ проповѣдуется, и воскресеніе даруется, и жизнь является, и царство небесное удостовѣряется, и невѣрные вѣруютъ кресту,—достигаютъ спасенія даже и тѣ, которымъ крестъ казался непримиримымъ съ жизнью. Виновникомъ всего этого для насъ является крестъ и благодаря ему же мы научились воспѣвать Бога. Итакъ, что выше креста? Что полезнѣе его для нашихъ душъ? Не будемъ же стыдиться имени креста, но со всею смѣлостью будемъ исповѣдывать его, такъ какъ чрезъ него призваны ко спасенію и приводимся къ жизни вѣчной. Видишь, какія перемѣны произвелъ этотъ крестъ въ мірѣ, для его спасенія? Онъ положилъ конецъ его беззаконнымъ дѣламъ, пресѣкъ его безбожныя ученія—и міръ не угождаетъ уже болѣе діавольскимъ законамъ и не связывается узами смерти. Богъ пришелъ на землю и посѣкъ неистовство страстей; установилъ Свои законы и научилъ насъ полезному и нужному; утвердилъ заповѣдь цѣломудрія и искоренилъ сладострастіе; начерталъ границы святости, оградилъ невинность закономъ и беззаконный блудъ осудилъ на попраніе; освятилъ правила воздержанія и низложилъ господство похоти; божественнымъ ученіемъ ниспровергъ силу страстей и

умалилъ всякій грѣхъ, порождавшійся похотью. Такъ какъ блудъ есть 681
изобрѣтеніе идоловъ, и ихъ коварствомъ порождается всякая порча, то Онъ и посѣкаетъ самый корень беззаконія, чтобы положить конецъ потоку нечестія. Онъ упразднилъ мерзкое служеніе идоламъ, уничтожилъ беззаконные обычаи, разсѣялъ всѣ ухищренія, приманки и прикрасы нечестія; Онъ разоблачилъ обманъ и неправду и преградилъ потоки погибели; Онъ очистилъ души отъ укоренившихся въ нихъ терній нечестія и подобно зернамъ пшеницы принесъ сѣмена богочестія, чтобы заставить души наши плодоносить плоды правды; Онъ даровалъ намъ изобиліе въ духовной пищѣ и наполнилъ наши духовныя житницы божественными плодами небесной мудрости; Онъ пріобщилъ вѣрныхъ святынѣ Духа и благодаря ему каждый изъ насъ сдѣлался сосудомъ божественнаго освященія и источникомъ божественной красоты. Все это пріобрѣли мы благодаря кресту, всѣхъ этихъ благъ удостоились ради креста. Все это познали мы чрезъ крестъ и всему этому научились благодаря ему. Но чтобы вполнѣ оцѣнить силу креста и тѣ послѣдствія, которыхъ онъ былъ причиной, обрати вниманіе на то, что совершилось у его подножія, и ты убѣдишься, что дѣйствительно это были дѣла, совершенныя божественной силой. Крестъ водружается противъ Жизни, но чрезъ крестъ даруется жизнь міру и смерть имъ умерщвляется; крестъ воздвигается противъ Истины, но благодаря кресту міръ весь наполняется истиной; крестъ приготовляется для уничиженія Владыки, но Владыка распростеръ на немъ Свои руки и всѣхъ привлекъ къ Себѣ. Христосъ виситъ на крестѣ—и діаволъ умерщвленъ; Христосъ распростертъ на крестѣ—и спасительное знаменіе даровано всему міру; Христосъ пригвожденъ ко кресту—и всякая душа разрѣшена отъ узъ; Христосъ томится на крестѣ—и все созданіе освобождено отъ работы истлѣнія; Христосъ на крестѣ испустилъ духъ—и новое чудо явлено міру: свѣтъ солнца
помрачается. Для невѣрныхъ въ этомъ знаменіе, что на день суда 682
имъ уготовляется тьма, а для вѣрныхъ этимъ знаменуется то, что для нихъ тьма смѣняется дневнымъ свѣтомъ. Эта мысль выражается и въ одномъ пророческомъ изреченіи, которое гласитъ: *и будетъ въ той день, глаголетъ Господь, зайдетъ солнце въ полудне и померкнетъ въ день свѣтъ: и превращу праздники ваша въ жалость и вся пѣсни ваша въ плачь* (Ам. VIII, 9, 10). Видишь, возлюбленный, какой глубочайшій таинственный смыслъ содержитъ въ себѣ это пророческое слово? Оно равно примѣнимо и къ тѣмъ и другимъ, т. е. какъ къ подзаконнымъ іудеямъ, такъ и къ язычникамъ, внѣ закона творившимъ свои беззаконія. Первые, празднуя по закону, будутъ проводить свои праздники въ плачѣ и мѣсто всякихъ пѣсенъ у нихъ заступитъ вопль объ Іерусалимѣ. Служеніе Богу въ Іерусалимѣ упразднится и совершеніе праздниковъ въ немъ прекратится, когда наступитъ конецъ всему, послѣ прише-

ствія Христа и Его искупительныхъ страданій. Потому-то и говоритъ Богъ чрезъ пророка: *обращу праздники ваша въ жалость и вся пѣсни ваша въ плачъ*. Іудеи лишатся своего законнаго достоянія и предадутся въ рабство всякому народу за то, что не повѣрили божественной и необычайной проповѣди креста. Будутъ плакать и язычники, исповѣдуя свои грѣхи, но будутъ плакать плачемъ, достойнымъ ублаженія. Сказано: *блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся* (Мѳ. v, 4). И вотъ они будутъ оплакивать тѣ суетные праздники и нечестивыя пѣсни, въ которыхъ выражалось ихъ служеніе нечистымъ демонамъ. Замѣть же, какъ покаявшійся язычникъ, прежде праздновавшій идоламъ, нынѣ обращаетъ свой праздникъ въ плачъ и въ покаяніе о томъ злѣ, какое онъ творилъ, и со слезами повторяетъ это пророческое слово: *уснухомъ въ постыдѣніи нашемъ, и покры насъ безчестіе наше*, потому что мы умножили нечестіе наше (Іер. ш, 25). *Познахомъ беззаконія отецъ нашихъ* (xiv, 20). Такъ-то вотъ и мы, съ добрымъ плачемъ и сожалѣніемъ объ изображенныхъ выше нашихъ порокахъ, припадемъ ко кресту, на него возлагая свои надежды, чтобы при руководствѣ креста и съ устремленною къ небу мыслью приблизившись ко Христу Спасителю нашему, мы удостоены были пребыванія вблизи Бога, въ царствѣ небесномъ, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О святомъ апостолѣ Ѳомѣ.

681 1. Я пришелъ уплатить вамъ, друзья, долгъ. Мой долгъ такого рода, что и меня, отдающаго, онъ обогащаетъ, и вамъ, получающимъ, приноситъ пользу. Вотъ я и хочу, исполняя свое обѣщаніе, опять побесѣдовать съ вами о Ѳомѣ, о томъ, какъ сначала онъ не повѣрилъ воскресенію Спасителя, а потомъ, послѣ того какъ увидѣлъ и осязалъ, увѣровалъ во Христа и назвалъ Его Господомъ и Богомъ. Итакъ, я призываю васъ къ вниманію. И прошу васъ умолить святого Ѳому, чтобы онъ, положивъ на мои уста свою святую десницу, осязавшую ребра Владыки, укрѣпилъ мой языкъ къ изъясненію того, что вамъ такъ желательно. Примите мои слабыя слова въ тишинѣ и спокойствіи, чтобы извлечь изъ нихъ хотя бы небольшую какую-нибудь пользу. Когда Спаситель нашъ расторгъ всепожирающую утробу ада и сдѣлался первенцомъ изъ мертвыхъ и чрезъ закрытыя двери явился ученикамъ Своимъ, тогда *Ѳома, глаголемый близнецъ, не бѣ ту съ ними* (Іоан. xx, 24). О, какое чудо! Предметъ желанія явился, а самого желающаго не оказалось; Пастырь добрый предсталъ Своей паствѣ, а овца блуждала внѣ

стада, или лучше сказать—внѣ ограды; Царь небесный пришелъ лично, а воинъ находился вдали отъ божественнаго стана. Случилось же то, что Ѳома тогда отсутствовалъ, по таинственному божественному устроенію. Если бы онъ присутствовалъ, онъ не усомнился бы; а если бы не усомнился, не осязалъ бы его; если бы не осязалъ, не увѣровалъ бы 682
такъ; если бы не увѣровалъ такъ, и насъ не могъ бы научить вѣровать. Такъ, и невѣріе ученика дѣлается матерью нашей вѣры. Вѣдь и мы, не видѣвшіе Христа, поклоняемся Ему, именно потому, что Ѳома видѣлъ Его и поклонился Ему; не осязавшіе неосязаемаго, мы воспѣваемъ Его, потому что тотъ, собственными руками обнявъ Владыку, воспѣлъ Ему: *Господь мой и Богъ мой* (Іоан. xx, 28, 25). Итакъ, остальные ученики говорили Ѳомѣ, опоздавшему явиться во время: *видѣхомъ Господа,*—видѣли Того, Кто сказалъ: *по тріехъ днехъ востану* (Мѳ. xxvii,63), и мы—свидѣтели того, что Его слова оправдались на дѣлѣ; мы видѣли Того, Кто сказалъ: *Азъ есмь воскресеніе, и истина, и животъ* (Іоан. xi, 25, xiv, 6), и мы приняли Его, какъ воскресеніе, и истину, и жизнь отъ жизни; мы видѣли Того, Кто сказалъ: *область имамъ положити душу Мою и область имамъ паки пріяти ю* (Іоан. x, 18, 17), и эту власть Его мы познали на дѣлѣ. Вдругъ посреди насъ сталъ Спаситель, не раскрывая дверей комнаты, а мы, какъ и легко себѣ представить, пораженные Его чудеснымъ явленіемъ, не могли опомниться отъ этого новаго чуда. Но вотъ слышимъ,—Онъ говоритъ намъ: *миръ вамъ* (Іоан. xx, 21)! и буря печали смѣнилась въ сердцахъ нашихъ тихою радостью. Затѣмъ, мы увидѣли Его руки, пронзенныя острыми гвоздями и изгладившія грѣхи людей; увидѣли Его руки, которыми сокрушилъ Онъ смерть и всѣмъ людямъ даровалъ воскресеніе; увидѣли и святое ребро Его, прободенное за насъ и источившее кровь и воду, эти два источ- 683
ника нашего спасенія; а изъ Его божественныхъ устъ восприняли божественное дуновеніе, дуновеніе Духа, дуновеніе, ниспосылающее всякую благодать. Отъ Владыки нашего мы облечены властью отпускать грѣхи и вершить судъ надъ грѣшниками, получивъ отъ Него такой завѣтъ: *имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите, держатся* (Іоан. xx, 23). Вотъ какими словами мы насладились, вотъ какихъ даровъ отъ Спасителя удостоились (вѣдь и невозможно было намъ не обогатиться въ общеніи съ Владыкою всѣхъ)! Ты одинъ только опоздалъ—и вотъ теперь остался нищимъ. И тотчасъ въ отвѣтъ имъ Ѳома сталъ говорить: вы видѣли Господа? Только я недостóинъ былъ узрѣть Его? Я призванъ не такъ, какъ призваны вы? Я почтенъ отъ Него не такъ, какъ почтены вы? Развѣ не вмѣстѣ съ вами видѣлъ я Его распятымъ? Наравнѣ съ вами пережилъ я дни печали, наравнѣ съ вами хочу познать и радость. Какъ видѣлъ я кончину Христову, такъ хочу узрѣть и Его воскресеніе. *Аще не вижу на руку Его язвы гвоздинныя, и вложу перста моего въ язвы гвоздинныя, и вложу руку мою*

въ ребра Его, не иму вѣры (Іоан. xx, 25). Вѣдь и вы не повѣрили бы, если бы сначала не увидѣли Его; такъ и я, если не увижу,—не повѣрю. Держись, Ѳома, держись въ этомъ добромъ невѣріи! Держись твердо, пока не утвердишься на камени вѣры; оставайся при такомъ своемъ желаніи, пока не увидишь желаемаго! Я привѣтствую твою недовѣрчивость, какъ разсѣивающую всякую недовѣрчивость; хвалю твою спорливость, родившуюся изъ преданности Христу и поражающую всю спорливость еретиковъ. Не вѣрь, не вѣрь еще и еще, чтобы я могъ повѣрить тѣмъ тверже. Взыскуй Господа и требуй Его присутствія, чтобы, воспользовавшись твоими усиліями и настойчивостью, я могъ обнять своего Искупителя. Будь же настойчивъ въ призываніи Того, Кто сказалъ: *ищите и обрящите* (Мѳ. vII, 7)! Не переставай допытываться, пока не найдешь сокровища, которое ищешь. Не переставай стучаться въ дверь чуждаго противорѣчій знанія, пока не откроетъ тебѣ ее Тотъ, Кто сказалъ: *толцыте и отверзется вамъ* (Мѳ. vII, 7)! Съ удовольствіемъ прислушиваюсь я къ частому повторенію твоихъ словъ: *аще не вижу на руку Его язвы гвоздинныя, не иму вѣры*. Твое невѣріе меня научаетъ вѣрѣ; какъ будто плугомъ—твоимъ языкомъ взрываешь ты пашню божественнаго тѣла, а я безъ труда пожинаю плодъ и усвояю его себѣ. Если своими собственными глазами не увижу тѣхъ бороздъ, какія проложили на Его святыхъ рукахъ нечестивые, ни въ какомъ случаѣ не повѣрю вашимъ словамъ; если своего собственнаго перста не вложу въ язвы, пробитыя гвоздями, не приму вашего благовѣстія; если этою моею рукою не коснусь Его ребра,—неложнаго свидѣтеля воскресенія,—ваше свидѣтельство меня нисколько не поколеблетъ.

2. Своими собственными глазами я разсмотрю то, что вы проповѣдуете (такъ какъ глаза достовѣрнѣе слуха), и тогда только соглашусь съ вашими заявленіями. Вѣдь всякое заявленіе становится твердымъ и достовѣрнымъ только тогда, когда подтверждается дѣлами; а слова, лишенныя фактическихъ доказательствъ, легковѣсны и попусту сотрясаютъ воздухъ. Мнѣ предстоитъ проповѣдывать людямъ о чудесахъ Учителя: какъ же стану я говорить о томъ, чего не видалъ глазами? Какъ убѣжду невѣрныхъ вѣрить тому, чего самъ не изслѣдовалъ? Какъ скажу я іудеямъ и язычникамъ, что распятымъ моего Владыку я видѣлъ, воскресшимъ же не видѣлъ, но только слышалъ о томъ, что Онъ воскресъ? Кто не осмѣетъ такія мои рѣчи? Кто не отнесется съ презрѣніемъ къ такой проповѣди? Вѣдь иное дѣло—слышать, и совершенно иное—видѣть; иное—словесная передача, и совершенно иное—наблюденіе и опытъ. Въ то самое время, когда Ѳома въ такомъ духѣ бесѣдовалъ съ соапостолами, опять среди учениковъ,—при закрытыхъ дверяхъ,—явился Іисусъ. Чрезъ закрытыя двери проникла Дверь жизни; какъ проникла—вѣдомо одному только самому Богу Слову. Какъ при рожденіи Своемъ не повредилъ Онъ дверей дѣвства, такъ и внутри

дома появился, не сокрушая затворовъ. И опять: какъ изъ закрытаго и запечатаннаго гроба Онъ вышелъ, такъ точно и здѣсь вошелъ чрезъ 684
закрытыя двери. Вошелъ плотію туда, гдѣ былъ божествомъ, и дверей не растворилъ. Восхотѣлъ—и ничто Его не задержало; восхотѣлъ—и все Ему подчинилось; восхотѣлъ—и тварь повиновалась: все подчинилось единой волѣ Того, Кто былъ и есть истинный Богъ. Такъ и рожденіе Его побѣждаетъ всякій умъ, и возстаніе изъ гроба превосходитъ всякую мысль, и явленіе Его ученикамъ остается необъяснимымъ и непостижимымъ. Что явился Онъ ученикамъ—этому я наученъ; но какъ явился—этого я уже не знаю, а чего не знаю, о томъ и говорить не дерзаю. Я воспѣваю явившагося, но о способѣ Его явленія не допрашиваю; проповѣдую тайну, но необъяснимаго не объясняю; удивляюсь совершившемуся чуду, но какъ оно совершилось, не допытываюсь; вѣрю написанному безъ колебанія—и спасаюсь. Я только слухомъ воспринялъ о чудесахъ Господнихъ, но самъ Его божественныхъ дѣйствій не изслѣдовалъ. А если кто-нибудь изъ іудеевъ скажетъ мнѣ: чрезвычайно странно и просто-таки невѣроятно то, что ты проповѣдуешь! Какъ въ самомъ дѣлѣ могло чрезъ закрытыя двери проникнуть осязаемое тѣло?—то и я спрошу его: какъ могъ ангелъ низвести Аввакума въ ровъ львиный и вывести его оттуда обратно, оставивъ цѣлыми и невредимыми наложенныя на входъ печати (Дан. IV, 32)? Рабъ—что захотѣлъ, то и сдѣлалъ, а Владыка не смогъ того, что благоволилъ? Конечно, какъ то совершилось по волѣ Божіей, такъ и это сдѣлано по волѣ вочеловѣчившагося Бога Слова. Итакъ, явился Спаситель, какъ благоволилъ, Своимъ ученикамъ и сталъ посреди ихъ, чтобы всѣмъ одинаково быть видимымъ, и сказалъ имъ: *миръ вамъ* (Іоан. XX, 26)! Я самъ—Миръ, и миръ даю вамъ. Что Я есмь, то и даю. Этотъ миръ преклонитъ всѣхъ враговъ подъ ваши ноги; этотъ миръ сдѣлаетъ начала и власти вашими слугами; этотъ миръ дастъ вамъ побѣду надъ вселенной. Обрадовались ученики, опять съ наслажденіемъ увидѣвши Господа и услышавъ Его слова, и начали подталкивать Ѳому и показывать ему взглядами; ихъ глаза только что не говорили ему: не увѣряли ли мы тебя раньше: *видѣхомъ Господа*, и ты нашимъ словамъ не вѣрилъ? Вотъ самъ Онъ, Котораго ты желаешь; дѣлай все, что тебѣ угодно, приступи къ Нему, пришедшему къ намъ ради твоего спасенія и постарайся найти отвѣтъ на свои вопросы. А самъ Ѳома стоялъ, разглядывая своими глазами всѣ члены Спасителя и тщательно изслѣдуя каждый въ отдѣльности, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли въ явившемся и воскресшемъ онъ видитъ Того, Который умеръ. И что же говоритъ ему единый благій, единый благоутробный и человѣколюбецъ, *иже хощетъ всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истины пріити* (1 Тим. II, 4)? *Принеси перстъ твой сѣмо и виждь руцѣ Мои* (Іоан. XX, 27). О, недосягаемая высота человѣколюбія! О, бездна безмѣрнаго снисхожденія! Онъ

не ожидаетъ приближенія ученика, не ждетъ, когда тотъ обратится къ нему съ просьбой о томъ, чего онъ хотѣлъ; ни на одно мгновеніе не откладываетъ Онъ исполненія его желанія,—напротивъ, самъ привлекаетъ его къ Себѣ, самъ привлекаетъ къ Себѣ его персты и Своимъ Владычнимъ языкомъ воздвигаетъ руку раба, сказавъ ему: *принеси перстъ твой сѣмо и виждь руцѣ Мои.* Вѣдь ради тебя Я пришелъ къ тебѣ; ради тебя опять предсталъ сюда, откуда божествомъ никогда не отступалъ; ради тебя пронзены гвоздями эти Мои руки, чтобы тебѣ обезпечить вѣрное спасеніе. Приблизься ко Мнѣ и тѣломъ, и духомъ, и вѣрою, и со всею ясностью познай то, что ты хотѣлъ узнать; дѣлай все, что тебѣ угодно—изслѣдуй, разсмотри, осяжи; какъ еще младенчествующій, читай на Моихъ рукахъ эти письмена Моихъ добровольныхъ страданій—раны. Всѣ Мои члены я предоставляю тебѣ для изслѣдованія. Не стыжусь покрывающихъ Мое тѣло рубцовъ, не стыжусь ранъ, воспринятыхъ Мною для исцѣленія вашихъ ранъ; не скрываю этихъ знаковъ Моей побѣды и прославленія; Я открываю ихъ предъ всѣми и всей твари дѣлаю извѣстными. Видѣло ихъ и солнце (потому-то оно и скрылось и превратило день въ ночь); видѣла ихъ земля (при видѣ ихъ она и поколебалась); знаютъ ихъ скалы (изъ-за нихъ онѣ и распались, оплакивая Мои страданія); знаютъ ихъ мертвые (потому что
685 ради нихъ возстали изъ гробовъ); знаетъ ихъ и церковная завѣса, потому что ради нихъ разодралась она, заранѣе оплакивая гибель іудеевъ. *Виждь руцѣ Мои*, какъ ты хотѣлъ; проникни перстомъ твоимъ въ глубь Моихъ ранъ. И ребро Мое хочешь изслѣдовать? Вотъ Я обнажаю и его. Дай сюда твою любознательную руку и коснись Моего ребра; осяжи тѣло Мое, происшедшее безъ человѣческаго сѣмени; осяжи тѣло Мое, воспріятое отъ Маріи Дѣвы, Дѣвою и пребывшей; коснись тѣла Моего, родственнаго тебѣ; коснись тѣла Моего, пострадавшаго по Моей собственной волѣ; коснись тѣла Моего, ради васъ умерщвленнаго, но не поддавшагося тлѣнію смерти; коснись тѣла Моего, страшнаго для безплотныхъ силъ; коснись тѣла Моего, предъ которымъ херувимы трепещутъ и серафимы благоговѣютъ,—и научись собственнымъ опытомъ, что́ у Меня познается осязаніемъ и что́ не познается, что́ подвергалось страданію и что́ безстрастно, что́ смертно и что́ безсмертно, что́ умерщвлено было ради тебя и чему тлѣніе не приразилось, что́ сейчасъ подъ твоими перстами и что́ недоступно твоей рукѣ. *И не буди не вѣренъ, но вѣренъ.*

3. Я, Ѳома, отсутствуя какъ человѣкъ, но присутствуя какъ Богъ, слышалъ то, что говорилъ ты твоимъ братьямъ; удаленный отъ васъ по человѣчеству, Я былъ среди васъ по божеству. Хочешь, Я напомню тебѣ, что ты прежде сказалъ? Не говорилъ ли ты: *аще не вижу на руку Его язвы гвоздинныя и вложу руку мою въ ребра Его, не иму вѣры*? Не эти ли мысли родились въ твоемъ умѣ? Не эти ли слова сбѣжали

съ твоего языка? И вотъ твое сомнѣніе побудило Меня придти сюда еще разъ; вторично являюсь Я здѣсь, какъ ты того желалъ. Не стыдись же узнать то, чего ты хотѣлъ, не медли изслѣдовать то, чего ты требовалъ, не отказывайся приблизить перстъ твой къ этимъ Моимъ рукамъ. Я стерплю и прикосновеніе перста, какъ стерпѣлъ гвозди; перенесу и любопытство со стороны друга, какъ перенесъ издѣвательство со стороны враговъ во время распятія. Оскорбленія враговъ не возбудили во Мнѣ гнѣва: неужели же просьба друга причинитъ Мнѣ досаду? Дай сюда твой перстъ и посмотри руки Мои, израненныя ради васъ, чтобы исцѣлить язвы вашихъ душъ; посмотри руки Мои и разсуди самъ съ собою—Тотъ ли Я, вольною волею предавшій Себя на распятіе, или другой кто-нибудь вмѣсто Него? Посмотри Мои руки, на которыхъ—по Моему попущенію—остались эти знаки, какъ бы на память о безуміи іудеевъ, чтобы, когда безстыдные по своей привычкѣ іудеи въ день суда станутъ говорить Мнѣ: мы не распинали Тебя, Господи,—Я могъ показать врагамъ Моимъ эти руки въ такомъ вотъ видѣ и тѣмъ пристыдить богопротивную синагогу,—заставить ихъ воззрѣть на Того, *Егоже прободоша* (Іоан. XIX, 37), и съ плачемъ поклониться Ему. И вотъ Өома, коснувшись Владычнихъ рукъ и божественнаго ребра и исполнившись одновременно и страха и радости при видѣ того, что представилось его глазамъ, тотчасъ воспѣваетъ Господу и восклицаетъ: *Господь мой и Богъ мой* (ст. 28)! Ты—Господь и Богъ, Ты—человѣкъ и Человѣколюбецъ! Ты—врачъ природы—чудесный и необычайный! Ты не посѣкаешь страданія желѣзомъ, не прижигаешь раны огнемъ, не составляешь лѣкарствъ изъ травъ, не налагаешь видимыхъ повязокъ на страждущія члены. Ты имѣешь невидимыя узы сострадания, невидимо связывающія все разслабленное. Твоя мысль острѣе желѣза; Твое слово сильнѣе огня; Твое мановеніе дѣйственнѣе всякаго лѣкарства. Какъ Творецъ, Ты безъ труда освящаешь твореніе; какъ Создатель, безъ усилій преобразуешь созданіе. *Господь мой и Богъ мой*! По Твоей волѣ прокаженные очищались, хромые начинали ходить, разслабленные оказывались въ силахъ носить свои постели, слѣпорожденные прозрѣвали отъ омовенія, демоны убѣгали; но Ты допустилъ, чтобы Тебя схватили Твои враги и добровольно претерпѣлъ отъ іудеевъ по плоти все ради меня. *Господь мой и Богъ мой*! Ты—Богъ мой и Господь, Ты—предвѣчный и вмѣстѣ временный, Ты—небесный и вмѣстѣ земной, Ты—невидимый и видимый; Ты не имѣешь образа и воспринялъ мой образъ, Ты не имѣешь тѣла и облеченъ этимъ тѣломъ; 686
Ты Богъ воистину и человѣкъ неложно; Ты въ утробѣ Дѣвы, но Ты же и въ нѣдрахъ Отца; Ты съ Отцомъ на небѣ и ради насъ на крестѣ; Ты прежде вѣковъ возсѣдаешь на царскомъ престолѣ, но Ты же гвоздями пригвождаешься къ древу; Ты безстрастенъ по духу, но претерпѣлъ страсть по плоти; Ты безсмертенъ, какъ единосущный Отцу, но

и смертенъ, какъ единосущный намъ; Ты во гробѣ, но ты и на херувимахъ; Ты и въ смерти явился подателемъ жизни, и съ мертвыми вмѣняясь освобождаешь мертвыхъ; Ты остаешься мертвымъ тридневно и пребываешь совѣчнымъ Рождающему Тебя; Ты возставилъ храмъ тѣла Твоего, и возсталъ самъ Своею силою, какъ Богъ; Ты съ нами по плоти и прежде всѣхъ вѣковъ со Отцомъ; Ты и на небесахъ горѣ, Ты и на землѣ, Ты всю тварь назираешь какъ Богъ; Ты повсюду, Ты наполняешь все; Ты сейчасъ въ моихъ объятіяхъ, но въ Твоей рукѣ содержится все. Я смотрю на Тебя тѣлесными глазами, но созерцаю и очами вѣры; нахожу въ Тебѣ то, что получилъ Ты отъ меня, но познаю и то, что имѣешь ты отъ Отца—Твое неизреченное божество. Исповѣдую Тебя единымъ Господомъ и Богомъ. Я убѣдился, что Ты—единый существуешь такъ и иначе, но не признаю Тебя такимъ и инымъ. Я не раздѣляю нераздѣлимаго, не разлучаю неразлучнаго, не сѣку несѣкомаго; и что вижу, и что обнимаю, и что мыслю—все выражаю я однимъ восклицаніемъ: *Господь мой и Богъ мой*! Ты Своимъ снисхожденіемъ извелъ душу мою изъ бездны невѣрія; Ты рабствовавшихъ людей сдѣлалъ свободными; Ты осудилъ грѣхъ въ безгрѣшной Твоей плоти; Ты попралъ діавола, когда восхотѣлъ; Ты сокрушилъ всѣ его разженныя стрѣлы; Ты смерть умертвилъ смертію; Ты нетлѣніемъ Своимъ истребилъ тлѣніе; Ты воскресеніемъ Своимъ возстановилъ для насъ воскресеніе; Свой тридневный гробъ Ты оставилъ на землѣ залогомъ воскресенія мертвыхъ; Ты людей сдѣлалъ небесными; Ты землю сдѣлалъ свѣтлѣе неба; Ты—однимъ словомъ—все перемѣнилъ къ лучшему; будучи Богомъ, Ты сдѣлался человѣкомъ, чтобы человѣка сдѣлать Богомъ; Ты—*Господь мой и Богъ мой*! Говоритъ ему Господь: *яко видѣвъ Мя вѣровалъ еси* (ст. 29),—но смотри, чтобы когда Я взойду съ плотію туда, откуда пришелъ безъ плоти, снова не пробудилось въ тебѣ невѣріе и ты не сталъ говорить: если не увижу опять на рукахъ Его раны отъ гвоздей, не буду вѣрить. Ты уже заявилъ свое невѣріе, осязалъ и разъ навсегда увѣровалъ: теперь тебѣ только остается проповѣдывать то, въ чемъ ты увѣрился. Блаженны видѣвшіе Меня и увѣровавшіе, но гораздо болѣе блаженны не видѣвшіе Меня и увѣровавшіе. Это ублаженіе, братіе, относится къ намъ,—не удостоившимся Его зрѣть, но увѣровавшимъ въ Него. И дѣйствительно, блаженны вѣрою созерцающіе Невидимаго! Блаженны вы, видящіе Его при каждомъ нашемъ собраніи здѣсь, когда вы и очами усматриваете Его, и устами лобзаете, и зубами вкушаете, причемъ Тотъ, Кого вы поѣдаете, не съѣдается и не оскудѣваетъ. О. необычайное таинство! О, страшное таинство! Сидящій одесную Отца покоится въ десницахъ грѣшниковъ. Воспѣваемый ангелами объемлется нечистыми руками и попускаетъ носить Себя своимъ грѣшнымъ рабамъ. Онъ не гнушается нашихъ грѣшныхъ дланей, не гнушается достойныхъ осуж-

денія перстовъ. Не поражаетъ насъ, бренныхъ, Творецъ нашъ, но самъ
побуждаетъ насъ, самъ говоритъ: *пріимите, ядите* (Мѳ. xxvi, 26; xiv, 22);
пріимите, пійте (Лук. xxii, 17; Мѳ. xxvi, 27). Приступите ко Мнѣ и
осяжите ребро Мое вашими руками, насладитесь всѣ Моимъ Тѣломъ.
Какую бы частицу Мою вы ни взяли, въ ней весь всецѣло Я, Тотъ,
Кто былъ осязаемъ Ѳомою. Приступимъ же всѣ въ чистотѣ къ чистому,
но приступимъ съ должнымъ благоговѣніемъ, безъ какой-либо поспѣш-
ности, которая была бы здѣсь знакомъ неуваженія нашего къ нашему
Владыкѣ. Приближаясь каждый въ отдѣльности и бесѣдуя наединѣ съ
Искупителемъ, будемъ говорить Ему: Господи, мы недостойны, чтобы
Ты вошелъ подъ кровъ душъ нашихъ (Мѳ. viii, 8). Но такъ какъ Ты
самъ хочешь быть въ насъ, такъ какъ Тебѣ, какъ человѣколюбцу,
угодно обитать въ насъ, мы съ дерзновеніемъ приступаемъ къ Тебѣ и
исповѣдуемся Тебѣ; если Ты, Владыко, повелѣваешь, мы отверзаемъ
врата устъ нашихъ, которыя Ты, единый, сотворилъ. Войди къ намъ
съ обычнымъ Тебѣ человѣколюбіемъ, войди и разрѣши узы нашего не-
смыслія, войди и просвѣти наши помраченные умы. Вѣруемъ, Господи, 687
что ты сдѣлаешь это. Вѣдь ни блудницу, со слезами припавшую къ
Тебѣ, Ты не оттолкнулъ отъ Себя, ни покаявшагося мытаря не отвер-
гнулъ, ни разбойника, исповѣдавшаго Твое царство, не прогналъ, ни
покаявшагося гонителя не оставилъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ,—но всѣхъ ихъ,
покаяніемъ къ Тебѣ приведенныхъ, Ты сопричислилъ къ лику Твоихъ
друзей. Съ такой молитвой и чистой душой да сподобимся мы небес-
ныхъ таинствъ, да оградимъ себя цѣломудренной жизнью и да не изы-
детъ постыдное слово изъ устъ нашихъ, принявшихъ въ себя Христа,
Господа Бога нашего. Усвойте себѣ это и вы, новопросвѣщенныя чада
церкви! Почитайте безболѣзненныя муки рожденія купели и не отвер-
гайтесь ея божественной утробы, чтобы не сказалъ Богъ и о васъ:
сыны родихъ и возвысихъ, тіиже отвергошася Мене (Ис. I, 2). Имена 688
ваши написаны на небесахъ. Не оскверняйте же самихъ себя снова
грязью наслажденій, чтобы не навлечь на себя порицаніе апостола
Господня Павла: *течасте добрѣ; кто возбрани вамъ истинѣ не пока-
рятися* (Гал. v, 7)? Вы только что сняли съ себя бѣлыя одежды, но
да не снимется вмѣстѣ съ ними бѣлизна душъ вашихъ! Если вы сами
не снимете съ себя этой одежды, никто другой не въ состояніи будетъ
раздѣть васъ. Итакъ, останьтесь всегда новопросвѣщенными, чтобы
удостоиться услышать эти блаженныя слова: *пріидите, благословенніи
Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра*
(Мѳ. xxv, 34)! Его да сподобимся всѣ мы благодатью и человѣколюбіемъ
Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу слава, держава,
честь и поклоненіе, со Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

На вочеловѣченіе Господа нашего Іисуса Христа, и что у каждой страны есть ангелы.

687 1. Истинно явилась намъ благодать Христова и озарилъ насъ свѣтъ благочестія; истинно возсіяло у насъ солнце правды и просвѣтило концы вселенной. Явился Владыка небесъ и всю землю, какъ восхотѣлъ, обратилъ въ небо, какъ было предсказано; Онъ небесный, явившись среди васъ, дѣлаетъ васъ небесными, и небеснымъ дарствуется небесное: отъ вѣрнаго вѣрующимъ залогъ вѣрности, отъ святого святымъ святое, отъ живого живущимъ жизнь. Въ это мы посвящаемъ васъ въ священныхъ и царскихъ палатахъ апостоловъ, когда касаемся ученій пророческихъ, когда небо и земля подѣлили между собою голоса ихъ: земля имѣетъ Іоанна, говорящаго: *гласъ вопіющаго въ пустыни: уготовайте путь Господень, правы творите стези Его* (Мѳ. III, 3); а небо имѣетъ гласъ Отца, подтверждающаго на дѣлѣ, что *гласъ Господень на водахъ* (Псал. XXVIII, 3). Это мы вамъ предложили отъ себя; усерднымъ это послужитъ къ напоминанію, а вѣрующимъ къ утвержденію. Слѣдуетъ знать, что повтореніе хорошаго болѣе укрѣпляетъ ваши души. Какъ землю мы тогда находимъ наилучшимъ образомъ обработанною, когда она одними и тѣми же плугами разработывается и за первой обработкой непосредственно слѣдуетъ вторая, улучшающая видъ первой, такъ и душа, воздѣлываемая словомъ Божіимъ, если напоминаніе уже сказаннаго, входя въ умъ, обновляетъ его, дѣлается способнѣе къ произведенію плода добродѣтели. Но время уже намъ обратиться къ тому, о чемъ слѣдуетъ говорить, — что мы сами обѣщали и о чемъ вы думаете. Затѣмъ я прошу всѣхъ любящихъ Христа предоставить мнѣ свои уши и умъ, чтобы слухомъ безъ пропуска воспринимать то, что говорится, а умомъ тщательно обдумывать и усвоять ученіе. Рѣчь будетъ именно о Христѣ; а все, что говорится о Христѣ, не есть простое проповѣдываніе, а таинство благочестія. Все домостроительство Христово называется таинствомъ; а таинство не въ письменахъ показывается, а возвѣщается на самомъ дѣлѣ. Поэтому Св. Писаніе все домостроительство Христа называетъ таинствомъ, какъ, напр., говоритъ Павелъ: *тайна сія велика есть: азъ же глаголю во Христа и во Церковь* (Ефес. V, 32), и еще: *исповѣдуемо велія есть благочестія тайна, еже явися во плоти* (1 Тим. III, 16), и еще: *по откровенію сказася мнѣ тайна, якоже можете чтуще разумѣти разумъ мой въ тайнѣ Христовѣ* (Ефес. III, 3, 4), и въ другомъ мѣстѣ: *мнѣ менѣшему всѣхъ святыхъ дана бысть благодать сія благовѣстити вамъ неизслѣдованное богатство Христово и просвѣтити*
688 *вся* (Ефес. III, 8, 9), это и есть *домостроительство тайны сокровенной*

отъ вѣковъ и отъ родовъ: нынѣ же явися святымъ его, имже восхотѣ Богъ сказати, кое богатство славы тайны сея во языцѣхъ, иже есть Христосъ въ васъ, упованіе славы (Колос. I, 26, 27). Ошибаются послѣдователи еретиковъ, подвергая тайну Божію человѣческимъ обсужденіямъ, потому что сказано: таинство Мое Мнѣ и Моимъ. Кто же Божіи, какъ не вѣрующіе? Когда хочешь что-нибудь узнать или услышать о Христѣ, не спрашивай разсудокъ, не обращайся къ мудрецу, но спроси у пророка, спроси у апостола, узнай отъ ангела; если же они не знаютъ, обращайся къ Отцу. Если обратишься къ пророкамъ и спросишь: кто это Христосъ?—въ отвѣтъ тебѣ сонмъ пророковъ отвѣчаетъ и говоритъ: *сей Богъ нашъ, не вмѣнится инъ къ Нему. Изобрѣте всякъ путь хитрости, и даде ю Іакову отроку своему и Израилю возлюбленному отъ Него. Посемъ на земли явися и съ человѣки поживе* (Варух. III, 37—38). Если спросишь, кто такой Христосъ, и любопытствуя о божественномъ рожденіи, спросишь, какъ Онъ родился, пророки заставятъ замолчать твое дерзновеніе и начнутъ говорить: чего не вмѣщаетъ нашъ умъ, ты хочешь понять? Если хочешь этому научиться, признай сначала, что Онъ Богъ. Если же любопытствуешь, какъ Онъ родился, научись у насъ: *родъ же Его кто исповѣсть* (Ис. LIII, 8)? Если спросишь апостола,—я разумѣю, конечно, весь апостольскій сонмъ,—онъ скажетъ тебѣ, что Христосъ есть Богъ, въ началѣ Богъ, и у Бога Богъ, и всегда Богъ: *сіяніе славы и образъ ипостаси, образъ Бога невидимаго, нося всяческая глаголомъ силы своея* (Евр. I, 3). Если спросишь, какимъ образомъ Сущій родился,—скажутъ тебѣ: „былъ"—мы слышали, и тому, что Онъ былъ, мы научились, а какимъ образомъ Сущій отъ Сущаго происходитъ, это мы вѣрою принимаемъ, а не знаніемъ. Далѣе, когда спросишь ихъ: если, значитъ, вы не знаете, какъ Онъ родился, то почему вы знаете, что Онъ есть Сынъ Божій?—отвѣтятъ тебѣ: *Слово плоть бысть, и вселися въ ны, и видѣхомъ славу Его, славу яко единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины* (Іоан. I, 14). Затѣмъ, если, оставивъ пророковъ и апостоловъ, устремишься къ ангеламъ и скажешь имъ: кто это возвѣщаемый Христосъ?—отвѣтятъ тебѣ тѣ, которые благовѣствовали пастырямъ: мы научились прославлять, а не любопытствовать: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе* (Лук. II, 14)! Мы такъ возвѣщаемъ о Немъ и *благовѣствуемъ вамъ радость велію, яже будетъ всѣмъ людямъ, яко родися вамъ днесь Спасъ, иже есть Христосъ Господь, во градѣ Давидовѣ* (Лук. II, 10, 11). Что Онъ—Христосъ, и Спаситель, и Господь, это мы знаемъ. Если же скажешь имъ: скажите намъ, какова природа Его, или какъ родился, или какъ у Него съ Отцемъ нераз- 689
дѣльная сила,—отвѣтятъ тебѣ: развѣ ты не слышалъ, какъ пророкъ говоритъ: *хвалите Господа съ небесъ, хвалите Его въ вышнихъ, хвалите Его вси ангели Его, хвалите Его вся силы Его* (Псал. CXLVIII, 1, 2),

слуги Его, творящіи волю Его? Намъ повелѣваютъ исполнять волю, а не любопытствовать о природѣ. Но, если ангелы умалчиваютъ, пророки не возвѣщаютъ, апостолы скрываютъ, можетъ быть Отецъ Который родилъ, открываетъ, какъ Онъ родилъ Сына? И самъ Отецъ не открываетъ—не потому, что не знаетъ, а просто потому, что не открываетъ. О томъ, что Онъ родилъ, Онъ говоритъ: *изъ чрева прежде денницы родихъ Тя* (Псал. сіх, 3),—что родилъ, говоритъ, но не открываетъ способа того безсмертнаго рожденія, расцвѣтшаго отъ вѣчнаго корня, по свидѣтельству самого Отца, гласящему: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ* (Мѳ. ш, 17). Самому говоритъ: *изъ чрева прежде денницы родихъ Тя*, и міру говоритъ: родилъ; о рожденіи объявляетъ, а способа не открываетъ. Поэтому, когда намъ предстоитъ необходимость изслѣдовать о Христѣ, то мы не будемъ отступать отъ апостольскихъ и пророческихъ источниковъ, но изъ тѣхъ безсмертныхъ рѣкъ и неизсякаемыхъ источниковъ будемъ черпать священную влагу божественнаго ученія. Когда кто говоритъ о томъ, что относится къ Богу, пусть отъ Бога и черпаетъ живую влагу, согласно съ тѣмъ, что предсказано: *Мене оставиша источника воды живы* (Іерем. п, 13), и еще: *пей воды отъ источникъ спасенія* (Ис. хп, 3). Конечно, если мы, оставивъ Св. Писаніе, будемъ служить желаніямъ человѣческаго разсудка, обсуждая то, что приходитъ на умъ, тогда ученіе наше не будетъ похоже на воду живой рѣки, но будетъ, какъ вода въ пустынѣ, какъ блаженный Іеремія говорилъ Іерусалиму: *пути своя расшири на воды пустынныя*, и для поясненія сказаннаго прибавляетъ: *въ похотѣхъ души своея вѣтромъ ношашеся* (Іерем. п, 24), т. е., о томъ говорилъ онъ, чего желала душа его, а не о томъ, чего хотѣлъ Богъ. Точно также и нынѣ исполняющій желанія своихъ собственныхъ измышленій, а не изслѣдующій того, что отъ Бога, блуждаетъ по водамъ пустыни. Ничто такъ не отнимаетъ красоты у Церкви, какъ тѣ, которые отстаиваютъ нравящіяся имъ человѣческія измышленія. Поэтому Павелъ говорилъ объ еретикахъ: *по своихъ похотѣхъ изберутъ себѣ учители* (2 Тим. іv, 3). Итакъ, обратимся къ чему слѣдуетъ. А это мы по необходимости предпослали вашей любви, чтобы вы искали точный смыслъ всего, что говорится не у насъ, не въ нашихъ разсужденіяхъ, но въ божественномъ Писаніи. Намъ предстояло показать, какимъ образомъ Христосъ обновляетъ міръ; какъ человѣка, одряхлѣвшаго въ раю вслѣдствіе грѣха, Христосъ обновляетъ посредствомъ своего домостроительства.

2. Мы обѣщали заняться этимъ въ священной оградѣ апостоловъ, но тамъ удержались отъ изложенія, потому что не всѣ присутствовали. Началомъ, приличнымъ слову, возьмемъ ученіе о твореніи. *Сотвори Богъ небо и землю* (Быт. і, 1). Это—начало, соотвѣтствующее тому, о чемъ намѣреваемся говорить, то есть, первое основаніе міра, первый

фундаментъ творенія. *Сотвори Богъ небо и землю и море и вся яже въ
нихъ* (Псал. CXLV, 6). Коротко говоря, и все прочее произвелъ, словомъ,
не имѣя ни въ чемъ сопротивленія, не испытывая труда, не подвер-
гаясь утомленію, но производя природу вещей согласно Своему слову.
Сотворилъ все, а въ концѣ и красоту творенія — человѣка. Какъ все
тѣло наше, исключая лица, представляется мертвымъ, такъ все сотво-
ренное, кромѣ человѣка, кажется тоже мертвымъ; а почему именно—
выслушай. Блистаетъ солнце, но не можетъ объяснить само себя; свѣ-
титъ луна, но не сама изучила свои повороты, а слово изъяснило;
блеститъ множество звѣздъ, но закономѣрность въ ихъ движеніи изслѣ-
дуется лишь наукой; величественно море, но о заливахъ его сообщилъ
человѣческій языкъ. И нѣтъ ничего изъ того, что существуетъ въ мірѣ,
что не нуждалось бы въ объясненіи человѣческимъ голосомъ. Отъ этого
происходитъ, что явленіе, не доступное объясненію, считается неваж-
нымъ и само по себѣ, а то, что можетъ быть хорошо выражено, при-
знается хорошимъ и по существу. Зрѣніе во многихъ случаяхъ обма-
нываетъ и вводитъ умъ въ заблужденіе; а слово, коснувшись, обнару- 690
живаетъ природу, сообщаетъ силу, объясняетъ ученіе. Итакъ, будь вни-
мательнымъ. Сотворилъ Богъ всякое созданіе, а въ концѣ созданія со-
творилъ человѣка по образу Своему и по подобію; образъ Свой далъ
ему: не тѣлесный видъ, но особенное достоинство, мыслительную спо-
собность и уподобленіе по своимъ добродѣтелямъ Создавшему. И вотъ
явился человѣкъ въ образѣ и подобіи Бога, причемъ подобіе могло
быть развиваемо до безконечности. Не думай, что это не относится къ
нашей задачѣ. Корень того, о чемъ мы имѣемъ въ виду говорить, об-
наруживается именно теперь. Сотворилъ человѣка по образу Своему и
по подобію. Богъ желалъ, чтобы человѣкъ стремился къ уподобленію
владычнему достоинству, конечно, въ мѣру, послѣдовательно и въ по-
рядкѣ. Я приведу какой-нибудь примѣръ (потому что слѣдуетъ пояснять
то, о чемъ говорится, и простыми примѣрами): если у насъ какой-ни-
будь хозяинъ имѣетъ у себя раба и замѣтитъ, что онъ подражаетъ
благоразумію хозяина, то онъ любитъ и цѣнитъ его; если рабъ станетъ
подражать человѣколюбію хозяина, тотъ любитъ свое пріобрѣтеніе; если
замѣтитъ, что рабъ хóдитъ на свободѣ въ церковь, благочестивъ, соблю-
даетъ постъ, подаетъ милостыню,—хозяину нравится прекрасное подра-
жаніе слуги. Но, конечно, когда подражаніе переступаетъ мѣру, когда
слуга начинаетъ изображать изъ себя хозяина, отдаетъ приказанія дру-
гимъ слугамъ, какъ хозяинъ, распредѣляетъ между ними работы, какъ
хозяинъ,—то подражаніе болѣе уже не похвально, а достойно порицанія.
Нужно, чтобы рабъ подражалъ кротости, умѣренности, благочестію,
справедливости, а не свободѣ и владычеству. Вотъ и человѣкъ, полу-
чивъ возможность подражать благости Божіей, переступилъ границы
въ подражаніи и захотѣлъ наконецъ соревновать съ Богомъ, однако

не въ добродѣтели, а въ достоинствѣ властительства. Въ этомъ именно и обманулъ его змѣй, говоря: *въ оньже аще день снѣсте отъ него, будете яко бози, вѣдяще доброе и лукавое* (Быт. ш, 5). Хвалитъ Богъ подражаніе, если въ немъ соблюдается мѣра; если же мѣра переступается, подражатель порицается. Откуда это видно? Вѣдь Онъ самъ сказалъ: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію нашему* (Быт. I, 26). И вотъ уподобились Богу апостолы, но не подпали подъ проклятіе; уподобились Богу пророки, но не заслужили порицанія. Они подражали Богу, уподобляясь Ему въ человѣколюбіи, милосердіи, справедливости, благочестіи. А кто вздумаетъ равняться съ Богомъ по божественной Его власти, тотъ тотчасъ же наказывается. Вотъ что говоритъ Исаія одному тирану въ Вавилонѣ, въ безуміи считавшему себя равнымъ Богу: *ты же реклъ еси во умѣ своемъ: на небо взыду, и сяду на горахъ высокихъ, яже къ сѣверу; взыду выше облакъ, и выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой и буду подобенъ Вышнему: нынѣ же во адъ снидеши, и во основанія земли* (Ис. XIV, 13—15). Видишь, какъ превозносившійся гордостью наказывается? Но какова, однако, зависть—сдѣлаться подобнымъ Творцу, если самъ былъ сотворенъ по образу и подобію Его? Поистинѣ, въ своей безграничной дерзости онъ переступилъ всякія границы и, оставивъ уподобленіе по добродѣтели, стремился восхитить божеское достоинство. Напротивъ, о Давидѣ говорится: *обрѣтохъ Давида сына Іессеова, мужа по сердцу моему* (Дѣян. XIII, 22). Вотъ подобіе по образу. Такъ какъ мысли Давида были обращены къ Богу, будучи полны кротости, смиренія, заботы о правдѣ и человѣколюбіи, то *обрѣтохъ Давида сына Іессеова, мужа по сердцу моему*. Его за то, что правильно подражалъ сердцу Бога, похвалилъ, а того тирана, который подражалъ сердцу Бога не по добродѣтели, а по власти, порицалъ, даже наказалъ. И говоритъ Богъ чрезъ Іезекіиля: *и ты, сыне человѣчь, рци князю Тирскому: понеже вознесеся сердце твое и реклъ еси: азъ есмь Богъ, ты же человѣкъ еси, а не Богъ, и положилъ еси сердце твое, яко сердце Божіе: се Азъ наведу на тя чуждыя губители отъ языкъ, и извлекутъ мечи своя на тя и на доброту хитрости твоея* (Іезек. XXVIII, 2, 7), и, коротко говоря, прибавляетъ: *и умреши смертію язвенныхъ въ сердцы морстѣмъ. Еда речеши предъ убивающими тя: Богъ есмь азъ* (ст. 8, 9)? Видишь, какъ подражаніе сверхъ мѣры наказывается? Человѣкъ, свернувъ въ сторону, соблазнившись этимъ безмѣрнымъ подражаніемъ, оказался лишеннымъ даже и того, что онъ имѣлъ. Такъ именно вся смерт-
691 ная природа, стремясь вопреки волѣ Божіей къ тому, что выходитъ изъ предѣловъ возможности, не только ничего не получаетъ, но даже теряетъ то, что имѣетъ. И какъ глазъ, пользуясь умѣренными лучами солнца, радуется и видитъ свѣтъ, если же хочетъ взглянуть на самый кругъ, то не только не получаетъ свѣта, но и того, что имѣлъ, лишается въ наказаніе, такъ и смертная природа, стремясь къ невозмож-

ному вопреки волѣ Божіей, теряетъ разумъ. И вотъ палъ человѣкъ, а за паденіемъ появилось множество ранъ: идолослуженіе, блудъ, прелюбодѣяніе, корыстолюбіе и тому подобное. И палъ человѣкъ глубоко, потерявъ печать образа Божія отъ нерадѣнія; палъ до такой степени, что *приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Псал. XLVIII, 13). Созданіе раздѣлилось на двѣ части: одна вышла изъ повиновенія, а другая оставалась въ рабствѣ, какъ я говорилъ въ предшествующей рѣчи. Львы начали замышлять на того, кто былъ образомъ Божіимъ, змѣи кусали, вся безсловесная природа освирѣпѣла на Владыку своего. Такъ какъ она увидѣла, что онъ нарушилъ законъ Божій, то хотѣла и сама избѣжать его господства. Солнце вздумало не всходить для преступника, луна захотѣла помрачить свои лучи, звѣзды не захотѣли показываться созданію, источники захотѣли отказать въ потокахъ, рѣки въ теченіи, сады въ прелести, луга въ цвѣтахъ: все захотѣло отказаться отъ человѣка, потому что онъ отказался отъ своего Господа. Знаю, что рѣчь глубока и темна, но для вѣрующихъ и сотрапезниковъ Церкви нужно выяснить смыслъ Св. Писанія. Все сотворенное было порабощено человѣку, не по достоинству, но потому, что это повелѣлъ Богъ, чтобы образъ не совсѣмъ былъ униженъ, хотя бы и палъ. Поэтому, когда все созданіе возмутилось, Богъ повелѣлъ ему не противиться, но приказалъ, чтобы солнце испускало свои лучи, земля приносила плоды, море рыбъ и торговлю, звѣзды сіяніе. Открывая эту именно мысль, апостолъ говоритъ: *чаяніе бо твари откровенія сыновъ Божіихъ чаетъ, суетѣ бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго на уповаціи, яко и сама тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Римл. VIII, 19—21). Это значитъ: какъ увидѣлъ Богъ человѣка падшимъ и природу отказывающеюся служить ему, неблагодарному,—тогда надѣлъ на нее узду даже помимо желанія ея и приказалъ, чтобы солнце сіяло, земля приносила плоды свои, а не отказывалась дѣлать это, хотя бы и для неблагодарнаго преступника, и чтобы показать щедрое благодѣяніе общаго всѣмъ Владыки, обѣщалъ созданію и обновленіе вмѣстѣ съ падшимъ человѣкомъ; какъ бы такъ говорилъ Богъ созданію: такъ какъ образъ палъ, и палъ вслѣдствіе преступленія и погибаетъ чрезъ непослушаніе, то ты раздѣли съ нимъ работу истлѣнія, въ какую онъ впалъ; а я, когда обновлю его, Мой образъ, Моего поврежденнаго человѣка, то съ нимъ самимъ и тебя, созданіе, обновлю и сдѣлаю участникомъ въ славѣ его. Ты страдаешь вмѣстѣ съ нимъ при несчастіи его, воскреснешь вмѣстѣ и во время славы его. А почему, братъ, созданіе убѣгаетъ отъ владычества человѣка? Потому, говоритъ, что *суетѣ тварь повинуся*. Какой суетѣ? Суетой называется то, вслѣдствіе чего человѣкъ отвратился отъ Бога, какъ говоритъ Давидъ: *обаче всяческая суета, всякъ человѣкъ живый* (Псал.

XXXVIII, 6). Суетнымъ является всякій человѣкъ, который, оставивъ Бога, преслѣдуетъ суетное.

3. Были, конечно, ангелы по всей землѣ, которымъ были поручены народы, какъ свидѣтельствуетъ Моисей, говоря: *егда раздѣляше Вышній языки, яко разсѣя сыны Адамовы, постави предѣлы языковъ по числу ангелъ Божіихъ* (Второз. XXXII, 8). Это значитъ: страны вселенной Богъ распредѣлилъ между ангелами; напр., одному ангелу одну страну, другому другую, чтобы на эту неодушевленную природу солнца, луны, звѣздъ, земли и моря надѣть узду для пользованія ими смертному человѣку. Затѣмъ, ангелы мучились, служа недостойнымъ людямъ, и терзались, видя, какъ, оставивъ достоинство Владыки, люди стали покло-
692 няться идоламъ. Негодовали ангелы, размышляя, что другой признается правителемъ и другимъ существамъ возносится благодарность. Земля приносила вино, и жертвенники принимали возліяніе; земля приносила и изобиліе плодовъ, и они посвящались идоламъ. Не переносили ангелы насилія, видя, какъ почитается несуществующее, вмѣсто Сущаго. Здѣсь является другой вопросъ, который выдвигается у пророка. Пришелъ къ нему, — сказано, — ангелъ Гавріилъ и говоритъ: *Даніилъ* рабъ Божій, *отъ дне, въ оньже подалъ еси* озлобити душу твою *предъ Господемъ, услышана* молитва *твоя*, и я посланъ возвѣстить тебѣ эти слова: *князь же царства перскаго стояше противу мнѣ, и се Михаилъ*, князь народа вашаго, *пріиде помощи* (Дан. X, 12, 13). Кто же этотъ ангелъ, оказавшій сопротивленіе Гавріилу, и почему онъ ему сталъ сопротивляться? Уже прежде сказано вамъ, братіе, что Богъ отдѣлилъ каждому изъ ангеловъ страну, для охраны всякаго созданія. Поэтому святому Гавріилу, посланному съ неба, сопротивляется ангелъ, покровительствующій царству персовъ, т. е. Персіи. Но вотъ вопросъ: если тотъ былъ посланъ отъ Бога и отъ Бога же былъ посланъ Гавріилъ, то почему онъ сопротивляется ему? Вѣдь если бы посланный ангелъ былъ представителемъ другого владыки, то сопротивленіе съ его стороны было бы вполнѣ естественно; но если одинъ и тотъ же Богъ одного назначилъ къ тому народу, а другого послалъ къ пророку, то почему одинъ сопротивляется другому? Обрати на это особенное вниманіе. Весь міръ былъ исполненъ идолослуженія; ангелы, приставленные къ язычникамъ, мучились и скорбѣли, видя, какъ Богъ презирается, а идолы почитаются. Когда потомъ плѣнный народъ пришелъ въ Вавилонъ, явился Даніилъ, проповѣдующій о Богѣ, явились три отрока, воспѣвающіе Бога въ то время, когда разожжена была печь, — тогда и нечестіе посрамилось, тогда львы сомкнули свою пасть и невѣрующіе замолчали. Поэтому ангелъ, начальникъ царства персидскаго, радовался и торжествовалъ по поводу того, что во владѣніяхъ его раздается проповѣдь о Богѣ. Видѣлъ ангелъ, какъ халдеи, нѣкогда почитавшіе огонь и покланявшіеся идоламъ, чудеснымъ образомъ научены были почитать Бога

и радовался, видя область свою, нѣкогда полную нечестія, обращающеюся къ благочестію. Видѣлъ ангелъ, какъ Навуходоносоръ царь говорилъ: *Седраахъ, Мисахъ, Авденаго, раби Бога вышняго* (Дан. ш, 93), и радовался. И вотъ, когда блаженный Даніилъ просилъ Бога, чтобы народъ былъ возвращенъ изъ плѣна по прошествіи тѣхъ опредѣленныхъ семидесяти лѣтъ, а Гавріилъ былъ посланъ объявить ему, что народъ опять возвращается изъ плѣна и получитъ землю свою, т. е. Іерусалимъ, то Гавріилу сопротивляется ангелъ персидскаго царства, опечалившись тѣмъ, что опять его земля возвратится къ прежнему идолослуженію и наполнится нечестіемъ, и сопротивляется, не сражаясь съ нимъ, но противорѣча ему. Что такъ, говоритъ, вы стараетесь возвратить народъ? Развѣ плѣнные получили здѣсь вредъ себѣ? Когда они находились въ своей странѣ, они покланялись идоламъ, когда же пришли сюда, начали прославлять Бога, и сами получили для себя пользу, и другимъ сдѣлались полезными. Что же мѣшаетъ быть имъ здѣсь? Какой вредъ получилъ здѣсь народъ, что вы спѣшите освободить его изъ плѣна? Видишь, Бога чтутъ, язычники просвѣщаются, а ты торопишься уничтожить столь великое благодѣяніе? Зачѣмъ ты посланъ? Я посланъ, говоритъ, вывести народъ изъ плѣна въ отечество его. Въ какое, говоритъ, отечество? Въ то, которое они запятнали убійствами, когда были въ Іерусалимѣ? Не въ этомъ ли обличаетъ ихъ Іеремія, говоря: *по числу градовъ твоихъ быша бози твои, Іудо, и по числу путей Іерусалимскихъ жрали еси Ваалу* (Іерем. п, 28)? Безчисленными тогда благами пользовались они отъ Бога, но отъ зла не воздерживались, а теперь переносятъ безчисленныя бѣдствія, и не уклоняются отъ Бога. Итакъ, произошло сопротивленіе, однако не такое, какое бываетъ у худого въ отношеніи къ доброму, потому что не сказано: сражался, а: сопротивлялся, такъ какъ часто бываетъ, что и справедливый противится чему-нибудь доброму. Иногда бываетъ, что снисходительность сопротивляется закону и, наоборотъ, законъ не соглашается съ снисходительностью. Законъ согрѣшившаго наказываетъ, а милость царя часто прощаетъ его. Здѣсь происходитъ сраженіе только не врага со врагомъ, но родственника съ родственникомъ, потому что ни справедливость не лежитъ 693
внѣ снисходительности, ни снисходительность внѣ справедливости. Но это говорилось мимоходомъ; возвратимся къ предмету. И вотъ, когда природа находилась въ такомъ состояніи и негодовала на преступника, когда ангелы мучились неблагодарностью того, кто былъ облагодѣтельствованъ, и когда весь міръ былъ испорченъ вслѣдствіе преступленія (вѣдь что̀ терпитъ дерево или другое какое-либо вещество, то переноситъ и земля согласно сказанному: *и видѣ Богъ землю, и бѣ растлѣна вся: яко растли всяка плоть путь свой* (Быт. vi, 12), т. е., увидѣлъ землю и она была испорчена),—тогда пророки возвѣщали міру, что будущій вѣкъ возстановитъ падшій міръ и обновитъ испорченный образъ. И

пусть никто не подумаетъ, что я наговорилъ много лишняго и притомъ безъ всякаго порядка и послѣдовательности. Всѣ мои разсужденія направляются къ одной цѣли. Если бы мы сначала не показали, какимъ образомъ міръ былъ испорченъ, мы не могли бы показать, какъ онъ былъ обновленъ. Итакъ, вся земля была совершенно испорчена, небо потемнѣло, и вся тварь была возмущена. Не такимъ стало созданіе, какимъ сотворилъ его Богъ отъ начала, небо не блистало звѣздами, земля не изобиловала плодами, море не благопріятствовало судоходству. Явился преступникъ и осквернилъ землю, осквернилъ небо, воздухъ, море, источники, рѣки, все осквернилъ богохульствомъ своимъ: небо—богохульствомъ, воздухъ — постыдными звуками, землю — преступными убійствами, море — грабителями и разбойниками, источники и рѣки — нечестивымъ идолослуженіемъ, потому что и источники, и рѣки, и лѣса, и деревья, и всякое созданіе было предметомъ обоготворенія: ничѣмъ тварь онъ такъ не осквернилъ, какъ обоготвореніемъ ея. И вотъ вся тварь была возмущена. Приходитъ Спаситель міра, а лучше сказать-возвѣщается апостолами, что Онъ придетъ и обновитъ все. И не только апостолы проповѣдывали, но и пророки предсказывали, что придетъ Христосъ. Зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы кто не подумалъ, что Богъ дѣйствуетъ также, какъ человѣкъ: вѣдь когда человѣкъ сомнѣвается относительно первой помощи, думаетъ о второй, а когда терпитъ неудачу здѣсь, ищетъ третью, а когда и тутъ обманывается, возлагаетъ надежду на четвертую. И вотъ, чтобы кто-нибудь не подумалъ того же о Богѣ, пророки предсказали о Томъ, Кто имѣетъ придти, чтобы показать, что Богъ не послѣ размышленія приходитъ къ тому, что хочетъ сдѣлать, но отъ начала все предвидитъ. Мы, люди, впередъ обдумываемъ и, если не достигаемъ цѣли съ одной стороны, дѣлаемъ попытку съ другой; но Богъ не такъ: Онъ далъ законъ, пророковъ и послѣ этого евангеліе, не временемъ научаясь тому, что нужно, но отъ начала зная, что созданіе нельзя оставить такъ, безъ явленія Христа. Мы, люди, когда увидимъ болѣзни, тогда и начинаемъ думать о помощи, а Богъ еще до появленія ранъ въ нашей природѣ предвидѣлъ лѣкарство спасенія. Многіе говорятъ: развѣ не предвидѣлъ Богъ, что Адамъ согрѣшитъ? Я говорю: не только предвидѣлъ, но уже до паденія зналъ и то, что Христосъ искупитъ и возстановитъ его; и прежде не увидѣлъ бы паденія, если бы не предвидѣлъ воскресенія, но Онъ напередъ самъ предназначилъ врачество воскресенія и тогда допустилъ смерти войти къ человѣку, чтобы онъ научился знать, чтó вкушаетъ благодаря себѣ самому и чтó получаетъ отъ Бога. И какъ въ Египтѣ Онъ опредѣлилъ сначала быть годамъ плодородія, предназначивъ этимъ годамъ изобилія быть средствомъ избавленія отъ голода, и затѣмъ уже навелъ самый голодъ, такъ что врачебная помощь предупредила самую болѣзнь, такъ прежде чѣмъ былъ созданъ Адамъ, прежде чѣмъ явились отъ него без-

законные, прежде чѣмъ родились праведные и пророки, Богъ предвидѣлъ невозможность оставить Свой образъ въ человѣкѣ не возстановленнымъ чрезъ Христа. Въ Адамѣ Богъ видѣлъ Павла, видѣлъ Петра. Того, что Адамъ останется въ раю и избѣжитъ изгнанія, Онъ, конечно, не предполагалъ, но видѣлъ въ немъ Павла, благовѣствующаго благочестіе и восхищеннаго въ рай, и Петра, которому ввѣрены ключи отъ небесъ, и все въ этомъ первомъ человѣкѣ видѣлъ. Въ корнѣ Онъ видѣлъ уже и плоды.

4. Позвольте мнѣ ввести въ бесѣду разговоръ Бога, какъ будто Онъ обращается къ Сыну Своему и говоритъ съ Нимъ. Пусть никто не думаетъ, что это насильственная рѣчь. Вѣдь какъ при твореніи человѣка Богъ прибѣгнулъ къ совѣту съ единороднымъ и содѣйствующимъ (*сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію*), 694
такъ, вѣроятно, и Сынъ говорилъ Отцу. Дай же мнѣ договорить. Не спѣши возражать мнѣ: что-де ты разсказываешь о Богѣ такія небылицы, какъ будто при тебѣ происходило это; вѣдь ты же тамъ не былъ? Если мнѣ не удастся обосновать своихъ словъ и доказать ихъ сообразность съ истиной, тогда другое дѣло—тогда можешь считать меня и лжецомъ. *Сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію.* Какъ Творецъ, Онъ говорилъ, а какъ предвидящій, отвѣчалъ: если согрѣшитъ Адамъ (а онъ несомнѣнно согрѣшитъ), то разрушится ли наше твореніе? Представь, что это говоритъ или Отецъ Сыну, или Сынъ Отцу. Именно такой совѣтъ—безъ противорѣчія—долженъ быть у Тѣхъ, у кого самая природа недѣлима. Но Адамъ грѣшитъ, совершаетъ преступленіе, умираетъ, а чрезъ него всѣ люди погибаютъ, природа наша искажается, какъ будто худо сотворенная. Опять совѣщаніе: нужно прежде всего опредѣлить способъ лѣченія. Должно тебѣ, Единородный мой, Сынъ-Слово, сіяніе Моей славы, должно Тебѣ, если Ты заботишься о созданіи, которое Мы, содѣйствуя другъ другу, образовали, должно Тебѣ облечься въ погибающаго человѣка, должно Тебѣ взять апостоловъ, и какъ діаволъ воспользовался содѣйствіемъ змѣя, сдѣлавъ его орудіемъ для обмана, такъ и Ты воспользуйся содѣйствіемъ Твоего же созданія, чтобы обновить падшаго. Но много, говоритъ, явится изобрѣтателей нечестивыхъ ученій. Явится безбожное заблужденіе эпикурейцевъ, появится ересь, утверждающая, что жизнь идетъ безъ Провидѣнія, выплыветъ другая ересь съ ученіемъ о божественности тѣла, много явится учителей заблужденія: кому же уничтожить такое нечестіе? Это я сказалъ образно для того, чтобы въ концѣ подтвердить разсужденіе апостольскимъ голосомъ. Итакъ чтоже? Это ли—одѣяніе, которое принимаетъ Богъ-Слово? Оно ли должно разойтись по всѣмъ странамъ вселенной и просвѣтить всѣхъ? Нѣтъ, говоритъ, но Ты мнѣ выполнишь божественный планъ, у Тебя будутъ апостолы вѣстниками божественнаго слова, у Тебя будетъ Павелъ благовѣствующій, у Тебя будетъ

Петръ, овладѣвающій Римомъ, у Тебя будутъ апостолы помощниками въ домостроительствѣ Нашемъ. Это говорилось раньше сотворенія Адама. Сначала было опредѣлено то, что относится къ воплощенію Христа и что касается апостоловъ, а потомъ уже былъ созданъ Адамъ. Откуда это? Слушай, что говоритъ Павелъ: *тайну сокровенную отъ вѣкъ и отъ родовъ* (Колос. I, 26), и: *благословенъ Богъ, благословивый насъ всяцѣмъ благословеніемъ духовнымъ въ небесныхъ, яко же избра насъ во Христѣ прежде сложенія міра, прежде нарекъ насъ во усыновленіе* (Ефес. I, 3, 4). И въ другомъ мѣстѣ о себѣ самомъ и о подобныхъ ему говоритъ: *ихже предувѣдѣ сообразныхъ образу Сына Своего* (Римл. VIII, 29). Не только предопредѣленіе и избраніе, но и самую благодать, которую получилъ Павелъ спустя столько поколѣній, относитъ къ тому же времени, т. е. будто бы получилъ ее прежде вѣковъ. Откуда это видно? Онъ говоритъ Тимоѳею: чадо Тимоѳее, *спостражди благовѣствованію по силѣ Бога, спасшаго насъ и призвавшаго званіемъ святымъ, не по дѣломъ нашимъ, но по своему благоволенію и благодати, данной намъ о Христѣ Іисусѣ прежде лѣтъ вѣчныхъ* (2 Тим. I, 9). Избралъ самъ прежде устройства міра, предопредѣлилъ прежде вѣковъ, далъ намъ благодать отъ вѣка. И это все находится въ согласіи, потому что домостроительство Спасителя было предвидѣно и предопредѣлено до сотворенія человѣка. Конечно, свои бесѣды о благочестіи я обращаю къ друзьямъ, но знаю, однако, что между друзьями замѣшиваются иногда и соглядатаи, которые обращаютъ вниманіе въ бесѣдѣ не на то, что полезно, но стремятся къ одному, какъ бы уловить бесѣдующаго; поистинѣ такихъ я не столько ненавижу, сколько сожалѣю о нихъ. Однако согласно съ апостоломъ: *за пришедшую лжебратію, иже привнидоша соглядати свободы нашея* (Гал. II, 4), откроемъ свою мысль. Пожалуй, врагъ вышедши можетъ сказать: хорошо богословіе! Богъ раздумываетъ и говоритъ: что дѣлать, когда явится много учителей заблуждающихся? Отецъ говоритъ Сыну, какъ будто одинъ сомнѣвается, а другой учитъ Его. [На это нужно сказать, что] Священное Писаніе, когда наставляетъ насъ о Богѣ, не столько изыскиваетъ слова, соотвѣтствующія божественной силѣ, сколько примѣняется къ нашей слабости. Развѣ же Богъ, какъ бы передавая Свое дѣло на человѣческій судъ, не говоритъ: *и нынѣ ты, человѣче Іудинъ, и живущій въ Іерусалимѣ судите между мною и виноградомъ моимъ. Что сотворю еще, и не сотворихъ* (Ис. V, 3, 4,)? Развѣ это говорится прямо, а не въ видѣ совѣта? Когда говоритъ къ Исаіи: *кого послю и кто пойдетъ къ людямъ симъ* Ис. VI, 8), развѣ сомнѣваясь говоритъ, или--не находя служителя? Все, что говорится о Богѣ, должно согла-
695 совáться съ церковнымъ ученіемъ и измѣряться согласно не съ силой возвѣщающаго, но со слабостью слушающихъ. Наша цѣль показать то, что было опредѣлено о Христѣ до Адама, предъизбраніе апостоловъ и благодать евангелія, предназначенную прежде вѣчныхъ временъ. Обрати

особенное вниманіе. Одно выраженіе, невѣрно понятое, можетъ дать поводъ къ осужденію того, что говорится. Богъ видѣлъ не только Адама, нарушающаго заповѣдь, но и Спасителя, явившагося во плоти Господомъ, приготовляющаго путь къ добродѣтели и всѣхъ привлекающаго къ послушанію. Видѣлъ Богъ ребро, взятое отъ Адама и преобразовавшееся въ жену, и предвидѣлъ также ребро Христа, приносящее намъ таинственные дары, воду и кровь, изъ которыхъ одна есть символъ очищенія, а другая залогъ таинствъ. И не столько Онъ наказалъ самымъ пораженіемъ, сколько осчастливилъ, придумавъ врачество. Тамъ жена изъ мужа ко грѣху, здѣсь мужъ изъ жены ко спасенію. Тамъ ребро, рождающее причину смерти, здѣсь ребро, дающее залогъ нетлѣнія. Тамъ змѣй на деревѣ, а здѣсь Христосъ на крестѣ. Тамъ пища, влекущая за собой смерть, здѣсь пища, уничтожающая ее. Ты знаешь то, что касается вѣрующихъ, узнай и о таинствахъ. Тамъ со стыдомъ прозрѣли и увидѣли, что они нагіе, а мы теперь взираемъ благочестиво и видимъ, что мы одѣты. Тамъ прозрѣніе и нагота, здѣсь одѣяніе и просвѣщеніе. Тамъ кожанныя одежды, скрывающія стыдъ, здѣсь одѣяніе славы, покрывающее слабость нашу, тѣло Христа, одежда самого Царя, потому что *елицы во Христа креститеся, во Христа облекостеся*(Гал. ш, 27). Тамъ *земля еси и въ землю отыдеши* (Быт. ш, 19), здѣсь обновившій землю дѣлаетъ человѣка небеснымъ, обѣщая не землю, но царство. Тамъ мечъ пламенный, удерживающій Адама, здѣсь огненные языки съ неба, просвѣщающіе Адама. Тамъ изгоняютъ изъ рая, здѣсь довѣряютъ ключи небесъ. Предвидѣлъ Богъ будущее прежде настоящаго. И какъ нынѣ, прежде чѣмъ черпать воду, приготовляется водопроводъ, и прежде чѣмъ потекутъ воды, устраивается водоемъ, не для текущей уже воды, но для той, которая потечетъ, такъ и Богъ напередъ опредѣлилъ то, что должно быть образовано во Христѣ, и зналъ, что во Христѣ обновится все. И начинаетъ сверху, носится на небѣ, согласно сказанному: *преклони, Господи, небеса и сниди* (Псал. схлш, 5); прошелъ по небесамъ, освятивъ ихъ, разсѣкаетъ воздухъ, чтобы освятить его отъ оскверненія позорными пѣснями, обходитъ землю, чтобы освятить ее отъ оскверненія убійствами, ходитъ по водамъ морскимъ, чтобы освятить оскверненныя воды, крестится во Іорданѣ, чтобы освятить естество воды, находитъ и Адама, лежащаго въ гробу, и принимаетъ образъ его,—дѣлается Христосъ и потомкомъ Адама, и обновленіемъ Адама; а какимъ образомъ—выслушай. Принимаетъ образъ, который сотворилъ въ раю, и украсилъ его всѣмъ противоположнымъ, давъ ему средства ко спасенію, въ противоположность жизни въ раю. Въ раю Адамъ обольстился роскошью, плоть же Христа увѣнчивается постомъ; въ раю первое состязаніе, а въ пустынѣ второе—съ дьяволомъ. Итакъ приходитъ Спаситель, обновляя это созданіе, украшая его различными добродѣтелями и являясь посредникомъ между Богомъ и людьми; Онъ пришелъ возвѣстить міру, что

обновляется падшій образъ, что онъ возстановляется, что спасается. Онъ не могъ возвѣстить этого, если бы не былъ посредникомъ. Вѣдь когда лицо, заслуживающее довѣрія, обѣщаетъ что-нибудь тому, кто стоитъ ниже его, то послѣдній не рѣшается требовать исполненія обѣщанія: такъ и здѣсь: такъ какъ Богъ былъ невидимъ, а міръ былъ видимый, то Онъ даетъ надежнаго посредника: *ходатай Бога и человѣковъ, человѣкъ Христосъ Іисусъ* (1 Тим. II, 5). Если бы посредникъ не имѣлъ сродства съ тѣми, для кого онъ служитъ посредникомъ, то онъ не могъ бы быть посредникомъ. Поэтому, такъ какъ Христосъ становится посредникомъ между Богомъ и людьми, то необходимо, чтобы Онъ былъ въ сродствѣ какъ съ Богомъ, такъ и съ людьми, и явился бы какъ бы нѣкоторымъ посредствующимъ домостроительствомъ, соединяясь съ Богомъ по божеству и находясь въ единеніи съ людьми по человѣчеству. Что же Онъ дѣлаетъ? Сначала учитъ, а потомъ обновляетъ, дѣлается и
696 посредникомъ и поручителемъ, передаетъ то, что отъ Бога, людямъ, а то, что отъ людей, Богу. Человѣческій родъ былъ вѣдь враждебнымъ Богу вслѣдствіе преступленія, ни человѣкъ не вѣрилъ Богу, ни Богъ не вѣрилъ человѣку вслѣдствіе происшедшей перемѣны въ падшемъ. И вотъ Христосъ какъ будто такъ говорилъ людямъ: не сомнѣвайтесь въ томъ, что есть воскресеніе; Я—поручитель этого; Я беру вашу плоть и предаю ее смерти; если Я не возстановлю ее, не вѣрьте мнѣ. Съ другой стороны, и Бога склоняетъ къ примиренію съ людьми, говоря въ такомъ родѣ: Я берусь быть представителемъ человѣка, Я обновлю его, Я устрою такъ, что онъ откажется отъ заблужденія и познаетъ истину; прими Меня посредникомъ за людей для того, чтобы и сами они приняли Меня посредникомъ Твоей силы.

5. О томъ, что Христосъ есть дѣйствительно посредникъ, засвидѣтельствовало Священное Писаніе, а что Онъ и поручитель, принимающій на Себя поруку, чѣмъ подтвердить намъ это, чтобы не показалось, что мы въ Церкви предлагаемъ не церковное ученіе, а свои собственныя измышленія? Если я самъ отъ себя говорю, то зачѣмъ говорить? А если я возвѣщаю то, что отъ Бога, изъясняю то, что отъ Духа, то принимай это ученіе. Итакъ, что Іисусъ есть поручитель, говоритъ Павелъ: *нынѣ же лучшее улучи служеніе, поелику и лучшаго завѣта есть ходатай Іисусъ* (Евр. VIII, 6; VII, 22). Вотъ посредникъ между Богомъ и людьми ходатайствуетъ за человѣка предъ Богомъ. Онъ сказалъ, что возстановитъ насъ—и возстановляетъ, сказалъ, что наградитъ насъ безсмертіемъ—и награждаетъ. Когда Онъ сотворилъ Адама, то, не будучи связанъ какими-либо ручательствами, прямо безъ порукъ далъ ему небо и землю: не обѣщалъ вѣдь Онъ ему раньше ни земли, ни рая, ни всего прочаго, но все это, чего не обѣщалъ, далъ ему; неужели же не дастъ Онъ того, что теперь обѣщалъ съ ручательствомъ? Евангеліе въ Священномъ Писаніи называется иногда но-

вымъ (καινὴν) завѣтомъ, иногда недавнимъ (νέαν) завѣтомъ, иногда лучшимъ завѣтомъ, иногда вторымъ, иногда вѣчнымъ. Такъ какъ одно названіе всего значенія выразить не можетъ, то различными названіями лучше всего и указывается сила евангелія; но Павелъ, въ которомъ говоритъ самъ Христосъ, называетъ евангеліе попреимуществу новымъ завѣтомъ, какъ будто обновившимъ ветхій. Значеніе слова **новый** указываетъ на необыкновенную и поистинѣ неприкосновенную природу, **недавній** указываетъ на отличіе отъ устарѣвшаго, **лучшій**—въ противоположность худшему, **второй**—въ отличіе отъ перваго, **вѣчный**—въ противоположность временному. Новымъ завѣтъ называется согласно блаженному Іереміи, который говоритъ: *и будетъ въ послѣдняя дни, глаголетъ Господь, завѣщаю вамъ завѣтъ новъ* (Іер. xxxi, 31); и Спаситель, передавая таинство, говоритъ: *сія есть кровь моя новаго завѣта* (Мѳ. xxvi, 28). Вотъ новый завѣтъ. И въ другомъ мѣстѣ называетъ его недавнимъ, во вниманіе къ молодому, имѣющему полную силу благовѣстію. Павелъ говоритъ: мы приступили *къ Сіонстѣй горѣ и тьмамъ ангеловъ, и церкви первородныхъ, и къ ходатаю завѣта новаго* (νέας) *Іисусу* (Евр. xii, 22—24). *Внегда глаголетъ новъ, обветши перваго* (Евр. viii, 13). Въ другомъ мѣстѣ называетъ завѣтъ лучшимъ, говоря: *нынѣ лучшее улучи служеніе, поелику и лучшаго завѣта есть ходатай. Аще бо бы первый онъ непороченъ былъ, не бы второму искалося мѣсто* (Евр. viii, 6. 7). Вотъ и первый и второй. А гдѣ онъ называется вѣчнымъ? Слушай, что говоритъ Павелъ: *Богъ же мира, возведый изъ мертвыхъ пастыря овцамъ великаго кровію завѣта вѣчнаго* (Евр. xiii, 20). Тогда какъ первый завѣтъ былъ временнымъ, этотъ называется вѣчнымъ. И въ другомъ мѣстѣ говорится: *завѣщаю вамъ завѣтъ новъ вѣченъ, преподобная Давидова, вѣрная* (Ис. lv, 3). Завѣтъ новый, недавній, первый, второй, лучшій, вѣчный. Этихъ завѣтовъ Іисусъ былъ посредникомъ. Итакъ, когда человѣкъ долженъ былъ обновиться, небо дѣлается новымъ, не потемнѣвшимъ, но обновленнымъ для новаго созданія: солнце новое, луна новая, звѣзды новыя, получающія помощь и усиленіе, потому что пророкъ говоритъ: *будетъ небо ново и земля нова* (Ис. lxv, 17). Такъ обновляется созданіе и обѣщающій не лжетъ. Какую помощь получаетъ человѣкъ, такую получаютъ и стихіи. Откуда видно это? Исаія говоритъ: *и свѣтъ солнечный будетъ седмерицею, и свѣтъ луны, аки солнце* (Ис. xxx, 26). Видѣлъ ты, какъ не отказался Богъ отъ обѣщанія, но обновилъ созданіе? А виновникъ обновленія—Христосъ. Послѣдователи еретиковъ, обсуждая это ученіе, ставятъ возраженіе на основаніи выраженія: *перворожденъ всея твари* (Кол. i, 15), не понимая, что здѣсь рѣчь идетъ не о созданіи творенія, а объ обновленіи его. 697
Какое это твореніе обновляется? Слушай, что говоритъ Павелъ: *аще кто во Христѣ, нова тварь* (2 Кор. v, 17). А чтобы показать, что Онъ называется первенцемъ обновляемой природы, онъ прибавляетъ:

перворожденъ изъ мертвыхъ, яко да будетъ во всѣхъ первенствуя (Кол. I, 18), среди обновляемыхъ, призываемыхъ къ нетлѣнію, воскрешаемыхъ изъ мертвыхъ: *во всѣхъ первенствуя* не по божеству (потому что для Бога униженіе—называться первымъ, униженіе—эта такъ называемая честь; въ божественной и несозданной природѣ нѣтъ перваго или второго, но все имѣетъ живое начало, начало безначальное, начало вѣчное, необъятное, неизъяснимое; что же касается насъ,—если Христосъ первенствуетъ по сравненію съ Павломъ или Петромъ, то пуста надежда наша, напрасна вѣра наша, когда бы надъ ними первенствовалъ Христосъ по божеству), но первенствуя по человѣчеству, какъ обновившій Адама, какъ оживотворившій вселенную. Поэтому говоритъ: *перворожденъ изъ мертвыхъ, яко да будетъ во всѣхъ первенствуя*. Приглашаю изслѣдовать, какимъ именно образомъ Онъ первенецъ изъ мертвыхъ. Вѣдь если я оставлю это выраженіе безъ объясненій, то любопытствующій умъ самъ подставитъ свое объясненіе и будетъ считать его достаточнымъ. Какъ, скажетъ, Христосъ первенецъ изъ мертвыхъ, когда и до пришествія Его Илія воскресилъ сына вдовы (3 Цар. XVII, 21), Елисей воскресилъ сына соманитянки (4 Цар. IV, 34), и самъ Спаситель воскресилъ Лазаря, дочь Іаира, сына вдовы? Въ самомъ дѣлѣ, если и въ ветхомъ и въ новомъ завѣтѣ были случаи воскресенія мертвыхъ, то почему же Христосъ называется первенцемъ изъ мертвыхъ? Какъ же такъ? Тѣ, хотя и воскресли прежде Христа, но, воскресши, всѣ опять умерли, какъ будто сдѣлавъ опытъ воскресенія, а Христосъ, воскресши, не подпадаетъ смерти и потому первенецъ, какъ воскресшій и болѣе не умирающій. И Павелъ говоритъ: *Христосъ воста отъ мертвыхъ, ктому уже не умираетъ: смерть имъ не обладаетъ* (Рим. VI, 6). Видишь, Кто первенствуетъ среди всѣхъ? Видишь, Кто обновляетъ родъ нашъ по Своему домостроительству? Такъ наконецъ, извлекши человѣка, привелъ его на небеса и посадилъ по правую сторону Бога. О, злое и глупое сердце наше! Пришелъ Христосъ къ намъ, далъ намъ Своего Духа, и принялъ наше тѣло, и сдѣлался порукою, и за все это наша неблагодарность платитъ униженіемъ благодѣянія? Онъ принялъ отъ насъ образъ и посадилъ по правую сторону Бога, а мы приняли Духъ отъ Него и оскорбляемъ Его, низводя въ число рабовъ и тварей? О, несчастный и жалкій! Что, если скажетъ тебѣ Христосъ въ тотъ день: Я удостоилъ твое тѣло безсмертія, а ты унизилъ Мой Духъ вровень съ созданной природой? Ты видѣлъ, что смертное возстановлено, видѣлъ, что оно удостоено быть на престолѣ, видѣлъ, что оно выше всякаго начальства, и власти, и силы, и господства, и не постыдился? То, что наше, Богъ почитаетъ, а то, что отъ Него, мы не должны почитать?

6. А вотъ и еще возраженіе, которое злоба еретиковъ противопоставляетъ истинѣ: да,—говорятъ они,—тѣло-то было взято на небеса,

но не столько для того, чтобы удостоиться почета, сколько для того, чтобы мы имѣли вверху защитника, умоляющаго за насъ Бога. Въ такомъ родѣ говорили на площади безстыдные языки и ненаученныя души, насмѣхаясь—не знаю ужъ какъ—надъ святыней. Я не привожу, конечно, самыхъ ихъ богохульныхъ словъ, но передаю ихъ смыслъ. Ты,—говорятъ,—Христосъ, молись за насъ Богу и проси за насъ, — и ссылаются при этомъ на слова апостола, не понимая ихъ смысла. Не сказалъ ли, говорятъ, апостолъ: *Христосъ умерый, паче же и воскресый, иже и есть одесную Бога, иже и ходатайствуетъ о насъ* (Римл. VIII, 34)? Развѣ, говорятъ, сами мы выдумали? Развѣ мы исказили божественное ученіе? Павелъ сказалъ, что Христосъ проситъ за насъ. Не обращаютъ они вниманія на то, что значитъ ходатайство (ἐντυχία), что между моленіемъ и ходатайствомъ большая разница. Если бы одно и то же было просить и ходатайствовать, тогда не сказалъ бы Павелъ: *молю вы творити молитвы, моленія, прошенія благодаренія* (1 Тим. II, 1). Моленіемъ называется, когда кто-нибудь проситъ Бога о чемъ-нибудь; молитвою называется, когда кто-нибудь прославляетъ Бога въ пѣсняхъ; благодареніемъ называется, когда кто благодаритъ Бога за то, что получилъ отъ Него; прошеніемъ (ходатайствомъ) называется, когда кто обращается къ Богу противъ обижающихъ, прося объ отмщеніи. Что ходатайствовать не значитъ умолять о помощи, но значитъ спрашивать и получать отвѣтъ, объ этомъ есть свидѣтельство въ ветхомъ завѣтѣ: и сказалъ Богъ къ Иліѣ пророку: *что ты здѣ Иліе*? Богъ спрашиваетъ пророка; пророкъ же отвѣчаетъ, говоря: *ревнуя поревновахъ по Господѣ вседержителѣ: яко оставиша тя сынове Израилевы: олтари твои раскопаша, и пророки твоя избиша оружіемъ, и остахъ азъ единъ, и ищутъ души моея* (3 Цар. XIX, 13, 14). Здѣсь не моленіе было, не молитва, но спрашиваніе и отвѣтъ, однимъ словомъ—ходатайство. А какимъ образомъ, слушай, что говоритъ Павелъ: *или не вѣсте о Иліи пророцѣ, что глаголетъ Писаніе, яко проповѣдуетъ Богови на Израиля* (Римл. XI, 2). Итакъ, ходатайство не есть моленіе, но обращеніе пророка къ Богу [съ жалобой] на преступленія. И вотъ, такъ какъ апостолы среди язычниковъ подвергались опасностямъ, будучи привлекаемы начальниками и правителями, терпя козни отъ іудеевъ, то онъ убѣждаетъ ихъ презирать все, и преслѣдованія, и бичеванія, и смерть, и, какъ бы утѣшая ихъ, говоритъ: хотя бы вы сами ничего не говорили противъ тѣхъ, которые обижаютъ васъ, у васъ есть ходатай за васъ, принявшій вашъ образъ. *Кто поемлетъ на избранныя Божія? Богъ оправдаяй. Кто осуждаяй? Христосъ умерый, паче же и воскресый, иже есть одесную Бога, иже и ходатайствуетъ о насъ* (Римл. VIII, 33, 34). Если Онъ проситъ, то какъ сидитъ? Или, можетъ быть, проситель не стоя проситъ? Случалось ли тебѣ видѣть когда-нибудь, чтобы проситель, являющійся съ униженной, рабской просьбой, въ то же время садился по правую сторону начальника.

698

Потому-то, говорятъ, и выставляетъ на видъ достоинство Его: *иже есть одесную Бога, иже и ходатайствуетъ о насъ*; какъ будто бы такъ говорилъ: нечего вамъ самимъ заботиться о томъ, что можетъ съ вами случиться. Будьте, однако, внимательны къ проповѣди о добродѣтели и не отвлекайтесь въ сторону, разсуждая въ такомъ родѣ: Господи, сколько намъ приходится терпѣть: насъ гонятъ, преслѣдуютъ: а вѣдь есть кому заступиться за насъ предъ Тобой, есть кому походатайствовать за насъ! Но Сынъ предъ Отцемъ ходатайствуетъ не какъ низшій по порядку, но какъ Сынъ, излагающій предъ Отцемъ обстоятельства: «вѣрующихъ въ насъ обижаютъ, преслѣдуютъ, гонятъ». Чтобы приготовить заслуживающее довѣрія обвиненіе, Онъ вводитъ Сына ходатаемъ. Такъ и Спаситель говоритъ: *или мните, яко Азъ на вы реку ко Отцу? Есть, иже на вы глаголетъ, Моисей, нанъже вы уповаете* (Іоан. v, 45). По твоему Сынъ унижается, разъ Онъ ходатайствуетъ предъ Отцемъ? А вотъ, если бы ты увидѣлъ, что Богъ какъ бы ищетъ у человѣка поддержки противъ невѣрующихъ, что ты сказалъ бы? Послушай, что говоритъ Господь къ Іереміи: *видѣлъ ли еси, яже сотвори Ми* несмысленная дщерь Іуды (Іерем. ііі, 6)? Оставила меня и ушла вслѣдъ за богами. Вполнѣ естественно, если человѣкъ призываетъ на помощь Бога; но зачѣмъ Богъ привлекаетъ въ подобномъ случаѣ человѣка? И въ другомъ мѣстѣ: *и нынѣ, человѣче Іудинъ, и живущіи во Іерусалимѣ, судите между мною и виноградомъ моимъ. Что подобаше ми сотворити, и не сотворихъ* (Ис. v, 3, 4)? Такъ точно и Христосъ, пока во плоти выполнялъ домостроительство и былъ священникомъ, Онъ приносилъ моленія и прославлялъ Отца за домостроительство воплощенія; а когда восшелъ на небеса, то возсѣдаетъ уже только принимая прославленіе, — но не умоляя, не ходатайствуя; если же и обращается, то какъ Сынъ къ Отцу, все равно какъ и Богъ обращается къ пророку. Поэтому, чтобы показать, что Христосъ не предстоитъ престолу Божію какъ священникъ, возносящій (жертвы) за себя и за народъ, но сидитъ, Павелъ говоритъ: *таковъ бо намъ подобаше архіерей, иже сѣде одесную престола величествія на высокихъ превыше всякаго начала и власти, иже не имать по вся дни нужды, якоже первосвященникъ, жертвы приносити о своихъ грѣсѣхъ и о людскихъ: сіе бо сотвори единою себе принесъ* (Евр. vii, 26, 27; viii, 1). Итакъ, зачѣмъ безумствуютъ противъ благочестія, если Онъ не имѣетъ нужды [просить о чемъ-либо]? Ты подчиняешь нуждѣ Того, Кто выше всякой нужды? И далѣе прибавляетъ Павелъ: *не въ рукотворенная бо святая вниде Христосъ, противообразная истинныхъ, но въ самое небо, нынѣ да явится лицу Божію о насъ* (Евр. ix, 24). Не сказалъ: „являться", потому что однажды Онъ явился, а не много разъ. И далѣе: *ниже да многажды приноситъ себе, яко же первосвященникъ единожды въ лѣто входитъ во святая святыхъ: нынѣ же Христосъ единою, во отметаніе грѣховъ, жертвою своею явися* (Евр. ix, 25, 26).

Прочіе священники ежедневно стоятъ, служа Богу и совершая однѣ и тѣ же жертвы, а Христосъ, принесши одну жертву за грѣхи, навсегда сѣлъ, ожидая, когда враги будутъ покорены подъ ноги Его. Вѣдь не ходатайствуетъ уже Онъ болѣе, а возсѣдаетъ: зачѣмъ же ты унижаешь благодѣяніе?

7. Знаю, что далеко я зашелъ въ бесѣдѣ: простите же меня 699
за то, что я такъ углубился и при помощи Св. Духа переплылъ море Св. Писанія, сказавъ не столько то, что нужно бы сказать, сколько то, что могъ. Къ тому я прежде всего васъ и приглашаю и о томъ умоляю и умолять не перестану, чтобы вы изслѣдовали Св. Писаніе, искали истину о Христѣ, научались отъ Христа, а на сторону еретическаго нечестія не переходили. Много имѣетъ нынѣ діаволъ змѣевъ вмѣсто древняго змѣя: сѣетъ плевелы грѣха, чтобы распространить порчу нечестія. Прошу васъ, не слушайте ничего подобнаго; будемъ всячески ограждать себя отъ еретическаго нечестія. Знаю, что объ этомъ я говорилъ уже вамъ, но нынѣ опять повторяю. У каждой ереси извѣстны родоначальники: отъ Арія аріане, отъ Македонія македоніане, отъ Евномія евноміане, отъ Маркіона маркіониты, отъ Савеллія савелліане, отъ Манеса манихеи, отъ Монтана монтанисты и прочія ереси. Теперь, если вѣра Церкви еретическая, какъ утверждаютъ еретики, кто ея родоначальникъ? Скажутъ: отъ такого-то человѣка началась ересь ваша; пусть говорятъ, если знаютъ. Вѣдь это явная милость Божія, что не допустилъ Богъ ученію апостоловъ называться по имени человѣка: мы не называемся македоніанами; и хотя насъ могутъ назвать «единосущниками», но имени не могутъ дать, а лишь укажутъ на согласіе въ ученіи. Если бы ты спросилъ ихъ: а кто первый сказалъ „единосущный"?—они не могутъ отвѣтить: такой-то вотъ или такой-то, но триста восемнадцать отцевъ, согласно выразивъ слово исповѣданія, остановились на этомъ благочестивомъ исповѣданіи. Обрати вниманіе, какъ свѣтитъ это правое исповѣданіе. Слово „единосущный" не одинъ или другой начали произносить, но весь соборъ востока, запада, юга и сѣвера. Гдѣ обнаруживается истина, тамъ все согласно. Спроси еретика о томъ, что я намѣренъ сказать. Если спросишь православнаго, то хотя бы онъ былъ простой и неученый, скажетъ слѣдующее: я исповѣдую Отца и Сына и Св. Духа, единое царство, единую силу. А скажи еретикамъ, двумъ или тремъ человѣкамъ: какъ вы думаете? Если они отвѣтятъ всѣ согласно, то это будетъ, конечно, истина. Но этого ожидать нельзя: одинъ изъ нихъ называетъ (Сына) несозданнымъ, другой—рожденнымъ, иной—безсмертнымъ, иной—вѣчнымъ. Если одинъ скажетъ: я знаю, что Отецъ сотворилъ Сына, а Сынъ все прочее, то другой исправляетъ его, говоря: нѣтъ, не такъ; Отецъ сотворилъ Сына, а чрезъ Него создалъ все. Не съ истиною имѣемъ мы дѣло въ этомъ случаѣ, но только съ гнилой

одеждой,—а вѣдь такая одежда сама собою рвется. Старую одежду, если ее потащишь, безъ труда разорвешь; и если кого-нибудь вздумаешь повести на бесѣду, ухватившись за такую одежду, то сразу обнаружится ея испорченность и она отъ твоего случайнаго усилія разорвется; такъ точно и ереси: одинъ исповѣдуетъ такъ, а другой иначе; ереси чуждыя, имена чуждыя и притомъ позорныя, имена харчевниковъ. Съ еретиками тоже самое случается, что нѣкогда и съ іудеями.
700 Священный подсвѣчникъ по закону стоялъ во Святая Святыхъ, гдѣ была завѣса, гдѣ столъ, гдѣ законъ, гдѣ скрижали; а съ того времени, какъ они отпали отъ истины, гдѣ стоитъ подсвѣчникъ? Въ сѣняхъ у харчевниковъ. Гдѣ рогъ пророковъ? Въ харчевняхъ. И это они дѣлаютъ не изъ любви къ нему, но изъ корыстныхъ разсчетовъ, не для того, чтобы выставить на видъ предметъ почитанія, но чтобы зазвать проходящихъ мимо, чтобы показать, что тутъ іудейское вино. И вотъ, какъ тамъ то, что было священнымъ, изъ священнаго сдѣлалось столь ничтожнымъ, будучи захвачено недостойными, такъ и здѣсь, послѣ Павла и Петра, послѣ такой высоты (стыдно и выговорить то противное имя—поистинѣ стыдно, но нечего дѣлать—назвать его придется), послѣ этихъ словъ: *Ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Мѳ. XVI, 18), послѣ того, что сказалъ Павелъ: *понеже искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа* (2 Кор. XIII, 3)?—послѣ Павла и Петра, послѣ евангелистовъ, проповѣдниковъ, исповѣдниковъ,—они называютъ себя псаѳиріанами и другими подобными именами [1])! Когда оставались они въ одеждѣ? Когда не раздиралась эта изношенная одежда? Примѣнивъ къ нимъ слова пророка, окончу слово. *Раздѣлишася, и не умилишася* (Пс. XXXIV, 16). А у насъ хитонъ Церкви—изъ цѣльной ткани, не сшитой изъ отдѣльныхъ частей. Онъ вытканъ цѣликомъ, сверху до низу, тогда какъ обыкновенныя одежды сшиваются изъ отдѣльныхъ частей. Не изъ человѣческихъ разсужденій сшита вѣра наша, нѣтъ,—она сплошной цѣльный хитонъ. Мы выполнили наше обѣщаніе, хотя оно и потребовало долгихъ, сложныхъ и въ тоже время утонченныхъ изслѣдованій. Но слушатели согласятся, конечно, что простыя мысли выражаются въ простыхъ словахъ, а глубокія изслѣдованія требуютъ большаго разнообразія. А ты, когда слышишь прикровенное слово, возбуди мысль; когда видишь тонкое разсужденіе, расположи умъ къ разнообразію. Часто ученіе божественное выражено кратко, какъ,

[1]) Псаѳиріане получили названіе отъ сир. слова psathyropola, что значитъ продавецъ пироговъ. Нѣкій Ѳеоктистъ, пирожникъ, особенно ревностно защищалъ и распространялъ ученіе,—впослѣдствіи названное псаѳиріанскимъ,—представлявшееся отпрыскомъ ереси аріанъ. Отсюда и упоминаніе въ концѣ бесѣды о харчевняхъ, а ранѣе о томъ, что еретики получаютъ названія отъ харчевниковъ.

напримѣръ: *не убій, не прелюбы сотвори, не укради, не лжесвидѣтельствуй*. Но когда оно говоритъ: *Слово плоть бысть и вселися въ ны* (Іоан. I, 14), и затѣмъ: *на земли явися, и съ человѣки поживе* (Варух. III, 38),—то здѣсь оно облекается въ пеструю одежду, согласно сказанному: *многоразличная премудрость Божія* (Ефес. III, 10). За все это прославимъ явившагося, поклонимся пришедшему, воспоемъ обновившаго, оживотворившаго, воскресившаго, укрѣпившаго, просвѣтившаго, даровавшаго намъ изобиліе всѣхъ благъ Іисуса Христа, Которому слава и держава со Отцемъ и Св. Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

На святого первомученика Стефана.

Всѣ мученики прославляются, и подвиги праведниковъ повсюду 699
служатъ предметомъ удивленія, но при воспоминаніи о славнѣйшемъ подвигѣ первомученика Стефана даже и безмолвный языкъ поднимается на похвалу. Кого не вызоветъ на похвалу блаженный Стефанъ, однимъ 700
ужъ названіемъ (στέφανος—вѣнокъ) указывающій на свои заслуги, по самому имени своему уже пріобрѣтшій честь побѣды? Здѣсь уже самое 701
имя мученика выражаетъ и борьбу, и побѣду, и честь. Стефанъ—первый на состязаніи, первый и среди похвалъ, избранникъ, слѣдующій по стопамъ Господа, сдѣлавшійся начальникомъ подвижниковъ. Его перваго Спаситель, какъ земледѣлецъ, воздѣлалъ мученикомъ ко спасенію; его перваго смерть Христа побудила къ презрѣнію самой смерти; ребро Господа указало ему на то, чтобы пролить свою собственную кровь. То, что зналъ онъ о страданіи Владыки за рабовъ, онъ и самъ перенесъ за Владыку, не выбирая никакого удобнаго случая, не имѣя никакихъ предшественниковъ, не видя и борьбы. Такъ какъ онъ показалъ, что слѣдуетъ своему обычаю—во всемъ быть сподвижникомъ Господу и получить подобный Ему конецъ, то, какъ ученикъ, онъ во всемъ руководится примѣромъ Учителя. И смотри, какъ блаженный въ дѣлахъ и словахъ подражаетъ самому Господу. Прославила Спасителя сила знаменій, ублажается и въ немъ благодать мученичества. *Стефанъ же*, сказано, *исполнь вѣры и силы творяше знаменія и чудеса велія въ людехъ* (Дѣян. VI, 8). Вызываетъ удивленіе учащій Господь, восхваляется и говорящій ко всѣмъ мученикъ. Начавъ съ видѣнія Авраама и послѣдовательно по порядку касаясь и прочаго, напомнилъ о выдающихся лицахъ и дѣлахъ, приводитъ пророчество, относящееся ко Христу, и указываетъ на іудеевъ, всегда прогнѣвляющихъ Бога. Но какъ Христу всегда противорѣчили фарисеи, такъ и на мученика нападали про-

тивники изъ синагоги. *Восташа же нѣцыи*,—сказано,—*отъ сонма глаголемаго ливертинска и киринейска и александрійска, и иже отъ Киликіи и Асіи, стязающеся со Стефаномъ: и не можаху противустати премудрости и духу, имже глаголаше* (ст. 9, 10). Обвиняется Господь (за сказанное) о храмѣ, обличается ложно и мученикъ въ томъ же. *Человѣкъ сей*, говорятъ, *не престаетъ глаголы хульныя глаголя на мѣсто святое сіе и законъ* (ст. 13). Внѣ города Господь распинается на крестѣ, внѣ города и мученикъ побивается камнями. *И изведше его внѣ града каменіемъ побиваху* (Дѣян. VII, 58). Іудеи распинаютъ Христа, іудеи убиваютъ камнями и Стефана. Господь, будучи распинаемъ, выражаетъ прощеніе: *Отче*, — говоритъ, — *отпусти имъ грѣхъ сей: не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. XXIII, 34); подобнымъ образомъ проситъ за нихъ и мученикъ: *преклонъ колѣна*, сказано, *моляся, глаголя: Господи Іисусе Христе, не постави имъ грѣха сего* (Дѣян. VII, 59). И не въ однихъ словахъ и дѣлахъ мученикъ слѣдовалъ Господу, но обнаружилъ добродѣтель души и въ терпѣніи и перенесеніи обидъ, за что и удо-
702 стоивается такого видѣнія. *Воззрѣвъ*, сказано, *на небо, видѣ славу Божію, и Іисуса стояща одесную Отца* (Дѣян. VII, 55). Велико это зрѣлище состязанія! Борецъ внизу на землѣ состязается, а Судья съ небесъ наблюдаетъ; этотъ здѣсь сражается, а тотъ сверху, стоя, помогаетъ сражающемуся. И не сидящимъ, но стоящимъ видитъ онъ Спасителя. О, сколь великая благодать чести! Стоитъ Владыка, когда мученикъ борется. Видъ и положеніе Судьи указываетъ на великое значеніе состязаній. Вѣдь судьи встаютъ съ сѣдалища тогда, когда начинается горячая борьба; достоинство борцовъ узнается тогда, когда воздается должная честь. А эта честь отъ Спасителя такова, что мученикъ превзошелъ ею и ангеловъ. *Воззрѣвъ*, говорится, *на небо, видѣ славу Божію, и Іисуса стояща одесную Бога*. Онъ видѣлъ не только невидимое мѣсто и славу, но даже и самого Того, Кого желалъ, на Кого и ангельское воинство страшится смотрѣть. Мученикъ устремляетъ взоръ туда, предъ чѣмъ херувимы закрываютъ свои чистыя лица, куда серафимы не смѣютъ взирать—на ту безпредѣльную высоту. Итакъ, здѣсь былъ предметомъ видѣнія Тотъ, Кто выше ангеловъ, превосходнѣе силъ, преимущественнѣе престоловъ и властей. Привлекъ его голосъ Господа, прежде сказавшій: *идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ* (Іоан. XII, 26). Итакъ, первымъ онъ былъ слугой (діакономъ), какъ и первымъ мученикомъ въ состязаніи. И странное дѣло, что не огнемъ, не желѣзомъ, не звѣрями, не иными пытками производится мученіе этого праведника, но однимъ избіеніемъ камнями. Надлежало Стефану украситься одними только камнями и получить благодать истины изъ груды камней. Бросаніе камней направлялось какъ въ золотое тѣло, такъ наиболѣе и въ голову, обливавшуюся со всѣхъ сторонъ кровью. При видѣ его подвига многіе дѣлаются мучениками. Вожделѣненъ для борцовъ этотъ Вѣнокъ

(Стефанъ), доставляющій честь и научающій способу борьбы: онъ именно указываетъ путь своими состязаніями и поощряетъ своимъ именемъ. Такъ, своими дѣлами еще раньше Павла онъ взываетъ: *подражателе мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу* (1 Кор. xi, 1). Я вѣдь послѣдовалъ, говоритъ, Владыкѣ всего и словомъ, и жизнью, и смертью. Придите, подражайте и вы всему этому, дѣйствуя вмѣстѣ со мною: это возможно и полезно для желающихъ. Я - мученикъ, и притомъ—подвизался первымъ послѣ Владыки, и первому мнѣ открылись тайны неба. Именно, я видѣлъ Іисуса стоящаго по правую сторону Отца, и я созерцалъ на самомъ дѣлѣ то, о чемъ сказано: *рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ* (Псал. cix, 1). Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На среднюю седмицу поста.

Благословенъ Богъ, даровавшій подвижникамъ поста свершить по- 701
ловину ихъ побѣднаго подвига! Вотъ мы стоимъ уже на порогѣ средней части поприща; вотъ предъ нами открывается самый разгаръ состязанія. Примемся же мужественно и за дальнѣйшую половину поприща съ твердымъ упованіемъ на подвигоположника Христа. По милости Божіей мы взошли уже на половину лѣстницы, возводящей къ небу: будемъ же истреблять грѣхи не на половину только, но до конца. Мы уже вблизи побѣдныхъ наградъ: постараемся же удержать за собой занятое нами мѣсто. Уже сіяютъ дары, ожидающіе подвижниковъ благочестія, блестятъ вѣнки, уготованные труженикамъ, простираются съ небесъ награды,
которыми подвигоположникъ Христосъ увѣнчаетъ достигшихъ побѣды. 702
Онъ свыше укрѣпляетъ насъ въ усердіи къ посту и свыше обѣщаетъ дать награды подвижникамъ поста. Но чтобы достигнуть города, уготованнаго увѣнчиваемымъ за подвиги поста, мы должны далеко отъ себя прогнать всякое нерадѣніе. Вѣдь питомцамъ поста открывается самое небо, небо принимаетъ въ свои объятія подражателей ангеловъ, такъ какъ и образъ жизни постящихся — небесный. Вѣдь постъ возводитъ людей отъ земли на небо, вводитъ ихъ въ ряды ангеловъ, облегчаетъ имъ путь отъ земли на небо и поставляетъ ихъ предъ лицемъ самого небеснаго Царя, даруя наслажденіе вѣчныхъ благъ. Необычайно, братіе, и ни съ чѣмъ несравнимо это зрѣлище нашихъ подвиговъ. Дѣти вы-
ступаютъ на борьбу наравнѣ со взрослыми, жены соперничаютъ съ му- 703
жами, слабый женскій полъ вооружается мужествомъ на подвигъ. Поприще поста открыто для всѣхъ желающихъ, награды за побѣду раздаются щедрою рукою Христа. Поспѣшимъ же къ срединѣ свершаемаго

нами подвига: пусть никто не стыдится этой духовной борьбы, пусть никто не оставляетъ начатаго поприща. Врагъ уже теряетъ мужество, отступаетъ, побѣждается по суду Божію, порабощается, изгоняется постомъ, со смѣхомъ повергается младенцами на землю, терпя отъ нихъ оскорбленіе какъ бы въ родѣ постыдной надгробной надписи. Пусть же никто не ослабѣваетъ, достигнувъ средины поста; пусть никто не падаетъ духомъ на половинѣ дороги: наше мужество — вѣрный залогъ побѣды надъ врагомъ. Если кто подвизается нерадиво,—ободряетъ врага; если кто изъ васъ борется слабо,—усиливаетъ врага. Итакъ, будемъ же мужественны въ борьбѣ, чтобы довершить паденіе врага. Будемъ избѣгать соблазна пищей, потерпимъ еще немного, чтобы достигнуть безсмертной радости. Вкусилъ Адамъ—и осужденъ на смерть; постился Илія—и ему ввѣрены ключи неба; пилъ Ной—и осмѣянъ сыномъ; подвизался Энохъ — и восхищенъ ангелами; пресыщался фараонъ—и потопленъ въ морѣ со всѣми колесницами; постился Моисей—и перешелъ чрезъ море, изъ влажной стихіи водъ воздвигнувъ чудесныя стѣны, и перевелъ народъ по морю, какъ по суху, приготовивъ для него путь по необычайной землѣ. Прельстилась Ева беззаконнымъ вкушеніемъ—и всѣхъ своихъ потомковъ обрекла на смерть; воздержался и отъ дозволенной пищи родившійся отъ Маріи Господь—и всѣхъ освободилъ отъ осужденія на смерть. Древо райское породило смерть: *въ оньже аще день*, говоритъ (Богъ), *снѣсте отъ него, смертію умрете* (Быт. II, 17). Древо
704 крестное побѣдило смерть: отъ его подножія истекъ источникъ жизни вѣчной. Отъ креста въ рай перешелъ разбойникъ, промѣнявъ смерть на жизнь. Плодомъ зависти было вкушеніе отъ древа райскаго; пріобщеніе плодовъ креста искореняетъ зависть. Если бы Адамъ воздержался отъ вкушенія, Онъ не былъ бы осужденъ на смерть, не былъ бы лишенъ райской сладости, не подвергся бы тлѣнію. Говоритъ вѣдь божественное Писаніе, что *Богъ созда человѣка въ неистлѣніе, завистію же діаволею смерть вниде въ міръ* (Прем. Сол. II, 23, 24). Но пришелъ Христосъ—*миръ нашъ, и средостѣніе ограды разоривый, вражду плотію своею* (Ефес. II, 14), *пригвоздилъ рукописаніе грѣха нашего на крестѣ* (Кол. II, 14), *упразднивъ еже на насъ рукописаніе смертное*. И взываетъ Павелъ: *Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва* (Гал. III, 13). Итакъ, будемъ, возлюбленные, по мѣрѣ силъ нашихъ воздавать Благодѣтелю: мелкими монетами будемъ служить Тому, Кто богатъ милостью. Владыка нашъ распятъ за насъ, а мы напитаемъ бѣдняка, созданнаго по Его образу. Онъ вкусилъ смерть, чтобы насъ избавить отъ смерти, а мы ради Него мелкимъ подаяніемъ исхитимъ собратьевъ отъ смертнаго голода. Вѣдь самъ Онъ, самъ въ лицѣ бѣдныхъ принимаетъ то, что подается. Не проходи же, человѣкъ, мимо бѣдняка съ протянутою рукою, хотя во имя того, что эту руку протягиваетъ въ его лицѣ самъ Господь. Пусть рука бѣднаго будетъ

для тебя какъ бы кадильницей ѳиміама, поставленною на площади. Вмѣсто огня въ ней угли, истаевающіе отъ голода. Бросимъ же въ нее вмѣсто ѳиміама два овола, чтобы до неба дошло распространяемое ею благоуханіе и чтобы намъ съ неба услышать: *понеже сотвористе единому сихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Мѳ. xxv, 40),—услышать эти слова Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ.

На ваіи.

1. Пойдемъ, братіе, отъ чудесъ къ чудесамъ Господнимъ, устре- 703
мимся какъ бы отъ силы въ силу. Все равно какъ въ золотой цѣпочкѣ, состоящей изъ колечекъ, каждое колечко держитъ одно другое и каждое изъ соединенныхъ касается одно другого и сопровождаетъ другъ друга, такъ и чудеса святыхъ евангелій направляютъ взаимно отъ однихъ къ другимъ любящую празднества Церковь Божію и услаждаютъ ее не тлѣнною пищею, но пребывающею въ жизнь вѣчную. Итакъ, вотъ и мы сегодня, возлюбленные, съ сердечной готовностью и внимательными ушами выслушаемъ то, что скажетъ намъ Господь Богъ чрезъ пророковъ и въ евангеліяхъ о божественности этого праздника. *Речетъ же*, конечно, *миръ на люди своя, и на преподобныя своя, и на обращающыя сердце къ Нему* (Псал. lxxxiv, 9). Нынѣ пророческія трубы пробудили вселенную, и сдѣлали повсюду церкви Господни веселыми и украшенными вѣтвями, и, освободивъ вѣрныхъ отъ упражненія во святыхъ постахъ и въ борьбѣ со страстями, научили воспѣвать побѣдную пѣснь и (явили) новое зрѣлище мира въ честь Побѣдителя Христа. Итакъ, пріидите всѣ, возрадуемся о Господѣ; пріидите всѣ народы, возрукоплещемъ и воскликнемъ Богу Спасителю нашему гласомъ радости! Никто не долженъ быть лишеннымъ радости, никто не останется безъ приглашенія, потому что родилось сѣмя на погибель невѣрующимъ. Никто пусть не будетъ неразумнымъ при встрѣчѣ царя, чтобы не оказаться запертымъ внѣ брачнаго чертога. Пусть никто не будетъ среди насъ при встрѣчѣ печальнымъ или сердитымъ, чтобы не стать осужденнымъ вмѣстѣ съ злыми гражданами; а злыми я называю гражданъ, не пожелавшихъ принять къ себѣ Господа Царя.
Всѣ съ радостью соберемся, съ готовностью встрѣтимъ и самымъ 704
торжественнымъ образомъ проведемъ праздникъ. Вмѣсто одеждъ (разстилавшихся нѣкогда по пути Его) откроемъ предъ Нимъ сердца наши, устремимся къ Нему съ псалмами, пѣснями и благодареніями и будемъ непрестанно восклицать: *благословенъ грядый во имя Господне!* Вѣдь прославляя Его, мы сами получаемъ благословеніе, и проклиная Его,

сами подпадаемъ проклятію. Опять и опять буду говорить я о томъ же и не перестану внушать вамъ доброе: пріидите, возлюбленные, прославимъ Благословеннаго, чтобы самимъ получить отъ Него благословеніе! Это слово собрало всякій возрастъ и достоинство для одной и той же цѣли—для прославленія Господа: *царіе земстіи и вси людіе, князи и вси судіи земстіи, юноши и дѣвы* (Псал. CXLVIII, 11). Новизна чуда въ въ томъ, что молодому и невинному возрасту младенцевъ и грудныхъ дѣтей Онъ поручилъ начать прославленіе Господа, подобно тому, какъ въ древности воспѣлъ Моисей съ народомъ, изведеннымъ имъ изъ Египта, внушенную Богомъ пѣснь: *благословенъ грядый во имя Господне*! Нынѣ радостію радуется блаженный Давидъ, лишившись похищенной у него дѣтьми лиры; участвуя вмѣстѣ съ ними духомъ и торжествуя, какъ прежде предъ лицомъ ковчега Божія, онъ вмѣстѣ съ ними поетъ и радостно восклицаетъ: *благословенъ грядый во имя Господне!* У него мы спросимъ: скажи намъ, пророкъ, кто это *грядый во имя Господне?* Не мое, говоритъ, дѣло учить нынѣ: младенцамъ предоставилъ это Тотъ, Кто изъ устъ младенцевъ и ссущихъ устроилъ похвалу въ уничтоженіе врага и мстителя,—чтобы и посредствомъ этого чуда обратились *сердца отцевъ на чада и противныя въ мудрости праведныхъ* (Лук. I, 17). Скажите, дѣти, откуда у васъ это прекрасное и пріятное соревнованіе и пѣснь? Кто научилъ? Кто умудрилъ? Кто
705 собралъ? Гдѣ письменныя дощечки? Кто учители? Примите, отвѣчаютъ они, съ нами участіе въ торжествѣ и пѣніи и вы узнаете то, что было въ желаніяхъ у Моисея и прочихъ пророковъ. И вотъ, послѣ того какъ мы склонились и дѣти дали намъ руку общенія, идите же, возлюбленные, будемъ и мы подражать хороводу, приличному для Бога, и вмѣстѣ съ апостолами будемъ сопровождать Того, Кто восшелъ на небо неба къ востоку и возимъ былъ по землѣ на подъяремномъ, какъ самъ благоволилъ. Вмѣстѣ съ дѣтьми поднимемъ вѣтви и будемъ ими привѣтствовать, чтобы Духъ Святый и насъ вдохновилъ, и мы вознесли стройно эту внушенную Богомъ пѣснь: *благословенъ грядый во имя Господне, осанна въ вышнихъ!* Нынѣ патріархъ Іаковъ духовно празднуетъ праздникъ, видя пророчество свое исполнившимся на дѣлѣ и Привязывающаго къ виноградной лозѣ жеребенка своего возсѣвшимъ на молодого осленка (Быт. XLIX, 11), и духовно преклоняется вмѣстѣ съ вѣрующими. Нынѣ приготовляется жеребенокъ, отъ безсловесныхъ самое безсловесное животное, во свидѣтельство послушанія новаго народа изъ язычниковъ; а дѣти обозначаютъ младенчество ихъ въ познаніи Бога. Нынѣ Царь славы пророчески прославляется на землѣ и провозглашаетъ сыновъ земли участниками небеснаго торжества, чтобы показать, что Онъ есть Владыка тѣхъ и другихъ, неба и земли, будучи согласно воспѣваемъ обѣими сторонами со Отцемъ и Духомъ. Поэтому вышніе, возвѣщая спасеніе на землѣ, славили: *святъ, святъ,*

святъ Господь Саваоѳъ, исполнь вся земля славы Его (Ис. VI, 3); находящіеся же на землѣ, сопразднуя небесному веселію, возглашали: *осанна въ вышнихъ, осанна сыну Давидову* (Мѳ. XXI, 9)! Одни славили: *благословена слава Господня отъ мѣста Его* (Іезек. ш, 12), другіе же богословствовали: *благословенъ грядый во имя Господне!*

2. Когда все это совершилось въ такомъ порядкѣ и когда ученики торжествовали по поводу видѣнныхъ ими чудесъ и говорили: *благословенъ грядый во имя Господне; въ вышнихъ слава, и на земли миръ* (Лук. II, 14), городъ пришелъ въ движеніе, спрашивая: *кто есть сей* (Мѳ. XXI, 10)?—возбуждая закоренѣлую зависть противъ славы Господа. Когда слышишь о городѣ, подразумѣвай древнее безпорядочное сборище синагоги. Они, неразумные, распрашиваютъ: *кто есть Сей?*—какъ будто еще не видѣли Благодѣтеля, съ преизбыткомъ прославившагося божественными чудесами. Но тьма не скрыла сіявшаго въ ней незаходимаго свѣта! Поэтому прямо противъ нихъ взывалъ нѣкогда Исаія, говоря: *глусіи, услышите, и слѣпіи, прозрите видѣти. И кто слѣпъ, развѣ раби мои? И глуси, развѣ владѣющіи ими? И ослѣпоша раби Божіи. Видѣсте многажды, и не сохранисте: отверсты уши, и не слышасте* (Ис. XLII, 18—20). Видите, возлюбленные, точность предсказаній? Видите, какъ предвидящій божественный Духъ чрезъ святыхъ своихъ напередъ возвѣщаетъ будущее, все равно какъ настоящее? Вѣдь видѣли неблагодарные, и чрезъ чудеса какъ бы руками осязали Бога-Чудотворца, и всетаки остались въ невѣріи: видѣли какъ слѣпой отъ рожденія получилъ зрѣніе и громко возвѣщалъ о Господѣ; видѣли, какъ разслабленный, какъ бы скованный недугомъ на всю жизнь, освободился отъ болѣзни однимъ повелѣніемъ; видѣли, какъ Лазарь убѣжалъ отъ смерти; слышали о хожденіи по морю,—о томъ, что Онъ далъ вино, не воздѣлывая винограда,—напиталъ хлѣбомъ, добытымъ безъ труда; слышали, что демоны изгоняются, больные становятся здоровыми; улицы ихъ свидѣтельствовали о чудесахъ, дороги ихъ возвѣщали путешественникамъ объ исцѣленіяхъ; вся Іудея была полна благодѣяній,—и они теперь спрашиваютъ: *кто есть Сей?* О, неразуміе людей, ложно именующихся учителями! О, непокорные отцы! О, безсмысленные старѣйшины! О, сѣмя безстыднаго Ханаана, а не Іуды богобоязненнаго! Дѣти узнали Создателя, а непокорные отцы спрашивали: *кто есть Сей?* Молодое поколѣніе воспѣвало Бога, а состарѣвшіеся во злѣ спрашивали: *кто есть Сей?* Грудные младенцы говорятъ о Богѣ, а старшіе богохульствуютъ; дѣти благочестиво совершаютъ священную хвалу, а безбожные священники нечестиво негодуютъ? О, жестокіе, мнящіеся быть праведными: обратите сердца свои на дѣтей своихъ, научитесь тайнамъ Божіимъ! Уже одно то, что совершается, свидѣтельствуетъ, что Тотъ, Кто такъ прославляется ненаученными языками, есть Богъ. *Испытайте писанія* (Іоан. V, 39), какъ

вы слышали отъ Владыки,—вѣдь они свидѣтельствуютъ о Немъ,— и вы перестанете недовѣрять чуду. Слушайте, неблагодарные, что
706 благовѣствуетъ вамъ пророкъ Захарія. Онъ говоритъ: *радуйся зѣло, дщи Сіоня: се царь твой грядетъ тебѣ праведенъ и всѣдъ на жребца осля* (Захар. IX, 9). Почему вы отвращаетесь отъ веселія? Почему при блескѣ солнца вы любите тьму? Зачѣмъ задумываете войну противъ невозмутимаго мира? Если вы сыны Сіона, то веселитесь вмѣстѣ со своими дѣтьми: благочестіе дѣтей пусть будетъ для васъ поводомъ къ радости. Научитесь отъ нихъ, кто научилъ ихъ, кто собралъ, откуда вышло ученіе, каково новое богословіе и древнее пророчество. Если никѣмъ изъ людей не научены они ничему изъ этого, но сами по себѣ воспѣваютъ хвалу, то знайте, что это дѣло Божіе, какъ и въ законѣ написано: *изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу* (Псал. VIII, 3). Итакъ, удвойте радость, потому что вы отцы тѣхъ, которые по наученію отъ Бога прославили то, что не было понятно даже и старѣйшимъ. Обратите поэтому сердца свои на дѣтей вашихъ и не закрывайте глазъ вашихъ на истину. Если же вы сами таковы, что слыша не слышите и видя не видите, то напрасно вы запрещаете дѣтямъ,—они сами будутъ судьями вашими по слову Спасителя (Мѳ. XII, 27). И вотъ хорошо и это съ другими предсказалъ о васъ пророкъ Исаія: *не нынѣ постыдится Іаковъ, ниже нынѣ лице измѣнитъ. Но егда увидятъ чада ихъ дѣла моя, мене ради освятятъ святаго Іаковля, и Бога Израилева убоятся. И уразумѣютъ заблуждающіи духомъ смыслъ, и ропщущіи научатся послушати, и языцы нѣмотствующіи научатся глаголати миръ* (Ис. XXIX, 22—24). Видишь, неразумный іудей, изъ приведеннаго слова, какъ пророкъ предвозвѣщаетъ вамъ позоръ вслѣдствіе непокорности вашей? По крайней мѣрѣ изъ его словъ научитесь, что онъ возвѣщаетъ ту же самую, внушенную Богомъ, торжественную пѣснь вашихъ дѣтей, которую и блаженный Давидъ предсказалъ, говоря: *изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу.* Поэтому или раздѣлите съ дѣтьми ихъ невинную радость, или, отказываясь отъ благочестія откажитесь и отъ нихъ въ нашу пользу. А мы возвеселимся вмѣстѣ съ ними, будемъ праздновать и новымъ языкомъ воспѣвать внушенную Богомъ пѣснь. И какъ нѣкогда старецъ Симеонъ встрѣтилъ Спасителя, и принялъ въ объятія Владыку вѣковъ, какъ младенца, и объявилъ Его Господомъ и Богомъ, такъ нынѣ вмѣсто непонимающихъ старшихъ дѣти вышли на встрѣчу Спасителю, какъ Симеонъ, и вмѣсто объятій раскрыли вѣтви и благословили Господа и Бога, сидящаго на молодомъ жеребенкѣ, какъ на херувимахъ: *осанна сыну Давидову: благословенъ грядый во имя Господне* (Мѳ. XXI, 9)! Съ ними и мы будемъ возглашать: благословенъ Богъ отъ Бога, Царь славы, ради насъ безбѣдно обнищавшій среди Своихъ, чтобы насъ обогатить благостью Своею; благословенъ пришедшій въ смиреніи и снова имѣющій придти въ

славѣ: сперва кроткій на жеребенкѣ и прославляемый дѣтьми, чтобы исполнилось написанное: *видѣна быша шествія твоя Боже, шествія Бога моего царя, иже во святѣмъ* (Псал. LXVII, 25), а впослѣдствіи—страшный на облакахъ, торжественно сопровождаемый ангелами и силами. О, медоточивая рѣчь дѣтей! О, непорочное ученіе угодныхъ Богу! Давидъ, пророчествуя, подъ буквой скрылъ смыслъ, а дѣти, открывъ сокровищницу, языкомъ своимъ возвѣстили богатство и благодатнымъ словомъ громко призвали всѣхъ къ наслажденію. Будемъ же черпать и мы съ ними отъ этого неистощимаго богатства и съ переполнившимися отъ избытка Его даровъ сердцами будемъ возглашать безпрестанно: *благословенъ грядый во имя Господне*, Богъ истинный, Вседержитель отъ Вседержителя, Сынъ въ имени Отца, Царь истинный отъ истиннаго Царя, имѣющій вѣчное и предвѣчное царство, вмѣстѣ съ Родившимъ Его. У нихъ—общее царство, и не отвнѣ полученную честь Слово назначаетъ Сыну, не такую, которая, начинается или увеличивается или уменьшается,—нѣтъ,—но природную и Его собственную. Одно вѣдь царство Отца и Сына и Святого Духа, подобно тому какъ и одно существо и власть. Поэтому и мы единымъ поклоненіемъ будемъ служить единому тріипостасному Божеству, безначальному, несозданному, неограниченному и необъятному,—потому что ни Отецъ не перестанетъ когда-либо быть Отцомъ, ни Сынъ не перестанетъ быть Сыномъ и Царемъ, также и ни Духъ Святой—быть тѣмъ, чѣмъ Онъ есть по ипостаси. 707
Ничто въ Троицѣ не уменьшится, и не прекратятся когда-либо вѣчность, общеніе и царство. Сынъ Божій не потому названъ Царемъ, что сдѣлался ради насъ человѣкомъ и низложилъ нашего мучителя, во плоти совершивъ эту побѣду надъ постояннымъ врагомъ ея,—но потому Онъ Царь, что Онъ всегда есть Господь и Богъ, какъ и Родившій Его; нынѣ Царь, какъ и прежде былъ, и будетъ вѣчно. Не хули царство Христа, еретикъ, чтобы не обезчестить Родителя. Если ты вѣрующій, приступи ко Христу—истинному Богу нашему, не прикрываясь своею злою свободою. Если ты рабъ, въ страхѣ служи Владыкѣ. Вѣдь, подъ твоею страстью все оспаривать скрывается, конечно, не благорасположеніе, но явная вражда. А написано: *иже не чтитъ Сына, не чтитъ Отца пославшаго Его* (Іоан. V, 23).

3. Мы же, возлюбленные, откуда начали, туда опять и возвратимся, возглашая: *благословенъ грядый во имя Господне*, Пастырь добрый и благій—положить добровольно душу Свою за овецъ своихъ! Какъ охотники на волковъ, истребляющихъ овецъ, ловятъ ихъ, выставляя въ качествѣ приманки овцу, такъ и Пастыреначальникъ, предложивъ самого Себя, какъ человѣка, духовнымъ и душепагубнымъ волкамъ, уловилъ тѣхъ, которые уловили нѣкогда Адама. *Благословенъ грядый во имя Господне*, Богъ, грядущій противъ діавола, не явно Своей невидимой силой, но въ немощи плоти, чтобы связать нашего крѣпкаго против-

ника! *Благословенъ грядый во имя Господне*, Царь, низлагающій насильника не Своею всемогущей силой и премудростью, но безуміемъ, какъ полагали, креста, чтобы похитить добычу у мудраго во злѣ змія! *Благословенъ грядый во имя Господне*,—истинный противъ лжеца, Спаситель противъ губителя, примиритель противъ виновника вражды, человѣколюбецъ противъ человѣконенавистника! *Благословенъ грядый во имя Господне*, Господь—спасти заблудившагося человѣка, разрѣшить заблужденіе, привести къ свѣту находящихся во тьмѣ, разрушить ложь идольскую, а взамѣнъ того ввести спасительное богопознаніе, освятить міръ, уничтожить тяжкій грѣхъ и мерзость суетнаго идолослуженія! *Благословенъ грядый во имя Господне*, одинъ за многихъ, чтобы освободить жалкій родъ человѣческій изъ руки насилующихъ его и защитить бѣднаго и несчастнаго отъ расхитителей его! *Благословенъ грядый во имя Господне*—возлить вино и елей на попавшагося въ руки разбойниковъ и оставленнаго безъ вниманія и помощи! *Благословенъ грядый во имя Господне*, чтобы самому спасти насъ въ оправданіе словъ пророка: *не ходатай, ниже ангелъ, но самъ Господь спасе ихъ* (Ис. LXIII, 9). Поэтому и мы благословимъ тебя, Господи, съ Отцемъ и Св. Духомъ прежде вѣковъ
708 и во вѣки вѣковъ благословеннаго: прежде вѣковъ и доселѣ безтѣлесно, нынѣ же и во вѣки съ божественнымъ и неизмѣннымъ и недѣлимымъ Твоимъ воплощеніемъ! Обратимся, однако, къ дальнѣйшему. Что говоритъ божественный евангелистъ? Когда, говоритъ, вошелъ Господь въ храмъ, *приступиша къ нему хроміи и слѣпіи и исцѣли ихъ. Видѣвше же архіерее и книжницы чудеса, яже сотвори, и отроки зовуща и глаголюща: осанна сыну Давидову* (Мѳ. XXI, 14—15), *благословенъ грядый во имя Господне* (ст. 9), не стерпѣли Его прославленія. И вотъ приблизились они къ Нему и сказали: *слышиши ли что сіи глаголютъ?* Ты не смущаешься, что тебя прославляютъ, какъ Бога? Ты не сердишься, слыша отъ незлобивыхъ то, что приличествуетъ одному Богу? Не открылъ ли Богъ въ древности чрезъ пророка: *славы моея иному не дамъ* (Ис. XLII, 8)? Также: *како ты, человѣкъ сый, твориши себе Бога* (Іоан. X, 33)? Что же на это Онъ великодушный, щедрый милостью и медленный на гнѣвъ? Выдерживаетъ натискъ нападающихъ, задерживаетъ защитою раздраженіе, приводитъ съ своей стороны Писаніе, указываетъ относящіяся свидѣтельства и не перестаетъ спрашивать. Поэтому и говоритъ: А вы-то развѣ не слыхали, что Я говорилъ черезъ пророковъ: тогда узнаете, *яко Азъ есмь самъ глаголяй, ту есмь* (Ис. LII, 6)? И этого опять вы не знали: *изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу, врагъ твоихъ ради, еже разрушити врага и местника* (Псал. VIII, 3)? Вы, внимающіе закону, и читающіе пророковъ, отвергаете Меня, о Которомъ проповѣдано въ законѣ? Вы подъ видомъ благочестія думаете прославлять Бога, не понимая, что не признающій Меня и Отца не признаетъ? Я вѣдь отъ Отца вышелъ и пришелъ въ міръ, и Моя слава есть и Отца Моего

слава. Будучи изобличены такъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, безразсудные прекратили споръ, умолкнувъ предъ истиною; но, предпринявъ иное рѣшеніе, составили противъ Него совѣтъ. Мы же воспѣваемъ: *велій Господь нашъ, и велія крѣпость Его, и разума Его нѣсть числа* (Псал. CXLVI, 5)! Все же это было для того, чтобы взявшій грѣхъ міра Агнецъ и Сынъ Божій добровольно пошелъ за насъ на спасительную страсть и предался на судъ, и чтобы пренебрегшіе Имъ, искупившимъ животворящею Своею кровью міръ, согласились на тридцать сребренниковъ, и чтобы Христосъ содѣлался пасхой, принесенной за насъ въ жертву, и чтобы тѣ, которые очищаютъ себя драгоцѣнной кровью Его и ею запечатлѣваютъ уста, какъ нѣкогда косяки дверей, избѣжали стрѣлъ всегубителя. Пострадавшему же такимъ образомъ плотію и воскресшему тридневно Христу вся тварь должна покланяться съ равною честью и славою, какъ Отцу и Св. Духу, потому что предъ Нимъ поклонится всякое колѣно небесныхъ, и земныхъ, и преисподнихъ, славу Ему возсылая во вѣки вѣковъ. Аминь.

О святой Дѣвѣ и Богородицѣ Маріи.

Всѣ празднества въ честь мучениковъ (μαρτυρικαί), приводящія на 707
память сіяніе звѣздъ, достойны вниманія. Какъ звѣзды на небѣ стоятъ непоколебимо на тверди, и по разности разстоянія представляются одна больше другой, и освѣщаютъ весь кругъ земли, причемъ одна и та же звѣзда и у индійцевъ бываетъ видима, и у скиѳовъ не скрывается, на
материкѣ блеститъ, и море освѣщаетъ, и показываетъ путь морепла- 708
вателямъ, именъ ихъ вслѣдствіе многочисленности мы не знаемъ, но красотѣ и блеску ихъ удивляемся,—такъ и каждый изъ святыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя останки ихъ заключены въ гробницахъ, но сила ихъ не ограничивается поднебесными предѣлами. А что сказанное—
истинно, ты можешь убѣдиться на дѣлѣ. Палестина имѣетъ останки 709
Авраама, а шатеръ его соперничаетъ съ раемъ, потому что Богъ, который тамъ произнесъ осужденіе Адаму, здѣсь былъ принятъ патріархомъ въ качествѣ гостя. Одна пещера заключаетъ въ себѣ кости Іосифа, и концы вселенной удивляются его подвигамъ въ Египтѣ. Моисеева могила остается для насъ неизвѣстной, но несмотря на это и послѣ смерти его возвѣщаетъ о томъ, кто жезломъ раздѣлилъ Чермное море. Гдѣ погребенъ Исаія, мы не знаемъ; а вся церковь по пророчеству его возглашаетъ: *се дѣва во чревѣ зачнетъ и родитъ Сына* (Ис. VII, 14). Даніилъ въ Вавилонѣ погребенъ, и на всю землю возгласилъ: *се на облацѣхъ небесныхъ, яко сынъ человѣчь идый бяше* (Дан. VII, 13). Ананія и находившіеся съ нимъ отроки въ Вавилонѣ почили; но вся вселенная

по ихъ примѣру взываетъ ежедневно: *благословите, вся дѣла Господня, Господа* (Дан. ш, 57). Іезекіиль въ Персіи преданъ землѣ. но вопіетъ съ херувимами: *благословена слава Господня отъ мѣста Его* (Іезек. ш, 12). Такимъ образомъ діаволъ не получилъ никакой пользы, умертвивъ въ раю Адама, потому что Богъ черезъ смерть открылъ праведнымъ дверь полной свободы. Но сколько бы ни были достойны удивленія гробы святыхъ, однако ничто такъ не славно, какъ настоящее празднество. Авель вспоминается ради жертвы, Энохъ почитается, потому что угодилъ Богу, Мельхиседекъ возвѣщается какъ образъ Божій, Авраамъ восхваляется за вѣру, Исаакъ превозносится ради своего Первообраза, Іаковъ ублажается за борьбу, Іосифъ почитается за цѣломудріе, Іовъ ублажается за терпѣніе, Моисей благословляется какъ законодатель, Іисусъ Навинъ прославляется какъ военачальникъ, Сампсонъ ублажается какъ собесѣдникъ Божій, Илія свидѣтельствуется какъ ревнитель, Исаія изображается какъ богословъ, Даніилъ почитается какъ мудрецъ, Іезекіиль служитъ предметомъ удивленія какъ созерцатель тайнъ, Давидъ прославляется какъ отецъ таинства по плоти, Соломонъ заслуживаетъ удивленія какъ мудрецъ; но ничто не можетъ сравниться съ Богородицей Маріей. Того, Кого всѣ тѣ видѣли лишь въ гаданіяхъ, она сама носила во чревѣ воплотившимся; и ничто не воспрепятствовало неизъяснимому домостроительству Бога Слова. Беременность? Но страданіе матеріально, а Слово чуждо страданія и бремени. Глубина такого уничиженія? Но Божество не ограничено. Скверна? Но, преобразовавъ ее, Оно не приняло нечистоты, и воплотившись въ ней, и родившись отъ нея, не осквернилось; напротивъ, человѣколюбіе болѣе приноситъ славы Царю. Рожденіе? Но оно не уменьшило Того, Кто безначаленъ. Связанное съ рожденіемъ воплощеніе? Но божественная природа не потерпѣла измѣненія. У Него была мать по плоти, но Онъ не потерялъ того, чѣмъ Онъ былъ безъ матери по божеству. Ясли? Но Онъ не лишился лона Отца. Пещера? Но Троица никогда не оставила трона. Итакъ, ничего не найдется у людей такого, какъ Богородица Марія. Перебери, человѣкъ, мысленно все созданіе и посмотри, есть ли что равное или большее, чѣмъ святая Богородица Марія; обойди землю, осмотри море, полюбопытствуй въ воздухѣ, изслѣдуй мысленно небеса, подумай о всѣхъ невидимыхъ силахъ, и скажи, есть ли другое подобное же чудо во всемъ созданіи? Небеса возвѣщаютъ славу Божію, ангелы служатъ со страхомъ, архангелы преклоняются съ трепетомъ, херувимы, не перенося, трепещутъ, серафимы не приступаютъ, но, летая вокругъ съ трепетомъ, вопіютъ: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ:*
710 *исполнь небо и земля славы Его* (Ис. vi, 3)! Море дрогнуло отъ Его голоса, облака съ трепетомъ послужили Ему колесницею при вознесеніи на небо, солнце, не перенеся Его уничиженія, содрогнулось, адъ въ страхѣ извергнулъ мертвыхъ. Стража отъ страха, увидѣвъ Тебя, пала

ницъ, гора съ пришествіемъ Твоимъ задымилась, терновый кустъ, не вынося видѣнія, загорѣлся, Іорданъ, испугавшись, обратился назадъ, море, устрашившись жезла, раздѣлилось, подчинившись Господнему удару, жезлъ Аароновъ ради образа вопреки природѣ разцвѣлъ, огонь въ Вавилонѣ устыдился числа Троицы. И вотъ перечисли эти необычайныя явленія, и проникнись удивленіемъ побѣды Дѣвы: именно, Кого все созданіе со страхомъ и трепетомъ воспѣвало, Того Она одна неизъяснимо зачала въ своей утробѣ. Блаженны черезъ нее всѣ женщины: женскій родъ болѣе не находится подъ проклятіемъ. Она имѣла такую Отрасль, благодаря которой превзошла по славѣ и ангеловъ. Уврачевана Ева, обуздана египтянка, погребена Далила, предана забвенію Іезавель, забыта и Иродіада: нынѣ имена совсѣмъ другихъ женъ служатъ предметомъ вниманія. Восхваляется Сарра, какъ воздѣланная нива народовъ, удостоивается чести Ревекка, какъ хитрая посредница благословеній, достойна вниманія и Лія, какъ матерь по плоти прародителя, восхваляется Деворра, вопреки полу начальствовавшая войскомъ, ублажается и Елизавета, какъ благодатно воспринявшая біеніе во чревѣ своемъ Предтечи, достойна поклоненія и Марія, потому что сдѣлалась матерью, и рабынею, и облакомъ, и брачнымъ чертогомъ, и ковчегомъ для Господа. Она была матерью,—потому что родила восхотѣвшаго быть рожденнымъ; рабынею —потому что природу ея должно признавать, проповѣдуя о дарованной ей благодати; облакомъ, —потому что отъ Духа Святого зачала Того, Котораго безстрастно родила; брачнымъ чертогомъ,—потому что въ ней Богъ Слово обиталъ, какъ въ брачномъ чертогѣ; ковчегомъ,—потому что не законъ она носила, а вмѣщала въ себѣ Законодателя. Поэтому скажемъ ей: *благословена ты въ женахъ:* ты одна исцѣлила печаль Евы, одна утерла слезы плачущей, одна принесла цѣну для искупленія міра, тебѣ одной была довѣрена драгоцѣнная жемчужина, ты одна зачала безъ похоти и родила безъ страданія, одна родила Эммануила, какъ Онъ самъ благоволилъ. *Благословена ты въ женахъ, и благословенъ плодъ* (Лук. I, 28), а не сѣмя,—цвѣтъ, а не страсть,—сіяніе, а не твореніе,—сопрестольный [Отцу], а не рабъ,—солнце, а не песокъ,—Тотъ, кому поклоняются, а не тварь,—Искупитель, а не должникъ. *Благословена ты въ женахъ, и благословенъ плодъ чрева твоего!* За всѣхъ достаточно восхвалилъ тебя пророкъ, воскликнувшій: *се дѣва во чревѣ зачнетъ* (Ис. VII, 14). Онъ указалъ на чудо и умолчалъ о томъ, какимъ образомъ оно совершится. *И родитъ Сына.* Указалъ на рожденіе, но не назвалъ его незаконнымъ. *И нарекутъ имя ему Эммануилъ.* Сказалъ о тайнѣ и прогремѣлъ о названіи. *Еже есть сказаемо: съ нами Богъ.* Предсказалъ рожденнаго Бога и заставилъ замолчать уста іудеевъ. *Съ нами Богъ,* и угасло заблужденіе, съ нами Богъ, и обрѣзаніе ограничено, съ нами Богъ, и демоны обратились въ бѣгство, съ нами Богъ, и діаволъ низвергнутъ, съ нами

Богъ, и купель не перестаетъ возрождать, съ нами Богъ, и цари чтутъ благочестіе, съ нами Богъ, и церкви полны до тѣсноты, съ нами Богъ, и смерть стала сномъ, съ нами Богъ, и мертвые, радуясь свободѣ, восклицаютъ: *не ангелъ, не ходатай, но самъ Господь пріиде и спасе насъ* (Ис. xiii, 9)! Ему слава во вѣки.

Противъ еретиковъ, и о святой Богородицѣ.

709 1. Опять съ дерзновенною надеждою на помощь Св. Духа, желая разорвать цѣпи невѣжества, я занимаю проповѣдническую каѳедру, не стыдясь своего убожества: будучи расположены къ бѣднымъ, вы по чувству любви пожалѣете меня. Будучи бѣденъ, я обращаюсь къ богатымъ, не одержимый недугомъ попрошайничества, но стремясь насытить желаніе вашей богобоязненной души. Вы услаждаетесь моими словами, а я радуюсь на ваши нравы. Я забываю о своей слабости, о скудости своего слова, при видѣ этихъ прекрасныхъ и любезныхъ зри-
710 телей. Вѣдь я знаю, что не какъ цѣнители моихъ рѣчей, или не какъ зрители состязаній, вы собираетесь сюда, но какъ отцы работаете вмѣстѣ съ сыномъ. Я говорю языкомъ, а вы сердцемъ просите у Бога, чтобы мнѣ дано было слово во откровеніе устъ (Ефес. vi, 19): по любви къ дѣтямъ, вы наши труды принимаете за собственную славу. Въ надеждѣ на это я безъ стѣсненія выступаю съ рѣчью: вниманіе съ вашей стороны освобождаетъ меня отъ нерѣшительности, святая молитва ваша превращаетъ мое невѣдѣніе въ ученіе о добродѣтели. Впрочемъ, все это только для вступленія. А сегодня я, препоясавъ чресла истиною,
711 одѣвши на себя панцырь справедливости, обувши ноги въ готовность благовѣствовать миръ, выступаю на состязаніе съ еретиками. Я вступаю въ битву, не словами сражаясь противъ словъ, не риторическимъ краснорѣчіемъ разрушая связь предложеній, но тщательнымъ изслѣдованіемъ божественнаго слова уничтожая искусныя построенія еретиковъ, какъ ткань паутины. Слѣдующее мѣсто читается у апостола: *о, глубина богатства и премудрости и разума Божія! Яко не испытани судове Его и неизслѣдовани путіе Его* (Римл. xi, 33). Что говоришь ты, Павелъ? Богатство Бога въ глубинѣ лежитъ и въ высотѣ познается? Да, говоритъ, и въ глубинѣ, и въ высотѣ: въ глубинѣ по человѣчеству, а въ высотѣ по божеству. Такъ именно говорилъ Богъ черезъ пророка къ Ахазу, открывая домостроительство: *проси себѣ знаменія отъ Господа Бога твоего во глубину, или въ высоту* (Ис. vii, 11), въ глубину— по отношенію къ домостроительству (воплощенія), а въ высоту—по отношенію къ ученію о Богѣ. Какъ, именно, глубоко знаменіе—быть рожден-

нымъ Дѣвою, такъ высоко и предсказаніе, что отъ Бога Богъ родится. И вотъ, братъ, если ты станешь заниматься ненужнымъ и любопытствовать, ни высоты не поймешь, ни глубины не найдешь. Священны оба рожденія Христа—и то, и другое: и то, которое по природѣ, и то, которое вопреки природѣ. Именно, вопреки природѣ въ послѣднія времена Онъ родился отъ Дѣвы, а согласно съ природой Онъ прежде вѣковъ былъ рожденъ отъ Отца такъ, какъ зналъ Родившій. И это небесное рожденіе не ложно. Истинно Богъ отъ Бога родился, истинно и отъ Дѣвы человѣкомъ Богъ между людьми родился: вверху одинъ отъ одного Единородный, и внизу одинъ отъ одной Единородный; и какъ по отношенію къ верхнему рожденію нечестиво предполагать матерь, такъ и по отношенію къ Дѣвѣ будетъ богохульствомъ предполагать отца. Отецъ родилъ недѣлимо, а Дѣва родила невредимо; ни Отецъ, родивши, не потерпѣлъ истеченія, потому что родилъ такъ, какъ подобаетъ Богу, ни Дѣва по рожденіи не испытала тлѣнія. О, новое чудо! О, священное и неизъяснимое таинство! Осмѣливаюсь сказать и,—утверждая это,—не ошибаюсь: и вверху дѣвственная природа родила (потому что чисто и нетлѣнно существо Божества), и внизу Дѣва нетлѣнная родила Нетлѣннаго,—о Которомъ и сказано: *не даси преподобному твоему видѣти истлѣнія* (Дѣян. II, 27). Когда природа идетъ по обычному порядку, тогда ты, человѣкъ, ищи согласнаго съ природой, а когда Богъ повелѣваетъ что-либо, тогда природа отступаетъ отъ своего порядка и дѣлаетъ то, чего хочетъ законъ Божій. Напримѣръ, Богъ повелѣлъ скалѣ въ пустынѣ выпустить воду, и она выпустила не то, что имѣла въ нѣдрахъ, а то, что вложило повелѣніе. И вотъ, какъ скала сдѣлалась источникомъ по мановенію Божію и произвела быстрый горный потокъ водъ, причемъ не заняла ихъ изъ лежащей внизу жилы или отъ рѣки, но, будучи сухою, безъ ключа и безъ влаги, сдѣлалась матерью потоковъ, обильно проливъ ту воду, которой у нея не было,—такъ и непознавшая мужа Дѣва по наитію Св. Духа родила плотію Господа нашего, не подчиняясь порядку природы, но силою Вышняго уготовляясь къ рожденію. Не по закону природы она родила, но, получивъ силу отъ Св. Духа, родила такъ, какъ восхотѣла благодать Божія. *Духъ бо*,—говоритъ,—*Святый найдетъ на тя, и сила Вышняго осѣнитъ тя: тѣмже и рождаемое свято наречется Сынъ Божій* (Лук. I, 33). Если хочешь знать, какъ природа отступаетъ отъ своего порядка, чтобы вопреки себѣ самой служить желанію Бога, спроси жезлъ Аароновъ: скажи, жезлъ сухой, какъ ты произрастилъ листья и плодъ въ весьма короткое время вопреки природѣ? Моисей вѣдь не втыкалъ тебя предварительно въ землю, не поливалъ водою, не время вызвало твои корни, ты не переживалъ ни лѣта, ни весны, не испытывалъ ни зимы, ни осени: итакъ, какимъ же образомъ ты далъ листья, и цвѣты, и плодъ? Не измѣненіямъ въ воздухѣ,—говоритъ жезлъ,—или перемѣнамъ вре-

менъ года я покорился, но, подчиняясь божественному слову, нарушилъ природу и вопреки ей далъ плодъ, чтобы и по природѣ и вопреки природѣ мы подчинялись волѣ самаго лучшаго Художника. Итакъ, человѣкъ, какъ жезлъ вопреки природѣ далъ плодъ, чтобы Іудея повѣрила, такъ и живой жезлъ—царственная Дѣва родила помимо брачныхъ законовъ, чтобы спаслась вся вселенная.

2. Но, можетъ быть, ты скажешь: что за сходство между жезломъ и Дѣвою рождающею? Смотри, какъ много сходства. Этотъ жезлъ былъ
712 образомъ Дѣвы: онъ образъ, а она истина, онъ напередъ взятый образецъ, а она самый предметъ. Какъ тотъ жезлъ далъ плодъ вопреки природѣ, такъ и здѣсь вопреки природѣ Дѣва произрастила цвѣтъ благочестія. *Изыдетъ бо*,—говорится,—*жезлъ изъ корене Іессеова, и цвѣтъ отъ него взыдетъ* (Ис. xi, 1). Значитъ, не напрасно Павелъ удивляется богатству Божію, т. е. домостроительству воплощенія Христа? О, невѣріе еретиковъ! О, неистовый и богопротивный языкъ ихъ! Павелъ, гражданинъ небесъ созерцатель рая, пламенный поклонникъ Христа, слушатель неизъяснимыхъ тайнъ и изслѣдователь вселенной, затрепеталъ и смутился, а вы, изслѣдуя Божество, не содрогаетесь? Павелъ называетъ сужденія Божіи неизслѣдимыми, а ты о природѣ Отца разсуждаешь, какъ о легкопостижимой? Удобный случай пригласить тебя къ тому, чтобы ты съ сокрушеніемъ вспомнилъ о своихъ непонятныхъ сужденіяхъ. Ты не понимаешь, какъ родила Дѣва, и желаешь знать, какъ родилъ Богъ? Какъ произошло рожденіе Христа по плоти во дни Ирода ты не знаешь, а осмѣливаешься изслѣдовать и намѣреваешься провѣрять рожденіе отъ Отца, бывшее безначально, неизъяснимо, священно и неизреченно, прежде всякаго пониманія, прежде временъ и вѣковъ, безъ всякаго посредства? Если Ѳома, будучи апостоломъ, осязавъ распятое тѣло Христово, не остался безъ порицанія, то какого же наказанія достойны не рукою касающіеся тѣла Христа, а языкомъ изслѣдующіе вѣчную Его божественную природу? Ѳома, видя тѣло, осязалъ его; а эти стали изслѣдовать Божество, котораго не видѣли, какъ будто бы увидѣвъ его. Скажи же, изумительный и увертливый риторъ Евномій, трояким образомъ различающій природу Божества, недалеко отстоящій отъ того, чтобы вымышлять боговъ,—для чего ты называешь Христа сотвореннымъ, а не рожденнымъ? Для того, чтобы,—говоришь,—не приписать несозданной природѣ Бога понятія отдѣленія, такъ какъ рожденному необходимо приписать отдѣленіе. Если такъ, то и творящему необходимо приписать трудъ. Тотъ, кто творитъ, не безъ труда творитъ. Поэтому, если ты отказываешься назвать Отца Отцомъ, желая избѣжать мысли объ отдѣленіи, то не называй Его и Творцомъ, чтобы не внушить мысли о трудѣ и утомленіи. Но по отношенію къ Богу,—говоришь,—мы должны имѣть не такое же сужденіе, какое имѣемъ о людяхъ. Люди, созидая, созидаютъ съ трудомъ и потомъ; Богъ же созидающій созидаетъ безъ

труда: природа вѣдь Его не сложная. Если же такъ, о, мудрый и знающій, если Богъ, когда творитъ, творитъ безъ труда, то развѣ Онъ не можетъ рождать безъ отдѣленія? Но, можетъ быть, когда творитъ, безъ труда творитъ, какъ Богъ, когда же рождаетъ, то, какъ человѣкъ, испытываетъ отдѣленіе? Тогда выходитъ, что, творя, Онъ остается безчувственнымъ, а рождая, испытываетъ человѣческое чувство? Содрогаюсь, и боюсь, и трепещу богохульнаго, безстыднаго и необузданнаго языка еретиковъ, представляя себѣ, какъ они тому, что Дѣва родила невредимо, вѣрятъ, а въ томъ, что Богъ родилъ, сомнѣваются. Дѣвственная утроба Дѣвы и послѣ рожденія осталась невредимой, а природа Отца по рожденіи не избѣжала отдѣленія? Дѣва и послѣ рожденія осталась Дѣвою и рожденіемъ не нарушила дѣвства, а Отецъ послѣ рожденія не можетъ оставаться тѣмъ же самымъ, такъ чтобы его существо оставалось безъ отдѣленія и измѣненія? Тамъ, гдѣ тѣло, гдѣ стройное согласіе частей, составъ костей, порядокъ въ нервахъ, множество жилъ, связи членовъ,— плодъ во чревѣ матери явился такъ, какъ Онъ зналъ, образовавшись въ дѣвственной утробѣ неизъяснимымъ образомъ; а тамъ, гдѣ нѣтъ ни тѣла, ни членовъ, ни суставовъ, ни нервовъ, ни костей, ни жилъ, но неосязаемая, безтѣлесная и невидимая природа,—ты вводишь понятіе объ отдѣленіи и думаешь объ уменьшеніи? Вышелъ изъ утробы, и утроба осталась дѣвственной, потому что Тотъ, Кто безъ сѣмени устроилъ Себѣ въ Дѣвѣ одушевленный храмъ, самъ и сохранилъ, какъ Богъ, утробу цѣлою. Дѣла божественныя не подлежатъ природѣ вещей, но повинуются повелѣнію Бога Слова. Иногда Богъ созидаетъ согласно съ природою, чтобы ты зналъ благоустройство природы, а иногда творитъ вопреки природѣ, чтобы научился разумѣть силу Творящаго. Какъ не все совершается согласно съ природою, чтобы природа не прославлялась вмѣсто Бога, такъ и не все бываетъ вопреки природѣ—для того, чтобы тогда безпорядокъ въ природѣ не отождествился съ тѣмъ, что допускается противъ природы. Богъ образуетъ согласно съ природою, но дѣлаетъ и вопреки ей, чтобы ты научился знать, что природа движется и въ согласіи сама съ собою, на подобіе слуги, но бѣжитъ и 713
вопреки себѣ самой, исполняя повелѣніе Божіе.

3. Скажи же ты, вопрошающій о томъ, какимъ образомъ Христосъ, выйдя изъ дѣвственной утробы, не разрушилъ печати дѣвства,—скажи мнѣ: какимъ образомъ изъ дѣвственнаго Адама произошла Ева? Богородица Марія, не познавши мужа, родила мужчину; первозданный Адамъ, не познавъ жены, произвелъ женщину. Но рожденіе для дѣвицы, хотя и неожиданно, всетаки еще имѣетъ нѣкоторое объясненіе, насколько животъ и утроба представляются естестественнымъ путемъ для рождающихся, по отношенію же къ Адаму все это не имѣетъ мѣста. Видѣлъ ли кто человѣка, рождающагося отъ ребра? Приносило ли когда ребро плодъ? Богъ навелъ сонъ на Адама, чтобы онъ не опеча-

лился по случаю отнятія ребра, но вмѣстѣ съ тѣмъ усыпилъ и связи въ немъ. Связи—это природныя нервы, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Даніилъ, говоря: *и видѣхъ явленіе, и бѣхъ сокрушенъ, и союзы чреслъ моихъ разслабляхуся* (Дан. x, 8, 9; v, 6). И вотъ ребро, утвержденное по закону природы, съ прикрѣпленными нервами, покрытое плотью съ жилами,—какимъ образомъ Онъ вынулъ? Какъ оторвалъ? Какъ и ребро взято, и Адамъ остался цѣлъ? Какимъ образомъ? Кто разрѣшилъ, Тотъ знаетъ; Кто развязалъ, Тотъ и связалъ. Вѣдь если бы одинъ связалъ, а другой развязалъ, тогда возникъ бы вопросъ; но когда развязалъ Тотъ же, Кто устроилъ, вынулъ ребро Тотъ же, Кто образовалъ ребро изъ земли, то одинъ Онъ и знаетъ, какъ Онъ развязалъ, одинъ Онъ и понимаетъ, какъ Онъ устроилъ согласное сочетаніе частей. И вотъ, какъ послѣ изъятія ребра Адамъ остался цѣлымъ, такъ послѣ выхода плода и Дѣва осталась невредимою. Ни въ Адамѣ не потерпѣло вреда соотношеніе членовъ послѣ того, какъ взято было ребро, ни печать дѣвственности не нарушилась послѣ того, какъ вышелъ Младенецъ. Какъ если бы у насъ кто-нибудь захотѣлъ у другого вынимать жилу, то измучилъ бы и умертвилъ его по неопытности, а кто связалъ, тотъ безъ труда и развязываетъ, потому что знаетъ взаимное соотношеніе связаннаго,—такъ и Богъ, образовавшій, связавшій и опоясавшій тѣло, и связи нервовъ знаетъ, и какъ ребро ребра касается, и суставъ, и членъ: поэтому Онъ и ребро извлекъ изъ того, что связалъ, искусно и премудро, и Адаму не причинилъ этимъ вреда. Образовалъ самого Себя единородный Сынъ Божій въ Дѣвѣ, и, образуя, ни дѣвства не нарушилъ, ни утробы, выйдя черезъ нее, не повредилъ. Еще вотъ что скажи, мудрый и знающій: что легче: дѣвицѣ родить и послѣ рожденія остаться дѣвственницей, или жезлу превратиться въ одушевленное существо и изъ живого опять сдѣлаться жезломъ? Какимъ образомъ жезлъ Моисея сталъ змѣемъ? Какъ неодушевленный предметъ получилъ душу? Какимъ образомъ то, что не можетъ двигаться, поползло по землѣ? Какъ изъ змѣя опять сдѣлался жезлъ, узнавшій свою природу? То изъ жезла змѣй, а то изъ змѣя опять жезлъ. И вотъ,—человѣкъ,—какъ жезлъ Моисея по природѣ своей былъ жезломъ, а по до-
714 мостроительству змѣемъ, такъ и Марія по природѣ была Дѣвою, а по домостроительству сдѣлалась Матерью, чтобы волхвы халдейскіе увѣровали, все равно какъ жезлъ сдѣлался змѣемъ для того, чтобы устрашить египтянъ. Развѣ ты не хотѣлъ бы, чтобы Дѣва послужила спасенію вселенной? Во время землетрясеній бываетъ, что стѣны трескаются и опять соединяются; а при рожденіи Христа развѣ утроба не открылась и опять соединилась? Во время землетрясеній стѣны такъ трескаются, что угрожаютъ опасностью смерти, и затѣмъ такъ соединяются, что въ наружномъ видѣ не оказывается и слѣда трещины; а при нетлѣнномъ томъ рожденіи ты не хотѣлъ бы, чтобы утроба рас-

крылась въ честь рождаемаго, и затѣмъ сошлась, соединилась и приняла видъ дѣвственной по силѣ дѣйствующаго? И не говори мнѣ: откуда возьмется плоть и кровь, если не заложено сѣмени? Вѣдь изъ того, что бываетъ съ нами, мы можемъ научаться понимать то, что лежитъ выше насъ. Вотъ, для примѣра къ сказанному, ученики живописцевъ, которые часто рисуютъ и растенія, и деревья, и луга, и рѣки, и когда не имѣютъ предъ глазами природы для срисовыванія, искуснымъ соединеніемъ красокъ стараются представить изображенія вещей. Рисуютъ рѣку, ничего не заимствуя отъ теченія рѣкъ; изображаютъ человѣка, ничего не прибавляя къ этому отъ человѣческой природы. Такъ вотъ, какъ живописцы съ помощью красокъ и человѣка, и ручей, и рѣку изображаютъ, ничего не заимствуя ни отъ ручья, ни отъ рѣки, ни отъ человѣка, такимъ же самымъ образомъ и Духъ Святый въ Дѣвѣ не красками, но хотѣніемъ образовалъ одушевленнаго Человѣка, не заимствовавъ отъ человѣческой природы сѣмени для устройства Его. Богъ, взявъ прахъ отъ земли, не руками человѣческими (потому что природа Божества несложная) образовалъ Адама, какъ восхотѣлъ, а Духъ Святый не прахъ взялъ, не по естественному закону допустилъ войти сѣмени, но только озарилъ, и составилъ кости, и натянулъ жилы, и образовалъ носъ и уши, глаза, языкъ, руки и ноги, душу и умъ, и разсудокъ и рѣчь, хотя бы этого еретики и не желали. Все равно какъ тѣ, кто смотрится въ зеркало, видятъ глазами отражающееся изображеніе самихъ себя изъ безформенной матеріи, изображеніе часто смѣющееся и плачущее, движущееся, принимающее разнообразныя формы и воспроизводящее состоянія живого предмета, такъ и Духъ Святый въ чистомъ зеркалѣ, въ непорочномъ тѣлѣ Дѣвы засіялъ, образовалъ совершеннаго Человѣка не по закону природы, не во времени, не изъ человѣческаго сѣмени, но однимъ видомъ, духовною и святою силою подвигнулъ Дѣву къ рожденію, неизъяснимо исткавъ въ ней зародышъ, какъ бы какую ткань, для спасенія людей. Такъ именно это и есть; мы же за то, что сказали, вознесемъ славу вочеловѣчившемуся за насъ Богу, потому что Ему слава и Отцу и Св. Духу, во вѣки вѣковъ. Аминь.

О предательствѣ (Іудой) Спасителя и проч.

1. Хотѣлъ бы я довести до конца ученіе о крестѣ, не потому, что 713
вполнѣ понимаю его, но потому, что, насколько возможно, желаю изложить его вѣрующимъ. Не бездѣйственно слово при изъясненіи божественнаго ученія, однако то, что говорится, должно соразмѣряться съ человѣческою способностью, не само по себѣ имѣя значеніе для пониманія, но на-

714 сколько Богъ дастъ; не то долженъ давать дающій, что Онъ можетъ дать, но то, что можетъ воспринять получающій. Какъ мать можетъ дать простого хлѣба ребенку, питающемуся молокомъ, но ребенокъ не можетъ воспользоваться имъ, такъ и для Бога не было бы невозможнымъ предложить высшую и сверхъестественную мудрость, но мы ею не можемъ воспользоваться. Пока мы живемъ въ смертномъ тѣлѣ, мы
715 воспринимаемъ знаніе, соотвѣтствующее смертной природѣ. Поэтому Богъ ничего не говорилъ намъ соотвѣтственно Своему совершенству, но соразмѣрялъ то, что говорилъ, съ нашей слабостью. Поэтому Спаситель говорилъ: *много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ* (Іоан. XVI, 12); и въ другомъ мѣстѣ говоритъ Спаситель Никодиму: *аще земная рекохъ вамъ, и не вѣруете: како аще реку вамъ небесная, увѣруете* (III, 12)? Итакъ, будемъ говорить при помощи Божіей такъ, какъ можетъ вмѣстить человѣческая способность. Сегодня приходится намъ нарушить тотъ порядокъ бесѣдъ, какого мы хотѣли держаться при изложеніи ученія и нарушить именно изъ-за евангельскаго чтенія. Но о томъ будетъ рѣчь въ свое время; теперь же мы вспомнимъ о томъ, что случилось въ сегодняшній день. Сегодня Христосъ, въ этотъ пятый день за субботой, вечеромъ предъ страданіемъ и ноги учениковъ омылъ, и совершилъ пасху, изображенную въ законѣ, и установилъ спасительное таинство. Да, по правдѣ можно сказать, что въ сущности мы и не отступаемъ отъ принятаго нами порядка: вѣдь сегодняшнее приведетъ насъ ко кресту же; такимъ образомъ порядокъ будетъ возстановленъ. Итакъ, пойдемъ послѣдовательно, чтобы дать нѣкоторую пищу христолюбивымъ душамъ вашимъ. Какъ должно понимать намъ священное ученіе о таинствахъ, изъяснимъ въ краткомъ и ясномъ изложеніи. Говоритъ Спаситель ученикамъ: *вѣсте, яко по двою дню пасха будетъ, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ на пропятіе* (Мѳ. XXVI, 2). Часто Спаситель предсказывалъ Своимъ ученикамъ, указывая вмѣстѣ на то, что и зная Онъ не бѣжитъ, и предвидя не уклоняется, и вмѣстѣ съ этимъ напередъ успокоивая души апостоловъ, чтобы они, напередъ приготовившись и освѣдомившись, не разбѣжались при смятеніи. Когда обстоятельство предвидится, отъ неожиданности не бываетъ волненія. Это и Давидъ предсказалъ: *уготовихся и не смутихся* (Псал. CXVIII, 60). Такъ бываетъ во время грозы: блеснувшая молнія подготовляетъ мысль къ ожиданію грома, чтобы выжиданіе освободило отъ бо́льшаго испуга. Такъ точно и Спаситель, чтобы всѣ не смутились страданіемъ (предсказалъ его), такъ что даже упрекалъ апостоловъ и говорилъ имъ по воскресеніи: *сія суть словеса моя, яже глаголахъ вамъ, яко подобаетъ* Сыну человѣческому *пострадати* много (Лук. XXIV, 44, 46). Упрекалъ ихъ за то, что Его предсказаніе не достигло по отношенію къ нимъ своей цѣли. *Глаголахъ вамъ*,—говоритъ,—*да не соблазнитеся* (Іоан. XVI, 1), и страхъ овладѣлъ вами.

Вѣсте, яко по двою дню пасха будетъ, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ на пропятіе (Мѳ. XXVI, 2). Нигдѣ не найдешь, чтобы Спаситель воспоминалъ о страданіи, не вводя человѣческаго лица, но всегда Онъ говорилъ какъ будто о комъ-то другомъ. Не сказалъ Онъ: Меня предадутъ, но: *Сынъ человѣческій будетъ преданъ на пропятіе.* Нигдѣ ты не найдешь, чтобы предавался Спаситель, но предается Сынъ человѣческій, и вездѣ какъ будто о другомъ о комъ-то говоритъ. Однако, по отношенію къ божественности Своей ясно говоритъ: *Я и Отецъ едино есмы* (Іоан. X, 30); не говоритъ: Я и Отецъ, пославшій Меня, а: *Я и Отецъ едино есмы*; и: *видѣвый Мене видѣ Отца* (Іоан. XIV, 9). *Вѣсте, яко по двою дню пасха будетъ, и Сынъ человѣческій предается на пропятіе.* И какъ вѣрно говоритъ Іоаннъ? Для того, чтобы кто не подумалъ, что время то пришло по необходимости, смотри, какъ онъ утверждаетъ: *вѣдый, яко пріиде часъ, да прейдетъ отъ міра сего ко Отцу, возлюбль своя, до конца возлюби* (Іоан. XIII, 1), т. е., показалъ совершенную любовь. *И вечери бывшей, воставъ положи ризы, и препоясася лентіемъ, и влія воду во умывальницу, и начатъ умывати ноги ученикомъ* (ст. 2, 4, 5). Пусть устыдятся еретики! Когда они слышатъ, какъ Спаситель говоритъ: Я творю волю Отца Моего, то тотчасъ говорятъ: видишь, Онъ, какъ рабъ, слушается и подчиняется Отцу? Страшное дѣло можно было видѣть въ тотъ часъ! Зачѣмъ всталъ и снялъ верхнюю одежду Тотъ, Кто облекается свѣтомъ, какъ одеждою? Зачѣмъ опоясалъ Онъ Себя полотенцемъ? Тогда можно было видѣть истинность словъ Павла: *во образѣ Божіи сый, зракъ раба пріятъ* (Филип. II, 6, 7). Опоясался полотенцемъ Покрывающій небо облаками, и влилъ воду въ умывальницу Наполнившій водами рѣки, источники и моря. Представь: ученикъ сидитъ, а Владыка согнулся и глядитъ 716
на колѣна, Владыка, предъ Которымъ преклоняется всякое колѣно небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ. Смиреніе Спасителя погасило всякую гордость; эта скромность унизила всякое хвастовство.

2. Когда я вижу Спасителя, омывающаго ноги ученикамъ, я произношу слова Исаіи о нашей гордости: *почто гордится земля и пепелъ* (Сирах. X, 9, а не Исаіи)? Представь себѣ Владыку, согбеннаго и омывающаго ноги рабовъ. Какъ объ этомъ говорить или какъ умолчать? Слово безсильно, а молчаніе обличало бы нашу неблагодарность. Что же намъ дѣлать, когда не можемъ и сказать? *И начатъ умывати ноги ученикомъ и отирати лентіемъ.* Даже ни одного способа услуги не пропустилъ. Не дозволилъ ни того, чтобы вода была налита другими, а Онъ самъ сталъ бы мыть, ни того, чтобы Онъ вымылъ, а другіе вытерли. И кажется, что здѣсь какую-то непонятную тайну открылъ ученикамъ. *Возлюбль своихъ учениковъ*,—говоритъ Іоаннъ,—*до конца возлюби ихъ. И вечери бывшей, діаволу уже вложившу въ сердце Іудѣ Симонову Искаріотскому, да его предастъ, воставъ положи ризы* (Іоан. XIII, 1—2).

Не просто такъ сказалъ, но чтобы показать, что, когда уже предатель задумалъ предательство, Спаситель не замедлилъ омыть ноги предателя: зналъ уже его коварное намѣреніе, и всетаки омылъ. Что же это? Нѣтъ ли лицемѣрія у Бога? Да не будетъ! Не всегда бываетъ лицемѣріе между обижающими и обижаемыми. И если обижаемый оказываетъ почетъ обижающему, это не есть лицемѣріе, но смиреніе; если же обижаемый тайно дѣлаетъ зло, а по виду оказываетъ благорасположеніе, вотъ это будетъ лицемѣріе. Возьми примѣръ съ этого случая. Зналъ Іуда, предатель Господа, что нечестивое дѣло—давать лобзаніе тому, противъ кого содѣлалъ заговоръ. А Спаситель, испытывая несправедливость, оказывалъ почетъ тому, кто причинялъ ее; это не есть обида, но избытокъ смиренія, заслуживающій похвалы у Бога и удивленія у людей. Хочешь видѣть примѣръ? Посмотри на Іоава, военачальника Давида. Онъ овладѣлъ Авениромъ, другимъ военачальникомъ; онъ обращался съ нимъ дружелюбно и въ тоже время тайно вонзилъ ему мечъ въ бокъ, называлъ его братомъ и умертвилъ, какъ врага. Такое лицемѣріе есть зло. Въ другомъ же случаѣ, когда обижаемый будетъ благодѣтельствовать обижающему, это будетъ дѣломъ похвальнымъ. Іаковъ боялся родного брата Исава и призывалъ Бога, говоря: *изми мя отъ руки брата моего, да не когда пришедъ убіетъ мя* (Быт. xxxii, 11); но когда увидѣлъ его, оказываетъ почетъ ему и говоритъ: *видѣхъ лице твое, яко бы аще кто видѣлъ лице Божіе* (ст. 10). И за то, что онъ принялъ брата сначала за врага и убійцу, Богъ не осудилъ его, такъ какъ зналъ, что онъ говорилъ такъ не изъ коварства, но изъ опасенія. Такимъ образомъ, если кто-нибудь на словахъ выражаетъ дружбу не съ тѣмъ, чтобы хитрить, но чтобы избѣжать коварства, Богъ не гнѣвается на того, и самъ даже учитъ: *отвѣтъ смиренъ отвращаетъ ярость* (Прит. xv, 1). И вотъ уже, говоритъ, когда діаволъ вложилъ въ сердце Іуды предать Спасителя, Спаситель, желая побѣдить неблагодарную душу человѣколюбіемъ, и уничтожить обманъ кротостью, омылъ его ноги. Я не столько удивляюсь Владыкѣ, дѣлавшему то, что Ему свойственно (кротость была именно Его свойствомъ), сколько Іудѣ, исполненному обмана. Съ какимъ сердцемъ онъ протянулъ ноги? Какъ смотрѣлъ онъ на святыя руки Господа, обращавшіяся вокругъ ногъ его? Какъ онъ не затрепеталъ? Какъ не оцѣпенѣлъ? Но та милостивая природа переноситъ великодушно. И, по всей вѣроятности, Іудѣ первому омылъ Господь ноги. Почему? Если бы не раньше всѣхъ омылъ ноги предателя, но, омывая ноги другихъ, его оставилъ бы,—это, конечно, было бы чуждо Владыкѣ, а Іуда получилъ бы благовидный поводъ: самъ меня отдѣлилъ, самъ меня сдѣлалъ чужимъ, у всѣхъ омылъ ноги, а обо мнѣ забылъ. Съ какой душой я могъ быть съ Нимъ? Видѣлъ Богъ сердце измученное, но не захотѣлъ самъ сокрушить того, кто мучился самъ по себѣ. Это именно и показываетъ, что *трости сокрушенны*

не преломи (Мѳ. XII, 20). И вотъ ноги учениковъ Онъ омылъ. Дошла очередь наконецъ до Петра. А пока Спаситель омывалъ прочихъ, Петръ размышлялъ о достоинствѣ Господа и о ничтожествѣ человѣка, о бѣдности людей и о славѣ Прославленнаго, и рѣшилъ не принимать отъ 717
Него омовенія. Подошелъ къ нему Спаситель, и онъ говоритъ: *Господи, Ты ли мои умыеши нозѣ* (Мѳ. XIII, 6)? Ты, мертвыхъ воскрешающій, прокаженныхъ очищающій (это—„Ты" имѣетъ большую силу), Ты, о Которомъ я засвидѣтельствовалъ, что *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Мѳ. XVI, 16)? Если я сказалъ это по невѣдѣнію, тогда это и останется лишь человѣческимъ предположеніемъ; но если Ты самъ подтвердилъ эти мои слова, говоря что *Отецъ мой, иже на небесѣхъ, яви тебѣ* (ст. 17), то какъ теперь унижаешься Ты до того, чтобы Господними руками мыть ноги раба? *Не умиеши ногу моею во вѣки.* Что же Спаситель? Прервалъ рѣчь его. *Еже Азъ творю*, говоритъ, *ты не вѣси нынѣ, уразумѣеши же по сихъ* (Мѳ. XIII, 7), т. е.: ты не понимаешь цѣли Моего дѣла. Не перенесъ онъ, но, услышавъ это, говоритъ: *не умыеши ногу моею во вѣкъ.* Обнаружилъ душу тверже адаманта. Спаситель же поднесъ огонь Свой и сдѣлалъ адамантовую душу мягче воска. Нѣтъ,—говоритъ,—хотя ты упорствуешь и противишься, оставь свою настойчивость. *Аще не умыю тебѣ, не имаши части со Мною.* И онъ несогласный и противящійся говоритъ: *Господи, не нозѣ мои токмо, но и руцѣ и главу.* Готовъ былъ отдать не только капиталъ, но и всю прибыль. Нравъ христіанъ не долженъ быть упрямымъ; не слѣдуетъ христіанину быть себялюбивымъ; неприлично ему строить лукавые замыслы, но слѣдуетъ свободно идти къ добродѣтели; во время радости нужно быть веселымъ, а во время печали мрачнымъ, какъ говоритъ Павелъ, *радоватися съ радующимися*, поститься съ постящимися, *плакати съ плачущими* (Римл. XII, 15). Это значитъ то, что говоритъ Павелъ: *аще ясте, аще ли піете, вся во славу Божію творите* (1 Кор, X, 31). Сопротивленіе Петра не принесло ему никакой пользы,—онъ былъ омытъ, какъ и прочіе. Когда пришелъ Христосъ принять крещеніе отъ Іоанна, говоритъ Ему Креститель: *Господи, азъ требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко мнѣ* (Мѳ. III, 14)? Отвѣчаетъ ему Спаситель: *остави нынѣ.* Не препятствуй, не противься, потому что это есть божественное желаніе. Не обнаруживай прежде времени достоинства, дай Мнѣ выполнить порядокъ, и на самомъ дѣлѣ показать, что Я принялъ человѣчество для того, чтобы чрезъ истиннаго человѣка открыть истиннаго Бога. Только Онъ сказалъ: *остави нынѣ*,—и евангелистъ замѣчаетъ: *тогда остави Его* креститься. Противился, какъ благочестивый, а повиновался, какъ преданный Богу. Такимъ же образомъ и Іеремія противился Богу: *о, Сый Владыко Господи, ты вѣси, яко отрокъ есмь. И рече Господь ко мнѣ: не глаголи, яко отрокъ азъ есмь, ибо ко всѣмъ, къ нимъ же послю тя, пойдеши* (Іерем. I, 6. 7). Сила побѣдила сопротивленіе. Еще и Моисей

противился, говоря: *избери иного: худогласенъ и косноязыченъ азъ есмь* (Исх. IV. 13, 10), но (Богъ) не уступилъ.

3. Но обратимся къ предмету. Говоритъ Спаситель: *аще не умыю тебѣ нозѣ, не имаши части со Мною*. Отсюда мы должны знать, что часть вѣрующихъ—Богъ, а часть Бога—вѣрующіе. Конечно, весь міръ—міръ Божій; но вѣрующихъ знаетъ Богъ. Весь міръ, говоритъ, сотворенъ Мною; для Меня все одинаково, кромѣ части вѣрующихъ. Поэтому вѣрующіе возглашаютъ, какъ Давидъ: *часть моя Господь на земли живыхъ*, и еще: *Господь часть достоянія моего* (Псал. CXLI, 6 и XV, 5). Марія, сидя у ногъ Господа, слушала ученіе; и говоритъ ей Спаситель: *Марія же благую часть избра, яже не отъимется отъ нея* (Лук. X, 42). Видишь, что часть для вѣрующихъ—Богъ? Нужно далѣе показать, гдѣ вѣрующіе составляютъ часть Бога. Говоритъ Моисей: *егда раздѣляше Вышній языки, разсѣя сыны Адамовы, постави предѣлы языковъ по числу ангелъ Божіихъ. И бысть часть Господня, людіе Его Іаковъ* (Второзак. XXXII, 8, 9), потому что хотя весь міръ принадлежалъ Ему, но одинъ только народъ Израильскій слушалъ Его. Такимъ же образомъ и пророкъ Амосъ говоритъ: и видѣлъ, *се призва прю во огни Господь Богъ и пояде бездну многу, и пояде часть Господню*, именно народъ. *И рѣхъ*,—говоритъ,—*Господи*, пощади Іакова, *яко малъ есть* (Амос. VII, 4, 5), то есть, иначе сказать, не погуби насъ. Это приводилось потому, что Спаситель говоритъ: *аще не умыю тебѣ, не имаши части со Мною*. Итакъ, часть вѣрующихъ — Богъ, и часть Бога — вѣрующіе. Говоритъ Петръ: *Господи, не нозѣ мои токмо, но и руцѣ и главу*. Петръ думалъ, что
718 омовеніе то было отпущеніемъ грѣховъ, и желалъ получить отпущеніе ихъ со всего тѣла. Но омовеніе не было отпущеніемъ грѣховъ, а выраженіемъ предусмотрительности. Затѣмъ говоритъ Спаситель: *измовенный не требуетъ, токмо нозѣ умыти* (Іоан. XIII, 10). *Уже вы чисти есте за слово, еже глаголахъ вамъ* (XV, 3). Затѣмъ было такъ. Когда Онъ омылъ ноги и вытеръ, взявъ, одѣлъ одежду, сохранилъ видъ раба, а потомъ возлегъ, какъ Господь, и говоритъ со властію: *вѣсте ли, что сотворихъ вамъ?*—Иначе говоря: вы не понимаете. *Не вы ли глаголете: Господь и Учитель? И добрѣ глаголете: есмь бо*. Этимъ онъ обнаружилъ неограниченную власть. Снялъ образъ раба и принялъ образъ Бога. *Не вы ли глаголете: Господь и Учитель? Аще убо Азъ умыхъ ваши нозѣ, Господь и Учитель, кольми паче вы должны есте другъ другу умывати нозѣ? Образъ бо дахъ вамъ* (отсюда вижу выраженіе предусмотрительности), *да, якоже Азъ сотворихъ вамъ, и вы тако творите другъ другу* (Іоан. XIII, 12—15).

4. Послѣ этого подходятъ къ Нему ученики Его и говорятъ: *Господи, гдѣ хощеши уготоваемъ ти ясти пасху?* Обрати вниманіе на предвѣдѣніе Божіе. Говоритъ: *идита въ градъ: и срящетъ васъ человѣкъ въ скудельницѣ воду нося: по немъ идита, и идѣже аще внидетъ, рцита*

господину дома, яко учитель глаголетъ: время мое близъ есть: у тебе сотворю пасху со ученики Моими. И той вама покажетъ горницу постлану (Марк. XIV, 12—15; Мѳ. XXVI, 18). Двойную цѣль наблюдаетъ,— указываетъ путь, чтобы они спросили хозяина дома; а чтобы они не подумали, что Онъ самъ не знаетъ мѣста, говоритъ имъ: *вама покажетъ горницу велію постлану.* Если Ты предсказываешь мѣсто, зачѣмъ же говоришь ученикамъ: спросите о мѣстѣ? Прежде чѣмъ спросить, мы уже узнали. Да, говоритъ, Мнѣ прилично напередъ знать, какъ Богу, а вамъ, какъ людямъ, нужно спросить. Нигдѣ Христосъ не передаетъ таинства въ мѣстахъ низкихъ, но въ гористыхъ или верхнихъ, потому что ничего нѣтъ низменнаго во Христѣ. Поэтому, когда и апостолы получили наитіе Св. Духа, они были собраны въ верхней горницѣ. Тогда, говоритъ, *посла два отъ ученикъ своихъ уготовати пасху.* Кто это были? Петръ и Іоаннъ. Почему же изъ двѣнадцати Петра и Іоанна послалъ? Петръ исповѣдалъ, что *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Мѳ. XVI, 17). Іоаннъ имѣлъ возвѣщать: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. I, 1). Посылаетъ основаніе вѣры и сына грома, чтобы на основаніи укрѣпить таинство благочестія, а въ сынѣ грома заблестѣло ученіе правды. Еще почему Петра и Іоанна посылаетъ? Чтобы было видно, что одинаково досточтимъ даръ честнаго супружества и дѣвства, и участниками пасхи становятся какъ состоящіе въ бракѣ, такъ и подвизающіеся въ дѣвствѣ. Посылаетъ честный бракъ и дѣвство приготовить Ему пасху, какъ на горѣ поставилъ около Себя Моисея и Илію, изъ которыхъ одинъ блисталъ честной брачной жизнью, а другой дѣвствомъ, такъ что и то и другое явились стоящими рядомъ со Христомъ. *Желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами* (Лук. XXII, 15). Не нуждою насилуется, не принужденное это желаніе, а добровольное рѣшеніе. Если Владыка, благодѣтельствуя, сказалъ: *желаніемъ возжелѣхъ,* то что же намъ сказать? Предупреждаешь Ты, Господи, голосъ нашъ, напередъ берешь грѣхи наши, и просвѣщаешь благодѣяніями. Мы должны сказать: мы желаемъ видѣть пасху, а ты предупреждаешь? Источникъ жаждетъ ли когда жаждущихъ? Не жаждущіе ли, напротивъ, жаждутъ источника? Трапеза испытываетъ ли когда чувство голода по отношенію къ голодающимъ, а не голодающіе ли алчутъ трапезы? Намъ слѣдуетъ сказать вмѣстѣ съ Давидомъ: *имже образомъ желаетъ елень на источники водныя: сице желаетъ душа моя къ тебѣ, Боже* (Псал. XLI 1). Но когда предстоитъ тайноводство Спасителя, само славное страданіе, само ученіе о страданіи,—слово должно уступить времени, чтобы жаждущіе насладились, вѣрующіе утвердились и спаслись, имѣющіе просвѣтиться получили залогъ. Подъ предлогомъ дара не нарушай теченія поста. Какъ тотъ, кто совершаетъ долгій путь, вслѣдствіе попеченія о тѣлѣ, 719
отдыхаетъ или въ гостинницахъ, или въ другихъ мѣстахъ, не бросая предпринятаго пути, останавливается для поддержанія тѣла, не оставляя

цѣли путешествія, такъ и намъ Спаситель предоставилъ наслажденіе благами Его не для того, чтобы мы изнѣживались, но чтобы имѣли попеченіе о тѣлѣ и трудящейся до усталости душѣ. Поэтому подъ предлогомъ таинствъ не вводи чуждаго чего-либо; получивъ благодать, не думай, что она сестра пьянству. Отъ этого должны оберегаться не одни лишь вѣрующіе, но и оглашаемые. Прежде полученія дара покажи достоинство его. Какая нужда въ словѣ? Упражняй свою совѣсть. Съ какимъ дерзновеніемъ придетъ нарушившій постъ? Поистинѣ, не далѣе, какъ завтра, если и никто не обвинитъ тебя, совѣсть будетъ обличать тебя. А видѣлъ ли ты, чтобы кто носилъ когда-нибудь обличителя вмѣстѣ съ собою? Пусть лучше совѣсть будетъ твоею защитницею.
720 Нынѣшній день, то есть, это священное тайноводство, не требуетъ поста, равно какъ и тайноводство во время святой пасхи; но такъ какъ въ этотъ день бываетъ ученіе о страданіи, а въ тотъ о воскресеніи, то мы бываемъ и сообщниками того, и участниками воскресенія. Нынѣ мы соучаствуемъ въ страданіи, а тогда въ воскресеніи; нынѣ, пріобщаясь страданію, не будемъ предаваться роскоши, но слезамъ, а послѣ воскресенія не будетъ уже мѣста печали. Нынѣ Христосъ страдаетъ, а ты роскошествуешь? Развѣ не знаешь, какъ многіе, предавшись излишествамъ во время царскаго траура, заслужили большое порицаніе и подпали наказанію? А ты, видя страданіе Господа, свѣтящееся со креста, предвосхитивъ радость еще не наступившаго воскресенія, предаешься невоздержанію? Это я говорю не потому, чтобы самому Спасителю какъ будто должно быть въ печали, но намъ слѣдуетъ обнаружить съ своей стороны благоразуміе, чтобы, пріобщившись страданію Его, мы сдѣлались участниками и воскресенія, такъ какъ Ему Господу подобаетъ слава, честь и поклоненіе съ Отцемъ и пресвятымъ и животворящимъ Духомъ нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О разбойникѣ, и о предательствѣ (Іудой) Спасителя нашего Іисуса Христа.

719 1. О, какова сила нашей вѣры! О, какую имѣетъ силу молитва христолюбиваго народа, возносимая за грѣшнаго священника! И сказанное мною не должно поразить тебя необычайностью: такъ говорить вамъ я научился отъ божественнаго Павла, который ясно въ своихъ посланіяхъ проситъ учениковъ: молитеся *о мнѣ, да дастся ми слово во отверзеніи устъ моихъ* (Ефес. VI, 19). А если Павелъ, сосудъ избранный, небесный человѣкъ, проповѣдникъ благодати, имѣлъ нужду въ молитвахъ своихъ учениковъ, насколько болѣе нуждаюсь я, всѣмъ вамъ

извѣстный грѣшникъ! Но однако и мытарь нѣкогда, оставивъ дурное занятіе, сдѣлался ученикомъ Христа; знаю я и блудницу, принесшую слезы покаянія къ стопамъ Спасителя и омывшую всѣмъ извѣстную скверну распутства; знаю также и разбойника того благоразумнаго, захватившаго столь прекрасную и великую добычу: вѣдь на этотъ разъ его добычей сдѣлался рай! Чувствую и я, что я держусь за этотъ самый якорь. Мы вѣдь имѣемъ такого милосерднаго Владыку, Который, лишь только приметъ отъ насъ чистую молитву, тотчасъ посылаетъ Свою милость. Далъ Онъ законъ; но законъ, будучи лишь тѣнью будущихъ благъ, а не самою истиною вещей, не обладалъ силою свѣта. Сонмъ пророковъ, какъ посольство, послалъ, но и они, какъ смертные люди, восклицали, говоря: *азъ есмь земля и пепелъ* (Быт. XVIII, 27). Ангелъ, оставаясь неизмѣннымъ, не могъ воплотиться. И вотъ *не ангелъ*,—говоритъ,—не ходатай, *но самъ Господь спасе ихъ* (Ис. LXIII, 9). Смотри: вся вселенная въ безпомощности взываетъ къ Нему: *Господи, преклони небеса, и сниди* (Псал. CXLIII, 5)! Если Ты, говоритъ, не сойдешь къ намъ, мы ни черезъ кого другого не можемъ взойти къ Тебѣ. Услышалъ Богъ эту просьбу и не оставилъ ея безъ вниманія, но наклонилъ небеса и сошелъ на землю, не оставивъ и небесъ пустыми. Онъ былъ зачатъ въ дѣвственной утробѣ, болѣе пространной, чѣмъ все созданіе. Кого не могъ вмѣстить шатеръ патріарха, Того заключило въ себѣ дѣвственное чрево. Воплотился Онъ, какъ самъ зналъ, а не какъ толкуютъ еретики, не понимающіе своего собственнаго и измѣряющіе божественное. Родился такъ, какъ благоволилъ. Взошелъ на дерево исправившій древо райское, и взываетъ: точило топталъ Я одинъ, и не было 720
никого со Мною (Ис. LXIII, 3), ни ангела (ни посла, ни архангела), ни пророка, ни царя, никого изъ праведныхъ нѣтъ со Мною; одинъ только со Мною, но и онъ не смерть со Мною сокрушилъ а только со Мною наслѣдовалъ рай; со Мною былъ онъ на древѣ, но въ борьбѣ со смертью Мнѣ не помогалъ. *Господь*, говоритъ, *сокрушаяй брани*, Господь имя Ему (Іудиѳ. XVI, 3), но одинъ лишь разбойникъ исповѣдалъ. О, необычайное и странное дѣло! Разбойникъ со Христомъ, а ученикъ Іуда съ діаволомъ; свѣтъ сдѣлался тьмою, а тьма превратилась въ свѣтъ; агнецъ сдѣлался волкомъ, а волкъ агнцемъ! Разбойникъ, вися на рукахъ, пробитыхъ гвоздями, съ вѣрою привѣтствуетъ Владыку, говоря: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ* (Лук. XXIII, 42), а ученикъ, принося устами привѣтствіе, въ сердцѣ приготовилъ мечъ; изъ устъ прозвучала радость, а на сердцѣ было коварство когда онъ говорилъ: *радуйся, Равви!* Затѣмъ онъ и цѣлуетъ Его, и, обратившись, сообщаетъ іудеямъ не словами, а знакомъ: связавъ Его, ведите. О, беззаконный Іуда, куда ты приказываешь вести Того, Который говоритъ: *небо престолъ Мой, земля же подножіе ногъ Моихъ* (Ис. LXI, 1)?

2. Но вижу я, что любовь ваша все сильнѣе возгорается, а тѣло

подавляется; я хотѣлъ на этомъ и окончить слово, но, такъ какъ ваше
внимательное слушаніе побуждаетъ меня продлить рѣчь, то возвра-
тимся къ тому, что слѣдуетъ по порядку. *Радуйся*, говоритъ, *Равви!*
Милосердный Владыка, побѣждая терпѣніемъ несправедливость преда-
теля, прекрасно отвѣтилъ: *друже, на неже еси пришелъ* (Мѳ. xxvi, 49)!
Привѣтствую тебя, Іуда, но не съ тѣмъ, чтобы отвѣтить тебѣ любовью,
которую ты отбросилъ, а чтобы лишить тебя благодати, которую далъ
тебѣ: вѣдь недостойный сосудъ не можетъ держать въ себѣ небесное
муро. Что же я говорю объ Іудѣ? Петръ, получившій ключи царства,
видя Царя славы распинаемымъ, бросилъ ключи и убѣжалъ, а разбой-
никъ, привыкшій вскрывать двери человѣческихъ жилищъ, самъ похи-
тилъ ключи отъ рая. Петръ, говоря: *аще ми есть и умрети съ Тобою,*
721 *не отвергуся Тебе* (Мѳ. xxvi, 35), трижды отрекся, а разбойникъ не обѣ-
щавшійся на словахъ, но на дѣлѣ умиравшій вмѣстѣ съ воскресеніемъ,
говорилъ: *Господи, помяни мя, егда пріидеши во царствіи твоемъ!* Раз-
бойникъ не побоялся начальниковъ и власти, а Петръ не вынесъ
угрозы служанки. Разбойникъ восклицалъ: *Господи*, а Петръ: *не вѣмъ
сего человѣка*, котораго немного раньше называлъ Сыномъ Божіимъ.
Петръ, ходившій по морю, отказался отъ Того, Кто пѣшешествовалъ по
морю; а разбойникъ, не по морямъ странствовавшій, а около воротъ
богачей, говорилъ: *Господи!* Сыновья Зеведея, говорившіе: *можева пити
чашу, юже ты имаши пити* (Мѳ. xx, 22), убѣжали отъ чаши, — вѣдь
это и была чаша,—когда пришло время испить ее, а разбойникъ похи-
тилъ изъ ихъ рукъ чашу спасенія, говоря: *чашу спасенія пріиму, и
имя Господне призову* (Псал. cxv, 4), Ѳома, этотъ пытливый изслѣдова-
тель непостижимаго таинства, говорилъ другимъ ученикамъ: *идемъ и
мы, да умремъ съ Нимъ* (Іоан. xi, 16), а увидѣвъ Его распинаемымъ,
бѣжалъ. Распинаемымъ видитъ—и бѣжитъ, воскресшимъ видитъ—и съ
сомнѣніемъ говоритъ: *аще не вложу перста моего въ язвы гвоздинныя,
и руку мою въ ребро Его, не иму вѣры* (Іоан. xx, 25). Но милосердный
Богъ, и ради одной овцы пришедшій, не пренебрегъ и одной овцой,
но беретъ ее на плеча и говоритъ: *принеси руку твою сѣмо и вложи
въ ребро Мое.* Я выдержалъ копье воина, руки ли апостола не пере-
несу? Но, о, разбойникъ, похититель добраго (къ тебѣ моя рѣчь), раз-
бойничать ты научился, а вѣровать ты не былъ наученъ, къ числу
учениковъ не принадлежалъ: какъ же ты призываешь Творца, говоря:
помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ? Прекрасно ска-
залъ, благочестиво увѣровалъ. Ты часто подвергался опасностямъ, учи-
няя разбой, много сокровищъ похитилъ у богатыхъ, но такого перла,
какъ Христосъ, ты нигдѣ не нашелъ. Ты не апостолъ, и не слышалъ, что
законодатель говорилъ: увидите жизнь вашу висящую (Второз. xxviii, 66):
какъ же отъ древа ты вкусилъ жизнь? Не слышалъ ты и того, что
говорилъ Исаія: отъ раны страданія Его страсти людей получатъ исцѣ-

леніе (Ис. LIII, 5): какъ же ты нашелъ уврачеваніе страстей? Поистинѣ,— 722
говоритъ разбойникъ,—я вижу все созданіе потрясеннымъ и содрогающимся и узнаю въ висящемъ на деревѣ Владыку созданія. Если бы Онъ не былъ Творцомъ вселенной, солнце, видя Его обнаженнымъ, не скрыло бы своихъ лучей изъ благоговѣнія и не покрыло бы мракомъ враговъ Бога. Если бы Онъ не былъ Творцомъ неба и земли, небо не одѣлось бы мракомъ, какъ покровомъ, видя Его распинаемымъ на крестѣ. Если бы Онъ не былъ Владыкой всей земли, то не поколебалась бы она въ основаніяхъ, когда оросила ее кровь изъ ребра Его. Если бы не былъ Онъ Владыкою жизни и смерти, смерть, подступивъ къ Нему, не была бы поражена и гробы святыхъ не открылись бы. Если бы не былъ Онъ Господомъ храма, храмъ, видя Его распинаемымъ, не разорвалъ бы своей завѣсы. Если бы это не былъ Тотъ, Кто не хочетъ смерти грѣшниковъ, Онъ не молился бы за грѣшныхъ, говоря: *Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. XXIII, 34). Смерть Его устроила все. Сходитъ Онъ въ адъ и со всѣми выходитъ оттуда. Поэтому и восклицаю я, говоря: *помяни мя Господи!* Не какъ раба я прошу: вспомни обо мнѣ, когда тебѣ будетъ хорошо, но: *помяни мя, егда пріидеши во царствіи Твоемъ.* И что же ему Владыка? *Аминь глаголю тебѣ, днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. XXIII, 43)! Пусть объяснятъ тѣ усердные совопросники непостижимаго рожденія, какъ Онъ сказалъ разбойнику: *днесь со Мною будеши въ раи?* Сначала пусть это объяснятъ, а тогда пусть спрашиваютъ и о неизреченномъ рожденіи Его, о которомъ пророкомъ возглашено: *родъ Его кто исповѣсть, яко вземлется отъ земли животъ Его* (Ис. LIII, 8 ? Эту вотъ вѣру распространяли отцы, такъ они прославляли Непостижимаго, вѣруя и не занимаясь изъ любопытства тѣмъ, чѣмъ не слѣдуетъ. *Днесь со Мною будеши въ раи.* Сказалъ,—и сбылось. Но, милосердный Владыка, какъ же это—всѣ праведные стоятъ внѣ рая, а разбойника Ты вводишь въ рай? Да, разбойника сначала ввожу въ рай, чтобы убѣдить міръ въ томъ, что не пришелъ Я призвать праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію. Самому Христу слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово огласительное во святую Пасху.

Если кто благочестивъ и любитъ Бога, пусть насладится этимъ 721
свѣтлымъ торжествомъ. Если кто рабъ благоразумный, пусть исполнится радости Господа своего. Если кто утомился отъ поста, пусть приметъ нынѣ награду. Если кто съ перваго часа работалъ, пусть получитъ нынѣ должное вознагражденіе. Если кто послѣ шестого часа явился, пусть не сомнѣвается, потому что ничего не теряетъ. Если кто

замедлилъ до девятаго часа, пусть является безъ всякаго опасенія. Если кто пришелъ только въ одинадцатый часъ, пусть не страшится замедленія, такъ какъ щедрый Владыка и послѣдняго принимаетъ наравнѣ съ первымъ; даетъ отдыхъ въ одинадцатый часъ пришедшему,
722 равно какъ и работавшему съ перваго часа; и послѣдняго милуетъ, и о первомъ заботится; и тому платитъ, и этому даритъ; и дѣло цѣнитъ, и расположеніе хвалитъ. Поэтому войдите всѣ въ радость Господа нашего: и первые и вторые мзду получите, богатые и бѣдные другъ съ другомъ ликуйте, воздержные и нерадивые день почтите! Постившіеся и непостившіеся—возвеселитесь сегодня! Трапеза полна пищи: наслаждайтесь всѣ! Телецъ огромный: пусть никто не уйдетъ голоднымъ! Всѣ пользуйтесь богатствомъ благости! Никто пусть не плачетъ отъ бѣдности, потому что явилось общее царство. Никто пусть не оплаки-
723 ваетъ согрѣшеній: прощеніе возсіяло изъ гроба! Никто пусть не страшится смерти, потому что освободила насъ смерть Спасителя! Схваченный ею попралъ ее, сошедшій во адъ плѣнилъ адъ, огорчилъ его, вкусившаго отъ плоти Его. Это и Исаія предвидѣлъ, когда взывалъ: *адъ*, говоритъ, *огорчися* (Ис. xiv, 9). Встрѣтивъ Тебя въ преисподней, онъ огорчился, потому что потерпѣлъ пораженіе, огорчился, потому что потерпѣлъ посмѣяніе. Взялъ тѣло, а нашелъ Бога, взялъ землю, а встрѣ-
724 тилъ небо, взялъ то, что видѣлъ, а напалъ на то, чего не видѣлъ. *Гдѣ ти, смерте, жало? Гдѣ ти, аде, побѣда* (1 Кор. xv, 55)? Воскресъ Христосъ, и ты низвержена! Воскресъ Христосъ, и пали демоны! Воскресъ Христосъ, и радуются ангелы! Воскресъ Христосъ, и нѣтъ ни одного мертваго во гробѣ! Христосъ, воскресшій изъ мертвыхъ, сталъ начаткомъ умершихъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На Пасху 1-е.

723 Іудеи празднуютъ пасху земную, отвергнувъ небесную, мы же, празднуя пасху небесную, оставили земную. Какъ совершалась она у тѣхъ, она была напоминаніемъ о спасеніи первенцевъ іудейскихъ, когда первенцы іудейскіе не погибли вмѣстѣ съ египетскими, будучи сохранены таинственно кровью жертвы пасхальной; совершающаяся же у насъ пасха есть причина спасенія всѣхъ людей, начиная съ первозданнаго (человѣка), который во всѣхъ (насъ) сохраняется и остается живымъ. Совершившееся и временное, будучи образомъ и подобіемъ вѣчнаго, было пріуготовлено для того, чтобы оттѣнить нынѣ возсіявшую истину; когда же явилась истина, образъ сдѣлался неумѣстнымъ,—все

равно какъ, при появленіи царя въ своемъ народѣ, никто не захочетъ, оставивъ самого живого царя, падать ницъ предъ его изображеніемъ. Ясно отсюда, насколько образъ блѣднѣетъ передъ истиной: именно, образъ празднуется [по поводу сохраненія] кратковременной жизни іудейскихъ первенцевъ, истина (по поводу дарованія) вѣчной жизни всѣмъ людямъ. Вѣдь избавиться ненадолго отъ смерти—еще немного значитъ для того, кто нѣсколько времени спустя все равно умретъ, но много значитъ избѣжать смерти совсѣмъ. Это и случилось съ нами, за которыхъ закланъ былъ Пасха — Христосъ. И даже самое имя праздника, истолкованное согласно съ истиной, имѣетъ бо́льшее преимущество. Пасха по переводу значитъ прохожденіе,—когда губитель, избивая первенцевъ, проходилъ (мимо) дома евреевъ. Мимо насъ губитель дѣйствительно прошелъ, такъ какъ онъ совершенно навсегда оставилъ насъ, воздвигаемыхъ Христомъ къ вѣчной жизни. Такимъ образомъ, установленіе ветхозавѣтной пасхи слѣдуетъ разсматривать духовно и созерцать вѣрою сообразно съ апостольскими толкованіями. Но вѣрному естественно, конечно, стремиться къ тому, чтобы понять этотъ образъ во всемъ его объемѣ и притомъ именно со стороны соотвѣтствія его дѣйствительности, чтобы, такимъ путемъ, имѣть возможность какъ бы тѣлесными очами созерцать то, что само по себѣ духовно. Ему хочется, чтобы все относящееся къ закону имѣло близкое отношеніе ко Христу, чтобы чрезъ духовное тѣлесное стало явственнѣе, и невидимое оказалось видимымъ какъ на живописной картинѣ. Итакъ, когда Богъ вознамѣрился навести десятую казнь на египтянъ (а заключалась она въ пораженіи первенцевъ), то Онъ сказалъ Моисею: *мѣсяцъ сей вамъ начало мѣсяцей* (Исх. хп, 2); первый мѣсяцъ у васъ изъ мѣсяцевъ года. И установилъ сряду пасхальную жертву и помазаніе кровью на дверяхъ, и отъ помазанія ею обѣщалъ спасеніе первенцовъ. Если обратиться прямо къ дѣйствительности, то какое значеніе должно придавать тому обстоятельству, что начало года пріурочивается ко времени, когда совершилась спасительная пасха? Очевидно, то, что и для насъ истинная пасхальная жертва является началомъ вѣчной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, годъ есть символъ вѣчности, потому что, дѣлая кругъ, онъ всегда вращается въ самомъ себѣ и не останавливается ни на какомъ концѣ. И Отецъ будущаго вѣка, Христосъ, жертва за насъ принесенная, дѣлая всю нашу прежнюю жизнь стоящею внѣ времени, даетъ чрезъ купель возрожденія начало другой жизни, по подобію своей смерти и воскресенія. Поэтому всякій, зная принесенную за него въ жертву Пасху, долженъ считать началомъ своей жизни то время, съ котораго Христосъ сдѣлался жертвой за него. А жертвой становится Онъ за него тогда, когда онъ познаетъ благодать и пойметъ начавшуюся чрезъ ту жертву жизнь. И познавъ это, долженъ стремиться получить начало новой жизни и болѣе не возвращаться къ прежней, конца которой достигъ. *Иже бо*

724 *умрохомъ*, сказано, *грѣху, како паки оживемъ о немъ* (Римл. VI, 2)? Таково символическое значеніе начала года. Далѣе, въ десятый день мѣсяца повелѣваетъ Господь взять по агнцу каждому дому и притомъ такъ, чтобы въ каждомъ домѣ собралось столько человѣкъ, сколько нужно для того, чтобы съѣсть агнца всего безъ остатка; закалать же агнца нужно было въ четырнадцатый день къ вечеру. Итакъ, пять дней жертва находится вмѣстѣ съ тѣми, кому она должна доставить спасеніе, на исходѣ же пятаго дня жертвенное животное закалывается, смерть проходитъ мимо, спасенный наслаждается непрестаннымъ свѣтомъ и луны, свѣтящей всю ночь, и солнца, смѣняющаго луну; это именно бываетъ въ пятнадцатый и притомъ полнолунный день. Пять этихъ промежутковъ указываютъ, что все время міра дѣлится на пять періодовъ: отъ Адама до Ноя, отъ Ноя до Авраама, отъ Авраама до Моисея, отъ Моисея до пришествія Христа и пятый—періодъ самаго пришествія. Въ это время спасеніе чрезъ блаженную жертву уготовлялось для всякаго человѣка, но еще не совершалось. Въ пятомъ же періодѣ времени приносилась истинная жертва, и спасаемый ею первозданный человѣкъ достигалъ непрестаннаго свѣта. И то, что пасха совершалась не въ самый вечеръ, а къ вечеру, показывало, что не въ самомъ концѣ настоящаго времени, но къ концу пострадаетъ Христосъ. Такое дѣленіе времени подтверждается и притчей, въ которой день разбивается на пять частей, такъ какъ разсказывается, что въ виноградникъ, т. е. на дѣланіе правды, одни званы были съ перваго часа, другіе съ третьяго, иные съ шестого, иные съ девятаго, а иные съ одинадцатаго. И какъ различно было это призваніе, такъ различно и оправданіе: одно при Адамѣ, другое при Ноѣ, иное при Авраамѣ, и иное при Моисеѣ; послѣднее же и самое совершенное—во время пришествія Христа, когда по притчѣ Спасителя послѣдніе получаютъ награду первыми. Именно мы, за которыхъ Христосъ сдѣлался жертвой, первыми получаемъ возрожденіе въ крещеніи, послѣ того какъ Христосъ воскресъ и Св. Духа послалъ для нашего обновленія. Таково именно таинственно созерцаемое символическое значеніе жертвы, приносимой въ четырнадцатый день, и слѣдующей затѣмъ свѣтоносной ночи и дня. То же, что жертвенное животное въ каждомъ домѣ съѣдалось сполна и мясо не выносилось вонъ, показываетъ, что спасеніе во Христѣ получаетъ одинъ только домъ: этотъ домъ—церковь, сущая по всей вселенной, прежде чуждая Богу, а теперь одна только вступившая съ Нимъ въ родство, чрезъ принятіе посланныхъ Господомъ Іисусомъ, все равно какъ жилище Раави, бывшей блудницы, принявъ къ себѣ соглядатаевъ, посланныхъ Іисусомъ, одно только и сохранилось при разрушеніи Іерихона. И какъ множество еврейскихъ домовъ имѣетъ значеніе одного, такъ и находящіяся по городамъ и странамъ церкви, будучи по счету многочисленными, составляютъ одну только церковь: одинъ въ нихъ Христосъ повсюду, совершенный и недѣлимый.

Потому-то жертвенное животное въ каждомъ домѣ должно было быть совершеннымъ и не дѣлилось на отдѣльныя части. Вѣдь и Павелъ говоритъ, что всѣ мы потому и составляемъ едино во Христѣ, что *единъ Господь, и едина вѣра* (Ефес. IV, 5). Итакъ, необходимо признать, 725
что недѣлимымъ единствомъ жертвеннаго животнаго законъ прообразовалъ Христа, предъизображая имъ же вмѣстѣ съ тѣмъ и единство Церкви. Во Христѣ, въ жертвѣ Его, мы имѣемъ спасеніе, и все, что было до Его пришествія, мы познаемъ какъ предуготовленіе къ этому пришествію, и дѣло спасенія всего человѣчества съ самаго начала поставлено было такъ, какъ будто предъ глазами всѣхъ все время была совершаема жертва Христова, за всѣхъ приносимая. Но принадлежитъ это спасеніе, какъ намъ извѣстно, одной лишь Церкви, и никто не можетъ внѣ Церкви и вѣры ни быть сообщникомъ Христу, ни спасаться. Зная это, мы понимаемъ, что спасеніе всего міра совершается не отъ дѣлъ закона, но во Христѣ, и безбожнымъ ересямъ не оставляемъ никакого основанія для надежды, но полагаемъ ихъ внѣ всякой надежды, такъ какъ онѣ не имѣютъ ни малѣйшаго общенія со Христомъ, но тщетно прикрываются спасительнымъ именемъ ко вреду и обману тѣхъ, кто больше обращаетъ вниманія на названіе и внѣшность, чѣмъ на истину. Итакъ, пусть никто не отрываетъ отъ Христа того, что было издревле, пусть никто не думаетъ, чтобы кто-либо изъ жившихъ прежде могъ спастись безъ Христа; а тѣхъ, кто въ наше время переиначиваетъ и извращаетъ истину, кто устраиваетъ лишь суетное и ложное подобіе Церкви, чуждое Христу и истинѣ, тѣхъ пусть никто не именуетъ и христіанами и не поддерживаетъ общенія съ ними: да это и невозможно, потому что не выносится изъ священнаго дома жертва и не предлагается для общенія находящимся внѣ его. Посмотримъ теперь на прообразовавшаго славу Господа агнца. Требовалось, чтобы Онъ былъ непороченъ, мужескаго пола, и однолѣтенъ. Прежде всего онъ обладалъ непорочностью и совершенствомъ, потому что одинъ Христосъ исполненъ всякаго совершенства и всецѣло безпороченъ, и ни съ какой стороны, отъ начала и до конца не нуждается ни въ какомъ оправданіи, какъ и самъ говоритъ: *тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (Мѳ. III, 15). Потому-то для всѣхъ жертвъ и употреблялись всегда животныя совершенныя и безпорочныя, что они служили прообразомъ Христа. И жрецамъ Богъ повелѣлъ быть вполнѣ совершенными и неповрежденными тѣломъ, потому что всѣ они были прообразомъ истиннаго Жреца. Затѣмъ, пасхальный агнецъ долженъ быть мужескаго пола, потому что этому полу по природѣ принадлежитъ главенство и преимущество, какъ и у людей мужчина имѣетъ тѣлесное преимущество предъ женщиной. И Христосъ по природѣ и въ дѣйствительности есть Глава и Царь, такъ какъ, будучи небеснымъ человѣкомъ, соединился съ нами, какъ

братъ, по тѣлесной природѣ, но стоитъ выше насъ, какъ Господь, по духовной сторонѣ, по Своей божественности. Поэтому и женихомъ
726 является только Онъ одинъ, если считать невѣстой все человѣчество; даже Іоаннъ, величайшій изъ пророковъ, не былъ женихомъ, какъ видно и изъ его словъ о Христѣ и о себѣ: о Христѣ онъ говорилъ: *имѣяй невѣсту женихъ есть*, а о себѣ: *другъ же жениховъ, стоя и послушая гласъ его, радостію радуется за гласъ жениховъ: сія убо радость моя исполнися* (Іоан. ш, 29). И апостолы всѣ—не женихи Церкви, хотя безъ сомнѣнія они и приняли по благодати подобіе Христу, сдѣлавшись сынами Христа чрезъ Христова Духа. Но что говоритъ блаженный Павелъ? *Обручихъ бо васъ единому мужу дѣву чисту представити Христови* (2 Кор. xɪ, 2). Итакъ, Господь—поистинѣ Глава, Владыка и Царь, не только потому, что былъ Богомъ среди людей, но и по предвѣчному божеству, потому что по природѣ Онъ—Царь всякаго созданія, не по благодати получившій царство, но имѣющій его поистинѣ и по рожденію отъ Отца. Агнецъ, затѣмъ, былъ однолѣтнимъ; это означало, что Господь будетъ новымъ на землѣ и совершенно непричастнымъ той ветхости, какая возобладала въ людяхъ. Поэтому, если кто называетъ Господа простымъ человѣкомъ и полагаетъ, что Христосъ былъ нашей природы, для того Онъ уже не будетъ агнцемъ совершеннымъ и непорочнымъ, потому что никто изъ людей не безпороченъ, не будетъ агнцемъ мужескаго пола, потому что никто изъ людей не имѣетъ прирожденнаго и всецѣлаго тѣлеснаго превосходства въ сравненіи съ одинаковыми по природѣ людьми. И кто причисляетъ Господа къ твари и утверждаетъ, что Онъ имѣлъ не истинное божество, а полученное по благодати, у того и агнецъ, приносившійся за него въ жертву, не мужескаго пола,—тотъ не узналъ Царя по природѣ, а обращаетъ его въ иного, различнаго и по природѣ и по существу. Точно также если кто-нибудь припишетъ Христу что-либо изъ свойственнаго ветхому человѣку, напр., осмѣлится утверждать, что Онъ причастенъ грѣху, или подлежитъ рабству закона, или подлежитъ по необходимости смерти, для такого однолѣтній агнецъ не можетъ уже служить прообразомъ Христа,—для того незамѣтнымъ прошло обновленіе, принесенное Христомъ. Остается уразумѣть символическое значеніе агнца и козла. Именно, агнецъ, сообразно съ Исаіей, есть символъ кротости Христа: *яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ* (Ис. ʟɪɪɪ, 7); козелъ же по закону есть жертва за грѣхъ: *козу*, сказано, *отъ козъ грѣха ради* (Левит. v, 6). Итакъ, кроткій, какъ агнецъ, Онъ далъ привести Себя и, затѣмъ, былъ принесенъ въ жертву за грѣхъ, какъ козелъ, отдавъ самого Себя по смиренію на спасеніе людей,—каковаго спасенія и мы да достигнемъ по вѣрѣ и любви къ пострадавшему за насъ Господу Іисусу Христу,

чрез Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На святую Пасху 2-е.

Предполагаемое значеніе прообразовъ въ законѣ подтверждается 725
самой истиной. Такъ, напримѣръ, агнецъ безпороченъ, какъ и предсказалъ законъ о пасхальной жертвѣ, мужескаго пола, однолѣтній, взятый въ десятый день мѣсяца, приносится въ жертву въ четырнадцатый къ вечеру, причемъ счетъ мѣсяцевъ начинается съ того времени, когда совершалась пасха. Именно, все это относится ко Христу и страданію Его, и въ Немъ получаетъ оправданіе своей истинности и необходимости; взятое же само по себѣ оно не можетъ имѣть никакого смысла. Тѣ, которые не знаютъ Христа, не нашли бы оправданія этимъ требоніямъ закона и не могли бы объяснить, зачѣмъ Богъ далъ такія повелѣнія о ветхозав. пасхѣ. И въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ какого-либо иного основанія для установленія жертвы за спасеніе первенцевъ и для совершенія помазанія кровью при входахъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, за сила въ закланіи жертвенныхъ животныхъ для спасенія перворадныхъ? Что за необходимость въ помазаніи кровью знака на домахъ? Безъ сомнѣнія, Богъ и безъ знаковъ зналъ дома евреевъ, такъ что и выраженію: *узрю кровь и покрыю вы* (Исх. хп, 13) оставалось бы только удивляться. Но возводя и эти повелѣнія къ истинѣ, ты узнаешь присущій имъ смыслъ, какъ и было уже показано выше на нѣсколькихъ примѣрахъ. Когда, именно, безпорочная Жертва пострадала за насъ, смерть, начавшаяся отъ первозданнаго человѣка, уничтожается, и первозданный человѣкъ, живущій во всѣхъ насъ, спасается, оживотворяемый воскресеніемъ Христа. И, по справедливости, для всѣхъ причастниковъ той жертвы жизнь, разрѣшающая узы грѣха и смерти, дѣлается спасительнымъ знакомъ. На нее-то взирая, Богъ спасаетъ спомазавшихся Ему вѣрою, которые не иначе и могутъ избѣжать справедливо карающаго ангела, какъ только ради пролитой за насъ по человѣколюбію
крови. Видишь, какой смыслъ имѣетъ прообразъ, разсматриваемый со- 726
гласно съ истиной? Такимъ образомъ, если кто-нибудь изъ іудеевъ вздумаетъ говорить: для чего Христосъ пострадалъ, чтобы спасти міръ, какъ будто бы онъ не могъ быть спасенъ и безъ этого?—на это должно отвѣтить ему: зачѣмъ приносилась пасха для спасенія іудейскихъ первенцевъ, какъ будто бы они не могли бы быть спасены и безъ этого? И онъ не въ силахъ будетъ отвѣтить что-нибудь (потому что Богъ, конечно, не нуждался ни въ жертвѣ, ни въ знакѣ, чтобы узнать домá). Въ нашу пользу говоритъ это дѣло и лишній разъ подтверждаетъ

истинность святой вѣры, показывая, какъ неправедность наша уничтожается праведностью Христа,—другихъ средствъ къ разрѣшенію ея и не было (такъ точно тьма разсѣивается только свѣтомъ),—и какъ наша смерть уничтожается жизнью Христа, точно тьма свѣтомъ. Потому-то и священна та жертва, что она была прообразомъ истинной. А эта истинная,—преданная по невѣдѣнію нечестивыхъ смерти и погребенію, совѣтомъ же Божіимъ принятая въ качествѣ священной жертвы и сдѣлавшаяся по собственной волѣ приношеніемъ для Отца,—священна по существу, какъ истинная жертва. Предалъ, говоритъ, Отецъ Сына за насъ, и Христосъ *принесе себе Отцу за церковь приношеніе и жертву въ воню благоуханія* (Ефес. v, 2). И для однихъ, искавшихъ смерти Христа, совѣтъ этотъ принесъ пагубу, для другихъ же, которые искали спасенія, ради смерти Христовой, вѣра ихъ послужила ко спасенію. Мимо нихъ проходятъ месть и смерть, потому что смерть теряетъ надъ ними свою пагубную власть, согласно съ словами Спасителя: *аще кто слово Мое соблюдетъ, смерти не иматъ видѣти во вѣки* (Іоан. VIII, 51).
727 Ради пролитой за насъ крови мы получаемъ Духа Святого. Если же соединяются вмѣстѣ и кровь и Духъ, то это для того, чтобы мы могли принять чрезъ однородную съ нашею кровь неоднороднаго съ нами Духа Святого и чрезъ это преградили доступъ къ намъ смерти. Доступъ же смерти двоякій, почему и знакъ крови дѣлается тоже двоякій. *На обою*, сказано, *подвою и на праз*ѣ (Исход. XII, 7). Входитъ смерть чрезъ грѣхъ, какъ говоритъ апостолъ. Грѣхъ же въ насъ бываетъ то слѣдствіемъ страсти (а она двоякая: или состоитъ въ чувственномъ расположеніи души къ изнѣженности, или въ жестокой грубости), то плодомъ мысли, когда она принимаетъ направленіе неправильное и ненормальное. Разсудокъ, все равно какъ притолка или верхняя перекладина въ дверяхъ, лежитъ выше обоихъ столбовъ страсти, будучи главнымъ и высшимъ по природѣ. Страсть можетъ быть уподоблена столбамъ, находится ниже разсудка, какъ точно и столбы стоятъ подъ притолкою. Какія же страсти ведутъ къ изнѣженности? Объяденіе, пьянство и страсть къ плотскому общенію. Какія грубыя страсти души? Гнѣвъ и разные виды себялюбія, перечисляя которыя Павелъ говорилъ: *не козлогласованіи и піянствы, не любодѣяніи и студодѣяніи, не рвеніемъ и завистію: но облецытеся Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ* (Римл. XIII, 13, 14). Древнее помазаніе и подобно этому самому облеченію, когда мы, принимая образъ страданія Христа, облекаемся святостью Христа,—не предаваясь удовольствіямъ, и не ожесточаясь гнѣвомъ. А если говорить какъ слѣдуетъ и съ разсужденіемъ, то помазаніе есть именно самая одежда, въ которую мы облекаемся,—мудрость не плотская, но Христова, такъ что по плотскому уму мы умерщвляемся, становимся какъ бы мертвыми, а умомъ украшаемся духовнымъ. Когда мы такимъ образомъ облекаемся, тогда уже ни чрезъ неразумныя стра-

сти, ни чрезъ несмысленные помыслы грѣхъ не можетъ подступить къ намъ и смерть не можетъ возобладать надъ нами. Таковъ безъ сомнѣнія тайный смыслъ помазанія. Вслѣдъ за помазаніемъ наступаетъ ядение, вселяющее въ насъ божественное тѣло и приводящее къ единенію съ нимъ. *Снѣдятъ*, говорится, *мяса въ нощи той печена огнемъ* (Исх. XII, 8). Ночь—это настоящій вѣкъ. *Нощь прейде* (Римл. XIII, 12), говоритъ Павелъ. Вкушеніе святого тѣла при посредствѣ огня указываетъ на горячую и кипящую ревность. *Духомъ*, говорится, *горяще* (ст. 11), и: *огня пріидохъ вовреши на землю*, говоритъ, *и что хощу, аще уже возгорѣся* (Лук. XII, 49). Какъ огонь, когда говорится объ употребленіи мяса, указываетъ на горячую поспѣшность, такъ опрѣсноки обозначаютъ простоту, а горькія травы послѣдующія мученія. *И опрѣсноки*, сказано, *съ горькимъ зеліемъ снѣдятъ* (Исх. XII, 8). Простымъ и незлобивымъ становится нравъ человѣка, освободившись, какъ бы отъ закваски, отъ всего ветхаго и лукаваго и воспринявъ новое и нехитростное, чтобы оно квасило. *Пасха бо наша*, говорится, *пожрена бысть Христосъ, тѣмъ же да празднуемъ не въ квасѣ ветсѣ, ни въ квасѣ злобы и лукавства, но въ безквасіихъ чистоты и истины* (1 Кор. V, 7, 8). А горькое — это скорби: *но и хвалимся*, говорится, *въ скорбехъ, вѣдяще, яко скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ* (Римл. V, 3—5). *Многими скорбьми подобаетъ намъ внити въ царствіе* (Дѣян. XIV, 22). Такимъ образомъ мы принимаемъ скорбь въ качествѣ приправы, въ надеждѣ получить чрезъ это царство. Запрещено было ѣсть мясо сырымъ. При буквальномъ, плотскомъ пониманіи остается совершенно непонятнымъ, почему это Богъ запрещаетъ то, чего никогда не бываетъ, потому что никто не станетъ ѣсть сырого; по отношенію же къ намъ—это запрещеніе имѣетъ величайшее значеніе: не приступать къ принятію божественнаго тѣла безъ подготовки, потому что невоспринятымъ оно остается у тѣхъ, которые нерадиво принимаютъ его, не подготовляясь къ такому общенію добрыми дѣлами. *Вѣра*, говорится, *безъ дѣлъ мертва есть* (Іаков. II, 20). И вслѣдствіе этого на нерадивыхъ насылаются скорби для ихъ пользы,—чтобы они были, какъ говоритъ Павелъ, участниками святости его. Любовь къ плотскимъ удовольствіямъ рождаетъ бездѣятельность относительно духовныхъ дѣлъ. Поэтому, обозначая это другимъ символомъ, законодатель запрещаетъ ѣсть мясо вареннымъ въ водѣ, потому что варится мясо для того, чтобы оно было пріятнѣе на вкусъ, при вкушеніи же божественной пищи нельзя думать объ удовольствіи: духовная сила не соединяется съ плотскимъ расположеніемъ. Поэтому, говоритъ, не вари священнаго мяса, съ разными приправами, но ѣшь его просто печенымъ на огнѣ, съ напряженнымъ стараніемъ, чуждымъ удовольствія. Любовь къ удо- 728
вольствію несовмѣстима съ любовью къ Богу, какъ говоритъ Павелъ:

и для тѣхъ, *имже Богъ чрево* (Филип. III, 19), Богъ не есть Богъ. И тѣхъ, которые превращаютъ евхаристію въ пышные пиры, обращая освящающее пріобщеніе въ поводъ къ обильному питанію и разнообразному питью, апостолъ не одобряетъ. Къ нимъ Павелъ говоритъ: *нѣсть Господскую вечерю ясти: кійждо бо свою вечерю предваряетъ въ снѣденіе, и овъ убо алчетъ, овъ же упивается. Еда бо домовъ не имате, во еже ясти и пити? Или о церкви Божіей нерадите, и срамляете не имущыя? Что вамъ реку? Похвалю ли вы о семъ? Не похвалю въ семъ* (1 Кор. XI, 20—23). Такимъ небрежнымъ отношеніемъ къ святой пищѣ апостолъ и объясняетъ постигавшія ихъ искушенія, потому что въ нечистотѣ приступали они къ святынѣ. *Сего ради въ васъ*, говоритъ, *мнози немощни и недужливи, и спятъ довольни. Аще бо быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были* (1 Кор. XI, 30, 31). Повинны мы въ нечестіи противъ Господа, когда безъ достаточной готовности тѣла приступаемъ къ соединенію съ Его тѣломъ, которое Онъ далъ намъ для того, чтобы мы, соединившись съ нимъ, могли бы соединиться съ Духомъ Святымъ. Для того Слово Божіе всецѣло и отдало самого себя тѣлу и сдѣлалось плотью, по евангельскому голосу, чтобы мы, не будучи въ состояніи имѣть общенія съ Нимъ, какъ Словомъ, пріобщились бы Ему, принявшему плоть, сдѣлавъ, по возможности, сродной свою плоть съ духовной плотью и духъ со Св. Духомъ, чтобы стать подобными Христу, сдѣлавшись храмомъ Духа, какъ говоритъ апостолъ: *храмы Божіи есте*, и еще: *или не вѣсте, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Св. Духа суть, его же имате отъ Бога* (1 Кор. III, 16 и VI, 19)? И чрезъ соединеніе съ Духомъ касаемся и тѣла Христа, и, пребывая въ святости, становимся членами Христа. *Не вѣсте ли*, говоритъ, *яко тѣлеса ваша удове Христовы суть? Вземъ ли убо уды Христовы, сотворю уды блудничи? Да не будетъ* (1 Кор. XI, 15). Вотъ какими подробностями обставилъ законъ приготовленіе священной пищи, вотъ какими символами, къ нашей пользѣ направляя тогдашніе прообразы. *Главу же*, сказано, *съ ногами и со утробою* (Исх. XII, 9): голова указываетъ на начало явленія къ людямъ, на первое пришествіе, а ноги указываютъ на конецъ, на второе пришествіе, безъ котораго первому нельзя вѣрить, такъ какъ на немъ не все, предсказанное пророками, исполнилось. Вотъ почему іудеи и не вѣрятъ (пришествію Христову), думая, что пришедшій такъ не есть Христосъ, потому что не исполнилось то, что относится къ славному пришествію. Поэтому, вмѣстѣ соединивъ, сказалъ: *главу съ ногами*, т. е. первое пришествіе со вторымъ, чтобы и съ позоромъ приведеннаго на закланіе Агнца ты принялъ, какъ Господа, и въ немъ могъ увидѣть Царя, являющагося со славою. И то, и другое предсказалъ пророкъ Исаія; и не требуй поэтому избавленія Іерусалима теперь же, но ожидай его впослѣдствіи: *пріидетъ Сіона ради избавляяй, и отвратитъ нечестіе отъ Іакова*

(Ис. LIX, 20), когда Онъ самъ спасетъ остатокъ народа, который долженъ обратиться къ Нему. При первомъ же пришествіи Его исполнилось, какъ можешь видѣть, противоположное: оставилъ домъ мой; расточилъ наслѣдство мое, и еще: *и дамъ лукавыя вмѣсто погребенія его, и богатыя вмѣсто смерти его* (Ис. LIII, 9.). Итакъ, *главу съ ногами* — это предостерегало іудеевъ, чтобы не отдѣляли безславнаго пришествія Господа отъ славнаго и чтобы по невѣрію не были отдѣлены отъ общенія съ нимъ. *Но и со утробою,* — сказано. Что это значитъ? То, чтобы вы не соблазнились тѣмъ, что будетъ видимо, но и замѣчали сокровенное; не человѣкомъ считайте Его наравнѣ съ собою, потому что Онъ человѣкъ по тѣлу, но познавайте Его духовно и вы узнаете въ Немъ Отца. Пока ты не видишь того, что находится внутри, и не имѣешь съ нимъ внутренняго общенія, ты еще не увидѣлъ Христа, думая, что Онъ человѣкъ, а не Богъ. А Онъ самъ говоритъ: *видѣвый Мене видѣ Отца* (Іоан. XIV, 9). Нужно разсмотрѣть и это выраженіе: *не оставите отъ него до утрія* (Исх. XII, 10). И его объясняетъ намъ Павелъ, говоря, что воспоминаніе о страданіи Господа будетъ совершаться, пока Онъ не придетъ (1 Кор. XI, 26). Оно совершается столько времени и спасаетъ совершающихъ, пока не пройдетъ настоящая ночь и не настанетъ утро, и Христосъ живой возсіяетъ намъ съ неба, спасая жизнью Своею, какъ нынѣ спасаетъ смертью: 729
аще, говорится, *врази бывше примирихомся Богу смертію Сына Его, множае паче примирившеся спасаемся въ животѣ Его* (Рим. V, 10). Итакъ, уже смертью Христа мы спасаемся, а тогда будемъ спасаться и жизнью Его. Таково символическое значеніе запрещенія оставлять что-либо изъ жертвеннаго мяса до утра. И мы также будемъ тогда живыми, и наша теперешняя смерть проходитъ; между тѣмъ какъ теперь мы спасаемся не иначе, какъ чрезъ смерть, тогда будемъ имѣть спасеніе жизненное. *Не земная мудрствуйте*, говоритъ, *умросте бо, и животъ вамъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ: егда же Христосъ явится, животъ вашъ, тогда и вы съ нимъ явитеся въ славѣ* (Колос. II, 2—4). Поэтому, если остается что-либо изъ жертвеннаго мяса, оно сжигается огнемъ, чтобы мы знали, что въ настоящемъ вѣкѣ Христосъ умеръ за грѣхъ однажды, и смерть надъ Нимъ болѣе не господствуетъ но уничтожена силою Духа, какъ будто огнемъ, когда жизнь овладѣла знаменемъ смерти. *Кость же не сокрушится отъ него* (Ис. XII, 46).
Блаженный Іоаннъ относитъ это къ тѣлу Христа, которое было сохра- 730
нено, потому что голени Его не были переломлены; но это имѣетъ также и духовное значеніе,—потому что твердость Его оставалась непобѣдимою, и поэтому тлѣніе не коснулось тѣла Его, такъ какъ оно имѣло самое прочное и несокрушимое основаніе, будучи устроено не тѣлеснымъ, но божественнымъ способомъ, имѣя божественное происхожденіе, не подверженное человѣческому тлѣнію. *Ни плоть Его видѣ*

истлънія (Дѣян. II, 31). Послѣ такого изслѣдованія о спасительномъ употребленіи священной пищи, мы теперь прекратимъ слово, оставивъ прочее до другого раза, и попросимъ у Господа того, чего просилъ Давидъ: *открой очи мои, и уразумѣю чудеса отъ закона твоего* (Псал. cxviii, 18),—чтобы у насъ чтеніе закона не было такимъ неразумнымъ, какъ у іудеевъ, остановившихся на однихъ образахъ, но чтобы, мысля о божественныхъ символахъ божественно, мы достигли самой святой истины во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу со Св. Духомъ во вѣки. Аминь.

О томъ же предметѣ (о Пасхѣ) 3-е.

729 Святость Христа предуказывалась пасхальной жертвой съ безпорочнымъ агнцемъ, спасеніе людей въ страданіи Христовомъ—спасеніемъ первенцевъ, даннымъ чрезъ пасхальную жертву, на освященіе же указывало ядѣніе (жертвы). И объ этомъ нами уже было раньше сказано. Теперь изъ остального, указаннаго въ законѣ, слѣдуетъ разсмотрѣть то, какъ должно приготовлять себя тому, кто будетъ принимать освященіе, какъ приступать къ пріобщенію святыни, какую жизнь проводить послѣ того, какъ сдѣлаешься причастникомъ и сообщникомъ святого. И вотъ, какимъ образомъ должно приготовляться тому, кто намѣревается быть сообщникомъ Христу, законодатель образно указалъ намъ въ обрѣзаніи, говоря: *сей законъ пасхи: всякъ иноплеменникъ да неястъ отъ нея: и всякаго раба или купленнаго обрѣжеши его, и тогда да ястъ отъ нея* (Исх. xii, 43, 44). Обрѣзаніе же тогда было только частичнымъ, не будучи полезнымъ само по себѣ, потому что нисколько не лучше казался человѣкъ отъ обрѣзанія сравнительно съ необрѣзаннымъ. Напротивъ, израильтяне даже порицались по этому поводу отъ Бога: *яко вси языцы не обрѣзани плотію, домъ же Израилевъ не обрѣзани суть сердцы своими* (Іерем. ix, 26). Истинное обрѣзаніе есть обрѣзаніе всей плоти, дѣлающее пріятнымъ и угоднымъ Богу того, кто обрѣзанъ сердцемъ, у кого снято плотское покрывало, которое мы имѣемъ по наслѣдованію отъ родителей и которое должно быть снято у насъ; законъ, повелѣвая обрѣзывать дѣтородные члены, напередъ указалъ въ этомъ символъ рожденія и покрова, сопровождающаго насъ отъ рожденія. Итакъ, тотъ, кто не оставляетъ плотского образа жизни, тотъ не достигнетъ общенія со Христомъ. *Мы есмы обрѣзаніе*,—говорятъ соучастники Христа,—*иже духомъ Богу служимъ, а не въ плоти надѣемся* (Филип. iii, 3). Только сердце, свободное отъ всего плотского, истинно можетъ служить Богу и духомъ соединяться со Христомъ. Началомъ этого обрѣзанія служитъ страданіе

за насъ Господа, пренебрегшаго Своею плотію и принявшаго ради насъ самое обрѣзаніе; на насъ же это таинство отпечатывается въ крещеніи, а исполняется въ жизни сообразно Христу. *Обрѣзани бо,*— говоритъ,— *бысте обрѣзаніемъ нерукотвореннымъ, въ совлеченіи тѣла грѣховнаго плоти, во обрѣзаніи Христовѣ, спогребшеся Ему крещеніемъ* (Колос. II, 11, 12). Итакъ, пока ты не оставилъ плотскихъ привычекъ, ты, какъ инородный и чужестранецъ, и не будешь участникомъ и сообщникомъ со святымъ, пришедшимъ съ неба, Христомъ: тотъ самъ долженъ быть небеснымъ, кто хочетъ подойти къ небесному, небеснымъ же никто не можетъ сдѣлаться, не оставивъ земного. Такимъ образомъ, напередъ умертвивъ въ себѣ ветхаго человѣка благодатію крещенія, чрезъ усердіе въ духовныхъ дѣлахъ ты подойдешь ко Христу и пріобщишься къ Нему. Во-вторыхъ, нужно видѣть, каковыми были по закону всѣ участвовавшіе (въ яденіи) пасхи, для того чтобы узнать, какими должны быть и мы для участія со Христомъ. *Сице,* говоритъ, *снѣсте е: чресла ваша препоясана, и сапози ваши на ногахъ вашихъ, и жезлы ваши въ рукахъ ваших*ъ (Исх. XII, 11). Дорожная одежда, надѣтая и хорошо подпоясанная, 730
указываетъ на скорую готовность идти на встрѣчу обѣтованію Божію, какъ и Израиль тогда, готовый въ путь, отправлялся въ землю обѣтованія. Обрати же вниманіе на духовнаго путешественника, какое онъ имѣетъ предъ тѣмъ преимущество. Онъ спѣшитъ не на эту дальнюю землю обѣтованія, не временныя блага преслѣдуетъ, не землю мѣняетъ на землю, не Іудею вмѣсто Египта; но что говоритъ такой путешественникъ о своемъ путешествіи? *Задняя забывая, въ предняя же простираяся, со усердіемъ гоню, къ почести вышняго званія* (Филип. III, 13, 14). Вотъ чресла, препоясанныя истиною, по апостолу (Ефес. VI, 14)! Такъ именно ты будешь проворнымъ въ добромъ теченіи, если оставишь все теперешнее—пустое и ложное, по Давиду (Псал. XXXVIII, 8), станешь искать будущей истины и по ней томиться. Ноги—обутыя, говоритъ, готовностью благовѣстія мира, способныя для всякаго добраго бѣга, какимъ упрочивается для насъ миръ съ Богомъ, какъ говоритъ апостолъ: *миръ имамы къ Богу Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ* (Римл. V, 1), и еще: *терпѣніемъ,* говоритъ, *да течемъ на предлежащій намъ подвигъ* (Евр. XII, 1), и еще: *тако теку, да достигну* (1 Кор. IX, 26). Посохи у нихъ въ рукахъ—это надежда или утвержденіе души въ Богѣ, чтобы не поколебаться въ скорбяхъ, какъ и сказалъ Павелъ (1 Өессал. III, 3), но быть твердыми. *Снѣсте со тщаніемъ: пасха есть Господня* (Исх. XII, 11). Не для безпечныхъ эта ѣда, не для удовольствія, не для тѣхъ, кто небреженъ и склоненъ къ бездѣятельности, но для тѣхъ, кто имѣетъ духъ бодрый и напряженный, почему она и доставляетъ намъ минованіе губительнаго мщенія, когда посылаетъ его Господь. Поэтому говоритъ: *пасха есть Господня,* что одинъ переводчикъ [1]) прямо истол-

[1]) Аквила.

ковалъ: „перехожденіе Господу". Въ третьихъ, послѣ такого принятія божественной пищи, мы посмотримъ, какова должна быть и жизнь того, кто принялъ это святое питаніе. На это именно указываютъ опрѣсноки и дни опрѣсноковъ. Іудеи вотъ заботятся объ опрѣснокахъ и думаютъ, что семь опрѣсночныхъ дней доставляютъ имъ что-то особенное, не ѣдятъ квасного хлѣба и не держатъ его у себя, не будучи въ состояніи указать какую бы то ни было пользу отъ этого дѣла, потому что они образъ выполняютъ, а не истину. Ты же понимай опрѣснокъ согласно слову апостола и какъ мы показали, именно, чтобы душа была чиста и не запятнана никакимъ злодѣяніемъ, чтобы былъ новый образъ жизни безъ всякихъ прежнихъ пороковъ. Очевидно, такъ нужно понимать эти слова: даже и слѣда чего-нибудь подобнаго *да не явится въ домѣхъ вашихъ: всякъ, иже аще снѣсть квасно, погубится душа та отъ Израиля* (Исх. XII, 19). Возвращеніе къ прежней порочности есть ги-
781 бель для того, кто былъ переведенъ въ новую жизнь. *Аще по плоти живете*, сказано, *имате умрети* (Рим. VIII, 13). Какое символическое значеніе имѣютъ семь дней (опрѣсночныхъ)? Семь дней, говоритъ, ѣшьте опрѣсноки. Семь дней, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ, обозначаютъ все время, потому что послѣ седьмого дня, который есть покой, начинается возвращеніе перваго, и этотъ кругъ времени идетъ впередъ, обращаясь черезъ семь дней въ самого себя. Во все, конечно, время слѣдуетъ тебѣ жить въ простотѣ и чистотѣ, и это поистинѣ спасительно. *Аще*, сказано, *духомъ дѣянія плотская умерщвляете, живи будете* (Римл. VIII, 13). Характеръ того, кто не ищетъ плотского, простъ, незлобивъ, не лукавъ, чуждъ всего худого и ненавистнаго. Почему же первый день и седьмой называетъ святыми, говоря: *первый день наречется святъ, и седьмый день нарочитъ святъ да будетъ вамъ* (Исх. XII, 16)? Потому что какъ первый день показываетъ начало, въ которое мы освящаемся черезъ принятіе Святого Духа, такъ седьмой день обозначаетъ конецъ, когда именно мы, освободившись отъ тѣла, бываемъ со Христомъ и приходимъ къ Господу, оставивъ странствованіе земное, всецѣло переносимся къ святости. *Яко живуще*, говоритъ, *въ тѣлѣ, отходимъ отъ Господа* (2 Кор. V, 6). Законъ требуетъ, чтобы эти дни
732 были свободны отъ работъ. *Всякаго дѣла*, говоритъ, *да не сотворите въ нихъ* (Исх. XII, 16). Это показываетъ, что душа не должна уклоняться въ сторону земныхъ попеченій и оставаться въ рабствѣ, несоотвѣтствующемъ служенію Богу, но что только то одно съ ревностью должна исполнять, только на то употреблять усиліе, въ чемъ для нея есть польза. На это же самое указываетъ и слѣдующее выраженіе: *развѣ елика сотворятся всякой души, сія точію да сотворятся вамъ* (Исх. XII, 16). Поэтому Господь, приводя къ объясненію покоя по закону, такъ какъ покой искали въ отдыхѣ отъ суетныхъ дѣлъ, а не въ томъ, что относится къ пользѣ души, предложилъ фарисеямъ: *достоитъ ли*

въ субботу добро творити, или зло творити, душу спасти, или погубити (Марк. III, 4)? Если правильно и сообразно Христу хочешь соблюдать субботу и праздничный покой, воздерживайся отъ мірскихъ заботъ и занятій, а заботься о томъ и дѣлай то, что относится къ Богу и пользѣ души. И тогда будешь истинно и правильно проводить субботу и праздновать святой праздникъ, образъ того, что у Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О томъ же предметѣ 4-е.

Пасху празднуютъ іудеи въ воспоминаніе освобожденія изъ Египта 731
и избавленія первенцевъ отъ смерти. Самое названіе—«пасха»—означаетъ прохожденіе смерти; такое значеніе оно имѣетъ на языкѣ еврейскомъ. Пасху празднуемъ и мы, но не какъ избавленіе отъ временной смерти, подобно тѣмъ, и не какъ освобожденіе отъ временнаго рабства, но какъ совершенное избавленіе отъ смерти, какъ совершенное освобожденіе отъ рабства діаволу. Смерть первенцевъ миновала тѣхъ, которые принесли въ жертву прообразовательнаго агнца и помазали кровью части дверей, насъ же смерть, начавшаяся отъ первозданнаго (человѣка), минуетъ, не будучи въ силахъ удержать тѣхъ, которые вкусили жертвы божественнаго Агнца и запечатлѣны вѣрою въ спасительную кровь. У тѣхъ земной агнецъ, у насъ же съ неба,—какъ у Авраама, когда онъ имѣлъ посланнаго Богомъ агнца для принесенія вмѣсто сына, — воистиннѣ посланный отъ Бога съ неба Агнецъ, принесенный за насъ, чтобы болѣе мы не оставались во власти смерти чрезъ неодержимаго ею Христа. Послалъ, сказано, Богъ Сына Спасителемъ міра (Іоан. IV, 10), и: *съ небесе*, говоритъ, *снидохъ* (Іоан. VI, 42). И Креститель свидѣтельствуетъ о Немъ, говоря: *се Агнецъ Божій, вземляй грѣхъ міра* (I, 29). Безсловесный агнецъ не уничтожаетъ грѣха, а вслѣдствіе этого и происходящей отъ грѣха смерти; разумнѣйшій же Агнецъ освободилъ отъ грѣха, уничтоживъ вмѣстѣ съ нимъ и смерть. Выводитъ насъ не изъ земли египетской въ землю іудейскую, но въ вѣчное владѣніе отъ міра тлѣннаго. Онъ—Агнецъ и вмѣстѣ Пастырь, ведущій овецъ. Впереди, говоритъ, пойду, ведя ихъ къ вѣчной жизни. Начало мѣсяцевъ у іудеевъ—закланіе въ жертву агнца и выходъ изъ Египта; у насъ же начало жизни—страданіе Христа и удаленіе со Христомъ отъ міра,—потому что мы тогда живемъ, когда умираемъ для міра, тогда возрождаемся для Бога, когда оставляемъ земное рожденіе. Агнецъ недѣлимый, съѣдаемый въ одномъ домѣ, въ духовной Церкви, иначе же нигдѣ не получаемый, какъ и плотскимъ іудеямъ заповѣдано не выносить мяса агнца изъ дому. Хлѣбъ прѣсный былъ у тѣхъ, кто

ѣлъ пасху; у насъ же общеніе со Христомъ при новомъ, юномъ и
732 простѣйшемъ духѣ, какъ ново и просто тѣсто опрѣснока. Горькія травы, съ которыми ѣли тогда пасху, указывали на наши скорби, чрезъ которыя мы принимаемъ участіе въ страданіяхъ Христа, потому что горько мученіе, хотя бы плодъ отъ него былъ и сладокъ. Костей агнца не ломали, и это законъ повелѣвалъ, предъизображая Христа, потому что, какъ повѣствуетъ евангеліе, никто не перебилъ святыхъ голеней Господа: *да сбудется Писаніе: кость не сокрушится отъ Него* (Іоан. XIII, 33, 36). Мясо ѣли ночью, на день не оставляли, потому что и смерть Христова воспоминается въ настоящемъ вѣкѣ, въ будущемъ же является жизнь. Внѣшній видъ ѣвшихъ пасху—одежда подпоясанная на бедрахъ, сапоги на ногахъ, въ рукахъ палки: вся обстановка путешественниковъ, приготовившихся къ поспѣшному совершенію пути; для насъ же здѣсь указано приготовленіе души къ переходу изъ (этого) міра. Поэтому хорошо приготовленныя и сосредоточенныя души избѣгаютъ житейскихъ заботъ, будучи готовы къ божественному шествію на небо. *Наше бо житіе*, говоритъ апостолъ, *на небесѣхъ есть* (Филип. III, 20). Въ качествѣ посоха, чтобы опираться, мы взяли вѣру и надежду на Христа. Зажженъ и для нашихъ душъ свѣтильникъ, какъ для тѣхъ зажженъ былъ вещественный свѣтильникъ. Свѣтильникъ для душъ нашихъ законъ Христовъ: *свѣтильникъ ногама моима законъ твой, и свѣтъ стезямъ моимъ* (Псал. CXVIII, 105). И самъ Господь говоритъ объ этомъ: *да будутъ чресла ваша препоясана, и свѣтильницы горящіи: и вы подобни человѣкомъ чающымъ Господа своего* (Лук. XII, 35, 36). Остается посмотрѣть, кто ѣлъ пасху. Никто изъ необрѣзанныхъ не допускался къ вкушенію пасхи; а если были иностранцы или рабы, они должны были обрѣзываться. Такъ и никто не можетъ сдѣлаться участникомъ Христа, не обрѣзывая у себя человѣческихъ излишествъ и не очистившись отъ плотскихъ оскверненій, которыя мы принимаемъ отъ отцовъ по рожденію. Образомъ такого обрѣзанія было плотское обрѣзаніе. Поэтому и пророкомъ Іереміею было сказано, что должно быть обрѣзано жестокосердіе ваше (IV, 4). Итакъ, поспѣшимъ къ блаженному общенію со Христомъ, сдѣлаемся чрезъ это чистыми отъ мірскихъ золъ, чтобы освятиться духовными добродѣтелями; никто пусть не обращается назадъ въ міръ, но поспѣшимъ въ... [1]), чтобы не остаться подъ рабствомъ начальника вѣка этого, но перейти въ свободу Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) Здѣсь пропускъ словъ.

О томъ же предметѣ. 5-е.

1. У іудеевъ образы, у насъ же истина, потому что сказано: 731
сѣнь имѣ законъ грядущихъ благъ (Евр. х, 1), и: *законъ Моисеомъ данъ*
бысть, благодать бо и истина Іисусъ Христомъ бысть (Іоан. і, 17). И 732
то, что было у іудеевъ, не чуждо было Христу, но относилось къ Нему,
какъ прообразъ и тѣнь; исполненіе же и ясное созерцаніе вещей сохра-
нялось до личнаго пришествія Его, когда непосредственно увидѣли Его 733
Царемъ. Все равно какъ кто-нибудь пишущій картину сначала очерчиваетъ тѣни, а затѣмъ расписываетъ картину красками; при этомъ тѣневое изображеніе на видъ будто иное, а на самомъ дѣлѣ оно—тоже самое очертаніе, которое лежитъ подъ красками. Разсмотри же со мной съ помощью тѣней то, что истинно, и обрати вниманіе на то, что показываютъ образы, и отъ малаго восходи къ великому, и не тяготѣй исключительно къ землѣ, когда вспоминаешь объ освобожденіи одного народа отъ мучителя, о временномъ спасеніи отроковъ и о переселеніи изъ одной земли въ другую. Вѣдь и празднества эллиновъ не многимъ отличались, если держаться подобныхъ воспоминаній. Празднуютъ и они избавленіе отъ болѣзней, освобожденіе отъ тираній, переселенія и основанія городовъ, военныя побѣды и тому подобное, посвящая празднества свои земному и временному. Въ настоящее же время должно вспомнить о великомъ, о божественныхъ дарахъ, поистинѣ дарахъ Бога,—вспомнить тѣмъ, кто празднуетъ великій вѣчный праздникъ, освобожденіе отъ противодѣйствующихъ демоновъ, воюющихъ противъ добра, отвлекающихъ отъ царства Божія, не на короткое какое-либо время, но на вѣчное, переселеніе отъ земли на небо въ настоящей жизни и въ вѣчное наслѣдіе послѣ будущаго воскресенія. Египетъ угнеталъ іудеевъ, бывшихъ свободными на самомъ дѣлѣ по происхожденію отъ предковъ, возложивъ на нихъ ярмо рабства и принуждая дѣлать кирпичи и строить города. Это символъ міровового мученія, которое одолѣваетъ родъ человѣческій, отпавшій отъ божественнаго блаженства и свободы, съ усердіемъ трудящійся надъ земными дѣлами и приготовляющій тлѣнныя жилища, потому что нѣтъ ничего у людей твердаго и постояннаго, всѣ дѣла рукъ человѣческихъ тлѣнны, уничтожаясь отъ времени. Богъ хочетъ освободить отъ этого рабства, жалѣя изнуряющееся отъ труда свое созданіе, какъ нѣкогда, видя бѣдствіе сыновъ Израилевыхъ, освобождаетъ ихъ чрезъ переселеніе. Добровольно должны обратиться къ Богу тѣ, которые добровольно и отпали отъ Него. Посылаются рабы, имѣющіе законъ, чтобы призывать черезъ законъ къ справедливости, а справедливостью показывать дорогу къ Богу, и чтобы противнымъ силамъ наносить пока еще незначительныя наказанія, не приводя ихъ къ полной гибели, но только

по частямъ, и пока еще не совсѣмъ уничтожая нечестивыхъ изъ своей среды. Такъ именно было до пришествія Господа, явившагося уже послѣ Своихъ рабовъ. Они были образами и символами Его. Моисей былъ посланъ къ іудеямъ съ братомъ Аарономъ, призывая къ служенію Богу, бичуя египтянъ по очереди насылавшимися казнями за порабощаемый и угнетаемый народъ. Но когда это происходило, Израиль былъ еще въ Египтѣ, царь египтянъ могъ еще противиться Богу. Девять казней было, но конца дѣла еще не было. Нужно было наслать послѣднюю казнь, смерть первенцевъ, и Израиль вмѣстѣ съ ней выходитъ. Тогда-то приносится въ жертву агнецъ, входы у домовъ еврейскихъ мажутся кровью и первенцы избѣгаютъ казни отъ смерти чрезъ кровяной знакъ. Ѣдятъ агнца іудеи съ опрѣсноками и горькими травами. Выходятъ изъ Египта; ихъ преслѣдуетъ фараонъ съ прочими египтянами; подходятъ къ Красному морю. Оно принимаетъ полчища евреевъ, раздѣлившись божественнымъ чудомъ отъ жезла Моисея, но потопляетъ вошедшую въ него египетскую силу. Агнецъ для тебя есть Христосъ при исходѣ отъ міра, Онъ тебя переселяетъ, возводя на небо, оживляетъ для вѣчной жизни. Переселяя человѣка, происшедшаго отъ Давида, Онъ вмѣстѣ переселяетъ и тѣхъ, которые слѣдуютъ за нимъ послушно и покорно, не боятся болѣе фараона и не остаются въ рабствѣ у земныхъ мірскихъ страданій, чрезъ то незначительное и острое удовольствіе, образъ котораго имѣлъ Израиль при яденіи мяса съ лукомъ и чеснокомъ въ Египтѣ. Таково мірское удовольствіе, состоящее изъ очень остроумно сплетенной игры заботъ и плотского, животнаго пресыщенія. А когда ты выходишь изъ мірской жизни, тогда бываетъ начало истинной жизни, подобно тому какъ у тѣхъ пасха образовала начало мѣсяцевъ. Теперь начало жизни, когда ты разстаешься съ мірской земной жизнью; теперь ты находишь нѣкоторую истинную жизнь, жизнь духовную. Христосъ приносится въ жертву, такъ что ты знаешь, что
734 жертвоприношеніе Его совершилось за тебя. Тогда для тебя сбывается то, что *яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ* (Ис. LIII, 7). И кротость въ немъ сохраняетъ первообразъ агнца, а стремленіе къ высотѣ и нежеланіе оставаться въ долинахъ даетъ возможность козленку взбираться на высоты; козы прыгаютъ и поднимаются на мѣста трудно проходимыя и очень возвышенныя. Высокимъ же для человѣка и недоступнымъ мѣстомъ было небо, съ того дня, когда человѣкъ палъ, нарушивъ заповѣдь божественную, ставши рабомъ плоти и лишившись Св. Духа. Туда теперь возводитъ, возвышаетъ тебя божественная жертва, принесенная за тебя. Съ тобою Онъ умеръ, чтобы ты жилъ въ Немъ. Кровь Агнца спасительна для тебя, если ты приступаешь къ ней съ вѣрою, если чувства свои и помышленія, чрезъ которыя входитъ смерть вслѣдъ за грѣхомъ, помажешь вѣрой, какъ бы кровью, все равно какъ Израиль мазалъ входы кровью.

Вѣдь если страсть не войдетъ въ тебя черезъ глаза, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе, а затѣмъ и чрезъ разсудокъ, тогда и смерть не овладѣваетъ тобою, но ты, нося въ тѣлѣ умерщвленіе Іисуса, будешь имѣть и являющуюся въ тѣлѣ твоемъ жизнь, и смерть, ведущая свое начало отъ первозданнаго Адама, пройдетъ мимо тебя, какъ погибель первенцевъ миновала дома евреевъ. Поэтому и названіе этого праздника пасхою означаетъ прохожденіе мимо. *Овча тебѣ непорочно*, потому что непороченъ Іисусъ. *Беззаконія*, говоритъ, *не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его* (Ис. LIII, 9). *Совершенъ мужескій полъ*. Исполненіе правды есть у одного только истиннаго Царя. Однолѣтній агнецъ есть образъ вѣчнаго Христа,—потому что годъ есть символъ вѣчности; совершая одинъ и тотъ же кругъ въ каждомъ вѣкѣ и имѣя въ себѣ самомъ всѣ повороты, онъ есть образъ новаго человѣка, въ которомъ ветхая наша человѣческая природа замѣнена новой, потому что *облецытеся*, сказано, *въ новаго человѣка* (Еф. IV, 24). Облекшись совершенствомъ и непорочностью Агнца, ты будешь агнцемъ Бога; и самъ представивъ свое тѣло въ жертву живую, святую, благоугодную Богу, будешь напутствованъ къ вѣчной жизни.

2. Видишь ли, что твою пасху никакимъ образомъ нельзя сравнить съ іудейскою, которая имѣла только нѣкоторое подобіе ея, была лишь тѣнью ея? Младенчествовалъ, конечно, Израиль, совершая такія жертвы и полагая, что ими онъ угождаетъ Богу, и воображая, что черезъ нихъ получаетъ спасеніе, но совсѣмъ забывая о томъ, что это лишь образъ единой дѣйствительно спасающей жертвы. Поэтому Богъ говоритъ имъ чрезъ Іеремію: *не заповѣдахъ вамъ о жертвахъ* (Іер. VIII, 22). Конечно, *нѣтъ лжи у Бога*, и давъ заповѣдь, Онъ не можетъ сказать, что не давалъ ея. Но дѣло въ томъ, что совершеніе жертвы заключало въ себѣ пророческій смыслъ и предвозвѣщало о Христѣ. Богъ, заповѣдавъ приносить въ жертву агнца, указывалъ на Христа, имѣющаго быть принесеннымъ въ жертву, и все, что относилось къ агнцу, прообразовало Христа. Изъ этого иное ты уже видѣлъ, а иное по возможности разсмотри по порядку. Въ каждомъ еврейскомъ домѣ (приносится) одинъ самый лучшій агнецъ, и никакая часть мяса не выносится изъ того дома, гдѣ былъ заколотъ. Во всякой церкви и во всякой душѣ повсюду Христосъ находится весь, и нигдѣ нѣтъ только части Его. Поэтому, какъ тамъ много было агнцевъ во всѣхъ домахъ поодиночкѣ, такъ здѣсь въ каждой душѣ одинъ и тотъ же самый Христосъ. Пять дней держится агнецъ въ домѣ, съ десятаго и по четырнадцатый, затѣмъ приносится въ жертву іудейской синагогой въ четырнадцатый день къ вечеру. Пять промежутковъ времени обозначаются этими пятью днями, отъ Адама до конца: одинъ до Ноя, другой вплоть до Авраама, третій до Моисея, четвертый отъ Моисея до пришествія Христа и пятый—настоящее время послѣ Его пришествія. Къ вечеру приносится жертва,—

потому что въ концѣ вѣка Израиль всею синагогой согласился противъ Христа. Съ самаго начала жертва Христова всегда понималась въ страданіяхъ праведныхъ, начиная отъ праведнаго Авеля, и Христосъ былъ во всѣхъ страдающимъ: совершилась же она тогда, когда пострадалъ
735 самъ по себѣ пришедшій божественный Агнецъ. И даже въ четырнадцатый день того же самаго мѣсяца Онъ пострадалъ, и духъ предалъ къ вечеру; отдѣленіе же агнца для жертвы съ десятаго дня, между тѣмъ какъ закланіе его совершилось въ четырнадцатый день къ вечеру было образомъ того, что сначала было упражненіе въ страданіи, а подъ конецъ самое страданіе. Затѣмъ, разсмотри со мною новую и странную заповѣдь Божію о яденіи агнца: не ѣсть мяса агнца сырымъ. Кто же ѣстъ сырое мясо? Пусть бы сказано было не ѣсть варенаго, чтобы не тратить времени, потому что время было къ спѣху. Что это значитъ— не есть сырого, но *печена огнемъ*? Вѣдь никто не запрещаетъ того, чего никогда не бываетъ. Но образами, какъ я сказалъ, обозначаются вещи. Имѣющій суетную вѣру употребляетъ сырую священную пищу; преданный удовольствіямъ—вареную, разслабляя, какъ вывариваніемъ въ водѣ, твердую вѣру безпечною жизнью; а печеную на огнѣ ѣстъ тотъ, кто имѣетъ горячій и кипучій духъ. Далѣе, приказано ѣсть голову съ ногами и съ внутренностями. Упоминаніе о головѣ должно напоминать тебѣ о Христѣ,—что Онъ, какъ Богъ, предвѣчно существующій, есть глава невидимой и духовной церкви; ноги должны напомнить тебѣ, что въ послѣднія времена Онъ сошелъ на землю, какъ человѣкъ; а употребленіе внутренностей агнца въ приложеніи ко Христу имѣло тотъ смыслъ, что Онъ, имѣя сокрытую въ плоти силу и праведность, не внѣшними только и видимыми качествами приноситъ вкушающимъ Его пользу и спасеніе, но внутренними и сокрытыми. Мясо агнца съѣдается ночью, а на день не оставляется, въ воспоминаніе страданія Христа во время міровой тьмы, послѣ которой засвѣтитъ день и явится жизнь Христова,—какъ (сказано): *день приближися* (Римл. XIII, 12). Кости агнца не сокрушаются; и у Христа воины не перебили голеней, какъ сдѣлали это у распятыхъ съ Нимъ, по свидѣтельству евангелиста (Іоан. IX, 13). Горькія травы, съѣдаемыя съ агнцемъ, указывали на горечь скорбей; опрѣсноки—на простоту и чистоту, какъ говоритъ апостолъ, т. е., на новую добродѣтель, чистую отъ прежней порочности. Остается теперь раскрыть духовное значеніе внѣшняго вида вкушавшихъ пасху—для того, чтобы и вы могли подражать ему, потому что духовный видъ находится въ тѣсномъ соотвѣтствіи съ тѣлеснымъ. Не простымъ поясомъ, но спасительнымъ дѣломъ долженъ ты препоясать бедра твои, не тѣлесныя бедра—ремнемъ, но духовныя—приготовленіемъ души. Обуть ноги—означаетъ, по апостолу, готовность благовѣствовать миръ (Ефес. VI, 15). Посохъ держи въ рукахъ не деревянный, но утверждающій твою вѣру. Всему внѣшнему виду ихъ, собравшихся

въ путь,—такъ какъ они торопились выйти изъ Египта,—старайся побольше подражать, какъ бы спѣша уйти отъ міра и тлѣнія. Будь усерденъ, но отнюдь не безпеченъ въ духовномъ яденіи пасхи. Усердіе 786
въ этомъ случаѣ—прекрасно, потому что оно свидѣтельствуетъ не о чревоугодіи тѣхъ, кто поспѣшно ѣстъ мясо, но о любви къ Богу тѣхъ, кто спѣшитъ отъ міра къ Богу. Употребленіе опрѣсноковъ въ продолженіе семи дней—это есть чистота въ теченіе всей жизни. У кого остается квасный хлѣбъ, тотъ подвергается гибели, потому что порочность ветхаго человѣка пагубна и никакимъ образомъ не можетъ совмѣщаться съ праведностью и святостью новаго человѣка. И ты видишь, что при наличности такой закваски гибель человѣка вполнѣ справедлива; при пониманіи же закваски въ смыслѣ обыкновенной хлѣбной закваски, показаться, что Богъ несправедливо обременяетъ людей (запрещая квасный хлѣбъ). Правда въ образахъ открывается, но свѣтитъ и познается въ истинѣ, подобно тому какъ и самое помазаніе кровью, кажущееся недостойнымъ Бога, перестаетъ быть такимъ, когда образъ разсматривается сообразно истинѣ. Неприлично, кажется, Богу пользоваться знакомъ изъ крови для распознаванія домовъ еврейскихъ, но вполнѣ согласно съ Нимъ узнавать насъ и спасать по вѣрѣ въ кровь Христову. А развѣ не столь же неприлично понимать и обрѣзаніе въ томъ простомъ смыслѣ, что будто бы Богъ повелѣлъ обрѣзываться всякому намѣревающемуся ѣсть пасху, если онъ не былъ обрѣзанъ, и затѣмъ приступать къ ѣдѣ? Если же ты будешь понимать обрѣзаніе въ духовномъ смыслѣ, тогда его таинственность для тебя объяснится и ты прославишь Бога. Обрѣзаніе относилось къ дѣтороднымъ членамъ. Отъ рожденія ты, человѣкъ, имѣлъ покрывало; его то именно ты долженъ отбросить, чтобы съ открытымъ лицомъ видѣть истину, а не разсматривать ее изъ подъ земного тѣлеснаго покрова. А когда ты сдѣлаешься свободнымъ отъ плотского тѣла, тогда, какъ духъ, придешь ко Христу, и, прилѣпляясь къ Господу, будешь одинъ духъ, участвуя въ святомъ и спасительномъ общеніи, на которое указывало яденіе мяса. Обрѣжься же и совлеки тѣло вмѣстѣ со Христомъ, согласно словамъ Павла, что вы *обрѣзани бысте обрѣзаніемъ нерукотвореннымъ, въ совлеченіи тѣла плоти, во обрѣзаніи Христовѣ* (Колос. II, 11). Такимъ образомъ обрѣзывая у себя всякое корыстолюбіе, честолюбіе, любовь къ удовольствіямъ, питайся божественной пищей, ведущей на небо, освобождающей отъ лукавыхъ властей, избавляющей отъ тяжкихъ трудовъ, дарующей тебѣ славный и блаженный путь къ Богу, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О томъ же 6-е.

735 1. Священные лучи свѣта Христова уже засіяли, и ясныя звѣзды чистаго Духа взошли, небесныя же царскія власти открыли сокровищницы Божества. Ночь долгая и темная поглощена, мрачная смерть сокрыта, жизнь всѣмъ открыта, все полно неизсякаемаго свѣта, востокъ востоковъ господствуетъ надъ всѣмъ, и рожденный прежде денницы, безсмертный, великій Христосъ является предъ всѣми свѣтлѣе солнца. Теперь наступаетъ долгій, вѣчный и неугасающій для насъ, вѣрующихъ, свѣтлый день,—пасха таинственная, образно совершавшаяся во времена господства закона, пасха—достойное удивленія дѣло божественнаго совершенства и силы. Поистинѣ праздникъ и вѣчно живой памятникъ! Изъ страсти безстрастіе, изъ смерти безсмертіе, изъ умерщвленія жизнь, изъ пораженія исцѣленіе, изъ паденія возстаніе, изъ нисхожденія восхожденіе! Такъ Богъ производитъ великое! Такъ изъ невозможнаго творитъ неожиданное, для того, чтобы можно было узнать, что для Его одной воли все возможно! Итакъ, пусть законъ устанавливаетъ эти образы, пусть ангелъ изъясняетъ, возвѣщая великое пришествіе великаго Царя, пусть предуказываетъ истину тѣми событіями, при которыхъ множество египетскихъ первенцевъ умерло, а Израиль былъ спасенъ таинственной кровью. Это все—тѣнь будущаго; а у насъ—исполненіе уподобленій и осуществленіе образовъ, вмѣсто тѣни—сама истина во всей своей точности и твердости. Тамъ агнецъ изъ стада, здѣсь Агнецъ съ небесъ; тамъ знакъ крови, на время отклонявшій опасность, здѣсь Слово—сосудъ полный божественной крови и Духа; тамъ овца изъ
786 стада, здѣсь вмѣсто овцы самъ Пастырь *яко овча на заколеніе ведеся* (Ис. LIII, 7). Вотъ, какимъ образомъ тѣ событія предвозвѣстили всецѣлое спасеніе! Одни лишь образы—и тѣ оказались спасительными. Да возрадуются же небеса небесъ, какъ вопіетъ божественный Духъ, возвѣщая славу Божію; да празднуютъ небесные ангелы и архангелы; да торжествуютъ и всѣ небесныя силы, видя верховнаго Вождя вышнихъ воинствъ, тѣлесно приходящаго въ образѣ ходатая; да празднуютъ хоры звѣздъ, показывая Восшедшаго прежде денницы; да празднуетъ и воздухъ, неизмѣримо простирающійся въ глубину и широту; да празднуетъ морская вода, удостоившаяся священныхъ слѣдовъ и хожденія; да празднуетъ и земля, омытая божественной кровью; да празднуетъ и всякая человѣческая душа, возрожденная воскресеніемъ! Это—пасха, общее торжество всѣхъ вслѣдствіе исполненія отеческой воли въ мірѣ, посольство Христа, божественный востокъ надъ землею, ангеловъ и архангеловъ вѣчный праздникъ, жизнь безсмертная для всего міра, смертоносная для смерти, нетлѣнное небесное блаженство для людей, священное

торжество, предвозвѣщеніе древнихъ и новыхъ таинствъ, видимыхъ на землѣ и на небесахъ, созерцаемыхъ тѣми, кто принялъ ихъ новыми и съ священнымъ познаніемъ. Вотъ что можемъ мы вкратцѣ сказать объ этомъ предметѣ. Таковъ всенародный праздникъ пасхи. Для того, чтобы и намъ принять нѣкоторое участіе въ словѣ, какъ бы въ пиршествѣ (не земнымъ, но небеснымъ питаясь, пусть вкусимъ и мы этой мысленной пасхи съ духовнымъ желаніемъ, какъ и Іисусъ возжелалъ ѣсть съ нами пасху),—вотъ мы вкратцѣ скажемъ сначала о томъ, что гласилъ законъ [о пасхѣ] и какъ онъ осуществлялся, и почему законъ 737
былъ данъ послѣ оставленія Египта; затѣмъ покажемъ и то, какова цѣль установленія пасхи и какое это таинство—пасха,—все и во всѣхъ отношеніяхъ превосходящее. Приведемъ прежде всего самыя слова Св. Писанія, чтобы затѣмъ легче и удобнѣе было разсмотрѣть съ возможною обстоятельностью. *Рече же Господь къ Моисею и Аарону въ земли Египетстѣй, глаголя: мѣсяцъ сей вамъ начало мѣсяцей. первый въ мѣсяцѣхъ лѣта. Рцы ко всему сонму сыновъ Израилевыхъ, глаголя: въ десятый мѣсяца сего да возъметъ кійждо овча по домомъ отечествъ, кійждо овча по дому. Аще же мало ихъ есть въ дому, яко недовольнымъ быти на овча, да возъметъ съ собою сосѣда ближняго своего по числу душъ: кійждо довольное себѣ сочтетъ на овча. Овча совершенно, мужескъ полъ, непорочно и единолѣтно будетъ вамъ, отъ агнецъ и отъ козлищъ пріимете. И будетъ вамъ соблюдено даже до четвертагонадесять дне мѣсяца сего: и заколютъ то все множество собора сыновъ Израилевыхъ къ вечеру. И пріимутъ отъ крове, и помажутъ на обою подвою, и на празѣ, и въ домѣхъ, въ нихже снѣдятъ тое. И снѣдятъ мяса въ нощи той печена огнемъ, и опрѣсноки съ горькимъ зеліемъ снѣдятъ. Не снѣсте отъ нихъ сурово, ниже варено въ водѣ, но печеное огнемъ, главу съ ногами и со утробою. Не оставите отъ него до утрія, и кости не сокрушите отъ него: останки же отъ него до утра, огнемъ сожжете. Сице же снѣсте е: чресла ваша препоясана, и сапози ваши на ногахъ вашихъ, и жезлы ваши въ рукахъ вашихъ: и снѣсте е со тщаніемъ: пасха есть Господня. И пройду землю Египетскую сея нощи, и убью всякаго первенца въ земли Египетстѣй, и во всѣхъ бозѣхъ египетскихъ сотворю отмщеніе: Азъ Господь. И будетъ кровь, и покрыю вы, и не будетъ въ васъ язвы, еже погибнути, егда поражу землю Египетскую. И будетъ вамъ день сей въ память вѣчную, празднуйте его. Седмь дней опрѣсноки ядите* (Исх. XII, 1—15). *И паки рече Господь къ Моисею и Аарону: сей законъ пасхи: всякъ иноплеменникъ да не ястъ отъ нея: и всякаго раба или купленнаго обрѣжеши его, и тогда да ястъ отъ нея. Въ дому единомъ да снѣстся, и не изнесите мясъ вонъ изъ дому, и кости не сокрушите отъ него. Весь сонмъ Исраиля сотворитъ сіе. Всякъ необрѣзанный да не ястъ отъ нея. Законъ единъ да будетъ тоя земли жителю, и пришельцу пришедшему въ васъ* (ст. 43—44; 46—49). Такими чертами божественное Писаніе

предобразило таинственно нашъ священный праздникъ. Изслѣдуемъ же тщательно и съ возможною обстоятельностью прочитанное сейчасъ, изъясняя съ помощью вашихъ молитвъ глубокія тайны Писанія, не искажая истины написаннаго, но проникая въ дѣйствительный смыслъ того, что облечено въ предложенные здѣсь образы. Вѣдь и скинію божественный Духъ повелѣлъ устроить Моисею: „какъ покажу Я тебѣ,—сказалъ Онъ,—такъ устрой ее“. То, что усматривается нами чрезъ посредство прообразовъ, таинственно мыслится, какъ первообразъ, какъ подлинникъ совершающагося на нашихъ глазахъ.

2. Скажемъ, во-первыхъ, о томъ, какой это мѣсяцъ—начало мѣсяцевъ, почему этотъ пасхальный мѣсяцъ дѣлается первымъ между мѣсяцами года, во-вторыхъ, что это за агнецъ, отдѣляемый въ десятый день мѣсяца,—агнецъ совершенный, мужескаго пола, единолѣтній; кто это—сосѣдъ и кто ближній, принимаемый [въ домъ для вкушенія пасхи]; почему агнецъ сохраняется до четырнадцатаго дня и закалывается къ вечеру; почему закалываетъ его все множество собранія сыновъ израилевыхъ къ вечеру; что означаетъ кровь на двухъ столбахъ и на притолкѣ; почему ѣдятъ мясо ночью и притомъ печенымъ на огнѣ, а не сырымъ, и не вареннымъ въ водѣ; почему ѣдятъ голову съ ногами и внутренностями; почему не ломаются кости; что такое опрѣсноки и горькія травы; для чего это—*со тщаніемъ снѣсте пасху*; какія это чресла должны быть подпоясаны, что это за сапоги на ногахъ, и что такое эти посохи въ рукахъ; и вообще, что означаетъ эта пасха Господня, и почему кровь для тѣхъ домовъ, на которыхъ она будетъ,
738 будетъ имѣть такую силу, что *узрю*—говоритъ Господь—*кровь и покрыю вы, и не будетъ въ васъ язвы, еже погибнути, егда поражу землю египетскую;* для чего повелѣно семь дней ѣсть опрѣсноки; почему иноплеменникъ не долженъ ѣсть пасху; что это значитъ—*въ дому единомъ да снѣстся*, и не выносите мяса вонъ изъ дому, и костей не ломайте отъ него; *всякъ необрѣзанный да не ястъ отъ него; весь сонмъ сотворитъ сіе*; какой это сонмъ? *Законъ единъ да будетъ тоя земли жителю и пришельцу пришедшему въ васъ*,—одинъ и тотъ же законъ для обоихъ. Вотъ образы, символы и тайны, у израильтянъ зримо бывавшіе, у насъ же духовно совершающіеся. Немного побесѣдовавъ объ этомъ, мы такимъ образомъ дойдемъ до тайнъ истины: какъ понимать пришествіе Іисуса Христа послѣ закона; почему Онъ пришелъ и притомъ съ тѣломъ; что за пасха, которую Онъ желалъ ѣсть съ нами; почему Онъ, словомъ воскрешавшій мертвыхъ, не посрамилъ смерть совсѣмъ, оставшись въ живыхъ; почему претерпѣлъ крестъ даже до смерти; что означаетъ терновый вѣнецъ, которымъ Онъ былъ украшенъ, или—уксусъ и желчь, которые Онъ пилъ; что означаетъ пронзенное ребро, изъ котораго вытекла кровь и вода; почему молился Онъ о томъ, чтобы миновала Его чаша, которую Онъ долженъ былъ выпить до

конца; кто эти разбойники, распятые вмѣстѣ съ Нимъ, и который изъ нихъ въ раю; почему духъ предается въ руки Отца, а тѣло полагается въ новомъ гробѣ; что означаютъ слова: *со Мною будеши въ раи* (Лук. XXIII, 43), въ примѣненіи къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ; что означаютъ три дня, которые Онъ пробылъ подъ землею; почему первыми видятъ Его женщины, и объявляющій радостную вѣсть говоритъ: жены, *радуйтесь* (Мѳ. XXVIII, 9)? Вотъ наши яства во время священнаго праздника! Вотъ трапеза духовная! Вотъ безсмертная пища и наслажденіе! Вкусивъ хлѣба съ небесъ, испивъ чашу радости, кипящую и огненную, потому что кровь согрѣта свыше горячимъ дыханіемъ, возвратившись къ слову, [покажемъ] сначала, каковъ былъ законъ и каково домостроительство закона. Такимъ-то образомъ изъ сравненія мы узнаемъ, что такое—слово и что—свобода слова. Законъ, данный чрезъ Моисея, есть совокупность разнообразныхъ и необходимыхъ ученій, общеполезное собраніе всего хорошаго въ жизни, таинственное подражаніе порядкамъ небесной жизни, свѣтильники и подсвѣчники, огонь и свѣтъ, отблескъ горняго свѣта. Законъ, данный чрезъ Моисея, есть прообразъ благочестія, пособіе въ добромъ порядкѣ жизни, сдержка для перваго грѣха, намекъ на будущую истину. Законъ, данный чрезъ Моисея, есть наказаніе египетскаго заблужденія, написанное перстомъ Божіимъ, потому что иначе бы высокая рука сохранялась. Законъ, данный чрезъ Моисея, наставникъ благочестія, путеводитель къ справедливости, просвѣщеніе слѣпыхъ, воспитатель неразумныхъ младенцевъ, оковы для дурно поступающихъ, узда для жестоковыйныхъ, принудительное иго для зложелательствующихъ. Законъ, данный чрезъ Моисея, воспитаніе мудрыхъ, упражненіе въ дѣлахъ необходимыхъ, училище для познанія міра, предводительное наставленіе, преходящая тайна. Законъ, данный чрезъ Моисея, есть символическое, состоящее изъ намековъ, сокращеніе будущей благодати, возвѣщающее образами исполненіе будущей истины, жертвами—(святую) жертву, кровью—кровь, агнцемъ—Агнца, голубемъ—голубя съ небесъ, жертвенниками—Первосвященника, храмомъ—домъ Божества, огнемъ жертвеннымъ—весь вообще свѣтъ, свыше озаряющій міръ. Раскроемъ же здѣсь таинственный смыслъ закона. Прежде всего необходимо было явиться закону именно послѣ выхода изъ Египта, чтобы искоренить зло въ душѣ, всецѣло отдавшейся вещественному, въ сердцѣ, настроившемся по-египетски; срѣзать, на подобіе плуга, внутреннее густо разросшееся терніе помысловъ, провести борозды въ глубинѣ души, обновить душу для воспріятія божественнаго небеснаго слова. Поэтому справедливо божественный Духъ вопіетъ: *поновите себѣ поля, и не сѣйте на терніи* (Іер. IV, 3). Поэтому и пасха таинственно начинается прежде всего изъ Египта, пасха—этотъ первый ударъ мрачному идолослуженію, таинственное отсѣченіе безбожнаго идольскаго безумія,

справедливое ночное пораженіе первородныхъ сѣмянъ заблужденія. Извѣстно, что Египетъ испытывалъ избіеніе первенцевъ, и умирало цѣлое поколѣніе, которое было рождено,—съ тою цѣлью, чтобы жестоковыйный фараонъ, не вразумившись первыми казнями, хотя и поздно вразумился, а Израиль такъ необычайно былъ спасенъ, Богъ же прославился во всемъ. Множество египтянъ казнится, а у Израиля
739 празднуется пасха, которая и называется поэтому пасхой въ празднествѣ Господнемъ и въ которой сокрыты многія священныя тайны человѣколюбія Божія. А смыслъ всего этого слѣдующій. Египетъ—это большой и мрачный образъ темнаго и глубокаго заблужденія. Здѣсь именно возникли первые зачатки того обмана, въ силу котораго тельцы и рыбы, звѣри и птицы и все подобнаго рода живыя существа были боготворимы и почитаемы за боговъ. Вотъ почему, когда открылся съ небесъ справедливый гнѣвъ и большой ужасъ объялъ всю землю, тогда прежде всего уничтожается суевѣрное и безумное идольское заблужденіе, потому что *во всѣхъ бозѣхъ Египетскихъ*,—говоритъ,—*сотворю отмщеніе: Азъ Господь* (Исх. xii, 12). Казнь обрушивается на всѣхъ первенцевъ, такъ какъ, усвояя себѣ самую отдаленную древность, (египтяне) содержали самое древнее служеніе идоламъ. Казнь совершается среди ночного мрака, потому что мрачны, печальны, непріятны и беззвучны были требища темныхъ дѣлъ и демоновъ. *И дамъ*,—говоритъ,—*чудеса на небеси горѣ, и знаменія на земли низу, кровь, и огнь и куреніе дыма: солнце обратится во тьму, и луна въ кровь, прежде неже пріити дню Господню великому и просвѣщенному* (Іоан. ii, 30, 31). *Вскую вамъ сей день Господень? Сей бо есть тьма, а не свѣтъ. Якоже аще убѣжитъ человѣкъ отъ лица льва, и нападетъ нанъ медвѣдица: и вскочитъ въ домъ и опрется рукою своею о стѣну, и уязвнетъ его змія: тако будетъ день Господень тьма, и нѣсть свѣтъ въ немъ* (Ам. v, 18—20). Кровь же въ знакъ печати Христовой, это мое таинство; знакъ не означалъ самъ по себѣ истину, а только указывалъ на будущую истину. Всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ знакъ крови на душахъ своихъ, подобно помазанному на домахъ, какъ изображено въ законѣ, всѣхъ ихъ пагубная казнь минуетъ. И на которыхъ, говоритъ, домахъ *узрю кровь, и покрыю вы. и не будетъ въ васъ язвы, еже погибнути, егда поражу землю Египетскую* (Исх. xii, 13). Итакъ, кровь является здѣсь знакомъ предохранительнымъ, какъ для домовъ, такъ и для душъ (вѣдь и душа божественнымъ Духомъ и вѣрою уготовляется въ священно-приличное жилище). Этотъ-то знакъ и предохраняетъ вѣрующихъ. Таково таинственное значеніе пасхи для всего міра.

3. Послушай, какое значеніе имѣютъ частности, которыя мы и попытаемся объяснить, насколько это намъ по силамъ. Что именно здѣсь истинно, это извѣстно Богу-Слову, устроившему священную пасху въ виду Себя самого и ради Себя самого, а намъ, какъ людямъ, пусть

будетъ дано снисхожденіе, если мы въ чемъ-нибудь и ошибемся. Обратившись къ прежнему, объяснимъ прежде всего это выраженіе: мѣсяцъ начало мѣсяцевъ. Почему мѣсяцъ пасхи есть первый между мѣсяцами года? Тайное еврейское преданіе говоритъ, что это—именно то время, въ которое Господь временъ и Творецъ Богъ нѣкогда все создалъ. И это есть первый цвѣтъ созданія, красота міра, когда самъ Творецъ мысленно видѣлъ всю красивую картину, стройно двигающуюся, украшенную благоустройствомъ небесъ, благопріятнымъ сочетаніемъ временъ (года), правильнымъ движеніемъ солнца, восходомъ еще не ослабѣвшаго свѣта, и уже украшенную рожденіемъ плодовъ, быстрымъ ростомъ растеній, цвѣтистыми побѣгами деревьевъ, уже нарождающимися поколѣніями стадъ, когда вся земля уже зазеленѣла, а цвѣтущія плодовыя деревья готовятся принести плодъ, когда земледѣлецъ, отвязавъ ярмо отъ плуга, даетъ отдыхъ скрипучей телѣгѣ и, бросивъ въ землю божественные плоды, ожидаетъ сверху небесныхъ дождей, когда пастухъ уже доитъ бѣлое молоко, когда пчела дѣлаетъ сладкіе соты, лѣпя изъ воску, когда корабельщикъ, радуясь блестящему морю, смѣло пускается съ корыстолюбивыми замыслами въ синія волны. Этотъ моментъ всеобщаго согласія и полнаго благоустройства, это, такъ сказать, благодатное время, весна во всей своей прелести—и есть первый начатокъ времени. Для меня это несомнѣнно, я такъ думаю и даже увѣренъ, что началомъ, главою и первымъ вождемъ всякаго времени долженъ быть считаемъ именно мѣсяцъ пасхи, во время котораго совершается и священнодѣйствуется это великое таинство, чтобы какъ Господь отъ начала есть первородный первенецъ всего мыслимаго и невидимаго, такъ и этотъ мѣсяцъ, вслѣдствіе значенія священнаго торжества, сдѣлался 740
первымъ мѣсяцемъ года и началомъ всякаго времени. Это тотъ самый годъ (лѣто), о которомъ Св. Писаніе гласитъ: *проповѣдати лѣто Господне пріятно* (Лук. IV, 19). Овца есть священная жертва. Самъ *яко овча*, говорится, *на заколеніе ведеся, и яко агнецъ прямо стригущему его безгласенъ* (Дѣян. VIII, 32). И Іоаннъ: *се Агнецъ Божій вземляй грѣхъ міра* (Іоан. I, 29). Совершенный агнецъ и однолѣтній; совершенный, какъ считается на землѣ. Годъ, считаясь мѣрою времени на землѣ, дѣлая кругъ и обращаясь въ самого себя, этимъ круговымъ движеніемъ и обращеніемъ въ самого себя уподобляется неизмѣримой вѣчности. То, что агнецъ берется въ десятый день мѣсяца, имѣетъ большое символическое значеніе. Промежутокъ времени до евангелія былъ заполненъ закономъ; самымъ же главнымъ ученіемъ въ законѣ служитъ десятословіе; и вотъ именно послѣ десяти заповѣдей закона приходитъ таинственный Агнецъ съ небесъ. Сохраняется (агнецъ) въ продолженіе нѣсколькихъ промежуточныхъ дней, чѣмъ въ Писаніи обозначается время пребыванія (Христа) во плоти до страданія и содержанія Его подъ стражею въ домѣ первосвященника. Допускаемый къ ядѣнію агнца

ближній, сосѣдъ—это я, потому что ты, Израиль, не вмѣстилъ въ себѣ Агнца. Затѣмъ, агнецъ закалывается къ вечеру, потому что также и священный Агнецъ умерщвляется на закатѣ солнца. Закалываетъ агнца все многочисленное собраніе сыновъ Израилевыхъ. И дѣйствительно, весь Израиль въ своемъ невѣріи принялъ на себя вину за ту драгоцѣнную кровь,—весь Израиль, въ то время убивавшій и до нынѣ не вѣрующій. Поэтому противъ нихъ свидѣтельствуетъ Божественный Духъ и гласитъ, говоря: *руки ваша исполнены крове* (Ис. I, 15). Притолка, помазанная кровью, это Церковь, а два столба—это два народа, потому что Спаситель не довольствуется тѣмъ, что сначала послалъ къ тебѣ, Израиль. *Нѣсмь посланъ* къ вамъ,—говорилъ Онъ,—но *ко овцамъ погибшимъ дому Израилева* (Мѳ. XV, 24). Я, какъ собаченка, сидѣлъ у чужого стола, не имѣя еще возможности ѣсть хлѣба, но собирая падающія крошки и питаясь отъ чужой пищи. Но послѣ того, какъ ты не узналъ манны съ небесъ, хлѣбъ былъ перенесенъ чрезъ вѣру ко мнѣ, и я, вмѣсто собаки сдѣлавшись уже сыномъ, ѣмъ мясо. Померкъ свѣтъ міра предъ великимъ (сіяніемъ) тѣла Христова. *Пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое* (Мѳ. XXVI, 26). *Мяса печена огнемъ*: огненно вѣдь мысленное тѣло Христа. *Огня пріидохъ воврещи на землю, и что хощу, аще уже возгорѣся* (Лук. XII, 49)? Не сырое мясо, чтобы слово было не трудное, полезное и пріятное; и не вареное въ водѣ, чтобы слово не было слабымъ, водянистымъ, и растворѣннымъ. *Главу съ ногами и со утробою*. Начало и средина, какъ невидимый совѣтъ; ноги, какъ человѣкъ. Голова съ ногами и внутренностями. Начало, средина и конецъ: все содержитъ, заключаетъ и соединяетъ въ Себѣ самомъ неразрѣшимыми связями; сдѣлавшись дѣйствительно посредникомъ между Богомъ и человѣкомъ. *Глава съ ногами и со утробою*. Высота, глубина и широта суть утвержденія земли. *Глава съ ногами и со утробою*. Законъ и слово, какъ совѣтъ. *Коль красны ноги благовѣствующихъ благая* (Ис. LII, 7). *Кость же не сокрушите отъ него* (Исх. XII, 46),—чтобы удостовѣрить воскресеніе съ тѣломъ. *Принеси*, говоритъ, *персты твои въ язвы гвоздинныя* (Іоан. XX, 27, 25), чтобы знать, *яко духъ плоти и кости не имать* (Лук. XXIV, 39). Опрѣсноки ѣшьте съ горькими травами,—потому что горьки они для тебя и знаменуютъ горькія дѣла. *Земля ваша пуста, гради ваши огнемъ пожжени, страну вашу предъ вами чуждіи поядають, и опустѣ низвращена отъ людей чуждихъ* (Ис. I, 7). *Снѣсте пасху со тщаніемъ* (Исх. XII, 11). И конечно, всякому намѣревающемуся приступить къ такому тѣлу должно быть добрымъ и трезвымъ. *Чресла ваша препоясана*. Должны быть оставлены природныя путы—плотскія стремленія и грязныя удовольствія. *Сапози ваши на ногахъ вашихъ*,—чтобы пути были правильныя, опоры—не кривыя для утвержденія истины. Сандаліи ваши, которыя Моисей развязалъ, а Христосъ подвязалъ, на ногахъ вашихъ. *Иззуй*, говорится, *сапоги отъ ногъ твоихъ* (Исх. III, 5),—чтобы видно

быдо временное значеніе закона. *Емуже нѣсмь достоинъ отрѣшити ремень сапогу Его* (Лук. ш, 16),—чтобы показать всеобщее значеніе заключеннаго договора. *Жезлы ваши въ рукахъ вашихъ.* Знакъ боже- 741
ственной силы, опора мыслительной твердости. Жезлъ (для) Моисея, жезлъ (для) Аарона, жезлъ орѣховый, жезлъ, раздѣляющій бездны морскія, жезлъ, подслащающій горечь источниковъ, жезлъ, на которомъ покоятся семь святыхъ даровъ Духа божественнаго: *духъ премудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ страха Божія исполнитъ Его* (Ис. xi, 2). Это—пасха, пасха Господня! возгласилъ Духъ, потому что она не образъ, не вымыселъ, не тѣнь, но пасха истинно Господня. Кровь—знаменіе, знаменіе будущей истины, прообразъ истиннаго Духа, подражаніе великому помазанію. *И узрю кровь, и покрыю вы.* Поистинѣ Ты укрылъ насъ, Іисусе, отъ великой гибели, протянулъ отеческія руки, скрылъ насъ подъ Своими отеческими крыльями, пролилъ божественную кровь на землѣ и совершилъ примиреніе, запечатлѣнное кровію Твоею по человѣколюбію Твоему, удалилъ отъ насъ грозный гнѣвъ и возстановилъ для насъ тотъ древній миръ. Итакъ, пусть тѣ ѣдятъ опрѣсноки семь дней, наблюдая седмеричное время въ мірѣ и вкушая опредѣленную закономъ на землѣ земную пищу; наша же пасха—жертва Христова, у насъ новое тѣсто для Его священнаго смѣшенія, для того, чтобы, всецѣло заквасившись лучшею силою, намъ соединяться съ Духомъ Его. И самое царство небесное я заквасилъ смѣшанной закваской соотвѣтственно тремъ мѣрамъ пшеничной муки. Отсюда и пасха. *Пришлецъ да не ястъ.* Я не бросаю жемчуга предъ свиньями, не даю святого собакамъ. Служащій прежде грѣху пусть обрѣжетъ сердце и, освободившись отъ горькаго рабства, приступитъ затѣмъ съ достоинствомъ къ таинству; тогда, имѣя независимость, будетъ свободно ѣсть пасху, потому что *Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва* (Гал. ш, 13).

4. *Въ дому единомъ да снѣстся, и не изнесите мясъ вонъ изъ дому* (Исх. xii, 46). Одно есть собраніе и одинъ есть домъ; это—Церковь, въ которой вкушается священное тѣло Христово; поэтому изъ единаго дома Церкви тѣло не выносится вонъ. Вкушающій же въ другомъ мѣстѣ, какъ нечестивецъ и воръ, будетъ наказанъ. *Законъ единъ будетъ свободному и пришельцу.* Гдѣ Христосъ, тамъ свобода всѣмъ, равенство, одинъ законъ: всѣ пріобрѣтены драгоцѣнной кровью. Поэтому ты болѣе уже не рабъ, болѣе не іудей, но свободный: всѣ мы свободны во Христѣ. Слушай же, слушай послѣ прообразовъ и ветхозавѣтнаго домостроительства, каково домостроительство по пришествіи Христа на землю. Что такое—пришествіе Христа? Избавленіе отъ рабства, освобожденіе отъ прежней нужды, честь усыновленія (Богу), источникъ отпущенія грѣховъ, поистинѣ безсмертная жизнь во всѣхъ. Видя свыше насъ, мучимыхъ смертью, связанныхъ узами тлѣнія, направляющихся по одному

неизбѣжному и безповоротному пути, пришедши и принявъ первоначальный по совѣту отеческому образъ, Слово не ангеламъ, не архангеламъ поручило служеніе за насъ, но само приняло борьбу за насъ, повинуясь отеческимъ заповѣдямъ. Такъ какъ чистый божественный Духъ для всѣхъ былъ недоступенъ и не всѣ могли чувствовать непосредственныя вліянія Его, Онъ самъ, добровольно собравшись, пришелъ такимъ, какимъ пожелалъ, не сдѣлавшись самъ по себѣ ни меньше, ни хуже и не утративъ славы, и вслѣдствіе избытка отеческаго могущества не лишившись того, что имѣлъ, но прибавивъ еще и то, чего не имѣлъ. Пришелъ Онъ такимъ, какимъ могли Его принять. А такъ какъ нужно было какое-либо вмѣстилище для божественнаго Духа, чтобы первые стали участниками человѣческой природы и существа, то, очистивъ и сопричисливъ, отдѣливъ и отбросивъ то, что было грязно и ненужно, чистое же, ясное и свѣтлое озаривъ, освѣтивъ блескомъ, окруживъ сіяніемъ, воспламенивъ, сдѣлавъ небольшимъ храмомъ, воспитавъ въ цѣломудріи и, такъ сказать, возведя до степени ангела, Онъ тѣлесно принялъ на себя человѣческій образъ, происхожденіе имѣя духовное (востокъ), видъ же получивъ человѣческій. Вотъ почему Св. Писаніе весьма таинственно и обрисовало Его, говоря такъ: *се мужъ, во-*
742 *стокъ имя Ему* (Зах. VI, 12), востокъ именно какъ бы по духу, а мужъ по тѣлу, потому что *Духъ святый найдетъ на тя, и сила Вышняго осѣнитъ тя, тѣмъ же и рождаемое свято наречется Сынъ Вышняго* (Лук. I, 35). Такъ какъ происхожденіе Его было необычайно и божественно, то естественно и Духъ удивился, говоря: *родъ же Его кто исповѣсть* (Ис. LIII, 8)? Четыре существуютъ отличительныя наименованія божественности, которыя болѣе другихъ умѣстны, когда идетъ рѣчь о Духѣ: это—господство, божественность, сыновство и царство вѣчное; смотри же, не удостоился ли Онъ получить эти добродѣтели и славу. Сначала смотри—Онъ Господь. *Рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене* (Псал. CIX, 1). Видишь ли, что Онъ Господь отъ Господа? Смотри—Онъ и Сынъ Его. *Той призоветъ Мя: Отецъ, и Азъ первенца положу его* (Псал. LXXXVIII, 27, 28), и: *Сынъ Мой еси ты, Азъ днесь родихъ тя. Проси отъ Мене, и дамъ ти языки достояніе твое* (Псал. II, 7, 8). Видишь ли, что Онъ Сынъ перворордный и единородный? Смотри—Онъ и Богъ. *Мужи высоцыи къ тебѣ прейдутъ, и въ тебѣ помолятся, и въ тебѣ поклонятся, и въ слѣдъ тебѣ пойдутъ связани узами ручными. Ты бо еси Богъ, зане въ тебѣ Богъ есть* (Ис. XLV. 14—15). Видѣлъ, что Онъ Богъ? Смотри—Онъ и вѣчный Царь. *Престолъ твой, Боже, въ вѣкъ вѣка: жезлъ правости, жезлъ царствія твоего. Возлюбилъ еси правду, и возненавидѣлъ еси беззаконіе: сего ради помаза Тя, Боже, Богъ твой елеемъ радости паче причастникъ твоихъ* (Псал. XLIV, 7, 8). Видѣлъ, что Онъ Царь? Смотри—Онъ, будучи Царемъ, и Господь силъ. *Возмите врата, князи ваша, и возмитеся, врата вѣчная, и внидетъ царь славы. Кто есть*

сей царь славы? Господь силъ, той есть царь славы (Псал. XXIII, 7, 8, 10). Видишь ли, что Онъ, будучи царемъ, есть и Господь силъ? А изъ дальнѣйшаго ты усмотришь, что Онъ былъ и вѣчнымъ Первосвященникомъ. *Клятся Господь, и не раскается: ты iерей во вѣкъ* (Псал. CIX, 4). Поэтому, если Онъ и Господь, и Богъ, и Сынъ, и Царь, и Господь силъ, и вѣчный Первосвященникъ, то, когда хочетъ, Онъ есть и человѣкъ. Кто познаетъ Его? Безъ сомнѣнія, по виду Онъ человѣкъ, а предвѣчно Богъ. А чтобы Онъ не показался, по мнѣнію людей, случайнымъ и не имѣющимъ происхожденія призракомъ или — духомъ, явившимся на землѣ,—слушай, что Онъ былъ и младенцемъ. *Слышите убо доме Давидовъ: еда мало вамъ есть трудъ даяти человѣкомъ, и како даете Господеви трудъ? Сего ради дастъ Господь самъ вамъ знаменiе: се дѣва во чревѣ зачнетъ, и родитъ сына, и нарекутъ имя ему Емануилъ* (Ис. VII, 13, 14). *И восхотятъ, да быша огнемъ сожжени были. Яко отроча родися намъ, его же начальство на рамѣ его: и нарицается имя его: велика совѣта ангелъ, чуденъ совѣтникъ, Богъ крѣпкiй, князь мира, отецъ будущаго вѣка* (Псал. IX, 5, 6). Безъ сомнѣнія, этотъ великiй Iисусъ пришелъ къ намъ, какъ Богъ и человѣкъ: никто не долженъ сомнѣваться. Господственное вмѣстилось въ человѣческомъ тѣлѣ. Также и Адамъ первое таинственное дыханiе Отца получилъ на землѣ, будучи перстью, потому что божественный Духъ не терпитъ вреда, по волѣ Божiей соединяясь съ тѣломъ. И если первая персть вмѣщаетъ священнаго Духа,—одушевленное тѣло вмѣщаетъ безсмертную жизнь Христову. Поэтому, когда бы Духъ только пришелъ въ того, кто былъ порабощенъ грѣху и смерти, то великое явленiе тѣла было бы излишне, если бы ни грѣхъ, ни смерть не были побѣждены. Но надлежало и грѣху быть уничтоженнымъ. Потому-то Онъ *грѣха не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его.* Поэтому-то Онъ облекся сначала въ это бѣдное и смертное тѣло, какъ говоритъ о Немъ Духъ: *нѣсть вида Ему, ниже славы: и видѣхомъ Его, и не имяше вида, ниже доброты: но видъ Его безчестенъ, умаленъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ* (Ис. LIII, 2). *Въ подобiи бо плоти грѣха безъ грѣха осуди грѣхъ* (Римл. VIII, 3), показавъ, что не больные нуждаются во врачѣ, но болящiе. Онъ лѣчилъ наши немощныя тѣла, а особенно исцѣлялъ болѣзни могущественною силою, чтобы исполнилось сказанное: *Азъ Господь Богъ призвахъ тя въ правдѣ, удержу за руку десную твою, и укрѣплю тя въ завѣтъ рода моего,* 748
во свѣтъ языковъ, отверсти очи слѣпыхъ, извести отъ узъ связанныя во тьмѣ. Азъ Господь Богъ, сiе мое есть имя (Ис. XLII, 6—8). *Услышите, глусiи, словеса книги. И сѣдящимъ во тьмѣ свѣтъ возсiя. Тогда скочитъ хромый, яко елень, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ* (Ис. XLII, 18; ср. XXIX, 18; XXXV, 5, 6). Послѣ того какъ зло по частямъ было уничтожено, послѣднимъ врагомъ ниспровергается смерть. *Гдѣ ти, смерте, жало* (Ос. XIII, 14)?

5. Такова была пасха, которую Іисусъ восхотѣлъ принести за насъ. Страданіемъ Онъ освободилъ насъ отъ страданій и смертью побѣдилъ смерть и чрезъ видимую пищу даровалъ Свою безсмертную жизнь. Вотъ спасительное желаніе Іисуса! Вотъ высочайшая духовная любовь: представить образы, какъ образы, а священное тѣло дать ученикамъ Своимъ. *Пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое. Пріимите, пійте, сія есть кровь Моя новаго завѣта, яже за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ* (Мѳ. XXVI, 26—28). Поэтому Онъ не столько желаетъ вмѣстѣ ѣсть, сколько страдать, чтобы чрезъ вкушеніе освободить насъ отъ страданія, поэтому, водрузивъ вмѣсто того древа древо крестное, пригвоздивъ на немъ руку, послужившую нѣкогда праотцу для грѣха, Онъ показалъ, что вся жизнь поистинѣ виситъ въ Немъ. Ты, Израиль, не могъ ѣсть, мы же съ твердымъ знаніемъ духовно вкусили и, вкусивъ, не умираемъ. Это дерево служитъ для меня къ вѣчному спасенію; въ немъ моя пища и угощеніе; въ корняхъ его я имѣю опору, вмѣстѣ съ вѣтвями его распространяюсь, его духомъ, какъ воздухомъ, живу. Подъ тѣнью его я устроилъ шатеръ и, укрываясь отъ сильнаго зноя, имѣю здѣсь прохладное убѣжище, цвѣту съ его цвѣтами, вполнѣ наслаждаюсь его плодами и безпрепятственно вкушаю плоды, сбереженные для меня отъ начала. Это пища для утоленія моего голода, источникъ для утоленія моей жажды, покровъ для моего обнаженнаго тѣла; тутъ и листья—духъ жизни, а не листья смоковницы. Когда я страшусь Бога, оно для меня защита, когда колеблюсь, опора, когда веду борьбу, награда, когда побѣдилъ, знакъ побѣды; оно для меня маленькая тропинка, узкая дорога; оно—лѣстница Іакова, по которой восходятъ и нисходятъ ангелы, а на верху утверждается Господь. Это дерево весьма высокое, простирающееся отъ земли до неба, безсмертное насажденіе, утвердившееся въ серединѣ между небомъ и землей, опора и утвержденіе для всего, подпора всей вселенной, оно есть міровая связь, содержащая въ себѣ сущность разнообразнаго и человѣческаго бытія, оно скрѣплено невидимыми духовными связями, чтобы, соединившись съ Божествомъ, болѣе уже не отрѣшаться, оно вершинами касается небесъ, а ногами упирается въ землю, неизмѣримыми же руками обнимаетъ со всѣхъ сторонъ все, что находится въ срединѣ. Весь всецѣло былъ Онъ вездѣ и во всемъ, и единственно по Своей волѣ обнаженнымъ выступилъ противъ воздушныхъ властей. Въ этой борьбѣ, какъ бы подъ вліяніемъ минутной слабости, Онъ умоляетъ, чтобы миновала Его чаша, показывая тѣмъ дѣйствительность Своей человѣческой природы, но затѣмъ, помня ради чего Онъ посланъ, и желая выполнить домостроительство, Онъ снова возглашаетъ: *не моя воля, но твоя воля; духъ бо бодръ, плоть же немощна.* Въ борьбѣ за душу, подобно побѣдителю, Онъ сначала принимаетъ на священную главу вѣнокъ изъ тернія, снявъ съ земли все прежнее проклятіе, очистивъ бо-

жественной главою землю отъ тернія, умножившагося подъ вліяніемъ грѣха; пьетъ горько-кислую желчь дракона тотъ, кто всѣ источники самъ сдѣлалъ для насъ пріятными. Желая разрѣшить дѣло жены и сохранить ее, сначала явившуюся изъ ребра и принесшую смерть, Онъ самъ отдалъ на пронзеніе Свое священное ребро, изъ котораго вытекла священная кровь и вода, совершенные и священные знаки духовнаго таинственнаго бракосочетанія, усыновленія и возрожденія. *Той вы крестить Духомъ святымъ и огнемъ* (Лук. III, 16),—водою, какъ Духомъ, а кровью, какъ огнемъ. Тогда же съ Нимъ вмѣстѣ распинаются два разбойника, знаменующіе собою два народа. Одинъ изъ нихъ послѣ раскаянія становится благомыслящимъ, выражаетъ послѣ примиренія исповѣданіе и дѣлается благочестивымъ по отношенію къ Господу; другой же, будучи жестоковыйнымъ, волнуется, остается неразумнымъ по отношенію къ Господу и нечестивымъ и охотно остается при прежнихъ заблужденіяхъ. Такъ и въ душѣ борются два теченія мыслей: одно изъ нихъ, отстраняясь отъ прежнихъ заблужденій, направляется къ Господу, почему послѣ покаянія и удостоивается человѣколюбія и 744
чести, другое же не можетъ заслужить оправданія, потому что не поддается перемѣнѣ и до конца остается разбойникомъ. Когда міровая борьба приходила къ концу, когда Побѣдитель былъ уже близокъ къ побѣдѣ, и, не превозносясь, какъ Богъ, но и не будучи побѣжденъ, какъ человѣкъ, предъ лицомъ всей вселенной воздвигалъ уже Свое побѣдное знамя и самъ въ Себѣ торжествовалъ надъ посрамленіемъ врага, тогда-то все изумилось предъ силою терпѣнія, тогда-то небеса поколебались, силы небесныя, престолы и законы пришли въ смятеніе, видя висящимъ на древѣ верховнаго Вождя великой силы; немногаго не доставало, чтобы звѣзды попадали съ неба, видя закатившуюся денницу; на нѣкоторое время померкъ даже огонь солнца, видя великій Свѣтъ міра помрачившимся. Тогда камни на землѣ раскололись, обличая неразуміе Израиля, не узнавшаго того духовнаго Камня, изъ котораго пилъ, пока былъ послушенъ. Разодралась церковная завѣса, сострадая (Христу) и показывая поистинѣ небеснаго Первосвященника. Едва ли не разрушился бы и не уничтожился отъ страха страданія весь міръ, если бы великій Іисусъ не испустилъ божественнаго Духа, сказавъ: *Отче, въ руцѣ твои предаю духъ мой* (Лук. XXIII, 46). Когда все было поколеблено и потрясено, когда все отъ страха пришло въ волненіе, затѣмъ, при восхожденіи назадъ божественнаго духа, все стало снова одушевленнымъ, оживотвореннымъ и твердымъ, какъ будто божественное напряженіе почувствовалось во всемъ и вездѣ и какъ будто распятіе на крестѣ коснулось всего. О, единое въ единомъ и все во всемъ! Пусть небеса имѣютъ духъ твой, а рай—душу: сегодня, говоритъ, буду съ тобою въ раю; а кровь пусть остается на землѣ. Недѣлимый раздѣляется на части, чтобы все спаслось, чтобы самое низ-

кое мѣсто не оставалось закрытымъ для божественнаго пришествія. Лица Его мы не видѣли, но голосъ Его слышали. Такъ, еще при жизни, пользуясь царской властью, Онъ разрѣшилъ оковы смерти, когда сказалъ: *Лазаре, гряди вонъ* (Іоан. XI, 43), и: *дѣвица, востани* (Мрк. V, 11),— чтобы обнаружилась Его могущественная власть. А теперь и всего Себя Онъ отдалъ смерти, чтобы умертвить ненасытнаго звѣря, уничтожить оковы, которыя нельзя было заполнить. Для безсмертнаго тѣла Онъ повсюду искалъ свойственной ему пищи, которая не связывалась бы какъ-нибудь ни съ удовольствіемъ, ни съ злобою, ни съ непослушаніемъ, ни вообще съ древнимъ грѣхомъ, первой пищей смерти, потому что, говорится, жало смерти грѣхъ (1 Кор. XV, 56). И такъ какъ въ немъ не нашлось ничего, что могло быть пищей для смерти, то она, оставшись сама по себѣ и лишившись пищи, сама для себя сдѣлалась смертью, какъ пророчески и объявляли многіе изъ праведныхъ о воскресеніи перворѳднаго изъ мертвыхъ. Онъ для того и перенесъ трехдневное пребываніе въ землѣ, чтобы вмѣсто закона самому спасти весь сполна родъ человѣческій. Можетъ быть для того Онъ и сдѣлался тридневнымъ, чтобы въ человѣкѣ возстановить во всей цѣлости—душу, духъ и тѣло. По воскресеніи, Его прежде всѣхъ видятъ женщины; какъ женщина ввела въ міръ первый грѣхъ, такъ первая возвѣщаетъ и жизнь міру. Потому-то и слышатъ женщины священный голосъ: *радуйтесь* (Мѳ. XXVIII, 9),—чтобы первая печаль (изгладилась) радостью воскресенія [1]), и чтобы для невѣрующихъ удостовѣрено было Его воскресеніе изъ мертвыхъ вмѣстѣ съ тѣломъ. А какъ Онъ всецѣло облекся внѣшнимъ видомъ ветхаго человѣка и, облекшись имъ, преобразовалъ его въ небесный, то этотъ видъ, соединившись съ Нимъ, вмѣстѣ съ Нимъ восшелъ и на небеса. Силы же небесныя, видя великое таинство,—человѣка уже въ Богѣ восходящаго,—получивъ повелѣніе, возопили съ радостью вышнимъ воинствамъ: *возьмите врата, князи, ваша, и возьмитеся, врата вѣчная, и внидетъ царь славы.* Эти, видя новое чудо,—человѣка соединеннаго съ Богомъ,—въ свою очередь восклицаютъ и спрашиваютъ: *кто есть сей царь славы?* А тѣ на вопросъ отвѣтили: *Господь силъ, той есть царь славы, крѣпокъ и державенъ и силенъ въ брани* (Пс. XXIII, 7—10). О, таинственная помощь! О, духовное торжество! О, божественная пасха, нисходящая съ неба до земли, и восходящая обратно отъ земли на небо! О, новое празднество всего міра! О, радость всего, и честь, и пища, и наслажденіе, отъ которыхъ мрачная смерть уничтожилась, а жизнь распространилась на
745 всѣхъ, небесныя врата открылись, и Богъ явился человѣкомъ, и человѣкъ восшелъ Богомъ, сокрушивъ врата адовы и расторгнувъ адамантовыя узы! И находившіеся внизу въ землѣ люди воскресли изъ

1) Здѣсь пропускъ.

мертвыхъ, возвѣщая объ этомъ тѣмъ, которые находились вверху; изъ земли появился хоръ. О, пасха божественная, соединяющая теперь насъ духовно съ Богомъ, въ полнотѣ сходящимъ съ небесъ, чрезъ Котораго великій брачный чертогъ наполнился свадебными пирами, и всѣ несутъ свадебную одежду, и никто не выгоняется, какъ не имѣющій ея! О, пасха, просвѣщеніе новымъ свѣтомъ, украшеніе свѣтлаго свадебнаго шествія! Теперь не гаснутъ уже свѣточи въ душахъ; духовно и боговдохновенно во всѣхъ возжигается въ тѣлѣ и въ духѣ огонь благодати, поддерживаемый елеемъ Христа. Тебя поэтому и призываемъ, Боже Владыко, духовно вѣчный Царю-Христе, простри великія Твои руки на св. Церковь Твою и на народъ всегда для Тебя святый, защищая, сохраняя, соблюдая, напередъ обороняя и предостерегая, низлагая всѣхъ враговъ, побѣждая и дѣйствующихъ невидимою силою противниковъ, какъ Ты низложилъ уже нашихъ враговъ. Воздвигни теперь самъ вмѣсто насъ памятникъ побѣды и даруй намъ вмѣстѣ съ Моисеемъ воспѣть побѣдную пѣснь, потому что Твоя есть слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На ту же пасху слово 7-ое и послѣднее.

1. Вчера, братіе, мы сказали кое-что относительно предопредѣ- 745
леннаго дня святой пасхи, и такъ какъ показалось, что есть какое-то затрудненіе, то мы объявили именемъ Господа нашего Іисуса Христа, что и затрудненіе это, и предназначенное время намъ были извѣстны гораздо раньше. Говорилось объ этомъ уже достаточно, если, конечно, вы удерживаете въ памяти то, что говорится; сегодня же мы пришли сказать о причинѣ отсрочки. А такъ какъ подобное изслѣдованіе требуетъ разсмотрѣнія всего въ цѣлости мѣста касательно пасхи, то мы хотимъ при помощи Божіей взять этотъ предметъ и сообразно съ своими силами изложить ученіе объ этой тайнѣ. Вслѣдствіе того, что здѣсь со стороны противниковъ, далекихъ отъ пониманія существа истины, предъявляются большія притязанія, причемъ и отпадшіе отъ насъ еретики, и іудеи выставляютъ на видъ, что у нихъ совершается пасха, между тѣмъ какъ это таинство есть у однихъ только христіанъ, и только у насъ празднованіе его покоится на незыблемыхъ основаніяхъ,— я хочу, вкратцѣ упомянувъ о всѣхъ подобныхъ притязаніяхъ, разсѣять то, что примѣшивается къ нашему таинству и такимъ образомъ выяснить, какая мысль соединяется съ тѣмъ или другимъ временемъ [празд- 746
нованія пасхи], насколько поможетъ единородный Сынъ Божій. Нерѣдко приходилось намъ слышать высказывавшіяся нѣкоторыми недоумѣнія: почему это праздникъ Рождества Спасителя совершается въ опредѣ-

ленный день,—онъ бываетъ, какъ всѣ мы знаемъ, именно за восемь дней до январскихъ календъ по счисленію римлянъ; праздникъ Богоявленія—тоже, потому что онъ празднуется въ опредѣленный день, въ тринадцатый четвертаго мѣсяца, по азійскому счету; память мучениковъ празднуется также примѣнительно къ опредѣленному дню; а съ праздникомъ пасхи дѣло обстоитъ иначе? Это потому, что это таинство относится не къ одному и притомъ какому-нибудь случайному дню, но его празднованіе падаетъ на то именно время, которое удовлетворяетъ многимъ заранѣе опредѣленнымъ срокамъ. Такъ, берется прежде всего первый мѣсяцъ, первый мѣсяцъ дѣйствительно перваго времени, которое опредѣляется весеннимъ равноденствіемъ. Притомъ, принимая первый мѣсяцъ, мы должны обращать вниманіе и на первое время, которое самому мѣсяцу сообщаетъ названіе перваго. И далѣе, кто беретъ первое время, долженъ обращать вниманіе на начало перваго времени; начало же его не иное какое-либо, какъ весеннее равноденствіе, какъ это я
747 далѣе покажу. И вотъ, такъ какъ мы принимаемъ во вниманіе и первое время, и равноденствіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ четырнадцатый день луны, и кромѣ того три дня—пятницу, субботу и день Господень, причемъ нельзя бываетъ праздновать пасху, если хотя одного изъ этихъ временъ недостаетъ,—то мы и не можемъ поэтому назначить одинъ опредѣленный день для таинства пасхи, но, взявъ вмѣстѣ всѣ эти опредѣленныя времена, отдѣльно опредѣляемъ время спасительнаго страданія. Итакъ, прежде чѣмъ излагать ученіе о равноденствіи, которое таинственно, о четырнадцатомъ днѣ луны, совпадающемъ съ самымъ таинствомъ, и затѣмъ о трехъ дняхъ относящихся къ концу таинства, я хочу сказать объ обычаѣ чуждыхъ намъ іудеевъ, какъ неразумно они поступаютъ,—благодаря чему тѣмъ съ бо̀льшимъ блескомъ обнаружится чистота церковнаго таинства. Даже и еретики, хотя тоже ложно поступаютъ, всетаки стоятъ выше ихъ. Іудеи не наблюдаютъ одного опредѣленнаго срока для празднованія пасхи, мѣсяцъ же держатъ солнечный, какъ они полагаютъ, и луну четырнадцатую. И вотъ, когда у нихъ случится четырнадцатый день луны, но первый мѣсяцъ еще не приходилъ, они отсрочиваютъ этотъ четырнадцатый день и берутъ первый солнечный мѣсяцъ, чтобы этимъ получающимся стеченіемъ перваго времени и четырнадцатаго дня луны достигнуть, повидимому, того, чего хотятъ. Итакъ, братъ, ты видишь, что и іудеи стараются объ этомъ и имѣютъ согласіе съ нами въ томъ, что назначаютъ для празднованія не одинъ опредѣленный день, а разныя времена. Есть еретики четыренадесятники, которые празднуютъ пасху съ іудеями и поступаютъ такъ же, какъ и они. Новаціане, кажется, иначе какъ-то подражаютъ намъ, хотя они сами подчиняются іудейскому обычаю въ опредѣленіи времени и наблюдаютъ первый мѣсяцъ, какъ у тѣхъ, равно какъ и четырнадцатый день луны; но не останавливаются на этомъ, а,

дойдя до этого, переходятъ на три дня, не имѣя на это никакого права и всетаки безъ согласія съ церковью, какъ это будетъ показано. Есть затѣмъ еще ересь монтанистовъ, которая очевидно не хочетъ дѣлать такъ, какъ іудеи, но на бѣду себѣ разногласитъ и съ церковью. Именно, они наблюдаютъ четырнадцатый день перваго мѣсяца, т. е. седьмого мѣсяца по азійскому счету, а не четырнадцатый день луны; не знаю, откуда взялось это постановленіе. Вѣдь единородный Сынъ Божій пострадалъ во время пасхи іудеевъ, въ четырнадцатый день луны, въ первомъ мѣсяцѣ, въ этотъ именно четырнадцатый день, совпадавшій съ іудейской пасхой. Итакъ, откуда же эта несчастная ересь взяла четырнадцатый день солнечнаго мѣсяца, а не луннаго? Ясно, конечно, что отъ демона-обольстителя. Впрочемъ, хотя она и отпала отъ церковнаго счисленія, всетаки потомъ вернулась къ тремъ днямъ. Однако пусть погибнетъ она. Послѣ же того, какъ я сказалъ, что всякая ересь стремится очевидно болѣе или менѣе держаться опредѣленнаго времени, я хочу прежде изобличить въ остальномъ іудеевъ, а затѣмъ такимъ образомъ изъяснить основанія, имѣющіяся у христіанъ (для опредѣленія праздника пасхи). Церковь содержитъ опредѣленное время страданія Христа, весеннее равноденствіе, четырнадцатый день луны, трехдневье: пятницу, субботу и Господень день. Ими мы пользуемся въ данномъ случаѣ и вполнѣ законно, не новшеству какому слѣдуя, но соблюдая по преданію отъ самого Моисея именно четырнадцатый день луны послѣ равноденствія. Я имѣю мудрыхъ еврейскихъ свидѣтелей. Не слѣдуетъ внимать неразумію теперешнихъ іудеевъ, потому что они извратили все, что было справедливаго въ законѣ; но слѣдуетъ выслушать мудрыхъ еврейскихъ изслѣдователей и руководиться ихъ мнѣніемъ. Отвергнувъ тѣхъ, какъ отступниковъ, сопоставимъ наше ученіе со взглядами этихъ послѣднихъ: получивъ подтвержденіе съ этой стороны, оно станетъ вполнѣ достовѣрнымъ. Іудеи лишились теперь всѣхъ благъ. Такъ, отвергли они и Писанія семидесяти двухъ мудрыхъ толковниковъ. Таково вѣдь было число іудеевъ, посвятившихъ себя въ древности, до пришествія Спасителя, подобнымъ изслѣдованіямъ, и избранныхъ изъ самыхъ лучшихъ по достоинству для перевода Св. Писаній, пользовавшихся большой извѣстностью еще и тогда на еврейскомъ языкѣ. И тогда же переводъ этотъ былъ одобренъ, и всѣ евреи посылали проклятія на того, кто вздумалъ бы измѣнять его. Поэтому и мы 748
съ полнымъ правомъ можемъ слѣдовать этому переводу. Если по словамъ Моисея: *при устѣхъ двою и тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ* (Втораз. XIX, 15), то тѣмъ спокойнѣе можно принимать переводъ не двухъ, а семидесяти двухъ свидѣтелей. Но пока эти мудрые мужи пользовались вліяніемъ среди іудеевъ, іудеи признавали значеніе сдѣланнаго ими перевода; когда же совершили іудеи беззаконіе надъ Спасителемъ, все доброе у нихъ погасло. Пророкомъ вѣдь былъ тотъ,

кто возвѣстилъ: *се Господь Саваоѳъ отъиметъ отъ Іерусалима и отъ Іудеи крѣпкаго, и крѣпкую, крѣпость хлѣба и крѣпость воды, исполина и крѣпкаго и человѣка ратника, и судію, и пророка, и смотреливаго, и старца, и премудраго архитектона, и разумнаго послушателя. И поставлю юноши князи ихъ, и ругатели господствовати будутъ ими* (Ис. ш, 1—4). Это пророческое слово сбылось на большей части іудеевъ; лишенные пониманія, не имѣя никакого пророка, который наставилъ бы ихъ на путь спасенія, они оставили и предавія своихъ ученыхъ мужей, и даже самыя основы закона подвергались у нихъ опасности искаженія. И вотъ. тогда-то они произвели перемѣны въ Священномъ Писаніи и отвергли переводъ тѣхъ мудрыхъ мужей, довѣрившись толкованію одного какого-то прозелита [1]) и позабывъ о трудахъ стольких мужей и о своихъ собственныхъ проклятіяхъ; тогда же исказили они и опредѣленіе времени пасхи.

2. Мы имѣемъ мудрыхъ свидѣтелей еврейскихъ, напр., Филона и Іосифа, и нѣкоторыхъ другихъ, которые въ своихъ сочиненіяхъ свидѣтельствуютъ, что невозможно съ точностью праздновать пасху иначе, какъ послѣ весенняго равноденствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они утверждаютъ, что такой порядокъ относительно четырнадцатаго дня луны соблюдается издавна, какъ и было уже нѣсколько разъ сказано. А эти мужи, какъ знаютъ іудеи, жили спустя много времени послѣ страданія Спасителя, такъ что ясно, что и Спаситель пострадалъ во время іудейской пасхи, слѣдовавшей за равноденствіемъ. Итакъ, ужъ изъ свидѣтельства ученыхъ ты видишь, что іудеи, нынѣ отверженные, съ самаго начала праздновали пасху агнца послѣ равноденствія въ четырнадцатый день луны. Пусть это положеніе стоитъ твердо, и на немъ-то я попытаюсь обосновать высказанное мною ранѣе. Впрочемъ, нужно оговориться, что іудеи безразлично совершаютъ пасху и до равноденствія, исключая вставочнаго мѣсяца, когда они непремѣвно относятъ ее на время послѣ равноденствія. Однако дѣлается это не намѣренно, а является дѣломъ простой случайности. Теперь же, въ настоящее именно время, они совершаютъ пасху прежде равноденствія, въ чемъ и обличаются тѣми мудрыми іудеями, какъ преступники помазанія. А у насъ сила таинства сохраняется въ неприкосновенности, потому что время, въ которое пострадалъ Спаситель, не упускается изъ вниманія. Въ историческихъ свидѣтельствахъ, сохранившихся отъ времени Пилата, дается указаніе на опредѣленный день пасхи; тамъ именно разсказывается, что Спаситель пострадалъ за восемь дней до календъ апрѣльскихъ. А этотъ день приходится послѣ равноденствія, какъ хорошо знаютъ это свѣдущіе. Руководясь этимъ указаніемъ, ты можешь убѣдиться, что Христосъ пострадалъ именно въ это опредѣленное время, и зная это, всегда

[1]) Подъ этимъ прозелитомъ нужно разумѣть Акилу.

будемъ соблюдать празднованіе пасхи послѣ равноденствія, подражая Христу; а если ты и безъ того не раздѣлялъ нечестія еретиковъ, то теперь будешь знать и тѣ основанія, которыми опредѣляется такое именно, а не иное время. Вотъ и я пытаюсь сдѣлать исчисленіе этого времени, чтобы показать согласіе таинства съ древнимъ установленіемъ. Пострадалъ Христосъ послѣ равноденствія и именно въ пятницу, какъ мы знаемъ и какъ извѣстно изъ Св. Писанія; пятница же тогда приходилась въ четырнадцатый день луны; затѣмъ, пострадалъ Онъ во время іудейской пасхи; а пасха іудейская тогда свела во едино ко времени страданій Христовыхъ всѣ сроки: она предварена была равноденствіемъ, падала на четырнадцатый день луны, и дни тогда были соотвѣтствующіе нашимъ пятницѣ, субботѣ и дню Господню. Почему и зачѣмъ это такъ было, объ этомъ я теперь долженъ сказать, разсматривая предложенное въ отдѣльности; конечно, при этомъ въ моей бесѣдѣ отразятся недостатки моего языка, но за то соблюденъ будетъ вѣрный смыслъ самыхъ вещей. Конечно, все вообще теченіе времени должно вести свое начало отъ равноденствія,—это подтверждается и данными міротворенія. Первый по счету мѣсяцъ долженъ совпадать съ той порой, откуда начинается счетъ времени вообще, а счетъ времени должно начинать, конечно, съ того перваго дня и той первой ночи, которые равны между собою по количеству. И не другое какое-нибудь начало соотвѣтствуетъ первому времени, какъ именно равенство этихъ данныхъ величинъ. Самое время было тогда еще въ будущемъ, но когда только что явились день и ночь, величина ихъ была опредѣлена въ равной мѣрѣ, и только потомъ уже, вслѣдствіе движенія, явилась неравномѣрность 749
между ними. Если же неравномѣрность произошла отъ движенія, то при твореніи должна была быть соблюдена равномѣрность. И это можетъ быть подтверждено и изъ Св. Писанія. *Въ началѣ*,—говоритъ бытописатель,—*сотвори Богъ небо и землю*. Затѣмъ прибавляетъ, что была тьма и свѣта еще не было. *И рече Богъ: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ. И разлучи Богъ между свѣтомъ и между тмою. И нарече Богъ свѣтъ день, а тму нарече нощь* (Быт. I, 1—5). Такъ явились первый день и первая ночь. Что же? Какъ *разлучи Богъ между свѣтомъ и между тмою*, которую назначилъ быть ночью? Это самое «между» (ἀνὰ μέσον, по срединѣ)—указываетъ на двѣ (равныя) половины. Такъ какъ все, что творилъ Богъ, Онъ творилъ въ опредѣленной природѣ, то естестественно, что и первые день и ночь Онъ заключилъ въ опредѣленныя и равномѣрныя границы и, при наличности такихъ границъ, увидѣлъ, что это весьма хорошо. Неравномѣрность же между днемъ и ночью должна была явиться впослѣдствіи уже, какъ слѣдствіе движенія. И вотъ, если первые день и ночь были равными, то равноденствіе есть начало перваго времени, какъ и было показано. Затѣмъ, послѣ равноденствія (обрати вниманіе на то, что я говорю) въ четвертый

день является солнце и луна. Равенству равноденствія соотвѣтствуетъ (положеніе) свѣтилъ. Въ шестой день создаетъ Богъ человѣка и затѣмъ въ седьмой почиваетъ отъ всѣхъ дѣлъ. Съ слѣдующаго дня, который является опять и первымъ, Онъ предоставилъ всему сотворенному идти своимъ порядкомъ. Это ты сохрани и удержи въ памяти своей, чтобы имѣть возможность изъяснить сказанное. Богъ сотворилъ человѣка, и, будучи благимъ, и человѣка сотворилъ такимъ же. Ты не смотри на теперешняго человѣка, но имѣй въ виду его первое состояніе: вѣдь его Богъ сотворилъ по образу Своему. И чтобы показать, что человѣкъ по природѣ своей не уступаетъ звѣздамъ, Писаніе указываетъ, что Богъ помѣстилъ его въ раю нагимъ, не нуждающимся въ одеждѣ; его взорамъ тогда еще чужда была распущенность и ни въ какомъ прикрытіи онъ не нуждался. Итакъ, Писаніе свидѣтельствуетъ, что Богъ сотворилъ человѣка и первыхъ людей помѣстилъ въ раю, и что они были наги и не стыдились. Но какъ солнце и луна красуются во всемъ блескѣ своей наготы, такъ и они имѣли возможность любоваться своей природной красотой. Явивъ человѣку такое благодѣяніе, помѣстивъ его среди райскихъ наслажденій, и оказывая къ нему въ изобиліи Свое расположеніе, Богъ, какъ это и справедливо было, искалъ чувства со стороны его и научилъ его, чтобы онъ выражалъ благодарность Ему своимъ послушаніемъ. Но такъ какъ Богъ увидѣлъ, что невозможно человѣку соблюсти этотъ даръ, если онъ не будетъ въ общеніи съ Богомъ, наградившимъ его, и не будетъ воздавать Ему честь, то Онъ предписалъ ему законъ въ качествѣ стража природы, чтобы воспоминаніемъ о Законодателѣ и съ помощью его поддерживать себя, какъ какими-нибудь хорошими лѣкарствами; и въ случаѣ соблюденія закона обѣщалъ ему безсмертіе, а при нарушеніи его смерть. Чтó произошло затѣмъ—это всѣмъ извѣстно: именно, человѣкъ, будучи склонéнъ завистью діявола къ нарушенію закона, становится тлѣннымъ и изгоняется изъ рая; затѣмъ, размножившись, онъ сталъ вести скотскую жизнь и сдѣлался вмѣстилищемъ нечестія и невоздержности. Поэтому и пророки возглашали о первоначальномъ его достоинствѣ и послѣдующемъ безчестіи: *человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися имъ* (Псал. XLVIII, 13). При такомъ положеніи дѣла, при такомъ паденіи человѣческой природы, единородный Сынъ Божій, согласно съ отеческимъ намѣреніемъ, желая возстановить человѣка и освободить его отъ грозившаго ему суда, придумалъ время и способъ помощи,—время для того, чтобы благовременно приступить къ врачеванію, а способъ такой, который былъ бы удобенъ для очищенія и возстановленія. Сдѣлавшись человѣкомъ, но оставаясь въ то же время и Богомъ, Онъ пострадалъ за весь міръ. Я часто говорилъ объ этой жертвѣ. Недавно много я говорилъ, приводя доказательства противъ іудеевъ отъ нихъ же самихъ

и противъ эллиновъ отъ самихъ же эллиновъ и показывая дѣйствительно спасительное значеніе этой жертвы, уничтожившей демоновъ, опасности, враговъ и все постыдное; теперь, конечно, я не стану вооружаться противъ нихъ, чтобы не отвлекаться отъ послѣдовательности предлагаемаго слова. И вотъ, когда единородный Сынъ Божій восхотѣлъ даровать воскресеніе падшему человѣку, обновить его, и Своимъ страданіемъ возсоздать по первообразу,—смотри, какъ Онъ поступаетъ. 750
Такъ какъ Онъ самъ былъ Творцомъ перваго человѣка, то вознамѣрился и послѣ паденія его быть слугой въ дѣлѣ исправленія всей природы; именно, приводитъ самого Себя къ страданію, и для возстановленія избираетъ тоже самое время, какое употребилъ и на созданіе, чтобы конецъ оказался согласнымъ съ началомъ и способъ у Творца былъ одинъ и тотъ же. Именно, восхотѣлъ, и точно также, какъ и для созданія перваго человѣка употребилъ Онъ самое чистое время,—вѣдь уже потомъ это первое время было осквернено вслѣдствіе преступленія, испортившись вмѣстѣ съ самимъ преступникомъ, и сдѣлало то, что непосредственно слѣдовавшіе за нимъ вѣка тоже были осквернены,—такъ точно и для возстановленія человѣка избралъ Онъ самое первое время, чтобы вмѣстѣ съ нимъ, очищеніемъ чрезъ страданіе, и послѣдующее время очистить съ начальнаго момента и во всемъ дальнѣйшемъ теченіи,—чтобы сразу показать все вмѣстѣ въ одномъ и томъ же—и обновленіе человѣка, и чистоту времени, и Обновителя и Создателя природы,—показать съ ясностью при помощи признаковъ времени.

3. Итакъ, какое время первое? Гдѣ начало перваго времени? Равноденствіе, братъ,—какъ мы показали,—требующее равенства дня и ночи, и притомъ равноденствіе именно весеннее, что подтверждается и послѣдовательностью событій. Вѣдь Моисей разсказываетъ, что въ третій день повелѣлъ Богъ явиться цвѣтамъ, деревьямъ и растеніямъ; а это—признакъ весны, соотвѣтственно искусству, способу и порядку создающаго все Бога. Такъ какъ первое созданіе человѣка совершилось послѣ равноденствія, именно, въ шестой день равноденствія (вѣдь человѣкъ былъ созданъ въ пятницу), полная же луна была сотворена послѣ равноденствія въ четвертый день, а потомъ уже произошло паденіе человѣка черезъ грѣхъ,—то поэтому исправленіе его и обновленіе Богъ возводитъ къ тому сроку, который соотвѣтствуетъ времени его созданія, сводя вмѣстѣ и равноденствіе, и четырнадцатый день послѣ равноденстія, и шестой день, чтобы стеченіемъ этихъ моментовъ времени наглядно показать единый источникъ и воскресенія Пострадавшаго, и обновленія природы, и ея возглавленія. Поэтому апостолъ, указывая на это, совершенное Богомъ, возглавленіе, говорилъ: *во всякой премудрости и разумѣ сказавъ намъ тайну воли своея по благоволенію своему, еже прежде положи въ немъ, въ смотрѣніе исполненія временъ, возглавити всяческая о Христѣ, яже на небесѣхъ и яже на земли* (Ефес. I, 8—10). Видишь,

какъ онъ говоритъ о возглавленіи того, что́ на землѣ, небеснымъ? Послѣ того какъ произошло паденіе человѣка и отдѣленіе отъ благочестія небесныхъ ангеловъ, Онъ, желая возвратить насъ чрезъ страданіе къ этому единенію, что иное предпринимаетъ, какъ не завершеніе добра? Поэтому и время творенія Онъ избираетъ временемъ обновленія, и даетъ тебѣ возможность слышать о величайшемъ таинствѣ. Такъ какъ эти времена съ трудомъ могутъ совпадать, какъ это случилось въ первые дни творенія, въ одну и ту же седмицу (обрати вниманіе на то, что первая та седмица, — седмица творенія, говорю, — имѣла въ себѣ равноденствіе въ началѣ, затѣмъ полную луну, появившуюся въ четвертый день, и немного спустя шестой день, въ который созданъ былъ человѣкъ: далеко не всегда можетъ это случиться на одной и той же седмицѣ), такъ вотъ, какъ трудно было, чтобы эти опредѣленныя времена сошлись въ теченіе одной седмицы, какъ во время перваго творенія, то Спаситель именно и воспользовался стеченіемъ ихъ для домостроительства страданія, чтобы показать предстоящее завершеніе. Поэтому, будучи нерѣдко разыскиваемъ іудеями съ цѣлью умерщвленія, Онъ уклонялся однако изъ ихъ рукъ, пока не послѣдовало совпаденіе временъ. И ты самъ читаешь въ евангеліяхъ, что іудеи хотѣли схватить Его, а Онъ удалился; тѣ, кто не зналъ тайны, видѣли въ этомъ трусость; но здѣсь былъ не страхъ, а ожиданіе наступленія предопредѣленнаго времени. Когда же Сынъ Божій собралъ вмѣстѣ признаки временъ, когда нашелъ, что данная седмица согласуется съ той первой седмицей творенія, что и равноденствіе, и полнолуніе, и пятница, въ которую должно было Ему пострадать и должно было совершиться обновленіе, сошлись вмѣстѣ, то Онъ тогда же предаетъ себя на стра-
751 даніе. Поднявъ очи къ небу, Онъ сказалъ: *Отче, пріиде часъ: прослави Сына твоего, да и Сынъ твой прославитъ Тя* (Іоан. XVII, 1), и ученикамъ сказалъ: *пріиде часъ, да прославится Сынъ человѣческій* (XII, 23). Такъ единородный Сынъ Божій всѣ тѣ первыя времена, въ которыя палъ сотворенный человѣкъ, старался свести въ одно для исправленія его и устроить возобновленіе природы, для чего необходимо было соединеніе опредѣленныхъ временъ. Поэтому во время страданія и наблюдается равноденствіе, какъ бы глава времени. Прежде же этого равноденствія, прежде чѣмъ явился день, была тьма, и не достойно было въ это время мрака совершиться страданію и исправленію паденія, потому что и первый человѣкъ появляется не во тьмѣ, но послѣ свѣта; послѣ же равноденствія день беретъ верхъ надъ ночью. Такъ надлежало и страданію, совершившемуся для исправленія, обнаружиться при такомъ положеніи, когда свѣтъ благочестія долженъ былъ увеличиваться, а мракъ нечестія уменьшался. Но какъ равноденствіе во время страданія наблюдается въ силу возглавленія (завершенія) времени, такъ въ силу того же самого и днемъ страданія является пятница,

потому что въ этотъ день былъ сотворенъ человѣкъ; и необходимо было, чтобы въ какой день палъ созданный человѣкъ, въ тотъ же онъ былъ и возстановленъ. Далѣе, субботу Писаніе посвящаетъ покою, выражаясь именно такъ: *и почи Богъ въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, и освяти его* (Быт. II, 2, 3). Такъ вотъ и Господь, совершивъ теперь обновленіе, пострадавъ въ пятницу и исполнивъ дѣло возстановленія падшаго человѣка, въ седьмой день покоится и пребываетъ въ сердцѣ земли, даруя находившимся во адѣ своими страданіями свободу. Какъ нѣкогда Богъ, такъ и Господь покоится теперь отъ всѣхъ дѣлъ. Такъ какъ паденіе человѣка произошло вслѣдствіе преступленія, то опять явилось дѣло для Бога, именно дѣло возстановленія его. Совершивъ это въ страданіи и возстановивъ погибшаго человѣка, котораго Онъ спасъ, въ день пасхальной субботы, Онъ успокоился отъ всѣхъ дѣлъ, такъ какъ не оставалось болѣе никакого дѣла для совершенія нашего спасенія. Такимъ образомъ, соблюдъ во время страданія и равноденствіе, и пятницу, и субботу по соотвѣтствію съ первоначальными, во едину отъ субботъ Онъ являетъ свѣтъ воскресенія; и это по связи времени. Именно, этотъ день былъ опять первымъ изъ всего времени, потому что и тогда въ этотъ день было начало воспринимаемаго чувствомъ свѣта, и нынѣ—начало духовнаго воскресенія. Соблюдъ все это въ соотвѣтствіе съ обстоятельствами перваго творенія, и полнолуніе, какъ мы сказали, Онъ удержалъ,—какъ и тогда,—послѣ равноденствія. И тутъ является новое чудо, ради котораго это и было устроено. Такъ какъ во время страданія Спасителя должна была быть тьма, а эллины затменіе солнца объясняютъ прохожденіемъ между солнцемъ и землею луны, то, чтобы кто-либо не вздумалъ отъ благочестія прикрываться греческой наукой, взятъ былъ четырнадцатый день луны; такъ что, во время страданія было цѣльное полнолуніе и луна находилась прямо противъ солнца, вслѣдствіе чего никакой рѣшительно тѣни уже нельзя было набросить на чудо, и оно являлось исключительно прещеніемъ за тяжкій грѣхъ, неподдающимся научнымъ объясненіямъ. Вотъ почему Христосъ и приноровилъ Свое необычайное страданіе къ этимъ срокамъ, запечатлѣннымъ древностію; потому-то и мы соблюдаемъ всѣ опредѣленныя времена, чтобы показать подражаніе тому таинственному смыслу. Но Спаситель, совершая истинную пасху, чтобы освободить всѣхъ отъ неизбѣжнаго суда, какъ это естественно по отношенію къ истинной и въ собственномъ смыслѣ пасхѣ, свелъ къ одной седмицѣ съ точностью—согласно съ древностью—всѣ раньше указанные сроки, чтобы въ точности воспроизвести всѣ обстоятельства творенія. А мы, вслѣдствіе того, что опредѣленныя времена не могутъ всегда съ такою точностью сходиться вмѣстѣ, совершая лишь подражаніе истинной пасхѣ, сводимъ къ одному мѣсту опредѣленныя времена только настолько, чтобы достигнуть сходства въ предѣлахъ возмож-

ности, оставляя точное установленіе ихъ первообразу—пасхѣ Спасителя. Такъ именно, если Единородный однажды былъ принесенъ въ жертву и этимъ было исчерпано домостроительство, то болѣе уже никакой человѣкъ не приносится въ жертву, но самъ Спаситель, претерпѣвшій страданіе, для подражанія собственной жертвѣ, даетъ хлѣбъ и чашу, обозначая
752 ихъ неизреченными названіями—одно собственнымъ тѣломъ, другое—кровью, и повелѣвая совершать пасху въ этихъ образахъ.

4. Согласно съ этимъ подражаніемъ, мы и времена соединяемъ подражательно, насколько можемъ, пріурочивая и равноденствіе, и четырнадцатый день луны и трехдневье къ одному мѣсту, — четырнадцатый день по необходимости, какъ учитъ древній обычай, включая въ одну седмицу съ тѣми тремя днями, а равноденствіе полагая около времени пасхи, когда случится. Спаситель, совершивъ пасху въ собственномъ смыслѣ, отвратилъ отъ насъ одолѣвавшее насъ зло, демоновъ, идолослуженіе и всякую скверну, и сдѣлалъ нашу природу свободной для новаго воспріятія блаженства. Такъ какъ въ это именно время, предъ самымъ страданіемъ, Онъ заповѣдалъ, чтобы мы, въ воспоминаніе о Немъ, употребляли данные Имъ символы, сказавъ: *сіе творите въ Мое воспоминаніе* (Лук. XXII, 19), то, естественно, мы каждый годъ и совершаемъ пасху, воспоминая всѣ эти событія, слѣдовавшія за равноденствіемъ; при всеобщей радости и въ подражаніе Спасителю, мы совершаемъ пасху во спасеніе всѣхъ насъ, для отвращенія належащихъ золъ и полученія небесныхъ щедротъ. По этой причинѣ мы и устраняемъ отъ себя ошибки еретиковъ и іудеевъ, принимая всегда для празднованія пасхи равноденствіе, отыскивая четырнадцатый день послѣ него и отсюда отсчитывая пятницу, субботу и день Господень, названный по имени Господа, какъ не разъ было сказано,—точно такъ, какъ и самъ Господь соблюлъ всѣ эти сроки, когда хотѣлъ раскрыть загадку, какою являлся ветхозавѣтный агнецъ, закалавшійся въ установленное закономъ время. Смотри, братъ, какъ необходимо было дѣло это для обнаруженія истины. Моисей повелѣлъ въ первый мѣсяцъ, въ четырнадцатый день луны, закалывать агнца, въ которомъ пророки видѣли образъ Спасителя, почему даже сравнивали его съ самимъ Спасителемъ и говорили: *яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ. Язвою его мы исцѣлѣхомъ* (Ис. LIII, 7 и 5); и Предтеча Іоаннъ поэтому, увидѣвъ Его, возгласилъ: *се Агнецъ Божій вземляй грѣхъ міра* (Іоан. I, 29). И вотъ, такъ какъ было естественно, что образъ потерялъ свою силу, когда пришла сама очевидная Истина, то Христосъ не другого какого-нибудь срока искалъ, какъ времени закланія агнца, чтобы показать замѣну его другимъ. Поэтому Онъ соединяетъ всѣ времена, и четырнадцатый день совпадаетъ съ пятницей; и какъ законъ повелѣвалъ закалывать агнца къ вечеру среди сумерокъ, такъ и Спаситель наблюдаетъ день и время закланія: день—пятницу,

въ которую созданъ былъ человѣкъ, а часъ — девятый: около самаго
девятаго часа Онъ испустилъ духъ на крестѣ. Начало вечера пола-
гается обыкновенно послѣ шести въ седьмомъ часу; время же «среди
сумерокъ» (средина вечера), если считать отъ начала седьмого часа,
приходится какъ разъ на половину девятаго, когда по указаніямъ еврей-
скихъ ученыхъ закалывался въ жертву агнецъ. И вотъ въ этотъ самый
часъ закланія агнца въ пятницу Спаситель, испустивъ духъ, раскрылъ
смыслъ загадки и по соотвѣтствію времени сдѣлалъ несомнѣннымъ воз-
главленіе. И эта замѣна загадки (дѣйствительностью) была столь неиз-
бѣжной, что даже въ виду близости праздника пасхи и при всемъ
своемъ уваженіи къ нему, іудеи не могли отсрочить своего преступ-
наго дѣла, что другіе, конечно, сдѣлали бы; но разъ добровольно рѣ-
шившись на убійство, они добились и приговора, согласнаго съ ихъ
желаніемъ, даже и не подозрѣвая, что тѣмъ яснѣе откроется эта замѣна
(агнца). Открывается, далѣе, для тебя, и причина полнолунія во время
страданія въ томъ, что, такъ какъ солнце, во время совершенія такого
тяжкаго грѣха противъ Спасителя, должно было померкнуть съ шестого
часа до девятаго и поворотить назадъ лучи свои, какъ будто глаза,
чтобы не видѣть столь великаго преступленія,—то страданію и назна-
чено было совершиться при полнолуніи, чтобы затменіе солнца не по-
казалось эллинамъ происшедшимъ вслѣдствіе прохожденія луны, но
чтобы необходимо было признать причину его въ Пострадавшемъ, такъ
какъ сама луна разошлась съ солнцемъ въ противоположныя стороны.
Случилась же тьма по свидѣтельству евангелій съ шестого часа во
время страданія Спасителя. Предвидя это, Амосъ восклицалъ: *будетъ
въ той день, глаголетъ Господь Богъ, зайдетъ солнце въ полудне, и по-
меркнетъ въ день свѣтъ* (Амос. VIII, 9). И такъ какъ день тотъ долженъ 753
былъ раздѣлиться на свѣтъ и тьму, то другой пророкъ, Захарія, гово-
ритъ: *и будетъ, въ день онъ не будетъ свѣтъ, и день той знаемь Гос-
подеви, и не день, и не нощь, и при вечерѣ будетъ свѣтъ* (Захар. XIV,
6, 7). Чередованіемъ тьмы и свѣта (Богъ) дѣлаетъ весь этотъ день
двусмысленнымъ. И какъ пророкъ восклицалъ, что солнце помрачится
въ полдень, а нѣкоторые склонны между тѣмъ къ недовѣрію, дѣйстви-
тельно ли это произошло ради страданій Спасителя, или же нѣтъ,—
ты уже своими глазами только что созерцалъ великое знаменіе для того,
чтобы, видя возстановленіе послѣ знаменія прежняго порядка, разрѣ-
шить себѣ искомый вопросъ. Итакъ, оправдались ли эти слова Господа
чрезъ пророка послѣдующими событіями? Обличающій іудеевъ Амосъ,
указывая на страданіе возлюбленнаго божественнаго Спасителя и про-
тивополагая ему беззаконіе ихъ, говоритъ: *зайдетъ солнце въ полудне,
и померкнетъ въ день свѣтъ: и превращу праздники ваша въ жалость,
и вся пѣсни ваша въ плачь, и возложу на всякъ хребетъ вретище, и на
всяку главу плѣшь, и положу его яко жалость любимаго, и сущія съ*

ниимъ яко день болѣзни (Амос. VIII, 9, 10). Онъ указалъ знаменіе, что солнце зайдетъ въ полдень, дѣла превратятся въ страданіе, пѣсни въ плачъ; и все это, сказалъ, Богъ сдѣлаетъ ради Возлюбленнаго Своего. Такова будетъ, говоритъ, печаль, такова необходимость наказанія, какая именно потребуется соотвѣтствіемъ съ достоинствомъ уничиженнаго Возлюбленнаго. Смотри теперь, развѣ не оттого, что пострадалъ Спаситель, преслѣдуютъ ихъ бѣдствія, развѣ не оттого праздники ихъ превращаются въ печаль, пѣсни ихъ въ плачъ, солнце не заходитъ въ полдень? Если ты признаешь великое чудо въ томъ, что Христосъ былъ распятъ на крестѣ во время именно праздника пасхи, то вмѣстѣ съ тѣмъ увидишь, что по возмездію за это праздники ихъ превратились въ плачъ, когда напали римляне, и всѣ іудеи сбѣжались въ Іерусалимъ, какъ бы въ какую общую для всѣхъ западню, и когда во время самыхъ празднованій, какъ свидѣтельствуетъ исторія, они были истреблены огнемъ и мечомъ при безпомощныхъ вопляхъ, такъ что, когда столь великія бѣдствія поразили ихъ самихъ, ясно послѣдовало превращеніе празднованій въ печаль и пѣсней въ плачъ, столь же ясно, какъ ясно то,—бывшее на глазахъ,—что солнце зашло въ полдень. Это именно показываетъ все сказанное. На протяженіи двухъ лѣтъ война держала іудеевъ въ печали и довела бѣдствіе всей Іудеи даже до нынѣшняго времени. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ храмъ? Гдѣ священство? Гдѣ царская власть? Гдѣ ихъ сѣдалище? Гдѣ городъ закона? Все прошло, все угасло, все уничтожено до основанія: когда зашло солнце, все превратилось въ печаль. И вотъ, такъ какъ это произошло ради великихъ таинствъ во время страданія Спасителя, поэтому и мы въ каждый праздникъ пасхи, стараясь возобновить значеніе таинства, соединяемъ, насколько можемъ, опредѣленныя времена и беремъ четырнадцатый день не только по нѣкоторымъ основаніямъ, какъ указаннымъ, такъ и не указаннымъ, но еще и потому, что солнце зашло въ полдень; пусть ясно будетъ, что тьма была не естественнымъ явленіемъ, согласно съ греческой наукой, но дѣломъ возмездія, какъ не разъ было сказано, потому что она случилась не во время прохожденія луны, но когда луна взошла на сторонѣ прямо противоположной той, гдѣ находилось солнце, и когда, какъ кто-нибудь сказалъ бы, она двигалась такъ, чтобы четырнадцатый день сдѣлался для всѣхъ вѣчнымъ знакомъ случившагося чуда.

5. По вышеуказаннымъ причинамъ мы беремъ также пятницу, субботу и день Господень и, завершая все разсмотрѣніе таинства по соединенію опредѣленныхъ временъ, устраняемся и отъ неразумія іудеевъ, и отъ безумія несогласныхъ съ ними въ этомъ еретиковъ и представляемъ въ полномъ и нетронутомъ видѣ всю особенность возстановленія (возглавленія) всего въ священный праздникъ пасхи. И какъ Христосъ пострадалъ при полномъ сочетаніи всѣхъ этихъ признаковъ

временъ, такъ и мы должны совершать пасху при такихъ же самыхъ, насколько возможно, условіяхъ; а если чего-нибудь изъ нихъ не доставало бы, то и подражаніе оказалось бы хромающимъ. Такъ какъ о всемъ этомъ ты уже достаточно слышалъ, то необходимо напослѣдокъ сказать и о томъ, какимъ образомъ теперь дѣлается опредѣленіе времени пасхи, какъ я и обѣщалъ въ началѣ. Мы сказали, братъ, что для времени страданія слѣдуетъ вмѣстѣ брать и весеннее равноденствіе, и четырнадцатый день луны, но не раньше равноденствія, и (пятницу) и субботу и день Господень. И вотъ, если когда-нибудь случится че- 754
тырнадцатый день луны прежде равноденствія, мы оставляемъ его, а ищемъ другой, который долженъ быть послѣ равноденствія, и тогда случается вставочный мѣсяцъ до появленія четырнадцатаго дня послѣ равноденствія. Какъ разъ нынѣ, братъ, въ эту предстоящую предъ нами пасху четырнадцатый день падаетъ на время дня за два до равноденствія и становится недѣйствительнымъ; поэтому мы ждемъ окончанія луннаго мѣсяца и беремъ слѣдующій четырнадцатый день, чтобы въ немъ совершить мѣсяцъ Спасителя. Итакъ, нынѣ мы пользуемся вставочнымъ мѣсяцемъ. И какъ мы видѣли, что, если четырнадцатый день луны случается прежде равноденствія, то мы пользуемся не этимъ днемъ, а соотвѣтствующимъ ему послѣ равноденствія, такъ въ свою очередь, если четырнадцатый день луны встрѣчается съ днемъ Господнимъ, то мы не празднуемъ этотъ день Господень, какъ день воскресенія, а беремъ слѣдующій день Господень, потому что четырнадцатый день есть день страданія,—въ этотъ день, совпавшій съ пятницей, пострадалъ Христосъ. И какъ пятница у насъ не можетъ быть днемъ воскресенія, такъ все равно и совпадающій съ нею четырнадцатый день. Воскресенію долженъ соотвѣтствовать день Господень и не относиться ко дню страданія. Поэтому, если съ этимъ днемъ совпадаетъ четырнадцатое число, относящееся ко дню страданія, то, оставивъ его, мы останавливаемся на слѣдующемъ днѣ свободномъ отъ (воспоминанія) страданія. И когда намъ предстоитъ воспоминаніе страданія и воскресенія Господа, мы, какъ сдѣлалъ и Владыка, всегда соблюдаемъ Господень день, какъ соотвѣтствующій дню воскресенія и свободный отъ (воспоминанія) страданія, относя воспоминаніе страданія къ днямъ предшествующимъ этому. Такъ какъ ты это понялъ, обрати вниманіе далѣе на то, что я говорю. За два дня до равноденствія, какъ я сказалъ, падаетъ нынѣ четырнадцатый день луны; по необходимости мы должны этотъ день оставить, и остановиться на слѣдующемъ послѣ равноденствія. Но этотъ четырнадцатый день опять сходится съ двадцать шестымъ днемъ седьмого мѣсяца и совпадаетъ притомъ съ днемъ Господнимъ. Такъ какъ, слѣдовательно, четырнадцатый день опять сходится съ днемъ Господнимъ, то мы переносимъ празднованіе воскресенія на слѣдующій день Господень, свободный отъ числа (воспоминанія) стра-

данія, и, прибавляя недѣлю къ двадцать шестому числу седьмого мѣсяца, празднуемъ воскресный день во второе число восьмого мѣсяца. Таково основаніе для опредѣленія времени пасхи. Если кто захотѣлъ бы возражать относительно двадцать шестого дня этого седьмого мѣсяца и сказать, что теперь день Господень совпадаетъ съ четырнадцатымъ днемъ луннаго мѣсяца, тотъ пусть отправится, если желаетъ, разсмотрѣть противоположное, взявъ эллинскихъ ученыхъ во свидѣтели того, что четырнадцатый день обнимаетъ и весь день Господень и эту и слѣдующую ночь почти вплоть до слѣдующаго второго дня. И пусть никто не говоритъ, что никогда не опредѣлялась такимъ образомъ пасха. Мы имѣемъ много свидѣтелей. помнящихъ это. Затѣмъ, то, что невѣрно, никогда не можетъ соотвѣтствовать знанію, а умъ всегда ищетъ знанія; часто дѣло совершается быстро, иногда еще быстрѣе, и опять медленнѣе, однакожъ ни одинъ разумный человѣкъ не будетъ долго останавливаться на этой неравномѣрности времени, но будетъ искать соотвѣтствія въ значеніи. Сколько разъ, ты думаешь, въ прежнія времена повторялось это „никогда этого не бываетъ", и все-таки наука не потеряла силы? Въ чемъ же тутъ разница? Противники признаютъ, что пасха случается часто въ двадцать девятый день седьмого мѣсяца. Значитъ, тутъ дѣло идетъ о трехъ или четырехъ дняхъ, которыя не рѣшаются предоставить этому знанію. Итакъ, гдѣ наконецъ это неожиданное затрудненіе опредѣленія? Они удивляются тому, что пасха празднуется слишкомъ несогласно по соотвѣтствію со временемъ; но для понимающихъ въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Ты видѣлъ, братъ, стихи поэтическія или трагическія? Одни кратки, другіе еще короче, а иные, напротивъ, растянуты. Несвѣдущіе въ этомъ положительно удивляются, что они такъ просто расположены; но конечно художникъ, знающій законъ соразмѣрности, искусно достигаетъ правильности, хотя бы по внѣшности произведеніе и казалось неравномѣрнымъ. Теперь безъ сомнѣнія, братъ, день воскресный будетъ во второе число восьмого мѣсяца, въ слѣдующемъ году въ семнадцатый день седьмого мѣсяца, и еще въ слѣдующій въ девятый день седьмого мѣсяца, и затѣмъ въ третій годъ въ двадцать девятый день этого мѣсяца приходится воскресный день; и никто не терпитъ отъ этого ни вреда, ни печали, но всѣ цѣ-
756 нятъ соотвѣтствіе искусства и радуются успѣху науки. Одно именно только должно наблюдать, чтобы четырнадцатый день луны не брать раньше весенняго равноденствія и чтобы день Господень, назначаемый для воспоминанія воскресенія, не соединять съ четырнадцатымъ днемъ луны, вслѣдствіе чего и являются затрудненія для тѣхъ, кто не можетъ произвести основательное сужденіе. Необходимо, чтобы четырнадцатый день приходился на недѣлѣ ранѣе опредѣленнаго воскреснаго дня. Если онъ упадетъ среди недѣли, тогда опредѣлить удобно; если же онъ совпадетъ съ днемъ Господнимъ, въ этомъ случаѣ нужна тщательная пре-

дусмотрительность, потому что тѣ, которые не производятъ точнаго изслѣдованія, могутъ пятнадцатый день луннаго мѣсяца принять за четырнадцатый; это самое и нынѣ случилось. Итакъ, на этомъ мы 756
должны сильно настаивать и объяснять, что и теперь опредѣленіе времени дѣлается правильно. Это мы должны знать; и передъ слѣдующей недѣлей пусть у каждаго будетъ твердое мнѣніе объ этомъ предметѣ, и всѣ должны знать, что это изъ семи недѣль первая, въ которую требуется поститься. Мы же при этомъ исполнили обѣщаніе, если только удержится въ памяти смыслъ всего сказаннаго. Дай же Богъ, чтобы сохранились въ сердцахъ вашихъ всѣ тайны, и вы сами—во Христѣ, съ Которымъ возносится слава Богу и Отцу со Святымъ Духомъ нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На соборъ архангеловъ.

Прославлять ангеловъ—нашъ долгъ. Они, воспѣвая Творца, обна- 755
руживаютъ милость Его и благорасположеніе къ людямъ. Я говорю объ ангелахъ, о нашихъ союзникахъ, ведущихъ войну противъ враждебныхъ намъ силъ,—объ ангелахъ, одинъ изъ которыхъ есть архангелъ Михаилъ, состязавшійся съ діаволомъ изъ-за тѣла Моисея и воевавшій противъ вождя персовъ за свободу народа (Дан. x, 13). Изъ числа ихъ и тотъ, который обратилъ назадъ ослицу и удержалъ Валаама отъ страннаго безумія, и когда пророкъ этотъ не понималъ совершавшагося, голосъ безсловеснаго образумилъ одареннаго словомъ (Числ. xxii, 27). Изъ числа ихъ и тотъ, который обнажилъ мечъ и побудилъ Іисуса Навина сразиться съ непріятелями. Изъ нихъ также и тотъ, который въ одну ночь поразилъ сто восемьдесятъ пять тысячъ ассиріянъ и усыпилъ варваровъ безпробуднымъ сномъ смерти (4 Цар. xix, 35). Изъ нихъ же и тотъ, который перенесъ по воздуху пророка Аввакума, чтобы накормить пищей пророка Даніила среди голодныхъ львовъ (Дан. xiv, 35). Эти вотъ и имъ подобные стоятъ противъ враговъ и имѣютъ силу также и противъ страданій. Таковъ былъ дивный и божественный Рафаилъ, внутренностями одной рыбы освободившій дѣвицу изъ-подъ власти демона и искусно возвратившій зрѣніе слѣпому старику (Тов. x, 1). Нельзя умолчать и о тѣхъ, которые служили въ новомъ завѣтѣ; изъ нихъ по большей части является архангелъ Гавріилъ, открывшій предсказаніе Захаріи и наказавшій его за недовѣрчивость нѣмотою, такъ какъ онъ не повѣрилъ тому, что безплодная зачнетъ ради будущаго домостроительства; онъ возвѣстилъ святой Маріи безмужное рожденіе, онъ указалъ пастырямъ путь къ пещерѣ и показалъ

Необъятнаго въ ясляхъ, Неописуемаго въ пеленахъ, возсылая съ ними благозвучную пѣснь прославленія: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе* (Лук. II, 14). Другой ангелъ удерживаетъ волхвовъ отъ возвращенія къ Ироду; нѣкоторые служили на землѣ Творцу при твореніи ея; иной увѣщаетъ обручника Дѣвы не отпускать, будто растлѣнную, ту, которая была непорочна; иной внушаетъ ему возвратиться послѣ бѣгства отъ избіенія Иродомъ младенцевъ; хотя и во плоти видѣли Несозданнаго, но по примѣру рабовъ служили Ему. Изумились они силѣ Его, вслѣдствіе которой искуситель былъ пораженъ, и сообразно свидѣтельству Давида, поднявъ Его на рукахъ, носили такъ, чтобы не удариться о камни (Пс. хс, 12), потому что *взяша*, сказано, *іудеи камни, да вергутъ нань* (Іоан. VIII, 59). Нѣкоторые стекались къ страданію; другіе, сидя въ новомъ гробѣ послѣ воскресенія, говорили вѣрующимъ женщинамъ: *что ищете живаго съ мертвыми* (Лук. XXIV, 5)? Послѣ же вознесенія въ качествѣ тѣлохранителей сопровождали учениковъ, освобождая Петра отъ оковъ, облегчая для Павла опасности на сушѣ и на морѣ, помогая вѣрѣ Корнилія, поражая хвастливаго Ирода, губителя праведныхъ. Не величайшаго ли поэтому почета достойны тѣ, которые и нашею жизнью управляютъ? Вѣдь ангелы поставлены не только охранять народы, какъ гла-
756 ситъ изреченіе: *егда раздѣляше Вышній языки, яко разсѣя сыны Адамовы, постави предѣлы языковъ по числу ангелъ Божіихъ* (Второз. XXXII, 8), но и каждому изъ людей назначенъ ангелъ. Не моя это рѣчь, но Св. Писанія. Именно, когда дѣвица Рода возвѣстила апостоламъ, что Петръ, который ушелъ изъ темницы Ирода, стоитъ у дверей, тѣ, не вѣря, говорили: *ангелъ его есть* (Дѣян. XII, 15). И Спаситель также свидѣтельствуетъ объ этомъ, говоря о малыхъ въ этой жизни: *блюдите, да не презрите единаго малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца моего небеснаго* (Мѳ. XVIII, 10). На каждую церковь назначилъ Христосъ ангеловъ хранителей, какъ, открывая Іоанну, говоритъ: *ангелу церкве смирнскія скажи: вѣмъ твоя скорбь и нищету, но богатъ еси* (Апок. II, 8, 9). Что говоришь Ты, Владыко? Богатъ я бѣдный? Зачѣмъ Ты обогащаешь меня пустымъ именемъ? Если я богатъ, то не бѣденъ, а если бѣденъ, то какъ же я богатъ? Вѣдь большая разница между богатствомъ и бѣдностью, какъ и самъ Ты свидѣтельствуешь, опредѣливъ великую пропасть между богатымъ и бѣднымъ. Богачъ отворачивается отъ бѣдняка, и бѣднякъ смотритъ украдкой на богача. Дѣла противоположны, жизнь неодинакова. Одинъ стонетъ отъ страданій, другой хохочетъ отъ удовольствій. Этотъ съ выпрашиваніемъ достаетъ хлѣба, а тотъ страдаетъ прожорливостью. Этотъ не имѣетъ и небольшой чаши вина, а тотъ отъ сильнаго опьяненія изрыгаетъ его вонъ. Одинъ одѣвается въ лохмотья, а другой наряжается въ разнообразныя одежды. Одинъ валяется на землѣ и не

спитъ, а другой, находясь на ложѣ, храпитъ, мечтая во снѣ о роскоши. Этотъ проситъ какую-нибудь монетку, а тотъ осыпается золотомъ. Тотъ, кто копитъ, а не раздаетъ, похожъ на бѣдняка, ожидающаго богатой могилы. И неодинаково они относятся и къ временамъ года. Бѣдняку, лишенному тепла, зима тяжела, а для богача, не переносящаго жары отъ пресыщенія, лѣто вредно. Итакъ, какимъ образомъ бѣднякъ въ то же время и богачъ? Справедливо однако это слово и справедливъ Тотъ, Кто говоритъ. Бѣдняки бѣдны отъ недостатка денегъ, но богаты сокровищами вѣры. Лучше быть бѣднымъ въ дѣлахъ житейскихъ, но за то богатымъ въ дѣлахъ духовныхъ, потому что конецъ тѣхъ есть тлѣніе, а этихъ—польза неотъемлемая. Поэтому говоритъ Сынъ: *не скрывайте себѣ сокровищъ на земли* (Мѳ. VI, 19),—приглашая насъ собирать сокровища небесныя, кормить бѣдныхъ, призрѣвать немощныхъ, защищать беззащитныхъ, прощать не имѣющимъ средствъ должникамъ, и ожидать награды отъ Бога, потому что *милуяй нищá, взаимъ даетъ Богови* (Притч. XIX, 17). Видя это, ангелы докладываютъ Судьѣ всѣхъ, а Онъ повелѣваетъ имъ говорить всякому дѣлающему добро: *молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память* о тебѣ *предъ Бога* (Дѣян. X, 4). Ему слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О покаяніи, и объ Иродѣ и Іоаннѣ Крестителѣ.

1. Давайте подумаемъ, вмѣсто вашихъ рукоплесканій, о томъ, что 757
вамъ полезно, и, напомнивъ немного собранію кое о чемъ относительно нравственнаго образа жизни, побесѣдуемъ съ вами о томъ, за что проповѣдникъ награждается самыми незначительными рукоплесканіями, но послѣ чего у слушателей рождается сильное желаніе достигнуть спасенія души. Хороша и подходяща для набожныхъ душъ рѣчь о вѣрѣ; и когда мы видимъ ревность вашу, пробуждающуюся во время выслушиванія слова о вѣрѣ, мы ясно понимаемъ любовь вашей души къ своему Владыкѣ. Какъ худой рабъ порицаетъ господина, такъ благоразумный слуга радуется, когда господина всѣ хвалятъ; поэтому желаніе похвалы для господина есть доказательство благорасположенія слуги. Хорошо бываетъ мыть сосудъ души, чтобы, очистивъ его нравоученіемъ, подготовить къ воспріятію мνра (благовонія) богословія, потому что *въ злохудожну душу не внидетъ премудрость* (Прем. Сол. I, 4). Намъ предстоитъ коснуться въ настоящей бесѣдѣ вопроса о жизни съ той какъ разъ стороны, которая требуетъ весьма тщательной осмотрительности.

Именно, если я буду очень обнадеживать васъ покаяніемъ, то должно опасаться, чтобы кто-нибудь въ разсчетѣ на будущее покаяніе не ослабѣлъ и не сдѣлался безпечнѣе въ жизни. Съ другой стороны, если я буду замалчивать надежду на покаяніе, то опасаюсь, какъ бы кто не отупѣлъ духовно и не предался тѣлеснымъ страстямъ. Одинаково, какъ безпечность, когда душа разслабляется отъ удовольствій, такъ и потеря надежды на покаяніе располагаютъ къ изнѣженной жизни. Поэтому рѣчь должна быть раздѣлена на двѣ части, — одну для здоровыхъ, а другую для слабыхъ. *Мняйся стояти да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. x, 12). Кто началъ падать, пусть предупредитъ паденіе покаяніемъ; если кто подвергся опасности паденія, пусть не падаетъ; если кто и послѣ предохраненія упалъ, пусть не теряетъ надежды на человѣколюбіе Того, Кто возстановляетъ падшихъ. Случается иногда испытывать незначительное колебаніе: *мои въ малѣ не подвижастѣся нозѣ* (Псал. LXXII, 2). Бываетъ, что тотъ, кто уже поколебался, получаетъ помощь отъ Господа: *аще глаголахъ: подвижеся нога моя, милость твоя Господи помогаше ми* (Псал. XCIII, 18). Случается даже такъ, что и того, кто не только колебался, но уже падалъ и подвергался опасности, прежде чѣмъ совсѣмъ опуститься, Богъ не отвергаетъ: *отриновенъ превратихся пасти, и Господь пріятъ мя* (Псал. CXVII, 13). А тотъ, кто палъ, неужели погибъ совершенно? Никогда. И для него есть утѣшеніе: *егда*, сказано, *падетъ, не разбіется*. Почему же такъ? *Яко Господь подкрѣпляетъ руку его* (Псал. XXXVI, 24). Случается еще такъ, что человѣкъ падаетъ легко, но дальше по пути паденія не идетъ. Да и тѣ, которые пали глубоко, развѣ они совсѣмъ погибли? И здѣсь мы видимъ тоже милосердіе Господне: *утверждаетъ Господь вся низпадающыя, и возставляетъ вся низверженныя* (Псал. CXLIV 14). Псалмы, прекрасно доказывая это, мнѣ кажется, не приводятъ насъ къ отчаянію въ покаяніи, потому что о Богѣ они говорятъ такъ: *Богъ судитель праведенъ* (Псал. VII, 12). Не пренебрегай этимъ изреченіемъ: справедливость
758 каждому воздастъ по заслугамъ. Сначала выслушай, что значитъ быть справедливымъ, и приготовься къ защитѣ; часто вѣдь является такое предположеніе: если Богъ справедливъ, то почему Онъ не тотчасъ воздаетъ грѣшникамъ? Такой-то несправедливъ, и процвѣтаетъ; какой-нибудь грабитъ, и богатѣетъ; иной—наглецъ, и господствуетъ: какъ же это согласуется съ правдой Божіей? Если Богъ справедливъ, почему Онъ не тотчасъ посылаетъ наказаніе грѣшникамъ? Неужели Онъ справедливъ, но не имѣетъ силы тотчасъ воздать наказаніе грѣшникамъ? Вѣдь бываетъ иногда, что судья справедливо судитъ, но не можетъ привести въ исполненіе свое рѣшеніе. Итакъ, неужели наказаніе отстрочивается вслѣдствіе безсилія? Да не будетъ этого! Потому-то и пророкъ тотчасъ прибавляетъ: *Богъ судитель праведенъ и крѣпокъ*. Какъ справедливый, Онъ знаетъ, что справедливо, а какъ крѣпкій, Онъ можетъ

привести въ исполненіе то, что думаетъ. Но гдѣ же причина отсрочки грѣховъ? Для чего эта отсрочка наказанія? Какъ справедливый, Онъ знаетъ согрѣшающаго; какъ крѣпкій, Онъ имѣетъ силу довести рѣшеніе до конца. Итакъ, какая же причина медлительности? *Богъ судитель праведенъ, и крѣпокъ и долготерпѣливъ.* Въ объясненіе же того, что значитъ—*долготерпѣливъ*, псаломъ продолжаетъ: *и не гнѣвъ наводяй на всякъ день*, или при незначительной перестановкѣ словъ: *и не на всякъ день гнѣвъ наводяй*, чтобы ты зналъ, что, медля съ наказаніемъ, Онъ ожидаетъ твоего раскаянія. *Аще не обратитеся*, сказано, *оружіе свое очиститъ. Аще не обратитеся* (ст. 13). Поэтому, если обратимся, не тотчасъ испытаемъ ударъ. Хочешь видѣть крайнее Его человѣколюбіе? *Оружіе свое очиститъ.* Не сказалъ, что воспользуется остріемъ меча, но *очиститъ*, для того, чтобы ты, видя блескъ меча, своимъ раскаяніемъ предупредилъ ударъ его. Блескомъ устрашаетъ, но не посѣкаетъ. Пусть дѣйствуетъ сначала страхъ, твое раскаяніе пусть предотвратитъ ударъ. И чтобы тебѣ была вполнѣ ясна цѣль Судіи: *лукъ свой напряже, и уготова и: и въ немъ уготова сосуды смертныя.* Развѣ этотъ образъ не можетъ устрашить? Развѣ эти слова не говорятъ о Безтѣлесномъ? *Лукъ свой напряже, и уготова и: и въ немъ уготова сосуды смертныя, стрѣлы своя сгараемымъ содѣла* (ст. 14). Здѣсь какъ будто какой художникъ представилъ предъ взоромъ Судью. Представь себѣ, что лукъ у меня натянутъ, руки наготовѣ: одна отталкиваетъ отъ себя лукъ впередъ, а другая натянула тетиву, стрѣла удерживается концами пальцевъ Судьи. Лукъ натянутъ, стрѣла положена, Судья наготовѣ. Не пренебрегай лукомъ: онъ натянутъ; но и не теряй надежды на раскаяніе: стрѣла еще не пущена. Не разслабляй себя избыткомъ долготерпѣнія и не имѣй намѣренія навсегда отдаться удовольствіямъ. Не говори: пока еще понаслаждаюсь любовью, пока попользуюсь молодостью, немного спустя придетъ время покаянія, завтра покаюсь, во время старости буду беречь жизнь. Тщетны подобнаго
рода разсужденія, дурны рѣшенія твоей воли, плохимъ совѣтникомъ 759
служитъ для тебя твоя похоть. Ты говоришь: сегодня согрѣшу, а завтра покаюсь. Хозяинъ ли ты завтрашняго дня? Кто тебѣ поручится за завтрашній день? Если ты вникнешь, какъ слѣдуетъ, то окажется, что и сегодняшнимъ днемъ ты вполнѣ располагать не можешь: одна часть сегодняшнаго дня прошла, а другая вѣдь еще впереди; та уже не твоя, а эта пока еще не твоя. Ты говоришь: сегодня я воспользуюсь удовольствіемъ, а завтра покаюсь. То, что въ твоихъ рукахъ, ты отдаешь удовольствію; а то, что не твое, покаянію? Воспользуйся лучше моимъ совѣтомъ: сегодняшній день отдай покаянію, а грѣху не оставляй даже и завтрашняго. Какъ хорошо, что божественное Писаніе всѣми способами отвлекаетъ насъ отъ грѣха: *днесь*, говоритъ, *аще гласъ его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ, яко въ прогнѣваніи* (Псал. xciv, 8),

и: *утѣшайте себе, дондеже днесь нарицается* (Евр. ш, 13). Тутъ часто строитъ свои козни діаволъ. Когда онъ замѣчаетъ, что душа начинаетъ чувствовать грѣхи и думать о послѣдствіяхъ наказанія, то наводитъ такого рода мысли: я еще очень молодъ, придетъ время для раскаянія, а нынѣ я пока воспользуюсь тѣмъ, что есть, пока еще повладѣю предметомъ спора; отъ этого-то я какъ-нибудь защищусь, но покончу сначала съ наслажденіемъ и удовольствіемъ, а потомъ успѣю покаяться. Приходитъ опять завтрашній день и онъ опять совершенно опутываетъ тебя этими же самыми дьявольскими разсужденіями: опять указываетъ на будущее, а отъ настоящаго отвлекаетъ; и такъ каждый день,—сегодня удерживая тебя въ удовольствіяхъ, а надежды на раскаяніе относя на завтра, онъ заставляетъ тебя безъ пользы тратить свою жизнь день за днемъ на служеніе грѣху.

2. Но ты вооружись противъ удовольствія, послушай Господа взывающаго: *сегодня буди увѣщаваяся съ соперникомъ твоимъ, дондеже еси на пути съ нимъ* (Мѳ. v, 25). Это касается всѣхъ, а особенно же тѣхъ, кто любитъ вмѣшиваться въ чужія дѣла; для нихъ это прямой урокъ, чтобы они не отдавались съ такою настойчивостью судебнымъ тяжбамъ. Въ самомъ дѣлѣ, и въ тяжбахъ лучше предупредить неизвѣстное рѣшеніе суда мирнымъ соглашеніемъ, чѣмъ надеждой на побѣду вовлекать стороны въ пучину неизвѣстности. Ты увѣренъ въ своихъ документахъ, надѣешься на благопріятный исходъ, защитникъ, протягивая руку за взяткой, обѣщаетъ побѣду, чтобы заключить условіе о платѣ за услугу. Иногда даже и судья, уже подкупленный, напередъ открываетъ тебѣ рѣшеніе суда. Ты успокаиваешься на нетвердой надеждѣ, потому что, если ты, впередъ обратившись, подкупилъ судью, ты открылъ дверь и для другихъ взятокъ; подумай, вѣдь о томъ же самомъ заботится и твой противникъ; и часто, когда судебныя дѣла твои все равно какъ будто плыли при ясной и спокойной погодѣ, тебя незамѣтно начинаютъ убѣждать опустить паруса. Развѣ ты никогда не видѣлъ, чтобы море было спокойно у морского берега и волновалось въ глубинѣ? Сколько отправившихся въ ясную и тихую погоду, доплывъ до середины моря, потерпѣло кораблекрушеніе вслѣдствіе неожиданныхъ бурь и волненія! Такъ бываетъ и съ судомъ. Иногда начало предвѣщаетъ надежду, а конецъ приводитъ къ исходу противоположному. Поэтому хорошо бы, какъ я сказалъ, предупреждать денежныя тяжбы дружелюбнымъ соглашеніемъ, для того, чтобы кромѣ окончанія тяжбы пріобрѣсти себѣ и друга; не хорошо не только собирать обвиненія, но и начинать ихъ; въ этомъ случаѣ пощада лучше гнѣва. Однако, мнѣ думается, здѣсь рѣчь идетъ не объ однихъ только деньгахъ. *Буди*,—сказано,—*увѣщаваяся съ соперникомъ твоимъ скоро, дондеже еси на пути съ нимъ*. Это прибавленіе даетъ мнѣ поводъ видѣть здѣсь нѣчто большее. Если бы рѣчь касалась только денежныхъ дѣлъ, или пустыхъ

обвиненій, зачѣмъ прибавлено еще: *дондеже еси на пути съ нимъ.* Какой соперникъ пойдетъ въ пути вмѣстѣ съ своимъ соперникомъ? Кто во время путешествія сообщается съ тѣмъ, съ кѣмъ не соглашается въ мнѣніяхъ? Развѣ онъ не побоится, что тотъ утащитъ письменные документы, подговоритъ свидѣтелей, устроитъ нападеніе на большой дорогѣ? Итакъ, очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ такимъ противникомъ, который намъ всегда сопутствуетъ, сообщества котораго, не смотря на всѣ предосторожности, мы избѣжать не можемъ, и притомъ такимъ противникомъ, къ которому мы сверхъ того относимся съ благорасположеніемъ. Итакъ, кто же этотъ дѣйствительный противникъ? Если поищешь тщательно—ты найдешь, что это—твое собственное тѣло: оно вѣдь противоборствуетъ твоему духу. А чтобы ты не подумалъ, что это—только мои слова, вотъ и Павелъ подтверждаетъ сказанное: *плоть похотствуетъ на духа, духъ на плоть: сія же другъ другу противятся* (Галат. v, 17). И не манихейское ученіе я предлагаю вамъ, не утверждаю того,
что тѣло создано другимъ творцомъ, но говорю, что плоть, имѣя совѣт- 760
никомъ удовольствіе, желаетъ того, что противно духу, а духъ, опираясь на надежду на будущее, идетъ противъ плоти. Страсть къ мірскому и стремленіе къ царству небесному противоположны другъ другу. Вотъ онъ противникъ, который, хочешь ли ты, или не хочешь, не отстаетъ отъ тебя въ пути; а путь есть жизнь. Душа ревнуетъ о подражаніи своему образу, плоть же тяготѣетъ къ землѣ; а это противоположно одно другому. Къ этому сопернику твоему будь благосклоненъ. И когда? *Дондеже еси на пути съ нимъ*, пока ты вмѣстѣ съ нимъ въ этой жизни, потому что если путь окончится, потомъ не будетъ времени для покаянія, *яко нѣсть въ смерти поминаяй тебе: во адѣ же кто исповѣстся тебѣ* (Псал. vi, 6)? Итакъ, съ этимъ противникомъ твоимъ обходись благосклонно. Не сказалъ: угождай ему, но: будь благосклоненъ. Не пріятное ты долженъ дѣлать противнику своему, но, будучи благоразумнымъ, призывать его отъ удовольствія къ покаянію. Не приказываетъ, чтобы ты, подобно повару, дѣлалъ все для удовольствія тѣла, но хочетъ, чтобы ты былъ для него врачемъ. Вѣдь врачъ часто и горькое примѣшиваетъ, и рѣжетъ, и прижигаетъ, и, увеличивая тягость, беретъ плату. И хотя онъ причиняетъ больному нѣкоторыя непріятности, но дѣлаетъ это съ цѣлью улучшенія его здоровья. *Да не предастъ тебе соперникъ судіи,*—будущему Судіи. Твой соперникъ—таковъ, что если ты теперь ему станешь угождать, то тогда Судія предастъ тебя слугѣ,—разумѣй, мстительнымъ силамъ,—и ты будешь брошенъ въ тюрьму, во тьму кромѣшнюю. Страшно—это мѣсто: *не изыдеши оттуду, дондеже воздаси послѣдній кодрантъ.* Если до смерти заплатишь долгъ, освободишься, если же умрешь должникомъ, то отъ тебя потребуютъ безъ остатка даже самый незначительный долгъ. Что значитъ: *послѣдній кодрантъ?* То, что *помышленіе человѣческое исповѣстся тебѣ,*

и останокъ помышленія празднуетъ Ти (Псал. LXXV, 11). Зная это, братія, сопоставьте и сравните, съ одной стороны, удовольствія, съ другой—будущій день суда и рѣшеніе Судьи; вы тотчасъ поймете, насколько горько удовольствіе, какъ только узнаете, насколько горьки его плоды. Хотите ли, мы изъ двухъ описанныхъ въ евангеліяхъ пиршествъ извлечемъ нѣсколько назидательныхъ для собранія уроковъ касательно того, каковъ бываетъ конецъ тѣхъ, кто любитъ удовольствія, и каковъ плодъ для тѣхъ, кто приноситъ покаяніе? И ты не удивляйся тому, что Св. Писаніе нерѣдко описываетъ пиры любящихъ удовольствія: оно описываетъ все, отъ чего ты долженъ оберегаться и чему подражать. Описываетъ оно дѣла предающихся удовольствіямъ для того, чтобы постоянно выставлять ихъ самихъ на позоръ и чтобы ты избѣгалъ подражанія имъ; описываетъ оно и дѣла любящихъ Бога, чтобы ты нашелъ въ нихъ примѣръ для покаянія и, сопоставивъ рядомъ того, кто гонится за удовольствіями, и того, кто любитъ Бога, отъ одного бѣжалъ, а другому подражалъ. Пусть это будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и урокомъ для благоразумныхъ, чтобы не слишкомъ услаждать глаза свои общественными зрѣлищами, и не спѣшить на конныя ристалища, и не захватывать еще ночью мѣста въ театрѣ: безумна вѣдь эта жажда непристойныхъ зрѣлищъ. И въ самомъ дѣлѣ, люди не могутъ дождаться дня, сгорая отъ нетерпѣнія, и еще ночью захватываютъ мѣста тьмы, чтобы непристойными зрѣлищами усладить взоры, или посмотрѣть на схватки борцовъ съ дикими звѣрями. И сидя тамъ, нерѣдко зрители—люди выражаютъ больше расположенія къ звѣрямъ, чѣмъ къ подобнымъ себѣ людямъ. Неужели тебѣ не жалко того несчастнаго, который изъ-за куска хлѣба добровольно отдаетъ себя на съѣденіе звѣрямъ и въ угоду ненасытимой страсти насыщаетъ собой утробы звѣрей. Но у него желудокъ ненасытенъ, у тебя же ненасытны глаза. Иной выходитъ шутомъ, на позоръ себѣ самому производитъ ужимки, за плату выдаетъ себя съ головой на смѣхъ, не стыдится даже, если его бьютъ публично, самъ подставляетъ щеки подъ удары, а волоса сбриваетъ бритвой, чтобы ни одинъ волосъ не свидѣтельствовалъ противъ его безстыдства. Иной посвящаетъ себя похотливымъ женскимъ пляскамъ, вопреки природѣ и съ досадой на то, что родился у своихъ родителей не женщиной, и такимъ извращеніемъ природы даже гордится. Чего только не дѣлаютъ люди ради своего чрева и корысти и изъ-за тщеславія позорными дѣлами; о такихъ прилично привести свидѣтельство Павла: *имъ же Богъ чрево, и слава въ студѣ ихъ* (Филип. III, 19). Не ходите же туда, не спѣшите дѣлать шаги въ томъ направленіи, да и на своихъ пирахъ не допускайте непристойныхъ увеселеній. Иногда ты говоришь: хорошо, я откажусь отъ театра и даже не взойду на ступеньки: можно повеселиться и попировать [дома]. Но и тутъ у васъ
761 повторяются неприличныя театральныя сцены. Что тебѣ пользы въ томъ,

что ты отказался отъ театра? Не къ камнямъ вѣдь мы чувствуемъ отвращеніе? Вѣдь не камни театровъ осуждаются, а безобразіе того, что тамъ совершается, негодность неприличныхъ зрѣлищъ, которая чрезъ органы зрѣнія и слуха, какъ чрезъ какія-нибудь окошки, вводитъ вора. Итакъ, когда ты отказался отъ театра и къ столу своему допустилъ безчинства представленій, ты самъ не замѣчаешь того, что домъ свой обратилъ въ театръ. Вѣдь не мѣсто театра я ненавижу, но опасаюсь за нравы собирающихся туда.

3. А чтобы ты зналъ, что и допускаемыя на пирахъ непристойныя и пагубныя для души зрѣлища заслуживаютъ осужденія, я напомню тебѣ тотъ пиръ у царя, а вѣрнѣе сказать, у тирана, который описанъ въ книгѣ Евангелій. Обѣдъ былъ у царя, или правильнѣе говоря, у тирана, въ день рожденія Ирода, скверной лисицы, хитраго звѣря, запятнаннаго кровью; зная его характеръ, и Господь не сказалъ: скажите этому льву (хотя этотъ звѣрь и представляется царемъ), но—*рцыте лису* (Лук. XIII, 32),—потому что, хотя онъ имѣлъ силу льва, но по характеру былъ похожъ на лисицу. Когда пиръ начался и всѣ собрались, чтобы выпить вина, является на пиръ танцовщица; постыдное зрѣлище и негодное, жалкое, если бы она даже выступила въ театрѣ и на сценѣ, не говоря уже о царскомъ пирѣ. Хочешь ты знать, насколько постыдно было зрѣлище на этомъ пиру? Танцовщица изъ царскаго рода, дочь Иродіады: родъ царскій и поведеніе танцовщицы! Это та самая Иродіада, которая не удержала себя въ границахъ природы, которая была въ замужествѣ за Филиппомъ, а жила вмѣстѣ съ Иродомъ. Загадка—то, что я говорю, но конецъ необузданности обыкновенно приводитъ къ разрѣшенію загадокъ. И Иродъ, оставивъ память о братѣ и весь сдѣлавшись рабомъ невоздержанія, былъ хотя и царемъ іудеевъ, но больше былъ рабомъ удовольствій. Можетъ быть, такъ и должно было быть: каковы подданные, таковы и правители. Изъ-за этого-то сожительства великій, большій чѣмъ пророкъ, Іоаннъ смѣло обличалъ Ирода въ невоздержаніи: поистинѣ онъ даже больше пророка! Вѣдь всякій пророкъ только тогда удостоивался пророческаго дара, когда достигалъ зрѣлаго возраста; а нѣкоторые даже и много позднѣе. Одинъ только Іоаннъ, будучи еще шести мѣсяцевъ въ утробѣ матери и питаясь сообразно съ законами природы, при содѣйствіи Бога, во время привѣтствія матери, взыгралъ, несовершенный членами, но совершенный вѣрою. Но, можетъ быть, плодъ во чревѣ матери радостно взыгралъ, ускоряя, если возможно, опредѣленное время природы. Онъ увидѣлъ присутствующую матерь Владыки, но стѣсняется охраною чрева и радостно играетъ; и такъ какъ онъ еще не могъ говорить и, не имѣя языка, не могъ еще и издавать звука, онъ, воспользовавшись языкомъ матери, пророчествуетъ и говоритъ чрезъ Елизавету. Іоаннъ изъ утробы подсказываетъ матери слова. Итакъ,

не справедливо ли называется онъ большимъ, чѣмъ пророкъ? Есть также и другая причина, почему онъ больше пророка. Пророки предсказывали будущее и сильно желали видѣть то, что́ они предвидѣли духомъ. Поэтому они взывали: *яви намъ Господи милость твою, и спасеніе твое даждь намъ* (Псал. LXXXIV, 8). Поэтому Господь и сказалъ о нихъ: *мнози пророцы и праведницы вожделѣша видѣти, яже видите, и слышати, яже слышите, и не видѣша, ниже слышаша* (Мѳ. XIII, 17). Итакъ, пророки предсказываютъ будущее, а Іоаннъ прямо указываетъ Того, о Комъ предсказываетъ. Будущее онъ предсказываетъ еще во чревѣ матери, а впослѣдствіи говоритъ уже такъ: Тотъ, *Ему же нѣсмь азъ достоинъ, да отрѣшу ремень сапогу Его* (Іоан. I, 27), стоитъ посреди васъ. Какъ увазываетъ? *Се, Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (ст. 29)! И вотъ этотъ пророкъ, и болѣе, чѣмъ проророкъ, не потерпѣлъ постыднаго сожительства, но съ дерзновеніемъ выступилъ на защиту попираемаго цѣломудрія. Этотъ прекрасный разсказъ пусть каждаго изъ насъ вразумитъ, что даже при отсутствіи явныхъ гоненій, дверь мученичества всегда предъ нами открыта. Развѣ Іоанна кто-нибудь влекъ къ жертвеннику или къ куренію ладана? Или принуждалъ къ совершенію жертвы и возліянія? Вѣдь никто не сказалъ: отрекись отъ Бога? Вѣдь никто не сказалъ: принеси жертву идоламъ? Но во имя цѣломудрія выступивъ со смѣлымъ
762 словомъ обличенія, онъ является мученикомъ цѣломудрія. Чтобы ты зналъ, какъ сильна откровенная пророческая рѣчь, онъ говоритъ царю: *не достоитъ тебѣ имѣти жену брата твоего* (Мрк. VI, 18). Видишь, какъ естественно добродѣтели господствовать надъ порокомъ? Иродъ—царь, имѣющій оруженосцевъ, изобилующій богатствомъ, правитель, пользующійся царскою властью; Іоаннъ же—бѣднякъ, безъ пристанища, безъ отечества, неимущій, голодный, съѣдающій столько, сколько требуетъ природа. А между тѣмъ тотъ, кто одѣтъ въ одежду изъ верблюжьей шерсти, является законодателемъ для того, кто одѣтъ въ пурпуровую мантію; странствовавшій въ пустыняхъ указываетъ правителю многолюдныхъ городовъ; собиравшій саранчу съ травъ и питавшійся дикимъ медомъ властно наставляетъ того, который держалъ роскошную царскую трапезу: *не достоитъ тебѣ!* Хотя казалось бы, что царю все возможно, но *вся ми лѣть суть, но не вся на пользу* (1 Кор. VI, 12). И вотъ, когда слѣдовало бы благодарить за это, облагодѣтельствовать, или же почтить учителя цѣломудрія, Иродъ пришелъ въ раздраженіе, а еще болѣе разъярилась Иродіада (потому что близкіе по именамъ, они еще болѣе близки были другъ къ другу по нраву, какъ послушные одному и тому же ярму: и будутъ два—не въ плоть едину, но—въ невоздержаніе едино), и за это заключаютъ пророка въ темницу, чтобы показать свое неразуміе. *Обличай премудра, и возлюбитъ тя* (Притч. IX, 8), а будешь обличать неразумнаго, онъ еще болѣе возненавидитъ тебя.

Заключается въ темницу, но не оставляетъ свободы слова: расторгни, говоритъ, мои члены; но только разрѣши и незаконное супружество! Но вотъ въ то время, какъ онъ томился въ темницѣ, устраиваетъ Иродъ то горькое, нечестивое и кровожадное пиршество, печальнымъ концомъ котораго было убійство пророка. Входитъ Иродіада, дочь Иродіады, дочь не только по плоти, но и по духу, входитъ въ пьяное собраніе, пляшетъ публично царская дочь, которой не прилично было выходить изъ спальни, не прилично было показываться на глаза мужчинамъ. Но, должно быть, какъ Іоаннъ немного раньше говорилъ языкомъ своей матери, такъ и дѣвица позаимствовалась безстыдствомъ отъ своей матери. Входитъ на пиръ. Мало было одного этого для величайшаго безстыдства: какъ еще входитъ? По-царски ли? Торжественно ли? Не евнухами ли сопровождается и служанками? Не съ другимъ ли какимъ почетомъ и пышностью? Нѣтъ; входитъ съ пляской. У худого входа была еще хуже цѣль. Среди пира плясала она, на виду у всѣхъ невоздержныхъ гостей, когда вино еще болѣе возбуждало похоть. И хочешь знать худшее? Не просто только плясала она, но хорошо плясала. Безстыдству свойственна особенная тщательность въ злыхъ дѣлахъ. И вотъ скоро оказывается, что не безъ успѣха дѣлается это постыдное дѣло. Нравится пляска Ироду и возлежавшимъ съ нимъ. И эта лисица не закрываетъ своего лица отъ срама. Видитъ дочь брата и той, съ которой онъ незаконно жилъ, пляшущую среди мужчинъ, и не стыдится, но находитъ даже пріятное въ этомъ, потому что понравилось это и ему и возлежавшимъ вмѣстѣ съ нимъ. *Съ преподобнымъ преподобенъ будеши, и со строптивымъ развратишися* (Псал. XVII, 26, 27). Хотѣлъ бы я, чтобы онъ поучился хоть немного у Павла: *отнюдь слышится въ васъ* плясаніе, и такое плясаніе, *яковоже ни во языцѣхъ*, потому что пляшетъ царская дочь. *И вы разгордѣсте, и не паче плакасте* (1 Кор. v, 1, 2). Но она угождаетъ постыднымъ дѣломъ и получаетъ награду хуже самаго поступка, потому что Иродъ поклялся: *проси у мене егоже аще хощеши, и дамъ ти, до поль царствія моего* (Мар. VI, 22, 23). Видите, до чего доводятъ человѣка удовольствія? Видите посрамленіе любящихъ зрѣлища? Ты напередъ клянешься: *егоже аще попросиши дамъ ти*, и танцовщицѣ предоставляешь назначить просьбу, клятвой утверждая свое рѣшеніе. Видишь ли, какъ страсть къ удовольствіямъ влечетъ къ землѣ достоинство царей? Видишь, какъ унижаетъ она царство? Чего бы только ты ни попросила, дамъ тебѣ, даже до половины царства. Чего стоитъ по твоему у него царское достоинство? Ужъ не повреждены ли глаза твои? Разъ поплясала дѣвушка, и ты отдалъ половину; а если бы въ другой разъ поплясала, царь тогда остался бы простымъ человѣкомъ. Гдѣ достоинство предающихся удовольствіямъ? Гдѣ пурпуровое платье распутныхъ? Половину царства бросилъ къ ногамъ танцовщицы; молись, чтобы не стала она плясать

вторично, или если станетъ плясать, то хоть бы не такъ успѣшно,— въ противномъ случаѣ придется тебѣ пойти нищимъ. Итакъ, награда была назначена ни съ чѣмъ несообразная; чего же требовала эта тан-
768 цовщица? Она не легкомысленно указываетъ себѣ подарокъ, не тотчасъ требуетъ награды, но, напередъ наученная матерью, уходитъ съ намѣреніемъ посовѣтоваться относительно награды съ злой наставницей. И какую же требуетъ награду? *Даждь ми сьмо абіе на блюдѣ главу Іоанна Крестителя* (Мар. VI, 25). Безстыдство ли удивительное мнѣ оплакивать? Позоръ ли самаго поступка? Обѣщаніе ли царя? Или требованіе награды? Но не содрагаетесь ли вы при мысли о томъ, до чего доводитъ пляска? Не чувствуете ли вы отвращенія къ значенію рукоплесканій? Не презираете ли полуобнаженныхъ? Осмѣлишься ли ты ввести въ кругъ своихъ друзей танцовщика? Осмѣлишься ли и самъ подружиться съ танцовщикомъ? Неужели не будешь ненавидѣть того занятія, которое вызываетъ небрежный смѣхъ у зрителей? Вызываетъ смѣхъ, а доведенное до крайности — убиваетъ пророка! Ненавидѣть должны мы пляску, изобрѣтеніе демоновъ, упражненіе злыхъ духовъ! Правда, опечалился Иродъ, услышавъ просьбу (Мар. VI. 26); но опечалился, можно сказать, слегка, подражая Пилату, или правильнѣе— Пилатову нраву, потому что разсказываемое событіе случилось раньше (событія съ Пилатомъ). Умываетъ руки тотъ и предаетъ (Христа) на осужденіе; печалится и этотъ—и въ то же время изъ-за клятвы и ради возлежащихъ сдерживаетъ свое обѣщаніе. Не справедливо ли сказалъ Господь сегодня: не клянись вовсе? Слышишь увѣщаніе Владыки: не клянись вовсе? Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ ты клянешься: затѣмъ ли, чтобы при нарушеніи клятвы поймать въ ловушку самого себя, или — чтобы при соблюденіи клятвы убить пророка? Плохо то, что поклялся, но еще хуже то, что сохранилъ клятву: однако, *клятвы ради*, сказано, *и за возлежащихъ съ нимъ* (Мар. VI, 26). Возлежащихъ ты устыдился, а Судьи не устрашился? И приказалъ, говорится, и тотчасъ принесена была глава Іоанна Крестителя на блюдѣ, и отдана дѣвицѣ (Мар. VI, 27, 28). Вотъ и горчайшій конецъ горькаго пира: отсѣкается голова пророка, дается дѣвицѣ, и дѣвица принимаетъ; не содрагается при этомъ зрѣлищѣ, не пришла въ ужасъ при видѣ головы, не отвратилась отъ капель крови: поистинѣ кровожадной львицы еще болѣе кровожадный дѣтенышъ! На блюдѣ кладется голова пророка, на которомъ обыкновенно носится пища; одинъ и тотъ же сосудъ и для пищи и для убійства! И въ тотъ часъ, когда изъ раны текли еще капли крови и сама голова еще трепетала, она поспѣшно принесена была на пиръ; а языкъ все еще шевелился и говорилъ: „не должно тебѣ имѣть ее“. И, взявъ, она отнесла матери своей.. Наставница въ пляскѣ получила нечестивую плату за злые уроки!

4. Мы вынуждены были съ такою подробностью изложить это со-

бытіе, чтобы открыть глаза охотникамъ до зрѣлищъ и убѣдить васъ отвращаться отъ подобнаго рода представленій. Однако мы не закончимъ бесѣды этимъ печальнымъ разсказомъ, и танцовщицѣ не удастся воздвигнуть преграду на пути церковнаго слова, но противопоставимъ необузданному, тираническому и горькому пиршеству Владычнюю вечерю, исполненную человѣколюбія,—чтобы понять, каковы бываютъ плоды покаянія. *Моляше Господа нѣкій отъ фарисей, дабы* Онъ вошелъ и *ялъ съ нимъ* (Лук. VII, 36). Вошелъ Владыка и возлегъ. Хотя Онъ и зналъ намѣренія приглашавшихъ, но великодушно снисходилъ. А что пригласившій былъ лицемѣръ, это откроется изъ дальнѣйшаго. Когда Господь возлежалъ и трапеза еще продолжалась, *жена нѣкая*, говорится, *во градѣ бѣ грѣшница* (ст. 37); услышавъ, что Іисусъ тамъ возлежитъ, входитъ, говорится, въ домъ; и, принесши сосудъ мура, стала выливать на ноги Владыки, и цѣловала ихъ, и вытирала своими волосами. Чтобы убѣдиться, что пригласившій былъ лицемѣръ, посмотри, что фарисей думаетъ про себя: *сей аще бы былъ пророкъ, вѣдалъ бы, кто и какова жена прикасается Ему: яко грѣшница есть* (Лук. VII, 39). Фарисеи не только лицемѣры, но и завистники. У тебя Христосъ возлежитъ, хотя и знаетъ твое поведеніе, и никто не завидуетъ; но пришла грѣшная женщина искать спасенія, и ты, фарисей, позавидовалъ. Можетъ быть [1]... былъ его родственникъ, а скорѣе родоначальникъ ученій. Итакъ, для того, чтобы убѣдить тебя, что Онъ пророкъ, и притомъ не простой пророкъ, а пророкъ совершенный (прибавка къ слову члена—ὁ προφήτης—имѣетъ, конечно, какое-нибудь значеніе),—вѣдь что было бы удивительнаго въ томъ, если Онъ узналъ, что женщина была грѣшницей? Объ этомъ нетрудно было знать и по народной молвѣ; и ты, фарисей, не будучи пророкомъ, зналъ это, — итакъ для этого Онъ обнаруживаетъ, что зналъ гораздо больше. О жизни той (женщины) ходила уже молва, тѣмъ болѣе, что она была великой грѣшницей; а Господь, чтобы показать Свою божественную силу, читаетъ мысли фарисея. Вѣдь разсказъ не показываетъ того, чтобы фарисей обратился съ замѣчаніемъ къ кому-нибудь изъ возлежащихъ, но про себя говорилъ, про себя разсуждалъ. Итакъ, знай, что Онъ не просто пророкъ, 764
но совершенный пророкъ: у тебя въ тайникахъ ума шевельнулась эта мысль, а Владыка ее прочиталъ; ты въ глубинѣ души таишь свое чувство, а Господь его уловилъ и врачуетъ. Съ этою цѣлью Онъ разсказалъ о двухъ должникахъ, одному изъ которыхъ заимодавецъ простилъ пятьсотъ, а другому пятьдесятъ (динаріевъ), и спросилъ: *который паче возлюбитъ?* Когда фарисей отвѣтилъ: *емуже вящше отда* (Лук. VII, 42, 43), Господь воспользовался тогда его отвѣтомъ для сравненія его, фарисея, и той женщины, получившей прощеніе многихъ грѣховъ. Ее я не хвалю за

[1]) Здѣсь пропускъ.

прежнюю жизнь, но ради такого конца считаю счастливой. Конечно, она была блудница и распутница, однако пусть никто не порицаетъ ее вмѣстѣ съ фарисеемъ. Пусть объяснитъ это Павелъ, пусть выступитъ онъ защитникомъ женщины: *Богъ оправдаяй. Кто осуждаяй* (Римл. VIII, 33, 34)? Такъ вотъ, изслѣдуемъ разсказъ подробнѣе, чтобы не только ублажить эту женщину, но и самимъ научиться. Приходитъ къ Іисусу съ приготовленіемъ, неся муро въ сосудѣ и слезы въ глазахъ: неодушевленный сосудъ мура и живой источникъ покаянія; за плотское тѣло она приноситъ муро, чтобы заглушить зловоніе распутства,—мерзокъ вѣдь грѣхъ, какъ и Давидъ свидѣтельствуетъ: *возсмердѣша и согниша раны моя, отъ лица безумія моего* (Псал. XXXVII, 6). Всякій согрѣшающій производитъ зловоніе, всякій кающійся приготовляетъ муро. И какъ много благовонныхъ травъ въ мурѣ, такъ много различныхъ родовъ покаянія. Такъ и должно быть, чтобы изъ многихъ родовъ жизни собирались многіе плоды, чтобы приготовить муро покаянія. Хочешь знать смиреніе женщины? Другая женщина, принесшая однажды муро ко Христу, вылила Ему его на голову, и вообще поведеніе ея было смѣлѣе. А эта въ сознаніи глубины своего паденія не осмѣливается совершить возліяніе на голову, но касается только Его ногъ. Однако, и ноги Его не были лишены силы. И понятно, если не только одежда Спасителя, но даже край ея сообщаетъ увѣровавшей полное выздоровленіе и дѣлаетъ похвальнымъ ея воровство, то насколько болѣе ноги Христа могли уничтожить страданія отъ грѣховъ! Далѣе, не муро только она возливала, но пролила и потоки слезъ. Блаженны тѣ источники, откуда выливаются у этой женщины рѣки, омывающія грѣхи! А тебя пусть научитъ она, зачѣмъ Богъ даровалъ намъ глаза. Развѣ для того только, чтобы служить зрѣнію? Но это есть и у каждаго безсловеснаго животнаго, причемъ, если вникнуть въ дѣло, то нѣкоторыя изъ безсловесныхъ имѣютъ зрѣніе болѣе острое, чѣмъ у насъ. Поэтому для тебя глаза—не только слуги зрѣнія, но и соучастники покаянія. Счастливъ ты, если соблюлъ купель крещенія; если же ты, какъ человѣкъ, уже успѣлъ растратить ея дары, приведи въ движеніе источники слезъ. У тебя есть цѣлый колодезь: изъ глубины сердца почерпай скорбь, тронь оба близнеца—глаза, пролей потоки слезъ, затопи слезами свои прегрѣшенія. Незначительные ручейки отъ дождя уносятъ легкіе стебельки; значительной же глубины рѣки и рѣчки, бурные горные потоки бываютъ въ состояніи увлекать съ собой глубокосидящіе въ водѣ пни и тяжелые камни. Взвѣсь свои грѣхи. Если прегрѣшеніе твое незначительно, достаточно и немногихъ слезъ; если грѣхъ великъ, то больше долженъ быть и потокъ слезъ. Если же у тебя есть и увѣренность въ жизни, и готовность плакать, и сердце сокрушенное, и еще не всѣ слезы ты выплакалъ о себѣ самомъ, то удѣли и мнѣ часть слезъ: плачь о грѣхахъ брата. *И вы разгордѣсте,*

и не паче плакасте (1 Кор. v, 2). Не согрѣшилъ Самуилъ, но онъ плачетъ за согрѣшившаго Саула. Павелъ—сосудъ избранный, но скорбитъ о насъ. *Кто соблазняется*, говоритъ, *и азъ не разжизаюся* (2 Кор. v, 2)? Видишь, что мои соблазны сокрушаютъ сердце Павла? Однако нужно, чтобы у каждаго изъ насъ доставало слезъ для своихъ согрѣшеній. Будемъ подражать женщинѣ: слезами орошаетъ ноги Іисуса, мажетъ мvромъ. Слезами ноги: откуда грѣхи, оттуда и врачеваніе. Ты слышалъ, что Іисусъ говоритъ сегодня: *всякъ, иже воззритъ на жену ко еже вождѣлѣти, уже любодѣйствова съ нею въ сердцы своемъ* (Матѳ. v, 28). Отъ взгляда начинается грѣхъ. Гдѣ корень распутства, тамъ источникъ врачеванія. *И власы отираше*. Развѣ купившая мvро, доставшая алавастръ, не имѣла приготовленнаго полотенца? Развѣ не могла она оросить слезами, а вытереть полотенцемъ? Нѣтъ, не осмѣлилась она сдѣлать это: 765
вытирать полотенцемъ—это было сохранено для Христа. Можетъ быть она и изъ боязни обезопасила себя: не хотѣла, чтобы врачеваніе воспринято было на себя бездушнымъ предметомъ, тогда какъ грѣшило ея собственное тѣло. Въ самомъ дѣлѣ, какая бы ей была польза, если бы она бездушное полотенце освятила прикосновеніемъ къ тѣлу Христа? И вотъ, она обновляетъ природу, вмѣсто полотенца отираетъ волосами. Откуда грѣхъ, тамъ и врачеваніе. Всѣми членами согрѣшила, всѣ ихъ и врачуетъ. Смотрѣла сладострастно на юношу,—проливаетъ источники слезъ; согрѣшила поцѣлуями, какъ блудница, и прикосновеніемъ рукъ осквернила душу,—теперь лобызаетъ ноги Христа, чтобы вытереть уста и очистить отъ скверны; вытираетъ даже волосами, научая, можетъ быть, и этимъ кое-чему не знающихъ приличія женщинъ. Такъ какъ и изысканная прическа волосъ часто служитъ сѣтью для молодыхъ людей (почему и Павелъ прекрасно увѣщеваетъ украшать себя не прической волосъ), такъ какъ теперь она сознала въ душѣ, что она уловляла плетеніемъ волосъ многихъ молодыхъ людей, какъ дикихъ козъ петлями, то волосами же и желаетъ выразить покаяніе; и какъ часто заплетала нечестиво, такъ разъ навсегда расплела благочестиво. Итакъ, какую же она получаетъ награду за дѣла, которыми выразила она свое покаяніе? Послушай, что сказано Владыкою: за то, что она возлюбила много, прощаются многіе ея грѣхи.

5. Владыка разорвалъ рукописаніе, а Новатъ составляетъ то, что разорвано. Видѣлъ ли ты когда трудолюбиваго человѣка, собирающаго разорванную рукопись и старательно склеивающаго ее опять, чтобы опять пустить въ ходъ клевету? Владыка разорвалъ рукопись, простилъ долгъ, а повѣренный клевещетъ. Но коротка у насъ рѣчь о Новатѣ. Подражай той женщинѣ, и ты получишь награду врачеванія. Я не боюсь сужденія Новата: не придетъ онъ судить живыхъ и мертвыхъ, и не поставится Новату для суда тринадцатаго трона вмѣстѣ съ двѣнадцатью апостолами. Кто покажетъ мнѣ усердное раскаяніе, я

поручусь тому за милость Іисуса Владыки. Покаяніе на словахъ, конечно, недостаточно, должны быть и дѣла покаянія. Если ты скажешь: каюсь, и снова, какъ песъ, возвращаешься на свою блевотину, или какъ свинья—въ навозную грязь (2 Петр. II, 22), то, конечно, твое слово не приноситъ пользы, а грязь затопляетъ. Если же ты желаешь, какъ слѣдуетъ, покаяться, то бодрствуй надъ грѣхомъ и постарайся сохранить въ безопасности остальное. Лучше не имѣть совсѣмъ раны; если же однако нельзя обойтись безъ нея, то скорѣе лѣчи, скорѣе перевязывай, чтобы не смотрѣть на нее съ отвращеніемъ, когда она закишитъ червями. А когда затянется рана, берегись поранить себя вновь. Рану причинить не долго, а заживить ее стоитъ большого труда. Что же касается милосердія Судіи, то его легко доказать не только на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ. Вы слышали, конечно, о ми-
766 лосердіи Владыки, который вмѣстѣ съ другими похвалами блаженному Петру изрекъ такія слова: *дамъ ти ключи царства небеснаго* (Мѳ. XVI, 19)? Кому простишь грѣхи, простятся, а у кого удержишь, удержатся. Не указываетъ ли это на милосердіе Владыки? *Дамъ ти ключи.* Почему же не далъ Онъ Іоанну, который припадалъ къ груди Владыки, имѣя несомнѣнный знакъ любви? Почему не далъ Іакову, которому первому отрубили голову? *Уби* Иродъ *Іакова брата Іоаннова мечемъ* (Дѣян. XII, 2). Хочешь знать, какъ любилъ Іоанна? Съ самаго креста говоритъ Матери своей: *се, сынъ твой* (Іоан. XIX, 26)! Будешь ли искать любви больше этой? *Се, сынъ твой!* Тутъ оправдалась народная пословица. Что значитъ другъ? Другой я. *Се, сынъ твой!* Какъ мать представилъ Ее ему. Но почему же въ такомъ случаѣ не ему вручилъ Господь ключей царства, хотя и болѣе всѣхъ любилъ его? И въ этомъ опять нужно усматривать милосердіе Владыки. Не даетъ ключей Іакову, не даетъ ключей Іоанну, не даетъ иному кому-нибудь изъ апостоловъ, свободныхъ отъ грѣха, но избираетъ Петра—по Своему человѣколюбію. Такъ какъ именно Петръ, прежде чѣмъ запѣлъ пѣтухъ (о прочемъ умолчу изъ уваженія къ добродѣтели этого мужа), впалъ въ грѣхъ прежде другихъ, то именно поэтому никому другому изъ безгрѣшныхъ учениковъ Господь не довѣрилъ ключей отъ царства небеснаго, но вручилъ ихъ Петру, чтобы онъ, когда увидитъ кого-нибудь покаявшимся въ согрѣшеніяхъ и освободившимся отъ нихъ покаяніемъ и желающимъ войти въ царство небесное, вспомнивъ о своемъ паденіи, сдѣлался помощникомъ ему во спасеніи. Какъ мнѣ не ублажить ловца Церкви, который вскормилъ такихъ щенятъ! Мы еще не успѣли показать имъ тѣла (оболочки) мысли, а они уже поймали звѣря. Однако по обычаю охотниковъ, послѣ того какъ вы уловили мысли, раздѣлимъ уловленное на части. Итакъ, мы говорили, что Петру вручилъ Господь ключи царства, а никому иному изъ безгрѣшныхъ апостоловъ не довѣрилъ ихъ, и сдѣлалъ это для того, чтобы Петръ, когда увидитъ нѣкоторыхъ изъ обра-

тившихся отъ грѣховъ и усиливающихся черезъ покаяніе войти въ царство (потому что употребляющіе усиліе получаютъ царство небесное), вспомнивъ о своемъ примѣрѣ, и намъ приходящимъ съ покаяніемъ открылъ дверь. Видишь ли человѣколюбіе довѣрившаго? Помни о ключахъ. Покайся, пока еще не заперто, потому что *власть имать Сынъ человѣческій на земли отпущати грѣхи* (Лук. v, 24). Гдѣ грѣхъ, тамъ и разрѣшеніе отъ грѣха. Не думай, что на землѣ удовольствіе, а тамъ покаяніе. Здѣсь разрѣши, и тогда тебя приметъ Петръ во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ VIII-го ТОМА

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ

ТВОРЕНІЙ СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

БЕСѢДЫ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ СВ. ІОАННА.

Книга первая.

БЕСѢДА I (вступительная).

БЕСѢДА II на св. Іоан. глава I, ст. 1.

БЕСѢДА III на Іоан. I, 1.

БЕСѢДА IV на Іоан. I, 1.

БЕСѢДА V на Іоан. I, 3.

БЕСѢДА VI на Іоан. I, 6.

БЕСѢДА VII на Іоан. I, 9.

БЕСѢДА VIII на Іоан. I, 9.

БЕСѢДА IX на Іоан. I, 11.

БЕСѢДА X на Іоан. I, 11.

БЕСѢДА XI на Іоан. I, 14.

БЕСѢДА XVI на Іоан. I, 19.

БЕСѢДА XVII на Іоан. I, 28, 29.

БЕСѢДА XVIII на Іоан. I, 35—37.

БЕСѢДА XIX на Іоан. I, 41, 42.

БЕСѢДА XX на Іоан. I. 43, 44.

БЕСѢДА XXI на Іоан. I, 49, 50.

БЕСѢДА XXII на Іоан. II, 4.

БЕСѢДА XXIII на Іоан. II, 11.

БЕСѢДА XXIV на Іоан. II, 23.

БЕСѢДА XXV на Іоан. III, 5.

БЕСѢДА XXVI на Іоан. III, 6.

БЕСѢДА XXVII на Іоан. III, 12, 13.

БЕСѢДА XXVIII на Іоан. III, 17.

БЕСѢДА XXIX на Іоан. III, 22.

БЕСѢДА XXX на Іоан. III, 31.

БЕСѢДА XXXI на Іоан. III, 35, 36.

БЕСѢДА XXXII на Іоан. IV, 13, 14.

БЕСѢДА XXXIII на Іоан. IV, 21, 22.

БЕСѢДА XXXIV на Іоан. IV, 22, 29.

БЕСѢДА XXXV на Іоан. III, 5.

БЕСѢДА XXXVI на Іоан. IV, 54; V, 1.

БЕСѢДА XXXVII на Іоан. V, 6 и 7.

БЕСѢДА XXXVIII на Іоан. V, 14.

БЕСѢДА XXXIX на Іоан. V, 22, 23.

БЕСѢДА XL на Іоан. V, 31, 32.

БЕСѢДА XLI на Іоанн. V, 39, 40.

БЕСѢДА XLII на Іоан.. VI, 1—4.

БЕСѢДА XLIII на Іоан. VI, 16 18.

БЕСѢДА XLIV на Іоан. VI, 26, 27.

БЕСѢДА XLV на Іоан. VI, 29, 30.

БЕСѢДА XLVI на Іоан. VI, 41, 42.

БЕСѢДА XLVI на Іоан. VI, 35, 54.

БЕСѢДА XLVIII на Іоан. VII, 1, 2.

БЕСѢДА LXI на Іоан. X, 22—24.

БЕСѢДА LX на Іоан. X, 14—15.

БЕСѢДА LXVII на Іоан. XI, 1 и 2.

БЕСѢДА LXIII на Іоан. XI, 30, 31.

БЕСѢДА LXIV на Іоан. XI, 41, 42.

БЕСѢДА LXV на Іоан. XI, 48, 50.

БЕСѢДА LXVI на Іоан. XII, 9.

БЕСѢДА LXVII на Іоан. XII, 24—26.

БЕСѢДА LXVIII на Іоан. XII, 34.

БЕСѢДА LXIX на Іоан. XII, 42, 43.

Книга вторая.

БЕСѢДА LXX на Іоан. XIII, 1.

БЕСѢДА LXXI на Іоан. XIII, 12.

БЕСѢДА LXXII на Іоан. XIII, 20.

БЕСѢДА LXXIII на Іоан. XIII, 36.

БЕСѢДА LXXIV на Іоан. XIV, 8, 9.

БЕСѢДА LXXV на Іоан. XIV, 15—17.

БЕСѢДА LXXVI на Іоан. XII, 31; XV, 1.

БЕСѢДА LXXVII на Іоан. II, 12.

БЕСѢДА LXXVIII на Іоан. XVI, 4—6.

БЕСѢДА LXXIX на Іоан XVI, 16—18.

БЕСѢДА LXXX на Іоан. XVII, I

БЕСѢДА LXXX на Іоан. XVII, 6.

БЕСѢДА LXXXII на Іоан. XVII, 14.

БЕСѢДА LXXXIII на Іоан. XVIII, 2.

БЕСѢДА LXXXIV на Іоан. XVIII, 37.

БЕСѢДА LXXXV на Іоан. XIX, 16—18.

БЕСѢДА LXXXVI на Іоан. XX, 10, 11.

БЕСѢДА LXXXVII на Іоан. XX, 24, 25.

БЕСѢДА LXXXVIII на Іоан. XXI, 15.

ТВОРЕНІЯ,

приписываемыя св. Іоанну Златоусту и отнесенныя въ изданіи Миня къ разряду Spuria.